

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕН

1970-1974 гг.

Время, события, люди

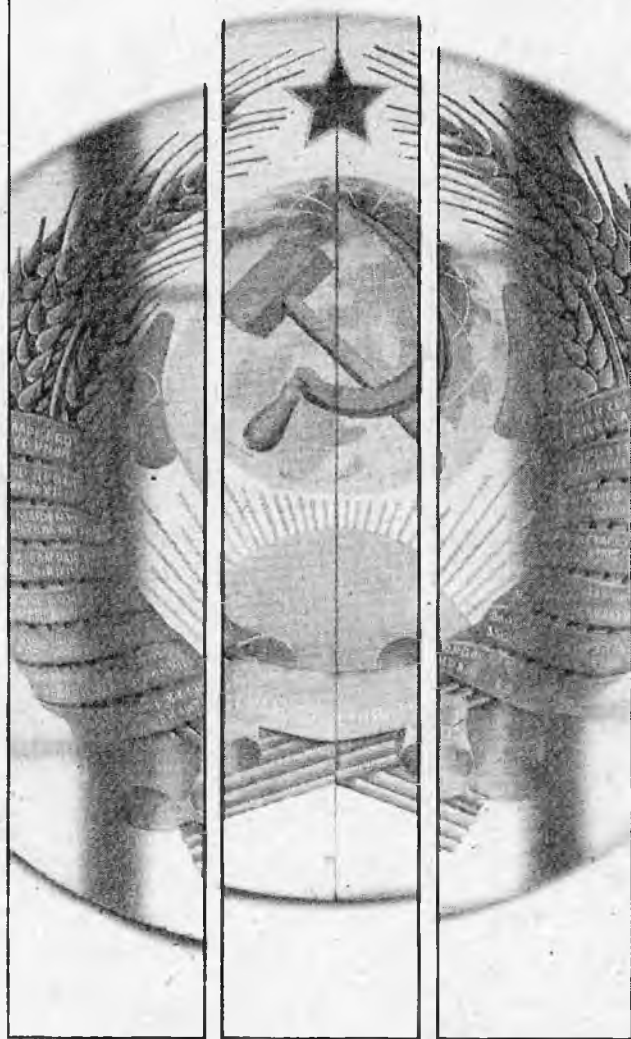
Федор
Раззаков

Жизнь
замечательных
времен
1970-1974 гг.

Время,
события,
люди

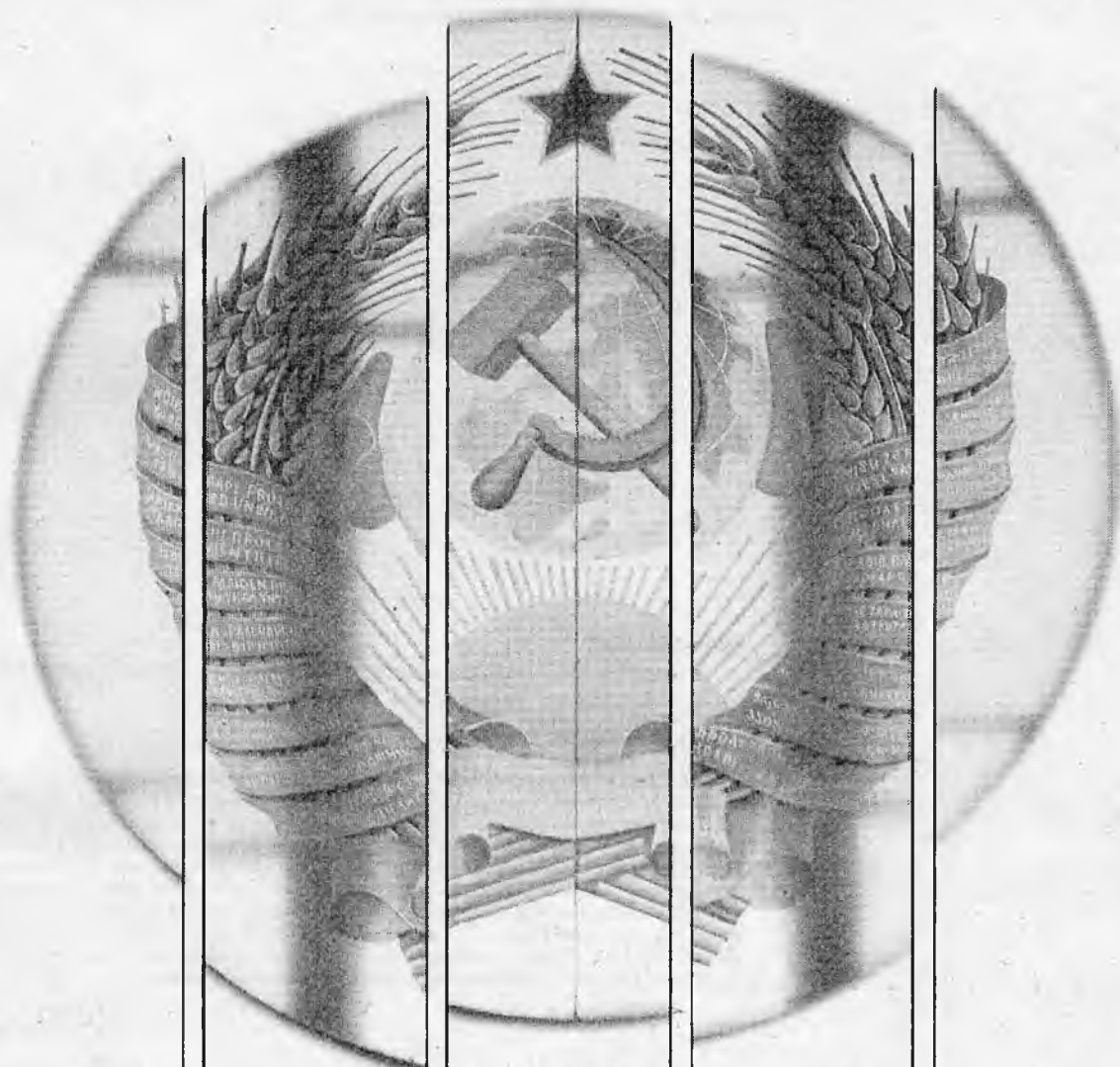
Жизнь замечательных времен 1970-1974 гг.

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

Жизнь замечательных времен 1970-1974 гг.

Время, события, люди

МОСКВА

ЭКСМО

2004

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 17

Оформление художника *А. Саукова*

В оформлении использована фотоинформация РИА «Новости»
и информационного центра «Мосфильм-Инфо»,
а также фотоматериалы из архива автора

Раззаков Ф.И.

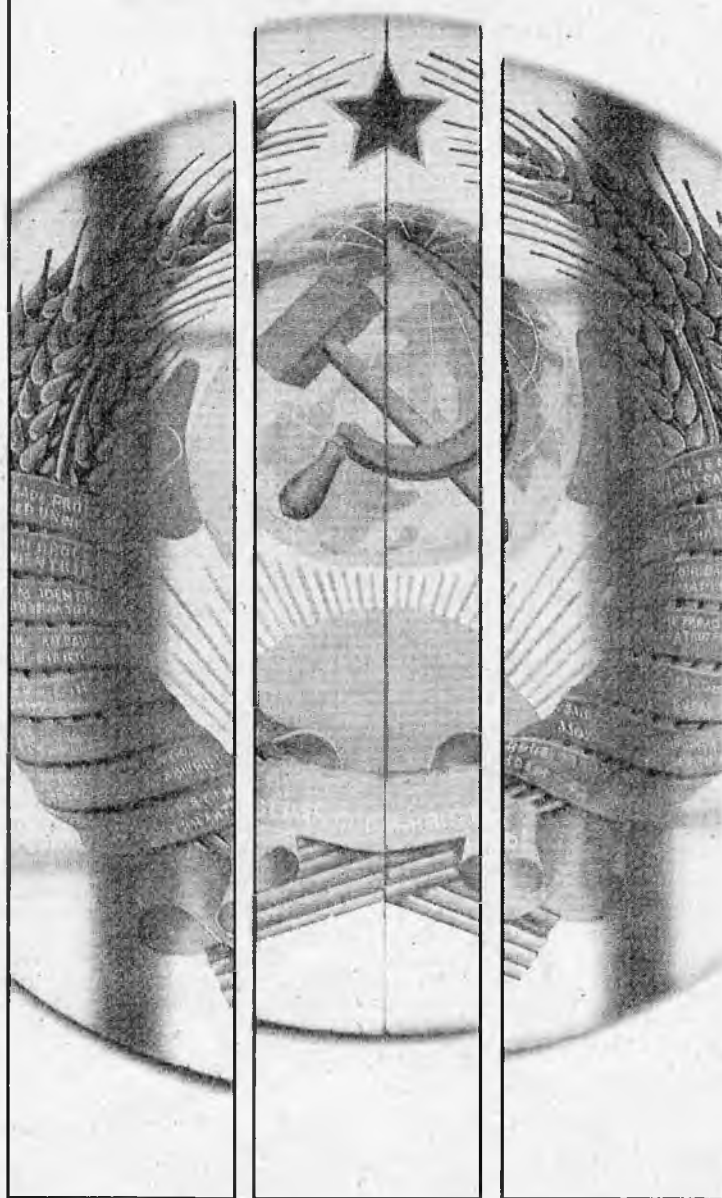
Р 17 Жизнь замечательных времен. 1970—1974 гг. Время, события, люди. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 1104 с., ил.

ISBN 5-699-05394-8

Эти годы уже очень далеки от нас. Первая половина семидесятых годов двадцатого века. Давайте вспомним ту жизнь, события, людей... Идет война во Вьетнаме. Леонид Брежнев выступает на XXIV съезде КПСС и посещает США. В Чили происходит кровавый переворот. Из-за «уотергейтского дела» в отставку отправлен президент США Ричард Никсон. На Западе издается «Архипелаг Гулаг», а его автор, Александр Солженицын, выдворяется из СССР. Владимир Высоцкий играет Гамлета. В Советском Союзе выпускается первая пластинка «Битлз». Премьера фильмов «Джентльмены удачи», «Большая перемена», «А зори здесь тихие...», «Семнадцать мгновений весны». Жестокая банда «фантомасов» орудует в Ростове-на-Дону. Лев Яшин играет прощальный матч по футболу, а Владислав Третьяк становится живой легендой советского хоккея...

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

1970 год

Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь.

Л. Дербенев

1970 январь

Новогодняя грусть Татьяны Егоровой и Виктора Драгунского. Корсет для Георгия Юматова. Ворошилов увековечен. Великая «алкогольная» поэма «Москва — Петушки». Тяжелое время для Александра Твардовского. Фигу под нос канадским профессионалам. КГБ громит столичных валютчиков: в числе его жертв — Юрий Айзеншпис. Малявина—Кайдановский: неожиданная встреча в ярославском поезде. Внезапная смерть космонавта Павла Беляева. Суд над диссидентами. Андрей Миронов потерял сына. Казус в Каннах: была ли Эдита Пьеха любовницей Муслима Магомаева? Скандал на чемпионате Союза по фигурному катанию. Армен Джигарханян покоряет театральную Москву. Как спасли от смерти писателя Виктора Драгунского. Антисоветские листовки в центре Москвы. Давление на Твардовского продолжается. Борьба за власть на кремлевском Олимпе: Сулов против Брежнева. Племянница генсека получила квартиру. Как Михаил Козаков переманил Павла Луспекаева. Страсти вокруг фильма «Опасные гастроли». Почему Леонид Филатов не принял предложение Аркадия Райкина. Как начинались «Джентльмены удачи». Подвиг штангиста Василия Алексева: из инвалидов в первые силачи мира. Тайный канал Андропова.

Родился Дима Маликов.

Наступление нового 1970 года советские люди встретили по-разному. К примеру, актриса Театра сатиры Татьяна Егорова, которая в те дни была беременна от Андрея Миронова, встречала его в гордом одиночестве у себя дома в Трубниковском переулке, дом 6. Накануне Нового года она поссорилась со своим любимым и его матерью Марией Владимировной Мироновой и не поехала к ним на дачу справлять торжество. В итоге вечером 31-го она нарядила елку, съела несколько мандаринов и улеглась в постель читать Цветаеву. Но надолго ее не хватило: вскоре книга выпала у нее из рук, и Татьяна заснула, так и не дождавшись полуночи.

Грустной выдалась встреча Нового года и в семье известного писателя Виктора Драгунского — автора популярных «Денискиных рассказов». Несколько месяцев назад с ним случился микроинсульт, и поэтому Новый год он вынужден был встречать не дома, а в совминовском

санатории для сердечников в Переделкине. Рядом с ним в те минуты находилась его жена Алла. У них на двоих была маленькая бутылка коньяка, из которой Драгунский выпил половину мензурки.

На больничной койке вынужден был встречать тот Новый год популярный киноактер Георгий Юматов. Причем в больницу он угодил аккуратно перед праздниками и, можно сказать, легко отделался — мог и вовсе погибнуть. Беда случилась 25 декабря прошлого года, когда Юматов вместе с женой Музой Крепкогорской и режиссером Геннадием Полокой возвращались на такси из аэропорта Внуково в Москву (они были в Одессе, где снимался фильм «Один из нас»). Дорога была жуткая — гололед. На полпути прямо перед ними внезапно занесло в сторону самосвал, и водитель такси только чудом успел вывернуть руль. Однако избежать столкновения все равно не удалось — «Волга» врезалась в заднее колесо большегрузной ма-

шины. Юматов, который сидел на заднем сиденье, успел крикнуть жене, чтобы она закрыла лицо. Та машинально выставила впереди себя кейс, чем и спасла себе жизнь: осколки разбитого стекла ее практически не задели. У актрисы оказались порваны связки и случилась трещина в ноге. А вот водителю не повезло: сорванный двигатель угодил ему в голову, превратив лицо в кровавое месиво. Сидевшие на заднем сиденье Юматов и Полока тоже пострадали: у первого оказалась трещина позвоночника, у второго — раздроблено колено. Поэтому если Крепкогорскую врачи довольно быстро отпустили, то Полоке на пострадавшую ногу наложили гипс, а Юматова почти на месяц уложили в койку, заковав в специальный корсет. В таком положении он и встретил год 70-й.

Между тем подавляющая часть граждан первого в мире государства рабочих и крестьян все-таки встретила Новый год как полагаются — бодро и весело, под бой курантов за праздничным столом. К примеру, популярная актриса Наталья Фатеева, прихватив с собой не менее именитого супруга космонавта Бориса Егорова, отправилась в гости к своей тогдашней подруге, тоже актрисе Наталье Кустинской (читатель наверняка помнит, как проникновенно они сыграли двух подруг в задорной комедии «Три плюс два»). Застолье продлилось до утра, после чего Егоров, видимо, перебрав лишнего, извлек на свет... пистолет и принялся стрелять в открытую форточку. К счастью, патроны в пистолете были холостые. Затем он стал склонять хозяйку отправиться с ним подышать свежим воздухом. Но Кустинская предпочла остаться с мужем. Самое интересное, что некоторое время спустя Егоров все-таки уведет Кустинскую из семьи, о чем разговор еще пойдет впереди.

Лично мне встреча 70-го года запомнилась тем, что встречал его я, восьмилетний мальчишка, в кругу родных на улице Казакова, 29. Настроение было прекрасное: в углу благоухала живая елка, увешанная игрушками, на столе стоял любимый салат оливье и баночка икры, доставшаяся отцу в праздничном наборе, по телевизору шел «Голубой огонек» с любимыми артистами. В довершение всего на дворе стояла отличная зимняя погода, а в школе наступила самая прекрасная пора — каникулы. В такое

время мы с друзьями обычно с утра до позднего вечера пропадали на улице, попеременно штурмуя снежную крепость, построенную нами же во дворе. Единственное, что могло оторвать нас от этого занятия и загнать домой, так это — показ по телику какого-нибудь, как теперь говорят, крутого блокбастера. Правда, в те годы их крутили не так часто. Тогда даже существовало такое правило: телевизионные начальники специально вставляли в сетку вещания детские фильмы с утра пораньше, чтобы сразу после просмотра вся советская ребятня больше не засиживалась дома и проводила весь световой день на свежем воздухе. Вот и в январские дни 70-го по телевизору показывали польский блокбастер «Четыре танкиста и собака». Первую серию начали демонстрировать в воскресенье, 4 января, в 10.15 утра и растянули это удовольствие на целую неделю (к тому времени поляки успели снять восемь серий и работали над продолжением).

Что касается взрослого населения, то его пристрастия телевизионные начальники удовлетворяли следующим образом. В сетке вечернего вещания в начале января 70-го практически отсутствовали художественные фильмы. Что же тогда смотрели советские люди после тяжелого трудового дня? — спросит читатель. Во-первых, телеспектакли, которых было в избытке (например, в первой половине января показывали: «Таланты и поклонники» (6 января), «Солярис» (7-го), «Строгая девушка» (8-го), «Неравный бой» (11-го), и, во-вторых, — так называемую «развлекуху» в виде разного рода концертов и юмористических передач («Колобок», «Терем-теремок», «Поет Д. Марьянович» и т. д.). Кстати, даже такая программа, как «Время», в те годы не забивала собой эфир и выходила всего лишь три раза в неделю (вторник, среда, четверг).

2 января Андрей Миронов объявился у Егоровой в Трубниковском. По ее словам: «Вошел совершенно незнакомый человек. Он был очень статичен. Не раздеваясь, прислонился к стене. Молчал. Я вглядывалась в искаженное, даже нельзя сказать лицо — это была овальная плоскость, потеряв свои места, метались уши, нос, брови, глаза, губы... Умные люди говорят, что самые страшные болезни те, которые искажают человеческие лица. Я с трудом узнала Андрея. Передо мной стоял тяжело-

больной человек. Видно, «ядро из Царь-пушки» сильно садануло его по совести, и от взрывной волны с лица выскочили все черты и разбежались в разные стороны...»

Мионов, рыдая, стал просить прощения у своей любимой, и та на удивление быстро его простила. «Не горюй ты так, — утешала она его. — Я на тебя не сержусь. Наверное, богу угодно, чтобы мы страдали».

На этот же день выпал день рождения Вячеслава Иванькова, в будущем известного под прозвищем Япончик: ему исполнилось 30 лет. Круглую дату именинник справлял в кругу своих ближайших друзей в одном из столичных ресторанов. Вот уже полгода Иваньков «корешится» с Геннадием Карьковым по прозвищу Монгол, банда которого «бомбит» воротил столичного теневого бизнеса. Но об этом речь у нас впереди.

Четыре дня спустя те же газеты опубликовали постановление об увековечении памяти К. Ворошилова, который ушел из жизни 2 декабря 1969 года. Согласно этому постановлению, город Луганск отныне переименовывался в Ворошиловград, Военной академии Генштаба присваивалось имя К. Ворошилова, а Хорошевский район Москвы становился Ворошиловским.

Газета «Комсомольская правда» в тот же день опубликовала любопытное письмо одного из своих читателей, посвященное весьма насущной проблеме, а именно — пьянству. Мне хоть и было тогда не так много лет, однако я хорошо помню, как сильно «квасили» в те годы люди. Причем вне зависимости от времени года и дня недели. Обычно соображали на троих, и если не было веского повода выпить, то поступали просто — вооружались перекидным календарем. Практически на каждой его страничке стояла какая-нибудь круглая дата (например, 100 лет со дня рождения художника Ореста Кипренского или 50 лет со дня форсирования частями Красной Армии озера Сиваш), которая тут же и «обмывалась». В качестве «горючего» обычно выступала водка (самая ходовая — за 3 рубля 62 копейки) либо вино, причем самое дешевое: сухое («сухарь») типа «Ркацителы» чуть меньше рубля, «Вермут» (или как его называли — «Вермуть») за рубль две, «Биле мицне» («Бецман») за рубль семь или «портвешок» за рубль восемьдесят семь.

Но вернемся к письму в «Комсомолке», озаглавленному весьма категорично: «Я — за сухой закон». Написал его некто В. Логинов из Краснодара. Не стану приводить его полностью, ограничившись лишь той частью, которую удивительным образом проглядела бдительная цензура: там автор дает объяснение тому, почему спиртное в стране пользуется таким покровительством со стороны государства — из-за баснословных барышей (доходы от продажи алкоголя стояли на втором месте после доходов от кино). Итак, цитирую:

«О главном мы, как правило, умалчиваем. Охватывает нас этакая застенчивость. Но стоит ли стыдиться правды? Давайте объявим во всеуслышанье: крепкие спиртные напитки дают государству доход. Производство водки, например, очень дешево, а продажная цена высока. Мы можем изъять водку из продажи. Но что предложим взамен? Какими товарами украсим многочисленные полки, на которых стояли шеренги бутылок? На чем наверстаем убыток? Экономика — вещь серьезная. Она болтовни не любит...»

Хочу подчеркнуть, что в этой статье нет призыва с завтрашнего дня изъять из продажи все ядовитое алкогольное зелье. Начать бы надо, естественно, с ограничений. Сейчас водку не продают раньше десяти утра (во всяком случае, так считается). Хорошо бы не продавать ее по субботам и воскресеньям. Очень важно, по-моему, и кому продают водку. Огромное количество ее раскупается зеленой молодежью...»

По иронии судьбы самая знаменитая «алкогольная поэма» «Москва — Петушки» была написана именно в это время. Венедикт Ерофеев приступил к работе над ней в январские дни 70-го, когда находился на кабельных работах сначала на станции Железнодорожная (тянул кабель до Орехово-Зуева), а потом около Лобни. Работяги жили в строительном вагончике и чередовали ударный труд с обильным «квасением». Ерофеев же в свободное время мотался в Петушки к любимой женщине, почему и назвал свою поэму соответствующим образом. Стоит отметить, что поэма писалась Ерофеевым на основе собственного жизненного опыта. Как вспоминает его приятель Вадим Тихонов, которому он и посвятил свою поэму: «Выпивка для Венечки была работой. Он так

говорил: «Человек отличается от животного тем, что пьет водку». От выпивки человеческое тело становится дряблым, а душа твердой. Когда выпить было нечего, мы изобретали коктейли. О них Веничка в поэме написал. Все составляющие компоненты перепробовали. Однажды даже какое-то германское средство на синтетической основе пили. У Венички начались такие страшные почечные колики, что он, бедняга, по полу катался. Я его спрашиваю: «Тебе действительно совсем плохо?» А он говорит: «В чудесном месяце мае распустились почки. Помнишь, у Гейне?» Сохранить остроумие, когда ты испытываешь такие муки, мог только Ерофеев. Если на столе стояла бутылка какой-то сомнительной и незнакомой жидкости, все предупреждали Ерофеева: «Не пей, мало ли что может случиться». Он говорил: «О, поверхностные люди, в этой жизни все надо испытать». Ерофеев брал этот стакан и пил. Мы сидели и ждали. Минут через десять он опрокидывал второй. «Тогда и нам наливай», — говорим...»

Между тем начало года принесло новые неприятности для Александра Твардовского. Весь предыдущий год продолжалось давление с самого верха на него лично и на возглавляемый им журнал «Новый мир», и слухи об отставке Твардовского все сильнее распространялись в обществе. Как напишет позднее историк Р. Медведев: «Новый мир» именно в 60-е годы стал не просто лучшим, но и любимым журналом прогрессивной части советской интеллигенции и читающей публики. Этот журнал завоевал свой огромный авторитет не только высоким качеством журнальных публикаций, но и своей верностью линии XX и XXII съездов, исторической правде. Вести легальный журнал в трудных условиях второй половины 60-х годов без всяких компромиссов было невозможно. Но уступки «Нового мира» были минимальными, а достижения — максимально возможными для условий тех лет. Журнал пользовался наибольшим уважением и среди друзей СССР за пределами нашей страны, с его деятельностью связывались надежды на оздоровление общества. Но именно такой журнал вызывал неприязнь и вражду как партийной бюрократии, власть и влияние которой становились все более сильными, так и наиболее консерватив-

ной части нашего литературного мира в целом и литературного «начальства» в частности...»

Если «Новый мир» стоял на одном полюсе человеческих воззрений, существовавших тогда в советском обществе, то такие журналы, как «Октябрь», «Молодая гвардия», с их ярко выраженным консерватизмом, славянофильством, — на другом. Именно вокруг этих изданий группировались так называемые антизападники, сталинисты. Например, осенью 69-го свет увидел программный роман главреда «Октября» Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?», который явился открытым и предельно грубым вызовом всем тем, кто выступал против сталинизма, против реабилитации Сталина, за демократизацию и обновление советского общества. Как пишет все тот же Р. Медведев:

«Такого не просто сталинского, но и открыто черносотенного романа в нашей литературе еще не было. Борьбу со сталинизмом Кочетов прямо считал результатом происков американского империализма. О Сталине он писал как о лучшем из большевиков, революционеров-марксистов, который хорошо подготовил СССР к войне и уничтожил «пятую колонну» в партии. Кочетов высказывал крайнее недовольство советской молодежью, которая якобы слишком беспечна и преклоняется перед западной модой. Главный положительный герой книги — писатель Булатов, в котором нетрудно узнать самого Кочетова. А для Булатова главным положительным героем советской истории является Сталин. Булатов горячо защищает Сталина и в беседе со своим сыном. С откровенной злобой говорят «положительные герои» романа Кочетова о временах Хрущева. Кончается роман сценой, где бывший русский аристократ, он же эсэсовец, воевавший против СССР и вывозивший для Розенберга из России произведения искусства, принявший теперь итальянское гражданство и итальянскую фамилию — Карадонна, неожиданно проникается любовью к Советскому Союзу и произносит патристические речи перед сыном «ученого» Зародова — Генкой, которому и задает вопрос «Чего же ты хочешь?», ставший заголовком романа...»

Если роман Кочетова стал своего рода гимном сталинизма в СССР, то гимном антисталинизма можно смело назвать поэму Александра Твардовского «По праву памяти», которая

была написана им чуть раньше, однако по цензурным соображениям никак не могла найти себе путь к читателю (в отличие от романа Кочетова). В итоге в конце 69-го поэма была опубликована на Западе в издательстве «Посев». И хотя сам Твардовский своего разрешения на это не давал, однако теперь на родине ему грозили серьезные неприятности.

4 января Твардовский приехал домой к своему заму по «Новому миру» Александру Кондратовичу, чтобы обсудить эту проблему. Последний описывает это так: «А. Т. приехал ко мне, сел и очень серьезно посмотрел на меня — глаза в глаза. Я даже чего-то испугался. Он сказал:

— Ну, что же, новый год начался, я принял решение: надо и жить по-новому. Я думаю вот что: надо ставить вопрос о поэме. Я решил твердо и говорил уже с Воронковым (секретарь правления Союза писателей по оргвопросам. — Ф. Р.). Сказал, что секретариат фактически уклонился от обсуждения поэмы, но надо сейчас обсуждать, я не хочу, чтобы обо мне потом говорили, как о Солженицыне: у него, мол, произведения печатаются за границей. И вы знаете, что Воронков ответил мне на это: «Но чего же обсуждать: ведь поэма действительно напечатана за границей». Говорит, во Франции, но он что-то путает. Во Франции — значит, в переводе.

Я сказал, что слышал от Эмили: поэма опубликована в «Посеве», но не знаю, издательство это или журнал. (Потом Лакшин сказал: издательство.)

А. Т., удивленно: — Может быть. Я спросил Воронкова: опубликована в отрывках? Нет, полностью. Но тем более тогда надо обсуждать. И чего же он молчал? Мог бы поздравить меня в Новый год. А то молчит. Как они хотят все забывать, как желают спокойной жизни.

Я заметил, что да, желают, но если дело коснется санкций, то тот же Воронков отдаст А. Т. на растерзание. И напомнил, что для меня до сих пор остается загадкой поздний вечерний звонок Воронкова мне, когда он неожиданно начал расспрашивать меня о том, как живет Солженицын, как обстоит дело с «Раковым корпусом», не нуждается ли он в деньгах и не стоит ли заключить с ним договор. Потом еще несколько дней ворошение, и Воронков снова звонил мне, и мы заключили с его одоб-

рения с Солженицыным договор, сдали в набор часть романа. И вдруг все закрипело и повалилось набок. Почему так действовал тогда Воронков, ничего не делающий по своей воле? До сих пор это загадка для меня. Кто-то и что-то за этим стояло...

А. Т. не обратил внимания на мои слова, занятый своими мыслями.

— Да, конечно, он предаст меня, в этом нет сомнения. Но я хочу выяснить все. И возникает масса недоуменных вопросов. Если я автор поэмы, которую нельзя опубликовать у нас, и она появляется за границей, то почему я остаюсь редактором журнала и числюсь одним из руководителей Союза? Ведь это же нельзя так просто оставлять без ответа. Но они хотят все забыть...

Но я коммунист с большим стажем, лауреат всего на свете и награжден многим. Из меня не сделаешь Солженицына, и это тоже осложняет дело. Но пусть они и из этого ищут выход. А выход простой — напечатать поэму...»

И еще небольшой отрывок из воспоминаний А. Кондратовича, описывающий ситуацию начала января:

«Ходят слухи о присвоении А. Т. в день 60-летия (21 июня. — Ф. Р.) звания Героя Соц. Труда. Но при одном условии — он тут же пойдет на пенсию. Хотят купить золотом и званием? Положение в Союзе, конечно, пикантное. 60-летие не за горами. А как отметить его? А тут еще А. Т. начал свою катавасию с поэмой.

Упорно распространяют слух, что Солженицын — Солженицер. Хотят по этой линии вести черносотенную атаку. Звонил мне Монахов из эмвэдэстского журнала, спрашивает, у нас идет спор — Солженицын или Солженицер. Я ему рассказал как есть и посоветовал заглянуть в Исторической библиотеке в шестую Бархатную книгу, где фамилия Солженицыных занесена как дворянская...»

В те же дни начала января для миллионов советских болельщиков пришло радостное известие из Женевы: там наша молодежная сборная по хоккею во второй раз подряд стала чемпионом Европы. Между тем в тогдашней нашей «молодежке» было 19 игроков, но только пятеро из них сумеют через год-другой стать большими звездами и войти в состав первой сборной Союза. Это: армеец Владислав Третьяк, спартаковец Сергей Коротков и трое «кры-

лышек»: Александр Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов. Что до остальных, то все они, кто в большей, кто в меньшей мере, станут звездами внутренних чемпионатов страны. Чтобы быть справедливым, назову их всех — вратари: Криволапов и Минеев, защитники: Чистячков, Прокофьев, Одинцов, Терехин, Мартынов, Блохин; нападающие: Климов, Савцилло, Сырцов, Железнов, Заикин, Иванов.

Однако на этом хоккейная тема в январе не исчерпывается. На те дни начала месяца как раз выпадает скандал, связанный с решением ЛИХГ (Международная лига хоккея на льду) отказать канадцам в проведении чемпионата мира по хоккею. Суть же этого громкого дела выглядела следующим образом.

Все началось еще в июле 69-го, когда представители НХЛ добились от своих европейских коллег согласия на то, чтобы в сборную Канады призывали не только игроков-любителей, но и профессионалов. Тогда 25 членов ЛИХГ на своем очередном собрании проголосовали за это решение. Однако это событие вызвало бурю протеста со стороны некоторых европейских хоккейных держав, в том числе и Советского Союза. В основе этого протеста лежали как спортивные, так и политические причины. Например, наша пресса озвучивала эту проблему так: «Участие профессионалов в чемпионатах мира, их присутствие на этом празднике любительского хоккея есть первый шаг к слиянию двух разных спортивных миров, двух спортивных концепций, между которыми — пропасть. На одной стороне — олимпийский дух спортивного благородства, очерченные продуманными правилами игры рыцарские отношения спортивных друзей — соперников. На другой стороне — обусловленная прибылями безжалостная схватка команд во имя победы любой ценой, жестокие правила игры на потребу публике, тотализатор, подкуп, шантаж...»

Против решения ЛИХГ выступил и Международный олимпийский комитет, который принял весьма принципиальное решение о том, что игроки, выступающие вместе с профессионалами или против них в чемпионатах мира, не будут допущены к Олимпийским играм 1972 года в Саппоро. Это решение отрезвило руководителей ЛИХГ, которые в январе 70-го собрались на чрезвычайный конгресс

своей организации. На нем было решено переиграть прошлогодний вердикт о допуске профессионалов к чемпионату мира. В ответ канадцы, которые в 70-м году должны были принимать у себя очередной чемпионат мира, заявили, что отказываются предоставлять под это мероприятие ледовые площадки Монреаля и Виннипега. Видимо, канадцы таким способом решили заставить европейцев одуматься и переиграть свое решение. Но ЛИХГ на попятную не пошла: она просто взяла и перенесла чемпионат в Швецию, в Стокгольм. После этого канадцы осерчали по-настоящему и заявили, что прерывают всякие связи с европейским хоккеем. «Ну, и на здоровье!» — примерно так отреагировали на этот демарш некоторые европейские хоккейные державы, в частности, Советский Союз (Анатолий Тарасов 13 января даже разразился в «Комсомольской правде» статьей под названием «Разве это хоккей?»). Тогда многим нашим хоккейным боссам казалось, что мы и без профессионального канадского хоккея вполне обойдемся. Однако пройдет всего лишь пара лет, и это мнение кардинальным образом изменится. Но об этом разговор пойдет чуть позже. А пока вернемся в январь 70-го.

В первые дни января заметное оживление было замечено в коридорах и кабинетах Лубянки: КГБ готовил широкомасштабную операцию против столичных валютчиков. За те девять лет, что прошли с момента самого громкого суда над валютчиками в СССР (так называемое «дело Яна Рокотова»), на валютном фронте страны практически ничего не изменилось. Несмотря на суровый приговор, вынесенный главарям валютчиков (их расстреляли), последователи Рокотова лишь на короткий период свернули свою деятельность, после чего вновь вышли на свой доходный промысел. К 70-му году в одной Москве насчитывалось несколько сот валютных «жуков», которые денно и нощно «ковали железо», что называется, не отходя от кассы. Самое интересное, что КГБ прекрасно знал по именам и кличкам всех столичных валютчиков, однако брать их скопом не торопился. Почему? Во-первых, не было приказа свыше (кстати, Рокотова и К° тоже арестовали только после вмешательства Хрущева), во-вторых — многие валютчики работали на «контру», поскольку имели тесные связи с иностран-

цами. Вот почему практически в сердце столицы воротили валютного фронта чувствовали себя, как у Христа за пазухой. Их роскошной жизни мог позавидовать каждый... В 9 утра они завтракали в ресторане «Арбат», после чего ближе к полудню перемещались в ресторан гостиницы «Националь». Там у них происходили деловые встречи с иностранными клиентами, намечались планы на текущую неделю. Заканчивался трудовой день работников валютного фронта в ресторанах «Останкино» или «Сатурн», где играл очень модный в их среде оркестр под управлением Леонида Геллера. Однако в январе 70-го в Кремле произошли какие-то подвижки, и в КГБ был спущен секретный приказ провести ряд показательных акций против столичных валютчиков. В качестве жертв были выбраны несколько валютчиков, пусть и не самых крутых, но более-менее заметных.

Операция началась вечером 4 января. В тот день сразу несколько групп сотрудников КГБ провели аресты в центре города. Сначала был «повязан» таксист Генрих К., который со своей девушкой прогуливался возле Большого театра. У него были изъяты: золотые кольца, браслеты, монеты, пухлые «котлеты» ассигнаций. Почти одновременно с этим арестом прошел еще один — возле гостиницы «Москва» прямо на рабочем месте — в такси — был задержан таксист — некто Олег Ж. и его поделщик по «валютке» студент из Танзании Джума К. До этого чекисты в течение нескольких часов сидели у них на хвосте и фиксировали все их незаконные операции, которых оказалось более чем достаточно для того, чтобы предъявить обоим серьезные обвинения. Видимо, валютчики были настолько уверены в своей безнаказанности, что практически не таясь проворачивали свои темные делишки на глазах у чекистов и простых советских граждан. Их деятельность в тот день была весьма насыщена: они пару раз смотались к ресторану «Урал», где приобрели несколько десятков золотых монет, затем потусовались возле кинотеатра «Ударник» (еще одна тогдашняя валютная точка столицы), затем переместились на Зубовскую площадь. Когда все их незаконные действия были аккуратно зафиксированы на пленку, поступила команда на арест.

Всего в тот день, 4 января, было арестовано 6 человек: Генрих К., Арон А. и его супруга,

Олег Ж., Галина К., ее любовник гражданин Танзании Джума К. и гражданин Индонезии Сумали Б. Практически с первых же дней своего ареста все шестеро признали свою вину и стали давать подробные показания о своей незаконной деятельности, которая продолжалась на протяжении 4 лет. Позднее некоторые подробности этих показаний были озвучены в советской прессе, в частности, в «Комсомольской правде». Например, рассказывалось о том, какие «бабки» зарабатывали валютчики на своих машинах. Вот лишь один пример. В 1969 году Джума К. купил Олегу Ж. два 100-граммовых золотых слитка, которые таксист загнал скупщикам за 2600 рублей. Джума на вырученную валюту купил аж 48 шуб, которые Олег тут же продал за 14 тысяч рублей (для примера: автомобиль «Москвич-412» стоил тогда 4936 рублей).

Не менее широко жил и Генрих К., у которого во время обыска было обнаружено 123 (!) тысячи рублей. Однажды он заработал за раз 3 тысячи рублей и отправился в гостиницу «Россия», где вот уже несколько дней жил его приятель из Баку. Друзья сначала выпили за встречу, после чего сели перекинуться в картишки, причем играли не на интерес, а на деньги. Генриху в тот день явно не везло, поскольку за несколько часов упорной игры он продул приятелю 4800 рублей. Три «штуки» он отдал тут же, не отходя от игрового стола, а остальные привез час спустя, съездив за ними домой на служебном такси.

Между тем в сети КГБ в те январские дни попали еще несколько валютчиков. Перечислять имена всех арестованных не буду, а назову лишь одно, наверняка хорошо известное читателю, — Юрий Айзеншпис. Да-да, известный ныне «акула» шоу-бизнеса был впервые арестован именно в ходе той «валютной» операции КГБ в 70-м году. Но прежде чем рассказать об этом аресте, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том, чем конкретно занимался Айзеншпис в те годы.

Примерно с середины 60-х годов Юрий втянулся в продюсерскую деятельность в среде первых отечественных рок-музыкантов, то бишь стал устраивать концерты в различных культурных заведениях. Поскольку в то время рок-групп в Москве было не слишком много, людям, которые имели с ними дело, было сравнительно легко. Однако по мере роста числа са-

модеятельных рок-групп (а они в конце 60-х как грибы после дождя стали открываться чуть ли не во всех столичных институтах и школах) это движение стало неуправляемым. Все чаще подобного рода тусовки стали заканчиваться либо пьянкой, либо форменным мордобоем. Чтобы как-то упорядочить этот процесс, взять его под контроль, в Моссовете было проведено специальное совещание, где было принято решение: места под проведение концертов могли снимать лишь официальные лица (например, руководство какого-нибудь института, завода и т. д.). Однако ушлые продюсеры рок-групп нашли выход и в этой ситуации: они доставали фирменные бланки различных учреждений, печати, а подписи ставили липовые. Короче, изворачивались, как могли.

Рассказывает Ю. Айзеншпис: «Так, «под официальную организацию» проводили вечера досуга молодежи. В этом мне помогали знакомые, которые где-то выкрадывали бланки. Но даже в этом случае, учитывая, что вечера иногда заканчивались тем или иным инцидентом, уже неохотно нас принимали. Поэтому надо было делать какие-то инъекции. Иногда деньги были выложены не потому, что этого хотел директор клуба, а потому, что у него по графику положен просмотр кинофильма, на который никто не шел. А ему, директору, нужен кассовый план. Чтобы снять показ, нужно выкупить минимальное количество билетов. Так начинались первые завязки с директорами Дворцов или Домов культуры. А потом уже за прямые взятки, потому что это стало принимать масштабы индустрии. Вечера стали делать очень часто, каждую неделю, каждую субботу и воскресенье.

Нами заинтересовались. Помню, в ресторане «Золотой колос» проводился вечер, присутствовали человек четыреста. Этот зал сняли под письмо «почтового ящика» (закрытые учреждения. — Ф. Р.). И когда разразился скандал (драка), приехала милиция...»

Несколько раз доблестная милиция «вязала» Айзеншписа за подобного рода деятельность, однако всегда ему удавалось выйти сухим из воды. Казалось, так будет продолжаться вечно, не вмешайся в это дело КГБ. А «контора глубокого бурения» (так в шутку называли КГБ) вмешалась потому, что Айзеншпис, кроме продюсерской деятельности, еще активно занимался валютными операциями. Вот его и

взяли аккуратно в православное Рождество — 7 января. Выглядело это так.

Юрий встретил своего приятеля Гиви (по иронии судьбы, он впоследствии устроится на работу в милицию), и тот предложил ему купить три тысячи сертификатов серии «Д» по шесть рублей за штуку. А у Айзеншписа с собой было 15 тысяч рублей, и до нужной суммы не хватало трех тысяч. Юрий предложил поехать к нему домой за недостающими деньгами. Поехали. Возле подъезда Юрий сразу обратил внимание на нескольких мужчин, одетых в одинаковые ондатровые шапки. Он сразу просек: ОБХСС или еще что-то такое. Ему бы после этого свернуть с приятелем куда-нибудь в сторону, ан нет — упрямо пошел в ловушку. Видимо, «серты» жгли ляжку.

На втором этаже, возле дверей в собственную квартиру, Юрий заметил еще двух незнакомых мужчин «в ондатре». Только после этого ситуация, в которой он оказался, стала ему понятна, и он попытался схитрить — стал подниматься по лестнице выше. Но тут сзади раздался недоуменный вопрос одного из незнакомцев: «Молодой человек, вы куда?» — «Как куда, — попытался прикинуться протачком Юрий, — домой». И в это мгновение из-за двери его квартиры раздался голос 12-летней сестры: «Юра, помоги мне, кто-то звонит в дверь, стучит. Я боюсь». После этого валять дурочку было бессмысленно, и Айзеншпис спустился на площадку. Сестра тут же открыла дверь, после чего товарищи в ондатре втолкнули их с Гиви в квартиру и закрыли за собой дверь. Далее послушаем самого Ю. Айзеншписа:

«Тут уже сразу грубость пошла. Нас обыскали и зачитали санкцию на проведение обыска и арест. Нужны были понятые. В нашем доме не оказалось лиц, желающих стать понятыми. Минут через двадцать привели каких-то людей, начался обыск. Как оказалось, у Гиви «сертов» с собой не было — они были у человека, который проживал в гостинице «Москва». Мы должны были привезти деньги. И Гиви должен был там получить свои комиссионные. А у меня в кармане было 15 тысяч 585 рублей, как сейчас помню: 15 тысяч сторублевыми купюрами, потом какие-то мелкие. Короче, вытасили эти 15 тысяч. Естественно, они думали, что будет гораздо больше, и все тщательно пересыпали: все эти продукты, крупы...

Когда они начали допрашивать, первым делом поставили на стол портфель. Это был мой портфель. И в нем была валюта — 6750 долларов. Сейчас это — большие деньги, тогда — нет, потому что цена 1 доллара была гораздо меньше.

Этот портфель я отдал накануне своему приятелю Алексею, который хранил весь криминальный товар: валюту, золото, слитки. Выполнял работу курьера и в то же время предоставлял свою квартиру для хранения, поскольку он жил один со своей сестрой. (Родители у него учёные, они друг с другом не жили. Отец жил все время с любовницей, а мать с любовником. И они бросили своих детей на произвол судьбы.)

Как потом выяснилось, на основе каких-то оперативных данных КГБ стало известно, что я занимаюсь валютными операциями, имею его квартиру. Алексея, моего поделчика, проводили в милицию. А в это время его малолетняя сестра (ей было лет 12 — 13) осталась одна, и ее стали допрашивать, что вообще запрещено законом. Ну и сестра (то ли в ней пионерская честность, то ли еще что-то) заговорила. Или она хотела сделать плохо своему брату? Открыла ящик и говорит: «Вот здесь слитки лежат, а еще монеты лежали». (Там лежали 11 монет царской чеканки 1912 года достоинством десять рублей.) Лежали шубы норковые. И всякая всячина.

Показала им коробки с мохеровой шерстью. И портфель. «Там наверняка слитки золотые», — говорит. Но в портфеле золота не было. Потому что оно было продано накануне. Там была валюта. Естественно, они все это изъяли. Ну и, короче говоря, меня вечером арестовывают. Потом везут на Петровку.

Приходит следователь, представляется: майор КГБ. Его стиль допроса был другой, чем у работников милиции. Те отличаются грубостью, напористостью, а этот сразу: «Больше расскажешь — меньше получишь». Я — в отказе. Ничего не понимаю. Меня отправили в Бутырку, в 252-ю четырехместную камеру...»

Но оставим на время Айзеншписа в Бутырке и отправимся в дальнейшее путешествие по январю 70-го.

В те дни произошла знаменательная встреча двух актеров: уже популярной Валентины Малявиной и мало кому известного Александр

ра Кайдановского. Волею судьбы оба они оказались в одном купе поезда, который мчался в Ярославль, где в тот момент проходили съемки фильма «Красная площадь». В этом фильме Малявина играла одну из главных ролей, а Кайдановский — крохотный эпизод (солдатика).

Стоит отметить, что еще до этой встречи судьба несколько раз сводила этих актеров вместе. Впервые это произошло около двух лет назад в Гнесинском училище, где состоялась премьера спектакля «Гамлет», в котором Кайдановский играл главную роль. В этой роли молодой актер произвел на Малявину сильное впечатление. А потом волею судьбы Кайдановский оказался приглашенным в труппу театра, в котором имела честь состоять и Малявина, — имени Вахтангова. И однажды, когда в театре был выходной, Кайдановский пригласил Малявину к себе домой. Он тогда жил в общежитии театра, причем не один — с женой Ириной, которая на тот момент ждала ребенка. Когда Малявина пришла к нему, первое, что она увидела, — на стене скромной комнаты Кайдановского висели несколько ее снимков из журнала «Советский экран» в фильме «Цена быстрых секунд», где она играла роль конькобежки. Увидев эти фотографии, Малявина, кажется, впервые начала догадываться, что она не безразлична хозяину дома. А когда чуть позже он и сам признался ей в этом, Малявина решила ограничить свои встречи с Кайдановским: во-первых, сама на тот момент была замужем за оператором Павлом Арсеновым, во-вторых — она не собиралась разбивать молодую семью, в которой вот-вот на свет должен был появиться ребенок. Но судьба распорядилась по-своему и вновь свела Малявину и Кайдановского вместе, на этот раз в одном купе ярославского поезда. По ее словам:

«Саша сел близко-близко. Руку положил мне за спину. Обнял. Молчали. Так и не отходил от меня до самого Ярославля. Только иногда сетовал, что курить нечего. И все приговаривал:

— Какая ты умница, что не куришь!

Вышли из теплого вагона, и обрушилась на нас пурга.

К счастью, машина, пришедшая за нами, была недалеко, и поехали мы в гостиницу, но оказалось, что я проживаю в отеле «Медведь»,

а Саша в другом месте. Лица наши опрокинулись, но мы не сказали ни одного слова о своем испорченном настроении...»

Как я уже упоминал, Малявина играла в картине главную роль и должна была пробывать в Ярославле почти всю экспедицию (до 21 января), а Кайдановского вызвали всего лишь на два дня. Накануне перед своим отъездом он пригласил Малявину погулять по Ярославлю. Та с удовольствием согласилась. Во время той прогулки Кайдановский с увлечением рассказывал своей спутнице о русском зодчестве, о храмах, мимо которых они проходили. Им было хорошо вдвоем, и этот вечер был предвестником больших перемен в личной жизни обоих.

8 января другой столичной актрисе — Татьяне Егоровой — исполнилось 26 лет. По случаю этого знаменательного события Андрей Миронов закатил веселую пирушку у себя дома в Волковом переулке (эту квартиру ему подарили родители). На торжестве было много именитых гостей, в том числе режиссер Марк Захаров, в спектакле которого «Доходное место» Егорова сыграла свою лучшую роль, коллеги именинницы по Сатире Александр Ширвиндт, Павел Пашков с женой Лилией Шараповой и другие. А на следующий день Егорова с Мироновым отправились в Большой театр на французский балет «Собор Парижской Богоматери».

10 января страну потрясла неожиданная смерть космонавта Павла Беляева. 18—19 марта 1965 года вместе с А. Леоновым он совершил в качестве командира полет на космическом корабле «Восход-2» и был удостоен за это звания Героя Советского Союза (как и Леонов, который в этом полете впервые в истории космонавтики вышел в открытый космос). Учитывая, что в космонавты отбирали не только самых достойных, но и самых здоровых людей, преждевременная смерть Беляева (а было ему всего 44 года) породила в народе много слухов. Одни говорили, что он умер от запоя, другие утверждали, что его смерть стала результатом несчастного случая, который власти решили тщательно скрыть. На самом деле, как это ни удивительно, но Беляева действительно подвело здоровье: он умер от перитонита после операции в связи с кровоточащей язвой желудка. Панихида по покойному прошла 12 января в Центральном доме Советской Армии, похороны состоялись на следующий день. Именем

П. Беляева было названо научно-исследовательское судно АН СССР, а также один из кратеров на Луне.

12 января в далеком от Москвы Ташкенте состоялся суд над известными диссидентами Ильей Габаяем и Мустафой Джемилевым, которые таким образом поплатились за то, что попытались бороться за право крымских татар вернуться на свою родину, в Крым. Стоит отметить, если Джемилева арестовали в Узбекистане, то Габая в Москве, в мае 69-го, в квартире на Лесной. До этого его в течение месяца «пасли» сотрудники КГБ, да еще в таком количестве, что люди, наблюдавшие это, удивлялись. Например, Г. Федотов опишет это так: «Когда Илья куда-нибудь направлялся, за ним повсюду следовала машина, набитая молодыми людьми. Если он заходил в дом, машина дежурила у подъезда, если шел пешком по улице, за ним следовали два или три человека. Время от времени они менялись, и я с удивлением подумал тогда о том, сколько же молодых людей избрали для себя такую «редкую» профессию. По опыту мы уже знали: обычно такая слежка предшествует аресту...»

После ареста Габая в течение нескольких месяцев находился под стражей в Москве, после чего его отправили в Ташкент, подальше от его сподвижников. Дали ему за его правозащитную деятельность три года лагерей.

Между тем в тот день, когда в Ташкенте судили Габая, вся страна прильнула к экранам своих телевизоров. 12 января в 18.30 по первой программе началась демонстрация многосерийного польского боевика со Станиславом Микульским в роли капитана Клосса «Ставка больше, чем жизнь». Видимо, чтобы растянуть удовольствие как можно подольше, фильм демонстрировали не часто — по две серии в неделю. Фильм был настолько популярен в Советском Союзе, что про него даже частушки сочиняли. В основном непристойные. Например: «Кто не знает Клосса — у того х... вместо носа».

13 января очередные неприятности обрушились на Татьяну Егорову. В то время как Миронов играл в спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро», а она лежала дома в Волковом переулке (два дня назад она поскользнулась на улице и упала спиной на тротуар), у нее внезапно начались страшные боли. Соседка по квартире тут же вызвала «Скорую»,

которая увезла ее к черту на кулички — аж в Тушино. Тамошние врачи, осмотрев пациентку, вынесли страшный вердикт: ребенка спасти нельзя. При этом врач добавил от себя: «Не надо было травиться!» После этого больную кинули в коридор на стертый кожаный диван, да еще с серыми замызганными простынями. Почти сутки Егорова в страшных муках рожала ребенка, заранее зная, что жить ему уже не суждено. Сама она описывает пережитое так:

«Нянечка постоянно мыла пол вокруг меня и агрессивно опускала в ведро грязную тряпку — мне в лицо летели брызги черной воды с осуждениями: «Сначала с мужуками спят, потом детей травят, убивцы!» Я зажимала зубами губы, чтобы не кричать от боли, а в тот момент передо мной прогуливались пузатые пациентки «на сохранении», в байковых халатах, преимущественно расписанных красными маками, в войлочных тапочках. Они ходили вокруг кучками, показывали на меня пальцами, заглядывали в лицо и хором кричали: «Ее вообще надо выбросить отсюда! Таким здесь не место. Травилась! Травилась! Травилась!» В их глазах было столько ненависти, что если бы им разрешили — они с удовольствием убили бы меня. Сутки промучившись в коридоре на ненавистных глазах всей больницы, я осталась без ребенка...»

Так получилось, но в тот день, когда Егорова родила мертвого ребенка (как ей сказал врач, это был мальчик), случился инсульт у отца Миронова Александра Менакера. Его тоже увезли в больницу, правда, не в Тушино, а в клинику типа «люкс». Миронову пришлось разрываться между отцом и любимой. Когда числа 17-го он позвонил в больницу, где лежала Егорова, чтобы забрать ее домой, кто-то из нянечек по ошибке сообщил ему, что она уже уехала. Миронова прошиб холодный пот, поскольку ему почудилось, что Татьяна задумала что-то страшное. «Уж не убилась ли она, бросившись с моста рядом с роддомом?» — подумал он. К счастью, ему хватило терпения перезвонить в больницу и поинтересоваться, куда именно и с кем ушла его любимая. Подошедший на этот раз к трубке врач сообщил, что Егорова пока никуда не уходила и ждет, когда ее заберут.

Продолжает подводить здоровье и писателя Виктора Драгунского. Как мы помним, этот

Новый год он вынужден был встречать в санатории для сердечников. А через несколько дней ему вдруг стало хуже. Из Москвы срочно вызвали консультанта-невропатолога, который принял решение немедленно отправить Драгунского в Москву в больницу. Однако против этого переезда, сопряженного с большим риском для больного, выступила супруга писателя Алла. Она сумела уговорить врачей оставить мужа в перedelкинском санатории.

13 января далеко от Москвы — во французском городе Канны — открылся 4-й Международный фестиваль грамзаписи и музыкальных изданий (МИДЕМ). Нас это событие интересует, поскольку в нем участвовали и представители Советского Союза в лице генерального директора фирмы грамзаписи «Мелодия» В. Пахомова и двух артистов: Муслима Магомаева и Эдиты Пьехи. С последней там произошла трагикомическая история. Как известно, мужем Пьехи был руководитель ансамбля «Дружба» Александр Броневицкий. Человеком он был чрезвычайно ревнивым и ни за что не хотел отпускать свою супругу в Канны с Магомаевым, о котором в эстрадной тусовке сложилось прочное мнение как о неисправимом донжуане. Однако из-за какой-то волокиты документы на Броневицкого застряли в ОВИРе, в результате чего Пьеха поехала на фестиваль одна. Причем, отправляясь в поездку, она была уверена, что ее муж так и не сумеет оформить документы на выезд и на фестиваль не попадет. Однако, когда подспорьем в этом деле выступает ревность, человек может совершить невозможное. Далее послушаем рассказ самой певицы:

«Прошел первый день официальных мероприятий. Я пришла, уставшая, в номер. Легла спать. Заперла на замок дверь. Открыла окно. Сплю... Разбудил меня среди ночи Сан Саныч (так Пьеха называла своего супруга. — Ф. Р.). Склонился надо мной и кричит: «Где любовник?» Я говорю: «Да нет у меня никакого любовника! Ты что?!» А он под кровать заглянул, в ванную, в шкаф — в самом деле нет любовника. Успокоился. И вдруг я понимаю, что дверь моя заперта и единственный путь, каким он мог попасть ко мне в номер, — это только через окно! Короче говоря, он подтвердил, что выбрался из окна в коридоре и вдоль гладкой стены по узкому карнизу метра два медленно

передвигался до окна моего номера... То есть он с пятого этажа мог спокойно рухнуть!..»

На следующий день как ни в чем не бывало Броневицкий с супругой в компании Магомаева и его брата Кемала, который жил во Франции, отправились в Монте-Карло, чтобы посетить одно из тамошних казино. Приобретя по десять фишек, они сели за стол, чтобы испытать судьбу. Однако за короткое время спустили почти все фишки. Только у Магомаева осталась одна фишка, которую он, не задумываясь, отдал Пьехе. Мол, ты женщина, тебе должно повезти. И точно — Пьеха выиграла. Магомаев после этого долго сокрушался, что не додумался отдать Пьехе все свои фишки с самого начала игры.

Между тем, продуд в казино, свое поражение Магомаев компенсировал на сцене. На фестивале Пьеха исполнила песню «Огромное небо», а он — «Вдоль по Питерской». Так вот, его песню публика принимала куда более восторженно, поскольку в ней звучала такая удаль, на которую французы не могли не откликнуться.

В дни, когда в Каннах проходил фестиваль грамзаписи, в Киеве завершился очередной чемпионат Союза по фигурному катанию. Сегодня молодому читателю даже трудно себе представить ту популярность, какая сопутствовала этому виду спорта в 60—70-е годы. Когда состязания по фигурному катанию показывали по телевизору, у голубых экранов собиралась если не вся страна, то половина, это уж точно. Сильнейших фигуристов знали не только по именам, но и в лицо, их боготворили, им поклонялись. В те годы, о которых идет речь, в особом фаворе было несколько пар: среди «стариков» это были Людмила Белоусова и Олег Протопопов (их слава началась еще в начале 60-х), из молодых — Ирина Роднина — Алексей Уланов, Людмила Смирнова — Андрей Сурайкин, Людмила Пахомова — Александр Горшков. Между тем чемпионат-70 запомнился прежде всего беспрецедентным скандалом, который разразился 14 января.

Безусловными фаворитами турнира были Белоусова — Протопопов. Их главные соперники Роднина — Уланов, сорвав поддержку в обязательной программе, проигрывали им 12,8 балла, занимая всего лишь 8-е место. И вдруг после произвольной композиции все пере-

нилось — вперед вышли вчерашние аутсайдеры. Причем этот рывок вперед многими болельщиками был расценен как явно несправедливый. Почему? Дело в том, что судьи, оценивая выступление Белоусовой — Протопопова, явно намеренно занизили им оценки за артистизм. В итоге они с первого места скатились на 4-е (2-е заняли Смирнова — Сурайкин). В тот день, когда это произошло, большая часть зрителей, собравшихся в Киевском Дворце спорта, встретили судейский вердикт продолжительным свистом. Это возмущение длилось несколько минут, при этом шум был таким, что другие фигуристы не могли начать свои выступления. Главный рефери Кононыхин в попытке успокоить зал объявлял: «Решение судейской коллегии окончательное и обжалованию не подлежит», что вызвало еще большее возмущение. Подобных инцидентов советское фигурное катание еще не знало. Публика стала дружно скандировать и требовать выхода на лед Белоусовой и Протопопова. А те в это время сидели абсолютно подавленные в раздевалке. Наконец дирекция Дворца спорта не выдержала и попросила их выйти к публике, успокоить ее. Фигуристы вышли на лед и, в благодарность за поддержку, низко, по-русски, поклонились зрителям. Людмила Белоусова при этом плакала. Как вспоминает О. Протопопов:

«Возвращаясь в раздевалку, встретили Петра Орлова, бывшего тренера Станислава и Нины Жук, который никогда не питал к нам симпатий. Он протянул мне руку и сказал, что сочувствует нам. Я руки ему не подал, вежливо сказав, что никаких сочувствий нам не надо. Потом один наш приятель вспоминал, что П. Орлов, возмущаясь судейством, сказал: «Я бы этого Протопопова своими руками задушил, но три десятки ему — отдай!» Он имел в виду занижение нам оценок за выступление в Киеве...»

Через 16 лет Уланов признался, что тогда уже планировалась их золотая медаль на Олимпиаде в Саппоро. Поэтому они не должны были никому проигрывать, тем более нам...»

Этот скандал имел настолько большой резонанс, что скрыть его было невозможно. Однако размусоливать его, конечно, не разрешили, отдалась короткой репликой в «Комсомольской правде» от 16 января. Заметка называлась «Почему волновались трибуны?», и автором ее был некий инженер-конструктор из

Лобни А. Кузин. В заметке вкратце описывалось, как зрители устроили обструкцию судебскому решению о занижении оценок паре Белоусова — Протопопов, и приводились слова Кононыхина, сказанные им в адрес этой пары: «Но это спорт, у него свои возрастные законы, к сожалению». Эта оговорка рефери ясно указывала на то, что все происшедшее отнюдь не случайность. Видимо, руководство Спорткомитета руками судей собиралось прекратить гегемонию «стариков» в фигурном катании.

Между тем страна жила не только спортом. В той же Москве в свободное от работы время люди, что называется, рядами и колоннами (не то что сегодня) посещали театры, эстрадные площадки, ходили в кино. Вот как выглядела афиша развлечений в столице в первой половине января. Со 2-го в кинотеатрах столицы начали демонстрироваться сразу несколько новых фильмов: комедия «Старый знакомый» (режиссерский дебют Игоря Ильинского, продолжение, но не самое удачное, фильма «Карнавальная ночь» с полюбившимся персонажем — бывшим начальником Дома культуры, а ныне директором парка отдыха Огурцовым); мелодрама узбекского режиссера Эльера Ишмухамедова «Влюбленные» с Родионом Нахапетовым и Анастасией Вертинской в главных ролях; детский детектив «Пассажир с «Экватора», где звучал новый шлягер от Микаэла Таривердиева — песня «Маленький принц». С 13-го в прокат вышли: поэтическая киноповесть о выпускном классе тбилисской школы «Ну и молодежь» Резо Чхеидзе с участием Лейлы Кипиани, Кахи Коридзе и др. и комедия А. Манаряна «Каринэ».

Хронология театральных премьер выглядит следующим образом: 5-го в «Современнике» были показаны сразу два новых спектакля: «С вечера до полудня» (в ролях: Олег Ефремов, Георгий Бурков, Олег Табаков, Игорь Кваша, Алла Покровская и др.) и «Вкус черешни»; 7-го в Центральном театре Советской Армии (ЦТСА) — «Хождение по мукам» (в роли Телегина — Владимир Сошальский); 8-го там же — «Под чужим именем»; в Театре им. Пушкина — «Пока он не выстрелил»; 10-го в театре «Ромэн» — «За дружеской беседой»; 14-го в Театре им. Маяковского — «Разгром», в Театре им. Ермоловой — «Месть»; 15-го в Театре им. Гоголя — «Коррида».

Из перечисленных спектаклей выделяю один — «Разгром» (режиссер — Марк Захаров) в «Маяке», в котором главную роль — командира партизанского отряда Левинсона — сыграл Армен Джигарханян. Именно с этой роли он начал покорять театральную Москву. Как напишет позже критик А. Смелянский: «Напор жизненных сил, неотразимое мужское обаяние, воля к самоосуществлению, все то, что потом станет личным знаком этого актера, было использовано Захаровым для освежения революционного мифа...»

Была ключом жизнь и на эстрадных подмостках Москвы. С 5 января в конференц-зале ВДНХ своим искусством развлекал зрителей молодой вокально-инструментальный ансамбль под управлением Игоря Гранова «Голубые гитары», а 6 — 15 января в Государственном театре эстрады (ГТЭ) выступал патриарх жанра ВИА ансамбль из Грузии «Орэра». 9 — 10 января в кинотеатре «Октябрь» на эстраде царила Гелена Великанова с новой программой.

В субботу 17 января в Москве случился большой скандал, о котором в течение нескольких дней судачили москвичи. А произошло вот что. В Центральном универсальном магазине (ЦУМе) двое итальянских туристов, студентов из Рима, Тереза Маринуцци и Валентино Такки, с лестничной площадки третьего этажа разбросали несколько сот листовок в защиту видных диссидентов Ильи Габая и Петра Григоренко. Разбрасывали они их в течение нескольких минут, после чего были задержаны нарядом милиции, вызванным администрацией магазина, и препровождены в отделение. Однако сутки спустя скандал повторился: на этот раз местом действия стал Театр оперетты, расположенный неподалеку от ЦУМа. На этот раз в роли прокламатора выступил бельгиец Виктор ван Брантегем. Как это ни странно, но большинство москвичей, оказавшихся в эпицентре этих событий, реагировали на происходящее на удивление спокойно. Никто не бросался на прокламаторов с кулаками и взирал на них скорее с недоумением, чем с презрением. Хотя были, видимо, и такие, о ком журналист Ю. Михайлов писал в газете «Вечерняя Москва» следующее: «И надо было видеть, как в том же ЦУМе и Театре оперетты люди с возмущением рвали гнусные пасквили, топтали листовки ногами».

Как выяснилось позднее, заказчиком этой акции в Москве был президент фламандского католического союза студентов Роджер Де-Бие, которого два года назад выдворили из СССР за попытку нелегального провоза через советскую границу материалов НТС. Поскольку ему самому дорога в Союз была заказана, он подбил на «черное дело» своих сподвижников — студентов из Рима. Тем же за «провокацию» пришлось отвечать собственной свободой: самый гуманный суд на свете вlepил им по году тюремного заключения.

В те же дни продолжал «париться» на нарах и Юрий Айзеншпис. В двадцатых числах января его перевели из Бутырки во внутреннюю тюрьму КГБ в Лефортово. По его словам, выглядело это следующим образом: «В Лефортове меня сперва обыскали, потом пригласили врача. Он меня осмотрел, у меня никаких жалоб. Потом отвели в баню, дали белье и привели в камеру. Я сидел, наверное, суток 13 или 15 один. Там раз в неделю или через день делает обход администрация. В один из таких обходов заходит ко мне в камеру начальник следственного изолятора, как сейчас помню, полковник Петренко. Седой высокий мужчина. Единственное, что сказал: «Расплодил вас Рокотов», — и захлопнул дверь. Я спросил: «Долго ли я буду сидеть один?» Он ответил: «Разберемся. Когда нужно будет — переведем в другую камеру». Но меня никуда не перевели. У меня была 88-я, «расстрельная» статья — слитки золота и валютные операции...»

Состоявшийся вскоре суд осудил Айзеншписа на 10 лет лагерей, и он отправился отсиживать свой срок в Красноярск. Но это будет чуть позже, а пока вернемся в январь.

В середине месяца из переделкинского санатория для сердечников выписали писателя Виктора Драгунского. Однако на другой день после приезда из санатория обнаружилась новая беда: у писателя на месте укола, который ему сделали перед отъездом из санатория, образовалась большая твердая опухоль. Тут же был вызван хирург из поликлиники, который назначил больному согревающие компрессы. Однако уже на следующий день у Драгунского поднялась температура, его стал бить сильный озноб. Доктор Голланд, который до этого наблюдал писателя, вынес вердикт: необходимо срочно вскрыть абсцесс, так как это очень опас-

но в послеоперационном состоянии. Голланд лично договорился с опытным хирургом из института Вишневского, что он прооперирует Драгунского. Однако, для того чтобы попасть в элитный институт, было необходимо заручиться письмом из Союза писателей СССР, в рядах которого состоял Драгунский. Эта миссия выпала на долю жены писателя. Она с этим делом справилась, хотя ей и пришлось пройти через массу бюрократических проволочек. Но на этом ее одиссея не закончилась.

С письмом-ходатайством она отправилась в институт Вишневского. Но там ей сказали, что ее мужа возможно положить туда только при личном согласии самого академика Александра Вишневского. Мол, идите к нему на прием, и если он разрешит... Далее послушаем рассказ самой Аллы Драгунской:

«В приемной тьма народа. Я понимаю, что мне откажут, так как таких «пустяков» у них не делают. Сажусь и жду. Волнуюсь ужасно. Через полтора часа меня зовут к Вишневскому.

Это был человек небольшого роста, широкоплечий, что-то татарское было в его лице. Одет он был в генеральский мундир, почему-то расстегнутый на груди. Всему миру было известно, что он блестящий хирург, но мало кто знал, что у него плохое зрение.

Я представилась, отдала письмо. Он приблизил свое лицо к моему и стал меня беззастенчиво рассматривать. Потом отошел на шаг и сказал:

— А ты ничего... Так что у тебя? Рассказывай!

В двух словах я выложила суть дела, умоляя его прооперировать Виктора в их клинике.

И вдруг странный вопрос:

— А как ты считаешь, твой муж хороший писатель?

— Очень.

Он рассмеялся и сказал:

— Ну, ты прямо как Мэри Хемингуэй. Помню, были мы с женой у него в гостях на Кубе, так эта Мэри тоже сказала, что ее муж лучший писатель в мире...

И Вишневский начал свой монолог, который длился не менее часа. Рассказал, как однажды поехал в Латинскую Америку на симпозиум и увидел у нашего посла жену, бывшую певицу оперного театра. Какая она была красивая, и вообще замечательная, и спортсменка, и как

в одно мгновение скончалась на теннисном корте...

Он говорил, говорил, а я разглядывала его необычный кабинет, похожий на зал, уставленный какими-то экзотическими предметами. Тут были и скульптуры, и маски, и экзотические растения, и картины. Стоял белый рояль, а на нем клетка с попугаем. Оказалось, основная часть вещей — это подарки со всего света. Благодарность светилу за операции. К нему же едут со всего света.

Потом Вишневский сказал:

— Завтра привози своего! Все сделаем. Отдадим в лучшие руки. Ну, пока!

Я протянула руку, благодарила...»

Вишневский не обманул — действительно отдал Драгунского в лучшие руки, то бишь в руки своего сына Александра, которого за глаза в институте называли «Александром Третьим». Операция прошла успешно. Жене писателя потом сообщили, что дело было неважное — если бы еще немного продержали больного дома, то ему грозило заражение крови. После этого Алла прошла в палату, где лежал ее муж. По ее же словам, он был бледный, какой-то жалкий. Таким она его никогда не видела. Когда увидел жену, внезапно заплакал, она тоже не смогла сдержать слез.

Продолжают сгущаться тучи над головой Александра Твардовского. После 23 января он дважды встречался с секретарем СП Ворожковым, и разговор шел все о том же — о публикации за рубежом поэмы Твардовского «По праву памяти». Воронков требовал, чтобы Твардовский сделал резкое заявление по этому поводу: мол, осуждаю, несогласен и т. д. Твардовский спросил: «Заявление будет опубликовано у нас?» — «Да», — ответил Воронков. На что Твардовский резонно заметил: «Но если заявление без публикации поэмы будет у нас, то это смешно». — «Нет, это не смешно, — продолжал упорствовать Воронков. — Если это дело дойдет до Секретариата ЦК, скандал будет сильный. Будет докладывать не Шауро (В. Шауро — заведующий отделом культуры ЦК КПСС. — Ф. Р.), а сам Суслов (М. Суслов — член Политбюро, главный партийный идеолог. — Ф. Р.). Он встанет и скажет: «За границей опубликована поэма Твардовского. Твардовский же вместо того, чтобы дать оценку этому политическому факту, упрямится и на-

стаивает на публикации этой поэмы в Советском Союзе. Я думаю, что надо указать товарищу Твардовскому», — и... все будет обсуждено за полторы минуты».

Твардовский понимал, что Воронков во многом прав, что жаловаться некуда. Однако уже через несколько дней — в конце января — он все же принял решение написать письмо самому Брежневу. 29 января А. Кондратович записал в своем дневнике:

«А. Т. пришел ко мне со словами: «Знаете, что я вам скажу. Помирать, так с музыкой, так, чтобы все зазвенело. Я решил, что буду писать на самый верх. И я уже набросал письмо, и мне удалось все самые спорные положения сформулировать. При этом я не играю в молчанку и говорю все, что думаю, — и о поэме, и о ее содержании, и о том, что с ней происходит. Я даже о Солженицыне говорю, о том, что его исключение было грубой ошибкой (Солженицына исключили из Союза писателей в 1969 году. — Ф. Р.). Я не поддерживаю его последнего отчаянного письма, но исключение его было ошибкой и привело лишь к тому, что у нас прерваны все связи с передовой художественной интеллигенцией Запада, нас там теперь бойкотируют. Я все написал, что думаю. Пусть будет грохот». (Потом, повторяя это у себя в кабинете, он сказал: «Это будет последнее письмо», сказал твердо, и, как у него бывает в моменты сильного напряжения, глаза его побелели и несколько выкатились, уставившись на собеседника, а рука с растопыренными пальцами замерла в воздухе.)...»

Коль речь зашла о Брежневе, то стоит отметить, что в те дни он сам находился не в лучшей ситуации, чем Твардовский. Его генсековская судьба тоже висела на волоске, и он мучительно искал выход из создавшейся ситуации. Что же поставило Брежнева в столь серьезное положение?

В конце декабря 1969 года состоялся очередной Пленум ЦК КПСС (собирались они обычно два раза в год), на котором обсуждались итоги уходящего года. По давно введенному порядку докладчиком обычно выступал председатель Совета министров (тогда им был Алексей Косыгин), после чего происходили краткие прения. Однако на этот раз многолетний ритуал был нарушен. На декабрьском пленуме вместо кратких прений после выступле-

ния премьера с большим докладом выступил сам генсек Брежнев. Его речь содержала резкую критику органов хозяйственного управления, в ней генсек откровенно говорил о плохом состоянии дел в советской экономике. Стоит отметить, что этот доклад так и не был полностью опубликован в печати, и только в главной газете страны «Правде» (13 января) появилась передовица, в которой были изложены основные тезисы доклада.

Как оказалось, ни с кем из ближайшего окружения по Политбюро Брежнев этот доклад не обсуждал и выступил с ним по собственной инициативе. Кое-кого из Политбюро — в частности, Михаила Суслова — подобная смелость генсека здорово напугала. Им показалось, что Брежнев начинает свою собственную игру, целью которой является скорое обновление руководства страной. Естественно, безучастно взирать на то, как Брежнев идет к этой цели, Суслов не собирался. Вскоре после пленума он подготовил специальную записку для членов Политбюро и ЦК, которую подписали Александр Шелепин и Кирилл Мазуров. В этом документе его авторы подвергали критике речь Брежнева на пленуме, называли ее политически ошибочной и вредной. Короче, страсти на политическом Олимпе в те дни разгорелись нешуточные, и каждая из сторон рассчитывала одержать верх над другой на предстоящем в марте пленуме ЦК.

Между тем племянница Брежнева, дочь его родного брата Якова, Любовь Брежнева, в том январе пребывала в хорошем настроении. Причина этого объяснялась просто — вместе с мужем, преподавателем МГУ, и маленьким сыном они наконец-то получили свою первую кооперативную квартиру. И хотя дом был заселен всего лишь на треть, не работал лифт из-за отсутствия электричества, однако откладывать переезд новоселы не стали. Уж слишком давно они мечтали о собственном жилье. В один из тех январских дней в новую квартиру были приглашены гости, в том числе и отец новосела Яков Брежнев. За неимением мебели гости расселись на двух матрасах, а всю закуску разложили на одеяле, расстеленном на полу. Погуляли на славу! Кто-то принес с собой гитару, и после обильного застолья началась вторая часть вечера — песенная. Начали с русских романсов, потом перешли на частушки, а затем и

вовсе распоясались и, невзирая на присутствие брата генсека, затянули песни Высоцкого, Галича, Окуджавы. Как вспоминает Л. Брежнева, ее отец чувствовал себя в этой исключительно молодежной компании очень хорошо. По ее словам:

«Отвыкнув от человеческого общения, он жался к нам, искал недостающего тепла, сочувствия и понимания. Мне стало жаль его. Просидел он с нами до двух часов ночи и ушел с неохотой, весь какой-то разглаженный от распивавшего его изнутри счастья. Мы пошли провожать его до машины. Он шел по двору легко, заломив по-русски с шиком шапку, засунув руки в карманы. Таким я и запомнила его на всю жизнь. Возможно, потому, что никогда больше не видела в таком приподнятом настроении...»

На момент получения квартиры Любовь Брежнева была на втором месяце беременности, и этот факт придавал переезду особое звучание. Одно дело родить второго ребенка и приехать с ним в коммуналку, другое — в собственную квартиру. Однако в тот момент, когда племянница генсека находилась на седьмом небе от счастья, Татьяна Егорова, только что потерявшая ребенка, наоборот — страдала. Вот уже несколько дней она лежала пластом в мионовской квартире в Волковом переулке и плавала в реке из слез и молока. Миронов, накупив бинтов, теперь два раза в день перебинтовывал ей грудь, после чего уходил в ванную и плакал. Ведь несколько дней назад он потерял сына. Прележав у любимого десять дней, Егорова затем собрала вещи и, пока Миронов был в театре, вернулась к себе в Трубниковский.

Режиссер Константин Воинов приступил на «Мосфильме» к работе над фильмом «Чудный характер». На главные роли были выбраны два прекрасных исполнителя — Татьяна Доронина и Павел Луспекаев (в 50-е—60-е они вместе играли в БДТ). Луспекаев приехал в Москву накануне начала съемок и поселился сначала в гостинице «Пекин», затем переехал в «Минск». Прознав о его приезде, ему однажды позвонил Михаил Козаков, который сообщил, что на Центральном телевидении запускается фильм «Вся королевская рать» и на главную роль — Вилли Старка — до сих пор нет исполнителя. «Ты не хотел бы попробовать?» — оголошил Луспекаева вопросом Козаков. «Но я

должен сниматься у Воинова», — ответил Луспекаев. Однако Козаков знал, чем поддеть собеседника. «Паша, что такое фильм Воинова — всего лишь музыкальная комедия! А тут — «Вся королевская рать», роль Вилли Старка! Есть что играть». Короче, Козаков был так настойчив, с таким воодушевлением убеждал коллегу в том, что эта роль может стать лучшей в его послужном списке, что тот не выдержал натиска и сдался. О том, что было в съемочной группе Воинова, после того как Луспекаев сообщил о своем уходе, лучше не рассказывать. Там, конечно, все были в трансе. Но уговорить актера вернуться обратно так и не сумели — он начал работу над ролью Старка.

Между тем в Москве критики ломали копья вокруг фильма Георгий Юнгвальд-Хилькевича «Опасные гастроли», который начал демонстрироваться в Москве с 5 января. Работа над фильмом была завершена еще полгода назад, однако на экраны он пробился только сейчас, в январе. Причем помог этому случай. Вот что вспоминает об этом сам режиссер картины Г. Юнгвальд-Хилькевич:

«Когда мы закончили работу, ее не приняли. Мы сидели в Москве и не знали, что делать. Только что закрыли «Интервенцию» Г. Полоки (еще один фильм, в котором Высоцкий сыграл главную роль. — Ф. Р.), мы понимали, что будем следующими. А дальше произошла история, о которой я узнал через много лет, познакомившись с внучкой Микояна. Оказывается, картину показали в ЦК и на просмотре оказался Анастас Иванович Микоян. А в картине были танцы, девочки в прозрачных костюмах. И он заплакал: «Боже мой! Это же я их привозил. Я тогда был мальчиком, был рядом с Коллонтай!» Действительно, Коллонтай и Литвинов были прообразами двух большевиков в фильме. Вот из-за слез Микояна картину выпустили в прокат. Без каких-либо поправок».

Народ повалил на фильм валом, главным образом, конечно, потому, что в главной роли — артиста Бенгальского — в нем был занят запрещенный везде и всюду Высоцкий. Я смотрел «Гастроли» несколько месяцев спустя в летнем кинотеатре Сада имени Баумана и помню, что огромный зал кинотеатра был забит битком и, чтобы достать билеты, надо было отстоять длинную очередь. Да и то не всем повезло. Нас же выручило лишь то, что биле-

тершей в кинотеатре работала хорошо знакомая нам женщина, которая и достала билеты, минуя очередь. Но вернемся в январь 70-го.

21 января В. Золотухин записал в своем дневнике: «Почему-то все ругают «Опасные гастроли», а мне понравилось. Мне было тихо-грустно на фильме, я очень понимал, про что хочет сыграть Высоцкий».

В отличие от рядового зрителя киношная критика картину безжалостно ругала, уличая ее в дурновкусии, примитивизме и т. д. и т. п. К примеру, 22 января в «Вечерней Москве» была помещена заметка критика В. Кичина под названием «Осторожно: «Опасные гастроли». Приведу лишь отрывок из нее:

«Владимир Высоцкий наполненно произносит банальности, не без успеха имитируя значительность происходящего. Иван Переверзев действует в лучших традициях водевиля, полнотой реализуя предложенные сценарием сюжетные коллизии. Ефим Копелян, как всегда, умеет создавать иллюзию второго плана даже там, где это, увы, только иллюзия...

Только крайней неразборчивостью проката можно объяснить тот факт, что этому фильму предоставлены экраны столичных кинотеатров».

В другом популярном издании — «Комсомольской правде» — А. Аронов задавался вопросом: «Зачем подавать одесское варьете «XX век» под революционным соусом? Зачем маскировать музыкально-развлекательную ленту под фильм о революции, зачем разминивать на это серьезную тему?»

Между тем Высоцкого в те дни ругали не только за Бенгальского из «Гастролей». Например, в «Советской культуре» Юрий Калешук лягнул актера и за другую, годичной давности роль в ленте «Хозяин тайги». Критик писал: «Многое здесь «разрушает» В. Высоцкий, которому отведена роль «преступника с философией». Он с таким мелодраматическим надрывом произносит даже самые невзрачные сентенции, что это почти невозможно изобразить словесно... Благодаря Высоцкому образ Рябого получился карикатурным. Это звено, по существу, выпало из добротного сделанного фильма, в котором есть жизненные ситуации и подлинные характеры...»

Несмотря на все наезды критики, «Опасным гастролям» будет сопутствовать хорошая

прокатная судьба: в годовом рейтинге они займут 9-е место (36,9 млн. зрителей), обогнав явных фаворитов, в числе которых значились такие ленты, как «Судьба резидента» и «Повесть о чекисте», относившиеся к одному из самых популярных среди зрителей жанру «шпионско-го» кино.

В родном для Высоцкого Театре на Таганке в те дни состоялось распределение ролей в новом спектакле «Что делать?» по Н. Чернышевскому. Роль Автора в этой постановке досталась новичку, пришедшему в театр меньше года назад, — Леониду Филатову. Причем эта роль подвернулась весьма кстати, поскольку Филатов в те дни находился в серьезных раздумьях по поводу того, а не уйти ли ему в более подходящее место. Например, в Ленинградский театр миниатюр под руководством Аркадия Райкина. О том, как и почему Филатов приглянулся мэтру отечественной сатиры, стоит рассказать подробнее.

Еще будучи студентом ВГИКа, Филатов баловался написанием пьес, которые имели устойчивый успех в стенах института. Несколько месяцев назад одну из таких пьес — «Время благих намерений» — Филатов отдал своим однокашникам по ВГИКу, учившимся на два курса младше его (кстати, на этом же курсе училась девушка, в которую Филатов был влюблен, но она не отвечала ему взаимностью). Студенты (среди них были будущие звезды: Константин Райкин, Наталья Гундарева, Юрий Богатырев, Наталья Варлей) поставили по этой пьесе спектакль, на премьеру которого пришли многие известные деятели искусства, в том числе и Аркадий Райкин. Последнему пьеса очень понравилась, и он, не без участия своего сына Константина, пригласил Филатова в свою московскую квартиру в Благовещенском переулке.

Когда тот явился в назначенное время, в доме, кроме хозяина, находились еще два человека, причем тоже известные: писатели Леонид Лиходеев и Лев Кассиль. Легко представить, какие чувства обуревали недавнего провинциального юношу в окружении сразу трех классиков. Но скованность его прошла, как только Райкин налил ему коньяка и он хряпнул пару рюмок для храбрости. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Понемногу я пришел в себя, стал шутить. Райкин милостиво улыбался, потом взял меня за руку и повел в кабинет. Там, до сих пор помню, держа меня почему-то за пульс, он стал расспрашивать: «Квартиры нет, конечно, постоянной прописки тоже, и в армию, поди, нужно идти. Да-а... ситуация. Так я вам предлагаю. От меня уходят трое одесских людей. Одному я, к несчастью, успел дать квартиру на Литейном, а второму — нет, так вот она — ваша. Если вы ко мне пойдете работать в театр, я вам обещаю полное освобождение от воинской повинности. Осенью у нас гастролы в Англию, Бельгию, весной — в Польшу».

Я ошалел. Но все же набрался наглости и пролепетал: «Я должен подумать, взять тайм-аут». — «Возьмите, — как-то разочарованно произнес он, — два дня, но больше думать нельзя». На следующий день в Театре на Таганке распределение ролей в новом спектакле «Что делать?» — и у меня главная роль...

Я помчался к маме Ваньки Дыховичного, который в ту пору работал у Райкина и жил в ленинградской гостинице. Александра Иосифовна только руками всплеснула: «Да где же ты сейчас Ивана найдешь? Он же гуляет!» Все же часа через три мы созвонились. Я ему все рассказал, а он в ответ: «Ни в коем случае, я сам мажу лыжи». — «Почему?» — «Потому что двух солнц на небе не бывает». — «Но он меня заведующим литературной частью зовет!» — «Еще новое дело. Ты знаешь, кто от него уходит? Миша Жванецкий, Рома Карцев и Витя Ильченко. Ты хочешь заменить всех троих?» Я, конечно, для себя все решил, но как сказать об этом Мэтру? К счастью, в театр позвонила его жена. Я, мямля, стал говорить, что на Таганке много работы, что я привык к Москве. Она засмеялась: «Вы так же привыкнете и к Ленинграду... Ладно, оставайтесь. Но я вас хочу предостеречь — бросайте курить. На вас же невозможно смотреть!»

27 января все центральные газеты сообщили радостную новость о том, что три дня назад 28-летний тяжелоатлет из города Шахты Василий Алексеев установил на соревнованиях в Великих Луках сразу три мировых рекорда: в жиме выжал 210,5 кг, в толчке — 221,5 кг, в сумме троеборья — 595 кг. Газеты писали, что в январскую субботу 24 января, вполне вероятно, произошла «смена караула» в тяжелой ат-

летике: многолетний фаворит Леонид Жаботинский последнее время все отдалялся от желанной 600-килограммовой отметки, а Василию Алексееву до нее теперь рукой подать. Так, в сущности, оно и оказалось. Но об этом чуть позже. А пока расскажем о том, чего большинство болельщиков не знало, что осталось за кадром этого эпохального события.

Дело в том, что каких-нибудь полгода назад Василия Алексеева... забраковали. Да-да, именно так поступили с ним врачи, а также тренеры сборной СССР по тяжелой атлетике. В августе 69-го Алексей приехал в Москву, чтобы показаться в сборную, а также проконсультироваться по поводу сильных болей в спине. Врач-невропатолог, осмотревшая его, вынесла неожиданный вердикт: «Вам сейчас 27 с половиной, а межпозвоночные диски восстанавливаются до двадцати пяти. Оформляйте-ка, дорогой, инвалидность. Вторую группу. Мы вам поможем...» После подобного заявления штангисту не оставалось ничего иного, как вернуться в Шахты.

Между тем ситуация для Алексеева создавалась аховая. В Шахтах, где он обитал с женой Олимпиадой и двумя сыновьями — Дмитрием и Сергеем, — им пришлось жить на скудную зарплату жены (она работала администратором магазина и получала 75 рублей), поскольку сам штангист работу потерял: с шахты, где он имел зарплату инженера по технике безопасности в 105 рублей, его рассчитали, а также отобрали небольшую прибавку за то, что он вел занятия с группой физкультурников. И если бы не помощь жены, которая согласилась терпеть безработицу мужа, мирового рекорда Алексева не было бы вовсе. В один из дней между Василием и его женой произошел серьезный разговор. Он сообщил Олимпиаде, что хочет сделать последнюю попытку вернуться в спорт и просит помочь ему. «Если у меня ничего не получится, — сказал он, — тогда спускаюсь в шахту, и на этом моя тяжелоатлетическая карьера заканчивается. Даю слово». Жена ему такой шанс предоставила. Алексей споро взялся за дело. Соорудил специальный станок и с его помощью начал «закачивать» большую спину. Результаты не заставили себя ждать: вскоре вокруг позвоночника образовался мышечный «корсет», утихли жуткие боли в коленях. С курением, которое преследовало его многие годы, он в те же дни распрощался бесповоротно. Чтобы набрать

вес, стал проводить большую часть времени, лежа на диване. Ему надо было хорошо питаться, чтобы набрать вес (хотя бы 130 кг), однако учитывая скудную зарплату жены приходилось есть молоко да хлеб с вареной колбасой. Понимая, что с такими «суперпротеинами» далеко не уедешь, Алексей сократил тренировки вдвое по объему, однако интенсивность их не сбавил. К концу года его самоотверженность была вознаграждена сторицей — он стал выжимать в своем подвальчике на два раза по 200 (говоря простым, неспортивным языком, поднимает 200-килограммовую штангу на грудь, выжимает ее над головой, опускает на грудь и выжимает вторично) и рвать — причем три раза подряд — 160 кг. Естественно, вскоре про это прознали «наверху», пошли разговоры.

Однажды в алексеевский подвальчик пришел большой специалист по тяжелой атлетике, ушей которого достигли слухи о подвигах Алексева. «Ты, говорят, здесь мировые рекорды устанавливаешь?» — с усмешкой спросил он штангиста. «А вам что, не верится?» — вопросом на вопрос ответил Алексей. «Не очень, — честно признался специалист. — Может, покажешь?» Алексей не дал упрашивать себя дважды — взял и продемонстрировал гостю все, что умеет. Тот поначалу не поверил. Бросился к штанге и принялся ее разбирать, надеясь уличить рекордсмена в подлоге — мол, тот вместо 20-килограммовых блинов ставит 15-килограммовые. Каково же было его удивление, когда обнаружилось, что Алексей не мухлюет. «Да ведь это же мировой рекорд!» — только и нашелся, что сказать, специалист. И был прав: в то время 160 кг мог рвать только один человек в мире — олимпийский чемпион Леонид Жаботинский.

В начале 70-го Алексева срочно вызвали в Москву, чтобы выставить на ближайших соревнованиях в Великих Луках. Однако, чтобы отправиться туда, штангисту пришлось немного понервничать. Дело в том, что в родном спортобществе «Труд» у него нашлись завистники, которые делали все от них зависящее, чтобы он не попал на эти соревнования. Короче, командировку ему не давали, отфутболивая от одного начальника к другому. Когда Алексеву это надоело, он сказал: «Бегать за вами не буду! Сами принесете мне нужные бумаги в портфельчике!» И ведь действительно принес-

ли. О том, что произошло в Великих Луках, мы уже знаем: Алексеев один за другим сокрушил мировые рекорды американцев Джозефа Дьюба (в рывке) и Роберта Бернарского (в толчке), плюс улучшил рекорд Леонида Жаботинского в троеборье!

28 января кинорежиссер Георгий Данелия пишет письмо на имя директора объединения «Время» киностудии «Мосфильм» К. Ширяеву, в котором сообщает:

«В настоящее время я и Виктория Токарева работаем над сценарием «Рецидивисты». беру на себя полную ответственность за производственное осуществление и идейно-художественное качество фильма...»

Читатель вправе спросить: что это за «Рецидивисты» такие? Отвечаю: сценарию «Рецидивисты» вскоре предстоит перевоплотиться в забойный кинохит «Джентльмены удачи». Родился же этот фильм следующим образом. У Данелия был друг — тоже кинорежиссер Александр Серый, с которым они в 1959 году вместе окончили Высшие режиссерские курсы. В 60-е годы Серый снял два фильма («Выстрел в тумане», 1964; «Иностранка», 1966), после чего угодил в тюрьму. Случай проходил по разряду бытовых: Серый из-за ревности ударил некоего мужчину, который неровно дышал в сторону его жены, топором по голове и сделал его инвалидом. За это и сел на несколько лет. Освободили его в конце 60-х, и он какое-то время маялся без работы. Узнав об этом, Данелия и решил ему помочь. Он задумал написать сценарий, по которому его друг поставил бы хорошую комедию. Причем, учитывая, что с тюремными нравами Серый был знаком не понаслышке, сюжет будущего фильма решено было увязать с неволей.

Писать сценарий Данелия стал не один, а пригласил к себе в соавторы молодую, но уже известную писательницу 33 лет от роду Викторию Токареву. Познакомились они еще в 67-м году, когда на «Мосфильме» режиссер Алексей Коренев снимал фильм по ее рассказу «День без вранья» (фильм назывался «Урок литературы»). В процессе работы Данелия и Токарева сблизилась настолько, что в киношной тусовке упорно ходили слухи об их любовном романе. Даже тогдашняя супруга режиссера, актриса Любовь Соколова, прекрасно знала об этом, но предпочитала молчать. Чем оказала отече-

ственному кинематографу неоценимую услугу: вдохновленные сценаристы явили миру весьма качественный материал.

Справедливости ради стоит отметить, что в первоначальном варианте сценарий был мало похож на то, что зритель затем увидит на экране. В качестве главного героя в нем выступал майор милиции Леонов, в голову которого приходит весьма оригинальная идея: используя свое сходство с вором по прозвищу «Доцент», он намеревался сесть в тюрьму и попробовать перевоспитать самых трудных уголовников. По сценарию, «трудных» было четверо: фальшивомонетчик Миллиметр (на эту роль предполагалось пригласить Ролана Быкова), профессиональный альфонс и многоженец (Юрий Никулин), автомобильный жулик Пижон (Андрей Миронов) и вор Косой (Савелий Крамаров). Вместе с ними Леонов-Доцент совершал побег из тюрьмы (в цистерне с раствором) и начинал процесс «перековки». К примеру, вот как это выглядело с альфонсом. Зная, что тот очень любит животных, Леонов помогает ему выкрасть из зоопарка тигренка, с тем чтобы затем продать его дрессировщику. Но эта акция срывается, и тогда Доцент предлагает убить животное. Однако альфонс не позволяет ему сделать это: ночью он возвращает тигренка обратно в зоопарк.

С помощью любви — только уже к слабому полу — перевоспитывается еще один «трудный» — Пижон, который волею сценаристов влюбляется в девушку-экскурсовода. В это же время настоящий Доцент, прознав про эксперимент своего близнеца, притворяется приличным человеком и даже сутки живет в квартире майора Леонова, выдавая себя за него его жене и дочери. Короче, в сценарии было множество веселых сцен. Однако затем от линии «майор милиции — воспитатель» пришлось отказаться. Дело в том, что, когда Данелия с Токаревой пришли за консультацией в Главное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) к будущему консультанту фильма подполковнику И. Голобородько, тот сказал: «Если можно всяких жуликов воспитать добротой, то зачем, спрашивается, карательные органы? Нет-нет, даже и не думайте!» В итоге вместо майора милиции на свет появится воспитатель детского сада Трошкин. Но

это будет чуть позже. А пока вернемся в конец января 70-го.

День 29 января выпал на четверг, когда в Кремле обычно собирался на свое очередное заседание верховный ареопаг — Политбюро. В описываемый четверг заседание было особенно бурным. Дело в том, что министр иностранных дел Андрей Громыко внезапно обрушился с критикой на действия председателя КГБ Юрия Андропова, затеявшего установить между Москвой и Бонном канал, который связывал высших руководителей СССР и ФРГ и через который шли основные переговоры по подготовке и заключению московских договоров, должных положить конец состоянию «холодной войны» в Европе. В существовании подобного канала не было бы ничего предосудительного, если бы он не был тайным. Именно это и возмутило Громыко, который считал, что... Впрочем, лучше послушать рассказ непосредственного участника тех событий, одного из организаторов тайного канала Вячеслава Кеворкова:

«В конце января мне позвонили из секретариата Андропова и попросили зайти к шефу. Преодолев несколько путаных коридоров, связывавших старое здание с новым (речь идет о комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади. — Ф. Р.), я вошел в приемную и направился прямо к двери кабинета. Секретарь за пультом остановил меня, сказав, что шефа еще нет и придется подождать: тот позвонил из машины и попросил вызвать меня, обещая быть с минуты на минуту.

...Минут через пять позвонил дежурный снизу и предупредил, что Андропов поднимается к себе. Несколько праздно толпившихся в приемной людей куда-то тут же исчезли, дежурный выключил телевизор и занял положенное место у пульта. Дверь отворилась, и вошел Андропов.

Одет он был в привычное серое пальто с каракулевым воротником, а меховую шапку нес зажатой в кулаке.

По выражению его лица и тону, которым он бросил, проходя, «Зайдите!», я понял, что произошла неприятность чрезвычайного порядка.

Дежурный несколько задержал меня у двери, чтобы дать шефу время привести себя в порядок.

Войдя в кабинет, я застал его стоящим у кресла, голова опущена.

— Только что произошел крайне неприятный разговор, — начал он на октаву ниже обычного. — Громыко в присутствии всех членов Политбюро заявил, что ему мешают проводить согласованный с руководством страны внешнеполитический курс, и обратился к Брежневу с просьбой убрать с пути всех людей Андропова, не способных понять, что «ключи от Германии лежат в Вашингтоне».

Последовавшая пауза не только ясно дала мне понять, до какой степени он взволнован, но и позволила ему несколько взять себя в руки.

— Что же вы стоите, садитесь!

Из последовавшего затем рассказа стало ясно, что, начав открытую кампанию против Андропова, Громыко переоценил свое влияние на Генерального секретаря. Брежнев не поддержал амбиций министра иностранных дел, и тот понял, что допустил неожиданный и непростибельный просчет.

Мне неясно и до сих пор, почему не сумел просчитать опытный Громыко, что изошренный в аппаратных интригах Брежнев и его, и Андропова держит на поводке одинаковой длины. И в этом случае он, как обычно, занял апробированную позицию «над схваткой».

— Ты напрасно кипятишься, Андрей Андреевич, — по-отечески начал Брежнев. — Сейчас не то время, чтобы делить сферы влияния. Нам необходимо не противоборство, а сотрудничество. Поэтому сейчас для всех было бы лучше, если бы вы с Андроповым обсудили все накопившиеся проблемы между собой и нашли, наконец, где все-таки лежат ключи от Германии...»

В свете происшедших событий Андропов разъяснил Кеворкову, что теперь установление отношений с канцлером ФРГ Вилли Брандтом — лишь полдела. Главное же — наладить отношения с Громыко. На Кеворкова возлагалась задача нанести визит «господину Нет» (так за глаза называли советского министра иностранных дел) и объяснить ему идею установления канала, убедить его, что речь идет не об установлении «подхлестывающего контроля» за его деятельностью, а о благе государства. Короче, Кеворков должен был превратить Громыко из противника в союзника.

И еще одно событие произошло в четверг, 29 января, но уже не имеющее никакого отношения к политике, — в одном из столичных родильных домов на свет появился мальчик, которого счастливые родители назвали Димой. Отцом новорожденного был молодой эстрадный артист Юрий Маликов, которому через год суждено будет прославиться на весь Советский Союз — он создаст вокально-инструментальный ансамбль «Самоцветы». А новорожденный меньше чем через двадцать лет пойдет по стопам отца и станет не менее знаменитым, чем он.

Во второй половине января в кинотеатрах столицы состоялось несколько премьер, из которых выделю следующие: 19-го в прокат вышел фильм Сергея Урусевского «Бег иноходца», а 23-го — «Цветы запоздалые» Абрама Ромма с Ириной Лаврентьевой, Александром Лазаревым и Валерием Золотухиным в главных ролях. С 26 января по 1 февраля в кинотеатрах Москвы начался тематический показ фильмов патриотического содержания под лозунгом «Партия — наш рулевой». Подавляющая часть картин, демонстрируемых под этой «шапкой», шла при полупустых залах. Зато другой кинопоказ, проводившийся в те же дни, наоборот, имел огромный успех у москвичей. Речь идет о показе фильмов, приуроченных к 20-летию провозглашения Республики Индия. В кинотеатрах столицы шли такие блокбастеры, как: «Любовь в Кашмире», «Материнская любовь», «Под покровом ночи», «Сангам», «Ты моя жизнь».

Что касается телевидения, то практически весь январь по нему крутили в основном отечественные фильмы, как старые, так и свежие. В их числе: «Решающий шаг» (про революционные события в Туркмении), «У твоего порога», «В твоих руках жизнь» (все — 17-го), «Мать» (21-го), «Огненные версты» (22-го), «Ленин в Польше» (23-го), «Живые и мертвые» (23—24-го), «Ставка больше, чем жизнь» (24-го), «Братья Сарояны», «Дети Памира» (25-го), «Анна Каренина» (28—29-го), «Константин Заслонов», «Два билета на дневной сеанс» (30-го) и др. 31 января состоялась премьера многосерийного телеспектакля «Наши соседи», демонстрируемого в рубрике «Телетеатр миниатюр». Кстати, по популярности этот спектакль одно

время будет конкурировать со знаменитым «Кабачком «13 стульев».

Весьма насыщенной была во второй половине месяца театральная и эстрадная жизнь столицы. В театрах шли спектакли: 17-го — «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя в Ленком; 21-го — «Память сердца» в Театре им. Вахтангова (в ролях: Юлия Борисова, Юрий Яковлев, Николай Гриценко и др.); 23-го — «Соловьиная ночь» В. Ежова во МХАТе; 27-го — «Человек и глобус» В. Лаврентьевой в Малом театре; 31-го — «Мужчины в воскресенье» в «Ромэне».

Из эстрадных представлений выделю следующие: 17 — 18 января в окружном Доме офицеров выступали такие популярные исполнители, как Батыр Закиров, Алла Йошпе, Стахан Рахимов и др.; 20 — 21-го толпы народа ломились в ГТЭ, где пел безусловный кумир тех лет Валерий Ободзинский. Шлягеры в исполнении певца в те годы распевала вся страна, однако чиновники от искусства всячески его затирали, называя «будуарным» певцом (за то, что в его репертуаре была только любовная лирика и ни одной песни про «партию»), и старались как можно реже выпускать его на столичные подмостки. Вот почему каждое выступление Ободзинского в Москве сопровождалось большим ажиотажем.

27—28 января в окружном Доме офицеров дал несколько концертов ленинградский певец Эдуард Хиль с ансамблем «Камертон»; 28-го в ГТЭ состоялся спектакль «Разноцветные страницы» с участием двух популярных юмористов Александра Шурова и Николая Рыкунина, а 30—31-го в «Октябре» царил Эдди Рознер со своим эстрадным оркестром.

И, наконец, заглянем в каталог фирмы грамзаписи «Мелодия», без которой представить себе тогдашний досуг советских граждан просто немыслимо — грампластинки имелись в любой семье, их слушали гораздо чаще, чем сегодня те же «сидюки». В январе 70-го свет увидели несколько новых пластинок, но я назову лишь некоторые, относящиеся к самому популярному жанру «эстрадная музыка». Начну с диска-гиганта «Поет Анатолий Королев» с песнями: «Крыши» (О. Фельцмана — И. Шаферана), «Ты для меня одна» (С. Пожлаков — Л. Лучкин), «На взлет» (А. Пахмутова — С. Гре-

бенников), «Одиннадцатый маршрут» (В. Шеповалов — А. Ольгин), «Моя звезда» (Е. Красик — В. Крутецкий) и др.

Среди твердых миньонов («твердышей», как их называли в народе) выделю: «**Концерт одной песни**», на котором были представлены такие исполнители, как Марк Бернес (песня «Журавли»), Муслим Магомаев («Сердце на снегу», «Чертово колесо»), вокальный квартет «Аккорд» («Песня об Одиссее»); «**Песни Полада Бюль-Бюль оглы**» с хитами: «Фиалки», «Глаза», «Все прошло», «Твоя дорога» в исполнении автора, а также других звезд: Ларисы Мон-

друс, Муслима Магомаева¹ и др. Из гибких пластинок (народное название «пленка») выделю миньон «**Ой, зима, зима**» с песнями: «Седая старина», «Новогодняя песня» и др. в исполнении Е. Беляева, А. Савенко, О. Анофриева, И. Кобзона.

Но вернемся к хронике событий.

В журнале «Кругозор» (№1) выделю следующие пластинки: «**Поэт Эдита Пьеха**» с песнями: «Белые ночи» (М. Фрадкин — Е. Долматовский), «Никогда» (О. Фельцман — Н. Олев); «**Поэт Рафаэль**» (Испания) с песнями: «Луна» и «Аве Мария».

1970

Февраль

Как влюбился Олег Видов. Твардовский читает коллегам письмо Брежневу. Наши цены — лучше всех! Радостная весть для Юрия Андропова. Ирреальная страсть Андрея Миронова. Чемпионат Европы по фигурному катанию. Геннадий Полока в гипсе, у Ларисы Лужиной инсульт. Советские хиппи — головная боль для коммунистов. «Шизгара» над страной. Андрей Тарковский ждет разрешения снимать «Солярис». Как удалось спасти поэму «Москва — Петушки». Твардовский пишет Брежневу. Дикий случай в Ленинске-Кузнецком. Юматов приходит на съемку в корсете. Отставка Твардовского. Как арестовали жестокого убийцу. Погиб телохранитель Брежнева. Столичные власти «стучат» на Юрия Любимова в ЦК. Запоздалый развод Высоцкого. Леонид Гайдай ищет Остапа Бендера. Муки Петра Тодоровского. Начали снимать «Песни моря». Почему Василий Алексеев осерчал на своего тренера. Кадровые перестановки на Лубянке. Сняли министра внутренних дел Дагестана. Бандиты столицы: бауманские. Банда Монгола. Советские евреи против Голды Меир. Кто такие «антисоветчики». Генерал Григоренко отправлен в психушку.

2 февраля на «Мосфильме» возобновились съемки фильма «Один из нас». Как мы помним, они были прерваны в конце декабря прошлого года, после того как в автомобильную аварию угодили сразу трое участников съемок: режиссер Геннадий Полока, исполнитель главной роли советского разведчика Бирюкова Георгий Юматов и его жена Муза Крепкогорская. Полоке врачи наложили на ногу гипс, а Юматова заковали в специальный корсет (Крепкогорская отделалась легче всех). В конце января врачи разрешили Полоке возобновить работу, и на свою первую после перерыва съемку 2 февраля он приехал в гипсе. Юматов в тот день в съемках задействован не был.

Снимали эпизод в декорации «германское посольство»: посол Германии в Москве граф фон Шуленбург объявляет своим подчиненным, что началась война против Советского Союза. Работники посольства встречают это известие с восторгом и пьют за скорую победу. Эпизодическую роль жены Шуленбурга играла непрофессиональная актриса Наталья Федото-

ва. В картину она попала по блату: она дружила с автором сценария Алексеем Нагорным, который и порекомендовал ее Полоке. Отказать режиссер не смог: во-первых, Федотова была дочерью влиятельного генерала КГБ и близкой подружкой дочери генсека Галины Брежневой, во-вторых — роль у Федотовой была бессловесная.

Сразу после съемок Нагорный повез Федотову ужинать в ресторан гостиницы «Националь». Там за Федотовой внезапно стал ухаживать красивый блондин, которого Федотова до этого не знала. Он представился ей Олегом и своими манерами произвел на женщину приятное впечатление. Когда чуть позже Наталья описала его внешность Галине Брежневой, та сразу опознала незнакомца: «Да это же артист Олег Видов! Отнесись к нему благосклонно, он неплохой парень». Наталья послушалась совета лучшей подруги и стала встречаться с Видовым. А спустя несколько недель и вовсе выскочила за него замуж. Вот как она сама описывает это событие:

«Чтобы как-то меня расшевелить, Галина стремительно взялась за наше сближение. По ее словам, Олег едва ли не валялся в ногах, упрямившая ее уговорить меня выйти за него замуж. На это я шутила парировала: «Завтра или никогда». Я прекрасно знала, что завтра — выходной. Утром примчалась Галина: «Срочно наводи красоту, тебе к девяти в загс». И со смехом рассказала, как Олег за день обегал множество инстанций и уломал сотрудников загса выйти в выходной и расписать нас. Восхищаясь стараниями Олега, она схватила из гардероба платье и натянула его на меня: «В природу впишемся классно!» Представляете, на ней была коричневая бархатная юбка и кремовая блузка, а на мне вместо традиционного белого — зеленое платье. Будучи в полной уверенности, что все это — розыгрыш, я поехала вместе с ней в загс и через сорок минут стала женой Олега Видова...»

Однако вернемся в начало февраля 70-го.

Весьма непростой продолжает оставаться ситуация вокруг Александра Твардовского и возглавляемого им журнала «Новый мир». 2 февраля Александр Трифонович приехал на работу и сообщил Кондратовичу неожиданную новость: «Я перепечатал письмо Брежневу и хочу вам его показать. Сейчас подойдет Дементьев. Это последний вариант, я его согласовал с Симоновым, он в таких делах все понимает».

Примерно в два часа дня Твардовский собрал у себя в кабинете ближайшее окружение и, попросив секретаршу никого к себе не пускать, начал читать письмо коллегам. Далее слушаем рассказ А. Кондратовича:

«Письмо сильное. Начинается с того, что понуждает его обращаться к генсеку партии не только личное положение, но и судьба литературы. Все о «Новом мире», о поэме, о травле и о Солженицыне. Не понравился мне конец, несколько самоуверенный, смысл в том, что я, мол, написал поэму и готов отвечать перед любой партийной инстанцией, вплоть до самой высшей, за каждую строчку и слово. Этого наш партийный этикет не любит. Не гордыня, а смирение почитается у нас за истинную веру в чистоту.

— Ну, что вы скажете? — спросил по окончании чтения.

Что сказать? Сильно. Все правильно. И если что не так — не в этом дело. Я давно убедил-

ся, что не в формулировках дело, если все уже решено в ту или иную сторону.

Дементьев, как всегда, начал давать свои поправки. Но я видел, что экземпляр один, еще, правда, не подписанный, и перепечатывать его А. Т. не хочет, а хочет посылать. Он уже предупредил, чтобы машина стояла на месте...

А. Т. стал злиться. Дементьев доказывал свое. А. Т. взорвался:

— Что ты мне говоришь о каких-то поправках? Не в них дело (это тоже верно). Но видишь, что я уже на изводе нервов и ничего не могу больше с этим письмом делать. Я уже несколько ночей из-за него не спал и обдумывал сто вариантов. — Побледнел. Еле-еле сдерживается от дальнейших резкостей.

Дементьев: — Ну, смотри, ну, смотри... Конечно, можно и так посылать. Я понимаю, что перепечатывать ты не хочешь.

Томительное молчание. А. Т. сидит, что-то думает. Оба молчат.

А. Т.: — Ну ладно.

Отложил письмо в сторону. Вышел. Я тоже вышел. С. Х. вся в напряжении: «Что происходит?..» Наши бабы откуда-то все узнали — и тоже в приемной. А что я могу им сказать? Я поболтался зачем-то в своем кабинете, вернулся в кабинет А. Т. Там все сидят по-прежнему, говорят кто о чем, как это бывает у нас, о разных делах и пустяках, словно только что не было драматического напряжения.

Постепенно А. Т. перешел на отдаленные темы. Машину задержал, потому что собирался сразу же послать письмо в ЦК. Но не посылает. Потом сказал:

— А интересно все-таки посмотреть, как будет тонуть наш корабль. — И засмеялся. И стало как-то легче. Так у меня бывает, когда спадает высокое давление...»

На следующий день Твардовского вызвали на секретариат Союза писателей, где ему сообщили, что образована специальная комиссия секретариата по укреплению редколлегии и аппарата «Нового мира». То, что противникам журнала не удалось сделать в прошлом году, теперь настойчиво воплощалось в жизнь. И хотя руководители СП постарались как можно тщательнее завуалировать свое решение — Воронков попросил Твардовского остаться после заседания и начал объяснять ему, что все делается во благо журнала, — однако Твардовский

прекрасно понимал, что его дни в «Новом мире» сочтены. Однако он не предполагал, что события будут разворачиваться еще стремительнее, чем думалось ему.

4 февраля по «Новому миру» разнеслась неожиданная весть о том, что в СП заседает секретариат. Твардовский в недоумении: «Не может этого быть. О чем секретариат? Если о нас, то ведь должна собраться комиссия — ей дано на это 2—3 дня. А комиссия организована только вчера...»

Между тем о драматических событиях, разворачивающихся вокруг популярного журнала, знают лишь посвященные — подавляющая часть населения огромной страны живет иными заботами. 4 февраля в «Вечерней Москве» на первой полосе была помещена заметка под названием «Дороговизна растет», в которой сообщалось, что только в январе в Чили цены выросли более чем на 40 видов промышленных и продовольственных товаров (14 февраля в этой же газете появится заметка о росте цен в Западной Берлине). Эти заметки наглядно демонстрировали преимущества социалистического строя над капиталистическим, ведь в Советском Союзе цены на товары в течение вот уже нескольких лет оставались незыблемыми. А если и росли, то минимально, во всяком случае, на кошельке рядового покупателя это почти не отражалось. Судите сами. Средняя зарплата по стране в том году равнялась 110—120 рублям. Если брать нормальную семью из трех человек, где двое взрослых работали, то их зарплата равнялась 220—240 рублям. А теперь посмотрим на тогдашние цены. Начнем с продуктов. На алкогольную продукцию я их уже называл, поэтому повторяться не буду. Буханка белого хлеба стоила от 13 до 16 копеек (черный стоил дешевле), килограмм колбасы «Докторская» — 2 рубля 20 копеек, плитка шоколада — 1 рубль 20 копеек, плавленый сырок «Дружба» — 14 копеек, килька в томате — 50 копеек, килограмм конфет «Трюфели» — 7 рублей 50 копеек.

Цены на промышленные товары выглядели следующим образом. Самый дешевый телевизор стоил 354 рубля (новинка 70-го телевизор «Рекорд-102» с 40-сантиметровым по диагонали экраном оценивался в 550 рублей). Электробритва «Харьков» — 22 рубля, радиоприемник «Альпинист» — 27 рублей 94 копейки, ве-

лосипед «Школьник» — 29 рублей 80 копеек, часы женские «Заря» — 32 рубля, часы мужские «Полет» — 46 рублей, туристическая палатка — 37 рублей 50 копеек, велосипед «Орленок» — 45 рублей 70 копеек, женский велосипед — 55 рублей, фотоаппарат «ФЭД-3-Л» — 47 рублей, плащ женский из материала «болонья» — 50 рублей, мужской — 55 рублей, радиола «Рекорд-68-2» — 72 рубля, ковер — 84 рубля, стиральная машина — 85 рублей, радиоприемник «ВЭФ-12» — 93 рубля 02 копейки, магнитола «Фиалка-2» — 158 рублей, магнитофон «Комета-206» — 180 рублей, магнитофон «Орбита-2» — 210 рублей, кинокамера «Кварц-5» — 265 рублей, автомобиль «Запорожец» — 3500 рублей, «Москвич-412» — 4936 рублей.

В начале февраля разрядилась ситуация вокруг тайного канала Юрия Андропова. Как мы помним, этой инициативой председателя КГБ был крайне недоволен Громыко, которого теперь следовало перетянуть на свою сторону. Сделать это должен был Вячеслав Кеворков. Он это и сделал, добившись личной аудиенции у министра иностранных дел. Далее послушаем собственный рассказ самого Кеворкова:

«Служебные апартаменты министра представляли собой сравнительно небольшую комнату, отделанную деревянными панелями, с неизбежным зеленосуконным столом, расположенным ближе к задней стене, а слева все пространство стены занимал шкаф с книгами в дорогих переплетах, похоже, полный Брокгауз и Ефрон. На полу ковер, именно такой, как и у всех министров его ранга.

Ковры — вещь особая. Они распределялись в точном соответствии с «табелью о рангах», и по ним уже при входе легко было установить, с кем имеешь дело.

Слева и справа на казенном сукне стола — аккуратные папки в разноцветных переплетах, посередине — документ, который министр читал в данную минуту.

В отличие от ковров документы на столе у Громыко были совсем не такие, как у других министров. Они писались на желтой бумаге. Такого больше никто себе не позволял. Подписывался он только именем, которое включало в себя и титул.

При моем появлении Громыко вышел из-за стола, бросил на меня короткий взгляд и, не найдя ничего интересного, отвернулся в сторо-

ну, небрежно протянув мне руку для пожатия. Затем предложил сесть, а сам вернулся на место, дочитал «яичную» бумагу до конца, поставил подпись, захлопнул папку и отложил ее в сторону.

— Я слушаю вас!..»

Кеворков изложил министру свои мысли, которые сводились к следующему: учитывая желание нового руководства ФРГ качественно изменить в лучшую сторону свою политику в отношении Советского Союза, Москве следует установить с Бонном «конфиденциальный канал» для лучшего взаимопонимания. Громыко стал сопротивляться, ответив в следующем духе: мол, вы что, хотите втянуть меня в тайный сговор с немецким руководством, при попустительстве которого в Германии возрождается неонацизм, преследуются прогрессивные партии, в первую очередь — коммунистическая? Но Кеворков не зря считался отменным дипломатом (иначе Андропов бы и не выбрал его в парламентарии). Он напомнил министру его собственные слова, сказанные им прошлым летом во время встречи с заместителем Брандта Гельмутом Шмидтом, о том, что туннель сквозь гору нужно пробивать одновременно с обеих сторон и так, чтобы идущие навстречу друг другу обязательно в итоге встретились. Видимо, Громыко это сильно польстило. И хотя в продолжении разговора он так и не высказался в пользу установления тайного канала, однако в заключение произнес фразу, которая много значила:

— Хорошо, мы еще раз обсудим эту проблему с Юрием Владимировичем.

Когда Кеворков приехал к Андропову, тот находился в хорошем настроении. Оказываясь, пока парламентар ехал из МИДа, Громыко успел позвонить председателю КГБ и весьма положительно высказался об итогах этой беседы.

— Вы сделали очень полезную вещь, — подвел итог Андропов, — а потому впредь я буду вас называть исключительно «искусным канализатором».

И в благодарность за его деятельность шеф КГБ пожал Кеворкову руку.

Однако оставим на время большую политику и вернемся к делам более приземленным — например, личной жизни звезд. В те февральские дни Андрей Миронов репетировал в Са-

тире в спектакле «У времени в плену». А Татьяна Егорова сидела дома в Трубниковском. Иногда после репетиций Миронов приезжал к ней и они вместе ужинали. Правда, особой радости эти совместные ужины ни ему, ни ей не приносили.

Вспоминает Т. Егорова: «Тонька (соседка Егоровой по квартире. — Ф. Р.) принесла ему тарелку с борщом. «На, ешь, голодный небось». Он молча ел борщ, потом она принесла ему кружку горячего клюквенного киселя с белым хлебом, поставила на стол и, взяв освободившуюся тарелку, ушла на кухню. Онпил кисель, громко отхлебывая, отламывал белый хлеб.

— Ты когда в театр выходишь?

— Не знаю. Когда выпишут врачи. Хоть бы вообще не выходить!

Меня так же, как и его, ранило, что наша любовь, наша жизнь, наша трагедия — на обозрении у всех. И в театре все ждут! С нетерпением! Когда я явлюсь на репетиции, чтобы злорадно посмотреть мне в глаза. Я уже слышала змеиный шепот, визг и сатанинский хохот. Он сидел передо мной, допивая кисель, а я ненавидела его, его волосы, его голос, его бесцветную родинку на левой щеке.

— Ты меня ненавидишь? — застал он врасплох.

— Мне нужно побыть одной некоторое время.

— Я знаю, что это значит. Я сам во всем виноват. Я не смогу жить без тебя. «Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я», — сказал он и попытался улыбнуться.

— Зачем я тебе нужна? Скажи? Ведь столько вокруг тебя вертится всяких барышень!

— Я не знаю. Это что-то ирреальное. Я бы даже хотел, чтобы тебя не было в моей жизни, чтобы так не страдать. Но у меня не получается. Это вне меня...»

Продолжают сгущаться тучи над головой Твардовского. 5 февраля, около двух часов дня, его попросили срочно приехать в Союз писателей СССР. Вернувшись оттуда спустя несколько часов, Твардовский сообщил своим коллегам сногшибательную весть: что вчера собиравшийся секретариат СП, причем без него, где было принято решение освободить от работы в «Новом мире» пятерых человек: Кондратовича, Лакшина, Виноградова, Марьямова и Саца. «А кого дают вместо нас?» — спросил кто-то из

освобожденных. «Мне уже не важно, кого дадут, — ответил Твардовский. — Я заявил, что подаю заявление об уходе... Дают Большова. Да нет, они уже все утверждены». — «Без вас?» — «Неужели вы не понимаете, что, конечно, без меня? Все решили без меня! Константин Александрович Федин решил. Он председательствовал... Хотя, — Твардовский сделал паузу, — решение вроде не совсем окончательное. Мне предложили новый вариант редколлегии, с тем чтобы я подумал. А что тут думать?..»

В тот же день в Ленинграде завершился чемпионат Европы по фигурному катанию. Победителями в обязательной программе стала пара Ирина Роднина — Алексей Уланов, «серебро» взяли Людмила Смирнова — Андрей Сурайкин, «бронзу» — фигуристы из ГДР. В произвольной программе чемпионами стали Людмила Пахомова и Александр Горшков, на 2-м месте — Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалин. Последних тренировала Татьяна Тарасова, которая вспоминает:

«До этого чемпионата, сколько бы мы ни тренировались, каждый раз во время соревнований на Славу Жигалина что-то находило, и в произвольном танце он падал. На протяжении трех лет после трех минут двадцати семи секунд танца, точно по часам, какую бы они программу ни исполняли, все кончалось Славным падением. Причем падал исключительно на соревнованиях уровня чемпионата страны и выше, по мелочам Славик свое тело не разбрасывал. В итоге я обратилась к психологу, и он, поработав с Жигалиным, снял у Славы этот комплекс.

На чемпионате Европы они выступали очень легко. Таня каталась весело, с задорной улыбкой, и чем-то тогда напоминала Наташу Бестемьянову. Она могла «завести» весь зал, вдруг прокрутив на льду «чертовое колесо». Ее открытая манера катания нравилась и судьям и зрителям.

В Ленинграде сложилась какая-то странная ситуация с подсчетом очков (а я до сих пор в этом ничего не понимаю, я только вижу, кто лучше выступал, а кто хуже), в оценках я окончательно запуталась и, уверенная в том, что Войтюк с Жигалиным четвертые, увела их с катка. Мы оделись и уже сели в автобус, когда кто-то прибежал с криком: «Войтюк с Жигалиным — на награждение!» А Войтюк с Жигали-

ным уже приготовились отъезжать в гостиницу. Мы побежали обратно во дворец, скользя и падая по дороге в сугробы. Ребята судорожно в раздевалках надевали коньки, плакали, смеялись, с ними творилось что-то невысказанное. Мы настолько не были готовы к пьедесталу, медалям, пресс-конференциям, что странно, как выдержали этот вечер...»

6 февраля вновь были прерваны съемки фильма «Один из нас». Как мы помним, они возобновились четыре дня назад, причем режиссер фильма Геннадий Полока вынужден был приезжать на съемки с заглупевшей ногой. Но его здоровье оказалось отнюдь не богатырским, и спустя несколько дней он вновь слег. Кстати, в эти же дни внезапная болезнь свалила еще одного участника съемок — актрису Ларису Лужину, которая играла роль пособницы немецких шпионов. У Лужиной прямо на съемках случился инсульт, и она была срочно госпитализирована. После недолгих поисков ее место заняла не менее известная актриса Тамара Семина.

6 февраля в «Комсомольской правде» под рубрикой «Очерки с идеологического фронта» была напечатана довольно внушительная статья В. Большакова под названием «Хиппи-энд». Речь в ней шла о тлетворном влиянии на молодежь идей хиппизма. Чтобы читателю было понятно, о чем именно шла речь в этой статье, приведу небольшой отрывок из нее:

«Я видел их (хиппи. — Ф. Р.) в Чехословакии в трудные для республики дни. Контрреволюция нашла среди хиппи самых активных помощников. Их импортированное «отчуждение» обернулось враждебными вылазками против социалистического строя, хотя и не они одни в них участвовали.

Недавно «Комсомольская правда» писала о том, как органы госбезопасности ВНР (Венгерской Народной Республики. — Ф. Р.) обезвредили группу хиппи, которая занималась сбором шпионских сведений для западного диверсионного центра.

А все вроде бы начиналось так невинно. С призывов «бежать к реке» и нести цветы, со «священных воплей», с умиленных рецептов: «В этот день просто существуют — и больше ничего...»

Идеи хиппи пришли в Советский Союз в самом конце 60-х, однако за короткий проме-

жукот времени (2—3 года) сумели завоевать большое количество сторонников. Особенно это было заметно в крупных городах страны: Москве, Питере, Свердловске, Волгограде. Власти, естественно, всеми силами старались бороться с этим явлением, поскольку хиппи провозглашали идею абсолютного неучастия в общественной жизни, а это, по советским меркам, было равнозначно преступлению. Как же: вся советская молодежь в едином порыве строит коммунизм, а какие-то волосатики этого делать не хотят?! Ату их! Упомянутая статья в «Комсомолке» как раз и преследовала цель навешать на хиппи всех собак, обвинить их не только в антиобщественном поведении, но и в том, что рано или поздно они и родину продадут. Песня, в общем-то, старая. В 50-е годы в подобном обвиняли стилияг: дескать, сегодня слушает он джаз, а завтра родину продаст.

Однако не стоит думать, что вся советская печать относилась к хиппи столь негативно. Например, в журнале «Вокруг света» появилась статья про них, выдержанная в спокойном тоне. Номер журнала с этой публикацией тут же стал библиографической редкостью, поскольку продвинутая молодежь поспешила скупить его в киосках, а те, кому он не достался, выносили его из библиотек. Андрей Макаревич, который в 70-м году заканчивал 10-й класс, вспоминает о том времени так:

«Пресловутых стилияг, коктейль-холла и борьбы с джазом мы практически не застали. К семидесятому году мир заполонили хиппи. Статья в журнале «Вокруг света» открыла нам глаза на истину. Называлась эта статья «Хожение в Хипплиндию». Мы с Борзовым выписывали оттуда цитаты, где хиппи провозглашали свою программу (я, например, помнил все наизусть). Платформа хиппи была принята безоговорочно. Масла в огонь подлила история, когда одного десятиклассника собирались исключить из комсомола за длинные волосы. У него безуспешно пытались выяснить, против чего он протестует, будучи советским комсомольцем, и что хочет доказать. Он виновато молчал, и праведному гневу комсомольских активистов не обо что было биться. Румяные активисты выглядели отвратительно. Мы с утренней силой принялись растить волосы. Мы просто тужились, пытаясь ускорить этот процесс, и с отчаянием глядели в зеркало по у-

рам. Волосы не могли расти быстрее отпущенного природой срока. (За полгода до этого, доведенные до отчаяния придирами педагогов к нашим битловским прическам и будучи удаленными за них с урока, мы отправились в парикмахерскую и побрились наголо. Это была первая сознательная демонстрация. Получилось эффектно, но, увы, не хиппово.)

И вообще школа для нас доживала последние дни, мы уже одной ногой ступили во взрослый мир, где гулял пьянящий ветер свободы. Там по стриту ходили люди с волосами до плеч, подметая асфальт невероятными клешами. Надо сказать, что до этого момента я рос абсолютно безразличным к своей одежде. У нас в семье как-то так повелось. Но тут дело было не в моде — клеша являли собой знак отличия, удостоверение кастовой принадлежности, и, конечно, я придавал этому соответствующее значение. И вообще, нельзя было играть рок-н-ролл в школьной форме. Штаны мне сшила Света, жена хиппового художника Саши. Жили они на Щербаковской, имели непосредственное отношение к СИСТЕМЕ, что поднимало их в моих глазах на недостижимую высоту. В их квартире, расписанной цветами и пацификами, все время ютились какие-то хиппи, кто-то ночевал, кто-то играл на гитаре, кто-то вешал о буддизме. Это выглядело как настоящая коммуна. Штаны мои были сшиты из яично-желтого вельвета. От того места, где ноги раздваиваются, они поднимались по телу сантиметров на семь, не более (говоря профессиональным портняжным языком, имели очень низкий пояс). Клеш я просил делать не безумно большой (я все-таки робел), и мы остановились на 30 сантиметрах. Очень хорошо помню, как я шел в этих штанах домой. Сверху их дополняла вельветовая же черная рубаша, из-под которой виднелась (опять же!) желтая водолазка — намек на принадлежность к миру битловской музыки.

Ярко светило солнце. Я нес штаны, как знамя, замирая от гордости, восторженно ощущая спиной суровые взгляды прохожих. Штаны подвели черту, разделив меня и их. Зато любой хиппи с Пушки (Пушкинская площадь, где тусовались хиппи. — Ф. Р.) или из Трубы (подземный переход возле станции метро «Прспект Маркса». — Ф. Р.) мог обратиться

ко мне, как к брату. Штаны открывали дверь в другой мир.

Отечественные хиппи бродили по центру Москвы, сидели у памятника Пушкину, толпились в подземных переходах. Помню, тогда я часто думал, сильно ли они отличаются от своих западных собратьев. Сейчас, поездив по миру, с уверенностью могу сказать — ничем не отличались. Это была абсолютно интернациональная волна. Хипповая прослойка называла себя «системой». В системе знали друг про друга почти все. Правда, постоянно возникали ходки то из Ленинграда, то из Прибалтики. Помню громкие имена — Юра Солнце, Сережа Сержант (не армии, разумеется, а Сержант Пеппер!). Я не входил в систему — у меня просто не было на это времени, но духом я был с ними. К вечеру система начинала кучковаться, выяснять, на чем флэту сегодня тусовка (это, естественно, определялось отсутствием дома родителей, то есть парентов). Однажды я пригласил такую бригаду к себе на флэт. Собственно, сначала бригада была небольшая. Но радостные новости распространяются в системе очень быстро, и, пока мы шли вниз по улице Горького (по стриту) к метро «Проспект Маркса» (к Трубе), наш отряд обрстал новыми бойцами и их подругами, так что мимо очумевшей лифтерши в моем подъезде уже протопало человек тридцать. В квартире тут же устроились на полу, заняв все пространство, и принялись курить, пить портвейн, слушать «битлов» и спать. Кончилось тем, что одна хипповая девочка спросила у меня, собираюсь ли я на этот флэт завтра, так как тут клево и по кайфу. У меня не повернулся язык сказать, что я, в общем, хозяин. Завтра приехали родители, и встреча не состоялась...»

Коль речь зашла о молодежи, самое время вспомнить о музыке, которую она в те годы слушала. Февраль 70-го стал месяцем «Шизгары». Именно в феврале, 6-го числа, песня «Венера» в исполнении голландской группы «Шокинг блюэ» заняла верхнюю строчку в американском хит-параде, и ее стали крутить чуть ли не все радиостанции мира. Естественно, песню тут же услышали и владельцы радиоприемников в Советском Союзе. Они же донесли этот шлягер и до широких народных масс, переписав его на свои магнитофоны. С этого момента «Шизгара» стала одной из любимых песен про-

двинутой советской молодежи: не было в стране танцплощадки, где бы ее не крутили, причем не по одному разу. Между тем фирма «Мелодия» начисто игнорировала как эту, так и другие подобные песни, предпочитая потчевать слушателей более попсовой продукцией: например, песнями в исполнении сладкоголосых британских певцов типа Тома Джонса или Энгельберта Хампердинка.

В холодные дни февраля 70-го Венедикт Ерофеев в свободное от работы время продолжал писать поэму «Москва — Петушки». Как помнит читатель, начал писать он ее на станции Железнодорожная, а вот закончил уже на станции Лобня. Однако мало кто знает, что в самом начале работы над поэмой Ерофеев ее едва не потерял. О том, как это произошло, рассказывает участник тех событий И. Авдиев:

«Как-то я приехал к нему в Лобню, в его бригаду монтажников. Вижу — Веничка прячет зеленую тетрадку. Легендарная вещица. Она посвящалась разным людям. Кто только не пытался ее у него стянуть! Там была и рукопись поэмы «Москва — Петушки», написанная до главы «Станция Усад». Вот я тетрадку у него и вытащил. Украденную поэму прочитал за считанные минуты прямо в электричке, когда в Москву возвращался. Вышел на Савеловский вокзал очумевшим. Помчался к Тихонову. Там еще раз рукопись вместе прочитали. Плакали и смеялись от восторга. А утром приезжает бледный Веничка, сам не свой. «Негодяи, это вы тетрадку утащили?» — «Мы». — «Слава богу, что нашлась. Давайте немножечко шлепнем». Вот так по пьяни я чуть не загубил его знаменитую поэму. В самом ее зародыше...»

В расстроенных чувствах в начале февраля пребывал кинорежиссер Андрей Тарковский — в те дни решалась судьба нового фильма, который он собирался снимать. 8 февраля, сидя у себя дома недалеко от проспекта Мира, Тарковский пишет письмо в Ленинград на имя другого режиссера — Григория Козинцева. Приведу его полностью:

«Дорогой Григорий Михайлович!

Вот и настали для меня тяжелые дни. Сажу и жду, когда господу Баскаковы (В. Баскаков в то время был заместителем председателя Комитета по кинематографии. — Ф. Р.) и Кокоревы (И. Кокорев — главный редактор Сценарной коллегии того же комитета. — Ф. Р.) про-

чтут сценарий, который послал уже две недели тому назад, и изволят что-нибудь сообщить, что они по этому поводу думают. День проходит за днем, растут мои дурные предчувствия.

Просмотр, который я готовил с Неей Зоркой для Д. Д. Шостаковича, сорвался. С «Рублевым» сейчас строю.

В общем, сижу у моря и жду погоды. И, зная, что от меня ровным счетом сейчас не зависит ничего — ни запуск «Соляриса», ни выпуск «Рублева», чувствую себя омерзительно.

Надеюсь, Ваше настроение несколько лучше моего. Скоро Вы кончите фильм (имеется в виду «Король Лир». — Ф. Р.), и начнет он свой нормальный и естественный путь.

Желаю Вам, дорогой Григорий Михайлович, всего лучшего.

Ваш А. Тарковский.

Простите за дурацкое письмо. Что-то тревожно и мысли скачут. А пожаловаться, кроме Вас, никому».

Стоит отметить, что сразу после этого письма новая напасть свалится на Тарковского: свирепствовавший в те дни в Москве грипп уложит его в постель. А едва он поправится, как его супруга Лариса сляжет с тем же диагнозом. Но вернемся на несколько дней назад.

Не утихает скандал вокруг журнала «Новый мир». 9 февраля Твардовский поехал в ЦК и оставил там свое письмо на имя Брежнева. В приемной для писем ему пообещали, что в самое ближайшее время послание будет доставлено адресату. В эти же дни письма с требованиями заступиться за журнал «Новый мир» отослали в ЦК секретари СП Сурков, Симонов, Исаковский. В своих письмах они прямо назвали снятие членов редколлегии журнала неконституционным, настаивали на созыве секретариата СП в полном составе.

10 февраля стало известно, что в завтрашнем номере «Литературной газеты» должна появиться информация о решении секретариата СП о переменах в «Новом мире». Там же должно было быть помещено письмо Твардовского о его отношении к публикации на Западе поэмы «По праву памяти». Прознав про это, «новомирцы» отрядили гонца в газету за сигнальным номером. Через час тот привез сигнал, «новомирцы» его раскрыли и ахнули — письма Твардовского там не было. А в списках новых членов редколлегии не было Наровчатова (позднее

выяснилось, что он сам отказался от этого), но есть Овчаренко. Только что последний выступал на пленуме Российского Союза с поношением поэмы Твардовского и намеками на то, что тот молчал о том, что его поэма опубликована на Западе, и вот тебе на — оказался в редколлегии, возглавляемой Твардовским. Возмущенный Александр Трифонович позвонил Воронкову:

— Константин Васильевич! Почему в «Литературке» нет моего письма? Я лучше думал о вас и думал, что вы лучше относитесь ко мне. Однако вы допускаете невозможное и даже меня об этом не предупреждаете. Я требую, чтобы мое письмо было напечатано. Доложите об этом куда следует. Сигнал? Сигнал никакого значения не имеет. Вы меня не предупредили и делайте все, что хотите, время еще есть, но мое письмо должно быть напечатано. Иначе я предприму еще более решительные шаги.

Твардовский повесил трубку и долго после этого не мог прийти в себя. Белый от бешенства, он заявил присутствующим при этом разговоре коллегам:

— Они не знают, что я еще могу предпринять.

Хотя что он мог предпринять в сложившейся ситуации, когда машина по уничтожению журнала была уже запущена и набирала обороты? Эта машина уже вышвырнула из редколлегии людей, с которыми Твардовский создавал «Новый мир», она же собиралась поставить крест и на карьере самого Твардовского в должности главреда. У Твардовского оставался последний шанс — апеллировать к самому Брежневу, — но ни он сам, ни его соратники, кажется, уже не верили в успех. Поэтому в тот же день Твардовский написал заявление о добровольной отставке с поста главреда. Далее послушаем рассказ А. Кондратовича:

«А внизу, на первом этаже, волнение. В отделе прозы — Евтушенко, Можаяев, Владимов, Светов, Нема, Левитанский, какие-то незнакомые люди. Я зашел отдать часть рукописей.

— Чего ты спешишь? — сказал кто-то.

— А чего мне ждать?

Оказывается, они сидят и ждут. Послали телеграмму — куда? То ли в ЦК Брежневу, то ли Подгорному (Н. Подгорный — председатель Президиума Верховного Совета СССР. — Ф. Р.). То ли всем вместе. Ждут, надеются, что завтра

сообщение о нашем снятии все-таки не появится в газете. Я сказал, что они люди наивные, уже третий час, газета всю печатается.

Кто стоит, кто ходит, кто сидит. Молчат. Иногда переговариваются. Я тоже сел. И вдруг почувствовал, а потом уже и понял — на что все это похоже. Так бывает, когда в соседней комнате стоит гроб, а здесь ждут выноса его, оттого и говорят даже чуть ли не полушепотом...

Потом я спустился через час. Кто-то, уже не помню кто, сказал:

— Да, газета уже отпечатана. Все. Надо расходиться.

И разошлись. И уже потом, когда в шестом часу я выходил из редакции, у дверей мне встретился Борис Можжевель.

— Ничего не получилось, — сказал он.

— А вы думали, что получится, — усмехнулся я. — Наивные люди. Все было утрясено, согласовано. Все было решено...»

Нешуточные страсти разгорелись в те дни вокруг спектакля Театра на Таганке «Берегите Ваши лица» по стихам Андрея Вознесенского. Этот спектакль являл собой нечто необычное: в нем не было жесткой драматургии, он игрался импровизационно, как открытая репетиция. Прямо по его ходу Любимов вмешивался в ход спектакля, делал замечания актерам. Эта необычность весьма импонировала зрителям, которые ничего подобного до этого еще не видели. Премьеру спектакля предполагалось сыграть в середине февраля, однако вмешались непредвиденные события. Известный драматург Петер Вайс в каком-то интервью выступил с осуждением советских властей, из-за чего «верха» распорядились убрать из репертуара «Таганки» спектакль по его пьесе «Макинпонт». Любимову пришлось подчиниться, но он решил в отместку выпустить раньше срока «Лица».

Премьеру сыграли 7 февраля. Спустя три дня эксперимент повторили, да еще показали сразу два представления — днем и вечером. На последнее лично прибыл министр культуры РСФСР Мелентьев. Увиденное привело его в неописуемое бешенство. «Это же антисоветчина!» — буквально клокотал он после спектакля в кабинете Любимова. Крамолу министр нашел чуть ли не во всем: и в песне Высоцкого «Охота на волков», и в стихах, читаемых со сцены, и даже в невинном плакате над сценой,

на котором было написано «А ЛУНА КАНУЛА» (палиндром такой от Вознесенского). В этой надписи Мелентьев узрел намек на то, что американцы первыми высадились на Луну, опередив советских космонавтов. Уходя, министр пообещал актерам, что «Лица» они играют в последний раз. Слово свое он сдержит.

11 февраля в «Литературной газете», под рубрикой «Хроника», было напечатано следующее сообщение: «Состоялось заседание бюро секретариата правления Союза писателей СССР, в котором приняли участие К. А. Федин, С. А. Баруздин, К. В. Воронков, С. В. Михалков, В. М. Озеров, Л. С. Соболев, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов, А. Б. Чаковский, К. Н. Яшен. Бюро утвердило первым заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала «Новый мир» Д. Г. Большова, заместителем главного редактора и членом редколлегии — О. П. Смирнова. Членами редколлегии утверждены также В. А. Косолапов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук. От обязанностей членов редколлегии журнала «Новый мир» освобождены И. И. Виноградов, А. И. Кондратович, В. Я. Лакшин, И. А. Сац».

Самое интересное, что в этой «информашке» сообщалось о присутствии на заседании Твардовского, однако на самом деле его там и близко не было. Он присутствовал на заседании 4 февраля, но там шел разговор о необходимости укрепления редколлегии журнала и аппарата СП. Не менее возмутительным было и то, что письмо Твардовского по поводу его поэмы «По праву памяти» хотя и было напечатано в этом же номере, но только в московском тираже. То есть до других регионов оно уже не дошло.

Ближе к вечеру в редакцию заехала писательница Елизавета Драбкина, написавшая несколько книг о Ленине. Она пробыла в кабинете недолго, однако Твардовский после ее посещения несколько повеселел. Проводив гостью до порога, он затем поделился впечатлениями от встречи с ней:

— Вот женщина. Интеллигентная, старая коммунистка. А ведь как сказала о тех, кто нас снимает: бляди, сказала, бляди... Все-таки чувствуется лагерная школа...

В тот же день, но чуть позже, Твардовский стал названивать в ЦК, пытаясь выяснить судьбу своего письма Брежневу. Но ему ответили,

что генсек болен, лежит на даче, однако при первой же оказии письмо ему обязательно перешлют. На следующий день редакцию посетил писатель Владимов, который принес удивительную весть: Брежнев действительно безвылазно сидит на даче, однако болен не гриппом, свирепствующим в Москве, а обыкновенным запоем. Когда об этом сообщили Твардовскому, то он засмеялся:

— А вполне возможно. Очень даже похоже.

С 14 февраля весть о крутых переменях в журнале «Новый мир» стала всюду муссироваться «забугорными голосами». Все без исключения радиостанции говорили о том, что Твардовский занимал должность главреда двенадцать лет и «пытался связать коммунизм со свободой творчества», что «его отставка является крахом такого рода иллюзий». Би-би-си сообщило, что о ситуации вокруг Твардовского пишут все английские газеты (и это при том, что отставку Твардовского в СП еще не приняли и он находился в подвешенном состоянии). Далее приводились выдержки из некоторых статей. Например, в «Обсервере» писали, что отставка Твардовского произвела в Москве тяжелое впечатление. «Будущее советской литературы теперь закрыто плотной завесой тумана...» В другом издании писалось, что в Москве не столько удивляются, что Твардовский теперь ушел, а тому, как ему удавалось так долго находиться на посту главного редактора. «Ошибкой Твардовского было то, что с уходом Хрущева он не понял, что часы советской литературы переведены назад. Яростное сопротивление новым веяниям, в литературе особенно, стало нарастать после вторжения советских войск в Чехословакию».

Между тем было бы неверным утверждать, что Москва в те дни жила событиями вокруг журнала «Новый мир». Подавляющая часть москвичей была далека от баталий, которые бушевали в литературных кругах, людей одолевали обычные земные заботы: работа, семья, досуг. В кинотеатрах столицы в первой половине февраля состоялось несколько премьер, из которых отмечу лишь некоторые. Со 2-го начал демонстрироваться польский боевик «Волчье эхо», повествующий о борьбе польских сил госбезопасности с «лесными братьями» в 1945 году. Фильм пользовался огромным успехом, особенно среди детворы (я сам посмотрел его

несколько раз), после чего какое-то время в московских дворах играли не в «наших» и «фашистов», а в «наших» и «лесных братьев». 9-го состоялась премьера комедии Алексея Коренева (будущий создатель «Большой перемены») «Адам и Хева» с Фрунзе Мкртчяном и Екатериной Васильевой в главных ролях.

Телевидение премьерами в феврале зрителей не баловало, показывая старые и не очень картины: «Девять дней одного года» (2-го), «Первый троллейбус», «Путь в «Сатурн» (5-го), «Конец «Сатурна» (6-го), «День ангела», «Отец солдата» (7 февраля), «Ленин в Октябре» (13-го), «Тревожное утро», «Солдаты», «Выстрел в тумане» (14-го).

Не пустовали эстрадные подмостки столицы: 7—8-го — в Доме офицеров Академии им. Жуковского гастролировали Мария Лукач и Бедрос Киркоров (отец Филиппа Киркорова, которому в ту пору было почти три года); 8-го — в кинотеатре «Октябрь» пела Людмила Зыкина, а три дня спустя ее концерт состоялся на сцене Кремлевского дворца съездов; 11—12-го — столичный люд ломился на концерты популярного вокального квартета из Японии «Ройял Найтс» с певицей Тэруко Ооба; 12-го — в ЦДСА выступал Иосиф Кобзон.

Из пластинок, выпущенных в свет фирмой «Мелодия» в феврале, назову следующие. Диски-гиганты: «Поет Александр Вертинский» (13 песен и романсов); «Играет ВИА-66» (под управлением Юрия Саульского); гибкие пластинки: «Песни Александра Броневитского», куда вошли произведения в исполнении супруги автора Эдиты Пьехи: «Про любовь», «Это Рена», «Яблони», «Раз, только лишь раз»; «Поет ВИА «Орэра»; «Поет Френки Лайн» с песнями: «Пусть уходит», «Миражи», «Я буду ждать до смерти», «Серенада»; «Поет Энгельберт Хампердинк» с песнями: «Гордая Элен», «Место под солнцем», «Танцуй со мной», «Мы неразлучны».

В те дни центральные газеты были полны материалов о борьбе с пьянством. Об этом пишут «Правда», «Труд», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Литературная газета» и др. Как я уже упоминал, в Советском Союзе той поры пьянство считалось одной из самых серьезных проблем. И это при том, что по всем прогнозам с этим делом все должно было обстоять совершенно иначе. Казалось

бы, чего уж людям пить: царя сбросили более полувека назад, самую страшную войну выиграли, до коммунизма (по прогнозам Никиты Сергеевича Хрущева) жить оставалось каких-то десять лет, а нет — глушат люди горькую литрами, отчего и работа не спорится, и преступность растет.

Преступность в СССР действительно росла, и именно за счет так называемой «бытовухи», львиную долю которой составляли преступления, совершенные по пьяни. Взять тот же февраль 70-го. В одной Москве за месяц было совершено по пьяной лавочке около трех десятков различных преступлений: где-то пьяный муж порезал жену, в другом месте пьяные собутыльники раскроили друг другу головы, в третьем — пьяный водитель сбил пешехода и т. д. Та же картина наблюдалась и в других городах огромной страны. Опишу лишь один случай, когда в городе Ленинске-Кузнецком две пьяные женщины жестоко избили 10-летнюю девочку. Дело было так.

Две закадычные подруги (одной стукнуло 26 лет, другой — 31), по случаю свалившегося на их головы воскресенья (15 февраля), отметили это дело хорошей выпивкой. Затем, посидев дома, пошли проветриться. Погода в тот день стояла хорошая — несмотря на конец зимы, на улице было не слякотно и не шибко холодно. По этому случаю во многих дворах города вернувшаяся из школ детвора устроила массовые катания с ледяных гор. Пьяные подруги шли, шатаясь и громко распевая какую-то застольную песню, как вдруг услышали чей-то громкий разговор. Одна из девочек, катавшихся с горки, — это была Надя, которой по злой иронии судьбы в тот день исполнилось 10 лет, — сказала своей двоюродной сестренке Тане: «Смотри, какие песни пьяные тетеньки поют». Вроде бы невинная фраза, но страшно не понравилась. «А вы что, нас поили?» — повернулись они к девочкам.

Едва Надя попыталась что-то ответить женщинам, как они будто с цепи сорвались.

Побой, которые женщины нанесли девочке, были настолько серьезными, что той пришлось пробыть на больничной койке около месяца. Спрашивается, за что? Да, собственно, ни за что: просто двум пьяным женщинам захотелось покуражиться. Их потом судили, правда, нака-

зание назначили минимальное: одной дали 1,5 года исправительных работ, другой — год.

Однако вернемся к другим событиям февраля 70-го.

В понедельник, 16 февраля, на съемочной площадке фильма «Один из нас» впервые после долгого перерыва появился Георгий Юматов. Как мы помним, его выбила из съемочного процесса декабрьская автомобильная авария, после которой он получил повреждение позвоночника и вынужден был несколько недель провести в постели в специальном корсете. Именно в нем Юматов и появился на съемках 16 февраля. В тот день снимали эпизод, где его герой — советский разведчик Бирюков — на квартире фашистского агента (Игорь Дмитриев) проходит проверку — немцы хотят его завербовать. Съемки этого эпизода шли в течение трех дней. Однако 19 февраля работа вновь была прервана — сразу после съемок Юматов и Полока почувствовали себя неважно и объявили, что несколько следующих дней проведут дома в «горизонтальном» положении (съемки возобновятся 23 февраля).

Вообще тот четверг, 19 февраля, оказался богатым на события. Именно тогда было опубликовано официальное сообщение о том, что художественному руководителю эстрадного ансамбля «Дружба» Александру Броневицкому присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. Броневицкий, как мы помним, был мужем популярной певицы Эдиты Пьехи, причем мужем чрезвычайно ревнивым. Он ревновал ее не только к мужчинам, но порой и к тому феноменальному успеху, который она имела у слушателей. Когда осенью 69-го Пьехе присвоили звание заслуженной артистки РСФСР, Броневицкого это тоже ударило по самолюбию — он-то такого звания еще не имел. Однако в феврале 70-го статус-кво был восстановлен, и в звездном семействе на какое-то время установился мир.

Еще одно событие из разряда приятных произошло в тот день в редакции газеты «Комсомольская правда». Туда приехала творческая группа фильма «Белое солнце пустыни» во главе с режиссером Владимиром Мотылем и сценаристом Рустамом Ибрагимбековым, которая привезла свое творение для предварительного просмотра. Работа над фильмом была завершена примерно полгода назад, однако дорога к

зрителю у картины оказалась длинной. Какое-то время фильм мариновали, не решаясь выпускать в прокат накануне славной даты — 100-летия со дня рождения Ленина. Согласно легенде, все решил Брежнев, который поздней осенью 69-го у себя на даче посмотрел «Белое солнце...» и дал добро на его выход в прокат. Поэтому в «Комсомолку» создатели картины приехали, уже зная, что с марта их творение начнет демонстрироваться на экранах столицы и других городов страны.

В этот же день состоялся финальный матч по хоккею на Кубок СССР между двумя столичными командами: «Спартак» и «Динамо». Матч выдался на редкость интересным и завершился победой «Спартака» со счетом 2:1. Шайбы у победителей забросили А. Мыртынюк и В. Старшинов, у побежденных — А. Белоножкин. Победный состав «Спартака» выглядел так: вратарь — Александр Гysin; защитники — Валерий Кузьмин, Игорь Лапин, Алексей Макаров, Владимир Меринов, Владимир Мигунык, Евгений Паладьев; нападающие — Валентин Гуреев, Евгений Зимин, Константин Климов, Сергей Коротков, Геннадий Крылов, Владимир Марков, Александр Мартынюк, Анатолий Севидов, Вячеслав Старшинов, Владимир Шадрин, Александр Якушев, Виктор Ярославцев; тренер — Борис Майоров.

19 февраля в редакции журнала «Новый мир» разнеслась весть о том, что Брежнев дал добро на отставку Твардовского. Тот принял это известие спокойно. На следующий день, это была пятница, он приехал в «Новый мир», чтобы проститься с редакцией. Твардовский обошел все кабинеты и с каждым из сотрудников простился лично. Ходил он долго (его сопровождал Лакшин), больше часа, начав обход с четвертого этажа, с библиотеки и корректорской. После этой грустной процедуры все руководство журнала еще какое-то время просидело в кабинете Твардовского, после чего собрались и поехали на квартиру к Лакшину, где уже все было подготовлено к прощальному ужину. Во время застолья Дементьев внезапно выступил с неожиданным предложением: каждый год 20 февраля собираться за столом в таком же составе. Предложение было трогательным, и все тут же с ним согласилось. Однако никто из собравшихся не мог тогда предпо-

жить, что уже к первой годовщине этой даты среди них не будет главного виновника — Твардовского.

А вот событие из другого ряда: в тот день под Ленинградом состоялся обыск на даче Артура Сабониса. У этого молодого человека почти год назад при загадочных обстоятельствах погибли родители и пропала 11-летняя сестра Оля (подробно эта история будет описана в хронике за 1969 год). Поскольку пропавшую так и не нашли, а гибель родителей списали на самоубийство, никаких претензий к Артуру у правоохранительных органов не было. Но в начале 70-го вскрылись новые обстоятельства, которые и вынудили следствие заинтересоваться личностью Артура. Например, его молодая жена поведала сыщикам, что после смерти родителей ее муж весьма странно себя ведет: на людях разыгрывает печаль по поводу постигшей его утраты, а дома откровенно издевается над памятью покойных. По словам девушки, ни одного доброго слова об отце и матери она от него не слышала. Более того, она поведала потрясенным следователям, что в день похорон сын снял с лежавшего в гробу отца новый костюм и заменил его на старый. А новый на следующий день отнес в комиссионку.

Дальше — больше. Сняв со сберкнижек родителей большие суммы денег, Артур постоянно говорил, что у отца с матерью должны быть припрятаны еще наличные суммы. Он перевернул вверх дном весь дом в поисках этих денег, но так ничего и не обнаружил. А однажды Артур напугал жену до смерти. Приняв «лишнюю», он поведал супруге, что в смерти его сестренки виноват отец: это он задушил девочку, а тело закопал на даче в погребке. Когда на следующий день жена попыталась выяснить подробности этого жуткого рассказа, тот заявил... что ему это все приснилось.

Но чашу терпения молодой супруги переполнил другой случай. Артур предложил жене отравиться, оставив перед этим предсмертную записку. Он положил в ее бокал с шампанским большую дозу люминала и заставил выпить. Но она, несмотря на свое полувменяемое состояние, исхитрилась выплюнуть отраву в форточку, когда муж помчался вызывать «Скорую». Этот случай всерьез напугал девушку, и она решила заявить на мужа в милицию.

Сыщики перекопали весь погреб и почти на двухметровой глубине нашли то, что искали, — труп пропавшей девочки. Причем рядом с ним лежали мужские шорты, которые, по показаниям свидетелей, принадлежали Артуру. А в сарае сыщиков ждала еще одна находка: дневник Артура, в который он выписывал афоризмы. Сыщики обратили внимание, что среди сотни крылатых выражений не было ни одного доброго. А были, например, такие: «Деньги — это то, что есть у других и что нужно добыть мне». Или: «Отсутствие денег у людей — порок. Человек без денег — просто не человек», «Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их», «Мораль — это выдумка человека, а не вывод из его опыта» и т. д.

Днем 20 февраля Сабониса арестовали, а расследование этого дела поручили Главной военной прокуратуре. Оно попало в руки следователя по особо важным делам Сергея Громова. В тот же день он выехал в Ленинград, а сутки спустя провел первый допрос арестованного, на котором тот, естественно, свою вину в гибели родственников отрицал. Чтобы припереть его к стенке, потребуется еще не один день и даже не неделя. Но об этом чуть позже.

20 февраля Леонид Брежнев потерял одного из своих телохранителей, который погиб в результате несчастного случая. Дело было утром, после смены караула в Завидове. Сменившиеся возвращались в Москву в «ЗИЛе», как вдруг навстречу вылетела грузовая машина, за рулем был неопытный солдат-срочник. Водитель «ЗИЛа» от прямого столкновения ушел, но его автомобиль развернуло и ударило о трейлер. В машине было шестеро сотрудников «девятки», которые успели сгруппироваться и потому отделались только травмами. И только одному телохранителю — Владимиру Егорову — не повезло, поскольку в момент аварии он спал. В результате ему снесло череп. Было ему едва за тридцать.

Продолжается скандал вокруг спектакля «Таганки» «Берегите Ваши лица». Министр культуры РСФСР Мелентьев свое слово сдержал: эту проблему заставили утрясти столичный горком партии. 21 февраля там состоялось специальное заседание, на котором были приняты два решения: 1) спектакль закрыть, 2) начальнику Главного управления культуры испол-

кома Моссовета Родионову Б. объявить взыскание за безответственность и беспринципность. В Общий отдел ЦК КПСС была отправлена бумага следующего содержания:

«Московский театр драмы и комедии показал 7 и 10 февраля с. г. подготовленный им спектакль «Берегите Ваши лица» (автор А. Вознесенский, режиссер Ю. Любимов), имеющий серьезные идейные просчеты. В спектакле отсутствует классовый, конкретно-исторический подход к изображаемым явлениям, многие черты буржуазного образа жизни механически перенесены на советскую действительность. Постановка пронизана двусмысленностями и намеками, с помощью которых проповедуются чуждые идеи и взгляды (о «неудачах» советских ученых в освоении Луны, о перерождении социализма, о запутавшихся в жизни людях, не ведающих «где левые, где правые», по какому времени жить: московскому?). Актеры обращаются в зрительный зал с призывом: не молчать! Протестовать! Идти на плаху, как Пугачев! и т. д.

Как и в прежних постановках, главный режиссер театра Ю. Любимов в спектакле «Берегите Ваши лица» продолжает темы «конflikта» между властью и народом, властью и художником, при этом некоторые различные по своей социально-общественной сущности явления преподносятся вне времени и пространства, в результате чего смазываются социальные категории и оценки, искаженно трактуется прошлое и настоящее нашей страны.

Как правило, все спектакли этого театра представляют собой свободную композицию, что дает возможность главному режиссеру тенденциозно, с идейно неверных позиций подбирать материал, в том числе и из классических произведений...»

Между тем драматические события вокруг родного театра, кажется, мало волновали одного из его ведущих актеров — Владимира Высоцкого. Он в те дни утрясал свои личные проблемы, в частности, наконец-то оформил развод со своей бывшей женой Людмилой Абрамовой, с которой разошелся почти два года назад. Л. Абрамова вспоминает:

«Мы с Володей по-хорошему расстались... У нас не было никаких выяснений, объяснений, ссор. А потом подошел срок развода в суде. Это февраль семидесятого. Я лежала в больни-

це, но врач разрешил поехать. Я чувствовала себя уже неплохо. Приехали в суд. Через пять минут развелись... Время до ужина в больнице у меня было, и Володя позвал меня на квартиру Нины Максимовны (матери Высоцкого. — Ф. Р.). Я пошла. Володя пел, долго пел, чуть на спектакль не опоздал. А Нина Максимовна слышала, что он поет, и ждала на лестнице... Потом уже позвонила, потому что поняла — он может опоздать на спектакль.

Когда я ехала в суд, мне казалось, что это такие пустяки, что это так легко, что это уже так отсохло... (Высоцкий и Абрамова расстались еще осенью 68-го. — Ф. Р.) Если бы я сразу вернулась в больницу, так бы оно и было...»

И еще о Высоцком. В те дни режиссер Леонид Гайдай готовился к съемкам фильма «12 стульев» и настойчиво искал исполнителя на главную роль — Остапа Бендера. Пробовались 22 актера, среди которых были такие звезды, как Алексей Баталов, Александр Белявский, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Михаил Ножкин, Николай Губенко, Никита Михалков, Александр Лазарев и другие. Однако ни один из них так и не смог убедить Гайдаю, что Бендер — именно он (в порыве отчаяния он даже предлагал попробоваться на роль Остапа певцу Муслиму Магомаеву, но тот отказался, поскольку, во-первых, прекрасно знал свои возможности, а во-вторых — не любил бесмертное творение двух писателей).

Тем временем подготовительный период, отпущенный Гайдаю, заканчивался и надо было как-то определяться. В конце концов режиссер остановил свой выбор на Владимире Высоцком. Тот, не избалованный чрезмерным вниманием к себе киношных режиссеров (за 10 лет сыграл в кино всего лишь две главные роли, причем один фильм — «Интервенция» — до зрителей при его жизни так и не дошел), поначалу согласился, но потом внезапно передумал. В итоге в назначенное ему время он на «Мосфильм» не явился, а предпочел уйти с приятелями в загул. Гайдай в течение нескольких дней пытался обнаружить его следы, но всё было напрасно — Высоцкий как в воду канул. Тогда на роль Остапа был назначен «условный» исполнитель — Александр Белявский. Съемки с ним должны были начаться в марте.

Другой режиссер — Петр Тодоровский — с неменьшими сложностями снимает на Одесской киностудии свой очередной фильм — «Городской романс». Дело в том, что из-за сбоев в производстве ему пришлось трижды (!) переснимать отснятое. В первый раз фильм снимался на цветную пленку, но та оказалась полностью бракованной (импортная стоила дорого, поэтому приходилось обходиться отечественной, качество которой было низким), во второй раз сбой произошел уже с черно-белой пленкой. Эти два срыва поставили съемочную группу на грань катастрофы — зима кончалась, а ни одного зимнего эпизода, которых по сценарию было большинство, еще не было снято. Поэтому пришлось создавать чуть ли не искусственную зиму. Но тут киношников поджидала новая напасть.

Надо было снимать прогулку героев фильма (актеры Евгений Киндинов и Мария Леонидова, в будущем — Соломина) по зимнему городу. Но в назначенный день группа выехать не смогла из-за оплошности ассистента режиссера, который отправил запрос из Одессы (там снимался фильм) в Москву, но совсем в другой театр (вместо МХАТа, где работал Киндинов, в какой-то другой). Итог: Киндинов приехал на два дня позже. За это время снег почти сошел. Пришлось подтаскивать снег на съемочную площадку из других мест, где он еще не успел пожухнуть. Наконец дали команду «мотор». Но тут выяснилось, что грим у Киндинова наложен плохо. Стали звать гримера, а тот уже успел исчезнуть с площадки. Пока его искали, прошло еще часа два. Наконец все вроде бы уладили, вновь дали команду «мотор», но... теперь разъехались рельсы, по которым двигалась операторская тележка. Пока их укладывали заново, солнце успело уйти, а рассыпающийся снег пожух и посерел. Но, чтобы не запороть съемки окончательно, пришлось снимать эпизод в таком интерьере. Однако неприятности на этом не закончились.

Когда в понедельник киношники собрались снова, выяснилось, что весь отснятый материал заперт: кто-то из мастеров, обрабатывавших пленку, уходя домой на выходные, забыл отключить энергию от машины для промывки негатива. Представляете, что в такие минуты чувствуют люди, которым предстоит снимать

все заново? Вот и Тодоровский не сдержался, заявив в интервью «Советской культуры» следующее:

«Что мешает мне делать хорошие фильмы? Очень многое. Прежде всего явный недостаток в так называемом «среднем звене» настоящих профессионалов, людей, влюбленных в свое дело, людей-фанатиков, убежденных, что лучше, святее искусства кино нет ничего на свете. Таких специалистов на студиях становится все меньше и меньше. Да и откуда им взяться? Ведь такого рода работников мы берем, что называется, с улицы... Вот и бегают по студиям мальчишки и девочки, которым нужно «набрать» трудовой стаж для поступления в вуз...»

Правда, странно слышать такие слова в наши дни, когда российское кино находится чуть ли не в руинах? Но, как видим, и в начале 70-х проблем в нем было не меньше, хотя их присутствие не мешало появлению на свет прекрасных фильмов. Тот же «Городской романс» — фильм хороший, и описанные выше трудности, сопровождавшие его появление на свет, на экране почти не заметны.

И еще о кино. 21 февраля на «Мосфильме» начались павильонные съемки совместного советско-румынского фильма «Песни моря». Фильм снимал румынский режиссер Франциск Мунтяну, в главных ролях снимались звезда советского кинематографа Наталья Фатеева и звезда румынской эстрады певец Дан Спатару. Первое знакомство двух звезд произошло несколько месяцев назад — в конце ноября 69-го, — когда Фатеева впервые приехала на киностудию «Бухарест» для записи фонограмм к ленте. Тогда между нею и певцом пробежала первая романтическая искра. Теперь, когда Спатару приехал на павильонные съемки в Москву, из этой искры должно было возгореться пламя бурного романа. В те дни на «Мосфильме» снимали практически все павильонные эпизоды, кроме одного — эпизода в вагоне. Также был снят и эпизод на натуре: проезд Фатеевой и Спатару на русской тройке (он в картину так и не войдет).

24 февраля «Комсомольская правда» устами заслуженного мастера спорта, олимпийского чемпиона А. Вахонина больно задела восходящую звезду — штангиста Василия Алексеева. «В отместку?..» — так называлась заметка, в

которой ее автор выражал недоумение поведением Алексеева, который в ряде газетных интервью заявил, что своим успехом на помосте обязан одному человеку — тренеру Центрального совета ДСО «Труд» А. Чужину. «Однако почему же Алексей забыл упомянуть другого человека, — удивлялся Вахонин, — А. Плюкфельдера, у которого он тренировался до Чужина?» Объяснял эту метаморфозу Алексеева автор заметки следующим образом. «Характер у нашего тяжеловеса, по правде говоря, нелегкий. Особенно неприглядно он стал проявляться после того, как Василий «окреп», уверенней почувствовал себя на помосте... Штангисты вместе с тренером упрекали Алексеева за его невыдержанность. Несколько конфликтов такого рода случились и прошлым летом... Признать, казалось бы, человеку справедливую критику, на том и точку поставить. Ан нет! Алексей обиделся на Плюкфельдера, а в отместку назвал своим тренером... москвича А. Чужина.

Конечно, каждый спортсмен волен выбирать себе тренера. Однако руководствоваться мелкими обидами вряд ли стоит. Думаю, что после того, как В. Алексей «упорхнул», наша секция не оскудеет...»

И вновь перенесемся на съемочную площадку фильма про шпионов «Один из нас», который на «Мосфильме» снимает Геннадий Полока. 26 февраля киношники оккупировали ресторан гостиницы «Берлин», что напротив «Детского мира», чтобы отснять в нем эпизод встречи немецких агентов. Съемки в ресторане планировалось провести в течение двух-трех дней, но вмешались непредвиденные обстоятельства — внезапно заболела актриса Татьяна Конюхова, после чего съемки эпизода отложили до ее выздоровления.

В те дни из США в Москву вместе с семьей вернулся офицер КГБ Олег Калугин. Около пяти лет он трудился в резидентуре КГБ в Вашингтоне и вот теперь был отозван на родину, чтобы здесь занять должность заместителя начальника Второй службы (контрразведка). О. Калугин вспоминает:

«26 февраля вместе с дочерью и женой рейсом «Аэрофлота» я прибыл в Москву, а через два дня увидел своего нового начальника — полковника Виталия Боярова. К тому времени Григоренко уже переместился на должность

руководителя Второго Главного управления КГБ — контрразведки страны.

В те годы ПГУ размещалось на Лубянке, как и все основные подразделения центрального аппарата КГБ. В маленьких улочках и переулках, примыкающих к площади Дзержинского, имелось еще несколько зданий, также принадлежавших разведке. Для меня, почти двенадцать лет общавшегося с Центром главным образом «по переписке», все это было внове. Начался этап освоения премудростей бюрократической жизни.

Мой шеф произвел первоначально не самое лучшее впечатление. В его лице не хватало мягкости и доброжелательности. Он был агрессивен, напорист и безапелляционен. На фоне моих почти дружеских отношений с Соломатиным, Барковским и Ивановым Бояров выглядел как человек, с которым нелегко будет найти общий язык. Его заместители — мои коллеги — смотрелись еще хуже. Один, выходец из транспортного отдела, работавший когда-то во Франции, беспрестанно курил, матерился и доказывал всем, что они не умеют работать; другой был суматошлив и непоследователен в своих решениях, третий вообще ничем не выделялся. Оказавшись в этой когорте контрразведывательных асов моложе других лет на десять, я чувствовал на себе постоянно их насторженно-скептический, оценивающий взгляд...»

Пока Калугин дожидался приглашения на заседание коллегии КГБ, где предстояло утверждение его кандидатуры, на него внезапно вышел тогдашний начальник Девятого управления Сергей Антонов, с которым он был знаком еще с 58-го года, и предложил переговорить с ним о работе в правительственной охране в качестве начальника Первого отдела. При личной встрече Антонов сразу взял быка за рога и принялся рисовать перед Калугиным радужные перспективы. «Слушай, — сказал он командирским тоном, — ты же без кола без двора. Я навел справки: у тебя даже телефона нет. Приходи к нам, у меня Лев Бурдюков, ты его помнишь по Первому отделу. Дадим тебе самое крупное подразделение в «девятке». Там больше тысячи человек, агентурная работа. Тебе все это знакомо. Квартиру дам в лучшем в Москве доме, машина у подъезда, и кормежка по

первому классу. Через годик-два, глядишь, и на генерала потянешь. Давай, соглашайся».

Однако Калугин сердечно поблагодарил Антонова за доверие и заботу, но предложение отклонил сразу, сославшись на то, что все его документы уже в коллегии...

27 февраля в другом силовом ведомстве — МВД — состоялась коллегия, на которой произошло серьезное событие — смещение с поста министра внутренних дел Дагестана генерала В. Ф. Разуванова. Его обвинили в политической близорукости, развале работы в подведомственном ему учреждении, что привело к разгулу преступности в республике. Сам министр внутренних дел СССР Николай Щелокhov, обращаясь к Разуванову, сказал: «Как могло случиться, что вы оказались таким плохим политиком? Вы ведь работали в обкоме партии и первое время на должности министра тоже хорошо работали. Вы проработали в республике 15 лет. Почему так произошло, как получилось такое падение, почему мы должны снимать министра? А ведь можно было все поправить. И нам больно, что товарищ, который проработал столько лет в органах, не оправдал доверия и мы вынуждены снять этого товарища с должности министра внутренних дел».

Стоит отметить, что к началу 70-х криминогенная ситуация в СССР выглядит не столь благоприятно, как это рисовалось каких-нибудь восемь-девять лет назад, когда тогдашний руководитель страны Никита Хрущев обещал к 80-му году построить в стране коммунизм и вывести на корню последнего преступника. Теперь многим уже понятно, что эти прожекты если и претворятся в жизнь, то не в этом тысячелетии. А пока в стране все больше и больше расцветает взяточничество, растет количество тяжких преступлений, главным образом за счет так называемой «бытовухи». Вот почему власти так остро ставят вопрос борьбы с пьянством — по статистике именно любовь к «зеленому змию» толкает большинство сограждан на скользкую дорожку преступлений. В одной Москве «по пьяни» совершается более половины преступлений. Однако все равно до уровня западной преступности Советскому Союзу еще очень далеко. Взять, к примеру, США. Там только в 1968 году из огнестрельного оружия было

убито более 1000 человек, а всего в тот год в Америке было совершено 4,5 млн. преступлений. В Советском Союзе цифры значительно ниже: к примеру, счет погибших от огнестрельного оружия идет не на тысячи, а на сотни.

Примерно такая же картина и с организованной преступностью. 22 февраля в «Комсомольской правде» была опубликована статья В. Грибачева про американскую «козу ностру» под названием «Мясник в «Роллс-Ройсе». В ней сообщалось: «Американская мафия стала своего рода «инкубатором», из которого выходят политические деятели и блюстители порядка. Своих питомцев мафия ставит на ноги и не отпускает из-под назойливой опеки до конца их жизни...»

Чуть позже в той же «Комсомолке» будет помещена заметка Г. Гуркова «Перестрелка гангстеров», посвященная криминогенной ситуации в Западном Берлине. В ней автор расскажет о перестрелке между двумя бандитскими группировками, происшедшей в двух шагах от главной улицы города Курфюрстендамм. Итог боя — один убитый, трое раненых. На поле боя также были найдены немецкий автомат «вальтер», пистолеты «бернаделли» итальянского производства и испанская «астра». Здесь же автор сообщает, что поводом к перестрелке послужил конфликт между бандами по поводу дани, собираемой с владельцев ночных кабачков и торговцев наркотиками.

В Советском Союзе в те годы организованная преступность находилась в зачаточном состоянии. Такого количества преступных группировок, как теперь, тогда не могло быть, поскольку не было почвы для их возникновения — рыночных отношений. Вся злая жизнь Москвы была сосредоточена в центре города, и для того, чтобы контролировать эту часть города, хватало сил одной группировки. Этой группировкой была бауманская, и создавалась она еще в 60-е под патронажем воров в законе (совместно с бригадами из Днепропетровска, Тбилиси и Киева бауманцы контролировали и окраины, в частности — аэропорт Внуково). Сам я родился и вырос именно в Бауманском районе и хорошо помню разговоры старших пацанов о том, «как бауманские начистили рыло тем-то, кинули мильтонов (название «менты» тогда еще не практиковалось) там-

то». Большим подспорьем в деятельности этой группировки было то, что именно в Бауманском районе (на Большой Почтовой улице) в 60-е годы воздвигли дома для многодетных семей. Когда через несколько лет эти дети подросли, многие из них встали под знамена бауманских, сразу увеличив численность группировки на несколько десятков человек. Если учитывать, что почти все эти ребята были записаны в секции борьбы или бокса (я сам около года ходил на классическую борьбу в церквушку недалеко от метро «Бауманская»), то можно себе представить, какая серьезная сила была у бауманских. Кстати, и знаменитая банда Геннадия Карькова по прозвищу Монгол, куда, как мы помним, входил молодой Вячеслав Иванов (Япончик), одно время имела свою штаб-квартиру именно на Большой Почтовой улице. Но об этом стоит рассказать подробно.

Банда Монгола (он родился в 1930 году) появилась на свет в 1969 году, после того как Карьков, отсидев три года на зоне за кражу, приехал за лучшей долей в Москву (сам он был уроженцем Калужской области). Здесь он быстро сколотил банду из двадцати с лишним человек, костяк которой состоял из матерых рецидивистов. К примеру, один из бандитов по прозвищу Косой имел за плечами восемь (!) судимостей, другой — Сиська — пять, Муха — четыре, Жора, Галка, Миха — по три. Банда Монгола промышляла элементарным рэккетом, причем в жертвах у них ходили те, у кого рыльце было в пушку: наркоторговцы, скупщики-барыги, жулики-бармены, валютчики и т. д.

Иванкову в ту пору было 30 лет, и в тюрьме он еще ни разу не сидел. Однако в силу своего характера и, главное, ума (большинство членов банды имели 4—5 классов образования) авторитет среди подельников имел большой. Именно ему молва приписывает разработку и осуществление самых дерзких преступлений, совершенных бандой Монгола. По инициативе Япончика бандиты обзавелись двумя «Волгами» и грузовиком, включив в состав группировки двух таксистов и шофера ремстройконторы (кличка Золотой). Кроме этого, бандиты купили по знакомству две формы МВД — зеленую и милицейскую, после чего раздобыли и необходимые документы. При чем эту операцию провернул все тот же Ивань-

ков. Вместе с Жорой они познакомились на улице с сотрудником 128-го отделения милиции (обслуживал район Тушино) и уговорили его выпить на брудершафт в ресторане гостиницы «Северная». Там они подсыпали милиционеру в стакан с водкой снотворное и похитили у него документы.

Именно благодаря Иванькову банда заимела надежную блатхату на Большой Почтовой. Закадрив у ресторана «Узбекистан» 20-летнюю красотку Таню, специализирующуюся на торговле морфием, Иваньков вскоре привлек ее к делам банды, наградив кличкой Плутиха. Таня, как наверняка догадался читатель, жила как раз на Почтовой. Кстати, именно Плутиха стала наводчиком банды в наркосреде столицы. Однако о том, какие «подвиги» числились за бандой Монгола, мы поговорим чуть позже, а пока вернемся в конец февраля.

В те дни все центральные газеты были полны материалами о сионизме. Особенно актуальной эта тема стала после того, как премьер-министр Израиля Голда Меир заявила, что она будет добиваться переселения советских граждан еврейской национальности на землю обетованную. Мол, плохо живут советские евреи, отсюда и желание заступиться за них. Однако едва советская пресса донесла это заявление до своих граждан, как по всему Советскому Союзу стали устраиваться митинги протеста. Устраивали их по указанию сверху, однако в прессе об этом, естественно, не сообщалось, и все происходящее должно было выглядеть как волеизъявление народа. К примеру, 27 февраля в столице Еврейского автономного округа, в местном Дворце культуры, состоялось собрание трудящихся численностью около 600 человек под лозунгом «Позор провокаторам!». На нем один из ораторов заявил: «Мы еще раз заявляем категорически всем непрошеным ходатаям за судьбу советских евреев: наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик. Не сионистские «доброжелатели», а Советская власть избавила нас и наших сограждан от нищеты и бесправия, открыла двери к творческому труду, к науке, культуре и образованию...»

Между тем было бы неверным полагать, что все население огромной страны как один поддерживало все инспирируемые сверху мероприятия. В те годы даже школьники пре-

красно понимали, что с демократией в Советском Союзе дело «швах». Полная картина того, как относились люди в различных регионах страны к собственной власти, открылась только спустя десятилетия, когда были сняты запреты с архивов КГБ. Вот и мы сейчас заглянем в бумаги, датируемые февралем 70-го, и узнаем, кто такие «антисоветчики». В одной из них сообщалось:

«Управлением КГБ по Краснодарскому краю выявлен в городе Туапсе нелегальный «Клуб борьбы за демократию», состоящий из 14 человек, в основном учащихся 8-х — 9-х классов средней школы №3. Из них 7 членов ВЛКСМ... Участники «Клуба» выработали программу и устав, издавали рукописные журналы «Демократ» и «Русский современник», в которых помещали стихи и статьи, написанные членами «Клуба» на основе сообщений зарубежных радиостанций. Каждый из них дал клятву, имел псевдоним, членский билет, платил взносы.

В программе «Клуба» предусматривалось создание в стране партии «демократов» и завоевание власти, когда члены этой партии станут взрослыми. Ближайшей целью было изготовление и распространение антисоветских документов и вовлечение в организацию новых участников. Осуществляя эту программу, в декабре 1969 года к 90-летию со дня рождения Сталина учинили мелом на асфальте и заборах в различных местах города Туапсе надписи антисоветского содержания. В феврале 1970 года они от имени «Всероссийского союза демократов» изготовили более 40 листовок, содержащих призыв к свержению Советской власти и созданию нелегальных политических организаций, распространили их в Туапсе.

Все участники «Клуба борьбы за демократию» являются несовершеннолетними. В связи с этим принято решение, не привлекать их к уголовной ответственности, а ограничиться мероприятиями профилактического характера...»

На конец февраля выпало и завершение судебного процесса над видным правозащитником генералом Петром Григоренко. 27 февраля в Ташкенте суд признал его невменяемым и направил в спецпсихушку в Казани. Его жена написала открытое письмо, которое заканчивалось

словами: «Люди! Петру Григорьевичу Григоренко грозит смерть! Я обращаюсь ко всем демократическим организациям, защищающим права человека, и ко всем свободолюбивым гражданам мира! Помогите спасти моего мужа! Свобода каждого — это свобода всех!»

Однако письмо не возымело никакого действия, и Григоренко продолжал сидеть в психушке.

Во второй половине февраля в московских кинотеатрах прошли следующие премьеры. 17-го в прокат вышел фильм Леонида Головни «Эхо далеких снегов» с участием Армена Джигарханяна, Галины Яцкиной и др.; 21-го — «Яблоки 41-го года» Равиля Батырова с Н. Ра-

химовым в главной роли; «Это мгновение» Эмиля Лотяну; 27-го — «Балерина» с Майей Плисецкой и «Николай Сличенко» (понятно о ком).

Кино по ТВ: «Майор Вихрь» (18—20-го), «Человек с ружьем», «Семь стариков и одна девушка» (20-го), «Верные друзья», «Баллада о солдате» (23-го), «Человек-амфибия» (24-го), «Граф Монте-Кристо» (26—28-го), «Идиот» (27-го) и др.

Из театральных премьер и эстрадных представлений выделю по одному: «Конец книги шестой» в Театре имени Маяковского 21-го и концерт Майи Кристаллинской в ЦДСА 28-го.

1970 М А Р Т

Переход Александра Ширвиндта в Театр Сатиры. В подземке снимают кино. Последние дни Твардовского в «Новом мире». Высоцкий на дне рождения у Ии Саввиной. Поэма «Москва — Петушки» закончена. Все на защиту советских евреев! Очередное поражение фигуристов Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. Страсти по фильму «Пусть говорят». Валерий Леонтьев по прозвищу «воркутинский Рафаэль». Высоцкий в гостях у Хрущева. Съемки «12 стульев» начались с плохой приметы. Секретный приказ Андропова об уничтожении останков Гитлера. Брежнев усмирил Сулова. Наши ракетчики в войне Египта с Израилем. Личная жизнь Виктории Федоровой. Очередной поход Андрея Миронова в ЗАГС. Дебош на квартире Высоцкого. Судят Валерию Новодворскую. Нравы казанской психушки. Душегуб сознался. Съемки «12 стульев» остановлены. Цветы для жены первого силача мира Василия Алексеева. Леонид Зорин закончил «Медную бабушку». Кладоискателей подвела жадность. Пьяный скандал на чемпионате мира по хоккею. Гайдай находит Остапа Бендера. Как Высоцкий сжег диван. КГБ против Хрущева. Плевков Вацлава Недомански. Чего испугались академики. В Луганске объявился насильник. Шостакович лечится в Кургане. Неправедный суд по делу о покушении на Брежнева. Наши хоккеисты — чемпионы мира и Европы. Высоцкий в Ялте. Премьера фильма «Белое солнце пустыни».

1 марта актер Театра на Малой Бронной Александр Ширвиндт был зачислен в труппу Театра Сатиры и введен на роль графа Альмавивы в спектакле «Женитьба Фигаро». До этого роль с блеском исполнял Валентин Гафт, но ему пришлось уйти из театра, причем со скандалом. Дело было так. После одного из спектаклей главреж Валентин Плучек собрал всех участников в комнате отдыха и начал отчитывать актеров за какие-то ошибки, допущенные во время спектакля. Когда очередь дошла до Гафта, Плучек раздраженно произнес:

— Гафт, я не могу видеть, когда вы появляется на сцене. Вы играете графа, а ведете себя на сцене, как какой-то урка!

В отличие от коллег, которые стоически сносили претензии главрежа, Гафт не стал спускать режиссеру эту выходку и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. В тот же день он написал заявление об уходе и дал себе слово больше никогда не переступить порога этого театра. На какое-то время спектакль «Женитьба Фигаро» был снят с репертуара, пока Миро-

нову не удалось отыскать нового исполнителя на роль Альмавивы — Ширвиндта.

В ночь с 1 на 2 марта киношники из съемочной группы фильма «Один из нас» спустились в столичную подземку: на станции «Площадь Революции» они снимали эпизод встречи советского разведчика Бирюкова (Георгий Юматов) с немецкими агентами. Несмотря на то что Юматов чувствовал себя не слишком хорошо (на нем по-прежнему корсет, и он иногда поддает, чтобы снять боли в позвоночнике), эпизод удалось снять достаточно быстро. А в 6 утра метро уже открылось для обычных пассажиров.

Утром 2 марта Твардовский отправился на Старую площадь на прием к секретарю ЦК Петру Демичеву. Вернулся в журнал около двух часов дня в невеселом настроении. По словам А. Кондратовича:

«А. Т. разделся. Ничего не говорит. Попросил принести чаю. Потом, сидя в кресле, вздохнул, улыбнулся: «Да, вот так вот... Видимо, это последняя встреча и другой не будет». Ясно, что намекнул на вызов к Брежневу.

Потом он снова повторил почти эту же фразу и добавил, что Демичев сказал: он доложит о беседе Политбюро. «Конечно, они побоялись допустить меня к Брежневу. Вдруг там я выскажусь». Я почувствовал: он жалеет о том, что встреча не состоялась на самом вершине. Но что бы она дала? Ничего. Колесо повернулось, и кто знает, когда оно пойдет в обратную сторону...

— Вот говорят, что сняли Любимова (на самом деле этот слух окажется ложным — Ф. Р.). Вполне возможно. А зачем им театр, когда и балета достаточно.

Видно было, что А. Т. не хочет говорить о встрече. «По протоколу полагалось час. Просидели час. Идти на обострение я не хотел. Какая нужда...»

«Коснулись поэмы?» — спросил Хитров. «Да, поэмы коснулись. Но тоже как-то так, что ничего не поймешь... Он говорит мне: «Ходит слух, в том числе в партийном аппарате, что вас сняли за то, что вы якобы передали свою поэму за границу». Утешает меня: «Ну, это ерунда. Мы никого в этом не обвиняем, а уж вас-то тем более...»

Вечером Би-би-си передало, что вышел №1 «Нового мира», подписанный снятыми членами редколлегии и А. Т. «Но, видимо, №2 выйдет уже без их подписей. Твардовский остается номинальным редактором журнала». Все знают...

В этот же день вечером актриса Ия Саввина собрала у себя дома гостей, в компании которых она решила отметить свой 34-й день рождения. Среди приглашенных были: Владимир Высоцкий, кинорежиссер Герман Климов (брат Элема Климова) и др.

Вспоминает Г. Климов: «Гостей было немного, сидели очень тепло и, что называется, душевно. Володя Высоцкий был в ударе, пел часа три, но не подряд, а с перерывами, с разговорами, то включая, то выключая свое высокое напряжение. И опять была эта магия и страх, что у него вот-вот порвутся жилы, порвется голос. Он был как-то особенно возбужден, и вскоре выяснилось почему: он придумал свою концепцию «Гамлета» и в конце вечера начал очень увлеченно и подробно ее рассказывать — это был моноспектакль. Краем глаза я отметил, что кто-то пишет на магнитофон, но кто — сейчас не помню. Рассказ был

долгий, час поздний, стол начал разбиваться на фракции, а потом и редеть. Володя прощался, почти не прерывая рассказа, и продолжал свой монолог на той же высокой ноте озарения. Видно было, что этот будущий спектакль — главное его дело. На вопрос «когда?» он усмехнулся: придумать-то придумал, но теперь предстоит самое сложное — убедить Юрия Петровича, что придумал это сам Юрий Петрович. Только тогда он увлечется постановкой.

Мы договорились работать этой ночью, куда-то ехать, однако сильно пересидели всех гостей и вышли на улицу в четвертом часу. Помню долгое ожидание такси и долгую поездку через всю заснеженную Москву. Говорили о спорте, о сценарии, Володя сказал, что тоже пишет сценарий — судя по его рассказу, это должен быть весьма хитроумный психологический детектив, действие которого происходит в поезде, — он был увлечен им так же, как и песнями, которые тогда у него были в работе. Они еще не сложились в стихи, ясна была лишь их концепция, которую он и излагал сжатой прозой. Один такой замысел ему самому очень нравился — на ту же тему, что и песня Ножкина «А на кладбище все спокойненько...», впрочем, и песня почти готова. Снова заговорили о Таганке, о знаковых актерах. Внезапно он погрузился, замолчал и отвернулся к окну машины. Устал, решил я, мыслимое ли это дело — быть в таком напряжении столько часов.

— Знаешь, — сказал он, — а ведь по-настоящему друзей у меня нет...

Мы виделись еще не раз, но запомнился почему-то этот его голос, боль, с которой это было сказано, запомнился грустный его профиль на фоне темной, тихой, скользкой мимо Москвы...

3 марта Венедикт Ерофеев закончил поэму «Москва — Петушки», прекрасно понимая, что ни одно советское издательство не посмеет его напечатать. Поэме суждено будет распространяться по стране в «самиздате».

На следующий день в столичном Доме дружбы состоялась пресс-конференция для советских и иностранных корреспондентов по вопросам, относящимся к положению на Ближнем Востоке. На вопросы журналистов отвечали: депутат Верховного Совета СССР В. Дымшиц, актеры Аркадий Райкин, Элина Быстрицкая, генерал танковых войск Давид Драгунский и др.

Суть всех ответов сводилась к одному: евреям в Советском Союзе живется хорошо. Вот, к примеру, что рассказал председатель колхоза «Дружба народов» в Крыму И. Егудин:

«Недавно наш колхоз посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. У меня, в еврейском доме, за еврейским столом, обедал Генеральный секретарь Центрального Комитета нашей партии. Когда, где, в какой стране это возможно? В моем доме был первый заместитель Председателя Совета министров Дмитрий Степанович Полянский. Недавно мы принимали у себя Председателя Совета министров РСФСР Геннадия Ивановича Воронова. Побывал у нас гость из Швеции — Эрландер. С ним приезжало 40 корреспондентов, и вы можете спросить у них о нашей жизни. Нам прекрасно живется в нашей стране, и мы никуда не поедем...»

В начале марта в югославском городе Любляна проходил очередной чемпионат мира по фигурному катанию. И опять «старикам» Людмиле Белоусовой и Олегу Протопопову не повезло — молодежь их обставила. Чемпионские звания в обязательной программе завоевали Ирина Роднина и Алексей Уланов, «серебро» досталось Людмиле Смирновой и Андрею Сурайкину, «бронза» — восточным немцам Х. Вольтер-Штайнер и Х. Ульриху Вольтеру. В танцах на льду впервые победили Людмила Пахомова и Александр Горшков. Татьяна Войтюк и Вячеслав Жигалов заняли четвертое место. Как будет вспоминать позднее И. Роднина:

«После нашей победы на чемпионате мира в раздевалке стояла гнетущая тишина. Протопопов сидел с поникшей головой. Мы влетели туда, сняли коньки, набросили пальто и побежали в гостиницу, где нас встречали с цветами и бутылкой вина ее хозяева. Выпили и легли спать. А на следующий день пришла телеграмма из Госкомспорта. В ней сообщалось, что нам с Улановым присвоили звание заслуженных мастеров спорта. А я тогда даже звания мастера еще не имела! Эта победа была лучшим подарком для нашего наставника Станислава Жука, которого тогда даже не включили в команду...»

Между тем победа наших фигуристов стала достойным подарком советским женщинам в преддверии праздника 8 Марта, который по традиции с большой помпой отмечался в Советском Союзе. Накануне этого дня в Кремле

обычно собирался весь политический и культурный бомонд страны: сначала проходило торжественное собрание, после которого почти три часа шел праздничный концерт с участием звезд эстрады, балета, классической музыки.

В праздничный день 8 Марта в большинстве увеселительных заведений столицы, где собиралась самая разношерстная публика — ресторанах ВТО, Дома литераторов, Дома композиторов («Балалайка»), Дома журналистов и т. д., — устраивались шумные тусовки с участием артистов разных жанров. Вот и в Доме кино состоялся концерт, на который в качестве зрителей пришли многие тогдашние звезды кино и театра. Были там и две семейные пары: Наталья Фатеева — Борис Егоров и Наталья Кустинская со своим супругом. После концерта они вчетвером зашли в ресторан, где отпраздновали Международный женский день. Внешне все выглядело вполне обычно, и ничто не предвещало тех крутых изменений, которые в скором времени произойдут в обеих семьях.

Столичный кинопрокат приготовил женщинам свой подарок: с 8 Марта в кинотеатрах начал демонстрироваться аргентинский блокбастер «Пусть говорят», где главную роль исполнял испанский певец Рафаэль (полное имя Мигель Рафаэль Мартос Санчес). Ажиотаж вокруг фильма был настолько сильным, что очереди в кассу выстраивались километровой. Среди счастливиц, кому удалось попасть на фильм в те премьерные дни, оказался и ваш покорный слуга: моя родная тетя каким-то образом раздобыла два билета в кинотеатр «Родина». Помню, сам сюжет (чрезмерно сентиментальный: о том, как младший брат ищет своего непутевого старшего брата) не произвел на меня особого впечатления, а вот песни в исполнении Рафаэля понравились. Я даже потом гибкую пластинку с песнями из фильма купил в магазине «Грамзаписи» за 60 копеек (из четырех песен, представленных на миньоне, больше всего мне нравились две: «Пусть говорят» и «Пусть будет, что будет»).

Между тем отечественная пресса «Пусть говорят» ругала. Например, в «Комсомольской правде» М. Кваснецкая так отзывалась об этом кинобестселлере: «Инженер Владимир П. пишет о фильме «Пусть говорят»: «Вот это настоящий фильм. Смотришь и получаешь удовольствие. Ничего тебе не напоминает о будничных делах,

как в наших фильмах. Никто тебя не учит жить. Никаких сложностей, над которыми нужно задуматься, понимать. Ты просто отдыхаешь. Без всяких проблем и непонятных исканий». Именно такой ленивый, нелюбопытный зритель внушает наибольшие опасения.

Известно, что «ничейное пространство» всегда захватывается киномакулатурой. Нашей или зарубежной. А фальшивое искусство притупляет вкус, формирует ложные критерии, дезориентирует зрителя в его поисках духовных ценностей. И приходится ли тогда удивляться, что фильмы «Пусть говорят», «Черный тюльпан», «Белые волки» (о нем речь еще впереди. — Ф. Р.) становятся для людей неискушенных эталоном прекрасного».

Кстати, песни из фильма «Пусть говорят» помогли сделать карьеру многим будущим звездам отечественной эстрады, например, Валерию Леонтьеву. Он тогда жил у старшей сестры в Воркуте, работал лаборантом в НИИ оснований и подземных сооружений и учился на вечернем отделении воркутинского филиала Ленинградского горного института. А все свободное время Леонтьев посвящал художественной самодеятельности: играл в народном театре, пел на сцене Дворца культуры. Основу репертуара Леонтьева в те годы как раз и составили песни из фильма «Пусть говорят», за что поклонники его прозвали «воркутинский Рафаэль».

Но вернемся в столицу. Раз уж речь зашла о кинопремьерах, назову еще несколько новых фильмов, которые вышли на экраны в те дни. Так, со 2 марта в кинотеатрах начали демонстрировать фильм Надежды Кошеверовой «**Старая, старая сказка**» с Олегом Далем и Мариной Нееловой в главных ролях; с 10-го сразу два фильма из Средней Азии: узбекская мелодрама «**Улица тринадцати тополей**» Виктора Иванова (пятью годами ранее снял комедию «Ключи от неба») и Абрама Народицкого и таджикский боевик про борьбу с басмачами «**Встреча у старой мечети**» Сухбата Хамидова. Главную женскую роль в последнем сыграла актриса Александра Завьялова, в последний раз потрясшая зрителей своей игрой десять лет назад, снявшись в фильме «Алешкина любовь» (лучший фильм актрисы — «Тени исчезают в полдень» — еще не вышел). В эти же дни в прокат вышел фильм Якова Базеляна «**Тренер**» с очень попу-

лярным тогда молодым актером Валерием Рыжаковым в главной роли.

Кино по ТВ: «Садко» (1-го), «Варькина земля» (премьера т/ф, 2 — 5-го), «Анна на шее» (4-го), «Его звали Роберт» (6-го), «Дикий мед» (7-го), «Без борьбы нет победы» (ГДР, премьера т/ф 9 — 12-го), «Ленин в 1918 году», «Трактористы» (13-го), «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Взорванный ад» (14-го) и др.

Из театральных премьер первой половины марта выделю две: 3-го в Театре имени Ермоловой был показан спектакль «**Обыкновенный человек**»; 7-го в Малом театре — «**Так и будет**» К. Симонова.

Между тем в начале марта Владимир Высоцкий побывал в гостях у бывшего главы Советского государства, а ныне пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева. По словам друга Высоцкого Давида Карапетяна, идея навестить бывшего небожителя пришла Высоцкому неожиданно: он заехал к приятелю домой и, будучи навеселе, предложил рвануть к Хрущеву. Самолитно позвонил по телефону внучке Никиты Сергеевича Юлии и стал уговаривать ее устроить ему такую встречу немедленно. А поскольку Высоцкий умел уломать кого угодно, девушка согласилась. Через полчаса они с приятелем были у Юлии на Кутузовском проспекте, откуда та позвонила деду и предупредила, что выезжает к нему с друзьями (при этом она выдала их за актеров «Современника»). Еще через час они были на даче Хрущева в Петрово-Дальнем.

Эта встреча длилась несколько часов. Высоцкий просил Хрущева посодействовать ему в выборе кого-нибудь из членов Политбюро, кто мог бы помочь ему в его песенном творчестве. Так и сказал: «Песни мои ругают, выступать не дают, на каждом шагу ставят палки в колеса. А люди хотят слушать мои песни. К кому из руководства мне лучше всего обратиться?» Хрущев был поставлен в непростое положение, поскольку вот уже шесть лет, как ушел из власти. Но все же одну кандидатуру он назвал — секретаря ЦК КПСС Петра Демичева, который из всего руководства был самым «молодым».

Спустя какое-то время хозяин пригласил гостей за стол. Высоцкий довольно бесцеремонно спросил: «Никита Сергеевич, а у вас не найдется чего-нибудь выпить?» Хрущев извлек

из шкафчика бутылку «Московской особой». При этом сам от выпивки отказался: мол, врачи не разрешают. Поэтому бутылку гости «приговорили» на двоих. После чего беседа полилась пуще прежнего. Говорили в основном о политике: о Сталине, Берии, десталинизации. Хрущев рассказывал настолько интересные вещи, что Высоцкий не сдержался: «Никита Сергеевич, и почему вы не напишете мемуары?» На что Хрущев резонно заметил: «А вы мне можете назвать издательство, которое бы их напечатало?» Высоцкий осекся: сам был точно в такой же ситуации, что и Хрущев.

Вспоминает Д. Карапетян: «Володя вел себя так, как будто рядом с ним сидел не бывший руководитель страны, а обыкновенный пенсионер. Он не испытывал какого-то пиетета или трепета по отношению к Хрущеву, скорее — снисходительность. Было видно, что Высоцкий отдает ему должное, но в то же время за его словами как бы стояло: «Как же это вы прозевали, и мы опять в это дерьмо окунулись?»

Мне показалось, что Никита Сергеевич уже был как бы в отключке от общественной ситуации, у него было совершенно другое состояние — что-то типа прострации. Нужно учесть и его возраст — ему было тогда 76 лет: он выглядел окончательно разуверившимся в «предустановленной гармонии», одряхлевшим Кандидом, который на склоне лет принялся «возделывать свой сад». О событиях своей жизни он говорил без сопереживания, как о чем-то фатальном. Живая обида чувствовалась только в его словах относительно «хрущоб»: «Я же пытался сделать людям лучше... где же благодарность людская?.. Подняли их из дерьма, и они же еще обзывают». И, пожалуй, в его рассказе о «заговоре» тоже звучало живое недоумение по поводу собственной близорукости...»

10 марта в шестом павильоне «Мосфильма» царил праздничное настроение — режиссер Леонид Гайдай приступал к экранизации бессмертных «12 стульев». По этому случаю, как заведено в киношной среде, режиссером должен был быть проведен торжественный ритуал — разбивание об пол тарелки. Однако ритуал хоть и был исполнен, но наполовину: тарелка с первого раза не разбилась. По всем приметам, это был плохой знак. Гайдай тогда здорово расстроился и на все заверения своих коллег, что все обойдется, отвечал: «Нет, я чувствую,

что это неспроста. Мы еще хлебом горя на съемках». Его предположения полностью подтверждаются, однако чуть позже. А пока группа приступила к съемкам. В роли Остапа Бендера, как мы помним, снимается «условный» исполнитель — Александр Белявский.

А вот на съемках другой мосфильмовской ленты — «Один из нас» — опять простой. Он начался 12 марта, после того как стало известно, что из творческого процесса выбыли два главных исполнителя: режиссер Геннадий Полока и актер Георгий Юматов. По студии ходят слухи, что оба то ли запили, то ли простудились во время последних съемок (простой продлится до 23 марта).

Между тем в эти же дни в Кремле внезапно озаботились... останками Гитлера. Дело в том, что территория военного городка в Магдебурге, где в феврале 46-го были захоронены трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей (всего 10 трупов), переходила под юрисдикцию немецких властей, в связи с чем возникала опасность обнаружения этих останков. Поэтому шеф КГБ Юрий Андропов предлагал руководству ЦК произвести эксгумацию и сожжение останков. Указанное мероприятие нужно было провести строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ 3-й армии ГСВГ и задокументировать. В ЦК КПСС противников этого предложения не нашлось, и вскоре была проведена акция по уничтожению упомянутых останков. Однако об этом речь впереди.

В тот день, когда была написана докладная Андропова, Генерального секретаря ЦК КПСС в Москве не было. Его тогда мало интересовала судьба останков Гитлера, поскольку он был озабочен собственной судьбой. Как мы помним, на него всерьез наехал главный идеолог Михаил Суслов с группой товарищей, недовольные тем, что Брежнев позволил себе излишнюю самостоятельность — выступил с критическим докладом на декабрьском пленуме ЦК, не поставив об этом в известность членов Политбюро. В итоге Суслов и К° собирались прошерстить Брежнева на мартовском пленуме ЦК, чего он, естественно, не хотел. Видимо, понимал, что случись подобное, и его дни на посту генсека будут сочтены. В этой ситуации от Брежнева требовался максимум выдержки и какой-нибудь хитрый и неординарный ход, ко-

того противники от него не ожидали. И Брежнев (то ли сам, то ли с подачи своих ближайших помощников) такой ход придумал. Он отложил на неопределенный срок пленум и отправился в Белоруссию, где с конца февраля под руководством министра обороны СССР Андрея Гречко проводились военные учения «Двина». Ни один из членов Политбюро не сопровождал генсека в этой поездке, более того, многие из них, видимо, и не подозревали, что он туда уехал.

Брежнев приехал в Минск 13 марта и в тот же день встретился на одном из правительственных объектов, принадлежащих Министерству обороны, с Гречко и приближенными к нему генералами. О чем они беседовали в течение нескольких часов, неизвестно, но можно предположить, что генсек просил у военных поддержки в своем противостоянии Суслову и К°. Поскольку Гречко, да и все остальные военачальники, давно недолюбливали «серого кардинала» Суслова, такую поддержку Брежнев быстро получил. Окрыленный этим, он через несколько дней вернулся в Москву, где его с нетерпением дожидались члены Политбюро, уже прознавшие, где все это время пропадал их генеральный. На первом же, после своего приезда в Москву, заседании Политбюро Брежнев ознакомил соратников с итогами своей поездки в Белоруссию, причем выглядел он при этом столь уверенным и решительным, что все поняли — Суслов проиграл. И действительно: вскоре Суслов, Шелепин и Мазуров «отозвали» свою злополучную записку, и она нигде не обсуждалась. Главный идеолог страны признал свое поражение и с этого момента нацелил весь аппарат подведомственной ему пропаганды на восхваление «выдающегося борца за мир Леонида Ильича Брежнева». Однако эта паточка польется со страниц газет чуть позже, а пока мы вернемся в середину марта 70-го.

Примерно в это же время из Советского Союза в далекий Египет прибыли наши ракетчики, которым предстояло выполнять интернациональный долг — защищать египетское небо от налетов израильской авиации. Вот уже в течение нескольких месяцев израильтяне наносили ракетно-бомбовые удары по пригородам Каира, другим населенным пунктам ОАР, не считаясь с решением Совета Безопасности ООН. Самым кровавым был налет 12 февраля

на металлургический комбинат в Хелуане, где погибли восемьдесят рабочих и более ста человек получили ранения. Жертвами других налетов стали и арабские школьники — тридцать один убит и сорок шесть тяжело ранены. В это же время израильская авиация нанесла ряд ударов по средствам ПВО египетской армии. Тогда-то по просьбе правительства ОАР Советский Союз протянул руку помощи арабскому народу. В феврале была сформирована часть противоздушной обороны особого назначения, которая в марте была переброшена в ОАР. Все делалось в обстановке строгой секретности. Вспоминает участник тех событий командир зенитного ракетного дивизиона К. Попов:

«Командировка в Египет началась для меня с приезда в дивизион (служили мы тогда в Московском округе ПВО) Бориса Ивановича Жайворонка. Однажды он говорит: формируется часть для подготовки военнослужащих ОАР в СССР. Предстоит командировка на полигон, нужны грамотные специалисты. Прибыли на полигон и действительно вначале готовили арабских ракетчиков. Долгое время факт предстоящей командировки в Египет держался в тайне. Помню, прошли медкомиссию на предмет службы в местности с жарким сухим климатом. Кто-то высказал мысль — поедем во Вьетнам (он тогда отражал американскую агрессию). Подняли справочники — сухого климата нет ни на севере, ни на юге. Поняли, стрелка клонит на Африканский континент. Нам сообщили о том, что командир емся для оказания интернациональной помощи в Египет, за 15 дней до отъезда. Пролетели эти дни в напряженнейших тренировках. А затем железнодорожным транспортом до черноморских портов — и в Александрию.

В Александрии за ночь транспорт был разгружен. Технику дивизиона перекрасили в желтый, а точнее, в песчаный цвет, погрузили на тягачи. Сами переоделись в такого же цвета форму. Делалось это просто. Каждому специалисту вручили по мешку, где лежало обмундирование без погон, полотенце, столовый прибор, сухой паек...

Глянуло солнце, и мы не узнали самих себя... Непривычная для глаза горящая желтизной техника, мы в странной форме. Все это, а также египетские военнослужащие с оружием на дорогах отчетливо говорило: мы прибыли в

страну, ведущую войну. Совершив марш, заняли огневые позиции и были готовы к отражению воздушных налетов противника...»

О своих первых впечатлениях на египетской земле рассказывает еще один участник тех событий — Б. Жайворонок: «Прибыли в Египет весной, когда подул хамсин. Хамсин — по-арабски «пятьдесят». То есть столько примерно дней с небольшими перерывами свирепствует пыльная буря. Адская жара и песок, бьющий в лицо, вызывают слабость, повышают раздражаемость. Скачет давление, скачет сердце. Со временем акклиматизировались, однако до конца так и не смогли привыкнуть. И сейчас вспоминается хрустящий песок: на зубах, в каше, компоте...»

Советские люди знают из газет о том, что происходит в Египте, однако и слухом не слыхивали про то, что туда отправились с интернациональной миссией воины их страны. Это было тайной за семью печатями всю египетскую кампанию.

В субботу, 14 марта, несколько «новомирцев» решили навестить своего бывшего шефа Твардовского, который вот уже несколько дней безвылазно сидел у себя на даче. Один из участников той поездки А. Кондратович вспоминает:

«Поехали втроем — Хитров, Виноградов и я. Сеялся мелкий снежок. Было тихо... Говорили о многом, и я без системы запишу то, что сказал А. Т.

— Хорошо говорил о письме трех Анатолий Максимович Гольдберг. Сейчас за граница гудит о письме Сулова, Шелепина и Мазурова, которое они якобы подписали с критикой экономики страны, оказавшейся из-за неумелого руководства Брежнева и Косыгина в плачевном состоянии (как выяснится позднее, и мы об этом уже знаем, суть событий была как раз в обратном: Брежнев выступал с критикой экономики, а не Сулов и К°). Наш МИД вчера опроверг это...

...Все дело в том, что в Советском Союзе ничего не говорится о разногласиях в верхах. А ведь нет такого правительства, как он сказал, где не было бы никогда никаких разногласий. У нас нет гласности — вот во что упирается все дело. А ее не будет и при смене высшего руководства. Я Сулова знаю. «Новый мир» он не любит...

...Куда мы идем, никто не знает. Знаю только одно — хорошего не будет. Экономике резолюциями не спасешь. Единственная возможность спасти положение — это открыть все шлюзы для гласности, для откровенного разговора. Но именно этого они и не могут сделать. Потому что, если бы они думали иначе, они бы не ликвидировали «Новый мир», а, наоборот, поддержали его.

...Вообще впереди много трудного, мне это ясно. Ясно, что как раз самые большие трудности еще впереди, а все-таки есть необратимые вещи, и как говорят, а все-таки она вертится. Не могут они уже многого вернуть при всем желании. Вы думаете, Брежнев не хотелось бы вернуть страх? Хотелось бы. Но он этого не может. Правление Санчо Пансы (так он называет Хрущева), каким бы оно ни было, привело к переменам необратимым, к процессам неостановимым, хотя их и пытаются заморозить, обратить жизнь вспять. Но на этом рано или поздно они голову сломают...»

14 марта в «Комсомольской правде» было напечатано интервью с популярной киноактрисой Викторией Федоровой (дочерью Зои Федоровой). В нем актриса в основном делилась с читателями впечатлениями о своих прошлых ролях, рассказывала о своих планах на будущее. Ни слова о своей личной жизни она не сказала. Между тем ей было что рассказать. Широкий читатель практически не знал о том, что ее отец — дипломат Джексон Тэйт — еще до рождения дочери (в конце 40-х) был вынужден вернуться в Америку и с тех пор ничего не знал о ее судьбе. Став взрослой, Виктория несколько раз пыталась установить с ним контакт, однако у нее ничего не получалось: обращаться за помощью к властям в таком деле по тем временам было бы наивно, тем более было опасно обращаться с такой просьбой к иностранцам.

За несколько месяцев до своего интервью «Комсомолке» Виктория развелась со своим первым мужем — сценаристом Ираклием, с которым она познакомилась еще в середине 60-х во время учебы во ВГИКе. Теперь же она жила с 30-летним архитектором по имени Сергей. Этот человек произвел на нее впечатление прежде всего своим умом и образованностью. Сергей владел немецким и английским языками так же свободно, как и русским, был хорошо

начитан. Но, главное, в период ухаживаний за ней он был очень внимателен и нежен. Виктория жила с ним, даже не помышляя отправиться в загс, поскольку предыдущее неудачное замужество вселило в нее панический страх перед этой процедурой. И хотя она переехала к Сергею в его шестикомнатную (!) квартиру, где он жил вдвоем с матерью, она решительно заявила, что оформлять брак не желает. Правда, затем уточнила: мол, пока не желает, поскольку ей необходимо время, чтобы забыть прошлое замужество. Ничего этого, естественно, в ее интервью в «Комсомолке» не было, да и быть не могло — не те времена стояли тогда на дворе, чтобы личная жизнь звезды нашла свое отражение на газетных страницах.

Стоит отметить, что в этом же номере «Комсомолки» была помещена большая статья о престарелом диктаторе Португалии Салазаре. Статья была озаглавлена весьма хлестко — «Живой труп». Пройдет всего лишь семь-восемь лет, и статьи с подобными заголовками надолго исчезнут со страниц советских изданий, поскольку у нас появится свой «живой труп» — Брежнев.

И еще одно событие произошло 14 марта: в Стокгольме открылся очередной чемпионат мира по хоккею. Впервые за многие годы он проходил без участия сборной Канады, которая, как мы помним, еще в январе отказалась туда приехать. Однако даже в отсутствие канадцев тот чемпионат выдался на редкость интересным и напряженным. Советское телевидение транслировало наиболее интересные матчи, включая и открытие турнира (14 марта, первая программа, 17.45 по московскому времени). А почти за четыре часа до этого по ТВ транслировался первый матч нашей сборной с командой Финляндии (14.00). В упорной борьбе победу одержала наша сборная — 2:1.

В тот же день Шостакович, находящийся на лечении в Кургане, пишет письмо Козинцеву в Ленинград (тот в те дни лежит дома с гриппом), в котором сообщает: фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» наконец-то посмотрел. Впечатление — потрясающее. «Несомненно, А. А. Тарковский обладает выдающимся талантом, — пишет Шостакович. — Это явление великое, и, несомненно, так будут думать все, кому дорого настоящее искусство и кому дорога Россия...»

Стоит отметить, что незадолго до этого Тарковский написал письмо самому Брежневу с просьбой посодействовать в выпуске многострадального «Рублева» на широкий экран (фильм был закончен еще в 1966 году, но Госкино запретило его прокат). К сожалению, это послание не возымело никакого действия — фильм продолжали мариновать на полке.

В эти же дни не менее драматические события разворачиваются на личном фронте у Андрея Миронова. Некоторое время назад Татьяна Егорова после болезни возобновила работу в Театре Сатиры, однако ему это возвращение ничего, кроме мук, не приносит. Татьяна активно избегает его везде, где бы он ни появлялся: за кулисами, в буфете, на улице. Миронова это тяготит, и он ищет случай, чтобы объясниться с нею. В один из выходных в театре (этот день выпадал на четверг) он приезжает к ней в Трубниковский, но она не желает ничего ему объяснять — наспех одевается и выбегает на улицу. Миронов устремляется в погоню. Она успевает заскочить в уходящий троллейбус, а он ловит такси и мчится следом. На одной из остановок ему вроде бы удастся настичь Татьяну: он вбегает в заднюю дверцу троллейбуса, но она выскакивает в переднюю дверь. Но он не сдаётся, заставляет водителя остановить машину и открыть дверь. В итоге Миронов ее все-таки настигает.

— Я не могу больше бегать за тобой, не могу видеть, как ты меня не замечаешь, — говорит он, хватая ее за локоть. — Поѐдем, подадим заявление.

Не медля больше ни секунды, Миронов вновь ловит такси и везет Егорову в загс, что на Хорошевском шоссе.

Поскольку всего каких-то несколько месяцев назад они уже были там с аналогичной целью, но на регистрацию так и не явились, работница загса недоумевает:

— Опять пришли? В том же составе! Прямо театр какой-то!

Однако заявление она все-таки приняла, назначив регистрацию на 15 апреля.

Поистине шекспировские страсти разгораются в доме Владимира Высоцкого. Вот уже почти три месяца у него гостит жена — Марина Влади, гостила бы и дольше, если бы не очередной срыв Высоцкого. Актер хотел выпить, но она вырвала у него из рук бутылку и вылила

содержимое в раковину. Это настолько возмутило Высоцкого, что он устроил дебош. О результатах можно судить по рассказу самого актера, который в те дни жаловался своему приятелю и коллеге Валерию Золотухину: «У меня такая трагедия. Я ее вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь... Что она мне устроила... Как живая осталась...»

16 марта в Московском областном суде слушалось дело активной антисоветчицы, студентки 2-го курса Института иностранных языков 19-летней Валерии Новодворской. 5 декабря прошлого года она была арестована за то, что в Кремлевском дворце съездов, перед началом помпезной оперы «Октябрь», разбросала листовки, на которых была напечатана антисоветская «Юбилейно-конституционная ода». Приведу лишь отрывок из нее:

Спасибо, партия, тебе
За все, что сделала и делаешь,
За нашу нынешнюю ненависть,
Спасибо, партия, тебе.
Спасибо, партия, тебе
За рабский полдень двоедушья,
За лень, измену и двудушье
Спасибо, партия, тебе...

Вот за эту оду Новодворскую арестовали и поместили в казанскую психушку с типичным для правозащитников диагнозом: «шизофрения, параноидальное развитие личности». 16 марта Новодворская находилась в больнице и в зале суда не присутствовала. Суд признал ее невменяемой и определил на принудительное лечение в спецбольницу. Потом выяснилось, что в Казани Новодворская даже не была поставлена в известность о том, что в Москве состоялся суд над ней.

В сборнике «За пять лет» нравы казанской спецлечебницы в те годы описаны так:

«В больнице 11 отделений, два из них — рабочие. В 3-м отделении больные шьют фартуки, простыни и др. вещи, в 4-м — благоустраивают зону. Рабочий день — 3 1/2 часа; месячный заработок — 2 рубля... В больнице широко применяется лечение инъекциями сульфазина, приводящими людей в очень тяжелое состояние... Более безопасное лечение — внутримышечное введение аминазина — производится таким образом, что введенный аминазин не рассасывается, образуя болезненные узлы, которые потом приходится оперативно удалять.

В случаях провинностей — отказ от приема лекарств, препирательство с врачами... — больных привязывают к кровати на 3 дня и больше. При этом виде наказания не соблюдаются элементарные санитарные условия: больного не отпускают в туалет, а судно не подается. Библиотека больницы изобилует макулатурой сталинских времен, но и тех книг не выдают месяцами. В больницу помещают людей, у которых инакомыслие является «преступлением» и «болезнью».

От себя замечу, что Новодворская проведет в казанской психушке почти два года и вкусит все тамошние «прелести»: избиения, принудительную накачку лекарствами и т. д. Будет момент, когда от отчаяния она попытается покончить жизнь самоубийством, однако у нее не хватит сил для того, чтобы потуже затянуть на шее нейлоновый чулок.

В Ленинграде продолжается следствие по делу Артура Сабониса, который в августе прошлого года убил своих родителей и несовершеннолетнюю сестру. Как мы помним, его арестовали 20 февраля, но все это время Сабонис продолжал отрицать свою причастность к преступлению. Но Сергей Громов чуть ли не каждый день предьявлял ему все более неоспоримые улики его вины. Например, он огласил ему повторные результаты судебно-медицинской экспертизы, из которых следовало, что отец и мать Артура не покончили с собой, застрелившись из охотничьего ружья, как было написано в первом акте экспертизы, а были убиты. «Вами, Сабонис, — вынес свой вердикт Громов. — На ваших трусах были найдены пятна крови вашего отца, которые попали на вас в момент выстрела. Вы пытались их застирать, но сделали это не до конца умело. Далее. Вы пытались получить в сберкассе деньги, положенные на имя вашей сестры, хотя не имели на них никакого права. Кроме этого, вы начали переговоры по поводу продажи дачи, хотя сестра тоже является такой же ее наследницей, как и вы. Выходит, вы знали, что сестра мертва?»

Припертый к стене этими и другими уликами, Сабонис не выдержал и попытался покончить жизнь самоубийством в одиночной камере тюрьмы. Но охранникам удалось вовремя вытащить его из петли, сделанной из тюфячного чехла, и вызвать врача. После этого нервы

Сабониса сдали окончательно, и он начал давать признательные показания. Он заявил, что сестру убил, когда узнал, что после окончания медицинского института его ждет распределение в провинцию, чего он сильно не хотел. А пропажа сестры, по его плану, должна была вызвать к нему снисхождение. Так оно и вышло. Что касается родителей, то их Сабонис убил из чисто меркантильных интересов — хотел завладеть их деньгами и имуществом.

Стоит отметить, что внешне Артур Сабонис производил впечатление вполне добропорядочного молодого человека. Однако под этой привлекательной внешностью скрывался настоящий нелюдь. Истоки же этого перерождения тот же Громов нашел в детстве Сабониса. Оказывается, еще в школьные годы родители парня ввели специальную поощрительную методику: получил хорошую отметку — на тебе рубль на мороженое, сходил за хлебом — оставшуюся мелочь берешь себе, убрался в квартире — заработал рубль и т. д. Когда сыну исполнилось 10 лет, родители преподнесли ему в подарок пузатую копилку с дарственной надписью: «Дорогому сыночку на счастье». При этом отец Артура лично опустил в нее червонец. Но купить счастье еще никому не удавалось. В итоге на жизнь Артур стал смотреть исключительно сквозь призму товарно-денежных отношений. Забегая вперед, скажу, что суд приговорит его к расстрелу, на который в те годы никакого моратория не существовало.

19 марта были остановлены съемки фильма «12 стульев». Произошло это по воле режиссера-постановщика Леонида Гайдая, который так и не сумел найти общего языка с исполнителем роли Остапа Бендера Александром Белявским. Поскольку другого исполнителя на эту роль на тот момент больше не было (мы помним, каких мук стоило найти Белявского), руководство студии продлило срок начала съемок до 16 апреля. Вот как аукнулась Гайдаю не разбитая им тарелка.

А теперь вновь перенесемся в Стокгольм, где проходит чемпионат мира по хоккею. Там наша сборная громила соперников направо и налево. В течение одиннадцати дней с начала турнира наши сыграли еще семь матчей и победили в шести (даже извечных соперников, сборную Чехословакии, обыграли 18 марта со счетом 3:1). Единственное поражение за эти

дни нанесла нашей сборной команда Швеции. Произошло это 20 марта. Причем наши скорее всего не проиграли бы, не получи досадную травму вратарь Виктор Коноваленко. Произошло это во втором периоде, при счете 2:1 в пользу шведов. Коноваленко в отчаянном броске попытался клюшкой отбить шайбу в сторону. В этот момент мчавшийся на полной скорости игрок шведской сборной не успел притормозить и коньком рассек лицо нашему вратарю. Голкипера увезли в больницу, а место в воротах занял дебютант — 18-летний Владислав Третьяк (кроме него, на том турнире дебютировали Валерий Васильев и Владимир Шадрин). Волновался он сильно, потому и пропустил еще две шайбы. Наши сумели откупить всего лишь одну и проиграли 2:4.

На следующий день все местные газеты были заполнены репортажами об этом матче, и в большинстве из них звучала «отходная» молодому вратарю: мол, с такой слабой игрой Третьяку следует надолго забыть о хоккее. Здесь же сообщалось и о здоровье Коноваленко: «Советскому голкиперу сделано 14 рентгеновских снимков. Они показывают: у Коноваленко серьезно повреждена переносица, кроме того, он получил тяжелые травмы головы. Один из лучших игроков сборной СССР надолго прикован к постели».

Самое любопытное, что, когда газеты с этим сообщением попали в руки читателей, Коноваленко... уже вовсю тренировался на льду «Юханесхофа». Когда вечером 22 марта наша сборная вышла на игру со сборной Финляндии, место в ее воротах занял списанный газетчиками со счетов Коноваленко. Он отстоял два полных периода, а в третьем, когда счет был уже 10:0 в нашу пользу, его сменил Третьяк. Несмотря на то что финны все-таки сумели вколотить молодому вратарю одну шайбу, однако общий итог матча оказался для них просто позорным: наши буквально «порвали» их со счетом 16:1!

В те годы на все две недели, пока длился чемпионат мира, все мужское население огромной страны прилипало к экранам своих телевизоров. Даже сам генсек Леонид Брежнев в дни ответственных матчей старался поменьше загружать себя работой, чтобы к вечеру в бодром расположении духа усесться перед «ящиком» и поболеть за наших. Телевизионное ру-

ководство (Гостелерадио тогда возглавлял Николай Месяцев) знало об этой слабости генсека и старалось не перебивать трансляции матчей интересными передачами, как это делают сейчас сплошь и рядом каналы-конкуренты: в те годы, например, никто не смел показывать во время игры СССР — ЧССР «Кабачок «13 стульев» или «Кинопанораму». Если, бывало, в это время крутили фильмы (все-таки женская половина населения страны хоккеем смотрела с неохотой), то преимущественно не самые рейтинговые.

В разгар хоккейного чемпионата пришло радостное сообщение из Минска, где проходил турнир по тяжелой атлетике «Приз дружбы». Там все тот же тяжелоатлет Василий Алексеев, о победах которого все газеты писали еще в январе, установил новый рекорд: он первым из всех штангистов достиг рубежа в 600 кг. Он поднял в жиме 212,5 кг, в рывке — 170 кг, а в первом подходе толкнул 217,5 кг. Вот как сам тяжелоатлет вспоминает об этом:

«Спина напомнила о себе. Но ничего, и на больной спине начал в жиме с 200 кг. А со второго подхода выжимаю 212,5. Это мировой рекорд. Мой друг Стас Батишев тут же бьет этот рекорд, жмет 214. Мне предлагают жать 215. Я отказываюсь от третьего подхода: пусть Стас в рекордсменах походит. В рывке начинаю со 160, со второго подхода вырываю 170. От третьего подхода отказываюсь. Знаю, чтобы достичь отметки 600, надо толкнуть 217,5. Одним подходом толкаю этот вес. Что творилось в Минском Дворце спорта, словами не передать! Народу — море, кто-то выбежал на сцену, преподнес букет цветов... Я, как был, весь в магnezии, пошел через зал, поднялся под крышу Дворца, где, сжавшись в комок, переживала за меня моя жена Липа. И преподнес цветы ей...»

В эти же дни произошло еще одно событие: 20 марта в Крыму драматург Леонид Зорин закончил работу над одной из лучших своих пьес — «Медной бабушкой», посвященной жизни Александра Пушкина (в пьесе речь шла о тяжелом для поэта лете 1834 года, когда он, терзаясь безденежьем, пытался продать семейную реликвию — статую императрицы Екатерины («медную бабушку»), полученную им вместо приданого от деда Наталии Гончаровой). Как вспоминает сам драматург: «Закончив, я сбросился вон из дома, сбежал с горы на пустую

набережную. Каменный мол уходил в море, я прошагал до его конца, вглядываясь в ночной горизонт. Под темным небом мерцали волны, подсвеченные одинокой звездой, чуть слышно стучась в прибрежную гальку, они окликали одна другую. Стало ясно и осязаемо, что ныне и прежде — единое целое, сегодняшней день и вчерашний век нерасторжимы, как небо и море. Жаркое лето в Санкт-Петербурге и эта таврическая ночь — мгновение в сто тридцать шесть лет, оно все длится и не угасает, дышит во мне и вокруг меня. Вселенная сохраняет время, память — это язык природы, история не наука, а воздух. В крошечной тьме я вернулся в дом...»

22 марта свой 65-й день рождения отметил кинорежиссер Григорий Козинцев. Но юбилей он встретил не самым лучшим образом — в постели, куда он свалился, настигнутый гриппом. Как напишет он сам в письме Шостаковичу: «Я глупо провалялся две недели с гриппом. И так противно — высокая температура, дурная, мутная голова и т. п. прелести, а тут еще остановка съемок на две недели, от чего произойдет множество трудностей, из которых сам не знаю как будем выпутываться. В понедельник (31 марта. — Ф. Р.) уже выхожу на работу, хотя самочувствие гнусное, какая-то общая тухлость и вкус Михалкова во рту...»

В тот же день в «Комсомольской правде» в рубрике «Из зала суда» (аналог современной «Криминальной хроники») была опубликована любопытная заметка В. Мясникова из Ярославля под выразительным названием «Жадность подвела». В ней рассказывалось о том, как жители деревни Скоморохово Переяславского района Шагин и Нехаенко откопали клад: 120 золотых монет, золотые кольца и броши. Свою находку они решили не сдавать властям и поделили пополам. Однако через несколько дней у одного из кладоискателей сдали нервы, он отдал свою долю напарнику и попросил сдать их в банк. Тот выполнил просьбу приятеля, но не буквально — отнес в банк только половину врученного. Тем временем супруга Нехаенко, которой золото, видимо, жгло руки, предложила его распродать. За каждую монету они брали по 40—50 рублей, а иногда и дороже. В итоге за короткое время дельцы заработали на этом деле 2 тысячи рублей. Однако воспользоваться ими так и не успели. Кто-то на них наступал.

Итог этой истории был таков: народный суд за присвоение найденного золота и спекуляцию приговорил электрика Нехаенко к 3 годам лишения свободы, его супругу к условному наказанию. С них было взыскано 2306 рублей, полученные от незаконной операции с золотом.

Однако вернемся на чемпионат мира по хоккею. Забавный случай произошел там 22 марта на матче Швеция—ФРГ. Одним из судей на матч был назначен советский арбитр Анатолий Сеглин. Причем работа по судейским меркам у него была непыльная: он должен был зажигать фонарь за воротами, после того как одна из команд забивает гол. Однако из этого нехитрого судейства вышел большой конфуз. Дело в том, что в тот день с утра наши арбитры отметили день рождения своего коллеги Юрия Карандина. Как и полагается по такому случаю, выпили, закусили. И вдруг в самый разгар этого застолья (было около двух часов дня) приходит сообщение, что Сеглина назначили судьей на матч Швеция—ФРГ, который должен был состояться чуть ли не через час-другой. Сами понимаете, алкоголь за такой короткий промежуток времени не выветривается. Но идти-то надо. Короче, Сеглин пошел. Два периода он отсудил нормально, а вот в третьем не выдержал и задремал на своем рабочем месте. А тут как раз одна из команд заколотила другую плеху, которую Сеглин, естественно, проспал. Кто-то из судей, работавших за бортиком, бросился к нему, начал тормозить. Дело, может быть, и обошлось бы мелким порицанием, если бы тот же судья не принял к Сеглину. Вот тут уж скандал закрутился нешуточный. Сеглина отстранили от судейства, а на его место посадили судью-финна, который, кстати, пил на дне рождения Карандина не меньше всех, но лыко еще вязал. Далее послушаем самого А. Сеглина:

«По возвращении домой меня потащили по высшим инстанциям. Досталось мне по первое число, слушали мое дело и в Спорткомитете, и на судейской коллегии. Короче, посчитали зачинщиком пьянки. Предоставили слово и мне. Говорю: так, мол, и так, я же за советский хоккей переживал, я же специально судей угощал, чтобы они к нашим хоккеистам поближе были. Не поняли меня тогда, отлучили от свистка. Спасибо Сычу, помог он мне, не оставил без работы в хоккее. Ведь я со многими рефери

был дружен. Что ж плохого в том, что мы с каким-нибудь судьей после матча пропустим по маленькой? Тут и без переводчика общий язык находили. Я, например, со шведом Дальбергом через это семьями подружился: он ко мне в Москву приезжал, я к нему в Швецию...»

23 марта праздник пришел на съемочную площадку фильма «12 стульев» — наконец-то был найден исполнитель роли Остапа Бендера. Им оказался 43-летний артист Тбилисского Русского театра имени А. Грибоедова Арчил Гомиашвили. Причем некоторое время назад он уже пробовался на эту роль, но тогда судьбе было угодно развести их с Гайдаем. Но расскажем обо всем по порядку.

Однажды в поисках природы для будущих съемок Гайдая занесло в город Горький (это происходило в период 10—20 сентября 1969 года), где в то время гастролировал Гомиашвили — он играл в мюзикле «Золотой теленок», в котором один исполнял все (!) роли, в том числе и роль великого комбинатора. Его игра настолько потрясла режиссера, что после спектакля Гайдай пришел за кулисы и предложил Арчилу попробоваться на эту же роль в его экранизации. Артист согласился. Однако в феврале, придя на пробы, он остался недоволен обстановкой, царившей в съемочной группе, и покинул ее. А спустя месяц остыл и, когда Гайдай после неудачи с Белявским вновь обратился к нему, согласился без всяких оговорок. Но история на этом не закончилась.

В один из дней Гомиашвили повезли в Госкино, чтобы показать самому зампреду комитета Баскакову. Тот же, нахмутив брови, спросил: «Почему в роли Бендера должен сниматься грузин?» На что присутствовавший на встрече Григорий Чухрай ответил: «А почему бы и нет? Папа у Остапа действительно был турецкоподданный, но мама вполне могла быть грузинкой». Баскаков рассмеялся и утвердил на роль доселе мало кому известного Гомиашвили (с 1957 года тот снялся в семи картинах, но ни одна из них не принесла ему широкой известности).

На съемочной площадке фильма «Один из нас» тоже праздник — наконец-то выздоровели режиссер Полока и актер Юматов. В ночь с 23 на 24 марта при их активном участии снимались эпизоды в Большом театре. Специально была собрана внушительная массовка, которая изображала восторженную публику. Однако из-

за брака пленки этот эпизод придется переснимать еще раз 14 апреля. Между тем спустя сутки съемки вновь остановились по вине все того же Юматова — он опять выбыл из съемочного процесса на два дня (25—26 марта).

Владимир Высоцкий находится в Минске, у своего друга кинорежиссера Владимира Турова (именно в его фильме «Я родом из детства» впервые прозвучали песни Высоцкого). После памятного нам скандала Марина Влади собрала вещи и улетела в Париж, оставив мужа наедине со своими мыслями. Видимо, чтобы развеять грусть-тоску, Высоцкий и предпринял эту поездку. С собой он прихватил своего приятеля Давида Карапетяна. Поскольку до отправления поезда было еще несколько часов, друзья решили скоротать время неподалеку — в ресторане ВТО, что в пяти-семи минутах езды от Белорусского вокзала. Там с Высоцким приключилась забавная история. К ним за столик посадили смутного возраста даму из театральных кругов, которая с места в карьер обрушила свое раздражение на Высоцкого. Она заявила, что только что приехала из Ленинграда, но уже сыта по горло разговорами про Высоцкого. «Надоели эти бесконечные слухи о вашей персоне, — клокотала дама. — То вы вешаетесь, то режете себе вены, но почему-то до сих пор живы. Когда вы утомитесь? Почему все должно вращаться вокруг вас? Чего вы добиваетесь? Дайте людям спокойно жить!»

Как ни странно, но эта гневная речь не произвела никакого впечатления — видимо, актер уже привык к подобного рода выпадам. Высоцкий только добродушно ухмылялся и кивал головой. В этот момент мысли его были далеко: то ли в Париже, куда укатила его супруга, то ли в Минске.

Когда друзья приехали к Турову, тот был приятно удивлен — он совершенно не ожидал приезда Высоцкого, да еще не одного, а с приятелем. Но, согласно законам гостеприимства, встретил их хлебом-солью. Отмечать приезд сели в кухне. Вскоре к режиссеру один за другим стали приходить друзья и коллеги, прослышавшие откуда-то о приезде столичной знаменитости. Батарея пустых бутылок угрожающе росла. Так продолжалось до вечера. Затем было решено продолжить застолье в каком-нибудь ресторане возле вокзала (обратный поезд в Москву отходил ночью). Когда Высоцкий са-

дился в поезд, он уже был прилично «нагружен», однако чувства реальности еще не потерял. Карапетян, который хорошо знал привычки своего друга, понял, что ночь ему предстоит адова. Так и вышло.

Едва поезд тронулся, как Высоцкий стал буквально наседать на приятеля: мол, найди что-нибудь выпить. Тот юлил, как мог: дескать, где же я найду выпить ночью? Но Высоцкий был неумолим. В итоге Карапетяну пришлось делать вид, что он пошел переговорить с проводником. Вернувшись, объяснил: проводник — женщина, надо терпеть до утра. Высоцкий вроде бы утомился и лег на полку. Но каждые полчаса просыпался, громко стонал, после чего хватался за сигареты. Пассажиры их купе (а с ними ехали девушка и какой-то командированный) то и дело просили прекратить это безобразие. Но Высоцкий их мало слушал.

Утром, мучимый похмельным синдромом, артист опять надел на друга: найди выпить. «Потерпи до Москвы», — стал уговаривать его Карапетян. «Не буду», — упрямо бубнил Высоцкий. Затем предложил: «Займи у нашего соседа. Объясни, что вопрос жизни и смерти». Карапетян вышел в коридор, где находился их сосед по купе. «Выручите нас, пожалуйста, — обратился он к мужчине. — Это артист Высоцкий. Ему очень худо. Одолжите десятку и оставьте адрес. Мы обязательно вышлем сегодня же телеграфом». Но сосед оказался настолько далек от творчества Высоцкого, что наотрез отказался одалживать не то что десятку, но даже захудалую трешку. Тогда Высоцкий стал уговаривать друга отдать ему по дешевку свою электробритву «Филипшейв». Карапетян согласился. Но сосед и тут заартачился. Тогда Высоцкий кинул в бой последний козырь — свою пыжиковую шапку. Козырь сработал. И не удивительно: такая шапка по тем временам была вещь остродефицитной и стоила несколько сот рублей, а Высоцкий согласился продать ее за пару червонцев. Во как жажда допекла!

Между тем приключения друзей на этом не закончились. Приехав в Москву, вечером того же дня Высоцкий потащил друга все в тот же ресторан ВТО. Там они мило посидели, после чего завалились домой к Карапетяну на Ленинский проспект (возле универмага «Москва»). Уложив гостя в гостиной на диване, хозяйин с женой удалились в крохотную спальню. Одна-

ко под утро их разбудил Высоцкий, который сообщил, что... спалил матрац. Оказывается, он лег спать с сигаретой и та упала на диван. Огонь тлеющей сигареты насквозь прожег матрац и перекинулся на обивку дивана. К счастью, Высоцкий в этот миг проснулся и принялся в одиночку бороться с огнем. Сначала он стал бегать на кухню за водой (он носил ее в ладонях), а когда это не помогло, схватил матрац в охапку и выпихнул его в узенькую боковую створку окна. И только потом помчался оповещать о случившемся хозяев.

Тем временем весьма драматические события разворачиваются вокруг пенсионера союзного значения Никиты Сергеевича Хрущева. Вот уже год как он надиктовывает на магнитофон свои мемуары, но только теперь КГБ озабочилось этим процессом. И все потому, что Хрущев замахнулся на весьма подробное освещение некоторых «темных» сторон деятельности руководства партии. Если бы мемуарист ограничился всего лишь периодом своего босяковского детства и юности, никакого криминала в этом усмотрено бы не было и его мемуары с большой охотой опубликовало бы любое советское издательство. Ан нет: Хрущев задумал осветить в книге всю жизнь вплоть до скандальной отставки в октябре 64-го. Естественно, появление таких мемуаров кремлевское руководство допустить не могло. Вот почему 25 марта Юрий Андропов специальной запиской под грифом «Совершенно секретно» докладывал в ЦК следующее:

«В последнее время Н. С. Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде жизни, когда он занимал ответственные партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну по таким определяющим вопросам, как обороноспособность Советского государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, научно-технические достижения, работа органов госбезопасности, внешняя политика, взаимоотношения между КПСС и братскими партиями социалистических и капиталистических стран и другие. Раскрывается практика обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро ЦК КПСС...

При таком положении крайне необходимо принять срочные меры оперативного порядка, которые позволяли бы контролировать работу Н. С. Хрущева над воспоминаниями и предупредить вполне вероятную утечку партийных и государственных секретов за границу. В связи с этим полагали бы целесообразным установить оперативный негласный контроль над Н. С. Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым... Вместе с тем было бы желательно, по нашему мнению, еще раз вызвать Н. С. Хрущева в ЦК КПСС и предупредить об ответственности за разглашение и утечку партийных и государственных секретов и потребовать от него сделать в связи с этим необходимые выводы...»

Эта записка навела большого шороху на членов Политбюро. Требовалось принять срочные меры против «распоясавшегося пенсионера», который вместо поливания цветочков в своем саду на даче пишет крамольные мемуары. Поэтому уже 27 марта на Политбюро было принято решение поручить Ю. Андропову и И. Капитонову лично переговорить с мемуаристом. Однако интрига на этом не закончилась, о чем речь еще будет идти дальше.

Заседание Политбюро «по Хрущеву» состоялось утром, а вечером в этот же день (в 19.00) по первой программе ЦТ началась трансляция хоккейного матча между сборными СССР и Чехословакии. Вот уже три десятилетия игры с участием этих команд считались принципиальными, однако никогда еще накал страстей на них не достигал такой силы, как это происходило последние два года. После того как в августе 68-го советские войска подавили демократическую революцию в Чехословакии, подавляющая часть чехов и словаков стала относиться к любому советскому человеку чуть ли не как к личному врагу. Эта ситуация перенеслась и на спортивные площадки. К примеру, до августовских событий 68-го личная дружба связывала двух хоккейных вратарей: нашего Виктора Коноваленко и чехословацкого Владимира Дзуриллу. А после ввода советских войск в Прагу Дзурилла стал всячески избегать Коноваленко и однажды на одном из турниров, завидев его в коридоре, бросился бежать в другую сторону.

Что касается чемпионата мира-70, то во время первой игры с нашей сборной, которую чехословацкие хоккеисты проиграли 1:2, в боль-

шом ходу были удары исподтишка, словесные оскорбления. Но матч 27 марта стал еще более скандальным. Примерно в середине матча, когда наши уже уверенно вели со счетом 4:0, игрок чехословацкой сборной Вацлав Недомански (в 1967 году, к 50-летию Советской власти, ему присвоили звание заслуженного мастера спорта СССР!) через плечо нашего капитана Вячеслава Старшинова плюнул в лицо Александру Мальцеву. Этот эпизод удалось поймать объективом фотоаппарата одному из шведских корреспондентов, и уже на следующий день этот снимок был вынесен на первую полосу газеты «Экспрессен». Стоит отметить, что вопиющий поступок Недомански так и не позволил чехословакам переломить ход игры, и тот матч завершился для них позорным проигрышем 1:5.

В тот же день, 27 марта, по Москве поползли слухи о письме академика Андрея Сахарова (написал его в соавторстве с физиком Валентином Турчиным) на имя Брежнева, Косыгина и Подгорного с требованиями расширения демократии в Советском Союзе (всего 14 требований). Это письмо Сахаров написал несколько недель назад и хотел, чтобы оно было коллективным. Ему не хотелось, чтобы кто-то заподозрил его в маниакальности (к тому времени он уже написал несколько писем в поддержку тех или иных гонимых властями людей). Копии письма Сахаров отослал своим коллегам по Академии наук. Всего их набралось 13 человек. И, видимо, кто-то из них проговорился. Академики стали тягать на самый «верх» и изводить вопросами, что да как. В итоге все академики письмо подписывать отказались. Однако каким-то образом оно вскоре стало распространяться по Москве в «самиздате» (в ЦК КПСС письмо поступило еще 19 марта).

Между тем Сахаров, потрясенный изменой коллег-академиков, решил поехать к Твардовскому. Мол, тот обязательно подпишет. Но тут на пути академика встал историк Рой Медведев, который принялся настойчиво отговаривать его от этой затеи: «Зачем впутывать сюда Твардовского? Ему и так сейчас несладко приходится. К тому же он не любит коллективных писем. Если уж вам нужна чья-то подпись, то возьмите мою. Мне все равно уже терять нечего». Сахаров, после некоторых колебаний, с доводами Медведева согласился.

Тем временем в конце марта буквально лихорадило город Луганск, что на Украине, — там объявился насильник. В течение нескольких дней поздно вечером он нападал на женщин, возвращавшихся в одиночку домой. Действовал преступник по одному и тому же сценарию: заметив жертву на автобусной или троллейбусной остановках, он сопровождал ее до малоосвещенного места, где и нападал — душил, угрожал ножом, говорил, что они проиграны в карты и должны либо уплатить пять тысяч рублей, либо вступить с ним в половую связь. У некоторых из жертв он отбирал деньги, ценные вещи. По показаниям потерпевших, на вид насильнику было около 30—35 лет, он был среднего роста, широкоплеч, лицо продолговатое, смуглое, одет в светлый хлопчатобумажный плащ, белую фуражку и темные брюки. Поскольку показания жертв указывали на то, что все эти изнасилования совершал один и тот же человек, эти дела были объединены в одно производство, была создана специальная следственно-оперативная группа. В местах возможного появления насильника были выставлены засады, по маршрутам движения городского транспорта направили сотрудников под прикрытием оперативно-поисковых групп. Однако насильник как будто чувствовал, что за ним началась охота, и ни в одну из этих ловушек попадаться не спешил.

28 марта Дмитрий Шостакович отправляет из Кургана, где он лечится у доктора Илизарова, в Ленинград письмо на имя Исаака Гликмана. Приведу небольшой отрывок из него:

«Прошу тебя прочитать повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход». Эта повесть напечатана в журнале «Новый мир» №1 за 1970 год. Мне показалось, что это великолепное произведение. Думается мне, что Айтматов является одним из самых сильных прозаиков в нашей стране, да и во всем мире. (Ни Шостакович, ни Гликман, видимо, еще не знают, что прежняя редакция «Нового мира» уже разгромлена. — Ф. Р.)

Живем мы здесь так: встаем в 7 часов. От семи до восьми совершаю свой утренний обряд: мытье, бритье, физкультура, слушание последних известий. В 8.30 завтрак. В 9.15 уезжаем в лес, где гуляем один час. От 11 до 12.30 жесточайшая, вгоняющая в пот, гимнастика и массаж. В 13.30 обед. В 15.30 опять едем гулять в лес. В 17 возвращаемся в больницу. Все это идет на

пользу. Руки, ноги становятся крепче. Но к вечеру я так устаю, что не только о «Короле Лире» не могу думать, но и о многом другом.

Кроме того, раз в три дня мне делают укол. Сделали несложную операцию. То, что я видел в больнице, в области лечения вызывает у меня восторг, удивление, великое восхищение человеческим гением. В данном случае речь идет о Гаврииле Абрамовиче Илизарове. При встрече я расскажу тебе о его достижениях...

В тот же день, 28 марта, в Москве закончился закрытый судебный процесс по делу, которое чуть больше года назад наделало много шума не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Речь идет о покушении на Леонида Брежнева, предпринятом младшим лейтенантом Советской Армии Виктором Ильиным 21 января 1969 года. Убить генсека покушавшийся так и не сумел (в самый последний момент охрана изменила маршрут следования автомобиля с Брежневым), однако смертельно ранил водителя «Чайки», на которой ехали космонавты, накануне вернувшиеся на Землю из полета. Покушавшемуся светила высшая мера наказания — расстрел, но он сумел благополучно ее избежать: в мае того же 69-го года Ильина признали психически невменяемым и упрятали в психушку. Но поскольку виновных за случившееся все равно требовалось отыскать, на эту роль были определены близкие товарищи Ильина — младшие лейтенанты Александр Степанов и Анатолий Васильев, которых следователи обвинили в недонасительстве. На самом деле те ни сном ни духом не ведали о планах товарища свести счеты с генсеком. Однако на допросах следователи сумели ловко запудрить им мозги: сказали, что если те не признают себя виновными, то им накрутят срок на полную катушку. Поэтому на Военной коллегии Верховного суда СССР оба подсудимых покаялись «в потере социалистической бдительности» и получили минимум — три года исправительных работ плюс лишение офицерских званий. Самое интересное, что в этом же году в стране случится юбилейная амнистия, приуроченная к 100-летию Ленина, но Степанов и Васильев под нее не попадут. Свой срок они отсидят от звонка до звонка, сколачивая деревянные ящики под снаряды для тяжелых гаубиц. Но вернемся в март 70-го.

Владимиру Высоцкому никак не сидится дома, и в конце марта он на три дня укатил вместе с Давидом Карапетяном в Ялту. Инициатива поездки исходила целиком от Высоцкого, которому заработанные на недавних концертах деньги, что называется, жгли ляжку. Вот как вспоминает об этой поездке Д. Карапетян:

«В один из вечеров мы спустились в гостиничный ресторан. Оркестр в это время играл неувядаемый альпийский шлягер Высоцкого «Если друг оказался вдруг». Володя тут же сорвался с места и засеменял к эстраде. Встав к ней вполборота, он замер с приоткрытым ртом, словно хотел убедиться, что исполняют именно его песню. В этот момент ко мне подошел кинооператор Павел Лебешев и, не скрывая раздражения, бросил:

— Он с тобой, что ли? Убери его! Неудобно!

То был взгляд со стороны абсолютно трезвого человека, обеспокоенного, видимо, «имиджем» Володи, и пренебречь им было нельзя. И впрямь, что-то неловкое, даже нелепое, было в этом зрелище. В позе Володи, в выражении его лица словно читалось: «Неужели все это — не сон и я — это явь?»...»

Друзья планировали после Ялты отправиться догуливать в Одессу, но этим планам не суждено было осуществиться: за три дня Высоцкий настолько потерял форму, что ни о каком «продолжении банкета» речи идти не могло. Да и деньги почти все закончились. Однако возвращение в столицу было тоже сопряжено с приключениями. Два (!) раза рейс самолета откладывали из-за непогоды, и оба раза Высоцкий и Карапетян возвращались в Ялту, в гостиничный номер Виктора Турова и его жены Ольги Лысенко. Для супругов, которые приехали на юг отдохнуть от мирских забот, оба этих возвращения были равносильны стихийному бедствию: Высоцкий покладистым характером никогда не отличался. Наконец только с третьего раза артиста и его приятеля удалось благополучно отправить по месту их жительства.

Они вернулись в Москву 30 марта, и вечером того же дня Высоцкий дал домашний концерт в доме своего приятеля В. Савича. Песни были относительно старые (годовой и чуть меньше давности), поскольку новых Высоцкий к этому времени не написал. Среди исполненных им тогда произведений были: «Песенка о

слухах» («И словно мухи тут и там...»), «Я не люблю», «Я раззудил плечо, трибуны замерли...», «Я самый непьющий из всех мужиков...» и др.

Судя по всему, собравшиеся в тот день у Савича гости были увлечены одним — слушали песни Высоцкого. Между тем подавляющая часть мужского населения страны 30 марта в 18.00 припала к своим телевизорам, поскольку в это время начинался решающий матч хоккейного чемпионата мира между сборными СССР и Швеции. Игра получилась на редкость захватывающей. Первый период закончился безрезультатно — 0:0. Во втором скорости возросли, и как итог — фонарь за воротами обеих команд зажегся трижды: две шайбы забилы наши хоккеисты, одну — шведы. В третьем периоде, несмотря на все старания шведских игроков сравнять счет, Коноваленко оставил свои ворота нераспечатанными. А вот наши ребята заколотили еще одну шайбу в ворота соперников — 3:1 (у нас отличились Викулов, Петров и Мальцев). Наша сборная завоевала золото чемпионата, серебряные медали достались хозяевам турнира шведам, бронзовые — хоккеистам из Чехословакии.

И еще одно событие от 30 марта требует обязательного упоминания. В этот день в Москве начал свое триумфальное шествие по широкому экрану фильм Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни».

Кроме этого, во второй половине марта в кинотеатрах столицы состоялось еще несколько премьер, из которых назову лишь следующие: 19-го — историко-революционная мелодрама «Почтовый роман» Евгения Матвеева с Александром Паррой и Светланой Коркошко в главных ролях; 23-го — экранизация одноименной повести М. Горького «Трое» режиссера Исидора Анненского с Георгием Третьяковым, Александром Мартыновым и Виктором Салиным в главных ролях; биографический фильм об Александре Герцене «Старый дом» Бориса Бунеева; комедия Юрия Чулюкина «Король ма-

нежа»; детский фильм «Мы с Вулканом» В. Перова и приключенческая лента Евгения Шерстобитова «Сокровища пылающих скал». Из зарубежных фильмов выделю «Фанфана-Тюльпана» Кристиана-Жака с искрометным Жераром Филипом и пышногрудой Джинной Лоллобриджидой (с 15-го).

Кино по ТВ: «Три толстяка» (18-го), «Женитьба Бальзаминова» (20-го), «Сорванец» (21-го), «Матэ Борш» (23—25-го, 27-го), «Нормандия—Неман» (28-го), «Операция «Ы» (30-го) и др.

Последние две недели марта были богаты на театральные премьеры. 16-го в Театре оперетты был показан спектакль «Москва—Париж—Москва»; 22-го в Ленкоме — «Золотой ключик»; 24-го в Малом театре — «Эмигранты» Анатолия Софронова; 31-го в Театре имени Моссовета — «Была весна»; «Страна Айгуль» в Театре имени Пушкина; «Ромео и Джульетта» в Театре на Малой Бронной в постановке Анатолия Эфроса.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 6—14-го — во Дворце спорта ЦСКА выступал ВИА «Голубые гитары»; 11—25-го — во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты «Мелодии друзей-70»; 21—22-го — в Государственном театре эстрады выступал певец Эмиль Горовец; 22-го — в ДС ЦСКА состоялся концерт «Под эстрадными парусами», в котором участвовали сплошь одни звезды: Вадим Мулерман и его супруга Вероника Круглова, Александра Стрельченко, Лариса Мондрус, Ирина Бржевальская, Владимир Макаров, Сергей Чистяков (не путать с пародистом Виктором Чистяковым) и др.

На фирме «Мелодия» в марте вышел миньон Эмиля Горовца с песнями: «Телеграмма» (Э. Масиас — И. Кашежева); «Приди» (Л. Рид, Б. Мэсон — И. Кашежева), «Тралали-тралала» (Д. Леннон — П. Маккартни, русский текст М. Подберезского); «Неизвестно почему» (П. Вансе — Л. Пякрис, русский текст М. Пляцковского).

1970 Апрель

Генрих Бёлль в Москве. Василий Шукшин запускается с «Разиным». «След Сокола» в Москве: индейская лихорадка продолжается. Луспекаев на премьере «Белого солнца пустыни». Высоцкий в Сочи: загул продолжается. Твардовский знакомится с письмом Сахарова. Сверхсекретная операция по уничтожению останков Гитлера. Вся страна смотрит «Адъютанта его превосходительства». Почему Эммануила Виторгана не пустили за границу. Высоцкий в поисках денег. Трагедия на советской подводной лодке «К-8». Михаил Горбачев — самый молодой глава крайкома. Высоцкий в Ереване: концерты в клубе КГБ. Ночной приступ у Высоцкого. Луганский маньяк пролил первую кровь. Как Высоцкого заставили покинуть Армению. Виктория Федорова: проблемы со свекровью. Кто покорила сердце Дана Спатару. Миронов и Егорова: очередная попытка расписаться закончилась неудачей. Провал Олега Ефремова. Внезапная смерть Павла Луспекаева. Рождение автомобиля «Жигули»-«копейка». Был ли сифилис у Ленина? Докладная Андропова: кто в СССР не любит вождя мирового пролетариата. Самоубийство Екатерины Савиновой. Женился Сергей Юрский. Приход Сергея Лапина в Гостелерадио. КГБ следит за сыном Хрущева. Александр Солженицын празднует серебряную свадьбу. Худшая неделя писателя Юрия Нагибина. Съёмки фильма «Белорусский вокзал».

1 апреля Москву посетил известный немецкий писатель и общественный деятель Генрих Бёлль. В тот же день с ним встретился Александр Твардовский. Как вспоминает А. Кондратович:

«А. Т. чувствовал себя великолепно, был в ударе. Бёлль тоже. А. Т. вспомнил самые первые рассказы Бёлля, которые ему пересказывал Закс, прочитавший их на немецком. Память у А. Т. удивительная. Он вспомнил два рассказа в деталях! И Бёлль был растроган. Они ошутли, шутили, потом А. Т. поехал с ним в ресторан, где еще малость посидели. А когда простились, А. Т. вместе с Архангельской (Ирина Архангельская тогда работала заведующей отделом зарубежной литературы «Нового мира». — Ф. Р.) пошел к Пушкинской площади... И там замялся... «А может быть, мы позвоним и Миша (Хитров) к нам придет?» — «Я, — говорит Архангельская, — была потрясена. Ему хотелось зайти в «Новый мир»! Это было видно. Но он не мог зайти и хотел хотя бы увидеть Мишу. Человека оттуда».

Кстати, на этой встрече Бёлль произнес фразу о том, что Солженицын — самая вероятная, даже единственная кандидатура на Нобелевскую премию в этом году. Этот прогноз полностью подтвердится.

В тот же день на студии имени Горького был издан приказ, разрешающий Василию Шукшину запуститься с фильмом «Степан Разин». Вот уже в течение нескольких лет Шукшин обивал пороги начальственных кабинетов, пытаясь добиться этой постановки, но каждый раз под разными предлогами ему в этом отказывали. И вот наконец 1 апреля (в день розыгрышей!) такой приказ был издан. Шукшин стал отращивать разинскую бороду, готовился к выезду на выбор природы. Природу-то он выберет, однако фильм снять ему так и не дадут. Но об этом я расскажу чуть позже.

1 апреля примерно в полутора десятках кинотеатров («Зарядье», «Орбита», «Родина», «Форум», «Новатор» и др.) начал демонстрироваться фильм восточногерманской киностудии «ДЕФА» «След Сокола» с югославским актером Гойко Митичем в главной роли. Для мил-

лионов советских мальчишек и девочек этот актер долгие годы был кумиром, славе которого могли бы позавидовать многие отечественные звезды кино. Началась же эта слава в конце 60-х с выходом на экраны советских кинотеатров первых двух восточногерманских фильмов про индейцев с его участием: «Сыновья Большой Медведицы» (1965) и «Чингачгук — Большой Змей» (1967). После этого среди советской детворы началась «индеаномания», сравнимая разве что с «тарзаноманией», когда в 1951 году на наших экранах демонстрировались четыре фильма про Тарзана. Теперь детвора напяливала на себя бутафорские головные уборы из орлиных перьев (в моем гардеробе тоже был такой убор, вырезанный из ватмана и разукрашенный гуашью), на куртки и брюки пришивалась бахрама. В ходу были соответствующие прозвища: Чингачгук, Зоркий Сокол, Быстрый Олень, Оцеола и т. д. Всех врагов мы называли Бэшанами, по главному злодею из «индейской» дилогии про Зоркого Сокола (в этой роли снялся прекрасный немецкий актер Рольф Хоппе). Среди мальчишек считалось высшим шиком достать фотографию Гойко Митича и повесить ее над своей кроватью. Стоит отметить, что, несмотря на огромную популярность этого актера в СССР, в продаже его портретов практически не было. Однако глухонемые торговцы вовремя почувствовали конъюнктуру и наладили массовую торговлю его фотографиями на вокзалах и в пригородных поездах по рублю за штуку. Если учитывать, что портреты актеров советского кино стоили тогда 8 копеек, то цена на Митича считалась запредельной. И все равно спрос на эти фотографии был огромным. У меня до сих пор на стене висит художественный портрет Гойко Митича, подаренный двоюродной сестрой на мой день рождения.

Не меньший ажиотаж в те дни царит и на сеансах «Белого солнца пустыни». Вот уже несколько дней этот фильм демонстрируется более чем в двух десятках столичных кинотеатров, расположенных как в центре, так и на отдаленных окраинах. В эти же дни в Москве в самом разгаре съемки фильма «Вся королевская рать», в котором одну из главных ролей играет Павел Луспекаев, сыгравший таможенника Верещагина в «Белом солнце...». В один из дней начала апреля вместе с партнером по

«Рати» Михаилом Козаковым и его 12-летней дочерью Луспекаев отправляется в кинотеатр «Москва», что на площади Маяковского, на премьеру «Белого солнца...». М. Козаков вспоминает:

«Была ранняя весна, Луспекаев медленно шел по улице, опираясь на палку, в пальто с бобровым воротником, в широком белом кеппи-аэродроме — дань южным вкусам, и волновался, как мальчишка.

— Нет, Михаил, тебе не понравится. Вот дочке твоей понравится. Катька, тебе нравится, когда в кино стреляют? Ну вот, ей понравится.

— Успокойся, Паша, я тоже люблю, когда в кино стреляют.

Фильм начался. Когда еще за кадром зазвучал мотив песни Окуджавы и Шварца «Не везет мне в смерти, повезет в любви», он толкнул меня в бок и сказал:

— Моя темочка, хороша?

Затем в щели ставен — крупный глаз Верещагина. Луспекаев:

— Видал, какой у него глаз?

Вот что поразительно, он мог, имел право сказать «у него»! В устах другого это было бы безвкусицей, претензией. А в щели ставен действительно был огромный глаз таможенника Верещагина.

После фильма он рассказывал о съемках, хвалил Мотыля, подмигивал мне, когда прохожие улыбались, оборачиваясь на него: «Видал, видал, узнают!» А потом сказал:

— Я, знаешь, доволен, что остался верен себе. Меня убеждали в картине драться по-американски, по законам жанра. Мол, вестерн и т. д. А я отказался. Играю Верещагина, «колотушки» у меня будь здоров, вот я ими и буду молотить. И ничего, намолотил...

И он засмеялся так весело и заразительно, что и мы с дочкой заржали на всю улицу...»

3 апреля Москва прощалась с Маршалом Советского Союза Семеном Константиновичем Тимошенко, скончавшимся 31 марта на 76-м году жизни. Урна с прахом видного военачальника была захоронена в Кремлевской стене.

4 апреля Кондратович вместе с Дементьевым навестили Твардовского у него на даче. Тот как раз разбирался со своими бумагами — приводил их в порядок, в шутку говоря, что

иначе его пес их съест. У Дементьева было с собой письмо академика Сахарова, которое он стал читать Твардовскому. Далее слушаем А. Кондратовича:

«А. Т., уже читавший письмо, слушал его с большим вниманием, как обычно слушают то, что особенно нравится. Когда Сахаров перечисляет недостатки в нашей экономике и пр. — кратко, но серьезно, глубоко, А. Т. сказал:

— За каждой строчкой здесь столько скрыто, столько стоит существенного.

Вообще все так не похоже на наши официальные доклады. И не только на них. Вряд ли на заседании Политбюро хоть один раз звучала такая основательнейшая и глубокая критика. Говорится о том, что мы не только не догоняем капиталистические страны, но все больше и больше отстаем от них...

Письмо умное, и я, по правде говоря, не усмотрел в нем наивностей, о которых вчера мне говорили... Если и есть наивности, то наивен замысел самого письма. Ну кто, прочитав его, послушается, согласится? Для этого Брежневу надо быть не Брежневым, а Сахаровым. А это уже фантастика.

А. Т. кивал головой, взглядывал на меня в особых моментах. В письме (особенно вначале) подчеркиваются преимущества социалистического хозяйствования.

А. Т.: — Видите, он совсем не против, наоборот, его не упрекнешь ни в чем...

Много о том, что изменения надо проводить постепенно, поэтапно. И это А. Т. подчеркивал:

— Он не говорит: ломай, меняй, а, напротив, — все время о постепенности изменений. Этим он как бы подчеркивает реальность предлагаемых изменений.

Но кто пойдет на четырнадцать сахаровских предложений?

И главное — о необходимости гласности, интеллектуальной свободы и даже о предоставлении прав группам лиц издавать свои печатные органы. В сущности, все — в пределах буржуазной демократии. Мы ее клянем, а она для нас — недостижимое будущее, далекое.

Дементьев смеялся: — Вот мы сидим здесь, давайте организуем свой журнал. Мы же группа лиц.

А. Т. спокойно улыбался. Пошли пить чай. Дементьев стал читать про себя.

А. Т.: — Ты не читай про себя. Дай другим послушать...

И снова говорил, как можно все устроить и сделать и как мы ничего не можем, не хотим, боимся что-либо сделать.

Я хватился в начале десятого. Надо ехать. А. Т. стал оставлять меня у себя: «Ну куда же вы в таких ботиночках. Вы же воспаление легких подхватите». Но оставаться мне было нельзя. А. Т. вызвался меня провожать. Надел сапоги. Спросил, не дать ли мне его ботинки. «Какой у вас размер?» — «У вас какой, наверно, сорок четвертый?» — «Да, сорок четвертый». — «Ну куда же мне их надевать».

Вышли на улицу, тепло. Темно. Свежо от тающего повсюду снега. А. Т. пошел к Жданову В. В. Он напротив. Тот компанейский человек, выскочил, что-то жуя. Тотчас же согласился отвезти меня до 36-го километра. «Но только, Александр Трифонович, потом ко мне чай пить. А то я не допил чай...» Вытащили машину с другой дачи. А. Т. и Дементьев тянули ее за кузов. Я сел...

Попрощались. Я поехал, а А. Т., в курточке спортивной, в сапогах — весь дачный, необычный, помахал мне рукой... И пес у его ноги...

Той же ночью в городе Магдебурге (ГДР), в обстановке глубокой секретности, была проведена операция «Архив» по уничтожению останков Гитлера, Евы Браун, Геббельса и членов его семьи. Как мы помним, приказ об осуществлении акции лично подписал Андропов еще в марте (кроме него, про это знали только Брежнев и Косыгин). Исполнение акции было непосредственно возложено на трех офицеров армейской разведки из особого отдела 3-й армии: Владимира Широкова, Николая Коваленко и Владимира Гуменюка. Последний вспоминает:

«Для обеспечения скрытности операции мое хобби — рыбалка — очень пригодилось. Ведь скрывать ее надо было абсолютно от всех, кроме нашей тройки! Маскировка под выезд на рыбалку в выходной (5 апреля выпало на воскресенье. — Ф. Р.) подходила как нельзя лучше. Но никто не видел, что вместе с удочками в машину я положил автоматы с запасом патронов: если бы вдруг оказались ненужные свидетели, пришлось бы пойти на крайние меры. К счастью, я выбрал такое место, где посторонних глаз не оказалось. Останки Гитлера

были закопаны на территории особого отдела 3-й армии. Это самый центр Магдебурга — Кляузерштрассе, 36. Днем мы поставили над местом захоронения палатку — якобы для того, чтобы в ней провести плановую проверку противогазов. А в ночь с 4 на 5 апреля при свете карманных фонариков извлекли останки, уложенные в полусгнившие ящики из-под снарядов. Я сел за руль, и вдвоем мы вывезли их в одну из заранее выбранных точек. Если бы там оказались люди, мы бы переместились на запасную площадку. Но там чужих не было. Осмотрели останки. Кости детей Геббельса сохранились лучше других. У черепа Гитлера не было челюстей, от него воняло чем-то противным, ядовитым. Я облил останки бензином. Жгли, пока все кости не обратились в прах. Пепел тщательно собрали лопатой в солдатский вещмешок. Затем поехали в другое место, за несколько десятков километров от «погребального костра». Остановились на мосту через один канал. Я быстро вышел из машины и высыпал прах в воду...»

Кстати, тот вещмешок, в котором находился прах, Гуменюк затем привез с собой на родину — в Ульяновск. Понимая, что при современном развитии науки выделить из ткани частицы останков Гитлера и идентифицировать этот материал не составляет особого труда, он предпринял соответствующие меры — обработал мешок раствором хлорки и тщательно простирал в порошке. Воду слил в унитаз. Спросите, зачем такие предосторожности? Да все для того же, для чего уничтожили прах Гитлера, — чтобы идейные продолжатели его дела не использовали частицы его останков как новое знамя.

Тем временем Владимир Высоцкий вновь сорвался из Москвы — на этот раз в Сочи. Компанию ему в этой поездке составил все тот же Давид Карапетян, с которым он буквально не расстается, считая его, видимо, своим талисманом. 7 апреля друзья благополучно приземлились в адлерском аэропорту, откуда на такси добрались до Сочи. Там они без особого труда устроились в интуристской гостинице. После утреннего шампанского Высоцкий тут же увлек друга на безлюдный пляж, где они совершили свой первый морской моцион. Выглядел он более чем странно. Высоцкий внезапно предложил другу лечь на песок и поды-

шать воздухом. Причем не раздеваясь. Так они и сделали, улегшись в чем были: Высоцкий в коричневой, до колен, куртке (подарок жены, купленный в парижском бутике), Карапетян — в короткой бежевой дубленке. Так, под шум прибоя, они и пролежали в бодрящей полудреме несколько часов кряду.

В тот день, когда Высоцкий сорвался на юг, вся страна прильнула к экранам своих телевизоров: начался показ нового 5-серийного телефильма «Адъютант его превосходительства», снятого режиссером Евгением Ташковым. Фильм поставили в эфирную сетку в самое «смотрибельное» время — в 19.00 — и показывали не ежевечерне, а через день, растянув тем самым показ до 16 апреля. Буквально с первой же серии вокруг показа разгорелся невиданный ажиотаж, когда улицы советских городов буквально вымирали. Без преувеличения можно сказать, что вся огромная страна, затаив дыхание, наблюдала за тем, как красный разведчик Павел Андреевич Кольцов водит за нос всю белогвардейскую контрразведку во главе с проницательным полковником Шукиным.

Для исполнителя роли Кольцова актера Юрия Соломина эта роль стала поистине эпохальной: именно она сделала его национальным кумиром. Но у этой славы будет и обратная сторона: уже в дни первого показа фильма Соломину приходилось тщательно маскироваться, чтобы, не дай бог, его не опознали поклонники: он надевал на глаза темные очки, поднимал воротник пальто и надвигал на глаза кепку. И только таким образом ему удавалось без лишней нервозности добраться в переполненном автобусе (своего авто у него тогда еще не было) из Бескудникова (там он жил) до Малого театра (там он работал).

Не менее беспокойной стала жизнь и у другого участника этого же сериала — Виктора Павлова, который сыграл отъявленного мерзавца Мирона Осадчего. Когда люди узнавали его на улице, они буквально зверели, отождествляя его с экранным персонажем. Вот как он сам вспоминает об этом:

«После премьеры фильма стою я в очереди в магазине. Очередь небольшая, человека четьре, а тут одна девушка без очереди лезет. Я ей культурно объясняю, что я ее пропущу, но зачем впереди бабушек лезть? Она повернулась

и говорит: «Вы как в кино гад, так и в жизни сволочь...»

8 апреля съемочная группа фильма «Миссия в Кабуле», который на «Ленфильме» снимает Леонид Квинихидзе, отправилась в заграничный вояж — в Афганистан, где в течение двух с половиной месяцев предстояло отснять натуру. Однако группа улетела не в полном составе: дома остались актеры Владимир Заманский и Эммануил Виторган, а также ассистент режиссера Александр Файнциммер. Причины, по которым это произошло, были разные. Если Заманского таким образом наказали за его правдолюбие (резал правду-матку, невзирая на ранги высоких чиновников), то Виторган с Файнциммером пострадали из-за «пятого пункта» — были евреями. Инициаторы поездки, наверное, дольше всего пытались отстоять кандидатуры Виторгана и Файнциммера, уверяя больших начальников в обкоме партии, что они абсолютно лояльны к советской власти и выказывают завидное трудолюбие на съемочной площадке. Но чиновники были неумолимы и тому же Виторгану, например, припомнили не только его национальность, но приплели сюда же и «аморалку»: некоторое время назад он бросил жену с малолетней дочерью, уйдя к актрисе Алле Балтер. Когда Виторгану сообщили о перипетиях этой борьбы в высоких кабинетах, он лично отправился в обком. По его же словам: «Я пришел к завкультотделом, такой большой женщине с начесом, и рассказал ей всю эту историю, ссылаясь на какое-то недоразумение. А она мне говорит: «Нет тут никакого недоразумения, просто ты еврей». Не поверите, я после этого рыдал как мальчишка, слезы просто струями лились из моих глаз...» В итоге «афганские» сцены с участием Виторгана придется доснимать на «Ленфильме».

Владимир Высоцкий и Давид Карапетян продолжают свой отдых в Сочи. Однако их относительный покой длился не долго: уже на третьи сутки у приятелей кончились деньги и надо было срочно придумывать, где достать энную сумму для продолжения отдыха. Высоцкий, недолго думая, предложил продать его куртку — подарок Марины Влади. Но Карапетян воспротивился: мол, это же кошунство — продавать подарок! И предложил иной вариант: позвонить его жене в Москву (кстати, вто-

рая половина Карапетяна тоже была француженка — Мишель Кан). Но Высоцкого этот план не вдохновил, и он, гораздый на выдумки, придумал новый способ добычи средств. Он увлек приятеля в порт, где они стали один за другим обходить тамошние суда в надежде, что их капитаны, узнав в просителе Высоцкого, одолжат ему необходимую сумму. Трюк удался: капитан теплохода «Шота Руставели» Александр Назаренко признался, что его сын буквально тащится от песен Высоцкого, и на этой почве одолжил кумиру своего отпрыска 40 рублей. Забегая вперед, сообщу, что этот долг Высоцкий вернет ровно через год — когда вместе с женой совершит на этом теплоходе многодневный круиз.

А теперь перенесемся из Сочи в воды Средиземного моря. Там 10 апреля, в 22.35 по московскому времени, произошло ЧП на борту советского подводного атомохода «К-8»: внезапно загорелись ящики с регенерацией, и пожар моментально охватил сразу три отсека. Находящиеся в них люди пытались потушить пламя, однако их попытки не увенчались успехом — огонь стремительно распространялся. Те, кто сумел покинуть охваченные пламенем отсеки, выжили, но другие — например, четверо подводников, обслуживающих отсек управления атомным реактором, так и не сумели спастись. Были и другие жертвы. Ни одно из советских СМИ даже не упомянуло об этом ЧП, исходя из принципа: в преддверии 100-летия со дня рождения Ленина — ни одной плохой новости.

В те же дни в Ставрополе состоялся пленум местного крайкома КПСС, на котором 1-м секретарем крайкома был избран Михаил Горбачев, будущий генсек и первый (и единственный) президент Советского Союза. Избрание Горбачева персеком для тех лет было явлением не рядовым и необычным, поскольку, во-первых, Горбачев был свой, местный (до этого выбирали «варягов»), во-вторых — он был достаточно молод (ему только исполнилось 39 лет). Для сравнения: средний возраст персеков в Советском Союзе в те годы составлял 50 лет. Избранию Горбачева предшествовали следующие события.

До Горбачева Ставропольским крайкомом руководили: Федор Кулаков, которого после смещения Хрущева в 1964 году перевели в Мо-

скую на повышение, и Леонид Ефремов, наоборот, из столицы сослали в ссылку, в Ставрополь. Перед отъездом, напутствуя Ефремова, Кулаков охарактеризовал всех заметных людей в крае, особенно выделив при этом Горбачева: дескать, молодой, перспективный кадр. Однако в последующем Ефремов с Горбачевым близко так и не сошлись, и когда в Москве возникла идея назначить Горбачева вторым секретарем крайкома, Ефремов стал возражать. Но его не стали слушать, поскольку Кулакову Горбачев продолжал нравиться. А весной 70-го ситуация и вовсе дозрела до того, что в столице решили именно Горбачева поставить во главе краевой парторганизации. Брежнев, который лично разговаривал с Ефремовым по этому поводу, объяснил решение Политбюро так: «Твоя семья живет в Москве (у Ефремова была серьезно больна жена), сам ты в Ставрополе — не пора ли воссоединиться?» Спорить с генсеком Ефремов не решился. Однако когда речь зашла о приемнике, посоветовал обратить внимание на председателя краевого исполкома Босенко. Но Брежнев (с подсказки Кулакова, естественно) и здесь все расставил по-своему: назначил Горбачева.

Тем временем Высоцкий и Карапетян, закончив свой отдых в Сочи, но все еще не нагулявшись, по предложению Высоцкого двинули свои стопы на родину Карапетяна — в Армению. Но прежде чем туда отправиться, последний сделал предварительный звонок и прозондировал почву на предмет возможной халтуры для Высоцкого — то бишь организации концертов. Абонентом Карапетяна была его пассия Алла Тер-Акопян. Она сообщила, что ей вполне по силам организовать концерт Высоцкого в Малом зале филармонии, где директорствовала ее приятельница.

До вылета оставалось несколько часов, и приятели убивали время, слоняясь по аэропорту. Затем стали искать, где бы заморить червячка. Сделать это удалось в столовой для летного состава, куда они проникли благодаря очаровательной стюардессе, с которой познакомились на летном поле. Денег хватило лишь на макароны по-флотски и компот, а с алкоголем вышла накладка — его в этой столовой употреблять не полагалось. Но Высоцкий и здесь нашел выход. Подскочил к какому-то молодому пилоту и, едва тот узнал его, предло-

жил пообщаться в более приличествующей случаю обстановке — в ресторане. Платить, естественно, должен был парень. Он же после ужина посадил своих новых знакомых и в самолет, дав соответствующие пояснения экипажу. Этим же рейсом в Ереван возвращалась футбольная команда «Арагат», и Высоцкий практически весь полет проговорил с ее тренером Александром Пономаревым о футболе (кстати, как ни странно, но любимой команды у Высоцкого никогда не было).

В Ереване гости остановились на квартире средней сестры Карапетяна Вари и ее мужа — кинорежиссера Баграта Оганесяна. Оттуда Карапетян сделал телефонный звонок в Союз кинематографистов Армении и договорился сразу о трех концертах Высоцкого под эгидой этого учреждения. Причем концерты должны были состояться в тот же день, чего гости явно не ожидали — они рассчитывали хоть немного отдохнуть с дороги. Но делать было нечего, поскольку они сами до этого просили побыстрее все организовать. В итоге свой первый концерт Высоцкий дал в 16.00 (а прилетели они в 4 утра) в клубе какого-то завода. Перед его началом между Карапетяном и Высоцким возникли разногласия. Если первый настаивал на том, чтобы в концерте были исполнены самые острые песни («Охота на волков», «Банька» и др.), то второй хотел обойтись более выдержанным с идеологической точки зрения репертуаром. Победил Высоцкий.

Два других концерта состоялись в центре города (клуб завода находился на окраине), причем не где-нибудь, а в клубе... КГБ. Карапетян и здесь стал склонять друга исполнить «что-нибудь этакое», но Высоцкий вновь сделал по-своему — не спел даже «Нейтральную полосу», которая при такой публике была бы вполне уместна. Концерты строились по одной и той же схеме: сначала крутился киноролик с отрывком из фильма с участием Высоцкого, затем он исполнял монолог Хлопуши из спектакля «Пугачев», и только потом шли песни (начинал Высоцкий с «На братских могилах...»). Во время третьего концерта произошел забавный эпизод, который затем был истолкован против Высоцкого. В перерыве между песнями он подошел к столу, на котором стоял графин с водой, и промочил горло. При этом не преминул заметить: «Вот сейчас выпью — и пойдем

дальше. Ваше здоровье!» Кому-то в зале показалось, что в графине была не вода, а водка, после чего уже на следующий день по городу пошли слухи, что Высоцкий играл концерт пьяным. На самом деле он был слегка навеселе, употребив в перерыве некоторое количество коньяка для бодрости.

Концерт закончился около десяти вечера, после чего гости уехали к сестре Карапетяна. Но едва успели поужинать, как Высоцкий внезапно вспомнил про Аллу Тер-Акопян и загорелся желанием немедленно ее посетить. «Так ведь ночь на дворе!» — попытался урезонить друга Карапетян. «Плевать на ночь, — ответил Высоцкий. — Она больше всех хотела нас увидеть, а мы ее даже на концерт не пригласили. Едем».

Вспоминает А. Тер-Акопян: «Около полуночи раздался звонок в дверь. Первой на пороге появилась мрачно-импозантная высокая фигура Давида Карапетяна, моего давнишнего знакомого. Он был худой, как йог, и горделивый от неуверенности. За ним стоял крепыш в кожаной куртке. По виду — русский; по запаху — выпивший. Нет, с первого взгляда я крепыша не узнала. Только со второго: Высоцкий! И сразу смутилась. Еще бы — такая мощь слова, интонации и... такая знаменитость!

Пригласив гостей войти, я провела их на кухню. Мое пуританское семейство уже улеглось спать, и кухня была наиболее изолированным уголком квартиры.

...Мы сидели за накрытым столом: Давид у левой по отношению ко мне стены, Володя у правой. Давид был в роли молчальника, Володя — конферансье. Но конферансье невеселого. Он думал о Марине, тосковал по ней. Отчетливо помню его слова: «Я очень перед Мариной виноват — я изменил ей, она узнала и уехала во Францию. Сейчас она у сестры под Парижем... Хочу, чтобы у вас было не так. Я приехал, чтобы вас помирить». На последнее предложение мы ответили стоическим молчанием...»

Тут я позволю себе на время прервать рассказ хозяйки дома и обращусь к свидетельству другого очевидца — Давида Карапетяна. Согласно его словам стоического молчания как раз не было. А было вот что:

«Тер-Акопян не оценила уникальности момента и тоном комсомольской активистки принялась нудно перечислять список собственных добродетелей в противовес моим врожденным порокам. Ничего нового я для себя не услышал...

Но Высоцкий воспринял эту словесную атаку как личное оскорбление иотреагировал молниеносно:

— Что ты несешь? Перестань выебываться!

Шокированная моралистка так смешалась, что, заметив это, Володя смилостивился:

— Это такой морской термин.

Бедной Алле было невдомек, что для Высоцкого дружба — святая святых, что друг для него, будь он хоть тысячекратно не прав, — всегда прав. Неудивительно, что в заскорузлые обывательские мозги эта «абсурдная» аксиома никак не вмещалась...»

И вновь — воспоминания А. Тер-Акопян: «Вдруг Володя совершает нечто детское и святотатственное одновременно: он снимает с себя огромный — для креста нательного — золотой крест и вешает мне на шею со словами: «Это подарок Марины». Я, конечно, тут же перевешиваю крест на грудь его законного владельца. Володя уже пьян.

Ему становится плохо. Мы с Давидом без труда отводим его в гостиную, пытаемся уложить на диван, он падает, крушит стулья, что-то разбивается. Володя очень бледен, в уголке его губ закипает пена... Это что — эпилепсия? Он не произносит ни слова. Я интуитивно поступаю правильно: вливаю ему в рот корвалол, потом мацони, крепкий чай, минеральную воду... Чувствую, что следует влить в него как можно больше полезной жидкости, дабы нейтрализовать алкогольный яд. Сражаемся с болезнью Володи до рассвета, и Володя воскресает: говорит, мыслит, даже ходит. Восстал, как птица феникс из пепла! Но у меня защемило сердце: он недолговечен...

На рассвете гости уходят в отцовский дом Давида — это в трех минутах ходьбы от моего дома.

Между тем город уже знал, что приехал Высоцкий. Телефонные звонки без конца пронзали нашу квартиру, друзья умоляли устроить встречу с любимым бардом. Созвонилась с Давидом. И Володя согласился встретиться с моими друзьями. Собрались мы у Эдика Барсе-

гяна, физика, велосипедиста-профессионала, великого почитателя Есенина.

В большой квартире Барсегианов набралось много народу: физики, художники, поэты. И во время застолья, и после оного Высоцкий много и замечательно пел. Казалось, картина, связанная с ним в моей гостиной, мне просто приснилась: он был здоров и добродушен. Песню «Охота на волков» предварил словами: «Охоту на волков» я посвящаю Алле Тер-Акопян». Ну, разумеется, мне он посвящал не песню, а исполнение этой песни, но я была рада, благодарна Володе и одновременно смущена. Не концертное, а домашнее выступление вроде бы позволяло Володе пощадить себя, не надрываться — голосом, душой. Но Высоцкий не умел не надрываться, вся его жизнь — надрыв, приведший очень скоро к отрыву от грешного земного бытия. Артист пел так, как пел бы на большой сцене. Однако... все это происходило, так сказать, в первом акте. Во втором акте уже не шло речи ни о вдохновении, ни о мужестве. По всей видимости, Володя страдал еще и язвой желудка — у него начался приступ. Да какой! Он прямо-таки взывал от боли. Мне даже казалось, что тут не обходится без артистической гиперболы, наигрыша. Но к чему это? Неужели интонации неколебимой стойкости существуют только для подходящих по тематике песен?

И тут взрывается Давид и обвиняет хозяев в том, что они напоили Высоцкого. Ой, как это было несправедливо! Добрые хорошие люди удивились: за что? Никто никого не поил! Все было более чем демократично. Да и, насколько мне помнится, Володя на сей раз пил совсем немного... Последние картины этого вечера из моей памяти выпали напрочь...»

13 апреля, после месячного перерыва, «снялся с якоря» генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев — на этот раз он отправился в Харьков, чтобы вручить ордена Ленина Харьковской области и тамошнему тракторному заводу. Затем Брежнев едет в Ульяновск, где накануне 100-летия В. Ленина открылся мемориал вождю мирового пролетариата.

Продолжает лихорадить город Луганск, где, как мы помним, в конце марта объявился насильник. За истекшие недели милиция тщетно пыталась напасть на его след, он же, как бы издеваясь над потугами сыщиков, продолжал

вершить свои черные дела. В начале апреля он совершил еще три нападения, действуя по прежнему сценарию: угрожал жертве ножом, душил, требовал деньги, говорил, что они проиграны в карты. Все три преступления были совершены в одном районе — Жовтневом.

Однако 14 апреля город потрясла страшная весть: насильник пролил первую кровь. Это произошло на Парковой улице, где в недостроенной трансформаторной будке был обнаружен труп 17-летней Тамары М., которая возвращалась из вечернего института, но до дома так и не дошла. Все признаки указывали на то, что девушка сначала была изнасилована, а затем задушена руками. Рядом с трупом сыщики нашли несколько важных улик: кусок вафельного полотенца с пятнами буроватого цвета и два отрезка голубой тесьмы, на которых имелись узлы с петлей. Позднее эксперты установят, что полотенце было использовано как кляп, а тесьма служила вместо веревки, которой преступник связывал жертве руки.

В тот же день в городском УВД было созвано совещание, на котором решался вопрос — как найти и обезвредить преступника, который теперь, после убийства, уже ни перед чем не остановится. Учитывая серьезность преступлений, было принято решение о проведении специальной операции по поимке маньяка большими, чем это было на первоначальном этапе, силами. Теперь ежедневно в розыске преступника участвовали около 500 милиционеров и 400 дружинников. И хотя получить быстрый результат не удалось, однако маньяк на какое-то время затих.

Продолжается пребывание Владимира Высоцкого в Ереване. После его концертов в клубе КГБ на самый верх — в ЦК КП Армении — была отправлена депеша, в которой указывалось, что Высоцкий поет антисоветские песни, да еще пьет водку прямо на сцене. После этого родственникам Давида Карапетяна настоятельно порекомендовали отправить гостей первым же самолетом обратно в Москву. И те попытались это сделать. Но в Давиде разыграло самолюбие: дескать, никто не имеет никакого права заставлять его и Высоцкого уезжать из Еревана. Мол, сколько хотим, столько и будем здесь находиться. В результате они прожили в Ереване еще несколько дней, каждый день навещая все новые и новые дома. Например, в

один из таких дней они побывали в гостях у тренера «Арарата» Александра Пономарева. Там Высоцкий начал свой домашний концерт словами: «Посвящаю эту песню кумиру моей юности Александру Пономареву». (Пономарев в 1941—1950 годах играл в столичном «Торпедо», был капитаном команды.)

Однако то, что не смогли сделать «верха», доделала водка. Высоцкий все чаще и чаще бывал не в форме, что для Еревана было событием экстраординарным (это была единственная в СССР республика, где не было вытрезвитель!). Однажды Высоцкого так развезло в такси, что таксист потребовал немедленно вывести его из машины. И только когда Карапетян уточнил, кем является этот пассажир, водитель смилостивился и довез пассажиров до нужного дома. Но обстановка накалялась, и столичным гостям пришлось закругляться со своим визитом. Однако улетали они тоже не без приключений.

Когда друзья приехали в аэропорт, оказалось, что билетов на ближайший рейс уже нет. Тогда Высоцкий отправился напрямик к командиру экипажа и попросил захватить их в Москву. Но пилот не оказался почитателем его творчества и отказал, мотивируя тем, что самолет перегружен. По счастью, другой член экипажа оказался фанатом Высоцкого и стал чуть ли не с пеной у рта доказывать командиру, что тот глубоко не прав. «Да это же Высоцкий! Понимаете — Вы-соц-кий!» — возмущался второй пилот, размахивая руками. В итоге он так допек командира, что тот сдался: мол, черт с ними, пусть садятся!

Примерно в эти же дни в Нарву, для завершения съемок фильма «Король Лир», выехал Григорий Козинцев. Тогда же он получает письмо от Шостаковича из Кургана, в котором тот сообщает, что из-за лечения не имеет никакой возможности писать музыку к картине. Он пишет: «Еще раз советую Вам подумать о том, чтобы заменить меня». Однако Козинцеву даже в голову не приходит поступить подобным образом — музыку к своему фильму он связывает только с именем Шостаковича и ни с кем другим. Он согласен ждать выписки композитора сколько потребуется.

В те дни на киностудиях страны, кроме «Короля Лира», снимается множество фильмов. О некоторых я уже упоминал, теперь расскажу

о других. В Ленинграде Михаил Богин снимает картину «Про любовь» с Викторией Федоровой и Олегом Янковским в главных ролях. В Федорова вспоминает:

«В новом фильме Миши Богина я исполняла роль женщины-скульптора, которая не желает поступаться своими идеалами и играть роль любящей жены и матери, отведенную женщинам той поры.

Казалось бы, Надиному (тогдашняя свекровь актрисы. — Ф. Р.) самолюбию должно было льстить, что ее невестка — киноактриса, которой предсказывают блестящее будущее. Но, по-моему, она считала, что я использую свою работу лишь как предлог для того, чтобы уклониться от исполнения супружеских обязанностей. И хотя дальше ворот путь на студию был для нее закрыт, она по-прежнему шла следом за мной по улицам и подслушивала мои телефонные переговоры...

Но даже не принимая в расчет Надю, моя жизнь с Сергеем как-то не складывалась. Он работал над диссертацией и не очень был склонен выходить вечерами из дому. А уж если мы и шли куда-нибудь в гости, то непременно к его друзьям. Я понимала Сергея, да и друзья его были со мной предельно вежливы и дружелюбны, но нам не о чем было друг с другом разговаривать. Я ничего не смыслила в научных проблемах, которые их занимали, а потому лишь улыбалась, произнося время от времени ничего не значащие фразы...

И все же самой большой проблемой было постоянное вмешательство Нади в наши дела. После одного особенно неприятного эпизода, связанного со слежкой за мной, она избрала новую тактику. Теперь она взяла на вооружение тему детей. Каждый вечер за ужином она подводила разговор к нашему будущему ребенку. Почему мы не заводим ребенка? Сергею нужно стать отцом, пока он еще молод. Что за будущее ждет нас и ради чего мы работаем, если не ради ребенка? И хотя я в довольно резких выражениях объяснила ей, что еще не готова стать матерью, а Сергей меня поддержал, Надя продолжала свою широкую агитационную кампанию в пользу будущего внука...

Другая известная киноактриса — Наталья Фатеева — в эти же дни находилась в румынском городе Констанце, на съемках фильма «Песни моря» (съемки там начались 8 апреля).

Ее партнером в картине был популярный певец Дан Спатару, который слыл отъявленным сердцеедом. Заполучив себе в партнершу самую красивую актрису советского кинематографа, он, естественно, не мог остаться безучастным к ее красоте. В итоге, как мы помним, между ними вспыхнул роман. Его свидетелем вне съемочной площадки стал автор песен к фильму поэт Роберт Рождественский, который затем и привез эту новость в Москву. После этого по столице стала гулять шутка: мол, космонавту Борису Егорову, мужу Фатеевой, теперь в космос больше не полететь — рога в космический корабль не влезут.

Между тем съемки в Констанце шли не очень гладко — нормальному ритму работы мешала дождливая погода, и снимать удавалось только в редкие минуты просветления. Тогда и были отсняты эпизоды из начала фильма: герой Спатару, впервые увидев героиню Фатеевой в порту, влюбляется в нее с первого взгляда и посвящает ей песню. Та, отвечая ему взаимностью, исполняет свою арию. Затем они уже вдвоем лихо отплясывают под песню «Ты, я и мой зонтик». В эти же дни будет отснят и другой музыкальный номер, где Дан Спатару исполняет под окном возлюбленной песню «Пой, гитара». Когда фильм выйдет на экран, она мгновенно станет шлягером: «От зари до зари» распевала вся страна.

А теперь из Констанцы вновь вернемся в Москву. Там продолжают съемки фильма «Вся королевская рать», где в главных ролях заняты популярные актеры Павел Луспекаев, Михаил Козаков и Татьяна Лаврова. Луспекаев играл роль губернатора штата Вилли Старка и, по словам очевидцев, работал над ролью неистово. Это проявлялось во всем, даже в мелочах. К примеру, он замучил гримеров поиском фасона стрижки для своего героя, объездил с художником по костюмам несколько столичных комиссионных, где долго подбирал похожие на американские плащ и шляпу. Он также купил за свои деньги золотой перстень-печатку, поскольку считал, что именно такую вещь должен иметь на руке его герой.

Однажды в один из тех апрельских дней Луспекаев жаловался Козакову: «Я утром перед съемкой в «Пекине» (на время съемок Луспекаева поселили в гостинице «Пекин». — Ф. Р.) очередь в буфет отстою на своих культах (у ак-

тера были отрезаны пальцы на обеих ногах. — Ф. Р.), два яйца съем, приеду на студию и загаю два часа в гримерной, пока в павильоне свет ставят... а потом входи в кадр и чувствуй себя губернатором штата — Хозяином! Смех!..»

15 апреля Луспекаев снимался в сцене, где его героя из-за интриг политических воротил забаллотировали на выборах губернатора, но он не теряет надежды обхитрить своих недругов и все-таки быть избранным. «Никем ты не будешь, безмозглый теленок!» — кричала ему его любовница Сэди. «Буду, — упрямо твердил Луспекаев-Старк, — буду, буду! Я буду убивать их голыми руками!!! Вы меня слышите? Вот этими руками!!!»

Этот эпизод был сыгран актером на таком эмоциональном подъеме, что все участники съемочной группы, осветители, рабочие вдруг начали аплодировать Луспекаеву. На съемочной площадке такое происходит крайне редко.

На этот же день выпадала дата регистрации брака Андрея Миронова и Татьяны Егоровой. Но против этого активно выступила мать Андрея Мария Владимировна. А у Егоровой, еще не пришедшей в себя после потери ребенка, просто не было сил на дипломатию с будущей свекровью. «Я еле хожу, я качаюсь, — говорила она Миронову, — поэтому тема «сын, женитьба, мама, труп» может завершиться моим летальным исходом».

В конце концов молодые решили повторить попытку расписаться (уже в третий раз!), но чуть позже — когда все уляжется.

Тем временем к середине апреля в столице почти полностью сошел снег, всюду припекало солнце. В городе появились сочлененные троллейбусы типа МТБ. Прежние — одновагонные — на отдельных маршрутах набивались пассажирами под самую завязку, и городские власти давно озаботились проблемой создания новых, более вместительных машин. Но поскольку троллейбусные заводы никак не могли наладить их выпуск, было решено пока обойтись «сочлененкой»: два троллейбуса крепились друг к другу с помощью трех резиновых шлангов и металлического сцепа. Как говорится, дешево, но сердито.

Столичная афиша развлечений в те дни выглядела следующим образом. С 6 апреля в кинотеатрах начали крутить фильм Георгия Натансона (до этого снял хит «Еще раз про лю-

бовь») «Посол Советского Союза» с Юлией Борисовой в главной роли. Борисова сыграла Елену Кольцову, прообразом которой явилась пламенная коммунистка Александра Коллонтай (очень актуальная тема в преддверии приближающегося 100-летия со дня рождения Ленина). С того же дня в кинотеатрах Москвы начался тематический показ историко-революционных фильмов под девизом «Мы к коммунизму держим путь», шутниками переименованное в «Мы коммунисток держим грудь». С 9-го на радость детворе в прокат выпустили венгерский исторический боевик «Завещание турецкого аги», а на радость взрослой публике — фильм классика польского кинематографа Анджея Вайды «Пепел и алмаз» (1958) с кумиром поколения Збигневом Цибульским, три года назад погибшим при нелепых обстоятельствах: опаздывал на поезд, споткнулся и попал под его колеса. 13 апреля в одном из лучших кинотеатров страны — «Россия» — состоялась премьера картины Сергея Герасимова «У озера», где снялась целая плеяда звезд, как уже известных (Олег Жаков, Василий Шукшин, Наталья Аринбасарова, Михаил Ножкин), так и восходящих (Наталья Белохвостикова, Николай Еременко-младший, Вадим Спиридонов, Наталья Бондарчук, Валентина Теличкина, Наталья Гвоздикова).

14-го состоялась еще одна кинопремьера, приуроченная к юбилею вождя мирового пролетариата: фильм Виктора Георгиева «Кремлевские куранты» с Юрием Каюровым в роли Ленина (он же играл его и в «Почтовом романе», премьера которого была в марте), Анатолием Фальковичем в роли Дзержинского, Юрием Каморным и др. Крохотную роль в этом фильме сыграла и звезда 40-х Валентина Серова, которая теперь влачила чуть ли не нищенское существование.

Кино по ТВ: «Деревенские каникулы» (премьера т/ф 2-го), «Хроника семьи Яношик» (премьера т/ф), «Гармонь» (3-го), «Аннычка», «Альба Регия» (4-го), «Москва—Генуя» (5-го), «Доктор Калюжный» (6-го), «Адъютант его превосходительства» (7, 9, 11, 13, 16-го), «Удар, еще удар!» (9-го), «Попутной ветра», «Синяя птица!» (11-го), «Беспокойное хозяйство» (12-го), «Вызываем огонь на себя» (14, 16—18-го), «Оптимистическая трагедия» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие спектакли: 4-го в Большом давали «Семь на Котко»; 8-го в Театре Сатиры — «У времени в плену» с Андреем Мироновым в роли Всеволода Вишневского; 14-го в «Современнике» — чеховскую «Чайку» в постановке Олега Ефремова; 15-го в Театре имени Гоголя — «Землю» Н. Вирты с Борисом Чирковым в главной роли.

«Гвоздем» этого списка, безусловно, является «Чайка», от которой театральная публика ждала чуда. Но чуда не произошло. Критики писали, что в течение всех 14 лет, что Ефремов руководил «Современником», ему сопутствовал успех, но когда он впервые всерьез взялся за классику, его постигла неудача. «Чайка» стала его первой невзаимностью с залом — поражением, перенести которое он не смог. Остаться в «Современнике» после такой неудачи значило для Ефремова то же, что продолжать жить с женщиной, которая перестала почитать супруга за лучшего в мире мужчину. Он стал смотреть «на сторону». В итоге это закончится его переходом во МХАТ, о чем разговор еще пойдет впереди.

В понедельник, 17 апреля, возобновились съемки «Королевской рати». Снималась сцена с участием Олега Ефремова, Аллы Демидовой и Михаила Козакова. Луспекаев в тот день в съемках занят не был, поэтому сидел в своем номере, но уже не в «Пекине», а в «Минске», что на улице Горького. Козаков к трем часам собирался выехать из дома на съемки, а в час у него внезапно зазвонил телефон. Он взял трубку и услышал на другом конце характерный голос Луспекаева:

— Миш, это я.

— Привет, Паша, как ты?

— Да вот сижу в «Минске» в номере модерн. Мне в «Пекине» больше нравилось, просторней. А здесь, как ни повернусь, обо что-нибудь задеваю. Ну да черт с ним! Главное, скучно без работы. Вообще я вашу Москву не люблю. В Ленинграде лучше. Я хоть теперь пешком не гуляю, трудно, да и на машине приятнее, хоть и из окна, а все-таки вид... Нет, когда снимаешься, все равно, а вот когда не хрена делать — скучно...

— Ты вчера где был? Я тебе целый день звонил.

— А, приятелей из Еревана встретил... Потом расскажу. Скучно в номере сидеть. Сейчас Танюшке Лавровой позвоню, попрошу кефиру принести. Жаль, ты занят. У тебя какая сцена? С Олегом? Ну ладно. А завтра мой черед.

— Паша, ты как себя чувствуешь? — спросил Козаков.

— Нормально... Ну ладно, работай.

Козаков повесил трубку и отправился собираться на съемку.

В три часа дня он приехал на студию, спустился в съемочный павильон и у раздевалки встретил второго режиссера картины Владимира Орлова. И тот его буквально ошеломил:

— Паша умер!

— Какой Паша? — не понял Козаков.

— Паша! Паша Луспекаев!..

Оказывается, через некоторое время после разговора с Козаковым по телефону, прямо в гостиничном номере, Луспекаеву стало плохо с сердцем. Однако никого, кто мог бы вызвать врача, рядом не оказалось. Вскрытие констатировало, что актер умер от разрыва сердечной аорты. Похороны актера прошли через три дня в Ленинграде.

Отмечу, что в то время, когда тело Луспекаева находилось еще в морге, начались лихорадочные поиски нового актера на роль Вилли Старка. На это было потрачено много времени, так как большинство актеров или отказались от роли (Михаил Ульянов, Сергей Бондарчук, Олег Ефремов), или не подошли на нее (Юрий Любимов, Андрей Попов, Леонид Марков). В конце концов на роль был утвержден Георгий Жженев.

19 апреля на тогда еще строящемся Волжском автозаводе собрали первые несколько автомобилей «Жигули» первой модели — «ВАЗ-2101», впоследствии прозванную в народе «копейкой». Родился самый массовый автомобиль в стране, которому предстоит стать настоящим символом эпохи. Однако в тот знаменательный день, когда с конвейера сошел первый автомобиль этой марки, рядом не оказалось ни одного журналиста. Ни телеграфные агентства, ни газеты об этом событии не сообщили, поскольку ничего эпохального в нем не увидели. Только рабочие завода после смены ломанулись на главный конвейер, чтобы собственноручно потрогать первые автомашины собственного производства.

Стоит отметить, что в 60-е годы советская промышленность выпускала всего около 200 тысяч легковых автомобилей в год. Поэтому и было затеяно строительство ВАЗа, который в планах советских руководителей должен был покрыть дефицит автомобилей (он должен был производить по 600 тысяч машин в год). Наши «Жигули» были почти точной копией итальянского «Фиата-124» 1966 года выпуска. Почему почти? Потому что у нашей «копейки» был другой двигатель и задняя подвеска. В отличие от прежних советских «легковух», «ВАЗ-2101» имел массу преимуществ: был лучше приспособлен для езды зимой, поскольку у него и мотор легко заводился, и мощная печка отлично обогревала салон, и вместо воды в радиатор заливали незамерзающий тосол. Короче, зверь машина! Как напишут позднее историки:

«Со строительством и пуском Волжского автозавода были введены в действие не только мощности по производству автомобилей, но и началась новая эпоха в развитии и автомобилестроения, и машиностроения страны. ВАЗ привнес в отечественную промышленность новый стиль организации работы, он дал толчок развитию многих других отраслей экономики — металлургической, химической, электротехнической, резинотехнической... ВАЗ заставил эти отрасли работать четко, качественно...»

Тем временем все средства массовой информации огромной страны буквально захлебывались от восторга в преддверии славной годовщины — 100-летия со дня рождения В. Ленина. Однако чем больший ажиотаж раздувала власть вокруг этого юбилея, тем большее неприятие вызывал он у рядовых граждан. Наглядным ответом со стороны последних явилась целая серия новых и реанимированных старых анекдотов про Ильича. Например, такой.

Приходит мужик на работу, а начальник у него спрашивает:

— Почему у тебя брюки мятые?

— Да я утром включил радио, а там: «Ленин жив»... Включил телевизор, и там: «Ленин жив»... А уютя я уже включить побоялся...

Или вот еще один, который в те дни я услышал в компании старшеклассников у себя во дворе на Казаковке.

По картинной галерее ходит экскурсия. Останавливается возле картины «Ленин в Разли-

ве». На картине изображен шалаш, из которого торчат четыре пары голых ног. Один из посетителей спрашивает экскурсовода:

- Извините, а чьи это ноги торчат?
- Дзержинского и Крупской.
- А где же здесь Ленин?
- Нигде — он в Польше!

Из тех дней еще вспоминаются разговоры про то, что у вождя мирового пролетариата якобы был сифилис. Мне в ту пору было не так много лет, однако про такую болезнь, как сифилис, я уже слышал. Ребята постарше просветили: мол, страшная болезнь, ее обычно проститутки разносят. Когда кто-то из жребят словил по «вражьему голосу» сообщение о том, что вождь мирового пролетариата тоже подхватил эту болезнь, я попробовал было уточнить: от кого же он ею заразился, от проститутки, что ли? «От них», — последовал короткий ответ. Но я, воспитанный на книжках Зои Воскресенской и Марии Прилежаевой, продолжал сомневаться. «Не может такого быть! Проститутки в то время уже не было». — «Правильно, у нас не было, — согласился со мной мой собеседник. — А за бугром были. Ленин же до революции по заграницам мотался. — И чтобы окончательно развеять мои сомнения, старший товарищ привел последний убойный аргумент: — Почему Ильич так рано «коньки» отбросил? Потому что сифилис подхватил. Сифилитики долго не живут».

Уже значительно позднее, в начале 90-х, я прочитал в книге бывшего начальника 4-го управления Минздрава Евгения Чазова, что эта проблема — сифилис у Ленина — сильно волновала и кремлевское руководство. Зная, что в преддверии юбилея западные голоса будут намеренно раздувать эту тему, они озаботились тем, чтобы провести соответствующие контрмеры. Далее послушаем рассказ Е. Чазова:

«Из каких-то источников Суслов, возглавлявший подготовку к празднованию юбилея, узнал, что будто бы некоторые антисоветские круги хотят организовать провокацию путем публикации фальшивки, доказывающей, что В. И. Ленин страдал сифилисом и что это явилось причиной его ранней инвалидности и смерти. Подобная фальшивка была разоблачена еще в 20-е годы врачами, которые лечили Ленина. Только присущей Сулову перестраховкой мож-

но объяснить его просьбу ко мне — вместе с ведущими учеными страны и теми, кто знает этот вопрос, подготовить и опубликовать материалы об истинных причинах болезни и смерти Ленина...

У нас не оказалось проблем с установлением причин болезни и смерти Ленина. Клинические материалы, гистологические препараты, заключения специалистов в период болезни я представил ведущим ученым нашей страны, таким, как невропатолог, академик медицины Е. В. Шмидт, патологоанатом, академик медицины А. И. Струков. Материалы и заключение о характере поражения мозга представил организатор и директор Института мозга академик медицины С. Саркисов. Этот институт был создан после смерти Ленина специально для изучения его мозга. Все единодушно подтвердили диагноз, установленный в 20-е годы, — атеросклероз сонных артерий, явившийся причиной повторных инсультов. С позиции данных, которые в это время были получены у нас в Кардиологическом центре, относительно ранний характер поражения сонной артерии мы связали со сдавливанием этого сосуда гематомой, образовавшейся после ранения, которую вовремя не удалили. Никаких указаний на возможное наличие сифилитических изменений в сосудах и мозгу не было. Изумляло другое — обширность поражений мозговой ткани при относительно сохранившихся интеллекте, самокритике и мышлении.

Мы высказали предположение, что возможности творческой работы Ленина после перенесенного инсульта были связаны с большими компенсаторными свойствами его мозга. Такое заключение было подписано также и бывшим тогда министром здравоохранения СССР Б. В. Петровским. Однако именно последнее предположение не только задержало публикацию интересного, даже с медицинской точки зрения, материала, но и вызвало своеобразную реакцию Суслова. Ознакомившись с заключением, он сказал: «Вы утверждаете, что последние работы Ленина были созданы им с тяжело разрушенным мозгом. Но ведь этого не может быть. Не вызовет ли это ненужных разговоров и дискуссий?» Мои возражения и доказательства колоссальных возможностей мозговой ткани он просто не принял и приказал подальше упрятать наше заключение...»

21 апреля, в 9.55 утра, по ЦТ началась прямая трансляция торжественного заседания из Кремля, посвященного 100-летию В. Ленина. Эта трансляция длилась до 19.00! Затем в течение получаса по первой программе шла передача «Живой Ленин», после чего начался праздничный концерт, преисполненный такого пафоса, что у рядового телезрителя чуть крыша не поехала. Обычно под маркой «Праздничный концерт» показывали выступления популярных артистов, которые исполняли любимые народом шлягеры. Например, Эдита Пьеха пела «Дунай-Дунай», а Вадим Мулерман — «Хмуриться не надо, Лада...». А тут два с половиной часа сплошной патетики: то стихи про партийный билет, то отрывок из оперы «Большевики», то сцена из спектакля «Кремлевские куранты». Тем же зрителям, кто попытался поискать счастья по другим каналам, пришлось оставить эти попытки, поскольку по 2-й и 4-й программам шло почти то же: например, по 4-й крутили фильм «Октябрь».

Не лучшим образом обстояло дело и дальше. В 22.00 по 1-й программе показали премьеру телефильма об Октябрьской революции «Сохранившие огонь», а в 23.00 зрителя (того, что еще остался у телевизора) окончательно добила концерт «Песни революции».

22 апреля 1-я и 2-я программы ЦТ начали работу с 19.15. И с чего, как вы думаете, начала свою трансляцию 1-я? Правильно, все с того же — со спектакля «Кремлевские куранты», все про того же Владимира Ильича.

Между тем утро того дня началось практически на всех предприятиях и учреждениях страны одинаково — с торжественных собраний. Например, в нашей 325-й школе прошла праздничная линейка, на которой нескольких отличников учебы приняли в пионеры (всех остальных обычно принимали 19 мая, в День рождения пионерской организации).

Вскоре после окончания празднования ленинского юбилея председатель КГБ Ю. Андропов докладывал в ЦК: «Юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения основателя Советского государства В. И. Ленина, по всей стране прошли организованно, в обстановке высокой активности, трудового и политического подъема советских людей, еще раз продемонстрировавших нерушимое единство и сплоченность вокруг Центрального Ко-

митета Коммунистической партии Советского Союза. Вместе с тем в период подготовки и проведения торжеств в ряде районов страны зафиксировано 155 политически вредных, хулиганских действий, связанных с юбилеем. В том числе в 1969 году — 55 и в 1970-м — 100.

Такого рода проявления отмечались на Украине, в Казахстане, Литве, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Молдавии, Туркмении, Приморском, Хабаровском краях, Московской, Ленинградской, Куйбышевской, Ростовской и других областях. Хулиганствующими элементами уничтожены или повреждены несколько памятников, бюстов и барельефов вождя, значительное количество панно, стендов и транспарантов, а также портретов, лозунгов, плакатов, репродукций, стенгазет и другого праздничного оформления... За подобные политически вредные и хулиганские действия 70 человек привлечено к уголовной ответственности, 65 — профилактировано и 7 — взято в проверку.

В 18 случаях проявления носили исключительно дерзкий характер и преследовали цель омрачить празднование советскими людьми 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

25 апреля в далеком от Москвы Новосибирске покончила с собой известная киноактриса Екатерина Савинова. За свою почти 15-летнюю карьеру в кино она сыграла более десятка ролей, но прославилась одной — ролью Фроси Бурлаковой в картине своего мужа Евгения Ташкова «Приходите завтра» (1963). Однако с середины 60-х Савинова заболела душевной болезнью и все чаще стала попадать на больничную койку. Муж, горячо и трепетно любивший свою супругу, пытался ей помочь, перечитал кучу медицинской литературы, однако, несмотря на все его старания, болезнь прогрессировала. В минуты душевного надлома Савинова часто уходила из дома и ночевала у друзей. Говорят, она толком не понимала, что с ней происходит.

В середине апреля Савинова сообщила родным, что собирается погостить у сестры Маши в Новосибирске. Никто не заподозрил ничего дурного в ее отъезде, а она между тем еще в Москве решила добровольно уйти из жизни. Уложила в чемодан красивое платье, новые туфли. Простилась с мужем и сыном Андрюшей (теперь это известный актер Андрей Ташков).

По словам сестры Маши, она давно не видела Катю такой радостной и счастливой, как в тот приезд. Катя прожила у нее в доме несколько дней. А 25 апреля, накануне светлого праздника Пасхи, она наредила яйца, напекла куличей, затем принялась за уборку в квартире. Она вымыла дочиста полы, перевернула стулья ножками вверх и поставила их на стол. Потом надела старенькую шубку, туфли и сказала родным, что идет на вокзал встречать подружку из Москвы. Однако она соврала — никакая подруга к ней не приезжала.

Приехав на вокзал, Савинова долго ходила по перрону, ожидая прибытия поезда. Кому-то это показалось подозрительным, и он спросил: «Что вы здесь делаете?» — «Жду поезда», — спокойно ответила Савинова. Больше ее никто не трогал. А едва вдали показался поезд, она спустилась на рельсы и легла на них, причем так, чтобы не изуродовать лицо. Видимо, она все продумала заранее и прекрасно отдавала себе отчет в том, что делала.

Сыну Савиновой Андрею было 13 лет. О смерти матери он узнал от отца. По его словам: «Мы отдыхали во Фрунзенском, и однажды отец мне говорит: «Я хочу тебе сказать...» Я напрягся: ну, думаю, опять что-то сделал не так. А отец говорит: «Мамы больше нет». Естественно, я сначала не понял. Но он объяснил, что ее уже нет на этом свете, что она умерла. Первое, что подумал: «Слава богу, не ко мне претензии высказывает». Потом мы ехали на катере вдоль берега, и он все ждал моей реакции, чтобы начать меня успокаивать. Реакция произошла позже. Спустя полгода меня стало трясти в конвульсиях. Я спрашиваю: «Папа, что это со мной? Так бывает?» — «Да, бывает», — сказал отец. И я успокоился. Может быть, сработала какая-то защита в организме...»

И еще об одной смерти, случившейся в апреле 70-го. На 93-м году жизни в Москве скончался Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский Сергей Владимирович), который занимал этот пост с 1945 года. Через год новым патриархом будет избран 60-летний Пимен (Извеков Сергей Михайлович).

25 апреля в Ленинграде женился актер Сергей Юрский. Его избранницей стала коллега по БДТ актриса Наталья Тенякова, с которой Юрский вот уже несколько лет жил в гражданском браке, а теперь решил зарегистрироваться офи-

циально. Регистрация была назначена на 11 часов утра, но молодые пришли на несколько минут раньше. Но на женихе не оказалось галстука, и регистраторша, округлив от ужаса глаза, обратилась к одному из свидетелей (а их было трое) — Александру Белинскому: «Папаша! Срочно одолжите жениху галстук!» Белинский на «папашу» обиделся, поскольку был ровесником жениха, но просьбу регистраторши немедленно выполнил. Вся церемония заняла несколько минут, и в загсе молодожены не задержались, поскольку в 12 часов Юрскому предстояло уже выйти на сцену БДТ в спектакле «Генрих IV» (а вечером эта же участь ожидала и невесту: Тенякова была занята в спектакле «Счастливые дни несчастного человека»). Однако, прежде чем убежать в театр, Юрский успел вместе с невестой и свидетелями заехать домой и чисто символически поднять там бокалы.

25 апреля в газетах появилось сообщение о пертурбациях в руководящем звене Государственного комитета по радиовещанию и телевидению: отныне председателем комитета стал Сергей Лапин, до этого тринадцать лет отдавший дипломатической службе (был послом в Австрии, возглавлял МИД РСФСР) и три года (1967—1970) руководивший ТАСС. Предшественник Лапина Николай Месяцев, проработавший на этом посту без малого шесть лет, теперь отправился послом в Австралию.

В конце апреля неприятную новость узнал сын Никиты Сергеевича Хрущева Сергей: оказывается, за ним плотно следит КГБ. Причем узнал он об этом совершенно случайно — от своего сослуживца. Вот как описывает это сам С. Хрущев:

«В нашем отделе работал Володя Лисичкин — симпатичный, улыбчивый молодой человек. Влетевший в тот солнечный день в нашу комнату Володя выглядел необычно растерянно. Оттащив меня в уголок, он без предисловий таинственным шепотом сообщил:

— Ты знаешь, за тобой следят!!!

Я не поверил. И хотя предыдущие события должны были приучить меня ничему не удивляться, подобное в моей голове не укладывалось. Следят за шпионами, уголовниками — они прячутся от закона. А чего следить за мной?

Мемуары? Без сомнения.

Володя продолжал:

— Ты час назад ехал по Ленинскому проспекту, там, в конце?

— Да.

— Вот видишь. Я спешил в редакцию на такси, надо было забрать рукопись с машинки. Водитель попался разговорчивый. Он и говорит: «Хочешь посмотреть, как следят за машиной? Вот эти две «Волги» ведут вот ту машину». Я посмотрел и обомлел — номера-то твои. Мы поехали следом, я все хорошо разглядел — одна машина тебя обгоняет, а другая отстает. Потом они меняются местами. Они за мемуарами охотятся? — со свойственным ему любопытством спросил он.

Все на работе знали, что свободное время я посвящаю редактированию записок отца. В вопросе Лисичкина ничего крамольного не было.

Я не ответил, только поблагодарил за предупреждение.

Если бы не Лисичкин, мне бы и в голову не пришло следить за кишачими вокруг меня на улице машинами. Все прошло бы незамеченным. Правда, мое знание ничего не изменило, прятать было нечего, бежать никто не собирался... Но я решил удостовериться в слежке. Меня раздрало любопытство. Отнесся я к сообщению, скажем прямо, по-детски. Серьезность ситуации до меня не дошла.

Было очень интересно, как следят. Смогу ли я сразу заметить? Как выделить преследователей из потока машин?

В голове прокручивались эпизоды из детективных фильмов. Перед глазами стоял мужественный, чуть ироничный, не теряющий головы Банионис и его преследователи из боевика «Мертвый сезон». С этим я и отправился на «охоту».

Поехал по Ленинскому проспекту, медленно, еще медленнее, не более сорока километров в час. Есть!!! Серая «Волга» с двумя антеннами держится сзади. При моей черепашьей скорости все меня обгоняют, а она тащится сзади как приклеенная. Наконец не выдерживает, обгоняет и она. Запоминаю номера. Притормаживаю к обочине. Сзади голубая «Волга» с двумя антеннами не спеша сворачивает в переулок. Через минуту трогаюсь. Так и есть, знакомая «Волга» выползает из переулка.

Все это я продолжал воспринимать как игру. Ездить стал медленно и все искал, когда «она» проявится. Чаще всего я опознавал на-

блюдателя, хотя часто под подозрением оставалось несколько машин...»

27 апреля писатель Александр Солженицын и его супруга Наталья Решетовская отметили знаменательное событие: 25-летие совместной жизни, то бишь серебряную свадьбу. На торжество был приглашен узкий круг друзей и близких. Первый тост поднял сам Солженицын, который провозгласил: «Выпьем за то, чтобы до гроба быть вместе». Присутствующие встретили эти слова радостным гулом. К сожалению, «до гроба» не получилось. У Солженицына была молодая любовница Наталья Светлова, которая через несколько месяцев от него забеременеет, а затем станет его законной женой. Когда об этом узнает Решетовская, она предпримет попытку самоубийства — выпьет 18 таблеток снотворного. К счастью, врачам удастся ее спасти. Однако вернемся в апрель 70-го.

В тот же день, когда Солженицын праздновал серебряную свадьбу, писатель Юрий Нагибин записал в своем дневнике следующие строчки: «Ну вот, прошла заветная неделя сплошных премьер, которую я ждал. (Речь идет о целой обойме новых фильмов, выходящих на экран, автором сценариев которых был Нагибин: «Директор» Алексея Салтыкова, «Чайковский» Игоря Таланкина, «Красная палатка» Михаила Калатозова, «Голубой лед» Виктора Соколова. — Ф. Р.) Я представлял себе какое-то окрыленное празднество, где я порхаю всеми любимым, для всех удивительный, непостижимый — еще бы, столько нагваздать! — и трогательно милый. Это была одна из самых несносных недель в моей жизни — хамство, ненависть, злоба обрушились на меня со всех сторон. Я нахлебался дерьма. Надо же — настолько не понимать ни людей, ни времени. Все завершилось разрывом с Салтыковым, невыпуском за границу и хамским письмом Ильина. Так кончились праздники...»

В этот же день на «Мосфильме» режиссер Эдмонд Кеосаян отснял первые метры пленки заключительного фильма трилогии о «неуловимых мстителях» «Корона Российской империи». На этот раз волею своих создателей «неуловимые» должны были поднапрячься и вернуть молодой Советской республике похищенную контрреволюционерами царскую корону. Скажем прямо, весьма актуальная тема в преддв-

рии ленинского юбилея. Поэтому никаких особенных препон в этой постановке у Кеосаяна не было. В одном из мосфильмовских павильонов была построена огромная декорация парижского ресторана «Корнилов», в которой и началась работа над фильмом.

Другой мосфильмовский режиссер — Леонид Гайдай — в среду 29 апреля в очередной раз приступил к съемкам «12 стульев». Как мы помним, съемки фильма были прерваны 19 марта из-за замены одного актера другим. В течение месяца группа никак не могла возобновить съемки по целому ряду причин: неготовность Гомиашвили к роли (текста он совсем не знал), отсутствие декорации и т. д. Наконец к 29 апреля часть этих проблем была решена. В тот день и на следующий снимали эпизод в дворницкой, где Киса Воробьянинов предстает перед хмельными глазами дворника и где его берет за жабры Остап Бендер. Помните: Киса — «И вовсе я не из Парижа!», Бендер — «Чудно, чудно — из Моршанска».

И еще о кино. 29 апреля рабочие московского завода «Серп и молот» стали свидетелями и участниками съемок еще одного художественного фильма. В тот день с утра съемочная группа во главе с режиссером того же «Мосфильма» Андреем Смирновым снимала один из эпизодов фильма «Белорусский вокзал», который рассказывал о непростых судьбах ветеранов-фронтовиков. В главных ролях в картине были заняты сплошь одни звезды: Евгений Леонов, Анатолий Папанов, Всеволод Сафонов, Алексей Глазырин. Двое последних участвовали в съемках 29 апреля: снимались сцены, где директор завода (Глазырин) вместе со своим фронтовым другом (Сафонов) приезжал на родное предприятие, чтобы навести там соответствующий порядок и вставить «пистон» главному инженеру завода (эту эпизодическую роль играл Юрий Визбор).

На этот же день выпало окончание чемпионата СССР по хоккею. В последнем матче первенства встретились две столичные команды ЦСКА и «Спартак», однако эта игра уже ничего не решала, поскольку за несколько туров до конца чемпионата золотые медали завоевали армейцы, а «Спартак» довольствовался 2-м местом. «Золотой» состав ЦСКА выглядел следующим образом: вратари — Николай Толстиков,

Владислав Третьяк; защитники — Владимир Брежнев, Александр Гусев, Виктор Кузькин, Владимир Лутченко, Александр Рагулин, Игорь Ромишевский, Геннадий Цыганков; нападающие — Юрий Блинов, Владимир Викулов, Анатолий Ионов, Борис Михайлов, Евгений Мишаков, Юрий Моисеев, Владимир Петров, Виктор Полупанов, Анатолий Фирсов, Валерий Харламов; тренер — Анатолий Тарасов.

В заключении главы, как обычно, взглянем на московскую афишу развлечений второй половины апреля. Начнем с кинотеатров. С 20 апреля начал демонстрироваться узбекский боевик про басмачей режиссеров Али Хамраева и А. Акбарходжаева «Красные пески». С 22-го один из лучших кинотеатров Москвы — «Россия» — был отдан под премьеру фильма Владимира Фетина «Любовь Яровая», снятого по мотивам одноименной пьесы К. Тренева с Людмилой Чурсиной (тогдашней супругой Фетина) и Василием Лановым в главных ролях. С 27 апреля на экраны вышел фильм Геннадия Казанского (один из авторов хита «Человек-амфибия») «Угол падения» по роману скандально популярного тогда писателя, главного редактора журнала «Октябрь» и борца с западничеством Всеволода Кочетова с Юрием Каюровым (очередное его появление в роли Ленина), Павлом Кашлаковым и Ариадной Шенгеля в главных ролях. С 28 апреля в Москве состоялась премьера фильма Павла Кадочникова «Снегурочка», снятого по одноименной пьесе-сказке А. Н. Островского. Главные роли в нем исполнили Евгения Филонова, Евгений Жариков, Ирина Губанова, Борис Химичев.

Кино по ТВ: «Анютина дорога» (16-го), «Дом, в котором я живу», «Три тополя на Плющихе» (18-го), «Коммунист» (19-го), «Большая семья», «Первые радости» (20-го), «Сохранившие огонь» (премьера т/ф), «Октябрь» (21-го), «Школа мужества», «Балтийская слава» (23-го), «Свадьба в Малиновке» (24-го), «Тихая Одесса», «713-й просит посадку» (25-го), «Огненные версты», «Волочаевские дни» (26-го), «Озорные повороты» (27-го), «Про Клаву Иванову», «Армия Трясогузки» (28-го), «Армия Трясогузки снова в бою» (29-го), «Добровольцы», «Новенькая» (30-го) и др.

Из театральных премьер выделю: 16-го в Малом театре вышли «Разбойники» Шиллера; 17-го — «Родился я в таборе» в «Ромэне»; 19-го —

«Русские люди» в Театре-студии киноактера; 22-го — «Беспокойная старость» в Ленкоме; «Разлом» в Театре им. Ермоловой и «Глубокая разведка» в драмтеатре им. Станиславского; 28-го — «Дело, которому ты служишь» в Театре на Малой Бронной.

Эстрадных концертов в том месяце было много, я же назову лишь два, прошедших в киноконцертном зале «Октябрь». 18—19 апреля там выступал Иосиф Кобзон с новой программой «Баллада о бессмертии», а 26-го состоялся «Вечер советской песни», в котором выступали Майя Кристалинская, Галина Ненашева, Лев Лещенко и др.

И, наконец, краткий перечень наиболее популярных пластинок, выпущенных фирмой «Мелодия» в апреле: диск «Поет Аида Ведичева», на котором певица исполняет песни советских и зарубежных композиторов: «Ах,

Наташа» (В. Шаинский — Л. Ошанин); «Старый сад» (Орлов — Млинарский, русский текст Л. Дербенева); «Чет или нечет» (В. Гамалия — И. Шаферан); «Окна светятся» (В. Гамалия — М. Танич); гибкая пластинка «Песни Яна Френкеля», на которой звучали следующие произведения: «Одуванчики», «Роман», «Метелинки», «Тропка уходит»; миньон (твердый) «Поет Валерий Ободзинский» с тремя песнями: «Все сбудется» (Л. Рид — русский текст О. Гаджикасимова); «Дом за углом» (Э. Сломчинский — О. Гаджикасимов); «Играет орган» (Д. Тухманов — М. Пляцковский); диск «Всем, кто любит песню» №12 с песнями в исполнении таких звезд зарубежной эстрады, как Том Джонс («Лора», «Минуты счастья»), Мирей Матье («Прощай, ночь»), Энгельберт Хампердинк («Искренний парень», «Если это случится»), Мануэль («Клянись») и др.

1970 Май

Культ Брежнева начинается. Высоцкий на больничной койке. Премьера блокбастера «Освобождение». Почему маршал Жуков так и не простил маршала Конева. Миронов с Ширвиндтом в роли «горцев». Страна слушает песни Высоцкого. Шостакович идет на поправку. Пьяный буян ломится к Григорию Козинцеву. «Топтуны» КГБ на хвосте у Сергея Хрущева. Рок-тусовка несет потери: Александра Буйнова и Александра Барыкина забрили в солдаты. Как появилась рок-группа «Цветы». «Кремлевский землекоп»: начало карьеры. В Москве — «Белые волки». В роли пенсионеров — бывшие столпы общества: Георгий Маленков, Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович. Олег Даль делает предложение руки и сердца. Луганский маньяк: поиски продолжают. Плохо пахнущий «сюрприз» для Александра Броневецкого. Зееловские высоты снимают под Москвой. Смерть-Ильи Нусинова. Подвиг дружинника. Как покойник заставил убийцу покаяться в преступлении. Начали снимать «Возвращение «Святого Луки». Арест историка Андрея Амальрика. Бунт в тольяттинских колониях. Москву «прокатили» с Олимпиадой. Как из «Адьютанта его превосходительства» вырезали «постельную» сцену. Почему Высоцкий хотел уйти из театра. Худсовет по «Белорусскому вокзалу». Инфаркт у Хрущева. Психушка для Жореса Медведева. Тоска Георгия Буркова. Высоцкий у Золотухина. Обновленная сборная СССР по футболу на чемпионате мира в Мексике.

Первые десять майских дней для большинства граждан Советского Союза были самыми желанными. На эти дни выпадало сразу два праздника — Международный день солидарности трудящихся (1 мая) и День Победы (9 мая), благодаря чему отдых советских людей растягивался чуть ли не на целую неделю.

Утро 1 мая во всех крупных населенных пунктах страны начиналось с праздничной демонстрации. Мне лично вспоминается это так. Примерно в восемь часов утра меня и двух моих младших братьев будил шум с улицы. Это мимо наших окон по улице Казакова шла колонна демонстрантов Бауманского и Калининского районов, чтобы, выйдя на Садовое кольцо и влившись в реку демонстрантов из других районов, по улице Чернышевского двинуться к Красной площади. Понаблюдав за демонстрантами из окна, мы сели за стол завтракать, после чего мчались на улицу. К этому времени во двор подтягивалась вся местная детвора, и начинались игры, одно перечисление которых займет здесь слишком много места. Однако ча-

ще всего мы играли в футбол, штандер, салочки по дорожкам или расшибалочку на деньги. Игры обычно длились до обеда. По телику в эти часы шла прямая трансляция демонстрации трудящихся с Красной площади, которая нас мало волновала. Гораздо интереснее нам было то, что показывали после нее. Обычно после обеда крутили какой-нибудь крутой фильм, который и заставлял нас на полтора-два часа разбежаться по домам. Однако 1 мая 70-го все было чуть иначе — мы разбежались до следующего утра, поскольку по телику показывали сплошные кинохиты. Судите сами. По первой программе в 15.00 началась демонстрация фильма Евгения Шерстобитова «Сказка о Мальчише-Кибальчише» (1964). Кибальчиша в нем играл очень симпатичный актер-подросток Сережа Остапенко, который очень нравился советской детворе. Однако еще больший восторг и обожание выпало на долю другого актера — Сережи Тихонова, снявшегося в роли Мальчиша-Плохиша (до этого он классно сыграл вождя краснокожих в «Деловых людях» Л. Гайдая).

Многие фразы, которые произносил в кадре Тихонов-Плохиш, мгновенно стали крылатыми в подростковой среде: «Я только штаны подтяну», «А пряник медовый дашь?», «Я же ваш — буржуинский», «Это я машинку подложил, я ручку повернул», «Возьмите меня, я буду вам ботинки чистить, за сигаретами богат» и др.

Едва по первой программе завершился показ одного хита, как по второй (в 16.45) начался другой: героическая комедия Виталия Мельникова «Начальник Чукотки» с Михаилом Коновым и Алексеем Грибовым в главных ролях. Этот фильм тоже разошелся на цитаты: «Револьвер (ударение на втором слоге) на меня наставлял», «Даже именем Северного сияния не скажу», «Товарищи, это же мои деньги!» и др. В 19.20 уже по четвертой программе начался «Деревенский детектив» Ивана Лукинского с Михаилом Жаровым в роли участкового милиционера Анискина. Фильм только год назад вышел на широкий экран и по телевизору крутился впервые.

Завершил праздничную телепрограмму того дня еще один свежий хит, показанный в 21.30: музыкальная комедия Олега Николаевского «Трембита» (1969) с Евгением Весником, Ольгой Аросевой и Савелием Крамаровым в главных ролях. Таким образом, в большинстве советских семей телевизор 1 мая 70-го практически не выключался весь день.

Видимо, памятуя об этом, 2 мая телевизионное начальство составило эфирную сетку таким образом, чтобы дать возможность гражданам не просиживать весь день у голубого экрана, а провести время на свежем воздухе: съездить в гости, погулять в каком-нибудь парке культуры и отдыха. К примеру, мои родители обычно в этот день везли нас с братьями на ВДНХ либо в парк Лефортово, где работала прекрасная шашлычная. А вечером вся семья обычно вновь усаживалась у телевизора. Смотреть в тот день опять было что: в 16.50 показали киноповесть из школьной жизни «Доживем до понедельника», в 19.30 — героико-приключенческий фильм «Служили два товарища», в 21.00 — премьеру первой серии свежего (69-го года) детектива Саввы Кулиша «Мертвый сезон» с Донатасом Банионисом и Роланом Быковым в главных ролях. Вторую серию фильма показали на следующий день в 19.50, после че-

го начался горячо любимый всем советским народом «Кабачок «13 стульев».

Между тем именно в майские дни 70-го берет свое начало пропагандистская кампания восхваления Леонида Брежнева. Мы помним, как два месяца назад генсек сумел заручиться поддержкой видных военачальников и заставил считаться с собой серого кардинала Сулова. Чтобы доказать генсеку свою преданность, тому пришлось поднять на ноги подчиненный ему идеологический аппарат. Результаты этого не заставили себя ждать. Если раньше перед праздниками и некоторыми крупными торжествами на площадях и главных улицах Москвы и других городов вывешивались обычно портреты всех членов Политбюро, то 1 мая 70-го появилось новшество: теперь красовались портреты одного Брежнева, чего не было лет 6—7, со времен Хрущева. Появились также плакаты с цитатами из его речей и докладов. Изображение генсека давалось более крупным, чем других членов Политбюро. Если до мая в центральных газетах можно было крайне редко увидеть фотографии Брежнева, то теперь ими запестрели почти все издания, вплоть до «Пионерской правды».

В те дни, о которых идет речь, свет увидел очередной «Календарь советского воина» за 1970 год. Так вот если в прошлом году в нем было всего три цитаты Брежнева, уместившиеся на полстраничке, то теперь под это дело было выделено четыре (!) страницы. В «Политиздате» всю работу по выпуску в свет произведений Брежнева. 2 мая все советские газеты сообщили о выходе двухтомника речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Ленинским курсом». В подтексте сообщения читалось, что эта «штука будет посильнее «Фауста». Чуть позже — 24 мая — те же газеты известят своих читателей о выпуске еще одной «нетленки» от Брежнева: сборника докладов и речей генсека под названием «Молодым — строить коммунизм». Как заметят по этому поводу «вражьи голоса», превращение Генерального секретаря ЦК КПСС в ведущего теоретика-марксиста свершилось.

Тем временем в отличие от большинства соотечественников, которые с радостью предавались праздничным настроениям, Владимир Высоцкий пребывал не в лучших чувствах: для него эти праздники были омрачены очередным

попаданием на больничную койку. Собственно, в больницу он угодил еще в апреле, вскоре после ереванских гастролей, где у него открылась давняя язва. Однако, пролежав пару недель в одной больнице, он в начале мая перевелся в другую, где условия содержания его удовлетворяли больше. Главреж Таганки Юрий Любимов был на него сильно зол, поскольку Высоцкий своими загулами сорвал несколько спектаклей, в частности «Жизнь Галилея». В те дни Любимов подумывал даже лишить его роли Гамлета в новой постановке, и Высоцкий, зная про эти мысли шефа, сильно переживал по этому поводу.

5 мая в творческом объединении «Время» киностудии «Мосфильм» состоялось заседание художественного совета в составе Григория Александрова, Юрия Озерова, Александра Романа, Юлии Солнцевой, Игоря Таланкина и др. На нем было окончательно утверждено решение разрешить режиссеру Александру Серому снимать фильм «Рецидивисты» (впоследствии — «Джентльмены удачи»). Смета на фильм — 400 тысяч рублей. Однако до запуска картины еще далеко — прежде надо заручиться разрешительной визой из МВД. Но об этом речь впереди.

6 мая в столичном кинотеатре «Октябрь» состоялась премьера блокбастера от Юрия Озерова «Освобождение» — были показаны два первых фильма: «Огненная дуга» и «Прорыв». Еще задолго до премьеры фильму предшествовала широкая рекламная кампания, где отмечалось, что подобных фильмов советский зритель еще не видел. Писалось, что в съемках ленты принимало участие несколько десятков тысяч статистов, что был задействован невиданный доселе техпарк — сотни танков и самолетов. Отмечалось, что в фильме Озерова впервые в отечественном кинематографе нашли свое отражение многие реальные события военной поры, до этого широкому зрителю не известные, что некоторые исторические персонажи впервые обрели плоть на экране. Среди них Георгий Жуков (его играл Михаил Ульянов), Константин Рокоссовский, Александр Василевский, Иван Конев и др. Говорят, многие из военачальников, показанных в фильме, специально приехали на премьеру этого фильма.

Между тем мало кто знал, что некоторые из них относились друг к другу, мягко говоря, недружелюбно. В частности, плохие отношения были у Жукова и Конева. Черная кошка между ними пробежала еще летом 1957 года, когда Хрущев задумал сместить Жукова с поста министра обороны и отправить доживать свой век на пенсии. Конев, будучи первым заместителем Жукова, знал об этом заговоре, однако своего шефа об этом не предупредил. Как он признается позднее, он спасовал перед Хрущевым. Но больше всего Жукова возмутило не это, а другое — 3 ноября 1957 года в «Правде» появилась огромная, на два подвальных разворота, статья за подписью все того же Конева, которая навсегда перечеркнула славную полководческую карьеру маршала Победы. Жуков, который во время войны спас Конева от расстрела (Сталин в 41-м собирался отдать его под трибунал), этого поступка своему бывшему заму не простил.

Между тем к упомянутой статье Конев не имел ни малейшего отношения. Накануне ему позвонили из ЦК и сообщили, что статья о «проделках» Жукова готова, надо ее только подписать. Но Конев категорически отказался это сделать. И тогда его фамилию поставили без его согласия. Говорят, что Жукову потом рассказали правду об этом, но он этому рассказу не поверил. И Конев этим терзался. 8 мая 70-го он лично позвонил Жукову домой, чтобы в очередной раз извиниться (видимо, рассчитывал, что накануне 25-летнего юбилея Победы тот будет снисходительнее), однако Жуков не стал его даже слушать. А далее послушаем рассказ тогдашнего порученца Конева С. Кашурко:

«Глядя на то, как Иван Степанович подписывал поздравления с Днем Победы, я сказал: «И Георгию Константиновичу написать надо».

— А что, предложение дельное, — согласился Конев. — Напишу: так и так, дорогой Георгий Константинович, прости меня, грешного, хоть перед смертью...

Взбодренный советом, Конев стал писать. Не получалось: нервно рвал в клочья исписанный лист бумаги и брался за другой. Писал долго, мучительно долго. Затем вложил послание в фирменный конверт и протянул мне.

— Доверяю. Строго конфиденциально. Лично в руки адресату. Дождись ответа.

Георгий Константинович, хмурясь, прочел письмо и, ни слова не говоря, мгновенно начертал резолюцию: «Предательства не прощаю. Прощения проси у бога. Грехи отмаливай в церкви. Г. Жуков».

Моего возвращения Конев ждал с нетерпением. Взглянув на короткий, как выстрел, ответ, Иван Степанович вздрогнул и произнес:

— По-снайперски, прямо в сердце! И поделом... Ну что ж, история рассудит!..»

9 мая шумная актерская компания (Андрей Миронов, Татьяна Егорова, Александр Ширвиндт и др.) приехала на дачу художника Михаила Курилко в Малаховке, чтобы шумно отметить праздник. Погода в те дни стояла аномальная: почти 30 градусов жары, и пить водку в такое время было просто невыносимо. Однако артистам на это было наплевать: они напиваются и куролесят в течение всей ночи. А на следующий день, испытывая явный недостаток в новых впечатлениях, компания отряжает в Москву Егорову, чтобы она привезла в Малаховку Марка Захарова с женой Ниной. Егорова выполняет задание на «пять с плюсом» — легко уговаривает режиссера бросить дела в столице и мчаться на такси в Малаховку. Однако по пути к даче им пришлось пережить несколько неприятных минут. Возле песчаного карьера, где дорога поворачивала налево, дорогу такси внезапно преградили трое неизвестных мужчин в черных бурках, папах и с шашками в руках. Извергая гортанные крики, «кавказцы» бросились к машине, чем сильно напугали всех присутствующих, в том числе и шофера, который грешным делом подумал, что сейчас их будут пускать на шашлык. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что под личиной страшных горцев скрывались Миронов, Ширвиндт и Курилко. Вот такие шуточки были у них тогда в ходу.

Всю ночь веселая компания провела за столом, уплетая деликатесы и запивая их спиртным из антикварных рюмок елизаветинских времен. На следующее утро — 10 мая — кто-то из гостей с похмелья начнет разбивать эти рюмки о стволы берез во дворе. В тот же день Владимир Высоцкий даст двухчасовой концерт для персонала медсанчасти №11, куда его угораздило угодить на праздники.

И еще о Высоцком. 9 мая сценаристы Семен Лунгин и Илья Нусинов (по их сценариям

были поставлены фильмы: «Мичман Панин», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Внимание, черепаха!», в будущем — «Агония» и др.) отправились на Северный флот, чтобы принять участие в дальнем походе военных кораблей из Баренцева моря в Черное. Тогда они еще не знали, что одному из них — Нусинову — жить осталось всего лишь десять дней, и пребывали в отличном настроении.

Вспоминает С. Лунгин: «Когда мы приехали в ту рассветную рань во Внуково, первое, что услышали, была песня Высоцкого. Слов нельзя было разобрать, но свистящий хрип, то ли от дурной записи, то ли от неисправного магнитофона, нимало не смущал. На пленке был Высоцкий — это факт, остальное никого не интересовало. Все — и парень в провинциальной кепке, держащий в руке, как чемодан, тяжелый бобинный «маг», и те, кто его окружал, и те, кто стоял поодаль, как мы, — получали явное удовольствие. Потом объявили посадку, и до: «уважаемые пассажиры, наш самолет...» — и после в салоне передавали по самолетной трансляции одну из песен Высоцкого, которая от Москвы до Мурманска прозвучала раз пять, не меньше. Затем в Мурманске, в ожидании автобуса на Североморск, мы зашли в ресторан, где ширококостные северяне пили шампанское из толстобочных фужеров, в которые они еще крошили плиточный шоколад. В то время там так веселились. И в ресторане тоже заводили Высоцкого... В маленьком, тесном, скачущем по нелучшей дороге автобусе на коленях у сидящего на первой скамейке лейтенанта стоял магнитофончик, вернее, лейтенант держал его на весу, чтобы амортизировать тряску по ухабам. Пел Высоцкий, и пел он всю нашу дорогу на север. Кончалась пленка, ее ставили заново. Слушали певца серьезно, глядя в одну точку, даже не поворачивая головы к окнам, за которыми был виден залив с миллионным шевелящимся мачт стоящих у берега рыбацких судов и серые сопки в серой дали. Я даже поймал себя на мысли, что меня почему-то не бесит этот непрекращающийся интенсивный хрип, он выражал что-то мне неведомое и был подлинной средой обитания в этом крошечном автобусном мирке. К концу пути нам с Ильей стало казаться, что этот голос и эти песни, как неотъемлемая часть, принадлежат обществу

военных моряков. А как потом выяснилось, и летчиков тоже. Да что говорить! Всех людей, у которых есть потребность пережить некоторое очищение, полно выразив (вместе с Высоцким) свое личное отношение к действительности. Когда в Североморске мы, побрившись, пошли в Дом офицеров обедать, то... надеюсь, ни у кого не вызовет удивления, что из динамиков, укрепленных по обеим сторонам фронтона этого помпезного, сталинского стиля здания, на всю площадь, до самых причалов опять-таки рокотал набрякший страстной силой голос Высоцкого, соединяя землю, воду и небо...»

11 мая Дмитрий Шостакович пишет очередное письмо в Ленинград из Кургана своему старому приятелю Исааку Гликману. Приведу небольшой отрывок из этого послания:

«Может быть, в первых числах июня я буду выписан из больницы. У меня много достижений: я могу играть на рояле, ходить по лестнице, влезать в автобус (правда, с трудом). Г. А. Илизаров вернул мне силы. Теперь надо восстановить технику. Очень многое я восстановил. Я бреюсь правой рукой, застегиваю пуговицы, не пропускаю ложку мимо рта и т. п.»

Между тем в эти же майские дни кинорежиссер Григорий Козинцев заканчивает работу над фильмом «Король Лир». Сначала он на четыре дня выезжал в Нарву, где переснимал разный брак, затем засел в монтажной, почти погребенный под горами пленки. Тогда же с ним произошел весьма неприятный инцидент. Какой-то пьяный гражданин, видимо, не просыхавший всю праздничную неделю, стал ночью ломиться в дверь квартиры режиссера. На счастье Козинцевых, соседи услышали этот шум и стали увещевать пьянчужку. Но тот от этого распалился еще сильнее и, уже переключившись на соседскую дверь, ногами разнес ее чуть ли не в щепки. Утихомирить буяна смогла только милиция, предусмотрительно вызванная жильцами дома.

КГБ продолжает сидеть на хвосте у Сергея Хрущева. В мае он несколько раз замечал за собой слезку, причем однажды «топтуны» прибегли к переодеванию, чего раньше он за ними не замечал. Дело было утром, когда Сергей ехал в МВТУ читать лекцию. Сзади он заметил подозрительную «Волгу» и решил повнимательнее приглядеться к ее пассажирам. В салоне

сидели двое: мужчина за рулем и рядом с ним девушка в кофточке, гладко причесанная. Чтобы проверить их принадлежность к органам, Сергей пошел на хитрость: по Госпитальному мосту пересек Язу и остановился на автостоянке возле училища. Едва он успел вылезти из машины, как мимо него промчалась та самая «Волга». За рулем та же девушка, но уже в свитере, волосы распущены. А мужчина уже сидит рядом. Вот такой спектакль с переодеванием довелось увидеть Сергею перед лекцией.

Но КГБ не только следил за сыном бывшего руководителя государства, но и усиленно пытался найти мемуары Хрущева. Сергей, как и в случае со слезкой, тоже узнал об этом случайно, от своей знакомой. Она работала машинисткой и, видимо, поэтому попала в поле зрения органов. Им могло показаться, что она участвует в работе над мемуарами. В один из майских дней ее угораздило с полдороги вернуться домой, что-то она забыла, а у дверей ее квартиры уже копошатся двое незнакомых мужчин. Заметив ее, незнакомцы тут же поспешили подняться этажом выше и стали звонить в верхнюю квартиру. Женщина в тот же день рассказала об этом случае Сергею. Но тот поспешил ее успокоить — мол, пустые страхи, тебе померещилось. Хотя сам прекрасно понял, к какому ведомству принадлежали те двое и что они делали возле дверей его знакомой: наверняка собирались проникнуть в квартиру и обыскать ее, в надежде найти злополучные мемуары, которые в тот момент находились совсем в другом месте — у сослуживицы Сергея Леоноры Никифоровны Финогеевой, или просто Лоры.

В мае того года забрили в солдаты ныне известного певца Александра Буйнова. Он тогда играл на органе в популярной рок-группе «Скоморохи», где, помимо него, тусовались Александр Градский, Александр Лерман (вскоре уедет за кордон), Юрий Шахназаров (создаст группу «Аракс»). Эти люди и проводили Буйнова в армию. Под это дело главный финансист «Скоморохов» Градский достал из своего дивана в доме на Мосфильмовской улице 70 рублей наличными. На эти деньги и гуляли в ночь перед отправкой Буйнова на сборный пункт. Тогда же призывник был торжественно пострижен своими товарищами, и его локонами затем «скоморохи» украшали орган во вре-

мя своих выступлений. Кстати, на нем в отсутствие Буйнова играл сын знаменитого композитора Юрия Саульского Игорь (позже он эмигрирует в Штаты), который объявлял во время концертов зрителям, что волосы, которые они имеют честь видеть на органе, принадлежат незабвенному Буйнову, который в эти часы отдаёт священный долг Родине — служит в армии.

Кстати, примерно тогда же «загремел в ряды» еще один ныне известный рок-музыкант — Александр Барыкин. Перед армией он, как и Буйнов, увлекался музыкой, играл в люберецкой рок-группе «Аллегро», причем поначалу был в ее составе самым молодым — ему было 16 лет, а всем остальным по 17. В 70-м слава «Аллегро» вышла далеко за пределы Люберец, и группу пригласили играть в московское кафе «Морозко», что возле станции метро «Добрынинская». Там до них уже выступала группа «Лучшие годы», в которой одно время играл очень известный в рок-кругах барабанщик Юрий Фокин. Однако во время специального конкурса, устроенного администрацией кафе, «Аллегро» «забила» «Годы» и получила приглашение выступать в «Морозко». Потом кто-то из администрации объяснил свой выбор тем, что им требовалось что-то современное, но попроще.

В течение трех месяцев группа «Аллегро» выступала в кафе и пользовалась большим успехом у публики. Особенно сильный ажиотаж начался после того, как в репертуаре группы появились забойные песни из репертуара «Роллинг Стоунз» в исполнении солиста группы Сергея Уварова, который копировал Джаггера чуть ли не «в ноль». Однако толпы молодежи, собиравшиеся в кафе, в конце концов карьере «Аллегро» в этом заведении и погубили. Вскоре там начались пьяные драки, и администрация устала возмещать убытки в виде разбитых стекол, поломанных столов и стульев. Короче, «Аллегро», на которое молодежь и валила, из заведения попросили. А спустя месяц-другой Барыкин загремел в армию — в ракетные части под Калугу.

Раз уж речь у нас зашла о рок-музыке, не могу не вспомнить еще об одном коллективе, появившемся на свет в том же году. Речь идет о рок-группе «Цветы», которой через пару лет суждено будет стать всесоюзно известной. А то-

гда, в 70-м, ее знали только в пределах Москвы. Создал группу внук самого Анастаса Микояна Стас Намин, который тогда учился в Институте иностранных языков, что у метро «Парк культуры». До этого Намин играл в группе «Блики», но она распалась, и пришлось ему создавать новый коллектив. В «Цветях», кроме Намина (соло-гитара), играли: Александр Лосев (вокал и бас-гитара) и тот самый знаменитый барабанщик Юрий Фокин из «Лучших годов» (с ним Намин познакомился на одном из вечеров в элитарной школе №31, что на улице Горького). Трио «Цветы» делали упор на англоязычный репертуар и «чесали» в основном Джимми Хендрикса и «Дип Пепл». Буквально с первых же дней карьера группы складывалась весьма удачно, и как итог — их ждал успех на одном из представительных конкурсов самодеятельных музыкантов в Лужниках. Впрочем, послушаем самого С. Намина:

«Мы вышли на сцену — Фокин, Лосев и я. Сыграли вначале какую-то польскую вещь, потом — свою, а в конце... как дали!!! Джимми Хендрикса... Администрация сразу оказалась в шоке, а когда очнулась — нам тут же «вырубили» аппаратуру, но зал уже выключить было невозможно: это был какой-то массовый крик души... Полный вперед! И мы стали героями дня. Да что там дня! Ночи, следующего дня, следующей ночи и... А шел только 1970 год, и это наше рок-шоу, настоящее, масштабное рок-шоу, было одним-единственным в то время в Москве, а быть может, и по Союзу. Нас тогда было трое, но нас было много! Среди разной выступавшей там самодеятельности мы были тогда единственными рок-музыкантами...»

В мае устроилась судьба Георгия Коваленко, который впоследствии войдет в историю под именем «кремлевского землекопа». Незадолго до этого он вместе с супругой вернулся в Москву к матери (до этого жили на Колыме) и никак не мог устроиться на работу. Видя, как сын бездельничает, мать недовольно ворчала: «Тебе осталось только на кладбище пойти...» Как в воду глядела. Однажды Коваленко отправился в ТАСС, чтобы устроиться туда дежурным плотником. Однако само провидение привело его на Новодевичье кладбище: грянул ливень, и пока он там укрывался, заметил объявление: «Срочно требуется бетонщик». По-

сколькx еще на Колыме Коваленко выучился специальности плотник-бетонщик, он решил рискнуть. Пришел на прием к директору кладбища, а тот взял его могильщиком. С мая 70-го он и начал копать, хоронить. За двадцать лет работы ему будет суждено похоронить чуть ли не все Политбюро, а также многих знаменитых артистов, спортсменов и даже разведчиков.

Чтобы отвлечься от грустной темы, самое время поговорить о развлечениях, которым предавались в те майские дни жители столицы. К примеру, телевидение первые две недели мая потчевало зрителей самыми разнообразными «блюдами». Так, 6 мая многомиллионная армия спортивных болельщиков Советского Союза получила возможность наблюдать за финальным матчем Кубка европейских чемпионов по футболу между голландским «Фейенордом» и шотландским «Селтиком». Репортаж транслировался достаточно поздно — в 22.55. Поскольку это была среда, а с утра большинству болельщиков надо было идти на работу, до конца матча, видимо, досидели не все.

Из фильмов, показанных по ТВ в те дни, выделю следующие: «Летят журавли» (4-го), «Верные друзья», «Далеко на Западе» (5-го), «Годен к нестройной» (6-го), «Солдат Иван Бровкин» (7-го), «Девочка ищет отца», «Это было в разведке», «На пути в Берлин» (8-го), «Смелые люди», «На дальней точке» (премьерa т/ф), «В 6 часов вечера после войны» (9-го), «Был месяц май» (премьерa т/ф, 10-го), «Щит и меч» (11—14-го), «Софья Перовская» (12-го), «Поколение» (ЧССР, премьерa т/ф, 15—16-го) и др.

В кинотеатрах за две первые недели мая состоялось несколько премьер. О фильме «Освобождение» я уже упоминал, поэтому назову остальные: 4-го в прокат вышел фильм Дамира Вятича-Бережных «Золото» с Натальей Варлей, Александром Плотниковым, Ларисой Лужиной и Виктором Переваловым в главных ролях; 5-го — фильм Олега Ленциуса «Где 042?» с Анатолием Салимоненко, Болотом Бейшеналиевым и Александром Збруевым.

С 11 по 24 мая на Малой спортивной арене стадиона им. Ленина в Лужниках шла премьерa восточногерманского фильма «Белые волки» с Гойко Митичем в главной роли. Это была вторая часть дилогии режиссера Конрада Петцольда, начатая фильмом «След Сокола» (пре-

мьерa 1 апреля). Я помню, как мы с моим приятелем Серегой Фатовым сторали желанием посмотреть «Белые волки» в те дни, но никак не могли этого сделать. И дело было не в том, что в Лужниках билеты на сеанс стоили на пять копеек, а в том, что на Малой спортивной (как и на стадионе «Динамо», где «Волков» запустили с 15 мая) фильмы прокатывали в течение двух недель, но всего лишь на одном сеансе — в 21 час (на «Динамо» и того хуже — в 21.30). Если бы мы со своей Казаковки отправились в столь поздний час в Лужники или на «Динамо», наши родители нам бы головы открутили. Поэтому, как ни хотелось нам посмотреть очередные приключения Зоркого Сокола, пришлось запастись терпением и ждать целый месяц, пока «Белых волков» не выпустят в широкий прокат.

И еще о кино. 10 мая в Москве, возле метро «Войковская», был открыт новый киноконцертный зал «Варшава» на 1405 мест.

Что касается драмтеатров Москвы, то там в первые две недели мая состоялись две премьеры: 6 мая в Театре им. Маяковского был показан спектакль «Мария» по пьесе А. Салынского с участием Владимира Самойлова, Светланы Мизери и др., 10-го — «Признание» в Малом театре по пьесе С. Дангулова.

15 мая Высоцкий позвонил из больницы домой своему коллеге по Театру на Таганке Валерию Золотухину. Высоцкий расспрашивал о ситуации в театре, о Любимове.

— Валерик, я тебя прошу, поговори, пожалуйста, с шефом, а то мне неудобно ему звонить. Скажи ему, что я перешел в другую больницу, что мне обещают поправить мое здоровье и поставить окончательно на ноги. Я принимаю эффективное лечение, максимум пролежу недели две — две с половиной и приду играть. Что я прошу у всех прощения, что я все понимаю...

Золотухин, который почти за два месяца так и не вырвался к приятелю в больницу, обещал сделать все, о чем он просит.

В этот же день бывший член Политбюро, человек, которого в свое время знала вся страна, Георгий Маленков и его супруга Валерия Алексеевна отметили свою золотую свадьбу (они познакомились в 1920 году в Средней Азии).

Торжество прошло тихо и скромно в кругу близких людей.

Раз уж речь зашла о бывших столпах общества, не лишним будет вспомнить и других соратников Маленкова, которые в свое время вершили судьбы миллионов людей. Теперь все они вели тихую и неприметную жизнь, мало чем отличавшуюся от жизни рядовых пенсионеров. Например, Лазарь Каганович жил в высотке на Фрунзенской набережной и чуть ли не ежедневно спускался во двор, чтобы с такими же, как и он, стариками «забить козла». А вот другой бывший столп — Вячеслав Молотов — в домино с соседями не играл, поскольку большую часть времени жил за городом — в поселке Жуковка. В том году Молотова постигнет тяжелая утрата — из жизни уйдет его жена Полина Жемчужина, с которой бывшего главу Совнаркома связывали почти полвека совместной жизни.

16 мая в Ленинград на несколько дней приехал актер Олег Даль. В город на Неве его привели как дела служебные, так и амурные. Во-первых, ему надо было участвовать в озвучании роли Шута в фильме Козинцева «Король Лир», во-вторых — он собирался увидеться с женщиной, которой тогда сильно симпатизировал, — Елизаветой Эйхенбаум (с ней он познакомился в начале работы над «Лиром», в августе 69-го). Утром, в первый же день своего прибытия в Питер, он полдня проторчал на «Ленфильме», а вечером приехал к Лизе. И надо же было такому случиться, но в это же время у нее находился еще один ее тогдашний ухажер — писатель Сергей Довлатов. Что было потом, лучше всего поведает сама Е. Даль:

«Как-то заглянул Олег, а у нас Сережа Довлатов сидит. Мы были уже давно знакомы, и он мне очень нравился. Это потом он стал таким грузным, а тогда... Олег, который ростом был метр восемьдесят пять, рядом с Сережей смотрелся маленьким мальчиком. Весь какой-то воздушный. Как это ни странно для меня, но мы сидели и пили водку, разговаривали. Наступила ночь, мне очень хотелось спать, и тут я поняла, что мои гости пересидивают друг друга...»

Однако, выдворяя мужчин, Лиза поступила хитро — она незаметно для Довлатова шепнула Дале, чтобы он чуть погодя возвращался к ней. Что тот и сделал. Правда, вернулся он в

скверном настроении, поскольку не любил подобных женских хитростей. Тут же Лиза удостоилась его жесткого порицания: мол, она должна была открыто Довлатову указать на дверь. Лиза не стала с ним спорить... и оставила у себя ночевать. А в пять часов утра следующего дня он разбудил ее маму и официально попросил руки ее дочери. Мама согласилась. Еще через день Лиза проводила его в Москву, откуда он уехал с театром «Современник» на гастроли в Алма-Ату.

Между тем продолжается широкомасштабная операция по поимке сексуального маньяка в Луганске. Как мы помним, 14 апреля он пролил первую кровь — убил 17-летнюю студентку, но затем залег на дно. А 16 мая ночью одна из милицейских засад неподалеку от трамвайной остановки «Квартал Молодежный» засекала подозрительного мужчину. Он подъехал к остановке на машине, вышел из нее и спрятался за дерево. Едва туда подъехал трамвай и из него вышла женщина, как незнакомец незаметно пристроился к ней сзади и засеменял следом. Решено было его задержать. Незнакомцем оказался житель Жовтневого района, водитель автотранспортного предприятия. На первом допросе он категорически отрекся от совершенных преступлений, однако обыск в его квартире дал неожиданные результаты: там были найдены вещи, которые преступник отнял у своих жертв еще в конце марта. После этого запыряться было бессмысленно, и водитель признался: да, в конце марта насильвовал он. Однако никакого отношения к апрельским преступлениям и к убийству студентки он не имеет. Стало ясно, что в городе действует еще один, куда более опасный маньяк.

Стоит отметить, что по ходу этого дела попутно было просеяно сквозь милицейское сито несколько десятков подозрительных людей. Например, осуществляя подворные обходы по делу об убийстве студентки, сыщики узнали от одного из свидетелей о том, что в ночь убийства недалеко от места преступления — в парке имени Горького — ночевал неизвестный. Свидетель рассказал, что заметил на его руках и лице свежие царапины. Сыщики перелопатили чуть ли не весь район, подняли на ноги всю свою агентуру и в конце концов установили личность неизвестного. Им оказался мужчина без определенного места жительства, в про-

шлом судимый за кражу и бродяжничество. Однако он оказался непричастным к убийству студентки и апрельским насилиям.

Далее. Когда пришел ответ от экспертов, что обнаруженная на месте убийства студентки тесьма производится в Риге фабрикой «Лента», туда срочно был направлен инспектор угро. Он установил, что эта тесьма поступает на 36 торговых баз, в том числе на киевскую базу «Укр-галантерея». Когда направили туда запрос, получили ответ: лента направлялась в торговые организации республики (и в Луганск в том числе) как самостоятельный товар и как упаковочный материал. В связи с этим возникла версия, что маньяк — один из работников торговых организаций и швейных предприятий. В апреле—мае проверили более 500 человек, имеющих отношение к этим организациям, но и этот путь оказался тупиковым.

Тем временем в Москве гастролирует популярный ансамбль из города на Неве «Дружба» с Эдитой Пьехой в роли солистки. С 18 по 31 мая они выступали на сцене Государственного театра эстрады с новой, весьма необычной программой. В ней практически не было ни одного шлягера, ни одной модной танцевальной мелодии, которыми всегда славился этот коллектив. Вместо них на сцене ГТЭ звучали народные русские песни («Метелица», «Что ты жадно глядишь на дорогу», «Коробейники» и др.), а также политические песни, именуемые тогда песнями протеста. Как писали критики: «Пьеху в этой программе отличали неподдельный драматизм и тонкая актерская выразительность».

Между тем за скобками восторженных статей остался весьма неприятный инцидент, который произошел с руководителем ансамбля и мужем певицы Александром Броневицким. В день, когда «Дружба» давала концерт в кинотеатре «Октябрь», какой-то недоброжелатель навалил большую кучу дерьма на крышу его автомобиля. Тогда так и не выяснили, кто же и, главное, за что так осерчал на Броневицкого. То ли это был один из фанатов Пьехи, который таким образом мстил ее супругу за его чуть ли не патологическую ревность к певице (слухи об этом доходили до самых отдаленных уголков страны), то ли наоборот — ярый противник творчества ансамбля.

С 15 мая в течение десяти дней под Москвой режиссер Юрий Озеров снимал один из кульминационных эпизодов четвертого фильма эпопеи «Освобождение» («Битва за Берлин») — штурм Зееловских высот. Его снимали в Алабине, ночью, с привлечением огромного количества войск и техники Московского военного округа. Говорят, шум от этого скопища людей и техники стоял невероятный, будто шла настоящая война.

18 мая в главной газете страны «Правда» была опубликована большая статья «Лжереволюционеры без маски». В ней, не стесняясь в выражениях, авторы нападали на китайское руководство, называя его наследниками главарей гитлеровского рейха, ренегатами, наемниками врагов пролетариата и т. д. и т. п. Между тем стоит отметить, что статья эта появилась в ответ на недавние публикации трех пекинских газет, где поливалось грязью советское Политбюро. К примеру, Леонид Брежнев был назван «новым Гитлером», а Советский Союз — «государством нацистского типа», ведущим расистскую политику, сходную с политикой гитлеровцев.

Вообще в советских газетах той поры подавляющая часть статей на международные темы посвящалась двум темам: разоблачению китайских ревизионистов и израильских агрессоров. Народ, естественно, не мог остаться в стороне и живо откликался на публикации, сочиня анекдоты, частушки и т. д. Даже мы, мальчишки, вносили свою лепту в борьбу с «врагами» — писали на стенах домов всякие скабрёзности, типа: «китайца — за яйца!..», «в рот и в гриву — Тель-Авиву» и т. п.

19 мая на крейсере «Ленинград» на 51-м году жизни от спазма сердца внезапно скончался известный сценарист Илья Нусинов. Как мы помним, всего лишь десять дней назад он вместе со своим коллегой Семеном Лунгиным (они работали вместе с 1950 года) отправился в дальний поход военных кораблей из Баренцева моря в Черное. И вот в самый разгар этого похода Нусинова не стало. Реанимационная команда, приписанная к лазарету матросов, в течение нескольких часов боролась за его жизнь, но все оказалось напрасным. Как напишет позднее С. Лунгин:

«Они, видимо, напрасно мучили его, мертвого. Судьба распорядилась так: дать погиб-

нуть ему не на земле, где прошла вся его мирная жизнь, не в воздухе, где он воевал вооруженцем в полку истребителей, входившем в состав воздушных сил фронта, которыми командовал маршал авиации Судец, но почему-то на воде, на военном корабле, огромном вертолетоносце, вооруженном самой совершенной по тем временам техникой. Он погиб на море во время дальнего похода, и его проводили на вечный покой со всеми морскими почестями — вдоль всего бесконечного борта недвижимой шеренгой выстроилась казавшаяся неисчислимой команда. Вахтенные офицеры замерли у трапа, командир крейсера стоял, приложив руку к козырьку фуражки. И флаг был припущен...

Наши чемоданы кто-то перенес на борт торпедного катерка, не ко времени весело танцующего на пенистой зыби Норвежского моря. Замотанное в тугую парусину тощее, негнущееся тело покоилось на походных носилках. Пеньковый трос был захлестнут внатяжку — пальца не подсунешь, и долгий конец его, свисавший от узла у лодыжек, требовал груза, который и должен был утащить эту уже идею человеческого тела вниз, под воду, на океанское дно, навсегда... Но груз приторочен не был — нас ждали в Москве. На взлетную полосу в Североморске уже выкатили транспортный самолет. Огромный, на совесть сколоченный из сухой лиственницы ящик ждал гроба. Все было готово к тому, чтобы завершить печальный обряд...»

На «Мосфильме» в самом разгаре съемки «12 стульев». Они возобновились 29 апреля и проходили в ускоренном темпе — надо было срочно наверстать упущенное время. Однако это не всегда удавалось. Дело в том, что новый исполнитель роли Бендера — Арчил Гомиашвили — попал, что называется, с корабля на бал и поэтому с трудом входил в роль. Плохо зная ее текст, он часто путался, забывал слова, и сцены с его участием приходилось многократно репетировать и повторять. Например, 20 мая снимали речь Остапа на тайном randеву «Союза меча и орала». От Гомиашвили требовалось без запинки произнести текст, наверняка известный теперь многим: «Со всех сторон мы слышим стоны, со всех концов нашей обширной страны. Некоторые из вас служат и едят белый хлеб с маслом, другие едят бутер-

броды с черной икрой, а некоторые даже и с красной, третьи — получают пайки. И только беспризорные дети находятся без призора. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь. И мы им поможем...»

Этот текст репетировали 40 минут, столько же снимали, причем 25 минут из них вновь были затрачены на междублевые репетиции с актером. Было снято 10 дублей, в пяти актером был перепутан текст. Кроме этого, подводило съемочную группу и другое: опоздания с обеда (надо было уложиться в 30 минут), отсутствие нужного реквизита, долгое переодевание актеров и даже опоздание на съемочную площадку самого режиссера Гайдая, который в тот день ездил в 109-е отделение милиции, где получил новый паспорт.

20 мая в далеком от Москвы Омске отличился дружинник Геннадий Горбунов. Патрулируя улицы города, он заметил на одной из них, как несколько человек мутузят друг друга руками и ногами. Горбунов по долгу службы обязан был вмешаться (хотя была масса примеров, когда дружинники попросту не замечали подобных происшествий, предпочитая вдвоем-втроем выкручивать руки какому-нибудь с трудом передвигавшему ноги пьянчужке). Вклинившись в свалку, Горбунов стал разнимать дерущихся, причем делал это так активно, что в первые мгновения драчуны опешили. Ну не ожидали они от парня такой прыти. Однако затем один из них опомнился и, выхватив из-под одежды нож, ударил им дружинника в грудь. Горбунов рухнул на землю. Тут уж многочисленные прохожие, которые до этого старались не обращать внимания на драку, бросились к месту происшествия. Преступник, попытавшийся было скрыться, был задержан, а смелому дружиннику вызвали «Скорую». Она пришла вовремя, и уже через несколько минут раненый лежал на операционном столе. Этот случай имел большой резонанс, причем не только в Омске. В сентябре Горбунова вызовут в Москву, где в торжественной обстановке вручат медаль «За отличную службу по охране общественного порядка» от Президиума Верховного Совета РСФСР.

20 мая в исправительно-трудовой колонии №1 Управления внутренних дел при Ростовском облисполкоме произошло редкое явление — один из осужденных признался в убий-

стве, которое он совершил два года назад. Покаившимся был 18-летний Евгений Вишняков, сидевший в колонии за куда меньший грех — он ограбил магазин, а чуть позже грабанул на улице прохожего. Но, как оказалось, это были не единственные «подвиги» Вишнякова. По его же собственным словам, в начале июля 68-го, будучи в Ленинграде, он познакомился с неким мужчиной, который пригласил его к себе в гости. Поскольку Вишняков тогда бродяжничал, он с радостью принял это предложение. Его не испугало даже то, что пригласивший его мужик оказался гомосексуалистом. В итоге Вишняков прожил у гостеприимного хозяина пару дней, а когда ему это надоело, решил сбежать, предварительно ограбив. Убивать хозяина парень не хотел, но ситуация вышла из-под контроля: мужик стал звать на помощь, и Вишняков его задушил подушкой (более подробно это преступление будет описано в хронике за июль 1968 года).

Администрация ИТК с большим интересом выслушала признание Вишнякова, после чего поинтересовалась: с чего, мол, это ты решил признаться, если тебе до свободы осталось всего лишь два года отсидки? Неужто совесть замучила? «Да какая, к черту, совесть, — махнул рукой Вишняков. — Меня покойник уже достал — каждую ночь ко мне во сне является с подушкой». — «И как долго он к тебе является?» — удивились тюремщики. «Больше года», — честно признался парень. Самое интересное, что, когда этот же вопрос (про мотив) задаст раскаявшемуся убийце следователь ленинградской прокуратуры, которому поручат это дело, Вишняков ответит, что с тех пор, как он признался в убийстве, покойник к нему являться перестал. Видимо, за этим он к парню и приходил: чтобы тот покаялся.

В четверг, 21 мая, на «Мосфильме» режиссер Анатолий Бобровский приступил к съемкам детектива «Возвращение «Святого Луки», в котором реконструировались события пятилетней давности, когда из Музея изобразительных искусств имени Пушкина в Москве была похищена картина Ф. Гальса «Евангелист Лука» стоимостью в 120 тысяч рублей. Стоит отметить, что Бобровский не ставил перед собой целью воссоздать преступление детально, поскольку в таком случае пришлось бы показать много нелицеприятной правды: неуверенные

действия сыщиков МУРа, вмешательство КГБ, подозрительный арест и обвинение в краже художника-диссидента и т. д. и т. п. В итоге то, что мы видим в ленте, далеко от того, что происходило в действительности. Однако это несколько не умаляет достоинств фильма. Картину начали снимать с эпизода в квартире Зои (Наталья Рычагова): к девушке приходит полковник Зорин (Всеволод Санаев), чтобы узнать, не передавала ли она кому-нибудь свой паспорт. Зоя отвечает, что нет, после чего полковник уходит, на всякий случай оставив ей свои координаты.

В тот же день, когда начали снимать «Святого Луку», в деревне Акулово Рязанской области был арестован историк Андрей Амальрик, единственной виной которого было написание брошюры «Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?». По словам очевидцев, за историком приехали в 11 часов утра 4 машины, в которых находилось более десятка сотрудников КГБ и прокуратуры Москвы и Свердловска. Амальрик в тот момент работал в саду и был, что называется, застигнут врасплох. В его доме должен был состояться обыск, но Амальрик стал противиться этому на основе того, что в ордере на арест был неправильно проставлен год его рождения. Но чекисты не стали слушать диссидента, а чтобы тот не мешал, его попросту подхватили на руки вместе со стулом, на котором он сидел, и вышвырнули на улицу. Там ему заломили руки и споро захихнули в одну из гэбистских «Волг». Спустя пять дней после ареста Амальрика этапировали в Свердловск, видимо, для того, чтобы избежать шумного протеста в Москве. А протест действительно был: еще 22 мая группа видных диссидентов (П. Якир, В. Буковский, А. Вольпин-Есенин, И. Белгородская и др.) обратились к Советскому правительству и ООН с призывом: свободу Андрею Амальрику! Чуть позже в защиту историка выступили и зарубежные представители — 64 французских историка, написавших письмо на имя президента Академии наук СССР М. Келдыша. Но власти остались глухи к этим протестам.

21 мая трагические события начали разворачиваться в исправительно-трудовых колониях №16 и №7 под Тольятти, где вспыхнул бунт заключенных. Предшествовали ему следующие события. Еще задолго до празднования 100-ле-

тия со дня рождения Ленина по всем тюрьмам и колониям страны прошел слух, что грядет широкая амнистия в связи с этой датой. Слух подтверждали и сами руководители мест заключения, которые объявили в связи с юбилеем социалистическое соревнование за право попасть в число колоний, достойных амнистии. Энтузиазм, который охватил тогда эзков, был настолько огромным, что даже ээки-старожилы отмечали, что давненько не видели ничего подобного. Однако все старания заключенных вылетели в трубу — никакой амнистии не последовало. Во многих колониях создалась взрывоопасная ситуация. Достаточно было поднести спичку для того, чтобы вспыхнул настоящий пожар. Эту спичку зажгли в тольяттинских колониях.

Самое интересное, что еще в середине мая сотрудники ИТК №7 перехватили записку из соседней колонии №19, в которой фигурировала фраза «начнем 20—21 мая». Однако то ли тюремщики не придали значения этим словам, то ли просто не поняли, о чем речь, но никаких должных выводов сделано не было. В итоге случилось то, что и должно было случиться.

Вечером 21 мая осужденный ИТК №16 Чернышов попытался проникнуть в запретную зону, однако был вовремя замечен часовым. На крик «стой, стрелять буду» ээк не среагировал, за что и получил очередь по ногам. Свидетелями этого расстрела оказались около двухсот эзков, которые бросились на штурм вышки. Сначала ее попытались поджечь, а когда это не удалось, в часового полетели кирпичи. Затем от вышки разъяренная толпа двинулась к промышленной зоне. В находившиеся там здания полетели бутылки с бензином, которые были заранее заготовлены (и куда только смотрела оперчасть?!). В мгновение ока преодолев высокий забор и несколько рядов «колючки», разъяренная толпа растеклась по территории промзоны. Затем в толпе раздался чей-то клич: «Братва! Айда брать штрафной изолятор!». И три десятка эзков бросились к ШИЗО, по дороге снеся забор и колючую проволоку.

Двери ШИЗО были крепкими, и открыть их голыми руками было невозможно. Поэтому ээки повалили на землю пару-тройку телеграфных столбов и, используя их как таран, за считанные минуты выбили двери. Все сидельцы изолятора (а среди них были и уголовные автори-

теты, которые тут же встали во главе восстания) были освобождены. Удача окрылила восставших, и они бросились на штурм ИТК №7. Главная цель этого штурма — освобождение из помещения камерного типа еще одного уголовного авторитета — Феоктистова. Эта цель была достигнута: вооруженная дубинами и металлическими прутьями толпа в полсотни человек быстро управилась с забором, проникла в зону и выпустила на волю главаря, а с ним и еще с десятком других «отрицал». После чего погромы продолжились: ээки грабили магазины, столовые, склады, поджигали промышленные здания.

Тем временем к месту восстания власти срочно перебрасывали дополнительные силы внутренних войск. В небе над колонией замаячил вертолет, а к ее воротам подкатили грузовики, бэтээры и пожарные машины. Последние, под прикрытием автоматчиков, попытались пробиться к горящим зданиям, но ээки не позволили им этого сделать, забросав камнями. Понимая, что без применения оружия с озверевшими заключенными не совладать, власти колонии, прежде чем открыть огонь, запросили Москву. Но оттуда ответили: «Стрелять только при попытках к бегству». Тогда начальник ИТК №16 решил уговорить эзков сдаться, причем отправился к ним один в качестве парламентаря. Но эта попытка завершилась плачевно: ээки набросились на него и жестоко избивали. Однако даже после этого приказа открывать огонь на поражение отдано не было.

Бунт закончился так же быстро, как и начался. Утром 22 мая ээки внезапно сложили свое оружие и построились пятерками за воротами колонии. Их тут же окружили автоматчики. Организаторов беспорядков вывели из строя и отвели в сторону. Диссидент Михаил Зотов, который жил неподалеку от места сбывтий и был невольным свидетелем бунта, описывал происходившее так. Ээкам приказывали раздеться догола, после чего по одному вводили в круг офицеров, и те приступали к экзекуции — избивали бунтаря чем попало. После чего бросали его в «воронки».

Забегая вперед, скажу, что в двух колониях за одну ночь сгорело 38 жилых помещений. Естественно, их закрыли, а всех заключенных перебросили в другие места. Около 30 органи-

заторов восстания получили дополнительные сроки. Трех суд приговорит к расстрелу. Однако и положительный результат для эков этот бунт все-таки имел — через пару-тройку месяцев была объявлена амнистия. И хотя назвать широкомасштабной ее нельзя, но пар недовольства из котла все же выпустили.

В эти же дни все советские СМИ полны сообщений о том, как проходившая в Амстердаме 69-я сессия Международного олимпийского комитета (МОК) (она началась 12 мая) «прокатила» Москву с местом проведения летних Олимпийских игр 1976 года, отдав предпочтение Монреалу. Причем поначалу ничто не предвещало грозы. В первом туре голосования Москва получила 28 голосов, Монреаль — 25, Лос-Анджелес, выбывший из дальнейшего спора, — только 17. Однако во втором туре канадский город внезапно вышел вперед — 41:25. Как писала в те дни наша пресса:

«Советская спортивная общественность не скрывает своего глубокого разочарования решением МОК, увидев в нем явную несправедливость. Нетрудно догадаться, что кое-кому из реакционно настроенных членов Международного олимпийского комитета никак не улыбалась перспектива проведения Олимпийских игр в социалистической стране. Впрочем, об этом в Амстердаме вслух не говорилось, хотя еще до голосования некоторые органы западной прессы недвусмысленно пытались оказать давление на деятелей МОК, приклеивая ярлык «красных» к тем из них, кто не скрывал своих симпатий к кандидатуре Москвы. Газеты, прежде не забывавшие превозносить лицемерный лозунг «спорт — вне политики», теперь все больше места отводили антисоветским выступлениям, не останавливаясь перед фальшивками, всячески стремясь воспрепятствовать победе Москвы...»

Но — «спорт вне политики!». И полуофициально в качестве обоснования негативного решения МОК чаще выдвигались другие, исполненные не столь рискованного смысла причины.

Говорилось, во-первых, что Москва заповздала по сравнению с Монреалем с подачей заявки. Кроме того, присуждение Москве Олимпиады могло-де нарушить олимпийскую традицию чередования континентов: Игры 1972 года уже были поручены Мюнхену, а значит, сле-

дующая Олимпиада должна проводиться вне Европы.

Ради исторической истины надо сказать, что оба аргумента не выдерживают серьезной критики. Устав МОК признает право любого города претендовать на проведение Олимпиады, если он заявил об этом за шесть лет до начала игр. Окончательный срок подачи заявок истек 31 декабря 1969 года, а в это время заявка Москвы уже лежала в досье МОК. И так как в правилах этой международной организации нет указаний на то, что приоритет предоставляется городу, который раньше других выдвинул свою кандидатуру, то перед сессией МОК в Амстердаме все кандидаты должны были пользоваться равными правами.

Нет в правилах МОК никаких записей и о строгой регламентации очередности проведения Олимпиады на континентах. Потому неписанная «традиция чередования» не раз нарушалась...»

Справедливости ради стоит сказать, что руководители МОК в своем решении действительно руководствовались прежде всего политическими соображениями. Они во что бы то ни стало хотели оставить «красную Москву» за бортом и сделали это. Во время голосования сработала классическая американская «машина голосования»: американцы отдали канадцам во втором туре голосования за летнюю столицу голоса собственные и своих приспешников, а взамен получили голоса канадцев и их приспешников, когда решалась судьба столицы зимних игр. В итоге будущими столицами Олимпиад стали Монреаль и Денвер.

И еще один любопытный факт стоит привести. На сессию МОК на специальном самолете из Денвера прилетел один из спортивных деятелей штата Колорадо, астронавт Уолтер Ширра, который привез для жен членов МОК перстни с бриллиантами, под которые были вмонтированы крупинки лунной пыли. Многие газеты писали, что эти бриллианты обеспечили победу Денверу.

В то же время не стоит забывать и другое. Советские спортивные чиновники, сетуя на происки недоброжелателей, впутывающих политику в спорт, сами мало чем от них отличались. Уж наши-то чинуши от спорта умели смешивать эти два разных явления не хуже забургорных стратегов. Вспомним хотя бы январ-

ские события, когда они злорадно потирали руки после того, как тот же МОК и ЛИХГ «наехали» на канадских профессионалов хоккея. После этого «наезда» канадцы отказались участвовать в очередном чемпионате мира по хоккею. Кто от этого выиграл? Во всяком случае, не спортсмены, которых эти встречи многому бы научили в плане спортивного мастерства.

Однако уйдем на время от политики и поговорим о вещах менее серьезных. Например, о досуге. Начнем с телевидения. 19—23 мая по ЦТ прошел повтор 5-серийного фильма «Адъютант его превосходительства», премьеры которого состоялась чуть больше месяца назад (в начале апреля). На этот раз фильм разместили в эфирной сетке в 21.00 в отличие от первого показа, когда он начинался в семь вечера. Тогда в прессе прозвучали нарекания на столь ранний показ, поскольку многие зрители, задерживаясь на работе, не успевали к началу сеанса. Теперь эти замечания были учтены. Кроме этого, продолжительность фильма по сравнению с первым показом сократилась на несколько минут, поскольку теперь из него была вырезана «постельная» сцена — эпизод, где Кольцов и Таня, отужинав в доме девушки, лежали в одной постели. По нынешним меркам, в этой сцене не было ничего крамольного — там даже объятий не было никаких, просто влюбленные лежали под одеялом и вели вполне невинный разговор (например, Таня признавалась любимому, что ее отец — начальник контрразведки Щукин — догадывается об их связи). Однако эпизод было решено вырезать. А чтобы все это выглядело как волеизъявление самих зрителей, зампредом Комитета по радиовещанию и телевидению Г. Ивановым 18 мая была послана депеша на имя директора творческого объединения «Телефильм» киностудии «Мосфильм» С. Марьяхина. Цитирую ее целиком:

«После показа по ЦТ телефильма «Адъютант его превосходительства» Комитет по радиовещанию и телевидению получил ряд писем, в которых зрители возражают против демонстрации ночной сцены между Кольцовым и дочерью Щукина. Предлагаем убрать эту сцену из копий фильма, предназначенных для внутрисоюзного показа.

Расходы, связанные с перемонтажом и переозвучиванием этой части фильма, будут оп-

лачены Комитетом по счету киностудии «Мосфильм».

Марьяхин в тот же день дал указание своим подчиненным: 19 копий фильма оставить в старой редакции, остальные — в новой. Адъютант Кольцов на экране так и не переспал со своей возлюбленной.

В последнюю неделю мая по «ящику» крутили фильмы на все возрасты и вкусы: «Назовите ураган «Марией», «Музыкальная история» (16-го), «Член правительства» (18-го), «Павел Корчагин», «Вольный ветер» (19-го), «Школа мужества», «Взрослые дети» (21-го), «Первая девушка» (23-го), «Первая любовь», «Колония Ланфиер», «Неподдающиеся» (23-го), «Неуловимые мстители», «Семеро смелых» (24-го), «Сердце Бонивура» (25—28-го), «Комсомольск», «Татьянин день» (26-го), «Новые приключения неуловимых» (самый ходовой фильм в «ящике» в 70-м, поскольку его покажут еще два раза: 17 июля и 27 сентября), «Тревожная молодость» (29-го), «Они были первыми» (30-го), «Анютиня дорога», «Тимур и его команда» (31-го) и др.

Из премьер большого кинематографа назову следующие фильмы: 18-го в «Ударнике» начала демонстрироваться публицистическо-детективная драма Бориса Волчека «Обвиняются в убийстве». Тема фильма — борьба с хулиганством — была весьма актуальна в те годы, поскольку многие города Союза буквально стояли от засилья пьющей молодежи, которая в пьяном угаре калечила, а иногда и убивала ни в чем не повинных людей. Вот и в этом фильме пятеро подонков (их сыграли Семен Морозов, Игорь Старыгин, Владимир Носик, Алексей Панькин и Владимир Анисько) пристали к влюбленной паре, и после того как молодой человек попытался заступиться за свою девушку (в этой роли снялся Евгений Герасимов), его забили насмерть.

С 25 мая в «Форуме» состоялась премьера еще одного фильма на актуальную тему — «Рокировка в длинную сторону» Владимира Григорьева — про борьбу советского биолога с агентами империалистической разведки. Роль смелого биолога сыграл Александр Демьяненко, в остальных ролях снялись: Альгимантас Масюлис (один из главных «злодеев» советского кино), Павел Луспекаев, Ирина Вавилова и др. С 26-го в кинотеатрах столицы запустили

мелодраму Виталия Мельникова «Мама вышла замуж» с Люсьеной Овчинниковой, Олегом Ефремовым и Николаем Бурляевым в главных ролях.

Из театральных премьер назову следующие: 14 мая в ЦТСА был показан спектакль «Тогда в Тегеране»; 15-го в Музтеатре имени Станиславского — «Белеет парус одинокий»; 23-го в том же ЦТСА — «Второе дыхание».

На эстрадных площадках столицы в те дни можно было увидеть и услышать следующих исполнителей: 15—16 мая в Центральном доме культуры железнодорожников (ЦДКЖ) выступала Ольга Воронец, 25 мая в «Октябре» высадился целый десант из чехословацких поп-звезд в лице Карела Готта, Хелены Вондрачковой, Евы Пиларовой и др. 29—30 мая в этом же киноконцертном зале выступала Майя Кристалинская, которая включила в свою программу как старые, давно полюбившиеся слушателям шлягеры вроде «Нежности», «Руси» А. Пахмутовой, так и новые песни — «Страна с названием Любовь» Д. Тухманова и др.

Из пластинок, выпущенных фирмой «Мелодия» в мае, выделю следующие:

диски — «Поет Батыр Закиров» с песнями «Приди, любимая» (И. Акбаров — Х. Гулян), «Где ты?» (И. Акбаров — Т. Тула, русский текст Ю. Энтина), «Песня о друге» (Э. Масиас), «Рано» (И. Акбаров — С. Акбари), «Песня из к/ф «Когда приходит любовь» (Р. Шанкар), «Красавица Газли» (И. Акбаров — Т. Тула, Ю. Энтин) и др.; «Поет Иосиф Кобзон» с песнями «Звезды России» (М. Фрадкин — П. Леонидов), «Дунай голубой» (А. Долуханян — С. Смирнов), «Мария» (Дж. Георгиу), «Нет, не прошла весна» (Я. Френкель — И. Гофф), «Когда пройдет любовь» (А. Челентано), «Седая старина» (В. Зубков — Б. Пургалин) и др.; «Поет Дин Рид» с песнями «Наш летний романс» (Д. Рид), «Свободная мелодия», «Стрелок» (Гофман), «Руки моей любимой» (Д. Рид), «Не задавай вопросов» (Пагано), «Аннабель» (Дэвис — Мор), «Счастливое старое солнце» (американская народная песня), «Ножницы» (Бэркон — Келлер), «Свобода», «Долина радуги» (Д. Рид), «Колибри» (Д. Робертсон), «Не удивительно» (Кальманов — Шредер), «Расплата за поцелуй» (Д. Мастерс), «Белла, чао» (итальянская народная песня), «То, что я видел» (Д. Рид), «Ты не со мной» (Джонс);

гибкие — «Песни из кинофильма «Пусть говорят» в исполнении испанского певца Рафаэля, на которой звучали хиты «Когда я закрываю глаза», «Говорят, что мы оба сумасшедшие от любви», «На краю жизни», «Мой брат»; «Поют Вероника Круглова и Вадим Мулерман» с песнями «Для чего», «От Владивостока до Карпат», «Я иду через осень», «Речка вспять не побежит»;

миньоны (твердые) — «Сопот-69» с песнями-лауреатами «В этот день» (1-я премия, исполняет Муслим Магомаев), «Ветер весенний» (2-я премия, И. Христова (Болгария), «Балалайка» (3-я премия, К. Батиста (Испания)).

Владимир Высоцкий в те дни пребывал в расстроенных чувствах. О том, что же произошло, он поведал в письме Марине Влади, датированным 25 мая:

«Любимов пригласил артиста «Современника» (Игоря Квашу. — Ф. Р.) репетировать роль параллельно со мной. (Речь идет о роли Гамлета. — Ф. Р.). Естественно, меня это расстроило, потому что вдвоем репетировать невозможно — даже для одного актера не хватает времени. Когда через некоторое время я вернусь в театр, я поговорю с «шефом», и, если он не изменит своей позиции, я откажусь от роли и, по-видимому, уйду из театра. Это очень глупо, я хотел получить эту роль вот уже год, я придумывал, как это можно играть... Конечно, я понимаю Любимова — я слишком часто обманывал его доверие, и он не хочет больше рисковать, но... именно теперь, когда я уверен, что нет больше такого риска, для меня эта новость очень тяжелая. Ладно, разберемся...»

В этот же день в Москве, в 10 утра, начал работу XVI съезд ВЛКСМ. Жара в те дни в столице стояла чуть ли не июльская, что сильно сказывалось на самочувствии участников форума — некоторые засыпали в креслах во время чтения отчетного доклада.

И еще одно важное событие того дня хотелось бы отметить: на «Мосфильме» состоялось заседание художественного совета по фильму «Белорусский вокзал». Съемки фильма начались 21 апреля, и за это время было снято чуть меньше половины ленты. Однако и эта половина не понравилась членам худсовета. Режиссера картины Андрея Смирнова обвинили в очернении ветеранов, в клеветническом изображении советской действительности. «Ка-

кая-то мрачная у вас лента получается!» — был главный лейтмотив большинства выступлений. В итоге режиссеру было в приказном порядке предложено переснять несколько эпизодов, общий метраж которых равнялся 500 полезным метрам. Среди них: на кладбище, в машине, во дворе завода, в кабинете Дубинского (эту роль играл Анатолий Папанов) и ряд других.

29 мая из-за жары стало плохо пенсионеру союзного значения Никите Сергеевичу Хрущеву. В тот день с утра он работал на грядках у себя на даче. К обеду вернулся в дом, однако от обеда отказался, пожаловавшись близким, что плохо себя чувствует. Хотели вызвать врача, но Хрущев не разрешил, надеясь, что боль в груди пройдет сама собой. Не прошла. Только после этого он позволил вызвать личного доктора. Тот констатировал тяжелейший инфаркт. Хрущева немедленно отвезли в больницу на улице Грановского. Врач объяснил близким больного, что в больнице ему придется пробыть долго, несколько месяцев, но критические — первые десять дней. Больной может умереть в любую минуту. «Однако будем надеяться на лучшее», — закончил он свою речь стандартной фразой.

В тот же день в Одессе начались натурные съемки фильма «Корона Российской империи». До этого группа работала в Москве, а в Одессу приехала, чтобы отснять эпизоды в катакомбах, на теплоходе «Глория» (под это дело приспособили советский лайнер «Грузия», а его капитан Анатолий Гарагуля на время съемок перевоплотился в капитана «Глории»). Вспоминает исполнительница роли Ксанки В. Курдюкова:

«В «Короне...» мне нужно было болтаться на якоре под кораблем. Снимались на теплоходе «Грузия». Он совершал круиз. Съемки проходили во время стоянки. Представляете водичку в порту? Жутко, когда тебя опускают под корабль, да еще в этой грязной отвратительной воде! Но обиднее, что после десятка дублей нас все-таки решили снимать в открытом море. Вода была чистой. Но играть стало еще страшнее...»

Вечером 29 мая в Обнинске был помещен в психиатрическую лечебницу известный биохимик Жорес Медведев (брат Роя Медведева), активно участвовавший в правозащитном движении. Согласно бюллетеню «Хроника текущих

событий», это заточение в психушку выглядело следующим образом:

«Группа работников милиции во главе с майором, главный врач калужской психбольницы Лившиц и психиатр г. Обнинска Киришин вошли в квартиру и, не предъявив ни документов, ни заключения врачей, потребовали, чтобы Ж. Медведев поехал с ними в Калугу на психиатрическую экспертизу. Он отказался, сказав, что не будет оказывать сопротивления, но и добровольно не уйдет из своего дома. Находившиеся там коллеги Ж. Медведева стали упрекать работников милиции в нарушении законности, на что майор ответил: «Мы — орган насилия, а вы можете жаловаться куда угодно». На глазах жены, детей и друзей Ж. Медведеву скрутили руки и увели его. Ж. Медведев никогда никакими нарушениями психики не страдал и к психиатру не обращался...»

Принудительная госпитализация Медведева вызвала определенный резонанс в среде творческой интеллигенции. 31 мая некоторые советские ученые и писатели (Капица, Сахаров, Твардовский, Тендряков, Астауров, Тамм, Энгельгардт и др.) направили главному врачу калужской психбольницы телеграммы с протестами. Однако ответа на эти послания не последовало.

В тот же день известному актеру Георгию Буркову исполнилось 37 лет. Дата не юбилейная, поэтому и отмечена она была скромно — с участием только близких людей. В дневнике актера появились такие строчки:

«Тоска! Мне исполнилось 37 лет. В театре пора играть Дон Кихота, Гамлета, Федю Протасова, Галли, Тимона, Левшу, Ван Гога. В кино давно пора писать на меня сценарии. Пришла зрелость, и молодость не ушла еще. Могу все! Хочу писать, ставить спектакли, играть роли. Все! Но в театре все рушится (Бурков тогда состоял в штате театра «Современник», но не сыграл там ни одной серьезной роли. — Ф. Р.). В кино не находится режиссер, который бы поверил в меня и увидел бы меня.

Писать не могу. Для этого надо построить иначе всю жизнь. Близкие мне люди хором хвалят меня, поют мне дифирамбы и мешают жить. Не понимают и не хотят понимать. Некогда им понимать. Некогда любить меня. Все слишком заняты собой. И нужен я им для них. Любое мое движение в себя воспринимается

ими как кровная обида. Хочу быть свободным от эгоизма близких и друзей! И не могу. Они не дают. А мне уже 37 лет, я все могу. Тоска.

Я хочу быть свободным, как Чаплин. Свободным от общества, от вкусов и мод. Не хочу подчиняться законам современной эстетики, хочу диктовать их!..»

31 мая домой к Валерию Золотухину заехал Высоцкий. Они не виделись почти два месяца, все то время, пока Высоцкий лежал в больнице. Их разговор продолжался несколько часов. Говорили в основном о театре, о «Гамлете», которого ставил Любимов. Зашла речь и об отношениях Высоцкого с Мариной Влади. После январского скандала, после очередного срыва Высоцкого и попадания его в больницу эти отношения дали серьезную трещину. Однако Высоцкий с радостью сообщил приятелю, что с Мариной они, кажется, помирились.

Вечером того же дня (в 20.00) началась первая телевизионная трансляция из Мексики с чемпионата мира по футболу: наша сборная встречалась с командой хозяев турнира. Матч закончился вничью 0:0. На этом турнире наша

дružина предстала в обновленном составе, поскольку из нее ушли практически все игроки, выступавшие на прошлом чемпионате в 66-м году (Слава Метревели, Галимзян Хусаинов, Владимир Пономарев и др.). Из основных игроков прежнего состава в сборной остался только один футболист — Альберт Шестернев, остальные были новички. Кроме этого, в сборной-70 впервые за многие годы была нарушена гегемония столичных клубов — только восемь игроков были из Москвы. Четверо из них представляли клуб-чемпион страны прошедшего сезона «Спартак» (А. Кавазашвили, Г. Логофет, Е. Ловчев и Н. Киселев), трое — ЦСКА (В. Капличный, А. Шестернев и В. Афонин), один — «Динамо» (Г. Еврюжихин). Остальные клубы делегировали в сборную следующих игроков: «Динамо» (Киев) пятерых (В. Серебряников, В. Мунтян, А. Пузач, А. Бышовец и В. Хмельницкий), «Динамо» (Тбилиси) четырех (Р. Дзодзуашвили, М. Хурцилава, Г. Нодия и К. Асатиани). Тренером сборной, после 8-летнего перерыва, был вновь назначен Гавриил Качалин.

1970 Июнь

Хрущев в больнице на Грановского. Георгий Бурков: встреча в метро. Как едва не погиб поэт Николай Рубцов. Петр Григоренко в черняховской психушке. Съемки фильма «Опекун»: драка Юматова с милиционером. На киностудиях страны снимают будущие хиты: «Остров сокровищ», «12 стульев», «Песни моря», «Даурия» и др. Как поссорились две Натальи: Фатеева и Кустинская. Алла Пугачева предрекает свое звездное будущее. Затопление берлинского метро снимали под Москвой. Несправедливый гол в ворота советской сборной. Александр Збруев летит к умирающей матери. Попытка захвата самолета в Ленинграде. Луганский маньяк объявился в Харькове? Николай Рубцов задирает прохожих. Пикантный эпизод из жизни Ивана Лихачева. Неудачные гастроли МХАТа в Англии. Революционная сходка на квартире Михаила Яншина. Холера в Одессе. Брежнев выпускает Жореса Медведова из психушки. Малявина — Кайдановский: новосибирская гастроль. Новый рекорд пребывания человека в космосе дался тяжело: космонавты вернулись в плохом состоянии. Юбилей Твардовского: грусть вперемешку с радостью. Рубашка в подарок Золотухину. Лев Кассиль: смерть у телевизора. Слухи о смерти Александра Галича. Суд над «антикварщиком». Выпускники — будущие звезды кино. Студенческие годы террориста Шакала. Борис Бабочкин отказывается от роли и ругает Михалкова-Кончаловского. Слежка КГБ за Сергеем Хрущевым продолжается. Высоцкий в смятении: роль Гамлета может достаться другому. Высоцкий заполняет анкету. Луганский маньяк опять ускользает. Съемки сериала «Тени исчезают в полдень» начались... с мордобоя. Как космонавтам вернули потенцию. Советские ракетчики воюют в Египте.

В понедельник, 1 июня, в 22 часа по московскому времени был осуществлен запуск космического корабля «Союз-9» с космонавтами Андрианом Николаевым (командир корабля; второй полет) и Виталием Севастьяновым (бортинженер; первый полет) на борту.

Известие о первом в этом году полете космонавтов Никита Сергеевич Хрущев встретил в больнице на Грановского. Его состояние продолжает вызывать опасение у врачей, хотя сам он верит, что поправится. Его сын Сергей оставит о тех днях следующие воспоминания:

«Владимир Григорьевич Беззубик не возражал против посещения больного. Пользуясь своими правами главного врача больницы, он выправил мне пропуск, позволявший ежедневные посещения в любое время. Предупредил только, что отца нельзя волновать. Волнение может пагубно сказаться на течении болезни.

Каждый день, когда днем, когда вечером, я приходил к отцу и проводил у него час-полтора. Дни стояли жаркие, но в палате было прохладно — работал кондиционер. Старое здание, построенное еще в начале 30-х годов для Лечсанупра Кремля, недавно капитально переоборудовали.

Отец лежал неподвижно на спине, читать ему не разрешали, и он предавался размышлениям. Я пытался развлечь его, рассказывал разные домашние новости, говорил о том, как идет работа над мемуарами: что делаю я, а что Трунин (известный сценарист Вадим Трунин. — Ф. Р.).

Рядом с кроватью стоял прибор, провода от которого тянулись к больному, а на экране непрерывно рисовалась ломаная зеленая линия кардиограммы. В палате постоянно дежурила сестра — положение больного было тяжелым.

Только когда я приходил, она ненадолго покидала палату.

Отец не любил, как он говорил, пустого времяпрепровождения. К нему он относил и мои визиты. Начинал притворно сердиться:

— Ну чего ты сюда ходишь? Тебе что, делать нечего? Тратишь свое время и мне мешаешь. Я здесь постоянно занят: то капельницу поставят, то укол делают, то врачи с осмотров приходят, то температуру меряют. Времени скучать не остается.

Но по выражению лица было видно, что приходы ему приятны.

Навещали его, конечно, и мама, и дочери...»

В субботу, 6 июня, Андрей Сахаров, обеспокоенный молчанием властей по поводу судьбы Жореса Медведева, заключенного в калужскую психушку, написал письмо на имя Брежнева. В нем академик писал: «Акция в отношении Ж. Медведева вызывает глубокое возмущение и озабоченность советской и международной научной общественности, она рассматривается не только как беззаконие в отношении лично Медведева, но и как потенциальная угроза свободе науки, советской демократии вообще.

Психиатрические больницы не должны применяться как средство репрессии против нежелательных лиц...»

В тот же день в далекой Мексике сборная Советского Союза по футболу играла свой второй матч на чемпионате мира — со сборной Бельгии. В отличие от первой игры эта сложилась для нашей команды куда как удачнее. Мы играли в красивый атакующий футбол, который принес нам победу с крупным счетом — 4:1 (у нас отличились: Бышовец (дважды), Асатиани, Хмельницкий; бельгийцы забили гол престижа за пять минут до конца встречи). Этой победой сборная СССР не только практически обеспечила себе выход в четвертьфинал чемпионата, но и заставила говорить о себе как о реальном претенденте на призовое место.

7 июня актер Георгий Бурков возвращался от своего приятеля домой на метро. Время было позднее, однако пассажиров в подземке было предостаточно. Большинство из них, как и Бурков, возвращались домой из гостей, поэтому были изрядно навеселе. Один из них, плюгавый и неприятный тип, всю дорогу приставал к пожилому интеллигенту, мирно сидевшему напротив. Плюгавый разглагольствовал: «Эх, как мы

пятилеточку за четыре года дали! В июне месяце, раз — и готово! Для нашей родной партии, для нашего народа! Это мы, рабочие, своими рабочими руками только можем! Рабочий класс не подведет! А с таким портфелем разве можно пятилеточку за четыре года? Куда там! На нашем горбу сидите. Чего нос-то воротить? Не нравиться? А пятилеточку-то мы тянули на себе...»

Как пишет в своем дневнике Г. Бурков: «Монолог этот мог продолжаться бесконечно. Оратор, чувствуя безнаказанность свою и молчаливый страх своего подсудимого, все больше распалялся и готовился, видимо, уже к физической расправе. Мне показалось, что мужик этот из стукачей. И жалкий и мерзкий одновременно. Обвиняемый тоже не блистал обаянием. Добропорядочный одутловатый пожилой мещанин. Вдруг в разговор вступил подвыпивший работяга с сипатым голосом. «Ты где работаешь?» — обратился он к оратору. Тот моментально откликнулся, охотно вскочил и дружелюбно направился к своему новому оппоненту: «Строим коммунизм! Пятилеточку...» Сипатый перебил его: «Я спрашиваю: где ты работаешь?» — «Ты лучше спроси, кем я работаю». — «Это после расскажешь. Где ты работаешь? Может, ты тунеядец какой-то, а оскорбляешь человека. Где работаешь?»

9 июня драматические события разворачиваются в Вологде, где живет поэт Николай Рубцов. В тот день, выпив для храбрости, он отправился к любимой женщине, поэтессе Людмиле Дербиной, которая жила в небольшой деревне Троице под Вологдой. Когда Рубцов явился к ней, она поливала в огороде грядки. Рубцов вызвался помочь ей, но та, видя, в каком он состоянии, от помощи отказалась. Тогда Рубцов стал отбирать у нее чайник с водой и после короткой борьбы победил.

— Ну до чего же ты вреден! — в сердцах сказала Дербина.

— Вреден? — усмехнулся Рубцов... и не нашел ничего лучше, как вылить воду из чайника на любимую.

Дербина обиделась и убежала в дом. Рубцов отправился следом. Однако дверь оказалась закрытой изнутри. Но это препятствие не остановило поэта, а лишь сильнее подстегнуло его к активным действиям. Как говорится, пьяному и море по колено: Рубцов решил забраться внутрь через окно, предварительно разбив его

кулаком. От удара стекло разбилось, и один из осколков разрезал артерию на руке.

Услышав звон разбитого стекла, Дербина бросилась на шум и застала жуткую картину: Рубцов лежал на земле, а из раны вовсю хлестала кровь. Но женщина не расстерялась: сбегала за фельдшером, который тут же наложил раненому жгут. Затем Рубцова отправили в местную больницу, где он пролежал несколько дней.

10 июня правозащитник Петр Григоренко был переведен из казанской психушки в психушку города Черняховска. Условия содержания в этом учреждении описывает П. Смирнов:

«Основной контингент этой специальной (т. е. тюремной) больницы составляют действительно больные люди, судимые за изнасилования и убийства. Больничная палата — шестиметровая камера. В ней двое: Петр Григорьевич и его сосед, зарезавший свою жену и находящийся все время в бредовом состоянии. Свободного пространства — 2 шага, можно только встать и одеться. Прогулка — около 2 часов в день, все остальное время — в запертой камере. Бумаги и карандаша Петр Григорьевич лишен. Вынужденная неподвижность, острые боли в раненой ноге (Григоренко воевал под Халхин-Голом, прошел Великую Отечественную, где и получил ранение бедра. — Ф. Р.), непрерывное воздействие на психику со стороны тяжелого душевнобольного — все это вызывает серьезные опасения за жизнь П. Г. Григоренко... На палату-камеру, где заключен Григоренко, навешен второй замок, ключ от которого находится на вахте у дежурного, далеко от камеры. Это крайне затрудняет пользование туалетом. У Григоренко обострился цистит. Мучаясь, Григоренко не спал ночами. На все жалобы ответов не было. Позднее в палату была поставлена «утка». Администрация больницы ограничивает Григоренко в свиданиях с родными...»

11 июня в Мексике наша сборная по футболу играла свой третий матч на чемпионате мира — на этот раз с командой Сальвадора. Матч транслировался по ЦТ в 19.30. Наши футболисты порадовали своих болельщиков отменной игрой и победили со счетом 2:0 (голы у нас забили Пузач и Серебряников). Поскольку две команды — СССР и Мексики — набрали в предварительных играх одинаковое количество очков и даже разность мячей у них была одинако-

вой, победитель группы был определен жребием. Им стала наша сборная.

Июнь — самый разгар съемок на киностудиях страны. В те годы в отличие от нынешних фильмы снимались в большом количестве, причем подавляющая их часть на юге. Иногда в той же Ялте или Туапсе одновременно собиралось до десяти съемочных групп с разных киностудий. Не было исключением и июнь 70-го. К примеру, тогда в Ялте снимали несколько картин, в том числе комедию «Опекун» (с 23 апреля) и приключенческий фильм «Остров сокровищ» (с 24 апреля).

«Опекун» снимали двое молодых режиссеров из Армении: Альберт С. Мкртчян и Эдгар Ходжикян. Главным героем фильма был тунец Миша Короедов, которого его знакомая определяет опекуном к одинокой старушке, проживающей в Крыму. В фильме был собран звездный состав актеров: Александр Збруев, Клара Лучко, Георгий Вицин, Ирина Мурзаева, Константин Сорокин, Муза Крепкогорская, Георгий Юматов. Последний играл роль приятеля Короедова выпивохи Тебенкова, причем играл неплохо — сам был большим поклонником «зеленого змия». Однако эта пагубная страсть сыграла с Юматовым плохую шутку.

11 июня Юматов встретил в одном из ялтинских ресторанов своих друзей-моряков и по этому поводу здорово надрался. На следующий день, с утра опохмелился и в таком виде отправился на съемку. Причем прихватил с собой пистолет-пугач, которым стал страшить как участников съемок, так и зрителей. Кто-то из последних так перепугался, что подозвал стоявшего неподалеку милиционера. Тот попытался было отобрать пистолет у артиста, но не тут-то было: актер стал яростно сопротивляться. Началась потасовка, свидетелями которой стали десятки людей. Короче, скандал вышел нешуточный. Молодые режиссеры, которые до этого ни с чем подобным на съемочной площадке еще не сталкивались, решили снять Юматова с роли. Вместо него был приглашен Георгий Вицин, который в киношной среде славился не только своим искрометным талантом, но и тем, что занимался йогой и не брал в рот ни грамма спиртного. А Юматова в тот же день навестила Клара Лучко. Как она вспоминает, «он был подавлен, ему было стыдно перед режиссерами и съемочной группой. Мы

долго с ним говорили. Ведь не первый раз подобное случилось. Он не мог простить себе такую же историю с картиной «Белое солнце пустыни» (скандал с Юматовым на этом фильме случился в июле 68-го. — Ф. Р.).

Самое интересное, что параллельно со съемками в этой комедии Юматов снимался в картине Владимира Рогового «Офицеры», где он также не сумел выдержать жесткий режим, неоднократно срывался, но роль, однако, не потерял. Но об этом рассказ впереди, а пока вернемся к другим фильмам.

Фильм «Остров сокровищ» снимал режиссер киностудии имени Горького Евгений Фридман. Это было второе обращение наших кинематографистов к бессмертному роману Р. Стивенсона: в 1937 году книгу экранизировал Владимир Вайншток. У Фридмана практически все главные роли достались актерам из Прибалтики (Ааре Лаанеметс, Лаймонас Норейка, Альгимантас Масюлис, Витаутас Томкус и др.), однако украшением фильма, безусловно, стал исполнитель роли Джона Сильвера Борис Андреев. Как вспоминает все та же К. Лучко, встречавшаяся в том июне с Андреевым в Ялте:

«Он плохо себя чувствовал, у него болели ноги. Он выходил из гостиницы, медленно шел, то и дело останавливался. Его узнавали, здоровались, хотели поговорить. А он присаживался на лавочку и делал вид, будто наблюдает за людьми, проходящими мимо него.

Ему трудно было учить роль. Помогала жена. И он повторял каждую фразу по многу раз...»

Еще одним украшением этого фильма стала замечательная музыка Алексея Рыбникова. Не случайно фирма «Мелодия» вскоре после выхода картины на широкий экран выпустила пластинку-миньон с этой музыкой. Эта пластинка до сих пор хранится в моей фонотеке, и всегда, когда мне хочется перенестись в годы моего детства, я слушаю эту фантастическую музыку.

Но вернемся на съемочные площадки июня 70-го.

По маршруту Рыбинск—Кисловодск отправилась съемочная группа фильма «Двенадцать стульев» с Леонидом Гайдаем во главе (выехали из Москвы 28 мая). В приволжском городе Работки в июне того года снимались эпизоды с пребыванием Остапа Бендера в Васюках.

В закарпатском селе Ростоки режиссер Юрий Ильенко снимает поэтическую драму «Белая птица с черной отметиной» о событиях 1937—1941 годов на Украине. В главных ролях в картине заняты актеры Лариса Кадочникова, Иван Миколайчук, Богдан Ступка, Джемма Фирсова, Леонид Бакштаев и др.

В Забайкалье, в селе Елизаветино, режиссер Виктор Трегубович снимает эпическую драму «Даурия» по одноименному роману Константина Седых. Там проходят натурные съемки, причем без участия большинства актеров, которые заняты кто в театрах, кто на других съемках (Ефим Копелян, Виктор Павлов, Михаил Кокшенов, Василий Шукшин, Юрий Назаров и др.). Однако братья Соломины — Юрий (18 июня ему исполнилось 35 лет) и Виталий — на съемки приехали, поскольку это их родные места, здесь, в Чите, до сих пор живут их родители. Чтобы собрать всех актеров вместе, съемочной группе позже придется перенести съемки поближе к центру — под Нарву, где будет выстроен поселок Мунгаловский.

В румынском городе Констанца режиссер Франциск Мунтяну продолжает работать над натурными съемками советско-румынской музыкальной комедии «Песни моря». Как мы помним, главные роли в нем исполняют Наталья Фатеева и Дан Спатару, между которыми вспыхнул внезапный роман. Однако муж Фатеевой космонавт Борис Егоров, в то время пока его супруга находилась в командировке, внезапно увлекся другой актрисой — Натальей Кустинской (о их первой встрече на Новый год я уже упоминал).

Вспоминает Н. Кустинская: «Однажды, когда Наташа была на съемках, Борис зашел к нам пообедать. Причем появился на три часа раньше, чем обещал, все кастрюли мне вычистил, холодильник вымыл, мы с ним накрыли на стол, а когда пришел Олег, мой муж, вместе перекусили. Он все уговаривал мужа не ездить на рыбалку на Север, куда тот, к моему неудовольствию, собрался.

В тот год стояло дождливое лето, и через пару дней Борис заехал за зонтиком, который у нас забыл. Мужа уже не было. «Вы не пообедали? Поедте пообедаем вместе». Наверное, не нужно было соглашаться, но мы отправились на Речной вокзал. Не помню, о чем говорили, выпили бутылку вина, вышли — солнце еще не

село... Вдруг он произнес: «Наташ, я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой». Я была в полной растерянности. «Боря, вы мне тоже очень нравитесь, но как же я могу за вас выйти, если у вас только что родился ребенок? Это совершенно отпадает». — «Ты мне на один, на два, на три раза не нужна. Ты нужна мне всегда. Я люблю тебя, понимаешь?» Больше ни он, ни я домой не вернулись. И прожили мы вместе восемнадцать лет...»

Поскольку свою жилплощадь Кустинская и Егоров оставили своим бывшим половинам, жить им было негде. Однако их пустил в свою квартиру будущий ведущий «Клуба кинопутешественников» Юрий Сенкевич. Он попросил их вести себя как можно тише, чтобы никто об этом не узнал и не было скандала. Но буквально через несколько дней об их романе знали все. Сенкевич тогда сделал для себя вывод о том, что актрисы есть актрисы, они всегда хотят, чтобы вокруг их имени шумели люди.

Вспоминает Ю. Сенкевич: «Досталось тогда Боре, из обманутого мужа он превратился в монстра, который опять бросил семью (в 66-м Егоров ушел от своей первой жены Элеоноры к Фатеевой и стал первым разведенным космонавтом в стране. — Ф. Р.). Не просто бросил, а поссорил близких друзей. Хотя, с моей точки зрения, повод для развода дала сама Фатеева и ее шумный роман с румынским певцом. Егоров очень сильно переживал. Однажды я проезжал по набережной и заметил машину Боба, он сидел в ней и палил из пистолета в воду...»

Что касается фильма «Песни моря», то съемки в Румынии продлятся до 24 июня, после чего съемочная группа перебазируется сначала в Одессу (29 июня — 7 июля), а затем в Сочи (8—20 июля).

Режиссер Анатолий Бобровский продолжает работу над детективом «Возвращение «Святого Луки» (съемки начались 21 мая). Отсняв эпизоды в небольших павильонных декорациях («квартира Зои», «квартира Полины»), а также поработав на натуре (бассейн «Москва» и гостиница), съемочная группа приступила к съемкам одного из кульминационных моментов фильма — похищение картины. Надеюсь, читатель хорошо помнит те эпизоды: рецидивист Граф (Владислав Дворжецкий), пока его сообщники отвлекали работниц музея, спрятался за статую, а после закрытия музея вырезал

картину «Святой Лука» из рамы и благополучно скрылся. Съемки проходили в 1-м павильоне «Мосфильма» в огромной декорации «музей», оставшейся после съемок другой ленты — «Посланники вечности».

В пятницу, 12 июня, писатель Виктор Астафьев навестил в больнице Николая Рубцова. Астафьев пришел не с пустыми руками — принес с собой купленные накануне в Москве пупырчатые огурцы. Сказал: питайся витамином, может быть, поумнеешь. На что Рубцов заносчиво ответил: «А я уже и так умный. Стихи вот новые написал. Хочешь, прочитаю?» И прочитал коллеге целую серию своих последних творений: «Ферапонтово», «Достоевский», «Философские стихи», «В минуту музыки печальной» и другие. Уходя, Астафьев пожелал Рубцову поскорее выздоравливать и предложил в первые же выходные после выписки съездить вместе на рыбалку, на речку Низьму. Рубцов это предложение принял с удовольствием.

Тем временем молодая и пока никому не известная певица Алла Пугачева вместе с мужем Миколасом Орбакасом отправилась в Каунас к старшим Орбакасам. Пробыв у них несколько дней, молодые затем уехали отдыхать на Балтийское побережье. Вечером 12 июня они сидели в ресторанчике близ моря, пили шампанское, а по телевизору в это время показывали международный конкурс «Золотой Орфей» из Болгарии. Алла внимательно следила за выступающими и иногда сопровождала их выступления такими комментариями:

— Вы только посмотрите, выступают все, кому не лень. Еле рот раскрывают! А я сижу себе здесь и не выступаю!

Посетители, сидевшие в тот час в ресторане, с удивлением смотрели на странную русскую, которая так энергично комментирует чуть ли не каждое выступление.

Когда передача закончилась, Алла с мужем отправились на море. Там они долго бродили по берегу, а когда собирались уходить, Алла внезапно сняла босоножки, забежала по щиколотки в воду и на весь берег стала кричать: «Я тоже буду петь на «Орфее»! Обязательно буду! Вы слышите? Я буду там петь! Я, Алла Пугачева!»

С субботы, 13 июня, в течение двух недель режиссер Юрий Озеров снимал кульминационный эпизод четвертого фильма эпопеи «Осво-

бождение» «Битва за Берлин» — затопление берлинского метро. Эпизод снимался в перерывном шлюзе №11 под Москвой. Снимали так. Сначала шлюз очистили. Потом по эскизам художника А. Мягкова построили в нем станцию «Кайзергоф», опустили на дно шпалы, рельсы, пушку и специально привезенный из Берлина вагон метрополитена образца 40-х годов, развесили на стенах фашистские плакаты тех лет и установили автоматы по продаже шоколада. Когда гигантский щит шлюза был поднят, девятиметровая толща воды обрушилась на «станцию». Как это выглядит на экране, зритель, надеюсь, прекрасно помнит. Кстати, во время съемок этого эпизода режиссер Озеров, который в течение нескольких часов находился в воде, застудил себе спину и вынужден был несколько недель проваляться на больничной койке.

В тот же день в Мексике наша футбольная сборная играла очередной матч — с командой Уругвая (по ЦТ его транслировали 15 июня в 19.30). Этой игре суждено будет войти в историю как одной из самых скандальных. Что же произошло? Сборная Уругвая вышла в четвертьфинал чемпионата благодаря случаю. В предварительных играх она забила всего два гола (причем в ворота аутсайдера своей группы) и прошла дальше только благодаря лучшей разнице мячей. Нам бы в игре с ними навязать быстрый, атакующий футбол (как это было в игре с бельгийцами), ан нет — наши тренеры решили не рисковать и выставили на матч сугубо оборонительный вариант состава. В итоге никакого преимущества мы не получили: игра была упорной, но малоинтересной. В основное время распечатать ворота не удалось ни той, ни другой команде. А вот в дополнительное время произошел крайне досадный для нас эпизод. Однако лучше послушаем рассказ свидетеля тех событий судьи Марка Рафалова:

«Шла 117-я минута. 0:0. Оставалось играть всего три минуты добавленного арбитром времени. На левом фланге форвард уругвайцев Кубиллес обыграл нашего Афонина, послал мяч в штрафную, и Эспараго вколотил его в ворота Кавазашвили. Но за мгновение до этого, по мнению наших футболистов, Кубилла упустил мяч за линию поля. Мы наблюдали за игрой, сидя на трибуне у средней линии, и, разумеется, видеть ничего не могли. Но видели другие...

Наши руководители и многие журналисты метали громы и молнии в адрес голландского рефери Ван-Равенса, обвиняя его в предвзятости. Их огорчение понять нетрудно: сборная СССР вынуждена была покинуть Мексику. Но ведь при здравом размышлении и так ясно: обладая арбитр даже скоростью гепарда, он физически просто не мог успеть к кромке поля, чтобы разглядеть, на сколько сантиметров мяч пересек (или не пересек) линию. Речь следовало вести не о судейских кознях, а о беспомощности рефери в подобной ситуации...»

Стоит отметить, что на том чемпионате судьи вообще ошибались слишком часто, что вызывало возмущение у многих спортсменов и журналистов. Тот же М. Рафалов вспоминает, что в отеле «Мария Изабель», где дислоцировался директорат, было зафиксировано несколько случаев, когда разгневанные люди прижимали к стенке бывшего тогда президентом ФИФА Стэнли Роуза. Эти наскоки чрезвычайно его раздражали, поскольку он не считал себя виноватым в ошибках рефери. Он отвечал так: «Права и полномочия судьи определены интересами игры, причем возможность той или иной ошибки включена в сферу этих интересов».

15 июня актер Александр Збруев прервал съемки в фильме «Опекун» и вылетел в Москву, чтобы проститься с умирающей матерью. Мать для него была единственным родным человеком на свете, поскольку своего отца Збруев в живых не застал — его расстреляли в 37-м году, до его рождения. Актер вспоминает: «Когда мама умирала, я снимался в Ялте. Представляете, море, белые корабли, красивые девушки, я молод, симпатичен, известный артист, меня любят, я люблю. И вдруг узнаю о телеграмме, которую от меня скрыли: мама в больнице. Я все бросил, прилетел в Москву, добился, чтобы пустили в реанимацию. Старался улыбаться, а слезы все равно текли. И тогда она сказала: «Сашенька, ты не плачь, потому что я совершенно не боюсь смерти. Я так устала жить...»

В тот же день, 15 июня, в Ленинграде группа людей в количестве шестнадцати (!) человек под руководством 43-летнего Марка Дымшица и 31-летнего Эдуарда Кузнецова решила захватить самолет и добиться у советского правительства разрешения на эмиграцию в Израиль.

Вот как вспоминает об этом инциденте сам Э. Кузнецов:

«Мое положение в 70-м было не из лучших. В Москву ездить к матери не разрешали (Кузнецова в первый раз арестовали еще в 61-м по делу Гинзбурга—Галанскова. — Ф. Р.), дело новое стряпали, стукача завербовали (правда, я его раньше завербовал, и мы вместе писали рапорты КГБ). Я был на грани взрыва, боялся сорваться на какой-нибудь мелочи. И решил: за ерунду сидеть больше не буду. Если уж сяду, то за что-то стоящее. И вот вместе со своими будущими поделщиками мы надумали следующее. Страна нуждалась в твердой валюте, в западной технологии. Готовился так называемый детант — «разрядка». Спасти Россию, как мы полагали, в то время мог только Запад. И вот в момент главного соглашения Союзу придется пойти на уступки, если Запад этого потребует. В качестве уступки мы поставим проблему выезда, эмиграции. В те годы практически не выпускали, на Запад выезжали лишь единицы. Мало того, мы понимали, что вот-вот людей снова начнут сажать. И лучше уж сесть в тюрьму, чем так жить дальше.

Перебрали мы массу вариантов акций протеста: массовую голодовку на Красной площади, имитацию побега за рубеж на «Ту-104» человек ста пятидесяти с детьми. Самолет не захватывать, но сделать заявление о наших требованиях. Выбрали окончательный вариант: шестнадцать «заговорщиков» симитируют захват самолета первого секретаря Ленинградского обкома партии Толстикова. Одного мы не рассчитали: наверняка из шестнадцати один или заложит, или проговорится. Стукачество тогда цвело пышным цветом. И точно, поняли, что за нами следят. Тогда начали хитрую игру: делали вид, что слежки не замечаем, а подготовку к акции тем временем продолжали. Я говорил ребятам: «Нас все равно засекли, вот-вот всех арестуют, а мы еще ничего не сделали. Надо сделать так, чтобы нас арестовали в аэропорту». И действительно, интересы КГБ и наши планы совпали. Они тоже хотели арестовать нас именно в аэропорту. Чтобы показать всему миру, какие мы бандиты. И мы решили делать то, что задумали, не питая по поводу исхода акции иллюзий. Пошли на нее отнюдь не во фраках с бабочками, а в телогрейках, сапогах, с вещмешками, в кото-

рых были махорка и чай — то, что могло пригодиться в лагере.

Когда мы поодиночке и по двое подтягивались к аэропорту, за каждым из нас следовали по 4—5 явных гэбэшников. Потом стало известно, что в рамках этой операции была стянута к аэропорту целая пограничная часть. Начальник 5-го управления КГБ по борьбе с диссидентами генерал Бобков прибыл из Москвы, чтобы лично руководить операцией захвата. Гэбэшники ждали возможности проявить себя, предвкусывая получить за это внеочередные звездочки.

После того как мы после регистрации вышли на поле, на нас со всех сторон ринулись люди. Человек двадцать огромных лоботрясов выскочили из самолета. И пошла молотья. Вместе с нами сбили с ног какую-то толстую, пригородного типа тетку, по ошибке прибывшую к нашей группе. Мы-то барахтались молча, понимая, за что нас вяжут. А она, бедная, решила, что ее сейчас, прямо среди поля, изнасилуют. Помню задранную юбку, красные трусы, мелькавшие окорока ног. И ее истощный визг...»

А теперь из Ленинграда перенесемся в Луганск, где продолжают поиски маньяка. 15 июня в оперативный штаб по поимке опасного преступника пришло сообщение из Харькова о том, что там изнасилована и убита гражданка Азарова. Луганских сыщиков сообщение привлекло тем, что в этом случае просматривался почерк их «подопечного»: жертва была задушена, руки связаны, во рту находился кляп. В Харьков срочно выехал работник Луганского угро. Он узнал, что еще в июне 1969 года там же при сходных обстоятельствах была убита гражданка Гусева. Убийство осталось нераскрытым. Также он выяснил, что за день до убийства Азаровой недалеко от того места, где будет найден ее труп, было нападение на молодую женщину. Преступник схватил ее сзади за горло, стал душить, повалил на землю. Однако ей повезло — насильник не стал ее убивать. В милицию она заявила спустя несколько дней после случившегося. После этих случаев было решено объединить действия луганских и харьковских розыскников.

В один из тех же дней середины июня писатель Астафьев пришел в вологодскую больницу, чтобы навестить Николая Рубцова, но того там уже не оказалось. Врачи сообщили, что бу-

квально накануне к больному заявили друзья-собутыльники и уволокли его на волю. Сказали, мол, чего без толку лежать, коли рана уже почти зажила. Через пару-тройку дней Астафьев все-таки встретил Рубцова, но радости эта встреча ему не доставила. Рубцов предстал перед ним в компании алкашей, будучи сам в изрядном подпитии, лохмат, небрит, причем телогрейка, в которой он ходил в июне месяце, на нем была надета на голое тело, и по телу этому вилась татуированная живопись. Пьяный поэт с корешами стояли посреди улицы и задирали какого-то мужика-верзилу. Астафьев решил вмешаться. Он поинтересовался у верзилы, что происходит, и тот объяснил: мол, этот вшоньш (он ткнул пальцем в Рубцова) попросил у него спичек, он дал, а тот в ответ стал зажигать их одну за другой и бросать в него. Уж не больной ли он? На последнюю реплику верзилы Рубцов взвился, хотел было полезть в драку, но Астафьев его вовремя осадил. Он отобрал у поэта спички, вернул их хозяину и попросил не обращать внимания на причуды пьяных людей. Верзила, у которого, видимо, и без того проблем хватало, удалился восвояси. А Рубцов внезапно стал пенять писателю: «Чего ты лезешь, куда тебя не просят?! Мы бы этому хмырю сейчас таких пиздюлей навесили, кровью бы харкал...» Астафьев не стал вдаваться в дискуссию — развернулся и пошел своей дорогой.

16 июня, в 19.00, по ЦТ началась премьера 2-серийного телефильма «О друзьях-товарищах», повествующего о событиях осени 1919 года в Москве. В фильме впервые в отечественном кинематографе был воссоздан эпизод террористического акта, предпринятый левыми эсерами и «анархистами подполья» 25 сентября, когда во время заседания Московского комитета партии в Леонтьевском переулке в здание МК была брошена бомба. Террористы метили в Ленина, который должен был присутствовать на этом заседании, но ошиблись — Ильич в тот день туда так и не приехал. От взрыва рухнули стены и потолок зала, в результате чего были убиты 12 человек, в том числе секретарь МК Владимир Загорский (Лубоцкий), пытавшийся выбросить бомбу в окно (в фильме эту роль сыграл Валерий Золотухин). От взрыва должен был погибнуть и будущий основатель ЗИЛа 25-летний Иван Лихачев, однако его спасла от не-

минуемой гибели... любовь. Этот эпизод впоследствии красочно живописует писатель Юрий Нагибин в повести «Моя золотая теща», где Лихачев выведен под именем Василия Кирилловича Звягинцева. Послушаем рассказ писателя, которому на определенном этапе жизненного пути довелось быть мужем дочери знаменитого деятеля отечественного автомобилестроения:

«Меня давно занимала памятная доска на одном из старых зданий по Леонтьевскому переулку. Там сообщалось о гибели большой группы депутатов Московского Совета от взрыва эсеровской бомбы. Я вспомнил, что Василий Кириллович был депутатом Моссовета первого созыва, почему же его пощадила судьба?

С таким вопросом я обратился к своему тестю за общим завтраком.

— Папка бы тоже погиб, если б не я, — сказала Татьяна Алексеевна (жена Звягинцева. — Ф. Р.). — Я прибежала к нему на свиданку. Он вышел, мы стали обжиматься за углом. Тут как рванет!..

— Ну ладно! — буркнул Звягинцев. — Поехала!..

Он громко рыгнул — неперменный ритуал, свидетельствующий о сытости: «Уф, обожрался!» — и вылез из-за стола. Он явно был смущен воспоминаниями Татьяны Алексеевны. Это напомнило мне Максима Горького, который краснел, если в присутствии женщины произносили слово «штаны», что не мешало ему при такой мимозности сожительствовать со своей снохой.

— Подумаешь, какой стеснительный! — сказала ему в спину Татьяна Алексеевна и в прямой чосеровской манере поведала о волнующем мгновении юности, где любовь и смерть соединились в едином клубке.

Едва обняв ее, Звягинцев хотел вернуться на заседание, но она расстегнула ему ширинку и, несмотря на неудобство положения и недостаточную изолированность места — правда, дело шло к вечеру, и фонари не горели, — сумела принять его в себя. Но он никак не мог приспособиться и норовил уйти, и тут как ахнет! От испуга он кончил, она тоже — впервые в жизни — и понесла Гальку.

— Значит, я дитя взрыва? — удивилась Галя.

Татьяна Алексеевна кивнула и добавила несколько смачных подробностей о кусках окро-

вавленного человеческого мяса, достигших их, — от взрыва погибли и люди, находившиеся снаружи. А на решетчатой ограде повис мужской член во всем наборе, припомнила сказительница. Я был уверен, что эта деталь появится, без нее былина была бы неполной...»

А теперь от событий года 19-го вновь вернемся в июнь 70-го.

Помимо фильма «О друзьях-товарищах» по ТВ в первой половине июня показывали следующие фильмы: «Попутного ветра, «Синяя птица!»», «Джамия», «На войне как на войне» (1-го), «Высота» (2-го), «Нежность» (3-го), «Часы капитана Энрико», «Депутат Балтики», «Продавец воздуха» (4-го), «Друг Тыманчи» (премьеры т/ф), «Кувшин», «Истребители» (5-го), «Три толстяка», «Ждите нас на рассвете» (6-го), «Беглец из Янтарного», «Фантазеры» (7-го), «Парень из нашего города» (8-го), «Они встретились в пути» (9-го), «Екатерина Воронина», «Черемушки» (10-го), «Журавушка» (11-го), «Железный поток» (12-го), «Кавказская пленница» (13-го), «Укротительница тигров», «Васек Трубачев и его товарищи», «Представление начинается» (премьеры т/ф), «Живет такой парень» (14-го), «Три плюс два» (15-го) и др.

В столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых выделю следующие: с 1 июня в прокат вышел фильм Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа» с Николаем Гринько в роли А. П. Чехова и Мариной Влади в роли Лики Мизиновой (кстати, с 13 июня Влади гостит в Москве у мужа — Владимира Высоцкого). 3 — 8-го на Малой спортивной арене стадиона в Лужниках показывают венгерский детектив «Профессор преступного мира» (сеансы в 21.30, билеты по 30 копеек). 5—13-го на стадионе «Динамо» в 22.00 крутят итальянскую комедию «Не промахнись, Асунта!» с Моникой Витти в главной роли, а 15—21-го — японскую мелодраму «Сезон любви». С 9-го в кинотеатре «Мир» показывают польский фильм «Графиня Коссель», 13-го в полтора десятках кинотеатров крутят боевик Алоиза Бренча про деятельность советских разведчиков в годы войны «Тройная проверка» с участием Игоря Ледогорова, Виктора Чекмарева, Валентины Егоренковой, Геннадия Нилова (отец нынешнего телевизионного «мента» Алексея Нилова), Вии Артмане и др.

Из новинок зарубежного кино назову следующие ленты: с 1-го на экраны вышел приключенческий фильм французского режиссера Кристиана Жака «Черный тюльпан» с Аленом Делоном в главной роли; с 15-го «ДЕФА-вестерн» «Белые волки» и приключенческий фильм той же киностудии «ДЕФА» «Похищенный».

Из театральных премьер упомяну одну: с 4 июня в Театре оперетты идет спектакль «Нет меня счастливее». Многие столичные театры в это время находятся на гастролях: кто в стране, кто за границей. Например, МХАТ с начала июня был в Англии. Вспоминает В. Шиловский:

«Впервые были не очень удачные гастроли. «Чайка» Бориса Николаевича Ливанова в буквальном смысле провалилась. «Шестое июля» Леонид Викторович Варпаховский переделал специально для Англии. Это нужно было иметь талант Варпаховского. Старые большевики через журнал «Огонек» ударили по драматургии спектакля. Мол, в уста Дзержинского вложены слова Троцкого. Началась какая-то грязная история. И спектакль сняли. Это был очень сильный удар, потому что в Англии прошла реклама и англичане ждали именно эту постановку.

Вместо «Шестого июля» мы повезли «Третью Патетическую» Погодина. Это постановка 1957 года, старый спектакль, да и сама пьеса оставляет желать лучшего. Но актерский состав был блестящий. Газеты писали, что только высочайшее мастерство и талант русских артистов могут сыграть драматургию уровня церковно-приходской школы. Это было ужасно. При полных залах гастроли были, мягко говоря, гораздо ниже мхатовских...»

Между тем, пока часть труппы МХАТа находилась в Англии, другая его часть, оставшаяся в Москве, готовила переворот. Возглавлял заговор один из старейших актеров прославленного театра Михаил Яншин, который в один из тех июньских дней и собрал у себя на квартире совещание (великие «старички» МХАТа Б. Ливанов, А. Грибов, А. Кторов, М. Болдуман, В. Станицын на него приглашены не были, поскольку не разделяли позиции Яншина). Совещание было посвящено одной проблеме: как вернуть МХАТу былую популярность. К тому времени зритель перестал ходить в этот некогда популярный театр — только школьники и командированные частично заполняли зрительный зал. Билеты на мхатов-

ские спектакли продавали в нагрузку, что было особенно унижительно для актеров, которые помнили былые годы, когда во МХАТ попасть было крайне непросто. Однако несмотря на то что все «старика» были согласны с тем, что театру необходимы перемены, но каждый из них понимал их по-своему. Тот же Яншин, Марк Прудкин и их сторонники видели выход в следующем: надо сместить с поста художественного руководителя Бориса Ливанова и пригласить на эту должность другого человека. Поначалу их выбор пал на главрежа БДТ Георгия Товстоногова, но тот от такой чести отказался. Тогда решили найти своего, столичного. Сошлись на Олеге Ефреме, поскольку, во-первых, считали его своим, мхатовским, а во-вторых — надеялись, что смогут им управлять. Кстати, сам Ефремов на той революционной сходке у Яншина присутствовал, трескал черешню из огромной вазы, стоявшей на столе, и в конце концов дал свое согласие на такой переход.

Тем временем в Советском Союзе свирепствует эпидемия холеры. Вспыхивает она сразу в нескольких местах — в Астрахани, Волгограде, Ростове-на-Дону, Одессе. Особенно тяжело приходилось последней, которая всегда славилась своим многолюдием и гостеприимством. А теперь это был пустой и притихший город. Чтобы вселить в людей оптимизм, городские власти приняли решение обратиться к местным юмористам, чтобы они встряхнули народ — показали несколько спектаклей. Первыми откликнулись Михаил Жванецкий, Роман Карцев и Виктор Ильченко (двое последних только-только вернулись из Ленинграда, уйдя от Аркадия Райкина).

Вспоминает Р. Карцев: «Это было хорошее время — в Одессе была холера! Сбежал наш режиссер, испугавшись эпидемии. И мы втроем, без режиссера, сделали первый спектакль «Как пройти на Дерибасовскую?». Это был лучший спектакль в нашей жизни. Публика буквально уползала! Я не имею в виду какое-то особое мастерство или глубину этого спектакля. Нет, просто он был очень смешной! Там же были 20 наших, как теперь говорят, «хитов»: «Авас», «Как это, как это», «Дедушка» и другие...»

Между тем продолжается эпопея с содержанием в психушке Жореса Медведева. Всю первую половину июня многие деятели культуры и науки пытались призвать власти отпустить

его на свободу и в конце концов добились своего. Лично Брежнев вмешался в это дело. Вот как вспоминает об этом один из его тогдашних референтов А. Бовин:

«В те дни я делал для Брежнева какую-то бумагу. И когда докладывал ее, заметил, зря все это с Медведевым, себе же хуже делаем...»

У Брежнева была такая привычка: ты ему что-то толкуешь, а он сидит с невозмутимым лицом и никак не реагирует на сказанное. Долго «переваривал». А тут, уж не знаю почему, он сразу при мне позвонил по селектору Андропову. И спросил его:

— Это ты дал команду по Медведеву?

Ответ прозвучал примерно так:

— Нет, это управление перестаралось. Мне уже звонили из Академии наук. Я разберусь.

Мне Брежнев так ничего и не сказал, но дал возможность убедиться, что он «вник» в ситуацию...»

В результате вмешательства Брежнева 17 июня Жореса Медведева выпустили из психушки.

В это время Театр имени Вахтангова находился с гастролями в Новосибирске. 18 июня одной из ведущих актрис этого театра — Валентине Малявиной — исполнилось 29 лет. Дата не круглая, но коллеги именинницы решили отметить ее с большим размахом. Был накрыт роскошный стол, Малявину буквально завалили цветами. А потом Александр Кайдановский, который, как мы помним, испытывал к имениннице особые чувства, пригласил ее в общепитие, где на время гастролей он обитал с друзьями-актерами, и празднество продолжилось. Кайдановский в тот вечер был в ударе: читал стихи, пел собственные песни на стихи Языкова, Пушкина, Пастернака, Ахматовой. Малявиной очень нравилось, как он поет и играет на гитаре. Он пел несколько жестко, но сквозь жесткость проступал характер и глубокий ум. Именно этот вечер станет поворотным в судьбе обоих. Вернувшись в Москву, Малявина сообщит своему мужу, Павлу Арсенову, что полюбила другого человека и уходит к Кайдановскому. Сначала они поселятся в мастерской художника Никиты Лавинского, потом снимут комнату на Воронцовской улице, что у метро «Таганская», затем переедут на Арбат, рядом с Филипповской церковью, где когда-то

крестили Малявину. Однако это все произойдет позже, а мы пока вернемся в июнь 70-го.

19 июня в 14.59 завершился космический полет Андриана Николаева и Виталия Севастьянова. Они пробыли в космосе 18 дней, чего до них не делал ни один космонавт. Однако именно поэтому первое время после полета космонавты чувствовали себя неважно и даже подумывали... о смерти. Как вспоминает другой космонавт — А. Елисеев:

«Я встречал экипаж на месте посадки и провел около него первую ночь. Честно признаюсь, не было полной уверенности, что она пройдет благополучно. Ребята не могли стоять на ногах, боялись заснуть из-за опасения, что не смогут больше проснуться. Сердце перестроилось на работу в невесомости и не справлялось с земными нагрузками. Только на шестые сутки оно вышло на почти нормальный режим работы. В этот день космонавты начали ходить и поверили, что организм справился. Но было ясно, что усложнять условия работы сердца больше нельзя...»

В эти же дни в Ялту из Москвы вернулся Александр Збруев. Похоронив мать, он вынужден был вновь включиться в работу — сниматься в комедии «Опекун». Как ни тяжело ему было после такого трагического события изображать беспечного обалдую Мишу Короедова, но ничего не поделаешь — профессия вынуждала.

В воскресенье, 21 июня, исполнилось 60 лет Александру Твардовскому. По этому случаю власти собирались выделить для празднования зал Чайковского и наградить юбиляра званием Героя Социалистического Труда (дамским именем Гертруды называли его шутники), однако он сам сорвал это мероприятие, вступившись за Жореса Медведева. Произошло это в начале июня. В тот день Рой Медведев заехал на дачу в Пахру к писателю Владимиру Тендрякову, чтобы вместе с ним ехать в Калугу, к брату. А на огороде напротив работал с граблями Твардовский. Он поинтересовался, куда это они собрались ехать. Медведев ему и говорит: «Александр Трифонович, мы едем в Калугу. Вы тоже были у меня в списке на поездку, но я знаю, что у вас на носу юбилей. И я не хочу портить вам праздник». Однако Твардовский отложил грабли и сказал: «Если не я, то кто же?» И отправился в Калугу. Узнав про это, власти отметили и зал Чайковского, и Гертроду.

А теперь послушаем рассказы тех очевидцев, кто был приглашен 21 июня на юбилей Твардовского. Вспоминает Г. Бакланов: «Мы с женой были приглашены на грустное его шестидесятилетие, справлялось оно за городом, на даче. Он, Мария Илларионовна радушно встречали гостей. У большого, во всю террасу, стола хлопотала, еще и еще поднося из кухни, Оля, младшая, особенно, как мне казалось, любимая, даже с какой-то болью любимая дочь. Однажды, в тяжком запое (по времени это совпало с очередным запрещением уже сданного в набор номера «Нового мира») пригрезилось Александру Трифоновичу, что Оля умерла. И, плача, он рассказывал об этом, и невозможно было его переубедить, пробыть в помраченное сознание, страшно представить, что он тогда пережил.

Гости съезжались, уже было известно, что награда снижена до минимума: орден Трудового Красного Знамени. Ниже — только многоцветный, как мордовский сарафан, новоизобретенный орден Дружбы народов, еще ниже, в самом низу — «Знак Почета», прозванный «Веселые ребята». Орденов не хватало, горстями для убоготворения швыряли их из кремлевского окна в народ, измысливали новые: беря себе, надо было давать другим. Это про императора Павла сказал Карамзин: «Он отнял у казни стыд, а у награды честь». О чести говорить уже не приходилось, но унижить наградой могли.

Александр Трифонович, виду не подавая, шутил с гостями, но еще не переступил он в себе ту грань, за которой человек свободен. И за стол не сажались, ждали Шауро (Василий Шауро с 65-го был заведующим отделом ЦК КПСС, отвечавшим за культуру. — Ф. Р.), слух прошел, что выехал, едет, ему поручено поздравлять...

Больно мне было в тот день за Твардовского, когда мы, в свою очередь виду не подавая, прогуливались по участку, занимали себя разговорами. Трудно отрывал он от себя привычное прошлое. Но отрывал. А только тот и заслуживает уважения, кто себе в ущерб поступает по долгу и совести...»

А теперь послушаем рассказ еще одного гостя — З. Гердта: «В тот день пришло огромное количество народу. Дивный день, все двери открыты. И вдруг я вижу: входят Рина Зеле-

ная и Котэ (Константин Гапуридзе — муж актрисы. — Ф. Р.)... Я знаю, что они с Твардовским друг другу не представлены. Рина объясняет: мы приехали к вам (к Гердту. — Ф. Р.) явочным порядком, без звонка. А нам сказали, что все у Твардовских. Вот мы и приперлись! — подытожила Рина... Так ей важно было увидеть Твардовского! Ее, конечно, узнали, тут же усадили, водочки налили. И все жрали от пуза дивные, специально с осени к случаю заготавливаемые грибы! Ну я ее не звал и «пасти» не обязан. Разговариваю себе с Лакшиным. И вдруг она подходит и начинает теревить меня за рубашку: «Зяма, я хочу выступить перед Александром Трифоновичем!» — «Рина, вы сошли с ума, — взорвался я. — Это невозможно! Вы же не идиотка, Рина! Тут собрался цвет русской прозы — и вы с вашими эстрадными штучками?!» — «Но я хочу!» — «Оставьте, я не буду этого делать!» — Я убежал на другой конец участка, она достала меня и там...

Скрежеща зубами, я заорал: «Александр Трифонович! Перед вами хочет выступить Рина Зеленая!»

«Идиотище, ты что, с ума сошел! — тут же заорала на всю дачу Рина. — Граждане, он сошел с ума. Вы посмотрите, этот недоумок, он вам дачу спалит!!! Что вы несете: здесь цвет русской прозы, и я буду со штучками своими эстрадными?! Но... раз уж объявил — придется выступить, конечно...»

Ну аферистка и шантажистка, а?! Я от такого афронта совершенно обалдел... Она выступала — и такого счастливого Твардовского за много-много лет дружбы я никогда не видел. Он катался по дивану, слезы лились от смеха. Назавтра он пришел ко мне: ну, Зиновий Ефимович, то, что вы подумали о старшем товарище и специально ко мне из Москвы такую великую артистку привезли... Что она читала — сейчас уже не важно. Важно то, что это было безумно смешно!»

21 июня еще один известный человек отметил свой день рождения — актер Валерий Золотухин. Ему стукнуло 29. Дата не круглая, поэтому гостей он не собирал. Из подарков, врученных ему, запомнился тот, что подарил Высоцкий, — синтетическая рубашка светло-шоколадного цвета. Правда, подарил ее Высоцкий накануне дня рождения, сразу после спектакля «Павшие и живые». Золотухину она

настолько понравилась, что он тут же ее и надел. Ровно год назад тот же Высоцкий подарил ему брюки, которые в этот день тоже были на нем — в итоге Золотухин получилась весь в «Высоцком».

В этот же день, в 20.50, ЦТ транслировало финальную игру чемпионата мира по футболу — Бразилия — Италия. Бразильцы весь чемпионат прошли в прекрасном темпе и на последнюю игру вышли с большим настроением. Счет в матче открыл легендарный Пеле. Однако до конца первого тайма Бонисенья сравнивает счет. Перелом наступил во втором тайме, когда бразильцы буквально смели оборону итальянцев и вколотили три безответных мяча (Герсон, Жаирзиньо и Карлос-Альберто). Бразильцы — чемпионы!

По злой иронии судьбы именно во время трансляции этого матча в Москве скончался известный писатель Лев Кассиль. Он был одним из зачинателей советской детской литературы, его перу принадлежат повести: «Швабра» (1933), «Вратарь республики» (1938), «Улица младшего сына» (1949) и др. Кроме этого, Кассиль много и плодотворно работал в кино, в основном в жанре спортивного фильма. По его сценариям были сняты такие картины, как: «Вратарь» (1936), «Удар! Еще удар!» (1968), «Ход белой королевы» (1972) и др. Сам Кассиль был страстным болельщиком и не пропускал ни одного серьезного спортивного соревнования (он поддерживал советских спортсменов на всех Олимпиадах от Хельсинки (1952) до Мюнхена (1968)). Это благодаря Кассилю во время выступлений советских спортсменов болельщики стали скандировать крылатый ныне лозунг «Мо-ло-дцы!».

Между тем летом 70-го здоровье не позволило Кассилю вместе с советской сборной по футболу отправиться на мексиканский чемпионат. Писатель засел у телевизора, не пропуская ни одной трансляции. Во время досадного проигрыша советской сборной команде Уругвая Кассилю несколько раз становилось плохо, и он вынужден был непрерывно глотать лекарства. А во время финального матча 21 июня его сердце не выдержало. Писателю было 65 лет.

В том же июне по Москве распространились слухи о том, что умер Александр Галич. Слухи были настолько активными, что вышли далеко за пределы столицы и достигли даже

Якутии. А в городе Айхале тогда работал Владимир Ямпольский, который был большим поклонником Галича. Узнав о внезапной «смерти» своего кумира, он решил во что бы то ни стало лететь в Москву, чтобы проститься с ним. Через два часа он уже был в Айхальском аэропорту и благодаря помощи своих друзей, которые тоже уже знали о «смерти» Галича, достал билет на ближайший рейс до столицы.

В Москве Ямпольский позвонил своему приятелю, у которого были обширные связи, и попросил его достать домашний телефон Галича. Тот его просьбу выполнил. Однако, диктуя ему затем номер телефона Галича, огорошил его новостью о том, что тот жив-здоров. Все еще не веря в эту радостную весть, Ямпольский набрал номер телефона Галича и действительно услышал на другом конце провода голос барда — живого и здорового. Окрыленный этим, Ямпольский смело выложил Галичу свою просьбу: мол, он только сегодня прилетел из Якутии, где всюду распространяются слухи о смерти Галича, нельзя ли его повидать, чтобы затем рассказать друзьям правду. Галич согласился принять гостя без всяких оговорок. Правда, не сегодня, а завтра. Далее послушаем самого В. Ямпольского:

«На следующий день в назначенное время я стоял перед дверью квартиры Галича. На мой звонок никто не ответил. Позвонил второй раз. Тишина. Я постоял немного и, поборов волнение, позвонил еще раз. Дверь мне открыла очень сердитая женщина. Просверлив меня глазами, она спросила:

— Чего это вы звоните?

— Здравствуйте, я Володя Ямпольский, я из Якутии, я к Александру Аркадьевичу, он мне разрешил прийти к двум часам, — залепетал я под ее взглядом.

— Ну и заходите! Трезвонить-то зачем?

И она несколько отступила от двери.

Вышел Александр Аркадьевич. Мы поздоровались. Он познакомил меня с Ангелиной Николаевной, и она, сославшись на самочувствие, ушла к себе.

Мы прошли в комнату Галича. Сели...

В общем-то, мне от Галича ничего не было нужно. Ни автографа, ни помощи в получении записей или приглашения на его выступления. Не было у меня и мысли об установлении каких бы то ни было отношений. У меня было

одно лишь желание: просто посмотреть один раз вдоволь на Галича. И все!..

Приблизительно все это я и сказал Галичу. Рассказал и о нелепом слухе о его смерти — откуда он мог появиться?! Александр Аркадьевич успокоил меня: слухи о его смерти ходят часто, что нашло отражение в нескольких песнях. Эти песни я знал.

Александр Аркадьевич расспрашивал меня о моей работе, семье, о Якутии. Великолепно, с неподдельным вниманием слушал...

Ну что ж, моя программа выполнена полностью. Моя многолетняя мечта сбылась самым прекрасным образом, пора было и уходить. Я не утерпел и спросил Галича:

— Александр Аркадьевич, а почему меня отчитала Ангелина Николаевна за то, что я звонил, прежде чем войти в ваш дом?

— Ну как вам сказать... Просто, когда мы дома, двери у нас никогда не заперты.

— И ночью?

— И ночью. Друзья, которые бывают у нас, знают об этом и никогда не звонят.

— А если не друзья?

— Тем более. Знаете, сама мысль, что кто-то будет звонить, стучать, ломиться в дверь, настолько отвратительна, что мы решили дверь никогда не запирать...»

22 июня в газете «Вечерняя Москва» появилась заметка «Из зала суда» о подпольном дельце, промышлявшем скупкой и перепродажей антиквариата. Подобные заметки в те годы пользовались огромной популярностью у читателей, поскольку позволяли обывателям хоть изредка, но взглянуть на изнанку жизни. Это теперь мы, что называется, объелись криминалом, а тогда все было иначе.

В заметке речь шла о некоем дельце, который ездил в крупные города Союза (в частности, в Таллин), скупал там по дешевке картины (15 — 20 рублей), а в Москве сдавал их в комиссионки по 80 рублей и выше. Например, картину западного художника Диаза «Перед грозой» он купил за 45 рублей, ловко выдал ее за шедевр и продал в Казахскую картинную галерею за 4500 рублей! Здорово прокололись с ним и другие крупные учреждения: так, Тюменский музей купил у него 15 дешевых полотен за весьма внушительную сумму в несколько тысяч рублей, Кисловодский — 12. Однако вечно деятельность дельца продолжаться не

могла, и его в конце концов схватили. Суд приговорил его к 10 годам тюрьмы.

Между тем в июне во всех учебных заведениях страны закончились выпускные экзамены, и миллионы школьников и студентов отправлялись кто куда: кто-то на каникулы, чтобы в сентябре вновь сесть за парты, а кто-то навсегда покинул стены родной школы или вуза.

Известный ныне киноактер Владимир Гостюхин тем летом закончил ГИТИС и был распределен в драматический театр Липецка. Он был безвестным молодым актером, сыгравшим всего лишь одну крохотную роль в кино: в картине «Был месяц май», премьера которого по ЦТ состоялась чуть больше месяца назад.

Совсем иначе обстояли дела у выпускницы того же ГИТИСа Ольги Остроумовой. Она попала в труппу столичного ТЮЗа. А все потому, что уже считалась известной актрисой, поскольку еще на втором курсе сыграла одну из главных ролей в кинохите Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника» (1968).

Другая звезда отечественного кино — Елена Соловей — закончила ВГИК и была приглашена в труппу Малого театра. Она тоже уже имела за своими плечами несколько ролей в кино, самой известной из которых была роль Беатриче в фильме Павла Арсенова «Король-Олень» (1969). Однако из Малого она ушла так же стремительно, как пришла. Вот ее собственный рассказ об этом:

«Иннокентий Михайлович Смоктуновский, который ко мне очень нежно, по-доброму относился, должен был играть царя Федора Иоанновича. Думаю, он что-то сказал обо мне режиссеру Борису Равенских. В результате я получила приглашение, от которого совершенно оторопела. Равенских это заметил и предложил: «Напишите заявление, а потом будете думать». Я написала: «Прошу принять в театр», вздохнула с облегчением и вскоре почти забыла об этом. И вдруг звонит Борис Андреевич Бабочкин (он ведь тоже был актером Малого) и говорит: «Лена, на сбор труппы идешь? Ты же в наш театр принята!» Заехал за мной, вытащил на свет божий и даже представил коллегам. «Чайку, — говорит, — для тебя поставлю. Что еще хочешь?..» Но я всегда боялась совершать серьезные поступки, а тут еще мое назревающее замужество, которое означало переезд в Ленинград...» (Своего будущего мужа — художника

кино Юрия Пугача Соловей встретила все тем же летом 70-го, когда снималась на «Ленфильме» в уже упоминавшейся комедии «Семь невест ефрейтора Збруева».)

Вообще стоит отметить, что из всего вгиковского курса, на котором училась Соловей, только ей одной удастся сделать себе имя в кинематографе. Остальным ее однокурсникам будет суждено довольствоваться более скромными результатами: кто-то ярко вспыхнет и затем уйдет в тень, кто-то вообще не вспыхнет. Вот как оценивал своих учеников сам руководитель курса Борис Бабочкин:

«Ору на студентов. Ничего не понимают! Вот Григорьева — талантливая, но не понимает. А как я мог взять Плотникова, Маслова, Захарова? Но не ошибся в Богуновой, Артемовой, Сошниковой, Соловей, Соколове, Носике... Вот из них выйдут актеры...»

Теперь пройдемся конкретно по персоналиям. Григорьева, Плотников, Захаров, Соколов, Артемова — в кино снимались, но практически нигде не запомнились. Нина Маслова, Наталья Богунова — запомнились по ролям в комедии «Большая перемена» (Маслова сыграла Королевскую — возлюбленную Крамарова, Богунова — жену Ганжи). Владимир Носик был очень популярен в начале 70-х, причем играл роли разного плана: и преступников (Шкуть в «Обвиняются в убийстве», 1970), и хороших парней (Колька в «Ты и я», 1972; Костя в «Жили три холостяка», 1973) и др. Ольга Сошникова снималась много, но в основном в ролях второго плана. Самые известные: жена летчика Егорова (Олег Стриженов) в «Неподсуден» (1969) и гестаповка, мучившая ребенка радистки Кэт в «Семнадцати мгновениях весны» (1973).

Стоит рассказать еще об одном выпускнике того года, который, однако, не имеет никакого отношения к миру искусства. Речь идет об Ильиче Рамиресе Санчесе, которого многие вскоре узнали как международного террориста по прозвищу Шакал. В 1968 году он вместе со своим братом по имени Ленин приехал в Москву и поступил в Университет Патриса Лумумбы. Деньги на обучение братьев согласилась дать Компартия Венесуэлы. Однако учебе братья уделяли меньше времени, чем праздному времяпрепровождению, именуемому коротко: секс, наркотики, рок-н-ролл. Кроме того, братья увлеклись политической деятельностью и

стали вынашивать планы поездки на Ближний Восток для освоения методов ведения партизанской войны против израильских «агрессоров». Однако московская ячейка Компартии Венесуэлы запретила им даже думать об этом. Но братья продолжали гнуть свою линию. В итоге ячейка вышла с ходатайством о лишении их спонсорской помощи, что автоматически повлекло прекращение учебы в университете. В конце июня 70-го братьев вызвал к себе ректор и зачитал приказ об отчислении. Теперь у них была одна дорога — напрямик в террористы.

В те дни, когда братьев Санчес исключали из университета, КГБ продолжал следить за Сергеем Хрущевым, пытаясь выяснить, где хранятся мемуары его отца. В один из тех дней Сергей отправился в больницу к Леоноре Финегоновой, чтобы предупредить о происходящих событиях. По дороге туда он заметил, как за его машиной неотступно следует голубая «Волга».

Когда Сергей рассказал Лоре о слежке, в частности, о голубой «Волге», та перепугалась. Оказывается, несколько дней назад она уже видела этот автомобиль возле больницы.

— Мы играли в настольный теннис, все были свои, и тут я заметила какого-то худощавого высокого мужчину в сером макинтоше и шляпе с большими полями, — рассказывала Лора. — Какой-то он был странный, прямо как детектив из кино. Он тут покрутился, чего-то долго смотрел на нас, а потом быстренько исчез. Раньше я таких типов здесь не видела. Я тогда бросила играть и побежала к забору. Смотрю, а там в голубой «Волге» сидит эта личность в шляпе и макинтоше. Он тут же уехал.

Сергей, видя, как побледнела его спутница, попытался ее успокоить.

— Ничего страшного. Поезды, поезды и перестанут. Ничего предосудительного мы не делаем. Если они хотят выяснить, кто печатает мемуары, пусть выясняют. В этом-то никакого секрета нет. Если бы вместо этого дурацкого детектива меня просто спросили, я бы им ответил. Что скрывать?

По странному стечению обстоятельств встреча Сергея с сотрудниками КГБ состоялась буквально через несколько дней после этого разговора. Те позвонили ему домой по телефону и назначили randevu в одном из номеров гостиницы «Москва». Хрущев явился. В номере его

встретили двое мужчин: одного он уже знал по прежним встречам, второго видел впервые.

Тот разговор длился недолго, и вращался он в основном вокруг контактов гостя с иностранцами. Чекисты попросили Хрущева немедленно сообщить им, если кто-то из этой публики попытается выйти с ним на контакт. В конце разговора один из чекистов спросил:

— Кстати, как идет у Никиты Сергеевича работа над мемуарами?

— Спасибо, ничего, — ответил Сергей. — Сейчас он болен, в больнице, так что какая там работа.

На этом они расстались.

В воскресенье, 28 июня, в дневнике Бориса Бабочкина появились следующие строчки: «Да, я совершенно разделался с Кончаловским по поводу Серебрякова в «Дяде Ване». Почему я должен выслушивать глупые рассуждения молодого человека, уверенного в том, что он — гений? Жалею, что пошел на эту пробу. Нужно быть осторожнее со всеми новоиспеченными гениями. Подальше от них...»

Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, стоит начать с самого начала. В начале июня кинорежиссер Андрей Михалков-Кончаловский надумал снимать «Дядю Ваню» Чехова. Причем мысль экранизировать эту пьесу пришла к нему благодаря подсказке Иннокентия Смоктуновского. В один из тех дней режиссер шел по улице Горького, встретил актера, и они зашли в кафе «Мороженое» на Горького. Там в те годы подавали лучшее в столице крем-брюле.

— Давай сделаем что-нибудь вместе, — предложил актеру режиссер.

— Давай, — быстро согласился Смоктуновский. — Я сейчас царя Федора репетирую. Может, его и снимем?

— А что еще?

— Можно «Дядю Ваню».

— Правильно, «Дядю Ваню» и снимем.

Они выпили шампанского за успех будущего мероприятия и расстались. Смоктуновский отправился домой, а Кончаловский, недолго думая, свернул в Гнездиновский, в Госкино. Самое удивительное, что там не стали возражать против его желания экранизировать Чехова и тут же дали добро на запуск фильма.

Работа над ним шла быстро. За две недели был написан сценарий, так же быстро подобраны актеры. На роль Астрова Кончаловский

пригласил Сергея Бондарчука, который в те дни находился в Италии, где заканчивал работу над фильмом «Ватерлоо». Роль Елены Андреевны досталась Ирине Мирошниченко, Соки — Ирине Купченко (ее искали дольше всех, помог Бондарчук, который посоветовал Кончаловскому отказаться от первой исполнительницы и взять Купченко). А на роль Серебрякова Кончаловский пригласил Бабочкина. Однако на первых же пробах выяснилось, что молодой режиссер и маститый актер совершенно не понимают друг друга. Все закончилось скандалом, когда Бабочкин внезапно грубо оборвал тактичные замечания Кончаловского: «Вы мне не подсвистывайте. Я со свиста не играю. Я сам». Произошло это как раз в конце июня. В итоге на роль Серебрякова пришел другой актер — Владимир Зельдин. С ним у Кончаловского никаких проблем не было.

Нешуточные страсти в связи с постановкой «Гамлета» продолжают сотрясать Театр на Таганке. Ролью Гамлета бредил Высоцкий. Однако в последнее время его отношения с Любимовым заметно испортились, и режиссер окончательно склоняется к мысли утвердить на роль Игоря Квашу из «Современника». Высоцкого эта новость ошеломляет. Столько времени мечтать о роли Гамлета, дожидаться постановки и в самый последний момент узнать, что играть ее будет пришлый. Хотя в случившемся в большей мере виноват он сам.

Между тем 28 июня Высоцкий почти два часа корпел над заполнением анкеты, которую ему подсунул монтировщик декораций на Таганке Анатолий Меньшиков. Идея придумать эту анкету и распространять ее среди актеров театра пришла к последнему случайно — после того, как он прочел в «Юности» дамский альбомчик дочери Карла Маркса Женни. В течение нескольких недель Меньшиков подсовывал свое изобретение нескольким актерам (Смехову, Золотухину, Филатову), но Высоцкому показать ее опасался — думал, что тому все эти «дамские» вопросы покажутся дебильными (среди последних значились: «любимый фильм», «любимая песня», «идеал мужчины», «идеал женщины», «человек, которого ты ненавидишь», «каким человеком ты считаешь себя» и т. д.). А оказалось, что все это время Высоцкий с интересом наблюдал за тем, как его партнеры ста-

рательно заполняют анкету, и ждал, когда же дойдет очередь и до него. И дождался.

В тот вечер на Таганке шло два спектакля с участием Высоцкого: «Павшие и живые» и «Антимиры». Во время короткой паузы в первом спектакле Меньшиков и всучил Высоцкому анкету. Далее послушаем рассказ самого монтировщика:

«К моему большому удивлению, он очень обрадовался и сразу же (около 19 часов) уселся и углубился в раздумья. Я зашел в его гримерку после «Павших» и заглянул через плечо — как «идет процесс». Володя по-школьному, ладошкой прикрыл написанное и сказал, что подглядывать неприлично. Я же, к своему ужасу, успел заметить, что он ответил только на первые два-три вопроса. Провякав что-то типа «сачкуешь, Володь», побегал делать перестановку на «Антимиры». Около 22 часов я забежал к нему снова. За прошедший час дело продвинулось на два вопроса. На мое недоумение Высоцкий мягко огрызнулся и заверил, что скоро закончит. Он появлялся на сцене только в своих картинах, рискованно игнорируя «массовки» и используя каждую свободную минуту на общение с анкетой. После спектакля я пришел за анкетой, но Володя едва осилил половину вопросов. «Ну и задачку ты мне задал. Легче два спектакля отыграть».

Мы разобрали декорации «Антимиров», я пришел к нему снова, еще минут пятнадцать «постоял над душой» и наконец получил желаемое. «Только никому не показывай», — сказал Высоцкий. Я пообещал и, обняв в вечер ставшую исторической книгу, поехал домой. Дома, уже глубокой ночью, я трепетно раскрыл страницы, исписанные мелким понятным почерком своего кумира, прочел и впал в отчаянье, смешанное с обидой. Другие актеры отвечали остроумно, заковыристо и философично — Годар, Трюффо, Войнович... (крамольные тогда имена), выражали сложные, умные и революционные мысли, а ВЫСОЦКИЙ (!) за столько часов раздумий назвал любимыми общепринятых Чаплина, Куинджи, Родена, Шопена и патристический шлягер «Вставай, страна огромная... Это было за рамками моего «прогрессивно-диссидентского» и подлинно таганского отношения к интеллектуальным ценностям...»

Страна тем временем готовится к выборам в высший орган власти — Верховный Совет.

Москва разукрашена транспарантами, на прилавках большинства магазинов появляются на короткий период перед выборами дефицитные продукты. Это вполне объяснимо: народ должен голосовать за своих кандидатов на сытый желудок. Вспоминает В. Кеворков:

«Все дома по обе стороны Кутузовского проспекта полыхали ярко-красными полотнищами транспарантов. На некоторых белой краской были выведены лозунги и цитаты из речей Брежнева. Там, где цитат не доставало, полотнища краснели незапятнанным кумачом, веселя глаз и маскируя имевшиеся на стенах дефекты.

У дома №26 по Кутузовскому проспекту, где находилась городская квартира Брежнева, я остановился. По осевой линии проезжей части улицы, сверкая голубыми искрами и завывая сиреной, неслась желто-синяя милицейская машина. Перекрывая вой сирены, из громкоговорителя разносились призывы к водителям безотлагательно встать в крайне правую полосу движения. Вслед за машиной на проспект рвалась кавалькада из пяти лаково-черных холеных лимузинов, каждый не менее десяти метров в длину. Блестя красно-синими мигалками на крышах, они промчались в сторону Триумфальной арки, мимо дома того, ради которого ежедневно, утром и вечером, затевался этот спектакль...»

30 июня новая ниточка появилась у луганских сыщиков, вот уже три месяца безуспешно пытающихся поймать опасного маньяка. В тот день возле поселка Екатериновка на берегу речки Лугань неизвестный попытался изнасиловать несовершеннолетнюю Катю Владимирову. Однако проходившие мимо люди помешали ему. Спасаясь бегством от разъяренных жителей поселка, насильник бросился в речку, переплыл ее и скрылся. Однако он оставил на берегу, в лесополосе, всю свою одежду: брюки, рубашку, трусы, носки и туфли. В кармане брюк сыщики обнаружили связку ключей, небольшую отвертку и часы марки «Полет». Именно последние вывели сыскарей на преступника. Оказалось, что часы недавно побывали в ремонте. Стали проверять квитанции в часовых мастерских Луганска и близлежащих населенных пунктов. Просмотрели порядка 30 тысяч квитанций. И все же нашли нужную: она была выписана на гражданина Бурова. Когда стражи порядка «нарисовались» на пороге его кварти-

ры, тот так поразился, что не стал играть в молчанку и сознался: да, это я напал на девочку. Однако от других преступлений категорически отрекся. Дальнейшая проверка показала, что парень не врет — разыскиваемым маньяком действительно был не он.

30 июня на «Мосфильме» режиссеры Валерий Усков и Владимир Краснопольский приступили к съемкам многосерийного (первоначально планировалось снять 5 серий, а в окончательном варианте получится 7) телефильма «Тени исчезают в полдень» по одноименному роману Анатолия Иванова. По этому случаю на крупнейшей студии страны была построена декорация дома кулака Меньшикова, где в тот день и снимались первые кадры будущего кинохита. В той сцене принимали участие молодая актриса Нина Русланова, уже известная зрителю по ряду ролей, и дебютант кино, актер Пермского драмтеатра Петр Вельяминов. Последнего режиссеры нашли в декабре 69-го, случайно оказавшись на одном из его спектаклей в Перми. Тогда же они узнали о полной драматизма судьбе этого талантливого актера. В марте 1943 года 16-летнего Вельяминова арестовали прямо на Манежной площади в Москве, предъявили обвинение в участии в антисоветской организации и дали 10 лет лагерей. Следом за сыном отправились за решетку и его родители: сначала мать, а затем и отец, который на короткое время приехал на побывку домой с фронта. Петр же, узнав об аресте матери, попытался покончить с собой, вскрыв вены. Но тюремные врачи его спасли. Однако за саботажем ему впяли еще один срок.

В уральском лагере Вельяминов стал активно участвовать в самодеятельности и вместе с лагерным мини-театром стал ездить на гастроли по 12 лагпунктам. Это, собственно, и спасло ему жизнь. Когда их театр поставил «Русский вопрос» К. Симонова, лагерное начальство, потрясенное этой постановкой, скинуло Вельяминову 193 рабочих дня. В апреле 52-го его наконец освободили, и он подался сначала в Абакан, а затем перебрался в Тюмень, где поступил в местный драмтеатр. Так началась его актерская карьера на профессиональной сцене.

По существовавшим тогда законам, Вельяминов не имел права посещать Москву, где у него жили родители и сестра. И хотя в 60-е годы судимость с него все-таки сняли, однако в

столицу выбраться ему никак не удавалось. Так продолжалось до конца апреля 70-го, когда его внезапно вызвали на кинопробы в «Тенях». Отснявшись, Вельяминов вновь уехал в Пермь, рассчитывая, что в начале мая ему пришлют телеграмму с приглашением на съемки. Однако телеграмма в назначенное время не пришла. Тогда Вельяминов решил, что его кандидатуру на роль Захара Большакова просто зарубили (кстати, поначалу так оно и было: худсовет пять (!) раз браковал его пробы), и заставил себя забыть о фильме. Как вдруг в конце июня долгожданная телеграмма наконец пришла. О том, как складывалась работа в первый съемочный день, рассказывает В. Усков:

«Первый съемочный день. Сцена, когда кулак Меньшиков издевается над своим батраком Захаром Большаковым, показывая заезжему купцу, чего стоит его рубль, бьет Захара по лицу и царственно дарит ему рубль.

Долго репетировали. Наконец съемка. Мы попросили актера Сергея Полежаева, играющего Меньшикова, осторожнее ударить Вельяминова, так как человек впервые снимается в кино, да и впереди еще съемки семи серий. Но Полежаев так разволновался, так вошел в роль, что не смог сдержать себя и что есть мочи ударил Вельяминова по челюсти. Лязгнули зубы, выступила струйка крови... Так это и пошло на пленку.

Но в кино, как известно, снимается несколько дублей. Мы подошли к Вельяминову и сказали, что нужно повторить кадр. «Раз надо — давайте!» — тихо сказал он. И мы сняли еще семь раз...»

В эти же дни космонавты Андриян Николаев и Виталий Севастьянов проходили реабилитационный курс в 7-м центральном авиационном госпитале в Сокольниках. После 18-дневного полета они вернулись из космоса в очень плохом состоянии. Вот как об этом вспоминает лечивший их врач Ростислав Лебеда:

«Поскольку как мужчины они стали полными нулями, поступила команда любым способом вернуть героев в мужской строй. Идея, как это сделать, возникла, можно сказать, случайно. Для восстановления нижних конечностей использовали специальный аппарат «Чибис». Внешне он напоминает бочку, в которую по пояс сажают космонавта. На уровне пупка происходит герметизация, выкачивается воздух. Кровь начинала интенсивно поступать в

нижнюю часть тела с такой скоростью, что отдельные пациенты порой теряли сознание...

Однажды зашел я в эту лабораторию, и один из космонавтов мне и говорит: «Вчера после этой процедуры так стоял, что прямо хоть медсестру буди...» Возникла мысль: а что, если таким образом в вакуум погружать только член? Создали опытный образец. Эффект — поразительный: за время процедуры член увеличивается в два с половиной раза, за счет усиления притока крови раскрываются все сосуды. Кровоток увеличивается в предстательной железе и яичках, температура головки члена повышается на 1 градус... Полный курс лечения, и «стариковский» член космонавта становится как у молодого. За разработку этого прибора меня потом и наградили премией имени Сергея Королева...»

А теперь покинем пределы Союза и перенесемся в Египет, который в течение нескольких месяцев находится в состоянии войны с Израилем. С марта наши ракетчики воюют бок о бок с египтянами, получают ранения, погибают, однако советские СМИ хранят гробовое молчание по этому поводу. Особенно ожесточенный бой между нашими пэвэошниками и израильской авиацией разгорелся 30 июня. О том, как протекал этот поединок, рассказывает участник той войны, командир зенитной ракетной части Б. Жайворонок:

«В бой вступили воины подразделения, которыми командовали майор Г. Комягин и капитан В. Маляука. Они тогда вместе с египетскими дивизионами образовали так называемую приканальную группировку для прикрытия наземных войск (главная задача группировки — не дать противнику прорваться западнее Суэцкого канала). Противник в первую очередь стремился уничтожить средства ПВО, они не позволяли ему нанести значимый ущерб египетской армии. И вот очередная попытка. Самолеты агрессора на этот раз встретили наши воины. Первой же ракетой был сбит «фантом» — до этого египтяне уничтожали только «миражи» и «скайхоки».

Однако вернемся в Союз, где ничто не напоминает о войне. Простые советские люди с головой погружены в свои проблемы: работают, стоят в очередях, воспитывают детей, отдыхают.

15—21 июня на Малой спортивной арене в Лужниках идет французский фильм «Время

жизнь» с Мариной Влади в главной роли. С 26-го на широкий экран выходит фильм Леонида Аграновича «Свой». Это психологический детектив о том, как одному следователю поручают дело его коллеги, обвиняемого во взяточничестве. В главных ролях в фильме снялись супружеская пара Олег Ефремов — Алла Покровская (это ее первая большая роль в кино), Галина Волчек и др.

Кино по ТВ: «Зося» (16-го), «Коста Дива» (18-го), «Ущелье ведьм» (19-го), «Княжна Мэри», «Новый Гулливер», «Шинель», «Деревенский детектив» (20-го), «Отряд Трубачева сражается», «Во власти золота» (21-го), «Дон Кихот» (23-го), «Осенние свадьбы» (24-го), «Дерсу Узала» (25-го), «Подруги» (26-го), «Волшебная лампа Аладдина», «Максим Перепелица», «На семи ветрах» (27-го), «Смелые люди», «Гранатовый браслет», «Шумный день» (28-го), «Мой папа — капитан» (29-го) и др.

Как никогда насыщена в июне концертная жизнь столицы. 16—30-го в Парке культуры и отдыха Ждановского района выступает ВИА «Голубые гитары»; с 28 июня по 2 июля в Лужниках проходят концерты, в которых участвуют Игорь Кио, Александр Левенбук, Илья Набатов и др.; в летнем театре «Эрмитаж» идет программа «Эрмитаж поет и шутит», где заняты такие звезды, как Юрий Богатиков, Мария Лукач, ВИА «Веселые ребята» и др.; 19-го в Сокольниках дает концерт певица Капитолина Лазаренко; 20—27-го в киноконцертном зале «Октябрь» с программой «Танцы народов мира» выступает Махмуд Эсамбаев; 27—28-го в ЦДСА поет Тамара Миансарова, а в Зеленом театре ВДНХ проходит концерт-«солянка» с участием Аллы Йошпе, Стахана Рахимова, Евгения Петросяна, Маргариты Суворовой, Кола Бельды, Льва Барашкова, Владимира Макарова (послед-

ний — очень популярный певец, прославившийся «Последней электричкой» Д. Тухманова, — совсем недавно женился на девушке Нине, с которой познакомился после концерта, и свидетелем со стороны жениха был Муслим Магомаев); 28—30-го в Зеленом театре ВДНХ выступает ВИА «Веселые ребята». Кроме того, в конце июня в Москве гастролирует Кубинский мюзик-холл и венское «Айс-ревю».

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие: миньоны («твердыши») — «Поет Батыр Закиров» с песнями «Никто не виноват» (Э. Салихов — Ю. Энтин), «Песня о счастье» (В. Шаинский — Р. Гамзатов, перевод Н. Гребнева), «Девушка и кувшин» (Т. Бабаев — Ю. Энтин), «Беглянка Хабиба» (Абдель Вахаб — русский текст Ю. Энтина); «Поют Вадим Мулерман и Вероника Круглова» с песнями «Чуть-чуть не считается» (А. Черный — М. Либин), «Последнее письмо» (С. Туликов — М. Пляцковский), «Надоело» (Л. Гарин — М. Пляцковский), «Я тебя не забуду» (А. Двоскин — В. Харитонов); «Поет Эдуард Хиль» с песнями «Остальное — острова» (О. Фельцман — Е. Долматовский), «Туман» (А. Колкер — К. Рыжов), «Маленький принц» (М. Таривердиев — Н. Добронравов), «Песня из к/ф «Старая, старая сказка» (А. Петров — А. Галич); «Музыка кино» с произведениями «Русское поле» (к/ф «Новые приключения неуловимых»; Я. Френкель — И. Гофф, поет Ю. Гуляев), «Вальс» (к/ф «Берегись автомобиля»; А. Петров), «Ты погоди» (к/ф «Последние каникулы»; П. Аедоницкий — И. Шаферан, поют З. Харабадзе и О. Анофриев), «Румба» (к/ф «Человек-амфибия»; А. Петров); «Танцевальная музыка» (в исполнении оркестра И. Зевина) с четырьмя композициями, среди которых звучит и шлягер тех лет «Халли-Галли» Т. Руффа.

1970 Июль

Президент-людоед в Москве. Умер актер, сыгравший Мулю. Спор Высоцкого с монтировщиком. Почему Сергей Бондарчук жаловался в ЦК на Кончаловского. На киностудиях страны снимают будущие хиты: «Мировой парень», «Руслан и Людмила». Очередная жертва луганского маньяка. Как Михаил Козаков дозвонился до Луи Армстронга. Венгерский триллер «Фальшивая Изабелла». За что Козинцев невзлюбил фильм «Директор». «Наезд» на ВИА «Голубые гитары». Цены на фрукты ползут вниз. Президент-людоед на Черном море. Хит сезона: сериал «Ставка больше, чем жизнь». КГБ находит мемуары Хрущева. Михаил Горбачев: ритуал «крещения» в гостинице «Москва». Слухачи с Лубянки. Эпоха «Волги» «ГАЗ-21» закончилась. Советские бичи. Интриги в Кремле: почему подарок Косыгина президенту Финляндии не понравился Брежневу. Наши ракетчики в Египте несут потери. Экзамены сдают будущие звезды: Александр Абдулов, Елена Коренева, Сергей Проханов, Вадим Абдрашитов. МВД против «Джентльменов удачи». Слухи о распаде «Битлз» подтвердились. Как наши тассовцы подменяли премьер-министра Малайзии. Легендарный разведчик Ким Филби влюбился. Высоцкий на Чегете: в пьяном виде на капоте. Премьера фильма «Ну, погоди!».

В среду, 1 июля, в Москву с официальным визитом прибыл Президент Центрально-Африканской Республики Жан-Бедэль Бокасса, тот самый человек, которого несколько лет спустя международная общественность уличит в людоедстве. Оказывается, Бокасса давно страдал этим отклонением и даже в дальние поездки брал с собой человечину, которую ему готовил его шеф-повар Филипп Лингвисс. Человечина запечатывалась в консервные банки и могла храниться год при любой температуре. Сам Бокасса называл этот «деликатес» весьма цинично — «сахарной свиной» или «сардинами». Позднее выяснится, что за время своего правления он съест более 20 человек. Среди них — министры и оппозиционеры, представители собственной секретной службы и даже единственный (!) в стране профессор математики. Вот как опишет деяния своего шефа тот самый повар Ф. Лингвисс:

«Как-то ночью император велел мне приготовить завтрак. По его приказу солдаты открыли секретный замок огромного холодильника. Я чуть не упал в обморок — в морозильнике ле-

жало разрубленное тело. Хотел отказаться, но меня припугнули. Тогда я выполнил приказ — удалил внутренности, нафаршировал тело рисом и хлебом, поперчил. Жарил на огромном противне, поливая джином. Утром подал блюдо императору, который всю ночь пил. Он начал с рук, ел с удовольствием, причмокивая...»

Вот такой, с позволения сказать, человек прилетел 1 июля в Москву. Далее послушаем рассказ М. Озерова, который в те дни работал в ТАСС:

«Болванку» сообщения о прибытии Бокассы я заготовил заранее. Но она не пригодилась. За полчаса до приземления самолета из Банги (столица ЦАР. — Ф. Р.) поступил список делегации, и стало очевидно, что в Москве мы встретим совсем не тех людей, которых ждали. Бокасса неожиданно произвел перетасовку правительства. Пришлось срочно вносить в информацию новые имена и новых министров.

Во Внуково-2 встречающие приехали заранее. Тогда я впервые подумал о том, о чем в последующие годы здесь, в аэропорту, размышлял постоянно. Глядя на многочисленных «мальчи-

ков» из Девятого управления КГБ («девятка», как ее называют), на сверхлюбезных, всегда улыбающихся девушек из «Аэрофлота», на киски с газетами, парфюмерией, кондитерскими изделиями, к которым никто не подходил, на суперстерильные холлы, комнаты, коридоры и туалеты, я задавался вопросом: в какую же сумму обходится прилет сюда одного-единственного самолета за несколько суток?

Конечно, аэропорт в немалой степени — лицо страны, да и о безопасности иностранных правителей надо беспокоиться, однако нужен ли такой размах?..

Но вот садится самолет. Через несколько секунд подан трап. От него к зданию аэровокзала ведет красная ковровая дорожка. На дальнем конце дорожки стоит Подгорный (Николай Подгорный — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, то есть президент страны. — Ф. Р.), за ним — чины поменьше. В дверях лайнера появляется негр. Он совсем коротышка. Пиджак весь в орденах, медалях, каких-то ярких значках (Бокасса любил три вещи: награждать самого себя, жениться на белых девушках и есть человечину).

Под звуки марша гость ступает на дорожку. Навстречу ему идет Подгорный. Еще шаг, еще...

Но что это?

Бокасса выхватывает шпагу и замахивается. «Мальчики» кидаются вперед. Наш президент отшатывается.

А Бокасса, радостно смеясь, убирает шпагу в ножны.

Это было принятое в ЦАР приветствие, о котором мы не подозревали.

А дальше все встало на круги своя: долгое рукопожатие (поцелуев, правда, не было), обход почетного караула, приветственные речи, эскорт мотоциклистов...

На первом раунде переговоров в Кремле я обнаружил, что наш президент чуть ли не заискивает перед центральноафриканским. Тот «выдает» пещерные высказывания, а собеседник из Кремля приветствует «меткость» суждений, все время кивает.

— По-моему, это уже не гостеприимство, а лицемерие! — не удержался я в разговоре с Лукьяновым (коллега Озерова по работе в ТАСС. — Ф. Р.). Борис Борисович, освещавший не одну сотню визитов, усмехнулся:

— Скоро перестанешь удивляться. Пойми: нам нужен Бокасса. Точнее, богатейшие полезные ископаемые его страны.

Нашу заинтересованность в развитии отношений с ЦАР я понимал. А вот от удивления во время визита так и не избавился. Ну как было не поразиться «исторической» речи Бокассы на завтраке, который устроили в его честь исполкомы Ленинградского областного и городского Советов! Помимо изысканных яств и вин, гостю приготовили его любимое блюдо — посадили рядом с ним двух красоток: блондинку и брюнетку. После нескольких рюмок «Столичной» президент зашептался с ними и вдруг громко вскрикнул, дабы перекрыть шум уже бурного к тому времени застолья:

— Хочу сделать правительственное заявление!

Бокасса встал и объявил, что под влиянием приятных впечатлений от Советского Союза меняет свою внешнюю политику. Что имеется в виду? Разрывает дипломатические отношения с Израилем и устанавливает отношения с Вьетнамом.

Раздались аплодисменты. Бокасса расправил плечи, поднялся на цыпочки, чтобы казаться выше, и с гордостью посмотрел на соседок: вот я каков!

Позже наши мидовцы-африканисты рассказали, что женщинам, которым Бокасса начинал симпатизировать, можно было лишь сочувствовать. Красавица из Канады, ставшая одной из его жен, исчезла, еще одна супруга, кажется, швейцарка, была просто-напросто съедена собственным мужем. наших девушек, внесших свою лепту в «потепление политического климата», я больше не видел, но полагаю, что они избежали подобной участи, хотя, возможно, «отблагодарили» президента...»

Кстати, Бокасса был женат аж 17 раз и произвел на свет 55 детей. Каждый из его отпрысков становился принцем и мог после смерти отца наследовать его трон (чтобы не запутаться в детях, всем принцам накалывали на одежду специальный золотой значок с портретом Бокассы). Дети росли в невообразимой роскоши и люто ненавидели друг друга, что вполне объяснимо: каждый из них мог стать правителем. Когда принцы дрались между собой, охране строго-настрого было запрещено их разнимать. Однажды, когда один из сыновей умер от лихо-

радки, все его братья от мала до велика буквально прыгали от радости — одним претендентом на трон стало меньше. Когда сыну императора исполнилось 12 лет, отец дарил ему искушенную в любви наложницу, чтобы она сделала его настоящим мужчиной.

1 июля в Москве скончался актер Петр Репнин. Широкому зрителю имя этого человека мало что говорило, хотя фильмы с его участием регулярно демонстрировались по телевидению. Достаточно сказать, что буквально за две недели до смерти актера — 13 июня — ЦТ крутило один из таких хитов — фильм «Кавказская пленница», где Репнин играл роль главврача психушки. Помните, Шурик пытается убедить его в том, что именно Саахов украл Нину, а тот в ответ иронизирует: «Точно, украл. И в землю закопал, и надпись написал!». Еще одним звездным эпизодом в кинокарьере покойного была роль Мули в комедии «Подкидыш». Как пишет С. Капков: «В новой квартире Репнин прожил всего семь лет (до этого он жил в коммуналке с 57 (!) соседями. — Ф. Р.). Он по-прежнему любил компании, по-прежнему любил рисовать, никогда не отказывался от съемок. Он жил полной жизнью, насколько позволяли возраст и здоровье. Единственное, что было ему чуждо, — одиночество. Когда дочь Ольга вышла замуж, она очень боялась оставлять отца одного. Слишком сильной была их привязанность друг к другу. Но Петр Петрович настоял на том, чтобы дочь устраивала свое личное счастье как положено и о нем не беспокоилась. Оставшись в квартире один, вскоре он умер...»

Между тем монтировщик декораций с «Таганки» Анатолий Меньшиков в те дни имел неприятный разговор со своим кумиром — Владимиром Высоцким. Встретив актера в коридоре театра, он выразил ему свое недовольство, назвав написанное им «халтурой». Особенно Меньшиков напирал на графу «любимая песня», где рукой Высоцкого была выведено — «Вставай, страна огромная». Меньшиков блажил: «Ты сам пишешь такие классные песни, а написал эту патриотическую, советскую, трескучую, хоровую...» На что Высоцкий ответил: «Когда у тебя, сынок, по шкуре мурашки пробегут от этой песни, ты поймешь, что я прав». И ушел, явно оскорбленный.

Чтобы закончить эту тему, назову еще несколько ответов Высоцкого: «Любимый писатель» — Михаил Булгаков, «Идеал мужчины» — Марлон Брандо, «Самая замечательная историческая личность» — Ленин, Гарибальди, «Чего ты хочешь добиться в жизни» — Чтобы помнили, чтобы везде пускали, «Какое событие для тебя стало бы трагедией?» — Потеря голоса, «Твоя мечта» — О лучшей жизни, «Хочешь ли ты быть великим и почему?» — Хочу и буду. Почему? Ну, уж это, знаете...»

2 июля на кинофестиваль в испанский город Сан-Себастьян отправилась представительная делегация из Советского Союза в лице нескольких чиновников из Госкино, куратора из КГБ и двух актеров: Иннокентия Смоктуновского и Антонины Шурановой. Они повезли на фестиваль новый фильм Игоря Таланкина «Чайковский». Фильм будет иметь большой успех и удостоится приза.

Андрей Михалков-Кончаловский продолжает работу над «Дядей Ваней». Съемки проходят не слишком гладко. Сначала из-за конфликта с Бабочкиным, затем из-за разногласий с Сергеем Бондарчуком, игравшим Астрова. Суть споров заключалась в следующем. Режиссер старался увидеть героев не такими, как их интерпретировал МХАТ, а такими, какими, на его взгляд, их понимал автор — то есть более простыми. Бондарчук же лепил из Астрова аристократа, даже сшил себе в Италии роскошный костюм и курил итальянские сигариллы. Кончаловскому нравилось испитое лицо актера, а Бондарчук хотел выглядеть без морщин. Часто жаловался на то, что его плохо осветили. Однажды, посмотрев материал, возмутился:

— Ну, смотри это же не лицо, а ж...а! Надо переснимать!

Кончаловский возражал, чем здорово раздражал Бондарчука. Однажды тот не выдержал и отправился в ЦК, в отдел культуры, где жаловался:

— Кончаловский снимает антирусский, античеховский фильм.

Однако то ли говорил он это не слишком убедительно, то ли в отделе сидели неглупые люди, но это заявление оставили без внимания. Кстати, много лет спустя, когда Кончаловский напомнил Бондарчуку этот эпизод с ЦК, тот грустно улыбнулся и сказал: «Мудак был!»

Совсем иначе складывались у Кончаловского отношения на площадке с Иннокентием Смоктуновским. Послушаем рассказ самого режиссера:

«Смоктуновский как актер был совсем иным. Своей концепции не имел; как настоящий большой артист, был гибок и, в отличие от Бондарчука, мне верил. Сергей — лев, с ним работать надо было поделикатнее. Держать дистанцию. Перестав мне верить, он с подозрением относился к любому моему предложению, боялся, что на экране будет выглядеть алкоголиком, а не интеллигентом, каким себе представлял Астрова. Не думаю, что Бондарчук понимал Чехова. Посмотрев его «Степь», я сказал ему об этом. Он насупился, обиделся — к счастью, ненадолго. Мы любили друг друга.

Смоктуновский же был человеком рефлексивным, нередко в себя не верящим, жаждущим получить энергию от режиссера. Несколько раз в ответ на его слова, что он не знает, как играть, я орал на него, говорил, что он кончился, иссяк, больше вообще не художник.

— Ты ничего не можешь! Ни на что не пожож! Иди домой!

Короче, был груб. Он бледнел, розовел, подбегал ко мне, хватал за руку:

— Не сердись, не сердись! Давай еще раз!

И то, что он делал, было замечательно. Ему нужен был вспрыск адреналина. Не пряник, а кнут. Может быть, потому, что он уже слишком много отдал. Устал. Во всяком случае, работали мы как друзья, и если я порой давал ему психологического пинка, то он сам понимал, что это необходимо. Его надо было подстегивать, допинговать, чтобы пошло творчество...»

Тем временем на киностудиях страны в самом разгаре съемки и других фильмов. Так, режиссер Юрий Дубровин на «Беларусьфильме» работает над лентой «Мировой парень», где речь идет об успехах советской автомобильной промышленности. Главную роль — испытателя самосвалов — исполняет Николай Олялин. Набирающий популярность ансамбль «Песняры» специально для этой картины записал песню «Березовый сок».

В это же время легендарный сказочник с «Мосфильма» Александр Птушко экранизирует поэму-сказку А. Пушкина «Руслан и Людмила». Съемки проходят в живописных местах недалеко от города Александрова Владимир-

ской области. Там руками студийных умельцев построен сказочный город по рисункам и чертежам художника К. Ходатаева. В роли Руслана снимается популярный актер Олег Видов. Группа отправится еще в три места: в Бахчисарай, в Армению и на южный берег Крыма.

В субботу, 4 июля, Луганск потрясла очередная страшная «посылка» от маньяка-убийцы: на рассвете жители улицы Первая Линия обнаружили под стеной старого гаража вблизи трамвайной остановки убитую женщину. Примчавшиеся на место преступления сыщики нашли возле трупы обрывки газеты «Сельская жизнь» от 7 июня со следами крови и цифрой 20, написанной карандашом. Убитой оказалась 22-летняя Наталья З., рабочая завода имени Октябрьской революции. Сыщики установили, что с ее левой руки исчезли часы марки «Луч». Ни у кого не вызывало сомнений, что это убийство совершено именно тем маньяком, за которым вот уже свыше трех месяцев охотится луганская милиция. Город вновь залихорадило. В тот же день в горотделе милиции было созвано экстренное совещание, где было решено выделить для поимки преступника к тем 900 милиционерам и дружинникам, которые его искали, еще 100 человек.

В этот же день любопытный случай произошел с популярным актером театра и кино Михаилом Козаковым. Днем он славно провел время в компании своих друзей и коллег в одном из столичных ресторанов, после чего вернулся в свою пустую холостяцкую квартиру. Настроения смотреть «ящик» у актера не было, и он взял в руки главную газету всех творческих людей Советского Союза — «Советскую культуру». И чуть ли не с ходу натолкнулся на юбилейную статью про великого джазмена Луи Армстронга, которому в тот день исполнилось аккурат 70 лет. А поскольку Козаков был ярым почитателем джаза, то эту заметку он прочитал от корки до корки. После чего ему в голову пришла неожиданная идея: немедленно позвонить юбиляру и лично поздравить его со столь знаменательной датой. Как заметит позднее сам Козаков, на трезвую голову он вряд ли решился бы на такой шаг.

Набрал номер «международной», Козаков попросил соединить его с Нью-Йорком, с абонентом Луи Армстронгом. Как ни странно, но его заказ был тут же принят. «Ждите ответа», —

прошебетала нежным голосом телефонистка, чем привела актера в сильное волнение. Он внезапно осознал, что предпринял нечто из ряда вон выходящее. И в течение тех нескольких минут, пока телефонистка связывалась с Нью-Йорком, успел и протрезветь, и испугаться одновременно. «Черт меня дернул читать эту газету!» — ругался про себя Козаков. В глубине души у него еще теплилась надежда, что телефонистке не удастся связаться с абонентом, что на линии может случиться какой-нибудь сбой. Но произошло то, чего Козаков больше всего боялся: Нью-Йорк ответил. На другом конце провода он услышал четкую английскую речь — это был секретарь Армстронга. Актеру пришлось быстро собираться с мыслями и извлекать из памяти свой не слишком богатый запас английских слов.

Как ни странно, но секретарь великого джазмена понял Козакова. Поблагодарив его за теплые слова в адрес своего господина, он объяснил далекому советскому другу, что сам юбиляр подойти к телефону не может ввиду своего отсутствия — Армстронг в эти минуты был на торжественном приеме в Белом доме (день рождения джазмена совпадал с самым крупным американским праздником — Днем независимости). Пообещав Козакову обязательно передать его поздравление адресату, секретарь повесил трубку. Обещание свое он просто не мог не выполнить — ведь это был единственный поздравительный звонок Армстронгу из Советского Союза.

5 июля, в самый прайм-тайм — 19.00, — по ЦТ показывали венгерский детектив «Фальшивая Изабелла» с Евой Руткаи в главной роли. Сегодня, на фоне изощренных заграничных фильмов ужасов, эта лента выглядит невинно, однако в годы моего детства это было нечто. Начинался фильм впечатляюще: камера долго скользит по пустынному дому, наезжает на спинку кресла в одной из комнат, объезжает его, и — о, ужас! — в кресле сидит мертвая старуха со страшной раной на виске. Потом выяснится, что бабушку отправили на тот свет из-за редкой марки с изображением пресловутой Изабеллы.

В нашем дворе не было мальчишки, который не смотрел бы этот фильм и не мандражировал при упоминании мертвой старухи, которую мы величали по названию фильма —

«фальшивой Изабеллой». Бывало, я зло подшучивал над своими младшими братьями, призывая на помощь киношную старуху. Поскольку оба они боялись темноты (Роману тогда было шесть лет, Валерию — три), я запирали их в маленькой комнате и орал во все горло: «Фальшивая Изабелла! Фальшивая Изабелла!» Они, естественно, в крик. Орал так, что из кухни прибежала мать и увесистой оплеухой приводила меня в чувство. Короче, хорошее кино сняли венгерские кинематографисты! Кстати, и наш родной советский кинематограф тоже мог гордиться своими ужасиками. Главный из них — детектив «Дело № 306», в котором было два жутких эпизода: наезд «Победы» на пожилую женщину в прологе ленты и кульминация фильма, где эта же женщина, чудом выжившая, но угодившая в инвалидную коляску, разоблачает свою мучительницу — иностранную шпионку. Знаю не понаслышке: когда в кадре появлялась инвалидная коляска с перебинтованной женщиной, у миллионов советских подростков по телу пробегали мурашки.

6 июля на широкий экран вышел фильм Алексея Салтыкова «Директор». Работу над ним режиссер начинал еще пять лет назад, однако съемки были заморожены, после того как исполнитель главной роли Евгений Урбанский 5 ноября 1965 года погиб в Каракумах во время исполнения опасного трюка. Салтыкова, который в тот день на съемках отсутствовал (его заменял второй режиссер), на два года отстранили от работы. Затем опала закончилась, и в 68-м он вновь взялся за «Директора». На этот раз съемки прошли без происшествий. Главную роль — директора автомобильного завода Звонрикина (прототипом послужил Иван Лихачев, которого автор сценария Юрий Нагибин хорошо знал как своего бывшего тестя) — сыграл Николай Губенко. В начале мая, когда фильм еще не вышел в широкий прокат, его посмотрел Григорий Козинцев, который в своем дневнике оставил о нем следующий отзыв:

«Директор» Салтыкова. Еще одно вырождение какой-то традиции нашего кино. Доведение до абсурда и историко-революционных, и романа-биографии.

Тут и «Гран-при, или Адские водители», и вестерн, и «Свадьба в Малиновке». На дурака, про дурака, для дураков — так, что ли?

Режиссер не без таланта, но то же азербайджанское безобразие, как «Взрыв на рассвете» — так, кажется, называлась та халтура, что я смотрел в Усть-Нарве...

Польза от таких фильмов одна: понимать — так не было.

Как же было на деле? Пробег в Кара-Кумах, история Лихачева и т. п. Хочется прочитать книгу об этом не по шуточкам, песням и побасенкам о механиках-водителях, а от знающих, не глуших людей.

Чтобы не ссылаться на заграничные источники (вестерны), будем считать, что в основе лежит национальное искусство: растопчинские афиши — ерничанье, чтобы повеселее рассказать, — «Битва русских с кабардинцами» (т. е. басмачами). Иначе говоря, лубок «Похождение директора автозавода, или английского милорда»...

Потом долго снята красавица-узбечка. Зачем? Цветной фильм. Бесконечно поют романс и танцуют. Для чего? А как иначе наберешь две серии?»

В пятницу, 10 июля, в «Вечерней Москве» появляется сообщение об очередном снижении цен на фрукты. Так, 1 кг абрикосов сорта «шелах» стоит 1 рубль 20 копеек, абрикосы прочих культурных сортов вместо 1.20 стоят 90 копеек. Килограмм абрикосов «жердели» вместо 80 копеек стоит 60, слива — 80 копеек вместо 1 рубля, слива «мирабель», «ткемали» — 40 копеек, земляника 1-го сорта — 1 рубль 20 копеек, а 2-го — 90 копеек. Огурцы с 70 подешевели до 60 копеек.

Напротив этой заметки была помещена другая под заголовком «Жизнь дорожает». В ней сообщалось, что стоимость жизни в ФРГ в середине июня была на 3,8 процента выше, чем в тот же период прошлого года.

Между тем продолжается визит Президента ЦАР Бокассы в Советском Союзе. Из Москвы он отправился сначала в Ленинград, а затем посетил Волгоград, Киев, Севастополь. Вот как описывает пребывание Бокассы в Севастополе все тот же М. Озеров:

«Бокасса поселился на одной госдаче, сопровождавшие лица — на другой. Вторая была поменьше, но тоже роскошная: колонны, панно во всю стену, огромные холлы. В коридорах, комнатах, даже у лестницы — вазы с черешней, медовыми персиками. Четыре дня

гость наслаждался всем этим вкупе с Черным морем. Он осмотрел панораму «Оборона Севастополя» на Сапун-горе и здравницу «Ливадия», побывал у военных моряков, совершил прогулку на катере вдоль побережья.

Как-то, когда Бокасса уехал в очередной раз с госдачи, а мне надо было писать и передавать материал, я остался в полном одиночестве. Закончив работу, впервые за эти дни вышел на пляж. Он тянулся, пожалуй, на километр. Ровно уложенные каменные плиты. Павильоны со столами для бильярда и настольного тенниса. Спортивный комплекс: корты, волейбольная площадка. Через каждые метров сто — домик для охранников. Повсюду автоматы с газированной водой: нажми кнопку и пей без трех копеек (газировка без сиропа стоила и того меньше — 1 копейку. — Ф. Р.) — как при коммунизме.

Дойдя до забора, я увидел, что на другом пляже страшная теснота.

Насколько я знаю, Бокасса и члены его делегации ни разу не появились на пляже. Вообще обе госдачи, как правило, пустовали. Хотя внушительный штат обслуживающего персонала был здесь денно и ношно...»

А в Луганске тем временем продолжают искать маньяка. Последнее убийство, приписываемое ему, произошло в городе 4 июля. Возле убитой нашли обрывки газеты «Сельская жизнь» от 7 июня с цифрой 20, а также установили, что пропали часы марки «Луч». Всю неделю сыщики отработывали оба эти направления. Например, по «Сельской жизни» в поле зрения попали больше 170 человек, выписывавших эту газету и проживавших в домах или квартирах № 20. Однако никто не был причастен к убийствам. Что касается часов марки «Луч», то и здесь сыщиков ждало разочарование: ни в одном из комиссионных магазинов или скупок они так и не всплыли.

В милицию пришло анонимное письмо, в котором сообщалось, что жертва была убита двумя мужчинами, один из которых работает транспортировщиком на обувной фабрике. Судя по почерку, письмо написал человек преклонного возраста и малограмотный. Учитывая, что этот же аноним уже присылал в милицию письмо по поводу другого убийства и оно не подтвердилось, у сыщиков были все основания не поверить и этому посланию. Однако решено

было его проверить. В итоге было «просеяно» около 2 тысяч человек, и вновь результат — ноль.

Между тем утверждать, что розыскников на каждом шагу подстерегали неудачи, было бы неверно. Так, 10 июля из Харькова пришло сообщение, что там задержан рабочий авиационного завода. При обыске в его квартире были изъяты часы, принадлежавшие одной из пострадавших ранее женщин, а также вещественные доказательства по делу Азаровой, убитой 15 июня. Задержанный сознался в убийстве двух женщин и одном нападении. Однако к луганским преступлениям он отношения не имел.

В субботу, 11 июля, ЦТ начало демонстрацию 24-серийного польского боевика «**Ставка больше, чем жизнь**» (эпопея растянулась до 8 августа). Первая серия под названием «Я знаю, кто ты» началась в 19.10. Помню, в тот день была отличная погода, наши дворовые игры были в самом разгаре, а тут пришлось сворачивать их — приключения капитана Клосса нам, мальчишкам, очень нравились. Это сейчас, став взрослым, я уже не могу без улыбки смотреть на игру большинства актеров в этом фильме, а тогда буквально дух захватывало от происходившего на экране. Особенно нравилось начало фильма: динамичная музыка, автомобиль, летящий вниз с моста, фашист, стреляющий в спину из автомата по убегающему польскому патриоту.

В тот момент, когда миллионы телезрителей следили за разведчиком Клоссом, наши доблестные чекисты пытались охмурить сына Никиты Хрущева Сергея. Но расскажем обо всем по порядку.

Эта история началась примерно за пару часов до начала «Ставки...». Сергей Хрущев с женой собирались идти в гости, в доме зазвонил телефон. Хрущев услышал знакомый голос человека, с которым он в конце июня встречался в гостинице «Москва». Чекист просил о новой встрече.

— Но сегодня выходной, я с женой иду в гости, — попытался возразить Хрущев. — Давайте встретимся на следующей неделе.

— Нет, нет, — заторопился чекист, — дело чрезвычайной важности. Произошли некоторые события, я не могу говорить по телефону. Я вас очень прошу.

Понимая, что от собеседника все равно не откажешься, Хрущев согласился. На этот раз чекист назначил встречу непосредственно в своем ведомстве — на Лубянке. Когда Хрущев подъехал к зданию, у нужной двери его ждал провожатый — второй чекист из гостиницы «Москва». Вместе с ним гость вошел в здание и поднялся на нужный этаж.

Как оказалось, с Хрущевым захотел встретиться сам заместитель начальника 5-го (идеологического) управления КГБ. После короткого разговора о том о сем хозяин кабинета внезапно спросил:

— Скажите, Сергей Никитич, где в настоящее время хранятся мемуары Никиты Сергеевича?

Хрущев насторожился. Еще раньше, продумывая варианты поведения, он решил не врать. Поэтому ответил:

— Часть мемуаров хранится у меня, часть — на даче в сейфе у Никиты Сергеевича.

— Вы знаете, — хозяин кабинета понизил голос и слегка подался вперед, — к нам поступили сведения, что материалы у вас хотят похитить агенты иностранных разведок. Как они у вас хранятся?

— Хорошо хранятся, — ответил Хрущев. — Я их храню в закрытом книжном шкафу. Но это, конечно, не главное. Я живу в доме, где проживают члены Политбюро. Дом тщательно охраняется КГБ. Есть пост у входа, и часовой ходит вокруг дома. Проникнуть в квартиру, чтобы похитить у меня материалы, иностранным агентам будет так же трудно, как и в это ваше здание.

— Ну, знаете, для профессионалов не существует ни охраны, ни замков, — попытался возразить Хрущеву хозяин кабинета.

После этого он выдержал небольшую паузу и перешел на язык официального протокола:

— Мемуары Никиты Сергеевича имеют большое государственное значение, поэтому в Центральном Комитете принято решение по выздоровлению Никиты Сергеевича выделить ему в помощь секретаря и машинистку для продолжения работы.

Затем от имени все того же ЦК чекист попросил у гостя сдать хранящиеся у него материалы, с тем чтобы никто не смог их похитить.

— Я говорю с вами совершенно официально, как представитель Центрального Комитета.

Все материалы в целостности и сохранности по описи будут возвращены вашему отцу для продолжения работы, — заключил хозяин кабинета.

В течение нескольких минут Хрущев прикидывал все «за» и «против» этого предложения. С одной стороны, он боялся без ведома отца отдавать мемуары в руки КГБ, с другой — всерьез опасался, что с ними действительно что-то может произойти. Чем черт не шутит? К тому же было ясно, что КГБ от своего желания завладеть ими все равно не отступит. В конце концов Хрущев согласился. При этом он признался, что часть материалов находится не у него, а в доме у Леоноры Финогеновой. Мол, потребуется заехать к ней.

— Мы там уже были, — ошарашил его признанием хозяин кабинета.

— Это нечестно, вы не имели права! — возмутился Хрущев. — Вы должны были действовать только через меня.

Хозяин кабинета попытался сгладить допущенную неловкость, сказав, что все понимает, но время не ждет. Дорога каждая минута. Мол, существует реальная угроза того, что материалы может похитить иностранная разведка.

Хозяин кабинета говорил об этом так убежденно, что развеял последние сомнения гостя. Хрущев рассказал еще об одной «занимательной» — в доме у сценариста Вадима Трунина.

— А где он живет? — спросил чекист.

— Точного адреса я не знаю — где-то в районе Варшавки. Но у меня есть его телефон.

Тот человек, что привел его в этот кабинет, записал номер телефона Трунина и вышел из кабинета, чтобы проверить, на месте ли его хозяин. Оказалось, что нет — уехал в командировку, будет через неделю.

— Придется, пока его нет, выставить охрану возле его дома, — произнес хозяин кабинета. — А вы, Сергей Никитич, должны сдать свои материалы сегодня.

Примерно через полчаса Хрущев уже выкладывал перед чекистом, приехавшим к нему домой, все находившиеся у него материалы: катушки с пленками, черновики с отредактированным текстом. Затем Хрущев составил расписку со следующим текстом: «В целях обеспечения сохранности и во избежание захвата иностранными разведками органы государственной безопасности обратились ко мне с тре-

бованием передать им мемуары моего отца, Хрущева Никиты Сергеевича».

Но этот текст не удовлетворил чекиста, и он предложил собственный: «Хрущевым Сергеем Никитичем 11.07.70 г. по просьбе представителей Госбезопасности, в целях обеспечения сохранности и безопасности, переданы на хранение магнитофонные пленки и текст, содержащий мемуарные материалы Хрущева Никиты Сергеевича. Материалы переданы лично таким-то и таким-то (фамилии чекистов). Магнитофонные пленки на бобинах диаметром 13 см — 18 штук, на бобинах диаметром 18 см — 10 штук, печатные материалы в 16 папках общим объемом в 2810 страниц. Кроме того, в КГБ переданы Финогеновой Леонорой Никифоровной, работающей по моей просьбе над мемуарными материалами, 6 больших бобин с продиктованным текстом и 929 страниц печатных материалов. Часть отпечатанных материалов в количестве 10 папок, примерно полтора экземпляра мемуаров, мною были переданы осенью 1969 года для литературной обработки писателю Трунину Вадиму Васильевичу, которые по его возвращении в Москву также будут сданы на хранение в КГБ. Кроме вышеуказанных лиц, материалы никому не передавались. Все перечисленные материалы будут возвращены автору по его выздоровлению. 11 июля 1970 г.».

Однако той же ночью, долго мучаясь над вопросом, правильно ли он сделал, что без ведома отца отдал мемуары в руки КГБ, Хрущев пришел к выводу, что он поступил опрометчиво. Гарантии, что чекисты не обманули его, рассказывая о происках вражеской разведки, не было, а значит, и не было гарантии, что мемуары ему вернут в целостности и сохранности. Слава богу, копии мемуаров некоторое время назад удалось благополучно переправить на Запад. Поэтому той же ночью Хрущев принял окончательное решение: дать добро на публикацию книги за границей.

Во вторник, 14 июля, в далеком Красноуфимске, что в Свердловской области, съемочная группа фильма «Тени исчезают в полдень» приступила к натурным съемкам. Знакомые нам теперь эпизоды, происходящие в Зеленом Доле, снимали в деревне Петуховка. Экспедиция продлится до 16 сентября.

В тот же день в Москве должна была состояться 1-я сессия Верховного Совета 8-го созыва, и накануне в столицу стали съезжаться делегаты со всей страны. Был среди них и глава Ставропольского крайкома КПСС Михаил Горбачев. В Москве ему предстояло пройти проверку, устроенную более опытными коллегами. Вот как он сам вспоминает об этом:

«При размещении секретарей действовали неписанные, но четко соблюдаемые правила. Селились они в гостинице «Москва». Обычно первому секретарю полагался одноместный номер, а за «ведущими» закрепляли «люксы». В один из таких «люксов» мы и пришли с Золотухиным (секретарь Краснодарского крайкома КПСС. — Ф. Р.). Не знаю, так было спланировано или мы просто опоздали, но по всему было видно, что присутствовавшие там оренбургский секретарь Александр Власович Коваленко, саратовский — Алексей Иванович Шибаев, алтайский — Александр Васильевич Георгиев, кажется, ростовский — Иван Афанасьевич Бондаренко и сахалинский — Павел Артемович Леонов провели за столом изрядное время. Все они находились в достаточно разгоряченном состоянии, говорили громко и одновременно, как обычно, не очень слушая друг друга...

Как только мы с Золотухиным вошли в «люкс», я сразу понял, к кому и куда попал. Знакомство, как во времена Петра Первого, началось с того, что мне дали большой фужер, до краев наполненный водкой, и таким образом предложили присоединиться к общему застолью. Я немного отпил и поставил фужер на стол, чем вызвал всеобщую настороженность.

— Это что ж такое? — не скрывая неудовольствия, спросил Коваленко.

— А у меня своя система, — ответил я. — Постепенно, но неуклонно.

Все рассмеялись шутке и как-то сразу успокоились. А между тем вся моя «система» как раз была проста — я не испытывал к зелью особого влечения. Хотя под настроение иной раз и мог выпить не меньше других.

Разговор за столом возобновился, и первый вопрос, который был задан мне буквально в лоб: «Как у тебя складывается с Леонидом Ильичом?» Для присутствовавших это, видимо, было главным критерием доверия. Я рассказал о звонке Брежнева 1 мая, о содержании разгово-

ра с ним, и последние следы настороженности у собеседников исчезли.

Поднятыми бокалами приветствовали меня в своем кругу как самого молодого первого секретаря обкома в стране. Ну а дальше пошел разговор о правительстве, вернее — о Косыгине и о Верховном Совете, то есть о Подгорном. Тем самым, наверное, возобновился прерванный моим появлением разговор. Это было время, я бы сказал, «похорон» «косыгинской реформы», и в окружении Брежнева критика правительства всячески поощрялась...»

Стоит отметить, что все подобные посиделки секретарей обкомов и крайкомов КПСС, где они под водочку «чесали» языки и разглагольствовали как о своих, так и об общих проблемах партийного строительства, тщательно прослушивались КГБ. Сделать это было нетрудно, поскольку все гостиничные номера, предназначенные для персеков, были оборудованы «жучками». Утверждаю это не голословно, а исходя из тех рассказов, которые публиковались в открытой печати. Например, известен случай, происшедший с первым секретарем Мордовского обкома КПСС П. Елистратовым. Накануне открытия очередного пленума ЦК он имел неосторожность зайти к члену Политбюро Александру Шелепину и сообщить ему, что «терпеть больше выходок Брежнева не намерен и будет критиковать его на пленуме». И стал рассказывать Шелепину тезисы своего выступления. Однако хозяин кабинета от обсуждения уклонился. А на следующий день Шелепин заметил, что его вчерашнего гостя в зале нет. Истинная причина отсутствия Елистратова выяснилась позднее. По его словам, вечером, после его визита к Шелепину, к нему в гостиницу заявился зампред КГБ Семен Цвигун и «на правах старого друга» заказал ужин прямо в номер. А утром Елистратов очнулся в больнице с острым отравлением. Путь к выступлению на пленуме ему был отрезан.

Рассказывает А. Шелепин: «Однажды Брежнев в присутствии Сулова сказал мне, что знает каждую фразу, произносимую мной в служебном кабинете, на квартире и даже на улице. И в подтверждение своих слов рассказал почти дословно о разговоре с П. Елистратовым у меня в кабинете. Думаю, что слушали не только меня, но и других товарищей, например Семичастного, работавшего уже в то время замести-

телем председателя Всесоюзного общества «Знание». В один из дней его вызвал секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов и обвинил в том, что в его кабинете некоторые люди плохо отзываются о нынешнем руководстве ЦК, а он не дает отпора, и предупредил, что если он и впредь будет так себя вести, то его строго накажут...»

Вот такие нравы царили в «мудром советском руководстве», о чем в газетах, естественно, не писали. Но вернемся в июль 70-го.

15 июля с конвейера завода ГАЗ сошел последний автомобиль марки «Волга» «ГАЗ-21». Дальше ворот он не уехал, поскольку сразу же отправился в заводской музей. Эпоха этой марки автомобиля продолжалась 14 лет. Отныне начиналась эпоха новой «Волги» — «ГАЗ-24». Уже с июня в Москве началась обкатка первых моделей нового автомобиля, которые выполняли функции такси. Эти машины считались такой диковинкой, что на стоянках к ним выстраивались огромные очереди. Например, в июле один бакинец с семьей три (!) часа пропускать на стоянке у гостиницы «Метрополь» свою очередь, пока не дождался «ГАЗ-24».

15 июля в «Комсомольской правде» было напечатано письмо учителя из Якутии Ю. Почетного, посвященное проблеме бичей (понынешнему бомжей). Письмо было озаглавлено «Обокравшие себя». Приведу небольшой отрывок:

«Откуда берутся бичи? Немалая их часть отбывала различные сроки тюремного заключения, а выйдя на свободу, так и не добралась до своих жен, матерей, сестер и детей. Другие жили и работали здесь, в Якутии, сначала были обычными рабочими и служащими, но постепенно — рюмка за рюмкой, прогул за прогулом — деградировали и неизбежно в конце концов попали в «бичующую вольницу». Есть и такие, которые приехали сюда в поисках романтики или бежали от служебных обид, «непонятости», семейных неурядиц...»

Стоит отметить, что бичи в те годы тусовались в основном на Севере, а в Центральном регионе их встречались единицы. Например, в Москве мы, мальчишки, знали, кто такие бичи, но никогда в жизни их не видели. Их просто сюда не пускали, отлавливая еще на дальних подступах. Сделать это было нетрудно, по-

скольку армия бичей в начале 70-х была не такой многочисленной. Не то что нынче.

Тем временем в первой половине июля в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых выделю следующие: 6—12 июля на стадионе «Динамо» крутили французскую комедию с участием комика Фернанделя «Поездка отца», а с 14-го там же начал демонстрироваться иранский фильм «Мазандранский тигр» режиссера С. Хачикяна, в котором речь шла о том, как простой лесоруб Хабиб стал знаменитым борцом. С 13-го в кинотеатрах столицы идет военная драма Николая Ильинского «Остров волчий» с Георгием Жженовым и Татьяной Лавровой в главных ролях.

Кино по ТВ: «Подкидыш» (1-го), «Все остается людям» (2-го), «Человек-амфибия» (3-го), «Дворянское гнездо» (впервые по ТВ), «Доктор Айболит», «Верьте мне, люди!» (4-го), «Пропало лето», «Дайте жалобную книгу» (5-го), «Алло, вы ошиблись номером», «Ровесник века» (6-го), «Тоннель» (7-го), «Белый караван» (8-го), «Бег иноходца» (9-го), «Шведская спичка» (10-го), «Королевская регата», «Путь к причалу» (12-го), «Стряпуха» (13-го), «Первая перчатка» (15-го) и др.

Заполнены зрителем эстрадные площадки столицы. В Сокольниках с 15-го дают концерты артисты Одесского театра музыкальной комедии Михаил Водяной (Попандопуло в комедии «Свадьба в Малиновке») и Маргарита Демина; в Зеленом театре ВДНХ с 17-го выступает суперпопулярный ВИА «Веселые ребята» под управлением Павла Слободкина. В его составе вот уже три месяца играют трое пришлых: Градский, Полонский и Бергер. В группу их привели как творческие, так и сугубо меркантильные причины: им надо «деньги зашибить». «Веселые...» считались тогда самой раскрученной, а значит, и самой прибыльной группой на отечественной эстраде. Вот и трое «варягов» после трех месяцев непрерывных гастролей заработали по 1,5 тысячи рублей на каждого. Бешеные деньги по тем временам.

И еще о ВИА. Всю первую половину года беспспорным фаворитом на концертных площадках Москвы был ансамбль «Голубые гитары» Игоря Гранова. Однако затем его активность несколько спала, и во многом не без участия прессы. 6 июля в «Вечерней Москве» была напечатана сердитая заметка Б. Евсеева «И в

шутку и всерьез», главным героем которой были все те же «Голубые гитары». Приведу всего лишь отрывок из нее, но суть претензий читателю станет ясной:

«Налицо явное нарушение охраны труда и техники безопасности — девять полновесных концертов из двух отделений в неделю. И уже давным-давно ни одного выходного дня.

А вот результат: 1 июля на концерте в зале гостиницы «Советская» ведущий солист «Голубых гитар» В. Кузин добросовестно присутствовал на сцене, но... звуков не издавал. Охрип, бедняга. Потерял голос...

Итак, если говорить действительно всерьез, отличные музыканты в ансамбле «Голубые гитары». И смысл всех предыдущих критических уколов сводится к одному: ансамблю нужна помощь.

Прежде всего в обновлении и очищении репертуара. Приходится напомнить художественному руководителю «Голубых гитар» Игорю Гранову, что, кроме него, Игоря Гранова, в Советском Союзе есть и другие композиторы и их произведения вовсе не возбраняется исполнять ансамблю. А наличие в программе десятка однообразных, примитивных, сентиментально-душщипательных песенок отнюдь эту программу не украшает.

«Голубым гитарам» срочно требуется режиссер высокой квалификации, с хорошим вкусом и чувством юмора...»

В пятницу, 17 июля, в Советский Союз прилетел президент Финляндии Урхо Калева Кекконен. Причем его визит не был официальным — он прибыл в Союз по личному приглашению нашего премьер-министра Алексея Косыгина, чтобы вместе с ним совершить поход через Кавказский хребет. Стоит отметить, что этот поход был приурочен к 70-летию Президента Финляндии, которое как раз отмечалось в это лето. Я не оговорился — Кекконену действительно исполнялось 70 лет, однако выглядел он на 50, отличался большой работоспособностью и постоянно занимался спортом. Косыгин знал это, поэтому и решил на такой «подарок». Правда, предварительно он подстраховался: уведомил о предстоящем походе своего лечащего врача, с расчетом на то, что тот в свою очередь сообщит об этом главному кремлевскому эскулапу Евгению Чазову. Так оно и вышло. Едва Чазов узнал об этом (а это была

пятница, 17 июля), он тут же поспешил вылететь в Минеральные Воды, чтобы лично пройти путь, по которому следом за ним пойдут Косыгин с Кекконеном. Далее послушаем рассказ самого врача:

«Переход должен был состояться через Клухорский перевал, один из самых доступных. Но нельзя было забывать, что это около 25 км горных дорог, 5 км подъема и 7 км спуска.

Прямо после самолета и автомашины (а от Минеральных Вод до Северного Приюта в Домбае, где начинается трасса перехода через перевал, километров 200) мы с двумя мастерами спорта прошли весь путь без остановки. Вышли около 12 часов дня, и надо было спешить, чтобы до темноты выйти в Абхазию. Самым тяжелым был участок подъема. В конце пути, несмотря на то что все вещи у меня взяли мастера спорта, я шел как в тумане, мечтая лишь об одном — не упасть и скорее добраться до Южного Приюта. А ведь мне было всего 40, а не 70, как У. Кекконену.

Вернувшись в Москву, я позвонил Косыгину и сказал, что вряд ли они осилят весь переход и что необходимо срочно восстановить старую дорогу до вершины перевала и подъем совершить на машинах. Кроме того, на трассе создать места отдыха и подстраховать переход медицинским персоналом и спасателями.

А. Н. Косыгин выразил удивление, каким образом я узнал о предстоящем визите Кекконена, хотя все прекрасно понимал, и поблагодарил за участие в его организации, добавив, что ничего особенного им не надо, потому что он и Кекконен физически подготовленные люди, и переход для них — пустяк. Однако, несмотря на эти утверждения Косыгина, все было сделано, как я предложил. И Президент Финляндии успешно ознаменовал свое 70-летие переходом через Кавказский хребет, в память о котором у меня остались специально изготовленные для этого случая запонки, подаренные мне У. Кекконеном. Сам он прекрасно перенес переход, а спасателям пришлось нести через горы не его, а молодого и довольно массивного адъютанта...»

Между тем инициатива Косыгина с приглашением в Союз Кекконена и переходом через горы была весьма плохо встречена в кремлевском руководстве. Недовольных было много: во-первых, Брежнев, он всегда недолюбливал

премьера, любая инициатива которого больно была по его самолюбию, во-вторых, Подгорный, который по своему рангу — президента страны — и должен был преподносить «подарок» президенту другой страны, в-третьих, Андропов, на плечи которого ложилась вся ответственность за этот переход — в горах ведь могло произойти все, что угодно. Именно последний и вызвал к себе Чазова в тот же день, когда тот объяснял ситуацию Косыгину. Приехав, врач застал его несколько встревоженным. С. ходу председатель КГБ стал выговаривать эскулапу: «Не надо было вам вмешиваться в эти косыгинские дела. Сам он кашу заваривал, сам бы и расхлебывал. И не надо вам ехать на этот дурацкий переход, пусть сами идут. Кое-кто не очень доволен вашей активностью в этом вопросе». Чазов возразил: «Юрий Владимирович, Косыгин очень тонко переложил ответственность на меня, да и в какой-то степени на вас. В создавшейся ситуации мой долг сделать все возможное, чтобы переход обошелся без неприятностей». Андропову не оставалось ничего иного, как согласиться с этим выводом: «Вы правы, Алексей Николаевич все правильно рассчитал. Теперь и вам и нам надо обеспечить полную безопасность перехода».

Как вспоминает Е. Чазов: «И хотя Андропов прямо не сказал, но я понял, что кто-то из окружения Брежнева, а может быть, и он сам, хотели, чтобы возникли сложности в ходе визита, в которых можно было бы обвинить А. Н. Косыгина. То, что Брежнев был в курсе всех событий, я понял потому, что накануне визита Кекконена в Минеральные Воды он позвонил и сообщил, что хотел бы на несколько дней лечь в больницу на диспансеризацию, хотя это и не планировалось. Я вынужден был остаться в Москве. Волнений не было, ибо все, что необходимо, было сделано и «успех» Кавказского перехода был обеспечен...»

А теперь перенесемся в знойный Египет, где тем летом термометр порой зашкаливал за отметку 52 градуса. В этих невыносимых условиях наши зенитчики продолжают выполнять интернациональный долг по защите египетского неба от налетов израильской авиации. 18 июля произошел один из самых кровопролитных боев. Все началось в полдень, когда израильтяне нанесли удар по египетскому дивизиону. Через два часа последовал новый налет боль-

шой группы самолетов. В бой вступили дивизионы майоров М. Мансурова и В. Толоконникова. Причем сначала все складывалось для наших зенитчиков удачно. Два пуска — два уничтоженных самолета, один из них — неуловимый «Фантом». Однако чуть позже, при следующем налете, четверка «Фантомов» зашла на дивизион с тыла и обстреляла его реактивными снарядами. Затем нанесла мощный бомбовый удар. Наши зенитчики понесли самые крупные с начала войны потери — восемь человек были убиты, сгорела пусковая установка, взорвались ракеты, дизель. Подразделение пришлось отвести в тыл. После этого боя было решено изменить тактику. Теперь дивизионы поочередно должны были выходить непосредственно к Суэцкому каналу, в засады, и в случае появления самолетов противника внезапно открывать огонь.

Между тем далекая родина живет своей жизнью. Сверстники советских зенитчиков, погибших в египетской пустыне 18 июля, заняты кто чем: одни в праздном безделье загорают на крымских пляжах, другие поступают в вузы, поскольку в самом разгаре горячая пора приемных экзаменов. К примеру, выпускник одной из ферганских школ Александр Абдулов по совету отца-актера отправился тем летом в Москву, чтобы поступить в «Щепку» — театральное училище имени Щепкина. Однако экзамены провалил и несолоно хлебавши вернулся обратно в Фергану. Там он не стал мудрствовать лукаво и с первого же захода поступил в педагогический институт на факультет физкультуры.

В разряд неудачников тем летом попала и другая будущая звезда отечественного кинематографа — Елена Коренева. Будучи дочерью известного кинорежиссера Алексея Коренева, она никогда не хотела стать актрисой, а мечтала быть философом. Однако желая пробудить в себе дремавшую индивидуальность и поднабраться жизненного опыта, она решила хотя бы год отучиться на актерском. Но, увы, ее заход оказался неудачным. Пройдя два тура в Школе-студии МХАТ, она была остановлена на третьем. Вердикт комиссии звучал безжалостно: расхождение внутренних и внешних данных. Кстати, тогдашний ухажер Кореновой Саша, который тем летом поступит в МГУ, был рад

такому результату: он не хотел, чтобы его возлюбленная шла в актрисы.

Теперь поговорим о тех, кому удалось благополучно пройти сквозь горнило экзаменов. Так, будущий «усатый нянь» Сергей Проханов поступил в Щукинское училище. А Вадим Абдрашитов был наконец принят на режиссерский факультет ВГИКа. До этого он в течение нескольких лет делал попытки попасть туда, но все оказывалось тщетно. Но Абдрашитов был чрезвычайно настойчив. До этого он успел закончить знаменитый ФИЗТЕХ (МФТИ), что в Долгопрудном, но профессию свою не любил и просто бредил киношной режиссурой. Он три года отработал по специальности, а затем перевелся в МХТИ, где была очень хорошая любительская киностудия. Он стал снимать хронику жизни институту, хорошо овладел 16-миллиметровой камерой. С этого момента он взял твердый курс на ВГИК. Каждый год он посылал туда свои работы на предварительный творческий конкурс, когда еще не надо было документы предъявлять. Однако каждый год его «заворачивали», причем разные преподаватели: то Герасимов, то Таланкин, то Кулешов. Но в июле 70-го Абдрашитову наконец повезло — его принял на свой курс Михаил Ромм.

Вспоминает В. Абдрашитов: «Я тайно поступил во ВГИК, и характеристику с места работы мне подписал один человек, которому я просто-напросто заморочил голову. Ромм не беседовал со мной по поводу талантливой или не талантливой глины, а задал вопрос: «Какая книга осталась у вас недочитанной на столе?» Я ответил: «Бойня номер пять» Курта Воннегута». — «Вам нравится?» — «Очень нравится». — «Можете назвать два наиболее выразительных кадра из этой книги?» Я какие-то назвал, и он говорит: «Вопросов больше нет. До свидания. Вы свободны». Я вышел с ощущением, что опять плохо дело. В конце дня позвонил ответственной секретарше, а она мне: «Вы очень понравились Михаилу Ильичу, постучите по дереву...» А завод я действительно вспоминаю с нежностью и благодарностью (Абдрашитов работал на МЭЛЗе начальником цеха. — Ф. Р.). Во-первых, они не обозлились на меня, что я их так скоропалительно покинул, а во-вторых — поступив во ВГИК, я стал получать 28 рублей в месяц и, очевидно, протянул бы ноги, если бы

они мне время от времени не подбрасывали сдельную работу...»

22 июля на имя заместителя министра внутренних дел СССР К. И. Никитина поступило письмо из «Мосфильма». В нем сообщалось, что на студии готовится к постановке комедия «Рецидивисты» по сценарию В. Токаревой и Г. Данелия. Тема сценария — развенчание преступного образа жизни, осмеяние блатной «романтики». Далее сообщалось, что, учитывая предыдущие пожелания руководства МВД, в сценарии были внесены существенные поправки: теперь инициатива поисков шлема целиком исходит от милиции, от нее же исходят и наиболее остроумные решения многих эпизодов, употребление жаргона значительно сокращено.

Никитин отправил письмо ниже по инстанции — в Управление уголовного розыска МВД СССР, комиссару милиции 3-го ранга А. Волкову. Тот, ознакомившись со сценарием, нашел в нем очередные недостатки, в частности: плохо изображен полковник Верченко (вызывает резкое чувство антипатии), и вновь отметил большое количество жаргонных выражений. По поводу последних Волков в своем ответе студии писал: «Чрезмерная насыщенность текста специфическими словами и выражениями, известными в преступном мире под общим названием «блатная музыка». Явно вымирающий жаргон может обрести неожиданную поддержку с экрана и проникнет в первую очередь в среду несовершеннолетних». На основании этого Волков предлагал сценарий доработать.

Между тем в те июльские дни кто-то из взрослых ребят нашего двора поведал нам, мелюзге, новость о том, что знаменитые «Битлз» (мы в шутку называли их «Заебитлз») распались. Кто такие «битлы», лично я знал уже года два, впервые услышав одну из их песен у кого-то на магнитофоне. Пели они что-то забойное, с криками (кажется, «Can't bu me love», которую шутники переименовали в «Кинь бабе лом»), и с тех пор я стал воспринимать «битлов» не иначе, как патлатых музыкантов, типа тех, что были показаны в популярном мультике 60-х «Матч-реванш». Помните, в перерыве хоккейного матча трое волосатиков с гитарами развлекали зрителей забойным шлягером? И только спустя несколько лет, когда в Союзе появились первые гибкие пластинки с записями

«Битлз» (до этого момента «битловские» шедвры перепевались на советских пластинках разными ВИА типа венгерского «Экспресса» или отечественными вроде «Голубых гитар», «Веселых ребят»), а также их фотографии, я впервые узнал, кто такие «битлы» на самом деле. Но об этом разговор впереди.

Между тем сообщение о распаде «Битлз» впервые появилось на Западе аж в апреле (заявление Пола Маккартни от 17 апреля), а до нас дошло почти в конце лета. В «Комсомольской правде» 23 июля появилась перепечатка из польского журнала «Панорама» под названием «Что теперь, «Битлз»?». В ней сообщалось: «Почти полгода тройка «Битлз» распространяла в рекламных целях слухи, что их четвертый товарищ мертв. Сейчас «покойный» «битл» предсказывает кончину... всему ансамблю. Пол Маккартни — это именно он был «покойником» — недвусмысленно заявил в Лондоне: «Не вижу возможности дальнейшего сотрудничества с Джоном Ленноном. Между нами возникли и крупные личные разногласия, и разногласия в области профессиональной, музыкальной...»

Леннон по поводу разногласий с Маккартни отмалчивается. Некоторые говорят, что это были минутные ссоры, что «Битлз», мол, связаны друг с другом до самой смерти. Но знающие, свободные от иллюзий музыкальные наблюдатели дружно заявляют: «Битлз» были продуктом 60-х годов, почти их память!..»

В день выхода статьи о «Битлз» в Москву на пару дней, будучи проездом из Лондона, заглянул премьер-министр Малайзии Тунку Абдула Рахман. По протоколу его принимал и обхаживал наш премьер Алексей Косыгин. Журналист В. Поголяев, освещавший этот визит, вспоминает:

«На вторые сутки пребывания в стране малайзийский гость должен был пойти в Большой театр на «Лебединое озеро». Тассовцы, как обычно, заранее получили об этом уведомление. Большой театр тоже получил уведомление: ведь там надо было подготовить правительственную ложу, накрыть стол в гостевой комнате, нарезать свежие бутерброды, привезти шампанское и коньяк, поставить знаменитый русский самовар... В общем, высокий гость мог и балет посмотреть, и за столом отдохнуть.

Но малайзиец в Большой театр не пришел — почувствовал себя неважно и от балета отказался, — отправился в дипломатическую миссию, расположенную на Воробьевых горах.

Когда Косыгину сообщили об этом — позвонили прямо в машину, — Косыгин от балета тоже отказался — дел и без того хватало.

В Большом театре остался роскошно сервированный стол с бутербродами и выпивкой, кипящий самовар и вылизанная правительственная ложа. Двое тассовцев, как обычно, перед спектаклем приехали проверить, прибыли ли высокий гость на запланированное мероприятие.

Тассовцев от всей души угостили бутербродами, коньяком и чаем — не выбрасывать же все это! — и потом предложили:

— Хотите посмотреть «Лебединое озеро» из правительственной ложи?

— Хотим, — дружно заявили тассовцы, позвонили в ТАСС дежурному редактору, дали отбой и уселись в правительственной ложе в мягкие кресла.

В зале притушили свет, ряды затихли, несколько прожекторов ударили лучами в правительственную ложу, что было совершенно неожиданно для тассовцев, и оркестр громко заиграл государственный гимн Малайзии. Оказывается, указание об отмене мероприятия получили все, кроме оркестра и работников сцены. Тассовцам ничего не оставалось делать, как подняться с кресел и изобразить из себя высоких малайзийских гостей.

Зал заплодировал «малайзийцам» — люди у нас вежливые, гостей уважать привыкли...»

В эти же дни в Москве гастролировал американский балет на льду «Холидей он Айс». Его выступления вызвали в столице небывалый ажиотаж (впрочем, так было и в других советских республиках, где балет успел уже побывать — гастроли начались еще 20 июня). Такой повышенный интерес к коллективу объяснялся просто: в его составе были звезды с мировым именем: чемпионы Великобритании, Европы и мира, победители чемпионата 1969 года в танцах на льду Диана Таулер и Бернард Форд, пятикратная чемпионка Чехословакии и Европы Хана Машкова, выдающаяся фигуристка Америки Мицукэ Фунакоси, чемпионы в парном катании 1964 года Гудрун Хаусс и Вальтер Хенфнер.

«Холидей он Айс» гастролировал в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, с 16 июля по 2 августа. На одном из этих выступлений в конце июля знаменитый разведчик Ким Филби (было ему в ту пору 58 лет, и он уже седьмой год жил в Москве) познакомился со своей будущей женой Руфиной Пуховой. Дело было так.

Незадолго до описываемых событий Ким Филби не по своей воле вынужден был расстаться с любимой женщиной, бывшей женой своего сподвижника по «кембриджской пятерке» Мелиндой Маклин, и пребывал в депрессии. Ее усиливало то, что отношение руководства КГБ к нему резко охладело — объем его работы уменьшился, у него отняли кабинет, секретаря, а машина, которая до этого почти каждый день привозила ему на дом документы, стала приезжать все реже и реже. Все это больно ранило Филби. Обеспокоенные его состоянием Джордж Блейк (еще один из «пятерки») и его жена Ида решили познакомить Филби с Руфиной — 38-летней одинокой женщиной русско-польского происхождения, которая получила воспитание в Советском Союзе. Руфина тогда работала вместе с Идой в Центральном экономико-математическом институте и вполне подходила на роль женщины, которая могла бы скрасить одиночество Филби. Блейки разыграли все как по нотам. Ида, зная возможности Руфины, попросила ее достать четыре билета на выступление суперпопулярного американского балета на льду: для себя с мужем, свекрови и Руфины. Та легко с этой просьбой справилась. Однако затем Блейки связались с Филби и попросили его заменить в компании внезапно «захворавшую» мать Джорджа. Филби согласился. Однако пришел не один, а прихватил с собой сына Тома, гостившего тогда в Москве, надеясь купить ему билет в кассах Лужников (наивное желание, если учитывать, что приезд «Америкен айс-ревю» вызвал в Москве массовый психоз). С появлением пятого участника компании план Блейков летел в тартарары. Далее послушаем рассказ одного из участников описываемых событий — Руфины:

«Мы встретились, познакомились. Это был солнечный яркий день, я была в темных очках, Ким попросил меня снять очки... Сказал: «Пожалуйста, хочу в глаза посмотреть». Я же мельком на него взглянула. И мы пошли дальше.

Он немножко говорил по-русски. Самое интересное, что потом Ким утверждал, что решение жениться на мне он принял, когда шел за мной и глядел в спину...

Билетов на айс-ревю для сына мы не купили. Ким отправился с сыном домой и пригласил всех нас после концерта на шампанское к себе. Мы вышли с балета, сели на троллейбус. А когда троллейбус подошел к метро, я выскочила, помахав рукой, ибо никакого желания идти в гости к Киму не испытывала...

Однако через короткое время Ида пригласила меня на дачу на уик-энд. Там были еще ее муж и его мама. Через несколько часов появился Ким с двумя огромными сумками, набитыми вином и продуктами, включая курицу, грибы, овощи и даже кастрюлю для приготовления, как он сказал, французского блюда — петуха в вине. И Ким занялся приготовлением этого петуха, а мы с Идой почистили овощи.

Потом мы сели за стол. Речь была смешанная, русско-английская. Они в основном по-английски. А потом уже стало утомительно. Ида с Джорджем исчезли, вскоре и я в свою спальню ушла. А мама с Кимом оказались достойными собутыльниками. Мама была женщина железная, у них шла оживленная беседа. Я за стеной, ничего не понимая в английском диалоге, все время слышала свое имя. Он упоминал ее без конца. Через какое-то время вдруг я слышу тихий скрип, в темноте раскрываются створки двери, между ними появляется красный огонек сигареты, который медленно приближается ко мне. Зрелище в духе ночного кошмара. Огонек воплощается в Кима, который тихонько присаживается на краешек моей кровати и говорит (это я помню дословно): «Я английский мужчина». Я говорю: «Да, да, джентльмен». Он говорит: «Нет, я английский мужчина». Я, конечно, понимала, в каком он состоянии (стоит отметить, что у Филби в свое время случались тяжкие запои по три-четыре дня, он днями не выходил из квартиры, не мог отличить дня от ночи, а когда это происходило во время поездок, то не мог понять, где он находится: в Москве или Ленинграде. — Ф. Р.). Я судорожно что-то вспоминаю из запаса английского: «Tomorrow! Tomorrow!» («Завтра, завтра»). Он поднимается, медленно уходит, очень старательно закрывает двери.

Через минуту (он не успел дойти до своей комнаты) все снова повторяется, он опять садится и говорит: «Я английский мужчина», снова уходит и в третий раз приходит. Я уже, конечно, почти в истерике от смеха. Пять раз он приходил и уходил. Ходил твердо, садился осторожно... Ну, а утром мы позавтракали. Он молчал, я думала, что это — из-за его поведения ночью. В машине поехали на прогулку, я села рядом с ним и на него косилась. Красивый профиль, совершенно другой облик. Я впервые увидела, что он интересный мужчина, посмотрела на него уже другим взглядом. Он молчал. Я так сочувствовала ему, что сорвала в лесу колокольчик и шуточно его преподнесла. Он очень растрогался! Уже позже я его спрашивала, как он себя чувствовал после всего этого. «Я ничего не помнил». Так что моя жалость была напрасной...»

Владимир Высоцкий в конце июля гостил на Чегете и жил в гостинице «Иткол», которую он хорошо помнил еще по съемкам в фильме «Вертикаль» в 66-м году. В эти же дни в эти края угораздило приехать и горнолыжника из ленинградского «Спартака» Анатолия Смирнова, который оставил о тех днях следующие воспоминания:

«Однажды поздно вечером я обнаружил, что остался без сигарет, вышел в коридор и попросил какого-то паренька закурить. Паренек впоследствии оказался Владимиром Высоцким, о чем я в данную минуту не подозревал. Он сказал, что сигареты у него в номере, мы зашли туда, и он дал мне пачку «Мальборо»...

Дальнейшее знакомство с Володей у меня развивалось, увы, по питейной части. Я в ту пору жизни проходил не через самую светлую полосу... Похоже, и он тоже. Короче говоря, мы с ним довольно часто заходили друг к другу в гости и совместно (то есть вдвоем) выпивали. Выпивали по-крупному: от литра на брата и более. Из совместных увеселений, сопровождающих наши встречи, помню чтение монолога Хлопуши в номере у Володи. Читал он также стихи, рекламирующие какое-то мыло, — которые только что, по его словам, написал. Читал стихотворные экспромты, посвященные Ирине (девушка Смирнова. — Ф. Р.) — она была очень красивой женщиной. Однажды пропел почти целую ночь в номере для нас двоих. По-

трясающе пел: и не только свои песни, но и Вертинского, и блатной фольклор.

На вторую ночь, когда он запел, уже начал собираться народ. Потом Володя еще одну ночь пел в номере у Залиханова, местного аксакала, которого он знал еще со съемок «Вертикали»...

Ходили мы с Володей однажды вечером в поселок Терскол — звонить в Москву. Страшно он себя вел. Метался в телефонной будке и кричал в трубку:

— Приезжай немедленно! Я люблю тебя!...»

В те дни Высоцкий дал несколько концертов в альпинистских лагерях «Баксан», «Эльбрус» и «Шхельда». В «Баксане» он выступал в среду, 29 июля, и, по воспоминаниям очевидцев, пребывал не в самом лучшем расположении духа. Вот как описывает этот концерт И. Роговой:

«Концерт проходил вечером, примерно в 22.30. Билет стоил 1 рубль. Присутствовало 100—150 человек альпинистов и гостей из привлекаемых мест отдыха. Афиш не было. Но за несколько дней до выступления по ущелью ходили слухи, что Высоцкий — в ущелье, живет в «Итколе», выступал уже в а/л «Шхельда», причем в сильном подпитии...

Альплагерь «Баксан» находится в верховьях Баксанского ущелья (Кабардино-Балкарская АССР, Эльбрусский район), в двух-трех километрах от гостиницы «Иткол». Принадлежал в то время Украине, откуда и была основная масса альпинистов. О популярности Высоцкого в это время говорить излишне, точнее, о популярности песен: про автора мало что знали.

Клубом служил одноэтажный деревянный дом размером 15 на 8 метров. Сцены как таковой не было, помнится, на месте сцены было возвышение сантиметров двадцати над уровнем пола.

Концерт предполагалось провести «после ужина» (ужин летом — с 20 до 21 ч.). Ожидали довольно долго, сомневались, приедет ли. Особой давки не наблюдалось: большинство своих были на выходах, а часть возможных гостей отсутствовала по причине неопределенности ситуации.

К лагерю подходит ответвление от шоссе Минводы — Терскол, легковые машины въезжают без труда. Высоцкого привезли в автомо-

биле, но момент его пребывания я пропустил: лежал до последней минуты, будучи больным...

В зале я сидел в первых рядах, в четырех-пяти метрах от Высоцкого. Видно и слышно было идеально. Микрофоном он не пользовался. Вышел в красной рубашке, раскрасневшийся и какой-то взъерошенный. Публика притихла. Большая часть, я уверен, видела его впервые и затаилась, рассматривая и впитывая. Видимо, что-то в этом Высоцкому не понравилось, и он произнес примерно следующее: «Что вы так на меня смотрите? А то ведь я, как Маяковский, могу...» — и с этими словами сунув пальцы в рот, свистнул со страшной силой. Народ затих окончательно.

Концерт оказался очень коротким — пять-шесть песен, не более. Словесных «прокладок» почти не было, и держался Высоцкий неприступно сурово, контактов с залом не устанавливал. Должен заметить, что мысль, будто он выступает, находясь в подпитии, лично у меня не возникала. Хотя потом говорили всякое.

Выступление началось песней «Ты идешь по кромке ледника...». Перед ней автор сказал несколько слов о недавно погибшем Мише Хергиани и посвятил эту песню ему. Потом, кажется, спросил у зрителей, что они хотели бы послушать. Кто-то назвал «Песню о друге» из «Вертикали». Высоцкий охотно согласился, но попросил зал ему подпеть. Что и было сделано, хотя и довольно несмело.

Из последующих песен отчетливо помню «А люди все стояли и роптали...» Спел он ее в трех куплетах («иностранцы», «делегаты», «депутаты») с большой речетативной импровизацией в последнем:

А люди все роптали и роптали —
Наверное, справедливости хотят:
«Ну сколько же можно! Имейте совесть, товарищи!
Сколько можно, ведь 50 лет Советской власти!
Мы же в очереди первые стояли,
А те, кто сзади, — уже едят...»

Больше песен не помню. Может, были еще две-три, а может, и нет. Закончилось выступление совершенно неожиданно для слушателей. Высоцкий сказал: «Что-то у меня сегодня с голосом. Лучше вы меня поспрашивайте — о театре или о чем хотите, — я вам расскажу», — сел на стул и стал глядеть в зал, ожидая вопросов.

Аудитория молчала. Не была готова к такому повороту. Кроме того, как я говорил, подавляющее большинство ничего не знало о его работе в театре. В общем, около минуты сидели молча, после чего Высоцкий поднялся, заявил: «Ну, тогда до свидания», — и быстро ушел. Озадаченные зрители постепенно разошлись.

После концерта администрация лагеря дала дружеский ужин в честь гостя. Я присутствовать не смог, и дальнейший ход событий могу восстановить только по рассказам. На ужине из известных мне людей были начальник лагеря Атакуев, нач. учебной части Виктор Овчаров из Киева и врач-стоматолог Илья Лурье, тоже киевлянин, — он-то и был организатором всего мероприятия. Присутствовали также спутники Высоцкого, точнее, свита. Пили, пели до рассвета. Говорят, что Высоцкий при отъезде отказался садиться в салон «Волги» и его каким-то манером укрепили на капоте, в таком виде и выехали из лагеря...

В Москве тем временем в кинотеатрах идут следующие новинки. Две мелодрамы: индийская «Цветок и камень» (с 20-го) и «Польский альбом» (с 23 июля) с Барбарой Брыльской в главной роли; американский исторический боевик Рудольфа Матэ «300 спартанцев» (с 28-го на Малой спортивной арене в Лужниках, широкий прокат — с сентября). Из отечественных картин назову фильм Василия Шукшина «Странные люди» с участием Сергея Никоненко, Всеволода Санаева, Евгения Лебедева и др.

Но безусловным «гвоздем» кинопоказа в июле стал не художественный, а мультипликационный фильм: первый выпуск «Ну, погоди!», запущенный с легкой руки режиссера Вячеслава Котеночкина и трех сценаристов: Феликса Камова, Александра Курляндского и Александра Хайта. О том, как создавался этот эпохальный фильм, рассказано в хронике 1968 года, а пока напомним сюжет выпуска №1: Волк гоняется за Зайцем на пляже. Кстати, мало кто знает, что озвучивать роль Волка Котеночкин хотел пригласить Владимира Высоцкого, но высокое начальство наложило на эту кандидатуру табу (вместо него был взят Анатолий Папанов). Однако Высоцкого Котеночкин все равно в картине оставил: его «Песню о друге» насвистывает Волк, забираясь по веревке к Зайцу на балкон.

Кино по ТВ было представлено следующими фильмами: «Виринея» (16-го), «Новые приключения неуловимых», «Закройщик из Торжка» (17-го), «В городе С» (18-го), «Рядом с вами», «Вступление» (20-го), «Ночной звонок» (21-го), «Дом с мезонином» (22-го), «Капитанская дочка», «Моя любовь» (25-го), «Праздник Святого Йоргена» (27-го), «Нейтральные воды» (впервые по ТВ, 28-го), «Сорока-воровка» (30-го), «Город мастеров», «Майя Плисецкая» (впервые по ТВ), «Не забудь... станция Луговая» (31-го) и др.

Из эстрадных представлений назову следующие: 17—19 июля на ВДНХ — ВИА «Веселые ребята»; с 14-го в цирке на Цветном бульваре идет новая программа «Весенние дебюты» с участием популярного клоуна Леонида Енгибарова.

Новинки «Мелодии»: диски-гиганты — «Поет Муслим Магомаев» с песнями «Не судьба» (О. Фельцман — И. Шаферан), «Огонь Прометея» (О. Фельцман — Н. Олев), «Да или нет» (Р. Амирханян — М. Рябинин), «Отдать тебе любовь?» (Р. Амирханян — Р. Рождественский), «Встреча» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский), «Чертово колесо» (А. Бабаджанян — Е. Евтушенко), «Вдоль по Питерской» (русская народная песня), «Элефтерия» (О. Фельцман — Ц. Солодарь), «Огромное небо» (О. Фельцман — Р. Рождественский), «Мечты, мечты» (А. Мажуков — А. Пушкин), «Далекая-близкая», «Рапсодия любви» (М. Магомаев — А. Горохов); «Поет Лариса Мондрус» с песнями «Синий лен» (Р. Паулс — А. Круклис), «Озерный край» (Р. Паулс — З. Пурвс), «Осенний день» (А. Флярковский — Э. Уразбаева), «Весна» (Е. Птичкин — Л. Куксо), «Ты погоди» (из к/ф «Последние каникулы»; П. Аедоницкий — И. Шаферан), «Рыжий парень» (Б. Потемкин — В. Кру-

тецкий) и др.; «Поет Тамара Миансарова» с песнями «Кукла» (Савио), «Сказка о любви» (Л. Лядова — В. Лазарев), «Календарь» (В. Кудряшов — М. Рябинин), «Идут дожди» (И. Шамо — Л. Смирнова) и др.; «Поет ВИА «Орэра» с песнями «Мне снился сон» (А. Бояджиев — Б. Гусев), «Страна цветов» (грузинская народная песня), «А где мне взять такую песню» (Г. Пономаренко — М. Агишина), «Я пьян от любви» (М. Жур — А. Борли) и др.;

миньоны твердые: «Поет Лариса Мондрус» с песнями «Не упрекай любовь» (Р. Паулс — Н. Олев), «Юрмала» (А. Пахмутова — Р. Рождественский), «Песенка из детства», «Зайчик на стене» (Б. Равенский — П. Леонидов); «Песни из к/ф «Пусть говорят» в исполнении Рафаэля (мы помним, что еще в мае вышла первая пластинка с несколькими песнями из фильма, теперь — новые шлягеры «Если ты меня любишь — скажи об этом», «Акварели реки», «Пусть говорят», «Пусть будет, что будет»).

28 июля в столице открылся новый книжный магазин — «Дом военной книги» на Садовой-Спасской, 3. Интересно отметить, что до этого в «стекляшке» располагался ресторан «Привал», однако затем власти города решили вместо питейного заведения открыть очаг культуры. Здание обновили и вселили туда книжный. На его открытие съехалось много почетных гостей: писатели, военачальники. Однако этот магазин ждет та же незавидная участь, что и другие: отныне его полкам предстоит прогнуться под горами невостребованных книг, а настоящая литература будет появляться здесь не часто, как того хотелось бы читателям. И за хорошей литературой москвичи вынуждены ездить на знаменитый книжный «толчок», что на Кузнецком мосту.

1970 А В Г У С Т

Когда плачут кумиры. «Святой Лука» в Риге. Из-за чего слег кинорежиссер Андрей Смирнов. Ким Филби делает предложение руки и сердца. Почему Борис Ливанов назвал Марка Прудкина предателем. Как Эдмонд Кеосаян «отмазал» неуловимого мстителя от армии. Новое нападение на женщину в Луганске. «Динамо» (Москва) — обладатель кубка СССР по футболу. Кровавая перестрелка в Даугавпилсе. Как в фильме «Офицеры» поменяли актрису. Василий Лановой испугал гаишника. Юрий Гуляев — кумир миллионов. ЧП на съемках фильма «Достояние республики»: разбились каскадеры. Умер драматург Николай Эрдман. Тайный канал Андропова заработал: Вилли Брандт в Москве. Аркадий Райкин хочет уехать из Ленинграда. Триумф и трагедия гимнаста Михаила Воронина. Как Высоцкий отказал в просьбе своей бывшей жене. Умер композитор Вано Мурадели. Высоцкий срывается на Украину. «Корона Российской империи» в Таллине. Высоцкий на волосок от гибели. В роли роженицы — София Ротару. Виктор Суворов в Аквариуме. КГБ «кинул» Сергея Хрущева. Как поссорились два Олега: Табаков и Ефремов. КГБ сообщает: наших киношников подкупают иностранцы. Как на съемках «Офицеров» напоили китайцев. Уличное знакомство Александра Белявского. Тарковский снимает «Солярис». Пополнение в семье племянницы Брежнева. За что Хрущев осерчал на сына. Наши в Сопоте: полный провал. Хит сезона: песня «Желтая река» в исполнении рок-группы «Кристи».

1 августа в газете «Советская культура» было опубликовано коллективное письмо рабочих «Дальзавода», озаглавленное весьма хлестко — «Встреча с дурным вкусом». В письме его авторы выражали недоумение, вызванное знакомством с репертуаром гастролировавших во Владивостоке артистов Ленконцерта: популярных певцов Анатолия Королева и Жана Татляна. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу несколько отрывков из этого послания:

«Обидно и больно за молодого певца (речь идет о Королеве. — *Ф. Р.*). Нам трудно понять, почему Королев решил пойти по пути дешевых «шлягеров», явно ведущих к утрате его творческой индивидуальности. Нам трудно понять, почему певец обкрадывает самого себя и нас, его слушателей. Может быть, мы не понимаем причин всего происходящего до конца, но мы считаем своим долгом назвать то, что видим. В репертуаре А. Королева и других участников ансамбля слишком много песен композиторов и поэтов, о существовании которых мы узнали

только на этом концерте. Кто автор «Странного беса», песенок «Это любовь», «Надежда» (не путать с пахмутовско-добронравовской. — *Ф. Р.*)? И других, исполненных на концерте? Сами участники ансамбля: гитаристы и саксофонисты, музыкальный руководитель Э. Кузнер. В целом песни, слова или музыка которых написана участниками ансамбля, составляют треть программы! Надо же и меру знать...»

Далее в своем письме рабочие «Дальзавода» тяжелым катком критики «наезжают» на певца Жана Татляна, шлягер которого «Фонари» распевала буквально вся страна:

«Советская культура» уже критиковала салонно-будуарную лирику Ж. Татляна. А ведь с ним, по сути дела, произошло то же самое. Кто знает поэта Татляна? Композитора Татляна? Но оказалось достаточным быть немножко поэтом, немножко композитором, чтобы получить в свое распоряжение целый музыкальный коллектив и гастролировать по всей стране...»

Сегодняшний молодой читатель, привыкший к тому, что про его кумиров пишут и не

такое, а тем хоть бы хны, может здорово удивиться, когда узнает, что в те приснопамятные годы, о которых идет речь, подобные письма могли здорово испортить карьеру любому человеку, не только артисту. Были случаи, когда люди, упоминаемые таким образом в газетах, не только теряли работу, но даже кончали жизнь самоубийством. К счастью, с героями упомянутой публикации ничего подобного не произошло, хотя назвать исход их истории благополучным у меня лично тоже язык не поворачивается. Например, Анатолий Королев, так быстро взлетевший на гребень популярности после победы на фестивале Сочи-69 (а начинал он свою карьеру в популярном ленинградском ВИА «Поющие гитары»), вскоре исчез с эстрадного горизонта. А Жан Татлян, которому после злополучного письма запретили на какое-то время всякую концертную деятельность, через год вынужден был эмигрировать из страны. Но об этом я расскажу чуть позже. А пока вернемся в август 70-го.

Съемочная группа фильма «Возвращение Святого Луки» находится в экспедиции в Риге. Киношники приехали туда еще 3 июля и сразу столкнулись с трудностями. Во-первых, из-за плохой погоды — проливные дожди — в день удавалось снимать минимальное количество кадров, во-вторых — из-за отказа сниматься в роли дипломата Кейта рижского актера Х. Лиепиньша, который уже успел отсняться в двух объектах в Москве, пришлось срочно искать ему замену — ею стал Паул Буткевич, после чего последнего спешно отсняли в лиепиньшевских эпизодах. Так, 30 июля был снят эпизод «в гостинице» (в нем Граф находит дипломата и предлагает ему купить у него настоящего «Святого Луку»), а 2 августа продолжение этого эпизода — дипломат, убедившись в том, что его прежний компаньон Лоскутов (Олег Базилашвили) жив, соглашается с предложением Графа. Группа пробудет в Риге до 10 августа.

3 августа лег в больницу кинорежиссер Андрей Смирнов, который снимает на том же «Мосфильме» фильм «Белорусский вокзал». После той нахлобучки, которую он получил на худсовете 25 мая, его дела продвигались не самым лучшим образом. Заработав обвинение в том, что его новая лента клеветает на ветеранов войны, Смирнов здорово расстроился, хотя на съемочной площадке старался этого не пока-

зывать. Получив кучу замечаний по отснятому материалу, он теперь мучительно раздумывал над тем, как сделать так, чтобы не пойти против собственной совести и при этом не вызвать нового гнева со стороны высокого начальства. Скажем прямо, дилемма трудная. А на Смирнова напирали буквально во всем. Например, он продолжал отстаивать кандидатуру Нины Ургант вместо Инны Макаровой на роль Раи, а ему в ответ отвечали: не смей! В итоге режиссер психанул и написал заявление, в котором просил назначить вместо него другого режиссера. И укатил на дачу. Однако три дня спустя туда позвонили с «Мосфильма» и сообщили: у нас горит план, так что снимай свою Ургант. Но пережитые волнения не прошли бесследно, и в начале августа режиссер угодил на больничную койку. Съемки фильма были временно приостановлены, члены группы распушены в отпуска. Продлится этот перерыв до 20 августа.

А теперь вернемся к истории взаимоотношений разведчика Кима Филби и Руфины Пуховой. В начале месяца супруги Блейки предложили им составить компанию и отправиться на экскурсию по Золотому кольцу. Филби, зная, что там должна быть Руфина, с удовольствием согласился, а вот она какое-то время сомневалась. Женщина все еще не могла разобраться в своих чувствах к Филби и боялась ненароком его обидеть. Ее раздумия длились какое-то время, после чего она все-таки приняла предложение друзей. В те дни стояла отличная погода, которая располагала к пешим прогулкам. Путешественники посетили Ярославль и Владимир, много гуляли, однако Руфина всячески избегала оставаться наедине с Филби, предпочитая компанию Иды. Так продолжалось до самого последнего дня экскурсии. А потом... Впрочем, послушаем рассказ самой Руфины:

«В какой-то вечер, это уже было накануне нашего отъезда из Ярославля, он меня решительно схватил за руку, вытянул из этой компании, посадил на скамейку и сказал то, к чему, видимо, долго готовился: «Карты на стол. Я хочу женатся с тобой». Тут я настолько опешила, что мне было даже не смешно. Потом я стала что-то лепетать, как маленькая. Все это казалось нелепо, страшно и дико. Ведь это была всего лишь наша третья встреча! Он был очень решителен. Когда я сказала в ответ, что он ме-

ня совсем не знает, он прервал: «Я знаю, я все вижу». Он очень серьезно говорил... Тогда я взяла такую линию: стала его запугивать. Что я хозяйственная, ленивая, нездоровая, что могу целый день лежать и совершенно не гожусь для этой роли. Он сказал, что все это его не пугает, он будет все сам делать, и вообще, он не мальчик, он может подождать, он меня не торопит.

Потом мы пошли к гостинице. Он оставил меня, чтобы я подумала. Но, открывая дверь, он меня все-таки задержал и спросил: «Могу я надеяться?» И на этом разошлись спать. Ну конечно, долго я не могла уснуть. Все это меня очень взбудоражило... Чувства, конечно, у меня никакого не было, здесь уже были мои раздумья: я стала сама себя уговаривать, захотелось уговорить. Я раздумывала целую ночь, прикинула свою серую жизнь. Может быть, броситься в такое приключение? Мне стало страшно. Я знала, что, конечно же, откажусь. У меня как бы был диалог с посторонним человеком, как будто я себя уговаривала: ну что я теряю? Почему бы мне не попробовать? Утром до завтрака он успел сбежать на базар и купил по огромному букету белых хризантем каждой даме. По дороге в машине мы сидели рядом, я чувствовала напряжение и делала вид, что дремлю. Он сидел не шелохнувшись, боялся разбудить. Там где-то мы останавливались по дороге, гуляли. Я видела, что он шепчется с Джорджем, ведет себя как мальчик.

По дороге он меня пригласил на следующий день в «Метрополь». Я опоздала на 45 минут (встреча была назначена на 12 дня. — Ф. Р.) и была уверена, что его уже нет, но у меня был его телефон, я себя утешала, что хотя бы ему позвоню. Подходя к «Метрополю», я увидела скорбную фигуру под ярким солнцем, прислонившуюся к стене. Вдруг он увидел меня, у него появилась блаженная улыбка на лице, и вот здесь мое сердце впервые начало таять. Я увидела человека с такой очаровательной улыбкой после такого долгого ожидания, не гнев на лице, а такое счастье... Я что-то почувствовала...

Обед прошел хорошо, все было очень красиво и очень приятно. Он по-деловому стал расспрашивать, могу ли я ему давать уроки русского языка. Я согласилась. Он стал рисовать график, выбирать дни, часы для занятий. Потом он предложил пойти на Трехпрудный к нему и выпить чаю. Сидели на кухне, я чувство-

вала себя очень легко с ним, по-домашнему. И потом я всегда испытывала такое чувство. Я знала масштаб его личности, заслуги как разведчика, но дома он был очень простой человек. Короче, после этого нашего обеда в ресторане я сказала «да». Все-таки я себя уговорила...»

Несмотря на свое согласие, Руфина в течение некоторого времени продолжала жить на два дома. И только после того, как Филби настоял на переезде, она перебралась к нему на Трехпрудный. А расписались они в декабре, о чем я еще непременно упомяну.

Тем временем по Москве все настойчивее распространяются слухи о том, что Олег Ефремов покидает «Современник» и переходит во МХАТ. Часть труппы прославленного театра была категорически против такого поворота, однако с их мнением уже никто не считался — все было решено наверху, в ЦК, куда группа «заговорщиков» во главе с Яншиным и Прудкиным успела сходить несколько недель назад.

Рассказывает В. Шиловский: «МХАТ поехал на гастроли в Киев. Борис Ливанов сначала был с труппой, но через пару дней уехал в Москву. Как-то мы сидели за столом, обедали. Рядом с нашим столом был стол Прудкиных. Вдруг открываются двери, входит Борис Николаевич. Подходит к Марку Прудкину и со всего размаха бьет по столу, так, что подпрыгивает посуда. И очень громко говорит:

— Марк, ты предатель! Ты не меня предал, ты МХАТ предал. И трагедия в том, что МХАТ перестанет существовать. — Ливанов еще раз грохнул кулаком по столу и ушел.

Мы всю ночь просидели у Прудкина, обсуждая, что же ждет МХАТ с приходом Ефремова. Прудкин слушал нас очень внимательно и сказал:

— Все будет хорошо. Вы только никому не говорите!..»

В театральной жизни столицы это единственная горячая новость, а так в те дни в городе царит настоящее уныние — практически все театры разъехались в разные концы света: кто колесит по Союзу, кто — по границам. Правда, вместо столичных в Москву со всех концов страны слетелись периферийные театры, но их посещаемость не идет ни в какое сравнение с тем, что творится на спектаклях «родных» театров.

В Москве погода неустойчивая — то солнце жарит, то дожди. По этой причине, например, киношники никак не могут поймать удобный момент для работы. Так, съемочная группа «Короны Российской империи» в течение пяти дней (3 — 7 августа) не имеет возможности приступить к работе на натуре. И только 8 августа ей удается снять несколько десятков полезных метров. Кстати, работа над этим фильмом едва не остановилась, поскольку над одним из мстителей — Михаилом Метелкиным, которому исполнилось 18 лет, едва не нависла угроза быть призванным ближайшей осенью в ряды Вооруженных Сил. Чтобы «отмазать» своего актера от армии, режиссер картины Эдмонд Кеосаян пошел на отчаянные меры. Вспоминает М. Метелкин:

«Набор на актерские курсы уже закончился, и поэтому я поступал на экономический факультет, где готовят организаторов производства, иначе говоря, директоров картин.

Поступал я очень интересно. Математики я практически не знал, и, когда мы шли на экзамен, Эдмонд Грегиневич Кеосаян мне говорит: «Ты, главное, побольше цифр пиши». Я получил билет, понял, что в нем что-то для меня совершенно непостижимое, и написал очень много цифр. И вдруг случается чудо: преподаватель математики выходит в туалет. Кеосаян идет за ним. И когда тот зашел в кабинку, Эдмонд Грегиневич залез наверх из другой кабинки и сказал такую фразу: «Товарищ, у меня там поступает один из героев фильма «Неуловимые мстители», он ни хрена не знает, поставьте ему пятерку». А тот в таком положении находился, что делать просто нечего, и говорит: «Я все, что угодно, сделаю, только уйдите отсюда». Потом он зашел в аудиторию, взял мой листок с цифрами, долго в него смотрел и говорит: «Какое оригинальное решение. Отлично». После этого Кеосаян отвез меня в «Арагви», и мы там отметили мое поступление...»

Луганская милиция продолжает сбиваться с ног в поисках неуловимого маньяка. Поздно вечером в четверг, 6 августа, там произошло еще одно изнасилование. На этот раз жертвой преступника стала гражданка Соловей, которая возвращалась домой по улице Жуковского. Насильник напал на нее сзади, затащил в укромное место и, связав руки поясом от ее платья, попытался изнасиловать. При этом он со-

рвал с жертвы часы марки «Ракета». Однако, уходя с места преступления, насильник забыл там свой пиджак 48-го размера. В его карманах сыщики обнаружили шнурок от обуви, обрывок женского ситцевого платья со следами красителя и белую ленту-тесьму производства Дарницкого шелкового комбината. Стали «пробивать» эти вещдоки. Выяснилось: подобную тесьму получает и Луганская обувная фабрика. Проверили всех ее рабочих (особенно связанных с упаковкой и транспортировкой готовой продукции), одежда которых соответствовала 48-му размеру, но все безрезультатно — маньяка среди них не оказалось.

Между тем специалисты Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз вынесли свое резюме: на оставленном на месте преступления пиджаке имеются несколько волосинок от шерсти кролика, а на одной из пуговиц — следы сургуча. Так в поле зрения сыщиков попали кролиководы, а также упаковщики и конторские служащие, пользующиеся сургучом. И опять — по нулям. А маньяк продолжал разгуливать на свободе.

В субботу, 8 августа, на Центральном стадионе имени Ленина при полном аншлаге (102 тысячи зрителей) состоялся финальный матч на Кубок страны по футболу между двумя командами, представляющими общество «Динамо», — из Москвы и Тбилиси. Матч выдался на редкость напряженным. Счет открыли хозяева поля — на 17-й минуте это сделал Эштреков. Как ни пытались гости отыграть этот мяч, в первом тайме им это сделать не удалось. А во втором Еврюжихин увеличил разрыв — 2:0. Однако спустя четыре минуты тбилисец Хинчагашвили сократил разрыв. Казалось, что теперь гости приложат все силы, чтобы уйти от поражения. И они действительно бросились в атаку, но времени осталось слишком мало. Кубок достался москвичам. «Золотой» состав «Динамо» выглядел так: Л. Яшин, В. Штапов, В. Смирнов, В. Зыков, В. Маслов, В. Аничкин, В. Эштреков, В. Козлов, Ю. Авруцкий, В. Семин, В. Уткин, Г. Еврюжихин; тренер — К. Бесков.

В тот день в столице не было зарегистрировано ни одного серьезного преступления, одна «мелочовка»: несколько карманных краж, квартирное ограбление, пара пьяных драк, хулиганство. Однако Советский Союз — страна огромная, и если в одном его месте тихо, то в

другом — обязательно громыкнет. Не стал исключением и день 10 августа, выпавший в том году на понедельник. В латвийском городе Даугавпилс в тот день геройски погиб майор милиции Генрих Беломестных. А началась эта история еще накануне.

Жили в Даугавпилсе два друга — Юрий и Павел. Обоим — чуть больше двадцати, и у обоих за плечами пусть не богатый, но был уже опыт противостояния закону. Например, Юрий пару лет назад на вечеринке учинил драку и получил два года за хулиганство. Правда, благодаря стараниям отца, который поднял на ноги всех, парню удалось благополучно избежать отсидки — коллектив ремонтных мастеровских, где он работал, взял его на поруки, и наказание ему было назначено условное. Что касается Павла, то ему повезло меньше: поскольку любящего папы у него не оказалось, ему пришлось отсидеть год за ту же «хулиганку», а именно — за дебош в винно-водочном отделе магазина.

Все свободное от работы время дружки проводили в праздном веселии: кутили в ресторанах либо просто шлялись по улицам и задирали прохожих. Собственно, таким образом тогда развлекались тысячи юношей по всей стране, но Юрия и Павла отличало от них одно существенное «но»: когда денег им катастрофически стало не хватать, они легко решились переступить ту черту, которую не каждый их сверстник способен перешагнуть. Короче, они задумали ограбить одну из многочисленных точек общепита: ресторан или магазин. Поскольку для такого серьезного дела требовалось серьезное оружие, было решено раздобыть его в первую очередь. Но где его взять? И тогда Юрий предложил напасть на контрольно-пропускной пункт электростанции, находившейся за городом: мол, там дежурит пожилая женщина, вооруженная «ТТ», справиться с которой не составит большого труда. На том и порешили.

Поздним воскресным вечером 9 августа на одной из улиц города приятели тормознули такси и попросили подбросить их в соседний квартал. Таксист поначалу не хотел их брать (время-то позднее), однако затем, приглядевшись повнимательнее, согласился. Как он расскажет впоследствии, его ввел в заблуждение внешний вид одного из «голосовавших»: тот

был прилично одет, да еще в очках. Такой, мол, не способен на что-то плохое. Как он ошибался! Едва он довез их до места назначения, как этот самый очкарик внезапно ударил его чем-то тяжелым по голове, а его приятель, сидевший на заднем сиденье, обхватил руками шею и стал душить. Однако таксист оказался не робкого десятка и стал сопротивляться. Но силы были явно не равны. В итоге шоферу сильно досталось: ему выбили шесть зубов, сломали нос. Когда он потерял сознание, ему связали руки за спиной и бросили в багажник «Волги».

Через несколько минут злоумышленники подъехали к КПП электростанции. Как они и рассчитывали, в будке оказалась всего лишь одна сторожиха. Хоть она и была вооружена, однако серьезного сопротивления оказать не успела. Она, как и таксист, «купилась» на приличный внешний вид парней. Те сделали вид, что заблудились, вошли в будку и тут же напали на сторожиху. Один из преступников ударил ее в живот, а второй, зарывав над ухом: «Не рыпайся, тетка», достал из кобуры «тэтэшник» и обрушил его рукоятку на голову женщины. Та упала на пол и потеряла сознание.

Завладев оружием, преступники сели в машину и вновь помчались в город. Однако по дороге вспомнили про таксиста, который все это время лежал связанный в багажнике. Остановив машину, приятели стали думать, как быть с ним. После короткого спора решили убить. Для этого они свернули с трассы и заехали в лес. Там они вытащили таксиста наружу и, поставив его на колени, приставили дуло к его виску. От смерти водилу отделяли какие-то доли секунды. Однако мужик, видимо, в рубашке родился. Он принялся их совестить («Что же за матери вас породили, если вы хуже палачей?!» и т. д.), и у тех что-то дрогнуло внутри. Они отволокли его к ближайшему дереву и привязали к стволу веревками. Затем сели в такси и укатили в город.

Бросив машину недалеко от города, преступники разбежались в разные стороны, договорившись завтра встретиться вновь — уже для ограбления. Однако все карты им спутал таксист. К утру он сумел перетереть веревки и прямоком отправился в милицию, где и рассказал все без утайки. На ноги были подняты значительные силы милиции, которые приня-

лись «шерстить» весь город. В тот момент, когда эта операция была в самом разгаре, преступники находились в кафе на пристани: там они встретились с двумя приятелями — Владимиром и Виктором, и стали активно зазывать их в свою шайку. Те согласились. Один из них — Виктор — впоследствии расскажет:

«Потом поехали к Юрке на дачу. Там на столе лежали десять рублей, отложенные, чтобы заплатить за квартиру. Юрка взял деньги и отдал их Павлу и Володьке, сказал, чтобы они шли и купили водки. Когда они ушли, Юрка достал пистолет и выстрелил из него два раза в электрическую лампочку. Потом дал пистолет подержать мне. Потом сказал: «Вымети осколки». Я взял веник и вымел стекляшки. Вернулись Павел с Володькой, принесли водку. Выпили. Юрка играл на гитаре и пел. Павел очень смешно рассказывал, как они с Юркой вчера «обработали» шофера такси и как у бабки отобрали пистолет. Он говорил: «Лупанули по голове, она и кувырк, лапочка». Мы смеялись...»

Там на даче приятели договорились ограбить ресторан «Стропы», в котором до этого неоднократно бывали. Посетителей там всегда было много, значит, и денег в кассе должно было быть в избытке. План нападения составили следующий. Виктор должен был сидеть в машине (ее они должны были угнать за час до ограбления) и ждать приятелей возле ресторана, Владимиру предстояло стоять «на шухере» возле дверей, а основную роль — нападающих — брали на себя Юрий и Павел. Именно первому предстояло выстрелить из пистолета вверх и потребовать выручку. «При виде пистолета никто даже не подумает дернуться», — заранее предвкушал успех Юрий. Однако с рестораном произошел «облом». Когда злоумышленники подъехали к нему, тот был уже закрыт. Но машина преступления была уже запущена, и отступить от своего плана приятели не думали. Они решили проехаться по трассе Рига — Орел и грабануть первый же попавшийся магазин. Сказано — сделано. Но они не знали, что везение в тот день покинуло их окончательно. Не успели они проехать и несколько сот метров, как стрелка показала, что бензин на нуле. Друзья попытались дозаправиться, остановив попутку, но ни один из водителей, кому они «голосовали» на дороге, не согласился остановиться. А когда один из них громко за-

сигналил и осветил всех четверых фарами, нервы приятелей не выдержали и они бросились врассыпную.

Юрий пробежал по полю несколько десятков метров, после чего решил выскочить на дорогу и сделать еще одну попытку поймать попутку. Когда он вышел на шоссе, оно было пустынным. Затем вдали наконец показались фары приближающегося автомобиля. Юрий замахал руками, и автомобиль остановился. Все еще не веря в свою удачу, Юрий бросился к машине и распахнул дверцу. В салоне сидели... несколько милиционеров. Тот из них, что сидел на переднем сиденье, попытался схватить парня за руку, но ему не повезло: тот вырвался и попытался отскочить назад. Но за спиной уже стоял другой милиционер, вышедший из машины чуть раньше. Он обхватил Юрия руками, попытался сделать подсечку, но не успел. Парень выхватил из-под ремня «тэтэшник» и навскидку выстрелил. Милиционер обмяк. Юрий бросился прочь от дороги, на ходу стреляя в преследователей. Когда впереди показалась Двина, он не раздумывая бросился в воду и поплыл на другой берег. Ему казалось, что там его уж точно не достанут. Но он ошибся. Едва он выбрался на берег и прошел несколько метров вперед, как навстречу ему вышли сразу несколько человек в милицмейской форме. Сил сопротивляться у Юрия уже не было, и он безропотно поднял вверх руки.

Милиционером, в которого стрелял Юрий, был 43-летний майор Генрих Беломестных. В милицию он пришел в семнадцать лет, закончив перед этим железнодорожный техникум. Через год женился, родились двое сыновей. В 55-м Беломестных вступил в ряды КПСС, в 61-м — закончил Высшую школу МВД СССР. Несколько лет назад он был назначен заместителем начальника районного отделения милиции и в ту роковую ночь замещал своего шефа, отбывшего в отпуск. Пуля, выпущенная преступником, угодила майору в грудь, и он скончался от потери крови еще до того, как его привезли в ближайшую больницу. 14 августа его имя было занесено на мемориальную доску МВД Латвийской ССР. А 20 октября Указом Президиума Верховного Совета СССР майор милиции Беломестных Г. Г. посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

Что касается преступников, то их всех переловили. Юрия, который за месяц до преступления подал заявку в загс, суд приговорил к высшей мере наказания — расстрелу. Его подельникам повезло больше: они отделались различными тюремными сроками (от 12,5 до 7 лет лишения свободы).

А теперь из Латвии вновь вернемся в Москву. На Киностудии имени Горького режиссер Владимир Роговой снимает будущий блокбастер «Офицеры». Съемки фильма начались 3 августа с натурального эпизода «сквер»: это там убененные сединами Алексей Трофимов и его жена Люба знакомят Ивана Варраву со своим лопоухим внуком Ванечкой. В роли Трофимова снимался актер Театра киноактера Георгий Юматов, Варравы — вахтанговец Василий Лановой, Любы — тоже вахтанговка Елена Добронравова, Вани — московский школьник Андрюша Громов. Однако спустя неделю эта четверка понесла потери: Добронравова и Роговой не смогли найти общий язык на съемочной площадке, и пришлось срочно искать другую исполнительницу на роль Любы. Тем более что судьба распорядилась так, что весь материал, отснятый в те два дня в «сквере», оказался в пленочном браке.

Новой исполнительницей должна была стать Лариса Лужина. Но ее кандидатура отпала так же быстро, как и возникла, — актриса оказалась в «положении» (мы помним, что в начале года у Лужиной на съемках случился инсульт, она несколько месяцев провела в больнице, а когда выписалась, то почти сразу забеременела). Замену Лужиной искали тоже недолго: еще на стадии кинопроб в поле зрения режиссера попала актриса Центрального театра Советской армии Алина Покровская, которую срочно вызвали в Москву (она в те августовские дни гастролировала с театром в войсках). Вот как сама актриса вспоминает о тех днях:

«На крыльце небольшого загородного мотельчика меня встречали с цветами Юматов и Лановой. В примерке ждал оператор Михаил Кириллов. Провел пальцем по лицу: «Здесь будем делать морщины!» — и вытащил откуда-то седой парик. И я вместо девчонки, которую собиралась играть, сразу же стала бабушкой!..»

Во время съемок эпизода «сквер» произошла любопытная история. Василий Лановой обычно добирался на съемочную площадку, которая

размещалась на Воробьевых горах, на собственном автомобиле. Причем выезжал туда загримированный, да еще в кителе генерал-полковника. И вот в день съемки он прихватил с собой свою партнершу — Алину Покровскую, — и они тронулись в путь. Всю дорогу актеры делились друг с другом профессиональными тайнами, судачили о жизни, короче — убивали время. Причем в один из моментов Лановой настолько увлекся этим трепом, что нарушил правила уличного движения. Тут же раздалась трель милицейского свистка. Поскольку актер был человеком законопослушным, он тут же свернул к тротуару и остановился. «Ну все, сейчас талон продырявят», — тяжело вздохнул Лановой и вылез из машины. Талон ему бы действительно продырявили, если бы нарушитель в тот момент был в гражданской одежде. А так, увидев перед собой генерал-полковника, молоденький гаишник настолько опешил, что в панике замахал руками... и бросился бежать прочь. А Лановой, которого чуть ли не целый месяц режиссер уговаривал сниматься в роли Варравы, только теперь оценил, какую прекрасную роль заполучил.

В эти же августовские дни на улицах Москвы снимаются еще несколько фильмов. 6-го на Красной площади режиссер А. Ибрагимов снимает эпизоды фильма под условным названием «Нариман Нариманов» с Владимиром Самойловым в главной роли, 10-го, на Комсомольской площади, Николай Москаленко работает над фильмом «Молодые», где главные роли исполняют Евгений Кстидинов и Любовь Нефедова. Последняя, кстати, непрофессиональная актриса — она инженер-конструктор и в кино попала совершенно случайно. Ее угораздило как-то прийти на спектакль в Школу-студию МХАТ, и там она попала на глаза Москаленко. Девушка настолько понравилась режиссеру, что он с ходу предложил ей главную роль в своей новой картине.

Съемочная группа Киностудии имени Горького во главе с режиссером Владимиром Бычковым в начале августа прибыла в небольшой городок Кириллов (7 тысяч жителей) Вологодской области, чтобы там продолжить работу над фильмом «Достояние республики». Съемки картины идут уже более месяца: с 22 июня начали снимать летнюю натуру в Шереметьевском дворце в Кускове. В Кириллове же пред-

стояло снимать эпизоды из финала ленты — логово бандитов-лагутинцев. Для съемок были выбраны два монастыря: Кирилло-Белозерский и Ферапонтов. Окрестности деревни Щелково должны были стать местом съемок эпизодов «погоня за фургоном».

Между тем уже в самом начале экспедиции — 10 августа — в группе случилось ЧП: едва не погибли двое каскадеров: Фирс Земцев и Юрий Федосеев. Первый (1919 года рождения) был каскадером с большим стажем работы, причем не только в кино (работал на фильмах: «Адъютант его превосходительства», «Неуловимые мстители» и др.), но и в цирке (он занимал должность режиссера в Государственном училище циркового и эстрадного искусства), второй — каскадер начинающий. Вдвоем они должны были поставить трюк — полет на тросе над монастырем (по сюжету один из циркачей таким образом спасает чекиста Овчинникова от бандитов-лагутинцев). Эпизод был снят с первого же дубля, и ЧП произошло уже после того, как была дана команда оператору «Стоп!». Причем вины каскадеров в случившемся не было.

Перед тем как выполнить трюк, Земцев сам досконально проверил крепление 10-миллиметрового троса. Тот одним концом был закреплен на 70-метровой Московской башне, пропущен через специальный блок, закреплен на другой — 40-метровой надвратной башне — и, пропущенный через второй блок, закреплен на грузовой машине. Именно по вине последней и произошло ЧП. По задумке Земцева, после перелета с одной башни на другую, когда каскадеры должны были зависнуть над землей и дать команду шоферу подать машину назад, натяжение троса должно было ослабнуть и каскадеры плавно опустились бы на крышу галереи монастыря. Однако в момент старта никто не догадался вытащить из-под колес грузовика кирпич, который был положен туда для фиксации автомобиля, из-за чего произошел резкий рывок. В итоге трос лопнул, и каскадеры упали вниз. К счастью, высота оказалась не слишком большой — 5—6 метров, иначе падение завершилось бы куда трагичнее. А так Земцев получил переломы обеих ног, а его напарник благодаря тому, что Земцев успел обхватить его руками, заработал всего лишь ушиб подбодка.

Забегая вперед, сообщу, что следующие девять месяцев Земцев вынужден будет провести в гипсе. Однако и после его снятия врачи поставят ему неутешительный диагноз: вся жизнь — в инвалидной коляске. Однако, вопреки всему, Земцев будет тренироваться по нескольку часов в сутки и в итоге не только встанет на ноги, но и вернется к любимой работе (правда, уже в качестве руководителя каскадеров). Но вернемся в август 70-го.

В тот же понедельник, 10 августа, в Москве на 68-м году жизни скончался известный драматург и сценарист Николай Эрдман. Несмотря на то что пьесы Эрдмана шли во многих театрах Союза, широкую известность ему принесло все-таки кино, которое смотрели миллионы. Из хитов, поставленных по сценариям Эрдмана, назову следующие: «Веселые ребята» (1934, с В. Массом и Г. Александровым), «Смелые люди» (1950), «Город мастеров» (1966), «Снегурочка» (1969) и др.

Вспоминает В. Смехов: «10 августа, позавчера, когда мне принесли телеграмму от мамы-папы, от сестренки Гали, когда все твердили, чтобы я был весел и здоров, мне было и весело, и здорово, потому что мне исполнилось 30 лет. Я позвонил Николаю Робертовичу утром. Хотел узнать, как он поправляется. Рассказать, что прилетел из Риги. Передать привет от Арбузова, с которым прогуливались вдоль побережья, а Алексей Николаевич тогда знал от Ахмадулиной по телефону, что Эрдману стало лучше, что дело идет на поправку в больнице Академии наук... Может быть, попроситься снова в гости и, конечно, вынудить его пожелать мне счастья и удачи: «Мол, поздравляю, молодой человек, вот ведь, небось не застонете, как Пушкин: «Ужель мне минет тридцать лет?!» А телефонная трубка мне сообщила, что два часа назад Николай Робертович Эрдман умер...»

11 августа в Москву с официальным визитом прилетел канцлер ФРГ Вилли Брандт (тайный канал Андропова сработал). Говорят, первый вопрос, который наш премьер-министр Алексей Косыгин задал ему, когда они сели в машину, уезжая из аэропорта, был такой: «Как у вас дела с урожаем?» Канцлер был удивлен этим вопросом, поскольку проблем с урожаем у них в ФРГ не было. Зато они были у нас. Еще месяц назад — 2—3 июля — в Москве состоялся пленум ЦК по сельскому хозяйству,

на котором Брежнев как бы подвел итоги пятилетию своей деятельности в сельском хозяйстве после смещения Хрущева. Результаты, судя по докладу, были не слишком радужные. Брежнев сообщил, что: «Положение с производством зерна нас еще не удовлетворяет. По-прежнему центральной проблемой остается всемерное увеличение производства зерна... За последнее время медленно растет производство хлопка, и мы испытываем недостаток в этом сырье. Мало производится овощей и фруктов...» и т. д.

Конечно, в целом доклад был выдержан в оптимистическом ключе, и перечисление недостатков в нем заняло не слишком много места. Однако достаточно было выехать на несколько десятков километров от Москвы, чтобы понять — «не все ладно в Датском королевстве». В провинции все чаще происходит перебои с продуктами, народ давится в очередях за импортным дефицитом, в то время как отечественные товары настолько некачественны, что вынуждены пылиться на полках. Да что там импорт, если даже такой товар, как книги, стал дефицитом: еще в январе «Комсомольская правда» была тревогу и сообщала, что стало трудно купить детские книжки. Мол, в магазинах не найдешь ни «Мухи-Цокотухи», ни «Конька-Горбунка», а уж про сказки Андерсена и говорить не приходится. В один из киосков как-то завезли рассказы Носова, так очередь растянулась чуть ли не на километр. Люди даже с работы отпрашивались. Естественно, в докладе генсека про такие вещи — молчок.

Между тем визит канцлера ФРГ завершился подписанием Московского договора, который стал значительным международным событием, венцом миролюбивой инициативы советского руководства. Правда, впереди его еще ждала ратификация, но в те дни об этом никто не задумывался. Главное, как говорится, процесс пошел.

Теперь от политики вновь перейдем к делам культурным. В том августе пересеклись пути Аркадия Райкина и драматурга Леонида Зорина. В то лето Зорин жил в Юрмале-дикарем, снимал комнатку у самого берега с выходом в чахлый садик. А Райкин проводил отпуск в доме отдыха на улице Юрас. В один из дней великий сатирик сел в автобус и нанес визит драматургу. Цель визита была вполне серьезной: Райкин просил написать для него комедию. Он

тогда собирался уходить из ленинградского Театра миниатюр (не складывались отношения с местными властями), чтобы навсегда переехать в Москву. Там он намеревался создать другой театр, в котором труппа будет насчитывать всего три человека: он сам, сын Костя (он тогда играл в «Современнике») и дочь Катя (играла в Вахтанговском). Вот для этого театра ему и нужна была хорошая комедия, которую обещал поставить режиссер Валерий Фокин. Зорин написать такую комедию согласился, однако только после своего возвращения из Венгрии, куда он намеревался отправиться в сентябре на премьеру спектакля «Варшавская мелодия», поставленного по его пьесе в Национальном театре. Райкин это условие принял.

В четверг, 13 августа, в Москве хоронили Николая Эрдмана. Вот как вспоминает об этом В. Смехов: «13-го числа были похороны. Самые краткие и самые тихие. Узкий круг провожающих. Читателям «Вечерней Москвы» было сообщено, что умер какой-то киносценарист. Почетный караул в Доме кино, почернелые, впавшие скулы Инны и ее матери, неторопливая скорбная суета, вполнину, кажется, похудевший Михаил Вольпин, рядом Владимир Масс — замечательные друзья писателя, двое его соавторов, разделившие лагерное прошлое покойного. Глубокая, сокрушенная речь Алексея Каплера, и вслед за тем — его рыдания за портьерой, где находились другие ораторы. Формально скорбные слова секретаря Союза кино, неверно ставящего ударение в отчестве Эрдмана. Большая и добрая речь Александра Штейна, говорившего об авторе великой пьесы «Самоубийца», за которой — огромная будущность на русской сцене. Великой пьесы, о которой понятия не имели читатели как вечерней, так и дневной Москвы (пьеса «Самоубийца» была в те годы запрещена. — Ф. Р.).

Не смог из-за болезни приехать Юрий Любимов, находившийся в Щелькове. От «Таганки» были мы с Борисом Хмельницким, директор театра и Андрей Вознесенский с Зоей Богуславской. Я видел чету Мироновой и Менакера... Смотрел на постаревшего Твардовского и слышал голос Эрдмана: «Если увидите Твардовского, скажите, что меня нет...»

14 августа завершился Кубок СССР по спортивной гимнастике. Обладателями кубков стали москвич Михаил Воронин и юная воронеж-

ская гимнастка Любовь Бурда. Для Воронина это была уже третья победа за последние четыре года на внутреннем чемпионате (кроме этого, он обладал титулом чемпиона мира (1966) и Европы (1967, 1969). Совсем недавно он женился на известной гимнастке Зинаиде Дружининой, у них родился сын Дмитрий. В интервью газете «Вечерняя Москва» месяц спустя Воронин расскажет:

«С Зиной я встретился в 1964 году на соревнованиях. Мы случайно познакомились, и оказалось, что она тоже гимнастка. (Тогда у нее был первый разряд, а я уже носил значок мастера спорта.) Но Зина оказалась весьма способной спортсменкой, и через некоторое время мы снова встретились — в сборной СССР. Встречи стали чаще, и теперь вы знаете ее как Зинаиду Воронину...»

На вопрос корреспондента газеты: «У кого коллекция медалей больше?» — Воронин ответил: «У меня сто пять медалей, Зина завоевала шестьдесят семь». А на вопрос: «Не мешает ли вам известность?» — последовал такой ответ: «Нет, не мешает. Вот только на улицу Горького ходить тяжело, да Зине то и дело в магазине очередь уступают...»

Однако пройдет всего лишь два-три года, и семейная жизнь звездной пары рухнет. У Зинаиды обнаружится наследственный алкоголизм, который поставит крест и на ее спортивной карьере, и на личной жизни. Воронин подаст на развод и отстоит право оставить сына у себя. Зинаида устроится работать на Балашихинский литейный завод, перенесет несколько операций. В течение 20 лет она не будет искать контактов с мужем и сыном. А Дмитрий Воронин пойдет по стопам родителей — станет мастером спорта по гимнастике, уедет тренером в Мексику.

Но вернемся в год 70-й.

В середине августа в Москву приехала бывшая жена (первая) Владимира Высоцкого Иза Жукова. Она работала на Украине в одном из театров, а в столицу приехала по служебной необходимости, а также хотела переговорить с Высоцким относительно судьбы своего нынешнего мужа — тот тоже был актером, но в данный момент сидел без работы. Весть о том, что в город приехала его бывшая жена, застала Высоцкого врасплох: он находился у себя дома, на улице Телевидения, 11, вместе с матерью Ни-

ной Максимовной и другом Давидом Карапетяном. Иза позвонила ему по телефону и попросила разрешения приехать. Высоцкий ее принял. Встреча была короткой — длилась минут 10 — 15 — и произвела на присутствующих не самое приятное впечатление. Бывшие супруги переговорили о своих делах в соседней комнате, поле чего Жукова покинула дом. Как вспоминает Д. Карапетян, он никогда еще не видел Высоцкого таким раздраженным. Высоцкий клокотал: «Черт-те что! Пришла просить за своего парня. Устроить на работу. Что же это за мужик такой, который согласен на помощь бывшего мужа своей бабы?!» Друг попытался возразить: дескать, откуда ты знаешь, что он в курсе? Но Высоцкий только отмахнулся: «Все он знает. Она же наверняка с ним приехала. Небось дожидается внизу...» Как пишет Д. Карапетян:

«Странное впечатление осталось у меня от этой мимолетной сцены. Как часто Володя помогал людям случайным, зачастую вовсе этого не заслуживающим. Здесь же — родная жена (пусть бывшая), юные годы, общие воспоминания. Даже мои азиатские мозги отторгали этот странный максимализм в духе Синей Бороды.»

Тем временем в первой половине августа в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов: с 3-го в прокат вышел румынский исторический боевик «Колонна» режиссера М. Дрэгана — продолжение, или, как теперь говорят, сиквел фильма «Даки»; с 10-го в кинотеатре «Россия» идет еще один сиквел — детектив Вениамина Дормана «Судьба резидента» (продолжение фильма 69-го года «Ошибка резидента»).

Кино по ТВ: «Сельская учительница» (1-го), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Остров Колдун», «Я, бабушка, Илико и Илларион» (2-го), «Никто не хотел умирать» (3-го), «Воскресение» (3—4-го), «Эдгар и Кристина» (5-го), «К новому берегу», «Обыкновенный человек», «Вратарь» (7-го), «Укротители велосипедов» (8-го), «Высота», «Новенькая» (9-го), «Знакомьтесь, Балувев!» (10-го), «Поднятая целина» (10—12-го), «Ловцы губок» (11-го), «Браслет-2» (12-го), «Морозко», «День ангела», «Женитьба Бальзамина» (13-го), «Старшая сестра» (14-го), «Педагогическая поэма», «Убийство на улице Данте» (15-го) и др.

В воскресенье, 16 августа, во время творческой поездки в Томск, на 62-м году жизни скончался композитор, народный артист СССР (1968) Ваню Мурадели. Покойный прославился прежде всего написанием официозных произведений, среди которых самыми известными являются оперы «Великая дружба» (1947) и «Октябрь» (1961), песни «Партия — наш рулевой», «Бухенвальдский набат» и др. Поскольку Мурадели был председателем Союза композиторов Москвы, через несколько дней после его смерти встал вопрос о замене. Большинство членов Союза были уверены, что на эту должность выберут композитора Кирилла Молчанова (отец ныне известного телеведущего Владимира Молчанова) — члена партии, общественника и т. д. Кстати, он сам тоже так считал и был уверен в своем избрании. Однако на первом же заседании, где решался вопрос о новом руководителе Союза, произошел конфуз. Секретарь парткома Борис Терентьев взял слово и сказал: «Товарищи, есть мнение рекомендовать на пост руководителя Московской композиторской организации нашего известного активиста, заслуженного деятеля искусств... — тут Молчанов встал со своего места, чтобы принять поздравления от коллег, — ...Серафима Туликова!» — закончил свою речь Терентьев. В зале наступила гробовая тишина, которую нарушила язвительная фраза композитора Каца: «Почтили..память Мурадели минутой Молчанова...»

Тем временем Владимир Высоцкий надумал съездить на несколько дней в Донецк, где ему пообещали за выступление на тамошней студии звукозаписи заплатить приличные деньги (незадолго до этого у него побывал эмиссар из Донецка). Однако ехать одному было несподручно, и Высоцкий подрядил на это дело уже знакомого нам сценариста Давида Карапетяна. Тот с радостью согласился составить другу компанию, поскольку давно собирался написать сценарий о Несторе Махно и собирал любые материалы о нем. А от Донецка до бывшей ставки атамана в Гуляй-Поле было, как говорится, рукой подать. Кстати, в планах Карапетяна было предложить роль Махно именно Высоцкому, о чем тот знал и был, в общем-то, согласен.

21 августа Высоцкий пришел в дом Карапетяна на Ленинском проспекте, чтобы провести

там последнюю ночь перед отъездом. Было решено взять с собой два джинсовых мешка, чтобы вернуться не с пустыми руками — приятели задумали привезти из Украины тамошних яблок для своих детей. Рано утром сели в карапетяновский «Москвич» в экспортном исполнении (у него было четыре фары) и тронулись в путь. Правда, была одна загвоздка: автомобиль был оформлен на жену Карапетяна, француженку Мишель Кан, поэтому номера на нем были не обычные — с белыми цифрами на черном фоне, — а белые с черными цифрами, как у всех иностранцев. С такими номерами выезжать за пределы Московской кольцевой дороги без специального разрешения ГАИ было категорически запрещено. Решили действовать внаглую: проскочить пост ГАИ рано утром, когда тамошние обитатели еще не проснулись. Трюк удался. Первую остановку сделали в Обояни, где перекусили в какой-то придорожной столовке. А ночевали уже в Харькове: в центральной гостинице на площади Дзержинского. Далее слушаем рассказ самого Д. Карапетяна:

«На ужине в ресторане к нашему столу подсели какие-то подвыпившие альпинисты, с которыми Володя был необычайно сух. Помню, они рассказывали историю гибели молодой альпинистки, видимо, ища у него сочувствия. Заметив его сдержанность, извинились и отошли. Меня удивила такая демонстративная холодность, и на мой вопрос Володя раздраженно ответил:

— Они поддатые, а я трезвый — какой может быть разговор?

Потом мы обнаружили, что у машины село колесо, нужно искать новое. В те времена достать колесо с камерой было непросто, но какой-то харьковчанин, увидев нас в автомагазине, предложил по госцене собственную запаску. Заехали к нему домой, и он сам ее поставил — такой чисто дружеский жест. Володя очень обрадовался: «Наверняка он узнал меня».

В Донецк приехали пополудни 22 августа. На въезде в город нас остановили местные гаишники, поинтересовались, почему это у нас белые номера, попросили документы. Володя отшутился:

— Черные кончились — вот нам и дали белые.

И они нам поверили...»

В Донецке путешественники первым делом отправились к тому человеку, который приехал к Высоцкому как эмиссар со студии звукозаписи. Но человека на месте не оказалось, и никто из соседей не мог точно сказать, когда он объявится. А времени, чтобы ждать его сутки напролет, у москвичей не было. В раздумьях, что делать дальше, друзья остановились рядом с Оперным театром. И тут к ним подошел молодой человек, который оказался актером Волгоградского драмтеатра и был шапочно знаком с Высоцким. Он предлагает переночевать в его квартире, которую ему выделили на время гастролей. Вечером того же дня Высоцкий сходил на главпочтамт и отправил большое письмо Марине Влади.

Но оставим пока путешественников в Донецке и перенесемся в Таллин, где 22 августа съемочная группа фильма «Корона Российской империи» приступила к натурным съемкам. В одном из центральных районов эстонской столицы руками умелых декораторов была воссоздана улица Парижа начала 20-х годов. Спросите, почему нельзя было сделать этого в Москве? Сделать-то было можно, да Моссовет в этой просьбе киношникам отказал: мол, слишком хлопотное это дело — целую улицу, да под Париж. Таллинская экспедиция продлится до 12 сентября.

И вновь вернемся на Украину. Воскресным утром 23 августа Высоцкий и Карапетян отправились на своем «Москвиче» в Махновку, то бишь в Запорожье. Причем Высоцкий, обожающий быструю езду, только и делает, что подначивает своего приятеля: «Жми! Быстрее! Обгоняй!» В какой-то момент силы Карапетяна иссякли, и тогда Высоцкий сам взгромоздился на его место и пустил «железного коня» в еще больший галоп. Карапетян же принялся во все горло декламировать стихи Беллы Ахмадулиной. Причем выбрал те, что как нельзя лучше подходили к данной ситуации:

Может, выход в движенье, в движенье,
В голове, наклоненной к рулю,
В бесшабашном головокруженьи
И погибли на краю...

И как накаркал. Едва он помянул про гибель, как Высоцкий на очередном повороте не справился с управлением и «Москвич», вылетев в кювет, кубарем покатился вниз. К сча-

стью, овраг оказался не таким уж глубоким и машина, перевернувшись всего один раз, встала на колеса и замерла. Оба пассажира отделались всего лишь легкими ушибами. Зато «Москвичу» досталось: был основательно помят кузов, поврежден мотор. Однако одну из этих неисправностей удалось исправить тут же, на месте. Причем сделали это совершенно посторонние люди — трое парней, которые стали невольными свидетелями аварии и теперь причаились, чтобы выковыривать из салона трупы. Каково же было их удивление, когда они увидели живых и невредимых пассажиров. Вот тогда один из парней и предложил всего лишь за трешку, то бишь три рубля, выправить машину. Он улегся на заднее сиденье и мощными ударами гигантских ступней за каких-нибудь пять минут выправил кузов. Видать, не впервые занимался такой «правкой».

Между тем из трех парней не все оказались столь доброжелательно настроенными по отношению к гостям. Например, другой парень, после того как его приятель выправил кузов, внезапно выхватил из замка зажигания ключи и припустился с ними бежать в сторону ближайшей деревни. Путешественники оторопели от такой наглости, а оставшиеся парни объяснили, чем вызван столь нехороший выпад их приятеля. Оказывается, таким образом он мстил горожанам за то, что когда-то донецкая милиция оштрафовала его на крупную сумму. Первым опомнился Высоцкий, который бросился в погоню за похитителем. Карапетян вынужден был остаться возле машины, но он отрядил в помощь другу обоих парней, раскрыв предварительно инкогнито своего приятеля. Узнав, что их приятель похитил ключи у самого Высоцкого, парни чуть ли не вприпрыжку бросились ему на помощь. Естественно, похититель был найден и ключи вернулись к законному хозяину.

После аварии ехать в Гуляй-Поле было непрактично — надо было починить машину, — и путешественники решили вернуться в Донецк. По дороге они посадили к себе двух попутчиц, которые оказались работницами одной из макеевских шахт. Карапетян и здесь не преминул раскрыть инкогнито своего друга, но женщины ему не поверили: мол, який может быть Высоцкий посреди украинской степи. Но потом их все-таки заставили поверить. В итоге

одна из женщин — Алла — предложила переночевать в ее доме в Макеевке и отведать настоящего украинского борща с ватрушками.

А теперь с востока Украины перенесемся на ее запад, в город Черновцы. Там в семье своего мужа Анатолия Евдокименко живет 22-летняя певица София Ротару. Сегодня ее знают все, но тогда о ней мало кто знал, разве что черновицкие меломаны. Выйдя замуж в сентябре 68-го, Ротару мечтала сразу же и родить, но муж был против, считая, что это повредит их творческим планам. В итоге больше года Ротару следовала желаниям мужа, пока наконец не применила хитрость. Она сообщила супругу, что была у врача и тот сказал, что она беременна. Мужу ничего не оставалось, как смириться. Правда, со дня этого разговора ждать пришлось не девять, а одиннадцать месяцев, поскольку Ротару забеременела спустя два месяца.

В воскресенье, 23 августа, Ротару собиралась отправиться с мужем на рыбалку. Но его родители взбунтовались: мол, тебе рожать с минуты на минуту, а ты карпов собралась ловить?! Муж вернулся под вечер, и они решили прогуляться — отправились в гости к знакомым коллегам-музыкантам. А на обратном пути у Ротару вдруг начались схватки. Однако вместо того, чтобы мчаться в роддом, роженица... поспешила домой, дабы погладить платье. И только приведя себя в порядок, она разрешила мужу отвезти себя в роддом. Утром следующего дня она благополучно разродилась мальчиком, которого назвали Русланом.

Тогда же произошли серьезные изменения в судьбе капитана Советской Армии Виктора Резуна, ныне известного как писатель Виктор Суворов, — его взяли на работу в Главное разведывательное управление, в так называемый Аквариум. 23 августа его посадили в закрытую машину с матовыми окнами и повезли в неизвестном направлении. Далее послушаем самого В. Суворова:

«Наша машина долго стоит, потом куда-то осторожно въезжает. Сзади лязг металлических ворот. Дверь открывается — выходите. Мы в узеньком мрачном дворике. С четырех сторон высокие старинные стены. Сзади нас ворота. Сержанты КГБ у ворот. Несколько дверей выходят в мрачный дворик. У одних дверей тоже охрана КГБ. У остальных дверей охраны не вид-

но. Сверху на карнизе воркуют голуби. Сюда, пожалуйста. Седой показывает какие-то бумаги. Сержант КГБ козыряет. Проходите. Седой знает дорогу. Он ведет меня бесконечными коридорами. Красные ковры. Сводчатые потолки. Кожаные двери. У нас вновь проверяют документы. Проходите. Лифт бесшумно поднимает нас на третий этаж. Снова коридоры. Большая приемная. Пожилая женщина за столиком. Подождите, пожалуйста. Седой чуть подтолкнул меня сзади и закрыл дверь за мной, сам оставшись в приемной.

Кабинет высокий. Окна под потолок. Вида из окна никакого. В упор смотрит глухая стена, и голуби на карнизе. Стол дубовый. Худой человек в золотых очках за столом. Костюм коричневый, никаких знаков отличия: ни медалей, ни орденов. Хорошо в армии — посмотрел на погоны, да и начинай говорить: товарищ майор, товарищ подполковник... А тут как начинать? Поэтому я никак не начинаю. Я просто представляюсь:

— Капитан Суворов.

— Здравствуйте, капитан.

— Здравия желаю.

— Мы внимательно изучали вас и решили вас принять в Аквариум, после соответствующей подготовки, конечно.

— Благодарю вас.

— Сегодня 23 августа. Эту дату, капитан, запомните на всю жизнь. С этого дня вы входите в номенклатуру, мы поднимаем вас на очень высокий ее этаж — в номенклатуру Центрального Комитета. Помимо прочих исключительных привилегий, вам предоставляется еще одна: с этого дня вы не под контролем КГБ. С этого дня КГБ не имеет права задавать вам вопросов, требовать ответы на них, предпринимать какие-либо акции против вас. Если вы совершите ошибку — доложите о ней своему руководителю, он доложит нам. Если вы не доложите, мы все равно о вашей ошибке узнаем. Но в любом случае любое расследование ваших действий будет проводиться только руководством ГРУ или отделом административных органов ЦК. О любом контакте с КГБ вы обязаны докладывать своему руководителю. Благополучие ЦК зависит от того, как организации и люди, имеющие ранг номенклатуры ЦК, сумеют сохранить свою независимость от любых других организаций. Благополучие ЦК —

это и ваше личное благополучие, капитан. Гордитесь доверием, которое Центральный Комитет оказывает военной разведке и вам лично. Желаю успехов.

Я четко козырнул и вышел...»

После этой встречи Суворова поселили на секретной даче за городом. Кроме него, на ней живут еще 22 человека. Все — бывшие офицеры средних этажей советской военной разведки. В группе один полковник, два майора, один старший лейтенант и т. д. Специальности тоже у всех разные: один был летчиком-истребителем, другой — десантником, третий — командиром ракетного катера и т. д. У каждого здесь своя маленькая комнатка с мягкой кроватью и книжной полкой. Кормят, что называется, на убой. Здесь им предстоит отдохнуть перед началом учебного года. А учеба в Академии предстоит весьма напряженная.

В понедельник, 24 августа, Александр Твардовский, будучи на своей даче в Пахре, зашел в гости к литературному критику Наталье Ильиной и ее мужу Александру Реформатскому. Он принес им в подарок свой темно-зеленый, только что вышедший двухтомник «Василий Теркин» и «За далью — даль. Лирика». Ильиной он подписал книгу словами: «С добрыми чувствами», ее мужу — «С добрым расположением души». По словам Ильиной, Твардовский в тот день, стоя на веранде, с грустью и нежностью вспоминал сотрудников и авторов «Нового мира», многие из которых, как и он, там уже не работали. Ильина передала ему слова Корнея Чуковского о том, что линия погибшего «Нового мира» победит через шестьдесят лет. На что Твардовский возразил:

— Раньше. Раньше! Лет через двадцать-тридцать.

Время показало, что в этом споре прав оказался Твардовский.

В тот же день Владимир Высоцкий и Давид Карапетян продолжили свое путешествие по Украине. Они остановились на ночлег у работницы шахты «Бутовская глубокая» в Макеевке. Утром эта женщина повела их на шахту и познакомила с председателем профкома: мол, глядите, кого я вам привезла — самого Высоцкого. Председатель поначалу не поверил, но когда Высоцкий предъявил ему свой паспорт, все сомнения разом отпали. Воодушевленный шахтер тут же предложил гостю выступить с

концертом перед шахтерами. Тот согласился, хотя были кое-какие сомнения насчет правомочности такого выступления.

Дело в том, что Высоцкий, отправляясь в путешествие, не помышлял о гастролях и поэтому у него не было обязательного в таких случаях маршрутного листа, дающего право на выступления. Но председатель его успокоил: мол, в кои-то веки удалось заполучить к себе такого именитого певца — неужто не уладим такой пустяк? И он тут же связался с парткомом шахты, а через него и с городским отделом культуры. Тамошние чиновники без всяких проволочек разрешили столичному гостю выступить перед шахтерами, уходящими в забой, утром следующего дня. А в тот день, 24 августа, Высоцкому разрешили спуститься в забой.

На следующий день состоялся концерт Высоцкого. Как вспоминает Д. Карапетян: «Спел он шахтерам и «Черное золото», но слушатели прореагировали на нее без восторга.

Тогда Володя исполнил несколько легких песен — для бодрости, перед выходом на смену, и расшевелил аудиторию. Помню реакцию на «Поездку в город» — на слова: «Даешь духи на опохмелку»; помню сильный гул в зале — то ли акустика, то ли шахтеры переговаривались...»

Пока шел концерт, местные умельцы пытались отремонтировать «Москвич» гостей, однако повреждения были слишком серьезными, чтобы управиться с ними за один день. Поэтому было решено выделить москвичам для поездки в Гуляй-Поле «Волгу» от дирекции шахты.

В эти же дни Сергея Хрущева в очередной раз вызвали в КГБ. Те же люди, что забрали у него вариант мемуаров его отца, теперь вернули ему магнитофонную пленку с личными записями. Но Сергею Никитовичу этого показалось мало. Он напомнил чекистам их обещание, зафиксированное в расписке: как только Никита Сергеевич выйдет из больницы (а до выписки оставалось несколько дней), они вернут весь вариант мемуаров. И что же он услышал в ответ? Ему сообщили, что все материалы уже давно переданы в ЦК. Мол, там и спрашивайте.

Однако сыну Хрущева не пришлось никого искать — его нашли сами. Уже на следующий день после посещения Лубянки ему домой по-

звонили из Комитета партийного контроля и попросили приехать на Старую площадь. Он так и сделал. В КПК ему сообщили, что в отличие от КГБ в ЦК ему ничего не обещали, что материалы его отца действительно находятся там, но о возвращении их не может быть и речи, поскольку должно выйти соответствующее решение на самом высоком уровне. Так Сергей Хрущев окончательно убедился в том, что его обвели вокруг пальца.

Тем временем в столичном театральном мире весь август не утихают страсти, связанные с решением Олега Ефремова перейти во МХАТ. Ефремов надеялся, что многие «современниковцы» уйдут вместе с ним, но просчитался — его поддержало меньшинство. То историческое собрание длилось два дня (некоторые затем будут утверждать, что оно продолжалось двое суток без перерыва), и Ефремову так и не удалось убедить коллег уйти во МХАТ вместе с ним. Только Александр Калягин и Георгий Бурков, которые только-только пришли в «Современник» и серьезных ролей там не имели, подались за Ефремовым. Оставшиеся же решили выбрать себе коллективного вождя в виде художественной коллегии. В нее вошли Галина Волчек, Лидия Толмачева (кстати, первая жена Ефремова), Игорь Кваша, Андрей Мягков, Виктор Сергачев и Олег Табаков (17 августа ему исполнилось 35 лет). Последний в тот момент был самым ярким антиподом Ефремова, и именно во многом благодаря его действиям «современниковцы» не поддались на уговоры о переходе. Ефремов ему этого не простил. Придя однажды на коллегию, когда Табакова там не было, он внезапно сообщил, что выборы коллективного вождя — туфта. Мол, Табаков за вашими спинами уже дал согласие занять место директора театра. Началась настоящая буца, которую Табакову с трудом удалось унять. С этого момента Ефремов превратился для него в личного врага. Он перестал его замечать, и даже 28 августа, когда театральная Москва прощалась с выдающимся мхатовцем Василием Топорковым (в 50-е он был педагогом Табакова и Ефремова в Школе-студии МХАТ), некогда бывшие друзья стояли в почетном карауле и даже не смотрели друг на друга. Сергей Бондарчук, стоявший рядом, шипел на них: «Что же вы делаете, сволочи, помиритесь», но все было тщетно. Эта вражда длилась два года.

Между тем Олег Табаков продолжает съемки в картине «Достояние республики», в которой исполняет роль чекиста Макара Овчинникова, пытающегося не дать увезти из России бесценную коллекцию антиквариата, принадлежавшую некогда князю Тихвинскому. В начале августа съемочная группа приехала в город Кириллов Вологодской области, чтобы там отснять эпизоды, относящиеся к финалу фильма. В них Макар попадал в плен к бандитам-лагутинцам, которые разместили свою штабквартиру в монастыре (киношники приспособили Кирилло-Белозерский (натурные эпизоды) и Ферапонтов монастыри (в последнем снимали заточение Макара под стражу, фрески Дионисия). Вместе с Табаковым в картине одну из главных ролей исполнял и его сосед по дому Андрей Миронов — он играл роль обаятельного авантюриста Маркиза.

Первую половину августа Миронов находился с Театром Сатиры на гастролях в Магнитогорске, после чего приехал на съемки в Кирилло-Белозерский монастырь. В последнюю неделю августа там снимали эпизоды с его участием: Маркиз пытается угнать фургон с антиквариатом; Маркиза избивают бандиты (в этом эпизоде Миронова эффектно бросали грудью на металлические ворота); Маркиза сажают под стражу в одну келью с Овчинниковым.

Тем временем тема кино в августе на этом не исчерпывается. 26 августа в недрах КГБ появился весьма любопытный документ за подписью начальника 5-го (идеология) управления генерала Филиппа Бобкова. Он касался творческих взаимоотношений советских кинематографистов с зарубежными коллегами. Приведу документ полностью:

«5-е управление КГБ при СМ СССР, рассмотрев предложение итальянской кинофирмы «Дино де Лаурентис Чинематографика» создать советско-итальянский фильм «В городе Тольятти», считает необходимым отметить.

Осуществление в последние годы постановки советско-итальянских фильмов свидетельствуют, что отдельные из них не могут демонстрироваться на советском экране из-за крайне низкого идейного уровня. Больше того, советско-итальянский фильм «Подсолнухи» (режиссер Витторио де Сика, 1969 г. — Ф. Р.) наши кинематографисты прямо называют анти-

советским. По их мнению, итальянцам удалось, прикрываясь сотрудничеством с «Мосфильмом», решить свои пропагандистские задачи. Авторы фильма «Подсолнухи» стремились показать преимущества западного образа жизни и отсутствие элементарной культуры у советских людей. В фильме тенденциозно подтверждаются, в частности, измышления буржуазной пропаганды о том, что в СССР якобы существуют громадные кладбища итальянских солдат и до настоящего времени задерживается возвращение на Родину итальянских военнопленных.

Показательная реакция на фильм «Подсолнухи» одной из крайне правых организаций Италии — МОЧИ, от имени которой в адрес нашего посла направлено письмо с угрозой, что в случае дальнейшей задержки Советским Союзом итальянских военнопленных ею будут уничтожены в различных странах Европы 20 советских дипломатов.

По имеющимся данным, наряду с идеологическим выигрышем в совместных фильмах «Красная палатка» и «Битва при Ватерлоо» (эти картины только готовились к выходу на экран. — Ф. Р.), итальянской стороне удалось получить значительные материальные выгоды.

Для достижения своих целей руководители некоторых итальянских фирм не брезгуют любыми средствами, вплоть до подкупа советских кинематографистов, которым вручаются дорогие подарки и организуются увеселительные поездки по стране.

Итальянские сценаристы — авторы сценария «СССР глазами итальянцев» и «Они шли на восток» де Кончини и де Сабата — считают, что советских кинематографистов легче подкупить и «приручить» в Италии, и систематически приглашают их с этой целью в свою страну. «Сопостановки, — говорили они, — нам, итальянцам, очень выгодны. Основные расходы несуте вы, а доходы с картины распределяются так, что мы получаем больше вас. Потом, работа в России для нас хорошая реклама, и вообще во всех смыслах мы заинтересованы в этих сопостановках, и для этого нам надо укреплять тут связи. И в этом смысле самое удобное — приглашать русских в Италию. Расход для фирмы невелик, а от Италии, от наших магазинов и ресторанов, отелей и приемов они обалдевают и потом делают нам «зеленую улицу».

С нескрываемым цинизмом говорил на эту же тему де Лаурентис: «...Скоро «Мосфильм» будет нашим общим Клондайком. Начнут ездить к нам начальники цехов, актеры «Мосфильма», и мы сделаем их своими друзьями. Они и так для нас готовы родную мать заложить. Кому сумочки, кому кофточки. Это производит в СССР большое впечатление».

Необходимо отметить, что попытки итальянцев разложить отдельных советских кинематографистов не пропадают даром. Достаточно привести слова упомянутой выше де Сабата о подачках некоторым советским кинематографистам: «Раньше мы привозили в СССР «подарки», но это хлопотно и не так эффективно. Пробовали¹ менять им рубли на валюту, чтобы они могли либо тут, либо за границей использовать их, но это опасно, хотя некоторые из них охотно шли на этот обмен. Поэтому мы пришли к выводу, что надо их приглашать в Италию, там они получают у нас свои «конверты» и набивают чемоданы спокойно».

Подобная обстановка вокруг советских кинематографистов может привести к потере политической бдительности у отдельных из них и создает удобные условия для использования этого обстоятельства разведками противника в своих целях.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным отклонить предложение о создании фильма «В городе Тольятти» и временно сократить деловые контакты с другими итальянскими фирмами, отрицательно зарекомендовавшими себя в работе с советскими кинематографистами.

Вместе с тем необходимо, по нашему мнению, потребовать от руководителей Комитета по кинематографии при СМ СССР усиления контроля на всех стадиях подготовки и создания советско-итальянских кинофильмов».

Отмечу, что бумага сия возымела действие: фильм «В городе Тольятти» итальянцам завернули, контакты — сократили.

Продолжается пребывание Владимира Высоцкого и Давида Карапетяна на Украине. 26 августа они съездили в Гуляй-Поле, где встретились с двумя племянницами Нестора Махно и провели в разговорах с ними большую часть дня. Затем они вернулись в Макеевку, к той самой женщине, что пустила их к себе на постой. А вечером следующего дня Высоцкий дал еще

один концерт, на этот раз в местном Доме культуры. Причем на него сбежался чуть ли не весь шахтерский поселок. Но поскольку ДК был не резиновый и мог вместить в себя примерно около ста счастливчиков, остальным пришлось довольствоваться трансляцией концерта через громкоговорители, установленные на площади.

После концерта на квартиру, где остановились Высоцкий и Карапетян, пришли дети шахтерской элиты, так сказать, тамошняя «золотая молодежь». Узнав, что гости попали в аварию и в дороге поиздержались, они собрали им деньги. Затем Высоцкий им спел несколько песен. Правда, строго-настрого запретил записывать их на магнитофон. Объяснил, что появились такие умельцы, которые хриплыми голосами горланят матерные песни, а потом распространяют их по стране на лентах, выдавая за песни Высоцкого. А мордуют потом за них его, Владимира Семеновича.

С 26 по 30 августа под Рузой, в деревне Волково, съемочная группа фильма «Офицеры» снимала эпизод «китайская переправа» (это там Трофимов случайно встречает своего старого друга Варраву). Поскольку все на экране должно было выглядеть достоверно, китайцев в этом эпизоде играли настоящие китайцы в количестве двухсот человек, которых киношники раздобыли в китайском торгпредстве в Москве. Условия работы были суровые — вода в озере была ледяная, а дублей было несколько. Однако китайцы оказались людьми обязательными и каждый раз при команде «Мотор» снова и снова лезли в воду. Но их старания были вознаграждены сторицей: после съемок киношники выставили им несколько ящиков водки. В итоге всех китайцев пришлось грузить в автобусы, как бревна, — сами идти они были не в состоянии.

Другая съемочная группа — фильма «Цена быстрых секунд» во главе с режиссером Владимиром Чеботаревым — вот уже почти две недели снимает натуру в Кижях (Карелия) и в Ленинграде. Фильм посвящен спорту — главные герои в нем конькобежцы. Главную мужскую роль исполняет будущий Фокс Александр Белявский. По большому счету «Секунды» не принесут Белявскому особых лавров, но они изменят личную жизнь актера — именно во время экспедиции, в Ленинграде, Белявский встре-

тит свою будущую жену. Встреча эта выглядела романтично. Как-то в перерыве между съемками актер решил по-быстрому сбежать в магазин, но тут как назло начался дождь. Зонта с собой у Белявского не было, но он оказался у миловидной девушки, которая смело вышагивала по противоположной стороне улицы. Актер, недолго думая, направился к ней. Действовал Белявский как типичный прилипала: «Девушка, к вам нельзя под зонтик? А как вас зовут?» и т. д. Как ни странно, девушка оказалась не «синим чулком» и позволила незнакомому мужчине найти прибежище под своим зонтиком. После чего Белявский окончательно осмелел и выпытал у нее не только имя — ее звали Мила, но и номер домашнего телефона. Как оказалось, Мила была землячкой Белявского — москвичкой, а в Питер приехала на каникулы, будучи студенткой мединститута. Думаете, на этом история закончилась? Ошибаетесь. Но о том, как развивались события дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями августа 70-го.

В конце лета родился сын у племянницы генсека Любви Брежневой. Забирать ее из роддома вместе с мужем приехал и отец — родной брат Леонида Ильича Яков. Он привез дочери в подарок букет цветов, детские вещи, а также... французские духи и косметику. По этому поводу дочь сострила: «В самый раз, чтобы ходить за детским питанием».

Сам Леонид Брежнев в конце августа, как обычно, улетел на три дня в Астрахань — охотиться на кабана. По словам личного пилота генсека Вячеслава Федорова, после охоты в самолет добыча никогда не загружалась — видимо, съедалась там же, в Астрахани. Зато всегда был другой «трофей» — по два крупных живых осетра в специальных парусиновых мешках с бирками: «Для Генерального секретаря...» и т. п. По небольшому осетру местные начальники дарили и членам экипажа самолета.

А вот бывший глава государства Никита Хрущев в те дни наконец выписался из больницы и вернулся к себе на дачу в Петрово-Дальнее. Там его застал сын Сергей, который сообщил ему новости последних дней: что КГБ хитростью выманил вариант его мемуаров и что он дал отмашку на публикацию мемуаров на Западе. Хрущев разрешение на публикацию

книги одобрил, но на сообщение о передаче материалов в КГБ отреагировал крайне бурно. Далее послушаем рассказ самого С. Хрущева:

«Мне здорово попало. Отец так и не простил мне этого поступка до самой смерти. Он заявил, что я не имел права ни под каким видом отдавать их. Дело не в том, что текст пропадет. Тут дело в принципе. Они нарушают Конституцию. А я взял на себя смелость распорядиться тем, чем не имел права распоряжаться. Он потребовал, чтобы я немедленно связался с Поповым (высокопоставленный сотрудник КГБ. — Ф. Р.) и, заявив от его имени решительный протест, потребовал все назад. В ЦК ходить нечего, они там отбрышутся. Они же говорят, что ничего не обещали. Требовать надо с того, кто дал расписку. А иначе он грозился устроить скандал.

Отец сильно разволновался. Достал валидол, сунул в рот таблетку. Теперь он не расставался с ним. Я боялся, как бы ему не стало плохо с сердцем, но на этот раз обошлось.

— Конечно, хорошо, что можно все восстановить, труд даром не пропал, — немного успокоившись, проговорил он, — но с таким отношением мириться нельзя. Нельзя им такое спускать, — опять начал возбуждаться отец. — Давай кончим этот разговор, — внезапно оборвал он.

Мы погуляли еще, о чем-то говорили, но к вопросу мемуаров больше не возвращались...»

Выполняя требование отца, Сергей уже на следующий день стал звонить в КГБ, пытаясь встретиться с теми людьми, кому он передал мемуары. Однако его постоянно отфутболивали: мол, тот, кого вы ищете, только что вышел, когда будет, неизвестно. Наконец ему удалось поймать одного из «неуловимых» чекистов, но их встреча не принесла Сергею желанного успокоения. Тот выразил сожаление, что не сдержал своего слова, лично извинился и посоветовал обратиться в ЦК. Когда Сергей передал этот разговор отцу, тот сказал:

— Никуда ходить не надо! Ну их!.. Ничего теперь с ними не сделаешь! Ничего от них не добьешься!

В эти же дни конца августа в польском городе Сопоте проходил очередной Международный фестиваль эстрадной песни. Советский Союз на нем представляли следующие исполнители: Галина Ненашева (победитель фести-

валя «Красная гвоздика-69» в Сочи), Валентин Баглаенко, ВИА «Песняры», а Муслим Магомаев (победитель Сопота-69) выступал в качестве гостя. Результаты выступлений советских артистов оказались неутешительными: Ненашева, исполнив песню Арно Бабаджаняна «Судьба», осталась без наград, Баглаенко довольствовался призом ассоциации музыкантов польского джаза за лучшее исполнение испанской народной песни, и только «Песняры» взяли приз в своей номинации. Настоящим триумфом завершилось выступление Магомаева, однако ему никаких призов не полагалось.

Стоит отметить, что для Галины Ненашевой тот год вообще оказался неудачным. В начале марта она участвовала в фестивале легкой музыки в румынском городе Брашове и тоже осталась без наград, заработав только утешительный приз — почетную грамоту. И вот новая неудача — в Сопоте. Касаясь этого провала, некий автор, укрывшийся за псевдонимом Журналист, писал в газете «Советская культура»:

«В Сопоте Ненашева словно бы утратила свои привлекательные черты. Ее выступление было неинтересным, подогнанным под общий стандарт, который чувствовался даже во внешнем облике, в костюме, прическе, он словно лишил молодую артистку присущего ей обаяния, своеобразия. Виной тому прежде всего несоответствие творческой индивидуальности исполнительницы выбранному репертуару...»

Надо отдать должное, но Журналист в своей заметке сваливал провал не только на одну Ненашеву, но и на тех чиновников, которые отвечали за ее подготовку к фестивалю. Он писал: «Почему наши исполнители были поставлены в невыгодные условия по сравнению с другими участниками состязания? Ведь почти все выступавшие здесь приезжали со своими дирижерами, ансамблями или в худшем случае пианистами-репетиторами. Те, кто посылал Галину Ненашеву на конкурс в Польшу, об этом не позаботились. Не позаботились и о настоящей рекламе...»

И еще о Сопоте-70. Каким-то немислимым образом в телетрансляцию этого фестиваля по советскому ТВ было включено выступление британской рок-группы «Кристи» со шлягером «Yellow River» («Желтая река»). Миллионы советских тинейджеров увидели воочию своих

кумиров, а кое-кто даже сумел записать на магнитофон этот хит сезона. Спустя полтора года русскоязычная публика услышит «Желтую реку» уже в иной версии — поэт Илья Резник и ВИА из Ленинграда «Поющие гитары» запишут советский вариант этого шлягера под названием «Карлсон».

Тем временем Владимир Высоцкий, посетив Украину, отправился в пятидневное гастрольное турне по Казахстану. Сначала он дал концерт в Кентау, затем переехал в Чимкент, где за три дня (29—31 августа) дал 13 (!) концертов. Самым «урожайным» был день 30 августа — 4 концерта, которые длились с 15 до 21 часа, причем площадки были разные: филармония, Летний театр ЦПКиО, Дворец цементников и вновь Летний театр.

В эти же дни конца августа из роддома написалась София Ротару, родившая сына Руслана. Когда она с новорожденным вышла на крыльцо, грянул оркестр, который счастливый отец мальчика специально пригласил по этому случаю. В воздухе замелькал фейерверк пробок от шампанского, и грохот стоял на всю округу.

А теперь самое время взглянуть на афишу столичного досуга. С 24 августа в кинотеатрах показывают эфэргэшню-югославский вестерн про индейцев «Виннету — вождь апачей» (1964) с Пьером Бриссе в роли Виннету, а четыре дня спустя на Малой арене в Лужниках начинают крутить американско-французский фильм Джона Франкенхаймера «Поезд», повествующий об антифашистском Сопротивлении во Франции. Сеансы начинаются в 20.30 — очень удобно для влюбленных парочек. С 31 августа в кинотеатрах столицы начинает демонстрироваться фильм о десятиклассниках «Переступи порог» режиссера Ричарда Викторова. В главных ролях заняты преимущественно молодые артисты: Евгений Карельских, Ирина Короткова, Константин Кошкин, Наталья Рычагова, Ара Бабаджанян, Ольга Науменко и др.

Кино по ТВ представлено следующими фильмами: «Мещанин во дворянстве» (Франция, 16-го), «Валерий Чкалов», «Свадьба» (17-го), «Небесный тихоход» (18-го), «Мадам Бовари» (19-го), «Казачьи» (20-го), «Их знали только в лицо» (21-го), «Военная тайна», «Трое», «За двумя зайцами» (22-го), «Бэла», «Ключи от неба» (23-го), «Первоклассница», «Бегущая по волнам» (24-го), «Веселые ребята», «Ботогоз»

(26-го), «Дело Румянцева», «Бесприданница» (27-го), «Простая история» (28-го), «Максим Перепелица» (29-го), «Учитель», «Ошибка Оноре де Бальзака» (31-го) и др.

Фирма «Мелодия» радуется поклонников эстрады следующими новинками. Начнем с «твердых» миньонов: «Поет Полад Бюль-Бюль оглы» (песни на слова А. Горохова, Л. Дербенева, О. Гаджикасимова), «Поет Эдуард Хиль» (песни О. Фельцмана, А. Колкера, М. Таривердиева, А. Петрова), «Поет Владимир Трошин» (песни о войне), «Поет Эдита Пьеха» (песни А. Броневицкого и В. Калле), «Поет Рене Рольская» (Польша), «Поет Нина Пантелеева» (в сопровождении эстрадного ансамбля под управлением В. Людвиковского), «Музыка из кинофильма «Служба» и «Музыка из кинофильма «Господин 420» (оба — производства Индии);

гибкие: «Поет Эмиль Горовец» (песни зарубежных авторов: Д. Бурджея, Ж. Бреля и др.); «Песни З. Бинкина» (в исполнении Олега Анофриева, Вадима Мулермана, Владимира Трошина, вокального квартета «Улыбка»); «Цыганские песни» (в исполнении Розы Джелакаевой и Петра Деметра); «Играет оркестр Олдо Земана (ЧССР)» и «Играет оркестр Фердинанда Гавлика (ЧССР)»;

диски-гиганты: «Поет Эмиль Горовец» с песнями «Дрозды» (В. Шаинский — С. Островой), «А у нашего моря» (В. Шаинский — Л. Ошанин), «Печаль пройдет» (К. Орбелян — А. Дмоховский), «Звездные капитаны» (А. Бабаджанян — Л. Дербенев), «Надежда» (Э. Шварц — А. Дмоховский), «Вода глубока» (В. Шаинский — Л. Ошанин), «Эти глаза напротив» (Д. Тухманов — Т. Сашко), «Любовь моя, Москва» (В. Рубашевский — Э. Радов); «Поет Галина Ненашева» с песнями «Русь» (А. Пахмутова — Л. Дербенев), «Море» (П. Урмузеску — В. Бирна, перевод Т. Бериндей), «Я люблю тебя, Россия» (Д. Тухманов — М. Ножкин), «Только ты молчи» (Д. Тухманов — М. Ножкин) и др.; «Всем, кто любит песню» № 13 с песнями «Эти глаза напротив» (Д. Тухманов — Т. Сашко) — исполняет В. Ободзинский, «Спасибо тебе, дорогая» (Я. Френкель — М. Матусовский) — И. Кобзон, «Не родись красивой» (Р. Майоров — О. Гаджикасимов) — А. Ведищева, «Для чего» (Б. Савельев — М. Пляцковский) — В. Круглова и В. Мулерман и др.; «Песни из мультфильмов» со шлягерами из мультфильмов «Бремен-

ские музыканты» (Г. Гладков — Ю. Энтин; поют О. Анофриев и А. Горохов), «Антошка» (В. Шаинский — Ю. Энтин; поет Мария Лукач), «Катерок», «Чунга-чанга» (В. Шаинский — Ю. Энтин; поют А. Ведищева и А. Горохов);

миньоны твердые: «Поет Аида Ведищева» с песнями «Не родись красивой» (Р. Майоров — О. Гаджикасимов), «Аве Мария» (Д. Родригес — Д. Чашников), «Черемуха» (В. Шаинский — В. Харитонов), «Найди меня» (В. Хвойницкий — Г. Бейлин); «Поет Гелена Великанова» с песнями «Бубенцы» (Н. Бакалейников — А. Кусиков), «И льется песня» (В. Кручинин — М. Лахтин), «Ты запой мне ту песню» (Л. Петрич — С. Есенин), «Ты живешь в другом городе» (Л. Иванова); «Поет Дин Рид» с песнями на испанском языке «Музыка кончается» (Бинди), «Я ищу себя» (Пагано — Бардотти), «Я закрываю глаза» (А. Солерно — Г. Моро), песня из к/ф «Букаро» (Д. Рид); «Поет ВИА «Экспресс» (Венгрия) с песнями «Облади-облада» (Д. Леннон — П. Маккартни), «Сумерки» (А. Шоймош — Ф. Кондьел), «Мой друг «Медный граф» (М. Молок — А. Шоймош), «Зеленые стебли кукурузы» (А. Алие).

Из пластинок звукового журнала «Кругозор» (№ 8) выделю следующие: «Поет Аида Ведищева» с песнями «Товарищ» (О. Иванов — А. Прокофьев), «Старый сад» (польская нар. песня — русский текст Л. Дербенева); «Поет Лариса Мондрус» с песней «Синий лен» (Р. Паулс — А. Дмоховский); «Поет Эдуард Хиль» с песней «Остальное — острова» (О. Фельцман — Е. Долматовский).

И еще о грампластинках. 27 августа в газете «Советская культура» появилась заметка Э. Михайлова под названием «Почему молчит стереопластинка». Речь в ней шла о том, что спрос на пластинки с пометкой «стерео» в советских магазинах крайне низок. И все потому, что подобную продукцию... не на чем слушать. Да-да, мой молодой читатель, была тридцать лет назад в нашей стране и такая проблема: стереопластинок было хоть завались, а проигрывателей к нему — йок. Нет, был один — радиола «Симфония», однако стоила она более 300 рублей, что для большинства советских граждан, средняя зарплата которых составляла 120 — 130 рублей, считалось покупкой неподъемной.

1970 сентябрь

ЧП на съемках «Святого Луки». Последняя кинороль Николая Симонова. Сбежала балерина Наталья Макарова. Слежка за Твардовским. Алла Пугачева ждет ребенка. Первая любовь Володи Путина. Новый любовник Галины Брежневой. Как Александр Белявский искал свою случайную знакомую. В Ленинграде новый хозяин — Григорий Романов. Новое ЧП на съемках фильма «Достояние республики». Брестское ограбление Высоцкого и Влади. Смерть кинорежиссера Левона Кочаряна. Пришествие Олега Ефремова во МХАТ. Как Евгений Леонов снимался на кладбище. Почему друзья отвернулись от Владимира Высоцкого. КГБ следит за киношниками. Впервые судят карточного шулера — племянника Героя Советского Союза. Банда Монгола «бомбит» Москву. Подвиг милиционера Деева. Продвинутая советская молодежь поминает Джимми Хендрикса. Трактор «Не рыдай» в «Доме на набережной». Алексей Стаханов: выход из забвения. Рождение «Спортлото». Интриги в Малом театре. Как «ушли» Эдуарда Стрельцова. Луганский маньяк убивает вновь. Автоавария на Таганке. Тарковский просит за Солоницына. Олег Ефремов хочет поставить «Медную бабушку». Золотухин и Высоцкий в Лыткарине. Новинка «Мелодии»: «Веселые ребята» поют песни «Битлз».

С утра 1 сентября съемочная группа фильма «Возвращение «Святого Луки», который на «Мосфильме» снимает режиссер Анатолий Бобровский, должна была снимать эпизод в декорации «квартира Лоскутова». В нем валютчик Лоскутов (Олег Басилашвили) обговаривал с рецидивистом Графом (Владислав Дворжецкий) условия предстоящего похищения картины «Святой Лука». После разговора Граф покинул квартиру с подручным Лоскутова по кличке Червонец (Валерий Рыжаков). Однако в назначенное время на съемочную площадку подтянулись все исполнители, за исключением Рыжакова. Прождав его полчаса, режиссер отправил на его поиски своего ассистента. Спустя какое-то время тот вернулся с нехорошей вестью: оказывается, Рыжаков еще вчера уехал из Москвы в Калинин на съемки другой картины. «Как уехал? — схватился за голову режиссер. — Его же предупреждали!» Ассистент в ответ лишь развел руками.

По всем киношным меркам это было вопиющей подлянкой со стороны актера. Хотя и

его понять было можно: в калининском фильме он играл роль положительного героя, а в «Луке» всего лишь парня на побегушках. А какова роль, таково и отношение к ней. Между тем расстроенный режиссер съемку отменил (кстати, это нанесло группе финансовый ущерб в сумме 600 рублей), а сам сел писать докладную о случившемся на имя гендиректора студии. Спустя две недели тот выпустил приказ о наказании Рыжакова: с актера удержат одну треть его зарплаты в соответствии со статьей 83 КЗОТа, а также информируют о его недостойном поведении труппу ЦТСА, где он тогда работал.

В отличие от своих московских коллег из группы «Святого Луки» одесские кинематографисты, снимавшие фильм «Последнее дело комиссара Берлаха», встретили начало осени ударным трудом — 1 сентября стало первым съемочным днем фильма. Снимал его режиссер Василий Левин по мотивам повести Ф. Дюренматта «Подозрение». Повесть рассказывала о том, как прикованный к постели полицей-

ский комиссар разоблачает нацистского преступника, который ушел от возмездия и теперь скрывается под маской врача. На главную роль — комиссара Берлаха — был утвержден актер Николай Симонов (Петр Первый в одноименном фильме 37-го года).

Подготовительная работа над фильмом началась еще в середине лета. Когда на Одесской киностудии появился сценарий, стало очевидно, что судьбу его может решить лишь участие актера огромной силы и обаяния. После некоторых раздумий Левин стал склоняться к кандидатуре Симонова, игравшего в Ленинградском театре им. Пушкина. Созвонившись с актером, режиссер выехал в Питер. Их беседа продолжалась в течение нескольких часов, и Симонов, выслушав резоны режиссера, дал предварительное согласие сниматься. В ходе той беседы Левина поразило то, что Симонов прочел повесть Дюренматта еще два года назад, когда она была опубликована в журнале «Подвиг».

Между тем спустя две недели после разговора Симонов получил телеграмму из Одессы, сообщающую, что он утвержден на роль без кинопроб. Его основным партнером по фильму оказался московский актер Андрей Попов, приглашенный на роль Эменбергера. В своей ответной телеграмме Симонов просил режиссера уложить съемки в пределы августа — сентября, чтобы успеть к открытию очередного театрального сезона (в Пушкинском театре он начинался 22 сентября). Однако в августе снять оказалось невозможным — в Одессе свирепствовала холера, был объявлен карантин. Поэтому решено было переехать в Ригу, где 1 сентября и начались съемки.

В той же Прибалтике, только в Литве, в местечке Тракай недалеко от Вильнюса, режиссер Юлий Карасик экранизирует чеховскую «Чайку». В фильме заняты сплошь одни звезды: Алла Демидова, Людмила Савельева, Юрий Яковлев, Ефим Копелян, Армен Джигарханян и др. А в столице, в одном из павильонов «Мосфильма», Алексей Салтыков снимает драму из революционной жизни «И был вечер, и было утро» по пьесе Б. Лавренева. В главных ролях заняты Елена Соловей, Юрий Соломин, Борис Голубович и др.

Еще один известный режиссер — Андрей Тutyшкин в Павловском парке под Ленингра-

дом снимает натурные эпизоды комедии «Шельменко-денщик». В главных ролях заняты актеры, с которыми Тutyшкин работал над своим предыдущим фильмом «Свадьба в Малиновке»: Михаил Пуговкин, Зоя Федорова и др. После съемок под Питером съемочная группа переместится на Украину, под город Канев. Слова песен и куплетов, звучащих в картине, написал популярный актер и автор песен Михаил Ножкин.

В четверг, 3 сентября, жители Пятигорска были приятно удивлены, когда увидели на своих улицах киношников. Это съемочная группа фильма «12 стульев» начала свою экспедицию. В частности, в тот день снимался эпизод взимания Бендером денег с посетителей провала (чтобы дальше не проваливался), а в последующие дни — как Киса просит милостыню у фонтана и другие эпизоды. Киношники пробудут в Пятигорске до 14 сентября, после чего перебазируются на Военно-Грузинскую дорогу (именно там отец Федор отнимет колбасу у Воробьянинова), а 23 сентября переместятся в Батуми.

В это же время под городом Калининским работала другая съемочная группа — фильма «Офицеры». В конце августа под Рузой она снимала эпизод «китайская переправа» и теперь переместилась в Калинин, чтобы снять там еще один натурный военный эпизод из финала фильма — «марш танковой колонны». Это в нем танкисты приветствуют своего командира — генерала Алексея Трофимова (Георгий Юматов). Экспедиция продлится неделю — с 30 августа по 8 сентября.

4 сентября неожиданная весть прилетела в Москву из Лондона: там, во время гастролей, попросила политического убежища ведущая балерина Кировского театра оперы и балета Наталья Макарова (в то время она была замужем за кинорежиссером Леонидом Квинихидзе, до этого четыре года женатого на Елизавете Эйхенбаум — нынешней жене Олега Даля). Случай беспрецедентный и редкий по тем временам, если учитывать, что последний раз балетный мир был потрясен таким же инцидентом летом 61-го — тогда в Париже сбежал Рудольф Нуриев. Позднее Н. Макарова так описывает события тех дней:

«В труппе на следующий день, разумеется, поднялся переполох — начались пересуды, для всех известие о моем defection было как удар

грома. Еще бы, я и сама не ожидала такого обвота. Особенно, как мне рассказывали, убивалась моя костюмерша Валечка, которая меня очень любила. Она напилась и рыдала, приговаривая: «Кто бы мог подумать, что Наташка, наша Наташка останется! Все думали — Барышников, Барышников, а вот ведь что получилось».

Стоит отметить, что и до Барышникова очередь тоже дойдет, только будет это спустя четыре года, о чем разговор у нас пойдет дальше.

В субботу, 5 сентября, по ЦТ начинают демонстрацию очередного патриотического боевика, созданного кинематографистами одной из стран социалистического лагеря. На этот раз эстафету у польских киношников перехватили болгары, снявшие многосерийную эпопею про рождение и становление Болгарской компартии «На каждом километре» (позднее — «Нас много на каждом километре») со Стефаном Данаиловым в главной роли. Молодому читателю абсолютно ничего не говорит это название, между тем нам, мальчишкам начала 70-х, этот фильм был очень хорошо известен. И хотя по популярности он заметно уступал «Ставке больше, чем жизнь» и «Четырем танкистам и собаке», однако котировался тоже высоко. Снял фильм «отец» болгарского телевизионного кино Недялко Чернев, который, кстати, в 60-е годы стажировался в Москве, в Шаболовском телецентре. В сентябре 70-го по ЦТ были показаны первые шесть серий «Километров» (начали 5-го, закончили 26 сентября).

Продолжаются съемки детектива «Возвращение «Святого Луки». 1 сентября съемочную группу подвел актер Валерий Рыжаков (Червонец), который не явился на съемочную площадку из-за съемок в другом фильме. Актера наказали рублем, а спустя несколько дней он вновь объявился в «Луке». Так, 7 сентября он участвовал в пересъемках ранее снятого эпизода «в бассейне» (переснимать его пришлось из-за замены ранее утвержденного актера). Съемочная группа работала в условиях естественной природы, то бишь в настоящем бассейне «Москва», на месте которого много лет спустя вновь воздвигнут храм Христа Спасителя. Эпизод снимали практически весь день. Суть его заключалась в следующем. Червонец приходит

на встречу с иностранным дипломатом (П. Буткевич) в бассейн, не догадываясь, что за ним следит не только милиция, но и рецидивист Граф (Владислав Дворжецкий), который решил играть в собственную игру: продать картину иностранцу без посредников. В бассейне Граф засекает момент встречи Червонца с иностранцем и, вполне удовлетворенный результатом, удаляется, чтобы затем встретиться с дипломатом. Встречу Графа с иностранцем в гостинице к тому времени уже отсняли в Риге.

А теперь от слезки киношной перейдем к настоящей. В тот день 7 сентября в ЦК КПСС с Лубянки поступила очередная депеша, составленная по результатам слежки за Александром Твардовским. В те годы КГБ плотно опекал практически всех представителей творческой интеллигенции (и не только их), следя за настроениями в их среде с помощью своих агентов — стукачей. Потом стукачи в письменном виде или устно докладывали своим кураторам об увиденном и услышанном, после чего на свет появлялись такие вот документы:

«В частной беседе, состоявшейся в начале августа 1970 года, Твардовский заявил: «Я прекрасно знаю, что на мой счет идут насмешливые пересуды: Твардовский, мол, сообразил, что нынче Сталин не в моде, а в свое время чуть ли не пятьсот строк ему персонально посвятил. Верно, я много написал стихов о «родном отце». (По подсчетам Ю. Буртина, не так уж и много: несколько строф в «Стране Муравии», несколько упоминаний в стихах военных и послевоенных лет плюс две лирические миниатюры да участие в коллективном «Слове к товарищу Сталину» — вот и весь его «сталинский набор», тянущий строк на 80—100. — Ф. Р.) Но я тогда не кривил душой, как, уверен, не кривили очень многие. Не надо стыдиться, что мы писали во время финской войны поздравление Сталину в стихах. Мы верили, что делаем высокое дело. Стыдно должно быть тем, кто сегодня пытается обелить Сталина, ибо в душе они знают, что творят. Да, ведают, что творят, но оправдывают себя высокими политическими соображениями: этого требует политическая обстановка, государственные соображения!.. А от усердия они уже начинают верить в свои писания. Вот увидите, в конце года в «Литературной газете» появится обзор о «Новом мире»: какой содержательный и интерес-

ный теперь журнал! И, думаете, не найдутся читатели, которые поверят? Найдутся. И подписка вырастет. Рядовой, как любят говорить, читатель, он верит печатному слову. Прочтет десять статей насчет того, что у нас нет цензуры, а на одиннадцатой поверит. Впрочем, сейчас этому и вправду можно поверить: если выходят в свет романы Шевцова (Иван Шевцов автор романов: «Тля» (1964), «Во имя отца и сына» (1970) и др., в которых высмеивается либеральная интеллигенция), то, пожалуй, действительно цензуры нет».

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности Андропов».

Между тем, если за Твардовским следили достаточно давно и чуть ли не каждый шаг фиксировали в доносах, то концертмейстер Государственного училища циркового и эстрадного искусства 21-летняя Алла Пугачева пока еще такой чести не удостоилась — это произойдет чуть позже, когда она станет всесоюзной звездой. А пока в начале сентября она обрадовала своего супруга Миколаса Орбакаса новостью о том, что беременна (зачатие произошло во время недавних гастролей, между Ярославлем и Хабаровском). Причем Пугачева сообщила мужу, что родится мальчик. Узнала она об этом не из результатов УЗИ (тогда их еще не делали), а из выводов своих подруг, которым она рассказала о своей беременности чуть раньше, чем мужу. Подруги же узнали про мальчика тоже не по научной методике, а по косвенным приметам: мол, звезды предсказывают, да и по линиям на ладони роженицы однозначно выходит — пацан. Короче, убедили будущих родителей в правильности своих выводов, и те даже имя первенцу заранее придумали — Станислав. Как мы теперь знаем, ошибочка вышла. Но об этом рассказ впереди.

А теперь перенесемся в Ленинград, где живет 17-летний Владимир Путин. Будущий второй президент России. В те дни сентября 70-го он, естественно, о своей будущей судьбе ничего не знает и грызет гранит науки на 1-м курсе юрфака Ленинградского университета. И еще крутит амуры с 16-летней Верой Козловой из поселка Тосно, что под Ленинградом. С этой симпатичной девушкой Путин дружит больше года — с тех пор как его родители купили в Тосно деревянный дом за 300 рублей. Вера с

родителями жила по соседству и стала периодически заходить к соседям: когда просто так, а когда и по делу — помочь по хозяйству. Так они с Путиным и познакомились. А когда их отношения приобрели более романтический оттенок, Вера стала приезжать и в ленинградскую коммуналку Путиных (18 квадратных метров), что в Басковом переулке. Как признается сама Вера, Путин стал первым парнем, с которым она поцеловалась.

Летом 70-го Путин поступил в ЛГУ. Вера подала документы в ленинградский промышленно-экономический техникум, но провалилась на экзаменах. И пришлось ей идти в ПТУ № 26, где учили швей-мотористок. Настроение у девушки было хуже некуда. «Вот и все — теперь он меня точно бросит», — в отчаянии думала она. 8 сентября у Веры был день рождения, а она плачет: Володя не идет. И когда вроде бы все сроки уже вышли, в дверь позвонили. На пороге стоял он — Володя Путин. Поздравил ее с днем рождения и преподнес в подарок кожаные перчатки. Именинница была на седьмом небе от счастья.

А теперь поговорим о любви среди сильных мира сего, вернее того. В эти же дни дочь генсека Галина Брежнева завела себе нового любовника — красивого и статного (впрочем, других она и не признавала) преподавателя Института механики МГУ. До этого в течение нескольких лет дочь генсека крутила амуры со знаменитым танцовщиком Большого театра Марисом Лиепой, и об этом романе знала чуть ли не вся Москва. Был момент, когда многие близкие к этому «роману полусвета» люди считали, что он закончится законным браком: ведь Лиэпа возил Галину в Ригу знакомиться с его родителями. Однако когда об этом узнал отец будущей невесты — Леонид Брежнев, — он был категорически против этого брака. Он сказал: «Лиэпа женат, а на чужом несчастье свое счастье построить невозможно».

Однако даже после того как Брежнев вынес свой приговор, влюбленные продолжали встречаться. Галина осыпала своего молодого возлюбленного (он был на 8 лет ее моложе) различными царскими подарками: благодаря ее протекции в 70-м он был удостоен Ленинской премии. Однако этот роман прекратился в одночасье. Причем инициатива исходила целиком от Галины, которая устала ждать, когда Ма-

рис порвет со своей семьей (а там росли двое детей) и переедет к ней. Поводом же к разрыву послужило то, что, когда Лиэпа был на гастролях в Италии, он ни разу не позвонил оттуда Галине, которую это сильно оскорбило. Видимо, чтобы раз и навсегда выкинуть из головы танцора, Галина и завела себе нового любовника. Он хоть и не имел отношения к миру искусства, однако внешне ни в чем не уступал своему именитому предшественнику.

Поскольку в те годы со свободным жильем для интимных встреч была напряженка, Галина вынуждена была обращаться за помощью к своему дяде — Якову Брежневу. Тот входил в тяжелое положение влюбленных и практически на каждые выходные, когда его близкие выбирались на дачу, отдавал ключи от своей роскошной московской квартиры потерявшей голову от любви племяннице. Но однажды случилась накладка. Супруга Якова внезапно вернулась в Москву раньше времени и, открыв дверь своим ключом, обомлела: в квартире царил сильный кавардак после ночной попойки, а в одной из комнат она застала Галину и ее любовника. Хозяйка, естественно, устроила скандал, и с тех пор ключи от этой квартиры были для Галины потеряны навсегда.

В эти же дни стрелой Амура поражен и популярный актер кино Александр Белявский. В конце августа, будучи на съемках в Ленинграде, он познакомился на улице со студенткой из Москвы Милой. Выпросив номер ее домашнего телефона, Белявский клятвенно заверил девушку, что обязательно свяжется с ней после возвращения в Москву со съемок. Это возвращение состоялось 9 сентября, и у Белявского было в запасе десять дней до следующей командировки — съемочная группа фильма «Цена быстрых секунд» должна была перебазироваться в Ялту. Однако когда Белявский полез в карман за заветной бумажкой, на которой значился телефон Милы, ее там не оказалось. Актера прошиб холодный пот: на беду, запомнить номер он не удосужился. Перетряхнув все свои вещи, Белявский понял, что бумажка с телефоном безвозвратно утеряна. Все шло к тому, чтобы актер раз и навсегда вычеркнул случайную знакомую из своей памяти. Но, видимо, девушка настолько сильно пленила воображение Белявского, что выбросить ее из сердца он так и не сумел. Зная о том, что она учится в меди-

ституте, Белявский отправился на ее поиски. И ведь нашел, хотя ему пришлось обойти все четыре столичных мединститута. Спустя год молодые поженятся.

А теперь из Москвы вновь перенесемся в «град Петров» — Ленинград. Там в сентябре сменилось партийное руководство: вместо Василия Толстикова секретарем обкома партии стал 47-летний Григорий Романов. Этой пертурбации сопутствовали следующие причины.

В Кремле всегда придавали большое значение тому, кто сидит в кресле руководителя Северной столицы». Толстиков сел в это кресло еще при Хрущеве — в мае 62-го и долгое время оставался одним из немногих руководителей «хрущевской когорты», кого Брежнев трогать опасался. Однако к 70-му году позиции генсека внутри кремлевского руководства заметно укрепились, и с этого момента судьба последних «хрущевцев» была решена. Однако с новым руководителем Ленинграда у Брежнева вышла накладка. Толстикова-то он сместил, вменив ему в вину июньскую провокацию с угоном самолета в Швецию (самолет хотя и не угнали, однако шум поднялся большой), но своего человека на его место ему протащить не удалось. Леонид Ильич рассчитывал отправить княжить в Питер хорошо известного ему Попова — первого секретаря Ленинградского горкома партии, но группа Сулова—Косыгина сумела отстоять кандидатуру своего человека — Григория Романова, которого также поддержали члены бюро обкома КПСС. Брежнев обиду проглотил, но только временно — в перспективе он рассчитывал Романова с этой должности сместить. Но судьбе угодно будет распорядиться иначе: Романов окажется настолько лояльным к генсеку, что тот впоследствии задумает даже отдать бразды правления страной в его руки. Но из этого ничего не получится, о чем разговор еще будет впереди. А пока вернемся в сентябрь 70-го.

В пятницу, 11 сентября, новое ЧП произошло на съемках фильма «Достояние республики», который снимает режиссер Владимир Бычков. Первое происшествие случилось ровно месяц назад — 10 августа — во время работы в Кирилло-Белозерском монастыре: из-за обрыва троса едва не погибли двое каскадеров. Новое ЧП произошло уже в Вологде, куда съемочная группа переместилась из Кириллова и начала

съемки 9 сентября. В тот злополучный день на Софийской площади города снимался эпизод въезда цирковых фургонов в ворота Кремля. В съемках были задействованы восемь фургонов, которыми управляли десять каскадеров. Предпоследним фургоном управляли двое: опытный инструктор Юрий Котов (он, помимо каскадерства, еще и руководил местным народным цирком) и начинающий каскадер Валентин Мыльников, 23 лет от роду, работавший в том же народном цирке силовым жонглером. Стоит отметить, что до того, как режиссером была дана команда «Мотор!», фургоны трижды репетировали въезд. И ни разу не произошло накладки.

Между тем, как и в августовском случае, где решающую роль сыграла побочная причина — кирпич, в этот раз к трагедии привел... цирковой верблюд. Это он в тот момент, когда началась съемка, внезапно выскочил из-за кустов, чем сильно напугал лошадей седьмого фургона. Те резко рванули в сторону, в результате чего фургон стал заваливаться влево. Мыльников попытался спрыгнуть, но далеко отскочить не успел, и фургон буквально впечатал его в землю. Котову повезло больше — его только ударило оглоблей по ногам. На милицейской машине Мыльникова доставили в больницу, где врачи поставили ему неутешительный диагноз — перелом позвоночника. В связи с тем, что это ЧП оказалось вторым по счету за месяц съемок, на студии имени Горького вскоре появится приказ, где будут ужесточены меры по технике безопасности на съемочных площадках. Что касается наказания для тех, кто непосредственно отвечал за случившееся, то и оно последовало незамедлительно: режиссер и директор фильма получили... строгие выговоры.

13 сентября Владимир Высоцкий встречал в Бресте свою супругу Марину Влади. Первыми словами, которыми он ее встретил, были: «Здравствуй! Кажется, я уже Гамлет». Имелось в виду, что Любимов наконец-то определился с исполнителем главной роли в будущем спектакле «Таганки». Влади от души поздравила супруга с этим событием. Однако их взаимная радость была вскоре омрачена. Когда они остановились на ночь в Смоленске, в гостинице «Россия», и ужинали в тамошнем ресторане, неизвестные вскрыли их автомобиль и выне-

сли все, что там было ценного. А было там много чего: демисезонное пальто Влади, медвежья шкура, должная украшать квартиру звездных супругов в Матвеевском, пара десятков импортных дисков и еще кое-что по мелочи. К счастью, сумку с документами Влади хватило ума оставить при себе, поэтому они не пострадали. Но все равно настроение было испорчено. Супруги отправились в милицию, чтобы заявить о пропаже вещей, хотя в душе мало надеялись, что там им помогут. Но ошиблись. Следователь по фамилии Стукальский, который принял от них заявление, воспринял происшедшее как личное оскорбление и заверил звездную чету, что преступление будет раскрыто в самые короткие сроки. «Но мы утром уже уезжаем», — напомнили ему супруги. «Значит, найдем за ночь», — последовал ответ. Жертвы отнеслись к этому заявлению как к шутке. А что получилось? Прошел всего лишь час, как им уже представили для опознания их исчезнувшие вещи. Все было на месте: и пальто, и шкура, и даже пластинки все до единой. Чтобы отблагодарить сыскарей за их доблестный труд, Высоцкий и Влади подарили им свою фотографию с дарственной надписью.

Высоцкий и Влади были еще в пути, приближаясь к Москве, когда 14 сентября в одной из столичных клиник на 40-м году жизни от рака скончался кинорежиссер Левон Кочарян, некогда бывший близким приятелем Высоцкого по компании на Большом Каретном.

Кочарян закончил юрфак МГУ в 1955 году вместе с Михаилом Горбачевым, который тогда был секретарем парторганизации университета, а Левон — капитаном баскетбольной команды. В кино же Кочаряна привел Сергей Герасимов, с которым он познакомился через Артура Макарова, племянника супруги режиссера Тамары Макаровой. В середине 50-х Герасимов собирался снимать «Тихий Дон» и упросил Кочаряна съездить в Вешенскую к Михаилу Шолохову и утвердить сценарий. После того как Левон выполнил просьбу мэтра, тот оставил его в съемочной группе. С тех пор Кочарян работал вторым режиссером на девяти картинах, среди которых назову следующие: «Капитанская дочка» (1959), «Увольнение на берег» (1962), «Живые и мертвые» (1964), «Неуловимые мстители» (1967) и др. В 1968 году Кочарян задумал снять свою первую самостоятельную

картину. В то время он уже был неизлечимо болен, и друзья, знавшие об этом, решили ему помочь. Так на свет появился боевик про деятельность советской разведгруппы в оккупированном фашистами тылу «Один шанс из тысячи», над которым с Кочаряном работала сплоченная группа единомышленников в лице сценаристов Артура Макарова и Андрея Тарковского, актеров Анатолия Солоницына, Аркадия Свидерского, Олега Савосина, Александра Фадеева, Хария Швейца, Владимира Маренкова, Олега Халимонова, Жанны Прохоренко, Николая Крючкова и др. В прокате 1969 года фильм занял скромное 19-е место, что, честно говоря, вполне соответствует его достоинствам.

Летом 70-го Кочаряна положили в больницу. Там врачи поставили ему страшный диагноз — рак. Многочисленные друзья старались навещать Кочаряна практически каждый день, понимая, что дни его уже сочтены. Впоследствии они вспоминали об этом.

Юрий Гладков: «Однажды мы приехали к нему с Андреем Тарковским. Левка лежал зеленый — он принимал тогда какую-то химию, и цвет лица у него был желто-зеленый... Мы были настроены решительно: расцеловали, растормошили его. И Лева немного приободрился...»

Э. Кеосаян: «В конце болезни громадный Лева весил, наверное, килограммов сорок. И вот однажды он мне говорит:

— Хочу в ВТО! Хочу, и все!

Поехали, сели за столик, заказали. Смотрю, проходят знакомые люди и не узнают его. Леву это поразило:

— Слушай, Кес, люди меня не узнают. Неужели я так изменился?!»

Из всех друзей Кеосаяна только один человек ни разу не навестил его в больницу — Владимир Высоцкий. Сам Кочарян неоднократно спрашивал, где Высоцкий, но никто не мог ему этого объяснить — не силком же тащить его в больницу. Бытует версия, что в день смерти Кочаряна Высоцкого не было в Москве, что он был еще в дороге, однако есть свидетельства, что это не так. Тот же Золотухин пишет в своем дневнике, что 14-го, в день своего загула, звонил в театр Высоцкому, «чтобы в любви ему объясниться». Много позднее Высоцкий объяснит свой поступок тем, что не смог побороть в

себе страх увидеть друга больным, хотел навсегда запомнить его пышущим здоровьем красавцем.

В тот же день, 14 сентября, приказом по театру «Современник» на должность директора театра был официально назначен Олег Табаков. И примерно в эти же дни во МХАТе состоялась официальная презентация нового главрежа — Олега Ефремова. Представила его труппе ни много ни мало сама министр культуры Екатерина Фурцева. Как вспоминает В. Шилловский:

«Поднялась буря аплодисментов. Все были вдохновлены началом новой жизни. Тронная речь Ефремова была о том, что, конечно, он понимает ответственность, что такое МХАТ. Он дал жизнь театру «Современник». М. Н. Кедров участвовал в создании «Современника», и В. З. Радомысленский просто был отцом и мамой «Современника». И что говорить, давайте почитаем новую пьесу, послушаем талантливейшего композитора, начнем работать. Была буря аплодисментов. Еще было сказано, что хватит назначать худсовет, пора его выбирать. И снова был шквал аплодисментов. Это было новое веяние демократии...»

Стоит отметить, что один из великих «стариков» МХАТа Борис Ливанов, который выступил против приглашения Ефремова, дал слово никогда больше не переступать порога родного театра. И слово свое не нарушил, даже зарплату ему приносили на дом. Встречаясь иногда на улице со своими бывшими коллегами, он неизменно спрашивал: «Ну, как там, в Освенциме? Геноцид развивается?»

Между тем перед Ефремовым стояла трудная задача — влить новое вино в старые мехи. Многим наблюдателям уже тогда было ясно, что эта ноша — неподъемная. Ефремов же верил в обратное. Хотя с первых же дней своего пребывания во МХАТе ему пришлось столкнуться с массой проблем. Вот как описывает это А. Смелянский:

«Осенью 1970 года Ефремов начал перестройку Художественного театра. К моменту прихода Ефремова в труппе было полторы сотни актеров, многие из которых годами не выходили на сцену. Театр изнемог от внутренней борьбы и группировок («Тут у каждого своя тумба», — мрачно сострит Борис Ливанов, объясняя молодому Владлену Давыдову, что он за-

нял чужой стул на каком-то заседании в дирекции). Ефремов сначала вспомнил мхатовские предания времен Станиславского, создал «совет старейшин», попытался разделить сотрудников театра на основной и вспомогательный составы. Он провел с каждым из них беседу, чтобы понять, чем дышат тут артисты. После этих бесед он чуть с ума не сошел. Это был уже не дом, не семья, а «террариум единомышленников». К тому же «террариум», привыкший быть витриной режима. Быт Художественного театра, его привычки и самоуважение диктовались аббревиатурой МХАТ СССР, которую поминали на каждом шагу. Когда театр по особому государственному заданию приезжал на гастроли в какую-нибудь национальную республику, актеров непременно принимал первый секретарь ЦК компартии. Перед актерами отчитывались, их размещали в специальных правительственных резиденциях, въезд в которые охранялся войсками КГБ...»

А что же актеры театра «Современник», которые посчитали уход Ефремова предательством? Они в те дни нашли в себе силы справиться с тяжелой потерей и даже послали во МХАТ письмо, в котором писали:

«Друзья! Мы поздравляем вас с началом нового сезона и приходом к вам Олега Николаевича Ефремова. Как бы нам ни было тяжело и грустно, мы отдаем вам самое дорогое, что имели, — Олега Николаевича, с которым прожили пусть недолгую, но трудную и наполненную жизнь в искусстве. Мы хотим верить, что вы будете уважать, любить Ефремова и помогать ему. Это поможет и нам сохранить силы и единство».

В первой половине сентября в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых выделю одну: с 1-го в прокат вышел фильм Игоря Таланкина «Чайковский» (в роли великого композитора — Иннокентий Смоктуновский), который пару месяцев назад на кинофестивале в Сан-Себастьяне принес нашей стране престижную награду.

Кино по ТВ: «Часы капитана Энрико», «Жестокость» (2-го), «Княжна Мери», «Главный свидетель» (3-го), «Кавказская пленница», «Всего одна жизнь» (4-го), «Дон Кихот» (5-го), «На каждом километре» (Болгария, премьера т/ф 5—8, 12, 14, 15-го), «Журналист» (7—8-го), «Бег иноходца» (9-го), «Друг мой, Колька!» (12-го),

«На войне как на войне», «Богатая невеста», «Медовый месяц» (13-го), «Актриса» (14-го), «Неоконченная повесть» (15-го) и др.

В среду, 16 сентября, в съемочной группе фильма «Белорусский вокзал» была назначена пересъемка эпизода «кладбище». Съемки проходили на столичном Немецком кладбище. Вот как вспоминает об этом актриса Раиса Куркина, сыгравшая в этом фильме генеральскую дочь:

«У Евгения Леонова до этих съемок как раз что-то случилось с сердцем, он был нездоров. Но на съемках это не было заметно. Помню, на кладбище около нас столпились ребята-могильщики и давай травить анекдоты, байки, включили транзистор с веселой музычкой. А Жене надо было сыграть, как он приходит на могилу позже других и по-мужски скупно плачет. Я смотрела на могильщиков с их историями и транзистором и все думала: как же он справится с ролью? Заработала камера, и Женя начал играть. Я была потрясена: это было великолепно. На таком же уровне он отыграл и второй, и третий дубль...»

В тот же день на другом столичном кладбище — Введенском — состоялись реальные похороны: хоронили кинорежиссера Левона Кочаряна. Но прежде, чем тело доставили на кладбище, состоялась гражданская панихида на киностудии «Мосфильм». На нее пришло большое количество друзей и коллег покойного. Очевидцы вспоминают такой эпизод: на проходную студии пришел знаменитый столичный вор Миша Ястреб, который знал Кочаряна еще с 50-х, когда они жили на Большом Каретном. Он только что в очередной раз вернулся из тюрьмы, узнал о смерти друга и пришел отдать ему последние почести. Однако бдительные вахтеры не захотели пускать бывшего зека на территорию студии. Тогда на шум вышел Юлиан Семенов и провел Ястреба на панихиду по своему красному удостоверению.

Между тем из друзей Кочаряна на похоронах не было одного человека — Владимира Высоцкого. Как мы помним, он и в больнице ни разу не навещил друга, объясняя это тем, что боялся увидеть его страшно изменившимся. Но когда Высоцкий не появился и на похоронах, это окончательно добило его друзей. Говорят, сразу после похорон Высоцкий пытался объясниться с женой Кочаряна, пришел к ней домой

на Большой Каретный, но та не пустила его даже на порог. А когда он звонил по телефону, всегда бросала трубку. Так же не смогли простить Высоцкому его поступка и многие друзья юности: они перестали с ним общаться, даже не ходили на его концерты.

В среду, 16 сентября, кинорежиссер Михаил Ромм впервые пришел на занятия своего нового курса во ВГИКе. Он только что вернулся из экспедиции по картине «Мир сегодня», часть эпизодов которой снималась во Франции. Кроме него, еще несколько советских кинорежиссеров выезжали за пределы страны, чтобы собрать материал для своих будущих картин, а кто-то из них работал над совместными постановками с зарубежными киностудиями (этот процесс сотрудничества начался в середине 60-х). Все эти поездки находились под бдительным оком КГБ, о чем мы могли убедиться по докладной записке начальника 5-го управления КГБ СССР Ф. Бобкова, увидевшей свет 26 августа. А вот какой документ на эту же тему за подписью уже самого Ю. Андропова появился в недрах КГБ в тот день, когда Ромм во ВГИКе читал первую лекцию своему новому курсу. Начало документа опускаю, поскольку оно ничего интересного не содержит — сплошные сетования о потере классовых позиций, идеологических уступках буржуазной пропаганде и т. д., — и начну цитировать со второго абзаца, где автор приводит полученные агентурным путем сведения о неофициальных высказываниях в частных беседах некоторых советских кинематографистов:

«Писатель-киносценарист Е. Габрилович: «Возможно, совместные фильмы и нужны, но я в этом вижу отрицательные стороны. Прежде всего они отвлекают лучшие творческие силы и кинематографистов среднего звена от решения важнейших внутренних проблем. За последние годы значительно усилилась тенденция к выездам за рубеж. Кинорежиссеры готовы взять любую тему, лишь бы она давала возможность выехать за границу. Среди молодых кинематографистов создан известный настрой на создание фильмов в расчете на заграничных гурманов. Получив известность за рубежом, они рассчитывают, что с ними будут считаться внутри страны.

Налицо коррупция среди наших кинематографистов. Среди работников кино ходят упор-

ные слухи о том, что за участие в совместных фильмах зарубежные кинофирмы дают подарки. Иностранные кинофирмы заинтересованы в создании совместно с нами фильмов, так как затраты на массовые сцены и оплата работы среднего звена кинематографистов у нас очень дешевы».

Здесь так и просится реплика в сторону уважаемого сценариста: что же это за общество мы построили за 50 лет Советской власти, если не самые бедные из его представителей — кинематографисты — вынуждены всеми правдами и неправдами стремиться за границу? Каким же медом там намазано? Ответ прост: тамошняя экономика не чета нашей, советской, с ее убогим и скудным ширпотребом. Среди тамошнего изобилия и жизнь казалась гораздо веселее и красочнее. Не случайно самым «хлебным» местом у нас считался (да и поныне считается) Институт международных отношений, куда брали исключительно по благу детей разных «шишек». Диплом этого заведения позволял его выпускникам всю жизнь колесить по свету, вместо того чтобы прозябать на родине, где даже обыкновенные джинсы (кстати, самую демократичную и удобную одежду) достать невозможно. Знал ли об этом Габрилович? Безусловно. Но беда в том, что он, как и большинство советских людей, привык жить с двойной моралью: на языке одно, на уме — другое. Ведь как было: в газетах всюю расхваливали советскую продукцию, а люди в очередях давились за импортом. И что говорить о кинематографистах, когда даже члены Политбюро везли из-за «бугра» дефицитные вещи. Например, тогдашний министр иностранных дел Андрей Громыко привез из Югославии мебельный гарнитур. Причем в наш «Ил-62» он не входил, поэтому пришлось из Москвы пригнать грузовой «Ил-76». Так и летели на родину: Громыко — на «Ил-62», его гарнитур — на «грузовике».

Но вернемся к докладной Андропова. Словом за Е. Габриловичем слово в ней представляется известному кинорежиссеру М. Донскому:

«...Голливудская фирма «Метро-Голдвин-Майер» и французская фирма «Патэ» предлагали мне принять участие в совместной кинопостановке. Американцы давали мне гонорар в миллион долларов! Я не согласился, так как не

представляю двух хозяев на одной картине. Гоняться за гонорарами в валюте не пристало... Я лично вернул все деньги, полученные мною за фильм, снятый обо мне в Бельгии».

Кинорежиссер Л. Кулиджанов: «Совместные постановки с зарубежными странами возвращают не только режиссерские, редакторские кадры, но и второстепенные звенья съемочных коллективов. Без всякой на то необходимости в зарубежные командировки выезжает огромное количество работников Комитета кинематографии, которые в глазах зарубежных кинематографистов выглядят как обыкновенные туристы...»

Ну и логика у знаменитого режиссера: сам, будучи с 65-го 1-м секретарем Союза кинематографистов СССР, частенько выезжает за границу на разные престижные фестивали, а других требует туда не пущать. А знаете почему? Потому что существовало тогда такое мнение: чем больше советских людей увидят, как живут люди за границей, тем больше будет разочаровавшихся в социализме. Позиция Кулиджанова напоминает позицию многих политических обозревателей той поры: с каким негодованием они клеймили капитализм, стоя где-нибудь на Бруклинском мосту или под Биг-Беном, однако на родину возвращаться большим желанием не горели. Короче, сами в «шоколаде», а других учат: мол, скромнее надо быть, патристичнее!

Но вернемся к докладной Андропова. Далее слово в ней берет кинорежиссер Б. Волчек:

«Совместный фильм «Подсолнухи» — вредная кинокартина. В ней в невыгодном свете показаны советские люди. Безграмотно мы заключаем наши договора с матерыми зарубежными кинодельцами. Мосфильмовцы удивлены неравнозначным количеством затрат, которые несем мы и наши зарубежные партнеры...»

Председатель Всесоюзного объединения «Совинформ» О. Тенейшвили: «После просмотра фильма режиссера Витторио де Сика «Подсолнухи» я заявил руководству Комитета по кинематографии, что это вреднейшая, пасквильная картина и выпуск ее на наш экран явился бы грубейшей политической ошибкой. Очевидно, экономическая выгода (мы затратили 175 тысяч рублей, а получили 475 тысяч долларов) закрыла глаза на явно оскорбительные вещи, которые видит советский зритель на экране...»

История с фильмом «Подсолнухи» показала, что нельзя допускать политические компромиссы в работе с зарубежными кинематографистами, идти у них на поводу. Нельзя вкладывать деньги в фильм, который, как в кривом зеркале, показывает наш народ, его свершения, нашу действительность».

Сотрудник «Совэкспортфильма» В. Спирин: «Ленфильм» снимал с норвежской киностудией «Норскфильм» совместную картину «Всего одна жизнь». Сколькo начальства, редакторов ездили с легкостью туристов в Норвегию. И вдруг новость... эта фирма участвует в создании антисоветской кинокартины «Один день Ивана Денисовича» по А. Солженицыну. Очень мало внимания обращается на тот факт, кто же наши партнеры».

Вот такой интересный документ родился в недрах КГБ 16 сентября и в тот же день был отправлен на Старую площадь — в ЦК КПСС. Однако на этом тема «кино» в сентябре не исчерпывается. Андрей Тарковский, который готовится к съемкам «Соляриса», в сентябре получает радостную новость: главный идеолог Михаил Сулов подписал-таки бумагу о выходе на экраны страны многострадального «Андрея Рублева». Однако радость от этого известия тут же испортили чиновники от кино, потребовав от режиссера цензурных сокращений в картине. Тарковский делать это наотрез отказался.

На «Ленфильме», где, по словам Г. Козинцева, «все уже давно развалилось» и «в обломках копошится жулье и торгует казенными остатками» (из письма Тарковскому от 6 сентября), тот же Козинцев заканчивает «Короля Лира», а молодой режиссер Алексей Герман — «Проверки на дорогах». Ох, и хлебнет последний горя с этим фильмом! Но об этом разговор впереди.

Не сидели сложа руки и бандиты Союза. Например, в Москве катали (карточные шулера) вовсю «утюжили» клиентов в аэропорту Внуково, на вокзалах. Летом 70-го в Москве состоялся первый в истории отечественной криминалистики суд над группой таких шулеров. Особую пикантность ему придавало то, что в числе подсудимых оказался племянник Героя Советского Союза Милитона Кантарии — человека, который в победном 45-м был одним из тех, кто водрузил Знамя Победы над повер-

женным рейхстагом. Одним из конвойных на этом процессе оказался хорошо ныне известный Александр Гуров. Он вспоминает:

«Год 1970-й... Народный суд Тимирязевского района Москвы. Обстановка для суда тех лет вполне обычная: опухшие лица мелких хулиганов, ожидающих своих пятнадцати суток под надзором милиционеров; слезы и ругань разводящихся и алиментщиков; густой табачный дым и винный перегар в грязных туалетах; стриженные наголо и мрачные лица под охраной конвоя. Обычный рабочий день.

Лишь один зал с хорошо одетой публикой и, чинно сидящими на засаленных табуретках адвокатами из «золотой пятерки» выделялся тишиной и даже торжественностью. Некий колорит этому также придавала фигура кавказца с блестящей на его груди Звездой Героя. Это он в мае сорок пятого водрузил Флаг Победы над рейхстагом. Фигура иногда распрямлялась и начинала косо поглядывать на дверь, откуда наконец крепкие парни из конвойной службы ввели трех стриженных под ноль молодых ребят. Степенно разместившись за отполированным грязным барьером, на так называемой скамье подсудимых, и поглаживая ершики, они стали перекидываться многозначительными взглядами с публикой. Затем — «Встать, суд идет!».

Так начался первый в Советском Союзе уголовный процесс над карточными шулерами. Приподнималась завеса над сформировавшейся и действовавшей игорной мафией. Но тогда еще о ее существовании никто не подозревал...

На суде выяснилось, что организованная неким Борисовым и Кантарией (племянником сидевшего в зале Героя Советского Союза) группа с помощью специальных шулерских приемов обыгрывала доверчивых граждан в карты. Обычно у магазина они подбирали клиента, который хотел приобрести мотоцикл либо иную дефицитную вещь, предлагали оказать помощь, но уже в другом конце города, где якобы есть хороший магазин. Шулер, подобравший жертву, садился с ней в такси, а по дороге подсаживались еще двое. В разговоре речь заходила о картах, кто-то предлагал сыграть в удивительно интересную игру — «московского дурачка». Ставки были по одной копейке, затем один из проигравших постоянно их наращивал. И вот... Розданы карты последнего кона. На

руках потерпевшего — 30 очков пиковой масти, а он выигрывал при 17–22 очках. Это верный выигрыш. Противная сторона же имела 31 очко червонной масти. Ставки наращивались. Наконец карты вскрывали, и игроки разбежались под любым предлогом, оставляя удивленную жертву, которая отправлялась в милицию. А там разводили руками: «Ну что же делать, раз не повезло! Мы-то при чем? Не играй!»

Вот и весь нехитрый с виду обман. Но тогда на суде поразило другое. Адвокаты ссылались на законы дореволюционной России, в частности, на Уложение об административных проступках, умышленно замалчивая ст. 1670 Уголовного уложения, по которой шулерский обман признавался преступным деянием. Прокурор, заранее проконсультировавшись на кафедре уголовного права МГУ и получив должные разъяснения, доказывал мошенничество и приводил такие аргументы: дескать, у преступников были отработаны специальные приемы, роли распределены заранее, была система (Московский уголовный розыск целый год следил за ними и фиксировал факты обыгрывания). Наконец прокурором Ивановым было продемонстрировано заключение экспертов-филологов, в котором говорилось, что текст записки, передававшейся одним из шулеров на свободу («Кантария, наш покер бит, кончай гонять, воздух не нашли, улик нет»), содержит слова, относящиеся к профессиональному жаргону карточных шулеров.

Суд приговорил всех троих к тюремному заключению. Я тогда находился в составе конвоя. В камере осужденные свободно переговаривались на неизвестном жаргоне, упоминали о какой-то академии, о «шоколадном» отделении милиции, о каких-то съездах, «каталах» и многом другом, что вызывало неподдельный интерес сотрудников милиции и доказывало полнейшую их неосведомленность о новом явлении в криминальной жизни...

Тем временем, пока одних бандитов отправляли на нары, другие все еще гуляли на свободе. В частности, банда Монгола (Карькова) продолжала «бомбить» свои жертвы. В число последних в сентябре 70-го попала и некая Фатима, снабжавшая наркотиками весь центр столицы. Сама она была прописана в Узбекистане, однако периодически наезжала в Москву, где скидывала товар и собирала деньги с

клиентов. На ее след «монголов» вывела неизвестная Таня по прозвищу Плутиха. Она же подсказала подельникам, как лучше всего выйти на след Фатимы — через ее постоянного клиента Минаева. Так и сделали. В один из сентябрьских дней бандиты числом в четыре человека во главе с самим главарем, который сидел за рулем «Волги», подъехали к дому № 26 по Байкальской улице, где проживал Минаев. Двое «монголов» поднялись к нужной квартире и подали сигнал хозяину квартиры, мол — свои (стукнули в дверь условной дробью). Тот, естественно, купился. Не успел Минаев опомниться, как его подхватили под руки и быстро спустили вниз, к машине. Там переодетый в форму майора внутренней службы бандит распахнул перед ним дверцу и попросил не сопротивляться: мол, сопротивление властям чревато плохими последствиями. Минаев поверил и в этот спектакль — безропотно сел в автомобиль.

Первые сомнения шевельнулись в Минаеве в тот момент, когда «Волга» миновала черту города. Но было уже поздно. В безлюдном месте бандиты выволокли жертву из машины и принялись дубасить, требуя выдать им деньги, ценности и наркотики, а также сказать адрес Фатимы. Но Минаев оказался крепким орешком и с первого раза не сломался. Тогда кто-то из «монголов» предложил отвезти его в свою деревню Маклино, что в Калужской области, и там основательно с ним поработать. Однако везти жертву на «Волге» было опасно, поэтому решили подогнать грузовик. За ним съездил Золотой. Когда Минаев забрался в кузов, он увидел там деревянный ящик. Он уже собирался на него сесть, когда кто-то из бандитов, скривив лицо в подозрительной ухмылке, произнес:

— Ты перепутал: это не стул, а гроб. Ложись в него!

Минаев поначалу посчитал это неудачной шуткой, но когда двое бандитов тумаками заставили его лечь в ящик, ему стало по-настоящему страшно. Однако окончательно его добила ночь в сыром подвале в одном из домов в богатой забытой деревеньке. Там бандиты достали двуручную пилу и приказали Минаеву лечь на лавку. «Сейчас тебя по частям пилить будем», — сообщили они. Этого жертва вынести не смогла и согласилась отдать требуемое. Ут-

ром следующего дня Минаева привезли в Москву, на Профсоюзную улицу, откуда он позвонил своей любовнице и попросил принести в обусловленное место 5 тысяч рублей, облигации 3-процентного займа, золотые часы и 50 граммов морфия. Что касается адреса Фатимы, то Минаев сумел убедить бандитов в том, что он ему неизвестен. Однако история на этом не закончилась.

Спустя несколько дней Минаев, которого, видимо, душила жаба от потерянного, решил отомстить Плутихе, заподозренной им в наводке. Зная, где она живет, он нагрянул на Большую Почтовую... и влип в новую историю. Плутиха была дома не одна, а в компании все тех же «монголов».

— Ба, кого мы видим! — радостно загалдели бандиты и насильно усадили к себе за стол нежданного гостя.

В ходе застолья вновь возникла тема Фатимы. Плутиха стала горячо уверять своих подельников, что Минаев должен знать ее координаты. Тот же это отрицал. Конец этому спору положил один из бандитов, который достал пистолет и заявил, что «грохнет гада, если тот не скажет правду». Видимо, учитывая, что все «монголы» были уже под изрядными парами, а в таком состоянии от них можно было ожидать любых неожиданностей, Минаев счел за благо больше не юлить. Он назвал адрес Фатимы: улица Дзержинского, дом 17. И уже на следующий день бандиты нанесли визит даме. Причем вновь устроили спектакль с переодеванием. Один из них был переодет в ту же зеленую форму майора внутренних служб, а трое других бандитов, среди которых был и Иванов, разыграли кто следователя, кто двух понятых. Фатима в этот маскарад поверила и впустила гостей в дом. Бандиты обыскали квартиру, но обнаружили мелочь: полкилограмма морфия, пару золотых часов и три червонца. Раздосадованная такими результатами и тем, что женщина наотрез отказывалась сдать свой главный тайник, бандиты решили действовать хитростью. Они вывезли ее на квартиру жены Сиськи и предложили заключить сделку: мол, ты платишь нам 10 000 рубчиков, а мы закрываем дело. Фатима, которая продолжала верить, что перед ней представители власти, с радостью на такое предложение согласилась. Что для нее были 10 «кусков» — тьфу, а не деньги. Но она

жестоко ошибалась, думая, что гроза миновала.

Уже на следующий день в ресторане «Узбекистан», что на Неглинной, ее разыскала Плутиха. Поскольку Фатима и в мыслях не держала, что красотка связана с ее вчерашними визитерами, она встретила девушку с распостертыми объятиями — усадила к себе за стол, налила вина. После пары-тройки бокалов полусладкого Плутиха как бы невзначай предложила Фатиме повернуть одно дельце. «Какое?» — с интересом спросила Фатима. Но Плутиха подалась вперед и зашептала, что дело, мол, серьезное и лучше поговорить о нем в другом месте. «Приходи сегодня вечером на улицу Энгельса (там жила мать Плутихи), там и поговорим».

Фатима явилась в точно назначенное время. Мать Плутихи, которая была в курсе всех дел своей дочери, накрыла на стол, однако в разговор не вмешивалась, предпочитая хлопотать на кухне. Суть же разговора двух подруг свелась к следующему: Плутиха предложила очередные услуги в деле сбыта наркотиков, обещала найти новых клиентов. Фатима не возражала. Так они просидели до позднего вечера, а когда гостя начала собираться домой, молодая хозяйка вызвалась ее проводить. На удачу прямо возле дома они заметили зеленый огонек позднего такси. Фатима смело села в автомобиль, не подозревая, что все происходящее — всего лишь ловко разыгранный спектакль. На самом деле за рулем такси сидел один из «монголов», а трое его подельников ожидали неподалеку, чтобы затем подсесть в машину. Как только это произошло, Фатиму тумаками заставили лечь на пол, и «Волга» рванула в деревню Маклино. Там женщине пришлось пережить три дня сплошных издевательств: ее били, таскали за волосы, прижигали сигаретами. В какой-то момент бандиты почувствовали, что женщина уже «дозрела», и привезли ее в Москву — на одну из своих блатхат. Однако там в Фатиме разыграла восточная кровь, и она сунула своим мучителям фигу под нос: вот вам, а не деньги! Взбешенные бандиты вновь обрушили на женщину град ударов. Чашу весов перетянул на сторону бандитов их штатный палач — 42-летний Людоед, числившийся подсобным рабочим в продовольственном магазине. Он

накинул на шею Фатимы веревочную петлю и, встав ей на грудь, стал затягивать ее. После этой экзекуции воля жертвы была сломлена, и она назвала бандитам адрес гостиницы, где хранила деньги и наркотики: Сушевский вал, 50, номер 23. В тот же день в руках у «монгольской братвы» оказалась сумка, где хранились 1300 рублей и пакетик с 26 граммами наркотиков.

Между тем криминальная хроника сентября не исчерпывается одними «подвигами» банды Монгола. В те дни в Москве промышляли и другие преступники, одного из которых тогда же удалось задержать (об этом написала «Вечерняя Москва» в номере от 30 сентября).

Сентябрьским вечером некий неизвестный мужчина зашел в одну из сберегательных касс в Сокольниках и стал слоняться по ней из угла в угол, делая вид, что изучает стенды. Однако его косые взгляды по сторонам сразу привлекли внимание одной из кассирш. Когда незнакомец вышел из кассы, она последовала за ним, чтобы позвать милиционера, стоявшего неподалеку. Милиционером оказался молодой младший сержант Деев, прослуживший в 98-м отделении милиции всего лишь полгода. Он догнал незнакомца и попросил предъявить документы. Мужчина сунул руку в карман плаща, однако вместо паспорта достал нож. Видимо, Деев не ожидал такого поворота, и лезвие ножа вонзилось ему в правый бок. Преступник же бросился бежать. Превозмогая боль и зажимая рану рукой, Деев пустился в погоню. Он был вооружен пистолетом, однако применять его побоялся: во-первых, на улице были люди, в которых он мог нечаянно угодить, во-вторых — это только в кино милиционеры лихо разбирались с бандитами с помощью «ствола», а в жизни за любое применение огнестрельного оружия стражей порядка тягали по высоким инстанциям и заставляли писать объяснительные. Короче, себе дороже.

Тем временем, увидев, что раненый милиционер упрямо преследует его по пятам, преступник решил его добить. Резко развернувшись, он бросился с ножом на Деева, надеясь на этот раз ударить наверняка. Однако младший сержант был готов к такому повороту событий. Ловким ударом ноги он выбил нож из рук преступника, а вторым ударом — на этот

раз кулаком — свалил его с ног. Не ожидавший такого отпора преступник грохнулся на спину, а Деев навалился на него сверху и, применив болевой прием, заставил уткнуться мордой в землю. Взыв от резкой боли в плече, бандит заорал благим матом и затребовал пощады. В этот миг к месту происшествия подбежали несколько прохожих, с помощью которых Деев и доставил преступника в отделение милиции.

19 сентября продвинутая столичная молодежь оплакивала безвременную кончину гениального рок-гитариста Джимми Хендрикса. 28-летний музыкант скончался накануне в Лондоне, захлебнувшись собственными рвотными массами, о чем поздним вечером было объявлено по «вражеским голосам». Нельзя сказать, что смерть Хендрикса болью отозвалась в сердце каждого советского юноши и девушки, но некое легкое брожение в среде хиппи и рок-роллеров все-таки наблюдалось. Как и полагается по-русскому обычаю, покойного помянули «ста граммами» и весь день слушали его записи на магнитной ленте.

И еще о рок-н-роллерках. Лидер группы «Машина времени» (тогда она еще называлась во множественном числе — «Машины времени») Андрей Макаревич поступил в МАРХИ. Днем он исправно посещал лекции, после чего спешил не к себе домой, а в квартиру своего бывшего одноклассника и такого же, как и он, «машиниста» Юрия Борзова. У того отец был генералом, что позволило семье получить огромную квартиру в «Доме на набережной». Каждую осень родители Борзова уезжали отдыхать к морю и оставляли квартиру на попечение детей — двух сыновей и двух дочерей. В результате на 28 дней (столько длился отпуск родителей) роскошные апартаменты превращались в трактир «Не рыдай». Вот как описывает его сам Макаревич:

«Стены украшались портретами Григория Распутина и императрицы Марии Федоровны. Руководил трактиром старший Борзов — Иван. Он пребывал в чине генерал-директора этого богоугодного заведения, и по статусу ему полагался бархатный халат и сабля на боку. Существовал устав трактира — довольно объемистый документ, разъясняющий моральные нормы в отношении принесенных напитков и приглашенных девушек. Количество членов этого

клуба было практически неограниченным. Сестры Борзовы тихо гуляли своим углом, и мы их почти не видели. Размеры квартиры это позволяли. Компанию младшего Борзова составляли мы, а в круг друзей старшего входили люди самые разнообразные — от художников-иконописцев до войковских хулиганов. Обстановка царил дружественная, веселая и какая-то творческая, что ли. Дух этого заведения мне трудно передать сейчас словами, но, во всяком случае, ни распивочную, ни бордель это не напоминало (хотя в принципе произойти могло все, что угодно). В довершение ко всему трактир «Не рыдай» являлся местом наших репетиций и, соответственно, выступлений... До сих пор не понимаю, как это могли выдержать соседи. Тем не менее напряжений не возникало и милиции ни разу не вызвали — видно, в этом доме это было не принято. Трактир бурлил двадцать восемь дней и ночей, после чего все тщательно мылось, проветривалось, маскировалось отсутствием разбитого семейного хрусталя, портреты Распутина и матушки-императрицы снимались со стен, и трактир вновь превращался в генеральскую квартиру. Могли, правда, еще несколько дней спустя позвонить в дверь странного вида люди с сумками, в которых звенело, но вообще весть о том, что трактир закрыт, разлеталась быстро...»

В четверг, 24 сентября, в советских газетах впервые за многие годы всплыло имя Алексея Стаханова: сообщалось, что ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, а также вручается знак «Шахтерская слава» всех трех степеней. Для многих это сообщение было неожиданным, поскольку люди-то считали, что Стаханов давно умер. Еще осенью 68-го, когда газета «Труд» пригласила на Устный выпуск в Колонный зал Дома союзов несколько знатных людей страны и ведущий объявил, что слово предоставляется Стаханову, зал оцепенел. «Он разве жив?» — пронеслось по рядам. Стаханов действительно был жив-здоров и трудился в качестве помощника инженера шахтоуправления № 2-43 комбината «Торезантрацит».

Между тем в газетах, сообщавших о награждении Стаханова, ничего не сообщалось о том, как жил все эти годы человек, которому волею судьбы пришлось стать одним из символов ре-

жима. А жил он, скажем прямо, не сладко. Хотя поначалу, кажется, ничто не предвещало такого результата. После того как в ночь с 30 на 31 августа 1935 года на кадиевской шахте «Центральная-Ирмино» Стаханов с двумя напарниками установил рекорд по добыче угля — 102 тонны за смену при норме 7,5 тонны, — его имя стало нарицательным (кстати, настоящее имя героя было Андрей, но корреспондент «Правды» в своем репортаже напутал, с тех пор и повелось — Алексей). В стране родилось стахановское движение, а сам Стаханов на несколько лет стал кумиром всей страны. О нем писали газеты, снимали фильмы, сочиняли книги. Его даже на фронт не отпустили в 41-м, поскольку боялись, что человек-символ может погибнуть. Вместо этого его отправили в Караганду начальником шахты. Через год перевели в Наркомат угольной промышленности на непыльную должность — заведующего сектором соцсоревнований и наград. Там он и просидел более 25 лет, перекладывая бумажки с одного угла стола на другой. В газетах про него уже не писали, фильмы не снимали.

Так продолжалось до конца 57-го, пока в Москву с кратким визитом не приехал лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти. На одном из раутов он внезапно спросил у Хрущева, где теперь тот шахтер Стаханов, имя которого гремело до войны на весь мир, уж не умер ли. «Да нет, живой. Живет себе в Донбассе», — ответил Хрущев, который даже не знал, что Стаханов вот уже почти два десятилетия живет и работает в Москве, в Минуглепроме. «Нельзя ли с ним встретиться?» — поинтересовался Тольятти. «Отчего же, можно».

В тот же день Хрущев дал задание своему помощнику послать гонцов в Донбасс, за Стахановым. «Так он же в Москве, Никита Сергеевич!» — сообщил шефу неожиданную новость помощник. «Как в Москве? Зачем в Москве? — удивился Хрущев. — Непорядок. Пусть после встречи с Тольятти отправляется в Донецкую область». Так волевым решением главы государства Стаханов ни с того ни с сего оказался в «южной ссылке». Причем отправился он туда один, поскольку жена с детьми с ним не поехали.

В Донбассе Стаханов сначала занимал должность заместителя управляющего уголь-

ным трестом в городе Чистякове (затем — Торез), потом пересел в кресло главного инженера. Поначалу жил в гостинице, потом поселился в неотремонтированный старый домик барачного типа с печным отоплением и удобствами во дворе. И это после стольких лет жизни в столице, в роскошной квартире в правительственном доме! Жил один-одинешенек, всеми позабытый на шестом десятке лет. Даже местные власти не замечали Стаханова. И только два человека поддерживали бывшего кумира миллионов: секретарь парткома шахтоуправления «Торезское» Сергей Любенков да новая жена, которую Стаханов нашел здесь же — в Чистякове.

Первый звонок о том, что про Стаханова опять вспомнили, прозвучал, как уже говорилось, в 68-м году, когда его пригласили на Устный выпуск газеты «Труд». В прессе вновь замелькало его имя. А два года спустя его наградили званием Героя Социалистического Труда. Награду ему вручали в Кремле, где он в последний раз был лет эдак двадцать, а то и поболее, назад. К сожалению, награда не принесет Стаханову радости: под впечатлением этого события у него случится нервное расстройство, и он угодит в психушку. Но об этом рассказ впереди, а пока вернемся в сентябрь 70-го.

25 сентября в Центральном доме журналиста состоялась пресс-конференция по поводу создания новой лотереи — «Спортлото», билеты которой должны были распространяться с октября. Нынешнее молодое поколение почти ничего про нее не знает, однако в течение четверти века эта лотерея была очень популярна. Суть ее состояла в следующем. Как известно, всего в спорте 49 видов. На билетах «Спортлото» надо было угадать от 6 до 3 номеров. В зависимости от сложности задания формировался и выигрыш: угадал три номера — получи 3 рубля, шесть — уже 500. Насколько мне помнится, в первое время существования «Спортлото» мой отец несколько раз покупал билеты этой лотереи, но ни разу не выиграл больше трех рублей. И так было у большинства покупателей, что все равно ничуть не влияло на огромную популярность лотереи.

Тем временем в Москве начинается новый театральный сезон. Театр на Таганке открыл его 18 сентября премьерой спектакля Юрия

Любимова «Что делать?» по Н. Чернышевскому. В зале был аншлаг, впрочем, как и на всех постановках этого театра. Это один из немногих столичных театров, где люди простаивают ночи напролет, чтобы достать желанный билет на любой спектакль.

В другом театре — Малом — обстановка крайне напряженная. Туда приглашен новый главреж — Борис Равенских из Театра им. Пушкина, — который с первых же дней своего пребывания в Малом встречается с серьезным сопротивлением внутри коллектива. В числе недовольных — патриарх театра Михаил Царев. Еще в 64-м году он был освобожден с поста директора театра по единодушному предложению партбюро театра, выраженному непосредственно министру культуры Екатерине Фурцевой. Однако Царев, перестав директорствовать, номинально продолжал властвовать внутри коллектива, лелея надежду вернуть себе кресло директора. В сентябре 70-го он был в двух шагах от него, потеснив трех других претендентов на этот пост: Жарова, Солодовникова и Колеватова. Однако из-за прихода Равенских все сорвалось — выборы директора не состоялись, и корзина цветов, предназначенная для Царева, пока так и осталась неподнесенной (пишу «пока», поскольку ровно через месяц Царева все-таки изберут директором).

Кроме этого, Равенских задумал вернуть в театр Бориса Бабочкина, которого те же Царев и Жаров терпеть не могли и сделали многое для того, чтобы тот год назад покинул их коллектив. И вот на тебе: все старания коту под хвост! Плюс ко всему из-за назначения Бабочкина подал заявление об уходе режиссер Варпаховский. Короче, с приходом нового режиссера обстановка в Малом складывалась весьма непростая.

26 сентября на Большой спортивной арене в Лужниках состоялся очередной матч футбольного первенства страны между столичным «Торпедо» и минским «Динамо». Матч не привлек к себе внимания публики — на стотысячной арене присутствовало всего-то восемь тысяч болельщиков. Однако если бы футбольная публика знала, что этому матчу суждено войти в историю, она бы наверняка его не проигнорировала. Дело в том, что в этом матче свою

последнюю официальную игру провел выдающийся игрок Эдуард Стрельцов.

Еще в январе Стрельцов залечил травму ахилла, полученную в игре за дубль (его подрезал славившийся грубой игрой столичный «динамовец» Никулин), и вновь вернулся в состав «Торпедо». Однако играл блекло. Он не забил ни одного мяча в прошлом сезоне, не складывалось у него и в этом. Причины были разные. Тут и лишний вес (хотя в его прибавке были объективные причины — годы, проведенные в неволе (1958—1963), сказались на обмене веществ), и предвзятое отношение тренера, который то ставил Стрельцова на игру, то оставлял в запасе. А это всегда бьет по нервам игрока — уверенности-то нет. Стрельцов подумывал было уйти в другую команду, однако автозаводское руководство делать это ему запретило. Мол, ты начинал в «Торпедо», здесь и закончишь. Он и закончил. Сначала перестал играть за дубль, а потом и в основном составе. Вскоре после того памятного матча с минчанами (его торпедовцы проиграли 0:1) Стрельцов однажды позвонил тренеру Иванову и спросил, приезжать ли ему на сборы в Мячково. Тренер безразлично ответил: «Как хочешь». Стрельцов не поехал. Говорят, когда кто-то из игроков высшей лиги узнал, что великий Стрелец закончил играть, а ему даже проводов не устроили, он с грустью заметил: «Если с самим Стрельцовым так поступили, то нас и подавно метлой погоняют».

Повесив бутсы на гвоздь, Стрельцов пойдет учиться. Он станет студентом Смоленского института физкультуры (его филиал находился в подмосковной Малаховке). Правда, гранит науки Стрельцов будет грызть без особого усердия. В занятия он долго не сможет втянуться, хотя в институт ездить будет с охотой — на людях легче развеяться, прогнать из головы невеселые мысли, связанные с уходом из большого футбола. В родное «Торпедо» примерно на год он забудет дорогу вовсе, даже в повседневной жизни ни с кем из игроков не будет общаться. Сделать это будет не трудно, поскольку теперь Стрельцов жил не возле стадиона «Торпедо» на Автозаводской, а совсем в иных краях — у Курского вокзала. Он и на игры практически перестанет ходить, предпочитая смотреть их по «ящику».

Но вернемся в сентябрь 70-го.

В тот день, когда Стрельцов сыграл свой последний официальный матч, Луганск содрогнулся от очередного убийства. Как мы помним, в последний раз тамошний маньяк лишил жизни свою очередную жертву 4 июля, и с тех пор убийств на сексуальной почве в городе не было. Но 26 сентября была изнасилована и убита рабочая завода имени Октябрьской революции, возвращавшаяся домой со второй смены. Ее нашли удушенной недалеко от трамвайной остановки. На месте преступления был найден шнурок от спортивной обуви, которым связывались руки потерпевшей. У жертвы были похищены часы, кольцо, дамская сумка, чулки и кофта.

При обходах сыщики выяснили, что буквально за несколько дней до этого убийства в этом же районе некто неизвестный пытался изнасиловать еще одну женщину. Ее нашли и допросили. Она рассказала, что нападение произошло поздно вечером, когда она возвращалась домой. Кто-то напал на нее сзади, согнутой в локте рукой придавил за горло, повалил на землю и, заломив руки за спину, начал связывать. Однако на ее крик из ближайшего дома вышли люди, и преступник поспешил ретироваться. Описать его приметы потерпевшая не могла. Однако ее показания натолкнули сыщиков на внезапную мысль: если преступник использует так называемый «стальной зажим», не означает ли это, что он имеет какое-то отношение к спорту, в частности к борьбе самбо? На это указывал и найденный на месте последнего преступления шнурок от спортивной обуви. Стали проверять в этом направлении: просеяли все секции борьбы в городе, показали тамошним тренерам пиджак преступника. Но и здесь розыскников постигла неудача. С момента начала поисков маньяка минуло уже полгода.

В воскресенье, 27 сентября, в автомобильную аварию в Москве угодила известный журналист, исследователь космической темы Ярослав Голованов. В тот день в столицу прилетали его хорошие знакомые — Евгений Авдеев с женой, — и Голованов вместе со своим коллегой Герасимовым отправились встречать их в аэропорт на машине. Назад возвращались

вчетвером, за рулем был Голованов. Далее слушаем его собственный рассказ:

«На выезде из тоннеля под Таганской площадью в сторону Курского вокзала есть светофор для пешеходов, на «островке безопасности» стоят люди. Дорога под горку, светофор красный, во втором и третьем ряду остановились машины, но я скорость не сбавляю, потому что он уже переключился на желтый, а мой левый ряд свободный. Вдруг с «островка безопасности» бросается какой-то дядька и начинает метаться между «островком» и такси во втором ряду, которое уже тронулось с места. Я понимаю, что сейчас убью этого дядьку в синем плаще-реглане. Слева — «островок» с людьми, справа — такси. Таксист мог бы рвануть с места побыстрее и освободить мне второй ряд, но он меня не видит. Передо мною мечется человек. Руль вправо. Удар в такси. «Волга» перелетает на встречную полосу движения. О мою грудь согнулось рулевое колесо. Сломаны два ребра, разбита коленка, много крови. Ося (Герасимов, — Ф. Р.), который сидел рядом, ударился лицом о торпедо и сломал мизинец, а жена Авдеева Людя ткнулась в спинку кресла Оси. Женя не пострадал. Осю и Людю отвезли в Склиф, а меня — на проспект Мира писать объяснение. Закапал им кровью весь пол. Машина вдребезги, сорвало двигатель, а ведь на спидометре всего 5 тысяч км. Заехал в Склиф. Дома в 8-м часу. Очень болит грудь и нога, но температура, очевидно, от нервного стресса. Как вспомню все это — выть хочется...»

К сожалению, у меня нет данных о количестве пострадавших в автомобильных авариях в 70-м году. Но зато есть цифры за год предыдущий, которые вряд ли сильно разнятся. Так вот, в 1969 году в РСФСР в автодорожных катастрофах погибло 16 тысяч человек и было ранено свыше 66 тысяч человек. Столько же тогда погибло в ФРГ. А вот в США цифры потерь куда как больше: 50 тысяч погибших. Правда, там и машин поболее будет, чем в Союзе: одна автомашина приходится на каждые два человека, а у нас — на 200.

28 сентября в Египте скончался Герой Советского Союза, президент Египта с 1956 года Гамаль Абдель Насер. Было ему 52 года. В Советском Союзе эта новость вызвала неподдель-

ную скорбь, поскольку Насер вот уже почти полтора десятка лет считался нашим другом. Как мы помним, в эти дни Египет вел кровопролитную войну с Израилем и наши ракетчики бок о бок с египетскими участвовали в боевых действиях. Счет наших потерь к этому времени шел уже на десятки человеческих жизней.

29 сентября Андрей Тарковский пишет письмо в Ленинград Григорию Козинцеву, в котором просит проявить заботу о своем хорошем знакомом — актере Анатолии Солоницыне. Приведу отрывок из этого письма:

«Григорий Михайлович! Я знаю — у Вас много друзей в Ленинграде. Дело в том, что меня очень заботит судьба Анатолия Солоницына. Это актер новосибирского «Красного факела», который снимался у меня в роли Андрея (Рублева. — Ф. Р.).

Он в ужасном состоянии — несмотря на то что сыграл за это время много серьезного, вплоть до Бориса Годунова, — и уходит из театра для того, чтобы перейти в Таллин в Русский театр.

Но его мечта — Ленинград и театр, где режиссером Владимиром. Не могли бы Вы посодействовать ему в этом смысле. О Товстоногове он и не мечтает: боится интриг и проч. Не знаю, прав ли он.

Солоницын очень хороший актер, и важно, чтобы он осел в хорошем театре. Я, к сожалению, настолько в опале, что никому и никак не могу быть полезным, скорее наоборот.

Извините, ради бога, за просьбу, которыми Вам и так надоед. Только поверьте, я рассчитываю лишь на словечко, которое Вы можете замолвить за Толю Солоницына, и ни в коем случае ни на какие хлопоты, на которые я не вправе рассчитывать...»

Просьба Тарковского возымела действие — Козинцев действительно «замолвил слово» за Солоницына. Через год с небольшим тот действительно переехал с семьей в Питер и устроился в труппу Театра им. Ленсовета. Правда, радости этот переезд актеру так и не принес. Серьезных ролей ему не предлагали, и единственной своей удачей там он будет считать роль Виктора в «Варшавской мелодии» Леонида Зорина. Но все это будет после.

Кстати, о Леониде Зорине. 29 сентября, вернувшись из двухнедельной поездки в Венгрию, он встретился в Москве с главным режиссером МХАТа Олегом Ефремовым. Встреча состоялась в кафе «Артистическое» напротив театра и была посвящена одной теме: Ефремов хотел во что бы то ни стало осуществить постановку пьесы Зорина «Медная бабушка». Эту пьесу, посвященную короткому периоду жизни А. Пушкина летом 1834 года («медная бабушка» — статуя царицы Екатерины, которую поэт вознамерился продать, чтобы хоть как-то разжечь тиски безденежья, сжимавшие его в тот год), драматург написал еще в марте. Она произвела настоящий фурор в столичной творческой среде, ее вознамерились поставить сразу несколько театров, но власти наложили на это дело табу. Ефремову, который был вхож во многие высокие кабинеты, казалось, что ему-то удастся справиться с этой проблемой. Вот как вспоминает о той встрече сам Л. Зорин:

«Олег пребывал в отменной форме, выглядел бодро и боевито. Худое мальчишеское лицо стало еще худее и резче, словно со скул стесали стружку, в глазах задорные светлячки — сочетание озорства и энергии. Его решение расстаться с созданным им «Современником» потребовало душевных затрат, и думаю, что далось нелегко. Но оно было принято и пережито, начиналась другая глава его жизни.

Я поднял рюмку с коньяком за «Станиславского-1970». Он озабоченно усмехнулся. Вернуть ореол угасшему МХАТу он, по его словам, не надеялся, но «сдвинуть» его с болотной почвы — это оправдало бы все усилия. Слово «сдвинуть» он несколько раз повторил. «Главное — всех занять работой. Готовить сразу десять спектаклей».

Он перешел к нашим делам. Пока я знакомился с бытом мадьяр, в театре прочли «Медную бабушку». Артисты ею весьма довольны, и он готов приступить к работе. Она уже, собственно, началась. В помощь себе он привлек Михаила Козакова, оставившего вместе с ним «Современник», и тот уже занимается пьесой.

Однако с тех пор, как я ее кончил, во мне поубавилось энтузиазма, и я не таясь сказал Ефремову, что гладкого асфальта не будет. «Бабушка» вызывает опаску, он должен понять, что его ждет.

Ефремов озлился:

— Какого черта! Я руководитель Художественного театра. Мне и решать, что в нем играть...»

О том, как будут дальше развиваться события вокруг этой пьесы, мы узнаем чуть позднее, а пока продолжим знакомство с хроникой сентября 70-го.

В среду, 30 сентября, Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин отправились в Лыткарино, чтобы выступить в одном из тамошних кинотеатров перед сеансом фильма «Опасные гастроли». Золотухин затем опишет в дневнике свои впечатления от увиденного: «Там много личного, Володиного. Много про нас, про артистов. Ужасно грустный фильм, для меня лично. Потому что он и про меня тоже. И так же, как Володин персонаж, я бегу, бегу, жду от каждого концерта, спектакля какого-то чуда, а его все нет... а я бегу, догоняю... И Володя бежит... и тоже догоняет...»

Это мероприятие принесло Высоцкому 120 рублей дохода, а Золотухину четыре ставки через Бюро кинопропаганды и бутылку чистого спирта от местных устроителей.

В этот же день, но уже поздно вечером — в 22.00 — ЦТ транслировало матч $1/16$ финала Кубка чемпионов по футболу между швейцарским «Базелем» и московским «Спартаком». Несмотря на то что москвичи играли в гостях, их игра по-настоящему порадовала миллионы советских болельщиков, собравшихся в тот поздний вечер у голубых экранов. Наши ребята вколотили «швецам» три мяча: дважды отличился Осянин, и одну «бабочку» забил Папаев. Мы победили 3:2 и получили хорошие шансы на выход в $1/8$ финала КЧ. Однако этим шансам не суждено будет сбыться. В ответном матче в Москве «спартаковцы» игру «солят» 1:2 и с дальнейшей дистанции сойдут.

Во второй половине сентября в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: с 18-го, в недавно открывшемся кинотеатре «Варшава», начинают крутить эпическое полотно польского режиссера Ежи Гофмана «Пан Володыевский»; с 21-го на экраны выходит лента Льва Кулиджанова «Преступление и наказание» с Георгием Тараторкиным в роли Раскольникова и Иннокентием Смоктуновским в роли Порфирия Петровича (за эту роль, по опросу

читателей журнала «Советский экран», он будет назван лучшим актером 70-го года); с 22-го — фильм братьев Элема и Германа Климовых «Спорт, спорт, спорт»; с 28-го — фильм Александра Митты «Гори, гори, моя звезда» с Олегом Табаковым и Олегом Ефремовым в главных ролях (на момент выхода картины в прокат актеры были в серьезной ссоре друг с другом, о чем я уже писал) и фильм Георгия Юнгвальд-Хилькевича «Внимание, цунами!» с Георгием Юматовым, Валентином Зубковым и Николаем Федорцовым в главных ролях. В этот же день в Москве начали демонстрировать еще одну польскую картину — «Куклу» по Б. Прусу.

Кино по ТВ: «Фро», «Душечка» (16-го), «Десятый шаг» (17-го), «Красные листья», «Мичман Панин», «Воздушный извозчик» (18-го), «Трембита», «Когда дождь и ветер стучат в лицо» (19-го), «Утро», «Трудный переход» (20-го), «Вольница», «Прощайте, голуби!» (21-го), «Смелые люди», «Девушка с коробкой» (22-го), «Альпийская баллада» (23-го), «Я вас любил» (24-го), «Женщины» (25-го), «Близнецы», «Жизнь Пуччини» (Италия) (26-го), «26 бакинских комиссаров», «Садко» (29-го), «Броненосец «Потемкин», «Человек родился» (30-го) и др.

Из новых грампластинок фирмы «Мелодия» в жанре «эстрадная музыка» назову следующие: диск-гигант «Поет Валерий Ободзинский» с песнями «Карнавал» (К. Свобода — О. Гаджикасимов), «Восточная песня» (Д. Тухманов — О. Гаджикасимов), «Любимая, спи» (Д. Тухманов — Е. Евтушенко), «Я возвращаюсь домой» (А. Островский), «Заблудились, видно, соловьи» (В. Орловецкий — Г. Меер), «Эти глаза напротив» (Д. Тухманов — Т. Сашко), «Что-то случилось» (Т. Попа — Д. Иванов), «Ты меня забыла» (В. Дмитриев — М. Рябинин), «Неотправленное письмо» (С. Мелик — О. Гаджикасимов), «Анджела» (Паоли — Л. Дербенев), «Играет орган» (Д. Тухманов — М. Пляцковский), «Все сбудется» (Л. Рид — О. Гаджикасимов), «Только «да» (Б. Ренский — П. Леонидов), «Любовь возвратится к тебе» (А. Нестеров — П. Леонидов), «Встреча» (А. Тартаковский — П. Леонидов), «Так и будет» (Б. Ренский — П. Леонидов);

миньоны твердые: «Песни композитора Е. Жарковского» (исполнители Людмила Зыкина, Вадим Мулерман, Екатерина Шаврина, Влади-

мир Трошин, Маргарита Суворова); «Поет Владимир Баглаенко» (цыганские песни, старинные русские романсы, песни из спектаклей); «Поет Дин Рид» с песнями «Ножницы» (Бэкон — Келлер), «Счастливая девушка» (Э. Пресли), «Ты увидишь (Р. Беннет), «Когда ты рядом» (Д. Рид).

Однако самой рейтинговой пластинкой месяца стал дебютный миньон (твердый) вокально-инструментального ансамбля «Веселые ребята», на котором были представлены четыре песни: две отечественных авторов («На чем стоит любовь» О. Иванова — О. Гаджикасимова и «Алешкина любовь» С. Дьячкова — О. Гаджикасимова), и две зарубежных («Старенький автомобиль» и «Облади-облада» Д. Леннона —

П. Маккартни). Созданный еще в марте 68-го, этот ВИА до сего времени не имел на своем счету ни одной пластинки, что, конечно же, было несправедливо, учитывая огромную популярность этого коллектива у слушателей. Наконец в сентябре 70-го эта несправедливость была устранена — «Веселые ребята» выпустили в свет свой первый миньон, который за считанные дни был сметен с прилавков. До сих пор помню, как чуть ли не из каждого окна в окрестностях нашего двора на Казаковке несло легендарное «битловское» «би-би, би-би-пим-е» в исполнении простых советских парней Леонида Бергера, Валентина Витебского, Владимира Полонского и Валерия Хабазина, игравших тогда в «Веселых ребятах».

1970 Октябрь

Обсуждают «Остров сокровищ». Теплый прием для Жоржа Помпиду. Почему Высоцкий не хотел встречать Марину Влади. Начался Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Кремль в шоке: Солженицыну присудили Нобелевскую премию. КГБ прозевал публикацию мемуаров Хрущева. Внезапная смерть знаменитого разведчика Конона Молодого. Презент от Джона Леннона. Визит Помпиду продолжается. ЦСКА — победитель Кубка европейских чемпионов по хоккею. Как Евгений Петросян отмечал победу на эстрадном конкурсе. Юматов: загулы продолжаются. Почему случился инфаркт у Аркадия Райкина. Николай Рубцов буйнит. Андрей Миронов переживает: «Милый друг» в Театре Сатиры не состоялся. Как влюбился Михаил Шуфутинский. Наши боксеры летят на Кубу. Гибель стюардессы Надежды Курченко. Спецназ ГРУ отправляется возвращать угнанный самолет. Луганский маньяк оставляет новые улики. Первая «копейка» Советского Союза. Солженицын на даче Ростроповича: проблемы с разводом. Знакомство Андрея Сахарова с Еленой Боннэр. Спецназ ГРУ: миссия провалилась. Развод кинорежиссера Юнгвальд-Хилькевича. Как автомобиль Юрия Гагарина попал в его музей. Фальшводка для Георгия Юматова. Советский боксер Олег Коротаев покоряет Фиделя Кастро. В Москве объявились грабители. Дурдом на съемках «Проверки на дорогах»: все пьют и трахаются. Письмо Ростроповича в защиту Солженицына. Футбольный погром в Кутаиси.

В четверг, 1 октября, на «Мосфильме» Эдмонд Кеосаян снимал заключительные кадры своей трилогии про «неуловимых» — «Корону Российской империи, или Снова неуловимые». В тот день снимался эпизод на Эйфелевой башне. «Эйфелева», естественно, была создана руками мосфильмовских умельцев из фанеры и железа. Эпизоды снимали практически на одном дыхании, еще не догадываясь, что все снятое пойдет коту под хвост из-за брака пленки и что все эти сцены придется переснимать заново. Но об этом рассказ впереди.

На другой столичной киностудии — имени Горького — режиссер Евгений Фридман работает над экранизацией «Острова сокровищ». Натурные съемки ленты начались в конце апреля в Ялте. Затем с середины августа и почти до конца сентября съемки были приостановлены — в Ялте был объявлен карантин из-за холеры. За это время удалось снять около 1700 полезных метров пленки, которые и затребовало к себе руководство студии. Не все в увиденном понравилось начальству. Вот как это вы-

глядит в стенограмме заседания, которое состоялось 5 октября:

И. Кокорева: «Если можно примириться с исполнением Борисом Андреевым роли Сильвера, то мальчика пока нет в фильме, а отснято уже 1700 метров. Нельзя считать удачным конец фильма...»

Б. Павленок: «Исполнение роли Сильвера ниже того, что делал Абдулов в старом фильме, но у режиссера есть еще тысяча метров впереди, где можно кое-что поправить. Главное, чтобы не было бесконечного потока крови и убийств...»

Тем временем Леонид Брежнев в эти дни находится с кратким визитом в Баку, где в торжественной обстановке вручает Азербайджану орден Октябрьской революции в связи с 50-летием республики. Орден он вручил, после чего улетел обратно в Москву, где его ждали очередные государственные дела. В частности, 6 октября из Парижа прилетел Президент Франции Жорж Помпиду. По словам очевидца — переводчика МИДа Николая Полянского:

«Визит Помпиду был самым грандиозным из всех, которые мне пришлось наблюдать. В-первых, гигантский маршрут, составлявший многие тысячи километров: Москва — Новосибирск — Ташкент — Самарканд. Контрастные регионы — европейский центр, Сибирь и Средняя Азия, отличающиеся как по климату, так и по национальным традициям и культуре: древнерусский Кремль и восточная жемчужина Самарканд с его древними азиатскими памятниками, бюрократическая Москва и новая научная столица Новосибирск. А в промежутке — посещение космодрома в Байконуре, в степях Казахстана.

Во-вторых, прием на самом высшем уровне — французского президента встречала тогдашняя (теперь уже забытая) «тройка»: Брежнев, Косыгин, Подгорный. В-третьих, многочисленная и разнообразная свита как с французской, так и с советской стороны: министры, послы, службы протокола, прессы и безопасности Елисейского дворца, около 300 журналистов, длинные кортежи машин, четыре советских спецсамолета, да еще следовавшая за ними по маршруту президентская «Каравелла» (одни освещавшие визит журналисты занимали два самолета). Не следует забывать и о продолжительности этой поездки — целых восемь дней.

Я был прикреплен к машине (кажется, № 6), в которой ездил заместитель министра иностранных дел Козырев и генеральный секретарь канцелярии французского президента Мишель Жобер. Несколько раз я попадал также и в машину советского посла в Париже Валериана Зорина, который, кстати сказать, все время пикировался с Козыревым, считая себя выше его по протокольному старшинству, тогда как Козырев, курировавший страны Западной Европы, полагал, что посол во Франции, естественно, ему подчиняется и ниже его по положению. Для службы протокола это и впрямь была трудноразрешимая головоломка: хотя формально, будучи представителем советского правительства, Зорин считался как будто выше, но фактически он, вне сомнения, подчинялся заместителю министра Козыреву. Похоже, что Козырева в этих вопросах подогревала его молодая и довольно смазливая жена, из бывших машинисток.

Кстати, о женах. Известно, что это слабое место советских руководителей. В большинстве своем они женились давно, в молодости, когда еще ничего собой не представляли, и их жены чаще всего недостаточно образованны, не знают иностранных языков и светских манер, не умеют со вкусом одеваться и обычно настолько раскормлены, что совершенно неприглядны в приличном обществе. На приемах они появлялись исключительно редко. Раз или два я видел жену Брежнева, о которой говорили, что она еврейка — судя по внешности, это похоже на правду. (На самом деле Виктория Петровна была русская, родом из города Курска, девичья фамилия у нее была Денисова. — Ф. Р.) Видел как-то и жену Громыко, полную женщину, расплывшуюся в простоватой, но доброй улыбке. Косыгин в то время был уже вдовцом (Клавдия Андреевна Косыгина скончалась 1 мая 1967 года. — Ф. Р.) и появлялся иногда на официальных приемах и завтраках с дочерью, советницей МИД СССР, бывшей замужем за заместителем председателя Госкомитета по науке и технике Джерменом Гвишиани. (Позднее она была назначена директором Библиотеки иностранной литературы.) Когда кто-то из иностранных гостей спросил, почему Подгорный без жены, ему ответили, что его жена — больная женщина и никогда не ходит на приемы...»

В эти же дни в Москву из Франции прилетел еще один известный человек — жена Владимира Высоцкого Марина Влади. А Высоцкий тогда был увлечен другой женщиной — манекенщицей Галиной, с которой он познакомился пару месяцев назад благодаря своему другу Давиду Карапетяну (Галя была лучшей подругой его любовницы Ани). Галя тоже симпатизировала артисту, хотя у нее был муж и восьмилетний сын, в котором она души не чаяла. Короче, их роман был в самом разгаре, когда в Москву надумала прилететь Влади.

Высоцкий в те дни был не в самой лучшей форме, что чрезвычайно заботило Карапетяна. Однако, не имея времени самому следить за другом, он решил подрядить на это дело Галину. Задача перед ней была поставлена следующая: подежурить подле Высоцкого ночь накануне прилета Влади, не давая ему пить ничего, кроме пива, и не выпускать из дома. И манекенщица с возложенными на нее обязанностями

справилась на «отлично». После чего утром следующего дня Высоцкий выдал совершенно неожиданное: сказал, что не хочет ехать встречать жену, а останется с Галей. «Ты посмотри, какая девушка! — обращался он к другу. — Какие глаза! Какая точеная фигурка! Эта осиная талия!» Карапетяну стоило больших трудов уговорить его изменить свое решение и отправиться вместе с ним во Внуково. Однако, согласившись ехать, Высоцкий в итоге все равно жену проигнорировал — остался сидеть в машине, отправив в зал ожидания своего друга.

В среду, 7 октября, в Москве начал свою работу IV Всесоюзный конкурс артистов эстрады, на который съехались около сотни артистов разных жанров. Был среди них и эстрадный дуэт из Одессы в лице Романа Карцева и Виктора Ильченко. Самое интересное, что на конкурс они попали совершенно случайно: пару месяцев назад наобум подали заявку, даже не рассчитывая на успех, и, к своему удивлению, оказались в числе конкурсантов. Известие об этом застало артистов на гастролях в Ростове-на-Дону. Эта поездка оказалась малоудачной: Карцев и Ильченко выступали со спектаклем «Как пройти на Дерибасовскую?..» по интермедиям Михаила Жванецкого, но народ на них активно не шел. Не спасла положение даже хитрость администратора, который специально написал на всех афишах пояснение: «Эти артисты работали с Райкиным» (это было в 1962—1967 годах). Поэтому, отправляясь в Москву, дуэт не слишком рассчитывал на победу. А получилось... Впрочем, не будем забегать вперед.

8 октября пришло неожиданное сообщение о том, что Нобелевский комитет принял решение наградить премией Александра Солженицына. Для советского руководства это было крайне неприятное сообщение. Уже спустя два дня все центральные газеты откликнулись на него заказными статьями, от первой до последней буквы продиктованными со Старой площади (там находился ЦК КПСС). Тогда же — 10 октября — председатель КГБ Юрий Андропов подготовил специальную справку по этому же поводу. Вот ее текст:

«По поступившим в Комитет госбезопасности данным, сообщение о присуждении Солженицыну 8 октября 1970 года Нобелевской премии заметно оживило активность аккреди-

тированных в Москве иностранных корреспондентов и вызвало ряд поздравительных телеграмм и писем в его адрес... В кругах советской интеллигенции решение Нобелевского комитета воспринято в основном неодобрительно. Многие писатели, кинематографисты, художники, деятели театра, композиторы считают присуждение Солженицыну премии очередной антисоветской акцией и обсуждают вопрос, как на нее следует реагировать. Характерны такие высказывания. Ученый секретарь Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР А. Ушаков: «Солженицын как политик от литературы добился всего: публики, известности, признания. Теперь он может даже умереть. Видимо, в ближайшем будущем поднимется шумиха в западной печати, которая неминуемо приобретет антисоветскую окраску. И именно это обстоятельство обнажит политический характер решения Нобелевского комитета. Правда, многое будет зависеть от нашей позиции. Что касается Солженицына, то это враг. Я лично не могу себя убедить, что в свое время он случайно попал в лагерь, откуда его не надо было и выпускать». Композитор Л. Афанасьев (вскоре он прославится песней «Гляжу в озера синие», написанной специально к телесериалу «Тени исчезают в полдень». — Ф. Р.): «В последнее время Солженицын стал на антисоветский путь, пишет про нашу действительность хуже, чем фашистские писаки. Вот за это ему и присвоили Нобелевскую премию». Писатель Ю. Трифонов: «Было бы идиотизмом уделять присуждению Солженицыну Нобелевской премии слишком много внимания, и не следует делать из него проблемы номер один». Композитор Н. Богословский: «В наших сообщениях и публикациях, видимо, не нужно допускать таких выражений, как «достойно сожаления», «обидно» и тому подобное. По-моему, достаточно промолчать или ограничиться строгой информацией по существу вопроса». Писатель В. Максимов (кстати, вскоре сам попадет в разряд диссидентов и эмигрирует. — Ф. Р.): «Трудно сейчас решать, что делать, поскольку Солженицын — человек неуправляемый и идет напролом. Мы можем предполагать, намечать меры, а он вдруг выступит с «яркой» речью, и все пойдет прахом».

Отдельные представители интеллигенции выразили положительное отношение к факту

присуждения Солженицыну Нобелевской премии. Академик А. Колмогоров: «Солженицыну присудили Нобелевскую премию за 1970 год. Хорошо, что дали: он этого заслуживает. Интересно, пустят ли Солженицына за границу получить эту премию?» Литературный критик, сотрудник «Нового мира» Л. Левицкий: «Это наш большой праздник, ведь Солженицына впервые открыл и напечатал «Новый мир». Заслуженная награда». По поводу получения премии сам Солженицын заявляет, что он поедет в Швецию лишь в случае, если ему будет гарантирована обратная въездная виза. Сообщается в порядке информации».

Стоит отметить, что Солженицын стал третьим представителем СССР, получившим эту престижную премию. До него этой чести удостоились Борис Пастернак (1957) и Михаил Шолохов (1965).

Между тем это была не последняя неприятность, свалившаяся на головы советских руководителей в те дни. Из-за того же «бугра» пришла еще одна ошеломляющая новость: издательство «Литл Браун» собиралось печатать мемуары Никиты Хрущева. Как печатать, недоумевали в Москве, ведь еще в июле мемуары были изъяты у сына Хрущева и теперь хранились под надежным присмотром в КГБ? Чекисты срочно связались с Сергеем Хрущевым и в конспиративном номере гостиницы «Москва» задали ему этот же вопрос. Но тот, и глазом не моргнув, произнес:

— Пока материалы были у нас, о публикации не было и речи. Сегодня этот вопрос следует задать вам, а не мне.

Ответить на это чекистам было нечего. Хрущев же продолжал:

— Поскольку в сложившейся ситуации изъятие мемуаров теряет всякий смысл, я прошу отдать мне их обратно.

Однако в этой просьбе ему было отказано. Видимо, чекисты все еще надеялись, что сообщение о публикации — блеф.

В дни, когда на КГБ свалилось столько проблем, из жизни тихо и незаметно ушел один из самых знаменитых его сотрудников — советский разведчик Конон Молодой, послуживший прототипом разведчика Ладейникова в фильме Саввы Кулиша «Мертвый сезон». Смерть постигла его 9 октября в Медыни, что в двухстах километрах от Москвы.

Молодой долгое время работал в Англии, выдавая себя за прeusпевающего бизнесмена Гордона Лонсдейла. Под его руководством с 1955-го по 1960 год нелегальная советская резидентура добыла в Англии и передала на Лубянку большое число важных секретных материалов, в том числе по ядерным двигателям и ракетному оружию, получивших высокую оценку специалистов. Помимо многих миллионов долларов, заработанных Лонсдейлом на легальном бизнесе и переведенных в Москву, Молодой передал секретнейшие документы по новым видам вооружения, ценность которых даже трудно оценить в твердой валюте. И все же в январе 1961 года (после бегства в США из Западного Берлина сотрудника польской разведки М. Голленевского) последовал провал: Молодого и его агентов супругов Гарри Хаутона и Элизабет Джи арестовали в момент передачи секретных материалов на мосту Ватерлоо. Затем последовал суд, на котором Молодой, чтобы выгородить супругов, попытался взять всю вину на себя, однако из этого ничего не вышло: Хаустон получил 25 лет тюрьмы, его жена — 20. Молодому же повезло — спустя три года его обменяли на английского разведчика Гревилла Винна.

Вернувшись на родину, Молодой вместе с женой и 6-летним сыном поселился в трехкомнатной квартире на 3-й Фрунзенской. А спустя какое-то время совершенно случайно выяснилось, что за Молодым следят... его коллеги по КГБ. А выяснилось это так. Жена разведчика затеяла в квартире ремонт и наняла бригаду рабочих. И их бригадир в первый же день ошарашил женщину заявлением: «Мы тут вскрыли плинтуса и одну стену, а там сплошные провода, как на телефонной станции». Жена срочно позвонила мужу, который работал в Центральном аппарате внешней разведки, и с испугом поведала о ремонтных находках. Молодой приехал через несколько минут, посмотрел на открытие, поцокал языком и позвонил своим коллегам на Лубянку. Те, примчавшись на зов, попробовали соорудить хорошую мину при плохой игре, заявив следующее: «Извините, Конон Трофимович! Мы просто забыли (!), что эта квартира в свое время была «кукушкой» и предназначена для другого человека». Молодой сделал вид, что поверил им, а когда они удалились, сказал близким: «Нет, не верят мне господа-товарищи, не верят...»

Думаете, после этого случая КГБ прекратил следить за Молодым? Отнюдь. Просто теперь все это выглядело гораздо тоньше и деликатнее. Однако Молодой, сам бывший виртуозом слежки, конечно же, все прекрасно видел. Но виду не подавал. А затем он скончался, причем так внезапно, что эта смерть вызвала массу кривотолков, вплоть до того, что его убрали его же коллеги по Комитету.

В начале октября вместе с женой и друзьями — летчиком-испытателем Владимиром Романенко и его супругой Милой — он отправился по грибы в Медынь. Вечером сели у костра, выпили. Вдруг в разгар веселья Молодому стало плохо, началась рвота, он потерял сознание. Романенко удалось отвезти его в сельскую больницу. Там дежурный врач констатировал инсульт и паралич правой стороны тела. А 9 октября, не приходя в сознание, Молодой скончался. Было ему всего 48 лет. Как напишет позднее К. Хенкин:

«Конон вогнал себя в гроб почти намеренно, методически разрушая организм алкоголем. Причина была одна: отчаяние от собственной ненужности, понимание, что выхода нет, что все, что было в жизни интересного, — позади. А впереди — ничтожное существование...»

Стоит отметить, что уже 13 октября почти все иностранные газеты сообщили о смерти знаменитого советского разведчика-нелегала, а в Союзе некролог напечатали в «Красной Звезде» только спустя неделю после смерти. Однако хоронили Молодого с большими почестями. Гроб с телом выставили в фойе клуба Дзержинского, и сам Андропов пришел туда, чтобы отдать последнюю дань памяти чекиста. Похоронили Молодого на Донском кладбище. И еще: он стал первым из послевоенных нелегалов, которого поместили в пантеон героев-разведчиков в Зале Славы Первого главного управления КГБ СССР.

В день смерти Молодого в Англии, где он проработал много лет и которую прекрасно знал и любил, один из участников группы «Битлз» — Джон Леннон — справлял свой 30-й день рождения. Вспомнил я об этом потому, что и в Советском Союзе было множество людей, в основном среди молодежи, кто считал эту дату «красным» днем календаря. Среди них в первую очередь надо назвать знаменитого отечественного битломана, питерца Колю Ва-

сина, который прославился тем, что незадолго до дня рождения послал Леннону телеграмму с поздравлением, а благодарный Леннон в ответ прислал ему пластинку с записью своего концерта в Торонто. На этом концерте Леннон исполнил свою знаменитую песню «Дайте миру шанс», которая на долгие годы стала гимном антивоенного движения во всем мире. Стоит ли говорить, что после такого подарка авторитет Васина среди битломанов взлетел на недосягаемую высоту.

Тем временем продолжается визит Президента Франции — он посетил города Новосибирск, Самарканд. Вспоминает все тот же Н. Полянский:

«О Новосибирске, в котором я был впервые, сохранились каледойскопические воспоминания. Очень живописно были расположены загородные особняки Новосибирского обкома КПСС, где разместили гостей, — на берегу прозрачной извилистой речки с широкими пляжами из гравия. Стоял сухой, морозный вечер, когда мы приехали, приятно пахла смолой высокие сибирские кедры, и совсем не было холодно — гости были в легких пальто, без головных уборов в отличие от нас, москвичей, привыкших кутаться в теплые пальто, шарфы и шапки.

Толпы журналистов, не получавших никакой серьезной информации о переговорах (по крайней мере, с советской стороны), искали каких-нибудь светских впечатлений. На следующее утро, например, с десяток журналистов и фоторепортеров увязались за группой женщин во главе с миловидной г-жой Шуман (женой министра иностранных дел), решившей прогуляться по берегу реки. Спектакль в Новосибирском оперном театре также дал неожиданную пищу для прессы: г-жа Помпиду, прогуливаясь в антракте в фойе театра и почувствовав, как что-то прилипло к подошве ее туфли и мешало идти, непринужденным, свободным жестом сняла туфлю с ноги и попыталась отлепить приклеившуюся к подошве конфетную обертку. На следующий день ряд французских газет вышел с большими фотографиями, изображающими крупным планом первую даму Франции со снятой туфлей в руке.

С Новосибирским театром у меня было связано также небольшое происшествие: один мой московский приятель, оказавшийся в Новоси-

бирске, пытался пройти на спектакль, сославшись на знакомство со мной. Все, к счастью, закончилось благополучно — благодаря хорошим отношениям, сложившимся у меня с майором Девятого управления КГБ, одним из начальников охраны. Это был молодой офицер, окончивший Сорбонну в Париже и неплохо говоривший по-французски. Я был приятно удивлен, встретив среди бравых телохранителей Политбюро, отличавшихся обычно тренированными мышцами, а не мозгами, такого «европейски образованного» человека...

В Самарканде я выступал в качестве переводчика между Подгорным и Помпиду во время осмотра средневековых архитектурных памятников, а также «помогал» им, так сказать, сажать «деревце советско-французской дружбы», которое, наверное, и поныне растет в Самарканде. Я переводил и во время ленча. Разговор был убогий, мне ничего не запомнилось, кроме фразы Подгорного о том, что «у больших людей бывают и большие недостатки». В устах Подгорного такая «интеллектуальная» фраза была необычна и загадочна, и я подумал, что он, видимо, где-то эту фразу вычитал или услышал, а возможно, и специально заготовил для французского президента-интеллектуала. Вообще бросалось в глаза различие в культурном уровне между этими двумя государственными деятелями, различие, которой Подгорный наверняка не замечал. Видно было, как плохо представлял он себе политику Франции. Да и в советской внешней политике ничего не решает без огромного аппарата внешних связей, работавшего на него. И тем не менее он участвовал в принятии решений, а этот аппарат был по существу бесправен...»

В Москве между тем продолжается Всесоюзный конкурс эстрады. Он начинался каждый день с 9 утра на нескольких площадках: в Государственном театре эстрады и в Центральном доме работников искусств. Вот как вспоминает об этом один из участников конкурса Р. Карцев: «Без четверти девять в фойе ЦДРИ нет ни Миши (Жванецкого), ни Вити (Ильченко). Секретарша бегает, спрашивает, что мы будем играть, а я ничего не могу ответить: мы всегда решали это прямо перед выходом на сцену. В последний момент, спокойный, как всегда, появляется Витя, а за ним возбужденный Миша. Мы стоим и не знаем, что играть.

Наконец объявляют наши фамилии. Мы выходим, раздаются аплодисменты, хотя это на конкурсе запрещалось. В жюри народные артисты, работники аппарата. Председателем жюри должен был быть Райкин, но, на наше счастье, в последний момент он отказался (у него были очередные неприятности с министром культуры), и председателем стал знаменитый актер Малого театра Иван Александрович Любезнов.

В театральных кругах нас знали по театру Райкина, и многие пришли специально послушать нас. Успех был ошеломляющим. В первом туре мы играли «Авас», «Везучий-невезучий» и монолог «Дедушка». Члены жюри сами аплодировали, и мы спокойно прошли во второй тур...»

С 10 октября в продажу поступают карточки лотереи «Спортлото». Ажиотаж вокруг лотереи был настолько огромен, что у киосков выстраивались длиннющие очереди. Всем почему-то казалось, что нет ничего проще, чем правильно зачеркнуть от трех до шести цифр на карточке и получить халявные деньги. Помню, и мой отец принес домой сразу несколько карточек и весь вечер зачеркивал в них цифры. Однако в итоге ничего нам не обломилось, впрочем, как и большинству играющих.

Самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. С 1 октября начинается широкий прокат американского фильма «300 спартанцев», а с 9-го в кинотеатре «Мир» проходит «Неделя фильмов ГДР», где самой большой популярностью пользуется очередной «ДЕФА-вестерн» с участием главного индейца Советского Союза Гойко Митича «Смертельная ошибка». 9-го в «Уране» состоялась премьера фильма Глеба Панфилова «Начало» с Инной Чуриковой и Леонидом Куравлевым в главных ролях; 12-го в «Художественном» — фильм о защитниках Одессы «Морской характер» Василия Журавлева с Николаем Крючковым, Владимиром Дружниковым, Петром Глебовым и др. Из других новинок зарубежного кино выделяю гэдээровский детектив «Подозревается доктор Рот» (с 10-го).

3—4 октября в Государственном театре эстрады Ленинградский театр миниатюр под руководством Аркадия Райкина показывает свой новый спектакль «Плюс-минус». В эти же дни в Центральном доме культуры железнодорожников поют Мария Кодряну и Иван Суржиков.

9—10-го в киноконцертном зале «Октябрь» выступает Гелена Великанова; 10-го в Доме офицеров им. Жуковского — Виктор Вуячич (помню, ходила такая шутливая присказка про этого певца: «А сейчас Витек Вуячич вам чечетку отх...чит»).

Октябрь — время театральных премьер. В Театре Сатиры 2 октября дают «Проснись и пой!» М. Дьярфаша; 6-го во МХАТе — «Село Степанчиково» Ф. Достоевского; 8-го в Театре им. Гоголя — «Как живешь, Зося?»; 10-го в драмтеатре им. Станиславского — «Коварство и любовь».

По ЦТ практически весь месяц гоняли старые фильмы. Причем абсолютно разные по тематике. Тут и классика — «Гамлет» (8 октября), и фильм про современную деревню — «Варькина земля» (10—11-го), и революционная трилогия про Максима — «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона» (12—14-го), и истерн про гражданскую войну «Огненные версты» (13-го) и др. Из развлекательных передач отмечу следующие: очередную серию телевизионного театра миниатюр «Наши соседи» (9 октября), передачу «Алло, мы ищем таланты» (10-го).

10 октября случился праздник на улице хоккейных болельщиков: в финале Кубка европейских чемпионов встречались две популярные столичные команды «Спартак» и ЦСКА. На матче присутствовал заядлый болельщик армейцев Леонид Брежнев. Однако в тот день его любимая команда подкачала — профукала матч со счетом 2:3. Правда, уже спустя сутки исправилась — победила 8:5 и завоевала почетный трофей.

Во вторник, 13 октября, Советский Союз покинул Президент Франции Жорж Помпиду. А накануне своего отъезда он посетил в Москве Академию наук, где выступил с речью перед советскими учеными. Некоторые пассажи из его речи больно ударили по самолюбию кремлевских руководителей. Например, говоря о достижениях советской науки, Помпиду начал перечислять советских ученых — лауреатов Нобелевской премии — и назвал имена тех ученых, которые также достойны этой высокой награды, а среди них имя академика Андрея Сахарова, известного не только своей научной деятельностью, но и диссидентской.

За день до отлета Помпиду в Москве завершился свою работу IV Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Самое любопытное, что многие артисты, которых до начала конкурса прочили в победители, в итоге остались без наград. Среди них были такие звезды советской эстрады, как Аида Ведишева, Лариса Мондрус, Геннадий Хазанов, Екатерина Шаврина. Кто же стал победителем? Назову лишь некоторых:

вокальный жанр: первую премию было решено не присуждать, а 2-ю отдали сразу нескольким исполнителям: белорусскому ВИА «Песняры» в составе восьми человек (Владимир и Валерий Мулявины, Л. Тышко, В. Бадьяров, В. Лисевич, В. Гурдизьяне, В. Яшкин, А. Ремешко), грузинскому ВИА «Диэло» и столичному певцу Льву Лещенко;

танцевальный жанр: 1-я премия — Людмила и Альвиан Гайдаровы;

речевой жанр: первая премия не досталась никому, 2-я — С. Кокорину и дуэту Роман Карцев — Виктор Ильченко, 3-я — Евгению Петросяну. Последний так вспоминает о своем участии в конкурсе:

«Мне несколько не повезло на заключительном концерте конкурса, который я уже вел как лауреат III премии. Мне сказали, чтоб солидных номеров я не делал, только конферансные интермедии, так как программа большая, а продолжаться она почему-то должна не более полутора часов (!). Я стал нервничать — было обидно. Мне друзья посоветовали принять перед концертом две таблетки какого-то успокаивающего лекарства, что я и сделал.

В результате я начал действовать на сцене, как в замедленной съемке, — напрочь потерял чувство темпа-ритма, хоть мои репризы и имели успех. Выглядел пристойно, но вяло...

Традиция банкетов тогда культивировалась. И я устроил банкет в честь лауреатства, на который пригласил тех, кому был обязан и творчески, и человечески, — Л. С. Маслюкова, Т. А. Птицыну, Л. О. Утесова, И. С. Набатова, А. Г. Алексеева, Ф. А. Липскерова, В. Е. Ардова, Ю. А. Дмитриева и других, кого мне хотелось видеть и кто смог в тот день прийти.

Как же умели веселиться «старрики»! Они перебивали друг друга остроумнейшими историями, Утесов и Ардов играли сценки, шутили (очень жалею, что не было это записано на магнитофон!). В конце вечера я о каждом гово-

рил добрые слова, и, когда дошел до Утесова, конфликтный Лева Шимелов закричал: «А почему ты ушел от Утесова?» (Петросян ушел из оркестра Л. Утесова в апреле 69-го. — Ф. Р.) Я сделал вид, что не заметил вопроса. Шимелов повторил. Тогда вмешался Леонид Осипович:

— Мне не нравится этот провокационный вопрос, — серьезно сказал он. — То, что я здесь, означает, что я полностью простил тебя. И правда, победителей не судят. Ты смог доказать, что имел право так поступить! Может быть, работая у меня, ты бы и не стал лауреатом. Никто не знает, конечно, как все сложится, — продолжил Леонид Осипович, — но думаю, что наш жанр приятных сюрпризов от тебя еще дождется. — Он повернулся к Шимелову: — Вы удовлетворены таким объяснением, молодой человек?

— Вполне, — воскликнул Шимелов...»

Кстати, еще одни победители конкурса — дуэт Роман Карцев и Виктор Ильченко — получили за 2-е место 200 рублей премии и тоже прокутили их в ресторане, в «Арагви».

В эти же дни съемочная группа фильма «Офицеры» находится в Севастополе, где в течение месяца должны быть отсняты натурные эпизоды романа сына Трофимовых (актер Александр Воеводин) с одноклассницей Машей (Наталья Рычагова). Съемки начались 9 октября, однако уже через пару дней остановились — вновь загулял Георгий Юматов. Пришлось срочно вызвать из Москвы к месту съемок жену Юматова Музу Крепкогорскую (под нее даже специально придумали эпизодическую роль — мама Маши), которая единственная умела прибрать к рукам супруга. Но Юматов был воробей стреляный и умудрялся даже строгую жену оставлять с носом. Актерская пара жила в одном гостиничном номере, и Муза каждое утро буквально перетряхивала номер, пытаясь найти алкогольную «заначку». Иногда ей это удавалось, иногда нет. Например, однажды Юматов сделал «схрон» в сливном бачке в туалете и за час до начала съемки «нализался» так, что съемку пришлось отменить.

В другой раз Юматову помогли «потерять форму» его закадычные друзья — военные моряки. В годы войны Юматов служил юнгой на флоте и поэтому к морякам всегда относился к огромной симпатией. А тут морячки раздобы-

ли где-то бесценные кадры кинохроники, где юнге Юматову вручают орден. Естественно, они бросились искать артиста, чтобы показать ему эти кадры. Они явились в гостиницу, где он жил, но выяснили, что киношники закрыли его на ключ. Путь к воссоединению придумал сам Юматов. Он разорвал простыню на куски, связал их и спустился вниз. Час спустя он был уже нетранспортабелен.

А теперь из Севастополя вновь вернемся в Москву. В начале октября в ГТЭ со спектаклем «Плюс-минус» выступал Аркадий Райкин. Его гастроли в столице должны были продолжиться (были уже проданы билеты на концерты 16—18 октября), однако все рухнуло. За несколько дней до концертов было объявлено, что Райкин заболел. Что же случилось?

Спектакль «Плюс-минус» Райкин приурочил к 100-летию со дня рождения Ленина. Однако привычного словоблудия в нем не было, а была попытка с помощью Ленина критически взглянуть на многие животрепещущие проблемы нашей жизни. К примеру, начинался спектакль так: Райкин выбежал на сцену и с ходу начинал монолог: «Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе...» В зале наступала звенящая тишина, а артист после секундной паузы добавлял: «Владимир Ильич Ленин. «Философские тетради»...» И так имя Ленина возникало много раз на протяжении всего спектакля.

И вот в начале октября Райкин привез спектакль в Москву. 3 октября в ГТЭ на него попал секретарь Волгоградского обкома партии, который внезапно углядел в цитировании Ленина страшную крамолу. Секретарю показалось, что Райкин, прикрываясь именем вождя мирового пролетариата, высказывает со сцены откровенную антисоветчину. В тот же день секретарь накатав в ЦК донос, который мгновенно возымел действие: на следующем спектакле весь первый ряд был занят проверяющими. Как будет затем рассказывать сам А. Райкин:

«Костюмы одинаковые, блокноты одинаковые, глаза одинаковые, лица непроницаемые... Все пишут, пишут... Какая тут, к черту, сатира? Какой юмор?..»

Видимо, выводы проверяющих совпали с выводами секретаря из Волгограда. Через пару дней Райкина вызвали в ЦК, к Шауро, где по-

следний стучал по столу кулаком и настоятельно советовал артисту «поменять профессию». В итоге у Райкина случился инфаркт и последующие концерты в столице были отменены.

Не в лучшем настроении пребывал в те дни и поэт Николай Рубцов. Он приехал в Архангельск, где проходило выездное заседание секретариата правления Союза писателей СССР. Как рассказывают очевидцы, был он в плохом состоянии — крайне подавлен, груб, агрессивен. В один из дней, приняв изрядную порцию алкоголя, он вломился в номер к представительнице ЦК. Та подняла крик, на который сбежалась чуть ли не вся гостиница. Рубцова силой увели из номера и заставили лечь спать.

Желая развеяться, Рубцов вместе с двумя другими поэтами — Виктором Боковым и Егором Исаевым — отправился в Холмогоры — в те места, где родился. Там они выступали перед слушателями в Доме культуры. Но Рубцову его выступление радости не принесло. Слушатели реагировали на его стихи вяло, почти не аплодировали. У Рубцова создалось тогда впечатление, что никому-то он уже не нужен. А тут еще архангельские власти подлили масла в огонь — не пригласили его на заключительный банкет (в числе неприглашенных оказался и писатель Василий Белов). Короче, в те октябрьские дни на душе у Рубцова было мутно.

В расстроенных чувствах пребывал и Андрей Миронов. Дело в том, что некоторое время назад главреж Театра Сатиры Валентин Плучек задумал ставить мюзикл «Милый друг» по мотивам Мопассана с Мироновым в роли Жоржа Дюруа. Вся театральная Москва восприняла эту новость с большим воодушевлением, заранее предвкушая феерическую постановку. Несмотря на то что достойных кандидатов на главную женскую роль в Сатире было предостаточно, был объявлен конкурс для всех желающих. На Маяковку потянулись толпы красоток из многих столичных театров. В числе последних была и актриса ЦАТСА Лариса Голубкина. Но ей не повезло — ее на роль не утвердили. Впрочем, тогда вообще никого не взяли, поскольку Плучек внезапно передумал ставить «Милого друга». Труппа театра была в трансе, но более всего переживал Миронов, который буквально бредил Жоржем Дюруа.

А вот у Михаила Шуфутинского октябрь 70-го оставил совсем иные воспоминания — приятные. В те дни он познакомился со своей второй женой Маргаритой (с первой женой Татьяной — своей однокурсницей по музыкальному училищу имени Ипполитова-Иванова — он прожил всего два месяца и развелся).

Еще в конце 60-х, когда Шуфутинский учился в училище, он устроился халтурить в оркестр ресторана «Варшава», что недалеко от метро «Парк культуры». Основная публика этого ресторана состояла из «академиков» — так в шутку сами музыканты называли завсегдатаев бильярдной, находившейся рядом с рестораном. К вечеру «академики» заканчивали «гонять шары» и всем кагалом перемещались в ресторан, где для них заблаговременно накрывались столы. Иногда ресторан вообще закрывался, никого из посторонних не пускали, и оркестр «лабал» исключительно для них. Чаще всего заказывались такие хиты, как «Хава нагила», «Купите папиросы», «Семь сорок», «Сулико», песни Арно Бабаджаняна.

Однажды барабанщик из оркестра Леонид Лобковский озадачил Шуфутинского предложением: мол, я только что познакомился с «герлой», пригласил ее в кино, но она одна прийти боится — приведет подругу. Не хочешь составить компанию? Поскольку тогда Михаил был свободен, он согласился. Встреча четверки состоялась 15 октября 1970 года на станции метро «Рязанский проспект». Вспоминает М. Шуфутинский:

«После фильма мы купили вина, зашли домой к Лениной знакомой. Посидели, потанцевали. Рита не пила. Потом выяснилось, что она вообще не пьет. К четырем Рите надо было на работу, она заторопилась, а я чувствовал, что понравился ей тоже, и очень переживал, потому что сразу хотел получить все. Пришлось отложить это мероприятие на неопределенное время.

Мы оставили Леню, я поймал тачку и повез Риту в Кузьминки, в парикмахерскую, где она работала дамским мастером.

— Когда мы увидимся? — Я не выпускал ее теплой руки и почему-то подумал, что с ходу овладеть ею не удастся.

— А ты хочешь?

— Да.

— Пока не знаю.

— Дай мне телефон, я позвоню.
 — Нет, не могу. Давай через подругу.
 — А почему?
 — Родители строгие, не любят, когда мне не по делу звонят.
 — Тогда ты мне позвони. Когда будет настроение.

Я попытался ее поцеловать, но она увернулась, помахала рукой и впорхнула в подъезд.

Я вернулся к друзьям, они поджидали меня довольные и умиротворенные — наверное, хорошо посидели. Мы допили портвейн и поехали с Лобковским на работу, в родную «Варшаву».

Встречались мы с Ритой нечасто, днем она в парикмахерской, а вечером я занят. Кроме того, я подрабатывал на разных халтурах — играл в кафе джаз, участвовал в джем-сейшнах. Но чем больше я узнавал Риту, тем больше она мне нравилась. Она не надоедала, была кроткой и нежной и умела слушать — а это великое искусство. И еще она была на редкость стеснительной. Я сразу усек, что никаких резких движений с Ритой допускать нельзя. Я дорожил своим отношением к ней и не хотел, чтобы у нас вот так вдруг все обломалось из-за моего нетерпения. В случае какой-то острой необходимости я мог гульнуть на стороне, позвонить одной из моих прежних пассий и снять проблему.

Даже целоваться мы с Ритой начали где-то недели через три. Нам нравилось бродить по Москве, наш любимый маршрут пролегал от Октябрьской площади до Ленинских гор. Рита обожала музыку, театр, и тут наши вкусы сходились...

С интимными встречами были сложности: у меня постоянно дома бабушка, у нее — кто-то из родных. А точнее, таких встреч долго не было. Рита страшно боялась «этого». Но однажды в отсутствие родителей мы оказались у нее дома, я был напорист, страстен, и она наконец сдалась...»

За день до встречи Шуфутинского с Ритой из Москвы на Кубу для участия в турнире «Кордова Кардина» вылетела сборная СССР по боксу. Как будет вспоминать позднее один из участников той поездки — боксер-полутяж Олег Коротаев, — до этого дня в столице стояла холодная осенняя погода, но снега еще не было, и в тот момент, когда спортсмены вышли из за-

ла аэропорта Шереметьево и шли к трапу самолета «Ил-62», который должен был через 17 летных часов доставить их в столицу Кубы Гавану, вдруг пошел первый снег. Он шел большими пушистыми хлопьями, мягко и нежно падая на лицо, и это было хорошим, добрым предзнаменованием. Снег как бы прощался, провожал боксеров и желал удачи в знойной тропической Гаване. Стоит отметить, что всего в турнире «Кордова Кардина» вместе с нашей страной приняли участие 14 стран. наших спортсменов поселили в двухместных, очень хороших и уютных номерах престижной гостиницы, во дворе и парке которой были расположены два больших плавательных бассейна.

В эти же дни Высоцкий совершает недельные гастроли по Казахстану по маршруту Алма-Ата — Зырянск — Лениногорск — Усть-Каменогорск — Чимкент. В этих городах он дает около полутора десятков концертов. Например, 15 октября в Чимкенте в кинотеатре «Мир» он выступал четырежды: в 15, 17, 19 и 21 час. На всех выступлениях сплошные аншлаги, что приносит хорошую «кассу». А деньги Высоцкому ох как нужны: в конце года он собирается сыграть свадьбу с Мариной Влади, с которой вот уже два года живет гражданским браком.

15 октября в другой советской республике — Грузии — происходит беспрецедентное событие — преступники захватывают пассажирский самолет, совершавший рейс из Батуми в Сухуми. Преступников было двое — отец и сын Бразинскасы. Инициатором захвата, естественно, выступал старший — Пронас Стасио Бразинскас, 1924 года рождения (сын Альгирдас родился в 55-м). Пронас был не новичок в преступном промысле, успев к этому времени дважды отсидеть в тюрьме: в 1955 году он был осужден за злоупотребление служебным положением на один год исправработ, а в январе 1965 года вновь угодил за решетку — теперь уже на пять лет, после того как был уличен в расхищении вверенного ему имущества (он тогда работал заведующим магазином). Однако за примерное поведение Пронас был досрочно освобожден и осел в городе Коканде Узбекской ССР. 20 марта 1968 года он зарегистрировал брак с гражданкой Корейво и взял ее фамилию. Вскоре к нему на постоянное место жительства приехал его сын Альгирдас. Судя по всему, от-

цу и сыну плохо жилось в Союзе, поскольку весь 70-й год они вынашивали планы побега из страны. В конце концов Пронас придумал выехать в Грузию и угнать там один из гражданских самолетов. На дело они пошли хорошо вооруженными: имели на руках пистолет, обрез и несколько гранат-«лимонок».

15 октября Бразинскасы заняли места в правом ряду по правому борту самолета «Ан-24», на борту которого находились 46 пассажиров (из них 17 женщин и один 4-летний ребенок) и пять членов экипажа (Георгий Чахракия — командир корабля, Сулико Шавидзе — второй пилот, Валерий Фадеев — штурман, Оганес Бабаян — бортмеханик, Надежда Курченко — стюардесса). Самолет взмыл в воздух и взял курс на Сухуми. Примерно через десять минут после взлета, когда самолет находился в районе города Кобулет (30 км от Батуми), преступники поднялись со своих кресел. Первым шел Бразинскас-старший. Не доходя нескольких метров до пилотской кабины путь им внезапно преградила 19-летняя Надя Курченко. Увидев в руках неизвестного мужчины обрез, она попыталась выбить его, но не сумела. В ответ грянули два выстрела. Пули, угодившие девушке в грудь, отбросили ее назад. Путь в пилотскую был свободен, и уже через мгновение бандиты были там. Бразинскас-старший сорвал наушники сначала с командира корабля, затем проделал то же самое с Фадеевым и Бабаяном. Чахракия попытался сопротивляться и тут же получил удар прикладом обреза по голове. На какое-то время он потерял сознание. Когда очнулся, тут же попытался нажать кнопку связи, чтобы передать сигнал тревоги — SOS, но связь уже не работала. Рядом с ним стоял Бразинскас-старший, который, потрясая зажатой в одной руке гранатой, произнес:

— Эти гранаты не для вас. Это для пассажиров.

И все же командира это не испугало: в следующую секунду он пошел на отчаянный шаг — заложил глубокий вираж. Бандитов отбросило в сторону, однако, теряя равновесие, старший из них успел выстрелить Чахракия в спину. Второй выстрел он сделал в Бабаяна, который попытался вырвать обрез у него из рук. Но бортмеханику повезло — пуля ушла в приборную доску, лишь пороховое пламя обожгло ему живот. Последовал новый вираж, и новый вы-

стрел — снова в спину Чахракия. Падая, тот грудью кладет штурвал к приборной доске: самолет резко идет вниз, к морю. Сулико Шавидзе что есть силы тянет штурвал к себе: иначе гибель самолета неминуема. Штурман Фадеев пытается встать с кресла, но его останавливают выстрелы: одна пуля пробивает легкое, две другие касаются руки и плеча. Бразинскас-старший кричит:

— Перестаньте! Мы пристрелим вас всех. Веди к границе! Держать берег моря слева! Курс на юг! В облака не входить!

Но даже после этого Чахракия сделал еще одну попытку схитрить: он направил самолет в сторону военного аэродрома в Кобулет. Но Бразинскас-старший разгадал и этот маневр. Поднеся обрез к виску пилота, он командовал:

— Веди к границе, или умрешь сам и потянешь за собой всех остальных.

Понимая, что бандит не блефует, Чахракия вынужден был направить машину к Трабзону. Уже в зоне Трабзона он обратился к старшему из бандитов: «Горючее на исходе. Я должен дать сигнал бедствия». Только так ему наконец удалось выйти в эфир, донести до Родины весть о том, что происходит на борту.

Когда сигнал SOS был принят на земле, первым желанием грузинских властей было немедленно отбить самолет у угонщиков, а их самих схватить. В штабе Закавказского военного округа уже прорабатывался план направить на турецкий аэродром военный «Ан-12» со взводом десантников для этой цели. Однако Кремль отказался от этого плана, посчитав его авантюрным. Там уповали на благоразумие турецких властей, которые обязаны были выдать преступников России. Но ситуация сложилась несколько иначе.

В пятницу, 16 октября, Советское правительство обратилось к правительству Турции с просьбой вернуть самолет и находящихся на его борту людей на родину. Однако турки удовлетворили только вторую часть просьбы — вернули людей (в госпитале Трабзона остался только получивший серьезные ранения штурман самолета Валерий Фадеев, которому была сделана операция, и оба террориста, которые попросили предоставить им политическое убежище), оставив «Ан-21» у себя. Это возмутило Брежнев, который в тот же день вызвал к себе

министра обороны Гречко и напрямую спросил его: можно ли каким-то образом вернуть самолет силовым методом. «Почему же нельзя? — удивился Гречко. — У меня в ГРУ есть такие парни, которые даже с Луны его достанут». — «Тогда действуй, Андрей!» — приказал министру Брежнев.

Уже на следующий день в ГРУ была сформирована спецгруппа из лучших офицеров-спецназовцев. Ночью того же дня они добрались до советско-турецкой границы, где наши пограничники открыли им коридор и пропустили к туркам. Действуя грамотно и умело, наши спецназовцы незаметно прошли турецкие кордоны и углубились на чужую территорию. За четыре дня им предстояло преодолеть 180 километров до аэропорта Сено, где стоял угнанный самолет.

16 октября в Луганске вновь дал о себе знать опасный маньяк, вот уже более полугода державший в страхе все женское население города. В тот вечер на улице Лермонтова он напал на работницу конфетной фабрики, возвращавшуюся после второй смены домой. Преступник захватом руки сзади придушил ее, отнес в уединенное место и попытался изнасиловать. Однако в этот момент поблизости проходили люди, присутствие которых спугнуло маньяка. Он убежал, так и не сумев осуществить задуманное. А его жертва не стала скрывать случившееся и в тот же день заявила об этом в милицию. К месту происшествия тут же приехали розыскники. Они обнаружили там шнурок от спортивной обуви и кусок простыни, который маньяк использовал в качестве кляпа. Эксперты ЭКО вынесли свой вердикт по поводу последней находки: при исследовании ткани в ультрафиолетовых лучах обнаружена часть штампа с начальными цифрами 96. Равномерные отверстия по кромке простыни могли означать, что она использовалась в качестве занавески или прибавалась к стене. Теперь сыщикам предстояло в поте лица просеять все организации, где эту простыню могли использовать в указанных экспертами качествах.

Между тем вся страна продолжает обсуждать другую трагедию — захват «Ан-24». Практически все газеты опубликовали на своих страницах подробности этого происшествия. Но наиболее полную картину воспроизвела «Ком-

сомольская правда», начавшая серию публикаций об этой трагедии 18 октября заметкой «Подвиг комсомолки Надежды Курченко». Из этой серии публикаций читатели узнали некоторые детали биографии 19-летней девушки, не побоявшейся встать на пути двух вооруженных преступников. В частности, газета сообщила, что Надя Курченко была родом из Удмуртии, из небольшого поселка Пудем. Училась она в Панинской школе-интернате, после окончания которого уехала учиться на стюардессу. В Сухуми она вместе с подружкой снимала комнату возле аэропорта. Незадолго до трагедии она встретила хорошего парня из Ленинграда, за которого собиралась выйти замуж. Не удалось. За день до своей гибели Надя звонила на родину, своей маме Генриетте Ивановне, и обещала скоро приехать в отпуск. И этому тоже не суждено было осуществиться.

В те же дни в недрах КГБ родился очередной документ за подписью Ю. Андропова — о присуждении Солженицыну Нобелевской премии. В нем сообщалось:

«В Комитет госбезопасности продолжают поступать материалы о реагировании представителей интеллигенции на присуждение Солженицыну Нобелевской премии. Многие деятели литературы, науки и искусства выражают возмущение, считая, что решение Нобелевского комитета продиктовано исключительно политическими соображениями. Украинский литературовед А. Трипольский: «Присуждение премии Солженицыну — это еще одна идеологическая диверсия против нас». Кинорежиссер студии «Мосфильм» М. Анджапаридзе: «Солженицын — писатель хороший, но Нобелевской премии он недостоин...»

Отдельные писатели восприняли присуждение премии Солженицыну с удовлетворением. Ленинградский прозаик Д. Дар (муж В. Пановой): «Вопреки всем провокациям Фединых, Соболевых, Михалковых русская литература еще раз получила всемирное признание. У нас с Верой Федоровной (Пановой) сейчас просто праздник. Весть о всемирном признании писательского и нравственного подвига Солженицына была воспринята с ликованием и счастьем». Писатель Ю. Нагибин: «Присуждение Нобелевской премии Солженицыну поможет нам в борьбе против консерваторов». Писатель В. Каверин, признав присуждение Солженицы-

ну премии справедливым, подчеркнул вместе с тем политический характер этой акции: «Решение Нобелевского комитета — это вызов, который брошен нам, и сделан он вполне сознательно».

Солженицын в те дни жил на даче Ростроповича в Жуковке, куда он переехал в сентябре 69-го. Причем жил настоящим затворником. Он вставал на рассвете, работал до вечера, а в 10 часов уже ложился спать, чтобы рано утром проснуться для работы. Работал он за огромным письменным столом, который он привез с собой в первую очередь. А в теплые дни он предпочитал писать на открытом воздухе. Для этого он даже вызвал на дачу старика-мастера (своего бывшего лагерного товарища), и тот смастерил стол на березовых столбах и скамейку, где с ранней весны и до самых холодов — если не шел дождь — и работал Солженицын. Окна спальни Галины Вишневской — супруги Ростроповича — как раз выходили на эту сторону сада, и она, проснувшись, первое, что видела, — это Солженицына, отмеривающего километры вдоль забора — туда и обратно... туда и обратно... подойдет быстро к столу, напишет что-то и опять — туда и обратно. Около домика, в котором он жил, никогда не остывал костер — в нем он сжигал то, что не шло в окончательный вариант. Писал он очень мелко и однажды объяснил Вишневской, что такому почерку обучился в лагере — там приходилось писать на маленьких клочках бумаги, которые удобнее было прятать.

В дни, когда Солженицыну присудили Нобелевскую премию, в его личной жизни происходили серьезные изменения. Полюбив другую женщину — московского математика Наталью Светлову, которая в те дни была уже беременна от него, он подал на развод с первой женой Натальей Решетовской (она жила в Рязани). Однако первый суд их не развел, поскольку Решетовская была против. И все это время Солженицын вынужден был находиться в не очень красивом положении — женат на одной, а живет с другой. Кроме того, рязанская прописка была потеряна, а московскую он так и не получил. Такая ситуация его крайне тяготила.

Во вторник, 20 октября, в Сухуми состоялись похороны героически погибшей в схватке с вооруженными террористами стюардессы

Надежды Курченко. Таких массовых похорон Сухуми не знал, наверное, со дня своего основания (а город известен с 736 года). При огромном стечении народа тело отважной комсомолки было предано земле в Комсомольском парке. Стоит отметить, что родственники Нади просили похоронить ее на родине, в Удмуртии, но им в этой просьбе отказали, сказав, что с политической точки зрения этого нельзя делать. Зато пообещали родственникам, что те беспрепятственно могут ездить на могилу Нади в любое время года за счет Министерства гражданской авиации. Кроме этого, матери Нади удмуртские власти выделили трехкомнатную квартиру в Глазове.

В тот же день группа спецназа, отправленная в Турцию с миссией возвратиться на родину угнанный самолет, наконец добралась до аэропорта Сено. Но нашим командос не повезло: им не хватило всего лишь нескольких часов, чтобы застать самолет на аэродроме. Дело в том, что за то время, пока они находились в рейде, нашим мидовцам удалось уломать турок вернуть самолет на родину. Поэтому, узнав об этом, гэрэушникам пришлось разворачиваться и возвращаться назад с пустыми руками.

И еще одно событие случилось 20 октября: в Калуге состоялось судебное заседание по делу трех диссидентов: научного сотрудника ленинградского Математического института АН СССР доктора наук Револьта Пименова, Б. Вайля и В. Зиновьевой. Всех троих обвиняли в антисоветской деятельности. В частности, Пименову было предъявлено обвинение в том, что он на протяжении 1957—1970 гг. в устной форме излагал Зиновьевой заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, участвовал в распространении написанного им текста «По поводу речи Хрущева» (имеется в виду речь, произнесенная Хрущевым на закрытом заседании XX съезда КПСС), а также произведений: Джиласа «Русская революция вырождается в империализм», В. Комарова «Сентябрь 1969 г.», Н. Александрова «Наша короткая память» и др.

Стоит отметить, что первоначальная дата слушаний по этому делу была назначена на 14 октября, однако из-за отсутствия адвоката Вайля, который в те же дни был занят на другом процессе, заседание было перенесено на 20 октября. На него из Москвы, помимо друзей и

близких подсудимых, специально приехали видные правозащитники Андрей Сахаров (это был первый политический процесс, на который он пришел) и Валерий Чалидзе. Однако в зал заседаний никого, кроме Сахарова, не пустили. Поэтому практически весь зал был забит калужскими и ленинградскими посланцами КГБ. Вспоминает Б. Вайль:

«Когда прокурор говорил свою громовую обвинительную речь, один из этой «публики» прервал его и обратился к судье: «Товарищ судья, вон тот гражданин (жест в сторону Сахарова) записывает!»

Судья: «Товарищ Сахаров! Я вас прошу, прекратите записывать.»

Сахаров: «Вы полагаете, что нельзя записывать речь государственного обвинителя? Вы мне запрещаете записывать?»

Судья: «Нет, я не запрещаю, я прошу вас.»

Прокурор продолжал свою речь, но через несколько минут судья прервал его и снова обратился к Сахарову: «Товарищ Сахаров, я прошу вас не записывать... Ведь то, что вы записываете сейчас здесь, потом появится в реакционной печати на Западе.»

Сахаров ответил: «Это меня как-то не волнует.»

И в третий раз судья сказал, что сам лично очень просит Сахарова не записывать. Только после этой просьбы Сахаров перестал записывать.

В зале суда было душно, и окна второго этажа, где проходил суд, были открыты. Во дворе стояли наши друзья, и громкая речь прокурора доносилась из окон и до них. Вдруг в зал вошел офицер охраны, подошел к судье и стал шептать ему что-то на ухо. Я услышал, как судья ответил склонившемуся к нему офицеру: «...машину!»

Офицер торопливо ушел, и через минуту во дворе заработал двигатель автомашины — «воронка», в котором привезли из тюрьмы Пименова. 50 лет назад и 30 лет назад они расстреливали людей под шум работающих моторов. Теперь они глушили не «Голос Америки», а голос их собственного прокурора...»

Суд продолжался в течение трех дней. 22 октября был зачитан приговор: Пименова и Вайля приговорили к 5 годам ссылки, Зиновьеву — к 1 году лишения свободы условно.

На этом же суде произошло знаменательное событие: там впервые встретились Андрей Сахаров и его будущая жена Елена Боннэр. По словам последней, эта встреча выглядела так:

«Мы (те из правозащитников, кто не смог попасть в зал заседаний. — Ф. Р.) пошли купили десяток бутылок кефира, булки какие-то, все это разложили в коридоре суда, на подоконнике и кормили своих. И когда Андрей Дмитриевич вышел из зала суда, я ему, как всем нашим, предложила то же самое. Он очень резко мне ответил и отказался. Я тогда не знала, что он не любит ничего холодного. Я подумала, чего это он? К нему по-хорошему, а он мне вот так...»

В памяти Сахарова этот случай почему-то не зафиксировался, и сам он считал, что впервые обратил внимание на Боннэр несколько дней спустя — в доме Валерия Чалидзе. Придя к нему, он увидел красивую и очень делового вида женщину, с которой Чалидзе его не познакомил, а лишь сообщил, когда она ушла:

— Это Елена Георгиевна Боннэр. Она почти всю жизнь имеет дело с ээками, помогает им.

После этого пройдет чуть меньше года, и Сахаров с Боннэр примут решение жить вместе. Но об этом — чуть позже. А пока вернемся в октябрь 70-го.

22 октября, в день, когда в Калуге завершился суд над тремя диссидентами, в Одессе состоялось еще одно судебное заседание. Правда, дело, которое на нем рассматривалось; относилось не к уголовному делопроизводству, а к гражданскому. Суд разводил известного кинорежиссера Георгия Юнгвальд-Хилькевича (его последний фильм «Опасные гастроли» с огромным успехом демонстрировался в те дни на экранах страны) с его первой супругой Светланой Марковой. С ней режиссер познакомился в Ташкенте, где родился и провел первые двадцать лет своей жизни. Маркова закончила институт иностранных языков, но, выйдя замуж за режиссера, посвятила себя кино — работала с мужем в качестве художника по костюмам, создала на Одесской киностудии актерский отдел. В начале 60-х у них родилась дочь Наташа. Однако после нескольких лет брак Хилькевича и Марковой распался. Стоит отметить, что день развода совпал с днем рождения режиссера — ему в тот день исполнилось 36 лет. Вот такой «подарок» преподнес себе режиссер на именины!

В пятницу, 23 октября, в Москве мать погибшей стюардессы Надежды Курченко Генриетта Ивановна была принята 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Тяжельниковым. Тот передал ей высшую награду комсомола — Почетный знак ВЛКСМ и Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ. А спустя два дня появился указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Н. Курченко орденом Красного Знамени (посмертно). Эту награду тоже передали матери погибшей. А двух преступников, убивших 19-летнюю девушку и тяжело ранивших еще двух человек, продолжали скрывать у себя турецкие власти. Чуть позже они переберутся в США, где и осядут навсегда, подпав под действие закона о защите свидетелей: им сменят фамилии, изменят внешность и поселят в провинции. Советское правительство неоднократно будет обращаться к американским властям с требованием выдать им преступников, но каждый раз им будут отвечать отказом. Но возмездие все равно настигнет преступников. Спустя тридцать лет Бразинкас-младший в ссоре убьет своего отца и сядет в тюрьму. Но вернемся в октябрь 70-го.

Дурной пример Бразинкасов оказался заразительным, и в том же месяце произошел еще один захват воздушного судна на территории СССР: вновь двое вооруженных преступников проникли на борт самолета и потребовали от экипажа лететь в Турцию. В советских газетах об этом не было написано ни строчки, поскольку стало понятно, что преступники совершили побег под влиянием предыдущего захвата, детали которого были скрупулезно описаны в прессе.

24 октября группа спецназа ГРУ, возвращавшаяся из Турции, едва не угодила в руки турецких пограничников. Это случилось практически на выходе к границе, когда собаки турок внезапно учуяли гэрэушников и подняли на ноги всю заставу. Чтобы не вступать в открытое столкновение, спецназовцы вынуждены были отступить в глубь территории. Специальным порошком удалось сбить собак со следа и спрятаться в укромном месте. Переждав там какое-то время, спецназовцы вновь вышли из укрытия, намереваясь теперь выйти к границе другим путем. Пошли через ежевичное поле. Передвигались так: первый в цепочке расчищал секатором путь, последний аккуратно

складывал срезанные ветки обратно. В итоге границу наши гэрэушники все-таки пересекли. Однако никаких наград за этот рейд не получили — самолет-то вернули на родину мидовцы. Более того, за сломанную во время похода антенну они заработали от руководства выговор, да еще намучились со смятыми турецкими лирами, которые финслужба отказалась у них принимать. Бардак, одним словом.

24 октября автомобиль «Волга» выпуска 1961 года, принадлежавший ранее первому космонавту Земли Юрию Гагарину, был передан в его музей в городе Гагарине (бывший Гжатск) Смоленской области. Этот подарок музею сделала супруга космонавта Валентина Ивановна. А перегнали автомобиль по ее просьбе коллеги ее мужа — космонавты Алексей Леонов и Борис Волынов. Они же сделали запись об этом событии в Книге записей для почетных гостей: «По поручению Валентины Ивановны Гагариной, детей — Леночки и Галочки, родителей Юрия Алексеевича, летчиков-космонавтов СССР передана на вечное хранение машина Юрия Алексеевича Гагарина. Госзнак — МОД 78-78. 24.10.70 г.». И подписи — Леонов, Волынов.

Дорогой подарок установили под стеклянный колпак — чтобы посетители ненароком не испортили. Там он и покоится до сих пор. Спустя 30 лет — весной 2000 года — журналист газеты «Труд» Вадим Карпов имел редкую возможность посидеть за рулем ценного экспоната. Вот как он описывает это:

«Автомобиль, несмотря на свои тридцать девять, смотрится молодцом. Только поржавела выхлопная труба, потускнела и кое-где отлетела краска кузова, потрескались и местами даже расплавились от летней жары резиновые уплотнители. Двери открываются легко, стекла — тоже. На сиденьях — красные матерчатые чехлы. Отделка салона — небесно-голубая. В сочетании с черным кузовом веселенький колор смотрится довольно аляповато. Но заводчане, видимо, хотели угодить Гагарину, который эти голубые небеса и покорила. Руль растрескался, но поворачивается легко. На спидометре зафиксирован довольно приличный пробег — 88 174 километра. Сиденье установлено как при Гагарине — очень близко к рулевой колонке. Роста космонавт № 1 был небольшого — 1 метр 68 сантиметров. Пепельницу заело, но ею Гагарин

скорее всего и не пользовался, поскольку курил в редких случаях...»

Однако вернемся в год 70-й.

В Севастополе продолжают съемки фильма «Офицеры». Их постоянно лихорадит пьянство одного из актеров — Георгия Юматова, по вине которого за два месяца съемок уже набегало полтора десятка дней простоев (а всего за все съемки их набегит почти месяц — 27 дней). Поскольку заменить Юматова на половине съемочного процесса было уже невозможно, было решено уговорить его лечь на несколько дней в больницу, чтобы «зашиться». Юматов лег, но и там умудрялся напиваться. По утрам он спускал из окна вниз больничную простыню, на которую сердобольные поклонники привязывали бутылку водки. К началу врачебного обхода актер был уже «хорошеньким».

Так могло продолжаться до бесконечности, и съемки грозили перейти в разряд «долгостроя», если бы режиссер фильма Владимир Роговой не придумал хитрый трюк. Зная, что Юматову больше всего в сложившейся ситуации нравится быть хитрее своих преследователей, Роговой решил переиграть актера на его же поле. Он заказал на севастопольском спиртзаводе специальную бутылку водки, в которую вместо «горькой» залили обычную воду. Утром эту бутылку спустили Юматову с крыши в окно его гостиничного номера, но распить ее одному актеру не удалось. В номер пришел режиссер, который предложил раздавить поллитру на двоих. Юматов в этом деле никогда не жадничал. Уже после первой стопки он распознал подвох, но не стал устраивать скандал, а отдал должное выдумке режиссера. Говорят, после этого случая он до конца севастопольской экспедиции (до 6 ноября) больше ни разу не подвел съемочную группу.

В эти же дни в Гаване продолжался боксерский турнир «Кордова Кардина». Проходил он в огромном спортивном дворце, который напоминал перевернутую ракушку и вмещал 25 тысяч зрителей. Среди них был и лидер Кубы Фидель Кастро, который очень симпатизировал советскому полутяжу (боксеру полутяжелого веса) Олегу Коротаеву. А у того на турнире наступил настоящий звездный час. В первом поединке он встречался с боксером из ГДР Куртом Андерсом и довольно легко его одолел. На первых же минутах матча Коротаев приме-

нил хитрость — специально открыл свое лицо для удара справа. Андерс клюнул на эту уловку, быстро ударил справа прямым, но Коротаев ударил правой прямой еще быстрее и сильнее. Андерс рухнул, так и не сообразив, что произошло. Так наш боксер выиграл свой первый поединок на турнире, не потратив сил и энергии.

Следующим соперником Коротаева был кубинский боксер Луис Вега. Не стоит, наверное, говорить, что вся поддержка многотысячной публики, заполнившей арену-«ракушку», была на стороне кубинца. Русскому желали поражения, причем скорого. Но все вышло иначе. Вега с первых же секунд поединка бросился в атаку, пытаясь выбить соперника с центра ринга. Но Коротаев центра не уступал. Он стал финтами прощупывать кубинца и обманывать, а у того было столько сил и энергии, что он не стал сбавлять напора и все время атаковал. В конце концов Коротаев поймал его в атаке и два раза быстро ударил левой сбоку. Вега упал и тяжело стал подыматься. После счета 8 рефери разрешил бой продолжить. Но для Коротаева все стало уже ясно — «распечатать» кубинца, он был уверен в своей скорой победе. И не обманулся. В конце первого раунда он сильно ударил левой в область печени — Вега осел на ринг, и судья снова открыл счет. И весь второй и третий раунды Коротаев бил и работал только по корпусу. А когда соперник был измотан этим ударами, Коротаев нанес ему неожиданный удар в голову. Вега рухнул на ринг без чувств. Сила удара была настолько велика, что сам он подниматься был не в состоянии, его положили на носилки и унесли.

Два дня спустя Коротаев встретился в финале с кубинским боксером Луисом Вальерой. На последних Панамериканских играх этот боксер показал себя во всей красе — все свои поединки выиграл нокаутом — и стал настоящим любимцем всей Кубы. Однако уже в первом раунде Коротаев буквально «забил» его, в итоге отправив в нокаут. Вальера упал, как подкошенный, и рефери из ГДР открыл счет. Когда он досчитал до 6, Вальера с трудом поднимался, при счете 8 рефери остановил бой и, не объявляя нокаут, развел боксеров по углам. Он хотел прекратить бой, чтобы он не кончился более глубоким нокаутом. Но кубинские тренеры и руководители вступили с ним и глав-

ным судьей в переговоры и добились продолжения поединка. Рефери согласился. Вальера к тому времени успел немного восстановиться и сразу же бросился вперед под крики своих тренеров и болельщиков. Коротаяев это предвидел, но, зная, в каком он состоянии, не стал его сразу добивать, а обманными движениями рук и ног заставил его раскрыться и уже в атаке ударил справа прямым. Вальера рухнул, причем на этот раз окончательно. В итоге рефери прекратил счет, едва его начав, и пригласил врача. Далее послушаем самого О. Коротаяева:

«Кубинца подняли и отнесли в свой угол. Его попытались усадить на стул, но он не смог сидеть, он все время падал. Тогда его положили на носилки и унесли с ринга. Кубинцы и все, кто находился в зале, устроили мне овацию. Я посмотрел в ложу, туда, где находился Фидель Кастро, — там все стоя аплодировали. Значит, бой мне удался, значит, все было так, как я хотел. На награждение мы вышли втроем, Вальеры не было, его приводили в чувство врачи. После финала кубинцы устроили дружеский ужин для всех участников, тренеров, представителей и судей. На ужине были вручены главные призы турнира «Кордова Кардина». Главный приз получил полулегковес Торрес (Куба), приз за волю к победе Вараздат Багдасаров (СССР), и за лучшую технику приз дали мне (Серебряная ваза). Я был очень и очень рад и доволен, как будто я стал олимпийским чемпионом. Президент федерации бокса Кубы Альберто, вручая мне кубок, сказал, что они сожалеют о том, что видели меня мало на ринге, но запомнили хорошо. Он также сказал, что я очень понравился Фиделю. Я это уже знал, так как после финального боя Фидель в сопровождении Рауля Кастро и членов правительства, которые были с ними во Дворце спорта на финальных боях, пришли к нам в раздевалку, и через переводчика я тогда впервые разговаривал с руководителем Кубы легендарным Фиделем...»

Но вернемся из солнечной Кубы в промозглую Москву. Там вот уже несколько дней люди живо обсуждали событие, которое произошло некоторое время назад. Двое вооруженных преступников (один с пистолетом, другой с финкой) ограбили среди бела дня кассу магазина. Однако свидетели преступления вызвали милицию и сумели достаточно подробно опи-

сать приметы преступников. Двое милиционеров — сержанты милиции Н. Чернопяттов (стаж работы в органах 6 лет) и В. Новичков (в милиции с января 70-го) — бросились в погоню за преступниками. Длилась эта погоня недолго, поскольку уже через несколько минут стражи порядка сумели заметить преступников на станции метро «Комсомольская». Те ждали электричку. Но сесть в нее они так и не успели. Неожиданно выросшие перед ними милиционеры лишили их не только дара речи, но и возможности сопротивляться. Стоит отметить, что в начале ноября двух смелых сержантов лично принял министр внутренних дел Николай Щелоков и наградил ценными подарками — наручными часами.

В эти же дни молодой режиссер «Ленфильма» Алексей Герман приступил к натурным съемкам фильма «Операция «С Новым годом» (в прокате — «Проверка на дорогах»). Основой для фильма послужила военная проза отца режиссера известного писателя Юрия Германа, которую мастерски приспособил для переноса на экран сценарист Эдуард Володарский. Суть сюжета: бывший полицай Лазарев (Владимир Заманский) переходит на сторону партизан и вынужден доказывать, что его переход — искренний. Лазареву пытается поверить командир отряда Локотков (Ролан Быков), а вот особист Петушков (Анатолий Солоницын) продолжает видеть в нем предателя. В итоге Лазарев ценой собственной жизни помогает партизанам захватить фашистский эшелон с продовольствием.

Натурные съемки фильма начались в конце октября в лесах под Калинином, где должны были сниматься следующие объекты: «картофельное поле», «КПП и станция», «партизанская деревня», «лесная дорога», «горелый лес», «окраина партизанской деревни», «болото», «брошенная деревня», «горелый хутор» и др. Однако работа застопорилась чуть ли не с первых же дней из-за мерзкой погоды — то снег, то оттепель. Вот как вспоминает о тех днях сам режиссер А. Герман:

«Начался сумасшедший дом. Вся группа пьет, у всех бабы, к кому ни постучу, выскакивает потный: «Пожалуйста, через 15 минут, Алексей Юрьич!» Я хожу один по гостинице, чего делать, не знаю. Позвонил Свете в Москву (С. Кармалита — сценаристка. — Ф. Р.). Она

тогда занималась каким-то режиссером Пискатором, училась в Институте истории искусств, они сидели в ВТО, курили сигареты и рассуждали о дореволюционном театре. Звоню я и говорю: «Слушай, кому на хрен нужен этот твой Пискатор?! Давай бросай все и приезжай сюда! Поставим на одну лошадь, может, она нас куда и вывезет».

Светка очень любит рассказывать, как я после этого ее встретил... Выезд на съемку был в семь утра, откуда ж я знал, что она со своими чемоданами тоже в семь придет?!» (Чуть позже Кармалита станет женой Германа. — Ф. Р.)

Тем временем КГБ продолжает отслеживать ситуацию с присуждением Солженицыну Нобелевской премии. В недрах Лубянки родился хитроумный план по выдворению неудобного писателя за пределы родины. 29 октября Андропов изложил суть этого плана в своей очередной записке в ЦК КПСС:

«Комитет государственной безопасности полагает, что в случае официального обращения Солженицына с ходатайством о выезде в Швецию для получения Нобелевской премии можно было бы пойти на удовлетворение его просьбы. Что касается вопроса об обратном въезде в Советский Союз, то его следовало бы решать в зависимости от поведения Солженицына за границей. Если Солженицын решит остаться за рубежом, то принимать какие-либо меры к его возвращению в Советский Союз, по нашему мнению, вряд ли целесообразно».

В пятницу, 30 октября, состоялся очередной тур чемпионата страны по футболу. Матчей было сыграно несколько, но я упомяну лишь один — самый скандальный. Он проходил в Кутаиси, где встречались местное «Торпедо» и ташкентский «Пахтакор». Хозяевам нужна была только победа, поскольку при иных вариантах они покидали высшую лигу. Перед началом игры была сделана попытка подкупить гостей с помощью денежной взятки, но те отказались: видимо, самим до зарезу нужны были очки. Поэтому «торпедовцам» не оставалось ничего иного, как завоевать необходимую победу в равной борьбе. Но как это сделать, если гости чуть ли не на голову были сильнее? Тут, как ни старайся, ни ложись костями на поле, ничего не получится. Поэтому уже к 80-й минуте матча «торпедовцы» безнадежно проигрывали 0:3. А тут еще под самый занавес игры

судья назначил пенальти в их ворота, позволяя гостям сделать счет и вовсе неприличным. Когда четвертый мяч оказался в сетке хозяев, их нервы не выдержали. Несколько игроков «Торпедо» подскочили к главному арбитру и принялись его избивать. Своих кумиров поддержали болельщики (а стадион был переполнен) — они стали бросать на поле камни, выломанные из сидений доски. Футболисты «Пахтакора» бросились в раздевалку, понимая, что в противном случае им придется туго. Однако убежать удалось далеко не всем: несколько ташкентцев вынуждены были найти спасение в центре поля, куда не долетали камни с трибун. Милиция, которая не ожидала такого взрыва страстей, поначалу безучастно взирала на происходящее, но затем сумела прийти в себя и сделала попытку, во-первых, разнять дерущихся, во-вторых — вывести судью и гостей с поля. Для этого стражи порядка обступили своих подопечных плотным кольцом и довели их до раздевалки. Но страсти на этом не утихли. Увидев, что гостям удалось спрятаться за спасительными стенами, болельщики принялись крушить их автотранспорт — автобусы и машины. Они перевернули и подожгли автобус. Ташкентцев надо было немедленно эвакуировать, но пути к отступлению были отрезаны. Милиция запросила дополнительные силы: Но даже когда они прибыли (милиционеров поддерживали несколько десятков солдат с автоматами), болельщики и не подумали отступить. Люди были настолько возбуждены, что даже вид автоматов их не привел в чувство. Они бросились на милиционеров и солдат с палками наперевес, после чего раздались первые выстрелы. Только тут толпа бросилась врассыпную. Людей потом долго отлавливали по дворам и подворотням, пытаясь выявить зачинщиков беспорядков. Итог этого инцидента ужасен: несколько человек были убиты и ранены, стадиону и прилегающим к нему окрестностям был нанесен значительный ущерб. Такова была плата за то, что кутаисское «Торпедо» вылетело в первую лигу.

30 октября в Донецке студент 4-го курса музыкально-педагогического института Евгений Мартынов добился права досрочно выполнить учебный план и сдать госэкзамены на год раньше. Педагогический совет института разрешил ему сделать это, учитывая отличные результаты Мартынова, которые он показывал на

протяжении всех четырех лет обучения. До всенародного успеха Евгению Мартынову остается чуть меньше трех лет.

31 октября Мстислав Ростропович написал открытое письмо в защиту Солженицына, адресованное редакторам газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура». Однако прежде чем отправить его по назначению, он показал написанное своей супруге Галине Вишневской.

— Ты же знаешь, что никто не напечатает твое письмо, — сказала Вишневская. — А тогда к чему оно? Оно имеет смысл только в случае широкой гласности.

— Я знаю, — согласился Ростропович. — Но все же какой-то круг людей узнает о нем от сотрудников редакций газет.

— Но ты берешь на себя очень большую ответственность за судьбы многих близких тебе людей. Ведь это коснется не только тебя, но и твоих близких друзей, твоей сестры-скрипачки, которую в любую минуту смогут выгнать из оркестра, а у нее муж и дети. Ты не можешь не думать, что ждет их, а также меня. У меня театр, и я не хочу перечислять — чего лишусь...

— Уж с сестрой-то ничего не случится, а с тобой мы можем фиктивно развестись, и тебя ничто не коснется, — продолжал гнуть свою линию Ростропович.

— Ты предлагаешь развод, чтобы именно внешне отделить себя от семьи, а тогда мы должны жить врозь. Ты что же, собираешься тайком лазить ко мне в окна по ночам? Ах, нет? Тогда мы будем жить вместе, а я повешу себе на грудь объявление, что не сплю с тобой в одной постели и потому не отвечаю за твои поступки. Это же смешно!

— Но пойми, если я сейчас не вступлюсь, не вступится никто.

— Открыто не вступится никто в любом случае. Ты выступаешь против адской машины в одиночку и должен трезво и ясно видеть все последствия. Не забывай, где мы живем, здесь с любым могут сделать все. Возвысить и уничтожить. Первое, что сделают с тобой, это тихонько вышвырнут из Большого театра, что нетрудно: ты там приглашенный дирижер. И, конечно, твоим заграничным поездкам можешь сказать «прощай!». Но я тебя очень хорошо понимаю, и уж ты-то прекрасно знаешь, что в результате во всем поддержу тебя и буду рядом с

тобой. Я признаю всю твою правоту, хоть сама бы этого и не сделала, имея в виду все несчастья, что свалятся на нашу семью, о чем тебе сейчас говорила... А теперь дай мне письмо, я должна здесь кое-что переделать...

Ростропович отдал письмо жене, та внесла в него необходимые поправки, после чего вернула мужу. Тот переписал его в четырех экземплярах и опустил в почтовый ящик. Поскольку письмо достаточно длинное, приведу лишь некоторые отрывки из него:

«Уже перестало быть секретом, что А. И. Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой. На моих глазах произошло и его исключение из Союза писателей — в то самое время, когда он усиленно работал над романом о 1914 году. И вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляет меня взяться за письмо к Вам...

Почему через день после присуждения премии Солженицыну в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента Икс с представителем секретариата Союза писателей Икс о том, что вся общественность страны (т. е., очевидно, и все ученые и все музыканты и т. д.) активно поддержала его исключение из Союза писателей? Почему «Литературная газета» тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американских и шведских коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как «Юманите», «Леттр франсез» и «Уни-та», не говоря уже о множестве некоммунистических?»

Если мы верим некоему критику Боноски, то как же быть с мнением таких крупных писателей, как Белль, Арагон, Франсуа Мориак?

Я помню и хотел бы напомнить вам наши газеты 1948 года, сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича...

Сейчас, когда смотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что С. С. Прокофьев при жизни так и не услышал последнего варианта своей оперы «Война и мир» и Симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали

официальные списки запретных произведений Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна.

Неужели прожитое время не научило нас осторожнее относиться к сокрушению талантливых людей? Не говорить от имени всего народа? Не заставлять людей высказываться о том, чего они просто не читали или не слышали?..

Я ворошу старое не для того, чтобы брюзжать, а чтобы не пришлось в будущем, скажем — еще через 20 лет, стыдливо припрятывать сегодняшние газеты.

Каждый человек должен иметь право безбоязненно самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано, пережито, а не только слабо варьировать заложенное в него МНЕНИЕ.

К свободному обсуждению без подсказок и одергиваний мы обязательно придем...»

Тем временем на экранах столичных кинотеатров состоялись следующие премьеры: с 26 октября на экраны вышли две военные драмы: «Севастополь» В. Исакова и «Песнь о Маншук» М. Бегалина; с 27-го — советско-итальянский фильм режиссера Михаила Калатозова «Красная палатка» с целым набором звезд в главных ролях: Эдуардом Марцевичем, Донатасом Банионисом, Юрием Соломиным, Юрием Визбором, Клаудией Кардинале, Шоном Коннери, Никитой Михалковым. (Последний 21 октября справил свое 25-летие. Он разведен с Анастасией Вертинской и живет в однокомнатной квартире в центре Москвы — типичной обители холостяка: раздолбанная мебель, пыль по углам и т. д.) С 27 октября в течение недели в кинотеатре «Варшава» наблюдалось массовое столпотворение молодежи, которая рвалась на фильм «Самозванец с гитарой», где снимались две популярные польские рок-группы: «Скальды» и «Сине-черные».

В театрах столицы во второй половине октября состоялись три премьеры: 16-го в Ленкоме показали «Конец Хитрова рынка» — про столичную братву времен революции (в роли знаменитого бандита Якова Кошелькова актер Борис Никифоров), 23-го в Театре им. Ермоловой — «Неравный брак» Б. Рацера и В. Константинова, 27-го в ЦТСА — «Раскинулось море широко».

Из эстрадных представлений назову следующие: 15—18 октября в ЦДСА выступали Мария Миронова и Александр Менакер, 16—18 октября в ДК Горбунова после некоторого перерыва вновь запел ВИА «Голубые гитары», 17—18 октября в «Октябре» — Людмила Зыкина, с 31 октября во Дворце спорта в Лужниках начались праздничные концерты, приуроченные к очередной годовщине Октябрьской революции, на которых выступали следующие артисты: Александр Шуров, Николай Рыкунин, Иосиф Кобзон, Рада и Николай Волшаниновы, Майя Кристалинская, Александра Стрельченко, Виктор Чистяков, артисты «Кабачка «13 стульев», вокальный квартет «Аккорд», ВИА «Веселые ребята» и др.

Фирма «Мелодия» порадовала меломанов сразу несколькими новыми пластинками, из них назову лишь некоторые. Диски-гиганты: «Поет Лидия Русланова» и «Всем, кто любит песню» № 14 с песнями «Танцуй со мной» в исполнении Энгельберта Хампердинка, «Вечно» — Жаклин Дюлек, «Цыганка» — Рене Рольска, «Матильда» — Павел Лишка и др.; гибкие: «Поет Иосиф Кобзон», «Поет Лариса Мондрус».

По ЦТ гоняли фильмы, неоднократно уже показанные ранее: «Анну Каренину», «Донскую повесть», «Армию Трясогузки», «Приходите завтра», «О друзьях-товарищах» (премьера этого фильма, как мы помним, состоялась 16 июня).

1970 Н о я б р ь

Новая пьеса для Аркадия Райкина. Как Юрий Маликов разочаровал свою жену. Андрей Миронов в роли антисоветчика. Рождение ВИА «Ариэль». Покушение на советского солдата в Западном Берлине. Как поймали луганского маньяка. Почему Хрущев хотел, чтобы его расстреляли. Крик души Михаила Ромма. Юбилей Марии Бабановой. КГБ против писателя-фантаста Ивана Ефремова. Любовный роман поэта Владимира Соколова. Муки любви Елены Кореневой. Вторая дочь актрисы Микаэлы Дроздовской. Почему остановилась работа над сценарием «Красное золото». Андрей Сахаров создает Комитет по правам человека. Умер дрессировщик Борис Эдер. Боевое крещение обновленной сборной СССР по футболу. Как наши киношники приехали в Париж и... отравились. Щелоков поощряет киношников. Умер маршал Андрей Еременко. ЧП на съемках фильма «Проверка на дорогах»: сбежал Ролан Быков. Шукшин привез из Парижа пистолет-пугач. Как снимали песню в «Белорусском вокзале». Мемуары Никиты Хрущева выходят на Западе. Капкан для Солженицына. Даль женился... и напился. Почему Брежнев разрыдался в Ереване. Как Магомаев получил новую квартиру. ЧП на ереванском аэродроме: выстрел по самолету генсека.

Вечером 1 ноября драматург Леонид Зорин приехал в Благовещенский переулок в Москве, где жила семья Аркадия Райкина. Актер к тому времени уже оправился от инфаркта и был готов вновь взяться за работу. Райкин попросил драматурга написать пьесу для трех актеров, которую собирался поставить в своем театре. И вот Зорин выполнил свое обещание: написал пьесу «Театральная фантазия», где ни в одной из двенадцати сцен не действовало больше трех человек. На читке, кроме Райкина, присутствовал и режиссер, которому предстояло эту пьесу перенести на сцену, — Валерий Фокин.

Как вспоминает сам драматург, пьесу выслушали сочувственно, Райкин с королевской щедростью сказал, что ждал ее долгие годы. Он пообещал начать репетиции в ближайшее время, а к весне выпустить премьеру. Однако этим планам не суждено будет осуществиться. Именно к весне все драматические узлы, завязавшиеся в театре Райкина и из-за которых он собирался переезжать в Москву, благополучно

развяжутся и надобность в пьесе с тремя актерами отпадет сама собой. Зорин не обидится на мэтра, поскольку его пьеса все равно окажется востребованной — ее возьмутся ставить в Театре им. Вахтангова, причем одну из главных ролей в нем исполнит дочь Аркадия Исааковича Екатерина Райкина. Но это уже другая история.

2 ноября съемочная группа фильма «Корона Российской империи» начала съемки натуральных эпизодов в пустыне возле города Чардара. Причем до этого в планах киношников была экспедиция в другое место — в Новую Каховку, где Кеосаян уже снимал две предыдущие серии «Неуловимых». Однако на этот раз в планы режиссера вмешались непредвиденные обстоятельства: в Каховке в те дни был карантин из-за холеры. В Чардаре группа планировала пробыть пару-тройку недель, однако из-за непогоды, которая отнимет у киношников 17 дней, придется продлить экспедицию до 19 декабря. Будут сняты все эпизоды с басмачами

(пролог картины), погоня Ксанки за Овечкиным и другие эпизоды.

Известный ныне композитор и создатель легендарного ВИА «Самоцветы» Юрий Маликов только-только вернулся из Японии, где представлял советское искусство на международной выставке «ЭКСПО-70». Кстати, мысль о создании «Самоцветов» пришла к нему именно там. По его же словам: «За почти восемь месяцев пребывания в Японии я познакомился со многими музыкальными коллективами и представлениями, посетил многочисленные выступления мировых звезд популярной музыки. Тогда и задумал создать свой ансамбль...»

Для осуществления своей мечты Маликов вернулся на родину не с пустыми руками — почти на всю вырученную валюту (а получал он там по 10 долларов в день) он приобрел аппаратуру. Перед отлетом из Японии позвонил жене и сказал, чтобы она пригнала в аэропорт большой автобус. «Зачем?» — удивилась жена. «У меня с собой будет 15 ящиков», — ответил Маликов. Жена обрадовалась — подумала, что все ящики забиты шмотками и украшениями. Каково же было ее разочарование, когда узнала, что в ящиках находятся колонки, микрофоны, гитары, электроорган и прочая аппаратура и инструменты. Но до создания «Самоцветов» еще несколько месяцев.

В четверг, 5 ноября, в Генеральной прокуратуре СССР, что на Пушкинской, состоялась открытая пресс-конференция, посвященная недавней трагедии, происшедшей в небе над Батуми. Представители прокуратуры поведали собравшимся подробности биографий двух преступников — отца и сына Бразинских, и сообщили о том, что пока Советскому правительству никак не удается добиться от правительства Турции выдачи преступников.

А страна тем временем готовится к празднику — приближается 53-я годовщина ВОВ, то бишь Великой Октябрьской революции. Уже накануне этой славной даты по всей стране в огромных количествах скупается водка и закуска — плавленые сырки и «Докторская» колбаса. И начинается массовый «гудеж».

6 ноября теплая компания собралась на квартире Александра Ширвиндта в высотке на Котельнической набережной. Кроме хозяина и его супруги, там были: Андрей Миронов, Татьяна Егорова, Марк Захаров, Павел Пашков и

др. Все были в прекрасном расположении духа, пили-ели, а в перерывах хохмили и устраивали розыгрыши. Правда, иные из этих розыгрышей приводили к легким потасовкам. Например, Татьяна Егорова начала заигрывать с хозяином, а увидевший это Миронов вспыхнул внезапной ревностью. Недолго думая, он вlepил оплеуху возлюбленной, однако та не осталась внакладе: схватила со стола стакан с водкой и вылила его содержимое в карман пиджака Миронова. После этого выскочила из квартиры, попыталась убежать, но он догнал ее в кабине лифта, и они... стали целоваться.

В разгар веселья кто-то вспомнил о завтрашнем празднике. Тут же всплыла тема Ленина, революции и т. д. Было решено перенести гулянку на Красную площадь. Поскольку все уже были в изрядном подпитии, никто даже не подумал о том, что эта прогулка может плохо закончиться для всех присутствующих. Как говорится, пьяным и море по колено. И вот уже через несколько минут вся компания топчет брусчатку главной площади страны. Подойдя к памятнику Минину и Пожарскому, Миронов, который в те дни репетировал в театре роль пламенного большевика Всеволода Вишневского, вытянул руку в сторону Мавзолея и во все горло закричал:

Смотри-ка, князь,
Какая мразь
У стен кремлевских улеглась!

За такие стишки в те годы можно было легко схлопотать лет эдак пять за антисоветскую пропаганду, но, на счастье Миронова, поблизости не оказалось милиционера. Это обстоятельство развязало языки и остальным участникам гулянки. Выстроившись в колонну, они, четко чеканя шаг, потопали к Мавзолею, размахивая метлой с наконечником из красного пластмассового петушка. Там уже Марк Захаров перехватил инициативу у Миронова и запел: «В городском саду играет духовой оркестр. В Мавзолее, где лежит он, нет свободных мест...» Часовые, охранявшие покой вождя мирового пролетариата, стояли не моргнув глазом. Согласно служебной инструкции, они не имели права реагировать на окружающее. Они и не реагировали. А компания продолжала забавляться: метла с петушком переходила из рук в руки, кто-то начинал ею мести заснеженные

булыжники площади, другой, подняв петушка над головой, орал благим голосом: «Ку-ка-ре-ку!» В конце концов, видя, что никто на их эскапады не реагирует, артисты решили продолжить гулянку в другом месте — на квартире у Миронова в Волковом переулке. Там догуляли ночь и утром 7 ноября всем гуртом вывалились на улицу, где уже всюю отмечался праздник. Выпивший Захаров буквально ввалился в толпу демонстрантов, шедших на Красную площадь для участия в праздничном параде, и, выхватив у какого-то демонстранта красный флаг, заорал во всю глотку шлягер Александры Пахмутовой «Пока я ходить умею, пока я дышать умею...». Затем швырнул флаг обратно демонстранту и выскочил из толпы. Завершили они свою гулянку в столовой Белорусского вокзала, где вместе с транзитными пассажирами заедали водку слипшимися макаронами.

Военный парад на Красной площади показывали в прямом эфире по ЦТ — трансляция началась в 9.45. Помню, лично меня хватало на первые пятнадцать-двадцать минут этого действия — до тех пор, пока принимающий парад военачальник, стоя в открытой машине, объезжал войска. Затем я срывался с места и бежал во двор к пацанам — месить осеннюю слякоть. А ближе к вечеру мы разбегались по домам, чтобы вновь занять места перед телевизором. В тот день по нему гоняли: в 18.45 — «Праздничный вечер в Останкино», в 22.25 — «На огонек». Из кинофильмов первой недели ноября, шедших по ЦТ, отмечу следующие: «Вирина», «Крах», «Повесть о чекисте», «Орлята Чапая», «Тихий Дон», «Влюбленные», «Тренер».

Тот праздничный день стал днем рождения ВИА, которому вскоре предстоит стать суперпопулярным. Речь идет об ансамбле «Ариэль» из Челябинска. Коллектив «зачался» в Челябинской областной клинической больнице три года назад и поначалу назывался «Аллегро». Осенью 70-го в группу влился талантливый композитор Валерий Ярушин еще с несколькими музыкантами, после чего они сменили название, став «Ариэлем». С этого момента и началась история коллектива. «Ариэль» очень успешно соединит в своем творчестве фолк и рок, напишет немало шлягеров, которые покорят слушателей. Достаточно назвать такие песни, как «На острове Буяне», «Тишина», «Старая пластинка» и др.

Между тем день 7 ноября едва не стоил жизни советскому солдату Ивану Щербаку, который охранял обелиск советским воинам в западноберлинском районе Тиргартен. В тот день глубокой ночью неизвестные тяжело ранили солдата выстрелами в грудь и руку. По всем приметам, это были местные неофашисты. Спустя несколько дней эта версия подтвердилась: был арестован 24-летний санитар одной из западноберлинских больниц, который был приверженцем нацистских идей. Он сознался в том, что стрелял в Щербака. Суд приговорил его к 6 годам тюрьмы.

В Луганске не прекращаются поиски опасного маньяка. Свою последнюю вылазку он совершил 16 октября, напав на работницу конфектной фабрики. Девушка осталась жива и заявила о нападении в милицию. На месте преступления сыщики нашли кусок простыни, на котором была обнаружена часть штампа с начальными цифрами 96. Правда, позже выяснится, что эксперты ЭКО ошиблись, прочитав эти цифры как 96, хотя на самом деле там значилось 36. Однако это выяснится позже, а пока сыщики начали активную отработку этой улики. Было осмотрено белье во всех прачечных города и выяснено, что на большинстве простыней — штампы с наименованием организации. Путем сравнения образцов штампов исключили более 100 организаций. Затем определили, что только воинские части маркировали простыни штампами с цифровым наименованием. В числе их оказалось подразделение 96444. Однако, внимательно изучив порядок приема и выдачи белья в гарнизонной прачечной, выяснили, что зачастую белье одной части попадает в другую. Это значительно усложняло поиск преступника. Кроме этого, услугами этой же прачечной пользовались 12 предприятий, в общежитиях которых также обнаружили простыни с номерами воинских частей. Поэтому сыщикам пришлось проверять все воинские части и общежития этих предприятий. Поскольку это надо было сделать как можно быстрее, привлекли дополнительно еще 20 сотрудников милиции, плюс подключили к розыску особый отдел гарнизона.

Между тем в воинскую часть 96444 был послан «казачок», которого снабдили необходимыми воинскими документами на имя офицера политотдела Киевского военного округа. За

шесть дней он под различными предлогами осмотрел личные вещи военнослужащих, обследовал места, где применялись простыни и ветошь, лично изучил контингент нарушителей дисциплины, провел зашифрованные допросы. Однако ничего ценного так и не выяснил. И это понятно: «казачок» искал преступника совсем не в том месте из-за ошибки экспертов ЭКО. Поэтому тогда многим казалось, что маньяка никогда не удастся найти. Но тут удача сама пришла в руки сыщиков.

8 ноября, примерно в одиннадцать часов вечера, участники одной из оперативно-поисковых групп услышали истошный крик женщины, доносившийся со стороны парка имени Первого мая. Милиционеры бросились на шум, однако никого там не обнаружили. Все же они немедленно оповестили по радию о случившемся ближайшие посты. Парк и прилегающая к воинским частям местность были блокированы. В итоге удалось задержать трех мужчин, один из которых вызывал больше всего подозрений. Это был молодой человек без документов, одетый в штатский костюм и солдатские сапоги. Его доставили в Каменнобродский РОВД. Вскоре туда прибыл один из руководителей штаба по розыску маньяка Николай Водько. Проводивший допрос оперативник Талалаев доложил ему о своих впечатлениях: дескать, нутром чую, что это именно тот, кого мы ищем. Водько приказал привести задержанного и во время допроса лично убедился в правильности выводов своего коллеги.

Как выяснилось, задержанным оказался военнослужащий воинской части 61436 (а не 96!) Алмазян. Во время допроса он сознался, что переоделся в штатский костюм на продовольственном складе части, где последнее время был дневальным. К указанному месту отправили розыскников. И не зря — там их ждали неожиданные находки. На чердаке склада были обнаружены женские туфли и кофточка, сходные с теми, что были на одной из жертв. А в тумбочке Алмазяна сыщики нашли несколько других вещей потерпевших, в том числе серьгу и кольцо. Когда эти вещи предъявили Алмазяну, нервы его не выдержали и он сознался в двух убийствах, а также в нескольких изнасилованиях и покушениях на убийство. Кроме этого, выяснилось, что еще до призыва в армию, на гражданке, он совершил три нападе-

ния на женщин, но остался неразоблаченным. Забегая вперед, отмечу, что суд воздаст должное маньяку — он будет расстрелян.

Но вернемся в ноябрь 70-го.

Во вторник, 10 ноября, в павильонах «Мосфильма» снимались эпизоды сразу нескольких картин. Так, в съемочной группе фильма «Белорусский вокзал» проходила пересъемка эпизода «В кабинете Дубинского»: когда к Дубинскому (Анатолий Папанов) приходят его фронтовые друзья. Эпизод снимался в кабинете главного инженера киностудии.

В тот же день в центральной прессе появилось соболезнование кремлевского руководства французскому правительству в связи со смертью бывшего Президента Франции генерала Шарля де Голля. Между тем еще один бывший, но здравствующий глава государства — Никита Хрущев — написал в тот день следующее заявление:

«Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н. С. Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам... Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой...»

Между тем предыстория этого заявления выглядит следующим образом. 6 ноября посол Советского Союза в США Добрынин известил Москву о том, что в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна «Тайм» официально объявили о том, что они располагают «Воспоминаниями Н. С. Хрущева». В ЦК КПСС всерьез обеспокоились этим сообщением и решили пригласить к себе для разъяснительного разговора виновника происшедшего — Хрущева. Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвид Янович Пельше позвонил ему на дачу в Петрово-Дальнее и попросил немедленно приехать на Старую площадь.

— Немедленно я не могу — не на чем. Машины у меня нет, — ответил Хрущев.

— Машину мы за вами пришлем, — пообещал Пельше.

И действительно, через несколько минут к дому, где жил Хрущев, подъехала машина и отвезла его в ЦК. Когда Хрущев вошел в кабинет Пельше, там, кроме хозяина, находились еще два сотрудника КПК: зампред КПК Р. Мельников и С. Постовалов. К счастью, сохранилась стенограмма этого разговора, которую я приведу в сокращении:

«Пельше: ...Может быть, вы прямо скажете нам, кому передали эти материалы для публикации за рубежом.

Хрущев: Я протестую, товарищ Пельше. У меня есть свои человеческие достоинства, и я протестую. Я никому не передавал материал. Я коммунист не меньше, чем вы.

Пельше: Надо вам сказать, как они туда попали.

Хрущев: Скажите вы мне, как они туда попали. Я думаю, что они не попали туда, а это провокация.

Пельше: Вы в партийном доме находитесь...

Хрущев: Никогда, никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю, это право каждого гражданина и члена партии.

Пельше: У нас с вами был разговор, что тот метод, когда широкий круг людей привлечен к написанию ваших мемуаров, не подходит...

Хрущев: Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я недоволен, что живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему...

Пельше: Вы скажите, как выйти из создавшегося положения?

Хрущев: Не знаю. Вы виноваты, не персонально вы, а все руководство... Я понял, что, прежде чем вызвать меня, ко мне подослали агентов...

Пельше: То, что вы диктуете, знают уже многие в Москве.

Хрущев: Мне 77-й год. Я в здравом уме и отвечаю за все слова и действия...

Пельше: Как выйти из этого положения?

Хрущев: Не знаю. Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом. Двое ворот, и вход и выход контролируются. Это очень позорно. Мне надоело. Помогите моим страданиям.

Пельше: Никто вас не обижает.

Хрущев: Моральные истязания самые тяжелые.

Пельше: Вы сказали: когда я кончу, передам в ЦК.

Хрущев: Я этого не говорил. Товарищ Кириленко предложил мне прекратить писать. Я сказал — не могу, это мое право...

Пельше: Мы не хотим, чтобы вы умирали.

Хрущев: Я хочу смерти.

Мельников: Может быть, вас подвел кто-то?

Хрущев: Дорогой товарищ, я отвечаю за свои слова, и я не сумасшедший. Я никому материалы не передавал и передать не мог.

Мельников: Вашими материалами пользовался не только сын, но и машинистка, которую вы не знаете, писатель беспартийный, которого вы также не знаете, и другие.

Хрущев: Это советские люди, доверенные люди.

Мельников: Вы не стучите и не кричите. Вы находитесь в КПК и ведите себя как положено...

Хрущев: Это нервы, я не кричу. Разное положение и разный возраст.

Пельше: Какие бы ни были возраст и нервы, но каждый член партии должен отвечать за свои поступки.

Хрущев: Вы, товарищ Пельше, абсолютно правы, и я отвечаю. Готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни.

Пельше: КПК к смертной казни не приговаривает.

Хрущев: Практика была. Сколько тысяч людей погибло. Сколько расстреляно. А теперь памятники «врагам народа» ставят...

Пельше: 23 ноября, то есть через 13 дней, они будут в печати. Сейчас они находятся в типографии...

Хрущев: Я готов заявить, что никаких мемуаров ни советским издательствам, ни заграничным я не передавал и передавать не намерен. Пожалуйста, напишите.

Постовалов: Надо думать, и прежде всего вам, какие в связи с этим нужно сделать заявления, а их придется делать...

Хрущев: Я только одно скажу, что все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усиленных нет, наоборот, есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова

(в 1969 году. — Ф. Р.). Мне жена Жукова позвонила и говорит: Георгий Константинович лежит больной и лично не может говорить с вами, но он просит сказать ваше мнение о его книге... Я говорю, не читал, но мне рассказывали люди. Я сказал, отвратительно и читать не могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков честный человек, военный, но сумасброд...

Постовалов: Вы же сказали, что не читали книгу.

Хрущев: Но мне рассказали.

Постовалов: Речь идет не о Жукове.

Хрущев: Товарищ Пельше не дал закончить мысль. Обрывать — это сталинский стиль.

Пельше: Это ваши привычки.

Хрущев: Я тоже заразился от Сталина и от Сталина освободился, а вы нет...

Мельников: Вы, товарищ Хрущев, можете выступить с протестом, что вы возмущены.

Хрущев: Я вам говорю, не толкайте меня на старости лет на вранье...

Пельше: Нам сегодня стало известно, что американский журнально-издательский концерн «Тайм» располагает воспоминаниями Хрущева, которые начнут публиковаться там. Это факт... Хотелось бы, чтобы вы определили свое отношение к этому делу, не говоря о существовании мемуаров, что вы возмущены этим и что вы никому ничего не передавали...

Хрущев: Пусть запишет стенографистка мое заявление...»

И далее Никита Сергеевич продиктовал тот текст, который мы привели выше.

Между тем в стенограмму не вошло многое из того, что Хрущев говорил своим дознавателям. К счастью, эту часть его речи сохранил в своей памяти его сын Сергей, которому он поведал об этой встрече в тот же день. Воспользуемся воспоминаниями С. Хрущева:

«Прошло шесть лет, как они работают без него, стал говорить отец. Тогда на него всех собак повесили. Говорили: избавимся от Хрущева, и все пойдет как по маслу. А ведь отец предупреждал своих бывших сотрудников, что надо перестраиваться, по-новому вести хозяйство, иначе ничего не получится. Но они вернули министерства и разрушили то хорошее, пусть малое, что было сделано.

Сельское хозяйство разваливается. При отце повысили цены на масло, мясо, чтобы

стимулировать производство продуктов, но этого не произошло, в магазинах ничего нет.

В 1963 году, опять же при нем, закупили зерно в Америке, но как исключительный случай. А без него они ввели это в практику. Позор! Советский Союз закупает зерно!

Значит, продолжал отец, дело не в нем, а в порочной системе хозяйствования. Они уже успокоились и ничего делать не хотят. Сидят в тихом болоте, а надо действовать, искать.

А международные отношения? Говорили, что отец поссорил нас с Китаем. Прошло шесть лет, отношения только ухудшились. Теперь всем видно — тут действуют более сложные закономерности. Пройдет время, и отношения нормализуются, но для этого должны прийти новые люди и здесь и там, способные по-новому взглянуть на проблему, отбросить накопившуюся шелуху.

Как рассказывал потом отец, Пельше было встрепенулся, желая что-то возразить, но отец не дал ему вмешаться и продолжал в пух и прах критиковать своих прежних соратников.

Он говорил, что они в Египте все прозевали (употребив при этом более крепкое выражение). Сколько денег, труда вложено в эту страну, а они допустили, чтобы наш союзник проиграл войну, хотя был вполне к ней готов, имея современную, отлично вооруженную армию.

Коснулся отец и некоторых других вопросов, связанных с внешней и внутренней политикой. Вся эта гневная тирада потребовала немалых сил. Наконец он закончил свою «обвинительную» речь и замолчал.

Пельше попытался оправдаться, но отец его не слушал. Потом сказал, что он выполнил их требование. Подписал. А сейчас хочет уехать домой...

Это была последняя встреча отца с партийным руководством, с его преемниками. Он высказал им все, что наболело на душе за последние годы, о чем он мучительно раздумывал в одиночестве.

Я ничего не знал, и только мама, позвонившая мне в тот же день, рассказала, что отца вызывали в КПК и допрашивали о мемуарах.

Я немедленно приехал на дачу. Отец сидел на опушке. Подойдя к нему, я присел рядом. Мы долго молчали, потом он стал рассказывать, все больше распаляясь.

Закончив, он помолчал и вдруг, видимо, отвечая своим мыслям, добавил:

— Теперь я окончательно убедился, что решение об издании книги было правильным. То, что отобрали, они уничтожат. Они правды боятся. Все правильно.

Мы опять замолчали, каждый по-своему думал об одном.

Вечером я уехал, поскольку это был рабочий день. Дома по свежим следам записал рассказ отца.

Визит этот не прошел отцу даром. Пельше добился результата — отца опять уложили в больницу.

Владимир Григорьевич Беззубик (главврач больницы на Грановского. — Ф. Р.) объявил, что у отца микроинфаркт.

— Это совсем не то, что было летом, — старался успокоить он нас, — никакого сравнения. Все равно что кошка когтями царапнула...»

В те же дни едва не оказался в больнице из-за переживаний, связанных с работой над новым фильмом, и кинорежиссер Михаил Ромм. А случилось следующее. Летом 69-го Ромм запустился с фильмом «Великая трагедия», рассказывающем о событиях, происходящих тогда в Китае: о культурной революции, хунвейбинах и т. д. Комитет кинематографии был очень заинтересован в создании такой ленты и все время торопил Ромма со съемками. Однако затем все внезапно застопорилось. Причину остановки Ромм узнал вскоре: оказывается, на ЦСДФ тоже приступили к работе над полнометражным фильмом о Китае. Правда, Ромма успокоили тем, что ничего общего с его картиной эта иметь не будет. Более того, режиссер с ЦСДФ попросил у Ромма его сценарий якобы «во избежание ненужных совпадений».

Однако прошло уже более года со дня запуска, а группа Ромма так никуда и не выехала. В начале ноября 70-го терпение режиссера лопнуло. Он пишет резкое письмо председателю Комитета по кинематографии. Приведу лишь отрывок из него:

«Кончился октябрь 1970 года, и начался ноябрь. Идет снег. Пора надевать теплые ботинки типа «прощай, молодость». Через три месяца мне исполнится 70 лет...

В самом деле: прощай, молодость! Это личное начало имеет прямое отношение к

«Миру сегодня» и, в частности, к фильму «Великая трагедия». Я хочу понять, что происходит. Нельзя человека в моем возрасте, всей своей жизнью доказавшего свое право на полноценную деятельность и на уважение, человека, сделавшего картины, которые не нужно перечислять, человека давшего кинематографии и зрителю достаточно для того, чтобы руководство доверяло ему (и материально, и идейно, и художественно), словом, нельзя меня обманывать. Это нехорошо. Как говорится, некрасиво получается...»

Письмо возымело действие, правда, не сразу, а спустя два месяца. Съёмочной группе наконец-то разрешили выехать во Францию и ФРГ. Но злключения фильма на этом не закончились, о чем мы обязательно поговорим чуть позже. А пока вернемся в ноябре 70-го.

11 ноября исполнилось 70 лет выдающейся актрисе Марии Бабановой, долгие годы игравшей на сцене Театра им. Маяковского. О том дне вспоминает близкая подруга актрисы Н. Берновская:

«День предстоял, конечно, нелегкий. К счастью, незадолго до этого позвонили с радио и попросили что-то записать как раз во вторник, 11 ноября. Явно по недоразумению, не зная или забыв, что это юбилейный день. Мы обрадовались обе, что несколько часов ее не будет дома. Каждая по своим соображениям. Уходя, Мария Ивановна выложила на подзеркальник в передней горку двугривенных и кучку рублей и сказала: «Мелочь за телеграммы, рубли за корзины. Желаю успеха!» — добавила она с комически подчеркнутым злорадством, понимая, что мне предстоит. В течение ближайших четырех часов я носилась из кухни к входной двери и обратно, из кухни к телефону и обратно. Принесли тридцать шесть телеграмм и восемь корзин, телефонных звонков я не считала. Находясь в полной запарке и проклиная все на свете, я все-таки получила некоторую компенсацию за счет одного комического эпизода. Очередной звонок, бегу открывать. Два молодых мужчины. Один полноватый, с круглым лицом. Другой худой, чем-то знакомый. Держит корзину цветов. «Пожалуйста, входите, но, к сожалению, Марии Ивановны нет. Она на радио». — «Как жаль, — говорит полноватый. — Но позвольте мне пройти в комнату. Я хочу кое-что написать». Я, пропуская его, судорож-

но решаю, «давать или не давать». Как будто не посыльные. А вдруг что не так, Мария Ивановна огорчится. Пока я размышляла, он вынул книгу, подписал и отдал мне. Оба вышли, передав привет и попрощавшись. На рубль я так и не решилась. Открыла книгу, которую все еще держала в руке, и прочитала подпись — Виктор Розов. Этим рассказом мне удалось доставить Марии Ивановне единственную минуту веселья в тот невеселый день. Второй был актер театра Виктор Барков, мне действительно знакомый по «Украденной жизни».

Вечером были гости. Немного, всего человек шесть и почему-то по большей части мужчины. Мария Ивановна была возбуждена и необыкновенно молода. Разговор крутился вокруг ее работы, она отбивалась от всяких, как ей казалось, опоздавших предложений. И сказала в запальчивости: «Да что вы, посмотрите на меня!!!» — «Вот я и смотрю!» — четко отпарировал Борис Александрович Львов-Анохин.

Со следующего дня началась неожиданная и забавная свистопляска. Средства массовой информации занимались Марией Ивановной настолько энергично, что все вдруг вспомнили о ней и увидели за легендой живого человека.

От кино и телевидения градом посыпались предложения. Звонили, приходили, присылали сценарии. Всего за несколько месяцев предложений было 14. Я подсчитала тогда забавы ради. Мария Ивановна не приняла ни одного. Отшучивалась: «Спроси их: почему не подождать столетнего юбилея? Было бы еще эффективнее». Как-то, сама подойдя к телефону, так кому-то и ответила. Отказы объясняла главным образом неудовлетворительностью материала. Скидок делать не умела и теперь. Другие причины были побочные: «Знаю я этих киношников. Ненавижу их стиль, суматоху, там насидишься, пока дойдет до дела. А потом с усталым лицом сниматься? Нет, благодарю! И вообще я театральная актриса. У меня с кино был плохой опыт. У меня чувствительные глазные нервы, яркого света не выношу. Как засветят юпитеры, я глаза закрываю. И в театре всегда прошу желтый свет». В общем, не имела привычки к кино, и оно ее не вдохновляло, чтобы идти на трудности и риск...»

В четверг, 12 ноября, в Свердловске закончился судебный процесс над Андреем Амальриком (это он написал брошюру «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?») и Львом Убожко. Оба обвинялись в антисоветской деятельности и были приговорены к 3 годам заключения: Амальрик в ИТК усиленного режима, Убожко — общего.

И еще одно событие того дня выделю. На 5-м этаже здания ЦК на Старой площади состоялось очередное заседание секретариата ЦК. На нем присутствовал весь тогдашний «иконостас»: Суслов, Пельше, Демичев, Устинов, Пономарев, Катушев, Соломенцев и др. Вопросов, вынесенных на повестку дня, было несколько, однако мы коснемся всего лишь одного — о писателе-фантасте Иване Ефремове и его последнем романе «Час быка». Что же такого интересного нашел секретариат ЦК в этом романе, чтобы обсуждать его на своем заседании? Оказывается, секретариат таким образом реагировал на записку председателя КГБ СССР Андропова, в которой сообщалось следующее:

«Ефремов в своем романе «Час быка» под видом критики строя на фантастической планете, по существу, клеветает на советскую действительность... Суждения автора отражают следующие выдержки: «Устранение верхушки ничего не решает. На месте убранный сейчас же возникает новая вершина из нижележащего слоя. У пирамиды надо развалить основание». Многие читатели, прочитавшие роман, затем писали: «Что, они не понимают, это же все человек пишет о нашей советской действительности...»

Вот эту записку и обсуждал секретариат 12 ноября. По данному вопросу было вынесено постановление, где говорилось: «Поручить ЦК ВЛКСМ рассмотреть данный вопрос и доложить ЦК КПСС». Куратором был назначен будущий министр культуры, а тогда секретарь ЦК Петр Демичев. В ближайшие дни он должен был вызвать Ефремова к себе и хорошенько его пропесочить. С этим поручением Демичев справился. Между тем жить писателю оставалось не так много — чуть меньше двух лет. Причем его смерть будет окутана таким ворохом загадок, что... Впрочем, об этом будет место поговорить позже.

А вот у другого советского литератора — поэта Владимира Соколова — с тем промозглым ноябрем были связаны самые приятные воспоминания. Он влюбился. И это на шестом десятке лет! Причем его возлюбленной стала жена высокопоставленного военного дипломата, служившего в Каире, Марианна Роговская. По ее словам: «В ту пору все зачитывались романом Булгакова «Мастер и Маргарита». Для наших знакомых эта навязчивая аналогия была очевидна, хотя на она совершенно не интересовала — мы жили своей жизнью. Я уже не помню, кто переименовал заглавие булгаковского романа, но о нас так и говорили — Мастер и Марианна. Бывало, мне звонили на работу, домой и в шутку, и всерьез называли Маргаритой...»

Но расскажем обо всем по порядку. К тому времени, о котором идет речь, Соколову было 52 года, и он был вдовцом с двумя несовершеннолетними детьми, неработающей матерью и сестрой на руках. Его бывшая супруга (кстати, она была дочерью влиятельного деятеля Болгарии) ушла из жизни при трагических обстоятельствах. Она была влюблена в коллегу мужа — поэта Ярослава Смелякова, однако эти отношения не принесли обоим счастья. И вот однажды нервы женщины не выдержали: выбежав в сильном волнении из своей квартиры, она поднялась на 9-й этаж, где жила семья писателя Ажаева, и из его квартиры выбросилась из окна. В течение нескольких лет Соколов носил в себе эту трагедию, пока в 70-м не встретил Марианну Роговскую, которая тогда работала директором музея А. П. Чехова. Она в тот раз прилетела в Москву из отпуска, и один из многолетних поклонников пригласил ее на вечер поэта Соколова в Университете дружбы народов. По ее словам:

«Он читал прекрасно. Я была заворожена его голосом. Знаете, у болгар есть такое слово «унес» — вознесение, улет из повседневности.

Я видела его раньше. Из музея забегала в ЦДЛ выпить кофе, дважды его встречала и оба раза с Евтушенко. Но это были беглые взгляды. А тут я слушала его и наслаждалась целый вечер.

Когда Владимир Николаевич кончил читать, я попросила нашего друга взять у него автограф для меня. Владимир Николаевич довольно мрачно спросил обо мне: а кто она? Тот ска-

зал: очень дорогой мне человек. Соколов скептически посмотрел на меня и написал несколько слов. Я отошла, раскрыла книгу и прочитала: «Марианне Роговской, очень дорогому человеку».

Эта надпись все предрешила. И я ждала продолжения. Ведь я привыкла к повышенному вниманию и была уверена, что он со всех ног бросится узнавать мой телефон. Это, кстати, было несложно. А он не позвонил. И я позвонила сама и спросила: почему вы не звоните? А он ответил: я не умею разговаривать по телефону.

Потом мы начали встречаться. Мы гуляли. Осень, дождь, мокрый снег. Оказалось, что он страстный любитель прогулок по Москве. И мне раньше очень нравилось одной ходить по городу.

А он во время прогулок по Москве сочинял стихи. Не полностью, конечно, отдельные строчки. Потом приходил домой и записывал. Записывал на чем попало, на каких-то клочках бумаги, словно тайком — я никогда не видела его «работающим» за столом. Да и стола-то у него долго не было...

Мы вынуждены были — и любили — ночами разговаривать по телефону. Я приходила усталая, еле живая. Час спала. И потом звонила ему глубокой ночью. Его телефон стоял около кровати. Так мы буквально часами напролет разговаривали.

Как мы ни старались скрывать, роман наш был широко известен — Москва тогда была не такой, как сейчас.

Я довольно быстро объяснилась со своим мужем. Я не из тех женщин, которые умеют вести двойную жизнь. Мне это было мучительно. Поэтому призналась ему, что люблю другого. Наши отношения с Владимиром Николаевичем были тогда еще абсолютно платоническими, мне нечего было стыдиться. Но о том, что душа моя уже полностью принадлежала ему, я сказала. Стихи его были чисты и целомудренны, добавить к ним было нечего...»

Около двух лет продолжался этот роман, прежде чем его героям удалось скрепить свои отношения официально. Был период, когда им казалось, что нет никакой возможности соединиться, поскольку муж Марианны долго не соглашался на развод. Считал, что это очередной каприз жены, который скоро пройдет. Да

и сын у них рос — ему было почти десять лет. Даже начальники мужа вызывали ее на собеседование, пытаясь усостыжить, попрекнуть тем, что она отказывается отправиться с мужем в далекую командировку. Ей напоминали об ее долге перед семьей, перед страной, о высоких целях советской дипломатии. А она все равно не поехала. Потому что любила...

Но вернемся в ноябрь 70-го.

Муки любви переживает и Елена Коренева. Как мы помним, этим летом она не смогла поступить в Школу-студию МХАТ, а вот ее возлюбленный Александр (ее бывший одноклассник) благополучно прошел отборочный тур в МГУ. Встречая его после лекций в университетском дворике, Елена каждый раз безуспешно боролась с комплексом собственной неполноценности. Вообще в их тандеме у Елены всегда была страдательная роль. Она старалась во всем угодить своему возлюбленному, пытаясь чуть ли не с полупамятки определить, чего он захочет в следующую секунду. Как пишет сама актриса: «Я безоговорочно признавала приоритет его интеллекта и интимного опыта и в попытках усваивала науку быть женщиной для своего мужчины — что означало потакать его вкусам...»

Периодически Александр устраивал своей возлюбленной жестокие проверки. Например, однажды, когда они проходили мимо аптеки, он попросил ее купить презервативы. Сегодня, когда противозачаточные средства показывают даже в телевизионной рекламе и торгуют ими на каждом углу, эта проблема не стоила бы и выеденного яйца — иди и покупай. Но в те целомудренные годы такой поступок был сродни героизму. Поэтому Елена в течение нескольких минут ходила вокруг прилавка, но в итоге так и не смогла пересилить собственную робость и стыд. Когда она с пустыми руками пулей вылетела из аптеки, Александр тут же ее устыдил: «А еще считаешь себя взрослой женщиной!» После чего, не моргнув глазом, сам сходил в аптеку и купил то, что требовалось.

А однажды Елена едва не угодила в милицию. Произошло это после того, как она не застала дома своего возлюбленного и, поругавшись с его матерью, решила дожидаться Александра в строительном вагончике, который стоял возле его дома. Просидела она там долго — до темноты, а его все не было и не было. Когда

она в очередной раз выглянула в окошко в надежде разглядеть в очередном прохожем своего возлюбленного, ее засек кто-то из бдительных жильцов дома. Через пять минут к вагончику уже подъезжал милицейский «воронок». Кореневу попросили выйти наружу и объяснить, кто она такая и что здесь делает. Та сказала правду: мол, жду парня, который живет в этом доме. Но стражи порядка оказались людьми не слишком доверчивыми и решили провести опознание: подведя девушку к нужному подъезду, они стали интересоваться у жильцов, знакомя ли им эта девушка. Ответы жильцов повергли Елену в ужас: никто из них ее не опознал. Над девушкой нависла реальная угроза загреметь в кутузку. Но, к счастью, все обошлось. Выручила Кореневу мать Александра, которая вышла на шум и опознала в задержанной подругу своего сына.

Между тем в том ноябре родила второго ребенка известная киноактриса Микаэла Дроздовская, известная широкому зрителю прежде всего по ролям в таких кинохитах, как «Добровольцы» (1959) и «Семь нянек» (1962). Мужем Дроздовской был профессор Вадим Смоленский, с которым она познакомилась в середине 60-х. В 67-м у них родился первый ребенок — дочь Ника. А в 70-м, когда Дроздовской было уже 35 лет, она решилась родить и второго, хотя это было сложно. Главным образом из-за того что Дроздовская тогда была актрисой востребованной, много снималась. Стоило ненадолго выпасть из обоймы, как о тебе могли забыть. Однако актрису это не испугало. На свет появилась еще одна дочь — Даша.

Вспоминает А. Будницкая: «Мы с Микаэлой работали в Театре киноактера, но близкими подругами никогда не были. К тому времени Микаэла была уже довольно известная актриса... И вот однажды после затянувшейся за полночь репетиции «Варваров» мы вышли на улицу ужасно уставшие, и Микаэла вдруг сказала: «А поехали ко мне». Просто так, ни с того ни с сего. И мы поехали.

Тогда я впервые оказалась в этом доме на пересечении улиц Васильевской и 2-й Брестской, напротив Дома кино. Я не могу назвать это квартирой, это был именно дом — теплый, гостеприимный. Здесь перебивали многие звезды отечественного кино. Сюда приходили Элем Климов с Ларисой Шепитько, Белла Ахмаду-

лина. В этом доме Тонино Гуэрра познакомился с Лорой Яблочкиной, а Люда Максакова — со своим теперешним мужем, сюда приезжал Антониони. В то время каждый просмотр новой картины в Доме кино был событием. После — мы обязательно заходили к Микаэле. Ее дом стал для нас неким клубом единомышленников...»

Стоит отметить, что Будницкой суждено будет сыграть в жизни Даши значительную роль. Сначала она станет ее крестной мамой, а после того как в 1978 году Дроздовская погибнет во время пожара, и вовсе заменит ей мать. Но об этом рассказ впереди. А пока вернемся к хронике 70-го.

В середине ноября остановилась работа над сценарием «Красное золото», который вот уже несколько месяцев (с весны) писали сценарист Эдуард Володарский и студент режиссерского факультета ВГИКа Никита Михалков. Сюжет его был навеян небольшой заметкой в одном из журналов, рассказывавшей историю путешествия из Сибири в Москву поезда с золотом, реквизированным у буржуазии, о том, как оно было захвачено белогвардейской бандой, переходило из рук в руки, пока наконец не было отбито чекистами. Володарский с Михалковым сохранили в своем сценарии внешнюю канву — приключения с золотом, но большинство сюжетных ходов придумали сами. Того, что потом зритель увидит в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих», в нем пока еще не было. А было другое: подбесаул Брылов, оказавшись в застенках ЧК, соглашается в обмен на жизнь показать большевикам место, где находится золотой прииск. Туда отправляется отряд во главе с чекистом Егором Шиловым. По дороге Брылов сбегает, собирает банду и начинает строить всяческие козни Шилову.

В начале июня 70-го заявка на этот сценарий была обсуждена на сценарно-редакционной коллегии творческого объединения «Время» киностудии «Мосфильм» и одобрена. С Володарским был заключен договор на его написание. Однако в середине ноября работа приостановилась по ряду причин. Во-первых, у Володарского тяжело заболела жена, и ее пришлось срочно положить в Военно-медицинскую академию, где ей была проведена операция на легком, во-вторых — Михалков был сильно занят работой над своей дипломной короткометраж-

кой «Долгий день в конце войны» и не мог уделять достаточно времени «Красному золоту». Все это Володарский изложил в своей объяснительной записке, направленной в объединение «Время». Записку рассмотрели и разрешили Володарскому продлить срок сдачи сценария.

В воскресенье, 15 ноября, в Москве академик Андрей Сахаров и два других известных советских физика — Андрей Твердохлебов и Василий Чалидзе — известили иностранных журналистов о создании ими в Советском Союзе Комитета по правам человека. В разосланном ими письме излагались цели комитета. Главная — содействовать властям в деле создания и осуществления гарантий прав человека. В письме имелась и одна оговорка — Комитет по правам человека отказывается иметь какие бы то ни было связи с зарубежными организациями, вредящими Советскому Союзу. Создание этого Комитета как бы провело водораздел между двумя течениями в диссидентском движении Советского Союза: если одно из них (яркий представитель — историк Андрей Амальрик) считало советский режим насквозь гнилым, непригодным к жизни, то другое (Сахаров, Чалидзе и др.), наоборот, — верило в жизнеспособность режима, поддающегося реформированию.

В этот же день в Никозии сборная Советского Союза по футболу играла отборочный матч чемпионата Европы со сборной Кипра. Наши играли в обновленном составе, поскольку сразу пять игроков закончили свою карьеру в сборной: Анзор Кавазашвили, Юрий Пшеничников, Геннадий Логофет, Валентин Афонин и Виктор Серебряников. На их место пришли молодые игроки, среди которых самым заметным был полузащитник Виктор Колотов. Он был приглашен в сборную из команды второй лиги «Рубин» (Казань), но с самого начала заиграл в ней так уверенно, словно играл в сборной всю жизнь. Вот и в том матче на Кипре он первым «распечатал» ворота соперника. Затем еще по мячу забили Еврюжихин и Шевченко (Виталий Шевченко — однофамилец теперешней звезды «Милана» Андрея Шевченко — был самым молодым в сборной, и ему прочили мировую славу, но ошиблись — он и режим частенько нарушал, и тренерские установки игнорировал, в итоге так и не загорелся

в полную силу). Киприоты смогли огорчить нашего вратаря всего лишь однажды. Итог матча 3:1 в нашу пользу.

В понедельник, 16 ноября, представительная делегация советских кинематографистов приехала в Париж, чтобы участвовать там в Неделе советских фильмов. Среди приехавших сплошь одни режиссеры. Каждый привез на Неделю по одному своему фильму: Шукшин — третью новеллу из «Станных людей», Панфилов — «Начало», Герасимов — «У озера», Чухрай — «Память». Показ начался вечером того же дня фильмом «У озера».

Однако вернемся в Москву. В здешних кинотеатрах в первой половине ноября состоялись следующие премьеры: 2-го — историко-революционный фильм узбекского режиссера Али Хамраева «**Чрезвычайный комиссар**» с Суйменкулом Чокморовым, Арменом Джигарханяном и Сергеем Яковлевым в главных ролях; с 14-го начала свое шествие детская комедия Ролана Быкова «**Внимание, черепаха!**»; с 16-го — югославский боевик Хайрудина Крваваца про партизанскую войну 1944 года «**По следу Тигра**» с кумиром тогдашней советской детворы Батой Живойновичем в главной роли (после выхода фильма на экран песня «О, Белла, чао» получила второе рождение).

Кино по ТВ: «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Неподсуден» (1-го), «Дорогой мой человек», «Вириня» (2-го), «Белеет парус одинокий» (3-го), «Крах» (3 — 4-го), «Выстрел на перевале Караш», «Сердца четырех» (4-го), «Повесть о чекисте» (5-го), «Орлята Чапая» (6-го), «Тихий Дон» (6—8-го), «Анютина дорога» (7-го), «Тренер», «Влюбленные» (8-го), «Ко мне, Мухтар!», «Хозяин тайги» (9-го), «Ну и молодежь!», «Я шагаю по Москве» (10-го), «Испытательный срок» (11-го), «Как избавиться от Геленки» (12-го), «Ребята с Канонерского», «Два капитана» (13-го), «Дубровский», «Это было в разведке», «Взрыв после полуночи», «Про Клаву Иванову» (14-го), «Мужской разговор», «Берегись автомобиля», «Золотой эшелон» (15-го) и др.

Из театральных премьер первой половины ноября назову следующие: «**Эдит Пиаф**» в Театре им. Моссовета (4 ноября; в главной роли — Нина Дробышева), «**Артем**» в Театре им. Вахтангова (6-го), «**Дурочка**» в Театре киноак-

тера (12-го), «**Зимняя баллада**» в Театре им. Маяковского (14-го).

И, наконец, эстрадная афиша. 9—11-го в Государственном театре эстрады поет любимец советских женщин испанский певец Мичел; 13—15-го в «Октябре» царствует не менее любимый слабой половиной Союза Эмиль Горовец с программой «Эстрадные песни народов мира».

А теперь вновь перенесемся в Париж на Неделю советских фильмов. Вечером 17 ноября там демонстрировался фильм Глеба Панфилова «Начало». Вот как сам режиссер вспоминает об этом:

«Шукшин в те дни ходил в бороде Степана Разина, в кепочке массового пошива и в плаще неизвестного происхождения. Помню, перед демонстрацией нас угощали каким-то замечательным, сверхмарочным шампанским — из подвалов времени. Вкуса не помню — так волновался. А Вася и вовсе не пил. Он вообще в то время дал зарок не пить ни капли и слово свое сдержал до самой смерти. Потом рассказывал, что однажды пошел со своей маленькой дочкой гулять. Встретил приятеля, зашли на минуту отметить встречу. Дочку оставили на улице. И забыли. А когда вышел из кафе, дочки не оказалось. В ужасе он обегал весь район. Что пережил — не рассказывал, но, по-видимому, это его так потрясло, что он поклялся никогда больше не пить, что и выполнил...

В тот вечер мы мало, вернее, почти совсем не разговаривали. Это был небольшой зал, всего на 300 человек, но с очень строгим, взыскательным зрителем, о котором может мечтать любой режиссер. Когда начался просмотр, незаметно, не сговариваясь, мы отсели друг от друга. Расстояние между нами увеличилось.

Картина моя вроде бы понравилась. Люди подходили, что-то очень дельное говорили, поздравляли, обнимали даже. Вася стоял задумчивый, тихий, но ко мне не подошел, и настроение у меня резко испортилось; мне было абсолютно ясно: фильм ему не понравился, и это сразу омрачило всю радость премьеры. Сейчас мне могут и не поверить, сказать, что кокетничаю. Но думаю, что многие поймут, как важно было для меня, в кино начинающего, признание Шукшина. После, в каком-то ресторане, не помню каком, но очень знаменитом и дорогом, нас, естественно, угощали устрица-

ми. Вася прикасался к прославленному литературному деликатесу с брезгливым ужасом, очень похожим на отвращение ребенка к опостылевшей манной каше. А потом кротко спросил: «Нет ли в этом ресторане чего-нибудь жареного, оно все же поспокойнее будет». В другом ресторане с экзотическим русским колоритом молодящаяся цыганка Рая дотанцовывала свою безумную шалую жизнь под цыганскую песню на русском языке, отчего повеяло на нас нездешней степной грустью. Вася сидел задумчивый и поникший. О чем он думал — не знаю, но на цыганку Раю смотрел с такой несокрушимой печалью, что я отвернулся — вроде не имел права видеть что-то его личное, глубоко интимное с ним происходящее.

Потом нас снова куда-то везли, снова кормили, поили, ублажали, представляли, а когда привезли в гостиницу передохнуть перед ночным выступлением, мы поняли, что тяжело заболели. Хуже всех было Васе. На его желтом лице не было ни пятнышка жизни. Естественно, мы тут же подумали, что это холера (это был год, когда в Астрахани была вспышка холеры), а прививку нам сделали в день отъезда. Григорий Наумович Чухрай, член нашей делегации, взял себя в руки и сказал, что он все равно поедет, потому что впереди нас ждал ресторан «Григорий Распутин». Но нам с Васей было не до «Распутина». Я поднялся к нему в номер, он вышел из ванной — худенький, безмускульный, с телом отрока, который никогда не занимался спортом. Я вдруг отчетливо увидел его сидящего допоздна с керосиновой лампой (ведь он был мальчиком военного детства) над толстой, почему-то обязательно толстой и очень популярной книгой. И я увидел его, сегодняшнего, ссутулившегося над другой, уже своей книгой...

Он лег на неразобранную двуспальную кровать в своем отдельном номере, сложил руки на груди, и мне подумалось вдруг: «Господи, уж не помирает ли?»

— Вася! — почти крикнул я.

Он слабо улыбнулся — тихий, деликатный, с мятежной головой Степана Разина на белоснежной, валиком, подушке парижского отеля.

— Глебушка, — сказал он, — руку вытяни.

«Бредит», — подумал я, но руку вытянул и жду, что он скажет дальше.

— Пальцы видишь? — спросил он.

— Вижу.

— Резко видишь?

— Резко, Вася, очень резко.

— Слава богу. — Он с облегчением вздохнул.

«Точно, бредит», — подумал я.

— Значит, не холера, при холере все не резко, — сказал он и затих...»

А теперь снова перенесемся в Советский Союз.

В середине ноября ваш покорный слуга заимел очередного брата — четвертого по счету. Причем его угораздило родиться аккурат в день рождения среднего брата Романа — 17 ноября, из-за чего 6-летие последнего так и не удалось толком справить. С именем новорожденного родители долго не мудрили, придумав его еще задолго до рождения, — Тахир, или Анатолий по-русски. Сделано это было в честь другого сына, который умер семь лет назад от гепатита, прожив всего лишь пару месяцев. Говорят, что называть детей в честь умерших плохая примета, но во многих семьях этой примете не следуют, видимо, считая пережитком старины. А зря. Судьба моего брата наглядное тому подтверждение. Однако не буду забегать вперед.

Под Ялтой продолжают съемки фильма «Остров сокровищ». После съемок «островных» эпизодов, которые проходили с конца апреля до начала августа, настала пора съемок эпизодов на шхуне «Эспаньола». Последнюю пригнали с Херсонской судовой верфи в начале ноября. Несмотря на то что погода в те дни под Ялтой была неблагоприятная — штормило, съемки все равно проводились, поскольку киношники поджимали сроки (они шли с месячным отставанием от графика из-за карантина, объявленного в конце лета в Ялте). В те ноябрьские дни снимали выход «Эспаньолы» в открытое море, ловлю акулы, похищение шхуны Джимом Гокинсом и другие эпизоды. Съемки на шхуне продлятся до начала декабря.

А теперь снова вернемся в Париж, где находится наша делегация. Утром 18 ноября в номер к Глебу Панфилову внезапно пришел Василий Шукшин. По его улыбающемуся лицу

хозяин номера понял, что вчерашняя болезнь отпустила коллегу. Войдя в комнату, Шукшин внезапно достал из-за спины книгу своих рассказов и протянул Панфилову. «За что? — удивился тот. «За «Начало», — ответил Шукшин. — Спасибо тебе. Просто именины сердца... Всю ночь о нем думал».

Вечером того же дня в одном из парижских кинотеатров состоялась премьера третьей новеллы из фильма Шукшина «Странные люди». Зал принял картину восторженно. Понравилась она и Панфилову, который тут же и выразил свое восхищение коллеге.

Утром следующего дня, который по плану оказался свободным днем (фильмы не демонстрировались), советскую делегацию повезли в недорогой ресторан, где обычно собиралась молодежь, студенты, веселый, хипповый, суматошный народ. Как вспоминает Г. Панфилов:

«Нам было там легко и весело. Так легко и весело, что мы сначала не поняли, чего от нас хочет старичок-гардеробщик. Наконец поняли по запаху, вернее, догадались — горел Васин плащ. Хозяева тут же предложили Васе взамен дорогую дубленку, а мы искренне завидовали и горевали, что не наши пальтишки горели. А он — ни за что. Что я, нищий, говорит, воротник подверну и буду ходить. Так и проходил весь Париж в плаще с прогоревшим воротником. Весь Париж, который ему очень понравился...»

В среду, 18 ноября, министр внутренних дел СССР Николай Щелоков подписал приказ о поощрении членов съемочной группы фильма «Возвращение «Святого Луки». Фильм был закончен производством месяц назад, и одним из первых, кто его посмотрел, оказался Щелоков (лента-то была детективом). Министр оказался доволен увиденным, причем доволен настолько, что решил наградить главных виновников появления этого милицейского шедевра на свет ценными подарками. Так, режиссеру картины Анатолию Бобровскому и директору Борису Гостынскому были презентованы часы «Орбита-Полет». Актерам Олегу Басилашвили и Владиславу Дворжецкому (они играли главных злодеев) достались радиоприемники «Сokol», а их коллегам Екатерине Васильевой и Валерию Рыжакову (злодеи помельче) — ра-

диоприемники «Сельга». Главному оператору фильма Роману Веселеру достался фотоаппарат «Зоркий». А вот остальным киношникам, причастным к выпуску фильма (худруку объединения Эльдару Рязанову, главному редактору объединения Борису Кремневу и др.) достались грамоты. По непонятной причине из этого списка выпал главный персонаж — исполнитель центральной роли полковника МУРа Зорина актер Всеволод Санаев. Странность была и в другом: чуть позже руководство объединения «Луч» вышло к руководству студии с предложением поощрить Санаева премией в 450 рублей, однако генеральная дирекция урезала ее до 70 целковых.

19 ноября на 79-м году жизни скончался Маршал Советского Союза, кандидат в члены ЦК КПСС Андрей Иванович Еременко. Похороны видного военачальника состоялись три дня спустя на Красной площади (урна с прахом была погребена в Кремлевской стене).

В день смерти Еременко в Театре на Таганке шел спектакль «10 дней, которые потрясли мир», на котором присутствовал кинорежиссер Геннадий Полока. После спектакля Высоцкий пригласил режиссера, а также Валерия Золотухина к себе домой, пообещав сказочное угощение. И не обманул. Марина Влади, которая в те дни гостила в Москве, приготовила отменное мясо. Пока она хозяйничала на кухне, мужчины обсуждали свои насущные проблемы. В частности, они рассуждали на тему, какое кино снимать теперь Полоке. Высоцкий предлагал браться за вторую «Интервенцию» (и это при том, что первая благополучно легла на полку), Золотухин, наоборот, предлагал «не дразнить гусей» и снять нормальную советскую картину, но не такую, как последний фильм Полоки — «Один из нас», поскольку это все-таки плохое кино. К одному определенному мнению стороны так и не пришли.

Между тем съемочная группа фильма «Проверка на дорогах» во главе с режиссером Алексеем Германом продолжает находиться в Калининине. Съемки идут с большим трудом — подводит погода. Из-за обильного снегопада, начавшегося в начале ноября, группа стала снимать зимнюю натуру, но уже в середине месяца опять наступила оттепель и начались протстои. Когда ждать снега стало уже невозможно,

стали изготавливать искусственный. Но потом случилось новое ЧП — со съемок сбежал исполнитель роли командира партизанского отряда Ролан Быков. Вот как вспоминает об этом А. Герман:

«Ролан был просто невыносим. И достаточно часто. Он был неряха. Он без конца стрелял сигареты у осветителей, так что они однажды взбунтовались. Он мог загулять, запить, наврать, исчезнуть, внезапно влюбиться в какую-нибудь барышню, разбить ей сердце и тут же пуститься в другой загул. Мы снимали в Калининe, однажды он взял студийную машину, укатил в Москву на «два дня» и исчез. Я отправил за ним огромного своего ассистента Леню: «Привези Ролана живым или мертвым». Леня был железный парень, он нашел Ролана бог весть где, ночью, достал из постели. Ролан ехать не хотел, а Леня сказал: «Мне разрешено доставить труп». И применил физическую силу. Ролан почувствовал железную руку Лени, и он был-таки доставлен в Калинин, причем на электричке, что Быкова потрясло само по себе... Ролан пригрозил уйти из картины. А я ему ответил на это: оплати все снятые с тобою сцены... В общем, мы ругались. И мирились. Потому что работать с ним было для меня счастье. Никто и никогда не был так готов к съемке, как Ролан. И мне приходилось говорить другим актерам, чтобы они кончали брать пример с Ролана — выпивать по ночам и травить анекдоты с утра пораньше. Потому что Ролан-то при этом был профессионален умопомрачительно, он бывал независимо ни от чего абсолютно готов к съемке, знал текст, свою задачу, да еще помогал другим актерам...

Какие только идеи его не озаряли! А я устривал ему жестокие игры. Однажды он придумал сцену: весь партизанский отряд идет по горло в ледяном болоте. Я отказался, говорю, это из Тарковского сцена, а не из нашего фильма. Он стал настаивать. Тогда я поглядел на Ролана, на ледяное болото и говорю: «Ну, давай репетировать. Бери ящик с патронами, полезай в болото». Ролан опешил. Давай, говорит, я буду на коне. Нет, отвечаю, давай как все, на войне как на войне... От сцены он отказался, передумал...

Или вот еще один эпизод. Ролан был в гриме, в костюме: небритая физиономия, линияла

гимнастерка, надетая поверх еще чего-то и еще чего-то, штаны, у которых ширинка начинается от коленок, в сапогах, дошедших до Берлина... Подъехали на «Волге» два шикарных грузина, подозвали Ролана, дали ему сотню и сказали: сходи за коньяком, а сдачу оставь себе. Они были уверены, что это какой-то калининский мужичок, одним словом, какой-то Локотков. Ролан с огромным удовольствием сходил за коньяком. И как же мы этих грузин потом напоили! Они «мама» сказать не могли...»

Утром 21 ноября из Парижа в Москву вернулась киношная делегация (Шукшин, Панфилов, Герасимов и Чухрай). Каждый вернулся из поездки не с пустыми руками. Например, Шукшин купил себе роскошные карманные часы на цепочке (он давно мечтал о таких) и пистолет-пугач, который стрелял как настоящий. Последней покупке он был особенно рад, хвалился: «Шарахнешь из него по кому-нибудь... а он живой».

В воскресенье, 22 ноября, в фильме «Белорусский вокзал» начал сниматься один из самых ключевых и хрестоматийных эпизодов, где бывшая медсестра Рая и ее фронтовые друзья поют песню Булата Окуджавы «Мы за cenой не постоим» («Здесь птицы не поют...»). Исполнительница роли Раи Нина Ургант с самого начала была настроена против этой песни, считая ее не очень соответствующей ее вокальным данным: дескать, песня жесткая для ее слабого голоса. «Может быть, лучше я спою что-нибудь из репертуара Клавдии Шульженко? — предложила актриса режиссеру Андрею Смирнову. — Например, «Синий платочек», он у меня очень хорошо получается». Однако Смирнов о другой песне и слышать ничего не хотел. Ургант пришлось подчиниться.

В первый раз этот эпизод был снят еще летом, но он не понравился членам худсовета. Камнем преткновения при этом стало то, что все четверо исполнителей ролей однополчан Раи были в кадре раздеты до пояса. Это «раздевание» вполне вписывалось в сюжет (тем самым подчеркивалось, что Рая для мужчин была своим, домашним человеком), но худсовет углядел в этом «непотребность». В итоге во время пересъемки всех четверых ветеранов одели

(только герой Глазырина был в футболке с короткими рукавами).

Пересъемки эпизода «В квартире Раи» шли три дня: 22—24 ноября. В первый день все основное время ушло на репетиции, поскольку спеть песню «с надрывом» никак не удавалось. И только на следующий день получилось: исполнив песню в очередной раз, Ургант подняла глаза на партнеров и увидела, что они... плачут. После перерыва эпизод сняли с первого раза.

23 ноября компетентные органы нашей страны вновь всерьез озаботились проблемой мемуаров Никиты Сергеевича Хрущева. В тот день в американском журнале «Лайф» (чуть позже в английской «Таймс», французской «Франсуа», немецком «Штерне») начали печатать злополучные мемуары. Публикацию предвещал краткий рассказ о том, что представляют эти воспоминания. Сообщалось, что рукописного текста нет, а есть лишь магнитофонные ленты, которые перевел и обработал некий 23-летний выпускник русского отделения Йельского университета Струоб Тальбот. За достоверность материала поручился английский журналист и писатель Эдвард Кренкшоу, автор биографии Хрущева.

Как только мемуары увидели свет, в западной печати тут же завязалась жаркая дискуссия на тему: подлинные ли это мемуары или ловко состряпанная фальшивка. На последнем твердо стояли прикормленные КГБ западные издания, которые вбрасывали в свет все новые и новые детали, свидетельствующие о недостоверности мемуаров. Мол, в мемуарах говорится, что Хрушев был избран кандидатом в члены Политбюро в 1936 году, а на самом деле это произошло двумя годами позже. Как Хрушев мог так проколоться? И тут же следовал вывод: значит, мемуары писал не он. В поддержку этой версии говорило и заявление самого Хрущева, которое несколькими днями ранее было опубликовано в ведущих советских газетах «Правда» и «Известия». Кстати, в последней 24 ноября была опубликована заметка «На кухне фальсификаторов» С. Новгородского. В ней автор заявлял, что мемуары — дело рук двух разведок сразу: английской, чьим агентом является Эдвард Кренкшоу (журналист даже приводит номер, под которым Кренкшоу числится в картотеке Интеллидженс сервис), и американ-

ской, чьим агентом является Струоб Тальбот. К счастью, читатель, мы-то знаем правду об этих мемуарах.

В это же время КГБ продолжал ломать голову над проблемой Солженицына. Того активно зазывали в Швецию на церемонию вручения Нобелевской премии (она должна была состояться в декабре), но Солженицын колебался. Между тем КГБ, вкуче с Генеральной прокуратурой Союза, выступил инициатором проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР о «выдворении Солженицына из пределов СССР» и лишении его советского гражданства. В своей записке, направленной в ЦК КПСС, Андропов и Генпрокурор Роман Руденко объясняли необходимость выдворения писателя-диссидента из страны следующими причинами: «Проживание Солженицына в стране после вручения ему Нобелевской премии укрепит его позиции и позволит активнее пропагандировать свои взгляды... Выдворение Солженицына из Советского Союза лишит его этой позиции — позиции внутреннего эмигранта и всех преимуществ, связанных с этим... Сам же акт выдворения вызовет кратковременную антисоветскую кампанию за рубежом с участием некоторых органов коммунистической прессы... Взвесив все обстоятельства, считали бы целесообразным решить вопрос о выдворении Солженицына из пределов Советского государства».

Проект указа был подготовлен, оставалось дождаться главного — отъезда писателя в Швецию. Но тот с этим делом медлил, прекрасно понимая всю опасность этой поездки. В итоге куда он не уехал, чем здорово поломал планы КГБ.

В эти же дни конца ноября в Ленинград приехал Олег Даль. Еще в мае он сделал официальное предложение руки и сердца Елизавете Апраксиной-Эйхенбаум и вот теперь приехал в город на Неве, чтобы скрепить эти отношения официальной печатью. В загс молодые отправились утром 27 ноября (с ними была и мать невесты). Там им выдали подобающие случаю свидетельства, причем Даль свое тут же «испортил», размашисто написав на нем: «Олег+Лиза=ЛЮБОВЬ». Говорят, регистраторы были крайне недовольны таким мальчишеским поступком брачующегося.

После регистрации все трое зашли в ближайшее кафе-мороженое и распили там на радостях бутылку шампанского. Никакой свадьбы — с белоснежной фатой, куклой-пупсиком на капоте «Волги», многочисленными гостями — не было и в помине. Что вполне объяснимо: для обоих это был уже не первый брак. Даль успел пережить два развода (с актрисами Ниной Дорошиной и Татьяной Лавровой), Елизавета — один (с кинорежиссером Леонидом Квинихидзе). После кафе они отправились домой. А на следующий день произошло неожиданное — Даль напился, причем, что называется, до чертиков. Его жена была в ужасе, поскольку никогда не видела его в таком состоянии. Нет, она знала, что он любит выпить, но чтобы до такого состояния!.. Короче, радость от происшедшего накануне была испорчена.

В этот же день в местечке Васильков под Киевом была убита находившаяся на учете в КГБ художница Алла Горская. Поскольку убийца так и не нашли, в народе упорно ходили слухи, что с несчастной расправились чекисты.

Тем временем в Армении проходили торжества по поводу 50-летия образования Армянской ССР. По этому случаю в республику съехались многие высокопоставленные лица, в том числе и генсек Леонид Брежнев. 29 ноября он в торжественной обстановке вручил республике орден Октябрьской Революции. Затем произошел весьма занятный эпизод, связанный с ответным подарком Брежневу. На сцену вышел пожилой армянин, который сообщил высокому гостю, что в годы войны он служил в той же 18-й армии, где Брежнев возглавлял политотдел. И в подтверждение своих слов армянин преподнес генсеку неожиданный подарок: листовку, датированную 42-м годом и написанную рукой самого Леонида Брежнева. В каком музее он ее раздобыл, неизвестно, однако этот подарок растрогал Брежнева до глубины души: он бросился обнимать своего фронтового товарища и разрыдался прямо на глазах у публики. Сцена, достойная передачи «От всей души», которая в те дни еще не была придумана (она появится только летом 72-го).

На эти торжества в Армению были приглашены и многие известные артисты, в числе которых был и Муслим Магомаев. В ту пору он

жил в Баку, оттуда и прилетел в Ереван в одном самолете с 1-м секретарем ЦК компартии Азербайджана Гейдаром Алиевым. В те годы армяне и азербайджанцы еще дружили, поэтому Алиева встречали с большой помпой: цветами, улыбками, эскортом мотоциклистов. Он выступал с речами на заводах, фабриках, в институтах. И везде его сопровождал Магомаев.

Вечером 29 ноября, после торжественного заседания, состоялся праздничный концерт. На нем Магомаев спел армянскую народную песню на языке оригинала, чем вызвал неописуемый восторг публики. Сидевший неподалеку от сцены композитор Арам Хачатурян вскочил со стула, поднял вверх большой палец (мол, молодец!) и крикнул: «Муслим, давай что-нибудь из песен Арно» (имея в виду Арно Бабаджаняна). Магомаев эту просьбу исполнил. А потом заявки посыпались одна за другой, и Магомаеву, которому в концерте отводилось всего лишь несколько минут, пришлось петь больше часа.

После приема Алиев предложил певцу пройтись с ним до гостиницы пешком. По дороге персек поинтересовался: «Может быть, тебе что-нибудь нужно?» Магомаев поблагодарил Алиева за заботу и ответил, что ни в чем не нуждается. Хотя на самом деле имел за душой одну серьезную проблему: в Баку он жил в коммунальной квартире (в Москве у артиста собственной жилплощади не было, и он обитал в основном в гостинице «Россия»), где его соседом был интеллигентный вроде бы мужик, но чрезмерно увлекающийся алкоголем. Во время своих попок он начинал колотить в стены топором или молотком и кричал, что всех перережет (совсем как в знаменитой интермедии Аркадия Райкина). Магомаев ничего не мог с ним поделаться, поскольку очень любил его близких, особенно мать буяна, которая была очень добра к нему и относилась как ко второму сыну.

Магомаев про соседа-буяна ничего не рассказал. Но скрыть что-нибудь от руководителя Азербайджана было невозможно. На обратном пути в Баку он задал тот же вопрос академику Абдуллаеву, который хорошо был осведомлен о жизни певца. Тот ему все и поведал. В итоге подобающую его статусу жилплощадь Магома-

ев получил, плюс к этому значительно повысил свой имидж в глазах Алиева.

В понедельник, 30 ноября, за несколько часов до отлета Брежнева из Еревана, случилось ЧП, которое не на шутку перепугало руководителей республики. Генсековский «Ил-62» охраняли, кроме сотрудников «девятки» (Управление охраны КГБ), еще и солдаты. Под временную «караулку» они приспособили автобус, который стоял в нескольких десятках метров от самолета. Во время смены очередного караула офицер-разводящий вздумал перезарядить в автобусе пистолет. Однако сделал это так неумело, что произошел самопроизвольный выстрел. Пуля пробила стекло и улетела в сторону самолета. У армянских охранников душа ушла в пятки: подобное ЧП вполне могло быть расценено как покушение на генсека. Однако сотрудники «девятки», едва им доложили об инциденте, оказались людьми с головой. Они успокоили хозяев: дескать, с кем не бывает.

В течение нескольких часов солдаты попластунски ползали по бетонной полосе, пытаясь найти злосчастную пулю. Но все их попытки были тщетными — та как сквозь землю провалилась. Тут душа армян ушла в пятки во второй раз. Они резонно предположили, что в таком случае пуля могла долететь до самолета и пробить его обшивку. Стали обследовать «Ил-62», но никаких внешних повреждений на нем обнаружено не было. Однако сомнения у проверяющих все равно оставались: а что, если пуля все-таки угодила в самолет? Если это обнаружится в воздухе, полет может завершиться самым трагическим образом. И тогда решено было совершить пробный вылет, благо время еще было — до отъезда Брежнева оставалось еще несколько часов. Самолет сгонял в Баку и благополучно вернулся в Ереван. Только тогда стало ясно, что никаких повреждений воздушной машине случайный выстрел не нанес.

Тем временем в одной из стран социалистического лагеря — в Польше — в те дни назревал серьезный кризис власти, на который в Советском Союзе не могли не обратить внимания. Там местное партийное руководство во главе с Владиславом Гомулкой приняло решение повысить цены на некоторые товары первой необходимости и сырье. Начали с угля и одежды.

В ответ народ возроптал и потребовал отыграть все назад, то бишь в прежнее положение: Но власти эти требования проигнорировали. Более того, собирались и дальше идти тем же путем. Назревала буря.

А в Советском Союзе наблюдалась тишь да благодать: хлеба было навалом (даже свиньям его скармливали), зрелищ предостаточно. Например, в Москве с 26 ноября во Дворце спорта в Лужниках давала гастролы целая группа артистов из той же Польши. Столичная молодежь буквально ломилась на эти концерты (они шли в течение недели) только по одной причине: среди гастролеров были польские «битлы» — рок-группа «Червоны гитары» с Северином Краевским во главе.

Любители камерного искусства проводили время в Государственном театре эстрады, где 24—30 ноября выступал певец Рашид Бейбутов (первый исполнитель шлягера «Я встретил девушку, полумесяцем бровь») в сопровождении Азербайджанского государственного театра песни.

Из театральных премьер ноября назову лишь одну: 25-го в Театре им. Гоголя был показан спектакль «Портрет».

С кинопремьерами дело обстояло иначе — их было больше. 23-го в широкий прокат вышел детектив грузинских кинематографистов «Смерть филателиста»; 27-го — «Битва на Неретве» (Югославия — СССР); 30-го — фильм Бориса Степанова о белорусском издателе и просветителе XVI века Франциске (Георгие) Скорине «Я, Франциск Скорина» с Олегом Янковским в главной роли, и фильм про рождение Красной Армии «Красная площадь» Василия Ордынского с целым «букетом» звезд, в числе которых Вячеслав Шалевич, Станислав Любшин, Валентина Малявина, Сергей Никоненко, Николай Парфенов, Алексей Смирнов и др.

Кино по ТВ: «Назовите ураган Марией», «Вольница» (16-го), «Любить воспрещается» (17-го), «Обмануть дьявола не грех» (Болгария, 18—19-го), «Ключи от неба», «Валерка, Рэмка+...», «Стрекоза» (19-го), «Жестокость» (20-го), «Три толстяка», «Василий Суриков» (21-го), «Время, вперед!» (21—22-го), «Жеребенок», «Хоккеисты» (22-го), «Адская пристань», «Испытание верности» (23-го), «Здравствуй, это

я!» (24-го), «Семь стариков и одна девушка», «Лично известен» (25-го), «Ущелье ведьм» (27-го), «Чрезвычайное поручение» (28-го), «Суворов», «Операция «Ы» (29-го), «Тени над Нотр-Дам» (ГДР, 30-го) и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие: диск «Мелодии друзей-70», на котором представлены друзья из социалистического лагеря: ВИА «Экспресс» (Венгрия), З. Валенде (ГДР), Г. Кицу (Румыния), ВИА «Али-бабки» (Польша), Г. Новак (Югославия) и др.; миньоны (твердые): «Песни Олега Иванова» с произведениями «Тебе все равно» (О. Иванов — О. Гаджикасимов) — «Веселые ребята», «Про-

сто возраст мой такой» (О. Иванов — М. Пляцковский) — Аида Ведишева; «Поет И. Подошьян» (песни «Ты, море и я» А. Бабаджаняна, «Война и любовь» Ж. Бреля, «Первый листопад» Н. Починщикова, «Колыбельная» И. Дунаевского); «Поет Гелена Великанова» (песни из спектакля театра «Современник» «Вкус черешни», музыка Булата Окуджавы); «Поет ВИА «Поющие гитары» с песнями «Синяя песня» (А. Васильев — А. Азимов), «Сумерки» (А. Васильев — К. Рыжов). Последняя песня мгновенно станет шлягером и будет крутиться на всех танцплощадках Советского Союза, как «медляк» — медленный танец.

1970

Д е к а б р ь

По дороге в загс Высоцкий и Влади едва не погибли в автокатастрофе. Борис Бабочкин вернулся в Малый театр. Нелепая гибель младшего брата Ларисы Гузеевой. Скандал года: кто купил финальный матч чемпионата СССР по футболу? Как избавились от тренера Виктора Маслова. День рождения Екатерины Фурцевой. За что «ушли» из сборной хоккеиста Виктора Полупанова. Сценариста Севелу исключили из Союза кинематографистов. Умер авиаконструктор Артем Микоян. Премьера 13-го квартета Шостаковича. Две свадьбы Высоцкого и Влади: одна в Москве, другая — в Тбилиси. По Москве ходят слухи о скором подорожании. В Сочи ловят карточных шулеров. Как артист Лев Прыгунов заработал себе артрит. Знаменитый кинорежиссер угодил в психушку. Ким Филби женился. Убийство в Питере: топором по змее подколодной. В Кремле обеспокоены кризисом власти в Польше. Таможня шмонает Ростроповича. Как диктатор Франко заставил Брежнева помиловать угонщиков. Геннадий Хазанов женился. Рождение двух «старушек»: Вероники Маврикиевны и Авдотьи Никитичны. Алла Пугачева в роли Матрешки. У Солженицына родился сын. Женился Александр Коржаков. Свою первую жену Буйнов нашел в армии. За что мордовали фильм «Белорусский вокзал». Болезнь свалила Бориса Бабочкина. Последний Новый год Николая Рубцова.

Мы помним, как всего лишь несколько дней назад «окольцевался» Олег Даль. И вот утром во вторник, 1 декабря, то же самое сделал и Владимир Высоцкий: он официально скрепил свои отношения с Мариной Влади (жить вместе они начали с августа 1968-го). Вот как описывает тот день невеста — М. Влади:

«Молодой человек, встречающий нас у входа, весь взмок. Впрочем, мы тоже. Как и во всех московских учреждениях, во Дворце бракосочетания слишком сильно топят. Мы оба в водолазках, ты — в голубой, я — в бежевой. Мы уже сняли пальто, шарфы, шапки, еще немного — и разденемся догола. Но торжественный тон работника загса заставляет нас немного уюмониться. Мы стараемся вести себя соответственно случаю, но все-таки все принимает комический оборот. День и час церемонии были назначены несколько дней назад. Мы немного удивлены той поспешностью, с какой нам было позволено пожениться. Наши свидетели — Макс Леон (журналист газеты «Юмани-те». — *Ф. Р.*) и Сева Абдулов — должны были бросить в этот день все свои дела. Рано утром я

начинаю готовить свадебное угощение, но все пригорает на электрической плитке. Мы расположились на несколько недель в малюсенькой студии одной подруги-певицы, уехавшей на гастроли (дом на 2-й Фрунзенской — *Ф. Р.*). Я расставила мебель вдоль стен, чтобы было немного просторней. Но так или иначе, в этом крошечном пространстве могут усесться и двигаться не больше шести человек.

Тебе удастся упросить полную даму, которая должна нас расписывать, сделать это не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете. Нам бы и в голову не пришло, что именно заставило ее согласиться! Она это сделала вовсе не из-за нашей известности, не потому, что я — иностранка, не потому, что мы хотели пожениться в узком кругу друзей. Нет! Что возобладало, так это — неприличные ситуации: у нас обоих это третий брак (Влади до этого побывала замужем за известным французским кинорежиссером Робером Оссейном и владельцем авиакомпании в Африке Жаном Клодом Бруйе, Высоцкий — был женатым на Изе Жуковой и Людмиле Абрамовой. — *Ф. Р.*),

у нас пятеро детей на двоих! Пресвятой пуританизм, ты спасаешь нас от свадебного марша! А если не будет церемонии, можно и не напрягаться... В конце концов, мы так и остаемся в надетых с утра водолазках.

Ты уехал рано, тебе во что бы то ни стало хотелось устроить мне какой-нибудь сюрприз. Для этого тебе пришлось убедить Любимова отменить несколько спектаклей в театре. Ты возвращаешься с довольным видом и, хлопая себя по карману, шепчешь: «Порядок». Шофер такси, который везет нас во Дворец, желает нам всего, что только можно пожелать. Он без конца оборачивается к нам, чтобы еще раз сказать, как он счастлив, что это — лучший день в его жизни, а также, конечно, и в нашей. При этом он едва не сталкивается со встречной машиной, и я чувствую, что этот день может стать и последним днем нашей жизни. Я кричу, резкий поворот руля нас спасает, мы стучаемся головами о крышу машины — и вот уже в полубезумном состоянии мы пускаемся по коридорам вслед за молодым человеком, который ждал нас у входа. Для него это тоже счастливый день в его жизни, он заикается, вытирает лоб сиреневым платочком, в десятый раз повторяет: «Вы не можете себе представить...» Он, кстати, так и не сказал, что именно мы не можем себе представить. После прогулки по подвалам, полным труб и странных запахов, мы подходим наконец к двери кабинета. Там нас ждут Макс и Сева, тоже несколько растерянные. Мы обнимаемся.

Каждый раз, когда протокол не соблюдается буквально, все смещается и доходит до абсурда. Мы стоим перед закрытой дверью, вдалеке непрерывным потоком льются приглушенные звуки свадебного марша, до нас доносятся смех, аплодисменты, затем — сакраментальное: «Улыбочку!..» И мы насчитываем, таким образом, уже шесть свадеб.

Один из служащих, бледный и накрахмаленный, вторяет перед нами дверь. Для него это не самый прекрасный день в его жизни — обычный день, похожий на все другие. Он несколько не удивлен, что ему приходится вести по этому торжественному зданию, покрытому позолотой и красными коврами, четверых хохочущих людей. Он не узнает ни тебя, ни меня, никого. Он лишь выполняет определенную операцию на конвейере бракосочетаний.

Наконец мы вчетвером рассаживаемся в двух креслах напротив вспотевшей дамы. На фотографии, которую сделал Макс, мы с тобой похожи на старательных студентов, слушающих серьезную лекцию, только ты сидишь на ручке кресла, и у нас слишком лицемерный вид. На нашу свадьбу получено добро, от которого, как известно, добра не ищут, и после «поздравительной речи» мы чуть было сами не уходим подобру-поздорову:

— Шесть браков, пятеро детей, к тому же — мальчиков! (Очевидно, по мнению этой дамы, с девочками дело обстояло бы проще.) Уверены ли вы в своем чувстве? Отдаете ли вы себе отчет в серьезности такого шага? Я надеюсь, что на этот раз вы все хорошенько обдумали...

Мне и смешно, и плакать хочется. Но я вижу, что ты вот-вот сорвешься, и потому держусь. Мы быстро расписываемся против галочки, и уже через несколько минут все кончено. Ты держишь свидетельство о браке, как только что купленный билет в театр, вытянув руку над толпой. Мы выходим, обнявшись, среди невест в белом тюле под звуки неутомимого марша. Мы женаты. Ты наконец спокоен...»

1 декабря Борис Бабочкин после почти годового отсутствия вновь вернулся в Малый театр. На этот раз в качестве режиссера-постановщика и актера с оплатой поспектакльно. Вот как он описал это событие в своем дневнике:

«Очевидно, это правильно, но не приносит мне глубокой радости новая встреча с Малым театром. Я 26 ноября начал репетировать «Достигаева» и, не говоря уж об организационной неразберихе (в это же время репетируются еще три никому не нужных спектакля-возобновления), у меня просто нет людей, и репетировать мне, в сущности, нечего, но главная беда — я опять встретился с отсталой допотопной актерской техникой, с людьми с большим самомнением и апломбом. Даже тех результатов, которых я добивался во ВГИКе со студентами, здесь добиться нельзя. Они не могут не «играть». Это убийственно. И это искоренить невозможно. Этим своим возвращением я поставил крест на том театре, о котором я мечтал и который мог бы сделать и должен был сделать, но не сделал и не сделаю никогда. Ну, может быть, вот когда буду играть, получу какое-то удовольствие. Больше надеяться не на что...»

А теперь из холодной Москвы перенесемся в теплый Сочи, куда съезжаются тысячи отпускников со всей страны, чтобы вкусить прелести курортной жизни. Отправился туда в начале декабря и офицер-ракетчик с засекреченного атомного полигона Виктор Назаров. Еще в самолете он познакомился с неким Степаном, представившимся снабженцем с Джезказганского металлургического комбината, как и он, направленным родным предприятием на отдых в Сочи. Вдвоем они благополучно долетели до курорта, а в аэропорту поймали такси, на котором собирались доехать до города. Поскольку Назаров впервые приехал к морю и всему, что видел, не переставал удивляться, ему и в голову не могла прийти мысль, что эти благодатные места могут таить для него серьезную опасность. И что его доброжелательный попутчик — профессиональный карточный шулер, который только и ждет момента, чтобы поймать в свои сети очередную доверчивую жертву.

Тем временем события развивались стремительно. На выезде из города водитель такси посадил в машину еще одного попутчика — мужика в кирзовых сапогах, представившегося колхозником. Едва машина тронулась, Степан предложил скоротать время за игрой в карты: дескать, появилась такая новая игра, как «японское танго», которая легко усваивается каждым начинающим. И объяснил: каждому игроку — по 3 карты. Каждая картинка — 10 очков. Сошлись по масти — 30 очков. Выше может быть только 31 очко. Да и то если туз нужной масти привалит везунчику. При этом Степан предложил начать играть по мелочи — с копейки.

Назаров, который пока не догадывался, что как кур в ошип попал в компанию хищников — профессиональных карточных шулеров (Степан, «колхозник» и шофер были одна шайка-лейка), с радостью согласился постичь азы новой игры. Как и положено, в первом же раунде ему подфартило — привалило аж 29 очков. А со второго раунда, когда ставки резко возросли, ему в копилку «свалились» аж 9 рублей. Короче, вскоре он уже поверил в свою чрезмерную везучесть и позволил втянуть себя в игру, что называется, по уши. В итоге перед самым подъездом к городу Степан, который в начале игры старательно разыгрывал из себя лоха, выиграл у ракетчика 1750 рублей, то есть все его

отпускные и сбережения за три года. И пока Назаров приходил в себя от происшедшего, победитель скоренько сгреб все деньги себе в карман, сунул водителю три червонца и выскочил из машины на первом же повороте.

5 декабря, в День Конституции, страшная трагедия произошла в семье ныне известной киноактрисы Ларисы Гузеевой (Огудалова в «Жестоком романсе») — у нее погиб младший брат.

Лариса с братом и родителями жила в совхозе Буртинском Оренбургской области. Ей в ту пору было 11 лет, а брату всего лишь три года и три месяца. В тот роковой день отец был на работе, а мать управлялась по хозяйству. Лариса пропадала где-то во дворе, а младший сидел рядом с матерью и наблюдал за стиркой. Когда мать в очередной раз отвлеклась, он решил дунуть в шланг, из которого мать наливала воду в корыто. И эта шалость закончилась плачевно — вода попала не в то горло. Мальчик потерял сознание. Мать тут же схватила его на руки и прибежала в больницу. Но в праздничный день на месте оказалась лишь молоденькая практикантка, которая так и не сумела вывести ребенка из асфиксии. Мальчика еще можно было спасти, до шести утра у него билось сердечко, но врачи в больнице так и не объявились. На похороны пришел чуть ли не весь поселок, и каждый из пришедших нес по цветку. Их было такое количество, что у людей буквально рябило в глазах. С тех пор Лариса Гузеева ненавидит срезанные цветы.

В воскресенье, 6 декабря, определился чемпион страны по футболу — им стала команда ЦСКА, не поднимавшаяся на высшую ступеньку пьедестала почета почти 20 лет — с 1951 года. «Армейцы» весь сезон вели упорную борьбу за лидерство с четырьмя командами: «динамовцами» Москвы, Киева, Тбилиси и московским «Спартаком». В начале октября в отрыв ушли две команды: ЦСКА и столичное «Динамо». Они и повели заочную борьбу за золотые медали. К финишу обе команды пришли с равным количеством очков, и вопрос о медалях должен был решаться в дополнительном матче.

Он состоялся 5 декабря в теплом Ташкенте, однако так и не ответил на вопрос, кто победитель, поскольку закончился нулевой ничьей. Пришлось переносить спор на следующий день. Эта игра вошла в историю отечественно-

го футбола как одна из наиболее интересных и драматичных. Счет в игре открыли «армейцы» (Уткин), однако удержать его так и не смогли. В течение шести минут (с 22-й по 28-ю) «динамовцы» вколотили в их ворота сразу три мяча. Казалось, что судьба матча решена бесповоротно. Однако...

Второй тайм «армейцы» начали с мощных атак, каждая из которых могла принести успех. Однако превосходно играл вратарь «динамовцев» Пильгуй (легендарный Лев Яшин сыграл в том сезоне тринадцать матчей и теперь сидел на скамейке запасных, но не по своей воле, а по решению Константина Бескова, боявшегося «заспать» талант новичка Пильгуя). Раз за разом он вставал на пути игроков ЦСКА, вытаскивая даже «мертвые» мячи. Однако и его силы оказались не беспредельны. За 20 минут до окончания матча Пильгуй ошибся, и Федотов (сын легендарного форварда Григория Федотова) «распечатал» ворота «динамовцев» во втором тайме. После этого «армейцы» с еще большей яростью бросились на штурм ворот противника. В итоге их игрока (все того же Федотова) «динамовцы» сбили в своей штрафной, и судья показал на одиннадцатиметровую отметку. Счет сравнялся — 3:3.

Этот гол окончательно сломил «динамовцев», уже уверовавших в победу, «армейцы» же, вдохновленные успехом, продолжали атаковать. Победную точку в этом драматичном поединке поставил все тот же вездесущий Федотов, который за несколько минут до конца игры пробил в правый от вратаря угол. Пильгуй четко отреагировал на него, но тут в дело вмешался случай: мяч угодил в какую-то кочку, перескочил через голкипера и влетел в сетку ворот. «Армейцы» победили.

Стоит отметить, что тренер «Динамо» Константин Бесков сразу после игры заподозрил ряд игроков своей команды в небескорыстной сдаче матча соперникам. Но поскольку договорные игры тогда только входили в моду, заявление Бескова, высказанное им в кулуарах, многих шокировало. Большинство расценили его как результат обиды тренера на игроков: Бескову тогда исполнилось 50, и он вправе был рассчитывать на то, что родная команда в качестве подарка преподнесет ему золотые медали первенства (Кубок они преподнесли ему в августе), но, увы, — ошибся. Однако даже спустя

много лет Бесков не отказался от своего горького вывода, сделанного в Ташкенте в декабре 70-го. Вот его слова:

«Самое тяжелое для меня — когда играли финал чемпионата в Ташкенте. Первый тайм мы выигрываем 3:1. Вдруг в перерыве ко мне подходят несколько игроков: Константин Иванович, не надо делать замен, так доиграем. А Маслов еще попросил: дайте, я буду против Федотова играть. Он опытный полузащитник, я согласился. Второй тайм: «динамовцы» остановились. Маслов и Жуков открыли Федотова, зеленая улица, тот забил два мяча, да еще пенальти сделал. Игроки за спинами тренеров договорились... Я сказал в раздевалке: «Вы игру сознательно отдали...» И больше говорить не мог.

Не могли понять, кто мог купить эту игру. Потом прошел слух, что в Ташкент приехали на «гастроли» московские картежники и начали принимать ставки на результат матча. Люди, которые ставили на ЦСКА, нашли подход к игрокам...»

«Золотой» состав «армейцев» выглядел так: Ю. Пшеничников, Л. Шмуц, В. Астаповский, Ю. Истомин, В. Капличный, В. Афонин, А. Шестернев, В. Войтенко, Д. Багрич, В. Кузьмин, В. Поликарпов, А. Масляев, В. Уткин, Н. Долгов, М. Плахетко, А. Кузнецов, В. Солохо, Ю. Патрикеев, Б. Копейкин, В. Дударенко, В. Федотов, В. Жигунов, Б. Абдураимов, А. Самсонов, Б. Поташев, В. Старков, В. Сухоруков, Г. Яцев; тренер — В. Николаев.

Поскольку третье место в первенстве досталось «Спартаку», весь пьедестал почета оказался занят столичными командами. Киевское «Динамо», которое на протяжении трех предыдущих лет становилось чемпионом, на этот раз довольствовалось скромным 7-м местом. Эта неудача стоила места старшему тренеру команды Виктору Маслову. Его увольнение — одна из позорных страниц в истории этого прославленного клуба. Ведь именно при Маслове киевляне трижды становились чемпионами и дважды взяли Кубок страны. А уволили его, как нашкодившего мальчишку. Произошло это в ноябре. Рассказывает бывший игрок киевского «Динамо» А. Биба:

«Маслову многое прощалось лишь потому, что много лет подряд он носил нимб победителя. Но побеждать постоянно нельзя, невоз-

можно. Абсолютно все в этом мире имеет свойство уставать — даже металл. В связи с естественной сменой поколений команде и тренеру требовалась относительная передышка. Хотя бы на год. «Деду» ее не дали.

Обставлено же увольнение было просто мерзко. Ему побоялись сказать об этом в Киеве. Поехали мы в Москву, на игру с ЦСКА. Неожиданно вместе с нами в гостинице «Россия» оказался представитель украинского спорткомитета Мизяк, который к футболу не имел ни малейшего отношения, а отвечал в своем ведомстве за зимние виды спорта. Именно этому человеку наши трусливые футбольные вожди и поручили объявить Маслову, что в его услугах в Киеве больше не нуждаются. Когда Маслов вернулся из гостиничного номера Мизяка в свой номер, на нем лица не было. «Андрей, — попросил он меня, — сходи в буфет и возьми пару бутылок коньяка. Обмоем мое увольнение». Помолчал и добавил горько: «Спасибо, что дома, в Москве, сказали, а не где-нибудь на станции Раздельная». Как играли на следующий день — не помню. Маслов сидел, отрешенный, где-то в сторонке. Уезжаем в аэропорт, а он остается. В глазах у «деда» слезы... В Киев он уже позже, когда немного отболело, съездил, чтобы сдать дела и служебную квартиру. Мы с ним, между прочим, в одном доме жили...»

7 декабря исполнилось 60 лет министру культуры СССР Екатерине Фурцевой. По этому случаю именинница собрала у себя дома большое количество друзей и коллег. Говорят, на этом торжестве Фурцева позволила себе всего лишь одну рюмку водки, хотя в народе упорно ходили слухи о том, что она равнодушна к «зеленому змию». Ту рюмку Фурцева пригубила после того, как ее муж — заместитель министра иностранных дел Николай Фирюбин — поднял тост за именинницу. А Фурцева произнесла ответный тост: «У меня очень хороший муж, мы с ним прожили много лет, и мне очень приятно, что его дети — это мои дети, а мои дети — это его дети. Я хочу, чтобы наша семья была самой счастливой... Колюшка, за тебя, родной!» Гости горячо поддержали этот тост, хотя многие из них хорошо знали, что в семье министра не все так ладно. За последние годы между супругами сложились непростые отношения, которые станут причиной

того, что спустя четыре года Фурцева наложит на себя руки. Впрочем, об этом будет рассказано в свое время, а пока вернемся в декабрь 70-го.

В те дни неприятности свалились на голову еще одной спортивной звезды — прославленного хоккеиста Виктора Полупанова. В те годы имя этого спортсмена знали все. А началось все в декабре 65-го, когда Анатолий Тарасов создал в ЦСКА и сборной ударную тройку в лице Анатолия Фирсова, Владимира Викулова и Виктора Полупанова, которая по праву считалась одной из сильнейших в отечественном хоккее. Достаточно привести цифры результативности ее участников, чтобы все сразу стало понятно: Полупанов сыграл 28 матчей за сборную на чемпионатах мира и Олимпиадах, забил 21 гол; Фирсов — 67 игр, 66 голов; Викулов — 71 матч, 52 гола. Однако в декабре 70-го «великолепная тройка» распалась из-за Полупанова. 10 декабря он сыграл свой последний матч в составе сборной — в матче на приз газеты «Известия» против команды Польши. Забил один гол (наши победили 7:1). А вскоре из сборной его попросили. Рассказывает В. Викулов:

«Как-то раз сидим на сборах, а тут приехал проводить с нами собрание сам генерал армии. Он нам долго читал мораль, а потом спрашивает: есть ли вопросы, жалобы. Все сидят тихо — лишь бы скорее все закончилось. А тут Витька встает и говорит: «Товарищ генерал, почему меня начальство по делу и без дела алкоголиком называет. Ведь даже вас, если постоянно свиньей называть, то когда-нибудь хрюкнете...»

Все аж онемели. Генерал стерпел, не стал скандалить. После собрания я к Витьке: «Толстый, ты в своем уме?!» А он: «Да надоело все!» Назавтра Полупанова убрали со сборов. Так потихоньку его карьера и закончилась...»

Отыграв на турнире на приз газеты «Известия» три игры, Полупанов «сошел с дистанции». 13 декабря вместо него с Фирсовым и Викуловым уже играл другой хоккеист — «спартаковец» Вячеслав Старшинов (затем его место занял «армеец» Евгений Мишаков). А Полупанов еще сезон отыграл в ЦСКА, после чего ушел в «Крылья Советов». Кстати, тот последний матч Полупанова уже мало что решал: проиграв 9 декабря чехословацким хоккеистам 1:3, наши ребята упустили «золото» турнира, поскольку в последнем матче между сборными

ЧССР и Швецией победу одержали первые. Наша сборная довольствовалась лишь вторым местом, что по тем временам приравнялось к катастрофе.

Но вернемся на несколько дней назад. 10 декабря неприятности обрушились на голову сценариста Ефима Севелу (Драбкина), по сценариям которого были сняты такие фильмы, как: «Крепкий орешек» (не путать с голливудским блокбастером с Брюсом Уиллисом, который вышел в 1988-м — спустя 20 лет после нашего), «Годен к нестройной» (1968) и др. Севелу в тот день исключили из Союза кинематографистов, уличив в том, что он хочет эмигрировать в Израиль. В те дни Советский Союз был в состоянии перманентной войны с этим государством, поэтому любое проявление расположения к нему считалось изменой государственным интересам.

А теперь вновь перенесемся в Сочи. Ракетчик Виктор Назаров, которого несколько дней назад «обула» шайка карточных шулеров, в течение нескольких дней терзался смутными сомнениями по поводу своего проигрыша. Наконец ему в голову пришла простая мысль: отправиться в пансионат «Металлург» и проверить, отдыхает ли там работник Джекказганского металлургического комбината Степан, который выиграл у него все его отпускные (Назаров уже успел получить от жены перевод в 120 рублей, на которые и жил, особо не шикая). Этот поход подтвердил самые плохие предчувствия ракетчика — никакого Степана в пансионате не было. И вот тут в офицере разыгралась его профессиональная гордость: дескать, как же я могу позволить этим шулерам безнаказанно тратить мои кровно заработанные деньги?! И отправился Назаров искать своих обидчиков.

Как это ни удивительно, он нашел их сразу. Приехав в сочинский аэропорт, Назаров разглядел в толпе Степана, который на этот раз уже отирался возле узбека со звездой Героя Соцтруда на пиджаке. А чуть поодаль прогревал двигатель своей «таксюшки» тот же самый водитель, что вез и его в тот злополучный день. Не было только «колхозника», поскольку его задача заключалась в том, чтобы подсесть в машину на повороте из аэропорта.

Между тем именно его и решил «выбить из игры» Назаров. Тот наверняка стоял на своем

посту один, и скрутить его для бывшего офицера не составило бы особого труда. Однако на самом подходе к месту его дислокации случилось неожиданное: откуда-то сбоку вышли двое дюжих мужиков и, профессионально заломив Назарову руки, поволокли его в сторону от сиротливо маячившего в стороне «колхозника».

Как оказалось, нападавшими были... оперативники местного уголовного розыска. Они давно «пасли» шайку Степана, и появление разгневанного ракетчика могло поломать им все планы. Когда Назаров это понял, он с большой охотой вызвался помочь стражам порядка вывести шулеров на чистую воду, то бишь дать на них свидетельские показания. Спустя полчаса он уже сидел в уголовке и опознавал по тамошней картотеке своих обидчиков. Когда он ткнул пальцем в фотографию «колхозника», начальник угро сообщил, что это известный карточный аферист Бабларьян по кличке Пиндос.

В субботний день 12 декабря Дмитрий Шостакович приехал в Ленинград, чтобы завтра присутствовать на концерте, где должны были исполняться его Первый, Двенадцатый и премьерный Тринадцатый квартеты. Вечером в день приезда в гостинице «Европейская» Шостаковича навестил его старый приятель Исаак Гликман. К его приходу в номере уже был накрыт стол. Однако к радости гостя, который в течение нескольких месяцев не видел композитора, примешалась и печаль, ибо он заметил, что месяцы, проведенные Шостаковичем в Кургане, у доктора Илизарова, мало что дали — ходил композитор неважно, а его правая рука была по-прежнему слаба. Но друзья по безмолвному соглашению не говорили об этом.

Во время ужина композитор не без сожаления сказал, что у него неожиданно наступил «эпистолярный кризис», то есть пропала всякая охота к писанию писем, до которых когда-то он был большой охотник. В связи с этим он просил друга не сердиться, если будет редко писать ему: «Вместо писем я буду звонить тебе по телефону».

На следующий день в Малом зале филармонии при полном аншлаге состоялся концерт. Как вспоминает И. Гликман: «Вся публика по окончании нового (Тринадцатого) квартета встала и стояла до тех пор, пока квартет не был целиком исполнен во второй раз.

Когда зал, охваченный начальстволюбием, встает перед властью имущим, то это банально и пока неискоренимо. Но Шостакович никакой властью не обладал, кроме власти своего гения, и когда перед ним встает по мановению волшебной палочки весь зал, то это зрелище чрезвычайно волнует и трогает...»

В те часы в Москве, в малогабаритной квартирке на 2-й Фрунзенской, состоялась свадьба Владимира Высоцкого и Марины Влади. Поскольку площадь квартиры не позволяла позвать много гостей, пришли самые доверенные лица: свидетели жениха и невесты Всеволод Абдулов и Макс Леон, режиссер Юрий Любимов с супругой Людмилой Целиковской, поэт Андрей Вознесенский с супругой Зоей Богуславской, кинорежиссер Александр Митта с супругой Лилей, художник Зураб Церетели. По словам последнего, свадьба была более чем скромная, из-за чего им с Вознесенским даже пришлось скинуться, чтобы докупить еще несколько бутылок вина.

В те годы в СМИ отсутствовала практика освещать события из разряда «светской жизни», поэтому о подобных мероприятиях люди узнавали либо из сплетен, либо из сообщений «вражеских голосов». Вот что вспоминает по этому поводу двоюродная сестра второй жены Высоцкого Людмилы Абрамовой — Елена Щербиновская:

«Когда мы с Людой вместе жили на Беговой, вдруг позвонил по телефону кто-то из наших знакомых и сказал, что в какой-то французской газете опубликовано сообщение об официальной женитьбе Высоцкого и Марины Влади. Конечно, это не было неожиданностью, и человек, позвонивший нам, даже не предполагал, какую это вызовет реакцию... Не помня себя, в каком-то жутком эмоциональном порыве, я схватила со стены гитару (ее Высоцкий подарил Щербиновской летом 65-го, когда вернулся со съемок фильма «Стряпуха». — Ф. Р.) и разбила ее в щепки! Жалобно застонали порванные «серебряные струны»... Через минуту я, конечно, пожалела о том, что сделала, — не гитара виной сложностям в судьбах людских! Но поступить иначе тогда я, наверное, не могла...»

И еще одно торжество, правда, менее скромное, чем на Фрунзенской, состоялось 13 декабря в Москве: на квартире актера Николая Рыб-

никова справляли его день рождения — 40 лет. Несмотря на то что пик популярности этого замечательного актера пришелся на конец 50-х, однако зритель по-прежнему его любил и с интересом встречал каждую его новую роль. Хотя, честно говоря, в 60-е главных ролей на счету Рыбникова было — раз, два — и обчелся. Однако в отличие от некоторых своих коллег, чья популярность тоже падает на конец 50-х (Леонид Харитонов, Юрий Белов, Изольда Извицкая и др.), творческая карьера Рыбникова сложилась более успешно. Только в 70-м году на широкий экран вышли сразу три фильма с его участием: «Старый знакомый», «Плечом к плечу», «Освобождение».

Между тем на следующий день после свадьбы Высоцкого и Влади один из гостей — Зураб Церетели, — видимо, пораженный скромностью торжества, сделал широкий жест: повез их к себе на родину, в грузинское село Багеби, где им должны были устроить настоящую старинную свадьбу. На ней все было обставлено так, как того требовали обычаи. Жена скульптора Инесса накрыла роскошный стол, на который блюда подавались на старинном андрониковском сервизе, фрукты и овощи — на серебряных подносах. Гости пришло несколько десятков человек. Молодоженов усадили в торце стола, оба они были в белом и держались за руки. Компания подобралась исключительно мужская, а женщины всего лишь накрывали на стол, подавали блюда и становились поодаль, сложив руки на животе. Тамада поднял первый тост: «Пусть сколотят ваш гроб из досок, сделанных из того дуба, который мы сажаем сегодня».

Веселье продолжалось до раннего утра и только однажды было омрачено: когда один из гостей внезапно предложил поднять тост за Сталина. За столом воцарилась нехорошая тишина. Как вспоминает М. Влади:

«Я беру тебя за руку и тихо прошу не устраивать скандала. Ты побледнел и белыми от ярости глазами смотришь на того человека. Хозяин торжественно берет рог из рук гостя и медленно его выпивает. И сильный мужской голос вдруг прорезает тишину, и за ним вступает стройный хор. Пением, точным и редкостным многоголосием эти люди отвечают на упоминание о проклятых годах: голоса сливаются в звучную и страстную музыку, утверждая

презрение к тирану, гармония мелодии отражает гармонию мыслей. Благодаря врожденному такту этих людей случайному гостю не удалось испортить нам праздник, и мы все еще сидим за столом, когда во дворе начинает петь петух.

Самый удивительный подарок мы получаем, открыв дверь нашей комнаты. Пол устлан разноцветными фруктами. Записка в два слова приколоты к роскошной старинной шали, брошенной на постель: «Сергей Параджанов». Сережа, которого мы оба нежно любим, придумал для нас эту сюрреалистическую постановку. Стараясь не слишком давить фруктовый ковер, мы падаем обессиленные, и я тут же засыпаю, завернувшись в шелковистую ткань шали...»

Однако вернемся обратно в Москву. В те декабрьские дни по столице все настойчивее распространялись слухи о том, что с января грядет денежная реформа, что подорожают сахар, гречка и другие продукты питания, начнутся перебои с поставками промышленных товаров. Слухи эти родились не на пустом месте, а явились как отклик на то, что в те дни происходило в одной из стран социалистического лагеря — Польше. А там в ноябре поднялись цены на одежду, а в декабре дело дошло и до продуктов. Чтобы сбить волну подобных разговоров, в частности, в Москве, в дело пустили прессу.

В понедельник, 14 декабря, в самой читаемой газете «Вечерняя Москва» (кстати, прозванной в народе «сплетницей», поскольку в ней можно было прочесть многое из того, о чем молчали центральные органы печати) был опубликован фельетон Ивана Любезнова под названием «Басни, побасенки», в котором автор на корню разоблачал сплетни о предстоящем подорожании и патетически восклицал: «Страна наша великая семимильными шагами идет вперед. Построены сотни городов, океаны бороздят атомные корабли, прокладывает первую на Луне трассу советский космический вездеход («Луноход-1» был запущен на Луну еще 17 ноября. — Ф. Р.). Сверхсущества изумляют, а перспективы еще более воодушевляют. И вот в такое-то чудесное время нет-нет да и раздаются из подворотни пропахший нафталином злобный голос слухача. Небезобидный голос, далеко не безобидный!...»

Тем временем столица живет не только слухами. В кинотеатрах состоялось несколько премьер: с 5 декабря в «Октябре» начинают демонстрировать замечательный английский фильм-мюзикл Кэрола Рида «Оливер» (1968); с 10-го в «России» — отечественный детектив Анатолия Бобровского «Возвращение «Святого Луки». 11-го в Доме кино состоялся вечер, посвященный выходу в свет 100-го номера сатирического киножурнала «Фитиль». Естественно, был аншлаги.

Кино по ТВ: «Тени над Нотр-Дам» (ГДР, 1-го), «Взрослые дети», «Клуб холостяков» (2-го), «Качели» (премьера т/ф), «Моя любовь» (3-го), «Ленин в Октябре», «Зареченские женихи», «Первый троллейбус» (4-го), «Тимур и его команда», «Улица тринадцати тополей» (5-го), «Табаго» меняет курс» (6-го), «Музыканты одного полка», «Сотрудник ЧК» (7-го), «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Впереди крутой поворот» (9-го), «Трижды воскресший» (10-го), «Отцы и дети», «Молодо-зелено» (11-го), «Максимка», «Похождения Насреддина» (12-го), «Тревожные ночи в Самаре» (12—13-го), «Ревизор», «Одни неприятности» (Венгрия) (14-го), «Каменный цветок» (15-го) и др.

Среди театральных премьер выделю следующие: 9-го в Театре Сатиры — «Затюканный апостол» с участием А. Левинсона, З. Зелинской, З. Высоковского, О. Солюса и др.; 10-го во МХАТе — «Единственный свидетель»; 11-го в филиале Малого театра — «Инженер»; в Театре им. Пушкина — «Незримый друг». 16 декабря был показан первый спектакль в новом здании Театра кукол под руководством С. Образцова.

И, наконец, эстрада. В Москве с гастрольями находится чехословацкий «соловей» Карел Готт: он выступает сначала в киноконцертном зале «Октябрь» (1—6-го), затем перебазирован в Государственный театр эстрады (7—11-го). В конференц-зале ВДНХ поет Ольга Воронец, в ГТЭ после Готта — оркестр под управлением Эдди Рознера. 16—19 декабря в ГТЭ выступает Государственный эстрадный оркестр Армении под руководством Константина Орбеляна. 21—24 декабря во Дворце спорта в Лужниках проходят «Вечера песни», собирающие толпы народа, причем разного возраста. А все потому, что в двух отделениях заняты артисты, как говорится, на все вкусы. В 1-м выступали Вла-

димир Трошин, Олег Анофриев, Владимир Макаров, Александра Стрельченко, Майя Кристалинская, Капитолина Лазаренко, во 2-м — суперпопулярный ВИА «Веселые ребята». Вели концерт два аса конферанса: Евгений Петросян и Борис Брунов.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие пластинки: миньоны (твердые): «Поет Галина Ненашева»; «Поют Вероника Круглова и Вадим Мулерман»; «Песни Алексея Мажукова» («Все до поры» в исполнении Нины Бродской, «Не в том моя беда» — Муслим Магомаев, «Кольбельная» — З. Вучкович, «День за днем» — ВИА-66); «Поет Янош Коош» (в сопровождении ВИА «Экспресс» (Венгрия) и др.

В городе Сочи тем временем продолжается милицейская операция по разоблачению карточных шулеров. Сразу несколько групп наружного наблюдения «пасли» картежников и фиксировали на пленку каждый их шаг. Длиннофокусная оптика однажды даже сумела достать крупным планом передачу денег бригадиру шулеров. Однако это была косвенная улика, а чтобы разоблачить аферистов, требовался убийный компромат: задержание всей шайки во время игры в карты в автомобиле. Такую операцию сыщики решили провести 17 декабря.

С утра один из шулеров заарканил доверчивого клиента в аэропорту, усадил его в такси и повез в город. По дороге в машину запрыгнул «колхозник» Пиндос. Все шло как нельзя лучше, и сидящие на хвосте у шулеров сыщики общили об этом по рации своим коллегам, сидящим в засаде. На одном из участков трассы, сразу после пансионата «Рыбак Заполярья», была дана команда взять шулеров в клещи. Такси прижали к обочине, и стражи порядка молниеносно открыли его дверцы. Но то, что они там увидели, повергло их в замешательство. На чемоданчике Пиндоса, застеленном главной газетой страны «Правда», лежала не колода карт, а крупно нарезанная «Чайная» колбаса, стояли походные стопочки из пластика и фляжка с коньяком. Как оказалось, шулера еще на выезде из аэропорта засекали за собою «хвост», поэтому и решили разыграть соответствующий спектакль. Однако избежать наказания хитрым шулерам все равно не удалось. Забегая вперед, скажу, что спустя некоторое время сыщикам удастся расколоть одного из участников шайки — таксиста, который оказался обижен ма-

леньким кушем и поэтому первым стал топить своих подельников. В итоге Пиндос и еще один шулер получают по 6 лет тюрьмы, а таксист отдается четырьмя годами.

На южных рубежах нашей родины продолжается съемочный сезон. Режиссеры, которые не уложились в сроки и не успели снять летом нужную натуру, вынуждены делать это зимой. У актеров подобная ситуация ничего, кроме раздражения, не вызывает, ведь они на таких съемках часто рискуют собственным здоровьем. Например, в том декабре популярный актер Лев Прыгунов заболел, снимаясь на Одесской киностудии. Ему пришлось в Ялте, в сильный мороз, сниматься полуголым, из-за чего он вскоре угодил в больницу с жутким артритом. Врачи шутили: «Если вылечим, то обязательно опишем вас как редкий медицинский случай». Прыгунова спасло то, что однажды он в своей тумбочке нашел кем-то забытую книгу по йоге. Пользуясь ее рекомендациями, он прямо в больнице начал делать на коврике первые асаны. И так постепенно избавился от артрита.

Вообще нравы, которые царили в те годы в киношной тусовке, мало чем отличались от нынешних: те же зависть, интриги, стукачество. Однако рядовые граждане, естественно, в эти распри не были посвящены — для них мир кино был недосыгаем, а звезды были сродни небожителям. И только люди, близкие к этому миру, не заблуждались. Вот какую историю, в которой главными действующими лицами оказались знаменитый кинорежиссер и его супруга, записал в своем дневнике в декабре 70-го писатель Юрий Нагибин, многие годы плодотворно работавший и в кино:

«Произошла трагикомическая история с режиссером С. Пока мы с ним горлопанили и строчили сценарий о Комиссаржевской (главная роль, разумеется, предназначалась любимой супруге режиссера), сия супруга оставила своего талантливого мужа. С. умолял ее вернуться, валялся в ногах, все тщетно, и он отправился прямехонько в сумасшедший дом. Еще один вариант киновреда. Я думал, что знаю уже все: предательства режиссера (разных видов), закрытие темы, казавшейся еще вчера самой актуальной, снятие режиссера с работы за избивание на съемках своего помощника, даже убийство главного исполнителя, не говоря уже о таких мелочах, как шантаж, попытка выбро-

сильно меня из титров, повальное пьянство группы, исчезновение героини по причине распутства и т. п. Оказывается, киношка не исчерпала своих возможностей. Теперь сценарий пойдет в сортир, ну и черт с ним!

А я угадал истинную суть отношения С. с его женой. В пору, когда он соловьем разливался об их взаимной любви, я сказал Алле (жена писателя. — Ф. Р.), что она терпеть его не может и не пускает в постель. Так оно и оказалось. И когда они вместе ездили в Австралию, у них были отдельные номера в гостиницах.

Жена потребовала развода. С. пригласил ее в сумасшедший дом и здесь сказал, что даст развод, если она подарит ему один-единственный, последний день семейной жизни. Она сказала, что скорее умрет, чем окажется с ним под одной крышей. Тогда безумец начал орать, что опозорит ее перед всем миром, что человечество не видело такого гнева, что это будет его лучшая постановка и он превзойдет Феллини. Жена убежала в слезах. Через некоторое время он снова вызвал ее и сказал, что осознал свои заблуждения, согласен на развод (с психом нельзя развестись без его согласия), если она проведет с ним одну-единственную ночь, самую последнюю. Она сказала, что не может дышать с ним одним воздухом, не то что... Он снова разорался, еще громче прежнего. Пришел главный врач и приказал отправить страдальца в буйное отделение. Насилу Нечаев (главврач писательской поликлиники) выручил...»

Между тем пока одни разводились, другие, наоборот, — женились. 19 декабря в Москве случилась еще одна громкая свадьба — свои отношения официально оформили знаменитый разведчик Ким Филби и Руфина Пухова (их знакомство состоялось в июле). Ввиду особой секретности, которая окружала жизнь и деятельность жениха, на торжество пришло мало гостей, а те, кто пришли, были сплошь сотрудниками КГБ. Они преподнесли молодоженам прекрасный фарфоровый сервиз английского производства. Никакого свадебного путешествия у молодоженов не было все по той же причине — из-за секретности. О ней же слова Р. Пуховой:

«Охрана у нас была время от времени, когда Киму говорили, что ему угрожает опасность, покушение... Нас предупреждали, что

мы не можем выйти на улицу без звонка... Поэтому я обычно звонила перед тем, как мы выходили на улицу. С самого начала Ким считал, что это ерунда, и никогда не верил, что его кто-то может убить. А мне снились кошмары, что Кима похитили... Но надо сказать, что он был человеком очень дисциплинированным и всегда входил в положение другого человека. Он говорил: «Я понимаю, что куратор за меня отвечает... Что-нибудь случится, а у него — неприятности...» Я не встречала больше такого другого человека, который бы так же, как он, боялся причинить боль другому...»

В тот же день в Малом театре состоялось отчетно-перевыборное партийное собрание, о котором в дневнике Б. Бабочкина написано следующее: «Жаров отказался от чести быть вновь избранным (секретарем парткома. — Ф. Р.). Сколько человек перенес! Он рассыпался на глазах, обрюзг, одряхлел, постарел, потерял голос и вообще являл собой самое жалкое зрелище. Не дай бог ступить на стезю карьериста! Даже в лучшем случае это грозит человеку самыми грустными последствиями, и Жаров наглядный тому пример. Но и остальные хороши... Партсобрания во ВГИКе совсем не похожи на это, люди там попримечнее, да и интересы не так сталкиваются. Хороша и товарищ Шапошникова (в то время секретарь Московского горкома КПСС. — Ф. Р.) со своим тихим голоском!..»

А теперь из Москвы перенесемся в Ленинград. Там 19 декабря, в 13.05, в одном из домов в Калининском районе произошло убийство: 65-летний Гаврила Петрович Пушкин зарубил топором свою жену 62-летнюю Прасковью Никитичну Мамонову. Убийство подпадало под разряд бытовых и практически не представляло никаких сложностей для тамошних оперов. Убийца в порыве гнева нанес своей благоверной 15 ударов топором, после чего попытался покончить с собой, но сделал это весьма неудачно — только рассек обухом кожу на лбу. После чего самолично вызвал по телефону «Скорую помощь» и милицию. Дело не обещало никаких сенсаций и должно было закончиться суrowsым приговором убийце. Но получилось совершенно иное.

Как поведал следователю сам Пушкин, убил он свою благоверную по заслугам. Хотя поначалу ничто не предвещало такого жуткого раз-

вития событий. Познакомившись с Прасковьей 1 мая этого года на демонстрации, Пушкив вскоре сделал ей предложение. 12 октября они сочетались узами брака, после чего Прасковья переехала жить к мужу — в его холостяцкую комнатку в коммуналке. И уже спустя несколько дней муж стал замечать за женой странные вещи. Например, уходя в туалет по большой нужде, Прасковья брала с собой газету, но никогда не оставляла неиспользованную часть ее на общем гвозде. Когда же муж поинтересовался, почему она так поступает, та раздраженно ответила: «Буду я за спасибо снабжать соседские жопы нашей бумагой!»

Дальше — больше. Однажды Пушкив застал жену за вопиющим занятием: открыв соседскую кастрюлю с супом, та смачно плевала в нее. Пушкива это возмутило до глубины души. Он столько лет прожил с этими соседями, ничего худого от них за все эти годы не знал, а его законная супруга поступает с ними таким низким образом. Но поскольку Пушкив никогда рукоприкладством не занимался, он лишь одернул жену обидной репликой. А та ответила ему отборной бранью: мол, молчи, старый хрыч, а то вылетишь из моей квартиры к чертовой матери!» Здесь стоит сообщить, что Пушкив по простоте душевной прописал жену на свою жилплощадь и даже перечислил все свои деньги на ее сберкнижку. И теперь она чувствовала себя в доме как полновластная хозяйка. В итоге за два месяца семейной жизни Прасковья так достала мужа своим мерзопакостным характером, что он иной раз даже домой не хотел возвращаться с работы. Трагедия назревала.

В тот роковой день 19 декабря Пушкив вернулся домой с ночного дежурства крайне уставшим. Единственной его мечтой было добраться до кровати и с головой зарыться в одеяло. Но не тут-то было. Дома оказалось, что Прасковьи на месте нет: она ушла в магазин, хотя прекрасно была осведомлена о времени прихода мужа с работы и что единственные ключи от квартиры есть только у нее. В итоге вместо теплой постели Пушкив битый час просидел на табуретке в холодном подъезде. Но его мучения на этом не закончились. Когда жена все-таки объявилась и позволила ему войти в квартиру, спать ему все равно не довелось. Сначала Прасковья нарочно топала по комнате, мешая ему уснуть, а потом и вовсе обнагле-

ла — открыла нараспашку форточку над кроватью: мол, пусть квартира проветрится. А когда Пушкив привел форточку в первоначальное состояние, она набросилась на мужа с грязной руганью. И тогда нервы мужика не выдержали: он схватил топор и... Дальнейшее известно. О том, какое наказание определит Пушкиву суд, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями декабря 70-го.

20 декабря пришло очередное тревожное сообщение из Польши: массовые митинги и демонстрации против повышения цен, которые охватили Гданьск и другие города на севере страны, вынудили первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулку подать в отставку. Произошло это после того, как 17 декабря в Гданьске и Гдыне, во время выступлений рабочих судостроительных верфей, войска открыли огонь по демонстрантам и убили 44 человека, ранив более 1000. После этого к власти в стране пришло новое руководство во главе с Эдвардом Герекком, которое пообещало народу... ну, сами понимаете что. Советское руководство было крайне обеспокоено ситуацией, сложившейся в братской республике. Буквально полтора года назад с трудом удалось ликвидировать серьезный кризис в Чехословакии, как на тебе — разразился новый, теперь уже в Польше. Кстати, этот кризис заставил наших руководителей сделать определенные выводы и в отношении себя, что называется, почесаться. Было принято решение пересмотреть многие из заданий на десятую пятилетку (1971—1975) и принять меры к увеличению производства товаров народного потребления и продукции сельского хозяйства. Глава самого осведомленного о ситуации в нашей стране ведомства Юрий Андропов в те дни в конфиденциальных беседах со своими помощниками выражал весьма непривычные, неортодоксальные мысли, которые только много лет спустя стали достоянием гласности. Вот что вспоминает об этом А. Ковалев:

«Разговаривая со мной, Андропов нередко ходил по кабинету. Когда его монологи несколько затягивались, он, словно извиняясь, говорил, что это все накатанные, как он выражался, мысли. Одна из таких мыслей заключалась в следующем: вот лет через пятнадцать-двадцать мы сможем себе позволить то, что позволяет себе сейчас Запад, — большую свободу

мнений, информированности, разнообразия в обществе, искусстве. Но это только лет через пятнадцать-двадцать, когда удастся поднять жизненный уровень населения. «А сейчас — ты даже не представляешь, какие настроения в стране, — говорил он. — Может все пойти вразнос — жизненный уровень народа крайне низок, культурный уровень тоже, школьное дело поставлено отвратительно, литература... Что это за литература? Почему КГБ — а не Министерство культуры и отдел ЦК — должен работать с деятелями культуры и литературы? Почему они все взваливают на нас? Потому что у них ничего не получается...

Принцип нерушимости границ — это, конечно, хорошо, очень хорошо, — продолжал Андропов. — Но меня беспокоит другое: границы будут нерушимыми в военном отношении, а во всех других отношениях в результате расширения контактов, потока информации они станут прозрачными... Но я думаю, что наше общество созреет до этого, как я уже говорил, лет через пятнадцать-двадцать, когда улучшатся условия существования людей. Пока что игра идет в одни ворота: МИД набирает очки, а КГБ теряет их».

В понедельник, 21 декабря, исполнился 91 год со дня рождения Иосифа Сталина. Дата вроде бы не круглая, однако весьма символическая, поскольку именно в этот день на Красной площади на могиле «вождя всех времен и народов» был открыт памятник, который изваял скульптор Н. Томский. В прессе про это событие не сообщалось, однако по слухам сам Леонид Брежнев собственноручно сдернул покрывало со скульптуры.

23 декабря печальная весть пришла из Казахстана: там погиб руководитель тамошнего Союза кинематографистов, известный кинорежиссер Шакен Айманов. Погиб нелепо: переходил улицу и угодил под колеса автомобиля. 56-летний Айманов считался классиком казахского кино, его зачинателем: с его фильма «Поэма о любви» (1954; совместно с К. Гаккелем) в республике начался регулярный выпуск художественных фильмов. Незадолго до гибели Айманов успел закончить последний свой фильм — боевик про борьбу чекистов с бандитами атамана Дутова в 20-е годы «Конец атамана» с Асанали Ашимовым в роли чекиста Чадьярова.

В этот же день Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин и Вениамин Смехов были на «Мосфильме», где смотрели только что отснятый материал фильма Владимира Назарова «Пропажа свидетеля» (продолжение похождения таежного участкового Сережкина, начатых фильмом «Хозяин тайги»). Высоцкому материал не понравился. Своим неудовольствием от увиденного он поделился с Золотухиным — исполнителем роли Сережкина: «Ты ничего не сделал нового в роли, ты не придумал никакой новой краски. Все на том же уровне — не хуже, я уверяю тебя, но повтор старого — это уже само по себе шаг назад... Ты не стал хуже играть своего милиционера, ты такой же, и видно, что работает хороший артист, но этого мало... теперь. По поводу леса, рыбы ты играешь просто какое-то раздражение, а это глубочайшая боль, старая, не первый раз он видит это, а ты кричишь таким петухом...»

Тогда же в одном из павильонов «Мосфильма» Эдмонд Кеосаян проводил до съемку ряда эпизодов фильма «Корона Российской империи». В частности, снимали эпизод драки на Эйфелевой башне. Последнюю соорудили из досок и фанеры, что станет одним из «ляпов» фильма: на экране будет видно, как «железная» вроде бы башня будет ходить ходуном.

И еще одно событие произошло в тот же день: Мстислав Ростропович вернулся на родину из зарубежной концертной поездки во Францию и был вынужден пройти неприятную процедуру — его подвергли унижительному обыску на пограничном пункте в Бресте. Обыск производили два сотрудника, один из которых, в форме работника таможни, только вынимал из чемоданов все, что там находилось, а другой работник, в военной форме, знающий иностранные языки, тщательно прочитывал каждый клочок бумаги, каждую строчку записок или писем, найденных у Ростроповича в чемоданах. Были чуть ли не по листочкам проверены ноты музыканта, программы концертов, скрупулезно просмотрены рецензии на его концерты. Ростроповича даже попросили открыть виолончельный футляр, видимо, подозревая, что там он может провести какую-нибудь антисоветскую литературу или порнографию. Короче, было прочитано и просмотрено все, однако результат обыска был нулевой — ничего крамольного найдено не было. Но, судя

по всему, таможенники и не надеялись найти у музыканта что-то недозволенное, и цель у них была одна — унижить Ростроповича. Дело в том, что вот уже полтора месяца как на Западе продолжалась шумиха вокруг его письма в защиту Солженицына, что чрезвычайно раздражало советские власти. Вот они и решили «указать музыканту его место», подвергнув унижительному обыску на таможне. И они добились своего. Ростропович был настолько возмущен этим, что на следующий день сел за письмо в центральные газеты, где писал: «После полутора месяцев концертов за рубежом первое, чем я был встречен на Родине, — это был обыск. Я глубоко подавлен и возмущен».

Ни одна из центральных газет это письмо, естественно, не опубликовала.

В тот самый день, когда Ростропович корпел над своим письмом, в Ленинграде закончился суд над группой лиц, которые в июне этого года хотели захватить служебный самолет 1-го секретаря Ленинградского обкома КПСС Толстикова и сбегать на нем в Швецию. По делу проходили 11 человек. Девять из них получили тюремные сроки от 6 до 15 лет, а двое зачинщиков — Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов — были приговорены к смертной казни. Даже выдавшие виды юристы были поражены столь суровым приговором: ведь злоумышленники самолет так и не угнали, да и человеческих жертв при совершении преступления не было. Однако мнение общественности власть не интересовало, ей важно было другое: раз и навсегда дать понять потенциальным воздушным пиратам, что отныне с ними церемониться не будут.

24 декабря в Москве, на 83-м году жизни скончался видный государственный и партийный деятель, бывший член Политбюро (Президиума ЦК) Николай Шверник. В свое время (в конце 50-х), когда Шверник был назначен председателем КПК, его имя заставляло дрожать многих партийных казнокрадов. Но при Брежневе Шверника отправили на пенсию, и он тихо доживал свой век на подмосковной даче. Однако за былые заслуги перед партией Шверник удостоился почести быть похороненным в Кремлевской стене.

В пятницу, 25 декабря, женился Геннадий Хазанов, который незадолго до этого — 1 декабря — справил свое 25-летие. Со своей невестой Златой Эльбаум он познакомился в

конце 60-х в театральной студии МГУ «Наш дом». Серьезные отношения начались у них в октябре прошлого года, а через год с небольшим они решили пожениться. Причем это событие могло произойти и раньше, однако Хазанов, работая в должности конферансье в оркестре Леонида Утесова, никак не мог выкроить время для того, чтобы «окольцеваться» — гастроли, понимаешь. Наконец свободное «окошко» в его графике выпало на пятницу, 25 декабря, и молодые решили им воспользоваться.

В тот день на дворе стоял сильный мороз, и молодые здорово продрогли, пока ловили на улице попутку, чтобы на ней примчаться в загс на Ленинском проспекте. Наконец жениху удалось поймать какой-то «рафик», который привез их в загс аккуратно за несколько минут до начала церемонии. Чуть позже туда же подъехал и свидетель со стороны жениха — сам Леонид Утесов. И тут же привлек пристальное внимание всех, кто в тот час находился в загсе, включая и регистраторшу.

Церемония началась без опоздания и длилась несколько минут. На женихе был надет один из лучших его концертных костюмов, на невесте — оранжевое платье с белой вставочкой за 64 рубля, купленное незадолго до этого в одном из столичных универмагов, и белые туфли. После регистрации молодожены отправились праздновать в ресторан ЦДРИ.

Вспоминает З. Эльбаум: «Нам разрешили кое-что принести с собой — эклеры, фаршированную рыбу. А в ресторанном меню мы заказали рублей на 300 паштеты, местные пирожки и рулеты. Все было очень красиво и вкусно. Но мне, честно говоря, от волнения тогда совсем не до меню было. После ресторана мы собрались ехать в двухкомнатную квартиру, которую тогда снимали. Но наш друг, замечательный саксофонист из оркестра Утесова Александр Ривчун, сказал: «Нет, вы поедете спать ко мне». Оказывается, они подготовили к нашей первой брачной ночи настоящую большую кровать, какие сейчас можно встретить только в отеле. Застелили ее белым кружевным бельем...»

26 декабря сенсационная весть пришла из Днепропетровска. Там, на Кубке СССР по тяжелой атлетике, штангист Василий Алексеев установил новый рекорд — набрал в сумме трое-

борья 625 очков. Теперь мировой рекорд в толчке равнялся 229,5 килограмма.

В эти же дни конца декабря в эстрадном мире произошло событие, на которое поначалу мало кто обратил внимание. В популярной телепередаче «Терем-теремок» (премьера ее состоялась в январе этого года) дебютировал новый эстрадный дуэт, состоящий из двух колоритных старушек — Вероники Маврикиевны и Авдотьи Никитичны. Под этими масками скрывались два пока еще мало кому известных артиста — Вадим Тонков и Борис Владимиров, которым вскоре благодаря своим «старушкам» предстоит стать звездами всесоюзной величины. Между тем «отцом» этого дуэта был основатель и бессменный ведущий «Терема-теремка» (в передаче он носил звание Домового) Александр Ширвиндт. Это он вспомнил, что оба артиста иногда изображали на сцене старух (Владимиров в конце 50-х читал рассказ Ардова «Старушка на футболе», а Тонков в середине 60-х, играя в театре «Комсомольский патруль», изображал пенсионерку Веронику Маврикиевну Гронскую), и предложил им тряхнуть стариной и объединиться. Актеры согласились. Так на свет появился дуэт двух забавных старух.

Страна тем временем готовилась к встрече Нового года. В той же Москве во всех районах открыты елочные базары, прилавки в магазинах ломятся от новогодних игрушек. Продуктовые прилавки тоже не пустуют, но за деликатесами (сервелатом, икрой, балыком и т. д.) выстраиваются такие очереди, что не каждому покупателю удастся урвать заветное лакомство. Но все равно у большинства на душе радостно, ведь Новый год — самый любимый народом праздник.

Для большинства артистов предновогодние дни — самая горячая пора, когда концерты следуют один за другим. Это время хороших заработков, поскольку без участия артистов не обходится ни одно праздничное мероприятие. Взять, к примеру, новогодние детские утренники. В них обычно с удовольствием участвовали молодые артисты, филармонические заработки которых едва позволяли им сводить концы с концами. А на утренниках можно было «зашибить» приличную сумму, причем не особо перенапрягаясь. В том году в Росконцерте было составлено несколько концертных бригад, которые именно этим и занимались. В одной из

них участвовала молодая семейная пара Алла Пугачева и Миколас Орбакас. Пугачева была на четвертом месяце беременности, а в детских утренниках, волею судьбы, ей выпала обязанность исполнять роль Матрешки. Эта ситуация весьма умело обыгрывалась Дедом Морозом, в роли которого выступал Олег Непомнящий. На утренниках во Владимире он, например, спрашивал детишек, заполнивших зал Дома культуры:

— Знаете, детки, что внутри у матрешки?
— Другая матрешка, — отвечали хором дети.
— Правильно. И сейчас для вас споет матрешка Аллочка. Знаете, почему Аллочка матрешка?

— У нее внутри тоже есть матрешка!

Затем под громкие крики детей «Матрешка, выходи!» на сцене появлялась Пугачева, которая испепеляла Деда Мороза взглядом. Однако успех она имела фантастический: когда Пугачева начинала петь, на ее выступление сбегался весь персонал, зрители ходили на утренники по нескольку раз, чтобы только услышать ее голос.

Между тем в среду, 30 декабря, случилось пополнение в семье писателя Александра Солженицына — у него родился первенец, сын Ермолай.

На следующий день женился Александр Коржаков — будущий глава Службы безопасности первого Президента России. Со своей будущей женой Коржаков познакомился три года назад, причем, по иронии судьбы, произошло это тоже на Новый год. Их свела общая компания. В разгар вечеринки один из приятелей Коржакова толкнул его в бок и, кивнув на симпатичную девушку, сидевшую напротив, сказал: «Обрати внимание на Ирину. Она мои ухаживания отвергла, может, у тебя получится». Коржаков, недолго думая, пригласил девушку танцевать. Та согласилась. Так начался их роман. Его развитию не помешала даже армия, куда Коржаков «загребел» осенью 68-го. Правда, в отличие от большинства призывников-москвичей, которых обычно направляли служить подальше от дома, Коржакову повезло — он попал служить в знаменитый Кремлевский полк. И практически в каждую увольнительную он имел возможность встречаться со своей девушкой.

За несколько месяцев до демобилизации к Коржакову подошли «купцы» — так называли офицеров, которые уговаривали солдат продолжить службу в органах безопасности, — и уговорили его остаться на службе в Кремле, в подразделении, которое занималось негласной охраной. А спустя пару месяцев — ранней осенью 70-го — Коржакова уломали еще на один неожиданный поступок — жениться. Было это так. Он разговаривал с Ириной по телефону, и вдруг она с тоской в голосе произнесла:

— А у нас еще одна парочка из класса расписалась, свадьба у них.

На что Коржаков ей ответил:

— Ну и что. Давай и мы поженимся.

Далее послушаем его собственный рассказ:

«Не было у нас торжественной церемонии предложения руки и сердца, не было клятв в верности и вечной любви. Ирина без раздумий, с радостью согласилась. Теще, Валентине Ивановне, я тоже нравился, и она помогла выбрать загс, в котором бы нас побыстрее расписали. Правда, потом случались между нами мелкие конфликты, но только из-за того, что, по мнению тещи, Ирина плохо за мной ухаживала.

Свадьбу назначили на 31 декабря. Решили обойтись без «Чаяк», ленточек и кукол на капоте... Поехали в загс на такси. Наши родители быстро обо всем договорились, хотя мать считала, что я поспешил с женитьбой. Она даже в сердцах мне сказала:

— Я думала, ты вернешься из армии, поработаешь и нам поможешь выйти из нужды.

Брат мой тогда уже поступил в институт, а сестра училась в школе. Денег по-прежнему не хватало. Но отец поддержал меня. Он легко сошелся с тестем, Семеном Семеновичем. У них, кстати, дружба была до самой смерти тестя. Он — тоже моряк, только с Дальнего Востока. Воевал там с японцами. Мой же отец прошел всю финскую войну, затем Отечественную. Он — участник героической обороны Гангута, выдержал ленинградскую блокаду.

...Свадебный стол накрыли в нашей двухкомнатной квартире на улице 1905 года. Собрались только очень близкие люди. А веселая, шумная свадьба со встречей Нового года продолжалась в трехкомнатной квартире, которую получили родители Ирины. Гостей было около восьмидесяти человек.

Свадебные платья невесте на первый и на второй день сшила соседка-портниха. Костюм я заказал хоть и не из самого дорогого материала, но модный — двубортный.

После свадьбы поселились у родителей Ирины...»

Когда миллионы советских граждан готовились к встрече Нового года, в Ленгорсуде прошел экстренный пересмотр приговора по уголовному делу, где группа лиц обвинялась в попытке угона самолета в июне этого года. Процесс по этому делу состоялся 23 декабря и завершился суровым приговором: двум зачинщикам угона — Кузнецову и Дымшицу — были вынесены смертные приговоры. Но спустя неделю власть вынуждена была пойти на попятную. И вынудил ее это сделать... испанский диктатор Франко. Дело в том, что у него под расстрелом за убийства сидели три баска, которых диктатор долго не хотел миловать. Но в конце декабря во Франко внезапно проснулось милосердие, и он заменил баскам «вышку» на длительные тюремные сроки. Едва эта весть достигла Москвы, как перед Брежневым встала сложная дилемма — как быть? Ведь если испанский диктатор милует своих подданных, то как же он, глава самого гуманного государства на земле, может отправлять своих граждан на плаху? В итоге Брежнев тоже распорядился заменить смертную казнь Дымшицу и Кузнецову на 15 лет тюрьмы.

В эти же предновогодние дни Владислав Третьяк вместе с юниорской сборной по хоккею находился в Чехословакии, где проходил чемпионат мира среди молодежных команд. Наши играли отлично, выиграли несколько встреч и в прекрасном расположении духа встречали Новый год. Правда, на новогоднем столе стояли только фрукты и газированные напитки. Крепкие напитки руководители команды пить юниорам запретили, лишь незадолго до 12 часов разрешили выпить по полбокала шампанского. Причем повод для этого был двойной: в этот же день одному из игроков сборной — рижанину Хелмуту Балдерису исполнилось 18 лет. Выпив за него и за встречу Нового года, игроки затем устроили небольшой импровизированный концерт. Владимир Попов пел и играл на гитаре, а Александр Волчков ему подыгрывал. Затем доктор команды Юрий Шхвацабая исполнил песню о своем родном

городе — Тбилиси. А в конце вечера уже вся команда затянула «Подмосковные вечера».

Александр Буйнов, которого в мае забрали в солдаты (он попал служить на Алтай, в инженерные войска), в тот Новый год познакомился со своей первой женой Любой Вдовиной, которой в ту пору было 17 лет и она только-только закончила школу. Их знакомство состоялось в воинском клубе, праздничное убранство которого, кстати, оформлял Буйнов. На это дело он вызвался сам, поскольку на гражданке ходил не только в музыкальную, но и в художественную школу. Стены клуба он оформил хипповыми рисунками в стиле «битловской» «Yellow submarine» («Желтой подводной лодки»), а сверху жирными буквами вывел надпись «Happy New Year». Увидев эту надпись, кто-то из начальников спросил: что это за «хиппи» такая? Буйнов объяснил, что первое слово читается как «хэппи». Проблема была снята.

На этот вечер командование части разрешило прийти и девушкам из ближайшей деревни (часть стояла в степи, и это был единственный населенный пункт на многие десятки километров), что было встречено солдатами с большим воодушевлением. Музыка на вечере играла своя — на сцене клуба выступал ансамбль, в котором Буйнов наяривал на аккордеоне. Причем он успевал не только играть, но и танцевать с девушками. Вот во время этих фу-те он и познакомился со своей будущей супругой.

Татьяна Егорова встречала Новый год в ресторане Дома актера в привычной актерской компании. Рядом с ней были Андрей Миронов (здесь же находились и его родители Мария Миронова и Александр Менакер, которые сидели отдельно — в противоположном конце зала), Александр Ширвиндт, Марк Захаров, их дражайшие половинки и др. Праздник прошел на высоком подъеме и завершился феерическим выступлением Андрея Миронова, который, взбравшись на сцену, исполнил несколько песенных номеров, приведших публику в неописуемый восторг. Егорова, глядя на него, даже поймала себя на мысли: «Господи, ужас!!! Как я его люблю!!!»

Владимир Высоцкий встретил наступление Нового года на квартире у своей матери Нины Максимовны — на улице Телевидения, 11. Как вспоминает его приятель Давид Карапетян:

«В новогоднюю ночь Володя позвонил нам с Мишель и поздравил с наступающим. Он был трезв, грустен, серьезен. Меня еще удивило, что он не поехал в какую-нибудь компанию, а остался дома с Ниной Максимовной...»

Между тем были и такие, кому те праздничные дни ничего, кроме разочарования, не доставили. Например, кинорежиссер Андрей Смирнов находился не в самом лучшем расположении духа, поскольку киношное начальство буквально извело его придирками к только что завершенному фильму «Белорусский вокзал». Причем это началось не в декабре, а гораздо раньше — чуть ли не с первого съемочного дня. Смирнова попрекали тем, что показал он бывших фронтовиков какими-то приниженными, а их быт — жалким и неустроенным. Цензоры недоумевали: «Неужели эти люди победили в войне?» Затем режиссера стали доставать лагерной тематикой. Мол, в вашем фильме постоянные намеки на сталинские лагеря. Где? Да вот, пожалуйста: в песне Окуджавы есть строчка «И только мы плечом к плечу вырастаем в землю тут...» — это же про лагерь!

Как только Смирнов отбилась от этого «наезда», как тут же последовал новый — уже от другого редактора, и опять по поводу песни. «Что это за строчки такие: «А нам нужна одна победа. Одна на всех. Мы за ценой не постоим»? Это же китайский лозунг. А наш лозунг был другой: «Победа малой кровью». Не пойдет». И вновь Смирнову приходилось доказывать, что никаким Китаем в злополучной песне и не пахнет.

Наконец после всех внесенных в картину поправок ее повезли сдавать в Госкино. Было это как раз под самый Новый год. Главный редактор сценарно-редакционной коллегии И. Кокорева после просмотра сказала: «Ну, как видите, картина сложная. Давайте обсудим ее после праздников». А Смирнов-то надеялся, что все решится после этого просмотра, поскольку его нервы были уже на пределе. А получилось, что судьба фильма продолжала быть как в тумане. Хорошего настроения это режиссеру не прибавило.

Драматург Леонид Зорин встречал наступление Нового года в гордом одиночестве — жена и сын уехали в Каролевищевичи, дышать зимой и ходить на лыжах. В ночь прощания со старым годом Зорину было трудно понять, что

он чувствует — благодарность или обиду. С одной стороны, год сложился удачно — столько пьес, как в уходящем году, он еще никогда не писал, кроме них, были написаны несколько рассказов и сценарий фильма «Гроссмейстер», но, с другой стороны, — судьба одной из лучших пьес «Медная бабушка» была под большим вопросом, поскольку ставить ее в театрах не давали. Драматург вспоминает:

«В шкафу моем стояла бутылка с хересом почтенного возраста, ему минуло 62 года. Мне подарили его виноделы, растроганные моим обращением к их романтической профессии. Почать ее в рубезную ночь? Я уже потянулся рукой, но передумал — открою, когда сыграют «Медную бабушку». Только в тот день. И не раньше того...»

Борис Бабочкин встречал Новый год, будучи больным. Причем так уже было в третий раз. Правда, теперь он находился не в больнице, а дома, но все равно настроение у него было скверное. В его дневнике читаем:

«...Чувствую себя плохо, и мысли в голове — соответственно — мрачные. Уже ничего хорошего, ничего особенно интересного не будет. Могло бы быть и по-другому, конечно, могло. Но при одном условии: если бы я был не я. Или бы я отказался от своих жизненных правил, принципов, ну то же — от самого себя. Сейчас вот вернулся в театр. Даже репетирую, как говорят, интересно. Но нет непосредственно наслаждения искусством, слишком много знаю о людях, с которыми работаю, и не то чтобы обвиняю их в чем-то, а вижу — они уже не художники. Система их изуродовала. И ничего с этим сделать нельзя. Все это — ложь, все — круговая порука лицемерия. Подумать только, что одна Фурцева, лично, персонально, отняла у меня пять лет творческой жизни. Даже — шесть лет. Может быть, именно в эти шесть лет мне предназначено было сделать самое большое из всего, что вообще на мою долю было отпущено судьбой. Шесть лет я не работал в театре вообще. Я не угодил ей. А именно она «руководила» всем искусством и, конечно, считала себя знатоком, тонким, интеллигентным человеком, борцом «за партийность и реализм». А была просто глупая женщина, окруженная подлецами...»

В не менее скверных чувствах встречал тот Новый год и поэт Николай Рубцов. Он рассчи-

тывал, что к нему в Вологду приедет бывшая жена с дочкой Леной, но, увы не приехали. А он-то ждал их с таким нетерпением — прибрался в доме, поставил елку, хотя заранее наряжать ее не стал, думал сделать это вместе с дочкой. Не получилось. В итоге новогоднюю ночь Рубцов провел с приятелем-художником за бутылкой водки. Жить поэту оставалось всего лишь восемнадцать дней.

Во второй половине декабря в московских кинотеатрах состоялось несколько премьер, причем преимущественно это детские фильмы (каникулы ведь!): с 21 декабря показывают румынский фильм «Приключения Тома Сойера», с 29-го его продолжение — «Смерть индейца Джо», с 28-го — музыкальный фильм Павла Арсенова «Король-Олень» с Юрием Яковлевым, Валентиной Малявиной (еще три года назад она была женой Арсенова, а сейчас живет с Александром Кайдановским), Сергеем Юрским в главных ролях, с 30-го — сказку Александра Роу «Варвара-Краса, длинная коса» с Михаилом Пуговкиным, Георгием Милляром (главная Баба-Яга советского экрана), Анатолием Кубацким и Лидией Королевой.

Кино по ТВ: «Сердце Бонивура» (15—18-го), «Три товарища», «Люди на мосту» (19-го), «Парень из нашего города», «Зеленый огонек» (20-го), «Человек с ружьем» (21-го), «Карьера Димы Горина», «Циклон начнется ночью» (22-го), «Суд» (23-го), «Если есть паруса» (премьера т/ф), «Борец и клоун» (25-го), «Человек-амфибия», «Чук и Гек», «Фальшивая Изабелла» (26-го), «Бриллиантовая рука» (впервые по ТВ), «Алешкина любовь» (29-го), «Дети капитана Гранта» (30-го), «Снежная королева» (31-го) и др.

Как поссорились Никулин с Моргуновым

В 70-м году окончательно рассорились Юрий Никулин и Евгений Моргунов. Они и раньше — в период своего существования персонажами легендарной гайдаевской тройки — не очень дружили, но в 70-м окончательно друг к другу охладели. А поводом к этому послужило то, что Никулину в том году присудили Государственную премию РСФСР, а Моргунову нет. Последний позднее признается: «Никулин

ходил по Комитету кинематографии РСФСР и оформлял документы на получение Государственной премии. Но не было там ни имени Гайдая, ни Вицины, ни Моргунова, ни Бровина (оператор, работавший с Л. Гайдаем. — Ф. Р.), ни одного из членов съемочной группы. Никулину дали эту премию. Он получил ее один. И для меня это... Когда я сказал об этом, Никулин на меня обиделся. Но если человек становится, как говорится, по ту сторону ворот, то для меня уже не существует основы для общения...»

Новоселы 70-х: Святослав Рихтер, Игорь Тальков

В 70-м году пианист Святослав Рихтер и его жена Нина Дорлиак сменили место жительства — с улицы Неждановой они переехали в дом на Малой Бронной. Главной причиной переезда было то, что в консерваторском доме на Неждановой над Рихтером жили сразу четыре пианистки, притом аккомпаниаторши. Они целыми днями так стучали по клавишам своих инструментов, что Святослав Теофилович иной раз просто сходил с ума от этой какофонии звуков. В конце концов его супруга отправилась напрямик к министру культуры Екатерине Фурцевой и попросила оградить их от такого соседства. Фурцева помогла. Вскоре Моссовет предоставил им квартиру, правда, в доме, который был еще не достроен. Когда Рихтеры приехали посмотреть свое новое жилище в первый раз, они поднимались на 16-й этаж в строительной люльке. Когда Святослав Теофилович оказался наверху, он с удовлетворением произнес: «Вот тут я хочу жить. Потому что виден Кремль и вообще отсюда очень хороший вид». Стоит отметить, что Рихтерам выделили не одну, а сразу две квартиры на одной лестничной площадке с разными входами. По просьбе новоселов Моссовет дал указание их соединить.

В том же году получил новую квартиру и Игорь Тальков, которому в ту пору шел 14-й год. Вместе с родителями и старшим братом Володей они вот уже много лет жили в Щекине под Тулой в двухкомнатной квартире в доме барачного типа. Родители, когда получали ее, были на седьмом небе от счастья. Однако, прожив в бараке несколько лет, стали мечтать о чем-нибудь получше. И вот наконец дожда-

лись отдельной квартиры в доме-новостройке. Но дети — Игорь и Володя — переезжали из Щекина с явным неудовольствием. И на то были свои серьезные причины. По словам матери будущего певца Ольги Юльевны Тальковой: «В Щекине, как и везде, ребята делились на отдельные группировки. В нашем районе тоже были группировки ребят, враждующих между собой, стена — на стену. Прибегали домой с синяками, взбудораженные, рассказывали, кто победил, — мальчишки есть мальчишки. А теперь складывалась более серьезная ситуация. Квартиру мы получили по другую сторону железнодорожной линии, в Станционном поселке. Раньше там были частные дома, огороды, а потом этот район решили застроить современными домами. В этом поселке была известная группировка ребят, ужасно хулиганистых. Они иногда заявлялись на нашу сторону, особенно во время праздников. Дело в том, что именно у нас был парк, кинотеатр, центральная улица и центральная площадь, на которых проходили манифестации. Они сталкивались с группировками наших ребят, и происходили драки. В общем, шла настоящая «война»... И вот, когда ребята узнали адрес нашей новой квартиры, они заявили категорически:

— Мама, мы туда не поедem! Там бывают нечестные драки, нас порежут!

— Ребята, ну что же нам теперь с квартирой делать?

— Сразу меняйте квартиру на эту сторону!

Но новая квартира так мне нравилась: трехкомнатная, с балконом (мечта всей моей жизни), четвертый этаж. Район хороший: рядом магазины, и аптека, и больница. Я пыталась уговорить ребят:

— Что же делать, придется быть осторожными, днем будете ходить, а вечером сидеть дома. Ничего, обживемся.

Наконец переехали. В скором времени местные ребята узнали, что Вова играет на гитаре, а Игорь на баяне, и прислали своего гонца с приглашением. Мальчишки посоветовались и решили, что упираться смысла нет, а может быть, удастся с этой компанией и подружиться. Взяли они баян и гитару и пошли на эту встречу. Целый вечер они играли и пели и... просто покорили всех своей простотой и музыкальностью. Расстались друзьями.

— Идите домой и никого не бойтесь, а если кто-то вас тронет, скажите нам, мы берем вас под свою защиту.

А что тогда видели дети? Идти в город в кино — поздно возвращаться страшно. Магнитофонов ни у кого не было, телевизоры и то не у всех были. Чем заниматься? А тут вдруг нашлись ребята, которые играют, поют и пляшут. Так мои ребята и прижились в Станционном поселке. А Игоря начали нарасхват приглашать на всякие семейные торжества: ведь он великолепно играл и подбирал все, что угодно, на слух...»

Как Марка Рудинштейна атаковали земляные блохи

Ныне известный кинопродюсер Марк Рудинштейн, проживая в 70-м году в Подольске, тоже сменил место жительства, однако его новое жилье не шло ни в какое сравнение с тем, что получили Тальковы, а тем более Рихтеры. Рудинштейну судьба уготовила жить в полуподвальном помещении, поскольку других квартир в Подольске для его семьи не нашлось. Это был жуткий подвал. Там будущий кинопродюсер узнал, что такое земляные блохи, которых ничем нельзя было вывести. Если их заливать горячей водой, то на какие-то час-два они исчезают, а потом вновь прыгают на ноги. Жильцы очень мучились — ходили в штанах, чулках. И в этих «радостях» Рудинштейн прожил 17 лет!

Любовные романы 70-х: Виторган — Балтер

В 70-м случилось много «звездных» романов. Именно тогда связали свои судьбы актеры Эммануил Виторган и Алла Балтер. Они тогда жили в Ленинграде и работали в одном театре — имени Ленинского комсомола. Балтер к тому времени была разведена (причем ее первого мужа тоже звали Эммануил!), а Виторган — нет, и у него росла дочь. С первой женой он познакомился, когда был студентом театрального (они учились в одном вузе), вместе уехали в Ленинград, работали в одном театре (драмы и комедии на Литейном), жили в одном общежитии, играли роли любящих друг друга

людей. Все вроде бы было хорошо, но потом Виторган перешел в Ленком и встретил там Аллу. Между ними пробежала искра. Вскоре об их романе узнали коллеги по театру, а потом и жена Виторгана. В итоге в 70-м Эммануил собрал свои нехитрые пожитки и пришел к дверям коммунальной квартиры на углу Невского и Литейного, где жила Алла и еще пять семей в придачу. И она его приняла, хотя до этого была уверена, что он никогда не сможет бросить жену.

Звезда подиума Людмила Романовская

В 70-м вышла замуж одна из самых популярных в те годы советских манекенщиц Людмила Романовская. Ее карьера на подиуме началась в начале 50-х в Ленинграде, после чего она была приглашена в столичный Дом моделей. Тогда «примадонной» подиума считалась Нина Задорожная — блондинка с характерным для 50-х модным имиджем. Романовская же несла совсем иные краски: славянская внешность, интеллигентные манеры, хрупкость и женственность. Первый успех пришел к Романовской в 1953 году, когда ее взяли на международную ярмарку в Польше (по тем временам такая поездка была исключительной привилегией и несомненным признанием первенства). Спустя восемь лет Романовская произвела фурор на советской выставке в Париже, и этот же успех она повторила там же в 65-м. Однако подлинным триумфом Романовской стала выставка «Мода-67», на открытии которой она появилась в ярко-красном платье модельера Татьяны Осьмеркиной из коллекции «Русь» (эта же выставка стала триумфальной и для еще одной советской манекенщицы — Регины Збарской). Зал был в восторге. Спустя несколько дней фотографии Романовской в этом платье появились на страницах многих западных журналов.

Между тем два года спустя после этого триумфа Романовская вышла замуж за художника-авангардиста Владимира Купермана и уехала с ним в Лондон. На этом ее карьера манекенщицы закончилась, поскольку попытка утвердиться на Западе в этом качестве ей не удалась. Как напишет позднее Г. Киселева: «Романовская была слишком самобытна, ее образ был слишком национален, а спрос на «экзотических»

манекенщиц появился в Европе несколько позже. Но в Москве все, кто имеет отношение к миру моды, говоря о 60-х, вспоминают Людмилу Романовскую как символ русской красоты».

Вячеслав Зайцев: на волосок от гибели

И еще о мире моды. В 70-м году едва не погиб в автомобильной катастрофе Вячеслав Зайцев. В те годы он уже был известен в мире моды как талантливый модельер, поскольку еще семь лет назад на его первую фабричную коллекцию (кстати, «зарубленную» на общесоюзном совещании художников) обратили внимание такие зарубежные издания, как «Штерн», «Лайф», «Пари-матч». А спустя шесть лет американская фирма, выпускающая шелковые ткани, предложила именно Зайцеву сделать из них коллекцию. Однако Министерство легкой промышленности и Дом моделей, где тогда работал модельер, запретили все, сказав, что в Советском Союзе работает не один Зайцев.

Угодив в автокатастрофу в 70-м году и чудом оставшись жить, Зайцев в течение почти полугода вынужден был проваляться в больнице — столь серьезными были травмы, которые он получил.

Второе рождение Оскара Строка

Мы помним, как в 70-м году, после награждения Алексея Стаханова Звездой Героя Труда, многие советские люди были шокированы этим событием: им-то казалось, что Стаханов давно умер. Похожая история произошла в том же году со знаменитым композитором Оскаром Строком. В течение нескольких недель по ЦТ шла передача «После полуночи», в конце которой в исполнении японского певца Еити Сугавары звучало дивное танго. Ведущий передачи поэт-песенник Анатолий Горохов, сочинивший два самых забойных хита того времени — «Королеву красоты» и «Наша служба и опасна и трудна...», полагал, что это танго — типично заграничный продукт. Каково же было его удивление, когда кто-то из коллег сообщил ему, что оно имеет советские корни. Это танго «Черные глаза» рижского композитора Оскара Строка. Более того, Горохова буквально ошеломили сообщением, что Строк на данный момент жив здоров и обитает все в той же Риге. Горохов

бросился к телефону, чтобы немедленно звонить в столицу Латвии и пригласить легендарного композитора (кстати, автора более 300 танго, романсов и фокстротов) в Москву. Эта встреча вскоре состоялась, и ее результатом стал выход диска-гиганта Оскара Строка на фирме «Мелодия» (первая пластинка композитора за послевоенные годы).

ХИТ-ПАРАД-70

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «Освобождение» («Мосфильм», «ДЕФА» (ГДР), ПРФЗФ (ПНР), «Дино де Лаурентис Чинематографика» (Италия); фильм 1-й «Огненная дуга», 2-й — «Прорыв», реж. Ю. Озеров, в ролях Михаил Ульянов, Николай Олялин, Лариса Голубкина, Михаил Ножкин и др., премьера — 6 мая) — 56,0 миллиона зрителей;
- «Неподсуден» («Мосфильм», В. Краснопольский, В. Усков, в ролях Олег Стриженов, Людмила Максакова, Леонид Куравлев и др., премьера — декабрь 1969 года) — 43,3 млн.;
- «Посол Советского Союза» («Мосфильм», Г. Натансон, в ролях Юлия Борисова, Анатолий Кторов, Гунар Цилинский, Волдемар Пансо и др., премьера — 6 апреля) — 38,9 млн.;
- «Опасные гастроли» — (Одесская к/с, Г. Юнгвальд-Хилькевич, в ролях Владимир Высоцкий, Лионелла Пырьева, Ефим Копелян и др., премьера — 5 января) — 36,9 млн.;
- «Белое солнце пустыни» («Ленфильм», В. Мотыль, в ролях Анатолий Кузнецов, Павел Луспекаев, Кахи Кавсадзе, Спартак Мишулин и др., премьера — 30 марта) — 34,5 млн.;
- «Обвиняются в убийстве» («Молдова-фильм», Б. Волчек, в ролях Елена Козелькова, Алексей Панькин, Владимир Анисько, Игорь Старыгин, Владимир Носик, Семен Морозов, Евгений Герасимов и др., премьера — 18 мая) — 33,1 млн.;
- «Судьба резидента» (К/ст им. М. Горького, В. Дорман, в ролях Георгий Жженов, Михаил Ножкин, Андрей Вертоградов, Эдита Пьеха, Ефим Копелян, Ростислав Плятт и др., премьера — 10 августа) — 28,7 млн.;
- «Старый знакомый» («Мосфильм», И. Ильинский, А. Кольцатый, в ролях Игорь Ильинский, Николай Рыбников, Феликс Яворский, Сергей Филиппов и др., премьера — 2 января) — 26,6 млн.;

- «Переступи порог» (К/ст им. М. Горького, Р. Викторов, в гл. ролях Евгений Карельских, Ирина Короткова, Константин Кошкин, Наталья Рычагова и др.) — 25,2 млн.;
- «Олеся» (К/ст им. А. Довженко, Б. Ивченко, в ролях Людмила Чурсина, Геннадий Воропаев, Борислав Брондуков и др.) — 25,1 млн.;
- «Зеленые цепочки» («Ленфильм», Г. Аронов, в ролях Саша Григорьев, Игорь Урумбеков, Володя Лелетко, Павел Луспекаев и др.) — 22,1 млн.;
- «Начало» — («Ленфильм», Г. Панфилов, в ролях Инна Чурикова, Леонид Куравлев, Валентина Теличкина и др., премьера — 9 октября) — 20,9 млн.;
- «У озера» (К/ст им. М. Горького, С. Герасимов, в ролях Олег Жаков, Василий Шукшин, Наталья Белохвостикова, Николай Еременко-мл. и др., премьера — 13 апреля) — 18,9 млн.;
- «О любви» («Ленфильм», М. Богин, в ролях Виктория Федорова, Сергей Дрейден, Элеонора Шашкова, Владимир Тихонов и др.) — 13,9 млн.;
- «Красная палатка» («Мосфильм», «Видес Чинематографика», Италия, реж. М. Калатозов, в ролях Эдуард Марцевич, Клаудиа Кардинале, Питер Финч, Григорий Гай, Никита Михалков и др., премьера — 27 октября) — 11,8 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Вначале познакомимся с результатами опроса, проведенного среди читателей самого массового советского журнала о кино «Советский экран». Его результаты выглядели следующим образом:

Лучшие фильмы: 1. «У озера» (26,6 % читателей назвали его лучшим, 3,9 % — худшим) 2. «Чайковский» (24,5% — 2,2%) 3. «Начало» (18,3% — 5,0%) 4. «Освобождение», фильмы «Прорыв» и «Огненная дуга» (15,3% — 0,9%) 5. «Обвиняются в убийстве» (13,6% — 1,0%) 6. «Переступи порог» (12,5% — 1,7%) 7. «Посол Советского Союза» (11,8% — 1,8%) 8. «Влюбленные» (10,9% — 5,1%) 9. «Почтовый роман» (10,6% — 3,0%) 10. «Красная площадь» (9,1% — 1,9%) 11. «Преступление и наказание» (6,0% — 5,2%) 12. «Белое солнце пустыни» (4,1% — 4,5%). Да, мой читатель, легендарный хит про красноармейца Сухова занял в этом списке последнее место. Хотя по числу зрителей, из числа читателей «СЭ», посмотревших его, он расположился на 3-м месте: его посмотрели 68,5%, в то время как «Посла Советского Союза» 81,6%, «Влюбленных» — 72,5%.

Худшие фильмы: «Чудный характер» — 13,9%, «Ищите и найдете» — 12,6%, «Самозванец с гитарой» (Польша) — 7,7%, «Колдовская любовь» (Испания) — 5,8%, «Европейская невеста» (Иран) — 5,7%, «Итальянец в Америке» (Италия) — 5,2%, «Приключение в загородном доме» (Франция) — 4,9%.

Лучшие фильмы социалистических стран: «Пан Володьевский», «Все на продажу» (оба — Польша), «Вешние воды» (ЧССР), «По следу Тигра» (СФРЮ), «Рыцари золотой перчатки» (Венгрия).

Лучшие фильмы других стран: «Супружеская жизнь» (Франция), «Поезд» (США), «Пусть говорят» (Испания), «Принцесса» (Швеция), «Сорок семь дней» (ФРГ).

Лучшая актриса: Инна Чурикова (Паша Строганова в фильме «Начало») — 28% голосов;

Лучший актер — Иннокентий Смоктуновский («Чайковский», «Преступление и наказание») — 29,1%.

А теперь познакомимся с результатами другого опроса: его провела газета «Советская культура», опросившая 16 кинокритиков на предмет выявления лучших и худших отечественных фильмов, лучших актеров и актрис 1970 года.

Лучшие фильмы: «Начало» (12 положительных отзывов), «У озера» (7), «Белое солнце пустыни» (3), «Влюбленные» (3), «Необыкновенная выставка» (3), «Чрезвычайный комиссар» (2), «Освобождение» (1), «Не горюй!» (1), «Обвиняются в убийстве» (1), «Гори, гори, моя звезда» (1).

Худшие фильмы: «Чудный характер» (8 отрицательных отзывов), «Опасные гастроли» (2), «Внимание, цунами!» (2), «Чайковский» (1), «Снегурочка» (1), «Цветы запоздалые» (1).

Лучшая актриса: Инна Чурикова (13 положительных отзывов), Наталья Белохвостикова (4).

Лучший актер: Иннокентий Смоктуновский (8), Олег Ефремов (2), Анатолий Кузнецов (1), Родион Нахапетов (1), Владислав Дворжецкий (1), Павел Луспекаев (1), Олег Жаков (1).

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

«Волжье эхо» (Польша) — премьера 2 февраля
 «Пусть говорят» (Испания — Аргентина) — 8 марта
 «След Сокола» (ГДР) — 1 апреля
 «Белые волки» (ГДР) — 15 мая
 «Не промахнись, Асунта!» (Италия) — 5 июня
 «Графиня Коссель» (Польша) — 9 июня
 «Сезон любви» (Япония) — 15 июня
 «Похищенный» (ГДР) — 15 июня

«Мазандаранский тигр» (Иран) — 14 июля
 «Польский альбом» (Польша) — 23 июля
 «300 спартанцев» (США) — 28 июля
 «Виннету — вождь апачей» (ФРГ — Югославия) — 24 августа
 «Колонна» (Румыния — Франция) — 3 августа
 «Мечь гайдуков» (Румыния) — 17 августа
 «Поезд» (США) — 28 августа
 «Пан Володыевский» (Польша) — 18 сентября
 «Кукла» (Польша) — 28 сентября
 «Смертельная ошибка» (ГДР) — 9 октября
 «Подозревается доктор Рот» (ГДР) — 10 октября
 «Самозванец с гитарой» (Польша) — 27 октября
 «По следу Тигра» (Югославия) — 16 ноября
 «Оливер» (Англия) — 5 декабря
 «Приключения Тома Сойера» (Румыния) — 21 декабря
 «Смерть индейца Джо» (Румыния) — 28 декабря

Наиболее часто показываемые по ТВ фильмы

3 раза — «Новые приключения неуловимых»;
 2 раза — «Огненные версты», «Анна Каренина», «Варькина земля», «Адъютант его превосходительства», «Октябрь», «Сердце Бонивура», «Кавказская пленница», «О друзьях-товарищах».

Наиболее рейтинговые кинопремьеры по ТВ

«Четыре танкиста и собака» (т/ф, Польша, первые 8 серий) — 4—9 января;
 «Ставка больше, чем жизнь» (т/ф, Польша) — 12—13, 19, 24 января, 11—12, 15—16, 18, 21, 23, 25—30 июля, 2, 4, 8—9 августа;
 «Про Клаву Иванову» (т/ф) — 2 марта;
 «Без борьбы нет победы» (т/ф, ГДР) — 9—13 марта;
 «Адъютант его превосходительства» (т/ф) — 7—11 апреля;
 «Был месяц май» — (т/ф) — 10 мая;
 «О друзьях-товарищах» (т/ф) — 16 июня;
 «На каждом километре» (т/ф, Болгария) — 5—6, 8, 12, 15, 17, 22, 26 сентября;
 «Деревенский детектив» — впервые по ТВ 1 мая;
 «Мертвый сезон» — впервые по ТВ 2 мая;
 «Неподсуден» — впервые по ТВ 1 ноября;
 «Вириная» — впервые по ТВ 2 ноября;
 «Тренер» — впервые по ТВ 8 ноября.

Наиболее читаемые книги отечественных авторов, выпущенные в 1970 году

Аркадий Адамов — «Круги по воде» (повесть);
 Михаил Алексеев — «Ивушка неплачущая» (роман в 2-х томах);

Анатолий Ананьев — «Межа» (роман);
 Сергей Антонов — «Царский двугривенный» (повесть);
 Василий Ардаматский — «Ленинградская зима» (повесть);
 Сергей Баруздин — «Тася. Львов» (повесть);
 Владлен Бахнов — «Внимание: АХИ!» (фельетоны, повесть);
 Анатолий Безуглов — «Записки прокурора»;
 Владимир Беляев — «Формула яда» (памфлеты, повесть);
 Виктор Боков — «Избранное» (стихи);
 Юрий Бондарев — «Горячий снег» (роман);
 Аркадий и Георгий Вайнеры — «Часы для мистера Келли»;
 Константин Ваншенкин — «Станция» (стихи);
 Андрей Вознесенский — «Тень звука» (стихи);
 Евгений Воробьев — «Земля, до востребования» (роман);
 Савва Дангулов — «Двенадцать дорог на Этель», «Признание»;
 Юлия Друнина — «В двух измерениях» (стихи);
 Анатолий Жигулин — «Прозрачные дни» (стихи);
 Сергей Залыгин — «Интервью у самого себя»;
 Александр Иванов — «Смеясь и плача» (литературные пародии);
 Фазиль Искандер — «Дерево детства» (рассказы и повесть);
 Александр Казанцев — «Подводное солнце» (фант. повесть);
 Владимир Карпов — «Жили-были разведчики...» (рассказы);
 Яков Костюковский — «Бриллиантовая рука» (с М. Слободским и Л. Гайдаем; детективно-эксцентрическая комедия), «Душечка-70» (с М. Слободским; трагикомическая история);
 Юрий Левитанский — «Кинематограф» (стихи);
 Николай Леонов — «Опасная профессия»;
 Борис Можжев — «Дальневосточные повести», «Дальние дороги»;
 Юнна Мориц — «Лоза» (стихи);
 Юрий Нагибин — «Заброшенная дорога» (рассказы);
 Лев Ошанин — «Шел я сквозь вьюгу» (стихи);
 Еремей Парнов — «Ключья тьмы на игле времени» (с М. Емцевым; фантастический роман);
 Петр Проскурин — «Тихий, тихий звон», «Шестая ночь», «Снова дома» (повести и рассказы);
 Роберт Рождественский — «Всерьез», «Посвящение», «Реквием» (стихи и поэмы);
 Виктор Розов — «С вечера до полудня» (пьеса);
 Давид Самойлов — «Дни» (стихи);
 Юлиан Семенов — «Семнадцать мгновений весны» (роман), «Он убил меня под Луанг-Пробангом»;

Анатолий Софронов — «Лед зеленеет по весне», «Избранные стихи», Поэма времени» (стихи), «Странный доктор» (комедия);
Иван Стаднюк — «Человек не сдаётся» (повесть);
Эдуард Хруцкий — «Тугие канаты ринга» (с Н. Королевым), «Этот неистовый русский»;
Иван Шевцов — «Во имя отца и сына», «Любовь и ненависть» (романы);
Натан Эйдельман — «Лунин» (роман).

Переводная литература (детективы)

К. Райнек — «Дело Изольды Кавальтини» (повесть) — «Нева» №1—2;
Ф. Унгер — «Красное домино» (роман) — «Звезда Востока» №1—3;
А. Кристи — «Место назначения неизвестно» (повесть) — «Неман» №1—3;
А. Кристи — «Убийство Роджера Экройда» (повесть) — «Простор» №1—3;
Дж.-Л. Карре — «В одном немецком городе» (повесть) — «Иностранная литература» №1—3;
В. Уильямс — «Ада Даллас» (роман) — «Волга» №1—5;
Р. Стаут — «Повод к убийству» (роман) — «Памир» №3—5;
А. Кристи — «Убийство на пароходе Карнак» — «Подъем» №4—6;
Д.-Х. Чейз — «Западня» (повесть) — «Простор» №5—6;
Э. Куин — «Расследует инспектор Квин» — «Дон» №6—8;
Р. Стаут — «Все началось в Омахе» (роман) — «Наш современник» №8—12;
А. Кристи — «Смерть в облаках» (повесть) — «Лит. Азербайджан» №8, 10—12;
Л. Уайт — «Рафферти» (роман) — «Москва» №9—10;
К.-Х. Вебер — «Дело Эрики Гроллер» (роман) — «Урал» №9—12;
Ш. Армстронг — «Сохрани свое лицо» (повесть) — «Дон» №10;
В. Ланге — «Любой из двенадцати» (повесть) — «Нева» №10;
Х. Фальберг — «Звезды видят все» (повесть) — «Звезда Востока» №10—12;
К. Бойхлер — «Поединок с дьяволом» (роман) — «Сибирские огни» №11—12;
Д.-С. Стрэйндж — «Альберт обретает лицо» (роман) — «Огонек» №43—52;
А. Гуляшки — «Приключения Аввакума Захова» (2 тома);
Б. Райнов — «Большая скука» (роман);
«Зарубежный детектив» (выпуск 2): К. Блахий «Ночное следствие»; Э. Накадзоно «Свинец в

пламени»; С. Хэйр «Чисто английское убийство»;
«Подвиг» (том 3): А. Беркеша «Перстень с печаткой»; Б. Райнов «Что может быть лучше плохой погоды».

Шлягеры года (отечественные)

«Маленький принц» (М. Таривердиев — Н. Добронравов; из к/ф «Пассажир с «Экватора») — январь (дата дается по выходу фильма);
«Дамы, господа...» (В. Высоцкий; из к/ф «Опасные гастроли») — Владимир Высоцкий, январь;
«Я люблю тебя, Россия» (Д. Тухманов — М. Ножкин) — Галина Ненашева, март;
«Вьюга» (Р. Майоров — М. Рябинин) — Галина Ненашева, март;
«Ваше благородие» (И. Шварц — Б. Окуджава) — Павел Луспекаев, апрель;
«Ах, Наташа» (В. Шаинский — Л. Ошанин) — Аида Ведищева, май;
«Беглянка Хабиба» (Абдель Вахаб — Ю. Энтин) — Батыр Закиров, май;
«Девушка и кувшин» (Т. Бабаев — Ю. Энтин) — Батыр Закиров, май;
«Не родись красивой» (Р. Майоров — О. Гаджикасимов) — Аида Ведищева, август;
«Дрозды» (В. Шаинский — С. Островой) — Эмиль Горовец, август;
«Эти глаза напротив» (Д. Тухманов — Т. Сашко) — Эмиль Горовец, Валерий Ободзинский, сентябрь;
«Неотправленное письмо» (С. Мелик — О. Гаджикасимов) — Валерий Ободзинский, сентябрь;
«Карнавал» (К. Свобода — О. Гаджикасимов) — Валерий Ободзинский, сентябрь;
«Алешкина любовь» (С. Дьячков — О. Гаджикасимов) — «Веселые ребята», сентябрь;
«На чем стоит любовь» (О. Иванов — О. Гаджикасимов) — «Веселые ребята», сентябрь;
«Старенький автомобиль» (Д. Леннон — П. Маккартни) — «Веселые ребята», сентябрь;
«Сумерки» (А. Васильев — К. Рыжов) — «Поющие гитары», ноябрь.

Песни Владимира Высоцкого

«Песенка про прыгуна в длину» («Разбег, толчок...»); первое исполнение — апрель,
«Разведка боем» («Я стою, стою спиной к строю...») — апрель,
«Нет меня — я покинул Расею...» — июнь,
«Веселая покойница» («Едешь ли в поезде...») — июнь,
«Комментатор из своей кабины...» — сентябрь,

«Лирическая» («Здесь лапы у елей дрожат на весу...»),
 «Я все вопросы освещу сполна...»,
 «Банька по-черному»,
 «Беда» («Я несла свою беду...») и другие.

Шлягеры года (зарубежные)

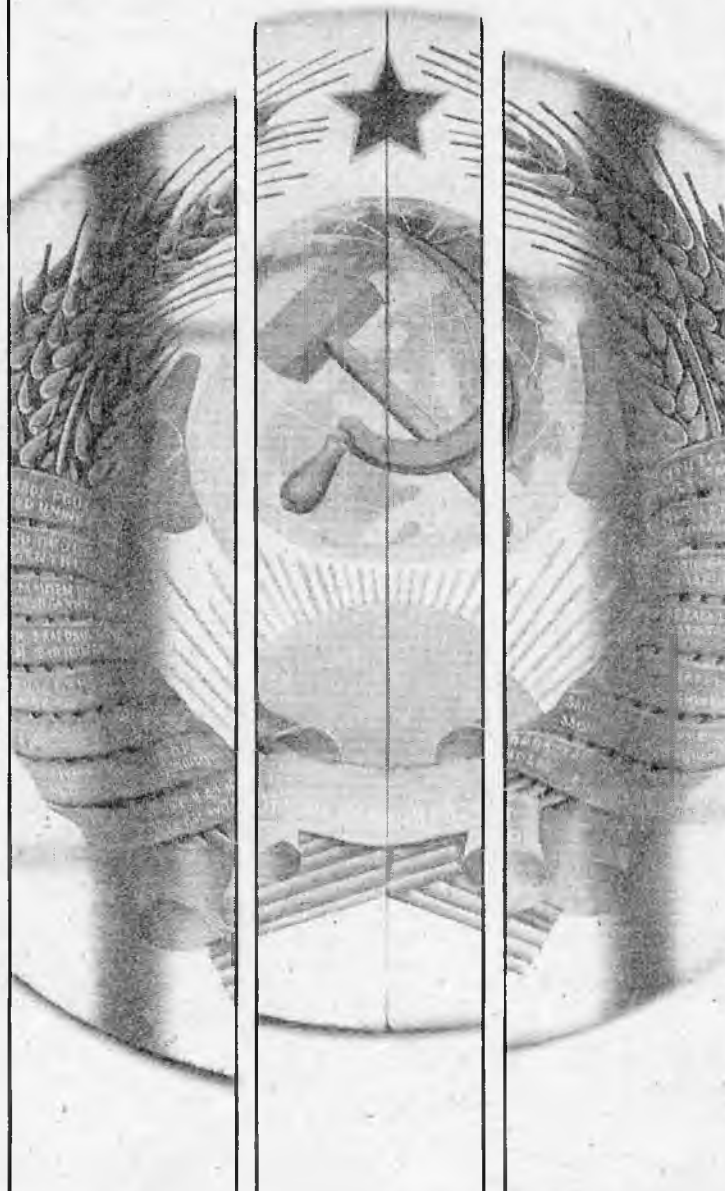
«Moïina», «Chameleon», «Hey Tonight», «Have you ever seen the Rain?», «Dooby, dooby» — «Криденс», январь;
 «Machine gun» — Джимми Хендрикс, январь;
 «Bridge over troubled water» — Саймон и Гарфанкль, январь;
 «Venus» («Шизгара»), «Shoking blue» — «Шокинг блю», февраль;
 «Down on the Corner» — «Криденс», март;
 «Yellow River» — «Кристи», апрель;
 «Teddy boy» — Пол Маккартни, апрель;
 «Your Song» — Элтон Джон, апрель;
 «Let it be» — «Битлз», май;
 «The long and winding Road» — «Битлз», июнь;
 «Пусть говорят», «Пусть будет, что будет» (из к/ф «Пусть говорят») — Рафаэль, июль;
 «Pardonne moi ce caprice d'enfant» — Мирей Матье, июль;
 «Speed King», «Child in Time» — «Дип Перпл», июль;
 «Paranoid» — «Блэк Саббат», сентябрь;
 «Lookin' out my back door» — «Криденс», сентябрь;
 «My baby left me» — «Криденс», сентябрь;

«Wholl stop the Rain» — «Криденс», сентябрь;
 «Black magic woman» — Карлос Сантана, сентябрь;
 «Immigrant Song» — «Лед Зеппелин», октябрь;
 «Gallows Pole» — «Лед Зеппелин»; октябрь;
 «My sweet lord» — Джордж Харрисон, ноябрь.

Преступность в СССР в 1970 году

Общее количество преступлений — 1 046 336 (в 1969 году — 969 186)
 умышленные убийства — 15 265 (в 1969 — 14 715);
 покушения на убийства — 4707 (в 1969 — 4677);
 убийства с разбоем — 263 (в 1969 — 257);
 убийства с изнасилованием — 203 (в 1969 — 196);
 убийства с хулиганством — 3240 (в 1969 — 3279);
 убийства из-за ревности и ссор — 9633 (в 1969 — 9348);
 убийства матерью новорожденного — 489 (в 1969 — 494);
 посягательства на милиционеров — 421 (в 1969 — 368);
 грабежи — 32 871 (в 1969 — 31 188);
 разбой — 6898 (в 1969 — 6698);
 умышленные тяжкие телесные повреждения — 21 803 (в 1969 — 20 100);
 изнасилования — 13 859 (в 1969 — 12 943);
 хулиганство — 240 939 (в 1969 — 234 052);
 преступления в армии — 16 173 (в 1969 — 16 978);
 взяточничество — 2954 (в 1969 — 2407).

1971 год

1971 Январь

Первое в истории новогоднее поздравление Леонида Брежнева. Госкино принимает «Белорусский вокзал». Николай Рубцов надумал жениться. Андрея Тарковского заставляют отказаться от премии. Женится Владимир Жириновский. «Свободу Анджеле Дэвис!» За что Владимира Высоцкого выселили из совминовского санатория. Как Олег Ефремов шокировал Политбюро. Партбюро по «Достоянию республики». Первая репетиция «Гамлета» привела к очередному срыву у Владимира Высоцкого. Госконцерт отменяет концерты Мстислава Ростроповича. Юрий Андропов читает «самиздат». Как познакомились Галина Брежнева и Юрий Чурбанов. Почему Буба Касторский хлебнул горя из-за своего сына. Убийство Николая Рубцова. Советские боксеры в США. Именинники января: Михаил Ромм и Владимир Высоцкий. Умер композитор Венедикт Пушков. Родился сын у Сергея и Татьяны Никитиных. Почему Фрунзе Мкртчян не стал Василием Алибабаевичем. «Офицеры»: в роли внука — годовалый детдомовец. Советский боксер Олег Коротаев отказывается от контракта в полтора миллиона долларов. Москва спекулянтская. Большая тревога в Питере: как спасали мальчика. Первый супервыигрыш в лотерее «Спортлото» — 10 000 рублей. Дин Рид учит любить родину Александра Солженицына. Как в сотый раз простили Высоцкого.

В ночь на 1 января впервые в советской истории по Центральному телевидению и радио с новогодним поздравлением к народу обратился сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Для обычных телезрителей эта новогодняя речь констатировала лишь успехи советского народа на пути к коммунизму, для посвященных — победу Брежнева над оппозицией в Политбюро. Генсек сообщил, что «повсюду на советской земле — от Балтики до Тихого океана, от северных морей до Кавказских гор — уходящий год оставил добрый след...», что «взяты новые высоты в развитии экономики...», что «как никогда прочны международные позиции Советского Союза, высок его авторитет во всем мире» и т. д. и т. п. Закончил он свою речь на самой мажорной ноте: «Наша новогодняя здравица — в честь великого советского народа, в честь ленинской партии коммунистов и нашей горячо любимой социалистической Родины!»

Длилась речь ровно пятнадцать минут (с 23.50 до 00.05), после чего начался горячо любимый народом «Голубой огонек», где высту-

пила большая часть тогдашних звезд: Эдита Пьеха, Муслим Магомаев, Аркадий Райкин, Полад Бюль-Бюль оглы, Юрий Тимошенко (Тарапунька) и Ефим Березин (Штепсель) и многие другие. Чуть раньше — в 20.00 — телезрители получили еще один подарок — премьеру телевизионного фильма ленинградских кинематографистов (режиссер Наум Бирман, автор сценария Виктор Драгунский) «Волшебная сила искусства». Картина состояла из трех новелл: «Мстители из 2-го «Б», «Здравствуй, Пушкин» и «Волшебная сила искусства». Самой «забойной», безусловно, была третья новелла с участием мегазвезды Аркадия Райкина. Поскольку этот фильм до сих пор крутят по телевидению, читатель наверняка хорошо помнит эту новеллу: герой Райкина, перевоплотившись в наглого жлоба, выручает свою бывшую учительницу, которую достали ее зарвавшиеся соседи по коммунальной квартире. Хорошо помню эффект от этой премьеры: уже буквально на следующий день в разговорах как взрослых, так и детей звучали крылатые фразы, озвученные с экрана героем Райкина: «Бум меняться?»

Бум-бум», «Ванна глыбокая, в ней мы будем огурцы солить», «У него ножичек — нулевой размер», «В лоб захотел, старый таракан? Я тебе брызну!», «Мерлин Мурло», «Дура, дура, дура ты, дура ты проклятая! У меня четыре дуры, а ты дура пятая» и др.

В субботу, 2 января, в Москву из Парижа прилетела Марина Влади. Планы у нее были самые радужные — отдохнуть вместе со своим супругом Владимиром Высоцким в сочинском санатории Совета Министров СССР (путевки в эту элитную здравницу пробил знакомый Высоцкого — заместитель министра Константин Трофимов). Увы, но в это время Высоцкий пустился в очередной загул... Собрав вещи, Влади переехала жить к своей подруге — актрисе Ирине Мирошниченко, которая вместе с мужем, драматургом Михаилом Шатровым, жила на Ленинградском проспекте. Уходя, Влади бросила мужу фразу: «Вернись, когда придешь в норму». Думаете, Высоцкий сильно расстроился? Вот уж нет. Более того, дабы не сгорели выбитые с таким трудом путевки, он пригласил разделить с ним компанию своего друга, Давида Карапетяна. Того это предложение застало врасплох, поскольку на его личном фронте тоже было неспокойно. На днях его любовница Аня, после очередного выяснения отношений, не смущаясь присутствия сына-малолетки, наглоталась таблеток и угодила в «психушку». Карапетян чуть ли не ежедневно навещал ее и совсем не рассчитывал покидать Москву. Но Высоцкий продолжал настаивать на их совместном отъезде. Времени оставалось очень мало — буквально пара дней.

3 января радостная весть пришла из чехословацкого города Прешов, где проходил юниорский чемпионат Европы по хоккею. В тот день наши ребята одолели сборную хозяев турнира с разгромным счетом 6:2. Таким образом, победив во всех пяти играх и набрав 10 очков, юниоры в третий раз подряд завоевали золотые медали. «Золотой» состав команды СССР выглядел следующим образом: Владислав Третьяк, Александр Котомкин, Юрий Блохин, Алексей Никитушкин, Сергей Тыжных, Валерий Мосленко, Сергей Григоркин, Владимир Ситников, Александр Волчков, Сергей Глазов, Юрий Кондрашов, Хелмут Балдерис, Владимир Попов, Александр Голиков, Александр Андреев, Александр Медков, Олег Иванов, Александр Барин-

нев. Тренировали команду Николай Эпштейн и Юрий Баулин.

В понедельник, 4 января, в 9.10 утра в квартире кинорежиссера Андрея Смирнова раздался телефонный звонок. На другом конце провода прозвучал нежный голос одной из редакторш Госкино: «Андрей Сергеевич, в одиннадцать часов ждем вас на обсуждение...» По интонации говорившей режиссер понял: пронесло! Видимо, кто-то из небожителей за время праздников сумел посмотреть «Белорусский вокзал» и дал «добро» на выход. Так оно и было. Перед самым Новым годом директор «Мосфильма» Николай Сизов отвозил картину на дачу самого Брежнева. Генсек остался доволен просмотром.

Обсуждение в Госкино оказалось на редкость доброжелательным. Смирнов был сильно удивлен, поскольку хорошо помнил, как принимали его предыдущую картину — «Ангел». Он тогда шел по коридорам «Мосфильма», и все от него шарахались как от прокаженного. А тут вдруг сногшибательное сообщение, что «Вокзал» скорее всего будут показывать делегатам очередного съезда КПСС (его открытие было намечено на 30 марта).

4 января поэт Николай Рубцов пришел в вологодский Союз писателей по какой-то служебной надобности. Но пробыл там недолго: в разгар визита он внезапно почувствовал себя плохо и, схватившись за сердце, едва не упал на пол. Стоявшие рядом люди подхватили его под руки, уложили на диван. Хотели вызвать «Скорую помощь», но Рубцов запретил им это делать, сказав, что обойдется подручными средствами. И тут же на глазах у коллег достал из кармана пузырек с таблетками и положил одну под язык.

На следующий день в Вологду вернулась гражданская жена Рубцова — Людмила Дербина. После случая 9 июля прошлого года, когда Рубцов, ломясь к ней в дом, порезал себе артерию на руке и угодил в больницу, она уехала из города, рассчитывая, что никогда туда больше не вернется. Но не получилось. Что-то влекло ее к поэту. Позднее она так объяснит свои чувства к нему:

«Я хотела сделать его жизнь более-менее человеческой... Хотела упорядочить его быт, внести хоть какой-то уют. Он был поэт, а спал как последний босяк. У него не было ни одной

подушки, была одна прожженная простыня, прожженное рваное одеяло. У него не было белья, ел он прямо из кастрюли. Почти всю посуду, которую я привезла, он разбил. Все восхищались его стихами, а как человек он был никому не нужен. Его собратья по перу относились к нему снисходительно, даже с насмешкой, уж не говоря о том, что равнодушно. От этого мне еще более было его жаль. Он мне говорил: «Люда, ты знай, что, если между нами будет плохо, они все будут рады».

Прямо с вокзала Людмила отправилась к Рубцову, который находился дома один. Николай открыл ей дверь, молча пропустил в квартиру и улегся на диван. После перенесенного накануне сердечного приступа он выглядел плохо. Людмила присела на краешек дивана, однако заговорить первой не решалась. Пауза затягивалась. И тогда гостья... беззвучно заплакала. Рубцов наконец ожил: он уткнулся лицом ей в колени и тоже зарыдал. Людмила отметила про себя, что такого у них еще не было: никогда еще они не плакали одновременно. Эта встреча больше походила на прощание...

Между тем Владимир Высоцкий уговорил своего друга Давида Карапетяна уехать с ним в Сочи, в совминовский санаторий. Однако в день вылета они заскочили на Ленинградский проспект, к актрисе Ирине Мирошниченко, у которой теперь жила Марина Влади. Высоцкий рассчитывал, что она все же отправится с ним вместо Карапетяна. Но вышло по-другому. Едва они переступили порог квартиры, как тут же поняли, что угодили в ловушку. Оказывается, что Влади, заранее предупрежденная об их визите, вызвала подмогу в лице известной поэтессы Юнны Мориц и врача-нарколога. Высоцкий и Влади закрылись в соседней комнате для выяснения отношений, а его приятель оказался с глазу на глаз с врачом и поэтессой. Те принялись уговаривать Карапетяна примкнуть к «заговору» с целью немедленной госпитализации Высоцкого. Карапетян возмутился: «Без его согласия это невозможно! Он сам должен решиться на это».

Видя, что их попытки не увенчались успехом, «заговорщики» пошли другим путем. Поэтесса внезапно попросила у Карапетяна разрешения взглянуть на авиабилеты, якобы для того, чтобы уточнить время вылета. Не видя в этом подвоха, Карапетян извлек на свет биле-

ты. И те тут же переключались в карман поэтессы. «Никуда вы не полетите!» — торжественно провозгласила она. Но Мориц явно поторопилась. К тому времени переговоры Высоцкого и Влади завершились безрезультатно, и раздосадованная Марина заявила мужу, что он может ехать куда захочет — хоть к черту на кулички. «Мы бы с удовольствием, но у нас отняли билеты», — подал голос Карапетян. После этого Влади попросила Мориц вернуть билеты их законным владельцам. Окрыленные успехом друзья бросились вон из дома, еще не подозревая, что на этом их приключения не закончились.

Когда спустя полчаса они примчались во Внуково и протянули билеты юной стюардессе, стоявшей у трапа, та внезапно попросила их зайти к начальнику смены аэропорта. «Зачем это?» — удивились друзья. «Там вам все объяснят», — лучезарно улыбаясь, ответила девушка. Глядя на ее сияющее лицо, у друзей даже не возникло мысли о чем-то нехорошем. А оказалось... В общем, начальник смены огорошил их заявлением, что лететь они никак не могут. Он сказал: «Звонили из психбольницы и просили вас задержать до прибытия «Скорой помощи». Она уже в пути. Говорят, что вы, Владимир Семенович, с помощью товарища сбежали из больницы». — «Из больницы?! — чуть ли не разом воскликнули друзья. — В таком случае, где же наши больничные пижамы?» И они показали, что одеты во вполне гражданскую одежду. Начальник вроде бы засомневался: «Да, действительно. Но и вы меня поймите: я не могу проигнорировать этот звонок». Видя, что начальник дал слабину, Высоцкий использовал безотказный аргумент: пообещал сразу после возвращения дать бесплатный концерт для сотрудников аэропорта. И начальник дрогнул: «А, черт с ними. Скажу, что не успели вас перехватить. Счастливого пути!»

В те же дни новые проблемы возникли у Андрея Тарковского. Во Франции кинокритики собрались присудить ему премию за «Андрея Рублева», что вызвало большой переполох в Госкино. Советский посол в Париже прислал в Москву срочную депешу, где сообщал, что глава организации, которая приняла решение о премии, — сионистка. Таким образом, принимать награду из ее рук, по мнению посла, было делом недопустимым. В Госкино с этим

мнением, естественно, согласились. В среду, 6 января, сам председатель Комитета по кинематографии Романов вызвал к себе Тарковско-го и провел с ним разъяснительную беседу. Мол, вы советский режиссер, Андрей Арсеньевич, и обязаны от этой премии отказаться. Тарковский обещал подумать.

В этот же день женился ныне самый экстравагантный политик России Владимир Жириновский. В роли невесты выступила однокурсница жениха по МГУ Галина Лебедева. С ней Жириновский познакомился несколько лет назад в студенческом лагере в Пицунде. Роман длился несколько лет, но все никак не мог завершиться свадьбой по не зависящим от молодых людей причинам: на последнем курсе университета Жириновского отправили на годичную стажировку в Турцию, а потом «загребли» в армию — в Грузию. А пожениться им жуть как хотелось. В конце концов Жириновский уговорил своих командиров отпустить его на новогодние праздники в Москву. И практически сразу после них повел свою суженую в ЗАГС. А на следующее после брачной ночи утро молодой муж потряс свою суженую амбициозной фразой: «Помяни мое слово, но ты будешь женой министра!» Слышавшие эти слова родители невесты скептически усмехнулись: мол, мели, Емеля, твоя неделя. Как мы теперь знаем, Емеля не молот — министром он не стал, зато стал депутатом Госдумы. Правда, самым скандальным.

8 января Рубцов и Дербина окончательно помирились и приняли решение скрепить свои отношения официально — они отправились в ЗАГС. Вот как опишет позднее тот день Л. Дербина:

«Мы шли берегом реки по Соборной горке. Был тусклый заснеженный день. На склоне реки трепетали на ветру мелкие кустики, и кое-где на них неопавшие листья звенели под ветром, как жестяные кладбищенские венки».

Однако им не повезло: заявление у них не приняли, поскольку у Людмилы не было на руках свидетельства о расторжении первого брака. Молодые отправились домой, чтобы принести это треклятое свидетельство. Но где там: они весь дом перерыли, но так ничего и не нашли. В расстроенных чувствах легли спать. А утром с новым энтузиазмом взялись за поиски и — о, чудо! — обнаружили злополучную бу-

мажку. Хотели тут же бежать обратно в ЗАГС, но Рубцов внезапно вспомнил, что с утра ему надо зайти в поликлинику, провериться у врача. Поэтому важное дело отложили до вечера. Со второго захода заявление у них приняли и назначили регистрацию брака на 19 февраля.

В советских СМИ того времени мы не найдем информации ни об Андрее Тарковском, ни о Николае Рубцове. Зато газеты полны сообщений о разного рода трудовых починах в честь приближающегося XXIV съезда КПСС, публикуются похожие друг на друга как близнецы интервью с передовиками производства, деятелями науки и искусства. Зарубежная тематика тоже не блещет оригинальностью: привычная критика западного образа жизни и воспевание успехов в странах так называемого «социалистического лагеря». Среди международных материалов выделяются три: зверства американской военщины во Вьетнаме, происки сионистов Израиля и несправедливый суд над американской коммунисткой Анджелой Дэвис. Благодаря настойчивой пропаганде имя и внешний облик последней знали в Советском Союзе практически все. Что называется, от мала до велика. Чем же прославилась эта женщина?

Все началось 7 августа 1970 года, когда в округе Мэрин (20 миль к северу от Сан-Франциско) открылось судебное заседание по делу заключенного Джорджа Джексона, обвиняемого в убийстве кинжалом тюремного надзирателя. На суде в качестве зрителей присутствовало несколько десятков человек. Среди них был и младший брат подсудимого, семнадцатилетний Джонатан. Он умудрился пронести в зал под одеждой четыре пистолета. Направив один из стволов на охранников, Джонатан подбежал к судье и взял его в заложники. Затем он передал два пистолета своему брату, который захватил еще четверых заложников — прокурора и трех женщин-присяжных. Прикрываясь их телами, братья вышли из зала и попытались скрыться на грузовике, специально подогнанному к Дворцу правосудия сообщниками. Однако их план сорвала охрана, внезапно открыв огонь на поражение. В завязавшейся перестрелке были убиты три человека: Джексон-старший, судья и один из заключенных-свидетелей. Джексон-младший был арестован. В ходе следствия над ним и всплыло имя двадцатилетней Анджелы Дэвис. Оказалось, что Джонатан работал

ее телохранителем (злые языки утверждали, что их связывали куда более близкие отношения). Кроме того, три пистолета из четырех, принесенных во Дворец правосудия, принадлежали Анджеле. Она, естественно, наотрез отрицала этот факт. Однако ее все равно арестовали и предали суду. Суд начался как раз в начале января 1971 года.

Владимир Высоцкий и Давид Карапетян отдыхают в Сочи, в санатории Совмина. Приняли их по самому высшему разряду, поскольку ждали приезда не кого-нибудь, а самой Марины Влади, которая была известна не только как знаменитая актриса и жена Высоцкого, но и как вице-президент общества «СССР—Франция». Поэтому подготовили номер-«люкс» со всеми полагающимися удобствами — широкими кроватями, золочеными бра, хрустальными вазами и т. д. В таких условиях можно было прекрасно отдыхать. Однако все испортил Высоцкий. Чуть ли не в первый же вечер он стал кланяться у друга деньги на выпивку (средства друзей хранились у Карапетяна), а когда тот отказал, бросился названивать в Москву своей любовнице — актрисе Театра на Таганке Татьяне Иваненко. Но Татьяна упорно не подходила к телефону, обидевшись на Высоцкого (незадолго до этого она «отбрила» его фразой: «Ты женился на своей Марине, вот к ней и иди!»)

На следующий день история повторилась: день Высоцкий продержался более-менее сносно, а ближе к вечеру снова стал «обрабатывать» друга. «Давай съездим в город, — говорил Высоцкий. — Ведь здесь тоска смертная». Но Карапетян отказал, понимая, что в городе Высоцкий обязательно найдет момент, чтобы напиться. Видя, что друг его непробиваем, Высоцкий взорвался: «Не дашь денег? Ну и не надо!» И убежал из номера, хлопнув дверь. На часах было около девяти вечера.

Вернулся Высоцкий в первом часу ночи в изрядном подпитии. Да не один, а в компании с водителем такси, которому был должен 15 рублей. Деньги, естественно, следовало выложить Карапетяну. Но тот колебался: ведь если показать Высоцкому свои рублевые запасы, от них вскоре ровным счетом ничего не останется. Поэтому Карапетян нашел иной выход: он всучил таксисту... два доллара. Однако история на этом не закончилась. Всю ночь пьяный Высоц-

кий метался по номеру, стонал и кричал, как будто его кто-то резал. Естественно, этот шум не остался без внимания соседей по этажу, которые принадлежали к министерской номенклатуре. Утром они пожаловались на Высоцкого администрации санатория. И актера вместе с его другом попросили немедленно уехать.

Устроиться в любой сочинской гостинице не составляло труда. Но требовались немалые деньги. Тогда Высоцкий срочно телеграфировал в Москву своему коллеге по театру Борису Хмельницкому, и тот перевел 200 рублей. Друзья отправились в отель «Интурист». Но там вышла осечка: администраторша наотрез отказалась селить Высоцкого по актерскому удостоверению (паспорт он забыл дома). Не могло даже обещание Высоцкого лично спеть для администраторши в номере отеля. Тогда друзья позвонили главврачу совминовского санатория и сообщили ему, что собираются обратно, поскольку их отказываются устроить в отеле. Главврач был совершенно не заинтересован в их возвращении. Поэтому он тут же примчался в отель и уже оттуда позвонил главному милиционеру начальнику Сочи, с которым был хорошо знаком. Только слово столь солидного чиновника убедило администраторшу прописать гостей в отель.

В воскресенье, 10 января, в Москве прошел творческий вечер популярного актера театра и кино Михаила Козакова, где собралась значительная часть столичной богемы. Там произошла встреча Олега Ефремова с драматургом Леонидом Зориным. Как мы помним, руководитель МХАТа давно хотел поставить у себя в театре пьесу Зорина «Медная бабушка», однако в течение четырех месяцев, когда он находился у руля Художественного, ему не удалось этого сделать — постановку тормозили в Минкульте. В начале января Ефремов предпринял отчаянную попытку достучаться до самого Политбюро, но и там его встретили прохладно. По словам режиссера: «Я там сорвался, устроил истерику. Политбюро было шокировано». Зорина растрогало это признание, он был рад, что борьба за пьесу все еще продолжалась.

11 января на Киностудии имени Горького состоялось расширенное заседание партбюро студии, на повестку дня которого был вынесен один вопрос — состояние дел в съемочной

группе фильма «Достояние республики». Как мы помним, режисер Владимир Бычков начал снимать фильм еще летом прошлого года, но с самого начала работа группы не заладилась. В августе и сентябре случилось два ЧП: пострадали каскадеры. Затем по разным причинам съемки прерывались еще несколько раз, из-за чего многие намеченные эпизоды снять в срок так и не удалось. Перерасход денежных средств по фильму составил большую по тем временам сумму — 88 308 рублей.

Партбюро разрешило доделать новые фрагменты картины, не вошедшие в первоначальный вариант сценария (расстрел Маркиза, подвиг Макара, песня Маркиза на барже и др.), но при этом вынесло выговор с предупреждением руководителям съемочной группы. Спустя две недели будет издан приказ об уменьшении постановочного вознаграждения режиссеру фильма и девяти его коллегам. Вот в таких муках рождался знаменитый советский истерн, который, выйдя на широкий экран через год, в считанные недели покрыл все убытки, а затем принес баснословную прибыль.

В тот же день, 11 января, в Театре на Таганке состоялась первая репетиция «Гамлета». В роли принца датского был занят Владимир Высоцкий, только что вернувшийся из Сочи. Однако эта репетиция ничем хорошим не завершилась: Любимов от игры актеров пришел в ярость, и особенно сильно нападал на Высоцкого. Тот пытался оправдаться: «Юрий Петрович, я не могу повторить то, что вы показали, потому что вы сами не знаете, что хотите. Я напридумывал для этой роли не меньше, чем вы, поймите, как мне трудно отказаться от этого...» Короче говоря, первый блин вышел комом.

Скандал на репетиции дорого обошелся Высоцкому. Спустя три дня актер ударился в очередную запой. Влади позвонила Любимову, чтобы тот отменил репетицию. Режиссер еще больше разъярился, заявляя, что найдет другого Гамлета. Высоцкого отправили в клинику имени Кашенко, в отделение для буйных шизофреников, а Влади улетела в Париж, обещая никогда больше не вернуться.

В тот день, когда Высоцкий угодил в «психушку» (14 января), Политбюро ЦК КПСС собралось на свое очередное заседание. Среди многочисленных вопросов, вынесенных на по-

вестку дня, был и пункт о виолончелисте Мстиславе Ростроповиче. На конец месяца у него намечались концерты в Париже, однако Госконцерт, крайне недовольный деятельностью Ростроповича, продолжавшего защищать Солженицына, эти выступления отменил. На Западе тут же поднялась волна возмущения. Сам секретарь ЦК французской компартии Гастон Плиссонье посетил по этому поводу резиденцию советского посла в Париже Зорина. После этой встречи Зорин отправил в Москву запись беседы. Этот документ и лег на зеленое сукно стола заседаний Политбюро. Посол сообщал:

«Плиссонье сказал, что, по их мнению, если этому решению не дать объяснения какими-либо техническими причинами или состоянием здоровья Ростроповича, то оно может вызвать неблагоприятную реакцию со стороны определенных кругов французской интеллигенции, в том числе в компартии. В таком случае, по словам т. Плиссонье, «компартия также будет вынуждена занять определенную позицию». Он отметил, что в этом деле существует как материальная сторона, поскольку билеты на оба концерта уже распроданы, так и политическая, так как если решение Госконцерта не будет соответствующим образом мотивировано, то можно ожидать новой волны антисоветской кампании со стороны враждебных сил, которые используют это дело как новый предлог.

Тов. Плиссонье высказался в том духе, что наилучшим вариантом было бы проведение концертов в намеченные дни или, если это невозможно, сообщение Госконцерта со ссылкой на технические причины о том, что концерты переносятся на новую дату. Иначе, по мнению тов. Плиссонье, возникает политический аспект, который может быть использован сионистскими и другими антисоветскими кругами в новой кампании...»

Политбюро со всей серьезностью отнеслось к этой депеше и в ходе долгих дебатов пришло к решению не накалять лишние страсти и отменило решение Госконцерта.

15 января на Старой площади состоялось очередное заседание секретариата ЦК КПСС, на котором была рассмотрена записка председателя КГБ Юрия Андропова, посвященная так называемому «самиздату». Документ датирован 21 декабря 1970 года, но очередь до него

дошла лишь теперь. В записке главный чекист страны сообщал:

«Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой «самиздатской» литературы показывает, что «самиздат» претерпел за последние годы качественные изменения. Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам главным образом идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 года появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности. Во многих документах пропагандируются идеи и взгляды, заимствованные из политических платформ югославских руководителей, чехословацких дубчековцев и некоторых западных компартий...»

Примерно в эти же дни в Москве произошла знаменательная встреча: 42-летняя дочь генсека Галина Брежнева познакомилась с 34-летним майором МВД, заместителем начальника политотдела мест заключения РСФСР Юрием Чурбановым. Встреча выглядела банально. Чурбанов вместе с приятелем приехал поужинать в ресторан Дома архитектора на улице Щусева. Заказали холодный ростбиф, салаты и бутылку вина. Далее послушаем самого Ю. Чурбанова:

«В ресторане был большой камин, и вот когда его разожгли, я заметил, что в глубине зала за двумя столиками, сдвинутыми вместе, сидит знакомая компания. Разумеется, мы с товарищем тут же подошли, поздоровались, присели, и нас познакомили с теми, кого мы не знали, и в том числе — с молодой, внешне интересной женщиной, которая представилась скромно и просто: «Галина». Я и понятия не имел, что это Галина Брежнева.

Так состоялось знакомство. Наверное, если бы я был писателем, я бы говорил сейчас о том, что весь вечер старался смотреть только на Галину Леонидовну, ибо вдруг стало как-то очень уютно и хорошо, но я не писатель и скажу как было: этот человек мне сразу понравился. Мы

о чем-то поговорили, но не очень долго, вечер близился к концу, пришла пора расставаться, и все разъехались по своим домам. Не помню, просил ли я Галину Леонидовну оставить свой телефон, как это обычно бывает между людьми, установившими добрые отношения, — кажется, нет. В конце концов, компания была знакомая, и я решил, что где-нибудь мы, конечно же, встретимся...»

Стоит отметить, что и Чурбанов, и Брежнева в те дни были свободны: Юрий уже три года находился в разводе с первой женой, а Галина успела расстаться со своим возлюбленным — преподавателем МГУ. Так что повод для продолжения знакомства у них был. Но об этом чуть позже. А пока взглянем на столичную афишу развлечений первой половины января. Начнем с театральных премьер.

3 января в МХАТе — спектакль по пьесе Е. Рамзина «Обратный счет» с участием актеров В. Белокурова, Ю. Леонидова, А. Кторов, М. Прудкина, М. Козакова, Е. Киндинова и др.; 4-го в Театре им. Ермоловой — спектакль о буднях исправительно-трудовой колонии «С повинной...» по пьесе Л. Митрофанова; 5-го в драматическом Театре им. Станиславского — «Женитьба Белугина» с актером Василием Бочкаревым в главной роли; 6-го в Театре на Таганке — «А зори здесь тихие...» по одноименной повести Б. Васильева с участием актеров В. Шаповалова, З. Славиной, Ф. Антипова, И. Бортника, К. Желдина, Ю. Веренкина, А. Вилькина, Т. Иваненко и др.; 10-го в филиале Малого театра — «Растеряева улица», в «Ромэне» — спектакль по пьесе итальянских драматургов П. Гариней, С. Джованнини и Д. Модульи «Ты герой, я герой!..» с участием Н. Сличенко в роли Ринальдо — Черного Дракона, Л. Бобровой, Б. Ташкентского, З. Жемчужной и др.; 15-го в Театре сатиры — «Обыкновенное чудо» по одноименной пьесе Е. Шварца с участием: М. Державина (Медведь), Т. Ицыкович (Принцесса), С. Мишулина (Король), А. Ширвиндта (Министр-администратор), В. Васильевой (Придворная дама), Б. Рунге, Г. Тусузова и др.

Три спектакля из перечисленных вскоре будут экранизированы кинематографистами: «А зори здесь тихие...» (именно в январе режиссер Станислав Ростоцкий на «Мосфильме» приступил к подбору актеров на фильм), «Ты герой, я герой!..» (этот спектакль снимут для ТВ

в творческом объединении «Экран» под названием «Мой остров синий») и «Обыкновенное чудо» (режиссер Марк Захаров).

Есть что посмотреть столичному зрителю и на эстраде. 8—10 января в киноконцертном зале «Октябрь» поет Гелена Великанова; 8—9 января в окружном Доме офицеров популярные юмористы А. Шуров и Н. Рыкунин демонстрируют свой талант в новой программе «Разноцветные страницы»; 12—13 января в Государственном театре эстрады выступает ВИА «68»; 16—19 января там же — оркестр под управлением Олега Лундстрема; 15—16 января в «Октябре» идет концерт с участием Маргариты Суворовой, Александры Стрельченко, Кола Бельды, вокального квартета «Аккорд» и др.

В цирке на Цветном бульваре в новой программе «Руки золотые...» весь вечер на манеже демонстрирует свой талант Юрий Никулин. Это последняя его программа на манеже этого цирка на ближайшие годы — вскоре вместе с Михаилом Шуйдиным он на несколько лет уйдет в труппу только что открытого цирка на проспекте Вернадского (Новый цирк).

Несколько премьер состоялось в кинотеатрах Москвы. С 11 января в «Художественном» начинают демонстрировать фильм Юрия Швырева «Баллада о Беринге и его друзьях» (в главных ролях Карл Себрис, Игорь Ледогоров и Юрий Назаров); с 14-го — в «России» идет новая работа режиссерского тандема Александра Алова и Владимира Наумова «Бег» с участием Михаила Ульянова, Алексея Баталова, Евгения Евстигнеева и Людмилы Савельевой; с 15-го — на широкий экран выходит детектив Геннадия Полоки «Один из нас», где в роли советского разведчика, вступившего в канун войны в смертельную схватку с фашистской диверсионной группой, готовящей взрыв советского оборонного завода, снялся актер Георгий Юматов.

Есть что посмотреть и по «ящику». Причем фильмы на все вкусы и возрасты, начиная от сугубо детских (до 11 января идут школьные каникулы) и заканчивая «взрослыми», которые, впрочем, с удовольствием смотрят и дети. ТВ-меню выглядит следующим образом: 13-серийный венгерский боевик «Капитан Тенкеш» (с 4 января), французская экранизация «Граф Монте-Кристо» (9—10-го), отечественные фильмы «Приключения Кроша», «Золотые часы»

(оба — 8-го), «Гусарская баллада», «Кавказская пленница» (оба — 9-го), «Карнавальная ночь» (11-го), «Два капитана» (12-го), «Смелые люди», «Диверсанты» (оба — 14-го), «Подвиг разведчика» (15-го).

И еще о кино. В январе на студиях в самом разгаре съемки новых фильмов. Так, например, на «Мосфильме» Юрий Озеров, только что вернувшийся из экспедиции в ГДР, снимает в павильонах очередной фильм эпопеи «Освобождение», а В. Усков и В. Краснопольский продолжают работу над многосерийным телефильмом «Тени исчезают в полдень». К январю уже снята половина картины. В 10-м павильоне «Мосфильма» Сергей Соловьев работает над экранизацией горьковского «Егора Булычова и других», а Савва Кулиш снимает в павильонах политическую драму «Комитет девятнадцати». На студии имени Горького режиссер Владимир Роговой работает над картиной «Офицеры», которой через год суждено будет стать хитом сезона. На «Мосфильме» Эдмонд Кеосаян фактически закончил третью часть приключений неуловимых — «Корону Российской империи», — но по решению худсовета вынужден был провести несколько досъемок. В частности, 9 января он снял несколько эпизодов в декорации «Эйфелева башня».

В «Короне...» действовало большинство персонажей из тех, кто уже появлялся в первых двух фильмах трилогии. Не было только Бубы Касторского в исполнении Бориса Сичкина, который потерял эту роль из-за ссоры с Кеосаяном. Хотя, может быть, и к лучшему, поскольку в дни, когда снималась «Корона...», у Сичкина возникли большие проблемы личного порядка — его 16-летний сын Емельян, что называется, от рук отбил, связавшись со шпаной. Бывали периоды, когда он целыми неделями не появлялся дома, чем доводил своих родителей до состояния безумия. В такие дни Сичкину-старшему приходилось ездить в поисках сына чуть ли не по всей Москве.

В конце концов нервы отца не выдержали. После очередного мордобоя, который Емельян устроил в музыкальном училище, Сичкин решил посадить сына на 10 суток, надеясь, что такая мера приведет его в чувство. Причем, прежде чем это сделать, он договорился с начальником ближайшего отделения милиции, с судьей и с начальником отделения ВДНХ, где

сидят несовершеннолетние «суточники». Он им все рассказал про Емельяна и попросил, чтобы ему не делали поблажек, а, наоборот, дали самую тяжелую работу.

Все те 10 суток, которые сын отбывал в заключении, Сичкин, что называется, не ел, не спал — страдал. Когда этот срок миновал, Сичкин прихватил с собой своего доброго приятеля артиста Аркадия Толбузина, который играл в «Неуловимых» начальника белогвардейской контрразведки Леопольда Кудасова, и отправился на ВДНХ. Однако уже подъезжая к отделению, они услышали странный шум и громкие голоса. У Сичкина защемило сердце, поскольку он сначала решил, что его сына зарезали уловники. Но там разыгралась другая, не менее шокирующая сцена.

В одной из комнат они нашли нескольких пьяных милиционеров во главе с начальником, которые громко аплодировали... Емельяну. С бритой головой он стоял на столе с гитарой в руках и орал цыганские песни. Сам стол был уставлен бутылками с водкой и коньяком, а также самой разномастной закуской. Увидев гостей, начальник отделения расплылся в широкой улыбке и бросился к Сичкину:

— Буба! Садись с нами за стол!

Сичкин стал отказываться, говоря, что приехал совсем по другой причине — сына домой забирать. Эта новость не вызвала у присутствующих особого энтузиазма. Общее мнение сформулировал все тот же начальник:

— Слушай, Буба, оставь парня еще дней на пять, а? Он у тебя такой заводной, такие песни поет. Ты вообще зря на него сердисься, он нам всем очень понравился. Мы никогда так весело не жили, как эти несколько дней. Оставь хотя бы на три дня, а?

Тут со стола слез Емельян, пьяно облобызал отца и тоже стал уговаривать оставить его в милиции. Дескать, не волнуйтесь там с матерью, я через три денька вернусь, меня до дома на машине довезут. Но Сичкин все же нашел в себе мужество не поддаться на уговоры и забрал сына домой.

Как рассказал чуть позже сам Емельян, десять дней отсидки явились для него не наказанием, а сплошным праздником. Хотя поначалу его и пытались заставить заниматься подневольным трудом. Например, в первый же день дали в руки лом и заставили колоть лед на улице. Но

парень оказался хитрее. Минут через десять он пришел в каптерку к старшине и заявил: «Я — пианист, и у меня на носу концерты с отцом — Бубой Касторским. Руки должны быть в тепле и не держать тяжелых предметов. Сообщи начальнику, он знает».

После этого парня пристроили работать в пищеблок на одном из комбинатов. Вместе с такими же, как и он, «десятисуточниками», Емельян грузил продукты, а параллельно они умудрялись воровать страшный дефицит того времени — растворимый кофе, меняя его потом на портвейн и продукты. Причем Емельян в этом деле был заводилой: если до него малолетки крали по мелочи, то с ним утащили сразу ящик кофе. А спустя несколько дней Емельяна вызвал к себе начальник отделения и попросил спеть «что-нибудь цыганское». С тех пор вплоть до конца отсидки парень развлекал стражей порядка песнями и плясками. Вот так хлебнул горя и понял, почему фунт лиха, не Емельян, а его отец Борис Сичкин.

Тем временем с середины января женская половина населения СССР с интересом следит за репортажами с 35-го чемпионата страны по фигурному катанию, проходящему в Риге. Трансляции начались 13 января в самое удобное время — в 20.30 в будни, в 19.30 в выходные. В парном катании настоящую сенсацию произвели Ирина Роднина и Алексей Уланов, взявшие «золото» турнира. Их программа была настолько новаторской и оригинальной, что судьи безоговорочно присудили им высшие оценки. Как скажет в одном из интервью их тренер Станислав Жук: «Мы задумали ввести в произвольную «пятиминутку» две новые поддержки, одну из которых — «обратную скрестную» — готовили с 1968 года. Однако сегодня Ирина и Алексей превзошли даже мои ожидания. Кстати, прыжок в два с половиной оборота, так называемый «аксель», они тоже исполнили нынче на соревновании впервые после того, как мы с женой Ниной ввели его в свою программу ровно десять лет назад...»

«Серебро» в парном катании досталось паре Людмила Смирнова—Андрей Сурайкин. А вот знаменитая пара Белоусова—Протопопов на этот раз вынуждена была довольствоваться всего лишь скромным 6-м местом. В танцах на льду победили Людмила Пахомова и Александр Горшков. «Серебро» досталось Татьяне Войтюк

и Вячеславу Жигалкину. В одиночном катании у мужчин победу одержал Сергей Четверухин.

Соревнования по фигурному катанию закончились в воскресенье, 17 января. Утром следующего дня взрослое население огромной страны отправилось на работу, дети сели за школьные парты. Николай Рубцов и Людмила Дербина в то утро посетили жилищную контору, чтобы утрясти проблему с пропиской Дербиной. Но там их поджидала новая неприятность — Людмилу не прописывали, поскольку не хватало площади на ее ребенка от первого брака. Рубцов попытался было качать права, мол, я буду жаловаться чуть ли не в обком партии. Но его быстро осадили: жалуйтесь на здоровье.

Несолоно хлебавши Рубцов и Дербина отправились к машинистке, работавшей в газете «Вологодский комсомолец», которая перепечатывала рукопись стихов Рубцова (он собирался везти сборник в одно из столичных издательств). Всю дорогу поэт никак не мог успокоиться, метал громы и молнии по адресу бюрократов из жилконторы. Однако по пути в редакцию, возле ресторана «Север» на Советской улице, судьбе угодно было послать им встречу со знакомыми поэта — журналистами, которые шумною толпой двигались на посиделки в шахматный клуб. Они пригласили с собой за компанию и Рубцова с Дербиной, но Людмила отказалась. А вот Рубцов нет. Видимо, после унижения, которое он испытал в жилконторе, ему требовалось залить свое горе водкой. В итоге он отправил любимую в редакцию, а сам с друзьями свернул в шахматный клуб. Через некоторое время Людмила тоже пришла в клуб, где веселье было уже в самом разгаре. Ей налили вина, но Людмила практически не пила, предпочитая тихо сидеть на своем месте. И здесь в какой-то момент Рубцов вдруг стал ее ревновать к журналисту Задумкину. Однако досадный эпизод удалось обернуть в шутку, и вскоре вся компания отправилась догуливать на квартиру Рубцова на улице Александра Яшина. Но там поэта вновь стала одолевая ревность, он принялся буйнить, и, когда успокоить его не удалось, собутыльники решили уйти от греха подальше. В комнате остались лишь Рубцов и его невеста. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Я замкнулась в себе, гордыня обуяла меня. Я отчужденно, с нарастающим раздражением смотрела на мечущегося Рубцова, слушала его крик, грохот, исходящий от него, и впервые ощущала в себе пустоту. Это была пустота рухнувших надежд.

Какой брак?! С этим пьянчужкой?! Его не может быть!

— Гадина! Что тебе Задумкин?! — кричал Рубцов. — Он всего лишь журналистик, а я поэт! Я поэт! Он уже давно пришел домой, спит со своей женой и о тебе не вспоминает!..

Рубцов допил из стакана остатки вина и швырнул стакан в стену над моей головой. Посыпались осколки на постель и вокруг. Я молча собрала их на совок, встряхнула постель, перевернула подушки...

Рубцова раздражало, что я никак не реагирую на его буйство. Он вlepил мне несколько оплеух. Нет, я их ему не простила! Но по-прежнему презрительно молчала. Он все более накалялся. Не зная, как и чем вывести меня из себя, он взял спички и, зажигая их, стал бросать в меня. Я стояла и с ненавистью смотрела на него. Все во мне закипало, в теле поднимался гул, еще немного, и я кинулась бы на него! Но я с трудом выдержала это глумление и опять молча ушла на кухню...

Где-то в четвертом часу я попыталась его уложить спать. Ничего не получилось. Он вырывался, брыкался, пнул меня в грудь... Затем он подбежал ко мне, схватил за руки и потянул к себе в постель. Я вырвалась. Он снова, заламывая мне руки, толкал меня в постель. Я снова вырвалась и стала поспешно надевать чулки, собираясь убежать.

— Я уйду.

— Нет, ты не уйдешь! Ты хочешь меня оставить в унижении, чтобы надо мной все смеялись?! Прежде я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежал к окну, оттуда рванулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток... Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (взял его из-под ванны). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней. «Господи, мертвец!» — мелькнуло у меня в сознании. Одно мгновение — и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул обратно в

комнату, роняя на пол белье. Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал... Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала тереть его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня. Вдруг неизвестно от чего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то самое белье, которое рассыпалось на полу при нашем падении. Я стояла над ним, приросшая к полу, пораженная шоком. Все это произошло в считанные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был агонией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся...

Тихо прикрыв дверь, я спустилась по лестнице и поплелась в милицию. Отделение было совсем рядом, на Советской улице...»

Было около пяти часов утра 19 января. Когда в отделении милиции Дербина сообщила о том, что случайно убила своего мужа, дежурный ей не поверил. Он увидел, что женщина была явно не в себе, к тому же от нее пахло спиртным. «Идите-ка спать, гражданка, — сказал дежурный. — Вы сильно выпивши». Однако Дербина продолжала настаивать на своем: «Я убила мужа. Поэта Николая Рубцова!» И тут другой милиционер, сидевший в той же дежурке, вмешался в разговор: «Когда убили?» — «Только что». — «Где же это произошло?» — «Здесь недалеко — в доме на Яшина». Только после этого милиционеры поняли, что женщина, судя по всему не врет.

Когда они прибыли на место происшествия, Рубцов еще не успел остыть. В протоколе о его гибели эксперт зафиксировал иконы, пластин-

ку песен Александра Вертинского и 18 бутылок из-под вина. Судмедэксперт зафиксировал смерть Рубцова от механической асфиксии. Позднее — спустя 30 лет — другие судмедэксперты установят, что симптомы смерти поэта никак не были похожи на симптомы смерти от механической асфиксии: не было ни судорог, ни одышки, ни выделения мочи и кала. Для финального этапа механической асфиксии типичны утрата сознания и полное расслабление. Рубцов же кричал перед смертью осмысленные фразы, это подтвердили соседи, а затем перевернулся на живот. При удушении на коже остаются кровоподтеки и ссадины, соответствующие пальцам убийцы, а на теле Рубцова были лишь царапины. Вывод: Рубцов умер сам, от сердечного приступа, который спровоцировал хронический алкоголизм с поражением сердца.

В тот же вторник, 19 января, в морг, где покоилось тело Рубцова, пришли его коллеги. Один из них — Виктор Астафьев — так опишет свои впечатления от этого посещения:

«Морг-подвал был вкопан в берег реки Вологды, под яр навалена, насыпана куча всякого мусора и спецпринадлежностей, проросших чернобыльником, сыплющим семя по грязному снегу. Ломаные носилки, гипсы, тряпье, черные бинты и даже криво сношенный протез рифленной подошвой торчал из гнилого сугроба. А в приделе морга, на деревянной скамейке, лежал черный труп, вознесший беспальные руки в небеса, и от него, несмотря на зиму, исходился тяжелый запах. Ребята оробели: говорят — ты, мол, Виктор Петрович, старше нас, на фронте был, всего навиделся...

Я прошел в морг. Внутри он был не так ужасен, как снаружи. Мрамором отделанный зальчик был негусто заполнен носилками или топчанами с наброшенными на них простынями, под которыми угадывались тела упокоенных. Меня встретила пожилая пьяненькая тетка с бельмом на глазу — такие, на мой взгляд, особы и должны здесь хозяйничать. Тетка открыла было рот, но я сунул ей пятерку, и она запримолчала:

— Вы к Коленьке, к Рубцову? Вот он, вот он, ангелочек наш, соловеюшко вологодский. — Приоткрыла простынь на крайнем топчане.

Я попросил прибавить свету. Самое удивительное было в том, что Коля лежал успокоенный, без гримасы на лице и без языка, который

непрерывно вываливается у удавленников. Едва я не вскрикнул, заметив вместо гримасы привычную, хитроватую или даже довольнехонькую улыбку в левом углу рта, словно бы Коля говорил мне: «Ну оставайтесь, живите. А я отмажлся».

Горло Коли было исхвачено — выступили уже синие следы от ногтей, тонкая шея поэта истерзана, даже под подбородком ссадины, одно ухо надорвано. Любительница волков, озверевши, крепко потешилась над мужиком...

Между тем в день, когда не стало Рубцова, боксерская сборная Советского Союза вот уже более суток находилась в США, где должна была провести второй в истории бокса поединок с американцами (первый раз это произошло два года назад). Наши ребята весь январь готовились к поединкам на базе «Трудовых резервов» в Тушине, но долго не могли вылететь в Америку — в США в те дни проходили антисоветские выступления (8 января в Вашингтоне даже взорвали бомбу у здания информационного и торговых отделов советского посольства — к счастью, никто не пострадал), и советское правительство запросило у американцев гарантий безопасности для спортсменов. Когда эти гарантии были наконец получены, сборная отправилась за океан.

В Нью-Йорк они прилетели 17-го вечером. Жить наших боксеров определили в гостинице «Йоркер». Утром следующего дня они сели в самолет «Боинг-707» и через шесть часов прибыли в Лас-Вегас, где должны были состояться поединки. Им устроили пышную встречу в аэропорту, на которой присутствовали мэр города, шериф и генеральный директор отеля «Цезарь Палас», самого дорогого и престижного отеля мира, где советским боксерам предстояло жить и в кабаре этого отеля под названием «Циркус Максимус» проводить матч. Из аэропорта на шикарных лимузинах типа «Форд», «Кадиллак» и «Плимут» наших боксеров доставили к отелю «Цезарь Палас». На его фасаде висел огромный плакат с надписью: «Привет боксерской дружине из СССР». У дверей гостей встречал лучший боксер всех времен Джо Луис. В отеле спортсмены позавтракали, после чего отправились на экскурсию по городу. Впечатления от нее, сами понимаете, были самые восторженные. После серой и унылой Москвы

сверкающий неоновой рекламой город-казино казался чуть ли не седьмым чудом света.

Первые бои начались 20 января в 12 часов дня по местному времени (разница с Москвой — 12 часов). Зал вмещал в себя 21 000 мест, однако билеты на эти суперпоединки не продавались, поскольку распространялись во всем мире по знакомству среди очень состоятельных людей. Они приехали посмотреть матч двух сильнейших боксерских сборных, а заодно послушать звезд мировой эстрады и поиграть в рулетку. Говоря современным языком, «классно оттянуться».

Начало матча складывалось для нашей сборной весьма успешно. В первой паре боксировал двукратный чемпион СССР Анатолий Семенов, который свой бой выиграл. Затем то же самое сделал и Виктор Запорожец. Следующую победу нашей сборной принес Александр Мельников. Однако затем мы проиграли три матча подряд и счет сравнялся — 3:3. В труднейшем бою Анатолий Левищев заработал еще одно очко нашей команде, однако выступивший следом за ним Сурен Казарян свой поединок проиграл — счет опять сравнялся. Следующее очко сборной СССР принесла победа Езаса Юоцявичуса.

Однако во всех поединках советские боксеры ни разу не отправили в нокаут своих противников. А вот американцы двух наших все-таки нокаутировали. Неужели никому из команды СССР так и не удастся свалить с ног хотя бы одного из своих соперников? — задавали себе вопрос советские тренеры. И тогда на ринг вышел «король нокаутов» Олег Коротаев. Ему противостоял опытный боксер Джонсон. С первых же секунд поединка он бросился в атаку и заставил нашего боксера уйти в глухую защиту. Зал ревел в предвкушении скорой победы своего кумира. Однако гонг возвестил о завершении первого раунда.

Второй раунд тоже начался с мощнейших атак Джонсона, который вновь загнал нашего боксера в угол ринга. Удары американца следовали один за другим, но Коротаев ловко от них уворачивался. В конце концов ему это надоело, он поймал момент и быстро и четко провел свою коронную серию — левой снизу по печени и правой коротко в голову. Джонсон упал и долго не мог подняться. В зале наступила гробовая тишина, и лишь спустя некоторое время

раздались аплодисменты. Рефери, как и зрители, также не сразу понял, что произошло, и поэтому запоздал со счетом. И действительно, было от чего замешкаться: полтора раунда американец долбил русского, что называется, «и в хвост, и в гриву», а потом русский нанес всего пару-тройку ударов, и Джонсон рухнул как подкошенный. В итоге Коротаева объявили победителем нокаутом, и счет в матче стал 6:4 в нашу пользу. И хотя наш следующий боксер — Камо Сароян — свой поединок проиграл, мы все равно остались победителями — 6:5. С таким же счетом наша сборная выиграла здесь же у американцев и два года назад. Но суперсерия на этом не закончилась, поскольку впереди наших боксеров ждали еще два матча в других городах Америки: Денвере и Луисвилле. Однако пока перенесемся на время из Америки обратно в СССР.

В четверг, 21 января, в Вологде состоялись похороны Николая Рубцова. Проходили они на пустыре, отведенном под городское кладбище. Там было пусто и голо, только на вставленных в мерзлую землю шестах над могилами сидели вороны. Людей собралось не очень много, поскольку хоронили поэта в будний день. В своем прощальном слове Виктор Астафьев сказал: «Человеческая жизнь у всех начинается одинаково, а кончается по-разному. И есть странная, горькая традиция в кончине многих больших русских поэтов. Все великие певцы уходили из жизни рано и, как правило, не по своей воле...»

В этот же день на «Мосфильме», в творческом объединении «Время», состоялся худсовет, посвященный актерским пробам для фильма «Джентльмены удачи». На роль вора Доцента и заведующего детским садом Трошкина безоговорочно прошел Евгений Леонов, Георгию Вицину (Хмырь) посоветовали лучше поработать над гримом, Савелию Крамарову (Косой) — следить, чтобы не «выплеснулся» в одном эпизоде, вместо Олега Видова (лейтенант милиции Славин) рекомендовали пригласить Михаила Кононова (как мы теперь знаем, не пригласили). Актеры, показанные худсовету на роль Василия Алибабаевича, были все забракованы. С этой ролью вообще случилось много мороки. Первоначально сам режиссер и авторы сценария Георгий Данелия и Виктория Токарева хотели пригласить Фрунзе Мкртчяна. Причем сам он поначалу тоже был согласен

сняться. Однако затем ситуация изменилась. В ноябре 70-го в Армении проходили торжества, посвященные 50-летию образования республики. И Мкртчян, занятый в премьерном спектакле Театра имени Сундукяна, так и не смог вырваться в Москву на пробы. А затем он и вовсе отказался от роли, видимо, не пожелав променять роль в серьезном спектакле (за нее ему обещали присвоить внеочередное звание) на участие в пустой, как он считал, комедии. В итоге Серый перепробовал на эту роль множество актеров с нерусской внешностью, однако худсовет их всех забраковал. Теперь предстояло продолжить поиски. А время поджимало — зимняя натура вот-вот могла сойти на нет.

В эти же дни съемочная группа другого фильма — «Офицеры» (студия имени Горького, режиссер — Владимир Роговой) — после недельного перерыва, связанного с болезнью актрисы Алины Покровской, приступила к работе над натурным эпизодом «в санитарном поезде». Снимался он на заброшенной узкоколейке за нынешней гостиницей «Космос». В роли годовалого малыша Вани Трофимова оказался воспитанник Бабушкинского детдома Володя Селиванов. Почему детдомовец? Объяснение простое: ни одна нормальная мать не хотела, чтобы ее ребенок часами мучился под софитами и замерзал в неотапливаемом вагоне. На съемки Володю сопровождала нянечка из детдома, и под ее строгим присмотром мальчик играл превосходно: он уплетал кашу и куски сахара за милую душу, ни разу не закапризничав. Спустя год, когда фильм уже всюду будут крутить в кинотеатрах, судьба Володи круто изменится. Однако об этом я расскажу в свое время, а пока вернемся к другим событиям января 71-го.

22 января в Денвере наша сборная по боксу разделилась: пятеро боксеров остались проводить матчи там, а шестеро уехали боксировать на родину легендарного боксера Мохаммеда Али в столицу штата Кентукки город Луисвилл. Коротаев попал в денверскую группу, однако уже через день его тоже перебросили в Луисвилл, поскольку в Денвере ему не нашлось достойного соперника (любого из тамошних боксеров он бы уделал в первом раунде). А в Луисвилле жил спарринг-партнер самого Мохаммеда Али Эмиль Ратлиф, которого американцы и наметили в противники королю нокаутов Коротаеву. При этом американцы для

приличия поинтересовались у нашего боксера, как он относится к тому, чтобы выйти на ринг с профессионалом, которого прочат в будущие чемпионы мира среди профессионалов и видят в нем замену легендарному Али. Коротаяев ответил коротко: «Мне все равно, с кем боксировать».

Бой Коротаяева с Ратлифом состоялся 24 января в спортивном дворце в Луисвилле, который вмещал 25 тысяч зрителей. Кстати, на нем присутствовала и денверская группа наших боксеров, которая только-только прилетела оттуда в Луисвилл. Наши ребята выиграли свою часть турнира со счетом 3:2. Таким образом, общий счет в матче СССР—США стал 2:0 в нашу пользу. Однако в луисвиллской группе наши спортсмены к моменту матча Коротаяев—Ратлиф проигрывали 2:3. Поэтому от предстоящего поединка многое зависело. Далее послушаем рассказ самого участника боя — Коротаяева:

«Здоров он был необычайно, чувствовалась хорошая физическая подготовка. Если и с техникой у него все в порядке — бой предстоит серьезный. Раздался гонг. Я занял центр ринга, а Ратлиф, работая в манере Мохаммеда Али, стал кружить вокруг меня и быстро бить джены левой. Я легко уклонялся от этих ударов и отрезал ему свободное пространство ринга, тесня к канатам. Когда у него вовсе не оставалось места для передвижения, он резко шел на меня и у нас завязывался жесткий бой на средней и ближней дистанции. В одной из атак я сильно пробил левой сбоку, и Ратлиф упал. Отсчитав положенные секунды, рефери дал команду продолжать бой. Ратлиф, видимо, не ожидал, что окажется в нокауте, и, чтобы отыграться, пошел в атаку. У нас вновь завязался бой на средней и ближней дистанции. Американцы очень сильны в таком бою, это их главный козырь, особенно у профессионалов. Но для меня такой бой — родная стихия. В конце раунда я провел несколько ударов в область печени, и Ратлиф опустился на помост ринга. Рефери открыл счет и за секунду до гонга дал команду: «Бокс». После перерыва Ратлиф снова пошел вперед. Что творилось во дворце — передать словами невозможно. Сплошной рев — так хотелось болельщикам, чтобы Ратлиф у меня выиграл. Я, конечно, с удовольствием принял этот бой и в одно из мгновений провел свою любимую серию левой снизу и правой прямой коротко. Ратлиф

снова упал. Рефери, а в ринге был Владимир Енгибарян, хотел было прекратить встречу, но секунданты Ратлифа и руководители американской делегации обратились к главному судье, полковнику Халу, с требованиями продолжить бой. После нескольких совещательных минут рефери пригласил нас на центр и дал команду: «Бокс». Я загнал Ратлифа в угол и, когда он там упал, отошел в нейтральный угол ринга. Все было кончено. Досчитав до 9, рефери объявил: «Аут». И поднял вверх мою руку. В зале стояла гробовая тишина. Ратлиф поднялся с ринга, подошел ко мне и вместо рефери подержал вверх мою руку. В зале тут же раздались аплодисменты и приветственные возгласы. Сразу же после боя, я даже не успел снять перчатки, на ринг вышел первый тренер Мохаммеда Али и вручил мне кубок — «Приз лучшего боксера встречи».

Когда мы приехали в отель, хозяева матча устроили товарищеский ужин с американской командой, всем раздали памятные подарки...»

В тот же день, когда Коротаяев вышел на ринг против сильнейшего боксера-профессионала, в Москве справляли семидесятилетие кинорежиссера Михаила Ромма. Торжество проходило в Доме кино, зал которого был буквально переполнен. На освещенной и скромно оформленной (золотой цифрой «70» и цветами) сцене, в присутствии сверхпредставительного президиума взволнованный юбиляр выслушивал речи, принимал адреса и подарки и складывал их в живописную кучу подле сидящей рядом своей супруги, актрисы Елены Александровны Кузьминой. Самый оригинальный подарок преподнесли Ромму его недавние ученики, а ныне молодые режиссеры: Сергей Соловьев, Игорь Таланкин, Евгений Карелов, Вилен Азаров и другие. Они подарили юбиляру... два колеса для автомобиля «Волга». Когда Ромм увидел этот подарок, он то ли от удивления, то ли от счастья схватился за голову.

День 25 января выпал на понедельник. А он, как известно, день тяжелый. Тогда на 75-м году жизни скончался известный композитор Венедикт Пушкин. Всесоюзную славу он приобрел благодаря кинематографу еще в середине 30-х годов. В те годы буквально вся страна распевала его песню «Лейся песня на просторе», написанную для фильма «Семеро смелых»

(1935). А всего Пушкин написал музыку более чем к 40 фильмам.

В этот же день в Союзе писателей проходил вечер, посвященный 80-летию со дня рождения писателя Ильи Эренбурга. Среди приглашенных на это торжество было много известных людей, большую часть которых можно смело назвать «пришлыми» — они никакого отношения к покойному юбиляру не имели. Более того, сам Эренбург при жизни их не приветствовал и вряд ли бы теперь пригласил. Однако организаторы вечера этим пренебрегли. И наоборот, кинорежиссера Григория Козинцева, родная сестра которого была замужем за Эренбургом, на торжество позвали, но уже задним числом — телеграмму с приглашением ему вручили на следующий день после юбилея. Он очень расстроился. В своем письме Вениамину Каверину он жаловался:

«Организаторам почему-то пришло в голову пригласить выступать С. А. Герасимова, но о моем существовании никто не вспомнил. Дело, разумеется, не в моей обиде (на кого?) и даже не в желательности именно моего выступления: вряд ли оно было бы таким уж существенным для памяти Ильи Григорьевича. Все это не так уж важно. Горько и тяжело мне было по иной причине: Любе (покойная сестра режиссера. — Ф. Р.), вероятно, хотелось бы, чтобы я был на этом вечере; да она и не смогла бы себе представить, чтобы я на него не приехал...»

И еще одно знаменательное событие произошло в этот день — Владимир Высоцкий вступил в возраст Христа и справил свой 33-й день рождения. Правда, справлял он его не в самом лучшем расположении духа. Как мы помним, одиннадцать дней назад он опять сорвался и угодил в больницу (причем три дня его держали в «психушке» в буйном отделении). В Театре на Таганке, где он репетировал роль Гамлета, рассчитывали, что за неделю он поправится и вновь приступит к работе. Ошиблись. Высоцкий не объявился ни 21-го, ни 22-го, ни 23-го — в день, когда весь актерский состав «Гамлета» предстал перед грозными глазами Любимова. В итоге роль Гамлета режиссер попросил прочесть Леонида Филатова. А еще через сутки предложили Золотухину взять эту роль себе. Тот согласился, хотя прекрасно понимал, как воспримет этот его поступок Высоцкий.

Ведь до недавнего времени они считались «друзья — не разлей вода». Что-то будет теперь?

В январе родился сын Саша у Сергея и Татьяны Никитиных. С рождением ребенка мама, естественно, занялась его воспитанием, а отец продолжал трудиться сразу в двух областях: в науке (после окончания физтеха МГУ он работал в лаборатории одного из научно-исследовательских институтов) и в авторской песне (с декабря 62-го Сергей написал добрый десяток песен, однако главные шлягеры были еще впереди).

В те же дни советская сборная по боксу победно завершила свое турне в США. Наши блестяще провели практически все поединки. Лучшим боксером-любителем США был назван Лари Лайл (он нокаутировал Камо Сарояна), а лучшим боксером в нашей команде по праву стал Олег Коротаяев. Кстати, сразу после вручения кубка знаменитый Анжело Данди (менеджер Мохаммеда Али) предложил Коротаяеву подписать с ним контракт на выступления среди профессионалов и назвал сумму — 1,5 миллиона долларов. Даже по североамериканским меркам это было круто, а уж про советские и говорить нечего. Но Коротаяев от суперконтракта вынужден был отказаться, причем сделал это под давлением советника посольства. Американцы, откровенно шокированные этим событием, на пресс-конференции высказались открыто: «Коротаяев, вы, наверное, не представляете, какую вам предлагают сумму. Такого контракта еще никогда не предлагали боксеру-любителю!» На что Коротаяев ответил: «Я не поменяю 250 миллионов своих соотечественников на полтора миллиона долларов».

После завершения пресс-конференции к Коротаяеву подошел сам Анжело Данди и, сняв со своего пальца перстень с бриллиантами и сапфиром, отдал его советскому боксеру. Затем наша сборная в полном составе отправилась в ресторан — ужинать и слушать выступления звезд американской эстрады, одним из которых был сам Фрэнк Синатра.

На следующий день для советских спортсменов была устроена экскурсия по Нью-Йорку. Они побывали на 99-м этаже самого высокого в то время здания в мире «Эмпайр-стейт-билдинг», спустились на восемь этажей ниже, где был расположен ресторан, и там роскошно пообедали. Затем пошли гулять по Бродвею.

Впечатлений от этой прогулки нашим ребятам хватило на всю жизнь, ведь ничего подобного у себя на родине они никогда не видели. В 71-м в Москве, кроме Красной площади, Калининского проспекта и улицы Горького (кстати, именуемой в народе Бродвеем), и смотреть было не на что. В большинстве своем улицы Москвы выглядели уныло, а развешанные тут и там огромные плакаты с надписями типа «Наша цель — коммунизм» или «Народ и партия — едины» придавали этой унылости какой-то сюрреалистический колорит. И так было во всем. Каких-то десять лет назад в столичных магазинах полки буквально ломились от самых разнообразных товаров, а с начала 70-х все это изобилие как корова языком слизала. Вот когда в широком обиходе появилось слово «дефицит». Многие продавцы повадились прятать товар, пользующийся спросом, под прилавком. В итоге до рядового покупателя он не доходил, а распространялся по благу — среди друзей и знакомых работников торговли. Конечно, торговля из-под прилавка существовала и в 60-е годы, однако по-настоящему стала заметна именно в 70-е. Пресса, конечно, была тревогу по этому поводу, однако журналистская борьба, по большому счету, напоминала схватку с ветряными мельницами. Например, только в январе столичные газеты разродились сразу несколькими статьями на тему создания искусственного ажиотажа вокруг отдельных видов товаров. Упомяну всего лишь одну из этих публикаций — статья называлась «Мимо прилавка» и была напечатана 19 января в «Вечерней Москве».

Автор заметки — Ю. Хотченков — привел несколько примеров того, как руководители отдельных торговых предприятий мухлюют с товаром. Например, в универмаге №9 «Ленинград» продолжительное время прилавки были избавлены от ходовой продукции. На все вопросы покупателей, когда же в магазин завезут хоть что-то стоящее, продавцы отвечали: ждем-с. Вот и дождались. Только не завоза товаров, а инспекции из ОБХСС (теперь эту службу называют УБЭП), которая выявила следующее. Оказывается, ходовой товар в магазине имелся, но лежал в подсобке и распространялся строго по знакомству. И он действительно был стоящий: в трикотажной секции у заместителя заведующего хранилось жакетов, джемперов и сорочек

аж на полторы тысячи рублей! А в подсобке обувной секции «отыскалось» обуви на три тысячи целковых. Думаете, это все? Ошибаетесь! Обэхээсники заглянули еще в галантерейную секцию и обнаружили там залежи дефицитных портфелей и мужских перчаток. Все это ушлые работники магазина продавали на сторону, естественно, заламывая за каждую вещь цену вдвое выше реальной.

И так практически в каждом столичном магазине. Например, наведались обэхээсники в подсобку универмага №32 и обнаружили, что там «до лучших времен» припрятано немало меховых товаров и головных уборов. Заглянули в магазин №1 Мосэлектробытторга и нашли там спрятанными от рядового покупателя так нужные ему кофеварки и электрочайники. Этот список можно было продолжать до бесконечности.

Большинство из этих остродефицитных вещей, как я уже говорил, распространялось по знакомым либо шло как плата за услуги. Например, понадобилось директору галантерейного магазина сменить резину на своем новороченном «жигуленке», он берет пару-тройку импортных рубашек типа «батник» и идет к директору магазина «Автозапчасти». Все — вопрос решен.

Однако часть товаров попадала перекупщикам и «уходила» на толкучки. В те годы оптовых рынков, подобных нынешним, в Москве не существовало, но «толчков» (мест, где из-под полы продавался дефицит) было в избытке. Один из них функционировал у «комка», то бишь комиссионного магазина, на Садово-Кудринской, 7. Вот куда не зарастала народная тропа, поскольку там среди бела дня можно было купить если не все, то, во всяком случае, многое из тогдашнего дефицита. Например, шоколадные конфеты в коробках. В магазинах их достать не представлялось возможным, поскольку на прилавки выбрасывали от силы десяток-другой коробок, которые народ сметал за считанные минуты. Зато на «толчке» этого добра было в избытке, но, сами понимаете, по двойной цене. Кроме упомянутых конфет, на «толчке» продавались и другие остродефицитные вещи: магнитофонная лента, итальянские очки с дымчатыми стеклами, импортные сигареты, шариковые ручки венгерского производства и т. д. и т. п.

Хроническое отсутствие хороших товаров на прилавках магазинов рождало на свет самых разных мошенников, которые, что называется, «ловили момент». Вот лишь один пример. Некая женщина наладила в Москве бесперебойный промысел по «впариванию» рядовым гражданам дефицитных вещей, которые она... находила в пунктах проката. Делалось это просто. Мошенница приходила в «прокатку», предъявляла паспорт на свое имя и брала по десятку столовых предметов, мотивируя это тем, что собирается справлять большое застолье. За короткий период времени она умудрилась таким образом обойти 12 ателье проката и набрать более пятисот различных вещей (350 тарелок; 76 хрустальных стопок, 74 рюмки, 66 бокалов, 48 чашек с блюдцами и т. д.) на общую сумму около 750 рублей. Мошенницу, конечно же, разоблачили и впяли за ее незаконную деятельность три года колонии общего режима.

Однако вернемся к хронике событий января 71-го.

26 января чрезвычайное происшествие произошло в Ленинграде. Там из-за халатности врачей, выдававших лекарства в аптеке на Васильевском острове, едва не погиб 4-летний ребенок. События развивались следующим образом.

Папа мальчика, вернувшись вечером с работы домой, застал там невеселую картину: у сына поднялась температура, а жена все это время не могла оставить его одного, чтобы сбежать в аптеку за лекарством. Глава семьи схватил рецепт и помчался в аптеку сам. Событие, в общем-то, рядовое и в подавляющем большинстве случаев заканчивающиеся благополучно. Но здесь все было иначе. Продавец, видимо, плохо прочитала название лекарства на рецепте и вручила отцу мальчика совершенно другой препарат — очень опасный для ребенка. Эту ошибку вскоре обнаружила рецептор-контролер, которая, не медля ни секунды, тут же сообщила о случившемся в милицию. Там к ее заявлению отнеслись с огромной ответственностью. Операцию по поиску больного ребенка, который вот-вот мог получить опасную дозу препарата, возглавили полковник милиции Г. Надсон и капитан Г. Гордеев. Поскольку они располагали только именем и фамилией ребенка — Дима Горзиенко, — они тут же связались с адресным бюро. Вся надежда была на то, что

людей с такой фамилией в городе на Неве будет не так много. Но их набралось 28 человек. Пришлось проверять каждый из этих адресов, для чего в путь отправились 28 патрульных машин.

В это же время группа оперативников начала поиск врача Ивановой, выдававшей рецепт. И вновь невезуха — Ивановых в поликлинике оказалось несколько. Чувствуя, что принимаемых мер явно недостаточно, чтобы предотвратить беду, решили подключить телевидение. Экстренное сообщение передали по ЛенТВ в 20.30, а уже спустя несколько минут сотни ленинградцев стали обрывать телефоны, пытаясь дозвониться до милиции. Все хотели помочь найти мальчика. Масса людей собралась в самой аптеке на Васильевском, причем люди уже были готовы к тому, чтобы обойти квартиру за квартирой в огромном районе города. Но исход дела решил звонок техника-смотрителя В. Перепелицыной, которая и сообщила точный адрес ребенка. Туда тут же выехала милицейская «канарейка». В 21.57 младший сержант милиции А. Гаврилюк вбежал по ступеням лестницы к нужной двери и надавил на звонок. Едва дверь отворилась, как страж порядка влетел в квартиру и, почти как в кино, в последнюю секунду успел вырвать из рук матери лекарство, которое она собралась дать сыну перед сном. Как говорится, хеппи-энд.

Еще об одной истории со счастливым концом поведала 27 января газета «Вечерняя Москва». Правда, речь там не шла о жизни и смерти, а всего лишь о счастливом выигрыше в лотерею «Спортлото». Как мы помним, старт лотереи был дан в октябре прошлого года, и за это время несколько игроков получили крупные выигрыши. Однако самый крупный куш сорвал в январе 71-го столичный шофер В. Анисимов, который отгадал сразу две карточки, за что получил 10 000 рублей.

В ряде центральных газет не утихают дискуссии на тему присуждения Александру Солженицыну Нобелевской премии. Естественно, все публикации на этот счет — исключительно со знаком «минус» — клеймят позором как самого лауреата, так и тех, кто додумался присудить ему эту премию. 27 января в «Литературной газете» было опубликовано открытое письмо Солженицыну американского певца Дина Рида, в котором певец сообщил, что Соеди-

ненные Штаты Америки «глубоко больны», что именно поэтому он покинул их и поселился в Италии. Если же порой «советская страна спотыкается, — писал Дин Рид, — то мы не должны осуждать систему, а должны приветствовать ее за мужество». Иноземный певец учил, как надо любить Россию, русского писателя. Фантастика! Вообще в СССР к Дину Риду было двойное отношение: с одной стороны, он пользовался большой популярностью как певец (я сам до сих пор храню в своей личной фонотеке его диск-гигант, изданный «Мелодией» в 70-х), но при этом многие весьма негативно относились к его политическим эскападам. Самым странным являлось то, что Дин Рид на всех углах расхваливал Советский Союз, однако жить предпочитал вне его пределов: сначала в Италии, затем в ГДР.

В четверг, 28 января, в Каннах открылась очередная международная ярмарка граммпластинок и музыкальных изданий. Как мы помним, в 1970 году Советский Союз на ярмарке представляли Муслим Магомаев и Эдита Пьеха. На этот раз туда отправились четыре исполнителя: певец Владимир Баглаенко и трио музыкантов в составе: В. Галкина (баян), М. Рожков (балалайка) и В. Тихонов (гусли). Как писали советские газеты, их выступление встретили с большим интересом, что вполне объяснимо: вариации на тему «а ля рюс» всегда были очень популярны во Франции.

31 января нешуточные страсти разгорелись в Театре на Таганке. И опять из-за Владимира Высоцкого. Вот уже вторую неделю он не появлялся на работе, отчего у руководства накопилась масса серьезных претензий. В этот день на свое заседание собрался местком театра, а также партбюро и бюро комсомола (и это при том, что Высоцкий ни в одной из двух последних организациях не состоял). Вот что пишет в своем дневнике В. Золотухин:

«Я опоздал. Полагал, что, как всегда, заседание состоится в 15, а оно было назначено на 14 часов. Пришел к голосованию. Об увольнении речи, кажется, не было вовсе. Значит, оставили в самый последний-последний раз, с самыми-самыми строгими предупреждениями. Володя сидел в кабинете шефа, воспаленный, немного сумасшедший — остаток вынесенного впечатления из буйного отделения, куда его друзья устроили на трое суток. Володя сказал:

«Если будет второй исполнитель (речь идет о роли Гамлета. — Ф. Р.), я репетировать не буду». Я рассказал ему о своем разговоре с шефом, сказал, что «читка роли Филатовым была в пользу твою, все это выглядело детским лепетом» и т. д., чем, кажется, очень поддержал Володю.

— Если ты будешь репетировать, никто другой не сунется и репетировать не будет. Но для этого ты должен быть в полном здравии и репетировать изо дня в день.

— Марина улетела, и кажется, навсегда. Хотя посмотрим, разберемся...»

Коль речь зашла о театре, самое время поговорить о премьерах второй половины января. Было их не так много: 17-го в ЦТСА показали спектакль «Давным-давно» с Ларисой Голубкиной в роли женщины-гусара Шурочки Азаровой; 20-го в Театре имени Моссовета — спектакль о жизни и деятельности советских физиков «Несколько тревожных дней» с Ростиславом Пляттом (Гаранин) и Георгием Жженовым (Архангельский) в главных ролях; 28-го в Театре имени Гоголя — «Портрет».

Чуть меньше было кинопремьер: 19-го на столичных экраны вышел фильм В. Ивченко «Путь к сердцу», рассказывающий про ученых-медиков, занимающихся пересадкой сердца, с участием Н. Маруфова, Н. Мышковой и др.; 22-го — «Расплата» режиссера Ф. Филиппова, повествующий о человеке, который во время войны, спасая свою жизнь, предал Родину. Главные роли в картине исполнили молодые звезды советского кино Олег Янковский и Виктория Федорова. Из зарубежных премьер назову венгерский фильм «Звезды Эгера», который пользовался бешеным успехом у школьников, что понятно: XVI век, красочные батальные сцены сражений, возвышенная любовь и т. д.

В январе на экраны столицы вышел 2-й выпуск мультфильма «Ну, погоди!». Как мы помним, выпуск №1 увидел свет в июле прошлого года и имел суперуспех не только у детской, но и у взрослой аудитории. Такого поистине феерического успеха до этого заслужило не так много отечественных мультфильмов: «Бременские музыканты», «Крокодил Гена», «Шайбу-шайбу!» и еще пара-тройка других. Этот успех окрылил создателей «Ну, погоди!», и они взялись за продолжение. В новом фильме Волк гонялся за Зайцем в Парке культуры и отдыха. Успех этой

серии был еще большим, что окончательно убедило создателей в том, что нужно делать сериал.

По телевизору не показали ни одной премьеры. Там «гоняли» сплошь старые фильмы: 25-го — «Любимая» (1965), «Как вас теперь называть?» (1965), 28-го — «Исправленному верить» (1959), 29-го — «Девушка без адреса» (1958), 30-го — «Сережа» (1960), «Отелло» (1956). Из развлекательных передач назову следующие: концерт оркестра «Голубой экран» (25-го), «А ну-ка, девушки!» (27-го), «Кабачок «13 стульев» (29-го), концерт Бедроса Киркорова (30-го).

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие пластинки: миньоны (твердые) — «Поет Эмиль Горовец» с песнями: «Дорога» (Д. Тухманов — М. Ножкин), «Все повторится» (Э. Горовец — Л. Дербенев), «Пусть говорят» (М. Алехандро — Л. Дербенев), «Если лю-

бишь — скажи» (М. Алехандро — О. Гаджикасимов); «Песни в исполнении Полада Бюль-Бюльоглы и вокального квартета «Аккорд»; «Эстрадные песни» («Казачок» — исполняет вокальный ансамбль, «Синяя птица» — ВИА «Поющие гитары», «Замок на песке» — Ш. Петраке); «Эстрадные песни» («Зима» — Э. Ханок — исполняет Л. Хомянц, «Русская зима» — Владимир Макаров и др.), «Песни композитора В. Левашова» («Мне не жить без России» — исп. Иван Суржиков, «Шесть орденов» — Вадим Мулерман, «Журавли летели» — Людмила Зыкина, «У могучего дуба» — квартет «Аккорд»), «Поют Роза Джелакаева и Петр Деметр» («Ром Боро», «Родился я в таборе», «О чем пела скрипка»); диск-гигант «Поет Людмила Зыкина» («Песня о Ленине» О. Фельцмана, «Половодье» С. Туликова, «Гололедица» В. Шаинского, «Скажи, сынок» А. Новикова, «Будет радуга» Е. Жарковского и др.).

1971

Февраль

Почему Алексей Уланов не женился на Ирине Родниной. КГБ следит за Высоцким. Страшное время Олега Даля. В Москве погибает Изольда Извицкая. Был ли Джордже Марьянович наркоманом? ЧП в городе Черемхове. Розачарование Бориса Бабочкина. Андрей Миронов спел «Песенку о шпаге». Приколы студента ГИТИСа Владимира Винокура. Премьера месяца — «Следствие ведут знатоки». Аврал на съемках фильма «Джентльмены удачи». Коллеги-режиссеры «зарубили» Шукшину постановку «Степана Разина». Самоубийство писателя Леонида Соболева. Свадьба Александра Лебеда. «Офицеры»: туркменская экспедиция. Суд оправдал невиновного, но тот умер от инфаркта. Московские евреи захватывают приемную Президиума Верховного Совета СССР. Триумф советских фигуристов. Как начальник ГРУ Петр Ивашутин обошел председателя КГБ Юрия Андропова. За что Высоцкий обижался на Золотухина.

В понедельник, 1 февраля, Владимир Высоцкий был допущен до репетиций в спектакле «Гамлет». Очевидно, что состоявшееся накануне собрание повлияло на него благотворно, — актер выглядел собранным, целеустремленным. Все замечания Любимова Высоцкий выслушивал спокойно, с пониманием того, что режиссер хочет ему только добра.

В эти же дни в швейцарском городе Цюрихе проходил очередной чемпионат Европы по фигурному катанию. Советские спортсмены выступали блестяще и второй раз в истории этого вида спорта выиграла все награды первенства. Золотые медали достались Ирине Родниной и Алексею Уланову, серебряные — Людмиле Смирновой и Андрею Сурайкину, бронзовые — Г. Карелиной и Г. Проскурину. В танцах на льду чемпионами стали Людмила Пахомова и Александр Горшков. Безусловными фаворитами турнира являлись Роднина и Уланов, которых наши болельщики упрямо называли любовниками и буквально считали дни, когда же наконец они поженятся. Однако на самом деле отношения между этими фигу-

ристами вне пределов ледовой площадки были весьма прохладными. Причем «застрельщиком» подобных отношений выступил Уланов, в то время как Родниной он нравился. Но Алексей тогда был сильно увлечен другой женщиной — фигуристкой из ГДР Габи Зайферт. В 71-м году она ушла из большого спорта и поэтому в Цюрихе не выступала. Она хотела отправиться на турнир в качестве рядового зрителя, но ей это сделать не разрешили, мотивировав тем, что в Спорткомитете на подобную поездку нет валюты (!). Уланова это сильно расстроило. Прямо с чемпионата он написал ей письмо, которое согласилась доставить до адресата мать фигуристки. В этом послании Уланов спрашивал: «Почему ты перестала кататься, почему мы не можем быть вместе? Чего ты боишься?» То есть он готов был связать свою судьбу с Габи, дело было только за ней. Но она так и не решилась принять его предложение. Позднее она признается, что в дни чемпионата сидела одна в родительской квартире, смотрела выступление Уланова—Родниной и обливалась слезами. Но шаг навстречу так и не сделала.

И еще о спорте. 2 февраля наша сборная по футболу (тренеры В. Николаев и А. Парамонов) вернулась из Болгарии, где провела серию товарищеских матчей с местными командами. Теперь через несколько дней ей предстоял еще один вояж — на сей раз в Южную Америку. Эта поездка была неоднозначно воспринята многими футбольными специалистами, которые задавались вопросом: зачем лететь так далеко, чтобы встретиться с второразрядными командами? Мол, странный метод подготовки к ответственному сезону (летом наши футболисты должны были играть на чемпионате мира в Мексике). По этому поводу еще два года назад выступала «Комсомольская правда». Вот и в этом феврале на ее страницах появляется еще одна заметка под названием «За пять морей... на тренировку». Думаете, кто-то из руководителей советского футбола обратил внимание на публикацию? Ошибаетесь. Все развивалось согласно поговорке: «Собака лает — караван идет». Короче говоря, сборная собралась и улетила за океан. Злопыхатели утверждали, что главной целью подобных вояжей были отнюдь не спортивные результаты, а чисто меркантильные интересы — «прибарахлиться». Однако осуждать спортсменов и тогда, а тем более сейчас, ни у кого рука не поднималась: время было такое — дефицитное.

4 февраля, вечером, в Театре на Таганке играли спектакль «Час пик». После его окончания Владимир Высоцкий в компании Валерия Золотухина и режиссера Геннадия Полоки отправились домой к постановщику спектакля и исполнителю главной роли Вениамину Смехову. Жена хозяина квартиры Алла накрыла хороший стол, где была и водочка, и соответствующая закуска. Высоцкий спел несколько песен, после чего друзья принялись жарко дискутировать. Все разговоры велись вокруг одного: как помочь Высоцкому выстоять перед диктатором Любимова. Здесь же Владимир рассказал любопытный эпизод, случившийся с ним пару дней назад. Он по какому-то делу позвонил домой Любимову, но трубку взяла его жена Людмила Целиковская. Узнав, кто звонит, она как с цепи сорвалась:

— Я презираю тебя, этот театр проклятый, Петровича, что они тебя взяли обратно, — кричала она в трубку. — Я презираю себя за то, что была на вашей этой собачьей свадьбе... Тебе

тридцать с лишним, ты взрослый мужик! Зачем тебе эти свадьбы?! Ты бросил детей... Как мы тебя любили, так мы тебя теперь ненавидим. Ты стал плохо играть, плохо репетировать.

Высоцкий пытался защищаться, начал говорить, что сознает свою вину, что ее искупит, но Целиковская оставалась непреклонной:

— Что ты искупишь? Ты же стал бездарен, как пробка!.. — и бросила трубку.

Пересказывая друзьям этот разговор, Высоцкий смеялся, хотя не оставалось сомнений, что в тот день, когда он звонил Любимову, ему было отнюдь не до шуток. Вообще его тогдашнее душевное состояние никак нельзя назвать идеальным. С Любимовым отношения накалились, жена укатила в Париж, пообещав, что больше ноги ее здесь никогда не будет, многие друзья отвернулись. А тут еще слежка КГБ. Про это Высоцкий узнал совершенно случайно. Якобы некая женщина, почитательница его таланта, служившая на Лубянке, рассказала ему, что видела бумаги, в которых некий стукач давал отчет о своих разговорах с Высоцким.

«Тусовка» у Смехова случилась в четверг, а на выходные Высоцкий, Золотухин, Смехов и еще несколько «таганцев» собирались слетать в Куйбышев — «полевачить» на концертах. Однако затея не состоялась, поскольку руководство театра внезапно выступило против этой гастрولي. Или они испугались, что Высоцкий, оказавшись в теплой компании, в очередной раз сорвется, или здесь имелись некие иные причины. В общем, актерам ничего объяснять не стали.

В не менее тревожном состоянии пребывал в те февральские дни и Олег Даль. Он жил в Ленинграде у жены и тещи, снимался всего лишь в одном фильме — «Тень», в театре не играл. Их семью в те дни преследовало страшное безденежье. Вот как вспоминает об этом жена актера Е. Даль:

«У мамы была нищенская зарплата, у меня — тоже, а Олег не работал: вне театра и без съемок. Дело дошло, например, до того, что мы с мамой не пили кофе, почти не ели масла (действительно так!), чтобы оставалось Олегу, начали что-то продавать... Когда он принес первые деньги за «Тень», полученные при заключении договора, — 300 рублей сплошными «трешками», был невероятный праздник. Казалось, что это целое состояние, а спустя два дня не

осталось ни копейки, потому что Олег все забрал и кому-то отдал, кого-то пожалел. Когда я спросила: «Олежечка... А на что мы жить будем?..», — он сказал: «Ну я же не мог не дать. Человек просил деньги».

Ну и, конечно, самое страшное — это его болезнь. Даже наши зарплаты, которые мы приносили и так же в шкатулочку складывали, исчезали мгновенно, потому что как только появлялись деньги, он сразу шел в «загул».

Но дело шло к весне, и у нас были надежды на «Тень», главным образом материальные, потому что мы уже просто умирали от безденежья. Это было страшное время. Просто страшное...»

В еще более жутком состоянии пребывала тогда еще одна звезда советского кинематографа — Изольда Извицкая. Ярко возвестив о себе в 1956 году ролью Марютки в фильме Григория Чухрая «Сорок первый», она затем за каких-то семь-восемь лет исчезла из поля зрения зрителей, отдавшись во власть все того же «зеленого змия». К началу 70-х Извицкая была уже законченная алкоголичка и практически нигде не снималась. Несколько месяцев назад ее вызвал к себе для серьезной беседы начальник актерского отдела «Мосфильма» и предложил пойти к наркологу. Извицкая это сделать наотрез отказалась. Затем от нее ушел муж — актер Эдуард Бредун, который нашел себе другую женщину — продавщицу ковров. Причем ушел он от Извицкой, не заплатив за квартиру и обвинив ее в алкоголизме (хотя сам во многом способствовал возникновению пагубной привычки). Оставшись одна, Извицкая буквально погибала в своей маленькой квартирке в доме №6 по 2-му Мосфильмовскому переулку. Она не хотела ни с кем видаться, не подходила к телефону, а дверь открывала лишь тем, кто стучал ей условным стуком. На улицу она выходила только за водкой, благо магазин-«стекляшка» находился неподалеку от ее дома. Несколько раз ее видели там коллеги-артисты. Изольда сидела на подоконнике, прикрыв лицо платком, чтобы, не дай бог, люди не признали в ней некогда знаменитую актрису. На что жила Извицкая в те дни, неизвестно, поскольку актерское жалованье она не получала, стесняясь звонить в диспетчерскую «Мосфильма». Видимо, на какие-то подачки собутыльников и сбор пустых бутылок. За квартиру она не платила.

Иногда друзья-артисты приносили ей поесть, но эти разовые акции, конечно же, погоды не делали. Извицкая погибала. Вспоминает актриса Татьяна Гаврилова (зритель помнит ее по роли жены Димы Семицветова в картине «Берегись автомобиля»), встретившая в те дни Извицкую на улице:

«Возвращаясь с репетиции, я шла вниз по своему 2-му Мосфильмовскому переулку. Впереди шла худенькая женщина в выцветшей каракулевой шубе и русском цветном платке. Она крепко держала в правой руке старенькую авоську с двумя пустыми бутылками из-под кефира и газетным свертком. Обогнав ее, я обернулась и сразу же узнала Изольду Извицкую. Мы давно не виделись, и ее лицо показалось мне более болезненным и одутловатым, чем прежде, она производила впечатление человека не от мира сего.

— Здравствуйте, Изольда Васильевна!

— Ой, деточка, маленькая, здравствуй! Не хочешь ли зайти ко мне? — спросила она, потирая маленькие руки. Ее глаза просили меня поговорить, пообщаться с ней. Я согласилась. Мы дошли до ее дома и поднялись на 3-й этаж. В однокомнатной квартире Извицкой царил идеальная чистота, но обстановка была весьма бедной. В полукрытом одежном шкафу висело лишь несколько поношенных женских халатиков. Уловив мой взгляд, Изольда Васильевна сказала, что ее недавно обокрали. В углу стояла старая продавленная тахта и около нее телевизор с небольшим экраном. Но на широких полках, занимавших солидное место в комнате, я увидела много хороших книг...

— Деточка, — вдруг произнесла актриса, — давай с тобой выпьем.

Она извлекла из газетного свертка спрятанную бутылку «Столичной», поставила ее на кухонный стол, затем налила две небольшие стопки водки, а на закуску подала черные сухарики, которые всегда сушила и держала на всякий случай. Когда она открывала холодильник на кухне, я заметила, что он пуст. Видимо, все эти последние дни ее мучил голод, но на водку Изольда деньги где-то доставала. После первой рюмки она потеряла равновесие и схватилась за край кухонного стола. Испугавшись, я обхватила ее руками и поволокла к тахте. Когда она пришла в себя, я попрощалась и ушла...»

После этого случая Гаврилова не смогла безучастно взирать на то, как погибает ее коллега по актерскому цеху, и стала навещать ее — приносила еду, скрашивала ее одиночество. Однако предотвратить неумолимо надвигающуюся трагедию она была уже не в силах.

А Москва тем временем живет своей обычной жизнью. В начале февраля в город с гастролями приехал югославский певец Джордже Марьянович. Молодому читателю эта фамилия ничего не говорит, между тем в годы, о которых идет речь, популярность этого певца была равна нынешней славе того же Рики Мартина. Вот и в том феврале на концертах Марьяновича были сплошные аншлаги, люди ночами мерзли у касс, чтобы утром иметь возможность достать билеты на концерт своего кумира. В огромном Дворце спорта в Лужниках, вмещающем 14 тысяч зрителей, он мог собрать аж 25 аншлагов! Правда, в феврале 71-го Марьянович выступал не в ДС, а в Государственном театре эстрады (7—8 февраля), зрительный зал которого вмещал значительно меньшее число зрителей. Но от этого ажиотаж был еще более огромным.

Между тем мало кто знал, что Марьянович в ту пору серьезно болен. Люди, которые непосредственно с ним общались, видели, как плохо он выглядит. Например, Юрий Айзеншпис, который на тех концертах не присутствовал (сидел в колонии), но видел Марьяновича за несколько месяцев до этого, вспоминает:

«Мы познакомились с Марьяновичем в Баку на гастролях. Я просто ужаснулся. Это был страшный человек. Весь в пятнах. На нем что-то около килограмма шпаклевки, у него какая-то болезнь была. По-моему, он все-таки был наркоманом. У меня такое создалось впечатление. Когда он выходил на сцену, выпивал всегда бутылку молока. Перекрестится, выходит и начинает петь...»

В эти же дни чрезвычайное происшествие произошло в небольшом сибирском городке Черемхове. Про этот город угольщиков тогда ходила дурная слава: единственным развлечением его взрослого населения была выпивка, на почве которой там чуть ли не ежедневно происходили различные ЧП — драки, поножовщина и т. д. А 5 февраля город буквально потрясла трагедия, жертвой которой стал ребенок. Дело было так.

В одной из горняцких семей муж каждый вечер приходил домой «под градусом». Жена постоянно корила супруга, но того ее нотации только раздражали. Вечером 5 февраля пьяный отец семейства, устав слушать стенания своей слабой половины, схватил с плиты бак с кипятком и выплеснул на жену. И в этот миг на кухню вбежала трехлетняя дочка... Поскольку женщина давно была подготовлена к подобным выходкам со стороны пьющего мужа, она сумела увернуться от кипятка. В итоге почти вся жидкость досталась маленькой девчужке!

Увидев, что он натворил, глава семейства мгновенно протрезвел и бросился вызывать «Скорую». Та примчалась в считанные минуты и увезла обожженную девочку в больницу. Тамощные врачи, осмотрев ребенка, вынесли вердикт: нужна срочная пересадка кожи. Но где ее взять? И тогда по городскому радио врачи обратились к жителям Черемхова с просьбой о помощи. Спустя каких-то полчаса площадь перед больницей заполнилась сотнями людей, каждый из которых готов был отдать свою кожу несчастному ребенку. Только благодаря людскому состраданию девочку удалось спасти.

А теперь из Сибири перенесемся обратно в Москву.

В те дни Борис Бабочкин получил приглашение от режиссера Театра имени Пушкина Бориса Равенских посетить генеральную репетицию спектакля «Как закалялась сталь». Роман Н. Островского в начале 70-х вновь обрел бешеную популярность. Его ставили во множестве театров, экранизировали в кино. Бабочкин приглашение принял, о чем сразу же и пожалел. 10 февраля он вывел в своем дневнике следующие строки:

«Черт меня дернул по «дипломатическим соображениям» пойти на генеральную в Театр Пушкина на «Как закалялась сталь» Равенских...»

Это ну как если бы в общественный сортир на станции Лозовая ударила малокалиберная фугасная бомба. Это пошлость, претендующая на национальный масштаб. Посмотрев на такую махровую ультрарусскую пошлость, начинаешь понимать, почему Лев Толстой называл патриотизм низменным чувством.

Все идет под пение Людмилы Зыкиной. Апофеоз безвкусицы, ложного темперамента, пре-

тенциозности. Я комсомолец тех лет. Я все это знаю сам, я все это видел и пережил. Почему во мне не дрогнула ни одна струна, когда я с трудом все это смотрел? Потому что все это — ложь, фальшь, приспособленчество и наглость. Все актеры играют только половую психопатию. Виктор Коршунов и Равенских в «Иване Рыбакове» начали играть этот образ, но Коршунов на этом и остановился, а Равенских «развил» и распространил на всех — мужчин, женщин, молодых, старых — на всех. На сцене все время происходит как бы воображаемый половой акт. Но именно воображаемый, неестественный, вымученный.

Я помню, Зубов говорил: у Равенских все актеры всегда играют как бы одну и ту же пьесу, и труппа у него — лошадь, он нахлестал ее кнутом, потом еще вставил в задницу кнутовище и выгнал на сцену играть.

Боже мой! И мне нужно обо всем этом молчать? Скрывать, что я об этом думаю?..»

На студии имени Горького продолжается работа над многострадальным истерном «Достояние республики». Как мы помним, после январского заседания партбюро съемочной группе разрешили снять новые сцены, не предусмотренные первоначальным сценарием. Среди них был и вставной номер с песней Маркиза (Андрей Миронов) «Кто на новенького?» («Песенка о шпаге»), которую он исполняет на барже (67-метровую декорацию «баржи» построили в 6-м павильоне студии). Этот эпизод был сделан в середине января, однако из-за брака пленки полетел в корзину. Поэтому в начале февраля его сняли заново, и на этот раз удачно. После выхода ленты на экран песне суждено будет стать всенародным шлягером.

Владимир Винокур в эти же дни «грызет гранит науки» в стенах ГИТИСа на факультете музыкальной комедии, куда он поступил летом прошлого года. Жил он в общежитии на Трифоновской, где обитали студенты многих столичных творческих вузов: Щукинского, Щепкинского, Суриковского. Поскольку стипендия в ГИТИСе была всего лишь 28 рублей, денег Винокуру на жизнь явно не хватало. Даже одеться прилично на первом курсе он себе позволить не мог, поэтому рассекал пространство в коротеньком тулупе за 37 рублей, прозванный в народе «сто-рожем». Точно в таком же тулупе ходил и приятель Винокура Игорь Непомнящий. Вместе

они смотрелись очень потешно, поскольку Винокур был среднего роста, а Непомнящий почти под два метра. Иногда они этим пользовались и разыгрывали целые спектакли в людных местах. Так произошло и той зимой.

К Винокуру из Курска приехал родной брат Борис, который работал заместителем директора областного торгового предприятия по строительству. По русскому обычаю это дело следовало обмыть, и Винокур с братом, Игорем и еще двумя приятелями отправились за поллитровкой в Елисеевский магазин. Пришли, а там чуть ли не километровая очередь. Чек-то они выбили, но подойти к прилавку никак не могут. А трубы-то горят! Тогда Винокур «включил на полную мощность» свою смекалку и попросил у брата строительный метр, который тот, как настоящий профессионал, всегда носил с собой. Растянув метр на половину его длины, Винокур с приятелем стали делать вид, что собираются заняться ответственной работой — измерить прилавков. Зычным голосом Винокур попросил очередь отойти в сторону, на что все мгновенно отреагировали — освободили «строителям» проход. Винокур стал измерять прилавок, а его приятель с умным лицом записывать «показания» в блокнот. Продавщица у них поинтересовалась:

— Что это вы делаете?

— Не видите, прилавок измеряю. Собираемся на этой неделе его менять.

— Зачем это? — продолжала удивляться продавщица.

— Этот очень холодный, люди жалуются. А новый будет теплый.

Очередь встретила эти слова радостным гулом: мол, правильно, давно пора поменять. Продавщица сразу подобрела. А Винокуру только это и надо было. Он вежливо обратился к ней:

— Весь день на ногах, даже пообедать никак не удастся. Если не трудно, взвесьте нам колбаски, пожалуйста, грамм так триста. И селедочки вот этой, пожирней. Гран мерси, уважаемая.

Передав продавщице чек и взяв в обе руки свертки с продуктами, Винокур повернулся к очереди и скомандовал:

— Граждане, а теперь шаг влево сделайте, пожалуйста!

И толпа вновь беспрекословно повиновалась.

Отец мой тогда работал в 8-м таксомоторном парке и частенько рассказывал всякие истории про знаменитых людей, услышанные им от таксистов. Те порой хвалились: мол, сегодня подвозил того-то, а он пьяный в стельку, или наоборот — трезвый и анекдотами сыплет без умолку. Однажды отец рассказал, как кто-то из его приятелей подвозил подвыпившего Высоцкого, которого в такси усаживал Золотухин. За давностью лет у меня вылетело из головы, когда конкретно это случилось, но позднее я открыл дневник Золотухина и нашел дату — 12 февраля 1971 года. Актер в тот день написал:

«Володя пьяный. Усадил его в такси и просил уехать домой. Принять душ, выспаться, прийти в себя. Что с ним происходит?! Это плохо кончится. Славина советует мне учить Гамлета... Но я не могу переступить».

Звонил Гаранину.

— Как я радовался нашей дружбе, Валера. Что происходит? Как это грустно все.

Долго говорил о Володе, что он испортился по-человечески, что Володя не тот стал, он забыл друзей, у него новый круг знакомств, это не тот круг и т. д. Чувствовалось, что и обо мне он так же думает, и он прав...»

13 февраля радостная весть пришла из Парижа, где проходил турнир по тяжелой атлетике памяти Жана Дамы: наши штангисты победили на нем аж 6 мировых рекордов. Например, Василий Алексеев, кроме рекорда в толчке, установил мировой рекорд в жиме (222,5 кг) и в рывке (177,5 кг), а его тезка Колотов — в сумме троеборья — 540 кг (180+160+200).

Между тем, пока наши богатыри тягают железо в далеком Париже, в съемочной группе фильма «Джентльмены удачи» сложилась поистине авральная ситуация. На носу уже был март, а к съемкам зимней природы до сих пор еще не приступали. Чтобы не угробить картину окончательно (а «бодяга» с ее запуском тянется уже почти год), режиссер Серый обратился к руководству «Мосфильма» с просьбой разрешить снимать зимнюю природу немедленно. Ему пошли навстречу — с 8 февраля начались съемки улиц города, а с 16-го — с участием актеров. Это стало возможным благодаря тому, что наконец-то был найден исполнитель роли Василия Алибабаевича — актер столичного Театра-

студии киноактера Раднэр Муратов. Ранее он уже попадал в поле зрения Серого, но тогда ему предлагали лишь крохотную роль начальника тюрьмы. Муратов от нее отказался, хотя прекрасно понимал, чем ему это может грозить, — актеры его театра были людьми подневольными и обязаны были соглашаться на все приглашения сниматься по наряду. В противном случае им могли на полгода снизить зарплату. Познакомим рассказ самого Муратова:

«После этого заявления вызывает меня самое высшее начальство на ковер, да еще с издевочкой: посиди в приемной полчаса, тебя вызовут. Сажу в этом коридоре и начинаю кумекать: все, полгода зарплаты не будет, что же делать? За эти полчаса я чего-то такое надумал, вхожу в самую главную дирекцию, на меня, естественно, покатили бочку: что это такое, вы тут катаетесь чуть ли не сыром в масле и отказываетесь играть. Я прямо в лоб: «Не хочу сниматься, потому что считаю, моя роль — Алибаба», — брякнул. Начальник еще больше распалился. Мол, эти роли написаны специально под Леонова, Вицина, Крамарова и Мкртчяна. Портретно под них. Полгода сценарий писали. И никаких проб нет. Я в ответ: «Актер Театра киноактера имеет право на пробу». Он немного смягчился. «Ну написано же — нет проб. Представь, это как Щукин Ленина играл». Стою на своем, тут чиновник-то и сдался. «Ладно, ничего не бойся, иди домой. Найдем мы начальника тюрьмы».

И действительно, на роль тюремщика подобрали другого исполнителя — актера-корейца, а Муратова в феврале наконец утвердили на роль Василия Алибабаевича.

На том же «Мосфильме» продолжают съемки телефильма «Тени исчезают в полдень». С середины ноября 1970 года до середины февраля 1971 года шли съемки в павильонах, после чего 15 февраля группа выехала в Звенигород на природу. Там должны были отснять зимние эпизоды к 6-й и 7-й сериям. В частности, сцену с Юриным (Борис Новиков) и Устином Акимычем (Сергей Яковлев) снимали именно там. Помните, Устин выбросил из саней умирающего журналиста, изблотившего его в убийстве сына, и ползком по снегу добирался до своей избы? Тут ему по дороге встречается Юрин, который удивляется: «Устин Акимыч, где

это ты так нализался? А Варька твоя к Егорке ушла. Пойдут теперь мальчишки-девочки...»

В это же время на другой столичной студии — имени Горького — режиссер Станислав Ростоцкий приступил к подбору актеров для фильма «А зори здесь тихие...». Эта повесть Бориса Васильева стала настоящим событием тех лет и за короткий срок была перенесена не только на широкий экран, но и на театральные подмостки. Как мы помним, 6 января спектакль по книге увидел свет в Театре на Таганке, а 13 февраля с постановкой этого произведения выступил Центральный театр Советской Армии.

Из кинопремьер первой половины февраля отмечу следующие: с 4 февраля в кинотеатрах Москвы начал демонстрироваться фильм Григория Козинцева «Король Лир» с Юри Ярвотом, Эльзой Радзине, Галиной Волчек, Валентиной Шендриковой и Олегом Далем в главных ролях; с 6-го во Дворце спорта в Лужниках показывают французскую комедию «Большая прогулка» с участием двух великих комиков — Луи де Фюнеса и Бурвиля. Стоит отметить, что в момент своего выхода на экран (в 1966 году) фильм собрал во Франции рекордное число зрителей — 16 миллионов. А у нас эта комедия соберет зрителей в три раза больше!

На голубом экране демонстрируются следующие фильмы: боевик про разведчиков «По тонкому льду» (1966), свежая мелодрама «Мама вышла замуж» (1970) (оба — 8 февраля), добрая комедия «Поздний ребенок» (11-го), еще одна свежая комедия «Вас вызывает Таймыр» (1970) (12-го) и сразу три фильма предвоенной и военной поры: «Закройщик из Торжка» (1925) (12-го), «Петр Первый» (1937), «Свадьба» (1944) (оба — 13-го).

Однако «гвоздем» недели, а то и целого года, стала премьера 14 февраля телеспектакля Вячеслава Бровкина «Черный маклер» (1-я программа ЦТ, 21.00). Это был первый фильм (или «Дело №1») из нового сериала «Следствие ведут знатоки» (само название приживется только со второй серии), поставленного по сценарию Ольги и Александра Лавровых.

В понедельник, 15 февраля, во Дворце спорта в Лужниках проходил финальный матч на Кубок СССР по хоккею между московским «Спартаком» и ленинградским СКА. Поскольку «невские» армейцы вышли в финал после

сенсационной победы над ЦСКА, а «Спартак» лишь чудом вырвал победу у столичных динамовцев, многие болельщики ставили в финальной игре на СКА. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться. «Спартак» оказался на голову сильнее армейцев и победил со счетом 5:1. Второй год подряд Кубок достался самой народной команде. «Золотой» состав «Спартака» выглядел так: Виктор Зингер, Виктор Криволапов; Валерий Кузьмин, Алексей Макаров, Владимир Меринов, Владимир Мигунько, Евгений Паладьев, Борис Пономарев; Валентин Гуреев, Евгений Зимин, Константин Климов, Геннадий Крылов, Владимир Марков, Александр Мартынюк, Анатолий Севидов, Вячеслав Старшинов, Владимир Шадрин, Виктор Шалимов, Александр Якушев, Виктор Ярославцев; тренер — Борис Майоров.

16 февраля в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью с кумиром 60-х, чемпионом по прыжкам в высоту Валерием Брумелем. Вот уже почти шесть лет, как он ушел из большого спорта, однако его судьба на «гражданке», не в пример многим другим бывшим чемпионам, сложилась вполне благополучно. Кроме специальности, которую он получил, окончив Институт физкультуры, Брумель еще занимается и литературным трудом — пишет книгу для издательства «Молодая гвардия». Кроме этого, с драматургом Лапшиным (тоже выпускником инфизкульты, а также ВГИКа) они работают над сценарием художественного фильма под условным названием «Право на прыжок». Короче, судя по статье, все у Брумеля складывалось хорошо. Чего нельзя сказать о кинорежиссере Василии Шукшине. В день выхода номера газеты с интервью Брумеля Шукшину нанесли тяжелый удар его коллеги-киношники. Что же произошло?

Тогда на студии имени Горького состоялся художественный совет, посвященный обсуждению режиссерского сценария Шукшина «Степан Разин» (как мы помним, первоначальное разрешение на «запуск» было дано еще 1 апреля 1970 года, после чего Шукшин в течение нескольких месяцев колесил по Волге, собирая дополнительный материал для фильма). На худсовете решался принципиальный вопрос: запускать сценарий в производство или нет. И коллеги вынесли отрицательный вердикт. Вот как

об этом вспоминает очевидец событий оператор А. Заболоцкий:

«Сильные мира Киностудии имени Горького в лице редакторов и членов художественного совета, среди которых были С. Ростоцкий и М. Донской, Т. Лиознова, и отсутствующих, но разделивших мнение художественного совета С. Герасимова и Л. Кулиджанова, под председательством директора студии Г. Бритикова, прекратили проведение подготовительных работ по фильму «Степан Разин». Особо речистой запомнилась Кира Парамонова, только что вернувшаяся из Югославии, где отсмотрела фильм о народном восстании. Она взволнованно задала тон, убеждая аудиторию: «Ничего, кроме насилия, не будет, судя по сценарию, и в «Степане Разине». Ведущий директор-экономист Краковский очередной раз всплыл с убийственной сметой — 10 миллионов рублей (и трех-то миллионов Госкино не собиралось давать). Лиознова жалящим голосом, усомнившись в самой личности Разина и замысле, заявила: «Если студия приступит к съемке трех картин о Разине, большинство режиссеров студии должны остаться без работы». Худсовет был единодушный и недолгий, за фильм вступился лишь Паша Арсенов, но на него зашикали. Решение: закрыть на неопределенный срок, до лучших времен.

Невесело вышли мы после худсовета со студии, проклиная в душе день, когда судьба впутала нас в кино. А тут еще, проходя возле ВГИКа, увидели выходящих из его дверей Сергея Герасимова с Тамарой Макаровой, окруженных народом. У машины он остановился, и мы услышали дружный смех. Шукшин приостановился, съезился, потом опустил голову и пошел мимо. Я, попевая за ним, наблюдал за проводами Герасимова, мне казалось, он боковым зрением тоже видел Шукшина. В спину Макарычу я напомнил: «Ты же собирался просить поддержки, разве не повод?» Макарыч, ускорив шаг, двинулся к остановке: «Какая поддержка, если он на худсовет не пришел, а сам рядом, в институте. Ему все известно, без него фильмы на студии не делаются». Пока ждали такси, Макарыч горько пошутил, разряжая обстановку, прошуршав рукой по моей спине: «Монгольские кожанки от фарцовщицы — вот и вся добыча наша». (Незадолго перед этим мы купили у перекупщицы по 75 рублей черные

куртки из монгольской кожи. В этой куртке Макарыч снимался потом в роли Егора Прокудина.)...»

В среду, 17 февраля, на своей даче под Москвой из охотничьего ружья свел счеты с жизнью известный писатель, 72-летний Леонид Соболев. Будущий прозаик, родившись в семье отставного капитана артиллерии, избрал для себя иную военную стезю — стал морским офицером. В 1918 году Соболев перешел на сторону Красной Армии. Печататься начал спустя несколько лет, а первый роман — «Капитальный ремонт» (о дореволюционном русском флоте) — опубликовал в 1932 году. Десять лет спустя вышел сборник рассказов Соболева «Морская душа», за который он был удостоен Сталинской премии. С 1958 года писатель являлся депутатом Верховного Совета СССР. Короче говоря, судя даже по этим скупым вехам биографии, можно сделать вывод, что Соболев был вполне преуспевающим человеком. Отчего же он застрелился? Дело в том, что писатель был неизлечимо болен раком желудка. Незадолго до смерти он лег в больницу на операцию, и, когда врачи вскрыли брюшную полость, они обнаружили страшные метастазы. Стало понятно, что никакое лечение здесь не поможет. Врачи не решились ничего удалять, а просто зашили тело. На следующий день Соболеву сообщили, что желудок нужно лечить терапией: мол, идет язвенный процесс. Однако писатель, видимо, обо всем догадался. Но виду не подал — как-никак морской офицер. Вспоминает врач П. Мошенцева, лечившая Соболева:

«Недели через две после выписки из больницы писатель пригласил меня к себе на дачу в Переделькино. Меня удивила архитектура дома. На верхнем этаже была построена округлая веранда, похожая на капитанский мостик. Создавалось впечатление, что сам дом похож на корабль. На этой удивительной веранде стоял большой письменный стол, за которым Леонид Сергеевич работал.

Я подумала тогда, что недаром его знаменитая книга называется «Морская душа». Соболев безумно любил море. Как лечащий врач, я стала бывать в этом доме-корабле довольно часто. Леонид Сергеевич всегда встречал меня приветливо. О болезни мы почти не разговаривали. Но однажды, когда я осматривала его в очередной раз, он сказал:

— Прасковья Николаевна! Ну мы ведь с вами хорошо друг друга понимаем. И нечего друг от друга скрывать правду.

Что я могла сказать ему в ответ?

В 1971 году Леонид Соболев застрелился на своей даче. В газетах об этом не сообщалось. В некрологах писали как обычно: скончался после тяжелой продолжительной болезни...»

Прощание с покойным состоялось 18 февраля в Центральном Доме Советской Армии. На панихиду пришло множество людей, а официальные власти делегировали туда весьма представительную делегацию в лице премьер-министра Алексея Косыгина, главного идеолога Михаила Суслова, а также Г. Воронова, А. Кириленко и др. Несмотря на то, что в своем завещании покойный просил развеять его прах над морем, его похоронили 19 февраля на Новодевичьем кладбище. Почему произошло именно так, осталось неизвестно.

В тот же день похоронили и моего младшего брата Тахира. Я уже упоминал о том, что он родился в ноябре 70-го. Значит, на момент смерти ему было всего три месяца. Родители назвали его в честь умершего в 63-м году сына, чего, по старому поверью, делать не рекомендуется. Может быть, конечно, это было простым совпадением, но и первый Тахир, и второй ушли из жизни, прожив всего лишь несколько месяцев, и причиной смерти обоих был гепатит (желтуха). Их и похоронили в одной могилке на Кузьминском кладбище.

А теперь из Москвы перенесемся в Новочеркасск, где 20 февраля женился 21-летний курсант Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища Александр Лебедь. Со своей женой — педагогом по образованию Инной Александровной — он познакомился четыре года назад во время работы на Новочеркасском заводе точных магнитов. Этот брак, как мы теперь знаем, станет на редкость удачным: у супружеской четы появится на свет трое детей, а глава семейства достигнет больших высот не только в военном деле, но и в политике. Но это будет еще не скоро.

На «Мосфильме» продолжается работа над комедией «Джентльмены удачи». Со вторника, 16 февраля, начали снимать эпизоды с участием актеров (до этого снимали фоны города). В частности, возле станции метро «Проспект Вернадского» в течение нескольких часов ки-

ношники корпели над сценой «Бегство от дворника». Помните, трое «джентльменов удачи» скидывают снег с пятиэтажки, где живет завдетсадом Трошкин, дожидаясь, когда его мать уйдет из дома, а Василий Алибабаевич распоряжается внизу: «Гражданина! Ты туда не ходи, ты сюда ходи, а то снег башка попадет — совсем мертвый будешь!» Затем он по доброте душевной выдает дворничихе настоящую причину их прихода в дом («Шакал я паршивый — все ворую и ворую»), и та бросается за ними в погоню. Одну сцену, когда она, вооружившись свистком, бежит за «джентльменами», снимали больше часа. Поначалу народа вокруг площадки собралось не очень много (рабочий день, как-никак), но затем в стоявшей неподалеку школе закончились уроки и на улицу вывалила толпа школьников, которая тут же оккупировала съемочную площадку.

В те же дни снимали и другие «зимние» эпизоды фильма: например, «приставание к девушке». Это когда «джентльмены» спешат на встречу с гардеробщиком, и Косой, узрев впереди себя стройную девушку, начинает ее «кадрить»: «Девушка, а девушка! Как вас зовут?» — «Таня». — «А меня — Федя» — «Ну и дура». Крохотную роль девушки должна была сыграть автор сценария Виктория Токарева, но по каким-то причинам режиссер заменил сценаристку на профессиональную актрису. Однако Токарева в этом эпизоде тоже присутствует в виде... роскошной шапки, которую она одолжила актрисе на время съемок.

Еще один эпизод — обтирание снегом на даче «барыги» — родился спонтанно (его снимали в Серебряном Бору). В сценарии значилось только, что обтираться снегом должен один «Доцент», а остальные «джентльмены» довольствуются приседаниями. Однако Раднэр Муратов решил проявить инициативу и устроил «подлянку» Крамарову. А Вицин, недолго думая, застал врасплох самого Муратова. Эпизод получился настолько естественным, что его так и оставили в картине.

Съемочная группа другого фильма — «Офицеры», который на Киностудии имени Горького снимает Владимир Роговой, вот уже больше недели трудится над натурными эпизодами в Туркмении (начали работать там 15 февраля). Съемки проходят в районе Куртусу (25 км от Ашхабада) и Чули (40 км). Вот как вспоминает

о тех днях исполнительница главной женской роли Алина Покровская:

«Я отлично, по кадрам, помню каждый съемочный день. Я приезжала на 2—3 дня. Сидела после спектакля в самолет и мгновенно засыпала. Дозаправка в Красноводске — и из заснеженной Москвы попадаешь в буйный зеленый рай. Возвращаемся вечером со съемок в гостиницу, а кругом сумасшедшие запахи!.. «Алена! Алена! — кричит мне Жора Юматов. — Тебе шашлык заказывать?» — «Заказывай!» — и бегом на улицу...»

Возвращаясь в Москву, я каждое утро — к 7 часам — ездил на ипподром, на закрытый манеж. Инструктор подводил здорового, как шкаф, коня, я ставила лесенку и залезала на него. Страху натерпелась! И вот через пару дней я снова взгромоздилась, конь сделал несколько шагов, остановился рядом с зеркалом и посмотрел назад, на свое отражение. Смеялась я тогда до слез и после этого перестала бояться лошадей...»

21 февраля в Ленинграде закончился суд над 65-летним Гаврилой Петровичем Пушковым. Это тот самый человек, который в декабре прошлого года убил свою жену Прасковью, которая за два месяца семейной жизни достала его своим невыносимым характером до такой степени, что тот схватился за топор. Убивцу светило 10 лет тюрьмы, однако следствие обнаружило немало фактов плохого поведения покойной. Пушков из убийцы превратился в глазах судей в жертву. Например, удалось установить, что еще в конце 30-х годов первого мужа убитой упекли за решетку по анонимному доносу, который, судя по всему, написала сама Прасковья. А когда спустя 8 лет муж вернулся домой, жена его так встретила, что тот через год повесился на чердаке, оставив короткую предсмертную записку, где написал: «Пропади оно все пропадом!» Короче, на основании этих, а также других фактов, суд освободил Пушкова от уголовной ответственности прямо в зале заседаний. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Однако спустя две недели после освобождения Пушков внезапно умер от инфаркта. Соседи мужика тогда сокрушались: неужто Прасковья с того света достала?

В среду, 24 февраля, в Москве произошел беспрецедентный случай: двадцать четыре столичных еврея захватили здание приемной Пре-

зидиума Верховного Совета СССР на Манежной площади. Один из «захватчиков», инженер Эфраим Файнблюм, подал в окошечко приемной петицию с требованием открыть еврейскую эмиграцию из СССР. Через полчаса вся Манежная площадь была запружена бронетранспортерами, а у входа в здание дежурили офицеры КГБ (благо Лубянка находилась недалеко). Все радиостанции мира уже трезвонили о сумасшедшем поступке доведенных до отчаяния московских евреев. И спустя неделю после этого инцидента всех «захватчиков» начали одного за другим выпускать из страны. Брешь в «железном занавесе» была пробита.

В этот же день пришло сообщение из Лиона, где проходил очередной чемпионат мира по фигурному катанию. Там советские спортсмены вновь завоевали высшие места на пьедестале почета: «золото» в парном катании досталось паре Роднина—Уланов, «серебро» — Смирновой—Сурайкину, в танцах на льду чемпионами мира стали Пахомова—Горшков. Про успех последних корреспонденты «Комсомольской правды» М. Блатин и Б. Гурнов писали:

«До недавней поры танцы на льду носили все же несколько салонный характер. Людмила Пахомова и Александр Горшков создали свой стиль. Они сломали устоявшиеся рамки классического танца. Они привнесли в свои произвольные программы ярко выраженный национальный колорит. Они обогатили этот вид фигурного катания, доказав, что творческие искания практически не имеют предела.

Отойдя от классических канонов, Пахомова и Горшков на основе нового ритма обогатили технику танца. До сих пор считалось, например, что танцорам легче исполнять свою программу, чем, скажем, спортивным парам или одиночникам. Ученики тренера Е. Чайковской разбили эти представления...»

Далеко не всем зарубежным специалистам фигурного катания нравятся танцы Л. Пахомовой и А. Горшкова. В новаторстве советской пары они усматривают непопозволенные вольности, покушение на чистоту классического танца...»

Как мы помним, в середине февраля на Киностудии имени Горького худсовет «зарубил» сценарий Василия Шукшина «Степан Разин» («Я пришел дать вам волю...»). Однако шанс

снять этот фильм у Шукшина оставался в том случае, если он сначала снимет картину на современную тему. И Шукшин на это дело пошел. 25 февраля он написал на имя директора студии Г. Бритикова письмо, в котором общал:

«В соответствии с договоренностью с Комитетом по кинематографии при СМ СССР (тт. Баскаков В. Е. и Павленок В. В.) я намерен приступить к постановке фильма на современную тему при условии (это также было оговорено), что работа над сценарием о Степане Разине и некоторые возможные подготовительные работы по фильму (Степан Разин) мной и моими помощниками будут проводиться. В связи с этим я просил бы, чтобы в приказе о запуске нового фильма это обстоятельство было оговорено как-то...»

Фильм о современности, к работе над которым вскоре приступил Шукшин, назывался «Печки-лавочки». Но об этом речь впереди.

Тем временем в феврале произошло событие, на которое практически никто из рядовых граждан не обратил внимание. Речь идет о том, что начальнику Главного разведывательного управления (ГРУ) Петру Ивановичу Ивашутину было присвоено звание генерала армии. Подумаешь, эка невидаль! — скажет читатель. И будет не прав. Действительно, рядовому гражданину было глубоко безразлично это очередное присвоение воинского звания, однако для людей сведущих оно стало знаковым. Теперь негласная конкуренция между двумя спецслужбами — КГБ и ГРУ — примет еще более изощренные формы. Вот как отозвался на это событие В. Суворов:

«Ликует Аквариум. Ликует весь Генеральный штаб. Военная разведка впереди! Председатель КГБ Юрий Андропов остается только генерал-полковником. Какая пощечина!

Мы знаем, что Центральный Комитет раздувает огонь борьбы, и драки КГБ — ГРУ не миновать. Баланс между КГБ и армией был нарушен, и вот Центральный Комитет оплошность исправляет. Идет чистка в среднем слое КГБ. Идет массовое смещение полковников и генерал-майоров КГБ. Идет возвышение офицеров и генералов ГРУ, всего Генерального штаба, всей Советской Армии...

Февраль 1971 года. КГБ и ГРУ вцепились в глотки друг другу. Но кто это может видеть со

стороны? Все знают генерал-полковника Ю. Андропова. А кто знает генерала армии Ивашутину? Но ему реклама не нужна. Ивашутин в отличие от Андропова руководит тайной организацией, которая действует во мраке и не нуждается в рекламе...»

Тем временем в Театре на Таганке всюду идут репетиции «Гамлета». Высоцкий, который в течение недели колесил по стране с гастролями, работает с удвоенной энергией. По словам В. Золотухина, 26 февраля состоялась «гениальная репетиция». Однако сам Золотухин избегает показываться на этих репетициях, поскольку тоже не оставил мысль сыграть Гамлета. Высоцкий, который очень хочет, чтобы его друг увидел, как он вкальвает, сильно обижается на него за это. «Ты почему не придешь, не помотришь? — спрашивает он Золотухина. — Даже Марина позвонила и сказала, чтобы я сыграл Гамлета. А ты игнорируешь...»

Между тем доживала последние дни популярная некогда актриса Изольда Извицкая. Она умерла в конце февраля в полном одиночестве после сердечного приступа. Причем в тот самый момент, когда о ней вновь вспомнили, когда появилась надежда сыграть новую роль. События развивались следующим образом.

Во второй половине февраля художественный руководитель Театра-студии киноактера Рудник попросил актрису Татьяну Гаврилову передать Извицкой, что для нее вновь нашлась работа. Мол, они приступают к репетиции пьесы Гусева «Слава», где есть роль и для Извицкой. В тот же день Гаврилова сообщила радостную новость Изольде, более того — вечером того же дня они вместе читали фрагменты этой пьесы. Извицкая не скрывала своей радости от этого события и была полна самых радужных надежд. В тот день подруги расстались, договорившись встретиться через несколько дней. Однако в двадцатых числах февраля, когда Гаврилова вновь пришла к Извицкой, дверь ей никто не открыл. Посчитав, что Изольда могла куда-то уйти, Гаврилова оставила ей коротенькую записку: мол, была, но не застала, буду тогда-то. Но когда на следующий день она вновь пришла к подруге, на ее звонок опять никто не ответил. Однако записки на месте не оказалось, отчего Гаврилова заключила, что хозяйка жива-здорова, только опять где-то пропадает. С тем она и ушла. Между тем, судя по

всему, Извицкая никуда не уезжала и все эти два дня лежала в собственной квартире уже мертвая.

А город живет своей привычной жизнью. На широкий экран выходит историко-приключенческая картина Рижской киностудии (режиссер Александр Лейманис) «Слуги дьявола». В театрах случилось сразу несколько премьер: 20 февраля в Большом татре дают «Псковитянку» с Татьяной Милашкиной сразу в двух ролях (Вера Шелог и ее дочь); 27-го в «Современнике» показывают «Корни», в главных ролях: Людмила Крылова, Лидия Иванова, Владимир Земляникин; 28-го в Ленкоме — «Голубая роза».

Не пустуют эстрадные площадки. 16 февраля в ДК «Москворечье» поет Эдуард Хиль, 17—18-го он перебирается в Государственный театр эстрады, 20—21-го — в ЦДКЖ; 22—23-го — в ГТЭ идет программа «Ты помнишь, товарищ!..», в которой заняты артисты разных жанров: певица Клавдия Шульженко, актер театра и кино Евгений Самойлов и др.; 27—28

февраля в клубе Военной академии им. Фрунзе поет Лариса Мондрус.

По «ящику» гоняют хиты разных лет — как затертые до дыр, так и сравнительно новые: 20 февраля — «На войне, как на войне» (1969), 21-го — «Неподдающиеся» (1959), «Встреча у старой мечети» (1968), 22—25-го — «Щит и меч» (1968), 26-го — «Небесный тихоход» (1946), 27-го — «Женитьба Бальзамина» (1965), 28-го — «Насреддин в Бухаре» (1943), «Неуловимые мстители» (1967) и др.

В магазины грампластинок поступили следующие новинки фирмы «Мелодия»: гибкие — «Поет Муслим Магомаев» («Королева» Г. Пондельского — С. Есенина и др. песни); «Поет Мария Кодряну» («День на двоих», В. Соснов — М. Рябинин, «Город любви», Т. Марин — Е. Кримерман и др.); «Поет квартет «Аккорд» (песни советских и зарубежных авторов); «Интермедии Михаила Жванецкого в исполнении Аркадия Райкина» («Монолог холостяка» и «Чувство юмора» (знаменитый «Авас»); миньон (твердый) — «Поет Валерий Ободзинский».

1971

М а р т

Татьяна Лиознова приступила к съемкам фильма «Семнадцать мгновений весны». Как нашли тело Изольды Извицкой. В Батайске всплыл фальшивый червонец. Интриги в МВД СССР. Первое «бриллиантовое» дело в истории КГБ. 30 лет Андрею Миронову. Как Юматов ревновал Покровскую. Высоцкий лечит язву в госпитале МВД. Андрей Тарковский прерывает паузу. Арест фальшивомонетчика в Батайске. Конфликт Шукшина с Леонидом Куравлевым. В Завидове сочиняют доклад для Брежнева. Как едва не убили футболиста Эдуарда Малофеева. «Джентльмены удачи» в Самарканде. Кто хотел подставить Косыгина? Сценариста Севелу отпускают из страны. Михаил Шуфутинский «делает ноги» из Москвы. Чемпионат мира и Европы по хоккею в Швейцарии. Как Лев Дуров стал «главным бандитом Советского Союза». ЧП на съемках фильма «Офицеры»: падение со скалы второго режиссера. Марина Влади вернулась к Высоцкому. Как Станислав Ростоцкий обхитрил членов худсовета. Бунт на корабле: попытка смещения главрежа Театра имени Маяковского Андрея Гончарова. Загадочная болезнь Татьяны Егоровой. Юрий Чурбанов знакомится со своим будущим тестем — Леонидом Брежневым. Как Алла Демидова влюбилась в Анатолия Фирсова. Мошенники от хоккея. КГБ против диссидентов. XXIV съезд КПСС. Родился Павел Буре. День рождения Владимира Винокура. «Кот в сапогах» покоряет страну.

Март начался с приятного для советских граждан сообщения: были снижены цены на ряд товаров народного потребления, в том числе и на такую необходимую вещь, как телевизоры. В результате за два первых мартовских дня большинство «ящиков», до этого пылившихся на полках столичных магазинов, были сметены толпами страждущих покупателей.

Тем временем на Киностудии имени Горького режиссер Татьяна Лиознова по заказу Гостелерадио приступила к работе над многосерийным фильмом «Семнадцать мгновений весны» — экранизацией одноименного романа писателя Юлиана Семенова, увидевшего свет в прошлом году. Согласно легенде, инициаторами этой постановки (как и появления самого романа) выступили чекисты. На телевидении был утвержден сценарий 11-серийного фильма, подобран режиссер, причем мужчина. Однако в самый разгар подготовительных работ ситуация внезапно изменилась. Дело в том, что за право поставить такой фильм стал бороться еще один режиссер — 46-летняя Татьяна Лиоз-

нова, которая впервые громко заявила о себе в 1961 году, сняв мелодраму «Евдокия» (кстати, 6 марта 71-го его в очередной раз «прогнали» по ТВ). Семь лет спустя Лиознова сняла еще один хит — «Три тополя на Плющихе» и по праву вошла в число самых кассовых режиссеров советского кино. Эти успехи играли на руку Лиозновой, однако было одно «но»: все снятые картины относились к жанру мелодрамы, а «Мгновения» являлись военно-историческим фильмом. Поэтому у многих возникли справедливые опасения: а справится ли такой режиссер (да еще женщина!) с подобной задачей. «Справлюсь!» — решительно заявила Лиознова, тем самым убедив самых отчаянных скептиков.

По словам самой Лиозновой, актеры на главные роли были утверждены ею без кинопроб. Однако, по воспоминаниям самих участников съемок, все обстояло несколько иначе. Например, на роль советского разведчика Исаева-Штирлица пробовались несколько актеров, в том числе и Иннокентий Смоктуновский. Од-

нако он тогда жил в Ленинграде, а съемки должны были проходить в течение почти двух лет. Актера это не устраивало, и его кандидатура, естественно, отпала.

На главную роль нашлись и совсем неожиданные кандидаты. Например, Арчил Гомиашвили, которому в скором времени суждено будет прославиться ролью Остапа Бендера в гайдаевской экранизации «12 стульев». Лиознова какое-то время именно его видела в роли Штирлица, но затем также быстро свое решение изменила. В итоге сыграть советского разведчика выпало Вячеславу Тихонову, который в те дни пожинал плоды бурного успеха за роль школьного учителя в фильме «Доживем до понедельника».

На роль радистки Кэтрин тоже было несколько кандидатур, но в итоге утвердили Екатерину Градову из Театра имени Маяковского. Причем нашли ее случайно. Она пробовалась на роль Риты Осяниной в фильме «А зори здесь тихие...». Там ее и заметил ассистент Лиозновой. Позвал к себе, хотя переманивать актеров в киношной среде считается дурным тоном. А ассистент подначивал: «Зачем тебе Ростовский? Там — все лето в Карелии: болото, комары и одни девки. А у нас в Германию поедешь, да не с кем-нибудь, а с самим Тихоновым». Короче, уговорил. Градова с волнением прочитала сцену вместе с Тихоновым и была чуть ли не с ходу утверждена на роль.

Несколько кандидатур было и на роль Гитлера, на которого пробовались два Леонида: актер Театра на Малой Бронной Бронева и Куравлев. Однако их фотопробы режиссера не удовлетворили, и их утвердили на другие роли: Бронева должен был стать шефом гестапо Мюллером, а Куравлев — Айсманом. Кстати, последний в те же мартовские дни 71-го стоял в планах другого режиссера с той же Киностудии имени Горького — Василия Шукшина. Он собирался снять Куравлева в главной роли в картине «Печки-лавочки». О том, как это произошло, рассказывает сам Л. Куравлев:

«Мне позвонили со студии имени Горького, я приехал и вошел в большую комнату, где оказалось много народу. Кто-то печатал на машинке, кто-то с кем-то пересекался, кто-то ждал гримера, звонили телефоны, люди входили и выходили. Я устроился в углу, никто на меня не обратил внимания.

Эта картина и сейчас стоит у меня перед глазами: среди шума и бедлама, среди всей этой кинематографической суеты Шукшин молча сидел в кресле. Если можно так выразиться, до него нельзя было дотронуться и потрогать — он сидел странно отрешенный и отчужденный, словно из другого мира, как будто светило на него другое солнце, не то, что греет нас. До сих пор при воспоминании об этой картине у меня просыпается какой-то странный испуг в душе...

Видимо, он испытывал физические страдания, может быть, мучила язва; Василий Макарович в отличие от многих ни на какие болезни никогда не жаловался, но, что он был болен, мы знали. А на физические страдания, возможно, накладывались еще и душевные муки. Во всяком случае, таких печальных глаз я ни у кого никогда не видел и не увижу, наверное...

Шукшин знал, что я много снимаюсь, и, чтобы, так сказать, связать меня обещанием по рукам и ногам, взял за руку (не в переносном, а в прямом смысле) и привел в кабинет к Григорию Ивановичу Бритикову, тогдашнему директору студии, с такими словами:

— Вот мой Иван. Только скажите ему как высшее должностное лицо на студии Горького, чтобы он себя нигде не занимал. Вы заинтересованы как директор, чтоб я быстро снял картину, и я ее тогда быстро сниму. Но чтобы вот он нигде не отвлекался — он у меня в каждом кадре.

— Да, конечно, — ответил я. — Но...

Не смог я тогда сказать откровенно, что не буду играть. Просто — не смог...»

Судя по всему, и Бритиков не нашел в себе смелости открыться перед Шукшиным и сообщить ему, что Куравлев пробует у Лиозновой. Может быть, рассчитывал, что Куравлев не пройдет на Айсмана, а может, испугался того, что Шукшин учинит скандал, который Бритикову был совсем ни к чему — ведь фильм Лиозновой курировали чекисты, а портить отношения с этим ведомством не следовало. Короче говоря, Шукшин до поры до времени оставался в неведении.

Тем временем на другой столичной киностудии — «Мосфильм» — снимается сразу несколько будущих хитов. Так, Александр Серый при активном участии Георгия Данелии про-

должает с энтузиазмом работать над комедией «Джентльмены удачи». В те дни снимались финальные зимние эпизоды фильма: «джентльмены» вылавливают из проруби шлем Александра Македонского; Трошкин лицом к лицу сталкивается со своим двойником — рецидивистом Доцентом; «джентльмены» убегают от Трошкина, впервые увидев его без парика.

В это же время другой режиссер — Эдмонд Кеосаян, закончив в декабре (24-го) съемки третьей, заключительной части приключений «неуловимых» под названием «Корона Российской империи», вынужден был доделать ряд эпизодов, не принятых худсоветом. В частности, ряд сцен в кабинете ВЧК и на Эйфелевой башне. 1 марта переснимали эпизод в особняке меcье Дюка (актер Андрей Файт): когда тот принимает у себя по очереди двух претендентов на царский престол (в этих ролях были заняты Ролан Быков и Владимир Белокуров).

Съемочная группа фильма «Офицеры» продолжает находиться в экспедиции в Туркмении. В начале марта снимали эпизод бегства от басмачей трех героев фильма: Трофимова (Георгий Юматов), Любы (Алина Покровская) и Варравы (Василий Лановой). Во время работы над этой сценой все трое едва не разбились. А виновником ЧП мог стать красавец-конь Адлер, на котором сидела Покровская. Причем этого коня актриса выбрала сама, забравшая прежнего — более спокойного, который ей не понравился. А Адлер оказался ипподромным конем и, увидев впереди себя другого скакуна, пошел в обгон. Да так резво, что едва не свалился в огромный ров. К счастью, ситуацию вовремя сумели спасти Юматов с Лановым. Рискнув собственными жизнями, они схватили коня под узды и остановили.

В Театре-студии киноактера приступили к работе над спектаклем «Слава» по пьесе Гусева. Все занятые в постановке актеры в течение двух первых дней марта исправно посещали репетиции, кроме одного человека — Изольды Извицкой. Несколько раз диспетчер театра лично звонил ей домой, однако к трубке никто не подходил. В конце концов 3 марта, после того как Извицкая не появилась на очередной репетиции, было решено отправить к ней гонца. Диспетчер позвонила бывшему мужу Извицкой актеру Эдуарду Бредуну (мы помним,

что незадолго до этого он ушел жить к другой женщине) и попросила его пойти на квартиру Изольды и, если никто не отзовется, открыть дверь своим старым ключом. Тот так и сделал. Однако в квартиру он не попал, поскольку с обратной стороны замочной скважины торчал ключ. Это вызвало подозрения, что хозяйка квартиры находится внутри, но по какой-то причине не может открыть дверь. Бредун тут же позвонил в милицию, которая вызвала слесаря из ЖЭКа. Тот без особого труда взломал хлипкую дверь.

Когда они вошли в квартиру, то первое, что увидели — на полу в скромном стеганом халате лежала хозяйка. Бредун, который посчитал, что его бывшая супруга в очередной раз напилась, чуть ли не закричал: «Уже набралась, вставай!» Но Извицкая даже не шелохнулась. Тогда над ней склонился слесарь, который тут же отшатнулся назад: «Да она же мертвая!» Судя по всему, Изольда шла на кухню, однако внезапно потеряла сознание, упала и умерла. Случилось это скорее всего несколько дней назад. В протоколе осмотра места происшествия затем отмечают, что из еды в доме был лишь кусочек хлеба, наколотый на вилку и лежащий в металлической селёдочнице. Также было отражено, что покойная приняла изрядное количество алкоголя. Однако по настоянию Бредуна смерть актрисы объяснили «отравлением организма неизвестными ядами, слабостью сердечно-сосудистой системы».

Уже на следующие сутки по городу поползли слухи о том, что Извицкая покончила жизнь самоубийством, что было вполне объяснимо — в прессе про ее смерть не было ни единого отклика, не считая малюсенького некролога в «Советской культуре» от 7 марта. Что касается «забугорных голосов», то они оказались более оперативными и осведомленными и уже вечером 3 марта сообщили своим слушателям, что известная киноактриса Изольда Извицкая скончалась в собственной квартире от голода и одиночества.

Вспоминает Наталья Фатеева (она жила в одном доме с Извицкой, только в разных подъездах): «Я пошла на похороны Изольды и видела несчастных родителей, отца и мать, хоронивших единственную дочь. Стоял мороз, но светило солнце, словно обогревая холодное кладбище. Мы шли впереди катафалка. Мне

почему-то запомнился такой эпизод. Рядом хоронили человека еврейской национальности, и раввин всю дорогу читал молитвы на иврите. Это придавало происходящему какую-то нереальность, будто бы все было во сне. Евреи почему-то бежали, а мы шли медленно. И еще запомнилось, что, когда опускали гроб и начали бросать мерзлые комья, раздавался жуткий грохот. А пьяный Бредун кричал и кричал: «Бросайте камни аккуратно, аккуратно, ведь ей же больно...»

А вот как описывает те дни другой актер — Вениамин Смехов, который в те дни снимался на телевидении в телеспектакле «Двадцать лет спустя»: «Съемки не запомнились никак. Запомнились перекуры на лестнице в Телецентре. Разговоры о гибели Изольды Извицкой, партнерши Олега Стриженова в «Сорок первом», у Г. Чухрая».

«Работы Изольде не давали, за судьбой не следили, но начальники Госкино таскали ее по заграничным гулянкам — вот она, наша «кинозвезда»! А характер безвольный, погибла без работы...» — сокрушался Олег...

А теперь из Москвы перенесемся в Батайск Алтайского края, где в эти же дни объявился фальшивомонетчик. История началась 4 марта в одном из батайских продуктовых магазинов. Утром туда пришла пенсионерка, чтобы купить лапши на обед. Протянула в кассу 10 рублей, чтобы выбить чек на покупку, а кассирша вдруг и говорит: «Бабушка, вы где взяли эту купюру? Она ведь фальшивая!» Бабка руками всплеснула: «Мне ее с пенсией выдали. Что же мне делать, дочка?» — «Сходите в сберкассу и обменяйте», — последовал ответ. Бабулька так и сделала.

Однако в сберкассе произошло непонятное: тамошняя кассирша оказалась не чета магазинной и, повертев в руках купюру, отдала ее обратно пенсионерке. «Что вы нам голову морочите, бабушка, — нормальная «десятка». Пенсионерка засеменила обратно в магазин за лапшой. Но ее опять тормознули. «Говорят вам, что купюра фальшивая, а вы опять ее несете! — раздраженно воскликнула кассирша. — Идите и обменяйте». И снова бабулька отправилась по тому же маршруту. Только теперь решила иметь дело не с кассиршей, а с заведующим сберкассой. Однако и он с первого раза тоже не нашел ничего подозрительного в протяну-

том ему червонце. И только после более внимательного осмотра, сличив бабушкину купюру с настоящей, наконец узрел изъян — на подлинной купюре номер был из семи цифр, а на бабушкиной — из шести. Директор тут же связался с краевым ОБХСС. По факту обнаружения фальшивой купюры в тот же день завели уголовное дело.

Тем временем в стенах союзного МВД разворачиваются не менее драматические события. Там начальник Штаба МВД генерал Сергей Крылов никак не может поделить сферы влияния с начальником Управления уголовного розыска страны Игорем Карпецом. Однако прежде чем рассказать об этом противостоянии, стоит хотя бы вкратце познакомить читателя со служебными характеристиками на обоих «дуэлянтов».

Крылов пришел в МВД в конце 60-х из КГБ, с не очень большой должности и по рекомендации зампреда Комитета генерала Цинева. Благодаря своему природному уму Крылову удалось в короткие сроки расположить к себе министра внутренних дел Николая Щелокова и стать его правой рукой. Положение Крылова еще более укрепилось после того, как он возглавил новое образование в структуре министерства — Штаб МВД. Этот штаб создавался с благой целью — для руководства подчиненными органами МВД и подразделениями со знанием всей оперативной обстановки, однако вскоре превратился в структуру, командуемую отраслевыми главками. Штаб диктовал им, что нужно делать, и буквально изводил проверками, причем чаще всего лишь для того, чтобы приструнить (или снять) неугодного руководителя.

Игорь Карпец долгое время работал на начальных должностях в уголовном розыске Ленинграда, после чего был переведен в Москву на должность директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В марте 1969 года волевым решением ЦК его назначили начальником Управления уголовного розыска (УУР) МВД СССР.

Поначалу отношения Крылова и Карпеца складывались вполне добрососедски — ни один из них не лез в служебные дела другого, предпочитая сохранять нейтралитет. Но так продолжалось недолго. Щелоков, с подачи Крыло-

ва, вознамерился внести существенные изменения в управление угрозыском. В частности, у него родилась идея, что часть сотрудников должна работать с агентурой, а другая — нет. Это и стало одним из оснований постоянного противостояния между ним, Крыловым и Карпецом. Как последний ни доказывал, что разделять угрозыск на две части нельзя, аргументы не действовали. Тогда Карпец решил прибегнуть к хитрости: он создал в системе угро специальные отделы по организации агентурной работы (так называемые отделы «А»), не освобождая от работы с агентурой других работников. Однако Крылову такое новшество не понравилось, о чем он незамедлительно доложил Щелокову в «разгромной» записке, датированной началом 71-го года. В этом документе Крылов обвинял руководство УУР в бездеятельности, плохой работе и делал вывод о том, что из-за перечисленных выше недостатков преступность в стране неумолимо растет. Естественно, Карпец не мог оставить без внимания «камень в свой огород». 5 марта он направил министру ответную записку, в которой попытался откреститься от предъявленных его ведомству претензий. Карпец писал:

«Известно, что состояние, рост либо снижение преступности зависят от комплекса обстоятельств, лежащих в плоскости решения экономических, социальных, воспитательных и иных задач. Это — элементарные вещи. И деятельность органов МВД в целом (а не только уголовного розыска) является лишь частью этих общих усилий государства. Абсурдно поэтому выглядят обвинения в том, что рост преступности обусловлен слабой работой уголовного розыска, который, оказывается, один в этом виновен...

Нельзя огульно охаивать и чернить деятельность многотысячного коллектива службы уголовного розыска. Нужно научиться преодолевать в себе личную неприязнь, когда этого требуют интересы дела...»

Щелоков, как ни странно, согласился с большинством выводов Карпеца и высказал ему пожелание «утрясти» конфликт с Крыловым в личной беседе. Однако Карпец, понимая, что никакая беседа не в силах улучшить неприязненные отношения, которые существовали между ним и начальником Штаба, от этого совета уклонился.

Тем временем конкурирующее с МВД ведомство — КГБ — взялось за раскрутку первого в своей истории «бриллиантового» дела. Началось же оно с того, что в марте в аэропорту Шереметьево при попытке провезти контрабанду был задержан гражданин Борис Глод. Таможенник, досматривавший вещи Глода, обратил внимание на кольцо на его руке, подозрительным образом повернутое бриллиантом внутрь ладони. При более тщательном осмотре выяснилось, что кольцо было грубой подделкой и служило футляром для большого бриллианта в 2 карата. За расследование этого дела взялся следственный отдел Комитета госбезопасности, который за короткий срок сумел выявить целую группу похитителей бриллиантов. Преступники действовали прямо под носом у Лубянки — на ювелирном заводе, расположенном в маленькой церквушке, стоявшей между «Детским миром» и зданием КГБ. Однако о перипетиях этого громкого дела разговор у нас еще впереди, а пока вернемся в март 71-го.

6 марта во МХАТе состоялась первая репетиция многострадальной пьесы Леонида Зорина «Медная бабушка». Как мы помним, драматург написал ее ровно год назад, однако долгое время ни одному из столичных режиссеров не удалось поставить ее у себя. Но самым «упертым» оказался Олег Ефремов. Он добрался до самого Политбюро, устроил там в начале января 1971-го форменный скандал, после чего дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Уже через неделю после этого Минкульту была дана команда разрешить Художественному театру сделать постановку. На репетицию пришел сам автор пьесы, который в своем вступительном слове рассказал собравшимся о том, что он чувствовал и передумал, когда трудился над пьесой о гении русской поэзии. Кстати, на роль Александра Сергеевича Пушкина на первой репетиции постоянного актера еще не было, поскольку Ефремов никак не мог определиться в своем выборе. Наибольшие шансы были у актеров Николая Пенькова и Александра Кайдановского.

Предпраздничный день 7 марта выпал на воскресенье. И хотя в той же Москве на дворе стоял мороз, повсюду лежал снег и приближение весны абсолютно ни в чем не угадывалось, однако настроение у людей, особенно у женщин, было по-настоящему праздничным. Цен-

тральное телевидение в этот день расщедрилось аж на четыре художественных фильма (обычно показывали по два), причем три из них относились к жанру комедии: «Укротители велосипедов», «Богатая невеста», «Музыкальная история» и «Новые приключения неуловимых». Кроме этого, в тот день показали две развлекательные передачи: «Праздничный вечер в Останкине» и «А ну-ка, девушки!» (программе, напомним, исполнилось всего два месяца).

Между тем в этот день Андрей Миронов справлял круглую дату — 30 лет со дня своего рождения. Торжество проходило в отдельном кабинете на втором этаже Дома литераторов. Присутствовали самые близкие юбиляру люди, среди которых была и возлюбленная Миронова, актриса Театра сатиры Татьяна Егорова. Вот как она вспоминает об этом:

«В театре днем и ночью репетировали «Темп-1929», и в день тридцатилетия Андрюши была назначена вечерняя репетиция. В свободные от репетиций минуты я сидела в гримерной у зеркала и выводила ресницы. Без четверти девять в тончайшем замшевом сарафане, расклешенном, надетом на голое тело как платье, поверх — треугольная, модная тогда как шаль цвета брусники, на шее — тяжелые украшения, привезенные из Югославии, ресницы касаются лба, прическа — сессон, я вошла с Магистром (под этим прозвищем скрывается Марк Захаров. — *Ф. Р.*) в Дом литераторов и по его глазам поняла, что сегодня я — Клеопатра, Нефертити и царица Савская одновременно. Открыли дверь банкетного зала на втором этаже. Все сидящие за столом обернулись и замерли. Несколько секунд мы стояли в дверях, как картина в раме, потом сели на оставленные нам места. Андрей заерзал на стуле, глядя на меня угрожающим взглядом, — его охватила бешеная ревность. Через десять минут Мария Владимировна (Миронова. — *Ф. Р.*), полоснув меня острием глаз, подняла Менакера, и они демонстративно ушли...

Я подошла и преподнесла Андрею подарок — старинный медный круглый тульский самовар с клеймом — «Капырзин с сыновьями». Он посадил меня рядом с собой и потребовал, чтобы я никуда не двигалась. Все уже «накачались», атмосфера была на редкость непростительной. Тревога висела в воздухе, и все решили поехать в мастерскую к Збарскому. На улице

Воровского, у большого серого дома в стиле модерн, остановились машины. От ночной мартовской сырости меня стало знобить, я подошла к Андрею и тихо сказала:

— Мне тут недалеко до дома, Андрюшечка, мне очень не по себе, знобит, пойду-ка я...

Он тут же схватил меня за воротник, я вырвалась и побежала по проезжей части улицы, за мной бежал он, за ним с криком бежали Пельтцер, Энгельс (И. Кваша. — *Ф. Р.*), Энгельсова жена, Збарский, Мессерер — все это напоминало Олимпийские игры в сумасшедшем доме. Наконец меня поймали, уговорили, я пошла в мастерскую.

Поздно ночью совершенно измученный своим тридцатилетним рубежом Андрей сидел с всклокоченными волосами и безумным взглядом смотрел в одну точку. У меня сжималось сердце от жалости к нему.

— Посмотри, — сказала я ему. — Ты похож на портрет Мусоргского кисти Репина...

8 Марта Георгий Юматов и Василий Лановой, которые находились в Туркмени на съемках фильма «Офицеры», подарили своей партнерше, Алине Покровской, роскошный подарок — французские духи «Магриф», которые в ту пору днем с огнем нельзя было сыскать. Чтобы раздобыть столь дефицитный подарок, «офицерам» пришлось пробраться в ашхабадскую валютную «Березку» и, пользуясь своей популярностью, выцыганить у продавщиц редкие духи. Кстати, на тот момент Юматов уже был по уши влюблен в Покровскую. Причем его чувства к ней оказались столь сильными, что он даже ревновал ее к законному жениху Василию, который приехал в Туркмению навестить свою невесту (впоследствии молодые поженятся). Ревность Юматова порой переходила всякие границы. Однажды вечером после съемок троица вышла на улицу подышать воздухом, и Василий позволил себе подать руку невесте, чтобы та спрыгнула с высокого бордюра. Юматов, увидев это, так осерчал, что бросился бежать прочь от влюбленной парочки, не разбирая дороги. И потом долго дулся на свою партнершу по картине. К счастью, в фильме напряженность между актерами совершенно не видна.

В эти же дни Высоцкий в очередной раз угодил в больницу. Мы помним, как в последние дни февраля он с удвоенной энергией ре-

петировал роль Гамлета и был полон самых радужных надежд на будущее. И, надо сказать, для такого оптимизма были все основания. Во-первых, вновь наладились его отношения с Мариной Влади. Во-вторых — появилась надежда на то, что ему, может быть, удастся залечить застарелую язву, поскольку его приятель, кинорежиссер Александр Митта, уговорил Высоцкого лечь в ведомственный эмвэдэшный госпиталь к своему двоюродному брату — врачу Герману Баснеру, чтобы пройти курс лечения по какой-то новой методике. Вспоминает Г. Баснер:

«Жена моего двоюродного брата Алика Митты, Лиля, привезла меня к Володиной матери Нине Максимовне. Она вся в слезах. Я взглянул на Володю, говорю: «Срочно в больницу!» Он — ни в какую. Тогда я заявляю: «Если завтра твоя мама позвонит мне в 10 часов и ты приедешь в больницу, я выполню твои условия. Если нет — значит, нет. Мне некогда здесь разговоры разговаривать». Оделся и уехал.

Тогда еще разговора о язве не было, хотя я отметил, что он бледен.

В десять утра (на календаре было 7 марта. — Ф. Р.) — звонок. Поднимаю трубку — говорит Нина Максимовна: «Знаете, вы на Володю такое впечатление произвели! То он никуда не соглашался ложиться, а тут заявляет: «Вот к доктору Герману поеду. Звони ему!»

Я сказал, что сейчас все организую и перезвоню. Пошел к начальнику госпиталя МВД, где я тогда работал:

— Надо полржить к нам Высоцкого.

— Да ты что! Представляешь, что будет?!

— Ну конечно! Я у вас был, пленочки-то его у вас крутятся, а как помочь человеку, так — нет! Звоните начальнику управления!

Он позвонил, тот тоже — «тыр-пыр»... Тогда я взял трубку и высказался.

— Ну ладно, — разрешили.

Я заступил на дежурство — чтобы не было лишних разговоров. Володю привез Ваня Дыховичный на только что появившейся 3-й модели «Жигулей» то ли светло-серого, то ли голубоватого цвета. Оформили его — как с язвой. Я вообще-то знал, что язва у него была. И потом, когда провели обследование, выяснилось, что Володя поступил с состоявшимся кровотечением.

Володя лежал в отдельной генеральской палате с телефоном, и вообще этот этаж часто пустовал. Да и режим был строгий: все-таки госпиталь МВД. Хотя персонал относился к нему очень хорошо.

На третий день, когда я зашел в палату, он взял тоненькую школьную тетрадочку в клетку с зеленой обложкой и начал мне читать «записки сумасшедшего», как сам это назвал. На другой день — продолжение... До конца не дочитал: еще не дописал, наверное.

Когда Володе полегчало, он устроил нам небольшой концерт. Мы потихонечку прошли после ужина в конференц-зал. Принесли гитару (по-моему, Алла Демидова), и он пел до полуночи. На магнитофон никто не записывал...»

И вновь из Москвы перенесемся в Батайск, где органы ОБХСС вот уже четыре дня ищут фальшивомонетчика, штампующего поддельные 10-рублевые купюры, практически ничем не отличающиеся от настоящих (на них был лишь один изъян — не совпадало количество цифр на номере). Обэхээсники уже успели допросить почтальоншу, которая разносила пенсию и вручила одной из пенсионерок злополучный червонец, но та ничем помочь следствию не смогла — деньги ей выдали в сберкассе. Пришлось сыщикам ждать, когда объявятся новые фальшивки. Ожидание длилось недолго. Уже 8 марта некий гражданин пришел в магазин, чтобы купить бутылку водки, и протянул кассирше липовый червонец. К месту происшествия тут же примчалась милиция. Мужика не стали долго мурыжить вопросами и спросили напрямик, где он взял поддельную купюру. Тот заявил, что ему ее всучил его старинный кореш и собутыльник Алексей Халдеев.

Когда обэхээсники пришли в дом к 58-летнему бывшему сапожнику Халдееву, они были поражены: убогая халупа никак не тянула на апартаменты профессионального фальшивомонетчика. Сам хозяин встретил гостей с распростертыми объятиями и предложил составить ему компанию: «А то одному пить скучно». Но милиционеры сочли за благо отказаться от угощения и, не найдя в доме никаких примет подпольного производства денег, удалились. Однако начальник ОБХСС Алтайского края Борис Исаев, которому некоторые моменты в поведении Халдеева не понравились, решил на вся-

кий случай новости о нем справки. Но к чему привела эта проверка, мы узнаем чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями марта 71-го.

9 марта кинорежиссер Андрей Тарковский приступил к съемкам фильма «Солярис». Событие смело можно назвать значительным, поскольку в течение пяти последних лет (после скандала с «Андреем Рублевым») Тарковскому запрещали заниматься любимым делом. И вот — новая работа: фильм по одноименному произведению польского фантаста Станислава Лема. Вот как об этом вспоминает очевидец — О. Суркова:

«В павильоне «Мосфильма» выстроена декорация зала заседаний, в котором крупнейшие ученые мира должны обсуждать проблемы планеты Солярис. Сегодня должны снимать выступление Бертона, которого играет Владислав Дворжецкий.

Тарковский очень суеверен: перед съемками первого кадра будущего фильма традиционно разбивается бутылка шампанского. В первом кадре снимается настоящий американский журналист, завсегдатай московских салонов. (Позднее он будет выслан из Москвы как «американский шпион», а кадры с ним вырежут.)

Первый кадр у Тарковского после стольких лет — это что-то да значит! На площадке полно народу. Событие! Настоящее событие на студии! Я даже решаюсь сказать Андрею: «Поздравляю! Сегодня необычный день!» И получаю в ответ: «Да нет, вроде бы обычный, будничней». Но лукавая улыбка и резкое движение головой выдают огромное возбуждение.

Начинаются съемки. Изменена точка зрения камеры. В центре съемочной площадки Андрей объясняет исполнителям их задачи: что, кому, куда... Просит припудрить лысину оператору-американцу, чтобы она не сияла в кадре. По площадке несутся указания: «Уберите у Влада воду, я ее специально убрал, потому что весь его проход по залу строится на том, что он идет за водой. Будьте уж повнимательнее!»

Тарковский необычайно ценит достоверность деталей в кадре, тем более достоверность персонажей — не случайно он всегда настаивал на том, чтобы искать исполнителей по принципу максимально более полного совпадения актера и персонажа. Поэтому на эпизод международного симпозиума приглашены настоя-

щие иностранцы — ради все той же типажной достоверности...»

Другой известный кинорежиссер — Василий Шукшин — на Киностудии имени Горького готовится к съемкам фильма «Печки-лавочки». Как мы помним, на главную роль им безоговорочно был выбран Леонид Куравлев. Однако внезапно Шукшин узнает, что его любимый актер проходит пробы к фильму Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». При таком раскладе все первоначальные планы Василия Макаровича летели в таррары. Он начинает искать встречи с Куравлевым, чтобы расставить все точки над «i», и в конце концов его находит. Далее послушаем рассказ самого актера:

«Иду я по длинному-длинному коридору студии имени Горького к Татьяне Лиозновой — на кинопробу с Леонидом Броневым — и вдруг вижу: навстречу движется Шукшин. Бежать некуда, да и глупо бежать, бездарно бежать — взрослый же я человек... Встречаемся: глаза в глаза. У Василия Макаровича по скулам знаменитые желваки загуляли, левая рука в кармане брюк, левым плечом к стене привалился:

— Постой-постой! Поговорим!

А я стою, как мальчишка, потому что — о чем говорить? Я же перед ним — подонок... А он глаза сузил и говорит:

— Что ж ты мне под самый-то дых дал?!

И вдруг — такая штука... Ну, спасал я себя, конечно, но все получилось как-то инстинктивно. Я сказал:

— Вася, ну кто лучше тебя сыграет? Ну кто? Я-то лучше не сыграю! — В этом я был в высшей степени искренен. — Ты написал, ты знаешь... Ну, кто — лучше тебя?

Бывает, что самая простая, для всех очевидная мысль тебе самому никогда и в голову не приходит, другие видят, а ты — нет. Так и в тот раз; я почувствовал, что этого Шукшину не то что никто не говорил — он и сам не думал. Я просто понял по его очень острой реакции: Василий Макарович вдруг насторожился, лицо подобрело.

— Да? — спросил он, словно не веря.

— Ну конечно! Играй сам!..»

Несмотря на то, что мысль сниматься в собственном фильме в главной роли действительно пришла к Шукшину по душе, он еще некоторое время колебался. Со здоровьем у

Василия Макаровича было не все в порядке. Он берег себя на главную роль всей своей жизни — роль Степана Разина. Но ситуация складывалась патовая: «Разина» ему должны были разрешить только после «Печек-лавочек», поэтому тянуть со съемками этого фильма тоже не стоило. Так что Шукшину просто не оставалось ничего иного, как утвердить на главную роль самого себя.

Вот уже несколько недель на даче генсека в Завидове группа специалистов корпела над докладом, с которым Леонид Брежнев собирался выступить на XXIV съезде КПСС в день его открытия 31 марта. Один из участников группы, Анатолий Ковалев, рассказывает, как шла работа:

«Распорядок дня был примерно таким: в 9 утра все уже были в работоспособном состоянии. Завтрак начинался часов в десять — начале одиннадцатого, когда входил Брежнев. Часов с одиннадцати и до двух обычно шла работа всей бригады с его участием над проектом документа. Брежнев любил, чтобы текст зачитывали вслух, причем чтобы читал автор написанного. Он по ходу задавал вопросы, делал замечания или высказывал пожелания. И каждый из нас тоже мог высказать свои суждения по любому разделу документа. Нередко сталкивались не только авторские самолюбия, но и политические взгляды. В два-три часа садились за обеденный стол. Обед продолжался примерно час. Потом Брежнев полтора-два часа отдыхал, а мы в это время работали. Дальше он или присоединялся к нам, или уезжал... Часов в восемь вечера ужинали.

Когда Брежнев не проявлял инициативы поставить на стол что-нибудь, чтобы застолье шло веселее, ему напоминали об этом Бовин или Арбатов. «Работники хорошо потрудились», — обращались они к нему. Брежнев был хлебосольный хозяин. Сам определял меню на день. Из всех яств мне особенно запомнились соленые грузди, о которых я до сих пор только читал. Ужин мог длиться и пару часов, в зависимости от настроения.

Там же, в столовой на первом этаже, показывали фильмы. Это обычно были фильмы о зверушках (Брежнев их любил) и один из очередных выпусков «Фитиля». Брежнева тронул фильм «Белорусский вокзал». По многу раз смотрел он миниатюры с Аркадием Райки-

ным, которому симпатизировал. Нравился ему и мультфильм «Бременские музыканты»...

Генсек рассказывал, что частенько перед сном листает книгу бразильского футболиста Пеле. Однажды он удивил нас, когда, будучи основательно навеселе, влез на стул и стал читать стихи Мережковского о Шакьямуни. Оказывается, он помнил их еще с юности.

В Завидове все ходили без галстуков. Преимущественно в спортивных костюмах. При одном из своих посещений Громыко, обратив внимание на мою одежду, заметил: «Вы вписались в завидовский пейзаж...»

Перед XXIV съездом КПСС мы работали с Брежневым более месяца над проектом его доклада. Он рассказывал, что в общий отдел ЦК идут письма трудящихся, основное содержание которых — требование реабилитировать Сталина. Мы в ответ посоветовали ему поручить проанализировать, кто направляет эти письма. Такие же письма, кстати говоря, шли и перед XXIII съездом. В результате проведенного анализа выяснилось, что в основном писали одни и те же лица — и перед XXIII, и перед XXIV съездами. И было достаточно ясно, что этот «поток» писем был сдиржирован, а общий отдел ЦК фокусировал на таких письмах особое внимание. Среди писавших не было ни одного достойного уважения деятеля культуры, ученого, зато много школяров от марксизма-ленинизма.

Брежнев в разговоре с нами не допускал критических высказываний о Сталине, но и не восхвалял его. Он вообще избегал этой темы...»

Наивно было бы предполагать, что население огромной страны с нетерпением считает дни до предстоящего съезда КПСС. Даже большая часть коммунистов занята в те дни совсем другими проблемами, а про съезд они вынуждены вспоминать только в силу необходимости — когда парторг заставляет ходить на собрания. Все эти мероприятия уже давно стали показушными и рутинными.

Со 2 марта в Москве начинает демонстрироваться новая мелодрама Петра Тодоровского «Городской романс» с Евгением Киндиновым и Марией Леонидовой в главных ролях. Последняя пока носит свою девичью фамилию, но вскоре сменит ее на другую — Соломина. Как мы помним, перед началом съемок Мария познакомилась с Виталием Соломиным, влюбив-

лась в него и вот уже почти год ходит в его невестах. Вскоре они наконец поженятся, и Мария переедет из ленинградской квартиры родителей к мужу — в тесную комнатку театрального общежития. Жизнь в общаге будет еще та: в соседней комнате некий актер пристроит мотоцикл (!), который каждый вечер будет заводить, сотрясая все здание чуть ли не до основания, рядом пропишется дворничиха — большая любительница нецензурной лексики. Можно себе представить, как будет чувствовать себя в таком окружении девушка из интеллигентной семьи.

7 марта в киноконцертном зале «Октябрь» — большая праздничная программа «Женщина в искусстве», в которой участвует немало популярных артистов разных жанров: Вера Марецкая, Анастасия Зуева, Галия Измайлова, Рина Зеленая, Ольга Воронец, Кира Головкин, квартет «Улыбка» и др. 3—6 марта в Государственном театре эстрады наблюдается небывалое скопление молодежи, пришедшей на концерты популярного ансамбля из Югославии под управлением Саши Суботы. С 7 марта на смену модному зарубежному коллективу на сцену ГТЭ выходят отечественные исполнители: Гелена Великанова (7—10), Вадим Мулерман (10—11). 13—14 марта в ГТЭ выступают суперпопулярный клоун Леонид Енгибаров и ВИА «Голубые гитары». 6—15 марта во Дворце спорта ЦСКА идет программа «Наши гости» с участием суперпопулярного пародиста Виктора Чистякова, певца Ивана Суржикова, юмористов Александра Шурова и Николая Рыкунина, вокального дуэта Алла Иошпе — Стахан Рахимов, Ларисы Голубкиной и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» назову следующие:

миньоны твердые: «Поет Владимир Макаров» с песнями «Казачок» (А. Лепин — Ф. Лаубе), «Огонек» (Н. Богословский — Е. Долматовский), «Русская песня» (Э. Ханок — С. Кирсанов), «Не беда» (Э. Колмановский — И. Шафран), «За туманом» (Ю. Кукин); «Поет Дин Рид» с песнями «Поиск» (Д. Рид), «Я поцеловал королеву» (Б. Деверзон), «Донна, донна» (Д. Мур), «Я буду с тобой» (Бергер);

четыре гибкие пластинки, на которых записаны популярные в те годы звезды зарубежной эстрады: Сальваторе Адамо (поет песни «Вы позвоните, мсье?», «Моя голова», «Летний

вальс», «Небоскребы»), Х. Хосе (Мексика), К. Вилла (Италия) и З. Вучкович (Югославия).

И, наконец, краткий обзор телевизионных передач. В светлый праздник 8 Марта по «ящику» крутили сплошь одну «развлекуху». Тут и кино на все возрасты и вкусы («Старик Хоттабыч», «Старшая сестра», «Укрощение строптивой»), и показательные выступления по фигурному катанию, и сразу три суперхита: телевизионный музыкальный фильм-ревю с участием таких мегазвезд советского искусства, как Аркадий Райкин, Анатолий Папанов, Георгий Вицин и др., праздничный «Огонек» и «Кабачок «13 стульев». Одним словом, веселится и ликует весь народ!

Затем наступили будни, и количество развлекательных передач заметно поубавилось — в день демонстрировали один-два фильма. Единственным исключением было воскресенье, когда могли показать сразу три фильма плюс целый набор популярных программ типа «Клуба кинопутешествий», «Музыкального киоска», «Здоровья», «Будильника» и др. 11 марта идет «Щорс» и «Три сестры», 13-го — «Веселые ребята» и повтор Дела №1 «Черный маклер» из сериала «Следствие ведут знатоки», 14-го — «Укротительница тигров», «На графских развалинах», «Как выйти замуж за короля», 15-го — «Повесть о настоящем человеке».

Об одной телевизионной новинке, премьере которой состоялась в эти дни, стоит рассказать отдельно. Это развлекательная передача «Артлото», показанная 13 марта. Она была придумана писателем Аркадием Аркановым по образу и подобию «Спортлото», только вместо видов спорта к каждому из 49 номеров был «приписан» определенный артист. Ведущие должны были раскручивать барабан, доставать шарики с номерами — и звучала песня. Режиссером передачи стал Евгений Гинзбург, а на роли ведущих первоначально предполагалось пригласить Людмилу Гурченко и Олега Анофриева. Но по каким-то причинам ни Гурченко, ни Анофриев сниматься не смогли, и тогда их место заняли Жанна Горошеня и артист Центрального театра Советской Армии Федор Чеханков, который до этого уже имел опыт общения с телевидением — вел передачу «Искусство оперетты. От Оффенбаха — до наших дней» (чуть позже Горошеню заменит Людмила Сен-

чина, а мужскую половину усилит популярный конферансье Лев Шимелов).

Но вернемся в март 71-го.

В Батайске продолжают искать фальшивомонетчика. Как мы помним, подозрение пало на бывшего сапожника Алексея Халдеева, однако во время первого посещения его полуразвалившейся халупы сыщикам так и не удалось обнаружить ничего подозрительного. Но начальник краевого ОБХСС Борис Исаев решил навести более подробные справки о Халдееве и выяснил весьма любопытные детали. Оказывается, еще десять лет назад этот человек, окончивший всего 2 (!) класса средней школы, пытался смастерить из бересты фальшивую 30-рублевую купюру (были тогда такие), но из этой затеи ничего не вышло. Халдеева всего лишь пожурили, но уголовного дела заводить не стали. А он, как оказалось, не успокоился.

Идея наладить в домашних условиях выпуск фальшивых червонцев пришла к сапожнику-недоучке случайно, после того, как он услышал по радио передачу о красителях, используемых на Гознаке. Поскольку знаний в этой области у него не было никаких, Халдеев устроился простым рабочим в типографию. Вскоре он начал неплохо разбираться в производственном процессе, соорудил дома станок для печатания денег и открыл свое маленькое «дело». Деньги у мастера получались на загляденье, но с одним изъяном — цифр в номере было меньше. Видимо, изъяны в образовании все-таки давали о себе знать.

Когда милиционеры пришли к Халдееву с обыском во второй раз, он встретил их спокойно. Однако отдать станок отказался: «Найдете — ваше, нет — не взыщите». Сыщики наши: станок был спрятан в выгребном туалете. На вопрос, зачем Халдеев занялся таким промыслом, тот ответил: «Хотел скопить денег и пожить в доме престарелых. Харчи там казенные, а водку я бы сам себе каждый день покупал». Но мечте фальшивомонетчика не суждено было сбыться: суд приговорит его к 12 годам тюрьмы, но из этого срока Халдеев не отсидит и половины — умрет от туберкулеза.

В марте 71-го едва не погиб от ножа рецидивиста знаменитый футболист, игрок сборной Советского Союза и минского «Динамо», 28-летний Эдуард Малофеев. В марте динамовцы проводили предсезонную подготовку в Бол-

гарии (чемпионат СССР должен был начаться 4 апреля), куда и пришла радостная весть: у Малофеева родилась дочь. По такому случаю тренер принял решение отпустить счастливого папашу на родину. А ехать надо было под Коломну, в Голутвин. Малофеев добрался до Москвы, и с Казанского вокзала отправился к месту назначения. Однако из-за неосведомленности проводника поезда состав проехал Коломну без остановок. Пришлось футболисту чесать аж до Рязани. Когда он туда прибыл, была уже глухая ночь. На стоянке дежурило одно-единственное такси. Поскольку Малофеев вернулся из-за границы с деньгами, такса в 50 рублей, заломленная за ночную поездку таксистом, не показалась ему слишком большой. Да и какие могут быть споры в два часа ночи?

Между тем от вокзала такси отчалило не с одним, а с двумя пассажирами. Сразу после того, как в автомобиль загрузился футболист с двумя вместительными сумками, в попутчики наприсился еще один пассажир — пожилой мужик в кепке, надвинутой на глаза. Он взгромоздился на заднее сиденье и тут же начал бурчать: дескать, развелось на свете буржуев — не продохнешь (мужик явно имел в виду Малофеева, который действительно выглядел, как заправский денди: в модном импортном пальто, с красивыми сумками). Однако на его ворчание ни таксист, ни сам Малофеев не обратили внимание.

Тем временем возле вокзального КПП такси тормознул милиционер. Он заглянул в салон и аж присвистнул. «Вы хоть знаете, с кем едете? — спросил он у шофера, кивая на заднее сиденье. — Это же вор-рецидивист, он несколько дней назад только из тюрьмы освободился, а вы его на заднее сиденье посадили. А ну-ка, пересаживайся!» — Последняя фраза была обращена к эзку, который безропотно поменялся местами с Малофеевым. «Вот влип!» — подумал про себя футболист, когда такси вновь рвануло в темень.

Они проехали примерно половину пути, когда таксист внезапно резко тормознул машину. «Ты чего в кармане держишь? — спросил он у мужика в кепке и тут же навалился на него всем телом. — У него там что-то есть!» Малофеев, в свою очередь, навалился на мужика сзади. Вдвоем они живо скрутили попутчика и заставили выйти из автомобиля. Пока футбо-

лист держал мужика за руки, таксист быстро обшарил его карманы. Вскоре на свет были извлечены нож и опасная бритва. Только тут Малофееву и таксисту стало понятно, какая опасность им угрожала. Обезоружив зэка, они оставили его на дороге, а сами рванули в Рязань. Оба потом всю дорогу благодарили милиционера: кабы не он, порешил бы их рецидивист за милую душу, как куропаток.

Тем временем съёмочная группа комедии «Джентльмены удачи» работает под Самаркандом (экспедиция началась 2 марта). За эти две недели были сняты все среднеазиатские эпизоды: побег из тюрьмы; появление «джентльменов» из цистерны; в пустыне; пробежка до города (здесь произошла накладка: в пустыне «джентльмены» были без маек, а пробежку в город совершали уже в них); в обувном магазине; Трошкин звонит из телефонной будки в милицию («Я — Доцент». — «Поздравляю!») и др. Экспедиция продлится до 22 марта, после чего группа срочно вылетит в Москву, чтобы доснять там зимние эпизоды (в столице неожиданно завьюжит).

В четверг, 18 марта, в Кремле прошло очередное заседание Политбюро. На нем резко критиковали председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина, которого некоторые из участников заседания обвинили в провале экономических реформ в стране, начатых еще в 1965 году и негласно именуемых «косыгинскими». О событиях того дня вспоминает доктор философских наук Т. Ойзерман:

«Как-то в середине марта 1971 года Алексей Николаевич попросил меня приехать на дачу, чтобы ознакомиться с первоначальным, черновым вариантом его доклада на XXIV съезде КПСС и принять участие в неформальном обсуждении в семейном кругу...

Я приехал в Архангельское, и здесь вместе с Джерменом Михайловичем (Гвишиани — зять Косыгина. — Ф. Р.) и Людмилой Алексеевной (дочь Косыгина. — Ф. Р.) мы в течение целого дня обстоятельно, с карандашами в руках штудировали материалы доклада.

Было много замечаний, особенно редакторского, литературного характера. Но одно из замечаний, сделанное Людмилой Алексеевной, носило весьма принципиальный характер. Речь шла о росте благосостояния рабочих и крестьян в СССР. В материалах говорилось, что ре-

альные доходы рабочих (с учетом ликвидации безработицы и сокращения рабочего дня) выросли с 1913 по 1970 г. в среднем в 8 раз. А доходы крестьян, в среднем на одного работающего, увеличились за этот же период в 12 раз.

Людмила Алексеевна предложила убрать этот пассаж из доклада. Она была возмущена, даже покраснела от волнения, говорила, что эту явную дезинформацию кто-то нарочно подсовывает Алексею Николаевичу, чтобы дискредитировать его. Возбуждение Людмилы Алексеевны передалось и нам. И это понятно, если вспомнить, что начатая в 1965 году по инициативе Косыгина экономическая реформа к этому времени оказалась в тупике, встретив сопротивление руководителей партии в центре и на местах. Но в провале реформы обвиняли, конечно, Косыгина.

Алексей Николаевич, приехавший на дачу поздним вечером, был явно возбужден. Оказывается, именно в этот день его в очередной раз прорабатывали на заседании Политбюро за провал реформы. Он, однако, не считал, что реформа провалилась, она, говорил он, по существу, еще и не начиналась.

Несмотря на позднее время и усталость, Алексей Николаевич настоял на том, чтобы приступить к обсуждению материалов доклада. Обсуждение происходило следующим образом: Людмила Алексеевна зачитывала свои замечания, которые и становились предметом дискуссии. В этот вечер мы не дошли до раздела, в котором шла речь о росте благосостояния трудящихся.

Назавтра обсуждение началось сразу же после завтрака. Когда мы дошли до «рокового» места в докладе и Людмила Алексеевна с негодованием заявила о нашем единодушном несогласии с таким утверждением, Алексей Николаевич сказал, что он и сам заметил это и специально разговаривал с руководителем ЦСУ СССР, пытаясь выяснить, какого рода методика подсчета привела к таким сногшибательным выводам. К сожалению, подчеркнул Алексей Николаевич, это вполне официальные, одобренные на самом высоком уровне «сведения».

Алексей Николаевич согласился с тем, что эти цифры надо исключить из доклада. Попутно он вспомнил о том, как жили рабочие до ре-

волюции. Николай Николаевич Косыгин, его отец, был высококвалифицированным рабочим и зарабатывал достаточно, чтобы содержать семью — жену-домохозяйку и троих детей. Мы, рассказывал Алексей Николаевич, жили, конечно, скромно, обстановка в квартире (кстати, трехкомнатной) была самая простая, но на нормальное питание, добротную одежду и обувь всегда хватало. И, саркастически усмехаясь, Алексей Николаевич заметил, что ему недостает воображения, чтобы представить себе современного рабочего, который зарабатывал бы в 8 раз больше, чем его отец...»

Как мы помним, 24 февраля группа столичных евреев устроила захват приемной Президиума Верховного Совета СССР на Манежной площади. В числе «захватчиков» был и известный киносценарист, 42-летний Ефим Севела. 18 марта он удостоился внимания со стороны самого председателя КГБ Юрия Андропова, который поставил свою подпись под документом, направленным в ЦК КПСС. Документ гласил:

«Киносценарист Севела (Драбкин) Ефим Евелович, 1928 года рождения, по национальности еврей, беспартийный, работает по договорам на киностудиях, женат, имеет ребенка 10 лет, обратился в Отдел выдачи виз и разрешений Управления внутренних дел Мосгорисполкома с просьбой разрешить ему и его семье выехать на постоянное жительство в Израиль.

Известно, что некоторые созданные по сценариям Севелы фильмы («Крепкий орешек», 1968, «Мосфильм»; «Годен к нестройной», 1968, «Беларусьфильм»; «Нет неизвестных солдат», 1965, Киевская киностудия им. А. Довженко) подвергались критике за низкий идейный и художественный уровень.

Среди кинематографистов Севела характеризуется отрицательно как националистически настроенный человек, в творческом отношении проявивший себя малоперспективным сценаристом, избалованным в плагиате. В быту нечистоплотен.

Учитывая националистические убеждения Севелы, его низкие моральные и профессиональные качества, считали бы целесообразным не препятствовать его выезду на постоянное жительство в Израиль».

После такой характеристики Севелу, естественно, отпустили на все четыре стороны. Он стал одним из первых советских «отъезжантов», прорубившим для остальных советских евреев брешь в «железном занавесе».

В том же марте предпочел уехать подальше из Москвы популярный ныне певец Михаил Шуфутинский. Как мы помним, после окончания музыкального училища он устроился играть в ансамбле, выступавшем в ресторане «Варшава». Однако в начале 71-го его вызвали в районное отделение внутренних дел для «серьезного разговора». В кабинете, куда он пришел, вместе с милиционером сидел еще один человек — кагэбэшник. Последний и сообщил потрясенному Шуфутинскому, что в их ведомстве на него скопился достаточный компромат (концерты с неблагонадежным музыкантом Пинсоном, разговоры о незаконной демонстрации во время будущего приезда в Москву президента США Ричарда Никсона и т. д.) и что эти материалы могут серьезно осложнить дальнейшую жизнь и профессиональную карьеру музыканта. Представитель КГБ предложил Шуфутинскому на время уехать из Москвы. Например, в Красноярск, где в местном музыкальном театре имелась вакансия помощника дирижера (Михаил окончил училище именно по этой специальности). Шуфутинский поначалу сделал робкую попытку отказаться от «лестного» предложения, но затем, видя, как настойчив его собеседник, обещал подумать. Взяв у кагэбэшника бумажку со служебным телефоном, Шуфутинский покинул кабинет.

Эта встреча всерьез встревожила музыканта. Он понял, что в данной ситуации лучше не дразнить гусей. И принял решение уехать. Однако конечным пунктом избрал не Красноярск, на чем настаивал чекист, а «солнечный» Магадан. Его приятель Гарик Логачев с кем-то из тамошних жителей долго переписывался и несколько раз говорил, что есть хорошая возможность устроиться там на должность музыканта в ресторане. Большое значение имело и то, что вместе с Шуфутинским на Дальний Восток надумали отправиться и приятели-музыканты. Кроме уже упоминавшегося Логачева, это были барабанщик Леонид Лобковский, саксофонист Валерий Кацнельсон и певец Николай Касьянов. Подруга Шуфутинского Рита улететь

не смогла, однако провожать его в аэропорт, конечно, приехала.

В Магадане столичных музыкантов «пригрел» под своей крышей ресторан «Северный». Однако первые дни работы в этом заведении запомнились Шуфутинскому не с самой лучшей стороны: публика на их выступлениях откровенно скучала, даже засвистывала. Тогда было решено отправиться по другим ресторанам, чтобы изучить репертуар местных коллективов. Далее послушаем рассказ самого М. Шуфутинского:

«В свободный день мы двинули в «Приморский» — самый популярный среди горожан ресторан. Вообще в Магадане ресторанов было больше чем достаточно. «Магадан» и «Березка» — при гостиницах, там обычно веселятся приезжие. «Северный» избрали своей явкой таксисты, артельщики, рыбаки. «Приморский» оккупировала молодежь. «Вечерний» работал в основном по заказам. Те, кто никуда не попадал, шли в «Астру», находившуюся на отшибе. Было еще несколько кафе, почти ничем не отличавшихся от ресторанов, — та же выпивка, те же закуски, те же цены, те же официантки, только без «живых» оркестров — музыка подавалась с магнитофона. И везде было битком, ежевечерне шла гульба, музыканты и обслуживающий персонал работали буквально на износ...

Мы быстро сообразили, что за репертуар от нас требуется. Поскольку большинство заказываемых посетителями песен нам было неизвестно, я принялся активно переписывать слова и ноты. Благо музыканты отнеслись к нам с пониманием и считали своим долгом помочь коллегам из столицы...

Деньги потекли рекой. Мне еще в Москве говорили, что в Магадане хорошие чаевые, но, приехав, я просто обалдел — с какой быстротой мы набивали свои карманы. Причем давали их где попало — со всех сторон сцены, в фойе, когда перекуривали, и даже в туалете. Подходит пьяный рыбак, одной рукой застегивает ширинку, другой сует червонец: «Запиши «Моряк вразвалочку» для моего друга Толяна». Мы не успевали распахивать деньги по карманам.

Стали приходиться на работу вообще с пустыми карманами, чтобы было больше места. Брали «чай» все, мы доверяли друг другу. По-

том решили: чтобы не возникало никаких вариантов — ставить около саксофониста коробку, пусть туда бросают. Саксофонист меньше других был занят, руки свободны, он вел учет заказов. И всех, кто подходил к оркестру, мы направляли к нему. Братва совала мятые купюры, что-то спяну просила — он должен был разобрать и записать...

Заказывали, конечно, не только местную тематику. Просили часто Вертинского, Лещенко, всевозможные хулиганские и блатные песни, тот же «Ванинский порт». А «Поспели вишни» даже если и не заказывали, мы все равно исполняли — публику веселить надо было. Эти «Поспели вишни» я спел, наверное, раз пятьсот, если не больше...

Однако из столицы Колымского края вновь перенесемся в союзную столицу. Там в пятницу, 19 марта, Высоцкий выписался из госпиталя МВД, где лечил свою язву. В тот же день он отправился в Театр на Таганке, причем приехал туда не на такси, как это бывало раньше, а на собственном «Фиате», который ему помогла приобрести Марина Влади. Кстати, сама она обещает появиться в Москве 23-го, чтобы окончательно помириться с Высоцким.

В этот же день в далекой Швейцарии (Берн, затем Женева) открылся очередной чемпионат мира и Европы по хоккею. В советской команде, которая прибыла на турнир за несколько дней до его начала, было три дебютанта: защитники Геннадий Цыганков (ЦСКА), Юрий Ляпкин и нападающий Александр Мартынюк (оба из «Спартака»). Главными претендентами на золотые медали считались сборные Советского Союза и Чехословакии. Но чехам в первый же день не повезло — их обыграла с разгромным счетом 5:1 команда США, которая имела в своем распоряжении всего пятерых хоккеистов экстра-класса. А наши ребята в первый день турнира встретились со сборной ФРГ (по ЦТ трансляция шла в 18.00) и выиграла матч с еще более разгромным счетом — 11:2. Неплохое начало!

Тем временем съемочная группа фильма «Семнадцать мгновений весны» готовится к первой зарубежной командировке — в ГДР, где будут проходить натурные съемки эпизодов с участием Вячеслава Тихонова, Екатерины Градовой, Льва Дурова и др. Однако прежде чем отправиться за границу (даже в страну социа-

листического лагеря), участникам поездки необходимо просочиться сквозь «сито» выездной комиссии. И надо же было такому случиться: вся съемочная группа прошла сквозь «сито», кроме Льва Дурова. Почему? Дело в том, что в состав комиссии входили наиболее рьяные партийцы, которые в каждом отъезжающем видели в худшем случае потенциального изменника родины, в лучшем — болвана. Вот и Дурова они встретили соответствующим образом. На заседании Дурова спросили: «Опишите нам, как выглядит флаг Советского Союза». На столь «сложный» вопрос актер ответил соответственно: «Он выглядит очень просто: черный фон, на нем белый череп и две перекрещенные берцовые кости. Называется флаг «веселый Роджер». Сами понимаете, что после такого ответа комиссия, что называется, «выпала в осадок». Женщины завизжали, мужчины замахали руками: «Да как вы смеете! Да как вам не стыдно!»

После того как шум утих, собрание продолжилось. Но ни к чему хорошему оно привести уже не могло. Некая дама задала очередной вопрос из разряда дебильных: «Назовите столицы союзных республик». Видимо, дамочка считала, что знание этого вопроса поможет Дурову в его общении с немцами. Тот же, не моргнув глазом, перечислил: «Калинин, Тамбов, Магнитогорск, Тула и еще Малаховка». Это было уже слишком. Больше его ни о чем не спрашивали и из списков отъезжающих вычеркнули. После этого в актерской тусовке за Дуровым закрепилось прозвище, которым он очень гордился, — «главный бандит республики».

Что касается участия Дурова в съемках, то Лиознова пошла по наиболее легкому пути: убийство предателя Клауса, которого и играл Дуров, она сняла в подмосковном лесу. Но это произойдет в апреле, а пока вернемся на месяц назад.

Близится к окончанию туркменская экспедиция фильма «Офицеры» (началась 15 февраля, завершится — 23 марта). Как мы помним, в начале марта едва не разбились все трое героев фильма — Юматов, Покровская и Лановой. Спустя несколько дней с жизнью чуть не простился второй режиссер Владимир Золотоустовский. Инцидент произошел во время съемок эпизода, где погибал басмач-предатель. Его играл не профессиональный актер, а ху-

дожник из Ашхабада, который к тому же панически боялся высоты. А по сюжету ему надо было подстреленным падать со скалы. В конце концов, после долгих препирательств, этот трюк решил осуществить второй режиссер, поскольку каскадеров на съемочной площадке не оказалось. В качестве страховки внизу натянули брезент. Но поскольку «экстремальный» опыт у режиссера отсутствовал, он промахнулся и упал прямо на руки людей, растянувших брезент. «Страховщики» испугались и от неожиданности бросили Золотоустовского на землю. Очнулся режиссер уже в «Скорой помощи» с диагнозом «сотрясение мозга».

В понедельник, 22 марта, советская сборная по хоккею играла очередной матч чемпионата мира и Европы по хоккею — с командой США. Как мы помним, американцы сумели победить сборную ЧССР. Болельщики повалили на стадион в надежде, что и русских постигнет такая же участь. Вспоминает О. Спасский:

«Матч вызвал огромный интерес — я шел к стадиону «Альменд» пешком, и лишний билетик спросили не менее десятка раз. На эту встречу хотели попасть и туристы из дальних краев, и местные любители хоккея. Все одиннадцать тысяч мест были заняты.

Матч оказался нервным. Пожалуй, слишком нервным. Говорю не о грубости и тем более не о драках, хотя силовой борьбы было в тот день предостаточно. Говорю о другом. О неиспользованных возможностях, что, по давним моим наблюдениям, всегда — верный признак нервной перевозбудимости спортсменов. За весь первый период наша команда, энергично и интересно атакуя, поразила ворота Ветцеля всего лишь один раз. Зато во втором... Ну, сколько раз можно за 20 минут забросить шайбу классному вратарю, играющему в команде, которая несколькими днями ранее смогла сокрушить соперников из Чехословакии? Не пытайтесь угадать, всё равно не получится. Семь раз побывала во втором периоде шайба в воротах сборной США... Окончательный счет матча — 10:2. И это при том, что блистательно отстоял в тот день американский вратарь. Он установил своеобразный рекорд — отразил 68 бросков по его воротам...»

24 марта сборная СССР играла матч из разряда принципиальных — против сборной Чехословакии. Трансляция началась довольно

поздно — в 22.00, однако, несмотря на поздний вечер, число зрителей оказалось огромным. Помню, как я в часы телепоказов таких решающих матчей специально выглядывал в окно и видел, что практически во всех окнах мерцали экраны «ящичков» — сильная половина человечества, затаив дыхание, следила за ледовыми баталиями. Встречи с чехами закончилась вничью, со счетом 3:3. Обе команды сохранили равные шансы на победу в турнире.

В Москву накануне прилетела Марина Влади. В аэропорту ее встречал Высоцкий на новеньком «Фиате». Как записал в своем дневнике В. Золотухин: «Приехала Марина, все в порядке. У Володи какие-то грандиозные предложения и планы, только бы разрешили ему сниматься!..»

В это время известный кинорежиссер Станислав Ростоцкий заканчивает на Киностудии имени Горького подготовительные работы над фильмом «А зори здесь тихие...» по одноименной повести Б. Васильева. Ох, и намучился же режиссер за эти четыре месяца в поисках достойных актеров на главные роли. К примеру, он долго не мог найти исполнительницу на роль Жени Камельковой. Удача пришла неожиданно — со стороны автора повести. Както они шли по коридору студии, и навстречу им из кабинета выскочила симпатичная девушка. Она поздоровалась с мужчинами и убежала. «Кто это?» — спросил Васильев. «Это Оля Остроумова, она снималась у меня в «Доживем до понедельника», — ответил режиссер. «Так это же вылитая Жень Камелькова!» — высказал внезапную мысль Васильев. В результате на следующий день Ростоцкий вызвал Остроумову на пробы и утвердил ее практически с первого же дубля — едва она взяла в руки гитару и спела какой-то романс.

Так же тяжело происходили поиски актера на главную мужскую роль — старшины Васкова. Поначалу главным претендентом был популярный актер Георгий Юматов. Однако ближе к съемкам Ростоцкий «забраковал» эту кандидатуру и неожиданно остановил свой выбор на совершенно безвестном актере столичного ТЮЗа Андрее Мартынове (кстати, Остроумова тоже оттуда), который играл у себя в театре роли каких-то медведей да чудищ. Однако члены худсовета выступили резко против дебютанта. Тут еще и сам Мартынов заперол свои пробы:

руки у него висели плетьюми, глаза были перепуганные. Но Ростоцкий продолжал отстаивать именно его кандидатуру. И чтобы заставить Мартынова поверить в свои силы, пошел на хитрость. Взяв двухнедельную паузу, режиссер каждый вечер стал репетировать с актером отдельные сцены перед камерой. И лишь несколько человек знали, что там нет пленки. Вскоре Мартынов так освоился, что перестал замечать камеру. Руки у него сразу ожили, глаза заблестели, грудь стала колесом. Одну из этих проб и показали затем худсовету. Вердикт был однозначный: «Вот это уже то, что надо». А Ростоцкий засмеялся: «Да это же тот самый актер, которого вы недавно мне забраковали!»

Подготовительный период должен был продолжиться до конца марта, однако уже в середине месяца Ростоцкий приступил к локальным съемкам уходящей зимней природы. 16, 18—19 и 25 марта экранизировали эпизоды, относящиеся к воспоминаниям героинь фильма. В частности, тогда снимали сцены, где одна из героинь — Соня Гурвич — катается на катке со своим возлюбленным (в этой роли был занят тогда еще безвестный Игорь Костоловский).

Между тем в конце марта нешуточные страсти разгорелись в столичном Театре имени Маяковского — там был затеян переворот против главрежа Андрея Гончарова. Инициатором путча стала одна из прим театра и секретарь парторганизации актриса Тер-Осипян, которой удалось привлечь на свою сторону директора театра, его заместителя и даже местком. Зная о том, что Гончарова не любит министр культуры Фурцева, «заговорщики» всерьез рассчитывали и на ее поддержку, однако просчитались. Фурцева узнала, что большая часть труппы поддерживает своего режиссера, и отказала группе Тер-Осипян в своей поддержке. Более того, когда те явились на прием в министерство, Фурцева накинулась на них с претензиями: мол, как можно менять режиссера, даже не спросив мнение коллектива. В тот же день Тер-Осипян направилась домой к актрисе Марии Бабановой. Вот как вспоминает об этом Н. Берновская:

«Пришла, молча села за стол. Мария Ивановна тоже молча поставила перед ней бутылку коньяка, рюмку и какую-то еду. После трех рюмок Мария Ивановна сказала: «Хватит, а то до дому не дойдешь». И убрала бутылку. Тогда

она ушла. Так закончилась попытка «государственного переворота». Директор ушел в Театр Ленинского комсомола. Тер-Осипян лишилась секретарского поста и всех возможных ролей на ближайшие 15 лет. У нас дома об этом эпизоде старались при ней не говорить...»

В эти же дни конца марта Татьяну Егорову внезапно свалила неизвестная болезнь. Она лежала без движения в постели, а врачи, приходившие к ней, только пожимали плечами, поскольку были не в силах поставить точный диагноз. Больная между тем буквально таяла на глазах, не могла поднять ни рук, ни ног. Мионов почти каждый день навещал ее, привозил трех куриц и просил соседку Егоровой варить тройной бульон — мол, только это поможет ей встать на ноги. Однажды Мионов привез молодую врачиху. Но лучше он бы этого не делал — она молча осмотрела больную и вынесла страшный вердикт:

— У вас рак.

Однако прошло всего лишь два часа после ее ухода, как Егорова внезапно почувствовала себя лучше. Она, шатаясь, встала, оделась и пошла на улицу. Гуляла до вечера, не в силах поверить, что чудовищная болезнь, кажется, отступила навсегда. А Мионов, едва она оправилась, стал ее безумно ревновать. Вот как вспоминает сама актриса:

«Он стал ночами врывать в мою квартиру, а я, без сил, запиралась изнутри, и соседи говорили, что меня нет дома. Тогда он объезжал все московские дома, разыскивал меня, потом возвращался на Арбат, вырывал дверь с корнем, хватал меня, спящую, с кровати — я летела, как перо, в угол, а он начинал под кроватью, в шкафах искать соперника. Потом срывал все картины со стен, бил об колено, и они с треском разламывались пополам. Потом это безумие превращалось в нежнейшую нежность...»

Примерно в эти же дни Юрий Чурбанов познакомился со своим будущим тестем — Леонидом Брежневым. Как мы помним, Чурбанов стал встречаться с дочерью генсека Галиной еще в январе, но этого времени им вполне хватило, чтобы принять решение о свадьбе. Для того, чтобы поставить родителей невесты в известность о предстоящем мероприятии, Чурбанов и отправился к ним на дачу. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Это был обычный день, мой отпуск шел к концу. Приехали где-то к обеду, Галя сразу познакомила меня с Викторией Петровной, и я увидел очень простую, удивительно обаятельную женщину. Сели за стол, и она как-то так повернула разговор, что моя скованность, давайте употребим это слово, быстро прошла. И если посмотреть со стороны — за столом сидели два хорошо знакомых человека и мирно беседовали на самые разные житейские темы. Вечером мы с Галей были в кинозале, смотрели фильм, — и я даже не сразу заметил, как вошел Леонид Ильич. Только вдруг на фоне света увидел: стоит коренастый человек в серой каракулевой шапке-пирожке. Я поднялся, а он спрашивает: «Ты — Юрий?» — «Я». Тут он говорит: «А чего ты такой высокий?» Я хотел отделаться шуткой, но она у меня как-то не получилась, а он сказал: «Хорошо, я сейчас пойду разденусь, потом поужинаем и поговорим». Вот так состоялось знакомство. Потом был ужин: Леонид Ильич, Виктория Петровна и мы с Галей. Он задал вопрос: «Ваше решение серьезно?» И меня и Галю спросил. «Да, мы подумали». И с моей стороны было сказано: «Да». Леонид Ильич поинтересовался, где я работаю. А я занимал должность заместителя начальника политотдела мест заключения МВД СССР... Он никак не отреагировал, видно, знал уже, кто я и на какой должности. Что и говорить, пока мы не сели ужинать, я чувствовал себя очень скованно, но Леонид Ильич так легко держал себя, очень уважительно относился к своему молодому собеседнику, так хорошо вспоминал о своем рабочем прошлом, сказал мне, что в органах внутренних дел надо серьезно трудиться, — что скованность незаметно прошла, и вот уже за столом сидели два человека, которым было о чем поговорить. Кстати, Леонид Ильич — человек очень неплохого юмора, интересный, живой собеседник, и когда мы расстались, я был уже совершенно раскованным и питал самые добрые чувства к родителям своей будущей жены...»

Тем временем в Швейцарии находится небольшая съемочная группа фильма «Ты и я»: режиссер Лариса Шепитько, актриса Алла Демидова, оператор и гример. В эту командировку группа прибыла полуполюгально. Поскольку у «Мосфильма» денег на поездку не было, киношников оформили как туристов, отправив-

шихся на чемпионат мира и Европы по хоккею. Работать приходилось тоже скрытно, так как за любую съемку на улицах Женева пришлось бы платить: оператор осторожно ставил камеру и быстро снимал все, что нужно. Чуть легче было во Дворце спорта, где героиня Аллы Демидовой смотрит хоккейный матч с участием советской сборной: там камеру можно было не прятать.

Вспоминает А. Демидова: «Меня — с разрешения нашей сборной — посадили за лавкой, где сидят запасные игроки. Я первый раз была на хоккейном матче и не очень понимала, что происходит. Обратила внимание на какую-то дебилность игроков, которых все время терзали тренер: «Поддерживайте! Поддерживайте!» А они только друг другу говорили: «Ну, давай, давай!» Что «давай»? Куда «давай»? Правда, я заметила одного игрока, он был немножко горбатый, как Квазимодо, который вроде бы не очень двигался, замирал, как паук, потом что-то быстро делал — и шайба была в воротах. Когда он приходил на скамью запасных, тренер к нему не приставал, и он — единственный! — не говорил это слово «давай!». Молча садился, молча отдыхал, а потом опять мчался и забивал шайбу. И он мне так понравился! Я спросила: «Кто это?» — «Фирсов». Кто такой Фирсов? Потом мне объяснили, что это первый игрок. А тогда я думала: вот в этой несуетности — смысл своего дела... Кстати, этот международный матч передавали в Москве по телевизору. И мои домашние видели, как я там сижу и смотрю хоккей.

Наши выиграли, и в их честь устроили прием. Лариса (Шепитько. — Ф. Р.) пошла, ей нужно было договориться с Фирсовым, чтобы доснять его крупный план в Москве. А я, как ни была влюблена в Фирсова, не пошла, потому что заразилась от Ларисы гриппом — мы ведь спали в одной кровати в частной гостинице «Montana»...

Пока в Швейцарии идет чемпионат мира и Европы по хоккею, в Советском Союзе разгорелся скандал на хоккейной почве. В эпицентре его оказались мошенники, которые пытались наживаться на любимой миллионами игре. Началось же все с того, что Спорткомитет СССР и редакция брошюры «Хоккей» объявили конкурс среди знатоков хоккея: правильно угадать результаты матчей первого тура

чемпионата страны, за что победителям был обещан приз в 1 тысячу рублей. Приличные деньги по тем временам! На конкурс откликнулись тысячи любителей хоккея (в итоге брошюру в киосках порой было не достать). Однако среди их числа нашлось несколько десятков (точнее, около пятидесяти) таких, кто посчитал себя умнее всех. Эти хитрецы, не мудрствуя лукаво, дождались завершения игр первого тура и со спокойной совестью вписали в пустые клетки уже известные результаты. Затем отправились на почту и там, видимо, имея «своих» людей, поставили на конвертах почтовый штампель за прошедшие дни. Но афера не прошла. Члены жюри конкурса тоже оказались не такими простодушными и быстро обнаружили подлог — ведь на конверте значился еще и штампель отделения связи места назначения, поэтому дату отправки от даты получения отделяли две-три недели, а то и больше. Естественно, это сразу вызвало подозрение. В итоге члены жюри передали все подобные письма в ОБХСС, который возбудил дело о массовых подлогах.

Однако вернемся к хронике событий.

29 марта в Москве был арестован известный правозащитник Владимир Буковский. Отсидев в лагере три года и выйдя на свободу в январе 1970 года, он так и не прекратил диссидентской деятельности и постоянно находился под «колпаком» КГБ. Если Буковский ехал куда-нибудь на машине, чекисты, не таясь, следовали за ним. Они также дежурили у входа в его подъезд, чтобы не допустить в дом ни одного иностранца. Однажды, когда Буковский должен был встретиться с западными журналистами, КГБ организовал нападение на них хулиганов с тем, чтобы сорвать встречу. Тем не менее Буковскому иногда все-таки удавалось давать интервью. Кроме этого, КГБ было известно, что он работает над книгой о злоупотреблениях в области психиатрии.

В феврале 71-го представители КГБ сообщили Буковскому, что готовы устроить ему поездку за границу. Они рассчитывали, что он согласится, тем самым закрыв себе дорогу обратно. Но Буковский предпочел остаться. После этого чаша терпения КГБ переполнилась. Как вспоминает сам Буковский, в тот день, 29 марта, чекисты вели себя особенно грубо и агрессивно, а один из них даже в ярости выхва-

тил пистолет и стал угрожать, что пристрелит диссидента на месте. Конечно, это была всего лишь угроза.

В тот же день чекисты нанесли визит еще одному видному диссиденту — Валерию Чалидзе. Правда, его они не арестовали, удовлетворившись одним обыском. Вот как описывает это событие А. Сахаров:

«Во время обыска мы с Ефимовым вышли на несколько минут на свежий воздух на улицу. К нам подъехала машина, в которой сидело, кроме водителя, несколько человек, явно гебистов. Из окна машины высунулась женщина, похожая по виду на надзирательницу женского лагеря в фильме о фашизме, и, обращаясь к Ефимову, прокричала:

— Скоро мы всю вашу шайку в бараний рог скрутим...

Дальнейшая часть ее речи состояла из совершенно нецензурной отвратительной брани.

В этот день одну из знакомых Буковского — Веру Лашкову — задержали на подходе к дому Буковского и привели в ближайшее отделение милиции. Она случайно слышала переговоры по селектору, из которых стало ясно, что в операции «Чалидзе—Буковский» участвовало много радиофицированных машин и постов наблюдения, много гебистов.

Около двенадцати ночи дверь квартиры отворилась, и гебисты, не глядя на нас, вынесли два больших запечатанных мешка с добычей. Мы прошли в комнату Валерия, он поставил чайник и за чаем рассказал перипетии обыска и главное — что взяли: документы Комитета и многое другое...»

Все эти акции явно были приурочены к событию, которое состоялось на следующий день: в Кремлевском дворце съездов начал свою работу XXIV съезд КПСС. Высший партийный форум должен был пройти еще год назад, однако его проведению помешали внутренние разногласия внутри Политбюро. Как мы помним, тогда против Брежнева выступила группа партийных деятелей во главе с Суловым, но генсек сумел заручиться поддержкой военных и склонить чашу весов в свою сторону.

Съезд открылся в 10 часов утра, и примерно в это же время в далекой Швейцарии советская сборная по хоккею провела собрание, посвященное этому событию. На нем с коротки-

ми речами выступили комсорг и капитан команды: Игорь Ромишевский и Вячеслав Старшинов. Суть их выступлений сводилась к одному — достойно отыграть последние три матча и вернуться домой с победой. Вечером этого же дня наши ребята одно из трех оставшихся препятствий преодолели — на льду женевского Дворца спорта обыграли сборную США со счетом 7:5. Впереди оставались еще два матча, причем оба с сильными соперниками: ЧССР и Швецией.

В то время пока наша хоккейная сборная образца 71-го года билась за победу на швейцарском льду, на родине, а точнее — в Минске, на свет появился будущий знаменитый хоккеист Павел Буре. Произошло это 31 марта. Павел родился в семье потомственных спортсменов. Его дед Валерий Буре (сын знаменитого Павла Буре — часовщика двора Его Императорского Величества), отсидев 18 лет в сталинских лагерях, стал выдающимся тренером по плаванию. Он воспитал целую плеяду замечательных спортсменов, в том числе и собственного сына — Владимира Буре, который будет 16-кратным (!) чемпионом СССР, а также третьим призером Олимпиады в Мехико.

В 1969 году Владимир участвовал во Всесоюзных соревнованиях по плаванию, которые проходили в Минске. Там он познакомился с 18-летней студенткой Минского университета Татьяной, которая, сдав успешно сессию, вместе с двоюродным братом, переводчиком, случайно пришла на стадион. По словам самой Татьяны, увидев Владимира, она влюбилась в него с первого взгляда. Но про себя решила: «Если он подойдет и скажет, что уезжает вечером, ничего не получится». А он, словно прочитав ее мысли, сказал, что задерживается в Минске на пять дней. Как оказалось, наврал: он уезжал тем же вечером, однако их знакомство на этом не закончилось. В течение нескольких месяцев они забрасывали друг друга письмами, пока Татьяне это не надоело. К тому времени она влюбилась настолько, что была готова на самые отчаянные поступки. В частности, решила бросить учебу и приехать к любимому в Москву. Несмотря на протесты родителей (родители Владимира считали, что ранняя женитьба повредит спортивной карьере сына, родители Татьяны хотели, чтобы их дочь сначала окончила университет), молодые вско-

ре поженились. Произошло это летом, а девять месяцев спустя на свет появился первенец — мальчик, которого в честь именитого прадеда назвали Павлом.

Вспоминает Т. Буре: «Я специально поехала рожать ребенка в Минск к маме. Промучилась в родах больше суток, ведь тогда не было никаких обезболиваний, сами рожали. Павел появился на свет огромным — длинный, тяжелый...

Имя «Павел» мне не нравилось. У моего отца был друг Паша, которого я просто терпеть не могла. Поэтому мне казалось, если родится сын, никогда его так не назову. В то время модными были имена Кирилл, Денис, я их предлагала. Но вмешалась свекровь: «Давайте дадим мальчику имя прапрадеда». Что уж тут было рассуждать? Правда, внутренне я долго не соглашалась. Думала про себя: «Ладно, пусть будет Павел, но никак не Паша». А потом все забылось...»

В тот день — 31 марта — свои дни рождения справили: Александр Збруев (1938), Владимир Винокур (1948). Последний в отличие от первого еще не был знаменит и учился всего лишь на 2-м курсе ГИТИСа. В день рождения он получил из родного Курска письмо от брата Бориса, которое оказалось пророческим. Тот писал: «Ну вот, братишка, ты уже старый стал. Тебе двадцать три года. Смотрю телевизор и думаю, сейчас объявят: «Выступает лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады, народный артист РСФСР — Владимир Винокур...» А глаза открою и вижу какого-то чудака, который поет козлитонем. Давай, братишка, быстрее выходи на большую сцену. А-то какой-то Лещенко поет, а ты что, не можешь?»

Кстати, о песнях. Во второй половине марта на эстрадных площадках Москвы выступали следующие артисты: 16—24 марта во Дворце спорта ЦСКА — ВИА «Веселые ребята», 17—18-го в ГТЭ — Иосиф Кобзон, с 24-го во Дворце спорта в Лужниках целый «букет» звезд в программе «Огни Москвы»: Людмила Зыкина, Эдита Пьеха, Вадим Мулерман, Вероника Круглова, Иосиф Кобзон, Майя Кристалинская, Лев Лещенко, Лев Барашков, ВИА «Голубые гитары», а также актеры кино Майя Булгакова, Кирилл Столяров, Евгений Самойлов и др.

Из театральных премьер отмечу следующие: 21 марта в Театре имени Пушкина — «Драматическая песня» Н. Островского с Алексеем Локтевым в роли Павки Корчагина, 24-го в Театре миниатюр — «16-я полоса», 25-го в Театре сатиры — «Темп-1929» Н. Погодина с участием Татьяны Пельтцер, Георгия Менглета, Владимира Козела, Романа Ткачука, Бориса Рунге, Натальи Зашипиной, Михаила Державина, Юрия Соковнина и др., 27-го в Театре имени Пушкина — «Большая мама» Г. Мдивани с Ольгой Викланд, Борисом Толмазовым, а также молодыми звездами в лице Веры Алентовой (Катя) и Юрия Николаева (Игорь); в Малом театре — «Достигаев и другие» М. Горького с Николаем Аннековым, Борисом Бабочкиным, Еленой Гоголевой, Иваном Любезновым, Юрием Кауровым и др.; 30-го в Театре оперетты — «Вольный ветер».

Состоялось и несколько кинопремьер, причем подавляющая часть из них в связи с приближающимся съездом КПСС — фильмы на революционную и военную темы: 16 марта — историко-революционная драма «Посланники вечности» режиссера Теодора Вульфовича, рассказывающая о том, как директор Эрмитажа, ученый-искусствовед князь Оболенский (актер Иван Лапиков) в октябрьские дни 1917 года сохраняет для новой России коллекцию музея; 20-го — «Спорт, спорт, спорт» братьев Элема и Германа Климовых; 24-го — «Семья Коцюбинских» Тимофея Левчука; «Освобождение» Юрия Озерова (преьера 3-го фильма эпопеи «Направление главного удара» с большой помпой состоялась в кинотеатре «Октябрь», где присутствовали почетные гости: маршалы, генералы, рядовые участники войны, дипломаты и сам режиссер-постановщик. На улице играл духовой оркестр, а в фойе кинотеатра — оркестр под управлением Л. Оллаха); 25-го — «Сердце России» Веры Строевой про события 1917 года; 26-го — «Молодые» Николая Москаленко с Евгением Киндиновым и Любовью Нефедовой в главных ролях; 27-го — «Белорусский вокзал» Андрея Смирнова с участием Евгения Леонова, Анатолия Папанова, Всеволода Сафонова, Алексея Глазырина, Нины Ургант и др.; 29-го — «Случай с Польшинным» Алексея Сахарова с Анастасией Вертинской, Олегом Ефремовым и Олегом Табаковым в главных ролях.

Из новинок зарубежного кино выделю одну: полнометражный мультфильм японских аниматоров «Кот в сапогах» (режиссер К. Ябуки). Успех был грандиозный, чему я лично оказался свидетелем. До этого в СССР считалось, что мультики — вещь сугубо детская и телевизионная. В Москве был всего один кинотеатр, где крутили одни мультфильмы, — «Баррикады». Обычно за сеанс там «заряжали» 6–7 мультиков. Подавляющую часть зрителей, естественно, составляли дети. «Кот в сапогах» эти традиции поломал. Он длился почти полтора часа, и поглазеть на это чудо шли и взрос-

лые. Причем в зале их было почти столько же, как и детей. Короче говоря, успех «Кота в сапогах» получился громким. С этого момента советский прокат практически ежегодно станет закупать полнометражные мультики из Японии.

На телевизионном экране в эти дни крутят следующие фильмы: «Журналист» (22 марта), «Железный поток» (24-го), «Доживем до понедельника» (25-го), «Живет такой парень» (26-го), «Я вас любил», «Команда с нашей улицы», «Сердца четырех» (28-го), «Прощайте, голуби!» (29-го), «Высота» (31-го) и др.

1971

Апрель

Решающие матчи на чемпионате мира и Европы по хоккею. Боевое крещение Владислава Третьяка. Грандиозный скандал на премьере «Белорусского вокзала». Суд над женщиной, убившей поэта Николая Рубцова. Как Иосиф Кобзон познакомился со своей будущей женой. Развлечения для делегатов съезда. Кобзон с невестой на премьере в «Современнике». Инна Макарова рискует здоровьем. Невосполнимые потери советского кинематографа. Как Евгений Киселев объяснился в любви. Хирург Вишневский делает операцию сыну Михалкова-Кончаловского. Краткий миг счастья Миронова и Егоровой. Последний день рождения Никиты Хрущева. Свадьба Галины Брежневой и Юрия Чурбанова. Орбитальная станция «Салют». Леонид Броневож женился. Егорова увлеклась сценаристом. Мытарства «Андрея Рублева» продолжаются. ЧП в космосе: досрочное возвращение на Землю. Самый громкий скандал в советском футболе: охота на Виктора Колотова. Разрыв отношений между Мироновым и Егоровой.

В четверг, 1 апреля, на чемпионате мира и Европы по хоккею в Швейцарии состоялся решающий матч: СССР—Чехословакия. Его исход решал судьбу золотых медалей европейского первенства. И наши ребята этот матч проиграли. Хотя поначалу ничто, кажется, не предвещало беды. После первого периода на табло сияли цифры — 1:1. На четвертой минуте второго периода Валерий Харламов отправил шайбу в ворота соперников после дальнего щелчка Виктора Кузькина. 2:1 — и наша команда впервые на этом чемпионате ведет в счете со сборной ЧССР. Затем они продолжают атаковать: стопроцентные моменты для удачных бросков имеют поочередно Александр Мальцев (за несколько дней до этого, на тренировке, он мощным щелчком пробил пластиковый бортик ледовой арены «Вернэ» в Женеве), Владимир Петров, Валерий Харламов, Борис Михайлов, но шайба, как заколдованная, не идет в ворота чехов. А если не забиваешь сам, то забивают тебе. Вскоре на скамейку штрафников отправляется Александр Рагулин,

и чехословацкие хоккеисты восстанавливают равновесие — 2:2. Так заканчивается второй период. А в заключительной двадцатиминутке фортуна отвернулась от нашей сборной окончательно. У нас вновь удаление — правила нарушил Вячеслав Старшинов, — и чехи выходят вперед — 3:2. Судя по всему, это был перелом в игре, поскольку затем в наши ворота влетели еще две шайбы. В итоге мы проиграли со счетом 2:5, а вместе с этим и титул чемпионов Европы, который достался чешской команде, обыгравшей через день сборную финнов. Теперь, чтобы получить золотые медали чемпионата мира, сборной СССР необходимо вырвать хотя бы очко в последней игре со сборной Швеции 3 апреля. И хотя матч первого круга, состоявшийся 26 марта, наши ребята выиграли у шведов с разгромным счетом 8:0 (Анатолий Фирсов установил рекорд, забросив сразу четыре шайбы), стало ясно, что эта игра будет для нас гораздо труднее. Так оно и вышло. О перипетиях поединка вспоминает Владислав Третьяк, который приехал на турнир в качестве

второго номера, а получилось так, что стал первым (у основного нашего вратаря Виктора Коноваленко игра, что называется, «не пошла»):

«Наступает кульминационный момент — матч со шведами. Выиграем — мы чемпионы мира, уступим — главный приз уедет в Прагу. Я к тому дню уже поправился (Третьяк слег с температурой под 40 градусов перед игрой со сборной США 30 марта. — Ф. Р.). И накануне матча Тарасов меня предупреждает:

— Завтра будешь играть.

Честное слово, всю ночь не сомкнул глаз. Казалось, решается судьба. Сегодня или никогда. Но более всего страшила перспектива подвести товарищей, не оправдать надежд тренеров. Мне еще не исполнилось и 19 лет...

По правде сказать, шведы тогда выше третьего места подняться уже не могли. Перед матчем они даже не вышли на «раскатку». Но в психологическом плане преимуществом владели наши соперники. Они могли себе позволить играть свободно, без оглядки, на их плечи не давил груз ответственности.

Мы сначала повели в счете — 2:0 (на 28-й секунде счет открыл Анатолий Фирсов, вторую шайбу на 5-й минуте забил его одноклубник по ЦСКА Виктор Кузькин. — Ф. Р.), и работы у меня было не очень много. Но, кажется, рано вато успокоились наши форварды. Шведы вовсе и не думали сдаваться без борьбы. Две шайбы почти подряд влетают в мои ворота, потом еще одна. Вот тебе раз!»

Стоит отметить, что большую службу шведам сослужил эпизод в конце второго периода, когда после мощного щелчка одного из игроков... треснул пластиковый бортик. Как мы помним, один раз подобное уже произошло на тренировке нашей сборной, когда бортик пострадал после щелчка Мальцева. И вот — новый казус. Десятиминутный перерыв пришлось увеличить вдвое, чтобы отремонтировать пластиковое ограждение. И эта пауза играла на руку шведам, которые рассчитывали отдышаться, собраться с силами и, уйдя в глухую оборону, удержать победный счет. Однако вернемся к рассказу В. Третьяка:

«Перерыв. В раздевалке Тарасов устроил такой разнос... Всем досталось, даже прославленным ветеранам. И только меня пощадил разгневанный наставник. Похлопал по плечу:

— Ничего, мальчик, все нормально. Терпи.

После Анатолия Владимировича за команду взялся А. И. Чернышев. Аркадий Иванович почти не повышал голоса, да это ему и не требовалось. Сама манера его поведения — уравновешанная, мудро-спокойная, уверенная — благотворно действовала на коллектив. Чернышева, по-моему, ничто не могло вывести из себя. Забегая вперед, вспомню эпизод из олимпийского турнира в Саппоро. Однажды один из соперников нашей команды явно умышленно, желая как-то нас раздражить, спровоцировать, бросил шайбой в Аркадия Ивановича, который стоял у скамьи. Чернышев даже не переменил позы: как стоял, облокотившись о бортик, так и остался стоять. А хулигана того, к слову сказать, наши ребята крепко проучили.

Столь непохожие во всем, Тарасов и Чернышев прекрасно дополняли друг друга, являлись блистательным сплавом мудрости, опыта, темперамента, педагогического таланта, преданности делу. Такого тренерского дуэта не знал и, возможно, никогда не узнает мировой спорт.

Так вот, в тот раз, в Женеве, Аркадий Иванович нашел какие-то веселые слова, расторошился нас, заставил улыбаться.

— Вы же сильнее, черти непутевые! Вам же тут равных нет...

Но и Тарасов, оказывается, еще не все сказал. Уловив перемену в нашем настроении, он перед самым выходом на лед сел на скамейку и будто бы для себя зашел: «Это есть наш последний и решительный бой...»

Так зашел, что у нас глаза влажными стали. Нам уже ничего не требовалось говорить. Мы рвались на лед...»

Незапланированная передышка не помогла шведам удержать победный счет. В заключительном периоде наши ребята летали по площадке как метеоры, с каждой новой атакой внося в оборонительные ряды противника все большую панику и хаос. В итоге четыре безответные шайбы, забитые Валерием Харламовым, Борисом Михайловым, Владимиром Петровым и Владимиром Лутченко, вынужден был вытаскивать из сетки своих ворот шведский голкипер. Окончательный итог матча — 6:3 в нашу пользу. В девятый раз сборная СССР стала чемпионом мира! И еще один рекорд был зафиксирован в Женеве: в девятый раз чемпионами провозгласили Александра Рагулина,

Вячеслава Старшинова и Виталия Давыдова. А Третьяку вечером того же дня было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

В этот же субботний день в Москве, в Доме кино, специально для делегатов XXIV съезда КПСС был устроен просмотр фильма Андрея Смирнова «Белорусский вокзал». Мы помним, как совсем недавно, каких-то три-четыре месяца назад, эту картину мордовали в Госкино, грозились положить на полку как «поклеп на ветеранов войны», а тут такая честь: целых два спецсеанса для делегатов высшего форума партии. Однако режиссер эту премьеру собственоручно испортил. Вот его рассказ:

«Началось все еще у входа. Я пригласил с собой приятеля. Его не пускают. Дом кино оцеплен тройным кордоном. Воротники. Только для гостей высшего партийного форума. «Ах, не пускаете? Ну, и пошли вы...» Пропустили.

Поднялись в ресторан, приняли по махонькой, спускаемся — в огромном зале человек сто пятьдесят. На улице милиционеров больше! Меня это как-то сразу завело. Я уже не раз показывал картину и привык, что залы обычно были переполнены. Дальше — хуже. Приволокли совершенно больного Ромма, вытащили из кровати, чтобы он приветствовал этих самых верных сынов партии. Зачем?! Потом какой-то их ведущий представляет меня: «А это Андрей Смирнов — сын известного писателя Сергея Сергеевича Смирнова». Я отца своего любил безмерно, но стеснялся, когда меня представляли как его сына. Был такой жуткий комплекс. И всякий, кто мои семейные связи разглашал, обычно тут же становился моим смертельным врагом. Отец, я знаю, даже на меня обижался. Но ничего я не мог со своей стеснительностью сделать.

Но дальше этот ведущий, на свое горе, брякнул более жуткую вещь: «Фильм «Белорусский вокзал» авторы посвящают съезду партии и специально снимали к этому знаменательному событию». Меня как ужалило! Схватил микрофон. «Меня глубоко оскорбили только что сказанные слова. Ни к какому съезду картина не задумывалась и специально не снималась. Никакому съезду я и не думаю ее посвящать! Это для вас, в худшем случае, будет полтора часа мучений, а для меня и для моих товарищей — это три года жизни. Но уж если так вышло, что

ваш съезд совпал с окончанием нашей работы, то я не имею ничего против...»

Начальство побледнело. Скандал в благородном собрании! Марьямов меня схватил: «С ума спятил?!» Тут же подсакивают каких-то два рыла: «Как вы можете таких выпускать на сцену! Да еще перед делегатами съезда, представляющими всю страну!» — «Ну, уж если всю страну, — говорю, — то должны быть тогда и делегаты от идиотов!» Повернулся и ушел...

Мои сотоварищи по картине потом не могли мне забыть, что я вынул у них готовенькую Государственную премию из кармана. В этом смысле я, видимо, и киноначальников наших «разочаровал». И Баскаков, выступая на каком-то собрании, меня осудил: «Вот Смирнов, казалось бы, сделал искреннюю картину «Белорусский вокзал». Народ ее хорошо встретил. И рецензии хорошие были. А вы посмотрите, как режиссер себя при этом повел: он как будто застенялся своего успеха, стал оправдываться, что, мол, я картину не во славу советской власти делал, а как бы наоборот...»

Но я действительно застенялся. Уж если власть хамская, то она не только давит по-хамски, но по-хамски же и ласкает. И я в самом деле почувствовал какую-то неловкость, едва-едва обозначились некие признаки так называемого «официального успеха».

4 апреля в женеvском отеле «Де Берг» советским хоккеистам вручили золотые медали чемпионов мира. Кроме этого, каждому из наших игроков знаменитая фирма «Ролекс» презентовала часы последней модели — так называемый «Приз справедливой игры». А два дня спустя советские хоккеисты вернулись на родину. В аэропорту Шереметьево игроков встречали тысячи поклонников с цветами, журналисты различных изданий, телевизионщики, представители Спорткомитета. Несмотря на то, что наши ребята возвращались с одним комплектом золотых медалей (европейское первенство, как мы помним, выиграли чехословацкие спортсмены), однако триумф советского хоккея все равно впечатлял: мы в 9-й раз подряд стали чемпионами мира и 11-й раз за годы участия в подобных турнирах.

В этот же день в Вологде начался суд над поэтессой Людмилой Дербиной, обвиняемой в убийстве поэта Николая Рубцова. Суд проходил в старом кирпичном здании на улице Ба-

тюшкова. Когда-то около могилы этого поэта в Прилуцком монастыре Рубцов, видимо, предчувствуя свой скорый конец, просил похоронить и себя. Суд предполагался в закрытом заседании, однако желающих присутствовать на нем было огромное количество. Чуть ли не со всех концов страны в Вологду съехались многие писатели: Белов, Романов, Астафьев и др. Однако председатель суда объявил, что может допустить только одного постороннего, да и то — журналиста и при наличии соответствующей бумаги из издания, где он работает. В итоге этим человеком стал корреспондент газеты «Красный Север» Виктор Коротаев. Послушаем его рассказ:

«Меня пропускают в зал заседания, и первые полтора часа я сижу ни жив ни мертв, боюсь шелохнуться — чувствую, что порядки здесь строгие и все может произойти. Ни о каких записях, конечно, и речи быть не может; лишь бы усидеть, все самому услышать и увидеть, а на память я пока не жалуясь, главное потом восстанавливаю!

Но в перерыве мне говорят, что журналисту, разумеется, можно делать записи, и странно, почему я до сих пор их не делаю...

Подсудимая сидит за барьером, под охраной серьезного пожилого милиционера. Молодая еще, пышноволосяя, глаза по луковице, грудастая, бедрастая, а голос мягок, чист и глубок. Как у ангела...

Я смотрю на подсудимую, которая часто перебивает (а по существу направляет) свидетелей, и размышляю: до конца ли она понимает, что совершила? Глубоко ли мучает ее содеянное? И по тому, как она энергично защищается, вижу: нет, истинного раскаяния не произошло. Раскаившийся человек не может быть столь настырен, рационален и логичен! Или это работает чисто материнский инстинкт самосохранения (ведь у нее — дочь)?..

Она себя и суду представляет как ангела: вина не пьет, любит кошек и собак (одну даже как-то подобрала на улице и вылечила), почитает родителей (они здесь, могут подтвердить), до сих пор чужих мужей не отбивала, не воровала чужого добра, нежно и заботливо любила свою дочь... Право, ангел.

Но поэта Николая Михайловича Рубцова все-таки убила! И не просто убила (мало ли в

горячке бывает — ножом, молотком, поленом), а — задушила...

Один за другим выступают свидетели — ее свидетели. Мертвые их не имеют. И рассказывают, как хорошо она работала в библиотеке, уважала сослуживцев, занималась общественной работой. А покойника поносят кто как хочет. И некому его защитить...

Слабые попытки прежней жены вспомнить о нем как о поэте ни к чему не приводят. Не тот уровень изложения. К тому же ее осаждает адвокат: «Мы здесь говорим не о поэте, а о гражданине Рубцове». Ловко срезала!..

Выступает сосед, над квартирой которого жил Рубцов; зовут соседа Алексей Иванович. Он обстоятелен, нетороплив, отвечает только на вопросы, которые ему задают.

— Что вы можете рассказать по делу?

— Хотели жениться. Я говорю: ну, Коля, вы хорошая пара. Радовался: люди хорошие, хотят вместе жить вечно...

Следует вопрос, не находилась ли подсудимая в состоянии алкогольного опьянения.

— Было. Зашел к ним, он был трезвый, она — косяя.

— Что вы, Алексей Иванович, — возмутилась из-за перегородки подсудимая.

— А я скажу... Вы вот на кухне стояли с распущенными волосами, вот в таком стиле, — и Алексей Иванович расставил ноги и слегка изогнулся в талии, изображая нетрезвую гостью Рубцова.

Ну вот, хоть немножко оживил ее образ, а то предыдущие показания почти засахарили бедную женщину...

Предыдущие экспертизы подтвердили психическую полноценность обвиняемой. Значит, остается одно: умышленное убийство, за которое, как все понимают, дают на полную катушку. Но у нас случай особый: убийца — женщина, сама явилась с повинной, искреннее раскаяние, преступление совершила впервые, имеет малолетнего ребенка и престарелых родителей... Таким образом, обвинение уже звучит так: «умышленное убийство без отягчающих обстоятельств». Эти обстоятельства из общего количества причитающихся лет выбирают семь, остается — восемь...

Многое прояснилось в ходе разбирательства, остается дослушать последнее слово обвиняемой...

Она некоторое время помолчала, склонив пышные кудри, негромко обронила: «То, что случилось, — страшно, непоправимо. Николай Рубцов — талантливый поэт, и я ценила его, преклонялась перед его талантом». Потом она подумала и продолжала: «Меня обвиняли в том, что я приехала сюда, разыскала и сблизилась с Рубцовым для собственной корысти, для карьеры (а такие мысли действительно проскальзывали в некоторых выступлениях) — я это полностью отрицаю. Корысти не было. Я сблизилась с ним на почве поэзии. Это оказалось для меня роком. Он имел надо мной огромную власть, я не могла противиться ему — и поэтому многое прощала, понимая, что он тоже боится потерять меня; и отсюда его ревность, подозрительность и подчас грубость со мной. Но он очень искренний человек, — сказала она. Потом словно опомнилась и добавила: — Был... Он этим меня приковал. Он один был близок мне, у меня здесь больше никого не было. Когда мы пошли с ним в ЗАГС, меня давило ощущение, что я ставлю свою жизнь на карту. Но Николай Рубцов убеждал, что я единственная женщина, без которой он не может жить. Он любил меня, я это знала. Знала я, что он был и несчастен как человек, всю жизнь скитался, не имел своего угла. Он сам загубил свой талант потому, что не берег его, расточал в компаниях, с бесконечными друзьями и товарищами. Это меня нервировало, злило. Но я не умышленно его убила, и все-таки убила я, и от этого никуда не денешься...

И себя этим погубила. Как поэтесса. И до конца жизни буду считаться убийцей Рубцова...

Хочу сказать, что до сих пор я считала себя честным и добрым человеком по отношению к обществу, начиная с самого детства. Никогда не было у меня звериных выходов. Я счастлива тем, что не разорила ни одного гнездышка, подбирила больных кошек и собак и лечила.

Я ни с кем никогда не дралась, и никто меня не бил. В нашей семье ничего такого не было, отец подтвердит. Муж меня никогда пальцем не трогал. Но так получилось, что мы разошлись; и дочь теперь остается без отца и матери... Муж мой был добр ко мне, а Рубцов все время как-то и духовно... все-таки... принимал меня. Ему нравились мои стихи, но он хотел видеть во мне просто женщину, которая бы стирала, варила... Он ущемлял меня как поэтес-

су, мешал мне сосредоточиться, серьезно работать. Но он был умный человек и на многое открыл мне глаза, с другими мужчинами мне будет уже неинтересно...»

Потом она снова уверяла, что не хотела убивать, и все сваливала на рок, судьбу, какую-то неведомую темную силу...

Выслушав последнее слово подсудимой, судьи отправились в совещательную комнату. Находились они там недолго — всего лишь несколько минут. Затем председатель суда зачитал вердикт: убийство признать умышленным, но без отягчающих обстоятельств, приговорить подсудимую к восьми годам колонии общего режима.

И еще одно знаменательное событие датировано воскресеньем, 4 апреля: в тот день Иосиф Кобзон познакомился со своей нынешней супругой Нелли. Причем произошло это отнюдь не случайно. Инициаторами знакомства выступили супруга известного эстрадного артиста Эмиля Радова и подруга матери Нелли. Именно к последней девушке приехала погостить из Ленинграда, чем решено было воспользоваться. В то воскресенье в доме Радовых собралась привычная тусовка: артисты, художники, поэты. Среди них был и Кобзон. Нелли с подругой матери пришли чуть позже, когда вся компания находилась в гостиной возле телевизора, чтобы лицезреть премьеру фильма «Белое солнце пустыни» (начался в 19.30). Как вспоминает сама Нелли: «В комнате было темно, я вошла, и какой-то мужчина уступил мне место. В темноте я не увидела его лица. А когда фильм закончился и включили свет, я его разглядела, но совершенно не поняла, что это — Кобзон. По телевизору ведь люди всегда по-другому смотрятся. Просто заметила высокого, молодого, интересного мужчину, который мне сразу понравился. И лишь когда нас представили, я узнала, что передо мной Иосиф Кобзон. Думаю, Иосифу стало бы неинтересно продолжать со мной знакомство, если бы я была сильно увлечена только его именем...»

Практически весь остаток того вечера Кобзон и Нелли провели вместе, а когда пришла пора расставаться, певец пригласил девушку встретиться завтра, чтобы сходить в ресторан. Нелли предложение приняла. Однако артист, у которого, видимо, уже появились самые серьезные намерения, перед походом в ресторан

привел девушку к себе домой, в крошечную двухкомнатную квартиру, где жил с мамой и сестрой. Мама для Кобзона являлась самым главным человеком в жизни, и он обязан был узнать ее мнение относительно будущей невесты. Смотрины прошли успешно: Нелли очень понравилась матери певца.

Тем временем в Москве подходил к концу XXIV съезд КПСС. Отгуляв выходные (3—4 апреля), делегатам предстояло промаяться в зале заседаний еще четыре дня (именно промаяться, поскольку подавляющая часть из них чуть ли не со скуки умирала во время прений: особенно тяжело приходилось тем, кто находился в первых рядах — там ни вздремнуть нельзя было, ни газетку почитать). Однако вторая половина дня для делегатов складывалась куда более интересно: можно было и по магазинам пройтись, и какой-нибудь очаг культуры посетить, благо что в распорядок дня входили подобные мероприятия. О том, как делегаты смотрели фильм «Белорусский вокзал», я уже рассказывал. Не менее насыщенной была культурная программа и в последние дни съезда. Например, в среду, 7 апреля, делегатов повели во Дворец спорта в Лужниках, где перед ними выступили прославленные мастера советского спорта: фигуристы Ирина Роднина, Алексей Уланов, Людмила Пахомова, Александр Горшков, сборная СССР по хоккею, только что вернувшаяся из Швейцарии, гимнасты Лариса Латынина, Валерий Воронин, Людмила Турищева, Любовь Бурда, шангисты Василий Алексеев, Леонид Жаботинский и др.

8 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялся праздничный концерт для делегатов высшего партийного форума. Большинство зрителей с трудом высидели до его конца. Им бы великого сатирика Аркадия Райкина послушать или на знаменитого клоуна Леонида Енгибарова посмотреть, но вместо этого почти три часа (!) сплошного пафоса. Судите сами. Начался концерт с оратории о коммунистах, сотворенной композитором А. Холминовым и поэтом Р. Рождественским, затем прозвучали песни: «Голос Родины, голос России» А. Пахмутовой, «Партия и народ» А. Филиппенко, литературная композиция «Слово к современнику». Затем начались выступления художественных коллективов: хора имени Пятницкого, Волжского, Воронежского, Сибирского хоров, после чего

хористов сменили мастера Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии. И только где-то под занавес свое мастерство показали артисты-одиночки: Людмила Зыкина, пианист Святослав Рихтер.

В пятницу, 9 апреля, в театре «Современник» состоялась премьера спектакля «Свой остров» по пьесе Р. Каугвера в постановке Галины Волчек. Музыка написал Владимир Высоцкий, что придало спектаклю особое звучание — этот артист официальными властями игнорировался и всячески зажимался. Здесь прозвучали две его песни: «Что случилось в Африке» («Жираф большой...») и «Я не люблю» («Я не люблю фатального исхода...»). Аншлаг на премьере был полный, в зале присутствовало много известных людей, начиная от артистов и заканчивая дипломатами. Был там и Иосиф Кобзон со своей девушкой Нелли, с которой он познакомился буквально несколько дней назад. Она вспоминает:

«Иосиф пригласил меня в театр «Современник» на «Свой остров». Тут же начались проблемы. Не было у них кассеты, не было звукооператора... И Иосиф половину первого отделения бегал, искал какую-то аппаратуру. Я сидела одна, не понимая, где мой кавалер. Но потом, как выяснилось, он сделал много для того, чтобы спектакль состоялся...»

Между тем кинорежиссер Михаил Ромм начал апреля встретил в скверном расположении духа, если не сказать больше. Как мы помним, он еще два года назад начал работу над документальным фильмом «Великая трагедия», повествующем о «культурной революции» в Китае. С большим трудом в начале 71-го года ему удалось добиться, чтобы съемочную группу выпустили во Францию и ФРГ. Оттуда привезли материал, талантливо снятый операторами Г. Лавровым и О. Згуриди, была отобрана хроника. Б. Балдин сделал великолепные фотографии. Работа над фильмом вступала в заключительную стадию. И в этот момент Ромма, что называется, «подставили».

Не секрет, что у великого режиссера была масса недоброжелателей в киношной среде, которым его новая картина оказалась как нож в сердце. Они-то и подстроили ситуацию, аналогов которой отечественный кинематограф до

этого не знал. На ЦСДФ сняли полнометражную картину «Ночь над Китаем». Она чуть ли не целиком состояла из кадров, присланных Ромму из-за границы. Из них режиссер собирался монтировать узловые эпизоды своего фильма: это и «исторический» заплыв Мао по Янцзы, и национальное истребление воробьев, и многое другое. Когда Ромм узнал об этом, земля буквально поплыла у него из-под ног. Было от чего впасть в отчаяние: получалось, что два года кропотливой работы пошли «коту под хвост». Ромм пишет письмо на имя председателя Комитета по кинематографии Алексея Романова. Приведу несколько отрывков из этого послания:

«Что же прикажете теперь, Алексей Владимирович, делать с нашим фильмом, в который вложено много сил и средств? Выбросить его в мусорный ящик? Или показывать зрителям подряд два фильма, построенных на одинаковых эпизодах, на одном и том же материале?.. Мне приходится сейчас думать о том, как залатать неизбежные бреши, какие новые решения, новые пути находить, чтобы резко отграничиться от картины «Ночь над Китаем». А ведь по-человечески должно бы быть наоборот... Я работаю в советской кинематографии сорок два года... Но ничего подобного я в жизни моей не переживал. И я понимаю, что удар, который удалось мне нанести, будет кое-кого радовать. Но закрыть нашу картину будет трудно-вато... Очевидно, я все же буду работать над завершением картины. А потом мы поговорим о путях документальной кинематографии, о товариществе и о принципах творческой деятельности...»

Ни того, ни другого великий режиссер сделать так и не успеет. Жить ему остается всего лишь несколько месяцев. Однако о смерти Ромма речь у нас еще пойдет впереди, а пока из жизни уходят коллеги Михаила Ильича по кинематографу.

Другой мосфильмовский кинорежиссер — Николай Москаленко — в те дни приступил к работе над фильмом «Русское поле», которому через год суждено будет стать лидером проката. Вообще-то все планировалось начать летом, но в сценарии был эпизод половодья, и Москаленко выпросил у руководства разрешение провести локальные съемки весенней распутицы. Они начались 7 апреля на реке Оке, под горо-

дом Белоомут Московской области. По сюжету, героиня Нонны Мордюковой, выбив в райцентре несколько новеньких тракторов, везет их в родной колхоз, минуя вышедшую из берегов реку. Поскольку погода еще стояла холодная и вода в реке была ледяная, от актеров, участвующих в съемке, требовалось определенное мужество. Особенно это относилось к актрисе Инне Макаровой, которая много лет мучилась астмой, вдобавок всего лишь два месяца назад перенесла операцию по удалению камня в почках. Теперь же она вынуждена была стоять по пояс в ледяной воде! Сразу после съемки актрису заставили выпить стакан водки, что, видимо, и спасло ее от самого худшего — она не заболела. Затем группа переместилась в Великий Устюг, где с вертолета были сняты эпизоды «ледоход» и «проезд тракторов к протоке».

Тем временем кинематографический мир несет потери: 12 апреля в Москве скончался актер Алексей Глазырин. За свою недолгую, 13-летнюю жизнь в кинематографе он снялся в двух десятках картин, исполняя в основном роли второго плана. И только в 70-м году режиссер Андрей Смирнов пригласил его на одну из главных ролей в картине «Белорусский вокзал». Фильм стал настоящим событием в советском кинематографе и был тепло принят как зрителями, так и многочисленными критиками (редкий случай). Однако вкусить сполна этот успех Глазырин не успел: он умер спустя две недели после выхода фильма на широкий экран — потянулся рукой к зазвонившему телефону, и в этот момент не выдержало сердце. Смерть Глазырина во многом напоминала ту, что произошла почти год назад, когда из жизни ушел другой российский актер — Павел Луспекаев. Он умер в те же дни (17 апреля), когда на широкий экран вышел лучший фильм с его участием — «Белое солнце пустыни». Луспекаеву на момент смерти шел 43-й год, Глазырину — 49-й.

В этот же день — 12 апреля — советский кинематограф понес еще одну невосполнимую потерю: на 63-м году жизни умер актер Серго Закариадзе. Он начал сниматься в кино еще в середине 30-х, а спустя десятилетие за роль в картине «Георгий Саакадзе» (1946) был удостоен Сталинской премии. Однако самой значительной ролью в его творческой карьере, без сомнения, стала роль Георгия Махарашвили в

фильме Резо Чхеидзе «Отец солдата» (1965). За несколько десятков лет, прошедших с момента окончания Великой Отечественной войны, советский кинематограф выпустил в свет не одну сотню картин, рассказывающих о ней. Однако лишь единицы можно смело причислить к категории шедевров. «Отец солдата» именно из этой небольшой группы. Фильм завоевал целый букет призов не только у себя на родине — в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Оценивая игру Закариадзе в картине «Отец солдата», критики напишут: «В этой работе, одной из лучших в советском кино, нашли отражение многолетние поиски Закариадзе, направленные на художественное осмысление и раскрытие национальных, социальных и психологических черт в характере человека».

Однако тот день, 12 апреля, отмечен не только грустными событиями. Мало кто знает, но именно тогда популярный ныне телеведущий Евгений Киселев (шел ему в ту пору 15-й год) впервые объяснился в любви своей будущей жене, а тогда его однокласснице Маше Шаховой. Одноклассниками они стали с третьего класса, причем Евгений учился лучше, чем его будущая супруга, за что и был удостоен права сидеть за первой партой. Маша занимала последний ряд. И это был не единственный парадокс в их взаимоотношениях. Оказывается, в тот день, 12 апреля, когда Киселев после уроков во дворе своего дома объяснился Маше в любви, не он, как это положено у влюбленных, а она провожала его до дома.

В середине апреля известный хирург Александр Вишневский прооперировал 5-летнего сына кинорежиссера Андрона Кончаловского — Егорку. У мальчика была обыкновенная грыжа. Причем родственники Егора привели его к Вишневскому в последних числах марта, но тот перенес операцию на две недели — мол, я делегат партийного съезда, лишнего времени практически нет. Да и грыжа, сказал он, не опасная, и вырезать ее пара пустяков. Причем настоял на том, чтобы мальчика ни в коем случае не отдавали другому доктору.

— Всех Михалковых я буду резать сам! — заявил он.

Родственники мальчика спорить с врачом, естественно, не стали. И ровно через две недели, когда съезд уже завершился, привели Егора

в институт Вишневского. Как пишет Е. Двигубская:

«В день операции пришел врач, сделал Егорке укол. Егорушка очень беспокоился:

— Мамочка, ты будешь здесь? Ты никуда не уйдешь? — И вдруг его глазки закатились, сознание затуманилось, и он уснул.

Его повезли на высокой каталке в операционную. Наталья (Аринбасарова. — *Ф. Р.*) бежала следом, ее сводил с ума тонкий скрип колес. Женщина незаметно проскользнула в операционную. С сыночка сняли пижаму, неестественно растянули на столе голенючее тельце, густо намазали йодом животик. Наташа громко заревела, и ее выставили вон.

Плача, она стояла за дверью, наблюдая в щелочку за отлаженным операционным процессом: Вишневского одели, резиново обтянули его тонкие руки, повязали повязку. Хирург взял скальпель. Наталья зарыдала еще сильнее.

— Ты чего так убиваешься? — спросил только что подошедший Андрон (Аринбасарова и Кончаловский на тот момент были в разводе около двух лет. — *Ф. Р.*).

— А-а-а... Я чувствую, как ему режут животик, чувствую каждое движение врача.

— Ну да? Интересно! — изумился Андрей. — А я ничего не чувствую.

Он потоптался несколько минут и уехал на работу.

Минут через сорок из операционной вышел Вишневский, увидел Наташу.

— Чего ревешь? Все прошло хорошо. Я сделал такой малюсенький разрезик! — сказал он, отмерив пальцами несколько сантиметров. — Ювелирная работа!

Повернулся и ушел, оставив растревоженную мать...»

Егорка поправлялся очень быстро и уже на третий день ходил с медсестрой по палатам. Каждый день его навещали мама, бабушка, заезжал и отец. Егор чувствовал себя в больнице вполне по-свойски и даже позволял себе без всякого разрешения заходить в кабинет самого Вишневского. Правда, тогда, когда хозяина там не было. Медсестры взирали на это с ужасом, поскольку сами перед знаменитым хирургом трепетали.

В эти же дни в полосу умиротворенности вошли наконец отношения между Андреем Мироновым и Татьяной Егоровой. Мы помним,

как совсем недавно он жутко ревновал ее, врываясь в дом в любое время суток и пытаясь отыскать в квартире любовника. Теперь страсти улеглись. Молодые в свободное от спектаклей и репетиций время бродили по Москве, ходили в гости, посещали различные столичные тусовки. В один из таких дней Миронов повез свою возлюбленную на Киностудию имени Горького на просмотр только что смонтированного фильма со своим участием — «Достояние республики». Егоровой картина понравилась, но больше всего восхитила игра Андрея, представшего в образе легкого и обаятельного авантюриста Маркиза. «Пшик, пшик, пшик, уноси готовенького!» — напевала она про себя всю дорогу от студии до дома Игоря Кваши, где они в тесном кругу отметили это событие.

Самое любопытное, что эта идиллия в отношениях Миронова и Егоровой продлится всего несколько дней и сменится такой враждой, что... Впрочем, рассказ об этом впереди.

В субботу, 17 апреля, случилось сразу два знаменательных события. Начнем с первого. Пенсионер союзного значения Никита Сергеевич Хрущев справлял свой 77-й день рождения. Как оказалось — последний. Тот день выдался на редкость солнечным, и именинник принимал гостей у себя на даче в Петрове-Дальнем. Гости было не очень много, а те, кто пришел, считались проверенными друзьями семьи Хрущевых. Среди них был и художник Борис Жутовский, которого Никита Сергеевич громил на выставке в Манеже в памятном 63-м (там персек назвал художников-абстракционистов «пидарасами»), а теперь удостоил чести пригласить к себе на именины. Супруга художника работала в редакции теленовостей в АПН, где ее сослуживцей была внучка Хрущева. Через нее они и восстановили добрые отношения с бывшим первым секретарем ЦК.

Вспоминает Б. Жутовский: «Глухие ворота открыла воровка в шинели и беретке, дальше мимо высоченных зеленых заборов без щелей и звука до самого крайнего участка слева, где уже другие ворота открыл капитан, сверил номер, пересчитал поголовье, закрыл за нами и по-хозяйски ушел в солидную будку, где кто-то еще мелькал в околышах и погонах.

Мы вошли в светлую, натопленную переднюю. Никита Сергеевич пригласил нас в каби-

нет на крошечный диванчик. Я подарил ему очередную книжку. Зазвонил телефон.

«Это генерал Сердюк меня поздравляет. Мы с ним вместе в Сталинграде воевали, — объяснил он, посверкивая глазом и сложив начищенные крошечные ботиночки бантиком. — Знаете, по своему нервному состоянию я не могу ни фильмов про войну смотреть, ни книги читать — выдумки и вранье», — радуясь новым слушателям, начал Н. С.

Ненавидистный Сталин в его рассказах оказался человеком, плохо разбирающимся в людях, в войне. Удивлялся достоинству плененного Паулюса. Мелочился, упрямяствовал. Досталось Еременко: «Грязный физически был человек. Обсосанные кости на общее блюдо клал». Похвалил Василевского: «С ним всю жизнь можно рядом прожить, грубого слова не услышишь...»

Позвали к столу. Огромная столовая, как и весь дом, обшита дубовыми панелями по стенам и потолку. В углу — камин, вдоль стены огромный арабский радиокомбайн с перламутром. В другом углу музыкальный автомат ресторанного типа. Дубовый буфет. Китайская ширма, за ней диван со сложенной постелью. На стенах приличные индийские картины: портрет Р. Тагора, какие-то девушки. Здесь, как и во всем доме, прорва ненужного хлама — чемоданы, лампы, вазы, безделушки, но все чисто. Неуловимый налет временности. Многое накрыто пленкой.

Низкие большие окна. Прекрасный вид с соснами, рекой, кустарниками. Нина Петровна (супруга Н. С. Хрущева. — Ф. Р.) улыбается в круглые щечки. Стол, накрытый крахмальной скатертью. Никакого вина — квас и фруктовая вода. В центре пирог с капустой и цифрами «77» — подарок поварахи, смуглой немолодой женщины с военной выправкой, в белом переднике. На закуску рыба, зеленый салат. Гороховый протертый суп, мясо с гречкой, судак с рублеными яйцами в масле...

От стола перешли в спальню. Хозяин в бисеринках пота на голом черепе присел-прилег на кресло-этажерку: «Кекконен (президент Финляндии в 1956—1981 гг. — Ф. Р.) подарил. Удобная вещь».

Комнатка небольшая, с верандой. На стенах фотографии, моя картинка, давно дарена. Иллюстрация к стихам С. Маршака. Два платя-

ных шкафа, кровать, накрытая по старинке, письменный стол, трюмо. Масса хлама, опять чемоданы, горка писем в разных конвертах, эдельвейсы в целлофане, ножички, ручки, транзистор, магнитофон.

И опять о Сталине. Коварный. Злой. Трусливый...

Говорил он все больше с Люсей, я же в створке на углу стола делал набросочки, из которых потом и портрет родился... За весь разговор хозяин ни разу не коснулся ныне правящих и властей предрежащих. Война, Сталин, прошлое — настоящего не существовало. Появились новые гости. Старшая дочь Юля с мужем из Киева. Сын Сергей с кучей друзей-инженеров. Директор фотомагазина на Калининском — Климерман. Дед всех зовет гулять. Обряжается в крылатку защитного цвета: «Де Голль (президент Франции в 1958—1969 гг. — Ф. Р.) подарил. Это как у ихних полицейских, только не черная».

Через огромный сад под оголтелый птичий гомон идем на луг. «Подлизы» крутятся под ногами, кавалькада гостей растянулась длинной вереницей. Правнучка Нина ластится к деду, дарит ему первые зеленые травинки. Он рассеянно поглаживает ее по темной головке с крутой косичкой.

Мутная Истра врывается в Москву-реку. На том берегу лепится деревенька Знаменское с кривыми избами и развалившейся церковкой. Разговор не клеится. Присели на лавочку. С лаем на полянку выскочили два пуделя, а вслед за ними появилось все семейство Аджубеев (Алексей Аджубей — зять Н. С. Хрущева. — Ф. Р.). Рада первая и единственная за этот день поцеловала отца...

Пошли в дом. Попили чаю с домашним тортом, куличом, баранками. На столе все перемешалось, несли чай, картошку с мясом, молоко, фрукты. Аджубеевские мальчики уплетали за обе щеки. Сережины инженеры тоже не заставляли просить дважды. Дед поглядывал на нас с сожалением, ему хотелось еще поговорить, отвести душу с новыми слушателями.

Мы стали прощаться. Он вышел с нами в переднюю. «Вы, голубчик, не держите на меня зла, — заговорил он, не выпуская мою руку из теплых ладошек. — Я ведь, как попал в Манеж, и не помню. Кто-то завез. Я, конечно, не должен был ехать, я ведь попал не как зритель, а

как премьер-министр. Нет, я не должен был ехать. Да, орал я там на вас, но ведь как вышло: кто-то из художников больших тут стоял и говорит: Сталина на них нет. Так это меня разозлило — я и стал орать. Хотел на него, а вышло на вас. Но я не должен был ехать. Ну, а потом люди этим воспользовались».

Второе громкое событие того дня — свадьба Галины Брежневой и Юрия Чурбанова. Как мы помним, три недели назад жених был представлен родителям невесты и те одобрили выбор дочери. Особенно жених понравился тестю. Устав от беспутных загулов дочери, Брежнев давно мечтал пристроить ее за каким-нибудь серьезным человеком. Офицер МВД Юрий Чурбанов как никто другой подходил для этой роли. Причем Брежнев хотел, чтобы шуму от этого события было как можно меньше, поэтому категорически запретил молодым обращаться во Дворцы бракосочетания. Поэтому специально выбрали день в середине недели, когда в ЗАГСе (Гагаринского района) был выходной. Молодые приехали туда с утра, сотрудница ЗАГСа открыла помещение, быстренько расписала в пустом зале и — адьо! После этого молодожены отправились на дачу генсека в Одинцовском районе Подмоскovie — праздновать. Как вспоминает Ю. Чурбанов:

«Свадебный ужин длился три часа. Можно представить себе робость моих родителей, когда их доставили на большой правительственной машине на дачу Генерального секретаря ЦК КПСС. Из двух костюмов отец выбрал самый лучший, что-то подыскала мама, все считали, что они нарядно одеты, а мне их было до слез жалко. Конечно, они очень стеснялись, мама вдобавок ко всему еще и плохо слышит, но отец держался с достоинством, не подкачал. Гостями с моей стороны были брат, сестра, несколько товарищей по работе, Галя тоже пригласила двух-трех подруг — в общем, очень узкий круг. Было весело и непринужденно. Леонид Ильич сам встречал гостей, выходил, здоровался. Представляю себе состояние того человека, кого он как хозяин выходил встречать, но потом выпили по рюмке, и скованность ушла. Вот не помню, были ли танцы, кажется, нет, кто-то смотрел в кинозале фильмы, кто-то просто прогуливался по территории. За столом царил приятная и добрая обстановка. Леонид Ильич сам назначил себя тамадой, очень много

шутил, рассказывал какие-то веселые истории и был с гостями до конца, пока все не разъехались...»

Среди приглашенных гостей оказалась и близкая подруга невесты Наталья Федотова со своим мужем, популярным актером кино Олегом Видовым. Как мы помним, именно Галина Брежнева во многом способствовала их браку, поэтому присутствие этой пары здесь было неслучайным. Между тем если Федотова давно знала Леонида Ильича и неоднократно виделась с ним, то для Видова эта встреча оказалась первой. И оставила не самые приятные воспоминания: «Я увидел, каким пьяным и не слишком умным был наш генеральный секретарь. Леонид Ильич шутил над всеми гостями, и надо мной в том числе, хлопал какой-то японской игрушкой, чтобы испугать. И пьяно хохотал, когда это ему удавалось. А ему все по-холойски подхихикивали. Хотя вообще-то он человек был незлой...»

Подарки, которые в тот день гости преподнесли молодоженам, были по большей мере скромными. И только Леонид Ильич отблагодарил зятя с размахом — подарил ему автомобиль «Шкода-1000». Кроме этого, молодым предоставили и новую квартиру в престижном доме на Малой Бронной. Не подкачали по этой части и руководители из МВД: еще за месяц до бракосочетания Чурбанов был назначен заместителем начальника Политуправления внутренних войск МВД, а в апреле ему присвоили очередное воинское звание — полковник.

19 апреля в Театре на Таганке прошла репетиция «Гамлета». В тот день на роль Лаэрта вновь вернулся Валерий Золотухин, который некоторое время назад «соскочил» с нее по причинам творческого характера. Все, кто присутствовал на той репетиции, были в восторге от игры Золотухина. А Марина Влади не сдержалась и прилюдно расцеловала его в знак благодарности.

А теперь самое время поговорить о том, как проводили свой досуг рядовые советские граждане. Начнем с кинопремьер. С 5 апреля в кинотеатрах Москвы демонстрируется политическая драма про освободительное движение в Африке «Черное солнце» режиссера Алексея Спешнева; с 12-го — мелодрама узбекского режиссера И. Хамраева «Ее имя — весна» с Талгатом Нигматулиным, Ефимом Копеляном, Ни-

ной Руслановой в главных ролях; с 13-го — драма Иосифа Хейфица «Салют, Мария!» с Адой Роговцевой в роли советской разведчицы Марии.

Еще больше премьер на театральных подмостках. С 3 апреля в Театре имени Ермоловой идет спектакль «Снега» по пьесе Ю. Чепурина (в роли Ленина — Валерий Лекарев, Крупская — Иветта Киселева); 4-го в Большом театре — «Русская сказка»; в Театре имени Гоголя — «Одни, без ангелов»; в «Ромэне» — «Любить по-цыгански»; 8-го в Театре имени Вахтангова — «Здравствуй, Крымов»; в Ленком — политический спектакль про события во Вьетнаме «Лабиринт» по пьесе А. Софронова с Еленой Фадеевой, Александром Збруевым, Софьей Гиацинтовой, Николаем Караченцовым в главных ролях; 10-го в ЦТСА — «Неизвестный солдат» по пьесе А. Рыбакова; 11-го в Театре на Малой Бронной — «Трибунал» по пьесе А. Макаенка с Геннадием Сайфулиным, Львом Дуровым и др.; 13-го в Театре имени Моссовета — «Рим, 17, до востребования» с Николаем Парфеновым, Михаилом Погоржельским и др.; 14-го в Музыкальном театре имени Станиславского — «Кола Брюньон»; 16-го в Малом театре — «Пропасть» по пьесе И. Дарваша с Юрием Кауровым, Нелли Корниенко и др.

Эстрадные представления: 3—4 апреля в киноконцертном зале «Октябрь» поет Людмила Зыкина; 6—7-го и 12-го в ГТЭ — Эдита Пьеха; 10—19-го в ГТЭ — Мария Миронова и Александр Менакер в спектакле «Мужчина и женщина»; 12—13-го во Дворце спорта в Лужниках эстрадная программа «Встречи друзей» с участием Махмуда Эсамбаева, Иосифа Кобзона, Александры Стрельченко, Вадима Мулермана, Вероники Кругловой, Владимира Макарова, Галины Ненашевой, Николая Сличенко, Полада Бюль-Бюль оглы, ВИА «Песняры», «Веселые ребята» и др.

Было что посмотреть в те дни и по телевизору. Из художественных фильмов, демонстрируемых в первую половину апреля, выделю следующие: «Весна на Заречной улице» (5 апреля), «Я шагаю по Москве», «Начальник Чукотки» (6-го), «Белое солнце пустыни» (впервые по ТВ), «Дом, в котором я живу» (7-го), «Посол Советского Союза» (впервые по ТВ, 9-го), «Судьба человека», «Полосатый рейс» (10-го), «Солдат Иван Бровкин», «Свинарка и пастух»

(11-го), «Мир хижинам, война дворцам» (премьеры т/ф, 13—15-го), «Валерий Чкалов» (16-го), «Тревожная молодость» (17-го).

В воскресенье, 18 апреля, в 19.05 у «ящиков» собралось рекордное количество зрителей — показывали Дело №2 («Ваше подлинное имя?») из телевизионного сериала «Следствие ведут знатоки» (24 апреля по просьбам тех телезрителей, кто не успел к премьере, фильм повторили в удобное время — 21.15). В фильме рассказывалось о матером зарубежном шпионе, который, выдавая себя за бомжа, собирался осесть под чужим именем на советской территории.

В этот же день хоккейная команда ЦСКА, выиграв у «Крыльев Советов» со счетом 10:1, досрочно, за три тура до окончания 25-го чемпионата, стала чемпионом Советского Союза. «Золотой» состав армейцев выглядел следующим образом: Николай Толстикова, Владислав Третьяк (вратари); Сергей Глухов, Александр Гусев, Виктор Кузькин, Владимир Лутченко, Алексей Никитушкин, Александр Рагулин, Игорь Ромишевский, Геннадий Цыганков, Вячеслав Анисин, Юрий Блинов, Александр Бодунов, Владимир Викулов, Александр Волчков, Сергей Глазов, Юрий Лебедев, Александр Медков, Борис Михайлов, Евгений Мишаков, Юрий Моисеев, Владимир Петров, Виктор Полупанов, Владимир Попов, Владимир Смагин, Владимир Трунов, Анатолий Фирсов, Валерий Харламов, Валерий Чекалин; тренер — Анатолий Тарасов.

На Киностудии имени Горького Татьяна Лиознова продолжает работу над многосерийным телевизионным сериалом «Семнадцать мгновений весны». Идут павильонные съемки. В это время один из актеров, занятых в фильме — Леонид Броневой, — вторично женился. Первый раз он женился еще в 50-е, когда жил и работал в Воронеже. Однако этот брак закончился трагически: в начале 60-х, уже после того как Броневые переехали в Москву, в коммуналку в Среднем Кисловском переулке, его жена скончалась. Броневой остался вдовцом с 4-летней дочерью на руках. Холостая жизнь длилась несколько лет, пока судьба не свела его с симпатичной женщиной — Викторией Валентиновной. Далее послушаем рассказ самого актера:

«В самом начале съемок я женился во второй раз. День свадьбы совпал с днем начала съемок. Утром мы с несколькими друзьями, взяв шампанского, отправились в ЗАГС, оттуда — сразу на съемочную площадку. Жена тогда расплакалась. Я ей говорил, утешая, что это хорошая примета, значит, всегда будет много актерской работы...

Кстати, роль Мюллера я выучил благодаря жене. Монологи были огромные, и ничего нельзя было выкинуть, все было очень хорошее. Так что я попросил жену помочь. Читали, конечно, ночами, днем-то на работе, и она, бедная моя, так вымоталась... Кроме этого, мне надо было знать и текст Штирлица — тогда я мог точно реагировать, выбрать правильную интонацию, жест. Поэтому, заодно с моей ролью, нам с женой пришлось выучить и текст роли Штирлица...

Сыгранный мною нервный тик Мюллера — дело случая. Мне сшили мундир, наверное, на размер меньше, чем надо, и он резал мне шею. Из-за этого я все время дергал головой. Лиознова поэтому и спросила меня: «Что это вы делаете?» — «Да мне мундир режет». — «Я не к тому, что вам режет! Не сделать ли это нам краской в самых «нервных» местах?» И она нашла эти места...»

В эти же дни Татьяна Егорова была вызвана на «Мосфильм», чтобы пройти пробы к одному из фильмов. Приехала она туда одна, поскольку Миронов вот уже несколько дней как уехал в Ленинград на съемки в фильме «Тень», пообещав вернуться в конце апреля. Но Егорову его приезд уже мало волновал, так как она устала от их отношений — ни к чему не обязывающих, балансирующих на грани нервного срыва. Поэтому когда после кинопроб с ней изъявил желание познакомиться некий известный сценарист, она с удовольствием приняла это предложение. В первый же день они пошли поужинать в кафе «Националь», где ели рыбное ассорти с маслинами, икру с горячими калачами и пили шампанское. Сценарист был умен, воспитан, ироничен и буквально пленил свою новую знакомую. И хотя в Ленинграде, где он до недавнего времени жил, у него оставалась законная жена, про которую Егорова, кстати, знала, однако обоих этот вопрос мало интересовал — они были увлечены друг другом и не пытались этому чувству сопротивляться. Его-

рова же подходила к данному вопросу чисто практически: она рассматривала своего нового знакомого в качестве «домкрата», который может наконец-то вытащить ее из пучины испепеляющей любви к Миронову.

В течение следующих дней влюбленные тусовались в Доме кино, и Егорова видела, как удлинялись лица людей, знающих про ее бешеный роман с Мироновым. Общество любит события такого рода, смакует их и потирает руки в предвкушении предстоящего грандиозного скандала.

Тем временем 23 апреля на станцию «Салют» на космическом корабле «Союз-10» отправился экипаж из трех космонавтов: Владимир Шаталов, Николай Рукавишников и Алексей Елисеев. Однако их полет сложился неудачно. Первый сбой произошел в день старта. Космонавты заняли свои места в корабле, оставались считанные минуты до включения двигателей, как вдруг им объявили, что старт откладывается и предстоит эвакуация. Оказалось, что в основной ракете обнаружен дефект, на исправление которого ушли ровно сутки. На следующий день космонавты вновь заняли свои места в ракете, и этот старт прошел благополучно. Однако впереди экипаж ждали новые неприятности. Но об этом чуть позже, а пока вернемся на грешную землю.

24 апреля Андрея Тарковского, который работает над новым фильмом — «Солярис», — заставили явиться в Госкино. Поводом к вызову послужила судьба многострадального фильма «Андрей Рублев». Принимал режиссера лично председатель комитета Алексей Романов, у которого в кабинете находилось еще несколько человек: высокий чин из ЦК КПСС, заместитель Романова Владимир Баскаков, режиссеры Сергей Герасимов, Лев Кулиджанов и Сергей Бондарчук, а также директор «Мосфильма» Николай Сизов. Вся компания стала дружно склонять Тарковского к тому, чтобы он согласился внести необходимые поправки в картину. Иначе, мол, она не выйдет на широкий экран (напомню, что фильм был закончен аж пять лет назад). Как записал в своем дневнике Тарковский: «У меня больше нет сил! Я не выдержал и слабо протестовал. Еще самое плохое то, что Сизов категорически настаивает на поправках, даже если Демичев согласится выпустить фильм без них...»

25 апреля космонавты, отправившиеся на станцию «Салют», вынуждены были прервать свою программу и досрочно вернуться на Землю. Этому ЧП предшествовали следующие события. Стыковка со станцией прошла успешно, однако затем выяснилось, что стыковочные узлы станции и корабля не совместились, открывать люки нельзя. То есть попасть на станцию космонавты теперь не смогут. Однако и расстыковаться какое-то время тоже не получалось. Два витка космонавты летали в «жесткой сцепке» со станцией. А на Земле тем временем ломали голову, как их выволочить из «плена». Кто-то даже предложил сумасшедшую идею — «свалить» «Салют» с орбиты вместе с кораблем. Станция начнет сгорать в атмосфере, и спускаемому аппарату удастся «оторваться». Однако эту идею отвергли. В конце концов на третьем витке космонавтам все-таки удалось оторваться от станции. Спуск прошел нормально. Приземлились космонавты на берегу небольшого озера, где их уже ждал вертолет с группой поиска, состоящей из трех человек в костюмах аквалангистов.

Стоит отметить, что это был уже второй совместный полет Шаталова и Елисеева в космос. Первый они совершили в октябре 1969 года. Тот полет тоже завершился не лучшим образом — стыковку двух кораблей («Союза-7» и «Союза-8») осуществить не удалось. И вот новый полет и новая неудача. Как напишет затем А. Елисеев: «Я стоял около спускаемого аппарата и размышлял, что же делать дальше. Как разорвать этот круг неудач? Сделать еще одну попытку? Нет, пожалуй, хватит. Новых впечатлений, ради которых стоило бы расходовать такую большую часть жизни, я, наверное, уже не получу. Надо с полетами кончать. Делиться этими мыслями я ни с кем не стал...»

Ни Шаталов, ни Елисеев с тех пор в космос больше не летали.

Между тем вот уже несколько дней как начался очередной — 33-й по счету — чемпионат Советского Союза по футболу. Шестнадцать команд включились в борьбу за медали союзного первенства. И начало соревнований было отмечено самым громким скандалом за всю историю советского футбола. Сразу несколько команд претендовали на то, чтобы в их рядах играл самый талантливый молодой игрок — 21-летний Виктор Колотов из казанского «Ру-

бина». Однако переманить его к себе удалось киевским динамовцам. Эта история достойна того, чтобы рассказать о ней подробно.

За Колотовым в течение нескольких месяцев охотились «селекционеры» трех популярных клубов: ЦСКА, «Торпедо» и киевского «Динамо». На первом этапе этой «охоты» киевляне сумели так психологически тонко обработать перспективного парня, что он дал согласие играть у них. Однако затем дорогу динамовцам перебежали вербовщики из ЦСКА. Колотову нарисовали самые радужные перспективы, и он не устоял: во-первых, легкая армейская жизнь (Колотов был призывник), во-вторых — гарантированное место в сборной Союза, которой тогда руководил главный тренер ЦСКА Валентин Николаев. Однако киевляне не собирались легко отдавать в руки соперников такой «самородок». Далее послушаем рассказ человека, который в те дни «охотился» на Колотова, — Андрея Бибу:

«Вместе с Лешей Рубановым мы снова поехали в Казань, точнее — в Зеленодольск, это городок в 30 километрах от столицы Татарии, где в покосившемся бревенчатом домике жил Виктор с родителями. Спрашиваю: «Почему передумал в Киев ехать?» Отвечает: «Я хотел с Масловым поработать, с ним разговаривал, а Севидова я не знаю» (Как мы помним, тренера динамовцев Маслова уволили из команды в конце прошлого года. — Ф. Р.). Все запасы красноречия снова пришлось пустить в ход: мол, помогать тебе буду во всем, вплоть до того, что экзамены в инфизкульт сам за тебя сдать готов и т. д. и т. п. Вроде опять уговорил, вернул человека в «динамовскую веру». А дальше происходит нечто совсем комическое.

Пока мы с Витей беседуем, я случайно бросаю взгляд в окошко. Мать честная! Володя Бреднев, такой же, как я, только торпедовский, селекционер, приближается к колотовскому дому... В мои планы встреча с Бредневым явно не входила. Что делать? Не спасаться же бегством, да и поздно уже бежать. Витины родители предлагают мне спрятаться в другой комнатке, за перегородкой. А Лешу Рубанова Бреднев не знает, он вполне может остаться в горнице и будет представлен незваному гостю из Москвы как «дядя из Магадана».

Заходит Бреднев. С ходу брать быка за рога не решается, видно, смущает присутствие незнакомца. Его успокаивают: «Это Витин лю-

бимый дядя из Магадана приехал погостить». Бреднев переходит к делу: звенит ключами от двухкомнатной московской квартиры — мне за фанерной перегородкой все слышно. После этого зависает тишина, в которой слышен голос отца Колотова: «Интересно, а что бы дядя посоветовал племяннику в такой ситуации?» Теперь слышу голос «дяди», уверенно вошедшего в роль: «Я бы тебе, племяш, порекомендовал выбрать все-таки Киев. Там Днепр, красотыша, климат опять же хороший. А что Москва? Бывал я в этой Москве. Сумасшедший дом — голова идет кругом». Черту под дискуссией подводит Виктор: «Я, пожалуй, к дядиному совету прислушаюсь, в Киев поеду». Бреднев уходит ни с чем...

Затем Колотов уезжает со сборной, а мы в это время перевозим в Киев, в новую квартиру, его семью — родителей, брата. Виктор об этом ничего не знает. Сборная возвращается домой, и мать с братом едут встретить его в Москву. Что выглядит вполне естественно — соскучились. На самом же деле они приехали, чтобы забрать его в Киев. Да не тут-то было. Встретить Колотова в аэропорт приезжают Маслов с Банниковым, который уже в «Торпедо» играет. Присутствие родных футболиста их не смущает, они сажают всех Колотовых в «Чайку» и везут на ночлег в торпедовское общежитие на Автозаводской улице. «Дядя из Магадана» на «рафике», как Штирлиц, следит за всеми этими перемещениями. Из общежития Маслов с Банниковым, пожелав наконец гостям спокойной ночи, выходят почти под утро. Они уезжают на «Чайке», а Леша Рубанов, наоборот, подруливает на «рафике». Заходит в общежитие — Колотов только успел душ принять. Увидев Рубанова, очень удивился: «О, дядя Леша, и вы здесь». Только теперь мать открывает сыну тайну всех этих неожиданных появлений: «Витя, мы уже в Киеве живем». Быстро собрали вещи — и в аэропорт: Маслову написали записку: мол, ЦСКА охотится, поэтому срочно уехали домой. Первым же рейсом — в Киев. В 10 утра военнослужащий внутренних войск Виктор Колотов принял присягу. И стал уже недосыгаем для наших конкурентов. Но те все равно не успокоились. Из ЦСКА приезжал через день полковник Нерушенко. Все рвался с Колотовым «еще раз переговорить». Наш украинский замминистра внутренних дел, жуткий

футбольный болельщик, помню, кипел от негодования: «Сейчас пойду — и этого нахала полковника лично арестую!» За то, что Советская Армия проворонила Колотова, поплатились своими должностями два райвоенкома — в Казани и в Киеве. Как всегда, нашли стрелочников...»

В конце апреля в Москву вернулся Андрей Миронов и тут же был оповещен «доброжелателями» о том, как проводила время его пассия — Татьяна Егорова. Миронова буквально захлестнула дикая волна ревности. Он бросился на поиски возлюбленной, «прошерстил» все места, где она могла скрываться, и обнаружил ее мирно беседующей с подругой в буфете родного Театра сатиры. С трудом сдерживая себя, Миронов попытался вызвать свою возлюбленную на разговор «тет-а-тет», однако Егорова беседовать с ним наедине отказалась. Сказала, что от подружки у нее секретов нет. Миронову не оставалось ничего иного, как согласиться. Однако ни к чему хорошему эта встреча не привела. Егорова не сдержалась и выложила на стол ключи от двух «мироновских квартир»: от той, что на улице Волкова, и от кооперативной на Герцена, которая уже достраивалась. Подобный жест переполнил чашу терпения Миронова: он схватил Татьяну за руку и, невзирая на свидетелей, которых в буфете было предостаточно, потащил ее по коридору в свою гримерную. Легко предположить, какая экзекуция ожидала Егорову, однако ее спасло то, что в те дни в театре начался ремонт. По пути попалась вымазанная в краске стремянка, которую Миронов попытался обогнуть бочком, чтобы не испачкаться. Пока он там протискивался, пленница вырвала руку и бросилась наутек. Миронов, естественно, кинулся, за ней. Он был разъярен, а Татьяна громко кричала: «Забирай ключи! Не подходи! Все кончено!» Что было дальше, рассказывает сама Егорова:

«Он вдавил меня в стеклянную витрину буфета, она куда-то поехала вместе с нами, потом вдруг сдернул шелковую занавеску с окна, схватил меня за волосы и стал трепать. Кто-то

стал нас разнимать, хватать его за руки — его крепкие запястья и кулаки мелькали перед моим носом, — вся картина напоминала деревенский фольклор. Он ударил по стулу ногой и под бешеный и горький крик: «Блядь, сука, ненавижу!» — выскочил из буфета».

А город тем временем живет своей обычной жизнью. С 23 апреля в кинотеатрах начинается демонстрироваться советско-румынский фильм «Песни моря». Несмотря на то, что картину можно было смело отнести к разряду бездарных, народ шел на нее рядами и колоннами. Причина такого успеха — в песнях, которые исполнял румынский певец-красавец Дан Спатару. Одна из этих песен — «Пой, гитара» («От зари до зари») румынского композитора с неблагозвучной для русского уха фамилией Попа и советского поэта Роберта Рождественского тут же стала всесоюзным шлягером, распеваемым от зари до зари чуть ли не под каждым окном.

В театрах состоялось сразу несколько премьер: 20 апреля в Театре имени Моссовета — спектакль «Лилиом»; в Театре имени Ермоловой — «**Вся королевская рать**» Р. Пенна Уоррена с И. Соловьевым, Ю. Медведевым, Ю. Комаровым в главных ролях; 22-го в Драмтеатре имени Станиславского — «**Глубокая разведка**»; 23-го там же — «**Мост**» по пьесе А. Чхаидзе; 25-го во МХАТе — «**Дульсинея Тобосская**» с участием Олега Ефремова, Татьяны Дорониной, Анастасии Зуевой, Михаила Яншина, Анастасии Георгиевской, Вячеслава Невинного; 26-го в Музтеатре имени Станиславского — «**Эсмеральда**»; 29-го **преьера** первой программы в цирке на проспекте Вернадского с участием клоунов Юрия Никулина и Михаила Шуйдина, канатоходцев под руководством В. Волжанского, жонглера А. Кисса, конных джигитов Т. Нугзарова и др.

Эстрадные представления: 17—18 апреля в киноконцертном зале «Октябрь» выступала Людмила Зыкина, 23—25-го там же — артисты польской эстрады, среди которых и популярный ВИА «Скальды».

1971 Май

Первомайское убийство в Херсоне. Как «джентльмены удачи» оказались в туалете Кремлевского Дворца съездов. Гастроли Рафаэля в Москве: массовый психоз. Мемориальная доска Климу Ворошилову. Николай Губенко снимает свой первый фильм. Гликман у Шостаковича. Первая жертва маньяка Михасевича. Медаль герою-милиционеру. Клавдия Шульженко — народная артистка СССР. Николай Злобин — Герой Социалистического Труда. Домашняя стенгазета Олега Даля. Татьяна Буре с сыном возвращается в Москву. Екатерина Градова переходит в Театр сатиры. Как снималась самая эротическая сцена в советском кино. КГБ против Высоцко-го и его жены. Как прокатили с Государственной премией «Белое солнце пустыни». Цветы для Киры Муратовой. Детектив о прожигателях жизни. Канадский премьер Пьер Трюдо привез в Москву «бомбу» — свою молодую супругу. Как встречали заморских «шишек». «А зори здесь тихие...»: Ростоцкого кусает клещ. ЧП на «Таганке»: упавшая арматура едва не прибила артистов. В роли роженицы — Алла Пугачева. Брежнев в Праге: казус на выставке. Столичные таксисты ловят преступников. Прощальный матч Льва Яшина. Банда Монгола нашла очередную жертву. Детоубийца из Харькова.

День 1 Мая в 71-м году выпал на субботу, что считалось невезением, поскольку при таком раскладе лишний раз «сачкануть» от работы трудящимся Советского Союза не удавалось. В остальном же все было как и прежде: с утра — демонстрация, вечером — праздничный стол. Количество пьяных граждан в тот день на улицах практически всех городов страны заметно прибавлялось, однако милиция вела себя по-божески: в вытрезители забирали только тех, кто лежал пластом и добраться до дома самостоятельно сил уже не имел. На остальных «перебравших» стражи порядка в тот день не реагировали.

Количество правонарушений в эти праздничные дни заметно возрастало: люди по пьянке избивали, калечили друг друга, а то и убивали. Всех происшествий по стране не перечесать, поэтому упомяну лишь одно, случившееся 1 Мая в Херсоне. Дело было так.

В тот день с утра мастер цеха судостроительного завода Валерий Щекин с женой и ее подругами отправился на демонстрацию. Как и

положено, пройдя по центральной площади и помахав флажками руководителям города, забравшимся на трибуну, колонны демонстрантов стали растекаться по городу. Щекин с друзьями свернули на Суворовскую улицу, где их ожидала весьма неприятная сцена — двое пьяных мужчин приставали к людям, преимущественно к женщинам. Когда в очередной раз пьянчуги попытались грубо остановить двух девушек, одна из них громко закричала «Милиция!», однако это не подействовало на хулиганов. Видимо, они прекрасно знали, что никакой милиции поблизости нет. И тогда на выручку девушкам бросился Щекин. Он схватил одного из хулиганов за локоть. Физического отпора от дебоширов Щекин не боялся, поскольку хорошо оценивал свои силы: считал, что ему, трезвому, не трудно будет справиться даже с двумя пьяными мужчинами. Но он и в мыслях не держал, что один из его противников имеет оружие. И поплатился за это жизнью. Хулиган, которого Щекин схватил за локоть, внезапно выхватил из кармана нож с вы-

кидывающимся лезвием и ударил нападавшего в грудь. Удар пришелся точно в сердце.

Убийцу и его приятеля задержали не сразу. Это удалось сделать только спустя несколько дней благодаря помощи свидетелей преступления, которые смогли составить словесный портрет пьяных хулиганов. Как выяснилось, убийцей оказался бывший столяр, 22-летний парень по кличке Кичка. До этого случая он уже имел неприятности с законом, однако прежние приводы в милицию заканчивались для него благополучно. На этот же раз пришлось отвечать «на полную катушку»: суд приговорил его к расстрелу.

4 мая в Кремлевском Дворце съездов (КДС) идут съемки фильма «Джентльмены удачи». Как мы помним, в марте группа была в Узбекистане, затем доснимала в Москве зимнюю натуру, после чего «ушла» в монтажный период. И вот в начале мая работа возобновилась. В начале мая в вестибюле КДС снимался эпизод, когда главные герои, переодевшись в женскую одежду, ищут гардеробщика, способного вывести их на след шлема Александра Македонского.

Между тем страна пила и гуляла до понедельника, 10 мая. По ЦТ всю неделю крутили фильмы про войну, причем многосерийные. С 3 мая зарядили боевик про разведчиков «Майор Вихрь», с 6-го — премьеру фильма про партизан «Обратной дороги нет». В главных ролях: Николай Олялин, Галина Польских, Александр Январев, Игорь Ясулович. 9 Мая военную тему «разбавили» спортивной: днем показали военную драму «Отец солдата» (в главной роли Серго Закариадзе, не доживший до светлого праздника Дня Победы всего лишь несколько дней), вечером — «Удар! Еще удар!» про футболистов.

6—8 мая в районе Дворца спорта в Лужниках наблюдалось невиданное скопление людей, в основном — женщин. А все потому, что в те дни там выступал с концертами суперпопулярный испанский певец Рафаэль. Как мы помним, это имя в Советском Союзе стало широко известным год назад, после выхода на экраны страны фильма «Пусть говорят» (5-й по счету фильм в карьере Рафаэля). В мае 71-го певец впервые приехал с большими гастролями в СССР (кстати, на эти же дни выпало его 26-летие) и имел здесь феерический успех. Самый дешевый билет на его концерт стоил три рубля, однако для его

приобретения людям приходилось нести вахту у касс ночами напролет. И то доставалось не всем. Очевидец тех гастролей, Г. Гогоберидзе, писал в газете «Советская культура»:

«Толкуются девицы в мини-юбках, с длинными распущенными волосами, с жалкой улыбкой на вызывающе раскрашенных лицах.

— Кому один билет?

И десятки людей рванулись к мужчине в сером костюме.

Многолюдно и оживленно на тротуаре. Спокойно проходят счастливые обладатели билетов. Их с завистью провожают взглядами те, кому удача не улыбнулась. Одни, безнадежно махнув рукой, возвращаются восвояси, другие — в надежде на счастливый случай — ждут начала концерта...»

7 мая, в преддверии праздника Дня Победы, на доме №3 по улице Грановского была торжественно открыта мемориальная доска Клименту Ефремовичу Ворошилову, скончавшемуся в декабре 1969 года. На митинге, посвященном этому событию, выступили люди, которые хорошо знали легендарного командарма. Они вспоминали, каким прекрасным человеком был Ворошилов. И, конечно, не произнесли ни слова о массовых репрессиях в Красной Армии в 30-е годы, к которым приложил руку тогдашний нарком обороны. Впрочем, эта «забывчивость» была не случайной: кремлевское руководство во главе с Брежневым проводило тогда курс на тихую реабилитацию Сталина (почти пять месяцев назад на его могиле открыли памятник) и некоторых его соратников. Клим Ворошилов в этом списке занимал одно из первых мест.

9 Мая актер Николай Губенко встретил в деревне Мартыниха под Великими Луками. Там он в качестве режиссера снимал свой первый самостоятельный фильм «Пришел солдат с фронта». Профессиональных актеров там было всего лишь несколько человек (сам Губенко, Михаил Глузский, Ирина Мирошниченко, Федор Одинокоев, Иван Косых), в остальных ролях снимались жители деревни, в основном уже пожилые. И когда 9 Мая 71-го проходили съемки эпизода, переносящего зрителя в этот же день 45-го года, вся деревня участвовала в работе. И на глазах у большинства сельчан были настоящие слезы, как тогда, в 45-м.

10 мая профессор Ленинградской консерватории Исаак Гликман на три дня приехал в Москву, чтобы встретиться со своим старым приятелем, композитором Дмитрием Шостаковичем. Почти пять месяцев они не видели друг друга по причине, о которой я уже до этого упоминал, — Шостакович все это время курсировал между Москвой и Курганом, где проходил лечение у доктора Илизарова. Гликман с волнением ждал этой встречи, поскольку боялся, что курганское лечение не помогло Шостаковичу. И он не обманулся в своих предположениях: перемен к худшему не обнаружилось, но тем не менее пребывание в Кургане не принесло композитору сколько-нибудь существенной пользы.

Во время прогулки по Жуковке Шостакович поведал гостю постыдную историю издания Тринадцатой симфонии. Советские музыкальные издательства не желали публиковать это крамольное сочинение, но, когда узнали, что в Западной Германии оно выходит из печати, тут же получили указание начальства срочно издать партитуру симфонии.

— И вот какой камуфлет получился: издатель из ФРГ сделал подвох советскому издательству, — с улыбкой на устах произнес Шостакович.

11 мая — черная дата в отечественной криминальной истории. Именно тогда начался кровавый путь нелюдя в человеческом облике — маньяка Геннадия Михасевича, который будет творить свои черные дела в течение 14 лет и отправит на тот свет 34 женщины. В тот майский день 71-го года 24-летний житель белорусского поселка Солоники Витебской области Михасевич убил свою первую жертву. Произошло это спонтанно.

Михасевич приехал в поселок Экимань, чтобы встретиться со своей возлюбленной по имени Лена. Однако девушка на свидание не пришла, предпочтя ему другого парня. Обозленный на весь женский род, Михасевич заметил впереди себя 16-летнюю девушку и, не говоря ни слова, напал на нее. Сомкнув свои руки у нее на шее, он не разжимал их до тех пор, пока несчастная не задохнулась. Бросив жертву в кустах возле автобусной остановки, Михасевич сел в автобус и уехал в Солоники. Тело задушенной нашли только на следующий день, и, поскольку свидетелей этого убийства не бы-

ло, дело на долгие годы перешло в разряд «висяков».

12 мая в газетах публикуется Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о награждении сотрудника милиции города Кирова, младшего лейтенанта милиции В. Чечурина, медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». Отличная служба заключалась в следующем. Однажды в отделение милиции, где служил Чечурин, поступил тревожный сигнал: в доме №53 по улице Чапаева бушует пьяный дебошир. Собственно, подобные вызовы бывали в любом отделении милиции Советского Союза ежедневно, поэтому воспринимались как рядовые. И дело обычно заканчивалось просто: либо дебошир успокаивался, едва завидев милиционеров на пороге своей квартиры, либо, если появление стражей порядка его не отрезвляло, пьянчужку пинками сопровождали в отделение — оформлять протокол на 15 суток. Однако на этот раз дело обернулось куда серьезнее. Дебошир с улицы Чапаева оказался мужиком крайне озлобленным, да к тому же он принял «на грудь» слишком много и не испугался стражей порядка. Мало того, ухитрился схватить со стола на кухне нож и пырнул милиционера в живот. К счастью, второго удара не последовало, поскольку Чечурин успел перехватить вновь занесенную для удара руку преступника и выбить лезвие. Затем последовал еще один болевой прием, который свалил дебошира с ног и заставил его признать свое поражение. Преступника затем отправили в кутузку, а храброго милиционера в больницу, где ему тут же была сделана операция. Что было дальше, нам известно: награда нашла своего героя.

Согласно статистике, в далеком 71-м году случаев сопротивления работникам милиции тоже случалось немало — 385 за весь год. Однако следует учитывать, что в сравнении с нынешними временами львиную долю этих противоправных действий составляли обыкновенные правонарушения, не сопряженные с посягательством на жизнь. Погибали стражи порядка от рук преступников не так часто. Причем раньше чаще всего использовалось холодное оружие, поскольку достать его было гораздо легче, чем огнестрельное. На Западе в те годы ситуация выглядела иначе, напоминая нынешнюю

российскую действительность. Вот лишь один пример.

В дни, когда младшего лейтенанта милиции В. Чечурина наградили медалью, в Палермо мафия расправилась с местным прокурором. Он ехал на кладбище, чтобы навестить могилу жены, но до погоста так и не добрался: трое неизвестных из проезжавшего мимо автомобиля хладнокровно расстреляли прокурорский лимузин из автоматов. Погибли сам прокурор и его водитель.

Советские люди читали подобные сообщения с чувством гордости за родную страну. Ведь тогда ничего подобного у нас не происходило. Хотя были и в СССР бандиты, по своей кровожадности ничуть не уступающие итальянским мафиози. Например, братья Толстопятовы, которые вот уже три года навели ужас на жителей Ростова-на-Дону. Или банда Монгола в Москве, которая в мае 71-го все так же «бомбила» теневого воротил. Но про этих «ухарей» разговор у нас будет еще впереди. А пока оставим на время криминальную тему и поговорим о чем-нибудь более приятном. Например, об искусстве.

В мае свет увидел еще один «верховный» Указ — о присуждении певице Клавдии Шульженко звания народной артистки Советского Союза. Награда, скажем прямо, запоздалая, поскольку такая певица, как Клавдия Ивановна, заслужила ее значительно раньше. Но власти предрержащие считали иначе. У них вообще была своя собственная шкала ценностей. Какому-нибудь артисту средних возможностей звание «народного» обламывалось аж к 40-летию, а другим либо к 65-летию (как в случае с Клавдией Шульженко или Марией Мордасовой), либо вообще никогда (Лидия Русланова уйдет из жизни, будучи всего лишь заслуженной артисткой РСФСР).

В. Хотулев рассказывает: «Когда Шульженко присвоили звание народной артистки СССР, ее пригласили в Кремль для вручения соответствующей грамоты. «Одной неудобно идти. Корралли? (бывший муж певицы. — Ф. Р.). Невозможно». Она позвонила Епифанову (гражданский супруг Шульженко в 1957—1964. — Ф. Р.). Ей передали, что он жив, здоров, много работает, в Москве бывает редко, все по экспедициям. Посмеиваясь, она представляла, как звонит телефон в его квартирке, как он схватит

трубку и, услышав ее голос, замрет на мгновение. Ничего подобного не произошло. Он просто и сердечно с ней поздоровался, будто они расстались только вчера, и, когда услышала ее просьбу, так же просто согласился ее сопровождать. Не справился о здоровье, не спросил, над чем она работает. Даже не сказал, что рад ее слышать. «Ну не гад?» Она повесила трубку и подумала, что вот за эту его непредсказуемость и обескураживающую простоту она его и любила. Да, любила. Хотя сегодня он мог быть чуть внимательней. Соврал бы, что рад слышать... Ну да бог с ним. Мне шестьдесят пять, пожилая тетка, столько болячек, не знаешь, как с ними со всеми ужиться. А ему? 52 или 53, неважно, молодой мужик, полон сил, небось все еще за девками бегаёт... Она вспомнила свои дикие приступы ревности, отравлявшие его и ее жизнь. Он всегда уверял, что не давал повода. Возможно. Повод дало зеркало, где она замечала едва заметные метаморфозы, происходящие с ней; она видела, что рядом с ней он становится... моложе. Это было невыносимо.

Когда Корралли узнал, что ей будут вручать грамоту в Кремле, он вкрадчиво спросил, кого она с собой возьмет.

— Успокойся, Володичка, не тебя. Тебе там делать совершенно нечего.

— Какая ты грубая, Клавочка, — вздохнул Владимир Филиппович. — Если надумаешь, позвони.

— Не надумаю.

Шульженко спокойно отнеслась к присвоению самого высокого в советские времена артистического звания. Она понимала: звание не прибавит ей здоровья, не прибавит мастерства и популярности. Последнего было предостаточно...»

И еще одна награда нашла своего героя в том месяце: звание Героя Социалистического Труда присвоили 40-летнему бригадиру строителей Николаю Злобину. Сегодня уже мало кто помнит этого человека, а в те годы его имя знали даже школьники, поскольку Злобин был своего рода Гагариным, но только в области строительства. А прославился он тем, что первым в стране перевел свой коллектив (65 человек комплексной бригады Стройуправления №111 Зеленоградстроя) на бригадный подряд, где существовало одно правило: «как поработаем, так и полопаем». То есть в его бригаде пра-

вил бал не пофигизм, столь распространенный по всей стране в трудовых коллективах, а принцип личной ответственности. В итоге все свои дома злобинцы наловчились возводить качественно, раньше срока, да еще с большой экономией средств. Короче, это была своего рода «капреволюция» внутри социализма. Вот за это Злобин и заработал себе Героя Труда (или Гертруду, как окрестили эту награду в народе). Орден, как и положено, «обмывали» всем коллективом в одном из столичных ресторанов.

Коль речь зашла о «горькой», вспомню и то, как в майские праздники 71-го «развязал» свою пагубную привычку Олег Даль, который в те дни находился у жены и тещи в Ленинграде (он приезжал туда при любой возможности из Москвы, где жил с матерью и сестрой). Первые несколько дней после своего возвращения Даль вел вполне трезвый образ жизни, но затем все-таки сорвался. Огорченные этим обстоятельством родственники выразили свои чувства посредством домашней стенгазеты, к «материалам» которой Олег всегда прислушивался. Появилась же эта газета некоторое время назад совсем случайно: Далю понравился какой-то очень глупый заголовок в журнале «Огонек», и он, вырезав его, наклеил на бумажку, а потом прикрепил на стене. Так и родилась стенгазета — большой кусок ватмана, на котором размещались смешные заметки из газет и журналов, а также стихотворные и прозаические произведения самих обитателей квартиры. 12 мая 1971 года в домашней стенгазете появилось «Открытое письмо», где в шуточной форме жена и теща пытались поговорить с Далем о серьезном. В письме сообщалось:

«Когда в стране несчастье, народы сплываются и стойко пытаются пройти вместе сквозь горе и лишения. Но народ должен верить! Без веры народ разбегается кто куда, кто во что горазд — все приходит в упадок, начинаются бунты, перевороты, наступает анархия — мать беспорядка!»

Народ нашего маленького-маленького государства обращается к своему правительству с призывом не обижать себя и свой народ! Жизнь главы государства, его здоровье, ум, красота — это благополучие его народа!»

В эти же дни из Минска в Москву вернулась Татьяна Буре с полуторамесячным сыном Павлом. Как мы помним, в родную для себя

столицу Белорусской ССР Татьяна отправилась еще в марте, чтобы там, под мудрым оком матери, произвести на свет будущую звезду мирового хоккея. Роды прошли нормально, и теперь, по прошествии полутора месяцев, счастливая мать вернулась в Москву к мужу, который буквально сгорал от нетерпения: и сына мечтал увидеть, и по жене соскучился.

Тем временем на Киностудии имени Горького полным ходом идет работа над многосерийным телефильмом «Семнадцать мгновений весны». В апреле съемочная группа выезжала на натурные съемки в ГДР, однако уложиться в отведенные сроки не смогла. Поэтому в мае предстояла новая командировка. В преддверии ее одна из актрис сериала — Екатерина Градова — надумала сменить место работы: из Театра имени Маяковского перейти в Театр сатиры.

Градова пришла в «Маяк» (так называли Театр имени Маяковского) в 1969 году и за пару лет прочно «вписалась в коллектив». Достаточно сказать, что она чуть ли не с ходу получила роль в звездном спектакле «Таланты и поклонники», который поставила сама Мария Кнебель. Везло ей и в личной жизни: ее покровителем в театре стал Максим Штраух — самый знаменитый «киношный Ленин». Однако несмотря на все эти обстоятельства, Градова все-таки надумала сменить место работы. Свою роль в этом играло и то обстоятельство, что главреж Театра сатиры Валентин Плучек еще два года назад звал Градову к себе и все это время при любом удобном случае не забывал напоминать: «Мол, надумаешь — приходи к нам». Вот Градова и надумала. Далее послушаем саму актрису:

«Сама не знаю почему, но в тот день я надела черную юбку и черный свитер — все черное, строгое. И вот только я вошла в театр, как столкнулась с Андреем (Мироновым. — Ф. Р.). И он сказал:

— Ну наконец-то, долго мы вас ждали. Вы по поводу перехода?»

Говорю:

— Да.

— Ну давайте, я вам помогу.

Я так удивилась, но думаю: если меня возьмут — то да, если нет — то нет.

Но тем не менее он зашел передо мной к Валентину Николаевичу, поговорил с ним, вышел и сказал:

— Идите, но потом не убегайте, найдите меня.

Я вошла к Плучеку, он меня братски благословил, поцеловал в лоб и сказал, что берет меня, все прощает (это о Театре имени Маяковского, куда я пошла после училища) и надеется на то, что я буду художником, на которого можно положиться и опереться, а не пойду путем любовных интриг и легкомысленности. А то, мол, у нас есть такие роскошные молодые люди, как Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Андрей Миронов.

— Поэтому, девочка моя, — сказал он, — будь осторожна, держись от них подальше.

Я вышла из кабинета, Андрея нигде не увидела и подумала: «Зачем мне его искать, это некрасиво, да еще и после таких напутствий!» — и ушла домой.

Плучек зачислил меня в театр и разрешил продолжать съемки...»

На той же Киностудии имени Горького Станислав Ростоцкий работает над фильмом «А зори здесь тихие...». К 10 мая съемочная группа частично выполнила весь намеченный объем работ в павильонах и стала паковать вещи, чтобы отправиться в Карелию снимать натуру. Однако в эту поездку группа поехала без своего режиссера, поскольку Ростоцкого избрали в руководящий состав II Съезда кинематографистов СССР, который проходил в Москве 11—14 мая. Ростоцкий должен был присоединиться к коллегам после закрытия форума.

Буквально перед самым началом экспедиции успели отснять самый сложный эпизод — в бане. Как покажет будущее, этой сцене будет суждено стать самой продолжительной эротической сценой в советском кинематографе. Снималась же она следующим образом.

Поначалу все актрисы наотрез отказывались обнажаться в этой сцене полностью — только по грудь. Ростоцкому стоило большого труда уговорить их, при этом напирая больше на идейные соображения: мол, это надо для Родины, для картины. Аргументировал он так: «Убивают не только интеллект и духовность, но и тела, прекрасные женские тела. Вы же любуетесь ими в музеях». Кроме этого, Ростоцкий пообещал, что в момент съемок в бане из мужчин останутся только двое — он и оператор Вячеслав Шумский, а остальной техперсонал будет состоять исключительно из женщин.

В конце концов актрисы согласились, не зная, что там будет еще один представитель сильного пола — наладчик паросильной установки. Естественно, когда съемки начались, тот не удержался и стал подглядывать. И так засмотрелся, что на время забыл про свою установку. А когда вспомнил, было уже поздно — давление в ней поднялось выше нормы, и предотвратить взрыв оказалось невозможным. Единственное, что он успел, — это броситься в баню и заорать, что было силы: «Ложись!» Все, кто находился на съемочной площадке, рухнули на пол, и в это время раздался взрыв. Только по счастливой случайности никто тогда не пострадал. Но случился еще один скандал, связанный с банной сценой.

Как уже упоминалось, по уговору с актрисами в бане из мужчин должны были остаться только режиссер и оператор. Причем оператору следовало забраться в бочку и, не выходя из нее, вести оттуда съемку. Однако, как только женщины разделись, оператор не выдержал и нарушил договор — вылез из бочки и стал снимать моющихся с разных точек. Дисциплинированные актрисы, зная, что каждый метр пленки обходится группе слишком дорого, сделали вид, что не заметили этого нарушения. Но едва прозвучала команда: «Стоп! Снято!» — женщины дали волю своим чувствам. Они с дикими криками набросились на оператора и едва не растерзали его на части. Оператору удалось спастись только благодаря присутствию поблизости своего коллеги и товарища Станислава Ростоцкого.

На другой столичной киностудии — «Мосфильм» — двое молодых режиссеров Александр Стефанович и Омар Гвасалия готовились к съемкам фильма «Вид на жительство» (16 апреля начался подготовительный период). Это была их первая полнометражная картина в жизни, и право работать над ней они заслужили при следующих обстоятельствах. Окончив ВГИК, режиссеры сделали дипломный фильм «Все мои сыновья», который попался на глаза выдающемуся мастеру, профессору ВГИКа, Григорию Чухраю. Картина настолько потрясла его воображение, что он с ходу пригласил ее авторов в свой коллектив (а Чухрай тогда был художественным руководителем Экспериментального творческого объединения киностудии «Мосфильм»).

Окрыленные успехом, Стефанович и Гвасалия решили с ходу снять что-нибудь эпохальное. В частности, они выбрали для экранизации два произведения самого Михаила Булгакова — «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Но главный редактор студии быстро остудил их пыл: «Задумка гениальная, но она не пройдет. Ищите другой материал». И тут судьба свела дебютантов с молодым, но уже известным сценаристом Александром Шлепяновым (это он написал сценарий фильма «Мертвый сезон»), который предложил им сделать фильм про то, как некий эмигрант, уехавший из России в 20-е годы, после долгой разлуки возвращается на родину, чтобы здесь умереть. Причем Шлепянов пригласил в качестве соавтора самого Сергея Михалкова. Однако маститый советский поэт и драматург заставил дебютантов изменить концепцию будущего фильма. Теперь в нем рассказывалось не про эмигранта, которому авторы явно симпатизировали, а про диссидента, коего следовало заклеймить позором за измену родине. Стефанович и Гвасалия вынуждены были согласиться. И главным аргументом в пользу такого решения стало то, что они надумали пригласить на главные роли в свою картину Владимира Высоцкого и его французскую жену Марину Влади. С такими актерами, думали они, их фильм из рядовой «агитки» имел все шансы превратиться в серьезное полотно. Это была бы картина о том, как заправленный советской системой диссидент бежит на Запад и встречает там свою любовь. Кроме того, присутствие двух суперпопулярных имен стало бы стопроцентной гарантией того, что фильм соберет в прокате фантастическую кассу.

На удачу авторов фильма, Марина Влади в те дни оказалась в Москве (она приехала к мужу в конце марта) и смогла вместе с Высоцким прочесть присланный сценарий. Решение сниматься они приняли вместе, руководствуясь несколькими причинами. Во-первых, им очень хотелось сыграть в кино вместе (это давало бы возможность Влади подольше гостить в Советском Союзе), во-вторых — сам материал помогал бы сделать хорошую проблемную картину. Особенно сильно хотел сниматься Высоцкий. До этого момента последней крупной работой актера была роль Бенгальского в «Опасных гастролях», съемки которого закончились еще два года назад. С тех пор актер снялся еще в

двух фильмах, но в очень маленьких ролях (у С. Говорухина в «Белом взрыве» и у Л. Головни в «Эхе далеких снегов») и откровенно маялся от своей киношной не востребоваемости.

Рандеву с авторами фильма, на котором предполагалось утрясти все нюансы, должно было состояться в Доме творчества Болшево (27 км по Ярославскому шоссе), где Стефанович и Гвасалия дописывали сценарий. Однако чтобы туда добраться, актерам пришлось изрядно помучиться, выпрашивая разрешение на визит в самом КГБ. Дело в том, что Марина Влади была иностранкой, а дорога в Болшево проходила мимо подмосковного Калининграда, в котором располагалось предприятие по выпуску межконтинентальных ракет. В итоге Высоцкому и его супруге все-таки разрешили пересечь эту зону, но не на своем, а на гэбэшном автомобиле под присмотром водителя-майора.

Встреча в Болшево прошла, что называется, на высоком уровне. Довольными остались обе стороны. Высоцкий буквально бурлил от переполнявших его чувств и высказал целый ряд полезных предложений (в частности, он сообщил, что специально под эту картину у него есть две песни: одна новая — «Гололед, на земле, гололед...» и одна старая — «Охота на волков», которые придадут ленте нужный настрой). Влади тоже выглядела счастливой и похвалила авторов за то, что они сумели очень правдоподобно описать нравы и быт эмигрантской жизни на Западе. В итоге стороны расстались в твердой убежденности, что в скором времени встретятся вновь и вплотную приступят к работе над картиной. Знали бы они, что их ждет впереди, наверняка не были бы столь наивными.

Поскольку КГБ с самого начала знал об этой встрече, а значит, и о планах киношников по поводу Высоцкого, он тут же предпринял соответствующие шаги с тем, чтобы не допустить осуществления этой затеи. В один прекрасный день Стефанович и Гвасалия были вызваны на Лубянку (причем не в главное здание, а в невзрачную двухэтажку на Кузнецком Мосту), где два бравых полковника устроили им настоящую головомойку. Суть их претензий свелась к следующему: дескать, если вы хотите, чтобы ваша первая большая картина увидела свет, вы должны немедленно отказаться от приглашения на главные роли Высоцкого и Влади. Аргументы гостей по поводу того, что

Высоцкий — ведущий актер Театра на Таганке, а его жена — член Коммунистической партии Франции, никакого впечатления на хозяев не произвели. Они были непреклонны и, видя, что их собеседники продолжают упорствовать, даже пригрозили серьезными проблемами в служебной деятельности. Последний аргумент сразил гостей окончательно.

Через несколько дней, когда даже заступничество Сергея Михалкова не изменило ситуации, Стефанович отправился в Театр на Таганке, чтобы лично сообщить Высоцкому неприятную новость. По словам режиссера, у актера глаза налились слезами. И он с болью и мукой спросил:

— Ну объясни мне — за что? Что я им сделал?

Что мог ему ответить Стефанович? Ничего. Ровным счетом ничего...

Забегая вперед, сообщу, что вместо Высоцкого и Влади в картину будут приглашены Альберт Филозов и Виктория Федорова.

Тем временем в мае состоялась весенняя сессия Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. Комитет обычно собирался два раза в год: весной и осенью. На первой сессии происходил предварительный отбор, а осенью (в октябре) — окончательный. После осеннего голосования списки лауреатов шли на подпись в правительство, а 7 ноября, в праздник Великого Октября, происходила публикация постановления.

Так вот, в мае 71-го по линии кино на соискание Госпремий были выдвинуты следующие фильмы: «Не горюй!» Георгия Данелии, «Влюбленные» Эльера Ишмухамедова, «Белое солнце пустыни» Владимира Мотыля, «У озера» Сергея Герасимова и «Обвиняются в убийстве» Бориса Волчека. Если бы по этим фильмам происходил всенародный опрос, то, без всякого сомнения, в лидеры выбился бы фильм Владимира Мотыля, который за полгода собрал на своих сеансах 28 миллионов зрителей и был продан в 23 страны. Однако у членов секции кино и театра было совсем иное мнение. Но расскажем обо всем по порядку.

Первым получил «от ворот поворот» фильм «Не горюй!», который один из членов комитета, руководитель Госкино Алексей Романов, назвал «пасквилом на нашу жизнь». За фильм

попытался вступить Сергей Бондарчук, но к его словам никто не прислушался.

Затем из списка вылетели «Влюбленные». Член секции А. Ходжаев на обсуждении заявил: «Режиссер Ишмухамедов талантливый, но молодой. У него есть уже зазнайство, есть какой-то вызов, нежелание считаться с авторитетами». Тот же Романов посчитал, что в работах Ишмухамедова есть подражание Западу и даже «звучит тоска по Парижу». А признанный мэтр отечественного кино Станислав Ростоцкий упрекнул режиссера в отказе от национальных традиций: мол, в Узбекистане много своих прекрасных актеров, а вы пригласили пришлых — Родиона Нахапетова и Анастасию Вертинскую. В итоге комитет посчитал, что Ишмухамедов слишком молод для Государственной премии.

Почти похожая история произошла и с «Белым солнцем пустыни». Сама министр культуры Екатерина Фурцева, присутствовавшая на заседании, заявила: «Фильм хороший, полезный, но он не пройдет. Есть мнение сверху оставить фильмы «У озера» и «Обвиняются в убийстве». После подобного заявления никаких шансов у картины Мотыля уже не оставалось. Присутствовавшие единогласно проголосовали против него, а в решении записали: «Фильм «Белое солнце пустыни», несомненно, обладает большими художественными достоинствами и имеет большой успех. Учитывая ограниченное число премий и наличие двух кандидатур по художественной кинематографии, уже рекомендованных секцией, сочли возможным снять фильм с обсуждения».

И еще о кино. 13 мая в Каннах открылся очередной Международный кинофестиваль. Советский Союз на нем представлял фильм А. Алова и В. Наумова «Бег». Замечательное произведение, однако на том фестивале ему не «обломилось» даже какого-нибудь утешительного приза. О причинах столь обидного провала автору ничего не известно.

Теперь самое время заглянуть в столичную афишу развлечений первой половины мая. Начнем опять же с кино. 4 мая на широкий экран вышел советско-польский фильм «Легенда» режиссера С. Хэнчиньского, в главной роли с советской стороны снялся Николай Бурляев; 6-го — фильм Булата Мансурова «Смерти нет, ребята!» с участием А. Джаллыева, Е. Жарикова и др.; 13—23 мая на Малой спортивной

арене в Лужниках идет французская комедия с участием Луи де Фюнеса «**Маленький купальщик**»; 14-го — фильм Эдуарда Бочарова «**Серебряные трубы**» с участием Андрея Мягкова в роли Аркадия Гайдара, Андрея Вязникова, Лены Сальниковой, Ивана Лапикова и др.

13 мая состоялись сразу две театральные премьеры: в Драмтеатре имени Станиславского шел спектакль «**Черт**» по пьесе Ф. Мольнара с участием О. Бган, В. Анисько, Т. Ухаровой (супруга Г. Буркова) и др.; в «Современнике» — «**Тоот, другие и майор**» И. Эркеня, режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов. 15-го в Театре имени Маяковского прошла премьера спектакля «**Три минуты Мартина Гроу**» по пьесе Генриха Боровика (реж. А. Гончаров) с участием Владимира Самойлова, Армена Джигарханяна, Натальи Вилькиной и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 8—9 мая на стадионе «Динамо» состоялся праздничный концерт с участием артистов Юрия Гуляева, Махмуда Эсамбаева, Юрия Левитана, Александра Шурова, Николая Рыкунина, Владимира Шубарина, Ивана Суржикова, Владимира Макарова, Виктора Чистякова, Полада Бюль-Бюль оглы, Льва Шимелова, ВИА «Веселые ребята», квартетов «Гая», «Аккорд» и др.; 12—23 мая во Дворце спорта в Лужниках выступал Государственный ансамбль «Балет на льду»; с 16 мая в ГТЭ начались гастроли популярного чехословацкого ревью «Латерна Магика» с программой «Ревю из ящика».

Из новинок фирмы «Мелодия» отмечу следующие пластинки: миньон твердый «**Поет Эдуард Хиль**» с песнями «Будет жить любовь на свете» (В. Дмитриев — А. Ольгин), «От любви до любви» (В. Дмитриев — Р. Рождественский), «Семеновна» (Е. Барыбин — Ю. Погодельский), «Никто не любит тебя так, как я» (А. Морозов — М. Рябинин); гибкие: «**Поют Луиза и Батыр Закировы**» (песни из индийских фильмов), «**Поет ВИА «Али-бабки**» (Польша).

По ТВ крутили фильмы, принадлежащие к разным жанрам: современную драму «Люди на мосту» (11 мая), классику «Белые ночи» (13-го), сказку «Марья-Искусница» (14-го), три фильма про беспризорников: «Флаги на башнях» (15-го), «Путевка в жизнь» (16-го) и «Бей, бабабан!» (16-го).

Тем временем сценарист Эдуард Тополь находился в Одессе, где должен был в кратчайшие сроки написать сценарий художественного фильма на морскую тему. На эту авантюру (а Тополь даже плавать не умел) его подвиг одноклассник по ВГИКу, молодой режиссер Георгий Овчаренко, который наконец-то получил на Одесской киностудии первую самостоятельную постановку.

Прилетев в Одессу, Тополь с ходу отправился на киностудию. Ее директор Збандут принял его весьма радушно — мало того что выдал аванс в тысячу рублей, так еще и показал фильм Киры Муратовой «Долгие проводы» с Владимиром Высоцким в главной роли, снятый еще четыре года назад, но запрещенный к показу цензурой. Фильм настолько потряс Тополя, что он решил немедленно нанести визит его автору и выразить Муратовой свое восхищение. Здесь же, на киностудии, он узнал адрес режиссера, которая по счастливой случайности жила на противоположной от студии стороне улицы в четырехэтажном кирпичном доме. Но идти в гости к даме без цветов было бы верхом неприличия, поэтому Тополь первым делом сел в трамвай и отправился в центр города за букетом. Было уже десять часов вечера, полная майская луна блестела на трамвайных рельсах, а морской ветер гнал по улице серые катышки тополиного пуха. Трамвай довез сценариста до цветочного киоска, где он на щедрый гонорар, выданный ему на студии, купил роскошный букет цветов и отправился в обратный путь. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Слева от лестничной площадки была стандартная бурая дверь с номером 15 и черной кнопкой звонка. Приглушая колотившееся сердце, я нажал эту кнопку. С таким душевным трепетом звонят, наверное, поколонницы к Феллини, Матростройни и Вячеславу Тихонову.

Дверь открылась удивительно быстро, почти тотчас. За ней, подоткнув за пояс подол холщовой юбки, стояла невысокая круглолицая молодая женщина с мокрой половой тряпкой в руках. У ее босых ног на мокром полу зияло ведро с темной водой, и капли такой же темной воды капали в это ведро с грубой мешковины ее половой тряпки.

— Простите, — сказал я, — Кира Муратова тут живет?

— Да, — сказала босая женщина. — Это я. И тыльной стороной ладони убрала волосы с потного лба.

— Здравствуйте, это вам. — Я протянул ей цветы. — Я только что посмотрел ваш фильм и набрался наглости побеспокоить вас только для того, чтобы сказать: вы гениальный режиссер! Феллини, Антониони и вы! Пожалуйста, возьмите эти цветы. Это от всей души. И — счастья вам!

По-моему, она была ошарашена моим букетом не меньше, чем я ее половой тряпкой. Молча и каким-то замороженным жестом она взяла у меня цветы, и, прежде чем она успела сказать «спасибо», я поцеловал ее мокрую руку и тут же, как мальчишка, сбежал по гулкой лестнице вниз...»

17—18 мая на ЦТ состоялась **премьера** двухсерийного телевизионного фильма «Кража», снятого молдавским режиссером Александром Гордоном по сценарию двух детективщиков Алексея Нагорного и Гелия Рябова (это они затем придумают сериал «Рожденная революцией»). Фильм вызвал к себе неподдельный интерес публики, поскольку теледетективов в те годы на голубом экране было крайне мало. А здесь полный набор занимательного действия: похищение шпаги работы XVIII века, проникательный сыщик полковник Орефьев в исполнении Олега Борисова, заблудшая «овечка» в лице красавицы-блондинки (Ирина Азер), коварный преступник, до последней минуты скрывающий свою внешность под тщательным гримом, и многое другое. И еще одна особенность отличала этот фильм от других: в нем впервые в советском кинодетективе были достаточно подробно показаны тусовки «прожигателей жизни», проходившие на тайных квартирах.

17 мая в Москву с официальным визитом прибыл премьер-министр Канады Пьер Трюдо. Это был его первый приезд в Советский Союз в качестве руководителя правительства (этот пост он занял в 1968 году). Визиту Трюдо сопутствовали следующие обстоятельства.

Отношения СССР и Канады развивались спокойно, без каких-либо особых конфликтов. Однако в Москве долгое время преобладало мнение, что самостоятельной политики у Канады нет, что это страна — всего лишь придаток США. В определенной степени так оно и было. Но с приходом к власти Трюдо ситуация

изменилась. Он стал проводить более независимую от США политику и все чаще в его речах звучало, что у Канады есть еще один сосед — Советский Союз. Эти заявления не остались без внимания в Москве и в итоге стали поводом к первому визиту Трюдо в СССР.

52-летний канадский премьер прилетел в Москву не один, а вместе со своей юной — 19 лет от роду — супругой Маргарет, на которой он женился буквально несколько месяцев назад (кстати, в дни своего визита в Москву она была уже на втором месяце беременности, о чем никто еще не знал). Когда наши официальные лица, собравшиеся в аэропорту, увидели эту девушку, у них случился шок. Что вполне объяснимо: у большинства советских партийных и государственных деятелей женами были преимущественно дамы бальзаковского возраста, эдакие матроны, а у заморского гостя — эффектная девушка, как теперь говорят, топ-модельного типа в короткой юбке. Короче, было чему завидовать.

Между тем это оказалось не единственным сюрпризом, который преподнес канадский премьер. Например, по дороге в свою резиденцию, сидя в одной машине с советским премьером Косыгиным, Трюдо внезапно стал интересоваться... мотоциклом, который в качестве почетного эскорта сопровождал их автомобиль. Мол, чьего он производства? Косыгин, которого в эти минуты волновали более глобальные проблемы, чем эта, с недоумением взглянул на своего собеседника, после чего сказал:

— Не знаю, господин Трюдо, но полагаю, что этот мотоцикл советского производства.

Трюдо с интересом выслушал ответ Косыгина, а затем вновь уставился в окно — разглядывать дальше чудо техники.

Свою любовь к мотоциклам заморский гость продемонстрировал еще раз через день, во время встречи с советским президентом Николаем Подгорным. Когда аудиенция закончилась и гости, в сопровождении хозяев, вышли на Ивановскую площадь, Трюдо внезапно направился не к машине, а к одному из мотоциклистов почетного эскорта. Сначала премьер внимательно осмотрел железного коня, похлопал его по сиденью, после чего вдруг взгромоздился на мотоцикл и нажал на газ. У всех, кто за этим наблюдал, что называется, душа ушла в пятки. Подобных поступков еще не совершал ни один

официальный представитель, а тут — сам премьер-министр!

Тем временем Трюдо на средней скорости сделал круг по площади и вернулся к месту старта — к обалдевшему мотоциклисту. Возвращая ему агрегат, Трюдо не преминул сказать, причем так громко, чтобы слышали все:

— Хорошая машина.

Однако сюрпризы и на этом не закончились. На третьи сутки своего пребывания в Москве (а Трюдо пробыл у нас до 28 мая) ему внезапно вздумалось... послушать настоящих цыган. Мол, давно знаю от других о том, как прекрасно они поют, но сам воочию ни разу не слышал. Желание гостя — закон, и вот вечером того же дня Трюдо с супругой привезли в ресторан «Архангельское», где перед ними должны были выступить артисты театра «Ромэн». Причем для обычных посетителей ресторан в тот вечер был закрыт, хотя Трюдо очень просил не устраивать из этого мероприятия официальщину. Но к этой его просьбе не прислушались. Зато в ресторан набилось до полусотни разных чиновников из МИДа, охранников и т. д. Да и начало представления оказалось скомканным. Дело в том, что гости ждали цыганских песен, а вместо этого на сцену вышел директор театра и коротенько, минут так на сорок, прочитал лекцию о первом в мире цыганском театре. И только после того, как Трюдо откровенно стал зевать, директору была дана команда закругляться. Только после этого на сцену выбежали артисты «Ромэна» и завертелось веселье. Причем артисты заранее были предупреждены охраной: ближе чем на три метра к заморскому гостю не подходить, иначе зашибем.

Стоит отметить, что и в Киеве, куда Трюдо с супругой приехали после нескольких дней пребывания в Москве, гости вели себя довольно свободно. Они изъявили желание посетить молодежную дискотеку, и эта просьба тоже была исполнена. Причем из официальной резиденции гости отправились туда пешком. Они шли по вечернему Крещатику, и практически никто не обращал на них внимания, поскольку охрана весьма искусно растворилась в толпе. А заподозрить в модно одетом мужчине (на Трюдо был пиджак с огромными лацканами, широченный галстук и туфли на платформе) с бакенбардами самого премьер-министра Канады никому из гуляющих и в голову не прихо-

дило. Да и на дискотеке никто не догадался об этом.

Тем временем 18 мая в Москву прилетела еще одна зарубежная делегация — из ГДР, во главе с новым генсеком СЕПГ Эрихом Хонеккером (избран 3 мая вместо Вальтера Ульбрихта). Встреча была обставлена не менее пышно, чем предыдущая. По всему маршруту следования гостей в пределах городской черты — от Ленинского проспекта до Кремля — стояли толпы москвичей, которых специально согнали в этот погожий жаркий день, освободив от работы (на календаре был вторник). В толпе, естественно, присутствовало много кагэбэшников. Ведь согласно этикету заморского генсека встречал наш генсек Леонид Брежнев, а его сановная персона охранялась гораздо круче, чем персона премьер-министра Косыгина. Чтобы не быть голословным, приведу рассказ очевидца — бывшего «комитетчика» Е. Миронова:

«Сотни сотрудников КГБ выстраивались вдоль Ленинского проспекта, по которому генсек ездил на Внуковский аэродром встречать и провожать глав зарубежных делегаций. Все бетонные столбы вдоль этой правительственной трассы были помечены номерами. Каждому давалась «боевая задача»: обеспечить безопасность от столба номер такой-то до столба номер... Или же «стоять насмерть» на одном из перекрестков. Дирижировали нами, естественно, сотрудники Девятого управления.

Мы приезжали на место, как правило, задолго до того, как по проспекту проедет Сам. Чтобы как-то убить время, собирались группами, курили, болтали, травили анекдоты, в том числе и про генсека.

Примерно за 30—40 минут все движение по Ленинскому перекрывалось. Затем появлялась машина ГАИ, проверявшая «чистоту» трассы. С промежутком в несколько минут за ней следовала «Волга» Девятого управления. И, наконец, показывалась кавалькада с почетным эскортом мотоциклистов впереди. Эти парадные выезды представляли поистине внушительное зрелище. «Черная стая» мчалась на бешеной скорости. Обыватель поневоле чувствовал: крепкая власть, такая и царям не снилась! И действительно: в былое время какой-нибудь террорист-народник мог запросто подбежать к карете монарха и швырнуть в нее самодельную

бомбу. Здесь такой номер, конечно же, не прошел бы.

Примерно на второй-третий раз подобного «боевого дежурства» все начинали понимать бессмысленность своего участия в этом шоу. И тогда, чтобы не маяться у столбов, мы стали занимать позиции в ближайших кафе и пивных. Особой популярностью у нас пользовалось кафе «Привет». Тогда это было нормальное заведение, где было и вино, и пиво, и различная закуска. Поэтому, спокойно попив пивка или чего-нибудь покрепче, мы возвращались к своим столбам, где нас благодарили за службу и отпускали по домам...»

А теперь перенесемся в Карелию, в деревню Сяргилахта, где в эти дни находится съемочная группа фильма «А зори здесь тихие...». Как мы помним, группа приехала туда чуть больше недели назад, однако начать работу никак не может. Причем по вине режиссера-постановщика Станислава Росточкина. Сначала он был занят на II Съезде кинематографистов (11—14 мая), а когда наконец приехал в Карелию, его укусил энцефалитный клещ. И все потому, что Росточкин проявил благородство: в то время как вся группа наглухо закрыла открытые участки тела от клещей и комаров (рукава у запястьев были перетянуты, на лицах — защитные маски), режиссер ходил в легком джинсовом костюмчике, поскольку хотел поддержать девушек-актрис, вынужденных по сценарию надевать гимнастерки. Вот клещ его и цапнул. Росточкина сразу повезли в больницу, чтобы сделать уколы, но местный врач отказался это делать, поскольку не увидел клеща. Тогда киношники рванули обратно в деревню, моля бога, чтобы пол в избе, где случилось происшествие, не успели подмести. Им повезло. Найденного клеща взяли на ватку и положили в спичечный коробок. Только после этого Росточкину был сделан укол. После этого он в течение недели не брал в рот ни грамма спиртного.

В Театре на Таганке всю продолжают репетиции «Гамлета». 21 мая репетиция шла из рук вон плохо, отчего режиссер Юрий Любимов пребывал в плохом настроении. Он кидал обидные реплики по адресу отдельных актеров, в том числе и Валерия Золотухина, игравшего Лаэрта. Особенно раздражали Любимова очки, бывшие в тот день на актере. «Почему вы

в очках? — бушевал Любимов. — У вас что, болят глаза? По улице, пожалуйста, ходите в очках, а на сцену не надо выходить в таком виде». — «Но вы же сами разрешили мне их носить», — пытался оправдываться Золотухин. Однако Любимов был неумолим: «Снимите их, они мне мешают».

Несмотря на несправедливость многих упреков, большинство актеров понимало, что по существу шеф прав — спектакль не получается. Пустота и серость. Однако и вина Любимова в этом тоже была. Как пишет тот же Золотухин: «Он не умеет вызвать творческое настроение артиста. Опускаются руки, хочется плюнуть и уйти. Зажим наступает...»

На следующий день в театре и вовсе случилось ЧП: сверху на сцену упала конструкция вместе с тяжелым занавесом. Символично, что актеры в тот момент шли за гробом Офелии, игрался похоронный марш. Далее послушаем рассказ Золотухина:

«Я сидел на галерке... Впечатление, что кто-то остался под занавесом, что там месиво. Странно: я видел, как на актеров упал самый мощный рычаг с арматурой, потом приземлился на другом конце сцены другой, кто-то закричал, но во мне внешне не переменялось ничего... Одна мысль была: кто не встанет, кто под этой тряпкой остался? «Благодарите бога, что он вас спасает десятки раз!» — кричал шеф, когда выяснилось, что никого не убило... Как вбежал Дупак (директор театра. — Ф. Р.), как прибежала Галина (Власова — актриса. — Ф. Р.), посмотрела то на сцену, то на вросшего в свой стол шефа и побежала за кулисы... Сильный ушиб получил Семенов, он выкарабкался из-под железа. У Насоныча вырван клочок кожи, Иванову руку сильно пропахало... Вызвали «Скорую помощь», сделали Винтику (прозвище Виктора Семенова. — Ф. Р.) рентген — обошлось без трещин, без переломов... Мы с Высоцким сели в его машину и поехали в охрану автотрассы...»

В понедельник, 24 мая, Миколас Орбакас вернулся домой с репетиции около десяти вечера и застал свою беременную супругу, Аллу Пугачеву, лежащей на кровати с бледным лицом.

— В чем дело? — спросил обеспокоенный супруг.

— Кажется, начинается, — ответила Пугачева, кладя руки на живот.

Поскольку роддом был рядом с домом, где проживали молодые (надо было только трамвайную линию перейти, тут же была и столовая, где они праздновали свадьбу), доставить туда роженицу за считанные минуты не составляло большого труда. Начали собираться. Когда выходили из дома, Пугачева внезапно опомнилась и попросила мужа захватить ей какую-нибудь книжку, чтобы почитать на досуге. Миколас схватил первую попавшуюся — повесть какого-то датского писателя «Кристина».

На следующий день с утра Миколас примчался в роддом и узнал, что у его жены усилились схватки. Однако ждать конечного результата не стал и отправился на репетицию в Театр эстрады. Но какая может быть репетиция, когда твоя жена вот-вот должна родить! Коллеги интересуются, в чем дело, а он молчит, как партизан, — в приметы верит. А сам чуть ли не каждые полчаса срывался со сцены и бежал к телефону, чтобы позвонить в роддом и поинтересоваться, как там дела у роженицы. Наконец, когда он позвонил туда в очередной раз, ему сообщили: роды прошли нормально, родилась девочка. Счастливый отец метеором вернулся на сцену и огорошил коллег сообщением:

— У меня дочка родилась!

Когда вечером того же дня Миколас ехал в роддом, в его уме уже созрело имя для новорожденной — Кристина (если бы родился мальчик, ему бы дали имя Станислав). Читатель наверняка догадался, что толчком к такому решению послужила книжка датского писателя, которую Миколас всучил жене в роддом.

Стоит отметить, что сама Пугачева поначалу отнеслась к этому имени критически: мол, русских имен достаточно, зачем брать иностранное. Но затем, подумав, согласилась, что Марина и Наташа — чуть ли не каждая вторая, а Кристина, как говорится, — эксклюзив.

Между тем в ЗАГСе с этим именем тоже возникнут проблемы. Регистраторша заявит Миколасу, что таких имен в русском языке нет. Есть Христина, но это пахнет религиозным душком. Однако Миколас настаивал на своем: хочешь назвать свою дочь Кристиной. Видя его решимость, регистраторша решила подстраховаться: позвонила своему руководству и спросила, как быть. Там дали «добро». Не своего же ре-

бенка таким именем нарекали. Но вернемся в май 71-го.

В тот день, когда Пугачева стала матерью, генсек Леонид Брежнев с официальным визитом отправился в Прагу, где проходил XIV съезд Компартии Чехословакии. Высокий гость выступил с приветственной речью на съезде, а на следующий день отправился знакомиться с городскими достопримечательностями. В частности, посетил Дом советской науки и культуры, где в те дни была развернута выставка, посвященная московскому метро. Чтобы пражане имели ясное представление о подземном транспорте, в переходе между этажами установили турникет. Бросишь монетку — иди дальше. Брежневу услужливо протянул монетку директор выставки. Однако генсек стусевался, поскольку в метро последний раз спускался лет пятнадцать назад, когда и турникеты были иные. А эти, как он слышал, срабатывали очень жестко. Короче, своими бедрами он решил не рисковать и пропустил впереди себя Первого секретаря ЦК КП Украины Петра Шелеста: мол, попробуй ты. Тот, естественно, подчинился. Сунул монетку в щелку, а вот проходить стал как-то неловко. В итоге турникет сработал на него как на «нарушителя» и зажал в тисках. Тот стал дергаться взад-вперед, пытаясь вырваться, а у него не получается. Брежнев начал хохотать. И только директор выставки проявил сочувствие к «плененному» турникетом гостю и почтительно вытолкнул на другую сторону.

И еще одно событие случилось в тот день — исполнилось 30 лет актеру Олегу Далю. Эту дату он отметил в Ленинграде в окружении жены и тещи, после чего вернулся в Москву, чтобы вместе с театром «Современник» отправиться на гастроли.

В конце мая таксист столичного 15-го таксомоторного парка Михаил Шломин задержал вооруженного преступника. По тем временам это событие — ЧП всесоюзного масштаба. Дело было так.

Вечером на одной из улиц в машину Шломина сел здоровенный парень, который наставил на таксиста обрез и приказал ехать к Варшавскому шоссе. Когда тебе в глаза глядит дуло винтовки, спорить нет смысла. Однако, приехав на Варшавку, Шломин хотел было притормозить, рассчитывая, что парень выйдет из машины и растворится в вечерних сумерках.

Но не тут-то было. Вместо этого незнакомец приказал мчаться без остановки до тех пор, пока он не прикажет остановиться. Ехали долго. Уже миновали Серпухов, а Шломин все никак не мог придумать, как же избавиться от опасного пассажира. Наконец водитель решил прибегнуть к хитрости с бензином. Сказал, мол, что горючее кончается, надо бы заправиться. Рассчитывал, что на заправке выскочит из машины и криком привлечет внимание своих коллег-шоферов. Но ему не повезло — на АЗС в тот вечерний час не оказалось ни одного автомобиля. Да и парень был настроен решительно — предупредил, что при малейшем подозрении на побег выстрелит, не задумываясь. Короче говоря, Шломину не оставалось ничего иного, как под бдительным взглядом преступника заправить автомобиль и трогаться дальше. Доехали до Тулы. И тут в радиаторе закипела вода. У Шломина появился реальный шанс перехитрить преступника.

— Надо бы притормозить, а то не доедем, — обратился он к незнакомцу.

Парень разрешил. Не успел Шломин заглушить мотор, как из темноты вынырнули двое мужиков. Оказалось, они уже битый час ловили попутку до Белгорода, но ни одна машина не останавливалась. А тут такая удача — такси! В общем, попросили довезти. Шломин согласился, хотя парень на заднем сиденье явно был не в восторге от новых попутчиков. Однако таксист не дал ему опомниться и сам распахнул дверцу перед пассажирами.

По дороге мужики весело болтали, не подозревая, какая смертельная опасность исходит от парня, скромно притулившегося за спиной у водителя. А Шломин мучительно пытался найти выход из создавшегося положения, придумывая, как подать новым попутчикам сигнал об опасности. Наконец незаметным движением правой руки он достал из брючного кармана листок бумаги, ручку и стал выводить на листке слово «бандит». Однако парень заметил его манипуляции.

— Ты чего там елозишь? — Бандит подался вперед, чтобы разглядеть, чем занят таксист.

Понимая, что дальнейшее промедление может стоить жизни не только ему, но и попутчикам, Шломин перегнулся через сиденье и свободной рукой схватил незнакомца за правую руку, сжимавшую под костюмом обрез, а нога-

ми уперся в рулевую колонку, чтобы издали был слышен сигнал клаксона. Парень, не ожидавший от таксиста такой прыти, растерялся, чем и воспользовался таксист:

— Мужики, у него под пиджаком обрез! — закричал он попутчикам, и те, надо отдать им должное, не испугались, а тут же поспешили на помощь: тот, что сидел напротив бандита, навалился на него сбоку, а другой с переднего сиденья вцепился в ту же руку, которую продолжал сжимать таксист. Так общими усилиями они и скрутили амбала-преступника. Позже выяснилось, что это был экз, несколько дней назад сбежавший из ИТК и объявленный во всесоюзный розыск.

Кстати, этот случай оказался не единственным, когда столичный таксист помог милиции задержать преступника. Чуть ранее водитель другого таксопарка — 14-го — Абезгауз, увидев, как возле ресторана «Узбекистан», что на Неглинной улице, преступник напал на девушку и вырвал у нее из рук сумочку, бросился в погоню. На удачу, по дороге таксист встретил дружинника Дудко. Вдвоем они догнали грабителя и, выбив у него из рук нож, скрутили. Преступником оказался 37-летний работник аварийной службы, который таким образом добыл себе деньги на выпивку.

В двадцатых числах мая в Москву начинают съезжаться участники прощального матча гения футбола, выдающегося вратаря Льва Яшина, который должен состояться на Большой спортивной арене в Лужниках.

Яшин ушел из большого спорта несколько месяцев назад, однако функционеры никогда бы сами не догадались устроить ему торжественные проводы (другого гения мяча — Эдуарда Стрельцова — отправили на пенсию незаметно), если бы не друзья Яшина — журналисты. В частности, одним из активных инициаторов прощального матча был известинец Борис Федосов. Когда в Спорткомитете поняли, что эта инициатива может найти самый горячий отклик в партийных «верхах», было решено проводить выдающегося вратаря с большим размахом, для чего в Москву позвали лучших футболистов со всего мира. Практически все, кому Яшин разослал приглашения, согласились посетить Советский Союз. Из этих игроков и была составлена сборная мира, которой предстояло сразиться в товарищеском матче со сбор-

ной столичного «Динамо». Из мировых звезд на матч приехали: вратари — Мазуркевич (Уругвай), Виктор (Чехословакия); защитники — Месей (Венгрия), Шульц (ФРГ), Факкетти (Италия), Пеня (Мексика), Хаггара (Чехословакия), Джоркефф (Франция); полузащитники — Куна (Чехословакия), Чарльтон (Англия), Анчок (Польша), Бонев (Болгария); нападающие — Мюллер (ФРГ), Лобански (Польша), Жеков (Болгария), Думитраке (Румыния), Джаич (Югославия), тренер — Райко Митич (Югославия). Сборная «Динамо» выставила на эту игру следующий состав: Яшин, Пильгуй, Штапов, Зыков, Сабо, Жуков, Семин, Козлов, Авруцкий, Эштреков, Хурцилава, Пузач, Хмельницкий, Малюфеев, Сахаров, тренер — Константин Бесков.

Первыми в Москву за пару дней до матча прилетели Мюллер, Чарльтон, Шульц, Кун, Виктор. Проследний вспоминает: «Благодаря приглашению в Москву мы смогли увидеть столько звезд футбола, что нам с Куном было немного не по себе. В гостинице «Россия» мы познакомились с Бобби Чарльтоном и тренером Шоном, Гердом Мюллером, острым, как бритва, Шульцем. Немецким футболистам пришлось тогда объясняться за Беккенбауэра, который очень сожалел, что не смог приехать на игру из-за болезни. Помню, приходим в кафе и видим, как лакомятся блюдами русской кухни, главным образом икрой, элегантный Факкетти. Он переодевался по несколько раз в день, и по каждому случаю на нем был соответствующий костюм. Так экипировал его клуб. Даже на его чемодане золотыми буквами было написано «Интермилано», что на футбольном языке означает «гора Эверест». Классный югославский игрок Джаич постоянно смеялся, шутил, вел себя, как мальчишка. Вместе с нами прилетел в то время президент ФИФА сэр Стэнли Роуз, очень доброжелательный, симпатичный пожилой господин. Он обнял каждого из нас, каждому пожелал счастья и предложил вместе сфотографироваться.

Яшин сообщил нам, что для каждого гостя — участника матча открыт счет и мы можем себе заказывать в ресторане все по своему усмотрению. На следующее утро до обеда мы разминались и тренировались в Лужниках. Ко мне подошел Яшин, обнял за плечи и сказал на ухо: «С футболом я закончил, но в последнем матче очень хочу сыграть хорошо и для этого вот уже

месяц тренируюсь». Вернулись в гостиницу, пообедали, и здесь каждому из нас девушка вручила по конверту и попросила расписаться. Не успели мы ознакомиться с их содержимым, как подошел Яшин и поинтересовался, привезли ли мы с собой бутсы. Спросил, потому что некоторые прилетели без формы, и эту проблему Яшин решил быстро и четко.

В России любят хорошо и много поесть и попить. Но мы с Куном были в некотором замешательстве при выборе блюд: боялись сделать «дыру» в открытом счете. В номере гостиницы мы обнаружили в конвертах по 250 рублей на каждого и тут же решили вернуть эти деньги организаторам. Но оказалось, что это была обычная такса, выплачиваемая из кассы ФИФА.

На утренней экскурсии по Москве, от которой мы получили огромное удовольствие и узнали много полезного, не было южноамериканцев: из-за разницы во времени они спали. Но на вечерней тренировке уже собрались все, в том числе выпавшиеся вратарь Мазуркевич и полузащитник Пеня. Не было бразильцев, особенно сожалели об отсутствии Пеле. Он буквально рвался выступить в этом матче, но воспротивилось руководство клуба «Сантос»: предстояли ответственные игры, и Пеле был необходим команде.

Тренер Райко Митич представил каждого из нас команде. Большинство были знакомы, встречались на поле, но только как соперники. Митич сказал, что для него большая честь руководить такой командой. Он подчеркнул, что в матче в честь великого вратаря мы должны показать красивый футбол. Митич говорил на сербском и тут же переводил на немецкий. Сразу же шел перевод на французский и испанский, а к Чарльтону специально прикрепили очень симпатичную переводчицу. Чарльтона мы и выбрали капитаном команды...»

26 мая в Харькове бесследно пропала 10-летняя Оля Колобовская (фамилия изменена). Родители хватились своей дочери только к вечеру, тут же заявили в милицию, однако найти девочку по горячим следам так и не удалось. До этого события пройдет еще несколько дней, а пока вновь перенесемся в Москву.

День игры на Большой спортивной арене — 27 мая — выпал на четверг. Учитывая это, организаторы матча выбрали самое оптимальное

время — 19.15, когда большинство зрителей имело возможность после тяжелого трудового дня добраться в Лужники. О том, как развивались события того дня, вспоминает журналист Б. Левин:

«Трудно передать ажиотаж, который был вызван прощальным матчем Яшина. Вся страна жаждала присутствовать в Лужниках. В дирекции лежали заявки на два миллиона билетов, затем заявки перестали даже читать. Толпы людей с раннего утра до позднего вечера ежедневно простаивали у касс в надежде на счастливую случайность. Был и такой трагикомический случай. Заведовала билетно-рекламным отделом Александра Тимофеевна Агаева, женщина красивая, пикантная и умная. Ее кабинет, находившийся в левом павильоне кассового корпуса, осаждали тысячи людей — от помощников министров и депутатов всех уровней до директоров баз, аптек, универмагов. А вокруг корпуса — муравейник «Волг» всех расцветок. Эльдар Рязанов упустил великолепную возможность по готовому сценарию снять комедию. Прихожу к Агаевой и вижу, что сестра готовится делать ей укол от резко поднявшегося давления. И здесь мне в голову пришла шальная мысль. «Хотите, Александра Тимофеевна, я избавлю вас от красно книжных домогателей?» — «Да я тебя озолочу, избавь, но как?» Беру с ее стола большой блокнот, выхожу на улицу и начинаю переписывать номера машин. Через минуту ко мне подходит солидный человек; «Чем вы занимаетесь, что делаете, зачем?» — «Звонили из Комитета партийного контроля, от Арвида Яновича Пельше, и просили переписать номера машин». Через две три минуты «Волги» с седоками наперегонки покидали территорию Лужников. Агаева и в самом деле меня озолотила: дала четыре билета на матч. Она мне потом рассказала, что приезжал и Лев Иванович, встал в очередь за красно книжниками и, если бы она его не заметила, так бы и стоял. Приезжал за билетами, конечно же, получил, затем подарил всем работникам отдела памятные значки: футбольный мяч с автографом.

Минут за тридцать до начала игры в подтрибунном помещении БСА появилась Валентина Тимофеевна (жена Яшина. — Ф. Р.) с дочками. Но ни билетов, ни пропусков у нее не было, а Лев Иванович все, что было, раздал.

С трудом, по согласованию с начальством (она об этом не знала), ее с девочками усадили в переполненную ложу «Б». Началась игра...»

Большинство зрителей, собравшихся в тот день на стадионе, прекрасно понимало, что статус игры — товарищеская — не позволит в полную силу раскрыться его участникам. Так оно и случилось. Тот же Виктор заметит, что в первом тайме некоторые футболисты его команды играли в «полноги», не очень рвались к воротам Яшина, видимо, не желая огорчать его в столь знаменательный день. Лишь два три раза в первом тайме игроки сборной мира опасно атаковали ворота «черного паука» (такое прозвище носил выдающийся вратарь в мире), и каждый раз он эффектно отражал удары. Зато вратарь сборной мира Мазуркевич дважды вынужден был вынимать мяч из сетки своих ворот. Первый тайм так и закончился — 2:0 в пользу сборной «Динамо». После чего Яшин решил уступить место в воротах своему сменщику Пильгую. Выглядело это трогательно: Лев Иванович снял с руки капитанскую повязку, обнялся со своими партнерами и со слезами на глазах покинул поле. Далее вновь слушаем рассказ Б. Левина:

«Сценарий того матча — дикость. Именно по сценарию Яшина меняет Пильгуй. Зачем? Люди пришли к Яшину, миллионы у телевизоров — ради Яшина. Зачем? Ну как же: эстафета поколений, преемственность поколений. Яшин обнимает Пильгую, подняв правую руку и опустив голову, устремляется в раздевалку. Для меня матч Яшина без Яшина интереса не представляет. Пропуск с грифом «проход всюду» позволяет миновать тройной кордон контролеров и дружинников. Яшин сидит в кресле, голова опущена на грудь, а с подоконников кресел почти до пола свисают мертвые, как плети, руки, руки творца игры. Какие чувства одолевали Льва Ивановича в те минуты, знал только он: великий вратарь простился с футболом, делом своей жизни.

В раздевалке какие-то подвыпившие люди что-то говорят Яшину. Но он не видит и не слышит: Яшин один на один со своими мыслями...»

Об этом же рассказ Николая Озерова, который комментировал матч по телевидению: «Отдел спорта Центрального телевидения и Всесоюзного радио впервые решил показать заку-

лисную сторону жизни футболистов. Матч был товарищеский, праздничный. Все были доброжелательно настроены, готовы выполнить любую просьбу, любое пожелание. И вот, получив разрешение, мы расставили наши камеры в раздевалках гостей — у футболистов сборной мира и в раздевалке «Динамо». Закончился первый тайм. Мы не ушли из эфира, как обычно, включили камеры в комнатах, где отдыхали футболисты. Сначала — интервью с игроками сборной мира. Потом — с динамовцами. Телезрители увидели выступления Бобби Чарльтона, Джаича, Жекова, Бескова, Старостина, Яшина, Понедельника. Заканчиваю репортаж, передаю микрофон ассистенту режиссера в полной уверенности, что эстафету передачи подхватят мои товарищи и репортаж пойдет из другой комментаторской кабины. Нужно сказать, что связь с «внешним миром», с режиссерским пультом, у нас осуществляется через оператора. У него наушники, и он получает соответствующую команду, так что его слово окончательно и «обсуждению» не подлежит. Вдруг оператор снимает наушники и кричит:

— Еще две минуты! Еще две минуты!

Чувствую, что-то неладно. Надо спасать положение. Беру микрофон, ищу собеседника, думаю, с кем бы мне еще поговорить. И вдруг вижу — уважаемый футболист, знаменитый, лучше не придумаешь. Я обращаюсь к нему:

— Можно вас на минуточку?

Он поворачивается, и — о ужас! — вижу, что собеседник, мягко говоря, не в «спортивной форме». Чувствую, что мне приходит конец и я последние минуты работаю на телевидении. Отступаю с микрофоном назад и думаю, как бы мне улизнуть от интервьюируемого. Он же говорит:

— Что сказать? Что сказать? — и тащит микрофон обратно. Хорошо, что все закончилось благополучно и телезрители увидели и поняли, что не всегда на телевидении все заранее подготовлено. Бывает вот такая «творческая» работа...»

Между тем после ухода из ворот Льва Яшина игроки сборной мира перестали «бояться» и бросились на штурм динамовских ворот. В итоге два безответных мяча влетели в сетку Пильгуя. Сделать большее гостям не позволил этикет — праздник все-таки. Матч так и закончился вничью. А затем состоялись проводы

Яшина: гения вратарского искусства игроки обеих команд подняли на руки и под несмолкающий гром аплодисментов понесли по стадиону.

Как уже упоминалось ранее, заполненный до отказа стадион (а это 102 тысячи зрителей) был представлен самой разнообразной публикой. В тот день на матч пришли как простые советские граждане, так и тогдашняя элита: партийные чиновники, спортивные функционеры, депутаты, директора магазинов, баз, складов и т. д. Присутствовали среди зрителей и представители столичной братвы, в частности несколько участников знаменитой банды Монгола (Геннадия Карькова), о которой я уже рассказывал. Бандиты, конечно, тоже хотели принять участие в эпохальном мероприятии, посмотреть уникальную игру, но главное — на стадионе можно было и о делах «покалякать», не опасаясь, что кто-то посторонний тебя подслушает (все соседи пристально наблюдают за ходом матча). А дела у «монголов» наклеивались серьезные. На днях они вышли на след очередной жертвы — буфетчицы шашлычной Ломакиной, у которой в «загашнике» были припрятаны не только несколько тысяч рублей, но и драгоценности. Однако, будучи бабой ушлой и хитрой, она никак не шла в расставленные бандитами сети, как будто чуя, что за ней охотятся. Вот и предстояло «браткам» договориться, как «захомутать» неуловимую буфетчицу и «вытрясти» из нее богатства.

Прошло всего лишь три дня после прощального матча Льва Яшина, как на том же стадионе в Лужниках состоялась еще одна знаменательная игра — советская сборная встречалась в отборочном цикле чемпионата Европы с командой Испании. На стадионе вновь был аншлаг. И зрители, пришедшие на стадион, не пожалели о потерянном времени: игра получилась на редкость интересной и завершилась победой нашей сборной со счетом 2:1. Теперь после двух отборочных матчей советские футболисты набрали 4 очка, столько же, сколько было у испанцев и североирландцев.

28 мая в Харькове возле дамбы на реке Лопань обнаружили части расчлененного тела, принадлежавшего ребенку — девочке 10—12 лет. Как установила экспертиза, это было тело Оли Колобовской, бесследно пропавшей два дня

назад. Сыщикам понадобилось всего лишь несколько часов, чтобы установить и задержать преступника, совершившего это чудовищное преступление.

Убийцей оказался сосед девочки по дому Юрий Смирнов. Это он в тот роковой день, 26 мая, заманил девочку в подвал дома, где ударил ее молотком по голове. Затем он незаметно (благо его квартира располагалась на первом этаже) пронес тело к себе домой, где изнасиловал, а затем убил жертву. Тело расчленил на полу, упаковал его в два мешка и ночью вынес к реке. Суд воздаст ему по заслугам — детоубийцу приговорят к расстрелу.

В те дни режиссер Эльдар Рязанов, снимающий комедию «Старики-разбойники», вынужден был на время прервать работу: он лег в столичный Институт красоты, чтобы пройти курс похудания.

Его коллега с «Ленфильма» — режиссер Герберт Раппопорт — совместно с коллегами из ГДР снимает фильм «Черные сухари», повествующий о том, как в 1918 году из России в Германию отправляется эшелон с хлебом в помощь немецкому пролетариату. В главной роли — девушки Тани, полюбившей военнопленного Курта, — была занята Наталья Варлей. В те дни ее загрузили работой, что называется, с головой. В Театральном училище имени Щукина, которое она оканчивала, наступила горячая пора сдачи зачетов и экзаменов. Кроме этого, Варлей играла в театре. Иногда бывало так, что весь день она проводила на ногах: утром мчалась в училище, оттуда — на спектакль, а ночью — в аэропорт, чтобы последним рейсом улететь на съемки в Ленинград. А в Москве тем

временем на широкий экран вышел новый фильм с ее участием: комедия Виталия Мельникова «Семь невест ефрейтора Збруева» (с 18 мая).

Из других кинопремьер конца мая назову следующие: фильм про тяжелые будни конькобежцев «Цена быстрых секунд» режиссера Владимира Чеботарева с Александром Белявским и Еленой Рябинкиной в главных ролях (с 26-го); мелодрамы «Хамраз» (Индия) и «Дикое сердце» (Мексика) (с 26-го); армянский боевик про пограничников «Выстрел на границе» режиссера Д. Кесаяна (с 31-го).

Кино на ТВ: «Сверстницы» (17-го), «Повесть о чекисте» (19-го), «Семеро смелых» (20-го), «Красные альпинисты» (ГДР, премьера 18—19-го), «Свой» (23-го), «Сорок первый» (24-го), «У озера» (впервые по ТВ, 25—26-го) и др.

В театрах столицы в те дни состоялись три премьеры: 17-го — в ЦТСА была показана комедия «Амнистия» по пьесе Н. Матуковского с участием Н. Подгорной, В. Поповой и др.; 19-го в Театре имени Гоголя — «Шутник» Е. Габриловича и С. Розена с участием Бориса Бабочкина, Леонида Кулагина и др.; 25-го в Большом театре — опера «Тоска» Д. Пуччини, где главную партию исполняла Галина Вишневская, Каварадосси — В. Атлантов, Скорпиа — М. Киселев.

В конце мая в Москве с гастрольями выступал популярный ВИА из Ленинграда «Поющие гитары» под управлением Анатолия Васильева: 18, 24—25 мая ансамбль играл в Центральном Доме культуры железнодорожников, 28—30-го — в «Октябре», 31-го — в Зеленом театре ВДНХ. На всех концертах были аншлаги.

1971 Июнь

Облава на столичных хиппарей. Андрей Макаревич теряет девственность. В гостях у Александра Галича. Триумф Арно Бабаджаняна. Как Лев Лещенко спел песню «Не плачь, девчонка». «Союз-11»: внезапная замена перед стартом. Лимонов — Щапова: начало романа. Все на выборы! Первое ЧП на «Союзе-11»: пожар на борту. Рок-группа «Скальды» ставит на уши Ленинград. Рождение ВИА «Самоцветы». Как Мария Пахоменко завоевала «Золотой Орфей» и не отдала его Фурцевой. Банда Монгола продолжает «бомбить» Москву. МУР выходит на след бандитов. Почему Анатолий Тарасов разбил тройку Михайлов — Петров — Харламов. За что маршал Жуков обиделся на писателя Александра Чаковского. «Солярис»: ухо мальчика. ЧП на съемках фильма «Семнадцать мгновений весны»: умер один из актеров. Гнойное воспаление у сына Марины Влади. Конфликты в космосе. Звезды-выпускники. Помолвка Андрея Миронова и Екатерины Градовой. Гибель космонавтов. Высоцкий во Владивостоке. Как Валерия Золотухина утвердили на роль Бумбараша.

Во вторник, 1 июня, космонавт Георгий Добровольский отпраздновал свой 43-й день рождения. Близкие и друзья космонавта, которые в тот день от всей души его поздравляли, даже не могли себе представить, что пройдет всего лишь чуть больше месяца и им придется присутствовать уже на похоронах недавнего именинника. Воистину: «Нам не дано предугадать...»

В этот же день в Москве силами милиции была проведена самая широкомасштабная облава на столичных хиппи. Рассказывает А. Макаревич:

«Система мирно дожила до семьдесят первого года, и покончили с ней практически разом. Как-то на психодром (садик перед университетом) (на Моховой. — Ф. Р.) пришел молодой человек в штатском, честно представился сотрудником органов внутренней секреции и поведал, что есть идея — провести всем московским хиппи настоящую демонстрацию в защиту мира. Доверчивые хиппи с восторгом согласились, и акцию назначили на 1 июня — День защиты детей.

Когда пестрая волосатая толпа с плакатами «Нет войне во Вьетнаме», «Мир во всем мире»

и прочее заполнила скверик, со стороны улицы Герцена неожиданно появились автобусы, куда оперативно и без шума переместили всех демонстрантов. Далее их развезли по районным отделениям милиции, где кого-то постригли, кому-то дали в морду, кого-то посадили на несколько суток, кому-то вручили повестку с указанием прийти через три дня, так как посадочных мест на всех не хватило. В общем, недели через две все уже закончилось и вспомнилось как не очень страшный сон. Однако в личных делах задержанных появился маленький неприметный крестик. Этот крестик оказался бомбой замедленного действия. И почти через год, перед приездом в Москву, кажется, Никсона, бомба сработала. Кто-то вдруг вылетел из института, да прямо под внеочередной набор в армию, кто-то лишился брони на работе (броня эта ценилась очень высоко — в армию хиппи идти не хотели по убеждению). Так что в самолете, который нес новобранцев к месту исполнения священного долга — на советско-китайскую границу, — многие участники антивоенного митинга встретились вновь. Такая вот история.

Остается лишь добавить, что «Машина времени» весной 1971 года была погружена в ежедневные репетиции и мы просто не знали о намечающейся на первое июня сходке. Поздно вечером, идя с репетиции, мы встретили уцелевшую стайку испуганных хиппарей, которые поведали нам о случившемся обломе. А скажи нам кто заранее — мы наверняка явились бы в назначенное место, и дальнейшие наши судьбы могли сложиться довольно причудливо...»

И еще несколько слов о «Машине времени», а точнее, о ее лидере Андрее Макаревиче. Незадолго до разгрома хиппи он потерял... девственность. Причем произошло это чуть ли не насильственно. Вот как сам артист вспоминает об этом:

«На первом курсе института бас-гитарист группы «Вечные двигатели» Дима Папков, узнав, что я до сих пор не познал женской ласки, взял меня за руку, вывел на Калининский проспект, тут же снял девушку в плюшевой юбке и объяснил ей задачу. Вечером этого же дня девушка в плюшевой юбке все со мной и проделала, оставив меня в странном сочетании ужаса и восхищения...»

Тем временем в Москву из Якутска приехал уже известный нам по предыдущему повествованию В. Ямпольский. В последний раз он был в столице ровно год назад, гонимый слухами о самоубийстве Александра Галича. Как мы помним, те слухи оказались ложными. На этот раз Ямпольский тоже собирался навестить знаменитого барда в его квартире на улице Черняховского, чтобы передать ему массу приветов от якутских геологов и сувениры.

На календаре был четверг, 3 июня, когда вооруженный цветами и бутылкой «Отборного» армянского коньяка Ямпольский перешагнул порог квартиры Галича. Несмотря на внезапность визита, бард искренне обрадовался приходу гостю, но, увидев коньяк, посетовал:

— Вот это вы напрасно. Помните, у меня есть такая песня «Баллада о сознательности»? Там сказано: «...больше диабета в стране советской нет». Так вот, у меня объявился диабет.

Но, заметив, как расстроился от этих слов его гость, Галич тут же исправился:

— Сделаем так. Вы сейчас пойдете к Ангелине Николаевне (супруга Галича. — Ф. Р.). С коньяком и цветами вместе. Она немного при-

хворнула. Поручаю вам ее здоровье и настроение. А ко мне должен сейчас прийти один человек. Я с ним часок побеседую и приду к вам, ладно?

Гостю не оставалось ничего иного, как согласиться. Галич провел его в соседнюю комнату, где находилась хозяйка. Далее слушаем рассказ самого В. Ямпольского:

«Я не в первый раз разговаривал с Ангелиной Николаевной. Она мне всегда казалась очень интересной женщиной, с ярким живым умом, со своим мышлением и видением. В тот день она говорила со мной о незащищенности Галича, его ранимости. В самом деле, я до сих пор не могу понять, как Галич, человек ласковый, милый, деликатнейший, мог так долго противостоять сильному, массируемому давлению со стороны сил весьма могущественных.

Мы проговорили с Ангелиной Николаевной часа два с половиной, когда появился Александр Аркадьевич. Он был в прекрасном настроении.

— Ну, что же, принимайте в компанию, — и жестом фокусника извлек откуда-то бутылку спирта. — Вот это мне немножко можно, — засмеялся он.

Мы продолжали беседовать уже втроем.

Неожиданно Ангелина Николаевна сказала:

— Саша, ты говорил, что Володя знает твои песни, дай-ка ему гитару...

Я опешил... Петь Галичу Галича?!

А Александр Аркадьевич уже протягивал мне гитару с доброжелательной улыбкой.

Будь, что будет! — решил я и в ужасе взял гитару. Гитара, следует отметить, у Галича была роскошная. Александр Аркадьевич сел рядом со мной, Ангелина Николаевна напротив. Я выбрал ее в качестве аудитории и глаза в глаза спел «Ошибку». Получилось сносно, я боялся, что будет хуже.

Александр Аркадьевич сказал задумчиво:

— Да, вы это делаете так же, как и у меня...

— А другого прочтения, по-моему, и быть не может.

Ангелина Николаевна сказала:

— А помнишь, Юра Визбор приходил, взял гитару и начал петь твои песни как туристские?

Они рассмеялись.

— Ну что ж, — сказал Александр Аркадьевич, — если в Якутии так поют мои песни — можно и умирать.

Потом гитару взял хозяин, и все встало на свои места. Галич пел, а мы слушали.

Я ушел домой около двух часов ночи.

На память об этом волшебном вечере у меня осталась фотография Галича с трогательной надписью и датой: 3 июня 1971 года...»

В этот же день Дмитрий Шостакович со своей супругой Ириной Антоновной приехал в Курган, чтобы в очередной раз пройти курс лечения у доктора Илизарова. Прибытие в Курган доставило Шостаковичу большую радость. После 35—40-градусной московской жары попасть в курганскую прохладу, да еще с температурой ночью 3—5 градусов, для него было весьма приятно и полезно.

И еще об одном событии, произошедшем в тот день. В газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о размерах пенсий по старости. Согласно Указу, минимальная пенсия равнялась теперь 45 рублям, максимальная — 120.

5 июня появилось официальное сообщение о том, что композитору Арно Бабаджаняну присвоено звание народного артиста СССР (22 января композитору исполнилось 50 лет). Сегодня это имя уже успели несколько подзабыть, хотя его песни до сих пор звучат с экранов наших телевизоров и на радио. А в те годы, о которых идет речь, даже грудные дети, лежа в люльках, напевали мелодии его песен: «Королева красоты», «Чертово колесо», «Свадьба», «Голубая тайга», «Солнцем опаленный», «Песня о капели», «Море зовет», «Благодарю тебя», «Песня о любви» и др. Именно поэтому Арно Бабаджанян входил в пятерку композиторов Советского Союза, получающих за свое творчество баснословные по тем временам деньги. Известный деятель советского искусства Павел Леонидов так отзывался о Бабаджаняне:

«Арно Бабаджанян намертво связан с музыкальной мафией, стерегущей кормушку-корыто гонораров за песни, а это — самое калорийное корыто в стране, кроме, может, корыта самолетостроителей и ракетчиков, но у этих — секретность, а у песенников — слава.

Арно, как любят определять разделение в музыке партийные чиновники, музыкант серьезный. То есть способен написать нечто умное.

Горные тропинки мыслительного аппарата жены Бабаджаняна, Терезы, направили Арно к песне, то есть к богатству. План Терезы прост. Она знает русскую поговорку: «Что корове можно, то ослове — тпру». Знает она также, что психология советских вождей развивается по двум линиям: немного от Библии, немного от русского народа. Отсюда супруги и вывели, что Арно может писать в ритмах, не дозволенных другим композиторам-песенникам. Арно написал в СССР первый шейк и сгрел кучу денег. Первым написал твист, да еще и о Москве. На слова Лени Дербенева («Лучший город Земли» в 1964 году. — Ф. Р.). А потом написал действительно прекрасную песню «Не спеши» с действительно великолепным поэтом Женей Ентушенко... Потом с Женей же написали они песню с пружиной, с разгоном, с заводом, а именно — настоящую цыганскую, и юный Муслим Магомаев раскрутил эту песню на всю страну за один выход в эфир. Там среди кучи нот и слов был потрясающий образ в тексте. Редкий для песни, ибо зрительный: осенью в парке лежат перевернутые лодки, как пилотки задремавших солдат. Образ-выстрел. (Речь идет о песне «Чертово колесо». — Ф. Р.)

В 1971 году я надумал написать либретто для оперетты. Взял за основу три сказки из «Тысячи одной ночи» и пригласил в соавторы Игоря Шаферана и Леню Дербенева. Потом мы с Дербеневым отправились к Арно. Тереза, гостеприимная, как мало кто из жен богатых людей в СССР, накрыла стол. И мы принялись под «диэту Арно» уговаривать его писать музыку к ненаписанному либретто. Заявку мы с Леной набросали тут же на бумажной салфетке. Чушь какую-то. Арно — человек слова. Почти всегда. Мы из него согласие буквально вырвали, и наше счастье, что Тереза заняла нейтральную позицию, скептически поглядывая на наши рукопожатия и похлопывания друг друга по спине, как закрепление сделки. Тереза со своим скептицизмом оказалась права, хотя оперетта не состоялась не из-за Лени Арно, а в связи с моей эмиграцией (Леонидов эмигрировал в 1973 году, о чем еще будет речь впереди. — Ф. Р.). После того как сговорились мы с Арно, Министерство культуры выдало нам авансы: Арно — тыщ пять, нам — по семьсот пятьдесят рэ...»

В тот момент, когда появилось сообщение о присуждении Бабаджаняну высокого звания, он находился за пределами Советского Союза — в польском городе Зеленая Гура, где проходил очередной фестиваль советской песни (там же был и постоянный исполнитель его песен — Муслим Магомаев). На фестиваль они привезли три песни: «Благодарю тебя», «Свадьба» (обе на стихи Роберта Рождественского) и «Гордость» (на слова Николая Добронравова). Когда в переполненном до отказа зале диктор объявил о том, что Бабаджаняну присвоено звание народного артиста СССР, весь зал взорвался бурными аплодисментами — творчество композитора в Польше тоже хорошо знали и любили.

Раз уж речь зашла о популярных композиторах, нелишним будет назвать еще одно имя — Владимир Шаинский. Он стал широко известен прежде всего как детский композитор после выхода на широкий экран мультфильма «Крокодил Гена», где звучал его шлягер — «Песенка Крокодила Гены». Затем было еще несколько замечательных мультяшек с его песнями, имевшими устойчивый успех у публики. Но Шаинскому хотелось большего — признания взрослой публики. И тогда он написал песню «Береза белая», которую прекрасно спел Лев Лещенко. Однако еще больший успех имело другое их совместное творение — песня «Не плачь, девчонка», которая летом 71-го звучала буквально из всех ретрансляторов. Рассказывает Л. Лещенко:

«Спустя какое-то время после обвального успеха «Белой березы» Шаинский появляется вновь:

— Слушай, Лева, у меня для тебя есть еще один шлягер! Называется «Не плачь, девчонка». Правда, скажу тебе честно, эту песню уже прикарманила радиопередача «Доброе утро», у которой есть свой кандидат для премьерного исполнения — Эдуард Хиль. Но мы с тобой эту песню запишем тем не менее тайком от всех и проведем ее как запись для радифонда.

Я говорю:

— О'кей!

Записываем мы «Девчонку». И в этой же студии я знакомлюсь с замечательным песенным поэтом Володей Харитоновым, который впоследствии написал слова песни «День Победы». Володя горячо жмет мне руку:

— Лева, вы великолепно спели эту песню про девчонку! Чувствуется истинно солдатский, залихватский, русский дух. Как будто бы действительно идет в строю веселый молодой солдат! Я сам служил, прошел войну, с армейской выучкой знаком не понаслышке. Так что — спасибо вам.

Стоит ли говорить, как я был тронут этим неожиданным признанием бывшего фронтовика...

И надо же было такому случиться, что премьера этой песни прошла в радиозфире в моем исполнении! Естественно, редакция «Доброго утра» на нас ужасно надулась, ибо у этой передачи (кстати, едва ли не единственной на радио) была как бы прерогатива на премьеры всех новых песен. Но тем не менее, когда «Девчонка» прозвучала и у них в исполнении Хилья, наши с ним отношения не изменились. Хотя так и осталось непонятным до сих пор, кого же из нас считать первым — его или меня. С Эдиком мы эту проблему решили по-своему. Иногда я на своих концертах в шутку говорил: «А теперь послушайте песню из репертуара Эдуарда Хилья». Он же, соответственно, извещал на своих выступлениях, что, мол, сейчас прозвучит песня из репертуара всем известного Льва Лещенко...»

Но вернемся в июнь 71-го.

6 июня, в 7.55 утра, в Советском Союзе состоялся очередной старт космического корабля — «Союз-11» — с тремя космонавтами на борту: Георгием Добровольским, Владиславом Волковым и Виктором Пацаевым. Причем первоначально в космос должен был отправиться совсем другой экипаж: Алексей Леонов, Валерий Кубасов и Петр Колодин. Однако за три дня до старта произошло непредвиденное — у Кубасова во время предполетного обследования врачи нашли затемнение в легких, и его к полету не допустили. Тут же возник вопрос: что делать? Поначалу Госкомиссия решила заменить Кубасова дублером Владиславом Волковым. Но Леонов принял это решение в штыки, упирая на то, что Волков к полету не готов. Тот в ответ стал жаловаться на него главному конструктору В. Мишину. В итоге за 10 часов до старта было принято новое решение: сменить весь экипаж. Далее послушаем рассказ М. Реброва — авиационного инженера и журналиста:

«Есть одно правило, справедливость которого одни отстаивают, другие отвергают. Если занемог один в экипаже, заменяют всю команду. Болезнь Валерия перечеркивала надежду остальных. Я помню застывшую тишину в зале Госкомиссии, когда объявили это решение. Потом — взрыв протеста. Леонов и Колодин отстаивали свое право на полет, доказывали, что они лучше знают станцию и провели больше тренировок, что включение в экипаж Владислава Волкова (бортинженера от дублеров) не повлечет никаких осложнений. Госкомиссия была непреклонной: начинать работу на первой орбитальной станции поручили дублерам.

Между экипажами пробежал холодок. Обида рождала неприязнь, отчуждение, зависть... Уж больно неожиданно все случилось. Больше других переживал и негодовал Петя Колодин. Хмельной, не в меру раздраженный, он понуно произнес: «Теперь я уж никогда не полечу». Другие держались чуть сдержаннее. Для Леонова и Кубасова это был второй полет, оба были кавалерами Золотых Звезд Героев, а Петру лишь светили эти почести.

Дублеры же не скрывали своей радости подарком судьбы. Поворот фортуны, неожиданная перспектива рождали эмоциональные всплески, игривость настроения. Глядя на тех и на других, вспоминал гагаринское «каждый полет — особый», а сопоставляя реакцию «обиженных» и «осчастливленных», задавал себе вопрос: что это — унижение паче гордости? Или та самая неудержимость? Только к чему?..»

В тот же воскресный день 6 июня на квартире поэта Сапгира на улице Чехова в Москве собралась теплая молодежная компания. Молодые люди пили дорогое вино и вели светские разговоры. Среди приглашенных находился известный ныне радикал Эдуард Лимонов. Правда, в ту пору он был еще трогательным провинциалом с буйными кудрями, в расшитой украинской рубаше (он приехал в столицу из Харькова) и круглых очках-«велосипедах». Несмотря на то, что Лимонов тогда уже вовсю баловался стихами, в столичных «андерграундских» кругах он был известен прежде всего как хороший портной, поскольку шил стильные штаны самого «революционного» покроя. Волею судьбы в той же компании впервые оказа-

лась и юная столичная красавица Елена Шапова. Будучи дочерью военного (отец девушки, Сергей Козлов, после войны был комендантом Вены), Елена с детских лет водила дружбу с детьми высокопоставленных советских деятелей (одно время за ней ухаживал сын маршала Тимошенко). В 17 лет Елена вышла замуж за известного художника-повесу Виктора Шапова, который в своей юной жене (он был старше ее на четверть века) буквально души не чаял. На один из дней рождений Лены он сделал жене роскошный подарок: уложил ее в ванну, выставленную посреди комнаты и наполненную французским шампанским, а оторопевших гостей заставил черпать напитков бокалами и пить за здоровье именинницы. Еще он купил ей белый «Мерседес», что по тем временам считалось верхом «крутизны»: в те годы такие машины имело всего лишь несколько человек в Москве.

Между тем, оказывая жене такие знаки внимания, Шапов, видимо, сильно ее избаловал. Встретив на «сейшене» у Сапгира Лимонова, Елена буквально с первых же минут им заинтересовалась. По словам самой Елены: «Я вначале влюбилась в стихи Лимонова, а потом уже в самого их творца. Шапов, не подозревая, что сам роет себе могилу, проявлял отеческую заботу: «Позовите Лимонова. Пусть борща поест, а то он вечно голодный». Появившись в нашем доме в первый раз, Лимонов от смущения нечаянно перевернул стол и разбил старинные чашки. Зная, что я не люблю молоденьких юношей, он прибавил себе для солидности лет восемь. У нас очень скоро образовался любовный треугольник...»

О том, как развивался этот роман дальше, я расскажу чуть позже, а пока вернемся к другим событиям июня 71-го.

На следующий день после старта «Союза-11» в Звездный городок приехала творческая группа из киностудии «Союзмультфильм» в составе трех человек: главного редактора студии детского писателя Анатолия Митяева и двух режиссеров — Владимира Котеночкина и Владимира Тарасова. Они привезли космонавтам на пробу новую — четвертую — серию суперпопулярного мультфильма «Ну, погоди!». Премьера прошла «на ура», в чем, собственно, мало кто сомневался, поскольку герои этого мультика были желанными гостями в любой аудитории.

После просмотра космонавт Алексей Леонов пригласил аниматоров к себе домой. Как мы помним, Леонов в эти дни должен был лететь в космос, но в силу непредвиденных обстоятельств остался на Земле.

В этот же день на стадионе в Лужниках сборная СССР по футболу играла свой очередной матч отборочного цикла чемпионата Европы со сборной Кипра и «раскатала» соперника, что называется, «под орех» — выиграла со счетом 6:1. По два мяча в нашей команде забили Федотов и Еврюжихин, по одному — Колотов и Банишевский.

10 июня в Москве были закончены работы по сооружению «России», одного из крупнейших концертных залов страны. На следующий день зал прошел первую «обкатку» — на его сцене состоялся концерт популярных артистов, устроенный специально для строителей этого прекрасного здания.

На следующий день Леонид Брежнев встретился со своими избирателями в Кремлевском Дворце съездов. Все было как обычно: длинная и напыщенная речь генсека, где чуть ли не в каждом предложении звучали новые обещания «догнать и перегнать», продолжительные аплодисменты, переходящие в овации. Два дня спустя — в воскресенье — прошли выборы депутатов Верховного Совета РСФСР и местных Советов. Как писали газеты, «выборы прошли в обстановке радостного подъема и сплоченности, к избирательным урнам пришли 99,9 процента избирателей».

Тем временем примерно на восьмые сутки полета космонавтов у них произошло первое ЧП — на станции появился дым. Он шел из-за панелей, которые отделяли жилую зону от приборной. Космонавты не могли заглянуть в приборную зону, поэтому сообщили на Землю только номер панели, откуда дым распространялся наиболее интенсивно. По их взволнованным голосам «земляне» поняли, что экипаж сильно напуган случившимся. В Центре управления полетом тоже серьезно обеспокоились: ведь космонавты могли найти спасение только в корабле «Союз-11», однако до него надо было еще добраться.

На Земле лихорадочно стали искать выход из создавшегося положения. Вот как вспоминает об этом участник тех событий А. Елисеев:

«Тревога с борта мгновенно мобилизует всех, кто работает в смене. Сразу после окончания сеанса руководители групп собираются в зале управления, чтобы договориться о том, как действовать на следующем витке. Народ опытный, знает, что времени на длинные дискуссии нет. Все говорят очень коротко, по делу...»

Меня просят срочно к телефону. Звонит министр. Спрашивает, что случилось. Переговоры с экипажем транслировались в Москву, и ему уже доложили. Я стараюсь быть спокойным и объясняю, что скорее всего загорелся один из научных приборов, всю научную аппаратуру пришлось выключить, но надеемся, что сейчас никакой опасности на борту нет. На всякий случай готовим резервные варианты, вплоть до срочного спуска... Пауза... Наверное, министр пытается справиться с эмоциями. Потом сдержанным голосом: «Понял. Позвони мне, пожалуйста, после сеанса». Не успел положить трубку, снова звонок. На этот раз — главный конструктор. Повторил ему то же, что сказал министру. Потом звонили из ЦК, из института, который готовит информацию для ЦК. Чувствую, что начинают сдавать нервы. Мне надо готовиться к сеансу, а я не могу бросить трубку... Нет... Все... Больше нельзя, иначе можно сорвать сеанс... Что нас в нем ждет?.. Волнений больше, чем перед парашютным прыжком. Надо собраться с мыслями и успокоиться...»

Во время очередного сеанса связи с космонавтами те сообщили, что поступление продуктов горения уже прекратилось, хотя в самой станции еще дымно. Космонавтам посоветовали включить фильтр очистки атмосферы, принять лекарство и лечь отдохнуть.

Случись сегодня такое ЧП на орбите, о нем уже на следующие сутки раструбили бы все средства массовой информации. В те годы об этом и речи быть не могло — о происшествии знал только узкий круг специалистов. Остальные граждане страны пребывали в полной уверенности, что никаких аварий у наших космонавтов быть просто не может. С американцами — сколько угодно, а с нашими — нет. К этому народ приучили газеты. Поэтому в те мгновения, когда в ЦУПе напряженно размышляли над способом исправления ЧП, страна жила в обычном ритме трудового дня. В ча-

стности, популярная рок-группа из Польши «Скальды», проведя гастролы в Москве, отправилась в Ленинград, где ее ожидал не менее теплый прием. Там «Скальды» дали несколько концертов, на которые со всего города и окрестностей «слеталась» продвинутая молодежь. Свидетель тех событий — Владимир Рекшан — рассказывает:

«По сложной системе конспиративных звонков узнаю — ночью, на улице Восстания произойдет встреча лучших клубных музыкантов с польской рок-группой «Скальды», приехавшей в СССР на гастролы. Иметь при себе три рубля на организационные расходы. Играют с нашей стороны «Фламинго» и «Санкт-Петербург». Под утро — «джем», то есть совместное и импровизационное выступление музыкантов из разных составов. Лишнего не болтать. Аппарат выкапывает «Фламинго».

Не болтая лишнего, собираемся и едем в метро, встречаем в дороге Никиту Лызлова, бывшего участника одной из университетских групп. Никита учился на химическом и там устраивал «Петербургу» концерт.

Не болтая лишнего, зовем Никиту с собой.

— Ночью? Концерт со «Скальдами»? Бред! — У Никиты крупное, вытянутое лицо и широкий лоб марксиста, грустная усмешка и прочный запас юмора. — Но ведь разыгрываете!

Закключаем пари и едем, на улице Восстания находим гимназию — тяжелое, мертвое, без света в окнах здание. В дверях быстрая тень — открывают. Поднимаемся по гулкой, пустой лестнице и оказываемся вдруг в большом ярком зале с узенькими занавешенными окнами. Народу мало — все знакомые...

Знакомят со «Скальдами». Братаны Зелинские, Анджей и Яцек, с сотоварищами — очень взрослые и соответственно пьяные славяне. Арсентьев тут же, и Васин (знаменитый битломан, написавший письмо Леннону в октябре 1970 года. — Ф. Р.), и всякая музобщественность...

Играет «Фламинго», играет «Санкт-Петербург». Разошлись-таки в непривычной обстановке и комфорте, и я свое откувыркался по сцене и падал несколько раз на колени, про себя понимая, что пора менять имидж «Петербурга», имидж ярых парубков на что-то другое,

на имидж людей, не стремящихся к успеху, а достигших его.

Братья Зелинские, надломленные гастрольным бражничеством и буйством ночного сейшена, на вопрос Росконцерта — с каким из советских вокально-инструментальных ансамблей «Скальды» согласились бы концерттировать? — ответили:

— Если пан может, то пусть даст нам «Санкт-Петербург», — ответили и, говорят, заплакали.

Пан из Росконцерта не знал про «Санкт-Петербург», а если и знал, то знал так, как знала Екатерина II про Пугачева — страшно, но очень далеко, а между мной и им не один полк рекрутов и не один Михельсон — преданный генерал...

Еще один концерт — в школе нового, индустриально-блочного типа. И тоже ночной. В зале битком. Несколько киношных софитов стоят возле сцены, а на сцене мрачноватые поляки из группы обеспечения «Скальдов» раскручивают провода. Сдаю трешницы кайфовальщиков Арсентьеву в фонд клуба. Разглядываю мрачноватых поляков и ту аппаратуру, что они подключают. Аппаратура что надо — «Динакорд» и клавиши «Хаммонд-орган». Появляются братья Зелинские со товарищи. Такие веселые. И полтыщи кайфовальщиков в зале становятся все веселее...

«Скальды» выходят на сцену играть на «Динакорде», а зал орет им, а старший Зелинский пилит на «Хаммонд-органи», а младший — на трубе или скрипке. И сотоварищи пилит на баче и барабанах. А когда «Скальды» на прощание играют «Бледнее бледного» из «Прокл Харум», в зале начинается чума. Или холера. Какая-то эпидемия с летальным исходом в перспективе...

А потом Зелинский на четвереньках выбирается на сцену и «джемует» по клавишам, а перед ним пляшут ленинградские мулаты Лоллик и Толик до тех пор, пока Зелинский не падает в оркестровую яму. Веселая жизнь! Кайф!..»

И еще о музыке. В те дни, когда «Скальды» «ставили на уши» славный город Ленинград, в Москве молодой и пока еще безвестный музыкант Юрий Маликов пытался создать собственный вокально-инструментальный ансамбль. Съездив в Японию и растратив все день-

ги на покупку фирменной аппаратуры, он объявил конкурс музыкантов, желающих играть в новом коллективе. Среди его участников должна была быть и одна девушка, которой в итоге стала студентка Музыкального училища имени Гнесиных Ирина Шачнева. На прослушивании она сначала продемонстрировала, что может читать «с листа» ноты, словно буквы, а потом спела, как водится, несколько песен на английском (до этого Ирина уже имела опыт выступления в ВИА «Витязи»). Маликов спросил: «А вы на другом языке можете?» — «Конечно!» — ответила Шачнева и исполнила песню на французском. Маликов поморщился: «Да нет же, на русском!» Оказывается, в создаваемом им коллективе весь репертуар должен был строиться на советских песнях. И хотя в среде «продвинутой молодежи» в те годы это считалось делом, мягко говоря, не модным, Шачневу все вполне устроило. Ирину взяли в новый коллектив, а вместе с ней — шестерых музыкантов-мужчин. В июне новый ВИА, название которому подберут чуть позже, сдал свою первую программу.

И еще об эстраде. 12 июня из Болгарии пришло радостное сообщение о том, что на фестивале «Золотой Орфей» главный приз впервые взяла советская певица Мария Пахоменко.

Пахоменко окончила Ленинградский электротехнический институт, однако по специальности никогда не работала. Еще в студенческие годы она выступала как вокалистка в молодежном ансамбле ДК имени Ленсовета. Затем ушла на большую эстраду. Известность пришла к ней в 1963 году с песней Александра Колкера «Задира-ветер» («Качает, качает, качает задира-ветер фонари над головой...»), сочиненную композитором к спектаклю Театра имени Комиссаржевской «Иду на грозу». Кстати, Колкер вскоре стал мужем певицы и написал для нее целый цикл песен, самой раскрученной из которых стала «Стоят девчонки» (слова К. Рыжова). В 1964 году начались сольные выступления Пахоменко. В 1969 году она стала лауреатом международного конкурса грамзаписи «МИДЕМ» (победила с рекордным количеством своих пластинок: в 1969 году их было продано 2,5 миллиона).

На «Золотой Орфей» Мария Пахоменко ехать не хотела, поскольку власти не отпускали

вместе с ней мужа. Но когда из Москвы позвонили и сообщили, что в случае отказа она будет объясняться с министром культуры Фурцевой, Пахоменко ничего не оставалось, как согласиться.

Певица исполнила на «Орфее» песню своего супруга «Чудо-кони». Со сцены она сошла на ватных ногах, уверенная, что ничего ей не светит. Пришла в гостиницу и закрылась в номере на ключ. Однако ночью в дверь стали барабанить. Пахоменко открыла и увидела в коридоре толпу людей, которые наперебой твердили, указывая на нее пальцами: «Ты — Орфей! Ты — Орфей!» Так Мария узнала, что первой из советских исполнителей завоевала престижную статуэтку.

А теперь от искусства перейдем к криминалу. Когда Пахоменко еще находилась в Болгарии, знакомый нам бандит Монгол и его подельники продолжали искать подходы к очередной жертве — буфетчице шашлычной Ломакиной. Вот уже несколько дней они пытались безуспешно заманить ее в свои сети. И в конце концов решили «взять» жертву прямо возле ее дома на Бескудниковском бульваре. Зная время, когда Ломакина обычно возвращалась с работы, бандиты подъехали к подъезду за полчаса до положенного срока и стали терпеливо ждать. Их терпение было вознаграждено. Буфетчица появилась точно в срок и не успела рта раскрыть, как из стоявшей на обочине «Волги» выскочили двое дюжих мужиков, схватили женщину и без всяких церемоний запихнули в салон. Еще мгновение — и машина сорвалась с места.

Бандиты первым делом всунули в рот жертвы кляп и отобрали сумочку, в которой оказалось 630 рублей. Приличные деньги по тем временам. Однако преступники точно знали, что у Ломакиной в «загашнике» на черный день припрятаны не сотни, а тысячи рублей. Однако в ответ на все угрозы женщина упрямо мотала головой: дескать, нет у меня ничего. А когда ее рот освободили от кляпа, повторила вслух:

— Нет у меня ничего! Да и откуда взяться таким деньгам при моей работе?

— Что ты гонишь? — взвился один из налетчиков. — Денег, говоришь, нет, а сама по шесть сотен в сумочке таскаешь?

Ломакиной потребовались секунды, чтобы найти подходящее объяснение:

— Не мои это деньги, а общественные. Из кассы взаимопомощи взяла.

Но этот трюк у нее не прошел. Бандиты знали больше, чем она могла предположить. Один из них так и сказал:

— Я за тобой несколько дней наблюдал, видел, как ты ловко клиентов кидаешь. Гони деньги, если жить хочешь!

В подтверждение своих слов он извлек на свет остро отточенную финку, которой стал тыкать жертву в бок. Но и после этого Ломакина продолжала твердить свое: «Нет у меня никаких денег, нет!» — «Ах нет?! — вскричали бандиты. — Тогда мы сейчас свернем в лесочек и закопаем тебя в глубокой ямке. Не веришь?» И «Волга» действительно направилась в сторону Кольцевой. Эта угроза сломала сопротивление буфетчицы, и она согласилась отдать бандитам все, что те просили. «Волга» вновь повернула в сторону города.

В квартиру жертвы вызвались идти двое — Карьков и Иваньков. Но бандиты просчитались. Едва они стали подниматься по лестнице, как Ломакина рванула вперед и во все горло завопила: «Караул! Грабят!» Кричала она так истошно, что переполошила весь дом. Преступникам пришлось спешно ретироваться. Однако наивно полагать, что после этого бандиты оставили в покое буфетчицу. Через пару недель они все равно застали Ломакину врасплох и заставили раскошелиться, причем на этот раз потребовали еще и проценты.

Между тем именно в июне сыщикам МУРа удалось выйти на след банды Монгола. Произошло это случайно. Инспекторы из 2-го отдела майоры милиции Виктор Иванов и Георгий Арсентьев задержали двух воров Лимона и Вадима, грабивших квартиры состоятельных москвичей. Кроме вещдоков с места преступления, у них изъяли около 500 ключей и отмычек. С последнего «скачка» домушники взяли более килограмма золотого лома, около двухсот золотых монет царской чеканки, хрусталь, кухонное серебро и еще кое-какую мелочь. У воров обнаружили не все похищенное. Исчезли 189 золотых монет и килограмм золотого лома, общая стоимость которого превышала найденное в несколько раз. На вопрос: «Куда дели «рыжье» (золото), вору ответили, что его не

брали. «Как это не брали? — удивились сыщики. — Были в квартире, а самое ценное оставили?» Но домушники продолжали стоять на своем. Тогда муровцы пошли на компромисс: пообещали вору оформить явку с повинной, если они расскажут, как на самом деле происходило ограбление. Только после этого те расколелись.

Оказывается, украденное преступники спрятали на квартире любовницы Лимона. Она имела право на часть добычи, поскольку ее брат дал вору «наводку» на богатого клиента и пообещал найти надежных покупателей из числа кавказцев. Однако дальше события стали развиваться совсем по иному сценарию. Однажды вечером в эту квартиру, где отдыхали после «работы» домушники, ворвались шесть здоровенных мужиков, один из которых был одет в милицмейскую форму, а еще один — в форму майора внутренней службы. Матерые домушники сразу «просекли» подвох в экипировке, но виду не подали — себе дороже. Тем временем «гости» заставили воров выгрести из тайника украденное золотишко и забрали его себе.

— Кто же это был? — поинтересовались сыщики.

— Не знаем, начальник, — чистосердечно ответили домушники. — Не иначе какой-то козырный фраер на нас наехал.

Тогда муровцы подняли на ноги всю свою агентуру в криминальной среде и вскоре выяснили, что нападение — дело рук Монгола и его людей. С этого момента на неуловимых доселе бандитов была объявлена настоящая охота.

Тем временем в хоккейной команде ЦСКА назревали серьезные проблемы. Тренер команды Анатолий Тарасов принял неожиданное решение «разбить» прекрасно зарекомендовавшую себя тройку нападения Михайлов — Петров — Харламов. При этом он руководствовался следующими соображениями. После последнего чемпионата мира и Европы ветераны команды — Александр Рагулин, Игорь Ромишевский и Анатолий Фирсов стали заметно сдавать. Однако рассатаваться с ними опытный тренер не хотел. Чтобы сохранить их в команде, Тарасов придумал новую пятерку, в которой «старики» должны были выступать вместе с талантливой молодежью. В новую пятерку входили: Александр Рагулин и Геннадий Цыганков (защит-

ники), Владимир Викулов и Валерий Харламов (нападающие), Анатолий Фирсов (полузащитник). Последняя перестановка больше всего удивила специалистов: лучший нападающий последнего десятилетия переводился в линию хавбеков. Однако Тарасов знал, что делал. Он считал, что как нападающий Фирсов уже не тянет, а вот в роли полузащитника вполне еще может играть.

Не меньше нареканий вызвал и перевод Харламова в новое звено. Вот как описывает эти события сам хоккеист:

«Мы обиделись на тренера. Мы обиделись друг на друга: нас разбивают, а мы ничего не можем сделать.

Думаю, что особенно обидным решение показалось Петрову и Михайлову. Они — я боялся — подумают, что я согласился на реорганизацию с легкой душой: я должен был теперь играть в компании с большими мастерами...

Борис и Володя не раз подходили к тренеру и говорили, что он не прав. Тарасов, однако, оставался непреклонен.

И по играм, и по тренировкам было видно, что Михайлов и Петров и огорчены, и растеряны, и возмущены таким решением. Мне тоже было обидно за нашу тройку. Неловко чувствовал я себя перед своими партнерами: в конце концов, я пришел в это звено последним — самым молодым и неопытным, ребята помогали мне, опекали меня, давали возможность поверить в собственные силы, а я, набравшись мастерства и опыта, покидал их теперь, чтобы играть с другими. И это происходило всего за несколько месяцев до Олимпийских игр, на которые мы мечтали попасть, к которым шли вместе, шли — подчеркиваю — более трех лет.

Дискуссии и обиды были серьезны, недоволен был тренер, недовольны хоккеисты, и это взаимное неудовольствие мешало играть и тренироваться...»

В эти же дни драматические события произошли в жизни писателя и главного редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского. Вот уже в течение нескольких месяцев журнал «Знамя» публиковал его роман «Блокада». Одним из подписчиков журнала был и Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Ознакомившись с первыми главами романа, Жуков написал гневное письмо в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС с требова-

нием немедленно прекратить публикацию «идеологически вредного» произведения. Мол, из этого романа следует, что Красная Армия разгромила врага не силой своего оружия, не преданностью делу Ленина—Сталина, но жестокостью своих командиров. Об этом свидетельствует, писал военачальник, изображение... маршала Жукова, который на страницах романа грозит подчиненным расстрелом. Все это, заключал автор письма, создает ложное впечатление о причинах разгрома гитлеризма и объективно льет воду на мельницу наших зарубежных классовых врагов.

Чуть ли не в тот же день, когда послание достигло Старой площади, туда был срочно вызван виновник скандала — писатель Чаковский. В кабинете заместителя заведующего отделом Агитпропа ему дали ознакомиться с письмом маршала, после чего спросили:

— Ну, что будем делать?

Чаковский в недоумении пожал плечами. Он действительно не знал, что предпринять в сложившейся ситуации. Тогда инициативу в свои руки взял хозяин кабинета. Он сказал:

— Документ, конечно, нелепый, и если бы он не был подписан Жуковым, мы бы выбросили его в корзину. Но... — он слегка развел руками, — Жуков есть Жуков. Поэтому мой совет такой. Сейчас он, видимо, в распаленном состоянии, и пытаться с ним разговаривать тебе не стоит. К тому же не так давно оправился от болезни. Словом, надо выждать два-три месяца, он успокоится, и тогда тебе надо с ним встретиться. Письмо адресовано в ЦК, поэтому встречу организуем мы. Согласен?

Чаковский покорно склонил голову. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Меня ждала машина, но я, отпустив шофера, решил пойти в редакцию пешком. Я чувствовал, что сейчас буду не в состоянии заниматься редакционными делами и должен по дороге на Цветной бульвар обдумать наедине с самим собой постигшую меня катастрофу. Да, это была катастрофа. Первые главы «Блокады» многие хвалили, и, хотя до конца романа было еще далеко, его сюжет, хронология, главные действующие лица — все это уже выстроилось в моем воображении. Я уже считал «Блокаду» главной книгой в моей писательской биографии — и вдруг... Маршал Советского Союза, знаменитый полководец, национальный герой

страны, человек, к которому я испытывал глубочайшее уважение, обвинял меня в грубейшей идеологической ошибке в изображении обороны Ленинграда и в искажении образа самого полководца.

Кстати, в «искажении» образа меня уже обвиняли, правда, неофициально, так сказать, между прочим. После опубликования первых частей «Блокады» я встретился в коридоре поликлиники на улице Грановского с маршалом Коневым. Мы знали друг друга, как говорится, «шапочно» — сидели рядом то ли на каком-то торжественном заседании, то ли на сессии Верховного Совета. Во всяком случае, при новых встречах я всегда вытягивался и говорил маршалу «здравия желаю», а он приветливо кивал мне в ответ.

Но на этот раз все было иначе. Завидев Коневу, я уже был готов поздороваться с ним, но тут произошло неожиданное. Когда мы подошли друг к другу почти, как говорится, лоб в лоб, Конев неожиданно захватил руками лацканы моего пиджака, притянул к себе и, нахмурясь, с укоризной сказал:

— Ты что из этого Жукова Наполеона делаешь? Вот если бы ты был в сорок пятом на Политбюро, то слышал бы, что товарищ Сталин ему говорил...

С этими словами Конев выпустил лацканы моего пиджака, чуть оттолкнул от себя и пошел своей дорогой. Некоторое время я стоял в растерянности. Да, я знал, что после войны Жуков попал в опалу, но это никак не повлияло на то, что я о нем писал. Он оставался для меня героем войны, прославленным полководцем. Но теперь я оказывался в нелепом положении: один знаменитый маршал упрекал меня в том, что возвеличиваю Жукова, а сам Жуков жаловался на то, что я искажил, принизил его личность...

Встреча Чаковского с Жуковым действительно произошла, однако чуть позже. Поэтому рассказ о ней будет еще впереди. А пока вернемся в июнь 71-го.

Бьет ключом жизнь на эстрадных площадках столицы, где выступают артисты самых разных жанров и направлений. Например, с 4 по 6 июня в ЦДКЖ зрителей радовал своим искусством ВИА «Веселые ребята» под управлением Павла Слободкина; с 5-го в эстрадном театре «Эрмитаж» проходит «Веселый фести-

валь» с участием звезд кино и эстрады в лице Арчила Гомиашвили, артистов телевизионного «Кабачка «13 стульев» Пани Моника (Ольга Аросева) и пана Профессора (Борис Рунге), Геннадия Дудника, Жанны Горошени, Льва Шимелова и др.; с 17 по 27-го в Театре-студии киноактера идет программа «Мы из кино», в которой участвуют актеры разных поколений: Марина Ладынина, Лидия Смирнова, Сергей Мартинсон, Михаил Кузнецов, Зоя Федорова, Владимир Дружников, Людмила Шагалова, Георгий Вицин, Людмила Гурченко, Татьяна Конохова, Алла Ларионова, Николай Рыбников, Михаил Пуговкин, Надежда Румянцева, Татьяна Самойлова, Георгий Юматов, Марина Стриженова и многие другие.

В театрах Москвы состоялась всего лишь одна премьера: 10 июня в Театре имени Пушкина был показан спектакль «Похождения бравого солдата Швейка» с участием актеров Н. Прокоповича, Л. Гриценко и др.

Чуть больше премьер киношных: с 7 июня на широкий экран вышел фильм про рабочий класс «Ночная смена» режиссера Леонида Менакера, в котором главные роли исполнили Юрий Толубеев, Алла Чернова, Геннадий Корольков, Валентина Владимирова, а также фильм «В лазоревой степи» по ранним рассказам М. Шолохова; с 8-го — комедия Леонида Гайдая «12 стульев» с Арчилом Гомиашвили (Остап Бендер) и Сергеем Филипповым (Киса Воробьянинов) в главных ролях. Из зарубежных фильмов выделил два безусловных хита: «Симпатичный господин «Р» (Румыния) и «Лев готовится к прыжку» (Венгрия).

По ЦТ крутят следующие фильмы: детектив на тему Гражданской войны «Адъютант его превосходительства» (2—6 июня), современный детектив «Смерть филателиста» (впервые по ТВ), мелодраму «Когда деревья были большими» (6-го), боевик про чекистов «Сильные духом» (8—9-го), добрую детскую комедию «Часы капитана Энрико» (10-го), комедию для взрослых «Девчата» (10-го), мелодраму «Улица 13 тополей» (12-го), комедию «Карьера Димы Горина» (13-го), фильм-биографию «Тарас Шевченко» (15-го), истерн про басмачей и пограничников «Тринадцать» (16-го), экранизацию драмы Д. Олдриджа режиссерами Теодором Вульфвичем и Никитой Курехиным «Последний дюйм» (17-го). Последний фильм был

очень популярен среди подростков, особенно песня композитора Моисея Вайнберга «Тяжелым басом гудит фугас». Кстати, спустя год после выхода «...Дюйма» на экраны страны Вульфович и Курехин сняли еще один фильм — «Мост перейти нельзя» (1960), однако он в прокате провалился. После этого тандем режиссеров распался, а спустя восемь лет из жизни ушел один из них — Курехин, который на ночном рижском шоссе не справился с управлением автомобиля и врезался в стоявший на обочине грузовик. Что касается исполнителя главной роли в «...Дюйме» — юноши Славы Муратова, то он актером не стал, а пошел совсем по иной стезе — окончил военно-инженерное училище и служил офицером.

Но вернемся в июнь 71-го.

Андрей Тарковский продолжает работу над фильмом «Солярис». Вспоминает О. Суркова:

«Снимается сцена в комнате Снаута, которого играет прекрасный эстонский актер Юри Ярвет. Лариса (жена Тарковского. — Ф. Р.) привезла его из Ленинграда, где он снимался в главной роли в козинцевском «Короле Лире». Тарковский кажется почти трогательно влюбленным в Юри Ярвета, но с Данатасом Банионисом его отношения в процессе съемок складываются не лучшим образом. «Хватит, Данатас, выступать, надо быть попроще», — упрекает Тарковский Баниониса, который буквально нарахват у корреспондентов. Андрей считает, что слава Баниониса мешает тому расслабляться и органично войти в образ, став послушной глиной в руках режиссера, по-детски довериться ему.

Снимается сцена, в которой Крис заходит в комнату Снаута, где в гамаке лежит его «гость» — ребенок, фантом, материализованный планетой Солярис. Тарковский обращается к Ярвету: «Ваша задача состоит в том, чтобы скрыть ребенка от Криса, который не должен его увидеть. Поэтому вы стараетесь выпроводить Криса в коридор. Но объективно вся картина комнаты будет увидена камерой, взгляд которой точно идентифицирован с взглядом Криса».

Мальчик лежит в гамаке. Вадим Юсов (оператор фильма. — Ф. Р.) смотрит в аппарат. Мальчик повернулся, и в кадре оказалось его ухо. Ухо! Андрей зацепился за эту идею. Он возвращается к ней несколько раз.

Так в тот день родился один из самых загадочных и емких в смысловом отношении кадров будущего фильма «Солярис». Сколько раз потом Тарковский повторял мне: «Тот, кто не понимает этот кадр, ничего не понимает в моем кинематографе».

19 июня летчику-космонавту Виктору Пацаеву исполнилось 37 лет. Поскольку на тот момент в составе экипажа корабля «Союз-11» он находился в космосе, по-настоящему отпраздновать это событие не удалось. Однако именинник во время очередного сеанса связи пообещал друзьям и коллегам обязательно пригласить их на торжество сразу после приземления, до которого оставалось всего одиннадцать дней. В те минуты еще никто не догадывался, что приземление будет ужасным.

На студии имени Горького продолжается работа над многосерийным телефильмом «Семнадцать мгновений весны». Вернувшись на днях из экспедиции в ГДР, Лиознова снимает в павильонах «гестаповские» эпизоды с Мюллером, Штирлицем, Айсманом и другими персонажами, (1—4-я серии). Снимает в напряженном графике: иногда по полторы смены — 12 часов. Отмечу такой нюанс: если режиссер художественного кинематографа должен был выработать за смену 45—50 полезных метров, то телевизионного (при тех же возможностях и условиях) — 90 метров. Поэтому оператору «Мгновений» Петру Катаеву приходилось не слезать с тележки часами. Причем работал он всего лишь одной допотопной камерой и был вынужден прибегать к помощи различных ухищрений: например, чтобы аппарат не тарахтел, его накрывали телогрейкой, поскольку озвучания потом не планировалось. Какое кино в результате получилось, зритель, надеюсь, прекрасно знает. Но вряд ли известно о том, что большинство артистов, занятых в картине, отнеслось к съемкам, мягко говоря, пренебрежительно. Например, Юрий Визбор, игравший Бормана, так вспоминал об этой работе:

«Иногда нам, артистам, которые снимались в роли немцев, казалось, что мы участвовали в каком-то жутком, низкопробном боевике. Формы эти, пистолеты... Но думали так, что в Урюпинске где-то по четвертой программе проскочит. Артистам было играть буквально нечего, особенно тем, у которых были большие роли, потому что большую роль надо тщательно го-

товить, придумывать, репетировать ее. Это не просто произнести текст или сесть перед камерой... Иногда в самом ужасном, просто ужасном положении находился Тихонов, который должен был в течение шести-семи минут молчать и изображать, что он думает. Но это просто невозможно! То есть думать можно всю жизнь, но показывать, что ты думаешь... Бронева Леня, у которого была чрезвычайно сложная, многоходовая роль, просто взял роль Капулетти, которую поставил ему Эфрос в театре, и перенес ее непосредственно на Мюллера...»

Директором фильма был Ефим Лебединский, который на роль статистов — тех же эсэсовцев, охранявших штаб-квартиру РСХА, — пригласил своих знакомых, причем сплошь одних евреев. Консультант из КГБ, который однажды пришел на съемки и увидел этих статистов, внезапно возмутился: мол, как это так случилось, что в роли эсэсовцев снимаются евреи?!

— А вы что, антисемит? — удивилась Лиознова.

— Нет, но вы сами знаете, какие у нас отношения с Израилем. Вот и получится, что мы в своем фильме покажем, что евреев уничтожали такие же евреи, только в гестаповской форме.

Лиознова намек поняла. Она вызвала Лебединского и приказала поменять статистов.

— Как поменять?! Я же им уже заплатил! — возмутился директор.

— Ничего, компенсируешь из своего кармана! — отрезала Лиознова.

Директору пришлось подчиниться. В тот же день с помощью все того же консультанта из КГБ он позвонил в Высшую пограншколу и попросил прислать на съемки десяток рослых курсантов, желательно прибалтийцев. Именно их мы теперь и видим на экране.

В самый разгар съемок — 20 июня 1971 года — внезапно скончался один из исполнителей эпизодической роли адъютанта Мюллера, Шольца, — 61-летний актер Лаврентий Масоха. Вот как вспоминает об этом сам Мюллер — Леонид Бронева:

«В фильме Масоха играл моего адъютанта. Он должен был войти в кабинет и сказать: «Группенфюрер, штандартенфюрер Штирлиц прибыл». И вот Лиознова говорит: «Мотор, на-

чали». А он: «Группенфюрер, штандартен...» Лиознова: «Стоп. Еще раз. Собрались. Начали. Мотор». А он опять то же самое, и так несколько раз. Лиознова рассердилась: «Безобразия, сколько можно пленки тратить? Вы же опытный артист (Масоха начал сниматься с 1928 года. — Ф. Р.). Перерыв». Мы с ним пошли попить чайку. Я его успокаивал. Очень трудно русскому человеку такое выговорить. Это предложение даже годится на роль скороговорки для театральной студии. После перерыва он начал: «Группенфюрер, штандартенфюрер Штирлиц...» Лиознова, режиссер очень требовательный, закричала: «Все, конец смене. Хватит».

А через несколько дней этот артист умер. Вот как он переживал. Пошел в ресторан ВТО. Взял грамм 50 водки и так за столом и отдал богу душу...»

Согласно легенде, Масоха действительно умер прямо за столом в ресторане ВТО. Товарищи, которые выпивали в тот день вместе с ним, конечно, тут же вызвали врача, а пока тот мчался к месту происшествия, уложили своего собутыльника на соседний столик, накрыли скатеркой, а сами... продолжили возлияния. Благо и повод появился: поминали усопшего, раба божьего Лаврентия.

В эти же дни в Москве гостит Марина Влади, причем не одна, а в компании трех своих детей от предыдущих браков — Игоря, Пети и Володи. У младшего из них — Владимира — была сломана рука. Французские врачи взяли ее на спицу и наложили гипс, посоветовав матери давать парню антибиотики. Однако гипс вскоре стал плохо пахнуть, и Влади, уже в Москве, попросила Высоцкого сводить ребенка к хорошему хирургу, чтобы он наложил гипс заново. Выбор пал на врача Русаковской больницы Станислава Долецкого, к которому звездная пара пришла в середине июня. Мальчику сняли гипс, а там оказался бурный остеомиелит (гнойное воспаление кости). В итоге больному пришлось задержаться в больнице намного дольше, чем предполагалось. Высоцкий договорился с Долецким, чтобы парня положили в отдельную палату, где они с Влади могли бы дежурить посменно. Взамен Высоцкий дает небольшой концерт для медсестер, врачей и всех больных детей.

Младший сын Влади пролежал в Русаковке около недели и 20 июня был выписан. Чтобы не отпускать гостей с пустыми руками, Долецкий в качестве подарка преподнес им свою книгу «Рубежи детской хирургии», на которой собственноручно надписал: «Милым Володе и Марине в память невеселых дней, связанных с Русаковкой. С лучшими пожеланиями. С. Долецкий. 20.06.71».

Тем временем полет космического корабля «Союз-11» продолжается. После того ЧП, которое случилось неделю назад, никаких технических «сбоев» на станции больше не происходило. Однако возникли проблемы во взаимоотношениях. Вот как описывает ситуацию М. Ребров:

«Ребята трудились старательно, но не все складывалось как хотелось. Ведь по сути им пришлось испытывать первый орбитальный комплекс, всю его «начинку», энергетику, систему управления... Эйфория первых дней, когда все ново, все в «диковинку», заставила забыть о субординации, «ранжировке» в экипаже. Не формальное это дело. У них общая ответственность за успех полета, общими усилиями они выполняют программу, но есть и «табель о рангах»: командир, бортинженер, космонавт-исследователь. Увы, не смогли ребята «поделить власть». Побывавший уже в космосе Владислав Волков давил своим авторитетом, у него возникли трения с командиром. Жора Добровольский, человек добрый и беззлобный, по-армейски дисциплинированный, склонный к уставному порядку, не желал уступать.

Мелкие конфликты перерастали в более крупные, на Земле чувствовали, что обстановка на борту не во всем нормальна, пытались деликатно поправить. Нет, я вовсе не хочу сказать, что на «Салюте» шли «звездные войны». Просто уточняют психологическую обстановку, дабы еще раз подтвердить, что каждый полет — особый».

Между тем Татьяна Егорова, поставив жирный крест на своем любовном романе с Андреем Мироновым, пыталась забыть в общении с другим мужчиной — тем самым известным сценаристом, с которым судьба свела ее некоторое время назад. Сценарист, большой знаток антиквариата, водил ее по комиссионным магазинам Москвы. Там они подолгу выискивали

в груде старинных чашек, тарелок, блюдец ценные экземпляры, покупали их и с особым пристрастием разглядывали уже дома. При этом сценарист рассказывал такие интересные вещи про редкую посуду, что Егоровой никогда не бывало с ним скучно. Однако иногда она ловила себя на мысли, что бывший возлюбленный — Андрей Миронов — никак не идет у нее из головы. Т. Егорова вспоминает:

«На лето Сценарист снял дачу по Савеловской дороге на берегу канала. Ему, конечно, надо повесить медаль за отвагу — так мужественно он выносил все мои психоэмоциональные проявления. Я в буквальном смысле металась из угла в угол этой дачи, набивая себе синяки на теле, скребла по бревнам ногтями, вдруг принималась рыдать с воем, то заливаясь таким смехом, что вяли цветы под окном. В общем, я была похожа на сумасшедшую. Тогда в мою голову впервые закралась мысль, что любовь — это не розы и не шипы, как говорят, а — неврозы!..»

А что же сам Андрей Миронов? Не желая «отставать» от своей бывшей возлюбленной, он тоже нашел себе новую подругу — Екатерину Градову. Как мы помним, впервые они увиделись в мае, когда Градова пришла устраиваться на работу в Театр сатиры. Их свидание было мимолетным и ни к чему не обязывающим. Так, во всяком случае, считала сама Градова. Миронов был иного мнения. Спустя месяц он позвонил Екатерине домой и попросил ее о свидании. Как он сказал, «по очень важному делу». Эти слова чрезвычайно заинтриговали Градову, и она согласилась. Свидание вышло на вторник, 22 июня. Однако никакого «дела» на самом деле не существовало. Миронов просто отругал девушку за то, что она не смогла найти его в тот день, когда была у Плучека. «Мы же договорились!» — в сердцах молвил Миронов, хотя уговора между ними лично Градова не помнила. Но разубеждать своего ухажера она не стала. В тот день они мило провели время, чередуя пешие прогулки по Москве с катанием на мироновском автомобиле. Расставаясь, договорились встретиться через неделю.

Андрей Тарковский продолжает работу над «Солярисом». В день, когда Миронов встречался с Градовой, снимался эпизод, где фантом Соляриса Хари (эту роль играла Наталья Бон-

дарчук) вступает в полноценный диалог с людьми. Вспоминает О. Суркова:

«Пока готовятся съемки следующего кадра, разговор заходит о Феллини. «Единственное, что я у него люблю, — это «8 1/2». Чрезвычайно трогательная картина».

Тарковский нервничает, что слишком долго готовится смена точки съемок. «Все какие-то дохлые, вялые», — ворчит он.

Уже десятый час вечера, все устали какой-то общей, объединяющей усталостью. Каждый занят своим делом в ожидании команды «мотор». Фотограф вклеивает в альбом уже готовые фотографии, Маша, как всегда, больше всех суетится на площадке — то подставляет Андрею стул, то проверяет текст у Баниониса. Он сосредоточен. Бондарчук тоже сосредоточена, но она явно устала. Рабочие, которым в данный момент делать нечего, в изнеможении опустили в кресла.

И вдруг понимаешь, что весь этот разброд на площадке объединяется неожиданно возникшей атмосферой уюта и дружеского, почти родственного тепла и соучастия в чем-то общем и важном. «Как цыганский табор», — резюмирует Андрей. Он стесняется таких моментов расслабленности и старается, скрывая внутреннюю радость, снять патетику иронией.

В этот момент на съемочную площадку пытаются вторгнуться «пришельцы». Второй режиссер Юра Кушнерев сообщает, что двое азербайджанских сценаристов просят разрешения присутствовать на съемках. Этого Тарковский обычно не любит, посторонние на площадке ему мешают. Кроме того, он боится лишних разговоров и преждевременных умозаключений, предваряющих для него всегда непростой выход картины на экран. Поэтому, как обычно, Андрей отвечает: «Если удобно, то, пожалуйста, откажите. Скажите, что сегодня у нас очень сложные съемки».

Тем временем в школах и вузах страны идет горячая экзаменационная пора. Вчерашний львовский школьник Леня Ярмольник в те дни поступал в Ленинградский институт театра, музыки и кино. Поступал неудачно, поскольку экзаменаторам не понравилось неправильное произношение. Ему сказали: «С таким говором, как у вас, молодой человек, на сцене вам делать нечего. Вот когда исправите — ми-

лости просим». И Ярмольник, несолоно хлебавши, вернулся обратно во Львов.

Среди выпускников того года было несколько будущих звезд отечественного театра и кино. Особенно «щедрыми» оказались два вуза: театральное училище имени Щукина и ВГИК. Начнем с первого, которое тогда окончили: Юрий Богатырев, Константин Райкин, Наталья Гундарева и Наталья Варлей.

Богатырев выбрал для работы театр «Современник». Туда же подался и Райкин, хотя ему поступили приглашения сразу из четырех столичных коллектив: МХАТа, Центрального театра Советской Армии, Театра на Таганке и «Современника». Свое решение Райкин объяснил следующим образом: «Потому что на Таганке я бы занимался тем, что и так уже умел. Еще в институте я понимал, что в каких-то областях немножко опережаю сокурсников: скажем, по части движения, эксцентрики, некоторой спортивности. И понимал, что Юрий Петрович Любимов будет использовать прежде всего эти качества».

А в «Современнике» — я видел — актеры умеют что-то такое, чего я еще не могу, а мне хотелось идти в глубину, хотелось стать настоящим драматическим артистом — как Смоктуновский, как Бабочкин. Я всегда метался между острой выразительностью и, так сказать, глубинным содержанием. Хотя на самом деле одно не противоречит другому...»

Нечто похожее произошло тогда и с Гундаревой, которую, как и Константина Райкина, тоже пригласили в четыре театра: МХАТ, имени Вахтангова, имени Маяковского и «Современник». Однако в отличие от своего сокурсника Гундарева выбрала «Маяк».

Что касается Натальи Варлей, то она хоть и была известнее своих однокурсников (слава пришла к ней еще в 1967 году, после выхода на широкий экран сразу двух кинохитов: «Кавказская пленница» и «Вий»), тем не менее поступила в менее «раскрученный» столичный театр — имени Станиславского. В те дни у нее был в самом разгаре роман со своим однокурсником по училищу Владимиром Тихоновым — сыном Вячеслава Тихонова и Нонны Мордюковой. Все четыре года учебы Владимир ухаживал за ней, даже ночевал на чердаке дома на Суворовском бульваре, чтобы утром увидеть свою возлюбленную, однако добился ее благосклонно-

сти только на последнем, четвертом курсе. В дипломном спектакле «Снегурочка» они играли две главные роли — роли влюбленных.

ВГИК выпустил целую плеяду молодых актеров, которым вскоре предстоит стать кумирами миллионов. Среди них Наталья Белохвостикова, Николай Еременко, Наталья Гвоздикова, Наталья Аринбасарова, Вадим Спиридонов, Наталья Бондарчук, Талгат Нигматулин.

На «Мосфильме» продолжается работа над комедией «Джентльмены удачи». После эпизодов в Кремлевском Дворце съездов съемки на некоторое время были прекращены, а 23 июня возобновились вновь — на этот раз в павильонах студии. Там, на 180 полезных метрах площади, была построена декорация тюремной камеры, куда по сюжету сажали завдетсадом Трошкина, выдававшего себя за авторитетного вора Доцента. В те последние июньские дни снимали первое появление Трошкина в тюрьме: толпа заключенных приходит в камеру, а там на столе восседает испещренный наколками лже-Доцент. Василий Алибабаевич возмущенно спрашивает: «Эй, ты зачем мои вещи сбросил?» В итоге Трошкин от испуга забывает все, чему его учили в милиции, и просит Василия «не безобразничать». Память возвращается к нему только тогда, когда его признает подельник — Косой, после чего Василий получает от вновь прибывшего весь набор блатных изречений: «Канай отсюда, а не то я тебе пасть порву, моргала выколю, сосиска, редиска, Навуходоносор, петух гамбургский и т. д. и т. п.». Эпизоду суждено будет стать классикой отечественного кинематографа.

Во вторник, 29 июня, в Кремлевском Дворце съездов открылся V съезд писателей СССР. Советская пресса сообщила об этом событии в восторженных тонах, хотя особых причин для радости, по большому счету, не было. Полки книжных магазинов действительно ломались от литературы, однако интересное издание найти было нелегко. Помню, в избытке продавались книги о рабочем классе, колхозном крестьянстве, а вот чтобы достать детектив (хотя бы советский), приходилось выстаивать гигантскую очередь или покупать «из-под полы» втридорога. Поскольку в советских газетах писать о проблеме книжного дефицита было не принято, сошлюсь на мнение М. Геллера, ко-

торый на страницах польского журнала «Культура», выходящего в Париже, рассказывал следующее:

«На съезде писателей выступили (если я не ошибся при подсчете) 36 человек, причем подавляющее большинство из выступающих говорит ничуть не лучше, чем пишет, — так же скучно и так же верноподданически.

Любопытно, что ораторы понимают это. И вторая главная тема всех выступлений без исключения (первая — преданность партии) — жалобы на серость, на посредственность, заливающую советскую литературу.

«Наша самая большая беда в литературе — это обилие посредственности, той обманчивой видимости, когда пены больше, чем живой воды», — заявил Чингиз Айтматов. «Мы не имеем права, — взывал Борис Полевой, — вместо доброй пищи, вместо, скажем, свежего ароматного хлеба давать читателям литературную мякину». И сокрушенно бия себя в грудь, признавался: «А ведь бывает, товарищи, бывает».

Сам Александр Чаковский, удостоившийся чести присутствовать на съезде партии, редактор «Литературной газеты», уныло признал: «Все более увеличивается количество книг скучных, убогих по мысли и лишенных каких-либо художественных достоинств».

Не искушенный в дипломатии молдавский писатель Павел Боцу назвал вещи своими именами: «Есть случаи — не надо стесняться называть вещи своими именами — агрессивного графоманства».

Самое забавное объяснение причины того, что «агрессивное графоманство» заполонило советскую литературу, дал председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР Б. Стукалин (один из главных контролеров литературы). Оказывается, редакторы журналов и директора издательств не могут отказать авторам ремесленнических книг в связи с «широкой демократичностью наших порядков». Это, если так можно выразиться, типичный образец подлинной советской демократии. Солженицыну «демократы-редакторы и директора» находят силы отказать в печатании книг, а графоманов печатают обильно и охотно.

Может быть, только Чингиз Айтматов решился намекнуть на подлинную причину кризиса в советской литературе, отметив, что кри-

тическая дубинка беспощадно расправляется с талантливыми, но идущими не совсем на лад писателями, и назвав имена киргизского писателя Нурпеисова и белорусского прозаика Василя Быкова...»

В тот же день, когда открылся съезд писателей, состоялось свидание Андрея Миронова и Екатерины Градовой, на котором Миронов сделал девушке официальное предложение руки и сердца. И Градова его приняла, несмотря на то, что влюбленные виделись до этого друг с другом всего лишь несколько раз! На этой встрече молодые определили, что поженятся 30 ноября. Сначала выбрали другое число, 22 октября, однако родители Миронова заставили их поменять дату, поскольку в эти дни уезжали на гастроли в другой город. Как вспоминает Е. Градова:

«Всю ту неделю, пока Андрей за мной ухаживал, он с родителями отдыхал на Красной Пахре, на даче, и по утрам приезжал в Москву, предварительно обламывая всю сирень и набивая банки клубникой. И все это он привозил на съемки в павильон (имеются в виду съемки фильма «Семнадцать мгновений весны». — Ф. Р.) и во время перерывов кормил меня клубникой и засыпал сиренью...»

А для родителей его поведение в эту неделю было загадкой. Он чуть свет вставал, пел, брился, раскидывал рубашки, галстуки, без конца переодевался.

И вот когда Мария Владимировна приехала в Москву — они жили тогда еще на Петровке, в Рахмановском переулке, — Андрей привел меня к ней домой. В тот день мы подали заявление, 29 июня, и пришли к его ничего не подозревающей маме.

Мария Владимировна сидела в своей комнате, держала ноги в тазу, и возле нее хлопотала их семейная, очень милая педикюрша. Мария Владимировна не могла в тот момент встать, выйти и встретить меня. Андрей — краснея, а я — бледнея, зашли. Я держала гигантский букет роз. Мария Владимировна сказала:

— Здравствуйте, барышня, проходите. — Спросила: — По какому поводу такое количество роз среди бела дня?

Андрей быстро схватил меня с этими розами, запихнул в соседнюю комнату со словами:

— Я тебя умоляю, ты только не нервничай, не обращай ни на что внимания, все очень хорошо.

И остался наедине с мамой. Перед тем как мы подали заявление, он не поставил ее в известность. Я только услышала какой-то тихий ее вопрос, какой-то шепот. Потом вдруг она сказала:

— ЧТО?!! — и — гробовая тишина. У меня все тряслось от страха. Он еще что-то объяснял. И она пригласила меня войти. Говорит: — Андрей, посади свою невесту, пусть она засунет ноги в таз.

Я села, ни слова не говоря, мне принесли чистую воду. Я ничего не соображала, и педикюрша Зиночка сделала мне педикюр. Если бы мне в тот момент отрезали не ногти, а целый кусок ноги, мне кажется, я бы не почувствовала. Я была теперь прикована к этому злополучному тазу, все плыло перед глазами, а Мария Владимировна мимо меня ходила и сверлила взглядом. А я и не знала, какое мне делать лицо. Я чувствовала себя завоевателем, каким-то похитителем, вором, и мне давали понять, что так и есть на самом деле.

Потом мы быстро убежали... Мы праздновали наши помолвку в гостях у Вали Шараповой...»

В этот же день, 29 июня, в газетах появилось сообщение от экипажа корабля «Союз-11». Там говорилось: «Космонавты в течение дня проверяли бортовые системы и агрегаты станции. По докладам экипажа и данным телеметрической информации, все бортовые системы станции функционируют нормально. Самочувствие членов экипажа тов. Добровольского, Волкова и Пацаева хорошее...»

И вдруг, как гром среди ясного неба, 30 июня в тех же газетах печатается информация о трагической гибели космонавтов. Что же произошло? Рассказывают очевидцы.

М. Ребров: «29 июня экипаж полностью завершил выполнение программы полета и получил указание готовиться к посадке. Космонавты перенесли материалы научных исследований и боржурналы в транспортный корабль для возвращения на Землю.

После выполнения операции перехода экипаж занял свои рабочие места в «Союзе-11», проверил бортовые системы и подготовил корабль к отстыковке от станции...»

А. Елисеев: «Настроение у всех приподнятое. До посадки остается несколько часов. Настает время закрывать внутренний люк корабля, который отделяет спускаемый аппарат от второго жилого отсека. И тут — неожиданность. Транспарант, подтверждающий закрытие люка, не загорается. Просим снова открыть люк, проверить, не попало ли что-нибудь постороннее под крышку, протереть салфеткой прокладки и закрыть повторно. Экипаж все выполняет, транспарант не горит. Просим проверить работу датчиков, которые посылают сигналы на транспарант. Датчики сделаны в виде кнопок, которые крышка люка при закрытии утапливает, и они посылают сигналы, как дверные звонки. Проверяют, все датчики работают. Правда, космонавты обращают внимание на то, что одна из кнопок едва касается крышки люка и не утопает до положения, при котором появляется сигнал. Мы просим проверить визуально, плотно ли закрыт люк. Докладывают, что плотно. Сигнал обязательно нужен — иначе автоматика не позволит проводить дальнейшие операции, и мы решаем получить его искусственно. Мы просим космонавтов закрепить кнопку в нажатом положении с помощью изоляционной ленты и после этого закрыть люк. Они это делают и подтверждают, что, по визуальной оценке, люк закрыт хорошо. И с этим идем на спуск...»

М. Ребров: «В 21 час 28 минут по московскому времени корабль отошел от «Салюта», и оба аппарата продолжали дальнейший полет раздельно. Командир экипажа доложил операторам ЦУПа, что расстыковка прошла нормально, замечаний по функционированию систем корабля нет...»

А. Елисеев: «Заканчивается последний сеанс связи. Перед самым выходом из зоны видимости Вадим успеваешь задорно воскликнуть: «Готов коньяк — завтра встретимся!»

М. Ребров: «30 июня в 1 час 35 минут после ориентации «Союза-11» была включена тормозная двигательная установка. Она отработала расчетное время. Потеряв скорость, корабль начал сходиться с орбиты.

В соответствии с программой после аэродинамического торможения в атмосфере была введена в действие парашютная система и непосредственно перед Землей — двигатели мягкой посадки...»

А. Елисеев: «Мы все переключились слушать «Пятьдесят второго» — руководителя службы поиска. Связь с ним отличная. Точно в заданное время слышим: «Объект прошел первый рубеж». Это означало, что средства противовоздушной обороны видят спускаемый аппарат, следят за ним и определили, что на момент доклада он находится на удалении 2500 километров от расчетной точки посадки. Потом следуют доклады о том, что удаление от расчетной точки 1000 километров, 500, 200, 100, наконец, слышим доклад о том, что в расчетном районе посадки вертолетчики наблюдают парашют. Это прекрасно!

На лицах многих появляются довольные улыбки. Слышим сигналы маяка, которые передаются через антенну, вылетенную в парашютную стренгу, — это дополнительное подтверждение того, что парашют открыт. Потом доклад «Пятьдесят второго»: «Объект произвел посадку, вертолеты приземляются рядом с объектом». Ну, кажется, все. Сейчас доложат о самочувствии экипажа, и на этом мы свою работу закончим. Осталось несколько минут...

Ждем... Проходят пять минут, десять, пятнадцать... «Пятьдесят второй» молчит... Странно, обычно всегда кто-нибудь в вертолете остается на связи и докладывает обо всем, что происходит... Проходит час... «Пятьдесят второй» молчит... Значит, что-то случилось... Вдруг по внутренней связи Каманин просит меня зайти. Он один сидит в комнате Государственной комиссии и никогда просто так не зовет. Бегу к нему. Каманин мрачно на меня смотрит и говорит: «Мне сейчас передали код «сто одиннадцать», это значит, что все погибли. Мы договаривались, если код «пять» — состояние отличное; «четыре» — хорошее; «три» — есть травмы; «два» — тяжелые травмы; «единица» — человек погиб; три единицы означают, что погибли все трое. Надо вылетать на место, я самолет заказал». Мы сразу сели в машину и поехали на аэродром — Каманин, Шаталов и я. Самолет уже нас ждал. Сейчас даже не помню, на каком аэродроме мы приземлились. Перешли в вертолет и полетели на место.

Аппарат лежал на боку. Люк открыт. Ребята уже увезли. Кто-то из врачей доложил, что, очевидно, была разгерметизация, вскипела кровь. Врачи пытались вливать донорскую кровь — но все напрасно. Когда открыли люк, космонавты

были еще теплые, но постепенно... надежд не осталось... Как невыносимо больно, как нелепо! Ровное поле, прекрасная погода, аппарат в отличном состоянии, а ребята погибли. И тут меня как будто электрическим током ударило. А может, это люк? Может, это моя ошибка? Но ведь они проверяли! Может быть, они чего-то не увидели?.. Не буду пытаться описывать, что я чувствовал в тот момент...

Пошли с Володей к спускаемому аппарату, чтобы составить протокол о его состоянии после посадки. Аппарат был сразу оцеплен военными так, что к нему никто из посторонних приблизиться не мог. Первое, что мне бросилось в глаза, — авторучка, которую я подарил после своего полета Виктору Папаеву «на удачу». Сейчас она валялась на песке — видно, выпала, когда его вытаскивали. В голове замелькали воспоминания, как мы пришли с Вадимом и Виктором ко мне домой после заседания ВПК, где утвердили их экипаж, как радовались этому, пели песни, как, прощаясь, я протянул ему эту ручку... И вот — финал. Конец мечтам и планам...

Мы осмотрели все изнутри и снаружи, записали. Все было нормально. Потом из спускаемого аппарата был изъят магнитофон, который записывал все параметры на участке спуска. Его опечатали в специальном контейнере и повезли с охраной в Москву. Он должен был рассказать о причине трагедии. Мы летели в том же самолете...

Вскоре записи были расшифрованы. Оказалось, что при разделении корабля на отсеки по непонятным причинам открылся клапан, который должен был на больших высотах обеспечивать герметизацию кабины и открываться только перед приземлением, чтобы выравнять давление.

А ведь трагедии могло и не произойти! В спускаемом аппарате было два одинаковых клапана, каждый из которых имел заслонку, управляемую автоматически, и заслонку, управляемую вручную. Если хотя бы одна заслонка закрыта, герметичность сохраняется. Когда проектировали клапан, никто не предполагал, что заслонка, управляемая автоматически, может быть случайно открыта. Вторая заслонка была предназначена только для того, чтобы при посадке на воду закрыть ее, если вода будет затекать через клапан внутрь спускаемого аппара-

та. По инструкции перед стартом заслонка, управляемая вручную, на одном клапане должна быть закрыта, а на другом — открыта. И закрыта должна быть как раз на том клапане, где произошел отказ. Если бы все было сделано по инструкции, то ребята были бы живы! Но когда приводили корабль в предполетное состояние, заслонки установили по-другому: ту, что должны были закрыть, открыли, и наоборот. Поскольку клапаны были абсолютно одинаковы, никто этому значения не придал.

Ребята после разделения отсеков корабля почувствовали, что вскрылся клапан. Видеть они этого не могли, наверное, услышали свист выходящего воздуха и увидели, что в кабине появился туман. Все трое мгновенно отстегнулись от кресел, и кто-то из них начал закрывать клапан, но, как нарочно, не тот. Они старались закрыть клапан, который и без того был закрыт. О том, что перед стартом произошло изменение, все забыли. Если бы они это вспомнили! Если бы даже не вспомнили, но на всякий случай начали закрывать оба клапана! Они бы спаслись. Но случилось худшее...

Несколько иначе описывает последние минуты жизни космонавтов М. Ребров:

«Виновным в смерти космонавтов оказался клапан — бесхитростный, простой по конструкции. Он предусмотрен на тот случай, если в силу тех или иных причин корабль совершит посадку на воду или «ляжет» на землю люком вниз. Запас ресурсов системы жизнеобеспечения ограничен, и чтобы космонавты не испытывали нехватки кислорода, клапан «соединял» корабль с атмосферой.

Устройство должно автоматически сработать незадолго до приземления, а тут клапан открылся на большой высоте, практически в вакууме. Воздух ушел из корабля в считанные секунды, как из детского воздушного шарика, если проткнуть его иглой.

Ненадежность техники? Не рискну утверждать такое. При стендовых испытаниях — а это многие сотни проб — клапан работал исправно. Стало быть — случайность. Довелось услышать и такое: надо было закрыть «дырку» рукой, и все бы обошлось. Не знаю, может быть, и обошлось. Но говорить, что их жизнь была в их же руках, по меньшей мере кощунство. До клапана надо дотянуться, а находились все трое в креслах, крепко пристегнутые ремнями. Так

положено по инструкции на период посадки. К тому же они не ждали такого, да и не сразу поняли ситуацию. Все решали секунды.

В группе спасателей всегда есть врачи, многоопытные, готовые к решительным действиям. Так вот и они были в полной растерянности и не сразу поняли, что космонавты мертвы. Тела их были теплые, казалось, что все трое находятся в состоянии потери сознания. Пробовали даже делать искусственное дыхание. Но...

Предполагают, что окончательная смерть наступила спустя минуту или чуть больше. А это значит, что уходили они из жизни, сознавая весь трагизм случившегося...»

И еще одну точку зрения на случившееся не лишним будет выслушать. Говорит космонавт А. Леонов, который, как мы помним, согласно первоначальному плану должен был лететь в космос, но по не зависящим от него причинам остался на Земле:

«Ошибка была заложена в конструкции. Произошла разгерметизация кабины во время отстрела орбитального отсека. При монтаже шариковых клапанов монтажники вместо усилия 90 кг закрутили с усилием 60—65 кг. Были и другие причины катастрофы — в основном технического характера. При отстреле орбитального отсека произошла большая перегрузка, которая заставила сработать эти клапаны, и они рассыпались. Обнаружилась дырка в 20 мм в диаметре. Через 22 секунды космонавты потеряли сознание. Мишин потом сказал, что дыру просто можно было закрыть пальцем. Но это оказалось невозможно: туда просто было не добраться, до этого отверстия. Оно находилось за обшивкой. После того, как они приземлились, я слазил в этот объект, но быстрее, чем за 52 секунды, добраться до отверстия не мог, а у них было всего 22 секунды. А через 80 секунд в последний раз сократилось сердце у Волкова, через 100 — у Пацаева и через 120 — у Добровольского...»

Между тем весть о гибели космонавтов застала Владимира Высоцкого на Дальнем Востоке. 29 июня, используя несколько дней личного отпуска, он приехал в город Владивосток и дал несколько шефских концертов на судах и два платных концерта во Дворце культуры моряков, сборы от которых перечислил в Фонд мира. Первый концерт состоялся 30 июня (в

этот же день в газетах были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о посмертном присвоении погибшим космонавтам званий Героев Советского Союза) на теплоходе «Феликс Дзержинский». Рассказывает фотокорреспондент Б. Подалев:

«Матрос теплохода «Феликс Дзержинский» нашего пароходства Михаил Константинович Голованов прекрасно помнит ту пору июньского дня, когда он стоял на погрузочных работах у трюма. Услышал новость — капитан Николай Иванович Свитенко вернулся из отпуска и привел с собой на судно Владимира Высоцкого. Так хотелось поглядеть на этого человека с довольно разноречивой славой, но дело есть дело. Впрочем, гость сам вышел на палубу в сопровождении капитана, который знакомил его с кораблем. Тут и Михаил Константинович вступил в дело — разговор зашел о трюме, его особенностях. До сих пор матрос помнит ту простоту, деликатность обращения, за которой совершенно не чувствовалось натуры могучей, острой, порой едкой.

Вскоре по динамику прозвучала команда: членам экипажа, свободным от вахты, собраться в музыкальном салоне, где будет концерт Владимира Высоцкого. Когда Голованов пришел в салон, он изумился. Причальное «радио» разносило весть о певце по порту, и на судне проходы были забиты не только членами экипажа, но и моряками с соседних судов, тальманами, докерами, которым надо было вести погрузку судна, но такое ведь бывает раз в жизни.

Сколько времени шел концерт? Это была настоящая творческая встреча популярного певца с поклонниками его таланта. Ответы на многочисленные вопросы сменялись песнями по заказу, снова ответы и расспросы, снова звучит гитара и песня. Так продолжалось более трех часов. Что более запомнилось? Сейчас трудно что-то выделить, но две песни запали в душу. Первая — из кинофильма «Вертикаль», вторая — «Братские могилы». Михаил Константинович не смутился вспомнить о намернувшихся тогда слезах — ведь отец погиб на Дальнем Востоке в боевых действиях против японских милитаристов...

Слушатели хотели еще песен, но гость взмолился: «Ребята! Я уже охрип, а вечером еще концерт». Уже ночью Высоцкий вернулся на судно. После чая у капитана он переночевал в

моряцкой каюте, а утром «Феликс Дзержинский» ушел в очередной рейс...

В тот же день Владимир Высоцкий выступил с концертами во владивостокском Дворце культуры моряков. Об этом рассказ бывшего директора дворца Анатолия Григорьевича Белого...

Как-то к нему пришел знакомый рыбак Борис Иванович Чурилин, электромеханик китобойной базы «Владивосток», и спросил: «А что, если во Дворце моряков с концертами выступит Владимир Высоцкий? Он, вполне может быть, придет в наш город на несколько дней личного отпуска.

— Ну что ж, приходите, там посмотрим.

И вот июньским днем вновь заходит Борис Иванович и говорит: «Ну, как, дадим выступить Высоцкому?»

В те годы на сцене Театра драмы на Таганке артист Высоцкий играл главные роли, снимался в кино, а вот сольные концерты ему почти не разрешали — путаная, слава магнитофонных записей, разошедшихся в народе, претила своей демократичностью.

Анатолий Григорьевич снова говорит: «Когда придет — тогда и подумаем».

— А чего думать? Он приехал!

— А где он?

— Да вот, стоит за дверью...

Действительно! Чурилин открывает дверь кабинета, и входит невысокий, сравнительно молодой человек, ничем не примечательный. Многих директор видел артистов, писателей, других деятелей искусства, но такого — впервые. Держится весьма скромно, деликатно. Договорились, что даст несколько концертов для моряков Дальневосточного пароходства.

— Потом я звоню в инстанции, — вспоминает Анатолий Григорьевич, — чтобы информировать об этом. Но по телефонному проводу явно чувствую, как собеседники жмут плечами, мнутя — можно ли выпускать на сцену певца? Слава-то какая о нем?

Наконец «добрался» до Майи Александровны Афиногеновой, бывшей тогда заведующей сектором культуры краевого комитета КПСС. Она посмотрела программу и говорит: «Ничего страшного! Пусть работает».

Вспоминать о концертах Высоцкого в бывшем Пушкинском доме — Дворце культуры моряков на Пушкинской улице краевого центра —

трудно. Было что-то такое, чего я ни разу ни до, ни после никогда не видел. За четверть века фотосъемок приходилось работать на разных творческих вечерах — от молодого Иосифа Кобзона, Евгения Евтушенко, Булата Окуджавы до Аллы Пугачевой, но тут единение со слушателем-зрителем было необыкновенное. Магнитофоны на коленях — самые разные, от миниатюрных до допотопных «Днипро». Даже с переполненного балкона висели штыри микрофонов, ловящих каждое слово новой песни Высоцкого. Каждому хотелось иметь не переписанную с переписанной не единожды магнитной пленки, а живое захватывающее слово души поэта.

Сегодня не так просто сказать, что же наиболее остро каждый воспринял. Но вот «Як-истребитель» был, пожалуй, для всех ошеломляющим по страсти исполнением. Думалось опасно — сам певец наперевес с гитарой ринется в пике в оркестровую яму и вынырнет из нее весь изможденный, все-таки спасая самолет...»

Тем временем коллега Высоцкого по Театру на Таганке Валерий Золотухин был утвержден на роль Бумбараша в одноименном фильме по ранним произведениям Аркадия Гайдара, который собирались снимать на Киностудии имени Довженко Николай Рашеев и Аркадий Народницкий. Причем первоначально в планы Золотухина эта роль не входила. Ознакомившись со сценарием, который был откровенно слабый, он отказался играть Бумбараша, поскольку собирался сниматься в фильме по произведению М. Горького, который хотел делать Абрам Роом. Однако в начале лета Роом решил не брать в свой фильм Золотухина, и тому пришлось срочно отбивать телеграмму в Киев: дескать, согласен на вторую пробу, хочу сниматься. Шансов на то, что Золотухина позовут снова, было мало (на роль уже выбрали Михаила Кононова), но артист продолжал надеяться. Как оказалось, не зря. Вскоре Золотухина вызвали на повторные пробы. И вот тут он раскрылся в полную силу, сыграл так, что затмил уже утвержденного Кононова. Говорят, Золотухин сказал тогда Рашееву: «Если будешь снимать Кононова, то получится отличный фильм, а если меня — то гениальный».

Между тем во второй половине июня в кинотеатрах столицы — очередные премьеры, из которых отечественное кино представлено все-

го лишь одним фильмом: комедией **«Опекун»** с Александром Збруевым в главной роли (премьеры — 21 июня). Зарубежных больше: тут и французская комедия с Луи де Фюнесом **«Замороженный»** (22-го), и два польских фильма — комедия **«Герой резерва»** (28-го) и детектив **«Только погибший ответит»** (29-го).

Кстати, и на ЦТ две последние недели июня можно смело назвать «польскими», поскольку с 21 июня по 4 июля по 1-й программе шла премьеры 13 новых серий (с 8-й по 21-ю) фильма **«Четыре танкиста и собака»**. Из отечественных картин по «ящику» не в первый раз гоняли фильмы: **«Путь в «Сатурн»** (21-го), **«Два бойца»**

(22-го), **«Золото»** (24-го), **«Первая перчатка»** (25-го), **«Пропало лето»** (27-го) и др.

Из театральных премьер назову одну: спектакль **«Будьте счастливы!»** В. Полякова в Театре миниатюр (25-го).

В этот же день в парке Сокольники играл ВИА **«Голубые гитары»**; 26—27-го на стадионе **«Динамо»** состоялся сборный концерт **«Праздник искусств»** с участием артистов разного жанра: эстрадников (Юрий Гуляев, Николай Сличенко, Владимир Шубарин), киношников (Евгений Матвеев, Георгий Вицин, Михаил Ножкин, Арчил Гомиашвили), кумиров ТВ (Ольга Аросева, Борис Рунге) и др.

1971 Июль

Москва хоронит космонавтов. На киностудиях страны снимают новые фильмы: «Старика-разбойники», «Бумбараш», «А зори здесь тихие...», «Седьмое небо», «Тени исчезают в полдень». О своем награждении Сергей Образцов узнал... по телевизору. В роли юбиляра — агент ЦРУ. Как жена Андрея Тарковского прекратила его роман с актрисой. Фаина Раневская в больнице. Как охрана Брежнева «отметелила» крымчан. На открытие концертного зала «Россия» пришли даже кошки. Высоцкий в Томилине. За что боксера Олега Коротаева хотели «выбросить» из спорта. Встреча Юрия Завадского с труппой родного театра. 15-я симфония Шостаковича. ОБХСС против махинаторов из столичной торговли. «Сага о Форсайтах» на советском ТВ. Как МУР взял Монгола. В Москве открылся Международный кинофестиваль. Как Владимир Путин тратил заработанные потом и кровью деньги в Гагре. Валерий Леонтьев — загипсованный абитуриент. Вторая попытка Александра Абдулова и Елены Кореневой: удачная. Как Панкратов-Черный обманул Михаила Ромма. Почему закатилась звезда одного из лучших футболистов одесского «Черноморца». «Беспечный ездок»: мимо Москвы. Юрий Соломин следит за МКФ с больничной койки. Почему Нина Маслова не вышла замуж за Владимира Тихонова. Высоцкий разбивает «Рено». Внучка Брежнева влюбилась в музыканта ВИА «Самоцветы».

В четверг, 1 июля, с 12 часов дня до 20 часов вечера в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии состоялась гражданская панихида по космонавтам Георгию Добровольскому, Владиславу Волкову и Виктору Пацаеву, трагически погибшим во время полета. Скорбная цепочка людей, растянувшаяся на несколько километров. Подобного прощания давно уже не знала столица. Последний раз Москва хоронила космонавта — Павла Беляева — год назад. Однако Беляев хоть и умер относительно молодым — в 45 лет, но его смерть была естественной. А здесь — трагическая гибель во время полета, причем сразу трех человек. Все они погибли в расцвете лет: Добровольскому было 53 года (последний день рождения он справил 1 июня), Пацаеву — 38, Волкову 19 июня исполнилось 35. У всех были дети: у Добровольского две дочери: Маша (1959 года рождения) и Наташа (1967), у Волкова — сын Володя (1958), у Пацаева — сын Дима (1957) и дочь Светлана (1962).

На панихиду приехали все члены Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым. Кроме них, в ЦДСА собрались практически все космонавты — как летавшие, так и не летавшие. Особенно держался Петр Колодин. Помните, он и двое других космонавтов — Леонов и Кубасов — должны были лететь в космос вместо погибших, но судьбе было угодно, чтобы они остались на Земле. По словам М. Реброва: «Колодин был растерянный, подавленный, угрюмый. Наши взгляды встретились. По его щеке катилась слеза, и он отвел глаза. Да и о чем можно было говорить тогда. О гримасах судьбы?..»

В этот же день ночью тела трех погибших космонавтов были кремированы.

Между тем жизнь идет своим чередом. Продолжается пребывание Владимира Высоцкого во Владивостоке. 1 июля он дал еще один концерт в переполненном до отказа зале Дворца культуры моряков, после чего отправился в гости к уже знакомому нам электромеханику

Борису Чурилину. Там же побывал фотокорреспондент Б. Подалев. Он вспоминает:

«Я пришел домой к Борису Чурилину, у которого в это время должен был быть московский гость. Звоню. Хозяин открывает дверь. В единственном кресле — Чурилин был холостяк — сидит молодой парень в светлой куртке. Борис представляет меня. Парень встает, протягивает руку — Владимир. Хозяин квартиры хочет добавить фамилию, но, как всегда, в сильном волнении, заикается. Тогда Владимир добавляет — Высоцкий. Смотрю, он в тапочках. Вот почему стал еще ниже...

Что может дать час общения незнакомых людей? И много, и мало. Много — потому что видишь перед собой не актера, а обычного человека, который, в общем-то, приехал в незнакомый город... Мало, потому что с ходу не станешь говорить о сокровенном. Но я унес с собой добрый автограф человека, которому больше не суждено было побывать во Владивостоке...»

В пятницу, 2 июля, в Москве состоялись похороны космонавтов Г. Добровольского, В. Волкова и В. Пацаева. Я прекрасно помню тот день, поскольку смотрел прямую трансляцию траурной церемонии по ТВ. Однако одно дело наблюдать происходящее по телевизору, и совсем иное — непосредственно в ней участвовать. Поэтому приведу слова бывшего сотрудника КГБ Е. Миронова, который обеспечивал безопасность похорон:

«Погода в тот день стояла жаркая — градусник зашкаливал за тридцать. Наша цепочка чекистов — все в костюмах и светлых рубашках с галстуками — стояла напротив Мавзолея. За нами была цепь милиции и солдаты, которые образовали большие квадраты. Они были плотно заполнены трудящимися. Некоторые люди от долгого пребывания под палящим солнцем, в тесноте и духоте падали в обморок, и их относили к ГУМу, где были созданы специальные медицинские пункты.

Организована траурная церемония была отвратительно. Выступавшие с трибуны Мавзолея с траурными речами нередко путали имя и отчество погибших космонавтов. Но самое неприятное впечатление оставил армейский генерал, который руководил военными, участвовавшими в траурной церемонии. Мешковатый, обрюзгший, с красным здоровенным лицом,

словно выпивший накануне полведра коньяка. Все команды он читал по бумажке и в довершение рывкнул: «Оркестр! Играй что положено!» После этого в Верховный Совет поступило немало жалоб, генерала взрели и отстранили от исполнения подобных функций...»

Урны с прахом погибших космонавтов похоронили в Кремлевской стене.

А жизнь тем временем продолжается. В субботний день 3 июля, в половине десятого вечера, режиссер Эльдар Рязанов (похудевший и помолодевший после пребывания в Институте красоты) снимал на одной из улиц в Москве — там, где Большая Ордынка выходит на Добрынинскую площадь, — эпизод своей новой комедии «Старики-разбойники» (работы над фильмом начались еще 18 июня).

Я прекрасно помню и это событие. Накануне мой отец, вернувшись с работы, сообщил, что в их 8-й таксопарк пришли киношники и попросили одолжить одну из машин «Волга-ГАЗ-24». Именно этот автомобиль и «участвовал» в сцене, которая снималась 3 июля: герой Юрия Никулина вырывал из рук женщины-инкассатора (Ольга Аросева) мешок с деньгами и убегал от погони. В эпизоде, кроме инкассатора, был занят и шофер (Лев Дуров). Пытаясь догнать вора, он совершал на «Волге» немыслимые трюки. Однако на самом деле «крутые виражи» делал не артист, а профессиональный автогонщик Александр Микулин, уже ставивший трюковые эпизоды в предыдущей комедии Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля».

В эти же дни на киностудиях страны работают и над другими фильмами, которым вскоре предстоит стать хитами. На Украине, под городом Каневом Черкасской области, снимается картина «Бумбараш», где заняты Валерий Золотухин, Екатерина Васильева, Юрий Смирнов, Лев Дуров, Александр Хочинский, Роман Ткачук и др. Замечательную музыку к фильму пишет композитор Владимир Дашкевич, стихи — Юлий Ким (Михайлов).

Вспоминает В. Дашкевич: «В начале семидесятых я еще работал с Михаилом Левитиным в театре, но меня уже пригласил делать музыку к фильму «Бумбараш» киевский режиссер Николай Рашеев. Он попросил меня показать ему что-нибудь из моих сочинений, и я поставил ему музыку к спектаклю «О том, как господин Макинпот от своих злосчастий избавился».

В эту музыку Рашеев совершенно влюбился. И весь фильм «Бумбараш» снимался под эту музыку. И даже в окончательный вариант монтажа Рашеев ее хотел поставить. Но для «Бумбараша» надо писать другую музыку. И я написал ее...

С Юлием Кимом я впервые встретился незадолго до этого — во время работы над мюзиклом «Клоп» по Маяковскому, который должен был ставить Сергей Юткевич. Но у Юткевича случился инфаркт, и мюзикл не вышел. Но я познакомился с Кимом. Тогда на меня обрушились совершенно новые интонации, новый стиль, новый язык. Это был язык улицы, выраженный в блистательной театральной форме, совершенно фантастический по поэтике, по своей образности.

Поэтому, когда меня пригласили писать музыку для «Бумбараша», я сказал режиссеру Рашееву, что буду писать только с Юлием Кимом. И вот незадача: Юлик прочел сценарий, написанный сценаристом Митько, и текст ему не понравился. Надо сказать, что, в чем-то это было справедливо. Потому что фильм, который был все-таки снят, очень сильно отличался от первоначального сценария. Кстати, во многом благодаря и нашим усилиям, и усилиям режиссера. Тем не менее я с самого начала чувствовал, что за этим сценарием что-то есть, и очень просил Юлика переменить свое мнение и согласиться писать стихи. И тут меня выручила моя былая страсть к шахматам, я ведь увлекался ими еще раньше, чем музыкой, и даже стал кандидатом в мастера, и Юлик про это знал.

И в один прекрасный день он пришел ко мне со своим другом, тоже кандидатом в мастера, и сказал мне: вот если ты его обыграешь «всухую» четыре раза подряд, тогда я буду писать стихи для песен «Бумбараша». А у меня уже была написана кое-какая музыка. Например, «Марш четвертой роты». Но это еще не все. Они принесли с собой бутылку «Старки», сказали, что они уже выпили одну бутылку, поэтому мне, чтобы сравняться с ними, надо было выпить полбутылки. Что и было мною сделано. Мы стали играть в шахматы, а Юлик вышел на лоджию. Задумываться. Я напрягся и обыграл этого кандидата в мастера четыре раза. Сообщил об этом Юлику. А он мне ответил, что тоже не терял времени даром и у него кое-что есть. И он, как сейчас помню, достает

свой блокнот и читает: «Ничего, ничего, ничего, сабли, пули, штыки — все равно». Я был тогда очень разочарован. А потом эти слова стали текстом песни «Марш четвертой роты», где припевом идет рефрен «Ничего, ничего, ничего».

И так у нас, казалось бы, все было тихо и гладко, мы сочиняли стихи и музыку. Но только на первый взгляд. На самом деле все было не так, потому что в это время Юлик как один из московских диссидентов проходил по делу «О хронике текущих событий» Якира и Красина. Юлик в этой «Хронике» был редактором некоторых номеров. Он был еще женат на дочери Петра Якира, поэтому почти вся работа над «Хрониками» велась у него в доме. «Хроники текущих событий» — это факты нарушения прав человека на территории Советского Союза. Эти факты собирались в большую-большую ведомость, и она выпускалась как хроника текущих событий. Поскольку Юлик проходил по этому делу, то, куда бы он ни направлялся, за ним следовала машина. И поэтому, когда мы работали над песнями у меня дома, под моими окнами дежурила машина, которая менялась каждые четыре часа. И это превращалось в проблему, потому что могло получиться так, что киевская студия Довженко (а Киев очень законопослушный город) могла запретить Юлику работать над этим фильмом. Мы нервничали.

Но тем не менее работа шла. Рашеев пригласил нас приехать в город Канев, где проходили съемки. Мы моментально собрались, поехали в Киев, потом в Канев и поселились там в скромном маленьком номере гостиницы, которую строили по проекту Хрущева. Хрущев, когда был в Америке, увидел гостиницу из стекла и бетона. Привез этот проект домой. И такую же гостиницу построили в Каневе. Гостиница была уникальна тем, что номер, в который нас поселили, был как аквариум: его стены были сплошь стеклянными. Мы там были как две рыбки.

Юлик возил с собой пишущую портативную машинку. И когда мы приехали, он достал ее и стал что-то тюкать над моим ухом, а я заснул. Минут через двадцать он меня разбудил и страшным голосом завыл на какой-то якобы украинский мотив: «Ой, ходят кони над рекою, ой, ищут кони водопою!!!» Я очухался и сказал:

«Это надо сделать на трех нотах». И тут же записал то, что мне пришло в голову. И в этот же вечер мы показали песню режиссеру и актерам. Песня предназначалась бандиту Гавриле, которого замечательно сыграл Юра Смирнов. Однако, услышав ее, Валерий Золотухин, игравший Бумбараша, как-то странно сверкнул глазами. И мы поняли: завязалась интрига. В итоге эту песню спел он, а для Гаврилы мы написали другую...»

Еще один режиссер — Станислав Ростоцкий — экранизирует в лесах Карелии повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...». Всю натуру следовало снять за одно лето, поэтому съемочная группа трудилась, что называется, не покладая рук. Без подготовительного периода и репетиций актеры сразу должны были сыграть все, что от них требуется. На время съемок в группе даже отменили выходные. Чудеса работоспособности показывал сам режиссер Станислав Ростоцкий. В пять утра приезжала «Скорая помощь», чтобы сделать ему новокаиновую блокаду, после чего он надевал на ногу протез (ногу он потерял во время войны), и в шесть часов вся группа выезжала в лес или на болото (в те дни как раз работали с «болотными» эпизодами). Далее послушаем самих актеров, снимавшихся в картине:

А. Мартынов: «На съемках была громадная нагрузка — и внутренняя, и физическая. Хотя я до этого отслужил три года в армии и какой-то навык у меня был, но тем не менее... У нас работал майор Зайцев, который с девочками занимался строевой подготовкой и со мной, чтобы как-то «обстрелять».

По болоту мы ходили в гидрокостюмах. Делали много дублей. Была подменная одежда, и надо было быстро переодеваться. И вот мы все, в одном автобусе, в одной «каше», переодевались, не обращая внимания — девочки, мальчики... Иногда во время съемок мы падали от усталости вповалку. И я лежал между ними, как в гареме, — только усы торчали...»

О. Остроумова: «Мы с Катей Марковой параллельно со съемками еще ездили в Москву — играть спектакли. Андрюша Мартынов взял в театре академический отпуск, а мы ездили. И каждый раз везли с собой в Москву грибы, ягоды. У меня никогда больше не было такой замечательной лесной пищи, как в то время: брусника моченая, черника, грибы... Я собира-

лась в Москву, а те, кто не был непосредственно занят в съемке, собирали буквально вокруг съемочной площадки грибы и ягоды мне в дорогу. Мне запомнилась там одна деревня: несколько домов вокруг озера-блюдца. Там живут невероятные люди — все дома без замков!..»

Е. Драпеко: «Сцену, где моя героиня Лиза Бричкина тонет в болоте, снимали так. Из Москвы привезли 16 ужей, так как режиссер посчитал, что моя героиня должна была оступить, увидев змей. Но когда их засняли, то получилось какое-то вьетнамское болото. Пришлось от ужей отказаться. К тому же я совсем не боюсь змей. С ужиками фотографировалась, делала из них веночки на голову...»

В болоте динамитом взорвали воронку, туда стекалась жижа. Мы знали, где эта яма находится. Я туда прыгала — и погружалась. Потом меня оттуда выуживали, как репку из грядки. Было опасно. За эту сцену полагались «трюковые», которые составляли полставки. Как сейчас помню, за два дня — 16 рублей 50 копеек. Но я эти деньги не получила. Мы с директором договорились, что поскольку кругом вечная мерзлота (в Карелии болота — это жидкий лед), то купят мне ящик водки на растирание. Ящик-то купили, но мне досталось... полстакана. Остальное выпила съемочная группа...»

На «Мосфильме» режиссер Эдуард Бочаров ставит картину «Седьмое небо», сценарий которой был специально написан под двух звезд отечественного кино — Николая Рыбникова и Аллу Ларионову. Фильм рассказывает о непростой любви бригадира шахтеров Ивана Мазая и москвички Ксаны Георгиевны. В начале июля съемочная группа работала на одной из угольных шахт под Донецком. Условия были далеки от идеальных. Дело в том, что на киностудии отношение к этой работе оставалось довольно прохладным, поэтому группу укомплектовали самой плохой техникой: не было ни звукозаписывающей техники, ни своего фотографа и еще массы необходимых вещей. Однако Бочарову пришлось все равно ехать в экспедицию, поскольку в другой сезон съемки просто могли не состояться. Большую помощь киношникам оказали местные шахтеры, которые на свой страх и риск создавали всю произ-

водственную натуру. В отчетах потом писали: «Два часа простоя из-за съемок фильма».

Еще двое «мосфильмовцев» — Владимир Краснопольский и Валерий Усков — под Звенигородом продолжают снимать телевизионный сериал «Тени исчезают в полдень» (5—7-я серии). Вот как вспоминает об этих съемках актер Анатолий Шаляпин (исполнял роль сына Фрола Курганова, Митьки):

«В первый мой съемочный день снималась сцена на плоту, где я должен папироской прожигать штаны Купи-продаю (Борис Новиков), после чего он сваливается в реку. Я еще никого не знал из партнеров и очень нервничал, не мог играть. Тогда объявили перерыв. Меня все актеры окружили, стали знакомиться, как-то подбадривать, и обстановка разрядилась. А я все думал: как же буду горящей папиросой живого человека тыкать, я же прожгу ему штаны насквозь, до тела, ему будет больно... И эти свои сомнения высказал вслух. И тогда Борис Кузьмич Новиков сказал мне в своей манере: «Ты эта... давай поджигай! У меня там... столько ваты наложено, что ты ничего мне не прожжешь! Не достанешь!» Ко мне после этого партнеры стали лучше относиться — поняли, что я не сволочь какая-нибудь! Мы все очень подружились. В процессе съемок я как раз женился. В фильме есть сцена, где мы убираем сено, и я забрасываю им женщин. Так вот в тот момент, когда эта сцена снималась, я должен был быть... в ЗАГСе — расписываться! А все актеры, зная это, посмеивались надо мной, говорили: «Может, это к лучшему? Может, не стоит жениться?» Но в ЗАГС я все-таки поехал, а вот Галя Польских и Валера Малышев, которые должны были быть моими свидетелями, из-за съемок опоздали и приехали, когда мы уже уходили из ЗАГСа...»

На Одесской киностудии режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич снимает фильм про войну «Дерзость». Литературной основой для картины послужила документальная повесть Василия Земляка «Подполковник Шиманский», повествующая о реальном эпизоде времен Великой Отечественной войны — как Герой Советского Союза Шиманский пробрался в ставку Гитлера, был пойман и казнен. В Прибалтике ему установили памятник.

Во время работы над фильмом Юнгвальд-Хилькевич сделал для себя открытие: узнал,

что Советский Союз — антисемитское государство. Когда он только приступил к работе, в Госкино ему сказали: «Поскольку Шиманский — еврейская фамилия, то пусть будет Клименко». На главную роль он взял актера с типично арийским лицом (белокожий блондин с голубыми водянистыми глазами, с тонким, с горбинкой, красивой формы носом) — Николая Оляина. Причем первоначально Юнгвальд-Хилькевич видел в этой роли Высоцкого, но снять его ему не позволили, сказали: «Мы вам дали снять его в «Опасных гастролях», потому что Высоцкий поет, а что этому ужасному актеру делать в «Дерзости?»» Съемки фильма проходили под Винницей, где в годы войны находилась ставка Гитлера.

Продолжается работа над комедией «Джентльмены удачи». После эпизодов «в тюрьме» группа перешла в другую декорацию — «дача барыги». В те июльские дни снимались эпизоды: «джентльмены» справляют Новый год; самоубийство Хмыря; появление хозяйской дочери (Наталья Фатеева) и другие.

5 июля исполнилось 70 лет основателю и руководителю Театра кукол Сергею Образцову. Так получилось, что в тот день он находился дома один: жена была на даче, а взрослые дети жили отдельно. Вечером юбиляр сидел в кресле и читал скучную статью в каком-то журнале. Вдруг зазвонил телефон. «Сергей Владимирович, в девять вечера включайте телевизор», — раздался незнакомый голос. «Кто говорит?» — спросил в ответ Образцов. «Неважно кто. Из «Известий». — «Разыгрываете?» — «Ничего я не разыгрываю, не хотите включить — не включайте. Завтра в газете прочтете. Мы сейчас текст в набор сдали». Далее послушаем рассказ самого С. Образцова:

«Положил трубку. На всякий случай включу телевизор. Надо жене на дачу позвонить. Пусть и она включит. И сыну позвоню.

Если действительно это правда, так начнут меня разные знакомые поздравлять по телефону. Надо подготовиться. Достал из шкафа недопитую бутылку водки и рюмку. Поставил и то и другое в передней у телефона, а сам в кабинете смотрю телевизор.

Девять часов — «Время». Уборка колосовых на Украине. Интересно, но это не про меня. Рекордная добыча угля в Донбассе. Тоже интересно, но тоже я тут ни при чем. Разыграли,

конечно, меня. Нет, погодите. Кажется, не разыграли.

Очень красивым баритоном диктор говорит: «Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда (неужели про меня?) с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот» главному режиссеру Центрального театра кукол (про меня!) народному артисту СССР Сергею Владимировичу Образцову (быть не может!) за выдающиеся заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения».

В передней звонит телефон. Наливаю рюмку и снимаю трубку. Жена. Не меньше меня и удивлена и рада. Чокнулся с трубкой и только успел налить вторую рюмку, снова трещит телефон. Сын. Опять чокнулся с трубкой. Звонки в дверь. Дочь пришла. Просто так пришла. Проведать. Я ей говорю, она не верит. Телефон. «Возьми трубку». Взяла и хохочет, говорит: «Давай и мне рюмку».

Звонки за звонком, звонки за звонком... И родственники, и знакомые, и совсем незнакомые. Пить некогда...

На следующий день — 6 июля — свой полувековой юбилей справил полковник Главного разведывательного управления Генштаба МО СССР Георгий Поляков. Коллеги-разведчики не оставили эту дату без внимания — в тот день юбиляр получил множество различных подарков. Однако ни один из пришедших к Полякову гостей даже в страшном сне не мог себе представить, что полковник — американский шпион, завербованный ЦРУ еще семь лет назад! Правда, в отличие от большинства предателей, которые шли на сотрудничество с врагом в основном по корыстным соображениям (жажда денег, славы и т. д.), Поляков встал под знамена противника... из-за мести.

В 64-м году, когда он работал в нью-йоркской резидентуре, заболел его старший сын. Мальчик простудился и получил осложнение на сердце. Спасти его могла только срочная операция. Американские врачи взялись за ее осуществление, но проблема была в деньгах. Средств, которые зарабатывал Поляков, на это, естественно, не хватало, поэтому он обратился за помощью к «грушному» руководству: Но те ответили отказом. В результате мальчик умер. Простить смерть ребенка Поляков не сумел.

Когда буквально через день на него «вышли» представители ЦРУ (они внимательно следили за ситуацией и, честно говоря, мечтали, чтобы все завершилось как можно трагичнее) и предложили сотрудничество, Поляков не сомневался ни секунды. С тех пор в анналах секретных служб США появился агент Топхэт. Причем сведения, которые он стал поставлять своим новым хозяевам, заставили их чуть ли не с восторгом потирать руки — о таком успехе цэрэушники даже не мечтали. Например, в конце 60-х Топхэт предоставил США информацию о численности, структуре и возможностях северовьетнамских войск. Эти данные существенно упростили американскую операцию во Вьетнаме. К моменту же своего 50-летия Поляков начал снабжать противника ценной информацией о том, что Китай находится на грани прекращения военно-экономического сотрудничества с СССР. Сведения Топхэта впоследствии помогли США перехватить инициативу и самим «навести мосты» с КНР.

В июле 71-го Поляков энергичен и полон оптимизма. Топхэт настолько осторожен, что, кажется — разоблачить его невозможно. Чуть действительно не обманывает разведчика — до его поимки еще целых пятнадцать лет. Но об этом будет рассказано в следующих главах.

Во вторник, 6 июля, Андрей Тарковский снимал в «Солярисе» эпизод самоубийства и воскресения Хари. Вот как об этом вспоминает О. Суркова:

«Мне кажется, что все происходит слишком уж медленно. Юсов кажется немного флегматичным, но, с другой стороны, он вынужден делать все кропотливо, наверняка — ведь всего один дубль! Андрей дергается, бегаёт по площадке, бесконечно снимает и надевает на себя кепку. С болезненным напряжением следит за Наташей (Бондарчук. — Ф. Р.), волнуется, жалеет ее: «Не ходите рядом с лицом актрисы, она ведь ложится сюда, неужели это еще нужно объяснять?!»

В это время на площадке появляется гример с банкой клюквенного варенья — решено, что это самое лучшее средство изобразить запекшуюся кровь в уголке рта Хари...

Наконец кадр снят. Бондарчук поднимается с пола, она с трудом приходит в себя. Тарковский продолжает выяснять отношения с Юсовым: «Ты что же думаешь, что чем дольше

ты будешь готовиться к съемкам, тем лучше? Я-то думаю, что только хуже». — «Надо снимать качественно!» — стараясь подавить раздражение, как бы бесстрастно парирует Юсов.

В перерыве мы едим всякие вкусности, которые приволокла из дому Лариса (жена Тарковского. — *Ф. Р.*). После того как все отругались и отъелись, спустилось всеобщее благодушие...

Удобно устроившись в гамаке, подвешенном в комнате Снаута, Андрей обращается к жене: «Лариса! Мы можем приобрести такой гамак? Я буду в нем дома спать». При этом он, точно ребенок, убежден, что Лариса все может ему достать и устроить. «Лариса, я хочу такой!»

Костюмерша напевает Тарковскому колыбельную, и его лицо освещается счастливым блаженством. И вдруг он неожиданно резко обращается ко мне из гамака: «У меня обратительное настроение!»

Далее следуют стихи Веры Инбер о сорокалетних...»

Стоит отметить, что на съемках этого фильма Тарковский увлекся исполнительницей главной женской роли — Натальей Бондарчук — и она ответила ему взаимностью. Об этом романе тут же стало известно всей студии, а также и жене режиссера. Лариса использовала в борьбе с соперницей убойный аргумент — сказала мужу, что в случае развода тот никогда больше не увидит сына. А его Тарковский любил безумно. В итоге роман прекратился, а съемки фильма продолжились.

Замечательная актриса Фаина Раневская в том июле в очередной раз угодила в Кунцевскую больницу. И уже там умудрилась сломать себе еще и руку, упав с кровати. Когда стали выяснять, как же это произошло, оказалось, что во всем виноват... Аркадий Райкин. Правда, не настоящий, а тот, который явился к актрисе во сне. По ее словам, он явился в палату к Раневской и сказал: «Фаина, ты вся в долгах, но я заработал тебе кучу денег». И протянул шляпу, доверху набитую купюрами. Раневская потянулась к деньгам... и упала с кровати.

Вспоминает санитарка ЦКБ М. Говорова: «С Раневской были связаны одни лишь веселые воспоминания. Почти ежедневно она просила сестер позвонить домой и узнать, как там

ее мальчик. А мальчиком она называла своего пса.

Однажды принесла я Фаине Георгиевне на завтрак омлет. А она пробует, морщится и говорит: «За такой омлет повару самому надо яйца оторвать!» Все отделение потом неделю над этой фразой хохотало. Женщина была без комплексов. Очень любила громогласно петь по утрам, объявляя таким образом всем, что она проснулась. Как-то захожу я в палату и чуть не падаю в обморок. В кресле вместо Раневской сидит какое-то чудище: все в простыне, волосы нечесанные, лицо — белое! «Деточка, неужели вы меня не узнали? — слышу, словно сквозь сон. — Это я маску из сметаны себе делаю».

Но самым любимым развлечением Раневской было заставлять персонал нервничать. Вызовет, бывало, медсестру, а когда та придет, театральнo усядется в кресло и молча смотрит в пустоту бешеными глазами. Артисткой была до мозга костей. Этим и прославилась. В отличие от других пациентов клиники, которые запомнились лишь тем, что всех врачей и сестер считали людьми третьего сорта...»

Генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев в июле предпочитал отдыхать в Крыму, в Нижней Ореанде. Не изменил он своим привычкам и в июле 71-го. Единственное отличие — в том году из-за неожиданной гибели космонавтов Брежневу пришлось задержаться в Москве на несколько дней дольше обычного. Далее послушаем рассказ Вадима Медведева, который тогда был одним из телохранителей первого лица государства:

«Обычно Леонид Ильич приезжал на отдых в начале июля. В первые же дни местные комитетчики проводили совещания, докладывали нам оперативную обстановку: столько-то убийств, разбойных нападений, изнасилований, столько-то венерических заболеваний и т. д. Рекомендации всегда были одни и те же: с местными ребятами не связываться, с девочками тоже лучше не общаться.

Но у нас в охране ребята подобрались тогда молодые, здоровые. Одевались хорошо. В свободное от дежурства время дружно шли вечером на танцы в соседний профсоюзный санаторий. Приглашали девочек на танец, знакомились; представлялись кто как — спасатели на лодках... военные строители... геодезисты... отдыхающие из санатория пограничников... Но

девочки, глядя на компанию подтянутых, крепких парней, догадывались, что за люди. Они же видели, как дружно мы «смывались». В 23.00 все должны быть на месте. Я возвращаюсь, а меня уже младшие коллеги обгоняют бегом. За опоздание — неувольнение на неделю-две.

На следующий день собираемся, смеемся:

- Ты кем вчера был?
- Военным строителем. А ты?
- Лодочным спасателем...

И с отдыхающими, и с местными ребятами старались не связываться — ни с трезвыми, ни с пьяными. До нас, еще при Хрущеве, произошла приличная драка между его охраной и местными орлами. Разнимала милиция. Потом был скандал.

С нами тоже все-таки произошел один случай. Подрались... Собственно, драки как таковой особенно не было, к нам пристали, не отпускали, и мы довольно легко со всеми разобрались. Кто что заслужил, тот получил. Со стороны это, наверное, выглядело эффектно.

На другой же день крымское начальство донесло Генеральному: ваши ребята наших местных... Мы думали — попадет. А он улыбнулся — ничего... Мне кажется, в душе остался даже доволен, что постояли за себя.

Да, хорошее было время. Я еще не был заместителем начальника охраны (это произойдет только в 1973 году. — Ф. Р.). Был молод. Обязанностей не так много, в свободное от дежурства время иногда мог выпить вина и пива. Место прекрасное — Нижняя Ореанда. Чудесный уголок неподалеку от Ялты. Вокруг — хвойные и лиственные деревья: сосны, кедры, пихты, дубы, платаны, вязы, клены. Розы, вечнозеленые кустарники. Даже в тридцатиградусную жару здесь было прохладно — оазис, благоухание.

Двухэтажный особняк довольно скромный, особенно в сравнении с виллами будущих партийных, советских, военных руководителей, провозгласивших перестройку. На первом этаже — три комнаты и маленький детский бассейн, на втором — спальня супругов, рабочий кабинет, столовая и гостиная. На север и юг выходили две большие лоджии, на первой хозяева завтракали, на второй — обедали.

Особняк соединялся переходом со служебным домом, там находились комнаты начальника охраны, двух его заместителей, дежурное

помещение и кухня, откуда доставлялась на тележке пища в главный дом.

Остальная охрана жила довольно далеко — наверху, отдельно. У ребят была своя столовая, кинозал, спортивная площадка, для них организовывались экскурсии в Ялту, Севастополь.

Тем не менее жизнь охраны протекала довольно однообразно, с годами у всех накапливалась усталость. Некоторые приезжали заранее, а поскольку Генеральный еще иногда продлевал себе отдых, командировка у многих офицеров затягивалась иногда до двух месяцев.

На берегу моря стояло еще два домика. В одном из них жил помощник Леонида Ильича, которого он брал на юг для работы. В другом размещалась береговая охрана, наблюдавшая за акваторией моря, здесь же, рядом, находилась лодочная станция — с водными лыжами, спасательными кругами, аквалангами. Дежурили опытные аквалангисты.

Дни Генерального планировались просто и были похожи один на другой. Довольно рано, в 7.00—7.30, вставал, до 9 плавал. Завтракал. Днем регулярно делал массаж. С 16 до 18 ежедневно пригласил к себе для работы помощника.

Купался Леонид Ильич часто и подолгу. Случались заплывы до двух с половиной часов. Мы, охрана, замерзали в воде, а он все плавал. Доктор Родионов буквально умолял подшефного выйти из воды, просьба вызывала обратное действие:

— Что, замерз? Уходи.

— Я поплыву.

Родионов возвращался на берег, а мы продолжали оставаться в воде... Опасений, что Генерального схватит судорога, не было: я с напарником плыл рядом, в десяти-пятнадцати метрах от нас двигалась весельная лодка с двумя сотрудниками охраны, сзади, в полусотне метров, шел катер с аквалангистами и врачом-реаниматором.

Мы настолько замерзали в море, что, ступив на пирс, тут же просили у доктора спирт. Леонида Ильича била дрожь, и он шел либо под горячий душ, либо в бассейн, где вода была значительно теплее.

Всекие разговоры в море — холодно, волна, шторм и т. д. — на него не действовали, он входил в азарт. Еще как-то можно было вести разговор по дороге на пляж: «Может быть, лучше сегодня поплавать в бассейне?» Он соглашался

ся, что море штормит, но настаивал: «Пойдем, там видно будет», — и, конечно, лез в воду практически в любую погоду...»

В то время когда Брежнев «рассекал волну» в Крыму, в Москве в торжественной обстановке прошел первую «обкатку» (для особо избранных) крупнейший в Европе концертный зал «Россия» (2500 мест). Произошло это в пятницу, 9 июля. На торжество приехал сам первый секретарь Московского горкома партии Виктор Гришин. После торжественного открытия состоялся концерт, в котором приняли участие звезды тогдашней советской эстрады. В самый разгар представления, когда на сцене находился Евгений Петросян, туда внезапно выбежали... кошки. Они пробрались в зал из ближайших ресторанов гостиницы «Россия». Чтобы не сорвать представление, Петросяну пришлось применить смекалку. Он читал монолог о Москве, стилизованный под современные летописи Пимена, поэтому ловко ввернул в текст собственные размышления о кошках: мол, «кошка в терему — радость во дому»... Зрители так и не заметили подвоха.

В тот же вечер проходил еще один концерт, правда, не в Москве — на Томилинском заводе полупроводников справляли 25-летний юбилей предприятия. В концерте, приуроченном к этому событию, выступили: Владимир Высоцкий, Майя Кристалинская, Борис Брунов и др. Первым к месту проведения мероприятия приехал Высоцкий, которого привез секретарь комитета комсомола Владимир Кононов. Артист выглядел импозантно — в черном вельветовом костюме, с гитарой. Сначала он зашел в кабинет директора ДК, затем посетил методический кабинет. Там, в кругу нескольких работников завода, Высоцкий спел несколько новых песен, в том числе и пару таких, которые на официальных концертах исполнять опасался. На столе в кабинете стоял коньяк, однако Высоцкий от него отказался. В перерывах между песнями говорили о разном. Например, когда зашел разговор о делах завода, Высоцкий попросил сделать ему радиомикрофон. Однако ему сказали, что на предприятии для этого нет соответствующей базы. Вот если бы Марина Влади привезла из Франции импортный радиомикрофон, тогда здесь по этому образцу сделали бы их десяток. На что Высоцкий возразил:

«Это же контрабанда! Лучше я достану детали, а вы соберете».

Выступление Высоцкого на концерте зрители приняли на «ура». Поэтому он остался на сцене дольше положенного, чтобы исполнить несколько песен на «бис». Стоявший за кулисами Борис Брунов на это сетовал: «Уже мое время выступать, а он все не уходит». Во время исполнения песен у Высоцкого лопнула на гитаре одна струна. Уйдя за кулисы, он обратился к ребятам из модного ВИА: «Мол, не дадите свою?» На что кто-то из музыкантов зло заметил: «Ты приехал деньги зарабатывать, а запасной струны не взял!» Когда обескураженный отказом Высоцкий ушел, этот музыкант добавил: «Здорово я ему врезал?!»

В воскресенье, 11 июля, в Москве, в Большом зале Центрального Дома литераторов, при огромном скоплении болельщиков начался первый полуфинальный матч по шахматам между Тиграном Петросяном и Владимиром Корчным. На открытие матча из Амстердама прилетел сам президент ФИДЕ д-р М. Эйве. Первая партия завершилась в тот же день ничьей.

12 июля в Москве была сделана операция боксеру Олегу Коротаеву. На больничную койку спортсмен угодил при следующих обстоятельствах.

Незадолго до этого состоялся очередной чемпионат Европы по боксу, который проходил в Мадриде. Коротаев приехал туда в прекрасном настроении, рассчитывая на успешное выступление. Однако у тренера сборной Анатолия Степанова (кстати, на заре своей спортивной карьеры он снялся в кино — сыграл роль боксера Юрия Рогова в фильме «Первая перчатка»), видимо, было иное мнение. Они давно не ладили с Коротаевым, и теперь, на чемпионате Европы, эта неприязнь обрела свои ясные очертания — тренер усадил Коротаева на скамейку запасных, а вместо него выпустил на ринг дублера — боксера Метелева. В итоге тот проиграл оба боя — болгарину Георгиеву за явным преимуществом и югославу Мате Парлову нокаутом.

Когда сборная вернулась из Мадрида, Коротаев стал готовиться к летней Спартакиаде народов СССР. Однако фортуна и в этом случае от него отвернулась. На одной из тренировок в Кисловодске он получил серьезную трав-

му — разрыв связок правой ноги (к тому же вылез наружу мениск). Поначалу думали, что все пройдет, но этим чаяниям не суждено было сбыться. Спартакиаду Коротаев вынужден был пропустить и лечь на операцию. 12 июля ее сделал ученик знаменитого врача Зои Мироновой Юрий Башкиров. Если раньше порванную связку заменяли искусственной, то Башкиров поступил иначе — взял из-под колена одно из сухожилий, не выполняющих важных функций, перетянул вместо связки и закрепил. Операция прошла удачно, однако Коротаев надолго выбыл из тренировочного процесса, взяв в руки костыли. И тут на горизонте вновь возник Степанов, которому, видимо, не давало покоя его поражение на чемпионате Европы. Он поднял вопрос в Спорткомитете о том, что карьера Коротаева-боксера закончилась. В итоге, пока спортсмен лежал в больнице, ему снизили стипендию — вместо 300 рублей он стал получать 200. Кроме этого, его предупредили, что если в октябре, на международном турнире в Минске, он не сможет боксировать, то его лишат и этих денег и спишут в инвалиды.

13 июля знаменитому советскому театральному режиссеру Юрию Завадскому исполнилось 77 лет. День рождения совпал с невеселым периодом в жизни режиссера — он плохо себя чувствовал и вот уже больше месяца не выходил из дома. Однако Завадский уговорил лечивших его врачей хотя бы на пару часов отпустить его в родной театр — имени Моссовета. Труппа встретила своего шефа аплодисментами, что по-человечески его растрогало. В театре он провел несколько часов, беседуя с актерами о текущей театральной жизни. К концу беседы Завадский выглядел усталым, хотя в иные годы мог говорить о деле всей своей жизни сутки напролет. Он и в любви был неутомим, слывя когда-то первым донжуаном столичной театральной богемы. В немалой степени именно благодаря его стараниям Театр имени Моссовета в шутку называли «театром Сексовета». Только из труппы театра в женах у Завадского были такие звезды, как Вера Марецкая и Ирина Анисимова-Вульф. Еще одна актриса являлась гражданской женой и отличалась очень ревнивым характером. Как вспоминает Наталья Богунова, в течение нескольких лет проработавшая в труппе Театра имени Моссовета: «Эта последняя жена буквально за-

лезала к актрисам под юбки. У Завадского была привычка дарить своим фавориткам одинаковое нижнее белье. И жена его проверяла, какие трусики на актрисах надеты...»

В тот же день — 13 июля — Исаак Гликман в очередной раз приехал в Москву, чтобы навестить Дмитрия Шостаковича, который тогда работал над очередным своим шедевром — Пятнадцатой симфонией. Этому произведению суждено будет стать, к сожалению, последним в гигантской симфоническом цикле Шостаковича. Как напишет позднее биограф композитора Л. Михеева: «Написанная в Репине в течение июля 1971 года Пятнадцатая симфония отличается строгой классичностью, ясностью, уравновешенностью. Она — своего рода обобщение всего, что было сказано композитором в его предшествующих симфонических сочинениях, обобщение философски умудренное, сделанное в возвышенном плане. Это — повествование о вечных, непроходящих ценностях, а вместе с тем — о самом сокровенном, о глубоко личном...»

По случаю приезда дорогого гостя на даче композитора в Репине был устроен праздничный ужин с шашлыками.

Кстати, о еде. 14 июля в газете «Вечерняя Москва» публикуется заметка о безобразиях, которые творились в торговой сети столицы. Народ об этих безобразиях был прекрасно осведомлен, поскольку чуть ли не ежедневно мог их наблюдать в магазинах города. Однако на страницах газет об этом писали редко, чтобы лишний раз не нервировать покупателей. Но иногда правда все-таки пробивалась наружу. В заметке, о которой идет речь, рассказывалось следующее.

Буфетчицы кафе «Детское», работавшие в палатках у входа в Парк культуры и отдыха Сокольники, пользуясь попустительством своего начальства, занимались махинациями: они скупали в магазинах «сырье», сами варили из него кофе и продавали его посетителям парка, кладя всю выручку себе в карман. Чтобы «предприятие» было более прибыльным, компоненты в напиток вкладывались не полностью. Когда «комбинаторов» разоблачили, выяснилось, что из кафе в каждую палатку ежедневно доставлялось 200 стаканов кофе, а буфетчицы продавали от 1200 до 1600 стаканов. Попутно заме-

тим, что стакан кофе с сахаром тогда стоил 6 копеек.

Еще одни махинаторы — заведующий магазином №31 торгового центра «Гастроном» и его заместитель — обманывали покупателей иным образом. Они срезали мясо с костей в фасованных суповых наборах стоимостью 90 копеек за килограмм, делали из него фарш и затем продавали по 2 рубля за килограмм. Оставшиеся после срезки мяса кости стоимостью 26 копеек за килограмм продавались как наборы по их первоначальной стоимости. Эти «мастера» получили за свои «художества» 2 года тюрьмы.

Автором заметки в «Вечерке» был сам начальник ОБХСС УВД исполкома Моссовета И. Минаев. Видимо, по случайному стечению обстоятельств, в дни, когда эта заметка появилась на свет, в кинотеатрах столицы демонстрировался новый фильм «Ищите девушку» азербайджанского режиссера Г. Сеидбейли, посвященный подвигам работников ОБХСС.

В первой половине июля состоялось еще несколько кинопремьер, причем преимущественно зарубежных. Среди них отметим мелодрамы «Мое последнее танго» (Испания) и «Майерлинг» (Англия—Франция) с Авой Гарднер и Омаром Шарифом и комедию «Приключения канонира Доласа» (Польша).

1—11 июля в парке Сокольники выступал ВИА «Голубые гитары», в ЦПКиО имени Горького 4—18 июля состоялись сборные концерты, в которых приняли участие такие звезды советской эстрады, как Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, Алла Иошпе, Стахан Рахимов, ВИА «Романтики» и др.; 10—11 июля в Зеркальном театре «Эрмитаж» свое искусство продемонстрировал эстрадный ансамбль из Греции «Бузуки», а в Лужниках с 3-го по 14-е гастролировало японское варьете «Сетику».

По «ящику» в эти дни крутили следующие фильмы: «Все остается людям» (1-го), «Парень из нашего города» (2-го), «Белые, белые аисты», «В погонах дьявола» (премьера т/ф, Болгария) (5-го), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Белое солнце пустыни» (11-го), «Вызываем огонь на себя» (с 13-го), «Дама с собачкой» (15-го) и др.

Однако безусловным телевизионным хитом этого месяца стала премьера многосерийного английского телефильма «Сага о Форсайтах» (1967) по Голсуорси (шутники пере-

иначили сериал в «Сагу об офсайдах»). Показ начался 8 июля в 21.30 и продолжался целый месяц до 8 августа.

Я прекрасно помню ажиотаж, который сопровождал этой премьерой. Дело в том, что до этого на советском ТВ самыми длинными фильмами считались 7—8-серийные работы наших друзей по социалистическому лагерю из Польши и Болгарии. Советские киношники если и снимали «долгоиграющие» фильмы, то они «умещались» обычно в 5 серий. А тут сразу 26! Поэтому интерес зрителей к «Саге» был огромный. Помню, я сам уселся смотреть первую серию, заранее предвкушая удовольствие, равное просмотру «Танкистов» или «Ставки больше, чем жизнь». Как-никак, производителем фильма была Англия — родина «Битлов». Этот «лейбл» многое значил для советских подростков. Однако удовольствия я не получил никакого и едва не уснул на половине серии. Мне казалось, что большей скуки я в жизни не видел! Поэтому последующие серии практически не смотрел, предпочитая это время проводить на улице (летом мы гуляли часов до 12). Однако в отличие от нас, детей, взрослое население с удовольствием следило за развитием сюжета в этом сериале. На пять недель главные герои фильма в исполнении Эрика Портера, Сьюзен Хемпшир и других актеров завладели умами и сердцами миллионов советских женщин и мужчин. Кстати, до Советского Союза «Сага» была «прокатана» практически во всей Европе и везде имела не менее громкий успех.

Между тем оперативники МУРа, работавшие по банде Монгола, вышли на самого главаря и его нескольких подельников, которые не успели лечь на дно. Поимка преступников выглядела следующим образом. В один из дней Карьков (Монгол) встал раньше обычного и сразу позвонил Мухе (Ибрагимову), назначив ему «стрелку» возле булочной в Бабынском переулке (недалеко от метро «Октябрьская»). Однако Муха на встречу не дошел. После звонка он отправился на обычную утреннюю прогулку со своей болонкой и на улице имел несчастье обратиться к двум незнакомым мужчинам с просьбой прикурить. Едва Муха протянул руку за коробком со спичками, как тут же на ней зашелкнулись наручники.

Муха уже «парился» на Петровке, когда Монгол вышел на улицу, где стояла его беже-

вая «Победа». Усаживаясь в нее, Карьков не обратил внимание на черную «Волгу», которая была припаркована чуть в стороне от его подъезда. А зря! «Хвост» из сотрудников МУРа проследовал за «Победой» прямо к месту «стрелки». Монгол вылез из машины, снял пиджак и, перекинув его через руку, не спеша двинулся к булочной. Навстречу ему шли двое мужчин, о чем-то оживленно разговаривали. «И чего это они не поделили?» — подумал про себя Карьков, поравнявшись со спорщиками. Ответ он получил через несколько секунд, когда незнакомцы с обеих сторон повисли у него на плечах, лихо заломили руки за спину и впихнули в черную «Волгу», которая тормознула прямо напротив входа в булочную.

В понедельник, 19 июля, в Кремлевском Дворце съездов открылся 7-й Международный кинофестиваль, на который съехались кинематографисты из 50 стран. Учитывая, что в те годы советские люди не имели возможности подробно знакомиться с зарубежным искусством, этот фестиваль воспринимался как нечто эпохальное. Однако попасть на киносеансы было непросто. Удавалось это лишь тем, кто являлся «своим» человеком в столичной элите. Вот как вспоминает об этом внук Вячеслава Молотова Вячеслав Никонов:

«Кинофестивали в те годы были популярным зрелищем. О, это было страшное дело — достать туда билеты. Если повезет, удавалось достать абонемент в Дом кино. Вообще надо было набирать как можно больше абонементов — например, в кинотеатр «Ереван» какой-нибудь, — чтобы потом менять парные фильмы на что-то другое. За один сеанс показывали два фильма, но знающая публика приходила ко второму, потому что вначале обычно шло что-то из Туниса или Марокко, а потом обязательно французский или американский фильм. Фильмы часто не досматривались до конца, потому что надо было бежать в другой кинотеатр. В результате таких перебежек за один день удавалось посмотреть четыре, а то и шесть фильмов. Причем моя мама как большая поклонница фестивалей бегала гораздо больше меня. Так что за две недели мы смотрели фильмов гораздо больше, чем за целый год до этого...»

И еще одно воспоминание — Григория Александрова, который благодаря протекции

деда, знаменитого кинорежиссера Г. Александрова, устроился работать на фестивале переводчиком в американской делегации:

«За кордоном гэбистов, окружавших гостиницу «Россия», находился совсем иной мир — с ночными ресторанами, барами, пестрой разноразличной публикой, этот мир для меня стал настоящим открытием. Никого не выводили за ухо, никто не требовал взятку за вход в ночной ресторан. Поражала и степень раскрепощенности «западников». На фестивале я познакомился со Стэнли Крамером и Дином Ридом. Когда Рид, радушно улыбаясь, однажды появился за нашим столом, многие американцы спрашивали: «Кто это?» Я объяснял, что это знаменитый американский певец. Оказалось, что в Америке Рида не знают (он жил в ГДР) и популярен он лишь в Советском Союзе да в братской ГДР. Я же с удовольствием с ним фотографировался — ведь столько раз отплясывал под его песни на школьных вечеринках и днях рождения!..»

Будущий президент России Владимир Путин, который тогда окончил первый курс юрфака Ленинградского университета, тем летом в составе студенческого отряда отправился валить лес в Коми АССР. Работа была тяжелая, но прибыльная — студентам платили по тысяче рублей в полтора месяца, что по тем временам считалось настоящим богатством (тем более для нищих студентов). Достаточно сказать, что семья Путина жила скромно, у самого Владимира даже пальто не было, одни дешевые курточки. Правда, купить себе хорошую верхнюю одежду Путину в тот год так и не удалось, поскольку, закончив работу, он с двумя друзьями решил отправиться отдохнуть в Гагру. А юг, как известно, то самое место, где деньги всегда исчезают, словно песок сквозь пальцы. В первый же день друзья выпили портвейна и наелись шашлыка. А с наступлением темноты отправились искать место для ночлега. Нашли его достаточно быстро — их подобрала одна бабка, которая сдавала крышу «дикарям» за символические деньги. Так они у нее и прожили несколько дней. Студенты купались, загорали, но главное — практически не переставая, тратили, тратили и тратили деньги, заработанные тяжелым трудом. Ни у одного из них так и не хватило ума остановиться. Однако о том, что было дальше, мы узнаем чуть позже, а

пока продолжим знакомство с другими событиями июля 71-го.

В самом разгаре экзаменационная пора. В творческие вузы столицы буквально валом валит молодежь со всех концов Союза. Из столицы Коми АССР, города Сыктывкара, в Москву приехал Валерий Леонтьев. Как мы помним, он жил у своей сестры в Воркуте, учился там в филиале Ленинградского горного института, а в свободное время участвовал в художественной самодеятельности (из-за испанских песен в репертуаре его прозвали «воркутинским Рафаэлем»). Однако больших перспектив в Воркуте у Леонтьева не было, поэтому он давно собирался податься куда-нибудь в другое место. Но куда? И тут удача: в Сыктывкаре объявлен республиканский конкурс среди самодеятельной молодежи. Наиболее способных предполагалось отправить учиться в Москву, а впоследствии организовать при местной филармонии эстрадный коллектив. Упустить такой шанс Леонтьев, по его мнению, не имел права.

Между тем едва не «сошел с дистанции». Накануне экзамена, играя на сцене народного театра в пьесе «Таблетка под язык» (роль Малыша), Леонтьев умудрился сломать пяточную кость. Ему наложили гипс и сказали, чтобы он выбросил из головы мысли об экзамене (там ведь не сидеть, а ходить надо!). Но Валерий наплевал на этот совет и прямо в гипсе и с клюкой в руке отправился в Сыктывкар.

Приемная комиссия была в шоке, когда увидела перед собой загипсованного абитуриента. Но Леонтьев отбросил в сторону всякие комплексы и лихо оттарабанил заранее выученный текст. Видимо, учитывая такую самоотверженность, приемная комиссия поставила ему «отлично». Так Леонтьев попал в число 15 счастливицков, которым теперь предстояла учеба в Москве, во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства.

Еще одна будущая звезда — Александр Абдулов — тем летом тоже приехал в столицу испытывать судьбу. Как мы помним, еще в 1970 году он пытался стать студентом Театрального училища имени Щепкина, но провалил экзамены. Вернувшись в родную Фергану, Абдулов поступил в педагогический институт, на факультет физкультуры. Однако отец, работавший режиссером в Ферганском драмтеатре, по-преж-

нему подбивал сына сделать попытку поступить в театральный еще раз. Поэтому спустя год Александр вновь очутился в Москве. На этот раз он поступал в ГИТИС и был принят с первого же захода на курс, который вел известный актер и режиссер МХАТа И. М. Раевский.

Со второй попытки тем летом поступила в институт и Елена Коренева — ей улыбнулась удача в Щукинском училище (как мы помним, в прошлом году она пыталась покорить Школу-студию МХАТ). Правда, без интриги не обошлось. Несмотря на то, что педагог Людмила Ставская, набиравшая курс, благоволила к Елене, она все-таки перед решающим туром позвонила ее матери и сообщила, что было бы очень кстати, если бы за Кореневу замолвил словечко какой-нибудь влиятельный друг семьи. Выбор пал на самого Олега Ефремова, который в юные годы был одноклассником отца Кореновой. Он и позвонил ректору «Щуки» Борису Захаве. Как гласит легенда, ректор хоть и отнесся с пониманием к просьбе Ефремова, однако заметил: «Принять-то я ее приму, но что она дальше делать будет: ведь ей потом в театр устраиваться?» На что Ефремов якобы парировал: «Если понадобится; я ее не только к себе в театр возьму, но и женюсь на ней!»

В эти же дни, но уже в другой творческий вуз — во ВГИК — поступала еще одна будущая звезда отечественного кинематографа — Александр Панкратов-Черный. Окончив в конце 60-х Горьковское театральное училище, он был распределен в пензенский театр, но его мечтой всегда была кинорежиссура. В итоге летом 71-го он наконец решился поступать во ВГИК. Поскольку до экзаменов на режиссерский факультет допускались только те абитуриенты, которые прошли творческий конкурс, Панкратов отправил в Москву свое сочинение под названием «Удивительный сон после счастливого советского праздника». В нем рассказывалось, как дед-фронтвик Матвей 9 Мая на печке рассказывает о том, что ему приснился сон, где за ним по Берлину гонится Гитлер с косой. Дед подбегает к колоннам Рейхстага, однако там деревянная нога деда проваливается в яму. Не имея возможности вытащить ее, дед отстегивает ногу и бежит дальше уже на одной ноге. Гитлер же подбегает к протезу, и вдруг из него начинают расти ветви цветущей яблони, которые закрывают дорогу и тем самым спасают деда.

Заканчивалось сочинение романтично: сквозь голубое небо на все это смотрят глаза деда Матвея.

Судя по всему, сочинение произвело большое впечатление на приемную комиссию, поскольку она решила допустить ее автора до экзаменов. В Пермь, где обитал Панкратов, было отправлено официальное уведомление. Однако его там перехватил местный КГБ. При чем здесь, спросите, Контора? А при том, что Панкратов числился на особом счету у чекистов из-за своих крамольных стихов, которые написал к 50-летию советской власти. С тех пор с него не спускали глаз, и письмо из Москвы на его имя не могло остаться без внимания комитетчиков. Узнав из него, что их поднадзорного собираются принимать во ВГИК, чекисты решили подстраховаться и письмо ему не показали. Спасла Панкратова случайность. За несколько дней до экзаменов он на свой страх и риск решил позвонить в Москву и поинтересоваться результатом. Звонил, в душе совершенно не надеясь на положительный ответ. А ему внезапно сообщают, что его работа принята и его ждут на первый тур.

Вскоре Панкратов со всеми необходимыми документами был уже в приемной комиссии института. Но радовался он рано. Председатель комиссии доцент О. А. Родионов внезапно их не принял. Сказал: мол, вы, молодой человек, еще положенный стаж не отработали после театрального училища. Положено три года, а у вас только два и семь месяцев. Было от чего опустить руки после подобного облома. Но унывал Панкратов не долго. Вспомнив про Юрия Михайловича Славича, который трудился во ВГИКе и с которым он был шапочно знаком, Панкратов нашел его и объяснил ситуацию. Славич посоветовал ему лететь метеором в Министерство культуры и взять, любым способом, справку о том, что его допускают к экзаменам.

В Минкульте, в учебном отделе, куда пришел Панкратов за справкой, сидела милая старушка. Она курила папиросы и радушно улыбалась каждому посетителю. Узнав, что от нее хочет юноша, она полезла в один из шкафов, где находились документы на всех выпускников Горьковского театрального училища. Однако достав папку с личным делом Панкратова, старушка внезапно погрузилась:

— Мил-человек, да у вас здесь вкладыш, — сообщила она неожиданную новость.

— Какой вкладыш? — не врубился в смысл сказанного Панкратов.

— Нехороший, — ответила старушка. — В нем сказано, что вы не имеете права поступать в высшие учебные заведения.

Панкратов вновь убедился, какие длинные руки у пермского КГБ — они и сюда дотянулись. И пришлось бы ему уйти несолоно хлебавши, если бы в старушке внезапно не выиграл азарт. Она решительно захлопнула папку, отравила ее обратно в шкаф, а гостью сказала:

— Забудьте про вкладыш, молодой человек. Справку я вам выпишу. Если поступите — принесете мне цветы. Договорились?

У Панкратова от счастья чуть дух не захватило. Но история на этом еще не закончилась.

Готовясь к экзаменам, Панкратов жил в Москве на съемной квартире, где соседом у него был известный театральный художник. Тот три года учился во ВГИКе у Михаила Ромма, которому Панкратову предстояло вскоре сдавать экзамены. Естественно, не выручить приятеля советом художник не мог.

— Ромм обожает художников-импрессионистов, — втолковывал однажды художник Панкратову. — Поэтому, если хочешь его обаять, ты должен долбить именно в этом направлении.

— Но я ни одного художника-импрессиониста не знаю, — честно признался Панкратов. — Как же я о них расскажу?

— Разумно, — согласился с ним художник. — Но это не беда. На худой конец, художника можно придумать.

— Как это — придумать? — удивленно вопрошал абитуриент.

— Да очень просто. Называешь от балды любое имя — и дело в шляпе. Я уверен, что подробностями Михал Ильич интересоваться не станет — постесняется выказать свою неосведомленность.

— Какое же имя придумать?

— Что-нибудь французское. Например, Франсуа Лемарк.

На том друзья и порешили.

Наконец настал день экзаменов. Как и ожидалось, первым делом Ромм поинтересовался у Панкратова, любит ли он живопись.

— Еще как! — гордо ответил тот.

— Кто же ваш любимый художник? — не унимался Ромм.

— Коровин.

— Похвально, похвально, — закивал головой мэтр, после чего поинтересовался: — А к импрессионистам вы как относитесь?

— Очень хорошо, Михаил Ильич. Каждый уважающий себя интеллигентный человек должен знать и любить импрессионистов.

— И кому же из них вы отдаете большее предпочтение?

— Франсуа Лемарку, Михаил Ильич.

Услышав незнакомое ему имя, Ромм едва не поперхнулся папиросой. Затем, загасив ее в пепельнице, он перевел глаза на Манану, дочь Ираклия Андроникова, которая тоже входила в приемную комиссию, как бы ища у нее ответа на вопрос: кто такой этот Франсуа Лемарк? Однако та недоуменно пожала плечами: мол, извини, не знаю такого. Тогда Ромм вновь обратился к Панкратову:

— Франсуа Лемарк, говорите? А не можете ли вы поподробнее рассказать нам о нем?

Такого поворота событий Панкратов не ожидал. Однако годы, проведенные им в театральном училище, а затем и в театре, не прошли для него даром. Поэтому, набравшись духу, он принялся с упоением играть роль барона Мюнхгаузена. Минут двадцать он рассказывал о молодом, но талантливом художнике-импрессионисте Франсуа Лемарке, причем говорил так убежденно, что никто из присутствующих долго не мог усомниться в подлинности его слов. И только в конце его виртуозного трепя первой прорвало дочь Андроникова. Манана стала громко хохотать, чем здорово обескуражила не только Панкратова, но и всех членов приемной комиссии.

— В чем дело, Манана? — спросил у коллеги Ромм.

— Михаил Ильич, да мы с вами счастливые люди, — перестав смеяться, ответила женщина. — Сегодня присутствовали при рождении нового имени в течении импрессионизма.

Панкратов похолодел, поскольку понял, что эта женщина его раскусила. Сейчас и у Ромма раскроются глаза на происходящее и его вышвырнут из кабинета. Но произошло неожиданное — Михаил Ильич тоже принялся громко хохотать. После чего обратился к своим коллегам по комиссии:

— Друзья мои, если молодое дарование так умеет врать, ему самое место в нашем советском кинематографе.

И Панкратову поставили «отлично».

Однако на этом «институтская» тема в июле не исчерпывается. 17 июля в «Комсомольской правде» была опубликована весьма актуальная даже по нынешним временам статья А. Шлиенкова, в которой рассказывалось о неких столичных дельцах, которые за деньги помогали абитуриентам поступать в вузы. Действовали дельцы изобретательно. У них была целая обойма «подставников» — специалистов по математике, физике, химии, литературе и другим предметам, которые под видом абитуриентов сдавали экзамены в институты за тех, кто приехал издалека. Успешно сдав экзамены, «подставные» в течение некоторого времени исправно посещали занятия вместо настоящего студента, после чего брали академический отпуск. Им выдавалась справка (наличие фотографии на ней не предусматривалось), которая потом передавалась настоящему студенту, чтобы тот мог спокойно перевестись в любой вуз своего родного города. Естественно, все эти манипуляции осуществлялись за деньги. В упомянутой заметке фигурировали следующие суммы: например, некий уроженец Грузии Картлоз, мечта поступить в столичный Институт советской торговли, заключил сделку с экзаменационными дельцами и в качестве первого взноса выложил 500 рублей. Затем, когда «подставной» закончил за него первый курс, он заплатил 1 тысячу рублей.

Среди дельцов, промышлявших подобного рода махинациями, в заметке был назван некий заведующий лабораторией в одном из московских институтов. Десятки (!) раз он поступал в институты как «подставной» и практически никогда не проваливался на экзаменах. Бывало, что он сдавал экзамены сразу в несколько вузов. На этом деле он в среднем зарабатывал 3 тысячи рублей. А вот его шеф по мошеннической группе получал вдвое больше — 6 тысяч.

Во вторник, 20 июля, в той же «Комсомолке» появилась еще одна громкая заметка — «На мели» В. Цекова. На этот раз дело шло об иной сфере деятельности — о футболе. А если конкретно — о вопиющей обстановке, сложившейся в одной из команд первой лиги — одес-

ском «Черноморце». Главным героем заметки был 24-летний стоппер (центральный защитник) команды Виктор Лысенко. Однако прежде чем перейти к его «подвигам», стоит вкратце ознакомиться с его биографией, которая в заметке по каким-то причинам опущена.

Воспитанник футбольной школы №3 в Николаеве, Лысенко один год играл в местной команде «Судостроитель», после чего был приглашен в «Черноморец», игравший в высшей лиге. За пять лет своего пребывания в команде Лысенко сыграл сотню матчей, забил 3 гола. В 68-м он попал в список 33 лучших футболистов страны под номером 3. В 69-м был приглашен в сборную СССР, где провел одну игру (20 февраля со сборной Колумбии в Боготе, где наши победили со счетом 3:1). Как напишут позднее в футбольной энциклопедии про Лысенко: «Атлетически сложенный, цементировал действия оборонительной линии команды, хорошо предвидел развитие атак соперников, своевременно подстраховывал партнеров, умел полезно сыграть в подыгрыше, владел сильным ударом».

А теперь вернемся к заметке в «КП». По словам ее автора, Лысенко являлся чуть ли не главным нарушителем дисциплины в команде, ему прощались любые грехи, вплоть до уголовно наказуемых. Например, в 1970 году, усевшись в нетрезвом виде за руль автомобиля, Виктор сбил человека, к счастью для последнего — не насмерть. ГАИ хотела отобрать у футболиста водительские права, однако за него вступились чиновники из Черноморского бассейнового совета ДСО «Водник», взявшие стоппера на поруки. Но Лысенко этот урок не запомнил. И весной следующего года он вновь выпил лишнего, сел за руль и опять угодил в историю, но на этот раз более страшную. Теперь пострадавших по его вине оказалось четверо, причем двое из них погибли. Сам футболист упорно отстаивал версию о том, что за рулем злополучного автомобиля в тот день был не он, а его погибший приятель, однако последний незадолго до своей смерти в больнице якобы указал в качестве водителя именно на Лысенко. Это сыграло против Лысенко, и хотя от уголовного наказания ему удалось уйти, однако карьера в большом футболе была завершена — из «Черноморца» его отчислили навсегда.

Автор статьи ставил в укор руководителям «Черноморца», что они в погоне за результатом — желанием во что бы то ни стало вернуться в высшую лигу (покинули ее в 1970-м) — идут на поводу у игроков: выделяют им квартиры, машины, дают крупные суммы денег на «карманные» расходы. Например, некий форвард из Винницы получил в Одессе двухкомнатную квартиру, обставил ее мебелью, однако играть в «Черноморце» не стал и уехал в Донецк, где местный «Шахтер» выделил ему еще одну квартиру. Кстати, между строк этой заметки умные люди читали, что подобная ситуация привычна не только для команд первой, но и высшей лиги. Просто про именитые клубы писать правду было запрещено — могли обидеться высокие покровители команд.

Кстати, такая же ситуация была и с договорными играми. Все, кто увлекался футболом, прекрасно знали, что такие игры существуют и их даже с каждым годом становится все больше и больше. Однако в прессе говорить об этом было нельзя. Зато о договорных играх за рубежом писали охотно и подробно. Например, в начале августа все в той же «Комсомолке» напечатают заметку о шумном судебном процессе, проходившем в ФРГ, в городе Франкфурте-на-Майне. Там под суд попало сразу несколько футболистов, которые брали деньги с соперников и «сплавляли» игры. Так, вратарь команды «Кельн» М. Манглиц был приговорен за подобные «штучки» к штрафу в 25 тысяч марок. Играть в бундеслиге ему было теперь запрещено.

И еще о футболе. На момент выхода статьи В. Цекова в отечественной высшей лиге наступил недельный перерыв между 1-м и 2-м турами. К этому моменту турнирная таблица среди лидеров выглядела следующим образом: на 1-м месте находилось киевское «Динамо» (23 очка), на 2-м — ереванский «Арагат» (21), на 3-м — московское «Динамо» (19).

Но вернемся к хронике событий.

В Москве продолжается Международный кинофестиваль. Еще задолго до его начала в столичной тусовке говорили о том, что на него привезут скандально известный фильм «Беспечный ездох» с Фондой-младшим и Денисом Хоппером (он же режиссер) в главных ролях. Картина про бунтарскую молодежь успела наделать много шума в мире, поэтому в Москве

ее ждали с огромным нетерпением. Однако вышел «облом». В один из фестивальных дней по столице пронесся слух, что «Ездока» будут показывать в «Ударнике». Легко представить, что творилось возле кинотеатра в тот день: толпы молодых людей штурмовали кассы, едва их не разгромив. Объяснения работников кинотеатра, что «Беспечного ездока» показывать не будут, никакого впечатления не производили: все считали, что их просто обманывают. Но, конечно, это был просто слух. В тот день вместо «Беспечного ездока» был показан фильм «Наездники» с красавцем Омаром Шарифом в главной роли. Ничего общего между этими фильмами, естественно, и близко не было.

Еще один забавный случай произошел в те дни с одной японской критикессой, которая приехала в Москву на фестиваль. Она была хорошо знакома с женой режиссера Василия Катаняна Инной, остановилась у нее дома и стала взахлеб хвалить жизнь советских женщин: дескать, им не надо бороться за свои права, профсоюзы стоят на страже их интересов, медицина бесплатная и т. д. и т. п. Жена Катаняна не стала с ней спорить. Она поступила иначе: на второй день после приезда японки повела ее по продуктовым магазинам, расположенным в самом центре Москвы — на улице Горького. Когда гостья увидела, что на прилавках и в помине нет никакого изобилия и в разгар фруктово-овощного сезона продают один лишь «лук зеленый несортовой» с кусками земли, ее вера в счастливую жизнь в СССР была поколеблена. Во всяком случае, вплоть до своего отъезда с фестиваля она уже не заикалась о преимуществах советских женщин перед японскими.

Популярный киноактер Юрий Соломин все дни проведения фестиваля вынужден был пролежать на больничной койке. Угодил он туда неожиданно. Малый театр летом отправился на гастроли в Киев, где с Соломиным и случилась беда — прямо на сцене, во время спектакля «Пучина» у него начались дикие боли. Со сцены его буквально вынесли коллеги. Оказалось, что у него не просто аппендицит, но и перитонит. Соломина немедленно прооперировали, после чего отправили долечиваться в Москву. В итоге почти два месяца он вынужден был провести в больнице. За фестивальными событиями он следил по радио.

Мосфильмовский режиссер Николай Москаленко продолжает работу над фильмом «Русское поле». В начале месяца съемочная группа в течение недели (2—9 июля) снимала натуру (уборка урожая) в Ставропольском крае, после чего переместилась под город Кетово Горьковской области. Съемки там начались 22 июля. Из актеров в экспедиции участвуют Нонна Мордюкова, ее сын Владимир Тихонов, Инна Макарова, Людмила Хитяева, Нина Маслова. Последняя должна была сниматься у С. Ростюцкого в фильме «А зори здесь тихие...» в роли Жени Комельковой, однако отказалась. Причем в качестве побудительного мотива выступала любовь. У Масловой тогда был роман с Владимиром Тихоновым, вот она и пожертвовала ради него главной ролью. Знай она, чем это в дальнейшем обернется, то сто раз подумала бы, прежде чем так поступить. А случилось вот что. В разгар съемок в съемочную группу приехала Наталья Варлей, которая, как выяснилось, была беременна ребенком все от того же Владимира Тихонова. Маслова не стала ничего выяснять, а предпочла молча отойти в сторону, хотя любовь у них с Тихоновым была сильная, они даже собирались пожениться. Но в итоге тот женился на Варлей.

Продолжается пребывание Марины Влади и ее сыновей в Москве. 26 июля Влади выписала доверенность на вождение автомобилем «Рено-16» на имя своего мужа Владимира Высоцкого. Тот на седьмом небе от счастья, хотя автомобилист он рискованный и постоянно попадает во всевозможные аварии: причем как на своих автомобилях, так и на чужих. Вот и «Рено-16» тем летом 71-го ждет печальная участь — Высоцкий его расколешматит. Послушаем рассказ самой М. Влади:

«Однажды, вернувшись домой, чтобы переодеться для вечера, я нахожу своих мальчиков очень занятыми импровизацией ужина, который должен был приготовить им ты, — в то время мы живем одни, твоя мать в отпуске на море.

Они говорят мне, что ты ненадолго отлучился, но подъедешь попозже. Тогда я беру такси, потому что машина у тебя — «Рено-16», которую я привезла из Парижа и на которой ты научился водить, — и отправляюсь на званый вечер одна. Ты приезжаешь гораздо позже, в бледно-желтом свитере, с мокрыми волосами и

чересчур беспечным видом. Заинтригованная, я спрашиваю тебя, где ты был. Ты говоришь, что объяснишь потом. Я не настаиваю. Вечер проходит, симпатичный и теплый, но ты отказываешься петь, ссылаясь на хрипоту, чего я раньше никогда за тобой не замечала... Я буквально теряюсь в догадках. Мы выходим, и, когда наконец остаемся одни, ты рассказываешь, что из-за какого-то наглого автобуса потерял управление машиной, вылетел через ветровое стекло, вернулся домой в крови, мои сыновья заставили тебя пойти к врачу, машина стоит в переулке за домом немного помятая, но что касается тебя — все в полном порядке! И чтобы успокоить меня, ты быстро отбиваешь на тротуаре чечетку.

Только вернувшись домой, я понимаю всю серьезность этой аварии: весь перед смят, машины больше нет. Твоя голова, на которой прилизанные волосы закрывают раны, защита в трех местах двадцатью семью швами. Правый локоть у тебя распух, обе коленки похожи на спелые баклажаны. Мои два мальчика не спали, чтобы присутствовать при нашем возвращении. Они потрясены твоей выдержкой. Особенно они гордятся тем, что не выдали вашей общей тайны. Соучастниками вы останетесь до конца. Став взрослыми, они будут лучшими твоими адвокатами передо мной и, как в этот вечер семьдесят первого года, всегда будут защищать своего друга Володю ото всех и наперекор всему...»

Во вторник, 27 июля, в полуфинальном матче по шахматам Тигран Петросян победил недавнего именника Корчного со счетом 5,5:4,5. Таким образом, он вышел в финал, где должен был встретиться с победителем другого полуфинала — Робертом Фишером.

А теперь самое время взглянуть на афишу развлечений. В кинотеатрах Москвы во второй половине июля состоялось несколько премьер: 17-го на широкий экран вышла мелодрама белорусского режиссера И. Шульмана «**Нечаянная любовь**»; 19-го еще одна мелодрама — «**Счастье Анны**» Юрия Рогова с участием Валентины Теличкиной, Николая Гриценко и др., а также комедия из сельской жизни «**Меж высоких хлебов**» Леонида Миллионщикова, где снялись Евгений Леонов, Зинаида Дехтярева, Маргарита Криницына, Лев Прыгунов и др.; 24-го — военная драма «**Дорога на Рюбцаль**»

режиссера из ГДР А. Бергункера с участием Л. Румянцевой, Л. Гурченко, А. Бабкаускаса и др.; 26-го — героическая киноповесть Владимира Рогового «**Офицеры**» с Георгием Юматовым, Василием Лановым и Аллой Покровской в главных ролях; 28-го — чеховский «**Дядя Ваня**» Андрея Михалкова-Кончаловского, где снялся целый букет звезд — Иннокентий Смоктуновский, Сергей Бондарчук, Ирина Купченко, Ирина Мирошниченко, Владимир Зельдин и др.

Не пустуют эстрадные площадки. 16—18 июля в Зеленом театре ВДНХ состоялись сборные концерты с участием артистов «Кабачка «13 стульев», а также Бедроса Киркорова, вокальных квартетов «Аккорд», «Гая», 19—21-го в эстрадном театре «Эрмитаж» пела Мария Кодряну, 21—22-го в Ждановском ЦПКиО — Эмиль Горовец, 24—30-го в ЦПКиО имени Горького сборный концерт с участием Майи Кристалинской, Александры Стрельченко, Вадима Мулержмана, Вероники Кругловой, Марии Лукач, Жанны Горощени, Виктора Чистякова и др.

31 июля в эстрадном театре сада «Эрмитаж» состоялся дебют нового ВИА. Названия у коллектива еще не было, поэтому конференсье представил его как «ансамбль под управлением Юрия Маликова». Спустя некоторое время вся страна узнает его как ВИА «Самоцветы». Как мы помним, идея создать свой ВИА появилась у Маликова еще год назад, когда он находился вдали от родины — представлял советское искусство на выставке в Японии. Для осуществления своей мечты Маликов истратил всю полагающуюся ему валюту на закупку аппаратуры, чем сильно огорчил супругу.

Новый коллектив создавался трудно. Прислушали несколько десятков вокалистов. Пробовался даже Олег Анофриев, который после выхода мультлика «Бременские музыканты» стал очень популярным исполнителем. Но и он не подошел. Впору было хвататься за голову и ставить крест на самой идее. Но тут Маликову повезло. Кто-то посоветовал ему посмотреть музыкантов, играющих в клубе 3-го таксомоторного парка на улице Вавилова. В итоге именно они и составили костяк нового ВИА. Музыкантов звали: Вячеслав Погосян (чуть позже он станет Вячеславом Добрыниным), Алексей Пу-

зырев, Геннадий Макеев, Глеб Май. Последний в тот момент крутил любовь с самой... внучкой Брежнева Викторией. Как вспоминает Н. Раппопорт: «Мы обалдевали, когда к дверям нашего скромного клубика прикатывал шикарнейший лимузин, оттуда вылезал маленький Глеб, быстренько целовал свою пассию и бежал репетировать. Когда Брежнев узнал, с кем встречается его внучка, неудавшегося жениха тут же забрали в армию, а потом отправили на Кубань и сделали руководителем казачьего ансамбля...»

Но вернемся в июль 71-го.

Из новинок «Мелодии» назову следующие: пластинка «Поэт Эдита Пьеха» с песнями «Разноцветные кибитки», «Антон, Иван» (Л. Стерн),

«А любовь как песня» (О. Фельцман — В. Харитонов); миньон «Поэт ВИА «Голубые гитары» с песнями: «Ветер северный» (Я. Френкель — И. Гофф), «Калинка» (обработка русской народной песни), «Когда я увидел ее» (Д. Леннон — П. Маккартни), «У дороги чибис» (М. Иорданский — А. Пришелец).

По ТВ показывали следующие фильмы и передачи: «Дикая собака Динго», «Поэт Дин Рид» (18-го), «Воскресение» (19—20-го), «Мама вышла замуж», «Мичман Панин», «Артлото» (все — 25-го), «Медовый месяц» (26-го), КВН. Финал — (27-го), «Мы с Вулканом» (29-го), «Кабачок «13 стульев», «Гулящая» (30-го), «Огни цирка», «Кинопанорама», 19-я серия «Саги о Форсайтах» (31-го) и др.

1971 АВГУСТ

Подарок сыщику от вдовы известного писателя. Умерла мама Эдиты Пьехи. Скандал на кинофестивале: Козинцев против ЦК КПСС. Как Михалкова-Кончаловского не пустили в Сан-Себастьян. Почему у Аллы Пугачевой пропало молоко. Как Владимир Путин с трудом, но покинул Гагру. Маленькие радости Юрия Чурбанова. Под присмотром «наружки» Солженицын едет на юг. Премьера песни «Увезу тебя в тундру». Кубок СССР по футболу у московского «Спартака». Покушение на Солженицына. Банда «фантомасов»: новое ограбление. В Москве задержали особо опасного преступника. Кража на выставке «Интермаш». «Бес в ребро» Сергею Герасимову. Александр Стефанович: любовь втроем. Обыск на даче нобелевского лауреата. 70 лет Борису Чиркову. Бриллианты для председателя КГБ. Кто перебежал дорогу Льву Лещенко. «Билетная» мафия в Москве. Гений пародии Виктор Чистяков. Сахаров и Боннэр: объяснение в любви. Как лечили Солженицына. В Москве объявился маньяк. Свой очередной юбилей Фаина Раневская встретила в больнице. Полоса забвения для Людмилы Гурченко закончилась. Последняя поездка Василия Шукшина на родину. Погиб сын Виталия Коротича. Провал наших в Сопоте. Родила Светлана Тома.

В понедельник, 2 августа, в Крыму Леонид Брежнев провел совещание среди руководителей братских социалистических стран. Туда съехались первые лица всех этих держав, кроме Румынии. Дело в том, что Николае Чаушеску Брежнев откровенно не любил и старался как можно реже встречаться с ним лично. Видимо, и на сей раз решил не приглашать его на встречу, чтобы не портить себе настроение во время отдыха.

В этот же день в Москве в комнату милиции 1-го отделения отдела специальной службы Управления охраны общественного порядка исполкома Моссовета вошла молодая загорелая женщина в простом, но хорошо сшитом платье. Она нашла 25-летнего помощника оперуполномоченного Юрия Федосеева и вручила ему плотный сверток, в котором находился двухтомник известного советского писателя, умершего несколько лет назад. На титульном листе одной из книг было написано: «Дорогому Ю. Г. Ф. от благодарной семьи автора». Чтобы понять, за что рядовой опер удостоился такого

подарка, следует перенестись в недалекое прошлое.

Федосеев попал на службу в 1-е отделение в декабре 1967 года. Причем был распределен в тепленькое местечко — гостиничное отделение, которое курировало все столичные гостиницы, в том числе и одну из самых престижных — «Москва». Там и завязалась эта история. Однажды заведующая сберегательной кассы, расположенной на первом этаже гостиницы (главными клиентами кассы были самые богатые люди столицы), позвонила Федосееву и попросила зайти к ним. По ее словам, она заметила нечто подозрительное. Когда опер примчался на зов, заведующая рассказала, что только что в кассе был открыт новый счет, но человек, сделавший это, не внушает доверия. И указала на странную пару: пожилую женщину в каркулевой шубе и невозмутимого мужчину лет тридцати в демисезонном пальто. Именно мужчина и вызвал подозрение у заведующей.

— Мне кажется, он ее обманывает, — сообщила она оперу.

Федосеев направился к паре. Представившись, он попросил обоих вкладчиков пройти с ним в комнату милиции для уточнения некоторых деталей. Те, естественно, подчинились. Оставив задержанных в отделении, Федосеев вернулся в сберкасса, где услышал следующую историю.

Оказывается, пожилая женщина была вдовой известного писателя, ушедшего из жизни несколько лет назад. Покойный оставил жене богатое наследство, которое та решила истратить исключительно на себя (хотя у писателя была внебрачная дочь, ютившаяся с мужем инженером и большой дочерью в коммунальной квартире). Вскоре вдова познакомилась с молодым журналистом, который представился ей как большой поклонник творчества ее покойного мужа. Он сообщил женщине, что мечтает написать документальную книгу о покойном писателе, но для этого, мол, необходимо покопаться в его архивах. Вдова, которой журналист очень понравился, позволила ему не только залезть в бумаги умершего мужа, но и оставила у себя жить.

Через какое-то время журналист сообщил вдове, что книга почти готова и надо пробивать ее издание. Но для этого нужны деньги, причем немалые. И назвал цифру 25 тысяч рублей. Вдова, которая к этому времени окончательно потеряла голову от любви к журналисту, согласилась выдать ему эти деньги. Именно в момент перевода этих денег с одного счета на другой и появился оперуполномоченный Юрий Федосеев. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Узнав обо всем, я беседую с «писателем». Прошу у него документы.

— А почему ваше редакционное удостоверение просрочено?

— Я не был в редакции четыре месяца.

— У вас есть задание редакции на эту работу?

— Нет. Это мои творческие планы.

— В каком издательстве будет издаваться книга, есть ли предварительная договоренность?

— Нет. Издателя еще предстоит найти, договориться.

— А сама-то книга есть? Есть что издавать? — не унимаюсь я.

— Не то чтобы уж и книга, но материалов много. Очень много, — добавляет он.

— Ну хоть одна законченная глава-то есть? — допытываюсь я. В случае положительного ответа, можно было попросить эту главу и отдать на отзыв специалистам.

— Нет. План книги я только обдумываю, — признается «писатель».

— А когда можно будет посмотреть вашу книгу хотя бы в рукописи?

И тут он приоткрывается: «Ну, кто может это знать? Здесь достаточно слагаемых: автор, издательство, редакция, бумага, а потом, вы знаете, в литературе столько завистников...»

— Значит, книги о писателе С. может и не быть? — спрашиваю напрямую.

— Понимаете...

Я понимал, что передо мной кто угодно — мошенник, альфонс, журналист-неудачник, — но никакой не писатель. Понимал я также, что доказать его мошенничество не удастся: уж слишком сложен процесс такого доказывания. Во всяком случае, потребуются найти еще несколько подобных «творческих неудач». А если это первая? Тогда помучаем, помучаем всех, растрезвоним, а дело придется прекратить. «Заявление об аннулировании счета напишете сами и сами же возвратите деньги вдове С.? Или будем решать вопрос с участием следователя?» — спокойно спрашиваю я. Он вскинул глаза, в них была тоска по уплывающим деньгам. «Напишу сам», — сказал, как уронил.

И вот передо мной десять аккуратных паек из 25-рублевых купюр. 25 тысяч рублей.

— Анна Николаевна, — обращаюсь я к вдове (назовем ее так условно), — заполните, пожалуйста, приходный ордер.

— Не могу, руки не слушаются.

Заполняю сам и прошу ее расписаться. Она ставит свою подпись, в глазах страх, благодарность и недоумение. После ухода журналиста Анна Николаевна не знает, что делать.

— Что же дальше? — спрашивает много испытывавшая на своем веку женщина у двадцатипятилетнего мальчишки, каковым я был.

— Поезжайте домой. Журналист, полагаю, больше докучать вам не будет. Помните, что у вас есть хоть и не родная, но дочь, да еще и большая внучка...»

С тех пор прошло несколько месяцев, и Федосеев уже успел забыть о ней. Как вдруг 2 ав-

густа вдова писателя сама напомнила о себе, прислав свою знакомую с подарком. Посыльная также рассказала, что у вдовы все сложилось хорошо: она оплатила отдых и лечение дочери с внучкой в Крыму. Да и сама чувствует себя великолепно.

3 августа у популярной певицы Эдиты Пьехи умерла мама — Фелиция Каролевская. За свою долгую жизнь эта женщина хлебнула немало трудностей. Когда началась война, Фелиция вместе с мужем Станиславом Пьехой жила во Франции, которая была оккупирована фашистами. Жили они бедно, воспитывая двух детей — 14-летнего сына Павла и 4-летнюю дочку Эдиту. Отец вместе с сыном с утра до ночи трудились на шахте, из-за чего и погибли в расцвете лет: отец в 37 лет, сын — в 17. Чтобы сохранить жизнь своей единственной дочери, Фелиции пришлось выйти замуж за нелюбимого человека — тот имел возможность их прокормить. При этом отчим хотел, чтобы Эдита взяла его фамилию, но та наотрез отказалась: «Я буду носить папину». Про свою мать Э. Пьеха вспоминает следующим образом:

«Вообще-то я папина дочка. От мамы у меня доброта, терпеливость. Их было три сестры. Две прекрасно устроились в жизни. А мама никогда не жила роскошно, всегда самая бедная, невезучая, наверно, оттого, что была такая открытая для всех... У нее все было строго. Она не делала маникюра, у нее не было на это времени, но всегда были чистые ноготочки. Мама никогда не копала огород, это делал отчим, не таскала тяжести, она вела дом, могла сварганить за ночь из двух старых платьев мне наряд...»

В тот день, когда умерла мать Пьехи, завершил свою работу 7-й Московский международный кинофестиваль. Между тем за несколько дней до этого события разразился скандал. Камнем преткновения стал главный приз фестиваля. Дело в том, что еще за несколько дней до открытия форума киношное руководство СССР и ГДР договорились между собой, что Золотой приз получит картина президента Академии искусств ГДР, режиссера Конрада Вольфа «Гойя» (в главной роли там снялся советский актер Донатас Банионис). Но во время проведения фестиваля договор внезапно сорвал один из членов жюри — режиссер Григорий Козинцев. Кстати, когда его выбирали в жюри, он вся-

чески противился этому, а когда все-таки уговорили, честно предупредил: откровенную халтуру поддерживать не буду. Видимо, чиновники из Госкино к такому заявлению отнеслись слишком легкомысленно, за что и поплатились. Козинцев решительно выступил против «Гойи». В своем письме коллеге-кинорежиссеру Сергею Юткевичу он, в частности, писал:

«Тебе, как члену-корреспонденту немецкой Академии художеств... несомненно, интересно будет узнать, что одним из «гвоздей» было забивание гвоздей в жюри на предмет записи «Гойи» в выдающиеся (из ряда — какого? — вон — куда — вон?) произведения. Хотя в фильме есть и несомненные достоинства (трактовка популярного художника в духе популярных произведений Птушко), но цветовое решение («по решению» ихней Академии художеств) в духе немецких олеографий конца века, а также излишнее оригинальничанье в показе Испании (кастаньеты, раз; гитары, два; бой быков, три — и обчелся), кроме того — спорный выбор артистки Чурсиной (последний раз я видел аккуратно такую испанку в Рязани) вызвали некоторые разногласия среди присутствующих, что не помешало всем им признать кинофильм твоего уважаемого председателя дерьмом...»

Чтобы пропихнуть «Гойю» на «золото» фестиваля, чиновники из Госкино предприняли массу всевозможных шагов (уговоры, различные посулы членам жюри), а когда это не помогло, настучали в ЦК КПСС. В итоге Козинцева, как главного смутьяна, в первых числах августа вызвали на Старую площадь, в отдел культуры, и стали уговаривать не упорствовать в своем неприятии фильма: мол, это же наши коллеги из братской социалистической республики, их надо поддержать и т. д. и т. п. Но Козинцев был неумолим. Более того, устав выслушивать нотации из уст чиновников, он заявил, что, если «Гойю» будут продолжать тянуть в фавориты, он немедленно выйдет из состава жюри и уедет в родной Ленинград. Видимо, это заявление отрезвило чиновников, поскольку они действительно отстали от Козинцева, а «Гойя» получил то, что заслуживал, — всего лишь Серебряный приз. А обладателями Золотых призов стали безусловные шедевры: «Белая птица с черной отметиной» (СССР, режиссер Юрий Ильенко), «Сегодня жить, умереть завтра» (Япония, реж. Канэто Синдо), «При-

знание комиссара полиции прокурору республики» (Италия, реж. Дамиано Дамиани).

И еще о делах фестивальных. В эти же дни в испанском городе Сан-Себастьян проходил международный кинофестиваль, на котором Советский Союз был представлен фильмом Андрея Михалкова-Кончаловского «Дядя Ваня». Самое интересное, что создателя фильма на фестивале не послали, отправив вместо него кого-то из чиновников Госкино. А отсутствие создателя объяснили просто: мол, приболел Кончаловский. Такое хамство в те годы весьма часто практиковалось в киношной, да и в любой другой среде.

Между тем «Дядя Ваня» неожиданно завоевал награду — «Серебряную раковину»! Кстати, об этой победе сам Кончаловский узнал случайно. Как-то вечером он вышел подышать воздухом на улицу (он тогда с женой-француженкой Вивиан жил в доме на Новослободской), подошел к газетному щиту и обомлел: на четвертой полосе в уголке была помещена малюсенькая такая заметочка о том, что советский фильм «Дядя Ваня» получил «Серебряную раковину» на фестивале в Сан-Себастьяне.

Другой известный кинорежиссер — Василий Шукшин — в те дни снимал картину «Печки-лавочки». Павильонные съемки проходили в Москве, там же записывалась музыка к фильму. На запись песни была приглашена мало кому в те годы известная 22-летняя певица Алла Пугачева. Два с половиной месяца назад у нее родилась дочь Кристина, поэтому Алла сильно волновалась, получится ли запись, — все это время она сидела с дочкой дома, не пела, да и с голосом после родов могло произойти всякое. Видимо, поэтому маленький музыкальный фрагмент записывали целый день.

Из-за всех этих беспокойств у нее вскоре пропало молоко. К счастью, примерно в это же время родила ее соседка с первого этажа, у нее грудного молока было — хоть упейся, вот она и кормила им своего ребенка, да еще и пугачевскую Кристину.

Между тем будущий президент России Владимир Путин с горем пополам сумел вернуться из Гагры, где он отдыхал с двумя приятелями, в родной Ленинград. Почему с горем? Дело в том, что за время отдыха троица умудрилась промотать все свои деньги (а это почти 3 тыся-

чи рублей!) и в итоге с трудом наскребла гроши на обратную дорогу домой. Денег хватило только на самый дешевый способ проезда — палубные места на теплоходе. Тот шел до Одессы, а дальше ребятам предстояло пересесть на поезд и трястись в общем вагоне на третьей полке (была раньше такая услуга, называлась «смешанная перевозка»). На оставшиеся после покупки билетов гроши друзья купили несколько банок тушенки.

Примерно за час до отплытия друзья пришли на пристань. Там они узнали, что первыми должны подняться на борт те, у кого на руках билеты в каюты. Палубные должны были подняться вслед за ними. Но это была хитрость команды, которая таким образом хотела отсеять палубных от поездки — их было так много, что команда боялась перегрузки. Путин с друзьями так и остался бы в Гагре, если бы один из приятелей не проявил завидную сообразительность. Заподозрив неладное, он предложил друзьям пробраться на борт вместе с каютными. Путин, будучи уже тогда человеком законопослушным, испугался скандала и стал уговаривать друзей не пороть горячку. Но те его не послушали. В итоге будущему президенту пришлось подчиниться.

Смелчакам повезло: из-за сутолоки стоявший на входе боцман не сумел тщательно разглядеть их билеты, и они просочились на борт вместе с каютными. После чего была дана команда поднять трап. Как вспоминает сам В. Путин: «Резко начали поднимать трап, и тут такое началось! Обманули, в общем, людей. Они же деньги заплатили. Как потом объясняли, с ними перегруз был бы. Если бы мы не сели, так бы на причале и остались. Потому что денег уже ни копейки не было из тех, что мы в тайге заработали. Последние ушли на тушенку и билеты. И куда бы мы делись без денег, непонятно.

А так расположились прямо в спасательной шлюпке, она над водой висела. И плыли как в гамаке. Я две ночи в небо смотрел, не мог оторваться. Пароход идет, а звезды как будто завили, понимаете? Ну, морякам это хорошо известно. Для меня же это было любопытное открытие.

Вечером разглядывали пассажиров из кают. Почему-то немного было грустно смотреть, ка-

кая там красивая жизнь. У нас ведь только шлюпка, звезды и тушенка...»

Тем временем зять генсека Юрий Чурбанов продолжает свое восхождение по ступеням служебной лестницы. 6 августа начальники Главного управления внутренних войск и Политуправления ВВ МВД СССР бьют челом самому министру Н. Щелокову: «Просим войти с ходатайством в Совет Министров СССР о том, чтобы засчитать т. Чурбанову Ю. М. в стаж службы во Внутренних войсках МВД СССР (для выплаты процентной надбавки и последующего пенсионного обеспечения) его работу в комсомольских органах (9 лет 1 месяц 19 дней)».

Щелоков ставит на документе свою размашистую подпись: «Согласен». И на 1 августа 1971 года выслуга лет Чурбанова на офицерских должностях «автоматом» составляет 12 лет. Плюс 10 месяцев и 22 дня. Как говорится, без комментариев.

В субботу, 7 августа, в Москве на заполненной до отказа Большой спортивной арене в Лужниках состоялся финальный матч Кубка СССР по футболу между московским «Спартаком» и ростовским СКА. Матч сложился на удивление драматично. Уже на третьей минуте игрок гостей Кучинская забил первый гол в ворота спартаковского голкипера Кавазашвили. Однако москвичам понадобилось всего лишь три (!) минуты, чтобы восстановить равновесие. Гениальный Гиля, он же Галимзян Хусаинов, сравнял счет. Затем в течение почти часа ни одной из команд не удавалось выйти вперед. Но за 22 минуты до конца игры ростовчанину Зинченко все же повезло, и мяч, пущенный им, вновь пересек линию спартаковских ворот. 2:1. «Спартак» бросился отыгрываться, однако все попытки хозяев расквитаться заканчивались неудачно. Казалось, что почетный Кубок впервые за историю отечественного футбола уедет в Ростов-на-Дону. Однако...

Вспоминает тогдашний тренер «Спартака» Никита Симонян: «В первом матче мы проигрывали 1:2. Секундная стрелка делала последний оборот. Геннадий Логофет, правый защитник, выбрасывал мяч из-за боковой линии. Вбросил его Джемалу Силагадзе, нашему нападающему, и я, сидя на тренерской скамье, про себя кричу: сделай передачу, сделай передачу!

И вдруг вижу. Логофет мчится по правому флангу, и Силагадзе передает мяч ему. Генна-

дий, в свою очередь, делает пристрельную передачу. Кажется, и по воротам не бил, но вратарь СКА пропустил этот легкий мяч. 2:2! В дополнительное время счет не изменился, и была назначена переигровка на следующий день...»

В то самое время, когда ростовские армейцы бились в Москве за союзный Кубок, на их родине разворачивались еще более драматические события. Там КГБ готовил акцию по физическому устранению нобелевского лауреата, писателя Александра Солженицына. События развивались следующим образом.

По словам самого писателя, в то лето ему впервые за много лет плохо писалось. Живя на даче Ростроповича, он нервничал, пока наконец не пришел к мысли съездить на юг, решив совместить приятное с полезным: во-первых, навестить родную тетку, которую не видел вот уже 8 лет, во-вторых — собрать необходимый материал для своей новой книги. Из Москвы Солженицын выехал в начале августа вместе со своим приятелем, инженером-механиком, на его стареньком «Москвиче». Вечером 7 августа они подъехали к городу Каменску, однако заезжать в него не стали, а расположились на ночлег в сосновом бору в нескольких километрах от города.

Между тем за несколько часов до их прибытия под Каменск в здании УКГБ по Ростовской области шла напряженная работа. Много лет спустя о ней поведал на страницах открытой печати бывший подполковник КГБ Борис Иванов. Его вызвал к себе начальник управления и представил незнакомому мужчине, прибывшему в Ростов-на-Дону из центрального аппарата КГБ. Начальник сообщил, что в их область с неизвестной целью едет писатель Солженицын, и товарищ из Москвы прибыл к ним в связи с этим тревожным обстоятельством. Иванов же, который неплохо знал ростовский период жизни Солженицына, должен был помочь москвичу не упустить опасного гостя из виду, помочь в слежке.

Попрощавшись с генералом, Иванов с гостем вышли на улицу. Отказавшись от машины, они направились в гостиницу «Московская», где гостя ожидал прекрасный номер «люкс». Пробыв в нем какое-то время, они спустились в ресторан на первом этаже. Пока гость изучал меню, Иванов обратил внимание на вошедшего молодого человека среднего роста, плотного

телосложения, с короткой стрижкой волос, который переглянулся с москвичом, цепко окинул взглядом Иванова и неспешно направился к буфетной стойке. Иванов невольно отметил про себя, что москвич и этот парень явно знакомы. Причем, внимательно оглядев молодого человека, Иванов догадался, что он, судя по всему, из «семерки» — службы наружного наблюдения. Согласно инструкции, «топтунам» запрещалось входить в прямой контакт с оперативником, за исключением руководителя, который одновременно выполнял функции офицера связи. Такой вывод несколько успокоил Иванова, и он начал заниматься гостем. Тот же, после нескольких ничего не значащих фраз, стал осторожно интересоваться биографией собеседника: как долго тот работает в органах госбезопасности, где работал, на каких должностях. Особенно его интересовала служба Иванова в Литовской ССР, в частности, применялись ли там СПЕЦИАЛЬНЫЕ АКЦИИ и какие.

Тем же вечером, после ужина, московский гость попросил Иванова выехать с ним в Каменск, поинтересовавшись расстоянием до него. Москвич вызвал машину, связался с центром информации 7-го отдела УКГБ, представился и уточнил, где находится «объект», то есть Солженицын. Ему ответили, что в основном бору в нескольких километрах от Каменска. Буквально через несколько минут черная с отливом «Волга» мчала москвича и Иванова к указанному месту. Цель поездки — заменить московскую «семерку» наружного наблюдения, сопровождавшую «объект» из самой столицы, «семеркой» Ростовского УКГБ. Иванову же предстояло оперативно проверить выявленные «семеркой» контакты и связи Солженицына, а материалы направить в Москву.

Когда чекисты подъехали к нужному месту, на часах было около одиннадцати вечера. На обочине дороги их встретил сотрудник «наружки», который сообщил, что «объект» с приятелем находятся всего в нескольких десятках метров — сидят у костра. Москвич с Ивановым решили лично удостовериться в этом. Вскоре они действительно увидели впереди ярко-рыжее пламя костра и услышали ровные, спокойные мужские голоса. Идти дальше было опасно, поэтому они вернулись к машине.

— Едем в Новочеркасск, там заночуем, — отчеканил москвич и первым нырнул в «Волгу».

Между тем воскресное утро 8 августа для миллионов советских людей началось с привычного дела — прослушивания всеми любимой и уважаемой радиопередачи «С добрым утром!». В тот день в ней состоялась премьера песни Марка Фрадкина «Увезу тебя я в тундру» в исполнении нового вокально-инструментального ансамбля под управлением Юрия Маликова. Как мы помним, этот коллектив Маликов начал создавать в начале лета (31 июля в Москве состоялся первый концерт) и привлек, помимо собственных ресурсов (аппаратуру Маликов закупил на свои кровные в Японии), еще и помощников со стороны. Одним из этих людей стал мэтр советской песни Марк Фрадкин, который согласился написать для нового ВИА песню — «визитную карточку». Он же способствовал тому, чтобы эту песню прокрутили не где-нибудь, а в самой рейтинговой радиопередаче «С добрым утром!». После эфира Маликов обратился к радиослушателям с просьбой подыскать достойное имя новому коллективу, что спустя три месяца и будет сделано. На радио придут тысячи писем, и в добром десятке из них будет фигурировать одно и то же название — «Самоцветы».

8 августа на Большой спортивной арене в Лужниках — в дополнительном матче на Кубок СССР по футболу вновь встретились столичный «Спартак» и ростовский СКА. В отличие от первого матча, где обе команды демонстрировали открытый футбол, эта игра была более осторожной. Исход ее решил всего лишь один мяч, забитый на 55-й минуте спартаковцем Киселевым. После шестилетнего перерыва столичный «Спартак» вернул себе союзный Кубок. «Золотой» состав команды выглядел следующим образом: А. Кавазашвили, И. Баужа, Г. Логофет, С. Ольшанский, Н. Абрамов, Е. Ловчев, В. Боровиков, Н. Киселев, В. Папаев, В. Калинин, М. Булгаков, В. Мирзоян, Н. Осянин, Г. Хусаинов, Д. Силагадзе, В. Егорович; тренер — Никита Симонян.

В то время когда в Лужниках шел решающий кубковый матч, на юге страны, в Новочеркасске, висела на волоске жизнь Александра Солженицына. Вот как вспоминает об этом участник тех событий — отставной подполковник КГБ Б. Иванов:

«Утром 8 августа поступила информация о прибытии писателя и его приятеля в Новочеркасск. Наружное наблюдение держало их мертвой хваткой. Мы находились в машине и по радиации с интервалом в пять-десять минут получали сведения о передвижении «объекта». Наконец поступило сообщение о прибытии «объекта» с приятелем на площадь Ермака, где, оставив машину, они направились в собор. Там в это время проходило богослужение.

Спустя несколько часов, следуя за объектом, служба наружного наблюдения установила два-три неизвестных нам адреса, интересовавших его. В дальнейшем предстояло выяснить, кто именно интересовал писателя, что за люди, цель и характер их взаимоотношений.

К обеду поступило сообщение, что «объект» с приятелем находятся на центральной улице города и заходят в магазины. «Шеф», торопя водителя, принял энергичные меры по передвижению машины к центру. Тем не менее он несколько раз останавливал машину, куда-то удалялся, возвращался, нервничал. Очередной его «выход» завершился неожиданно для меня: он встретился с незнакомцем из буфета гостиницы «Московская». «Значит, «незнакомец», — подумал я, — не является представителем «семерки», ибо московская «семерка» давно покинула область».

Судя по жестам, «шеф» и «незнакомец» о чем-то спорили. Выйдя из машины, я направился к спорящим, рассчитывая услышать хотя бы отдельные кусочки фраз. Все напрасно. «Незнакомец», что-то сказав напоследок «шефу», не видя меня, резко повернулся и направился в магазин. В этот момент я увидел «объект» с приятелем, выходящих из дверей магазина. «Незнакомец» прошел мимо, затем повернулся и последовал за ними. Время бездействия кончилось. Подойдя к «шефу», я спросил:

— Вам помочь?

— Возможно... пошли.

«Объект», «незнакомец», «шеф» и я двинулись по центральной улице города. Чуть погодя «объект» с приятелем вошли в крупный по новочеркасским меркам гастроном. Следом — мы. Таким образом, мы все оказались в одном замкнутом пространстве. «Незнакомец» буквально прилип к «объекту», который стоял в очереди кондитерского отдела. «Шеф» прикрыл «незнакомца». Они стояли полубоком друг к

другу, лицом к витрине. «Незнакомец» манипулировал руками возле «объекта». Что он делал конкретно, я не видел, но движения рук и какой-то предмет в одной из них помню отчетливо. В любом случае рядом со мной в центре Новочеркасска происходило что-то для меня непонятное. Вся операция длилась две-три минуты.

«Незнакомец» вышел из гастронома, лицо «шефа» преобразилось, он улыбнулся, оглядел зал, увидев меня, кивнул и направился к выходу. Я последовал за ним. На улице «шеф» тихо, но твердо произнес:

— Все, крышка, теперь он долго не протянет.

В машине он не скрывал радости:

— Понимаете, вначале не получилось, а при втором заходе — все о'кей!

Но тут же осекся, посмотрев на меня и водителя.

В голове стоял какой-то дурман. Фраза «шефа» по-иному высветила ситуацию, свидетелем которой я оказался. Эпизод в гастрономе уже не казался странным и непонятным. Это был финал задуманного высшим карательным органом страны преступления против великого писателя-диссидента. Что я мог сделать? Оставалось только молчать — единственный вариант сохранить жизнь себе и своей семье».

Судя по всему, ликвидатор, который произвел укол Солженицыну, был специалистом своего дела — писатель ничего не почувствовал. И когда спустя всего лишь час ему внезапно стало плохо, он объяснил это обычным недомоганием, связанным с дальним переездом. Между тем Солженицыну становилось все хуже и хуже: сначала у него стала сильно болеть кожа по всему левому боку, а к вечеру на теле появился ожог огромного размера — по левому бедру, левому боку, животу и спине, — а также множество волдырей, самый крупный из которых был диаметром сантиметров 15. На следующий день Солженицын в сопровождении знакомых, у которых он остановился, посетил местную поликлинику. Однако местный врач так и не смог поставить точный диагноз и, чтобы хоть как-то облегчить страдания больного, проткнул волдыри иглой. Но это только усугубило ситуацию — на теле появились открытые раны. Позднее знакомый врач скажет Солженицыну, что в той ситуации надо было тер-

пеливо смазывать волдыри марганцовкой или специальной мазью. Но врач из поликлиники этого, видимо, не знал.

Несмотря на создавшуюся ситуацию, Солженицын и не думал прерывать свою поездку. В тот же день он с приятелем поехал в Ростов-на-Дону, однако на станции Тихорецкая писателю внезапно стало совсем плохо. Приятель вынужден был посадить Солженицына на обратный поезд в Москву.

В эти же дни ростовская милиция буквально «стояла на ушах» после очередного громкого преступления так называемой банды «фантомасов». Свое название это преступное формирование получило неслучайно. Причиной была большая любовь к фильмам французского режиссера Анри Юннебеля, которые с огромным успехом демонстрировались в Советском Союзе осенью 1967 («Фантомас», «Фантомас разбушевался») и летом 1968 года («Фантомас против Скотленд-Ярда»). Два жителя Ростова-на-Дону — Владимир и Вячеслав Толстопятовы, — наверное, и без «Фантомаса» рано или поздно встали бы на путь криминала, однако факт есть факт: именно после встречи с этим героем экрана у братьев созрела идея организовать столь же дерзкую и неуловимую вооруженную банду, как у Фантомаса. Отдавая дань уважения своему кумиру, бандиты даже придумали именной лейбл — значок с надписью «Фантомас». Кроме братьев Толстопятовых, в группировку вошли двое их близких приятелей — Горшков и Самосюк. Стоит отметить, что старший из братьев — Владимир — сразу предупредил подельников, что непосредственно участвовать в нападениях не будет, а возьмет на себя организационную и техническую подготовку преступлений. Будучи талантливым изобретателем, именно Владимир изобрел уникальные автоматы и пистолеты, которые позднее займут свое место в Центральном музее МВД.

В октябре 1968 года, когда на экранах ростовских кинотеатров шел третий фильм про Фантомаса, банда вышла на свое первое дело. Вооружены грабители были самодельным оружием. В наличии у них имелось четыре револьвера необычного вида (в форме пистолета, но с барабаном) и короткоствольный автомат. Все оружие было нарезным: стволы изготавливались из имевшихся у братьев малокалиберных винтовок системы «ТОЗ-8». Однако первый блин

вышел комом — инкассаторскую машину захватить не удалось. Но бандитов эта неудача не обескуражила. Спустя несколько дней «фантомасы» повторили попытку — устроили засаду на кассиров обувной фабрики. Но и в этом случае ограбление не удалось. И только с третьего раза — 22 октября — бандитам удалось осуществить задуманное.

На этот раз в качестве объекта нападения Толстопятовы выбрали магазин в поселке Мирный. Перепуганные насмерть кассирша и продавец беспрекословно отдали грабителям всю наличность — 526 рублей 84 копейки, а вот гражданин Чумаков, став невольным свидетелем ограбления, проявил гражданскую сознательность и попытался помешать бандитам. Однако погиб, сраженный автоматной очередью. Поскольку на лицах преступников были черные маски, никто из оставшихся в живых свидетелей не сумел описать их внешность. Несмотря на все старания местной милиции, выйти на след банды не удалось.

Толстопятовы не зря восторгались Фантомасом — своим подельникам они изо дня в день не переставали втолковывать, что милиция ловит только тех, кто сам подставляется. «А мы будем неуловимы, если сумеем держать себя в узде», — говорил Толстопятов-старший. И бандиты твердо следовали этой заповеди: никаких кутежей в ресторанах, дорогих покупок и прочих проявлений красивой жизни. Разделив украденные деньги поровну, «толстопятовцы» тратили их весьма благоразумно и не броско. А когда средства заканчивались, вновь брались за оружие.

Свое новое ограбление преступники совершили в конце ноября 68-го года: у женщины-кассира автотранспортного хозяйства захватили 2774 рубля. Спустя месяц «фантомасы» нанесли визит уже в промтоварный магазин, где их добычей стали полторы тысячи рублей. К тому времени в действиях банды появилась определенная сноровка и лихость. Ворвавшись в промтоварный магазин, Самосюк первым делом поздравил продавщиц с Новым годом и только потом извлек на свет свой автомат.

Следующее преступление «фантомасов» произошло в апреле 1969 года. На этот раз объектом нападения стала инкассаторская машина, перевозившая деньги для рабочих химзавода имени Октябрьской революции. Но операция

провалилась. Оба кассира оказались вооружены револьверами. Не успели «толстопятовцы» опомниться, как по ним открыли шквальный огонь из обоих стволов. «Фантомасы» ответили тем же, но их самодельное оружие было плохо приспособлено к уличному бою и давало много осечек. Когда один из бандитов получил легкое ранение, Толстопятов-младший дал сигнал к отходу.

Этот бой, который длился несколько минут, поднял на ноги чуть ли не всю милицию города. Однако когда первые стражи порядка примчались к месту происшествия, грабителей уже и след простыл. Объявленная в городе тревога ничего не дала: бандиты как в воду канули.

Между тем на вторые сутки после нападения «фантомасы» засели за «разбор полетов», чтобы понять, почему сорвалась столь тщательно подготовленная операция. В итоге пришли к выводу: подвело оружие. Стало понятно, что с имеющимися у них «пукалками» можно брать только мелкие объекты типа сельмагов. А против инкассаторов требовались другие средства. Но где их взять? Сегодня такой вопрос перед «фантомасами» не стоял бы: чуть ли не вся Россия буквально наводнена оружием, только деньги плати. Но в те годы с этим делом было более чем строго. Значит, решили бандиты, будем создавать собственный арсенал. Сказано — сделано. В течение нескольких месяцев братья-умельцы из подручных средств смастерили новый патрон: калибр остался прежним — 5,6 мм, но вместо мягкой свинцовой применялась самодельная бронзовая пуля, а размеры гильзы, снаряженной охотничьим капсюлем и порохом, значительно увеличились. Такой патрон был способен легко пробить обшивку легковушки, на которой инкассаторы обычно перевозили деньги.

Под этот патрон были сконструированы и изготовлены два автомата. Причем братьям удалось, казалось бы, невозможное — совместить оси канала ствола и патронника. Они нашли оригинальное решение: крепление ствола на шарнире существенно облегчало подгонку. Чуть позже Толстопятов пойдут еще дальше и изобретут такую модель — длинноствольный автомат под мощный патрон калибра 7,98 мм, стреляющий стальными шариками. Эти шарики пробивали не только беззащитную «Волгу»,

но даже обшивку бронированного автомобиля. Ствол у автомата был переломным, его легко можно было скрывать под одеждой, что для «фантомасов» оказалось очень удобным. Помимо оружия, бандиты изготовили большой запас патронов, а также 11 ручных гранат, снаряженных охотничьим порохом со специальными добавками, обеспечивающими высокую температуру и силу взрыва. Опробовав новое оружие на специальном полигоне в безлюдном лесном массиве, остались вполне довольны результатом. Теперь они видели себя настоящими героями, такими гангстерами из зарубежного кино.

Стоит отметить, что в отличие от сегодняшних дней в те годы западные фильмы про преступников если и показывались на советском экране, то крайне редко. После конфуза с «Фантомасом» (фильм сняли с проката по просьбе МВД) высокое начальство потребовало от кинопрокатчиков быть более осмотрительными в выборе новых лент на криминальную тематику. Однако полностью прекратить показ таких фильмов, естественно, было невозможно: кино являлось мощным средством пропаганды, с помощью которого советские власти разоблачали своих идеологических противников. Поэтому фильмы о гангстерах на советском экране нет, да и демонстрировались. «Фантомасы» ни один из них не пропускали, некоторые картины смотрели по нескольку раз. Самым тщательным образом будет ими просматриваться и каждая очередная серия телефильма «Следствие ведут знатоки», который советское ТВ запустило в феврале 1971 года. Кстати, когда чуть позже выяснится, что «фантомасы» по этому фильму изучали методы работы милиции, сценаристам будет дана команда не акцентировать свое внимание на технических деталях, чтобы не давать лишних козырей в руки потенциальным преступникам.

Важным подспорьем в бандитской деятельности «фантомасов» стала и пресса. И хоть там встречалось крайне мало публикаций об отечественной преступности, но зато заметок о западном гангстеризме было не счесть. Толстопятов чуть ли не с карандашом в руках изучали криминальные колонки в газете «Труд» и журнале «Человек и закон». Некоторые статьи вырезались и складывались в специальную папку. Судя по всему, «фантомасы» втайне надея-

лись когда-нибудь увидеть такие же публикации и о собственных «подвигах». Однако, несмотря на то, что за прошедшие три года банда смогла получить широкую известность не только в городе, но и во всей области, кроме скромной заметки в одной из газет, ни в одном печатном издании больше не появилось о «фантомасах» ни строчки.

Тем временем стражи порядка тоже не сидели сложа руки. Они пытались по разрозненным показаниям свидетелей выйти на след неуловимой банды. Но все было тщетно. Причем нельзя сказать, что ростовская милиция плохо работала. Просто в своей практике угро она впервые сталкивается с такой умной и расчетливой бандой, про которую даже стукачи из криминального мира ничего не знали. И это не странно. Ведь «фантомасы» никаких контактов с этим миром не поддерживали, в повседневной жизни выдавая себя за скромных тружеников и законопослушных граждан.

Между тем приказом начальника областного Управления внутренних дел комиссара милиции Бориса Елисова был создан штаб для раскрытия этих преступлений. Становилось ясно, что «фантомасы» рано или поздно вновь дадут о себе знать. Встретить их надлежало во всеоружии. В УВД начались ежедневные тренировки личного состава, целью которых было одно — в час «Х» успеть прибыть к месту преступления до того, как грабители сумеют скрыться. Однако шила в мешке не утаишь, и вскоре бандитам стало известно об этих тренировках. Чтобы выявить степень возросшей боеготовности милиции, Толстопятов-старший устроил ей проверку: позвонил по «02» с сообщением об очередном ограблении, а сам занял место в сторонке с секундомером в руках и засекал время приезда патрульной милицейской группы (ПМГ). Она примчалась к месту вызова через пять-шесть минут. «Хорошо работают, легавые», — мысленно похвалил стражей порядка бандит, однако от нового ограбления не отказался. Иначе он не был бы неуловимым «фантомасом».

Чтобы лишить милицию оперативного преимущества, бандиты решили провести новое ограбление в таком месте, где жертва оказалась бы на значительном удалении от вездесущих ПМГ. Задуманное удалось. В один из августовских дней 1971 года кассир стройуправле-

ния №112 вез зарплату на предприятие, когда в безлюдном месте дорогу машине преградила легковушка. В следующую секунду из нее выскочили двое вооруженных мужчин в масках. Как настоящие гангстеры из заморских боевиков, нападавшие приставили к головам кассира и водителя диковинные короткоствольные автоматы и заставили их расстаться с инкассаторской сумкой, в которой было 17 тысяч рублей. Время ограбления заняло не более пяти минут.

К сожалению, и в этот раз сыщики примчались к месту происшествия уже после того, как преступники скрылись. Оперативников опять ждало разочарование: бандиты не оставили после себя ни одной улики. Единственное, что не вызывало сомнений: действовала все та же банда «фантомасов».

Теперь из Ростова-на-Дону перенесемся в Москву. Там стараниями сотрудников столичной милиции был задержан особо опасный преступник, несколькими днями ранее объявленный во всесоюзный розыск. Он успел «наследить» в Харькове, а в Москву приехал, чтобы отправить на тот свет некоего гражданина, на которого давно имел зуб. Однако пока он перемещался по пространству Союза, в Москву пришла на него ориентировка. В начале 70-х этого было достаточно, чтобы вся милиция «встала на уши». На всех вокзалах и станциях метро дежурили усиленные наряды. Как сквозь сито, они процеживали взглядами толпу, пытаясь найти в ней объявленного в розыск преступника. Один из таких нарядов, выставленных на станции метро «Комсомольская», и задержал будущего убийцу. Все трое милиционеров, входивших в наряд — Петр Кашликов, Константин Луганский и Владимир Патин, были награждены за проявленную бдительность именными часами.

Однако тема преступности августа 71-го года этими эпизодами не исчерпывается. Буквально за несколько дней до происшествия в столичной подземке газета «Вечерняя Москва» поместила любопытную заметку под названием «Преступность растет». Правда, речь в ней шла о криминогенной ситуации не в Советском Союзе (об этом в открытой печати писать запрещалось), а в Англии. Согласно сей публикации, туманный Альбион вот уже несколько дней переживал шок из-за одного происшеств-

вия в лондонском районе Килбэрн. Там средь бела дня несколько вооруженных преступников в масках совершили налет на банк. Бандитам потребовалось всего лишь три минуты, чтобы «вытрясти» из банка 100 тысяч фунтов стерлингов и скрыться. Налетчики ранили одного из служащих, который, по их мнению, препятствовал осуществить задуманное.

Далее в заметке приводилась любопытная статистика состояния преступности в Великобритании. Оказывается, в 1970 году там было совершено около 438 тысяч грабежей, возбуждено 915 тысяч дел по обвинению в воровстве, более чем в 40 тысячах случаев представители криминала применяли насилие. Всего за 1970 год в Англии произошло 1,5 миллиона преступлений.

В Советском Союзе той поры тоже грабили банки (по-нашему — сберегательные кассы), однако эти случаи можно смело назвать единичными. К примеру, в Москве в 1971 году таких случаев было зафиксировано не более пяти, причем преступников быстро удалось задержать. Зато советские воры вполне могли дать фору английским, поскольку их в той же Первопрестольной было немерено. И самое громкое воровство случилось летом в Сокольниках, во время проведения Международной выставки «Интермаш-71». Одним из участников выставки являлась швейцарская фирма «Эникар», которая производила часы, известные во всем мире. Экспозиция швейцарцев располагалась в одном из павильонов, который тщательно охранялся милицией. Однако за сутки до закрытия выставки ушлые советские воры все-таки преподнесли «сюрприз» — «умыкнули» со стендов все (!) выставленные фирмой экземпляры часов. Сделали они это ночью, предварительно отсоединив вентиляционный короб, подключенный к системе централизованной охраны.

Вначале «раскрутку» этого дела повесили на оперов с «земли» из 79-го отделения милиции. Те выдвинули две версии случившегося: или кража была совершена профессиональными ворами, у которых имелись свои люди среди персонала выставки (иначе каким образом они сумели так легко отключить сигнализацию), или работали «мастера», не связанные с воровским миром, но обладающие каналами сбыта в мире фарцовки. Обе эти версии требовали тщатель-

ной отработки, однако у простых сыщиков сил на это явно не хватало. Тогда на помощь «земле» отрядили нескольких опытных спецов из МУРа.

Несмотря на то, что оперативная группа насчитывала всего лишь семь человек, сети они разбросали по всей стране. В частности, была отправлена информация пограничникам, чтобы те не пропустили похищенное за пределы Союза. Кроме этого, по всей Москве трясали фарцовщиков, антикваров и прочую публику, имеющую отношение к украденным вещам. В конце концов проведенные мероприятия дали положительный результат.

Возле «комка» (комиссионного магазина) на Садовой-Кудринской агентура МУРа засекала две пары часов, которые проходили по описаниям как украденные с выставки. Вскоре удалось выйти на торговца — инвалида детства по имени Володя. Он подрабатывал фарцой и давно находился на примете у оперов как из местного отделения милиции, так и с Петровки. Чтобы ненароком не спугнуть парня, решено было поговорить с ним «по душам». За это дело взялся старший опер МУРа Вячеслав Котов (в 1984 году он возглавит Московский уголовный розыск). После долгой беседы Котову удалось разговорить Володю, который признался, что ему на днях двое незнакомых людей (мужчина и женщина) предложили пристроить большую партию швейцарских часов. Причем мужчина представился бывшим матросом торгового флота. Сдавать свой товар на комиссию незнакомцы не хотели, поэтому искали возможность сбыта через местных «жучков» вроде Володи. Однако у того в тот день больших денег при себе не было, поэтому взять целую партию он не смог, удовлетворившись всего парой часиков. Так рассказал Володя. Но когда муровцы стали проверять эту информацию, выяснилось, что парень, мягко говоря, врет.

Оказалось, что в тот день он взял не «пару часиков», а целую партию в количестве двадцати штук. Тогда с инвалидом решили не церемониться. Его привезли на Петровку и поставили вопрос ребром: либо говоришь всю правду, либо «рванешь паровозом в дальние края». От такого натиска Володя струхнул и начал «колоться». Он рассказал, что краем уха услышал разговор между моряком и его девицей. Из него выходило, что моряк родом из Архангельска,

его подруга тоже не москвичка и что они снимают комнату у одинокой бабушки в районе метро «Кузьминки». Далее послушаем рассказ В. Котова:

«Начали отрабатывать район Кузьминок. Чем меньше людей знают информацию, тем она ценнее. Об этом скажет каждый оперативник. Поэтому мы не передоверили полученные сведения, не отдали их никаким участковым. Начали работать своим составом. Время шло, а разыскать моряка не удавалось. У меня появилось сомнение, что жилой сектор Кузьминок отработан добросовестно. Решил перепроверить все сам. Никому об этом не докладывал. В течение недели утром и вечером беседовал с бабушками на лавочках, с молодыми мамашами, которые могли слышать о том, что где-то поблизости снимает комнату матрос торгового флота. И ведь в конце концов вышел на бабушку, которая сдавала жилье моряку. Это был успех! Хозяйка квартиры открыла комнату, смотрите, вот здесь он живет. На комод стояла фотография: моряк и молодая женщина, оба в пляжных костюмах. Быстро перефотографировал. Снимок предъявили фарцовщику Володе. Тот подтвердил: они самые.

В квартире была устроена засада. Когда матроса взяли, на руке у него обнаружили точно такие же часы, что были украдены на выставке в Сокольниках. В результате неопровержимых улик парочка созналась и начала давать показания. Правда, не сразу. Допрос проводился с оперативным сопровождением. Их свели, развели... Отпираться было бесполезно, они показали на метрдотеля из ресторана «Арбат», старого знакомого матроса.

Метрдотель был в отпуске. Вышли на его сожительницу, которая раньше работала в «Арбате» официанткой. В отделе кадров нашли ее адрес. Она проживала на улице Горького. Сыщики разыскали бывшую официантку. Оказалось, что ее сожитель, отдыхающий в Ялте, именно в этот вечер возвращается в Москву и она должна встретить его в аэропорту. Метрдотеля встречала не только дама сердца, но и оперативники. Он был задержан в качестве подозреваемого, затем арестован и изобличен в совершении содеянного. Преступник запирался около суток, но вскоре был приперт к стенке неоспоримыми уликами. И не только тем, что на руке его светились швейцарские часы.

Немало фактов было у наших экспертов. Чтобы облегчить свою участь, он решил выдать похищенное. Признался, что кражу задумал и совершил один. Неоднократно посещал выставку, изучал обстановку, проследил график обхода милицией павильонов. Затем сумел разобрататься, как устроена сигнализация. В момент ограбления отсоединил вентиляционный короб от централизованной охраны. Дальше все оказалось делом техники. После удачной «операции» часть товара скинул матросу, а остальное спрятал в подмосковном лесу возле Ступина. Там проживали его родители, которые, конечно же, ничего не знали о краже.

Выехавшая на место следственно-оперативная группа в километре от дома родителей нашла свежерытую яму глубиной примерно с метр. В ней и было обнаружено похищенное. Часы, разделенные по две-три пары, были упакованы в пакеты, обработанные водонепроницаемым составом. Предприимчивый метрдотель ресторана «Арбат» получил срок десять лет...»

Однако вернемся в август 1971 года.

Мэтр отечественного кинематографа Сергей Герасимов в те дни находился в Норильске, где работал над очередной картиной — «Градо-строители» (в прокат она выйдет под названием «Любить человека»). Первоначально режиссер планировал снимать совсем в другом месте — в Красноярске, но первый секретарь Красноярского обкома В. Долгих посоветовал Герасимову обязательно включить в свою картину эпизоды, снятые в Норильске. Этот город, по словам первого секретаря, ничем не уступает столице: дескать, люди, живущие на 69-й параллели, почти не ощущают своей оторванности от материка. В Норильск вместе с Герасимовым прибыли ассистент режиссера, оператор, несколько человек из обслуживающего персонала, а также актеры, исполняющие главные роли — Анатолий Солоницын и Любовь Виролainen. К этой красавице Герасимов испытывал весьма недвусмысленные чувства.

Он влюбился в Виролainen буквально с первых же дней работы над картиной. Первоначально на главную роль предполагалось пригласить звезду отечественного кино Светлану Светличную, под которую, собственно, и писался сценарий. Однако перед самым началом съемок у Светличной внезапно случился нерв-

ный срыв, и она угодила в больницу. Стали срочно искать замену, перебрали много разных актрис, но ни одна из них так и не устроила Герасимова. И тут совершенно случайно он посмотрел фильм «Дорога домой», где роль деревенской девушки играла никому доселе не известная артистка ленинградского БДТ Любовь Виролайнен. Она настолько понравилась мэтру, что за нею тут же был отправлен его ассистент.

В процессе съемок Герасимов практически не скрывал своих нежных чувств к Виролайнен и ревновал ее чуть ли не ко всем. По словам актрисы, если к ней на съемочной площадке подходил ее партнер по фильму Солоницын, Герасимов тут же начинал раздраженно кричать: «Толя, отойди от нее, не видишь — ты ей мешаешь! Уже все отрепетировано, чего тебе еще? Перерыв!» Он так краснел и горячился, что все присутствующие смущенно отводили глаза. Кстати, и супруга мэтра, Тамара Макарова, присутствовала при этих сценах, но вмешиваться опасалась. Лишь с ненавистью смотрела на свою юную соперницу. Устраивать сцены ревности было совершенно не в характере этой величественной и гордой женщины.

Между тем в Норильск Макарова приехать не смогла, поэтому у Герасимова на короткое время «руки оказались развязанными». И он решил в открытую приударить за молодой актрисой (разница в возрасте между ними была 36 лет). После съемок он обычно приходил под окна общежития, где жила Виролайнен, и подолгу стоял на морозе. Она же гасила свет и махала ему рукой из окошка: мол, все, уходите! Но Герасимов стоял и стоял, видимо, надеясь, что его все-таки позовут внутрь. Но Виролайнен не звала, она лишь подглядывала за ним из-за занавески и сокрушалась: «Боже мой, ведь я убиваю его!» Ее соседка по номеру, второй режиссер картины Клеопатра Сергеевна, каждый вечер тихо, но настойчиво повторяла актрисе: «Сергей Аполлинариевич тебя ждет. Иди к нему». На что Виролайнен отвечала категорически: «Нет». Тогда Клеопатра предлагала сходить к режиссеру вместе: дескать, нельзя так расстраивать человека, уважить его надо. С последним аргументом Виролайнен была согласна и соглашалась навестить режиссера в компании подруги. Далее послушаем рассказ самой актрисы:

«Мы шли к нему вдвоем, пили чай, а через полчаса она вдруг вскакивала: «Ну все, мне пора». Я бросалась за ней с криком: «Клеопатра Сергеевна, я с вами!» Потом она меня строго отчитывала: «Ну что ты как ребенок, неужели не понимаешь?» Я все понимала, но чудовищно боялась: режиссер, да к тому же на столько старше! Одна Клеопатра Сергеевна знает, чего мне стоило тогда в Норильске однажды «остаться» с ним наедине. Я долго отбрыкивалась и уступила, только когда поняла, что ему плохо, он страдает, оттого что я не отвечаю взаимностью. Лишь сейчас я оценила, какой человек меня любил! А тогда, возвращаясь к себе, бросалась под душ, чтобы быстрее все с себя смыть.

Как-то Герасимов предложил: «А давай останемся здесь, будем жить в Сибири. Выдержишь?» Но как я могла бросить свою печку в Стрельне, мужа-гуляку, сына и любимый театр? Только потом догадалась: он меня просто проверял... На самом деле Сергей Аполлинариевич был связан гораздо крепче: депутат Верховного Совета, Герой Соцтруда, лауреат премий и т. д. Да и жену он никогда бы не оставил: glavной их семьи была именно Тамара. Самое страшное для него — причинить кому-то боль. Говорил о жене всегда только хорошее: «Какой она была красивой! Бескорыстная, прекрасная, благородная...»

И еще один роман разворачивается в эти же дни, причем одним из его главных героев тоже является кинорежиссер — Александр Стефанович. Его угораздило влюбиться в простую московскую девушку с редким именем Лика. Их знакомство состоялось пару недель назад в метро. Стефанович спустился на станцию метро «Маяковская» (собственной машины у него в ту пору еще не было) и заметил на платформе красивую девушку. Она не имела ничего против знакомства с симпатичным молодым человеком и легко согласилась встретиться с ним завтра на том же месте — под мозаичным самолетом, изображенным художником Дейнекой на потолке станции.

На следующий день Стефанович направился с девушкой в ресторан Дома кино, где они прекрасно провели время. После застолья молодые отправились гулять, причем кавалер специально повел девушку в ту сторону, где находился его дом. Хитрость сработала: Лика

согласилась посетить холостяцкую квартиру своего нового знакомого и пробыла там часов до одиннадцати. Затем они расстались, договорившись встретиться на следующий день. Так продолжалось недели две, причем распорядок дня у влюбленных был стандартным: сначала посещение различных увеселительных мест (рестораны Дома кино, ВТО, Союза композиторов — так называемая «балалайка»), затем небольшая прогулка и любовь на квартире режиссера. Но однажды произошло неожиданное.

После очередного «секс-марафона», когда молодые лежали в постели, режиссер внезапно обратил внимание на странную деталь: вчера у его возлюбленной за ушком была маленькая родинка, а сегодня ее уже нет. На справедливый вопрос «в чем дело?», девушка, не смутившись, ответила так: дескать, у меня есть сестра-близняшка Лиза, с которой мы делим тебя поровну. То есть один день с режиссером встречалась Лика, один — Лиза. Эта новость приятно ошеломила Стефановича, поскольку он при таком раскладе имел сразу двух прекрасных любовниц. Правда, с этого момента Лика заставила своего возлюбленного сделать решительный выбор между собой и сестрой, и Стефанович выбрал Лику — все-таки знакомился-то он с ней. Но и Лиза без кавалера не осталась — на следующий день Стефанович познакомил ее со своим вгиковским приятелем Омаром Гвасалия, с которым они в ту пору, как мы помним, работали над первой полнометражной картиной «Вид на жительство».

А теперь вновь вернемся к событиям вокруг Александра Солженицына. В четверг, 12 августа, в 5 часов утра на Курский вокзал прибыл поезд, в котором писатель вернулся в столицу. На перроне его встречали друзья, среди которых был Александр Горлов. Последний вспоминает:

«Накануне вечером от него пришла телеграмма из Иловайской, что он заболел в дороге и просит встретить. Действительно, он очень плох: еле ходит. Очевидно, в дороге он перенес тепловой удар, следствием которого явилась аллергия с признаками тяжелого ожога по всему телу (он с товарищем ехал в машине при работающей печке, которая из-за неисправности не отключалась, а температура наружного воздуха была около 35 градусов)».

Прямо с вокзала писатель отправился на дачу Ростроповича в Жуковку. Там в это время находилась супруга виолончелиста, певица Галина Вишневская. Вот как она вспоминает о том дне:

«Рано утром стою я в кухне у окна, жду, когда кофе сварится, и вдруг перед моими глазами появляется Саня. Вернулся! Но что это? Он не идет, а еле бредет, всем телом наваясь на стену веранды, держась за нее руками. У меня внутри все оборвалось. Распахнула двери.

— Боже мой, Саня! Что случилось?

А он медленно вошел в кухню, лицо перекошено от боли.

— Гал, вы только не волнуйтесь. Мне нужно срочно позвонить Але в Москву. Потом все расскажу...

Лето в тот год было жаркое, душное. Поставили мы для него раскладушку в тень, под кусты, там он и лежал несколько дней...»

Между тем на вторые сутки после своего возвращения в Москву Солженицын пережил еще одно ЧП. Он попросил своего приятеля Александра Горлова съездить на его дачу в село Рождество под Наро-Фоминском, чтобы привезти оттуда запасную деталь для машины. Однако, доехав до места, Горлов внезапно заметил, что замок в доме сорван, дверь не заперта, а изнутри слышны чьи-то голоса. Он распахнул дверь, и его взору предстала следующая картина: человек восемь в штатском роются в вещах писателя, его бумагах. Горлову хватило смелости спросить у непрошенных гостей, кто они такие и что делают в чужом доме. В ответ незнакомцы втолкнули его в дом и плотно закрыли за ним дверь. Затем стали угрожать, что, если он кому-нибудь расскажет о том, что видел, ему не поздоровится.

— Да кто вы такие, в конце концов? — не унимался Горлов, хотя уже догадался, к какому ведомству принадлежали эти люди. Но хотел, чтобы комитетчики предъявили документы. Однако гости и не думали этого делать. Напротив, они стали выкручивать Горлову руки, затыкать ему рот. Горлову связали руки и чуть ли не волоком потащили к машине, стоявшей за углом дома. Однако «пленник» не растерялся и начал громко звать на помощь.

Поскольку дело происходило днем и в соседних дворах были люди, они слышали эти крики и сбежались на зов. И только тогда один

из незнакомцев, чтобы утихомирить толпу, достал из кармана удостоверение сотрудника КГБ. После чего соседи быстро разошлись по домам. А Горлова захихнули в машину и повезли в местное отделение милиции. Там чекисты выяснили, кто он, и потребовали дать подписку о неразглашении. Горлов отказался наотрез. Тогда ему стали угрожать — сказали, что в противном случае он никогда не защитит диссертации, над которой работает, а его сын не поступит в институт. А когда и это не помогло, заявили: «Если нужно, то мы вас посадим». Однако даже после этой угрозы Горлов необходимую бумагу не подписал. В конце концов после нескольких часов заточения его выпустили на свободу.

Когда Солженицын увидел своего приятеля в разорванной одежде, с синяками и ссадинами, его ярости не было предела. Он тут же сел писать письмо председателю КГБ Андропову. В тот же день послание опального писателя отвезли в Москву и передали секретарю в приемной КГБ на Кузнецком Мосту. На следующий день на даче Ростроповича, где жил Солженицын, раздался телефонный звонок. Трубку взяла Галина Вишневская и услышала на другом конце провода незнакомый мужской голос:

— Это дача Ростроповича?

— Да.

— Кто у телефона?

— Вишневская.

— Здравствуйте, Галина Павловна. С вами говорит полковник госбезопасности Березин. Я звоню по поручению Андропова. Мы получили от Александра Исаевича письмо. Нельзя ли попросить его к телефону?

Поскольку Солженицын плохо себя чувствовал и не мог встать с постели, Вишневская позвала к аппарату его жену. Березин объяснил ей, что все жалобы Солженицына не по адресу, и товарищ Андропов лично просил передать, что КГБ не виноват, отношения к случившемуся не имеет и советует обратиться в милицию по месту происхождения.

В пятницу, 13 августа, актер Борис Чирков справлял свое 70-летие. Как запишет он в своем дневнике: «Второй раз в жизни отмечаю юбилей, и опять неказенно. Первый раз в Чехословакии, а сейчас в Щелькове. И даже не в самом Щелькове — слишком много цивилизации, — а в семи километрах от Щелькова, в

Рыжовке. Стоит один дом на крутом берегу реки среди леса. И вот вечером были расстелены клеенки, на которых разложена была еда, а вокруг лежали гости и бегал новый член нашей семьи Антошка, о четырех ногах и хвосте. Пели, жгли костры, было прекрасно, а мысли копошатся. Все-таки семьдесят.

Но все же в Москве догнали меня письма, телеграммы с поздравлениями. И даже был торжественный вечер на эту тему в Доме кино — испытание тяжелей, чем на полянке в Щелькове...»

Самое время взглянуть на афишу развлечений первой половины августа. В кинотеатрах столицы состоялось несколько премьер: 2-го на широкий экран вышел совместный советско-болгарский фильм «Украденный поезд» с участием В. Янчева, А. Кузнецова, В. Санаева и др.; с 4-го — эпическое кинополотно «Ватерлоо», снятое советским режиссером Сергеем Бондарчуком в содружестве с итальянскими кинематографистами; 5-го — мелодрама «Звучки музыки» (США); 12-го — комедия «Большая стирка» (Франция).

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Укротительница тигров» (2-го), «Морозко», «Ошибка резидента» (6-го), «Приходите завтра», «Музыкальная история» (8-го), «Два билета на дневной сеанс» (9-го), «Два капитана» (10-го), «Бриллиантовая рука» (11-го), «Полосатый рейс» (12-го), «Попутного ветра», «Синяя птица», «Берегись автомобиля» (13-го), «Живой труп» (14-го), «Следователь по особо важным делам» (преьера 2-серийного документального фильма про поимку особо опасного преступника Ладжуна, снятый по сценарию «родителей» «Знатоков» Ольги и Александра Лавровых) (16-го) и др.

На эстрадных площадках выступают следующие артисты: 1—4 августа в Сокольниках поет Владимир Макаров, 10—12-го в ЦПКиО имени Горького проходят сборные концерты с участием Ивана Суржикова, Майи Кристалинской, ВИА под управлением Юрия Маликова и «Иверия» (Грузия), 12-го — в эстрадном театре «Эрмитаж» выступает вокальный квартет из Японии «Бонни Дзюкс», 13—15-го — в «Октябре» поет Гелена Великанова.

подавляющая часть столичных театров в это время находится на гастролях в различных городах Советского Союза и за рубежом, пре-

доставив свои сцены театрам с периферии. Однако на спектакли пришлых коллективов практически никто не ходит. Впрочем, такая же картина наблюдается и на гастролях некоторых столичных театров, хотя это очень странно: ведь в труппе многих из них играют прославленные звезды отечественной сцены! Однако это факт, который зафиксирован в документах. В частности, в дневнике Бориса Бабочкина, который вместе с Малым театром гастролировал тем летом в Ереване. Читаем:

«Никакого резонанса в городе просто не было. И сборы были слабые, загоняли солдат в зал. Все, на что рассчитывали Царев и Равенских, провалилось. Ответ из зала — ноль. «Достигаев» сделал хорошие сборы — оба спектакля, но успех в смысле аплодисментов — средний. Зато «Правда — хорошо» — триумф. Овации, хочот. Интерес к ней был огромный, и можно было бы играть одну «Правду» еще целый месяц. Каждый мой выход и каждый уход — аплодисменты, и среди каждой сцены много аплодисментов. На второй спектакль пожаловал Царев с семьей. Очевидно, успех «Правды» был для него ударом, он, быв за кулисами, ко мне и не зашел...»

Тем временем КГБ продолжает вести первое в своей истории «бриллиантовое» дело. Как мы помним, началось оно еще в марте этого года, когда в аэропорту Шереметьево был задержан советский гражданин Борис Глод, который пытался провезти контрабанду — бриллиант в 2 карата (карат — 0,2 грамма). От Глода ниточка потянулась к ювелирной фабрике возле «Детского мира», что на площади Дзержинского, где была выявлена целая шайка расхитителей. В июле арестовали начальника цеха ювелирной фабрики Прошина, который вскоре сдал еще одного поделщика — разметчика алмазов Копылова. Тот на первом же допросе честно признался, что воровал, и даже рассказал о домашнем тайнике, где хранилось 8 бриллиантов. Старший лейтенант КГБ Добровольский отправился с обыском по указанному адресу. Однако в том месте, о котором говорил Копылов, никакого тайника обнаружено не было. Копылов явно мухлевал, пытаясь сбить чекистов со следа. Но Добровольский не поленился и лично облазил двухкомнатную «хрущобу» в поисках тайника. Его старания были вскоре вознаграждены. Он обратил внимание,

что одна из кафельных плиток в ванной слегка смещена в сторону. Словно ее вынимали, а потом не так поставили. Взяв у хозяйки зубило, он всковырнул плитку, но ничего под ней не обнаружил. Тогда Добровольский пару раз стукнул зубилом по бетону и нашел то, что искал, — тайник, в котором оказался спрятан черный стаканчик с крышкой. В нем находилось не 8, а целых 77 бриллиантов! Но это было еще не все.

На следующий день обыск продолжили, причем теперь в квартире Копылова работала целая бригада «поисковиков». Поскольку Копылов отказался добровольно назвать свои тайники, чекисты вынуждены были искать их по всей квартире. И нашли-таки все «загашники», в которых хранилось еще 114 бриллиантов от 1 до 3 каратов. Когда драгоценности предъявили Копылову, он окончательно сник и начал давать чистосердечные показания. На их основе аресты расхитителей продолжились. Они длились почти весь август. В итоге к делу привлекли 20 обвиняемых, а 100 человек выступили в качестве свидетелей. Было изъято 600 бриллиантов. Причем находили их в самых неожиданных местах. Например, один из расхитителей социалистической собственности умудрился сделать зачачку... в могиле своей бабушки на Кузьминском кладбище. Другой закатал бриллианты в пластилиновые шарики и приклеил их к стенке в шахте лифта. Кроме бриллиантов, изымались и деньги — всего порядка 500 тысяч рублей, что по тем временам было суммой колоссальной. Причем — если в прошлые уголовные дела, которые вел КГБ, у расхитителей обычно отбирали по 3—4 тысячи рублей, иногда — по 10 тысяч, то здесь после одного из обысков нашли сразу 100 тысяч!

О «бриллиантовом» деле доложили лично Андропову, который заинтересовался им настолько, что попросил продемонстрировать ему и его заместителям все изъятое. «Выставку» решено было провести в кабинете одного из помощников Андропова. Там, на широком столе, расстелили черный бархат и разложили на нем драгоценности. Когда руководители КГБ (с Андроповым пришли его заместители Цвигун, Чебриков, Пирожков и другие) увидели этот «клондайк», у них глаза полезли на лоб. Еще бы: такого количества драгоценных камней и золотых изделий они еще никогда в жизни не встречали (среди этого добра была одна цепоч-

ка длиной 5 метров!). Тут же, не отходя от стола, Андропов лично поблагодарил начальника следственного отдела генерал-майора Жукова и следователя Добровольского за проделанную работу и пожелал дальнейших успехов в расследовании столь беспрецедентного уголовного дела.

Между тем коллеги Жукова и Добровольского продолжали разработку Александра Солженицына. Личности нобелевского лауреата чекисты придавали столь большое значение, что создали в недрах Комитета специальное подразделение, которое занималось исключительно оперативной разработкой Солженицына. Вначале это подразделение существовало в рамках отдела по борьбе с сионизмом, а затем было выделено в специальный 9-й отдел. В него входили специалисты разного профиля: «теоретики» — приглашенные со стороны литераторы-профессионалы, «разработчики» — профессиональные чекисты, анализирующие добытые сведения и определяющие действия против «объекта», а также «практики-исполнители», которые с учетом обстановки осуществляли проекты «разработчиков».

Сам Солженицын в те августовские дни 71-го постепенно приходил в себя, после внезапного ухудшения здоровья, случившегося в Новочеркасске. Стоит отметить, что ни он, ни кто-нибудь другой из его ближайшего окружения даже не подозревали об истинной причине этого недомогания. Истина откроется спустя двадцать лет. Кстати, тогда же специалисты будут обсуждать и такой вопрос: почему акция КГБ по физическому устранению Солженицына не получилась? Будет высказано несколько версий. Первая — ликвидатор неаккуратно исполнил возложенное на него задание; вторая — яд потерял некоторые свои свойства, пока доставлялся из Москвы на юг; третья — организм Солженицына оказался сильнее яда; четвертая — покушения на убийство не было, КГБ всего лишь пытался на время вывести писателя из строя.

Но вернемся в август 71-го.

В среду, 18 августа, неприятное известие получил певец Лев Лещенко: отборочная комиссия Министерства культуры СССР сообщила ему, что на Международный фестиваль в польский город Сопот он не поедет. Дескать, на предыдущих конкурсах двое наших певцов

потерпели фиаско, поэтому теперь принято решение послать туда певицу — 23-летнюю Марию Кодряну из Молдавии (еще в 16 лет она успешно дебютировала в ансамбле «Дружба»). Лещенко это известие расстроило очень сильно. Для поездки в Сопот уже была отобрана песня Оскара Фельцмана и Роберта Рождественского «Баллада о красках», отпечатаны красочные буклеты с фотографией певца, даже пошит эффектный костюм — стильный комбинезон темно-вишневого цвета. Но все это оказалось ненужным. Правда, песня пригодилась — Кодряну должна была выступить в Сопоте именно с «Балладой о красках». Как поговаривали в то время в эстрадных кругах, этой поездкой певица была обязана самому Брежневу: дескать, у него в Молдавии осталось много друзей (в начале 50-х Брежнев возглавлял ЦК КП республики), вот они и воспользовались своими связями для выдвижения на престижный конкурс своей землячки. О том, как Кодряну выступила в Сопоте, рассказ еще впереди, а пока продолжим знакомство с другими событиями августа 71-го.

19 августа в «Советской культуре» появился фельетон Г. Гогоберидзе о «билетной» мафии в Москве. Была и такая мафия в столице, поскольку народ в те годы не сидел по квартирам, а часто посещал различные представления. Зная об этом, ушлые люди объединялись в группы, сотнями скупали билеты в наиболее посещаемые увеселительные заведения и продавали их втридорога. Согласно упомянутому фельетону, их деятельность выглядела следующим образом.

В билетной кассе любого столичного театра билетов для обычной публики насчитывалось от силы пара сотен. А желающих попасть в театр были тысячи. Поэтому в самые модные театры (например, на Таганке) существовала длинная очередь из страждущих. Выстраивалась она обычно за день до начала продажи билетов, однако на ночь расходилась, оставляя у кассы нескольких активистов со списком на руках. Вот эти самые списки и были нужны «билетной» мафии. Ее члены старались войти в число активистов и составляли список очередников по своему усмотрению. В итоге несколько десятков человек там составляли «мертвые души» — то есть те, кто в очереди не стоял, но в назначенный час появлялся у кассы, получал

заветные билеты и отдавал их «мафии». Кроме этого, «билетные жуки» обрабатывали и простых смертных из очереди: на свободные номера в списке «мафиози» записывали любого желающего, который затем половину купленных билетов отдавал все той же «мафии».

Поскольку ОБХСС периодически проводил облавы на «билетеров» (рядовым ее участникам могло грозить наказание в 50 рублей штрафа или 15 суток исправительных работ, главарям — до двух лет тюрьмы), те вынуждены были прибегать к определенным мерам предосторожности. Например, в день премьеры спектакля или кинофильма у касс дежурили всего двое представителей «мафии»: один предлагал прохожим «лишний билет», а второй (так называемая «ходячая касса») с обоймой этих самых билетов стоял где-нибудь за углом, в безопасном месте. На модном представлении «билетные жуки» за вечер зарабатывали по 2—3 тысячи рублей.

В упомянутом фельетоне на основе материалов ОБХСС называлось несколько участников «билетной» мафии. Среди них фигурировали люди разного возраста, пола и специальности: мастер Управления дальних электропередач (имел на руках аж 208 билетов в театры «Современник», на Таганке, «Ромэн», Сатиры, имени Моссовета и др.), инженер НИИ (119 билетов), заместитель директора кинотеатра «Стрела», мастер химического факультета МГУ, старший инженер-архитектор, осветитель киностудии имени Горького, экспедитор издательства «Известия», техник Дворца спорта в Лужниках, вахтер Центрального Дома журналиста и т. д. Стоит отметить, что некоторые из перечисленных людей могли и не входить в «билетную» мафию, а спекулировали билетами исключительно по собственной инициативе в первый и последний раз в жизни.

И вновь вернемся к хронике событий.

Как уже говорилось, лето — горячая пора для гастролей, и многие столичные артисты и творческие коллективы совершали поездки по стране. В Казани проходили концерты большой группы популярных артистов советской эстрады, среди которых были Клавдия Шульженко, Галина Писаренко, ВИА под управлением Юрия Маликова (названия «Самоцветы» пока еще не утвердили), Виктор Чистяков. Кстати, последний, выступавший в жанре музыкаль-

ной пародии, пользовался в те годы огромной популярностью.

Закончив Вагановское училище, Чистяков поступил в ленинградский театр Комиссаржевской, однако славу себе снискал как эстрадный артист. Он одним из первых на отечественной эстраде стал делать пародии на популярных исполнителей, преимущественно женщин: Клавдию Шульженко, Людмилу Зыкину, Эдиту Пьеху, Ольгу Воронец, Лили Иванову и др. Пародировал он и мужчин (Полад Бюль-Бюль оглы, Эдуард Хиль, Муслим Магомаев), однако, как отмечали многие, женские пародии ему удавались лучше. Стоит отметить, что кое-кто из артистов сильно обижался на Чистякова, считая, видимо, что он своими пародиями принижает их творчество. Вот что вспоминают по этому поводу очевидцы.

Ю. Энтин (автор текстов многих чистяковских пародий): «Он был беспощаден. В текстах пародии, пожалуй, были нейтральными, хотя встречались и разоблачительные моменты, как, например, в пародии на Шульженко. Довольно издевательская пародия была на Хиля. Мы же не всегда могли знать: затронул ли он исполнителя за большое место или, как говорится, не попал. Чаще всего Витя «попадал». С одной стороны, подражал один в один, а с другой — ухватывал какие-то недостатки и показывал их невероятно гротескно. Николай Сличенко, помнится, очень сокрушался по поводу Витиных пародий. Полад Бюль-Бюль оглы просил, чтобы его Витя не пародировал, ему все это не нравилось, он говорил, что все это не похоже, а в разговоре со мной объяснил: «Если уж ты пишешь, то не упоминай фамилии, потому что для нас оглы — это мой отец, а Бюль-Бюль означает «соловей», это псевдоним». Зачем, мол, отца упоминать, трогать, это святое! «Меня трогай, отца не трогай». Но я... трогал. Тут уж надо или совсем не заниматься этим жанром, или себя слушать, потому что, если все будут говорить: «Это надо — это не надо», тогда не смешно будет...»

М. Ганицкая-Шмарук: «Помню, как Витя приехал из Москвы, где впервые выступал в каком-то большом концерте вместе с Зыкиной, пародируя ее. Реакция Зыкиной на пародию Чистякова была совершенно однозначной, прямо как в анекдоте: ну не нравишься ты мне! Не нравился ей Виктор с его пародиями! Ему

бы переживать, расстраиваться, а то и побаиваться такой реакции со стороны всеисильной Зыкиной, а он по такому случаю даже юморил: «Ну не нравлюсь я ей такой щупленький!»

В. Павина: «С Шульженко мы неоднократно попадали в одни концерты. Она, по-моему, спокойно смотрела на Чистякова. С ее высот взирала на молодую поросль. Или, может быть, своим чутьем понимала, кто такой Чистяков в своем жанре. Его очень доброжелательно принимали многие по-настоящему талантливые люди искусства и вообще любых профессий...»

В воскресенье, 22 августа, в казанском Дворце спорта на одном из гастрольных концертов побывал С. Осинцев, в ту пору 17-летний студент Казанского университета. Послушаем его рассказ:

«Стояла очень теплая, легкая погода. На душе было весело и спокойно, все волнения вступительных экзаменов остались позади...»

Мы гуляли довольно долго и увидели афиши, где было очень много известных имен. Это был гала-концерт во Дворце спорта... Мы купили билеты очень близко от сцены. И вот начался концерт. Это было большое эстрадное представление с тремя конферансье, типичное для того времени, эстрадная солянка...

Конечно, все ждали появления Клавдии Ивановны Шульженко, и ожидания публики не были напрасными. Артистка, со свойственной только ей манерой, царственно кланяясь, появилась на сцене. Все замерли. Заиграла музыка, и мы все наслаждались ее отточенной манерой исполнения, уверенной в своей точно избранной интонации. Она, как всегда, жила в своем образе настолько вдохновенно и ярко, что каждое слово ложилось на музыку с огромным смысловым значением. В общем, зал стонал. Это было уже после блестящих выступлений многих артистов, и уже казалось, больше ничего не может поднять концерт еще выше по настроению и уровню.

Но вот после Шульженко конферансье (кажется, им был Олег Милявский) стал объявлять незнакомого мне исполнителя. Когда он назвал первые фразы, еще не назвав фамилию, стадион буквально разразился шквалом аплодисментов. Зрители уже поняли, что сейчас будет выступать любимый пародист — Виктор Чистяков.

Он появился вместе с небольшим ансамблем. Очень артистично поклонившись, с огром-

ным обаянием выдержал большую паузу, заставив зал затихнуть, и начал свое выступление...

Это был знаменитый концерт «По заявкам радиослушателей». Конечно, я ничего подобного не слышал и не видел. И даже представить не мог, чтобы один человек мог так точно передать образы многих любимых тогда исполнителей — Клавдии Шульженко, Эдиты Пьехи, Ивана Козловского, Людмилы Зыкиной, Полада Бюль-Бюль оглы и многих-многих других советских и зарубежных звезд эстрады. Конечно, успех был сумасшедший. Зал буквально ревел. Витя повторил на бис несколько пародий, и концерт закончился.

Я был потрясен. Мне казалось невероятным все увиденное и услышанное, тем более что я никогда раньше не слышал музыкальных пародий, да еще в таком совершенном исполнении. А удивляться было чему! Ведь голос, манера исполнения были настолько похожими, что сами звезды, как мне потом рассказывали, не могли отличить своего исполнения от Витино. Однажды Шульженко, стоя за кулисами большой эстрадной программы, услышала, как выступает Чистяков. «Это же я пою! — воскликнула певица, но искренне удивилась: — Пою-то я, но я никогда не пела таких слов?!» Когда Козловский услышал пародию на себя и на Лемешева, то Иван Семенович позвонил Виктору и предложил встретиться...»

В тот же воскресный день состоялся очередная тур футбольного чемпионата. В частности, московское «Динамо» играло в Донецке с местным «Шахтером». У вратаря москвичей Владимира Пильгуйа родился сын, однако руководители команды, узнавшие об этом перед игрой, решили не сообщать радостную весть голкиперу, опасаясь, что он встанет на ворота излишне взволнованным. Тот матч закончился вничью — 2:2, и Пильгуй чувствовал себя не самым лучшим образом — все-таки две «плюхи» пропустил. И тут вдруг в раздевалке к нему подходит легендарный Лев Яшин с бутылкой шампанского в руке: «Володя, давай выпьем!» У Пильгуйа в голове сумбур: с чего бы это пить, если он сегодня отстоял не очень хорошо? А Яшин вдруг командует: «Тихо! От всей команды поздравляю тебя, Володя, с огромной радостью! Сегодня у тебя родился сын!» Тут же в раздевалке раздалось дружное «ура», и пробка от шампанского взмыла вверх.

В понедельник, 23 августа, на дачу в Жуковке, где жил Солженицын, приехал доктор Николай Жуков. Стоит отметить, что незадолго до этого писателя уже навещал один врач — известный онколог, который поставил больному диагноз: «сильная аллергия», — и прописал какие-то лекарства. Однако они не помогли — на теле Солженицына продолжали появляться свежие волдыри, причинявшие ему невероятные боли. Вот тогда и было решено обратиться к помощи доктора Жукова. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Мою руки и прохожу в маленькую, заставленную мебелью комнатку. У стены — скрипучая раскладушка с постеленным на ней деревянным щитом, тонким матрасом и смятой простыней, на которой, укрытый до пояса одеялом, лежит Александр Исаевич. Он в нижней белой рубашке, поверх надета поношенная коричневая шерстяная фуфайка с пуговицами и заметно потертými локтями. На огромном письменном столе — включенный рефлектор, направленный в сторону больного. Это меня насторожило.

— Последние дни меня начал беспокоить озноб и температура по вечерам, — сказал Александр Исаевич, — до тридцати восьми и выше.

Опрос и осмотр больного заняли немало времени. Так, повернуть Александра Исаевича на живот оказалось возможным только с помощью его жены Али, да еще в несколько приемов — малейшее движение вызывало сильнейшую боль во всей нижней половине тела.

Поставить диагноз заболевания, как мне тогда казалось, было несложно. Клиническая картина поражения кожи напоминала ожог второй степени. Удивлял обширный отек левого бедра. Дермографизм оказался красным, быстро переходящим в белый, стойкий. Кожа, как зеркало, отражала сильную перевозбудимость сосудосуживающих нервов и как бы «кричала», что лечить ее необходимо теплом — общим или местным, сухим или влажным.

Тогда я установил диагноз: «распространенная аллергия, осложненная вторичной стрепто-стафилококковой инфекцией». Вначале, правда, я не исключил и болезни Лайлла — таким тяжелым было поражение кожи.

Пациент, однако, не согласился с моим советом вскрыть пузыри, удалить их содержимое

и обработать кожу, ссылаясь на «чудодейственную» мазь профессора, которая, по его мнению, подсушит кожу и предупредит появление свежих пузырей. Отменив все назначения профессора, я не мог отказаться от мази: в нее верил больной.

Я объявил Александру Исаевичу, что заболевание тяжелое и потребует не менее 4—5 недель лечения и что, учитывая онкологическую настроенность организма, оно будет проводиться по принципу: подальше от химии и гормонов.

На другой день — 24 августа — позвонила жена Александра Исаевича, которая сообщила, что после назначенной мной ванны «Саня почувствовал облегчение, спал ночь и утро без просыпу. Стал бодрее и спокойнее. Температура держится, но стала низкой».

В тот же день серьезные изменения произошли в личной жизни академика Андрея Сахарова — он объяснился в любви Елене Боннэр. Как мы помним, их первая встреча произошла в октябре 70-го. Однако долгое время их отношения не выходили за рамки служебных обязанностей — они оба были активными участниками диссидентского движения. И все же с каждой новой встречей их симпатии друг к другу возрастали, и в итоге, несмотря на то, что у обоих были дети от предыдущих браков (у каждого — сын и дочь), они внезапно поняли, что жить друг без друга им еще труднее. 24 августа они сказали друг другу о своих чувствах. А на следующий день Боннэр повезла Сахарова к себе домой, знакомить его со своей мамой Руфью Григорьевной (там же жили дети Елены — старшая дочь Таня с мужем Ефремом и младший Алексей, перешедший в 9-й класс). Далее послушаем рассказ самого А. Сахарова:

«Дети в те дни были в Ленинграде, где живет их отец (бывший муж Елены Боннэр Иван Васильевич Степанов, заведовал кафедрой судебной медицины. — Ф. Р.). Руфь Григорьевна лежала больная. Я раньше один раз видел ее, но в этот день ощущал ее уже как близкого мне человека. Мы с Люсей прошли на кухню, и она поставила пластинку с концертом Альбиони. Великая музыка, глубокое внутреннее потрясение, которое я переживал, — все это слилось вместе, и я заплакал. Может, это был один из самых счастливых моментов в моей жизни...»

Утром того же дня, 25 августа, Солженицын позвонил домой своему лечащему врачу

Николаю Жукову и сообщил, что горячие ванны пошли ему на пользу, озноб исчез, хотя температура все еще держится. Сказал он также, что для пользы дела постарается двигаться, попробует встать сам и, если возможно, попробует походить по комнате. Жуков ответил, что это ускорит заживление кожи, но вместе с тем изменил некоторые назначения и порекомендовал не увлекаться ваннами — принимать их не чаще двух раз в неделю.

26 августа Жуков приехал на дачу к Солженицыну. После обработки кожи и наложения повязки Солженицын выразил желание немного отдохнуть, лег на спину, а затем показал врачу французскую мазь «Метазил» и большой флакон густоватой кроваво-красной жидкости. Дескать, можно ли это опробовать на себе? Жуков разрешил «испытать» средство на мелких и «спокойных» очагах.

И еще несколько слов про знаменитых пациентов. Продолжается пребывание в больнице замечательной русской актрисы Фаины Раневской. Как мы помним, она угодила на больничную койку еще в июле и умудрилась к одной болезни добавить другую — сломала в больнице руку. Однако к концу августа гипс у нее с руки сняли, хотя боли не проходили. Тогда врач принес ей специальный крем для спортсменов. Боль на какое-то время прошла, однако ночью вернулась вновь. Было так больно, что Фаина Георгиевна чуть ли не волком выла.

Между тем в Москве объявился опасный маньяк. 27 августа в районе аэропорта Внуково случайные прохожие обнаружили в кустах труп молодой женщины. Приехавшие по вызову милиционеры установили, что смерть несчастной наступила от удушения, а перед убийством ее изнасиловали. Судя по всем признакам, в данном случае орудовал тот же душегуб, что дал о себе знать две недели назад: 11 августа поблизости от этих мест уже был обнаружен труп другой жертвы — тоже изнасилованной и задушенной. Поскольку два убийства — уже серия, о происшедшем тут же поставили в известность МУР. Однако, несмотря на все принятые меры, выйти на след преступника долго не удастся. А маньяк тем временем сменит дислокацию и отправится в Москву, где нападет еще на одну женщину — на стройке неподалеку от станции метро «Динамо». Несчастную ожидает та

же печальная участь, что и внуковских жертв, — она будет изнасилована и убита. К счастью, теперь найдутся свидетели, которые обратят внимание на странного молодого человека, крутившегося возле стройки. По описаниям свидетелей сделают фоторобот маньяка, на основе которого вскоре будет установлена личность изувера. Им окажется 19-летний житель Пензы Юрий Раевский. Оказывается, пару лет назад он был на хорошем счету у себя на родине — являлся секретарем комсомольской организации в учреждении, где работал. Но затем в парня вселился бес. Однажды среди бела дня он напал на свою соседку по дому, пытался затащить ее к себе в квартиру и изнасиловать. Той удалось вырваться и заявить на насильника в милицию. Раевского арестовали и осудили. Но летом 71-го он сбежал из мест заключения и начал целенаправленно мстить женщинам.

Первой от его рук пострадала одна девушка, которая поздним вечером возвращалась с работы домой. Ее он изнасиловал, пытался задушить, но та чудом выжила. Затем след маньяка обнаружился в Минеральных Водах (одна жертва), Клайпеде (там Раевский заманил девушку на территорию разрушенного замка, после чего предложил ей вступить с ним в половую связь, а когда она отказалась, забил насмерть камнями). После этого Раевский рванул в Москву, где совершил три преступления на сексуальной почве. В тот момент, когда столичная милиция сбивалась с ног в его поисках, Раевского в городе уже не было — он подался на Украину. Но о том, как завершилась операция по его поимке, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с событиями конца августа 71-го.

28 августа Раневской исполнилось 75 лет. В тот день к ней в больницу зашли Владимир Высоцкий с Мариной Влади, только что вернувшиеся из круиза на теплоходе «Шота Руставели» (с 12 по 26 августа), однако к имениннице их не пустили — та себя плохо чувствовала. Тогда Высоцкий оставил для нее записку:

«Дорогая Фаина Георгиевна!

Сегодня у Вас день рождения. Я хочу Вас поздравить и больше всего пожелать Вам хорошего здоровья... Пожалуйста, выздоравливайте скорее! Я Вас крепко целую и надеюсь очень скоро Вас увидеть и посидеть у Вас за красивым столом. Еще целую. Ваша Марина.

Дорогая наша, любимая Фаина Георгиевна!

Выздоровливайте! Уверен, что Вас никогда не покинет юмор и мы услышим много смешного про Вашу временную медицинскую обитель. Там ведь есть заплечных дел мастера, только наоборот.

Целую Вас и поздравляю. И мы ждем Вас везде — на экране, на сцене и среди друзей. Володя».

В эти же дни подписчики журнала «Советский экран» обнаружили у себя в почтовых ящиках очередной, 17-й номер. Для подавляющего большинства читателей он ничем не выделялся из ряда других. И только один человек думал иначе — Людмила Гурченко, о которой в номере была помещена небольшая заметка. Вернее, не только о ней, а о фильме «Дорога на Рюбечаль», в котором она имела честь сниматься. Читатель вправе спросить: с чего бы так радоваться актрисе, разве мало до этого о ней писали? Вот именно, что мало: последний раз тот же «Советский экран» писал о Гурченко более десяти лет назад. И с тех пор — ни слуху ни духу. О чувствах, которые переполняли актрису в августе 71-го, лучше расскажет она сама:

«Фильм «Дорога на Рюбечаль» вышел на экраны, и вот на него в журнале рецензия. Рецензий впереди будет много, но эту... «я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза...» Она — первая за долгие годы девальвации и забвения. Ведь именно те слова, которые мне были так нужны для того, чтобы убедиться, что избрала верный путь...

На столе стояла бутылка шампанского и фруктовая вода для папы с Машенькой (дочь Гурченко от первого брака. — Ф. Р.). В той статье все, что касалось меня, было жирно подчеркнуто красным карандашом, а на полях стояло несколько крючкообразных старомодных папиных автографов. Аж сердце шемит, когда гляжу на этот старый, драгоценный пожелтевший номер. Папа читал статью уже в десятый раз. Теперь читал ее вслух.

— Так, слушайте, уся моя семья, про дочурку з усем сердцем. «Только эпизод». Это название. «Что запоминается в этом фильме? Помоему, несколько эпизодов. И прежде всего отличная эпизодическая роль Людмилы Гурченко». Это, дочурка, означать, што золото и в... блистать. Тут я з им целиком согласный, а куда

против правды денися? Читаю дальший: «Велика ли роль, если отпущено актрисе всего два эпизода? Актриса сумела много рассказать о «такой войне» за эти несколько минут на экране. В двух сценах она сумела развернуть целый характер — от низшей границы отчаяния до взлета благородства и решимости. Такая актерская щедрость и убедительность о многом говорят. Во всяком случае, с обидной повторяемостью «голубой певички» для Людмилы Гурченко, я уверен, покончено». Хочу от чистага сердца выпить за писателя, товарища Вадима Соколова, яког про мою дочурку написал правду и у самое яблочко. Спасибо тебе, дорогой товарищ, жизнь тебя за ето отблагодарить, ето як закон. Ну, за честь, за дружбу!..»

Между тем Василий Шукшин вместе со съемочной группой фильма «Печки-лавочки» уехал на Алтай. Там, в родных для себя Сростках и близлежащих селах (Шульгин Лог, например) он снимал натуру. Причем это был его третий «алтайский» фильм, однако в «Печках...» впервые снималось большое количество его земляков. Порой казалось, что Шукшин снимает не художественный фильм, а документальный.

Рассказывает В. Коробов: «Пожилая женщина, надевающая цветастый платок в первых кадрах фильма, — это мать Василия Макаровича; юноша, крутящий транзистор и разясняющий что-то «столетнему деду» во время гулянки-проводов Расторгуева-Шукшина на курорт, — сын Натальи Макаровны, племянник Василия Макаровича; Нюра, жена Ивана по роли, — жена Василия Макаровича, Лидия Федосеева, а дети Расторгуевых, весело прыгающие на кровати, — Маша и Оля Шукшины. Провожают же Расторгуева-Шукшина действительные земляки и дальние родственники Василия Макаровича...

А проводы вышли в конце концов не «киношными». Герой вернулся на гору Бикет, сказал нам: «Все, ребята, конец!» — Шукшин не вернулся.

Знал ли, чувствовал ли Василий Макарович, что никогда больше ему не приехать сюда, не пройти по родимой земле ни в сапогах, ни босиком, никогда больше не увидеть многих близких и земляков?..»

В конце августа горе постучалось в дверь писателя Виталия Коротича (главреда журнала «Огонек» в перестроечные годы) — у него по-

гиб сын. Погиб нелепо: случайно дотронулся до оголенного электрического провода у себя во дворе (Коротичи жили тогда в Киеве) и получил сильнейший удар током. Парню было 17 лет.

Тем временем 29 августа в польском городе Сопоте завершился очередной фестиваль эстрадной песни, куда съехались исполнители из 23 стран, в том числе и из Советского Союза. Нашу страну представляла весьма внушительная делегация, в состав которой входили молдавская певица Мария Кодряну (песня «Баллада о красках»), столичный певец Юрий Гуляев (выступление вне конкурса с песней Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Знаете, каким он парнем был...»), член жюри, композитор Андрей Петров, а также гости А. Пахмутова, Н. Добронравов, О. Фельцман, Ю. Силантьев. Мы помним, что имя Кодряну возникло в самый последний момент, а до этого на конкурс должен был ехать Лев Лещенко. Его кандидатуру завернули под предлогом того, что два предыдущих конкурса мужчины завалили. Однако у Кодряну тоже ничего не получилось: она осталась без главного приза (первую премию получила болгарская певица Паша Христова) и довольствовалась всего лишь поощрительной наградой — премией Совета профессиональных союзов Польши за лучшее исполнение общественно-политической песни.

В день, когда в Сопоте завершился фестиваль, известная киноактриса Светлана Тома родила дочь Ирину. Тома пришла в кино благодаря стараниям режиссера Эмиля Лотяну, который пригласил ее на главную роль в свою картину «Красные поляны» (1967). Девушке тогда было 17 лет. В ходе съемок между режиссером и дебютанткой возник бурный роман, который обсуждала вся Молдавия. Однако походом к алтарю он не закончился — Лотяну был натурой увлекающейся и семейными узами связывать себя не хотел. В итоге в 1970 году Тома вышла замуж за своего однокурсника по Кишиневскому институту искусств Олега Лачина, который долго ее добивался. Однако спокойной жизни у них не получилось. По словам самой актрисы: «Я хотела свадьбу, белое платье и фату. Я пыталась себе внушить, что он — хороший, что мне будет хорошо с ним. Я только помню его безумную ревность, которая меня страшно утомляла. А я — человек независимый, и меня это сильно угнетало. Он часто закатывал

вал дикие сцены, причем из-за всего. Но думаю, главное было: я уже имела имя, а он — никто. И он считал, когда я уезжаю, я — не верна ему...»

Забегая вперед скажу, что Олег Лачин не долго будет нянчить свою дочь: спустя восемь месяцев после ее появления на свет он нелепо погибнет: его моторная лодка попадет под катер с воздушной подушкой. Но вернемся в август 71-го.

Приближается новый театральный сезон, и в Москву один за другим возвращаются столичные театры, все лето гастролировавшие по стране. Первый сбор труппы после летних гастролей сами актеры саркастично называют «Иудиным днем» (надеюсь, понятно почему). Утром 31 августа такой сбор прошел в труппе МХАТа, который по традиции почтила своим присутствием сама министр культуры Екатерина Фурцева. Она выступила перед актерами и призвала их к новым творческим свершениям во славу партии и народа.

Во второй половине августа состоялась всего лишь одна театральная премьера: 23-го в Музыкальном театре имени Станиславского был показан спектакль «Нищий студент».

Кинопремьер было больше: 23-го на широкий экран вышел последний фильм казахского режиссера Шакена Айманова (в декабре 1970 года он погиб под колесами автомобиля) — боевик «Конец атамана»; 24-го — исторический фильм «Михай Храбрый» (Румыния); 25-го — советский боевик «Смелого пуля боится»; 30-го — комедия «Шельменко-денщик» с Михаилом Пугачкиным в главной роли. В августе на столичный экран вышел третий выпуск мультсериала «Ну, погоди!». В нем Волк гоняется за Зайцем на мотоцикле, дорожном катке и т. д.

Кино на ТВ: «Валерий Чкалов» (18-го), «Пассажир с «Экватора» (19-го), «Дело №306», «Хроника пикирующего бомбардировщика» (19-го), «Человек без паспорта» (20-го), «Секретарь райкома» (21-го), «Мертвый сезон» (25—26-го), «Дайте жалобную книгу» (26-го), «Порочный рейс» (27-го), «Гранатовый браслет» (28-го). 28—29 августа по первой (главной) программе ЦТ состоялась премьера 3-серийного телефильма «Вся королевская рать». В главных ролях Георгий Жженов, Татьяна Лаврова, Михаил Козаков, Олег Ефремов. 29 августа, сразу после окончания 3-й серии «Королев-

ской рати», в 21.10 была показана запись выступлений участников фестиваля в Сопоте.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 19—20 августа в Зеленом театре ЦПКиО имени Горького состоялись концерты с участием оркестра Олега Лундстрема, певиц Нины Бродской, Майи Розовой, вокально-инструментального квартета «Лада» и др.; 25—26-го — в Сокольниках выступала певица Лариса Мондрус.

И, наконец, некоторые новинки фирмы «Мелодия». Вышли три твердых миньона: «Поет Эдуард Хиль», на котором записан хит сезона «Зима» (Э. Ханок), а также другие песни — «Что такое счастье», «Девятый вал», «Прощание с морем»; «Поет Рафаэль» с песнями «Марже-лон», «Неверный друг», «Две голубки», «Ею будешь ты»; «Поет Джанни Моранди».

Из гибких пластинок выделю следующие: «Мелодии друзей-71» в количестве четырех штук, на 1-й представлены: Ивица Шерфези (Венгрия), Вани Стойкович (Болгария), ВИА «АВС» (Югославия), на 2-й — Алеш Ульм и

Марцела Лайферова (ЧССР), на 3-й — Дагмар Фредерик и Зигфрид Уленброк (ГДР), на 4-й — Петер Миклош, Ион Улмяну (Румыния); пластинка «Поет ВИА «Песняры» с песнями: «Ты мне весной приснилась» (Ю. Семеняка), «Рушники», «Скрипят мои лапти» (белорусские народные песни); пластинка «А ну, улыбнись!» (юморески «Бабье лето», «А может быть...» в исполнении Александра Лившица и Александра Левенбука, куплеты).

Однако безусловным лидером стал твердый миньон ленинградского ВИА «Поющие гитары», на котором были записаны четыре песни: «Проводы» (А. Колкер — К. Рыжов), «Мы растались» (молдавская народная песня), «Карлсон» (переработка на русский лад прошлогоднего шлягера «Желтая река» Дж. Кристи — русский текст И. Резника), «Нет тебя прекрасней» (Ю. Антонов — А. Азизов, М. Беляков). Две последние песни мгновенно покорили сердца слушателей, обеспечив пластинке фантастическую раскупаемость — «Мелодии» пришлось срочно допечатывать тираж.

1971 Сентябрь

Сын Андрея Сахарова получает двойку. Как «джентльмены удачи» вновь угодили в цистерну. Солженицын выздоравливает. Инфаркт у Хрущева. Первые гастроли Театра на Таганке по Советскому Союзу: триумф в Киеве. Испорченный отдых Олега Даля. Переезд Виктора Чистякова в Москву. Смерть Хрущева. Концерт Высоцкого на заводе шампанских вин. Похороны Хрущева. Гангстеры из Львова. Инфаркт Шостаковича. «Кто ж его посадит? Он же — памятник!» Концерт Высоцкого на ДСК. Юрий Соломин получил звание заслуженного артиста благодаря... радикулиту. Золотухин в загуле. Открыт мемориальный комплекс «Брестская крепость». Кремль в панике: советский разведчик сдает агентуру. Письмо Олега Даля. Сестры-близняшки меняют кино на цирк. Кладбищенская мафия в Москве. Подвиг младшего сержанта милиции Петра Макеева. «Динамо» (Киев) — чемпион СССР по футболу.

Сын опального академика Андрея Сахарова 14-летний Дмитрий Сахаров 1 сентября переступил порог новой школы — 2-й физико-математической. До этого он учился в обычной школе, но всегда мечтал именно о такой — с уклоном в сторону физики. Первым уроком в тот день была химия. Педагог, зачитывая из журнала фамилии учеников, наконец дошла до фамилии «Сахаров». «Тот самый Сахаров?» — спросила она у Дмитрия. «Тот самый», — ответил он. И тут же услышал презрительную реплику из уст педагога: «Не повезло. Ой как не повезло». Кому именно не повезло, учительница не уточнила, но Дмитрию от этого легче не стало. На том уроке он заработал свою первую двойку.

В первый день сентября съемочная группа фильма «Джентльмены удачи» по решению худсовета начала пересъемку отдельных эпизодов уже законченной картины. В частности, в тот день заново делалась сцена в цистерне. Вместо нее использовали специальную емкость, в которую залили подкрашенную жижу

из манной крупы, имитирующую цементный раствор. Затем внутрь залезли трое актеров (Леонов, Крамаров, Вицин), которым пришлось бултыхаться в жижу в течение часа. Глядя теперь на эти кадры в фильме, можно смело сказать — все сработало на «отлично».

На следующий день снимали еще один эпизод — в поезде. Это когда герой Евгения Леонова — завдетсадом Трошкин — под видом вора Доцента мчится в среднеазиатскую колонию. В одной из камер поезда его натаскивает лейтенант милиции Славин (Олег Видов). В этой сцене появляется целый букет блатных словечек: канать, обрываться (убегать), фуфлю толкать (говорить неправду), тики-так (хорошо), тошнилровка (пивная), гоп-стоп (ограбление), редиска (нехороший человек), фрейфе (хороший человек).

Между тем на киностудиях страны продолжают съемки других будущих хитов. В карельских лесах Станислав Ростоцкий продолжает работу над фильмом «А зори здесь тихие...». В те дни снимали эпизоды на берегу реки: как

старшина Васков и девушки-зенитчицы прогонят диверсантов, имитируя валку леса.

В воскресенье, 5 сентября, в доме доктора Николая Жукова, который лечил Солженицына, зазвонил телефон. На проводе была супруга писателя, Аля. Она радостно сообщила, что состояние Александра Исаевича вполне удовлетворительное: мазь Конькова, которую прописал Жуков, сняла зуд и жжение кожи. Это был резкий перелом в течении болезни.

6 сентября у пенсионера союзного значения Никиты Сергеевича Хрущева, наоборот, состояние здоровья резко ухудшается — случился третий инфаркт. Накануне ночью у него болело сердце, и его супруга — Нина Петровна — дала ему лекарство. Боль прекратилась, и Хрущев уснул. Однако утром следующего дня он опять почувствовал недомогание. В Петрово-Дальнее срочно вызвали личного врача Беззубика. Тот сделал укол, после чего приказал Хрущеву собираться в больницу. Когда его на носилках выносили из дома, многолетний повар семьи Хрущевых Анна Григорьевна Дышкант ободряюще сказала: «Все будет хорошо, Никита Сергеевич, вы скоро поправитесь». На что Хрущев грустно заметил: «Нет, Анечка, я уже не поправлюсь. Прощайте».

На улице Никита Сергеевич внезапно потребовал остановиться и стал слезать с носилок. На удивленный возглас врача «Зачем?» Хрущев ответил, что хочет ехать в больницу сидя. Говорил он это с такой убежденностью, что врач не посмел спорить. Вместе с отцом в больницу отправилась и дочь Рада.

В тот же день, 6 сентября, угодила в больницу и моя мама. Еще накануне вечером она почувствовала сильную усталость, головокружение, а утром уже не смогла встать на работу. Отец вызвал «Скорую», и приехавшие вскоре врачи поставили диагноз — болезнь Боткина (вирусный гепатит), в просторечии именуемый желтухой. Маму тут же доставили во 2-ю Клиническую инфекционную больницу, что недалеко от нашего дома, возле Разгуляя.

К началу сентября многие столичные театры после летних гастролей вернулись в Москву. Однако несколько коллективов в те дни еще разъезжали по стране: Малый театр был в Ереване, Ленком — после гастролей в Воронеже и Днепропетровске отправился в Краснодар, а «Ромэн» — в Ростов-на-Дону. В начале

сентября в гастрольную поездку поехал еще один московский театр — Драмы и комедии на Таганке, путь которого лежал в город Киев. Это было поистине эпохальное событие, поскольку за все семь лет своего существования театр Юрия Любимова по воле официальных властей ни разу (!) не выезжал с гастролями дальше подмосковного Загорска. А тут — сразу в столицу Украины! Произошел такой «прорыв» благодаря стараниям первого секретаря ЦК КП Украины Петра Шелеста, который весьма благосклонно относился к Театру на Таганке и часто посещал спектакли, если находился в столице. Однажды, в один из своих приездов в Москву, Любимов стал «плакаться в жилетку»: мол, совсем достали власти, даже на гастроли не выпускают. А Шелест ему ответил: «А ты к нам, в «вильну Украину», приезжай. И ничего не бойся, я все устрою». И ведь действительно устроил: вызвал к себе опальный театр. А перечить Первому ни у кого духу не хватило, поскольку Шелест в те годы был членом Политбюро. Вот как вспоминает о тех днях один из актеров «Таганки» Дмитрий Межевич:

«В Киев мы ехали всем коллективом. Помнится, это было 6 сентября. От театра до Внукова нас довез автобус. А в самолете нам не хватило мест. Юрий Петрович объявил по салону, что мы — Театр на Таганке, не мог бы кто-нибудь уступить нам одно место? В благодарность мы проведем вас в Киеве на спектакли.

Место уступил какой-то мужчина лет сорока, отказавшись от приглашения в театр.

Прилетели мы днем, разместились в гостинице «Украина», а вечером уже репетировали в помещении Театра оперетты. Наш приезд для города был чем-то из разряда вон! Народ в потрясении, у театра — милицейские кордоны...»

Приехавший вместе с театром Владимир Высоцкий уже в первый день умудрился дать в столице Украины два концерта. Столпотворение там было не меньшее, чем возле театра.

В это же время Олег Даль вместе с супругой Елизаветой отправился в Алушту. Причем путешествие в Дом отдыха комсомола они доставали по большому благу. Однако отпуск, откровенно говоря, у них не задался. Спустя всего несколько дней после приезда в Крым (8 сентября) Даль телеграфировал в Ленинград своей теще: «Пытаемся с юмором воспринять удары хамст-

ва». В чем же заключалось это хамство? Рассказывает Е. Даль:

«Первое, что нам сказали при приезде: барышня пойдет к барышням, а молодой человек — к мальчикам. Мы взмолились: мы и так живем в разных городах, и только в отпуске можем быть целый месяц рядом. Но — был решительный отказ. Нам удалось снять «комнату», это была площадь 2х2 кв. м, и можно было, открыв дверь, сразу падать на ложе. Мы сдали путевки, приобрели курсовки. Была еще долгая эпопея с пропиской, с уплатой за оную — мы попали в черный список, так как без прописки нас кормить не собирались. А наш хозяин за прописку платить не хотел — деньги с нас получил и взял их себе. Мы еще раз ему уплатили — и в конце концов нас стали кормить. Олег мучительно искал возможность отомстить «гостеприимному» дому отдыха, но такой возможности не было. Они были неуязвимы. Отдых был испорчен. Да и Алушта — грязная, переполненная злыми мамами с непослушными детьми; какими-то тракторами, ползающими по пляжу между загорающими людьми, с треском и выхлопными газами; комната, состоящая из неудобного ложа, — все это стало потом предметом шуток, а пока мы бродили по Алуште и утешали себя тем, что у каждого из нас есть хотя бы один человек — уважающий и любящий...»

Пародист Виктор Чистяков в те дни осваивался в Москве, куда он переехал из Ленинграда вместе с женой — актрисой Натальей Рыбаковой. В городе на Неве супруги прожили почти всю свою сознательную жизнь, там же, в Театре имени Комиссаржевской, началась их творческая карьера. Однако больших ролей им не давали (Чистяков, например, был по-настоящему занят всего лишь в одном спектакле — «Принц и нищий»). Поэтому последнюю пару лет они были озабочены поисками нового места работы. Занимался этим Чистяков, периодически «забрасывая удочки» во многие столичные театры. Однако ему долгое время не везло. Например, в 71-м Юрий Любимов согласился было взять его в свою труппу, но с условием — без жены. Чистяков от такого варианта отказался. И только главреж Театра имени Гоголя Борис Голубовский «клянул» на Чистякова и его жену, рассчитывая с их помощью осуществить постановку комедии «Тетка Чар-

лея». Поселили Чистяковых в общежитии театра на улице Чехова.

Вспоминает Г. Бардин: «Мы познакомились в 1971 году в большом актерском общежитии, где в трех комнатах жили тогда актеры Театра имени Гоголя. В одной из комнат жил я, в другой — один актер нашего театра, а третья освободилась после того, как актеры-молодожены получили квартиру. В освободившуюся комнату и должны были приехать артисты из Ленинграда. Поначалу мы даже не знали, кто именно придет. Потом прошел слух, что едет артист Виктор Чистяков с женой. На него Борис Голубовский собирался ставить «Тетку Чарлея». В театре было настороженное отношение к этому, потому что все мы знали Чистякова как эстрадную звезду, а не как драматического актера. Театр — сложный организм, и нового человека чаще встречают в штыки, пока он не проявит себя. Так что Чистяков еще не приехал, а коллектив уже был как-то настроен против него, тем более что сферы влияния у нас были поделены, и при вечном лозунге театра «Против кого дружите?» выходило тогда, что дружили против новичка из Ленинграда.

И вот Виктор с Натальей приехали, поселились у меня за стенкой. У нас была одна кухня, один туалет, общий телефон, который с его приездом трещал не переставая. Виктор с людьми сходил не сразу, всегда давал почувствовать дистанцию. И по телефону, и в обычном общении просил называть себя Виктором Ивановичем, а было-то ему двадцать восемь лет. Он не любил панибратства, тем более что уже вошел в плеяду лучших эстрадных артистов Советского Союза. Требовал к себе соответствующего отношения и, надо сказать, заслуживал его. Вообще чувство собственного достоинства у него было развито, но никогда не переходило в настырность, в наглость. Наоборот, в этой хамской стране он хотел отгородиться от норм общепринятых хотя бы этой формой общения: «Виктор Иванович», «вы». Мы тоже вначале были на «вы», ну а потом уж как-то разговорились один-другой раз и перешли на «ты».

Театр на Таганке тем временем продолжает свои гастроли в Киеве. Они начались со спектакля «10 дней, которые потрясли мир» по Джону Риду. Желающих попасть на представления скандального театра набралось столько,

что вполне можно было устраивать их на стадионе — и то места всем не хватило бы. Поэтому столичные гости, помимо спектаклей, давали еще и концерты. 9 сентября в три часа дня целая группа ведущих актеров «Таганки» (Зинаида Славина, Валерий Золотухин, Алла Демидова и др.) во главе с Юрием Любимовым выступили в Доме ученых ИТФ АН УССР.

Продолжается работа над фильмом «Джентльмены удачи». С 6 по 10 сентября переснимали ряд эпизодов в декорации «заброшенный дом»: Трошкин-Доцент делает гимнастику, а Хмырь с Косым с интересом за ним наблюдают; Хмырь крадет у Доцента червонец; «джентльмены» сидят за столом, и Трошкин, забыв, что он играет роль «засланного казачка», рассказывает, как воевал на фронте; Хмырь и Доцент беседуют ночью у окна и др.

Ранним утром 11 сентября состояние Никиты Сергеевича Хрущева, вот уже несколько дней находившегося в «кремлевке» — Кунцевской больнице (или Кунцлагере, как называли его шутники), резко ухудшилось. В короткий миг просветления больной внезапно обратился к дочери Раде, которая все эти дни неотступно была рядом с ним: «Пивка очень хочется и огурчика солененького». Дочь бросилась исполнять волю отца. Правда, из двух желаний выполнила только одно, поскольку спиртное Хрущеву было запрещено. После этого врачи попросили Раду Никитичну выйти из палаты, а сами сделали больному укол. Но он уже не помог. Спустя каких-то 15 минут бывший первый секретарь ЦК КПСС скончался. Далее послушаем воспоминания очевидцев.

Е. Чазов (в те годы начальник 4-го управления Минздрава): «В памяти осталось 11 сентября 1971 года. За два дня до этого у меня умерла мать, и на этот день были назначены похороны. В этот день умер Хрущев, и мне даже не пришлось присутствовать по русскому обычаю на поминках матери. Это был выходной день (суббота. — Ф. Р.). Я позвонил Брежневу на дачу, сообщил о смерти Хрущева и спросил, будет ли официальная информация и как будут организованы похороны. Он ответил: «Подожди, никому, кроме родственников, ничего не сообщай». Я жду час, второй, наконец раздается звонок. «Можешь сообщить о смерти Хрущева в обычном порядке. Ну а там делай все, что делаете вы в таких случаях». Я понял,

что в течение этих двух часов шло обсуждение, как объявить стране о смерти Н. С. Хрущева и где его хоронить...»

Отмечу, что, кроме Брежнева, о смерти Хрущева тут же было сообщено первому секретарю Московского горкома Виктору Гришину. Посоветовавшись, они приняли решение, что хоронить Хрущева следует только на Новодевичьем кладбище и только в семейном кругу. Заниматься этим было поручено заместителю начальника Управления бытового и коммунального обслуживания населения Москвы Курильчику. Он позвонил директору Новодевичьего кладбища Аракчееву: «Можешь принять Хрущева?» — «Могу». — «У тебя трибуна есть?» — «Есть». — «Убери. Прощание будет прямо у могилы. Поставь туда стол, и никаких трибун».

Первоначально могилу для Хрущева вырыли в другом месте — там, где позже похоронят Твардовского. Ее показали супруге покойного Нине Петровне и сыну Сергею. Они попросили похоронить Хрущева в другом месте. Им пошли навстречу, но могилу выбрали в том же ряду, правда, поближе к дороге. Далее вновь обратимся к воспоминаниям очевидцев.

А. Злобин (писатель): «11 сентября 1971 года. Слушали с Н. Эйдельманом (русский писатель, историк, публицист. — Ф. Р.) в Переделкине радио: у него хороший приемник. Поймали на середине диктора, говорившего о десталинизации. И вдруг мелькают слова о Хрущеве: с 64-го он жил на даче... Мы насторожились, пошлись по всем диапазонам. И по всему миру это имя — «мор», «дайд», «гешторбен».

Н. С. Хрущев умер. Завершилась целая эпоха, пришедшаяся на середину нашей жизни. Впрочем, эпоха завершилась еще раньше: 14 октября 1964 года, когда Хрущева сняли. Теперь же это окончательно отошло в историю. Однако всем интересно знать — как его будут теперь хоронить? Наши чингисханы пока хранят молчание. Завтра в газетах появится небольшой некролог, который будет подписан: группа товарищей. Затем хорошо, если дадут ему место на Девичке (Новодевичье кладбище. — Ф. Р.), считайте, что покойнику крупно повезло...»

В тот же день в газете «Советская культура» появилось интервью с легендой отечественной эстрады, певицей Клавдией Шульженко. Не буду касаться всего интервью, процитирую лишь

ту его часть, где она касается творчества некоторых коллег по эстраде:

«Мне нравится Гелена Великанова. Она знает, что поет, мне близко ее творчество... Нравится тембр голоса Мулермана... Кобзона. Они оба мне нравятся... Мне приятен Ободзинский. У него очень своеобразная манера пения. Он из тех певцов, которые по радио узнаются с ходу, без всяких дикторов. Ну, и, конечно, сейчас очень обаятелен Магомаев... Как только Магомаев появился — это стало явлением. Он был на голову выше всех молодых. Он всем безумно нравился... Но потом он в своем творчестве остановился и, пусть меня уж заранее извинят, пошел даже вниз... К счастью, все вроде обошлось благополучно. И сейчас смело говорю: Муслим Магомаев — снова явление, снова чертовски обаятелен...»

А теперь вновь вернемся к дневнику А. Злобина:

«12 сентября, воскресенье. Москва безмолвствует, тупое молчание. С утра кто-то приехал из города.

— Слышали про Хрущева? Что говорят в Москве?

— По-разному.

— Где же вы слышали?

— Разумеется, в электричке. Пенсионер говорил. Он спрашивал: умер Хрущев или не умер?..

Вечером пытаюсь обзвонить знакомых: никто ничего не знает, слышу в ответ возгласы удивления. Значит, у нашей страны нет никакого прошлого, нет истории, столь же беспроблемно и ее будущее...»

В тот же день на Новодевичье кладбище приехал управляющий делами ЦК КПСС Павлов, который вместе с директором кладбища осмотрел могилу Хрущева, никаких замечаний при этом не высказал и так же стремительно, как появился, уехал.

13 сентября в Киеве, на заводе шампанских вин, Владимир Высоцкий дает свой третий концерт (два первых были еще 6 сентября). Вспоминает Э. Вашук:

«Я в то время о Владимире Высоцком знала немного, но, когда зашла в клуб, с удивлением обнаружила там необычайный наплыв публики. Люди сидели не только на стульях, но и на подоконниках, на полу, — везде, где только можно было притулиться. Сцена, как ожерель-

ем, была окружена изготовленными к работе магнитофонами...

И вот на сцену вышел молодой человек неплотного телосложения, русский, с приятными чертами лица. Это был Владимир Высоцкий. Немного выждав, он начал говорить негромким голосом низкого тембра с характерной хрипотцой. Очень быстро он очаровал зал — это чувствовалось по тому, как все присутствующие затаили дыхание.

Высоцкий поблагодарил сидящих в зале за то, что они пришли на его концерт, но печально заметил, что хозяева магнитофонов, размещенных на сцене, окажут ему плохую услугу, поскольку записи концерта будут некачественными. Затем он начал исполнять песни, а в паузах рассказывал о себе, о своей работе в кино и театре, о своих песнях.

Когда он пел, было страшно за него: он делал это с таким напряжением, что казалось — либо у него вот-вот порвутся голосовые связки, либо разорвется сердце. Понемногу мое напряжение ослабло, я начала вслушиваться в содержание его песен, и мне стало ясно, что перед нами — поэт-гражданин, честный художник, выразитель народных тревог...

Концерт закончился, публика разошлась, а организаторы концерта начали приглашать Высоцкого в дегустационный зал завода, чтобы он, так сказать, ознакомился с продукцией предприятия. Но Высоцкий вежливо, но решительно отказался. Подарив мне, как единственной женщине среди присутствовавших, все цветы, которые ему вручили после концерта, он попрощался со всеми и уехал...»

В этот же день Москва хоронила Никиту Сергеевича Хрущева. Власти сделали все от них зависящее, чтобы рядовые граждане даже близко не могли попасть к месту похорон. Для этого к кладбищу были стянуты значительные силы милиции и внутренних войск. Вот как описано это в дневнике А. Злобина:

«Осуществляется дьявольский план, который можно назвать и хитроумным, вполне, впрочем, в духе дворцовых интриг. «Правда» дала уголок в полурамке, из которого явствует, что у нас все-таки был бывший секретарь ЦК и Председатель Совета Министров. (Стоит отметить, что в США «Нью-Йорк таймс» опубликовала огромный репортаж на полторы полосы о смерти Н. Хрущева. — Ф. Р.).

А что дальше?

Звонит из Переделкина Борис Ямпольский:

— Если хочешь сделать хорошую покупку, о которой мы с тобой говорили, будь без четверти одиннадцать у «Березки» напротив Девички.

— Это точно? Откуда ты узнал?

— Серый сказал.

Значит, нынче будут похороны частного лица, а завтра можно выступить и с развернутым некрологом. У нас крепко любят покойников, но предпочитают скорее избавиться от них, а после начинают всякого рода эксгумации. Вот когда его закопают поглубже, тогда можно будет и сказать: покойник был неплохим человеком, а мы не хотели, чтобы народ глумился над трупом, поэтому так и сделали — мы оберегали интересы покойника, мы же великие гуманисты...

Время 10 часов утра. Пора ехать. Ловим такси.

— Вам куда?

— К Новодевичке, — говорю. — Едем хоронить Хрущева.

Зина (супруга писателя. — Ф. Р.) толкает меня в бок, а таксист говорит:

— Был сейчас в Кунцевской больнице, там все оцеплено: автобусы, машины, войска.

Начинаем гадать: может, и нам к Кунцлагерю поехать и начать оттуда? Зина против. Да и на дороге все спокойно, усиленных нарядов не видать: везти-то его будут по той же дороге. Зато у монастыря все оцеплено.

— Вот «Березка», — говорит таксист. А майор уже машет нетерпеливо: проезжай.

На мосту Окружной дороги торчат зеваки. Поворачиваем влево. Высаживаемся — тут можно.

Перед нами чистый скверик, на дорожках только патрули. Неужто все оцеплено и нам не подойти к «Березке», где назначено свидание с Ямпольским? Такого оборота событий мы никак не предвидели. Идем вокруг дома в надежде пройти внутренними двориками. Куда там! Всюду грузовики с брезентовыми коробками — точно так было и на похоронах Сталина.

Монастырь обложен со всех сторон. У грузовиков стоят солдаты, у офицера на пузе рация. На погонах обозначено — ВВ.

Возвращаемся обратно на скверик. Перед нами движутся четыре иностранных спины —

их пропускают. Чернявый паренек снимает телекамерой патрулей и автобусы на фоне монастырской стены — хороший будет кадр, валютный.

Приближаемся к сержанту. Стоп! Нельзя.

— Нам надо на кладбище, — говорю.

— Сегодня санитарный день, кладбище не работает.

— А эти машины тоже для санитарки, да? Не крутите мне мозги, сержант, мы приглашены Радой Сергеевной, — тут уж я сам сбился, необразив сразу как надо. — Рада Никитишна нас пригласила.

— А где приглашение? — Хорошо уже то, что он вступил в диалог.

— Мы ее друзья, она по телефону сказала: приезжайте к 11 часам к «Березке». Разве могла она знать, что будет оцепление? — и показываю ему свой писательский билет.

На помощь сержанту поспешает старшина. Обращаюсь к нему.

Старшина задумался, но ответа не дает.

Метров через пятнадцать нас останавливает на той же дорожке штатский чин в плаще. Предъявляю удостоверение и повторяю словесную версию. Штатский сотрудник совершает молчаливый жест: проходите. Таким же макаром преодолеваем еще два кордона.

Прямо на газоне стоит коричневая «Волга». Пристраиваемся к ней — как бы ее пассажиры.

Теперь можно оглядеться. Зевак с моста уже прогнали, там прохаживается патруль. По ту сторону моста на дороге стоят грузовики. Ворота кладбища наглухо закрыты. Рядом с нами стоит автобус с грифом — УВД. Над автобусом — многоколенчатая мачта. По соседству второй автобус с мачтой и антенной. Это уже второй вид осаждающих — ВВ. От автобуса тянется по траве провод полевого телефона. Но все спокойно и тихо. Рации бездействуют. Похаживают полковники и генералы в штатском. Монастырь в осаде.

Но где осажденные? Изредка просачиваются старушечки с букетиками цветов. Их проверяют, и они переходят на ту сторону улицы — к воротам, где накапливаются прореженной толпой...

Со стороны «Березки» к нам пробрался Борис Ямпольский. Начинается дождик. Предлагаем Зине укрыться в «Волге», что она и делает, спросив позволения у шофера.

На улице возникает движение, идут черные «Волги». Подкатывается автобус, выходят музыканты с трубами. Оркестр явно кладбищенский.

А вот и бортовой грузовик с венками, за ним автобус с зашторенными окнами. Машины проезжают на территорию кладбища, и ворота тут же, словно автоматически, закрываются. Мы тоже трогаемся на ту сторону улицы. В калитке приоткрылась тонкая щелочка, но мы уже наседаем.

Кто-то кричит:

— Откройте, нас еще немного.

Генерал в штатском плаще сурово командует:

— Лисичкин, открыть! Быстрр!

Солдаты еще копаются с крюком у ворот, а я уже проник в калитку и вижу красную крышку гроба.

Итак, оборона прорвана, это уже чудо! Спешим по главной аллее. Ямпольский успеваешь шепнуть мне:

— Мы тут самые опасные.

Я обгоняю его, стремясь поспеть к автобусу. Гроб уже вытаскивают, вижу белый матовый лоб, утопающий в подушке. Хватаю ножку гроба и тут же оказываюсь каким-то образом оттесненным. Поспеваю только ухватиться за венок и уже не выпускаю его из рук. Процессия тронулась, я пристроился.

Читаю надпись: «От Совета Министров». Вот что мне досталось.

Гроб поставили на земляную кучу, он словно бы утонул в толпе, и я ничего не вижу. Зина оказалась ближе меня, прямо с родственниками, за ней цепочка штатских. Кто-то сбоку командует:

— Взались за руки. Не подпускать.

И тут они продолжают держать оборону. Начинается панихида. Ее ведет невысокий человек в черном костюме с расслабленным лицом. Он говорит с достоинством и горечью. Это Сергей Никитович Хрушев, сын покойного.

Шел дождь, мелкий, сеющий, над гробом держали черный зонтик, который долго не раскрывался. Нам-то ничего, а вот туалет покойного мог нарушиться. Потом говорила донбасская большевичка: пустые слова о партийности, большевистской принципиальности, революционном огне и все такое прочее, что мы слышим на партсобраниях. Потом выступил Ва-

дим Васильев, который заметно волновался и все время твердил «так сказать». Говорил о 37-м годе, он восстановил честь моего отца и моего деда, так сказать, будут благодарны ему за это, так сказать...

Ораторы выступали, стоя на куче земли. Сергей Никитович давал им слово, каждый раз подчеркивая, что у нас семейные похороны.

Снова заиграл невидимый кладбищенский оркестр, стали подходить прощаться. Покойник желт и худ, нос заострился, рот в провале, сухая пергаментная желтизна.

— Проходите, проходите, — подталкивают меня.

В ногах мужчина держит красную подушечку: четыре золотых звезды, двадцать орденов — вполне приличные семейные похороны. Я хотел было остаться в ногах, но меня снова оттеснили штатные единицы, они были рассеяны всюду среди нас и ладно исполняли свою работу по защите гроба. Но все равно все было снято и записано, даже микрофон повис над кучей земли.

Родные держатся стойко. Кто-то, верно Юля, (внучка Н. Хрущева. — Ф. Р.) всхлипнул. Рада ее тут же одернула:

— Держись, тебе говорят. Мы же договорились.

Поперек могилы лежит лом. Приготовлены веревки. Рядом находится могила Сергея Садовского, ее всю затоптали. Сергей Садовский — кто он такой? Забивают гвозди.

— Леша, тащи.

Гроб подтащили и поставили на лом. Хороший гроб, за 154 рубля, мы с Юрой (брат писателя. — Ф. Р.) мечтали отцу такой выкупить, да не осилили. У могилы орудуют пять могильщиков — сколько из них штатских?

И снова:

— Леша, выдергивай.

Дыра была глубока, долго опускали. Начали потом землю бросать, я тоже швырнул несколько пригоршней, в азарт войдя. Вот когда мне горло сдавило.

А могильщики уже вовсю работают лопатами. Штатные тут же запыхались, а вольнонаемным хоть бы хны. Сразу видно: кто есть кто. И вот уже вместо дыры и над нею вырос холмик, словно бы гроб вытеснил его из земли по закону Архимеда. Ребята охлопали холмик лопатами, и все стало гладко. Подошла Нина

Петровна (жена Н. Хрущева. — Ф. Р.) и положила большую красную розу. Вообще она прекрасно держалась, да и все остальные из близких. Только один Алеша Аджубей все время пытался быть в отдалении, стремясь раствориться в дождике.

Я оторвал ромашку от совминовского букета, она уже почти не пахла. Все завершилось быстро, почти стремительно. Операция по обороне монастырских стен проведена блестяще спокойно: семейные похороны под государственной охраной с пятью дивизиями прошли так, что лучше некуда. Старушка за моей спиной говорит:

— Живем плохо, а кончаем все одинаково.

Мы еще стоим, хотя делать нам уже нечего. Пытаемся разговаривать, но рядом тут же вырастает штатная единица, все дорожки заставлены ими, они простреливают нас глазами, но мы уже плевали на них.

Оглядываюсь. Сколько нас тут было? Всего человек четыреста, но доброхоты явно в меньшинстве — остальные штатные. Ни один чин с «Волги» к машине не подошел — это им не положено. Им дано только не пущать — и никак нельзя идти туда самим. Выходим из ворот. Там висит объявление: в понедельник, 13 сентября, кладбище не работает — санитарный день. Служитель снимает объявление: санитарный день завершился.

Показался Рудный:

— Смотрите, все прошло спокойно. А меня предупредили: будет Ходынка.

Так мечтали прогрессисты и потому не пошли, надеясь, что придут другие. Разбитый, опустошенный, еду в город, должен был встретиться с Зингерманом (литературовед. — Ф. Р.). Тот спрашивает меня, едва я вошел в институт:

— А Евтушенко читал стихи?

Молва идет впереди меня, только что успешного сойти с троллейбуса. Через три часа встретил Евтушенко в клубе писателей.

— Что же ты не был на похоронах?

— Я был там раньше тебя, — объявляет он. — Я был в морге.

Очень точно рассчитано. У могилы ему сейчас невыгодно появляться, тем более со стихами. А в морге, в замкнутом пространстве — пожалуй, подойдет...

Кладбище было закрыто еще 6 часов, людей не пускали, чтобы они могли положить цветы

на могилу. А зона оцепления начиналась от метро «Спортивная», тысячи людей скопились там, но все улицы были перекрыты — об этом рассказал Анатолий Аграновский. Вот и получились семейные похороны с участием Вооруженных сил. Тайные похороны, запрещенные похороны — любые эпитеты оказываются тут возможными и недостаточными. Тупее не может быть, но в данном случае оказывается справедливой поговорка: чем хуже, тем лучше. Наши чингисханы лишний раз показали всем, что они ничего не могут, не умеют, ни к чему не готовы...

15 сентября. Утром, едва я вошел в столовую, Ямпольский зовет меня и выводит в закуток перед туалетом.

— Прошу тебя никому не говорить о том, что я был на похоронах. И в дневниках не упоминать моего имени, я же знаю, что ты пишешь. Я исчез, я не существую, я не желаю, чтобы мной занимались. Меня нет.

— Да я и не говорил никому. С чего ты взял?

— Во всяком случае, прошу тебя на будущее: меня нет, и никто не должен мной заниматься. Я хочу дожить спокойно, сколько мне осталось, поэтому я не существую.

— Хорошо, Борис, я никому не говорил и никому не скажу, только ты не умирай от собственной храбрости.

— Я тебе повторяю. Я никого не боюсь, просто меня нет, я знаю, что это такое, когда тобой начинают заниматься, и не желаю этого.

— Ах, Боря, а ты еще говорил, что мы тут самые опасные. Чем же ты опасен, если ты не существуешь.

— Именно этим я и опасен.

Так мы поговорили, и я поехал в Москву по делам. Всюду приходится рассказывать о похоронах. Взамен получаю добавочную информацию: кладбище уже завалено цветами, все страны прислали Нине Петровне телеграммы со словами соболезнования. Это же элементарный акт вежливости элементарно воспитанного человека. Но только не наши чингисханы. Как у Гейне: это такие дураки, которые не знают своего дурацкого ремесла...»

Москва тем временем живет обычной жизнью. 15 сентября состоялся матч в 1/32 финала на Кубок УЕФА между столичным «Спартак» и чехословацким ВВС (Кошице). Матч

получился на редкость интересным и завершился победой москвичей 2:0. Мячи у нас забил: Силагадзе (с 11-метрового) и Егорович. Впереди — ответный матч на поле соперника.

В театрах открылся новый сезон. Состоялись две заметные премьеры: в Театре имени Вахтангова 3 сентября был показан спектакль «Антоний и Клеопатра» по В. Шекспиру в постановке Евгения Симонова, в ролях — Юлия Борисова, Михаил Ульянов, Василий Лановой, Юрий Волынцев и др.; во МХАТе 11 сентября показали «Последние» А. Горького в постановке Олега Ефремова с участием Марка Прудкина, Владлена Давыдова, Юрия Леонидова, Юрия Пузырева и др.

Состоялись две кинопремьеры: 6 сентября на экраны вышел фильм Михаила Ершова «Хозяин», в главных ролях — Е. Гвоздев, М. Кокшенов, Т. Бедова; 15-го — «Погоня» Артура Пенна (США) с участием Марлона Брандо, Роберта Рэдфорда, Джейн Фонда.

Из передач и фильмов, показанных по ТВ, назову следующие: фильмы «Тройная проверка», «Тренер» (2-го), «Девушка с характером» (4-го), концерт «Поет Муслим Магомаев» (5-го), телефильм про грузинский ВИА «Орэра» (9-го), фильмы «Крах» (10-го), «На войне, как на войне», «Композитор Глинка», «Три плюс два» (все — 12-го), «Кочубей» (13-го), «Дорогой мой человек» (14-го).

Краткий список эстрадных представлений выглядит так: 9—10 сентября в «Эрмитаже» играет ВИА из Грузии «Иверия» под управлением Александра Басила, 11—12-го в Киноконцертном зале «Октябрь» состоялись концерты «Всем, кто любит песню» с участием Владимира Трошина, Олега Анофриева, Майи Булгаковой, Льва Лещенко, Ивана Суржикова, ВИА под управлением Юрия Маликова.

Примерно в эти же дни молодая и пока еще мало известная широким кругам рок-группа «Машина времени» была приглашена для выступления в сельский клуб дачного поселка Николина Гора. Погрузив свою первобытную аппаратуру в раздолбанный «рафик», «машинисты» в лице Андрея Макаревича, Александра Кутикова, Игоря Мазаева и Юрия Борзова отправились на концерт. Проходил он при небольшом скоплении молодых людей и ничего не понимающих старушек и ничем особенным не запомнился. Но вот дальше... А дальше «ма-

шинистов» пригласил на свою дачу, находившуюся поблизости с клубом, сам Никита Михалков. Хозяин встретил гостей по-барски: длинный дощатый стол, стоявший на участке, был заставлен водкой и заполнен свежими овощами. Народу было много, и гульбище продолжалось до глубокой ночи.

Между тем соседкой Макаревича оказалась прелестная девушка Алена, которой он практически весь вечер оказывал знаки внимания. А когда девушке пришла пора раскланяться, Макаревич вызвался проводить ее домой. Причем его не остановило даже то, что к тому моменту он был уже изрядно навеселе. Это и сыграло с артистом злую шутку. Когда они подошли к дому Алены, девушка согласилась погулять с артистом еще какое-то время, но для этого ей надо было предупредить своих родителей. «Ты подожди меня, а я за пару минут управлюсь», — сказала она кавалеру и упорхнула в темноту. Макаревич решил скоротать время на траве. Однако едва он опустился на землю, как тут же провалился в глубокий и здоровый сон.

Проснулся Макаревич от того, что с неба на него стали падать холодные капли дождя. Никакой девушки поблизости не наблюдалось, более того — в окнах ее дома свет уже не горел. Видимо, родители запретили ей ночную прогулку и даже не отпустили попрощаться с кавалером. Макаревич отправился в обратную дорогу. Но она оказалась куда длиннее, чем путь к дому девушки. Макаревич вынужден был плутать по поселку в тщетной надежде найти дачу Михалкова. А дождь продолжал лить как из ведра. Через час бессмысленного блуждания мокрый и грязный Макаревич понял, что тихо сходит с ума. Пару раз он пытался пробраться на территорию чьих-то дач, но каждый раз его прогоняли оттуда злые собаки. Артиста охватило отчаяние: всего лишь в нескольких десятках метров от него находились люди и спасительное тепло их домов, но он не имел никакой возможности туда попасть. И лишь одна старушка сжалилась над ним и разрешила ему встать под навесом ее дома, хотя внешний вид незнакомца не внушил ей доверия: Макаревич в те годы был патлатым юношей, носил клешни в заплатках и маечку в радужных разводах. Короче, «хиппи».

Спасение пришло к артисту неожиданно. Когда он стоял под старушкиным навесом, впереди внезапно послышался шум мотора, а затем показались огни автомобильных фар. Это были «Жигули» Михалкова, который вот уже полчаса рыскал по поселку в поисках потерявшегося «машиниста». Спустя десять минут Макаревича напоили водкой с чаем, растерли полотенцем — короче говоря, возвратили к жизни.

Днем 16 сентября настоящий гангстерский боевик со стрельбой и жертвами разыгрался во Львове. Дело происходило так. В одну из сберегательных касс (№8003/075) вошли четверо молодых людей. Касса оказалась пустой: посетителей в зале не было, за стеклянной стойкой находились только две сотрудницы — кассир Зиновия Набит и заведующая Мария Мединская. Не успели они опомниться, как в руке одного из вошедших блеснул револьвер, после чего последовал зычный окрик: «Не дергаться! Пристрелю!» Пока кричавший держал двух обомлевших женщин на мушке, другой гангстер сделал попытку перепрыгнуть через барьер, чтобы добраться до денег. Однако получилось так, что бандит задел ногой стенку, и стекло разлетелось на куски. Этот звон вывел женщин из состояния шока. Они бросились врассыпную. Набит с громким криком рванулась к окну, а Мединская хотела спрятаться в подсобном помещении. Однако у них ничего не вышло: преступники открыли прицельный огонь. Но шум испугал самих бандитов. Понимая, что в любую секунду к месту происшествия может прибыть милиция, налетчики бросились вон из кассы, так и не добравшись до денег.

В течение трех часов врачи боролись за жизнь двух работниц сберкассы, которые волею судьбы оказались на пути озверевших преступников. Женщин удалось спасти, хотя состояние Мединской было особенно тяжелым — одна пуля попала в позвоночный столб и рикошетом поразила брюшную полость, а другая пробила почку. Через пару дней пострадавшие могли уже давать показания сыщикам, которые буквально сбивались с ног в поисках бандитов. Поймали же их поодиночке, причем и здесь не обошлось без стрельбы. Главари по фамилии Юлин (это он стрелял в женщин) ни на секунду не расставался с оружием. Но даже это не спасло его от ареста. На троллейбусной

остановке около дома, где он проживал, Юлина в одиночку взял инспектор угро Николай Аксенов. На следующий день были арестованы и подельники главара. Спустя четыре месяца состоится суд, который вынесет Юлину смертный приговор, а его сообщникам определит наказание в виде лишения свободы на срок 8—9 лет.

Ночью того дня, когда во Львове пытались ограбить сберкассу, в Москве внезапно стало плохо Дмитрию Шостаковичу. Супруга композитора Ирина Антоновна срочно вызвала «Скорую помощь». В больнице спустя два дня, за неделю до 65-летия Шостаковича, ему поставят диагноз — инфаркт. Второй за пятилетку. Первый случился пять лет назад, и тоже накануне юбилея — перед 60-летием.

По-прежнему продолжается съемка отдельных эпизодов фильма «Джентльмены удачи». Как мы помним, эта работа началась еще 1 сентября, а уложиться надо было до 24-го, когда одному из главных исполнителей — артисту Евгению Леонову — требовалось уехать на зарубежные гастроли. Уже удалось переснять практически все намеченные сцены: в цистерне (1-го), в поезде (2—3-го), в квартире брошенного дома (6—10-го), на лестнице брошенного дома (16-го), у входа в концертный зал (17-го). В понедельник, 20 сентября, снимали эпизод, где завдетсадом Трошкин «грабит» собственную квартиру.

Сняли эту сцену довольно быстро, поскольку фрагмент был несложным, да и декорацию даже не стали строить — ее съемочной группе «Джентльменов удачи» одолжили коллеги из другой группы — фильма «Седьмое небо». Единственное, что пришлось дополнить по ходу дела, — наклеить на стенку фотографии детсадовских детей.

На следующий день в «Джентльменах» переснимали последний из намеченных эпизодов — в такси. Причем съемка этого «живого» эпизода проходила в павильоне. Туда пригнали автомобиль «Волга», который установили напротив специального экрана с «оживляем» (на нем демонстрировались бегущие улицы города). В салон машины уселось четверо актеров: Олег Видов (таксист), Евгений Леонов, Савелий Крамаров, Георгий Вицин. Именно в этой сцене герой Крамарова произносит историческую реплику: «Кто ж его посадит — он же

памятник!» Причем именно из-за этой реплики съемки приходилось повторять — актеры буквально умирали от смеха. Как вспоминает О. Видов: «Работа в фильме была мучительно тяжелой для меня. Я не мог сдерживать смеха. Режиссер командовал: «Повернись и говори с Крамаровым!» А я не мог! У меня слезы текли от смеха, и все смеялись...»

Тем временем продолжают гастролировать Тетра на Таганке в Киеве. Практически каждый день артисты играют спектакли, а Высоцкий, кроме этого, еще успевает выступать с концертами. С 9 по 24 сентября он умудрился побывать в двух десятках (!) различных учреждений: в Институте электросварки имени Патона и ДК СКБ имени Антонова (14-го), Институте электродинамики и Институте кибернетики (15-го), зональном НИИП (16-го), заводе «Арсенал» (17-го), заводе «Ленинская кузница», Институте физики АН УССР и Институте ботаники АН УССР (все — 18-го), ВИСПе (19-го), НИИ РЭ (20-го) и др.

Во вторник, 21 сентября, Высоцкий выступил сразу в четырех местах, среди которых был и домостроительный комбинат №3. Рассказывает Л. Куперштейн:

«Пронесся слух, что Высоцкий дал в Киеве несколько концертов на предприятиях. А через несколько дней мой зять, придя с работы, сказал, что есть возможность организовать концерт Высоцкого, но, к сожалению, нет зала.

Я тогда работал в ДСК №3, и мне удалось договориться о концерте в нашем клубе. За полтора часа до начала концерта я поехал на машине начальника в гостиницу «Украина», где остановился Высоцкий. В вестибюле меня должны были ждать, но там никого не оказалось.

10, 15 минут — никто не выходит. Смотрю на часы, начинаю волноваться, представив себе полный зал людей, ожидающих концерта. Наконец не выдерживаю, подхожу к портье, спрашиваю, где остановился Высоцкий.

— Не знаю, — последовал короткий ответ, — никаких справок не даю.

Я взмолился в отчаянии, объяснил положение. Портье поверил, смягчился, написал на клочке бумаги номер, и я помчался наверх. Вижу — идет навстречу худенький, невзрачного

вида паренек лет 25, не более, с полотенцем через плечо.

— Простите, вы не знаете, где здесь номер такой-то? — обратился я к нему.

— А вы, наверное, из ДСК-3, за мной? — огорошил он меня встречным вопросом.

Я обомлел. По кинофильмам Высоцкий представлялся мне совершенно другим. От радости я только молча кивнул головой, недоверчиво пялясь на него.

— Идемте, — коротко сказал он.

Мы вошли в просторную в комнату, где сидели двое молодых мужчин.

— Знаете, ребята, — обратился к ним Высоцкий, — у меня уже два дня вертится в голове приличная мелодия, должна получиться хорошая вещица. — Он взял в руки гитару, уселся в кресло и вполголоса запел, вставляя отдельные фразы попеременно с чем-то вроде «ля-ля-ля».

В тревоге я посмотрел на часы: до начала концерта оставалось 40 минут, а нам ехать далеко. Владимир перехватил мой взгляд.

— Ничего, успеем. — И проворно начал одеваться.

В этот момент вошли те двое, кого я безуспешно дождался в вестибюле, и с ходу пригласили Высоцкого в машину.

— Э, нет, — тотчас вмешался я. — С меня довольно волнений. Мне поручено лично доставить вас, и я очень прошу вас ехать со мной. Машина — у подъезда.

Владимир улыбнулся и кивнул. За 5 минут до начала обеденного перерыва мы вошли в клуб.

Зал был переполнен. Несмотря на то, что на контроле стояли лучшие наши спортсмены, многие прошли «зайцем».

— Представьте меня, пожалуйста, — тихо сказал Владимир, оставшись у входной двери.

Я вышел на сцену и сумел только взволнованно промолвить:

— У нас в гостях Владимир Высоцкий!

Буря оваций встретила эти слова и взлетевшего на сцену худощавого смеющегося паренька в черном свитере, с гитарой.

Это был необыкновенный концерт. Взволнованный горячим приемом, Высоцкий, фотографируемый со всех сторон, подробно рассказал о своем театре, о творческом пути. Посреди рассказа он вдруг расхохотался и попросил:

— Товарищи фотографы! Снимите, пожалуйста, вид из окна. Мы ведь больше никогда такого не увидим.

Действительно, с обеих сторон клуба у огромных распахнутых окон стояли подъемные краны, на стрелах которых расположились рабочие, не попавшие в зал.

А потом Высоцкий пел. С воодушевлением, с подъемом. Было очень много новых песен.

Наконец он запел «Парус». Мы уже знали, что этой песней он всегда заканчивает свои выступления. И точно. Сколько ему ни аплодировали, ни скандировали, он только улыбался, кланялся, прижимая руки к сердцу.

Зрители расходились, спешили отработать лишний час, проведенный на концерте. А мы с Высоцким, двое его приятелей и несколько сотрудников комбината собрались в кабинете начальника, где был накрыт стол. За столом Владимир был весел, шутил. А когда мы пожаловались, что далеко не все желающие попали на концерт, и рассказали, с каким трудом удалось сдержать натиск рвавшихся без билетов в битком набитый зал клуба, Высоцкий сказал:

— Знаете, что? Давайте организуем еще один, вечерний концерт. Мне здесь понравилось выступать. Я чувствую аудиторию.

Он вытащил блокнотик, просмотрел записи и нашел «окно».

— Дата подходит?

— Конечно.

— Договорились. Начало в 7 часов вечера. Ехать за мной не надо, хватит волнений (лукавый взгляд в мою сторону). Привезут друзья. Буду точно.

...Публика вечернего концерта (он состоялся на следующий день — 22 сентября. — *Ф. Р.*) несколько отличалась от рабочей аудитории дневного: было много начальства, много нарядных женщин, в зале царил приподнятая, праздничная атмосфера.

На этот раз Владимир почти не говорил. Он пел много и хорошо, но мне показалось, без того молодого задора и брызжущего веселья, которым он так поразил нас в первый раз.

Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Спойте «А на кладбище...» (Имелась в виду популярная тогда песенка Михаила Ножкина «А на кладбище все покойненко...».)

Высоцкий улыбнулся и мягко промолвил:

— Я чужих песен, как правило, не пою. Но если вам так нравятся песни о покойниках, спою свою на эту тему.

И запел чудесную песенку «Покойнички». Концерт продолжался около двух часов без перерыва и закончился опять «Парусом».

После ужина в узком кругу он сам предложил нам еще спеть. Тогда я услышал впервые «Баньку по-белому», «Баньку по-черному» и несколько других не исполнявшихся на концертах песен. Засиделись мы до двух часов ночи. Долго беседовали. Подарили Высоцкому множество фотографий, запечатлевших его дневной концерт, а он, не оставшись в долгу, подарил нам свои фотографии с автографами...»

В этот же день в Москве состоялся отборочный матч на первенство Европы по футболу между сборными СССР и Северной Ирландии. Как мы помним, наши футболисты весьма успешно выступали в своей подгруппе, не проиграв пока ни одной встречи. Вот и эту игру советская сборная провела блестяще, обыграв соперника со счетом 1:0. Единственный гол с пенальти забил Мунтян.

В четверг, 23 сентября, исполнилось 45 лет Сергею Гурзо. В конце 40-х — начале 50-х годов в советском кино не существовало более популярного актера. Всесоюзную славу ему принесли роли смелых и решительных парней, готовых ради друга, любимой или Родины на самые отчаянные поступки. Первой удачей стала роль Сергея Тюленина в «Молодой гвардии» Сергея Герасимова (1948). Затем другие «звездные» работы: «В мирные дни» (1951), «Навстречу жизни» (1952), «Застава в горах» (1952), «Тревожная молодость» (1955). А потом начался закат карьеры популярного киноактера. Главные роли от него «ушли». Теперь Гурзо приходилось играть преимущественно отрицательных персонажей — всяких проходимцев, тунеядцев и т. д. По большому счету в этом падении артист был виноват сам — уж слишком сильно пристрастился к выпивке. К моменту 45-летия Гурзо практически никто не снимал. Поскольку ни один кинорежиссер не решался пригласить в свою картину человека, столь зависимого от алкоголя.

23 сентября появилось официальное сообщение о присвоении популярному актеру театра и кино Юрию Соломину звания заслуженного артиста РСФСР. Мало кто знает, но это

звание он получил благодаря... радикулиту. Болезнь Соломин «заработал» на съемках очередного фильма, в результате чего вынужден был даже передвигаться на костылях. Однажды сентябрьским днем он с трудом доковылял на них до театра на сбор труппы и зашел в лифт, где нос к носу столкнулся с министром культуры Екатериной Фурцевой. Министр спросила: «Чего это ты на костылях?» — «Радикулит, Екатерина Алексеевна», — объяснил Соломин. Фурцева сочувственно повздыхала. А недели через две Соломин получил звание заслуженного.

24 сентября завершились натурные съемки фильма «Бумбараш». В ознаменование этого эпохального события, а также из-за расставания с гостеприимным Каневом некоторые из участников съемочной группы, в частности Бумбараш (Валерий Золотухин) и бандит Гаврила (Юрий Смирнов) здорово «наклюкались». Причем начали с шампанского, после чего перешли на «родимую» сорокаградусную. Затем расселись по машинам и с песнями отправились на вокзал. В поезде безобразия продолжались. Мало того, там к ним присоединились некоторые артисты Театра на Таганке, которые после гастролей в Киеве возвращались в Москву.

Кстати сказать, на следующий день «Таганка» открывала сезон в Москве спектаклем «10 дней, которые потрясли мир», однако из-за происшедшего накануне «путешествия» представление едва не сорвалось. Дело в том, что один из актеров — Золотухин — чувствовал себя настолько плохо, что решил не идти на работу. Но супруга, актриса этого же театра Нина Шацкая, все-таки его уговорила. Золотухин явился и тут же попался на глаза шефу, Юрию Любимову. Главреж приказал дать ведущему актеру спектакля нашатыря. Это помогло, но лишь отчасти. Какое-то время Золотухин держался, исправно произносил текст роли, но затем его, что называется, «развезло», и он устроил на сцене форменную «комедию» — начал нести такую отсебятину, что в зале от смеха все чуть не падали на пол. За это Золотухину в тот же день руководством театра был объявлен выговор. Хорошо, что не выгнали.

25 сентября в Бресте торжественно открыли мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». На торжестве присутствовал 1-й

секретарь ЦК КП Белоруссии Петр Машеров, который вместе с одним из оставшихся в живых героев крепости, Самвелом Матевосяном, зажег Вечный огонь. Однако пройдет всего лишь несколько лет, и фотографии Матевосяна будут изъяты из экспозиции героических защитников Бреста. Неизвестный анонимщик обвинит его в том, что он присвоил себе документы героя Брестской крепости, погибшего на третий день войны. Скандал выйдет грандиозный: Матевосяна лишат всех наград и упекут за решетку. «Наедут» и на писателя Сергея Смирнова, шесть лет назад награжденного Ленинской премией за книгу «Брестская крепость» (1957), которого поставят перед фактом: либо вы выбрасываете из книги фамилию Матевосяна, либо книгу запретят. Смирнов, человек твердый и честный, выберет последнее. Однако всю эту историю автор расскажет чуть позже, в главе за соответствующий год. А пока вернемся в сентябрь 71-го.

В конце месяца происходит один из самых громких скандалов десятилетия. Суть его такова. Высокопоставленный сотрудник КГБ 34-летний капитан сверхсекретного отдела В (саботаж и убийства) лондонской резидентуры Олег Лялин перешел «под крыло» английской разведки. Причем ладно бы просто перешел (перебежчиков в КГБ всегда хватало, а Лялин стал работать на МИ-5 полгода назад), однако он с легкостью раскрыл многочисленные секреты. В том числе и такие, как уничтожение высокопоставленных чиновников в Лондоне и организация диверсий в правительственных учреждениях Великобритании. По словам Лялина, советские агенты должны были следить за всеми перемещениями важнейших политических деятелей и, в случае возникновения критической ситуации, ликвидировать их. Согласно одному из секретных планов, советским агентам под видом посыльных и курьеров надлежало разбросать «в коридорах власти» ампулы с ядом, которые убивали каждого, кто на них наступил.

Однако предательство Лялина не ограничилось и этим. Он также назвал имена более сотни (!) сотрудников разведки, трудившихся в Англии под дипломатическим прикрытием. Это позволило английскому правительству поставить вопрос о высылке всех названных советских агентов. 24 сентября министерство ино-

странных дел Великобритании выдворило из страны 105 разведчиков, официально работающих в различных советских организациях: посольстве, торгпредстве, Совэкспортфильме, Интуристе и др. (90 человек были сразу высланы из страны, еще 15, находившихся в отпуске в Советском Союзе, получили уведомление, что обратный въезд в Англию им запрещен.) Это был беспрецедентный шаг — за последние годы ни одна страна в мире не высылала из своих пределов столько подданных другой державы.

Дипломатические последствия оказались не менее громкими. 27 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев вынужден был прервать свое турне по Восточной Европе (в эти дни он находился в Софии) и вернуться в Москву. Едва Брежнев ступил на родную землю, как тут же направился в комнату отдыха аэропорта Шереметьево, где его ожидали председатель КГБ Юрий Андропов и члены Политбюро. Там советские лидеры в течение двух часов горячо обсуждали сложившуюся ситуацию. Итогом совещания стал меморандум руководства СССР, в котором говорилось, что претензии английской стороны к высланным дипломатам беспочвенны и провокационны и что англичане за это ответят. Последняя угроза была немедленно претворена в жизнь: из Советского Союза выслали нескольких английских дипломатов, уличенных в шпионаже. Члены Политбюро также потребовали от Андропова наказать «иуду» Лялина, чтобы другим было неповадно поступать подобным образом. Андропов пообещал это сделать. На Лялина объявили настоящую охоту, однако англичане так тщательно его спрятали, что найти убежище предателя чекистам так и не удалось. Забегая вперед, скажу, что Лялин умрет своей смертью спустя почти полвека после своего бегства.

В те часы, когда руководство СССР было озабочено шпионским скандалом, Олег Даль прилетел из Ленинграда в Москву. И тут же сел за письмо к жене и теще, которые остались в Питере:

«Здравствуй, дорогая моя славная Лизанька!

Долетел я хорошо и нормально. В 10 часов был дома, а дома никого.

Мама на даче. Позвонил Ире (сестра. — Ф. Р.) — она в неведении того, когда мама бу-

дет дома. По слухам, в среду, то есть 29, изволит прибыть.

В холодильнике пусто и темно — не работает, телевизор гудит, но молчит и темен... и даже утюг молчит, а приемник... тоже.

Завел будильник. Что-то тикает.

Захотел поесть — нашел банку консервов югославских типа ветчины, а хлеба нет. Поднялся наверх, одолжил кусок у дядьки (дядя Сережа, муж сестры матери, живший этажом выше. — Ф. Р.), закусил и лег вздремнуть.

К четырем поехал во МХАТ. Увиделся с ММ (Михаил Козаков. — Ф. Р.) и поехал к нему домой. Был представлен его жене и ее маме. Славные женщины.

Прочли пьесу. Потолковали. Закусили. Поболтали. Обменялись впечатлениями об отдыхе. Они в Румынии были в аналогичном положении. (Как Даль с женой отдыхали в Алуште, мы знаем из предыдущего повествования. — Ф. Р.) Ха! Ха! Ха! Ха! Мих. Мих. — суетлив и волнуется. Опекает меня, как нянька. Видать, ставка на меня огромная. (Во МХАТе начали ставить пьесу Л. Зорина «Медная бабушка» и Даля, после того как отпала кандидатура Пенькова, пригласили на роль А. Пушкина. — Ф. Р.)

Что касается остальных, то встретили меня и знакомятся со мной с дрожью в руках. Шутят: «Вот и гений пожаловали-с!». Ха... Ха... Ха... я смеюсь.

В общем, чепуховина. Суета сует.

Как видишь, пока конкретным быть не могу из-за некоторой неясности в делах моих.

Матушка моя, Павла Петровна, чувствует себя хорошо, любит вас с Олей и уважает, и крепко целует. Ждет тебя, Лизанька, с нетерпением!

Ну, а обо мне что и говорить!

Мундштук, антеникотинный, сосу, сапожки твои меховые обнимаю — да так и коротаю длинные: «ноченьки!..»

Продолжает находиться в больнице моя мама, угодившая туда 6 сентября. Пока хозяйки не было, все бразды правления в доме взяли в свои руки отец и младшая сестра матери Надя, которая проживала с нами по соседству. Из того периода мне хорошо запомнились два эпизода: как мы с отцом навещали маму в больнице и как отец проводил со мной воспитательную беседу за «пару» по математике. Смысл его

нотации сводился к одному: нам и так тяжело без матери, а тут еще ты со своими двойками.

В эти же дни на «Мосфильме» продолжают съемки фильма «Седьмое небо» с участием Николая Рыбникова и Аллы Ларионовой. В четвертом павильоне студии была выстроена декорация квартиры, где живут главные герои. Снимался эпизод, когда они выясняют отношения между собой. Помните: Мазаев (Рыбников) жарит на кухне яичницу, в этот момент с работы в плохом настроении возвращается его жена (Ларионова), он предлагает ей ужин, но она отказывается и уходит в другую комнату.

Съемочная группа другого фильма — «Вид на жительство», над которым работают Александр Стефанович и Омар Гвасалия, находится в эти дни в Риге (приехали туда 16 сентября). Как мы помним, у обоих режиссеров некоторое время назад завязался пылкий роман с двумя сестрами-близняшками Ликой и Лизой, и продолжить его они собирались даже в служебной командировке. Каким образом? Да очень просто: они написали для своих возлюбленных роли двойняшек в сценарий фильма и собирались забрать девушек с собой в Ригу. Но родители Лики и Лизы категорически запретили им уезжать из Москвы, поскольку те только что поступили в институт. Пришлось режиссерам в Риге выбирать на эти роли двух латышских красоток. Правда, романа не получилось, но это не означало, что режиссеры соблюдали в командировке верность своим возлюбленным. Например, Стефанович познакомился в рижском ресторане с манекенщицей Пражского дома мод Габриэлой, которая, несмотря на события «пражской весны», легко бросилась в объятия галантного кавалера из Советского Союза.

Кстати, Лика и Лиза, оставшись в Москве, тоже даром времени не теряли. Благодаря второму режиссеру фильма «Вид на жительство» Урецкому, который остался в Москве, они познакомились в Доме кино с известным цирковым дрессировщиком. Тому в его номер требовались две близняшки (девушки должны были подменять друг друга в номере с тиграми), и он сразу же положил глаз на Лику и Лизу. Окрыленные столь лестным предложением, девушки бросили институт и перешли на работу в цирк. Впоследствии Лика даже выйдет замуж за этого дрессировщика.

28 сентября радостная весть пришла из Лимы (Перу), где проходил чемпионат мира по тяжелой атлетике. Весь пьедестал чемпионата оказался занят советскими тяжелоатлетами, которые завоевали 16 золотых, 8 серебряных и 4 бронзовые медали. Василий Алексеев установил два мировых рекорда: в жиме — 230 кг, в толчке — 235,5 кг.

И еще о спорте. 28 сентября в чемпионате страны по футболу определился досрочный чемпион — киевское «Динамо». Выиграв у алма-атинского «Кайрата» со счетом 1:0, киевляне стали недосягаемы для соперников. «Золотой» состав команды выглядел так: Е. Рудаков, С. Доценко, В. Соснихин, С. Решко, В. Журавский, В. Матвиенко, В. Трошкин, В. Веремеев, В. Мунтян, В. Колотов, Ф. Медвидь, А. Богоник, А. Пузач, А. Бышовец, В. Хмельницкий, А. Прохоров, В. Белоус, В. Серебряников, В. Онищенко, О. Блохин (Олег в том чемпионате сыграл всего лишь одну игру), тренер — А. Севидов.

Стоит отметить, что второй раз за всю историю чемпионатов московские команды остались без медалей. Более того, прошлогодний чемпион — ЦСКА — на этот раз скатился в самый низ турнирной таблицы и едва не вылетел в первую лигу. От перехода «вниз» команду спасло лишь то, что она лидировала по разнице забитых и пропущенных мячей.

В тот же день в «Вечерней Москве» появилась заметка А. Кузнецова «Кладбищенские жуки», повествующая о «кладбищенской» мафии. Да-да, уже и тогда существовала такая! В статье рассказывалось о группе лиц, которые «ковали» прибыль на оказании ритуальных услуг. Конкретно речь шла о бывшем заведующем Ваганьковского бюро похоронных услуг и коменданте-смотрителе этого же кладбища. Деньги они делали, что называется, из воздуха: за захоронение в родственной могиле, за хорошее место и т. д. и т. п. Самое интересное, что когда эти махинации были разоблачены, виновников отправили... не за решетку, а в Балашихинский горпромкомбинат. Видимо, на перевоспитание. Но это не помогло. Там мошенники продолжили свой «бизнес»: стали собирать деньги с рабочих, производивших установку плит и цветников на могиле, с землякопов, копавших могилы, и т. д. И вновь «погорели». Только на сей раз уйти от наказания

не удалось: один получил «пятнашку» (15 лет тюрьмы), другая — «десятку», третий — 9 лет лишения свободы.

И еще о преступности. В конце сентября в Свердловске героически погиб сотрудник Орджоникидзевского районного отдела милиции, 29-летний младший сержант Петр Макеев. Дело было так.

В тот день с утра на пульте дежурного поступил тревожный сигнал: в доме по улице Баумана пьяный хулиган из окна своей квартиры открыл стрельбу из охотничьего ружья по прохожим. Тут же к месту происшествия выехала тревожная группа. На призыв милиционеров прекратить огонь и сдать стрелок ответил матерщиной и новой порцией зарядов. Пришлось идти на штурм. Трое милиционеров зашли в подъезд пятиэтажки, где засел преступник, а Макеев остался на улице, чтобы не дать «охотнику» скрыться с места преступления через окно, а также чтобы не допускать в зону обстрела случайных прохожих.

В тот момент, когда штурмующие стали вышибать дверь, Макеев внезапно заметил, как из-за угла соседнего дома в сектор обстрела вышли женщина с ребенком. Они являлись идеальной мишенью для разъяренного преступника, и Макеев это прекрасно понимал. Чтобы предотвратить трагедию, младший сержант бросился наперерез парочке, но добежать не успел — убойной силы заряд опрокинул его на землю. Макеев погиб, но женщина с ребенком были спасены: пока преступник перезаряжал ружье, в квартиру ворвались милиционеры.

Теперь из Москвы перенесемся в Казахстан, а именно — в Караганду. 30 сентября там произошло ЧП: на деревообрабатывающем комбинате случился пожар огромной силы. Пожар можно было потушить, если бы к месту происшествия вовремя подоспели пожарные команды из ближайших городов-спутников, но они приехали туда только спустя 5 часов после воз-

горания. В итоге комбинат сторел дотла. К счастью, обошлось без человеческих жертв, однако ущерб исчислялся миллионами рублей.

В тот же день Валерий Золотухин записал в дневнике свои впечатления о Владимире Высоцком: «Володю, такого затянутого в черный французский вельвет, облегающий блузон, сухопарого и поджарого, такого Высоцкого я никак не могу всерьез воспринять, отнестись серьезно, привыкнуть. В этом виноват я. Я не хочу полюбить человека, поменявшего программу жизни. Я хочу видеть его по первому впечатлению. А так в жизни не бывает...»

В заключении главы, как всегда, афиша столичного досуга. Начнем с кино. 20 сентября на широкий экран выходит молдавский боевик режиссера В. Гажиу «Взрыв замедленного действия»; 21-го — фильм Конрада Вольфа «Гойя» — тот самый, из-за которого на последнем Московском кинофестивале бушевали нешуточные страсти; 27-го — приключенческий фильм Леонида Квинихидзе «Миссия в Кабуле».

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: 4-серийный телефильм о деятельности советской разведки в годы войны «Последний рейс Альбатроса» (премьера 20—24-го), «Колония Ланфиер» (20-го), «Альпийская баллада» (22-го), «Встречи с Игорем Ильинским» (24-го), «Свадьба» (25-го), «Илья Муромец» (26-го) и др.

В театрах столицы всего лишь одна премьера: 27-го в Театре на Малой Бронной идет спектакль «Человек со стороны» И. Дворецкого в постановке Анатолия Эфроса. В ролях: А. Грачев, Л. Бронева и др.

Эстрадные представления: 17—18 и 24—26 сентября в «Октябре» выступает ВИА «Голубые гитары»; 18—19-го в Театре эстрады — артисты польской эстрады (Марыля Родович, З. Каминьска и др.); 29—30-го во Дворце спорта в Лужниках — американский певец Дин Рид.

1971 Октябрь

Василий Шукшин: по разинским местам. Александр Масляков женился. Умер актер Павел Шпрингфельд. Съёмочная группа фильма «А зори здесь тихие...» вернулась в Москву. Осенний призыв в армию: в роли «уклониста» Николай Еременко. Юрий Нагибин: пьянка писателей. В Свяжской «психушке» умерла пациентка, выдававшая себя за царевну Анастасию Романову. Обыск у Роя Медведева. Как задержали опасного маньяка. «Старики-разбойники»: пересъемка эпизода «провода на пенсию». Слухи о смерти Николая Озерова. В роли Пушкина — Ролан Быков. Болезнь Дина Рига. Покушение на Косыгина. Сенсация футбольного сезона: команду «Нефтчи» сняли с дистанции. Лев Лещенко: ужас на сцене Колонного зала Дома союзов. Борис Бабочкин: размышления о смерти. Лев Кинг снимается в кино. Грустный юбилей Аркадия Райкина. Майя Плисецкая репетирует «Анну». Брежнев во Франции: встреча с Мариной Влади. Умер один из создателей советского «ядерного щита» академик Михаил Янгель. Умер кинорежиссер Михаил Шапиро. Последние дни Михаила Ромма. Победа Роберта Фишера. Сборная СССР по футболу покоряет Европу. Михаил Александрович — первый эмигрант из деятелей искусства.

В пятницу, 1 октября, в далекой от Москвы столице Аргентины Буэнос-Айресе начался матч претендентов на первенство мира по шахматам. За игровым столом встретились советский гроссмейстер Тигран Петросян и американец Роберт Фишер. Удача в тот день сопутствовала Фишеру — первую партию он выиграл.

В этот же день в Милане завершился чемпионат Европы по волейболу. Советская спортивная школа показала качественные результаты: «золото» турнира завоевали как мужская, так и женская сборные СССР.

Тем временем Василий Шукшин отправился в Ростов-на-Дону и Новочеркасск для сбора новых материалов к фильму «Степан Разин», который все еще надеется снять. После станиц Раздорской и Кочетовской, где Василий Макарович встретился с писателем Виталием Закруткиным, его путь лежал к Кагальницкому городку. Там он окончательно определился с местом для натурных съемок будущей картины. Правда, существовало одно «но»: массовка намечалась грандиозная, а где в этих местах ее

кормить, если населенных пунктов поблизости нет, было неизвестно.

В субботу, 2 октября, в ресторане столичной гостиницы «Украина» гуляла шумная свадьба на 80 человек. В роли счастливого жениха выступал популярный телеведущий, «хозяин» КВНа, 29-летний Александр Масляков (тридцатник ему исполнится 24 ноября), а в роли невесты — отнюдь не та женщина, которую миллионы советских телезрителей давно уже ему сосватали, его партнерша по КВНу Светлана Жильцова, а 23-летняя помощник телережиссера (правда, тоже по имени Светлана). С ней Масляков познакомился еще пять лет назад. На следующий день свадьбу догуливали в двухкомнатной коммунальной квартире молодоженов на Арбате.

В этот же день произошло и грустное событие: скончался известный советский киноактер Павел Шпрингфельд. Слава пришла к нему в 40-е годы, после участия в таких фильмах, как «Яков Свердлов» (1940), «Сердца четырех», «Близнецы» (оба — 1945), «Тарас Шевченко»

(1951). В последние годы Шпрингфельд играл на сцене Театра-студии киноактера и снимался преимущественно в эпизодических ролях. Его последними работами в кино стали роли Скунского в «Беге» и бандита-гардеробщика в «Джентльменах удачи». На момент смерти Шпрингфельду было 59 лет.

4 октября в Москве выпал первый снег. Тогда же в 19.30 во Дворце спорта в Лужниках состоялся хоккейный матч только что начавшегося 26-го чемпионата страны, между столичными командами ЦСКА и «Спартак». Этот матч интересен тем, что на нем присутствовал генсек Леонид Брежнев, весьма уважающий хоккей. Болел именитый зритель за свою любимую команду — ЦСКА. Болел страстно, но победы от своего клуба на сей раз не дождался — матч завершился вничью.

На следующий день в Москву приехала съемочная группа фильма «А зори здесь тихие...». Как мы помним, еще в середине мая она отправилась на натурные съемки в Карелию, откуда по плану должна была вернуться в начале ноября. Однако все актеры так самоотверженно работали на съемочной площадке (даже выходные отменили), что сумели закончить работу с опережением графика. Правда, в дальнейшем это не повлияло на общие сроки завершения картины, поскольку еще 29 сентября участники съемок — Андрей Мартынов, Ольга Остроумова и Екатерина Маркова уехали на гастроли в Болгарию, из-за чего работа была приостановлена. «Простой» будет продолжаться до 17 октября.

6 октября на «Мосфильме» худсовет творческого объединения «Время» решал проблему с поисками режиссера для постановки фильма по сценарию Эдуарда Володарского «Свой среди чужих, чужой среди своих». Как мы помним, идея этого сценария родилась на свет еще весной 1970 года. Назывался он первоначально иначе — «Красное золото». В прежнем варианте в нем не было ничего оригинального — типичный боевик про Гражданскую войну. Однако позднее у авторов появились новые идеи. Теперь главным в сюжете уже стала не погоня за золотом, а взаимоотношения героев, мотив крепкой мужской дружбы. В итоге от первого варианта сценария практически ничего не осталось, разве что герои, причем исключительно мужчины (в «Золоте», например, у Егора

Шилова была любимая девушка Екатерина Викторовна, которая играла не последнюю роль в развитии сюжета).

Как мы помним, над созданием сценария плодотворно работал Никита Михалков. Он же претендовал и на постановку фильма (летом того года Никита Сергеевич закончил режиссерский факультет ВГИКа и в качестве дипломной работы снял короткометражку «Долгий день в конце войны»). Однако кое-кто из объединения «Время» был против его кандидатуры. Худсовету 6 октября надлежало разрешить эту проблему. Однако заседающие отложили рассмотрение столь сложного вопроса на начало следующего года.

Между тем личная жизнь Михалкова в те дни претерпела серьезные изменения. Он познакомился с девушкой, которой вскоре предстоит стать его женой. Звали ее Татьяна Соловьева, она работала манекенщицей в Доме моделей. Их знакомство произошло в Доме кино, во время премьеры нового фильма Ролана Быкова «Телеграмма». Никита пришел туда в компании своего старшего брата Андрона и его жены Вивьен. Последняя и познакомила его с Татьяной, которая в тот день пришла туда работать — перед началом фильма был показ мод. Михалкову девушка понравилась, и уже на следующий день он назначил ей свидание. Далее послушаем рассказ самой Т. Михалковой:

«На свидание меня собирали всем Домом моделей, все четыре этажа хотели поучаствовать в моем макияже, прическе, маникюре. И вот я явилась: красный «вампирский» рот, синие ногти, просто заново нарисованное лицо, за которым было совершенно не видно моего настоящего (обычно я не злоупотребляла макияжем, но тут — такой случай!), на голове — «бабетта». Никита увидел меня и, ничего не сказав, взял за руку и потащил умываться. Я плакала, а он меня оттирал. Когда мы вернулись за стол и нам принесли меню, меня хватило только на то, чтобы произнести: «Я буду первое, второе и третье». Я боялась, что у Никиты, тогда еще студента, просто может не хватить денег. На то свидание он пришел в потертых джинсах, какой-то курточке, кепочке.

Когда на экраны вышел фильм «Я шагаю по Москве», мне больше нравился Стеблов. Но когда нас с Никитой познакомили, все, ко-

нечно, изменилось. Его уверенность, властность сразу же покорили меня. То, что Никита был женихом номер один, тогда я еще не знала. А он уже жил отдельно, в однокомнатной квартире. Но что она из себя представляла! Склад ненужных вещей: разбитые стаканы, патефон, по которому, чтобы завести, надо было стучать кулаком, разломанное кресло, в которое нельзя сесть...»

Тем временем по всей стране идет осенний призыв в армию. Никита Михалков хоть и достиг давно призывного возраста, однако тогда сумел благополучно избежать повестки. А вот другому «звездному отпрыску» — сыну Нонны Мордюковой и Вячеслава Тихонова, актеру Владимиру Тихонову, пришлось отправиться на воинскую службу. Правда, в настоящую часть он не попал — оказался в труппе Театра Советской Армии.

Теперь расскажу про одного из «отказников» — Николая Еременко. Окончив ВГИК в 71-м, он в течение нескольких месяцев скрывался от милиции на квартирах своих друзей (прописан Еременко был в Минске, где жили родители). Так продолжалось до тех пор, пока актеру не удалось попасть на съемки фильма Гавриила Егиазарова «Горячий снег» по одноименному роману Ю. Бондарева. Понимая, что участие в картине не только принесет ему славу, но и поможет избежать воинской службы, Еременко всеми силами стал добиваться того, чтобы его утвердили на роль лейтенанта Дроздовского. В конце концов режиссер согласился с кандидатурой молодого актера и утвердил Еременко на эту роль.

Стоит отметить, что участие в фильме «Горячий снег» лишь отсрочило время призыва. В следующем году Еременко все-таки пришлось пойти на срочную службу. Правда, он «тянул лямку» в комфортных условиях — в кавалерийском полку при «Мосфильме», дислоцированном в Алабине. Этот полк был специально создан для того, чтобы молодые актеры служили «под боком» у своего кинематографического начальства.

Но вернемся к хронике октября 71-го.

В те дни проходило заседание редколлегии журнала «Наш современник». Сначала там выступали известные писатели — в частности, Виктор Астафьев и Евгений Носов. Говорили о гибели России, о вымирании деревни. Во вто-

рой части (неофициальной) решили помянуть своего товарища, главного редактора «Молодой гвардии» Феликса Овчаренко, умершего от рака желудка в 38 лет. Как пишет в своем «Дневнике» Ю. Нагибин:

«Все здорово надрались. Я, конечно, разошелся и, непонятно зачем, отказался от премий за рассказ «Машинистка живет на шестом этаже». Из благодарности, наверное, что меня приняли на равных в этот сельский клуб. Продолжали мы втроем в ЦДЛ, а потом у меня до шести часов утра. Ребята и на этом не остановились. Кончилось тем, что Женю Носова отравили в Склифосовского с сердечным припадком. Для меня же наша встреча явилась хорошим противовидием от моего обычного низкопробного литературного окружения...»

В пятницу, 8 октября, из 2-й КИБ наконец-то выписалась моя мама. Дома ее встретили младшая сестра Надя, все эти дни сидевшая на хозяйстве, и два младших сына — Рома и Валера. Ваш покорный слуга был в тот момент в школе, а отец на работе. Больничный лист маме продлили до 23 октября.

9 октября в Москве, на 98-м году жизни, скончался скульптор, народный художник СССР (1958) Сергей Коненков. Начав свою творческую деятельность задолго до революции, Коненков затем всю свою жизнь посвятил служению новой власти. Он был известен как автор психологических портретов («Рабочий боевик 1905 года Иван Чуркин», «Автопортрет» и др.), а также монументальных композиций (мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов», «Освобожденный человек» и др.). В 1951 году Коненков был награжден Сталинской премией, шесть лет спустя — Ленинской. В 1964 году его удостоили звания Героя Социалистического Труда. Похороны С. Коненкова состоялись 12 октября на Новодевичьем кладбище.

В тот же день в Свяжской психиатрической лечебнице умерла одна из пациенток — 70-летняя Надежда Иванова-Васильева. Событие на первый взгляд незначительное, если бы не одно «но»: по одной из версий, усопшая была младшей дочерью последнего русского царя Николая II Анастасией Романовой. А в «психушку» она попала при следующих обстоятельствах.

Согласно легенде, Анастасия во время расстрела царской семьи была тяжело ранена, и ей сохранили жизнь. Какое-то время она жила у командира красного отряда Николая Владимировича в Екатеринбурге. Затем он отпустил Анастасию, и она подалась на Дальний Восток, но при переходе границы была задержана. Ее якобы приговорили к расстрелу, но потом заменили «вышку» 20 годами тюрьмы. Сидела она в Александровском центре, затем попала в тюрьму города Кадников. В 1929 году будто бы была освобождена и вернулась в Москву. 6 ноября 1930 года Иванову-Васильеву вновь арестовали и отправили в концлагерь Вишерский, где она встретилась со своими давними знакомыми: княжнами Гагариной и Урусовой.

В 1934 году судебно-медицинская экспертиза признала Иванову-Васильеву невменяемой и отправила на лечение в больницу имени Кащенко. На протяжении многих лет она продолжала неустанно доказывать, что является дочерью последнего российского царя. Как значилось в истории болезни: «бред антисоветского содержания стойко держится». Однако даже сами врачи удивлялись тем подробностям придворной жизни, которые рассказывала «больная». В книгах или газетах прочитать об этом было нельзя, поскольку таких книг и газет в Советском Союзе просто не существовало. К примеру, Иванова-Васильевна поведала о том, что английский король Георг V просил Колчака передать доски из дома, где была расстреляна царская семья. Об этом факте впервые написали только в конце 60-х годов. Или другое свидетельство: по словам «больной», во время расстрела царь и цесаревич Алексей стояли, а женщины сидели на скамьях. Данный факт стал известен тоже только спустя много лет после гибели императорской семьи.

С 1959 года Иванова-Васильева содержалась в казанской «психушке», после чего была отправлена в лечебницу, расположенную на острове Свяжск (стрелка Волги и Свяги). Вспоминает одна из медсестер больницы: «Благородство в ней чувствовалось во всем. Она очень отличалась от других больных. Всегда на «вы». Тихая была, молчаливая. Никогда не закричит ни на кого, не ударит. Она все время на спокойной половине находилась, а потом пожелала уйти. Больные ей мешали писать, и она им мешала. Начнет рассказывать, они тут же:

«Замолчи». Перевели ее в острое отделение, койка как бы отдельно стояла...»

Умирала Анастасия сознательно: отжила, мол, хватит. В последние дни была бездеятельна, часами сидела на койке. Иконку свою, которую очень бережно хранила, отдала одной больной. От медикаментов категорически отказывалась. 9 октября состояние Ивановой-Васильевой резко ухудшилось, и в 4 часа утра, при нарастающей сердечной недостаточности, она скончалась от паралича сердца. Три дня спустя усопшую похоронят на деревенском кладбище в безымянной могиле. Даже креста на ней не поставят.

10 октября сотрудниками КГБ был проведен обыск на московской квартире историка Роя Медведева. Семеро мужчин в штатском перевернули в его доме все вверх дном в поисках книг, которые похитил из Библиотеки имени Ленина некий сотрудник Академии педагогических наук. По словам чекистов, этот сотрудник мог подарить их Медведеву. Повод, конечно, формальный. На самом деле Медведеву давали понять, что его деятельность сильно не нравится Лубянке. Особенно то, что в августе и сентябре 71-го в ведущих западных изданиях стали публиковаться материалы из «Политического дневника» Медведева (в нем историк вел подробные записи о происходящих в СССР событиях и закрытых совещаниях, комментировал документы и литературные дискуссии, публиковал аналитические статьи).

Изяв 7 больших мешков бумаг и газетных вырезок (спустя 18 (!) лет, уже во время перестройки, Медведеву все вернут в целостности и сохранности), чекисты удалились. А через пару дней историк получил вызов в Московскую прокуратуру. Однако он не стал искушать судьбу и предпочел перейти на нелегальное положение. Некоторое время Медведев жил у друзей в Москве, меняя квартиры, как заправский шпион, затем уехал на юг, не сообщив даже близким людям (жене и брату) своего адреса. В «беге» Медведев пробудет до начала 1972 года.

Тем временем продолжает скрываться от органов правопорядка и другой человек — маньяк Юрий Раевский. Как мы помним, сбегав летом из колонии, он успел совершить в разных городах Советского Союза несколько жестоких преступлений на сексуальной почве.

В начале октября Раевский приехал в Харьков, где пополнил свой кровавый список. Поздним вечером он выследил на безлюдной улице одинокую женщину, возвращавшуюся с работы домой (это была врач Рената Н.), приставил ей к горлу нож и заставил идти за собой. Заведя скованную страхом женщину в пустынное место, Раевский жестоко изнасиловал ее, после чего хладнокровно задушил. Уходя, прихватил с собой новенькое демисезонное пальто жертвы. Именно оно вскоре и поможет поставить точку в этом деле.

Во вторник, 12 октября, Раевский приехал на харьковский вокзал, чтобы на ближайшем поезде покинуть город. Поскольку до отправления оставалось больше часа, он решил за время ожидания продать пальто, снятое с последней жертвы. Стал предлагать его на привокзальной площади проходившим мимо женщинам, но уже спустя пять минут привлек к себе внимание патруля. Видимо, Раевский был сильно увлечен поисками покупателя, иначе успел бы вовремя «сделать ноги» при виде стражей порядка. Те повязали его за спекуляцию и отвели в ближайшее отделение. Там, как и полагается, учинили допрос: кто такой, чье пальто и т. д. Надо сказать, что, несмотря на молодость, Раевский держался вполне уверенно. Ни у кого из милиционеров даже мысли не возникло, что перед ними сидит настоящий зверь, на совести которого несколько человеческих жизней. Все обнаружилось совершенно случайно. Кто-то из сыщиков заглянул в сводки происшествий за последние дни и наткнулся там на сведения о жестоком убийстве женщины-врача. Так на свет всплыло пальто, которое Раевский пытался продать. Пальто предъявили мужу погибшей, тот его опознал. Что было дальше, думаю, объяснять не надо. Скажу только, что впереди маньяка ждал суд и справедливая кара — расстрел.

Эльдар Рязанов практически закончил снимать комедию «Старики-разбойники». Однако худсовету почему-то очень не понравился эпизод проводов на пенсию одного из главных героев картины — Валентина Петровича (Евгений Евстигнеев). Рязанова обязали переснять эту сцену. И 12—13 октября, собрав заново актеров и массовку, эпизод «сделали» заново. Причем замечательно, поскольку, на мой

взгляд, «провода» — один из лучших кусков картины.

Дмитрий Шостакович продолжает лежать в больнице. Как мы помним, угодил он туда 16 сентября после второго инфаркта. К 15 октября состояние композитора несколько улучшилось, после чего врачи разрешили ему изредка приподниматься и сидеть — пока совсем ненадолго, но прогресс уже заметен.

В эти же дни по Москве внезапно стали распространяться слухи о том, что известный спортивный комментатор Николай Озеров... умер. В середине октября, вернувшись из Северной Ирландии, где он комментировал отборочный матч чемпионата Европы по футболу между сборными Ирландии и СССР, Озеров, едва сойдя с трапа самолета, угодил в объятия одного из спортивных чиновников, который буквально огорошил его сообщением: «В Москве кто-то пустил слух, что ты умер, поэтому надо срочно появиться в программе «Время», чтобы пресечь все эти разговоры».

Видя, что спорить бесполезно, Озеров отправился в Останкино. Там в течение 25 минут он терпеливо ждал той минуты, когда дикторы Игорь Кириллов и Нонна Бодрова наконец перейдут к спортивным событиям и передадут эстафету ему. Наконец такой момент наступил. Озеров занял свое место за столиком, а Бодрова, включив микрофон, объявила:

— Со спортивными новостями вас поздравит Николай Островский...

У всей съемочной группы программы «Время» чуть глаза на лоб не полезли, но труднее всех пришлось самому Озерову, которого едва не разобрал приступ смеха. С трудом сдержавшись, он все-таки зачитал зрителям заранее заготовленный текст о спортивных событиях минувшего дня. Бодрова после эфира бросилась к нему с извинениями, на что он справедливо заметил:

— Ерунда, это же прямо рассказ для эстрады! Будет что вспомнить.

Тем временем в Театре на Таганке продолжают репетиции «Гамлета». Спектакль должен выйти в конце ноября, однако Любимов постоянно подгоняет артистов, ругает и заставляет выкладываться «по-черному». От этого нервы у всех на взводе. 16 октября Высоцкий жалуется Золотухину:

— С шефом невозможно стало работать... Я не могу... У меня такое впечатление, что ему кто-то про меня что-то сказал... Не в смысле игры, а что-то... другое...

В другом театре — МХАТ — в эти же дни идут лихорадочные поиски нового исполнителя на роль Александра Сергеевича Пушкина в спектакле «Медная бабушка». Как мы помним, в конце сентября был приглашен Олег Даль, однако его кандидатура продержалась недолго. Даль в октябре запил и «сошел с дистанции». В те дни на роль пробовались Александр Кайдановский и Всеволод Абдулов, однако ни один из них по разным причинам не устроил постановщиков спектакля — Олега Ефремова и Михаила Козакова. В итоге появилась кандидатура Ролана Быкова. Сам актер с воодушевлением принял это предложение, обещал даже поменять свои планы, чтобы сыграть Александра Сергеевича.

В эти же дни во Львов съехались артисты, занятые в съемках фильма «Земля, до востребования», над которым на студии имени Горького работал Вениамин Дорман. Как и предыдущие картины режиссера (известная киносерия про «резидента»: «Ошибка резидента», «Судьба резидента» и т. д.), этот фильм тоже был посвящен советским разведчикам. Его основу составили биографические данные из жизни советского нелегала, Героя Советского Союза Льва Маневича, умершего через пять дней после освобождения из концлагеря — 9 мая 1945 года. Маневича в фильме играл Олег Стриженов.

В Москве тем временем состоялось несколько кинопремьер. С 4 октября на экраны вышел фильм Алоиза Бренча «Город под липами», посвященный защитникам города Лиепая в годы войны. В картине снялись: Вячеслав Шалевич, Леонид Неведомский и др. С 6-го в кинотеатрах начинает демонстрироваться художественно-документальный фильм «Марк Бернес»; с 8-го во Дворце спорта в Лужниках крутят новую французскую комедию режиссера Жана Жиро с Луи де Фюнесом в главной роли — «Господин Крюшо в Нью-Йорке»; с 15-го в кинотеатре «Мир» — венгерско-советскую героическую комедию «Держись за облака». Тогда же на экраны вышел новый итальянский фильм «Приключения Одиссея» режиссера Франко Росси.

Телевидение «потчевало» зрителей следующими передачами: «Артлото» (4-го), «Кабачок «13 стульев» (8-го), «Будильник», «Музыкальный киоск», «Человек и закон», «Международная панорама», «Клуб кинопутешествий» (10-го), «А ну-ка, девушки!» (15-го), «Здоровье», «Встреча с композитором В. Соловьевым-Седым» (16-го) и др. Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Проверено — мин нет», «Три тополя на Плющихе» (1-го), «Верные друзья», «Парни музкоманды» (2-го), «Доживем до понедельника», «В 26-го не стрелять» (3-го), «Простая история» (4-го), «Три толстяка», «Африканыч» (преьера т/ф, 6-го), «Гусарская баллада» (9-го), «Девушка без адреса» (10-го), «Сергей Лазо» (11-го), «Смерть индейца Джо» (Румыния, впервые по ЦТ) (12-го), «Зареченские женихи» (13-го), «Красные пески» (15-го) и др.

В первой половине октября состоялось несколько театральных премьер, из которых назову две, состоявшиеся на сцене Театра имени Гоголя: 2-го там показали «Шутника» по пьесе Е. Габриловича и С. Розена с участием Л. Кулагина, Э. Лапицкой и др., 15-го — «Серую шляпу» по пьесе А. Лийвеса.

11—12 октября во Дворце спорта в Лужниках выступал американский джаз-оркестр Дюка Эллингтона; 14-го в клубе Военной академии имени Фрунзе свое искусство демонстрировал ВИА «Голубые гитары»; 15-го в киноконцертном зале «Октябрь» был концерт артистов чехословацкой эстрады.

6—8 октября в Государственном театре эстрады должны были состояться концерты американского певца Дина Рида, однако внезапная болезнь артиста помешала советским слушателям встретиться со своим кумиром. Отмечу, что официально Дин Рид тогда жил в Италии, где снимался в дешевых вестернах. О качестве этих фильмов он сам был невысокого мнения, однако в своих многочисленных интервью заявлял, что заработанные деньги тратил на правое дело — гастроли по миру и помощь национально-освободительному движению. В частности, в 71-м году Дин Рид перевел большую сумму в долларах в фонд помощи правительству народного единства Чили. В Советский Союз Дин Рид приезжал достаточно часто по двум причинам: во-первых, на гастроли, во-вторых — для

встреч с любимой женщиной — эстонской актрисой-красавицей Эвой Киви.

В воскресенье, 17 октября, из Москвы в Канаду с официальным визитом отбыл Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин. Как мы помним, в мае нашу столицу посетил канадский премьер Пьер Трюдо, теперь настала очередь ответного визита. Эта поездка запомнилась прежде всего тем, что была предпринята попытка покушения на жизнь советского руководителя.

Инцидент произошел в первый же день пребывания Косыгина на канадской земле. После переговоров в парламенте по предложению встречающей стороны решили совершить прогулку вокруг здания — осмотреть достопримечательности. Во время этой прогулки из толпы корреспондентов, собравшихся неподалеку, к Косыгину внезапно бросился неизвестный мужчина. Он сумел беспрепятственно пробежать короткое расстояние, отделявшее его от советского премьера, и буквально повис у него на плечах. Косыгин проявил завидное хладнокровие — как ни в чем не бывало продолжал свой путь. Прошло секунд десять, прежде чем опомнились канадские и советские охранники. Они скрутили нападавшего и оттащили его в сторону.

Как выяснилось, это был член венгерской эмигрантской фашистской организации. При себе он имел финку. Террориста специально внедрили в группу корреспондентов, а целью его акции являлся срыв только что начавшегося визита советского премьера. Вечером того же дня Косыгин, советский посол, главы резидентур КГБ и ГРУ, а также представитель ЦК из делегации премьер-министра обсуждали вопрос: «Как отреагировать на происшедшее?» Посол и представитель КГБ считали, что нужно заявить ноту протеста канадскому МИДу. ГРУ и ЦК отмалчивались. Все решил голос Косыгина. Он сказал: «Надо сделать вид, будто ничего не произошло». Канадцы восприняли его поступок с восхищением. Газеты, радио и телевидение буквально захлебывались от восторга, расхваливая мудрость «русского премьера».

И еще одна история произошла с Косыгиным в Канаде. Во время официального обеда, устроенного премьером Трюдо, к Косыгину подошел мужчина и на чистом русском языке заговорил с высоким гостем. Оказалось, что это

бывший гражданин России, уехавший на Запад еще в 1919 году, а ныне — вице-президент компании «Шелл». Он мечтал воссоединиться со своими родственниками, оставшимися в СССР. На вопрос Косыгина: «Как я могу вам помочь?» — эмигрант попросил разрешить родственникам выехать из Литвы в Канаду. Косыгин пообещал выполнить эту просьбу. И не обманул — в ноябре родственники канадца действительно получили все необходимые документы и навсегда уехали из Советского Союза. Это была семья известного журналиста, ныне ведущего программы «Свобода слова» Савика Шустера.

19 октября в Москве открылся Всесоюзный слет студентов. На нем с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

В этот же день радостная весть пришла из Минска, где проходил 8-й чемпионат Европы по спортивной гимнастике. Там произошел редчайший случай: две советские гимнастки — Людмила Турищева и Тамара Лизакович — поровну поделили между собой главные награды первенства. Обеим были вручены золотые медали.

На следующий день праздник пришел и «на улицу» футбольных болельщиков. Два столичных клуба (ЦСКА и «Динамо») играли матчи 1/8 финала в двух турнирах: ЦСКА — в Кубке чемпионов, «Динамо» — в Кубке обладателей кубков. Армейцы в Москве принимали бельгийский «Стандарт» из Льежа и победили со счетом 1:0 (единственный мяч забил лучший бомбардир команды Борис Копейкин). Команда «Динамо», играя на выезде, с таким же счетом победила турецкий клуб «Эскишехирспор» (мяч забил Козлов).

И еще о футболе. 23 октября в «Комсомольской правде» была опубликована статья М. Блатина и В. Скорятина под названием «Вне игры», посвященная редчайшему событию — дисквалификации целой футбольной команды (бакинского «Нефтчи»). Подоплека этого события выглядела следующим образом.

Еще 21 сентября «Комсомолка» поместила материал о неблагоприятной ситуации в бакинской команде. Писалось, что дисциплина в команде расшатана, а игрокам прощаются любые грехи. Началось же все довольно давно. Два года назад за хулиганские поступки на поле были

«отлучены» от игры Банишевский и Семиглазов. Но этот «звоночек» не вразумил руководство команды. Руководители «Нефтчи» выступили с предложением... взять провинившихся футболистов на поруки. Им пошли навстречу. В результате оба прощенных игрока опять стали числиться в судейских протоколах как заядлые нарушители.

Не отставали от этих двух футболистов и другие игроки команды. Так, во время игры в Ростове-на-Дону вратарь «Нефтчи» Крамаренко обиделся на судью, ударил его и заработал справедливое удаление. Но и такого урока бакинцам было мало. Вскоре еще один их игрок (Мирзоян) в сердцах плюнул арбитру в лицо. А уже в раздевалке поднял руку на судью другой футболист — Гаджиев. В довершение всего, во время игры в Ташкенте с тамошним «Пахтакором», игроки «Нефтчи», осерчав на главного судью, всей командой покинули поле. Короче говоря, имелся в наличии полный «букет» нарушений. Учитывая эти факты, Федерация футбола СССР на своем заседании 22 октября утвердила решение спортивно-технической комиссии о снятии «Нефтчи» с розыгрыша первенства СССР. От себя замечу, что на турнирном положении бакинцев эта резолюция по большому счету никак не отразилась — их вполне устраивало 9-е место. Однако сам прецедент впечатлял.

Вечером 23 октября по Центральному телевидению транслировался концерт из Колонного зала Дома союзов, приуроченный к 50-летию популярного композитора Арно Бабаджаняна. В концерте принимали участие многие известные исполнители, каждый из которых спел несколько песен юбиляра. Зрители, которые в тот вечер собрались в зале и у экранов своих телевизоров, получили массу удовольствия. Между тем они и не подозревали, что во время выступления одного из молодых исполнителей за кулисами царил настоящая паника, а сам певец после концерта от пережитого на сцене едва не загремел в больницу. Имя этого певца сегодня известно всем — Лев Лещенко. О том, что произошло в тот вечер, мой следующий рассказ.

Лещенко никак не рассчитывал выступать в юбилейном концерте: во-первых, по причине своей молодости, во-вторых — в его репертуаре звучала всего лишь одна песня Бабаджаня-

на — «Голубая тайга». Кроме этого, он только что вернулся с гастролей по Германии и мечтал об одном — хорошенько выспаться. Однако перед самым концертом заболел один из исполнителей. Поэтому Лещенко чуть ли не в приказном порядке вызвали к руководству оркестра Гостелерадио, где он работал, и заставили впрячься в это мероприятие. Ситуация оказалась сложной — за три дня Лещенко должен был выучить три новые песни: «Песню о Ленине», «Ребят позабыть не смогу» и «Приезжай на Самотлор». Однако Лещенко не стал сильно себя утруждать: тексты выучил с первого раза и провел всего лишь одну репетицию, да и то — с клавирами. В итоге получил то, что и должен был получить.

За минуту до своего выхода на сцену певец с ужасом осознал, что не может вспомнить ни слова из «Песни о Ленине». Он обратился за помощью к редактору, но тот, очевидно, решил, что у Лещенко обычный предконцертный «мандраж», и стал успокаивать: «Да ладно, не паникуй, все обойдется». Напряжение снял руководитель оркестра Юрий Силантьев, который сообщил Лещенко, что текст песни у него записан в партитуре. У певца отлегло от сердца. Но ненадолго. Едва он вышел на сцену, как выяснилось, что в партитуре текста нет. Видимо, аранжировщик вместо авторского текста использовал так называемую «рыбу» — набор бессмысленных сочетаний слов. Ноги у Лещенко стали ватными. Шутка ли? Полный зал людей, телевидение снимает, а тут такой конфуз с песней про вождя мирового пролетариата! В последней надежде спасти положение певец обернулся к оркестру, наплевав на всякие приличия (поворачиваться к зрителям спиной — неэтично): «Ребята, у кого есть текст песни? Кто знает первые слова?» Но те его уже не слышали, поскольку начинали играть вступление.

В течение нескольких секунд певец стоял на сцене ни жив ни мертв, тупо глядя в переполненный зал. Из протрации его вывел гневный шепот Силантьева: «Пой, твою мать!» И Лещенко запел ту строчку, которую помнил: «Солнцем согреты бескрайние нивы, в нашей душе расцвела весна, слышим песни заводов и пашен...» И не в силах придумать ничего нового, обреченно повторил: «В нашей душе расцвела весна!» Далее в дело вступил хор, который бодро подхватил: «Ленин с нами...» Пока

пел хор, Лещенко успел вспомнить еще несколько строчек из второго куплета, а потом вновь пошла импровизация. Зритель в зале, естественно, ничего не знал, поэтому всю эту ахиною воспринимал как должное, но за кулисами творилось невообразимое. Кто-то хватался за голову, кто-то на чем свет стоит ругал певца, а кто-то злорадно потирал руки, надеясь, что после такого провала молодому дарованию наконец-то прекроют кислород.

Лещенко тем временем благополучно закончил «Песню о Ленине» и перевел дух. Он надеялся, что следующей песней исправит положение, поскольку «Голубую тайгу» он знал наизубок. Но и тут случилось неожиданное: ведущая концерта Светлана Моргунова, перепутав очередность песен, объявила «Приезжай на Самолор», которую Лещенко знал не лучше «Песни о Ленине». Начался новый кошмар, который усугубился от того, что Силантьев с перепугу задал оркестру бешеный темп. Лещенко пришлось импровизировать в два раза быстрее прежнего выступления. Как вспоминает сам певец, он до сих пор не понимает, как они с оркестром выпутались из той безумной ситуации. Вероятно, свою роль сыграл опыт работы на автопилоте.

Две следующие песни Лещенко исполнил на должном уровне, поскольку тексты знал хорошо. Затем, откланявшись, деревянным шагом ушел за кулисы. И там произошел срыв. Сначала у певца отнялась правая рука, следом онемела правая половина лица. Понимая, что «дело швах» — в таком состоянии до своего дома в Чертанове он один не доберется, Лещенко тут же позвонил своему родственнику и попросил срочно приехать на машине к Дому союзов. Тот примчался буквально спустя несколько минут, однако добирались до места назначения они больше часа, поскольку Лещенко в дороге стало плохо.

Недоброжелатели Лещенко не пытались «раздуть» вселенский скандал, и карьера молодого певца на этом не завершилась. Сам же Лещенко с тех пор дал себе зарок: никогда не выходить на сцену с «сырым» материалом, не подготавливаясь к концерту досконально.

24 октября Борис Бабочкин записал в своем дневнике следующие строчки: «Пришла уже старость, и она оказалась не такой уж страшной, как казалось раньше. Во-первых, у ста-

рости оказалось одно преимущество — прошел страх смерти. Я помню, что в молодости ужас перед возможной, неизбежной смертью в некоторые моменты совершенно подавлял меня. Я вдруг начинал точно понимать, что это произойдет со мной, именно со мной, и мне становилось так страшно, что я не знал, что делать, куда бежать, кинуться, скрыться. Сейчас это чувство страха ушло от меня совершенно. Я уже столько раз, в сущности, был «там»...

Вторая неожиданность — конец потребностей в физических наслаждениях — не так уж огорчает. Это — как бросить курить. Конечно, иногда покурил бы, но раз нет — так нет. Это не мучает.

Больше заставляет задумываться второе: как это так — к старости остаться без друзей. Я одинок. Мои друзья умерли или превратились во врагов. Раньше считалось, что с Царевым мы друзья. И это продолжалось много лет...

Сейчас нет у меня злее врага, чем он. И чем лучше его дела, чем выше его положение (а куда уж выше) — тем больше его зависть. И мне его ненависть и зависть хоть и очень опасна, но она доставляет мне и какое-то удовольствие: значит, все-таки я не мерзавец и, значит, есть все-таки чему завидовать...»

В те же дни в «Комсомольской правде» появилась небольшая заметка, которую сопровождала фотография: женщина ведет по улице льва. Льва звали Кингом, более года назад он был забран в бакинском зоопарке и подлежал усыплению, но семья Берберовых вызвалась вылечить его и поставить на ноги. Эксперимент удался — Кинг действительно выздоровел и к моменту появления упомянутой заметки весил уже 120 килограммов. Несколько дней назад он отправился в Ленинград, чтобы принять участие в съемках художественного фильма. Это будет не последняя работа знаменитого льва в кино — в последующем он снимется еще в нескольких картинах, в том числе и у мэтра отечественной кинематографии Эльдара Рязанова. А потом произойдет леденящая душу история: Кинг нападет на человека, а молодой лейтенант милиции Александр Гуров (в будущем — известный борец с мафией) застрелит его из табельного пистолета. Но про этот случай читатель обязательно узнает в моем дальнейшем повествовании. А пока вернемся в октябрь 71-го.

В воскресенье, 24 октября, исполнилось 60 лет великому сатирику Аркадию Райкину. Однако свой юбилей артист встречал в невеселом расположении духа. В последнее время он стал получать из зрительного зала мерзкие записки типа: «Жид Райкин, убирайся из русского Питера!» — или еще похлеще — такие, в которых вновь вспоминались грязные сплетни о том, что он якобы переправил в Израиль, в гробу с телом своей матери (!), бриллианты. По словам Л. Сидоровского, в те юбилейные дни посетившего Райкина в его квартире на Кировском проспекте, артист выглядел подавленным. В глазах была какая-то беспредельная тоска, даже — слезы. Юбилей отметили скромно. А спустя месяц, как бы вдогонку, власти наградят великого сатирика орденом Трудового Красного Знамени. Тогда же состоится и торжественное чествование юбиляра, причем помещение найдут с большим трудом: городские власти будут всячески препятствовать проведению праздника. В итоге удастся отвоевать скромный зальчик в одном из домов культуры.

25 октября в Большом театре состоялась первая постановочная репетиция нового балета «Анна» по Л. Толстому. В главной роли — Майя Плисецкая. Репетиции проходили в третьем зале, на них присутствовали только два человека — балерина и пианистка Ирина Зайцева. Первая проба — сольная мазурка Анны на московском балу. Мазурку поставить несложно, но эта мазурка Анны Карениной! Поэтому репетиция проходила мучительно, Плисецкая терзала себя и пианистку, отбирая подходящие варианты.

В этот же день знаменитый советский разведчик Вильям Фишер, больше известный как Рудольф Абель, лег на обследование в Институт онкологии. Он мог выбрать для лечения и ведомственный, кагэбэшный, госпиталь, но предпочел гражданский, поскольку не хотел зависеть от своих бывших коллег, которые обошлись с ним не слишком деликатно — отправили на пенсию. Произошло это летом, перед самым отпуском Абеля. Он зашел в отдел кадров, и кадровичка, мило улыбаясь, огорошила его новостью:

— Зачем же в отпуск, Вильям Генрихович? Мы оформляем ваш уход на пенсию. Вот тогда и отдыхайте внасласть.

Как пишет К. Хенкин: «Так Вильям Генрихович Фишер, легендарный «полковник Абель», узнал от секретарши, что его работа в советской разведке закончилась. Никто из непосредственного начальства ему, разумеется, ни слова об этом заранее не сказал. Зачем зря волновать человека?»

Шестьдесят восемь лет вполне, конечно, пенсионный возраст. Не говоря о стаже. Если сосчитать по особому зачету фронтовые, zahraniчные и годы, проведенные в американской тюрьме (как известно, Абель сидел там в 1957—1961 годах, после чего его обменяли на летчика Пауэрса. — Ф. Р.), стаж Вилли Фишера почти сравнялся с его возрастом, так что при желании можно было считать выход на пенсию заслуженным отдыхом. Но Вилли ощутил увольнение как незаслуженную обиду. Он надеялся, что особенность выполненной им в Америке миссии обеспечит и особое к нему отношение дома.

Да, работы у Вилли в последнее время было мало. Он разъезжал по Союзу с докладами, выступая в главных школах КГБ, в областных управлениях. Привозил из поездок подарки (вроде вырезанных Джеральдом Бруком шахмат, топориков с инкрустациями, всякую чепуху). В общем, снимал плоды закатного периода карьеры «полковника Абеля».

25 октября правительственный самолет приземлился в парижском аэропорту Орли. Начался официальный визит Брежнева во Францию, который продлится до 30 октября. Тогда же с генсеком встретится супруга Владимира Высоцкого известная французская актриса и член французской компартии Марина Влади. Вот как она описывает эту аудиенцию:

«Октябрьское утро семьдесят первого года. Я жду с сестрами в холле парижской клиники. Маме, которой я дорожу больше всего на свете, удалили раковую опухоль. Она не хотела нас беспокоить, и за несколько лет болезнь прочно обосновалась в ней. Мы знаем, что у нашей сестры Одиль тот же диагноз. Мы подавлены. Хирурги пока ничего не говорят. Я жду до последнего момента. Я вижу, как после операции маму провозят на каталке.

В такси я стараюсь успокоить свое перегруженное сердце. Я причёсываюсь, пудрюсь — я еду на встречу активистов общества дружбы «Франция—СССР» с Леонидом Брежневым.

Актерская дисциплина снова выручает меня. Я приезжаю в посольство СССР как ни в чем не бывало, готовая к рандеву, важность которого я предчувствую. Мы ждем в салоне, все немного скованны, потом нас впускают в зал, где стулья стоят напротив письменного стола. Входит Брежнев, нам делают знак садиться. Нас пятнадцать человек, мужчин и женщин всех политических взглядов — голлисты, коммунисты, профсоюзные деятели, дипломаты, военные, писатели — все люди доброй воли, которым дорога идея взаимопонимания между нашими странами.

Мы слушаем традиционную речь. Брежнев держится свободно, шутит, роется в портсигаре, но ничего оттуда не достает, сообщает нам, что ему нельзя больше курить, и долго рассказывает об истории дружбы между нашими народами. Ролан Леруа мне шепчет: «Смотри, как он поворачивается к тебе, как только речь заходит о причинах этой дружбы...» Действительно, я замечаю понимающие взгляды Брежнева. Я знаю, что ему известно все о нашей с тобой (имеется в виду Высоцкий. — Ф. Р.) жеманности. Когда немного позже мы пьем шампанское, он подходит ко мне и объясняет, что водка — это другое дело, что ее нужно пить сначала пятьдесят граммов, потом сто и потом, если выдержишь, — сто пятьдесят, тогда хорошо себя чувствуешь. Я отвечаю, что мне это кажется много. «Тогда нужно пить чай», — заключает он, и я получаю в память об этой встрече электрический самовар, к которому все-таки приложены две бутылки «Старки» (была такая популярная водка. — Ф. Р.).

Прежде чем уйти, мы фотографируемся: группа французов вокруг советского главы. Этот снимок сделал гораздо больше, чем все наши хлопоты, знакомства и мои компромиссы, вместе взятые. Чтобы понять настоящую цену этой фотографии, мне было достаточно увидеть по возвращении в Москву неумную гордость, внезапно охватившую твоих родителей, которые демонстрировали вырезку из газеты кому только возможно.

Вечером я в отчаянии возвращаюсь домой. Мама — моя подруга, мой единственный стержень в этой жизни — при смерти. Я понимаю, как неуместна вся эта комедия, сыгранная во имя некоторого туманного будущего, по сравнению с неизбежностью предстоящей утраты...»

В тот же день в Москве скончался один из создателей советского «ядерного щита», дважды Герой Советского Союза академик Михаил Янгель. Почти всю свою сознательную жизнь покойный посвятил самолето-ракетостроению. В конце 50-х его «фирма», расположенная в Днепропетровске, создала межконтинентальную баллистическую ракету «Р-12», успешные испытания которой укрепили позиции сторонников создания ракет на высококипящих компонентах топлива, с автономной системой управления. Это тогда Хрущев заявил, что «у нас производство ракет поставлено на конвейер, на одном заводе (имелась в виду «фирма» Янгеля) ракеты выходят, как сосиски из автоматов».

Однако в начале 60-х объединение Янгеля из чисто ракетного преобразовали в ракетно-космическое, и оно стало конкурентом «фирмы» Сергея Королева. Первые спутники «ДС-1» и «ДС-2» у Янгеля собирали... в полуподвальном помещении, за глаза именуемом «ямой». Но уже через год был получен блестящий результат — выведен на орбиту первый спутник «Космос». В то же время «янгелевцы» работали и на «оборонку»: в 60-е ими была создана самая мощная боевая ракета в мире Р-36 (СС-9). Впереди у Янгеля были новые задумки, но они осуществились уже без его участия: в день своего 60-летия академик скончался. Из некролога, опубликованного в газетах, весь мир наконец узнал имя человека, который создал советский «ядерный щит».

26 октября на 64-м году жизни скончался кинорежиссер Михаил Шапиро. Многие читатели наверняка впервые слышат эту фамилию, что вполне объяснимо. Кино любят все, а вот создателей любимых картин знают почему-то единицы. Между тем Шапиро был соавтором (вместе с Надеждой Кошеверовой) нетленного хита «Золушка» (1947) с восхитительной Яниной Жеймо в главной роли. Кроме этого, Шапиро снял фильмы «Искатели» (1957), «Каин XVIII» (1967), а также первый советский широкоформатный фильм-оперу со стереофоническим звучанием «Катерина Измайлова» (1967) и др.

В те же дни «костлявая» уже ходила по пятам другого известного кинорежиссера — Михаила Ромма. 27 октября, после долгого перерыва, вызванного болезнью, Ромм приехал на

«Мосфильм», где работал над последней своей картиной «Великая трагедия» (общее название цикла — «Мир сегодня») о событиях в Китае. Мы помним, с какими муками шла работа над ним, как долго Ромму не давали «добро» на ее запуск, и как вся эта свистопляска сильно подорвала здоровье режиссера. В сентябре ему предложили лечь в больницу, но он отказался, мотивируя это тем, что не имеет права бросать свою съемочную группу в такой ответственный момент (они только-только приступили к монтажу фильма). Его плохое самочувствие внешне не было заметно, особенно для посторонних. Ромм никогда не жаловался, энергично работал. Лишь однажды в присутствии коллег он сказал: «Ходит старая с косою где-то за спиной, рядом». Затем помолчал и уже энергично добавил: «Мне нужно еще 10 лет». У Ромма было много замыслов: экранизация пьесы А. Володина, телевизионный вариант «Обыкновенного фашизма», книга по режиссуре, наконец — завершение работы над «Миром сегодня».

Вспоминает В. Балдин: «Отчетливо помню день 27 октября. Минута за минутой. После долгого отсутствия из-за болезни Ромм приезжает на студию. Мы вновь, в который раз, смотрим весь накопленный по картине материал. Михаил Ильич говорит, что все это не то и нужно обсудить, что делать дальше. Вся группа расположилась в его кабинете вдоль стен, увешанных большими фотографиями. Видно, что Ромма что-то беспокоит, но он не хочет показывать. Я сижу в стороне, стараюсь снимать, как всегда, незаметно. Снимаю больше, чем когда-либо. Может быть, сработало то, что называется интуицией. Но я чувствую, что надо снимать. Откладывать нельзя.

Ромм шутит, смеется, советуется, недоумевает, ходит и курит, курит, курит. А я ловлю в объектив каждое его состояние, пока вдруг не кончается пленка. Вот последний кадр. Уже уходя, около двери, Михаил Ильич говорит что-то операторам Г. Лаврову и О. Згуриди. Они внимательно слушают, опустив голову.

Это была последняя встреча группы с Роммом...»

В этот же день в Москве завершился шахматный матч между Тиграном Петросяном и Робертом Фишером. Со счетом 6,5:2,5 победил Фишер, тем самым завоевав право бросить пер-

чатку чемпиону мира Борису Спасскому. Оценивая результаты этой игры, В. Хенкин писал:

«Матч с Петросяном показал не только большую практическую силу Фишера, но и завидную психологическую устойчивость 28-летнего гроссмейстера. Начало поединка сложилось для него не слишком благоприятно. Привычного «блицкрига» не получилось. Петросян сумел удержать равновесие в первых пяти партиях, а в чисто шахматном плане имел даже определенный игровой перевес.

Многие специалисты полагали, что Фишер, столкнувшись со столь яростным сопротивлением, потеряет веру в свою «непогрешимость» и начнет играть нервно и азартно. Этого, однако, не случилось. Американский гроссмейстер не изменил своей активно-позиционной манере игры. Он терпеливо дождался своего часа.

Вторая половина матча началась мощным наступлением американского гроссмейстера. Почувствовав неуверенность соперника, он заиграл свободней и раскованней...»

И еще одно крупное спортивное событие произошло в этот день. Сборная Советского Союза по футболу в далекой испанской Севилье играла очередной матч отборочного цикла чемпионата Европы с командой Испании. Табло зафиксировало сухой счет — 0:0, что для нашей сборной, игравшей в гостях, явилось несомненным успехом. Это была последняя официальная игра советской сборной в 1971 году. В целом сезон для команды сложился очень даже неплохо. Она не проиграла ни один из одиннадцати матчей и удачно завершила отборочный цикл чемпионата Европы. Не случайно по результатам выступлений в 1971 году наша сборная в ежегодной классификации еженедельника «Франс футбол» разделила 1—2-е места со сборной Англии.

29 октября Советский Союз навсегда оставил знаменитый оперный тенор Михаил Александрович. Это событие знаменательно тем, что «отъезжант» стал одним из первых именитых деятелей советского искусства (он был заслуженным артистом РСФСР, лауреатом многих конкурсов), кто покинул страну. Мысль уехать из Советского Союза пришла к Александровичу год назад, но сделать это быстро не удалось — против были все ведомства, занимающиеся эмиграцией. Артиста неоднократно вызывали в высокие инстанции, где пытались его отговорить: так, замминистра внутренних

дел Борис Шумилин больше часа продержал Александровича в своем кабинете. Однако безуспешно: в конце концов бумаги оперного тенора легли на стол премьер-министра Алексея Косыгина, который после некоторых раздумий их подписал. Спустя несколько дней после этого Александрович вместе с женой, братьями и матерью эмигрировал в Израиль.

В субботу, 30 октября, один из членов съемочной группы фильма «Великая трагедия» С. Линков навестил Михаила Ромма у него дома. Группе наконец предстояла экспедиция, а Ромм должен был ложиться в больницу (его все-таки уговорили это сделать), поэтому предстояло утрясти некоторые детали поездки. Беседа продолжалась более часа, после чего Михаил Ильич сел за стол и написал список уже смонтированных эпизодов, причем в той последовательности, как они стояли в монтаже. Затем они расстались. Линков тогда даже не мог предположить, что видит Ромма в живых последний раз.

В заключении главы, как обычно, расскажем о столичной афише досуга. В кинотеатрах состоялось несколько премьер: 24—25 октября на радость московской детворе в «Мире» крутили новый фильм с участием «Главного индейца Советского Союза» Гойко Митича — «Оцеола» (в широком прокате картина появится чуть позже). 25-го на широкий экран вышли сразу два фильма: «Полонез Огинского» режиссера Л. Голуба с участием И. Цуккера, Г. Юхтина и др., и «Минута молчания» И. Шатрова, в главной роли — Саша Кавалеров (знаменитый Мамочка из «Республики ШКИД»). Кстати, в этом фильме в его исполнении состоялась премьера песни «За того парня» («Я сегодня до зари встану...»), которая вскоре станет «визитной карточкой» Льва Лещенко.

Из театральных премьер назову следующие: 26-го в Ленкоме шел спектакль «Вечером, после работы» (комедия о молодых рабочих) с участием Н. Гошевой, Е. Фадеевой, З. Кузнецовой и др.; 27-го в Театре имени Вахтангова — «Выбор» по пьесе А. Арбузова с участием: Ю. Яковлева, Г. Абрикосова, В. Зозулина, Л. Максаковой, В. Шалевича и др.

Не пустовали и эстрадные площадки. 22—23 октября в Московском окружном доме офицеров выступал ВИА «Самоцветы» под управлением Юрия Маликова, а 24-го в клубе Военной академии имени Фрунзе — Виктор Кохно (это он в начале 60-х пел дуэтом с Иосифом Кобзоном).

Из новинок «Мелодии» выделю твердый миньон «Поет ВИА «Голубые гитары» с песнями: «О чем плачут гитары» (М. Долган — русский текст Д. Иванова), «Весеннее настроение» (И. Гранов), «Я тебе пригожусь» (И. Гранов — Л. Дербенев), «Добрый молодец» (С. Туликов — М. Пляцковский).

Телевизионная программа второй половины октября выглядела следующим образом. Демонстрировались фильмы: «Два Федора» (18-го), «Повесть о латышском стрелке» (21-го), «Дети Дон Кихота» (22-го), «Вас вызывает Таймыр» (23-го), «Графиня Коссель» (Польша, премьера на ТВ 23—24-го), «Где ты теперь, Максим?» (26-го), «Нормандия—Неман», «Тревожная молодость» (29-го) и др.

Другие передачи: «Поет Александра Стрельченко» (17-го), «Встреча с Тамарой Ханум» (знаменитая певица, танцовщица, в 1941—1969 году была руководительницей организованно ею песенно-танцевального ансамбля Узбекской филармонии) (18-го), «Концерт Арно Бабаджаняна», «Ираклий Андроников рассказывает» (23-го), «Артлото» (29-го) и др.

1971 Н о я б р ь

Смерть Михаила Ромма. Госкино против «Проверки на дорогах». Нападение на егерей в лимане Золотой. Погоня в Кинешме. Тревога Андрея Тарковского. Иосиф Кобзон женился. Посиделки у Зорина. В «Машину времени» приходит новый бас-гитарист — Александр Кутиков. Бандиты Америки. Наталья Белохвостикова — Владимир Наумов; начало романа. Дебют Ирины Понаровской в ВИА «Поющие гитары». Почему Юрия Никулина не хотели пускать в ресторан. Как Марк Донской вырубил свет в белградской гостинице. Театр на Таганке не пустили на торжество. Умер разведчик Рудольф Абель. Заговор против ташкентского «Пахтакора». Неудачи советских футбольных клубов в Европе. Владимир Высоцкий в роли свидетеля на свадьбе. Алла Пугачева в ВИА «Москвичи». «Солярис»: «постельная» сцена. Как Нонна Мордюкова «похоронила» своего сына. Появление передачи «Песня года». Как певица Мария Пахоменко едва не стала жертвой маньяка. Ролан Быков утвержден на роль Пушкина. «Наезд» на домино. Борис Бабочкин об Александре Солженицыне. Дмитрий Шостакович в санатории Барвиха. Как помирились Александр Чаковский и Георгий Жуков. Премьера сезона: «Гамлет» в Театре на Таганке. Андрей Миронов женился. Юбилей великого клоуна Карандаша.

Утром в понедельник, 1 ноября, Михаил Ромм встал пораньше — через три дня он должен был лечь в больницу, а ему требовалось составить четкий план работы съемочной группы на время своего отсутствия, уточнить программу съемок в Союзе и за рубежом, дать наставления по ВГИКу, где он преподавал. В разгар работы в его кабинет зашла жена. Далее послушаем воспоминания дочери режиссера, Натальи Кузьминой:

«В комнату вошла мама (жена Ромма, актриса Елена Кузьмина. — Ф. Р.).

— Роммочка, померь белье. Я тебе для больницы купила. Все-таки неудобно в старье.
— Лешенька, потом...

В первое мгновение мама даже обиделась — настолько это «потом» было не «роммовским».

И вдруг!

— Лешенька, помоги мне лечь.

— ?!

Неловко обнявшись, они сделали вместе два шага, отделявших письменный стол от кровати.

Ромм лег, не успев снять руки с маминых плеч.

Жить ему оставалось меньше секунды...

...И начали приходить люди, не знавшие ничего, назначенные Роммом к определенному часу. Пришел озабоченный Герман Лавров — ему предстояло ехать в Японию; пришел консультант фильма Эрнст Генри, принес запись обсуждения с Роммом материала картины, состоявшегося два дня назад — 29 октября; пришла Ирина Александровна Жигалко, издерганная вгиковцами.

А во дворе все еще стояли три реанимационные машины, которые уже ничем не могли помочь. И продолжали идти люди...

Мама больше никогда не вошла в кабинет Ромма. А я через какое-то время переступила страшную черту.

В кабинете все оставалось так же, как было в тот день: сбившаяся постель, над письменным столом портрет совсем молодой мамы (кадр из фильма «Человек №217»), только глаза у мамы, казалось, погасли. На письменном

столе — неоконченный пасьянс и раскиданные яркие карточки — макет будущего фильма. Пепельница, полная окурков сигарет «Ява». Слева и справа по краям стола — кипы журналов, самых разных журналов, на самых разных языках. Огромные и маленькие, красочные и черно-белые, серьезные и «развлекательные» или просто рекламные. И бесконечные закладки с пометками рукой Ромма. Тут же подборка последних лет журналов «Новое время» и «Курьер ЮНЕСКО», книги по Китаю.

— А вот «Playboy» я спрятал от вас подальше, — еще совсем недавно, посмеиваясь, говорил Ромм.

И действительно, «Playboy» я так никогда и не нашла. Уж куда он его задевал — не знаю. Скорее всего унес из дома, ведь двенадцатилетний Мишка, внук, все время вертелся в кабинете.

Я никогда не забуду этот осиротевший стол, записки и записочки, памятки себе и нам, списки неотложных дел, телефонов и людей, которым надо «срочно позвонить» или «связаться». Тут же ходатайство на студию за Володю Меньшова, датированное 31.X.71 года, разбор неоконченной шахматной партии Фишер — Петросян, рисуночки смешных человечков, кого-то очень напоминающих.

И совсем отдельно — аккуратная стопка бумаг, исписанных четким роммовским почерком. Похоже на план или тезисы статьи. Они тогда потрясли меня. Хочу привести хотя бы отдельные выдержки:

«...Чрезвычайно важно отметить появление весьма широкого слоя лиц, по существу, переродившихся в результате накопления огромных капиталов.

Этот слой состоит из:

а) лиц, наживающихся за счет частной торговли;

б) за счет спекуляции, хищений, незаконных ухищрений в торговле;

в) из наиболее высокооплачиваемой части государственного и партийного аппарата, работников науки и искусства.

...Мы видим сейчас опасную тенденцию попыток возрождения в ряде звеньев нашего общества прежних воззрений сталинской эпохи, губительных для советской науки, для всей советской культуры.

...Система планирования дает уродливые образчики, так же как выполнение плана по металлу, хлебу, нефти и т. п. ничего не говорит о действительном положении страны.

...Средний советский служащий, технический работник, учитель, врач, средний инженер, рабочий в рядовых отраслях промышленности еле сводят концы с концами.

...Гонения в сталинские времена на Андрея Платонова, М. Зощенко, Анну Ахматову имеют прямое продолжение в истории Б. Пастернака и А. Солженицына.

...Вместо абзацев о Солженицыне, арестованных писателях, психбольницах (во всяком случае, не в этой форме, это только взбесит) написать о резком отставании искусства (во всяком случае, кино, живописи, литературы) в результате заметного поощрения и выдвижения догматической, по существу сталинской тенденции...»

У молодого режиссера с «Ленфильма» Алексея Германа последние несколько месяцев выдались жутко нервными. В июле он закончил работу над картиной «Операция «С Новым годом» («Проверка на дорогах»), однако высокому начальству фильм категорически не понравился. Суть претензий ясно была выражена в заключении, которое подписали 1 ноября главред сценарно-редакционной коллегии И. Кокорева и ее коллега В. Шербина. Приведу несколько отрывков из этого документа:

«В фильме искажен образ героического времени, образ советского народа. На задний план фильма отступила главная его тема — тема героической борьбы с оккупантами, тема важной партизанской операции. Вместо этого ведущей темой произведения стала тема человеческого бессилия перед лицом жестоких обстоятельств войны, тема трагических случайностей, управляющих человеческими судьбами.

В центре художественного повествования в фильме оказался образ человека, однажды предавшего свой народ. Его страдания, его положение человека, оказавшегося жертвой происходящих событий, всячески акцентируются и исследуются авторами.

Главное управление считает ошибочной оценку картины, данную в заключении киностудии «Ленфильм» (документ от 26 сентября), и не считает возможным принять фильм в том виде, как его представляет студия».

А теперь перенесемся в Краснодарский край, в окрестности городка Приморск-Ахтарска. Тамошные места издавна славились разной ценной дичью, в частности ондатрой, на которую регулярно покушались многочисленные браконьеры. Среди них особенно выделялся Николай Московченко. Как только с ним не боролись тамошные егеря! И штрафовали, и оружие отбирали, а Московченко упорно продолжал заниматься преступным промыслом.

1 ноября в компании со своим дружкой Строевым браконьер отправился в очередную незаконную экспедицию. От хутора Пригибского он взял курс к Золотому лиману в Азовском море, где ондатры было очень много. Расставив капканы, «промысловики» стали ждать, когда в них попадет ценный зверь. Но спустя несколько минут вдаль показалась лодка. На ее борту находилось два егеря: Алексей Ерохин и его стажер, 20-летний студент Виктор Волошин. Второй браконьер счел за благо не играть с судьбой и на своей лодке пустился в бега. А Московченко остался. Намерения у него были самые злодейские.

Когда лодка с егерями приблизилась, Ерохин потребовал предъявить документы. Московченко изобразил на лице улыбку, показывая, что не имеет за душой ничего худого. Он нагнулся к бортику, якобы за сумкой, а там на самом деле лежало заряженное ружье. Все, что произошло дальше, заняло всего лишь несколько секунд. Схватив оружие, браконьер выстрелил в егеря Волошина. Причем он стрелял наверняка: пуля угодила парню точно в сердце. Второй выстрел последовал в Ерохина. Но тот успел отклониться в сторону, и заряд, хоть и угодил прямо в грудь, пробив легкое, не стал смертельным. Однако Московченко посчитал, что оба противника убиты, и поспешил скрыться с места преступления.

Но Ерохин был жив. Истекая кровью, он повел свою лодку к берегу. К счастью, помощь к егерю пришла еще до того, как он успел потерять сознание. Буквально на следующий день убийцу задержали. Вскоре состоится суд, который вынесет Московченко самое суровое наказание — расстрел. Его напарник отделается 5 годами колонии.

2 ноября в городе Кинешме Ивановской области случилось ЧП. Виновниками его явились двое молодых людей, один из которых

был ранее судим. Именно бывший зэк и стал инициатором преступления. Вместе с дружкой, «приняв на грудь» энное количество спирта, они угнали на улице два автомобиля «ГАЗ-51». Угнали просто так, чтобы доказать друг другу, кто из них «круче». На этих «газиках» они устроили бешеные гонки по улицам города, из-за чего несколько прохожих едва не погибли. Когда «лихачи» промчались на предельной скорости мимо поста ГАИ, за ними была устроена погоня. Старший сержант милиции Семен Новиков через мегафон обратился к нарушителям с требованием немедленно остановиться, на что те ответили... пронзительными гудками. Затем один из угонщиков высунулся из кабины и показал милиционерам комбинацию из трех пальцев, что ясно указывало на то, что добровольно никто не остановится. Следовало принимать срочные меры, поскольку каждая лишняя секунда бешеной погони могла плохо закончиться для случайных прохожих. А сделать можно было только одно...

Когда автомобиль с милиционерами сблизился с одним из «газиков», Новиков открыл дверцу и запрыгнул на подножку грузовика. Увидев этот маневр, угонщик распахнул дверцу, пытаясь сбить вниз стража порядка. Но Новиков сместился в сторону и избежал падения. Держась за распахнутую дверь, он попытался влезть в кабину. После стремительной борьбы Новиков запрыгнул в кабину и утопил педали тормоза. «Газик» остановился. Чуть позже был задержан и второй нарушитель. Спустя полгода указом ВС СССР храброго сержанта милиции наградят медалью «За отвагу».

В те ноябрьские дни кинорежиссер Андрей Тарковский заканчивал работу над фильмом «Солярис». Казалось бы, надо бы только радоваться, но на душе у Тарковского не менее тревожно, чем у Алексея Германа. 3 ноября он записывает в дневник следующие строчки: «Я очень боюсь, что с «Солярисом» у меня будет столько же неприятностей, сколько с «Рублевым». Ужасно, что будет то же самое... Почему Сизов (директор «Мосфильма». — Ф. Р.) окружает себя такой дрянью?.. Ходят слухи, что Романова (руководитель Комитета по кинематографии. — Ф. Р.) скоро выведут на пенсию...»

В этот же день в Ленинграде женился Иосиф Кобзон. Как мы помним, со своей невестой Нелли он познакомился в начале апреля в Мо-

скве на квартире артиста Эмиля Радова. Ухаживания знаменитого певца длились семь месяцев и завершились пышной свадьбой со множеством приглашенных. А первую брачную ночь молодожены провели не у себя дома, а у близких друзей — Ивана и Мадлены Соотчан, поскольку на следующий день замуж выходила сестра Кобзона. Вскоре молодожены отправились проводить медовый месяц в Прибалтику. Причем Кобзон еще успевал давать концерты.

3 ноября драматургу Леониду Зорину исполнилось 47 лет. Вот как об этом вспоминает сам драматург:

«За нашим столом былолюдно и шумно — собрались друзья. Приехали Алов и Наумов, за ними — Ульянов и Парфаньяк (актриса Алла Парфаньяк — жена Ульянова. — Ф. Р.) вместе с болгарским артистом Гецовым, потом — Козаков с молодой женой. Евгений Симонов (главный режиссер Театра имени Вахтангова. — Ф. Р.) привез мне папку с распределением ролей в отвоеванной «Театральной фантазии». Поздно ночью явился Олег Ефремов вместе с Ириной Мирошниченко. Кипели споры, кипели страсти, слова сшибались, точно клинки, внезапно комически обнажалась вся история отношений. Козаков возжелал от Ефремова цельности. Ефремов высказал жесткий счет Художественному академическому и представлявшей его — «органически» — с трудом себя сдерживавшей Мирошниченко (в эту минуту он снова был не руководителем МХАТа, а лидером юного «Современника»). Парфаньяк объясняла Евгению Симонову, что Театр Вахтангова может увянуть, если опустится до конформизма. Ульянов загадочно улыбался. Козаков потребовал от Стефана Гецова, чтобы болгарское искусство в конце концов обрело достоинство и отказалось повиноваться идеологии старшего брата. Гецов тревожно озирался и горестно разводил руками. Эта суматошная ночь не потеряла своей энергии и пламени даже с приходом поздней зари. В шестом часу началось прощание, но разошлись в половине восьмого...»

И еще одно знаменательное событие выпало на ту среду, 3 ноября: рок-группа «Машина времени» дала концерт в Москве с новым бас-гитаристом Александром Кутиковым. До этого на «басу» долгое время играл другой музыкант — Игорь Мазаев, но его той осенью при-

звали в армию, и место стало вакантным. Кутикова же в группу привел Сергей Кавагоэ: они тогда вместе работали на одном и том же предприятии — в Государственном доме радиовещания и звукозаписи.

4 ноября в газете «Вечерняя Москва» была опубликована заметка Б. Светлова под многозначительным названием «Когда пустеют тротуары...». Речь в ней шла о преступности в США. Приведу лишь небольшой отрывок из заметки:

«За последнее десятилетие преступность в Соединенных Штатах утроилась. Только в минувшем году было совершено 5,6 миллиона серьезных преступлений, т. е. количество их возросло на 11 процентов по сравнению с 1969 годом. Раскрывается же полицией в среднем лишь каждое пятое преступление. По данным американской печати, с начала столетия от рук преступников погибло свыше 800 тысяч человек, т. е. на 250 тысяч больше, чем США потеряли во всех войнах, в которых они участвовали со времен Гражданской войны».

Да, что было, то было: в Америке тогда преступность, что называется, «зашкаливала» (пик ее придется на 1973—1974 годы). В Советском Союзе ситуация оставалась гораздо спокойнее. Во всяком случае, в Москве тротуары не пустели даже ночью. Я помню, как мы с друзьями (а нам в ту пору было по 8—9 лет) уезжали на край Москвы (куда-нибудь в Медведково), чтобы в каком-нибудь тамошнем кинотеатре посмотреть давно прошедший по экранам, но не увиденный вовремя фильм. И не боялись ни маньяков, ни бандитов. Единственную опасность для нас представляла местная шпана, которая могла позариться на нашу «мелочь». А сейчас редкие родители позволяют своему чаду отъехать так далеко от дома. Так что по этой части мы с Америкой сравнялись, а кое в чем и вовсе ее обогнали.

Но вернемся к событиям ноября 71-го.

В пятницу, 5 ноября, в Москве был официально открыт Государственный концертный зал «Россия». На тот момент это был один из крупнейших концертных залов в мире, насчитывающий 2500 посадочных мест.

На следующий день из Москвы в Белград, для участия в Неделе советского фильма, приуроченного к 54-й годовщине Великого Октября, отбыла советская делегация. Актерский цех в нем представляла восходящая звезда отечест-

венного кинематографа Наталья Белохвостикова (она везла на Неделю свой дебютный фильм «У озера»). Возглавлял делегацию Владимир Наумов (первоначально вместо него должен был лететь другой режиссер, но он внезапно заболел, и послали Наумова с его фильмом «Бег»). Прибыл в Белград Марк Донской с женой Ириной.

Никто тогда не мог и предположить, что эта поездка станет поворотной в судьбе Наумова и Белохвостиковой: тогда между ними завяжутся романтические отношения, которые в итоге приведут их под венец.

Как гласит легенда, Наумов знал Белохвостикову чуть ли не с подросткового возраста: еще в первой половине 60-х он приехал в Швецию на Неделю советского фильма и встретился там с советским послом и его дочерью Наташей. Однако затем они практически ни разу не встречались, что было вполне объяснимо: Наумов работал на «Мосфильме», а Белохвостикова проходила по штату Киностудии имени Горького.

Во время полета в Югославию маститый режиссер не произвел на Белохвостикову сильного впечатления, даже наоборот — насторожил. Он всю дорогу вертел в руках сигареты — одну за другой мял их, нюхал, ломал. Она еще тогда подумала: ну, странный персонаж, гений с причудой! Между тем такое поведение Наумова объяснялось просто: накануне отлета он бросил курить, хотя до этого дымил аж с 14 лет! Завязать с вредной привычкой ему помог приятель-врач, занимавшийся гипнозом: дома уложил режиссера на кровать и стал говорить всякие банальности типа того что «курить» — здоровью вредить». Как вспоминает сам Наумов, его тогда это здорово веселило, но когда после сеанса он попробовал закурить — тут же выбросил сигарету в окно. Вот и в самолете воздействие гипноза продолжалось: Наумов вроде бы хотел закурить, но стоило ему достать сигарету, как тут же к горлу подступала тошнота.

Через несколько часов самолет с советской делегацией благополучно приземлился в аэропорту Белграда. Гостей встретили представители югославского Госкино и повезли в гостиницу. Пока ехали через весь город, кинематографистов поразил тот факт, что в городе не было даже намека на то, что завтра наступит празд-

ник Великого Октября. Объяснялось же все достаточно просто. Югославия хотя и считалась социалистической страной, однако всегда старалась дистанцироваться от Советского Союза и других стран соцлагеря. Поэтому революционный праздник в Югославии, конечно, отмечался, но без всякой помпы.

А теперь на время покинем Белград и вернемся обратно в Советский Союз, а точнее — в Ленинград. Там 6 ноября состоялся дебют 18-летней певицы Ирины Понаровской в составе популярного ленинградского ВИА «Поющие гитары» (этот коллектив принято считать родоначальником всех вокально-инструментальных ансамблей в нашей стране; он появился на свет еще в 1966 году благодаря стараниям Анатолия Васильева). Понаровская тогда только что поступила на фортепианный факультет (вечернее отделение) Ленинградской консерватории, но постоянной работы не имела. Тогда на помощь пришел ее отец — известный джазовый музыкант Виталий Борисович Понаровский, который хорошо знал Васильева. Он и уговорил его послушать свою дочь. Васильев послушал и остался доволен. Ирине доверили две сольные песни: «Неприметная красота» и «Вода бывает горькая». Кроме этого, в балладе «Саласпилс» у нее была вокальная импровизация.

7 ноября в 10 утра в Москве состоялись парад и праздничная демонстрация, посвященные 54-й годовщине Октябрьской революции. Трансляция этого мероприятия по ЦТ длилась 2 часа 40 минут. Затем в «ящике» наступил относительный перерыв, который прервался ближе к пяти вечера, когда один за другим начали демонстрировать любимые народом фильмы и передачи: в 16.50 по 2-й программе показали «Деревенский детектив», в 18.30 по 1-й программе — детскую комедию «Внимание, черепаха!». В 21.00 началась трансляция «Праздничного вечера в Останкине», а 20 минут спустя по 4-й программе запустили популярную комедию «Свадьба в Малиновке». Учитывая, что «Свадьбу» в Советском Союзе посмотрели, наверное, почти все, надо думать, что ее рейтинг в тот вечер был ниже «Праздничного вечера».

10 ноября страна отметила еще один праздник — День милиции. Собственно, истинно народным его назвать нельзя. Люди с нетерпением ждали праздник по одной простой причине — обычно в эти дни программа телепередач была

весьма интересной. Не стал исключением и ноябрь 71-го: 9-го состоялась премьера 3-й серии («Дело №3») телесериала «Следствие ведут знатоки» («С поличным...»), а 10-го в течение двух с половиной часов транслировался праздничный концерт, в котором участвовали сплошь одни звезды.

В те же дни во Львове доснимала заключительные эпизоды съемочная группа фильма «Старики-разбойники» во главе с Эльдаром Рязановым. Вот как вспоминает одна из участниц картины — актриса Ольга Аросева:

«Голодные и усталые, мы пришли в нашу львовскую гостиницу, в ресторан, и хотели поужинать. Но не тут-то было! Ресторан был занят: праздновался День милиции. Рязанов, Андрей Миронов и я решили «выдвинуть» самого популярного из нас — Юрия Никулина — для переговоров со стражем порядка, охранявшим покой милиции. Бойко подойдя к нему, Никулин доверительно сказал: «Эти ребята со мной!» — «А ты кто такой? Мы твою пьяную рожу приметили, каждый день сюда ходишь!»

С трудом, после долгих переговоров, узнав актера, нас наконец впустили. А милиция обласкала, напоила, накормила... И вдруг один даже попросил съездить на машине к его маленькому сыну домой, иначе тот не поверит, что отец сидел за столом с самим Юрием Никулиным. Была уже поздняя ночь, когда мы приехали. Разбудили спавшего малыша, показали ему Никулина, отправились обратно. А чтобы мальчишка не подумал, что ему сон приснился, на следующий день во время телевизионного интервью Никулин сделал специальное отступление от темы: назвал мальчика по имени и с экрана подтвердил, что приезжал к нему в гости минувшей ночью...

В те дни во Львове часто шли дожди, а Рязанову позарез нужен был снежок, серенький зимний рассвет, в который уходят и там растворяются наши старики.

У нас имелся и ветродуй, и специальная пушка по имени Большая Берта, как у кайзера Вильгельма в Первую мировую войну. Но вот чего не было, так это снега. Рязанов и оператор пробовали разнообразными заменителями заряжать пушку манной крупой и выстреливали в воздух. Потом заряжали мелкими макаронами-звездочками и стреляли. Иллюзии не получилось.

В ожидании снега мы улетели на короткий срок в Москву...»

Продолжается пребывание советской кинематографической делегации в Белграде, где проходит Неделя советского фильма. Программа фестиваля весьма насыщенная: на второй день во Дворце молодежи была показана картина Владимира Наумова «Бег». 8 ноября с утра наши киношники гуляли по городу, при этом Владимир Наумов активно ухаживал за Натальей Белохвостиковой. В этом не было ничего предосудительного, поскольку режиссер на тот момент уже шесть лет ходил в холостяках (после развода с Эльзой Леждей). Однако Белохвостикова продолжала относиться к Наумову настороженно. Как мы помним, в самолете ее удивляли его манипуляции с сигаретами, а в Белграде прибавились новые наблюдения. У Марка Донского с собой был «мешочек со смехом» (нажмешь кнопочку, и эта штука вина начинает истерически хохотать), и они на пару с Наумовым разыгрывали белградцев: Донской внедрялся в толпу, нажимал на кнопочку в мешочке, и, когда раздавался смех, они с Наумовым как ни в чем не бывало с каменными лицами шествовали по улице, а толпа никак не могла понять, что происходит. Поэтому Белохвостикова в такие минуты предпочитала идти чуть в стороне от своих коллег-юмористов.

Тем не менее с каждым днем отношения между Наумовым и Белохвостиковой становились все теплее.

В один из вечеров в Белграде состоялась премьера картины «У озера», где Наталья играла одну из главных ролей. В эти же дни фильму была присуждена Государственная премия СССР. Это событие было решено отметить маленьким «сабантуем». Поскольку командированным за границу советским гражданам тогда давали суточных ровно столько, чтобы не умереть с голоду, члены делегации в Белграде вынуждены были из экономии устроить застолье не в ресторане, а в номере. Во время праздника вновь отличился Марк Донской. У него, кроме «мешочка со смехом», оказался с собой и огромный кипятильник, который мог вскипятить за минуту чуть ли не целую ванну. Так вот, когда режиссер его включил в розетку, во всей гостинице мгновенно вырубился свет. К счастью, электрики быстро исправили неполадку,

а Донскому его же коллеги посоветовали своим «чудо-кипятильником» больше не пользоваться. Неделя советского фильма в Белграде продлилась до 13 ноября.

Тем временем в Театре на Таганке продолжают репетиции «Гамлета». До премьеры остается чуть больше двух недель, а ситуация складывается критическая. Актеры, занятые в спектакле, настолько устали от постоянной нервотрепки, что начинают хандрить: опаздывают на репетиции, а то и вовсе на них не являются. Когда в начале ноября в больницу с отеком горла и потерей голоса на почве аллергии легла одна из главных героинь будущего спектакля — Гертруда (Алла Демидова), Любимов буквально взорвался: «Спектакли играть — у нее аллергия, а сниматься на холоде — у нее нет аллергии. Репетировать — у нее отек, а мотаться в Вену, в Киев, к Жоржу Сименону — у нее отека нет. Снимается, пишет, дает интервью, выступает по радио, телевидению, а в театре нет сил работать. Как это понять?»

Но на этом неприятности с «Гамлетом» не закончились. Вскоре после Демидовой оказалась в больнице Офелия — актриса Наталья Сайко. Любимов в пору было хоть в петлю лезть. Он метался, все чаще срывал свое зло на артистах. Золотухин в те дни записал в своем дневнике личные впечатления о шефе: «Он абсолютно нас не ценит. Мы ему не нужны. Этого не было раньше или было не в такой степени... У него нет влюбленности в своих артистов, а без этого ничего не получится...»

Еще одна неприятность обрушилась на актеров «Таганки» извне. Еще в начале ноября стало известно, что они будут участвовать в торжествах по случаю 50-летия Театра имени Вахтангова, которые были намечены на 13 ноября. В течение двух недель «таганковцы» репетировали приветствие, но вдруг министр культуры РСФСР Кузнецов запретил это выступление, причем без всяких объяснений. В кулуарах, правда, ходили слухи, что тут не обошлось без влияния столичных властей, давно «имевших зуб» на «Таганку». Все тот же В. Золотухин так прокомментировал это событие:

«Нам запретили приветствовать вахтанговцев... Не укладывается. Единственно, чем может гордиться Вахтанговский театр, что он фактически родил Таганку, ведь оттуда «Добрый человек из Сезуана», оттуда Любимов, 90% Та-

ганки — шукинцы. Позор на всю Европу. Наша опала продолжается. А мы готовились, сочиняли, репетировали. Даже были 9-го в Вахтанговском на репетиции. Слышали этот великий полив. Хором в 200 человек под оркестр они пели что-то про партию, а Лановой давал под Маяковского, и Миша Ульянов стоял шибко веселый в общем ряду. Будто бы сказал министр, что «там (на Таганке) есть артисты и не вахтанговцы, так что не обязательно им...». Неужели это так пройдет для нашего министра? Ну, то, что Симонов (Евгений Симонов — главреж Театра имени Вахтангова. — Ф. Р.) и компания покрыли себя позором и бесславием, так это ясно, и потомки наши им воздадут за это. От них и ждать нужно было этого. Удивительно, как они вообще нас пригласили. Петрович (Любимов. — Ф. Р.) говорит: «Изнутри вахтанговцев надавили на Женьку...»

Кстати, в связи с круглой датой группу артистов Вахтанговского театра наградили различными званиями. Среди них: Владимир Этуш, Галина Пашкова — народные артисты РСФСР; Вячеслав Шалевич, Юрий Волынцев, Людмила Максакова — заслуженные артисты РСФСР.

14 ноября Советский Союз навсегда покинул кинорежиссер Михаил Калик — вместе с семьей он эмигрировал в Израиль. Как писал М. Таривердиев: «Миша был единственным человеком, мотивы отъезда которого мне были понятны. Понятны и благородны. Он уезжал не за красивой жизнью. У него была прекрасная квартира. (Мы жили в одном доме, который строил тогда еще инженер-строитель, наш приятель Изя Сосланд...) Он сказал: «Моя страна воюет. Это родина моих предков. Я должен быть там, потому что воюет моя страна. И мои дети тоже должны быть там». И это был его основной мотив...»

В первой половине ноября в кинотеатрах столицы состоялись следующие премьеры: 4-го на широкий экран вышли два фильма Юрия Озерова из эпопеи «Освобождение» — «Битва за Берлин» и «Последний штурм»; 5-го — фильм А. Ибрагимова «Звезды не гаснут», повествующий о жизни и деятельности одного из руководителей борьбы за Советскую власть в Азербайджане Наримана Нариманова (в этой роли снялся столичный актер Владимир Самойлов), и детская комедия «Свистать всех наверх!» И. Магитона; 10-го — детектив «Инспектор

уголовного розыска» украинского режиссера Суламифь Цыбульник (в роли пронциательно-го сыщика майора Головка — Юрий Соломин); 15-го — «Память» Георгия Чухрая.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Весна на Заречной улице» (1-го), «Господин Никто» (2-го), «Почтовый роман» (3—4-го), «Белое солнце пустыни», «Сказание о земле Сибирской» (5-го), «Армия Трясогузки» (6-го), «Армия Трясогузки снова в бою» (7-го), «Новые приключения неуловимых», «Это случилось в милиции» (10-го), «Начало», «Звезды Эгера» (12-го), «Никто не хотел умирать» (13-го), «Я вас любил» (14-го), «Адъютант его превосходительства» (15—19-го) и др.

Из театральных премьер отмечу следующие: 12-го — «Каменный хозяин» Леси Украинки в Малом театре с участием Элины Быстрицкой, Никиты Подгорного, Евгения Весника, Эдуарда Марцевича и др.; 11-го — «Не беспокойся, мама!» Нодара Думбадзе в Театре на Малой Бронной; 12-го там же — «Человек со стороны» с участием Николая Волкова, Елены Козельковой и др.

Афиша эстрадных представлений выглядела так: 2—8 ноября в Театре эстрады играл эстрадный оркестр под руководством Леонида Утесова, 9—15-го там же прошли два спектакля — «Мужчина и женщина» и «Мемуары» — с участием Марии Мироновой и Александра Менакера, 10-го в Кремлевском Дворце съездов состоялся авторский концерт Дмитрия Шостаковича, 12-го в Театре эстрады выступал певец из Италии Бруно Вентурини, 13-го в Центральном Доме Советской Армии пел дуэт — Алла Иошпе и Стахан Рахимов, 14-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского был показан сборный концерт с участием Е. Шавриной, М. Котляр и других исполнителей.

15 ноября в одной из столичных клиник скончался знаменитый разведчик Вильям Фишер, больше известный как Рудольф Абель. Как мы помним, на больничную койку он угодил еще 25 октября с диагнозом «рак». О том, что дни его сочтены, Абель знал, не заблуждались на этот счет и его родные, в частности, супруга Елена Степановна, дочь Эвелина, приятель Кирилл Хенкин. Последний вспоминает:

«— Привези мне вкусенького, малыш, — сказал Вилли как-то моей жене.

Ира достала на Центральном рынке, сварила и привезла в кастрюле цветную капусту, которую Вилли очень любил.

Он уже не мог есть. И говорить не мог. Не стонал. Но сознание и воля сохранились до конца. Он все слышал и понимал.

Вокруг него суетилась Елена Степановна. То ли от горя, то ли от глупости, то ли от инстинкта «партийности», который срабатывает и в минуту смятения, порола она чушь несусветную:

— Это американцы заразили его раком! Вот будет вскрытие, мы докажем!..

Вилли, в полном сознании, раздираемый адской болью, слушал.

Перед самым концом сделал знак дочери склониться к нему, взял ее за руку, слабо пожал, шепнул:

— Не забывай, что мы немцы...»

Похоронили знаменитого разведчика на кладбище Донского монастыря.

В тот день, когда умер Абель, завершился 33-й чемпионат страны по футболу. Как мы помним, досрочным победителем в нем стало киевское «Динамо». А вот две последние строчки в турнирной таблице заняли ташкентский «Пахтакор» и донецкий «Шахтер», которые теперь вылетали в первую лигу. Причем «Пахтакор» эта участь постигла в результате интриг — из-за сговора двух команд. Я уже вскользь упоминал о существовании договорных игр в советском футболе, теперь самое время рассказать об этом подробно.

Вспоминает судья М. Рафалов: «1971 год, последняя игра сезона. Московская бригада арбитров должна судить в Ростове матч между местным СКА и минским «Динамо». Минску очки не нужны, Ростову надо было взять хотя бы одно. Тогда он остается в высшей лиге, а вылетает отыгравший все игры «Пахтакор». Приезжаем в Ростов, смотрю: нас везут к черту на куличики — аж в Азов, в дом для спецприемов. Встречает секретарь горкома партии, от икры и рыбных деликатесов столы ломаются. На следующий день прогулка на любимом катере Брежнева — кругом красное дерево, диваны с подушками, отменная кухня. Короче, в Ростов попадаем к самой игре. А пока мы отдыхали, бригады из КГБ отлавливали по всему Ростову всех, кто хоть немного смахивал на узбека.

Боялись, что Рашидов послал гонцов-перекупщиков...

Началась игра. Ростовчане забивают два мяча. Потом гол забивает минчанин Малофеев, еще один — с углового — его товарищ по команде Юргелевич. 2:2. До конца игры остается 20 минут. Смотрю на футболистов и ничего не понимаю — все бегают, шепчутся, не игра, а совместное профсоюзное собрание. Позже я узнал, в чем было дело.

Ростовчанам нужно было очко. Когда они стали договариваться, минчане поставили условие: «Мы даем вам забить два гола, а вы два — нашему Эдуарду Малофееву. Он становится членом клуба Григория Федотова (туда включали футболистов, перешагнувших рубеж в 100 голов. — Ф. Р.), а вы остаетесь в высшей лиге». На том и порешили... И тут случайный гол Юргелевича. Пришлось заново, на бегу передоговариваться: сейчас забьет Ростов, а потом Малофеев. Игра закончилась со счетом 3:3. Победа «дружба».

Между тем футбольная тема в ноябре на этом не исчерпывается. 16 ноября в «Комсомольской правде» была опубликована заметка М. Блатина под названием «Что же вы, бомбардиры?», посвященная неудачным выступлениям советских футбольных клубов в европейских кубках. В частности, с дистанции сошли столичный «Спартак» (проиграл в 1/16 финала Кубка УЕФА португальскому «Виторио» с разгромным счетом 0:4) и ЦСКА (проиграл в 1/8 финала Кубка чемпионов бельгийскому «Стандарту» со счетом 0:2). Блатин писал:

«То, что наши футбольные клубы столь «мелко плавают» в стихии европейских турниров, в самом деле кажется непонятным, необъяснимым. Шестой год снаряжаем команды, а они всякий раз, получив пробоину, с полпути возвращаются домой. И всякий раз знакомые оправдания: плохо-де нас снаряжали, мало помогали. Те же вздохи и сейчас...

Читатели часто спрашивают нас в своих письмах: «Чего не хватает нашему футболу для того, чтобы добиться таких же успехов, как в хоккее?» Этот вопрос был адресован читателями Анатолию Фирсову. Вот что он ответил:

— В футболе, конечно, добиться успеха сложнее. И все же, думаю, неудачи нашего футбола проистекают оттого, что он лишился са-

мобытности, утратил свое лицо, стал на путь подражания...»

В среду, 17 ноября, в два часа дня Владимир Высоцкий дал концерт в Центральном статистическом управлении, где исполнил сразу несколько новых песен: «Мои похороны» («Сон мне снится — вот те на...»), «Горизонт» («Чтоб не было следов, повсюду подмели...»), «Милицейский протокол» («Считая по-нашему, мы выпили не много...»). Самой популярной стала именно последняя песня, которую уже через пару недель народ растащит на цитаты. Это отсюда: «Как стекло был, то есть остекленевший»; «На «разойтись» я сразу ж согласился — и разошелся, и расходился»; «Теперь дозвольте пару слов без протокола. Чему нас учат, так сказать, семья и школа?»; «Ему же в Химки, а мне — в Медведки»; «Разбудит утром не петух, прокукарекав, — сержант подымет — как человек» и т. д.

И еще о Высоцком. В те дни его угораздило быть свидетелем на свадьбе своего друга и коллеги по Театру на Таганке Ивана Дыховичного (на «Таганку» пришел в 70-м), который женился на дочери самого Дмитрия Полянского, члена Политбюро, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Вспоминает И. Дыховичный: «Интересный и смешной эпизод произошел с моей свадьбой. Володя был свидетелем и относился к этому необычайно торжественно. У него вдруг появились такие архаизмы. Вначале он начал искать пиджак и галстук — свидетель на свадьбе! Потом он понял, что ему нельзя надеть ни пиджак, ни галстук... Тогда он надел какой-то необыкновенно красивый свитер, долго гладил себе брюки — была какая-то невероятная трогательность с его стороны... А потом был знаменитый эпизод, когда я уже поехал расписываться. В этот день мы должны были прогонять «Гамлета», причем это был один из первых прогонов, а днем, в половине четвертого, мы назначили регистрацию. Утром, когда я ехал в театр, я взял с собой все документы — паспорт, какие-то свидетельства, все деньги... По дороге в театр я заехал за Аллой Демидовой, а когда вышел из машины, то понял, что потерял все документы и все деньги. Самым главным документом, как вы понимаете, в этот день был паспорт. Мне было ужасно неловко. И хотя я потерял все имевшиеся у меня на тот момент

деньги — на свадьбу, на подарки, это меня как-то не тронуло. Но вот паспорт! И понимание, что в половине четвертого я должен предстать перед девушкой, которая достаточно умна, перед ее родителями, перед гостями. Получалось, что я специально потерял паспорт... Какой-то гоголевский персонаж, который хочет убежать из-под венца... Об отмене прогона не могло быть и речи. Любимов не признавал никаких причин. Володя увидел меня: «Что с тобой?» — «Я потерял документы и паспорт». Он схватил меня за руку, мы спустились со сцены. Володя говорит Любимову: «Юрий Петрович, мы должны уехать. Иван потерял паспорт». Петрович несколько обалдел от убедительного тона. «Ну, идите». Потом, говорят, он кричал: «Как я мог их отпустить!» Но мы уже уехали.

Дальше произошло следующее. Мы подъехали к милиции. Володя ворвался туда и сказал: «Значит, так, я буду здесь петь ровно столько, сколько времени вам нужно, чтобы выписать моему другу паспорт». В милиции шло какое-то совещание, они его прекратили, послали какого-то человека за домовой книгой, домовая книга оказалась у домоуправа, который был на свадьбе своей дочери в Химках-Ховрине... Поехали туда. И все это время Володя пел. Ему нашли какую-то детскую гитару, и он им пел, заливался оо страшной силой. Привезли пьяного домоуправа, сорвали замок — тут уже Булгаков начался. В эту душную комнату, где шло совещание, понаехало множество милиционеров со всего города... А внизу, в камерах, слушали Володины песни пятнадцатисуточники, не понимающие, что происходит. Я вырезал свою фотографию из общего школьного снимка... И мне дали вот такой паспорт. В половине четвертого мы расписались.

А потом выяснилось, что у этого паспорта нет никакого подтверждения... Через много лет, когда шел обмен паспортов, выяснилось, что все это сплошная фальсификация. Просто липа. И меня таскали чуть ли не в КГБ. Вот такая странная история...»

В те же дни Алла Пугачева стала солисткой ВИА «Москвичи». Как мы помним, полгода назад она родила дочь Кристину и все это время терпеливо выполняла роль кормящей матери. Однако в то же время она сильно тосковала по сцене и к ноябрю уже была готова вернуться на нее при малейшей возможности. Что, собст-

венно, и случилось. События развивались следующим образом.

Приблизительно полтора года назад при Росконцерте был создан новый ВИА «Москвичи», а его режиссером назначили Олега Непомнящего. В короткие сроки подготовили программу, с которой новый коллектив должен был отправиться на свои первые гастроли. Однако эта поездка сорвалась. Вокалист ансамбля оказался большим любителем «зеленого змия» и практически с первых же гастрольных дней не отрывался от бутылки. А поскольку некем его было заменить, выступления прекратили. Ансамбль вернулся в Москву, где солиста тут же уволили. Непомнящий вскоре нашел другого человека — солиста популярного ВИА «Веселые ребята» Юрия Слободкина. В последнее время тот стал тяготиться своим присутствием в «Веселых» и вынашивал планы начать самостоятельную карьеру. Предложение Непомнящего оказалось для него как нельзя кстати. «Веселые ребята» в те дни гастролитовали в Чехословакии, однако в телефонном разговоре Слободкин пообещал Непомнящему сразу после приезда в Москву написать заявление об уходе из ансамбля. И не обманул. Однако когда начались репетиции, вдруг выяснилось, что программа явно не получается. При том репертуаре, который был у «Москвичей», одного вокалиста не хватало, требовался кто-то еще. Причем Непомнящий хотел пригласить женщину. Вот тогда он и вспомнил про Аллу Пугачеву, с которой ему довелось впервые активно поработать в декабре 1970 года на новогодних детских утренниках. В один из ноябрьских дней режиссер отправился в деревянный двухэтажный дом на «Заставе Ильича», где жила Пугачева. Далее послушаем рассказ самого О. Непомнящего:

«Поднявшись по ветхим ступеням, я постучал, и Алла сама открыла мне дверь. Из квартиры пахло умильными детскими запахами — глаженого белья и кипяченого молока. Мы поздоровались, она пригласила меня войти, как-то машинально, не обрадовавшись и не удивившись моему приходу. Во всем ее облике сквозила бесконечная усталость, будто бы каждое движение давалось ей с трудом. Как все творческие люди, она тяжело переносила образовавшуюся вокруг нее пустоту. Работа была ее главным стимулом в жизни, она не могла, не

умела быть счастлива одними семейными заботами, ни любовь к мужчине, ни любовь к дочери не могли поглотить ее целиком, без остатка. Возможно, она сознавала это и мучилась чувством вины за то, что она не такая, как все «нормальные» женщины, пыталась обуздать себя и соответствовать образу идеальной матери.

Я сбивчиво, то перескакивая с пятого на десятое, то вдруг вдаваясь в ненужные подробности, объяснил ей цель своего визита, закончив свою речь решительным предложением о совместной работе. Она сопротивлялась мне, как Ева сопротивлялась обаянию змея-искусителя:

— Ты что, с ума сошел! У меня маленький ребенок! Кто с ней будет нянчиться? Ты, что ли?

— А хоть и я! — парировал я в запальчивости и тут же сообразил, что это заявление вряд ли сойдет мне с рук...

Короче, Непомнящий уговорил Пугачеву вернуться на сцену, но сам вынужден был переквалифицироваться в няни, поскольку Пугачева, поймав его на слове, заставила сидеть с ее дочерью. Правда, так продолжалось недолго, так как вскоре к делу воспитания девочки подключилась мама Пугачевой Зинаида Архиповна. Непомнящий вернулся в «Москвичи», но, к своему удивлению, увидел, что от его режиссуры ничего не осталось. Пугачева взяла на себя смелость все переделать по-своему: порядок номеров, конференсы, выходы и прочее. По словам Непомнящего: «В глубине души я понимал, что человек с таким уровнем одаренности, как Алла, никогда не станет считаться с чьим бы то ни было творческим самолюбием и понятиями о служебной субординации. Тот факт, что я был режиссером коллектива, никак не ограничивал ее вдохновение и способность перекроить «под себя», что там программу, — целый мир! Быть сапожником без сапог мне тоже не хотелось, и я начал активно искать новое место работы...»

Андрей Тарковский продолжает снимать «Солярис». 18 ноября репетировался один из самых «скользких» эпизодов — «постельная» сцена Криса (Донатас Банионис) и Хари (Наталья Бондарчук). Вспоминает О. Суркова:

«Сцена не идет и стопорится, несмотря на все указания Тарковского. Тогда он предполагает: «Все разваливается, потому что мы хотим

эту сцену сделать короче. Но это не дело! Сделать короче — сама по себе задача фальшивая! Наташа, делай, как раньше, и не оглядывайся на длину. Тебе нежности не хватает в этой сцене. Ты должна начинать очень нежно, стараясь, чтобы он понял, что ты все знаешь, ты располагаешь его к откровенности. А дальше все хорошо. Ты только начни: пусть тебя трясет и улыбка блуждает. Однако от него ты стараешься скрыть свое состояние, сдерживаешься, загоняешь его внутрь. Понее! Понее! У тебя море любви по отношению к нему, а он тебя не любит. Ты где-то за гранью, а ты нам истерики разводишь! Нет. Нет. Нет. Нервность свою нам демонстрируешь, и никакой собранности я не вижу. Почему ты стала такой мелкой и злобной?..»

В это время гример пытается подправить грим Бондарчук. «Что вы делаете? — кричит Андрей. — Зачем? Ведь она измучена, ревела, у нее красный нос, и в этот момент Крис ее застал». Гример хочет исправить свою оплошность, подмазать нос красным, но Бондарчук отстраняется: «Не надо!» Все напряжение снимается подтрунивающим смехом Андрея: «Быть покрутивее — единственная задача этой актрисы!»

Другой мосфильмовский кинорежиссер — Николай Москаленко — продолжает съемки фильма «Русское поле». Как мы помним, с конца июля группа работала на натуральных эпизодах под городом Кетовом Горьковской области, где пробыла до начала октября. А с 11 ноября переместилась в Чебаркуль Челябинской области, чтобы отснять там «военные» эпизоды: по сюжету герой Владимира Тихонова уходил служить в армию и погибал от рук китайских провокаторов. В течение нескольких ноябрьских дней снимали эпизод «похорон», который произвел на всех участников гнетущее впечатление. Ситуация усугублялась тем, что роль матери погибшего исполняла настоящая мать Владимира Тихонова — актриса Нонна Мордюкова. Когда она с плачем падала на гроб, где лежал ее сын, у всех присутствующих по телу пробежали мурашки. По фатальному стечению обстоятельств, спустя 19 лет Мордюкова похоронит сына уже по-настоящему.

В двадцатых числах ноября на телевидении в самом разгаре съемки новогодних передач. В частности, в одном из павильонов снимают

традиционный «Голубой огонек» с участием звезд отечественной и зарубежной эстрады. Среди них: Аркадий Райкин, Муслим Магомаев, Людмила Зыкина, Джордже Марьянович (Югославия), Жаклин Франсуа и Жан Вольтэ (Франция), польский ВИА «Трубадуры» и др.

В это же время в Концертном зале «Останкино» началась подготовка к съемкам новой передачи, которой суждено будет стать одной из самых популярных на отечественном ТВ, — «Песня года». По задумке ее создателей, в нее должны были войти наиболее любимые народом шлягеры, получившие признание у публики в течение последнего года. Однако эта благая идея по ходу дела претерпит значительные изменения, и «Песня года» буквально с первого же своего выпуска превратится в этакий междусобойчик, где «правили бал» только корифеи эстрадного жанра, а молодым авторам или исполнителям дорога туда чаще всего будет заказана. Конечно, будут и здесь исключения, но не столь часто, как этого бы хотелось. В «Песню года-71» были отобраны следующие произведения:

«Товарищ песня» (О. Иванов — А. Прокофьев) — исполняет Лев Лещенко; «А где мне взять такую песню» (Г. Пономаренко — М. Агашина) — Ольга Воронец; «Баллада о красках» (О. Фельцман — Р. Рождественский) — Иосиф Кобзон; «Любите Россию» (С. Туликов — О. Милавский) — Галина Ненашева; «Не плачь, девчонка» (В. Шаинский — В. Харитонов) — Лев Лещенко; «Будет жить любовь на свете» (В. Дмитриев — А. Ольгин) — Эдуард Хиль; «Ненаглядный мой» (А. Пахмутова — Р. Казакова) — Мария Пахоменко; «Журавли» (Я. Френкель — Р. Гамзатов) — Иосиф Кобзон; «Зачем вы, девочки, красивых любите» (Е. Птичкин — И. Шаферан) — Ольга Воронец; «Русское поле» (Я. Френкель — И. Гофф) — Юрий Гуляев; «Признание» (А. Колкер — К. Рыжов) — Мария Пахоменко; «Свадьба» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев; «Я люблю тебя, Россия» (Д. Тухманов — М. Ножкин) — Галина Ненашева; «Алеша» (Э. Колмановский — К. Ваншенкин) — Г. Николова и Г. Кордов (Болгария); «Вдоль по Питерской» (русская народная песня) — Муслим Магомаев; «Червона рута» (В. Зенкевич — В. Ивасюк) — трио В. Зенкевич, В. Ивасюк, Н. Яремчук; «Зима» (Э. Ханок — С. Островой) — Эдуард Хиль;

«Знаете, каким он парнем был» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Юрий Гуляев; «Фантазия на тему песен Аркадия Островского» — эстрадно-симфонический оркестр под управлением Юрия Силантьева; «Взвейтесь кострами» (С. Дежкин — А. Жаров) — Большой детский хор ЦТ и ВР под управлением В. Попова; «Трус не играет в хоккей» (А. Пахмутова — С. Гребенников и Н. Добронравов) — Большой детский хор; «Любовь, как лодочка» (В. Левашов — А. Софронов) — хор имени Пятницкого; «Погоди ж ты» (А. Колкер — К. Рыжов) — Эдуард Хиль.

Две песни исполнила Мария Пахоменко — одна из самых популярных певиц в Советском Союзе в начале 70-х. Как мы помним, в июне этого года она стала победительницей конкурса эстрадной песни «Золотой Орфей», проходившего в Болгарии, поэтому она имела полное право не только стать участником «Песни года», но и исполнить в ней две песни. На записи передачи певица выглядела прекрасно. Глядя на нее, трудно было поверить, что всего несколько месяцев назад Пахоменко едва не стала жертвой самого настоящего маньяка, который пытался похитить ее прямо из-под носа у законного супруга. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Дело было в Челябинске, куда чету Пахоменко (как мы помним, мужем певицы являлся известный композитор Александр Колкер) занесла гастрольная судьба. Поселившись в лучшей гостинице города «Интурист», они вели размеренную командировочную жизнь, как вдруг однажды, после двух концертов, поздним вечером в их номере раздался телефонный звонок. Звонила дежурная по этажу, которая сообщила Колкеру, что в их городе случилось какое-то ЧП и что в гостиницу пожаловала милиция.

— Милейшая, не морочьте голову! — попытался отмахнуться Колкер. — У нас завтра два концерта! Дайте отдохнуть!

Но женщина была непреклонна и, пригрозив гостям суровыми санкциями за неподчинение требованиям законных властей, заставила их выйти из номера, прихватив с собой паспорта. При этом композитор появился в пижаме, а певица — в ночном халате.

В коридоре они встретили высокого мужчину с вузовским ромбиком в петлице. Даже не представившись толком, он сообщил заспан-

ным постояльцам, что ищет опасных преступников, и попросил предъявить документы. Удостоверившись, кто перед ним, мужчина вернул Колкеру его документ, а вот паспорт Пахоменко придержал, предложив ей пройти с ним в отделение. Колкер, естественно, возмутился. Но мужчина его жестко осадил:

— Вы, супруг, идите досыпать. А вашей жене придется пройти с нами.

Однако композитор оказался молодцом. Не испугавшись грозного вида стража порядка, он сам пошел в атаку. Выхватив из рук мужчины паспорт своей жены, Колкер буквально закричал ему в лицо:

— А ну-ка, предъяви документы!

На лице стража порядка появилась растерянность, но тут ему на помощь пришла дежурная по этажу, все это время молча стоявшая рядом:

— Да что вы нервничаете? — обратилась она к композитору. — Я этого товарища знаю, он показал свои документы. Это товарищ Хайруллин из уголовного розыска.

Но в следующее мгновение произошло неожиданное. «Товарищ из угрозыска» внезапно оттолкнул от себя композитора и кинулся бежать вниз по лестнице. Колкер, после секундного замешательства, бросился следом. За ними помчались певица и дежурная по этажу.

У входных дверей был шанс остановить беглеца, но швейцар на призыв Колкера ответил словами дежурной по этажу: мол, это товарищ Хайруллин из местного угрозыска, он мне документы показал. В итоге «розыскник» выскочил из гостиницы и полетел через площадь во дворы. Колкер в пижаме бросился было за ним, но тут до его ушей долетел грозный окрик жены: «Остановись, идиот!» И он перешел на шаг. Поблизости он заметил такси, водитель которого явно кого-то ждал. Колкер бросился к автомобилю.

— Этого человека надо задержать! — обратился он к водиле, показывая на убегающего «сыщика». На что таксист ответил:

— Он меня просил в аэропорт его отвезти, а у меня смена кончается. А ты что в таком виде бегаешь? С бабы, что ли, соскочил?

Вернувшись к себе в номер, Колкер тут же набрал на телефоне «02». Трубку поднял дежурный по ГУВД. Узнав о том, что с ним разговаривает супруг самой Марии Пахоменко,

страж порядка внимательно выслушал сбивчивые объяснения композитора, пообещал во всем разобраться и минут через десять перезвонить. Дежурный не обманул. Спустя несколько минут он позвонил и сообщил, что в уголовном розыске Челябинска действительно работает майор Хайруллин, что это исключительно серьезный сотрудник, даже имеющий награды за службу. Однако со вчерашнего дня этот самый товарищ Хайруллин... находился в отпуске и в данный момент должен был греть свое брэнное тело на одном из пляжей Сочи. Короче говоря, выходило, что приходивший в гостиницу человек никакого отношения к органам внутренних дел не имел и явно замыслил что-то недоброе по отношению к популярной певице. Поэтому уже с утра следующего дня рядом с Пахоменко появился охранник — подполковник милиции в штатском.

Но история на этом не закончилась. Спустя некоторое время, когда певица и ее супруг уже благополучно добрались до родного Ленинграда, Колкеру пришло письмо из ГУВД Челябинска. В нем сообщалось следующее:

«Во время пребывания на гастролях в нашем городе вы чуть не стали жертвой матерого бандита. Дело в том, что работник нашего уголовного розыска майор Хайруллин перед вылетом на лечение в город Сочи напился... Этим воспользовался злоумышленник, завладев его служебным удостоверением и авиабилетом. Сейчас бандит задержан. Он трижды судился за кражи и изнасилования. Выношу вам благодарность за проявленную бдительность и личное мужество. Вы предотвратили трагическое развитие событий. Сердечный привет Марии Леонидовне.

Начальник ГУВД города Челябинска, полковник Рождественский. Майор Хайруллин из органов уволен».

Но вернемся к хронике ноября 71-го.

23 ноября Ролан Быков уехал в Москву из Дома творчества кинематографистов в Репине. Там он появился неделю назад, чтобы на местной публике «обкатать» свою роль в пьесе «Медная бабушка» (кстати, ее автор — Леонид Зорин — тоже находился в Репине, где работал над доработкой сценария фильма «Гроссмейстер», который вскоре должен был начать снимать режиссер Сергей Микаэлян). Однако «обкатка» роли давалась Быкову с трудом: то его

требовали к застолью, то отвлекала от «вхождения в образ» юная фанатка, ходившая за актером чуть ли не по пятам. Но все же в конце концов Быков свою роль, что называется, «добил». Последнее чтение состоялось в широком кругу — собрались почти все режиссеры, бывшие на тот момент в Репине. Чтение прошло с большим успехом, хотя дочитать пьесу до конца Быкову не удалось — концовка оказалась утерянной.

Итак, 23 ноября Быков уехал в Москву, а два дня спустя во МХАТе состоялось его окончательное утверждение на роль. В тот же день Зорин получил телеграмму от Михаила Козакова с этой новостью и торжественно зачитал ее на ужине в столовой Дома творчества. Присутствующие встретили эту весть с ликованием.

Эльдар Рязанов продолжает работу над фильмом «Старики-разбойники». Как мы помним, устав ждать снега во Львове, он со съемочной группой вылетел в Москву. И тут, как назло, синоптики объявили повсеместные снегопады, метели, в том числе и во Львове. Что было дальше, рассказывает О. Аросева:

«Мы кинулись во Внуковский аэропорт, а нас не выпускают по причине нелетной погоды. Сутки сидим, домой в город ехать опасаемся. Женя Евстигнеев спит на подоконнике.

Наконец выпустили. Во Львове счастливый Эльдар нашел то, чего так страстно желал для финала: туман, белый снег и т. п.

Прилетев, тут же, ранним утром, мы все это быстро отсняли, вернулись в гостиницу и решили праздновать завершение работы. В восемь утра ресторан еще закрыт, но нам его отперли, вчерашней холодной закуски на стол накидали, бутылки с водкой поставили... Женя Евстигнеев увидел на эстраде оставленные музыкантами инструменты и сел за барабан и тарелки. Вот тут-то я впервые услышала и увидела, какой потрясающий Евстигнеев был джазовый ударник...»

В те же дни в газете «Советская культура» была помещена любопытная заметка в защиту... домино. В те годы эта игра была чрезвычайно популярной. Резались в нее практически везде; по всей стране мужское население с воодушевлением забивало «козла». Мой отец, например, ходил в соседний двор в Гороховском переулке, где существовала целая группа заяд-

лых «доминошников», проводивших часы напролет за игральным столом (по будням в хорошую погоду играли с семи до одиннадцати вечера, по выходным — с утра до глубокой ночи с перерывом на обед).

Но вернусь к пресловутой заметке. Начинаясь она с сердитого письма некоего пенсионера Ситнова из Ставрополя, в котором тот ругал на чем свет стоит это самое домино. Цитирую:

«Вы много пишете про культурного человека и гармоническую личность. А почему до сих никто не обращает внимание на такое вредное и очень распространенное занятие, как игра в домино? Вместо того чтобы пойти в кино, театр, почитать книгу или, на худой конец, посидеть у телевизора, человек часами забивает «козла». С этим надо кончать...»

Однако редакция не согласилась с мнением своего уважаемого читателя и устами кандидата философских наук В. Пименовой весьма доходчиво объяснила, что домино — игра не вредная, а в каких-то своих проявлениях очень даже полезная. Действительно, чего плохого было в том, что в сильно пьющей стране тысячи мужчин, вместо того чтобы «ханку лакать», проводят время за игрой в невинное домино? Кстати, сам генсек Леонид Брежнев был большим любителем «забивать костяшки». Вот как об этом вспоминает его телохранитель В. Медведев:

«В домино Леонид Ильич резался, нарушая собственный строгий режим, до часу, иногда до двух ночи. Подходила его жена Виктория Петровна, возмущалась:

— Прекратите! Какая это игра?

Он отвечал примирительно:

— Да чего ты? Нормальная игра. Садись.

Она садилась и тоже втягивалась. Играли двое на двое: Леонид Ильич с Рябенко (начальник охраны генсека. — Ф. Р.) против Виктории Петровны с доктором. Иногда он выбирал в пару доктора. Случалось, соперники незаметно поддавались, Леонид Ильич побеждал и в хорошем расположении уходил спать...»

Но вернемся к хронике событий ноября 71-го.

В воскресенье, 28 ноября, Борис Бабочкин записал в дневнике:

«Нахожусь под громадным впечатлением от «Ракового корпуса» (роман А. Солженицы-

на. — Ф. Р.), прочитанного залпом. Вот в этом романе — все мои убеждения, все мои размышления, воспоминания, весь он — как бы мой, как бы мной написан. Какая радость узнавания и какая горечь, какой трагический осадок, какой страшный и, вместе с тем, какой человечный, добрый результат! Какое влияние — поистине благотворное! Вот парадокс: литература идейная в самом высоком смысле слова, очищающая, воспитывающая, пробуждающая добрые чувства у нас под запретом. Она нелегальна. А выдуманная, пустая, «составленная» умозрительно и, уж конечно, не искренне, а с корыстным расчетом — выдается за истинную литературу «социалистического реализма».

Сколько же мы забываем страшного, если оно прошло мимо нас, не задев прямо. И как стыдно за все, чему вольно или невольно, но в чем-то содействовал — пусть только молчанием. Да и не только молчанием. Самый постыдный поступок моей жизни — это когда после убийства Кирова (декабрь 1934 года. — Ф. Р.) в двадцать четыре часа из Ленинграда высылали «бывших» и тетя Катя Корчагина подошла ко мне: «Боря, надо что-то делать, хлопотать — высылают Марию Александровну Потоцкую с племянником. Они оба служили в Александринке». А я ответил: «Нет, я за них хлопотать не буду. И тебе, тетя Катя, не советую».

Хоть и знаю теперь, что никакие хлопоты не помогли бы, а стыдно до слез, что я мог так сказать, мог так думать...

И эта книга, написанная больным, отверженным и совершенно героическим человеком, заставила еще раз вспомнить и покраснеть и пожалеть о многом. Хорошо, что совесть моя давала мне твердость не делать зла, — плохо, что совесть не давала мне сил делать добро. Гнусный приспособленческий нейтралитет и удовлетворение от сознания своей «порядочности». Правда, я всегда ходил по краю, но что это меняет? Может быть, честнее было все-таки погибнуть, а не быть пособником всех кошмаров, всего ада, который нас окружал, да и теперь еще окружает — в более мягких дозах и формах.

Прочитав книгу, сравниваешь людей. Впечатление от книги еще усилилось, когда понял, к кому относятся стихи рязанского поэта Евгения Маркина «Белый бакен» в десятом номере «Нового мира». Какие чудные стихи! Какой мо-

лодец! Есть еще на земле честные смелые люди. А Исаичу (Солженицыну. — Ф. Р.) будут стоять памятники на Руси, как великому писателю, великому учителю, великому человеку. Еще отрезвет народ, страна... Неужели нет? Тогда и жить не нужно. Тогда это не страна, а «раковый корпус».

Вот недавно были у Х. В какое тупое мещанство выродился подлинный талант этого человека! Да, конечно, таким необходим Сталин, вождь. Ведь они не умеют думать. Несчастные «счастливые» люди!..»

В эти же дни Дмитрий Шостакович, после двухмесячного пребывания в больнице, куда он угодил после инфаркта, переехал в санаторий в Барвихе. Как он писал 28 ноября И. Гликману: «Сердце мое вылечили хорошо. Однако очень ослабли руки и ноги. Все то, что у меня перед болезнью укрепилось, сейчас стало опять очень плохим. Придется, видимо, начинать все заново.

Может быть, опять придется ехать в Курган.

Мне дано наставление: полностью изъять из рациона алкоголь, никотин, крепкий чай и крепкий кофе. Это меня огорчает.

Береги здоровье. Ужасно тяжело делается, когда его потеряешь. А всякого рода инфаркты подкрадываются незаметно. Тем не менее, когда почувствуешь, что ты не получаешь удовольствия от первых стопок водки, значит, дело дрянь. Я заметил, что еще в Репине водка не доставила мне радости. А это означало, что инфаркт приближается. В этом случае сразу обратиться к врачу. А еще лучше совсем не пей или соблюдай строгую умеренность...»

Утром 29 ноября состоялась встреча писателя Александра Чаковского и маршала Георгия Жукова. Как мы помним, еще летом между ними «пробежала черная кошка». Жуков начал читать в журнале «Знамя» роман Чаковского «Блокада» и был возмущен тем, как писатель изобразил в нем его самого. Мол, Жуков был несправедливо жесток с подчиненными, грозил им расстрелом за невыполнение своих приказов и т. д. и т. п. Встретиться и «утрасти» возникшие разногласия сразу не удалось, но встреча между писателем и маршалом рано или поздно все равно должна была состояться. И вот 28 ноября Чаковского вызвал к себе заведующий сектором журналов и издательств Агитпропа ЦК Чхикишвили (журналисты называли

его между собой просто «Чхи») и сообщил, что завтра с утра они должны ехать на подмосковную дачу Жукова. При этом Чхи предупредил:

— Держись с ним сдержанно, у Жукова характер, сам знаешь, крутой, и если будешь ему возражать, то лишь добьешься окончательного разрыва отношений. Учти, что не считаться с Жуковым мы не можем. Поэтому старайся не выводить его из себя и закончить дело миром.

— Но я не хочу соглашаться с его нелепыми обвинениями! — попытался было возразить Чаковский.

— А продолжать печатать «Блокаду» хочешь? — с иронией спросил Чхикишвили.

Чаковский со Старой площади отправился напрямик домой, где разложил на столе свои выписки, журналы, книги, в которых речь шла о Жукове, и погрузился в чтение.

На другой день в одиннадцатом часу утра Чаковский и Чхикишвили вышли к автостоянке, расположенной на Старой площади, и отыскали по номеру уже ожидавшую их «Волгу». По дороге Чхи сообщил писателю, что дача Жукова расположена километрах в шестидесяти от города, где он ждет их в 11.30. Вскоре автомобиль выехал на Кутузовский проспект, затем промчался по Минскому шоссе и свернул направо.

К даче Жукова они приехали минут на двадцать раньше назначенного срока. Поэтому Чхикишвили предложил писателю скоротать время, гуляя по окрестностям. Прогуливаясь, они еще раз обговорили контуры предстоящего разговора с маршалом. Затем Чхи взглянул на часы и сообщил, что пора идти.

В просторной прихожей, из которой полуприкрытая дверь вела в глубину дома, они столкнулись с невысокой, средних лет женщиной в шерстяной кофточке, накинутой на плечи. Это была супруга маршала — Галина Александровна.

После короткого знакомства она предложила гостям раздеться, после чего пригласила их пройти в комнату. Однако прежде чем это сделать, Чаковский внезапно обратился к хозяйке с вопросом:

— Галина Александровна, я знаю, что маршал не так давно был болен, ну, словом, плохо себя чувствовал. Так как говорить с ним? Ну, на всю катушку или как с больным?

Через секунду он уже пожалел о том, что задал этот вопрос, поскольку Галина Александровна резко ответила:

— На всю катушку.

Затем она вошла в дверь, ведущую в следующую комнату, и сделала приглашающий жест рукой. Гости перешагнули порог и оказались в просторном помещении. Там за большим обеденным столом сидела девушка — очевидно, дочь Жукова. Сам маршал сидел чуть поодаль, в деревянном кресле у стены, за небольшим столом, на котором лежала раскрытая книга. К столу рядом с креслом была прислонена палка, напомнившая гостям, что маршал недавно перенес болезнь (что-то вроде микроинсульта). На Жукове была серая, наглухо застегнутая тужурка. Выглядел он похudevшим и отличался от тех изображений, которые печатались в газетах и журналах.

Обращаясь к мужу по имени-отчеству, Галина Александровна представила гостей. Жуков не встал, но протянул руку, которую гости поочередно пожали. Сидевшая за столом девушка, привстав, поклонилась. Галина Александровна указала Чаковскому на стоящий у столика стул, а Чхи предложила занять другой стул в удалении.

Первым начал разговор Чхикишвили, который, обращаясь к Жукову, сказал:

— Георгий Константинович, мы с писателем Чаковским, автором «Блокады», приехали к вам, чтобы поговорить относительно вашего письма в ЦК. Я работаю в Агитпропе, и мне поручено доложить в ЦК о разговоре, который у нас с Чаковским состоится.

Едва он закончил, как Жуков захлопнул лежащую перед ним книгу и отодвинул ее к краю стола. Чаковский бросил мимолетный взгляд на обложку и прочел фамилию автора — А. Манфред и заглавие — «Наполеон». Далее послушаем его собственный рассказ:

«Я молчал. Сознание, что я сижу перед Жуковым — самим Г. К. Жуковым! — волновало, радовало и одновременно подавляло меня.

Первым вновь заговорил Чхи. Он сказал примерно следующее:

— Глубокоуважаемый Георгий Константинович! — Он явно, как и я, волновался, и от этого его грузинский акцент проступал более явственно. — Вы, наверное, помните: получив ваше письмо относительно «Блокады», мы не-

медленно позвонили вам по телефону и, зная, что вы в то время не очень хорошо себя чувствовали, предложили перенести разговор на более поздний срок. Хочу сказать, что, получив ваше письмо, мы отнесли к нему с большим вниманием, немедленно перечитали опубликованные главы романа. Честно вам скажу: мы не смогли или не сумели обнаружить в них такие серьезные идейные ошибки, о которых вы пишете. Как вы помните, мы договорились, что вы примете автора и более подробно выскажете ему свое мнение.

Чхи умолк. Жуков молча смотрел на него, нахмурившись, слегка сощутив глаза и выдвинув свой массивный подбородок. Меня то, что сказал Чхи, ободрило.

Наконец Жуков, не глядя ни на кого из нас в отдельности, угрюмо сказал:

— Я в своем письме защищал не себя, а нашу идеологию. Из того, что написал автор, явно напрашивается вывод, что мы гнали нашу армию в бой кнутом и угрозами. Именно эта ложь и заставила меня написать письмо в ЦК.

Я не перебивал маршала, желая выслушать все его претензии. В своем письме он никаких подтверждений своим обвинениям, кроме телефонного разговора о якобы прорвавшихся танках, не приводил. И вот теперь, повторив свое обвинение, он замолчал, крепко сжав губы. Собравшись с духом, я сказал:

— Товарищ маршал! И в письме, и сейчас вы основываете свою критику только на слове «расстреляю». Но, во-первых, паникер, которым оказался командир истребительного батальона, может быть, и в самом деле заслуживает расстрела. А во-вторых, если вы считаете, что я не прав, то обещаю в отдельном издании книги заменить слово «расстреляю» другими: скажем, «отдам под трибунал».

— Дело не только в этом слове, — по-прежнему угрюмо проговорил маршал, не глядя на меня, — там у вас все напутано! — сказал он, повышая голос. — Откуда, например, вы взяли, что я с заседания военного совета пошел на переговорный пункт и разговаривал по ВЧ с Москвой? Да если бы вы, — продолжал Жуков, глядя теперь на меня в упор, — потрудились изучить то, о чем взялись писать, то знали бы, что в этот день связи с Москвой не было! Или вот еще: у меня, вы пишете, бычий подбородок — значит, по-вашему, я бык, что ли?! Или

вы описываете, как я иду по коридору Смольного, поскрипывая сапогами. Да если бы я когда-нибудь пришел к товарищу Сталину в сапогах со скрипом, так он меня выгнал бы!

Свои последние слова Жуков произнес, уже срываясь на крик.

Я сидел ошарашенный. Я был подавлен не только тем, что сидящий за столом великий полководец разговаривал со мной неприязненно, даже грубо. Меня ошеломили характер, содержание обвинений Жукова, они казались мне ничтожными, не заслуживающими не только обращения в ЦК, но и сколько-нибудь серьезного внимания.

Наконец я собрался с силами и сказал:

— Товарищ маршал... уважаемый Георгий Константинович! Я хочу прежде всего сказать, что вы для меня, как и для миллионов советских людей, являетесь национальным героем, полководцем, сравнить которого можно только с Суворовым или Кутузовым. Но вы глубоко обидели меня как своим письмом, так и тем, что сейчас сказали. Разве оскорбительным для вас является то, что в обстановке, когда враг стоял в тридцати минутах хода танка до Дворцовой площади, вы пригрозили расстрелом трусу, бесосновательно доложившему в Смольный о якобы прорвавшихся к Кировскому заводу немцах? «Бычий подбородок»? Ну, взглядываясь в ваши портреты, я так подумал. Простите, в отдельном издании, конечно, вычеркну. Сапоги...

— Что вы из меня дурака делаете, — прервал мою речь Жуков, — да в отдельности мои замечания, может быть, и не столь важны. Но взятые вместе!.. Разве нарисованный вами мой портрет похож на меня? Вот, посмотрите! Похож я на тирана?

Жуков, вытянув шею, приблизил свое лицо к моему. Внезапно меня охватила ярость.

— Георгий Константинович! — тоже повышая голос, воскликнул я. — За кого вы меня принимаете?! Я не наемный художник, а вы не купец, который заказал свой портрет, а потом заявляет, что не возьмет его, потому что не так нарисован нос, не такие губы, глаза, ну и так далее. Ваш облик запечатлен не только на сотнях фотографий, но и в сознании народа. Такомо облику я и следовал...

— А Ворошилов?! — прервал меня Жуков. — Мы были близкими друзьями, а как вы нас

представили? «Стул командующему!» — кричит он...

— Георгий Константинович, — раздался вдруг мягкий, но энергичный женский голос, — ну что ты! Ведь это лучшая сцена во всей главе!

Прошло мгновение, прежде чем я сообразил, что это сказала сидящая у обеденного стола Галина Александровна.

— «Лучшая!» — иронически повторил Жуков. — Тебя бы такой Бабой-ягой описали!

...Как бы забыв, перед кем сижу, я резко сказал:

— Георгий Константинович! Позволю себе сказать: ваша профессия — военное дело, а не идеология. Идеологией занимаюсь я. А вы упрекаете меня в идеологических ошибках, не имея к тому никаких оснований! Я представляю себе, как бы вы себя повели, если бы к вам пришел политработник и стал поучать вас стратегии и тактике. Да вы просто вышвырнули бы его вон!

— Зверя из меня делаешь? А где у тебя факты? — переходя на «ты», сурово спросил Жуков.

— Возможно, что у меня фактов мало, — ответил я, — но у Рокоссовского они, несомненно, есть.

— При чем тут Рокоссовский? — кладя на стол кисти рук, сжатые в кулак, спросил Жуков.

— А при том, — сказал я, — что именно он писал о том, что вы, хотя и внесли большой вклад в дело нашей победы, тем не менее в отношениях с товарищами и подчиненными нередко бывали неоправданно жестоким. Не просто жестким, товарищ маршал, а жестоким. Я не согласен с Рокоссовским. Ваша военная биография сложилась так, что партия, товарищ Сталин каждый раз посылали вас на тот участок фронта, где складывалась самая критическая ситуация. И вы выходили из нее победителем. Можно ли при этом рассуждать: были ли вы «оправданно» жестоким или неоправданно? Если горит штаб и людям надо выносить из него важные документы, а один из них еле двигается. Осмелюсь ли я назвать вас неоправданно жестоким, если бы вы в этой ситуации дали ему по шее? Так почему же вы, Георгий Константинович, — уже закусив удила, продолжал я, — не написали тогда жалобу на Рокоссовского? Остерегались, что он для доказательства своей правоты выложит на стол десятки фак-

тов! А у Чаковского, мол, никаких доказательств нет. Значит, можно его «приложить» без всякого опасения. Прав я или не прав?! Вы ссылаетесь на свою дружбу с Ворошиловым. А мне это безразлично! Я знаю только одно: если бы Ворошилов оказался в Ленинграде на должном уровне, то вам нечего было бы там делать. Вот в чем историческая правда, и я ей следую!..

Я сидел, ожидая, что Жуков сейчас произнесет самые оскорбительные, самые уничижительные слова в мой адрес. И почти ошалел, услышав, что маршал после длинной паузы сказал:

— Ладно. Закончим. Устал я. Галя, дай нам по глотку чего-нибудь лекарственного. Что пьешь: водку или коньяк?

Переход оказался для меня столь неожиданным, что я произнес дрожащим голосом:

— Все, что прикажете, товарищ маршал.

— Закусить хочешь?

— Никак нет.

— Ладно. А потом напишешь, что я жестокий... Дай нам коньяку, Галя.

Но Галина Александровна уже стояла у стеклянной горки, вынимая из нее и ставя на небольшой поднос хрустальные рюмки и четырехугольный графинчик со светло-коричневой жидкостью. Затем поставила поднос на обеденный стол, наполнила рюмки и поднесла очередную мне, Жукову и Чхи. Одну поставила на стол, видимо, для себя. Каждый из нас взял с подноса по рюмке.

— За успешное окончание романа! — громко сказала Галина Александровна.

Жуков сощурился, но ничего не сказал, лишь протянул мне свою рюмку, и мы чокнулись...»

Когда Чаковский и Чхикишвили вместе с женой маршала вышли из комнаты, писатель осмелился задать женщине еще один вопрос: «Как Жуков мог написать такое письмо?» На что Галина Александровна честно ответила: мол, в те дни Жуков лежал в больнице на Грановского, и к нему пришел один приятель, некогда бывший руководителем Ленинградского фронта. Он принес с собой один из номеров журнала «Знамя» с романом «Блокада» и заявил: «Посмотри, Георгий Константинович, как тебя Чаковский разделяет! Всем ты расстрелом грозишь, орешь на всех...» Жуков прочел

отчеркнутую сцену и, недолго думая, схватил с тумбочки лист бумаги, карандаш и написал пресловутое письмо.

Выслушав женщину, Чаковский поблагодарил ее за откровенность, и они распрощались.

Вечером того же дня в Театре на Таганке состоялась долгожданная премьера «Гамлета». Сказать, что в зале был аншлаг, значит, ничего не сказать — зал едва не трещал по швам! А те несколько сот страждущих, которые так и не сумели попасть на спектакль, практически все время показа продолжали стоять возле театра, надеясь неизвестно на что. Видимо, им просто хотелось дышать одним воздухом с актерами и теми счастливыми, кому все-таки удалось очутиться в зале. Как писал позднее сам Высоцкий:

«Когда у нас в театре была премьера «Гамлета», я не мог начать минут пятьдесят: сижу у стены, холодная стена, да еще отопление было отключено. А я перед началом спектакля должен быть у стены в глубине сцены. Оказывается, ребята-студенты прорвались в зал и не хотели уходить. Я бы на их месте сделал то же самое: ведь когда-то сам в молодости лазал через крышу на спектакли французского театра... Вот так я ощутил свою популярность спиной у холодной стены...»

Другой участник спектакля — В. Смехов, игравший Полония, так вспоминает о том дне: «На премьере «Гамлета» Смоктуновский в зале был всеми сразу замечен — живой кумир и прославленный принц датский из фильма Г. Козинцева. Пусть говорят что угодно об умении Иннокентия Михайловича ласково лицемерить похвалами, но никто, как он, не мог бы так вскочить с места в финале и, забыв о регалиях и возрасте, плача и крича «браво», воодушевлять зрительный зал. Никто другой не пошел бы, зная цену мировой славе своего Гамлета, по гримерным, по всем переодевающимся и вспотевшим жильцам кулис, не целовал бы всех подряд, приговаривая неистово «спасибо, милый друг, это было гениально», — всех, включая электриков и рабочих сцены, сгоряча спутав их с актерами.

Ночью, выпивая и закусывая у меня дома со своими друзьями-финнами, И. М. сумел убедить в серьезной подоплеке своих восторгов, удивил беспощадностью своего огорчения.

— ...Я же умолял Козинцева не делать из меня красавца, не играть из чужой роскошной жизни! Вот вы и доказали, что я был прав! Вы играете так, что публика забывает о классике и старине! Ошибки ваши меня не интересуют! Это живые, настоящие чувства, как настоящий этот петух слева от меня... Как он бился, как он рвался улететь! Я у вас тоже играл — это я был петухом, рвался и орал: «Козинцев — м...!»

Нецензурность слова вполне соответствовала нетипичности волнения...»

Успех Владимира Высоцкого в роли Гамлета был грандиозным. Этот успех во многом объяснялся тем, что Высоцкий просто жил в этой роли, так как судьба Гамлета продолжалась в его собственной судьбе. Так же, как и Гамлет, Высоцкий был одинок. Его никто настоящему не понимал и не ценил. «Я один, все тонет в фарисействе». Даже символика спектакля подчеркивала духовное родство Гамлета и Высоцкого: тот тяжелый занавес, что висел на сцене, был символом рока, фатума, Дании-тюрьмы, довлеющих над Гамлетом-Высоцким. Вот как пишет об этом А. Смелянский:

«Владимир Высоцкий начинал спектакль строками Бориса Пастернака, исполненными под гитару. Это был, конечно, полемический и точно угаданный жест. Ответ на ожидания зрителей, вызов молве и сплетне: у них, мол, там Высоцкий Гамлета играет!.. Да, да, играет и даже с гитарой. «Гул затих, я вышел на подмостки...» Высоцкий через Пастернака и свою гитару определял интонацию спектакля: «Но продуман распорядок действий, и неотвратим конец пути». Это был спектакль о человеке, который не открывает истину о том, что Дания — тюрьма, но знает все наперед. Сцена «Мышеловки» Любимову нужна была не для того, чтобы Гамлет прозрел, а исключительно для целей театральной пародии. Его Гамлет знал все изначально, давно получил подтверждение и должен был на наших глазах в эти несколько часов как-то поступить. Совершить или не совершить месть, пролить или не пролить кровь.

Михаил Чехов сыграл Гамлета в 1924 году в кожаном колете. Когда Станиславскому сообщили об этом, учитель Чехова огорчился: «За чем Миша подлаживается к большевикам?» Кожа была тогда принадлежностью комисса-

ров, и Станиславский этого знака времени заведомо не принял.

Высоцкий был в свитере. Это был точный знак поколения «шестидесятников», которые считали свитер не только демократической униформой, подходящей настоящему мужчине, но и сигналом, по которому отличали «своего» от «чужого». Среди Гамлетов послесталинской сцены Высоцкий отличался, однако, не только свитером. Он вложил в Гамлета свою поэтическую судьбу и свою легенду, растиражированную в миллионах кассет. Напомню, что к началу 70-х песни Высоцкого слушала подпольно вся страна...

Высоцкий одарил Гамлета своей судьбой. Он играл Гамлета так же яростно, как пел. Принц не боялся уличных интонаций. Его грубость ухватывала существо вечных проблем, опрокидывала их на грешную землю. Распаленный гневом, он полоскал отравленным вином сорванную глотку и продолжал поединок. Гамлет и Лаэрт стояли в разных углах сцены, и лишь кинжал ударял о меч: «Удар принят». Это был не театральная бой, а метафора боя: не с Лаэртом, с судьбой...»

30 ноября благополучно завершилась история конфликта между писателем Чаковским и маршалом Жуковым. В тот день с утра в кабинет Чаковского зашла секретарша и сообщила, что в приемной дожидается какой-то полковник от Жукова. Чаковский распорядился немедленно его впустить. Вошедший представился адъютантом маршала и протянул Чаковскому пакет. После чего так же стремительно удалился. Писатель распечатал конверт и обнаружил в нем книгу Жукова «Воспоминания и размышления», которую в магазине днем с огнем нельзя было сыскать. Но ценность этого экземпляра заключалась в другом: на титульном листе синими чернилами было написано: «Александр Борисовичу Чаковскому в знак моего уважения. Г. Жуков». Таким образом, в конфликте маршала с писателем была поставлена точка.

В этот же день произошло еще одно заметное событие — свадьба Андрея Миронова и Екатерины Градовой. Как мы помним, их роман развивался очень быстро: в мае они познакомились, в июне начали встречаться и тогда же определили точную дату свадьбы. Такая скорость удивляла многих, но только не тех, кто близко был знаком с Мироновым. По их

мнению, Андрей подобным образом хотел забыть свою прежнюю любовь — Татьяну Егорову, которая «променяла» его на известного сценариста. Вот как она сама описывает день свадьбы:

«С утра в моей коммунальной квартире с амурами раздался телефонный звонок. Это был Андрей:

— Таня! — кричал он. — Танечка! Я не хочу! Я не пойду! Та-а-а-а-ня! Я не хочу! Я сейчас приеду! Та-а-а-а-ня!

— Иди, иди, проштемпелюйся! Помучайся, это ненадолго! — жестко ответила я. — И никаких приездов!

Бросила трубку, посмотрела на амура и выругалась: «Подколесин хренов!»

Как утверждают очевидцы, совместная жизнь Миронова и Градовой сразу же не заладилась. Мол, первый скандал возник, как только они расписались, в поезде, в свадебном путешествии. Миронов был на грани развода, однако его отец — мудрый Александр Менакер — посоветовал сыну не торопиться, объяснил возникший скандал тем, что талантливые женщины всегда строптивы. Короче говоря, ситуацию удалось стабилизировать. И хотя брак Миронова с Градовой в итоге все равно распался, однако произошло это спустя почти три года после свадьбы. Но об этом рассказ впереди.

В эти же дни конца ноября страна широко отмечала 70-летие выдающегося советского клоуна Николая Румянцева, известного под сценическим псевдонимом Карандаш. И хотя юбилей приходился на 10 декабря, однако праздновать его начали почему-то в конце ноября. Говорят, когда в «верхах» придумывали, какой наградой одарить гениального клоуна, кто-то предложил дать ему звание Героя Социалистического Труда: 70 лет все-таки, из которых более сорока лет отданы цирку. Однако «наверху» почему-то посчитали, что «Гертруду» Румянцеву давать еще рано, мол, хватит с него пока и звания народного артиста СССР, присвоенного, кстати, всего лишь два года назад. В итоге министр культуры Екатерина Фурцева вручила юбиляру скромный орден Трудового Красного Знамени.

В заключении главы, как обычно, афиша столичного досуга. В кинотеатрах состоялось три кинопремьеры, причем все фильмы были посвящены событиям Великой Отечественной войны и выпали на один день — 29 ноября:

речь идет о дилогии Виктора Турова «**Война под крышами**» и «**Сыновья уходят в бой**» и режиссерском дебюте Николая Губенко «**Пришел солдат с фронта**».

Было что посмотреть и по «ящику», где крутили картины на любой вкус. Судите сами: драма «**Жестокость**» (18-го), комедии «**Деловые люди**» и «**Ключи от неба**», мелодрама «**Еще раз про любовь**» (все — 19-го), приключенческий фильм «**Похищенный**» (ГДР, 21-го), мелодрама «**Алешкина любовь**» (22-го), социальная драма «**У озера**» (23—24-го), мелодрама «**Журавушка**» (23-го), современная киноповесть «**Девять дней одного года**» и комедия «**Беспорядочное хозяйство**» (25-го), комедия «**Зеленый огонек**» (26-го), исторический эпос «**Пан Володыевский**» (Польша) (27—28-го), комедия «**Свадьба с приданым**» (28-го), политическая драма «**Вся королевская рать**» (с 30-го) и др.

И еще о ТВ. В конце ноября были завершены съемки следующих телефильмов: «**Малыш и Карлсон**» в постановке Валентина Плучека, «**Эти разные, разные, разные лица**» в постановке Игоря Ильинского и Юрия Саакова. Режиссер Всеволод Шиловский заканчивал съемки 9-й, заключительной, серии первой советской телевизионной «**мыльной оперы**» «**День за днем**» (рассказ об этом фильме впереди).

Из театральных премьер выделю следующие: 18-го в Малом театре — «**Свадьба Кречин-**

ского» А. Сухово-Кобылина с участием Игоря Ильинского, Владимира Кенигсона, Виталия Соломина и др.; 23-го в Театре имени Ермоловой — «**Золотой мальчик**» К. Одетса.

Эстрада была представлена следующими исполнителями: 16—19 ноября в Театре эстрады выступали артисты из Франции: Жаклин Франсуа и Жан Вольтэ, которых 21—24-го сменили артисты из Польши: ВИА «**Амазонки**», «**Трубадуры**» и др., 19—20-го в ГЦКЗ «**Россия**» царила Гелена Великанова, 20-го в ЦДСА — ВИА «**Девчата**», 26—28-го в «**Октябре**» — Владимир Макаров. 28 ноября в Театре эстрады состоялся концерт эстрадной песни, в котором принимали участие следующие исполнители: Иван Суржиков, Лев Лещенко, Лариса Голубкина, вокальный квартет «**Аккорд**», ВИА «**Девчата**» и др.

Фирма «**Мелодия**» выпустила на прилавки музыкальных магазинов очередные новинки: пластинку **Владимира Макарова** с песнями «**Четырнадцать человек**» (Л. Гарин — Н. Олев), «**Варвара Тимофеевна**» (М. Минков — Б. Пургалин), «**Помнишь, мама?**» (Н. Богословский — Н. Доризо), «**Северное сияние**» (Р. Майоров — А. Поперечный), и пластинку **Аиды Ведищевой** с песнями: «**Стожары**» (В. Навескин), «**Не уйти**» (Ю. Чичков — В. Сергеев), «**Все в мире как вчера**» (Х. Шмичинский — Л. Дербенев), «**Две минуты**» (Э. Ханок — Д. Костюрин).

1971 Декабрь

Донос на Сергея Параджанова. Умер режиссер Андрей Тутьшкин. Очередная победа Олега Коротаева. Юбиляры месяца: Георгий Жуков, Николай Симонов. Умер Андрей Андреев. Устин Акимыч убивает собственного сына. Как проверяли работу столичного такси. Футбольный «Спартак» в Париже: мохеровый скандал. ВИА «Песняры» ставят на место. «Живой» в Театре на Таганке: еще одна реанимация. Почему Александра Стефановича не пустили в ФРГ. Хит телесезона: «День за днем». Евгений Петросян в роли новосела. Женится Владимир Конкин. Ссора Миронова с Квашой. Банда «фантомасов» проливает кровь. Умер Александр Твардовский. Почему конструктор Туполев посоветовал Сахарову обратиться к психиатру. Достойный подарок к 25-летию советского хоккея. Долгожданная премьера «Андрея Рублева». Художник Михаил Шемякин покидает СССР. Другие «отъезжанты»: кинорежиссер Михаил Калик, певец Жан Татлян. Родился Сергей Бодров. Длинные руки МУРа. Трудное время Александра Галича: исключение из Союза писателей. Помощник министра обманул Высоцкого. Как Анатолий Карпов заблудился на турнире в Англии, а футболисты московского «Спартака» попали под обстрел кастрюлями в Риме. Как Сергей Герасимов незаметно от жены снабжал свою возлюбленную деньгами. Виктор Драгунский: в Новый год с грустью. Как Карцева и Ильченко доставили в Москву веселить членов Политбюро.

В среду, 1 декабря, в Минске с творческой командировкой находился известный кинорежиссер Сергей Параджанов (в те годы он жил в Киеве и работал на студии имени Довженко). В тот день он выступил перед творческой и научной молодежью республики и заставил изрядно поволноваться организаторов этой встречи. Дело в том, что Параджанов принялся бросать публичные упреки власти за то, что она зажимает талантливых людей, не дает свободно жить творческой интеллигенции, всячески цензурирует ее. Присутствующие в зале стукачи тут же доложили куда следует — то есть в минский КГБ, а тот, в свою очередь, срочно телеграфировал об этом в Москву. В итоге на свет родился документ за подписью председателя КГБ Андропова, в котором на 23 (!) листах в подробностях живописалась речь Параджанова в Минске. Андропов отмечал, что «выступление Параджанова, носившее явно демагогический характер, вызывало возмущение большинства присутствующих». Это была откровенная ложь. Наоборот, присутствующие согласились с боль-

шинством выводов Параджанова, но смелости высказать это вслух практически ни у кого не хватило. Типичная ситуация для тех времен.

И еще одно событие, связанное с отечественным кино, на этот раз печальное, случилось в тот день — умер режиссер Андрей Тутьшкин. Большинству читателей эта фамилия абсолютно ничего не говорит, хотя фильмы, снятые им, безусловно, знают все. Взять хотя бы искрометную комедию «Свадьба в Малиновке» (1967), которую до сих пор с удовольствием смотрят зрители разных поколений. Из других фильмов Тутьшкина назову следующие: «Мы с вами где-то встречались» (1954, с Н. Досталем) с Аркадием Райкиным в главной роли, «Вольный ветер» (1961, с Л. Траубергом). Последней работой Тутьшкина в кино стала опять же комедия «Щельменко-денщик» (1971), которая вышла на широкий экран всего лишь несколько месяцев назад. Отмечу также, что смерть настигла талантливого режиссера на 62-м году жизни. Накануне вечером он был на юбилейном вечере Аркадия Райкина, а когда вернулся

домой, тут же почувствовал себя плохо. Родственники немедленно вызвали врача, но было уже поздно — сердце режиссера остановилось до того, как примчалась «Скорая».

1 декабря в Ленинграде проходил международный турнир по боксу, в котором принимал участие прославленный советский боксер Олег Коротаев. Как мы помним, летом этого же года (в июле) ему была сделана операция на ноге, после которой недоброжелатели боксера — в частности, тренер сборной Степанов, подняли вопрос о его инвалидности. Мол, Коротаев уже не сможет боксировать, поэтому его пора отправлять на «пенсию». Однако сам Коротаев придерживался иной точки зрения. Тогда, чтобы доказать свою правоту, Степанов поставил перед ним условие — если в декабре боксер не выступит в Ленинграде, то из сборной команды СССР его выведут и снимут с государственной стипендии. Поэтому этот турнир очень многое решал в судьбе Коротаева. Послушаем его собственный рассказ:

«В конце ноября я приехал в Ленинград, двигаться еще как следует не мог, но у меня было безвыходное положение, и 1 декабря я вышел на ринг. В первом же бою жребий свел меня с сильнейшим боксером Европы румыном Ионом Селишем, который в полуфинале в Мадриде боксировал с Мате Парловом. В первом раунде мне удалось нанести ему сильный удар в голову, нокаунт, а во втором раунде я его нокаутировал.

Второй бой я провел с Сашей Читалкиным из «Даугавы», членом сборной СССР. Характер боя был тот же. В первом раунде у Саши нокаунт, а во втором нокаут. Наконец, финал. К тому времени я умирал от болей в ноге, но отказаться от финала не мог, тем более что в финале я должен был встретиться с Метелевым, с тем самым Метелевым, которого вместо меня Степанов поставил выступать на чемпионате Европы. Степанов хотел всем доказать, что он был в Мадриде прав, не дав мне выступить, он не хотел упустить этот шанс. И вот бой. Я на время забыл о боли и своего соперника просто разорвал. Нельзя не сказать о поведении Степанова, наблюдавшего за нашим поединком. Когда Метелев, пропустив первый сильный удар, упал на помост, Степанов подбежал к рингу и закричал: «Вставай, сволочь! Паразит, вставай! Бей Коротаева! Трус, б..., сука,

вставай!» Как только он не называл несчастного боксера, который находился в нокадауне. А ведь Метелев считался протеже Степанова. Своих и то не жаловал, когда затрагивались его интересы. Я мог нокаутировать Метелева еще в первом раунде, но мне хотелось, чтобы это произошло эффектно, красиво, и я своего добился во втором раунде — ударом по печени я Метелева нокаутировал. Это так красиво смотрится — левой снизу. Он не смог подняться, прибежали врачи, санитары и на носилках унесли его с ринга...»

На начало декабря выпало сразу два крупных юбилея: 2 декабря исполнилось 75 лет Маршалу Советского Союза Георгию Жукову, 4-го — 70 лет народному артисту СССР Николаю Симонову. Начнем с первого.

Вспоминает Элла Жукова, средняя дочь маршала: «2 декабря 1971 года в довольно узком кругу мы отметили последнюю круглую дату — 75-летие отца. Все, казалось, было как всегда. За столом улыбались, шутили, как и принято на подобных торжествах. Но я не могла отделаться от ощущения глубокой внутренней грусти при виде стареющего отца, который мало говорил, порой о чем-то задумывался и мыслями в эти моменты был не с нами. Позже Эра (старшая дочь Жукова. — Ф. Р.) призналась мне, что чувствовала примерно то же самое. Галина Александровна выглядела усталой, глаза ее не блестели, как прежде. Видимо, болезнь уже подкрадывалась к ней, а сколько душевных и физических сил требовал от нее постоянный, ежечасный уход за больным мужем! Характер его в последние годы был не из легких. Нужно было заботиться и о Маше (младшая дочь Жукова. — Ф. Р.), тогда еще школьнице. Галина Александровна держалась мужественно и стойко. Наверно, далеко не всегда она чувствовала себя хорошо, но старалась, чтобы никто этого не заметил, не жаловалась...»

А вот как вспоминает об этом же дне актер Михаил Ульянов — первый и пока единственный исполнитель роли маршала Жукова в отечественном кино:

«Когда Жукову исполнилось 75 лет, решили, что от имени кинематографистов я должен съездить к Георгию Константиновичу и подарить ему альбом с фотографиями, сделанными во время съемок фильма «Освобождение». Я позвонил на дачу, но супруга Жукова сказа-

ла, что мною выбрано неудачное время для спокойного разговора, что Георгий Константинович очень нервничает из-за шумихи с юбилеем. Словом, меня попросили приехать через несколько дней. Через неделю я позвонил повторно. Мне сказали: «Приезжайте», но когда я добавил, что слегка простужен, супруга Георгия Константиновича заволновалась: «Ой, нет. А вдруг инфекция?» В третий раз я уже не позвонил... Жалею об этом бесконечно, но так уж случилось...»

Юбилей Николая Симонова (широкий зритель знает его прежде всего по ролям в фильмах: «Петр Первый» (Петр), «Овод» (падре), «Человек-амфибия» (отец Ихтиандра) выпал на 4 декабря, однако публичное чествование началось двумя днями раньше. Зал Ленинградского театра имени Пушкина (в былые времена Александринского театра) в тот день был переполнен. Это стало редкостным по силе и искренности чувств триумфом артиста. Вступительное слово произнес Юрий Толубеев, после чего сыграли две сцены из спектакля «Живой труп», в одной из которых участвовал юбиляр. Едва он появился на сцене, как зал в едином порыве поднялся с мест. Начались овации, которые не смолкали несколько минут. Николай Константинович стоял у рампы, смущенно смотрел в зал и благодарил короткими, быстрыми кивками.

На следующий день был обнародован правительственный указ о присвоении Симонову звания Героя Социалистического Труда — «за выдающиеся заслуги в развитии советского театрального искусства и в связи с 70-летием со дня рождения». Это награждение явилось настоящим событием в театральном мире, поскольку Симонов оказался одним из первых **БЕСПАРТИЙНЫХ** актеров, удостоенных столь высокого звания. Вспомним, что совсем недавно, какую-то неделю назад, 70-летие справлял другой прекрасный артист — клоун Николай Румянцев (Карандаш), но Героем Соцтруда так и не стал (он получит это звание лишь спустя восемь лет).

Звание Симонова «обмывали» вечером 4 декабря. Причем сначала именинник отыграл спектакль — «На дне» Горького (роль Сатина), после чего был накрыт праздничный стол. Пришли участники спектакля, наиболее близкие коллеги, рабочие сцены, руководители театра.

5 декабря в Москве на 77-м году жизни скончался один из крупных государственных и партийных деятелей страны, бывший член Политбюро ЦК КПСС (1932—1952) Андрей Андреевич Андреев. В отличие от некоторых своих коллег по сталинскому Политбюро — Молотова, Кагановича, Маленкова, Берии — Андрееву повезло больше: он никогда не входил ни в какие «антипартийные» группировки, был востребован при всех режимах и ушел на пенсию без скандала — в 1962 году, сложив с себя полномочия члена ЦК и члена Президиума Верховного Совета СССР. С тех пор он вел тихую жизнь пенсионера союзного значения.

Во вторник, 7 декабря, на «Мосфильме» проходила досъемка отдельных эпизодов фильма «Тени исчезают в полдень». Все 7 серий картины закончили снимать еще 30 сентября, но по решению худсовета кое-что в готовый материал требовалось добавить. В частности, в тот декабрьский день снимали крупные планы в эпизоде, когда Устин Акимыч (Сергей Яковлев) убивает в подвале своего собственного сына Федора (Геннадий Корольков). Как мы помним, тот в отличие от отца родину не предавал, сражался в рядах Красной Армии, но во время боя попал в плен к фашистам, у которых теперь служил его отец. И тот в порыве бешенства убивал раненого сына, сотрясая подвал криками: «Не смотри на меня так, Федька!»

В тот же день, 7 декабря, в Москве, силами сотрудников «Литературной газеты» был проведен любопытный эксперимент, целью которого стало выявление недостатков в работе столичного такси. В последнее время на водителей накопились многочисленные жалобы от москвичей: они грубили, обирали пассажиров, а также часто отказывались везти в нужном направлении. Чтобы убедиться, где здесь правда, а где ложь, газета и задумала провести свой эксперимент. Причем участвовать в нем согласились и представители московского такси: заместитель начальника службы движения Управления таксомоторного транспорта и легковых автомобилей Т. Горбунов и таксист Э. Стоянов. Газету представляли С. Миткин и А. Рубинов. И еще одна женщина, которая выступала в роли «подсадной утки».

В пять часов вечера женщина с пустым одеялом в руках, имитирующим ребенка, заняла позицию возле входа в сад ЦДСА на площа-

ди Коммуны. Остальные участники эксперимента разместились неподалеку, в редакционной «Волге», и вооружились карандашами. Спустя пару минут в поле их зрения попала первая свободная «таксюшка». Однако вместо того чтобы тормознуть рядом с женщиной, автомобиль лихо промчался мимо и скрылся на Селезневской улице. Карандаши вывели первые результаты: «Такси с номером 45-66 ММЛ — не остановилось». Спустя несколько минут то же самое повторили и водители двух других такси. Причем один из них рискованно пронесся буквально перед носом женщины, словно бы говоря: не суйся — задавлю.

Только четвертая по счету машина остановилась. Однако лучше от этого женщине не стало. Вместо положенного «Здравствуйте», шофер сказал запрещенное: «Куда надо?» Женщина назвала адрес одного из спальных районов. Шофер присвистнул... и укатил прочь. За следующие пятнадцать минут мимо промчалось еще шесть автомобилей такси. Четыре из них остановились, но, узнав адрес, предпочли ретироваться. В итоге, изрядно продрогнув на морозном ветру, женщина ушла греться в редакционную «Волгу». Эксперимент прекратился. Был составлен соответствующий документ, под которым поставили подписи все присутствующие. Стоит отметить, что одним днем дело не закончится: эксперимент продлится целый месяц и выявит массу недостатков в работе столичного такси. В газете появится об этом большая публикация, с которой ознакомятся чуть ли не все московские таксисты. Почитают, почеснут затылки и... возьмутся за старое.

В тот же день, 7 декабря, в Москву из Парижа вернулась футбольная команда столичного «Спартака», проводившего во Франции серию товарищеских матчей (улетели 26 ноября). Это возвращение сопровождалось грандиозным скандалом. Дело в том, что некоторые спартаковцы решили совместить служебную командировку с нелегальным бизнесом и закупили в Париже мохера, чтобы на родине выгодно его продать. По тем временам — распространенная практика среди тех, кто имел возможность выезжать за границу. Однако если раньше этот трюк удавался, то теперь все вышло иначе. В Париже футболисты жили в гостинице вместе с музыкантами ансамбля под управлением Игоря Моисеева, и, видимо, кто-

то из музыкантов то ли из зависти, то ли из-за патриотического рвения «стукнул» на футболистов куда следует. В итоге на шереметьевской таможне спортсменам устроили «осмотр багажа с особым пристрастием». Первым вскрыли чемодан 23-летнего хавбека Василия Калинова, а там мохеровые мотки были так плотно набиты, что они даже попадали на пол. Та же картина обнаружилась и в чемоданах других футболистов. В итоге скандал вышел грандиозный: в Спорткомитете решили не спускать это дело на тормозах и устроить разбирательство по «первому разряду». Созвали партийное собрание, на котором провинившихся футболистов заставили дать объяснение своему вопиющему поступку. Все начали каяться, юлить (мол, везли мохер женам, сестрам и т. д.), и только Калинов, простая душа, не стал лукавить и выложил как на духу: «Скоро же отпуск, деньги нужны будут, вот и хотел подзаработать...» В итоге его сделали невыездым, а через год он и вовсе вынужден был покинуть команду.

Замечу, что про этот скандал широкая публика ничего не знала, поскольку пресса о нем молчала. Зато другой инцидент, произошедший в те же дни, изрядно муссировался в печати. Речь идет о «наезде» на белорусский ВИА «Песняры». 9 декабря в «Комсомольской правде» появилась заметка Е. Гортинского под названием «Скандал перед микрофоном». Началась она выдержками из нескольких писем, пришедших в редакцию из Волгограда, где незадолго до этого гастролировали «Песняры». Приведу несколько отрывков из этих посланий. Например, некий студент Никольский общал:

«У нас в городе гастролировал вокально-инструментальный ансамбль из Белоруссии «Песняры». Мне посчастливилось достать билет на один из его концертов. Я остался очень доволен. Но, увы, вскоре хорошее настроение пошло насмарку».

А вот что писали рабочие химического завода:

«Видимо, молниеносный успех, который «Песняры» завоевали у публики, вскружил молодым артистам головы. Но, честное слово, не грех певцам подумать и о том, что успех этот они могут так же молниеносно и потерять...»

Но самое серьезное по тем временам обвинение выдвинули «Песнярам» рабочие другого

завода — «Буровое оборудование». Они писали: «Могло показаться, что это не эстрадный ансамбль, а группа дельцов...»

Далее в заметке шло описание инцидента, который, собственно, и послужил поводом к валу возмущенных писем. Произошел он в городе Волжске и заключался в следующем. Работники местного телевидения договорились с художественным руководителем «Песняров» Владимиром Мулявиным о видеозаписи концерта. Однако в последний момент Мулявин якобы заявил, что «Песняры» бесплатно записываться не намерены. Более того, артисты прервали концерт, один из них на глазах у сотен зрителей оборвал микрофонный кабель, а второй ударил по микрофону, выведя его из строя.

Уже много лет спустя (в феврале 97-го), в интервью газете «Московский комсомолец» В. Мулявин, коснувшись этого инцидента, назвал его «расправой с популярным коллективом». Мол, все описанное в газете было неправдой. Цитирую:

«Мы выступали в Волгограде, а этот скандално известный концерт давали в Волжске. По традиции телевидение имело право снимать только последний концерт, мы же должны были работать еще два дня. Выходим в Волжске на сцену, а там установлена аппаратура для съемок. Мы говорим залу: «Сейчас уберут микрофоны телевизионщиков, и мы начнем концерт». Ждем, ничего не меняется. Публика в тот вечер была очень, так скажем, специфическая. Волжскую-то плотину эки строили, ну и осели в окрестностях. Они, сами понимаете, долго ждать не будут. Атмосфера в зале стала накаляться, тогда наши рабочие вышли на сцену, аккуратнейшим образом разъединили штекеры и унесли микрофоны за кулисы. Концерт чуть задержался, правда, но отработали мы его как надо.

А потом эта статья в «Комсомолке»... На разборку из Минска примчался замдиректора филармонии, присутствовал председатель Волгоградского обкома партии, нам даже объяснить не дали. Такая была демонстрация, партийцы возмущались, хватались за сердце, чуть ли не в обморок падали. А нам как раз накануне скандала пришло приглашение поехать в Канны на фестиваль (имеется в виду ярмарка грамзаписи МИДЕМ, проводившаяся в январе. — Ф. Р.).

Ну и плакали Канны — стали мы на несколько лет невыездными...»

Напомню, что эти слова Владимира Мулявина датированы февралем 97-го. А тогда, в 71-м, все завершилось совершенно иначе — покаянным письмом того же Мулявина в «Комсомольскую правду» (номер от 29 декабря). Письмо было коротким:

«Уважаемая редакция!

9 декабря 1971 года в вашей газете под заголовком «Скандал перед микрофоном» была опубликована статья по поводу возмутительного поступка, совершенного мною в городе Волжском во время концерта вокально-инструментального ансамбля «Песняры», руководителем которого я являюсь. Мы все глубоко сознаем тяжесть своей вины и понимаем, что нами было нанесено оскорбление зрителям и моральный ущерб ансамблю «Песняры» и всему коллективу Белорусской государственной филармонии.

Просим верить: коллективом и лично мною сделаны все необходимые выводы из случившегося. Подобное никогда не повторится!

Просим через Вашу газету передать всем зрителям, присутствовавшим на концерте в г. Волжском, наши искренние извинения.

С уважением В. Мулявин».

Тем временем в Театре на Таганке в очередной раз приступили к реанимации спектакля «Живой» по Б. Можаяву. Еще в 1968 году он был готов к выходу, однако министр культуры Екатерина Фурцева наложила на него свое вето, мотивируя это тем, что спектакль «идеологически вредный». С тех пор на Таганке стало своеобразным ритуалом раз или два в год вспоминать про «Живого» и пытаться протаскать его сквозь цензурные рогатки. Еще в начале декабря на доске объявлений в театре появилась запись: «По желанию участников спектакля начинается репетиция «Живого» 5 декабря в верхнем буфете». В течение последующих дней почти каждый день шли репетиции. В пятницу, 10 декабря, Золотухин записал в своем дневнике:

«Высоцкий: Ты еще лучше стал репетировать Кузькина. Ты повзрослел. Только покраситься нужно обязательно, а то мальчишкой выглядишь.

И я вечером же вчера, идя на репетицию, завернул в парикмахерскую и вышел оттуда черный, как жук навозный.

Шеф: Ты чего сделал с собой? Опять кино?

— Что вы, для Кузькина исключительно.

— Ну да?! Солома была лучше.

Вот так, не угодишь. Конечно, я очень черен, это не мой цвет, но, может, высветлюсь еще...»

13 декабря группа фильма «Вид на жительство» приступила к натурным съемкам в столице ГДР — городе Берлине. Стоит отметить, что первоначально планировалось снимать эпизоды заграничной жизни в соседней ФРГ; однако высокое начальство запретило это делать из-за «неправильного» поведения режиссера Стефановича. Во время предыдущей экспедиции в Ригу (16 сентября—25 октября) его угораздило закрутить роман с чехословацкой манекенщицей, о чем тут же стало известно на киностудии. Видимо, опасаясь, что режиссер может и в этой экспедиции не совладать со своими инстинктами и угодит в постель к какой-нибудь капиталистической дэвице (а та, глядишь, окажется агентом ЦРУ), было решено отправить группу в социалистическую ГДР. Киношники пробудут там ровно две недели.

Тем временем 14 декабря советская сборная по боксу прилетела в столицу Болгарии город Софию для участия в международном турнире. В состав сборной был включен и Олег Коротаев, хотя ранее тренер Степанов не хотел этого делать. Однако после того как две недели назад Коротаев победил на турнире в Ленинграде, не включить его в состав сборной было просто невозможно.

Болгарскую сборную в то время тренировал наш тренер Борис Никаноров, прекрасно осведомленный об «убойных способностях» Коротаева. Первый бой Коротаев должен был проводить с новичком болгарской сборной, которого готовили к предстоящей Олимпиаде. Видимо, пожалев парня, Никаноров прислал к Коротаеву гонца с объяснениями: «Мол, наш боксер парень молодой, ему всего 22 года, мы его готовим к Олимпиаде и, зная о твоих способностях, с поединка снимаем. А то разок стукнешь как следует, и на Олимпиаду некого будет ставить». Самое интересное, что Коротаеву в то время тоже едва исполнилось 22 года. Коротче говоря, так Олег без проблем заработал победное очко.

Следующий бой он провел с другим болгаринном, который был постарше и считался

опытным боксером. Однако это не убергло его от поражения — Коротаев нокаутировал противника уже во втором раунде. В третьем бою Олег волею судьбы столкнулся с кубинцем Карильо (спустя несколько месяцев Карильо станет серебряным призером XX Олимпийских игр, в финале уступив Мате Парлову). Этот бой тоже оказался скоротечным, поскольку Коротаев нокаутировал Карильо уже в первом раунде.

Наконец, финал. Там Коротаев встретится с румынским боксером со звучной фамилией Моня. По словам Коротаева, Степанов очень надеялся на то, что Олег проиграет (!) этот поединок и тем самым спасет репутацию тренера в глазах чиновников из Спорткомитета. Но Коротаев ему такой «подарок» не преподнес, нокаутировав и Моню (правда, уже в третьем раунде). Как напишет позднее сам Коротаев:

«По возвращении с турнира в Москву у Степанова в Спорткомитете уже начались неприятности серьезные. Трон под ним закачался...»

В первой половине декабря в кинотеатрах столицы состоялось несколько кинопремьер: 2-го на широкий экран вышел югославский боевик «Западня для генерала»; 6-го — фильм «Нина» (студия имени Довженко), повествующий о судьбе командира подпольщиков Нине Сосниной (в этой роли снялась Ирина Завадская); 8-го — режиссерская работа Евгения Матвеева «Смертный враг»; 13-го — фильм Бориса Ивченко «Олеся» с Людмилой Чурсиной в главной роли. Но главными кинопремьерами месяца можно смело назвать два фильма: третью, и последнюю, часть трилогии о приключениях «неуловимых» «Корона Российской империи» Эдмонда Кеосаяна (с 13-го) и комедию «Джентльмены удачи» Александра Серого, который с 14 декабря оккупировал экраны двух самых престижных кинотеатров столицы — «Россия» и «Октябрь». Аншлаг на всех сеансах был полный.

Кстати, критики по поводу «Джентльменов» встрепенулись не сразу — спустя месяц, а вот по «Короне» «долбанули», что называется, по горячим следам. В главной газете страны — «Правде» — 26 декабря была помещена заметка А. Липкова под названием «Вместо героики». Приведу лишь отрывок из нее:

«Суть дела свелась к чистой уголовщине: политический смысл борьбы, как ни выпячивается в фильме его значение, оказывается равным нулю. Неуловимые превратились в детективов пинкертоновского типа.

Драматургия фильма строится как цепь трюков, не связанных ограничениями здравого смысла и логики. Если, скажем, идет драка в кабаке, то для авторов уже не важно, из-за чего она идет, — важно, чтобы было позанятнее и посмешнее, чтобы прошибали головами стенку бара, чтобы стреляли из рогатки кому-то в глаз и чтобы кто-то, обрушив перила, плюхался вниз с балкона...

«Корона», наверное, соберет множество зрителей, авансом отдавших свою любовь четверке отважных. И даже если на этот раз зрители покинут зал с чувством разочарования, они все равно не утратят своей любви к юным героям, будут ждать, когда они вновь вернутся на экран. Хотелось бы только, чтобы вернулись они уже повзрослевшими духовно, умудренными опытом жизни, пониманием и целей борьбы, и ее нравственного, человеческого смысла».

Положа руку на сердце, стоит заметить, что, по большому счету, автор заметки был прав — фильм получился, мягко говоря, слабый. Однако эта заметка (и ряд других, подобных ей) сослужила худую службу в дальнейшем, поскольку явилась одной из причин (а их вообще было несколько), почему Кеосаян навсегда распрощался с «неуловимыми».

Тем временем на киностудиях страны идут съемки других картин, которым в будущем предстоит стать лидерами проката. Назову лишь некоторые из этих фильмов: в Сухумской бухте Станислав Говорухин работает над лентой о Робинзоне Крузо (в этой роли снимается Леонид Куравлев), Вилен Азаров занят продолжением фильмов «Путь в «Сатурн» и «Конец «Сатурна» — картиной «Бой после победы», Валерий Рубинчик на «Беларусьфильме» снимает картину «Могила льва» с Олегом Видовым в роли Мошеки, в Москве Сергей Урусевский — «Пой песню, поэт...» о Сергее Есенине. К слову, еще год назад Урусевский собирался начать работу над этим фильмом, но вынужден был ее остановить, поскольку Госкино практически навязывало свою кандидатуру на главную роль (Олега Видова), хотя Урусевский видел в ней

другого актера — Сергея Никоненко. Больше года длилась эта борьба, пока Урусевский наконец не победил.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Нежность» (1-го), «Укротители велосипедов» (2-го), «Волга-Волга», «Девичий заговор» (Польша) (4-го), «Полосатый рейс», «Депутат Балтики» (5-го), «Девчата» (6-го), «Орлята Чапая», «Доктор Ева» (преьера, ГДР) (7—11-го), «Дом, в котором я живу» (8-го), «Семь стариков и одна девушка» (9-го), «Максим Перепелица» (10-го), «Васек Трубачев и его товарищи», «Старшая сестра» (12-го), «Директор» (впервые по ЦТ 13—14-го), «Воздушный извозчик» (13-го), «Обвиняются в убийстве» (впервые по ЦТ 15-го) и др.

Однако премьерой месяца можно смело считать первое телевизионное «мыло» Советского Союза — телеспектакль «День за днем», поставленный режиссером Всеволодом Шиловским по сценарию Михаила Анчарова. Премьера «Главы 1-й» состоялась 9 декабря в 21.30—22.55.

Вспоминает В. Шиловский: «Идея снять многосерийный телеспектакль родилась на квартире Михаила Анчарова. Мы начали фонтанировать. Ссорились, как будто расходимся на всю оставшуюся жизнь. Крик стоял невероятный. Попова (Нина Попова — жена Анчарова. — Ф. Р.) привыкла потом. Но вначале она думала: сейчас они убьют друг друга. Миша был значительно старше меня, но он поставил себя так, что я никогда не думал о разнице в возрасте...

Мы работали, но одна мысль не давала нам покоя. Ведь на телевидении не пропустят просто так. Я предложил:

— Давай, я поговорю с Виктором Яковлевичем Станицыным. Чтобы прикрыл он нас и был художественным руководителем.

— Да он не согласится! Ну, как втемную, что ли? Такой громадный человек.

— Ну, он же мой учитель. Он мне верит. И ни я, ни ты не можем его подставить.

Я поговорил с Виктором Яковлевичем. Это был непростой разговор. Но Станицын согласился. А это было очень важно. Потому что кто такой режиссер-постановщик Всеволод Шиловский? А вот художественный руководитель, народный артист СССР, раз пять лауреат Сталинской премии, профессор В. Я. Станицын —

другое дело. Лапин (председатель Гостелерадио. — Ф. Р.) очень любил МХАТ. Был дружен со многими большими артистами. И это нас спасло. И началась эта невероятная эпопея...

Надо было утверждать актеров. Банькин, главный персонаж, его должен был играть молодой актер. Были разные предложения. Но я предложил Невинного. Слава тогда был худой, высокого роста. Талантливейший артист... С помощью Виктора Яковлевича Славу утвердили...

С нами работала Лидия Сергеевна Ишимбаева, телевизионный режиссер, из пионеров телевидения. Это человек громадной культуры, любящий актеров, мастер своего дела. Я практически выпросил ее у Сергея Георгиевича Лапина. И благодаря совместной работе с Ишимбаевой проходил телевизионную академию. Ведущим оператором был Борис Кипарисов. Много было замечательных операторов, но главный — Кипарисов.

Я встретился с Лапиным, чтобы обсудить деликатный вопрос: сколько мы сможем платить артистам? Устроил на телевидении переворот, потому что за участие в телеспектакле платили концертные ставки, значительно ниже киношных. Мы договорились с Лапиным платить артистам по киноставкам. И к каждому съемочному дню оплачивать два дня репетиций. Это сыграло очень важную роль. Даже на эпизоды я имел право приглашать уникальных артистов. Постепенно установился состав. Тетю Пашу сыграла Нина Афанасьевна Сазонова. Дядя Юра был Алексей Николаевич Грибов. Так как Нина Попова работала в Театре имени Пушкина, очень много артистов было из этого театра. Леночка Ситко, Юрий Горобец играл художника, мужа Нины Поповой. Дзидра Ритенбергс, Кира Николаевна Головки. Михаил Николаевич Зимин был еще молод и хорош собой. И Леша Борзунов молодой. Ангелина Степанова, Михаил Болдуман, Марк Прудкин, Анастасия Георгиевская. Впервые на экране спел песню Валентин Никулин. И мой годовалый сын Илья есть в кадре. И получилось так, что у нас участвовало сто сорок четыре артиста из одиннадцати театров Москвы. Такого еще не было!

Съемки длились не восемь часов, как на кинофабрике, а три. С трех до шести. Без пятнадцати шесть артисты уже смотрели на часы и говорили:

— Спектакль!

И надо было выбивать машины, чтобы отправлять артистов в театры.

Мне хотелось уйти от ощущения павильона, которое обычно присутствует в телеспектакле. На телевидении нет процесса озвучания, как в кино. И я придумал очень сложное для звукооператора дело и воплотил его в жизнь. Я писал отдельную звуковую дорожку со всем объемом шумов. Параллельные шумы идут без беседы, и только потом накладывается звук. Если большая пауза между актерами, я вырезал эту паузу. Так возникло играющее радио в спектакле. Я все время придумывал подобные штуки. Это адский, каторжный труд. До сих пор эту каторгу никто повторить не может. И у зрителя было ощущение фильма, а не телеспектакля. «День за днем» все так и называли — фильм...»

Из театральных премьер первой половины декабря назову следующие спектакли: 1-го — «**Не беспокойся, мама!**» в Центральном театре Советской Армии с участием Ларисы Голубкиной, Владимира Сошальского и др.; 2-го — «**Валентин и Валентина**» М. Рошина в «Современнике» в постановке Валерия Фокина с участием ведущих актеров театра Аллы Покровской, Татьяны Лавровой, Валентина Гафта, Валентина Никулина, а также двух дебютантов — Константина Райкина (Валентин) и Ирины Акуловой (Валентина), для которых эта премьера стала поистине «звездной».

На столичной эстраде в те дни выступали следующие исполнители: 1—5 декабря в Театре эстрады состоялись концерты, посвященные 30-летию победы под Москвой, под названием «Тебе, Москва! Тебе, Победа!», в которых участвовали Майя Кристаллинская, Владимир Макаров, Олег Анофриев и др., 3—4, 6—7 и 11 декабря во Дворце спорта в Лужниках выступал югославский певец Джордже Марьянович.

Из новинок «Мелодии» отмечу одну: диск **Луи Армстронга**.

Между тем в том декабре справил новоселье артист Евгений Петросян. До этого он около десяти лет скитался по съемным квартирам, пока наконец не получил отдельное жилье в доме на Садовом кольце, в нескольких троллейбусных остановках от Курского вокзала. Скажу прямо, хороший район, поскольку сам я более семнадцати лет жил в нем и облазил те

места вдоль и поперек. В тех краях тогда обитали многие знаменитости: Савелий Крамаров, Давид Ойстрах, Эдуард Стрельцов, известный ныне шоумен Леонид Якубович и др.

В декабре 71-го женился актер Владимир Конкин. Правда, пока он абсолютно никому не знаком, поскольку его звездные роли (Павка Корчагин и Володя Шарапов) еще впереди. Со своей женой — Аллой Выборновой — Конкин познакомился в конце 60-х при следующих обстоятельствах. Ее мама была классная руководительница Конкина. Однажды Алла пришла в школу на традиционную встречу выпускников и там познакомилась с Конкиным. Однако только через год, на очередной встрече выпускников, Конкин вновь осмелился подойти к Выборновой и предложил свою дружбу. Затем дружба переросла в любовь, и к моменту похода в ЗАГС невеста была уже на пятом месяце беременности.

В декабре еще один молодожен — Андрей Миронов — поссорился со своим другом, актером «Современника» Игорем Квашой. По словам Н. Пушной, это выглядело следующим образом:

«Произошла очень неприятная история. Андрей пригласил Квашу в гости, на улицу Волкова, в маленькую квартирку, куда привез Катю (Градову. — Ф. Р.). Игорь немножко нахулиганил. Андрей очень обиделся. Искренний, чистый человек, он относился к людям по-детски открыто и совершенно не понимал цинизма в отношениях. А поступок друга был циничен. Андрей обиделся настолько, что много лет не общался с Квашой. Потом помирился. Так или иначе, пренебрежительная выходка друга была связана с Катей. Совместная жизнь началась беспокойно...»

В четверг, 16 декабря, в Ростове-на-Дону вновь вспомнили про «фантомасов». Как мы помним, последнее преступление эта банда совершила в августе, когда напала на кассира стройуправления №112 и забрала 17 тысяч рублей, предназначенных для выплаты зарплаты рабочим. И вот, спустя четыре месяца, произошло новое нападение, которого от преступников не ждали: с такой регулярностью они еще не работали. То ли украденные деньги у бандитов кончились, то ли безнаказанность окончательно вскружила им головы.

В тот четверг «фантомасы» объявились на Пушкинской улице. Их было трое: Вячеслав Толстопятов, Владимир Горшков и Самосюк. Каждый играл свою роль: Самосюк должен был нейтрализовать водителя, Горшков взять на себя второго инкассатора с деньгами, а Толстопятов выступал в роли прикрытия. Операцию едва не сорвал Горшков. Когда он подскочил с автоматом к своей жертве — инкассатору Зюбе, — тот, вместо того чтобы послушно поднять руки вверх и отдать мешок с деньгами, ударил грабителя. Горшков от неожиданности выронил оружие из рук. В следующую секунду Зюба выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в Горшкова. Пуля угодила бандиту в плечо, и он согнулся от боли. Следующая пуля должна была поставить точку в его такой короткой и, в общем-то, никчемной жизни, но тут на помощь Горшкову пришел один из подельников — Толстопятов. Длинной очередью из автомата он буквально рассек храброго инкассатора. Подхватив раненого товарища, бандиты сели в инкассаторскую машину и, прихватив деньги, скрылись с места преступления.

Спустя несколько минут «фантомасы» оказались возле дома Вячеслава Толстопятова. Несмотря на то, что Горшков был ранен и истекал кровью, именно ему дружки доверили нести мешок с деньгами до дома, а сами отправились отгонять машину. Ночью во флигеле Толстопятова-младшего на Пирамидной улице «фантомасы» собрались на совет. Решалась судьба Горшкова. Подельники обвинили его в трусости и готовы были приговорить к смерти. Горшков это понимал и поэтому находился в трансе. От страха он не мог даже слова выдать из себя. Но судьба опять смилостивилась над ним. Подельники его простили и решили лечить. В качестве доктора должен был выступить их хороший знакомый Константин Прудников. Он извлечет пулю из предплечья Горшкова, хотя впоследствии это ранение все-таки сделает бандита инвалидом. Но это будет позже, а пока Горшков останется полноправным членом группировки «фантомасов».

Между тем убийство инкассатора всколыхнуло весь город. До этого находились люди, которые, наблюдая за многолетним противостоянием банды и милиции, позволяли себе отзывать о «фантомасах» с некоторым восхищением. Даже гордость какая-то была: дес-

кать, наши доморощенные гангстеры не хуже заморских. Но после случившегося 16 декабря ничего, кроме ненависти, у горожан эти преступники к себе уже не вызывали.

Кажется, впервые делом «фантомасов» озаботились и в Москве. В Ростов-на-Дону была делегирована группа опытных сыщиков, которой надлежало помочь местной «уголовке» выйти на след неуловимой банды. Вскоре появились первые результаты совместных усилий. Стало известно, что возможным связником преступников является один из жителей города, расположенного недалеко от Ростова-на-Дону. Фамилия его была неизвестна, однако сыщики получили хоть какую-то зацепку. По указанному адресу выехала группа опытных оперативников. В течение нескольких дней они «шерстили» списки всех подозрительных людей, состоявших на учете в милиции, пока наконец не нашли тех, кого, как им казалось, искали. Они установили, что еще в 1963 году группа музыкантов, в которую входили ростовчане Юрий Гринев и Владимир Терехов, вооружившись малокалиберным пистолетом, совершила разбойное нападение на один из магазинов в Кировском районе. Участников того преступления вскоре арестовали. В ходе следствия оба ростовчанина были изобличены еще и в том, что совершили также нападение на водителя такси, тяжело ранив его, и ряд других преступлений. Но главное, что заинтересовало ростовских сыщиков, — это то, что Гринев и Терехов обдумывали планы нападения на инкассаторов у сберкассы на Пушкинской, где затем и было совершено убийство Зюбы. Такой факт и послужил поводом подозревать Гринева и Терехова в причастности к банде «фантомасов». Однако выводы сыщиков оказались ошибочными, о чем речь еще пойдет впереди. А пока вернемся в декабрь 71-го.

17 декабря в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, открылся 5-й розыгрыш Международного турнира по хоккею на приз газеты «Известия». В нем приняли участие четыре европейские сборные: Советского Союза, Чехословакии, Финляндии и Швеции. В день открытия турнира советская сборная встречалась с финнами (по ЦТ матч транслировался с 20.00) и игру «слила» — 2:4. Причем уже в первом периоде наши проигрывали сопернику 0:3. Две шайбы у нас забил Владимир Викулов, ко-

торый играл в экспериментальной тройке вместе с Анатолием Фирсовым и Валерием Харламовым (как мы помним, тройку Михайлов—Петров—Харламов волею тренера Анатолия Тарасова разбили еще летом, во время предсезонного сбора). Эта же тройка проявила себя и на следующий день, в субботу, 18 декабря, в игре с чехословацкой сборной, где наши победили 5:2 и три шайбы забил именно Викулов, Фирсов и Харламов.

В этот же день в Останкине состоялась последняя репетиция и съемка новогоднего выпуска «Кабачка «13 стульев». Причем по причине занятости большинства участников передачи съемки проходили поздно ночью. Участвовали практически все «обитатели» этого чрезвычайно популярного юмористического сериала: пан Директор (Спартак Мишулин), пани Моника (Ольга Аросева), пан Профессор (Борис Рунге), пан Спортсмен (Юрий Волынцев), пани Зося (Зоя Зелинская), пан Владек (Роман Ткачук), пан Зюзя (Зиновий Высоковский), пан Режиссер (Рудольф Рудин) и др. Разошлись актеры около пяти часов утра. Ольга Аросева, которая играла роль Снегурочки, решила не смывать с себя грим и не сняла с головы косички. В таком виде она заявила домой. А в подъезде у нее дежурила весьма строгая вахтерша. Чтобы она не удивлялась ее виду, актриса чуть ли не с порога объявила: «Это я со съемок, Снегурочку играла». На что вахтерша, не моргнув глазом, ответила: «Снегурочки обычно до вечера детей веселят. А под утро знаете кто приходит?..»

18 декабря исполнилось 50 лет популярному артисту Юрию Никулину. Юбилей он встречал в хорошем расположении духа. Творческая карьера складывалась вполне благополучно — Никулин по-прежнему работал в цирке (правда, теперь это был не старый цирк на Цветном бульваре, а Новый на проспекте Вернадского), снимался в кино (как мы помним, незадолго до юбилея Никулин вылетал во Львов на съемки комедии «Старики-разбойники»). И еще одно радостное событие состоялось в том юбилейном для Никулина году — он переехал в новую квартиру. Причем получил ее совершенно случайно.

До этого вместе с женой, тещей и 15-летним сыном Максимом Никулин жил в коммунальной квартире. Никулин был человеком скромным и никогда ничего для себя не про-

сил, хотя к тому времени являлся уже суперпопулярным артистом. Он считал неэтичным поднимать вопрос о собственном жилье, когда четверть артистов цирка даже прописки не имели, находясь в столице фактически на «птичьих правах». А у Никулина было целых две комнаты. И все же новую квартиру он получил.

Однажды его как знаменитость товарищи отрядили в горком партии «выбивать» кооператив для работников цирка. Принимал его некто А. Калашников. Посмотрев принесенные бумаги, он спросил у Никулина: «И вы, конечно, тоже в этом кооперативе». — «Нет, — ответил Никулин, — у меня есть где жить, две комнаты, правда, в коммунальной квартире. Да и на кооператив я не потяну». Никулин не лукавил: в цирке он получал 98 рублей, в то время как его теща, Марья Петровна, в архитектурном издательстве — 130 рублей.

Услышав о том, что сам Никулин живет в коммуналке, чиновник ему не поверил: «Что вы мне сказки рассказываете?! Две комнаты! У заслуженного артиста РСФСР?» — «Ну и что?» — пожал плечами Никулин. Видимо, выражение его лица в этот момент было настолько искренним, что чиновнику не оставалось ничего иного, как поверить в услышанное. А поверив, принимать меры для исправления ситуации.

Буквально через пару дней в квартиру Никулина нагрянула высокая комиссия, которая придирчиво обмерила его жилье и предложила ему с семьей переехать в новую квартиру. Причем не куда-нибудь в Чертаново или Свиблово, а в самый что ни на есть центр — в дом на углу Большой и Малой Бронной. Однако тут взбунтовалась жена артиста. Оказывается, почти все другие комнаты в коммуналке занимали ее родственники, и ей не хотелось их бросать (в числе прочих там проживал ее дядя — брат репрессированного наркома Карахана). Никулин долго убеждал супругу в необходимости переезда, но сдалась она только при условии, что он позаботится о всех остальных. Никулин пообещал и свое слово сдержал: за три года расселил всех родственников жены в новые квартиры.

Между тем тот день, 18 декабря, вошел в отечественную историю прежде всего событием печальным — в Москве на 62-м году жизни скончался замечательный советский поэт, быв-

ший главный редактор журнала «Новый мир» Александр Твардовский. Как мы помним, в начале 70-го его сняли с этого поста и отправили на пенсию. По мнению многих, отставка сократила жизнь писателя на несколько лет. На 9-й день после его смерти Солженицын напишет: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище — его страсть — его журнал. Мало было шестнадцатилетних унижений, смиренно сносимых этим богатырем, — только бы продержался журнал, только бы не прервалась литература, только бы печатались люди и читали люди. Мало! — и добавили жжение от разгона, от разгрома, от несправедливости...»

Твардовский умер от рака, метастазы которого поразили мозг. Причем он прекрасно был осведомлен о своей болезни еще за несколько месяцев до кончины. Вот что вспоминает по этому поводу врач Кремлевской больницы П. Мошенцева, которая видела Твардовского летом 71-го:

«Помню, вызвали в приемное отделение. Я спустилась из ординаторской на первый этаж. В приемной стоял Твардовский, не узнать его было невозможно. Выглядел он неважно: грустный, бледный, погруженный в собственные мысли.

— Дежурный хирург, Мошенцева Прасковья Николаевна, — представилась я как положено. — Хочу вас осмотреть.

Александр Трифонович грустно улыбнулся и тихо сказал:

— Я не ваш пациент, доктор. Вы мне ничем не поможете. Не обижайтесь, но это так.

В истории болезни прочитала ужасный диагноз: «рак с метастазами в головной мозг». Правда, явных признаков поражения мозга пока видно не было. Только затрудненность речи, землистый цвет лица, усталый вид. Но это пока...

Я все же осмотрела Твардовского и как можно спокойнее сказала:

— Действительно, в хирургическом отделении вам делать нечего, нужно лечиться в неврологическом.

Твардовский насмешливо взглянул на меня:

— А если говорить откровенно, доктор, то мне вообще в больнице делать нечего.

В том же спокойном тоне я стала убеждать Александра Трифоновича в необходимости ле-

чения. Советовала лечиться не в нашей больнице, расположенной в городе, а в Центральной клинической, где условия много лучше: можно гулять, дышать свежим воздухом... Возможно, Твардовский прислушался к моему совету: его перевели в ЦКБ.

Я вообще придерживаюсь точки зрения, что смертельно больной человек не должен знать своего диагноза. Зачем лишать его надежды, пусть иллюзорной? Убеждена: надежда поддерживает, безнадежность ускоряет роковой исход...

Твардовский умер через несколько месяцев. Много говорили о его запоях, о пристрастии к алкоголю. Но в медицинских документах об этом недуге не было сказано ни слова...»

Власть, которая лишила Твардовского его детища и тем самым ускорила его смерть, теперь постаралась создать вид, что глубоко скорбит по поводу его кончины. Под некрологом поставили свои подписи все члены Политбюро, что выглядело кошунственно: именно эти люди в первую очередь и травили Твардовского. Кстати, на следующий день после смерти Твардовского справил свое 65-летие Леонид Брежнев. Справил, надо сказать, скромно в сравнении с тем, как он отметит следующую круглую дату — 70 лет. Но про это рассказ впереди, а пока вернемся в декабрь 71-го.

В понедельник, 20 декабря, состоялась гражданская панихида по Александру Твардовскому. В тот же день Андрей Сахаров на автомобиле, предоставленном ему Академией наук, отправился на дачу к знаменитому авиаконструктору Андрею Туполеву с тем, чтобы тот помог облегчить участь содержавшегося под стражей Владимира Буковского и выступил в его защиту на суде. Почему Сахаров решил обратиться именно к Туполеву? Во-первых, тот имел огромный авторитет (чуть ли не ногой открывал двери кремлевских кабинетов), во-вторых — сам в конце 30-х годов был репрессирован и знал на собственном опыте, каково это — сидеть в тюрьме.

Туполев жил на загородной даче один, поскольку его жена умерла, а взрослые дети жили отдельно. Разговор проходил в его рабочем кабинете. Послушаем рассказ А. Сахарова:

«Я кратко и насколько сумел убедительно изложил цель своего приезда. Туполев слушал меня с напряженным вниманием и несколько

минут молчал. Потом на лице его появилась язвительная усмешка, и он стал задавать мне быстрые вопросы, иногда сам же на них отвечая. Суть его речи сводилась к тому, что никакого Буковского он не знает и знать не желает, что из моих ответов он видит, что Буковский бездельник, а в жизни всего важнее работа. Он видит также, что в моих взглядах — абсолютный сумбур (это было сказано, когда я упомянул, что советские военные самолеты с арабскими летчиками бомбят колонны беженцев в Нигерии, осуществляя тем самым геноцид, — я это говорил уже в конце разговора в смысле: пора подумать о душе). Ехать на суд он категорически отказался, мне же, по его мнению, необходимо обратиться к психиатру и подлечиться. Он, однако, ни разу не сказал, что считает советский суд самым справедливым в мире, — я мог бы ему тогда напомнить, что он сам был осужден за продажу «панской» Польше чертежей своего бомбардировщика за 1 млн. злотых (таково было официальное обвинение); просто все это теперь его не интересовало. Так эта моя попытка кончилась неудачей. Когда я уезжал, он язвительно заметил мне:

— Вы сидели на моих перчатках и помяли их.

Я не удержался от замечания, что смятые перчатки можно выгладить, смятую душу — значительно трудней...»

В тот же день завершился хоккейный турнир на приз газеты «Известия». Советская сборная встречалась с командой Швеции. Нашим необходима была победа с перевесом в 5 шайб, в противном случае нас обгоняла чехословацкая команда. Сборная СССР выиграла со счетом 12:1 и в четвертый раз завоевала приз. Это был достойный подарок всем болельщикам, поскольку именно тогда отмечался славный юбилей — 25 лет советскому хоккею.

21 декабря состоялись похороны Александра Твардовского. Что примечательно: если умирал какой-нибудь партийный или государственный деятель, то на все столичные предприятия приходила разнарядка, которая обязывала руководящие органы обеспечить приход людей на траурное мероприятие. Так обеспечивалась многолюдность большинства правительственных похорон. С Твардовским все произошло иначе. Никаких разнарядок «сверху» не было и в помине, наоборот — власть делала все от нее зависящее, чтобы как можно меньше

людей узнали о времени и месте похорон поэта. Но люди все равно пришли, да еще в огромном количестве.

Вспоминает Н. Ильина: «Умер. И теперь гроб Твардовского, как он сам и предвидел, должны были обступить те самые, кто травил его, поносил, унижал, вырывал и вырвал из его рук журнал. Это пыталась предотвратить вдова поэта Мария Илларионовна: обратилась к Ю. Верченко, назвала несколько нежелательных имен. Просьба уважена не была. Травившие распоряжались похоронами, почетным караулом обступали гроб, а один, и устно и в печати называвший Твардовского «кулацким сынком» (нежелательность присутствия этого человека Мария Илларионовна подчеркнула особо!), тем не менее не только присутствовал, но и речь на траурном митинге не дрогнул произнести. Зал, набитый народом, безмолвствовал. Однако когда в почетном карауле появилась вальяжная, массивная фигура Софронова, тогдашнего редактора «Огонька», особо отличившегося в клевете и травле «Нового мира», по залу прошел ропот, напоминавший шум прибора, и смыло со сцены массивную фигуру...

Как и два года назад, перекрыта улица Герцена и все к ней прилегающие улицы, и повсюду милиция, но тут еще и военная охрана, уже и пешеходу нельзя было приблизиться к зданию ЦДЛ. Кордон в вестибюле. Дежурные на лестницах. И я не знаю, каким божьим чудом тот, появления которого так опасались, что и на войска не поскупились, в дом все-таки проник! Как я помню, его внезапное возникновение в проеме распахнувшейся близко от сцены двери не всеми сразу было замечено, но вот вошедший шагнул вперед, к первому ряду, к семье Твардовских, и тут уж его голова, его плечи всему залу видны — и шорох, и шепот, и волнение... Я только не помню, шел ли уже траурный митинг и выступал ли кто-нибудь в эти минуты, и если да, то не запнулся ли? А он уже сидит бок о бок с Марией Илларионовной, а через какое-то время, когда началось прощание, я увидела его склонившимся над гробом и осеняющим крестным знамением мертвое лицо Твардовского.

Позже Л. З. Копелев расскажет мне, что он в эти минуты находился в вестибюле и услышал, как кто-то из там дежуривших кинулся к телефону, набрал номер и — в трубку: «Объект

прибыл. Что будем делать?» Ответа на вопрос Копелев слышать не мог, но краток был тот ответ, звонивший почти сразу же от телефона отошел, видимо, инструкций не получив. А какие тут могли быть инструкции? Проморгали, прошляпили, недоглядели, недо... А теперь что уж делать? Не силой же выводить! Тем более что вдова взяла «объект» под руку, и так, вместе, они и двигались к выходу, к похоронному автобусу...

Потом, прочитав у Солженицына (тем «объектом» был именно он. — Ф. Р.): «Допущенный к гробу лишь по воле вдовы (а она во вред себе так поступила, зная, что выражает волю умершего)...», я вспомню слова Твардовского: «Не сват он мне, не брат, не друг, не во всем его взгляды разделяю, но я люблю его, люблю... Давно должно было прийти такое русское...»

Морозный декабрьский день. Новодевичье кладбище. Велика была толпа, множество спин заслонили от меня гроб, и я не видела, как Солженицын, прощаясь, вновь осенил покойного крестным знамением — это запечатлено на фотографии, обошедшей весь мир. Испарился из моей памяти краткий траурный митинг. Не помню и того, кто распоряжался похоронами, — позже от старшей дочери Твардовского Валентины Александровны узнаю: и тут торопились. К вдове обращаться не смели, обращались к дочери: «Пора гроб закрывать!» А все текла, все текла цепочка людей, желавших прикоснуться к покойному, поклониться ему, и дочь отвечала: «Нет еще. Подождите».

А тут — почему торопились? Худшее свершилось, лицо, появления которого опасались, присутствует, чего же еще опасаться? А того же, чего опасались, хороня Чуковского. Мероприятие, хорошо продуманное, отработанное, отрепетированное, в привычные рамки не укладывалось. Была искренна скорбь людей — помню залитое слезами лицо Кайсына Кулиева — и не один он плакал. Плакали и те, кто не был знаком с Твардовским лично. Прощались не только с любимым поэтом, автором «Василия Теркина» (это бы власти снесли!), а и с редактором «Нового мира», павшим в борьбе за этот журнал. Многие, думаю, пришедшие в тот день на кладбище понимали то, о чем скоро скажет в своем письме Солженицын: Твардовского убили, «отняв у него его детище, его

страсть, его журнал». Об этом шептались, эти слова носились в воздухе, нервирова распоряжителей, и как бы это не выплеснулось наружу в чьем-нибудь выкрике... «Пора закрывать гроб!» — «Нет, подождите!..»

23 декабря странный случай произошел в доме Александра Галича. Его дочь Алена, актриса, собиралась на елку в Горький (она играла Снегурочку). В руках у нее были две коробки с туфлями — черными и белыми. Однако отец сказал ей, чтобы черные она оставила дома. Мол, черное — плохая примета под Новый год. Однако дочь, видимо, являлась человеком несусеверным, поэтому поступила по-своему. Пройдет всего лишь несколько дней, и Алена воочию убедится в прозорливости слов отца.

В пятницу, 24 декабря, в Москве состоялась долгожданная премьера многострадального фильма Андрея Тарковского «Андрей Рублев». Еще в 1966 году картина была благополучно закончена, однако в прокат ее так и не выпустили. Цензура посчитала ее слишком жестокой и даже антирусской. Самое интересное, что власть, запретив показ фильма в Советском Союзе, продала «Андрея Рублева» западным прокатчикам. В 1969 году картина даже получила приз Леона Муссиака за лучший иностранный фильм в прокате Франции. В том же году «Рублев» был удостоен приза на Каннском фестивале.

Советская пресса практически обошла молчанием столь эпохальное событие, как выход «Андрея Рублева» в широкий прокат. А Госкино сделало все от него зависящее, чтобы фильм имел как можно меньший охват зрительской аудитории, разрешив отпечатать всего лишь 277 копий. Но даже несмотря на эти ухищрения, картину посмотрели около 3 миллионов зрителей. Как запишет в те декабрьские дни в своем дневнике сам Тарковский: «Первая статья (после выпуска «Рублева») написана неким Григорием Огневым (заметка была напечатана в «Комсомольской правде» 25 декабря. — Ф. Р.). Подлая статья. Но благодаря ей люди обратят внимание на фильм.

В газетах ни слова о том, что «Рублев» вышел. Во всем городе ни одной афиши. И все равно все билеты раскуплены. Самые разные люди звонят мне и взволнованно благодарят...»

25 декабря Советский Союз навсегда покинул художник Михаил Шемякин. Уезжал он из

Ленинграда, где прожил всю свою сознательную жизнь (хотя родился в Москве в 1943 году). Еще в начале 60-х у него появились первые трения с властями, он даже был изгнан с работы из Эрмитажа за «неправильное» творчество (написал «не те» иллюстрации к Гюфману и Достоевскому). Поскольку Шемякин продолжал свою деятельность на ниве неформальной живописи, его вскоре принудительно поместили в «психушку» в Скворцово-Степаново. Коротче говоря, поводов, чтобы уехать, у него к 71-му году накопилось предостаточно.

Первоначально Шемякин собирался покинуть Союз по неофициальным каналам. При чем хотел бежать морем через Турцию, как это сделал совсем недавно Олег Сохневич, который, прыгнув с корабля, оказался в нейтральных водах и плыл трое суток. Однако этим планам не суждено было сбыться. Ближе к осени в коммунальной квартире Шемякина раздался телефонный звонок, и бесстрастный мужской голос сообщил ему, что его ждут в ОВИРе на улице Желябова. Там художнику сообщили, что либо он выбирает сумасшедший дом и тюрьму, либо немедленно из России. Шемякин согласился со вторым вариантом. Ему быстренько оформили красный паспорт с правом на постоянное место жительства в любой стране, которая согласится принять эмигранта. Поскольку как раз в эти дни проходила выставка Шемякина у Дени Верни в Париже, он выбрал в качестве конечного пункта своего путешествия Францию.

Шемякину поставили условия: не сообщать об отъезде ни отцу, ни матери и без шума покинуть пределы Советского Союза. С собой запретили что-нибудь брать, даже чемодан с вещами. Шемякин эти условия выполнил и уезжал налегке. В тот день на нем были картуз из реквизита фильма «Прощание с Санкт-Петербургом», который ему подарил друг, и солдатский тулуп. Вместо чемодана он держал в руках пластиковую сумочку, где находилось всего несколько предметов: доска для нарезания мяса и лука, которую он использовал для написания натюрмортов, и кухонные ножички. Еще он увозил с собой небольшую пачку репродукций и собаку боксера.

Вспоминает М. Шемякин: «Я прилетел во Францию рейсом Москва—Париж как рождественский подарок — 25 декабря. Дина Верни

со своим мужем встречала меня в аэропорту, в то время она звалась баронесса Дюпольд и была богатейшей женщиной Франции, потому что Майоль оставил ей все свое творческое наследство. Мне были предложены все условия, о которых только может мечтать человек, плюс контракт на десять лет, но с одним пунктом: я работаю только под ее контролем.

На третий день я ушел от нее со своей семьей (у Шемякина была жена-художница и 4-летняя дочь. — Ф. Р.), так как, выехав из одной тюрьмы, я не хотел попасть в другую, даже позолоченную, даже золотую.

Жили мы два года без горячей воды, без туалета, в заброшенном бильярдном клубе. Для начала его заколотили фанерой. Все происходило зимой. Три солдатские койки. И только в 74-м нам удалось перебраться в квартиру с горячей водой. Молодой дизайнер заметил мою работу, нашел торговцев платьями, которые вложили деньги в небольшую галерею в очень хорошем месте и сделали мою первую выставку...»

Отмечу, что именно 71-й год открыл волну массовой эмиграции из Советского Союза. Это стало возможным после того, как в феврале 24 советских еврея взяли в осаду приемную Президиума Верховного Совета в Москве. После этого была дана команда «сверху» отпустить многих из тех, кто вот уже несколько лет безуспешно пытался уехать из России. А тех, кто уезжать не хотел, заставили это сделать. Так, например, поступили с кинорежиссером Михаилом Каликом. Его фильм «До свидания, мальчики» (1964) главный идеолог Михаил Сулов назвал «идеологической диверсией». Была дана команда: «За рубеж не выпускать, в стране показывать ограниченным тиражом». То же самое произошло и с другой картиной Калика — «Любить», снятой им на «Молдовафильме». Госкино и здесь усмотрело крамолу: мол, фильм «явно перегружен абстрактным гуманизмом», содержит «формалистические выкрутасы» и т. д. и т. п. В итоге было отпечатано всего лишь 50 копий фильма, да и те крутили недолго — несколько месяцев, после чего фильм сняли с проката и положили на полку. Все это и вынудило Калика уехать из страны. Позднее он признается:

«Я улетал в чужой мир, и, казалось, это навсегда. Наверное, все-таки творчески я состою в стране, которую оставил. Но очень уж

мне не хотелось, чтобы мои дети росли с согнутыми спинами...»

В том же году Россию покинул и известный эстрадный певец Жан Татлян (ровесник Шемякина, 1943 года рождения). В конце 60-х он пользовался громадной популярностью в Советском Союзе и собирал на своих концертах полные залы (его сольный концерт стоил 39 рублей, в авторских набегало больше тысячи рублей в месяц). Однако у Татляна был один «изъян», который ему никак не могли простить власти: он никогда не пел «идеологических» песен, предпочитая им песни о любви. Это и стало поводом обвинить его в приверженности «салонно-будуарному стилю в творчестве». Хотя песни, исполняемые Татляном («Фонари», «Осенний свет», «Звездная ночь» и др.) распевала вся страна.

Чашу терпения певца переполнило то, что чиновники от искусства запретили его новую программу в 2-х отделениях. Это был своеобразный спектакль, где Татлян выступал не только как исполнитель, но и как автор музыки. А в те годы было «не принято» отбирать «хлеб» у композиторов. Татлян оказался, по сути, первым, который попытался это сделать. В итоге он четыре (!) раза сдавал программу художественному совету Ленконцерта и сдал только после того, как включил в нее «чужие» песни. Но гастролировал с новой программой певец недолго и предпочел вскоре уехать во Францию. Первое время он жил у своего друга Жака Дуваляна, затем снял квартиру. Поступил работать в знаменитое кабаре «Распутин», где пел целый год. Потом ему было предложено выступать в кабаре «Московская звезда», причем с правом петь и в «Распутине». Для бывшего советского артиста это означало большую привилегию. А на родине власти сделали все от них зависящее, чтобы имя Татляна навсегда исчезло из памяти людей: пластинки с его записями изъяли из продажи, имя запретили даже упоминать.

В конце декабря в Театре на Таганке собрался худсовет театра (в него входили представители творческой интеллигенции в лице поэта А. Вознесенского, критиков А. Аникста, М. Туровской и др.), который должен был вынести свой вердикт о новой редакции спектакля «Живой». Показ прошел успешно. Практически все присутствующие хвалили постановку. Аникст сказал: «Слава богу, что это есть».

Туровская назвала «Живого» «чистым, благородным спектаклем». Однако мнение худсовета не являлось решающим — последнее слово должна была сказать министр культуры Фурцева. Ее приход в театр намечался на начало января 72-го года, о чем речь впереди.

В эти же дни недавно созданная команда ветеранов отечественного хоккея совершала короткое турне по Удмуртии, где встречалась с командами класса «А». В состав ветеранской сборной вошли многие в прошлом известные спортсмены, а именно: В. Бобров, Б. Майоров, Б. Зайцев, В. Чинов, Э. Иванов, В. Шувалов, Д. Китаев, Ю. Крылов, В. Фоменков, А. Стриганов, Л. Волков, И. Деконский, В. Сенюшкин и др. Всего «старички-бодрячки» провели три игры, из которых одну выиграли (10:8 у «Прогресса») и две проиграли («Ижстали» — 4:6 и 6:7). Лучшим игроком у ветеранов был признан неувядающий Всеволод Бобров, который по-настоящему «тряхнул стариной» — вколотил в ворота соперников аж 10 шайб!

27 декабря в Москве родился Сергей Бодров. Его отец — известный кинорежиссер Сергей Бодров-старший — в те годы был совершенно безвестен и одно время промышлял на жизнь... игрой в карты. Да-да, он был отъявленный картежник! За патологическую страсть к азартной игре его даже исключили со второго курса Московского энергетического института. Вот как сам Бодров вспоминает об этом:

«Мы играли в очко, по-американски — «блэк-джек». Меня долго терпели. Там же я начал писать. Я не сдавал экзамены, и меня просили писать объяснения. И я писал такие «романы» — о якобы своих романах с замужними женщинами, трагедии всякие. И они зачитывались, хоть и понимали, что я вру. Но через два года не выдержали, и меня выгнали за академическую неуспеваемость, за хроническую ложь, за аморальное поведение — просто волчий билет дали. Я потом еще ограбил родную бабушку, забрал все ее сбережения, накопленные за жизнь. Она меня, конечно, простила...

Я пошел работать осветителем на «Мосфильм». И начал писать короткие рассказы — начинал на 16-й полосе «Литературной газеты». И Илья Суслов, который тогда там работал, меня как-то спросил: «Что ты ходишь так — старые штаны, стоптанные ботинки?» А у меня была зарплата 60 рублей. Иди, говорит, учиться на сценарный факультет ВГИКа — сценари-

сты много зарабатывают. Я говорю: «Но туда ж берут всех по блату». — «Иди попробуй». Я попробовал — и меня взяли...»

27 декабря вновь сгустились тучи над головой Александра Галича — в секретариат Союза писателей с самого «верха» пришло указание исключить его из СП. Помните, шесть дней назад в его доме произошел странный случай с плохой приметой — дочь Галича «перемудрила» с черным цветом, — теперь, видимо, пришла пора убедиться, что примета «сработала».

Согласно легенде, бытовавшей в те годы, Галича подвел «под монастырь» такой случай. Якобы член Политбюро Дмитрий Полянский на свадьбе собственной дочери (как мы помним, она вышла замуж за актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного) услышал магнитофонную запись с песнями Галича. Оказывается, раньше он никогда этих песен не слышал, а тут послушал и возмутился. Чуть ли не на следующий день он поднял вопрос «об антисоветских песнях» Галича на Политбюро, и колесо закрутилось. Галичу припомнили все: и его выступление в Академгородке в 68-м, и выход на Западе (в «Посеве») сборника его песен, и многое-многое другое, на что власти до поры до времени закрывали глаза. Короче, с самого «верху» поступила команда в СП с Галичем разобрататься, и писательское руководство «взяло под козырек». 27 декабря его внезапно вызвали в Союз писателей СССР. Вот как об этом вспоминает сам А. Галич:

«Меня вызвали неожиданно, было это, в общем, довольно любопытно, потому что все было обставлено, как в детективных романах. Меня вызвали в Союз писателей, к такому секретарю, «освобожденному»... некоему Стрехнину, в прошлом особисту, работнику Особого отдела, армейского. И он стал со мной беседовать, причем я совершенно ничего не понимал, зачем он меня потревожил. Он так и говорил:

— Извините, Александр Аркадьевич, что вот потревожили вас в рабочее время. У нас вообще это не принято, мы писателей не трогаем, понимаете, но тут вот какое-то недоразумение в вашем персональном деле. Вы знаете, мы не знаем, над чем вы сейчас работаете. Нам бы хотелось просто узнать, что вы делаете.

Ну, я ему сказал, что мне было предложено писать сценарий о войне, вот я и пишу. Вернее, о самом последнем дне войны. Он сказал:

— Это очень интересно, вы знаете, очень... Я ведь, знаете, болею за военную тему, так что — вы не возражаете? — я приглашу еще одного секретаря, Медникова.

Я говорю:

— Нет, почему же, чего же я должен возражать, пожалуйста.

Значит, вошел Медников... Он как вошел в дверь, так и сказал:

— Ну как, установили, его это книжка или нет? (Речь идет о книге Галича, выпущенной на Западе. — Ф. Р.)

Стрехнин так поморщился, сказал:

— Ну, Анатолий Михайлович, мы еще к этому вопросу перейдем. Мы сейчас выясняем с Александром Аркадьевичем, над чем он работает.

Я, уже понявши, в чем дело, говорю:

— Ну, что вас интересует, что это моя книжка? Да, моя книжка.

— Да, — он говорит, — да вот, понимаете, книжка. Как же это так получилось?

Я говорю:

— Так вы же меня не издаете.

Он говорит:

— Да-да. Тогда вы знаете, я вынужден попросить еще одного секретаря зайти сюда, такого Виктора Николаевича Ильина.

...Пришел Виктор Николаевич Ильин — генерал-лейтенант КГБ, который ведает писателями. Он сказал:

— Знаете, Александр Аркадьевич, я чувствую, что мы с вами не договоримся, — он сказал это сразу, входя, хотя мы еще с ним разговора и не начинали, — и давайте сделаем так: вот у нас послезавтра будет секретариат расширенный, мы на нем обсудим ваше персональное дело, так что давайте вот, приходите. Только зачем вы курите, ведь у вас же плохое здоровье, я слышал, у вас сердце болит.

Я говорю:

— Да.

— Ну, не надо же курить, зачем? Неужели вы не можете взять себя в руки, перестать курить. Прямо как маленький вы какой-то, странный человек. Значит, вот послезавтра приходите на секретариат...»

В среду, 29 декабря, Андрей Тарковский вывел в своем дневнике следующие строчки: «Я передаю «Солярис» Сизову (директор «Мосфильма». — Ф. Р.). Конечно, они понабегут отовсюду — из Госкомитета, из главка, из ЦК.

Похоже, будет скандал...» (Тарковский не ошибся — проверяющие предъявят ему по «Солярису» аж 40 (!) претензий. — Ф. Р.)

В тот же день Александр Галич вновь предстал «перед грозные очи» секретарей Союза писателей. Послушаем его собственный рассказ:

«Я пришел на секретариат, где происходило такое побоище, которое длилось часа три, где все выступали — это так положено, это воровской закон — все должны быть в замаске, и все должны выступить обязательно, все по кругу. Но там происходили всякие смешные неожиданности.

Скажем, такой знаменитый стукач Лесючевский... он пришел позже, с середины примерно уже всего этого самого аутодафе, а в первой части Стрехнин сказал такие фразы:

— Вот, в шестьдесят восьмом году Галичу было не рекомендовано (это чтоб не говорить, что запрещено) выступать публично. И он, как бы издевательски, это наше предложение выполнил, но он же выступал по домам, по квартирам. Все равно там стояли магнитофоны, люди записывали его песни, они расходились, так что пропаганда, антисоветская пропаганда продолжалась. И он все равно, это же не важно, выступал он в большом зале или маленьком, он все это делал.

Лесючевский на эту часть доклада опоздал, он пришел значительно позже, и он начал свое выступление, а рядом с ним сидел Грибачев. И Лесючевский начал свою речь с пафосной ноты, он сказал:

— Вы знаете, до чего измельчали идейные противники. Ну, я бы уважал Галича, если бы он вышел открыто, на публику, спел бы свои песни...

Его толкают в бок — Грибачев. Он говорит:

— Коля, чего ты меня толкаешь, в чем дело?

В общем, была небольшая заминка, потом как-то ее залакировали, и потом было четыре человека, которые проголосовали против моего исключения. Это были: Валентин Петрович Катаев, Агния Барто — поэтесса, писатель-прозаик Александр Рекемчук и драматург Алексей Арбузов, — они проголосовали за строгий выговор. Хотя Арбузов вел себя необыкновенно подло (а нас с ним связывают долгие годы совместной работы), он говорил о том, что меня, конечно, надо исключить, но вот эти долгие годы, они не дают ему права и возможности поднять руку за мое исключение.

Когда они проголосовали против, им сказали, что нет, подождите, останьтесь. Мы будем переголосовывать. Мы вам сейчас кое-что расскажем, чего вы не знаете. Ну, они насторожились, они ясно уже решили — сейчас им расскажут детективный рассказ, как я, где-нибудь туда, в какое-нибудь дупло прятал какие-нибудь секретные документы, получал за это валюту и меха, но... но им сказали одно-единственное, так сказать, им открыли. Им сказали:

— Видите, вы, очевидно, не в курсе, ТАМ просили, чтоб решение было единогласным.

Вот все, что им открыли. Ну, раз ТАМ просили, то, как говорят в Советском Союзе, просьбу начальства надо уважить. Просьбу уважили, проголосовали, и уже все были за мое исключение...»

Жена А. Сахарова Елена Боннэр, зная о секретариате, специально пришла на второй этаж Центрального Дома литераторов и терпеливо ждала окончания заседания. Привожу ее собственный рассказ:

«В вестибюле стояли я и Сара Бабенышева (писатель, литературовед. — Ф. Р.). И я выкурила столько пачек, сколько можно за это время выкурить... Загнанные в этом пространстве вестибюля — от гардероба до гардероба. Тогда гардероб был с двух сторон. Сейчас, когда я слышу или читаю некоторые блаженно-радостные воспоминания о Саше, мне очень хочется крикнуть: «Вас там не стояло!» Многих. И даже многих членов комиссии по его литературному наследию. Стояла Сара Бабенышева и я. И когда Саша вышел, он шел как слепой, не видя людей, которые чуть-чуть от него шарахались. Все ведь знали, что там происходит, и никто в вестибюле, кроме меня с Сарой, к нему не бросился. И вот он положил руки нам на плечи (Сара невысокая, ниже меня) и сказал: «Девочки, пойдемте». Он весь трясся и ничего не говорил. В машине он все курил. И только дома начался рассказ...»

Вечером того дня, когда Галич пластом лежал на диване у себя на квартире, а его жена делала ему очередной успокаивающий укол, по ЦТ крутили последнюю, 9-ю серию телеспектакля «День за днем» (начало в 21.50). Все девять дней демонстрации этого сериала его рейтинг, что называется, «зашкаливал». Как признается позже его создатель В. Шилковский: «Когда пошел «День за днем», энергетики никак не могли понять, почему падает напряже-

ние. Они знали, если по программе — футбольный матч, хоккей, фильм, то им приходится добавлять напряжение. Ни футболов нет, ни хоккеев, а напряжение падает. Оказывается, страна смотрела «День за днем». Пришлось добавлять напряжение во время показа сериала. И, как мне сообщили, на двадцать процентов падала преступность. И не где-нибудь, а в Грозном. Это рассказал мне Семен Семенович Опряткин на юбилее у Махмуда Эсамбаева. Около трехсот тысяч писем пришло от зрителей...»

Кстати, этот сериал с огромным интересом смотрели не только рядовые советские граждане, но к примеру, супруга генсека Виктория Петровна Брежнева. Когда фильм закончился, она лично обратилась к председателю Гостелерадио Лапину, с которым была в приятельских отношениях, с просьбой продолжить сериал. Тот пообещал. И продолжение действительно сняли, о чем речь еще будет идти впереди. А пока вернемся в декабрь 71-го.

Помимо сериала «День за днем», во второй половине декабря по ТВ крутили следующие фильмы: «Женитьба Бальзаминова», «Алло, вы ошиблись номером» (18-го), «Подозревается доктор Рот» (ГДР), «Ко мне, Мухтар!» (19-го), «Карьера Димы Горина» (22-го), «Живет такой парень» (23-го), «Сюжет для небольшого рассказа» (впервые по ЦТ 25-го), «Дело было в Пенькове» (26-го), «Адам и Хева» (27-го), «Процесс о трех миллионах» (29-го), «Где вы, рыцари?» (30-го) и др.

Были показаны следующие передачи: соревнования сильнейших фигуристов СССР (16—20-го), КВН (19-го), «Кинопанорама» (с сюжетом о фильме «Джентльмены удачи», 30-го) и др.

В кинотеатрах состоялось несколько премьер: 20-го в прокат вышел фильм грузинского режиссера О. Абесадзе «Звезда моего города», а также новая французская комедия с участием Луи де Фюнеса «Господин Крюшо в Нью-Йорке» (широкий прокат); 29-го — отечественный фильм «Тропой бескорыстной любви», рассказывающий о дружбе человека и рыси.

Из театральных премьер назову следующие: 16-го в драматическом театре имени Станиславского был показан спектакль «Альберт Эйнштейн» по пьесе Н. Погодина, в главной роли — И. Козлов, в роли Роз-Мари Фей — Наталья Варлей; 22-го в Театре имени Моссовета — «Золото, золото — сердце народное»;

24-го в МХАТе — «Потусторонние встречи» Л. Гинзбург с участием М. Болдуман, П. Мас-сальского, М. Прудкина и др.; 29-го в Театре имени Ермоловой — «Не в свои сани не садись»; в Театре имени Пушкина — «Легенда о Паганини» с А. Кочетковым в главной роли.

На эстрадных площадках выступали: 16—18-го в ГКЦЗ «Россия» — Бедрос Киркоров, Мария Кодряну, ВИА «Диэло» и др.; с 26-го во Дворце спорта в Лужниках идут новогодние концерты с участием Владимира Макарова, Александры Стрельченко, Ларисы Мондрус, ВИА «Самоцветы» и др.

30 декабря в доме у Владимира Высоцкого собралась теплая мужская компания. Среди гостей был помощник министра морского флота, который являлся давним поклонником творчества певца. Высоцкий решил этим воспользоваться и замолвить словечко за своего друга Давида Карапетяна, который уже давно маялся без работы. Помощник министра клятвенно заверил хозяина, что выполнит его просьбу: «Считай, твой друг уже у нас работает». На часах было три часа ночи, когда Высоцкий позвонил Карапетяну домой и сообщил об этой новости: «Завтра в 10 утра будь как штык в Министерстве морского флота. Тебя примет помощник министра. Они берут тебя на работу».

Увы, но помощник министра обманул: на трезвую голову обещание помочь Высоцкому показалось ему неуместным, и он на встречу не явился. Когда Карапетян рассказал об этом Высоцкому, тот ответил: «Чему ты удивляешься? Разве не знаешь, «что сытый голодного не разумеет»? А с ним я порву отношения. Не надо было обещать!»

Последний день года выпал на будний день — пятницу. По заведенному в те времена порядку все работающее население огромной страны трудилось на один час меньше, чтобы успеть добраться домой и подготовиться к встрече Нового года. Программа передач по ТВ в тот день большой оригинальностью не отличалась. По первой программе в 19.50 начался традиционный «Кабачок «13 стульев», по 4-й (в 20.00) «зарядили» фильм «Старая, старая сказка», сразу после программы «Время» (в 21.30) состоялась премьера телефильма «Карнавал», а за десять минут до боя курантов с приветственным словом к народу обратился Председатель Президиума Верховного Совета СССР Нико-

лай Подгорный, после чего в пять минут первого ночи начался «Голубой огонек».

Отечественные звезды встретили Новый год по-разному: кто-то в кругу коллег в ресторанах различных увеселительных заведений, кто-то — дома, а кто-то, наоборот, вдали от него. Например, шахматиста Анатолия Карпова его спортивная судьба занесла в английский город Гастингс, где проходил шахматный турнир. В 24 часа по московскому времени (по Гринвичу — 21 час) он сел за доску, чтобы сыграть очередную партию с Маркландом. Через три часа англичанин сдался, что позволило Карпову догнать самого Виктора Корчного и разделить с ним 1—2-е места. Одно лишь опечалило Карпова в тот день: турнир проходил в парковой зоне, а в Англии тогда были проблемы с электричеством. Поэтому, когда Карпов закончил матч с Маркландом и вышел на улицу, вокруг царил кромешная темень. Карпов плохо знал дорогу и отправился в противоположную сторону от гостиницы, где жил. Так что к своим коллегам-шахматистам, отмечавшим праздник, он присоединился только к утру, когда уже все было выпито.

Футболисты московского «Спартака» в те дни находились в Италии. О том, чем им запомнился Новый, 72-й год, вспоминает Анатолий Исаев:

«Узнаем интересную примету. Оказывается, с 23.00 до 24.00 все жители Рима выбрасывают из окон старые вещи: телевизоры, шкафы, стулья, этажерки, кастрюли, посуду, торшеры... Город — как при бомбежке: все летит, гремит, рушится. А на улице нас только двое: я и Никита Симонян. И жители из окон смотрят на нас как на сумасшедших. А в двенадцать ночи началось новое представление. Из всех видов пневматического оружия, хлопушек, духовых пистолетов пошла стрельба. Мы с Никитой, прижавшись к домам, в полушаровом, далеко от новогоднего веселья настроении еле добрались до гостиницы. А утром, когда вышли на улицу, были страшно удивлены: в городе царили чистота и порядок...»

В столичном Доме кино собралась «тусовка» из звезд кино, театра, эстрады. Среди них и двое тайных любовников: мэтр кинематографа Сергей Герасимов и молодая актриса Любовь Виролайнен. Как мы помним, их роман возник несколько месяцев назад прямо на съемочной площадке фильма «Любить человека», где Ге-

расимов руководил съемочным процессом, а Виrolайнен исполняла главную женскую роль. Поскольку рядом с Герасимовым постоянно находилась его супруга Тамара Макарова, он вынужден был все время быть начеку. Вот и во время новогоднего гуляния Герасимов, выбрав удобный момент, когда жена отвлеклась разговором с кем-то из подруг, подошел к Виrolайнен и незаметно от других сунул ей в сумочку какой-то сверток. Чуть позже актриса вернется в гостиницу, откроет сумку и обнаружит там... большую пачку денег. На следующий день, встретив Герасимова, она спросит: «Сергей Аполлинариевич, зачем так много? Ну хотя бы половину Тамаре Федоровне отдайте». Режиссер в ответ расхохотался: «Какая ты щепетильная!»

Были и такие, кому встреча Нового года не принесла ничего, кроме грусти. Например, писатель Виктор Драгунский. Вот как вспоминает его жена, Алла:

«Мы с Витей решили встретить Новый год на даче. Елку срубили у себя на участке, благо их было очень много. Витя просил меня позвать кого-нибудь из друзей к нам на Новый год. Как-никак первый Новый год на даче в собственном доме, которым Витя так гордился (эту дача появилась у Драгунских в начале 71-го. — Ф. Р.).

Я начала обзванивать самых близких друзей, которые не оставляли нас в тяжелое время. Оказалось, кто-то собирался Новый год встречать в ЦДЛ, кто-то с родными, кто-то по традиции — только дома. Моя любимая сестра Муза и ее муж Миша, которые всегда приходили на помощь в трудные для Виктора дни и которых Витя очень любил, не смогли приехать.

Отпали все: Абик Штейн с Ириной, Рувим Курс с женой и даже Володя Тихвинский с Натасей, которые вначале очень хотели встретить Новый год с нами. Я просила приехать к нам моих двух одиноких подруг — и те не смогли приехать по каким-то причинам.

Откровенно говоря, для меня отказ друзей приехать (не важно, по каким причинам) был маленьким ударом.

Мы с Витей украшали елку, пока Ксюша (шестилетняя дочь Драгунского. — Ф. Р.) спала, чтобы удивить ее утром, и я убеждала Витю, что к нам обязательно кто-нибудь приедет.

— Они ведь обещали! — врала я бесстыдно.

Я накрыла стол на нескольких человек, приготовила постели по крайней мере на четырех человек. Я пыталась создать иллюзию ожидания гостей.

В половине одиннадцатого никто не приехал, Витя ждал, я знала, что и в одиннадцать, и позднее никто не появится в нашем доме. Сердце сжималось от боли, когда я смотрела на Витю. Он был мрачен и молчал. Мы сели за стол. Витя и я. Денис (старший сын. — Ф. Р.) встречал Новый год в Москве со своими друзьями.

Мы сидели вдвоем с включенным телевизором, с зажженной елкой. Витя молчал. Я налила ему чуть-чуть вина, подняла свой бокал, поздравила его с Новым годом, пожелала ему всего-всего.

Витя молча отпил глоток вина, ничего не сказал в ответ на мои пожелания. Потом он встал из-за стола, выключил телевизор и ушел наверх. Это было ужасно. Мрачный взгляд, молчание и хотя бы слово! Может быть, это было предчувствие конца? Не знаю. Как мне было тяжело!

Дня за два до Нового года, когда я еще надеялась, что кто-нибудь приедет к нам, я загадала: если кто-нибудь приедет или зайдет к нам кто-то из пахринских, то все еще наладится с Витиным здоровьем.

Но никто не пришел.

Я тоже поднялась наверх, убрав все со стола и погасив елку. Зашла к нему в кабинет. Там было темно и тихо...»

В отличие от супругов Драгунских дуэт двух замечательных юмористов Романа Карцева и Виктора Ильченко Новый год встретил в компании, однако веселей им от этого не стало. А все потому, что вечеринка проходила не где-нибудь в Доме кино или ВТО, а в правительственном санатории Барвиха. И народ там собрался самый что ни на есть серьезный — члены Политбюро!

Между тем это приглашение для юмористов оказалось полной неожиданностью: они оказались отмечать Новый год в кругу своих родных и близких. Как вдруг за пару дней до торжества их обязали вылететь в Москву. Поселили в гостинице «Варшава» и предупредили: ждите, вас позовут. Они и ждали, практически никуда не выходя из гостиницы. Далее послушаем рассказ самого Р. Карцева:

«31-го нам позвонили, сказали, к десяти вечера быть готовыми. Играть будете «Авас».

В десять вечера черная «Волга» повезла нас в Барвиху. Девственные леса, охрана, голубые ели — и ждите! В концерте принимали участие солист Ансамбля песни и пляски имени Александра (он пел песни «Родина» и «Эй, ухнем!»), какой-то фокусник (он вынимал платки и деньги из карманов членов ЦК), конферансье, который не шутил, а объявлял номера, и мы с Витей — юмор. Мы попросили показать нам сцену, где будем выступать.

В большом зале стояли столы буквой П, огромная елка, а за ней сцена, вернее, помост — все было сделано так, чтобы артистов не было видно! Мы попросили убрать елку в сторону, но в дупель пьяный электрик заявил, что у него не хватает шнура, и двигать елку нельзя, и вообще пошли вы... и ушел! И мы с певцом и фокусником, на свой страх и риск, принялись двигать елку в сторону, повесили игрушки, но зато нас уже было видно, хотя лучше бы они нас вообще не видели, а мы их!

В половине двенадцатого мы в костюмах поднялись наверх, где в гостиной члены ЦК с женами играли в домино. Дубль два! Дубль пять! Многие были нам знакомы по портретам, хотя выглядели гораздо хуже! Без пятнадцати двенадцать все сидели за столиками, и мы сбоку, а без десяти двенадцать слушали приветствие товарища Подгорного советскому народу. Сам Подгорный сидел тут же и слушал себя!..»

Звездные роженицы

В 1971 году стала мамой актриса Наталья Варлей. Летом 71-го она закончила Театральное училище имени Щукина и попала в труппу драмтеатра имени Станиславского. Сразу получила три главные роли. Однако это не остановило ее в желании родить первенца, хотя коллеги по театру настойчиво ей советовали не спешить. Осенью на свет появился мальчик, которого счастливые родители нарекли Васей. Кстати, отцом новорожденного был Владимир Тихонов — отпрыск звездной четы Нонна Мордюкова — Вячеслав Тихонов (до этого, в конце 60-х, Варлей непродолжительное время была замужем за Николаем Бурляевым). По словам Варлей: «Володя влюбился в меня, когда увидел «Кавказскую пленницу». Он был молодым, сильным, крепким. У нас были общие дипломные спектакли, я играла Снегуроч-

ку, он — Мезгиря. Он был очень способный человек, с прекрасными внешними данными, добрый по сути. Володя четыре года ночевал на чердаке, чтобы увидеть, как я прохожу мимо. Но когда мы поженились, он стал ревновать меня к каждому фонарному столбу. Находились люди, которые говорили ему: «Я с ней был». И мы выясняли отношения через день!..»

Скандалы возникали не только по поводу «измен». В частности, Тихонов еще в школьные годы пристрастился к выпивке и наркотикам и не изменял своим привычкам, даже обзаведясь семьей. Порой мужские компании были ему дороже общения с женой, что Варлей, естественно, не устраивало. В итоге все эти факторы и привели к тому, что уже через три месяца Тихонов собрал вещи и ушел жить к матери, Нонне Мордюковой, в ее квартиру на Таганке. По словам очевидцев, за ребенком Тихонов в роддом не поехал — так был зол на жену. А вскоре он и вовсе сбежал от нее в армию.

Тогда же стала матерью и «стервозная пани Тереза» из «Кабачка «13 стульев» — актриса Театра сатиры Зоя Зелинская. Вся страна, внимательно следившая за всеми перипетиями жизни обитателей «Кабачка», была уверена, что Зелинская замужем за своим партнером — затюканным паном Владеком (актер Роман Ткачук). Однако на самом деле у обоих в реальной жизни были «разные половины».

В первый раз Зелинская вышла замуж на последнем курсе ГИТИСа за студента режиссерского факультета Георгия Зелинского. Именно он чуть позже, в середине 60-х, и стал одним из основателей легендарного «Кабачка» и привел туда свою молодую супругу. Но лет через пять они расстались, причем по инициативе Зелинской — она влюбилась в другого мужчину. Им стал журналист-германист, работавший в газете «Известия», Валерий Леднев. По словам актрисы, это была любовь с первого взгляда: Леднев потрясал ее своим умом и великолепной памятью. В этом браке у них родился сын Сергей.

Как вышла замуж Елена Проклова

В том году вышла замуж популярная киноактриса Елена Проклова. Она в то время училась на первом курсе Школы-студии МХАТ, куда поступила в 16 лет, сдав экстерном экза-

мены за 9-й и 10-й классы. Поэтому на момент замужества ей было всего 17 лет.

За красавицей Прокловой ухаживали сразу несколько кавалеров, но она сама отдавала предпочтение журналисту Виталию Мелик-Карамову. Однако даже он не ожидал, что Проклова согласится выйти за него замуж в столь раннем возрасте. Получилось это совершенно случайно. Одна из подружек Прокловой внезапно влюбилась в родного брата Елены Виктора (тот учился в архитектурном институте, слыл человеком коммуникабельным и часто собирал на квартире родителей в доме на улице Ермоловой шумные компании). Молодые решили пожениться, и Проклова стала весьма энергично помогать подруге в подготовке к будущей свадьбе. И однажды, во время выбора свадебного платья, Елена захотела... себе такое же. Тем более что у Прокловой была знакомая портниха в Доме моделей, а в шкафу уже лежал материал — совершенно потрясающей красоты гипюр с люрексом. Что еще оставалось? Только одно — стать невестой. Проклова действовала, что называется, нахрапом. Во время очередного свидания со своим возлюбленным она с места в карьер спросила его, есть ли у него черный костюм. Тот ответил, что нет. И тут же спросил: «А зачем мне черный костюм?» — «Потому что я за тебя выхожу замуж», — ответила Проклова, чем сразила своего возлюбленного наповал. Придя в себя, он спросил: «А как же родители?» — имея в виду тот факт, что Елене в ту пору было всего семнадцать лет. На что девушка ответила: «Вот это ты уже бери на себя. Хочешь, чтобы я стала твоей женой, значит, придумай что-нибудь, чтобы они согласились».

И жених придумал: мол, надо сказать родителям, что они уже давно живут вместе. Прокловой эта идея понравилась, и она, не мешкая ни секунды, пошла объясняться с родителями. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Я тут же открываю дверь в комнату к родителям и говорю:

— Мам, пап... Я должна вам сказать, что я тоже выхожу замуж. Потому что мы не хотим больше скрывать, мы давно уже с Виталиком живем вместе.

Вот так я им «открываю правду»... Я, которую ни Виталик, ни кто-либо другой не смел еще трогать. И, окончательно войдя в роль, на голубом актерском глазу продолжаю:

— Да, давайте мы сделаем так, чтобы ничего не было не сказано, чтобы не было неправды.

Родители расчувствовались, тем более что уже были на приподнятой волне в своем настроении: сын наконец-то женится, перестанет гулять... Ну и дочка сразу же пристроена. Семь бед — один ответ...

И мигом пошли в исполком, взяли разрешение. Я вышла замуж.

Брат с женой были свидетелями у нас на свадьбе, мы — свидетелями у них. Но самое главное: мы с подругой сшили себе по два платья в Доме моделей, на первый и второй день. Длинные...»

Молодожены года

В 71-м устроил свою личную жизнь офицер Советской Армии 27-летний Борис Громов. В 65-м он окончил Ленинградское высшее военное общевойсковое командное училище и некоторое время служил в Прибалтийском военном округе командиром взвода и роты. Затем поступил в Военную академию имени Фрунзе. Тогда и женился на красивой девушке Наташе.

Еще один молодожен-71 — сценарист Александр Миндадзе (сын драматурга Анатолия Гребнева). Его женой стала будущая актриса, а тогда — студентка ВГИКа. Познакомились они прозаически — на вгиковской лестнице. Самой известной ролью Галины Миндадзе станет роль Бэтти в комедии «Здравствуйте, я ваша тетя!».

В 19-летнем возрасте женился Хельмут Балдерис — хоккеист рижского «Динамо» и будущая суперзвезда советского хоккея. За свое филигранное катание на коньках он заработает от болельщиков прозвище «балерина». Между тем столь виртуозное владение коньками у Балдериса появилось не случайно — с детства он серьезно занимался фигурным катанием, благодаря чему и познакомился со своей будущей женой Анитой. До десяти лет они с Анитой ходили в одну секцию, а потом надолго расстались. Но жизнь опять свела их вместе, и Анита пригласила Хельмута на соревнования, где тогда выступала. С тех пор они больше не расставались. Позднее Хельмут станет знаменитым хоккеистом, а Анита трехкратной чемпионкой Латвии по фигурному катанию.

В 71-м вышла замуж дочь киноактрисы Валентины Серовой и писателя Константина Симонова, 20-летняя Мария Симонова. В течение долгого времени она жила вместе с матерью в доме возле метро «Маяковская» и вдоволь вкусила «прелести» совместной жизни с пьющим человеком.

Как известно, Серова страдала алкоголизмом, несколько раз пыталась лечиться, но ничего не помогало. Последняя публикация о ней в официальной печати была датирована весной 1969 года, когда в №18 журнала «Советский экран» на письмо читателя Т. Семенова из Орджоникидзе, спрашивавшего, чем сейчас занимается актриса Валентина Серова, она коротко ответила:

«Сейчас я работаю в Театре киноактера. Жду хорошей роли в кино, но, к сожалению, их мало для моего возраста, ведь мне уже давно не 26, как было Лизе из фильма «Жди меня». Желаю счастья Вам и Вашим жене и сыну. Жму Вашу руку. Валентина Серова».

За скобками этого письма остались полные горечи будни прославленной некогда актрисы, вынужденной практически в одиночку бороться со своим недугом.

Разведенцы года

Теперь поговорим о разведенцах. Среди них оказался известный ныне модельер Вячеслав Зайцев. Причем со своей женой Мариной он прожил около восьми лет, в этом браке у них родился сын Егор. Семья могла бы жить и дальше, если бы не теща. Она плохо относилась к зятю и в итоге все-таки развела его с дочерью.

В 71-м оставил семью и популярный киноактер Всеволод Сафонов: он развелся со своей женой Валерией Рублевой (она работала вторым режиссером на «Мосфильме»), с которой прожил почти два десятка лет, и ушел к актрисе Эльзе Леждей (известна по роли Зины Кибрит из сериала «Следствие ведут знатоки»). Сафонов с Леждей давно симпатизировали друг другу, а тут сошлись вместе на съемочной площадке советско-монгольского фильма «Слушайте на той стороне» и приняли окончательное решение жить вместе. В предыдущей семье Сафонова осталась взрослая дочь — Лена Сафонова, ныне известная всем киноактриса. На

момент ухода из семьи отца она училась в 9-м классе.

Вспоминает В. Рублева: «Лена очень тяжело переживала наш развод. Но самым трагичным для нее было предательство Всеволода Дмитриевича как отца — он перестал с ней общаться. Если она звонила и просила: «Папа, мне нужно с тобой поговорить», он через некоторое время перезванивал из автомата и назначал ей встречу на улице или водил в кафе. Для Лены все это было большим ударом. Он игнорировал ее премьеры и даже не познакомился с внуком...»

Леонид Енгибаров уходит на «вольные хлеба»

В 71-м знаменитый клоун Леонид Енгибаров (Енгибарян) ушел из-под опеки «Союзгосцирка», после того как его партнера — режиссера Юрия Белова не выпустили с ним на зарубежные гастроли. К тому времени слава Енгибарова уже достигла заоблачных высот: он с успехом гастролировал по стране и за рубежом, выступал на эстраде с «Вечерами пантомимы», снимался в кино у таких мастеров, как Сергей Параджанов («Тени забытых предков»), Ролан Быков («Айболит-66»), публиковал собственную прозу в толстых журналах. Уйдя из «Союзгосцирка» на «вольные хлеба», Енгибаров создал первый в стране эстрадный эксцентрический театр пантомимы и вскоре выпустил на свет спектакль «Причуды клоуна». Правда, затея с созданием театра далась ему нелегко — в Министерстве культуры встретили это начинание артиста с прохладцей. Когда он изъявил желание назвать свой коллектив «Театром Енгибарова», ему запретили это делать. «Какой еще может быть театр? — заявили ему. — Назовите просто — ансамбль». На первых афишах он так и значился.

ХИТ-ПАРАД-71

Самые кассовые кинопремьеры отечественного производства

«Офицеры» (К/ст им. Горького, реж. В. Роговой, в ролях: Георгий Юматов, Алина Покровская, Василий Лановой и др., премьера — 26 июля) — 53,4 млн. зрителей;

- «**Последняя реликвия**» («Таллифильм», реж. Г. Кроманов, в ролях: Александр Голобородько, Ингрид Андринь, Ролан Быков и др., премьера — 15 декабря 1970 года) — 44,9 млн.;
- «**Двенадцать стульев**» («Мосфильм», реж. Л. Гайдай, в ролях: Арчил Гомиашвили, Сергей Филиппов, Михаил Пуговкин и др., премьера — 8 июня) — 39, 3 млн., смета: Л. Гайдаю начислили 7650 руб., А. Гомиашвили (Бендер) — 6120 руб., С. Филиппову (Воробьянинов) — 4650 руб., М. Пуговкину (отец Федор) — 4161 руб., С. Крамарову (шахматист-любитель) — 525 руб.;
- «**Варвара-краса, длинная коса**» (К/ст им. Горького, реж. А. Роу, в ролях: Михаил Пуговкин, Георгий Милляр, Анатолий Кубацкий, Лидия Королева и др., премьера — 30 декабря 1970 года) — 39, 2 млн.;
- «**Молодые**» («Мосфильм», реж. Н. Москаленко, в ролях: Евгений Киндинов, Любовь Нефедова и др., премьера — 26 марта) — 39,1 млн.;
- «**Песни моря**» («Мосфильм» — «Бухарест», реж. Ф. Мунтяну, в ролях: Дан Спатару, Наталья Фатеева и др., премьера — 23 апреля) — 36,7 млн.;
- «**Освобождение**» (фильм 3-й — «Направление главного удара», «Мосфильм», реж. Ю. Озеров, в ролях: Николай Олялин, Лариса Голубкина, Михаил Ножкин, Михаил Ульянов и др., премьера — 24 марта) — 35,8 млн.;
- «**Опекун**» («Мосфильм», реж. А. Мкртчян, Э. Ходжикян, в ролях: Александр Збруев, Георгий Вицин, Ирина Мурзаева и др., премьера — 14 июня) — 31,8 млн.;
- «**Семь невест ефрейтора Збруева**» («Ленфильм», реж. В. Мельников, в ролях: Семен Морозов, Наталья Четверикова, Марианна Вергинская, Елена Соловей и др., премьера — 18 мая) — 31,2 млн.;
- «**Конец атамана**» («Казахфильм», реж. Ш. Аймапов, в ролях: Асанали Ашимов, Виктор Авдюшко, Геннадий Юдин и др., премьера — 23 августа) — 30,0 млн.;
- «**Белорусский вокзал**» («Мосфильм», реж. А. Смирнов, в ролях: Анатолий Папанов, Евгений Леонов, Всеволод Сафонов, Алексей Глазырин и др., премьера — 27 марта) — 28,5 млн.;
- «**Один из нас**» («Мосфильм», реж. Г. Полока, в ролях: Георгий Юматов, Дмитрий Масанов, Николай Гринько и др., премьера — 15 января) — 27,8 млн.;
- «**Риск**» («Молдовафильм», реж. В. Паскару, в ролях: Наталья Зорина, Леонхард Мерзин, Николай Бурляев и др.) — 27,1 млн.;
- «**Городской романс**» (Одесская к/ст, реж. П. Годоровский, в ролях: Мария Леонидова (Соломина), Евгений Киндинов и др., премьера — 2 марта) — 26,2 млн.;
- «**Меж высоких хлебов**» («Одесская к/ст, реж. Л. Миллионщиков, в ролях: Евгений Леонов, Зинаида Дехтярева и др., премьера — 19 июля) — 25,5 млн.;
- «**Полонез Огинского**» («Беларусьфильм», реж. Л. Голуб, в ролях: Илья Цуккер, Геннадий Юхтин и др., премьера — 25 октября) — 22,2 млн.;
- «**Возвращение «Святого Луки**» («Мосфильм», реж. А. Бобровский, в ролях: Всеволод Санаев, Владислав Дворжецкий, Олег Басилашвили, Екатерина Васильева и др., премьера — 10 декабря 1970 года) — 21,6 млн.;
- «**За рекой — граница**» («Туркменфильм», реж. А. Карлиев, в ролях: Ата Аловов, Лейли Абукова и др.) — 21 млн.;
- «**Он был не один**» («Узбекфильм», реж. З. Сабитов, в ролях: Шухрат Иргашев, Рудольф Аллаберт, Владислав Стрельчик и др.) — 19,42 млн.;
- «**Бег**» («Мосфильм», реж. А. Алов, В. Наумов, в ролях: Владислав Дворжецкий, Людмила Савельева, Михаил Ульянов, Евгений Евстигнев и др., премьера — 14 января) — 19,7 млн.;
- «**Случай с Полюниным**» («Мосфильм», реж. А. Сахаров, в ролях: Анастасия Вергинская, Олег Ефремов, Олег Табаков и др.) — 18,31 млн.;
- «**Король Лир**» («Ленфильм», реж. Г. Козинцев, в ролях: Юрий Явлет, Эльза Радзигина, Галина Волчек, Олег Даль и др., премьера — 4 февраля) — 17,7 млн.;
- «**Салют, Мария!**» («Ленфильм», реж. И. Хейфиц, в ролях: Ада Роговцева, Виталий Соломин и др., премьера — 13 апреля) — 17,1 млн.;
- «**Чрезвычайный комиссар**» («Узбекфильм», реж. А. Хамраев, в ролях: Суйменкул Чокморов, Армен Джигарханян, Сергей Яковлев и др.) — 15,4 млн.;
- «**Белая птица с черной отметиной**» (К/ст им. Довженко, реж. Ю. Ильенко, в ролях: Лариса Кадочникова, Иван Миколайчук, Богдан Ступка и др.) — 10,5 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Вначале познакомимся с опросом читателей, проведенном в журнале «Советский экран». Лучшими фильмами там были названы:

1. «Освобождение», фильм 3-й «Направление главного удара» (68,7% читателей назвали его лучшим, 0,1% — худшим).
2. «Офицеры» (70,1% — 0,2%).
3. «Салют, Мария!» (68,7% —

0,1%). 4. «Белорусский вокзал» (60,0% — 0,0%). 5. «Король Лир» (63,8% — 0,5%). 6. «Бег» (57,2% — 0,5%). 7. «Сердце Бонивура» (54,4% — 0,0%). 8. «Минута молчания» (47,3% — 0,3%). 9. «Полонез Огинского» (42,5% — 0,4%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «Звезды Эгера» (Венгрия), «Всего один месяц» (Румыния), «Приключения канонира Доласа» (Польша), «Смертельная ошибка» (ГДР).

Лучшие фильмы других стран: «Погоня» (США), «Ватерлоо» (Италия—СССР), «Оливер!» (Англия), «Подсолнухи» (Италия—Франция—СССР).

Лучшая актриса: Ада Роговцева (фильм «Салют, Мария!») — 26,7%;

Лучший актер: Василий Лановой («Офицеры»), Юрий Соломин («Инспектор уголовного розыска»), Юрий Ярвет («Король Лир»).

Худшие фильмы: «Долгие проводы» — 27,3%; «Интеграл» — 11,8%; «Только один телефонный звонок» (Венгрия) — 15,5%; «Похожий на тебя» (Индия) — 16,8%; «Печальная баллада» (Дания) — 10,1%.

Следующий опрос проводился в газете «Советская культура», где отвечали 17 известных кинокритиков. Получилось следующее.

Лучшие фильмы: «Белорусский вокзал» (16 положительных откликов), «Король Лир» (11), «Дядя Ваня» (6);

Худшие фильмы: «Морской характер», «Песни моря», «Корона Российской империи, или Снова неуловимые», «Семь невест ефрейтора Збруева», «Опекун»;

Лучшая актриса: Ада Роговцева («Салют, Мария!»), Ирина Купченко («Дядя Ваня»), Нина Ургант («Белорусский вокзал»), Людмила Чурсина («Олеся»);

Лучший актер: Юрий Ярвет («Король Лир»), Олег Даль («Король Лир»), Евгений Леонов («Белорусский вокзал»).

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

«Звезды Эгера» (Венгрия) — премьера 15 января
 «Большая прогулка» (Франция) — 6 февраля
 «Кот в сапогах» (мультфильм, Япония) — март
 «Маленький купальщик» (Франция) — 12 мая
 «Дикое сердце» (Мексика) — 26 мая
 «Симпатичный господин Р» (Румыния) — 3 июня
 «Замороженный» (Франция) — 22 июня
 «Лев готовится к прыжку» (Венгрия) — июнь
 «Мое последнее танго» (Испания) — 2 июля
 «Приключения канонира Доласа» (Польша) — 2 июля
 «Майерлинг» (Англия — Франция) — 2 июля

«Звуки музыки» (США) — 4 августа
 «Погоня» (США) — сентябрь
 «Приключения Одиссея» (Италия) — октябрь
 «Господин Крюшо в Нью-Йорке» (Франция) — 20 декабря.

Фильмы, наиболее часто показываемые по телевизору

Еще совсем недавно, несколько лет назад, фильмов по ТВ крутили очень мало — три-четыре в неделю. Однако с вводом в строй Останкинского телецентра и приходом к руководству в Гостелерадио Сергея Лапина ситуация резко изменилась. Теперь фильмы стали показывать гораздо чаще, причем не только старые, но и новые, премьеры которых на широком экране состоялись всего лишь год, а то и несколько месяцев назад. Наиболее часто в 1971 году по ТВ демонстрировали следующие фильмы:

4 раза — «Белое солнце пустыни»;
 3 раза — «Девчата», «Гусарская баллада», «Мама вышла замуж», «Полосатый рейс»;
 2 раза — «Волшебная сила искусства», «Журавушка», «Два капитана», «Дайте жалобную книгу», «Еще раз про любовь», «Депутат Балтики», «Девушка без адреса», «Вас вызывает Таймыр», «Свадьба», «На войне, как на войне», «Новые приключения неуловимых», «Старшая сестра», «Укротительница тигров», «Дети Дон Кихота», «Воздушный извозчик», «Доживем до понедельника», «Живет такой парень», «Я вас любил», «Свадьба в Малиновке», «Дом, в котором я живу», «Свинарка и пастух», «Валерий Чкалов», «Свой», «У озера», «Адъютант его превосходительства», «Карьера Димы Горина».

Наиболее рейтинговые кинопремьеры по ТВ

«Белое солнце пустыни» — в апреле прошлого года фильм вышел на широкий экран, а спустя год (4 апреля) состоялась его премьера на ТВ;
 «Посол Советского Союза» — впервые по ТВ 9 апреля;
 «Кража» (т/ф) — 17 мая;
 «Красные альпинисты» (ГДР) (т/ф) — 18—19 мая;
 «У озера» — впервые по ТВ 25 мая;
 «Смерть филателиста» — впервые по ТВ 6 июня;
 «Улица 13 тополей» — впервые по ТВ 12 июня;
 «Четыре танкиста и собака» (Польша) — 13 новых серий с 21 июня по 4 июля;
 «Сага о Форсайтах» (Англия) (т/ф) — 8 июля — 8 августа;

«Следователь по особо важным делам» (д/ф, про поимку опасного преступника Юрия Ладжуна в 1969 году) — 16 августа;
 «Пассажир с «Экватора» — впервые по ТВ 19 августа;
 «Тройная проверка» — впервые по ТВ 2 сентября;
 «Последний рейс «Альбатроса» (т/ф) — 20—23 сентября;
 «Африканыч» (т/ф) — 6 октября;
 «Смерть индейца Джо» (Румыния) — впервые по ТВ 12 октября;
 «Графиня Коссель» (Польша) — впервые по ТВ 23 октября;
 «Господин Никто» (Болгария) — впервые по ТВ 2 ноября;
 «Следствие ведут знатоки» (т/сп, Дело N3) — 9 ноября;
 «Начало» — впервые по ТВ 12 ноября;
 «Звезды Эгера» (Венгрия) — впервые по ТВ 12 ноября;
 «Пан Володыевский» (Польша) — впервые по ТВ 27 ноября;
 «Девичий заговор» (Польша) — впервые по ТВ 4 декабря;
 «Доктор Ева» (т/ф, ГДР) — 7 декабря;
 «День за днем» (т/сп) — 9, 12, 15, 18, 19, 22, 25, 28, 29 декабря;
 «Директор» — впервые по ТВ 13 декабря;
 «Обвиняются в убийстве» — впервые по ТВ 15 декабря;
 «Подозревается доктор Рот» (ГДР) — впервые по ТВ 19 декабря;
 «Сюжет для небольшого рассказа» — впервые по ТВ 25 декабря.

Наиболее популярные книги отечественных авторов, выпущенные в 1971 году

Сергей Баруздин — «О войне» (роман и повести);
 Юрий Бондарев — «Взгляд в биографию»;
 Генрих Боровик — «Один год беспокойного солнца»;
 Эмиль Брагинский — «Сослуживцы» (комедия; с Э. Рязановым);
 Аркадий Ваксберг — «Поединок столетия: Димитров» (повесть);
 Константин Ваншенкин — «Поездка к другу» (стихи);
 Борис Васильев — «А зори здесь тихие...» (повесть);
 Сергей Викулов — «А всего и помнится», «Избранное» (стихи);
 Теодор Гладков — «Николай Кузнецов» (повесть; с А. Лукиным);
 Овидий Горчаков — «Падающий дождь» (док. повесть);

Виктор Драгунский — «На Садовой большое движение» (рассказы);
 Евгений Евтушенко — «Казанский университет» (поэма), «Я сибирской породы» (стихи);
 Валентин Ежов — «Белое солнце пустыни» (киносценарий; с Р. Ибрагимбековым);
 Анатолий Иванов — «Жизнь на грешной земле» (повесть), «Вечный зов» (роман), «Избранное»;
 Вениамин Каверин — «Сказки»;
 Лазарь Карелин — «Ступени», «Золотой лев» (повести);
 Владимир Карпов — «Маршальский жезл» (роман);
 Юрий Коваль — «Приключения Васи Куролесова» (повесть);
 Станислав Куняев — «Избранная лирика», «Золотые холмы»;
 Леонид Ленч — «Веселый попутчик», «Падающая башня»;
 Леонид Леонов — Собрание сочинений в 10 томах, «Проза. Пьесы. Статьи»;
 Альберт Лиханов — «Сыновья», «Музыка» (повести);
 Леонид Лиходеев — «Искусство — это искусство» (фельетоны), «Колесо над землей. Дорожные записки»;
 Георгий Марков — «Сибирь» (книга 1-я);
 Сергей Михалков — Собрание сочинений в 3 томах, «Настроение» (стихи);
 Юрий Нагибин — «Переулки моего детства» (рассказы);
 Булат Окуджава — «Глоток свободы» (повесть о П. Пестеле), «Прелестные приключения»;
 Лев Ошанин — «Избранное» (в 2 томах);
 Еремей Парнов — «Звезда в тумане» (историческая повесть), «Бронзовая улыбка» (документальная повесть);
 Григорий Поженян — «Тридцать лет спустя» (стихи и поэмы);
 Петр Проскурин — «День смятения»;
 Александр Проханов — «Иду в путь мой»;
 Эдвард Радзинский — «О женщине» (пьеса);
 Роберт Рождественский — «Радар сердца» (избранные стихи), «Горячий Север» (стихи), «И не кончается земля» (путевые очерки);
 Анатолий Рыбаков — «Избранное», «Записки Кроша», «Неизвестный солдат» (повести);
 Юлиан Семенов — «Вьетнамский дневник», «Маршрут СП-15; Борнео»;
 Владимир Соколов — «Вторая молодость» (стихи);
 Владимир Солоухин — «Закон набата» (рассказы);
 Анатолий Софронов — «Ничто не забывается» (стихи), «Карьера Бекетова» (трагикомедия), «Лабиринт»;
 Илья Шатуновский — «Америка — справа и слева. Путешествие на автомобиле» (с Б. Стрельниковым).

Переводная литература (детективы)

- Ж. Сименон** — «Мегрэ и строптивные свидетели» — «Искатель» №1;
 «Мегрэ и призрак» — «Кодры» №1—2; «Мегрэ ищет голову» — «Подъем» №3—6; «Девушка в голубом» — «Простор» №5; «Мегрэ и нерадивый вор» — «Простор» №8—9; «Мегрэ обвиняет» — «Звезда Востока» №7—8; «Мегрэ и виноторговец» — «Неман» №7—9;
- А. Азимов** — «Дуновение смерти» (повесть) — «Аврора» №1—4;
- А. Збых** — «Слишком много клоунов» (повесть) — «Искатель» №3;
- З. Зборовский** — «Операция «Рудольф»» (повесть) — «Памир» №3—6;
- Б. Райнов** — «Человек возвращается из прошлого» (повесть) — «Искатель» №4—5;
- Е. Эдигей** — «Эльжбета уходит» (повесть) — «Звезда Востока» №5—6;
- К.Г. Тушель** — «Неприметный мистер Ван-Кибер» (повесть) — «Урал» №8—9;
- А. Кристи** — «Мышеловка» (повесть) — «Призыв» №8—11;
- Р. Стаут** — «Умолкнувший оратор» (повесть) — «Наш современник» №9—12;
- Е. Эдигей** — «Дело Нитецкого» (повесть) — «Урал» №10—12;
- Р. Стаут** — «Почему не позвали Уилби?» — «Лит. Азербайджан» №11—12;
- Д. Хэммет** — «Человек, который мешал» (повесть);
- «Современный английский детектив»: Ч. П. Сноу «Смерть под парусом», Д. Фрэнсис «Фаворит», Д. Л. Карре «Убийство по-джентльменски».

Шлягеры года

- «Наша служба и опасна и трудна» (М. Минков — А. Горохов; т/сп «Следствие ведут знатоки») — февраль;
- «Косил Ясь конюшину» (белорусская нар. песня) — «Песняры», февраль;
- «Александрина» (В. Мулявин) — «Песняры», февраль;
- «А где мне взять такую песню» (Г. Пономаренко — М. Агашина) — Ольга Воронец, март;
- «Пой, гитара», «Ты не понимаешь», «Ты, я и мой зонтик» (все — Т. Попа — Р. Рождественский; к/ф «Песни моря») — Дан Спатару, апрель;
- «Мы за ценой не постоим» (И. Шварц — Б. Окуджава; к/ф «Белорусский вокзал») — Нина Ургант, апрель;

- «Алеша» (Э. Колмановский — К. Ваншенкин) — Г. Кордов, апрель;
- «Знаете, каким он парнем был» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Юрий Гуляев, апрель;
- «Червона рута» (В. Зенкевич — В. Ивасюк) — В. Зенкевич, В. Ивасюк, май;
- «Баллада о красках» (О. Фельцман — Р. Рождественский) — Иосиф Кобзон, май;
- «Где среди пампасов...» (А. Зацепин — Л. Дербенев; к/ф «12 стульев») — Валерий Золотухин, июнь;
- «Не плачь, девчонка» (В. Шаинский — В. Харитонов) — Лев Лещенко, июнь;
- «Товарищ» (О. Иванов — А. Прокофьев) — Лев Лещенко, июнь;
- «Ветер северный» (Я. Френкель — И. Гофф) — «Голубые гитары», июль;
- «А любовь как песня» (О. Фельцман — В. Харитонов) — Эдита Пьеха, июль;
- «Разноцветные кибитки» (С. Рембовский — Е. Фиковский) — Эдита Пьеха, июль;
- «Нет тебя прекрасней» (Ю. Антонов — А. Азизов, М. Беляков) — «Поющие гитары», август;
- «Карлсон» (Дж. Кристи — И. Резник) — «Поющие гитары», август;
- «Проводы» (А. Колкер — К. Рыжов) — «Поющие гитары», август;
- «Зима» («Потолок ледяной...») (Э. Ханок — С. Островой) — Эдуард Хиль, август;
- «Увезу тебя я в тундру» (М. Фрадкин — М. Пляцковский) — ВИА «Самоцветы», август;
- «Свадьба» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев, август;
- «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — Лев Лещенко, август;
- «О чем плачут гитары» (М. Долган — Д. Иванов) — «Голубые гитары», октябрь;
- «Последний бой» (М. Ножкин; к/ф «Битва за Берлин») — Михаил Ножкин, ноябрь;
- «Стою на полустаночке» (И. Катаев — М. Анчаров, т/сп «День за днем») — Валентина Толкунова, декабрь.

Песни Владимира Высоцкого

- «Марш шахтеров» (Не космос — метры грунта надо мной...); первое исполнение — февраль;
- «Капитана в тот день называли на ты...» — февраль;
- «Беда» («Я несла свою беду...») — август;
- «Банька по-черному» — август;
- «Песенка про прыгуна в длину» («Что случилось, почему кричат?») — сентябрь;
- «Марафон» (Я бегу, топчу, скользю...) — сентябрь;

- «Певец у микрофона» («Я весь в свету...») — сентябрь;
 «Песня микрофона» («Я оглох от удара ладоней...») — сентябрь;
 «О моем старшине» («Я помню райвоенкомат...») — сентябрь;
 «Милицейский протокол» («Считай по-нашему, мы выпили немного...») — октябрь;
 «Горизонт» («Чтоб не было следов...») — октябрь;
 «Мои похорона» («Сон мне снится — вот те на...») — октябрь;
 «Песня автозавистника» — октябрь;
 «Случай» («Мне в ресторане вечером вчера...») — октябрь;
 «Песенка про мангустов» («Змеи, змеи кругом...») — октябрь;
 «Песня конченого человека» («Истома ящерицей ползает в костях...») — октябрь;
 «Песня о штангисте» («Как спорт — подныть тяжестей не ново...») — ноябрь;
 «Так дымно...» — декабрь;
 «Песня про первые ряды» («Была пора — я рвался в первый ряд...»);
 «Вратарь» («Да, сегодня я в ударе...») и другие.

Шлягеры года (зарубежные)

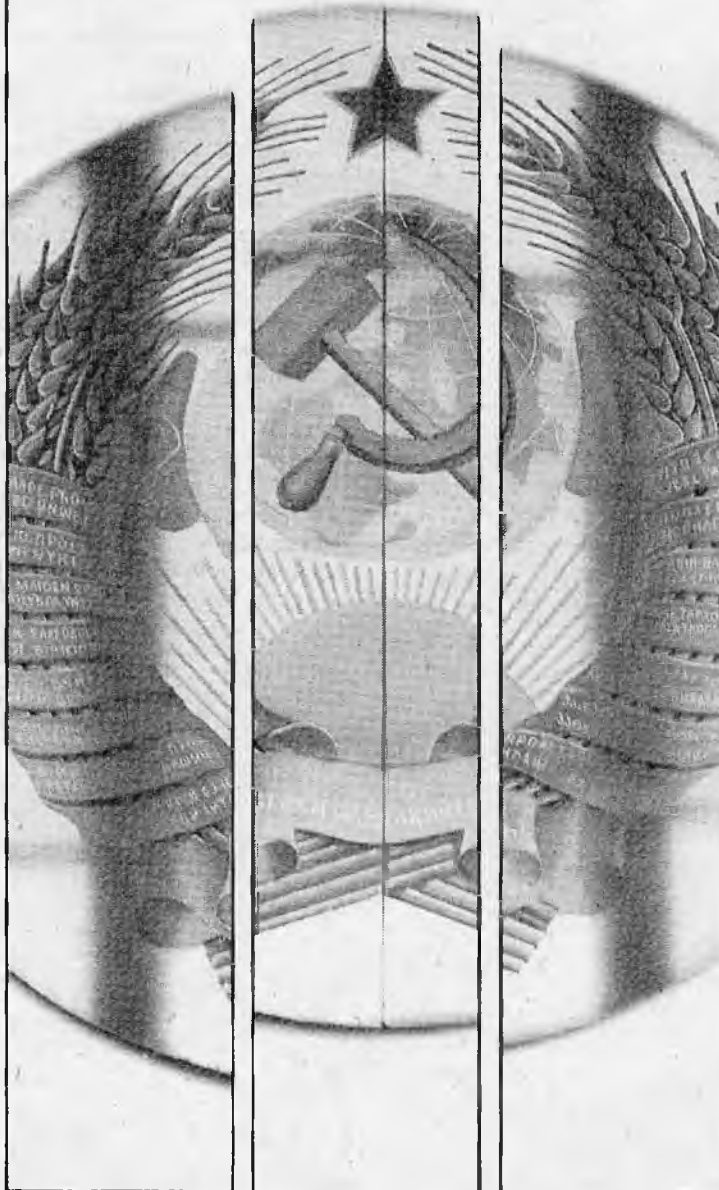
- «Lady in black» — «Юрай Хипп», январь;
 «Salisbury» — «Юрай Хипп», январь;
 «Hot Love» — «Ти Рекс», март;
 «It's too late», «So far away» — Кэрол Кинг, март;
 «In the Summertime» — Манго Джерри, апрель;
 «Heart of the Country», «Dear boy», «Too many people», «Eat a Home», «Uncle Albert», «Monkberry Moon...» — Пол Маккартни, май;
 «Funny Funny» — «Свит», май;
 «Sweet hitch-hiker» — «Криденс», июль;

- «Get it On» — «Ти Рекс», июль;
 «We shall dance» — Демис Руссос, сентябрь;
 «Fire bali» — «Дип Перпл», сентябрь;
 «Imagine» — Джон Леннон, октябрь;
 «July morning» — «Юрай Хипп», ноябрь;
 «Coz i luv you» — «Слэйд», ноябрь;
 «Chop chop», «Jeanie» — «Свит», ноябрь;
 «Black Dog», «Stairway to Heaven» — «Лед Зеппелин», ноябрь;
 «Gypsies Tramps and Thieves» — Шер, ноябрь;
 «Bip bop», «Tomorrow», «Wild life», «Love is strange» — «Уингз», декабрь;
 «Anna Maria», «Piona gogu, plona lasu» — «Червоны гитары», декабрь.

Преступность в СССР в 1971 году

- Общее количество преступлений — 1 057 090 (в 1970 — 1 046 336)
 умышленные убийства — 15 526 (в 1970 — 15 265)
 покушения на убийства — 4475 (в 1970 — 4707)
 убийства с разбоем — 296 (в 1970 — 263)
 убийства с изнасилованием — 231 (в 1970 — 203)
 убийства с хулиганством — 2510 (в 1970 — 3240)
 убийства из-за ревности и ссор — 10 247 (в 1970 — 9633)
 убийства матерью новорожденного — 514 (в 1970 — 489)
 посягательства на милиционеров — 385 (в 1970 — 421)
 грабежи — 33 015 (в 1970 — 32 871)
 разбои — 7050 (в 1970 — 6898)
 умышленные тяжкие телесные повреждения — 23 453 (в 1970 — 21 803)
 изнасилования — 13 870 (в 1970 — 13 859)
 хулиганство — 225 451 (в 1970 — 240 939)
 преступления в армии — 15 378 (в 1970 — 16 173)
 взяточничество — 3077 (в 1970 — 2954).

1972 год

1972

Январь

Как Карцев, так и Ильченко не смогли рассмешить членов Политбюро. Высоцкий в гостях у Золотухина. Почему Шукшин отказался взять вгиковский курс Михаила Ромма. Свадьба Михаила Шуфутинского. Почему Светлана Коркошко ушла из семьи. Большие люди в столичных театрах: премьер-министр Косыгин на премьере в МХАТе, министр культуры Фурцева на прогоне в Театре на Таганке. Началась работа над «Большой переменной». Суд над Владимиром Буковским. Сахаров и Боннэр поженились. Премьера 15-й симфонии Шостаковича. По Москве ходят слухи о самоубийстве Акиры Куросавы. Трудное время «Соляриса». Фильм «Андрей Рублев»... как дубинка против китайцев. Как Виротайнен оскорбила чувства Герасимова. Чемпион мира по шахматам Борис Спасский играет... в бридж. Аресты в среде диссидентов. Кто засудил Людмилу Пахомову и Александра Горшкова. Как Елена Щапова бросила мужа-миллионера. Земляки выручают Енгибарова. Якутская стипендия для Александра Галича. Елена Коренева в Горьком: мимолетный роман с коллегой. Драма в судьбе фигуристов Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова: их не взяли на Олимпийские игры. Тучи над «Большой переменной». Гастроли Клавдии Шульженко в Ленинграде. Почему пианист Ашкенази назвал великую певицу «старой жопой». Как Щербицкий спас актера Николая Олялина от увольнения. Умер Маршал Советского Союза Матвей Захаров. Юбилей Алексея Грибова.

По традиции за несколько минут до наступления Нового года по Центральному телевидению с торжественной речью к советским гражданам обратился один из руководителей страны. В прошлом году это был Генеральный секретарь ЦК Леонид Брежнев, появление которого на экранах телевизоров для большинства граждан оказалось неожиданным — до этого лидер правящей партии предпочитал держаться в тени. На этот раз неожиданностей не произошло — торжественный спич произнес президент страны, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. Речь его была выдержана в традиционном ключе: в ней говорилось об очередных победах коммунистической партии, о трудовых успехах народа, уверенно шагающего в коммунизм.

Сам оратор, как мы помним, наблюдал за своим выступлением на правительственной даче в Барвихе в окружении своих соратников. Свидетелем этого события оказался и артист Роман Карцев, который вспоминает:

«После выступления Подгорного прозвучал гимн. Пробили куранты. Мы с Витей Ильченко сидим, пить нельзя — это дурная привычка еще со времен работы в театре Райкина, — чуть пригубили, ждем своего выступления. Тамадой за столиком выбрали голосованием маршала Баграмяна. И пошло тоскливое гуляние. Первое слово дали секретарю ЦК Украины Шелесту. Он начал так: «Товарищи, только что мы прослушали яркую речь товарища Подгорного по телевидению, где он сказал...» И он почти повторил речь Подгорного и предложил выпить за здоровье товарища Брежнева, который в это время болел и за столом не присутствовал. Все молча выпили и в гробовой тишине чем-то закусили, а чем — там было! Икра, поросята — не хочу перечислять, тем более что многим уже было нельзя — печень, возраст, почки! И тамада дал слово первому секретарю Белоруссии, который сказал: «Товарищи! Только что мы прослушали вдохновенную речь товарища Подгорного, который сказал...» Все повторил и предложил выпить за советский

народ, который под руководством товарища Брежнева... Мы сидим, пить нельзя. Слово дают первому секретарю Узбекистана — «В яркой речи товарища Подгорного...» и т. д.

После паузы выскочил конферансье, поздравил с Новым годом и объявил певца. «Родина — твои родные края! Родина...» — пел певец. Три хлопка. Затем фокусник, у которого все падало от волнения, не смог снять часы у члена ЦК — потом объяснил, что часы были швейцарские и он не знал этого замка.

И опять тосты. Казахстан: «Только что мы прослушали яркую речь товарища Подгорного...» Тамада не выдержал:

— Ну, что мы устроили здесь партсобрание!

И объявил конкурс на лучший тост. Приз — огромный торт! Выскочил конферансье и объявил нас. Я — задорно:

— Есть у нас грузин, Аvas... и т. д.

Такой тишины мы в своей жизни не слышали.

Потом кто-то из-за стола:

— А теперь что-нибудь смешное.

Это они так приняли «Аvas»! Который шел на диком хохоте в Венгрии, Румынии, Болгарии — везде!!! И тут я вспомнил «Города». Но даже фраза «Жорж Помпиду — наш человек!» вызвала лишь легкий смешок!

Уехав оттуда, мы с Витей напились. С горя...»

Между тем речь Подгорного длилась десять минут, после чего началось любимое зрелище миллионов — «Голубой огонек». Вообще телевидение в первый день Нового года всегда было щедрым на сюрпризы, однако в 72-м их оказалось на удивление много. Причем зрелищ хватило на все возрасты. Судите сами: в первой половине дня ТВ развлекало в основном детвору с помощью популярных мультиков — отечественного «Чебурашки» и польского «Приключения Болека и Лелека», после чего в эфир вышла премьера — фильм-спектакль Театра сатиры «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» (премьера — март 1968). Затем наступила очередь более взрослого телезрителя: в 16.55 в эфирной сетке значилась суперпопулярная юмористическая программа «Терем-Теремок» с неизменным ведущим Александром Ширвиндтом, которую сменил не менее популярный КВН. Затем друг за другом состоялось

сразу две премьеры: в 20.15 был показан телефильм «Эти разные, разные, разные лица», который можно было смело назвать бенефисом одного актера — Игоря Ильинского (он сыграл все роли в фильме), а в 22.00 в эфир вышла «Песня-71» — первый финальный конкурс популярных песен и мелодий года.

Что касается трех остальных программ ТВ, то их меню было значительно скромнее, что вполне объяснимо — 1-я программа считалась Главной. Например, по 2-му каналу гоняли хоть и популярные, но уже по несколько раз виданные-перевиданные зрителем кинохиты: «Король-Олень» (17.45) и «Берегись автомобиля» (19.15).

В этот же день Владимир Высоцкий и Марина Влади заехали домой к Валерию Золотухину. Несмотря на то, что визит был неожиданным, хозяин с супругой, актрисой Ниной Шацкой, не растерялись — выставили на стол водку, банку икры, другие закуски. Сидели несколько часов. Говорили о разном, в том числе и о многострадальном спектакле Театра на Таганке «Живой», где Золотухин играл главную роль — Кузькина, и который в те дни в очередной раз должен был сдаваться высокому начальству (до этого комиссия Минкульта его постоянно браковала). Влади особенно сильно восторгалась игрой Золотухина, Высоцкий даже рассказал за столом, что на последней репетиции она плакала — так ее потрясла эта роль.

Между тем это было не последнее потрясение Влади в этом доме. В конце ужина Золотухин поставил на магнитофон кассету, где звучали песни в его исполнении. Одна из них — «Не одна во поле...» — произвела на французскую подданную неизгладимое впечатление. Она стала просить отдать ей эту кассету, с тем чтобы показать ее в Париже одному известному композитору. Золотухин сопротивляться не стал, за что на следующий день заработал от жены упрек: мол, как ты быстро согласился отдать пленку, даже подумать не успел. На что именитый супруг резонно ответил: «А чего мне думать? Пусть слушают французы, как поет русский мужик...»

1 января в доме, где жил другой известный человек — Василий Шукшин, — происходили следующие события. Его соседка по лестничной площадке — педагог ВГИКа Эмма Крав-

ченко — попросила Василия Макаровича зайти к ней для важного разговора. Шукшин пришел не один — привел с собой двух своих дочек Машу и Олю, а чуть позже пришла и нарядная супруга Шукшина Лидия Николаевна. Кроме них, в квартире находилась еще одна гостя — помощник недавно скончавшегося мэтра отечественной кинематографии Михаила Ромма Ирина Жигалко. Собственно, именно ее приход и явился поводом к приглашению сюда Шукшина — она попросила Кравченко поговорить с соседом на предмет того, чтобы он согласился взять режиссерский курс Ромма во ВГИКе. Но этот разговор ни к чему не привел. Шукшин от этого предложения отказался. Спустя несколько дней, уже находясь во ВГИКе, он так объяснил студентам свой отказ: «Дело ведь не только в том, что надо вас доучить. Режиссуре — и Михаил Ильич это говорил — вообще навряд ли можно научить. Так что как-нибудь мы смогли бы дожить до дипломов. Но ведь мастер — это человек, который не даст тебе пропасть и после диплома. Он должен поддержать тебя, помочь как-то устроиться, пробиться на студии. Таким мастером и был Ромм. А я пока что не тот человек, который мог бы помогать вам и за стенами ВГИКа. Я ничем не смогу помочь вам потом. Я просто поэтому не имею права взять на себя такую ответственность. Михаил Ильич согласился бы со мной...»

На следующий день (это было воскресенье) по ТВ было меньше сюрпризов, чем накануне: утром детям показали телевизионный рассказ о съемках любимого мультсериала «Ну, погоди!» (к этому моменту вышли 4 серии фильма), вечером взрослый телезритель довольствовался премьерой телефильма «Алло, Варшава» (16.40) и передачей «Артлото» (21.50).

В этот же день в Москве известный драматург Исая Кузнецов (по его совместно с Авениром Заком сценариям были поставлены фильмы: «Утренние поезда» (1963), «Пропало лето» (1964) и др.) пришел на квартиру Александра Галича возле метро «Сокол». Буквально несколько дней назад — 29 декабря — Галича исключили из Союза писателей, и все эти дни он плохо себя чувствовал, лежал пластом в постели. Однако больше всего его убивало не само исключение, а то, что с этого момента многие из тех людей, кого он считал своими друзьями,

отвернулись от него, не только перестали к нему заходить, но даже звонить боялись. Поэтому любое появление гостей на пороге его квартиры после 29 декабря было для Галича настоящим праздником. Вот как об этом вспоминает сам И. Кузнецов:

«Жена Галича выглядела больной, возбужденной. Она обрадовалась нашему приходу, сказала: «Как хорошо, что вы пришли. Саше это так нужно, так нужно!» Галич — вид у него был совершенно больной — сидел за столом. Он не писал, не читал, просто сидел задумавшись. Мы заговорили о заседании секретариата. Меня интересовало поведение Арбузова (Алексей Арбузов — известный драматург. — Ф. Р.). Волновало оно и Галича. Арбузову когда-то мы посвятили свою пьесу...

В сущности, пришел бы Арбузов на секретариат или не пришел, голосовал бы за исключение или нет — ничто не остановило бы заранее предрешенного. С той только разницей, что и Арбузову пришлось бы несладко, если бы он выступил против приказа, отданного свыше. Однако пришел. Даже выступил с осуждением своего бывшего ученика. Правда, с оговоркой, что ему тяжело говорить — слишком много связано у него с этим человеком..И даже вместе с Агнией Барто и Рекемчуком воздержался от голосования. Однако, когда Наровчатов применил прессинг, заявив, что «наверху» требуют, чтобы решение было принято единогласно, все воздержавшиеся проголосовали за исключение. Арбузов обвинил Галича в присвоении чужой биографии — биографии человека, воевавшего и прошедшего лагеря. Не мог же он не понимать, что лирический герой песни, когда употребляется местоимение «я», не может и не должен отождествляться с автором. Это авторская боль, боль человека за других.

Это особенно оскорбило Галича. О последних мы не говорили — они были понятны без слов...»

2 января в холодном и далеком Магадане известный ныне певец Михаил Шуфутинский справлял собственную свадьбу. Женится он на красивой девушке Рите, с которой познакомился в октябре 70-го, она пренебрегла благами, которые были у нее в Москве, и приехала жить к любимому буквально к черту на рога. Причем родителям она сказала, что... уехала отдыхать с подругой в Сочи. А сама навострила

лыжи в Магадан, где без родительского благословения и выскочила замуж. Свадьбу гуляли на квартире официантки ресторана «Северный», где работал и сам Шуфутинский, — играл в тамошнем оркестре. Гостей собралось человек двадцать, закуска была царская — вся из ресторана. Невеста была в платье, шитом собственными руками, а вот фата была импровизированная, из каких-то случайных материалов — время тогда было дефицитное. Правда, застолье длилось недолго — часа три, причем жених и его друзья старались пить в меру, поскольку вечером им предстояло идти на работу — играть для публики в ресторане «Северный».

Андрей Сахаров и Елена Боннэр в эти же дни уехали на дачу академика под Москвой. Хотя Сахаров получил ее от правительства еще в 56-м году, однако по-настоящему обжить так и не сумел (постоянные командировки мешали этому). И вот теперь, уже с другой женщиной, ему предстояло это сделать. С собой на дачу Сахаров и Боннэр взяли своих младших детей: Диму (сын академика) и Алешу (сын Елены), которые за то время, пока их родители жили вместе, никак не могли найти между собой общий язык (несмотря на то, что были почти ровесниками).

Вечером 2 января в МХАТе состоялась премьера спектакля «Валентин и Валентина» по пьесе Михаила Рошина в постановке Олега Ефремова. Ровно месяц назад — 2 декабря — эта пьеса была поставлена силами актеров театра «Современник» и произвела настоящий фурор в театральной Москве. Для исполнителей главных ролей в спектакле — Константина Райкина и Ирины Акуловой — эта премьера стала по-настоящему звездной. Недалеко ушла от этого и мхатовская версия, где главные роли сыграли тоже молодые звезды театра — Евгений Киндинов и Анастасия Вертинская, а в остальных ролях были заняты такие звезды Художественного, как Алла Тарасова, Анастасия Георгиевская, Олег Ефремов, Софья Пилявская, Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, Ирина Мирошниченко и другие. В качестве режиссера выступил стажер МХАТа В. Кузнецов.

Эта постановка произвела в столице не меньший ажиотаж, чем современниковская, и даже более того — она вызвала бурное непри-

ятие со стороны официальных властей. Однако о перипетиях той премьеры лучше всего выслушать рассказ очевидцев. Вспоминает автор пьесы М. Рошин:

«Олег совершил ошибку и назначил премьеру на 2 января. Разумеется, пришла вся Москва. Такого зала я не видел никогда: кругом были погоны, ордена, бриллианты и генеральские лысины. В ложе сидел сподобившийся прийти Косыгин (Алексей Косыгин — председатель Совета Министров СССР. — Ф. Р.). Я был в ужасе, понимая, что для этой аудитории, в этих стенах все, что летает со сцены, звучит крамольно. Интуиция меня не подвела. В антракте Косыгин вызвал Фурцеву (Екатерина Фурцева — министр культуры СССР. — Ф. Р.), та позвала своего зама Иванова, и началась катавасия. Мало того, что запретили спектакль, арестовали даже афишу. Но Ефремов есть Ефремов, он умеет настоять на своем, и спектакль все равно шел. Только в окошечке кассы всякий раз висело не название, а надпись: «Спектакль будет объявлен особо». Вот так это было...»

Этот же спектакль стал невольным инициатором развала двух актерских семей — Светланы Коркошко и Владимира Салюка. По словам актрисы: «Как только мы оказались на сцене рядом, я почему-то сразу перестала думать о чем-либо другом, какая-то необъяснимая энергия притяжения охватывала меня и его. Всем своим нутром я ощутила, что это — судьба. Внешностью он не выделялся, но в нем была такая внутренняя сила, редкое обаяние, ум, он был и до сих пор остается для меня загадкой. Это был первый мужчина, от которого я захотела иметь ребенка. Мы уже ничего не могли поделать с охватившим нас чувством. Это была любовь. И никакие условности не стали препятствием: ни его, ни моя семья, ни общественное мнение, ни трудности бытового характера. Мы решили быть вместе. Я ушла от Борецкого, оставив все. Предстояло начинать новую жизнь с нуля...»

3 января не менее драматические события потрясли стены двух других столичных театров — на Таганке и Малого. Начнем по порядку. На Таганке в половине третьего дня был устроен очередной прогон спектакля «Живой», на который собрались два десятка человек, в том числе сама министр Фурцева. После спек-

такля в кабинете главрежа театра Юрия Любимова состоялось горячее обсуждение увиденного. Большинство собравшихся высказались за то, чтобы спектакль наконец появился в репертуаре театра, даже Фурцева в своей речи отметила, что по сравнению с предыдущим разом (месяц назад) эта версия выглядит приемлемо. Пользуясь моментом, министр не преминула коснуться и присутствующего на обсуждении Высоцкого:

— Недавно слушала пленку с записями его песен. Много такого, от чего уши вянут, но есть и прекрасные песни. Например, «Штрафные батальоны» и еще некоторые...

Про выступление Фурцевой можно было смело сказать «мягко стелет, но жестко спат». Несмотря на ее похвалы по адресу «Живого», выйти в свет этому спектаклю тогда так и не было суждено. Он пролежит «на полке» аж до 1988 года.

В Малом театре сыр-бор разгорелся внутри коллектива — разборка случилась между директором театра Михаилом Царевым, с одной стороны, и Борисом Бабочкиным — с другой. Суть конфликта заключалась в следующем. Бабочкин собирался пригласить в свою телевизионную экранизацию спектакля «Правда хорошо, а счастье лучше» вместо Юлии Бурыгиной (роль Поликсены) актрису Светлану Жгун. Кроме этого, он собирался задействовать последнюю и на сцене театра: в «Грозе» (роль Варвары) и в ближайшей премьере Малого — спектакле «Фальшивая монета», где игра «первой» Варвары — Руфины Нифонтовой — его перестала удовлетворять (на последней репетиции та устроила скандал Юрию Каюрову за то, что он — по пьесе — взял ее за лицо).

3 января Бабочкин пришел на прием к главрежу Малого Борису Равенских, чтобы согласовать с ним эти, а также ряд других вопросов. Однако, несмотря на состоявшийся накануне телефонный разговор, где было оговорено точное время встречи, Равенских на нее опоздал. Бесплезно прождав его полчаса, Бабочкин отправился к Цареву. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Разговор начали сухо, но мирно. Потом подошел Равенских. И вдруг Царев начал орать: он ничего не знает по поводу Жгун, почему я до сих пор не ввел другую актрису — Евдоки-

мову или Буканову, кандидатурой Мишина (еще один актер, которого Бабочкин собирался ввести на место первого исполнителя. — Ф. Р.) возмущен и прочее.

В ответ на мои совершенно спокойные доводы вдруг:

— Я кончил разговор! Все...

— А у меня не все. Я должен уйти, решив эти вопросы, чтоб начинать снимать и продолжать репетировать. Вводить никого не буду, да и времени для их ввода нет, тогда придется снимать Бурыгину.

— Какие еще съемки?

— Ты подписал договор с телевидением.

— Понятия не имею и знать ничего не хочу!
— Но ты же сам подписал договор!
— Понятия не имею. Не нравится — уходи из театра! Все!

Бледный, орет, глаз косой, — скандал полный. Я сложил кукиш и поднес его довольно близко ему к носу:

— Вот видел? Вот я уйду из театра. Хватит!

Не помню всех деталей. Кончилось тем, что Царев заорал:

— Вот дверь!

На это я сел в кресло, сделал паузу и потом сказал — тихо и спокойно:

— Не ошибись. Ты уже через эту дверь раз вышел. Не ушел бы во второй.

Да, перед этим финалом я спросил, прочитали ли они все-таки пьесу о Есенине. Конечно, нет. Но Равенских уже слышал о ней отрицательное мнение (тем более что он соавтор пьесы о Есенине с Шундиком): «Сестры Есенина пишут в ЦК, Брежневу. Они против того, что у Есенина была какая-то драма» и т. д...»

4 января на «Мосфильме» режиссер Алексей Корнев приступил к работе над актерскими кинопробами для фильма «Приключения школьного учителя», ныне известного как «Большая перемена» (фильм снимался по заказу Гостелерадио). История создания этого шедевра отечественного кино берет свое начало еще в начале 60-х, когда в Краснодаре увидела свет книга Георгия Садовникова «Иду к людям». Автор книги в течение года преподавал историю в школе рабочей молодежи, а когда ушел оттуда, решил описать все увиденное на бумаге. Книга получилась грустная, но в то же

время оптимистическая, как тогда говорили — жизнеутверждающая. Именно поэтому десять лет спустя у руководителей Гостелерадио и «Мосфильма» созрела идея экранизировать это произведение. Режиссером был выбран 45-летний Алексей Коренев, до этого снявший несколько комедий: «Адам и Хева» (1969), «Вас вызывает Таймыр» (1970). В жанре комедии он собирался снимать и этот фильм про школу рабочей молодежи, хотя в книге Садовникова смешного было не так много. Автор всеми силами сопротивлялся такому превращению своего произведения, однако режиссерская воля оказалась сильнее. И, как мы теперь понимаем, слава богу!

Подготовительные работы над картиной начались в самом конце декабря 71-го, а в начале нынешнего года Коренев приступил к кинопробам. Стоит отметить, что, перед тем как начать работу над картиной, у режиссера было всего лишь несколько актеров, которых он собирался пригласить в ленту без всяких кинопроб. Это были великие старики МХАТа Михаил Яншин (профессор Волосюк) и Анастасия Георгиевская (учительница географии). Остальных исполнителей ему предстояло еще найти. Забегая вперед, скажу, что поиск будет кропотливым. Как мы помним, фильм был весьма насыщен персонажами: надо было найти полтора десятка актеров на роли учеников шепутного 9-го «А», десятков актеров на роли учителей и ряд других персонажей. Поэтому пробы начались без задержек — сразу после новогодних праздников. 4 января в коллেকторе 10-го павильона «Мосфильма» перед взором Коренева предстали актеры: Виктор Проскурин (Авдотин), Анатолий Шаляпин (Ляпишев), Лариса Барабанова (Нелли). Как мы теперь знаем, из перечисленных кандидатур режиссера устроит только Проскурин, который блестяще сыграет Ляпишева. На следующий день на кинопробы явится еще одна актриса, которая в итоге получит роль, — Наталья Гвоздикова (Полина).

5 января в Люблинском суде города Москвы состоялся суд над диссидентом Владимиром Буковским. На него из разных мест съехались более 60 правозащитников, которые своим присутствием хотели поддержать Буковского (были среди них и Сахаров с Боннэр). Однако никого из них в зал заседаний не пу-

тили: едва они поднялись на второй этаж, как дорогу им преградила плотная шеренга гэбистов, для отвода глаз нацепивших на рукава повязки дружинников, старший из которых заявил, что свободных мест в зале больше нет. Тогда Сахаров потребовал вызвать к нему коменданта, чтобы тот провел в зал одного из них на предмет проверки заявления дружинников. Но коменданта так никто и не позвал. Вместо этого из толпы «дружинников» раздался возглас:

— Советский ли вы человек, академик Сахаров?

Суд длился несколько часов и закончился приговором Буковскому: 7 лет заключения и 5 лет ссылки. Выводили осужденного тайно — через запасную дверь. Когда его товарищи, томившиеся все это время в коридоре, попытались прорваться к нему, на пути у них вновь встали все те же «дружинники». Единственным человеком, кому удалось подбежать к машине, в которую сажали Буковского, был Петр Якир, крикнувший:

— Володя, молодец!

Два дня спустя Андрей Сахаров и Елена Боннэр приняли решение официально скрепить свои отношения. Причем, не желая широкой огласки этого события, они никого об этом не предупредили (Сахаров не поставил об этом в известность даже собственных детей, о чем потом очень сожалел). В ЗАГС молодожены отправились вчетвером, прихватив с собой двух свидетелей (чуть позже туда прибежала и дочь невесты Татьяна). Однако сохранить это мероприятие в тайне его устроителям так и не удалось: едва они пришли к ЗАГСУ, как увидели возле него полдюжины мужчин в одинаковых, очень хорошо сшитых черных костюмах. Это были сотрудники КГБ.

Вечером того же дня Сахаров и Боннэр вылетели в Киев, но не в свадебное путешествие, как могло кому-то показаться, а в рабочем порядке — им предстояла встреча с писателем Виктором Некрасовым. Тот вел переписку с главным психиатром СССР Снежневским (автором теории вялотекущей шизофрении, которую власть применяла и против диссидентов), и Сахаров с Боннэр надеялись, что эти письма будут полезны для кампании в защиту недавно осужденного Владимира Буковского.

8 января в Москве состоялась премьера 15-й симфонии Дмитрия Шостаковича. О том, как она проходила, рассказывает очевидец — друг композитора Исаак Гликман, который в тот день приехал в столицу из Ленинграда:

«На вокзале меня встретила прелестная Ирина Антоновна (супруга Шостаковича. — Ф. Р.), и мы на машине поехали домой, где нас ждал Дмитрий Дмитриевич. Выглядел он в это утро совсем недурно. Следуя своему старому правилу, он сказал, что чувствует себя хорошо, не «так себе», а просто хорошо, но за этим «хорошо» я услышал подтекст, примерно означавший: «хотите верьте, хотите не верьте».

После завтрака мы втроем отправились в Большой зал консерватории на генеральную репетицию Пятнадцатой симфонии. Репетиция не ладилась: заболел первый фагот, регулятора на месте не оказалось. Вынужденный антракт продолжался чуть ли не целый час. Дмитрий Дмитриевич нервничал, но никого не упрекал, никого не ругал, покорно сидел в зале и в фойе, дожидаясь оркестранта. Он ровным голосом несколько раз повторил: «Ты знаешь, за всю мою концертную жизнь такого происшествия, пожалуй, не было. Я такого происшествия не припомню».

Наконец, оркестрант явился, и симфония зазвучала во всей своей красоте, драматизме и обаянии. Мне казалось, что цитаты из Россини и Вагнера, на которые Шостакович наложил свою печать, стали его собственностью.

Вечером состоялся концерт. На нем присутствовала «вся Москва». Атмосфера была торжественной и праздничной. Дмитрий Дмитриевич был внешне спокоен. Я сидел с ним рядом в шестом ряду. Он об этом заранее позаботился, ибо ему, вероятно, не хотелось иметь в качестве соседа случайного человека. В паузах Дмитрий Дмитриевич шептал мне несколько раз: «У Максима (сын композитора, выступавший в тот день в качестве дирижера. — Ф. Р.) все в порядке». По окончании симфонии началась овация. Весь громадный зал сверху донизу стоял и рукоплескал долго и неутомимо. Дмитрий Дмитриевич с трудом выходил на эстраду и покидал ее много раз. Оркестр вместе с Максимом приготовился бисировать финал, но Дмитрий Дмитриевич отослал оркестрантов за кулисы.

Выходя из Большого зала, я, теснимый непрошеным собеседником, попал в какую-то яму и повредил себе ногу, однако был в состоянии добраться до машины, и мы поехали в Жуковку. Дмитрий Дмитриевич по поводу моего падения сказал: «Надеюсь, это первая и последняя проделка Касьяна» (високосного года).

По случаю премьеры Ирина Антоновна устроила ужин, на котором были только свои. Дмитрий Дмитриевич, изменив своей привычке рано ложиться спать, оставался за столом до поздней ночи. Мы говорили о прошедшем концерте, и Шостакович, обратившись ко мне, сказал: «По-моему, я написал лихую симфонию». Слово «лихая» мне показалось неожиданным в его лексике.

На следующее утро Ирина Антоновна и я отправились на московскую квартиру. Дмитрий Дмитриевич вручил мне одну из своих палок и просил беречь ногу.

Поближе к вечеру меня посетил Юрий Николаевич Григорович, со знанием дела перевязавший тугим бинтом мою ногу, и мне стало легче ходить. В беседе он впервые заговорил о балете «Золотой век», который ему бы хотелось поставить, но лишь десять лет спустя это намерение было осуществлено...»

10 января кинорежиссер Григорий Козинцев пишет из Ленинграда письмо в Москву своему коллеге Сергею Юткевичу. Не стану цитировать весь текст, выделю лишь одно место, оно касается знаменитого японского кинорежиссера Акиры Куросавы, о котором в те дни по столице ходит масса противоречивых слухов:

«23 декабря прочел в парижской «Mond» в рубрике «Petites nouvelles» о том, что Акира Куросава покушался на самоубийство, перерезав себе горло... По слухам, это было не горло, а вены, и сейчас его жизнь вне опасности, хотя он до сих пор в больнице... вот тебе и «маленькая новость»!..»

12 января другой кинорежиссер — Андрей Тарковский записал в своем дневнике следующие строчки: «Вчера Н. Т. Сизов (директор «Мосфильма». — Ф. Р.) сообщил мне претензии к «Солярису», которые исходят из различных инстанций — от отдела культуры ЦК, от Демичева, от Комитета и от главка. 35 из них я записал... Если бы я захотел их учесть (что не-

возможно), от фильма ничего бы не осталось. Они еще абсурднее, чем по «Рублеву».

1. Показать яснее, как выглядит мир в будущем. Из фильма это совершенно неясно.

2. Не хватает натуральных съемок планеты будущего.

3. К какому лагерю принадлежит Кельвин — к социалистическому, коммунистическому или капиталистическому?..

5. Концепция бога должна быть устранена...

9. Должно быть ясно, что Крис выполнил свою миссию.

10. Не должно складываться впечатление, что Крис — бездельник...

Весь этот бред кончается словами: «Других претензий к фильму не имеется».

Можно сдохнуть, честное слово! Какая же провокация... Что они вообще хотят от меня? Чтобы я вообще отказался работать? Почему? Или чтобы я сказал, что со всем согласен? Они же знают, что я этого никогда не сделаю.

Я совершенно ничего не понимаю...»

К слову о Тарковском. Вот уже месяц, как на широкий экран вышел его многострадальный фильм «Андрей Рублев», однако назвать его прокат широким не поворачивается язык — отпечатано всего лишь 277 копий. Однако на фоне того, что этот фильм дождался своего выхода к зрителю аж 5 (!) лет, это — огромное достижение. Между тем многие люди в те дни ломали головы над вопросом: какими причинами вызвано снятие запрета с картины? Весьма интересную версию по этому поводу высказал комментатор польского журнала «Культура», выходящего в Париже, Михаил Геллер, который связал выход «Рублева»... с китайской проблемой. Мол, как только обострились отношения советского и китайского руководства, так тут же на широкий экран хлынули фильмы, в которых люди с желтым цветом кожи стали выступать в образе врагов. Две последние новинки из этого ряда — фильмы «Русское поле» и «Андрей Рублев». Но послушаем самого М. Геллера:

«Новый фильм, вышедший на советские экраны, носит название, символизм которого доступен каждому зрителю, фильм называется «Русское поле». Рассказывает он о жизни трудолюбивой советской колхозницы, честно трудящейся на благо Родины, сын которой в кон-

це фильма погибает в схватке на границе с коварным врагом. Финальные сцены — ряды гробов, плачущие женщины — зрители уже видели раньше, по телевизору, в кинохронике — это сцены похорон жертв боев на Уссури. Китайцы — убийцы миролюбивых советских людей, нарушающих мирный труд.

В фильме «Русское поле» новый враг советского народа не назван, но его имя отгадать нетрудно.

Значительно проще обстоит дело с другим фильмом, вышедшим на экраны после пятилетнего запрета. Нельзя, конечно, сравнивать убогое произведение Николая Москаленко «Русское поле» с выдающимся фильмом Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (кстати, в прокате 72-го года «Русское поле» займет 2-е место, собрав 56,2 миллиона зрителей. — Ф. Р.).

Но есть в этих двух фильмах одна общая деталь — цвет кожи тех, кто убивает русских людей, — желтый. У Тарковского — татары, у Москаленко — китайцы. Было бы величайшей несправедливостью с моей стороны сводить «Андрея Рублева» к борьбе с желтой опасностью, но несомненно, что именно этим объясняется появление фильма на экране. И приходится лишь удивляться недоумению московского корреспондента газеты «Монд», восклицающего: «Никто не знает, почему фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» после пятилетнего ожидания вышел на московские экраны». Руководители советской пропаганды отлично знают. Они пришли, видимо, к выводу, что сцены разгрома татарами русской церкви, убийства русских и т. п. заслонят все другое, что есть в фильме.

Враг внешний — Китай. Это всем ясно. И, можно бы сказать, все с этим согласны — и официальная пропаганда, и «диссиденты», выражающие свои мысли в статьях, распространяемых «самиздатом»...

Режиссер Сергей Герасимов продолжает работу над фильмом «Любить человека». В те январские дни в одном из павильонов киностудии имени Горького снимались эпизоды в декорации «квартира Александры». Главные действующие лица: актеры Любовь Виролайнен и Анатолий Солоницын. Съемки проходят без особых приключений. Разве что однажды на съемочной площадке произошел скандал ме-

Мои любимые родители. Начало 70-х.

Три мушкетера с Казаковки. Справа налево: я и два моих брата — Валера и Роман. Конец мая 1971 года. В эти же дни Алла Пугачева родила дочь Кристину, Татьяна Буре привезла из Минска новорожденного сына Пашу Буре, Станислав Ростоцкий вот уже неделю снимает в Карелии «А зори здесь тихие...», Лев Яшин сыграл свой прощальный матч, а Леонид Брежнев находится с визитом в Праге.

Никита Хрущев, будучи на пенсии, взялся писать мемуары, чем сильно напугал власти. Однако, несмотря на все старания КГБ, который не спускал с Хрущева глаз, его мемуары вышли на Западе. Однако пережитые волнения сказались на здоровье опального пенсионера союзного значения — в сентябре 1971 года он скончался.

Классик советской литературы Александр Твардовский. В феврале 1970 года власти заставили его уйти с поста главного редактора журнала «Новый мир», чем невольно приблизили его смерть — он умер спустя полтора года.

В январе 1970 года советский тяжелоатлет Василий Алексеев установил мировой рекорд — поднял штангу весом 221,5 кг. Но мало кто знал, что накануне своего рекорда Алексеев считался инвалидом и в его потенциал не верил практически никто, кроме его супруги. Эта любовь, собственно, и подвигла Алексеева стать сильнейшим человеком планеты.

Культовый фильм советского кино — «Белое солнце пустыни». Вышел на экраны страны в конце марта 1970 года. Владимир Мотыль мгновенно стал народным режиссером, чем вызвал зависть к своему успеху со стороны коллег. Несмотря на то что в первый же год проката фильм посмотрели более 40 миллионов человек, ни на один из всесоюзных кинофестивалей он так и не попал. «Белое солнце...» трижды выдвигали на Госпремию СССР и каждый раз его проваливали в секции кино Комитета по премиям. Такого не случилось ни с одним советским фильмом.

Многострадальный фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» был снят в 1966 году, однако практически сразу положен на полку. И только в 1971 году власти разрешили его к выпуску, но малым экраном. В итоге его посмотрели чуть меньше трех миллионов человек. Но это не помешало ему стать классикой отечественного кинематографа.

Всенародно любимый фильм «Джентльмены удачи». Был снят и выпущен в прокат в рекордные сроки: с февраля по сентябрь 1971 года шли съемки, а в декабре того же года его выпустили на экран. На фото: сцена из фильма, которая снималась в самом начале работы — в конце февраля 1971-го на улицах Москвы: Федю Ермакова (Савелий Крамаров) опознает его детдомовский приятель.

Великий футбольный вратарь Лев Яшин в 1971 году закончил свою вратарскую карьеру: 27 мая на стадионе имени Ленина в Лужниках состоялся его прощальный матч. Яшин простоял в воротах один тайм, не пропустил ни одного мяча и ушел с поля под оглушительные авации трибун. Ушел в историю.

В 1971 году в Советском Союзе отмечалась славная дата — 10 лет со дня первого полета человека в космос. По злой иронии судьбы именно в том году, в июне месяце, случилась самая страшная трагедия в истории советской космонавтики: во время полета в космос погибли сразу три космонавта — В. Пацаев, В. Волков, Г. Добровольский. На фото: у входа в Центральный дом Советской Армии, где 1 июля 1971 года состоялась гражданская панихида по погибшим.

Самый кассовый фильм 1971 года «Офицеры»: его посмотрели 53 миллиона 400 тысяч зрителей. На фото сцена, с которой начались съемки блокбастера: Москва, начало августа 1970 года, в роли Вараввы — В. Лановой, Любы Трофимовой — А. Покровская, Трофимова — Г. Юматов. Для Покровской это первый съемочный день — ее срочно ввели на роль вместо Елены Добронравовой, игра которой не устроила режиссера В. Рогового.

Самый кассовый фильм 1972 года «Русское поле»: его посмотрели 56 миллионов 200 тысяч зрителей. Нонна Мордюкова и ее сын Владимир Тихонов сыграли в нем главные роли — мать и сына. По сюжету, сын погибает в расцвете лет. Спустя 19 лет после съемок похорон (ноябрь 1971 года, под Чебаркулем) Мордюкова по-настоящему похоронит своего единственного сына. Владимир Тихонов уйдет из жизни в 42 года.

В начале 70-х Леонид Брежнев считался одним из самых влиятельных мировых политиков. Он был энергичен, обаятелен, остроумен. На фото один из самых успешных прорывов Брежнева-политика — встреча в Москве с президентом США Ричардом Никсоном (22 — 30 мая 1972 года).

Знаменитая Суперсерия-72 по хоккею между сборной СССР и канадскими профессионалами. Наши ребята хотя и уступили в ней, но лицом в грязь не ударили: канадцы пророчили, что выиграют у сборной СССР все восемь матчей, а в итоге победили только в четырех, а в трех вообще проиграли. На фото самый кульминационный момент встречи: 28 сентября 1972 года, Москва, Дворец спорта, около девяти часов вечера. За 34 секунды до конца игры Пол Хендерсон забивает решающую шайбу в ворота В. Третьяка. Канадцы выигрывают встречу (6:5) и Суперсерию в целом.

Лучшие телевизионные сериалы 70-х: «Адъютант его превосходительства» (преьера — апрель 1970 года), «Тени исчезают в полдень» (февраль 1972 года) и «Семнадцать мгновений весны» (август 1973 года). Фильмы, которые с первого же показа стали культовыми.

Американский певец Дин Рид был очень популярен в Советском Союзе. Концерты с его участием регулярно демонстрировались по советскому ТВ, его диски многомиллионными тиражами выпускала фирма «Мелодия». Певца действительно любили у нас, прощая ему даже его слишком рьяную любовь к коммунистическим доктринам. Дин Рид был красив, талантлив, к тому же все знали, что в Советском Союзе у него есть любовница — эстонская актриса — красавица Эве Киви.

В 70-е годы, когда Арнольд Шварценеггер делал в Санта-Монике свои первые шаги на ниве культуризма, а Сильвестр Сталлоне работал вышибалой в ресторане, сердцами и душами советских мальчишек и девчонок владел совсем другой крутой парень — югославский актер Гойко Митич. Он играл роли бесстрашных индейских вождей в серии фильмов восточногерманской киностудии ДЕФА. К сожалению, советская промышленность не хотела удовлетворять запросы детворы и обеспечивать ее постерами Гойко Митича. А иметь их жуть как хотелось. Мне повезло: двоюродная сестренка Нина из Ногинска смогла купить у глухонемых кустарей портрет моего кумира за 10 рублей и подарила его мне на день рождения. На фото тот самый постер.

«Уингз»

«Дип Перпл»

«Свит»

«Слэйд»

«Роллинг Стоунз»

70-е считаются золотой эпохой для рок-н-ролла. Такого количества великолепных групп, появившихся на Западе в те годы и игравших в разных стилях, не было ни до, ни после. К сожалению, в Советском Союзе ни одна из этих групп широко не популяризовалась, они все были отнесены к идеологически вредным. Однако полностью замалчивать их существование тоже посчитали неверным. И с 1974 года фирме «Мелодия» разрешили выпускать миньоны нескольких групп: «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Дип Перпл», «Би Джиз», «Свит», «Уингз», «Ти Рекс». Правда, названия групп на пластинках не указывали, стыдливо спрятав их за подписью «Вокально-инструментальный ансамбль».

«Высокий блондин в черном ботинке»

«Золото Маккенны»

«Господин Крюшо в Нью-Йорке»

«Бобби»

Самые кассовые иностранные фильмы первой половины 70-х: французская комедия с Луи де Фюнесом «Господин Крюшо в Нью-Йорке» (преьера — декабрь 1971 года), американский вестерн «Золото Маккенны» (май 1974 года), французская комедия «Высокий блондин в черном ботинке» (июнь 1974 года), индийская мелодрама «Бобби» (июль 1975 года).

София Ротару взошла на Олимп отечественной эстрады в 1972 году, когда совершила большое турне по Советскому Союзу. А два года спустя по стране стали распространяться слухи, что у Ротару пропал голос и все песни она поет под фонограмму.

Группа «Цветы» была не в чести у идеологов и в большом фаворе у молодежи. Каким-то чудом осенью 1973 года «Цветам» удалось выпустить свой первый миньон, который разошелся многомиллионным тиражом в считанные часы. На фото — обложка того самого легендарного миньона.

Лучший вокально-инструментальный ансамбль страны «Песняры». Несмотря на свою огромную популярность, в декабре 1971 года был подвергнут резкой критике со страниц центральной печати и едва не распался.

Геннадий Корольков

Савелий Крамаров

Лев Прыгунов

Вячеслав Тихонов

Татьяна Доронина

Олег Видов

Восьмикопеечные открытки с изображением актеров советского кино пользовались огромной популярностью у населения страны. Без преувеличения можно сказать, что в редком доме не было хотя бы нескольких штук этих открыток. К сожалению, до сегодняшних дней эти коллекции дожили не у многих. Рад, что я не вошел в это число и сберег свою коллекцию полностью (несколько сот штук). Как видим, сберег не зря: крохотная часть этой коллекции использована на страницах этой книги.

Самые громкие любовные романы 70-х.

Брак Владимира Высоцкого с француженкой Мариной Влади считался в Советском Союзе одним из самых экзотических. Актеры познакомились друг с другом летом 1967 года, поженились в декабре 1970 года и прожили вместе до июля 80-го. На фото запечатлено самое начало этого романа.

Советская звезда кино Наталья Фатеева в начале 1970 года снималась в советско-румынском фильме «Песни моря», где ее партнером был кумир румынской эстрады певец Дан Спатару. Несмотря на то, что Фатеева тогда была замужем за космонавтом Б. Егоровым, она влюбилась в певца без оглядки. И даже собиралась выйти за него замуж. Увы, не сложилось... На фото запечатлено начало этого романа: февраль 1970 года, Дан Спатару и Наталья Фатеева в подмосковном лесу на съемках фильма (этот кадр в картину не вошел).

Андрей Миронов, расставшись весной 1971 года со своей многолетней любовью Татьяной Егоровой (они встречались почти шесть лет), женился на будущей радистке Кэт— Екатерине Градовой. Их роман развивался стремительно. 22 июня 1971 года у них состоялось первое свидание, через неделю Миронов сделал девушке предложение, а 30 ноября они поженились. На фото запечатлено именно последнее событие.

Роман из мира кино: Евгений Жариков и Наталья Гвоздикова. Артисты познакомились в 1972 году и более двух лет не могли воссоединиться, поскольку оба были несвободны. Дело дошло до того, что Гвоздикова уже собиралась выйти замуж за иностранца и уехать из страны. Но в ситуацию вмешалась ее старшая сестра: это она заставила Жарикова зашевелиться и сделать Наталье предложение руки и сердца. На фото запечатлена кульминация: Жариков и Гвоздикова в ЗАГСе 25 ноября 1974 года.

Писатель Александр Солженицын считался главным диссидентом Советского Союза. В 70-е годы его произведения были изъяты из всех советских библиотек, а новые произведения печатались только в «самиздате». Да и то за чтение их можно было распрощаться со свободой.

В феврале 1974 года Солженицына выслали из страны.

Маршал Георгий Жуков, несмотря на все свои заслуги в войне, долгое время находился в опале. В середине 60-х власти его все-таки реабилитировали и даже позволили написать мемуары. Правда, купированные и приглаженные. 18 июня 1974 года выдающийся военачальник скончался.

Это последняя прижизненная фотография Василия Шукшина. Она датирована 18 сентября 1974 года. В тот день Шукшин приехал с Дона, со съемок фильма «Они сражались за Родину», на несколько дней в Москву, чтобы отсняться в коротком эпизоде фильма «Прошу слова». Эпизод был снят, Шукшин вернулся на Дон и спустя две недели скончался.

В первой половине 70-х Алла Пугачева была еще мало известной певицей. То же самое можно было сказать и про композитора Вячеслава Добрынина. На фото запечатлен именно тот период: 1975 год, Пугачева и Добрынин в студии звукозаписи, перед записью песни «22+28». Вскоре после этой записи они поссорятся: Пугачева «променяет» Добрынина на Алексея Мажукова, взяв именно его песню на «Золотой Орфей».

Гениальный советский сатирик Аркадий Райкин. Ему единственному власти разрешали критиковать недостатки со сцены, хотя при возможности не упускали случая лягнуть сатирика за его чрезмерную смелость. Так, именно власти распустили слух про Райкина, что он переправил бриллианты в Израиль, спрятав их... в гробу собственной матери, они же, власти, довели Райкина до инфаркта в 1970 году, не прошив ему смелых эскапад в его спектакле «Плюс-минус».

Осенью 1974 года состоялась вторая Суперсерия по хоккею между сборной СССР и сборной канадских профессионалов. Последних на этот раз представляли профессионалы из ВХА.

Эту серию наши ребята сыграли успешнее, чем предыдущую, в 1972 году: четыре победы, три ничьи и всего одно поражение. На фото эпизод московского матча: ветеран ВХА 46-летний Горди Хоу прорвался к воротам В. Третьяка.

жду тайными любовниками — Виролайнен и Герасимовым. Вот как она сама об этом вспоминает:

«Во время съемок Герасимов подошел ко мне и говорит: «Я люблю тебя, милая, я так тебя люблю!» Рядом сидит Толя Солоницын, у Герасимова из пиджака торчит микрофон, и весь текст идет на запись, но он ни на что не обращает внимания. Я ему в сердцах отвечаю: «Сергей Аполлинариевич, сколько можно твердить об этом, вы и Наташе Белохвостиковой то же самое говорили. Кого снимаете, того и любите». Он аж побелел от гнева. «Как ты можешь?! — страшно закричал на весь павильон. — Это же неправда!» Все, боясь попасть под руку мастера, быстренько потянулись к выходу. Макарова тоже молча удалилась...»

В эти же дни известный сценарист Анатолий Гребнев отдыхал в Доме творчества в Болшево. В его домике также жили четверо шахматистов, во главе с тогдашним чемпионом мира гроссмейстером Борисом Спасским, который готовился к предстоящему матчу с американским шахматистом Робертом Фишером. Причем готовились шахматисты весьма оригинально. Днем отсыпались, а ближе к вечеру подтягивались в маленький холл своего домика, к телевизору, и начинали играть, но не в шахматы — они резались в карты, притом с изрядным шумом, мешая другим отдыхающим смотреть «ящик». Далее послушаем рассказ самого А. Гребнева:

«Это был, как объяснил мне Спасский, бридж, игра, по его словам, более популярная в мире, чем шахматы. Я был, по-видимому, единственным киношником во всем Доме творчества, с кем они четверо по необходимости общались. Ни к популярным актерам и актрисам, которых они могли видеть в столовой, ни к фильмам, что показывали по вечерам, не проявлялось ни малейшего интереса. Я иногда звал их посмотреть кино, но тщетно. В иные вечера, вспомнив о своей миссии, садились они и за шахматы, сопровождая ходы присказками вроде: «А вот мы вам на это сделаем один ма-аленький шах!» — совсем как какие-нибудь командировочные в купе поезда. Проигравший ставил бутылку, а когда и две, они выпивали вчетвером, предложив для приличия и мне, за-

тем ложились спать — где-то уже в третьем часу, а то и позже.

Спасский был из них самым контактным, мы иногда разговаривали. Своего будущего соперника он называл гением, особенно же ставил в заслугу Фишеру то, что с его приходом резко возросли шахматные гонорары. Однажды я задал интересовавший меня вопрос: что происходит с шахматистом с течением лет? Как отражается возраст? Ответ был занятный. С возрастом, сказал Спасский, силы, естественно, убывают, но это вполне компенсируется опытом, эрудицией, так что нельзя сказать, что человек играет хуже. Ослабевают — и это действительно сказывается на игре — воля к победе, ненависть к сопернику. «А! Ну и что!» — начинаешь думать с годами: появляется мудрость, и вот тут главная опасность и слабость...»

Игры Спасского в бридж вместо интенсивных тренировок в шахматы заметно скажутся на результатах чемпионского поединка, о чем речь еще пойдет впереди. А пока продолжим следить за событиями января 72-го.

В середине месяца КГБ нанес серьезные удары по диссидентскому движению во многих городах Советского Союза. В частности, в Москве, Ленинграде, Киеве были проведены обыски на квартирах диссидентов по не известному ранее «делу № 24», которое появилось после секретного решения ЦК КПСС, датированного 30 декабря 1971 года. Чекисты целенаправленно искали (и находили) экземпляры крамольного бюллетеня «Хроника текущих событий» (начал выходить в апреле 68-го). В Вильнюсе арестовали и бросили в психушку историка Вацлава Севрука, в Москве арестовали астронома Кронида Любарского, в Киеве (13 января) — поэта Василя Стуса.

В день, когда арестовали Стуса, в шведском городе Гетеборге завершился чемпионат Европы по фигурному катанию, на котором практически весь пьедестал почета был занят советскими фигуристами. Среди спортивных пар золотые и серебряные медали нашей команде принесли два дуэта: Ирина Роднина — Алексей Уланов, Людмила Смирнова — Андрей Сурайкин, среди «одинокчиков» «серебро» первенства досталось Сергею Четверухину. Не повезло паре Людмила Пахомова — Александр Горшков, которые в упорной борьбе уступили золо-

тые медали западногерманской паре Анжелика и Эрих Бук. Правда, советская пресса отнесла этот неуспех на совесть некоторых арбитров, которые якобы специально занижали оценки нашим спортсменам. Например, Ю. Смирнов в «Комсомольской правде» писал:

«Отдавая должное упорству и настойчивости новых чемпионов, нельзя не сказать о том, что их соперничество с Пахомовой и Горшковым порой проходило при необъективном судействе... Тренерам «западного блока» «неудобен» высокотехнический стиль советской танцевальной школы, для выработки которого требуется масса труда и старания. Гораздо легче «натаскать» фигуристов на нескольких внешне эффектных «вертушках» и «полутюдах», далеких от танцевальных канонов, и пользоваться ими от соревнования к соревнованию, почти не меняя программы...»

В ночь с 13 на 14 января, аккуратно после празднования старого Нового года, в Москве произошла автомобильная авария. Подвыпившая компания молодых людей возвращалась на белом «Мерседесе» из ресторана, когда сидевший за рулем водитель не справился на скользкой дороге с управлением и автомобиль врезался в столб. К счастью, никто не погиб, однако несколько человек получили травмы различной степени тяжести. Сильнее всех пострадала известная нам столичная дама полусвета Елена Шапова — у нее было сильное сотрясение мозга. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: именно эта авария подвигла Елену круто изменить свою судьбу и уйти от мужа к молодому любовнику Эдуарду Лимонову (как мы помним, этот любовный треугольник возник в июне прошлого года). Как вспоминает сама Е. Шапова:

«Видимо, эта травма и повлияла на мою решительность. «Если три раза подряд выпадет орел — уйду к Лимонову», — загадала я и бросила монетку. Монета три раза упала орлом вверх.

Вот так я ушла от мужа-миллионера к нищему Лимонову на чердак. По натуре я человек эмоциональный и очень правдивый и не могла долго притворяться и лгать мужу, имея тайного любовника.

Когда я собралась уходить, бедный Витя перебил в доме всю посуду, разгромил мебель

и даже хотел уничтожить мой портрет работы художника Збарского. Я спокойно смотрела, как летит на пол саксонский фарфор, но отчаянно кинулась на защиту своего портрета и вырвала его из рук Шапова. Тогда Витя в отчаянии бросился к балкону. Много сил пришлось потратить, чтобы хоть как-то привести его в чувство. Шапов до последнего не верил, что мы с ним разводимся — даже в суд заявился с огромным букетом. Широко улыбаясь, протянул его мне: «Какой развод, Лена, опомнись! Сейчас поедem в ресторан, и все станет на свои места». Но я настояла на разводе. И вот тогда у него случился первый инфаркт...»

Однако вернемся к событиям января 72-го.

Спустя несколько часов после того, как в Москве попала в автоаварию Елена Шапова, знаменитого клоуна Леонида Енгибарова вызвали в постпредство Армянской ССР в Москве в Армянском переулке. Тамашний представитель отдела культуры объявил артисту о том, что в Ереване принят указ о награждении Енгибарова званием Народного артиста Армянской ССР. Только посвященные знали, что этот указ вышел в пику Москве: Министерство культуры СССР не хотело награждать великого клоуна высоким званием из-за его строптивного характера. А наличие звания намного облегчило бы творческую, да и бытовую жизнь Енгибарова. Вот почему земляки великого клоуна не смогли безучастно взирать на столь несправедливое положение вещей. К сожалению, понастоящему вжиться в шкуру народного Енгибарова не удастся — вмешается внезапная смерть. Но это случится несколько месяцев спустя, а пока артист счастлив и принимает самые горячие поздравления от своих друзей и коллег.

Тем временем в Москву из Якутии в очередной раз приехал архитектор-строитель Владимир Ямпольский. Здесь его застала новость о том, что Александра Галича две недели назад исключили из Союза писателей. Не медля ни минуты, Ямпольский тут же набрал номер домашнего телефона Галича (благо они были лично знакомы и этот звонок не нес в себе ничего предосудительного). Трубку поднял сам хозяин и подтвердил новость об исключении. Затем сказал:

— У меня давно нет ничего общего с этой организацией. Мне нужно было самому написать заявление о выходе из Союза писателей. Но, слава богу, они управились и без меня!

Через день Ямпольский навестил Галича у него на квартире. В качестве презента гость принес огромную рыбину, которой его снабдили коллеги по работе, тоже равнодушные к творчеству Галича. Их разговор длился часа два, и в течение всего этого времени Галич и виду не подал, как ему тягостно. И только в конце с его губ сорвались фразы: «Пес с ним, с этим Союзом, но ведь мне теперь не дадут работать. Даже анонимно».

Эти слова чуть позже побудят Ямпольского предпринять попытку, хоть как-то помочь опальному кумиру. Вернувшись в Якутию и рассказав друзьям о происшедшем, он предложил установить так называемую Якутскую стипендию для Галича. Смысл ее был прост: каждый участник разговора должен был ежемесячно вносить в нее определенную сумму наличными, после чего все собранные деньги должны были отсылаться в Москву Галичу.

Тем временем культурная жизнь столицы идет своим чередом: в театрах ставятся новые пьесы, в кинотеатрах крутят новые фильмы, в музеях и выставочных залах проходят различные выставки и вернисажи. Из театральных премьер выделю следующие: 3 января в театре «Ромэн» был показан спектакль «Костры Будудлая» по мотивам повести А. Калинина «Цыган»; 4-го — в Центральном театре Советской Армии (ЦТСА) — «Не бойся, мама!»; 8-го — в Театре имени Ермоловой — «Не в свои сани не садись» А. Островского; 14-го — в Театре оперетты — «Девичий переполох» М. Гальперина и В. Типота.

Состоялись две кинопремьеры и обе — кинематографистов Литвы: «Камень на камень» (3-го), режиссер Р. Вабалас, в ролях: Р. Адомайтис, К. Виткус и др., «Эта проклятая покорность» (9-го), режиссер А. Даус, в главной роли Юозас Будрайтис.

Кино на ЦТ было представлено следующими картинами: музыкальной сказкой «Король-Олень» (4-го), комедией «За двумя зайцами» (6-го), истерном «Встреча у старой мечети» (10-го), мелодрамой «Цветы запоздалые» (12-го), приключенческой комедией «За мной,

каналы!» (ГДР, 13-го). Однако «гвоздями» двухнедельного телепоказа можно смело назвать два импортных сериала: польский «Четыре танкиста и собака» и болгарский «На каждом километре». Первый крутили по утрам каждый день вплоть до 6 января, а затем разбили показ строго по неделям — каждое воскресенье по одной серии, растянув показ до 26 марта (было показано 18 серий), второй показывали вечером (12 серий до 18 января).

Между тем в те дни в производстве находилось несколько новых телевизионных фильмов. Один из них в творческом объединении «Экран» снимал режиссер Владимир Семаков. Фильм назывался «Назначение» и повествовал о том, как инженер-строитель берется за пересмотр проекта домостроительного комбината. В одной из ролей в ленте снималась юная звезда, первокурсница театрального училища имени Щукина Елена Коренева. Той зимой шли натурные съемки в городе Горьком, для чего Елене пришлось покинуть Москву аж на целый месяц. Ни худрук ее курса Елена Ставская, ни родители не возражали против этой поездки: первая считала, что студентке необходимо набраться творческого опыта, вторые — жизненного. И только возлюбленный Елены Александр категорически возражал — он не хотел отпускать от себя Елену на такое продолжительное время. Но она все равно уехала.

Сам съемочный процесс не оставил у молодой актрисы никаких радостных впечатлений, зато радовало другое — прекрасные отношения в съемочной группе. Особенно хорошие отношения сложились у нее с молодым актером, который приехал на съемки из Москвы чуть позже других. Это был чрезвычайно обаятельный парень смешной наружности, который веселил всю группу, но особое внимание уделял Кореновой. В течение нескольких дней они были неразлучны: вместе снимались, вместе обедали и гуляли. А затем вечером одного из тех морозных дней молодые люди оказались в гостиничном номере Кореновой. Проговорив чуть ли не до глубокой ночи, они простились, но, как оказалось, ненадолго. Вскоре парень вернулся, объяснив, что, пока он пропадал, в его номер кого-то подселили, а дежурной и след простыл. «Можно я переночую у тебя на ков-

рике?» — спросил он у Кореневой. Та согласилась: жалко, что ли? Знала бы она, чем этот «коврик» закончится... Короче, посреди ночи парень пришел к ней в спальню и, пожаловавшись на холод в коридоре, попросил разрешения прилечь на краешек ее кровати. Дескать, чисто по-дружески. И Коренева опять уступила. А потом... Впрочем, что было потом, объяснять, думаю, не стоит: дело, как говорится, молодое. Так Коренева впервые изменила своему возлюбленному.

18 января исполнилось 68 лет Борису Бабочкину. А накануне утром именинник вывел в своем дневнике следующие строчки:

«Сегодня — последний день, когда мне 67 лет. Неприятности я теперь трудно переношу. Сразу заболевает сердце, и чувствую — все может в один момент оборваться. Вчера подумал: как люди стараются в последние годы жизни урвать от нее как можно больше напоследок. Царев одновременно репетирует три роли. Ильинский заполонил и телевидение (14 января по ТВ прошел повтор телефильма с его участием «Эти разные, разные, разные лица», премьера которого состоялась меньше двух недель назад. — Ф. Р.), и театр, хотя и то и другое уже не то, что было раньше. Но по привычке, по инерции, и подчиняясь общему потоку, его благодарят и т. д. А я все чего-то жду, как будто только начинаю. Надо, вероятно, и мне действовать. Вот начал учить «Монологи» для вечера по телевидению. Сколько раз принимался за Сальери и только сейчас начинаю понимать, что это такое. Начинаю понимать и «Скупого рыцаря». А вот «Бориса Годунова» пока еще только приближительно. Но нужно это делать. А то у будущих исследователей останется мнение, что в наше время актеры ничего не понимали и все были на уровне Николая Симонова и Царева...»

Вечером того же дня Бабочкин играл в спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше», а утром 18-го, в свой день рождения, провел первую репетицию горьковской «Фальшивой монеты», премьера которой состоится в июне.

В эти же дни полные драматизма события переживали двое выдающихся советских фигуристов — Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Многократные чемпионы Советского

Союза, мира и Европы, двукратные чемпионы Олимпийских игр, они в начале 70-х пережили заметный спад мастерства, вызванный вполне объективной причиной, — возрастом. Поэтому Спорткомитет СССР принял решение не включать эту пару в состав сборной Советского Союза, которая в начале февраля должна была отправиться на Олимпийские игры в Саппоро. Причем это решение было принято не кулуарно, а после совета с шестеркой лучших тренеров страны (Жук, Чайковская, Кудрявцев, Тарасова, Москвин, Писеев), которая пятью голосами против одного (это был Москвин, который консультировал Белоусову и Протопопова) проголосовала против того, чтобы брать этих фигуристов на Олимпиаду. Тех это решение возмутило, поскольку сами они считали себя вполне конкурентоспособными. В середине января они пришли к руководителю Спорткомитета Сергею Павлову, чтобы уговорить его изменить свое решение. Далее послушаем рассказ одного из участников тех событий Валентина Писеева, который в те годы руководил фигурным катанием:

«Белоусова и Протопопов пришли в кабинет Павлова. Людмила пустила слезу, и они оба стали упрашивать Павлова изменить решение. Тот спросил: «Вы уверены, что завоюете «золото»?» Протопопов нетвердо ответил: «Да... Во всяком случае, будем в тройке призеров». Павлов снова спросил: «А если не попадете в тройку, что тогда? Может такое быть?» Знаете, что сказал Протопопов? Что они точно будут в шестерке! Мол, олимпийской сборной нужны зачетные очки, вот они и внесут свою лепту в общую копилку. Павлов чуть не поперхнулся. Я видел это, поскольку тоже присутствовал при разговоре. Сергей Павлович дал им понять, что лучше уйти из спорта красиво. Что для спортивного руководства страны доброе имя Белоусовой и Протопопова дороже, чем те два очка, которые они принесут сборной СССР, если займут на Олимпиаде пятое место (за шестое дали бы очко). Они, кажется, не поняли. Дошли до Мазурова, члена Политбюро ЦК, и уже тот обрабатывал Павлова. Не получилось.

Белоусова и Протопопов побеждали на Олимпиадах в Инсбруке (1964) и в Гренобле (1968). Но потом перестали быть лидерами. На

чемпионат Европы 1971 года они не попали. Я прекрасно помню Спартакиаду профсоюзов в Первоуральске (это было тогда же, в 71-м), где знаменитые чемпионы катались из рук вон плохо. То она после прыжка упадет, то он шлепнется. Они только и делали, что догоняли друг друга после падений. Им стоило уйти из спорта чуть раньше...»

Алексей Коренев продолжает работу над будущим хитом — фильмом «Большая перемена». На «Мосфильме» вот уже три недели идут актерские кинопробы. Сквозь сито за эти дни уже прошло несколько десятков актеров, среди которых были: Виктор Павлов, Александр Збруев, Светлана Богунова, Нина Маслова, Валерий Носик и др.

Между тем новость о том, что Коренев работает над комедией о школе, в те дни просочилась на страницы центральной печати: 22 января в «Вечерней Москве» была опубликована заметка об этом. И что тут началось! Уже на следующий день в Министерство просвещения посыпались звонки от возмущенных учителей: мол, мы тут из кожи вон лезем, а про нас собираются снимать легкую комедию. Дело дошло до того, что режиссера фильма вызвал на ковер сам министр просвещения М. Прокофьев. Но Коренев сумел объяснить министру, что никакого издевательства над учителями он в своем фильме не учиняет, а наоборот — снимает картину во славу их. Министра это объяснение вполне удовлетворило, однако на прощание он все же попросил: «Вы все-таки название у фильма — «Приключения школьного учителя» — смените». Коренев возражать не стал. На следующий день в съемочной группе был объявлен конкурс: кто придумает новое название картине, тот получит бутылку коньяку. Спор выиграл оператор Анатолий Мукасей, который первым произнес: «Большая перемена».

26 января Советский Союз навсегда покинул писатель Аркадий Свирский. Это был не добровольный, а вынужденный отъезд. Несколько месяцев назад Свирского исключили из КПСС за «неправильное» поведение — публичную критику существующих порядков. После этого его книги были запрещены, он превратился в изгоя, от которого стали шарахаться даже некогда близкие друзья. Жить в такой атмосфере было невыносимо, и Свирский в ито-

ге решил эмигрировать. Стоит отметить, что с того момента, как в начале прошлого года советские власти открыли ворота для отъезжантов, число их стало стремительно расти. Если в 71-м году счет шел на десятки, то в нынешнем году речь шла уже о тысячах людей, которые стремились поскорее покинуть пределы Советского Союза.

В этот же день появился официальный указ о присвоении звания Народного артиста РСФСР популярному актеру Евгению Леонову. На тот момент артист был в зените своей славы — он успешно снимался в кино (вот уже месяц на экранах страны демонстрируется сногшибательная комедия с его участием «Джентльмены удачи», в эти же дни его утвердили на роль Леднева в еще одном будущем кинохите — «Большая перемена»), играл в театре (имени Маяковского), озвучивал мультфильмы (его голосом говорили многие мультяшные герои, но самым любимым был, несомненно, Винни-Пух). Леонов женат, у него растет 13-летний сын Андрей.

В эти же дни в Ленинграде проходят гастроли знаменитой певицы Клавдии Шульженко. Гастроли вызвали небывалый ажиотаж в городе, поскольку последний раз с сольными концертами певица приезжала сюда три года назад. Выступления звезды должны были состояться в Ленинградском концертном зале, и билеты на все четыре концерта были распроданы еще за две недели до их начала. Вот как рассказывает об этих гастролях Г. Скороходов:

«И вот — день премьеры. Шульженко заметно волнуется. Сегодняшний вечер для нее — своеобразный экзамен. За последний год она перенесла воспаление легких и грипп. Нелегко было подготовить новую программу и возвратиться к сольным концертам. Гримируясь и прислушиваясь к пронзительным звонкам («Какой? Неужели уже второй?»), Шульженко признается: «Сегодня я чувствую себя игроком, идущим ва-банк или поставившим на «зеро», — все или ничего!»

Зал переполнен. Те, кому не удалось достать места в партере, сумели получить входные билеты и теперь стоят у боковых колонн, за парапетами бельэтажа. Вот уж буквально яблоку негде упасть!

Появление актрисы встречается таким взрывом оваций, что Шульженко долго не может начать концерт. Смущенная, стоит она, приветливо кивая залу, шепчет: «Спасибо, спасибо» — и ждет, когда стихнут аплодисменты. И вот объявляет:

— Композитор Анатолий Лепин, стихи Феликса Лаубе — «Подъезд»...

Первое отделение певица заканчивает новой песней — своеобразным своим кредо — «Петь для России» (музыка Д. Ашкенази). Песня-воспоминание, песня-программа, песня-завет...

В зале овация. Многие не скрывают слез. Возгласы: «Вы с нами!», «Спасибо!», «Мы любим вас!».

В программе второго отделения новые песни молодого композитора Алексея Мажукова «Старинное танго» (стихи М. Пляцковского) и «Зачем грустите, ивы?» на слова В. Харитонова — песни, популярность к которым пришла сразу после первого их исполнения; восстановленные, не исполнявшиеся тридцать лет и прозвучавшие неожиданно свежо «Встречи»; новые песни, в которых Шульженко осталась верна военной теме.

Среди последних — драматическая песня «Последний бой», написанная артистом Михаилом Ножкиным к четвертой части широкоформатной киноэпопеи «Освобождение» — «Битве за Берлин»...

Трудно найти слова, чтобы рассказать о тех овациях, которые разразились после исполнения «Последнего боя». Аплодисменты нарастали, как шквал, и, казалось, им не будет конца!

И вот новая песня М. Фрадкина «Так повелось», затем его же «Песня о любви», знаменитые «Руки», на прощание — «Немножко о себе» и, конечно же, «Синий платочек»!

Цветы уже не уместаются на крышке рояля. Корзины цветов образовали барьер у рампы. Зал рукоплещет и не хочет расставаться с певицей. Букет тюльпанов протягивает Ольга Воронец, популярная исполнительница русских народных песен. Она поднимает руку, и зал стихает:

— Я хочу поблагодарить Клавдию Ивановну за ее концерт, ее песни, за ни с чем не сравнимое наслаждение искусством, которое мы

испытали в этот вечер. Я не могу назвать себя ученицей Клавдии Ивановны — это слишком большая честь, которая ко многому обязывает, но я счастлива, что могу учиться у нее проникновению в песню, работе над словом, образному решению каждого произведения. Для многих Клавдия Ивановна стала Учителем с большой буквы...

В зале уже погашен свет, а Шульженко еще в театре. Очередь в ее артистическую комнату растянулась на весь закулисный коридор и два лестничных пролета. Друзья, знакомые и незнакомые еще раз благодарят певицу, просят ее автограф «на память». Протягивают ей письма, записки, фотографии. Почти каждый рассказывает что-то незабываемое, взволновавшее его, связанное с певицей... Шульженко беседует с каждым, каждому находит приветливое слово, улыбку, слова благодарности...

Между тем это был один из последних концертов Шульженко, где ей аккомпанировал пианист Давид Ашкенази. Еще в 40-е годы они работали вместе, потом расстались и три года назад возобновили сотрудничество, причем свел их все тот же Ленинград, где Шульженко была на гастролях. Встретив Ашкенази, Шульженко тут же дала «расчет» своему прежнему аккомпаниатору Борису Мандрусу и с тех пор работала только с Давидом. Однако в 72-м, вскоре после концертов в городе на Неве, и этот творческий тандем распался. Дело было так.

Шульженко в том году часто болела, и Ашкенази, чтобы не простаивать, начал аккомпанировать одной молодой певице. Когда про это узнала Шульженко, ее захлестнула обычная артистическая ревность, и она наговорила своему пианисту массу неприятных слов. В частности, она сказала, что он не музыкант, а лабук, что для него деньги важнее музыки и ему не важно, где и с кем их зарабатывать. Стерпеть подобные оскорбления Ашкенази не смог и в ответном гневном спиче назвал Шульженко «старой жопой». Как гласит легенда, певица после этого долго возмущалась: мол, я еще могу согласиться, что я — жопа, но что старая — никогда! Короче, их отношения тогда прервались. Позднее Шульженко сделает шаг к примирению с Ашкенази, но он наотрез откажется помириться. Впрочем, об этом

рассказ еще впереди. А пока вернемся в январь 72-го.

На Киевской киностудии имени Довженко ЧП: по вине популярного актера Николая Олялина остановились съемки детектива «Ночной мотоциклист», который снимает режиссер Юрий Слупский. Съемки ленты начались в конце декабря прошлого года, и казалось бы, ничто не предвещало беды. Как вдруг Олялин, игравший главную роль — Павла Старина, — запил горькую. На студии тут же был собран партком, на котором было рассмотрено персональное дело коммуниста Олялина. Приговор был суровым: снять с роли и уволить со студии. И ушел бы Олялин в никуда с волчьим билетом, если бы не заступничество самого 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого, который был большим поклонником творчества этого актера. Особенно Щербицкому нравился герой Олялина из фильма «Освобождение» — капитан Цветаев. Однажды на каком-то важном приеме Щербицкий подошел к Олялину и прилюдно поздравил его с этой ролью. Так и сказал: «Николай Владимирович, большое спасибо. Вы на экране показали то, что я испытал на фронте». Разве после этого мог Щербицкий оставить в беде актера? Конечно же, нет. Когда к нему на прием пришел министр кинематографии Украины и доложил о «персоналке» Олялина, Щербицкий буквально взревел: «Да как вы смеете?! Если Олялин загулял, значит, его лечить надо, а не выгонять. Немедленно кладите его в больницу». 29 января Олялина положили в наркологическое отделение «царской больницы» Феофании при 4-м управлении Минздрава. Там он пробудет почти две недели. Просто из-за его отсутствия обойдутся студии в 994 рубля. Однако спустя год, когда фильм выйдет на широкий экран, доходы от него многократно покроют издержки. Но вернемся в год 72-й.

31 января в Москве скончался видный военачальник, Маршал Советского Союза Матвей Захаров. В Великую Отечественную войну Захаров занимал должности начальника штаба армии и нескольких фронтов, а после ее окончания возглавлял Военную академию Генштаба. В 1960—1963 и 1964—1971 годах Захаров был начальником Генерального штаба. С 1961 года он избирался членом ЦК КПСС, дважды

(1945, 1971) был удостоен звания Героя Советского Союза. На момент смерти Захарову шел 74-й год. Похоронили его на Красной площади.

В этот же день исполнилось 70 лет выдающемуся советскому актеру Алексею Грибову. В 1924 году он закончил школу при 3-й Студии МХАТ, после чего стал актером Художественного театра. С 1935 года начал сниматься в кино, в основном в ролях комедийного плана. Как напишут позднее критики, в его искусстве простота сочеталась с высоким мастерством, умением с помощью яркой детали, выразительного жеста обрисовать характер. В 1948 году Грибову было присвоено звание Народного артиста СССР.

В отличие от большинства великих стариков МХАТа, которые недолюбливали кино, Грибов всегда охотно снимался. Только за последние десять лет он сыграл несколько заметных ролей в таких фильмах, как: «Алешкина любовь» (1961), «Полосатый рейс» (1962), «Зигзаг удачи» (1968). Однако наиболее популярной у зрителей стала роль Тимофея Храмова, которую Грибов сыграл в героической комедии Виталия Мельникова «Начальник Чукотки» (1967). Не менее положительную реакцию у зрителей вызвала и роль, сыгранная Грибовым в 9-серийном телесериале «День за днем», показ которого завершился буквально месяц назад.

Между тем в юбилейные дни Грибов был утверждён на роль в новом фильме Георгия Натансона «За все в ответе». Эта небольшая роль окажется последней работой великого артиста в кинематографе. Но об этом станет известно позже, а пока юбиляр полон энергии, и его обуревают исключительно положительные эмоции. В связи с 70-летием выходит указ о присвоении Грибову звания Героя Социалистического Труда.

Самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. В кинотеатрах состоялось сразу несколько премьер. 17 января в широкий прокат вышли два фильма: недавний лауреат Московского кинофестиваля — поэтическая драма «Белая птица с черной отметиной» киевского режиссера Юрия Ильенко с участием Ларисы Кадочниковой, Ивана Миколайчука, Богдана Ступки и др.; фильм про шахтеров

столичного режиссера Александра Сурина «Антрацит» с Жанной Прохоренко, Александром Збруевым, Романом Громадским в главных ролях. 24-го на экраны столицы вышла широкоформатная версия телевизионного фильма «Адъютант его превосходительства» (2 серии по 2 части в каждой). 26-го — политическая лента Саввы Кулиша «Комитет 19-ти» про то, как неонацисты втайне от мировой общественности производят бактериологическое оружие, а советские представители при ООН их разоблачают. 27-го — совместная работа советских и индийских кинематографистов «Черная гора» про трогательную дружбу мальчика со слоном. Кстати, индийское кино в январе было также представлено еще двумя лентами: «Сангам» и «Хамраз».

Тэвэшное меню выглядело следующим образом: фильмы — «Герой нашего времени», «Кубанские казаки» (17-го), «Баллада о Беринге и его друзьях» (19-го), «Старая, старая сказка» (20-го), «Сердце матери», «Баллада о комиссаре» (21-го), «Случай с Полюниным», «Новый Гулливер» (22-го), «Дикая собака Динго» (23-го), «А если это любовь?» (24-го), «Следствие ведут знатоки» (премьера Дела № 2 — 25-го), «Приключения Доврана», «Время, вперед!», «Смерть филателиста» (27-го), «Волшебная сила искусства», «Внимание, черепаха!», «Красная палатка» (29-го), «Карнавал», «Без права на пощаду» (премьера 2-серийного фильма (31-го) и др.

Из других передач выделю: «КВН-72» (20-го), «А ну-ка, девушки!» (23-го), «13 стульев» (28-го), «А ну-ка, парни!» (29-го) и др.

Из эстрадных концертов назову следующие: 14—16 января в киноконцертном зале «Октябрь» выступало Братиславское ревю; 15—16-го в ЦДСА пела Александра Стрельченко; 20—21-го во Дворце спорта в Лужниках состоялся сборный концерт с участием Эдуарда Хилля, Виргилиуса Норейки, Ивана Суржикова, Полада Бюль-Бюль оглы, Виктора Чистякова, Эдиты Пьехи и др.; 22—23-го в Государственном концертном зале (ГЦКЗ) «Россия» прошли концерты с участием Эдиты Пьехи, Владимира Макарова, Полада Бюль-Бюль оглы, Александры Стрельченко, Нины Дорды, Геннадия Дудника и др.; 28-го в ГЦКЗ «Россия» пел югославский певец Джордже Марьянович;

28—30-го января в «Октябре» выступали артисты эстрады, театра и кино Клавдия Шульженко, Лидия Смирнова, Владимир Этуш, Евгений Весник, Людмила Шагалова, Юрий Соломин, Лариса Голубкина, вокальный квартет «Аккорд» и др.; 30-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского собрались любители творчества певицы Марии Лукач. С 23 января по 6 февраля во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты, в которых были заявлены популярные участники известных телепрограмм: Лариса Голубкина, Федор Чеханков («Артлото»), Александр Ширвиндт, Борис Владимиров, Вадим Тонков («Терем-теремок»), Михаил Державин, Спартак Мишулин, Ольга Аросева, Борис Рунге, Георгий Вицин («13 стульев»), Светлана Моргунова («Музыкальные встречи»), а также вокально-инструментальный ансамбль «Веселые ребята», Роман Карцев и Виктор Ильченко, Лев Лещенко, Иван Суржиков и др. Однако не все имена, заявленные в афише, появились на этих концертах. Как сообщит в «Вечерней Москве» Б. Евсеев, на представлениях не было Георгия Вицина, Ларисы Голубкиной, Александра Ширвиндта, Ивана Суржикова, зато появилась необъявленная Эдита Пьеха со своим ансамблем «Дружба».

Далее в этой же заметке сообщалось, что первые ряды на концертах зияли пустотами по причине дороговизны билетов на них — 2 рубля 50 копеек. В конце публикации Евсеев бросил упрек некоторым исполнителям в слабости предлагаемого репертуара. В частности, про выступления ВИА «Веселые ребята» Евсеев писал: «Не все в порядке с репертуаром у этого ансамбля. Состоит он в основном из сентиментально-душещипательных песенок на тему «ах, любовь, как ты зла...». Этот упрек можно было назвать лишь отчасти справедливым, поскольку в репертуаре «Веселых ребят» в те годы были совершенно разные песни: как «однодневки», так и настоящие хиты. Например, в начале 72-го большой популярностью у молодого слушателя пользовались обработки «Веселыми...» «битловских» песен: «Облади-облада», «Старенький автомобиль», которые появились на их миньоне летом прошлого года. А на тот момент, о котором идет речь, «Мелодия» готовила к выпуску «пленку» (гибкую пластинку), с

еще двумя песнями в исполнении «Веселых ребят», которым суждено будет стать суперпопулярными: «Люди встречаются» (В. Гаваша — русский текст О. Жукова) и «Легко влюбиться» (Д. Тухманов — В. Харитонов).

И еще о музыке. Фирма «Мелодия» порадовала своих слушателей очередными новинками: «твердышами» (твердыми миньонами) «Поет ВИА «Голубые гитары», «Поет В. Баглаенко» (на пластинке звучали цыганские песни и романсы, а также хит того времени «Разноцветные кибитки» С. Рембовского), «Песни в ис-

полнении Ольги Воронец» (на ней звучали еще один хит — «Зачем вы, девушки, красивых любите» Е. Птичкина и песня «Семеновна» Е. Барыбина), а также несколькими гибкими пластинками: «Поет Ольга Воронец» (две песни принадлежали А. Бабаджаняну — «Поверь глазам моим» и «Вечерняя песня», две — другим авторам: Е. Птичкину — «Как случилось» и М. Шишкину — «Живет моя красotka»); «Интермедии Михаила Жванецкого исполняют Р. Карцев и В. Ильченко»; «Поет ВИА «Кобза» с песнями: «Водограй», «Веснянка» и др.

1972

Февраль

Шукшин в Болшево. Олимпийские игры в Саппоро. Как Светлана Крючкова попала в «Большую перемену». «Знатоки» против махинаторов из общепита. Умерла мать Марины Влади. Крик души советского милиционера. Юбилей Любви Орловой. Шукшин приехал на день рождения дочери. Как биатлонист Александр Тихонов играл в прятки с Анатолием Тарасовым. Хит телесезона: «Тени исчезают в полдень». Новая роль Марии Бабановой. В Москве раскрыли банду «оружейников». Исключение Галича из Союза кинематографистов. Как Марк Донской обидел Эльдара Рязанова. Личная жизнь Владислава Третьяка. Почему Золотухин ушел из «Гамлета». Триумф «Медной бабушки». Грабители из Ташкента. Рок-побоище в ДК «Энергетик». Трагедия на советской подводной лодке: заложники 10-го отсека. Скандал в Большом театре: Фурцева запрещает спектакль «Анна». Очередной накат на Солженицына. Почему Андрей Мягков отказался от роли Нестора Петровича. Новый хит Высоцкого. Как едва не умер актер Семен Морозов. Итоги 5-го кинофестиваля. Демичев вступает за Плисецкую.

В начале февраля Василий Шукшин отдыхал в Доме творчества в Болшево. Жил он в красном домике, в котором некоторое время назад жили шахматисты во главе с действующим чемпионом мира Борисом Спасским. Сосед Шукшина по дому сценарист Анатолий Гребнев вспоминает:

«Шукшин поселился в комнате напротив моей, третья оставалась пустой, в ней мы устраивали вечерние чаепития — чаще всего вдвоем, иногда с гостями, но без крепких напитков. «Это — когда я еще пил, — говорил Шукшин, вспоминая какой-нибудь эпизод из прошлой жизни. — А знаешь, почему я бросил? Утром — стыдно!..»

Занимался он в тот месяц «Степаном Разным», давно написанным и уже однажды зарубленным в инстанциях; теперь вдруг забрезжила надежда: появился какой-то немец продюсер, предложил выгодный контракт, Шукшина срочно вызвали к начальству и попросили расширить сценарий, сделав из двух серий три: такое условие поставил немец. Это оказалось трудным делом, Шукшин, по его словам, проклял все на свете и уж сам был не рад, что взялся, но работал...

Он поразил меня страстностью натуры. Вечерами, как все нормальные люди в Болшеве, мы крутили «Спидолу», слушали «голоса». Без комментариев не обходилось. Но что интересно: в его отношении к властям не было интеллигентского брюзжания, свойственного всем нам, — кому в большей степени, кому в меньшей. Он не брюзжал, не насмешничал — он ненавидел. Были три объекта ненависти, три предмета, по поводу которых, если заходил разговор, он не мог рассуждать спокойно: это, во-первых, разумеется, колхозы, во-вторых, чекисты и, в-третьих, как ни странно, великий пролетарский писатель Максим Горький. «Ну что уж ты так к нему прицепился?» — заметил я однажды. И услышал в ответ: «Это он, сука такая, внушил Сталину, что крестьянство — слепая стихия, которую надо укротить». Не знаю, где он это вычитал, но был в этом уверен, крестьянство же, судьба крестьянства была его непреходящей болью...

Притом в рассуждениях своих, как и в произведениях, был он далек от идеализации сельского народа и уж никак не считал деревню хранительницей и оплотом добрых патриархальных начал. В нем жила обида, и вот какая: они

с сестрой росли без отца, расстрелянного в 37-м, и «бывало, выйдешь к колодцу, тебе кричит вся деревня: «У-у, вражонок!» Ни сочувствия, ни милосердия от земляков-сельчан...

Так мы жили в нашем красном домике, почти не различаясь весь месяц, если не считать субботних и воскресных дней, когда к Васе приезжала семья. Тут происходили какие-то странности: Вася с женой Лидой и двумя девочками — я их помню в шубках, укутанных, два таких колобка, — удалялись к себе, и эти два дня мы почти не общались. В воскресенье вечером, проводив их на электричку, Вася возвращался и уже с порога оживленно, как ни в чем не бывало, обращался ко мне, потирая замерзшие руки: «Ну что, чайку? Как там твой кипятильник — цел?» И так — до следующих выходных...»

3 февраля в японском городе Саппоро в торжественной обстановке открылись XI зимние Олимпийские игры (трансляция по ТВ — 19.00—21.15). Как напишут позднее историки, эта Олимпиада станет последней без колючей проволоки, высоких заборов, жесткого режима охраны — короче, без всего того, что стало затем появляться в связи с угрозой террористических актов (первый такой акт произойдет несколько месяцев спустя после Саппоро — в Мюнхене, о чем рассказ еще впереди). Стоит отметить, что у организаторов зимней Олимпиады до последнего момента были серьезные опасения, что Белая олимпиада будет белой только по названию: снега до февраля на острове Хоккайдо не было. Однако, видимо, господь услышал молитвы олимпийцев и буквально накануне открытия Игр послал на землю небывалый снегопад, который шел на протяжении нескольких дней. Советское телевидение достаточно полно освещало спортивные поединки Олимпиады (в будние дни трансляции шли в удобное время — после 21.30), однако наибольший интерес у зрителей вызывали трансляции хоккейных поединков и состязаний фигуристов.

На «Мосфильме» продолжают кинопробы к фильму «Большая перемена». Несколько дней назад (31 января) худсовет студии утвердил первых исполнителей: роль Леднева досталась Евгению Леонову, Тимохина — Савелию Крамарову, Петрыкина — Виктору Павлову, учительницы химии — Валентине Талызиной,

милиционера — Льву Дурову. Отбор остальных исполнителей продолжался. Так, 2 февраля перед глазами режиссера предстали Ольга Науменко (Люся), Наталья Гундарева (Нелли Леднева), но, как покажет будущее, ни одна из них Коренева не удовлетворит. А вот 4 февраля на съемочной площадке появятся трое актеров, которые роли в фильме получат. Речь идет о Михаиле Кононове (Нестор Петрович), Светлане Крючковой (Нелли) и актрисе Мазуровой (соседка Нестора Петровича). Крючкова в то время была студенткой 3-го курса Школы-студии МХАТ и попала на глаза Кореневу случайно. Ее тогдашний муж пробовался на роль Ганжи, но в итоге от роли отказался. Он попросил жену отнести сценарий на «Мосфильм», что Крючкова и сделала. В дверях студии она столкнулась с неизвестным человеком, который внезапно спросил: «Девушка, а что вы делаете сегодня вечером?». — «А что?» — насторожилась Крючкова. «Приходите репетировать», — ошарашил ее неожиданным предложением незнакомец. Это был Алексей Корнев. Далее послушаем рассказ самой актрисы:

«Я пошла на репетицию. Увидела там Кононова и Збруева, уже известных актеров. Режиссер мне поставил задачу: «Вы — Светлана Афанасьевна, жена Ганжи. Он вас втаскивает в комнату, а вы изо всех сил сопротивляетесь». Начали репетировать. Збруев меня тащит, а я чувствую, что силы неравны — он побеждает. И от отчаяния, не зная, что делать, я укусила его за палец. Пошла кровь. Режиссер сказал: «Все! Достаточно!» Я пошла домой и по дороге расплакалась, понимая, что не справилась с задачей. Только я пришла домой — раздается телефонный звонок. Звонит ассистентка режиссера: «Вы будете сниматься, но совсем в другой роли» (в роли Нелли Ледневой. — Ф. Р.). Я была потрясена: меня, студентку, утвердили практически без проб!..»

В субботу, 5 февраля, советская хоккейная сборная играла свой первый матч на олимпийском турнире — против сборной Финляндии. Эта встреча далась нашим хоккеистам в целом легко: только в первом периоде финны достойно сопротивлялись, уступая сопернику всего лишь одну шайбу (3:2), но затем сломались. Окончательный итог встречи — 9:3 в пользу сборной Советского Союза. У нас лучшей тройкой нападения стало звено Викулов — Фир-

сов — Харламов, которое забросило 5 шайб (хет-трик на счету Валерия Харламова, две шайбы забросил Владимир Викулов). А вот Борису Михайлову в той встрече не повезло — он не забросил ни одной шайбы, да еще и серьезную травму получил — повреждение мениска правого коленного сустава. После игры собрали консилиум врачей, который вынес вердикт: полтора-два месяца Михайлов играть не сможет. На что тот ответил: «Это не для меня — я все равно буду играть». Причем так убежденно это говорил, что врачам пришлось смириться. Михайлова поселили в одной комнате с врачом команды Олегом Белаковским и массажистом, которые на пару стали выхаживать одного из лучших нападающих сборной — делали ему инъекции, блокады, массаж. Однако две последние игры Михайлову все равно пришлось пропустить. В частности, одну из решающих игр — со сборной Швеции 7 февраля. Шведов на Олимпиаде тренировал канадский коуч Билл Харрис, который самоуверенно пообещал своим подопечным, что сделает их олимпийскими чемпионами. Поэтому на эту игру шведы вышли до предела собранными. После двух периодов наши ребята вели 2:0, и всем казалось, что дело уже сделано. Но только не шведам. В заключительной двадцатиминутке они сумели выравнять игру и в итоге свели ее к ничейному результату — 3:3. После этой ничьей многие решили, что Харрис, быть может, сдержит свое обещание. Однако... Впрочем, не будем забегать вперед.

8 февраля в 19.30 по ТВ состоялась премьера очередной серии телевизионного сериала «Следствие ведут знатоки» — Дело № 4 «Повинную голову». Вот уже почти ровно год минул с того дня, как по «ящику» состоялась премьера Дела № 1 (14 февраля 1971 года), и за это время сериал стал одним из любимых зрелищ для миллионов советских граждан. Причем по началу его создатели (драматурги Ольга и Александр Лавровы, режиссер Вячеслав Бровкин) отнюдь не рассчитывали делать многосерийное «мыло», имея в планах снять от силы пар тройку «дел» и переключиться на что-нибудь другое. Однако зрительская любовь к «знатокам» уже после первых двух серий оказалась настолько огромной, что было решено продолжать его. К тому же и главный заказчик сериала — МВД СССР (съемки курировал сам зам-

министра генерал милиции Борис Викторов) — настаивал именно на таком повороте дела. Короче, 8 февраля состоялась премьера очередной серии про подвиги «знатоков». В ней речь шла о махинациях в сфере столичного общепита (как в ресторане «Ангара» ушлые работники гнали левые булочки и пирожные). Тема весьма актуальная, поскольку махинации в столичной торговле в те годы достигли небывалого размаха, когда воровали если не все продавцы, то каждый третий — точно, а про чиновников и говорить нечего — они погрязли во взятках чуть ли не поголовно. Недаром Главное управление торговли (сокращенно — ГУТ) в народе именовали не иначе как ЗЕР ГУТ, то есть управление «очень хорошо» (в смысле воровства). В прошлом году столичное ГУВД вознамерилось замахнуть на руководство ГУТа и направило заместителю председателя исполкома Моссовета Л. Дерибину, курировавшему торговлю, официальное письмо, в котором сообщало, что махинации на предприятиях торговли достигли невиданного размаха, о чем наглядно говорит такой факт: в течение года службы БХСС вскрыли около двух тысяч случаев обвесов и обсчетов. Дерибин не стал лично разбираться с этой проблемой, а отослал гувэдэвскую депешу начальнику ГУТа Трегубову (за четыре года правления в ЗЕР ГУТЕ он удостоился от сослуживцев прозвища Папа, то бишь Крестный Отец). Тот для порядку собрал коллегую, постучал кулаком, побрызгал слюной и... короче, вся энергия ушла в паровозный гудок.

Забегая вперед, отмечу, что в нынешнем, 1972 году, за ГУТ попробует взяться сам Госкомцен СССР. Его эксперты обследуют 20 районов и обнаружат нарушения в 156 из 193 контрольных закупок (то бишь из каждых пяти покупателей не обманутым останется один). Обсчет достигнет 57 процентов. Выяснится, что многие товары продаются по завышенным ценам, причем в течение длительного времени. Все эти данные уместятся в нескольких пухлых папках, однако результат будет тем же — руководители ГУТа останутся на тех же должностях, а наказание понесут лишь пяток-другой рядовых продавцов. Секрет такой избирательности был прост: все начальство ГУТа ходило в приятелях сильных мира сего, поскольку те «отоваривались» у них разного рода дефици-

том: икрой, красной рыбой, отборными винами, коньяками и т. д. и т. п. Так что случай, рассказанный в очередной серии «Знатоков» — там «под монастырь» загремело руководство целого ресторана, — сильно пахивал вымыслом. Что вполне объяснимо: справедливость должна была торжествовать хотя бы в кино. Кстати, в роли главного злодея очередной серии «Знатоков» выступил Леонид Броневои, параллельно со съемками в «Следствии...» снимавшийся еще в одном сериале — «Семнадцать мгновений весны», работа над которым в феврале 72-го была в самом разгаре на Киностудии имени Горького (было отснято уже больше половины фильма).

На другой киностудии — «Мосфильм» — в те дни готовилась к постановке еще одна картина — «Земля Санникова» режиссеров Альберта Мкртчяна и Леонида Попова. Было завершено комплектование съемочной группы, подобраны актеры на большинство ролей. В частности, на роль беглого каторжника был утвержден актер столичного драмтеатра имени Станиславского Сергей Шакуров, а на роль певца Крестовского режиссеры предполагали пригласить Владимира Высоцкого. Специально к этому фильму последний написал в те февральские дни несколько песен: «Белое безмолвие», «Баллада о брошенном корабле» и гениальную «Кони привередливые». Однако ни Шакурову, ни Высоцкому в этом фильме так и не суждено будет сыграть, о чем разговор впереди.

Между тем в том феврале Высоцкого ждали и другие неприятности. В частности, в Париже умерла его теща — мать Марины Влади, которая болела раком. Далее послушаем рассказ самой М. Влади:

«Когда я сообщаю тебе по телефону, что мы должны решиться отключить аппарат, который искусственно поддерживает ее жизнь, ты отвечаешь то, чего я жду: «Если жизнь больше невозможна, зачем поддерживать ее видимость?» Мы согласны — одна из сестер и я. После долгих споров две другие мои сестры тоже соглашаются, и мы прощаемся с мамой.

Рыдая у телефона, ты все-таки стараешься поддержать меня. В тот февраль семьдесят второго года были рассмотрены все возможные решения. Даже чтобы мне остаться в Москве с детьми. Но очень быстро мы наткнулись на не-

преодолимые трудности: отсутствие денег и моя работа, которую я хочу и должна продолжать. К тому же моих сестер и друзей приводит в ужас одна только мысль о возможности моего переезда в Москву. А главное — то, что мои дети, с удовольствием проводящие здесь летние каникулы, не хотели бы все-таки окончательно поселиться вдали от Франции...»

В среду, 9 февраля, наша хоккейная сборная, продолжавшая свои выступления на Олимпиаде в Саппоро, встречалась с командой США. Эта игра вызвала небывалый ажиотаж у публики, поскольку два дня назад американцы сумели «разделить под орех» сильную сборную Чехословакии — 5:1. После этого местные журналисты вздохнули стали писать о том, что американцам вполне по силам проделать то же самое и с советской сборной, которая свою предыдущую игру — со шведами — свела вничью. Короче, страсти вокруг предстоящего матча накалились. Но надежды журналистов не оправдались, поскольку наши ребята без особого напряжения обыграли «янки» со счетом 7:2. А на следующий день мы влегкую обыграли и главного поставщика очков на той Олимпиаде — сборную Польши — 9:3. Теперь нас ждал решающий матч с командой Чехословакии.

В ту же среду увидел свет очередной номер «Литературной газеты». В нем был опубликован «крик души» старшины милиции из Череповца Рюрика Катешичева. Душа его кричала о наблевшем — о бесправии советского милиционера. В своем письме старшина рассказывал, как однажды бросился спасать прохожего от трех вооруженных ножом хулиганов. Увидев милиционера, те разбежались. Старшина погнался за тем, у кого был нож. Догнав его, свалил на землю, но, падая, и сам получил тяжелую травму. И хотя хулиганам дали по 3 года колонии, на душе у старшины остался тяжелый осадок. О своих чувствах он и написал в газету. Цитирую:

«Осудили их за разбойное нападение, и только. Тяжелую травму я, оказывается, получил по собственной вине. «Надо было выбрать правильный способ задержания», — сказали мне... Вот еще случай. В прошлом году схватился я с хулиганом, скрутил его, но и сам пострадал, 12 дней на больничном пробыл. И что же? Оштрафовали его на 200 рублей «за мелкое хулиганство». А у этого «мелкого хулигана» за пле-

чами две судимости, из них одна — за убийство...»

11 февраля исполнилось 70 лет легенде отечественного кинематографа Любви Орловой. Несмотря на то, что в последние десять лет она не снялась ни в одном новом фильме (последний — «Русский вопрос» — датирован 1960 годом) и семь лет не играла новых ролей в Театре имени Моссовета (последняя роль — мисс Пат в «Милом лжеце» — датирована 1963 годом), однако имя Орловой известно всем от мала до велика. В юбилейные же дни в большинстве публикаций, посвященных творчеству Орловой, их авторы тактично не упоминали возраст именинницы, поскольку знали, как относится каждая женщина (а Орлова особенно) к своим годам. И только одна газета сделала упущение и позволила себе назвать точную дату рождения звезды — 70 лет назад. На что юбилярша мрачно заметила: «Они способны испортить любой день рождения».

Вот уже шесть лет Орлова вместе с мужем кинорежиссером Григорием Александровым живет в доме на Малой Бронной. Этот переезд был осуществлен целиком по инициативе Орловой. До этого они тоже жили в четырехкомнатной квартире в доме на улице Немировича-Данченко, причем тамешние потолки были куда как выше, чем на Бронной, да и сама она была чуть больше. Но Орловой прежние хоромы надоели. Однако в новом жилище новоселы появлялись нечасто — только во время плотных репетиций в театре, а так предпочитали жить за городом, на даче.

Между тем в юбилейные дни Орлова впервые за долгие годы вновь познала радость активного творчества: Александров собирался снимать очередной фильм с ее участием — «Скворец и Лира», а в театре было решено ввести ее на главную роль в спектакль «Странная миссис Сэвидж». Эту роль исполняла Фаина Раневская, но в последние год-два здоровье все чаще стало подводить ее, и выбор режиссера пал на Орлову. Раневская возражать против ввода не стала. Как гласит легенда, в юбилейные дни она позвонила имениннице домой по телефону и, когда трубку снял супруг звезды Александров, спросила:

— Как вам понравился мой подарок Любви Петровне?

Александров, который не понял, о каком именно подарке идет речь, счел за благо ответить:

— Ваш подарок просто восхитительный, Фаина Георгиевна.

— Ну что же, я очень рада, — удовлетворенно заурчала в трубку Раневская. — Скажите Любушке, что я обожаю ее.

Положив трубку на аппарат, Александров спросил жену, сидевшую за столом с гостями:

— Любовь Петровна, а что вам подарила Раневская?

— Фуфочка? Ничего, — пожала плечами именинница.

— Забавно, очень забавно, — хмыкнул в ответ Александров.

12 февраля исполнилось семь лет дочери Василия Шукшина от гражданского брака с дочерью главреда «Огонька» Анатолия Софронова Викторией. По случаю этой даты в доме именинницы собрались гости — подружки Кати с родителями. Самого Шукшина в гости не ждали, хотя на дни рождения Кати он приходил всегда, если позволяли обстоятельства. Но в этот раз он сам сообщил, что прийти не сможет — дескать, уезжает в Дом творчества кинематографистов в Болшево. Но в разгар веселья внезапно раздался звонок в дверь, и на пороге вырос отец именинницы, который специально по этому случаю прервал свой подмосковный отдых. В качестве подарка он преподнес дочери чашку, на которой был изображен большой красный цветок, а возле — черная пчела в золотом окаймлении. Судя по всему, рисунок был с намеком: цветком была Катя, а пчелой — отец. Далее послушаем рассказ В. Софроновой:

«Видно было, что ему очень хотелось побыть с дочерью, он часто уходил из кухни, шел в комнату, где играли дети. А Кате, понятно, важнее было другое — кто выше прыгнет и громче взвизгнет, она наверняка и думать забыла в тот момент, что взрослые вообще существуют. Видно, игра пошла у них там по-крупному — задвигались стулья и еще что-то. Вдруг на кухню вбегает моя запыхавшаяся дочь со сбитым на сторону бантом и, ни на кого больше не глядя, обращается прямо к Васе:

— Папа, помоги нам передвинуть кресло.

Она в первый раз назвала тогда Васю «папой». Обычно бывала с ним сдержанна, настоуженна, насупится и забьется в угол, а то еще

в шкаф заберется, и никакими силами ее оттуда не вытащишь. К сожалению, это естественная реакция ребенка на отца, который приходит, уходит, шлет письма... Несколько лет я просила Василия Макаровича не говорить Кате, что он ее отец. И это вовсе не была месть или наказание ему, а защита маленького сердца...»

Тем временем в Саппоро подходят к концу Олимпийские игры. К заключительному дню игр — 13 февраля — подавляющая часть комплектов медалей была уже разыграна. Советские спортсмены к тому времени завоевали 7 золотых, 5 серебряных и 3 бронзовые медали. Среди тех, кто принес нашей стране олимпийское золото, были: фигуристы Ирина Роднина и Алексей Уланов, лыжники В. Веденин, Г. Кулакова, сборная биатлонистов (А. Тихонов, Р. Сафин, И. Бяков, В. Маматов), женская лыжная сборная (Л. Лихачева, А. Олюнина, Г. Кулакова), мужская лыжная сборная (В. Воронков, Ю. Скобов, Ф. Симашев, В. Веденин).

В последний день должна была решиться и судьба золотых медалей на хоккейном турнире, где в решающей встрече играли сборные Советского Союза и Чехословакии. На этом матче произошел забавный случай, связанный с именем советского биатлониста Александра Тихонова. Будучи ярким поклонником хоккея (в свое время Тихонов даже собирался стать хоккеистом), он буквально спал и бредил мыслью о том, чтобы увидеть решающий поединок хоккейного турнира не с обычной трибуны, а со скамейки запасных советской сборной. То есть наблюдать за матчем, что называется, вприкрыт. Однако осуществить эту мечту было крайне трудно — тренер нашей сборной Анатолий Тарасов отличался крутым нравом и никогда бы не позволил чужому человеку (а все те, кто не имел непосредственного отношения к хоккею, приравнивались им к «чужакам») находиться в расположении сборной. Но, зная об этом, Тихонов решил пойти окольным путем. Он «подкатил» к другому тренеру команды — Аркадию Чернышеву, за которым прочно укрепилось прозвище «либерал», и сумел уговорить его разрешить ему эту авантюру. Поскольку все советские спортсмены в Саппоро в повседневном быту носили одинаковую форму, Чернышев посоветовал Тихонову затесаться к хоккеистам и таким макаром проскочить в авто-

бус. Что и было сделано шустрым биатлонистом. Таким же способом он проник и в раздевалку хоккеистов. Правда, если в автобусе условия пребывания были идеальными — Тихонов спрятался на последнем сиденье, ловко прикрытый хоккеистами, среди которых у него было много друзей, то в раздевалке пришлось пойти на жертвы — не снимая шубы, Тихонов лег в угол, а друзья-хоккеисты забросали его баулами со спортивной амуницией. Далее послушаем рассказ самого биатлониста:

«Раздается голос Тарасова: «Начинаем разминку!» Хоккеисты начинают прямо в раздевалке приседать, отжиматься... И такой запах пота — это в душевой-то раздевалке! Я к тому времени и сам вспотел: долго ли можно пролежать в шубе да еще под кучей запасной формы? В общем, в какой-то момент я высунул голову, чтобы набрать в легкие воздуха, и... встретился глазами с Тарасовым. Молчим, смотрим друг на друга. Он, конечно, меня узнал:

— Ну ладно, оставайся, раз пришел. У нас как раз некому подежурить на запасных клюшках. Справишься?

Я закричал:

— Конечно!

А с заданием Тарасова, кстати, не справился. Так увлекся игрой, что не стал разбираться, где чья клюшка. А они же все подписаны! И вдруг Женя Мишаков ломает клюшку прямо рядом со мной, у бортика. И ко мне: «Дай клюшку!» Я вытащил первую попавшуюся и подал. А Мишаков этой клюшкой вскоре гол забивает. Несется по площадке: «А-а-а!» Поднимает глаза вверх — и видит, что клюшка не его. «Студент, — кричит мне, — я тебя убью!» (Непонятно почему, но Мишаков всегда называл меня Студентом. .) Я ему отвечаю: «Иди на фиг! Своей клюшкой и я бы забил. А ты вот забей еще разок чужой!..» Команда чуть со скамейки не попадала от смеха. Чернышев же поспешил ко мне: «Отойди от клюшек! Кто-нибудь другой пусть подает! А то еще несколько таких шуток — и тебя действительно убьют...»

Тот матч, как и большинство других, где встречались советские и чехословацкие хоккеисты, складывался на редкость драматично. Поначалу чехов здорово подвел их вратарь Дзурилла, который так разволновался, что уже в первом периоде допустил две досадные ошиб-

ки и пропустил две «бабочки». А когда в начале второго периода он пропустил и третью шайбу, то многим показалось, что игра уже сделана. Однако чехословаки с таким положением вещей не согласились и с удвоенной энергией бросились на штурм наших ворот. Вскоре им удалось размотать счет. Но незадолго до сирены Дзурилла пропустил четвертую шайбу.

В заключительной двадцатиминутке чехословацкие спортсмены бросились в последний штурм и сумели забросить в ворота Третьяка еще одну шайбу. Счет стал 4:2 в нашу пользу. Затем в течение нескольких минут чехи непрерывно атаковали ворота советской сборной, пытаясь во что бы то ни стало сократить отставание до минимума. Если бы им это удалось, то в психологическом плане ситуация была бы на их стороне. Но это понимали и наши ребята. В итоге им удалось выдержать натиск соперника, а затем, забросив еще одну шайбу, установить окончательный итог игры — 5:2.

Золотой состав нашей сборной выглядел так: вратари Владислав Третьяк, Александр Пашков; защитники: Геннадий Цыганков, Александр Рагулин, Виктор Кузькин, Владимир Лутченко, Виталий Давыдов, Игорь Ромишевский, Валерий Васильев; нападающие Валерий Харламов (он стал самым результативным хоккеистом турнира, набрав 16 очков (9 голов, 7 результативных передач), Владимир Викулов, Александр Мальцев, Анатолий Фирсов, Юрий Блинов, Александр Якушев, Евгений Мишаков, Владимир Петров, Борис Михайлов, Владимир Шадрин, Евгений Зимин; тренеры Анатолий Тарасов, Аркадий Чернышев.

Но вернемся из олимпийского Саппоро на родину — в Советский Союз. Там в понедельник, 14 февраля, в 19.40 по Первой программе ЦТ начался премьерный показ нового 7-серийного телевизионного фильма «Тени исчезают в полдень», снятый режиссерами Валерием Усковым и Владимиром Краснополяским. Как мы помним, работа над лентой, в основу которой был положен одноименный роман Анатолия Иванова, шла более полутора лет. В ней был собран поистине звездный актерский состав, состоявший как из корифеев отечественного кинематографа в лице Бориса Новикова, Владимира Самойлова, Галины Польских, Сергея Яковлева, Евгения Шутова, Ивана Рыжова, Романа Филиппова, так и молодых звезд (Алек-

сандра Завьялова, Нины Руслановой, Валерия Гатаева, Геннадия Королькова), а также дебютантов (Петра Вельяминова, Алексея Шаляпина, Ольги Науменко и др.).

Сериал имел фантастический успех, что, впрочем, абсолютно не сказалось на материальном состоянии его авторов. Расценки в советском кинематографе были во много раз ниже, чем в Голливуде. А чтобы убедиться в этом, предлагаю читателю полистать хотя бы несколько финансовых ведомостей по фильму. Так, режиссеры сериала за полтора года работы получили: В. Краснополяский — 6078 руб. 02 коп., В. Усков — 6068 руб. 93 коп.; актеры: Н. Русланова (Марья Воронова) — 978 руб. 48 коп., П. Вельяминов (Захар Большаков) — 3515 руб. 11 коп., В. Гатаев (Фрол) — 2841 руб. 04 коп., С. Яковлев (Устин) — 4437 руб. 50 коп., А. Завьялова (Пистимея) — 4339 руб. 41 коп., Б. Новиков (Юргин) — 3720 руб., Г. Корольков (Федор) — 555 руб., Г. Польских — 4973 руб. 63 коп., Е. Шутов — 5531 руб. 25 коп., И. Рыжов — 5490 руб. и т. д.

Итак, буквально с первого же дня сериал вызвал небывалый ажиотаж у зрителей — улицы практически всех городов и населенных пунктов страны, что называется, вымирали в часы его показа. Даже количество преступлений, зафиксированных в эти дни, было минимальным — все смотрели «Тени...». Позднее мой добрый приятель рассказал мне, как в один из тех февральских дней бежал с работы, чтобы успеть на очередную серию фильма. Его путь лежал с улицы Карла Маркса (ныне — Старая Басманная) в Гороховский переулок. Так вот на протяжении всего пути до дома его сопровождала песня Леонида Афанасьева и Игоря Шаферана «Гляжу в озера синие» в исполнении Екатерины Шавриной, которая открывала сериал и звучала буквально из каждого окна.

Сериал показывали в течение всей недели — с понедельника до воскресенья. Едва он закончился, как на телевидение сплошным потоком пошли письма от зрителей со словами восторга в адрес создателей картины и актеров. Только за один первый месяц после премьеры в Останкино пришла 1 тысяча писем, из которых 166 были коллективными.

Раз уж речь зашла о кино на ТВ, самое время упомянуть и другие фильмы, показанные в первой половине февраля: «Человек в футля-

ре» (2-го), «Сюжет для небольшого рассказа», «Западня», «Смелые люди» (3-го), «Разные судьбы», «Угол падения», «Следствие ведут знатоки» (премьера Дела № 3 «С поличным»), «Там, вдали за рекой» (премьера т/ф — 4-го), «Король Лир» (5-го), «Варька», «Яцек и его президент» (7-го), «Чапаев» (9-го), «Дети партизана» (10-го), «Неподсуден» (11-го), «Веселые ребята», «Последняя реликвия» (впервые по ТВ — 12-го), «Дядя Ваня» (впервые по ТВ — 13-го) и др. Если разбить перечисленные фильмы по жанрам, то картина будет следующей: мелодрамы — три, трагедии — одна, приключения — три, детективы — два, драмы — две. Если сравнить, к примеру, наши фильмы с продукцией тогдашнего американского ТВ, то наши — сама невинность. Достаточно сказать, что только за одну январскую неделю 72-го с телеэкранов Лос-Анджелеса можно было лицезреть 452 убийства, 390 покушений на убийство, сотни других преступлений.

Несколько кинопремьер состоялось в кинотеатрах. С 3 февраля на экранах столицы началась демонстрация двух новых картин: политической драмы «Люди на Ниле» Юрия Шахина, с участием Владимира Ивашова, Юрия Каморного и др. и драмы из спортивной жизни «Ход белой королевы» Виктора Садовского, в ролях: Светлана Головина, Кирилл Лавров, Виктория Федорова и др.; 7-го — мелодрама на колхозную тему «Русское поле» Николая Москаленко с участием Нонны Мордюковой, Владимира Тихонова, Инны Макаровой и др.; 14-го — экранизация чеховской «Чайки» Юлиа Карасика, в ролях: Алла Демидова, Людмила Савельева, Владимир Четвериков и др.; военная драма Л. Саакова «Море в огне». Из новинок зарубежного кино назову две ленты: «Ромео и Джульетта» итальянского режиссера Франко Дзеффирелли с участием Леонардо Уайтинга (Ромео) и Оливии Хасси (Джульетта) и фильм польского режиссера Яна Рыбковского «Польский альбом» с участием Барбары Брыльской. До роли скромной учительницы Нади Шевелевой в рязановской «Иронии судьбы» ей ждать еще три года.

Из театральных премьер назову следующие: 10-го в Театре имени Маяковского был показан спектакль «Дядюшкин сон» по Ф. Достоевскому с участием Марии Бабановой, Анатолия Ромашина и др.; 13-го в драмтеатре име-

ни Станиславского — «Ни на что не похожая юность» С. Ермолинского с участием Л. Бережной, В. Бочкарева, Г. Буркова, С. Шакурова, Т. Ухаровой и др. О первом спектакле, в котором после долгого перерыва главную роль сыграла великая Мария Ивановна Бабанова, стоит рассказать подробнее.

Репетиции «Дядюшкиного сна» начались еще в сентябре прошлого года, причем в авральном порядке. В роли Марии Александровны Москалевой главреж театра Андрей Гончаров видел только Бабанову, однако сама она согласилась на нее не сразу. Она боялась, что не сумеет за короткий период освоить такую лавину текста. Как отметят затем специалисты, эта роль окажется в ее жизни самой тяжелой по физической нагрузке и количеству текста, из которого она не убрала ни одной запятой (Достоевский все-таки!). Сама Бабанова признавалась, что по трудности этот спектакль можно было сравнить только с «Собакой на сене».

На роль князя Гончаров пробовал совершенно разных актеров. Первоначально был выбран пришлый варяг — Сергей Мартинсон. Однако Бабанова, хорошо относясь к этому замечательному актеру, в то же время предупредила режиссера, что Мартинсон — актер ненадежный. Мол, стоит кому-нибудь из киношных режиссеров пригласить его на роль — и он бросит сцену. Видимо, Гончаров тоже это понимал, поскольку в итоге отказался от услуг Мартинсона. Вместо него на горизонте возник Евгений Леонов, игравший тогда в «Маяке». Однако он эту роль не потянул. И вот тогда появился Анатолий Ромашин — последний кандидат на роль князя. С ним никаких проблем не возникло. О том, как складывалась ситуация после премьеры, рассказывает Н. Берновская:

«После двенадцати лет перерыва Мария Ивановна вышла на сцену в главной, да к тому же весьма ответственной роли. Как она сыграла эти первые спектакли, я просто не могу понять. В театре царило нечто вроде удивления. Они забыли, какая среди них живет актриса, и, конечно, не предполагали, что она может такое поднять...

Спектакль имел хорошую прессу. Звонили разные люди, говорили «всякие слова» — так выражалась Мария Ивановна, когда сообщала

об этих звонках. Однажды позвонила Мария Петровна Максакова. Оставаясь дома одна, Мария Ивановна имела манеру отвечать по телефону измененным и совершенно неузнаваемым голосом. Максакова тоже ее не узнала и просила передать Марии Ивановне то, что она скажет. Мария Ивановна, продолжая скрываться, выслушала это самолично. Одна актриса вознесла другой высокую хвалу за силу и яркость, за прекрасную форму и нестареющее обаяние, за выдержку и мужество, за то, что и теперь еще она способна держать на себе весь громоздкий и сложный спектакль. Так воспринимался «Дядюшкин сон». А Мария Ивановна все искала, как бы усилить выразительность «мордасовской дамы», которую, как она считала, она недоиграла...»

Не пустовали и эстрадные площадки столицы. Например, 1—2 февраля в ГЦКЗ «Россия» состоялись авторские концерты ленинградского композитора Андрея Петрова, в которых помимо автора участвовали популярные артисты эстрады с берегов Невы: Эдуард Хиль, Мария Пахоменко, Людмила Сенчина и др.; 1—7-го в Государственном Театре эстрады (ГТЭ) шел спектакль «От и до» с участием двух гениальных комиков Тарапушки (Юрий Тимошенко) и Штепселя (Ефим Березин), 4—6-го в «Октябре» собрались поклонники творчества певицы Гелены Великановой, 6-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского — Льва Барашкова, 9—10-го в ЦДКЖ — Владимира Макарова, 11—13-го в ГЦКЗ «Россия» состоялась «Вечера песни» с участием Владимира Трошина, Олега Анофриева, Майи Кристалинской, Галины Ненашевой, Льва Лещенко, Нины Дорды, ВИА «Веселые ребята» и др. В эти же дни в Москве гастролирует популярный американский певец Дин Рид, концерты которого проходят на двух самых престижных площадках: ГТЭ (12—13, 24, 27—28 февраля) и ГЦКЗ «Россия» (15—16-го).

В среду, 16 февраля, министр внутренних дел СССР Николай Щелоков подписал приказ об образовании внутри своего ведомства нового подразделения — Московского управления милиции и следственного отдела на воздушном транспорте. Появление этого приказа было не случайным: как известно, в октябре 70-го в Советском Союзе впервые произошли сразу два вооруженных захвата самолетов «Аэрофло-

та», которые дали толчок для подобного рода захватов и в дальнейшем. Чтобы обезопасить воздушные суда от подобного рода посягательств, в структуре МВД было создано специальное подразделение, а в феврале 72-го к нему присовокупили еще одно — в Москве. Руководить столичным управлением поставили генерал-майора милиции Эрика Хрисанфовича Абрамова, который до этого руководил службой охраны общественного порядка Москвы.

И еще несколько слов о правопорядке. В те дни в Москве силами столичной милиции была разоблачена группа лиц, которая занималась изготовлением и сбытом огнестрельного оружия. По меркам сегодняшнего дня дело обычное, но по тогдашним — настоящая сенсация. А разоблачить «оружейников» помог случай. На станции метро «Академическая» милиционер Анатолий Сельянов обратил внимание на мужчину, который подозрительно держался за левый бок — так, будто придерживает что-то. Милиционер решил проверить свои подозрения. Он попросил незнакомца пройти с ним в комнату милиции. Тот попытался было прикинуться простачком — мол, извини, служивый, опаздываю, — но Сельянов был опытный служака и, взяв гражданина под локоть, повел его в нужном направлении. Каково же было удивление обитателей комнаты милиции, когда под пиджаком задержанного был обнаружен обрез винтовки. Понимая, что попался, мужчина начал давать чистосердечные показания и рассказал о целой банде, которая изготовляла огнестрельное оружие.

17 февраля в творческой среде столицы вновь у всех на устах оказалось имя Александра Галича. Как мы помним, полтора месяца назад его исключили из Союза писателей, и вот теперь на него обрушился новый удар — его исключили и из Союза кинематографистов, в котором он состоял без малого четверть века. Происходило исключение достаточно буднично. В тот день на заседание секретариата СК было вынесено 14 вопросов по проблемам узбекского кино и один (№ 7) — исключение Галича по письму Союза писателей СССР. Галича исключили чуть ли не единогласно, причем его самого на этой экзекуции не было.

16 февраля Главным управлением по художественному кинематографу была принята новая кинокомедия Эльдара Рязанова «Старики-

разбойники», а на следующий день фильм был разрешен к прокату. Между тем лента еще только будет готовиться к выходу на экран, как вокруг нее разгорится нешуточный скандал, инициатором которого станет корифей отечественного кинематографа режиссер Марк Донской. На одном из совещаний в Комитете по кинематографии он весьма нелестно отзовется о новом фильме Рязанова, причем прибегнет к недостойному для интеллигентного человека методу: соврет, что фильм не нравится и самому режиссеру-постановщику. А чтобы это выглядело более достоверно, Донской бросит в зал реплику «Правда, Эльдар?», прекрасно зная, что Рязанова на этом совещании нет. Когда через пару дней Рязанову расскажут об этом эпизоде, его охватит бешенство. Он оставлял за мэтром право не любить его фильмы, но он не мог простить ему подлости, к которой тот прибег, — сослался на его имя, зная, что оппонента в зале нет. И этот случай произошел в тот момент, когда фильм был только-только завершен, ему еще не успели присудить категорию, не определили тиража. Подобный выпад уважаемого в кинематографии человека мог дать серьезные карты в бюрократические руки и осложнить выход фильма на экран.

Рязанов не стал медлить с ответом Донскому и в тот же день, когда до него дошла весть о происшедшем, позвонил ему домой и предупредил о своем немедленном прибытии. Ирина, жена мэтра, встретила гостя на удивление радушно, даже пригласила его за стол отобедать. Но Рязанов с ходу пресек всякие попытки его умаслить, заявив, что в доме врага он не ест. Донской попытался было смягчить ситуацию, посоветовав гостю не придавать значения сказанным им на совещании словам, — мол, занесло старика, извини, — но Рязанов был непоколебим:

— Оскорбили меня при всех, а извинение просите наедине?! Не выйдет! Сумели публично напасть, при всех и прощение просить придется.

— Что же мне делать? — спросил Донской.

— Писать публичное извинение в Госкино, на имя министра.

— Ну зачем же так, Эльдар? — попыталась вмешаться в разговор жена мэтра.

— Чтоб в следующий раз ваш супруг не молел невесту что, а думал прежде, — жестко ответил Рязанов.

— Но я не знаю, что писать, — вновь подал голос Донской.

— Не бойтесь, я продиктую, — успокоил его Рязанов.

Донскому не оставалось ничего иного, как усесть за стол и вооружиться ручкой. Рязанов начал диктовать: «Уважаемый Алексей Владимирович (Романов — председатель Комитета по кинематографии. — Ф. Р.)! В моем выступлении на совещании такого-то числа я заявил с трибуны, будто бы Рязанов сказал мне, что ему не нравится его собственная картина «Старики-разбойники». Так вот, я не беседовал перед совещанием с Рязановым, ничего подобного он мне никогда не высказывал. Я увлекся и произнес неправду. Приношу извинения собранию, Вам и Э. Рязанову».

Едва в документе была поставлена последняя точка, как Рязанов схватил его, видимо, опасаясь, что заявитель может передумать, и, сложив вчетверо, спрятал в карман. Затем скоренько распрощался и ушел, вполне удовлетворенный результатом. Но, едва он оказался на улице, как на душе у него заскребли кошки. По его же словам: «Я чувствовал, что в применении напора, силы и непримиримости где-то переборщил. Я ведь настроился на сопротивление Донского, на его ершистость, на отрицание вины, а увидел лишь пассивное послушание, очень непривычное. И хотя оскорбили меня, я испытывал жалость к нашему кинематографическому корифею...»

В эти минуты Рязанов даже готов был порвать злосчастное заявление, но затем взял себя в руки и отправился напрямик в Малый Гнездиковский переулок, в Кинокомитет. Однако вручать бумагу лично председателю он не стал, а передал его секретарше. После чего попрощался и ушел. И больше судьбой этого документа не интересовался.

И еще о «Стариках-разбойниках». Фильм не понравился не только Марку Донскому. Например, исполнитель главной роли в фильме Юрий Никулин тоже считал его самым неудачным в своей киновеграфии. Правда, обвинял он не режиссера, а себя — дескать, сыграл роль плохо. Но факт есть факт: с тех пор Никулин в фильмах Рязанова не снимался.

Но вернемся к событиям февраля 72-го.

Вся страна с замиранием сердца продолжала следить за событиями в Зеленом Доле, о ко-

торых идет речь в многосерийном телефильме «Тени исчезают в полдень». Вечером в субботу 19 февраля шла предпоследняя, 6-я серия фильма. Дело близится к развязке: в этой серии Устин Морозов срывается и выбрасывает из саней пожилого журналиста, который слишком близко подобрался к разгадке тайны гибели его сына Федора. Серия заканчивается на драматическом моменте: Устин вваливается в свою избу и сообщает своей жене Пистимее страшную весть: «Сорвался я, конец...»

Заключительная серия демонстрировалась на следующий день. Я хоть и был тогда мальчишкой, но до сих пор помню щемящее чувство, какое охватило меня в тот момент, когда на экране нашего черно-белого телевизора возникла надпись «Конец фильма», — расставаться с героями сериала жуть как не хотелось.

В тот же день, 20 февраля, но несколькими часами раньше, важные события происходили в жизни прославленного нашего хоккейного вратаря Владислава Третьяка: он впервые разговаривал по телефону с девушкой, которой суждено будет стать его женой. Причем произошло это знакомство благодаря стараниям матери Третьяка. Именно она, видя, что у ее сына совершенно нет времени на девушек — практически весь год он находился то на сборах, то на различных соревнованиях, — решила взять это дело под собственный контроль. И вот однажды от одной своей подруги она узнала, что в Монино живет девушка Таня, которая по всем параметрам подходит на роль невесты для ее сына — она красива (похожа на артистку Татьяну Доронинову), у нее прекрасный характер и замечательная родословная (ее папа был военным летчиком, Героем Советского Союза). Однако, когда мать рассказала об этом сыну, тот отнесся к ее словам без особого энтузиазма. Несмотря на молодость — а Третьяку в тот год исполнялось 20 лет, — в любовь он не верил, считая, что она осталась только в романтических романах. В восьмом классе школы у него было сильное чувство к однокласснице, но девушка предпочла ему другого, ранив Третьяка в самое сердце. С тех пор его главной любовью стал хоккей, которому он отдавал всего себя без остатка.

Между тем оставить без внимания попытку матери устроить его личную жизнь Владислав тоже не мог. Короче, он согласился сделать

первый шаг к сближению с девушкой, тем более что и подходящий повод для этого был — 20 февраля у Татьяны был день рождения. Третьяк позвонил имениннице домой, поздравил ее с днем рождения и, посетовав на то, что не может из-за занятости (он тогда в составе сборной готовился к предстоящему чемпионату мира) присутствовать на торжестве, пообещал встретиться с ней, как только выпадет свободная минутка. Однако ждать этой «минутки» обоим придется аж четыре месяца, о чем разговор впереди.

В Театре на Таганке произошел очередной скандал — Валерий Золотухин отказался играть Лаэрта в «Гамлете». Причина — конфликт с Юрием Любимовым. Свои чувства по этому поводу актер опишет в дневнике следующим образом:

«Одна из причин, что я не сыграл Лаэрта, — я не захотел выслушивать этот поток словесный. Это случилось на той репетиции, когда он сказал мне:

— Чего вы там наигрываете, вы совершенно пусты. Кого вы хотите обмануть?! Меня вы не обманете и снимите очки...

— Я не собираюсь вас обманывать. Мы не на базаре, я не продаю, вы не покупаете... Я работаю... и т. д.

В этот день, в эту минуту я решил: все! в эту игру играть не буду. У меня не идет талант, когда мне хаят и видят во мне какого-то разбойника... Мне не верят. Мне говорят, что я сачканул Лаэрта из-за съемок. А снимался я в отпуск и выходные дни. Я убежал на поезд в ночь «Антимиров» чаще всего. Мне не нравилась эта работа. Как Высоцкий все это выдержал — удивляюсь. Я бы героя дал ему за такое терпение. Разве с актером можно так обращаться? Ушел из «Гамлета». Я не мог присутствовать при такой унижительной работе с людьми, которые составляют цвет театра...»

Между тем в столичной творческой среде кипят споры по поводу пьесы Леонида Зорина «Медная бабушка». В те дни в Москве режиссер-постановщик пьесы Михаил Козаков и исполнитель роли Пушкина Ролан Быков показали отрывки из спектакля (три сцены) в Доме кино и в Музее Пушкина. На обоих представлениях был аншлаг. Один из известных пушкиноведов после тех просмотров даже заявил: «После пошлых и мелкотравчатых пьес об

Александр Сергеевич Пушкине наконец появилась «Медная бабушка». День ее премьеры на сцене будет счастливым днем моей жизни».

Сам автор пьесы в те дни находился в Крыму и испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он был счастлив таким приемом у публики его произведения, но с другой — боялся, что это может пагубно сказаться на ее судьбе. Ведь эти неумные восторги публики вполне могут определить жесткое отношение к пьесе чиновников от искусства.

В эти же дни в Ташкенте объявилась дерзкая банда, которая избрала объектом своих преступлений почтовые отделения города. Так, 20 февраля преступники напали на почтовое отделение № 74. В конце дня, когда на почте не было посетителей, туда вошли несколько мужчин. Двое из них встали возле двери, а двое других направились к операторше. В руках одного из незнакомцев блеснул пистолет, который привел безоружную женщину в шоковое состояние. Между тем преступник под угрозой расправы потребовал у кассирши выдать ему все деньги, которые имелись в наличии. Женщина повиновалась. Через пару минут грабители удалились так же быстро, как и вошли.

Прошло всего лишь два дня, как налету подверглось другое почтовое отделение — № 72. Сценарий его был тем же: опять несколько мужчин вошли в помещение, один из них был вооружен. Кассирше ничего не оставалось, как отдать им всю наличку. И хотя приметы вооруженного грабителя она сумела описать сыщикам, однако напасть на след банды по горячим следам не удалось. Это произойдет чуть позже, а пока продолжим знакомство с хроникой событий за февраль.

Из теплого Ташкента вновь вернемся в холодную Москву. На «Мосфильме» продолжают актерские кинопробы к фильму «Большая перемена». За почти два месяца работы режиссер фильма Алексей Корнев просмотрел несколько десятков кандидатов на роли, однако отобрал из них всего лишь несколько человек. По поводу остальных персонажей он все еще сомневался. Так, он никак не мог определиться с главным героем — Нестором Петровичем, разрываясь между двумя актерами: Михаилом Кононовым и Андреем Мягковым. У последнего шансов получить эту роль было чуть больше, поскольку он шел в связке со

своей законной супругой Анастасией Вознесенской, которая претендовала на роль учительницы литературы и русского языка Светланы Афанасьевны. 22 февраля супруги в очередной раз предстали перед Корневым в коллекторе 10-го павильона, однако окончательного вердикта так и не услышали. Режиссер поблагодарил их за пробу, но веского «да» не сказал. Актерские пробы продолжились.

Оставим на время кино и поговорим о молодежи. Как и теперь, молодые люди столицы в те годы тоже предпочитали отводить душу на разного рода тусовках. Правда, в отличие от нынешних дней, когда в одной Москве работает несколько сот увеселительных заведений, в те приснопамятные годы их было значительно меньше, да и выглядели они куда более скромно. В основном вся тусня происходила в ресторанах и кафе (там собиралась обычная публика и отрывалась на полную катушку под музыку какого-нибудь местного ВИА) или во дворцах культуры, куда стекалась преимущественно рок-н-рольная молодежь. Одним из таких «роковых» (с ударением на первом слоге) очагов культуры был ДК «Энергетик», располагавшийся на Раушской набережной (напротив гостиницы «Россия»). На территории этого ДК в начале 70-х базировались сразу несколько суперпопулярных рок-команд, которые теперь упоминаются в каждой рок-энциклопедии. Речь идет о таких группах, как «Второе дыхание» в составе Дегтярюк — Ширяев — Капитановский (последний чуть ли не «в ноль» играл Джимми Хендрикса) и «Скоморохи» Александра Градского. Одно время там же играли и «Блики» Стаса Намина, но они затем сменили дислокацию.

Благодаря стараниям директора ДК, который в первую очередь был озабочен выполнением финансового плана вверенного ему заведения, все перечисленные коллективы каждые субботу и воскресенье лабали музыку перед киносеансом, причем не в фойе, а прямо со сцены в зале. В итоге вся хипповская молодежь столицы рядами и колоннами валила в «Энергетик», чтобы послушать своих кумиров, а попутно посмотреть и какую-нибудь новую киношку. Между тем в начале 72-го в ДК была приглашена для выступления тогда еще мало кому известная группа под названием «Машина времени» в составе четырех человек: Андрея

Макаревича, Александра Кутикова, Юрия Борзова и Сергея Кавагоэ. В канун светлого праздника Дня Советской Армии, который отмечается 23 февраля, «машинистам» выпала честь играть в одном концерте с именитыми «Скоморохами». Рассказывает А. Макаревич:

«Энергетик» тогда уже имел бешеную славу, а такая афиша обещала невиданную аудиторию. Но директор клуба переборщил, объявив бесплатный вход, — за час до начала выяснилось, что пришли вообще все: во всяком случае такое у меня сложилось впечатление, когда я пытался протиснуться в зал каких-то своих знакомых чувих буквально по головам осатаневшей публики.

Толпа заполнила весь дворик «Энергетика» и большую часть набережной. Было ясно, что пришедших не вместят и четыре дворца культуры. В панике были закрыты железные решетчатые ворота. Через пять минут дворик напоминал сцену взятия Зимнего дворца из какого-то нашего классического фильма (в жизни, как теперь выяснилось, все это выглядело куда скромней). Люди, как муравьи, лезли через эти трехметровые ворота, падали вниз, раздирая джинсы об острые пики. В конце концов ворота рухнули. Дворик был взят. Пришла очередь дубовых входных дверей. Мы, собственно, этого не видели, так как находились за кулисами. Зал напоминал паровой котел, давление в котором превысило норму, и он вот-вот взорвется. Люди висели на стенах, на портьерах, свисали гроздьями с балконов и иногда падали вниз.

Вечер открыл некий полковник. Ему дали поговорить минуты полторы, и он покинул сцену, сильно ошеломленный. До сих пор не пойму, каким образом получилось, что «Скоморохи» играли перед нами, — это противоречило всякой логике. То, что творилось в зале, описать трудно. Сейчас уже всем известно, как следует тащиться под модную группу, чтобы выглядеть при этом достойно, — все насмотрелись видео и весьма похоже имитируют телодвижения западных рок-н-рольных фанов, включая «козу», зажигалки и эдакое мотание вздетыми руками во время медленных песен. То, что происходило тогда, шло изнутри у каждого и сливалось в бешеный единый порыв.

Я впервые ощутил сметающую силу рок-н-ролла. Я испытывал абсолютное счастье и при этом легкий страх — когда тебя везут на заднем

сиденье мотоцикла очень быстро, и дух захватывает, а сделать уже ничего нельзя. Потом мы прослушали запись нашего концерта — все песни мы сыграли раза в два быстрее обычно — такой был завод.

На улице тем временем события развивались не лучшим образом. На борьбу с отчаявшимися попасть внутрь фанатами была брошена милиция. Но дух рок-н-ролла оказался сильнее. В результате — милиционерскому «рафику» прокололи колеса, а мотоцикл с коляской и вовсе сбросили в Москва-реку. Кажется, обошлось без жертв и с той, и с другой стороны.

На следующий день Градского вместе с директором «Энергетика» вызвали в горком партии (нас тогда еще за людей не считали и потому не тронули). Вернулись они в большой задумчивости. Кончилась эпоха розового детства, начались черные дни московского рока...»

А теперь из Москвы перенесемся в холодные воды Северной Атлантики. Там 24 февраля на глубине 120 метров произошел пожар в 8-м и 9-м отсеках советской подводной лодки «К-19». У этой субмарины была несчастливая судьба. Еще в июле 61-го на ее борту случилось первое серьезное ЧП: получил повреждение ядерный реактор, из-за чего мир едва не стал на грань ядерной войны (происшествие настигло лодку рядом с американской военной базой). Только мужество моряков-подводников, которые ценой собственной жизни сумели войти в отсек, где находился ядерный реактор, и ликвидировать неисправность, спасло мир от страшной катастрофы.

Следующее ЧП с «К-19» случилось восемь лет спустя: в ноябре 69-го в Баренцевом море она столкнулась с американской субмариной «Cato», получив при этом серьезное повреждение. А через три года лодку подстерегла новая напасть: на ее борту возник пожар. Это произошло настолько неожиданно, что большая часть состава обоих отсеков — 28 человек — не сумели выбраться из пламени и погибли. Остальные 12 человек успели забежать в десятый отсек и наглухо задраить за собой дверь. Однако по системе вентиляции туда вскоре тоже начал поступать угарный газ. Извиваясь, люди стали падать на падубу. Среди заложников 10-го отсека оказался всего один офицер — капитан-лейтенант Борис Поляков, — и именно

ему удалось устранить проникновение газа, заглушив все клапаны. Однако из-за сгоревшей вскорости проводки в отсеке наступила крошечная темень. Ситуацию усугубляло и то, что людям было неизвестно, остался ли кто-нибудь в живых из остальных членов экипажа.

Между тем живые были, более того — благодаря им лодке удалось подняться на поверхность и сообщить на землю о случившейся катастрофе. К месту трагедии стали спешно подтягиваться спасательные средства. Однако, прежде чем спасут моряков, оказавшихся отрезанными от мира в 10-м отсеке, пройдет еще немало дней и ночей. Но об этом чуть позже. А пока вновь вернемся в Москву.

Звезда мирового балета Майя Плисецкая готовит к показу балет «Анна» по роману Л. Толстого «Анна Каренина». 24 февраля должен был состояться первый прогон, на который изволила прибыть высокая комиссия во главе с самим министром культуры СССР Екатериной Фурцевой. Причем комиссия предпочла смотреть спектакль при плотно закрытых дверях — никого, кроме себя и членов худсовета, она туда не пустила, для чего в театр нагнали капельдинеров, которые наглухо закрыли собой все двери, ведущие в зал. О степени секретности этого просмотра говорит такой факт: туда не пустили даже актеров, игравших во втором составе «Анны», а дирижер Родион Щедрин (он же супруг Плисецкой) вынужден был перелезть через оркестровый барьер, чтобы попасть на прогон.

После спектакля в кабинете директора театра Муромцева состоялось его обсуждение. Общий тон голосов был мрачный. Говорили, что попытка не удалась, роман Толстого танцевать нельзя, все сыро, неубедительно, музыка шумная. Фурцева делает замечание, что много эротики: мол, что это такое — Каренина валится в неглиже на Вронского (в этой роли выступал Марис Лиэпа)?! На что Щедрин юморит: «Но есть же и такой способ, Екатерина Алексеевна». Но Фурцева юмора не понимает и сердито резюмирует: «Над балетом, товарищи, еще очень долго надо работать. В этом сезоне премьеры не будет. А в будущем — посмотрим».

Однако участники спектакля не сдаются. Плисецкая гневно вопрошает: «Почему на прогон спектакля не пустили даже актеров второго

состава? Чего вы боитесь?» — «Не пустили, чтобы не было слухов, — отвечает ей заместитель министра Кухарский. — Вдруг спектакль дискредитирует великое имя Толстого». Видя, что Плисецкая не может смириться с ее убийственным вердиктом, Фурцева обращается за помощью к присутствующей здесь же Галине Улановой, с чьим словом всегда считались в Большом: «Галина Сергеевна, скажите ваше мнение». Уланова тушует: «Я затрудняюсь. Не разобралась. Поэтому не берусь...» Но Фурцева не сдаётся: «А вы скажите, Галина Сергеевна, хотя бы то, что говорили мне в антракте...» Уланова словно съезживается, будто ей зябко очень: «Мы когда-то тоже пытались создать балет по «Утраченным иллюзиям» Бальзака... И тоже ничего не получилось».

Когда все разошлись, Плисецкая догнала у дверей директорского кабинета его хозяина и спросила: «Юрий Владимирович, мне больше не дадут репетиций «Анны»? — «Почему не дадут? — удивился директор. — Вы можете продолжать репетировать». — «Но где?» — «Оркестр и сцена заняты, поэтому репетируйте в классах под рояль, — отвечает Муромцев. И после паузы произносит убийственную фразу: — Но спектакль не пойдет, Майя Михайловна». Плисецкая пытается расставить все точки над «i»: «В этом сезоне или никогда?» Муромцев вопрос игнорирует и скрывается в своем кабинете.

Тем временем ситуация на подводной лодке «К-19» остается напряженной. Накануне вечером морякам, отрезанным от внешнего мира в 10-м отсеке, удалось-таки восстановить связь — по телефону они дозвонились до 1-го отсека. Сообщили о том, что живы, просили помощи. Однако им ответили, что вызволить их пока невозможно, а попытка выбраться самостоятельно приведет к гибели. Посоветовали держаться: мол, мы наладим вам подачу воздуха по маслопроводу и вызволим, как только достигнем земли. На вопрос, когда достигнем, ответили: суток через пятнадцать.

Теперь вновь перенесемся в Москву.

На «Мосфильме» продолжают поиски актеров на роли в комедии Алексея Коренева «Большая перемена». Многие исполнители уже найдены, однако остается ряд главных ролей, которые так и не заняты. Режиссер долго не мог определиться с исполнителем главной роли — Нестором Петровичем Северовым. Как

мы помним, больше всего шансов было у двух актеров: Михаила Кононова и Андрея Мягкова. Коренев склонялся к тому, чтобы отдать роль последнему, но тот сам все испортил. Стал просить, чтобы на роль его возлюбленной Полины взяли его жену Анастасию Вознесенскую, а Коренев если и видел ее в своем фильме, то только в роли Светланы Афанасьевны. В итоге супруги вообще вылетели из проекта. Однако и кандидатура Кононова тоже висела на волоске. К тому времени он уже был достаточно знаменит благодаря сотрудничеству с такими серьезными режиссерами, как Андрей Тарковский («Андрей Рублев»), Глеб Панфилов («В огне брода нет»), Виктор Трегубович («На войне как на войне»), и большим желанием сниматься в роли недотепы-учителя в незамысловатой комедии про школьную жизнь не горел. Но на пробы исправно ходил.

На киностудии имени Горького мэтр советского кино Марк Донской вот уже две недели как снимает зимнюю натуру фильма «Надежда» — последнюю ленту трилогии про молодые годы Ленина (первые две ленты назывались: «Сердце матери» и «Верность матери»). В новом фильме речь шла о любовном романе Ленина с Надеждой Крупской (эти роли играют Андрей Мягков и Наталья Белохвостикова). Съемки фильма проходят без приключений, если не считать забавные выходки самого Донского. Человек он был взрывной, обидчивый и поэтому частенько устраивал своим коллегам по работе разного рода выволочки. А свое плохое настроение иногда выражал весьма странным образом — прыгал головой в сугроб. Вот как описывает это Н. Белохвостикова:

«Когда у Донского что-то не получалось, он не знал, как снимать эпизод, он мог придаться к первому, кто подвернется под руку, — даже к статисту, что он не так одет, и в негодовании обрывал пуговицы на его одежде.

А зимой он пользовался еще одним приемом: с разгона кидался головой в сугроб, только ноги торчали... Тогда начиналась паника — его вытаскивали, отряхивали, извинялись... Так повторялось много раз. Но однажды он всем надоел со своими прыжками, и, когда он в очередной раз нырнул в сугроб, директор картины объявил перерыв на обед. Все разошлись, и Марк Семенович остался в сугробе, пока его жена Ирина Борисовна (замечательная жен-

щина, сценарист) не вытащила его оттуда за ноги...»

А теперь вновь вернемся к перипетиям волею балета «Анна». 25 февраля Майе Плисецкой внезапно передают, что ей надо срочно позвонить Кухарскому. Тот просит ее подъехать в министерство к двум часам, причем настоятельно просит не оповещать об этом визите мужа — Родиона Щедрина. Но Плисецкая не была бы собой, если бы считалась с мнением замминистра: она тут же набирает номер своего домашнего телефона и сообщает мужу о разговоре с Кухарским. Щедрин просит дождаться его в театре, чтобы затем вместе ехать в министерство.

Когда они вдвоем вошли в кабинет Кухарского, у того от удивления брови взметнулись вверх. Но его замешательство длилось мгновение, после чего он пригласил гостей сесть и сообщил окончательный вердикт своего начальника, утром отбывшего в деловую поездку во Вьетнам: театральные репетиции «Анны» прекратить, вы можете продолжать лабораторную работу с вашими помощниками, но дать труппу, оркестр, сцену мы не можем.

Тем временем столичный бомонд всю обсуждает ситуацию в Большом театре. Все гадают, что же будет дальше. Зная упрямый характер Плисецкой, многие полагают, что она не смирится с закрытием спектакля, который в муках рождался в течение нескольких месяцев. И они оказались правы: Плисецкая решает обратиться напрямую к секретарю ЦК, ведающему культурой, Петру Демичеву. Но до того, как он снизойдет до ответа, пройдет еще несколько дней, поэтому пока расскажем о других событиях месяца.

23 февраля в «Литературной газете» появилась очередная статья против Александра Солженицына. С тех пор как в конце прошлого года на Западе был опубликован его новый роман «Август Четырнадцатого», в советской прессе началась новая кампания против Солженицына. Причем методы, к которым прибегали работчики этой кампании, были самые низкопробные. Например, два неких иностранных журналиста опубликовали в западногерманском журнале «Штерн» заметку, в которой попытались проследить родословную Солженицына. Они выяснили, что он якобы происходит из богатой помещицкой семьи, что его дед с мате-

ринской стороны был богачом и грубым человеком и что Солженицын не помогает сегодня своей тете. Эту заметку тут же перепечатали в «Литературной газете», сопроводив ее ханжеским комментарием: «Мы, конечно, далеки от мысли проводить прямую вульгарно-социологическую связь между происхождением человека и окружавшей его в юности обстановкой, его воспитанием — с одной стороны, и его деятельностью в зрелом возрасте — с другой».

Между тем в статье от 23 февраля «Литературка» тоже ссылалась на мнение иностранца — финского писателя Мартти Ларни, который заявлял: «Общепринято, что писатели публикуют свои книги в своей стране и на своем родном языке... Солженицын же представляет собой исключение из общего правила. Он сразу передал рукопись своего романа за границу со всеми правами на публикацию...»

Это заявление было ложью от начала до конца, поскольку ни одно советское издательство ни за что не посмело бы опубликовать не то что роман, даже крохотный рассказ, подписанный Солженицыным. И Ларни это прекрасно знал, хотя и не был гражданином СССР. Далее он пишет:

«Враги Советского Союза искали и нашли в романе Солженицына четырех тузов для своего политического покера: царская Россия была просто идеальным государством; Октябрьская революция — большая трагическая ошибка; следствием революции явилось уничтожение нации; русские утратили чувство патриотизма...

Если «Август Четырнадцатого» намеренно направлен против Советского Союза... то именно про самого автора можно сказать, что он принадлежит к той «безродной интеллигенции», которая не знает свою страну и ее историю и которая не любит свой народ».

Ни один роман Солженицына не был опубликован в Советском Союзе, однако это не значило, что советские люди не могли их читать. В течение нескольких лет различными людьми, имевшими возможность выезжать за пределы Союза, в страну ввозились книги опального писателя, изданные на русском языке на Западе. Так к нам попал и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Раковый корпус», и тот же «Август Четырнадцатого». Правда, такого рода деятельность преследовалась советскими властями, и люди,

которые попадались на провозе «антисоветской» литературы, карались по всей строгости закона. Одних сажали за решетку, других лишали привилегий (например, шахматиста Марка Тайманова за обнаруженную у него на таможене книгу Солженицына лишили звания мастера спорта).

Кстати о шахматах. 29 февраля на одном из концертов в Москве Владимир Высоцкий впервые исполнил двухсерийную песню «Честь шахматной короны» (он ее написал месяц назад во время отдыха в Болшево), в которой ее главный герой — простой советский трудяга Сева — бросал вызов самому Роберту Фишеру. Тема была весьма актуальной, поскольку через несколько месяцев Фишер должен был встретиться в решающем поединке за чемпионский титул с советским гроссмейстером Борисом Спасским, и все печатные издания страны чуть ли не ежедневно вешали об этом. Песне Высоцкого суждено будет мгновенно стать бестселлером, впрочем, как и большинству песен гениального барда. Многие строчки песни тут же уйдут в народ: «я его без мата задавлю», «с дебютом путаю дуплет», «я его замучу, зашахую», «ход конем по голове» и др.

29 февраля в Тбилиси закончился 5-й Всесоюзный кинофестиваль (шел неделю). Он едва не стал последним в жизни популярного киноактера Семена Морозова, который приехал туда получать премию за главную мужскую роль в фильме «Разрешите взлет». Но он и премию не получил, и на тот свет едва не отправился. А произошло вот что. Тбилиси — город застольный, поэтому каждый день участников и гостей фестиваля обязательно ждали шумные банкеты, на которых вино-водочка лились рекой. И, главное, отказать ведь нельзя — хозяева могли обидеться. Вот и Морозов не смог отказать, когда два грузина, присевшие за его стол, раз за разом предлагали ему выпить то за одно, то за другое. В итоге очнулся актер уже в больнице из-за сильнейшего отравления алкоголем. Чуть ли не реанимацию перенес. После этого случая Морозов на какое-то время практически бросил пить — малейший запах вызывал в нем какую-то судорожную муку.

Между тем лауреатами фестиваля стали следующие фильмы: Главный приз — «Битва за Берлин» и «Последний штурм» Юрия Озерова (эпопея «Освобождение»); призы и премии —

«Захар Беркут», «Рустам и Сухраб» (оба за утверждение на экране традиций народного героического эпоса), «Тепло твоих рук» (за лучший фильм о современном человеке), «Ох, уж эта Настя!» (за фильм для детей и юношества), «Чебурашка», «Сеча при Керженце» (лучшие мультики). Режиссеры Леонид Гайдай и Тенгиз Абуладзе были награждены дипломами за вклад в разработку жанра кинокомедии.

Награды актерам: 1-я премия — Софико Чиаурели («Тепло твоих рук»), 2-я премия — М. Аймедова («Невестка»), Суйменкул Чокморов («Алые маки Иссык-Куля»), А. Искандеров, А. Мамедов («Последний перевал»), Юрий Горобец («Батька»).

А теперь вернемся к ситуации вокруг спектакля «Анна». Как мы помним, Плисецкая обратилась за помощью к секретарю ЦК Демичеву, и тот согласился ее принять. На это randevу балерина вновь пришла со своим мужем. Демичев принял их приветливо, угостил душистым чаем с сушками. Затем окрылил, сказав следующее: «Я разделяю ваше беспокойство. Даже если попытка воплощения балетной «Анны Карениной» будет не очень удачной, министерству следовало бы поддержать вас за смелость. Надо довести дело до конца. Я распоряжусь на этот счет».

В тот же день из ЦК позвонили Муромцеву и посоветовали впредь не чинить препятствий в репетициях «Анны», выделить все, что пожелает Плисецкая. Когда Фурцева в начале марта вернулась на родину, ей оставалось только в недоумении развести руками: против воли ЦК она пойти не решилась.

Самое время взглянуть на афишу развлечений. Начнем с эстрады. В Москве гастролирует американский певец Дин Рид, который 12—13, 24, 27—28 февраля выступает с концертами в Театре эстрады, 15—16-го пробует на прочность сцену ГЦКЗ «Россия», а 21-го заливается соловьем в помещении Музтеатра имени Станиславского. И везде — аншлаги. 16—18-го в том же ГТЭ проходят выступления болгарского ВИА «Объектив-71», где солирует молодой певец Бисер Киров; 24-го в ЦДСА весь вечер танцует Владимир Шубарин; 25—27-го в «Октябре» идут концерты с участием Олега Анофриева, Маргариты Суворовой, Галины Ненашевой, Бедроса Киркорова и др.; 26—27-го в ЦДСА поет Гелена Великанова. 25—27 февраля

в ГЦКЗ «Россия» проходят концерты оркестра под управлением Олега Лундстрема, посвященные 15-летию со дня основания коллектива. В концерте принимают участие артисты, которые в разные годы имели счастье работать в этом прославленном оркестре: Галина Ненашева, Валерий Ободзинский, а также молодая смена: Майя Розова, Дмитрий Ромашков, Валерий Песельник, Алла Пугачева. Спустя две недели в «Вечерней Москве» появится рецензия Ю. Дмитриева на эти концерты, в которой несколько строк будет посвящено Пугачевой. Приведу их полностью: «Что касается певцов, то А. Пугачева, кажется, только начинает, и пока ее исполнение лишено теплоты, полного слияния исполнительницы с музыкой...»

Фирма «Мелодия» выпустила несколько новинок, среди них: диск «Поет Эдита Пьеха и ансамбль «Дружба» с песнями: «А любовь как песня» (О. Фельцман — В. Харитонов), «Каравелла» (В. Калле — А. Калле), «Для всех людей» (Ю. Саульский — Г. Поженян), «Огни Москвы» (О. Фельцман — А. Софронов), «Не надо молчать» (В. Успенский — А. Палей), «Снега России» (Л. Гарин, В. Успенский — Н. Олев) и др.; миньоны Гюли Чохели (песни «Тополиный пух» Ю. Саульского, «Все повторится» Стихина, «Электра» М. Минкова, «Взгляд любви» Бахараха); Маргариты Суворовой, Раисы Немецовой, Владимира Макарова, Ирины Бржевской и Валентины Толкуновой; «Песни из мультфильмов» («Винни-Пух», «Бременские музыканты», «Умка», «Катерок», «Дед Мороз и лето»); гибкие пластинки: «Поет Эдуард Хиль» («Не плачь, девчонка» В. Шаинского, «Песня молодости» и «Тулочки» В. Дмитриева, «Балалаечник» С. Томина), «Поет Светлана Резанова» («У меня, Марины» и «Словечки» А. Мажукова), «Поет Мария Лукач» («Краса-девица» О. Фельцмана и «Позови меня на свадьбу» В. Рубашевского).

Из новинок зарубежной музыки выделю две: диск-гигант югославского ВИА «АБС» и твердый миньон, на котором были записаны четыре иноязычных произведения: «Песня индейца» (Д. Лаудермилк) — исполняет Дон Фордон, «Эль Кондор Паса» (перуанская народная песня) — Саймон и Гарфанкл, «Не задирай носа» (С. Краевский — М. Гашинский) — «Червоны гитары», «Баллада о поезде» (А. Зелинский — А. Осецка) — Марыля Родович.

В кинотеатрах состоялось три премьеры, причем два фильма посвящены одной теме — войне — и вышли в один день, 21 февраля: «Пришел солдат с фронта» Николая Губенко и «Дерзость» Георгия Юнгвальд-Хилькевича. Судьба у этих картин была разная: «Солдата» пресса вполне заслуженно хвалила, а откровенно слабую «Дерзость» ругала. Третья кинопреьера — мультфильм «Ну, погоди», выпуск № 4: Волк гоняется за Зайцем на стадионе.

Из театральных премьер выделю следующие: 22-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Брат Алеша» по Ф. Достоевскому с участием Ольги Яковлевой, Геннадия

Сайфулина, Льва Дурова и др.; 26-го в ЦТСА — «Бесприданница» А. Островского, в ролях Алла Покровская, Николай Пастухов, Геннадий Крынкин и др.

И, наконец, выборочный список фильмов на ТВ во второй половине февраля: «Мы с Вулканом» (16-го), «Генерал Рахимов» (17-го), «Красная площадь» (21—22-го), «Хроника пикирующего бомбардировщика» (21-го), «Щит и меч» (21—25-го), «Баллада о солдате», «Увольнение на берег» (23-го), «Журавушка» (24-го), «Господин Никто» (26-го), «Мичман Панин» (27-го), «Тройная проверка», «Начальник Чукотки» (28-го), «Операция «Трест» (с 29-го).

1972

М а р т

«К-19»: борьба за жизнь продолжается. Умерла автор «Подкидыша». «Семнадцать мгновений весны»: на вилле Штирлица. Василий Шукшин удочеряет свою старшую дочь. Убийство в Ленинграде. Подарок Михаила Исаковского. Новая квартира для Василия Шукшина. Как Ролана Быкова и Владимира Высоцкого сняли с ролей. Инфаркт у Галича. Голодные дни Сергея Параджанова. Травма Ирины Родниной. Как Алексея Уланова не хотели селить в одном номере с его женой. Кто отравил советских фигуристов? Всеволод Бобров против двух Анатолиев: Тарасова и Фирсова. Черный день в жизни Владимира Путина. «А зори здесь тихие...»: «банный» скандал. «Земля Санникова»: Даль пьет. Людмила Гурченко покоряет столичную публику. Триумф Леонида Енгибарова. Спасательная операция во круг подлодки «К-19». Скандал на премьере «Бумбараша». Умер актер Аркадий Толбузин. «Ревизор» в Театре сатиры: встреча Кристалинской с Фурцевой. Кончина МХАТ, по Бабочкину. Скандал на съемочной площадке: актеры против режиссеров. Конец ташкентских налетчиков. Госкино продолжает гробить «Проверку на дорогах». Начали снимать «Большую перемену». Как оператор фильма «Это сладкое слово — свобода!» так и не попал на съемки в Чили. «Солярис» принят. Политбюро решает судьбу Солженицына.

Вот уже несколько дней продолжается борьба за жизнь на советской подводной лодке «К-19». В самом тяжелом положении находятся моряки, запертые в 10-м отсеке. За эти дни им удалось найти немного жидкости из цистерны для питья. От ржавчины она была темно-желтой, но об этом они узнали позже, а тогда в темноте этого не заметили. Но этой жидкости хватило буквально на несколько дней, после чего пришлось собирать влагу, покрывавшую внутренние поверхности лодки. С пищей ситуация тоже была не из лучших: неприкосновенный запас съели еще во время плавания. В отсеке же удалось найти полтора килограмма сахара, три банки сгущенки, три банки квашеной капусты, две упаковки макарон, девять килограммов несвежего сливочного масла и буквально залежи поваренной соли. Все это разделили на более чем скромные пайки и по утрам выдавали каждому его долю. Была надежда обнаружить какие-нибудь продуктовые заначки за баллонами воздуха высокого давления в отсеке (моряки часто делают их, отпавляясь в

поход), однако ни одной даже завалившей жестянки найти так и не удалось. Видимо, все было съедено еще в плавании.

Капитан-лейтенант Борис Поляков, памятуя о приказе командования ни в коем случае не пытаться выбраться из отсека, разбил свое ложе рядом с переборкой, смежной с девятым отсеком. Так было легче за ней наблюдать, кроме того, в случае паники он мог помешать людям выбраться наружу. А до паники было уже рукой подать. На пятые сутки — 1 марта — моряки стали замечать, что дышать становится все труднее. У всех головы буквально раскалывались от углекислого газа. Сначала думали, что это временное явление, но с каждым часом обстановка ухудшалась. К исходу дня матросы даже попрощались друг с другом, поручив заботы о своих близких тем, кто уцелеет. К счастью, через несколько часов подачу воздуха по маслопроводу в 10-й отсек удалось восстановить, и на душе у заложников немного полегчало. Однако до полного вызволения было еще далеко.

В четверг, 2 марта, скончалась кинорежиссер Татьяна Лукашевич. Ей было 66 лет, из которых 45 она отдала кинематографу. На ее счету было около полутора десятка фильмов, среди них три безусловных хита: «Гаврош» (1937), «Подкидыш» (1940), «Свадьба с приданым» (1953).

Между тем режиссер Татьяна Лиознова продолжает работать над сериалом «Семнадцать мгновений весны». Отснято уже больше половины фильма, проведено несколько выездных экспедиций: в ГДР, Ригу, в Грузию (там снимали переход пастора Шлага на лыжах через границу). А те мартовские дни 72-го съемочная группа работала в павильонах студии имени Горького — снимались эпизоды на вилле Штирлица. Вот как описывает один из тех дней побывавший на съемочной площадке журналист «Литературной газеты» Е. Демушкин:

«И вот оператор П. Катаев приступает к съемке. У рации — Исаев. Сейчас выходить на связь, и пальцы разведчика уже на ручке настройки. Вдруг в комнату с радиоволнами врывается мелодия русской песни. Сколько чувств отражается на лице Исаева — Тихонова! Он по-прежнему сосредоточен, но в глазах его тревога, и радость, и боль: надо настраиваться на волну Центра, а как трудно уйти от этой песни. В радиограмме — новое труднейшее задание, и, когда герой Тихонова смотрит на пламя, превращающее в пепел вместе с шифровкой надежду на скорое возвращение домой, мы вновь видим прежнего Исаева, не знающего слабостей, подчинившего всего себя борьбе...»

4 марта Василий Шукшин официально удочерил свою дочь Катю, которая появилась на свет в его гражданском браке с дочерью известного писателя, главного редактора журнала «Огонек» Анатолия Софронова Викторией. Их связь была недолгой. Когда судьба свела их в 1963 году, Шукшину было 34 года, Виктории — на год меньше. Оба были на тот момент одиноки: он недавно расстался с гражданской женой — актрисой Лидией Александровой, она — развелась с мужем. В февраля 65-го на свет появилась дочь Катя. Однако на момент рождения ребенка отношения между родителями уже разладились, во многом из-за Шукшина, который увлекся другой женщиной — актрисой Лидией Федосеевой. По словам В. Софроновой: «Вася оказался меж двух огней. Он жил

то с Лидой, то со мной. Ему дали квартиру в Свиблове, и, когда у него что-то с ней не заладилось, она ушла, он пригласил нас с Катей к себе. Мы приехали, но мне было там неуютно, к тому же Вася пил. Мы уехали к себе...»

Все эти годы Шукшин поддерживал связь с Катей, несмотря на то, что в браке с Федосеевой у него тоже родились две девочки. А в марте 72-го он и вовсе официально удочерил Катю.

7 марта в МХАТе состоялся последний прогон спектакля «Медная бабушка». На него был приглашен автор пьесы Леонид Зорин. По его словам: «Я впервые увидел Ролана Быкова в гриме. Еще он не произнес ни звука, а я уже похолодел от предчувствия, от радостной благодарной дрожи. В каком-то чаду я смотрел на сцену, испытывая предсмертный восторг...»

В среду, 8 марта, впервые за долгие месяцы встал на ноги 72-летний поэт Михаил Исаковский, автор стихов к таким бессмертным шлягерам, как «Катюша», «Снова замерло все до рассвета», «Дан приказ ему на запад», «На позицию девушка провожала бойца...», «И кто его знает». Исаковского мучил целый букет различных болезней — рак легкого, проблемы с позвоночником и желудком, — поэтому в течение последних двух-трех лет он никуда не выезжал со своей дачи во Внукове. Рядом с ним постоянно находилась его вторая жена Антонина Ивановна (от первого брака у него была дочь Елена, которая жила с матерью в Смоленске; там же появились на свет две внучки поэта, с которыми он увиделся, лишь приехав в Смоленск в 70-м году, на празднование своего 70-летия).

Вспоминает А. Исаковская: «Был женский праздник 8 марта 1972 года. Я готовила обед на кухне. Михаил Васильевич уже который месяц лежал на твердом диване, не вставал. И вдруг он — рядом со мною. Обнял меня.

— Сегодня твой праздник. Я поздравляю тебя, но вот подарить мне тебе нечего. — Он наклонился, положил голову мне на плечо. — Я дарю тебе свою седую голову, может быть, она еще на что-нибудь сгодится...»

Не менее радостное событие произошло в тот день и в семье Василия Шукшина: его жена Лидия Федосеева-Шукшина отправилась выбирать для них новую квартиру. Старая — «двушка» в кооперативном доме в Свиблове,

которую Шукшин получил в конце 60-х, — уже не удовлетворяла потребностям семьи из четырех человек (у звездной четы подрастали две дочери). О том, каким образом они сумели разжиться четырехкомнатными хоромами в доме на улице Бочкова, рассказывает сама Л. Федосеева-Шукшина:

«Как-то вместе со своим оператором В. Гинзбургом Вася оказался в кабинете у министра культуры Демичева, — пошли к нему испрашивать разрешения на экранизацию фильма о Степане Разине. Министр спросил, как, дескать, дела. Шукшин по скромности ответил, что все в порядке. Тогда оператор встрял в разговор и добавил: «Не все, Петр Нилович, Шукшин не хочет беспокоить вас своей квартирной проблемой». Демичев дал указание написать письмо в Моссовет с просьбой помочь. Нам стали предлагать варианты, но все было не то. Тогда я сама позвонила референту Демичева и сказала, что, мне кажется, нам намекают на взятку. Но давать взятки мы не умеем. Да и не знаем, кому ее совать. И вот наконец предлагают посмотреть ту самую четырехкомнатную квартиру. В ней тогда жила семья какого-то крупного директора закрытого авиазавода. Я пришла, помню, 8 марта 1972 года на смотрины, как раз в праздник. Посмотрела, звоню Васе, он был на съемках, и ору в трубку: «Вась, какая добрая семья, которую мы сменим, — у них на столе клубника и помидоры». Подумалось мне тогда, какие же мы бедные, если я распустила слюни на самые обычные овощи. А Вася спрашивает: «Квартира-то как? Понравилась?» А я снова: «Клубника на столе». Потом он приехал, посмотрел жилплощадь, очень она ему пришлась по душе. Но некогда было, сунул мне деньги и бросил: «Купи самое нужное, подушки, одеяло, матрацы, будем въезжать». И снова умчался на съемки...»

9 марта в МХАТе состоялся просмотр спектакля «Медная бабушка» перед его премьерой. В сопровождении двух сотрудников на него приехал один из заместителей министра культуры. Пьесу он смотрел с мрачным видом, по ходу дела не произнес ни единого слова. Затем так же молча проследовал в кабинет Олега Ефремова. С одной стороны за столом уселись высокие гости и корифеи театра, члены художественного совета — Тарасова, Степанова, Грибов, Станицын, Массальский, Петкер. С дру-

гой близ Ефремова и Козакова расположились пушкинисты — Цявловская, Фейнберг, Эйдельман, Непомнящий. Им первым и предоставили слово. Они выступили солидарно, объявив, что спектакль великолепен, игра Быкова восхитительна. Последнее чрезвычайно задело некоторых из корифеев. Например, Алла Тарасова сказала, что Быков в этой роли неприятен — низкоросл и неказист. На что Непомнящий возразил: «А я нахожу исполнение Быкова абсолютно конгениальным пьесе». Как пишет Л. Зорин:

«Похоже, что слово «конгениально» сильно задело народных артистов. Во всяком случае, оно вызвало болезненно острую реакцию. Если до сей поры старейшины старались не слишком касаться пьесы, то тут они явно вознегодовали. Тарасова несколько раз повторила: «Конгениально, конгениально...» Грибов выразительно крикнул, Петкер воздел к потолку свои длани, Степанова холодно усмехнулась, Станицын шумно потребовал слова.

Он сказал, что сегодняшнее поражение не случайно, ибо стремление автора было практически невыполнимо. Пушкина нельзя воссоздать, нельзя написать, на то он и Пушкин...

Я встал, ощущая во всем существе своем самую неприличную злость. Следя, чтоб слова звучали отчетливо, сказал, что сидящие здесь ученые — люди самой высокой пробы, гордость и украшение общества, цвет отечественной интеллигенции. Своим приходом на этот просмотр, своим присутствием на обсуждении они делают честь всему собранию. Хозяевам не мешало бы знать получше их имена и отчества и слушать суждения знатоков с должным почтением и пониманием...

Заместитель министра сидел насупясь, темный, точно зимняя ночь. Он сказал, что сегодняшнее обсуждение зашло в тупик, в сущности, сорвано и будет продолжено завтра утром. Я вышел с Непомнящим и Козаковым. Внизу нас ждал подавленный Быков.

Позднее мне рассказала жена, бывшая в тот день на просмотре, — когда она шла к служебному выходу, мимо нее пронесся Ролан, запутавшийся в коридорах МХАТа. Он тщетно искал свою гримуборную. То было мистическое видение — мечущаяся фигурка Пушкина, не находящего пути.

Вчетвером мы отправились в Дом актера. Однако было не до обеда. Мы сдвинули рюмки в честь Ролана. Была жестокая несправедливость в том, что его вершинный день вдруг обернулся днем его драмы — каждый из нас это остро чувствовал...»

В эти же дни похожую драму переживал и Владимир Высоцкий. 9 марта съемочная группа фильма «Земля Санникова» приступила к съемкам зимней природы в городе Зеленогорске, что на берегу Финского залива (50 км от Ленинграда). В эту экспедицию должен был отправиться и Высоцкий, которого за месяц до этого худсовет студии «Мосфильм» утвердил на роль певца Крестовского. Все было, что называется, на мази: актер подписал договор с киностудией и уже специально взял творческий отпуск в театре, чтобы выехать на съемки. Однако буквально за пару дней до экспедиции ситуация изменилась. Вот как об этом вспоминает один из режиссеров фильма — Альберт Мкртчян:

«О замене Высоцкого мне сообщил генеральный директор «Мосфильма» Сизов. Я спрашиваю: «Чем это Высоцкий не подходит?» Сизов мне: «Да он такой неинтересный. Нет, не подходит он вам». Я ему отвечаю, что если режиссер я, то он мне подходит. Тогда уж Сизов прямым текстом мне сказал: «Слушайте, вы что, не понимаете? Он вам не подходит!» Тут уж я понял, о чем идет речь. В тот же день я позвонил Высоцкому и узнал, что ночью его песни передавали по «Немецкой волне» и все уже об этом знали. Реакция последовала незамедлительно, его не утвердили. Я спрашиваю: что будем делать? А мы завтра должны были уже на съемки ехать. И все же все были совершенно уверены, что Володю утвердят, и даже билеты на поезд взяли для него и для Марины Влади. У нее был маленький эпизод невесты руководителя экспедиции. Ее впоследствии сыграла Елена Чухрай. Высоцкий спросил, смогу ли я 3 дня не снимать, ждать его. Я пообещал.

Приехали мы в экспедицию на Финский залив, где должны были ледовый поход снимать. А я съемки не начинаю, каждый день придумываю какие-нибудь отговорки. На третий день получаю телеграмму: «Можете взять лютого. Меня не утвердили».

Высоцкий ходил к Шауро, тогдашнему идеологическому надзирателю за культурой, домой: пел песни, которые он писал для фильма, и все-таки это не помогло — его не взяли...»

Всю горечь от этого события Высоцкий потом излил на бумаге — в письме Станиславу Говорухину он писал:

«Я не так сожалею об этой картине, хотя и роль интересная, и несколько ночей писал я песни, потому что (опять к тому же) от меня почему-то требуют тексты, а потом, когда я напишу, выясняется, что их не утверждают где-то очень высоко — у министров, в обкомах, в правительстве, и деньги мне не дают, и договора не заключают. Но, возвращаясь к началу фразы, нужно просто поломать откуда-то возникшее мнение, что меня нельзя снимать, что я — одиозная личность, что будут бегать смотреть на Высоцкого, а не на фильм, а всем будет плевать на ту высокую нравственную идею фильма, которую обязательно искажу, а то и уничтожу своей невероятной скандальной популярностью. Но сейчас, Славик, готовится к пробам Карелов со сценарием Фрида и Дунского, и все они хотят меня, а если такие дела, то мне и до проб не дойти, вырубят меня с корнем из моей любимой советской кинематографии. А в другую кинематографию меня не пересадить, у меня несовместимость с ней, я на чужой почве не зацвету, да и не хочу я...»

Высоцкий оказался прав: в картину Евгения Карелова «Высокое звание» его действительно не пустили, обрубив его кандидатуру еще на стадии кинопроб. На главную роль был приглашен во всем благонадежный Евгений Матвеев.

10 марта в МХАТе вновь состоялось обсуждение спектакля «Медная бабушка». На этот раз на него соизволила прибыть сама министр культуры Екатерина Фурцева, которой ее зам уже успел доложить о происшедшем вчера скандале. Министр приехала к одиннадцати утра. Увидев Зорина, с напряженной гримасой выразила недоумение: «Сегодня здесь будет разговор не о пьесе и не о спектакле, а о внутритеатральных проблемах». То есть она ясно дала понять драматургу, что его присутствие на собрании нежелательно. Зорин развернулся и ушел. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Около часа блуждал я по улицам. Господи, только пошли мне силы. Кажется, все испытал в этот час — горечь, тоску, унижение, ненависть. Потом наступило оцепенение. И вдруг я ощутил злобный холод: довольно рвать сердце! Много чести — и этой шайке, и этому времени. Медленно я побрел домой.

Ближе к вечеру позвонил Ефремов. Погром продолжался пять часов. Быков снят с роли директивно. К пьесе обещано вернуться, автор должен ее пересмотреть. Я понимал, что дело не в Быкове. И не в пьесе. Скорее всего, в ее герое. Он вновь оказался не ко двору... Как всякий пришелец с иных планет. Как эти страдальческие тени нашего передового столетия — Цветаева, Мандельштам, Пастернак...

В этот же богом проклятый день свалился с сердечным приступом Галич. Придя к нему, я застал лазарет. Сам он лежал, едва шевеля неповоротливым языком, жена боролась с температурой. И заострившиеся черты остроугольного лица, и фантастический блеск ее глаз, и гневный срывающийся голос делали ее странно похожей на боярыню Федосью Морозову. Полная немолодая женщина терла меж тем паркет влажной тряпкой, почти не участвуя в разговоре, если так можно было назвать горячую речь Ангелины. Когда наконец она разогнулась, я в ней узнал не без удивления Ольгу Всеволодовну Ивинскую (бывшая любовь Бориса Пастернака. — *Ф. Р.*). Она чуть слышно сказала:

— Пусть выговорится. Я ей ни в чем не возражаю.

(Позднее Ангелина мне рассказала, что прежде с Ивинской они не общались. Она неожиданно появилась, представилась и взялась за уборку.)»

Безрадостная ситуация складывалась в те дни и у кинорежиссера Сергея Параджанова, живущего в Киеве. 11 марта к нему приехал его московский друг и коллега Василий Катанян, который застал удручающую картину: Параджанов отлучен от работы и не получает на Киностудии имени Довженко ни копейки. Питается он только тем, что приносят ему иногда друзья. Чтобы не умереть с голоду, ему приходится распродавать уникальные антикварные вещи, какими буквально заставлена его квартира. Катанян, который в отличие от Параджанова мог считать себя богатым, — получал от

родного «Мосфильма» 2 рубля 62 копейки суточных, — выделил другу денег, чтобы тот купил на завтрак хлеба, масла и сосисок. Параджанов ушел, а спустя некоторое время вернулся и принес... банку дорогуших оливок. Катанян был ошарашен: «Зачем нам оливки, если в доме нет хлеба?» Параджанов поднес банку к окну и, подставив ее под солнечные лучи, заметил: «Да ты посмотри, как это красиво!» В этом был весь Параджанов.

В те же дни советские фигуристы участвовали в очередном чемпионате мира, проходившем на этот раз в канадском городе Калгари. На нем с одной из лучших наших фигуристок, претенденткой на золотые медали — Ириной Родниной — случилось ЧП: за день до открытия турнира, на тренировке, она упала с поддержки, которую осуществлял ее партнер Алексей Уланов. Далее послушаем рассказ самой фигуристки:

«Жук (Станислав Жук — тренер фигуристов. — *Ф. Р.*) почувствовал: сейчас что-то случится — у него на этот счет интуиция потрясающая. Он бросился ко мне, чтобы подстраховать, но не успел. Я упала и потеряла сознание. Очнувшись в машине и снова отключилась. Помню, под меня доску подкладывали, думали, перелом позвоночника. Очень болела голова, шея...

В госпитале всю ночь со мной рядом кто-то сидел. Потом узнала: шеф (так мы Станислава Алексеевича называли). А я лежу и ничего не могу понять: где я, что со мной... Слышу, кто-то спрашивает: «Ну что ты плачешь?» А я не плакала, слезы, наверное, сами текли.

Меня куда-то возили по коридорам, что-то проверяли, смотрели. Тележку встраживало. Было очень больно. Меня без конца будили и светили фонариком в глаза: глазное дно проверяли, чтобы определить, нет ли сотрясения мозга. Это ужасно. Все болит, но только забудешься — фонарик в глаза...

На другой день меня привезли на жеребьевку. Когда мы вошли в зал, все замолчали и повернулись к нам.

Пришла на тренировку. Каждый прыжок — удар кувалдой по голове. Вечером — выступить. Обязательная программа. Шеф поставил самый быстрый вариант. У нас их несколько — одна минута тридцать одна и так до минуты тридцати пяти. Ведь у магнитофонов скорости

разные, и надо это учитывать. Как ни странно, это было одно из самых удачных моих выступлений в обязательной.

Чувствовала себя очень плохо. На другой день на тренировке ничего не могла делать. После каждого прыжка должна была отдыхать. Сделала все, кроме бедуинского, — это когда голова вниз и ногами болтаю.

Произвольная. Чувствую, что сейчас умру. Прокаталась полторы минуты, только одна мысль в голове: дотянуть до прыжка в два с половиной оборота. Дальше программа для меня не существовала. Отключилась после бедуинского. Между двадцатью и тридцатью секундами до конца. Сплошная темнота, круги перед глазами... Площадки я не видела. А в Калгари она не такая, как у нас: уже и короче, а для фигуристки и три сантиметра имеют значение. Я старалась только различать борт, чтобы в него не влететь. Что делаю — не понимала.

На другой день шеф спрашивает: «Что же ты двойной сальхов не прыгнула?» Я думаю: где? когда? А потом дошло: в первой комбинации. Единственное, что в памяти осталось, — конец нашей программы. Его потом много раз по телевидению показывали. Если б не телевизор, я, наверное, и этого не помнила бы.

Когда делала поклон, упала на колени — у меня потом два синяка было приличных. Шеф вытащил меня со льда, усадил... У меня истерика, я рыдаю навзрыд, почему, зачем — не знаю. Шеф пытался меня спиной закрыть, а телекамеры сверху вылезают...»

По поводу этого падения в народе будут ходить различные версии, среди которых доминирующей будет следующая: дескать, Уланов за что-то осерчал на свою партнершу и нарочно уронил ее на лед (эту версию отстаивал С. Жук). Сам же Уланов в одном из своих последующих интервью будет утверждать, что все произошедшее — чистая случайность. Кстати, в Калгари Уланов приехал, уже будучи женатым — незадолго до чемпионата он зарегистрировал брак с Людмилой Смирновой. Однако руководители нашей сборной из вредности распорядились поселить их в разных номерах. Вот как вспоминает об этом курьезе Л. Смирнова:

«Уланов говорит: «Она, между прочим, моя жена. Могу паспорт показать». После долгих препирательств с руководством команды Алексей все-таки добился, чтобы нас поселили в один

номер. Жук и тут всех превзошел. Все время бегал к нам под дверь. Подсматривал, чем мы там занимаемся. Больше всего их злило, что на тренировках мы работали как часы, придаться было не к чему. Мы с Лешей очень веселились тогда...»

Между тем на том чемпионате серьезное ЧП случилось еще с одной советской парой — Людмилой Пахомовой и Александром Горшковым, которые умудрились... отравиться в ресторане гостиницы, где они проживали. Произошло это после обязательной программы. Отобедав, спортсмены отправились к себе в номер, чтобы отдохнуть. А вечером к ним зашла тренер Елена Чайковская и увидела, что оба лежат на кроватях белые-белые, а Горшков, похоже, даже бредит. Температура у обоих была под сорок, через каждые пять минут — рвота. Срочно был вызван врач команды, а затем и канадские медики. Они поставили диагноз: сильное отравление. Причем выяснилось, что ни один (!) из сидевших за одним столом с советскими спортсменами фигуристов не пострадал, что наводило на определенные мысли по поводу случившегося.

В течение суток врачи сбивали температуру у больных. Тренировку пришлось пропустить, поскольку в таком состоянии — у них была сильнейшая вялость и слабость — и речи не могло идти о выходе на лед. А еще через сутки Пахомова и Горшков вышли на лед и как ни в чем не бывало откатали свою программу. Это стоило им огромных усилий, поскольку полностью избавиться от последствий отравления к тому времени еще не удалось. Однако советские спортсмены просто не имели права позволить порадоваться организаторам гнусной провокации. Итог: золотые медали в танцах на льду достались Пахомовой и Горшкову. Победители недавнего чемпионата Европы западногерманские фигуристы брат и сестра Бук на этот раз вынуждены были довольствоваться «серебром». Эрих Бук на пресс-конференции сказал перед журналистами: «Русские нас просто-напросто выпороли. Они нас проучили...»

В парном катании «золото» досталось тоже нашим спортсменам: Ирине Родниной и Алексею Уланову. Всего же наши фигуристы привезли из Калгари два первых приза, две серебряные и одну бронзовую медали.

Однако спортивная тематика в марте на этом не исчерпывается. 12 марта сборная СССР по хоккею с шайбой в западногерманском городе Фюссене сыграла товарищеский матч с командой ФРГ. Наши победили 10:1, однако речь я хочу вести не об этом: это была первая игра нашей сборной с новыми тренерами — Всеволодом Бобровым и Николаем Пучковым. До этого в течение девяти лет у руля сборной стоял тандем Анатолий Тарасов — Аркадий Чернышев. С ними наша команда выиграла и последнюю зимнюю Олимпиаду в Саппоро, и, казалось бы, эти же тренеры должны были готовить команду и к предстоящему в апреле чемпионату мира. Однако тут в ход событий вмешались непредвиденные обстоятельства.

Версий ухода Тарасова и Чернышева с тренерского поста существует две. Согласно первой, они пострадали из-за своей меркантильности. Дело в том, что после Олимпиады советские спортсмены, герои Игр, были награждены орденами Ленина, а Тарасов с Чернышевым получили орден Трудового Красного Знамени, который по своему статусу стоял ниже ордена Ленина. Тренеров такая дискриминация обидела, и они написали заявления об отставке, надеясь, что тем самым заставят спортивных функционеров одуматься. О том, что их просьбу примут, у них и мыслей не возникало — ведь они считали, что незаменимы. Однако вышло иначе: глава Комитета по физкультуре и спорту Павлов, у которого с Тарасовым были натянутые отношения, оба заявления с легкостью подмахнул.

Вторая версия — «идеологическая». Суть ее состояла в том, что советские хоккеисты во время Олимпиады в Саппоро сыграли на руку идеологическим врагам — американцам. В игре с командой Чехословакии они разгромили соперника со счетом 5:2, хотя из Москвы поступила директива сыграть вничью — в таком случае наши занимали первое место, чехи — второе. Однако Тарасов с Чернышевым проигнорировали этот приказ, и второе место заняли американцы, опередившие чехов по лучшей разнице забитых и пропущенных шайб. За это слушание тренеров и наказали. На их место были назначены новые люди — Всеволод Бобров и Николай Пучков.

Приняв команду, новые тренеры не стали заново кроить состав, произведя всего одну су-

щественную замену — не взяли Анатолия Фирсова. Большинство специалистов встретили этот факт с недоумением, поскольку Фирсов считался одним из лучших игроков сборной: в Саппоро именно его тройка (в ней, кроме Фирсова, играли Харламов и Викулов) стала самой результативной, забросив в ворота соперников 20 шайб (из общих 33). И хотя на долю Фирсова пришлось меньше всего шайб (всего 6), однако его игра была названа одной из лучших на турнире. И вдруг — он остается за бортом команды.

Между тем сведущие люди прекрасно понимали, откуда «дует ветер». Дело в том, что Бобров всегда считался ярким антагонистом Тарасова, а Фирсов был лучшим учеником последнего. То есть в этом неприглашении было больше личных мотивов, чем спортивных.

В день, когда сборная СССР играла в Фюссене, на родине наших кудесников шайбы, в столице Белоруссии — Минске случилась трагедия — произошел взрыв в одном из главных цехов завода по производству телевизоров. Погибли десятки рабочих. В ходе проверки выяснилось, что трагедия стала возможной из-за грубейшей ошибки проектировщиков: в злополучном цехе не имелось хорошей системы вентиляции, что привело к недопустимой концентрации, а затем и взрыву полиэфирной пыли. Поскольку ни одна советская газета не написала о произошедшем, население огромной страны так и не узнало о трагедии.

Между тем культурная жизнь столицы идет своим чередом. В театрах состоялось несколько премьер: 2 марта в Театре имени Пушкина был показан спектакль «Невольницы» А. Островского с участием Ольги Викландт, Веры Алентовой и др.; 3-го в Театре имени Маяковского — «Сослуживцы» Э. Рязанова и Э. Брагинского, в ролях: Г. Анисимов, Б. Левинсон и др.; 11-го — «Музыка на 11-м этаже» в Ленкоме с участием Николая Караченцова, Александра Збруева, Нины Гошевой и др.; 13-го — «А кругом люди...» в ЦТСА.

Из эстрадных представлений назову следующие: 3—10 марта во Дворце спорта в Лужниках прошли концерты «Для Вас, женщины!» с участием Льва Мирова, Михаила Новицкого, Натальи Фатеевой, Нины Сазоновой, Александры Стрельченко, Василия Ланового, ВИА «Диэло» и др.; 4—5-го в Доме офицеров Акаде-

мии имени Жуковского выступал Эдуард Хиль (11—12-го он переместился на сцену ЦДСА).

Премьеры большого экрана: 6-го в прокат вышел фильм киевского режиссера Виктора Ивченко «Софья Грушко» с Нелли Мышковой в главной роли; 13-го — «Кочующий фронт» Бориса Халзанова с участием Петра Глебова, Евгения Новикова, Романа Хомятова и др.; 15-го — «Черные сухари» Г. Раппопорта с Натальей Варлей в роли комсомолки Тани, сопровождавшей в 1918 году эшелон с хлебом в помощь германскому пролетариату. Из зарубежных премьер назову восточногерманский двухсерийный детектив «Преступник сидит на стадионе Уэмбли».

Кино на ТВ было представлено следующими картинами: «Золото» (2 марта), «Лето в Бережках» (преьера, 3-го), «Мужское лето», «Гусарская баллада» (4-го), «Женщины» (5-го), «Семь невест ефрейтора Збруева» (впервые по ТВ — 8-го), «Оптимистическая трагедия» (9-го), «Небесный тихоход» (10-го), «Улица тринадцати тополей», «Кортик» (11-го), «Салют, Мария!» (впервые по ТВ — 11—12-го), «Орлята Чапая», «Алешкина любовь», «Путевка в жизнь» (12-го), «Отелло», «Если бы не Анискин...» (преьера т/ф — 13-го), «Ошибка резидента» (14—15-го) и др.

15 марта стало черным днем в жизни будущего Президента России Владимира Путина. Как мы помним, на юридический факультет Ленинградского университета он поступил полтора года назад и за это время ничем особенным себя не проявил. Путин вел обособленный образ жизни, тесно общаясь только с единственным сокурсником — Володей Черемушкиным. Сходство друзей поражало всех, кто знал их, — оба были светловолосые, невысокого роста, с похожими чертами лица. И лишь характеры были разные: в отличие от Путина, Черемушкин был очень общительным человеком. Чтобы быть поближе к своему другу, он вскоре тоже увлекся дзюдо (Путин вот уже несколько лет занимался этим видом спорта), не подозревая, что это увлечение станет для него роковым.

В начале 72-го Путину поручили сформировать сборную команду факультета по дзюдо для выступления на первенстве вузов. Путин с удовольствием взялся за это дело, но вскоре столкнулся с рядом трудностей в комплектации команды. Дело в том, что на юрфаке опытных борцов было раз, два — и обчелся, и Пути-

ну пришлось привлекать под свои знамена даже тех, кто считался новичком в этом деле. Среди них оказался и его близкий друг Черемушкин — наверное, самый малоопытный борец из всех юрфаковцев. Привлекая его в команду, Путин, конечно, понимал, что рискует, но он и представить себе не мог, насколько трагично все это закончится. Сверху на него давили все сильнее, требуя выполнения поручения любыми способами, и не выполнить эту команду Путин не мог.

Соревнования едва начались, как произошло непредвиденное, то, чего никто не ожидал. В одном из боев 15 марта Черемушкин вышел на татами против опытного борца, мастера спорта по дзюдо, и тот, в принципе понимая, кто ему противостоит, провел очень рискованный болевой прием. Не сумев сгруппироваться, Черемушкин рухнул на татами, получив тяжелый перелом 7-го шейного позвонка. В бессознательном состоянии его немедленно доставили в больницу, где рядом с ним в течение нескольких дней будут неотступно находиться не только близкие, но и Путин, который больше других корил себя за случившееся.

16 марта на Киностудии имени Горького состоялся просмотр черновой сборки фильма Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие...». По плану сразу после просмотра фильма должно было состояться его обсуждение членами худсовета. Однако из-за того, что лента длилась больше трех часов (3 часа 10 минут), просмотр закончился поздним вечером, и времени на детальное обсуждение уже не оставалось. И все же кое-кто из членов худсовета сумел высказать свое мнение по поводу увиденного. Практически всем присутствующим фильму понравился, но ряд эпизодов вызвал нарекания. Например, сцена в бане, где впервые в советском кинематографе были крупным планом показаны не одно, не два, а сразу несколько обнаженных женских тел. Как заявила член худсовета Т. Соколовская: «В эпизоде «баня» акцентирование красоты женского тела приводит к тому, что эта красота начинает играть самостоятельную роль, выходящую за рамки эпизода. Еще более неоправданно это акцентирование в сцене, где женщины загорают на солнышке, лежа в кружочек на земле...»

Под Зеленогорском продолжают съемки «зимних» эпизодов фильма «Земля Саннико-

ва». После того как студия «завернула» кандидатуру Высоцкого, на роль певца Крестовского был приглашен Олег Даль. Он приехал в дымяно пьяный и страшно обиженный, что его пригласили не сразу, а вместо Высоцкого. Однако с приездом Даля съемки наконец-то начались. Были отсняты эпизоды проводов экспедиции Губина к Земле Санникова, песня Крестовского на шхуне («Есть только миг»), отдельные сцены прохождения четверки через снежные торосы. Между тем съемки шли трудно, причем не только из-за погодных условий. Вот как об этом вспоминает один из режиссеров ленты А. Мкртчян:

«Работать с Далем было трудно: в то время он пил и пил очень много, можно сказать безбожно. Представьте, мы назначаем режимные съемки в 5 утра, а Даль уже в это время приходит на площадку с песней. Я спрашиваю: «Когда он успел?» А мне отвечают: «Он даже не ложился». Когда Даль не пил, он был прекрасный человек, тонкий, чувствующий, а когда пил, становился невменяемым. Невозможно было с ним разговаривать...»

Тем временем во второй половине марта наконец-то начались спасательные работы на подводной лодке «К-19». Сначала вертолетчики эвакуировали около сорока человек, затем спасательный буксир подобрал еще нескольких. Однако до моряков, закрытых в злополучном 10-м отсеке, добраться тогда так и не удалось — в 9-м отсеке был слишком высок уровень концентрации угарного газа. Но пленники чувствовали себя гораздо увереннее, зная, что помощь к ним уже идет. Ведь все эти дни они находились в темном отсеке, без связи (телефон перестал работать через пару дней после пожара) и пищи. Единственными развлечениями были: протирка досуха покрытых слоем влаги металлических частей, травля анекдотов.

17 марта в Москве, в Центральном Доме работников искусств, состоялся творческий вечер Людмилы Гурченко. Про это мероприятие можно было бы не упоминать, если бы не одно «но» — оно было первым после долгих лет забвения, которые обрушились на эту популярную актрису. Ворвавшись на звездный Олимп в 56-м после дебюта в «Карнавальная ночи», Гурченко затем попала в полосу невезения, превратившись в актрису «одной роли». Несмотря на то, что и в 60-е она много снималась, в

длинной череде ролей не было ни одной, которая могла бы сравниться с той, дебютной. И только в начале 70-х в творческой карьере актрисы наступило «второе дыхание», когда и зрители, и критика вновь вспомнили о ней. Вечер в ЦДРИ был из этого ряда: им актриса хотела напомнить о себе столичному зрителю, дать ему веский повод перестать воспринимать ее как актрису «второго сорта». На него Гурченко пригласила нескольких известных коллег, присутствие которых должно было привлечь дополнительное число зрителей. Однако большинство из этих деятелей на вечер так и не пришли, а причины у каждого были свои: кто-то сослался на плохое самочувствие, у кого-то именно в этот вечер был спектакль в театре, кто-то уехал с гастролями в другой город. В итоге пришли только двое. Далее послушаем саму виновницу торжества — Л. Гурченко:

«Третий вечер в зале был «лед». «Карнавальная ночь» прошла при гробовом молчании. Смеялись только на экране. Это жутко! Но без «Карнавальной ночи» нельзя!

Потеплело, когда после фрагмента из «Рабочего поселка» я сыграла сцену из мюзикла «Целуй меня, Кэт», где мои куплеты заканчиваются эксцентрическим танцем. Это соединение двух полярных жанров, видимо, понравилось публике. Она поблагодарила сдержанными аплодисментами. После фрагмента из нового фильма «Тень», где я в роли придворной актрисы Юлии Джулии, в зале уже было теплее. А когда на экране прошла сцена Юлии Джулии и министра финансов, роль которого исполнял З. Гердт, в зале появился интерес, и вечер пошел «набирать»...

В конце программы я пела. Пела знакомые и незнакомые песни, пела свои песни. И даже «Песенку о хорошем настроении» уже приняли. Но наибольший успех вызвала «Маленькая балерина» Вертинского. Я ее сделала по-своему. После песни — секунда молчания — и горячий прием. За смелость, наверное...

Уже закончилась программа, уже много раз я уходила за кулисы и опять выходила на сцену. Но в зале еще и еще чего-то от меня ждали...

Я подошла опять к микрофону.

— Спасибо. Я счастлива. Здесь, в зале, сидят мои родители. — Все зашевелились, а папа, слегка приподнявшись, поклонился; мама втя-

нула голову в плечи. — Я хочу для них исполнить песню, романс их молодости — «Осень».

Давид Ашкенази начал вступление. (Как мы помним, Ашкенази был аккомпаниатором Шульженко, и та, узнав, что он «изменил» ей с Гурченко, примет решение расстаться с ним. — Ф. Р.) Я смотрела в зал. Впервые мелькали два белых платка. Мама плакала вместе с папой.

— Ах ты, моя дочурочка! Якой же я радый, какой же я довольный твоим вечером... Усех уложила на лупаты! Правда, одним недовольный. Надо было на сцену и родителей вывести — нас с Лелею — хай усе видять, хто тибя родив!..»

В эти же дни популярный клоун Леонид Енгибаров находился в Ереване. И там, в цирке, с ним произошел удивительный случай. Енгибаров пришел туда в качестве зрителя, причем сделал так, чтобы о его приходе знало как можно меньшее число людей: для этого он дождался, когда начнется представление, и пробрался в директорскую ложу после того, как в зале потушили свет. Однако его уловка не помогла. Кто-то из актеров узнал о его присутствии, и вскоре уже весь коллектив был оповещен об этом. Поэтому каждый из вновь выходящих на арену артистов считал своим долгом сделать приветственный жест в сторону директорской ложи. Это не укрылось и от зрителей, они стали шептаться между собой и все чаще оглядываться в сторону ложи. В конце концов инспектору манежа не оставалось ничего иного, как прервать представление и объявить на весь манеж: «Дорогие друзья! Сегодня на нашем представлении присутствует клоун Леонид Енгибаров!» Не успело стихнуть эхо этих слов под сводами цирка, как весь зал в едином порыве поднялся со своих мест и разразился оглушительными аплодисментами.

Артист был крайне смущен таким вниманием к своей персоне, но ничего поделать с этим уже не мог. Пришлось ему встать и выйти из темного угла на свет. Зрители продолжали горячо аплодировать, он пытался движением рук их унять, но у него, естественно, ничего не получилось. И тогда он, в благодарность за такую любовь, на ходу придумал пантомиму: раскрыв двумя руками свою грудную клетку, достал оттуда сердце, разрезал его на тысячи маленьких кусочков и бросил зрителям. Это было

великолепное зрелище, достойное таланта прекрасного артиста.

18 марта началась последняя стадия спасательной операции на подлодке «К-19» — дошла очередь до двенадцати заложников из 10-го отсека. Сначала каждому из них по цепочке выдали дыхательный прибор, потом завязали глаза, поскольку все эти дни они находились в кромешной темноте. И только после этого спасатели повели их наверх. Позже моряки узнали, что весь 9-й отсек был завален грудями обгоревшего оборудования, среди которого лежали обугленные тела их товарищей (как мы помним, во время пожара погибли 28 моряков).

В операции по спасению «К-19» принимали участие более 30 кораблей советского ВМФ, которым помогали английские суда береговой охраны. Зарубежная пресса все эти дни трубила о происшествии на всех углах, наша же хранила гробовое молчание.

Капитан-лейтенант Борис Поляков, сумевший сохранить двенадцать человеческих жизней, был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако в какой-то высокой канцелярии рука бюрократа вписала в наградной лист другую награду — орден Красной Звезды.

20 марта на «Мосфильме» состоялся художественный совет, который утвердил очередных исполнителей на роли в комедии «Большая перемена»: Григорий Ганжа — Александр Збруев, Геннадий Ляпишев — Виктор Проскурин. Незадолго до этого благополучно разрешилась ситуация с исполнителем на центральную роль — Нестора Петровича. Как мы помним, она была предложена Михаилу Кононову, но он какое-то время раздумывал, соглашаться или нет. Пока он думал, всю первую половину марта Коренев пробовал и других исполнителей — например, 6 марта состоялась кинопроба, на которой эту роль на себя «примерял» Константин Райкин, 9 марта — Евгений Карельских. Но в итоге Кононов все-таки дал свое согласие, и проблема благополучно разрешилась. На роль его возлюбленной была утверждена тогда мало кому известная актриса Наталья Гвоздикова.

22 марта в Москве состоялся футбольный матч на Кубок обладателей Кубков между столичным «Динамо» и югославской командой «Црвена звезда». Игра закончилась вничью 1:1, что было на руку динамовцам, которые полу-

чили возможность продолжить свой путь в Кубке дальше.

Два дня спустя в Доме кино состоялась премьера двухсерийного фильма «Бумбараш», созданного киевскими режиссерами Николаем Рашеевым и Аркадием Народницким. Народу в зал набилось, что называется, под самую завязку, поскольку слухи о том, что «на Довженко сняли шедевр», распространились по Москве еще несколько месяцев назад. Перед началом просмотра перед зрителями выступили создатели картины и актеры, игравшие в нем. В частности, большую речь сказал Бумбараш — Валерий Золотухин, причем речь во многом крамольную. Вот как он сам вспоминает об этом:

«Я произнес:

— Мне не стыдно сегодня глядеть в глаза вам... Я вижу в зале много любимых мною актеров, уважаемых режиссеров, писателей, и мне не стыдно за то, что вы будете сейчас смотреть...

— Проще! — кто-то крикнул из зала.

Это меня разозлило. Я ему ответил, чего, наверно, делать было не надо:

— Идите сюда, идите и скажите, а сбивать меня хамством не надо...

Тут у меня наступил какой-то провальчик. Меня этот тип выбил. Но ненадолго, потому что я четко знал, к какому концу я должен прийти от «стыда».

— В этом жанре в свое время я начинал работать с режиссером Полокой в фильме «Интервенция», который, искореженный чужими руками, до сих пор лежит на полке, и мы все равнодушны к этому и ничего не делаем, чтобы это исправить. Кто же в этом виноват? Кто виноват в том, что три года лежал «Рублев»? (Имеется в виду фильм Тарковского. — Ф. Р.)

В этом месте, кажется, раздались аплодисменты и шухер в зале. Я продолжал:

— Почему не мы с вами решаем судьбу нашего профессионального труда, а кто-то? — поставил я вопрос, сказал: «Спасибо», — и вернулся в строй...

Это выступление Золотухина не осталось без внимания «на самом верху». В зале находилось достаточно стукачей, которые чуть ли не сразу после просмотра бросились наперегонки докладывать о случившемся. В итоге сам председатель Гостелерадио Лапин (по заказу его ведомства снимался «Бумбараш») метал громы и

молнии по адресу Золотухина и создателей картины, говорил, что, если «Бумбараш» похож на «Интервенцию», он его тоже положит на полку. К счастью, этого не произошло — фильм показали по ТВ, о чем речь еще пойдет впереди.

В тот же день, когда в Доме кино показывали «Бумбараш», советский кинематограф понес очередную утрату — скончался актер Аркадий Толбузин. Хотя творческая карьера этого актера началась более двадцати лет назад, по настоящему популярным он стал только в последние три-четыре года благодаря роли полковника Кудасова в двух фильмах про приключения «неуловимых мстителей». Для большинства почитателей его таланта Толбузин ушел из жизни неожиданно — актеру было чуть больше пятидесяти. Однако для многих коллег его уход внезапным не стал, поскольку в киношной тусовке знали о пристрастии Толбузина к «зеленому змию», а пить ему было нельзя из-за слабого здоровья. Как вспоминает ближайший друг Толбузина актер Борис Сичкин: «Аркадий был женат на артистке Зое Земнуховой. Он любил выпить, и, как только брал рюмку и подносил ее ко рту, она кричала:

— Брось пить, тебе нельзя! Ты погибнешь, сволочь!..»

Тем временем студент юрфака ЛГУ Владимир Черемушкин, получивший 15 марта тяжелую травму на соревнованиях по дзюдо, продолжал находиться в больнице. К этому моменту его состояние приблизилось к критическому. 25 марта к нему в палату пробралась его однокурсница Любовь Мальцева. Вот как она вспоминает об этой встрече:

«Все это время мы дежурили в больнице, но нас к нему не пускали. Говорили: станет лучше — разрешат навестить. Я пыталась к нему прорваться. Почему-то казалось, если он узнает, что мы здесь, рядом, он наберется сил и выкарабкается. Помню, как-то медсестра отлучилась, и я уговорила его отца помочь мне пробраться в палату. Володя лежал совершенно неподвижно. У него было парализовано все туловище, но мозг работал четко. «Уйди, уйди, — простонал он. — Я не хочу, чтобы ты видела меня таким».

К сожалению, этот визит не смог помочь больному: на следующий день после посещения однокурсницы Владимир Черемушкин скончался. После столь трагичного исхода обычно ищут

виноватых в происшедшем, так называемых стрелочников. На эту роль вполне подходил тренер Черемушкина, старший преподаватель кафедры физподготовки по борьбе в университете. Но он за смерть своего подопечного не понес никакого наказания. «Стрелки» в этом деле вполне могли перевести и на другого человека, рангом пониже тренера — Владимира Путина, который, как мы помним, включил малоопытного Черемушкина в команду университетских борцов. Но и его ни в чем обвинять не стали. Только кое-кто из сокурсников позволил себе бросить упрек в его сторону в связи со случившимся, и больше никто. Большинство все же понимало, что Путин и без того уже наказан потерей своего лучшего друга. Вплоть до окончания ЛГУ других близких друзей из числа сокурсников у него так и не появится.

В воскресенье 26 марта в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «Ревизор» с Андреем Мироновым в роли Хлестакова. В зале был аншлаг — пришла вся столичная тусовка, среди которых были деятели культуры, спорта, генералы, а также «нужные люди» в лице директоров разных магазинов, баз, складов и т. д. Была там и министр культуры Екатерина Фурцева, у которой в антракте произошла неожиданная встреча с певицей Майей Кристалинской. Вот как описывает эту встречу А. Гиммерверт:

«Майя уже привыкла, что в театрах, где она бывала, ее узнавали, с ней здоровались, просили автограф, и она охотно раздавала их, не делая вида, что это ей безразлично, надоело и она оказывает снисхождение, ставя свою подпись на театральной программке. И дело не в том, что она бывала польщена вниманием, главное было в другом — не ставить себя выше тех, кто протягивает тебе программку, блокнотик и даже зачетку, как когда-то сделала девушка-студентка в Баку. И ободряюще улыбнуться каждому.

На этот раз ей протянула программку пожилая женщина в скромном и в то же время нарядном платье. Майя открыла сумочку, чтобы достать авторучку, и вдруг услышала громкое «Майечка, здравствуй!». Майя подняла глаза и увидела Фурцеву. Она была знакома с министром. Фурцева как-то пригласила ее к себе и попросила написать статью о важности исполне-

ния русской народной музыки, русских песен, а если для Майи это трудно, только подписать уже готовый материал. Но Кристалинская деликатно дала понять, что статью напишет сама, ну а если не получится, тогда... Тогда перепишет, и уж наверняка все будет хорошо. Фурцева осталась довольна, Майя статью написала, и она была напечатана в «Вечерней Москве». Статью Майя написала быстро и легко, переделывать ничего не пришлось, а в газете ее сразу оценили — поющие редко бывают пишущими, за них пишут другие, а Кристалинская — пожалуйста, готовый автор. И в газете время от времени появлялись небольшие заметки с подписью: «Майя Кристалинская».

Фурцева выглядела эффектно — в модном удлиненном голубом костюме, высокая, тонкая, с широко раскрытыми глазами, ресницы подведены голубой тушью, и глаза показались Майе ослепительно голубыми. Женщина с программкой в руках замерла. Министру уже было за шестьдесят, но перед Майей стояла молодая привлекательная женщина. Майя поздоровалась, растерянно пожав протянутую руку. «Я тебя давно не видела, Майечка, как твои дела? Тебе что-нибудь нужно?» — «Спасибо, Екатерина Алексеевна, у меня все в порядке, готовлюсь к концерту» (15–16 апреля в «Октябре» — Ф. Р.). — «О да, я видела афишу. Я постараюсь прийти. Так тебе все же что-нибудь нужно?» — повторила Фурцева. — «Нет, что вы, спасибо, у меня все в порядке». — «Ну, хорошо. Я за тебя рада. Извини, меня ждут», — просто сказала Фурцева и отошла к стоящей неподалеку небольшой группе людей, почтительно ожидавших министра...»

В тот же день 26 марта Борис Бабочкин вывел в своем дневнике следующие строки:

«Вчера вечером получил неожиданное и громадное удовольствие — смотрел по телевизору творческий вечер М. М. Яншина.

Благодарю его за то, что он на полтора часа вернул мне мою артистическую юность — это время, когда даже пройти мимо дверей Художественного театра в Камергерском переулке было событием, которое накладывало отпечаток какой-то особой радостной серьезности на весь твой день. Вот что для нас был Художественный театр тогда. И он действительно был таким. И Яншин вчера предстал таким, оттуда,

из того Художественного театра... А куда же все это делось теперь?

Кто виноват в том крахе, который постиг МХАТ теперь и из которого не выручит театр никакой Ефремов с его хваткой и способностями... Кто виноват? Ведь Станиславский и Немирович оставили театр талантливым и воспитанным в определенных традициях людям, именно к ним принадлежат и Яншин, и умерший несколько дней назад Кедров. Почему же они сами, своими руками растащили великий театр и предали наследство своих великих учителей? Очевидно, решающую роль сыграло то обстоятельство, что МХАТ стал правительственным официальным театром со всей присущей этим учреждениям мишурой — званиями, карьерами, подхалимством, подлостями и погоней за мелкими злободневными победами, а не за искусством — оно осталось на задворках, в стороне. И вот здесь личные качества людей стали решающими в судьбе театра...»

27 марта съемочная группа фильма «Земля Санникова» завершила свою экспедицию в Зеленогорске и отбыла в Москву. Были отсняты «зимние» эпизоды фильма, в частности, когда четверка отважных путешественников пробирается по снежным торосам и у одного из них — Крестовского (Олег Даль) — не выдерживают нервы: он хочет вернуться назад и затевает драку с Губиным (Сергей Шакуров). Последний был инициатором грандиозной бучи на съемочной площадке, в эпицентре которой оказались пять человек: с одной стороны, это были режиссеры фильма Альберт Мкртчян и Леонид Попов, с другой — актеры — Сергей Шакуров, Владислав Дворжецкий и Олег Даль. Причем бучу подняли актеры, ее инициатором был Шакуров. Он был недоволен системой работы режиссеров, их непрофессионализмом (на тот момент Мкртчян снял посредственную комедию «Опекун», а Попов хоть и был автором нескольких картин, однако почти все они принадлежали к документальному кино). Отработав примерно половину экспедиции, «бунтовщики» принимают решение бить челом на «Мосфильм», дабы его руководство немедленно, пока съемки только начались, назначили пусть одного, но опытного режиссера взамен двух молодых. Была послана весьма дерзкая телеграмма: «Сидим в говне на волчьих шкурах. Дворжецкий. Вицин. Даль. Шакуров».

Конфликт разрешится самым неожиданным образом. Студия откажется идти на поводу у актеров и вместо режиссеров снимет с роли главного смутьяна — Шакурова. Вместо него будет найден другой актер — Юрий Назаров, который начнет сниматься в фильме с лета. Переснимать эпизоды с участием Шакурова не станут, поэтому в «зимних» эпизодах дотошный зритель может без труда заметить его лицо. Что касается Дворжецкого и Даля, то они, оставшись без вожака, присмирели и в итоге большинство своих претензий к режиссерам снимут. Этой «подставы» Шакуров им простить так и не сможет. Как заявит он сам много позже:

«Влад и Олег меня предали: они согласились работать дальше. Я пошел до конца и написал заявление. По моему поводу было два худсовета на «Мосфильме». Но я уже не мог отказаться, остановиться. Это было бы вопреки моему разуму, который мне в тот момент говорил: «Ты что, Сергей, делаешь?» Но у меня, кроме бешенства, ничего не было. А после бешенства наступила апатия. Я вырубил этих двух людей из своей жизни — Далья и Дворжецкого...»

В тот же день, 27 марта, в Ташкенте тамошним сыщикам наконец-то удалось напасть на след неуловимых грабителей, нападавших на почтовые отделения и сберкассы города. Как мы помним, первое преступление ими было совершено 20 февраля. Через два дня они вновь засветились в другом почтовом отделении, после чего, видя, как усердно их ищет милиция, залегли на дно. Прошло чуть больше двух недель, и жажда денег вновь вывела их на скользкую дорожку преступлений. 11 марта они ограбили почтовое отделение № 50, 23 марта посетили с недружественным визитом сберкасса № 3649. А через четыре дня после этого нападения милиции наконец удалось напасть на след бандитов и всех арестовать. По меркам того времени это была весьма крупная банда, состоявшая из 12 человек. Причем подавляющая часть бандитов принадлежала к украино-русскоязычному населению, и только один был узбеком. Одним из главарей банды был 39-летний мужчина, который втянул в нее и своего 16-летнего сына.

28 марта у Бориса Бабочкина случился тяжелый приступ с неотложкой. К счастью, все обошлось, и госпитализация не понадобилась.

На следующий день больного навестила одна из дочерей Александра Твардовского и подарила ему книгу поэм своего отца. Сразу после ее ухода Бабочкин вновь взялся за свой дневник:

«Почему-то сегодня особенно ясно я почувствовал свое одиночество. Я совершенно одинок в театре. У меня нет группы, нет единомышленников. Просто это рискованно. Нет у меня никаких товарищей в кино. Вероятно, надо винить во всем себя. Я сам выбрал себе дорогу жизни иную, чем у окружающих меня баловней судьбы. Винить во всем этом только самого себя было бы неверно. Конечно, я и ошибки делал, но не в них дело. Я человек не этого времени, я как Платоша в «Правде — хорошо»: чему учили, он это всерьез и принял...»

Продолжаются мытарства фильма Алексея Германа «Проверка на дорогах». Как мы помним, работа над лентой была завершена еще в июле прошлого года, принята «Ленфильмом», но вызвала резкое неприятие у руководителей Госкино, которые усмотрели в ней «искажение образа героического времени, образа советского народа». Пытаясь спасти ситуацию, Герман согласился сделать в фильме некоторые поправки (были сокращены сцены гибели партизан, истерика полиция в сарае, разговор Локоткова и Лазарева и др.), и в середине марта новая версия фильма ушла в Москву. Но результат оказался тем же. 28 марта из Госкино пришел убийственный ответ, подписанный зампредом Комитета В. Баскаковым, начальником Главного управления художественной кинематографии Б. Павленком и главным редактором сценарно-редакционной коллегии И. Кокоревой. Приведу отрывок из него:

«Поправки не внесли существенных изменений в содержание и идейную концепцию картины. Главное внимание авторов по-прежнему сосредоточено на образе и переживаниях раскаявшегося предателя родины Лазарева... Несмотря на отдельные коррективы, в фильме продолжает явственно звучать тема отступления Советской Армии, которое предопределило все трагические повороты в судьбах героев... Фильм не может быть принят к выпуску на экран».

29 марта за фильм Германа попытался заступиться сам Константин Симонов, который направил председателю Госкино А. Романову письмо. В нем он писал, что «фильм является

серьезной суровой картиной, остро, но при этом глубоко, верно ставящей проблему патриотизма и ответственности человека за свои поступки перед товарищами и перед Родиной». Письмо хоть и дошло до адресата, однако никакого положительного результата не возымело.

В отличие от своего тезки с «Ленфильма» у столичного режиссера Алексея Коренева дела, наоборот, идут прекрасно. Он благополучно закончил подготовительный период фильма «Большая перемена» и теперь готовился к съемкам. Во вторник, 28 марта, состоялось освоение декорации «класс», выстроенной в 3-м павильоне «Мосфильма». На съемочную площадку явились актеры: Михаил Кононов (Нестор Петрович), Александр Збруев (Ганжа), Светлана Крючкова (Нелли), Нина Маслова (Коровьянская), Валерий Хлевинский (Авдотьин), Валерий Носик (Фукин) и др. На следующий день в 12.00 начались съемки.

В первый день снимали сцену знакомства Нестора Петровича с шепутным 9 «А». Помните, новый учитель представляется: «Меня зовут Нестор Петрович», а Ганжа хохмит: «Как, как?» Затем Коровьянская (Нина Маслова) докладывает новому учителю о том, кто отсутствует. Несмотря на то, что съемки продолжались до девяти вечера, в тот день сняли лишь четыре кадра — 35 метров пленки. Зато на следующий день — 30 марта — работа пошла куда живее. Сняли кадры, где Нестор Петрович входит в класс, а девятиклассники принимают его за своего коллегу — новенького ученика. В тот день и на следующий сняли один из самых смешных эпизодов фильма, где Ляпишев просит Нестора Петровича перевести его учиться в первую смену, сопровождая эту просьбу словами, ставшими классическими: «Ходишь в школу ходишь, а потом — бац...»

30 марта сняли начальные кадры появления Нестора Петровича в классе: он входит в дверь, а на пути у него стоят ученики, о чем-то оживленно между собой разговаривающие. «Здравствуйте!» — приветствует их Нестор. «Ну, здорово, здорово. Проходи», — невозмутимо реагируют те, думая, что это очередной новичок-одноклассник. И, только когда Нестор подходит к учительскому столу и снова приветствует класс, до учеников наконец доходит, кто перед ними.

В тот же день забавный казус случился с одним из членов съемочного коллектива фильма «Это сладкое слово — свобода!» — ассистентом оператора. Три дня назад часть съемочной группы во главе с режиссером-постановщиком вылетела для съемок природы в Чили, а ассистенту было приказано лететь чуть позже, чтобы сэкономить на нем валюту: ведь первые три дня должны были выбирать места для съемок, а для этого не нужны ни камера, ни лишний рот ассистента оператора. Далее послушаем рассказ свидетеля тех событий Б. Криштула:

«Через три дня, погрузив в автобус аппаратуру, ассистент отправился в аэропорт, по дороге задремал. Через полтора часа его разбудил водитель:

— Приехали, выгружайся!

Ассистент послушно потащил тяжелые кофры. Случайно подняв глаза, он увидел светящееся громадными буквами слово на фронте аэровокзала и обмер.

— Ты куда меня привез?

— Ты че, ослеп? В аэропорт.

— В какой, мать твою, аэропорт?

— Ты че материшься, падло? В Домодедово!

— Козел, я же за границу лечу, из Шереметьево!

— А я при чем? Диспетчер сказала — в Домодедово...

Самолет отправился в Сантьяго, а ассистент — на «Мосфильм».

Узнав, что основная группа отбыла в Чили просто «погулять налегке», директор студии разбираться не стал, а вlepил по выговору оператору и директору картины...»

30 марта внезапно разрешилась судьба фильма Андрея Тарковского «Солярис», который на протяжении нескольких месяцев мурыжили в Госкино, — председатель Комитета по кинематографии Романов подписал акт о том, что он принимает картину без поправок. Сам Тарковский, узнав об этом, страшно удивился, поскольку уже и не надеялся на удачный исход дела. Поправки, которые от него требовали внести в фильм, он отказывался вносить, и уже смирился с тем, что «Солярис» разделит судьбу «Андрея Рублева» (последний пролежал на полке 5 лет). И вдруг — такой поворот. Как напишет Тарковский в одном из писем Г. Козинцеву: «Я до сих пор ничего не понимаю. Здесь, видимо, какая-то игра в высших сферах, мне

недоступная. В апреле будем показывать «Солярис» в Доме кино...»

В этот же день в Политбюро в очередной раз обсуждался вопрос о Солженицыне. Некоторые члены Политбюро — в частности, председатель КГБ Андропов, — настаивали на немедленном выдворении писателя из страны: мол, сколько можно терпеть его, пора принять решительные меры. Однако премьер-министр Косыгин высказал сомнение в такого рода акции, мотивируя это тем, что она плохо скажется на мировом авторитете советского руководства. «Вопрос, связанный с Солженицыным, — это частный вопрос, — сказал Косыгин. — Солженицын перешел все рамки терпимого, все границы, и с этим должен решать вопрос сам товарищ Андропов в соответствии с теми законами, которые у нас есть. А мы посмотрим, как он эти вопросы решит. Если неправильно решит, то поправим его».

В конце главы, как обычно, взглянем на афишу развлечений. Начнем с кинопремьер. 20 марта на столичный экран вышли сразу четыре новых фильма, причем в двух главные роли исполнили супружеские пары: в первом — «Седьмое небо» Эдуарда Бочарова — это были Николай Рыбников и Алла Ларионова, во втором — «Если ты мужчина...» Анатолия Чемодурова — Борис Токарев и Людмила Гладунко. Два других фильма — это «Даурия» Виктора Трегубовича с участием целого букета звезд в лице Юрия и Виталия Соломиных, Ефима Копеляна, Василия Шукшина, Михаила Кокшенова, Виктора Павлова, Юрия Назарова и др. и «Прощание с Петербургом» Яна Фрида с Гиртом Яковлевым в роли композитора Йоганна Штрауса. 24 марта на широкий экран вышел фильм Владимира Назарова «Пропажа свидетеля» — сиквел «Хозяина тайги» с Валерием Золотухиным в роли участкового инспектора Сережкина; 28-го — «Конец Любавиных» Леонида Головки.

Из театральных премьер назову следующие: 21 марта — «Самый последний день» Б. Васильева в Малом театре, в главной роли — Михаил Жаров; 26-го — «Василий Теркин» в Театре имени Моссовета с участием молодых актеров в лице Евгения Стеблова, Юрия Кузьменкова (он же староста Федоскин в «Большой перемене»), Александра Ленькова и др.

Не пустуют эстрадные площадки. 18—19, 24—25 марта в киноконцертном зале «Октябрь» поет Эдита Пьеха, 20—23 марта она перебазируется в Театр эстрады, 26-го в том же «Октябре» идут концерты «Весенние голоса» с участием артистов Савелия Крамарова, Юлия Слободкина, Вадима Маратова, Зои Харабадзе, Инны Мясниковой и др., 26—29-го в ГТЭ поет чехословацкая певица Марцела Лайферова, 28—30-го в ГЦКЗ проходят концерты под названием «Ленинградцы — москвичам» с участием Ефима Копеляна, Владислава Стрельчика, Игоря Горбачева, Олега Басилашвили и др., с 29-го во Дворце спорта в Лужниках идут концерты с участием артистов из социалистических стран «Мелодии друзей-72», 31-го в «Октябре» царит Иосиф Кобзон.

Новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «Поет ВИА «Песняры»; «Поет Муслим Магомаев» (две песни советских композиторов и две зарубежных: «Вниз по реке» и «Трава у мое-

го дома»); «Поет Дин Рид» с песнями «Мутная Миссисипи» (Голдсборо), «Это не дождь» (Панцери), «Мы сказали «хватит» (Вихиль), «Вчера, когда я был молодым» (Ш. Азнавур); диск «Мелодии друзей» с песнями в исполнении артистов эстрады из социалистических стран: ансамбля Саши Суботы (Югославия), ВИА «Но То Цо» (Польша), Иржи Громадки (Чехословакия), Мими Ивановой (Болгария) и др.

Телевизионное «меню» выглядит следующим образом — фильмы: «Таможенный розыск» (ГДР, 9 серий, с 21-го), «Прощайте, голуби!» (22-го), «Серебряные трубы» (впервые по ТВ — 24-го), «Когда деревья были большими» (25-го), «Кавказская пленница» (26-го), «Улица полна неожиданностей» (27-го), «Посол Советского Союза» (29-го), «Лето рядового Дедова» (премьера т/ф — 30-го), «Илья Муромец» (31-го) и др.; передачи — «13 стульев» (24-го), «КВН-72» (25-го), «Авторский вечер Р. Рождественского» (26-го) и др.

1972

Апрель

Как Всеволод Бобров «похоронил» Анатолия Фирсова. КГБ срывает планы Солженицына. Как Виктор Павлов подвел «Большую перемену». Высоцкого принимают в Союз кинематографистов. Накат на Булата Окуджаву. Третий инфаркт Галича. Тучи над головой Никиты Михалкова. Обрезанная «Бриллиантовая рука». Лариса Мондрус теряет ребенка. СССР — Канада: матч состоится в любую погоду. Павленок на «Ленфильме», Герман — в больнице. Проблемы в семье маршала Жукова. Как Михаил Рощин познакомился с Екатериной Васильевой. Конец вора «на доверии». Матч Спасский — Фишер на грани провала. КГБ в поисках прокламатора. Спортивный мир в шоке: распалась пара Роднина — Уланов. Ирина Понаровская вышла замуж. У актера Бабкаускаса пропал чемодан. Как понизили Александра Бовина. Секретный визит Генри Киссинджера в Москву. Высоцкий в Минморфлоте. Чехословакия ликует: сборная СССР повержена. Муслим Магомаев нашел могилу отца. Высоцкий в Кишиневе. Страсти вокруг фотографий артистов. Как Никиту Михалкова уехали на Камчатку. Как после фильма «Офицеры» одна нерадивая мать забрала своего сына из детдома. Гулянка у Бориса Хмельницкого.

В конце марта — начале апреля сборная СССР по хоккею совершала турне по Скандинавии в рамках подготовки к очередному чемпионату мира, который должен был стартовать 7 апреля в Праге. Наши хоккеисты сыграли в этом турне четыре матча (два с финнами, два со шведами) и во всех одержали победы. Во время пребывания сборной в Финляндии произошел инцидент, который иначе как нелепым не назовешь. Тамошние журналисты спросили нового тренера советской сборной Всеволода Боброва о судьбе Анатолия Фирсова: мол, тот считается сильнейшим хоккеистом в мире, однако в сборной его почему-то нет (кроме Фирсова, в сборную не взяли еще одного ветерана — Виталия Давыдова). И Бобров внезапно поведал дотошным журналистам жуткую историю о том, что у Фирсова... рак желудка и начался последний отсчет его дней. До сих пор непонятно, что же конкретно двигало Бобровым в те минуты: раздражение от журналистов, которые буквально достали его вопросами о Фирсове, или желание досадить самому хок-

кеисту. Однако финны поверили словам Боброва (а как иначе, лицо-то официальное — старший тренер сборной!) и срочно делегировали в Москву нескольких человек, чтобы поддержать смертельно больного Фирсова. Каково же было их удивление (и удивление самого хоккеиста), когда выяснилась правда. Говорят, финны еще долго рассуждали о загадочной русской душе, а Фирсов так же долго выходил из шока. Простить этого поступка Боброву он не мог и тогда же во всеуслышание заявил, что не возьмет в руки клюшку, пока Бобров публично не извинится. Тот же, видимо, этого только и ждал, поскольку видеть Фирсова в сборной не хотел. Хотя армейские начальники Фирсова (выступая за ЦСКА, он носил офицерское звание) пытались уговорить его взять свое заявление обратно. По словам хоккеиста:

«Как-то меня вызвал генерал-полковник, выслушал мою историю и говорит: «Я сниму свои погоны, тыними свои и выслушай меня как сын: против такого ветра (за Бобровым стояли руководители Спорткомитета, а за

теми — руководители соответствующего отдела ЦК. — Ф. Р.) писать бесполезно». Я говорю — понял, но ничего поделаться с собой не могу. С тренером, который меня похоронил, работать не буду...»

Место Фирсова в тройке с Викуловым и Харламовым занял столичный динамовец Александр Мальцев. И показал себя великолепно: в скандинавском турне эта тройка забросила 8 шайб, из них 6 (!) было на счету Мальцева. В первом же матче на чемпионате мира против сборной ФРГ (7 апреля) эта тройка оказалась самой результативной и забросила в ворота соперников 5 шайб (матч закончился в нашу пользу 11:0). Так что Бобров имел все основания считать, что в споре со скептиками, которые утверждали, что без Фирсова игра тройки поблекнет, он оказался прав.

Но вернемся в Советский Союз. Там Александр Солженицын готовится к получению Нобелевской премии, которую ему должен будет вручить специально для этой цели отряженный секретарь Нобелевского комитета Гиров (его приезд намечается на 9 апреля). Поскольку премию должны вручать писателю непосредственно на его квартире (о другом помещении Солженицыну и мечтать не приходится), лауреат собственноручно рассылает пригласительные билеты тем, кого бы он хотел увидеть на этом мероприятии. Среди приглашенных и директор театра «Современник» Олег Табаков. Во вторник 4 апреля некая старушка интеллигентного вида вручила ему конверт, в который был вложен согнутый листок чертежной бумаги, а на нем каллиграфическим почерком школьного учителя был написан план Козицкого переулка, план двора, дома, где находилась квартира жены Солженицына. Путь приглашенного был прочерчен красными, синими и зелеными стрелками. Сам текст приглашения был отпечатан на машинке. Он гласил:

«Многоуважаемый Олег Павлович!

Шведская Академия присылает своего постоянного секретаря г. Гирова для вручения мне нобелевских знаков. Пользуясь тем, что эта церемония, обычно происходящая в Стокгольме, на этот раз пройдет в Москве, я приглашаю на нее самых видных представителей художественной и научной интеллигенции, во

всяком случае тех, чье творчество я знаю и могу оценить.

Мне очень приятно было бы видеть на этой церемонии Вас. С искренним расположением А. Солженицын».

Откровенно говоря, это письмо повергло Табакова (да и многих других приглашенных) в смятение. Шутка ли: прийти к опальному писателю домой, и не в гости, а на вручение Нобелевской премии! А Табаков был членом партии и одно время даже возглавлял партком театра. Короче, было от чего смутиться. Но помог случай. КГБ запретил въезд Гирова в СССР, и премию Солженицыну тогда так и не вручили.

Алексей Коренев продолжает снимать «Большую перемену». Съемки проходят в тех же декорациях: «класс» и «коридор». 3—4 апреля снимали эпизоды, где Нестор Петрович просит Нелли Ледневу (Светлана Крючкова) снять с головы кепочку, а та противится: дескать, дамам в помещении можно. Евгения Леонова, который играет в фильме ее папу, на съемках пока нет, поэтому его часть эпизодов снимут позже. Тогда же отсняли те «классные» эпизоды, которые относились к 3-й серии фильма.

Между тем в самый разгар работы — 5 апреля — на съемочную группу обрушилась неожиданная весть: от роли Петрыкина внезапно отказался актер Виктор Павлов. Его утвердили на худсовете еще 31 января, после чего на актера были сшиты костюмы. И вдруг — отказ. Для группы это было настоящим ударом, поскольку именно на эти дни намечались съемки эпизодов с участием Павлова. Но ввиду его отказа пришлось спешно искать другого исполнителя, а пока снимать другие эпизоды в декорации «класс». В частности, были сняты эпизоды, где неугомонный Ганжа два раза подставил своего сопровождающего — милиционера (Лев Дуров), отправив его вместо себя к доске сначала на уроке географии, а потом и на литературе.

6 апреля Владимир Высоцкий приехал в Союз кинематографистов СССР, где ему был вручен членский билет. На протяжении почти трех лет (с июля 69-го) Высоцкий пытался стать членом СК, но каждую его попытку торпедировали «сверху», ссылаясь на то, что Высоцкий, мол, пьет. Причина выглядела смехо-

творной: в СК чуть ли не половина членов регулярно «закладывали за воротник», а некоторые из его руководителей даже лечились от запоев. На самом деле кандидатуру Высоцкого торпедировали из-за его песенного творчества. Однако весной 72-го кто-то из больших начальников замолвил за барда нужное словечко, и как итог — 30 марта Высоцкого приняли в Союз кинематографистов.

В отличие от Высоцкого другой известный бард — Булат Окуджава — в те апрельские дни пребывал совсем в ином расположении духа. Его внезапно вызвали на партийное бюро секции поэзии и предложили написать открытое письмо в «Литературную газету», в котором Окуджава должен был публично осудить факт публикации издательством «Посев» сборника его произведений. Причем членов партбюро совершенно не убедило то, что все эти произведения, за исключением одного, уже были опубликованы в Советском Союзе, а значит, ничего крамольного в них не было. Партийцев возмущал сам факт того, что произведения члена партии были опубликованы в антисоветском издательстве. Окуджава согласился написать такое письмо, но при условии, что ему дадут возможность гласно обсудить тему препятствий, стоящих на пути издания художественных произведений в СССР. Ему пошли на встречу: разрешили выступить на одном из писательских собраний.

Не в лучших чувствах пребывал в те дни еще один гонимый властью человек — Александр Галич. Как мы помним, в декабре прошлого года его исключили из Союза писателей СССР, в феврале этого сюда добавился и Союз кинематографистов. После этих событий положение Галича стало катастрофическим. Еще недавно он считался одним из самых преуспевающих авторов в стране, получал приличные деньги через ВААП, которые от души тратил на семью, походы в рестораны, загородные поездки. Теперь все это в одночасье исчезло. Автоматически прекращаются все репетиции его пьес, снимаются с репертуара спектакли, замораживается производство начатых фильмов. Оставшемуся без средств к существованию Галичу приходится пуститься во все тяжкие — он потихоньку распродает свою богатую библиотеку, подрабатывает литературным «негром» (пишет за кого-то сценарии),

дает платные домашние концерты (по 3 рубля за вход). Но денег, учитывая, что Галичу приходилось кормить не только себя, жену, дочь, но и двух мам, а также сына Гришу (родился от связи с художницей по костюмам Киностудии имени Горького Софьей Войтенко), — все равно не хватало. Все эти передряги, естественно, сказываются на здоровье Галича. В апреле 72-го у него случается третий инфаркт. Так как от литфондовской больницы его отлучили, друзья пристраивают его в какую-то захудалую клинику. Врачи ставят ему инвалидность второй группы, которая обеспечивала его пенсией... в 60 рублей.

Вспоминает Е. Боннэр: «Это была какая-то очень старая больница, большущая палата. Там стояли какие-то колонны, может быть — бывший зал. Между двух колонн как-то боком стояла его койка, именно койка, я не могу сказать — кровать. Он был весь желто-серый. Апельсины, которые я притащила, казались как вишни на тумбочке в этой палате. И у Саши был какой-то страх, мне кажется, он всегда боялся болезни...»

Состояние, близкое к нервическому, переживал в те дни и Никита Михалков. В конце марта увидел свет очередной приказ министра обороны страны о призыве на действительную военную службу молодых людей призывного возраста. До этого Михалкову удавалось благополучно избегать призыва, но в этот раз все складывалось иначе. Дело в том, что той весной в творческих кругах поднялась очередная волна против отпрысков знаменитых людей, многие из которых якобы отлынивают от священного долга каждого советского гражданина — службы в армии. Эта волна и накрыла Михалкова, причем в самый неожиданный момент — в октябре ему исполнялось аккурат 27 лет, с которыми истекал срок его призывного возраста. Однако в Минобороны, видимо, тоже учли этот факт и в начале апреля прислали Михалкову повестку. А он в то время снимался в главной роли в фильме «Станционный смотритель», а также готовился к постановке своего первого полнометражного фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». Ища защиты, Михалков бросился к руководителю «Мосфильма» Николаю Сизову. Тот 7 апреля направил министру обороны СССР Андрею Гречко письмо со следующей просьбой:

«Генеральная дирекция киностудии «Мосфильм» обращается к вам с убедительной просьбой отсрочить на один год призыв в Советскую Армию актера и режиссера-постановщика т. Михалкова Н. С.

В настоящее время Н. С. Михалков осуществляет постановку полнометражного художественного фильма и одновременно исполняет главную роль в другом фильме.

Учитывая, что замена в таком фильме невозможна и отсутствие Н. Михалкова повлекло бы за собой серьезные нарушения производственной жизни «Мосфильма» в целом, прошу вас не отказывать в просьбе».

Читателю наверняка не терпится узнать, как ответил на эту просьбу Гречко. Однако не будем торопиться, всему свое время.

В субботу, 8 апреля, в 18.15 по московскому времени по телевидению показали бессмертную комедию Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука». Это был третий показ этого фильма по ЦТ, причем самый печальный. Дело в том, что цензоры с телевидения, вооружившись ножницами, обкарнали ленту, выкинув из нее ряд эпизодов. В частности, была сокращена сцена соблазнения Горбункова белокурой красоткой в гостинице. Чем руководствовались цензоры, понять было сложно: ведь с момента выхода фильма на экраны страны — а это случилось в 1969 году — его успели посмотреть практически все.

Между тем в тот субботний вечер зрителем фильма был и исполнитель главной роли в нем Юрий Никулин. Увиденное его крайне огорчило. И спустя месяц в интервью «Литературной газете» он заявит: «Недавно шла по телевизору «Бриллиантовая рука» в каком-то непонятном сокращенном варианте. Ощущение такое, словно держишь в руках любимую книгу, а кто-то взял и повырывал из нее страницы. Понимаю, что все это недоразумение, оплошности. Но нам, актерам, такие «оплошности» кровь портят...»

В те дни угодила в больницу популярная певица Лариса Мондрус. Причем «спасибо» она должна была сказать своей лучшей подруге — врачу-гинекологу. Незадолго до этого та определила у певицы начальную стадию беременности, но вместо того, чтобы посоветовать ей постельный режим, разрешила отправиться на гастроли по стране. Но уже спустя несколько

дней, во время очередного концерта в Махачкале, прямо на сцене Мондрус стало плохо. Бывший с ней рядом супруг Эгил Шварц немедленно увез жену в Москву. На дом была вызвана подруга-гинеколог. Она осмотрела больную и вызвала «скорую», которая отвезла Мондрус в больницу. Тамашние врачи поставили диагноз: внематочная беременность, разрыв трубы. Ребенка певица, естественно, потеряла, но зато осталась жива. Как вспоминает сама Мондрус:

«Конечно, это был большой шок — потеря ребенка. И еще я испытала горечь, что моя близкая приятельница, специалист в этих вопросах, так жестоко ошиблась в диагнозе. Ведь ни о каких гастролях, даже кратковременных, и речи не могло идти, я нуждалась в операции задолго до того, как произошел разрыв трубы...

После операции меня поместили даже не в палату, а в какой-то громадный неуютный зал, где лежало множество баб. Пришла нянечка, срезала мне все ногти на руках, на шов мне положили большой мешок с песком. Я спросила: «Зачем маникюр испортили?» Мне объяснили, что когда я выходила из наркоза, то, видимо, испытывала сильные боли, кричала, пыталась сорвать бинты и могла поранить себя.

Мое состояние было архиотвратное. На реабилитацию оставалось мало времени, потому что наконец-то после пяти невыездных лет мне разрешили выступить за границей (в ГДР и ЧССР. — Ф. Р.). И мне вскоре надо было улетать...»

Продолжаются съемки «Большой перемены». 10—13 апреля там продолжали снимать эпизоды в декорации «класс». В те дни впервые на съемочной площадке появился исполнитель роли Леднева Евгений Леонов, который до этого был занят в театре. 11 апреля сняли вторую часть эпизода со шляпкой Нелли Ледневой: Нестор Петрович просит ее снять ее, та упрямится, после чего учитель грозит ученице: «Иначе я вынужден буду вызвать в школу ваших родителей». Тут к ним подходит Леднев. Что было дальше, читатель, надеюсь, помнит: «сними кепку» — «я папа» — «чей папа?» и т. д.

В тот же день на съемочной площадке впервые появился и другой актер — исполнитель роли Пети Тимохина Савелий Крамаров. Его отсняли в эпизодах, относящихся к следую-

щим сериям: когда в классе возникает спор о том, как помочь Нестору Петровичу и кто-то в шутку предлагает его усыновить, герой Крамарова бросает реплику: «Ребята, лучше меня усыновите, я вам дешевле обойдусь».

Продолжается чемпионат мира по хоккею. Советская сборная первые три игры провела блестяще, обыграв всех своих соперников с крупным счетом: 11:0 — ФРГ, 10:2 — Финляндию, 10:2 — Швейцарию. И только в матче с хозяевами турнира хоккеистами Чехословакии (12 апреля) произошла осечка — 3:3. Короче, первую половину чемпионата наша сборная играла хорошо, что называется, на подъеме. Причем старались все: и ветераны сборной, и молодежь (в сборной было три новичка: вратарь Владимир Шеповалов, нападающий Вячеслав Солодухин — оба из ленинградского СКА и защитник Александр Гусев — из ЦСКА).

Пока хоккеисты играли, спортивные функционеры были заняты не менее важными делами. Именно на пражском чемпионате решался вопрос о скорой встрече советских хоккеистов с канадскими. Правда, первоначально в планах наших деятелей от спорта значились в соперниках отнюдь не звезды НХЛ, а игроки из организации «ХОККЕЙ-КАНАДА», которая объединяла как любителей, так и профессионалов, но «второго сорта». Поэтому в Праге наш генеральный секретарь Федерации хоккея СССР Андрей Старовойтов вел переговоры с президентом любительской хоккейной ассоциации (КАХА) Джоном Кричкой. Свидетель тех переговоров спецкор ТАСС Владимир Дворцов вспоминает:

«Во время переговоров возникло не одно препятствие. Однако их удалось преодолеть. Например, Кричка спросил Всеволода Боброва, как мы будем расплачиваться. Бобров, учитывая, что за предыдущие матчи сборная СССР с канадскими любителями получала по 500 долларов, сказал, что теперь оплата будет в десять раз больше — по 5000 долларов.

Кричка с этим согласился, но спросил:

— А вы чем нам заплатите?

— Мы заплатим вам дороже — по 5000 рублей, — сказал, улыбаясь, Бобров.

— Это хорошо, — сказал Кричка, — но что мы с ними будем делать? Вывозить их нельзя, да и если бы было можно, кто их купит и почему?

— На шпионскую работу вам русские деньги нужны? — снова улыбнулся Бобров.

— О'кей, — ответил Кричка. И тут же из отеля позвонил в московское посольство Канады:

— Нам русские платят за матч по 5000 рублей, вы согласитесь обменять их на доллары? — спросил Кричка какого-то ответственного сотрудника. Услышав ответ: «Да, конечно», он повесил трубку...»

Отмечу, что впоследствии вместо любителей канадцы выставили на матчи профессионалов из НХЛ, но об этом я расскажу чуть позже. А пока вернемся в апрель 72-го.

12 апреля на «Ленфильм» приехал зампред Госкино Борис Павленок, чтобы лично утрясти ситуацию со скандалом, связанным с фильмом Алексея Германа «Проверка на дорогах». Кстати, самого Германа в тот день на киностудии не было, поскольку последние события серьезно сказались на его здоровье и он угодил на больничную койку 1-й городской больницы Москвы. Павленок встретился с руководством «Ленфильма» и вроде бы пообещал свою поддержку в деле «разрушения» непростой ситуации. Но поставил условие: в ленту надо внести не декоративные, а кардинальные изменения. «Вот тогда мы ленту примем», — сказал Павленок.

В одной из столичных автошкол той весной появились две новые ученицы — тогдашняя супруга маршала Жукова Галина Александровна и его средняя дочь от первого брака (с Александрой Диевной) Элла. Под чутким руководством преподавателя они постигали азы вождения легкового автомобиля на открытой площадке в Лужниках. Однажды в середине апреля Галина Александровна пришла на занятия сильно расстроенная и это не укрылось от глаз Эллы. «В чем дело?» — спросила та жену отца. И Галина Александровна, после короткого молчания, спросила у Эллы, знает ли она внебрачную дочь Георгия Константиновича Маргариту (она родилась в 1929 году от связи Жукова с подругой его первой жены). Элла ответила, что лично с ней не знакома, но слухи о ней, которые до нее доходят, весьма нелестного свойства. «Элла, вы не представляете, до какого ужасного состояния она довела Георгия Константиновича своими домогательствами!» — воскликнула Галина Александровна. И тут же

поведала своей собеседнице новость о том, что Маргарита прислала отцу письмо с требованием поделиться авторским гонораром за книгу «Воспоминания и размышления» (вышла в 1969 году), предоставив ему выбор: либо выдать сразу крупную сумму, либо выплачивать ежемесячно по 120 рублей, как ему удобнее. Жуков счел, что ему неудобно ни то, ни другое, что Маргарита взрослая женщина и ей давно пора самой себя обеспечивать. Он был разгневан и принял твердое решение больше не читать ее писем и не отвечать на телефонные звонки. Все это не могло не сказаться на его самочувствии, что и расстроило Галину Александровну. Элла могла ей только посочувствовать.

В том же апреле произошло знакомство известного драматурга Михаила Рощина и актрисы Екатерины Васильевой. Дело было так. Рошин в компании Олега Ефремова и его жены Аллы Покровской сидел в ресторане ВТО, когда к ним за столик подседа Васильева. Она в те годы была замужем за кинорежиссером Сергеем Соловьевым, однако в тот день того рядом не было. Застолье длилось до закрытия ресторана, после чего компания разделилась: Ефремов с женой ушли домой, а Рошин с Васильевой решили продолжить знакомство. В итоге драматург пригласил актрису... к себе домой. Там он познакомил ее со своей супругой, которая отнеслась к приходу незваного гостя, да еще женщины, стоически. Более того, когда через час-другой муж выразил желание продолжить знакомство с Васильевой в ночном ресторане аэропорта «Внуково» (в те годы он единственный работал круглосуточно), жена драматурга и эту новость встретила с пониманием. В итоге Рошин усадил Васильеву в свой автомобиль и увез ее в ночь — догуливать. Забегая вперед, скажу, что через некоторое время они поженятся.

Однако от светской хроники перейдем к криминальной. Весной 72-го в МУРе было создано новое подразделение — отделение по квартирным кражам. Структурно оно вошло в состав 2-го отдела (умышленные убийства, или «отдел мокрых дел»), его начальником был назначен опытный муровец Виктор Иванов. Под его началом трудились 10 человек, каждый из которых считался мастером своего дела. Назову лишь некоторые имена: Александр Грибалева

(впоследствии он сменит Иванова на посту начальника), Георгий Арсентьев, Иван Шишаев, Юрий Федосеев. Последний считался новичком, поскольку пришел в МУР всего лишь несколько месяцев назад (в конце 71-го), однако за эти несколько месяцев уже успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Например, на его счету было разоблачение одного из самых дерзких столичных квартирных воров «на доверии», которого удалось поймать в начале 72-го.

«Домушник», которого звали Акоп, бывал в столице наездами из одной солнечной закавказской республики и бомбил исключительно представителей творческой интеллигенции. Почему именно их? Дело в том, что сам вор имел непосредственное отношение к этой среде, в частности, к литературе — он умудрился издать на родине сборник своих стихов. Однако в сферу его интересов входили не только коллеги-литераторы, но и представители других творческих профессий: актеры, художники, композиторы и т. д. Большим подспорьем ему при этом служили справочники творческих союзов СССР, в которых содержались не только имена, но и адреса членов союзов. Действовал «домушник» весьма изобретательно. Выяснив, кто именно из упомянутых в справочниках людей недавно посещал его солнечную республику (а такие гастрольные поездки совершали многие), вор появлялся в их домах с роскошным букетом цветов и корзиной фруктов. Причем время для визитов он подбирал такое, чтобы в квартире, кроме хозяйки, никого не было. Далее Акоп дарил женщине цветы и фрукты и бойко рассказывал сказки о том, какие они с ее мужем друзья. Затем, сокрушаясь, что не застал хозяина дома и не смог засвидетельствовать свое почтение ему лично, гость начинал прощаться (мол, опаздываю на вокзал, в аэропорт и т. д.). Однако, прежде чем уйти, он просил хозяйку угостить его стаканом воды. Едва та уходила на кухню, как Акоп, который за эти пять минут уже успел положить глаз на кое-какие ценные вещи, стоявшие в квартире, забрасывал их в сумку и — был таков. Таким макаром он за пару месяцев сумел ограбить с десятков состоятельных квартир. Учитывая, что большинство потерпевших были люди известные и влиятельные, тогдашнему начальнику МУРа Владимиру Корнееву сверху

спустили задание в кратчайшие сроки найти и обезвредить наглого преступника. Для этих целей была создана специальная группа из четырех человек во главе с уже упомянутым Юрием Федосеевым.

Поскольку Акоп предпочитал тактику «волка-одиночки», выйти на него через агентуру было сложно. Поэтому сыщики в его поисках предпочли самый простой способ — охоту наобум. Для этого они патрулировали в местах его возможного появления, в основном в центре Москвы. И на третьи сутки жертва попала в расставленные сети: по рисованному портрету Акопа опознали аж на Красной площади. Однако радость сыщиков быстро улетучилась, едва они близко познакомились с задержанным. Акоп оказался ушлым человеком и уже с первых минут ареста заставил сыщиков изрядно поволноваться. Во-первых, он съел (!) свой паспорт, во-вторых — порвал на себе всю одежду в лоскуты, из-за чего его отказывались принимать в КПЗ. Сыщикам пришлось приложить максимум усилий, чтобы пристроить его на нары. А на вторые сутки трюк с одеждой повторился: Акоп порвал и второй ее комплект. Затем он принялся весьма профессионально косить под сумасшедшего, из-за чего проводить допросы стало невозможно — он визжал как резаный, закатывал истерики. Сыщики вздохнули лишь тогда, когда за ним приехал усиленный конвой, чтобы этапировать на родину: оказывается, там его ждал неотбытый срок по приговору суда за другие «подвиги».

Однако вернемся в апрель 72-го.

14 апреля стало ясно, что первая половина матча на звание чемпиона мира по шахматам между советским гроссмейстером Борисом Спасским и американцем Робертом Фишера сорвана по вине представителей последнего — шахматная ассоциация США не внесла необходимый залог в сумме 35 тысяч долларов. До этого ФИДЕ давала американцам отсрочку, указав на возможность предоставления хотя бы страхового полиса, но те прислали телеграмму, в которой содержалось лишь требование новых переговоров. После этого многие специалисты стали всерьез сомневаться в том, состоится ли этот матч вообще, если его начало ознаменовалось таким скандалом. Советская печать, комментируя этот факт, указывала на то, что от

Фишера, известного своими «закидонами», можно ожидать чего угодно.

Москва тем временем живет привычной жизнью. 15 апреля в городе проходил коммунистический субботник — массовое мероприятие, когда все трудоспособное население бесплатно занимается облагораживанием улиц, уборкой территории на родном предприятии и т. д. Однако нашелся в тот день в столице человек, который решил «отметить» субботник по-своему. Это был Петр Старчик, чье имя впоследствии войдет в анналы диссидентского движения Советского Союза. За пару-тройку дней до светлой даты он изготовил дома несколько десятков листовок антисоветского содержания с дальним прицелом распространить их затем в городе. Стоит отметить, что сочинением листовок Старчик начал заниматься задолго до этого дня — еще в 68-м, сразу после ввода советских войск в Чехословакию. Печтал он их в домашних условиях с помощью резинового шрифта из братской ГДР, свободно продававшегося одно время в «Детском мире» (кстати, едва листовки стали появляться на улицах Москвы, этот шрифт из продажи изъяли). Тексты листовок обычно были приурочены к событиям и датам: коммунистические праздники, выборы и так далее. Иногда это было лаконичное: «Долой КПСС!» или «КПСС — сборище бандитов, дураков и трусов!», иногда более развернутое повествование, но все о том же — о засилье КПСС.

Итак, 15 апреля Старчик вышел из дома с кипой листовок в портфеле и отправился в центр города. За долгие годы деятельности на подпольной ниве у него уже успел выработаться определенный план: обычно он доезжал до какой-нибудь станции метро, клал пачку листовок на лавку, а сверху ставил портфель. Потом оглядывался вокруг и, если поблизости никого не было, брал портфель и быстро уходил. А спустя минуту поток воздуха от подходящего поезда разносил листовки по всему вестибюлю. Однако в тот день, 15 апреля, Старчик оплошал. На станции метро «Площадь Свердлова» он не заметил двух девушек, которые очень хорошо его запомнили и потом подробно описали его приметы кагэбэшникам. С их слов был составлен фоторобот, который вскоре и помог изобличить «прокламатора». Тем более что видок у него был запоминающийся:

борода, лысина, высокий рост. В итоге его арестовали и спустя пять месяцев отправили в казанскую психушку.

В тот же день, когда Старчик раскидал в метро листовки, съемочная группа фильма «Большая перемена» начала съемки в новой декорации — «кабинет истории в пединституте» (этот день шел в счет коммунистического субботника). Снимали эпизоды: Нестор Петрович идет по институтскому коридору; Нестор и Полина (Наталья Гвоздикова) сидят в институтской аудитории, и Нестор успокаивает свою возлюбленную, которой через несколько минут предстоит сразиться с ним на экзамене.

И еще одно знаменательное событие произошло 15 апреля: на льду спорткомплекса ЦСКА впервые встретились фигуристы Ирина Роднина и Александр Зайцев. Роднина всего месяц назад завоевала очередную золотую медаль чемпионата мира в Калгари в паре с Алексеем Улановым, и эта награда стала последней в истории этой великолепной пары. Как мы помним, тогда случился неприятный инцидент: Уланов на тренировке уронил партнершу. Многие, в том числе и тренер фигуристов Станислав Жук, всерьез подозревали, что это падение не было случайным — мол, Уланов нарочно уронил партнершу по причинам личного характера. Это ЧП так и не удалось сохранить в тайне, и вскоре после возвращения фигуристов в Москву по городу с быстротой молнии стали распространяться слухи о том, что пара Роднина — Уланов больше не существует. Эта новость была столь неожиданной и неправдоподобной, что многие отказывались в нее верить. За те годы, что существовала пара — с 1968 года, — советские люди успели настолько ее полюбить, что ее исчезновение воспринимали как трагедию всесоюзного масштаба. Пара воспринималась как самая романтическая в отечественном спорте. Кстати, это понимали и люди, которые по долгу службы близко общались со спортсменами: например, тренер Станислав Жук делал все от него зависящее, чтобы его ученики скрепили свои отношения в ЗАГСе. Был эпизод, когда сам министр обороны Андрей Гречко (а Роднина и Уланов служили в ЦСКА) тоже предпринял попытку их поженить. Вызвав их к себе в кабинет, маршал узнал, что Роднина нуждается в улучшении жил-

площади. Он подошел к сейфу, достал из него ключи и обратился к Родниной: «Ирочка, вот ключики от новой трехкомнатной квартиры в центре Москвы. Расписывайтесь с Лешей — и въезжайте на здоровье». Однако Роднина на это предложение отреагировала довольно холодно: «Спасибо, Андрей Антонович, но я еще погуляю». Гречко повертел ключи в руках, затем вернул их обратно в сейф, подведя итог разговора одной фразой: «Ну что ж, Ирочка, гуляй-гуляй».

Между тем Уланов вскоре увлекся другой женщиной — фигуристкой Людмилой Смирновой, у которой, кстати, был свой воздыхатель — ее партнер по паре Андрей Сурайкин. Говорят, когда Смирнова сообщила ему о том, что выходит замуж, Сурайкин не сразу понял, о ком именно идет речь, и сказал: «Если тебе так хочется замуж, хорошо, давай поженимся!» Когда же до него, что называется, «дошло», обомлел: «Почему?» Как объяснит позже Смирнова: «Я любила Уланова. Это была сильная страсть. А к Сурайкину относилась как к близкому другу, не более того...»

Когда стало окончательно ясно, что Роднина с Улановым вместе кататься не будут, Жук стал подыскивать Ирине нового партнера. У него на примете было пять кандидатов, однако победил мало кому известный ленинградский фигурист Александр Зайцев. Начинать он свою карьеру в фигурном катании как «одиночка», но в начале 70-х стал кататься в паре с дочерью своего тренера Ольгой Давиденко. В 1971 году на первенстве Союза они заняли 10-е место. Короче, многие специалисты, узнав о том, на ком остановил свой выбор Жук, откровенно недоумевали: неужели этот пацан сможет заменить Уланова? Дальнейшие события покажут, насколько не правы они были в своих сомнениях.

Тем временем по возвращении из Калгари Уланов и Смирнова сыграли свадьбу. Она состоялась в ресторане гостиницы «Москва», на нее пришли более двухсот гостей.

Стоит упомянуть еще об одной свадьбе, случившейся той весной. Вышла замуж молодая певица Ирина Понаровская. Как мы помним, в ноябре прошлого года состоялся ее дебют в ленинградском ВИА «Поющие гитары». На клавишных в ансамбле играл симпатичный парень Григорий Клеймиц, который был на шесть лет

старше Понаровской. За какие-то считанные недели он сумел «окрутить» дебютантку и добился ее руки и сердца. Свадьбу справляли в доме у Понаровских. Говорят, в разгар веселья невеста внезапно вышла в туалет и долго там проплакала, прощаясь со своей независимостью. Между тем родители жениха и невесты были в восторге от выбора своих детей, полагая, что их брак навсегда. Увы, они ошиблись, о чем речь впереди.

В первой половине апреля в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер. Так, 10 апреля на широкий экран вышел фильм Владимира Басова «Возвращение к жизни», поставленный по чрезвычайно популярному роману Ахто Леви «Записки Серого Волка», повествующему о полной драматизма и приключений жизни рецидивиста. Тема беспроектная, и зритель повалил в кинотеатры. Однако по-настоящему зрелищного кино не получилось, поэтому картину ругали и зрители, и критика. Например, в «Комсомольской правде» (номер от 29 апреля) по нему «катком» прошли два весьма влиятельных в системе МВД человека: генерал-лейтенант В. Котов и полковник Ю. Чурбанов (зять генсека), которые писали:

«Посмотрев фильм, неискушенный зритель может подумать, что будто бы борьбой с преступностью у нас никто по-настоящему не занимается. Смещение акцентов, неверное художественное решение привели к печальному итогу: фильм «Возвращение к жизни», по существу, компрометирует ту важнейшую тему, которой он посвящен...»

С 14 апреля в кинотеатрах Москвы начал демонстрироваться политический фильм-памфлет Саввы Кулиша «Комитет 19-ти», повествующий о том, как советские представители при ООН разоблачают неонацистов, производящих бактериологическое оружие.

Кино на ТВ было представлено фильмами: «Любить воспрещается», «На графских развалинах» (1-го), «Тени исчезают в полдень» (1—6 апреля), «Дом, в котором я живу» (2-го), «Матэ Борш» (3—9-го), «Альба Регия» (4-го), «Таинственный монах» (7-го), «Факир на час» (премьера т/ф), «Бриллиантовая рука» (8-го), «Свистать всех наверх!» (9-го), «Москва—Генуя» (10-го), «Герой резерва» (11-го), «Истребители» (12-го), «Городской романс» (впервые

по ТВ) (13-го), «Кража» (13—14-го), «Морозко», «Сомбреро» (14-го), «Тимур и его команда», «Весна на Заречной улице», «Богатая невеста» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 6-го в Театре имени Вахтангова был показан спектакль по пьесе А. Гладкова «Молодость театра»; 15-го в «Ромэн» — «Большая вода Ганга».

Эстрадные представления: 8—15 апреля в ГЦКЗ «Россия» выступал Ленинградский мюзик-холл, 9-го в ДК имени Чкалова весь вечер пела Нина Дорда, 15—16-го в «Октябре» — Майя Кристалинская.

В понедельник, 17 апреля, на съемочной площадке «Большой перемены» наконец появился один из великих стариков МХАТа — Михаил Яншин, играющий в фильме профессора Волосюка. В тот день была снята сцена, с которой начинается фильм: Нестор Петрович сидит за столом, обложенный книгами, а Волосюк выводит его на чистый воздух. Также отсняли эпизоды, где Полина сдает экзамен Волосюку и его коллегам.

Съемочная группа другого мосфильмовского фильма — «Это сладкое слово — свобода!» — завершив короткую экспедицию в Чили (с 27 марта), 19 апреля вернулась на родину. Однако и в этом случае без приключений не обошлось. Мы помним, как из-за досадного недоразумения в Чили не смог попасть оператор фильма, и вот новая напасть. На этот раз беда приключилась с одним из актеров — Брюносом Бабаускасом. При перелете из Сантьяго в Москву у него пропал чемодан, в котором вместе с личными вещами лежал и его игровой костюм. Пропажа обнаружилась при пересадке в Брюсселе. Авиакомпания вместе с извинениями вручила актеру утешительные подарки: механическую бритву, шлепанцы и халат. Однако для съемак этого не хватило, и в ожидании чемодана группа просидела в аэропорту несколько часов.

Вообще на «Мосфильме» эту картину называли самой несчастливой — за то, что во время работы над ней в съемочном коллективе случилась куча самых разных неприятностей. Тут и пролонгация всех сроков, и замена ведущих работников (сменили директора за пьянку, главный художник ушел сам), и плохие погодные условия (был период, когда за три

месяца сняли всего 71 метр), и перерасход средств, и скандал с Ялтинским горисполкомом и т. д. и т. п. Но вернемся к хронике событий.

19 апреля известный ныне политический обозреватель Александр Бовин сменил место работы — из руководителей группы консультантов ЦК КПСС он был понижен до обозревателя газеты «Известия». Столь неожиданное понижение было не случайно, и виноват в нем был сам Бовин: в свое время он имел неосторожность изложить на бумаге свои критические мысли в адрес некоторых деятелей из окружения Брежнева. И эта бумага каким-то образом попала в руки кого-то из критикуемых. Стоит отметить, что сам Бовин узнал об этом неожиданно: утром к нему домой приехал фельдъегерь, который вручил ему пакет с постановлением Секретариата ЦК. Под бумагой стояла подпись главного идеолога партии Михаила Суслова.

И еще о политике. 20 апреля в Москву прилетел советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер. Этот визит был окутан тайной и в советской печати в первые дни даже не освещался. О степени секретности говорит такой факт: о приезде Киссинджера в Москву не знал даже посол США Джекоб Бим. Между тем инициатором этой поездки был президент США Ричард Никсон, который хотел подготовить почву для своего приезда в Москву, намеченного на конец мая. Киссинджеру предстояло обсудить с советским руководством ситуацию во Вьетнаме, а также ряд других проблем, в том числе связанных с устранением еще остающихся разногласий относительно соглашения об ограничении стратегических вооружений и договора о противоракетной обороне.

В тот же день Владимир Высоцкий дал концерт для работников Министерства морского флота. Народу в ДК имени Ногина набилось под завязку, причем на концерт опального певца пришли даже большие начальники со свитой. Высоцкий, который обычно начинал выступления с военных песен, на этот раз изменил своей традиции — спел несколько «морских» песен: «Корабли постоят...», «Песня о капитане», «Еще не вечер», «Свой остров». Однако зал реагировал на эти близкие по теме

песни достаточно вяло. Видимо, устав после трудового дня, народ жаждал по-настоящему расслабиться, а его вместо этого «грузили» проблемными песнями. Высоцкий это понял, сказал: «Я чувствую, что морская тематика вам не очень — перехожу к другой. Я сплчу вам несколько шуточных песен. Они не имеют отношения к морю никакого...» И спел несколько вещей со спортивным уклоном: «Утреннюю гимнастику», «Песенку про метателя молота», «Про sentimentalного боксера», «Про прыгуна в высоту», «Марафон». Затем вновь вернулся к морской теме — спел «Человек за бортом». После чего «зарядил» песни на разную тематику: «Балладу о гипсе», «Песенку про йогу», «Про переселение душ», «Я не люблю», «Песенку о слухах», «Песню плагиатора», «Жирафа», «Милицейский протокол», «Песню о новом времени», а в конце выступления исполнил свежую двухсерийную «Честь шахматной короны». Закончил Высоцкий свое выступление песней «Парус».

В тот же четверг, 20 апреля, в «Большой перемене» сняли эпизоды «в коридоре института»: профессор Волосюк успокаивает провалившегося на экзамене Нестора; Полина спрашивает своего возлюбленного: «Ты рад?», на что Нестор с металлом в голосе отвечает: «Ра-а-д».

Между тем мужская половина населения Советского Союза продолжает с интересом следить за ходом чемпионата мира по хоккею с шайбой, который проходит в Праге. Отлично отыграв первый круг турнира (четыре победы, одна ничья) сборная СССР с таким же успехом проводила и матчи второго круга, выиграв подряд еще четыре матча. Наконец 20 апреля состоялся решающий матч, в котором практически решалась судьба золотых медалей — матч со сборной Чехословакии. Как и все предыдущие игры этих соперников, эта игра получилась на редкость драматичной.

Вратарь чехословаков Холечек впоследствии рассказывал, что его команда готовилась к игре очень тщательно и старалась найти противоядие против самой грозной советской тройки Викулов — Мальцев — Харламов. Для этого на тренировке двое запасных игроков — Глинка и Хаас — исполняли «роли» Мальцева и Харламова, стараясь действовать в манере,

отличающей этих виртуозов шайбы, а хоккеисты основного состава отрабатывали варианты нейтрализации нашей ведущей тройки. Но даже несмотря на эту подготовку, полностью нейтрализовать нашу тройку чехословакам не удалось, хотя матч они выиграли. Но рассказом обо всем по порядку.

Первый период прошел при полном преимуществе хозяев поля. Уже на 9-й минуте Недомански распечатал ворота Третьяка, а спустя 37 секунд он же удвоил счет (причем обе шайбы он забил с подачи Мартинца). Во втором периоде игра выравнялась, и на две наши шайбы (их забил Мальцев, которого признают лучшим нападающим на турнире, и Харламов) чехословаки ответили только одной. Но счет был в их пользу — 3:2. Все должно было решиться в заключительной двадцатиминутке. Она началась с атак советской сборной, однако соперники сумели грамотно выстроить оборону и в итоге выстояли. Кроме этого, в третьем периоде тройка братья Холики—Клапач сумела надежно нейтрализовать нашу ударную тройку Викулов—Мальцев—Харламов и не позволила им больше забить. Итог: чехословаки выиграли 3:2 и стали реальными претендентами на победу в турнире. И они ее добились, поскольку два дня спустя наша сборная допустила досадную осечку, сыграв вничью со шведами 3:3 (и это при том, что в первой игре наши одолели шведов со счетом 9:4!). Впервые за последние восемь лет сборная СССР осталась без титула чемпионов мира, а чехословаки поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета спустя 23 (!) года после своей предыдущей победы. Стоит отметить, что неудачное выступление нашей сборной повлекло изменения в тренерском составе команды: Всеволод Бобров остался «у руля», а вот Николая Пучкова сменил на тренерском мостике Борис Кулагин. Этот tandem должен был теперь подготовить сборную к сентябрьским играм с канадцами.

В тот день, 22 апреля, когда наша сборная распрощалась с мечтой о золотых медалях чемпионата мира, Муслим Магомаев впервые навестил могилу своего отца Магомета Магомаева. Сделать это раньше он не мог, поскольку не знал, где эта могила находится. Отец певца погиб во время войны на территории Германии, под городом Кюстрином (впоследствии эти

земли отошли к Польше, и Кюстрин стал называться Костшином), однако где находится его могила, было неизвестно. Магомаев несколько раз с помощью членов Общества польско-советской дружбы пытался найти ее, но все было тщетно. Пока наконец весной 72-го ему не пришло письмо, в котором сообщалось, что наконец найдена братская могила, где похоронен отец певца. Она оказалась немного севернее Костшина, в городе Хойна Щецинского воеводства. В письме говорилось, что после войны, когда наши основные войска покидали Германию, останки солдат из одиночных захоронений, разбросанных в разных местах, предали земле в общей братской могиле уже на польской территории.

Вспоминает М. Магомаев:

«И вот через двадцать семь лет после гибели отца я смог навестить его... Мне скоро тридцать лет, я стал старше отца, погибшего в двадцать девять. Как сейчас помню ту субботу 22 апреля. Западное Поморье, кладбище в предместье городка Хойна, братская могила...

Я положил на могилу цветы и увез домой горсть той перепаханной бедой польской земли. Позже дядя Джамал отвез ее в Баку и смешал с землей на могиле своего отца...»

В тот же день Владимир Высоцкий давал концерт в Кишиневе. Вместе с ним там же был его коллега по Театру на Таганке Иван Дыховичный, которого Высоцкий чуть ли не силком заставил выйти на сцену и спеть несколько песен. Это было первое публичное выступление Дыховичного перед огромной аудиторией. Послушаем его собственный рассказ об этом:

«Это был первый раз, когда Володя уговорил меня поехать и выступить. Я ужасно стеснялся, а потом — петь с ним, никто не хотел... Но он меня убедил: «Нет, ты выйдешь нормально, будешь работать двадцать минут. Там маленькие залы, какие-то научные институты...» И я, по своей наивности, согласился. Прилетели. Володя мне говорит: «Я поеду посмотрю площадку». Возвращается довольно бледный и говорит: «Мы работаем через два часа, ты только не волнуйся...» — «Да я не волнуюсь». И все это время до концерта он ходил вокруг меня, нянчилось, как с больным. Стемнело. Нас повезли на этот концерт, еду спокойно, думаю: ну что там, зал на двести человек... Приезжаем,

нас куда-то ведут, ведут, ведут — холодно стало, очень холодно. И устроитель говорит: «Главное, чтобы дождя не было». Я думаю: при чем тут дождь? Володя ушел, оставил меня одного в комнате: «Я тебя объявлю, и, что бы там ни было, ты выходишь и поешь!» Слышу какое-то странное эхо... Ну, думаю, это трансляция в моей комнате шипит... «А сейчас перед вами выступит мой друг Иван Дыховичный». Страшный свист, чудовишный какой-то. Володин голос: «Тихо, я вам сказал — он все равно будет выступать!» С какой-то угрозой это сказал. Я не успел до конца разобраться... Я потом только понял, на что я «подписался». За мной прибежал какой-то человек: «Идите скорее!» Я пошел на сцену и, когда вышел на нее, увидел, что она бесконечная, что навстречу мне идет откуда-то издали маленький Володя... Холод страшный, и передо мной девять тысяч человек. При этом ничего, кроме гитары в руках и микрофона, в этой жизни нет. Проходя мимо, он сказал: «Ну, держись». Дальше я помню, что четыре песни я спел без паузы — как это получилось, не знаю. Я понял, что главное — ничего не говорить. Я окончил четвертую песню, и я бисировал. А когда я убежал за сцену (тут я действительно убежал), Володя мне сказал: «Ты представляешь, что произошло? Ты бисировал на моем концерте. Такого никогда не было». И вот что я могу сказать совершенно точно, я никогда не видел такого товарищеского отношения — он был счастлив, что я имел такой успех. Это был миг, наверное, один из самых счастливых в моей жизни...»

На тех кишиневских концертах (а их было три) Высоцкий исполнял как старые, так и совершенно свежие песни, вроде двухсерийной «Чести шахматной короны». По словам того же Дыховичного, публика на ней чуть ли не умирала от смеха. На этих же концертах ушлые спекулянты торговали самодельными портретами Высоцкого по рублю за штуку, которые улетали в мгновение ока. Дело в том, что Бюро кинопропаганды с недавних пор прекратило выпускать портреты Высоцкого по приказу, спущенному сверху. Поэтому любое печатное изображение певца ценилось на вес золота. Помню, я сам буквально с ног сбивался в поисках таких портретов опального артиста, однако даже в Москве их достать было трудно. Зато фо-

тографий других артистов в любом киоске «Союзпечати» было что грязи: плати 8 копеек — и хоть стены в доме обклеивай.

Вообще, коллекционирование актерских портретов в те годы было очень популярно среди населения и практиковалось если не в каждой семье, то в каждой третьей — точно. Особенно грешили этим представительницы слабого пола, хотя и среди мужского населения любителей подобных открыток тоже хватало (ваш покорный слуга тоже входил в их число — моя коллекция, начатая еще в начале 70-х, хранится у меня до сих пор). Поэтому по мере роста спроса на такие открытки Бюро кинопропаганды с каждым разом увеличивало их количество, фотографируя по пятому-шестому разу звезд старых, а также запуская в народ изображения звезд молодых, многие из которых массовому зрителю были даже не знакомы. В те апрельские дни в газете «Вечерняя Москва» был помещен фельетон В. Полякова «Талон на популярность» как раз на эту тему. Приведу лишь отрывок из него:

«Понятно, когда выпускаются из печати и выходят в свет открытки с портретами выдающихся или даже просто талантливых киноактрис и киноактеров, снискавших любовь зрителей исполнением заглавных ролей в завоевавших успех фильмах. Это естественно. Зрители с удовольствием приобретают эти открытки, им приятно иметь их у себя дома.

Но когда выпускаются навалом открытки с портретами киноактеров, ничем не проявивших себя или сыгравших довольно посредственно в одном-двух проходных фильмах, — это не нужно ни зрителям, ни этим актерам. Это по меньшей мере нескромно.

И стоят покупатели у журнального киоска, рассматривают с недоумением портреты задумчивых или улыбающихся девиц и спрашивают у киоскерши:

— Скажите, пожалуйста, кто это?

— Это киноактриса Тюкина.

— А в какой картине она играла?

— Понятия не имею. Кажется, на обороте напечатано... Вот: «Сухумские ночи» и «Моя турбина».

— А были такие картины?

— Раз напечатано, значит, были.

Неловко. Честное слово, неловко.

И, может быть, это очень хорошие девушки и способные актрисы, и очень даже вероятно (я желаю им этого!), что они в скором времени станут выдающимися звездами кинематографа. Но преждевременно торговать их портретами и устраивать вечера их воспоминаний. И творческие отчеты...»

24 апреля закончился визит Генри Киссинджера в Москву. Однако за несколько часов до отлета гость внезапно пожелал встретиться с послом США в Москве Джекобом Бимом (как мы помним, последний даже не знал об этом вояже). Встреча была обставлена по всем канонам детективного жанра. Завотделом США МИД СССР Корниенко позвонил послу и договорился с ним о встрече с глазу на глаз возле здания МИД на Смоленской площади. Бим четко выполнил просьбу: приехал точно в срок и один. Далее Корниенко попросил его пересечь из своего посольского лимузина в мидовскую «Волгу», после чего повез на Ленинские горы. Там, в правительственном особняке, Бим встретился с Киссинджером и министром иностранных дел СССР Громыко. Говорят, когда посол вошел в кабинет и увидел там советника президента, у него на какое-то время отнялся язык. Но затем, совладав с собой, он подошел к Киссинджеру, пожал ему руку и сказал:

— Зная о вашей любви к скрытности, я, наоборот, должен был бы догадаться, что встречу здесь именно вас.

25 апреля получила свое дальнейшее развитие история с призывом в армию Никиты Михалкова. Как мы помним, 7 апреля сам гендиректор «Мосфильма» Сизов отправил на имя министра обороны А. Гречко письмо с просьбой отсрочить призыв Михалкова на год. И вот был получен ответ, в котором просьба Сизова была вежливо отклонена. В письме сообщалось, что «Михалкову 21 октября 1972 года исполняется 27 лет, таким образом, предоставление ему отсрочки от призыва на один год или зачисление его в запас будет являться нарушением статьи 37 Закона СССР «О всеобщей воинской повинности» (текст упомянутой статьи гласил, что призывники, не призванные по различным причинам в Вооруженные Силы в установленные сроки, призываются на дейст-

вительную военную службу до достижения ими 27-летнего возраста).

Далее послушаем рассказ соавтора и приятеля Михалкова сценариста Э. Володарского:

«Для Никиты это было ударом страшным. Он кинулся даже не к отцу, а к Бондарчуку: «Сергей Федорович, помогите». На что Бондарчук так ехидно улыбнулся: «А что ж ты к отцу не пошел?» — «Да что к отцу идти? Мне еще хуже будет». И «Бондарь» позвонил. И думаю, что он не тому человеку позвонил. Он позвонил начальнику Генштаба. А тот то ли не любил Сергея Михалкова и всю семью в целом, бог его знает, но он как заорет: «Что? Да я его укупею на край земли!» И Никита загремел на флот на Камчатку. Над ним издевались страшно, сортиры заставляли драить. Конечно, для всех было удовольствием — приехал сам Михалков. «Я шагаю по Москве» вся страна видела: «Ну, ты теперь у нас по сортиру пошагаешь!»

29 апреля в Бабушкинском детдоме столицы стало на одного воспитанника меньше — одна из матерей забрала домой двухлетнего сына Володю Селиванова. Вообще эта история из разряда «мыльных опер». Володя родился в городе Гагарине Смоленской области и оказался нежеланным ребенком: его рождения не хотели ни молодая мать, ни отец. Последний даже поставил условие: либо я, либо ребенок. Девушка выбрала первое: чтобы парень ее не бросил, она отвезла мальчика в Бабушкинский детдом столицы. Но отношение непутевого папаши к своей возлюбленной лучше не стало: вскоре он ее оставил. Но даже после этого мать не стала забирать сына обратно и вполне обходилась без него. Так продолжалось два года. А тут в апреле 72-го нерадивая мамаша отправилась с подругами в кино на фильм «Офицеры» и внезапно узнала в годовалом мальчике, игравшем внука Алексея Трофимова (актер Георгий Юматов), своего сынишку. Говорят, девушка так расчувствовалась, что тут же в кинотеатре и разрыдалась. И через несколько дней забрала сына из детдома.

Съемочная группа фильма «Большая перемена» готовится к выезду в экспедицию — ей предстоит поездка в Ярославль, где будет сниматься часть натуральных эпизодов. А пока 30 апреля, в последний день перед отъездом, бы-

ли отсняты эпизоды в декорации «класс», где впервые появились два новых исполнителя: Ролан Быков (Петрыкин) и Ирина Азер (Люська). В тот день сняли эпизод, где Петрыкин и Люська прибегают в 9-й «А» и сообщают, что пропал Генка Ляпишев. При этом Нестору Петровичу вручается записка, которая наталкивает присутствующих на мысль, что Ляпишев, вполне возможно, покончил с собой. Однако в следующую секунду дверь класса открывается, и туда вбегает живой и невредимый Ляпишев. Как часто бывает в кино, кадры, где показаны лица довольных соучеников Ляпишева, отсняли два дня назад.

В конце апреля из Кишинева в столицу вернулся Высоцкий. 30 апреля он был приглашен своим коллегой по театру Борисом Хмельницким к себе домой на дружескую вечеринку. Был там и Валерий Золотухин, который по этому поводу в своем дневнике оставил следующую запись:

«Поехал к Хмельницкому, где они с Володей приготовили пир. Мы договорились, когда в Жуковск ездили с «Добрым» (имеется в виду поездка в город Жуковск со спектаклем «Добрый человек из Сезуана». — Ф. Р.). Хмель сделал все сам: травки всякой накупил, утку с яблоками всю пожег, а яблоки в угли обратил, но зато сам... Окружен он был манекенщицами, под стать только ему — под потолок. У Высоцкого от такого метража закружилась голова, и он попросил никого не вставать. Досидели опять до четырех.

Мне было хорошо. Вовка много пел, и я вякал. И дома скандала не было — это редкий случай в моей практике...»

В тот же день в 18.00 по московскому времени по ТВ из Белграда транслировался отборочный матч 1/4 финала чемпионата Европы по футболу между сборными Югославии и Советского Союза. Игра завершилась сухой ничьей 0:0, что для нашей сборной равнялось успеху. Ответный матч должен был состояться две недели спустя в Москве.

В заключение главы, как обычно, — столичная афиша развлечений. Начнем с кино. 17 апреля на широкий экран вышли сразу два фильма: советско-монгольский «Слушайте, на той стороне», посвященный событиям на Халхин-Голе, и белорусский «Рудобельская рес-

публика» — про то, как отряд красноармейцев в 18-м году защищал от натиска неприятеля деревню Рудобелку. 19 апреля в кинотеатрах столицы начал демонстрироваться двухсерийный фильм таджикского режиссера Бориса Кимягарова «Сказание о Рустаме» — экранизация поэмы А. Фирдоуси «Шахнаме». Однако гвоздем сезона, безусловно, стала премьера фильма Владимира Бычкова «Достояние республики», который вышел в широкий прокат 28 апреля. Украшением фильма стал звездный дуэт Андрей Миронов — Олег Табаков: первый играл весельчака и повесу, бывшего придворного учителя фехтования Маркиза, второй — сотрудника Петроградского УГРО Макара Овчинникова. Фильм проходил по категории «детское кино», однако его с удовольствием смотрели и взрослые. Миронов исполнил в фильме две песни композитора Евгения Крылатова на стихи Юрия Энтина: «Песенка о шпаге» («Вжиг, вжиг, вжиг — уноси готовенького...») и «Этот город». Первой суждено будет стать всенародным шлягером.

Из зарубежных премьер упомяну одну: фильм американского режиссера Сиднея Поллака с непривычно длинным для советского зрителя названием «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» с Джейн Фондой в главной роли. Картина пока идет нешироким экраном, а в течение нескольких дней (26—29 апреля) демонстрируется во Дворце спорта в Лужниках. Ажиотаж вокруг нее огромный, билетов в кассах не достать, а у спекулянтов они идут по «червонцу» (10 рублей) при официальной цене 50 копеек. И даже эти билеты отрывали, что называется, с руками, поскольку молва о фильме гуляет по городу широкая: говорят, там есть сексуальная сцена, где главный герой овладевает женщиной в гримерной. По тем временам это было что-то!

Кино на ТВ было представлено фильмами разных жанров и направлений: например, в преддверии очередной годовщины со дня рождения вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина был показан целый букет фильмов на эту тему: «Человек с ружьем», «Железный поток», «О друзьях-товарищах» (21—22 апреля), «И был вечер, и было утро» (впервые по ТВ), «Кремлевские куранты», «На пути к Ленину» (22-го). Из других картин назову следующие:

«Два капитана» (23-го), «Война и мир» (24—27-го), «Виринея», «Ждите писем» (28-го), «Сереза», «Красные листья» (29-го), «Ночная смена» (30-го) и др.

Не пустуют эстрадные площадки. 18—20 апреля в Театре эстрады поют артисты болгарской эстрады: Лили Иванова, ВИА «Маки» и др., 25—27-го на этой же площадке выступает джаз-оркестр Теда Джонса и Мэла Луиса из США.

На прилавки музыкальных магазинов поступили очередные новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «Поет Вадим Мулерман» с

песнями: «Налетели вдруг дожди» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «Ветер с луны» (И. Якушенко — Л. Дербенев), «Разрешите познакомиться» (Д. Тухманов — И. Кохановский), «А любовь остается жить» (Б. Власов — С. Островой); «Песни Александры Пахмутовой» («Гайдар шагает впереди», «Замечательный вожатый», «Трус не играет в хоккей» (С. Гребенников, Н. Добронравов), «Орлята учатся летать» (Н. Добронравов); гибкая пластинка «Мелодии в танцевальных ритмах», на которой представлена музыка Глена Миллера из фильма «Серенада Солнечной долины».

1972 Май

Премьера фильма «Бумбараш» ознаменовалась скандалом. У Владимира Конкина родились близнецы. Нападение на инкассаторов в Ташкенте. Умер Виктор Драгунский. Переполох в ЦК. Бродского вызывают в ОВИР. Победа советской сборной по футболу. Умер Александр Корнейчук. Как шмонали Евгения Евтушенко. Вахтер не устоял перед обаянием Савелия Крамарова. Группа «Но То Цо» играет «Лед Зеппелин». Почему Станислав Жук хотел бросить пару Роднина — Зайцев. Трагедия в Светлогорске: как погиб детский сад. Из фильма «А зори здесь тихие...» вновь требуют вырезать «обнаженку». Высоцкий в Таллине. Гибель пародиста Виктора Чистякова. Самосожжения в Каунасе. На Украине сменился первый секретарь: кресло Шелеста занял Щербицкий. Очередная трагедия в воздухе: террорист взрывает самолет. Освобождение Ильи Габая. Ричард Никсон в Москве. «Зачистка» столицы от диссидентов. Прощание Александра Вампилова с Москвой. Трагедия в Рязани: известная цирковая артистка сорвалась с каната. Скандал в Барселоне: хулиганы против советских футболистов. Похороны Виктора Чистякова. ЧП в Большом театре: звонок по президентской связи. Театр сатиры в Болгарии. Как крысы сожгли батумский порт. ЧП с самолетом Никсона. Ограбление на Дерибасовской. Михаил Кононов срывает съемки. Кто помог Валентине Толкуновой. Новое «дело» «знатоков».

Поскольку праздничные дни 1—2 мая выпали на понедельник и вторник, два предыдущих дня, выпавших на выходные, были объявлены рабочими (их присовокупили к отпускам).

1 мая было все, как обычно: утром праздничная демонстрация (трансляция по ТВ началась в 9.45), затем всенародные гулянья в парках и садах отдыха. Вечером — насыщенная программа по ТВ. В тот день по «ящику» было что посмотреть, одних фильмов показали целых три, причем все — комедии. Так, в семь вечера показали «Вратаря», затем — «Свадьбу в Малиновке», однако безусловным фаворитом праздничного вечера стала премьера героической комедии «Бумбараш» с Валерием Золотухиным в главной роли, первую серию которой показали в семь вечера. Мало кто из собравшихся у экранов телевизоров знал, что эта премьера стала возможной благодаря случаю: один из членов Политбюро, который, увидев фильм, поклялся, что его покажут только через его труп, уехал в отпуск, чем и воспользовались телевизионщики. Правда, из фильма при-

шлось изъять самую крамольную сцену, где Бумбараш «облегчается»: чтобы заставить воздушный шар взлететь, он вынужден сходить по-малому. Блюда нравственность зрителей, телечиновники эту сцену вырезали. Кстати, сам Золотухин в часы премьерного показа сидел не у «ящика», а играл на сцене родного Театра на Таганке в спектакле «10 дней, которые потрясли мир». После спектакля компания нескольких актеров театра, включая Золотухина, на двух машинах — Высоцкого и Дыховичного — отправилась на квартиру актера все той же Таганки Анатолия Васильева, который несколько дней назад женился. Молодожен встретил коллег с распростертыми объятиями, тут же накрыл стол, на котором доминировало марочное молдавское вино и мясо. Пирушка продолжалась часа полтора.

Между тем уже на следующий день после премьеры первой серии «Бумбараша» грянул скандал. Узнав, что из нее вырезали сцену «облегчения» главного героя, возмутился наследник автора произведения, по которому был поставлен фильм — сын Аркадия Гайдара Ти-

мур, который работал в газете, да не в какой-нибудь многотиражке, а в самой «Правде». Он позвонил председателю Гостелерадио Сергею Лапину и высказал ему все, что думает по этому поводу. Обескураженный Лапин клятвенно пообещал восстановить справедливость и вернуть фильму первоначальное состояние. И не обманул: с тех пор «Бумбараш» будут показывать без купюр.

2 мая в Москве состоялся финальный матч на Кубок СССР по хоккею между столичными динамовцами и воскресенским «Химиком». Москвичи оказались сильнее и победили 3:0. А три дня спустя динамовцы, уже в рамках чемпионата страны, встречались со «Спартакком». Эта игра была очень важна для ЦСКА, который в случае победы «Спартака» досрочно, в 17-й раз, мог стать чемпионом страны. Так оно и вышло. После тяжелого кубкового матча сил у хоккеистов «Динамо», видимо, не осталось, и они проиграли 2:6. Второе место сохранилось за «Динамо», на третьем расположился «Спартак».

«Золотой» состав ЦСКА выглядел так: Владислав Третьяк, Юрий Блохин, Алексей Волченков, Александр Гусев, Виктор Кузькин, Владимир Лутченко, Александр Рагулин, Игорь Ромишевский, Геннадий Цыганков, Юрий Блинов, Владимир Викулов, Александр Волчков, Сергей Глазов, Борис Михайлов, Евгений Мишаков, Юрий Моисеев, Владимир Петров, Анатолий Фирсов, Валерий Харламов; тренер — Анатолий Тарасов.

4 мая у молодого актера Харьковского театра юного зрителя Владимира Конкина (будущего Шаропова) родились близнецы: Святослав и Ярослав. Как мы помним, Конкин женился год назад на дочери своей классной руководительницы Алле Выборновой. На момент рождения детей Конкин находился в Харькове, а его жена в Саратове. В одном из тамошних роддомов и прошли роды.

Этот день был знаменателен для Конкина еще одним событием: из Киева на его имя пришла телеграмма из съемочной группы фильма «Как закалялась сталь» с просьбой срочно прибыть на пробы (Конкина случайно обнаружил ассистент режиссера Олег Фиалко, просматривая портреты недавних выпускников Саратовского театрального училища). Актер поначалу воспринял это приглашение как розыгрыш: на-

кануне сторел Харьковский ТЮЗ, где он работал. Однако коллеги убедили его в подлинности происходящего, и уже на следующий день Конкин отправился по вызову.

На «Мосфильме» в эти же дни режиссер Гавриил Егиазаров продолжает работу над фильмом «Горячий снег». Некоторое время назад группа вернулась из Новосибирска, где проходили натурные съемки (сражение на реке Мышкова), и вот теперь настал период работы в павильонах. В одном из них создан кабинет, в котором снимается военное заседание с участием начальника штаба Яценко (актер Л. Золотухин), генерала Бессонова (Г. Жженов) и члена Военного совета (А. Кузнецов).

4 мая в «Вечерней Москве» появилась заметка о разгуле преступности в США, в которой сообщалось, что в Америке от пуль преступников ежегодно погибает 20 тысяч американцев, что каждые 13 секунд там приобретает новый пистолет и прочая-прочая. В отличие от большинства подобных заметок о забугорной жизни, эта не врала, и даже не преувеличивала — преступность в Америке действительно в те годы, что называется, зашкаливала. Причем, несмотря на то, что ее тщательно «подчищали» в статистических отчетах. Например, в декабре 1969 года сам президент Ричард Никсон пригрозил полицейскому комиссару Колумбии Джерри Уилсону, что либо он снизит уровень преступности, либо лишится должности. Уровень преступности в округе Колумбия был снижен путем подчистки статистических данных. Согласно официальным данным, в 1972 году в США было зарегистрировано 5 891 900 преступлений, по неофициальным же данным, количество преступлений было вдвое больше.

В Советском Союзе тоже подчищали статистику преступлений, хотя наша преступность была не чета американской. У нас было значительно меньше преступлений с применением огнестрельного оружия, почти не было сексуальных маньяков, меньше случаев убийств стражей порядка (в США с 1963 по 1973 год преступники убьют более 860 полицейских). Хотя и крылатую фразу из песни «если кто-то кое-где у нас порой» тоже нельзя было воспринимать буквально: на огромную страну у нас хватало и «кого-то», и они не «кое-где» и не «порой». Опишу лишь один случай, произо-

шедший весной того года в столице Узбекистана Ташкенте.

В один из дней двое операторов-инкассаторов Ташкентского главпочтамта К. Корешков и Н. Ермачков занимались привычным делом: инкассировали принадлежавшие им точки. Время близилось к концу рабочего дня, и к 18.15 инкассаторам оставалось захватить всего лишь два отделения связи. Но во время посещения одного из них произошло непредвиденное.

Подъехав к 160-му отделению связи, Ермачков оставил коллегу за рулем «ЕРАЗа», а сам отправился в здание. Однако, едва он успел переступить порог почты, как внезапно услышал за спиной несколько pistolетных выстрелов. Ермачков рванулся назад, на помощь к коллеге, но добежать до него не сумел — на выходе его встретили два выстрела в упор. Тяжело раненный, Ермачков все-таки смог из последних сил добежать до автомобиля, но это не помогло — за рулем уже сидели неизвестные, которые на полном ходу бампером сбили инкассатора с ног.

Между тем невольным свидетелем этого побоища стал гражданин Абдурашид Кахаров, который на своем «Москвиче» подъехал к зданию почты. Бросившись на помощь к Ермачкову, он усадил его к себе в салон, и вдвоем они кинулись в погоню за преступниками. Однако в pistolете, который сжимал в руках истекающий кровью инкассатор, не было обоймы — она выпала во время падения, — что значительно увеличивало шансы грабителей. Понимая, что в любую минуту инкассатор может умереть от потери крови, Кахаров решил срочно доставить его в больницу. Но как быть с преступниками? И тогда Кахаров принимает следующее решение: он останавливает на дороге первую встречную машину — это был «Запорожец», объясняет его водителю ситуацию и просит если не догнать, то хотя бы проследить за бандитами. Как ни удивительно, но владелец «Запорожца» соглашается. Потом станет понятно, почему он так быстро согласился. А пока Кахаров доставляет Ермачкова в больницу, однако было уже поздно — на операционном столе тот умер от потери крови (у него остались шестеро детей). Однако вся милиция уже поднята на ноги, за поимкой преступников лично следит министр внутренних дел рес-

публики Х. Яхьяев, а их поимкой руководит его зам Г. Ткачев.

Угнанная преступниками машина «ЕРАЗ» была найдена в тот же день в 12 километрах от места преступления. Бандитов в ней, естественно, уже не было, а был только убитый ими Корешков. При осмотре в салоне были обнаружены стреляные гильзы от боевого pistolета и револьвер «наган» погибшего инкассатора. Свидетели, оказавшиеся неподалеку от этого места, рассказали, что двое молодых людей вышли из «ЕРАЗа» и пересели... в «Запорожец», который следовал за ними. Да-да, это был тот самый «Запорожец», водителя которого Кахаров попросил проследить за бандитами. А он, как оказалось, был их сообщником, прикрывавшим их отход. Но у милиции были его приметы, да и марка его автомобиля тоже могла помочь выйти на его след. Удачу сыщикам сулило и то, что «Запорожец» при обгоне ударил «Победу», номер которой был известен. При осмотре «Победы» специалисты определили: у «Запорожца» погнут правый воздухозаборник, на нем должны остаться царапины и наслоения краски от «Победы». А дальше в дело включились агентурные связи.

Вскоре от одного из агентов стало известно, что некие Хачик и Валерка Беспалый незадолго до нападения на инкассаторов подыскивали себе огнестрельное оружие. Стали выяснять личности этих людей. Установили: это 37-летний шофер одного из управлений города Владимир Хачиян, имеющий аж 9 судимостей за разбойные нападения и побеги из мест заключения, и бывший шофер этого же управления 30-летний Валерий Гусман. Также выяснилось, что в феврале этого года Хачиян купил себе автомобиль марки «Запорожец». Круг, как говорится, замкнулся.

В ходе скрытого наблюдения за Хачияном и Гусманом сыщики выяснили, что у них имеется и третий приятель — 26-летний Шакир Каримов. Причем сразу после ограбления троица прекратила всяческие контакты между собой и практически все время проводила либо на работе, либо дома, откуда и носа не высовывала. А Хачиян и вовсе схитрил — лег на обследование в туберкулезный диспансер. Думал, там его не найдут. Но просчитался. Пока он там отдыхал, сыщики обследовали его «Запорожец» и нашли указанные специалистами

повреждения. После этого всю троицу арестовали.

Как выяснилось, инициатором ограбления был Гусман. Он ранее работал в автобазе, обслуживающей Министерство связи Узбекистана, и поэтому хорошо был осведомлен о тамошних порядках. Планы ограбления разрабатывали тщательно, даже трижды их меняли, принаравливаясь к ситуации. В злополучный день к машине подошли двое: правую дверцу открыл Каримов и тут же в упор выстрелил в Корешкова, а Гусман завел мотор. В бегущего Ермачкова стрелял Каримов через лобовое стекло. А Хачиян все это время сидел неподалеку в своем «Запорожце» с винтовкой наготове.

В июне этого же года Указом Президиума Верховного Совета СССР К. Корешков и Н. Ермачков были посмертно награждены орденами Красной Звезды. Но вернемся на месяц назад.

Съемочная группа фильма «Большая перемена», переместившаяся из Москвы в Ярославль, с 5 мая приступила к натурным съемкам. В первый день киношники работали в парке культуры и отдыха, где снимали бегство Ляпишева от Петрыкина. Правда, ввиду того, что Ролан Быков не смог приехать вовремя, пришлось снимать эпизоды без его участия: Ляпишев (Виктор Проскурин) бегал по парку в одиночку.

6 мая в Москве скончался популярный детский писатель Виктор Драгунский. Как мы помним, в последнее время писатель плохо себя чувствовал и вынужден был несколько раз ложиться в больницу. Однако последний месяц своей жизни он провел «на свободе» — на своей даче на Пахре. Вспоминает жена писателя Алла:

«Весь апрель и начало мая были жаркими. Это был канун той дикой жары, когда вокруг Москвы все лето горели леса...

Майские праздники мы провели на даче. Было очень тепло, и мы накрыли стол на открытом воздухе. Говорили о предстоящем лете, о помощнице на это время, чтобы мы могли безвыездно жить на даче. После майских праздников поехали в Москву, чтобы через три дня вернуться.

А 6 мая вечером Виктора не стало...

Я сидела около Вити и не могла осознать, что его больше нет и что остались какие-то жалкие часы и его увезут...

В десять часов вечера приехал человек забрать от нас Виктора. На носилках его несли по лестнице с нашего 11-го этажа вниз, где стояла эта ужасная машина. Шли Миша, старший сын Лены, Денис и человек, приехавший с машиной. Я шла сзади...

До глубокой ночи родные и друзья не расходились. Шел тихий, печальный разговор. Мы уже сообщили всем о нашем горе. На следующий день стали приходить многочисленные телеграммы, начались бесперывные звонки...

Продолжаются съемки «Большой перемены» в ярославском ЦПКиО. 6 мая снимался эпизод возле танцплощадки: Нестор Петрович застаёт врасплох Ляпишева и увозит его на такси в школу. Любимая девушка Ляпишева Люся (Ирина Азер) застывает на месте с выражением неподдельного недоумения на лице.

На следующий день снимали другие эпизоды: Ляпишев пытается убежать от Петрыкина (Ролан Быков) на танцы, казалось бы, ему это удастся, но хитрый Петрыкин ловит беглеца на самом входе на танцплощадку; Петрыкин подстерегает Ляпишева в тот момент, когда тот коротает время на лавочке в обнимку с Люсей. Это там герой Быкова заявляет девушке: «Вы какая-то не идеальная», на что Ляпишев реагирует нервно: «Я целоваться хочу!» На другой день снимали эпизод, где Петрыкин и Ляпишев слушают лекцию на открытой веранде парка культуры. Это там Петрыкин говорит своему опекаемому: «Я вчера читал Чехова Антон Павловича, и знаешь, Гена, что он мне сказал? В человеке, говорит, все должно быть прекрасно».

Страна тем временем готовилась к большому празднику — 27-й годовщине со дня Победы над фашистской Германией. С утра 9 мая в Москве в сквере у Большого театра, в Парке культуры и отдыха имени Горького собрались ветераны той войны. Среди последних был и будущий директор Института США и Канады АН СССР Георгий Арбатов, который начал войну 18-летним лейтенантом, командовавшим батареей «катыш», а закончил — капитаном, инвалидом II группы, демобилизованным вследствие острого туберкулеза легких (он ока-

зался среди относительно немногих счастливых, которым помогли пневмоторакс и хирургическая операция). Арбатов встретился с однополчанами в Музее Советской Армии, где хранилось знамя их полка, затем они отправились на банкет, который был устроен в одном из ресторанов гостиницы «Россия». Встреча получилась сердечная и очень затяжная — ветераны ходили гулять, снова возвращались, и уже в номерах гостиницы застолье возобновлялось вновь. В итоге Арбатов вернулся домой часов в 10 вечера и узнал от жены, что с середины дня его настойчиво разыскивали из секретариатов высокого начальства — Юрия Андропова и Леонида Брежнева (Арбатов тогда работал референтом в ЦК). Арбатов тут же позвонил на Старую площадь, но ему сообщили, что все уже разошлось, но надо прийти в ЦК на следующий день в 9 утра. Арбатов никак не мог понять, чем вызван столь неожиданный вызов, однако, включив радио, сразу все понял: оказывается, 8 мая США возобновили бомбежку Ханоя и осуществили минирование порта Хайфон, в результате чего пострадали советские люди. И все это буквально накануне первой с 1959 года советско-американской встречи в верхах, которая намечалась на конец мая. Далее послушаем рассказ самого Г. Арбатова:

«На следующее утро в ЦК состоялось совещание (вел его Брежнев, участвовали Андропов, Громыко и, кажется, Пономарев (Борис Пономарев был заведующим Международным отделом ЦК. — Ф. Р.), а также группа экспертов и консультантов). Хоть главные дискуссии уже состоялись накануне, разговор шел очень серьезный. В центре стоял вопрос: отменять или нет встречу в верхах? Как известно, было принято решение — не отменять. Но это было нелегкое решение. Весьма громко высказывалось и прямо противоположное мнение. Многие видные работники, включая членов ЦК, требовали отмены встречи, считая, что, согласившись на нее, мы будем политически унижены, потеряем авторитет в мире и особенно в коммунистическом и освободительном движении, поощрим американский империализм на новые авантюры. Большинство ответственных товарищей молчали, как обычно, выжидали, пока станет ясным мнение руководства. Уже потом в доверительном разговоре Андропов

рассказывал, что на Брежнева оказывалось сильное давление, чтобы он «дал достойную ответь» Никсону, отменил встречу. Те, кто могли, включая участвовавших в дискуссиях экспертов, делали все, чтобы противостоять этому давлению, не принимать американский вызов соревноваться в безрассудстве, проявить выдержку...»

Кстати, именно в те майские дни у Брежнева появился свой личный кабинет в Кремле. До этого он располагал только одним служебным кабинетом, который располагался на пятом этаже дома № 4 на Старой площади (здание ЦК КПСС). Но в преддверии визита президента США Ричарда Никсона встал вопрос о том, что принимать столь высокого гостя в здании ЦК неудобно. Вот тогда в Кремле срочным порядком оборудовали для Брежнева еще один служебный кабинет, в котором и должна была проходить встреча двух лидеров.

10 мая поэта Иосифа Бродского внезапно вызвали в один из ленинградских ОВИРов. Там ему сказали следующее: мол, нам известно, что несколько дней назад вам пришел вызов из Израиля, и мы советуем вам принять его. Причем все документы на выезд оформим в кратчайшие сроки. То есть Бродского поставили перед фактом: либо ты уезжаешь из страны, либо... Что подразумевалось под вторым вариантом, поэт понимал без лишних пояснений — ничего хорошего. Поскольку жизнь на родине в последние годы была для него невыносимой — мизерная зарплата (он подрабатывал переводчиком), абсолютно никаких перспектив, то он согласился уехать. ОВИР в ускоренном темпе начал процесс оформления документов.

В этот же день в «Большой перемене» снимали эпизод, когда осужденный на 15 суток Ганжа (Александр Збруев) под присмотром милиционера (Лев Дуров) подметает танцевальную площадку. Причем делает это так усердно, что даже игнорирует перекур. А на удивленный возглас своего соглядата отвечает: «Не мешайте приводить планету в порядок!»

11 мая в Москве в Доме литераторов состоялась гражданская панихида по Виктору Драгунскому. Поскольку он умер за два дня до праздника Победы, Союз писателей смог устроить прощание только пять дней спустя. Вспоминает А. Драгунская:

«Пришли родные, близкие, товарищи Виктора по издательствам, писатели, друзья: Юра Трифонов, Яша Аким, Яша Костюковский, Владимир Бахнов, Леня Зорин, Борис Голубовский, Миша Львовский, Юрий Яковлев. Был и Андриуша Миронов, которого Виктор знал еще мальчиком, Олег Ефремов, Алексей Арбузов и еще много-много людей, всех не упомянуть. Приехал и Юрий Нагибин с Аллой, но ему стало плохо, и Алла его увезла...

Затем кремация у Донского монастыря. Мне показалось, что в крематории было больше людей, чем на панихиде, хотя всегда бывает наоборот...»

В этот же день пародист Виктор Чистяков на короткое время заехал в родной Ленинград, где посетил свою коллегу по Театру Комиссаржевской Марию Ганицкую-Шмарук, которая вместе с мужем жила в его квартире. Они сидели на кухне, пили кофе и вели вполне обычные разговоры. В какой-то момент, желая блеснуть своими познаниями в хиромантии, Мария внезапно попросила Чистякова показать свою ладонь. Взглянув же на нее, обомлела: линия жизни обрывалась. Однако виду не подала, как бы в шутку спросила: «Витя, ты куда остальную половину жизни дел?» Но он воспринял все серьезно и буквально огорошил ее признанием: «Ты знаешь, что мне сказала цыганка в Болгарии? Я, как звезда, вспыхну и погасну!» Сказал он это вроде бы с юмором, однако глаза при этом у него были печальные. Жить ему оставалось всего несколько дней.

12 мая в «Большой перемене» начали снимать эпизоды, происходящие на территории Ярославского нефтеперерабатывающего завода. В первый день и на следующий снимался один из самых смешных эпизодов фильма — «издевательство над человеком», в котором были заняты актеры Александр Збруев (Ганжа) и Савелий Крамаров (Тимохин). Это там Ганжа просит Тимохина подержать баллон, а тот отвечает: «Что я тебе, домкрат, чтобы за бесплатно держать?» — «А если не бесплатно?» — предлагает Ганжа. «Сколько?» — тут же интересуется Тимохин. «А сколько насчитаешь: каждая цифра — копейка». Вскоре посмотреть на это зрелище сбегается ползавода. А Ганжа, потрясая рублями в руке, заывает все новых и новых зрителей: «Аттракцион неслыханной жадности: Пьер Тимохин считает копейки!» В итоге Ти-

мохина забирает «скорая», а Ганжа оказывается в милиции.

13 мая в Москве на Большой арене стадиона в Лужниках состоялся второй матч 1/4 финала розыгрыша чемпионата Европы между сборными СССР и Югославии. В первой встрече команды разошлись мирной ничьей 0:0. Однако на этот раз матч получился на редкость результативным, причем все мячи провели советские футболисты. До 53-й минуты обе «рамки» оставались нетронутыми, пока наконец Колотов не открыл счет. Югославы бросились отыгрываться, но наши сумели выстоять, более того — поймали соперника на контратаке и удвоили результат: мяч на 74-й минуте забил Банишевский. А за минуту до финального свистка Козинкевич, сменивший на поле Еврюжихина, поставил победную точку в матче — 3:0. Советская сборная вышла в 1/2 финала.

14 мая советская литература понесла еще одну утрату — на 67-м году жизни в Киеве умер писатель Александр Корнейчук. Его звезда взошла еще в середине 30-х, после выхода пьес «Гибель эскадры» и «Платон Кречет». В 1952 году Корнейчук был избран в ЦК КПСС, а семь лет спустя возглавил Верховный Совет Украины. В марте 72-го у Корнейчука внезапно начались сильные боли, он стал резко худеть. Врачи констатировали рак, однако из лучших побуждений правды больному не сказали, сообщив, что у него радикулит. Но тот обо всем догадался. Однако, даже несмотря на столь страшный диагноз, Корнейчук руки не опустил: лежа в больнице, он вынашивал идею написать пьесу, равную знаменитому «Фронту», который был написан им в 1942 году. Но этим планам не суждено будет сбыться.

Вспоминает жена драматурга Марина Корнейчук:

«В ночь на субботу (12—13 мая) Александр Евдокимовичу стало плохо, он потерял сознание. Бригада реаниматоров сделала все возможное, и Александр Евдокимович открыл глаза, обвел взглядом всех нас и тихо сказал мне: «А знаешь, я побывал на том свете. Ой, как там плохо. Не надо туда спешить. Мы еще поборемя», — и улыбнулся. Как сквозь темные тучи пробился луч солнца — его очаровательная улыбка, юмор.

13 мая, в субботу, день был спокойный. Разговариваем, и вдруг Александр Евдокимович просит меня уговорить врачей, чтобы разрешили провезти по Крещатику, он так хочет увидеть Киев в каштановом цвету...

И вот наступила страшная ночь 14 мая 1972 года... Александр Евдокимович теряет сознание, бригада реаниматоров... Сажу у его постели, ожидаю, что опять он, как вчера, откроет глаза, я жду чуда...

Бледное, восковое лицо, и только пальцы правой руки как будто держат перо, а рука скользит по одеялу, как по строчкам на бумаге, — он пишет, пишет... Врачи расправляют пальцы, а рука опять быстро, быстро пишет...

И вот чудо! Он открыл глаза, смотрит на меня, и я вижу, что узнает меня, беру его голову в свои руки, мои слезы заливают его лицо, я без конца повторяю его имя — у него улыбка на устах, он набирает воздух, хочет что-то сказать и... Александра Евдокимовича не стало...

В день, когда не стало Корнейчука, в той же Украине, в городе Луганске, в семье военного родилась девочка Таня Печенкина. Через десять лет она с семьей переедет в Москву, а еще спустя десять лет начнет карьеру певицы под псевдонимом Татьяна Снежина. Однако ее сценическая карьера прервется, едва начавшись: 21 августа 1995 года вместе со своим женихом Татьяна погибнет в автомобильной катастрофе. Два года спустя благодаря стараниям Аллы Пугачевой ее песня «Позови меня с собой» станет всероссийским хитом.

Однако вернемся в май 72-го.

В те дни Евгений Евтушенко возвратился из двухмесячной поездки по США. Поездка оказалась весьма плодотворной: поэт выступал в нескольких университетах, встречался с видными общественными и государственными деятелями Америки, в число которых входили сам президент США Ричард Никсон и его помощник по национальной безопасности Генри Киссинджер. Короче, на родину Евтушенко возвращался, переполненный впечатлениями и с большой охотой. Но родина, в лице бравых таможенников, встретила его совсем не ласково. В Шереметьево Евтушенко заставили распаковать его баулы, хотя до этого пропускали без всякой проверки. Просто на этот раз кто-то из заграничных спутников поэта «стукнул» на не-

го в «органы», и теперь этот «стук» гулко отозвался на шереметьевской таможне.

Обыск Евтушенко продолжался четыре часа и сопровождался массой унижительных подробностей. Например, когда поэт отпросился в туалет, то с ним отправился таможенник и держал дверь кабинки открытой, опасаясь, что Евтушенко попытается спустить в унитаз что-то крамольное, не найденное в его вещах. А в баулах поэта было найдено ни много ни мало 124 (!) запрещенные к ввозу в страну книги. Среди них были тома произведений Троцкого, Бухарина, Бердяева, Шестова, Набокова, Алданова, Гумилева, Мандельштама, «Окаянные дни» Бунина, «Несвоевременные мысли» Горького, а также 72 номера лучшего журнала эмиграции «Современные записки», издававшегося когда-то в Париже, и книга анекдотов «Говорит Ереван». Кроме этого, были изъяты фотографии, на которых Евтушенко был запечатлен во время встреч в Америке с разными людьми (в том числе и с президентом Никсоном). Короче, такого улова у шереметьевских таможенников давненько не было.

Евтушенко прекрасно понимал, в какую неприятность его угораздило вляпаться, поэтому прибег к хитрости. Расписываясь под длинной описью конфискованных вещей, он объяснил их провоз в страну следующим обстоятельством: мол, «во время поездок за границу с целью пропаганды идей нашей Родины я порой чувствую себя идеологически безоружным в борьбе с нашими врагами, ибо не знаком с первоисточниками, на которых они основывают свою оголтелую ненависть. Достать многие из этих первоисточников в СССР невозможно даже в спецхранилище Ленинской библиотеки. Поэтому я и привез эти книги — не для распространения, а для повышения моей идеологической бдительности. Требую немедленно вернуть все конфискованные книги, необходимые мне для работы на благо мира в мире и нашей Родины».

Самое интересное, что таможенники прекрасно понимали, что тот лукавит, однако приняли его игру. Им, видимо, важно было другое — унижить его прилюдно, показать, что и на него, в случае необходимости, может найтись управа. И цели своей они достигли. Когда на следующий день Евтушенко явился к высокопоставленному чекисту (встреча происходи-

ла не в главном здании на Лубянке, а в приемной КГБ на Кузнецком мосту), тот был настроен вполне миролюбиво и даже позволил себе раскрыть перед поэтом кое-какие тайны. Например, он намекнул ему, что обыск производился по сигналу из окружения поэта: дескать, надо быть разборчивее в знакомствах. Еще он извинился за сотрудников таможни, которые производили обыск:

— Недоработки, — сказал чекист. — Культуры не хватает, как вы сами справедливо заметили во вступлении к поэме «Братская ГЭС».

Еще чекист сообщил, что Иосиф Бродский подал прошение на эмиграцию, чем буквально ошеломил Евтушенко. Через пару дней Евтушенко связался с Бродским и пригласил его к себе в гости. Бродский приехал, поскольку понимал, что его дни на родине сочтены и таких визитов у него уже никогда не будет. Во время той встречи Евтушенко откровенно рассказал ему о своей встрече в КГБ, чего делать, видимо, не стоило. Дело в том, что недоброжелатели давно распространяли слухи о нем как о тайном консультанте КГБ. И теперь Бродский сделал вывод, что это правда. Однако свои мысли по этому поводу он тогда оставил при себе и, лишь когда покидал дом Евтушенко, обнаружил себя — скинул со своих плеч пиджак, который хозяин дома попытался на него накинуть. А в эмиграции написал стихи, в которых была такая строчка: «Я не нуждаюсь в пиджаках с чужого плеча».

Забегая вперед, скажу, что книги, конфискованные у Евтушенко, ему вернули спустя три месяца. Правда, не все: он лишился нескольких современных диссидентских книг, написанных в СССР, но напечатанных только на Западе, и сборника анекдотов «Говорит Ереван». Эти книги, видимо, осели в личных библиотеках самих чекистов.

Но вернемся в майские дни 72-го.

15 мая курьезный случай произошел на съемках фильма «Большая перемена» в Ярославле. В тот день с утра киношники подъехали к ЯНПЗ, чтобы в очередной раз отснять на его территории несколько эпизодов, как вдруг... Впрочем, послушаем рассказ очевидца событий — актера Александра Збруева:

«Подъезжаем к проходной завода, а там вахтер: «Пропуск». Водитель говорит: «Да мы каждый день здесь проезжаем!» Тот в ответ: «Знаю,

что каждый день, а вот сегодня нужен пропуск!» Ролан Быков выглянул: «Слушай, дружок, мы торопимся. Ты что, нас не узнаешь?» Вахтер уперся: «Пропуск — и все!» Еще кто-то выглянул — никакого результата: «Никуда вас не пушу!» Тут высовывается Крамаров и говорит: «Слушай, друг! Ты вообще соображаешь, что говоришь-то?» Вахтер его увидел: «А! Ты здесь? Ну давайте — проезжайте!..» Крамаров был всеобщим любимцем...».

А теперь из Ярославля вновь вернемся в столицу. В здешних кинотеатрах состоялось сразу несколько премьер: 4-го в кинотеатре «Минск» начинает демонстрироваться фильм белорусского режиссера Юрия Дубровина «Мировой парень»: про то, как простой советский водитель Виктор Логинов, участвующий в международных автомобильных гонках больших грузовых машин, проявляет чудеса героизма и побеждает всех своих соперников. В этой роли снялся чрезвычайно популярный в те годы актер Николай Олялин, а песню «Березовый сок» (В. Баснер — М. Матусовский) за кадром исполнил ВИА «Песняры». Песне суждено будет стать всесоюзным шлягером.

Вообще той весной киношная афиша была на удивление богатой фильмами, в которых звучали шлягеры. Так, в апреле начал свое шествие по экранам столицы хит Евгения Крылатова и Юрия Энтина «Песенка о шпаге» в исполнении Андрея Миронова (фильм «Достояние республики»), а в мае «выстрелил» еще один шлягер этих же авторов — «Лесной олень» из фильма Юрия Победоносцева «Ох, уж эта Настя!» в исполнении звезды эстрады Аиды Ведищевой (премьера — 14 мая). Тогда же на столичные экраны вышел фильм Евгения Фридмана «Остров сокровищ», в котором звучала фантастическая музыка Алексея Рыбникова и песня-хит «Прощай, Дженни», и фильм Александра Митты «Точка, точка, запятая», где было несколько прекрасных песен Геннадия Гладкова и Юлия Кима (Михайлова), в том числе шлягер, мгновенно ставший популярным среди дворовой шпаны, «А я маленькая детка метр двадцать...». Плюс по ТВ был показан фильм «Бумбараш», буквально нашпигованный хитами Владимира Дашкевича и того же Юлия Кима в исполнении Валерия Золотухина: «Ходят кони», «Наплевать, наплевать...», «А вот я на фронте был...», «Корабль по морю идет...» и др.

Из новинок зарубежного кино назову румынско-французский вестерн «Приключения на берегах Онтарио» режиссеров Жана Древиля и Серджиу Николаеску, который начал свой путь по столичным экранам с 8 мая. Фильм — вольная трактовка произведений Фенимора Купера про приключения белого охотника Натаниэля Бампо по прозвищу Кожаный Чулок (в этой роли снялся Хельмут Ланге) и его верного друга индейца Чингачгука (Пьер Массими). Думаю, не надо лишний раз говорить о том, что толпы подростков буквально штурмовали кинотеатры, где шел этот фильм: ваш покорный слуга посмотрел его в тот год не менее шести-семи раз.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Юность Максима» (2-го), «Возвращение Максима» (3-го), «Выборгская сторона» (4-го), «Журналист» (5—6-го), «Зеленые цепочки», «Весна на Одере» (6-го), «Морской характер» (7-го), «Сын полка», «Семь невест ефрейтора Збруева» (8-го), «Освобождение» (8—9-го), «Алые паруса» (9-го), «Отчий дом» (11-го), «Был месяц май», «Повесть о настоящем человеке» (12-го), «Герой резерва» (13-го), «Преступление и наказание» (13—14-го), «В шесть часов вечера после войны», «Отряд Трубочева сражается», «Лекарство от любви» (14-го). 15—18 мая по Первой программе ЦТ состоялась премьера четырехсерийного детектива «Человек в проходном дворе», поставленного по одноименной повести Дмитрия Тарасенкова, которая была опубликована в журнале «Юность» три года назад. В главной роли — сотрудника КГБ, разоблачающего бывшего фашистского карателя, — снялся суперпопулярный в начале 70-х актер Геннадий Корольков. Кстати, на момент выхода фильма автор повести успел эмигрировать на Запад, из-за чего его фамилия из титров исчезла. И то хорошо: могли и вовсе фильм положить на полку.

Из театральных премьер назову следующие: 3-го в Театре имени Пушкина — «Человек и джентльмен» Э. де Филиппо; 9-го в Театре имени Ермоловой — «Завтра в семь...»; 11-го в Театре имени Гоголя — «Последняя жертва».

На эстрадных площадках идут следующие концерты: 5—13-го в Театре эстрады сборная солянка под названием «Весенние голоса» с участием Александра Годунова (балет), Полада Бюль-Бюль оглы, Марии Кодряну, Льва Ле-

щенко, Александра Лившица, Александра Левенбука и др.; 7—9-го на стадионе «Динамо» похожие концерты, но уже с участием других артистов: Юрия Левитана, Клавдии Шульженко, Николая Сличенко, Гелены Великановой, Владимира Макарова, Виктора Чистякова, ВИА «Веселые ребята» (эти концерты памятли двумя фактами: на них в Москве дебютирует молодая украинская певица София Ротару в сопровождении ВИА «Червона рута», и они станут последними в жизни популярного пародиста Виктора Чистякова); 14—21-го в Театре эстрады поет Рашид Бейбутов; 13—14-го в ГЦКЗ «Россия» проходят концерты «Мелодии друзей-72» с участием артистов из социалистических стран: Моники Хауфф, Клауса-Дитера Хенкера (ГДР), Иржи Громадки (ЧССР), Дана Спатару (Румыния) (тот самый, что прославился в прошлом году хитом «Пой, гитара»), ансамбля Саши Суботы (Югославия) и группы «Но То Цо» (Польша). Последний коллектив имел бешеный успех у советских подростков. Несмотря на то, что пластинки этого коллектива в Советском Союзе не содержали в себе ничего суперпотрясающего, на концертах участники группы творили невообразимое: играли взаправдашний рок-н-ролл, копируя чуть ли не «под ноль» такие группы, как «Лед Зеппелин», «Роллинг Стоунз», «Дип Перпл» и других мастодонтов рока. А поскольку эти коллективы в Советский Союз приехать не могли, наши меломаны компенсировали их отсутствие посещением таких групп, как «Но То Цо». Чтобы не быть голословным, приведу слова ныне популярного рок-исполнителя Юрия Шевчука, который в том же 72-м году попал на концерт «Но То Цо» (после гастролей в Москве коллектив отправился в турне по Союзу и заглянул в Уфу, где жил восьмиклассник Юра Шевчук):

«Билет на концерт «Но То Цо» я достал с трудом. Была дикая давка, собрались все волосатики. Помню, руку мне прижали дверью, потом два месяца не мог на гитаре играть. Сама группа из соцлагеря и давала настоящий рок. Ну первое отделение, конечно, польская эстрада (ее в основном и писали на пластинки «Мелодии». — Ф. Р.), а второе — «Led Zeppelin». Все тогда просто умерло. Я знаю нескольких гитаристов, которые разбили свои гитары после этого концерта...»

В эти же дни новый поворот наступил во взаимоотношениях прославленного тренера по фигурному катанию Станислава Жука и его подопечной Ирины Родниной. Как мы помним, ровно месяц назад Жук подыскал Родниной нового партнера — Александра Зайцева, как вдруг в мае тренер решил создавать новую пару. Дело было так. После одной из тренировок в Лужниках Жук посадил Роднину и Зайцева в свой автомобиль и, завезя за железнодорожный мост, остановился и сообщил неожиданную новость: дескать, он решил тренировать молодых фигуристов Надежду Горшкову и Евгения Шевеловского. «Почему?» — искренне удивилась Роднина. «А ты сама посуди: если вы с Сашей станете побеждать, то все скажут, что это стало благодаря Родниной. А если победят Надя с Женей, то люди скажут — их сделал Жук».

Это было горькое, но честное признание великого тренера. Но Роднина была не из тех людей, кто привык сворачивать даже в начале пути. Уже через пару недель она отправится на отдых в Гурзуф и вместе с матерью и сестрой возьмет туда и своего нового партнера — Зайцева. Они будут усиленно тренироваться все лето и докажут Жуку, что вполне могут поставить себя на ноги самостоятельно.

Продолжаются съемки «Большой перемены» в Ярославле. 16 мая на территории ЯНПЗ снимали эпизоды, где Нестор Петрович пытается уговорить Петрыкина поменяться сменами с Ляпишевым. Но Петрыкин отвечает решительным отказом: дескать, жмот я (эта фраза после выхода фильма станет крылатой). Нестор Петрович подключает к этому делу начальника Петрыкина, но и тот оказывается бессильным уговорить подчиненного. В итоге начальнику не остается ничего иного, как подтвердить слова Петрыкина: «Он редкостный жмот».

В тот же день страшная трагедия произошла в курортном городе Светлогорске, что в Калининградской области: там погиб целый детский сад. Причем, виновником трагедии стал... военный самолет, который потерпел аварию прямо над детским учреждением. События развивались следующим образом.

Тот день выдался на редкость жарким — 28 градусов в тени. В полдень воспитательница детского сада Тамара Яновская привела детей с про-

гулки и повела в столовую обедать. Однако повар внезапно предложил накрыть столы во дворе: мол, в столовой слишком жарко. Так и сделали. В самый разгар трапезы — в 12.55 — над головами детей раздался грохот — на них падал военно-транспортный самолет «Ан-24», ведомый капитаном Вилорием Гутником. По одной из версий, экипаж не справился с управлением, по другой — произошел пожар в кабине пилота либо отказал двигатель. Все произошло настолько быстро, что никто из воспитателей даже не успел среагировать на происшествие. Результат был кошмарным: под обломками погибли 23 ребенка (самому старшему из них только исполнилось семь лет) и трое взрослых (воспитательница, повар и няня).

В наши дни про эту трагедию знали бы все, но в те годы все было иначе. Город, а также место трагедии тут же оцепили военные. Все электричество выключили и в городе ввели чрезвычайное положение, справедливо опасаясь волнений. Жителям строго-настрого запретили покидать не только пределы города, но даже покидать собственные дома. За одну ночь солдаты и работники местного КГБ расчистили территорию, как будто ничего не произошло. Родителям пострадавших дана была команда хранить молчание (за разглашение грозила тюрьма), было сказано, что на месте трагедии не будет никаких памятников. Одной из воспитательниц — Тамаре Яновской — удалось выжить, но травмы были настолько серьезными, что она два месяца лежала в больнице. К ней чуть ли не ежедневно навевались чекисты, которые требовали, чтобы она держала язык за зубами. В итоге перед самой выпиской женщина умерла — не выдержало сердце. Ее похоронили на том же кладбище, что и детей, неподалеку от железнодорожной станции Светлогорск-1. Там же похоронили и членов экипажа «Ан-24», ставших виновниками трагедии, однако местные жители настояли на том, чтобы их имена не были вписаны на мемориальную доску. Родственники членов экипажа вынуждены были навсегда сменить место жительства.

Забегаю вперед, отмечу, что это проклятие над летчиками погибшего «Ан-24» будет висеть почти три десятилетия. И только в наши дни будет обнародована истинная причина катастрофы, которая полностью реабилитирует экипаж «Ан-24» (а это восемь летчиков). Оказыва-

ется, в трагедии было повинно... руководство ВВС и ВМФ, которое накануне полета издало приказ о том, чтобы на самолетах «Ан-24» были заменены высотомеры — поставлены с «Ил-14». В результате, когда «Ан-24» капитана Гутника шел к мысу Таран, его высотомер выдал неправильные координаты (показал 150 метров над уровнем моря, хотя было не более 85), из-за чего самолет брюхом протаранил верхушку сосны. Самое интересное, что истинную причину трагедии тогда скрыли, зато виновных наказали: приказом министра обороны с двумя нулями (совершенно секретно) было снято около 40 военных чинов, допустивших непродуманную замену приборов. Но родственникам летчиков от этого было не легче.

Между тем тот май 72-го вообще был богат на крупные авиакатастрофы: еще одна произойдет спустя несколько дней после светлогорской. Однако не будем забегать вперед.

16 мая популярный пародист Виктор Чистяков позвонил из Москвы в Ленинград (несколько месяцев назад он вместе с женой Натасей уехал в столицу, чтобы работать в труппе Театра имени Гоголя) своей родной сестре Галине и сообщил, что собирается съездить на гастроли в Харьков. Галина в ответ стала его пилить: мол, на 2 июня назначена свадьба их сестры Тамары, надо к ней подготовиться, а ты уезжаешь. На что Чистяков сказал: «Не беспокойся, все есть. Платье есть, туфли есть, а все остальное я взял на себя. Все уже продумал, так что нет повода тебе расстраиваться. Вот это последние гастроли. Там хорошо заплатят, деньги мне нужны. Я никак не могу отказаться от этих гастролей. Обязательно туда надо ехать. Ты не волнуйся, все будет в порядке».

В тот же день на киностудии имени Горького был принят фильм Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие...». Принят восторженно, за исключением одного «но»: ряд участников обсуждения вновь потребовал от режиссера вырезать из ленты сцену «в бане». Как писала в своем заключении упоминаемая выше Т. Соколовская: «Худсовет восторженно принял картину, не высказав ни одного замечания по работе. Я же предложила группе продолжить работу над сокращением фильма, а также выведением из него реплик-острот по поводу женщин и мужчин на войне. На мой взгляд, мотив этот, серьезно заявленный и основа-

тельно разработанный в фильме, излишне педантируется и смакуется во имя, как говорит режиссер, усиления драматургии (сначала, мол, зритель увидит героев неидеальными, чтоб была дистанция от первой фазы их экранной жизни к финалу). Многие реплики излишни, потому что разжевывают и без того ясные ситуации. Есть в фильме моменты декоративности (смерть Жени, например). Громогласной и прямолинейной показалась мне музыка. В целом же я согласна с оценкой худсовета...»

Стоит отметить, что в Госкино поддержат точку зрения Соколовской и заставят его вырезать сцену «в бане» из фильма, а также сократят ряд других эпизодов: проход отряда через болото, через лес. Ростоцкий согласится с последними сокращениями, но сцену «в бане» все-таки сумеет отстоять: она останется в фильме, правда, изрядно сокращенная.

В самом разгаре съемки вестерна по-советски «Всадник без головы», который снимает на «Ленфильме» Владимир Вайншток. Съемки начались еще в январе этого года, когда часть съемочной группы летала на Кубу, в провинцию Орьенте, где снималась часть натуральных эпизодов. В начале мая съемки переместились под Ялту. За эти две недели были сняты эпизоды: комнаты Кассия Колхауна и Луизы Пойндекстера; анфилада и комната Генри Пойндекстера; в хижине Мориса Джеральда.

17 мая в Таллин прилетел Владимир Высоцкий. Он прибыл туда по приглашению тамошних телевизионщиков, в частности — ведущего субботней программы Мати Тальвика. Тот еще в апреле побывал в Москве и выбил у главрежа Таганки Юрия Любимова разрешение отпустить Высоцкого на несколько дней в Таллин. В аэропорту дорогого гостя встретил сам Тальвик и отвез в гостиницу «Таллин», лучшую по тем временам, интуристовского разряда. По дороге Высоцкий огорошил Тальвика сообщением, что следующим рейсом в Таллин прилетает и его жена Марина Влади. Тальвику пришлось срочно договариваться с администрацией отеля о выделении гостям двухместного номера (до этого был одноместный). Вопрос разрешился быстро — был выделен люкс на третьем этаже в крыле гостиницы, расположенном вдоль Палдисского шоссе, с окнами во двор (Высоцкий особо на этом обстоятельстве настаивал). Через несколько часов, купив ро-

зы, Высоцкий и Тальвик вновь отправились в аэропорт встречать Влади.

Стоит отметить, что приезд французской звезды внес некоторую нервозность в ситуацию. Дело в том, что вышестоящие инстанции разрешили приехать в Таллин только Высоцкому, а тут — иностранная подданная, мировая известность, член компартии Франции! Короче, Тальвику позвонили из самого ЦК КПЭ, и заведующий сектором пропаганды Маннермаа долго пытал его насчет Влади: мол, кто ее приглашал, почему не поставили в известность заранее и т. д. Тальвик еле отбрехался. А затем ситуацию разрядила сама Влади, которая сообщила, что в Таллин она приехала как частное лицо, и попросила никого не волноваться.

В тот же день была обсуждена и культурная программа посещения. Гости попросили, чтобы все свободное время было посвящено знакомству с городом, и Тальвик предложил следующий маршрут: смотровые площадки Вышгорода, Ратушная площадь с прилегающими к ней улицами Виру, Пикк, Лай и другими, парк Кадриорг. С погодой в те дни повезло, было тепло почти по-летнему. Высоцкий и Влади вместе с Тальвиком и его женой Алисой пешком гуляли по городу. Кроме названных мест, они также посетили и другие местные достопримечательности, в частности рестораны и кафе-варьете «Астория», «Кянуу Кукк», «Мюнди бар». Прогулки заканчивались поздно ночью. При этом супруги Тальвик уходили первыми: они оставляли гостей где-нибудь на Вышгороде или неподалеку от башни Длинный Герман около часа ночи и уходили, а Высоцкий с Влади еще некоторое время гуляли по городу.

18 мая в 10.38 утра Виктор Чистяков должен был вылетать в Харьков на празднование 25-летия местной оперетты. Однако в силу двух обстоятельств: того, что в эту ночь он лег спать около четырех утра (был в гостях у поэта Юрия Энтина, а потом дома долго подписывал свои фотографии для поклонников), и по своей привычке везде и всюду опаздывать он и в это утро проспал дольше обычного и, когда встал, понял, что опоздал. Решил лететь следующим рейсом. Это было возможно, поскольку концерт был назначен на вечер. Однако супруга устроила ему истерику, и он сорвался из дома, не побрившись и не позавтракав. Он даже не успел заехать к Энтину на Балаклавский

проспект (хотя это было по пути во Внуково), чтобы забрать свои темные очки, забытые им накануне. Но на самолет он все-таки успел, причем только по одной причине: летчики долго выясняли отношения со своим руководством, отказываясь лететь на этом самолете, поскольку он уже выслужил свой летный срок. Однако пилотов удалось уговорить, им сказали: это харьковский самолет, вот и перегоните его в Харьков и поставьте на прикол. Пока летчики ругались, Чистяков успел на этот самолет, уже практически опоздав на него.

Вспоминает Ю. Энтин:

«Я ему говорил: «Давай я тебе заплачу! Только не летай, потому что ты просто себя истощаешь. Нельзя бесконечно делать одно и то же, тем более тебе так трудно. Готовься к своим мультипликационным ролям, давай поговорим лишний раз спокойно, без суеты, будет полезно подумать о тегке Чарлея (этот спектакль собирались ставить специально «под Чистякова» в Театре имени Гоголя. — Ф. Р.), и вообще нельзя такое количество концертов давать! Я даже угрожал ему! И он мне тогда поклялся, что это будет в последний раз, что больше он не будет летать, просто сейчас надо немного заработать...»

Поскольку Витя обещал к нам заехать за очками, мы встали в девять утра. Налили кофе (крепкий кофе он обожал, это был для него как наркотик, он постоянно его пил, и никогда не успевал позавтракать), сделали какие-то бутербродики, чтобы Витя перекусил на ходу. Стали ждать. Десять часов — его нет. Позвонили Наташе, которая сказала, что, скорей всего, он опоздал, потому что проспал, встал поздно, не позавтракал, выскочил и помчался в аэропорт: «Не знаю, успеет или нет, но, по-моему, не должен успеть», — сказала Наташа.

Ну, не успел так не успел. Прошло какое-то время, часов в двенадцать — в час она нам позвонила: «Странно! Ничего не понимаю! Сейчас час позвонили из Харькова и сказали, что самолет вроде не приземлился, что Вити нет». Звонили устроители его гастролей. На это я сказал, что раз он опаздывал, то, скорей всего, полетит другим самолетом. Подумал, что все это ерунда, не придавал никакого значения. Но через некоторое время Наташа снова позвонила и сказала, что все это очень подозрительно, ей вновь из Харькова позвонили и сказали, что

не только Виктор, но и все другие артисты, которых ждали, не прилетели. Мы почувствовали в ее голосе тревогу, сели на машину и примчались. Стали думать: что делать, куда звонить? Появился Хазанов. Кто-то нам объяснил, что нужно звонить в аэропорт и говорить кодовую фразу: «Нет ли замечаний по рейсу?» Тогда нам ответили, что замечания есть. У нас началась паника. Мы все почувствовали недоброе. Вскоре пришло сообщение, что самолет разбился...»

Стоит отметить, что на эти гастроли должны были вылететь многие популярные артисты — Евгений Петросян, Лев Лещенко и другие, но они в силу разных причин остались в Москве. Например, Лещенко не улетел из-за Гостелерадио, которое не отпустило его в Харьков ввиду участия в творческом вечере поэта Льва Ошанина. Но пятеро музыкантов его оркестра в тот самолет сели. И все разбились. Тогда же с Лещенко произошла еще одна мистическая история. У него в оркестре не хватало трубача, и один из его музыкантов — Михаил Вишневский — пообещал найти подходящего парня: И нашел его в утесовском оркестре, причем именно 18 мая тот должен был прилететь в Москву с гастролей. Трубач действительно прилетел, но в тот же день пошел в магазин за хлебом и угодил под колеса троллейбуса. А в это самое время в местечке Русская Лозовая, что в 18 км от Харькова, разбился самолет, в котором летел Михаил Вишневский и еще четверо музыкантов из оркестра Лещенко. Их всех и похоронили на одном кладбище — на Кузьминском, о чем рассказ впереди.

По официальной версии, причиной гибели самолета «Ан-10» стала «усталость металла» (мы помним, как летчики отказывались на нем лететь из-за его ветхости): в воздухе у самолета отвалилось сначала одно крыло, затем другое. На место аварии даже приехал сам конструктор этого самолета Антонов и лично констатировал, что эта конкретная машина давным-давно отлетала свой срок.

Первым к месту катастрофы добрался тамошний лесник. Он потом рассказывал, что место падения самолета представляло собой страшное зрелище. От людей практически ничего не осталось, сохранилось лишь одно тело — оно принадлежало младенцу. Прибывшие вскоре военные погрузили все останки в цин-

ковые контейнеры и увезли. Жене Чистякова Наталье представители Аэрофлота вручили свидетельство о смерти, где было написано, что смерть ее мужа произошла в результате обширной травмы с разрушением тела. Выдали 300 рублей страховки (тогда все пассажиры авиа-рейсов платили 25 копеек страхового взноса). Еще Наталье отдали фотографию с паспорта мужа, который уцелел — у него только края слегка обгорели, а в середине как будто пуля прошла. Сам паспорт забрали.

Тем временем Высоцкий и Влади продолжают свое пребывание в Таллине. 18 мая в два часа дня они снимались на ТВ, и эта запись длилась чуть больше часа. После монтажа получился 55-минутный телесюжет, правда, заснятый на черно-белую пленку. Эту запись прокрутили на мониторе, и все участники этого действия — включая Высоцкого и Влади — остались довольны результатами работы. Эту передачу прокрутят по эстонскому ТВ 15 июня и называться она будет просто и непритязательно — «Парень с Таганки».

Между тем вечером того же дня Высоцкий и Влади в компании супругов Тальвиков и еще одной пары — спортивного комментатора ЭТВ Тыну Таммару и его жены Лер — посетили финскую баню, которая была неизменным «экзотическим» атрибутом при посещении Таллина в то время. Баня была оборудована на пятом этаже кооперативного дома на окраине Таллина Мяннику, расположенного в сосновом лесу. А в подвале дома хозяева оборудовали стрельбище, где гости упражнялись в стрельбе из старинного арбалета.

В эти же дни в соседней с Эстонией Литве происходили весьма драматические события, имевшие резонанс во всем мире. 18 мая в городе Каунасе прошли похороны 18-летнего юноши Ромаса Каланта, который незадолго до этого (14 мая) совершил акт саможжения — бросился в Вечный огонь. В предсмертной записке парень сообщал, что совершает свой поступок в знак протеста против советской оккупации Литвы. Похороны Каланта переросли в масштабную манифестацию национального протеста. После попыток властей помешать собравшимся принять участие в похоронах, молодые литовцы направились к месту саможжения в центре города, скандируя «Свобода!», «Литва!». Милиция попыталась помешать про-

движению демонстрантов, в результате чего произошли серьезные столкновения. Тогда решено было ввести в город воинские части. Только после этого (и после обращения к манифестантам родителей Каланта) люди стали расходиться. Было задержано около 400 человек, из них 8 впоследствии были осуждены за участие в «уличных беспорядках». Волнения прекратились, однако ситуация еще некоторое время продолжала оставаться напряженной. Дело в том, что примеру Каланта в мае последовали еще несколько молодых людей — они сожгли себя на глазах у многочисленных свидетелей. Литовские чекисты, не в силах сами справиться с подобными случаями, запросили помощь из Москвы. В Каунас прибыла группа сотрудников с Лубянки. Столичные эмиссары сумели разрядить обстановку, однако помог им в этом... шеф полиции Рима. Впрочем, о том, как это произошло, лучше послушать рассказ очевидца — тогдашнего руководителя 5-го (идеология) Управления КГБ СССР Филиппа Бобкова:

«Самосожжения следовали одно за другим. Вроде бы опять мотивы были националистические, но особых подтверждений тому не находим. Да и для Литвы самосожжение нехарактерно, это же не Средняя Азия, где женщины горели. Тут к нам приехал шеф полиции Рима, мы решили с ним посоветоваться аккуратно. Он свою историю рассказал: в Риме выбросилась из окна очень красивая молодая девушка. Невероятная смерть! Весь город ее хоронил. Пышно, богато! Потом выбрасывается вторая девушка. Третья. Четвертая. Полиция уже с ума сходила. А потом махнули рукой: да ладно, пусть падают, пышные похороны прекратили — и тут же красавицы выбрасываться перестали. Мы эту историю на ус намотали и приняли решение: пусть горят, никакой реакции не будет с нашей стороны. Еще человека два сгорело — и больше ни одного...»

19 мая в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС, посвященный международным проблемам. Рассказывать о том, как проходило это мероприятие, нет смысла, лучше поговорить о том, что происходило в его кулуарах. А там происходили интересные вещи. Например, член ЦК Петр Шелест приехал в Москву из Киева в качестве первого секретаря ЦК компартии Ук-

раины, а уехал уже в другом качестве. Впрочем, послушаем его собственный рассказ:

«Во время работы пленума 19 мая Брежнев взял меня за плечо и говорит: «Пойдем поговорим». Вошли в комнату. «Как на Украине?» А я только вчера рассказывал ему, как дела идут. Я отвечаю: «Да я ж тебе уже рассказывал». Он: «Не сердись. Говори». Я ему рассказал снова.

«Ты работаешь первым секретарем ЦК КПУ уже около 10 лет, наверное, тебе уже надоело, и ты надоел всем». Я сказал Брежневу: «Скажите откровенно, Леонид Ильич, к чему этот разговор?» — «Думаем, — ответил он, — что тебе пора перебраться в Москву работать. Надо дать дорогу молодым товарищам, подержался за власть, дай другим подержаться». Брежнев предложил мне должность заместителя Председателя Совмина СССР, заниматься, сказал он, будешь оборонной промышленностью. Я его спросил: «А что случилось, какие ко мне претензии по работе?» Он ответил: «Претензий никаких нет, так надо сделать». Я не давал согласия на переход работать в Москву и сказал ему: «Если я чем-либо вас не устраиваю, прошу отпустить меня на «отдых», оставить в Киеве, где у меня семья, дети, внуки. К тому же начинать новое дело в такие годы поздновато, ведь мне пошел уже шестьдесят пятый». Брежнев уговаривал, обещал «золотые горы» и вечную дружбу. Я не устоял: «Ну что ж, всему есть начало и конец. Мне жалко расставаться с республикой, там остается много начатых мной и незавершенных дел и планов». На мое «согласие» Брежнев подарил мне свой «поцелуй Иуды».

После Пленума ЦК состоялось вечером заседание Политбюро, на котором Брежнев сообщил о моем «согласии» работать в Москве. Было принято решение Политбюро об освобождении меня от обязанностей первого секретаря ЦК КПУ и утверждения в должности заместителя Председателя Совмина СССР. Для многих членов Политбюро это было неожиданностью. Все меня поздравляли, а у самого на душе тревожно и тоскливо...»

На том Политбюро встал вопрос о преемнике Шелеста на посту персека КПУ. Сам Шелест назвал кандидатуру Ляшко, но Брежнев воспротивился — мол, никто его не знает, — и рекомендовал кандидатуру Владимира Щербицкого, который, как и Брежнев, имел днепропетровские корни. В свое время — в 1961 го-

ду — Щербицкий стал председателем Совмина Украины, но Шелест затем убрал его с этой должности, отправив работать в Днепропетровск. Брежневу же Щербицкий нравился, и в перспективе он хотел видеть именно его в кресле Шелеста. В мае 72-го ситуация для этого созрела. Кстати, о назначении Щербицкого на его место Шелест узнал... будучи в Москве. Он сам хотел провести этот пленум, но Брежнев испугался, что Шелест может проговориться о том, при каких обстоятельствах произошло его смещение, и наврал Шелесту, что пленум проведут после визита президента США. А когда в тот же день вечером Шелест вернулся в гостиницу, он узнал, что сегодня в Киеве состоялся пленум. Вот такие нравы царили в кремлевской верхушке.

В те самые часы, когда в Кремле шел пленум, в небе страны произошла еще одна трагедия. 30-летний Тенгиз Рзаев, пронеся на борт пассажирского самолета «Ту-104», следовавшего с сотней пассажиров на борту по маршруту Москва — Чита, огнестрельное оружие, потребовал изменить маршрут в сторону Китая, в противном случае угрожая взорвать бомбу. Угонщик не знал, что на борту самолета находится вооруженный милиционер (после октябрьских событий 70-го, когда была убита стюардесса Надежда Курченко, практически все рейсы Аэрофлота сопровождали сотрудники МВД), который решил в одиночку обезвредить преступника. Трудно сказать, чем руководствовался милиционер, принимая такое решение: может быть, надеялся, что заявление о бомбе — всего лишь блеф? Но все оказалось взаправду. В тот момент, когда страж порядка выхватил пистолет и потребовал от террориста сдаться, тот привел в действие адскую машинку. Самолет разнесло на куски.

19 мая вышел на свободу известный диссидент Илья Габай. Он был арестован в мае 69-го и осужден за антисоветскую деятельность на три года. Срок он отбывал в ИТК под Кемеровом, сидел в камере, где помещались 40 человек. Он забивал сваи, работал каменщиком и, кроме того, жил очень насыщенной интеллектуальной жизнью. Он выписывал пять газет и 12 журналов, писал для заключенных различные просьбы, жалобы, сам вел обширную переписку примерно с 40 адресатами. Ему хватало времени и на творчество: там он сочинил по-

эму «Выбранные места». И только однажды за все время заключения Габай впал в отчаяние: когда на его глазах уголовники проиграли в карты одного из своих и выбросили его из окна пятого этажа.

В начале 72-го Габай был переведен из лагеря в Москву, в следственный изолятор КГБ в Лефортово. Оттуда он и вышел на свободу. Вспоминает Г. Федоров:

«Наступило 19 мая 1972 года. Конец срока заключения Ильи. Мы с женой, прихватив бутылку коньяку, к шести часам приехали к выходу из Лефортовского изолятора и застали уже с ночи дежуривших там Юлия Кима и Марка Харитоновна. Все мы очень волновались, поскольку никакой гарантии, что Илью вообще сегодня освободят, не было. И тут мы увидели следователя Ширковского, статного, в коричневом костюме с университетским значком на лацкане, шествовавшего на работу. Я подошел и встревоженно спросил, выпустят ли сегодня Илью.

— Безусловно, выпустят, — ответил Ширковский. — Хочу вам дать один совет. Вы знаете о «Деле № 24»?

— Кое-что слышал.

— Это дело о нелегальной «Хронике текущих событий». Мы имеем право защищаться. Если вы хотите сохранить Илью Яковлевича для семьи, для друзей, для поэзии, уговорите его больше не заниматься этим. Он и так ходит по острию ножа.

— Я обдумаю ваш совет, — сказал я в некотором замешательстве, услышав столь недвусмысленную угрозу.

Но Ильи все не было. Наконец, в половине одиннадцатого утра Ким позвонил на квартиру к Габаю, и выяснилось, что он давно уже дома. Его, видимо, опасаясь каких-то манифестаций и эксцессов, выпустили через служебный выход, и он, сгибаясь под тяжестью книг, доплелся до дома сам...»

Кстати, именно 19 мая КГБ распорядился отключить домашние телефоны у целой группы столичных диссидентов: Андрея Сахарова, Роя Медведева, Петра Якира, Валерия Чалидзе и еще у 13 участников движения за выезд евреев из Советского Союза. Спросите, почему это произошло? Все просто: через несколько дней в Москву прилетал президент США Ричард

Никсон. Это был первый официальный визит президента Америки в Советский Союз.

«Боинг» Ричарда Никсона приземлился в аэропорту Внуково 22 мая в четыре часа дня. У трапа самолета высокого гостя встречали наш президент Николай Подгорный, премьер-министр Алексей Косыгин, некоторые советские министры и сотрудники посольства США. Короче, группа встречающих была немногочисленной. Так было решено на заседании Политбюро и объяснялось просто: американцы продолжали вести войну во Вьетнаме и накануне визита своего президента активизировали военные действия, что в Москве было расценено весьма негативно. Как результат — на протяжении всего пути кортежа по Москве никаких восторженных толп, как это было принято во время приезда высоких гостей, не наблюдалось. Никсон этого не заслужил.

Высокого гостя поселили в Кремле, в апартаментах по соседству с Оружейной палатой. Там же, но в отдельном крыле, разместились и его ближайшие помощники, включая советника президента по нацбезопасности Генри Киссинджера. Никсону было сказано, что до восьми вечера он свободен, а потом его ждет официальный банкет в Кремле. Однако в эти планы внезапно вмешался Брежнев, который до этого момента на горизонте не объявлялся. Ему захотелось лично встретиться с Никсоном, для чего в апартаменты высокого гостя был отправлен гонец — переводчик генсека Виктор Суходрев. Он настиг Никсона буквально перед самой дверью его покоев и передал предложение Брежнева. Никсон удивился, поскольку о такой встрече слышал впервые, но откликнулся положительно. В начале восьмого он спустился на первый этаж и в сопровождении все того же Суходрева отправился к Брежневу (тот занимал просторный кабинет на втором этаже в здании Совета министров на Ивановской площади).

Беседа двух высоких деятелей длилась около часа, причем большую часть времени говорил хозяин кабинета. Он сказал, что удовлетворен первым в истории визитом президента США в СССР, что хочет установить особые личные отношения между собой и гостем, ну и все в том же духе. В начале девятого встреча закончилась и Брежнев, сказав, что на ужин они заработали, предложил гостю пройти в Грано-

витуемую палату, где должен был состояться банкет. Но Никсон не смог составить ему компанию, поскольку прежде должен был зайти за своей супругой.

В дни, когда Никсон находился в Москве, КГБ буквально не спускал глаз с диссидентов. Об отключке телефонов я уже упоминал, а вот что происходило кроме этого. 21 мая в 8 часов утра на квартиры нескольких активистов движения за выезд евреев явились в сопровождении сотрудников милиции лица в штатском и без каких бы то ни было юридических оснований отвезли их в различные тюрьмы Подмосковья и продержали там аж до 31 мая, пока визит Никсона не завершился. Их родственникам в отделениях милиции было устно объявлено, что причина ареста — «нарушение общественного порядка в прошлом и намерение нарушить в будущем». За их женами была установлена постоянная и открытая слежка, доведись, скажем, жене зайти в телефонную будку, как туда же заглядывал и филер — интересовался, куда это жена диссидента собирается звонить, уж не западным ли корреспондентам?

22 мая одного из диссидентов задержали прямо на улице и обвинили... в приставании к женщине. Причем этой женщиной была не кто иная, как сама филерша. «Приставалу» чуть ли не в тот же день суд приговорил к 15 суткам исправительных работ. Другого диссидента в тот же день схватили на улице и отвезли в психушку № 5, где и продержали больше недели.

В тот же день в «Большой перемене» снимали эпизод «возле школы»: Нестор Петрович, который опасается, что Ганжа поджидает его на улице, чтобы побить, выходит из школы и действительно встречает своего ученика у входа. Но Ганжа и не собирается драться с учителем, а вызывается проводить его до дома. На следующий день съемки «прогулки» продолжились. Тогда же должны были начать снимать и другой эпизод, где Нестор Петрович приходит на футбольный матч, чтобы отправить Фукина (Валерий Носик) учиться. Однако по вине художника-декоратора, который вместо игровых ворот раздобыл меньшие по размеру тренировочные, съемки пришлось отложить. Из-за этого практически всю ночь администрация группы вынуждена была искать нужные ворота, чтобы утром следующего дня эпизод наконец начали снимать.

23 мая молодой драматург Александр Вампилов собирался улететь из Москвы в родной Иркутск. В столицу он приехал в начале года и попеременно жил то здесь, то в Ленинграде. Его пребывание в этих городах было не случайным: в ленинградском БДТ в марте состоялась премьера (первая) его пьесы «Два анекдота», а в Москве сразу в двух театрах — Ермоловском и Драмтеатре имени Станиславского — шли репетиций двух его пьес, а также велись переговоры с «Современником». В свой последний день в Москве Вампилов нанес несколько визитов друзьям, в том числе отобедал в ресторане Дома литераторов с журналисткой «Литературной газеты» Лианой Полухиной. Вот как она вспоминает об этой встрече:

«О своих делах, хороших ли, плохих, он говорить не любил и завел речь обо мне, о моем недавнем переходе в «Литературную газету». Переход этот категорически не одобрял по той простой причине, что это газета. Молох, считал он. Особенно при моей «китайской добросовестности». Он вообще считал, что если женщина должна работать, то уж, конечно, не до изнеможения, а для гражданской бодрости, чтоб не загдох талант, и ради смягчения нравов и украшения трудового коллектива...

По пути в «Современник», где он хотел попрощаться со своими новыми друзьями, он подвез меня на Цветной бульвар. Мы вышли из машины. Он еще не остыл. Скептическим взглядом окинул здание редакции. Весенний, почти летний ветерок растрепал его волосы. Он выглядел как студент, будто и не было шести лет нашего знакомства. Вздохнул: «Эх, ты, радио-Ляля...» Я сказала примирительно: «Считай, что в газету меня распределили. Почти как в «Прощании в июне»...

А это и было прощание...»

Через несколько месяцев Александр Вампилов погибнет, но об этом рассказ впереди.

Продолжается визит президента США в Советском Союзе. 23 мая его супруга Патриция в сопровождении жен советских руководителей — Вероники Петровны Брежневой, Людмилы Дмитриевны Громыко, а также жены посла США в Москве — посетила общеобразовательную школу № 42 в Черемушках, где преподавание ряда предметов велось на английском языке. Гости побывали в классах и кабинетах, присутствовали на уроке английского языка,

на репетиции школьного хора, даже «поболели» за школьных баскетболистов в спортивном зале. Вечером Патриция спустилась под землю — в метро, где осмотрела наиболее красивые с точки зрения архитектуры станции.

В отличие от супруги, Никсон днем вел переговоры, а вечером культурно развлекался. Например, 24 мая по программе предстоял вечерний отдых за городом. Причем Брежнев неожиданно предложил Никсону отправиться за город раньше остальных, чтобы прогуляться на свежем воздухе. Среди охраны началась легкая паника, поскольку отъезд первоначально планировался на более позднее время. Однако Брежнев любил такие «заморочки» и никакие уговоры на него подействовать не могли. Короче, они с Никсоном сели в лимузин и помчались в Новое Огарево. Однако сильно оторваться им так и не удалось: буквально через несколько минут, чуть ли не на бегу вскакивая в машины, за ними в погоню бросились и остальные участники переговоров, включая Киссинджера, Подгорного, Косыгина и других. Когда они прибыли на дачу, Брежнев поморщился: мол, не дали побыть с гостем наедине. Чуть позже он даже пожаловался своему переводчику Суходреву на своих товарищей:

— Ну и коллеги у меня! Пригласили человека в гости, так хоть улыбайтесь, проявляйте гостеприимство, как всегда бывало на Руси. Так нет же, идут с каменными лицами...

И все же Брежневу с Никсоном в тот вечер удалось уединиться. Произошло это во время водной прогулки на катерах. С Брежневым и Никсоном в одном катере, кроме переводчика, должен был находиться Подгорный. Но он к тому времени заметно подустал и отказался от поездки. Он демонстративно развернулся и побрел назад к даче, бурча себе под нос: «Ну и пусть едут, а я не поеду...»

Водная прогулка длилась минут сорок, после чего все вернулись на дачу. Перед ужином Брежнев провел с Никсоном часовые переговоры по поводу Вьетнама, которые едва не завершились ссорой. Наш генсек по ходу беседы стал распаляться и начал наскакивать на гостя, а тот, естественно, не стал молчать и попытался ответить тем же. Обстановка в комнате накалилась.

Первым опомнился Брежнев — хозяин как-никак! Он внезапно улыбнулся и сказал: «Ну

хватит о делах. Время позднее — пора и на ужин». После этого всю напряженность как рукой сняло, присутствующие заулыбались и направились в столовую, где их ждал роскошный ужин.

Утром того же дня 24 мая несчастный случай произошел в Рязани, где гастролировала труппа столичного цирка на Цветном бульваре. Готовясь к вечерней премьере, на репетиции упала с каната (а это 17 метров высоты!) известная канатоходка Лолита Магомедова. Однако прежде чем перейти к этой трагедии, стоит хотя бы вкратце рассказать о самой артистке и ее супруге.

Магомед Магомедов пришел в цирк в возрасте 16 лет — в 1946 году. Стал работать канатоходцем. Спустя семь лет попал в групповой номер «Цовкра», затем в «Дагестанские канатоходцы». С 1957 года стал выступать с сольным номером: демонстрировал сальто-мортале на канате с вольностоящей лестницей на высоте 2,5 метра. В начале 60-х познакомился с юной студенткой Музыкально-педагогического училища имени Гнесиных, которая пришла в цирк на подработку (стипендия в училище была 16 рублей). Девушка была чрезвычайно красива, из интеллигентной семьи (ее родители дружили с семейством Михалковых, и в Лолиту одно время был влюблен Андрон Кончаловский), и неудивительно, что Магомед влюбился в нее чуть ли не с первого взгляда. Вскоре они поженились, а с 1964 года Лолита стала выступать вместе с мужем на арене цирка. У них был уникальный номер: они работали на большой высоте без страховки и сетки, при этом Лолита... еще и пела (у нее было прекрасное сопрано). Этот номер супруги собирались показать и в тот злополучный день 24 мая.

На репетиции все шло, как обычно, и ничто, казалось бы, не предвещало беды. Но в тот момент, когда Лолите предстояло подняться на канат, униформист — 17-летний стажер, который работал первый день и практически ничего не знал, забыл пристегнуть ее к страховке. И спустя несколько минут артистка упала с 17-метровой высоты на деревянные доски помоста. По словам самой Лолиты, первые метры пять она не понимала, что происходит, а когда до нее наконец дошел весь ужас происходящего, перед ее глазами промелькнула чуть ли не вся жизнь. По счастливой случайности, в

полете ей удалось сгруппироваться, и она упала не на ноги, а на бок. Но дело усугубил ассистент, который с перепугу стал поднимать ее за подмышки, а потом и вовсе взял на руки, хотя этого делать было категорически нельзя.

В больнице, куда срочно доставили Лолиту, врачи констатировали у нее множественные травмы: переломы ребер, ушиб левой почки, перелом костей таза, сотрясение мозга и др. Первая операция длилась без малого восемь часов. Затем Лолиту отправили в Москву, где за ее лечение взялся известный доктор Вениамин Лирцман. Именно благодаря его стараниям Лолите удалось полностью восстановиться как физически, так и морально. Дело в том, что, когда она была прикована к кровати, у нее в авиационной катастрофе погибла ее родная сестра Татьяна (она ухаживала за больной круглые сутки) и случился развод с мужем Магомедом. И пережить эти события Лолите помог именно ее лечащий врач. Забегая вперед, отмечу, что Магомедова сумеет не только встать на ноги, но и вернуться к цирковой деятельности, за что коллеги называли ее не иначе, как «цирковой Маресьев» (с 1976 года Лолита будет выступать со своеобразным иллюзионным номером, основанным главным образом на трюковых комбинациях с цветами).

Но вернемся в май 72-го.

Вечером 24 мая в Барселоне состоялся финальный матч по футболу на Кубок обладателей Кубков между шотландским клубом «Глазго Рейнджерс» и столичным «Динамо» (трансляция по советскому ТВ началась в 22.30). Этому матчу суждено будет войти в историю как одному из самых драматичных и скандальных. Но расскажем обо всем по порядку. Первый тайм наши футболисты проиграли, что называется, подчистую — пропустили в свои ворота три «сухих» мяча (правда, два мяча были из разряда спорных, их шотландцы забили из положения «вне игры»). Однако футболисты «рейнджерсы» рано радовались. Выйдя на второй тайм расхоложенными, они были немало обескуражены неудержимым натиском соперника на свои ворота. В итоге мяч дважды побывал в их воротах (голы у нас забили Эштреков и Маховиков). До конца матча еще оставалось время, поэтому советские футболисты продолжали штурмовать ворота противника. Казалось, еще немного, и счет сравняется. Ви-

димо, это же почувствовали и болельщики «Глазго», которых в тот день на стадионе было несколько тысяч (наших — единицы). Самые буйные из них численностью полторы-две тысячи за три минуты до конца матча внезапно смяли полицейский кордон и высыпали на поле. Судья вынужден был остановить встречу. Полицейские бросились унимать распоясавшихся болельщиков, но тем и море было по колено — они уже были изрядно навеселе и принялись забрасывать стражей порядка бутылками из-под спиртного. Ситуация была настолько серьезной, что присутствовавшие на матче президент Европейского союза футбольных ассоциаций и ряд членов федерации поспешили укрыться в раздевалке.

Буча продолжалась больше часа. По официальным данным, было ранено 97 человек, общий ущерб составил 2 миллиона испанских песет. А когда болельщиков наконец уняли и судья дал свисток на продолжение игры, стало ясно — болельщики «Глазго» добились того, чего хотели: после столь продолжительного и бурного перерыва боевой настрой у динамовцев пропал, и изменить окончательный счет они не сумели. Но история на этом не закончилась. Наши спортивные руководители буквально в тот же день подали официальный протест по поводу случившегося (кроме этого, они отметили, что два мяча забиты шотландцами из положения «вне игры») и требовали назначить переигровку. Эта просьба будет рассмотрена в середине июня, и результат будет таким: победа, а значит, и Кубок останется за «Глазго», но команда на 2 года будет исключена из розыгрышей европейских кубков.

И еще одно событие выпадает на вечер того же дня, 24 мая: в «Большой перемене» снимали эпизод с участием трех персонажей — Нестора Петровича, Ганжи и Тимохина (Савелий Крамаров), когда они встречаются возле аппарата с газированной водой. Помните, Тимохин обращается к Ганже: «Дай три копейки!» Тот отвечает: мол, у самого небось мелочи полный карман. Тимохин: «Если я оттуда возьму, то не будет рубля». В итоге Ганжа спонсирует его на два стакана воды, а Нестор переживает: «Он же лопнет!» — «Не лопну!» — отвечает Тимохин.

На следующий день снимался эпизод «футбольный матч». Это когда Нестор Петрович, прихватив с собой жену своего ученика Фуки-

на (Валерий Носик) и его детей, прибегает на футбольный матч и требует, чтобы Фукин немедленно отправлялся в школу. Тот недоумевает: мол, какая школа, когда я в воротах стою? Тогда Нестор Петрович принимает решение самому встать в ворота вместо Фукина. Эту часть эпизода (но не всю) снимут на следующий день.

Утром того же дня, 25 мая, в Ленинграде и Москве состоялись похороны жертв авиационной катастрофы, произошедшей неделю назад в небе под Харьковом. Как мы помним, все останки погибших были собраны в цинковые контейнеры, после чего было произведено братское кремирование. Затем прах разделили по урнам и раздали родственникам погибших.

Между тем самыми многочисленными были похороны в городе на Неве, где хоронили популярного пародиста Виктора Чистякова. Урна с его прахом была установлена в учебном Театре на Моховой, в здании ЛГИТМиКа, где учился Чистяков. Поначалу родственники собирались провести панихиду в ленинградской квартире Чистякова, поскольку не хотели иметь ничего общего с Театром Комиссаржевской, где долгое время работал покойный. Ведь Чистяков уходил оттуда со скандалом, у него были испорчены отношения со многими его актерами. Однако и вариант с квартирой тоже был не лучшим — должно было прийти огромное количество людей и, чтобы принять всех, надо было подыскать более подходящее место. В итоге остановились на ЛГИТМиКе. День похорон показал, что это решение было правильным. Народу пришлось столько, что улицу пришлось перекрыть для транспорта. После гражданской панихиды траурная процессия отправилась на Богословское кладбище. Как вспоминает сестра покойного Галина Чистякова:

«На кладбище я пробраться к своему брату не смогла. Мы приехали, но там уже было столько народу, который знал, где будут хоронить, что пройти туда оказалось физически невозможно. С одной стороны за руку меня поддерживал муж, ноги были ватные, я постоянно теряла сознание. С другой — тоже кто-то поддерживал, а когда толпа хлынула, мы не смогли пробраться к могиле. Приехали уже на следующий день...»

Вечером 25 мая президент Никсон с супругой посетили Большой театр. Шел балет П. Чай-

ковского «Лебединое озеро», главные партии исполняли Наталья Бессмертнова и Александр Годунов. В центральной ложе, украшенной государственными флагами США и СССР, вместе с гостями были Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный, Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин, супруга генсека Вероника Петровна Брежнева, глава МИДа Андрей Громыко с женой, министр культуры Екатерина Фурцева, посол СССР в США Добрынин и другие деятели обеих стран.

Стоит отметить, что до последнего момента о посещении высокими гостями Большого было известно лишь узкому кругу приближенных лиц. Представители СМИ узнали об этом в самую последнюю очередь, когда гости уже пришли в театр. Заведующий протокольным отделом ТАСС В. Серов, находившийся в Большом, тут же бросился искать телефон, чтобы подтвердить факт прибытия Никсона. Он собирался сделать это из кабинета директора, однако бежать туда было далеко, а в коридоре он внезапно увидел морского пехотинца США, застывшего около входа в ложу возле столика, на котором красовался телефонный аппарат белого цвета. И Серов, не долго думая, обратился к пехотинцу с просьбой воспользоваться этим телефоном. И тот разрешил, видимо, постеснявшись отказать в просьбе представителю принимающей стороны.

После звонка Серов с чувством выполненного долга отправился домой, но доехать до родного порога не успел — по пути его перехватили люди в штатском, которые представились сотрудниками КГБ. Они сообщили, что являются сотрудниками Управления связи и хотели бы задать Серову несколько вопросов по поводу его телефонного разговора в Большом театре. Оказывается, аппарат, которым воспользовался тассовец, был непростой — это был телефон специальной космической связи президента США. Телефонистка соединила его с Белым домом, тот через спутник — с ТАССом. Американцы на этот факт не обратили внимания (видимо, из вежливости), а наши устроили Серову такую взбучку, что он едва не вылетел с работы. Обошлись строгим выговором.

В пятницу, 26 мая, произошло эпохальное событие: Брежнев и Никсон подписали бесспорный Договор об ограничении систем про-

тиворакетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Этому событию суждено будет стать поворотным пунктом в политической истории XX века, поскольку впервые представители двух сверхдержав договорились не шутить с ядерным оружием. Был указан путь, который к концу века позволит от ограничения ядерных вооружений перейти к их сокращению.

На другой день Никсон с женой отправились с коротким визитом в Ленинград. Они посетили Пискаревские кладбище, чуть ли не бегом прошли по Эрмитажу, после чего откушали изысканных блюд, включая русскую водку и икру, на торжественном банкете, данном в их честь руководством города. Как отмечает свидетель этой поездки В. Суходрев, все время, пока высокие гости колесили по городу, на улицах практически не было прохожих, все улицы, по которым следовал кортеж, были перекрыты грузовиками с военными. По этому поводу один из руководителей «девятки» (Управление охраны) с восхищением заметил: «Во как можем: весь город арестовали».

Тем временем столичный Театр сатиры находился с гастролями в Болгарии (уехал туда 18 мая). О том, как они проходили, рассказывает бывшая актриса этого театра Татьяна Егорова:

«Это был счастливый май месяц. Патологически гостеприимные болгары — каждый день корзины с клубникой, корзины с черешней, неправдоподобные букеты роз, улыбки, встречи после спектакля, «Плиска» и сливовица. Мы ходили кучкой — Магистр (Марк Захаров), Шармер (Александр Ширвиндт), Андрей (Миронов), Таня Пельтцер (в начале июня ей присвоят звание Народной артистки СССР. — Ф. Р.) и я. Мы не могли расстаться. Я в белом брючном костюме и Татьяна Ивановна в белом платье шли впереди, сзади трое «джигитов», и мы с Пельтцер начинали петь в голос на всю Софию: «Мы наденем белевские платица, в них мы станем лучше и милей!»

После спектаклей вечерами мы отправлялись в огромные «ангары», где устраивались встречи с актерами. Там были американцы, англичане, французы. Посреди зала огромная сцена, где все танцуют. Ощущение свободы, радость жизни в другой стране, в другом городе (в театре это называли синдром командировоч-

ного) кинули нас в объятия друг к другу, и мы с Андреем бросились танцевать! Вокруг нас в странных движениях — кто во что горазд — крутились незнакомые люди, и Андрей кричал им во всю силу своего голоса: «Это моя жена! Это моя же-ена!», как будто это им было интересно. Но интересно это было мне — что же у него происходило внутри? Что в нем так кричало? Я смеялась, я была счастлива и незаметно ускользала от него совсем в другом направлении.

Однажды ранним утром перед гостиницей «София», в которой мы остановились, вся площадь до отказа заполнилась людьми. Они что-то неистово кричали. Мы распахнули окна и услышали, как вся площадь скандирует, обращаясь к Папанову, который озвучивал волка в любимом зрителями мультсериале:

— Ну, заяц, погоди! Ну, заяц, погоди!..»

Не сидят сложа руки и кинематографисты страны, снимая новые фильмы. Так, на «Мосфильме» режиссер Гавриил Егиазаров доснимает натуру фильма «Горячий снег» по роману Ю. Бондарева. Причем — не поверите! — снимаются зимние эпизоды. Впрочем, киношникам к таким сюрпризам не привыкать. Чтобы воссоздать снег, обычно используется мел, нафталин и тому подобные средства. Егиазаров с группой всю зиму снимали натуру в 40 км от Новосибирска — в деревне Чик, однако там наступила ранняя весна, и пришлось возвращаться в Москву. «Нафталиновые» сцены вынуждены были доснимать в подмосковном Алабине.

27 мая широкомасштабная катастрофа произошла в Грузии — там в городе Батуми сгорел порт со всеми портовыми складами. Пожар нанес ущерб, оцененный в огромную по тем временам сумму — несколько миллионов рублей. Было назначено официальное расследование, однако результаты его в силу тогдашней закрытости общества тогда озвучены не были. И только много лет спустя стала известна полная правда об этом пожаре.

Оказывается, поджигателями батумского порта стали... крысы, которых новый начальник порта Отар Кудиниани решил уничтожить одним махом. Грызунов в порту действительно было очень много, они буквально донимали всех его работников: все склады и магазины в радиусе нескольких километров от порта еже-

ночно подвергались разграблению «серой армией». Мало того, днем полчища крыс перекрывали движение на нескольких центральных улицах города. Водители чуть ли не каждое утро вынуждены были стоять по 15—20 минут, пропуская полчища грызунов, возвращавшихся после ночных набегов в свою обитель — в порт.

Придя к руководству портом, Кудиниани сначала пошел по традиционному пути: начал травить крыс химикатами, изводя на это дело тонны реактивов. Но грызуны быстро приспособились к такой тактике и вскоре выработали стойкий иммунитет на эту заразу. Однако Кудиниани не думал сдаваться и привлек на свою сторону кошек: их отловили по всему городу в количестве нескольких сот и свезли в порт. Коты сначала рьяно взялись за дело, но, когда крысы, которые в больших количествах не боятся даже дьявола, стали нападать на них сами, решили — на фиг нам это надо, и разбежались кто куда. Вот тогда «железный Отар» (так за глаза звали в порту нового начальника) пошел на радикальные меры: отдал команду сжечь крыс.

Утром 27 мая несколько пожарных машин подъехали к порту и, когда впереди замаячили полчища грызунов, пожарники сначала из брандспойтов окатили их бензином, а затем бросили в них зажженную паклю. Однако люди не учли одной важной детали: даже погибая, крысы все равно бегут домой, ища там спасения. Вот и получилось, что тысячи горящих грызунов бросились не назад от порта, а наоборот — к нему. В итоге через час загорелось хранилище с паклей, а потом и другие склады. Через пару часов пожар охватил уже весь порт, и совладать с ним не было никакой возможности. Только спустя 14 часов пожарным наконец удалось локализовать огонь, хотя еще пару часов отдельные очаги возгорания возникали то в одном месте, то в другом. Вечером того же дня «железный Отар» был снят с должности.

День 28 мая выпал на воскресенье. В тот день в Ярославль на съемки «Большой перемены» прилетел исполнитель роли старосты 9 «А» Вани Федоскина актер Юрий Кузьменков. Поскольку его пребывание в городе было ограничено всего лишь несколькими днями, режиссер Коренев решил не мешкая начать снимать эпизоды с его участием. Правда, для

этого пришлось приложить определенные усилия. Дело в том, что предстояло отснять эпизод в одном из цехов шинного завода, а поскольку было воскресенье, руководители завода долго сопротивлялись тому, чтобы отнимать у своего персонала законный выходной. Но Коренев оказался человеком настойчивым. В итоге ему удалось уговорить шинников не только открыть один из цехов, но и запустить его оборудование. Так был снят эпизод встречи Нестора Петровича с Федоскиным, когда они едва не бросились друг на друга с кулаками.

Вечером того же дня по советскому ТВ выступил Ричард Никсон. Он говорил правильные слова о мире, выразил сочувствие советским людям за его потери в Великой Отечественной войне, даже вспомнил знаменитый блокадный дневник ленинградской школьницы Тани Савичевой, процитировав несколько фраз из него. А утром следующего дня, проведя короткую прощальную беседу в Кремле с советскими руководителями, Никсон отбыл в аэропорт «Внуково», чтобы оттуда улететь в Киев. Однако улететь ему удалось не сразу. Самолет «Ил-62», на котором должен был лететь президент, внезапно вышел из строя — отказал один из четырех двигателей. Это ЧП буквально вздыбило волосы на головах советских руководителей. Сам премьер-министр Косыгин вместе с министром гражданской авиации Бугаевым вынуждены были подняться на борт самолета, чтобы принести свои извинения высокому гостю. При этом Косыгин спросил у Никсона: «Господин президент, скажите, как нам поступить с министром авиации? Может, немедленно уволить?» На что Никсон проявил великодушие: «Ни в коем случае. Наоборот! Его надо похвалить за то, что его люди вовремя обнаружили неисправность».

Через несколько минут Никсон и сопровождающие его лица пересели в резервный самолет и благополучно отбыли в столицу Украины. Оттуда Никсон вскоре улетел на родину, увозя с собой массу приятных воспоминаний о загадочной стране России и подарок Брежнева — катер на подводных крыльях (сам Никсон подарил советскому генсеку автомобиль).

В эти же дни советский дипломат Николай Полянский впервые прилетел в столицу Швейцарии город Берн. Свои впечатления об этом он позднее опишет так:

«Надо представить себе суматошную жизнь в восьмимиллионной Москве, с сотнями тысяч людей, снующих по улицам, куда-то вечно спешащих, озабоченных, злых, сдавленных в метро, трамваях и автобусах и торопливо читающих газеты, глотающих детективные и любовные романы на плечах своих соседей, надо представить всю эту бестолковую и изнуряющую суету, все потерянные часы в очередях за продуктами или театральными билетами, весь этот чудовищный город, в котором постоянно всего не хватает и который живет жадными мечтами о лучшей жизни, об успехе, о том, как пробиться наверх, — все это надо себе представить, всю эту огромную страну, только еще вступающую в «потребительское» общество, чтобы понять, что чувствует советский человек, впервые попавший в Швейцарию, в тихий, спокойный и равнодушно счастливый швейцарский городок. Полное впечатление, что он очутился на курорте, причем на таком, который — в отличие от советских курортов — битком набит свежими продуктами и самыми необычными изделиями современной промышленности...»

А теперь из спокойной Швейцарии вновь перенесемся в Советский Союз. Жемчужина у моря, город-герой Одесса, в те дни был взбудоражен происшествием, случившимся на самой знаменитой улице города — Дерибасовской. Прямо среди бела дня двое неизвестных, вооруженных пистолетом (им они завладели два дня назад, напав на охранника Одесского завода киноаппаратуры), набросились на хрупкую кассиршу, которая только что получила деньги в областном банке. Произведя три выстрела в воздух, грабители напугали не только кассиршу, но и несколько десятков прохожих, которые в эти часы гуляли по улице. Выхватив у женщины сумку с деньгами, бандиты вскочили в стоявший неподалеку мотоцикл и попытались скрыться с места преступления. Однако среди очевидцев этого преступления нашелся таки смельчак, который бросился в погоню. Им оказался водитель такси В. Полятов. По дороге он подсадил к себе в машину двух милиционеров, тем самым уравнивая шансы обеих сторон.

Погоня по улицам Одессы длилась около получаса. Несмотря на то, что стражи порядка были вооружены, стрелять по грабителям они

не решались, опасаясь задеть кого-то из прохожих. А вот преступники своих пуль не жалели — несколько раз один из них выстрелил в «Волгу» преследователей, но каждый раз пули улетали в «молоко». То ли волновался бандит, то ли стрелком был никудышным. В итоге погоня закончилась победой преследователей. На одном из поворотов мотоцикл занесло в сторону, и грабители оказались на земле. Поднявшись, они бросились врассыпную, но далеко убежать им не удалось. Короче, их поймали. Чуть позже выяснится, что один из них бандюга тот еще — четыре года назад он совершил преступление в Алтайском крае и с тех пор находился в розыске.

Тем временем в Ярославле продолжают съемки «Большой перемены». 30 мая снимали эпизод на шинном заводе с участием Михаила Кононова, Юрия Кузьменкова и Готлиба Ронинсона. Однако в тот день снять удалось всего лишь половину необходимого материала из-за ЧП, внезапно разразившегося на съемочной площадке. Дело в том, что Кононов пошел супротив воли режиссера и отказался выполнять его требования в одной из сцен. В итоге актер покинул съемочную площадку, и группе пришлось снимать эпизоды без его участия. В тот же день директор фильма объявил Кононову выговор за срыв съемок, тот же дал слово впредь никогда больше не вести себя подобным образом. Однако данное им слово он не сдержит, о чем речь еще впереди.

В тот же день исполнилось 60 лет известному поэту Льву Ошанину. По этому случаю в Москве, в концертном зале Союза композиторов, был устроен вечер в честь юбиляра, на котором звучали многие шлягеры, написанные им. В том числе: «А у нас во дворе», «Пусть всегда будет солнце», «И опять во дворе», «Течет Волга», «Бирюсинка», «Таежный вальс», «Я тебя подожду», «Песенка моего друга» («А без меня здесь ничего бы не стояло...»), «Я работаю волшебником», «Красная гвоздика», «Ничего не вижу», «Геологи-романтики», «Люди в белых халатах», «Ах, Наташа» и др. Песни звучали в устах известных, а также молодых эстрадных исполнителей. Среди них были: Людмила Зыкина, Муслим Магомаев, Юрий Гуляев, Иосиф Кобзон, Майя Кристалинская, Лев Лещенко (помните, этот вечер фактически спас ему жизнь), Валентина Толкунова. Для послед-

ней этот концерт стал первым большим выходом на сцену, фактически ее дебютом (до этого она выступала как джазовая певица в ансамбле своего бывшего мужа композитора Юрия Саульского «ВИА-66»). А попала она в этот концерт благодаря тому же Льву Ошанину. Он случайно услышал ее на концерте композитора Ильи Катаева и сказал: «Эта девочка должна петь и на моем вечере». Толкунова в ответ: «Лев Иванович, да как же это? Я только начинаю, ничего еще не умею, у меня и песен-то нет!» Но Ошанин был непреклонен: «Я тебе дам песни, ты их споешь».

Коль речь зашла о песнях, самое время взглянуть на столичную афишу развлечений второй половины мая. На эстрадных площадках выступают следующие артисты: 17—21 мая в ГЦКЗ «Россия» — Лили Иванова из Болгарии, 19—21-го в киноконцертном зале «Октябрь» — ВИА «Самоцветы», 24—28-го во Дворце спорта в Лужниках — вокальный квартет «Аккорд», Мария Лукач, Екатерина Шаврина, ВИА «Голубые гитары» и др., 24—25-го в ГЦКЗ «Россия» — вокальный квартет «Ройял Найтс» из Японии, 30-го там же — творческий вечер В. Соловьева-Седого, в котором принимают участие Эдуард Хиль, Людмила Сенчина, Эдита Пьеха, Ирина Богачева и др. Однако «гвоздем» афиши, безусловно, можно считать двухдневные (29—30-го) концерты популярного эстрадного оркестра из ФРГ под управлением Джеймса Ластва, которые проходят во Дворце спорта в Лужниках.

Новинки фирмы «Мелодия»: миньоны Марии Лукач, Жанны Горощени, гибкая пластинка «Поет Вадим Мулерман» («Налетели вдруг дожди» Д. Тухманова, «Ветер с Луны» В. Якушенко).

Из театральных премьер назову следующие: 17-го в Театре сатиры — «Мамаша Кураж и ее дети» Б. Брехта с участием Татьяны Пельтцер, Владимира Козела, Романа Ткачука, Спартака Мишулина, Татьяны Егоровой, Бориса Рунге и др.; 26-го в Ленкоме — водевиль «В этом милом, старом доме» с участием Елены Фадеевой, Всеволода Ларионова, Светланы Савеловой и др.

Премьеры в кинотеатрах: 16-го вышли сразу два грузинских фильма — «Сады Семирамиды» Семена Долидзе и «Пиросмани» Георгия

Шенгелая; 22-го — «Офицер запаса» Ю. Борецкого и В. Демина. 24 мая в Театре-студии киноактера прошла премьера для избранных лиц нового фильма Андрея Тарковского «Солярис». Аншлаг полный.

Из зарубежных премьер назову одну: румыно-французский фильм «Прерия» (с 29-го), являющийся продолжением фильма «Приключения на берегах Онтарио» и повествующий о похождениях белого охотника Натаниэля Бампо и его верного друга индейца Чингачгука.

Кино по ТВ: «Донская повесть» (19-го), «Первая перчатка», «Звонят, откройте дверь!», «Сверстницы» (20-го), «Всадники» (премьера т/ф — 20—21-го), «Старшая сестра», «Путь к причалу» (21-го), «Семеро смелых» (22-го), «В твоих руках жизнь», «Сказание о земле Сибирской» (23-го), «Черное солнце» (впервые по ТВ — 25-го), «Над Тиссой» (26-го), «Джульт

барс» (27-го), «Свеаборг» (премьера т/ф), «Гамлет» (27—28-го), «У заставы «Красные камни» (28-го), «Тахир и Зухра» (29-го), «Северная повесть» (30-го), «Петр I» (31 мая — 1 июня), «Майор Вихрь» (31 мая—2 июня) и др. Безусловным хитом телепоказа в конце мая явилась премьера очередного Дела (№ 5) из сериала «Следствие ведут знатоки», показанного 29—30 мая в самое смотрибельное время — в 21.30—21.45. «Дело» называлось «Динозавр» и повествовало о том, как матерый фальшивомонетчик Михеев (Владимир Самойлов) пытался заполучить себе в подручные двух юных братьев (старшего играл популярный в те годы актер Театра имени Вахтангова Евгений Карельских). Кстати, в дни премьеры Дела № 5 в самом разгаре были съемки Дела № 6 — «Шантаж» с бесподобным Арменом Джигарханяном в роли шантажиста.

1972 Июнь

Булата Окуджаву исключили из партии. Иосиф Бродский покидает родину. Михалков-Кончаловский готовится снимать «Романс о влюбленных». Первые гастроли Евгения Мартынова. Исход советских военных специалистов из Египта. Татьяна Пельтцер стала первой Народной артисткой СССР в Театре сатиры. Как Любовь Орлова огорчила Фаину Раневскую. Переполюх в роддоме: туда приехал Высоцкий. Скандал на песенном конкурсе «Золотой Орфей»: Светлана Резанова победила Льва Лещенко, выступив... без бюстгальтера. Премьера балета «Анна». Лестное предложение Андрею Макаревичу. Как Высоцкий с трудом, но попал в «Асторию». Указом по пьянству. Психи из «Соловьевки». У Брежнева новый секретарь. Как Наталья Решетовская «похоронила» любовь. Переезд ПГУ в Ясенево. Арест Петра Якира. Сахаров на приеме у министра. Адвокат для Александра Солженицына. Как хотели поссорить Галину Волчек и Олега Табакова. День рождения Валерия Золотухина: посиделки в Питере. Брежнев в Завидово: охота на уток. Выпускники — будущие звезды. «Всадник без головы»: Дикий Запад снимали в Крыму. Новый хит Высоцкого — «Товарищи ученые...». Бунт на родине генсека. КГБ против Сахарова. Римская истерика Эльдара Рязанова. За что директор «Ленфильма» невзлюбил Олега Даля. 70 лет Сергею Лемешеву. Шостакович едет в Лондон. Как родились рок-группы «Аквариум» и «Високосное лето». Распад «Скоморохов». Наезд на куплетистов.

1 июня стало черным днем для Булата Окуджавы. Мы помним, как еще в начале апреля на партбюро секции поэзии его заставили публично осудить выход собственных произведений на Западе, и вот на него навалилась новая напасть, похлеще прежней, — его исключили из партии. Произошло это после того, как Окуджава на заседании парткома СП СССР отказался написать требуемое письмо в «Литературную газету» с осуждением действий издательства «Посев», напечатавшего его произведения. В итоге Окуджаве приписали антипартийное поведение, и все присутствующие на парткоме проголосовали за его исключение из КПСС. Правда, чуть позже горком эту меру посчитал слишком суровой и ограничился строгим выговором, чего Окуджава, естественно, пока не знает.

Продолжаются съемки «Большой перемены» в Ярославле. В первый день лета там снимали эпизоды в душевой нефтеперегонного завода и на танцплощадке. Начнем с первого. Петрыкин ловит Генку Ляпишева на выходе из душевой и

просит рассказать о том, как проходит его учеба в вечерней школе. Генка, который вместо того, чтобы учиться, бегает на танцы, вынужден врать: «Парты новые привезли. Всем досталось, а мне нет». — «Это почему это?» — удивляется Петрыкин. «Рожей не вышел», — следует ответ.

Затем Петрыкин просит Ляпишева «изобразить» что-нибудь из школьной программы. Тот читает стихи, которые к школе не имеют никакого отношения: «Девушку с глазами дикой серны...» — «С глазами кого?» — интересуется Петрыкин. «Все!» — тут же пресекает все расспросы Ляпишев и убегает на танцы.

Эпизоды на танцплощадке снимались после обеда и на следующий день. Ляпишев и Люська (Ирина Азер) мило воркуют на скамейке, как вдруг в их идиллию вмешивается Петрыкин. Петрыкин: «Битый час стою — хоть бы слово об учебе». Ляпишев: «Выучил я все!» — «А про Занзибар?». — «И про Занзибар». — «Тогда иди еще что-нибудь выучи. Повысь культуру». Когда в разговор вмешалась Люсь-

ка, Петрыкин ее культурно отшивает: «Вы, девушка, какая-то не идеальная». В итоге устами Ляпишева Проскурин произносит крылатую фразу: «Я тоже человек! Я целоваться хочу!»

4 июня Советский Союз навсегда покинул поэт Иосиф Бродский. Мы помним, что еще в мае его вызвали в один из ленинградских ОВИРов и чуть ли не в приказном порядке потребовали оформлять документы на выезд. В противном случае грозили большими неприятностями. Бродский спорить не стал, более того, когда возникла какая-то заминка в оформлении, лично позвонил в тамошний КГБ и заявил: «В конце концов, кому это больше надо: мне или вам?» Уезжал Бродский один, поскольку жена Марина и сын Андрей ехать с ним отказались. Поэт направился в Вену, откуда затем приехал в Рим. В его первоначальных планах было уехать в Англию, но судьба распорядилась иначе — в итоге он оседает в Америке. Но все это будет значительно позже, а пока приведу несколько отрывков из письма Бродского на имя Л. Брежнева, написанного в тот злополучный день 4 июня:

«Уважаемый Леонид Ильич, покидая Россию не по собственной воле, о чем вам, может быть, известно, я решаюсь обратиться к вам с просьбой, право на которую мне дает твердое сознание того, что все, что сделано мною за 15 лет литературной работы, служит и еще послужит только к славе русской культуры, ничему другому.

Я хочу просить вас дать возможность сохранить мое существование, мое присутствие в литературном процессе. Хотя бы в качестве переводчика — в том качестве, в котором я до сих пор и выступал. Смею думать, что работа моя была хорошей работой и я мог бы и дальше приносить пользу. В конце концов, сто лет назад такое практиковалось...

Мне горько уезжать из России. Я здесь родился, вырос, жил и всем, что имею за душой, я обязан ей. Все плохое, что выпадало на мою долю, с лихвой перекрывалось хорошим, и я никогда не чувствовал себя обиженным Отечеством. Не чувствую и сейчас.

Ибо, переставая быть гражданином СССР, я не перестану быть русским поэтом. Я верю, что вернусь; поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге. Я хочу верить и в то, и в другое...

Я надеюсь, вы поймете меня правильно, поймете, о чем я прошу. Я прошу дать мне возможность и дальше существовать в русской литературе, на русской земле. Я думаю, что ни в чем не виноват перед своей Родиной. Напротив, я думаю, что во многом прав. Я не знаю, каков будет ваш ответ на мою просьбу, будет ли он иметь место вообще. Жаль, что не написал вам раньше, а теперь уже и времени не осталось. Но скажу вам, что в любом случае, даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится...»

Между тем лето — время горячее. Для одних — это время отпусков, для других — самой интенсивной работы. Например, киношники в это время работают не покладая рук, пытаются выжать из летней природы максимальную прибыль. Вот и тем летом на киностудиях страны снималось множество картин, однако я упомяну лишь те, которым вскоре суждено будет стать хитами.

На «Мосфильме» Андрей Михалков-Кончаловский буквально бредит постановкой фильма о современности по сценарию Евгения Григорьева «Романс о влюбленных сердцах». Этот сценарий почти два года пылился на полках студии, пока наконец в середине марта 72-го не был включен в план на следующий год. А к Кончаловскому он попал случайно. Дело было так.

Последним фильмом режиссера был чеховский «Дядя Ваня», после которого он долго не мог решить, что снимать дальше: то ли фильм о Скрябине, то ли экранизировать «Рассказ неизвестного человека» того же Чехова, то ли «Бориса Годунова» А. Пушкина, то ли еще пару других проектов. Но тут вмешался случай. Однажды в монтажную, где работал Кончаловский, зашел Григорьев со своим сценарием «Романс о влюбленных сердцах» в руках и спросил: кто из режиссеров мог бы его поставить. Кончаловский, смеясь ради, взялся прочитать сценарий и поначалу едва не выбросил его в корзину — таким бредом он ему показался. Но затем, по мере чтения, разочарование сменилось интересом, а затем и вовсе радостью. Сценарий заряжал, а в отдельных местах просто выворачивал душу наизнанку. Короче, Кончаловский сам взялся за его постановку. Правда, этого события ждать еще полгода (в режиссерскую разработку сценарий будет включен 3 октября).

Тем временем в Выборге находится съемочная группа фильма «Земля Санникова» (с 1 по 14 июня). Там группе предстоит снять сразу несколько эпизодов: встреча экспедиции Штольца, отплытие шхуны к земле Санникова, Крестовский взбирается на колокольню. В последнем эпизоде вместо Олега Даля, естественно, снимался дублер.

В эти же дни молодой певец и композитор Евгений Мартынов отправился в свои первые гастроли — по Сибири и Дальнему Востоку. Этим он прежде всего обязан прекрасной певице Майе Кристалинской, которая сумела разглядеть в Мартынове задатки будущей звезды. Еще весной этого года Кристалинская тепло встретила Евгения, который приехал в Москву из Донецка, и включила в свой репертуар его песню «Березка» на стихи С. Есенина. Она же предъявила его столичной публике во время своего концерта в Театре эстрады. После этого они вместе записали еще одну песню — «У песни есть имя и отчество» на стихи М. Лисянского (ее премьера состоялась в популярной радиопередаче «С добрым утром!»). Все это и послужило поводом для Кристалинской замолвить доброе слово перед руководством Росконцерта, чтобы оно включило Мартынова в список гастролеров по стране (при этом действовал принцип: два месяца гастролер-новичок работал бесплатно). В эту поездку Мартынов отправился в хорошей компании восходящих звезд советской эстрады: Льва Лещенко, Валентины Толкуновой, Светланы Моргуновой, Геннадия Хазанова и только что созданного Владимиром Чижиком джазового ансамбля «Мелодия», тогда еще существовавшего автономно внутри оркестра ВР и ЦТ под управлением В. Людвиковского.

Тогда же начался исход советских военных специалистов из Египта. Как мы помним, они попали туда по приглашению большого друга советского народа президента Египта Насера и здорово помогли египтянам в арабо-израильской войне. Но затем Насер умер, его место занял Анвар Садат, при котором Египет стал крепиться в американскую сторону. Именно Садат и принял решение выслать из страны 10 тысяч советских специалистов. О том, как это произошло, рассказ очевидца — тогдашнего посла СССР в Египте В. Виноградова:

«Я пришел к президенту с информацией о результатах встречи в верхах между Брежневым и Никсоном. Информация у меня была большая, но объективно скучная. А Садат уже получил к этому времени довольно подробное личное послание Никсона. На этом фоне мое сообщение выглядело бледно. Садат решил, видимо, что пора сыграть свою карту.

— Это все? — спросил он, выслушав меня.

— Нет, — отвечаю. — Есть еще кое-что.

Выдал некоторую информацию о своих делах, в общем положительного характера.

— Это все?

— Да, — говорю, — все.

— Ну, так вот, — без перехода начал Садат. — Я решил отказаться от услуг советских военных. Они нам больше не нужны. Пусть возвращаются домой, отдыхают... — И издевательски продолжил: — Они могут, конечно, посмотреть страну, погулять...

Мне трудно было сохранить хладнокровие. Билась мысль: когда президент принял решение? Понимает ли, какой резонанс в мире вызовет этот крупный политический акт?

— Ваше право, господин президент, принимать решение. Но хочу напомнить, что советские военные советники прибыли в Египет по большой и настоятельной просьбе Насера. Это была взаимная договоренность советской и египетской сторон. Я, разумеется, готов передать ваши слова советскому руководству, чтобы обсудить положение.

— Нет, нет, — сказал Садат. — Обсуждение излишне. Я уже принял решение. Советские военные должны немедленно уехать...

Конечно, решение Садата было неожиданным, но, как ни парадоксально, мы ожидали нечто подобное. Трудно было лишь определить момент...»

Теперь из Каира вновь перенесемся в Москву. 5 июня в околотеатральных кругах стало известно, что популярной актрисе театра и кино Татьяне Пельтцер, накануне ее 68-го дня рождения, присуждено звание Народной артистки СССР. Сама Пельтцер, когда ей сообщили эту новость на репетиции спектакля «Мамаша Кураж», в нее не сильно поверила. Ведь до этого ни одного актера Театра сатиры за все 48 лет его существования не награждали столь высоким званием. Пельтцер должна была стать

первой. О событиях тех дней вспоминает тогдашний завлит театра М. Линецкая:

«На четвертом этаже двери лифта с грохотом распахнулись, и оттуда высыпались возбужденные Марк Захаров, Клеон Протасов и Татьяна Пельцер, в холщовой юбке, тапочках, — прямо с репетиции «Мамаши Кураж».

— Правда? Или это вы здесь придумали? — спросила Татьяна Ивановна, как всегда насмешливо. В голосе — надежда и сомнение.

— Конечно, правда!

Все понеслись в кабинет директора. А на другой день (6 июня) Татьяна Ивановна пригласила всех в «Будапешт» на Петровских линиях. Вот это оперативность! Оказалось, что у нее — день рождения, 68 лет. И она по традиции устраивает его в этом ресторане, только на этот раз семейный круг несколько расширился. Тосты, цветы, всеобщая любовь...

Потом поехали к ней пить кофе. Набилось много народа в ее квартире на «Аэропорту». Татьяна Ивановна с темпераментом готовила стол, развлекала гостей, отчитывала нерасторопную жену брата. В маленькой прихожей тесно. У зеркала — гора телеграмм. На стенке — множество значков. Кухня настоящей хозяйки с миллионом хитрых приспособлений, машинок, кофеварок, чайничков, самовар, наборы ножей и разной кухонной утвари.

В 11 вечера Татьяна Ивановна укатила в Ленинград на пробу в каком-то новом фильме...

Вечером того же вторничного дня 6 июня в Театре имени Моссовета шел спектакль «Странная миссис Сэвидж» Дж. Патрика. На первый взгляд, событие вроде бы рядовое, если бы не одно «но» — в тот день состоялся ввод на роль миссис Сэвидж легенды советского искусства Любови Орловой. Как мы помним, до этого в этой роли выступала Фаина Раневская, но из-за частых болезней она вынуждена была скрепя сердце уступить ее своей коллеге. При этом все те несколько месяцев, что шли репетиции с Орловой, Раневская, не имея возможности самой присутствовать на них, присылала туда свою «лазутчицу» — Елизавету Моисеевну Абдулову (вдову прославленного актера Осипа Абдулова). Та скрупулезно следила за игрой Орловой и докладывала Фуфочке (так в театре звали Раневскую), что «Орлова репетирует из рук вон плохо, что ее роль сродни опереточ-

ной, короче — ее ждет полный провал». О том, что предшествовало дню 6 июня, рассказывает Д. Щеглов:

«Перед самой премьерой прибежала заведующая пошивочным цехом со страшным известием: Орлова заказала невероятное количество беленьких, розовеньких и прочих веселеньких тонов водолазок.

— Боже упаси! Этого ничего не будет, — заявила непреклонная Молчадская и отправилась к Орловой. (Нелли Молчадская занималась вводом Орловой в роль. — Ф. Р.)

— Любовь Петровна, дело вот в чем... Было бы интересно, если бы в этой роли у вас были абсолютно другие качества.

Между прочим, одним из качеств Орловой была ее исключительная понятливость. Молчадская не успела сказать про жизнерадостные водолазки, как Орлова выпалила:

— Вы совершенно правы, Неллочка! Я тоже думала о том, чтобы все было в темных тонах.

Необыкновенный наив забавно соседствовал с деловитостью: она заранее договорилась об амортизационной стоимости собственных туалетов, включая колготки.

«Вы оговорили с театром условия оплаты? — как-то спросила она Молчадскую. — Нет?! Безобразие! Это нельзя позволять».

Орлова довольно сердито отчитала Нелли, попутно заметив, что не может позволить себе излишнюю щепетильность, хотя ее бюджет составляет около десяти тысяч в месяц (при средней зарплате в СССР в 120 рублей. — Ф. Р.)».

Ввод Орловой в «Сэвидж» оказался успешным: после спектакля зал в течение получаса стоя аплодировал легенде, вызывая ее на «бис» снова и снова. Говорят, Раневская восприняла этот успех весьма болезненно и долго не могла успокоиться. Однако интриги вокруг этой роли на этом не закончатся, в дело вмешается еще одна звезда — Вера Марецкая, о чем речь впереди. А пока вернемся в июнь 72-го.

8 июня у известного эстрадного поэта-песенника Павла Леонидова родился сын Василий. А на следующий день, в девять утра, в его доме зазвонил телефон. Подняв трубку, Леонидов услышал на другом конце радостный голос своего двоюродного брата Владимира Высоцкого: «Старик, с сыном! Как назвал?» Леонидов спросонья промямлил: «Жена на-

звала в честь своего единственного серьезного родственника, главного бухгалтера Люберецкого торгова, Василием!» — «Значит, Васька! — продолжал греметь в трубке голос Высоцкого. — Ура! Через час буду!» Далее послушаем рассказ самого П. Леонидова:

«Вова приехал в новом «Пежо», впервые за рулем. Эту машину привезла Марина. «Пежо» был с дипломатическими номерами. На заднем сиденье лежал огромный букет красных роз, и рядом с этим букетом мой тощий букетик с Центрального рынка выглядел ублюдочным, а ведь Вова зарабатывал гораздо меньше меня. Верно, тогда уже появился фактор «Марина». Вова был чуть навеселе и рассказывал мне, что пробили вторую его мини-пластинку на «Мелодии» (речь идет о миньоне с военными песнями, которая выйдет в октябре. — Ф. Р.). Помог Дмитрий Степанович Полянский (он тогда был членом Политбюро, первым замом Председателя Совета Министров СССР, а также тестем друга Высоцкого Ивана Дыховичного. — Ф. Р.) и «главный рыбак СССР» министр рыбы Ишков, его сумасшедший поклонник. Тут Вова подкатил к обочине, выскочил из машины и достал из багажника две огромные банки черной икры в желтой авоське. Пояснил: «Он мне за песни о Фишере, а я их тебе за Ваську. И Ваське — за тебя!»

Мы легко нашли проезд Шмидта. Вова знал дорогу — через Ленинградское шоссе, по Беговой мимо Ваганьковки; вдоль трамвайных путей, через железнодорожные мы выскочили к четырехэтажному зданию школы, а напротив родильный дом номер тридцать два. Заходим в приемную. Меня с букетиком сразу шуганули — цветы в палаты к роженицам запрещены, но тут входит молодой врач, видит Володю, подходит к нему и спрашивает: «Вы — Высоцкий?» Володя говорит: «Да». Тут же Володин букет поплыл к жене в палату вместе со стаканом икры, и сейчас же сбегалась к нам вся больница, и пришлось нам смыться, а из окон махали нам роженицы, и сзади на нас потихоньку наплывали люди... Мы отошли к машине, но в палате осталась икра, чтобы у Гали было молоко... Мы отъехали, а нас провожала огромная толпа...

Обратно из роддома мы снова ехали мимо Ваганьковки, и может, потому я и вспомнил это — когда проезжали мимо ограды, над Ва-

ганьковским кладбищем завис аист и я сказал Вове, который смотрел «под ноги» и не видел аиста, «аист в небе словно парус», а он сказал: «Вот тебе и рефренная строка для советской песни с нулем информации». Но я тогда песни не написал...»

А теперь из Москвы вновь перенесемся в Ярославль, где снимают комедию «Большая перемена». 7 июня начали снимать эпизоды из начала фильма — знакомство Нестора Петровича с Полиной (Наталья Гвоздикова). Правда, эти кадры в окончательный вариант картины не вошли: там влюбленные гуляют по городу после встречи у пляжа. Двумя днями позже съемочная группа переместилась на берег Волги, где должны были сниматься «пляжные» эпизоды. Специально под это дело руками декораторов было построено летнее кафе, в котором Нестор Петрович должен был проводить время, наблюдая за прекрасной незнакомкой, катающейся на водных лыжах. Кстати о лыжах. Для обучения актеров катанию на них были специально приглашены профессионалы — мастера спорта по водным лыжам. В течение нескольких дней они терпеливо обучали Кононова и Гвоздикову своему ремеслу, однако в итоге в ленту ничего из этого не войдет. Тот коротенький проезд Гвоздиковой на лыжах, который мы видим в фильме, на самом деле был снят без участия самих лыж — актриса стояла на подставке. А там, где мы видим ее героиню на лыжах, на самом деле снималась ее дублерша-спортсменка.

10—11 июня из-за того, что исполнитель роли Федоскина актер Юрий Кузьменков не сумел приехать на съемки, снимали «футбольные» эпизоды: Нестор стоит в воротах вместо Фукина и совершает чудо — берет одиннадцатиметровый штрафной удар.

11 июня в Болгарии закончился очередной фестиваль эстрадной песни «Золотой Орфей» (участвовали 250 исполнителей из 55 стран). От Советского Союза в нем участвовали два исполнителя: Лев Лещенко и Светлана Резанова (та самая, что через год споеет песню Давида Тухманова «Белый танец» и наутро проснется знаменитой). Явным фаворитом считался первый, который привез на конкурс песню Яна Френкеля и Расула Гамзатова «Журавли» в новой интерпретации и песню на болгарском языке «Останься». Однако случилось нежи-

данное — настоящий фурор произвело выступление Резановой, которая поразила зрителей прежде всего своим внешним видом. Вот как сама певица вспоминает об этом:

«На сцене я была более раскрепощена, чем Лещенко, потому что прошла школу мюзикхолла (выступала в Ленинградском мюзикхолле. — Ф. Р.). Выступала я в потрясающем итальянском золотом платье, которое заканчивалось широкими брюками. Такое стильное платье-брюки! Этот необычный наряд по каким-то тайным каналам из-за границы достала мне жена Бориса Сергеевича Брунова — Мария Васильевна. (За что я, кстати, связала ей симпатичную кофточку.) Наверное, многих шокировали моя обнаженная спина и хорошая живая грудь: я выступала без бюстгалтера! Такое решение сценического образа в те годы даже для западных артисток было неожиданно смелым...»

В итоге жюри фестиваля, которое почти сплошь состояло из мужчин, присудило первую премию Светлане Резановой (за исполнение болгарской песни), а Лещенко досталась лишь третья. Тогда в защиту певца выступил член жюри от Советского Союза, руководитель знаменитого Эстрадного оркестра Армении Константин Орбелян, заявивший следующее: «Как вам не стыдно! Лещенко набрал самый высокий балл по части исполнения, а вы сюда вмешиваете какие-то политические соображения! Если справедливость не будет восстановлена, я устрою вам здесь такое в местной прессе, что мало не покажется!..»

Справедливость так и не восстановили: Лещенко остался с третьей премией. Орбелян, видимо, поняв, что спорить бесполезно, апеллировать к прессе не стал. Остальные награды распределились следующим образом: 1-е место также досталось З. Сошнической (Польша), 2-е — М. Хроновой (Болгария) и Маркос (Испания), 3-е — Мари Роз (ФРГ).

И еще один конкурс эстрадной песни состоялся в те дни в Японии. От СССР в нем участвовала молодая певица Антонина Жмакова, которая завоевала 3-е место, исполнив песню «Звездам навстречу» А. Новикова и В. Харитонина.

Но вернемся в Советский Союз. В субботу 10 июня в Большом театре состоялась премьера многострадального балета «Анна». Мы

помним, что еще в феврале министр культуры Фурцева попыталась закрыть его, но после вмешательства секретаря ЦК Демичева постановку удалось отстоять. Правда, до последнего момента было неясно, когда состоится премьера — то ли в июне, то ли с открытием нового сезона осенью. Как вдруг 8 июня Плисецкой домой позвонила ее подруга Александра Красногорская и сообщила, что премьера объявлена на 10-е. Мол, только что, буквально на ее глазах, на афише поменяли названия: вместо надписи «Спектакль будет объявлен особо» поставили «Балет «Анна», музыка Р. Щедрина, премьера». Не в силах поверить внезапно свалившемуся на нее счастью, Плисецкая стремглав бросается из дома — лично удостовериться в услышанном. Нет, она целиком и полностью доверяла подруге, но хотелось увидеть долгожданную афишу собственными глазами. Далее послушаем рассказ самой М. Плисецкой:

«Я прихожу на спектакль обычно за два с половиной часа. В день премьеры «Анны» я пришла за четыре. Сегодня из Парижа успел прилететь оповещенный нами Пьер Карден со своей японской спутницей-секретарем Юши Таката. Он приехал в театр прямо из аэропорта. Я должна показать ему на себе все его великие костюмы. Прежде чем увидит публика. Не рассердится ли только Пьер, что имени его в программке не будет?.. Об этом директор Муромцев и слышать не захотел: министерство наотрез отказалось...»

Скрипки с флейтами запевают свою печальную мелодию. Спектакль начался. Помогите нам, господа!..

Зал сегодня — трудный. Вся Москва. Верившие в наш замысел. Злоязычные скептики, холодные циники, все и вся наперед знающие. Беспечные, милые иностранцы, читавшие перед началом с переводчицами в программке сюжет балета: чем эта историйка закончится?.. И моя близкая, роднющая, нежно любимая мною московская публика. Моя публика. Публика, простоявшая прошлую ночь напролет у касс Большого, чтобы попасть сегодня на галерку...

Спектакль состоялся.

Мы — кажется — победили!..»

Между тем премьера «Анны» оказалась чуть ли не единственной театральной премьерой...

рой в столице в том месяце, что неудивительно, — сезон в театрах закончился, большинство коллективов разъехалось на гастроли. Исключение — Малый театр, где 3 июня был показан спектакль «Фальшивая монета» М. Горького с участием Юрия Каюрова, Руфины Нифонтовой, Александра Потапова, Бориса Клюева и др., и Театр имени Моссовета, где одновременно с «Анной» — 10 июня — состоялась премьера спектакля «Третьего не дано» по пьесе В. Азерникова, в ролях: Л. Шапошникова, А. Консовский, А. Адоскин, Н. Парфенов, Б. Иванов и др.

Кинопремьер столько же, и все они выпали на 12 июня: «Драма любви» узбекского режиссера Ш. Аббасова и «Вчера, сегодня и всегда» Я. Базеляна с популярной в те годы актрисой Людмилой Румянцевой в главной роли.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Попутного ветра, «Синяя птица!» (1-го), «Всего три недели» (премьера т/ф — 3—4-го), «Табаго» меняет курс» (4-го), «День за днем» (5—17-го), «Проверено, мин нет» (5-го), «По следу Тигра» (СФРЮ, впервые по ТВ), «Анна на шее» (8-го), «Акваланги на дне», «Дорога на Рюбецаль» (впервые по ТВ), «Аршин Мал Алан» (9-го), «Пассажир с «Экватора», «Стряпуха» (10-го), «Кукла» (премьера на ТВ — 10—11-го), «Сердца четырех», «Похищенный» (ГДР, 11-го), «Дорогой мой человек» (13-го), «Решающий шаг» (14—15-го) и др.

Из эстрадных представлений выделяю следующие: 3-го в зеркальном театре «Эрмитаж» состоялась премьера эстрадного ревью «Сто улыбок» с участием О. Анофриева, Г. Дудника, Э. Жерздевой, Л. Ашрафовой, вокального квартета «Аккорд» и др., 5—8-го в Театре эстрады прошли концерты с участием Ивана Суржикова, Нины Дорды, ВИА «Красные кораллы» (Югославия) и др., 9—11-го в «Октябре» пела Елена Великанова, в эти же дни на открытой площадке в Сокольниках состоялись сборные концерты с участием Майи Кристалинской, Екатерины Шавриной, Елены Камбуровой, Бедраса Киркорова и др., 10—25-го во Дворце спорта в Лужниках выступают звезды югославской эстрады: Джордже Марьянович, Ивица Шерфези, Мики Евремович, ВИА «Голубой ансамбль» и др., 14—19 на стадионе «Динамо» толпы зрителей собирает ВИА «Веселые ребята».

14 июня в «Большой перемене» снимали эпизоды, где Нестор Петрович, сидя за столиком в летнем кафе, с упоением наблюдает за прекрасной незнакомкой, катающейся на водных лыжах. Официантка от этого просмотра не в восторге: клиент ходит сюда вот уже неделю, но ничего не заказывает.

В тот же день в Брюсселе сборная СССР по футболу в розыгрыше 1/2 финала чемпионата Европы встречалась с командой Венгрии. Успех сопутствовал нашим футболистам — они выиграли 1:0 (мяч на 52-й минуте забил Анатолий Коньков). Теперь в финальной части турнира советским спортсменам предстояло встретиться со сборной ФРГ. Буквально накануне первенства (25 мая) эти сборные встречались в товарищеской игре, и успех тогда был на стороне немцев — 4:1. Учитывая это, многие специалисты сходились во мнении, что и эта игра сложится не в нашу пользу. Так оно и вышло: 18 июня сборная ФРГ вновь переиграла нашу сборную, и вновь с крупным счетом — 3:0.

15 июня съемочная группа фильма «Земля Санникова» переехала из Выборга в Ленинград для павильонных съемок. В частности, там были сняты эпизоды: в ресторане (это там Крестовский в исполнении Олега Даля поет песню «И солнце всходило...»), в доме Перфильева — к последнему приходит Ильин (Владислав Дворжецкий) просить денег на экспедицию; Перфильев (Николай Гриценко) заставляет своего слугу Игнатия (Георгий Вицин) ехать искать Землю Санникова.

Мы помним, что в начале работы над картиной в группе произошел серьезный конфликт между режиссерами и исполнителями главных ролей. Застрельщиком конфликта от последних был Сергей Шакуров, которого режиссеры поспешили из группы удалить. Однако даже отсутствие главного «бунтаря» не смогло до конца оздоровить ситуацию на съемках — ее продолжали сотрясать как мелкие, так и крупные скандалы. Один из этих конфликтов заставил Олега Даля после съемок в Ленинграде оставить в своем дневнике следующую запись:

«Мысли мои о нынешнем состоянии совкинематографа. («Земля Санникова»). Х и У — клинические недоноски со скудными запасами серого вещества, засиженного помойными зе-

леными мухами. Здесь лечение бесполезно. Поможет полная изоляция...»

Тем временем лидер столичной рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич трудился на студенческой практике от родного МАРХИ в городе Переславль-Залесском. Его жизнь текла тихо и размеренно, пока в городе внезапно не объявился еще один «машинист» — Александр Кутиков. Причем его путь к Макаревичу был сопряжен с большими опасностями: оказывается, по дороге его задержала милиция, поскольку он по приметам был очень похож на какого-то сбежавшего рецидивиста. Но, к счастью, у Кутикова при себе был паспорт, который и снял с него все подозрения. Короче, он благополучно добрался до Макаревича и сообщил ему, что в Москве по причине возвращения из армии Сергея Грачева вновь собралась супергруппа «Лучшие годы» и что из-за нехватки людей они зовут Кутикова и Макаревича к себе в состав с тем, чтобы отправиться халтурить на юга. Предложение было крайне лестным, поскольку «Лучшие годы» на тот момент считались одной из самых сильных рок-команд, где играли виртуозы своего дела: барабанщик Юрий Фокин, клавишник Юрий Саульский, вокалист Сергей Грачев, бас-гитарист Алексей Полисский и другие. Поэтому Макаревич с ходу согласился играть в «Годах», правда, тут же уточнил, что уехать немедленно не удастся — не отпустят. Однако через пару недель, в начале июля, он обязательно придет следом за Кутиковым на юга. На том и порешили.

Тем временем часть труппы столичного Театра на Таганке отправилась на гастроли в Ленинград. Причем большая часть актеров должна была приехать в город на Неве на поезде, а некоторые зажиточные члены труппы — в частности Высоцкий, Дыховичный, имеющие собственное авто, — поехали туда на своих железных конях. В тот приезд произошла следующая история.

Высоцкий, которого трижды под разными предлогами выселяли из лучшей гостиницы Питера «Астория», теперь вознамерился прожить в ней «от звонка до звонка». Каким образом? Он попросил помочь ему в этом деле Ивана Дыховичного, у которого тестем был, как мы помним, член Политбюро Дмитрий Полян-

ский. Дыховичный, которого эта просьба удивила, все-таки не решился расстраивать друга и пошел ему навстречу: тут же из телефона-автомата, установленного в холле гостиницы, позвонил в Москву тестю и попросил заказать бронь в «Асторию». Тесть ответил: нет проблем. Затем друзья разделились: Высоцкий вышел на улицу (чтобы не мозолить лишним раз глаза) с тем, чтобы минут через десять вернуться в гостиницу, а Дыховичный отправился напрямиком к администратору.

Учитывая, что выглядел Дыховичный весьма просто — рубашка, джинсы, длинные волосы, — сидевшая за стойкой женщина-администратор даже не стала с ним разговаривать и на просьбу посмотреть бронь на фамилию Дыховичный ответила:

— И смотреть не буду! Гуляйте себе, молодой человек!

Краем глаза Дыховичный видел, что милиционер, стоявший неподалеку, начал медленно перемещаться в его сторону.

— Но все-таки посмотрите, пожалуйста, — сделал он новую попытку разжалобить администраторшу.

— Не буду смотреть! — еще больше взвилась женщина. — Если не хочешь, чтобы тебя вывели и «оприходовали», то сам покинь гостиницу немедленно. Здесь солидные люди селятся, а не рвань всякая!

В этот миг в холле появляется Высоцкий, однако его появление никакой положительной реакции у администраторши и милиционера не вызывает. Наоборот, им даже доставляет удовольствие «прижечь пятки» известному актеру. Короче, их просят удалиться. По словам Дыховичного, никогда еще он не видел приятеля таким грустным, как в тот миг. Еще бы: «Астория» вновь осталась для него неприступной. И тут в Дыховичном разыгралась гордость. «Подожди меня здесь!» — говорит он Высоцкому, а сам направляется к милиционеру. За взятку в 5 рублей он уговаривает его разрешить ему сделать еще один звонок из автомата и вновь связывается с тестем. Тот, услышав, что его зять до сих пор не въехал в номер, страшно удивляется. Затем соединяется с кем-то по другому телефону и через пару минут объявляет Дыховичному: мол, все нормально, вас должны за-

селить. Окрыленный услышанным, Дыховичный возвращается к администраторше.

Увидев возле себя молодого человека, которого она пять минут назад выгнала, женщина чуть не поперхнулась.

— Опять вы?

— Да, я! — ответил тот. — Я прошу вас посмотреть бронь на фамилию Дыховичный.

Видимо, твердость, с какой посетитель произнес последнюю фразу, произвела на администраторшу определенное впечатление, и она, пусть нехотя, но полезла в журнал. Но при этом сказала:

— Вот если я сейчас не найду вашу фамилию, вы у меня получите пятнадцать суток!

— Хорошо, — не стал спорить с ней Дыховичный.

Далее послушаем рассказ самого актера:

«Переворачивает страницы — и я вижу, что есть моя фамилия.

— Да, — говорит, — фамилия имеется, но номер вы не получите!

— Почему же?

— А потому что я сейчас все выясню! Я вас выведу на чистую воду! Это бронь обкома партии. Какое отношение вы можете иметь к обкому?

— А вот эти вот все, — отвечаю, — имеют какое-то отношение? А?..

Она, уже вне себя, перезванивает куда-то — и постепенно меняется в лице.

— Ладно, — говорит, мол, делать нечего.

Выхожу к Володе, тот сидит потерянный.

— Чего ж! — встречает меня. — Поехали отсюда. Ясно было, что нас не поселят.

— Так нас пускают, — а ему уже не верится. То есть он даже входит туда второй раз побаивался.

Нас поселили, но со словами, что, дескать, долго вы тут не проживете. И на следующий, кажется, день переселили из нашего замечательного номера в другой, под тем предлогом, что приезжают какие-то иностранцы.

А в Ленинграде мы несколько дней выступали с концертами. На третий день эта женщина, которая с нами боролась, вошла и говорит:

— Вот вы выступаете, нельзя ли для меня организовать пару билетиков?

Володя взвыл и со словами в том смысле, что «Держите меня!», убежал на улицу.

Я же попытался что-то объяснить — мол, вы еще имеете совесть...

— А что такого? — отвечает. — Билет, что ли, сделать трудно?..»

19 июня увидел свет Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». В нем в качестве мер по обузданию потребления «зеленого змия» населением (а оно к тому времени приобрело катастрофические размеры, о чем сигнализировали все инстанции: МВД — мол, растет количество преступлений «по пьяни», Министерство труда и занятости — мол, растет травматизм «по пьяни» и т. д.) предлагалось сократить число разного рода «забегаловок», усилить контроль за отпуском спиртного несовершеннолетним и т. д. и т. п. Однако уже ближайшее время показало, что ничего в сложившейся ситуации этот указ не изменил.

Двое известных советских литераторов — поэт Николай Старшинов и писатель Виль Липатов — появление Указа встретили в «кремлевском отделении» знаменитой «Соловьевки» — больнице имени Соловьевой, где, в частности, лечились и алкоголики, принадлежавшие к так называемой элите: актеры, писатели, художники, спортсмены, директора магазинов, баз и т. д. Причем лечились они по-разному: кто-то действительно хотел вылечиться, а кто-то просто был вынужден пройти курс лечения по разнарядке. Например, в те июньские дни в «Соловьевке» лежал директор одного крупного столичного автобусного парка, который весь курс лечения водил врачей за нос: ему давали пить антабус, а он сразу после этого летел стрелой в туалет, где тайком выпивал полстакана лимонного сока, который нейтрализовал действие лекарства. На вопрос Старшинова, зачем он это делает, директор отвечал: «Меня заставили пройти принудительное лечение. Если бы я отказался от него, меня сняли бы с работы и исключили из партии. А так я как бы пройду курс лечения, получу об этом справку. А употреблять-то все буду по-прежнему. Без этого у нас не обойдешься...»

Далее Н. Старшинов вспоминает:

«Сразу после выхода постановления к Виле пришел корреспондент «Литературной газеты», чтобы взять у него интервью, посвященное этой теме. Отвечая на вопросы, Виль все время хохмил:

— Миленкий, да если бы я знал, как закончить с этим злом, я не лежал бы здесь уже пятый раз!..

Находясь в больнице, Липатов неоднократно пытался войти в работу над новыми вещами. В частности, говорил о том, что намерен написать продолжение повести «Серая мышь», ее вторую часть.

Но работа ему не давалась. Его мучила страшная депрессия. Чтобы избавиться от нее, он постоянно принимал какие-то таблетки. Выгребал их из тумбочки и глотал целыми горстями без счета...

Над нами, этажом выше, находилось психиатрическое отделение. Нередко на прогулку в больничный двор нянечки выводили одновременно и нас, и лечившихся в этом отделении.

Виль с большим вниманием следил за их поведением. В них было немало нелепого, смешного. Но все это Виль воспринимал без зубокальства и не только с любознательностью, но и с человеческим сочувствием.

Один больной, представлявшийся всем Иисусом, был необычайно общителен, разговорчив. Его постоянно окружали товарищи по несчастью, засыпали вопросами, на которые он охотно и подробно отвечал.

Как-то услышали мы, как Иисус, кстати, очень сильно по-владимирски окая, объяснял им:

— Когда я умру, мое тело будет предано земле здесь. — Он указывал на ближнюю к нему клумбу. — Ко мне будут приходить все верующие...

Его допрашивали все вместе, скороговоркой:

— А где вы живете? Где вы живете?

— Как это — где? — отвечал он. — Конечно, на небе!

— А как туда добираетесь? — интересовались они.

— Когда как, — отвечал он с олимпийским спокойствием. — Когда на троллейбусе, когда на трамвае, а когда на метро!..

А однажды, когда его товарищи сбились в кучу, подошли мы с Вилем к ним поближе. Иисус говорит:

— Вчера было совещание всех больших военачальников. Очень ответственное совещание!..

Иисус невозмутимо перечислил всех участников совещания, проявив в военной области немалые познания:

— Были все выдающиеся полководцы и флотоводцы — Александр Македонский, Чингисхан, Батый, Тамерлан, Дмитрий Донской, Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Алексей Брусилов, Георгий Жуков, Наполеон, адмиралы — Степан Макаров, Павел Нахимов, Владимир Корнилов, Михаил Лазарев, Нельсон.

— Что решили? Что? — продолжали допытываться окружающие.

— Решили объявить самую большую мировую войну! — сообщил Иисус.

Это заявление вызвало у окружающих почти нормальную реакцию:

— Ой как плохо!

— Ой как худо!..

И только проживающий в больнице уже несколько лет Петя откликнулся на это с великой радостью:

— Как хорошо-то! Наконец-то будет война!.. Настоящая!..

На него зашикали товарищи по несчастью:

— Ты чего говоришь-то?! Война — это плохо! Чего в ней хорошего — холод, голод, бомбежки, разруха... Чего хорошего?

— По телевизору будем смотреть! — продолжал восторгаться Петя.

Возвратясь в палату, я увидел, как Виль что-то торопливо заносил в свой блокнот. Вероятно, заметки об этом услышанном нами разговоре...»

19 июня у Леонида Брежнева появился новый секретарь — четвертый по счету. Три прежних секретаря до недавнего времени вполне справлялись с возложенными на них обязанностями, но после того, как в мае у генсека появился новый кабинет в Кремле, понадобился четвертый секретарь. Им назначили Олега Захарова, вот уже несколько лет работавшего инструктором ЦК КПСС.

Весть о своем новом назначении Захаров узнал из уст заведующего Общим отделом ЦК Константина Черненко. Тот утром вызвал его к себе в кабинет и огорошил этой новостью. Примерно около трех часов дня Черненко и Захаров сели в служебный автомобиль и отправились со Старой площади в Кремль показывать Брежневу. При этом Захаров испытывал

большую неловкость оттого, что был одет в повседневный, довольно потрепанный костюм. Однако смотрины прошли благополучно: Брежнев был крайне обходителен, вежлив.

В тот же день (и на другой тоже) в «Большой перемене» снимался один из кульминационных эпизодов — знакомство на пляже Нестора Петровича и Полины. Как мы помним, после нескольких дней наблюдения за девушкой Нестор наконец решается подойти к ней и в присутствии ее жениха Вани Федоскина (Юрий Кузьменков) заявляет: «Разрешите вами восхищаться! Я наблюдал за вами вот уже семь дней и пришел к выводу, что вы меня достойны». На что Федоскин отвечает: «Я наблюдаю за тобой семь секунд и пришел к выводу, что...» Но тут в дело вмешивается Полина, которая обрывает своего жениха и... короче, в итоге меняет его на Нестора.

В эти же дни Александр Солженицын наконец-то получил развод от своей бывшей жены Натальи Решетовской. Как мы помним, вся эта бракоразводная бодяга длилась довольно продолжительное время. На первом суде супругам дали отсрочку на полгода с тем, чтобы они еще раз хорошенько обдумали происходящее. Но эта отсрочка не смогла поколебать желание Солженицына развестись, поскольку на тот момент у него была уже другая женщина, от которой у него родился сын. Поэтому второй суд удовлетворил его просьбу. Но Решетовская подала апелляцию, и вышестоящая инстанция аннулировала предыдущее решение суда. Не развел их и третий суд. И, только когда Солженицын лично обратился к бывшей жене с просьбой прекратить раз и навсегда этот затянувшийся спектакль, та дрогнула и освободила писателя через ЗАГС.

20 июня Решетовская поехала на дачу в Борзовку, что под Наро-Фоминском, и произвела необычный обряд «захоронения любви». По ее же словам, выглядело это следующим образом: «Я положила в полиэтиленовый пакет Санину фотографию и недалеко от скамеечки под ореховым деревом выкопала могилку. Присыпала любимую фотографию землей, грани обложила гвоздиками, а из листьев травы выложила дату нашего с ним расставания — 20 июня 1972 года. Сане я ничего об этом не сказала. Прошло какое-то время, он приехал на дачу (он еще пользовался ею), стал косить тра-

ву, и вдруг неожиданно коса нашла на могилку. Он спросил меня, что это такое. Я ответила. Как же он вспыхнул тогда: «Как ты можешь на живого человека могилку делать?!»

В тот же день 20 июня состоялось большое переселение в КГБ — Первое главное управление (внешняя разведка) переселилось с Лубянки в новую штаб-квартиру в Ясенево, к юго-востоку от Москвы, в полукилометре от Кольцевой дороги. Первоначально здание предназначалось для Международного отдела ЦК КПСС. Но когда строительство уже началось, ЦК внезапно решил, что здание расположено слишком далеко от центра, и отдал его КГБ. Главный административный корпус, построенный в форме буквы У, с одной стороны окружал зал заседаний и библиотека, с другой — здания поликлиники, спорткомплекса и бассейна. Весь комплекс зданий окружал двойной забор со сторожевыми собаками и вооруженными часовыми по периметру. Перед главным корпусом, возле пруда, как и положено, водрузили бюст вождя мирового пролетариата. Как пишет бывший сотрудник ПГУ О. Гордиевский:

«Каждое утро между 8.20 и 8.50 к Ясенево со всех концов Москвы мчался поток автобусов. Немногие счастливицы приезжали на своих машинах...

Официальный рабочий день начинался в девять часов утра. Подъехав к зданию ПГУ, сотрудники проходили через три поста. Один — у внешних ворот, второй — у главного входа за внутренним забором и третий — у входа в само здание. Помимо этого, в различных частях здания документы могли проверить еще несколько раз. В Ясенево по обычному удостоверению КГБ, с фамилией, именем, отчеством, званием и фотографией владельца пройти было нельзя. У каждого сотрудника ПГУ был свой собственный пластиковый пропуск с его, а реже ее, фотографией и личным номером. Имен на этих пропусках не было. Кроме этого, на пропусках была нанесена специальная сетка с перфорацией в тех местах, куда владельцу пропуска доступ был запрещен. Эти пропуска за границу с собой брать запрещалось...

Рабочий день заканчивался в шесть часов вечера. Автобусы отходили от здания ровно в 6.15. Перед отправлением водители снимали со своих автобусов номер маршрута. Когда ко-

лонна автобусов отправлялась в обратный путь, то милиция останавливала все движение на Московской кольцевой дороге для того, чтобы влиятельные пассажиры могли беспрепятственно добраться до дома...»

И еще несколько слов о КГБ, на этот раз о сотрудниках другого Управления — 5-го, занимавшегося идеологией. 21 июня в Москве ими был арестован известный правозащитник, сын сгинувшего в сталинских застенках командарма Ионы Якира Петр. Предлогом к аресту послужили листовки, появившиеся в те дни в столице. Якиру предъявили обвинение в том, что он участвовал в их составлении. Кроме этого, у него на квартире были обнаружены отдельные номера крамольной «Хроники текущих событий», за которой в последнее время КГБ открыл настоящую охоту.

Едва весть о том, что Якир арестован, распространилась в диссидентских кругах, как тут же началась кампания в его защиту. В частности, Андрей Сахаров отправился напрямую к министру среднего машиностроения Ефиму Славскому с тем, чтобы тот помог вытащить Якира из застенков КГБ. Почему он выбрал именно Славского? Дело в том, что тот еще в гражданскую войну служил вместе с отцом арестованного Ионой Якиром и тот, по слухам, завещал ему заботу о сыне, если с ним что-либо случится. Далее послушаем рассказ самого А. Сахарова:

«Я позвонил Славскому с просьбой меня принять, и он, назначив время, распорядился о выдаче мне пропуска. Со странным чувством входил я в огромное тринадцатизэтажное здание, где, кажется, ничего не изменилось за четыре года, с тех пор как я был там в последний раз. Те же лица, то же выражение деловой озабоченности на них, те же просторные коридоры и ковры...

Сам разговор со Славским был кратким. Я рассказал суть дела, коротко рассказал о правозащитной деятельности вообще и упомянул, что отец Якира был его другом и, как я слышал, передоверил ему судьбу Пети. Славский ответил, что он ни в коем случае не будет вмешиваться в это дело.

— Раз вы хлопчете об этом человеке, которого я совершенно не знаю, то он, наверное, такой же антисоветчик, как вы...»

Короче, Славский в деле освобождения Якира не помог. Не стал он утруждать себя и другим делом — вмешательством в судьбу рабочего одного из заводов среднего машиностроения Богданова, за которого Сахаров тоже просил. В чем же провинился этот человек? Семье Богданова долго не предоставляли отдельной квартиры, и тот решил просить вмешаться в это дело самого Славского. Но министр не стал его слушать и выгнал вон. Тогда Богданов от отчаяния пошел на безрассудный шаг: он похитил секретную деталь (регулирующий кадмиевый стержень ядерного реактора) и спрятал, обещая отдать ее в обмен на квартиру. Правда, через пару дней он одумался, деталь вернул, но КГБ ему этой «шутки» не простил. Однажды к Богданову на улице подошли какие-то люди и попросили закурить. Тот дал — и через квартал был арестован. Его обвинили в том, что он несколько минут назад встречался с представителями аргентинской разведки (!) и передал им какие-то секретные сведения. Суд приговорил его к 10 годам заключения.

Не оставляло в покое 5-е управление и Александр Солженицына. Проживая с беременной женой и сыном на даче Ростроповича, он принимал отчаянные попытки получить развод от первой жены Натальи Решетовской. Но она, при непосредственном участии КГБ, все его попытки развестись срывала. Поскольку одному писателю это дело было явно не под силу, он обратился к услугам столичного адвоката Татьяны Кузнецовой. Их первая встреча была как будто списана со страниц детективного романа. Солженицын приехал в Москву, зная всего лишь номер домашнего телефона Кузнецовой. Однако судьбе было угодно, чтобы он позвонил ей из будки, которая находилась... в двух шагах от ее дома, что в Козицком переулке. Адвокат спросила его, где он находится, а он, зная, что за ним следят, а может быть и подслушивают чекисты, ответил приблизительно: «Рядом, в районе Пушкинской площади». — «Вы звоните из квартиры?» — спросила Кузнецова. — «Нет, из автомата», — был ответ. Зная, что у нее под окнами тоже есть телефонная будка, Кузнецова чисто машинально выглянула в окно и... Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«Я вижу в будке мужчину в белой рубашке с короткими рукавами. Он стоял спиной к переулку, склонив голову к аппарату. У меня мелькнула мысль, что человек принял такую позу потому, что не хочет быть видимым для прохожих. Не Солженицын ли это? Спрашиваю: «Вы звоните из Козицкого переулка?» Снова молчание, некоторая, чувствую, нерешительность. Затем он подтвердил, а я уточнила: «Вы в белой рубашке?» Пауза... Уверена, в эту минуту Александр Исаевич воспринимал меня как продолжение систематических, упорных преследований. «Повернитесь, пожалуйста. И взгляните в открытое окно на третьем этаже. У меня в руках красная телефонная трубка». Александр Исаевич повернулся, и мы обменялись улыбками. Это были замечательные улыбки — абсолютного доверия. Представляете, в Москве таким образом встретиться... Через минуту я открыла ему дверь квартиры. «Невероятные вещи в жизни случаются, не правда ли?» — сказала я. Он рассмеялся, вынул записную книжку и сказал, что он эту встречу обязательно опишет.

Александр Исаевич просил защитить его гражданские права. Сказал, что положение его чрезвычайно трудное, что он, по его выражению, заверчен. Наконец, у него сложная бракоразводная ситуация, так как «третьим лицом» выступает КГБ...»

21 июня в столичном театре «Современник» прошло собрание, на котором решился судьбоносный вопрос: был избран новый главный режиссер театра. Им стала Галина Волчек. Это была сенсация, поскольку, во-первых, это была женщина (а тогда еще такого не было, во всяком случае в столице), во-вторых — против Волчек плотной стеной выступали московские партвласти во главе с их лидером Виктором Гришиным. Спросите почему? Отвечаю: Волчек была беспартийной плюс еврейкой. Однако коллектив театра хотел видеть в этом кресле только ее и добился своего. Правда, это назначение едва не рассорило нового главрежа с директором театра Олегом Табаковым. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Спустя двадцать лет до меня донеслось, что тогдашний зав. сектором театра отдела культуры ЦК Глеб Щипалин — человек вполне нормальный, не хуже и не лучше многих чиновников, руководивших нами, сказал Галине Бори-

совне, что единственным, кто был против ее назначения, был Олег Табаков... Зачем он так поступил — не знаю, может быть, чтобы разделять и властвовать. Но Галя — достаточно разумный человек, она наверняка поняла, что, если бы директор был против, ее никогда бы не назначили. Если не поняла — жаль, что отравленная стрела так точно попала в цель. Мы никогда не говорили с ней об этом. История наших взаимоотношений с Галей Волчек очень поучительна, потому что немало людей приняли целенаправленное участие в том, чтобы развести нас. Допускаю также, что это входило в расчеты и кого-то из моих товарищей. Но такие вещи надо свидетельствовать. Безусловно, наши взаимоотношения омрачились, но не до такой степени, чтобы мы стали делать друг другу гадости. Это было невероятное испытание, которое устроила нам с Галей жизнь, но наши симпатии друг к другу оказались сильнее всех сплетен и подозрений...»

В тот же день 21 июня актеру Валерию Золотухину исполнился 31 год. В силу служебных обстоятельств он вынужден был отметить эту дату в Ленинграде (там, как мы помним, гастролировал Театр на Таганке). Сначала с Высоцким они хорошо посидели в ресторане гостиницы «Астория», затем поднялись в номер к Ивану Дыховичному и продолжили «кирять» там, после чего заявили на квартиру актрисы Нины Ургант. На следующий день возлияния продолжились, о чем в дневнике именинника есть соответствующая запись.

«22-го приехала Ия (Саввина. — Ф. Р.). Я проспал встретить ее. Ездил на «Ленфильм», на рынок с Мариной Хочинской (жена Александра Хочинского, с которым Золотухин играл в «Бумбараше». — Ф. Р.). И собрались мы в мастерской... на 10-м этаже. Ай, какая красота! Такого дня рождения я не помню у себя. Был цвет нации и соответствовал своему назначению. Золотухин, Саввина, Высоцкий, Хмельницкий, Смехов с женой, Васильев с женой (через несколько лет актер Таганки Анатолий Васильев женится на Саввиной. — Ф. Р.), Хочинский с женой, Азизян, Дыховичный, Ласкари Кира с Н. Ургант... Дивный вечер. Пели все, смеялись... плясали. Много и счастливо пел Володя. Мы с Сашкой из «Бумбараша» — «Журавля» и все остальное. Володя развез всех на своей машине марки «Рено»... Прекрасно...

Наутро «Антимиры». Все в форме и с воспоминаниями. Редко удаются такие вечера...»

Брежнев в эти же дни корпел над проектом народнохозяйственного плана на следующий год. Поскольку сам он в этом деле соображал не шибко, он пригласил на свою дачу в охотничье хозяйство в Завидово премьер-министра Алексея Косыгина и председателя Госплана Николая Байбакова. Последний вспоминает:

«Обсуждение этого вопроса заняло у нас два дня с ночевкой на даче. Правда, и в это время у Леонида Ильича не хватало терпения при рассмотрении тех или иных вопросов и поэтому им порой принимались непродуманные решения. Не любил он и слушать, когда в докладе содержалось большое количество цифр. И в этот раз он остановил меня во время моего доклада и сказал:

— Николай, ну тебя к черту. Ты забил нам голову своими цифрами, и я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв и поедем охотиться.

Мы с Брежневым сели в лодки с егерями и поплыли охотиться на уток. Косыгин углубился в лес, сказал, что пойдет на лося, но вернулся ни с чем. Во время обеда рассказали друг другу о том, сколько каждый из нас подбил уток. Наибольшие трофеи были у Брежнева, как у старого, опытного охотника.

После обеда мы продолжили работу над планом и закончили ее на следующий день.

Через несколько дней на заседании Политбюро Брежнев заявил, что «два дня слушал Байбакова, а теперь спать не может», но представленный нами проект народнохозяйственного плана поддержал...»

Тем временем в вузах страны идет горячая пора — сдача экзаменов. Среди выпускников творческих вузов столицы есть и будущие звезды. Так, Театральное училище имени Щукина закончил Евгений Герасимов. Несмотря на свой достаточно молодой возраст — 22 года, — широкому зрителю он уже хорошо знаком благодаря ролям в кино. Свою первую роль он сыграл в четырнадцатилетнем возрасте в фильме Юлия Карасика «Человек, которого я люблю». Затем, уже будучи студентом, умудрился сняться еще в трех, разных по жанру фильмах: «Обвиняются в убийстве», «В лазоревой степи» (оба — 1970), «Летние сны» (1972). Закончив

«Щуку», Герасимов будет принят в труппу Театра имени Маяковского.

Еще одна будущая звезда — Борис Щербаков — закончил Школу-студию МХАТ. В отличие от Герасимова, он пока никому не знаком — на его счету всего лишь одна крохотная кинороль в фильме «Снегурочка» (1968). С тех пор он больше не снимался, однако в год окончания Школы-студии его роман с кино возобновится: Щербакова пригласят сыграть роль вчерашнего школьника в детективе «Тихие берега». В этом же году он официально зарегистрирует свои отношения с однокурсницей по Школе-студии Татьяной Бронзовой (их роман длится вот уже несколько лет), поскольку, поступив в труппу МХАТа, им нужна будет комната в общежитии, а ее давали только женатым.

Михаил Боярский благополучно выпустился из Ленинградского института театра, музыки и кино и был принят в Театр имени Ленсовета. Причем произошло это благодаря помощи его родителей, тоже артистов. Те на протяжении всей учебы сына не вмешивались в его дела, но, когда ему стало грозить распределение к черту на рога — то ли в Павлодар, то ли в Павлоград, их сердца дрогнули. Отец Михаила позвонил своему другу — режиссеру Театра Ленсовета Игорю Владимирову и попросил посмотреть его сына. Режиссер согласился. Далее послушаем рассказ самого М. Боярского:

«В назначенное время я был в театре. Выйдя на сцену, прочитал отрывок из роли Петруччио, потом Кудряша, потом Тартюфа и многое другое. Владимиров сидел, потупив глаза, и вдруг спросил:

— А что ты еще умеешь?

— Еще на рояле умею играть.

— А ну, попробуй.

Я сыграл весь репертуар Геннадия Гладкова, что-то еще и заподряд начал играть концерт Рахманинова.

— Ну это другое дело! — сказал Владимиров. — Все! Иди! Считай, что принят.

Через некоторое время он пришел к нам на курс и сказал, что принял артиста, который ничего не умеет. Вообще! Ноль полный! Но у него в руках уже есть профессия — он музыкант. Дескать, было бы неплохо, если бы и вы научились «немножечко шить», приобрели вто-

рую профессию. Мне он говорил, что я должен учиться у его студентов, что они все гениальные, а им про меня, что «этот вот, «ноль без палочки», но при наличии в спектакле музыки будет иметь роль...»

24 июня в «Большой перемене» начали снимать еще один «водный» эпизод — спасение Петрыкиным из воды Нестора Петровича. Съемки проходили с участием двух водолазов-спасателей, которых на катере страховали еще несколько коллег. В тот день сняли почти 40 полезных метров пленки: прыжки обоих актеров — Кононова и Быкова — в воду. На следующий день съемки эпизода продолжили и где-то к обеду благополучно его завершили. На другой день переместились на территорию нефтеперегонного завода. Там предстояло снять разговор Нестора Петровича с Полиной. Однако съемки были сорваны по вине Кононова, который в очередной раз (впервые это случилось 30 мая) отказался выполнять рекомендации режиссера. В результате не сняли 38 полезных метров пленки. Это был последний день пребывания киношников в Ярославле, после чего они возвратились в Москву.

Съемочная группа вестерна по-советски «Всадник без головы», отсняв часть натуральных эпизодов под Ялтой, в начале 20-х чисел июня перебралась в другой крымский город — Белогорск. Там, в селе Вишенном возле местечка Белая скала, руками ленфильмовских умельцев был выстроен настоящий городок времен Дикого Запада. Вот как описывает увиденное там корреспондентка газеты «Крымская правда» Р. Смольговская:

«Окрестности Белой скалы стали походить на меловую прерию, здесь вырос небольшой пограничный форт с банком, почтовым ведомством, баром, салуном. По площади проходят солдаты в голубых мундирах, проезжают кареты, в которых сидят смуглые женщины в кружевных мантильях. Тут же темпераментные мексиканцы заключают пари, и тогда свистит в воздухе бич охотника за дикими лошадьми-мустангами.

Рядом гасиенда богатого плантатора — красивое здание с окнами, закрытыми ажурными решетками, и азотеей, куда вся семья поднимается, чтобы подышать воздухом в предвечерние часы...»

В те июньские дни киношники снимали эпизоды на улицах городка, после чего должны были приступить к съемкам одного из кульминационных моментов фильма — суд над Морисом Джеральдом.

Владимир Высоцкий в период с 17 по 27 июня находится в Ленинграде, где дает целую серию концертов: в обществе «Знание», Институте токов высокой частоты, на Адмиралтейском заводе, на ЛОМО, в ЛИЯФе и еще в паре других учреждений. Все концерты проходят при переполненных залах. На них Высоцкий исполняет проверенные временем песни, однако есть и новинка — песня «Товарищи ученые...». Благодаря магнитиздату (несмотря на то, что Высоцкий категорически запрещает приходить на свои концерты с магнитофонами, некоторые слушатели умудряются не только их принести, но и сделать более-менее качественную запись) песня мгновенно облетает весь Союз и разбирается на цитаты: «собак ножами режете, а это — бандитизм», «небось картошку все мы уважаем», «доценты с кандидатами», «ох, вы доизвлекаетесь», «полуторкой к Тамбову подъезжаем».

26 июня Высоцкий дал сразу два концерта: один в Гатчине в ЛИЯФ, а другой вечером дома у Г. Толмачева. В этот же день трагические события происходили в Днепропетровске, родном городе генсека Леонида Брежнева. За счет последнего обстоятельства город и прилегающие к нему окрестности жили, что называется, райской жизнью. В отличие от других областей, в тамошних продуктовых магазинах было всего завались — и колбасы, и сыра, и масла, и водки. Даже соседний Харьков был беднее, а ближние области России вообще выглядели нищетой. То же самое и с зарплатой — у жителей Днепропетровской области она была на 20 процентов выше. Поэтому за последние несколько лет в родном городе генсека и в области не произошло ни одного серьезного ЧП, которое могло бы бросить какую-то тень на ее жителей. Как вдруг день 26 июня перевернул ситуацию на 180 градусов. Началось все утром, когда в центре города, на проспекте Ленина, внезапно загорелась машина медвытрезвителя, в которой находились трое задержанных. Накануне вечером их задержали за пьянку и теперь везли в отделение милиции. Во время поездки одному из работяг вздумалось закурить,

он чиркнул спичкой, и тут же в «воронке» возник пожар — вспыхнули пары бензина в канистре, стоявшей в углу. Шофер с конвойным попытались открыть двери «клетки», но ничего не получилось: сначала долго искали ключ, а когда монтировкой все-таки вскрыли дверь, внутри уже все было кончено — все трое задержанных получили смертельные ожоги.

На месте происшествия собралась толпа, на которую вид обугленных тел произвел жуткое впечатление. Люди стали обвинять милиционеров в случившемся, причем никакие объяснения впечатления на толпу не производили. Поскольку значительную часть собравшихся составляли простые трудяги да еще находившиеся под «парами» (в тот день был день аванса), достаточно было только чиркнуть спичкой, чтобы загорелся еще один пожар — пожар бунта. Он и загорелся. Кто-то крикнул: «Мужики! Пошли в горком!» — и толпа двинулась по проспекту, обрастая все новыми и новыми людьми. По пути разъяренные люди громили витрины магазинов, переворачивали киоски. Пока они шли, городские власти успели поднять на ноги милицию, войска. Те были стянуты к центру города и ждали только приказа, чтобы начать стрелять. Однако крови удалось избежать. Первый секретарь горкома по телефону вышел на Брежнева, который приказал ни в коем случае не стрелять в безоружную толпу и усмирить ее другими способами. Милиционеры и солдаты встали в цепь и, принимая на себя удары, сдержали-таки людей от прорыва к горкому. В ту же ночь «Голос Америки» сообщил о беспорядках в Днепропетровске, упомянув при этом, что имеются жертвы среди мирных жителей.

Забегая вперед, скажу, что уже на следующий день в городе начался «разбор полетов». Было смещено все городское руководство — горкомы партии и комсомола, горисполком и даже горздрав (видимо, за компанию). Высшие милицейские чины были понижены в званиях. Были пострадавшие и с противоположной стороны: восьмерых бунтарей осудили за организацию массовых беспорядков к максимальным срокам наказания, еще с десятков получили более мелкие сроки за «хулиганку». Главным итогом бунта станет указ об усилении ответственности за появление в общественных местах в нетрезвом виде.

Однако на этом хроника событий дня 26 июня не обрывается. В тот день в недрах КГБ появился документ за подписью его председателя Юрия Андропова, посвященный Андрею Сахарову и направленный в ЦК КПСС. Приведу некоторые выдержки из него:

«В последнее время западная пропаганда все шире использует в антисоветских целях всякого рода письма и «трактаты» академика Сахарова. А. Д. Сахаров стал известен на Западе после появления его идеологически вредного трактата «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»...

23 июня радиостанции капиталистических государств начали новую серию передач, посвященных письмам Сахарова, которые, по имеющимся оперативным данным, были переданы на Запад Якиром незадолго до его ареста. Письма Сахарова содержат грубые нападки на советскую действительность, политику КПСС и Советского правительства. «Наше общество, — пишет Сахаров, — заражено апатией, лицемерием, узколобым эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство в партийном и правительственном аппарате и в наиболее преуспевающем слое интеллигенции упорно цепляется за свои явные и тайные привилегии». Советский строй Сахаров именует «бюрократической и нетерпимой системой», которая будто бы характеризуется «тоталитарным вмешательством правительства в жизнь граждан».

Этим документом КГБ пытался выбить у ЦК разрешение на решительные санкции против Сахарова, однако тогда этого сделать не удалось — Сахаров как-никак был трижды (!) Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий. Следить за ним, конечно, продолжали, но более мощные орудия (та же пресса) пока молчали. Ситуация изменится через год, о чем речь пойдет в соответствующей главе.

26 июня кинорежиссер Эльдар Рязанов и драматург Эмиль Брагинский прилетели в Рим, чтобы там встретиться с главой киношной фирмы Дино Де Лаурентисом и обсудить с ним идею совместной постановки. Однако, прежде чем рассказать об этом визите, следует хотя бы вкратце поведать читателю о том, из чего, собственно, родилась идея такого фильма.

После постановки Сергеем Бондарчуком фильма «Ватерлоо» (1970) за фирмой «Дино Де Лаурентис» остался большой денежный долг, который итальянцы не торопились отдавать. Они говорили, что банк уже закрыл счета «Ватерлоо», и для того, чтобы вернуть долг, им нужно затеять новую совместную постановку с «Мосфильмом». Когда они стали решать, какую именно, итальянцы предложили сделать комедию, несложную в постановочном смысле. А так как Рязановым и Брагинским еще в конце 60-х была написана веселая пьеса про итальянцев «Спагетти по-русски», им и решили доверить эту постановку. Однако Рязанов согласился на это не сразу. Чтобы понять его позицию, следует, видимо, вкратце обрисовать ситуацию, царившую тогда в советской кинематографии.

Дело в том, что в то время в жанре комедии господствовали три мэтра: сам Эльдар Рязанов, Георгий Данелия и Леонид Гайдай. Двое первых среди специалистов считались режиссерами серьезными (их еще называли «любимцами интеллигенции»), а Гайдай носил звание «низкопробного», эдакого «режиссера для толпы». Почему-то считалось, что то, чем он занимался — то есть чистая эксцентрика, — не требовало от режиссера больших умственных затрат и было делом достаточно легким. Поэтому, когда Рязанова стали выталкивать на «поле» Гайдая, он страшно возмутился и наотрез отказался снимать такого рода комедию. Он заявил, что начнет работу только в том случае, если итальянцы согласятся на постановку умной комедии, а не эксцентрической чепухи. Для разрешения этой проблемы «Мосфильм» и открыл его с Брагинским в Рим: дескать, вот там на месте и расставьте все точки над «i» с самим Лаурентисом. Что из этого получилось, рассказывает сам Э. Рязанов:

«На следующий же день предстояла встреча с главой фирмы Дино Де Лаурентисом. Его фирма являлась тогда в Италии одним из известных кинематографических предприятий. Здесь Федерико Феллини поставил «Ночи Кабирии» и «Дорогу»...

Мы входим в роскошный особняк, шествуем мимо швейцара и упираемся в витрину, уставленную всевозможными кинематографическими призами, завоеванными фирмой. Здесь

и «Оскары», и «Премии Донателло», золотые и серебряные «львы Святого Марка».

Пройдя таким образом соответствующую психологическую подготовку, мы — Эмиль Брагинский, директор картины Карлен Агаджанов, переводчик Валерий Сировский и я — попадаем в кабинет Дино Де Лаурентиса.

Хозяин сидел, положив ноги на стол. На подошве одного из ботинок было выбито медными буквами «42» — размер его обуви. Кабинет роскошный, огромный. Под ногами — шкура белого медведя, на стенах — абстрактная живопись и фотографии членов семьи патрона. При нашем появлении глава фирмы не поздоровался, не пожал нам руки. Он сказал только:

— Ну, в чем дело? Зачем вы сюда пришли? Что вам здесь надо? Кто вас звал?

С этой «ласковой» встречи, можно сказать, и началась наша работа над совместной постановкой.

— Я не допущу, — сказал я, обозленный хамским приемом, — чтобы с нами разговаривали подобным образом. Я требую немедленно сменить тон, иначе мы встанем и уйдем. Мы приехали работать над картиной по приглашению вашего брата и заместителя Луиджи Де Лаурентиса. И наверняка не без вашего ведома. Если этот фильм вас не интересует, мы завтра же улетим обратно.

Тут Дино переключил свою злость с нас на брата. И в течение двадцати минут между родственниками шла перебранка. Чувствовалось, что в выражениях не стеснялся ни тот, ни другой.

Наконец шум начал стихать, и Дино заявил:

— Оставьте мне то, что вы написали, я прочту, и завтра мы поговорим.

Мы оставили нашу заявку и ушли.

На следующий день нас снова пригласили к Де Лаурентису, и босс сообщил нам:

— Прочел я. Все, что вы сочинили, — мур! Итальянский зритель на вашу галиматью не пойдет. Меня это совершенно не интересует. Мне нужен фильм-погоня, состоящий из трюков. Вроде «Безумного, безумного мира». Если вы это сделаете, мы с вами сработаемся. Единственное, что мне нравится в либретто, — история с живым львом. Только это я бы на вашем месте и сохранил.

Когда мы вернулись в гостиницу, я находился в состоянии, близком к истерике. Я заявил друзьям, что работать над этой ерундой не стану. Трюковой фильм-погоня меня не интересует. Меня привлекают произведения, в которых есть человеческие характеры и социальные проблемы! Мне плевать на коммерческое, развлекательное кино! Я хочу обратно в Москву.

Но это были все эмоции. Во-первых, подписано государственное соглашение о сотрудничестве, а в нем, естественно, не указали такого нюанса, в каком жанре должна сниматься будущая лента. Во-вторых, своим отъездом мы сорвали бы трудные и долгие предварительные переговоры и отбросили бы все на исходные позиции. Да и о деньгах, которые итальянцы должны «Мосфильму», тоже приходилось помнить. Это была как раз та ситуация, когда требовалось наступить себе на горло!

Наступать себе на горло трудно и неприятно. Но мы с Брагинским нашли выход. Я с удовольствием наступил на его горло, а он с меньшим удовольствием — на мое. Кроме того, не скрою, нас охватили злость и спортивный азарт. Мы решили доказать, что можем сочинять в жанре «комическом», и попробовали влезть в «департамент» Гайдая...»

Тем временем на родине Рязанова его коллеги продолжают в поте лица друдиться над другими картинами. Так, режиссер «Большой перемены» Алексей Коренев, вернувшись с натурных съемок в Ярославле, 29 июня возобновил работу в павильонах «Мосфильма». В тот день и на следующий в 3-м павильоне «Мосфильма», в декорации «квартира Нестора», снимался эпизод разрыва отношений Нестора с его возлюбленной. Помните: Нестор уязвлен тем, что Полина обставила его на экзамене, и решает порвать с ней. Он пишет девушке письмо и, когда она, счастливая, да еще с пирогом собственного приготовления, приходит к нему домой, отдает ей свое послание, при этом заявляя: «Того Нестора, которого вы имеете в виду, больше нет». Полина в гневе рвет его, обрывки бросает в лицо бывшего возлюбленного и уходит, хлопнув дверью.

Иосиф Хейфиц на «Ленфильме» готовится к экранизации чеховской «Дуэли» — фильму «Плохой хороший человек». На роль фон Ко-

рена уже утверждён Владимир Высоцкий, а вот с Лаевским беда — очень желаемый режиссером актер Олег Даль не мил руководству киностудии, и в частности лично директору Киселеву. У последнего на Даля вырос большущий зуб. Причем справедливый. Не так давно они случайно встретились в коридоре «Ленфильма», и Даль, будучи в подпитии, ударом ладони сбил шляпу с головы директора. И тот в тот же день издал распоряжение, запрещающее снимать этого актера в ленфильмовских картинах. Хейфиц, естественно, про это знал, но все равно продолжал донимать Киселева просьбами разрешить взять на роль Лаевского именно Даля. Киселев, которому надоело переливать из пустого в порожнее, уехал на дачу, думая, что там его не найдут. Но Хейфиц добрался и туда. Когда Киселев его увидел входящим в калитку, его чуть кондратий не хватил. «Я же сказал — нет!» — закричал он режиссеру. Но Хейфиц, вместо того чтобы развернуться и уйти, продолжил свой путь к директору. Видя это, тот закричал еще сильнее: «Или я — или Даль!» Тут Хейфиц остановился и сказал: «Ну... Даль... тогда». Именно эта фраза и решила исход дела: Киселев сломался. И Хейфиц вызвал Даля на пробы.

Даль в те дни находился в Горьком — гастролировал с Ленинградским театром имени Ленинского комсомола. Он играл в спектакле «Выбор» по пьесе Алексея Арбузова главную роль. Однако роль эту он терпеть не мог, впрочем, как и саму пьесу, которую называл не иначе, как «нелепейшая стряпня». Видимо, от переизбытка отрицательных эмоций Даль на гастролях только и делает, что пьет горькую. Последствия этого расхлебывает его жена Елизавета, которая находится рядом с мужем. Вот как она сама об этом вспоминает:

«В Горьком было очень жарко. Помню, я лежала на кровати в одном купальнике, у меня болел живот — чем-то отравилась. Олег стоял внизу у входа в гостиницу, уже совсем нетрезвый, я слышала его голос. Он подошел ко мне, а в руке я увидела нож, и он стал водить им по боку и говорить, что сейчас меня зарежет... Он ничего не соображал. Мне было жутко. Не помню уже, как он угомонился в этот вечер, но, когда я утром встала, он со мной не разговаривал. Был очень злой, пошел купил водки, налил: «Пей». Я отказалась. Это его еще боль-

ше взбесило. И я сорвалась. Потому что пьяного Олега не выносила. Сняла обручальное кольцо, отдала ему, сказала, что у меня больше нет сил... В тот же вечер собрала вещи и уехала. Приехала домой, сказала маме, что все кончено...

И вот на следующий день раздался звонок в дверь. Вошли две женщины с «Ленфильма», ведя под руки Олега. Сказали, что у него была замечательная фотопроба на «Плохом хорошем человеке». Я возмутилась: «Ну видите, в каком он состоянии? Зачем вы его сюда привели?» А они отвечают: нет, он не пьяный, просто болен. И действительно, я его уложила, он был весь горячий. Мы измерили температуру — за сорок. Утром оказалось, что у него воспаление легких...»

30 июня в Большом театре состоялся торжественный вечер, посвященный 70-летию выдающегося тенора Сергея Лемешева. Попав в труппу этого прославленного коллектива в 1931 году, Лемешев работал в нем 34 года. Мировую славу ему принесли партии Ленского («Евгений Онегин» П. Чайковского), Владимира («Дубровский» Э. Направника), Вертера («Вертер» Ж. Массне). В пору расцвета своего таланта Лемешев пользовался фантастической популярностью у представительниц слабого пола, которые буквально дневали и ночевали под окнами его квартиры. В холодную погоду фанатки дислоцировались в магазине «Сыры», что располагался напротив дома тенора, поэтому их называли «сырихами». На другом полюсе от «сырих» располагались «козлихи» — фанатки другого знаменитого тенора Большого театра Ивана Козловского. Спустя одиннадцать дней после юбилея увидел свет Указ о награждении Лемешева орденом Ленина.

В тот день, когда в Большом чествовали Лемешева, другая знаменитость — композитор Дмитрий Шостакович вместе с супругой Ириной Антоновной отправился из Ленинграда в Лондон. До этого он около месяца провел в ГДР и в Западном Берлине, теперь решил съездить на туманный Альбион. Ехал он туда по морю — на турбоэлектроходе «Балтика», что объяснялось просто: в Союзе стояла сильная жара (30-го ртутный столбик показывал 32 градуса), и четырехдневное морское путешествие должно было благотворно повлиять на Шостаковича.

Каким-то образом пассажирам «Балтики» стало заранее известно о том, что среди них будет всемирно известный композитор. Поэтому, когда Шостакович подъехал к причалу, на палубе «Балтики» собрались сотни зевак, желающих лично лицезреть знаменитость. Они отметили, что, несмотря на свою всемирную славу, Шостакович выглядит очень скромно: на нем был серый повседневный костюм, светлое кепи. Поднимался он по трапу медленно и долго, шел походкой не совсем здорового человека.

В эти же дни конца июня произошло еще одно знаменательное событие, тоже имеющее отношение к музыке, но уже иного направления — рок-н-ролла. Студент второго курса Ленинградского университета 18-летний Борис Гребенщиков вернулся с юга, где отдыхал, в крайне возбужденном состоянии. Это состояние объяснялось тем, что в Крыму Гребенщиков и его университетские товарищи подрабатывали в качестве музыкантов на разного рода танцульках, однако тамошняя милиция, цепившись к тому, что у них не было прописки, вынудила их собрать вещички и покинуть теплые края. Вернувшись на берега Невы, Гребенщиков и К° воспылали страстным желанием собрать собственную рок-группу, чтобы выступить с ней на законных основаниях у себя дома. Так появилась на свет группа «Аквариум» (название родилось чуть позже и было посвящено пивному бару-стекляшке где-то в Купчино, среди аборигенов известному как «Аквариум»), в первоначальный состав которой вошли три человека: Борис Гребенщиков (гитара и вокал), Анатолий Гуницкий по прозвищу Джордж (ударные) и Валерий Ободрелов.

Тем же жарким летом на свет появилась еще одна рок-группа, которой вскоре суждено будет стать суперпопулярной. Речь идет о московской группе «Високосное лето», прародителем которой была другая команда — «Садко». В последнем играли пять человек: один из лучших учеников музыкальной школы имени Дунаевского (класс фортепьяно) 17-летний Крис Кельми (вокал), Игорь Окуджава (гитара), Александр Ситковецкий, в просторечии Сит (гитара), Сергей Шевелев (ударные) и некто Крылов (бас-гитара). Боевое крещение «Садко» и большая часть последующих кон-

центов происходили в Институте имени Курчатова, который в те годы считался одним из центров столичной контркультуры. Кумиром же «садковцев» была одна из лучших на тот момент отечественных рок-групп «Рубиновая атака», созданная год назад Владимиром Рацкевичем. «Рубины» практически «в ноль» играли репертуар «Роллинг стоунз», «Криденс», «Гранд фанк» и других западных рок-групп. «Садко» занимались тем же и, видимо, у них это неплохо получалось, поскольку вскоре они стали выступать в ранге дублирующего состава «Рубиновой атаки».

Между тем к лету 72-го группа «Садко» приказала долго жить, и на ее обломках появилась новая команда, которую Рацкевич предложил назвать «Високосное лето» (думаю, понятно почему). Если «Садко» играло квинтетом, то «Лето» поначалу было трио, выступая следующим составом: Крис Кельми (вокал и бас-гитара), Александр Ситковецкий (гитара и вокал), Юрий Титов (ударные). Примерно через полгода в коллектив влился еще один человек — Андрей Давидян, обладающий приятным голосом вокалиста.

Примерно в это же время перестал существовать первый состав популярной рок-группы «Скоморохи» Александра Градского. В мае группа отправилась на свои последние гастроли в Куйбышев и Тольятти (в ее состав был включен и Александр Буйнов, отсутствовавший два года по причине ухода в армию), которые и подвели итог ее существованию. Причин распада коллектива было несколько. Вот как объясняет их А. Буйнов:

«Вспоминается единственное письмо в армию от Градского. Саша писал, что «все скурвились, все дерьмо кругом и что «Скоморохи» разваливаются. Короче говоря, быстрее возвращайся!». Когда я вернулся, то понял, что не «скурвились», а просто пришло время — люди повзрослели: кто-то женился, у кого-то ребенок появился, у Шахназарова, например... Образовались семьи, и, значит, надо было как-то определяться. А все эти юношеские задорные дела насчет денег в общую кассу так и остались задором, потому что мы до сих пор не знаем, куда наши деньги делись. Очевидно, остались в диване у Градского, у нашего бессменного «банкира». Это абсолютно точно. После гастрольной поездки в Куйбышев деньги наши

также разошлись. Сначала Градский не хотел нам платить, потом заплатил какую-то мизерную сумму. Он, как любил утверждать, всегда думал о будущем группы, но, оказалось, не о нашем будущем, а о своем, поскольку, будучи менеджером с нашего согласия, он автоматически и самих «Скоморохов», как творческую единицу, выдавал за сугубо свой удел. В общем дело кончилось распадом старых «Скоморохов», а новые, как известно, толком не состоялись...»

Уйдя от Градского, Буйнов без любимого дела не остался и был принят в группу «Аракс», которая имела фантастическую популярность в молодежной среде, исполняя композиции «Сантаны» («Аракс» даже считали его двойником), «Тен йиез афте», «Лед Зеппелин» и др.

В заключение главы — афиша столичного досуга. Начнем с кинопремьер. 19 июня на широкий экран вышел фильм Анатолия Вехотко и Наталии Трощенко «Разрешите взлет!» — про непростые служебные взаимоотношения старого и молодого летчиков. В роли старого — Анатолий Папанов, молодого — Семен Морозов. 26-го еще одна премьера: мелодрама Сергея Микаэляна на военную тему «Расскажи мне о себе» с участием Тамары Семиной, Армена Джигарханяна, Виталия Соломина и др.

Кино на ТВ: «Следы ведут в «Седьмое небо» (ГДР, 16—19-го), «Степень риска» (18-го), «В добрый час» (19-го), «Живые и мертвые» (19—20-го), «Ну и молодежь», «Секретарь райкома» (21-го), «Беглец из Янтарного», «Павел Корчагин» (25-го), «Эти разные, разные, разные лица» (27-го), «Человек в проходном дворе» (повтор, 27—30-го), «Дело Артамоновых» (28-го) и др.

Из театральных премьер назову три: 18-го в Театре имени Моссовета был показан спектакль «Поединок века» И. Радоева про известного антифашиста Георгия Димитрова, роль которого сыграл Георгий Жженов, в роли его оппонента — Германа Геринга — Михаил Львов; 20-го в Театре-студии киноактера — «Наследство» А. Софронова; 22-го в Большом театре — «Руслан и Людмила» М. Глинки, в ролях: Евгений Нестеренко, Белла Руденко и др.

Не пустуют эстрадные площадки: 16—19-го в ЦПКИО имени Горького сборные концерты с участием Александры Стрельченко, Льва Барашкова и др., 18-го в кинотеатре «Варшава»

выступают А. Акопян, Н. Рыкунин, ВИА «Самоцветы» и др., 22-го в зеркальном театре «Эрмитаж» поют Владимир Макаров, Маргарита Суворова, Людмила Гурченко, Екатерина Шаврина и др., 25—29-го в театре «Эрмитаж» выступают артисты югославской эстрады Радмила Караклаич, Боба Стефанович и др., 27—29-го в ГЦКЗ «Россия» проходят концерты «Они из кино» с участием следующих звезд экрана: Ростислава Плятта, Любви Орловой, Анатолия Папанова, Ольги Аросевой, Натальи Седых, Леонида Харитоновна, Юрия Соломина, Людмилы Гурченко, Зинаиды Кириенко, Майи Булгаковой и др., в парке «Сокольники» выступают ВИА «Песняры», супруги Л. и А. Гайдаровы, куплетисты Б. Бравин и К. Крикорян. Кстати, по выступлению последних тяжелым катком прошла в газете «Вечерняя Москва» корреспондент В. Терская. Она писала:

«О чем поют и что говорят Б. Бравин и К. Крикорян? Куплеты этих артистов отдают махровой пошлостью. Вот лишь некоторые из них:

Мы в комиссии
Взяли две дубленки.
Ходим оба в замше —
Хоть сидим не жрамши...

Или еще:

На футбол пошла старуха.
И домой пришла без уха...

В зале сидело много молодежи. Юноши и девушки пришли отдохнуть и повеселиться, приобщиться к миру прекрасного. Но выступления Б. Бравина и К. Крикоряна духовно обогатить не могут...»

Из новинок «Мелодии» отмечу диск «Поют эстрадные звезды», на котором звучали песни в исполнении: Сальваторе Адамо («Маленькое счастье разрешите, мсье?», «Падает снег», «Мы», «Будь красива, как розы»), Тома Джонса («Вчера», «Дорога в будущее», «Нетрудно быть нежным»), Энгельберта Хампердинка («Скажите, девушки», «Это и есть любовь», «Пусть будет любовь», «Моя жена танцовщица»), Рафаэля («Маржелон», «Она меня забыла», «Как быстро летит время»).

1972 Июль

Песня про Кука. Как Жореса Медведева не пустили на конгресс. Роберт Фишер срывает начало матча за чемпионское звание. Подвиг Анатолия Мерзлова. Умер спортивный комментатор Вадим Синявский. Шостакович в Англии. Клиническая смерть Михаила Калатозова. Владислав Третьяк: продолжение романа. КГБ продолжает интриги против Солженицына. Андрей Макаревич спешит на юг. Студент Владимир Путин вкалывает в стройотряде. Почему певицу Светлану Резанову вырезали из телеверсии концерта. Третьяк делает предложение руки и сердца. Матч Спасский — Фишер наконец начался. Михаил Царев против Бориса Бабочкина. Суд над бандой Монгола. Женился Сергей Никоненко. На киностудиях страны снимаются будущие хиты: «Большая перемена», «Земля Санникова», «Я, Шаповалов Т. П.», «Совсем пропащий», «Как закалялась сталь» и др. Закрытый просмотр скандального фильма «Беспечный ездок». Как Светлану Резанову вернули на голубой экран. Гастроли Софии Ротару в Москве. В роли абитуриентов: Евгения Симонова, Лариса Удовиченко, Савелий Крамаров. Жаркий роман Эдуарда Тополя. Игры по хоккею СССР — Канада состоятся! Съемки в Шушенском: жара, комары и другие напасти. Высоцкий в Ленинграде. Умер Леонид Енгигбаров. КГБ спешит на помощь Борису Спасскому. Анна Герман: долгожданный визит в Москву после долгого перерыва. Запись песни «Надежда».

Продолжается пребывание Владимира Высоцкого и его коллег по Театру на Таганке в Ленинграде. 1 июля Высоцкий дал концерт в Сосново, где публике был представлен очередной шедевр — песня «Почему аборигены съели Кука».

2 июля в Киеве открылся Международный конгресс по геронтологии (наука, изучающая старение живых организмов), на который съехались многие мировые светила этой науки. Однако один из крупнейших советских геронтологов, один из организаторов геронтологического общества Жорес Медведев из-за своих диссидентских взглядов не был включен в список приглашенных. Но власти зря надеялись, что Медведев смирится с таким поворотом событий. Взяв у себя на работе отпуск, он отправился в столицу Украины с пригласительным билетом, одолженным у товарища.

О том, что смутьян Медведев отбыл на конгресс, КГБ стало известно, когда он находился уже в поезде по пути в Киев. Тут же с Лубянки последовал звонок в тамошний КГБ и был от-

дан приказ ни в коем случае Медведева на конгресс не пускать. Поэтому едва он появился у дверей здания, где проходил конгресс, его тут же окружили шесть человек в штатском, скрутили ему руки и бросили в поджидавшую поблизости машину. Затем ученого привезли в милицию, где устроили форменный допрос: мол, зачем шли на конгресс, почему вы не на работе, почему взяли отпуск и т. д. и т. п. Вечером, когда первое заседание конгресса уже закончилось, Медведева наконец перестали изводить вопросами. Однако в покое все равно не оставили. Ему чуть ли не насильно вручили обратный билет, погрузили в поезд и отправили обратно в Москву.

В тот же день не менее драматичные события разворачивались в столице Исландии городе Рейкьявике. Там должен был состояться финальный матч на звание чемпиона мира по шахматам между советским гроссмейстером Борисом Спасским и американским Робертом Фишером. Спасский прибыл к месту проведения матча еще 21 июня, а вот Фишер там так и

не объявился, поскольку не получил гарантий удовлетворения своих финансовых претензий от организаторов игры, в результате чего 2 июля игра так и не началась. Советские СМИ обрушили на Фишера, что называется, лавину гнева. Вот что, к примеру, писала «Комсомольская правда» (А. Стародуб. «Ход не по правилам»):

«Отвратительный дух наживы несет с собой Фишер. Характерно, что его доверенными лицами являются не шахматисты, а адвокаты... Там, где Фишер, — там деньги выступают на первый план, оттесняя мотивы спорта... Продано не только право на телетрансляцию (это бывало и раньше), но и фотографирование. Продано (не сказано кому) даже право на передачу ходов партий. Журналистам, освещающим матч, будет разрешено передавать свои сообщения лишь трижды за время партии (от них потребуют подписать соответствующее обязательство, иначе их не допустят в зал). Такого не было никогда! Но не потому ли возникли эти, мягко говоря, странные обстоятельства, что Фишер требует все больше и больше денег?..»

После того как Фишер сорвал начало матча 2 июля (он не явился ни на торжественное открытие, состоявшееся накануне, ни на жеребьевку, ни на саму игру). Шахматная федерация СССР выступила с открытым заявлением к ФИДЕ, в котором сообщила, что, если Фишер не появится в спортивном зале до 12 часов дня 4 июля, вся ответственность за срыв матча будет лежать на ФИДЕ. Тогда же Борис Спасский написал короткое письмо президенту ФИДЕ Максу Эйве, в котором обвинил последнего в попустительстве Фишеру. Мол, он вертит вами как хочет, а вы ему в рот смотрите. Ответа на свое послание наш гроссмейстер не получил.

3 июля в Михайловском районе Михайловской области, в поле недалеко от села Прудские Выселки, погиб 18-летний комбайнер колхоза имени Чапаева Анатолий Мерзлов. Трагедии предшествовали следующие события.

В тот день Мерзлов в компании трактористов Николая Вагина и Анатолия Киселева работал в поле на тракторе ДТ-75. Жара в то лето стояла страшная, поэтому пожары в полях случались часто. Но тот, что случился в тот день, застал всех врасплох. Первым из эпицентра пожара выскочил Вагин, а следом за ним из трак-

тора вывалился Киселев. Мерзлов замешкался, но не потому, что растерялся — он попытался спасти трактор, собранный собственными руками. Для этого он сначала отцепил волокушу, а затем сел за рычаги. Но гусеницы внезапно забуксовали, а когда Мерзлов попытался вылезти из машины, было уже поздно — пламя бушевало со всех сторон. Как напишут затем в газетах: «Трактор был для Мерзлова в этот момент не просто орудием труда, железным коном, а олицетворял собой общественное добро, колхоз, хлеб. Спасая трактор, Анатолий спасал хлеб...»

Биография героя была вполне обычной для того времени: восемь классов средней школы, три года СПТУ, работа в колхозе. За несколько месяцев до трагической гибели Анатолий Мерзлов женился на своей односельчанке Валентине, которая работала вязальщицей на Михайловской фабрике нетканых материалов. На момент гибели мужа Валентина была беременна. Появившуюся на свет девочку назовет Светланой. Про подвиг Мерзлова будут много лет писать в газетах (в декабре 72-го его наградят орденом «Знак Почета»), снимут документальный фильм, на его родине, в селе Щетиновка, откроется его музей. Правда, отношение самих сельчан к своему легендарному земляку будет сложным. В селе многие не смогут смириться с тем повышенным вниманием, которое будут оказывать местные власти семье Мерзловых.

И еще одна смерть случилась 3 июля: на 67-м году из жизни ушел спортивный комментатор Вадим Синявский. Для большинства советских СМИ эта смерть прошла практически незамеченной, хотя имя этого человека еще при жизни стало легендой. Придя на Всесоюзное радио в 1924 году, Синявский приобрел всесоюзную славу полтора десятилетия спустя благодаря своим виртуозным репортажам со спортивных соревнований. Не случайно Синявского называли «Левитаном спортивного репортажа».

Утром 4 июля в Рейкьявик из Америки наконец-то прилетел Роберт Фишер. Его приезду во многом способствовал английский банкир Джим Слейтер, который согласился удовлетворить финансовые требования строптивного шахматиста. В тот же день Фишер написал письмо своему сопернику Спасскому. «Я увлекся своим мелким финансовым спором с организато-

рами матча», — так объяснил американский шахматист свое неджентльменское поведение.

В эти же дни начала июля Дмитрий Шостакович достиг на теплоходе «Балтика» берегов Англии. Оформление пассажиров происходило в музыкальном салоне, однако Шостаковичу из-за больных ног трудно было туда подняться, поэтому он попросил уладить эту проблему пассажирского помощника капитана Е. Куницына. Тот договорился с английскими властями, чтобы те прислали к пассажиру Шостаковичу своего иммиграционного чиновника. Когда он назвал фамилию композитора, у англичан буквально глаза на лоб полезли: «Балтика» привезла самого Шостаковича». Далее слушаем рассказ самого Е. Куницына:

«Мы спустились в каюту «люкс». Навстречу поднялся Шостакович. Тут меня удивил иммигрант. Я знал его как суховатого, педантичного и малоразговорчивого человека. А сейчас, резко опустив голову и энергично поклонившись, он сказал:

— Прежде чем поставить штамп в ваш паспорт, господин Шостакович, разрешите от имени всех многочисленных поклонников и почитателей вашей музыки в этой стране приветствовать вас!

Я поспешил перевести слова англичанина. Композитор смущенно улыбнулся, тихо произнес: «Спасибо» — и протянул паспорт. По правилам въезда в Англию каждый пассажир должен заполнить специальную полицейскую карточку, в которой сообщаются имя, фамилия, отчество, год рождения и прочие анкетные данные. Есть и графа — «профессия».

Карточку стал заполнять сам иммигрант, списывая данные с паспорта. В графе «профессия» он написал: композитор. Потом, задумавшись на секунду, приписал впереди слово грейт, что означает великий...»

Другая отечественная знаменитость — 68-летний кинорежиссер Михаил Калатозов (снял эпохальный фильм «Летят журавли») в эти же дни угодил в больницу с сильным инфарктом. Причем его состояние было настолько критическим, что он едва не умер на операционном столе: с ним случилась клиническая смерть, и сердце остановилось аж на 7 минут. Врачам понадобился ток силой в 6 тысяч вольт, чтобы вернуть сердце к жизни. Однако биться

ему будет суждено недолго — еще девять месяцев, о чем речь впереди.

В среду 5 июля получил продолжение любовный роман хоккейного вратаря Владислава Третьяка. Как мы помним, еще в феврале мать познакомила его с хорошей девушкой Таней, проживавшей в подмосковном поселке Момино. Третьяк тогда был с головой погружен в свои хоккейные дела, поэтому встретиться с Татьяной не сумел, его хватило только на то, чтобы позвонить ей по телефону и поздравить с днем рождения. С тех пор они больше не общались. Но вот в июле Татьяна вновь возникла в поле зрения Владислава. Причем не по своей воле. Кто-то из друзей Третьяка сообщил ему, что Татьяне сделал предложение некий молодой человек и она, мол, раздумывает. Третьяка это задело, как, мол, так: я первый с ней познакомился, а тут какой-то новый поклонник выискался. Короче, не теряя больше времени, Третьяк сразу после тренировки 5 июля поехал на Ярославский вокзал ее встречать — девушка училась в педагогическом институте. Ждал 45 минут, поскольку Татьяна имела привычку опаздывать. За это время тамошние таксисты буквально достали его вопросами: «Кого ждешь-то?» (Третьяк все это время арендовал такси, поскольку средства позволяли это сделать — как-никак олимпийский чемпион!) Он отвечал правду: мол, хочу с девушкой познакомиться, на что таксисты вертели пальцем у виска.

Наконец девушка пришла (по ее словам, из чистого любопытства: мол, будет что потом своим ученикам рассказать), и Третьяк, увидев ее впервые — она была симпатичной блондинкой, — сразу решил, что она обязательно станет его женой. В тот день он довез Татьяну до института, и они расстались, договорившись встретиться несколько дней спустя.

В тот же день на «Мосфильме» возобновились съемки «Большой перемены». Дело в том, что в течение двух предыдущих дней группа находилась в простое из-за болезни режиссера Алексея Коренева. А когда 5 июля он вновь появился на съемочной площадке, начали снимать эпизод, где Нестор приходит в дом своего ученика Отто Фукина, но его жена (Наталья Гурзо) сообщает, что тот на футбольном матче. В этот же день выяснилось, что Александр Збруев не сможет приехать на съемки аж до 14 июля, поэтому декорацию «квартира Ганжи»

решено было срочно перекрасить под другую декорацию — «квартира Петрыкина». 6 июля в ней начали снимать эпизод объяснения Петрыкина с Валей (Люсьена Овчинникова), а на следующий день — их свадьбу. Это там к новобрачным приходит фотограф в блестящем исполнении Владимира Басова и энергично заставляет застолбе сгруппироваться для коллективного снимка.

Продолжаются мытарства с разводом у Александра Солженицына. Как-то вечером, когда он в компании Мстислава Ростроповича, его жены Галины Вишневской и собственной жены Натальи Светловой сидел на веранде, в доме раздался телефонный звонок. Звонила неизвестная женщина, которая представилась Солженицыну как адвокат его первой жены Натальи Решетовской Алексева. Она стала уговаривать Солженицына приехать завтра в Москву для очень важной встречи. Солженицын в столицу ехать отказался и предложил Алексеевой приехать к нему самой. Та согласилась.

На следующий день писатель отправился на станцию, чтобы встретить гостью, но та так и не приехала. Зато через несколько дней от нее внезапно пришло письмо, текст которого удивил Солженицына. Вот лишь несколько отрывков из него:

«...Оставьте ваши грязные предположения, я не желаю иметь с вами никаких дел... Хорошо зная, что, будучи адвокатом вашей жены, я не имею права встречаться с вами в неофициальной обстановке, вы как провокатор заманивали меня на дачу... Хотели, чтобы я попала в подстроенную вами ловушку, а вы на очередном скандале делали бы себе рекламу на весь мир...» и т. д. и т. п.

Ознакомившись с посланием, Солженицын сразу предположил, что писалось оно явно под чью-то диктовку, скорее всего — КГБ. И не ошибся, поскольку вскоре это предположение подтвердилось. Но не будем забегать вперед.

Через некоторое время после появления этого письма на дачу к Ростроповичам приехала сама Наталья Решетовская. Когда Солженицын рассказал ей о письме Алексеевой, та стала клясться, что и слухом не слыхивала про него, что она ничего о кознях КГБ не знает. И, видя, что бывший муж ей не верит, даже встала на колени. А вечером того же дня взяла и при-

везла Алексееву на встречу с Солженицыным. И та поведала ему следующую историю.

Оказывается, в тот день, когда она собиралась встретиться с писателем, на платформе Ильинское ее остановили люди в штатском и ввели обратно в электричку. Они привезли ее прямоком на Лубянку, где и заставили написать злополучное письмо. Затем обязали ее делать все так, чтобы развод писателя с бывшей женой не состоялся.

Вслушав Алексееву, Солженицын сказал: «Если вы хотите исправить ситуацию, то опишите на бумаге все то, что вы сейчас нам рассказали». И Алексеева написала. Передавая письмо писателю, она спросила, что он собирается с ним делать. Солженицын ответил: «Ровным счетом ничего. Но если первое письмо, та ваша грязная стряпня, появится в «Литературной газете», то вот это ваше письмо сможет прочитать весь мир».

Лидер рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич покинул пределы Переславль-Залесского, где он трудился на практике от МАРХИ, и сорвался на юг, в международный студенческий лагерь «Буревестник», что в поселке Вишневка (ущелье между Туапсе и Лазаревской). Прибыл он туда рано утром и первым, кого встретил, был Александр Кутиков. Вид у последнего был крайне озабоченный, поскольку все эти дни он пахал в составе группы «Лучшие годы», что называется, как трактор — без репетиций, спевки и т. д. Затем к Макаревичу вышел барабанщик группы Юрий Фокин, который буквально с ходу заставил его сдать экзамен — отвел в будочку, где хранилась аппаратура, включил магнитофон с песней «Филлинг олл райт» в исполнении группы «Гранд фанк» и предложил снять гитарную партию с нее. Пока Макаревич увлеченно этим занимался, Фокин ушел на пляж, чтобы окунуться в море. Часа через три Макаревич наконец добился нужного результата, кликнул Фокина и продемонстрировал ему то, что получилось. Как выяснилось, получилось неплохо, поскольку скупой на похвалы Фокин разродился одобрительной тирадой, похлопал Макаревича по плечу и разрешил ему остаться.

Между тем будущий Президент России Владимир Путин летом 72-го в составе студенческого отряда «Фемида» от Ленинградского университета вновь валил лес в Коми (как мы пом-

ним, он ездил туда и прошлым летом), а именно — в глухом таежном селе Усть-Нем. Студенты расчищали просеку под линию электропередачи. Тамашний совхоз встречал студентов с распростертыми объятиями, поскольку работали те на славу: построили овощехранилище, коровник, телятник. Кормежка была отменная, да и природа райская — кругом сплошные боры. Не обижали студентов и деньгами — им платили по тысяче и более рублей за три летних месяца. С этих денег будущий президент купит себе первое в жизни пальто (до этого он ходил исключительно в куртках).

Еще одна будущая знаменитость — Борис Немцов — то лето проводил в Сочи. Он тогда перешел в шестой класс 11-й школы города Горького и вместе с одноклассниками выехал в один из крымских трудовых лагерей, в поселок Солнечный совхоза «Качинский», что в 25 км от Севастополя. Трудились школьники ударно: работали на полях, на току, пололи лук-чернушку под палящими лучами солнца. После обеда спускались к морю. Жили они в общежитиях для сезонных рабочих. Кормили их, что называется, на убой. Для ребят пребывание в Крыму было единственной возможностью классно отдохнуть и наестся до отвала фруктов.

В воскресенье, 9 июля, по ТВ был показан финальный концерт участников VIII Международного фестиваля эстрадной песни «Золотой Орфей», который проходил ровно месяц назад в Болгарии. Телевизионная версия концерта продолжалась 1 час 10 минут (18.10—19.20) и в нее вошли выступления практически всех участников фестиваля за исключением советской певицы Светланы Резановой. Это было тем более возмутительно, что именно Резановой досталась Первая премия!

Между тем секрет этого непоявления певицы на голубых экранах был прост: как мы помним, она выступала на фестивале в шокирующем виде — в платье с большим вырезом на спине, под которым не было бюстгалтера. Именно живая грудь и напугала телевизионщиков. Как вспоминает сама певица: «С нами в той поездке был популярный теледиктор Игорь Кириллов. По приезде в Москву он с восторгом описывал мое декольтированное со всех сторон платье. Кто знает, может быть,

его эмоциональные рассказы заставили телевизионных чинуш пристальней взглянуть на экзальтированный эстрадный прикид дебютантки. Но факт остается фактом: мое выступление из телевизионной версии безжалостно вырезали. А «правильного» Леву Лещенко с «Журавлями», конечно, оставили. Он, как говорят сегодня профессионалы, потрясающе влезал в советский формат. Когда я начала плакать и страдать, побежала по кабинетам чиновников, те откровенно заявили: «Светлана, а что вы хотите? Такое откровенное платье на нашем экране выглядело бы крайне неприлично! Советская певица не должна выступать в таком виде!»

В понедельник, 10 июля, когда Светлана Резанова еще пребывала в шоке от вчерашнего телевизионного просмотра, Владислав Третьяк переживал совсем иные чувства — в тот день он встретился со своей девушкой Татьяной и сделал ей предложение руки и сердца. Учитывая, что знакомы они были всего-то ничего — в феврале познакомились, а впервые увидели друг друга только пять дней назад, — для Татьяны такой поворот событий был по-настоящему неожиданным. Однако спешку Третьяка тоже можно было объяснить естественными причинами: он был не простой смертный, а вратарь лучшей команды страны и национальной сборной, вынужденный чуть ли не 10 месяцев в году проводить на разного рода сборах и поэтому не имеющий возможности ухаживать за своей возлюбленной долго и терпеливо. Но Татьяна это в расчет не взяла и ответила отказом. Сказала: мы еще мало знакомы, надо бы подольше пообщаться. Третьяку не оставалось ничего иного, как отступить, правда, временно. Про себя он уже твердо решил, что эта девушка обязательно будет его женой, дело только во времени. Штурм он решил продолжить позже, а пока уехал на трехнедельные сборы на юг.

11 июля в пять часов вечера в Рейкьявике наконец-то начался финальный матч по шахматам за звание чемпиона мира между Спасским и Фишером. На него пришло около трех тысяч болельщиков, еще больше зрителей собрала телетрансляция этого поединка. Первая партия проходила крайне напряженно. Уже на 29-м ходу Фишер ошибся — взял слонем крайнюю белую пешку и потерял слона. В итоге

партию выиграл Спасский. Советские СМИ ликовали, предрекая победу в матче нашему гроссмейстеру. Однако радоваться было рано. Впрочем, не будем забегать вперед.

Непростые чувства переживал в те июльские дни Борис Бабочкин. Он давно лелеял мечту — заново поставить на сцене Малого театра «Грозу» А. Островского вместо старого спектакля, однако на пути этого замысла внезапно встал директор театра Михаил Царев. Утром 11 июля Бабочкин пришел на прием к Цареву, но тот повел себя не по-джентльменски — продержал посетителя в приемной более полутора часов. А жара в те дни в столице стояла просто африканская, в итоге Бабочкину стало плохо с сердцем. Он отправился в медсанчасть театра, где ему сделали укол. Вроде бы полегчало. Оклемавшись, он вновь пошел к Цареву. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Наконец Царев соизволил меня принять.

— Да?..

Я начинаю опять:

— Ну зачем все это делать? Пьеса в плане, записана за мной, я, может быть, уже больше ничего не успею ни поставить, ни сыграть вообще, зачем отнимать у меня последнюю работу и т. д.

Пауза минут семь. Курит, принимает в кресле разнообразные позы. Наконец:

— А что Равенских? (главреж Малого. — Ф. Р.):

Говорю: хитрит.

Опять пауза и позы. Наконец:

— Он мне звонил сейчас. Он против того, чтобы ты ставил «Грозу». Ведь разговор шел о том, чтоб ты ее ставил вместо «Фальшивой монеты».

— Этого не было.

— Так что же, я вру?

— Я знаю только, что я не вру, потому что я вообще никогда не вру.

— Ну если так, то говорить, я думаю, не о чем.

— Так какой же будет результат моего визита?

Опять пауза и позы:

— Очевидно — отрицательный.

— Ну, уговаривать я тебя больше не буду. Но согласиться с тобой не могу, и теперь не только мне, а всем станет ясно, что театр боится не плохих спектаклей, а хороших. Это по-

сле «Фальшивой монеты» (премьера состоялась в начале июня. — Ф. Р.) вы в себя прийти не можете. Для вас хороший спектакль — нож острый. А в «Грозе» он еще поострее будет.

Я ушел...»

Забегая вперед, скажу, что «Грозу» Бабочкин все-таки поставит, однако случится это не скоро — только летом 1974 года. А пока он сильно расстроен, плохо себя чувствует. Дополнительных переживаний добавляет и то, что один из лучших его спектаклей — «Фальшивая монета» — даже не удостоивается чести играть на главной сцене Малого театра, а идет в филиале, причем в планах на сентябрь должен идти только три раза в месяц. Единственным светлым пятном в те дни для Бабочкина было то, что 14 июля худсовет «Мосфильма» (в него входили: Сергей Бондарчук, Лев Рошаль, Вера Строева — супруга Рошала, Григорий Марьямов и др.) принял к постановке его сценарий «Сказки Мельпомены». По словам самого Бабочкина: «Все обсуждение заключалось в совершенно, я бы сказал, необузданных комплиментах».

В эти же дни в Бауманском районном суде проходит суд (шел до 12 июля) над бандой Геннадия Карькова по прозвищу Монгол. За последние два десятилетия это был первый суд над крупной вооруженной бандой в столице (в нее входило более 20 человек). Именно этим объяснялось то, что меры безопасности в здании суда и его окрестностях были приняты беспрецедентные: туда нагнали милицию, военных, случайные люди на слушания не допускались.

Как мы помним, костяк банды состоял из неоднократно судимых людей, которые «бомбили» в основном воротил теневого бизнеса: торговцев наркотиками, разного рода спекулянтов, фарцовщиков и т. д. Расцвет банды пришелся на 1970—1971 годы. С лета 71-го на след «монголов» вышли сыщики МУРа во главе с начальником отделения 2-го отдела А. Фроловым, которые заставили банду буквально разбежаться в разные стороны — ее участников потом отлавливали чуть ли не по всему Союзу (сыщики выезжали в Боровск, Харьков, Фрунзе, Чечено-Ингушетию). Переловили всех, вернее, почти всех. Например, в материалах уголовного дела № 8055 пять раз упоминалось имя

Вячеслава Иванькова, но к суду его так и не привлекли за недоказанность этих эпизодов.

Тем не менее в отношении других обвиняемых у суда доказательств хватило: Карьков получил 10 лет тюрьмы и 5 лет ИТК строгого режима, еще четверо его поделщиков были осуждены на сроки от 10 до 12 лет. Оправдательных приговоров не было.

13 июля в Рейкьявике должна была состояться вторая партия шахматного матча между Спасским и Фишером. Но она не состоялась по причине неявки на нее Фишера. Не пришел же он потому, что организаторы матча не удовлетворили его просьбу — убрать из зала якобы скрытые там видеокамеры, направленные исключительно на него. Аргументы, что никаких камер в зале нет и быть не может, Фишер проигнорировал. В итоге, прождав его час, судья матча засчитал Фишеру поражение. Счет в матче стал 2:0 в пользу Спасского. Теперь уже не только советские СМИ, но и многие зарубежные поспешили поставить на американце крест: мол, не видать ему чемпионского титула. Но и они поспешили в своих выводах, поскольку уже 16 июля Фишер выйдет на третью партию во всеоружии и сократит разрыв до минимума — 1:2.

14 июля в Москве женился популярный киноактер Сергей Никоненко. Стоит отметить, что это был уже третий брак актера, причем два первых продлились почти одинаково: первый — два года, второй — полтора. Однако на этот раз Никоненко собирался жениться всерьез и надолго. За своей третьей супругой Катей Ворониной он ухаживал несколько лет — с тех пор, как в конце 60-х познакомился с ней во ВГИКе, где она училась на актрису, а он — на режиссера (до этого Никоненко уже успел закончить актерский факультет). Катя оказалась девушкой с характером, поэтому ухаживания взрослого и именитого мужчины долгое время воспринимала довольно сдержанно и в общении с ним старалась во всем подчеркивать свою независимость. К примеру, когда Никоненко приглашал ее в театр, она всегда платила за билет сама. Так продолжалось несколько лет, пока в июле 72-го неприступная крепость наконец не сдалась.

Тем временем Александр Збруев наконец-то приезжает в Москву и сразу же отправляется на съемки «Большой перемены». 14 июля и на

следующий день в 3-м павильоне «Мосфильма» снимали эпизоды в декорации «квартира Ганжи»: Ганжа выясняет отношения с женой — учительницей литературы Светланой Афанасьевной (Наталья Богунова); к ним на квартиру внезапно приходит Нестор Петрович. Помните, Нестор вызывается отнести «забытые» учительницей сумки с продуктами, но в недоумении наблюдает, как Ганжа с аппетитом уплетает ее колбасу. «Это же ее колбаса!» — восклицает учитель истории. «Понимаю, потому и не могу ничего с собой поделывать», — отвечает Ганжа.

В тот же день в Нальчике началась экспедиция группы, снимающей фильм «Земля Санникова». Как мы помним, после скандала, устроенного актерами в марте во время экспедиции под Ленинградом, было принято решение заменить одного из актеров — Сергея Шакурова. На его место взяли Юрия Назарова. Его работа над ролью началась именно с нальчикской экспедиции. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Прилетел я на Северный Кавказ. В аэропорту у самолета меня встречал Мкртчян (Альберт Мкртчян — один из режиссеров фильма. — Ф. Р.). Мы познакомились. Уже на месте я начал догадываться, что чем дальше, тем будет хуже. Знаете, все, что есть в человеке — ум, благородство, любые яркие душевные качества, — всегда светятся, их никуда не спрячешь, они на виду. Так и с полной их противоположностью. Это был как раз тот самый случай...»

Между тем другой актер — Олег Даль — на съемки в Нальчик приехал со своей женой Елизаветой. Как мы помним, всего лишь месяц назад в отношениях супругов едва не наступил окончательный разрыв (Лиза даже вернула Дале обручальное кольцо), но теперь все плохое забыто, и они вновь наслаждаются жизнью вместе. После пьяных гастролей в Горьком (на одном из спектаклей — это был не любимый им «Выбор» — Даль так «нализался», что лег по ходу действия на шкуру белого медведя, расстеленную на сцене, и потом не смог с нее встать, из-за чего его пришлось поднимать коллегам-артистам) его вынудили написать заявление об уходе из ленинградского Ленкома, но Даль не сильно переживает — сам давно хотел уйти из этого театра. Отмечу, что до поездки в Нальчик Даль в течение нескольких дней

работал на «Ленфильме» (в филиале Сосновые поляны), где в павильонах режиссер Иосиф Хейфиц начал снимать картину «Плохой хороший человек». Даль играл в нем одну из главных ролей — Лаевского.

Тем временем на самой студии «Мосфильм» из-за жуткой жары царит безлюдье. Практически все режиссеры (кроме Коренева и еще пары-тройки других) стараются снимать на свежем воздухе, на натуре. Так, режиссер Евгений Карелов работает над фильмом «Я, Шаповалов Т. П.». Как мы помним, на главную роль в нем претендовал Высоцкий, но его кандидатуру завернули на самом кинематографическом верху. В итоге роль Шаповалова досталась Евгению Матвееву. Натурные съемки проходили под городом Дзержинском на реке Оке. Однако из-за засухи почти вся средняя полоса России была охвачена пожарами: горели леса и торфяники. Не стали исключением и окрестности Дзержинска. Руководство города бросило на тушение огня все подручные средства, в том числе и солдат, которые были выделены для съемок фильма про Шаповалова. Карелов, зная, что ему лично военные ничего не дадут, отрядил для этой миссии Матвеева, как-никак — звезда. Сказал: попроси хотя бы сто человек вместо положенных пятисот. Матвеев отправился к комдиву Васильеву. Но когда он туда явился, ему сказали, что комдив вот уже несколько часов как вместе с солдатами тушит пожар. Далее послушаем самого Е. Матвеева:

«Очертя голову кинулся я в охваченный пламенем лес. Дым, гарь... Ревут бульдозеры, танки... Нашел штабную палатку, вошел. Над шатким столом склонились, глядя в карты, офицеры...

Я стою, молчу: не знаю, как в этом пекле можно заводить разговор про кино.

Генерал Васильев вдруг выпрямился. Лицо его в саже, струйки пота текли по щекам, глаза светились яростью.

— Что здесь артисту н-н-надо?! — заорал он на меня, заикнувшись на последнем слове.

Я, опешивший от его вида и бешеного гнева, совершенно непроизвольно принял стойку «смирно». Так же на крике отрапортовал:

— Уже ничего, товарищ генерал! — И, совершив «кругом!», вышел из палатки.

Задыхаясь от дыма, кашляя, шел я к машине, а в душе ликовал: я увидел живого, настоя-

шего Шаповалова! Я увидел генерала в бою с врагом, с которым воевать его никогда и никто не учил, — с огнем. Я увидел человека на пике творчества: он творил победу над пожаром. Он и есть мой Шаповалов! Не служака «от звонка до звонка». Он — вдохновение, он — азарт!

Не успел я сесть в машину, как подбежал майор и сказал:

— Генерал приказал собрать в дивизии всех солдат, которых по разным причинам нельзя было брать на пожар, и отправить к вам на съемки. Думаю, таких сотни полторы наберем...

Съемки состоялись...»

На всяких съемках, как обычно, происходит масса забавных случаев. Не стала исключением и эта лента. Вот лишь один из них. Снимался эпизод нападения красных конников на белую баржу. По сюжету красные с берега должны были сначала обстрелять баржу из артиллерийских орудий, а затем захватить с помощью конницы. Чтобы снять этот эпизод, пришлось долго уговаривать множество различных инстанций: от рыбнадзора и охотхозяйства до МВД. Наконец, «добро» получили. И вот — съемка.

Пальнув несколько раз из орудий, красные во главе с Шаповаловым бросились в атаку на баржу. Однако, взлетев на плавучее судно, актеры замерли от удивления: все «беляки», а также весь обслуживающий персонал съемочной группы бултыхаются в воде, вылавливая рыбу, которая всплыла вверх, оглушенная разрывами снарядов. Съемка, естественно, была сорвана. Зато вечером вся гостиница, где проживали киношники, издавала на весь город рыбные запахи: варились, жарились добытые из реки трофеи.

Между тем местное начальство отнеслось к этому с гневом. Чтобы так внаглую браконьерствовать на глазах у всего честного люда?! Короче, повторное «добро» на пересъемку этого эпизода киношникам добиться так и не удалось. Пришлось довольствоваться теми кадрами, которые сняли с первого раза.

Режиссер Георгий Данелия в июле приступил к павильонным съемкам фильма «Совсем пропащий» по мотивам романа М. Твена «Приключения Геккельбери Финна». В картине заняты популярные актеры: Евгений Леонов,

Вахтанг Кикабидзе, Владимир Басов, Ирина Скобцева, Наталья Сайко. А также дебютанты: Роман Мадянов, Феликс Имокуэде.

Владимир Басов на том же «Мосфильме» начал работу над телефильмом «Опасный поворот» с участием Валентины Титовой, Юрия Яковлева и др. Съемка ведется передовым методом — тремя камерами одновременно.

Другой мосфильмовский режиссер — Константин Воинов — готовится под Серпуховом к натурным съемкам комедии «Дача». Кстати, Басов снимается и в нем, и опять в эпизоде.

Вениамин Дорман во Львове снял последние кадры фильма «Земля, до востребования» с Олегом Стриженовым в роли советского разведчика Льва Маневича. Это экранизация одноименного романа Евгения Воробьева.

Еще одну экранизацию — романа Н. Островского «Как закалялась сталь» — осуществляет для телевидения на Киевской киностудии имени Довженко режиссер Николай Машенко. В роли Павки Корчагина снимается дебютант Владимир Конкин. Съемки проходят в местах, описанных в романе, — возле Шепетовки. Но Конкину вхождение в роль дается крайне тяжело. Много у него не получается в силу естественной для дебютанта скованности, а режиссер, вместо того чтобы помочь актеру, порой на него еще и покрикивает. По воспоминаниям актера Леонида Перфилова (в фильме он играл кулака), однажды он не выдержал и после очередного разноса режиссера отвел Конкина в сторону и сказал: «Как ты можешь позволять на себя кричать? Ведь ты же актер! Ты должен научиться за себя постоять».

Кстати, сам Перфилов подобного обращения с собой не терпел. После того как однажды Машенко принялся его распекать за то, что он на пять минут опоздал на съемочную площадку, Перфилов развернулся и уехал в гостиницу. Буквально через час после этого режиссер лично пришел к нему в номер, извинился и уговорил вернуться на съемки. Для съемочной группы поступок Перфилова был чем-то сродни подвигу.

Другую экранизацию для ТВ осуществляет на «Мосфильме» Василий Ордынский: он снимает 13-серийную версию романа А. Толстого «Хождение по мукам». Натурные съемки проходят в реальных местах, описанных в романе: в Ленинграде, на Волге. Для съемок эпизода

прогулки Даши (Ирина Алферова) и Телегина (Юрий Соломин) группа не стала специально фрахтовать теплоход, а купила билеты как обычные пассажиры на пароход «Володарский», совершавший рейс из Ярославля в Пермь. Говорят, поначалу пассажиры парохода восприняли присутствие толпы киношников настороженно (те мешали им отдыхать), но затем сами втянулись в процесс съемок, с удовольствием изображали массовку, а когда пришла пора расставаться, даже расстроились.

Владимир Вайншток экранизирует под Белогорском «Всадника без головы» Майн Рида. В начале июля, в разгар съемок кульминационного момента ленты — суда над Морисом Джеральдом — внезапно свалился с тяжелой болезнью исполнитель роли Мигеля Диаса кубинский актер Энрике Сантиэстебан. Кроме этого, 11 июля съемочную площадку покинула Луиза Пойндекстер — актриса Людмила Савельева, которая улетела на кинофестиваль в Карловы Вары. Потери были незапланированные, поэтому почти на месяц выбили съемочную группу из графика. Но, чтобы хоть как-то наверстать упущенное, было решено снимать эпизоды с участием других актеров. Так, в те июльские дни был снят самый боевой эпизод фильма — дуэль в салуне между Морисом Джеральдом и Кассием Колхауном.

Тем временем в донской станице Приморская ленфильмовский режиссер Виталий Мельников снимает лирическую комедию «Здравствуй и прощай» с целым букетом звезд в лице Олега Ефремова, Виктора Павлова, Михаила Кононова, Александра Демьяненко, Борислава Брондукова. В главных женских ролях снимались дебютантки Людмила Зайцева и Наталья Гундарева. Для последней это была вообще первая роль в кино (Зайцева к тому времени уже успела сняться в фильме «А зори здесь тихие...»). Причем режиссер в определенной мере рисковал, приглашая ее на эту роль, поскольку коренной москвичке Гундаревой пришлось играть деревенскую жительницу, буфетчицу Надю. Но уже первые съемки с участием Гундаревой показали, что она весьма органично выглядит в этой роли. Короче, дебют удался.

И еще о кино. В те дни в Госфильмофонде состоялся закрытый просмотр для особо избранных лиц скандального фильма Дениса

Хоппера «Беспечный ездок». Как мы помним, эту картину должны были привезти в Москву еще год назад, на Московский кинофестиваль, но эта акция по каким-то причинам сорвалась. И вот наконец «Ездок» доехал до России, правда, увидеть его смогли единицы.

В субботу 15 июля по ТВ был показан повтор телеверсии концерта участников Международного фестиваля эстрадной песни «Золотой Орфей». Как мы помним, в первый показ (9 июля) из концерта выпала обладательница Первой премии — Светлана Резанова, которой перекрыла путь на голубой экран ее живая грудь (она выступала без лифчика и в платье с глубоким вырезом на спине). Но после того, как на ТВ пошли удивленные письма телезрителей (дескать, а где же наша певица, полувившая Первую премию?!), телевизионные начальники поняли, что переборщили, и вернули Резанову на экран, правда в более «потребном» виде. На этот раз певицу одели в длинную черную юбку и наглухо закрытую белую кофту. Как говорится, о времена, о нравы!

Теперь самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. Начнем с того же кино. С 3 июля в широкий прокат вышел фильм советских и венгерских кинематографистов (режиссер М. Келети) «Ференц Лист» с Имре Шинковичем в роли великого композитора; с 10-го — военная драма молдавского режиссера В. Брескану «Последний форт» с участием В. Зубкова, А. Боярского и др. и болгарский детектив «Что может быть лучше плохой погоды» с Георгием Георгиевым-Гецом в главной роли.

Кино на ТВ представлено следующими фильмами: «Подвиг разведчика» (1-го), «Три плюс два» (2-го), «Доктор Ева» (ГДР, 5-го), «Броненосец «Потемкин» (6-го), «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова» (премьера т/ф, 8—9-го), «Школа мужества», «Адмирал Нахимов» (9-го), «Поздний ребенок», «Испытание верности» (10-го), «Музыкальная история», «Исход» (11-го), «Октябрь», «Выстрелы на перевале Караш» (12-го), «В лазоревой степи» (13-го), «Взрослые дети» (14-го) и др.

Гвоздем телепоказа, безусловно, можно назвать фильм «Мой остров синий», премьера которого состоялась 7 июля в 21.45 по 1-й программе. Всего лишь полтора года назад — в январе 71-го — в театре «Ромэн» был показан спектакль «Ты герой, я герой!..», который и лег

в основу телевизионной версии фильма. Все роли в нем играли те же артисты «Ромэна»: Николай Сличенко, Людмила Боброва, Борис Ташкентский и др. Коньком постановки была прекрасная музыка Доминико Модуньо. Говорят, премьеру фильма лично наблюдал Леонид Брежнев, отдыхавший в те дни на юге, поскольку Николай Сличенко был его любимым артистом. Брежнев был настолько восхищен лентой, что лично попросил председателя Гостелерадио Лапина в ближайшее время показать ее снова. Что и было сделано спустя 10 дней после премьеры (редкий случай).

Между тем бьет ключом эстрадная жизнь столицы. Такого наплыва популярных артистов разных жанров давно не помнили столичные зрители. Судите сами: 1—2 июля на стадионе «Динамо» проходят сборные концерты с участием Михаила Водяного, Виктора Вуячича, Галины Ненашевой, Романа Карцева и Виктора Ильченко, ВИА «Поющие гитары» (Ленинград), «Орэра» (Грузия), «Песняры» (Белоруссия), «Гая» (Азербайджан), «Червона рута» (Украина), «Ялла» (Узбекистан) и др.; 3—6-го — в Зеленом театре ЦПКиО имени Горького выступают Юрий Тимошенко и Ефим Березин (Тарапунька и Штепсель), Галина Ненашева, София Ротару и ВИА «Червона рута», Нани Брегвадзе, ВИА «Орэра» и др.; 5—6-го — в театре «Эрмитаж» — греческий ансамбль «Бузуки», в саду ЦДСА — ВИА «Ялла»; 3—7-го — в «Октябре» играет ВИА «Поющие гитары»; 8—10-го там же — ВИА «Песняры»; 13—14-го — на ВДНХ — ВИА «Голубые гитары» (Москва), в ЦПКиО — Владимир Макаров, Вадим Тонков и Борис Владимиров (Вероника Петровна и Авдотья Никитична), Нина Дорда и др.; 15-го — в ГЦКЗ «Россия» выступают артисты из Эстонии Георг Отс, М. Войтс и др.; 13—16-го — в ЦПКиО имени Горького вместо заболевшего Муслима Магомаева поет София Ротару (это первый большой заезд ее и ВИА «Червона рута» в столицу, до этого они «прочесали» союзные республики Молдавию, Украину, Узбекистан); 14—16-го — в саду ЦДСА публику развлекает ВИА «Самоцветы» (Москва). Кроме этого, в театре «Эрмитаж» идет международная программа «Московское лето-72» с участием артистов эстрады из социалистических стран: ВИА «Скальды» (Польша), Карела Готта (Чехословакия), Зигфрида Валенде (ГДР) и др.

ВИА «Червона рута» и ее солистка София Ротару впервые дают большие гастроли в Москве (руководит ВИА супруг певицы Анатолий Евдокименко). Ансамбль был создан год назад, насчитывает 12 человек и уже успел сделать «чес» по некоторым союзным республикам: Молдавии, Украине, Узбекистану. В репертуаре ансамбля в основном песни украинских авторов: безусловный хит «Червона рута» Владимира Ивасюка, «Черемшина» Василия Михайлюка, «Маричка», «Очи Волошкови» Станислава Сабадаша и др.

Фирма «Мелодия» выпускает следующие новинки (миньоны): «Поет Эдита Пьеха», «Поет Бедрос Киркоров» (болгарские песни), «Песни в исполнении вокального квартета «Улыбка».

Тем временем в творческих вузах столицы состоялись приемные экзамены. Среди абитуриентов много будущих звезд отечественного кино и театра. Так, успешно пройдя сквозь сито отборочной комиссии, студенткой Театрального училища имени Щукина стала 17-летняя Евгения Симонова. Стоит отметить, что ее желание идти в артистки для родных и близких было неожиданным, поскольку никакого отношения к миру искусства никто из них не имел: отец был крупным ученым-нейрофизиологом, мать — преподавателем английского языка. Благодаря их стараниям Евгения с малых лет получила прекрасное воспитание: научилась хореографии, английскому языку, закончила музыкальную школу. Однако в старших классах она внезапно увлеклась театром и твердо заявила родителям: буду артисткой. Те изумились, но препятствовать не стали. О том, как Симонова поступила в «Щуку», рассказывает И. Артемьева:

«До сих пор не могу объяснить, почему из сотен мальчишек и девчонок, пришедших сдавать экзамены в училище, я выделила изящную милую девочку в коричневом платьице в складочку и со смешным хвостиком светлокаштановых волос на макушке. Среди пестрой толпы она казалась восьмиклассницей, случайно заглянувшей туда. В стороне от толпы, в полупустом зале студенческого буфета, девочка весело и непринужденно напевала песенку принцессы из «Бременских музыкантов» и танцевала минуэт! Ее звали Женя Симонова...

Симонова буквально поразила выдавшую виды приемную комиссию своей решительно-

стью и азартом. Как только ей сказали роковое «достаточно!» и она подумала, что ее не примут, в Жене вдруг проснулся творческий, я бы даже сказала, спортивный азарт. И она забыла страх и свою робость. Откуда что взялось! Симонова спела на английском языке под собственный аккомпанемент «Мою прекрасную леди», да еще при этом танцуя. Это был спектакль! И приемная комиссия сдалась. Девочка доказала всем, что может быть актрисой...»

Еще одна будущая звезда отечественного кино стала тем летом студенткой творческого вуза столицы: Лариса Удовиченко поступила во ВГИК. Однако, в отличие от Симоновой, ее поступление было сопряжено с большими трудностями. Одесситка Удовиченко подала документы во все столичные театральные училища сразу, но везде провалилась. Тогда она отправилась во ВГИК, но и там ее ждала неудача: ей сообщили, что на отборочные туры она уже опоздала, и к экзаменам не допустили. Убитая горем девушка села в одном из институтских уголков и зарыдала. И тут сыграл свою роль Его Величество Случай. Мимо по коридору бежала студентка актерского факультета Нина Ильина, которая, услышав плач, бросилась к несчастной. Узнав, в чем дело, Ильина схватила Ларису за руку и потащила за собой. И через несколько минут Удовиченко предстала перед ясные очи самой Тамары Федоровны Макаровой, которая вместе с супругом Сергеем Апполинарьевичем Герасимовым набирала в тот год актерскую мастерскую. «Ну-ка покажи нам, что ты умеешь», — обратилась Тамара Федоровна к Ларисе, и та, преодолевая смущение, прочитала несколько стихотворений, спела, а потом еще и сплясала. И Тамара Федоровна, оценив способности абитуриентки, допустила ее сразу на третий тур. Последующие экзамены Удовиченко сдала так же блестяще и была принята во ВГИК.

Тогда же студентом факультета актерского мастерства ГИТИСа стал бесспорный кумир того времени киноактер Савелий Крамаров. Его слава была настолько огромной, что стоило на афише любого фильма появиться его фамилии (пусть даже в эпизоде), как этой картине был гарантирован стопроцентный аншлаги. При такой славе, казалось бы, Крамарову можно было смело почивать на лаврах, а он вдруг надумал вновь учиться (диплом ВГИКа у него

уже был). Объяснялось же это просто: Крамаров хотел расширить диапазон своих ролей за счет серьезного репертуара (он играл исключительно в комедиях и исключительно разного рода простаков и болванов), для чего ему необходима была театральная школа. И хотя он уже имел опыт игры в ряде столичных театров (Ленкоме, имени Моссовета), но это были разовые мероприятия. Крамаров же хотел большего. Как он сам признавался друзьям: «Мне не хватает актерского мастерства, я специально поступаю в театры, где репетирую с величайшими мастерами своего дела, учусь у них, у великолепных театральных режиссеров, именно театральных, и, понабравшись там умения, возвращаюсь в кино...»

Москва в те дни буквально изнемогала от жары. Как вспоминает сценарист Э. Тополь: «Плавился от жары асфальт мостовых. Каменные дома на улице Горького накалялись за день, как маргеновские печи, — к ним нельзя было даже притронуться, а не то что жить в них. Ветра не было, и июльское пекло было пропитано тяжелым настоем бензиновых паров, гари и городской пыли. Москвичи передвигались по городу, как сомнамбулы, больницы были полны задыхающимися астматиками, гипертониками, сердечниками. Днем моя хозяйка (Тополь снимал квартиру на улице Горького. — Ф. Р.) лежала в своей комнате, плотно завесив окна, включив вентилятор и держа на голове мокрое полотенце. А по вечерам, когда жара чуть спадала, к ней приходила маленькая пятидесятилетняя худенькая, как одуванчик, экс-балерина Большого театра, и всю ночь, часов до пяти утра, они занимались любовью с таким темпераментом, стонами и криками, каких я никогда не слышал ни до, ни после этого. По утрам в ванной я наткался на их скомканные и слипшиеся простыни...»

Тополь в те дни был с головой погружен в работу — писал сценарий «Любовь с первого взгляда» для «Ленфильма». Работал он ударно — осилил сценарий за четырнадцать ночей (днем Тополь отсыпался, поскольку работать в жару было равносильно самоубийству). Тогда же он познакомился с симпатичной девушкой Ветой, студенткой Московского музучилища. Произошло это прямо на улице, возле Зала имени Чайковского. Вета стояла у входа и пыталась достать лишний билет на концерт, про-

ходивший в тот вечер в Зале. Но все было напрасно — билетов не было. Тополь, увидев, какое отчаяние сквозило в глазах девушки, купил в ближайшем цветочном киоске практически на последние деньги букетик фиалок и преподнес их незнакомке. При этом сказал:

— Билета на концерт у меня нет, но, может быть, вас утешат эти цветы?

Цветы девушку действительно утешили. Так завязалось их знакомство. Причем девушка влюбилась в сценариста, что называется, по уши. По словам Тополя, «никогда и никто не любил меня столь самозабвенно и бескорыстно, как эта девочка, — тогда, в те дни, когда я был абсолютно нищим и загнанным рыжим волком и когда у меня оставалось всего три рубля на всю мою последующую жизнь».

17 июля закончилась римская эпопея Эльдара Рязанова. Как мы помним, он приехал в столицу Италии 26 июня с группой своих коллег, чтобы обсудить сценарий будущего фильма с итальянскими компаньонами — фирмой «Дино Де Лаурентис». Однако глава фирмы Дино Де Лаурентис забраковал либретто «умного кино от Рязанова и Брагинского», заявив, что на его родине такое кино коммерческого успеха иметь не будет. Дескать, надо снимать легкую, трюковую вещь. В итоге Рязанову и Брагинскому пришлось наступить на горло собственной песне и тут же, в номере римской гостиницы, заново переписывать либретто. Сам сюжет не подвергся принципиальным изменениям, но из него были выкинуты почти все социальные и человеческие нюансы (то, чем всегда славились фильмы этих двух мастеров). Понимая, что нужно привлечь партнеров масштабными трюками, которые им до сих пор и не снились, они придумали ситуацию с посадкой самолета на шоссе, эпизод с разведенным мостом, разработали в деталях всю историю со львом. В итоге Де Лаурентис принял новый сценарий, правда, заставил добавить в него еще несколько новых сцен. В частности, ему захотелось, чтобы в нем была сцена, где герои кидают торты в лица друг другу, а также обязательно был эпизод в ГУМе (итальянец объяснил: ГУМ — крупнейший магазин, какого нет в Европе, и это произведет на итальянского зрителя должное впечатление).

17 июля в «Большой перемене» закончился очередной этап павильонных съемок — после

этого группе предстояло выехать на натуру. В последний день, в декорации «квартирный комплекс», сняли ряд сцен из разных частей фильма. Например, был снят план актрисы Мазуровой (соседка Нестора), когда она заглядывает к нему в комнату и тут же закрывает дверь, увидев, как молодые целуются. Во второй половине дня был снят один из самых смешных эпизодов фильма: Петрыкин внезапно приходит к Ляпишеву, когда тот усиленно готовится к встрече со своей возлюбленной (гладит брюки и сообщает ей по телефону о своих успехах: мол, одна штанина уже готова). Внезапный гость нарушает все планы парня: сначала отчитывает его за непотребные фотографии на стене («Вот это, к примеру, кто без обмундирования?»), а потом сообщает, что они идут на лекцию. При этом Петрыкин потрясает перед носом у Генки билетами и произносит крылатую фразу: «Танцуй, Ляпишев!..»

19 июля съемочная группа переместилась с «Мосфильма» на ВДНХ — там снимался эпизод «сон Нестора». Помните, ему снится, как его возлюбленная Полина возвращается из рейса (она работает стюардессой), а он встречает ее и вручает цветы. Кстати, на последние группе пришлось весьма сильно потратиться: поскольку в те дни стояла страшная жара, а эпизод снимался в течение девяти часов (с 7.30 до 17.00 с перерывом на обед), цветы успевали завянуть, и киношникам приходилось покупать все новые и новые.

20 июля в Москве в Центральном Доме журналиста состоялась пресс-конференция, посвященная окончанию переговоров между Федерацией хоккея СССР и делегацией Национальной Хоккейной Лиги Канады. На ней было сообщено, что игры советских хоккеистов и канадских профессионалов состоятся в сентябре. Тренер нашей сборной Всеволод Бобров отметил, что время проведения матчей (8 игр) не совсем удобно для обеих команд, но пришлось пойти на жертвы ради того, чтобы матчи, которых с огромным нетерпением ждет весь спортивный мир, состоялись.

Между тем за скобками пресс-конференции остались многие закулисные детали, которые сопутствовали предстоящим матчам. Как известно, первые подвижки на пути к этим играм стали возможны во время апрельского чемпионата мира в Праге. Но тогда речь шла

о матчах советской сборной с полупрофессиональной сборной Канады (половина — любители, половина — профессионалы). Однако канадцы перехитрили наших спортивных функционеров. Президент любительской хоккейной ассоциации Канады Джон Кричка, который вел переговоры с нами, вернувшись на родину, переадресовал это дело в организацию «ХОККЕЙ-КАНАДА», а та, поскольку денег на проведение игр у нее не оказалось, передала права на игры представителям НХЛ — Алану Иглсону и Бобби Орру. Иглсон еще в 1969 году намеревался пробить эти матчи на самом кремлевском верш (даже написал письмо Подгорному), но эта затея провалилась. И вот — новая попытка, которая наконец-то удалась.

Когда в Москву пришел полный список игроков канадской сборной, у наших спортивных чиновников глаза на лоб полезли: сплошь одни звезды! Чиновников охватила настоящая паника, поскольку они решили, что в играх против такой сборной нашей ловить нечего (естественно, думали они прежде всего о собственном благополучии, которое могло серьезно пострадать в случае поражения национальной сборной). Однако чашу весов в пользу игр перетянул голос Всеволода Боброва. Он внезапно обрадовался такому повороту событий и заявил: «Играть с профессионалами можно, если проиграем — так хоть звездам мирового класса, а выиграем — так грудь в крестах». Естественно, на пресс-конференции в Домжуре об этих перипетиях не было сказано ни слова.

Съемочная группа фильма «Надежда» во главе с режиссером Марком Донским вот уже несколько дней находится в селе Шушенском, где снимаются натурные эпизоды жизни Ленина и Крупской. Вот как вспоминает о тех днях исполнительница роли Надежды Константиновны Н. Белохвостикова:

«Это был год, когда кругом горели леса и торфяники, из-за пожаров было трудно снимать, над Шушенским висела сплошная дымовая завеса. А еще хуже — при жаре в сорок градусов тьма огромных комаров, от которых не было спасения. Нельзя было открывать окна; духи и одеколоны, которыми мы поливали себя, тоже не помогали, а надо было беречь лицо, чтобы можно было сниматься.

Потом в эту страшную жару нам надо было перелететь на небольшом самолете в другое

место. Все были в легких маечках, вещи уложены в чемоданы, все с огромными букетами цветов, которые нам подарили местные жители, поднялись в воздух... и скоро стали замерзать, все больше и больше, — оказалось, что наш самолет слегка разгерметизировался, цветы покрылись инеем, а когда мы приземлились, все разговаривали хриплыми голосами...»

22 июля актриса Ленинградского Театра имени Пушкина (бывшая Александринка) Нина Ургант, возвращаясь домой, увидела, что весь ее двор-колодец заполнен людьми. И головы всех собравшихся устремлены на раскрытые окна Ургант, откуда доносился раскатистый рык Владимира Высоцкого. Актриса вбежала в квартиру и увидела: на полу сидит Высоцкий и поет свои песни ее собаке Зурикелле. Он был уверен, что она его понимает. «Посмотри, какие у нее умные глаза», — доказывал он свою правоту Ургант, а та в ответ заливалась звонким смехом.

Высоцкий приехал в Ленинград в середине июля, чтобы сняться в фильме Иосифа Хейфица «Плохой хороший человек», в роли фон Корена. С ним туда приехала и Марина Влади, которая исправно посещала практически все съемки (говорят, ей самой тоже очень хотелось сняться в этом фильме, пускай даже в крохотной роли, но Хейфиц на это почему-то не пошел). Вообще-то фильм должен был начать сниматься с натуральных эпизодов в Евпатории, однако из-за того, что власти города объявили там в июле карантин, пришлось срочно перестраиваться и снимать в павильоне, в Сосновых полянах. Там была построена декорация дома фон Корена, в которой и начались съемки. В частности, в те дни снимался эпизод, где Самойленко просит у фон Корена денег для Лаевского, но тот сначала артачится, а затем все-таки дает ему требуемую сумму.

Съемки длились до глубокой ночи — до двенадцати, а порой и до часу ночи, — поэтому Марина Влади обычно не ждала их окончания и уезжала в гостиницу «Астория» без пятнадцати десять (кстати, с женой-иностранкой у Высоцкого не было никаких проблем с вселением в эту привилегированную гостиницу). На вопрос «Почему так рано?» Влади как-то ответила: мол, я же актриса, я должна рано лечь спать, чтобы завтра хорошо выглядеть.

В те дни на «Ленфильме» снималось еще несколько картин, в том числе боевик про первых советских милиционеров «Дела давно минувших дней». Режиссер фильма Владимир Шредель, узнав, что рядом снимается Высоцкий, внезапно воспылал мечтой уговорить его написать для фильма несколько песен. В качестве парламентаря к Высоцкому был отправлен Александр Массарский. Далее послушаем рассказ последнего:

«Я зашел в съемочный павильон. Высоцкий в гриме фон Корена готовился к очередному кадру и о чем-то беседовал с красивой женщиной, лицо которой показалось мне очень знакомым, — так бывает, когда встречаешь артистов в обычной обстановке, без грима и в повседневной одежде. Я наблюдал, как она заботливо поправляет ему прическу, пытался вспомнить, где мы могли с ней встречаться, и понимал, что мы не знакомы. Она вела себя естественно, старалась не привлекать к себе внимание окружающих, никого не замечала вокруг и смотрела на Володю восторженным, влюбленным взглядом. Они посмотрели в мою сторону, и я понял, что это Марина Влади. На ней было простое ситцевое платье, настолько скромное, что, когда по студии прошел слух о присутствии Марины во втором павильоне и студийные девушки под любым предлогом заглядывали в декорацию, ожидая увидеть размалеванное «чудо», они равнодушно скользили взглядом по лицу актрисы, на котором не было вызывающей косметики, и разочарованно уходили, не узнав ее.

В тот раз поговорить нам не удалось — Володю позвали к камере. Но вечером мы встретились вновь, и я передал Володе просьбу режиссера Владимира Шределя, показав сценарий фильма. Он сказал, что не хотел бы отвлекаться от работы над своей ролью, но Марина напомнила ему несколько его последних песен, которые можно было бы обработать для этой картины.

Через несколько дней Володя нашел нашу съемочную группу¹ на крыше пятиэтажного дома на набережной Фонтанки, где снималась сцена перестрелки бандитов с милиционерами, и спел песни для фильма. Шределю они понравились. Начались «согласования» с руководством студии. В результате с большим трудом удалось отстоять только один романс («Оп-

лавляются свечи...»), да и то с условием не упоминать в титрах фамилию автора...»

Вечером 24 июля клоун Леонид Енгибаров вернулся к себе домой в дом № 22-б в 19-м проезде Марьиной Роши с концерта в Зеленом театре ВДНХ (этот дом принадлежал еще деду Енгибарова Адриану Артамоновичу Кудрявцеву, кроме этого, у него была еще кооперативная квартира на Рубановской улице, которую он получил год назад). Настроение у артиста было скверное — вот уже несколько дней он плохо себя чувствовал из-за ангины, которую переносил на ногах. Мать Антонина Андриановна приготовила сыну ужин, но тот от него отказался и даже не повернулся в сторону матери, когда она вошла к нему в комнату.

— Чем тебе помочь, сынок? — спросила обеспокоенная мать. — Может быть, вызвать врача?

— Ты мне поможешь, если уйдешь куда-нибудь сегодня, — ответил Енгибаров.

Зная характер своего сына, мать быстро собралась и ушла к подруге. Когда утром следующего дня она вернулась назад, Енгибаров лежал на кровати в той же позе, в какой она его оставила вчера, причем еда на кухне так и осталась нетронутой. По тому, как сын вздыхал, Антонина Андриановна поняла, что его настроение так и не улучшилось. Беспокоить его расспросами женщина побоялась.

Ближе к вечеру Енгибарову внезапно стало плохо, и он сам попросил мать вызвать «скорую». Однако прибывшие вскоре врач и медсестра отнесли к больному как-то легкомысленно — даже укол ему не сделали. Вместо этого врач в течение десяти минут допрашивал Антонину Андриановну, какими болезнями болел ее сын, как чувствовал себя накануне. Может быть, в этом был виноват и сам Енгибаров: когда пришли врачи, он уже малость оклемался и даже стал заигрывать с медсестрой, говорил ей комплименты.

Врачи уехали около шести, а два часа спустя Енгибарову вновь стало плохо. Мать снова бросилась к телефону. Но пока «скорая» мчалась к их дому, Енгибаров попросил мать дать ему бокал холодного шампанского: дескать, полегчает. Видимо, ни он, ни мать не знали, что шампанское сужает сосуды. Вскоре ему стало плохо. Врач сделал укол, но было поздно — сердце клоуна остановилось. На часах было

около восьми вечера. Енгибарову исполнилось 37 лет.

Рассказывает О. Стриженов:

«Однажды, когда я вернулся в Москву из очередной экспедиции в семьдесят втором году (Стриженов снимался во Львове в фильме «Земля, до востребования!». — Ф. Р.), раздался звонок Юры Белова, работавшего режиссером у Енгибарова в коллективе:

— Олег Александрович, приготовьтесь...

— Что случилось?

— Леня умер.

Вскакиваю в машину, мчусь на квартиру к Енгибарову в Марьину Рошу, где он жил в деревянной бревенчатой двухэтажке с мамой. Застаю Леню еще теплого, лежащего на диване. Над его головой висит мой портрет в роли Треплева из «Чайки». Он умер, а казалось, что спит. Остановилось сердце. Леня писал, что любил больше других великолепную четверку — меня, Васю Шукшина, Юру Белова и Рольфа Быкова...»

Слух о том, что умер Енгибаров, распространился по Москве со скоростью звука. Правда, как и положено в таких случаях, причина смерти великого клоуна интерпретировалась по-разному. Например, утром 26 июля некто позвонил в дом Владимира Высоцкого и сообщил ему о смерти Енгибарова. Далее послушаем рассказ Марины Влади, которая была свидетелем этого разговора:

«Ты кладешь трубку и начинаешь, как мальчишка, вздохнуть плакать. Я обнимаю тебя, ты кричишь:

— Енгибаров умер! Сегодня утром на улице Горького ему стало плохо с сердцем, и никто не помог — думали, что пьяный!

Ты начинаешь рыдать с новой силой.

— Он умер, как собака, прямо на тротуаре...»

И вновь — воспоминания О. Стриженова:

«Мы с Роланом Быковым ходили в Моссовет выбивать для Енгибарова место на кладбище. Похоронили на Ваганькове, если встать лицом к входу в храм, то слева, в нескольких десятках метров от церкви. Потом армяне поставили ему памятник: Енгибаров под рваным зонтом (из его этюда)...»

28 июля, в день похорон Енгибарова, в Москве начался проливной дождь, который тем летом вообще был редким явлением. Казалось,

само небо оплакивает потерю прекрасного артиста. По словам Ю. Никулина, все входили в зал Центрального Дома работников искусств, где проходила гражданская панихида, с мокрыми лицами. А пришли тысячи.

Тем временем продолжается шахматный матч между Борисом Спасским и Робертом Фишером. Если до этого советские СМИ довольно подробно освещали предысторию матча и первые его партии, то теперь сообщения из Рейкьявика становятся все короче и скуднее. Объясняется же это просто: Спасский к 26 июля проигрывает 3:4, и многие специалисты, наблюдающие за матчем, все больше сходятся во мнении, что Фишера ему не одолеть. Например, известный аргентинский гроссмейстер М. Найдорф на страницах «Комсомольской правды» (!) заявляет:

«Накануне восьмой партии я беседовал с чемпионом мира (Спасским. — Ф. Р.). Он хорошо выглядел и не производил впечатления уставшего человека. Спасский не жаловался и на плохую спортивную форму. Как я заметил, он не испытывает никакой робости и чувствует себя уверенно. Однако, когда он садится за доску против Фишера, с ним происходит что-то непонятное...»

Много позже станут известны многие закулисные подробности, окружавшие этот матч, и станет понятно, что же именно происходило со Спасским в те дни. А происходило вот что.

Все те «коленца», которые выкидывал в преддверии и во время самой игры Фишер, были заранее спланированы. Таким образом он психологически воздействовал на своего соперника, старался выбить его из равновесия. Был эпизод, когда советская сторона даже заподозрила его в страшном грехе — попытке отравить соперника. Случилось это во время одной из партий, когда Фишер предложил Спасскому промочить горло из своей бутылки с соком, которая стояла на столе. Спасский не отказался, в результате чего вечером того же дня наш гроссмейстер почувствовал себя плохо. Его коллеги по команде заподозрили отравление, однако когда Спасскому предложили сдать мочу и кровь для лабораторного анализа, он почему-то отказался.

Другой подозрительный эпизод был связан с креслом, на котором сидел Спасский во время матча. Дело в том, что до начала матча ему

предназначался обыкновенный стул с мягким сиденьем. Но когда Спасский увидел, что его соперник явился на игру со своим удобным креслом, он захотел такое же. Его просьбу выполнили, однако едва Спасский вел на него, как спустя несколько часов у него начались сильные головные боли. Эксперты из советской команды вновь выдвинули предположение о теракте: мол, американцы могут облучать мозг Спасского, пропуская какие-то неизвестные нам лучи через массивное изголовье, которое могло служить своеобразным экраном. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу пока было нельзя, поскольку кресло должны были обследовать специалисты, которых в Рейкьявике у Спасского не было.

Между тем кремлевское руководство, с ослабевающим интересом следившее за этим матчем (поскольку соперником нашего гроссмейстера был американец, эта игра возводилась в разряд политических акций), постоянно бомбардировало Рейкьявик телеграммами: мол, что происходит, почему, так хорошо начав, Спасский вдруг сломался? На эти вопросы надо было что-то отвечать, вот члены советской команды и сообщили о подозрительных моментах в поведении Фишера. Кремль ответил на это адекватно — срочно командировал в Рейкьявик опытного сотрудника КГБ Георгия Сальникова с заданием тщательно разобраться в происходящем. Причем перед отъездом его так напутствовали на Лубянке: «Приложите максимум усилий, разберитесь в ситуации, окажите воздействие на Спасского. Он должен победить, поскольку это имеет политическое значение. Если Спасский выиграет, вы получите орден».

С первых же часов своего пребывания в Исландии Сальников рьяно взялся за дело. Например, он настоял на том, чтобы вся советская команда немедленно сменила место проживания. Если до этого они жили на предоставленной исландским правительством вилле на берегу океана, которая элементарно могла прослушиваться через военную базу в Кеблавике, то теперь переехали в один из коттеджей, принадлежавших советскому послу в Исландии и надежно защищенных от вражеских «ушей». Кстати, после этого ситуация в матче изменилась: Фишер занервничал и стал допускать промахи в игре. Было видно, что теперь

многие ходы Спасского для него стали неожиданными.

Между тем Сальников с помощью специалистов обследовал злополучное кресло, на котором сидел наш гроссмейстер. Однако подозрения не подтвердились — кресло было обычным, без какого-либо «экрана» внутри.

Следующим шагом на пути «взбодрения» Спасского явился вызов его жены Инны в Рейкьявик. Дело в том, что КГБ по своим каналам узнал, что американцы специально привезли к месту проведения матча дорогую проститутку для Фишера. Эту пышногрудую блондинку, мастерицу своего дела, поместили на американскую военную базу, чтобы по первому же зову шахматиста она смогла снять с него нервное напряжение и вдохновить на новые победы. Наши тоже решили не ударить лицом в грязь. Правда, с проституткой связываться не стали, поскольку, в отличие от Фишера, наш гроссмейстер был счастливо женат и его супруга совсем недавно родила ему ребенка. Однако, как показали дальнейшие события, присутствие жены не убергло Спасского от поражения. Впрочем, не будем забегать вперед.

В конце июля в советском шахматном мире произошло еще одно важное событие. В австрийском городе Граце наша сборная шахматистов-студентов выиграла Всемирную студенческую олимпиаду. В составе нашей сборной выступали четыре гроссмейстера и два мастера. Одному из гроссмейстеров уже скоро предстоит прославиться на весь мир — Анатолию Карпову. В Граце он показал лучший результат.

В конце главы — краткая афиша столичных развлечений. Во второй половине июля состоялось несколько кинопремьер: 17-го в кинотеатре «Мир» начал демонстрироваться советско-шведский фильм режиссера Юрия Егорова «Человек с другой стороны» про то, как в 20-е годы советское правительство заказывает шведскому тысячу паровозов, а проследить за выполнением заказа поручается инженеру Крымову. В этой роли снялся Вячеслав Тихонов, который параллельно с этим вот уже больше года снимается в роли Штирлица (до конца съемок остается несколько месяцев). 18-го на широкий экран выходит фильм Ю. Вышинского «Когда расходится туман» про борьбу егерей с браконьерами с участием Виктора Авдюшко, Людмилы Хитяевой, Леонида Кмита и др.;

25-го — «Иду к тебе» Н. Машенко, в главных ролях Алла Демидова, Николай Олялин.

Из зарубежных картин назову следующие: «Локис» и «Кудесник за рулем» (оба — Польша), «Приключения гайдука Ангела» (Румыния), «Королевская охота» (ЧССР — Франция), «Преданность» (Индия), «Леди Гамильтон» (Англия).

Кино на ТВ: «Жили-были старик со старухой» (19-го), «Команда с нашей улицы», «Родная кровь», «Красная рябина» (20-го), «Часы капитана Энрико» (21-го), «Граф Монте-Кристо» (21—22-го), «Один шанс из тысячи» (23-го), «Когда деревья были большими» (24-го), «Послы не убивают» (ГДР, премьера т/ф, 24—26-го), «Красные пески», «Шведская спичка» (25-го), «Чапаев», «Осенние свадьбы» (27-го), «За тех, кто в море» (28-го), «Морской охотник», «Адмирал Ушаков» (29-го), «Операция «Ы», «Севастополь», «Корабли штурмуют бастионы» (30-го), «Ставка больше, чем жизнь» (Польша, с 31 июля по 17 августа покажут 18 серий).

Эстрадные представления: 22—23-го в Ждановском ПКиО проходят сборные концерты с участием Вадима Тонкова и Бориса Владимировича, ВИА «Самоцветы» и др., 23-го в киноконцертном зале «Варшава» поет Эмиль Горовец (один из последних концертов перед его скорой эмиграцией), 25—27-го в саду ЦДСА — ВИА «Песняры», 27—31-го на ВДНХ — ВИА «Голубые гитары». 22—23 июля в «Октябре» и 24—25-го — в ГЦКЗ «Россия» свое искусство демонстрировали артисты из Польши, среди которых была и певица Анна Герман. С тех пор, как пять лет назад она угодила в тяжелейшую автомобильную аварию в Италии и чудом выжила, она никуда не выезжала дальше Варшавы. Наконец весной 72-го она предприняла гастроль по Польше, после которых на короткое время свернула в Москву. Причем договорилась с польским Минкультом о том, чтобы подключить к ней еще нескольких артистов, поскольку сольные концерты она пока осилить не сможет. Ей пошла навстречу. В репертуаре Герман были и песни, музыку к которым она написала сама: «Костыль», «Песня», «Это, наверное, май». Исполнила она и романс «Гори, гори, моя звезда», хотя были люди, которые не советовали ей этого делать: мол, романс мужской. Но в исполнении Герман он зазвучал на-

столько необычно и проникновенно, что тут же покорила столичную публику.

В эти же дни в одной из студий фирмы «Мелодия», что на улице Станкевича, Герман записала свой самый известный хит — песню Александры Пахмутовой и Николая Добронравова «Надежда». Вот как рассказывает об этом А. Жигарев:

«Там, на улице Станкевича, Анна впервые увидела композитора Александру Пахмутову и поэта Николая Добронравова. Она и раньше слышала много их песен. Они нравились ей своим светлым оптимизмом, бодрым, жизне-радостным настроением, высокой профессиональной отточенностью. Но Анне казалось, что это не ее песни. Она считала себя певицей глубоко личной, доверительной лирики.

Песня «Надежда», клавиш которой она про-чла еще в Польше, опрокинула эти представле-ния. «Надежда» сразу же показалась ей ее соб-ственной песней, как бы написанной лично

для нее: тут, словно в капле воды, отразились ее переживания и надежды. Почему-то она по-думала о геологах, о том, кем бы она могла стать, но не стала. Сейчас Анна слушала «На-дежду» в авторском исполнении. И видела не только безусловно выдающегося композитора, но еще и очень доброжелательного, мягкого, умного человека. Пахмутова называла поль-скую певицу «Анечкой» и, показывая песню, не пыталась навязать свое мнение, а как бы со-ветовалась с Анной, в свою очередь полностью доверяя ей.

На записи «Надежду» Анна спела быстро и легко, почти «без голоса», как сказала потом Качалина. Записала песни Оскара Фельцмана «Ты, мама» и Романа Майорова «Незабытый мотив», несколько польских песен в переводе Асара Эппеля. И тут, так же как и в Варшаве, в комнате звукорежиссера толпились почти все, кто находился на «Мелодии» по делам или ра-ботал на студии...»

1972

АВГУСТ

Двум будущим грабителям нужен пистолет. Андрей Макаревич на юге: скандал на танцверанде. Высоцкий на Рижском взморье. Новая пошлина для «отъезжантов». Почему Брежнев однажды махал топором. Закрытие КВН. Неприятности Александра Галича продолжают. Как Марк Фрадкин отстоял Льва Лещенко. София Ротару на пороге своей всесоюзной славы. Япончик держит Сочи. Борис Бабочкин на больничной койке. За что власти Ялты запретили «Мосфильму» снимать кино в их городе. Одного пистолета грабителям мало. Столичное «Торпедо» выигрывает Кубок СССР по футболу. Как закатилась звезда футболиста Василия Калинова. Обращение Моссовета к жителям столицы. Высоцкий слушает... Высоцкого. Скандалы на «Земле Санникова» продолжают. Похороны фильма «Проверка на дорогах». Ажиотаж в Канаде. Как погиб Александр Вампилов. Сын «Штирлица» Владимир Тихонов знакомится с будущей женой. Похороны Вампилова. За что Олега Коротаева отчислили из олимпийской сборной. Смена караула в Госкино: пришел Филипп Ермаш. Канадские тренеры в Москве: русские нам не соперники! Свадьба Владислава Третьяка. Любовь Юрия Каморного. Новый хит от Леонида Гайдая: начались съемки «Ивана Васильевича». Открытие Олимпиады в Мюнхене. Триумф наших в Сопоте. Турне Брежнева по стране. КГБ против ЦРУ. Московские клады. Анджела Дэвис в Москве. Умер отец Михаила Кононова. Елена Проклова стала матерью. Михаил Шуфутинский стал отцом. Драка в ресторане «Северный». Фестиваль в Венеции: как Вячеслав Зайцев выручил советских актрис. Наши хоккеисты летят в Канаду. Как фильм «А зори здесь тихие...» помирил Вячеслава Добрынина с его девушкой.

1 августа из города Куйбышева в Донецк приехали двое молодых людей — Сергей Рамьянов и Александр Долотов. Обоим в ту пору было по 21 году, они жили неподалеку друг от друга, в районе бывшей Самарской площади. Однако, в отличие от многих советских парней, которые если и мечтали разбогатеть, то вполне законными способами, эти двое еще в школе (!) задумали напасть на инкассатора. Но в те годы осуществить задуманное им не удалось, и реализация плана была отложена до лучших времен. Летом 72-го эти времена, кажется, настали. У Долотова наконец появилось охотничье ружье, из которого парни смастерили обрез. Но затем Рамьянов его забраковал: дескать, какой прок от такой «пушки» — раз выстрелишь и все. А у инкассатора под рукой автоматический пистолет. И стали друзья размышлять о том, где бы раздобыть более приемлемое для ограбления оружие. В наши дни им

бы не пришлось долго ломать голову, поскольку сегодня такого добра, что называется, завались, а тогда — в 72-м — раздобыть тот же пистолет было крайне трудно. Наконец Рамьянов придумал:

— У меня в Донецке живет дядя. Когда бываю у него, постоянно вижу пожилого участкового милиционера...

— Что ж ты раньше молчал! — как ужаленный вскочил со своего места Долотов. — У него же наверняка ствол имеется. Поехали к твоему дядьке!

1 августа друзья приехали в Донецк и сразу же отправились искать участкового. Им оказался старшина милиции Анатолий Осташевский, которого хорошо знали почти все жители района. Поскольку милиционер ходил по улицам не таясь, будущим грабителям не составило большого труда отыскать его. И стали они незаметно ходить за ним по пятам, прикиды-

вая в уме, когда и где удобнее всего совершить на него нападение.

Приближается к своей печальной развязке полная мытарств история фильма Алексея Германа «Проверка на дорогах». Как мы помним, в апреле зампред Госкино Б. Павленок, побывав на «Ленфильме», дал задание тамошнему руководству внести в ленту кардинальные правки, после чего пообещал принять ленту к прокату. Работа над правками началась в середине июня и длилась почти месяц. Было внесено около 25 изменений: сокращены сцены ареста Лазарева, сцена на чердаке, на кладбище, изменена биография Лазарева и история его попадания в плен и т. д. И вновь — все коту под хвост. В конце июля новую версию фильма посмотрело высокое столичное руководство и опять осталось недовольно. 1 августа главред сценарно-редакционной коллегии И. Кокорева сообщила председателю Госкино А. Романову: «Никаких существенных изменений в фильме не произошло, никакие поправки не могут изменить его общей неприемлемой идейно-художественной концепции и образного строя...»

Между тем продолжается пребывание «машинистов» Андрея Макаревича и Александра Кутикова в международном лагере «Буревестник» под Туапсе. В составе рок-группы «Лучшие годы» они каждые выходные играют на танцах, а в свободное время купаются, загорают, кадрят тамошних девчат. Как вспоминает А. Макаревич:

«Лагерем командовал некто полковник Мешков — человек нерешительный и мягкий. Он полковничьим сердцем чуял идеологическую невыдержанность нашего репертуара, но приказать не мог, он только постоянно занудно просил включить в программу песни советских композиторов и современные отечественные молодежные танцы. Мы отстаивали свою позицию тем, что лагерь, дескать, для иностранцев и так им, стало быть, родней. Иностранцы (по нашей просьбе) нас поддерживали и требовали рок. Исключение составляло только вьетнамское землячество, регулярно проводившее во время танцев комсомольские собрания. Впрочем, их можно было понять.

Внезапно к нам на танцы заехал некто, представляющий местное управление культурой. Это был невысокий молодой человек с удивитель-

но наглыми манерами. Я видел, как он буквально прижал Серегу Грачева (вокалист «Лучших годов». — Ф. Р.) к борту и орал снизу вверх, брызгая слюной: «Я здесь культурой три года командую, понял? И не таких видал! Я с тобой в другом месте говорить буду, если еще раз тут низом живота начнешь вертеть! Понял?» Человечек уехал, а Грачев пошел и очень сильно напился — я даже решил, что он умирает. Он, бедняга, только что вернулся из армии и, видимо, думал, что теперь уже все будет хорошо.

И тогда мы устроили демонстрацию. На следующих танцах громкость была убрана до громкости магнитола «Юность», вместо ударной установки стоял тройничок, Ринатик приволок откуда-то баян, и у нас получился типичный так называемый инструментальный ансамбль времен позднего Хрущева. Тихо и противно исполнялись в инструментальном изложении пьесы «Лучший город земли», «Королева красоты», «Фиалки» и прочая клюква. Самым трудным оказалось при этом не колотиться и сохранять торжественно-старательное выражение лица. Через десять минут иностранцы отсмеялись, взяли за руки и пошли бить Мешкова. Он прибежал, на ходу роняя остатки собственного достоинства, и униженно просил прекратить демонстрацию и заиграть как обычно. Мы сжалились, притащили Серегу, который все еще не мог встать на ноги после алкогольного удара, сказали ему, что наша взяла, и он вышел на сцену, качаясь на ветру, и спел «I can't stop loving you». Клянусь, я никогда больше в жизни не слышал такого исполнения этой песни...»

В эти же дни Высоцкий находится на Рижском взморье, в городе Кемери, на съемках фильма. Мы помним, как в начале этого года он сетовал на то, что ему не дают возможности работать в кино (сняли с двух ролей), но, судя по всему, какие-то лазейки проникнуть в кинематограф у него, видимо, остались. Иначе чем объяснить, что в июле-августе он снимается сразу в двух фильмах, у двух маститых режиссеров, да еще в обоих в главных ролях!

Первого режиссера я уже упоминал — это Иосиф Хейфиц, который пригласил Высоцкого на роль фон Корена в экранизацию чеховской «Дуэли», в фильм под названием «Плохой хороший человек». Высоцкий начал сниматься

в нем в июле. В самом начале августа он отправился на Рижское взморье на съемки фильма «Четвертый» по пьесе К. Симонова, который ставил на «Мосфильме» Александр Столпер. Здесь Высоцкому досталась главная роль — Он (Четвертый). Приехал в Кемери Высоцкий один и поселился в отдельном кемпинге в 200 метрах от пляжа. Однако в одиночестве прожил недолго. Дело в том, что во время съемок он стал нарушать сухой закон, чем здорово подводил группу, которая в его отсутствие вынуждена была снимать другие эпизоды. Поскольку никому из группы призвать Высоцкого к порядку не удалось, было решено срочно вызвать на подмогу Марину Влади. И та примчалась чуть ли не на следующий день. Своего мужа она приводила в норму всеми известными ей способами и сообщала киношникам, когда те могли присылать за ним машину. Если иной раз этого не удавалось достичь, Влади, будучи человеком дисциплинированным и умеющим держать слово, сообщала киношникам о своей неудаче, и те отменяли съемки. Справедливости ради, стоит сказать, что за все время съемок в Кемери (31 июля — 10 августа) случаев простоя из-за Высоцкого было мало — два-три.

В свободное время Высоцкий и Влади всегда появлялись вместе, прогуливаясь по взморью, либо заглядывая в Дом писателей в Дубултах. В те же дни там гостили Василий Шукшин и Сергей Параджанов, у которых с Высоцким и Влади были давние приятельские отношения. По словам очевидцев, Высоцкий и Влади одевались совсем просто: он — в джинсах и рубашке с отложным воротником, она — в ситцевых, хорошо сидящих, но не ярких платьях.

3 августа на свет появились новые правила для советских «отъезжантов», навсегда покидающих страну. Если до этого они платили 400 рублей за визу и 500 рублей за отказ от советского гражданства, то теперь, согласно декрету № 572, пошлина была значительно увеличена. Было решено взимать деньги за образование, которая дала «отъезжантам» Советская власть. Дипломы гуманитарных институтов стоили дешевле дипломов технических вузов. Академики должны платить больше, чем доктора наук. К упомянутым 900 рублям теперь добавились еще 12—15 тысяч (!) рублей. К примеру, доктор наук должен был заплатить за свой отъезд аж 30 тысяч рублей. Однако новые правила не

сбили волну эмиграции из СССР, лишь на время сократили поток.

Тем временем двое куйбышевских парней, приехавших в Донецк за пистолетом для будущего ограбления, продолжают следить за участковым инспектором Осташевским. Три дня они сопровождали его чуть ли не по пятам, пока наконец не решились напасть. Это случилось в двенадцатом часу ночи 4 августа на проспекте Титова, между улицами Челюскинцев и Артема, недалеко от гостиницы «Шахтер». Именно там преступники подстерегли милиционера, и Долотов в упор, с полуметрового расстояния, выстрелил в него из обрезка. Пока Осташевский падал, Рамьянов успел сорвать с него кобуру с пистолетом. Утром следующего дня они уже сидели в поезде, увозившем их в сторону Куйбышева.

В эти же дни генсек Леонид Брежнев с пользой для здоровья проводит время в Крыму, на своей двухэтажной даче в Нижней Орланде. Леонид Ильич купается в море, загорает, потребляет витамины — кушает фрукты. К примеру, в субботний день 5 августа генсек проснулся как обычно — в 7.30 утра, сделал легкую зарядку, после чего полтора часа поплавал. Затем отправился завтракать. Потом опять окунулся в море, а около двух часов дня отправился на массаж, который ему делал врач-инструктор по физкультуре. Когда возвращался из массажной, заметил, что его супруга Виктория Петровна смотрит телевизор. В тот день показывали прекрасный фильм Георгия Натансона и Анатолия Эфроса «Шумный день». Генсеку особенно нравился эпизод, где юный герой картины в исполнении Олега Табакова отцовской шашкой рубит новую мебель как символ мешанства. Вот и в тот момент, когда Брежнев оказался возле телевизора, показывали именно эту сцену. Тронув жену за плечо, генсек спросил: «А помнишь, Витя, как и я вот так махал, но не шашкой, а топором?» Жена в ответ что-то недовольно пробурчала — не любила вспоминать этот давний эпизод. А случилось тогда вот что. Как-то сразу после войны Виктория Петровна устроила мужу выволочку: дескать, ты работаешь первым секретарем обкома (дело было в Запорожье), а твоей жене на себя надеть нечего — одно старье. Брежнева эти слова привели в неопишное бешенство. Распахнув створки шкафа, он выбросил на пол с деся-

ток жениных платьев и костюмов и прорычал: «А это что?» Затем, схватив топор, принялся остервенело рубить одежду на мелкие кусочки. Присутствовавший при этом его родной брат Яков впоследствии будет утверждать, что ни до, ни после не видел родственника в таком гневе.

Вообще, по рассказам очевидцев, жена генсека была женщиной незлобивой, но весьма меркантильной. В Москве у нее была однокомнатная квартира, куда по ее приказу свозили подарки, полученные ее супругом от глав различных госуслуг. Причем малую толику подарков она оставляла себе, а львиную долю отдавала своим многочисленным родственникам. Подарки те лежали в коробках, и на каждой было проставлено имя получателя: Викусе, Андрею, Марте и т. д. Примерно два раза в месяц Виктория Петровна приезжала на свой «склад», где проводила ревизию: проверяла количество подарков, вытирала пыль, добавляла в коллекцию новые презенты. Брежнев знал об этом, но предпочитал в дела супруги не вмешиваться. Но вернемся в начало августа 72-го.

Помимо фильма «Шумный день», в тот день 5 августа по 1-й программе ЦТ была показана финальная игра КВН-72 между командами Еревана, Одессы и Фрунзе. Поскольку КВН вот уже добрый десяток лет был одним из самых любимых телезрелищ, в тот вечер (трансляция началась в 21.30) зрителей у голубых экранов собралось предостаточно. Но их, безусловно, было бы еще больше, если бы люди знали, что эта игра окажется последней в истории КВН 70-х. Что после этого игру закроют (22 августа будет показан повтор финала) и на долгих 14 лет она пропадет с телеэкранов. Почему же так случилось? Вот как рассказывает об этом бесценная ведущая КВН (она вела его в паре с Александром Масляковым) Светлана Жильцова:

«Одесситы для игры отрастили усы и длинные волосы. А в то время на ТВ делать это было нельзя. Категорически. Как тогда говорили, если бы на ТВ пришли Маркс, Энгельс и Ленин, в эфир бы их не пустили. Лапин (председатель Гостелерадио. — Ф. Р.) посмотрел искомандовал: усы и бороды сбрить. А одесситы не захотели. И КВН закрыли. Но это был повод. А причина — все-таки слишком острой была передача, слишком свободной...»

После лапинского приказа команды разогнали, уволили редакторов телевидения, частных к ее выпуску, оставив на ТВ лишь ведущих Жильцову и Маслякова.

Продолжаются неприятности у Александра Галича. Мы помним, что после того, как его исключили из двух Союзов — писателей и кинематографистов, — жизнь его осложнилась донельзя, поскольку финансовые отчисления за постановку его пьес, сценариев прекратились. И единственным источником для существования были концерты, которые Галич давал на частных квартирах. Галич сильно рассчитывал на то, что Марк Донской летом начнет съемки фильма «Шалапин» по его сценарию, но и эта затея «накрылась медным тазом». В Ямпольский описывает это следующим образом:

«В августе я был в Москве в командировке, пришел к Галичам и стал поздравлять Александра Аркадьевича с началом съемок фильма «Шалапин».

— Володя, «Марк Донской» произносить в нашем доме запрещается. Табу, — заявила мне Ангелина Николаевна.

Когда она ушла к себе, я спросил у Александра Аркадьевича, что произошло.

— А ничего не произошло и не произойдет. Одна морока.

— Так что, фильма не будет?

— Не будет.

И Галич рассказал мне, что Марк Донской сначала предложил себя в соавторы (и Галич согласился), затем вообще объявил автором себя (Галич и на это согласился), затем долго морочил Александру Аркадьевичу голову какими-то условиями и оговорками, а вскоре и вовсе ушел от постановки фильма.

Я, набравшись смелости, спросил:

— Александр Аркадьевич, а как вы относитесь к тому, что мы учредим вам Якутскую стипендию? Мы с ребятами не раз об этом говорили.

Галич помолчал. Прошелся по комнате. Глаза его грустнющие!.. Сказал негромко:

— Ну, что ж, Володенька, дела у меня хреноватые. Выпендриваться не буду...»

В эти же дни отборочная комиссия Минкульта СССР ищет кандидата для поездки на фестиваль эстрадной песни в Сопот. Песня к тому времени уже выбрана — это произведение Марка Фрадкина и Роберта Рождественского

«За того парня». Лучше всего эту песню исполнил Лев Лещенко, однако его посылать не хотят — только что он вернулся с фестиваля «Золотой Орфей», где удостоился (из-за интриг, о чем я уже говорил) третьей премии. Однако сам Фрадкин настаивает на этой кандидатуре. Его пытаются уломать, но он непреклонен: «С моей песней поедет только Лещенко! Мне нравится, как он поет, лучше его никому эту песню не спеть! Если он не поедет, тогда с моей песней не поедет никто!» Поскольку сила авторитета Фрадкина была велика необычайно, спорить с ним духу ни у кого из комиссии не хватило.

7 августа исполнилось 25 лет певице Софии Ротару. В отличие от Лещенко, она еще мало кому известна и только стоит на пороге своей всесоюзной славы. Как мы помним, она вместе со своим ансамблем «Червона рута» (руководитель — муж певицы Анатолий Евдокименко) совершает свое первое большое турне по городам Советского Союза (в июле была в Москве). В результате свой день рождения она вынуждена справлять вдали от родных мест — в Сочи. Но это обстоятельство нисколько не сказалось на настроении именинницы. В тот день она выступала в парке «Ривьера», а когда после концерта вышла на улицу, то здесь ее встретила восторженная толпа поклонников, громко скандировавших: «Поздравляем! С днем рождения!» Ротару была счастлива. Посылая фанатам воздушные поцелуи, она то и дело бросала недвусмысленные взгляды на своего мужа, всем своим видом говоря ему: «Видишь, как меня любят!» Между тем словами восторга дело не ограничилось. Когда певица и ее супруг сели в «Волгу», поклонники подхватили автомобиль и пронесли его с десятков шагов на руках.

Не менее фантастический прием ждал Ротару и в гостинице. Едва она распахнула двери своего номера и переступила порог, как увидела на столе огромный торт, весь облитый бело-розовым кремом. Посредине этого чудного кондитерского изделия красовалась надпись: «Любимой Сонечке от молдаван». Торт был настолько огромен, что его с лихвой хватило не только на именинницу и всех участников ее ансамбля, но и на многочисленных гостей.

На одном из тех сочинских концертов Ротару побывал и хорошо знакомый нам Вячеслав Иваньков, он же Япончик. Он в те дни

приехал на юг, чтобы привести в порядок свои нервы, расшатанные недавним судебным процессом над бандой Монгола. Собственно, весь тот ажиотаж, который царил вокруг Ротару, Иванькову был до фонаря и посещать ее концерт он не предполагал. Но обстоятельства сложились иначе.

В один из тех жарких дней на сочинский пляж занесло администратора Ротару Юрия Непомнящего и его знакомую Галю по прозвищу Ворона (последняя принадлежала к представителям первой древнейшей профессии). Когда они проходили мимо шумной компании незнакомых молодых людей, как принято теперь говорить, «лиц кавказской национальности», один из них бросил в сторону спутницы администратора несколько оскорбительных фраз: «Эй, блядь, иди сюда! Мы тебя прямо здесь оформим!» Непомнящий, как истинный джентльмен, хотел было вступить за даму, но та его остановила: дескать, я сама. После чего направилась к другой группе молодых людей, возлежавших на песке неподалеку. Судя по тому, что гольфе тела некоторых из них были украшены синими татуировками, они принадлежали к «деловым». Далее послушаем рассказ самого Ю. Непомнящего:

«Я сразу выделил молодого человека с необычной внешностью: русоволосый, белокожий, но с азиатским разрезом глаз. Его лицо заключало в себе сложный коктейль противоречивых черт — оно было одновременно жестоким и нежным. Даже когда он улыбался, зловещая тень пробегала по его губам. Ворона представила нас друг другу:

— Знакомьтесь, это Слава.

Я был почему-то твердо убежден, что она лжет и русоволосого атлета зовут иначе. Он заметил мое недоверие и, протягивая руку, представился сам:

— Япончик.

В ответ я назвал свое имя и в двух словах объяснил, кто я и чем занимаюсь.

— Ну жди. Сегодня вечером мы придем на концерт.

— К сожалению, это невозможно: все билеты проданы, и у нас полный аншлаги.

Он только усмехнулся:

— Какие места лучшие в зале?

— Ложи, но они тоже проданы.

— Ты увидишь меня в первой ложе.

Я был готов обсуждать эту тему до бесконечности, надеясь, что разговор убедит горной речкой куда-нибудь в безопасную гавань и унесет всю компанию пить вино в каком-нибудь уютном ресторанчике. Смутное излучение угрозы исходило от Япончика, и я интуитивно знал, что пустякового толчка достаточно, чтобы разбудить в нем ярость. Я молил бога, чтобы Ворона промолчала о глупой выходке грузина, но она хладнокровно стала рассказывать...»

Далее Непомнящий вспоминает о том, как Япончик, словно средневековый монарх, к стопам которого приносят жалобу попанной женской чести, отправился учить уму-разуму того грузина, который несколько минут назад оскорбил Ворону. Япончику стоило произнести ему всего лишь одно слово «одевайся», как обидчик стал лихорадочно натягивать на себя одежду, а его дружки даже не попытались вступить за него. Видимо, они прекрасно знали, кого именно принесла к ним нелегкая.

Когда обидчик наконец оделся, Япончик приказал ему следовать с ним к машине, которую его друзья уже подогнали к выходу с пляжа. Вскоре автомобиль рванул в сторону Мацесты. Ехали минут двадцать, после чего Иваньков приказал шоферу тормознуть возле площадки для пикников. Из машины вышли Япончик, Ворона и грузин-обидчик. Иваньков спросил у девицы:

— Как его наказать?

Ворона пожала плечами. Тогда Иваньков сам придумал наказание, приказав обидчику встать перед девицей на колени и целовать ей туфли. Парень повиновался. Но Япончику этого показалось мало, и он изобрел новую пытку: приказал Вороне помочиться в туфлю и заставил парня осушить ее. Обидчик безропотно снес и это наказание. Но и этого оказалось недостаточно. Следующей командой стал приказ копать яму. Как вспоминает присутствовавший там же Ю. Непомнящий: «На секунду мне стало смешно — яму выкопать было решительно нечем. Но когда грузин, упав на колени, стал копать землю руками, ломая ногти, мне стало по-настоящему страшно. Видимо, Вороне тоже стало не по себе:

— Слава, хватит. Довольно. Мне и так противно. Я прощу тебя.

Мы уехали, оставив грузина на той поляне. Я часто вспоминаю его серое лицо, выцветшие, обезумевшие глаза...»

В стране тем временем продолжается небывалая засуха. С июня на большей территории России не выпало ни капли осадков, что грозит стране большими проблемами с урожаем. По этому поводу 8 августа в ЦК КПСС было собрано совещание, на котором обсуждались вопросы хода уборки урожая и закупки сельскохозяйственных продуктов. В речах большинства выступавших сквозила открытая тревога о будущем. Складывающаяся ситуация вынудит Леонида Брежнева две недели спустя отправиться в свое самое длительное за последние годы турне по стране: начнет он его с Казахстана, где засуха нанесла меньший урон, затем посетит Алтай, Красноярский край, Новосибирскую и Омскую области.

10 августа угодил в больницу Борис Бабочкин. Но даже на больничной койке он продолжает вести свой дневник, в котором в те дни записывает:

«Не тяготит ни одиночество, ни скука. Тяготит страшная жара и гарь. Пожар (в Подмоскowie горят торфяные болота. — Ф. Р.), видно, до сих пор не могут потушить. На рассвете вид из окна — апокалиптический. Белое небо — густое как пар, черные конусы под фонарями — дым виден, тишина зловещая — даже жутковато. Буду лежать, пока не почувствую в себе какие-то новые силы. Пока их нет, и это не физическая усталость, а нервная, душевная опустошенность. А впереди много работы, но думать о ней даже не буду, пока не прояснится голова...»

Выхожу только перед вечером, когда на термометре не 36 градусов, а 31, и потом после ужина, когда можно дышать. Здесь Калатозов, у него был такой инфаркт, что он лежал в реанимации и у него была клиническая смерть. Он мне сказал: «Боря, знай, что там нет ничего...»

Ничего не делаю. Мало читаю...»

К 10 августа съемочная группа фильма «Много шума из ничего» должна была вылететь в Ялту для натуральных съемок. Однако начало экспедиции было сорвано из-за непредвиденных обстоятельств. Киношники внезапно узнали, что решением Ялтинского горсовета всем съемочным группам киностудии «Мос-

фильм» запрещено производить съемки на Южном берегу Крыма. Причина столь необычного запрета заключалась в следующем. Незадолго до этого в Ялте работала съемочная группа фильма Витаутаса Жалакявичюса «Это сладкое слово — свобода!». В картине рассказывалось о том, как революционеры одной из стран Латинской Америки, пытаясь освободить из тюрьмы вождей своей революции, пробивают туда туннель. На время съемок этого фильма несколько улиц Ялты были декорированы под улицы латиноамериканского города. Однако после окончания съемок ни одна из них так и не была приведена в порядок: везде валялись кучи мусора, была повреждена краска на домах и т. д. Все это и послужило поводом Ялтинскому горсовету наложить табу на работу съемочных групп из Москвы. Чтобы уладить этот конфликт, мосфильмовское руководство отрядило в Ялту двух своих представителей, которым ценной неимоверного труда удалось уломать городские власти отменить свое решение.

А теперь из Ялты перенесемся в Куйбышев. Как мы помним, двое 21-летних жителей этого города — Рамьянов и Долотов, готовя нападение на инкассатора, 4 августа напали в Донецке на участкового милиционера и завладели его пистолетом. Донецкой милиции так и не удалось напасть на их след, и те, чувствуя свою безнаказанность, приступили к подготовке следующего преступления. Однако двоим идти на него им было несподручно (они знали, что инкассаторов всегда двое), поэтому преступники решают взять в дело еще одного напарника. Выбор пал на Игоря Ишимова. Однако тот, узнав, на какое дело собрались идти его подельники, мгновенно остудил их пыл: дескать, такие вещи с бухты-барахты не делаются, надо взвесить все за и против до миллиграмма, провести самую тщательную подготовку, на что уйдет не один месяц. Кроме этого, он сказал: «Нас-то трое, но пистолет — один! Значит, надо раздобыть еще один ствол». Стали думать, как это сделать, но ничего путного тогда так и не придумали. До того момента, как в руках у них окажется второй пистолет, пройдет целых два года, о чем обязательно будет рассказано в последующих главах. А пока вернемся в август 72-го.

12 августа на Большой спортивной арене в Лужниках состоялся финальный матч Кубка

СССР по футболу между двумя столичными командами: «Спартак» и «Торпедо». На матч, несмотря на жару в 35 градусов, зрителей пришло под завязку — 102 тысячи. Однако порадоваться забитым мячам им так и не удалось — игра закончилась «сухой» ничьей. Переигровка по правилам должна была состояться на следующий день. На эту игру народу пришло гораздо меньше — всего 35 тысяч, а остальные решили довольствоваться телевизионной трансляцией. А зря — игра получилась на редкость драматичной. Счет на 5-й минуте открыли торпедовцы — это сделал Никонов. Однако вели недолго — спустя четыре минуты Папаев восстанавливает равновесие. Этот счет продержался до конца основного и все дополнительное время, после чего были назначены пенальти, — мука для футболистов и любимое зрелище для болельщиков. В тот день, как оказалось, для торпедовских, поскольку их кумиры переиграли соперников, что называется, по всем статьям.

Первым к мячу подошел торпедовец Никонов и пробил точно — 1:0. А вот спартаковец Папаев так переволновался, что послал мяч выше ворот. Юрин сделал счет 2:0. У Егоровича был шанс сократить разрыв до минимума и подарить спартаковцам надежду, но он повторил судьбу Папаева — его удар тоже пришелся мимо ворот. С трибун стали доноситься обидные выкрики: «мазилы», «очки надень» и др. Однако даже это не подстегнуло спартаковцев. После того как Краснов сделал счет 3:0, Булгаков все же сократил разрыв, но Соловьев вернул «статус-кво» — 4:1. А тут еще удар Ольшанского парировал страж торпедовских ворот Банников. Следом его одноклубник Шалимов довел счет до разгромного 5:1. Последним к мячу подошел спартаковец Абрамов, но его удар оказался ничем не лучше предшествующих — Банников легко его парировал.

То, что «Торпедо» завоевало Кубок, было вполне закономерно. Столичный «Спартак» в том году показывал не самый лучший футбол, из-за чего в чемпионате плелся в хвосте турнирной таблицы. Большинство футболистов именитой команды играли вполсилы, нарушали дисциплину. Взять хотя бы случай с талантливым полузащитником Василием Калиновым. Став в составе «Спартака» чемпионом СССР в 1969 году, он затем год от года прибавлял в иг-

ре и дважды входил в число 33 лучших футболистов страны. В 71-м стал обладателем Кубка страны. Но в итоге талантливого спортсмена сгубила выпивка. Сыграв 28 июля во Львове полуфинальный матч на Кубок СССР с местными «Карпатами», Калинов в составе «Спартака» больше не появился. Почему? Вот как он сам много позднее будет вспоминать об этом:

«Проснулся однажды после крупной пьянки. Стал сумку собирать на базу в Тарасовку ехать. Гляжу в зеркало, а у меня брови нет. Е-мое!.. Это жена постаралась. Пока я спал, она бритву взяла и — чик-чик. Отомстила мне за что-то. Ну как с такой физиономией в команду идти? Я опять за стакан берусь...

На «ковер» вызвали. Решили меня на перевоспитание отправить на первенство Москвы играть с зарплатой в 100 рублей. Мне бы перетерпеть, одуматься, да кровь взыграла молодая: «За сто рублей играть не буду!» И ушел.

На СТК вынесли вопрос о моей дисквалификации. В ЦСКА узнали, что меня из «Спартака» выгоняют, и захотели меня в армию призвать по повестке. Так бы оно, может, и вышло, но тут Старостин проявил решительность: «Как же так? Мы Калинова за пьянство отчисляем, а он преспокойненько в ЦСКА уходит. Где же тут воспитательный момент?» В итоге отправили меня «служить» в смоленскую «Искру» во вторую лигу...»

Так закатилась звезда талантливого футболиста. Однако вернемся в август 72-го.

Жара в столице не думает спадать. Под Москвой ситуация тревожная: вот уже два месяца горят торфяные болота и дыма от этого было столько, что МПС пришлось менять маршруты движения поездов на подступах к столице. На территории области в те месяцы было зарегистрировано 3088 лесоторфяных пожаров на общей площади 32 900 га. Уже успело сгореть 19 деревень, чего в Подмосковье не было со времен войны. Число погибших составило более 100 человек. Ситуация с пожарами была столь тревожная, что по этому поводу даже заседало Политбюро. Было принято решение поручить общее руководство по ликвидации пожаров не гражданскому человеку, а 1-му заместителю министра обороны. Горящие площади были разбиты на квадраты, туда ввели 9 специально отоблагодарили по случаю трубопроводных бригад. В тушении пожаров участвовало более

70 тысяч человек, в том числе только военно-служащих — 24 тысячи.

14 августа исполком Моссовета выпустил обращение к гражданам столицы, в котором запрещалось всем организациям, учреждениям города впредь до изменения создавшейся обстановки организовывать какие-либо мероприятия, связанные с выездами на отдых за город, в леса и на реки, а также использовать для этой цели лесные массивы города. Нарушителям грозило административное наказание.

На следующий день возобновились съемки фильма «Большая перемена» (они были приостановлены 25 июля для монтажно-тонировочных работ). В столичном универмаге «Минск» снимался эпизод в салоне для новобрачных с выбором костюма для жениха — Нестора Петровича. Помните: счастливый Федоскин, думая, что Полина наконец-то надумала выйти за него замуж, прибегает в салон, а та буквально ошарашивает его новостью о том, что она действительно собралась замуж, но не за него, а за Нестора. А Федоскин нужен исключительно для того, чтобы помочь достать для жениха костюм. Эпизод снимали два дня.

Тем временем съемочная группа фильма «Плохой хороший человек» переехала из Ленинграда (там снимались эпизоды в павильоне) в Евпаторию (прибыли туда 13 августа). Вспоминает С. Жолудев:

«Съемки проходили в кривых улочках старого города, устланных мазанками. Гуляя по ним в свободное от съемок время, мы постоянно слышали от местных жителей, что в Евпаторию вот-вот приедет «сам Высоцкий» и что весь город жаждет увидеть его.

И действительно, первый приезд Владимира Семеновича на съемки собрал невероятное количество народа, в первую очередь молодежь. В тот день снимался проход фон Корена вдоль улицы, когда он со свистом подзывал к себе собак и со словами «Пошли ужинать!» нагибался приласкать одну из дворняг. Для съемки использовали бродячих собак, по счастью, имевшихся в Евпатории во множестве. Их гнали за Высоцким вдоль улочки то в одну, то в другую сторону, снимая дубль за дублем. Загонщики сбивались с ног, собаки металась с оглушительным лаем, не в силах уловить смысл происходящего...

Некоторые сцены снимались за городом, например в декорации «Духан на пляже», построенной невдалеке от памятника Евпаторийскому десанту, которому Высоцкий вскоре посвятил песню.

А в те дни он снимался в эпизоде с гантелями на берегу моря (15—16 августа). И вот как-то раз от причала, расположенного у памятника, отошел небольшой прогулочный теплоход. Уходя от берега, он немного «забирал» в нашу сторону. Внезапно над тихим сияющим морем загремел голос Высоцкого — это на судне, узнав о его присутствии на берегу, на всю катушку врубили трансляцию. Наша группа невольно замерла. Высыпавшие на палубу пассажиры всматривались в берег, пытаясь разглядеть фигуру певца. Они размахивали руками, приветствуя его, а затем и теплоход дал три протяжных гудка, салютуя Высоцкому.

До сих пор сдержанный, тот улыбнулся и помахал рукой уходящему с его песнями кораблю...»

Возле села Вишенное, что под Белогорском, продолжают съемки фильма «Всадник без головы». Как мы помним, месяц назад в группе начались незапланированные простои (был болен кубинский актер, игравший Мигеля Диаса, на фестиваль в Карловы Вары уехала Людмила Савельева). Однако в начале августа заболевший актер наконец-то выздоровел, а Савельева вернулась почти из трехнедельной отлучки. В те августовские дни снимались эпизоды «в прерии»: Зеб Стэмп ищет следы всадника без головы, Морис Джеральд и Луиза Пойндекстер совершают прогулку на лошадях.

Под Нальчиком продолжают съемки фильма «Земля Санникова». Причем проходят они тяжело. Съёмочной группе надо отснять все эпизоды с участием коренных жителей Земли Санникова онкилонов, в роли которых по большей части выступают не профессиональные актеры, а массовка, состоящая из советских корейцев. Стойбище «онкилонов» киношники разбили в селе Сармаково, что в 20 километрах от Каменномысских озер, до которого от Нальчика надо было пилить 100 километров. Естественно, в дороге все участники съемок здорово выматывались. Не хватало транспорта для перевозки людей и аппаратуры (лишь режиссеры и четверо актеров, исполнявших главные роли, перемещались на комфортабельных

«Волгах», остальные ездили на автобусах), удобства были по-настоящему спартанскими: скудные харчи, отсутствие горячей воды (из-за этого «онкилонам» приходилось весь день ходить в гриме). Из-за сильной жары у «онкилонов» порой случались солнечные удары. А среди них были актеры-подростки в возрасте 12—14 лет, которых можно было занимать работой всего лишь 4 часа. Однако их в нарушение всех инструкций снимали весь световой день. Первым за них заступился актер Юрий Назаров, чем навлек на себя гнев режиссеров. Но на помощь коллеге тут же пришел Олег Даль, который, как мы помним, давно был недоволен тем, что происходило на съёмочной площадке этого фильма. Вот как вспоминает о тех съемках сам Ю. Назаров:

«Снимается финал картины. По сценарию решается вопрос: экспедиции Ильина надо уходить, но что делать с онкилонами? После долгих споров, ругани Дворжецкий, Вицин и я настояли на единственно возможном и удобоваримом варианте текста и всей сцены и разошлись отдохнуть от всего этого «балагана» и от режиссера. И вдруг мне приносят... текст. Я получаю от Мкртчяна окончательно утвержденный «вариант» своей реплики: «Кто-то толшен остаться. Я научу их перезимовать». Потом я спрашивал у Чухрая: могу я, снимаясь на «Мосфильме», произносить текст по-русски? Он приезжал к нам в экспедицию, чтобы не допустить провала работы. Чухрай прилетел, посмотрел. Потом мы сидели в каком-то ресторане, и Григорий Наумович сказал между делом: «Да-а, что там говорить... сегодня кино может снимать медведь левой лапой...»

Тем временем культурная жизнь Москвы идет своим чередом. В кинотеатрах состоялось две премьеры: 7 августа на широкий экран вышел фильм Тофика Исмаилова «Муслим Магомаев»; 10-го — комедия Эддара Рязанова «Старик-разбойник» с участием Юрия Никулина, Евгения Евстигнеева, Ольги Аросевой и др.

По ТВ крутили следующие фильмы: боевики на тему революции и гражданской войны «Лично известен» (2-го), «Чрезвычайное поручение» (3-го), «Взрыв замедленного действия», детскую комедию «Приключения Тома Сойера» (4-го), взрослую мелодраму «Шумный день» (5-го), детектив «Последнее дело комиссара Берлаха» (премьера т/ф, 5—6-го), продолже-

ние томсойерских приключений «Смерть индейца Джо» (Румыния, 6-го), сказку «Садко» (8-го), комедию для детей и взрослых «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (9-го), драму «Моя жизнь» (преьера т/ф, 10—12-го), истерн «Семеро сыновей моих» (11-го), спортивную мелодраму «Удар! Еще удар!», комедию «Пропало лето» (12-го), мелодраму из жизни высотников «Высота» и просто мелодраму «Все начинается с дороги» (13-го) и др.

Есть что посмотреть и на эстраде: 1—6 августа на Малой спортивной арене аншлаги — поет Муслим Магомаев, в эти же дни в ГЦКЗ «Россия» играет эстрадный оркестр под управлением Константина Орбеляна, 4-го в «Октябре» наплыв продвинутой молодежи, желающей послушать выступление польской рок-группы «Скальды» (12-го они выступают в эстрадном театре сада «Эрмитаж»), 11-го в Зеленом театре ЦПКиО сборный концерт с участием новоиспеченной звезды из нанайского села Муха Кола Бельды, а также Марии Лукач, Светланы Резановой и др., 13—15-го в ГЦКЗ «Россия» поет квартет «Дак-Дак» (Япония), 13—14-го в «Эрмитаже» — Анна Герман.

16 августа руководитель советской кинематографии А. Романов забил последний гвоздь в крышку гроба фильма Алексея Германа «Проверка на дорогах». Он подписал приказ № 389, в котором объявлялось, что «дальнейшую работу над фильмом признать бесперспективной, фильм сдать на хранение в Госфильмофонд». Причем, от печальной участи эту, без сомнения, одну из лучших лент о Великой Отечественной войне не спасло даже заступничество многих влиятельных людей. Как мы помним, свой голос за нее подавал писатель Константин Симонов. Затем известный журналист Анатолий Аграновский, который служил спичрайтером у самого Брежнева, пытался показать фильм на даче генсеку или кому-то из членов Политбюро, но этот показ только усугубил ситуацию. Посмотрев фильм, Кирилл Мазуров сказал: «Интересно, есть ли партийное руководство в нашем кинематографе?» А за два дня до появления на свет приказа № 389 на «Ленфильм» прислал письмо человек, который как никто лучше знал настоящую правду о войне — Герой Советского Союза, генерал-майор в отставке Александр Сабуров. Он писал, что «увидел серь-

езную картину о первых труднейших днях становления партизанского движения». Но правда о войне в те годы была, увы, не в чести.

Забегая вперед сообщу, что время все равно расставит все по своим местам и справедливость восторжествует — фильм «Проверка на дорогах» в итоге будет удостоен Государственной премии СССР. Но случится это только через 15 лет. А пока Алексей Герман вынужден будет довольствоваться мизерной зарплатой и презрением чуть ли не всей киностудии «Ленфильм»: ведь из-за того, что его фильм списали в убытки, студия была лишена премии на целый квартал.

16 августа в Канаду прибывает советская спортивная делегация, состоящая из двух тренеров национальной сборной, которой в начале сентября предстоит сразиться с канадскими профессионалами, Бориса Кулагина и Аркадия Чернышева. Они приехали, чтобы посмотреть тренировки будущих соперников. Между тем ажиотаж в Канаде вокруг игр просто фантастический. Как пишет в своих мемуарах вратарь канадцев Кен Драйден:

«Все рвутся любой ценой быть причастными к предстоящим встречам. Туристические агентства по всей Канаде устраивают заманчивые спецрейсы. 28 тысяч мест были распроданы буквально в считанные часы. Менее чем за 650 долларов болельщики обеспечиваются авиабилетом из Торонто в Москву и обратно, гостиницей и питанием в течение девяти дней, туристическим обслуживанием и, самое главное, билетами на все четыре игры в Москве.

Универсальные магазины организуют лотереи, а предприниматели используют билеты на игры в качестве дополнительных стимулов для сбыта своей продукции. «Купите 20 пачек порошка против кровотечения из носа, и вам, может быть, посчастливится выиграть два билета на игры СССР — Канада в вашем родном городе». Один из конкурсов предложил две бесплатные поездки в Москву человеку, который угадает, кто из канадцев забьет первую шайбу в ворота русских. Учредители вывесили список игроков с коробочками против каждой фамилии...»

17 августа печальная весть приходит из Иркутска — там трагически погиб молодой драматург Александр Вампилов. Всего лишь несколько месяцев назад — в мае — он покинул

Москву окрыленный: наконец-то его пьесы будут ставить в столичных театрах, а на «Ленфильме» с ним подписали договор на сценарий «Сосновых родников». Казалось, что удача, так долго избегавшая встречи с талантливым драматургом, наконец-то улыбнулась ему. И вдруг — нелепая гибель. Что же произошло?

В тот роковой день (два дня спустя Вампилову должно было исполниться 35 лет) будущий именинник вместе со своими друзьями — Глебом Пакуловым и Владимиром Жемчужниковым — отправился на отдых на озеро Байкал. Затем Жемчужников остался на берегу, а Вампилов с Пакуловым сели в лодку и отчалили от берега. Однако совсем скоро лодка зацепилась за топляк и перевернулась. Пакулов схватился за днище и стал звать на помощь. А Вампилов решил добраться до берега вплавь. И он до него добрался, коснулся ногами земли, и в этот момент у него не выдержало сердце. А Пакулова вытащили на берег проходившие мимо люди.

Вспоминает В. Шугаев:

«В тот день я вернулся в Иркутск из поездки, увидел вечером темные Санины окна и вспомнил, что он собирался на Байкал. Ближе к полуночи громко и длинно зазвонил телефон.

— Старик, это Глеб. Саня утонул. Я из больницы звоню. Лодка перевернулась. Меня вот спасли, а его нет. — Звонил из Листвянки Глеб Пакулов, иркутский литератор, владелец этой проклятой лодки, которую когда-то мы помогали ему перевозить на Байкал...»

Столичные театры в это время находятся в разъездах, на гастролях: например, Театр сатиры — в Киеве (первые гастроли там после 10-летнего перерыва), Театр Советской Армии — в Челябинске. В последнем в качестве работника сцены подвизался сын Нонны Мордюковой и Вячеслава Тихонова Владимир Тихонов. Осенью 71-го он «загрел» в армию, но попал служить не куда-нибудь к черту на кулички (как, к примеру, Никита Михалков), а угодил в труппу ЦТСА. На тех гастролях в его судьбу вошла девушка, которой вскоре суждено будет стать его женой.

Девушку звали Наташа, ей шел 18-й год, и она работала в труппе Московского балета на льду. Судьбе было угодно, чтобы их встреча произошла в последний день пребывания бале-

та в Челябинске. Большая часть труппы уже заняла свои места в автобусе, чтобы отправиться от гостиницы в аэропорт, а Наташа с подружкой опаздывали, поскольку никак не могли наскрести несчастные 14 копеек, чтобы расплатиться с администрацией гостиницы за разбитый стакан. Наконец деньги были найдены, и девушки бросились к автобусу. По дороге они заметили двух молодых парней, которые стояли возле выхода из гостиницы. Это были Тихонов и его приятель Юрий Капустин. В театре был выходной, и они пришли в гостиницу в гости к Ларисе Голубкиной. Но по дороге Капустин вдруг вспомнил, что здесь же живут артистки балета на льду, и предложил другу поглазеть на них. Вот они и глазели, стоя возле автобуса. Тихонов выглядел убойно: в модной рубашке, в темных очках, которые в те годы были страшным дефицитом (хороша служба в армии!). Артистки балета, сидевшие в автобусе, сразу его узнали и, прильнув к окнам, восхищенно шептали: «Смотрите, смотрите, вон сын Тихонова!»

Наташа, заняв место в автобусе, тоже обернулась в его сторону и заметила, что он смотрит прямо на ее окно. Но затем автобус тронулся и увез молодых людей друг от друга.

Через несколько дней, уже в Москве, к Наташе подошла одна из коллег-артисток и со словами: «А тебе большой привет от Володи Тихонова» передала от него записку. В ней было сказано: «С нетерпением жду звонка в сентябре». И номер телефона. Однако позвонить по нему Наташе будет суждено аж в декабре. Впрочем, не будем забегать вперед и вернемся в август.

20 августа состоялись похороны Александра Вампилова на Радищевском кладбище, куда пришли не только его родные и друзья, но и люди, совершенно незнакомые. На кладбище произошли два странных события, которые многие истолковали как мистические. Во-первых, его друзья забыли принести с собой веревки, на которых следовало опускать гроб в могилу. Как только это обнаружилось, они бросились к кладбищенскому сторожу, но того на месте не оказалось. Стали искать его по всему кладбищу и в конце концов нашли. Пока тот вернулся в свою сторожку, пока достал веревки, пока их принесли к могиле — прошло, наверное, около часа. И все это время гроб с по-

койным стоял на краю могилы, дожидаясь, когда же... Вот тогда-то кто-то в толпе произнес: «Не хочет Саня так рано в могилу уходить...»

Эти слова еще раз вспомнили все присутствующие через несколько минут. Когда гроб наконец обвязали веревками и стали опускать в могилу, вдруг выяснилось, что яма маловата...

Не успеет остыть земля на могиле Вампилова, как начнет набирать обороты его посмертная слава. Станут выходить в свет его книги (при жизни была издана всего одна), театры начнут ставить его пьесы (один только «Старший сын» будет идти сразу в 44 (!) театрах страны), на студиях режиссеры запустят фильмы по его произведениям. В Кутуликке будет открыт его музей, в Иркутске именем А. Вампилова назовут театр — ТЮЗ. Но все это будет позже, а пока вернемся в август 72-го.

Неприятностями обернулся тот месяц для известного боксера, чемпиона СССР Олега Коротаева — его отчислили из национальной сборной, которая в Кисловодске готовилась к предстоящим в конце августа в Мюнхене Олимпийским играм. Что же случилось?

Как мы помним, у Коротаева давно не складывались отношения с главным тренером сборной Анатолием Степановым. После того как весной Коротаев успешно выступил на международном турнире в Югославии, в Спорткомитете вновь встал вопрос о совместном существовании двух этих людей в рамках сборной. В итоге было решено убрать Степанова, чтобы он не мешал Коротаеву готовиться к Олимпиаде. Но тут случилось неожиданное. Тренер Георгий Джероян, чьим воспитанником был Коротаев, внезапно отказался встать у руля сборной, сказав, что может быть лишь консультантом. Поскольку время поджимало, а других достойных кандидатов на пост главного тренера больше не нашлось, было решено пока оставить Степанова.

Между тем повод к отчислению из команды Коротаев дал сам. Впрочем, послушаем его собственный рассказ:

«У моего товарища был день рождения, и он нас, кроме меня, еще троих ребят пригласил в воскресенье (20 августа. — Ф. Р.) к себе в гости на дачу. Возвращались на машине, и спустило колесо. Запаски в машине не оказалось. Мы вернулись на дачу, вызвали другую машину и опоздали к отбою на полчаса. Тут Степа-

нов и отомстил мне и моему тренеру Джерояну. Раздул из мухи слона, позвонил в Спорткомитет, чуть ли не до ЦК партии дошел, что, дескать, Коротаев организовал умышленное нарушение режима подготовки к Олимпиаде. Он преподнес это как диверсию врага народа. Из Спорткомитета пришла телеграмма, чтобы Степанов принял меры. Но никто не думал, что этот человек под мерами будет понимать однозначно репрессии. Что же он придумал? А придумал он ни больше ни меньше, как предложить руководству Спорткомитета страны на подпись приказ, который гласил: «Олега Коротаева дисквалифицировать навечно, снять с него все звания, лишить наград и стипендии, тренера Коротаева Г. О. Джерояна лишить звания Заслуженного тренера СССР, ходатайствовать перед Министерством народного образования о ликвидации его ученой степени доктора наук и лишить права заниматься тренерской и педагогической практикой». Все были ошеломлены. На это и был у Степанова расчет. Знаете, говорят ведь: «Клевещите, клеветите — что-нибудь да останется». И осталось. В Спорткомитете подписали приказ: меня дисквалифицировать, снять меня со стипендии, снять с очереди на квартиру, и Березюка для отвода глаз Степанов написал, чтобы дисквалифицировали, дескать не одного Коротаева. Трегубову, Соколову и Зариктуеву — предупреждение, тренерам — выговор. Вот так и растоптал этот человек еще одну мою мечту, мечту стать Олимпийским чемпионом. Вместо меня поехал Коля Анфилов...»

21 августа кинематографисты страны получили нового руководителя — вместо Алексея Романова (пришел к руководству в 1963 году) в кресло председателя Государственного комитета по кинематографии СССР (до 4 августа он был просто Комитетом) сел Филипп Ермаш, до этого курировавший сектор кино в ЦК КПСС. Большинство киношников приход нового руководителя встретили с оптимизмом. Например, режиссер Сергей Юткевич в одном из тогдашних писем своему коллеге Г. Козинцеву отмечал: «В Комитете здесь паника, никто еще не знает «who is who», но новый председатель по крайней мере симпатичен мне тем, что ему активно нравился «Рублев» и вообще у него чувство эстетического развито значительно больше, чем у симпатичного Романова, который

никогда не понимал, что хорошо, а что плохо — почему и назначен сейчас главным редактором новой газеты (вместо «Советской культуры»)...»

Приход Ермаша к руководству Госкино не был случайным. Недовольство Романовым в ЦК сложилось в последние год-два, и знающие люди понимали, что рано или поздно он со своего поста полетит. Причем многие из них знали, кто придет ему на смену, — Ермаш, который под покровительством своего влиятельного земляка члена Политбюро Андрея Кириленко делал стремительную карьеру в ЦК (сначала они вместе работали в Свердловске, а в 62-м, после того как Кириленко вошел в Политбюро, он тут же вызвал в Москву Ермаша). Решающую роль в назначении Ермаша сыграли и голоса мэтров отечественного кино, в частности голос Льва Кулиджанова, — тогдашнего председателя Союза кинематографистов СССР.

22 августа на матче по шахматам Спасский — Фишер происходит очередной скандал: Фишер ставит новый ультиматум и требует перенести игру в закрытое помещение. Мол, шум в зале мешает ему сосредоточиться. Однако ему в этой просьбе отказывают. Более того, не перестают удивляться поведению претендента на чемпионское звание: дескать, чего вы ерепенитесь, ведь счет в матче уже 10:7 в вашу пользу? Действительно, чего?

В тот же день в «Большой перемене» снимают эпизод в «учительской»: когда Нестор знакомится с учительским составом школы, сплошь состоящим из представителей слабого пола. Поскольку в тот день выяснилось, что Кононов сильно занемог и ему трудно добираться общественным транспортом из Люберец в Москву, за ним была срочно снаряжена машина. Такая ситуация будет продолжаться на протяжении двух дней.

В эти же дни в Москве гостят представители НХЛ — тренер Джон Маккеллан и главный инспектор клуба «Торонто Мэйпл Лифс» Боб Дэвидсон, которые внимательно наблюдают за тренировками советской хоккейной сборной. Эти тренировки усыпляют их бдительность, поскольку русские на них представляют из себя жалкое зрелище. Вратарь Владислав Третьяк в двусторонней игре сборной СССР с ЦСКА умудрился пропустить 9 (!) шайб, а его товарищи по команде то и дело спотыкались о собст-

венные коньки. Знали бы канадцы, что это не что иное, как хитрость русских тренеров и игроков: они специально пускали пыль в глаза заокеанским наблюдателям. А Третьяк пропущенные шайбы впоследствии объяснит тем, что в тот день на льду думал только об одном — о предстоящей вскорости свадьбе.

Эта свадьба состоялась в пятницу, 25 августа. Мы помним, как в июле Третьяк сделал предложение своей невесте Татьяне, но та отказалась его принять: мол, слишком мало мы знаем друг друга. Но, видимо, потом, слегка поразмыслив и посоветовавшись кое с кем, она свое отношение к этому делу изменила. И когда в начале августа Третьяк вернулся в Москву со сборов и вновь поднял тему женитьбы, девушка дала свое согласие. В ЗАГСе, учитывая постоянную загруженность жениха в спорте (впереди Третьяка ожидали напряженные игры с канадскими профессионалами), пошли навстречу молодым и назначили свадьбу на конец этого же месяца.

В Евпатории продолжают съемки фильма «Плохой хороший человек». Правда, съемки, которые начались там с 14 августа, идут со скрипом: из 12 дней рабочими выдались только шесть, остальные — простойные (подкачала погода). Однако Высоцкому хватило и этих дней, чтобы отсняться в положенных по его роли эпизодах.

В эти же дни на съемках другой лентфильмовской картины актер Юрий Каморный встретил свою очередную любовь. Почему очередную? Каморный был человеком влюбчивым, и за ним тянулся длинный шлейф любовных романов, которые он заводил чуть ли не на каждом фильме, где снимался (первый такой роман молва приписала артисту в 66-м во время съемок советско-польского фильма «Зося», где Каморный якобы сумел обольстить саму Полу Раксу, известную советскому зрителю по роли Маруси в сериале «Четыре танкиста и собака»). В том августе 72-го Каморный снимался под Рязанью, где совершенно случайно оказалась и 25-летняя студентка юрфака ЛГУ Ада Ставицкая, которая приехала на съемки, чтобы навестить своего мужа, работавшего художником на этой же картине. Кстати, сам муж и познакомил свою молодую жену с популярным актером. Знай он, чем это вскоре обернется, навер-

няка бы не был столь опрометчив. Как вспоминает сама А. Ставиская:

«У меня был прекрасный второй брак, в семье мужа меня любили. Но так случилось... Знаете, как бывает: сталкиваются случайно в дверях двое людей, и оказывается, что это судьба. Вот так и у нас — все произошло стремительно, без размышлений и колебаний. С сентября мы с Юрой уже не расставались, я ушла от мужа в чем была, да и Юра не из тех мужчин, которые что-то забирают из прежней семьи (Каморный был женат на актрисе Ирине Петровской, в этом браке родилась дочь Полина. — Ф. Р.). Какое-то время ночевали в его театральной гримерке, жили за городом в квартире его сокурсницы, наконец сняли комнату — добирались туда на электричке. Спали на полу, укрывались моим пальто, — но жизнь тем не менее была радостной...»

Однако вернемся в август 72-го.

26 августа режиссер Леонид Гайдай приступил к съемкам очередного фильма, которому суждено будет стать хитом — «Иван Васильевич меняет профессию» по пьесе М. Булгакова «Иван Васильевич». Музыка к фильму написал давний соавтор режиссера Александр Зацепин (сотрудничает с 1964 года), за камерой — операторы Сергей Полуянов (сотрудничает с 1970 года) и Виталий Абрамов (работает с Гайдаем впервые). Съемки начались с экспедиции в Ростов Ярославский, что на берегу озера Неро. Там группе за шесть дней съемок предстоит отснять натурные эпизоды в Кремле: погоню царских стрельцов за «демонами» в лице Жоржа Милославского (Леонид Куравлев) и Бунши (Юрий Яковлев), отъезд царского войска под песню «Маруся» на войну и ряд других натуральных эпизодов.

В тот же день в Мюнхене были торжественно открыты Летние Олимпийские игры. Трансляцию с них вело и советское телевидение. А в десять часов вечера по 1-й программе ЦТ началась еще одна трансляция — с Международного фестиваля эстрадной песни в Сопоте. Как мы помним, от Советского Союза там выступает Лев Лещенко с песней М. Фрадкина и Р. Рождественского «За того парня» («Я не знал его»). И вновь, как и в Болгарии, во время заседания жюри в ход были пущены интриги. Первую премию хотели дать польскому певцу Анджею Домбровскому за песню «До любви

один шаг». Но тут в дело вмешались советские представители, которые не могли позволить, чтобы хорошая песня, да еще так восторженно принятая публикой (зрители долго кричали «бис», хотя по условиям конкурса повторять песни нельзя), осталась без награды. В итоге первую премию разделили Домбровский и Лещенко. Кстати, на заключительном концерте песня «За того парня» вновь была бисирована, и Лещенко исполнил ее три раза, чего не удостоивался ни один исполнитель.

27 августа в Ялту наконец-то сумела попасть съемочная группа фильма «Много шума из ничего». Как мы помним, их экспедиция должна была начаться еще 10 августа, но ялтинские власти не пустили их в город после того, как месяц назад там «поработала» другая мосфильмовская группа — с картины «Это сладкое слово — свобода!». Однако, прежде чем приступить к съемкам, киношникам из «Много шума...» пришлось в течение нескольких дней подчищать огрехи своих коллег: убирать мусор, красить дома.

Читателю наверняка будет интересно узнать, чем занимались в августе сильные мира сего? Брежнев, к примеру, почти весь август отдыхал в Крыму: загорал, купался. А 25 августа открыл наконец рабочий сезон — отправился в турне по глубинке: заехал в Кокчетав, на совещание первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов и других «шишек» Казахстана, 27-го побывал в Барнауле на пленуме Алтайского крайкома, 29-го в Красноярске — на совещании партактива Красноярского края, 31-го в Новосибирске — на тамошнем партактиве, 2 сентября в Омске и, наконец, 5-го — в Ташкенте. Это турне наглядно показывает, что Леонид Ильич находится в прекрасной физической форме, потому и столь активен.

Шеф КГБ Юрий Андропов, отдохнув в Кисловодске, вернулся в августе в Москву. Он озабочен проблемами радиоэлектронной разведки. Год назад его подчиненные обнаружили, что посольство СССР в Вашингтоне, все дачи и квартиры персонала совершенно беспардонным образом прослушиваются и просматриваются цэрэушниками. Было обнаружено более 600 аудиовидеоустройств, тайно снимающих информацию. Причем смотрели и слушали не только внутри здания, но и снару-

жи: например, американцам стали известны все разговоры, которые советские дипломаты вели на крыльце посольства («жучками» были утыканы все подъезды посольства).

Узнав об этом, Андропов дал задание своим спецам ответить американцам тем же. Была создана специальная Гостехкомиссия СССР, в задачу которой входило изучить работу западных технических разведок и организовать противодействие ее шпионажу. Зампредом комиссии был назначен начальник Управления технической разведки КГБ генерал-лейтенант Николай Брусницын. В итоге наши спецы не только адекватно ответили цэрэушникам, но, что называется, умыли их по всем статьям. Поскольку американцы были начеку и на строительство своего посольства в Москве все стройматериалы привозили из-за рубежа, напичкать их «жучками» было практически невозможно (удалось подменить лишь несколько «кирпичиков»). Тогда наши технари пошли иным путем: они прорыли от метро к зданию посольства тоннель и напичкали его соответствующей аппаратурой. Но это будет чуть позже, а пока вернемся в август 72-го.

Последние дни каникул догуливает многомиллионная армия учащихся Советской страны. Большинство школьников Москвы уже вернулись из пионерских лагерей и других мест отдыха в город и все свободное время проводят на улице. В один из тех дней конца августа пятеро подростков 10—13 лет слонялись без дела в окрестностях Марксистской улицы, что на Таганке. Место по столичным меркам древнее, буквально напичканное старыми, еще дореволюционной постройки, домами. А что может быть лучше для пацанов, как обследовать такие строения? Знаю это по себе, поскольку в те же годы облазил практически все старые дома в районе Курского вокзала. Так вот эти пятеро ребят шныряли по выселенным домам на Марксистской, пока не наткнулись на пустыре, где совсем недавно стоял такой же дореволюционный дом, на торчавший из песка бок стеклянной бутылки. Глянули они в емкость, а там чего только нет: бриллианты, золото, платина, рубины. Естественно, первым позывом у ребят было тихо поделить находку между собой. Но затем кто-то из них, видимо, самый старший и начитанный, предложил сдать найденное в милицию. Мол, все равно нам это богатство ни-

куда не пристроить, а так хоть что-то можно получить. Короче, понесли бутылку в милицию. Там клад, как положено, оформили и вызвали специалистов. Те установили, что подростки нашли один из самых богатых кладов за последнее время. Самая древняя вещь в нем — женская брошь, усеянная сочетаниями рубинов и алмазов — предположительно датирована XVIII веком.

В понедельник 28 августа в Москву прилетела американская коммунистка Анджела Дэвис. Мы помним, что два года назад ее арестовали якобы за пособничество убийце, но в феврале этого года суд не нашел веских улик ее виновности и выпустил на свободу. Поскольку советские власти все время заточения Дэвис в тюрьме выступали в ее защиту, она, выйдя на свободу, не могла отказать в просьбе приехать в Союз. Встречали ее как настоящего героя: цветами, музыкой, овациями. Во главе встречающих были председатель Комитета советских женщин Валентина Терешкова, секретарь МГК Р. Дементьева и другие официальные лица.

В этот же день были отменены съемки «Большой перемены» — у Михаила Кононова умер отец. В отсутствие актера группа занималась монтажом отснятого материала. На следующий день съемки продолжились, но опять без Кононова — снимали эпизод в столовой на ВДНХ, который в фильм так и не войдет. Тогда же перед руководством студии был поставлен вопрос о съемках четвертой серии. До этого предполагалось уложиться в три серии, но по ходу съемок у Коренева возникла идея придумать новые сюжетные линии, а отпущенного метража на это дело уже не хватало. Руководство эту идею одобрило.

Тем временем на съемках другой мосфильмовской ленты — «Иван Васильевич меняет профессию», которую в Ростове-ярославском снимает Леонид Гайдай — снимали эпизоды «выезд царева войска из стен Кремля» и «проезд конницы Ивана Грозного». Вот как вспоминал об этом сам Л. Гайдай:

«Наша киногоруппа работала около музея, расположенного в древнем Кремле. А тут как раз приехали в музей иностранные туристы. И вдруг поблизости от них промчались всадники в древнерусских кафтанах с бердышами в руках. Затем промчались еще раз. Это живо-

писное зрелище вызвало у гостей бурный восторг. По-своему отреагировали на происшедшее работники музея. Когда мы окончили съемку, они обратились к нам с просьбой подарить два красных кафтана и пару топориков-бердышей. Дело в том, что каждую группу иностранных туристов при входе встречают по русскому обычаю хлебом-солью. Их преподносят гостям на расшитом полотенце. Теперь работники музея проводят этот ритуал, предварительно облачившись в одежды, подаренные «Мосфильмом»...

Между тем на другой день и в течение пяти последующих съемки фильма продолжались — снимали эпизоды погони царских охранников за демонами: Милославский и Бунша лезут на ворота, бегают по коридорам Кремля, по крыше (это там Милославский с помощью хитрого трюка заставляет стрелцов спрыгнуть с крыши) и т. д.

29 августа в одном из родильных домов столицы стала матерью популярная актриса Елена Проклова. Как мы помним, летом 70-го она стремительно вышла замуж (ей тогда было всего 17 лет) за журналиста Виталия Мелик-Карамова, но ребенка родила только спустя два года. По ее словам, муж так ей надоел с просьбами родить ребенка, что она не выдержала: «Ты мне так с этим надоел, так надоел... Ох, ну на тебе! На тебе ребенка, только отстань от меня!» Стоит отметить, что дочь Арину Проклова родила аккурат за три дня до своего 19-летия.

В тот же день на свет появился еще один «звездный» ребенок: в Магадане разродилась сыном Дэвидом супруга Михаила Шуфутинского Маргарита (как мы помним, их свадьба состоялась 2 января). Певец вспоминает:

«Когда я подошел к роддому, Рита высунулась из окна на третьем этаже и прокричала: «Сейчас я тебе его покажу, он такой красавец, такой красавец». Она подняла ребенка, и я с трудом разглядел сморщенный красный комочек. Меня постигло разочарование. Конечно, я не имел в этом плане нужного опыта и не мог понять, почему они все там считают малыша красивым. Лишь спустя почти два десятка лет я убедился в правоте его матери...»

После рождения ребенка Шуфутинские съехали с прежней маленькой квартиркой и переехали в общую квартиру на улице Парковой.

Михаил по-прежнему играл в оркестре в ресторане «Северный». Ресторан был не самый крутой в городе, но платили музыкантам там прилично: в среднем 1200—1500 рублей в месяц. Однако и тратить приходилось порядочно: 70 рублей у Шуфутинского забирала квартира, несколько сотен приходилось оставлять на рынке, где они с женой обычно покупали овощи, фрукты, мясо. Так что особенно он не откладывал.

Еще в «Северном» часто дрались. Причем мелкие драки случались чуть ли не каждый день, крупные — по выходным, это когда корабль на корабль (порт все-таки), когда бутылки и стулья летели через сцену. Героем одной из таких драк угораздило стать и Шуфутинского. Дело было так.

Он сидел на сцене и настраивал аппаратуру, когда сидевшие за ближним столиком подвыпившие моряки начали возмущаться: мол, мы обедаем, а какой-то пидор чернявый нам мешает. Поскольку рядом находилась его жена, которая все слышала, Шуфутинский не имел права смолчать и ответил вполне достойно: заткнитесь, козлы! Моряки, естественно, бросились на него с кулаками. Было их трое, а Шуфутинский — один, так как его коллеги-музыканты куда-то вышли. Еще рядом была его жена, но от нее проку было мало — она только визжала и царапалась, не имея возможности реально помочь мужу. Короче, Шуфутинскому тогда здорово досталось, а могло достаться еще больше, если бы он не рванул на кухню и не схватил большой нож-хлебоборезку. Моряки отпрянули, а Михаила повара быстренько увели в подсобку. Но история на этом не закончилась.

В тот же день Шуфутинский пошел в поликлинику и зарегистрировал побои. Затем написал заяву в милицию. В итоге против моряков, которые не только учинили драку, но и покурили ресторанный имуществу, возбудили уголовное дело. Чтобы его замять, они пришли с повинной к Шуфутинскому и предложили в качестве отступного бочку икры. Михаил на сделку сначала не пошел, но затем в дело вмешались его приятели, которых моряки все-таки уломали. В итоге Шуфутинский заяву из милиции забрал, моряков отпустили на корабль. Позднее он узнал, что одного моряка все-таки

наказали: лишили звания старшего помощника, сделав рядовым рыбаком.

А теперь из Магадана вновь вернемся в Москву.

К концу месяца жара в городе уже спала, и страдать от духоты не приходилось. Спад жары тут же сказанся и на жизненном ритме города — он стал гораздо интенсивней, чем месяц-два назад. На улицы Москвы даже вернулось кино. Так, Михаил Ульянов, дебютируя в ранге кинорежиссера, в те дни снимал на улицах города фильм «Самый последний день». Лента рассказывала о судьбе доброго участкового милиционера (эту роль исполнял сам Ульянов), который в финале погибал на боевом посту от рук преступников. Еще один режиссер — Алексей Сахаров — снимает под Зеленоградом фильм «Человек на своем месте» про молодого председателя колхоза (первая крупная роль Владимира Меньшова). В других ролях: Анастасия Вергинская, Армен Джигарханян, Лев Дуров и др.

А теперь из Москвы перенесемся в Венецию, где в те дни проходил международный кинофестиваль. От нашей страны в его конкурсной программе участвовал фильм Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие...» (аккурат в эти же дни он вышел во всесоюзный прокат). Представлять ленту отправились сам режиссер-постановщик, а также две актрисы: Ирина Шевчук (по фильму Рита Осянина) и Ольга Остроумова (Женя Камелькова).

Вспоминает И. Шевчук: «Перед поездкой нас напугали. Кто-то сказал, что там нам придется переодеваться по три раза в день. В то время у нас с Ольгой Остроумовой не было такого количества туалетов. Мы с ней решили никуда не ехать. Позвонили Ростоцкому, сказали, что отказываемся от поездки. Станислав Львович поступил очень мудро. Он отвез нас к Вячеславу Зайцеву, тогда еще совсем молодому модельеру. Он нас и одел. Правда, платья были настолько дорогими, что купить их мы не могли. Зато эти наряды купил «Мосфильм». Уже в Венеции на изнанке я обнаружила инвентарный номер, напечатанный черным на светлом платье. Но мы себя все равно очень хорошо чувствовали...»

И вновь вернемся в Москву. 31 августа на съемочной площадке «Большой перемены» опять появился Михаил Кононов. Похоронив

накануне отца, он волею судьбы теперь вынужден был сниматься в «больничном» эпизоде: в нем его герой сдает кровь для спасения старосты 9 «А» Федоскина. «Больницу» снимали в 4-м павильоне «Мосфильма», переделав в нее бывшую «учительскую».

В тот же день советская сборная по хоккею улетела в Канаду для встреч с канадскими профессионалами. Под руководством тренеров Всеволода Боброва и Бориса Кулагина за океан отправлялись следующие игроки: Владислав Третьяк, Виктор Зингер, Геннадий Цыганков, Александр Рагулин, Виктор Кузькин, Александр Гусев, Евгений Паладьев, Юрий Ляпкин, Владимир Лутченко, Александр Мальцев, Вячеслав Старшинов, Валерий Харламов, Владимир Викулов, Борис Михайлов, Владимир Петров, Юрий Блинов, Евгений Зимин, Евгений Мишаков, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Владимир Шадрин, Александр Мартынюк. Кроме этого, в делегацию были включены комментатор Николай Озеров и еще несколько человек, в том числе и куратор от КГБ. Возглавлять делегацию поручили заместителю председателя Спорткомитета СССР Георгию Рагульскому. Стоит отметить, что канадцы просили, чтобы почетным руководителем советской сборной был премьер-министр Алексей Косыгин, тогда, мол, канадскую будет возглавлять их премьер Пьер Трюдо. Но к Косыгину с таким предложением никто сунуться не посмел, потому и отправили Рагульского. К тому же канадцы приставили к нему аж 9 телохранителей, поселили в «люксе», трое охранников дежурили ночью у двери, и вообще в одиночку его никуда не пускали. Рагульский был этим крайне недоволен, поскольку даже пройтись по магазинам ему было трудно.

Условия серии были оговорены заранее — каждый зарабатывает у себя дома сам и забирает все себе, каждый оплачивает дорогу, но живет за счет принимающей стороны. Наши должны были отдать канадцам на всякие расходы 15 тысяч рублей (вначале было 5 тысяч), а те нашим — 15 тысяч долларов. Наши игроки получали по 30 процентов от нормы суточных — около пяти долларов за день пребывания в Канаде независимо от результата матча.

В конце главы, как всегда, столичная афиша развлечений. Во второй половине августа в кинотеатрах состоялось несколько премьер,

причем все они так или иначе касались событий Великой Отечественной войны: 21-го в крупнейших залах «Россия» и «Октябрь» начал демонстрироваться фильм Вилена Азарова «Бой после победы» — последняя, третья, часть трилогии про советского разведчика Крылова-Крамера (актер Михаил Волков), начатая фильмами «Путь в «Сатурн» и «Конец «Сатурна»; в тот же день на экраны вышла картина Ролана Быкова «Телеграмма» — про то, как двое шестиклассников разыскивают адресата случайно попавшей к ним телеграммы, посланной еще в годы войны; 28-го — фильм Владимира Лысенко «Поезд в далекий август», посвященный защитникам Одессы в годы войны, в ролях: Елена Козелькова (сразу три роли), Армен Джигарханян и др.

Но безусловным фаворитом проката был фильм Станислава Ростокского «А зори здесь тихие...», который вышел на экраны 26 августа. Кстати, благодаря этой картине известный композитор Вячеслав Добрынин помирился со своей девушкой Ириной. Произошло это аккуратно в дни премьеры фильма, которая вызвала в столице небывалый ажиотаж (впрочем, в те дни столпотворение у билетных касс кинотеатров было вполне обычным явлением, чего не скажешь о дне нынешнем — подобное может случиться от силы раз в году, когда на экраны выходят блокбастеры типа «Властелина колец»). Итак, чтобы попасть на «Зори», надо было очень сильно постараться и отстоять несколько часов в кассу. В той истории, о которой идет речь, эту миссию взял на себя приятель Добрынина Владимир Славин. Это он раздобыл четыре билета в кинотеатр «Россия»: два для себя с женой и два для Вячеслава с его девушкой. Кстати о последней. С Ириной Добрынин познакомился несколько месяцев назад опять же благодаря помощи друга. Правда, уже другого. Так вышло, что друг какое-то время встречался с Ириной, но однажды имел несчастье прийти в гости к девушке с Добрыниным и тем самым поставил крест на своей «лав стори». Познакомившись с молодым композитором, девушка воспылала к нему симпатией и однажды, когда Добрынин позвонил ей по телефону, разыскивая друга, вновь пригласила к себе в гости. Но уже одного. Добрынин, который не хотел причинять другу неприятности, честно признался ему в происшедшем, на что

друг отреагировал, на удивление, спокойно: дескать, поступайте, как вам сердце велит. С тех пор Вячеслав и Ирина были вместе. Но вернемся в конец августа 72-го.

Молодые договорились встретиться за полчаса до начала сеанса возле памятника А. Пушкину. Добрынин пришел пунктуально точно, однако Ирина почему-то задерживалась. Время неумолимо таяло, а девушки все не было и не было. В конце концов Добрынин впал в отчаяние и собирался уже уходить, когда из подземного перехода навстречу ему вынырнула Ирина. «Слава богу!» — с облегчением вздохнул про себя композитор, сделал шаг вперед навстречу любимой... и замер в недоумении. Только сейчас он обратил внимание на симпатичного молодого человека, который шел вместе с Ириной и что-то оживленно ей рассказывал. А затем произошло и вовсе неожиданное: в какой-то миг рука незнакомца легла на плечо девушки, а та, вместо того, чтобы сбросить эту руку, радостно засмеялась. Мир померк в глазах Добрынина. Стоявший рядом с ним приятель даже испугался, что назревает нешуточный скандал. Но все разрешилось вполне благополучно.

Незнакомцем, обнимавшим Ирину, оказался однофамилец Вячеслава — популярный композитор Юрий Антонов (в ту пору Вячеслав был еще Антоновым, а псевдоним Добрынин возьмет себе чуть позже), с которым Ирина была знакома вот уже несколько лет (в эстрадном мире она знала многих, и именно благодаря ей Добрынин познакомился с поэтом Леонидом Дербеневым). Случайно встретив девушку, Антонов вызвался проводить ее к кинотеатру, не имея в мыслях ничего предосудительного. Правда, это объяснение хоть и сняло возникшее напряжение, однако настроение у Добрынина все равно было несколько подпорчено. Он продолжал дуться на Ирину вплоть до начала сеанса. Однако едва в зале погас свет и начался фильм, как от его обиды не осталось и следа. Глядя на то, как в далеких карельских лесах пятеро молоденьких девушек бьются насмерть с отрядом фашистских спецназовцев, было не по-мужски копать в мелочных обидах. Так высокое искусство заставило молодых людей помириться.

Во второй половине августа по ЦТ крутили следующие фильмы: «Валерий Чкалов» (17-го),

«Ждите нас на рассвете», «Сорок первый» (18-го), «Педагогическая поэма», «Влюбленные», «Ехали в трамвае Ильф и Петров» (премьера т/ф, 19-го), «Профессор преступного мира» (ГДР, впервые по ТВ), «Беспокойное хозяйство» (20-го), «Тревожная молодость», «Туннель» (21-го), «Ярость» (22-го), «Секретарь парткома» (22—23-го), «Друг мой, Колька!», «Станционный смотритель» (премьера т/ф, 25-го), «Большая жизнь» (26—27-го), «Познай себя» (премьера т/ф), «Молодо-зелено» (27-го), «Коммунист», «Им покоряется небо» (28-го) и др.

На эстрадных площадках демонстрируют свое искусство: 16-го в театре «Эрмитаж», 19—20 в ГЦКЗ «Россия» — Карел Готт, Алена Тиха и другие звезды чехословацкой эстрады; 21—27-го в ГЦКЗ «Россия» — Виктор Вуячич, Галина Писаренко, София Ротару и др.

Фирма «Мелодия» выпустила несколько новых пластинок: диски «Песни Давида Тухманова» («Любовь — дитя планеты», стихи — Е. Евтушенко) — «Веселые ребята», «Только ты молчи» (М. Ножкин) — Нина Бродская, «Любимая, спи» (Е. Евтушенко) — «Веселые ребята», «Капитан» (И. Кобзев) — Нина Бродская, «Джоконда» (Т. Сашко) — Александр Градский, «День без выстрела» (М. Дудин) — Галина Ненашева, «Как прекрасен этот мир» (В. Харитонов) — Юрий Антонов, «Танцевальный час на солнце» (С. Кирсанов) — «Веселые ребята», «Сан Саныч» (Э. Вериго) — Нина Бродская, «Жил-был я» (С. Кирсанов) — Александр Градский, «Эпилог»; «Поет Эдуард Хиль» с песнями: «Земля людей» (А. Петров — Л. Лучкин), «След на земле» (Я. Дубравин — Б. Вахнюк), «Ты и небо» (А. Морозов — А. Азизов), «Не отводи от жизни глаз» (А. Морозов — Г. Горбовский), «Проводы» (А. Колкер — К. Рыжов), «Гусарская баллада» (из к/ф «Щельменко-денщик») (В. Соловьев-Седой — М. Ножкин), «Плясовой напев» (А. Владимиров — Г. Горбовский); «Поет Дин Рид»; миньоны — «Поет Тамара Миансарова» с песнями: «О бэби, бэби» (Б. Ондрачек — Н. Олев), «Лето придет» (Д. Надь — Н. Олев), «Звездочка» (З. Йорден — Ю. Цейтлин), «Печальная чайка» (А. Бояджиев — Н. Горская), «То был не сон»; «Поет Жанна Горощеня», «Играет оркестр под управлением В. Людвиковского» и др.

1972

Сентябрь

Роберт Фишер — чемпион мира. Война нервов в Канаде. Как актриса Наталья Крачковская едва не погибла на съемках. Канада в трауре: русские оказались сильнее. Миллион долларов за Валерия Харламова. Как Ахмадулина поднимала тост за Нагибина. Роман Пикюля о Распутине: начало. Канадцы берут реванш. Трагедия в Мюнхене. Эдьдар Рязанов в Дубултах: скандал из-за гостиничного номера. Советские хоккеисты уезжают из Канады победителями. Чиновники от кино недовольны тем, как Андрей Мягков играет Ленина. Наглое нападение на героиню войны. Матч века по баскетболу: три секунды решили все. Кто изнасиловал Ольгу Корбут? Анджела Дэвис покидает Советский Союз. Песня для Аллы Пугачевой. Как «Аэрофлот» нажился на советских хоккеистах. Василий Шукшин переезжает в новую квартиру. Очередной срыв Высоцкого. Умерла сестра Маяковского. Умерла жена Михаила Суслова. Как актер Владимир Конкин сражался с пьянчужками. «Апачи» под Самаркандом: съемки вперемешку со скандалами. Трудные гастроли Анны Герман. Бабочкин в больнице. В Москве объявился преступник — новый Мосгаз. Фил Эспозито боится КГБ. Смерть Бориса Ливанова. Суперсерия по хоккею в Москве: нашествие номенклатуры. Есть ли дочь у Высоцкого? Юрия Визбора не приняли в партию. Триумф канадцев: победа за 34 секунды до конца матча. Интриганы против Анатолия Тарасова. Рыба для Высоцкого. Тихий переворот в Грузии: смещение Мжаванадзе. Новое «дело» «знатоков».

Первый твердый миньон Владимира Высоцкого.

В первый день осени, когда вся молодежь советской страны села за парты, в «Большой перемене» снимали эпизод первого появления Нестора Петровича в школе рабочей молодежи. Помните, он стоит возле входа в учительскую, ждет вызова, а вахтерша (Валентина Сперантова) на него ворчит: «Двойку, небось, пришел исправлять? Так тебе и надо...» На что Нестор отвечает: «Между прочим, я ваш новый учитель».

В тот же день была поставлена финальная точка в шахматном матче за мировую корону между Борисом Спасским и Робертом Фишером. Партия, сыгранная накануне, была отложена на 41-м ходу по просьбе Спасского. Однако на следующий день наш шахматист, не приступая к игре, признал свое поражение. Общий итог встречи 12,5:8,5 в пользу Фишера. Советские СМИ результат матча почти не комментируют, поскольку давить на «больную мозоль» не принято. К счастью, в это же время в самом разгаре Олимпийские игры в Мюнхене,

где советские спортсмены показывают потрясающие результаты. Поэтому итоги матча Спасский — Фишер тонут в лавине восторженной информации из Мюнхена (ко 2 сентября наши олимпийцы завоевали уже 14 золотых медалей). А тут еще и хоккей начался.

Как мы помним, кремлевское руководство очень надеялось на то, что Спасский выиграет у американца, и старалось помочь ему всем, чем только можно. Даже КГБ был подключен к этому процессу. Но, увы, ничего не помогло. Вот как объясняет происшедшее сотрудник КГБ Г. Сальников, который был откомандирован в Рейкьявик в помощь Спасскому:

«В своем отчете я указал, что встречу Спасского с Фишером мы проиграли не в Рейкьявике, а в Москве, и детально изложил мучившие меня мысли. Состав команды со Спасским не согласовывался, в ней не было психологов и психоаналитиков. Один из тренеров был ему органически неприятен и вызывал раздражение. Не было и семейной поддержки, такой важ-

ной для спортсмена (хотя жена Спасского, как мы помним, была вызвана в Рейкьявик. — Ф. Р.). Позже товарищи рассказывали мне, что якобы именно после этой печальной для советского спорта встречи Спорткомитет стал широко практиковать использование психологов и чаще направлять вместе со спортсменами их жен. Если это так, то я рад, что мой труд был не напрасен. Возмущало Бориса и требование Спорткомитета обязательно выиграть у американца во что бы то ни стало.

Позиции же американцев в корне отличались от наших. Перед вылетом Фишера в Рейкьявик ему позвонил президент США Никсон и сказал: «Мистер Фишер, независимо от того, победите вы или нет, я приму вас после завершения этой исторической для США встречи». Небезынтересно и заявление Фишера, сделанное журналистам после завершения матча: «Я счастлив, что выиграл у советского чемпиона мира Спасского. В этом матче я победил не Спасского, а советскую шахматную школу, являющуюся частью советской идеологии».

А что же Спасский? Борис, казалось, не очень-то и переживал поражение. Он говорил автору этих строк: «Выиграл сильнейший. Я играл не за Советский Союз, я играл за себя. У меня мечта создать на Западе свою собственную шахматную школу, для этого нужны денег». По существующим правилам, проигравший чемпионат мира также получал хотя и меньшую, но достаточно солидную сумму в долларах. Учитывая престижность звания чемпиона мира для Советского Союза, Спорткомитет (мы в Рейкьявике тоже просили чемпиона об этом) предлагал Спасскому на каком-то этапе использовать «мелкое хулиганство» Фишера и отказаться от дальнейших встреч, сохранив таким образом за собой звание чемпиона. Борис отказался, так как в этом случае он не получил бы деньги вообще.

Создалось впечатление, что больше всего его интересовали деньги, которые он получал за матч. Через несколько дней после прибытия в Рейкьявик Спасский приобрел дорогой американский джип-вездеход, загрузил его дефицитными товарами и отправил морем в Ленинград. Он просил владельца автосалона не делать пока из его покупки рекламы, что и было выполнено...»

Между тем еще одно событие произошло в тот день 1 сентября: в 9 утра по канадскому времени советские хоккеисты вышли на свою первую тренировку на лед пригородной сен-лоренской «Арены», чтобы, по выражению В. Боброва, «слегка размяться». Однако на «слегка» эта тренировка была совсем не похожа: в течение 90 минут все 27 советских хоккеистов ни на секунду не присели, выполняя сложные упражнения, которые большинство канадцев, присутствовавших на тренировке, видели впервые. За всю тренировку ни один наш хоккеист ни разу не присел и не облокотился о борт, чтобы перевести дыхание или выпить глоток воды. Бобров укладывал их на лед и заставлял делать отжимания, кувырки и другие упражнения, вроде сальто на коньках.

После тренировки наши спортсмены вернулись в гостиницу на обед и послеобеденный отдых, а затем отправились на экскурсию по городу. А в восемь вечера они снова вышли на лед «Арены», чтобы провести еще одну, на этот раз часовую тренировку.

На следующий день, за несколько часов до начала первого матча, наши ребята вышли на последнюю предматчевую тренировку — в монреальском «Форуме». На нее пришли и их соперники — канадские профессионалы. Зная об этом, наши тренеры сыграли с канадцами тот же спектакль, что и неделю назад, — притворились неумехами и слабаками. Хитрость удалась. Вот как описывал позднее увиденное вратарь канадцев К. Драйден:

«На утренней тренировке Третьяк только и делал, что цеплялся коньками за сетку ворот и пялил глаза на шайбу. Казалось, что нападающие во время броска вообще не умеют правильно располагать вес тела. Защитники выглядели большими и неуклюжими: они чуть ли не падали, когда им нужно было резко изменить направление движения. Во всяком случае, такими они мне показались... или мне просто хотелось их видеть такими?»

Иногда это называют войной нервов. Русские могли быть довольны — первый раунд остался за ними. Им удалось произвести слабое впечатление на тренировке и одурачить нас лестными отзывами в наш адрес.

На трибуне появился Бобби Опп (выдающийся канадский защитник, в суперсерии не игравший из-за травмы. — Ф. Р.), минуту спус-

тя к нему подошел кто-то из русских с ворохом бумаг и попросил автограф. «Для игроков», — объяснил он, и Бобби любезно подписал их. Бобби внимательно следил за перемещениями Третьяка в воротах, в особенности за тем, как тот неуверенно работал «ловушкой», и пришел к выводу, что Дениссу Халлу, Филу Эспозито да и всем остальным будет над чем позабавиться. Все мы без исключения были теперь совершенно убеждены, что одержим легкую победу над русскими...»

Канадские СМИ наперебой соревновались в прогнозах относительно итогов суперсерии. Подавляющее большинство сходилось во мнении, что русским не удастся выиграть ни одного матча: дескать, в лучшем случае сведет одну встречу вничью, шайб забьют минимальное количество. По поводу первой игры назывался конкретный счет: 6:0 в пользу хозяев. Один из тамошних журналистов пошел дальше всех, публично заявив, что, если русские выигрывают хотя бы один матч, он на глазах у всех съест газету с собственной заметкой. Но так думали не все канадцы. Например, премьер-министр Канады Пьер Трюдо на торжественном приеме в честь советской делегации, которая состоялась накануне первого матча, сказал: «Делайте все, что хотите, кроме одного, — не выигрывайте у наших игроков». Значит, сомневался в несокрушимости профессионалов.

Стоит отметить, что и многие советские болельщики не верили в успех нашей команды. Достаточно сказать, что комментатор Николай Озеров был командирован в Канаду из Мюнхена... всего лишь на одну игру (ему даже запретили оплачивать гостиницу в Монреале, поскольку формально он числился проживающим в Мюнхене). Руководители нашего ТВ предполагали, что придется показывать лишь первый матч, наши его тихонечко проиграют, и больше показывать ничего будет не нужно — ведь шла Олимпиада (как и в матче Спасский — Фишер, Олимпиада и в этом случае должна была спасти ситуацию).

В тот же день съемочная группа фильма «Иван Васильевич меняет профессию», вернувшись из 8-дневной экспедиции в Ростов Ярославский, приступила к натурным съемкам в столице. В течение почти двух недель киношникам предстояло снять следующие эпизоды: в телефонной будке (звонок Жоржа Милослав-

ского Шпаку, звонки любовницы Якина подругам), беготню Шурика по радиомагазинам, погоню за Милославским, улицы города и др. Во время съемок одного из натуральных объектов едва не погибла артистка Наталья Крачковская, которая играла роль жены управдома Бунши. В тот день снимался эпизод, когда ее героиня, перепутав царя Ивана Грозного со своим мужем, устремилась за ним в погоню и перелезла с одного балкона на другой. А сцена снималась на настоящем балконе, да еще на пятом этаже. Зная о том, что Крачковская боится высоты, Гайдай сообщил ей, что внизу дежурит специальная люлька с людьми, которые в случае нештатной ситуации подстрахуют актрису. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Начала я выбираться с балкона, только ногу занесла, как вспыхнул осветительный прибор. Я испугалась и чуть не упала. А люльки страховочной, оказывается, не было. Яковлев хотел предупредить меня криком, чтобы я не двигалась, но от испуга голос у него сел, и получился какой-то писк. Меня как током ударило, я замерла и не сорвалась...»

В субботу, 2 сентября, Высоцкий давал концерт в Харькове. Туда он заехал из Евпатории, где снимался в «Плохом хорошем человеке», специально, чтобы дать концерт. Естественно, был аншлаг, почти два часа зрители, сумевшие с большим трудом раздобыть билеты, наслаждались творчеством знаменитого певца.

Лично мне тот день запомнился другим: именно тогда я впервые увидел на голубом экране «главного индейца Советского Союза» Гойко Митича». В тот вечер показывали фильм «Белые волки», который более двух лет назад с успехом прошел по широким экранам и имел огромный успех (один из кассовых фаворитов). Этот фильм считается одним из самых удачных в «индейской» серии Митича.

«Волки» закончились в девять вечера, а несколько часов спустя, когда в Москве была глубокая ночь, на лед монреальского «Форума», вмещающего 20 тысяч зрителей, вышли участники суперсерии-72 — сборные команды Канады и СССР (у нас матч транслировался на следующий день в 10 утра). В 8 часов 29 минут вечера по восточному стандартному времени американский рефери Гордон Ли выкатился в центр ледового круга и бросил шайбу между

канадцем Филом Эспозито и советским игроком Владимиром Петровым. Матч начался.

Как и следовало ожидать, канадцы всей командой бросились на штурм. Третьяку пришлось несладко, он буквально с первых же секунд вынужден был отразить несколько опасных бросков. Отмечу, что перед самой игрой в раздевалку советской сборной зашел выдающийся канадский вратарь Роберт Планта, который попробовал дать молодому советскому голкиперу несколько полезных советов о том, как стоит играть против его земляков. При этом Планта сообщил, что самый опасный игрок у канадцев — Фил Эспозито. И уже на 30-й (!) секунде игры Третьяку лично удалось в этом убедиться, поскольку именно Эспозито забил первую шайбу этой суперсерии. Зал «Форума» буквально взорвался ревом и аплодисментами. А шесть минут спустя, когда уже Хендерсон забросил еще одну шайбу, рев на трибунах не смолкал в течение нескольких минут. Как апофеоз всему этому — орган заиграл похоронную музыку для русских.

Между тем не все канадцы разделяли эти чувства. В частности, тренер «Кленовых листьев» Гарри Синден в одном из интервью накануне матча признался, что ему понадобится пять минут игры, чтобы понять, насколько сильны соперники. Ему хватило трех-четырех минут, чтобы определить, что русские совсем не похожи на мальчиков для битья: они прекрасно катались, делали точные передачи, вовремя успевали отойти в оборону. Кроме этого по фильмам, которые он успел посмотреть до серии, русские хоккеисты предпочитали короткие передачи, а на льду «Форума» внезапно перешли на длинные. Короче, Синден был здорово обескуражен этими выводами и в глубине души чувствовал, что гости себя еще покажут. Чутье не подвело канадского тренера.

Во второй половине первого периода наши ребята сумели перехватить инициативу и сначала Евгений Зимин сократил разрыв в счете, а затем Владимир Петров, когда наши играли в большинстве, и вовсе сравнял его. Трибуны притихли в недоумении: «Как, русские забил больше одной шайбы?» Знали бы канадцы, какое разочарование ждет их впереди!

При нашей делегации находился советник канадского посольства в Москве. Когда наша команда проигрывала, он утешал хоккеистов,

говорил: «Ну что вы расстраиваетесь? Это же канадские профессионалы! Они играть умеют. Они забросили две шайбы, они сейчас еще забьют, не огорчайтесь». Однако, когда счет на табло сравнялся, советник мгновенно «потух». Кто-то из наших игроков похлопал его по плечу и «подколол»: «Не огорчайтесь! Мы же все-таки чемпионы мира! Мы две забили, стараемся забить еще».

Второй период наши ребята выиграли у канадцев, что называется, подчистую. Третьяк не пропустил в свои ворота ни одной шайбы, а вот Драйдену дважды пришлось «выковыривать» черный диск из сетки после двух бросков Валерия Харламова (он будет признан лучшим игроком матча). Но у канадцев еще оставался шанс спасти игру в заключительной двадцатиминутке. Она и началась с их яростных атак. Одна из них увенчалась успехом: Бобби Кларк сокращает разрыв до минимума — 3:4. Но «русский медведь» лишь ослабил хватку, а на самом деле и не думал выпускать канадцев из своих железных объятий. Наши прибавили оборотов, буквально смяв оборону канадцев. Три шайбы одна за другой влетели в их ворота: это сделали Михайлов, Зимин и Якушев. 7:3! Ничего подобного Канада еще не знала. Сами профессионалы были настолько ошеломлены случившимся, что покинули зал сразу после финального свистка, даже не совершив заключительного спортивного обряда, не пожав руки гостям. А их тренер Синден ушел в раздевалку еще раньше — за минуту до конца матча. Потом ему придется извиняться за своих игроков, которые поступили не по-джентльменски, уйдя с поля без рукопожатий.

На следующий день все канадские газеты посвятили первые полосы сенсационному поражению своей команды. Заголовки буквально кричали: «Канада в трауре», «Они были сильнее нас», «Сенсация в Монреале». Наши газеты вынужденно молчали, поскольку весть об этой победе пришла в Москву в воскресенье, когда у газет был выходной. Тогда произошел весьма анекдотичный случай. Супруга Всеволода Боброва Елена Николаевна Боброва узнала о победе нашей сборной буквально через считанные минуты после окончания матча (исключения в освещении результатов суперсерии делали только для особо приближенных лиц, куда в первую очередь входили члены Политбюро и

родственники тренеров, остальные оставались в неведении относительно итогов игр). Боброва перезвонила в Переделкино другу их семьи главному сухопутных войск Ивану Павловскому и поделилась радостной вестью. Он же во время утренней пробежки решил разыграть своего соседа Фирюбина — замминистра иностранных дел, мужа Екатерины Фурцевой. Тот собрался в 10 утра смотреть трансляцию матча и уверенно заявлял, что наши игру «солят». Павловский же сказал, что выиграют, а если Фирюбин сомневается, то готов поспорить с ним на ящик коньяка. Замминистра с радостью согласился. И пари проиграл.

Проиграл спор и канадский журналист, который в случае поражения профессионалов обещал съесть газету. В Торонто, перед отелем, где остановилась советская сборная, он уселся на ступеньки лестницы, поставил рядом с собой тарелку супа и попросил Третьяка, чтобы тот бросил ту злополучную газету в суп. Третьяку было неудобно, и он отказался. Тогда горе-пророк сам покрошил кусок газеты в тарелку и съел с плохо скрываемым отвращением.

Тем же утром 3 сентября в расположение советской сборной пришли представители НХЛ и предложили лучшему игроку первой встречи Валерию Харламову миллион долларов за то, чтобы он согласился на переход в Лигу. Но тот обернул все в шутку, сказав, что без своих партнеров Михайлова и Петрова никуда не поедет. Самое интересное, но канадцы приняли его слова за чистую монету и пообещали, что уладят эту проблему: дескать, Михайлов и Петров получат столько же. Но эта затея провалилась: времена тогда были еще не те.

В тот же день писатель Юрий Нагибин сделал в своем дневнике следующую запись:

«Приятная встреча в ЦДЛ. Антокольский пригласил меня за стол, который «держал» Евтушенко, но сам Антокольский не дождался моего прихода, напился и уехал домой. А я, проведив переводчика Лорана (он перевел три книги Нагибина, изданные во Франции. — Ф. Р.) в Дом дружбы и располагая некоторым свободным временем, воспользовался дружеским приглашением с обычной своей доверчивостью и наивностью. Компания сидела на веранде за довольно большим столом, кругом никого не было, видимо, Женя распорядился не пускать «черную публику». Он угощал своего

боевого друга, корреспондента «Правды» во Вьетнаме, куда Женя недавно ездил. В подтексте встречи подразумевались подвиги, боевая взаимовыручка, спаявшая навеки правдиста и поэта, и прочая фальшивая чепуха. Но в глубине души Женя не очень доверял своему соратнику и нес антиамериканскую околесицу. Ахмадулина решила отметить мое появление тостом дружбы.

— Господа! — воскликнула она, встав с бокалом в руке. — Я пью за Юру!

— Сядь, Беллочка. Я не люблю, когда ты стоишь, — прервал Евтушенко, испуганный, что Ахмадулина скажет обо мне что-то хорошее. (Испуг его был лишен всяких оснований.)

— Я должна стоять, когда говорю тост. Этой высокой вежливости научили меня вот они, — любовно-почтительный жест в сторону малолетнего супруга — сына Кайсына Кулиева. — Я пью за Юру. Пусть все говорят, что он халтурщик...

— Сядь, Беллочка! — мягко потребовал Евтушенко.

— Нет, Женя, я и за тебя произносила тост стоя. Так пусть все говорят, что Юра киношный халтурщик... — она сделала паузу, ожидая, что Женя ее опять прервет, но он внимал благосклонно, и Белла обернулась ко мне. — Да, Юра, о тебе все говорят: халтурщик, киношник... А я говорю, нет, вы не знаете Юры, он — прекрасен!.. — и она пригубила бокал.

Я тоже выпил за себя с каким-то смутным чувством, моему примеру последовал один Эльдар Кулиев. И я впервые по-настоящему понял, что вся эта компания терпеть меня не может. За исключением Эльдара. Наше недавнее знакомство с ним началось с того, что я за него заступился — какой-то пьяный хулиган хотел выбросить его из ресторана, и двадцатилетний горский человек испытывал благодарность к своему заступнику...»

В тот же день писатель Валентин Пикуль, проживающий в Риге, приступил к написанию романа «Нечистая сила», посвященного старцу Григорию Распутину. Обложившись архивными материалами, Пикуль в тот день написал первые страницы книги, которой суждено будет стать одной из самых скандальных в истории советской литературы. Однако о подробностях этого скандала мы узнаем чуть позже.

4 сентября состоялся второй матч хоккейной суперсерии СССР — Канада (у нас транслировался вечером следующего дня). Он проходил в Торонто. Вся Канада ждала реванша, и не оправдать доверия миллионов людей профессионалы не имели права — после этого их бы просто перестали уважать. На эту игру «Кленовые листья» перегруппировали свои силы: восстановили два прежних сильнейших звена, ввели в игру Стена Микиту и вновь вернули Фила Эспозито его постоянным партнером. У нас тоже произошли изменения: вместо Викулова на лед вышел Старшинов (это была его единственная игра в серии), вместо Блинова — Мишаков.

Канадцы играли сверхосторожно, уже не бросались безоглядно всей командой вперед, оголяя свои тылы. Первый период завершился «сухой» ничьей, второй — минимальным перевесом в их пользу 1:0 (шайбу забил вездесущий Эспозито). В заключительной двадцатиминутке канадцы бросили вперед все свои силы, плюс им весьма активно помогал и главный арбитр матча. Когда один из канадцев ударил нашего защитника Цыганкова клюшкой по шлему, рефери удалил с поля... Цыганкова, а канадец остался как бы ни при чем. Харламов попытался было выяснить у арбитра смысл подобных действий, но тут же был наказан 10-минутным штрафом за разговоры (правда, с правом замены). Однако дело было сделано. Когда наши играли в меньшинстве, Курнуайе прорвался по правому флангу и увеличил разрыв до двух шайб. Но уже через 4 минуты наши сокращают разрыв — гол забивает Якушев. После этого гола у наших будто крылья за спиной выросли — атаки на ворота Драйдена следовали одна за другой. Тем более что игрок канадской сборной был удален на пять минут. Но фортуна в тот день явно отвернулась от нас. Грубо ошибается Паладьев, и Пит Маховлич увеличивает счет до 3:1. Эта шайба сломила боевой настрой наших хоккеистов. Спустя несколько минут окончательную точку в игре ставит брат Питера Маховлича Фрэнк. 4:1. Реванш состоялся.

5 сентября на Олимпийских играх в Мюнхене произошла трагедия — террористы из палестинской организации «Черный сентябрь» (крыло «Аль-Фатах») напали на Олимпийскую деревню и захватили в заложники нескольких спортсменов из Израиля. Нападение произош-

ло вечером, когда обитатели деревни мирно спали. Преступники, облаченные в спортивные костюмы, перелезли через сетку забора олимпийской деревни и подошли к дому, где располагались израильские спортсмены. Кто-то из террористов постучал в дверь и, когда она открылась, выстрелил в открывающего из винтовки. Это была первая жертва.

Между тем, несмотря на то, что за террористами был фактор внезапности, часть израильтян все-таки сумела выбраться из западни. Огромную помощь при этом им оказали тренер по борьбе 33-летний Моше Вейнберг и штангист Йозеф Романо: первый бросился врुकопашную на бандитов, но был убит выстрелом в упор, второй, несмотря на смертельное ранение, в течение нескольких минут держал дверь, давая возможность спастись своим товарищам по команде через окна и боковые двери. Однако девятирех спортсменов террористы все-таки захватили в заложники.

Бандиты выдвинули властям свои требования: освободить 200 арабов, содержащихся в израильских тюрьмах, и самолет для вылета в безопасное место. Однако власти отказались выполнить первое требование, не собираясь потакать террористам. Вместо этого к деревне было подтянуто 20 тысяч западногерманских полицейских. Федеральный канцлер Вилли Брандт прилетел в Мюнхен для личных переговоров с убийцами. В это же время был срочно эвакуирован пловец США еврейского происхождения Марк Спитц, завоевавший на той Олимпиаде аж 7 золотых медалей. Власти испугались, что террористы могут захватить и его в заложники, поэтому увезли пловца от греха подальше. По приказу посольства США вечером того же дня с одной из тамошних американских авиабаз была пригнана бронемашина, на которой Спитца, под охраной вооруженных до зубов пехотинцев, увезли из деревни. В ту же ночь спортсмена переправили на сверхзвуковом истребителе в Америку. Что касается израильских спортсменов-заложников, то их судьба сложилась трагически.

К десяти вечера 5 сентября обстановка была такой, что казалось, террористы выиграли. Западногерманские власти решили предоставить им микроавтобус для выезда из деревни, но бандиты внезапно отказались от него, потребовав заменить военным грузовиком. Их

требование удовлетворили, и террористы вместе с заложниками выехали из олимпийской деревни. В условленном месте они пересели в вертолет для переброски к аэродрому, где их уже поджидал самолет. В аэропорту начальник спецподразделений западногерманской полиции Бодо Киндерман принимает решение атаковать террористов. Когда двое из них вышли из вертолета и отправились проверять «Боинг», на взлетной полосе внезапно включился свет: Снайперы меткими выстрелами тут же уложили «разведчиков», однако оставшийся в вертолете еще один террорист успел нажать на кнопку взрывного устройства. В результате погибли не только террористы, но и 9 израильских спортсменов и один полицейский. Трех террористов удалось взять в плен.

После этой трагедии Исполком Международного олимпийского комитета (МОК) рассматривал вопрос о прекращении игр, но в итоге принял решение игры продолжать, чтобы не дать повода противникам их проведения праздновать победу.

А теперь из Мюнхена вновь перенесемся к нам на родину. 5 сентября прямо во время съемок очередного фильма, которые проходили в Ростове, от инфаркта миокарда скончался кинорежиссер Виктор Ивченко, известный широкому зрителю по фильмам: «Чрезвычайное происшествие» (1959), «Гадюка» (1966), «Софья Грушко» (1972) и др. Ивченко умер за два месяца до своего 60-летия. Жена Ивченко, известная киноактриса Нинель Мышкова, похоронит мужа в Киеве и замуж больше не выйдет (Ивченко был ее вторым мужем, а первым — оператор Константин Петриченко, от которого она родила сына).

В тот же день съемочная группа фильма «Большая перемена» снимала натуру в Москве. Для этого специально был арендован автобус, в котором снимался эпизод неожиданной встречи Леднева (Евгений Леонов) со своей дочерью Неллей (Светлана Крючкова). Помните, Нелли запретила отцу появляться в школе, а он, нарушив приказ, садится в автобус, в котором, по воле случая, оказывается и его дочь. В результате ему приходится спешно покидать опасное место.

Тем временем продолжается хоккейная суперсерия. Ее третья игра состоялась 6 сентября в Виннипеге. К тому дню в канадских газетах

уже прекратились разговоры о том, что профессионалы на голову сильнее любителей. Более того, появились статьи, в которых говорилось, что канадским профи есть чему поучиться (!) у русских любителей.

Игра началась атаками канадцев, и Париже открывает счет. Далее у них появляется реальный шанс удвоить результат, после того как судья удаляет одного из наших игроков. Но происходит неожиданное — гол забивают наши (Петров). Однако в конце периода Раттель вновь выводит хозяев вперед. В начале второй двадцатиминутки отличается Фил Эспозито. 3:1. А затем вновь происходит маленькое чудо: наши опять забивают шайбу, играя в меньшинстве (Харламов). Проходит еще несколько минут, и канадец Хендерсон снова уводит свою команду в отрыв — 4:2. Но за несколько минут до конца периода двум нашим новичкам Юрию Лебедеву и Александру Бодунову удается восстановить равновесие — 4:4. Этот результат продержался на табло до финальной сирены.

После этой игры Николай Озеров вынужден был вылететь в Мюнхен, где продолжались Олимпийские игры. Мы помним, что первоначально его должны были отрядить всего лишь на одну игру, но затем, когда наши выиграли первый матч с разгромным счетом, было решено увеличить его пребывание до трех игр. Затем Озерова отозвали в Мюнхен комментировать игру нашей олимпийской сборной по футболу. К тому времени наши футболисты сыграли на Играх пять матчей: четыре выиграли и один (5 сентября, с Польшей) проиграли (в итоге наши чудесники мяча завоюют бронзовые медали).

В четверг, 7 сентября, кинорежиссер Эльдар Рязанов приехал в Дом творчества в Дубултах, чтобы там совместно со своим постоянным соавтором Эмилем Брагинским работать над написанием очередной «нетленки» — сценарием фильма «Невероятные приключения итальянцев в России». Однако работа внезапно осложнилась непредвиденными обстоятельствами.

Брагинский выехал в Дубулты еще 1 сентября, а Рязанова в Москве задержали кое-какие дела. Однако он заранее послал в Дом творчества телеграмму, с тем чтобы к его приезду его ждала положенная ему комната. Телеграмму в Дубултах получили, но отнеслись к

ней как-то странно. Вместо того чтобы выделить известному и горячо любимому в народе режиссеру лучший из номеров (на 9-м или 8-м этажах, где селили Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской премии и т. д., он, конечно, не претендовал, но хотя бы на 7-м или 6-м, где жили лауреаты Госпремий и секретари различных творческих Союзов, право имел), его поселили не в номере даже, а... в огромном холле. Правда, на элитном 6-м этаже. При этом заверили, что холл — дело временное и, как только освободится один из номеров, его немедленно туда переселят. Рязанов вынужден будет согласиться. А что оставалось делать? Однако его терпение длилось недолго. После того как на следующий день он не смог принять душ после утренней пробежки (душа в холле не было, поэтому Рязанов ополоснул свое тело лишь частично из крана туалета), а затем не смог побриться (единственная розетка была расположена под огромным роялем, лезть под который ему вполне резонно показалось делом, недостойным его положения в обществе), он выскочил из «номера» и, перепрыгивая через три ступеньки, на ходу извергая ругательства, ворвался в кабинет директора Дома творчества. Там в это время шло какое-то совещание, однако Рязанова это ничуть не смутило. Проигнорировав удивленные реплики сидящих в кабинете, он подошел к одной из розеток в стене, воткнул туда электробритву и принялся бриться. Когда его подбородок стал наконец идеально гладким, Рязанов удалился, предварительно сообщив директору, что если через час ему не будет выделен нормальный номер, то он поселится в директорском кабинете. И ведь выделили, причем через час после его бунта. Правда, с этого момента директор перестал здороваться с Рязановым. Но режиссеру это было, что называется, до лампочки.

8 сентября матчем в Ванкувере завершилась канадская часть суперсерии по хоккею СССР — Канада (матч комментировал Озеров, но уже сидя в Мюнхене, «под картинку»). Канадцы очень хотели выиграть этот матч, чтобы, во-первых, не огорчить своих болельщиков, и, во-вторых — иметь перед играми в Москве хоть какое-то преимущество. Но, увы. Уже в первом периоде Михайлов дважды заставляет Драйдена вынуть шайбу из сетки своих ворот. Во втором периоде Перо вселяет в канадцев надеж-

ду — 1:2. Но Блинов и Викулов безжалостно перечеркивают эти надежды — 1:4. В заключительной двадцатиминутке Голсуорси вновь сокращает разрыв до двух шайб, но вскоре Шадрин в пятый раз зажигает красный свет за воротами хозяев — 5:2. Вскоре Дэнис Халл забивает еще одну шайбу в ворота Третьяка, но на большее канадцев уже не хватило. 5:3 — итог матча, а общий итог первой половины серии тоже в нашу пользу: две победы, одна ничья и одно поражение.

В Москве между тем пасмурно. Из-за плохой погоды 8 сентября были прерваны съемки «Большой перемены». Вот уже два дня съемочная группа работает на ВДНХ, где на площадке аттракционов снимается следующий эпизод: Нестору снится сон, в котором его ученики, катаясь на машинах, отвечают ему и его возлюбленной Полине на вопросы по истории. В первый день работа прошла без проблем: было тепло, солнечно, и удалось отснять весь намеченный материал (в частности, сняли ответ героя Евгения Леонова). На следующий день погода внезапно испортилась, пошел дождь. В итоге сняли всего три кадра, и работу прервали. Она возобновится только три дня спустя, после чего объект «аттракционы» будет завершен. Но вернемся на несколько дней назад.

8 сентября на имя директора киностудии Горького Г. Бритикова пришло письмо из Главного управления по художественной кинематографии. Текст письма касался фильма Марка Донского «Надежда», съемки которого начались еще в феврале этого года. За это время съемочной группе удалось отснять 600 полезных метров пленки и побывать в двух экспедициях: в Шушенском (июль) и Каунасе (август). Отсмотрев присланный в главк материал, тамошние чиновники остались недовольны. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу небольшой отрывок из их послания:

«Первые отснятые сцены показали, что пока актеру А. Мягкову не удалось войти в образ: он скован, пытается лишь внешне подражать В. И. Ленину. В отснятом материале нет еще, по существу, ни одной большой и главной сцены, где раскрылся бы по-настоящему образ В. И. Ленина. Однако и в кадрах, больше лирического содержания, артисту А. Мягкову не удалось приблизиться к поставленной режиссером-постановщиком задаче. Пока на экране

не чувствуется ни силы, ни глубины, ни значительности личности В. И. Ленина...

Создается впечатление, что пока происходят поиски лишь внешнего образа В. И. Ленина, но и это не всегда делается удачно. В некоторых кадрах (в особенности в сцене болезни В. И. Ленина) очень заметен грим на лице актера, лицо его выглядит неприятным...»

Несмотря на столь суровую критику, Донской не стал менять актера Андрея Мягкова на другого исполнителя: во-первых, было уже поздно, во-вторых — он был не согласен с мнением чиновников из главка.

В субботу, 9 сентября, вопиющий случай произошел в поселке Алабушево Солнечногорского района Московской области. Там грабитель напал на героя войны Екатерину Новикову. У этой женщины была легендарная судьба. Она попала на фронт, со школьной скамьи — сразу после окончания средней школы. Служила санитаркой и вынесла на своих хрупких плечах не одну сотню раненых бойцов. Во время одного из кровопролитных боев она забросала немецкий танк гранатами. Об этом ее подвиге писала тогда «Правда», о ней оставил самые восторженные отзывы в своей книге «Заря победы» генерал армии Д. Лялюшенко.

В тот злополучный вечер Новикова приехала из Москвы в Алабушево к своей тете. До дома оставалось каких-нибудь несколько сот метров, когда из-за угла на нее набросился неизвестный мужчина. Его целью было овладеть сумочкой женщины. Вырвав ее из рук жертвы, грабитель бросился наутек. Но Новикова, которая и в войну ничего не боялась, не собиралась так легко сдаваться. Ведь в сумочке были не только деньги, но, главное, все ее документы: паспорт, ветеранская книжка, пенсионное удостоверение. Короче, женщина догнала преступника, отняла у него сумочку и принялась бить ею его по голове. Бандит в ответ стал охаживать кулаками ее. Самое печальное, что все это происходило на глазах у двух десятков человек, которые вместе с Новиковой сошли с электрички, но никто из них не сделал хотя бы одно телодвижение в сторону грабителя. Как говорится, моя хата с краю... Тут еще в половине восьмого вечера по ТВ должна была начаться комедия «Полосатый рейс», вот люди, видимо, на нее и спешили. Как вспоминала сама Е. Новикова:

«Какой-то дядечка все ж таки, слышу, сказал: «Граждане, женщину грабят». Да никто не остановился, и сам дядечка, гляжу, пропал. Так я держусь за сумку, а этот бандит меня по голове бьет и бьет. Такое меня зло взяло, так мне стало обидно — не война, мирное время, меня тут убивают и грабят, а люди мимо бегут, бегут, бегут, и это прямо на улице... Хватаю я из последних сил этого бандюгу, а он испугался — машина, фары светят — и от меня в сторону...»

Тем временем близятся к своему завершению Олимпийские игры в Мюнхене. В ночь с 9 на 10 сентября на них был сыгран один из самых драматичных матчей мировой спортивной истории — финальный матч по баскетболу между сборными СССР и США.

Игра складывалась очень напряженно. Наши постоянно вели в счете, но разрыв был минимальным. За полминуты до конца встречи счет был 49:48 в пользу сборной СССР. Наши пошли в очередную атаку, и капитан команды Паулаускас, дойдя с мячом до зоны соперников, отдал точный пас Александру Белову, который был уже под щитом американцев. Все ждали от него завершающего броска, который поставил бы финальную точку в этом поединке. Белов бросил, мяч пролетел несколько метров, отделяющие его от кольца, но попал в дужку. Это было невероятно, но факт. А затем произошло еще более невероятное. Отскочив от дужки, мяч вновь вернулся в руки Белова. Следовало бросить еще раз, и все, кто наблюдал за матчем, были уверены, что Белов так и поступит. Но он, видимо, испугавшись нового промаха, поступил иначе: отбросил мяч в сторону своего напарника по команде Саканделидзе. Тот же этого не ожидал и поймать мяч в руки не сумел. Зато оказавшийся тут как тут американец Коллинз мяч подхватил и бросился к нашей зоне. Чтобы остановить его, Саканделидзе пришлось «сфолить», и судья назначил штрафные. Коллинз блестяще их реализовал и за несколько секунд до конца матча вывел свою команду вперед. Все! Наши проиграли! Американцы бросились обниматься, а на советских баскетболистов было страшно смотреть. Особенно переживал Александр Белов, который имел прекрасную возможность вывести нашу команду в победители турнира. В те мгновения ему, наверное, казалось, что жизнь для

него остановилась. Он стоял в гордом одиночестве посреди площадки, и никто из товарищей по команде не смотрел в его сторону. И тут внезапно произошло чудо. Судьи фиксируют, что матч до конца не доигран: осталось три секунды. Но что можно сделать за это время? Разве что — поймать мяч в руки. Поэтому практически никто из присутствующих и наблюдавших по телевизору зрителей не верил в то, что результат изменится. У нас на площадке играет пятерка: Сергей и Александр Беловы, Саканделидзе, Паулаускас, Едешко. Последнему доверен первый пас. Едешко бросает мяч Паулаускасу, тот — Александру Белову, ждущему передачи у кольца. Пока мяч летит, звучит финальная сирена — во второй уже раз. Белов мяч не достает. Американцы вновь ликуют. Советские зрители встают, чтобы покинуть зал. Но вновь происходит неожиданное. Судьи сообщают, что сирена прозвучала слишком рано, мол, подвела электроника. К тому же отсчет времени пошел не по правилам: не с того момента, как Паулаускас принял мяч, а с момента передачи Едешко. Короче, президент ФИБА (кстати, американец) Уильям Джонс принимает решение переиграть последние 3 секунды. Американцы, на удивление, легко соглашаются, поскольку уверены, что ничего серьезного за это время сделать невозможно. А оказалось, что можно.

Едва прозвучал сигнал к возобновлению игры, как Едешко отдал мяч Александру Белову, и тот, запутав своих опекунов Фэрбса и Джойса, мягко сунул его в кольцо. Вот теперь уже все! Но с обратным результатом — в пользу сборной СССР. Говорят, когда прозвучала финальная сирена и Паулаускас схватил тренера Кондрашина в объятия, тот в первые мгновения даже не понял, что произошло.

Американцы же бросились оспаривать результат матча: написали протест, но его отклонили (стоит отметить, что судивший матч бразильский арбитр Ригетто сначала подписал протокол матча, но потом тоже подал протест, выражая свою солидарность с американцами, однако второй арбитр — болгарин — его не поддержал). Из-за этого они всей командой не явились на награждение (им полагались серебряные медали). А наши ребята, кроме золотых медалей, за эту игру получили вознаграждение — 3 тысячи рублей и 300 долларов.

Вообще та Олимпиада завершилась триумфом советских спортсменов: они завоевали больше всего медалей — 99 (50 золотых, 27 серебряных и 22 бронзовых), в то время как американцы 93. Золотые медали нашей команде принесли: Л. Турищева, Т. Лизакович, Л. Бурда, А. Кошель, Э. Саади, О. Корбут (гимнастика), В. Васин, (прыжки в воду), В. Алексеев, М. Киржинов (штанга), Е. Петушкова, И. Калита, И. Кизимов (конный спорт), В. Лемешев (бокс), В. Борзов (бег), Ю. Тармак (прыжки в высоту) и др. Были и неудачи. Например, боксеры выступили ниже своих возможностей (кроме В. Лемешева, который произвел фурор, одержав 4 победы нокаутом в 5 поединках, включая финальный бой с финном Рейно Виртаненом). Мы помним, как в самый последний момент из олимпийской сборной исключили полутяжеловеса Олега Коротаева и вместо него поехал Николай Анфимов. Так вот Анфимов в четвертьфинале проиграл нигерийскому боксеру Икхурии и выбыл из дальнейшей игры. Чуть позже это послужит поводом к отстранению Анатолия Степанова с поста главного тренера сборной. А Коротаеву аннулируют дисквалификацию, вернут звание мастера спорта международного класса, восстановят стипендию, но квартиру так и не дадут.

Настоящую сенсацию на Олимпиаде произвела наша 17-летняя гимнастка Ольга Корбут, завоевавшая три золотые медали (при росте 1 м 40 см и весе в 40 кг). В конце года в английском журнале «Уорлд спортс» будет проведен опрос 40 журналистов из разных стран, которые именно Корбут назовут «спортсменкой 1972 года». А спустя четверть века сама Ольга внезапно поведает публике о том, что тот год запомнился ей не только с лучшей стороны. По ее словам, незадолго до Олимпиады тренер Ренальд Кныш... изнасиловал ее. Вот как она описывает это:

«Все произошло против моей воли. Я не была готова к этому и не любила его. Это называется изнасилованием. Конечно, у меня нет доказательств. Никто не видел, как он насиловал меня...»

Косвенно факт изнасилования подтверждает другая гимнастка — Эльвира Саади, которой Корбут поведала о случившемся чуть ли не сразу после происшедшего: «Ольга рассказала мне о том, что сделал с ней перед Мюнхеном

Кныш. Для меня ее признание было очень большим потрясением. К сожалению, у нее нет свидетелей. Так что все осталось между ними...»

Думаю; не стоит говорить, что сам Кныш эти обвинения начисто отрицает. Более того, он в свою очередь рассказал публике о том, что Корбут, еще будучи подростком, злоупотребляла спиртным и была уличена в кражах вещей у своих подруг по команде. А когда ее на этом поймали, вела себя двулично: обещала исправиться, но свое слово не сдержала. Отсюда Кныш делает вывод: а не врет ли Корбут и теперь?

Повторю, что все эти закулисные подробности всплывут на свет спустя 26 лет после Олимпиады в Мюнхене. А в 72-м подавляющая часть граждан нашей страны и предоставить себе не могла, какие страсти могут разгораться за пределами гимнастических залов.

10 сентября Советский Союз покинула Анджела Дэвис, которая, как мы помним, приехала сюда в конце августа. За это время она побывала в Москве, Ленинграде, Ташкенте и везде имела восторженный прием. Люди шли на встречу с ней толпами, поскольку за время ее отсидки в американской тюрьме советские СМИ сделали Дэвис хорошую рекламу. Популярность Анджелы в Союзе была огромной, ее лицо с огромной копной кучерявых волос нельзя было спутать ни с каким другим. У меня был приятель, который за схожесть прически с американской коммунисткой получил прозвище «Анджела Дэвис». Кстати, такое же прозвище «приклеилось» в те годы и к композитору Илье Резнику. Он тогда жил в Ленинграде, а туда на гастроли приехал оркестр Олега Лундстрема, в котором солировала Алла Пугачева. Резник уже был наслышан про подающую большие надежды артистку и однажды постучал в ее номер. Он принес ей свою песню «Как аукнется, так и откликнется». Пугачева песню послушала и спросила:

— Это мне?

— Нет, — ответил Резник. — Но мы сейчас ее с тобой выучим и пойдем к одной очень известной певице, которая живет в этой же гостинице (по одной из версий, это была Галина Ненашева).

Прима отечественной эстрады приняла их в своем номере, послушала и вынесла вердикт:

ничего хорошего. Тогда Резник предложил свою песню Пугачевой. Но теперь и она отказалась, сказала, что песня не для нее, найди что-нибудь другое. Резник покопался в пачке клавиров, извлеченных из гитарного чехла, и нашел другую песню — «Посидим-поокаем», которая вскоре прославит начинающую певицу.

Между тем советские хоккеисты покинули гостеприимную землю Канады и вылетели в Москву. Правда, этот отъезд был сопряжен с определенными трудностями. Дело в том, что «Аэрофлот», видимо, в целях заработать побольше валюты, не нашел ничего лучше, как продать билеты, предназначенные для наших хоккеистов, канадским болельщикам, спешившим на вторую половину суперсерии. В итоге нашим ребятам пришлось добираться на родину на перекладных: на швейцарском самолете до Лондона, потом до Вены, из Вены в Москву, причем обязательно надо было сделать посадку в Киеве, чтобы посадить на борт каких-то «шишек», ну, а потом уж Москва.

Вспоминает Н. Озеров:

«Москва уже близко! Все уставшие, замученные. Подходит ко мне стюардесса и просит, чтобы я зашел к командиру корабля. Думаю зачем? Если нужны билеты на матч, надо обращаться к руководителю делегации, ему это сделать проще. Вошел в кабину. «Николай Николаевич, — говорит он, — на аэродром прибыла программа «Время». Вам надо первым выйти из самолета и провести прямой репортаж о прилете наших хоккеистов в программе «Время».

Я посмотрел на себя — красная рубашка, спортивные брюки, небритый — вид ужасный. Командир продолжает: «Хотите поговорить со своим начальством?» — «Хочу». Мне дали телефон. Шутка ли, летит самолет, скорость невероятная, разговариваю с Москвой, слышимость лучше, чем в городе.

Мне объяснили, что интерес огромный, люди ждут, хотелось бы, чтобы я взял интервью у Третьяка и Михайлова. Словом, действуйте! Я только попросил, чтобы режиссер и оператор в Москве не показывали мои брюки. Летчики дали мне галстук, рубашку, побрился.

В этот день в нашей стране проходил очередной футбольный тур (в чемпионате лидирует ворошиловградская «Заря». — Ф. Р.). И все наши тренеры в самолете были обеспокоены только одним: как сыграли их команды? И за-

хотелось мне, пролетая над Бермудским треугольником, поговорить с Москвой, узнать результаты матчей. Командир, доброжелательно настроенный, разрешил связаться с Москвой. Я узнал результаты очередного тура. Дали мне внутренний микрофон, которым пользуются стюардессы, и я провел «репортаж» для тех, кто не спит. Сначала все думали, что я их разыгрываю, но затем поверили...»

В понедельник, 11 сентября, Василий Шукшин с женой и двумя дочерьми переехал в новую квартиру: из малогабаритной «двушка» в Свиблово въехал в четырехкомнатные хоромы в доме на улице Бочкова, что возле метро «Алексеевская». Вся семья была счастлива, но особенно радовался Шукшин, у которого впервые в жизни появился собственный кабинет. А что такое свой кабинет для писателя, объяснять, думаю, не надо. Как вспоминает Л. Федосеева-Шукина: «Вася в новой квартире наслаждался — ходил руки в боки, довольный. И баловался, кричал на всю квартиру: «Хэлло, Лида, ты меня слышишь?» И я почувствовала, что забродили в нем соки, вот-вот, как из клюквы, брызнет. Такое было приподнятое настроение...»

12 сентября в «Большой перемене» снимали эпизод прихода Петрыкина в школу. Это там он спрашивает одного из учеников (актер Илья Баскин): «Мне бы Гену Ляпишева повидать», а тот отвечает: «Мне бы тоже». Потом Петрыкин заходит в учительскую и встречается там с Нестором Петровичем и учительницей по географии (Анастасия Георгиевская). И обоим педагогам приходится врать и изворачиваться, чтобы Петрыкин, не дай бог, не заподозрил, что его подопечный вместо того чтобы ходить в школу, бегаёт на танцы. На следующий день в той же декорации «учительская» снимался эпизод знакомства Нестора с учителями.

Владимир Высоцкий в те сентябрьские дни внезапно вновь «сорвался в пике». Марина Влади рядом нет — она уехала в Париж, — поэтому остановить его некому. 12 сентября Валерий Золотухин записывает в своем дневнике:

«Наш друг запил. Это может кончиться плохо, в кино особенно, и ему уже никто не поможет. Ложиться в больницу он не хочет. У Марины в Париже сбежал старший сын. Позвонил через несколько дней, когда его уже ра-

зскивала полиция: «Не беспокойся, я прожизу без тебя». У каких-то своих хиппи.

Теория, что «его надо загрузить работой, чтоб у него не было времени (и тогда он не будет пить)» — полной ерундой оказалась. В двух прекрасных ролях, у ведущих мастеров (имеются в виду фильмы «Плохой хороший человек» и «Четвертый». — Ф. Р.)... в театре «Гамлет», «Галилей» и пр., по ночам сочиняет, пишет... Скорее от загруженности мозга, от усталости ударишься в водку, а не от безделья...»

Спустя день после этого Высоцкого все-таки уговорят лечь в больницу. Он тогда снимался в фильме «Четвертый», и его госпитализация для киношников явилась полной неожиданностью — из-за этого даже один день был записан в простой (убытки — 358 рублей). А вот в родном для Высоцкого Театре на Таганке очередной его срыв был воспринят, на удивление, спокойно. Любимов как-то легко, без истерик отменил «Гамлета» и назначил вместо него другой спектакль, причем премьерный — «Под кожей статуи Свободы». Правда, сыграть его не довелось — отменили «сверху». По этому поводу Любимов поехал скандалить в Управление культуры, но добиться своего так и не сумел.

12 сентября в Москве умерла родная сестра Владимира Маяковского Людмила Маяковская. Последние годы она вела упорную борьбу с Музой своего брата Лилей Брик, буквально бомбардируя ЦК КПСС письмами. В одном из них (декабрь 1971) она писала:

«Брики — антисоциальное явление в общественной жизни и быту и могут служить только разлагающим примером, способствовать антисоветской пропаганде в широком плане за рубежом. Здесь за широкой спиной Маяковского свободно протекала свободная «любовь» Л. Брик. Вот то основное, чем характеризуется этот «мемориал» (речь идет о квартире поэта в Гендриковом переулке, в котором усилиями Брик был создан музей. — Ф. Р.)... Брики боялись потерять Маяковского. С ним ушла бы слава, возможность жить на широкую ногу, прикрываться политическим авторитетом Маяковского. Вот почему они буквально заставляли Маяковского потратиться на меблированные бриковские номера... Сохранение этих номеров — вредный шаг в деле воспитания мо-

лодежи. Здесь будет паломничество охотников до пикантных деталей... Я категорически, принципиально возражаю против оставления каких-либо следов о поэте и моем брате в старом бриковском доме...»

Два дня спустя на 69-м году жизни скончалась жена главного партийного идеолога страны Михаила Сулова Елизавета Александровна. Ее смерть, как и смерть Л. Маяковской, наступила после долгой и продолжительной болезни. Обе женщины нашли последний приют на Новодевичьем кладбище.

А жизнь тем временем идет своим чередом.

13 сентября настал праздник на улице футбольных болельщиков. Две советские клубные команды успешно выступили в европейских турнирах: столичный «Спартак» в Кубке обладателей кубков обыграл в Москве голландскую «Гаагу» 1:0, а тбилисское «Динамо» у себя дома голландский «Твенте» 3:2.

На следующий день в «Большой перемене» снималась натура. Недалеко от проспекта Калинина были сняты два коротких эпизода «у подъезда»: выход на улицу Нелли Ледневой и ее отца, «заманивание» в дом Ганжой своей жены Светланы. Помните, он сообщает ей, что купил ее любимые конфеты «Птичье молоко»: «А конфеты такие вкусенькие, а конфеты такие сладенькие. У меня их целый килограмм!»

В это же время в долине гейзеров на Камчатке закончилось пребывание съемочной группы фильма «Земля Санникова» (были там почти три недели, снимался эпизод первого появления путешественников на неизведанном материке). А в Москве идут репетиции Дела № 7 из сериала «Следствие ведут знатоки» под названием «Несчастный случай». Забегая вперед, скажу, что это одно из самых скучных «дел», которое предстоит вести знатокам — про ГАИ.

Режиссер Николай Мищенко на Киностудии имени Довженко продолжает работу над многосерийным телефильмом «Как закалялась сталь» по одноименному роману Николая Островского. Съемочная группа работает в тех самых местах, которые описаны в книге — в городе Шепетовке. Работа идет споро, хотя порой случаются и непредвиденные ситуации. Например, во время съемок эпизода на кладбище, где Корчагин произносит свой знаменитый монолог: «Самое дорогое у человека — это

жизнь...», актер Владимир Конкин внезапно потерял сознание. Дело было так.

Еще в школе этот хрестоматийный монолог Конкину никак не давался. Однажды он даже схлопотал за него единицу. И вот теперь ему вновь предстояло с ним соприкоснуться. Поэтому день накануне съемок прошел для актера в усиленной зубрежке и репетициях перед зеркалом. Вечером он специально лег пораньше, чтобы выспаться и утром повторить его с новыми силами. Однако отдохнуть актеру не дали. Несмотря на то, что номер в шепетовской гостинице Конкину выделили самый лучший — двухместный, но замок в двери был испорчен и открывался только снаружи. Поэтому актер вынужден был на ночь дверь не запирает. И поплотился за это. Ночью его разбудил какой-то шум, он включил свет и увидел незнакомого мужчину, в дымину пьяного. Судя по тому, что незнакомец был раздет (в трусах и майке), Конкин понял, что тот ошибся дверью. Видимо, шел в туалет, но перепутал дверь и оказался в его номере. Однако, зайдя внутрь, незнакомец по инерции захлопнул дверь, и открыть ее теперь могли только снаружи. Что делать? Конкин счел за благо не связываться с пьяным и кое-как уложил его на свободную кровать. И выключил свет.

После этого прошло минут двадцать, и Конкин, повторяя про себя завтрашний монолог, заснул. Но сон его длился недолго. Разбудил его вновь посторонний шум, а точнее — журчание за спиной. Конкин вскочил с постели, включил свет и обомлел. Незнакомец стоял у стены и, приспустив трусы, отправлял малую надобность. Конкин от возмущения завопил так громко, что на его крик сбежалась чуть ли не вся гостиница и непрошеного визитера увели. Но на этом злоключения актера не кончились.

Встав в шесть утра, он наскоро умылся и отправился на грим. Пока ехал, видел, как по улицам Шепетовки идут люди во всем черном, откликаясь на просьбу съемочной группы участвовать в массовой на кладбище. Конкина это так тронуло, что он почувствовал небывалый прилив энтузиазма и понял, что не имеет права сегодня играть плохо. Однако этот прилив сохранился несколько минут — до памятника-захоронения погибшим на войне при освобождении Шепетовки. Когда машина поравнялась с

ним, Конкин внезапно увидел мужчину, который, качаясь из стороны в сторону, стоял у памятника и отправлял ту же надобность, что и его ночной «гость». И вновь возмущению актера не было предела. Выскочив из машины, он набросился на пьянчужку, повалил его на землю и схватил за горло. К счастью, водитель, который оказался здоровым малым, сумел предотвратить смертоубийство. Он оторвал Конкина от пьянчужки и затащил обратно в автомобиль. При этом ему еще пришлось несколько минут вырывать у разъяренного актера ботинок незнакомца, который Конкин стащил с него во время потасовки.

И вот в таком состоянии актер наконец попал на съемочную площадку. Тут уже все было готово к работе: вокруг вырытой могилы стояли люди, выстроился почетный караул солдат в буденновской форме. Дали команду «Мотор!», и несколько человек понесли на руках гроб с телом погибшего. Конкин же никак не мог сосредоточиться. Перед глазами стояли пьяные рожи двух незнакомцев, в ушах слышалось журчание. Что делать? Усилием воли актер заставил себя забыть о недавних приключениях и представил, что в гробу лежит его самый близкий друг. И это подействовало. Слезы потекли из глаз, губы задрожали. А следом зазвучал и монолог: «Самое дорогое у человека — это жизнь...»

Когда эпизод был отснят, довольный режиссер бросился к Конкину, чтобы уговорить его снять еще один дубль. Но это было уже не в силах актера. Как только прозвучала команда «Стоп!», он рухнул на землю без сознания.

Из Шепетовки перенесемся в солнечный Узбекистан. Там, в 25 километрах от Самарканда, на территории колхоза Навои, кинематографисты с восточногерманской киностудии «Дефа» во главе с режиссером Готтфридом Кольдицем снимают эпизоды фильма про индейцев под названием «Апачи», где главную роль — вождя апачей Ульзана — играет главный индеец Советского Союза Гойко Митич. Работа над фильмом началась этим летом, и большая часть натуральных съемок была отснята в Югославии. А в Узбекистан группа приехала в начале сентября, чтобы в течение десяти дней доснять ряд эпизодов, в частности: лагерь апачей, проезд фургона по прерии, погоню за бандитами и ряд других. Съемки начались 5 сен-

тября (снимали проезд фургона) и проходили без особых трудностей. Однако 14 сентября произошел инцидент, который стал поводом к возмущению со стороны советской стороны, обеспечивающей группу всем необходимым. В тот день немцы снимали эпизод со стрельбой, а именно — падение каскадера с лошади после «подсечки». Однако, прежде чем снимать этот опасный трюк, немцы должны были поставить в известность советскую сторону, поскольку лошадь, участвовавшая в съемках, была не колхозная, как это было в других эпизодах, а ипподромная и стоила больших денег. Если бы с ней что-то случилось, советской стороне пришлось бы платить большие деньги за причиненный животному ущерб. К счастью, все обошлось благополучно, но протест наша сторона все равно заявила.

Между тем это была не последняя шероховатость в отношениях между обеими сторонами. Немцы потом предъявят нашей стороне еще ряд претензий (им выдали для съемок вертолет не той конструкции, что они просили и т. д.), на что наши, не желая оставаться внакладе, ответят тем же. Например, немцы будут уличены... в воровстве. Оказывается, будучи поселенными в лучшей гостинице города «Самарканд», они похитят из тамошнего валютного бара кофейные ложки, пепельницы и стаканы, которые были закуплены на инвалюту в Швеции. Общая сумма ущерба составит 160 рублей. Советская сторона потребует от гостей немедленно вернуть похищенное имущество, но те возвратят только... две ложки. Остальное так и канет бесследно. Как ни странно, но все эти инциденты не станут поводом к тому, чтобы разорвать друг с другом отношения, и следующим летом (в конце августа) та же группа опять приедет в эти же края, чтобы отснять ряд эпизодов продолжения «Апачей» — фильма «Ульзана».

А теперь из Самарканда вернемся в Москву. В столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: 1 сентября на широкий экран вышел фильм Ю. Агзамова «Горячие тропы» с участием Х. Нарлиева, К. Лучко и др.; 11-го — очередной хит от кинематографистов Индии мелодрама «Рам и Шиам».

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Первоклассница», «Учитель» (1-го), «Белые волки» (ГДР, впервые по ТВ),

«Алеша Птицын вырабатывает характер», «Впереди крутой поворот» (2-го), «Сотрудник ЧК», «Трудный переход» (5-го), «Екатерина Воронина», «Аттестат зрелости», «К новому берегу» (6-го), «Кутузов» (7-го), «Тени над Нотр-Дам» (8—9-го), «Полосатый рейс» (9-го), «Капитанская дочка», «Парень из нашего города», «На войне как на войне» (10-го), «Вихри враждебные», «Близнецы» (11-го), «Альпийская баллада», «Выстрел в тумане» (13-го), «Три толстяка» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 8-го в Театре имени Маяковского — «Человек из Ламанчи» Д. Васермана и Д. Дэриана с участием Александра Лазарева, Светланы Немолояевой и др., 14-го в Театре имени Вахтангова — «Шаги командора» В. Коростылева с участием Юлии Борисовой, Николая Гриценко и др., 15-го в Малом театре — «Перед заходом солнца» с участием Елены Гоголевой, Элины Быстрицкой, Никиты Подгорного и др.

Тем временем продолжают гастроли польской певицы Анны Герман в Советском Союзе. Дав несколько концертов в столице (16 сентября по ТВ был показан ее концерт), она отправилась в глубинку. Публика шла на ее концерты охотно, поскольку Герман была одним из тех представителей эстрады соцлагеря, которых советские зрители искренне любили. Безусловным шлягером того турне была песня Александры Пахмутовой «Надежда» — ее несколько раз передали по радио, и с тех пор на концертах певице приходило больше всего записок с просьбой исполнить именно эту песню. Однако назвать те гастроли по-настоящему радостными Герман не могла. Вот что рассказывает А. Жигарев:

«Когда они поехали по стране, пана Станислава (импресарио певицы. — Ф. Р.) стали буквально разрывать на части администраторы филармоний. Они предлагали по пять, шесть концертов в день с короткой программой. При этом назывались такие цифры, что у Станислава начинала кружиться голова. Он приходил к Анне кроткий как овечка, сладкий как мед, извивался, льстил, нежно уговаривал принять предложения. Потом терял терпение, истерично бил себя в грудь, угрожал, но всякий раз уходил ни с чем, столкнувшись с железной волей певицы и актрисы, пожалуй, больше всего уважавшей ту самую публику, перед которой ее

призывали выступить и обмануть ожидания которой она не могла. Петь в полную силу она была в состоянии, давая лишь один концерт в день.

В поездке Анна почувствовала себя плохо: нестерпимо болели руки и ноги, голова теперь уже постоянно была как будто скована железным обручем. Каждое выступление казалось последним. Выйти на сцену еще и завтра? У нее просто не хватит сил! Вероятно, придется отменить гастроли... Никто вокруг ее не понимал и не жалел. Качалина с Борей (близкие советские друзья Герман. — Ф. Р.) остались в Москве. Станислав ходил злой и раздраженный. Анну жалели случайные знакомые — поклонники, неизвестно каким чудом пробившиеся к ней, уборщицы в гостиницах, дежурные на этажах... Они читали в газетах, слышали по радио о катастрофе на дороге Италии, видели Анну вблизи, уставшую, с измученными, больными глазами...»

18 сентября вновь угодил на больничную койку Борис Бабочкин. Мы помним, как всего лишь месяц назад он попал в больницу из-за неполадок с сердцем, и вот новая госпитализация по той же причине. Накануне вечером Бабочкин играл на сцене в спектакле «Достигаев и другие», после чего отправился на дачу. Однако в 4 утра следующего дня он проснулся от боли в сердце. Родные срочно вызвали неотложку из Апрелевки. Врачи сделали актеру укол, он уснул. Но спустя несколько часов Бабочкину вновь стало плохо. Тут уж на дачу примчалась неотложка из Москвы, которая сняла ЭКГ и увезла актера в больницу.

19 сентября в Москве объявился преступник, решивший пойти по стопам небезызвестного Мосгаза — убийцы Ионесяна, наводившего ужас на москвичей в конце 1963 — начале 1964 года. Новым душегубом был 26-летний уроженец Москвы Александр Столяров. В тот день с утра он приехал на Севанскую улицу, что недалеко от железнодорожной станции Царицыно, и вошел в ближайший дом — № 7. План у него был простой: представляясь работником технадзора, проверяющим качество отопления, он рассчитывал проникнуть в квартиру какой-нибудь одинокой пенсионерки. Столяров обошел несколько квартир, но никак не мог выбрать подходящую жертву: дверь ему открывали либо мужчины, либо женщины, быв-

шие в доме не одни. И только в самом конце обхода маньяк наконец нашел то, что так долго искал: в одной из квартир в наличии оказалась пожилая хозяйка, представившаяся как Екатерина Елизарова.

Пройдя в комнату, Столяров сообщил пенсионерке, что в их доме вышла из строя батарея парового отопления, и попросил записать его рабочий телефон. И в тот момент, когда ничего не подозревающая женщина полезла в ящик стола, чтобы достать чистый лист бумаги и ручку, маньяк извлек из сумки пассатижи и обрушил их на голову несчастной. Та рухнула на пол. Убедившись, что женщина мертва, Столяров приступил к тому, ради чего, собственно, и пришел — к ограблению. Однако здесь его ждало разочарование — поживиться в квартире было практически нечем. Добычей убийцы стали мужские часы «Полет», золотое кольцо, транзистор и 20 рублей.

Убитую женщину обнаружили вечером родственники, вернувшиеся с работы домой. Они и вызвали к месту происшествия сыщиков из 55-го отделения милиции. Те работали споро и уже через час знали, кто именно совершил это убийство — темноволосый молодой человек, представлявшийся жителям дома как сантехник из технадзора. Кроме этого, сам убийца позаботился о том, чтобы в милиции о нем знали как можно больше: в спешке он забыл на полу орудие преступления — пассатижи, на которых имелись отпечатки его пальцев. Машина розыска заработала.

Между тем в эти же дни из больницы выписался Владимир Высоцкий. 20 сентября он пришел в родной Театр на Таганке бодрый и веселый, спел друзьям пару своих новых песен (в том числе и «Кони привередливые»). По словам Валерия Золотухина, «все рады ему и счастливы».

Вечером того же дня в Москву прилетели хоккеисты сборной Канады, чтобы продолжить свое участие в Суперсерии-72. Им предстояло провести четыре игры со сборной СССР на льду Дворца спорта в Лужниках. По дороге в Москву канадцы совершили короткий визит в Швецию, где сыграли два тренировочных матча с тамошней сборной (им надо было акклиматизироваться и привыкнуть к большим каткам, поскольку в Канаде ледовое поле 60 на 26 метров, а в Европе — 61 на 30). Первую игру

гости выиграли 4:1, а вот во второй ушли от поражения лишь за 47 секунд до финальной сирены (4:4). Однако в обоих матчах канадцы вели себя настолько грубо, что вызвали справедливое возмущение тамошней публики (канадцы устроили побоище даже во время перерыва — у входа в раздевалку хозяев, за что удостоились от тамошней прессы прозвища «банда горилл»). Борис Майоров, который специально ездил в Стокгольм, чтобы наблюдать за этими играми, вернувшись, сказал своим коллегам: «Канадцы едут к нам очень сердитые».

В Москве канадцев поселили в гостинице «Интурист». Некоторые из них сразу после вселения начали «чудить». Например, Фил Эспозито, начитавшись у себя на родине про «длинную руку КГБ», в тот же вечер, как вселился в номер, начал усиленно искать «жучки» и видеокамеры. Он заглядывал под кровать, тряс стоявшую на столе вазу, собирался даже открутить розетки, чтобы удостовериться, нет ли там «прослушки». Большинство его товарищей над ним тихо посмеивались.

На следующий день канадцев повезли знакомиться с Москвой. Они посетили Красную площадь, Кремль, даже в ГУМе побывали. Кен Драйден в своих мемуарах позднее напишет, что многое в Москве их приятно удивило: им-то в Канаде привили мнение, что по улицам столицы первого в мире государства рабочих и крестьян бродят толпы голодных и разутых людей, а они увидели совсем иное. Например, Драйден пишет, что на втором этаже «Интуриста» их накормили ужином, во время которого подали отличный бифштекс, что ГУМ можно назвать одним из самых крупных торговых центров в мире и т. д. и т. п.

После прогулки состоялась тренировка, на которой случилось ЧП: сразу трое игроков канадцев — Хэдфилд, Мартин и Гивремон собирались домой. И хотя этот поступок они объяснили желанием поскорее вернуться в родные клубы, для того чтобы набрать нужную форму, тренеры, да и все игроки понимали, что на самом деле ими двигала обида на Синдена за то, что тот не поставил их в основной состав.

В тот же день 20 сентября в 4-м павильоне «Мосфильма» снимали очередной эпизод комедии «Большая перемена»: встречу Нестора Петровича с директором вечерней школы ра-

бочей молодежи (актриса Людмила Касаткина). Помните, она его спрашивает: «Вы любите детей?» Тот отвечает: «Люблю». Потом добавляет: «С детства». А когда речь заходит о взрослых, Нестор отмечает: «А еще взрослые пьют». «Да, и не всегда лимонад», — уточняет директриса. Потом Нестор протягивает ей свое заявление о приеме на работу, но по ошибке отдает письмо, предназначенное Полине. Так директриса оказывается посвященной в амурные дела нового учителя, а через нее об этом вскоре узнает и весь учительский коллектив.

В эти же дни в солнечном Узбекистане, в городе Исфаре режиссер Али Хамраев заканчивает натурные съемки истерна «Седьмая пуля». В историю отечественного приключенческого кино этой ленте будет суждено войти как одному из редких фильмов, где басмачи показаны не как отъявленные злодеи, нарисованные одной черной краской, а сильные, мужественные, может быть, где-то заблудшие, но отнюдь не глупые люди. Даже главарь банды Хайрулла в какие-то моменты вызывает у зрителей симпатию. Подобное стало возможно благодаря тому, что сценарий фильма был написан не местными сценаристами, а людьми «пришлыми» — Фридрихом Горенштейном и Андреем Михалковым-Кончаловским. Присутствие последнего сказало и на финале картины, который снимали в последние дни сентября: чекист Максудов (Суйменкул Чокморов) последней, седьмой пулей в собственном револьвере убивает главаря басмачей Хайрулла (Х. Умаров), копируя своего коллегу чекиста Егора Шилова из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих», поставленного братом Кончаловского Никитой Михалковым.

Тема кино на этом не исчерпывается. В Крым съемочная группа фильма «Всадник без головы» работает над последними эпизодами крымской экспедиции. 21—22 сентября там снимались сцены в декорации «гасиенда» с участием семейства Пойндекстеров. Отснявшись в этих эпизодах, актриса Людмила Савельева (Луиза Пойндекстер) выехала в Москву, чтобы оттуда 24 сентября вылететь самолетом на кинофестиваль в Сорренто. А съемочная группа будет паковать вещи для переброски в другое место — в окрестности Баку.

22 сентября в Центральной клинической больнице умер прославленный актер МХАТа

Борис Ливанов. Мы помним, что два года назад, с тех пор как Художественный театр возглавил Олег Ефремов, Ливанов заявил, что ноги его теперь не будет в родном театре, и свято следовал своей клятве. Поскольку он продолжал там числиться, но даже за зарплатой не приходил, то ему ее носили на дом. Незадолго до смерти Ливанова пригласили в Болгарию поставить «Братьев Карамазовых». Он уехал в Софию, на совесть поработал там, и спектакль имел большой успех. Ливанова даже наградили болгарским орденом Кирилла и Мефодия. Но, вернувшись в Москву, Ливанов вновь попал в творческий вакуум и стал быстро сдавать. У него обнаружился рак поджелудочной железы, и с тех пор он практически не вставал с больничной койки.

Вспоминает О. Стриженов:

«Мне позвонил в этот печальный и трагический день Василий, сын Бориса Николаевича, и ошеломил вестью — отец умер. Мы с Василием и с прилетевшим из Болгарии Петром Гюровым поехали в морг больницы ЦКБ КПСС, где в тишине и безлюдье попрощались с любимым человеком. Потом перенесли гроб в катафалк и доставили в Художественный театр.

— Все, — сказал я Василию, — он нам больше не принадлежит, теперь прощаться будет народ.

И действительно, огромная вереница людей не уменьшалась до самого вечера...»

В те минуты, когда родственники и коллеги прощались с Ливановым, другая часть жителей столицы с замиранием сердца следила за ходом пятого матча суперсерии по хоккею между сборными СССР и Канады. Ажиотаж в Москве вокруг них стоял огромный. О том, чтобы попасть на эти игры, простому смертному и думать было нельзя, поскольку все билеты на игры распространялись, как говорил Аркадий Райкин, «через заднее кирилицо» (то бишь своим людям). Билеты заранее скупил разного рода «блатные»: партфункционеры, хозяйственные и спортивные руководители и прочая публика из разряда номенклатурных. Вот почему, в отличие от канадской публики, которая представляла собой самую разношерстную массу, наши бонзы, пришедшие в Лужники, сидели как истуканы на партсобрании, позволяя себе только изредка похлопать в ладоши да пару раз свистнуть. Крики «Шайбу!» или «Мо-

лодцы!» очень редко раздавались под сводами Дворца спорта, что, конечно же, не играло на руку нашим хоккеистам. Но вернемся непосредственно к первому московскому матчу.

Встреча началась в половине восьмого вечера и по интриге не уступала предыдущим. Канадцы понимали, что в большом долгу перед своими болельщиками, поэтому начали встречу с бешеных атак. В итоге первый период они выиграли 1:0 (гол забил Паризе). Во втором периоде канадцы не сбавляли оборотов и вколотили в ворота Третьяка еще две безответные шайбы (Кларк и Хендерсон). Поэтому, когда началась заключительная двадцатиминутка, даже у самых отъявленных оптимистов сборной СССР практически не осталось надежд, что эту игру их кумирам удастся спасти. Однако...

Вскоре после начала периода Блинову удается «размочить» счет. Но спустя несколько минут все тот же Хендерсон вновь увеличивает разрыв в три шайбы. И вот тут произошло неожиданное. То ли канадцы уже уверовали в свою победу, то ли нашим тренерам удалось сказать своим подопечным что-то такое, что заставило их воспрянуть духом, но наши ребята бросились на штурм ворот соперника. Канадцы, не ожидавшие этого, дрогнули. В итоге одна за другой три шайбы, посланные Анисиним, Шадриним и Гусевым, влетели в их ворота. А незадолго до конца встречи победную точку ставит Викулов — 5:4. Канадцы в шоке. По словам их тренера Гарри Синдена, когда он вернулся в раздевалку и увидел на столе чашку с горячим кофе, он не сумел сдержаться и швырнул ее об стену.

Два дня спустя команды вновь вышли на лед Дворца спорта. Отступать гостям было некуда (в случае поражения они проигрывали всю серию), поэтому они использовали в этой игре все возможные средства, вплоть до недозволенных, чтобы вырвать победу у русских. В ход пошли кулаки, удары исподтишка. Даже тренеры гостей вели себя неприлично: кричали на судей, бросали полотенца на лед, чтобы продлить паузы в игре и дать своим игрокам отдышаться. Правда, и наши хоккеисты, видимо, уверовав, что дело сделано, проявили себя в той игре не самым лучшим образом. Например, ударная тройка Викулов — Мальцев — Харламов сыграла ниже своих возможностей

(на чемпионате в Праге она была признана самой лучшей, а в матчах с канадцами только Харламов сыграл в полную силу, а его партнеры значительно хуже: Викулов забил две шайбы, Мальцев — ни одной). Все решил второй период, причем поначалу ситуация складывалась в нашу пользу — гол забил Ляпкин. Но затем канадцы прижали нас к нашим воротам и за одну минуту и 23 секунды (!) забросили аж три шайбы (Халл, Курнуайе и Хендерсон). До конца перерыва Якушев сумел сократить разрыв в счете, но это было все, на что оказалась способной в тот вечер наша сборная. В итоге 3:2 в пользу канадцев, и у них появился шанс выиграть серию.

25 сентября Москва прощалась с Борисом Ливановым. По словам О. Стриженова: «На траурную церемонию пришли все, даже те, из-за кого ему пришлось уйти из театра. Многие, глядя на мертвое тело, не могли избавиться от выражения испуга. Они-то знали все. Знали, почему удалили Ливанова из своего театра.

Когда на Новодевичьем кладбище произносили прощальные речи, вдруг обрушился невероятный ливень, раздались раскаты грома, и засверкала молния. Грустная Тарасова, которая обычно никуда не выходила, боясь простуды, промокла насквозь, но проводила своего старого товарища до самой могилы. О чем она думала? Наверное, что и ей скоро идти за Ливановым. Что все в мире бrenно.

— Даже природа рыдает по Борису Николаевичу, — заметил кто-то... »

26 сентября в одном из родильных домов столицы на свет появилась девочка, которую ее мама — актриса Театра на Таганке Татьяна Иваненко — назвала Настей. Между тем в свидетельстве о рождении девочки в графе «отец» стоял прочерк. Однако отец у девочки, конечно же, был, причем человек очень известный. По одной из версий, это был Владимир Высоцкий, в которого Иваненко влюбилась еще во время съемок фильма «Служили два товарища» в 67-м. Через год Высоцкий женился на Владди, однако, по свидетельству очевидцев, параллельно у него продолжался и роман с Иваненко. Итогом его и стало рождение дочери в 72-м. Как говорят люди, которые были посвящены в детали этого события, Высоцкий не хотел, чтобы Татьяна рожала, поскольку боялся, что последствия его болезни скажутся на его

детях. Но Иваненко решила иначе. По ее словам: «У меня очень много свидетелей, что это дочь Володи. И его мама, и Люся (Людмила Абрамова — вторая жена Высоцкого. — Ф. Р.), и его дети, которые мою дочь Настю называют своей сестрой, и все наши друзья. Почему я не дала дочери фамилию Высоцкого? Такой уж у меня характер, такой был у нас жизненный период. Но я могу привести массу свидетелей, которые скажут, что Володя на коленях просил меня записать ребенка на его имя. Я не хочу уточнять мотивы, но это происходило в тот период, когда он был женат на Марине Влади...»

Вечером того же дня на лед Дворца спорта в Лужниках вновь вышли участники суперсерии-72. Это была их предпоследняя, седьмая встреча между собой. К тому времени итог встречи был в пользу сборной СССР: три выигрыша, одна ничья и два поражения. У наших ребят в тот вечер был реальный шанс перетянуть чашу весов в свою пользу, выиграв у канадцев. В этом случае они стали бы недостижимы. Но и в этот раз ничего не получилось.

После предыдущей встречи, которая отличалась грубой игрой канадцев, многие наши хоккеисты вынуждены были играть, не залечив травмы. Например, богатырь Александр Рагулин вышел на лед с пластырем на щеке. А Валерий Харламов вообще на лед не вышел, его заменил Мишаков. Как признаются позже сами канадцы, перед вторым московским матчем их тренер Гарри Синден дал конкретную установку Бобби Кларку «поработать» с Харламовым. И Кларк постарался на славу — травмировал Харламову ногу.

Игра началась с яростных атак гостей. Они и отличились первыми: на 5-й минуте счет открыл Фил Эспозито. Но уже через шесть минут Якушев восстанавливает равновесие, а спустя еще пять минут Петров выводит нашу сборную вперед — 2:1. Но канадцам хватило две минуты, чтобы счет сравнять — это сделал вездесущий Эспозито. Во втором периоде ни одной из команд забить не удалось. А в заключительной двадцатиминутке шайбы вновь посыпались как из рога изобилия. Сначала Джильберт на 43-й минуте вывел канадцев вперед, но ненадолго — спустя три минуты Якушев счет сравнял. Последние несколько минут обе команды имели несколько прекрасных моментов выйти вперед, но надежно действовали вратари — Треть-

як и Драйден. И все же фортуна улыбнулась канадцам. За 2 минуты до конца игры провалились наши защитники (Цыганков ошибся в выборе позиции, а Васильев его не подстраховал), и Хендерсон все-таки забил победный гол. 4:3, и счет в серии сравнялся.

27 сентября в Москве выпал первый снег. Редкое явление для столицы, такое обычно происходило раз в десять лет.

В тот же день, в два часа дня, в Москворецком райкоме КПСС проходило заседание партийной комиссии, на которой рассматривалось несколько кандидатур для приема в партию. Среди кандидатов был известный поэт, актер и певец Юрий Визбор. Экзамен он провалил, о чем в тот же день записал в дневнике следующие строчки:

«Завалили на райкоме. Мужчина с дырчатым лицом, похожий на Толубеева, и комсомолец, похожий на артиста Кузнецова. Один человек, видно, хотел помочь, задавал легкие вопросы. Кадровик после всего этого сказал: «Ничего, не огорчайтесь, не переживайте — и не такое бывает». Еркина тоже завалили, спросили, о чем говорил Косыгин с иракским послом. Тот ответил: «Я такие мелкие сообщения не читаю».

Можно теряться в догадках, почему такого известного человека, каким был Юрий Визбор, не приняли в партию. Но одно точно: без прямого указания сверху здесь не обошлось. Видимо, чем-то Визбор кому-то не угодил. Может, тем, что в то время снимался в роли сподвижника Гитлера Мартина Бормана в телефильме «Семнадцать мгновений весны»? Уверен, снимайся он тогда в роли Ленина или, на худой конец, Дзержинского, вопрос с его членством в партии был бы решен положительно.

Телевизионный вечер в тот день был отдан на откуп футбольным болельщикам: транслировались сразу два матча розыгрыша европейских кубков. В Кубке европейских чемпионов киевские динамовцы встречались с австрийским «Ваккером», а столичный «Спартак» с голландской «Гаагой». Обе встречи принесли радость нашим болельщикам: динамовцы выиграли 1:0, а «Спартак» хоть и сыграл вничью 0:0, но по результатам двух встреч (первую он выиграл) прошел в следующую стадию турнира.

В четверг, 28 сентября, состоялся последний и решающий матч суперсерии-72 между хоккейными сборными СССР и Канады. На эту игру обе команды выставили свои лучшие составы, даже травмированные игроки вышли на лед. В частности, у нас это был Харламов, который предыдущую встречу пропустил из-за травмы. Но теперь перед матчем к нему подошел тренер Кулагин: мол, Валера, надо поговорить. Когда они уединились, Кулагин начал разговор издали: стал рассказывать о травмах, которые преследовали его в бытность игроком. А потом неожиданно спросил: повышается ли, например, настроение перед матчем со «Спартаком», если вдруг узнаешь, что не смогут по какой-то причине играть против ЦСКА Шадрин или Якушев? Харламов ответил утвердительно. «Вот-вот, — обрадовался Кулагин. — Значит, ты согласен, что отсутствие лидеров команды — это своеобразный допинг для соперников?» Харламов вновь вынужден был согласиться и понял наконец, куда гнет тренер, — к его выходу на лед в последнем матче. Разве мог Валерий отказаться помочь своим товарищам?

Игра началась с обоюдных атак. Но первым повезло нашим: когда канадцы дважды нарушили правила и сразу двое игроков их команды отправились на скамейку штрафников, Якушев, умело действуя на «пяточке», на 4-й минуте сумел забросить шайбу. Однако радость хозяев поля была не долгой: Эспозито удается сравнять счет. Затем обе команды еще раз обменялись голами: на шайбу Лутченко Брэд Парк ответил своей. Первый период закончился ничью 2:2.

Вторая двадцатиминутка была целиком за нашими ребятами. Взвинтив темп, они буквально «раскатали» канадцев подчистую. Сначала Шадрин вывел нашу сборную вперед. А когда Уайт все же вновь восстановил равновесие, наши еще немного поднажали и повергли канадцев в шок, забросив одну за другой сразу две шайбы (Якушев и Васильев). С весьма неприглядной стороны показал себя в этом отрезке канадский тренер Синден. Когда судья удалил на 2 минуты игрока его команды Паризе, он внезапно перестал себя контролировать и в порыве бешенства швырнул на поле сначала свой пластиковый стул, а затем и стул своего помощника Фергюссона. Но эта вспышка гнева не прибавила канадцам сил: с перевесом в две

шайбы в пользу советской сборной команды разошлись на третий перерыв. Наши болельщики ликовали, уверенные в том, что этот перевес позволит нашим ребятам выиграть серию. Каким тяжелым было последующее разочарование.

На заключительную двадцатиминутку канадцы вышли не похожими на себя прежних. То ли тренеры здорово их накачали в раздевалке, то ли они сами прониклись ответственностью, но «Кленовые листья» буквально с первых же секунд бросились на штурм ворот Третьяка. В итоге Эспозито и Курнуайе делают счет в игре ничейным — 5:5. Завершился матч с таким результатом, это сыграло бы на руку нашим ребятам, поскольку тогда по разнице забитых и пропущенных шайб они смогли бы считать себя победителями серии. Но фортуна решила все-таки улыбнуться гостям. Причем на последних секундах матча. Вот как вспоминает об этом В. Третьяк:

«Наши игроки изменили своему обычному стилю, перешли к обороне. «Вместо постоянного наступления, которое их никогда не подводило, русские стали откатываться назад, — писал в своей книге «Хоккейное откровение» тренер канадцев Г. Синден. — Это предоставило нам лучшие возможности... Теперь, более чем когда-либо, раньше мои парни настроены победить. Наши соперники стремились сохранить ничью. Мы — нет...»

И за 34 секунды до конца матча (за 34!) Хендерсон вывел профессионалов вперед — 6:5. Этот гол я всегда буду считать самым обидным из всех пропущенных.

Шайбой тогда владели наши хоккеисты. А Пол Хендерсон, споткнувшись, распластался за моими воротами. Но тут следует небрежный пас Васильева, и Курнуайе перехватывает шайбу. Никто не понял, что произошло. Полу-пас следует как подарок судьбы, он явно не ждет его. Но... Все остальное — дело техники.

Я вообще считаю, что именно Хендерсон стал главным героем той серии. Не Эспозито, как думают многие. Пол забил решающие голы в двух последних играх. Он стал легендой за океаном. Любой канадец скажет вам, где находился и что дело было в двух случаях: когда стреляли в президента Д. Кеннеди и когда Пол Хендерсон забивал победную шайбу в серии-72...»

Как напишет в те дни канадская газета «Джорнэл»: «Легкой прогулки по Европе не получилось и, как мы теперь понимаем, получить не могло. Мы открыли для себя хоккей, в котором все не так, но в котором все не менее солидно и прочно...»

Между тем хоккейная тема на этом не исчерпывается. 29 сентября в Отделе пропаганды ЦК КПСС появилась бумага под грифом «Секретно», в которой тщательным образом разбирались «дело Анатолия Тарасова» — бывшего тренера национальной сборной по хоккею и ныне действующего тренера ЦСКА. Чем же он провинился?

Некоторое время назад в Швеции была издана книга Тарасова «Хоккей — моя жизнь», составленная на основе трех его книг: «Совершеннолетие», «Путь к Олимпу» и «Хоккей грядущего». Событие, вроде бы, ординарное и вполне безобидное, если бы не одно «но»: дело в том, что сам Тарасов никого из вышестоящих начальников об этом факте не информировал и гонорар за книгу якобы «зажал». Во всяком случае, так сообщал в ЦК тогдашний посол СССР в Стокгольме. По этому поводу Тарасова вызвали на Старую площадь для дачи объяснений. Тот на вызов откликнулся и рассказал, что: во-первых, книга выпущена без его согласия, во-вторых — никакого гонорара он за нее не получал. По факту этого заявления было проведено расследование, которое подтвердило правдивость сказанных Тарасовым слов. Однако, несмотря на это, тренера здорово пропесочили, причем в нескольких инстанциях: в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР, в Политуправлении Сухопутных войск, в ЦК КПСС. В депеше, о которой идет речь, сообщалось:

«При расследовании вскрыты факты, свидетельствующие о том, что тов. Тарасов А. В. не всегда серьезно и ответственно подходил к установлению знакомств с некоторыми иностранными журналистами, порой допускал излишнюю доверчивость в беседах с ними, что явилось поводом для использования его имени в буржуазной печати.

В этой связи тов. Тарасову А. В. строго указано командованием. Его поведение обсуждалось в политическом отделе ЦСКА с участием руководства клуба и партийной организации. Тов. Тарасов А. В. признал свои недостатки,

дал им правильную оценку и заверил, что в дальнейшем подобных ошибок не допустит...»

Подоплека этого дела была известна лишь узкому кругу людей. Суть ее заключалась в том, что против Тарасова таким образом интриговали люди, которые не хотели его возвращения на тренерский мостик национальной сборной. Они подозревали, что советская сборная в суперсерии против канадских профессионалов с треском провалится (как покажет действительность, наши ребята уступят соперникам минимально), после чего «наверху» созреет идея вновь вернуться к услугам Тарасова. Чтобы избежать этого и была разыграна хитроумная комбинация с книгой. Она принесла ее разработчикам успех: великого тренера к работе со сборной не привлекли.

В тот же пятничный день, 29 сентября, съемочная группа фильма «Плохой хороший человек» закончила съемки в Евпатории (теперь ей предстала съемка природы в Пицунде). Вспоминает С. Жолудев:

«Хорошо помню последнюю съемку в Евпатории, в татарском квартале возле рыбзавода. Маленькая, узенькая улочка, а со всех этажей завода свесились девочки и мальчики в белых халатах. Как обычно — когда идет съемка, всегда собирается толпа. Надо сказать, что поскольку я Володю (Высоцкого) знал давно, то никогда всеобщего ажиотажа вокруг него не разделял и довольно криво улыбался, глядя на все это. Я даже не ожидал, честно говоря, такой популярности.

Съемка закончилась поздно, уже темнело. В этот вечер мы уезжали в Симферополь, чтобы оттуда перелететь в Гагры — в Адлер. Может быть, уже уложили чемоданы, такое у меня осталось ощущение. Наконец: «Стоп! Все! Закончили!» — и тут выскакивают какие-то девушки и мужики, несут три огромных ящика рыбы. Такой рыбы я ни до, ни после не видел. Громадные лососи (на самом деле они назывались «кефаль копченая») складывались у ног Высоцкого. Не помню, как к нему обращались: «товарищ Высоцкий», «Владимир Семенович» или «Володя» — а может быть, никак, может, в третьем лице, — но помню совершенно умиленные лица этих девочек и ящики у его ног: «Это вам!»

Он смутился: «Да что вы? Да куда же, как же?!» И к нам: «Ребята, вы это все забирайте с

собой в Пицунду. Я потом приеду, тоже по-пробую». Это были необыкновенные рыбины, которые мы не могли съесть в течение полутора месяцев нашей экспедиции в Гаграх...»

И еще одно событие датировано тем днем 29 сентября: в Грузии состоялся Пленум тамошнего ЦК КП, на котором с поста 1-го секретаря ЦК был смещен Василий Мжаванадзе. Этот человек в течение 19 (!) лет правил республикой, превратив ее чуть ли не в одну из самых коррумпированных в Союзе. Власть теневое капитала в ней распространялась на все сферы жизни общества. Даже тамошнее МВД было основательно разложено взяточниками и мздоимцами. Как-то в самом начале 70-х министр внутренних дел СССР Николай Щелоков на совещании в Москве упрекнул министра ВД Грузии Эдуарда Шеварднадзе в том, что служба ГАИ Грузии занимается денежными поборами и количество таких мздоимцев составляет чуть ли не 50% личного состава. Шеварднадзе молча выслушал упрек министра и, вернувшись на родину, решил лично проверить верность слов Щелокова... Загримировавшись под рядового гражданина, он сел за руль обычного «Москвича» и выехал на дороги Тбилиси. То, что он увидел, потрясло его неимоверно. Поборами занимались не 50% сотрудников ГАИ, а все 100%. После этого Шеварднадзе провел кардинальную чистку республиканской службы ГАИ, но ликвидировать поборы окончательно так и не сумел.

Между тем Мжаванадзе был личным другом Л. Брежнева и за его широкой спиной чувствовал себя вполне уверенно. Сместить его пытались несколько раз, однако все попытки заканчивались безрезультатно. И только в 72-м очередная попытка увенчалась успехом. А завязка этой истории была настолько крутой, что могла бы послужить затравкой для любого детектива.

На одном из официальных приемов в Тбилиси пронизательный Шеварднадзе заметил на руке супруги Мжаванадзе Виктории бриллиантовое кольцо, представлявшее музейную ценность и давно разыскиваемое Интерполом. Шеварднадзе по своим каналам установил, что кольцо подарил первой даме республики подпольный воротила Лазишвили. Эта информация полетела в Москву и легла на стол Ю. Андропова. Взвесив все «за» и «против»,

председатель КГБ дал добро на смещение Мжаванадзе.

Начать операцию Шеварднадзе решил, надежно прикрыв тылы. Он хотел скандала, который всколыхнул бы общество. И такой скандал летом 72-го состоялся. Под Сухуми силами МВД республики был найден тайный завод по производству оружия. Оружие продавалось преступникам и являлось источником многих бед как для жителей самой Грузии, так и для ее соседей. Об обнаружении этого подпольного завода оповестила жителей республики партийная газета «Заря Востока». Через несколько дней этот номер газеты лег на стол Леонида Брежнева. Тот дал отмашку сместить Мжаванадзе. Причем сделано это было в лучших традициях того времени — без скандала. 22 сентября, в связи с 70-летием, Мжаванадзе был награжден орденом Октябрьской революции, а спустя неделю смещен со своего поста. Видимо, понимая, что при новом пересеке — им стал Шеварднадзе — ему придется несладко, Мжаванадзе с семьей переехал в Москву, где получил квартиру, дачу и персональную машину. Чуть позже он перебрался жить на Украину (его жена была родной сестрой бывшего 1-го секретаря ЦК КП Украины Петра Шелеста).

В заключение главы, как обычно, столичная афиша развлечений. В кинотеатрах состоялось несколько премьер: одна отечественная — фильм Анатолия Чемодурова «Если ты мужчина» с участием Бориса Токарева, его супруги Людмилы Gladунко и др. (25-го), и две заграничные — итальянская криминальная драма Дамиано Дамиани «Признание комиссара полиции прокурору республики» и американская социальная драма Стэнли Крамера «Благословие зверей и детей».

Кино по ТВ: «Мы с вами где-то встречались», «Порожний рейс» (16-го), «Без вины виноватые», «Хозяин тайги» (17-го), «В мертвой петле» (18-го), «Палач не ждет» (премьера т/ф, 19-го), «Мадам Бовари» (ФРГ, 19—20-го), «Выстрел на границе» (20-го), «Дело № 306» (22-го), «Малыш и Карлсон», «Гусарская баллада» (23-го), «Директор» (23—24-го), «Тихая Одесса» (24-го), «Первый троллейбус» (25-го), «Песнь о Маншук» (впервые по ТВ, 26-го), «По тонкому льду» (27—28-го), «Доживем до понедельника» (29-го), «Максим Перепелица» (30-го) и др.

Безусловным хитом телепоказа стало очередное «дело» (№ 6) из сериала «Следствие ведут знатоки», премьера которого состоялась вечером 16—17 сентября. «Дело» называется «Шантаж» и, на мой взгляд, является одним из лучших в сериале. Это в нем шантажируют Зиночку Кибрит (в роли шантажиста — Армен Джигарханян), а та, вместо того чтобы испугаться, ловко вырезает подкладку на стуле, на котором только что сидел преступник. В «деле» собран замечательный актерский ансамбль, причем «злодеи» (Александр Кайдановский, тот же Джигарханян) явно переигрывают знатоков. Но всех затмила актриса Театра имени Гоголя Э. Мильтон, которая исполнила роль главного «злодея» — Антонины Валерьяновны Праховой. Ряд эпизодов с ее участием просто бесподобен: когда она наставляет дамский пистолет на Джигарханяна, когда в ее доме проводится обыск. Короче, настоящий пир для зрителей!

Из театральных премьер назову следующие: 17-го в ЦТСА — «Забыть Герострата!»; 18-го в Театре оперетты — «Весна в Москве»; 20-го в Театре имени Пушкина — «Квадратура круга» В. Катаева с участием В. Алентовой, В. Безрукова, В. Бурова и др.

Фирма «Мелодия» выпустила в свет несколько новинок, в частности первый твердый миньон Владимира Высоцкого (до этого — в 1967 году — была выпущена гибкая пластинка с песнями из фильма «Вертикаль»). На первом «твердыше» Высоцкого тоже звучали песни,

написанные им специально к фильмам: «Он не вернулся из боя», «Песня о земле» (из к/ф «Сыновья уходят в бой»), «Песня о новом времени» (к/ф «Война под крышами»), «Братские могилы» (к/ф «Я родом из детства»).

Из других новинок грамзаписи выделю следующие: диск Муслима Магомаева, на котором звучали песни: «Граната» (Д. Ларра), «Не думай обо мне» (Чиорелли), «Опавшие листья» (Ж. Косма), «Прими мою любовь» (Донада), «История любви» (Ф. Лей), «Вниз по реке» (англ. нар. песня), «Зеленая трава у моего дома» (Л. Рид), «Песенка Паганеля», «Песня Роберта» (И. Дунаевский — В. Лебедев-Кумач), «Песня о дружбе», «Романс Лапина» (Т. Хренников — М. Матусовский), «Давным-давно», «Песенка Лепелетье» (Т. Хренников — А. Гладков), «В нежданный час» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский); диск «От песни к песне» на котором звучали хиты в исполнении: Тома Джонса («Дитя природы», «Помоги себе», «Будь со мной»), Б. Винтона («Все еще», «Это бессмысленно», «Вместе») и др.; твердый миньон «Музыка кино» с песнями: «Лесной олень» (Е. Крылатов — Ю. Энтин, из к/ф «Ох, уж эта Настя!») — Аида Ведищева, «Что будет, то и будет» (Е. Крылатов — Б. Ахмадулина, к/ф «Достояние республики») — Андрей Миронов, «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев—И. Шаферан, т/ф «Тени исчезают в полдень») — И. Карелина, «Гусарская баллада» (В. Соловьев-Седой — М. Ножкин, к/ф «Шельменко-денщик») — Эдуард Хиль.

1972

Октябрь

По следу карателя. Как познакомились Муслим Магомаев и Тамара Синявская. Загадочная смерть писателя Ивана Ефремова. Самоубийство дочери Рокоссовского. Владимир Высоцкий: я схожу с ума! Миронов — Егорова: флирт в колхозе. Коваленко передает эстафету Третьяку. Преступник Столяров арестован. «Аристократы» и «плебеи» молодежной тусовки. «Хроника текущих событий»: остановка по вине КГБ. Дочь отвечает за отца: неприятности в семье Сахарова. «Звездная» болезнь Анатолия Кожемякина. «Машина времени»: осень 72-го. Шостакович в санатории «Барвиха». Как Даль кричал Высоцкому: «Убей меня!» Незапланированный концерт Высоцкого в Гаграх. Никита Михалков отправляется в экспедицию. Суд над Кронидом Любарским: Боннэр дает пощечину гэбисту. Умер Александр Бек. Футбольная сенсация года: «Заря» — чемпион. Первые гастроли Сальваторе Адамо в Советском Союзе. Журнал «Кругозор» реабилитирует творчество «Битлз».

Описание октябрьских событий начнем с сообщения на криминальную тему. В селе Тарасовка, который находился на территории Великописаревского РОВД Сумской области, во время исполнения служебного долга героически погиб милиционер Петр Веркасов. Он входил в состав группы, которая выслеживала бывшего карателя Почернина, ударившегося в бег. По агентурным данным, преступник, обложенный со всех сторон, должен был объявиться в окрестностях Тарасовки. Поэтому там была оставлена засада, в которую помимо Веркасова входили еще трое — местные дружинники. Сутки засада прождала напрасно, а вот на второй день вечером впереди на дороге возник силуэт мужчины. Поскольку из-за темноты лица его было не разобрать, Веркасов принял решение познакомиться с ним поближе. Он вышел из укрытия и окликнул мужчину. Но стоило ему себя обнаружить, как незнакомец тут же рванул от него в сторону. Веркасов бросился в погоню. Но, пробежав всего лишь несколько шагов, нарвался на пулю — это незнакомец на бе-

гу выстрелил в него из пистолета. Свинец угодил в грудь милиционеру. Но, прежде чем упасть и потерять сознание, Веркасов из последних сил вскинул руку с зажатым в ней табельным «макаровым» и выстрелил в удаляющуюся фигуру. Итог погони: Веркасов умер по дороге в больницу, а преступник (им оказался разыскиваемый каратель) получил тяжелое ранение и был схвачен.

Из Сумской области перенесемся в Москву. Там 2 октября в шестом павильоне «Мосфильма» съемочная группа фильма «Иван Васильевич меняет профессию» приступила к павильонным съемкам. Для этих целей в павильоне студии была воздвигнута поистине грандиозная конструкция — там удалось разместить сразу 15 разных объектов: квартиры Шурика и Шпака, лестничную площадку, вход в лифт, кабину лифта, а также декорации палат Ивана Грозного. Этот единый декорационный комплекс позволил киношникам, во-первых, снизить стоимость строительства декораций и, во-вторых, — сократить сроки производства фильма.

Тем временем в первые дни октября в Баку проходила декада русского искусства, на которую съехались многие известные артисты. В частности, там была группа артистов из Большого театра в лице Евгения Нестеренко, Нины Фоминой, Евгения Райкова, Кирилла Кондрашина, Тамары Синявской. Был там и признанная звезда советской эстрады Муслим Магомаев, который находился в Баку не в качестве гостя, а как полноправный хозяин, поскольку именно там родился. Во время декады произойдет знаменательная встреча Магомаева с Синявской, которая впоследствии приведет обоих под венец. Но расскажем обо всем по порядку.

Синявская стала солисткой Большого восемь лет назад, до этого год пробыв в стажерской группе. В 1968 году к Синявской пришел первый международный успех — на Международном конкурсе вокалистов в Софии ей присудили первую премию. Затем награды посыпались на нее как из рога изобилия: 1969 год — «Гран-при» Международного конкурса вокалистов в Вервье, 1970 — первая премия четвертого Международного конкурса им. П. Чайковского в Москве. В Большом она исполняла партии Ольги в «Евгении Онегине», Полины (Миловзор) в «Пиковой даме», Фроськи в «Семене Котко».

Магомаев впервые увидел и услышал Синявскую году примерно в 70-м. Он сидел с друзьями на какой-то вечеринке, а по телевизору выступали участники конкурса имени Чайковского. При виде Синявской Магомаев сказал друзьям: мол, вот настоящее меццо-сопрано! Друзья удивились, поскольку в его устах эта похвала выглядела странно: до этого Магомаев никогда не был большим поклонником женского голоса. Но Синявскую он сразу отметил и запомнил. После этого творческая судьба несколько раз сводила Магомаева и Синявскую вместе на разного рода концертных площадках, однако близко познакомиться им никак не удавалось. Пока не пришел октябрь 72-го.

Их первая встреча на декаде произошла 3 октября благодаря поэту Роберту Рождественскому: это он во время очередного концерта в филармонии подозвал Магомаева и представил миловидной женщине. Магомаев назвал себя: «Магомаев», на что женщина улыбнулась и ска-

зала: «И вы еще представляетесь? Вас ведь знает весь Союз. А меня зовут Тамара».

По словам самого певца, это было обычное светское знакомство, но у него сразу возникло приятное ощущение уюта и симпатии — никакой натянутости, как обычно бывает на такого рода мероприятиях с их дежурными полупоклонами, полуулыбками. Тамара ему понравилась сразу. Как выяснилось позже, и он ей тоже.

Через пару дней глава Азербайджана Гейдар Алиев, который лично курировал декаду, распорядился нагрузить яствами паром, курсировавший между Баку и Нефтяными Камнями, и отправил артистов в морское путешествие. Однако двух человек на нем не оказалось: Магомаева и Синявской. К тому времени они уже успели хорошо познакомиться друг с другом и теперь все свободное время проводили вместе. А морское путешествие они проигнорировали по простой причине — хотели побыть наедине, получше приглядеться друг к другу. Стоит отметить, что на тот период Магомаев был свободен от уз Гименея, а вот Синявская нет. Однако это обстоятельство ее несколько не смущало, поскольку ничего предосудительного в своем поведении она не видела и их отношения внешне выглядели вполне безобидно: дескать, на правах хозяина Магомаев знакомит гостью с достопримечательностями города.

Между тем в тот день, когда все участники декады совершали круиз на пароме, Магомаев повел Синявскую в кино. Да-да, не удивляйтесь, именно в кино, причем на фильм... про самого себя. Дело в том, что той осенью на широкий экран вышел фильм «Муслим Магомаев», который сам певец, в силу своей творческой загруженности, еще не успел посмотреть. А тут как раз представилась прекрасная возможность сделать это, да еще в компании красивой спутницы. Короче, они отправились в Клуб моряков, где шел фильм, и прекрасно провели время. А в последующие дни декады свое шефство над парочкой «голубков» взял близкий приятель Магомаева, бывший музыкант Давуд Кадымов. Он лучше Магомаева знал, где в Баку можно отвести душу, потешить столичную гостью национальной едой. Так Синявская впервые оказалась в настоящей чайхане. Правда, первое ее впечатление от посещения чайханы было не слишком приятным —

она показалась ей неопрятной. Но, когда на стол были выставлены фантастические яства, коих она сроду во рту не держала, ее мнение об этом заведении резко изменилось.

Однако жизнь такая штука: у одних людей на душе может быть радость, у других наоборот — горе. Пока Магомаев с Синявской счастливо проводят время в Баку, в Москве, в семье известного писателя-фантаста Ивана Ефремова разворачиваются весьма драматические события. Мы помним, что еще в ноябре 70-го года писатель навлек на себя гнев ЦК КПСС своим романом «Час быка», в котором бдительные партийные идеологи усмотрели прямой выпад против советской власти: мол, в своем романе Ефремов под видом критики общественного строя на фантастической планете, по существу, клеветает на советскую действительность. После этого писателя вынудили переделать роман. Однако даже после того, как это было сделано, Ефремова продолжали третировать: 5-е Управление КГБ установило за ним круглосуточную слежку. Кульминация этих событий наступила 4 октября 1972 года. Вечером того дня сосед Ефремова по дому П. Чудинов, прогуливаясь по двору, обратил внимание на яркий свет в квартире Ефремова. Он решил навестить соседа. Однако в квартиру его не пустили, сказав, что у Ефремова работает литературная комиссия. Видимо, это насторожило Чудинова и соседей Ефремова, которые вызвали к месту происходящего участкового милиционера. Однако тот тоже вынужден был уйти не солоно хлебавши: серьезный мужчина в штатском, вышедший на звонок на лестничную площадку, объяснил милиционеру, что в квартире писателя Ефремова работает уголовный розыск, что все под контролем. Как выяснилось позже, на самом деле у писателя проводился форменный обыск силами 12 кагэбистов. Обыск продолжался до полпервого ночи. Что конкретно искали чекисты в доме писателя, неизвестно, однако на следующий день Иван Ефремов внезапно скончался — не выдержало сердце. А следом за этим по Москве пошли слухи о том, что покойный писатель — агент английской разведки. Слух этот, судя по всему, был запущен КГБ в целях компрометации честного имени покойного писателя. Так сказать, своеобразная месть ему за его роман «Лезвие бритвы». По версии КГБ, «падение» Ефремова случилось

много лет назад и выглядело следующим образом.

Отец будущего писателя — вдовый торговец из Англии — оказавшись на грани разорения, решил поправить свои финансовые дела с помощью родной разведки. Он стал ее сотрудником и был отправлен в Россию под видом торговца. Вместе с ним туда же отправились его малолетний сын Майкл и компаньон — купец Антон Ефремов. Последний не знал об истинной миссии отца мальчика, поэтому к шпионской деятельности не имел никакого отношения. Правда вскрылась только в 17-м году, когда отец Майкла смертельно заболел и решил открыться перед своим компаньоном. Он попросил Антона усыновить сына и не открывать властям правду о том, кем был его отец. Антон так и сделал. Так на свет появился будущий писатель Иван Ефремов.

Безмятежная жизнь Ивана продолжалась до начала 20-х годов. Он тогда учился в Горном институте и мечтал стать моряком. Однако в один из дней к нему явился человек, представившийся другом его покойного отца. Это был посланник английской разведки, который выложил перед парнем всю правду о том, кто на самом деле его подлинный отец и где он работал. В итоге Иван Ефремов дал свое согласие пойти по стопам своего родителя. И на протяжении почти 50 лет работал на английскую разведку. Он даже в жены взял себе не простую девушку, а тоже английскую шпионку — Таисия Иосифовна была завербована британцами еще в 11-летнем возрасте, когда находилась в оккупации на Западной Украине.

Примерно в 60-е годы отношения Ефремова с английской разведкой внезапно охладели. Причем инициатором этого был писатель. К тому времени он уже стал известной личностью, был награжден орденом Трудового Красного Знамени за свои писательские заслуги, и сотрудничество с англичанами его тяготило. В конце концов он решил порвать с ними всяческие контакты. И поплатился за это: бывшие хозяева убрали его, применив иезуитский способ. Пользуясь тем, что писатель вел обширную переписку, они прислали ему письмо, обработанное сильнодействующим ядом. Когда Ефремов надорвал конверт, началась химическая реакция, и он задохнулся в ядовитых парах.

Еще одной жертвой КГБ в те октябрьские дни стала дочь прославленного маршала Константина Рокоссовского Ада. В мае этого года она была приглашена в Польшу на празднование Дня Победы и там потеряла бдительность. На одном из приемов к ней подошел корреспондент журнала «Штерн» и спросил: «Где все-таки родился ваш отец?». Ада, выпившая шампанское, забыла о бдительности и сказала: «Как где? В Варшаве...»

Едва дочь полковника вернулась на родину, как ее тут же вызвали на Лубянку. Следовательно, к которому она пришла, не стал юлить и тут же выложил перед ней свежий номер «Штерна», на обложке которого Ада увидела свою фотографию и жирный текст: «Мой отец родился в Варшаве». Аду заставили объясняться, причем в довольно грубой форме. Домой она вернулась в сильной депрессии. Родные и друзья пытались успокоить ее, но все было напрасно. Если бы КГБ забыл эту историю, возможно, все бы завершилось благополучно. Но чекисты продолжали донимать дочь полковника вызовами на новые и новые допросы. В какой-то из моментов нервы женщины не выдержали: октябрьской ночью 72-го Ада взяла в руки именную пистолет отца и... Сиротами остались двое детей. Хоронили самоубийцу на Новодевичьем кладбище, глубокой ночью. КГБ не хотел огласки этой трагедии.

3—6 октября в «Большой перемене» снимали заключительный эпизод фильма — танцы в спортзале, несмотря на то, что до конца картины было еще далеко. Но такова специфика кинопроизводства — снимают то, что удастся. Так получилось, но в те дни начала октября на съемочной площадке удалось собрать большинство актеров, задействованных в этой сцене. За четыре дня сняли практически весь объект, в частности, следующие эпизоды: Нестор Петрович, получив от тети Глаши очередную порцию пирожков, переданных ему Ледневой, бежит разбираться с девушкой; Петя Тимохин вдруг из скупердя превращается в щедрого человека и на глазах своей возлюбленной Коровянской зовет всех в буфет — пировать на его деньги (3 октября); все главные герои фильма воссоединяются со своими половинами, в том числе и Нестор с Полиной (6 октября).

Съемочная группа другого фильма — «Плохой хороший человек» — работает в те дни в

Пицунде. Владимир Высоцкий, играющий в нем роль фон Корена, наезжает туда из Москвы по мере надобности — раз в два-три дня. Некоторых актеров это напрягает: например, Анатолий Папанов, играющий доктора Самойленко, иной раз жаловался: почему, дескать, снимают Высоцкого и не снимают его. Ему в таких случаях тактично отвечали: «Анатолий Дмитриевич, вы с нами, вы в отпуске, а у Высоцкого всего два дня».

В отличие от большинства членов съемочной группы, которые жили между Гаграми и Пицундой в небольшом курятнике на берегу, Высоцкого поселили непосредственно в Гаграх. Когда Высоцкий приезжал на съемки, его обязательно кормили той самой рыбой, которую ему преподнесли поклонники в последний съемочный день в Евпатории. Этой копченой кефали было так много, что она была распихана буквально по всем холодильникам, и каждый раз киношники изошрялись в ее приготовлении. При этом всегда использовались яйца, поскольку ничего другого там и не было: только эта кефаль и яйца. Обычно объявлялся конкурс на лучшую яичницу, участники придумывали 40—50 сортов — дальше этого фантазия не могла пойти. Все это дело, естественно, шло под водочку. Правда, Высоцкий, недавно в очередной раз «зашившийся», тогда не пил. Отснявшись в своих эпизодах, он тут же возвращался в Москву. О его настроении в те дни можно судить по записи в дневнике Валерия Золотухина, которую он сделал 9 октября:

«Высоцкий: Валера, я не могу, я не хочу играть... Я больной человек. После «Гамлета» и «Галилея» я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет — руки дрожат... После монолога и сцены с Офелией я кончен... Это сделано в таком напряжении, в таком ритме — я схожу с ума от перегрузок... Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру... а дальше нужно еще больше, а у меня нет сил... Я бегаю, как загнанный заяц, по этому занавесу. На что мне это нужно?... Хочется на год бросить это лицедейство... это не профессия... Хочется сесть за стол и спокойно пописать, чтобы оставить после себя что-то...»

В жизни другого известного артиста — Георгия Менглетта — наоборот, все прекрасно. Месяц назад (4 сентября) ему исполнилось 60 лет, и эту дату широко отмечали в родном для

актера Театре сатиры. А в начале октября часть труппы вместе с юбиляром отправилась в один из колхозов Солнечногорского района Подмосковья, чтобы набраться впечатлений перед постановкой производственной пьесы «Таблетка под язык». Рассказывает Т. Егорова:

«Мы в автобусе мчимся по шоссе ранним солнечным утром. В окнах мелькают желтые и красные листья. Председатель колхоза, все руководящие партийные лица встретили нас радостно, как обычно всегда встречают артистов. Экскурсия наша началась с птицефермы — в клетках сидели кудахтающие куры и ни одного петуха. Жорик Менглет, наглядевшись на это куриное царство, вдруг громко, на всю птицеферму спросил у сопровождающих нас колхозниц в белых халатах:

— Скажите, пожалуйста, а у вас яйца со спермой? Я не вижу ни одного петуха!

Сопровождающие колхозницы в белых халатах нервно взвизгивали и в пылу гормонального смеха отвечали:

— Ой! Что вы! Ой, ну, Георгий Палыч, скажете?! Без спермы! Через укол оплодотворяем. Каждый вечер! Новая технология!

— Вот это да-а-а-а! — изумляется Менглет. — Каждый вечер! Вот это технология!..»

Во время той поездки Андрей Миронов предпринял новую попытку ухаживаний за Егоровой. На банкете, состоявшемся после экскурсии, он сидел напротив своей бывшей возлюбленной и не сводил с нее глаз. Татьяна отвечала ему тем же. Ночью, когда они возвращались на том же автобусе в Москву, Миронов внезапно вскочил со своего места, схватил Егорову за руку, и они под собственный джаз-голос стали лихо танцевать в узком проходе.

Когда автобус подвез артистов к театру, Миронов вызвался довезти Егорову до ее дома на собственной машине. Та согласилась. По дороге Миронов внезапно ей признался:

— Я потерял тебя и потерял радость жизни.

Возле подъезда, где жила актриса, они вышли из машины, чтобы проститься. И тут произошло неожиданное — из темноты внезапно нарисовался еще один возлюбленный Егоровой — сценарист. Увидев его, Миронов едва не взорвался: он замахнулся кулаком, но затем передумал драться, вскочил в машину и с пронзительным визгом шин, на бешеной скорости

умчался. Сценарист спустя несколько секунд сделал то же самое.

10 октября в Кунцево снимали очередной эпизод фильма «Большая перемена»: Петя Тимохин (Савелий Крамаров) заявляется к своей невесте Коровянской (Нина Маслова) на работу. Помните: она укладывает катком асфальт и плачет из-за того, что ее едва не исключили из вечерней школы. Если зритель внимательно посмотрит фильм, он заметит в этом эпизоде одну накладку: в одном кадре герой Крамарова без головного убора, а в другом уже в кепке. Объясняется это просто: эпизод снимали в два захода — 10 октября и на следующий день. Видимо, киношники так закрутились, что даже не вспомнили, как был одет герой Крамарова накануне. А во время монтажа изменить что-либо было уже невозможно.

10 октября в Горьком, во время очередного матча по хоккею в рамках чемпионата СССР (он начался 2 октября), в котором встречались местные торпедовцы и столичный ЦСКА, произошло знаменательное событие — вратарь «Торпедо» и национальной сборной Виктор Коноваленко в торжественной обстановке передал свою вратарскую клюшку в сборной Владиславу Третьяку. Так произошла смена поколений: вместо Коноваленко, который отыграл в сборной 17 лет, в «рамку» встал 20-летний Третьяк.

На следующий день в Москве был обезврежен опасный преступник Александр Столяров, решивший повторить путь маньяка по прозвищу Мосгаз. Как мы помним, 19 сентября он убил и ограбил пенсионерку Елизарову, проживавшую на Севанской улице. В течение трех последующих недель Столяров сидел тише воды, ниже травы, наблюдая реакцию милиции на совершенное им убийство. Видимо, эта реакция преступника вполне удовлетворила, если спустя три недели он вновь вышел на свою кровавую охоту.

Хотите верьте, хотите нет, но место для нового преступления он выбрал... на той же Севанской улице, что и в первом случае. Более того — это был соседний дом. Не стал Столяров менять и сценарий преступления: он методично обошел несколько квартир, пока в одной из них дверь ему не открыла пожилая женщина. Ей суждено было принять смерть от удара тяжелым предметом — на сей раз это был

молоток. Добыча преступника, как и в первом случае, была невелика: золотые часы, мохеровый шарф и 192 рубля наличными. Однако на этот раз уйти безнаказанным ему не удалось. Кто-то из жильцов, видимо, наслышанный об убийстве в соседнем доме, решил позвонить в милицию и рассказать о подозрительном сантехнике из технадзора. Милиционеры тут же примчались к месту вызова. Но они разминутись с преступником буквально на несколько минут. Понимая, что далеко уйти он не мог, сыщики бросились в погоню. И спустя 10 минут заметили на Кавказском бульваре молодого человека, внешний вид которого подходил под описание свидетелей. Говорят, когда Столярова взяли под локти, он даже не сопротивлялся — столь неожиданным оказался для него этот арест.

15 октября в Париже советская сборная по футболу играла первый матч в рамках отборочного турнира чемпионата мира с командой Франции. Сыграла неудачно, проиграв его 0:1.

В тот же день в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо одной из читательниц — москвички Наташи Чернышевой, которое вызвало большой резонанс у читателей. В нем 15-летняя девочка рассказывала о компании, в которой ей приходится общаться, о нравах, царивших в ней. Вот лишь небольшой отрывок из письма:

«Наши ребята хорошие, но для них нет ничего святого. Хоть это и слишком громко сказано, но это так. Нет ничего святого, начиная с малого и кончая великим... Если идет концерт художественной самодеятельности, мы собираемся «поржать» и обсмеиваем каждый номер. Мы любим смеяться над старыми фильмами. Мы смеемся над всем старым и неуклюжим. Всего ужаснее, что я понимаю, что это плохо, но смеюсь, издеваюсь, и мне это нравится. Фильмы и концерты — это чепуха. Мы смеемся над пенсионером, иронизируем по поводу его прошлого... Это гадко, и мне это не нравится...

Мы называем себя «аристократией», всех остальных — «плебейми». Так вот, я не хочу покидать «аристократию» и оставаться в одиночестве.

Скажите: найди хороших ребят и дружи с ними. А где они, ваши хорошие ребята? С «аристократией» мне хоть интересно, а с другими я не знаю, о чем говорить. Мы с классом пошли

в музей. Видели бы вы, как они хихикали над скульптурами, потому что они «голые». На уроках несут такую чушь, что я затыкаю уши. Представляете, некоторые не знали об Олимпиаде в Саппоро. О чем можно с ними говорить? Я не хочу иметь дело с людьми, которым, прежде чем начать с ними разговаривать, нужно объяснять простейшие истины».

Как я уже упоминал, эта публикация вызвала большой отклик у читателей: во многих школах страны его обсуждали на комсомольских собраниях, выносили резолюции (сплошь осуждающие), бомбили ими «Комсомолку». Сегодняшним подросткам это может показаться вымыслом, но так было.

15 октября вышел в свет очередной, 27-й выпуск правозащитного бюллетеня «Хроника текущих событий». И сразу после этого выпуск очередных номеров бюллетеня был приостановлен. Эта мера была вызвана следующей причиной. КГБ давно вел борьбу с выпуском и распространением этого издания, но все эти попытки были безуспешными. Тогда на Лубянке было решено применить давно испытанный еще большевиками метод превентивных репрессий: диссидентам было объявлено, что каждый новый выпуск «Хроники» будет сопровождаться арестами людей, подозреваемых в издании или распространении новых или прошлых выпусков. Угроза возымела действие: прекратить выпуск «Хроники» не удалось, но ее периодичность была сильно нарушена — теперь интервал между выпусками составлял полгода (29-й номер выйдет в свет 31 декабря, а следующий — уже 31 июля 1973 года).

Тем временем в столице жизнь идет своим чередом. В кинотеатрах состоялось несколько премьер: 1 октября на широкий экран вышел фильм Валерия Рубинчика «Могила льва» с участием Олега Видова, Валентины Шендриковой, Мариса Лиепсы (дебют в кино) и др.; 2-го — фильм Е. Сташевской «Мальчики», в котором снялась целая группа звездных отпрысков: Антон Табаков, Ара Бабаджанян и др.; 4-го — фильм Даниила Храбровицкого «Укрощение огня», посвященный жизни и деятельности главного конструктора Андрея Башкирцева (Кирилл Лавров), прототипом которого послужил Сергей Королев. Кстати, если во властных структурах этот фильм был принят восторженно (он станет победителем Всесоюзного кино-

фестиваля в 73-м году, завоюет еще несколько призов на других фестивалях), то в самой космической среде он вызвал неоднозначную реакцию. Например, Я. Голованов так отозвался об этом фильме (кстати, Храбровицкий именно его уговаривал написать сценарий к фильму, но потом сделал это сам):

«Храбровицкий вывел в своем фильме обобщенный образ ракетчика Башкирцева, но приписал ему два грандиозных исторических свершения: запуск 1-го спутника и первый полет человека в космос. Но это сделал не абстрактный Башкирцев, а Королев! Пусть Башкирцев отправляет космонавта хоть на Юпитер, пожалуйста! Но спутник и Гагарина он запускать не может! Нарушена этика кинематографа.

Впрочем, и других благоглупостей предостаточно. Чего стоит хотя бы разговор на испытаниях атомной бомбы, когда выясняется, что бомба у нас есть, а ракеты под эту бомбу нет. Неужели военные такие дураки, что не додумались вести эти работы одновременно, что и было на самом деле? А потом Башкирцев (Королев) начинает валять ваньку и отказывается делать такую ракету. Да и в мыслях не было у Сергея Павловича отказываться! Как можно, когда на карту поставлена судьба страны!»

С понедельника, 9 октября, в столице начал демонстрироваться фильм Омара Гвасалия и Александра Стефановича «Вид на жительство», посвященный очень актуальной в те дни теме: как некий советский гражданин (врач по профессии), променяв родину на капиталистический «рай», в итоге разочаровался в своем выборе. В фильме снимались: Альберт Филозов, Виктория Федорова и др. В тот же день на столичный экран вышел итальянский фильм «Женщины и берсальеры».

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Дубровский», «Страдания молодого Богачека», «Волшебная лампа Аладдина», «Нежность» (1-го), «Молодая гвардия» (2—3-го), «Марья-искусница» (5-го), «Фальшивая Изабелла» (6-го), «Дети Дон Кихота», «Матрос Чижик», «Свинарка и пастух» (7-го), «Выстрел на границе», «Сказка о царе Салтане», «Простая история» (8-го), «Человек в проходном дворе» (9—12-го), «Алишер Навои» (11-го), «Красные поляны» (12-го), «Воздушный извозчик» (14-го), «Золотой теленок»

(14—15-го), «Капитанская дочка», «Город мастеров» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 3-го в Театре имени Пушкина — «Человек и джентльмен»; в «Современнике» — «С любимыми не расставайтесь» с участием Татьяны Лавровой, Татьяны Дегтяревой, Анастасии Вертинской, Петра Щербакова, Валерия Хлевинского и др.; 6-го в Театре имени Гоголя — «Последняя жертва»; 7-го в Большом театре — «Трубадур» с участием Татьяны Милашкиной, Елены Образцовой и др.; 13-го в Театре имени Ермоловой — «Завтра в семь...».

Эстрадная афиша выглядела так: с 1 октября в ГЦКЗ «Россия» начались гастроли Ленинградского театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина (показывался спектакль «Избранное-72», включавший в себя лучшие интермедии в исполнении великого сатирика); 1-го в киноконцертном зале «Октябрь» выступал ВИА «Самоцветы»; 3—6-го во Дворце спорта — ВИА «Голубые гитары»; 5-го в Театре оперетты — французский певец Серж Реджани; 6—7-го в ЦДСА — Иосиф Кобзон; 10—14-го в Кремлевском Дворце съездов выступает «Нью-Йорк Сити балет» под управлением Д. Баланина.

16 октября очередные неприятности произошли в семье академика Сахарова — его дочь Татьяну отчислили из МГУ, с вечернего отделения факультета журналистики. Причем девушка совершенно случайно увидела приказ о собственном отчислении на доске объявлений. Сам Сахаров вместе с Боннэр были тогда в Армении и там узнали об этой неприятности. Самым обидным было то, что Татьяна была уже на последнем курсе, и ей оставалось только написать и защитить диплом. Отчисление студентов на этой завершающей стадии — крайняя редкость, требует совершенно исключительных причин, которые и были найдены — диссидентская деятельность отца девушки. Конечно, в открытую никто об этом не говорил, но все прекрасно понимали, откуда «растут руки» у этого отчисления. В приказе значилось, что девушка отчисляется «как не работающая по специальности», хотя она в тот момент работала младшим редактором в редакции научно-популярного журнала для школьников «Квант». Но руководители вуза воспользовались тем, что она не была оформлена по штат-

ному расписанию — формально замещала женщину, ушедшую в отпуск по беременности. После отчисления Татьяна уже через несколько дней устроилась работать продавщицей в книжный магазин, расположенный в доме на улице Чкалова, где жил ее отец.

17 октября в «Комсомольской правде» была опубликована заметка В. Скорятина под названием «Форвард вне игры». Она была посвящена судьбе талантливого молодого футболиста столичного «Динамо» 19-летнего Анатолия Кожемякина. Сегодня его имя уже почти забыто, а в те годы, о которых идет речь, не было в советском футболе человека, кто бы не знал этого одаренного форварда. Он родился в простой рабочей семье (его отец был монтером) и первые уроки футбольной науки получил на дворовой площадке. Затем пришел в юношескую секцию и буквально за несколько лет достиг выдающихся результатов. Уже в 16-летнем возрасте, играя за «Локомотив», он показывал чудеса техники, один обыгрывая чуть ли не полкоманды соперников и забивая за матч 5—6 голов. Этим он вскоре и привлек к себе внимание тренеров столичного «Динамо», пригласивших его в 70-м в свой состав. Год спустя на юношеском турнире УЕФА Кожемякин был признан лучшим нападающим и бомбардиром, забив 7 голов.

Стоит отметить, что природа щедро одарила Кожемякина как прекрасным физическим здоровьем, так и характером. Буквально с первых дней своего появления в «Динамо» он стал душой коллектива, его заводилой. Его любили как футболисты, так и тренеры, которые не могли нарадоваться филигранной технике парня и тому, как он буквально на лету схватывал все их установки. В 72-м Кожемякин был призван под знамена национальной сборной, став одним из самых молодых ее нападающих (свой первый матч сыграл 29 марта против сборной Болгарии).

В феврале 71-го Кожемякину исполнилось 18 лет, то есть он вступил в полосу призывного возраста. Ему домой одна за другой стали приходить повестки из военкомата. Но так как он был то на сборах, то на играх в других республиках, а то и странах, заставить его было практически невозможно. А те времена не чета нынешним, когда «косить» от армии можно почти безбоязненно. Поэтому квартиру футболиста

поставили на особый контроль и, когда Анатолий на несколько дней объявился в ней, забирать его пришли с нарядом милиции. И трубить бы ему в рядах СА, если бы руководство родного клуба не приложило все силы к тому, чтобы вызволить лучшего своего форварда из стен военкомата. Для этой цели в качестве парламентаря был отправлен легендарный Лев Яшин. Конфликт был улажен, и Кожемякин вновь вернулся на зеленое поле.

Парню было всего 18 лет, а за ним уже толпами ходили футбольные фанаты, девчонки дежурили в подъезде его дома. Он относился к этому внешне спокойно, хотя в душе, конечно же, радовался. Он любил форс и никогда не упускал возможности показать, какой он крутой и знаменитый. Например, во время одной из поездок за границу он купил себе джинсовый костюм, который для большинства молодых жителей Союза был самым желанным и недоступным предметом гардероба. Даже в футбольном клубе «Динамо» не всякий «старичок» имел его. И вот Анатолий, вырядившись в этот костюм, специально пришел на тренировку, чтобы утереть нос ветеранам. И утер. Однако обиды на него за это никто тогда не затаил, поняли — молодой, знаменитый. Хотя так было не всегда. Заметка в «Комсомолке», о которой шла речь выше, была посвящена именно этому — «звездной» болезни, поразившей Кожемякина. В ней приводились такие слова Л. Яшина:

«Очень скоро мы обнаружили у Кожемякина бактерии зазнайства. Он начал пропускать тренировки, играть с ленцой, стал нарушать режим. И старший тренер команды Константин Иванович Бесков, и я сам, и товарищи по команде, комсомольцы, пытались увещевать Кожемякина, раскрыть ему глаза... Увы, ничто не вразумило молодого футболиста. А совсем недавно на общем собрании команды, поскольку все средства воздействия оказались исчерпаны, было решено дисквалифицировать Кожемякина на два года. Конечно, обратный путь в команду парню не заказан. Одумается, изменит свое отношение к футболу — тогда, как говорится, милости просим...»

Забегая вперед, скажу, что отлучение Кожемякина от «Динамо» продлится недолго — уже через несколько месяцев он осознает свою вину, попросит прощения и вернется в коллек-

тив. А в дальнейшем его талант заблестит в полную силу, и Кожемякин будет назван № 1 в списке «33 лучших футболистов страны». Но это будет потом, а пока вернемся в октябрь 72-го.

В среду, 18 октября, коллеги А. Кожемякина по национальной сборной играли в Дублине очередной матч отборочного цикла чемпионата мира с хозяевами поля — сборной Ирландии. Как мы помним, свой первый матч цикла со сборной Франции наши ребята проиграли 0:1, и теперь горели желанием реабилитироваться перед своими болельщиками. Им это удалось. 2:1 в нашу пользу — таков результат этого матча (мячи у нас забили Федотов и Колотов).

В тот же день в «Большой перемене» снимали один из самых смешных эпизодов: как Нестор Петрович выгоняет из туалета Ганжу. Последний, пользуясь тем, что учительский состав состоял сплошь из одних женщин, взял за моду прогуливать уроки в мужском туалете. Но с приходом Нестора ситуация резко изменилась — его отрядили на борьбу с прогульщиком. Он застал его слушающим трансляцию хоккейного матча по транзистору. «Вы Ганжа?» — спросил Нестор прогульщика. «Нет, Сидоров», — ответил тот. «А мне кажется, вы Ганжа», — продолжал настаивать на своем Нестор. В итоге Ганжа, который не узнал в этом неказистом приставале нового учителя истории, попытался от него отмахнуться, но заработал хорошую взбучку и вынужден был отправляться на урок.

Андрей Макаревич в это время продолжает грызть гранит науки в стенах МАРХИ, а в свободное время целиком отдается музыке — играет в группе «Машина времени». Мы помним, что летом он провел два роскошных месяца на юге, где вместе с еще одним «машинистом» Александром Кутиковым играл в группе «Лучшие годы», и вот теперь судьба вновь свела их с этим коллективом. Только теперь они существовали на правах участников разных ансамблей: «Лучшие годы» брали «Машину времени» на свои концерты для «разогрева» публики.

Вспоминает А. Макаревич: «Нас постепенно разносило в разные стороны. Если юг нас объединял и уравнивал (к примеру, как баня), то в Москве сразу почувствовалось несходство и даже дистанция между нами и «Годами». «Го-

ды» были признанными звездами, здоровые мужики, любящие хорошо одеваться, девушек дорогого вида, армянский коньяк и второй этаж гостиницы «Националь», где располагался бар для людей, предпочитающих все вышеперечисленное. Мы же все еще были плохо одетыми мальчиками, интересующимися прежде всего музыкой и складывающими деньги в коробочку из-под сигар. В воздухе пахло развалом...»

Василий Шукшин той осенью мучился язвой и даже на пару недель лег в больницу. Однако и на больничной койке без дела не лежал — писал повесть «Калина красная», которую в скором времени собирался сам же и экранизировать.

В санатории «Барвиха» поправляет свое здоровье Дмитрий Шостакович. В начале октября он ездил на декаду литературы и искусства в Баку, после которой почувствовал себя плохо (там было ужасно жарко, а жару Шостакович переносил с трудом). В отличие от Шукшина, который, даже будучи в больнице, продолжает работать, Шостакович муками творчества не терзается. Он даже жалуется своему приятелю Исааку Гликману: «Пугает меня следующее обстоятельство: после 15-й симфонии я ничего не сочинил, ни одной ноты. Неужели я теперь лишен этой скромной радости? Такого длинного перерыва (15-я симфония была написана больше года назад. — Ф. Р.) у меня не было никогда...»

Тем временем на киностудиях страны полным ходом идут работы над будущими кинохитами. Иосиф Хейфиц продолжает снимать в Пицунде картину «Плохой хороший человек». В 20-х числах октября в Бзыбском ущелье приступили к работе над ключевым эпизодом фильма — дуэль Лаевского и фон Корена. Однако из-за непогоды начать съемки никак не удавалось. Так, 21 октября группа выехала к месту работы — 23-й километр дороги на Рицу (там выше Голубого озера есть поворот влево: небольшая дорожка как бы ведет в горы, а на самом деле поднимается метров на десять и выходит на большую поляну), но когда приехали туда, то внезапно начался жуткий ливень. Далее послушаем рассказ свидетеля тех событий Е. Татарского:

«Съемку отменили и решили: раз уж так вышло, поедем на Рицу — пообедаем (а дело

было днем). И то ли мы ехали на открытой машине... не помню точно, — но вымокли до нитки. Приехали к озеру Рица, заходим в ресторан:

— Здравсьте! — говорит нам человек, который у входа встречает гостей, администратор или просто дежурный. — Ой, да что ж вы так вымокли! Маша, Катя, Вера!..

Короче говоря, нас раздели: нас — только потому, что я был рядом с Володей. В ту же секунду принесли какие-то махровые простыни. А костюмы наши сушили, утюжили, парили — в общем к тому времени, когда поспела форель, мы смело могли бы присутствовать на каком-нибудь королевском приеме в Лондоне. На брюках появились стрелки, которых не было уже лет пять, туфли сверкали... Это было что-то из области фантастики.

Причем не то чтобы Володя меня звал: «Поедем, там у меня знакомые люди». Нет, мы просто отправились пообедать и по дороге вымокли. Так его принимали незнакомые люди...»

Съемки «дуэли» возобновились в понедельник 23 октября и снимались в течение почти всей недели. Вспоминает С. Жолудев:

«На пригорке с дуэльными пистолетами стоят Высоцкий и Даль. Но случилась непредвиденная задержка: то ли не хватало света, то ли пиротехники не могли нагнать в кадр достаточное количество дыма, изображавшего утренний туман. Уставший от ожидания Даль подходит к партнеру и заводит разговор. Высоцкий, не двинувшись с места, сдержанно просит его вернуться — съемка вот-вот начнется. Даль возвращается, стоит. Съемка не начинается. Он вновь к Высоцкому: «Володя...» Но снова слышит: «Олег, вернись на место». Вернувшись, задумчиво стоит, но внезапно, не совладав с собой, взрывается: «Ну убей, убей меня!» Стреляет вверх и, как подкошенный, падает на мокрую траву.

Бросившиеся на помощь ассистенты поднимают его, приводят в порядок, пиротехники перезаряжают пистолет — и съемка продолжается...»

В эти же дни на студиях страны «выпекаются» и другие будущие кинохиты. Так, в Крыму Леонид Квинихидзе экранизирует для ТВ роман А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (в роли Гарина — Олег Борисов). Еще один

режиссер — Будимир Метальников, работающий над фильмом «Молчание доктора Ивенса» (в роли Ивенса — Сергей Бондарчук), в сентябре отснял натуру в Крыму и теперь работает в павильонах «Мосфильма». В павильоне, но уже на «Ленфильме», режиссер Игорь Усов снимает мюзикл «Табачный капитан» с замечательной музыкой своего тезки Игоря Цветкова (в роли Петра I занят Владлен Давыдов, в остальных ролях снимаются Евгений Шапин, Наталья Фатева, Людмила Гурченко, Георгий Вицин).

Владимир Вайншток и съемочная группа вестерна по-советски «Всадник без головы» в начале октября переместилась из Крыма в Азербайджан — в окрестности города Баку. Там снимались эпизоды: проезд обоза, прерия, проезды всадника без головы, каньон. Однако позднее, когда отснятый материал будет просмотрен на студии, руководство решит их переснять, причем на территории другого государства — на Кубе.

На «Мосфильме» Алексей Коренев продолжает работу над комедией «Большая перемена». 24—25 октября снимали эпизод, где Ганжа пьет пиво с Ледневым (Евгений Леонов) и между кружками сообщает своему однокласснику, что прячется от Светланы Афанасьевны: «Влюбилась в меня литераторша. Знаешь, где она живет? В моем доме. Более того — в моей квартире...»

А теперь вновь вернемся под Пицунду, на съемочную площадку фильма «Плохой хороший человек». Отсняв эпизод «дуэль», в Бзыбском ущелье начали снимать другой — пикник на поляне в горах. Однако начать съемки вновь мешает непогода: так, 26—27 октября зарядили сплошные дожди, из-за чего работу пришлось отложить. Что было потом, вспоминает С. Жолудев:

«Группа отправилась на Рицу обедать. Артисты с режиссерами — в ресторан, мы (техперсонал) — в чебуречную. Пообедав, вернулись в свой автобус ПАЗ. Загрузили Даля (он успел «нализаться». — Ф. Р.). Вскочил Высоцкий — в переднюю дверь. Сел было в своем костюме фон Корена на первое сиденье, но тут же поднялся, увидав у самых ног огромного червяка-выползка, загадочным образом попавшего в автобус. Гримерши пригласили его: «Володя, идите к нам!» — но Высоцкий отве-

тил: «Да я тут, с ребятами», — и уселся позади нас.

Нас чрезвычайно обрадовало это обстоятельство: в Гаграх намечался его концерт. Мы дружно обернулись к Высоцкому и попросили провести нас туда. Билеты, дескать, дорогие (говорили, что по пять рублей), а суточные маленькие. «Хорошо, — ответил Высоцкий. — Я предупрежу администратора, и вас пропустят».

Но, к великому сожалению, на концерт мы не попали по причине собственного банального загула во время вынужденного простоя группы...»

Между тем тот гагринский концерт Высоцкого случился при следующих обстоятельствах. Поскольку вечера после съемок у Высоцкого были свободными, он решил совместить приятное с полезным: заработать сотню-другую рублей концертной деятельностью. В Гагры он отправился вместе с одним из членов съемочной группы. Возле Зеленого театра они увидели афишу: «Концерты скрипача Олега Крысы, лауреата конкурса Чайковского». Высоцкого сей факт совершенно не смутил — он прошел к администратору и выложил перед ним свою просьбу: дескать, здсраьте, я — Высоцкий, хочу дать у вас концерт. У администратора поначалу отнялся язык — Высоцкого живьем он видел впервые, — но затем он пришел в себя, и они с именитым гостем в течение получаса обсуждали условия предстоящего концерта. Когда Высоцкий и его спутник покидали театр, на здании уже срочно меняли афишу — Крысу на Высоцкого.

Как гласит легенда, уже через несколько дней после концерта по всему побережью от Сочи до Сухуми ушлые дельцы торговали «рентгеновскими» пластинками с песнями Высоцкого с этого концерта. Один такой «рентген» шел по 50 рублей!

29 октября съемочная группа фильма «Большая перемена», в связи с резким похолоданием в Москве, вынуждена была сменить дислокацию ← переехала для натуральных съемок в Сочи. Туда отправилась небольшая группа актеров, занятых в фильме: Кононов, Крамаров, Маслова, Азер, Гвоздикава, Анциферова, чуть позже туда приедет Ролан Быков.

В этот же день на другом конце страны — в Петропавловске-Камчатском состоялся митинг,

приуроченный к началу беспрецедентного похода по Камчатке и Чукотке, в котором одним из участников был известный актер Никита Михалков. Как мы помним, весной этого года Михалкова угораздило попасть служить на флот, причем не куда-нибудь поближе к дому, а в самую что ни на есть Тьмутаракань — на Камчатку. Тогда же журналист Зорий Бааян задумал совершить экспедицию по Восточному и Западному побережьям Камчатки до Чукотки, чтобы повторить тот путь в 4 тысячи километров, который в начале 20-х годов прошел отряд красноармейцев под началом Григория Чубарова, имевших своей целью остановить белогвардейцев, пытавшихся бежать на Аляску с награбленным добром. В состав экипажа, кроме Бааяна, должны были войти еще три человека: представитель Карякского национального округа, сотрудник аппарата Камчатского обкома комсомола и воин Петропавловского гарнизона.

С первыми двумя проблем не было — их нашли практически сразу: обком выделил завсектором пропаганды Евгения Миловского, от каряков был поэт Владимир Косыгин, известный под литературным псевдонимом Коянто. А вот с кандидатурой воина вышла заминка. Командование Петропавловского гарнизона отказалось присылать своего представителя, мотивируя это тем, что подобная экспедиция дело опасное и рисковать жизнями своих подчиненных оно не хочет. Вот тогда и возникла кандидатура Никиты Михалкова, который изначально, после публикации в «Литературной газете» статьи Бааяна с этой инициативой, выразил согласие стать участником похода. Правда, одного его согласия было недостаточно. В течение нескольких месяцев Бааяну пришлось вести долгие переговоры и с командованием Михалкова, и с Камчатским обкомом партии, и с отцом Никиты, и даже с 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ Тяжелниковым. Наконец их «добро» было получено.

Экспедиция отправилась в путь 29 октября. Причем все было обставлено как можно более торжественно: был устроен митинг с аршинными транспарантами, напутственными речами и другой положенной в таких случаях атрибутикой. Правда, народ собрали чуть ли не силой, поскольку добровольно идти на митинг желающих практически не оказалось. Стояла

морозная погода, дул сильный ветер, который буквально сбивал с ног. Как пишет в своем дневнике сам Никита Михалков, «хотелось напиться». Однако вместо этого надо было отправляться в дальнюю дорогу.

В конце октября в Ногинске состоялся суд над известным правозащитником, астрофизиком по специальности Кронидом Любарским. На него съехалось порядка двух десятков диссидентов, и еще больше — около полусотни — чекистов, и столько же тамошних милиционеров. Никого, кроме близких родственников подсудимого, в зал заседаний не пустили, а когда десяток диссидентов все же прорвались в коридор, чекисты, что называется, толпой налетели на них и с помощью тумачов вытолкали их на улицу. Как вспоминал А. Сахаров: «На улице Люся (Елена Боннэр. — Ф. Р.) подскочила к старшему из гэбистов, который стоял немного в сторонке — он командовал этой операцией, — и неожиданно для него дала ему пощечину, крикнув что-то при этом. Он никак не ответил. В обеденный перерыв на входную дверь снаружи был повешен большой амбарный замок, и после перерыва суд возобновился; он — формально открытый — шел под замком! Выразительный символ нарушения закона! Кронид Любарский был приговорен к пяти годам заключения...»

31 октября на 70-м году жизни скончался писатель Александр Бек. Согласно официальной советской историографии, принято считать, что Бек написал два значительных произведения: «Волоколамское шоссе» (1943—1944) и «Жизнь Бережкова» (1956). Однако сам писатель выше этих произведений ставил другой роман — «Новое назначение», который при его жизни так и не был опубликован, поскольку речь в нем шла о вещах запретных. В «Назначении» рассказывалось о бывшем министре (подразумевался министр черной металлургии Иван Тевосян), которого власть отправила на пенсию, тем самым лишив его главного дела жизни. К повседневной жизни бывший министр оказался совершенно неприспособленным (чего стоит эпизод, когда он спускается в метро и никак не может пройти через турникет, поскольку до этого он передвигался по городу исключительно в «членовозе»).

В тот же день в чемпионате страны по футболу (до его окончания оставалось три тура)

определился чемпион — ворошиловградская «Заря». Это событие большинством болельщиков было охарактеризовано как сенсация, поскольку до начала чемпионата даже самые смелые наблюдатели не могли себе представить, что золотые медали достанутся твердому турнирному середняку из бывшего Луганска. А «Заря» взяла и сотворила чудо. Правда, уже тогда среди футбольного люда ходили упорные слухи о том, что победа «Заре» далась не самым честным образом: мол, многие матчи она выиграла путем подкупа судей, игроков противоборствующей команды и т. д. Впрямую говорили о том, что к победе «Зари» приложил руку сам начальник управления футболом Зенченко, который таким образом возвращал землякам-луганчанам долги за помощь в высоком выдвижении. Короче, шума в связи с этим событием было предостаточно, но конкретных фактов, уличающих «Зарю» в нечистоплотности, — ноль.

Между тем факторов, которые помогли середняку взять «золото», было гораздо больше, чем примитивные подкупы. Ведь и другие команды в те годы тоже их практиковали, однако им это не помогло, а «Заря», как взяла разгон с первых же туров, так и не сбавляла оборотов. И не взятки, конечно же, сыграли решающую роль в ее победе. Просто на помощь родной команде пришла чуть ли не вся область во главе с первым секретарем Ворошиловградского обкома Владимиром Шевченко. Это он чуть ли не каждое утро начинал с того, что внимательно изучал газеты, проявляя особенный интерес к публикациям о молодых футбольных дарованиях. Стоило на его горизонте появиться какой-нибудь периферийной звезде, как Шевченко тут же засылал туда гонца с тем, чтобы переманить его в «Зарю». И редко кто из футболистов отказывался, поскольку блага, которые на них обрушивал Шевченко, были фантастическими. В них входили: новая квартира, машина, одежда (игрокам тут же выдавали пыжиковые шапки, которые считались атрибутом людей, принадлежавших к высшей касте). Кроме этого, в специальном магазине футболистам продавали по льготным ценам разные дефицитные вещи: ковры, дубленки, мебель, а те потом их перепродавали по завышенным разам в два ценам на сторону. Даже от армии игроков «Зари» ловко «отмазывали». Например,

однажды Куксов пожаловался Шевченко, что его вот-вот могут «одеть в кирзу», так глава обкома что сделал: вызвал на стадион военкома области и приказал ему уладить эту проблему. И спустя сутки военком лично вручил футболисту военный билет, сказав при этом: «Ты, Толя, играй — не волнуйся, твоя служба уже пошла!»

Еще одной придумкой Шевченко была такая: он назначал ответственными за ключевые игры «Зари» специальных уполномоченных из числа руководителей богатых предприятий. Те должны были, кровь из носу, но обеспечить положительный результат. Причем за уполномоченными оставляли право на творчество: хочешь своих футболистов премируй, хочешь судей покупай, но цель одна — выигрыш.

Второе место в чемпионате взяло киевское «Динамо», куратором которого был сам 1-й секретарь ЦК КПУ Владимир Щербицкий. Говорят, он сильно осерчал на Шевченко, когда тот со своей «Зарей» перебежал дорогу его любимчикам. Пройдет чуть меньше года, и в Ворошиловградскую область нагрянет инспекция из 33 прокуроров, собранных со всей Украины. Они накапают столько компромата на Шевченко и его подчиненных, что его вполне хватило бы, чтобы надолго упрятать их всех за решетку. И кого-то из них действительно посадили (например, зампреда исполкома, у которого в сейфе нашли 20 тысяч неучтенных денег, прикарманенных им под видом помощи футболистам). Шевченко же спасло его высокое положение (он был членом ЦК КПСС) — его сняли с должности персека с формулировкой «как не имеющий морального права быть первым секретарем».

Однако вернемся в октябрь 72-го.

Столичная афиша досуга во второй половине октября выглядит следующим образом. Из кинопремьер назову следующие: 16-го на широкий экран выходят сразу три новых фильма — «17-й трансатлантический» В. Довганя про военный караван PQ-17 (в ролях: О. Матешко, А. Лазарев и др.), «Длинная дорога в короткий день» — про современных физиков (в ролях: Н. Олялин, Т. Самойлова и др.) и индийская мелодрама «Мое имя — клоун», сами понимаете про что; 22-го советский прокат балует своих зрителей очередным хитом «Мэйд

ин Франсе» с участием искрометного комика Луи де Фюнеса — «Человек-оркестр».

Кино на ТВ: «Сергей Лазо» (17-го), «Живет такой парень» (18-го), «Три тополя на Плющихе» (19-го), «Дон Кихот» (20-го), «Тропой бескорыстной любви», «Путь в «Сатурн», «Яблоки 41-го года» (21-го), «Белый пудель», «Конец «Сатурна» (22-го), «Сердце Бонивура» (23—26-го), «Дороги бывают разные» (24-го), «Они были первыми» (25-го), «Дело Румянцева» (27-го), «По шучьему велению», «Клад на дне озера» (28-го), «Пароль не нужен» (28—29-го), «Добровольцы», «Пятеро из Ферганы» (29-го), «Вера, Надежда, Любовь» (премьера т/ф, 30 октября — 2 ноября) и др.

Премьеры в театрах: 18-го в Театре имени Ермоловой — «Ваше мнение, доктор?» по пьесе Б. Носика с участием А. Жаркова, В. Еремичева и др.; 21-го в ЦТСА — «Тот, кто получает пощечины» Л. Андреева с участием А. Попова, В. Зельдина и др.; 22-го в Театре на Малой Бронной — «Королевские цветы» Д. Родари с участием В. Смирнитского, Т. Давыдова и др.; 27-го в Театре на Таганке — «Под кожей статуи Свободы» Е. Евтушенко; в Театре имени Вахтангова — «Игра в каникулы» М. Себастьяна, в главных ролях Валентина Малявина и Вячеслав Шалевич; 28-го в Ленком — «Затишье — 2 км»; 29-го в Драмтеатре имени Станиславского — «Прощание в июне» А. Вампилова в постановке Сандро Товстоногова (сын выдающегося режиссера), в ролях: Н. Варлей, В. Бочкарев, А. Филозов и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 16-го в Театре эстрады (ГТЭ) — Серж Реджани, 19—29-го во Дворце спорта в Лужниках концерты «Золотая осень» с участием ВИА «Скальды» (Польша), ВИА «Девчата» (СССР) и др., 22-го в ГЦКЗ «Россия» выступает (первые в Советском Союзе!) французский соловей, обладатель 12 «золотых» дисков Сальваторе Адамо (23-го он выступает в ГТЭ, 30—31-го — во Дворце спорта), в тот же день в «Варшаве» состоялся сборный концерт с участием Александры Стрельченко, Вадима Тонкова и Бориса Владимировича, ВИА «Романтики» и др., 28—29-го там же — Иосиф Кобзон, 28-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского — ВИА «Самоцветы», 31-го в ГТЭ концерт с участием Льва Лещенко, Антонины Жмаковой, Елены Камбуровой и др.

На прилавках музыкальных магазинов появились следующие новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «Поет ВИА «Поющие гитары», на одной стороне которого звучали два шлягера в исполнении «Гитар»: «Прекрасное воскресенье» (Д. Бун — М. Беляков), «Соловей» (чилийская народная песня — русский текст Я. Голякова), на другой — две песни в исполнении ансамбля Саши Суботы (Югославия); «Поет Иосиф Кобзон» с песнями: «Жарптица», «Память», «Старый журавль», «Безымянные солдаты» (все — Ю. Левитин — М. Дудин); «Поет Нина Бродская» с песнями: «Капитан» (Д. Тухманов — И. Кобзев), «Обиженная сказка», «Письма твои» (Б. Савельев — М. Пляцковский), «Взрослые речи» (А. Мажуков — С. Наровчатов); гибкие грампластинки: «Поет Владимир Макаров» (две пластинки), «Музыка Р. Роджерса из к/ф «Звуки музыки» (США)», «Поет Э. Вилльямс» и др; диск «Оркестр и хор Роя Кониффа».

Но «гвоздем» сезона среди грампластинок явился очередной номер звукового журнала «Кругозор» (№ 10), где была помещена пластинка с двумя песнями самого Пола Маккартни и его группы «Уингз» («Крылья»): «Мы одиноки» и «Верните Ирландию ирландцам». Кроме этого, была помещена статья про творчество артиста с его фотографией (!), написанная рукой композитора Андрея Петрова. Правда, отдавая дань тому подцензурному времени, автор ни разу не упоминает в тексте название прошлого коллектива Маккартни — «Битлз», именуя его «вокально-инструментальным квартетом». Однако этот факт мерк на фоне самой пластинки, которая стала первым серьезным звончком к реабилитации творчества ливерпульской четверки в Советском Союзе. Вскоре миньоны с записями «Битлз» начнут выходить в Союзе одна за другой, о чем обязательно пойдет речь в последующих главах этой книги.

1972

Н о я б р ь

Новые шлягеры от Высоцкого. Смерть в тюремной больнице. «Банда фантомасов» объявилась вновь. Сотый парад на Красной площади. Буфет при Мавзолее. Умерла Ольга Пыжова. Как едва не погиб Никита Михалков. Громкие победы советских футболистов. Елена Боннэр выходит из партии. «Комсомолка» о банде Монгола. Умерла Ольга Жизнева. На киностудиях снимают будущие хиты: «Большую перемену», «Семнадцать мгновений весны» и др. Шукшин уходит на «Мосфильм». Как Леонид Быков пробивал сценарий «В бой идут одни «старики». Геннадий Гладков спел песню за Муслима Магомаева. Надгробие на могиле разведчика Абея. Две недели премьер на ТВ. Алексей Каплер покидает «Кинопанораму». Михаил Сулов — дважды Герой. Анатолий Фирсов в роли Джеймса Бонда. Как Леонид Колосов не смог стать киппером. Умер Ярослав Смеляков. Ночной визит Андрея Миронова на Фестивальную. Писатели каются. Утонувший в казенщине Пленум. Как Марина Ладынина хоронила свою мать.

В начале ноября Владимир Высоцкий находился в Киеве. Там в течение двух недель он дал несколько концертов (в Институте газа, на заводе имени Антонова, в Институте ботаники и др.), на которых впервые исполнил целый блок новых песен: «Жертва телевидения», «Канатоходец», «Мы возвращаем Землю». Как всегда, наибольший успех сопутствовал юмористической песне («Жертва ТВ»), во время исполнения которой публика, что называется, умирала со смеху. Благодаря тому, что магнитофонная пленка с этих концертов уже через пару-тройку недель начала гулять по рукам, новые шлягеры от Высоцкого слышали даже в самых отдаленных уголках страны.

Между тем в субботу, 4 ноября (в тот день Высоцкий давал концерт в Институте газа), в мордовском лагере ЖХ-385-17-а скончался известный правозащитник Юрий Галансков. Он был арестован в январе 67-го и приговорен судом к 7 годам лагерей за антисоветскую деятельность. Но, даже будучи в неволе, Галансков не успокоился: он участвовал в голодов-

ках протеста против хамства и произвола замполита лагеря, писал письма в защиту своих товарищей по движению и т. д. и т. п. До его освобождения оставалось чуть больше года, когда очередной приступ язвы внезапно свалил его на больничную койку. Таких приступов было несколько, но ни один из них Галансков не перенес столь тяжело. 18 октября в поселке Барашево, в тюремной больнице, какой-то зэк-ветеринар сделал ему операцию, сами понимаете, как. После нее больной промучился больше двух недель и ранним утром 4-го умер. Было ему всего 33 года.

В тот же день в Ростове-на-Дону вновь дала о себе знать банда, которую в городе и области за глаза прозвали бандой «фантомасов» (костяк банды состоял из четырех человек: два брата Толстопятовы, Горшков и Самосюк). В тот день бандиты напали на шофера «Волги» И. Азивского и, упрятав его в багажник, собирались на его автомобиле совершить разбойное нападение на кассу одного из тамошних предприятий. Однако ограбление сорвалось по не

зависящим от преступников причинам. Между тем это происшествие помогло двум ранее задержанным гражданам — Гриневу и Терехову, которых, как мы помним, милиция причисляла к участникам банды «фантомасов», выйти на свободу: после случая с шофером «Волги» стало ясно, что эти двое не имеют никакого отношения к этой банде.

Три дня спустя страна широко отметила 55-ю годовщину Октябрьской революции. На Красной площади состоялся 100-й по счету военный парад. Как писали тогда очевидцы:

«Яркой, нарядной была Красная площадь в своем праздничном убранстве. Легкий снежок припушил серебристо-голубые ели, которые, словно линейные на параде, выстроились вдоль Кремлевской стены.

Золотом и серебром сверкают в шеренгах 32 сводных батальонов эмблемы родов войск, офицерские звездочки на погонах, якоря на ленточках бескозырок. Впервые форму участников парада украсили аксельбанты...

На центральную трибуну Мавзолея поднялись руководители Коммунистической партии и Советского государства. На правом крыле Мавзолея — Маршалы Советского Союза, маршалы родов войск, генералы и адмиралы.

Десять часов утра. Мелодичный перезвон Кремлевских курантов. Из Спасских ворот на открытой машине выехал министр обороны СССР А. А. Гречко. Приняв рапорт командующего парадом, министр объехал войска, поздравил их с праздником, а затем поднялся на Центральную трибуну Мавзолея и произнес речь. Над площадью волнами прокатилось троекратное «ура». Прогрохотали залпы артиллерийского салюта. Тысячетрубный оркестр исполнил Гимн Советского Союза. И следом — всем знакомая команда: «К торжественному маршу...»

Парад продолжался более двух часов, и все это время руководители страны простояли на трибуне Мавзолея. Помню, сам я, когда смотрел прямую трансляцию с Красной площади, удивлялся их стойкости: на дворе было уже по-зимнему холодно. И отец, услышав мой удивленный возглас на этот счет, раскрыл мне тайну: оказывается, для членов Политбюро на Мавзолее был разбит специальный буфет, в котором были горячие напитки (вино со специальными добавками, кофе, чай), бутерброды.

По ходу парада к каждому члену Политбюро подходил официант и предлагал подкрепиться, причем эту трапезу ни телезрители, ни те, кто шел в походных колоннах мимо Мавзолея, не видели: руководители страны по одному отходили в сторону, где на специальных столах (ими служили два гранитных выступа) и сиденьях (выбитые ниши, покрытые деревом и обшитые сверху материалом) трапезничали. Рассказу отца я поверил сразу, поскольку уже знал: таксисты — самый осведомленный народ в Москве.

8 ноября на 78-м году жизни (не дожила до очередного дня рождения 22 дня) скончалась актриса, режиссер и педагог Ольга Пыжова. Всесоюзная слава пришла к ней в 1937 году после исполнения роли Огудаловой в фильме «Бесприданница». А два года спустя Пыжова первой из советских актрис получила звание профессора по кафедре актерского мастерства. Вместе со своим супругом В. Бибиковым (широкий зритель помнит его по роли профессора консерватории в комедии «Приходите завтра») Пыжова долгое время работала педагогом во ВГИКе, воспитала целую плеяду отечественных кинозвезд. Среди них Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов, Майя Булгакова, Руфина Нифонтова, Надежда Румянцева, Светлана Дружинина, Софико Чиаурели, Леонид Курравлев, Лидия Федосеева-Шукшина и многие другие.

В тот же день едва не погиб Никита Михалков, который, как мы помним, участвует в экспедиции на Камчатке. Путешественники перемещаются от одного населенного пункта до другого, в каждом живут по несколько дней. В тот день Михалков с товарищами должны были заехать в один из таких пунктов на обычном автомобиле. Однако шофер им попался настоящий пижон, да к тому же, видимо, без мозгов: на схваченной гололедом дороге он мчал с бешеной скоростью. В итоге автомобиль перевернулся. Пассажиры чудом не пострадали, а Михалков еле сдержался, чтобы не набить пижону морду.

Тогда же состоялись сразу несколько футбольных матчей с участием советских клубных команд — участников европейских турниров. Так, «Динамо» (Киев) в рамках Кубка обладателей кубков встречалось в Польше с тамошним «Гурником» и уступило ему 1:2. Но, учи-

тывая, что первая игра закончилась победой киевлян 2:0, именно они продолжили дальнейший путь в турнире. Ереванский «Арагат» у себя на поле принимал швейцарский «Грассхопперс» и положил его на лопатки — 4:2 (в первой игре «Арагат» тоже победил со счетом 3:1). Столичный «Спартак» в Москве принимал испанский «Атлетико» и уступил 1:2. Однако благодаря победе в первой игре (4:3) москвичи вышли в следующий раунд турнира.

9 ноября жена Андрея Сахарова Елена Боннэр вышла из рядов КПСС. По тем временам это был поступок, равносильный подвигу. Поступить таким образом Боннэр вынудили недавние события, произошедшие в Ногинске во время суда над диссидентом Кронидом Любарским: как мы помним, сотрудники КГБ буквально выкинули из зала суда пытавшихся проникнуть туда товарищей подсудимого. После этого, зная, что ее обязательно вызовут в горком партии для дачи объяснений по факту своего присутствия на суде, Боннэр заранее подготовила заявление о выходе из партии. Вызов на ковер был назначен на четверг 9 ноября.

На комиссию, кроме Боннэр, была вызвана и секретарь парторганизации медучилища, в котором Боннэр работала до ухода на пенсию в марте этого года. За столом сидели несколько человек, половину из которых составляли чекисты. Один из них сообщил: имеются сведения, что товарищ Боннэр допустила хулиганские действия у здания суда в Ногинске, ударила работника органов государственной безопасности. Боннэр попросили объясниться. Но она не стала утруждать себя какими-либо объяснениями, а достала из сумочки заявление вкуче с партбилетом и положила их на стол. Этот поступок вызвал шок у присутствующих: они-то ожидали, что Боннэр начнет каяться, просить прощения (так поступали почти все, попадавшие в подобный переплет), но никак не бросаться партбилетом. Один из членов комиссии, придя в себя, спросил:

— Почему вы так враждебны к советской власти — она ведь все вам дала: образование, интересную работу?

На что Боннэр ответила:

— Я не за так получала все, что имею, не в качестве подарка воевала (Боннэр была на фронте санитаркой. — *Ф. Р.*), почти потеряла зрение, работала круглые сутки.

— Мы доложим о вашем деле на комиссии горкома, — заявил один из гэбистов.

— Это ваше дело. До свидания! — ответила Боннэр, после чего развернулась и покинула кабинет.

10 ноября съемочная группа фильма «Большая перемена» завершила короткую (11 дней) экспедицию в Сочи. Отсняв там ряд эпизодов (танцплощадка, футбольное поле, улицы города), группа благополучно вернулась в Москву для продолжения съемок в павильонах.

В тот же день (а это был День милиции) в «Комсомольской правде» была опубликована статья О. Жедан и А. Иллеша «По следу стаи», посвященная успешной операции МУРа по поимке банды Монгола. Учитывая, что в те годы статьи на криминальные темы были большой редкостью на страницах СМИ (а тут — почти целая полоса!), этот номер газеты читатели буквально рвали друг у друга из рук. Конечно, многие детали этой операции остались за кадром, однако и опубликованного материала оказалось достаточно, чтобы людям стало понятно, какую опасную банду удалось обезвредить сыщикам в самой Москве. В материале назывались имена тех, кто непосредственно стоял за этим разгромом: начальник отделения МУРа А. С. Фролов, старшие инспектора УГРО Ю. Н. Михайлов и В. И. Иванов, старший следователь управления УВД Мосгорисполкома М. А. Свирский, следователь А. Н. Ярмак.

В тот же день из жизни ушла актриса Ольга Жизнева. Она пришла в кино в 1924 году и за почти полвека снялась в нескольких десятках картин. Среди них «Закройщик из Торжка» (1925), «Во имя Родины» (1943), «Адмирал Ушаков» (1953), «Гранатовый браслет» (1964) и др. Одна из последних ее киноработ — мать учителя истории Мельникова (В. Тихонов) в «Дожидем до понедельника» (1968).

Кстати о кино. В те ноябрьские дни на киностудиях страны шла работа над целым рядом картин. Так, на студии имени Горького Татьяна Лиознова завершает съемки фильма «Семнадцать мгновений весны». Снимаются заключительные эпизоды, в частности — проводы Штирлицем радистки Кэт на вокзале. Эпизод снимался на Рижском вокзале в Москве (в кадре потом будет видна накладка — на одном из вагонов красуется надпись «56 т»), при этом

никто в съемочной группе еще не знал, что Екатерина Градова была на четвертом месяце беременности.

Василий Шукшин в те дни перешел со студии имени Горького на «Мосфильм». Почему? Дело в том, что на студии Горького, где Шукшин проработал более десяти лет и где снял все свои фильмы, ему так и не удалось пробить запуск фильма про Степана Разина. На «Мосфильме» же ему твердо пообещали помочь в осуществлении этого замысла. Правда, и здесь перед ним поставили условие: дескать, прежде надо снять хотя бы один фильм о современности. Этим фильмом, по замыслу Шукшина, должна была стать «Калина красная», сценарий которой он к тому времени уже заканчивал.

На Киевской киностудии имени Довженко Леонид Быков пытается запуститься с фильмом о военных летчиках «В бой идут одни «старики». Предыстория событий выглядела следующим образом. В годы войны Быков мечтал стать летчиком, однако из-за маленького роста его не взяли в летное училище. Но любовь к людям этой героической профессии продолжала жить в нем постоянно. После того как в начале 70-х Быков перебрался из Ленинграда в Киев, он решил свой первый фильм на тамошней киностудии снять именно про летчиков. В соавторстве с двумя сценаристами — Евгением Оноприенко и Александром Сацким — им был написан сценарий, основанный на подлинных событиях времен Великой Отечественной войны. В частности, под личностью командира эскадрильи гвардии лейтенанта Титаренко (он же Маэстро) скрывался Герой Советского Союза, парень с Арбата Виталий Попков. В годы войны он служил в легендарном 5-м гвардейском истребительном авиационном полку под командованием Василия Сталина, и его эскадрилья была прозвана «поющей» за то, что в ней имелся собственный хор, а два самолета были подарены фронту оркестром Утесова, и на одном красовалась надпись «Веселые ребята». Кстати, полк Василия Сталина дошел до Берлина и сбил рекордное количество вражеских самолетов — 744, имел в своих рядах 27 Героев Советского Союза (14 из них служили под началом непосредственно Маэстро, а самому Попкову после войны в Москве установили бюст как дважды Герою).

Когда Быков писал сценарий, он старался не слишком отходить от действительных событий, хотя кое-что все-таки домыслил и изменил. Например, он придумал нового персонажа — Кузнечика. На самом деле низкие выражи над аэродромом перед девушками выделял не кто иной, как сам Попков, за что командир запретил ему боевые вылеты на месяц. Но таких отклонений от реальных событий в сценарии было немного, и львиная доля того, что мы видим в фильме, правда. Это и любовь узбекского Ромео (настоящая фамилия летчика была Марисаев) к русской Джульетте, и их последующая гибель (девушка погибла во время бомбежки столовой, а Ромео погиб в одном из боев), и привычка механика крестить перед вылетом самолеты, и попадание Маэстро в плен к своим (для доказательства своей принадлежности к Красной армии ему пришлось врезаться одному из конвоиров по морде) и т. д. и т. п.

Между тем, когда сценарий был написан и отправлен «наверх», оттуда вскоре пришел неожиданный ответ: дескать, материал негероический. Высокие цензоры возмущались тем, что советские летчики изображены во многих сценах как поющие клоуны. Короче, ставить такой фильм Быкову сначала запретили. Но он не отчаялся. Чтобы доказать обратное, Быков... начал «обкатывать» сценарий на сцене. Чтения им отдельных кусков сценария в самых разных городах Советского Союза вызывали у слушателей такой восторг, что никаких сомнений в правильности созданного произведения у цензоров уже не возникало. А тут еще за сценарий стали заступаться и люди, которые сами, не понаслышке, знали о войне. В частности, 14 ноября 1972 года на киностудию Довженко прислал письмо начальник штаба войсковой части 55127 полковник Лезжов. Он писал, что прочитанный им сценарий — это честный рассказ о войне и о людях, которые добыли в ней победу. О том, как развивалась история вокруг фильма дальше, я расскажу чуть позже, а пока вернемся к событиям ноября 72-го.

На «Союзмультфильме» идет работа над продолжением легендарного мультфильма «Бременские музыканты» — «По следам бременских музыкантов». Производственные работы над мультиком начались еще в начале августа и

близилась к завершению — в частности, в ноябре записывали музыкальные номера. Некоторые партии должен был исполнять певец Муслим Магомаев, пришедший на смену Олегу Анофриеву, с которым авторы мультика успели разругаться. Магомаев должен был петь за Сыщика, Трубадура и Короля. Однако последнего героя, волею случая, озвучил не он, а композитор фильма Геннадий Гладков. Вышло это случайно. Магомаев в те дни находился на Кубе на Днях советской культуры (уехал туда 30 октября и вернется 15-го ноября), и песню Короля в тандеме с Принцессой (Эльмира Жерздева) напел Гладков. Всем, кто находился тогда в студии, это исполнение так понравилось, что они решили ничего не менять. Кстати, и сам Магомаев, вернувшись на родину, этот вариант одобрил.

На «Мосфильме» режиссер Анатолий Бобровский, вдохновленный успехом фильма «Возвращение «Святого Луки» (сам шеф МВД Щелоков поощрил создателей ленты ценными подарками), снимает продолжение под названием «Черный принц». На этот раз полковник МУРа Зорин (Всеволод Санаев) с коллегами ищет похищенный преступниками уникальный алмаз. Съемки фильма длились уже полтора месяца (с 22 сентября) и добрая половина материала была уже снята. Однако из-за плохого качества пленки часть отснятого приходилось переснимать заново. Так, 12 ноября в одном из столичных кафе переснимался эпизод, где невинный в преступлении Ямцов (Геннадий Корольков), пытаясь доказать сыщикам свою непричастность к преступлению, приводит их в кафе «Ласточка», однако тамошняя официантка наотрез отказывается его узнать.

В эти же дни в Москве с рабочим визитом находится руководитель Болгарской компартии Тодор Живков. 14 ноября наш генсек Леонид Брежнев повел его с супругой в Большой театр, где в тот день давали оперу М. Глинки «Руслан и Людмила». Главные партии исполняли Белла Руденко и Евгений Нестеренко.

15 ноября на кладбище Донского монастыря был открыто новое надгробие на могиле знаменитого разведчика Рудольфа Абея (Фишер), который скончался ровно год назад. За два дня до этого супруга разведчика обзвонила всех близких друзей своего покойного мужа и

попросила их прийти на это мероприятие. Позвонила она и Кириллу Хенкину, который дружил с ее мужем еще со времен войны. Хенкин на просьбу прийти откликнулся с удовольствием, однако на поминальный ужин идти не хотел, поскольку был уверен, что там будет множество «свадебных генералов». Но жена Абея уговорила его пойти: мол, будут любимые вами зеленый горошек и капуста. Далее послушаем рассказ самого К. Хенкина:

«Взяли такси, заехали домой и отправились на дачу к Фишеру в Челюскинскую.

Подъезжая, увидели: в соседнем переулке, выходящем на проспект Старых большевиков, стояли черные «Волги» с дремлющими шоферами.

Еще было не поздно, не отпуская такси, ехать обратно. Отпустили. Идти на вокзал и возвращаться электричкой? Мы поплелись по улице Куйбышева к дому пять!

И когда вечно ворчащая, добрейшая старуха-домработница тетя Феня приняла продукты и помогла нам в передней снять пальто и мы вошли в столовую, где были накрыты столы и сидели гости, я понял, что лучше было поссориться, сломать ногу, заболеть, — но не приходиться.

— Мы пропали, — шепнул я жене.

Гости сидели по рангу.

На дальнем конце большого стола напротив хозяйки — генерал. Я лишь позже узнал от Эвелины, что это был начальник Главного Первого управления генерал-майор Анатолий Иванович Лазарев. В тот момент я только понял: генерал!..

Справа от Лазарева сидел какой-то его заместитель, фамилию которого я так и не узнал. Слева — другой заместитель, Дроздов, резко выделявшийся своей очень западной, я бы сказала английской, внешностью.

Были, правда, и «старые друзья». Кроме неизбежных Кознов, так называемых Питера и Лоны, еще сослуживцы Вилли по радиобатальону, какие-то непонятные люди.

Дело было плохо.

Зачем нас позвали? Зачем было говорить, что будут только близкие друзья? Ведь генерал Лазарев не зашел просто так, на огонек!..»

Поминальный ужин продлился до позднего вечера. А утром следующего дня в почтовый ящик Хенкиных почтальон опустил открытку

из ОВИРа. Дело в том, что примерно за два с половиной месяца до этого они подали бумаги с просьбой разрешить им выехать в Израиль, и вот наконец пришел ответ. Выезд им разрешили, назначив срок отъезда на начало декабря.

В первой половине ноября в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер, из которых назову две: 4-го на широкий экран вышел фильм режиссера Г. Казанского (снял хит «Человек-амфибия») «Ижорский батальон» (про оборону Ленинграда); 13-го — венгерский детектив «Подозреваются все» (у себя на родине он носил более интригующее название — «Убийца в доме»).

Кино на ТВ являло собой самую пеструю картину. За первые две недели ноября были показаны фильмы самых разных жанров, причем многие из них очень высокого качества. Среди них были комедии — «Свадьба в Малиновке», «Укротительница тигров» (2-го), «Зеленый огонек» (4-го), «Не горюй!» (9-го), «Ищите девушку» (10-го), драмы — «Девять дней одного года» (1-го), «Отец солдата» (3-го), «Член правительства» (4-го), «Посланники вечности», «Сердце России» (6-го), «Вся королевская рать» (13—15-го), «Константин Заслонов» (15-го), сказка — «Золотой ключик» (4-го), детектив — «Возвращение Святого Луки» (9-го), приключения — «Орленок» (5-го), «Красные дьяволята» (13-го) и др.

Но главной особенностью тех двух недель было большое количество премьер — сразу 9 (!) новых фильмов (такого на отечественном ТВ еще не бывало). Были показаны фильм для детей «Вот моя деревня» (4—5-го), музыкальная комедия «Песни моря», комедия на сельскую тему «Меж высоких хлебов», драма «Софья Грушко» (все — 5-го), военная драма «Офицеры» (7-го), гэдээровский вестерн про Зоркого Сокола «След Сокола» (причем второй фильм дилогии «Белые волки» показали двумя месяцами раньше), историческая драма «Я, Франциск Скорина», новое «Дело» (№ 7) «Несчастный случай» из сериала «Следствие ведут знатоки» (все — 11-го), драма «Пирсmani» (14-го).

Из театральных премьер назову следующие: 3-го в Театре имени Ермоловой — «Старший сын» А. Вампилова с участием В. Павлова, Ю. Медведева, А. Жаркова и др., 6-го в Театре имени Пушкина — «За что избили корреспон-

дента?» Г. Мдивани с участием О. Викландт, А. Кочеткова, Н. Прокоповича и др.

Эстрадные представления: 4—7-го во Дворце спорта прошли сборные концерты с участием Иосифа Кобзона, ВИА «Самоцветы» и др., 9—10-го и 11—12-го в ГЦКЗ «Россия» пел испанский «соловей» Мичел (12—14-го выступал в ГТЭ), 11—12-го в ЦДКЖ — Маргарита Суворова и Лев Барашков.

Продолжаются съемки комедии «Большая перемена». Как мы помним, группа вернулась из короткой экспедиции в Сочи и должна была приступить к съемкам объекта «квартира Леднева». Но из-за задержки в строительстве декорации вынуждена была отложить на время съемки и занялась «озвучкой». Наконец, 17 ноября, в 6-м павильоне «Мосфильма», съемки возобновились. В тот день сняли финальную сцену первой серии: Леднев сообщает соседу Федоскину, что его дочь влюбилась в нового учителя истории, на что Нелли берет гитару и поет песню «Черное — белым, белое — черным». Так получилось, что к тому времени съемки фильма уже подходили к концу, а этому эпизоду суждено будет завершать всего лишь первую серию.

В субботу, 18 ноября, в 21.30, по ТВ показывали очередной выпуск «Кинопанорамы». Эта передача относилась к числу самых любимых зрелищ советского народа, поэтому неизменно собирала у своих экранов огромную аудиторию. Но в тот раз народ был неприятно удивлен: вместо горячо любимого ведущего Алексея Каплера, который в течение последних восьми лет был неизменным ведущим «Кинопанорамы», кресло ведущего занял другой человек — Ростислав Плятт. Это было сенсацией, поскольку никого иного, кроме Каплера, зрители в этом кресле себе просто не представляли. Столь высок был его авторитет и любовь зрителей. Как вспоминает К. Маринина:

«В те времена на телевидении господствовали суровые законы — жесткость, выверенность каждой реплики, жеста. Была даже поговорка: «Слово — не воробей. Вылетит — посадят». И вдруг появился человек — Каплер, который в прямом эфире мог сказать примерно так: «Сейчас вы посмотрите кино молодого режиссера... Ой-ой, я забыл его фамилию. Где-то у меня тут было записано, не могу найти. А-а!

Давайте сделаем так: вы посмотрите кино, а я пока найду эти записи и потом вам скажу».

В моих глазах он вообще выглядел белой вороной среди сонма тех, кто перепуганно выступал по бумажкам. Мог запросто вернуть анекдот, чего никто другой не позволял себе в принципе. И за это, и еще за многое другое, о чем и словами-то не обскажешь, зрители восторженно любили нашего ведущего...»

В ноябре 72-го эра Каплера на ТВ закончилась. Потом было много пересудов по поводу его ухода из популярной передачи. Одни говорили, что ушел он со скандалом (якобы не захотел снимать сюжет про одного маститого кинорежиссера и его супругу), другие утверждали, что поводом к этому послужила более прозаическая причина — здоровье Каплера.

20 ноября в СМИ появилось сообщение о награждении второго человека в партии, главного идеолога Михаила Суслова орденом Ленина и второй Золотой медалью «Серп и Молот». Награждение было приурочено к круглой дате — 70-летию Суслова и произошло день спустя после объявления в газетах.

Как мы помним, всего два месяца назад юбиляр овдовел и теперь жил один в привилегированном доме на Малой Бронной (взрослые дети Суслова жили отдельно). По свидетельствам очевидцев, главный идеолог был крайне аскетичным человеком и ничего кроме работы, в сущности, не любил. В быту он был настолько скучен, что про эту сторону его жизни не осталось даже каких-нибудь воспоминаний. Правда, и в любимой им идеологии похвалиться юбиляру было тоже особенно нечем. По словам Р. Медведева:

«Собственный творческий потенциал Суслова оказался поразительно ничтожен. И хотя при жизни и в некрологе его именовали «крупным теоретиком», на самом деле он не внес в марксистскую теорию ничего нового, не сказал здесь ни одного оригинального слова. За свою 35-летнюю деятельность на ответственных постах в ЦК партии Суслов не написал ни одной книги, и все его «сочинения» уместились в трех не слишком больших по объему томах. Но что это за труды? Читать их подряд невыносимо скучно, одни и те же выражения и идеологические штампы «кочуют» из одной речи в другую. Суслов как будто сознательно избегает ярких мыслей и сравнений, он не упот-

ребляет шуток, и его выступления почти никогда не сопровождаются ремарками вроде: «смех», «громкий смех», «движение в зале», «оживление» и т. п. Любопытно, что один из главных помощников Суслова — В. Воронцов был собирателем поговорок и афоризмов. Но при подготовке речей Суслова ему практически не удавалось вставить в тексты что-нибудь интересное из своей коллекции. Вообще составители речей Суслова отмечают, что он очень редко вносил какие-либо существенные изменения, разве что исключал некоторые фразы и абзацы...»

24 ноября в «Большой перемене» снимали эпизод «амбулатория»: Ганже делают перевязку обожженной руки, и он сообщает Тимохину о том, что тем, кто учатся в вечерней школе, платят деньги. «И много платят?» — интересуется жадный Тимохин. «На жизнь хватает», — отвечает Ганжа.

На следующий день хоккейная команда ЦСКА вылетела в Швецию, чтобы сыграть там первый из двух финальных матчей Кубка европейских чемпионов против «Брюнеса». Матч был назначен на 29 ноября, однако ЦСКА собирался перед этим провести товарищескую игру с командой из Лександа, потому и вылетел пораньше. Тренер армейцев Анатолий Тарасов взял с собой лучших игроков, но с включением в команду одного из них — Анатолия Фирсова — возникли неожиданные препятствия. Я уже упоминал о том, что еще в начале года Фирсов впал в немилость к тренеру национальной сборной Всеволоду Боброву, теперь же знаменитый игрок настроил против себя и некоторых высоких чиновников из Спорткомитета. Именно они решили «перекрыть кислород» Фирсову — не пустить его в Швецию. За полчаса до вылета Анатолию внезапно сообщили, что визу ему не выдадут. Однако организаторы этой акции, кажется, заранее просчитали все, кроме одного, — реакции Тарасова. А у того было такое качество: чем больше его пытались ущемить, тем сильнее в нем закипала жажда мести. Короче, тут же, в аэропорту, он позвонил своим друзьям из МИДа и КГБ и попросил помощи. На этот зов откликнулись мидовец Евгений Ступов и чекист Лев Стародубцев. Поскольку самолет с командой к тому времени уже улетел, они решили направить Фирсова обходным путем — через Фин-

ляндию. Для этого они сначала задержали самолет Москва — Хельсинки, а потом и рейс Хельсинки — Стокгольм. За это время Фирсову оформляли визу, а пока ее не было, он, почти как Джеймс Бонд, перескакивал из самолета в самолет без визы и без билета. Однако история закончилась благополучно — Фирсов успел к финальному матчу, который ЦСКА выиграл с разгромным счетом 8:2. Ответный матч должен был состояться 5 декабря в Москве.

А теперь перенесемся в Италию, где в качестве корреспондента газеты «Известия» в те дни работал Леонид Колосов. В свое время он закончил разведшколу, был сотрудником КГБ, но затем переквалифицировался в «чистого» журналиста. Хотя периодически бывшие коллеги привлекали его к выполнению отдельных заданий. В конце ноября 72-го именно такая ситуация и сложилась. Колосова вызвал к себе резидент советской разведки в Италии и попросил его... убить предателя Лялина. Как мы помним, советский разведчик Олег Лялин сбежал на Запад в сентябре прошлого года, сдав при этом врагу около сотни советских разведчиков, в том числе и Колосова, с которым некогда вместе учился в разведшколе. Советское руководство заочно приговорило предателя к смертной казни, однако долгое время этот приговор никак не удавалось привести в исполнение, поскольку Лялина тщательно скрывала английская разведка. Но в ноябре 72-го КГБ сумел напасть на след предателя, который под чужим именем приехал отдохнуть во Флоренцию. Покарать бывшего коллегу было поручено Колосову. При этом резидент сообщил, что в случае успешного выполнения этого задания отличившегося ожидает высокая правительственная награда (как в свое время Рамона Меркадера, убившего ледорубом Троцкого). Колосов согласился, но поставил условие: он убьет предателя только после того, как ему не удастся попытка перевербовать его обратно. В качестве оружия возмездия будущий киллер прихватил с собой пистолет системы «вальтер» со стертým номером. Далее послушаем рассказ самого Л. Колосова:

«Я отправился во Флоренцию, сообщив по телефону в редакцию «Известий», что еду в командировку собрать материал для очерка «Осенняя жемчужина Тосканы». Прикрытие было обеспечено. Высокого молодого мужчину

в плаще я увидел в вестибюле гостиницы на другой день. Это был и Лялин, и не Лялин. Мы взглянули друг на друга. Он абсолютно равнодушно отвернулся от меня и пошел к выходу. Через несколько минут вышел на улицу и я. Раннее утро. Моросит дождь. Прохожих не видно. «Лялин» медленно идет по направлению к мосту через Арно. Я за ним. Подойти или не подойти? Легче, конечно, вытащить «вальтер» — затылок в двух десятках метров. А как же заповедь «не убий»? А вдруг это вообще другой человек? Так и проходим весь мост. Он сворачивает в один переулок, я — в другой...

Мой доклад резиденту по возвращении в Рим не вызвал больших восторгов.

— Риск — благородное дело. Но если ты упустил Лялина, — сказал он, — тебе аукнется, так и знай.

Ну как в воду смотрел мой резидент. Приехав в очередной отпуск, я уже в Италию не вернулся, даже для того, чтобы забрать свои вещи...»

27 ноября в одном из центральных СМИ появилась еще одна взрывная статья (про первую, в «Комсомолке», я уже упоминал), наделавшая много шума в обществе. Речь идет о публикации в «Правде», посвященной разоблачению в Грузии подпольного миллионера Лазишвили. В хронике событий за сентябрь я уже упоминал имя этого человека. Он сумел приобрести в республике огромное благодаря своему богатству — на его щедро оплачиваемых услугах были секретари райкомов, обкомов и даже секретари ЦК, не говоря уже о других чиновниках. В течение нескольких лет Лазишвили верховодил в Грузии, и его разоблачение было напрямую связано с закатом правления в республике 1-го секретаря Мжаванадзе. Публикация в «Правде» появилась неспроста: на конец декабря намечался очередной пленум ЦК КПСС, на котором бывшего персека собирались вывести из состава кандидатов в члены Политбюро, и требовалось идеологическое объяснение этому факту.

В тот же день на 69-м году жизни скончался поэт Ярослав Смеляков. В некрологе, опубликованном в печати, про него было сказано «выдающийся русский советский поэт». Хотя первое признание пришло к покойному в начале 30-х годов, а свою первую Государственную

премию Смеляков получил спустя тридцать лет — в 1967 году.

И еще одно событие, датированное 27 ноября, стоит упомянуть. Вечером того дня на квартиру Андрея Миронова в Волковом переулке заглянул его приятель Алексей Маневич. Хозяина дома не было — он играл в очередном спектакле в Театре сатиры. Маневич решил его подождать. Миронов явился около десяти вечера, причем в подавленном состоянии. Было видно, что в театре у него произошла какая-то неприятная история, но какая именно, он не сказал, а гость тактично промолчал. Однако, видя, что хандра у друга никак не проходит, Маневич внезапно предложил ему съездить к его сыну на день рождения. Дескать, и сам развешься, и незабываемый подарок преподнесешь имениннику и его гостям. Уговаривать себя дважды Миронов не дал. Они погрузились в машину и отправились в район Речного вокзала, на Фестивальную улицу. И пробыли за праздничным столом почти до утра.

29 ноября в «Литературной газете» были опубликованы два коротких письма двух известных писателей — Анатолия Гладилина и Булата Окуджавы, в которых оба осудили западных издателей, посмеявшихся без их согласия опубликовать у себя на родине их произведения. Нет сомнений в том, что эти письма появились не по доброй воле авторов, а были навязаны им руководителями Союза писателей СССР. Мы помним, что еще в июне первичная организация СП исключила Окуджаву из партии, однако вышестоящие органы наложили на это решение вето. Их вердикт был таков: писатель должен публично осудить западных издателей, тогда вопрос о его членстве в КПСС отпадет сам собой. Окуджава согласился.

В тот же день один из советских футбольных клубов — ереванский «Арагат» — играл очередной матч в розыгрыше Кубка УЕФА с западногерманским «Кайзерслаутерном». К большой радости наших болельщиков (а игра транслировалась в десять вечера по ТВ), «Арагат» победил 2:0.

На следующий день в Большом Кремлевском дворце состоялся пленум правлений творческих союзов, посвященный приближающемуся в декабре 50-летию СССР (практически весь 72-й год проходит под знаком этого эпо-

хального юбилея). Вот как отозвался в своем дневнике об этом пленуме Б. Бабочкин:

«Казенщина разъедает все. На этот раз она особенно выявилась. Появился президиум, кое-кто из Политбюро, — казенные, минимальные аплодисменты. Нехотя встали, постояли, еле-еле похлопали... Не слушали выступавших совершенно демонстративно, разговаривали довольно громко между собой. Овацию устроили только Шостаковичу, отчасти потому, что признают в нем единственного классика — бесспорного, а отчасти потому, что он уже «там». Он еле двигается, на нем уже печать. Остальных, вне зависимости от званий, чинов, того, что они говорят, — не слушают, не хотят слушать. Да и что они могут сказать? Ну, как отнестись к выступлению Г. Маркова — секретаря Союза писателей, когда, я уверен, почти никто в зале не читал его сочинений? Как отнестись к выступлению С. Михалкова, когда все знают, что он такое?»

Грустная картина. Открывал пленум Н. С. Тихонов. Я вспомнил: в 1934 году мы с ним были в этом же зале на съезде Советов депутатами. Я тогда же понял всю опасность этого пути. Я сошел с него немедленно и сознательно. А он с тех пор так и дует до горы. Последние лет тридцать он — председатель комитета по госпремиям...»

В заключение главы, как обычно, краткая афиша столичных развлечений. Начнем с театра. Из тамошних премьер назову лишь одну: 27-го в «Современнике» был показан спектакль «Как брат брату» по пьесе американского драматурга Д. Рэйба, повествующий о жизни американской семьи. В пьесе присутствует полный набор идеологических прибабасов, так любимых советскими идеологами: война во Вьетнаме, тяжелая жизнь в капиталистическом «раю» и т. д. и т. п. В главных ролях заняты ведущие актеры театра Игорь Кваша, Валентин Гафт, Олег Табаков, Екатерина Васильева и др.

Из киношных премьер назову две, причем обе они состоялись 27 ноября: документальный фильм Бориса Рычкова «Хоккей против хоккея», повествующий о недавней суперсерии по хоккею между сборными СССР и Канады (речь в фильме в основном шла о грубой игре канадцев, отсюда и название), и югославский боевик про партизан времен войны с фашистами «Вальтер защищает Сараево», главную роль

в котором сыграл кумир советских мальчишек Бата Живойнович.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Подпольный фронт» (Польша) (17—22-го), «Алло, вы ошиблись номером» (17-го), «Только один телефонный звонок», «Исправленному верить», «Там, где цветут эдельвейсы» (18-го), «Отцы и дети», «Солдат Иван Бровкин» (19-го), «Мать» (20-го), «Браслет-2» (21-го), «Ко мне, Мухтар!» (22-го), «Два Федора» (23-го), «Москва — Генуя», «Восьмой» (24-го), «Над нами Южный Крест», «Два билета на дневной сеанс» (25-го), «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Черная гора» (впервые по ТВ), «Девчата» (26-го), «Сорок первый» (27-го), «Я, следователь...» (впервые по ТВ) (28-го), «Большая семья» (29-го), «Нормандия — Неман» (30-го) и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: ВИА «Веселые ребята» 17-го выступали в киноконцертном зале «Октябрь», 18—19-го — в ЦДКЖ; 18-19-го в «Октябре» пела Александра Стрельченко; 21-го в ГТЭ — Анна Герман; 26-го в «Октябре» — ВИА «Самоцветы»; в ЦДКЖ — Нина Дорда. 16—19-го в ГЦКЗ «Россия» прошли премьерные показы новой программы «Товарищ кино», в которой были заняты более трех десятков звезд отечественного кинематографа и эстрады. Назову лишь некоторых: Борис Андреев, Марина Ладынина, Василий Меркурьев, Всеволод Санаев, Борис Чирков, Нонна Мордюкова, Иннокентий Смоктуновский, Фрунзе Мкртчян, Наталья Фатева, Георгий Вицин, Николай Рыбников, Светлана Светличная, Савелий Крамаров, Николай Озеров, Лев Лещенко, Георг Отс и др. В этом представлении каждому из артистов нашлось дело:

например, Андреев читал монолог «Крупным планом», Рыбников с Озеровым вели спортивный репортаж, Вицин, Крамаров и Татосов исполняли интермедии, Гурченко и Кикабидзе пели и т. д. Народу на концерты пришло много, поскольку всем хотелось увидеть звезд советского кинематографа живьем, тем более что некоторые из них, в силу возраста, не могли сниматься в кино так часто, как это было прежде. В те годы народ любил своих кумиров, знал каждого в лицо, и любовь эта была не деланая, а настоящая. Хотя были и в те годы люди, которым звезды были, что называется, до лампочки. Тем более прошлые. К примеру, с Мариной Ладыниной в том году случилось следующее. Актриса рассказывает:

«В 1972 году у меня умерла мама. Я решила ее похоронить на Ваганьковском кладбище, рядом с отцом. Пришла в дирекцию. Там сидит весьма суровый мужчина: «Место на кладбище записано на Пырьева (бывший муж Ладыниной. — Ф. Р.), пусть он распорядится, чтобы похоронили вашу мать». Я ему: «А Пырьев уже умер». — «Тогда несите такую справку», — отвечает директор. Я поехала за справкой, в тот же день ее привезла. «А теперь, — говорит он, — мне нужна справка, что вы развелись». Я на него так посмотрела, что он испугался и говорит: «Ну ладно, из уважения к вашему МАСТЕРСТВУ (так и сказал — не таланту, а мастерству) я разрешаю вам похоронить мать на этом участке».

Из новинок «Мелодии» выделю миньон Екатерины Шавриной с песнями: «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев — И. Шаферан), «У меня, Марины» (А. Мажуков — Я. Козловский), «Земля черна» (Д. Тухманов — И. Кохановский), «Какая песня без баяна» (О. Анофриев); диск «Играет оркестр Джеймса Ласта».

1972

Декабрь

Кто «увел» серебряный набор у Всеволода Боброва? У Дмитрия Шостаковича и Николая Симонова обнаружили рак. «Царица» с синяком под глазом. Как глава Гостелерадио «чистил» «Песню года». Падение Никиты Михалкова в райкоме. Кубок европейских чемпионов по хоккею у ЦСКА. Скандал на турнире по фигурному катанию. Родилась дочь у Александра Якушева. Очередная автоавария Никиты Михалкова. Кончаловский — Коренева: первая встреча. Русский бьет каряка. Ночное ограбление в Москве. Болен Бабочкин. Почему новый фильм Григория Александрова шутики переименовали в «Склероз и климакс». За что наказали футболистов команды «Арарат». Хит телесезона: фильм «Банда Доминаса». Ночной визит Высоцкого на теплоход «Крым». Крупнейшее поражение американцев во Вьетнаме. Владимир Тихонов: продолжение любовного романа. Как Людмила Зыкина выпила в раковину бутылку коньяку. 50 лет СССР: Москва в иллюминации. Была ли Зыкина любовницей Косыгина. Как Никита Михалков целовался в будке с собакой. Возвращение великой тройки Михайлов — Петров — Харламов. Умер А. Туполев. Последний выход на сцену Николая Симонова. Умер Вадим Беров. Амнистия. Как «Дневник» Эдуарда Кузнецова очутился у Сахарова. Очередной инфаркт Аркадия Райкина. Роман Людмилы Максаковой. Эпистолярный подвиг Владислава Третьяка. Как эстрадные звезды едва не опоздали к встрече Нового года. Попытка самоубийства под бой курантов. Никита Михалков на Камчатке: переход на собаках.

1 декабря исполнилось 50 лет выдающемуся спортсмену и тренеру Всеволоду Боброву. Юбилей он встречал, раздираемый противоречивыми чувствами. Как мы помним, в начале года его назначили главным тренером национальной сборной по хоккею, и эта команда взяла на чемпионате мира всего лишь «серебро». А спустя полгода эта же сборная сыграла серию матчей с канадскими профессионалами и по сумме игр серию проиграла. Однако, несмотря на проигрыш, советское спортивное руководство посчитало, что общий результат для нас — положительный. Мы уступили канадцам в равной борьбе, проиграли им всего лишь два очка, да и то в последней игре канадцы сумели вырвать победу на последних секундах игры. Короче, все нормально. Сложись все иначе, и Боброва наверняка выперли бы из сборной, как это уже неоднократно бывало с его предшественниками. А так он остался на своем посту и продолжил подготовку сборной к предстоящему чемпионату мира, ко-

торый на этот раз должен был состояться в Москве.

Юбилей Боброва отмечали в знаменитом кафе «Сокол» на улице Расковой, директор которого Леонид Михайлович был известен чуть ли не всему спортивному миру. На торжество пришло около ста человек, причем спортсмены среди них отнюдь не преобладали. Подарков Боброву было вручено столько, что их пришлось увозить на нескольких автомобилях. Правда, не все подарки удалось благополучно довести до дома. Например, набор из чистого серебра, который подарил Боброву бывший порученец Василия Сталина Яков Охотников, бесследно исчез, «умыкнутый» кем-то из гостей. Когда Бобров узнал об этом, он ни капли не расстроился и сказал: «Зато будет что вспомнить».

3 декабря Дмитрий Шостакович в очередной раз угодил в больницу. Мы помним, что Б. Бабочкин, увидев его на пленуме творческих союзов, отмечал, что композитор очень плохо

выглядит. В больнице у Шостаковича обнаружили затемнение в левом легком. Это была злокачественная опухоль. Однако Шостаковичу врачи правду не сказали, а заявили, что это всего лишь киста. Как писал в одном из писем И. Гликману композитор: «Кисту сейчас уничтожают посредством облучения. Киста понемногу исчезает, и недели через три-четыре я буду обладать чистейшими, без всяких кист легкими. Однако мои руки и ноги слабеют, т. к. все внимание сейчас обращается на легкое...»

По странному стечению обстоятельств, в те же дни рак был обнаружен и у актера Ленинградского Театра имени Пушкина Николая Симонова (Петр I в одноименном фильме). В ноябре актер был в Москве, где снимался в киноварианте телефильма «Последнее дело комиссара Берлаха». Вернувшись домой, Симонов почувствовал себя плохо. Его сын, врач-онколог, буквально заставил отца сделать рентген. На снимке явственно просматривалась опухоль в нижней трети пищевода. Была еще некоторая надежда на известного специалиста по хирургии пищевода, однако он высказался против операции: мол, поздно, шансов на благополучный исход уже не осталось. Как и в случае с Шостаковичем, Симонову тоже не сказали всей правды.

Тем временем на «Мосфильме» Леонид Гайдай продолжает ваять своей очередной киношедевр — комедию «Иван Васильевич меняет профессию». Как мы помним, павильонные съемки начались еще 2 октября. За это время удалось снять большую часть эпизодов в квартире и доме Шурика, в палатах Ивана Грозного. В начале декабря добрались до эпизодов заигрывания царя с царицей (Нина Маслова), песни Жоржа Милославского (Леонид Куравлев) с пачкой «Мальборо». Кстати, актриса Маслова на съемки своего эпизода пришла с синяком под левым глазом. Накануне она повздорила со своим супругом, руководителем известного оркестра (это был второй брак актрисы), и тот, видимо, не найдя других аргументов, в сердцах заехал ей кулаком аккурат в лицо. Синяк кое-как удалось замазать с помощью грима, но кроваво-красный глаз, конечно же, загримировать было невозможно. Поэтому во время съемки Маслова старалась как можно реже смотреть в камеру и все время опускала голову.

В эти же дни в окрестностях Ялты Иосиф Хейфиц проводит досъемку натуральных сцен фильма «Плохой хороший человек». В частности, снимается эпизод на пикнике. Большую часть его удалось снять еще летом, но кое-что осталось недоработанным. В частности, эпизод, когда Лаевский (Олег Даль) лежит в экипаже и с грустью взирает на участников пикника. В съемках этого эпизода принимают участие Владимир Высоцкий, Анатолий Папанов, Людмила Максакова и др.

В той же Ялте в это время снимают и другие фильмы: «Великие голодранцы» (Лев Мирский), «Города и годы» (Александр Зархи), «За облаками небо» (Юрий Егоров) и др.

В Москве, в «Останкино», проходят записи очередной «Песни года», в которой принимают участие многие звезды отечественной эстрады. Правда, не все. Пригласить всех не позволяет, во-первых, формат передачи (два часа), во-вторых — личное мнение председателя Гостелерадио Сергея Лапина. Он лично визирует список приглашенных артистов, да еще следит за репетициями по монитору, установленному в его кабинете. Бывало и так, что какому-нибудь артисту удавалось пройти первый этап допуска в передачу (список), но во втором — просмотр по лапинскому монитору — ему не везло, и он из передачи вылетал. Так, например, случилось с Майей Кристалинской, которая должна была год назад исполнить на «Песне года» песню А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Кто отзовется», но Лапин посчитал это произведение слишком скучным для новогодних дней и выбросил из передачи. Однако в этом году Кристалинской повезло — новое произведение той же Пахмутовой (теперь в содружестве с Р. Рождественским) «Полюнь» Лапину на душу «легло», и он оставил ее в программе.

Полный список участников «Песни-72» и произведений, исполненных ими, выглядит следующим образом:

«Я пою о Москве» (С. Туликов — Ю. Полухин) — А. Разум и Московский хор молодежи; «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев — И. Шаферан) — Т. Синявская; «Увезу тебя я в тундру» (М. Фрадкин — М. Пляцковский) — К. Бельды; «Верасы» (И. Лученок — И. Скурко) — В. Вуячич и хор молодежи; «Комсомольская юность» (И. Лученок — Н. Алтухов) — В. Вуячич; «Юность» (П. Бюль-Бюль оглы — Н. Доб-

ронравов) — Л. Лешенко; «Ты позови меня, Россия» (В. Левашов — В. Харитонов) — Большой детский хор; «Погоня» (Я. Френкель — Р. Рождественский) — детский хор; «Песня крокодила Гены» (В. Шаинский — А. Тимофеевский) — детский хор, солист Сережа Парамонов; «Ты и небо» (А. Морозов — А. Азизов) — Э. Хиль; «Лебедь белая» (А. Флярковский — Л. Дербенев) — Э. Пьеха; «Березовый сок» (В. Баснер — М. Матусовский) — ВИА «Песняры»; «С рождения до вечности» (О. Фельцман — Р. Рождественский) — М. Магомаев; «Подари мне платок» (Г. Пономаренко — М. Агишина) — хор русской песни; «Ярославия» (П. Аедоницкий — Л. Ошанин) — Э. Хиль; «Полынь» (А. Пахмутова — Р. Рождественский) — М. Кристалинская; «Водограй» (В. Ивасюк) — ВИА «Смеричка»; «Благодарю тебя» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — М. Магомаев; «Косил Ясь конюшину» (белорусская народная песня) — ВИА «Песняры»; «Старый марш» (Л. Лядова — М. Владимов) — И. Кобзон и ансамбль МВО; «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — И. Кобзон и Л. Лешенко; «Герои спорта» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — М. Магомаев и детский хор; «Песня остается с человеком» (А. Островский — С. Островой) — Э. Пьеха, И. Кобзон, М. Кристалинская и все участники концерта; «Марш веселых ребят» (И. Дунаевский — В. Лебедев-Кумач) — все участники концерта.

5 декабря Никита Михалков, который путешествует по Камчатке в составе экспедиции, посетил с визитом один из тамошних райкомов комсомола. Там с ним произошел инцидент, о котором в его дневнике оставлена лаконичная запись: «К вечеру было падение прямо в райкоме с дежурной по райкому. «Пошлые подробности» только в устном пересказе...»

В тот же день в Москве состоялся ответный матч розыгрыша Кубка европейских чемпионов по хоккею между столичным ЦСКА и стокгольмским «Брюнесом». Мы помним, как в первой игре победили армейцы 8:2 и к каким ухищрениям пришлось прибегнуть одному из игроков ЦСКА — Анатолию Фирсову, чтобы сыграть в том матче. На этот раз Фирсов вышел на лед без всяких препон и даже забил одну шайбу в ворота соперников. Итог этой игры тоже оказался неутешительным для шве-

дов — они проиграли 8:3. Кубок остался в Москве.

И еще о спорте. Спустя несколько дней во Дворце спорта в Лужниках открылся турнир по фигурному катанию на приз газеты «Московские новости». Зрители, заполнившие ДС, с особым нетерпением ожидали появления на льду новой пары — Ирина Роднина и Александр Зайцев. После того как весной этого года от Родниной ушел ее бессменный партнер Алексей Уланов, многие специалисты предрекали закат звездной карьеры фигуристки: мол, найти такого же сильного партнера ей вряд ли удастся. Но уже первое появление новой пары на турнире в Запорожье (осень 72-го) опровергло эти прогнозы: Роднина — Зайцев лихо откатали свою программу, чем повергли в изумление публику. Как заметит тренер Т. Тарасова: «Это было феноменально. Чувство нереальности происходящего в Запорожье не покидает меня и по сей день. Невозможно себе представить, чтобы за такой короткий срок можно было сохранить чемпионский почерк дуэта, в котором осталась только партнерша. Мало того, сделать катание пары еще лучше — мощнее и интересней...»

На столичном льду Роднина — Зайцев откатали свою программу так же прекрасно, как и в Запорожье. А вот для Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова тот турнир запомнился не с самой лучшей стороны. Я уже рассказывал о том, что в последние год-два над головой этих фигуристов сгустились тучи — их чуть ли не насильно выдавливали из спорта. На декабрьском турнире это давление продолжилось. Дошло до того, что во время выступления Белоусовой — Протопопова радисты шесть (!) раз ставили им то не ту музыку, то не на той скорости. Не в силах терпеть это издевательство, фигуристы покинули лед. Однако возмущенная не менее их публика принялась скандировать: «Давай Белоусову — Протопопова!», не позволяя начать выступление фигуристке из Канады, следовавшей по программе за ними. В итоге канадка в слезах убежала со льда.

7 декабря счастливое пополнение произошло в семье популярного хоккеиста столичного «Спартака» и сборной Советского Союза Александра Якушева — у него родилась дочь Катя. Спустя некоторое время, отвечая на вопрос корреспондента «Комсомольской правды» о том,

какой день он считает самым счастливым в своей жизни, Якушев назвал день, когда у него родилась дочка. Между тем со своей женой Татьяной хоккеист познакомился четыре года назад на базе в Тарасовке. По словам спортсмена, произошло это следующим образом:

«В Тарасовке мы проводили восстановительный сбор: катались на лыжах, играли в русский хоккей. Туда же на каникулы приехали студенты плехановского института. Ребята из команды начали оказывать девушкам знаки внимания... И, как мне потом рассказывала жена, ее подружки говорили: «Тань, тут один мотыль вообще на тебя не смотрит!» Речь, разумеется, шла обо мне. А я был в то время длинный, нескладный, книжечка под мышкой, байковый китайский костюм. Весь в хоккее настолько, что девушками не увлекался. Таня уточнила: «Который из хоккеистов внимания-то не обращает? Этот, что ли?..» Как она говорит, сразу же на меня «запала». И инициатива знакомства была с ее стороны...»

В тот день 7 декабря не было счастливее людей, чем Якушев и его супруга. Они даже помыслить не могут, что спустя два десятилетия их постигнет страшное горе: в начале 90-х их дочь погибнет. Будучи студенткой Института физкультуры, Катя исчезнет из дома, а спустя несколько дней ее тело будет найдено в Москве-реке. Обстоятельства ее гибели так и останутся неизвестными. Но вернемся в декабрь 72-го.

8 декабря жизнь Никиты Михалкова в очередной раз оказалась в опасности — он опять чуть не погиб в автомобильной катастрофе. На этот раз автомобиль, в котором он ехал с товарищами, выскочил на встречную полосу и едва не врезался в грузовик. К счастью, в последнее мгновение водителю легковушки удалось вывернуть руль в сторону и уйти от столкновения. Через пару часов неприятные ощущения от этого инцидента уже забылись, и Михалков провел вечер у телевизора — смотрел документальный фильм своего коллеги по «Мосфильму» Юрия Чулюкина про Америку. Как выразится сам Михалков, «бредятина полная».

Тем временем старший брат Никиты режиссер Андрей Михалков-Кончаловский вкуче с коллегами по съемочной группе фильма «Романс о влюбленных» буквально мечется в поисках исполнителей на главные роли. Еще 3 ок-

тября фильм был запущен в режиссерскую разработку, однако за эти два месяца так и не удалось подыскать подходящих актеров на роль Сергея и Тани. В итоге, перебрав всех столичных и провинциальных актрис, Кончаловский от отчаяния решил просеять сквозь сито отбора детей самих киношников. И первыми, на кого пал его выбор, оказались дочери его второго режиссера Натальи Кореневой — Маша и Лена Кореневы. Стылым декабрьским днем обе девушки в сопровождении матери пришли на «Мосфильм», чтобы предстать перед проницательным взором режиссера.

Первым в кабинет вошла старшая из сестер — Маша. Пробыла она там недолго, удостоившись от режиссера похвалы за красивое лицо и балетный торс. Затем Кончаловский пригласил младшую Лену, о которой в киношной среде ходили упорные слухи, что она — копия американской актрисы Ширли Мак-Лейн, которая очень нравилась Кончаловскому. Едва Коренева уселась в мягкое кресло, как хозяин кабинета подтвердил киношные слухи: «Вы действительно похожи на Ширли Мак-Лейн». А затем произошло невероятное — после нескольких минут общения с девушкой Кончаловский сообщил ей, что именно ее собирается пробовать на роль Тани. Он так прямо и сказал: «Вы сдаете марксизм, у вас сессия, ну и когда же вам лучше встретиться для читки текста, до экзамена или после?» — «Как вам будет удобнее», — ответила Коренева. «Ладно, сдавайте ваш марксизм, мы вас вызовем после экзамена», — подвел итог разговора Кончаловский. А далее слушаем саму Е. Кореневу:

«Чисто по-женски я оценила всю невыгодность своего положения: мне предстояло пересечь комнату под пристальным взглядом сидящего в углу режиссера. Я постаралась проделать это как можно изящнее, посетовав на то, что в тот день была укутана в длинную серую кофту, брюки и короткие зимние ботинки. А также, что мне недостает пары-тройки сантиметров роста для нужного впечатления. С видом кокетничающего Винни Пуха я послала режиссеру прощальную улыбку и выскользнула в проем двери...»

Продолжаются приключения Никиты Михалкова на Камчатке. 11 декабря у него произошла стычка с одним из участников экспедиции — карякским писателем Коянто. Тот с

утра выпил лишнего и стал задирать Михалкова заявлениями типа «Я — истинный каряк, а вы, русские, нам и в подметки не годитесь» и т. п. Михалков ответил ему не менее достойной тирадой, которая вывела писателя из себя. Он распалился еще больше, стал махать кулаками. В итоге Михалков дал ему пару затрещин и пригрозил, что пожалуется отцу и тот поспособствует исключению Коянто из Союза писателей. Последняя угроза произвела на писателя впечатление куда более сильное, чем рядовые затрещины. Короче, он успокоился.

Тем временем на «Мосфильме» отец упоминаемой выше Елены Кореневой Алексей Коренев продолжает работу над фильмом «Большая перемена». Правда, в декабре съемочных дней у группы будет мало, и большую часть времени киношники занимались монтажом ранее снятого, речевым озвучанием, записью музыки (композитор Эдуард Колмановский написал к фильму прекрасную музыку, а руку к стихам приложил поэт Михаил Танич). Между тем 12 декабря снимался эпизод «мебельный магазин»: Петрыкин (Ролан Быков) со своей невестой Валею (Люсьена Овчинникова) выбирают себе мебель, тут появляется Нестор Петрович и просит, чтобы продавец обслужил их побыстрее. Дескать, Петрыкин — хороший человек. Поначалу Петрыкину лестно такое внимание к его персоне, но едва он узнает, что Нестором движет исключительно забота о Генке Ляпишеве, как он тут же мрачнеет и уводит жену из магазина. Эпизод снимали в коллекторе 7-го павильона с 16 до 24 часов.

В те минуты, когда работа киношников уже близилась к концу — в 23.05, — в Москве было совершено преступление. Жертвой его стала 20-летняя контролер ОТК радиозавода Надежда Рощина, возвращавшаяся домой от подруги. Сойдя на автобусной остановке недалеко от своего дома, Надежда пересекла улицу и вошла в темный переулок. Здесь все и произошло. Навстречу девушке вышел незнакомый парень в черной каракулевой шапке, который, поравнявшись с ней, внезапно ударил ее по руке, в которой была зажата сумочка. Прорывав что-то вроде «Молчи. Убью», парень подхватил с земли добычу и бросился бежать прочь. Надежда рванула было вдогонку, но затем остановилась — боль в руке стала невыносимой. В похищенной сумочке находились: помада, ком-

сомольский билет, клипсы, пропуск и записная книжка. И три рубля с мелочью.

О том, как развивались события в этом происшествии дальше, я расскажу чуть позже, а пока на время прервемся и заглянем в дневник Бориса Бабочкина. 12 декабря в нем появилась следующая запись:

«Очень болен. Приступ за приступом.

Сегодня узнал, что в воскресенье похоронили А. М. Марьямова (писатель, критик. — Ф. Р.). Мне не сказали. Сказали только сегодня. И я заплакал. Мне жалко его, жалко Елену Владимировну и жалко, вдруг безумно стало жалко себя. Ведь в один прекрасный день и обо мне так же позвонят по телефону и будут выкраивать время на похороны и досадовать, что все не вовремя, некогда всем, а тут такие малоприятные дела...»

Забегая вперед скажу, что жизнь отмерит прославленному артисту еще два с половиной года — он умрет в июле 1975 года, о чем рассказ впереди. А пока вернемся в декабрь 72-го.

Утром 13 декабря контролер ОТК радиозавода Надежда, пострадавшая накануне вечером от грабителя, пришла в милицию, чтобы написать заявление о случившемся. В тот момент, когда она уже заканчивала писать, в дежурку вошел молодой милиционер. Взглянув на заявление потерпевшей, он мрачно резюмировал: «Опять тот же парень в черной каракулевой шапке». Из чего Надежда сделала вывод, что она — не первая жертва неуловимого грабителя. Так оно и оказалось. А через пару дней девушку уже вызвали в милицию, чтобы опознать преступника. Им оказался 15-летний ученик одной из столичных школ Малахов. Как выяснилось, на скользкую дорожку его толкнул... родной папаша. Это он, будучи человеком жестоким и циничным, с детства прививал своему отпрыску потребительское отношение к жизни. У него даже была своеобразная методика воспитания сына: например, с 1 по 2-й классы он порол его за разные провинности куском телевизионного кабеля, с 3 по 4-й — солдатским ремнем с металлической пряжкой, с 5 по 8-й — избивал кулаками. Однажды, когда сын без разрешения взял в школу шариковую ручку отца и там потерял ее, Малахов-старший избил отпрыска чуть ли не до полусмерти. При этом приговаривал: «Я в дом несую, а ты из дома тащишь?! В дом неси! В дом неси!»

Свое первое преступление Малахов-младший совершил в 8-летнем возрасте, ограбив ночью палатку с мороженым. Его добычей тогда стали 15 рублей и две пачки халвы. Последнюю он принес домой как свой законный трофей. Отец ведь сказал «в дом неси». Вся эта история чуть позже станет поводом для появления в «Комсомольской правде» целой серии очерков публициста Валерия Аграновского. Эти публикации будут зачитываться до дыр. Но вернемся в декабрь 72-го.

Параллельно со съемками «Большой перемены» на «Мосфильме» шла работа и над другими картинами. К примеру, над своим очередным шедевром корпел в те дни мэтр отечественного кинематографа Григорий Александров. Тринадцать лет назад на широкий экран вышел его последний фильм — комедия «Русский сувенир», но она принесла ему сплошные огорчения: ее не приняла ни критика (в «Крокодиле» даже был помещен фельетон на нее), ни зрители (залы были полупустые). Этот провал надолго отбил у Александрова охоту снимать, и он в течение девяти лет занимался исключительно преподавательской деятельностью. Наконец в 1968 году мэтр решил вернуться в большой кинематограф. На этот раз он задумал изменить себе и снять вместо комедии шпионский детектив под названием «Скворец и Лира». Правда, изменив жанру, Александров не изменил себе в главном — центральную роль в будущей ленте отдал своей жене Любове Орловой. На этот раз ей предстояло перевоплотиться в советскую разведчицу Людмилу Грекову, действующую в глубоком тылу фашистских войск.

Несмотря на то, что сценарий фильма был готов к постановке еще весной 1969 года, однако начать съемки удалось только в середине ноября 1972 года. За прошедший месяц были сняты натурные эпизоды в Швейцарии (группа находилась там 18—25 ноября) и часть эпизодов в павильоне. Вот как описывает эти съемки Д. Щеглов:

«Орловой шел семьдесят второй год.

Был эпизод в сцене с Петром Вельяминовым, где она стоит в подвенечном платье, в фате.

Это было странное, это было страшное зрелище. У нее заметно тряслась голова в кадре. Она была озабочена лишь тем, как и на сколь-

ко лет выглядит. Не помогал ни тщательно выверенный свет, ни особые ракурсы. Работа сводилась к постановкам «мизансцены ресниц».

Настоящая тема картины — отчаянная борьба Орловой со временем.

Это был фильм, где двое людей — постановщик и главная исполнительница — в равной степени не чувствовали, не видели, не знали своего возраста.

По студии ходили веселые байки, чем-то похожие на анекдоты, которые в то время травили об анемичных старцах из Политбюро. «Скворец и Лира» быстро переименовали в «Склероз и климакс». Любочку, впрочем, старались щадить.

Во время съемок она задергала свой организм всевозможными диетами. Она по-прежнему занималась станком, теперь уже с плачем — буквально с плачем, — отлеживаясь после своих ежеутренних полуторачасовых мучений...»

В те декабрьские дни с Орловой произошел случай, который ее — человека, болезненно следящего за своим возрастом, — очень сильно вдохновил. Она в тот день спешила на съемку и решила перейти дорогу в неположенном месте. На беду рядом оказался постовой милиционер. Он засвистел в свой свисток и строго обратился к Орловой: «Девушка! Подойдите ко мне!» Это обращение — «девушка» — заставило сердце 72-летней актрисы учащенно забиться, в голове счастливо билась мысль: «Значит, я выгляжу прекрасно!» Страж порядка, конечно же, узнал знаменитую актрису, но штраф с нее все-таки взял. Эту квитанцию Орлова будет хранить у себя как лучшее свидетельство своего прекрасного физического состояния.

В среду, 13 декабря, в ФРГ состоялся ответный матч Кубка УЕФА между «Кайзерслаутерном» и ереванским «Арагатом» (трансляция по ТВ в 22.00). Этому матчу суждено будет войти в футбольную историю как одному из самых скандальных. Как мы помним, первую игру выиграл «Арагат» 2:0, поэтому немцам необходима была победа как минимум с таким же счетом. Всю игру они яростно атаковали ворота соперника, однако с игры смогли забить всего один мяч. Казалось, что ереванцам удастся сохранить этот результат до конца встречи и тем самым обеспечить себе выход в дальнейшую стадию турнира. Но тут в дело вмешался судья.

В одном из эпизодов, происходившем в штрафной площадке гостей, он разглядел нарушение правил и решительно указал на одиннадцатиметровую отметку. Темпераментные армяне в ответ устроили настоящую бучу: несколько их игроков окружили судью и в течение нескольких минут мешали ему дать свисток к пробитию штрафного. В итоге тот показал «горчишники» сразу четырем игрокам «Арарата»: Н. Петросяну, А. Арутюняну, Л. Иштояну и А. Андreasяну.

Между тем тот пенальти немцы, конечно же, забили. Затем было объявлено добавочное время, но оно не выявило победителя. И тогда настал черед пробивать серию пенальти. И вот тут ереванцы окончательно расклеились. Видимо, тот психологический срыв, который они себе позволили несколько минут назад, сыграл свою отрицательную роль. Немцы свою серию пробили на удивление отменно: забили все мячи, а у армян Геворкян не сумел переиграть вратаря «Кайзера». В итоге со счетом 7:6 победили немцы. «Арарат» не солоно хлебавши вернулся на родину, где тут же попал под дамоклов меч республиканского Спорткомитета. За недостойное поведение, выразившееся в нападении на судью (а эти кадры транслировались по ТВ), четырем вышеперечисленным игрокам были объявлены строгие выговоры.

А теперь перенесемся в Москву и взглянем на афишу развлечений. В кинотеатрах состоялось несколько премьер, причем большая часть фильмов посвящена событиям Великой Отечественной войны: 1-го — фильм белорусских кинематографистов про партизан «Зимородок», в главной роли молодой актер Александр Самойлов (сын Владимира Самойлова); 3-го — картина Гавриила Егиазарова «Горячий снег» про героическую оборону Сталинграда; 11-го — фильм В. Монахова «Нежданный гость», в ролях: Алина Покровская, Андрей Мягков, Иван Лапиков и др.; 14-го — фильм Алексея Салтыкова «Сибирячка» про трудовые будни молодого инженера Марии Одиновой (актриса Валерия Заклунная); 15-го — «Ждем тебя, парень!» узбекского режиссера Р. Батырова, рассказывающий о буднях современного трудового коллектива, в ролях: Отабек Ганиев, Марина Неелова, Александр Ленков и др.

Кино на ТВ: «Диверсанты» (1-го), «Свеаборг» (1—2-го), «Королевская регата», «Девуш-

ка без адреса» (2-го), «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Чужая родня» (3-го), «Мертвый сезон» (4—5-го), «Зов пустыни» (впервые по ТВ — 6-го), «Где ты теперь, Максим?» (7-го), «Ущелье ведьм» (8-го), «Выстрел», «Нервы... Нервы...» (премьера т/ф), «Джамбул», «Девушка с характером» (10-го), «Гулящая» (12-го), «Мы, русский народ» (впервые по ТВ — 12—13-го), «Свадьба» (14-го), «Офицер запаса» (впервые по ТВ — 15-го) и др. Безусловным хитом телепоказа стал гэдээровский двухсерийный фильм «Банда Доминаса», показанный вечером 9—10 декабря. В этом фильме настолько увлекательно была показана полная риска жизнь и деятельность немецкой братвы, что миллионы советских подростков в своих дворовых играх принялись использовать подсмотренные с телеэкрана повадки и клички героев фильма. Чуть ли не в каждом московском дворе с тех пор появился свой Доминас (кстати, не только в московских: известный ныне секс-символ Владимир Машков в детстве за свой хулиганский нрав получил прозвище Доминас).

Из театральных премьер назову одну: 6-го в ЦТСА был показан спектакль «На трассе — непогода» по пьесе И. Герасимова, посвященный современности, с участием Аллы Покровской, Николая Пастухова и др.

Эстрада была представлена следующими исполнителями: 1—3-го в ГТЭ пел венгерский «соловей» Янош Коош в сопровождении ВИА «Экспресс», 2—3-го в «Октябре» зрителей очаровывала Майя Кристалинская, 4-го в филиале МХАТ и 6—8-го в ГТЭ — Жильбер Беко, 4—5-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись сборные концерты с участием Кола Бельды, Юрия Богатикова, Майи Кристалинской и др., 9-го в «Октябре» пели Иван Суржиков, Кола Бельды, Владимир Макаров, Эльмира Жерздева, Виктор Кохно и др., 9—16-го в ГТЭ зрители ломались на концерты Дина Рида (все лето он провел в разъездах, снимаясь сначала в Италии у Фрэнка Крамера в роли предводителя народных масс, затем в ГДР), 10-го, 12-го и 14-го в ГЦКЗ «Россия» при таких же аншлагах прошли спектакли «Избранное-72» с участием Аркадия Райкина.

Тем временем съемочная группа фильма «Плохой хороший человек» снимает в Ялте натуру (начали работать там с 1 декабря). Актеры, занятые в съемках, подъезжают туда по ме-

ре необходимости. Так, Владимир Высоцкий заскочил на съемки в середине месяца, отработав несколько концертов в Донецке и Жданове. Поселился он вместе с остальными киношниками в гостинице «Ореанда». После съемок его излюбленным местом был бар в подвальчике, однако спиртное он тогда не заказывал — был «в завязке», — пил исключительно сок. А однажды он повел своего приятеля по съемкам Евгения Татарского на экскурсию на теплоход «Крым», где капитаном был его друг Тютюма. Причем поход состоялся в 2 часа ночи! Татарский спросонья сначала не понял, куда его зовет Высоцкий, а когда до него дошло, стал отбрыкиваться: мол, ты понимаешь, какое время на дворе? Но Высоцкий был неумолим: пошли, говорит, и все. В общем уломал приятеля.

Подойдя к теплоходу, Высоцкий кликнул дневального и попросил позвать капитана. Дневальный недовольно буркнул: мол, а кто его спрашивает? «Скажи, что Высоцкий», — было ему ответом. И уже через пару минут теплоход внезапно начал освещаться, и на палубу стали высыпать заспанные люди. Видимо, дневальный, пока бежал за капитаном, успел криком поднять всю команду и пассажиров: там внизу — Высоцкий! Далее послушаем рассказ самого Е. Татарского:

«И в два часа ночи начались невероятные ужины, которые продолжались до шести утра. Володя не пил ни глотка: он прихлебывал боржоми, а мы с Тютюмой, поддерживая беседу, позволяли себе...

Сидели втроем. И была еще девушка-официантка, которая нас угощала, имени ее не помню. Когда мы с Тютюмой уже довольно прилично выпили, он начал предъяснять какие-то претензии Володе:

— Когда у меня будут видеокассеты? У Га-рагули (капитан теплохода «Грузия». — Ф. Р.) есть, а у меня нет.

— Да будут у тебя кассеты, будут. Сделаем тоже! — успокаивал Володя. Но время от времени капитан возвращался к этому разговору: ревность между друзьями была, видимо, мощная.

Когда ужин или — более точно — ужин, переходящий в завтрак, заканчивался, Тютюма сказал:

— Ну, я вас жду днем на обед.

— Ладно, мы будем, но я приду с друзьями, — говорит Высоцкий.

— Пожалуйста, о чем речь!

Володя позвал с собой оператора и художника фильма. Был шикарный обед. Володя опять же не пил — так, сидели разговаривали...»

16 декабря во Дворце спорта в Лужниках стартовал традиционный (6-й по счету) международный турнир по хоккею на приз газеты «Известия». В тот день силами померились две скандинавские сборные — Финляндии и Швеции (1:3), а советская сборная вышла на лед на следующий день и обыграла поляков — 5:1. На другой день наши ребята с такой же легкостью преодолели и финский барьер — 11:3.

В эти же дни американские войска во Вьетнаме, в рамках плана под кодовым названием «Лайнбеккер-2», предприняли последний и самый массированный штурм позиций наших союзников — солдат ДРВ. Была задействована вся стратегическая и тактическая авиация США, находившаяся в тот момент в регионе. Впервые в воздух были подняты сразу 188 «Б-52» («летающие крепости»), сотни «фантомов» и истребителей. Эта армада совершала до 500 вылетов в день, эскадрильи заходили на бомбометание каждые 5—7 минут. На земле в это время бушевал настоящий ад, выжить в котором, казалось, было невозможно. Однако бойцы ДРВ выжили, более того — вместе с советскими зенитчиками они уничтожили за 12 дней 81 самолет противника, причем 34 из них — «летающие крепости» (всего за годы войны с помощью советского оружия был уничтожен 4181 американский самолет). Наши союзники же потеряли всего 3 (три!) самолета и один ракетный комплекс. Это сокрушительное поражение вынудит вскоре американцев прекратить бессмысленную войну и подписать мирный договор на вьетнамских условиях. Но не будем забегать вперед и вернемся в декабрь 72-го.

В том месяце получили свое дальнейшее продолжение отношения актера Владимира Тихонова и артистки Московского балета на льду Наталии. Как мы помним, их первая мимолетная встреча произошла в конце лета в Челябинске, куда обоих забросила гастрольная судьба. Тогда молодые люди даже не подошли друг к другу, и только в сентябре через знако-

мых Тихонов передал Наталии номер своего домашнего телефона. Однако из-за чрезмерной занятости девушка так и не выкроила время, чтобы ему позвонить. И только в декабре, накануне своего 18-летия, она наконец набралась смелости и позвонила сыну звездных родителей. Тот тут же откликнулся на зов. Он приехал на свидание с огромной коробкой дефицитных конфет и сразу же пригласил девушку к себе домой. Жил он тогда с матерью Нонной Мордюковой на Таганке в большой квартире. Когда они вошли в дом, мать собиралась куда-то уезжать и гладила на кухне. Чтобы не мешать ей, они на цыпочках прошмыгнули в комнату Владимира. Там они открыли бутылку вина, выпили за здоровье именинницы. Они просидели до позднего вечера, после чего Владимир проводил девушку домой. По словам самой Наталии, именно в тот декабрьский вечер она и влюбилась в него без памяти. Таких мужчин, каким был Тихонов, она еще не встречала: он был обходительный красавец с тонким чувством юмора, смуглый, с бархатной кожей, чернобровый, такой донской казачок. К их роману мы еще вернемся, а пока продолжим знакомство с декабрьской хроникой.

21 декабря в 10.00 утра в Кремлевском Дворце съездов проходило торжественное заседание, посвященное 50-летию образования СССР. На нем присутствовали многие известные люди, в том числе и певица Людмила Зыкина. По этому поводу она вспоминает:

«В тот день я целую бутылку коньяку вылила. Дело было так. Мы с Екатериной Алексеевной Фурцевой присутствовали на вечере в Кремлевском Дворце съездов. Объявили антракт, полтора часа или два, Екатерина Алексеевна и говорит: «Люда, если вы голодны, поедете ко мне в министерство. Пообедаем, а потом вернемся сюда». И мы поехали. Кроме нас, на этом обеде присутствовали еще два зама Фурцевой — Василий Феодосьевич Кухарский и Владимир Иванович Попов. Ну и выпили мы по стопке водки. И вдруг Владимир Иванович откуда-то достает бутылку коньяку. Я поняла, что Екатерине Алексеевне уже достаточно. Потому что она мне всколось сказала о том, что во втором отделении ей придется выступать. Ну я беру эту бутылку, наливаю мужчинам по стопке, остальное же выливаю в раковину. А Екатерине Алексеевне говорю: «Вы меня извините,

но водку с коньяком не надо мешать. А потом вам еще выступать». Екатерина Алексеевна меня поддержала: «Перед выступлением лучше сок пить...»

Между тем ЦТ вело прямую трансляцию торжественного заседания по всем каналам, и длилась эта трансляция до 17.00. А за пять минут до его окончания во всех районах Москвы была включена праздничная иллюминация. Эка невидаль, скажет читатель, и будет не прав. Это сейчас Москва буквально утопает в неоновых огнях, поражая своим видом даже видавших виды иностранцев. А в 72-м все было иначе. Ярко освещался лишь центр столицы, а на его окраинах стояла чуть ли не темень непролазная. Но в преддверии столь эпохального события — 50 лет СССР — городские власти расщедрились и провели иллюминацию даже в отдаленные уголки города. А уж центр осветили, что называется, по высшему разряду: например, один Кремль освещали сразу 1700 прожекторов.

Поздним вечером того же дня — сразу после праздничного концерта — по ТВ был показан очередной хоккейный матч турнира «Приз «Известий» — СССР — Швеция. Проиграть в такой день наши ребята, естественно, не имели права, поэтому буквально с первых же минут, что называется, задавили соперника. В итоге уже первый период закончился со счетом 5:1 в нашу пользу. А общий итог игры — 10:2.

Утром следующего дня в КДС продолжилось торжественное заседание, которое длилось до 16.00. Спустя два часа после его завершения в Кремле состоялся праздничный банкет, на котором присутствовали руководители страны, видные государственные и общественные деятели, а также ученые, артисты, писатели, спортсмены. Один за другим государственные мужи поднимали тосты, в которых звучали здравицы в честь КПСС, нерушимого братства народов и т. д. и т. п. И тут в разгар веселья Председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин вдруг возьми и подними тост за здоровье... Людмилы Зыкиной — истинно русской певицы. Причем Косыгин произнес этот тост с таким воодушевлением, что присутствующие усмотрели в этом некий намек на какое-то особенное отношение министра к популярной певице. С этого момента сначала по Кремлю, а затем и далеко за его преде-

лами пойдет гулять слух об амурных делах предсовмина и певицы. Этот слух вскоре перешагнет даже пределы Советского Союза. Когда Зыкина приедет с гастролями в Чехословакию, там ее буквально достанут просьбами передать сердечный привет Косыгину. «Передам, если только увижу его», — ответила на эти пожелания Зыкина. «Что значит, если увижу? — удивились чехословаки. — А разве вы не его жена?» — «Да нет, у него дочь моего возраста», — засмеялась в ответ Зыкина, чем здорово озадачила хозяев. Кстати, сам Косыгин был хорошо осведомлен об этих слухах и относился к ним с юмором: например, Зыкину при личных встречах он иначе чем «невеста» не называл.

В субботу, 23 декабря, Никита Михалков напился. В тот день участники экспедиции были приглашены на шашлыки, которые устраивали работники одного из райкомов комсомола, таким образом отмечавшие два события: юбилей Союза и удачное продвижение экспедиции к намеченной цели. Поэтому тосты за столом звучали не переставая. Видимо, молодой организм Михалкова не выдержал такого темпа, и он напился до положения риз. Когда он поздно вечером возвращался в гостиницу, во дворе одного из домов его обляял чей-то пес. Но Михалков был настолько неадекватен, что вместо того, чтобы спастись бегством... полез целоваться с животным. Причем пес, испугавшись такого поворота событий, попытался было спрятаться от Михалкова в собственной будке, но тот умудрился просунуть голову и туда. А ночью знаменитому актеру снился странный сон. В нем его возлюбленная Татьяна, оставшаяся в Москве, была беременна и работала кассиром в универмаге.

23 декабря оказался заключительным днем хоккейного турнира на «Приз «Известий». В финальной игре сошлись два принципиальных соперника — сборные СССР и Чехословакии. Четырнадцать тысяч зрителей, пришедшие в ДС, и миллионы телезрителей, прильнувшие к экранам своих телевизоров (матч транслировался в два часа дня), надеялись увидеть захватывающий спектакль. И они не ошиблись в своих предчувствиях. Чехословаки всерьез помышляли о том, чтобы испортить русским праздник по всем статьям: выиграть у них дома да еще во время 50-летия образования СССР. Но и наши ребята были настроены выиграть у

гостей по тем же причинам. Короче, в тот день сошлись два непримиримых соперника.

В течение двух периодов напряжение в игре не спадало буквально ни на секунду. Стоило одной команде навалиться на ворота другой, как тут же следовал ответный вал. В нашей сборной слаженно действовали все звенья, но самыми эффективными оказались два: Мальцев — Шадрин — Якушев и звено, долгое время разъединенное и только месяц назад вновь воссоединившееся — Михайлов — Петров — Харламов (как мы помним, их разъединили летом 71-го).

На первый перерыв соперники ушли, довольствуясь ничьей — 1:1. Во втором периоде нашим ребятам немного подфартило, и на четыре их шайбы гости ответили только тремя. А в третьем периоде силы чехословаков иссякли — они ни разу не сумели «распечатать» ворота Третьяка, в то время как советские хоккеисты трижды огорчали их вратаря Иржи Холличека. Итог: 8:4 в пользу нашей сборной (у нас отличились: дважды — Харламов, Якушев, по одной шайбе забили Гусев, Мальцев, Петров, Анисин).

И еще одно событие, на этот раз из разряда печальных, произошло в тот же день. В Москве скончался знаменитый авиаконструктор, трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972), пятикратный лауреат Госпремии СССР Андрей Туполев. Было ему 84 года. На следующий день скульптором Н. Никогосяном с него была снята посмертная маска. Вот как он вспоминает об этом:

«Каждый год на дне рождения академика Капицы мы встречались с крупнейшим авиаконструктором Туполевым. Он остался в моей памяти как энергичный, умный и остроумный человек. Известие о его смерти я переживал очень сильно. Помню, когда приехали в морг, его долго искали, вытаскивая то одного, то другого покойника из холодильника. Искали-то по регистрационному номеру, написанному на ноге... А когда нашли, то мы увидели огромный шов, оставшийся на теле после вскрытия и неумело зашитый. Ужасное впечатление...»

В воскресенье, 24 декабря, в спектакле «Перед заходом солнца» в последний раз вышел на сцену Ленинградского Театра имени Пушкина актер Николай Симонов. Как мы помним, в начале месяца он прошел обследо-

вание в онкологической клинике, где ему был поставлен диагноз — рак желудка. Жить ему оставалось совсем немного.

А в это время в Москве умирал другой известный актер театра и кино Вадим Беров. Окончив ГИТИС в конце 50-х, он попал в труппу Театра имени Моссовета, где быстро вышел на ведущие позиции. Роли в таких спектаклях, как «Ленинградский проспект», «Маскарад», «Вешние воды», «Дядюшкин сон», «Странная миссис Сэвидж», принесли ему большую любовь театральной публики. В том же театре работала и его жена — актриса Элла Бруновская, на которой Беров женился, когда они вместе учились в ГИТИСе.

В кино Беров тоже снимался, однако работал в нем, что называется, урывками. За девять лет он успел сняться всего лишь в четырех фильмах (первый — «Самолет не приземлился», вышедший в прокат в 1964 году), но благодаря одному из них его имя стало известно всей стране. Речь идет о телевизионном фильме Евгения Ташкова «Майор Вихрь» (1968), где Беров сыграл центральную роль — советского военного разведчика Вихря. Как же мы, мальчишки, любили этого героя! Но мне, к примеру, уже тогда бросался в глаза трагический взгляд Берова. До этого еще ни один актер не играл советского разведчика, по сути победителя, с такими глазами. Истина открылась мне много лет спустя, когда я узнал о том, что Беров во время работы над фильмом был серьезно болен. Сам Ташков, глядя на то, как актер убивает себя с помощью алкоголя, сказал ему: «Вадим, с таким отношением к себе ты проживешь от силы еще года четыре». Режиссер ошибся всего на два года.

В те дни, когда страна готовилась к торжествам по случаю 50-летия СССР, Берова в очередной раз положили в больницу. Сам он, отправляясь туда, видимо, уже не питал никаких иллюзий относительно своего выздоровления. Когда вместе с женой они на такси ехали в больницу, он попросил водителя покружить по Москве: проехать по Садовому кольцу, мимо здания родного театра, заехать на Красную площадь. Так он прощался с любимым городом. Говорят, что Беров умирал в полном сознании, правда, говорить уже ничего не мог и прощался со всеми, кто в тот момент находился возле него, глазами. О его смерти сообщила

только «Вечерняя Москва»: 29 декабря там был помещен коротенький некролог.

А за день до этого в центральных СМИ был опубликован Указ об амнистии, приуроченной к 50-летию образования СССР. Согласно ей, на свободу должны были выйти следующие категории заключенных: получившие сроки до 5 лет; принимавшие участие в боевых действиях по защите Советской родины; женщины, имеющие детей до 17 лет; беременные женщины; совершившие преступления в возрасте до 17 лет и др.

Примерно в эти же дни в руках Андрея Сахарова оказался «Дневник» Эдуарда Кузнецова (того самого, что пытался угнать самолет в Ленинграде в июне 70-го), который тот умудрился написать сидя в лагере. Книгу, написанную на листках папиросной бумаги мельчайшим почерком (прочитать текст можно было, только вооружившись сильной лупой), в дом академика принесла незнакомая женщина. Она пришла в тот момент когда Сахаров был дома один, молча прошла в комнату и, положив на стол небольшой сверток, величиной с палец, тщательно зашитый в материю, так же молча ушла. Супруга Сахарова Елена Боннэр попросит одного из знакомых расшифровать рукопись и вернуть ей, рассчитывая, что круг людей, которым станет об этом известно, будет минимальным. Однако соблюсти это условие не удастся, что повлечет за собой тяжелые последствия. Но об этом чуть позже, а пока вернемся в декабрь 72-го.

30 декабря советское искусство едва не лишилось еще одной звезды — Аркадия Райкина. В тот день он должен был принимать участие в традиционном новогоднем концерте для молодежи столицы, но уже с утра актер почувствовал себя плохо. Однако, поскольку нарушить слово он не мог, поэтому в назначенный час приехал в Кремлевский Дворец съездов. Но, как только он вышел на сцену, сердце заболело невыносимо. Превозмогая боль, Райкин все же отработал положенных два номера. После чего кое-как добрался до кулисы с прижатой к груди рукой, опустился в кресло и понял: подняться не сможет. Тут же была вызвана «неотложка», которая увезла Райкина в больницу. Там врачи поставили неутешительный диагноз: инфаркт, усугубленный воспалением лег-

ких. Далее послушаем рассказ дочери сатирика Екатерины Райкиной:

«Реанимация. Трубки, капельницы, страшная тишина палаты, над головой аппарат, показывающий на экране работу твоего слабеющего сердца. Тревожные лица и шепот сестер, врачей, и я, пришедшая встретиться с тобой Новый год. Подарки, шампанское и твоя слабая улыбка в ответ на поздравления и пожелания здоровья...»

Итак, Аркадий Райкин был вынужден встречать тот Новый год на больничной койке. А что же делали в этот день другие известные люди? Например, Олег Даль вместе с женой Елизаветой находились в те дни в Ялте, где актер снимался в фильме «Плохой хороший человек» (снимались заключительные эпизоды картины). Новый год Даль встречал в кругу участников съемочного коллектива, однако там не было ни Владимира Высоцкого (фон Корен), который уехал в Москву, ни Анатолия Папанова (Самойленко), которого с 26-го декабря свалила с ног болезнь, ни Людмилы Максаковой (жена Лаевского). Последняя бой курантов на Спасской башне Кремля встретила в собственном доме, в кругу родных и друзей. Среди последних был и ее жених — латыш немецкого происхождения Петр Игенбергс, или просто Ули (до этого Максакова была замужем за сыном известного врача, бальзамировавшего Ленина, Андрея Збарского, который уехал в Америку, оставив актрисе их общего сына Максима).

С Ули Максакова познакомилась около двух лет назад, причем инициатива целиком и полностью исходила от него — он влюбился в актрису с первого взгляда. Однако, стоило ему пару раз объявиться в доме Максаковой на улице Неждановой, как оттуда один из другим стали исчезать ее друзья. Нет, нет, с ними ничего страшного не произошло — просто они перестали появляться в доме актрисы, испугавшись репрессий со стороны органов, поскольку жених-то был иностранцем. Да и сама Максакова, кстати, тоже здорово боялась: чуть ли не каждый неожиданный звонок в дверь она сопровождала возгласом: «Все! За мной пришли!»

Но была в этой связи и своя прелесть: Петр буквально заваливал свою возлюбленную фантастическими подарками, о которых любая советская женщина, измученная дефицитом,

могла только мечтать. Дарил он ей флаконы французских духов, джинсы, сапоги на платформе, а также всякую мелочь — килограммы черной икры, джин, тоник, сигареты «Мальборо», пластинки и т. д. и т. п. Когда жених с подарками приезжал в Москву, Максакова обычно собирала дома своих близких подруг и дарила им многое из того, что предназначалось ей.

Встречались влюбленные иногда дома у Максаковой, но чаще всего актриса приходила к нему сама, в его номер в гостинице «Метрополь». Порою в этих походах ее сопровождала ее подруга актриса Татьяна Егорова. По словам последней, когда Петр выбегал из номера в буфет что-нибудь купить, они, думая, что их подслушивает КГБ, общались друг с другом с помощью жестов. А однажды Максакова не смогла сдержать своих эмоций и после безуспешной попытки объяснить подруге что-то на пальцах, рассмеялась и сказала: «А что, если нас не подслушивают, а за нами подглядывают? С потолка или из клозета?»

Итак, Новый, 1973 год Максакова встретила у себя дома в компании той же Татьяны Егоровой, жениха и еще нескольких близких ей людей. Хозяйка была в розовом кисейном платье, с нежным голубым бантиком на высоко подобранных волосах.

Хоккейного вратаря Владислава Третьяка судьба в те дни занесла в Канаду, где он в составе сборной команды Москвы играл в престижном турнире. А он, как мы помним, совсем недавно (в августе) женился. Однако тяжелая спортивная доля была такова, что за четыре месяца после свадьбы Третьяк считанные дни находился подле своей молодой жены — то он играл с канадцами в суперсерии-72, то был на сборах с ЦСКА, то со сборной. И вот с утра 31 декабря на него внезапно накатила такая тоска, что он чуть ли не волком взвыл. Не в силах совладать с ней, Третьяк лег на кровать и стал сочинять письмо своей жене. Причем несколько раз написанное не нравилось ему, и он безжалостно рвал бумагу на клочки, а ошметки бросал прямо на пол. В итоге это мероприятие растянулось на несколько часов, а если быть точным — до пяти вечера. Письмо вместило в себя несколько десятков (!) страниц, что удивило даже самого писавшего, поскольку до этого он писем никому не писал.

Известный ныне киноактер Николай Еременко тот Новый год встречал, будучи солдатом срочной службы. В армию его призвали той же осенью, правда, угодил он не куда-нибудь к черту на рога, а в кавалерийский полк, размещенный в Алабине и находившийся на хозрасчете у «Мосфильма» (там же в те дни служил и Александр Кайдановский, который находился в прямом подчинении Еременко).

Н. Еременко вспоминает:

«Меня сразу же сделали Дедом Морозом. А поскольку полк имел отношение к «Мосфильму», то там помимо лошадей содержалась еще и другая живность, пригодная для съемок, — лисы, волки. И вот замечательный человек, который отвечал за них, позвал нас к себе на эту огороженную территорию, где уже на костре жарилась всякая жратва. Мы, естественно, напились. И тут он выпустил волков. Можете себе представить: елки стоят, луна, несколько человек сидит у костра, а вокруг рыщут волки. Я мгновенно протрезвел! Конечно, было не по себе. Но потом, правда, мы еще поддали, и все в итоге остались живы...»

Лев Лещенко в компании своих коллег — артистов эстрады в лице Галины Ненашевой, Иосифа Кобзона, Валерия Ободзинского, Александра Лифшица и Александра Левенбука из «Радионяни» — вынужден был встречать Новый год на гастролях в Ижевске. Обстоятельства сложились так, что артисты едва не опоздали к праздничному столу из-за того, что предновогодний концерт не в меру затянулся и закончился только в 23.30, то бишь за полчаса до боя курантов. Быстро переодевшись, артисты выскочили на улицу, где должен был стоять их автобус. Но его на привычном месте не оказалось (позже выяснится, что он сломался по дороге). Что делать? Решение принял Кобзон. «Айда пешком!» — сказал он и первым возглавил колонну. Однако, идти до гостиницы было порядочно, и минут через десять ни у кого из идущих уже не оставалось надежд на то, что им удастся вовремя прийти к месту назначения. Как вдруг случилось чудо. Из-за поворота донесся звон валдайских колокольчиков, и на дорогу вырулила всамделишная русская тройка, которой управлял бородатый ямщик. Артисты бросились к ней.

— Старик, ты куда едешь?

— Да прямо, по центральной улице.

— Подбрось до гостиницы.

— Об чем речь...

За десять минут тройка домчала столичных знаменитостей до места назначения, и они ввалились в номер Кобзона за три минуты до боя курантов. Романтика, да и только!

А вот известный правозащитник Илья Габай 31 декабря... попытался свести счеты с жизнью. Мы помним, что в мае этого года его выпустили на свободу (после трехлетней отсидки по приговору суда), однако на воле Габай не оставил диссидентской деятельности, за что органы продолжали его доставать: он постоянно вызывался на допросы, на очные ставки, буквально по пятам за ним следовала «наружка». Если к этому еще прибавить, что Габаю так и не удалось устроиться на приличную работу (он получал 70 рублей, проживая с женой, 11-летним сыном и малолетней дочерью), можно представить, какие чувства одолевали этого человека в преддверии Нового года. Как результат всего этого: незадолго до боя курантов Габай пытался перерезать себе вены. К счастью, рядом оказались его близкие и друзья, которым удалось вовремя перевязать раненого и утром отвезти его в больницу.

Продолжается экспедиция по Камчатке, в которой участвует Никита Михалков. К 31 декабря группа прошла чуть меньше половины маршрута. Далее послушаем рассказ организатора З. Балаяна:

«Погода — небо сравнялось с землей. Пурга с мокрым снегом. Собаки задыхаются. То потеешь на подъеме, то замерзаешь от встречного ветра на спуске. Временами ни зги не видать. Договорились идти поближе друг к другу.

До Нового года несколько часов. Наверное, каждый из нас думал об одном и том же: о елке. Знали, что до отмеченного на карте дома геологов остался всего час езды на собаках, так что можно еще успеть.

Собаки еле двигались, с трудом поднимая из глубокого снега короткие пятнистые ноги. Мой каюр предложил дать собакам отдохнуть.

Совсем рядом мы обнаружили симпатичную пушистую елку. Никита долго рылся в громадном рюкзаке и наконец извлек оттуда красочную коробку. Снял крышку, развернул содержимое. Елочные игрушки! Оказалось, увидел он их в магазине поселка Седанка и решил взять на всякий случай. Нашелся у нас кусок

плетеного капронового шнура. Стали вытягивать из него тонкие нити и привязывать ими игрушки к веткам.

Одинокое дерево вмиг преобразилось. Я смотрел на сияющее счастьем лицо Никиты и хорошо понимал, что у него на душе. Он откровенно радовался тому, что сумел сотворить праздник для друзей. Что удалось чудо, задуманное им заранее...»

А родная Михалкову Москва тем временем живет своей привычной жизнью. Во второй половине декабря состоялось несколько театральных премьер: 20-го в Театре имени Гоголя был показан спектакль «Пока арба не перевернулась» по пьесе О. Иосилиани с участием Б. Чиркова, Э. Мильтон, Е. Меньшова (это он двадцать лет спустя будет вести на ТВ «Песню года») и др.; 25-го в Малом театре — «Птицы нашей молодости» И. Друцэ с участием В. Дорониной, Р. Нифонтовой, А. Локтева и др.; 28-го в МХАТе — «Сталебары» Г. Бокарева с участием А. Георгиевской, В. Расцветаева, Е. Евстигнеева и др.; в «Ромэн» — «Золотая перина»; 29-го в МХАТ — еще одна постановка пьесы О. Иосилиани «Пока арба не перевернулась», в ролях: А. Степанова, Б. Смирнов, В. Трошин и др.; 31-го в Театре имени Маяковского — «Дума о Британке» Ю. Янковского (в нем свою первую главную роль в театре сыграла Наталья Гундарева).

Кинопремьеры: 22-го на экраны вышел фильм грузинских режиссеров Ш. и Н. Монагадзе «Тепло твоих рук» с актрисой Софиико Чиаурели в главной роли; 25-го — «Поклонись огню» киргизского режиссера Толомуша Океева; 30-го — «Золотые рога» великого сказочника Александра Роу.

Новинки «Мелодии»: диск польского ВИА «Скальды» с песнями: «Размышления деревенского почтальона» (А. Зелинский — Г. Мочульский, русский текст Г. Хила), «Прелестная виолончелистка» (А. Зелинский — В. Миннарский, Г. Хил), «Горец» (А. Зелинский — М. Ясне) и др.; миньоны — «Поет ВИА «Песняры» («На что бабе огород» (белорусская нар. песня), «Любовь» (И. Лученок — Я. Колас), «Стоит верба» (белорус. нар. песня); «Песни фестиваля Сопот-72», на котором звучат четыре песни, в том числе «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) в исполнении Льва Лещенко.

Кино на ТВ: «Смерти нет, ребята!», «Гибель «Орла» (16-го), «Опасный поворот» (премьера т/ф — 16—17-го), «Метель», «Золушка», «Антон Иванович сердится» (17-го), «Чайка» (18-го), «У озера» (19—20-го), «Улица 13 тополей», «Золотой эшелон» (22-го), «Карьера Димы Горина», «Кашей Бессмертный», «Пропавшие банкноты», «День за днем» (премьера телеспектакля, часть 2-я — 23—28-го), «Мама вышла замуж» (24-го), «Белое солнце пустыни» (26-го), «Сюжет для небольшого рассказа» (28-го), «Приключения желтого чемоданчика», «Смертельная ошибка» (премьера на ТВ очередного «дефа-вестерна» с участием Гойко Митича — 29-го), «Украли зебру» (премьера т/ф), «Сады Семирамиды» (впервые по ТВ — 30-го). В праздничный день, 31 декабря, телевизионное руководство решило побаловать телезрителей по полной программе. Список наиболее «забойных» хитов Первого (главного) канала в тот день выглядел так: 14.15 — премьера искрометного мюзикла Игоря Усова «Табачный капитан» по мотивам одноименной пьесы Н. Адуева (эдакая «музыкальная комедь про времена Петровы»); 19.40 — премьера комедии Л. Гайдая «12 стульев» (1-я серия), 21.30 — премьера музыкальной комедии А. Орлова и М. Захарова «Стоянка поезда — две минуты» (про молодого врача Игоря (Олег Видов), который приезжает на работу в другой город и встречает там свою любовь — медсестру Алену (Валентина Теличкина). Но фильм интересен не сюжетом, а другим: в нем звучит музыка Геннадия Гладкова, а песни за кадром исполняет молодая и практически мало кому известная певица Алла Пугачева. 22.40 — «Кабачок «13 стульев», 00.05 — «Голубой огонек».

Новый хозяин «Елисеевского».

Закрытый магазин для избранных особ

В 1972 году директором одного из самых знаменитых московских магазинов — «Елисеевского» — был назначен Юрий Соколов. Его карьера весьма типична для касты советских торговых чиновников. В молодости Соколов был осужден за изнасилование, которого не совершал, и несколько лет провел за решеткой. Однако эта судимость не помешала ему в последующем занять руководящее кресло. А начиналась его карьера... за баранкой такси. При-

чем и там он успел отличиться: в конце 50-х его уволили с работы за нечестное обращение с клиентами (якобы он обсчитывал пассажиров). Выйдя за ворота таксопарка, Соколов недолго унывал и через знакомых сумел получить место инспектора в Мосгалантерейторге. Через тех же знакомых вскоре пошел на повышение и перешел в отдел организации торговли Главторга Мосгорисполкома. А оттуда в 1962 году он пересаживается в кресло замдиректора гастронома № 1, известного в народе под названием «Елисейевский». Поскольку директор магазина В. Борисов все чаще стал прикладываться к спиртному, доверие к нему со стороны начальства вскоре иссякло, и встал вопрос о смене руководства. Выбор пал на Юрия Соколова.

В том же 1972 году по указанию министра внутренних дел СССР Николая Щелокова якобы для обслуживания оперативного состава был открыт потайной филиал универмага Мосгарнизона. В этом заведении обслуживались только члены семьи и родственники Щелокова, а также лица, особо приближенные к ним. Согласно договоренности министра с руководством Министерства внешней торговли СССР (заместителем министра ВТ был сын генсека Юрий Брежнев) и внешнеторговых объединений «Разноэкспорт» и «Центросоюз», в щелоковский магазин бесперебойно поступали импортные товары повышенного спроса: японские телевизоры, западногерманские магнитофоны, югославские дубленки, финские плащи, австрийская обувь и другие товары, коих в других магазинах днем с огнем не сыщешь. Как напишет позднее Е. Додолев:

«Заведующая магазином показала на допросе, что со времени открытия невиданного магазина она занималась обслуживанием только членов семьи министра и его родственников. Отбор товаров в «Разноэкспорте» производился, как правило, женой Щелокова, его невесткой, дочерью, после чего товар немедленно доставлялся в магазин...»

Кроме членов семьи, родственников брежневского визиря и прибывших с ним лиц, всем другим вход в уютное помещение дачной службы, где располагался таинственный магазин, был строжайше запрещен. О существовании этой лавочки знал узкий круг доверенных лиц...»

ХИТ-ПАРАД-72

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «Джентльмены удачи» — («Мосфильм», реж. А. Серый, в ролях: Евгений Леонов, Георгий Вицин, Савелий Крамаров и др., премьера — 14 декабря 1971 года) — 66,0 миллиона зрителей;
- «А зори здесь тихие...» — («Мосфильм», реж. С. Ростокский, в ролях: Андрей Мартынов, Елена Драпеко, Ольга Остроумова и др., премьера — 26 августа 1972 года) — 66,0 млн;
- «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» — («Мосфильм», реж. Э. Кеосаян, в ролях: Виктор Косых, Василий Васильев, Михаил Метелкин, Валентина Курдюкова и др., премьера — 13 декабря 1971 года) — 60,8 млн;
- «Русское поле» — («Мосфильм», реж. Н. Москаленко, в ролях: Нонна Мордюкова, Владимир Тихонов, Леонид Марков и др., премьера — 7 февраля 1972 года) — 56,2 млн;
- «Достояние республики» — (К/ст им. Горького, реж. В. Бычков, в ролях: Олег Табаков, Андрей Миронов, Витя Галкин и др., премьера — 28 апреля 1972 года) — 47,14 млн;
- «Даурия» — («Ленфильм», реж. В. Трегубович, в ролях: Виталий Соломин, Ефим Копелян, Юрий Соломин и др., премьера — 20 марта 1972 года) — 49,6 млн;
- «Дерзость» — (Одесская к/с, реж. Г. Юнгвальд-Хилькевич, в ролях: Николай Олялин, Владимир Гуляев, Валентина Гришюкина и др., премьера — 21 февраля 1972 года) — 35,7 млн;
- «Бой после победы» («Мосфильм», реж. В. Азаров, в ролях: Михаил Волков, Георгий Жженов, Людмила Максакова и др., премьера — 21 августа) — 35,4 млн;
- «Варвара-Краса, длинная коса» — («Мосфильм», реж. А. Роу, в ролях: Лидия Королева, Михаил Пуговкин, Георгий Милляр и др.) — 32,9 млн;
- «Старики-разбойники» — («Мосфильм», реж. Э. Рязанов, в ролях: Юрий Никулин, Евгений Евстигнеев, Ольга Аросева и др., премьера — 10 августа 1972 года) — 31,5 млн;
- «Освобождение» (фильм 4-й «Битва за Берлин», 5-й — «Последний штурм», «Мосфильм», реж. Ю. Озеров, в ролях: Николай Олялин, Лариса Голубкина, Михаил Ножкин и др., премьера — 4 ноября 1971 года) — 28,0 млн; смета 4-го фильма: Ю. Озеров — 6177 руб., М. Ульянов (маршал Жуков) — 1425 руб. (9 съемочных дней), Н. Олялин (Цветаев) — 927 руб. 77 коп. (16 дней), Л. Голубкина (Зоя) — 400 руб. (2 дня), Ю. Каморный — 990 руб. (14

- дней), С. Закариадзе (Сталин) — 855 руб. (4 дня);
- «Укрощение огня» — («Мосфильм», реж. Д. Храбровицкий, в ролях: Кирилл Лавров, Ада Роговцева, Игорь Горбачев и др., премьера — 4 октября 1972 года) — 27,6 млн;
- «Я, следователь» — («Грузия-фильм», реж. Г. Калатоцишвили, в ролях: Вахтанг Кикабидзе, Ингрид Андринь, Вия Артмане и др.) — 24,7 млн;
- «Прощание с Петербургом» — («Ленфильм», реж. Я. Фрид, в ролях: Гирт Яковлев, Татьяна Бедова, Татьяна Пилецкая и др., премьера — 20 марта 1972 года) — 21,6 млн;
- «Человек с другой стороны» — (К/ст им. Горького, Омега-фильм (Швеция), реж. Ю. Егоров, в ролях: Вячеслав Тихонов, Биби Андерсон и др., премьера — 17 июля 1972 года) — 20,2 млн;
- «Нина» — (К/ст им. Довженко, реж. А. Швачко, В. Кондратов, в ролях: Ирина Завадская, Валерий Зубарев и др.) — 21,6 млн;
- «Смертный враг» — («Мосфильм», реж. Е. Матвеев, в ролях: Жанна Прохоренко, Евгений Матвеев и др.) — 20,1 млн;
- «Белая птица с черной отметиной» — (К/ст им. Довженко, реж. В. Ильенко, в ролях: Лариса Кадочникова, Иван Миколайчук и др., премьера — 17 января 1972 года) — 10,5 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Согласно опросу, проведенному журналом «Советский экран» среди читателей (свыше 20 000 писем), были получены следующие результаты:

Лучшие фильмы: 1. «А зори здесь тихие...» (83,0% читателей назвали его отличным, 1,6% — плохим) 2. «Укрощение огня» (79,3% — 3,2%) 3. «Последний штурм» (72,5% — 2,2%) 4. «Битва за Берлин» (72,0% — 2,3%) 5. «Адъютант его превосходительства» (67,1% — 2,0%) 6. «Комитет 19-ти» (57,7% — 7,2%) 7. «Русское поле» (58,0% — 9,5%) 8. «Белая птица с черной отметиной» (52,6% — 9,5%) 9. «Пришел солдат с фронта» (42,7% — 11,4%) 10. «Ох, уж эта Настя!» (42,9% — 10,1%).

Худшие фильмы: «Держись за облака» (СССР — Венгрия) (16,6% назвали его плохим, 26,0 — хорошим), «Хатабала» (Арменфильм) (16,2% — 16,2%), «Украли старого Тоомаса» («Таллинфильм») (13,9% — 18,8%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «Ежи рождаются без колючек» (Болгария), «План операции сорван» (КНДР), «Мальчишки с улицы Пала» (Венгрия), «Ключ» (ЧССР).

Лучшие фильмы других стран: «Ромео и Джульетта» (Англия — Италия), «Признание комиссара полиции прокурору республики» (Италия), «Благослови зверей и детей» (США), «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (США).

Лучшие актеры: Кирилл Лавров (Башкирцев в «Укрощении огня») — 30,9% голосов, Юрий Соломин (Кольцов в «Адъютанте его превосходительства») — 17,6%, Андрей Мартынов (Васков в «А зори здесь тихие...») — 7,3%.

Лучшие актрисы: Нонна Мордюкова (Федосья Угрюмова в «Русском поле») — 29,1%, Ольга Остроумова (Женя Комелькова в «А зори здесь тихие...») — 9,1%, Оливия Хасси (Джульетта в «Ромео и Джульетте») — 7,3%, Джейн Фонда (Глория в «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?») — 6,3%.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

- «Сангам» (Индия) — премьера 24 января;
 «Человек-оркестр» (Франция) — 22 октября;
 «Приключения на берегах Онтарио» (Румыния — Франция) — 8 мая;
 «Прерия» (Румыния—Франция) — 29 мая;
 «Хамраз» (Индия) — 24 января;
 «Бродяга» (Индия) — 1 июня;
 «Тайна фермы Мессе» (ГДР) — 1 июня;
 «Мое имя — клоун» (Индия) — 16 октября;
 «Преступник сидит на стадионе «Уэмбли» (ГДР) — 13 марта;
 «Благослови зверей и детей» (США) — 18 сентября;
 «Смешная девчонка» (США) — 1 июня;
 «Польский альбом» (Польша) — 7 февраля;
 «Что может быть лучше плохой погоды» (Болгария) — 10 июля;
 «Кудесник за рулем» (Польша) — 18 июля;
 «Рам и Шиам» (Индия) — 11 сентября;
 «Женщины и берсальеры» (Италия) — 9 октября;
 «Преданность» (Индия).

Наиболее часто показываемые по ТВ фильмы

В этом году фильмы повторяли реже, чем в прошлом году, зато теперь их число увеличилось (в основном за счет старых фильмов отечественного производства). Также меньше состоялось премьер зарубежных фильмов, относительно недавно прошедших на широком экране. Чаще всего в 1972 году показывали следующие картины:

- 3 раза — «Малыш и Карлсон», «Эти разные, разные, разные лица», «Человек в проходном дворе»;
- 2 раза — «Гусарская баллада», «Чапаев», «Сюжет для небольшого рассказа», «Тени исчезают в полдень», «Семь невест ефрейтора Збруева», «Когда деревья были большими», «Москва — Генуя», «Герой резерва» (Польша), «Свадьба в Малиновке», «Орленок», «Свеаборг», «Мой остров синий», «Следствие ведут знатоки» (Дело № 4), «Сорок первый», «Выстрел на границе».

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

- «Малыш и Карлсон» (т/сп) — 1 января;
 «Эти разные, разные, разные лица» (т/ф) — 1 января;
 «Тени исчезают в полдень» (т/ф) — 14—20 февраля;
 «Семь невест ефрейтора Збруева» — впервые по ТВ 8 марта;
 «Человек в проходном дворе» (т/ф) — 15—18 мая;
 «Свеаборг» (т/ф) — 27 мая;
 «Следствие ведут знатоки» (Дело № 4 — «Повинную голову») 8 февраля;
 «Следствие ведут знатоки» (Дело № 5 — «Динозавр») — 29 мая;
 «Мой остров синий» (т/ф) — 7 июля;
 «Последнее дело комиссара Берлаха» (т/ф) — 4 августа;
 «Ехали в трамвае Ильф и Петров» (т/ф) — 19 августа;
 «Белые волки» (ГДР) — впервые по ТВ 2 сентября;
 «Следствие ведут знатоки» (Дело № 6 — «Шантаж») — 16 сентября;
 «Песни моря» — впервые по ТВ 7 ноября;
 «Не горюй!» — впервые по ТВ 9 ноября;
 «След Сокола» (ГДР) — впервые по ТВ 11 ноября;
 «Я, следователь» — впервые по ТВ 28 ноября;
 «Банда Доминаса» (ГДР) — 9 декабря;
 «День за днем» (т/сп, часть 2-я) — 23—28 декабря;
 «Приключения желтого чемоданчика» — впервые по ТВ 29 декабря;
 «Смертельная ошибка» (ГДР) — впервые по ТВ 29 декабря;
 «Табачный капитан» (т/ф) — 31 декабря;
 «12 стульев» — впервые по ТВ 31 декабря 1972 — 1 января 1973 года.

Наиболее читабельные книги отечественных авторов, выпущенные в 1972 году

- А. Адамов — «Угол белой стены» (роман);
 М. Алексеев — «Избранное» (в 2-х томах);
 А. Алексин — «Про нашу семью», «Человек с красным галстуком»;

- А. Ананьев — «Версты любви», «Межа» (романы);
 В. Ардаматский — «Возмездие» (роман);
 Э. Асадов — «Доброта» (стихи);
 Ю. Бондарев — «Игра» (рассказы);
 Э. Брагинский, Э. Рязанов — «Родственники» (пьеса);
 А. и Г. Вайнеры — «Визит к Минотавру» (роман), «Я, следователь...» (повесть);
 А. Вознесенский — «Взгляд» (стихи и поэма);
 З. Воскресенская — «Пароль — Надежда» (повесть);
 С. Высоцкий — «Большое путешествие Маши»;
 Т. Гладков — «Прерванный прыжок»;
 Г. Голубев — «Голос в ночи», «Вспомни» (повести);
 О. Горчаков, В. Аксенов — «Джин Грин — неприкасаемый: карьера агента ЦРУ G № 014» (роман);
 Е. Евтушенко — «Дорога номер один», «Поющая дамба» (стихи);
 А. Жигулин — «Свет предосенний», «Чистое поле» (стихи);
 Л. Зорин — «Добряки» (комическая история);
 А. Иванов — «Не своим голосом» (литер. пародии);
 Ф. Искандер — «Первое дело» (рассказы и повесть);
 В. Каверин — «Перед зеркалом» (роман в письмах);
 Р. Казакова — «Снежная баба» (стихи);
 В. Карпов — «Портрет лейтенанта»;
 Ю. Кларов — «Допрос в Иркутске»;
 С. Куняев — «На краю небесных гор» (стихи);
 Л. Лиходеев — «Я и мой автомобиль» (роман);
 Г. Марков — «Сибирь» (книга 1-я);
 С. Михалков — «Золотой мальчик» (комедия-памфлет), «Праздник непослушания» (повесть-сказка);
 Ю. Нагибин — «Непобедимый Арсенов» (рассказы);
 Е. Парнов — «Ларец Марии Медичи» (роман), «Секретный узник» (повесть об Э. Тельмане);
 П. Проскурин — «Черта» (повести и рассказы);
 Ю. Семенов — «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «Пароль не нужен» (романы);
 И. Стаднюк — «Люди с оружием» (повести);
 Э. Успенский — «Вниз по волшебной реке».

Переводная литература (детективы)

- А. Уоткин — «Убийство без улик» (повесть) — «Звезда Востока» № 1;
 Г. Шпрангер — «Призраки» (роман) — «Подъем» № 1—5;
 Р. Тронсон — «Будни контрразведчика» (повесть) — «Вокруг света» № 1—5;

- К. Миллар** — «В родном городе» (повесть) — «Знамя» № 2—3;
- Ж. Сименон** — «Продается с молотка» — «Памир» № 3;
- Б. Райнов** — «Бразильская мелодия» (повесть) — «Неман» № 3—4;
- Х. Лоуренс** — «Золотой медальон» (повесть) — «Огонек» № 5—14;
- Э. Фишер** — «Телефон молчит» (повесть) — «Подъем» № 6;
- А. Кристи** — «Исчезновение банкира» — «Кодры» № 7;
- Д. Х. Чейз** — «Сувенир из «Клуба мушкетеров» (повесть) — «Неман» № 7—9;
- К. Кристи** — «Майор Уилбрехэм ищет опасностей» — «Вокруг света» № 8;
- Ж. Сименон** — «Признание Мегрэ» — «Звезда Востока» № 8—10;
- Д. Блэкберн** — «Ветер полуночи» (повесть) — «Смена» № 17—18, 20—23;
- Ж. Сименон** — «Питер де Леттон» (повесть) — «Лит. Азейрбайджан» № 11—12;
- Р. Джессен** — «Темное дело в Гейтвее» (повесть) — «Огонек» № 42—48;
- А. Гуляшки** — «Избранное»;
- «Зарубежный детектив» (выпуск № 3): П. Вежинов. «Летучие мыши появляются ночью», Буало-Нарсежак. «Та, которой не стало», Д. Карр. «Табакерка императора»;
- «Современный польский, чешский и словацкий детектив»: А. Пивоварчик. «Открытое окно», Э. Фикер. «Операция С-Л», Ю. Ваг. «Катастрофа на шоссе»;
- «Подвиг» (т. 5) — Н. Льюис. «Охота в Лагартере» (роман).
- Шлягеры года**
- «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев — И. Шафран, т/ф «Тени исчезают в полдень») — Екатерина Шаврина, февраль;
- «Песенка о шпаге» (Е. Крылатов — Ю. Энтин, к/ф «Достояние республики») — Андрей Миронов, апрель;
- «Что будет, то и будет» (Е. Крылатов — Б. Ахмадулина, к/ф «Достояние республики») — Андрей Миронов, апрель;
- «Гайдар шагает впереди» (А. Пахмутова — С. Гребенников, Н. Добронравов) — детский хор, апрель;
- «Орлята учатся летать» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — детский хор, апрель;
- «Лесной олень» (Е. Крылатов — Ю. Энтин, к/ф «Ох уж эта Настя!») — Аида Ведищева, май;
- «Березовый сок» (В. Баснер — М. Матусовский, к/ф «Мировой парень») — «Песняры», май;
- «Водограй» (В. Ивасюк) — «Смеричка», май;
- «Благодарю тебя» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев, май;
- «Ходят кони...» (В. Дашкевич — Ю. Ким, т/ф «Бумбараш») — Валерий Золотухин, май;
- «Корабль по морю идет...» (В. Дашкевич — Ю. Ким, т/ф «Бумбараш») — Валерий Золотухин, май;
- «Наплевать, наплевать, надоело воевать...» (В. Дашкевич — Ю. Ким, т/ф «Бумбараш») — Валерий Золотухин, май;
- «А я маленькая детка метр двадцать...» (Г. Гладков — Ю. Ким, к/ф «Точка, точка, запятая...»), май;
- «Баллада о бедном Томе» (А. Рыбников — Ю. Ким, к/ф «Остров сокровищ») — Р. Аюпов, май;
- «Герои спорта» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Муслим Магомаев, июль;
- «Как прекрасен этот мир» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Юрий Антонов, август;
- «Баллада о матери» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — Евгений Мартынов, август;
- «Люди встречаются» (В. Гаваши — О. Жуков) — «Веселые ребята», сентябрь;
- «Легко влюбиться» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — «Веселые ребята», сентябрь;
- «Он не вернулся из боя» (В. Высоцкий) — Владимир Высоцкий/оркестр, сентябрь;
- «Песня о новом времени» (В. Высоцкий) — В. Высоцкий/оркестр, сентябрь;
- «Братские могилы» (В. Высоцкий) — В. Высоцкий/оркестр, сентябрь;
- «Песня о земле» (В. Высоцкий) — В. Высоцкий/оркестр, сентябрь;
- «Вниз по реке» (англ. нар. песня) — Муслим Магомаев, сентябрь;
- «Зеленая трава у моего дома» (Л. Рид) — Муслим Магомаев, сентябрь;
- «Береза белая» — (В. Шаинский — Л. Овсянников) — Лев Лещенко, октябрь;
- «Прекрасное воскресенье» (Д. Бун — М. Беляков) — «Поющие гитары», октябрь;
- «Соловей» (чилийская нар. песня — Я. Голяков) — «Поющие гитары», октябрь;
- «Надежда» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Анна Герман, ноябрь;
- «Баллада о красках» — (О. Фельцман — Р. Рождественский) — Иосиф Кобзон, ноябрь;
- «Олеся» — (И. Лученок — А. Кулешов) — ВИА «Песняры», декабрь.
- Песни Владимира Высоцкого**
- «Кони привередливые» — февраль (первое исполнение);
- «Честь шахматной короны» — февраль;

«Баллада о гипсе» — февраль;
 «Всем делам моим на суше вопреки...» — апрель;
 «Товарищи ученые...» — июнь;
 «Аборигены съели Кука» — июль;
 «Жертва телевидения» — ноябрь;
 «Канатоходец» — ноябрь;
 «Мы возвращаем землю» — ноябрь;
 «Песня о морском десанте» — ноябрь и др.

Шлягеры года (зарубежные)

«A Horse with no Name» — «Америка», январь;
 «Smoke on the Water» — «Дип Перпл», апрель;
 «The Wizard» — «Юрай Хипп», май;
 «Easy Livin'» — «Юрай Хипп», май;
 «Rainbow Demon» — «Юрай Хипп», май;
 «Hot Love» — «Ти Рекс», июнь;
 «Mystic Lady», «The Sliever», «Telegram Sam» — «Ти Рекс», июль;
 «Run to me» — «Би Джиз», октябрь;
 «Donna» — «Тэн Си Си», октябрь;
 «Gudbuy, Jane» — «Слэйд», декабрь;
 «Мама, weer all crazée now» — «Слэйд», декабрь;
 «I don't mind» — «Слэйд», декабрь;
 «Strang kind of Woman» — «Дип Перпл», декабрь;
 «Roundabout» — «Йес»;
 «Така Таката» — Джо Дассен;
 «Леди Карнавал» — Карел Готт.

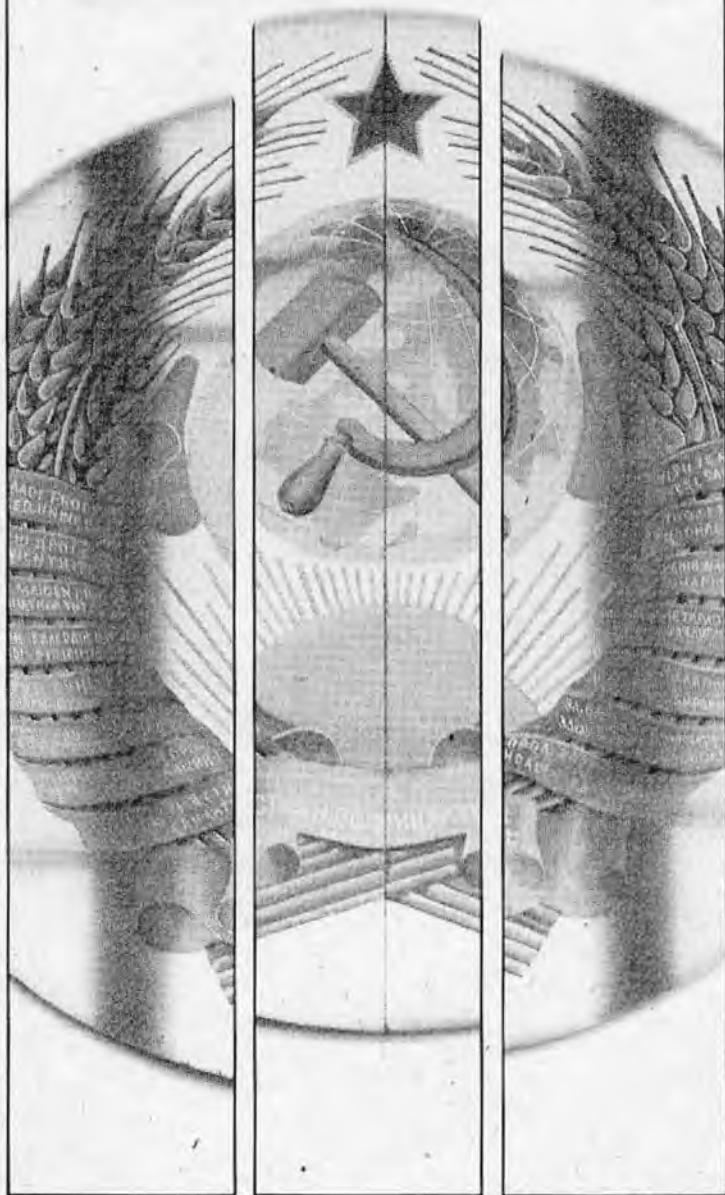
Преступность в СССР в 1972 году

Общее количество преступлений — 1 064 976
 (в 1971 — 1 057 090)
 умышленные убийства — 15 129 (в 1971 — 15 526)
 покушения на убийства — 4255 (в 1971 — 4475)

убийства с разбоем — 247 (в 1971 — 296)
 убийства с изнасилованием — 249 (в 1971 — 231)
 убийства с хулиганством — 2314 (в 1971 — 2510)
 убийства из-за ревности и ссор — 10 155 (в 1971 — 10 247)
 убийства матерью новорожденного — 438 (в 1971 — 514)
 посягательства на милиционеров — 341 (в 1971 — 385)
 грабежи — 30 253 (в 1971 — 33 015)
 разбой — 6 635 (в 1971 — 7 050)
 умышленные тяжкие телесные повреждения — 23 933 (в 1971 — 23 453)
 изнасилования — 13 368 (в 1971 — 13 870)
 хулиганство — 213 464 (в 1971 — 225 451)
 преступления в армии — 14 732 (в 1971 — 15 348)
 взятки — 3245 (в 1971 — 3077).

Чтобы лучше представить себе ситуацию с преступностью в Советском Союзе, приведу статистические данные о состоянии преступности в 1972 году в США. Там с этим творилась настоящая вакханалия. В годовом отчете за год было зафиксировано более 6 миллионов только тяжких преступлений, что являлось АБСОЛЮТНЫМ РЕКОРДОМ за всю предшествующую историю США и одновременно МИРОВОМ РЕКОРДОМ, тоже абсолютным. Убийцы за год практически истребили целый небольшой город, их жертвами стали более 18 тысяч человек (в СССР — 15 129). То бишь два убийства за каждый час в году. Каждую 13-ю минуту совершалось изнасилование, а ограбление — даже каждую 80-ю секунду!

1973 год

1973

Январь

Майя Плисецкая летит в Марсель. Звездный час Сережи Парамонова. Указ против воздушного пиратства. Песни за Даля спел Анофриев. Большая любовь Ролана Быкова. «Клуб кинопутешествий» осиротел. Как Андропов замолвил слово за Андрея Синявского. Уникальный десант: БМД с людьми спускается на землю. Юрий Нагибин о писательской верхушке. Новые слухи про бриллианты Аркадия Райкина. В ресторане «Новоарбатский» снимают детектив. Родилась дочь у артиста Юрия Чернова. Как Вячеслав Тихонов угощал гостей рыбой. В убийстве обвиняется футболист «Кайрата». Фильм «Иван Васильевич меняет профессию» закончен. Внезапная смерть ректора МГУ во дворе ЦК КПСС. «Большая перемена» продолжается. Как КГБ склонил двух диссидентов к предательству. Магомаев — Синявская: роман по телефону. Николай Щелоков покупает дачу у певца-отъезжанта. 35 лет Владимиру Высоцкому. Ограбление в Спитаке. Как сорвали концерт певцу Льву Барашкову. Конец войны во Вьетнаме. Умер актер, сыгравший Валерия Чкалова. Новый хит от Высоцкого: «Ой, Вань...» К угону самолета готовятся... подростки. Как женщина-милиционер помогла задержать трех преступников.

Утром в понедельник, 1 января, балерина Майя Плисецкая улетела в Марсель. Ехала она туда по приглашению прославленного балетмейстера Ролана Пети, который специально под нее поставил балет «Гибель розы» по стихотворениям Блейка. Осенью прошлого года он вчерне прогнал балет с дублершей Майи, затем приехал в Москву и отрепетировал его с главной исполнительницей, убрав из него лишь несколько неподходящих телу Плисецкой поддержек. И вот теперь советская балерина летела во Францию на премьерный показ, причем для того, чтобы ей улететь, в дело пришлось вмешаться писателю Луи Арагону: это он написал письмо на имя самого Брежнева с просьбой отпустить Плисецкую в Марсель. Далее послушаем рассказ самой балерины:

«На мне белая минковая мини-шубка и белый меховой берет. Я — Снегурочка. Это мой ответ Ролану на длиннополое енотовое манто (в нем Пети приезжал в Москву, чем здорово потряс столичную публику. — Ф.Р.). Шубка мне к лицу и молодит. Безусый солдатик в окошке

паспортного контроля Шереметьева долго, настороженно сличает цифры моего рождения с моим обликом Снегурочки.

В Марселе зимы нет и в помине. Нещадно поливает дождь. Шубка в опасности. Плохо учила я в хореографической школе географию...»

Забегая вперед, скажу, что премьера балета состоится спустя несколько дней в парижском Дворце спорта при огромном стечении народа. Успех будет безоговорочный. С этим балетом Плисецкой затем предстоят гастроли по всем континентам.

Между тем вечером 1 января по ЦТ транслировалась финальная передача конкурса «Песня-72». В ней прозвучали пусть не все, но многие действительно популярные песни прошедшего года, в том числе: «Гляжу в озера синие», «Верасы», «Ты и небо», «Водограй», «Благодарю тебя», «За того парня», «Герои спорта» и др. Девятым номером в первом отделении шла «Песня крокодила Гены» В. Шаинского и А. Тимофеевского в исполнении 11-летнего солиста Детского хора под управлением В. Попо-

ва (появился на свет в апреле 70-го) Сережи Парамонова. Песня была не новой (впервые она прозвучала в одноименном мультфильме), однако Парамонов сумел вдохнуть в нее свежее дыхание. В его исполнении песня стала, что называется, кристально чистой. А легкая каватость исполнителя делала песню еще более близкой для слушателя. Короче, на следующее утро после трансляции «Песни года» мальчик проснулся знаменитым.

Парамонов появился в составе хора относительно недавно — всего лишь год назад. По возрасту он пришел в коллектив поздновато (туда принимали с 7 лет), однако руководители хора сумели разглядеть в нем потенциальную звезду. В течение года Парамонов пел в младшей группе, поскольку в старшей были пятиклассники, выделялся тем, что пел с удовольствием, без видимых усилий. Хормейстер Т. Анофриева вспоминает:

«Мягкий, восприимчивый, эмоциональный, Сережа жил этой музыкой, безусловно. Родом из простой семьи, мама в то время работала уборщицей, папа — грузчиком, на занятия его всегда приводила бабушка и вообще являлась его доверенным лицом. Сережа был единственным ребенком, семья его, конечно, очень любила и, насколько позволяли средства, помогала. А его собственное отношение к тому, что он делал, было потрясающее. Это при том, что голос у него был средненький, без высокого диапазона, далеко не певческий. В хоре пело много ребят с лучшими голосами. Но его изумительным слухом, музыкальностью, а главное, страстным желанием выразить себя через пение покрывались все недостатки...

Для «Песни года» мы выучили песню «Крокодил Гена», и теперь предстояло выбрать солиста. Как правило, им хотят быть все, но одни поют просто, без вдохновения, другие старательно выговаривают слова. А Сережа как-то сразу целиком песню спел, нутром. А вот это не всем дается, хотя петь может любой. Мы его утвердили, пришел Шаинский — одобрил...»

3 января свет увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна». Появился он не случайно, а как результат событий последних двух лет, когда в Советском Союзе отдельные граждане стали захватывать гражданские самолеты с целью бегства за границу. От-

ныне за подобные деяния им полагались следующие сроки наказания: за попытку угона с применением насилия, угроз или повлекшую аварию — от 5 до 15 лет заключения; если подобное повлекло гибель людей или причинение им тяжелых телесных повреждений — от 8 до 15; за укрывательство кем-либо предстоящего угона — до 5 лет или 1 год исправительных работ и т. д. Самое удивительное, но даже столь суровые меры наказания не отобьют охоту у отдельных советских граждан заниматься воздушным пиратством, о чем речь еще пойдет впереди.

В этот же день из далекой Америки пришла радостная весть о том, что сборная Москвы по хоккею (в нее вошли лучшие игроки четырех столичных клубов: ЦСКА, «Спартак», «Динамо» и «Крылья Советов») завоевала Кубок мира. Наши ребята в последний день уходящего года обыграли чехословацкую «Дуклу» 6:3 (голы у нас забили: Харламов — два, Петров, Якушев, Шадрин, Лутченко), два дня спустя положили на лопатки сборную Канады 12:3, а на следующий день повергли и сборную США 13:3 (хет-трик сотворил Петров).

И еще одно событие датировано 3 января: генеральная дирекция «Мосфильма» и сценарно-редакционная коллегия экспериментально-творческого объединения (ЭТО) приняла фильм «Земля Санникова». Приняла практически без поправок, за исключением одной — надо было срочно переписать три песни, написанные композитором А. Зацепиным и поэтом Л. Дербеневым, которые в фильме исполнял Олег Даль. Как мы помним, Даль практически все съемки конфликтовал с режиссерами-постановщиками фильма, видимо, это и сыграло свою роль в январском решении о перезаписи песен. В качестве нового исполнителя будет выбран тезка Даля Олег Анофриев. Причем тот даст свое согласие только после того, как лично позвонит Далю домой. Актер ответит: «Лучше пусть будешь ты, чем кто-то другой». В середине января с Анофриевым будут записаны две песни (третью из фильма выкинут), которые теперь известны всем: «Есть только миг», «И солнце всходило...»

В эти же дни произошла встреча актеров Ролана Быкова и Елены Санаевой, встреча, которой суждено будет стать судьбоносной. Предыстория ее такова.

В конце прошлого года Быков и Санаева были утверждены на главные роли (мужа и жены, кстати) в фильме Юрия Рогова «Докер». Натурные съемки должны были проходить в Кишиневе, куда в самых последних числах декабря вылетели многие участники съемок в лице Ролана Быкова, Ефима Копеляна, Евгения Леонова-Гладышева и других. Елены Санаевой в их числе не было, поскольку в эти же дни она была занята на съемках еще одного фильма. Кроме этого, выяснилось, что она боится летать самолетами, поэтому приедет чуть позже поездом. Когда эту новость донесли до участников съемок, все они восприняли ее спокойно, за исключением одного человека — Быкова. Он единственным возмутился этим, сказав: «У меня все эти дни заранее расписаны, а эта Санаева еще и не летает. Видимо, думает, что если она дочь большого начальника (Всеволод Санаев с 71-го года занимал должность секретаря правления Союза кинематографистов СССР), то ей все позволено. Нечего ее ждать, надо брать другую актрису». И Быков потребовал от молодого режиссера, чтобы тот немедленно вызвал в Кишинев одну из двух актрис — Люсьену Овчинникову или Майю Булгакову, которых он хорошо знал по предыдущим работам и которые, по его словам, не имеют привычки подводить своих коллег по работе.

Видимо, Быков был в таком нервном возбуждении, что Рогов побоялся ему перечить и позвонил в Москву Булгаковой. Параллельно раздался звонок и в доме Санаевой, и ей было сказано следующее: либо она прилетает в Кишинев не позднее 3 января, либо на ее место берут другую актрису. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Мой отец, прошедший суровую школу кино, сразу сказал: «Леля, тебя не хотят». Я не могла ему поверить. Ведь режиссер и его жена — мои добрые приятели, они были так рады, что «Ленфильм» меня утвердил. Но Быков, очевидно, так увлек режиссера идеей сыграть вместе с Булгаковой, что она, моя соседка по дому и сослуживица по театру (они вместе работали в Театре киноактера. — *Ф.Р.*), не сказала мне ни слова, вылетела в Кишинев. Тут случилась эпидемия гриппа, в моей группе отменили съемки, и я смогла выехать вовремя. Садясь в поезд, я уже знала, что Булгакова в Кишиневе. Ехала и думала: «Господи, никогда не добива-

лась ни ролей, ни мужчин. Ну хотят они ее снимать — бог с ними. Выйду на остановке в Киеве, повидею бабулю и вернусь». Я не знала, что заменить меня — быковская идея, и все же я проехала, решив, что, раз я утвержденная на роль актриса, приеду и посмотрю им в глаза. Уехать смогу в тот же день. А актеры какие замечательные! И с Быковым в паре сыграть здорово! Ассистенты встречают, делают вид, что все нормально. Везут в гостиницу. Я ни о чем не спрашиваю. Встречаюсь с женой режиссера. «А мне нагадали, подруга твоя приедет». «Какая, — думаю, — подруга?» К вечеру и режиссер подоспел с дешевым молдавским вином. «Выпьем за встречу. Как хорошо, что ты приехала!» Ну, после второго бокала я весело и спрашиваю: «А скажи-ка, друг мой, кого же ты вместо меня позвал?» «Да Быков Майю Булгакову предложил, вот и сидит она в цековской гостинице». — «Ну и провожай ее с богом. А я буду играть свою роль».

Утром в павильоне мы встретились с Быковым. Он уже расхаживал, осваивал декорацию, делал предложения режиссеру и оператору. За всем наблюдала его подруга, которая приехала с ним на съемки. И тут я своему «мужу» попадаюсь на глаза, и он, продолжая фонтанировать предложениями одно другого лучше, говорит, что в этой сцене он должен свою жену целовать. В сценарии этого нет и в помине. Узнав о его «происках», я его в этой сцене предпочла бы чем-нибудь огреть. Это вполне ложилось на сюжет. Но режиссер влюбленно смотрит в рот Быкову, а мне что остается, мало того что самолетом не летаю, так еще и целоваться не могу в кадре. Развели сцену, подруга Быкова поднялась на партикабли, где крепится верхний свет, а мы начали сниматься. Но недолго это продолжалось. Один дубль, и все. Дальше объявили перерыв, потому что синяк на губе был такой, что снимать можно было только мой затылок.

Все выходят из декорации, Быков укладывается на кровать: «Леночка, не уходите, давайте оговорим дальше сцену». Подруга его чуть с партикаблей не упала. А мне что делать? Сказать: «Ах, что вы, после того что вы меня так поцеловали, я с вами говорить не буду»? Сажусь рядом на стул. Он делает вид, что ему плоховато с сердцем, а сам берет меня за руку, ресницы смежил, чтобы лучше видеть, как реа-

гирую, и тихонько говорит: «Лена, что делать, вы такая красавица, я в вас влюблен, а у вас, говорят, молодой красивый муж? Как же быть?» Я руку забрала: «Никак не быть, роли свои играть», — ответила и вышла из декорации. Больше он ни с кем на съемку не приезжал. А дальше, как говорят, «сюжет, достойный кисти Айвазовского». Ролан потом признавался, что во всю жизнь таких осад не предпринимал...

Мы встретились в очень плохой период его жизни, затяжно плохой. Он несколько лет был холост. Когда-то большая любовь его с выдающейся актрисой Князевой закончилась. Его сняли с замечательной роли Искремаса в картине «Повесть об Искремасе» (в прокат фильм вышел под названием «Гори, гори, моя звезда», роль Искремаса в нем играл Олег Табаков. — Ф.Р.). На полке лежали «Комиссар» А. Аскольдова и «Проверка на дорогах» А. Германа. Умер его большой друг — великий клоун Л. Енгибаров, которого Ролан считал гением.

Хватало печалей. И не было в его жизни любви. Он уже и не верил, что она может случиться. В ту пору Михаил Жванецкий, пережив свою личную драму, сказал ему: «Нам остался только М.О.П.». «Что значит М.О.П.?» — спросил Ролан. Оба много ездили. «М.О.П. — это младший обслуживающий персонал — официантки, стюардессы и т. д. Серьезной любви уже не будет, Ролан».

Ролан сказал себе, что без любви жить он не будет. Он искал ее и не находил. Всех любил и никого. Поэтому, когда мы встретились, он много раз говорил: «Это чудо. Я ни во что не верил. Я не верил, что смогу полюбить. Тебя бог выдумал и послал мне». «Почему выдумал и послал?» — спрашивала я. «Мне не просто полюбить. Мне нужно принести женщине дань. А тебя бог выдумал такую, какую мне надо. Красавица и смешная. Девочка-журавлик на длинных ножках. Умница и парень хороший. Да еще и актриса замечательная. Это слишком. Но ты полюбишь, полюбишь меня. Заиграешься. Я хорошая команда».

Но вернемся к другим событиям января 73-го.

4 января после продолжительной болезни на 73-м году жизни скончался известный режиссер Владимир Шнейдеров. Молодому читателю это имя практически ничего не говорит, однако было время, когда этого человека знала

вся страна. Начав свой путь в кинодокументалистике в 1924 году, Шнейдеров снял около трех десятков фильмов. Однако всесоюзная слава пришла к нему в марте 1960 года, когда на Центральном телевидении стартовала передача «Клуб кинопутешествий», в которой Шнейдеров был ведущим. Эта передача мгновенно стала суперпопулярной, во-первых, из-за личности ведущего (его рассказами можно было заслушаться), во-вторых, из-за отсутствия иной правдивой информации о жизни за рубежом.

В день смерти Шнейдерова съемочная группа фильма «Иван Васильевич меняет профессию» вынуждена была приостановить работу — заболел режиссер-постановщик Леонид Гайдай. К этому моменту практически львиная доля картины была снята, оставалось доснять последние несколько эпизодов в декорации «царские палаты». Но внезапно свалившееся на режиссера недомогание сбilo киношников с взятого ими ритма. Гайдай отсутствовал на съемочной площадке два дня. Вернувшись, стал снимать эпизод «посольский приказ»: это там заморский посол (Сергей Филиппов) просит оправдома Буншу, изображающего из себя царя Ивана Васильевича Грозного, отдать ему Кемскую волость. Тот на удивление легко соглашается. Но патриот родины Жорж Милославский (Леонид Куравлев) это дело на корню пресекает: дескать, ты чего это, царская морда, казенными землями разбрасываешься? Так никаких волостей не напасешься!

5 января известный писатель Андрей Синявский обратился с ходатайством в ОВИР УВД Мосгорисполкома о разрешении ему выехать вместе с женой и 7-летним сыном во Францию сроком на 3 года по частному приглашению профессора парижского университета Клода Фриу. Стоит отметить, что еще в середине 60-х Синявский попал в поле зрения КГБ и даже был осужден за антисоветскую деятельность к нескольким годам тюрьмы («дело Синявского и Даниэля»). Однако в неволе Синявский вел себя вполне законопослушно, что послужило поводом к его досрочному освобождению. На свободе КГБ продолжал держать его «под колпаком», способствуя тому, чтобы он как можно больше дистанцировался от своих коллег-диссидентов. И во многом Комитету это удалось. Как напишет в своей записке в ЦК Ю. Андропов:

«Принятыми мерами имя Синявского в настоящее время в определенной степени скомпрометировано в глазах ранее сочувствующей ему части творческой интеллигенции. Некоторые из них, по имеющимся данным, считают, что он связан с органами КГБ. Синявский следует совместно выработанной по возвращении его в Москву линии поведения, ведет уединенный образ жизни, занимается творческой работой, связанной с вопросами русской литературы XIX века и историей древнерусского искусства...

Вместе с тем известно, что Синявский, в целом следуя нашим рекомендациям, по существу остается на прежних идеалистических творческих позициях, не принимая марксистско-ленинские принципы в вопросах литературы и искусства, вследствие чего его новые произведения не могут быть изданы в Советском Союзе...»

Поскольку Синявский в своем запросе в ОВИР выразил желание сохранить за собой советское гражданство и обещал вернуться на родину, власти (не без влияния записки Андропова) пошли ему навстречу и разрешили уехать во Францию. Редчайший случай по тем временам. К примеру, в том же январе по приглашению Лондонского института медицинских исследований Советский Союз с женой и младшим сыном покинул ученый Жорес Медведев. КГБ не чинил ему препятствий в отъезде, однако спустя полгода вышел с ходатайством лишить его советского гражданства. Что и было сделано.

5 января в жизни советских Вооруженных Сил произошло знаменательное событие — впервые в мире было произведено десантирование людей в боевой машине десанта (БМД). До этого эта операция производилась в два этапа: БМД и десантники сбрасывались с разных самолетов, после чего десантники пешком добирались до своих машин. Естественно, это отнимало какое-то время и в боевых условиях могло привести к самым нежелательным последствиям. Куда более выигрышным вариантом было бы совместное десантирование, хотя и тут тоже были свои минусы: выигрывалось время, но повышался риск для людей. Но куда в армии без риска?

Главным инициатором этого вида десантирования был командующий ВДВ Василий Мар-

гелов. Он относился к числу самых почитаемых в армейской среде военачальников, а в десантных войсках его просто боготворили (не случайно аббревиатуру ВДВ десантники расшифровывали не иначе как «войска дяди Васи»). О том, каким человеком был Маргелов, говорит хотя бы такой факт: когда министр обороны Гречко все-таки разрешил эксперимент с десантированием людей в БМД, Маргелов предложил в качестве испытуемого себя. А когда министр ему отказал — из-за возраста, — Маргелов предложил вместо себя... своего сына — старшего лейтенанта Александра Маргелова. Вторым десантируемым стал мастер парашютного спорта майор Леонид Зуев.

Десантирование произошло во второй половине дня на Теслецком полигоне под Тулой. БМД с двумя смельчаками благополучно приземлилась на землю, произвела холостой выстрел и быстро добралась до пункта назначения. Почин был сделан.

А теперь из жизни военной окунемся в литературную. В те дни писатель Юрий Нагибин сделал в своем дневнике любопытную запись, живописующую нравы, царившие в писательской верхушке. А писал он следующее: «Преторианцы (руководство СП и их любимцы) обнаглели и охамели до последней степени. Они забрали себе всю бумагу, весь шрифт, всю типографскую краску и весь ледерин, забрали все зарубежные поездки, все санаторные путевки, все автомобили, все похвалы, все ордена, все премии и все должности. Литературные Безбородки грозно режутся на фоне всеобщей подавленности и оскудения. Мотаются с блядами по Европе, к перу прикасаются только для того, чтобы подписать чужие рукописи, на работу (руководящую) не являются, переложив все свои обязанности на крепкие плечи наглых помощников и консультантов, устраивают какие-то сокрушительные пикники, называя их выездными пленумами Секретариата СП, где вино льется рекой и режут на шашлыки последних баранов; путешествуют на самолетах, машинах, пароходах, поездах, аэросанях, вертолетах, лошадях, ослах, мулах, верблюдах и слонах. Обьедаются и опиваются, а после отлеживаются в привилегированных госпиталях и вытрезвителях. И снова пиры, юбилеи, тосты, все новые и новые наспех придуманные должности, награды. Вакханалия, Валтасаров пир, и никто

не боится, что запылают пророческие огненные письма, предвещающие конец этому распаду. Нет, они уверены, что это навсегда...»

Как мы помним, Аркадий Райкин в последние дни прошлого года угодил с инфарктом в больницу. Руководимый им Ленинградский театр миниатюр в те дни гастролировал в Тамбове. Гастроли проходили успешно, однако радость от этого была испорчена чередой новых слухов о бриллиантах, которые Аркадий Райкин якобы пытался вывезти из страны в гробу собственной матери (она скончалась еще в конце 60-х). Рассказывает тогдашний администратор театра Р. Ткачев:

«В Тамбове в номер гостиницы мне позвонил незнакомец и отрекомендовался главным врачом местной областной больницы. Из дальнейшего разговора выяснилось, что дочь главного врача работала учительницей в школе и на очередном семинаре для преподавателей, посвященном «бдительности в борьбе с происками империалистов», лектор Тамбовского обкома партии в качестве примера идеологической диверсии рассказал, что известный артист Аркадий Райкин нафаршировал драгоценностями тело своей скончавшейся матери и пытался отправить его в Израиль якобы для захоронения, но был схвачен за руку нашими бдительными органами, что жена Райкина, Рома, финансирует и возглавляет крупную сионистскую организацию на Украине, а дети давно эмигрировали в Израиль. Выложив всю эту информацию, главврач спросил меня, насколько все вышеизложенное соответствует действительности. В ответ на мой вопрос, могу ли я при выяснении всей этой весьма дурно пахнувшей галиматши сослаться на фамилию главврача, он дал полное согласие. Сразу же после этого разговора мне удалось дозвониться до второго секретаря обкома. Слово в слово я пересказал услышанную мной историю и попросил меня принять, добавив, что Аркадий Исаакович намерен обратиться с жалобой в ЦК. На том конце провода возникла продолжительная пауза, потом я услышал, что результат будет сообщен после соответствующих уточнений. Принять меня отказались. Второй раз мне удалось дозвониться только дня через два.

На этот раз со мной были гораздо вежливее. Версия была такова: «Лектор еще очень молод и, чтобы как-то «украсить» и «оживить»

свою лекцию, рассказал эту, им самим где-то слышанную, историю». Я ответил, что нам очень хотелось бы знать источники этой истории. Слухи бродят уже несколько месяцев, но нам впервые удалось услышать их от официального лица в официальном месте. В ответ мне сказали, что лектор наказан, снят с работы и куда-то уехал. Больше никаких сведений мне сообщить не могут...»

В первые дни января на «Мосфильме» прошли пересъемки некоторых эпизодов фильма «Черный принц». Съёмки ленты были закончены еще 26 декабря, однако ряд эпизодов пришлось переснимать из-за брака пленки. Так, 3 января пересняли ряд сцен в интерьерах декорации «Петровка, 38», а 8—9 января работали над кульминационным моментом картины — дракой в ресторане. Последний снимали в естественных интерьерах столичного ресторана «Новоарбатский». Несмотря на то что работа велась ночью, желающих лицезреть это событие на Калининском проспекте собралось столько, что пришлось ставить милицейское оцепление. В первый день снимали следующее: преступник Шалыгин (Игорь Кашинцев) предлагает скупщику Мытникову (Николай Гриценко) купить у него алмаз, но тот колеблется. Наблюдающие за их сделкой сыщики принимают решение под благовидным предлогом задержать их и незаметно обыскать. По приказу полковника Зорина (Всеволод Санаев) инспектор угро Журавлев (Владимир Носик) затевает драку и вместе с преступниками оказывается в вытрезвителе.

В следующую ночь — с 9-го на 10-е — снимали то, как Мытников возвращается в ресторан, чтобы забрать спрятанный им во время драки в горчичнице алмаз. Но его там не оказывается, алмаз уже у сыщиков. Мытников начинает проверять все горчичницы подряд, за чем его и застают сыщики МУРа. К стати, в роли ресторанный певички в этом эпизоде снялась популярная артистка эстрады Валентина Толкунова. А на дальнем плане, справа от певички, мелькнуло лицо еще мало кому известного композитора Вячеслава Добрынина, который сыграл одного из музыкантов ансамбля.

Во вторник, 9 января, у актера Юрия Чернова, сыгравшего роль ученика-оболтуса Сыромятникова в фильме «Доживем до понедельника», родилась дочь Аня. На тот момент Чернов

много снимался в кино, однако в основном в ролях эпизодических, и главным образом играл разных хулиганов и негодяев. Но слава все равно у него была немалая. Советский зритель вообще трепетно относился к актерам, игравшим отрицательных персонажей. Взять хотя бы Савелия Крамарова: положительных ролей в его творческой биографии практически не было, а слава была просто фантастическая. У Чернова, конечно, славы было поменьше, чем у Крамарова, но ему и такой хватало. Тусовался он обычно с тремя корешами, двое из которых были не менее популярны, чем он: с Александром Кавалеровым (Мамочка из «Республики ШКИД»), Виктором Переваловым (Гога из той же «Республики ШКИД») и Юрием Зубаревым (это он был влюблен в героиню Ольги Остроумовой в «Доживем до понедельника»).

11 января Москву наконец-то укрыло белое покрывало снега. До этого в городе снега практически не было, что являлось редкостью — нечто подобное наблюдалось зимой 1948—1949 годов. Подобное бесснежье и теплая погода в 73-м объяснялись тем, что с Атлантического океана шел очень мощный необычно прямой циклон — он стал для холодных арктических масс как бы ветровым барьером, который не пускал холод. Снега не было на всем протяжении к западу от линии Петрозаводск — Москва — Воронеж — Ставрополь.

В пятницу, 12 января, журналист Ярослав Голованов записал в своем дневнике следующие строчки: «Позвонил Кулиджанов (кинорежиссер Лев Кулиджанов в ту пору был 1-м секретарем Союза кинематографистов СССР. — Ф.Р.) и попросил написать дикторский текст к его документальному космическому фильму «Звездные минуты». Я сказал, что хочу сперва посмотреть фильм. Сегодня он пригласил меня на Киностудию имени Горького и прокрутил его. Сидел рядом и тайно за мной подглядывал. Когда фильм кончился, вся его фигура и лицо были сплошной вопросительный знак. Я спросил: «А можно еще раз прокрутить?» Он прокрутил. Фильм очень хороший, можно сказать, лучший из всех документальных фильмов о космосе. Я так и сказал Кулиджанову. Он очень обрадовался и повез меня обедать в Дом кино, а оттуда — к себе домой. Два сына, жена Наташа. Огромная квартира в одном из крыльев высотного дома у Красных ворот. Выпили. Я по-

завидовал его прочному домашнему благополучию. Тут позвонил его сосед по дому — актер Вячеслав Тихонов — и пригласил на рыбу, которую он где-то сам наловил. Отправились к Тихонову. У него уже сидел Ростоцкий (кинорежиссер Станислав Ростоцкий. — Ф.Р.). Тихонов оказался очень милым, приятным собеседником. Ни тени рисовки и зазнайства...»

Стоит отметить, что на той же Киностудии им. Горького Тихонов уже закончил сниматься в фильме Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» и до премьеры картины остаются считанные месяцы.

Еще одна дневниковая запись датирована тем же числом — на этот раз она сделана рукой Валерия Золотухина: «Вознесенский зовет с собой в Томск. На несколько выступлений во Дворце спорта. Высоцкий не советует:

— Зачем ты будешь при ком-то, кто бы это ни был? Не надо! Ты сам — Валерий Сергеевич...»

А теперь перенесемся в окрестности Алматы, а если точнее — в поселок Горный Гигант. В субботний день 13 января там состоялись танцы, на которые пришла вся окрестная молодежь. Среди гостей оказалась и группа молодых людей из соседнего НИИ лугопастбищного хозяйства, с которыми у поселковой молодежи частенько происходили всяческие стычки. Вот и в этот раз потасовка возникла буквально из-за пустяка: кто-то из гостей пригласил на танец местную девушку, а поселковые расценили это как оскорбление. Прямо в клубе началась драка. Поскольку местных было больше, победа осталась за ними — институтские с позором были изгнаны из клуба. Но прощать позор они были не намерены. Спустя полчаса они вернулись в клуб с подкреплением. Среди вновь прибывших самым активным был Нурман Атантаев — центральный нападающий футбольного клуба высшей лиги «Кайрат». Как утверждают очевидцы, именно Атантаев руководил институтскими, вооружившись металлическим совком. Это орудие обрушивалось на головы поселковых, обращая их в бегство.

В те самые минуты, когда в клубе полыхала драка, рабочий Виктор Борисов смотрел дома французский фильм «Гром небесный». В разгар показа телевизор внезапно забарахлил. Поскольку у самого Борисова дома паяльника не было, он отправился за ним к соседу — в сосед-

ний дом. Но едва вышел на улицу, как попал в самый водоворот драки между поселковыми и институтскими. «Что здесь происходит?» — удивленно спросил Борисов. Это оказались последние слова в его жизни. В следующую секунду на его голову обрушился металлический совок. Затем последовал еще один удар, и еще. В итоге Борисов умер на месте.

Поскольку многие свидетели из тех, кто видел драку в клубе, утверждали, что совком орудовал именно Атантаев, обвинение в убийстве было предъявлено ему. Однако на защиту спортсмена встанут влиятельные силы: Федерация футбола Казахстана, клуб «Кайрат» и другие. Атантаева выпустят из-под стражи. Потом состоится суд, который осудит его, но без лишения свободы. Против этого решения выступит «Литературная газета». А это было очень влиятельное издание. В итоге Прокуратура Союза заставит прокуратуру Казахстана пересмотреть дело. Жenu Борисова снова восстановят на работе (а уволили ее после того, как она отказалась взять откупные в сумме 10 тысяч рублей и забрать заявление из милиции), футболиста снова арестуют. Однако новый суд все равно не найдет достаточных оснований для осуждения спортсмена. Атантаев продолжит карьеру в «Кайрате», правда, больших результатов на этом поприще так и не достигнет.

Но вернемся в Москву. 14 января на «Мосфильме» Леонид Гайдай закончил снимать комедию «Иван Васильевич меняет профессию». Как мы помним, съемки фильма начались 26 августа прошлого года и продолжались четыре с половиной месяца. Забегая вперед, отмечу, что худсовет примет картину с поправками — Гайдаю надо будет убрать 177 метров пленки, на которых будут запечатлены следующие эпизоды: царь Иван Грозный жарит котлеты на кухне, ряд эпизодов во дворе дома Шурика, в телефонной будке и др. Полностью надо будет переснять эпизод, где Зиночка поет песню на берегу моря.

15 января академик Андрей Сахаров пришел на прием к ректору МГУ Ивану Петровскому, чтобы добиться восстановления в университете своей дочери Татьяны (ее несправедливо отчислили из вуза осенью прошлого года). Поскольку дочь академика-диссидента отчислили из МГУ по настоянию КГБ, Петровский ничем

не мог помочь Сахарову в его просьбе. По словам А. Сахарова:

«На встречу Петровский вызвал секретаря парторганизации и проректора, человека явно гебистского вида. Разговаривая с ними — а они возмутительно лицемерили и одновременно (косвенно) угрожали, — я был резче, чем я обычно себя держу, и два раза ударил кулаком по столу. Петровский фактически не принимал участия в разговоре и грустно, молча сидел в конце стола. Встреча была опять же безрезультатной. В этот же день Иван Георгиевич Петровский скоропостижно умер (на момент смерти ему было 72 года. — Ф.Р.). Мне после рассказали обстоятельства этой смерти. Он поехал в ЦК на встречу с начальником Отдела науки Трапезниковым (по дороге он подвез на своей персональной машине одну из сотрудниц университета, шутил). На встрече решался вопрос о передаче МГУ от провинциальных университетов каких-то функций по подготовке аспирантов. Петровский придавал этому большое значение, написал специальную докладную. С. П. Трапезников, однако, отнесся к его докладной отрицательно и при встрече высказал свое мнение, быть может, как это часто бывает, в иронической форме. Петровский очень разнервничался, вышел во двор ЦК, там упал и умер. Вскоре в его смерти обвинили меня. Я получил сначала письмо от одной секретарши Петровского с этим обвинением, потом узнал о выступлении академика Понтрягина (тоже математика) на Президиуме Академии, в котором он требовал привлечь меня к ответственности за мои действия, повлекшие якобы смерть Петровского (стучал кулаком и т. д.)... Естественно, вся эта история была мне очень неприятна. А Ивана Георгиевича мне было искренне жаль, я невольно чувствовал к нему определенную симпатию, несмотря на некоторую двойственность его поведения в деле Тани...»

В день, когда внезапно умер Петровский, в Ростове-на-Дону завершился чемпионат страны по фигурному катанию. Настоящей сенсацией турнира стало выступление новой пары Ирина Роднина—Александр Зайцев. Как мы помним, весной прошлого года от Родниной ушел ее партнер Алексей Уланов и большинство специалистов предрекали фигуристке закат карьеры: дескать, найти достойную замену Уланову в ближайшее время вряд ли удастся. Однако

тренеру Родниной Станиславу Жуку понадобилось всего лишь несколько месяцев, чтобы не только найти замену своей подопечной, но и научить новую пару кататься еще лучше, чем это было раньше. В итоге золотую медаль союзного первенства-73 завоевала именно пара Роднина—Зайцев. Как писал в те дни М. Блатин: «Поражен, что за столь короткий срок — всего полгода — спортсменам удалось достигнуть такого уровня взаимопонимания и мастерства...»

Кстати, пара Алексей Уланов—Людмила Смирнова заняла на турнире всего лишь 3-е место, пропустив вперед себя пару Ирина Черняева—Василий Благов. В танцах на льду золотые медали достались Людмиле Пахомовой и Александру Горшкову.

Тем временем в кинотеатрах столицы состоялось несколько премьер: 5 января свет увидела очередная сказка от Александра Птушко «**Руслан и Людмила**» с участием Натальи Петровой, Олега Мокшанцева, Вячеслава Невинного и др.; 8-го — фильм таджикского режиссера Бориса Кимягарова «**Рустам и Сухраб**» (продолжение фильма «Сказание о Рустаме»); 11-го — очередной фильм из «индейской» серии киностудии ДЕФА с участием Гойко Митича «**Оцеола**»; 14-го — фильм узбекского режиссера Равиля Батырова «**Ждем тебя, парень...**», в котором снимались Отабек Ганиев, Александр Леньков, Марина Неелова и др.; 15-го — «**За все в ответе**» Георгия Натансона с участием Ольги Яковлевой, Геннадия Журавлева, Олега Ефремова и др.; «**Преждевременный человек**» Абрама Роома, где в главных ролях снялись Игорь Кваша и Анастасия Вертинская, и фильм югославских кинематографистов «**19 девушек и один моряк**».

3 января на экранах столицы начал демонстрироваться фильм Степана Пучиняна «**Схватка**», повествующий о деятельности советского разведчика Крафта, который под именем инженера Груббе действовал в фашистском тылу. Несмотря на то что в фильме снимались такие звезды отечественного кино, как: Лаймонас Норейка, Лариса Чурсина, Юрий Яковлев, получился он, мягко говоря, слабым. Например, Яковлев специально дождался премьеры картины в ближайшем от его дома кинотеатре «Художественный» (это как раз начало января 73-го) и отправился на нее со своей женой. Но

лучше бы он смотрел один, поскольку, едва они после сеанса вышли на улицу, супруга чуть ли не с кулаками набросилась на него. «Как же тебе не совестно! — стыдила она мужа. — Ты что, голодаешь? Или тебе ролей не хватает, что ты взялся за такое позорище?» С этого момента Яковлев дал себе слово не сниматься в проходных ролях и всегда по этому поводу советоваться с женой.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «12 месяцев» (премьера т/ф), «Принц и нищий» (премьера т/ф), «Цирк зажигает огни» (премьера т/ф) (1-го), «Пан Скороходик и тамплиеры» (премьера т/ф) (2—3-го), «Преступник сидит на стадионе «Уэмбли» (впервые на ТВ), «Сказка о потерянном времени» (4-го), «Самые красивые корабли» (премьера т/ф), «Доктор Айболит», «К Черному морю» (6-го), «Ревизор», «Таинственный остров», «Карнавальная ночь» (7-го), «Потомок Чингисхана», «Сестры» (8-го), «Морозко», «18-й год» (9-го), «Хмурое утро» (10-го), «Котовский» (11-го), «Город мастеров», «Укротители велосипедов» (13-го), «Герой нашего времени», «Крейсер «Варяг» (14-го), «Капитан Сова идет по следу» (премьера т/ф, Польша) (15—17-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 2-го в Театре имени Вахтангова был показан спектакль «**Женщина за зеленой дверью**» Р. Ибрагимбекова; 3-го в ТЮЗе — «**Я, бабушка, Илико и Илларион**» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе с участием В. Качана, В. Зубарева, Л. Ахеджаковой (первая взрослая роль актрисы — бабушка, поскольку до этого она играла сплошь одних детей); 4-го во МХАТе — «**Сталевары**» Г. Бокарева с участием В. Давыдова, Е. Киндинова, Б. Щербакова и др.; в Театре имени Ермоловой — «**Дарю тебе жизнь**»; в Центральном детском театре — «**Сказка о четырех близнецах**» с Ириной Муравьевой в роли Бонки (вторая крупная роль актрисы); 5-го во МХАТе — «**Кола Брюньон**»; в им. Ермоловой — «**Ваше мнение, доктор?**»; 6-го в Театре на Малой Бронной — «**Не от мира сего**» А. Островского с участием М. Козакова, Л. Богдановой, Л. Каневского и др.; 7-го в «Ромэне» — «**Дети птиц**» Н. Черкашина; 12-го в Театре имени Ермоловой — «**Старший сын**» А. Вампилова; 14-го в Театре сатиры — «**Таблетку под язык**» с участием А. Папанова, Е. Градовой, С. Мишулина,

Г. Менглета, В. Васильевой и др.; в драмтеатре имени Станиславского — «Мсье де Пурсоньяк» Ж. Б. Мольера с участием Л. Сатановского, Г. Буркова, Т. Ухаровой, Ю. Шерстнева и др.

Эстрадная афиша выглядела следующим образом: 3—10 января во Дворце спорта в Лужниках состоялись концерты «сборная солянка», в которых участвовали: Александра Стрельченко, Геннадий Хазанов, Федор Чеханков, Олег Анофриев, ВИА «Москвичи» и др.; 4—8-го в Театре эстрады пела все та же А. Стрельченко, а также молодой узбекский ВИА «Ялла», танцевал Владимир Шубарин и др.; 6-го, 7-го и 9-го в ГЦКЗ «Россия» публику пленил своим вокалом испанский певец Мичел; 9—11 и 15 января в Театре эстрады состоялись показы спектакля «Мужчина и женщина» с участием звездной четы Мария Миронова и Александр Менакер; 12-го, 14-го в киноконцертном зале «Октябрь» пел популярный певец Виктор Вуячич; в эти же дни в ГЦКЗ гастролировал Ленинградский мюзик-холл; 12—14-го в Театре эстрады выступали: Юрий Богатиков, Кола Бельды, Иван Суржиков и др. С 7 января в Цирке на Цветном бульваре начала демонстрироваться новая программа «Мечте навстречу», на афише которой значилось: «Весь вечер на манеже клоуны Юрий Никулин и Михаил Шуйдин».

16 января в 1-м павильоне «Мосфильма» Алексей Корнев после месячного перерыва возобновил съемки комедии «Большая перемена». В тот день снимали эпизод «в пединституте». Это когда Петя Тимохин (Савелий Крамаров) приходит устраиваться в аспирантуру и заходит на кафедру истории. Там у него происходит встреча с профессором Волосюком (Михаил Яншин) и Полиной (Наталья Гвоздикова). Тимохин буквально ошарашивает профессора своими «глубокими» познаниями в истории, после чего интересуется, сколько платят аспирантам. Волосюк честно отвечает, что мало. Названная им сумма жадного Тимохина не устраивает.

Два дня спустя в том же павильоне, но уже в декорации «музей», начал сниматься другой эпизод — сбор исторического кружка под руководством Нестора Петровича. Помните, он читает лекцию о Древнем Риме, об убийстве императора Нерона. «Убей меня!» — кричит Нестор на весь зал, и находившийся в тот момент в музее милиционер (Лев Дуров) сломя

голову бросается на этот крик, полагая, что происходит реальное убийство. Эпизод снимали два дня.

17 января на свет появилась любопытная записка КГБ и МВД СССР, которая была направлена в ЦК КПСС. Приведу отрывок из нее:

«Докладываем, что в 1972 году рассмотрено 26,9 тыс. ходатайств лиц еврейской национальности о выезде в Израиль на постоянное место жительства, получили разрешения на выезд 25,4 тыс. Выехало на постоянное жительство в Израиль с учетом получивших разрешение в 1971 г. — 28,8 тыс. человек (в 1970 г. — 13,2 тыс.)...

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 года возместили затраты на обучение в высших учебных заведениях страны более 900 лиц еврейской национальности на сумму около 4,5 млн рублей, в том числе в декабре 1972 года — 245 чел. на сумму свыше 1 млн рублей...

Ю. Андропов, Н. Щелоков».

Тем временем в Лефортовской тюрьме следователи КГБ усиленно склоняют к сотрудничеству двух видных диссидентов, арестованных в прошлом году: Петра Якира и Виктора Красина. Им объявили, что, если они откажутся сотрудничать с органами, к ним применят статью 64 УК (измена Родине) и расстреляют. Дескать, в качестве примера другим правозащитникам. Но даже эта угроза поначалу не сломила диссидентов. Тогда их стали мучить: ежедневно держали на допросах с 10 утра до 10 вечера с часовыми перерывами на обед и ужин. Исключения не делали даже в выходные. В итоге Красин, например, по ночам не мог спать, мучаясь от страшных головных болей и бессонницы. Засыпал он в 2—3 часа ночи, а в 6 утра его уже будили. Так продолжалось три месяца, пока нервы обоих не сдали, и они стали давать показания на своих товарищей. Например, Красин выдал адрес, где хранились книги и фотопленки по диссидентскому движению. А потом — пошло-поехало. При этом чекисты избрали очень хитрую тактику. Понимая, что обоим нужны какие-то моральные оправдания их предательства, они подсовывали им апологетику предательства под видом благородного поведения. Дескать, они сотрудничают с КГБ не ради спасения своей шкуры, а чтобы спасти своих товарищей. Лучше принять позор, но

спасти десятки людей от бессмысленного ареста и, может быть, гибели в лагерях. О том, к чему привело это предательство, мой рассказ впереди, а пока вернемся к другим событиям января 73-го.

В те дни Москву покинула певица Большого театра Тамара Синявская. Но уехала она не в эмиграцию, а на стажировку в Италию, в знаменитый миланский театр «Ла Скала». Как мы помним, в октябре прошлого года судьба забросила ее в Баку, на Дни искусства России, где она познакомилась с Муслимом Магомаевым. По словам последнего:

«После бакинской встречи наше знакомство продолжалось в Москве, хотя Тамара была замужем. Я стал бывать у них дома. Вскоре мы поняли, что не можем не видеться. Случалось, и ссорились — думаю, именно из-за такого двусмысленного положения Тамары: любовный треугольник всегда мучителен.

Как-то, после некоторой паузы, вызванной очередной ссорой, мы встретились в Кремлевском Дворце съездов (судя по всему, это случилось в декабре 71-го на концерте, посвященном 50-летию образования СССР. — Ф.Р.). И снова почувствовали тягу друг к другу, необходимость быть вместе. Встречи стали чаще. А потом было испытание наших чувств разлукой: Тамара на полгода уехала на стажировку в Италию. Я звонил ей каждый день, мы разговаривали минут по 30—40. Через швейцарского брата Кемала посылал ей цветы...»

22 января министр внутренних дел СССР Николай Щелоков приобрел себе дачу в Болшево, ранее принадлежавшую популярному певцу Эмилю Горовцу. Последний в те дни собирался навсегда покинуть родину, поэтому распродал имущество, что называется, направо и налево, чтобы расплатиться с государством за отъезд. Например, пресловутая дача по смете составляла 14 405 рублей, однако в договоре о купле-продаже от 22 января была проставлена другая цифра — 20 тысяч рублей (позднее начальник ХОЗУ МВД СССР Калинин признается, что за дачу было уплачено аж 200 тысяч рублей!). Дача в Болшево представляла собой двухэтажное строение из кирпича-монолита, располагавшееся на земельном участке в 1,2 тысячи квадратных метров. В доме было пять жилых комнат и подсобных помещений, кирпичная баня и гараж с пристройкой к

нему другого жилого помещения из двух комнат, веранды, кухни и подсобных помещений. Короче, не хилая по тем временам «фазенда», на которой министру предстояло отдыхать от его изнурительной работы по выкорчевыванию преступности.

В тот же день в «Большой перемене» завершили съемки объекта «пединститут». Петя Тимохин после разговора с профессором Волосюком торопится домой, но в коридоре его настигает Полина, которой страсть как хочется узнать, как там поживает ее бывший возлюбленный Нестор Петрович Северов. Тимохин с удовольствием отвечает: «Лучше всех!» Потом, догадавшись о причинах этого интереса со стороны девушки, объявляет ей, что претендовать на сердце историка с ее стороны бесполезно: мол, оно давно отдано второй красавице их класса Нелли Ледневой. А в первую красавицу класса влюблен он сам.

На следующий день снимали эпизоды уже в других декорациях. В частности, был запечатлен на пленку приход Нестора Петровича к Федоскину (это там Нелли Леднева поет ему серенату М. Глинки), а также беседа Леднева с руководителем автокомбината (там герой Леонова пишет заявление с такими грамматическими ошибками, что его начальник (Николай Граббе) удивленно спрашивает: «Ты в каком классе учишься?» — «В девятом». — «И сколько?» — «Второй год». — «Оно и видно», — грустно резюмирует начальник).

24—25 января снимали один из самых смешных эпизодов картины: как Леднев учил во сне историю. Помните, герой Леонова должен под присмотром дочери готовиться к завтрашнему зачету, но его одолевает сон. И тогда он идет на хитрость: рассказывает Нелли о новой методике заучивания уроков. Дескать, одному из них — то есть ему, надо лень спать, а дочь должна в это время читать ему учебник. Во время сна весь материал запишется «на корочку». И ведь действительно записался, но получилась такая мешанина из кусков истории и детективной постановки, которая транслировалась по радио, что над ответом Леднева будет хохотать весь класс.

В четверг 25 января Владимиру Высоцкому исполнилось 35 лет. По этому случаю в его доме был устроен роскошный сабантуй, на который пришли особо избранные люди: родствен-

ники, коллеги по театру, друзья. Была там и супруга именинника Марина Влади, которая специально привезла из Парижа магнитофонные пленки, на которых она пела русские песни. Гости отнеслись к вокальным опытам Влади с большим одобрением. В конце вечера Высоцкий подарил своему другу Золотухину французские туфли.

На следующий день в армянском городе Спитаке неизвестные ограбили один из местных универмагов. Под покровом ночи они разрезали ножницами для резки металла решетку на окне второго этажа, проникли внутрь магазина, где специальным инструментом вскрыли сейф, в утробе которого хранились деньги и ювелирные изделия. В итоге в руках злоумышленников оказались товары на общую сумму 180 890 рублей (одни изделия из золота потянули на 178 499 рублей). Вся операция заняла у преступников час-полтора, но они допустили всего лишь одну оплошность, которая их и подвела. Один из грабителей оставил на сейфе отпечатки своих пальцев, по которым сыщики довольно быстро установили его личность. Им оказался 20-летний житель Ленинакана Саркис Багдасарян, в свое время уже имевший неприятности с законом. Едва эта информация стала известна, как в Ленинакан была отправлена оперативная группа, которая и повязала Багдасаряна, а с ним и его подельников Карамяна и Измаряна. Самое интересное, что свою часть похищенного Багдасарян положил в стеклянную банку, которую утопил... в яме с нечистотами (видимо, думал, что там ее искать не будут). Однако сыщики прикатили к нему во двор специальный агрегат, который откачал нечистоты и добрался до похищенного. Другой грабитель — Карамян — оказался не менее изобретательным и спрятал свою часть драгоценностей на кладбище — в одном из надгробий.

В тот же день в газете «Советская культура» случился «наезд» на популярного певца Льва Барашкова. Некоторое время назад он гастролировал в Брянской области и имел несчастье не угодить тамошним зрителям. Один из них — некто Г. Симоненко из города Унечи — прислал в газету письмо. Приведу отрывки из него:

«Певец спел несколько песен. Одну из них оборвал на полуслове, предупредив, что концерт не будет продолжаться, пока не уберут ко-

го-то из задних рядов. Навели порядок. Затем снова остановка. Артист вопрошает:

— Есть ли в зале директор или кто-то другой, способный закрыть буфет? Там шумят...

Кульминационной точки этот лирико-трагический концерт достиг позже. В задних рядах выкрикнули что-то нечленораздельное. Артист оборвал начатую песню, объявил в микрофон: «Концерт окончен» — и удалился. Пьяного хулигана, бог весть как затесавшегося в зал, увели тут же в вытрезвитель. Но занавес не поднялся, хотя в зале находились шестьсот с лишним зрителей...»

К счастью, газета предоставила место для объяснений и Барашкову. В его объяснении ситуация выглядела несколько иначе, чем было видно из зрительного ряда. Цитирую: «Первую свою песню «Хлеб да соль» я исполнил в Унече под разговоры и шум зрителей, густо валивших в зал... Мое «рассаживайтесь поскорей», казалось, возымело действие. Но все равно, стоя на сцене, я ощущал несобранность зала. Из темноты задних рядов волнами катилось к рампе какое-то тревожное игривое настроение...

Я пел: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди. Солдат вернется...» И вдруг в паузе после слов «ты только жди...» из задних рядов раздалась громкая хулиганская реплика.

Зал выжидательно замер, а я сказал, что пока не удалят зрителя, не умеющего себя вести, концерт продолжаться не будет. Со своего места встал подвыпивший парень без пиджака, в расстегнутой рубашке и, продолжая выкрикивать что-то, проследовал к выходу...»

Как мы помним, согласно первому письму, после этого концерт прервался. Но, по версии Барашкова, он еще продолжал выступать и дважды прерывался. Первый раз — когда конферансье Вячеслав Вирозуб просил администрацию навести порядок за кулисами (там шумели), второй раз — когда во время исполнения песни «Будет жить любовь на свете» из задних рядов вновь раздалась оскорбительная реплика. Вот тогда нервы певца не выдержали, он ушел со сцены и больше туда не вернулся.

27 января в далеком от Москвы Париже произошло событие, которое с радостью было встречено в Советском Союзе, — там было подписано соглашение о прекращении войны во Вьетнаме. Свои подписи под эпохальным документом поставили руководители США, Де-

мократической Республики Вьетнам, Вьетнамской Республики и Вьетконга. Соглашение предусматривало немедленное прекращение военных действий, вывод американских и других иностранных войск из Вьетнама. Так закончилась война, продолжавшаяся почти десять лет, в которой Америка потеряла 58 000 солдат.

28 января на 69-м году жизни скончался актер Владимир Белокуров. За свою 40-летнюю творческую карьеру он сыграл множество ролей на театральной сцене (с 1936 года — во МХАТе) и в кино, однако большинству зрителей запомнился только одной — ролью легендарного летчика Валерия Чкалова в одноименном фильме 41-го года выпуска. В последние годы Белокуров если и снимался в кино, то в основном в ролях эпизодических. Например, в трилогии Э. Кеосаяна о «неуловимых» он сыграл три роли: святого отца — бандита, конференсье, одного из претендентов на царский престол. С 1946 года Белокуров был профессором ВГИКа.

Продолжаются съемки комедии «Большая перемена». 29—30 января в 6-м павильоне «Мосфильма» снимали эпизоды в декорации «отделение милиции». Нестор Петрович и Светлана Афанасьевна приходят в отделение милиции, где отбывает 15 суток Ганжа, и просят назначить ему в виде наказания учебу в школе рабочей молодежи. Однако начальник отделения (Иван Рыжов) им отказывает: дескать, у нас здесь тоже не курорт. Но когда Ганжа, раскидав весь уголь в котельной, просит дать ему работу потяжелее, начальник отделения отправляет пройдоху перевоспитываться в его родную школу.

30 января Высоцкий приехал с кратким визитом в Ленинград, где дал концерт в английской школе № 213. Это выступление памятно тем, что на нем певец впервые исполнил несколько новых песен, которым суждено будет стать хитами. Это: «Чужая коллея», «Я вышел ростом и лицом...» и — самая эпохальная — «Ой, Вань...» Последняя уже спустя месяц расползлась на магнитных лентах по всем необъятным просторам страны и была разобрана на цитаты. Кто не помнит, напомним: «ты, Зин, на грубость нарываешься», «сама намазана, прокурена — гляди, дожждесь у меня», «и голос — как у алкашей», «и пьют всегда в такую рань такую дрянь», «а гадость пьют из экономии:

хоть поутру — да на свои», «а это кто в короткой маечке? Я, Вань, такую же хочу», «опять «отстань», обидно, Вань», «эту майку, Зин, тебе напяль — позор один» и т. д.

В тот же день в «Комсомольской правде» была помещена большая статья об уголовном процессе по делу о попытке угона гражданского самолета в Чехословакии. Это преступление должно было совершиться 6 декабря прошлого года, но сорвалось благодаря бдительности охранников аэропорта. События развивались следующим образом.

Инициатором угона выступил 24-летний шофер грузовика из Праги Петр Гавелка. Он давно вынашивал планы сбежать на Запад, но не мог придумать, как это сделать. И вот 8 июня 1972 года средства массовой информации Чехословакии сообщили о том, что группа молодых людей угнала пассажирский самолет в ФРГ. При этом террористы обагрили свои руки кровью, убив 52-летнего пилота Яна Мичицу, попытавшегося встать на их пути. Поскольку власти ФРГ так и не выдали террористов, предоставив им статус «политических эмигрантов», Гавелка пришел к мнению, что такой путь устраивает и его. С этого момента он стал готовиться к тому, чтобы повторить «подвиг» своих земляков. В качестве сообщников он выбрал своего младшего брата Алеша и еще двух приятелей.

К предстоящей акции угонщики готовились тщательно. В конце ноября Петр и Алеш купили билеты на самолет, следовавший рейсом из Праги в Карлови-Вари, с тем, чтобы проверить, каким образом работают охранные службы в аэропорте. Для этого они взяли с собой металлические вещи: Петр рассовал по карманам плоскогубцы и несколько отверток, а Алеш спрятал под одежду моток проволоки. Как это ни странно, но металлодетекторы не сработали на эти предметы, что чрезвычайно окрылило братьев. «Значит, и оружие тоже не заметят», — резонно предположили они. И ошиблись. Когда 6 декабря вооруженный двумя пистолетами Петр Гавелка приблизился к посту охраны, металлоискатель сработал исправно и дежурный старшина задержал потенциального террориста. Трое его сообщников сумели в тот день улететь на приговоренном к угону самолете, однако, будучи небооруженными, да еще без главаря, на теракт так и не

решились. Их арестовали после приземления. Состоявшийся в январе 73-го суд воздал каждому по заслугам: Петр Гавелка получил 9 лет тюрьмы, два его подельника были приговорены к 7,5 и 6,4 года, а Алеш Гавелка отделался 18 месяцами заключения.

Между тем эта история имела свое продолжение, но уже не в Чехословакии, а в Советском Союзе. Номер «Комсомолки» с упомянутой статьей попался на глаза 16-летнему ученику Московского автомеханического техникума Владимиру Жалнину, который также давно мечтал рвануть на Запад. И он тоже до поры до времени не знал, каким образом осуществить свою мечту, пока статья в газете не указала ему этот путь. Но поскольку одному захватить самолет было невозможно, Жалнин стал искать себе сообщников. И первым, кто откликнулся на эту идею, стал его близкий приятель Романов. Вдвоем они стали готовиться к захвату самолета, который осуществится... Впрочем, не будем торопить события и вернемся в конце января 73-го.

В те дни по Москве пошли слухи о том, как хрупкая женщина-милиционер помогла задержать шайку опасных преступников, орудовавших в столице. Как и положено в таких случаях, когда СМИ хранят молчание (об этом ЧП газеты расскажут спустя почти полтора месяца), слухи обрастали немислимыми подробностями: дескать, в центре города была стрельба, бандиты убили несколько человек, пытаясь вырваться на машине из города. Между тем на самом деле стрельбы и жертв не было, хотя погоня в лучших традициях детективного кино действительно была. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В тот день лейтенант милиции Галина Громова в обеденный перерыв вышла из здания, где располагалось отделение ОБХСС Ленинградского района. До столовой, где она обычно обедала, было несколько минут ходьбы. Громова внезапно обратила внимание на «Жигули», припаркованные у тротуара. В салоне автомобиля сидели трое мужчин, в одном из которых милиционерша сумела распознать человека, которого вот уже несколько недель безуспешно искала вся столичная милиция за совершение тяжкого преступления. Понимая, что любая секунда ее промедления может помочь пре-

ступникам скрыться, Громова приняла неожиданное решение. Распахнув переднюю дверцу, она плюхнулась на сиденье и громко произнесла: «Я — сотрудник милиции!» Затем она потянулась к ключу в замке зажигания, рассчитывая, завладев им, оставить преступников без колес, но водитель ее опередил. Он первым добрался до ключа, повернул его и нажал на газ. «Жигули» рванули с места, увозя с собой не только бандитов, но и смелую милиционершу.

Оказавшись одна среди трех дюжих мужиков, Громова не спасовала и совершила еще одну попытку завладеть ключом. Но тут в дело вмешался сидевший у нее за спиной верзила. Схватив женщину за воротник пальто, он распахнул дверцу и вытолкнул милиционершу на полном ходу из автомобиля. К счастью, падение на мостовую не привело к тяжелым последствиям (Громова отделалась лишь травмой бедра и ушибом голени), что позволило лейтенанту продолжить погоню. Остановив первую же попутку, она устремилась следом за «жигуленком». В итоге преступников все же задержали, поскольку бешеная погоня по улицам города подняла на ноги значительные силы столичной ГАИ.

На экранах столичных кинотеатров во второй половине января состоялось несколько премьер: 22-го начал демонстрироваться историко-приключенческий фильм Виктора Жилина «Чертова дюжина» про борьбу жителей Львова против австрийских захватчиков; 24-го — фильм Сергея Герасимова «Любить человека» с участием Анатолия Солоницына, Любови Вирролайн (на тот момент любовный роман с Герасимовым у нее был в самом разгаре) и др.; 29-го — фильм Игоря Гостева «Меченый атом» про доблестные подвиги контрразведчиков с Лубянки с участием Георгия Жженова, Владимира Самойлова, Георгия Тараторкина и др.; 30-го — экранизация «Игрока», осуществленная Алексеем Баталовым, с привлечением таких звезд, как Николай Бурляев, Василий Ливанов и др. Из новинок зарубежного производства выделю следующие фильмы: 25—29-го во Дворце спорта в Лужниках демонстрировалась лента японского режиссера Канэто Синдо «Сегодня жить, умереть завтра» (в японском прокате у нее было более завлекательное название «Обнаженные девятнадцатилетние»); 29-го на

столичный экран вышла польская картина «Операция «Брутус», повествующая о подвигах польской госбезопасности в первые послевоенные годы. Но «гвоздем» проката, безусловно, была документальная лента режиссера из ФРГ Ханса Райнля «Воспоминание о будущем», которую начали крутить с 24 января. Несмотря на то что фильм был документальный и длился более полутора часов, отбоя от желающих попасть на него не было. А виной всему была тема ленты: возможное посещение инопланетянами Земли. Райнль настолько увлекательно демонстрировал самые различные свидетельства подобного посещения (скульптуры на острове Пасха, египетские пирамиды, круги на полях, НЛО и т. д.), что у зрителей не оставалось никаких сомнений в том, что в этой Вселенной мы не одни.

Кино по ТВ: «Балтийское небо» (16-го), «На пути к Ленину» (19-го), «Антрацит», «Пятнадцатилетний капитан», «Светлый путь» (20-го), «Княжна Мэри», «Ленин в Октябре», «О друзьях-товарищах» (21-го), «Идушие за горизонт» (премьера т/ф) (22—23-го), «Табачный капитан», «Шандор Роза» (Венгрия) (премьера т/ф) (23-го), «Олеко Дундич» (25-го), «Цирк» (26-го), «Александр Невский», «Деловые люди» (27-го), «Герой нашего времени» («Максим Максимович», «Тамань»), «Белый клык», «Как вас те-

перь называть?» (28-го), «Локис» (Польша, впервые на ТВ) (30-го) и др.

Из театральных премьер назову одну: 18-го в «Современнике» был показан спектакль «Восхождение на Фудзияму» Ч. Айтматова с участием Любви Добржанской (приглашена из ЦТСА), Лидии Толмачевой, Аллы Покровской, Игоря Кваши, Андрея Мягкова, Геннадия Фролова и др.

Не пустуют и эстрадные площадки: 18—20-го в ГТЭ поет французская звезда Барбара; 21—24-го там же — югославские звезды Ивица Шерфези, Милка Шипарович и др.; 25—27-го в ГТЭ — звездная чета Алла Иошпе и Стахан Рахимов; 25—26-го в Доме офицеров Академии имени Жуковского — Юрий Богатиков, Роман Карцев, Виктор Ильченко и др.; 26—28-го в «Октябре» — сатирический дуэт Александр Шуров и Николай Рыкунин.

Новинки фирмы «Мелодия»: диски — «Поет Иосиф Кобзон» с песнями: «Налетели вдруг дожди» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский), «Баллада о красках» (О. Фельцман — Н. Доризо), «Полонина» (О. Фельцман — А. Софронюв) и др.; «Поет Ги Беар» (Франция) с песнями: «Правда», «Туфельки», «Большая встряска», «Слава розе» и др.; «Поет ВИА «Скальды» (Польша) и др.

1973

Февраль

Почему Высоцкий заснул на репетиции. За что сняли министра сельского хозяйства СССР. Высоцкий в Новокузнецке: пошла горлом кровь. Маршал Жуков серьезно болен, но работает над мемуарами. Срыв Высоцкого. Никита Михалков в ресторане магаданского ВТО. Ларисе Мондрус разрешили покинуть страну. Николай Симонов в больнице. Жариков — Гвоздикова: холод первой встречи. Как «Мосфильм» отказался от «Звезды пленительного счастья». Чета Мондрус теряет 6 тысяч рублей. Авиакатастрофа в Праге: погибла вся женская юниорская сборная СССР по баскетболу. Роман Эдуарда Тополя с французской актрисой. Волнения в Грозном. Начало коллекции иностранных орденов Леонида Брежнева. Как погиб курсант Анатолий Силаев. Кто уговорил бывшую жену Солженицына написать книгу.

1 февраля в Театре на Таганке проходила репетиция спектакля «Товарищ, верь...», во время которой Высоцкий... заснул прямо на сцене, сидя в возке. Этот казус он в тот же день так объяснил Золотухину: «Я ужасно устаю на этих репетициях. Я нахожусь постоянно в жутчайшем раздражении ко всему... Я все время в антагонизме ко всему, что происходит... Меня раздражает шеф, меня раздражают артисты, мне их всех безумно жалко, я раздражаюсь на себя — ну, на все. И дико устаю...»

Для политических верхов февраль начался с неожиданной перестановки: 2 февраля министром сельского хозяйства СССР вместо Владимира Мацкевича, который руководил этой отраслью аж 12 лет (в 1955—1960-м и в 1965—1973-м), был назначен Дмитрий Полянский. Подробности этой отставки выглядели следующим образом. Мацкевич еще год назад добровольно подавал в отставку, убедившись, что сельское хозяйство перестало интересовать руководителей страны окончательно. Тогда было недополучено 40 процентов выделенных средств, погибли озимые, и стране грозила

опасность остаться вовсе без хлеба. Однако Брежнев отставки не принял, пообещав приказать председателю Госплана Байбакову исправить положение, а за границей купить 10 миллионов тонн хлеба (купили 8). Короче, Мацкевич тогда остался. Однако спустя несколько месяцев — 1 февраля 1973 года — состоялось очередное заседание Совета Министров. На нем Мацкевич выступил с речью, в которой сообщил, что будущий год обещает быть урожайным, что его министерство готово обеспечить народ хлебом по полной программе. На что предсовмина Косыгин едко заметил: «Да что нам бояться неурожая, когда у нас есть министр, который знает, где и как купить зерно». Следом за Косыгиным свое лыко в строку вставил и Полянский, сказав: «Надо лучше поворачиваться министерству, и тогда не придется хлеб покупать». В зале раздался хохот. Мацкевича эти выступления, что называется, задели за живое.

На следующий день он пришел к Брежневу. «Леня, я уже старый, и не надо из меня в третий раз делать дурака. У тебя есть молодые

Кулаков и Полянский, вот пусть они попробуют сделать то, что не получилось у меня», — сказал министр. Брежнев по старой привычке принялся уговаривать гостя не торопиться со своим решением, мол, все образуется, но, видя, что тот непреклонен, отступил. Тем более что такой поворот событий его вполне устраивал. Он давно вынашивал идею поручить нелюбимому им Полянскому такой участок работы, который тот обязательно бы провалил. И лучше сельского хозяйства места для этого было не найти. В итоге в тот же день на Политбюро Мацкевича сняли с поста министра и утвердили министром Полянского. Мацкевичу дали трехмесячный отпуск с сохранением министерской зарплаты, дачи, машины. Однако отгулять отпуск полностью он не успел — уже через три дня его отправили послом в Чехословакию.

3 февраля Владимир Высоцкий отправился с кратковременными (5 дней) гастролями в Новокузнецк. Гастроли были незапланированные: просто в тамошнем драмтеатре имени Орджоникидзе горел план, после того как от туда ушли три ведущих актера. И руководство театра, чтобы выплатить труппе зарплату, выбило под это дело Высоцкого, который неизменно собирал аншлаги. И действительно, его приезд вызвал такой небывалый ажиотаж в городе, что все билеты на его концерты были раскуплены еще за несколько дней до начала гастролей. Уже на следующий день после приезда Высоцкий дал четыре (!) концерта — в 12, 15, 18 и 21 час. Среди новых песен, исполненных им, самый большой ажиотаж вызвала песня «Мишка Шифман», которая мгновенно разошлась на цитаты: «смотришь конкурс в Сопоте, и глотаешь пыль», «там одних гинекологов, как собак нерезаных», «если кто и влез ко мне, так и тот — татарин», «я позор желаю смыть с рождества Христова» и т. д.

На одном из тех выступлений побывал фотограф В. Богачев, который рассказывает:

«Открывается занавес. Посередине сцены драматического театра стоит невысокого роста скромно одетый человек с гитарой в руках. Рядом стул, на нем стакан воды. Просто, по-доброму улыбнувшись зрителям, он без лишних слов начал исполнять одну за другой свои песни, коротко комментируя их.

Высоцкий вел себя на сцене так естественно и раскованно, что сразу же между ним и слушателями установился непринужденный, доброжелательный контакт. Каждое слово, каждая интонация достигали цели...»

6 февраля Высоцкий вновь дал четыре концерта. Тот же В. Богачев вспоминает:

«Его выступление продолжалось всего один час, но я успел отснять почти две пленки. К концу последнего концерта (а он давал по четыре выступления в день) я, отпечатав десятка два контрольных фотографий, решил показать их Владимиру Семеновичу. Но сделать это оказалось куда сложнее, чем я думал.

Помог администратор артиста. Так я оказался в гримировочной комнате Высоцкого. Выступление заканчивалось, и через несколько минут Высоцкий с гитарой в руках вошел в комнату, поздоровался. Администратор представил меня.

— О, да мы тезки! — улыбнулся Владимир Семенович. — Вы не возражаете, если я буду вас называть просто по имени? И вы меня также.

— Конечно, не возражаю, — согласился я.

— Ну, вот и прекрасно. Можно посмотреть, что у вас получилось? Ого! Но когда вы снимали? Я этого не заметил.

Я объяснил, что снимал через весь зрительный зал фотоснайпером. Он внимательно просмотрел фотографии и примерно половину из них отложил, вспоминая, что он говорил или пел на каждом из этих снимков.

— Вот эти я считаю наиболее удачными и очень просил бы вас сделать по нескольку штук для меня. И если можно, то увеличить для клише на афишу.

Я обещал на следующий день привезти все, что он просил.

— Володя, ты можешь приходить ко мне в любое удобное для тебя время. Мой номер в гостинице — 313-й.

Так незаметно, совершенно естественно решил он на деловое, контактное «ты». Я поблагодарил и, воспользовавшись случаем, пригласил их вместе с администратором Алексеем Ивановичем съездить на КМК (Кузнецкий металлургический комбинат), посмотреть, как варят сталь.

И вот на следующий день в перерыве между выступлениями мы на машине комбината отправились в первый мартеновский цех. По дороге я коротко рассказал о комбинате и его людях. Владимир Семенович буквально засыпал меня вопросами.

На рабочей площадке печного пролета нас встретил парторг цеха Александр Сергеевич Голованов. У пятой мартеновской печи парторг представил Высоцкому мастера Сергея Зотеевича Богданова, сталевара, и подручных, и Владимир Семенович сразу же принялся расспрашивать. Он сбросил свою дубленку и в одном свитере приблизился к самой заслонке печи, наблюдая через синие очки, как кипит сталь. Нужно было видеть, сколько искреннего любопытства, восхищения и какой-то трогательной, почти детской радости было в нем!

Он настолько увлекся, что мастер забеспокоился:

— Владимир Семенович, ведь это жидкий металл! Опасно!

— Ничего, ничего... — успокаивал гость.

Между тем к пятой печи уже спешили люди, еще не веря слуху, что в цех приехал Высоцкий.

— Как жаль, что нет с собой гитары и времени в обрез! — посетовал поэт. — Тут я спел бы с особым удовольствием. А можно организовать такую встречу? — обратился он к парторгу. — Да? Алексей Иванович, согласуйте время и все остальное, что для этого нужно, только чтобы никаких денег! Я для этих людей буду петь бесплатно.

Тепло простились с мартеновцами, и я угорил Владимира Семеновича на «пару минут» заглянуть в редакцию нашей газеты «Металлург».

Едва раздевшись и закурив, Высоцкий попросил воды (он температурил). Вновь пожалел, что не захватил гитару.

— Ну, ладно. Я прочитаю вам свои стихи о нефтяниках Тюмени.

Народу набилось и в комнатах, и в коридоре. Высоцкий читал с таким темпераментом и артистизмом, что, казалось, каждый из слушателей превращался в участника событий, о которых шла речь.

Когда он дочитывал второе стихотворение, в драмтеатре звенел второй звонок, там уже беспокоились, куда исчез Высоцкий. А он еще

успел подписать несколько автографов, бегом в машину и — без обеда и отдыха — сразу на сцену.

Там с Володей случилась беда — горлом пошла кровь. Срочно вызвали врача, два выступления пришлось отменить... И, хотя он уже выступал на следующий день (8 февраля), до самого отъезда за кулисами дежурил врач.

Как Владимир Семенович сокрушался, что сорвалась его вторая встреча со сталеварами!

Я как мог успокаивал его, сказав, что успел предупредить руководство цеха о том, что Высоцкий заболел...»

Кстати, пока Высоцкий находился в Новокузнецке, в Театре на Таганке, где он работал, вышел приказ о повышении зарплаты некоторым актерам. Отныне Высоцкому будут платить 150 рублей, Валерию Золотухину и Зинаиде Славиной — 165.

В эти же дни радостная весть пришла из Кельна, где проходил очередной чемпионат Европы по фигурному катанию: там пьедестал почета почти полностью заняли советские фигуристы. В спортивных танцах первые два места заняли пары: Ирина Роднина — Александр Зайцев и Людмила Смирнова — Алексей Уланов, в одиночном катании 2-е место досталось Сергею Четверухину, в танцах на льду золотые медали завоевали Людмила Пахомова и Александр Горшков.

Тем временем маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков дорабатывает свою книгу мемуаров «Воспоминания и размышления». Как мы помним, она вышла в свет четыре года назад и стала своего рода сенсацией. Первый тираж книги разошелся в считанные недели, был выпущен второй, который ждала та же участь, что и первый. На автора обрушился поток писем, среди которых были как восторженные, так и критические. Многие читатели, прошедшие войну, писали Жукову о неточностях, которые он допустил в первом издании книги, дополняли его воспоминания своими собственными рассказами. Часть этих рассказов Жуков решил включить во второе издание мемуаров, однако врачи долгое время не разрешали ему работать, опасаясь, что это плохо отразится на его и без того слабом здоровье. Наконец в начале 73-го стойкость врачей была сломлена — они разрешили Жукову работать над книгой, но только один час в

день. В качестве своего редактора маршал выбрал известного военного историка Евгения Цветаева. Тот, хотя и согласился на предложение маршала, имел не слишком много возможностей для подобной работы. Служба не оставляла ему для работы с книгой другого времени, кроме вечера и воскресных дней. Личные встречи по совету врачей исключались, разговоры по телефону тоже. Поэтому общение редактора и автора происходило исключительно по переписке.

Продолжаются съемки «Большой перемены». С 5 февраля группа начала работу в декорации «класс», где были сняты эпизоды с участием Нестора Петровича и учеников 9 «А» из 4-й серии фильма. 8 февраля отсняли один из самых смешных эпизодов — вызов Леднева на педсовет. Помните, его вызвали для того, чтобы выяснить, зачем он сорвал уроки, а он решил, что весь сыр-бор разгорелся из-за его решения бросить школу. В итоге получилась страшная путаница, которая смешит вот уже тридцать лет не одно поколение зрителей.

9 февраля в «Вечерней Москве» была помещена заметка Б. Светлова о состоянии преступности в США. Согласно ей, «каждую минуту в США совершаются в среднем девять серьезных преступлений, в том числе каждые 48 секунд — одно насилие, каждые 36 минут — умышленное убийство». За три дня до этого в другой газете — «Комсомольской правде» — приводились данные о преступности в Голландии, где сообщалось, что только за первую неделю февраля там было совершено аж 11 ограблений банков. Еще одна центральная газета сообщала на своих страницах, что в Нью-Йорке вовсю полыхает очередная война между гангстерами, в результате чего был убит один из мафиози клана Гамбино, 60-летний Томас Эболи. Он был уже 18-й жертвой кровавой гангстерской войны. Читая эти заметки, советский читатель, естественно, испытывал гордость за свою страну, где ничего подобного не было и в помине. Нет, преступность, конечно, была, но чтобы она принимала такие масштабы!.. Вообще, если полистать тогдашние советские газеты, то в редких из них можно найти заметки о «родной» преступности. Хотя кое-что все-таки проскакивало. Так, в той же «Вечерке» в январе была помещена заметка о

судебном процессе над шайкой автомобильных угонщиков, орудовавшей в Москве. В нее входили четыре человека, причем все они — бывшие шоферы (один из 16-го таксопарка, второй сначала работал шофером в обществе «Спартак», затем устроился в 14-й таксопарк, двое других шоферили в иных столичных учреждениях). Угонщики высматривали на улицах города хорошие тачки, типа новеньких «Волг», угоняли их и перепродавали по поддельным документам в другие города. За короткое время они оставили без «железных коней» 10 автовладельцев. А вышли на них благодаря бдительности гаишников, которые сумели напасть на след двух угнанных автомобилей. Их владельцы подробно описали продавцов, и по этим показаниям тех вскоре нашли. Суд приговорил двух самых активных участников шайки к 15 годам тюрьмы, двух других — к 10 и 6,5 годам.

Но вернемся к февральской хронике.

12 февраля в «Большой перемене» снимали эпизод, где Нестор Петрович берет на себя нелегкую миссию: вместо Ганжи объясняется в любви Светлане Афанасьевне. Та сначала думает, что у ее коллеги малость не в порядке с головой, но, когда он объясняет ей смысл происходящего, она с удовольствием начинает ему подыгрывать. В итоге она так расчувствуется, что с криком «Гриша, я иду к тебе!» убегает к своему возлюбленному.

В тот же день в Театре на Таганке по вине Высоцкого был сорван спектакль «Галилей»: из-за неявки артиста его заменили другой постановкой — «Под кожей статуи Свободы». Что же случилось с Высоцким? Он в очередной раз сорвался «в пике» — запил. Как мы помним, он еще в начале февраля жаловался Золотухину на то, как сильно устает, мучается. Во многом причиной этого было то, что он не хотел участвовать в новом спектакле «Товарищ, верь...» по произведениям А. Пушкина (там пять актеров, в том числе и Высоцкий, должны были играть великого поэта), а Любимов ни в какую не желал снимать его с роли. И тогда Высоцкий сам форсировал события.

В тот день, когда он не явился в театр, Любимов выступил со следующим заявлением: «Дело не в Высоцком, и не в нем одном... Дело глубже. Театр стареет... и надо, очевидно, хирургическим путем какие-то вещи восстанавливать. Я буду думать, что мне делать. Высоц-

кого я освобождаю от Пушкина. Давайте разбрасываем текст между оставшимися Пушкины-ми...»

Когда три дня спустя Высоцкий все-таки объявился в театре, Любимов заявил ему, что тот зарезал его тем, что выходит из спектакля. Дескать, Высоцкий поступает так же, как когда-то Николай Губенко (в 68-м тот неожиданно ушел из театра в кинематограф). Но Высоцкий устоял. Любимов рассчитывал, что тот бросится просить у него прощения, согласится вернуться обратно в спектакль, но актер этого не сделал. Что вполне понятно: с уходом из постановки у него гора с плеч упала.

Близится к своему завершению арктическая экспедиция, в которой принимает участие Никита Михалков. Последние недели путешественники шли только на собаках, преодолевая немыслимые трудности. Если на юге полуострова Чукотка им не везло с погодой — частая пурга и оттепель, то на севере в Пенжинской и Паренской тундре их замучили морозы, которые иногда доходили до 64 градусов ниже нуля. Наконец 13 февраля экспедиция достигла города Магадана. Местные власти устроили им роскошный прием. Вечером путешественников повели в лучшее увеселительное заведение города — ресторан ВТО. Однако на Михалкова тамошняя публика и меню не произвели особенного впечатления. Как записал он в своем дневнике: «Все, как у нас: бляди, пижоны, артисты...»

В среду, 14 февраля, в московской квартире популярной певицы Ларисы Мондрус и ее мужа Эгила раздался телефонный звонок. Звонили из ОВИРа, чтобы сообщить, что им разрешают уехать в Израиль. Поначалу супруги сочли это неудачной шуткой, поскольку из трубки суровый женский голос произнес: «Говорит Израилова из ОВИРа. Лариса Израилевна, вам разрешен выезд в Израиль». Вот эти сплошные «израилизмы» и сбили певицу с толку. Но, оказалось, что все услышанное было истинной правдой.

В эти же дни актер Николай Симонов находится в больнице. Мы помним, что еще в начале декабря врачи обнаружили у него рак, о котором сам актер не догадывался. В начале февраля его поместили в клинику Военно-медицинской академии, якобы для нового обследования. Лежал Симонов в палате на первом

этаже, окнами на Неву. Он продолжал оставаться в неведении относительно страшного диагноза и, когда его навещали коллеги по театру, строил планы своего участия в спектакле по роману Л. Леонова «Русский лес». По словам М. Любомудрова: «Симонов и в клинике вел себя с терпеливостью и смирением. Он ни на что не жаловался, приветливо улыбался персоналу, покорно выполнял медицинские предписания. Стыдливо потупясь, слушал произносимые бодрим тоном суждения и советы именитостей, которые лечили и консультировали больного. Его тяготило, что он стал причиной стольких забот...»

15 февраля в «Большой перемене» снимали очередной эпизод: Нестор Петрович в учительской пытается объяснить Нелли Ледневой, что та зря в него влюбилась. Дескать, он и ростом не вышел, и нос у него утиный. А она, вместо того чтобы согласиться с учителем, наступает на него и в пылу страсти едва не берет на руки. «Леднева! Леднева!» — остужает пыл своей воспитанницы Нестор Петрович. В итоге они остаются всего лишь добрыми друзьями.

На следующий день на том же «Мосфильме» молодой режиссер Хасан Бакаев представлял худсовету актерские кинопробы на роли в мелодраме «Возле этих окон». Одной из претенденток на главную женскую роль — приемщицы портняжного ателье Нины Лагутиной — была исполнительница роли Полины в «Большой перемене» Наталья Гвоздикова. А ее возлюбленного в «Окнах» — киномеханика Михаила Анохина — должен был играть Евгений Жариков. Стоит отметить, что на тот момент никакой взаимной симпатии друг к другу между ними не было и будущей свадьбой дело даже не пахло. Более того, во время кинопроб оба актера так невзлюбили друг друга, что едва не учинили скандал. Впрочем, послушаем рассказ одного из непосредственных участников этой истории — Н. Гвоздиковой:

«В тот день я безумно опаздывала на пробы. Как метеор лечу по длинным коридорам студии, стремительно врываюсь в комнату — щетки порозовели от мороза, волосы растрепались, глаза горят. Прямо скажем, выгляжу далеко не как кинозвезда.

А вот Женя как раз был безупречен! Придаться абсолютно не к чему. А так хотелось! Аккуратно причесанный, в отлично сшитом

замшевом пиджаке с заморскими пуговицами, в светло-коричневых брюках, модных ботиночках. Жариков сидел в комнате один, на коленях лежал сценарий. Когда я, запыхавшись, влетела, он искоса посмотрел на меня, и в его взгляде я явственно прочитала укор: «Кто такая? Как посмела опоздать?» Ему, звезде, пришлось ждать меня целых пятнадцать минут! Я, не обращая внимания, стала снимать шубу, естественно, полагая, что он поможет. Не тут-то было. Женя продолжал невозмутимо сидеть.

Мы начали вместе читать сценарий, незаметно разглядывая друг друга. Я, конечно, понимаю, что виновата, но от этого мне еще больше хотелось его задеть. И принялась капризничать: заявила, что у меня очень мало времени, потом потребовала личную машину — словом, выдвигала условия как настоящая звезда. Жариков, не выдержав подобной наглости, разозлился и захлопнул сценарий.

Когда в очередной раз мне позвонили со студии, я заявила, что сниматься с Жариковым не буду — с кем угодно, только не с ним! Неприятное впечатление от первой встречи настолько врезалось в память, что невозможно было представить нас играющими в одном фильме. Женю пробовали с другой актрисой, но режиссер остался ею недоволен: «Наташа, придется сниматься!»

Отмечу, что на пробах 16 февраля худсовет утвердил именно Гвоздикову, тем самым внеся существенную лепту в дело создания в отечественном кинематографе новой звездной пары. Впрочем, не будем забегать вперед.

Между тем в кинотеатрах столицы состоялось несколько премьер: 5 февраля на широкий экран вышел фильм Андрея Тарковского «Солярис» с участием Натальи Бондарчук, Донатаса Баниониса и др.; 13-го — режиссерский дебют Михаила Ульянова «Самый последний день», в котором дебютант сыграл и главную роль — участкового милиционера Ковалева; 12-го — фильм про шпионов «Пятьдесят на пятьдесят» Александра Файнциммера с участием Василия Ланового, Ирины Скобцевой и др.

Кино на ТВ было представлено следующими лентами: «Его зовут Сухэ-Батор» (3-го), «Анна Каренина» (3—4-го), «Ожерелье для моей любимой» (4-го), «Над всей Испанией

безоблачное небо» (преьера т/ф, ГДР, 5—7-го), «Дело было в Пенькове» (6-го), «Дикий мед» (7-го), «Неподсуден», «Оптимистическая трагедия» (10-го), «Дети капитана Гранта» (11-го), «Смертный враг» (впервые на ТВ 12-го) и др.

Из театральных премьер назову одну: 4-го в ЦТСА — «Весенний день 30 апреля».

Эстрадные представления: 4-го в ЦДКЖ — Екатерина Шаврина и Михаил Котляр; 9-го в «Октябре» — Нина Пантелеева; 10—11-го там же — эстрадный оркестр под управлением А. Кролла, в котором солируют Юрий Антонов, Елена и Татьяна Зайцевы и др.; 11-го в Концертном зале имени Чайковского — Муслим Магомаев; 12-го в Театре миниатюр в Каретном ряду свои стихи читает Эдуард Асадов.

Из новинок «Мелодии» выделю миньон ВИА «Самоцветы», на котором звучали песни: «Увезу тебя я в тундру» (М. Фрадкин — М. Плячковский), «Школьный бал» (С. Дьячков — П. Леонидов), «Верба» (Э. Ханок — Ю. Рыбчинский), «Добрые приметы» (М. Фрадкин — Е. Долматовский).

16 февраля известный кинорежиссер Владимир Мотыль (один из авторов кинохита «Белое солнце пустыни») приступил к режиссерской разработке сценария «Звезда пленительного счастья». К этому фильму Мотыль шел с огромными трудностями (впрочем, так было со всеми его работами). Достаточно сказать, что первоначально он собирался осуществить постановку фильма на «Мосфильме», почти заключил договор, но в самый последний момент получил увесистую оплеуху в виде отказа — на столичной киностудии побоялись, что главный идеолог страны Михаил Суслов найдет в ленте аналогии с современностью, в частности с диссидентским движением. Тогда Мотыль отправился на «Ленфильм», в его 3-е объединение. Оно считалось самым либеральным на студии, и случай с Мотылем это лишний раз подтвердил — его заявку приняли к постановке. Далее послушаем рассказ самого В. Мотыля:

«Как оказалось, в то время «Ленфильм» уже отчитывался в Смольном не только о готовой продукции, но и о сценарном портфеле. Выбора нет — отправляюсь в логово зверя. А дальше все как во сне. Меня встретил зав. отделом кино Ленинградского обкома КПСС Лешков со словами признательности за «Детей Памира»,

за «Белое солнце» и — что я слышу? — за «Женю, Женечку и «катушку»!

Он загодя не сомневался, что сценарий «такого режиссера» не может оказаться плохим. Прочитав его назавтра же, Лешков дожидается, когда в переменчивых настроениях первой леди обкома — секретаря по идеологии Кругловой — появится надежный просвет. Круглова звонит в Госкино СССР:

— Ленинградская парторганизация заинтересована в картине о подвиге русских женщин. Это наша ленинградская тема. Прошу передать сценарий «Ленфильму».

Певица Лариса Мондрус и ее муж Эгил в те дни были поглощены отъездными хлопотами: они оформляли документы на выезд в Израиль. Когда Мондрус платила в сберкассе госпошлину за отказ от советского гражданства, последовала немая сцена: кассирша никак не могла поверить, что ее любимая певица собирается навсегда покинуть родину. В течение минуты она с удивлением взирала то на певицу, то на бланк, где черным по белому было написано: «Лариса Мондрус... за отказ от гражданства...» На следующий день уже вся Москва знала о том, что исполнительница знаменитого хита «Проснись и пой» навсегда покидает родину.

В субботу, 17 февраля, Мондрус с супругом были уже в ОВИРе. Однако та самая Израилова, которая сообщила им по телефону о разрешении на выезд, замахала руками: «Сегодня суббота, приходите в понедельник!» Но муж певицы был непреклонен: «Я не могу ждать до понедельника и не уйду отсюда, пока вы не выдадите нам визы». Вид у него был столь решительный, что Израилова сдалась: «Хорошо, приходите в пять вечера. Но мой вам совет: подождите до понедельника». Эгил пропустил последнюю реплику мимо ушей, а зря. Оказывается, в те дни уже было принято решение о том, чтобы отменить правило, когда отъезжанты платили налог за полученное на родине образование. Израилова знала об этом, но не осмелилась нарушить инструкцию и сообщить об этом чете Мондрус. В итоге Эгил в ту же субботу примчался в сберкассу и заплатил 6 тысяч рублей налога за образование. Хотя подожди он до понедельника — и деньги бы остались при них. А это была стоимость «Жигулей» или

110 концертов, которые в течение года дала Мондрус.

В понедельник, 19 февраля, в «Большой перемене» были завершены съемки последних эпизодов в декорациях «класс» и «учительская», и группа приступила к монтажно-тонировочным работам. Однако съемки на этом не завершатся, о чем речь еще пойдет впереди.

В тот же день в пражском аэропорту произошла страшная трагедия — потерпел аварию советский самолет «Ту-154», на борту которого находились 76 человек, в том числе женская юниорская сборная Советского Союза по баскетболу. Рассказывает один из свидетелей той трагедии, летчик Владимир Щ.:

«Это был мой первый вылет за границу. И ничто не предвещало такого страшного конца. Даже еще за три минуты они не знали, что сейчас произойдет. Я сидел за пультом управления, пошли на снижение. Облачность низкая, землю не видно. И вдруг командир закричал: «Что такое? Машина неуправляемая». У меня по приборам все нормально, а он-то физически чувствует машину. Тянет на себя штурвал, но тянуть уже некуда. Штурвал уперся ему в грудь. Все поняли, что мы не в посадочном положении и носом летим к земле. Сели на переднюю ногу и ударились о землю. Еще доля секунды, и нас заносит набок. Мы несемся по наледи левым боком и задеваем тумбу с огнями. От удара часть фюзеляжа оторвало, и образовалась огромная дыра, как ворота, в первом салоне. Второй салон от первого отделяла кухня. Под ней находился расходный бак. Когда самолет перевернулся, из него полилось топливо, и все запылало. Двери нашей кабины заклинило, и экипаж выбирался через форточку, командир выбирался последним...»

Между тем бортпроводники попытались спасти пассажиров. Лев Прохоров с помощью перочинного ножа пытался перерезать ремни безопасности, которые держали пассажиров, а Любовь Цыбина, которая после этого рейса должна была уйти на пенсию, хотела вытащить из салона старого священника. Но спасти никого не удалось — погибли и бортпроводники, и пассажиры. Позднее вину за эту аварию возложат почему-то на командира корабля (видимо, потому что он убежал от горящего самолета) и приговорят его к 8 годам тюрьмы.

В те же февральские дни сценарист Эдуард Тополь находился в Вильнюсе, куда он прилетел по личному приглашению популярного актера Донатаса Баниониса. Тот снимался в главной роли в фильме по сценарию Тополя «Открытие» и хотел уточнить некоторые моменты сценария непосредственно с его автором. Однако волею судьбы в Вильнюсе Тополь был занят не только делами служебными, но и амурными. И ладно бы он закрутил «амуры» с какой-нибудь своей соотечественницей, так нет же — выбрал для этого французскую актрису из труппы самого «Комеди Франсез».

Их знакомство состоялось в аэропорту Внуково, откуда они должны были на одном самолете вылететь в столицу Литвы. Тополь внезапно заметил красивую блондинку в коротком лисьем жакете, черных бархатных брюках и туфлях на каблуках, которая, очутившись в холодной России, нещадно мерзла на ветру. Не в силах выдержать этого зрелища, Тополь смело направился к незнакомке и на глазах у ее изумленных спутников вытащил из сумки свою новенькую шапку-ушанку и надел ее на изящную женскую головку. Французы в ответ заплодировали благородному поступку русского мужчины. А француженка сначала зарделась от стыда, а затем что-то зашебетала в знак не то протеста, не то благодарности. Так состоялось их первое, визуальное знакомство, которое вскоре продолжилось в Вильнюсе. В тамошнем аэропорту Тополь преподнес француженке большое ярко-красное яблоко, чем, видимо, окончательно сразил ее. Когда спустя некоторое время судьба вновь свела их вместе в одном фешенебельном вильнюсском ресторане, уже сама француженка первой проявила активность и, подойдя к Тополю, через переводчика объявила, что хочет с ним познакомиться. Только здесь сценарист впервые услышал ее имя — Вирджиния Прадал.

Между тем судьба продолжала преподносить им свои сюрпризы: вскоре выяснилось, что Тополя поселили в той самой гостинице, где обитали французы, более того — в соседнем с Вирджинией номере (он в 605-м, она — в 604). И вот однажды вечером девушка взяла своего русского ухажера за руку и привела его в ресторан гостиницы, где министр культуры Литвы давал торжественный ужин в честь приезда в республику прославленного француз-

ского театра. А в час ночи, когда ужин закончился, Вирджиния вновь взяла Тополя за руку и увела его на парти — на вечеринку, устроенную ее коллегами в одном из номеров гостиницы. Но там Тополь совершил непростительную оплошность. Он рассказал коллегам своей пассивной истории, которая произошла с известным композитором Никитой Богословским. Тот перед такой же вечеринкой в одной из советских гостиниц попросил горничную в строго определенное время (в 10.00 и 10.08) принести ему в номер сначала сигареты, а потом и спички. Сам же разыграл такую комедию: в разгар веселья, когда в номере закончились сигареты, сказал, обращаясь к вентиляционной решетке под потолком: «Товарищи сотрудники КГБ, не будете ли вы так любезны занести в мой номер сигареты».

Каково же было удивление всех присутствующих, когда спустя пару минут горничная действительно принесла в их номер курево. Такая же история повторилась и со спичками. В итоге все гости композитора, поверив в розыгрыш, спешно собрали манатки и ушли, что называется, не попрощавшись.

Французам эта история понравилась. Однако, как выяснилось, не всем. Когда Тополь и Вирджиния ушли с вечеринки и сценарист сделал попытку остаться в номере своей возлюбленной, та внезапно замотала головой: мол, нельзя — ведь за нами следит КГБ! И как ни пытался Тополь объяснить ей, что все рассказанное им было всего лишь розыгрышем, девушка упорно не желала этого слушать. Так они и расстались в коридоре, правда, Вирджиния пообещала позвонить Тополю через десять дней, когда их труппа будет гастролировать в Москве.

23 февраля в столице Чечено-Ингушской АССР городе Грозном начались волнения, эхо которых достигло Москвы. Там тысячи ингушей съехались к зданию правительства и стали требовать решения проблемы Пригородного района Северной Осетии. В заявлении, переданном властям, перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии, главным образом при приеме на работу. Ингуши требовали обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Власти решать эту проблему самостоятельно не стали, а срочно дали запрос в Москву. Вско-

ре оттуда прилетел кандидат в члены Политбюро Михаил Соломенцев, который лично пообещал собравшимся ингушам удовлетворить все их требования и не подвергать репрессиям участников выступления. Высокому руководителю поверили — люди сели в подъехавшие к площади автобусы и разъехались по домам, И только сотня-другая наиболее принципиальных ингушей требовала более весомых доказательств услышанных из уст Соломенцева обещаний. Однако с ними уже никто разговаривать не стал — просто к месту митинга подъехали вместо автобусов пожарные машины и с помощью брандспойтов и милицейских дубинок митингующих в считанные минуты рассеяли по городу.

Генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев в те дни был далек от проблем родной державы, поскольку находился с дружеским визитом в Чехословакии. Аккурат в тот день, когда в Грозном заварилась буча, он получал из рук тамошнего персека Густава Гусака высшую награду ЧССР — орден Белого Льва первой степени с цепью. Это была одна из первых весомых зарубежных наград в коллекции Брежнева. Вскоре таких орденов и медалей в ней будет больше сотни.

Из криминальных событий второй половины февраля выделю то, что произошло в Куйбышеве. Там 23-летний курсант патрульно-постовой службы Анатолий Силаев поздно вечером возвращался с дежурства домой. Внезапно он увидел, как от здания, в котором находился продовольственный магазин, метнулись две тени. Заподозрив неладное, Силаев с криком «Стоять!» бросился в погоню. Одного он догнал на повороте в переулок и, навалившись ему на плечи, повалил на землю. Завязалась борьба, в которой успех сопутствовал более тренированному курсанту. Однако в тот момент, когда Силаев уже торжествовал победу, к месту драки вернулся второй беглец, в руках у него был нож. Ударив им несколько раз курсанта в спину, преступник помог подняться с земли своему товарищу, после чего они отволокли тело смертельно раненного Силаева в ближайший овраг и присыпали снегом. Только утром следующего дня кто-то из жителей близлежащих домов, торопясь на работу, обнаружил тело курсанта. Самое страшное, но в эти же минуты на работу торопился и отец парня, который,

увидев толпу людей возле оврага, решил подойти и узнать, в чем дело. Увидев мертвого сына, отец потерял сознание. Преступников в итоге найдут и осудят, а храброго курсанта за проявленное мужество посмертно наградят орденом Красной Звезды.

В последние дни февраля началась эпопея с написанием и изданием в кратчайшие сроки книги бывшей супруги Александра Солженицына Натальи Решетовской под названием «В споре со временем». Начиналась эта история так.

26 февраля в газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья Жореса Медведева «В защиту Солженицына», которая была ответом на недавнюю публикацию в той же газете заметки корреспондента АПН (филиал КГБ) Семена Владимировича «Солженицын в рубище». В последней публикации раскрывались некоторые интимные факты биографии писателя, в частности перипетии его бракоразводного процесса. Опус Владимировича тут же стали передавать «голоса». Решетовская, которая в те дни пребывала не в лучшем расположении духа (месяц назад она похоронила мать), услышала одну из таких передач (даже записала ее на магнитофон) и, найдя в ней массу фактических ошибок и передергиваний, решила дать автору достойный ответ.

На следующее утро она написала письмо в «Нью-Йорк таймс», но решила не отсылать его почтой, а передать через АПН и позвонила в английскую редакцию. Оттуда за письмом прислали курьера. Вскоре ее ответ «Таковы друзья Солженицына» был опубликован на Западе в подведомственном КГБ издании. А дальше все развивалось по восходящей. В разговоре с работниками АПН Решетовская проговорила, что пишет мемуары, и те стали склонять ее к тому, чтобы она дала им почитать законченные главы. «Почему бы и нет?» — подумала Решетовская. А спустя пару-тройку дней ей позволили из того же АПН и предложили заключить договор на издание книги. Далее послушаем саму Н. Решетовскую:

«Я потеряла мужа, умерла мама, пережила попытку самоубийства и чудом не погибла. Нужна была какая-то новая жизненная цель. И она появилась: вспоминая, все пережить заново. Книгу я дописывала на одном дыхании и сдала вовремя.

Потом началось что-то странное. Куда подевались повышенное внимание и любезность редактора? Из тридцати листов приняли только четырнадцать. Выпадали главы, которые казались мне самыми важными. Например, глава «Окружение», в которой говорилось о героическом поведении Сани на фронте. Ведь и в нашей, и в западной печати стали проскальзывать намеки на какие-то сомнительные поступки Солженицына во время войны. Все не только сокращали, но и совмещали. Не то чтобы извращали, но как-то переиначивали, явно отдавая предпочтение главам, где моя обида на него была обнаженнее, сильнее. Я спорила до хрипоты, дралась за каждую строчку. Мне говорили: «Вам нужно занять определенную платформу, иначе книга не выйдет в свет». Я отвечала: «Мне не нужна чужой платформы, у меня есть своя — правда».

Конечно, все сокращения в книге были сделаны тенденциозно, ушедшие главы и опущенные эпизоды меняли смысл, но все равно Солженицын предстал в ней не таким, каким рисовала его наша пропаганда. Что он якобы во время войны бежал из окружения, бросив свою батарею, что живет он на подачки ЦРУ...»

Стоит отметить, что книгу «В споре со временем» КГБ предполагал выпустить сначала на Западе, а уж потом, если того потребуют обстоятельства, и в Советском Союзе. Поэтому первое издание вышло в Италии, а советское — только в 1975 году. Однако не будем забегать вперед и вернемся в год 73-й.

27 февраля в Братиславе стартовал очередной чемпионат мира по фигурному катанию. И уже на следующий день случилась сенсация: во время выступления советской пары Ирина Роднина — Александр Зайцев (они танцевали под мелодию «Метелица») внезапно пропал звук. Согласно правилам, в подобных случаях спортсмены имели полное право прервать выступление и потребовать повторного старта. Однако наша пара невозмутимо продолжала кататься без звука, чем буквально покорила зрителей. Когда номер завершился, стадион буквально взорвался от грома аплодисментов, а судьи выставили фигуристам высшие оценки не только за артистизм, но и за мужество и находчивость.

Согласно официальной версии, исчезновение звука было вызвано перебоями в электрооборудовании радиорубки. Однако в кулуарах чемпионата живо обсуждалась и другая версия: об умышленной диверсии, направленной на то, чтобы советские фигуристы ни в коем случае не смогли получить золотые медали (многие чехи не могли простить русским оккупации своей страны в 68-м). Еще одну версию случившегося много лет спустя озвучила фигуристка Людмила Смирнова, участвовавшая в том чемпионате:

«Пленку тогда остановили специально. У ребят просто была не до конца накатана программа. В финальной ее части они не поспедали за музыкой, и во время выступления могли возникнуть накладки. В результате Зайцев с Родниной чисто откатали программу до середины, и тут, как бы случайно, вырубилась музыка. По правилам фигуристы должны были остановиться, но Жук, стоявший у бортика, стал кричать: «Дальше продолжайте!» Они спокойно и чисто доработали оставшиеся элементы. Так из них потом еще и героев сделали: «Вот какие молодцы, не растерялись!» Естественно, они не растерялись. Просто заранее были готовы к тому, что отключат музыку. Жук вообще был мастером на такие штуки...»

Об итогах чемпионата мы узнаем чуть позже, а пока вернемся в Москву и взглянем на афишу столичных кинотеатров. Во второй половине февраля в прокат вышли следующие фильмы: 20-го — совместная постановка советских и чехословацких кинематографистов «Завтра будет поздно» режиссеров М. Тяпака и А. Карпова с участием Нонны Мордюковой, Николая Мерзликина и др.; 26-го — детектив Ю. Слупского «Ночной мотоциклист» про то, как милиция искала предателей родины, помогавших в годы войны фашистам. В главной роли — Николай Олялин.

Киношное меню на ТВ выглядело так: «Еще раз про любовь» (16-го), «Женитьба Бальзамина» (17-го), «Польский альбом» (17—18-го), «Бег» (впервые на ТВ 19—20-го), «Два бойца» (22-го), «Освобождение», фильм 3-й «Направление главного удара» (впервые на ТВ), «Похищение персиков» (23-го), «Баллада о солдате» (24-го), «Мертвые души», «Медовый месяц» (25-го), «Дело пестрых» (28-го) и др.

1973

январь / февраль / март / апрель / май / июнь /

Из театральных премьер выделю спектакль «**Милицейская история**» В. Липатова, который 25 февраля был показан в Театре имени Пушкина. В нем были заняты актеры: В. Безруков, В. Буров, А. Кочетков и др. Спустя несколько лет эту же историю экранизируют на ТВ под названием «И это все о нем» (с Игорем Костолевским в роли Столетова).

Эстрадные представления: 16—17-го в «Октябре» — Ильгам Шакиров, 20—23-го в ГТЭ — Олег Анофриев, Владимир Макаров, Майя Кристалинская, Маргарита Володина и др.;

22—23-го в ГЦКЗ «Россия» — Клавдия Шульженко, Олег Анофриев, Леонид Харитонов, Вячеслав Шалевич, Иосиф Кобзон, Майя Кристалинская, Лев Лещенко и др.; 24—25-го в «Октябре» — Эльмира Жерздева, Светлана Резанова и др.

Из новинок «Мелодии» выделю мюзикл **Эдуарда Хиля**, на котором он исполняет песни Вениамина Баснера на стихи Михаила Матусовского: «Березовый сок», «Пилот не может не летать», «Крестики-нолики», «Это было недавно».

1973

Март

Обмен партийных билетов: всем сестрам по серьгам. Заболел Михалков-Кончаловский. В Казани появился синий человек. Высоцкий оформляет документы для первого выезда за границу. Умер великий киносказочник Александр Птушко. Главная роль для Людмилы Гурченко: впервые после долгого перерыва. Как Эдуард Тополь водил свою французскую возлюбленную по столичным ресторанам. Свадьба во МХАТе. КГБ наносит удар по «самиздату». Детектив в Ялте: в городе появился неизвестный. Как поставили на место Михаила Яншина. Высоцкий на Украине. Тяжелое время Елены Кореневой. Конец двух налетчиков. По Москве ходят слухи: Всеволод Бобров избил внука Ленина. Одесская толкучка. Заседание Политбюро: Брежнев отчитывает Андропова. Жорж Марше заступает за Высоцкого. Сергей Герасимов в Италии: ругает Бертолуччи и покупает подарки для любовницы. Первые гастроли новых «Веселых ребят». «Иван Васильевич меняет профессию»: пересъемка в Сочи. Умер создатель фильма «Летят журавли». Свадьба Людмилы Максаковой. Горькое время Виктории Федоровой. Почему жена и теща заставили Олега Даля покинуть их дом. Рождение ансамбля «Мелодия». Как жена Сергея Бондарчука поссорила его с Львом Кулиджановым. Лариса Мондрус покидает родину. «Советская культура» против Владимира Высоцкого.

Месяц начался с большого пропагандистского шоу — обмена партийных билетов. 1 марта состоялось торжественное мероприятие — Брежнев собственноручно подписал партийный билет за № 00000001 на имя Владимира Ильича Ленина. А на следующий день было официально сообщено, что билет за № 00000002 вручен самому Леониду Ильичу. Таким образом власти искусственно пытались доказать «преемственность» новым руководством страны ленинского курса (как тогда говаривали, «от Ильича до Ильича»). Инициаторов этой акции (а у истоков ее стоял секретарь ЦК КПСС Константин Черненко) не смутил тот факт, что в биографии Ленина (издание 1960 года) была помещена фотография ленинского партбилета за № 114482, выданного ему в 1922 году за подписью секретаря Замоскворецкого райкома. Кстати, партбилет за № 3 достался Михаилу Сулову, № 4 — Алексею Косыгину, № 5 — Николаю Подгорному.

С 1 марта был приостановлен подготовительный период работы над фильмом «Романс о влюбленных» в связи с болезнью режиссера-постановщика Михалкова-Кончаловского (у него была язва). Подготовка к съемкам началась еще 28 декабря, и за это время удалось скомплектовать съемочную группу, найти актеров на главные роли. Так, на роль Тани режиссер выбрал Елену Кореневу, на роль Сергея — Евгения Киндинова. Болезнь Кончаловского продлится более двух месяцев — до 6 мая.

2 марта радостная весть пришла из Братиславы, где проходил чемпионат мира по фигурному катанию: советские фигуристы вновь оккупировали чуть ли не весь пьедестал почета. Так, золотые медали в спортивных танцах завоевали Ирина Роднина и Александр Зайцев, «серебро» досталось супружеской паре Людмила Смирнова — Алексей Уланов, в танцах на льду золотые медали завоевали Людмила Пахомова и Александр Горшков.

3 марта во МХАТе появилась новая семейная пара — Борис Щербаков и Татьяна Бронзова. Их знакомство состоялось несколько лет назад, когда оба они поступили в Школу-студию МХАТа (лето 1968 года). Татьяна тогда была замужем за ленинградцем (кстати, она сама и Щербаков тоже из этого города) и на ухаживания Бориса не отвечала. Как вспоминает сам актер: «Поначалу я ей не понравился, да и с точки зрения окружающих я был недостойн этой женщины. Она-то умная, красивая, серьезная, а я — шалопай, да еще и «блатной». Меня ведь первое время считали сыном Петра Щербакова из «Современника». Пока разобрались...»

Когда судьба свела их в одном театре (осенью 1972 года), Щербаков вновь бросился на штурм неприступной крепости. Он знал, что у женщины нелады в семейной жизни, и надеялся, что это сыграет определенную роль в их взаимоотношениях. Но Татьяна внезапно увлеклась другим человеком. Вот как вспоминает об этом сам Б. Щербаков:

«Муж к ней навевывался редко. Пустив дело на самотек, он сделал большую ошибку. Мы уже работали в театре, когда у Тани вдруг появился художник. А она еще и с мужем не развелась, и со мной как следует не сошлась! Ушла она к этому ловеласу, но месяца через два в нем разочаровалась и ко мне вернулась. Съездили мы с ней к нему на квартиру, забрали ее вещички, а вечером художник явился за ней в общежитие. Потом Татьяна сказала, что я на него ужасно кричал. Странно... Я старался не показывать своих чувств и уговаривал себя: «Я спокоен! Я абсолютно спокоен!» После этой истории Таня поехала в Ленинград и официально развелась с мужем. Поженились мы только через полгода, чтобы решить жилищный вопрос — женатым же давали комнату. Расписались 3 марта 1973 года — на ходу, между репетицией и спектаклем. Выпили по бокалу шампанского в женском отделении и — в театр...»

В тот же день, 3 марта, круто изменилась судьба скромного архивариуса Казанского пивзавода 32-летнего Валерия Вершинина. Утром он обнаружил у себя сильный насморк и отправился в аптеку за 5-копеечными каплями протаргола. Купил пузырек и, вернувшись до-

мой, использовал по назначению. Но результат получился неожиданный. Насморк у Вершинина прошел, однако утром следующего дня, когда он пришел на родное предприятие, тамошний бухгалтер всплеснула руками: «Что с тобой? Ты же весь синий!» Глянул Вершинин в зеркало и тоже ахнул: оттуда на него смотрел... мужик с синей физиономией. Со всех ног Валерий бросился к врачу. Тот выслушал сбивчивый рассказ больного и вынес предположительный диагноз: видимо, в лекарстве содержался небольшой процент серебра, и больная печень пациента не сумела вывести его из организма. «Но я вылечусь?» — с надеждой в голосе спросил Вершинин. «Гарантировать ничего не могу», — ответил врач. Забегая вперед сообщу, что Вершинин от синевы так и не избавится. Однако удостоится звания «человек-феномен» и избавится от многих других болезней: например, практически не будет болеть гриппом, его внешность законсервируется — в 61 год он будет выглядеть на 45. Но вернемся в начало марта 73-го.

В те дни Владимир Высоцкий был занят оформлением документов для своей первой в жизни поездки за границу. До этого, несмотря на то что он вот уже два года как был женат на французской подданной (а жить гражданским браком они начали и того раньше — с конца 68-го), ему в этом праве постоянно отказывали, но в 73-м дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Вот как вспоминает об этом М. Влади:

«Мы ждали шесть лет (здесь Влади ошибается — пять лет. — Ф.Р.), прежде чем набрались смелости подать роковое прошение. Мне кажется, я представила достаточно доказательств лояльности: многие мои советские друзья приезжали в течение этих лет в Мезон-Лаффит по моему приглашению, и никто не воспользовался этим, чтобы остаться на Западе или устроить скандал в прессе. Все вернулись вовремя, довольные путешествием, которое почти для всех было первым выездом за границу.

Наша совместная жизнь привела тебя в равновесие. Ты стал спокойнее, и твои загулы не выходят за общепринятые в России рамки. Ты подолгу совершенно не пьешь, много работаешь, и твое официальное реноме актера театра обогащается новой гранью: ты снимаешься в

кино... А мне хочется показать тебе Париж. Я хочу, чтобы ты знал, как я живу, моих друзей, я хочу, чтобы у тебя было право выезжать, чтобы ты увидел мир, чтобы почувствовал себя свободным.

Мы говорили об этом долгие ночи напролет. Мы воображали все, что ты мог бы сделать. Ты никогда не думал остаться жить во Франции. Для тебя жизненно необходимо сохранить корни, язык, принадлежность к своей стране, которую ты страстно любишь. Ты строишь безумные планы. Ты мечтаешь о свободных от цензуры концертах и пластинках, о путешествиях на край земли...

А пока что тебе, человеку, женатому на француженке, нужно получить обычную визу во Францию, чтобы провести там месяц отпуска. Так и написано в заявлении, которое мы наконец относим в ОВИР...»

Между тем 6 марта советский кинематограф понес невосполнимую утрату: на 73-м году жизни скончался великий сказочник Александр Птушко. Придя в кино в 1927 году и начав свою деятельность в нем с работы конструктора кукол, Птушко затем ушел в режиссуру мультипликационных фильмов. В середине 30-х он стал снимать художественные фильмы с применением кукольных эффектов. Первым таким фильмом стал «Новый Гулливер» (1935), в котором были задействованы 1500 кукол и впервые в советском кино применены оригинальные методы комбинированных съмок. «Гулливер» принес Птушко всесоюзную славу (песня влюбленной куклы «Моя лилипуточка» стала на многие годы любимым шлягером для многих поколений советских детей). Спустя четыре года свет увидел еще один кинохит Птушко — «Золотой ключик». А затем они пошли буквально один за другим: «Каменный цветок» (1946), «Садко» (1953), «Илья Муромец» (1956), первый советский широкоэкранный фильм со стереофоническим звуком, «Алые паруса» (1961), «Сказка о потерянном времени» (1964), «Сказка о царе Салтане» (1966), «Вий» (вместе с К. Ершовым и Г. Кропачевым), «Руслан и Людмила» (1973).

Звезда отечественного кинематографа — Людмила Гурченко, которая вот уже десять лет не снималась в главных ролях, довольствуясь лишь эпизодами и ролями второго плана (ее так и звали в киношных кругах — актриса ко-

роткой дистанции, или спринтер), внезапно получила приглашение режиссера Виктора Трегубовича пройти пробу на главную роль в его фильме «Старые стены». Принес же эту новость актрисе второй режиссер с «Ленфильма» Геннадий Беглов прямо за кулисы Театра киноактера, в котором Гурченко играла в спектакле с неблагозвучным названием «Дурочка».

Вечером того же дня, придя домой, Гурченко села за чтение сценария. Речь в нем шла о директрисе подмосковной ткацкой фабрики, которая на склоне лет внезапно встречает свою любовь. Роль Гурченко понравилась, однако ощущения, что именно она пройдет пробы, у нее тогда не возникло. Поэтому, когда через пару дней состоялась ее встреча с Трегубовичем, она ему прямо сказала: «Вы простите меня великодушно, товарищ режиссер, но я это играть не могу. Для всех это будет прекрасным поводом посмеяться. Представьте себе: моя фамилия тире директор. Представили. И можно получить приз «армянского радио» за самый короткий анекдот». Трегубович же на эти слова ответил... громким смехом. После чего произнес неожиданное: «Слава богу, что вы сомневаетесь. Мне это нравится. Люблю, кто сомневается. Я только что видел вас на пробах у Авербаха в «Монолог», мне понравилось. Давайте, давайте сосредоточьтесь, будем репетировать».

В итоге именно проба Гурченко пройдет через сито худсовета, хотя кое-кто из его членов и будет выражать сомнение в том, что «актриса-эпизодница» сможет потянуть центральную роль. Между тем именно она принесет Гурченко вторую волну популярности. Но это будет позже, а пока вернемся в март 73-го.

Тем временем продолжается роман сценариста Эдуарда Тополя и 19-летней французской актрисы «Комеди Франсез» Вирджинии Прадал. Как мы помним, он начался в феврале в Вильнюсе, а затем на некоторое время прервался по воле обстоятельств: Тополю предстояло дописывать сценарий нового фильма, а Вирджинии — гастроли в Москве. Однако 3 марта она наконец сумела найти время и позвонить в коммуналку Тополю. Вернее, звонила не она, а ее переводчица, которая принялась объяснять сценаристу следующее: мол, Вирджиния очень по нему соскучилась и хотела бы немедленно с ним встретиться. «Где?» — спросил Тополь. «В гостинице «Метрополь», — был

ответ. «Вы с ума сошли! Кто же меня туда пустит в половине двенадцатого ночи?!» — резонно заметил сценарист. «Что же мне сказать Вирджинии? — жалобно заскулила на том конце провода переводчица. — Она хочет вас видеть завтра же! Но завтра у них весь день расписан — два спектакля и прием у Фурцевой. А потом съемка на телевидении и вечерний спектакль. Зато послезавтра она не играет и готова освободить для вас весь день. Вас устраивает?» Тополь, почти не раздумывая, ответил «да».

Поскольку на тот момент в финансовом отношении Тополь был «на мели», он два оставшихся до свидания дня посвятил поиску денег. Это ему удалось: друзья ссудили ему аж 500 рублей, что по тем временам было весьма приличной суммой, с которой не стыдно было и в ресторан с девушкой завалиться. Кроме этого, Тополь уговорил своего приятеля Марка, у которого имелся в наличии автомобиль «Жигули», а сам он прекрасно говорил по-французски, быть его переводчиком и шофером. И в довершение всего сценарист уговорил заместителя главного редактора «Комсомольской правды» Григория Оганова подписать письмо директору ресторана «Седьмое небо» на Останкинской телебашне, куда даже по брони «Интуриста» можно было попасть только при записи за два месяца вперед, с просьбой предоставить Тополю столик якобы для интервью с французской актрисой Вирджинией Прадал.

7 марта в десять утра Тополь и его приятель Марк подъехали на свежeweымытых «Жигулях» к парадному входу отеля «Метрополь». Пока Марк дожидался в машине, Тополь, с букетом алых роз в руке, прошел в вестибюль и предстал перед восхищенным взором своей возлюбленной. Несмотря на присутствие здесь же швейцара и двух кагэбэшников в штатском, они мило обнимаются и выходят на улицу. А уже в машине Вирджиния рассказывает своим спутникам ужасную историю, которая приключилась с ней накануне вечером. Оказывается, к ней пришли за интервью два молодых журналиста газеты «Московский комсомолец». Однако те самые двое кагэбэшников, что следили за нею в вестибюле, видимо, получив соответствующее задание от своего начальства, приняли меры к тому, чтобы это интервью не состоялось. Они через метрдотеля передали девушке

сообщение, что ей якобы кто-то звонит по телефону. Вирджиния оставила своих интервьюеров в ресторане, а сама отправилась к портье.

Мысль о том, что история со звонком — явная выдумка чекистов, пришла в голову Вирджинии в тот момент, когда она взяла в руку трубку — в ней были слышны короткие гудки. Девушка со всех ног бросилась обратно в ресторан. Как оказалось, вовремя. Она успела застать момент, когда кагэбэшники чуть ли не пинками выталкивали журналистов из гостиницы. Это привело французенку в бешенство. Она бросилась на помощь журналистам, вырвала их из рук чекистов и повела к себе в номер. Но старалась она напрасно: журналисты оказались настолько напуганы происшедшим, что предпочли через несколько минут сбежать из ее номера. А Вирджиния, возмущенная происшедшим, отправилась во французское посольство и заставила посла своей страны написать протест по поводу случившегося. Когда Марк перевел приятелю этот рассказ, он завершил его следующими словами:

— Поздравляю, старик! Хорошую девочку ты отхватил! Два дня в Москве, и уже сцепилась с кагэбэшниками. Мне в моем личном деле только этого и не хватает (а Марк был преподавателем в Военной академии).

Минут двадцать они колесили по Москве, пытаюсь обнаружить за собой «хвост», но так его и не выявили. Это их несколько успокоило, после чего автомобильная экскурсия по городу продолжилась. Гостью провезли по улице Горького, по Патриаршим прудам, по Садовому кольцу, по Замоскворечью, по Новому Арбату и, конечно, привезли на смотровую площадку на Воробьевых горах. Правда, как заметил Тополь, девушка была не в восторге от увиденного: то ли слякотная Москва выглядела уныло, то ли ей просто хотелось побыть со своим возлюбленным наедине, только взгляд ее красивых глаз излучал отнюдь не радость и восхищение. Но у Тополя в запасе оставался еще один козырь — обед на «Седьмом небе». Но и этот козырь был нещадно бит. Когда в два часа дня они сели за столик на высоте трехсот с лишним метров над землей, то увидели, что ресторан представляет собой не самое лучшее заведение. Во-первых, его конструкция не предполагала наличие танцев, во-вторых, вид из окна оказался не ахти какой (внизу расстились толь-

ко грязные крыши, покрытые серым мартовским снегом и расчерченные провалами грязно-серых проспектов), и в-третьих, меню было под стать этому безрадостному пейзажу — лангет, ромштекс и бифштекс, которые, по словам Тополя, были приготовлены из отходов подошвенной кожи фабрики «Скороход». Довершило общее тягостное впечатление «Советское шампанское» краснодарского производства, попробовав которое Вирджиния едва не лишилась чувств.

Понимая, что долгое пребывание в подобном заведении может окончательно испортить их отношения, Тополь вскоре решил увезти свою девушку в другое место — в ресторан Дома кино. Но и там настроение Вирджинии оказалось испорченным, но уже по другой причине. За соседним столиком она заметила актрису Татьяну Доронину, с которой имела счастье познакомиться на приеме у Фурцевой, и на несколько минут подседа к ее столику (та сидела в обществе своего тогдашнего супруга Эдварда Радзинского). Однако вернулась француженка к своим спутникам уже в слезах. На недоуменный вопрос «В чем дело?» она ответила следующее:

— Как вы можете жить в такой стране? Это же тюрьма! Я пригласила вашу самую знаменитую актрису погостить у себя во Франции неделю, а она ответила, что не может просто так сесть в самолет и полететь в Париж. Ей нужно просить разрешение у КГБ и милиции. Она даже побоялась дать мне свой домашний телефон, написав на салфетке служебный телефон Театра имени Маяковского.

Этот случай окончательно выбил из колеи гостью, и она остаток вечера просидела в глубокой задумчивости. Актриса даже не притронулась к тарелке с прекрасным куском мяса по-суворовски. В итоге мужчины тоже расстроились, дожевали свой шашлык и вскоре снялись с якоря. Они отвезли Вирджинию обратно в «Метрополь», и там, прощаясь, она пообещала Тополю, что обязательно ему позвонит. Однако сказала это без особого энтузиазма, из чего тот сделал вывод, что их отношения безнадежно испорчены. И это оказалось правдой, так как больше они не увиделись: сценариста закрутили его литературные дела, а Вирджинию — ее гастроли. Правда, два раза она пыталась дозвониться в коммуналку, где

жил Тополь, но того оба раза не оказывалось дома. А через неделю «Комеди Франсез» завершил свои гастроли и уехал на родину.

В тот день, когда Тополь водил свою французскую возлюбленную по ресторанам, несколько советских футбольных клубов проводили игры в рамках розыгрыша европейских кубковых турниров. Так, киевские динамовцы встречались у себя дома с мадридским «Реалом», а столичный «Спартак», тоже на своем поле (в Сочи), принимал «Милан». Киевляне так и не смогли распечатать ворота своих соперников, сыграв «всухую» 0:0, а «Спартак» и вовсе проиграл 0:1. Ответные матчи должны были состояться через две недели.

В пятницу, 9 марта, сыграли свадьбу актеры МХАТа Борис Щербаков и Татьяна Бронзова. Как мы помним, расписались они 3 марта, чтобы наконец перебраться из разных комнат общежития в отдельную, полуподвальную. 8 марта им вручили ключи от нее, Таня быстро навела там порядок, и на следующий день после репетиции они пригласили к себе весь свой мхатовский курс. На свадьбу также пришли главреж МХАТа Олег Ефремов и драматург Михаил Рошин. Они в это время писали пьесу «Старый Новый год», и у Ефремова в этом же общежитии была маленькая комнатка, где они работали. В тот памятный вечер 9 марта Ефремов предоставил эту комнату родителям Тани, чтобы им было где переночевать. Сам же Ефремов заскочил к молодоженам минут на двадцать, чтобы поздравить их и пожелать счастья в личной жизни.

В тот же день председатель Госкомиздата Борис Стукалин собрал пресс-конференцию и сообщил о том, что 27 мая Советский Союз подписывает конвенцию об авторских правах. Этот шаг Стукалин мотивировал следующим обстоятельством: дескать, советские издательства переводят и издают гораздо больше книг иностранных авторов, чем иностранцы — советских авторов, а это — огромные финансовые убытки (истинная правда: лишь в 1972 году наши издательства опубликовали 8 100 000 экземпляров книг одних только американских авторов). Однако была и скрытая причина подписания нашей страной этой конвенции — борьба с «самиздатом». К тому времени «самиздат» превратился для КГБ в настоящую головную боль, и справиться с ним внутренними силами бы-

ло невозможно: запрещенные к публикации в СССР книги писатели переправляли на Запад, где их издавали тысячными тиражами и тайно привозили на родину. Однако с подписанием конвенции передача рукописей за границу будет уже рассматриваться как нарушение закона о монополии внешней торговли, то есть как контрабанда. Советский Уголовный кодекс предусматривал за это наказание — заключение в лагерь сроком от 3 до 10 лет и ссылку на 5 лет. Теперь, как говорится, не забалуешь.

А теперь из Москвы перенесемся в Ялту, где разворачивается настоящий детектив. Начался он несколькими днями ранее, когда в тамошнее УВД от негласных агентов поступила информация о том, что в городе объявился неизвестный мужчина, который располагает крупными суммами денег. Поселившись в доме официантки кафе «Ницца» Шелбах, он водит ее по ресторанам, где сорит деньгами, заказывая дорогие ужины и одаривая счастливую девушку подарками. В наши дни подобное барство не вызвало бы никакой реакции со стороны милиции, но в те годы остаться незамеченным для стражей порядка оно просто не могло. В итоге в ялтинском угро была создана специальная группа под руководством заместителя начальника УВД полковника А. Бурлета и начальника отделения угро майора Иванова, которая занялась «отработкой» незнакомца. Буквально за считанные часы было установлено, что незнакомец является жителем города Шевченко Гурьевской области Казахской ССР, который приехал в Ялту отдохнуть вместе со своим земляком. 10 марта оба они в компании уже упомянутой Шелбах и ее подруги — тоже буфетчицы, но уже ресторана «Джалита» — выехали в кратковременное путешествие на теплоходе «Узбекистан» в город Сухуми. Эта поездка, сами понимаете, надежно контролировалась ялтинскими сыщиками, которые прицепили к четверке «хвост» из нескольких своих сотрудников. Сами же ялтинские сыскари нанесли незапланированный визит в дом буфетчицы Шелбах, надеясь обнаружить там новые детали биографии ее квартиранта. И чутье не подвело визитеров. В одном из тайников они нашли целлофановый пакет, в котором находилась большая сумма денег (несколько тысяч рублей, большая часть из которых была со следами плесени), ключи от разных автомашин в коли-

честве 90 (!) штук, три перстня, обручальное кольцо, а также два паспорта, один из которых принадлежал квартиранту Шелбах Юрию Казакову, другой — его приятелю Вадиму Сидорову. Когда об обнаружении этих вещей доложили руководству Ялтинского УВД, было принято решение устроить в доме Шелбах засаду, с тем чтобы задержать ее сожителя и познакомиться с ним поближе.

Тем временем на «Мосфильме» близится к завершению съемки комедии «Большая перемена». Как мы помним, с 19 февраля группа приступила к монтажно-тонировочным работам. Однако 12 марта потребовалось произвести досъемки некоторых эпизодов 4-й серии. Так, 12—13 марта снимали сцену в автобусе: профессор Волосюк (Михаил Яншин) случайно встречается с Нестором Петровичем и его учениками. Как мы помним, герой Яншина выглядит там эдаким стариком-добряком, хотя в жизни это был несколько другой человек. Например, в те мартовские дни во МХАТе он репетировал роль в спектакле «Мудрец», и у него возник конфликт с режиссером-постановщиком Всеволодом Шиловским. И все из-за того, что Яншин частенько путал, кто есть кто на сцене, и пытался учить уму-разуму не только своих партнеров по сцене, но и режиссера. А перечить ему ни у кого не хватало духа. Но однажды Шиловский все-таки не выдержал. Когда Яншин в очередной раз стал что-то выговаривать заведующему постановочной частью, он прервал репетицию и обратился к актерам с короткой речью: дескать, друзья, давайте каждый из нас будет заниматься своим делом. Если я сижу здесь, то отвечаю за постановку спектакля, а вы отвечаете за роль, которую репетируете. И хотя Шиловский не назвал имени Яншина, все сразу сообразили, кого режиссер имеет в виду. В зале повисла гробовая тишина, поскольку все присутствующие ожидали, что оскорбленный мэтр начнет метать громы и молнии. Но произошло неожиданное: Яншин воспринял критику на удивление спокойно и сказал: «Я все понял. Давайте репетировать дальше».

А Владимир Высоцкий тем временем отправился с гастролями на Украину — в города Донецк, Макеевка, Горловка, Жданов. 13 марта он дал один концерт в горловском ДК шахты «Кочергарка». Зал, как водится, был забит бит-

ком. Высоцкий начал концерт с песни «Вершина» («Здесь вам не равнина...»), а затем в течение, наверное, получаса рассказывал собравшимся о своем родном Театре на Таганке, начав с его создания и заканчивая последними постановками. Он явно увлекся лекционной частью встречи, поскольку уже на половине речи в зале стал нарастать шум: видимо, люди устали слушать его рассказ и ждали, когда же он перейдет к песням. Но на гостя это не произвело особого впечатления — с выбранного пути он так и не свернул: он поговорил еще десять минут, затем спел песню («Солдаты группы «Центр»), потом опять ударился в воспоминания, потом — еще одна песня («Утренняя гимнастика»), и вновь — монолог (от театра он плавно перешел к своим киноролям), перемежаемый песнями («Братские могилы», «В госпитале», «Ты идешь по кромке ледника...»). Наконец, где-то часа через полтора Высоцкий закончил с монологом и целиком переключился на песни, исполнив подряд аж 12 штук: «Песня о сентиментальном боксере», «Песня про прыгуна в высоту», «Марафон», «Я не люблю», «Разведка боем», «Случай на дороге», «Песня о слухах», «Милицейский протокол», «Он не вернулся из боя», «Поездка в город», «Честь шахматной короны», «Марш шахтеров». Пробыл Высоцкий на Украине до 16 марта.

Между тем Андрей Михалков-Кончаловский продолжает находиться в больнице с язвой желудка, а съемочная группа фильма «Романс о влюбленных» находится в отпусках. Одной из участниц группы — Елене Кореневой — тот период запомнился не с самой лучшей стороны. На тот момент у нее окончательно расстроились отношения с ее возлюбленным Александром, с чем он никак не хотел примириться. Он пытался вызвать ее на откровенную встречу, бомбардируя телефонными звонками, но Елена от этой встречи всячески уклонялась. Тогда он пришел к ней домой сам. Что произошло во время той встречи, описанию не поддается. Как заметит много позже сама Елена: «До тех пор я считала, что насилуют только в темном переулке и только незнакомые мужчины... Я долго ненавидела свое тело». Это насилие окончательно отвратило Елену от любимого. Когда спустя некоторое время она узнала, что забеременела, то тут же легла в больницу и сделала аборт.

А теперь вновь перенесемся в Ялту. Как мы помним, тамошние сыскари устроили засаду в доме буфетчицы кафе «Ницца», у которой поселился приезжий из города Шевченко Юрий Казаков. Ловушка была открытой в течение четырех дней, после чего 14 марта захлопнулась, едва хозяйка дома и ее квартирант перешагнули ее порог. В тот же день начались допросы задержанных.

Буфетчица Шелбах рассказала сыщикам, что с Казаковым она познакомилась в той же Ялте в апреле 72-го. Дескать, тот оказывал ей знаки внимания, дарил дорогие вещи, вот она и растаяла. Однако чем он конкретно занимается и откуда у него имеются в наличии такие деньги, она никогда не интересовалась. Мол, меньше знаешь — лучше спишь.

Затем наступила очередь Казакова. Тот держался на удивление спокойно и всем своим видом показывал, что все произошедшее с ним — простое недоразумение. Дескать, через час-другой все выяснится и его отпустят на свободу. Он рассказал, что ключи от автомобилей в количестве 90 штук он купил у каких-то молодых людей у себя на родине. Объяснил это просто: парни сильно нуждались в деньгах, но брать их за так не хотели, вот и всучили ему связку ключей. Что касается денег со следами плесени, то их происхождение он объяснил так: работал несколько месяцев в Заравшане на стройке, получил приличную сумму, но тратить ее всю не стал, а спрятал в земле. Держать их в доме не стал, опасаясь воров. Короче, все в показаниях Казакова выходило ладно и складно. Однако все это в одночасье рухнуло, когда был задержан его приятель Вадим. У того тоже нашли деньги со следами плесени, к тому же он по дурости в первые часы после задержания начисто отрицал свое знакомство с Казаковым. Но когда ему предъявили его паспорт, тут же сник.

Забегая вперед, скажу, что дальнейшее следствие выявило, что в руки ялтинских сыскарей попала крупная дичь. Оказалось, что оба задержанных повинны в совершении сразу нескольких тяжких преступлений. Еще в сентябре 1971 года они напали в центре Киева на милиционера, нанесли ему несколько смертельных ранений ножом и похитили табельный «Макаров». Спустя месяц, уже в Казани, они напали на инкассаторов, убили одного из них, а второго тяжело ранили и похитили крупную

сумму денег. На этом они не успокоились. В июне 72-го в Новосибирске преступники пробрались в одну из средних школ, где вскрыли металлический сейф в кабинете директора, из которого похитили несколько тысяч рублей. И кто знает, сколько еще преступлений успел бы совершить этот криминальный дуэт, если бы ялтинские сыщики не проявили бдительность и не зашелкнули на их руках наручники.

А теперь с теплого юга вновь вернемся в промозглую Москву. В столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры: 1-го — документально-публицистический фильм Романа Кармена «**Пылающий континент**»; драма польского режиссера Анджея Вайды «**Все на продажу**» и индийская мелодрама «**Зять из Бомбея**»; 5-го — историко-приключенческий фильм «**Слуги дьявола на чертовой мельнице**» А. Лейманиса — бездарное продолжение картины «Слуги дьявола»; производственная драма Алексея Салтыкова «**Сибирячка**», повествующая о жизни и трудовой деятельности секретаря райкома небольшого района Марии Одинцовой, которую сыграла Валерия Заклунная; в других ролях снялись: Евгений Матвеев, Роман Громадский, Ольга Прохорова. Кстати, для последней это была первая крупная роль в кино. Закончив ВГИК в 1971 году (она училась на одном курсе с Николаем Еременко, Натальей Белохвостиковой, Натальей Бондарчук), Прохорова дебютировала в кино крохотной ролью в картине своего учителя Сергея Герасимова «У озера». Затем была небольшая роль в его же картине «Любить человека», пока судьба не свела Прохорову с Салтыковым. Тот, увидев ее, внезапно воспылал к девушке пылкой страстью и стал чуть ли не по пятам преследовать ее, едва работа над «Сибирячкой» была завершена. Чтобы пресечь его ухаживания, Ольга уехала на некоторое время в Ригу. Видимо, надеялась, что страсть Салтыкова к ней за это время перекипит. Но ошиблась. Едва она вернулась в Москву, как режиссер вновь встретил ее в одном из длинных коридоров «Мосфильма» и с ходу предложил сходить в ресторан. И девушка не устояла. В итоге вскоре она стала его женой и снялась практически во всех его последующих картинах.

Но вернемся в первую половину марта 73-го.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Часы остановились в полночь»

(2-го), «Поединок» (3-го), «Миссия в Кабуле» (впервые по ТВ 3—4-го), «Начало» (5-го), «Трое из «К» (ГДР, премьера т/ф 5—7-го), «Салют, Мария!» (6—7-го), «Три плюс два», «Ход белой королевы», «Белые, белые аисты» (8-го), «Иркутская история» (премьера т/ф 9—10-го), «Двое в пути» (премьера т/ф 11-го), «Его звали Роберт», «Флаги на башнях» (12-го), «Человек без паспорта» (14-го) и др.

Из театральных премьер назову две, причем обе они случились в один день — 1 марта: в Ленкоме был показан спектакль «**Колонисты**» по пьесе Ю. Мочалова, основанной на воспоминаниях А. Макаренко; в Театре имени Ермоловой — «**Дарю тебе жизнь**» Д. Валева с участием В. Андреева, Е. Ураловой, Л. Галлис и др.

На эстрадных площадках столицы выступали следующие артисты: 1-го в «Октябре» — Александра Стрельченко; 1—8-го во Дворце спорта в Лужниках — Нонна Мордюкова, Виталий и Юрий Соломины, Геннадий Дудник, Алексей Баталов, Гелена Великанова, ВИА «Веселые ребята» и др.; 8—10-го в ГТЭ — Нина Сазонова, Жанна Горощенко, Борис Владимиров и Вадим Тонков (две суперпопулярные бабки Авдотья Никитична и Вероника Мавриковна); 9—11-го в «Октябре» — Вера Марецкая, Анатолий Папанов, Георгий Жженов, Ольга Аросева, Майя Кристалинская и др.; 11—16-го в ГТЭ — Кола Бельды, Геннадий Хазанов, Маргарита Суворова, Лейла Ашрафова и др.; с 14-го во Дворце спорта в Лужниках идут концерты «Мелодии друзей-73» с участием звезд из социалистических стран: Данаила Николова, Галины Ненашевой, Бояна Кодрича, Евы Сепешовой и др.

Столица тем временем живо обсуждает новый скандал — с участием прославленного спортсмена, тренера национальной сборной по хоккею Всеволода Боброва. Чем же отличился Бобров?

В один из тех мартовских дней он в компании своего старого приятеля Леонида Михайловича отправился в ресторан «Эрмитаж», что в Каретном ряду. Там приятели просидели несколько часов, хорошо «приняли» и уже поздно вечером решили заскочить в гостиницу «Москва», чтобы навестить общего знакомого. Их путь от Каретного по городу, который собирался отойти ко сну, занял не слишком мно-

го времени. Поскольку приятель жил на последнем этаже, добираться до его номера пришлось на лифте. Там и произошел инцидент, о котором уже на следующий день трубила вся столица. В кабину лифта, кроме Боброва и Леонида Михайловича, вошли еще несколько человек, среди которых оказался командированный то ли из Тулы, то ли из Владимира, который был «под парами». Узнав Боброва, он вдруг полез к нему с расспросами, причем, желая пустить пыль в глаза окружающим, обратился к нему на «ты». Бобров же, который терпеть не мог панибратства, сначала отпихнул от себя пристававшего, а когда тот вновь полез обниматься, съездил ему кулаком по физиономии. В этот момент лифт как раз достиг последнего этажа, двери открылись, и дежурная по этажу стала свидетелем того, как из кабины на ковровую дорожку вывалился мужчина с разбитой губой.

Несмотря на то что сам пострадавший об этом инциденте в милицию не заявлял, у него оказалось множество свидетелей (его видели еще человек пять, находившихся в лифте, плюс дежурная по этажу). Кто-то из них и разнес весть о нем сначала по гостинице, а потом уже молва пошла гулять по столице. Причем, как это часто и бывает, она обрастала массой подробностей, которых не было и в помине. Например, мне лично запомнилось, что про этот инцидент говорили следующее: в гостинице «Москва» Всеволод Бобров дал по роже какому-то генералу, который оказался внуком (!) Ленина (хотя таковых у вождя мирового пролетариата отродясь не было). И люди охотно верили в подобные версии, поскольку выяснить настоящие подробности возможностей не было — в СМИ об этом не сообщали.

16 марта в 5-м павильоне «Мосфильма» режиссер фильма «Самый жаркий месяц», рассказывающего о тяжелых буднях сталеваров, Юлий Карасик начал съемки в декорации «мартеновский цех». Проходили съемки тяжело, поскольку дымина в павильоне стоял такой, что людям просто нечем было дышать. После каждого дубля приходилось проветривать павильон, и люди спешили на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

В те же дни другой мосфильмовский режиссер — Алексей Коренев — продолжал корпеть над заключительными эпизодами фильма

«Большая перемена». И хотя по сюжету действие картины временами происходило на территории нефтеперегонного завода, однако ему было легче, чем Карасику, — натуралистических сцен у него практически не было. Так, 19 марта в 1-м павильоне снимали эпизод встречи директора завода с преподавательским составом школы рабочей молодежи.

За день до этого в «Комсомольской правде» была опубликована статья молодого журналиста Юрия Щекочихина под интригующим для тех времен названием «Толкучка». Речь в ней шла о «толчке», который раскинул свои владения возле Одессы — на 9-м километре Кадымского шоссе (за пределы города его вынесли в конце 72-го). Поскольку слава о нем выходила далеко за пределы республики, туда стекались толпы людей чуть ли не со всей страны. А все потому, что на Кадымском «толчке» можно было купить практически любую вещь, каких в советских магазинах отродясь никогда не водилось. Особым же спросом пользовались два вида товаров: меньшую их часть представляли так называемые заморские вещи — джинсы, кожаные пиджаки, жвачка (чингам, как мы ее называли), и большую — магазинный дефицит. Цены на большинство этих вещей были соответствующие, то есть довольно высокие. По Щекочихину, ценники выглядели следующим образом: джинсы — 100 рублей, мужские лакированные туфли — 100 рублей, галстук — 10—15 рублей, стаканы с переводными картинками — 10 рублей, нейлоновая куртка — 150 рублей, пластинка жвачки — 50 копеек.

Тем временем сильные мира сего тоже работали не покладая рук. 20 марта состоялось очередное заседание Политбюро, на котором обсуждался вопрос о выезде лиц еврейской национальности из СССР. Заседание открыл Брежнев, который в своем вступительном слове выразил беспокойство в связи с тем, что определенные круги США хотят его поссорить с Никсоном, раздувая истерию вокруг взимания советскими властями денег с отъезжантов. Дескать, многие желающие уехать из СССР не могут сделать этого, поскольку их прежде заставляют заплатить деньги государству, которых у многих из них просто нет. И это при том, что Брежнев некоторое время назад отдавал команду соответствующим ведомств на время

прекратить взимать плату с отъезжантов. Поэтому Брежнев возмущается:

«Указания не выполняются. Меня это беспокоит. Я не ставлю вопроса об отмене Закона (имеется в виду закон от 3 августа 1972 года. — Ф.Р.), а если хотите, и этот вопрос можно поставить. То ли мы будем зарабатывать деньги на этом деле, или проводить намеченную политику в отношении США... В субботу, в воскресенье я на воздух не выходил, а еще приходится заниматься этим вопросом...»

На что Андропов, которого этот упрек касался впрямую, ответил так: «Леонид Ильич, в субботу Вы позвонили, в субботу пошло указание по этому вопросу, фактически с субботы действует, и сегодня «Свободная Европа» и Би-би-си объявили, что евреи отъезжают без взимания налога...»

Было Ваше указание в ноябре и декабре: выпустить, и мы выпустили без взимания налога 600 человек и еще раз 600 человек. А потом — закон действует, и мы действуем. Я должен сказать, что 75 процентов уезжающих вообще ничего не платят, и только 13 процентов составляют люди, которые платят. Начиная с понедельника не взимаем платы...»

Брежнев: «Юрий Владимирович, извините, вот справка. Я ее читаю: в 1972 году из 29 тысяч 816 человек лиц еврейской национальности, выехавших из СССР, 912 человек, имеющих высшее образование, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР возместили затраты в сумме 4 миллионов 427 тысяч рублей. Это за 1972 год.

За два месяца 1973 года выехало 3318 человек, из них 393 человека, имеющих образование, заплатили 1 миллион 561 тысячу 375 рублей. Вот что стоят наши общие разговоры. Поэтому сионисты воют, Джексон на это опирается, а Киссинджер приходит к Добрынину (посол СССР в США. — Ф.Р.) и говорит, что мы понимаем, что это внутреннее дело, мы не можем вмешиваться, у нас тоже законы есть. В то же время он говорит: помогите как-нибудь, Никсон не может пробить законопроект, он работает среди сенаторов. Зачем нам нужен этот миллион...»

Далее Брежнев отдает распоряжение Андропову отобрать из 39 тысяч заявок на отъезд 500 человек и отпустить их без всякого «выкупа». Мол, пусть они везде трубят, что с них ни-

чего не взяли. Это будет временный тактический маневр, чтобы заткнулись сионисты в Америке. Следом генсек начинает рассуждать о том, нельзя ли пойти на некоторые уступки тем евреям, которые живут в СССР и никуда отсюда уезжать не собираются. Его размышления выглядят так:

«А почему не дать им маленький театрик на 500 мест, эстрадный еврейский, который работает под нашей цензурой, и репертуар под нашим надзором. Пусть тетя Соня поет там еврейские свадебные песни. Я не предлагаю этого, а просто говорю. А что, если открыть школу? Наши дети даже в Англии учатся. Сын Мжаванадзе (это тот самый Мжаванадзе, которого в сентябре прошлого года сняли с поста персека Грузии. — Ф.Р.) воспитывается в Англии. Моя внучка окончила так называемую английскую школу. Язык как язык, а остальные все по общей программе. Я так рассуждаю: открыли в Москве одну школу, называется еврейская. Программа все та же, как и в других школах. Но в ней национальный язык, еврейский преподается. Что от этого изменится? А ведь их все-таки три с половиной миллиона, в то время как цыган, может быть, 150 тысяч...»

У нас вся политика по еврейскому вопросу основывается на одном Дымшице, вот видите, у нас т. Дымшиц зампред Совмина, так что зря говорите, что евреев притесняем. А может быть, нам немножко мозгами пошевелить?..»

В итоге члены Политбюро согласились «пошевелить мозгами» и приняли решение: отпустить в ближайшее время в Израиль 500 человек без взимания с них денег. Кстати, эта ситуация благоприятным образом отразилась и на Владимире Высоцком. Как мы помним, в начале марта он подал прошение разрешить ему на несколько недель съездить к своей жене во Францию. В ОВИРе же его стали мурьжить: дескать, дело это сложное, необходимо разрешение сверху и т. д. В разгар этой эпопеи Высоцкий съездил на короткие гастроли на Украину, затем (с 20 по 23 марта) находился в Ленинграде, где дал три концерта. А когда вернулся в Москву, узнал, что его затея с выездом в загранку под угрозой «накрытия медным тазом». Вот как вспоминает об этом М. Влади:

«Мы знаем, что решение будет приниматься долго и на очень высоком уровне. Дни идут, мы подсчитываем шансы. Иногда ты прихо-

дишь в отчаяние, уверенный, что ничего не выйдет. Иногда ты принимаешь долгое молчание за добрый знак — если «они» еще не решили, значит, есть люди, которые на твоей стороне, и они победят. Я держу про себя последнее средство, но ни слова не говорю, несмотря на то, что меня саму охватывают серьезные сомнения. Время твоего отпуска приближается (он выпадал на начало апреля. — Ф.Р.), «они» могут протянуть до того момента, когда у тебя снова начнется работа в театре. Этот трюк часто используется администрацией, какой бы, впрочем, она ни была. Ты буквально кипишь, ты не можешь писать, ты не спишь, и, если бы не эспераль, я опасалась бы запоя. Однажды часов в пять утра нам звонит очередной неизвестный поклонник, работающий в ОБИРе, и мы узнаем, что отказ неминуем. С помощью Люси мне удастся немедленно позвонить Ролану Леруа. Это — человек блестящей культуры, он любит твой театр, он даже несколько раз пытался устроить гастроль Таганки во Франции, впрочем, безрезультатно. Я знаю, что он очень ценит твои песни. К тому же он — мой давний приятель и отлично знает все наши проблемы. Я в двух словах объясняю ситуацию, он обещает попытаться что-нибудь сделать...»

Пока Высоцкий только готовится к поездке за рубеж, некоторые его коллеги по искусству уже вовсю колесили по заграничным просторам. Так, в середине марта в Италию отправилась группа советских кинематографистов, чтобы решить вопрос о своем участии в двух тамошних кинофестивалях: Венецианском и альтернативном, который затеяли итальянские коммунисты. Организаторы последнего были очень недовольны тем, что Советский Союз прислал в их конкурсную программу фильм гораздо слабее венецианского, о чем и было заявлено приехавшим из Москвы делегатам. Те стали оправдываться, но получалось это у них не слишком убедительно. И кто знает, чем бы закончился этот спор, если бы его внезапно не затмил другой, куда более сильный по накалу страстей. Советских делегатов до глубины души возмутил последний фильм Бернардо Бертолуччи «Последнее танго в Париже» (с Марлоном Брандо в главной роли), который они назвали «откровенно порнографическим». Итальянские коммунисты с этим выводом не согласились и, в свою очередь, причислили

«Танго» к шедеврам. Вот как описывает происходящее один из его очевидцев — писатель Ю. Нагибин (он входил в состав нашей делегации):

«После высокомерно-глупого выступления вконец исподличавшегося Юренева (Р. Юрнев — киновед, профессор ВГИКа. — Ф.Р.) — а ведь был почти человеком! — Уго Пирро воскликнул: «Бедняга Караганов (секретарь правления Союза кинематографистов СССР. — Ф.Р.), если у него такие теоретики!» — и в два счета оставил от Юренева мокрое место. На другой день в автобусе выяснилось, что многомудрый Сергей Герасимов понятия не имеет о содержании «Последнего танго в Париже». Он думал, что весь смысл фильма в эпатаже. Не слишком утруждая себя умственно, я все-таки решил немного просветить первого умника советской кинематографии. Да нет, говорю, это фильм на вечную тему: мужчина и женщина. О том, как хрупко мужское достоинство и как легко его может растоптать любое ничтожество в юбке. О бессилии настоящей любви и т. д. в том же роде. Каково же было мое изумление, равно и слышавшей наш разговор в автобусе Сони Карагановой, когда, получив слово на диспуте и потирая по обыкновению ладонью плешь, Герасимов начал самоуверенным и снисходительным тоном: «Вы не думайте, что мы не понимаем вашего фильма. Он на вечную тему: мужчина и женщина. О том, как легко растоптать мужское достоинство...» и т. д., слово в слово все, что я говорил ему по пути. Оказывается, его не устраивает лишь некоторый перебор натурализма да банальная концовка: «Это похоже на танцы апашей — Клер убивает Жако». Позже в Москве, в Доме кино, отчитываясь перед кинематографической общественностью о поездке в Рим и победной дискуссии с итальянцами, он последними словами крыл «порнографический, бездарный фильм Бертолуччи, призванный лишь щекотать нервы буржуа». Никаких «вечных тем» — это годилось для итальянцев, а своим надо «со всей прямо-той». Вот такие пироги!..»

Однако гости из Советского Союза не только жарко дискутировали в той поездке, но и развлекались. Они побывали в Риме, Ассизи, Перудже, Флоренции, Сиене, видели розовую башню Джотто, Сиенский собор с площадью-ракушкой, Колизей в сумерках, фрески Пенту-

риккьо и многое другое. А Сергей Герасимов, у которого, как мы помним, в самом разгаре роман с актрисой Любовью Виролайнен, приобрел для нее в одной из ювелирных лавок изумительную камешку на платиновой цепочке и огромный янтарный перстень с вкраплениями серебра.

Но вернемся обратно в Советский Союз.

В среду, 21 марта, в Ижевске начались гастроли популярного вокально-инструментального ансамбля «Веселые ребята» в обновленном составе. Дело в том, что прежний состав, «благодаря» стараниям супруги руководителя коллектива Татьяны Слободкиной, был разогнан (туда входили Градский, Лернер, Бергер, Полонский и другие) и взамен были набраны другие музыканты. Причем на первое прослушивание пришло аж 400 человек! Среди них был и ныне известный певец и композитор Вячеслав Малевич. Он тогда работал во ВНИИ стандартизации (закончил Московский институт желдортранспорта), где разрабатывал методы прогнозирования, собирал статистические данные. Однако главной его любовью все-таки была музыка, которой он занимался еще со студенческих времен (его первая песня — «Наташка» — стала всесоюзным шлягером еще в 1967 году). А работа во ВНИИ Малевичу не нравилась: была она монотонной, неинтересной. Как вспоминает сам музыкант: «Я стал саботировать задания. Когда начальник понял, в чем дело, он потребовал завести дневник, в который записывал задания, а я, в свою очередь, отчеты о проделанной работе. Правда, кроме последних, я писал в дневнике разнообразные смешные стихи, читая которые Михаил, так звали начальника, недовольно ворчал: «Что ты вообще сюда ходишь? Шел бы лучше домой...» Таким образом я выражал свой протест против бессмысленной работы, которой вынужден был заниматься в НИИ. Так продолжалось два с половиной года. А потом мне позвонил Павел Слободкин и предложил поработать в их коллективе...»

Кроме Малевича, в новый состав «Веселых ребят» были также отобраны хорошо известные ныне музыканты: Александр Барыкин, Александр Буйнов, Анатолий Алешин.

22 марта горе пришло на улицу советских футбольных болельщиков: две сильнейшие советские команды — «Динамо» (Киев) и

«Спартак» (Москва) — выбыли из дальнейшей борьбы за европейские кубки. Произошло это после того, как киевляне проиграли с разгромным счетом 0:3 в Мадриде тамошнему «Реалу», а «Спартак» сыграл вничью с «Миланом» (в первой встрече, как мы помним, москвичи уступили 0:1).

В эти же дни служебная необходимость забросила известного комедиографа Леонида Гайдая в Сочи. Дело в том, что еще в середине января он закончил снимать свою очередную комедию — «Иван Васильевич меняет профессию» и теперь был занят монтажом и тонированием ленты. Однако по решению худсовета один эпизод ему было рекомендовано переснять — песню жены Шурика Зиночки (Наталья Селезнева). Помните, на берегу моря она поет перед режиссером Якиным песню «Звенит январская вьюга...» голосом Нины Бродской. Этот эпизод переснимали 22—23 марта. Пересъемка «сожрала» по смете 400 рублей.

24 марта в «Комсомольской правде» появилось сообщение, что арктическая экспедиция, предпринятая группой смелых людей (среди них был и популярный актер Никита Михалков) по маршруту, который в 1923 году прошел красноармейский отряд под началом Григория Чубарова, благополучно завершилась. Надеюсь, читатель помнит, что Михалков совершал этот поход, будучи призванным в ряды Советской Армии. Так вот, спустя месяц после похода он благополучно демобилизуется, о чем речь еще пойдет впереди.

26 марта в «Большой перемене» снимали эпизод в автобусе, где великовозрастные ученики 9 «А» исполняют для своего учителя Нестора Петровича песню «Радуга подковою...». На гитаре играл староста класса Федоскин (актер Юрий Кузьменков), ему подпевали его одноклассники: Леднева (Светлана Крючкова), Фукин (Валерий Носик) и др.

В этот же день советский кинематограф понес тяжелую утрату: на 70-м году жизни скончался режиссер Михаил Калатозов. Покойный проработал в кино ровно 50 лет, снял больше десятка картин, однако зрителям запомнился тремя, из которых одна — безусловный шедевр. Речь идет о фильмах: «Валерий Чкалов» (1941), «Верные друзья» (1954) и «Летят журавли» (тот самый шедевр 1957 года выпуска, принесший в том же году советскому кинематографу глав-

ный приз Каннского кинофестиваля). Последней работой Калатозова в кино стала совместная советско-итальянская лента «Красная палатка» (1970), которую он заканчивал, будучи уже серьезно больным. Летом 72-го он пережил тяжелейший инфаркт и клиническую смерть. И хотя врачи буквально вытащили его с того света, однако полностью поправиться он уже не смог.

А жизнь, в том числе и кинематографическая, тем временем идет своим чередом. 27 марта в «Большой перемене» должны были снимать эпизод в декорации «квартира Леднева». Однако из-за болезни Евгения Леонова (он простудился) съемку пришлось отменить.

В тот же день в Москве выходила замуж известная актриса Людмила Максакова. Как мы помним, на протяжении долгого времени она встречалась с латышом немецкого происхождения Петром Игенбергом — и хотя он неоднократно делал ей предложения руки и сердца, она всякий раз тактично уходила от ответа. Но в марте 73-го неприступная крепость все-таки пала. Причем день свадьбы совпал с отмечаемым в СССР Днем театра. Как вспоминает подруга невесты Т. Егорова:

«После утреннего спектакля я бежала что есть мочи на улицу Неждановой, едва успевая на это торжество. Овальный стол был раздвинут и накрыт так, что такое накрытие и во сне не могло присниться. Прибыли из Германии деревья с цветами, просто цветы, масштабы которых не умещались в наше сознание. Двухлетний Максим, сын Антурии (Максаковой. — Ф.Р.), в синем костюме с киской, смотрел на свою мать с изумлением. В белом платье, как облако, с флердоранжем в волосах, она казалась сказочной феей, которая превратила одним движением пальчика серые будни в фантастическое шоу. Было много гостей, через одного — стукачи, много иностранцев из посольства, и на свадьбу приехала знаменитая Зина Игенбергс — мать Ули (так по-домашнему звали жениха. — Ф.Р.). Я сделала Антурии подарок — на реповую ленту повесила старинную серебряную медаль с надписью «За отвагу».

Между тем у другой звезды советского кино — Виктории Федоровой — личная жизнь складывается совсем иным образом. Как мы помним, в прошлом году она развелась со своим вторым мужем, и в течение нескольких ме-

сяцев ее сердце оставалось свободным. Но затем актрису угораздило влюбиться в мужчину, который был вдвое старше ее. Этим человеком был известный сценарист, который чуть ли не с первой встречи сумел не только обаять Федорову, но и сделать ее, что называется, ручной. Дело было так.

Их знакомство произошло на одной из вечеринок, которые устраивала у себя дома известная актриса, подруга Виктории. В разгар веселья к Федоровой подошел упомянутый сценарист, который протянул ей рюмку водки и уговорил выпить с ним за знакомство. Затем бесцеремонно подхватил актрису под локоть и увел за собой в угол комнаты, для более интимного разговора. Как пишет сама актриса, с этого момента она стала собственностью сценариста. Он умел подчинять себе женщин, а она, видимо, уже устала быть свободной и, как всякая женщина, хотела кому-нибудь подчиняться. По ее словам:

«Коля вовсе не принадлежал к числу стареющих мужчин. Во всем его облике было что-то удивительно неряшливое. Но постепенно что-то в нем стало притягивать меня. Должно быть, действовала его бесконечная самоуверенность и непомерное чувство собственной значимости. Ничего общего с теплотой и терпимостью Сергея или собачьей преданностью Ираклия. Если и существовал на свете человек, столь похожий на отца, порожденного моим воображением, то это был Коля. Он просто завладел мной, и я бездумно подчинилась ему...»

Собственно, в этом увлечении актрисы не было бы ничего страшного, если бы не одно «но» — сценарист был сильно пьющим человеком и довольно быстро научил пить и свою возлюбленную. Уже в первый день их знакомства он не успокоился на одной рюмке и заставлял Федорову пить еще и еще, приговаривая: «Водка делает волшебным окружающий мир. Пейте и ничего не бойтесь». В итоге скоро актриса стала его собственностью, и он превратил ее жизнь в ад. Все ее проблемы он разрешал с помощью водки или коньяка. Но это было еще не все. Однажды, когда мать Виктории, популярная актриса Зоя Федорова, уехала на очередные съемки, сценарист набрался наглости и переехал жить к своей возлюбленной. И пока в доме не было хозяйки, чуть ли не ежедневно устраивал пьяные попойки. И когда

мать Виктории вернулась, то она застала жуткую картину: дочь стояла на кухне и с помощью водки пыталась совладать с похмельным синдромом. По словам В. Федоровой:

«Мамуля всей душой ненавидела Колю за то, что он со мной сделал. При виде его ее глаза загорались ненавистью. Если он делал попытку очаровать ее или просто перейти на дружеский лад, она поворачивалась и уходила. Нечего и говорить, что Колю это ничуть не трогало. Его ничто не трогало. Мнение других людей о нем было ему глубоко безразлично.

Но меня отношение мамы к нему выводило из себя.

— Ты не даешь ему никакого шанса, — как-то сказала я ей.

Она холодно поглядела на меня.

— Шанса на что? Сделать пьяницу и из меня?

— Я не пьяница, — отрезала я.

— Не пьяница? Посмотри на себя в зеркало. Это не моя Вика.

Ее слова больно задела меня. Наверное, потому, что я и сама знала: это правда, но еще не готова была взглянуть правде в глаза. Проще было пропустить все мимо ушей.

— Он гений, мамуля. Ты ведь видела фильмы по его сценариям. Поговори с ним, послушай его — и сама поймешь.

Мамуля покачала головой.

— В тебе вся моя жизнь, Вика. Я люблю тебя. Но не твоего Колю. Я с удовольствием посмотрю его фильмы и буду смеяться до упаду. Но пусть он пишет свои сценарии где-нибудь в другом месте. И пусть он губит какую-нибудь другую женщину.

Ее отношение к Коле очень осложняло нашу жизнь, и, пытаясь снять напряжение, я пила еще больше...»

Тем временем в марте Виктория получила очередное приглашение сниматься в одном из фильмов. Чтобы достойно предстать перед глазами режиссера, Виктория должна была бросить пить хотя бы за неделю до показа. Для этого она разработала целую систему: подолгу лежала в горячей ванне, подолгу гуляла. Причем первые два дня дались ей невероятно тяжело. Безумно хотелось выпить, да еще и Коля постоянно подначивал: дескать, хочется выпить — пей. «Жизнь слишком коротка, и в ней не так уж много удовольствий», — философствовал

он. Но Виктория сумела перебороть себя и так и не притронулась к рюмке. Чем здорово досадила сценаристу, который вдруг впервые осознал, что она может быть сильнее его. А сдаваться без боя было не в его правилах.

Однажды, когда Виктория собралась утром выйти подышать свежим воздухом, сценарист преградил ей дорогу. Мол, куда ты не пойдешь! Когда же она попыталась отодвинуть его в сторону, Коля грубо схватил ее за плечи и отбросил назад. Виктория отлетела к столу и упала спиной на него. Было больно, но она сдержала слезы, чтобы не показывать своему ненавистному возлюбленному собственную слабость. Вместо этого она решила действовать хитростью. Она сняла пальто и как бы ненароком положила его на стул возле двери. Потом села и, не обращая на него никакого внимания, сделала вид, что читает журнал. Сценарист же, постояв еще некоторое время у двери, наконец отошел от нее, чтобы в очередной раз наполнить горячительным свой пустой стакан. Когда он был на середине комнаты, Виктория схватила пальто и выбежала из квартиры. Это была ее первая осязаемая победа на Коле, однако до полного разрыва с ним было еще не близко — почти полгода.

Вновь осложнилась ситуация в семье Олега Даля. Он опять взялся за старое — стал сильно выпивать — и вел себя при этом крайне агрессивно. Однажды, в порыве пьяного безумства, когда жена Елизавета сделала ему какое-то замечание, он набросился на нее с кулаками, и той, чтобы спастись, пришлось закрыться от безумца... на чердаке их ленинградского дома. После этого инцидента нервы жены и тещи актера лопнули: они попросили его уехать к себе в Москву. Вот как об этом вспоминает теща Даля О. Эйхенбаум:

«На мой вопрос: «Когда ты уедешь в Москву?» — Олег сказал:

— Ну, через несколько дней...

И вот тут я спросила:

— А почему не завтра?

На это он уже промолчал, а я дала ему 25 рублей на такси и самолет.

На другое утро он очень красиво ушел: отправился в ванную, навел там на себя ослепительный блеск и, став очень элегантным, зашел в таком виде к нам на кухню:

— Ну... Я поехал.

Мы обе промолчали. Он пошел к входной двери, потом вернулся обратно и сказал:

— Я могу оставить пока у себя ключи от квартиры?

На что Лиза сказала:

— Можешь...»

Приехав в Москву, Даль тут же позвонил Владимиру Высоцкому и выложил ему как на духу: устал пить, мне надо срочно «защититься» (Даль знал, что Высоцкий недавно благополучно проделал такую же операцию). Тот ему ответил коротко: «Приезжай». Спустя час Даль уже был на квартире коллеги в Матвеевском. Высоцкий подвел гостя к одной из тумбочек, открыл ее, после чего у Даля аж дух перехватило от изумления: чуть ли не все нутро тумбочки занимали красивые коробочки с «эспералью» («надежда» в переводе с французского). «Что, нравится? — засмеялся Высоцкий. — Это мне Марина привезла. Вот эти слева мои, а справа — теперь твои. Всегда, когда надо, — ради бога. Только перед этим ты должен три дня не пить. Выдержишь?» «Выдержу», — уверенно ответил Даль.

28 марта на свет появился инструментальный ансамбль «Мелодия». Причем появился он на свет «благодаря» разгону другого коллектива — ансамбля радио и телевидения под управлением Владимира Людвиковского. Последний был чрезвычайно известен не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Однако у него был один серьезный «изъян» — в его составе работали шестеро музыкантов еврейской национальности. А тогдашний председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин, как мы помним, сильно недолюбливал именно представителей этой нации. Когда в одной из передач музыкантов оркестра Людвиковского для лучшего эффекта посадили на специальные кубы, Лапин страшно возмутился: «Вы бы еще посадили оркестр на шестиконечные звезды!..»

Однако, как гласит легенда, чашу терпения Лапина переполнил один случай: Людвиковского угораздило вляпаться в «аморалку» (то ли выпил лишнего, то ли еще что-то подобное), и председатель Гостелерадио с ходу подписал приказ о роспуске оркестра. Даже заступничество известных людей, которые бросились на помощь коллективу, не помогло. Когда известный композитор Матвей Блантер, чей шлягер

«Березовый сок» в том году побил все рекорды популярности, при личной аудиенции с Лапиным сказал: «Это же самый лучший оркестр Европы! Его даже Би-би-си крутит!», Лапин в ответ парировал: «Именно поэтому такой оркестр нам и не нужен». Так был разогнан один коллектив и на его обломках возник другой — «Мелодия», который возглавил бывший музыкант оркестра Людвиковского Георгий Гаранян.

В четверг, 29 марта, в Москве состоялись похороны Михаила Калатозова, собравшие многих известных людей. Двое из них — Лев Кулиджанов и Сергей Бондарчук — на траурной церемонии поссорились. Суть конфликта состояла в следующем. Кулиджанов в те дни работал над документальным фильмом о космонавтах и уговорил Бондарчука читать в нем дикторский текст. Запись фонограммы началась еще в середине марта, а на похоронах Калатозова Бондарчук внезапно заявил, что отказывается от участия в картине. Как пишет в своем дневнике автор сценария к фильму Я. Голованов:

«Говорил я Кулиджанову, что не надо связываться с кинозвездами: Скобцева запретила Бондарчуку озвучивать фильм Кулиджанова, поскольку она считает, что это «не по рангу» для столь великого актера и режиссера. Актер он действительно хороший, и голос такой, какой нужен, и вот тебе раз... Кулиджанов приехал с похорон Калатозова злой как черт, считает, что Бондарчук его предал...» (Фонограмму в фильме будет озвучивать Алексей Баталов. — Ф.Р.)

В тот же день Лариса Мондрус и ее муж Эгил устроили у себя дома прощальный обед в честь своего отъезда в Израиль. Как пишет Б. Савченко: «Из Риги приехали родители Ларисы, другие родственники. Пришла Люся Дороднова (домработница Мондрус, потом она станет работать у Аллы Пугачевой. — Ф.Р.). Неожиданно нагрянул Муслим Магомаев. Свидетельством визита осталась подаренная пластинка с надписью: «Дорогим друзьям Ларисе и Эгилу с сердечным пожеланием. Где бы вы ни были, не забывайте друзей! Будьте всегда счастливы. Муслим. 29. 03. 73 г.».

Проводы были тоскливые, но еще более мучительным получилось расставание в Шере-

метьеве. Туда отправились на следующий день на двух машинах...

Родители Мондрус, Лидия Григорьевна и Гарри Мацлияк, держались мужественно, хотя понимали: расставание могло быть и навеки. Лидия Григорьевна с окаменелым лицом шла за дочерью, но, когда ограждающий барьер разделил их, они обе разрыдались. У Лидии Григорьевны началась настоящая истерика, ее с трудом оторвали от решетки...

Таможенный досмотр. Тихий и обстоятельный, как работа в мертвецкой... Паспортный контроль. Жуткое по своей тупости лицо пограничника... Все! Кажется, все. Эгил Шварц оглянулся назад, где за решеткой — и в прямом и в переносном смысле — беснующаяся Лидия Григорьевна, плачущий Мацлияк, перепуганные родственники, и мысленно сказал себе: «Ты не вздумай, Эгил, когда-нибудь вернуться сюда и переступить эту границу». Только Дик (собака отъезжантов. — Ф.Р.), которого разрешили взять в кабину, перешел Рубикон весьма легкомысленно, оставил небольшую лужицу у чьих-то вещей...»

В пятницу, 30 марта, в газете «Советская культура» была напечатана статья журналиста М. Шлифера под названием «Частным порядком», посвященная февральским гастролям Владимира Высоцкого в Новокузнецке (певец был там 3—8 февраля). Несмотря на небольшой объем заметки, ей суждено будет поднять такую волну, какую давно не поднимали вокруг имени Высоцкого отечественные СМИ (в последний раз нечто подобное было напечатано летом 68-го в «Советской России»). О чем же писалось в злополучной заметке? Привожу ее полностью:

«Приезд популярного артиста театра и кино, автора и исполнителя песен Владимира Высоцкого вызвал живейший интерес у жителей Новокузнецка. Билеты на его концерты в городском театре многие добывали с трудом. У кассы царил ажиотаж.

Мне удалось побывать на одном из первых концертов В. Высоцкого в Новокузнецке. Рассказы артиста о спектаклях столичного Театра на Таганке, о съемках в кино были интересными и по форме и весьма артистичными. И песни он исполнял в своей, очень своеобразной манере, которую сразу отличишь от любой другой. Артист сам заявил зрителям, что не обла-

дает вокальными данными. Да и аудитория в этом легко убедилась: поет он «с хрипотцой», тусклым голосом, но, безусловно, с душой.

Правда, по своим литературным качествам его песни неравноценны. Но речь сейчас не об этом. Едва ли не на второй день пребывания Владимира Высоцкого в Новокузнецке публика стала высказывать и недоумение, и возмущение. В. Высоцкий давал по пять концертов в день! Подумайте только: пять концертов! Обычно концерт длится час сорок минут (иногда час пятьдесят минут). Помножьте на пять. Девять часов на сцене — это немыслимая, невозможная норма! Высоцкий ведет весь концерт один перед тысячей зрителей, и, конечно же, от него требуется полная отдача физической и духовной энергии. Даже богатырю, Илье Муромцу от искусства, непосильна такая нагрузка!»

Трудно понять, в чем заключается главный смысл заметки. То ли автор заботится о здоровье Высоцкого, то ли, наоборот, обвиняет его в стремлении «зашибить деньгу». Но когда ознакомишься с комментарием «Советской культуры», помещенным внизу заметки, все сразу становится на свои места. А сообщалось в нем следующее:

«Получив письмо М. Шлифера, мы связались по телефону с сотрудником Росконцерта С. Стратулатом, чтобы проверить факты.

— Возможно ли подобное?

— Да, артист Высоцкий за четыре дня дал в Новокузнецке 16 концертов.

— Но существует приказ Министерства культуры СССР, запрещающий несколько концертов в день. Как же могло получиться, что артист работал в городе с такой непомерной нагрузкой? Кто организовал гастроли?

— Они шли, как говорится, «частным» порядком, помимо Росконцерта, по личной договоренности с директором местного театра Д. Барацем и с согласия областного управления культуры. Решили заработать на популярности артиста. Мы узнали обо всей этой «операции» лишь из возмущенных писем, пришедших из Новокузнецка.

— Значит, директор театра, нарушив все законы и положения, предложил исполнителю заключить «коммерческую» сделку, а артист, нарушив всякие этические нормы, дал на это согласие, заведомо зная, что идет на халтуру. Кстати, разве В. Высоцкий фигурирует в спи-

ске вокалистов, пользующихся правом на сольные программы?

— Нет. И в этом смысле все приказы были обойдены.

Директор Росконцерта Ю. Юровский дополнил С. Стратулату:

— Программа концертов никем не была принята и утверждена. Наши телеграммы в управление культуры Новокузнецка с требованием прекратить незаконную предпринимательскую деятельность остались без ответа.

Так произведена была купля и продажа концертов, которые не принесли ни радости зрителям, ни славы артисту.

Хочется надеяться, что Министерство культуры РСФСР и областной комитет партии дадут необходимую оценку подобной организации концертного обслуживания жителей города Новокузнецка».

Забегая вперед, сообщу, что вскоре после этой публикации в Новокузнецке, на основании приказа начальника областного управления культуры, будет проведена проверка бухгалтерских книг драмтеатра имени Орджоникидзе, где выступал Высоцкий. Однако о том, чего накопала эта проверка, я расскажу чуть позже, а пока вернемся к мартовской хронике, в частности, в день 30 марта, когда в «Советской культуре» появилась злополучная статья. Вспоминает Ю. Карева:

«Володя позвонил мне в Казань и сказал, что мне обязательно надо посмотреть «Гамлета». Дескать, понимаю, что у тебя работа, дом, но ничего страшного — вечером прилетишь, посмотришь спектакль, а утром обратно в Казань. За билет, если надо, заплачу сам. Я приехала и, как договорились, позвонила Нине Максимовне, потому что заставить его дома было невозможно, а маме он звонил через каждый час. И Нина Максимовна передала, что Володя будет ждать меня у служебного входа за час до спектакля. В шесть часов я была на Таганке. Сказали, что Высоцкого еще нет. Только перед самым началом подъехал шикарный «Мерседес». Из него вышел Володя. Он был весь желтый. На нем не было лица. Не глядя ни на кого, он направился прямо ко мне:

— Сегодня не ходи. Спектакль будет плохой. В любой другой день пожалуйста...

Я сквозь слезы стала что-то объяснять ему, что больше у меня не будет возможности вы-

рваться в Москву, что я специально только на «Гамлета» приехала.

— Ну, как хочешь...

Гамлет поразил своей жестокостью, аскетизмом формы. Я другого ожидала, чего-то более привычного, понятного, классического, что ли...

И уходила из театра разочарованная. Вечером позвонила Нина Максимовна, чтоб узнать мое впечатление. Я сказала все, что думала, и она, кажется, обиделась и спросила, читала ли я сегодняшний номер «Советской культуры». Я не читала. А там, оказывается, была напечатана ужасная разгромная статья о Высоцком. И я поняла, почему он приехал на спектакль в таком подавленном состоянии...»

Между тем тот день 30 марта оказался для Высоцкого только наполовину «черным»: именно тогда ОВИР поставил свое «добро» на его документах для выезда за границу. И хотя впереди еще предстояло утверждение документов в более высокой инстанции — в МГК КПСС, однако один барьер Высоцким был благополучно преодолен. Правда, он узнает об этом чуть позже.

А вот Людмила Зыкина считает день 30 марта одним из самых счастливых в жизни: именно тогда ей присвоили звание народной артистки Советского Союза.

31 марта в Москве в торжественной обстановке открылся очередной чемпионат мира по хоккею с шайбой (кстати, чуть больше месяца назад здесь же проходил и чемпионат мира по хоккею с мячом, который в 8-й раз выиграли советские хоккеисты). Если учитывать, что в Москве чемпионаты мира по хоккею с шайбой не проводились с 1957 года, легко себе представить тот ажиотаж, который сопровождал этому событию. В кассах Дворца спорта в Лужниках были раскуплены билеты не только на матчи с участием сильнейших команд, но даже и на игры явных аутсайдеров. В день открытия турнира наша сборная встречалась с командой ФРГ и легко обыграла ее со счетом 17:2. По три шайбы забил Александр Якушев, Борис Михайлов и Александр Мальцев.

В конце главы, как всегда, взглянем на столичную афишу развлечений. Начнем с кино. 19 марта на экраны столичных кинотеатров вышли два новых фильма: «Бой с тенью» режиссера Валентина Попова, посвященный спорт-

сменам-боксерам, с участием Н. Беспаловой, П. Сергеичева и др., и фильм Ирины Поплавской «Я — Тянь-Шань» с Дюйшен Байтобетовым, Динарой Чочунбаевой и Суйменкулом Чокморовым в главных ролях; 26-го — шпионский боевик Вениамина Дормана «Земля, до востребования», повествующий о деятельности в тылу врага знаменитого советского разведчика Льва Маневича, образ которого на экране воплотил Олег Стриженов. Из зарубежных фильмов отмечу два: французскую комедию «Старая дева» Ж.-П. Блана с Анни Жирардо в главной роли и румынскую историко-приключенческую ленту «Приданое княжны Ралу» Дину Коча с участием красавца Флорина Пьерсика.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Пришел солдат с фронта» (впервые по ТВ 16-го), «Тихий Дон» (16—18-го), «Гаврош» (17-го), «Приключения Кроша», «Роли Олега Ефремова» (премьера т/ф 18-го), «Тайник у «Красных камней» (премьера т/ф 19—22-го), «Красные дьяволята», «Ночной патруль» (24-го), «Приключения канонира Долаша» (Польша, впервые по ТВ 24—25-го), «Трембита» (26-го), «Тайна двух океанов» (26—27-го), «Инженер Прончатов» (премьера т/ф 26—28-го), «Завещание старого мастера» (премьера т/ф 26—29-го), «Капитан Тенкеш» (Венгрия, с 26-го, 13 серий), «Гиперболоид инженера Гарина» (29-го), «Максимка» (30-го), «Тайна железной двери» (31-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 16-го в ЦТСА — «Когда придет мой час»; 23-го на Малой Бронной — «Ситуация» В. Ро-

зова с участием Николая Волкова, Ольги Яковлевой, Леонида Броневского, Льва Крутого и др.

Афиша эстрадных представлений выглядела так: 19—25-го — в ГТЭ состоялись концерты с участием Ивана Суржикова, ВИА «Ялла», Кола Бельды и др.; 26-го — в ГЦКЗ «Россия» прошел творческий вечер Мариса Лиепы; 24—31-го — там же играл оркестр Олега Лундстрема, солисты: Алла Пугачева, М. Розова, Д. Ромашков; 24—25-го — в ЦДКЖ ВИА «Самцветы»; 23—28-го в «Октябре» — ВИА «Песняры»; 26—27-го в ГТЭ, 31-го в «Октябре» — Иосиф Кобзон; в Доме офицеров Академии имени Жуковского — Мария Кодряну.

Из новинок «Мелодии» назову следующие пластинки: миньоны — «Песни Д. Тухманова в исполнении ВИА «Веселые ребята» («Как прекрасен этот мир» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «Рыбацкая песня», «Любовь — дитя планеты» (Д. Тухманов — Е. Евтушенко), «Легко влюбиться»); «Поет ВИА «Песняры» с песнями: «Березовый сок» (В. Баснер — М. Матусовский), «И здесь гора, и там гора» (белорусская народная песня), «Олеся» (И. Лученок — А. Кулешов); «Поет Муслим Магомаев» с песнями: «Песня прощения» (А. Попп — Р. Рождественский), «Какая ночь» (А. Мажуков — А. Фет), «Я дам тебе больше» (М. Ремиджи — А. Тест, русский текст А. Горохова), «Одинокая» (О. Фельцман — И. Кохановский); «Поет Майя Кристалинская» с песнями: «Полынь» (А. Пахмутова — Р. Рождественский), «Верба-вербочка» (Я. Френкель — Р. Рождественский), «Взрослые дочери» (О. Фельцман — Н. Доризо), «Подкова» (А. Изотов — С. Гершанова).

1973

Апрель

Олег Даль и Георгий Бурков: борьба с алкоголизмом. Станислав Ростоцкий в Америке: «Оскар» получают другие. Григорий Козинцев смотрит «Гамлета» в Театре на Таганке. Умерла Алла Тарасова. Матч СССР—ЧССР: Брежнев в почетной ложе. В Завидово готовят доклад для генсека. Женоубийца в пивной «Стрелка». Закончили снимать «Большую перемену». На базе советских хоккеистов в Новогорске. 60 лет Александру Менакеру. Как Никита Михалков, вернувшись из армии, искал свою невесту. Муки Даля после «зашивки». Актер «Таганки» сражен стрелой. Высоцкий получает загранпаспорт. Сборная СССР — чемпион мира по хоккею. Тройное убийство под Челябинском. Лев Кинг будет сниматься у Эльдара Рязанова. Ленинская премия Леониду Брежневу. Как Высоцкий пересекал границу СССР. Умер Николай Симонов. Солженицын: развод после третьего суда. Высоцкий в Западном Берлине: первое потрясение. Кинофестиваль в Алма-Ате. 90 лет Буденному. Пленум ЦК: перестановки в руководстве. Фаворитка Брежнева. Итоги Всесоюзного кинофестиваля. Убийство в Шахтах. Премьера фильма «Большая перемена»: одни хвалят, другие ругают.

В воскресенье, 1 апреля, Олег Даль позвонил из Москвы на питерскую квартиру своей жены Елизаветы. Как мы помним, в середине марта, после очередного загула, жена и теща выставили его из дома, и в течение этих дней Даль гордо игнорировал свою ленинградскую родню. Только однажды теща набралась смелости позвонить ему по телефону, однако разговор не получился — зять был сух и холоден. И вдруг в первый день апреля он позвонил сам и, попав на жену, сообщил ей, что отныне проблем с выпивкой у него не будет. Супруга не поверила: мол, знаем — слышали не раз, и вообще это не повод для первоапрельской шутки. И повесила трубку.

На следующий день Даль приехал в Питер, но дома застал одну тещу. Жена пришла с работы чуть позже и, когда вошла в комнату, была с ходу поставлена перед фактом: Даль жестом остановил ее на полпути, повернулся спиной и приспустил штаны, обнажив ягодицы. Там виднелся свежий шрам от зашитой «торпеды».

— Теперь ты мне веришь? — спросил Даль, водружая штаны на место.

Потом он расскажет супруге, что «зашиться» ему помог Высоцкий. Это он выделил ему несколько коробок «эсперали», он же свел и со своим врачом — Германом Баснером (родной брат композитора Вениамина Баснера). Тот лечил Высоцкого и Даля бесплатно, только брал с них расписку после операции. Потому что «торпеда» — дело опасное. Если человек не выдерживал и все-таки выпивал, то мог запросто если не «копыта откинуть» (выражение самого Олега Даля), то сделаться парализованным инвалидом. Кстати, и Высоцкий и Даль думали, что «эспераль» действует в течение 2 лет, хотя на самом деле срок ее действия исчислялся от 10 до 12 месяцев. Но Марина Влади, которая привозила это лекарство из Франции, специально сказала Высоцкому про 2 года, чтобы тот подольше не употреблял спиртное. И такое ему расписала про тех, кто не сдержался, — мол, и мрут в муках, а если выживают, то на всю жизнь становятся инвалидами, — что у Высоц-

кого надолго пропадала тяга к «зеленому змию». Правда, так будет только в первый раз.

Примерно в это же время лечился от алкоголизма и другой популярный актер — Георгий Бурков. Вот как он сам описывает это лечение:

«Вот уже скоро месяц, как меня лечат от хронического алкоголизма. Лечат все. Начиная от жены и кончая доктором К., общепризнанным авторитетом на алкогольном фронте. Замечаю за собой, что фамилию К. я произношу с удовольствием и не без кокетства. Дескать, я служу у него, вместе воюем с хроническим алкоголизмом, с моим в том числе. Ужасно хочется причислить себя к избранным, к особого рода больным. С врачами я беседую сдержанно, всячески выгораживая себя и облагораживая свои запои. Зачем? Я же лечусь, у меня же болезнь! Попробуем разобраться. Лечить меня начали давно. Мать, Татьяна, друзья, враги и целая армия доброжелателей. Сейчас, когда я согласился с тем, что я болен, они хором говорят: «Я же говорил (а)». Мне слышится этот хор (а еще говорю, что не мучаюсь слуховыми галлюцинациями), необыкновенно слаженный и стройный. Все сейчас счастливы лично, все счастливы за меня, и никто наверняка не скрывает своей радости и счастья перед встречным. Но я настолько точно предчувствовал это повальное и массовое счастье, что предупредительно оповестил всю Москву о своем добровольном заточении, оставив своим доброжелателям лишь одну возможность — примазаться к моему героическому поступку. Лидерства я не упустил и в этом...»

В тот день, когда Даль приехал в Ленинград, в Москве на чемпионате мира по хоккею с шайбой произошла первая сенсация: сборная Швеция обыграла одного из главных претендентов на золотые медали — команду Чехословакии — 2:0. А наши ребята без особых усилий победили финнов 8:2.

Кинорежиссер Станислав Ростоцкий в те дни находится в США, куда его привело отнюдь не праздное любопытство, а служебная необходимость — его фильм «А зори здесь тихие...» ни много ни мало номинировался на премию «Оскар-72» в номинации «Лучший иностранный фильм». Церемония состоялась в самом конце марта, а в советских газетах информация об этом появилась в начале апреля. Торжество

было ознаменовано грандиозным скандалом. За исполнение роли в фильме «Крестный отец» «Оскара» должен был получить актер Марлон Брандо, но он от награды отказался в знак солидарности с индейцами, держащими осаду в поселке Вундед-Ни (в переводе с английского — «раненая коленка») в резервации Пайн-Ридж (штат Южная Дакота). Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, стоит рассказать подробнее об этой осаде.

Все началось 27 февраля, когда около двухсот индейцев племени сиу — членов Движения американских индейцев за гражданские права, основанного в 1970 году, захватили здание бюро по индейским делам и выдвинули требование: сенатской комиссии во главе с сенатором Эдвардом Кеннеди следует немедленно начать расследование деятельности правительственного бюро по делам индейцев и МВД, дискриминирующих коренное население Америки. Индейцы требовали проверить 371 договор, который они когда-то подписали с белыми и большинство из которых последние бессовестно нарушают.

Поначалу власти отнеслись к этой индейской акции без должного внимания и, блокировав захваченное здание, предложили краснокожим добровольно покинуть его. Дескать, кончайте бузить, расходитесь, а мы, в свою очередь, так и быть, обязательно рассмотрим ваши требования. Но индейцы на это не купились и извлекли на свет огнестрельное оружие, которым заранее запаслись. Только после этого власти поняли, что дело пахнет керосином. В начале марта ситуация в Вундед-Ни накалилась до такой степени, что началась перестрелка индейцев с полицией. Появились первые раненые, к счастью, не смертельно. Но и этого хватило, чтобы власти объявили в Вундед-Ни блокаду и отключили в зданиях, которые захватили индейцы, воду и электричество. Одновременно были заведены уголовные дела против 31 краснокожего активиста. Вся Америка с интересом следила за этими событиями и разделилась на две половины: одна часть была на стороне властей, другая поддерживала краснокожих. К стану последних примкнул и актер Марлон Брандо. Когда на церемонии вручения «Оскара» подошла его очередь выходить на сцену (а к тому времени ситуация в поселке оставалась напряженной — власти уступят требо-

ваниям индейцев только 25 апреля), вместо него вышла девушка из племени апачи по имени Шашин Маленькое Перо и зачитала заявление актера. Приведу отрывок из него:

«Голливуд, крупнейший кинематографический центр, виновен в том, что в лентах, выпускаемых в его студиях, индейцы изображены враждебными, злыми, дикими существами. Голливуд постоянно высмеивает черты индейского характера, издевается над самым дорогим для каждого индейца. Как же индейские дети могут смотреть в глаза друг другу, когда они постоянно видят, как на экране высмеивается и унижается народ, к которому они принадлежат?!»

А теперь послушаем рассказ С. Ростюцкого, который наблюдал за всем этим действием непосредственно из зрительного зала. Правда, его повествование начнется чуть раньше — за несколько часов до начала церемонии:

«Поначалу номинантов на лучший зарубежный фильм везут через весь Лос-Анджелес. Едет колонна, семь «Кадиллаков». Впереди две машины с американцами, с двумя флагами — страны и штата. Дальше автомобили с номинантами. Тоже с флагом — той страны, которую он представляет. У каждого такого номинанта два опекуна, его «повивальные бабки». Моими были два великих. Один — Рубен Мамулян, знаменитый режиссер, выходец из России. Другой мой опекун — не менее знаменитый режиссер Франк Капра. Кавалькаду сопровождают мотоциклисты.

На пути нашем была одна приятная встреча. Во время остановки рабочие, строители, стоявшие на лесах, увидев флаг СССР, оживились и стали криками и аплодисментами приветствовать нашу машину.

Приехали, шли по проходам мимо трибун. На них сидят киномены, они дежурят там порой сутками, чтобы занять лучшие места. Объявляет диктор имена идущих: «Вот идет Джон Уэйн...», «Вот Лайза Миннелли...», «Вот советский режиссер Станислав Ростюцкий...». В зале дамы в бриллиантах, в роскошных туалетах. В тот день я впервые в жизни надел смокинг...

В общем, я не ждал награды. В тот год среди номинантов моей группы была картина Луиса Буньюэля «Скромное обаяние буржуазии», я понимал, что она получит «Оскара». Волно-

вался я по другому поводу. Когда объявили о присуждении премии великому актеру Марлону Брандо, вместо него на сцену вышла женщина-индейка и сообщила, что актер отказывается от награды в знак солидарности с индейцами деревни Вундед-Ни. И зарыдала. В зале поначалу зашипели, потом зааплодировали. Налицо был скандал, подумалось, что сейчас телетрансляцию наверняка выключат. Но ничего не выключили, да еще показали на следующий день, добавив Марлона Брандо с индейским пером в голове... Словом, сидел я в ожидании объявления результата нашей номинации и одновременно решал трудную задачу: как быть, если я все же получу премию? Награжденный должен бегом бежать на сцену и сказать несколько слов залу. Что мне делать, ежели я стану лауреатом? Отказаться, как Марлон Брандо, из солидарности с индейцами деревни Вундед-Ни? Приеду домой, а мне пошнее за отказ... Возьму премию, а мне в Москве скажут: «Что же ты, сукин сын, наделал? Брандо отказался, а советский человек взял этого «Оскара»!

Жуткий был момент. Наконец, объявили, что премия, как я и ожидал, присуждена «Скромному обаянию буржуазии». Слава богу!..»

Но вернемся на родину. 3 апреля в Театре на Таганке шел спектакль «Гамлет». В числе зрителей был и режиссер с «Ленфильма» Григорий Козинцев, который десять лет назад потряс мир своим киношным «Гамлетом». По свидетельству очевидцев, спектакль шел очень хорошо, поскольку актеры были прекрасно осведомлены, что «главный шекспировский» режиссер (Козинцев экранизировал еще «Короля Лира», кроме этого, через пару дней он должен был отправиться на шекспировский конгресс в Германию) сидит в зале. В антракте Козинцев не стал обсуждать увиденное на сцене, сказал лишь, что Высоцкий очень хорош. И эта скупая похвала дорогого стоила.

Близятся к завершению съемки фильма «Большая перемена». Как мы помним, к этому времени были сняты 99 процентов материала и оставалось снять всего лишь две сцены. В частности, 4 апреля снимали эпизод на свадьбе Петрыкина: помните, тот выводит Нестора Петровича на лестничную площадку и пытается вновь втолковать ему, что Ляпишева он вы-

ручать не собирается. Но Нестор упорствует, мол, «вы хороший человек, вы должны это сделать». Петрыкин сопротивляется, даже оскорбляет одного из своих друзей, пришедших на его свадьбу (актер Киреев), но в итоге все-таки сдается.

5 апреля в Москве от саркомы мозга умерла прославленная актриса МХАТа Алла Тарасова. Вот как вспоминает о ней В. Шиловский:

«Тарасова по своей сути была воплощением Турусиной (героиня пьесы А. Островского «Без вины виноватые», кстати, это была последняя роль Тарасовой в театре. — Ф.Р.). В ней было достаточное количество ханжества. Хотя как женщина она была цельная, мощная. Ни одно пятно, ни одна сплетня за всю ее жизнь не прослеживалась. Кузьмин, белогвардейский офицер, роман с Прудкиным, потом Москвин и, наконец, Александр Иванович Пронин, генерал-майор в отставке. Вот и весь ее послужной список как женщины. В этом отношении она была очень цельна. Но в жизненном смысле был иногда ханжеский подход, а это Турусина...

Вышел указ о присвоении Тарасовой звания Героя Социалистического Труда. Я подарил ей громаднейший букет цветов. Пришел пораньше в театр. И когда Алла Константиновна вошла, я встал на колени и бросил к ее ногам букет и расцеловал ей руки. Все аплодировали. Она была как воздушная:

— Ах, Сева, перестаньте...

Это был прелестный день. После репетиции мы пили шампанское. А через полтора месяца Тарасовой не стало. Она буквально сгорела. Помогли, конечно, врачи из кремлевской больницы. Ее пытались спасти в госпитале имени Бурденко. Но было уже поздно. Алла Константиновна очень мужественно умирала. Мы ее навещали. Она не пускала нас до тех пор, пока не была в порядке — в белой кофточке, причёсанная. Прическа всегда была одна и та же. Волосы набок...»

Стоит отметить, что Звезду Героя Социалистического Труда Тарасовой так и не успели вручить при жизни — ее положили на подушечку у гроба замечательной актрисы в день похорон 9 апреля.

В тот день, когда умерла Тарасова, в Москве снимался очередной эпизод фильма «Следствие ведут знатоки» из дела № 8 «Побег».

В том эпизоде в дом героини, которую играла Ия Саввина, приходил участковый милиционер с сообщением, что из колонии сбежал ее муж (актер Леонид Марков). В это время радиоприемник, висевший на кухне, транслирует очередной матч чемпионата мира по хоккею, в котором встречаются два фаворита турнира — сборные Советского Союза и Чехословакии. Этот матч начался в половине восьмого вечера и привлек к себе внимание огромного числа людей. Сам генсек Леонид Брежнев явился в почетную ложу Дворца спорта в Лужниках, чтобы воочию понаблюдать за перипетиями этого захватывающего матча.

Первый период прошел во взаимных атаках и завершился вничью 1:1. Во второй двадцатиминутке наши сумели выйти вперед, а в середине третьего периода Харламов увеличил разрыв до двух шайб. После этого многим показалось, что дело сделано. Однако чехословаки думали иначе. Вскоре один из наших игроков отправился на скамейку штрафников, и гости вновь сократили разрыв до минимума. Вот когда напряжение в матче достигло своего высшего накала. Концовка матча прошла в непрерывных атаках на ворота Третьяка, но наш голкипер творил настоящие чудеса вратарской техники, так и не позволив сопернику «распечатать» свои ворота еще хотя бы один раз. Таким образом, после четырех игр, в которых наша сборная умудрилась забросить 37 (!) шайб, она возглавила турнирную таблицу чемпионата.

Кстати, Брежнев пришел на тот матч не случайно: он хотел отвлечься от проблем, которые навалились на него накануне Пленума ЦК КПСС, на котором планировались серьезные перестановки в составе Политбюро. Вот как вспоминает об этом А. Ковалев:

«В начале апреля 1973 года мне позвонили от Брежнева и сказали, что он приглашает меня к себе с несколькими товарищами на подмосковную дачу. Дорогу в Завидово я знал, но на даче у Брежнева никогда до того не был. Я был несколько удивлен таким приглашением. В нем заключалось нечто необычное. Оказалось, что Брежнев позвал к себе всего несколько человек: Александрова, Блатова, Арбатова, Черняева, меня и, по-моему, еще Николая Шишлина.

В маленьком кабинете Брежнева на втором этаже он начал разговор издали, в каком-то

исповедальном тоне. Лейтмотивом было чувство углубляющегося одиночества, которое, по словам Леонида Ильича, все больше дает о себе знать. Нам, людям довольно опытным и привыкшим к манере изъяснений генсека, не составляло особого труда расшифровать, что речь он ведет о продуманных им перестановках в руководстве, в Политбюро. Но об этом и о каких-либо конкретностях он прямо не говорил. Поставил же точку в разговоре с нами своеобразным образом: взял трубку телефона и соединился с Андроповым. «Юрий, — сказал Брежнев, — у меня такие-то, — он назвал наши фамилии. — С этого момента считай их арестованными и не своди с них глаз... Слышали? — спросил Брежнев нас. — Ну пошли пить чай. Виктория Петровна приглашает».

А теперь из жизни сильных мира сего перенесемся в жизнь простых советских граждан. В те годы, о которых идет речь, огромной популярностью у сильного пола столицы пользовались пивные, которых в Москве было что грибов после дождя. Помню, напротив Сада имени Баумана, на углу Гороховского переулка и улицы Карла Маркса, был пивной подвальчик, где всегда толпились толпы страждущих. Будучи тогда еще сопливым мальчишкой, я буквально исходил любопытством хотя бы раз заглянуть в нутро этого заведения. Но каждый раз, когда я оказывался возле пивной, мои ноги сами сворачивали в сторону. Никак я не мог преодолеть робость, чтобы пройти мимо толпы страждущих, которые с кружками в руках стояли у входа, и спуститься вниз. Так продолжалось очень долго, пока наконец вместе с кем-то из приятелей мы не набрались смелости и не заглянули в пивное чрево. То, что я увидел там, повергло меня в ужас: полутемное помещение было битком забито преимущественно мужиками, причем воздух был настолько сперт, что у меня с непривычки начало резать глаза. Пробыв там меньше минуты, мы с дружкой пулей выскочили на чистый воздух, дав себе слово больше никогда туда не спускаться. Кстати, сейчас на этом месте никакой пивной уже давно нет, хотя сама дверь в подвальчик существует, но ведет она теперь в подсобные помещения коммерческого магазина.

Однако вернемся в апрель 73-го, а именно — в одну из столичных пивных, которая располагалась аккурат возле Бутырской тюрь-

мы и называлась в народе «Стрелка» (за то, что стояла на пересечении двух трамвайных путей). Об одном эпизоде, который произошел в этой пивнухе в апреле 73-го, вспоминает В. Саженцев:

«Под ногами в тот день хлюпал смешанный с грязью и рыбьей чешуей снег. Мы стояли своей компанией и зачем-то перешли с пива на дешевый портвейн. Водки, помнится, в магазине не случилось. Портвейн мы наливали прямо в пивные кружки.

Мы не заметили, как рядом примостился не старый еще мужчина. Страшен был его взгляд. Пальцы дрожали. Лицо покрывала испарина. Впрочем, мало ли в пивной бывает таких людей. Мало ли у кого дрожат пальцы... И только позже кто-то из нас обратил внимание, что снег под мужчиной — красный. «Эй, мужик, — сказали мы ему, — у тебя кровь идет». Он скопил глаза, вздохнул. Поддернул рукав. Между локтем и запястьем была у него рана — косой такой разрез, чуть прикрытый лоскутком кожи... «Тебе же к врачу надо». Он медленно покачал головой: «Врача не надо... Я жену только что убил. Какие уж тут врачи». — «Ты что несешь?» — ужаснулись мы. «А чего ж не убить, — ответил несчастный, — раз она... Не хотел — получилось. Хорошо, дочка у матери сегодня, не видела. Монтажником работаю. Командировки. То-се. Вот и нашла она себе другого. Загуляла» — «Ну, и бросил бы ты ее к чертовой матери», — не к месту сказал кто-то из нас. «Бросил бы... Да ведь, получается, она меня бросила». — «Убивать-то зачем?» — «Зачем, спрашиваешь? А затем, что она сравнивала...» И он сообщил, что именно сравнивала она. «Чем ты ее?» — «Какая разница, чем... Руками. У нее, правда, нож оказался. Видно, отмахнулась. Я и не помню». — «И куда ты теперь?» — «Ментам сдаваться. Куда ж еще... Вот решил напоследок зайти по старой памяти пивка на «Стрелке» выпить». — «Это ты зря, скажут — пьяный, за это могут срок накрутить». — «А мне по фигу. Ладно. Идти уже пора. Не пьется сегодня пиво. Кислое оно сегодня... Бывайте».

Он выплеснул остатки пива на покрасневший снег. Наморщился, видно, почувствовал-таки боль в раненой руке. И ушел.

Напились мы тогда чудовищно.

Портвейн с пивом — жуткая смесь...»

В пятницу, 6 апреля, в «Большой перемене» снимали последний эпизод: Леднев приходит к жене Петрыкина, чтобы вызвать ее на товарищеский суд. По плану, запечатлеть этот эпизод на пленку должны были еще 27 марта, однако внезапно заболел исполнитель роли Леднева Евгений Леонов, и съемки пришлось отложить (это время группа посвятила монтажно-тонировочным работам). Наконец, 6 апреля все трое участников съемок — Леонов, Ролан Быков и Люсьена Овчинникова — в назначенное время собрались во 2-м павильоне «Мосфильма». Сцену отсняли за четыре часа. На этом съемки фильма завершились.

7 апреля на чемпионате мира по хоккею, который проходил в Москве, должна была состояться принципиальная встреча: СССР — Швеция. После того как наши ребята одолели сборную Чехословакии, единственной командой, которая могла бросить вызов советской дружине, оставалась шведская сборная. Поэтому к этой встрече «Тре крунур» подошла хорошо отмотобилизованная, с огромным желанием выиграть. Однако уже первая двадцатиминутка показала, что этим надеждам не суждено сбыться — наша сборная выиграла ее со счетом 4:0. А окончательный итог — 6:1 в пользу сборной СССР.

На следующий день корреспондент газеты «Комсомольская правда» посетил базу нашей сборной в Новогорске. Что же он там увидел? В просмотровом зале сразу несколько игроков — Якушев, Мальцев, Харламов и др. — вместе с тренером Бобровым смотрели запись вчерашнего матча со шведами и разбирали ее, что называется, по полочкам. Просмотр сопровождался обильными комментариями игроков. «Куда, куда я поехал», — ругал себя Харламов. «А вот сейчас я «ворону» словлю», — добавлял Мальцев.

В другой комнате защитник и по совместительству редактор стенгазеты Юрий Ляпкин корпел над очередным номером боевого листка. За это время он выпустил уже 17 листков и теперь сочинял стихи для очередного.

В соседней комнате над шахматной доской склонились два Владимира — армеец Петров и спартаковец Шадрин. Последнего требуется расшевелить, поскольку он долго болел, пропустил несколько сборов и на этом чемпионате

еще не заблистал в полную силу (забил всего лишь 2 шайбы).

Вечером того же дня наши ребята вышли на лед против сборной ФРГ. Как и в первой игре этих команд (наши ее выиграли 17:1), в этом матче советские хоккеисты полностью доминировали на площадке. Игра закончилась со счетом 18:2, понятно, в чью пользу. Причем там был зафиксирован рекорд — 8 шайб забил Александр Мартынюк, который играл в одном звене с Якушевым (за ним 2 шайбы) и Шадриным. Забегая вперед отмечу, что победная серия сборной СССР на этом не закончилась: два дня спустя она победила команду Финляндии (9:1), а 11 апреля положила на обе лопатки поляков с рекордным счетом 20:0. В этой встрече всего одну шайбу не дотянул до рекорда Мартынюка другой наш нападающий — Борис Михайлов, забивший 7 голов.

Но вернемся на пару-тройку дней назад. 8 апреля исполнилось 60 лет известному эстрадному актеру, отцу Андрея Миронова Александру Менакеру. Юбилей застал именинника в Ленинграде, где он давал гастроли вместе со своей супругой Марией Мироновой. Вечером после очередного спектакля в гостиничном номере юбиляра был собран скромный сабантуй, на который пришел узкий круг друзей именинника. Среди пришедших был и отец юбиляра Семен Менакер, который посвятил сыну тост в стихах собственного сочинения. Как оказалось, это было последнее присутствие отца на дне рождения сына: через несколько месяцев Семен Менакер скончается.

10 апреля приказом генерального директора «Мосфильма» Николая Сизова был запущен в производство фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих». Как мы помним, снимать его должен был Никита Михалков еще в прошлом году, но его призвали в армию. И вот теперь, отрубив год в войсковой части № 20592, он благополучно демобилизовался и был полон энергии вновь взяться за отложенную картину.

Вспоминает Т. Михалкова: «Я ждала Никиту из армии. Писала на Камчатку письма. Никита тоже часто писал, причем очень серьезные письма: с цитатами из Толстого, разных философов. Я показывала их подругам и недоумевала: а где же про любовь? Любит он меня или нет?

А накануне возвращения Никиты из армии я поменяла квартиру. Но адрес ему не успела сообщить. Так вот Никита вместе с Сережей Соловьевым сел на такси и стал объезжать все новые дома на проспекте Вернадского. Об этом переезде разговор шел давно, поэтому район Никита знал. Ходил по подъездам и узнавал, не живет ли здесь манекенщица. Так ему показали мою квартиру. Я открываю дверь, а там он, в морской форме. Мы сразу поехали в Дом кино, с которым тогда были связаны все события. Предложение, кстати, он мне тоже сделал в Доме кино. Собрал там всех самых близких своих друзей и торжественно при них предложил мне выйти за него замуж. Я очень смутилась, но, конечно, ответила «да»...

Продолжает свою героическую борьбу с «зеленым змием» Олег Даль. 11 апреля он был приглашен на день рождения к своей родной сестре, где ему пришлось приложить максимум усилий, чтобы не сорваться. Поскольку никто из присутствующих не был посвящен в то, что он «зашился», его игнорирование спиртного вызвало у них большое удивление. «Олежек, ну хотя бы пять грамм, за именинницу», — уговаривали актера гости, но он даже и слушать не хотел и продолжал тянуть лимонад из бокала. Он-то знал, что ему даже кефир пить теперь нельзя, не то что водку. А если бы выпил предложенные пять граммов, тут бы и свалился с пеной у рта. Хорошенький получился бы день рождения.

Между тем Даль вынужден был отказаться не только от спиртного, но и от торта, который хозяйка поставила на стол к чаю. Это тоже стоило Далю огромной выдержки, поскольку он был жутким сладкоежкой. Торт выглядел аппетитно, гости ели его с удовольствием, а Даль, глядя на них, глотал слюни. Он боялся, что торт может быть пропитан ромом. Надкуси он такой кусок, и, как говорится, кердык.

Вечером того же дня 11 апреля в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Товарищ, верь...» по произведениям Александра Пушкина. Великого поэта в спектакле играли сразу несколько актеров, причем одному из них — Рамзесу Джабраилу — эта роль едва не стоила жизни. Дело в том, что постановщик

Юрий Любимов решил внедрить в канву спектакля новаторский трюк: в тот момент, когда Джабраил читал на сцене стихотворение Пушкина, держа листок с текстом высоко над головой, из дальнего конца зала в листок должен был выстрелить лучник — мастер спорта по стрельбе из лука. Узнав об этом, актер запаниковал: мол, а вдруг промахнет и попадет в меня? «Не дрейфь, он же мастер спорта. Он в пять так попадает со ста метров», — успокоил его Любимов. Режиссер не врал: спортсмен действительно творил чудеса, но... на спортивных кортах. А повторить подобное в темном зале театра, да еще когда рука актера дрожит — совсем другое дело. И в итоге стрела, пущенная лучником, угодила Джабраилу аккурат в ладонь. Как подбитая птица крылом, он замахал простреленной рукой и запрыгал по сцене. Коллеги тут же увели его за кулисы, представление было остановлено. Спустя полчаса актер был доставлен в Склиф, где врач извлек из его ладони злополучную стрелу. Думаете, после этого актера отпустили домой? Ошибаетесь. Он вынужден был вернуться в театр и доиграть представление, поскольку заменить его было нечем.

12 апреля благополучно завершилась эпопея с разрешением Высоцкому выехать за границу. Как мы помним, недоброжелатели пытались помешать актеру добиться права ездить за границу, но жена Высоцкого Марина Влади напрягла всех своих высокопоставленных друзей, и те посодействовали тому, чтобы сначала ОВИР, а потом и МГК КПСС дали свое «добро» на получение Высоцким загранпаспорта. Вот как об этом вспоминает М. Влади:

«На следующее утро специальный курьер приносит тебе заграничный паспорт взамен того, который каждый человек в СССР должен иметь при себе. По всем правилам оформленная виза, на которой еще не высохли чернила, и заграничный паспорт у тебя в руках. Не веря своим глазам, ты перелистываешь страницы, гладишь красный картон обложки, читаешь мне вслух все, что там написано. Мы смеемся и плачем от радости.

Лишь гораздо позже мы осознали невероятную неправдоподобность ситуации. Во-первых, посыльный был офицером, а во-вторых, он принес паспорт «в зубах», как ты выразил-

ся, а ведь все остальные часами стоят в очереди, чтобы получить свои бумаги! Приказ должен был исходить сверху, с самого высокого верха. Ты тут же приводишь мне пример с Пушкиным, персональным цензором которого был царь. Ему так и не удалось получить испрошенного разрешения поехать за границу. Позже мы узнали, что Жорж Марше хлопотал за нас перед самим Брежневым. Потребовалось доброжелательное вмешательство высшего сановника СССР для того, чтобы ты получил это право, в конечном счете законное.

Тебе повезло больше, чем Пушкину...»

Между тем в пятницу, 13 апреля, на чемпионате мира по хоккею состоялся решающий матч — СССР — Чехословакия. О том ажиотаже, который сопутствовал ему, особо говорить, надеюсь, не надо, ведь именно в нем решалась судьба золотых медалей первенства. Достаточно сказать, что в кассах стадиона билетов на него не было уже давно, а у спекулянтов они стоили две сотни рублей (полторы месячной зарплаты!). Зрители, которые в тот день имели счастье попасть во Дворец спорта и те, кто наблюдал эту встречу по телевизору, не прогадали — игра получилась по-настоящему захватывающей. Первыми открыли счет наши хоккеисты — это сделал Александр Якушев. Однако чехословаки быстро отыгрались (И. Холик), но на перерыв команды ушли при счете 2:1 в пользу сборной СССР (гол забил Валерий Харламов). Во втором периоде хоккеисты ЧССР предприняли несколько отчаянных попыток переломить ход игры, но у нас в воротах блестяще играл Третьяк. А когда боевой настрой соперников немного спал, Борис Михайлов увеличил разрыв — 3:1. В последней двадцатиминутке команды обменялись голами (у нас вновь отличился Михайлов), и сборная СССР досрочно завоевала титул чемпионов мира.

В те самые минуты, когда в Лужниках проходил решающий хоккейный матч, в пригороде Челябинска произошло тройное убийство. Причем убийцей оказался 15-летний подросток, учащийся ПТУ Владимир Самгин (фамилия изменена). Местом этого бессмысленного по своей жестокости преступления стал поселок Челябинского кузнечно-прессового завода. Место, как принято говорить, богом забытое, где жителям в свободное время просто некуда

было себя девать — там не было ни клуба залящего, ни танцплощадки. Видимо, поэтому любимым развлечением тамошней молодежи была выпивка. С нее, собственно, все и началось.

В тот злополучный день Самгин встретился на улице со своими друзьями и отправился вместе с ними в ближайшую пивную. Там будущий убийца за час опрокинул в себя аж 9 (!) кружек хмельного напитка. Но этого ему показалось мало. Когда друзья покинули его, он купил в магазине 4 бутылки вина «Южное» и «приговорил» — внимание! — в одиночку. И только потом отправился домой.

Если бы дома Самгин лег спать или включил телевизор, где показывали матч СССР — ЧССР, он бы имел шанс не совершить в последующем жутких преступлений. Но он этого не сделал. Послушав несколько минут свою любимую пластинку — «Песню индейца» Джона Лаудермилка, — он вышел во двор. На крыльце он увидел своего подвыпившего отца, который с кем-то беззлобно ругался. Самгина-младшего эта брань вывела из себя, и он, схватив в коридоре швабру, обрушил ее на голову отца. А когда мать стала его ругать за это, прихватил с кухни нож и ударился в бег. На поиски новых приключений.

Возле спортивной площадки Самгину повстречалась пьяная женщина (в тот пятничный день, 13-го, видимо, весь поселок пьянствовал). Увидев парня, женщина улыбнулась и предложила ему... отхлебнуть из ее початой бутылки вина. Другой бы на месте парня либо принял это предложение, либо вежливо отказался. И пошел бы себе восвояси. Но Самгин выхватил из кармана нож и несколько раз ударил им женщину в спину. А когда она, захрипев, упала на землю, убежал в темноту. Думаете, это все? Ошибаетесь.

Спустя несколько минут Самгину повстречался 14-летний Николай Кулаков (фамилия изменена) — сын дружинника, с которым у Самгина были давние счеты. Пригрозив подростку ножом, Самгин заставил его отправиться вместе с ним к спортплощадке, чтобы удостовериться, что женщина, которую он ударил ножом, мертва. Однако Кулаков женщину на указанном месте не нашел. Зато они наткнулись сразу на трех рабочих местного завода, кото-

рые спали мертвецким сном прямо на земле. Один из них в тот день ушел в отпуск, вот они с коллегами и «наотмечались». Самгин приказал напарнику обыскать карманы одного из спящих. Когда Кулаков подчинился, мужчина внезапно открыл глаза и что-то прокричал. Самгину это не понравилось, и он сначала ударил пьяного ножом, а потом поднял с земли обрубок металлической трубы и несколько раз обрушил ее на голову жертве. Несчастный скончался на месте. Видимо, войдя в раж, Самгин точно таким же образом расправился и с двумя другими мужчинами. И только после этого они с напарником обыскали жертвы. Добыча была небогатой: пара стоптанных туфель, несколько медных монет и пачка папирос. Все это забрал себе Самгин. С чем подростки и расстались. Самгин, вернувшись домой, сразу лег спать, а Кулаков еще в течение нескольких часов бодрствовал. Сначала он зашел к друзьям, у которых был телевизор, и поинтересовался, как сыграли наши с чехами. Узнав, что наши выиграли, побежал домой, чтобы поделиться этой радостной новостью с отцом (тот матч не смотрел по причине отсутствия в доме телевизора). Это была последняя радость Кулаковых, поскольку на следующее утро их сына арестовали. Забегая вперед сообщу, что суд оправдает Кулакова, а вот Самгину «впаяет» на полную катушку — даст 10 лет колонии. Для несовершеннолетнего убийцы трех человек это был потолок.

Но вернемся в апрель 73-го.

15 апреля состоялась последняя игра советской сборной на чемпионате мира по хоккею с шайбой — со сборной Швеции. Но она уже ничего не решала, поскольку обе команды обеспечили себе 1-е и 2-е места на турнире. Однако скучной эту игру все равно назвать было нельзя. Наши победили 6:4. Вообще на этом чемпионате сборная СССР выступила сверхблестяще, установив сразу несколько рекордов. Назову лишь некоторые из них: наша команда забила в ворота соперников 100 шайб, пропустив в свои ворота лишь 18; именно игрок ее команды — Александр Мартынюк — умудрился забить в одном матче 8 голов; в матче со сборной Польши мы победили 20:0.

В кинотеатрах столицы тем временем состоялось несколько премьер. 2 апреля в прокат

вышли сразу три новых фильма: «Печки-лапочки» Василия Шукшина, где режиссер сыграл и главную роль, в остальных ролях снялись все члены его семейства — жена Лидия Федосеева-Шукшина и две дочери — Оля и Маша, а также актеры: Георгий Бурков, Всеволод Санаев, Станислав Любшин, Зиновий Гердт и др.; спортивная драма Игоря Масленникова «Гонщики» с участием Евгения Леонова, Олега Янковского, Ларисы Лужиной и др.; поэтическая драма «Лаутары» с участием Галины Водяницкой, Ольги Кымпану, Светланы Тома и др.; 9-го на столичных экранах начал демонстрироваться фильм Сергея Соловьева «Егор Булычов и другие», в котором снялись Михаил Ульянов, Майя Булгакова, Екатерина Васильева, Зинаида Славина и др.

Из театральных премьер назову следующие: 3-го в Театре на Малой Бронной — «Общественное мнение»; 4-го в Театре сатиры — «Чудак-человек» В. Азерникова с участием Романа Ткачука, Татьяны Егоровой, Виктории Шарыкиной, Михаила Державина, Александра Ширвиндта и др.; 7-го в Театре оперетты — «Золотые ключи» с музыкой Александра Зацепина; в Малом театре — «Пучина» А. Островского с участием Елены Гоголевой, Ивана Любезнова, Юрия Соломина, Никиты Подгорного и др.; 12-го в Театре-студии киноактера — «Дерзкие земляне» Г. Семенихина, Ю. Малышева с участием Валентины Владимировой, Зинаиды Кириенко, Станислава Чекана, Светланы Стариковой, Глеба Стриженова и др.; 15-го в драмтеатре имени Станиславского — «Продавец дождя» Р. Нэша с участием Василия Бочкарева, Эммануила Виторгана и др.

Кино на ТВ: «Шинель», «Эти разные, разные, разные лица», «Дом, в котором я живу» (1-го), «Знакомьтесь, Балуев!» (2-го), «Крах» (2—3-го), «Мальчишки» (6-го), «Дама с собачкой», «Приключения на берегах Онтарио» (Румыния—Франция, впервые по ТВ 8-го), «Красные альпинисты» (ГДР, 9—11-го), «Ключи от неба» (12-го), «Мегрэ и человек на скамейке» (премьера т/сп), «Миклухо-Маклай» (14-го), «Попрыгунья» (15-го) и др.

Из эстрадных представлений назову следующие: 4-го в ГТЭ — Иосиф Кобзон; 6—7-го в ЦДСА — Мария Кодряну; 12—13-го в ГЦКЗ «Россия» — квартет «Три менестреля» (Фран-

ция); 13-го в «Октябре» — Михаил Яншин, Георгий Жженов, Вячеслав Шалевич, Владимир Макаров, Зиновий Высоковский.

Между тем на киностудии «Мосфильм» режиссер Эльдар Рязанов продолжает подготовку к съемкам фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» (как мы помним, картина должна была сниматься в содружестве с итальянскими кинематографистами студии Дино Де Лаурентиса). 13 апреля начались подготовительные работы по фильму (подбор актеров, выбор мест натуральных съемок, строительство декораций и т. д.). А спустя четыре дня был подписан договор с главой бакинской семьи Берберовых, которые вот уже несколько лет воспитывали в домашних условиях льва Кинга и теперь должны были предоставить своего питомца для съемок в рязановской комедии. Поскольку для Кинга это была не первая роль в кино, обеим сторонам тогда казалось, что никаких проблем с животным ни у кого не возникнет. Но дальнейшие события покажут совсем иное, о чем речь еще впереди.

19 апреля очередную высокую награду присвокупил к своей пока еще скромной коллекции орденов и медалей Леонид Брежнев. В тот день в Москве состоялось заседание Комитета по международным Ленинским премиям, на котором было принято решение наградить генсека «Ленинкой», а чтобы это не выглядело странно, к его персоне добавили еще двух человек — президента Чили Сальвадора Альенде и английского писателя-антифашиста Джеймса Олдриджа. Всех троих наградили премией за активное участие в борьбе за мир во всем мире.

В тот же день Владимир Высоцкий пересек границу Советского Союза с Польшей и впервые оказался за пределами своего отечества. Вот как описывает этот день свидетельница тех событий М. Влади:

«В конце длинной равнины, у самого горизонта, прямо перед нами маячит граница. Я тайком наблюдаю за тобой, ты сидишь очень прямо, не прислоняясь к спинке сиденья, и немигающими глазами смотришь вперед. Только ходят желваки и побелели пальцы сцепленных рук. От самой Москвы мы ехали очень быстро. Разговор становился все более увлеченным и по мере нашего продвижения на Запад перехо-

дил в монолог. А теперь и ты замолчал. Я тоже сильно волнуюсь. У меня в голове прокручиваются всевозможные сценарии: тебя не выпускают, задерживают или даже запирают на замок прямо на границе, и я уже воображаю себе мои действия — я возвращаюсь в Москву, нет, во Францию, нет, я остаюсь возле тюрьмы и объявляю голодовку — чего только я себе не напридумывала! Мы курим сигарету за сигаретой, в машине нечем дышать. Наконец, пройдены последние километры. Я сбрасываю скорость, мы приехали. Я вынимаю из сумочки паспорт, страховку, документы на машину и отдаю все это тебе. Ты сильно сжимаешь мне руку, и вот мы уже останавливаемся возле пограничника. Этот очень молодой человек делает нам знак подождать и исчезает в каком-то здании, где контражуром снуют фигуры. Мы смотрим друг на друга, я стараюсь улыбнуться, но у меня что-то заклинивает. Молодой человек машет нам с крыльца, я подъезжаю к зданию, резко скрежетнув тормозами. Мы оба очень бледны. Я не успеваю выключить двигатель, как вдруг со всех сторон к нам кидаются таможенники, буфетчицы, солдаты и офицеры танки баров. Последним подходит командир поста. Вокруг — улыбающиеся лица, к тебе уже вернулся румянец, ты знакомишься с людьми и знакомишь меня. И тут же пишешь автографы на военных билетах, на ресторанном меню, на паспортах или прямо на ладонях... Через несколько минут мы оказываемся в здании, нам возвращают уже проштемпелеванные паспорта, нас угощают чаем, говорят все наперебой. Потом все по очереди фотографируются рядом с нами перед машиной. Это похоже на большой семейный праздник. Повеселев, мы едем дальше. И еще долго видно в зеркальце, как вся погранзастава, стоя на дороге, машет нам вслед. Мы обнимаемся и смеемся, пересекая нейтральную полосу...

Поляки держат нас недолго, и, как только граница скрывается за деревьями, мы останавливаемся. Подпрыгивая, как козленок, ты начинаешь кричать изо всех сил от счастья, от того, что все препятствия позади, от восторга, от ощущения полной свободы. Мы уже по ту сторону границы, которой, думал ты, тебе никогда не пересечь. Мы увидим мир, перед нами столько неоткрытых богатств! Ты чуть не сходишь с

ума от радости. Через несколько километров мы снова останавливаемся в маленькой, типично польской деревушке, где нас кормят кровяной колбасой с картошкой и где крестьяне смотрят на нас с любопытством — их удивляет наша беспечная веселость счастливых людей...»

Замечу, что путешественники пробудут несколько часов в Варшаве у друзей Высоцкого (Анджея Вайды, Кшиштофа Занусси и др.), после чего отправятся дальше — в ГДР. Оттуда доедут до Западной Германии и возьмут курс на Париж. Однако вернемся в пределы родного отечества.

20 апреля в Ленинграде умер актер Николай Симонов, запомнившийся большинству советских людей прекрасными ролями в театре (Астров в «Дяде Ване», Федор Протасов в «Живом трупе», Сатин в «На дне» и др.) и кино (роль Петра I в одноименном фильме (1938), кардинал Монтанелли в «Оводе» (1955), отец Ихтиандра в «Человеке-амфибии» (1962) и др.). Как мы помним, у Симонова был обнаружен рак, и в последнее время он был частым гостем клиники Военно-медицинской академии. В последний раз он угодил туда в начале апреля и больше оттуда живым уже не вышел. Последние несколько дней Симонов находился без сознания и умер в 2 часа ночи 20 апреля, так и не приходя в него. Похоронят прославленного артиста на Волковом кладбище.

Между тем в апреле наконец разрешилась проблема с разводом у Александра Солженицына. Как мы помним, дважды он пытался развестись со своей первой женой Натальей Решетовской, чтобы узаконить свои отношения с другой женщиной, которая к тому времени родила ему двух (!) детей, но суд, не без влияния КГБ, не позволял ему этого сделать. И вот наконец весной 73-го свершилось чудо — развод Солженицын получил. Оформив свой брак с нынешней женой (она уже ждала третьего ребенка), писатель обвенчался с ней в церкви на Обыденке, где крестили их первого сына Ермолая.

Высоцкий и Влади тем временем достигли первого капгорода — Западного Берлина. О том, какое потрясение испытал там Высоцкий, вспоминает все та же М. Влади:

«Всю дорогу ты сидишь мрачный и напряженный. Возле гостиницы ты выходишь из машины, и тебе непременно хочется посмотреть Берлин — этот первый западный город, где мы остановимся на несколько часов. Мы идем по улице, и мне больно на тебя смотреть. Медленно, широко открыв глаза, ты проходишь мимо этой выставки невиданных богатств — одежды, обуви, машин, пластинок — и шепчешь:

— И все можно купить, стоит лишь войти в магазин...

Я отвечаю:

— Все так, но только надо иметь деньги.

В конце улицы мы останавливаемся у витрины продуктового магазина: полки ломятся от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов. Ты бледнеешь как полотно и вдруг сгибаешься пополам, и тебя начинает рвать. Когда мы наконец возвращаемся в гостиницу, ты чуть не плачешь:

— Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а мы победили, и у нас ничего нет! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!

Эта первая, такая долгожданная встреча с Западом вызывает непредвиденную реакцию. Это не счастье, а гнев, не удивление, а разочарование, не обогащение от открытия новой страны, а осознание того, насколько хуже живут люди в твоей стране, чем здесь, в Европе...»

Из Западного Берлина Высоцкий и Влади напрямик направляются в Париж, где советского артиста ждут новые потрясения: те же набитые товарами полки, чистота на улицах, и главное — чуть ли не весь Париж говорит на русском языке. Как запишет в своем дневнике В. Золотухин: «Я думаю, это заслуга Марины. Четыре года всего ей понадобилось агитации к приезду мужа из России, чтобы весь Париж перешел на русское изъяснение».

25 апреля все центральные газеты опубликовали на своих страницах материалы, посвященные жизни и деятельности прославленного военачальника Семена Михайловича Буденного, которому в этот день исполнилось 90 лет. В этих же газетах было опубликовано поздравление Леонида Брежнева юбиляру, который от

имени членов Политбюро и от себя лично желал Буденному долгих лет жизни.

На следующий день в Москве открылся очередной Пленум ЦК КПСС, который продлился два дня и внес серьезные изменения в состав руководящих органов партии. Он освободил сразу двух руководителей — П. Шелеста и Г. Воронова — от обязанностей членов Политбюро и ввел туда сразу трех новых: председателя КГБ Ю. Андропова, министра иностранных дел А. Громыко и министра обороны А. Гречко. Первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. Романов был избран кандидатом в члены Политбюро.

Вспоминает П. Шелест: «Когда в апреле я приехал в Москву, я себя очень плохо чувствовал — морально. И у меня, видно, еще больше обострилась позиция против Брежнева. По железнодорожному транспорту выступаю на Политбюро. Очень резко. Нам нужно было в год выпускать 75—80 тысяч грузовых вагонов. А мы выпускали 35 тысяч. И 35 тысяч еще каждый год списывали. Значит, прироста вагонов не было. Я на Политбюро несколько раз выступал по этому вопросу и говорил прямо Брежневу: вы не разбираетесь в этом, ничего не понимаете, железные дороги — это же главные артерии страны. По лесозаготовкам выступал. Мы режем лес, а он у нас пропадает, не вывозим. А почему? Потому что транспорта не хватает. Вот такие столкновения были накануне Пленума. Ну и Лене, я думаю, это все надоело. А у меня уже родилась мысль: надо уходить. Пошел я к Брежневу уже с заявлением. «Ну что ты, Петр Ефимович, ты так недавно в Москве (с 72-го Шелест занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР, ведал транспортом. — Ф. Р.), ты вписался хорошо, о тебе отзываются хорошо». Я: нет, началось гонение. На моих сыновей, теперь и на меня. В журнале «Коммунист» на Украине появилась критика моей книги. (И на эту тему у меня тоже был разговор с Брежневым. «У тебя там книга какая-то...» Я спрашиваю: «Ты ее читал? Ты ж ее сам не читал». — «Да там у тебя, говорят, архаизмы, казачество...» Я говорю: «Казачество — это не архаизм, это наша история, казачество из истории никуда не уйдет». И по поводу Тараса Шевченко были упреки. Дескать, много значения я ему придаю.) Короче, я так

Брежневу и написал: считаю, что вы, Леонид Ильич, и еще Суслов во всем виноваты. Он мне: «Петр Ефимович, я тебя прошу, перепиши заявление, ты что хочешь, что б после смерти меня носками ковыряли?» Так и сказал. А мы один на один, это ж нигде не записано. Но я ему говорю: «Имей в виду, ты кончишь плохо. На Пленуме я не буду, у меня состояние стрессовое, но прошу меня освободить. Решайте как хотите. Освободите меня от всех постов и разрешите уехать на Украину». — «На Украину мы тебя отпустить не можем». Я говорю: «Почему?» — «Ну так...»

Брежнев на Пленуме зачитал мое заявление, хорошо отозвался обо мне (мне рассказал об этом Д. Полянский). Когда же выразил сожаление, что состояние здоровья не позволяет Шелесту работать, по залу пробежал шумок. Члены Политбюро прекрасно знали — моему здоровью они могли позавидовать...»

И еще о Брежневе. Именно тогда в его окружении появилась медсестра Нина Аркадьевна, которая впоследствии сыграет роковую роль в пристрастии генсека к психотропным средствам. Появилась же она так. Начиная с весны 73-го у Брежнева изредка, видимо, в связи с переутомлениями, начали появляться периоды слабости функции центральной нервной системы, сопровождающиеся бессонницей. Брежнев обратился за помощью к врачам, и те установили при генсеке медицинский пост. Но эта в общем-то хорошая идея обернулась пагубными последствиями. Вначале на этом посту работали две сменные медсестры. Но затем, как это часто случается, одна, Нина Аркадьевна, выжила другую. А лечащий врач Брежнева Николай Родионов, который в то время сам был уже смертельно болен раком легких, решил не вмешиваться в эту ситуацию и передоверил проблему бессонницы у своего подопечного медсестре. Как пишет Е. Чазов:

«Ловкая медицинская сестра, используя слабость Брежнева, особенно периоды апатии и бессонницы, когда он нуждался в лекарственных средствах, фактически отстранила врача от наблюдения за ним. Мой визит к Брежневу не дал никаких результатов — он наотрез отказался разговаривать...»

В пятницу, 27 апреля, в Алма-Ате закрылся 6-й Всесоюзный кинофестиваль (шел неделю).

Среди художественных фильмов 1-ю премию разделили сразу три ленты: «А зори здесь тихие...» Станислава Ростоцкого, «Любить человека» Сергея Герасимова (с формулировкой «За разработку актуальной современной темы») и «Укрощение огня» Даниила Храбровицкого («За достоинства сценария и исполнение главной роли Кириллом Лавровым»). 2-я премия досталась двум картинам: «Геркус Мантас» Мирионаса Гедриса и «Ждем тебя, парень!» Рауиля Батырова. Призы в номинации «Детский фильм» были присуждены картинам: «Точка, точка, запятая...» Александра Митты, «Чудак из 5-го «Б» Ильи Фрэза. Лучшими мультфильмами были названы: «Ну, погоди!» и «Гвоздь» (1-я премия), «Невеста солнца» (2-я премия). Среди актеров 1-я премия досталась: Елене Козельковой («За твою судьбу», «Улица без конца»), Владимиру Меньшову («Человек на своем месте»), 2-я премия — Зинаиде Дегтяревой («За твою судьбу»), Николаю Крючкову («Адрес вашего дома»), Гирту Яковлеву («Петерс»), М. Вахидову («Звезда в ночи»).

28 апреля в городе Шахты Ростовской области было совершено убийство. В своей квартире на улице Особая, дом № 2-а была обнаружена мертвой пожилая женщина Варвара Тимская. Кто-то из соседей увидел, что дверь ее квартиры открыта, зашел внутрь и наткнулся на тело пенсионерки. Прибывшие вскоре к месту преступления сыщики установили, что Тимская была забита до смерти, причем, прежде чем ее убить, преступники вволю поиздевались над незащитной женщиной — по всему телу виднелись следы побоев и даже ожогов (ее пытали раскаленным железом). Поскольку круг знакомых у погибшей был обширный — она незаконно торговала вином, — поимка убийц грозила затянуться надолго. Но шахтинские сыскари оказались профессионалами своего дела и раскрыли это преступление за считанные дни.

29 апреля на «Ленфильме» состоялось заседание художественного совета, на котором обсуждалась новая работа режиссера Иосифа Хейфица «Плохой хороший человек» по повести А. Чехова «Дуэль». В целом фильм получил самые восторженные отклики присутствующих. Один из участников этого заседания, режиссер Григорий Козинцев, сразу после своего

приезда в Комарово отправил в Москву на имя исполнителя роли Лаевского Олега Даля открытку следующего содержания: «Олег, милый, смотрел фильм. Вы мне очень понравились. Удачи и счастья. Г. Козинцев». К сожалению, эта открытка окажется последним письмом гениального режиссера.

В тот же день, в 19.50, по первой программе ТВ началась премьера 4-серийного фильма Алексея Коренева «Большая перемена». Как мы помним, фильм начали снимать в марте прошлого года, а закончили буквально на днях — последний съемочный день был датирован 6 апреля. Однако благодаря тому, что монтажные работы по картине шли параллельно со съемками, ее удалось оперативно закончить и сдать заказчику — Гостелерадио.

Премьеру этого фильма я помню очень хорошо. В те дни на дворе уже установилась теплая погода, и я с друзьями с утра до вечера пропадаю на улице. Однако все дворовые баталии завершались строго к моменту показа «Большой перемены». И только однажды мы так увлеклись игрой, что прозевали час «Х» и встретились только тогда, когда из всех окон (а большинство из них были открыты настежь) зазвучала веселая мелодия композитора Эдуарда Колмановского. Еще секунда — и только что заполненный ребячьей двор мгновенно опустел.

Вот уже почти тридцать лет минуло с того дня, как состоялась премьера «Большой перемены», а этот фильм до сих пор с удовольствием смотрят миллионы россиян. Недавно его открыла для себя моя 12-летняя дочь: стоило ей один раз посмотреть его по видео, как она буквально заболела им — целую неделю крутила все четыре серии подряд, прерываясь только для занятий в школе. И я невольно поймал себя на мысли: есть в этом незатейливом фильме какое-то особое очарование, которое заставляет любить его не одно поколение людей. Хотя в 73-м, сразу после премьеры, вокруг картины разгорелась бурная полемика. Причем поклонников у него было ровно столько, сколько и противников. Приведу лишь несколько откликов последних, опубликованных в «Советской культуре». Вот что писал ветеран войны Н. Полтораков:

«Стоило ли в кинокартине превращать учителя в эдакого чудака, который ничего не умеет и, как мальчишка, реагирует на все «шалости» своих учеников? А они над ним просто издеваются: один пьяным влезает в окно классной комнаты, другой неистово орет, третий уходит с урока... Жаль, что все это в «отработанном под юмор» виде вынесено на экран».

Другой читатель — научный работник НИИ Ю. Куломзин — идет в своих выводах еще дальше:

«Нет в кинофильме настоящей рабочей молодежи, и тяги к знаниям нет. Есть хулиганистый парень Ганжа, «дергающий» нервы всем педагогам, есть рабочий, пришедший учиться в ожидании, что ему за это будут платить, есть заядлый танцор, не собирающийся учиться и освободившийся от вечерней смены ради танцев, есть, наконец, учащийся, в котором бушует буря ревности, этакий Отелло. И есть пожилой рабочий, весьма туго воспринимающий учебу и постоянно попадающий в нескладные ситуации. Под стать ученикам в фильме и педагоги...»

Стало досадно за великолепных комедийных актеров (как всегда, неподражаем Е. Леонов), вынужденных расстрчивать свой талант».

Тем временем 30 апреля шахтинские сыщики уже напали на след убийц пенсионерки Тимской. Выяснив с помощью свидетелей, кто наиболее часто появлялся у нее дома в поисках спиртного, они установили, что среди этих посетителей была троица молодых людей, двое из которых сразу после гибели пенсионерки покинули город, а 27-летний главарь, кстати, трижды судимый, предпочел переждать опасность в Шахтах. Его первым и схватили. В тот же день парень раскололся и сдал всех своих подельников. По его словам, убийство Тимской выглядело до банального просто. Придя к женщине за вином, молодые люди внезапно столкнулись с холодным приемом. Тимская заявила, что спиртного в доме нет, и указала непрошеным гостям на порог. Такое отношение к себе молодые люди снести не смогли. Они принялись обыскивать дом сами, а когда хозяйка попыталась им помешать, стали избивать ее железным прутом. В итоге, войдя в раж, они забили ее до смерти.

Из Шахт вновь вернемся в Москву, чтобы взглянуть на афишу развлечений. Начнем, как обычно, с кино. 16 апреля в прокат вышли два новых фильма: драма «Петр Рябинкин» режиссера Дмитрия Вятч-Бережных, где в главных ролях снялись Вадим Спиридонов и Ольга Сошникова, и истерн Болота Шамшиева «Алые маки Иссык-Куля» со среднеазиатским киноактером Суйменкулом Чокморовым в главной роли; 17-го — «Таланты и поклонники» Исидора Анненского с участием Светланы Пелиховской, Леонида Губанова, Николая Гринько и др.; 23-го — «На углу Арбата и улицы Бубулина» Маноса Захариаса, где снялись Людмила Чурсина, Николай Бурляев, Сергей Шакуров и др.; «Улица без конца» Игоря Добролюбова с участием Ирины Бразговки (за эту роль актриса была награждена почетным дипломом на 6-м кинофестивале в Алма-Ате), Владимира Коршунова и др.; 29-го — «Командир счастливой «Шуки» Бориса Волчека, где главные роли исполнили Петр Вельяминов, Донатас Банионис, Елена Добронравова.

Кино на ТВ: «Евдокия» (16-го), «Мексиканец» (18-го), «Разбег», «Первые радости» (19-го), «Необыкновенное лето» (20-го), «Большая семья», «Запасной игрок» (21-го), «Судьба человека», «Сердце матери» (22-го), «Огненные версты» (23-го), «Поэма о море» (26-го), «А пароходы гудят и уходят» (28-го), «Неуловимые мстители», «Праздник святого Йоргена» (30-го) и др.

Эстрадные представления: 19—29-го в ГТЭ — Радмила Караклаич (Югославия), Зигфрид Валенде (ГДР), ансамбль «Амазонки» (Польша) и др.; 21—22-го в «Октябре» — Ольга Воронец; 29—30-го в ГЦКЗ «Россия» — Гелена Великанова, Александра Стрельченко, Лев Лещенко, Геннадий Хазанов и др.; с 30-го в ГТЭ идет программа «Молодые москвичи», в которой участвуют: Жанна Бичевская, Валентина Толкунова, Жанна Горошеня и другие молодые звезды отечественной эстрады.

Из новинок «Мелодии» назову следующие пластинки:

диски — «Песни Арно Бабаджаняна», на котором представлены следующие произведения: «Свадьба» (Р. Рождественский) — исполняет М. Магомаев, «Благодарю тебя» (Р. Рождественский) — Р. Мкртчян, «Приезжайте в Само-

тлор» (Р. Рождественский) — Л. Лещенко, «Вечерняя песня» (Н. Грибачев) — О. Воронец, «Моя родина» (А. Граши) — Ф. Еорганджян (Франция), «Пока я помню, я живу» (Р. Рождественский) — М. Магомаев, «Ты, море и я» (Р. Рождественский) — М. Рафаэль (ГДР), «Мечта» (Л. Дербенев), «Увидел тебя, полюбил» (А. Саакян) — Р. Мкртчян, «Встреча» (Р. Рождественский) — А. Дедич, «Письмо» (Р. Рождественский) — Л. Иванова (Болгария), «Гордость» (Н. Добронравов) — М. Магомаев; **«Пародии Виктора Чистякова»** (диск приурочен к годовщине со дня гибели этого талантливого артиста), в который вошли следующие пародии: «Концерт по заявкам» (И. Козловский, Л. Утесов, К. Шульженко, Н. Сличенко, Э. Пье-

ха, Л. Зыкина, П. Бюль-Бюль оглы), «Сцена и терцет из оперетты «Белая акация», «Голубые города» (И. Козловский, Э. Хиль, Э. Пьеха, М. Матье, Л. Армстронг, Л. Зыкина), а также другие пародии на Анну Герман, Мирей Матье, Сергея Лемешева, Эдиту Пьеху, Клавдию Шульженко, Людмилу Зыкину, Николая Сличенко, Майю Кристалинскую, Ольгу Воронец, Владимира Трошина, «Кукла-цыганка», «Шербурские зонтики»;

миньон — **«Поет ВИА «Калинка»** с песнями: «Выходили красны девицы» (русская народная песня), «Ромашки» (те, что спрятались) (Е. Птичкин — И. Шаферан), «Веселый пастух» (молдавская народная песня), «Тополь — желтые листья» (Б. Иванов — Э. Вериги).

1973 Май

Театр сатиры в Ташкенте: страсти в «найт клубе». ЦСКА — чемпион. Последнее зарубежное турне Шостаковича. Шукшин начал снимать «Калину красную». Подготовка к поджогу в Тбилиси. Инфаркт у Козинцева. Причуды Брежнева на высшем уровне. Поджог в Тбилиси. Международный скандал: итальянское старье для «Мосфильма». Умер Григорий Козинцев. Почему Екатерина Фурцева не любила ездить к немцам. Рязанов приступил к съемкам «Невероятных приключений итальянцев в России». Высоцкий в Каннах. Триумф Харламова в Канаде. Волжские впечатления Ростроповича и Вишневской: грязь и нищета. Как Владимир Винокур стал самым богатым студентом. Письмо Шукшина дочери. Самый гуманно-беспощадный суд в мире. Как в Куйбышеве готовилось заказное убийство. Брежнев в ФРГ: побег от охраны. У Владислава Третьяка родился сын. Обращение к пионерам 2022 года. Душегуб Сиетникс: пять трупов ради «Волги». Опальная «Интервенция». Умер Маршал Советского Союза Иван Конев. Новая осечка банды «фантомасов». Душегуб Сиетникс создает себе алиби. Погоня за нарушителем. Первые «подвиги» Чикатило. Сиетникс продолжает замечать следы. Сборная СССР по футболу — победитель отборочной группы. Пикуль заключил договор на «Нечистую силу». Как раскололи душегуба. Родилась дочь у Андрея Миронова. Начали снимать «В бой идут одни «старики». Наташа Королева: появление на свет. 20 лет «Чуку и Геку».

Праздничный день 1 мая выпал в том году на вторник. Столичный Театр сатиры встречал его в далеком Ташкенте, куда выехал на гастроли еще 21 апреля. Вспоминают очевидцы.

Т. Егорова: «Апрель, начало мая, солнце, базары — горы клубники, зелени, помидоров, огурцов, свобода! Восточное вкрадчивое гостеприимство. Жили в одной гостинице. Ташкентская земля пробудила в артистах пылкое желание любви. После спектаклей с вечера до утра на всех этажах не переставали хлопать двери. Консьержка, сидящая на этаже, с мучительным выражением лица спросила одного артиста: «Скажите, а семьи-то у вас у кого-нибудь есть?»

В номере Наташи и Субтильной (Л. Шарпова. — *Ф.Р.*) организовали night club. На окне зубной пастой Магистр (Марк Захаров. — *Ф.Р.*) написал night club, и, включая настольную лампу, он махал красным полотенцем, изображая таинственный свет ночного клуба. В этом «клубе» пили шампанское, курили нар-

котики — одну сигарету на всех по кругу, танцевали. Но и тут Андрей (Миронов. — *Ф.Р.*) не мог удержаться от сцен. Будучи женатым и имея жену на сносях, он меня ревновал ко всем, как Отелло. С кем-то я танцевала, он меня оторвал от партнера (при том, что я с ним год не разговаривала) и зашаркал со мной ногами на маленьком пятачке гостиничного номера. Акробатка (Н. Корниенко. — *Ф.Р.*) резко отвернулась, схватила стакан с шампанским и жакнула его об пол балкона. Какие страсти!

Руководство Ташкента предоставило нам самолет для экскурсии в Самарканд. Потом к гостинице подъехал автобус с ящиком водки и закуской. «Избранные» отправились в горы на границу с Китаем. На берегу стремительной реки Магистр (любил широко гулять) снял с себя куртку и бросил в воду. Его примеру последовали Шармер (А. Ширвиндт. — *Ф.Р.*), Корнишон (М. Державин. — *Ф.Р.*) — они снимали с себя все, что могли, и швыряли в реку. Только один Андрей был сдержан и остался при всех своих хороших вещах...»

2 мая в чемпионате страны по хоккею определился досрочный чемпион: им в 18-й раз стала команда ЦСКА. Обыграв свердловский «Автомобилист» 14:3, армейцы набрали 54 очка и стали недосягаемы для своего ближайшего преследователя столичного «Спартака» (он с 48 очками занял 2-е место, «Крылья Советов» на 3-м с 40 очками). Чемпионский состав ЦСКА выглядел так: В. Третьяк, Ю. Блохин, А. Волченков, А. Гусев, В. Кузькин, В. Лутченко, А. Рагулин, Г. Цыганков, Ю. Блинов, В. Викулов, А. Волчков, С. Глазов, Б. Михайлов, Е. Мишаков, В. Петров, В. Попов, В. Трунов, А. Фирсов, В. Харламов; тренер — А. Тарасов.

В эти же дни начала мая Дмитрий Шостакович уехал в свое последнее и самое длительное зарубежное путешествие. И это несмотря на то, что врачи были категорически против этой поездки, опасаясь, что композитор может не выдержать ее. Они предупреждали супругу Шостаковича Ирину Антоновну об этом, говорили, что к сердечной болезни и заболеванию нервной системы у него добавилась еще и опухоль, расположенная почти рядом с аортой. Они считали, что наступил период, когда медицина становилась бессильной. Однако Ирина Антоновна взяла всю ответственность на себя. А как ей еще надлежало поступить, если муж категорически настаивал на отъезде, объяснял это желанием хотя бы в последний раз увидеть мир. Кроме этого, у нее сохранялась пусть мизерная, но надежда на помощь американских специалистов.

Первым пунктом назначения Шостаковича и его супруги была Дания, где осуществлялась постановка «Катерины Измайловой». В течение десяти дней они должны будут пробыть в Копенгагене, после чего переедут в уединенный пансион на берегу озера. Потом будет еще одна неделя в столице — сын Шостаковича Максим должен был дирижировать 15-й симфонией, и в начале июня композитор с женой планировали вылететь в Париж, а оттуда — в Америку.

Тем временем 4 мая в Москву прилетел помощник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер. Цель его визита: договориться с Брежневым о его визите в Америку летом этого года. Если год назад Киссинджера принимали в правительственном особняке на Ленинских горах, то теперь Бреж-

нев решил перенести переговоры в более уютное место — на дачу в Завидово. Там имелось все, чтобы совмещать переговоры с комфортабельным отдыхом: большой бассейн, гимнастический зал, баня. Причем Брежнев занял свой особняк, его приближенные — так называемую казарму, а гостей разместили в новом доме напротив «казармы», оборудованном всеми удобствами по высшему разряду.

В тот же день Василий Шукшин начал снимать в городе Белозерске Вологодской области «Калину красную». Это была его первая (и, к сожалению, последняя) режиссерская работа на «Мосфильме», куда он перешел с Киностудии имени Горького несколько месяцев назад. Переход был вызван одним, но очень важным для Шукшина обстоятельством — здесь ему пообещали дать поставить главный фильм его жизни «Степан Разин». Однако по устной договоренности, прежде чем снять фильм на историческую тему, ему предстояло поставить на «Мосфильме» что-нибудь из современности. Шукшин выбрал свою же киноповесть «Калина красная» (по смете на фильм отпустили 354 тысячи рублей). В Белозерске киношников определили жить в двухэтажный деревянный Дом крестьянина, а Шукшина поселили поблизости — в двухкомнатной квартире в деревянном бараке. Как вспоминает оператор фильма А. Заболоцкий:

«Первый день съемок в экспедиции торопили. Были еще грязные дороги, шоферы не хотят съезжать с асфальта — кому охота грязь потом отмывать? Цвела верба, зеленели бугорки. Егор Прокудин пахал землю, останавливался у березовой заросли и затевал разговор с березками. За левым и правым плечом своим я слышал комментарий мосфильмовских ассистентов: «Феллини снимает «Амаркорд» и «Рим», а Шукшин березы гладит. Явился для укрепления «Мосфильма». Слышит это и Макарыч и, не отвечая, разговаривает с березками — оппоненты помогают ему собраться. Разгорающаяся весна оживила умирающий вид деревень по берегам озера Лось-Казачьего. Оживляла и нас...»

4 мая настоящий детектив развернулся в столице Грузии городе Тбилиси. Группа бывших и действующих работников тамошнего Театра оперы и балета имени З. Палиашвили собралась устроить в нем... поджог. Причины,

побудившие их пойти на это преступление, выглядели следующим образом.

Некоторое время назад в театре поменялось руководство — были сняты со своих постов его директор и главный балетмейстер, которые посчитали свое увольнение несправедливым актом и задумали отомстить. Они долго не могли решить, на каком именно способе мести остановиться, пока не помогла случайность. Их сообщник — певец этого же театра Хоцуриани, которого толкнуло в эту компанию то же недовольство новым руководством (он считал себя обделенным по части репертуара, поскольку ему не давали главных партий в постановках), внезапно узнал от работника театра Геккера одну любопытную деталь — каким образом воспроизводился эффект с огнем в опере «Фауст» этого же театра. А делалось все просто: марганцовокислый калий смешивался с глицерином, что и вызывало пламя. Едва заговорщики узнали об этом, как в их голове созрел план именно таким простым способом спалить театр. Но поскольку двое из заговорщиков появляться в театре уже не могли, они поручили Хоцуриани завербовать себе в помощники кого-нибудь из действующих работников. И тот прекрасно справился с этим поручением, заарканив сразу пятерых человек. Причем некоторых из них — посредством шантажа. Так, работника Корчицу Хоцуриани поймал на том, что некогда дал ему в долг 3 тысячи рублей для взятки, которая пошла на выбивание новой квартиры для Корчицы. И теперь кредитор пригрозил Корчице, что доложит о взятке куда следует и квартиру у того отберут. Другого подельника — Табурчинского — Хоцуриани заарканил на другом компромате: он знал, что его мать купила себе дачу за 8500 рублей, а в документах была отражена сумма значительно меньшая — 3500 рублей.

4 мая поджигатели собрались в кабинете заместителя директора театра Татишвили, который тоже входил в число заговорщиков. На этом собрании были уточнены последние детали предстоящей акции, намечена и ее дата — 9 мая. Этот день был выбран не случайно — в праздник в театре должно было быть немногочисленно. И еще одно мероприятие произошло на том собрании — некий Рухадзе принес заговорщикам деньги за предстоящий поджог в сумме 50 тысяч рублей. Из этой суммы себе

взяли: Татишвили — 15 000, Геккер — 10 000, Хоцуриани — 7500, остальным досталось по 5000.

Тем временем внезапный инфаркт укладывает в больницу кинорежиссера Григория Козинцева. Больного кладут в реанимацию, строго ограничивают его общение с родными и друзьями. Однако давнему приятелю режиссера С. Дрейдену все-таки удается прорваться к нему в палату. Он вспоминает:

«С помощью Валентины Георгиевны (супруга Козинцева. — Ф.Р.), неотлучно находившейся при нем, получаю разрешение пройти в палату. Григорий Михайлович явно обрадовался неожиданному посещению... Неужели он действительно так болен?.. Чисто выбрит, совершенно спокоен, приветлив, улыбается, говорит, что еще не решил, каким «бизнесом» потом займется, как всегда, участливо расспрашивает о моих делах.

А может, и действительно все не так страшно?.. — думалось при уходе...»

Продолжается пребывание Генри Киссинджера в Советском Союзе. Как мы помним, он живет в резиденции Брежнева в Завидове, там же два раза в день — до и после обеда — проходят и переговоры. После них американцы уходили к себе, а советская сторона обедала в этом же здании. Обслуживали столующихся официантки из спецподразделения, входившего в состав 9-го управления КГБ. Их старшая, зная о том, что Брежнев спиртное во время переговоров не употребляет, а вот его помощники иногда позволяют себе пригубить что-нибудь крепенькое, шла им навстречу. Вместо кофе она приносила им коньяк, причем соблюдая все элементы конспирации: рядом с чашечкой на блюде лежали ложка и два кусочка сахара.

Очевидцы отмечают, что Брежнев с первых же дней переговоров вел себя странно. Например, он мог условиться с Киссинджером встретиться для продолжения переговоров в половине четвертого, а сам опаздывал на час, а то и на два. А когда все же появлялся, то выглядел явно заспанным. Причина такого поведения большинству переговорщиков тогда была неизвестна (например, сам Киссинджер в своих мемуарах высказывал предположение, что Брежнев таким образом пытался играть у него на нервах, для того чтобы добиться уступок в переговорах), и только значительно позже правда

наконец открылась. Оказывается, Брежнев при- страстился к снотворным, которыми его снаб- жала медсестра Нина Аркадьевна, и явно пере- барщивал с их приемом.

Во второй половине дня в воскресенье, 6 мая, Брежнев, через своих помощников, сооб- щил Киссинджеру, что готов к еще одной встрече часа в четыре дня. Киссинджер, как пионер, пришел на советскую половину, но генсека там не застал. Тот опять опаздывал. Наконец, где-то через полчаса Брежнев явился пред ясные очи американца и голосом челове- ка, мучимого похмельным синдромом, объя- вил, что переговоры отменяются, а вместо это- го он собирается прокатить заморского гостя на катере по водохранилищу. Возразить хозяи- ну Киссинджер не посмел. Они вышли из до- ма, и Брежнев приказал своему адъютанту подо- гнать к порогу его личный «Роллс-Ройс» (в гараже генсека была богатая коллекция инома- рок). Когда автомобиль пригнали, Леонид Ильич сел за руль, гость примостился рядом на переднем сиденье, а заднее занял личный пе- реводчик генсека Виктор Суходрев. Еще мгно- вение — и автомобиль рванул с места. Желая поразить гостя своим умением виртуозно вла- деть автомобилем, Брежнев вел машину на та- кой скорости, что у его попутчиков не один раз возникала мысль, что это их последняя в жиз- ни поездка. К счастью, их мрачные предчувст- вия не подтвердились — Брежнев действитель- но оказался виртуозом вождения.

Однако на этом острые ощущения для Кис- синджера и Суходрева не завершились. Так же лихо Брежнев управлялся и с катером. Как вспоминает В. Суходрев: «Он гнал катер на максимальной скорости, закладывал резкие виражи, от которых фонтаны брызг почему- то обдавали именно меня. Несколько раз, не снижая скорости, пронесился сквозь заросли камыша. Словом, ощущения были не для сла- бонервных. Продолжалось это минут тридцать, после чего мы все-таки благополучно верну- лись к причалу.

Теперь, обращаясь к прошлому и уже зная, чем объяснялся тот заспанный, словно с по- хмелья, вид, я понимаю, почему Брежнев так рискованно управлял машиной, а потом кате- ром. Ему необходима была встряска. Острые ощущения, похоже, приводили его в норму. Видимо, таким образом он сбрасывал воздей-

ствие лекарств. Во всяком случае, после воз- вращения, когда возобновились переговоры, Брежнев снова был собран и вполне владел со- бой...»

На следующий день после очередного ра- унда переговоров Брежнев повел высокого гос- тя охотиться на кабанов. На той охоте присут- ствовали четверо: кроме уже упомянутых лю- дей, был еще егерь, который довел гостей до вышки. Через несколько минут к вышке из леса вышло стадо кабанов, для которых спе- циально была рассыпана подкормка из куку- рузных початков. Брежнев прицел к прицелу винтовки и с первого же выстрела уложил здо- ровенного хряка. После этого они с Киссинд- жером перешли на другую вышку, мимо кото- рой вскоре должны были пробежать все те же кабаны. Но там генсек управился с жертвой не так быстро: из-за опустившихся сумерек он не сумел выстрелить точно и всего лишь ранил кабана, который убежал в лес. Но это обстоя- тельство совсем не повлияло на настроение охотника: Брежнев пригласил Киссинджера за импровизированный стол и предложил отведать «что бог послал». А послал в тот день Всевыш- ний на стол генсека следующие закуски: батон белого хлеба, полбуханки черного, колбасу, сыр, огурцы, помидоры и бутылку «Столичной». Причем Брежнев на правах хозяина попросил гостя не сидеть без дела, взять нож и начинать резать колбасу.

Спустя примерно полчаса к этой компании присоединились еще двое: министр иностран- ных дел СССР Андрей Громыко и помощник Киссинджера Хельмут Сонненфельдт, которые в тот день тоже охотились, но чуть в стороне от генсека. Их охота прошла не столь удачно. Сонненфельдт решил перещеголять своего шефа, который ни разу не притронулся к вин- товке, и собственноручно подстрелить кабана. Однако с непривычки не очень крепко прижал приклад винтовки к плечу и получил удар оп- тическим прицелом в глаз. Поэтому, когда они с Громыко подошли к столу генсека, у амери- канского гостя под глазом сиял внушительный синяк. И это стало поводом к многочисленным беззлобным шуткам за столом.

В конце ужина Брежнев внезапно обратил внимание на наручные часы Сонненфельдта и предложил обменять их на свои (при этом ген- сек прикрыл их рукой, чтобы гость не увидел,

на что именно ему придется обменять свои). В итоге американец остался с носом — за свои золотые часики он получил обычные часы — правда, с руки самого Генерального секретаря ЦК КПСС.

Самого Киссинджера в тот приезд удивил другой предмет в руках Брежнева — специальный портсигар, который призван был помогать генсеку бороться с курением. Однако Брежнев оказался хитрее врачей, прописавших ему эту штуковину. В портсигар был вмонтирован специальный счетчик, который автоматически выдавал одну сигарету в час. В начале каждого часа Брежнев церемонно вытаскивал выделенную сигарету и закрывал портсигар. Потом, спустя несколько минут, вновь лез в карман пиджака и доставал другую сигарету из нормальной пачки (это были его любимые сигареты «Новость»), которую тоже носил с собой. Таким образом он мог продолжать свое привычное непрерывное курение до тех пор, пока не срабатывал счетчик и он мог достать заслуженную сигарету из портсигара.

Официальный визит Киссинджера завершился 9 мая. Утром американцы в последний раз пришли на советскую половину резиденции, где Брежнев коротко напустивал их в дорогу. Едва гости уехали, как генсек внезапно вспомнил: «Так ведь сегодня День Победы! Тут уж сам бог велел по чарке выпить». И все, кто в тот момент находились поблизости, с радостью поддержали это предложение.

Тем временем в Тбилиси праздничный день 9 мая был омрачен чрезвычайным происшествием: в тамошнем Театре оперы и балета имени 3. Палиашвили случился пожар, а точнее, поджог. Как мы помним, его инициаторами выступили несколько человек, которых толкнуло на этот дикий поступок недовольство новым руководством театра. А день 9 мая был выбран ими потому, что именно тогда в театре было меньше всего людей. У каждого из поджигателей была своя конкретная задача. Например, работник театра Геккер изготовил дома четыре пакета, в которые засыпал марганцовокислый калий, еще один заговорщик — Табурчинский — пронес в театр литр глицерина. Певец Хоцуриани в половине третьего дня внес все эти компоненты в зрительный зал и разложил их в четырех разных местах. Затем Элисабедашвили под предлогом празднования

Дня Победы увел в хинкальную ресторана «Иверия» пожарников, а двое его подельников — Табурчинский и Корчица вошли в зрительный зал и вылили глицерин из стаканов на марганцовокислый калий. Начался пожар, который находившиеся в театре люди обнаружили слишком поздно. Пока они вызывали пожарных, пока те приехали (а из-за праздника им удалось это сделать не так быстро, как это должно было быть), огонь успел изрядно «поработать» в помещении театра. В итоге убыток, нанесенный пожаром, составил астрономическую сумму в 1 миллион 408 тысяч рублей (в огне сгорели зрительный зал, сцена, а также ряд служебных помещений).

Этот пожар вызвал большой резонанс не только в Тбилиси, но и во всей Грузии. В частности, долгое время одной из версий случившегося была политическая: мол, поджог устроили недруги тогдашнего руководителя республики Эдуарда Шеварднадзе. Дескать, в отместку за его рьяную борьбу с коррупцией в Грузии мафия устроила большой пожар в центре республиканской столицы, показав тем самым всем, кто истинный хозяин не только в городе; но и во всей республике. Однако, как мы теперь знаем, все выглядело иначе.

Забегая вперед, сообщу, что сыщики, ведущие это дело, довольно быстро сумели выйти на след истинных поджигателей, но никак не могли собрать достаточных улик для их ареста. И только в конце 1974-го (спустя полтора года!) начнутся первые аресты в их среде. А суд над поджигателями состоится в ноябре 76-го, о чем речь еще впереди. А пока вернемся в май 73-го.

10 мая настоящий конфуз произошел в съемочной группе Эльдара Рязанова, который готовился к съемкам эксцентрической комедии «Невероятные приключения итальянцев в России». Как мы помним, это должна была быть совместная советско-итальянская постановка, где партнером «Мосфильма» выступала студия Дино Де Лаурентиса. Согласно договору, костюмы для героев фильма должна была предоставить итальянская сторона. Она и предоставила, прислав их в Москву как раз после майских праздников. 10 мая Рязанов пришел в костюмерную, чтобы оценить их качество, и получил настоящий шок. Костюмы были настолько плохи, что хуже Рязанов еще в жизни

не видел. В итоге на следующий день в Рим, на имя Луиджи Де Лаурентиса, был отправлен срочный телекс, который я позволю себе привести полностью:

«Вчера, 10 мая, мы увидели костюмы, которые вы нам выслали. Когда ты просил нас довериться твоему вкусу, мы с удовольствием пошли тебе навстречу. Но то, что мы увидели, провзошло все ожидания: таких старых и плохих костюмов мы никогда не видели. Большинство костюмов подошли бы для начала века, размеры их или слишком маленькие, или огромные. Поэтому из всех костюмов мы можем использовать всего лишь шесть-восемь штук. Мы договорились, что вы должны были выслать нам хорошие костюмы, и поэтому настаивали, чтобы вы прислали нам 50 современных костюмов в хорошем состоянии, а также пояса, галстуки, обувь и т. д., потому что наша группа не склад старьевщика. Мы настаиваем, чтобы Бартолини и Фьорентини срочно привезли с собой необходимое количество современных костюмов, согласно принятым обязательствам».

В тот же день, 11 мая, в Ленинграде на 69-м году жизни скончался выдающийся кинорежиссер Григорий Козинцев. Как мы помним, в начале месяца у него случился инфаркт, после которого режиссера положили в одну из ленинградских клиник. Однако профессионализм питерских врачей не помог — спустя неделю Козинцев умер.

Тем временем Василий Шукшин снимает под Белозерском «Калину красную». Все эти дни группа работала в поле, снимая эпизоды, относящиеся к финалу картины: Егор Прокудин пашет на тракторе; Губошлеп (Георгий Бурков) приезжает со своими архаровцами, чтобы свести счеты с Егором. Одна из «губошлепок» (актриса Татьяна Гаврилова) просит главаря не убивать Егора: дескать, пусть себе живет, пусть копается в земле. Но Губошлеп непреклонен: изменил воровским идеалам — получи пулю. Тем временем Егор отсылает Любу в деревню, а сам идет к своим бывшим друзьям. Губошлеп разыгрывает перед ним спектакль: дескать, как я рад нашей встрече. Они отходят в сторону. Смерть Прокудина снимут чуть позже.

12 мая министр культуры СССР Екатерина Фурцева прибыла с официальным визитом в

ФРГ. Визит был долгосрочный — аж на десять дней, — и свита министра торжествовала: за это время можно было и страну посмотреть, и дефицитными товарами вдоволь запастись. Что касается самой Фурцевой, то она ехала туда без какой-либо охоты, поскольку из всех зарубежных стран хуже всего относилась к тем, где официальным языком был немецкий. Спросите, почему? Дело в том, что на немецком языке ее фамилия звучала совершенно неприлично: «fuzzen» переводится на русский как «испускать ветры», «пердеть». Поэтому, когда Фурцева приезжала к немцам (особенно к западным), те не упускали возможности «подколоть» ее этим обстоятельством. Немцы неприлично смеялись и, перемигиваясь, с особым удовольствием обращались к ней по фамилии, которая на их лад звучала как Пердунова. Так что, была бы ее воля, Фурцева вообще никогда бы не ездила к немцам, но дела службы не оставляли ей такой возможности.

13 мая в Киеве сборная Советского Союза по футболу играла очередной матч отборочного цикла чемпионата мира с командой Ирландии. Как мы помним, первую игру на поле соперника наши спортсмены провели блестяще и выиграли 2:1. Киевская игра, в которой у наших дебютировали сразу четыре футболиста: Олег Блохин, Виктор Кузнецов, Аркадий Андреасян, Владимир Онищенко, тоже завершилась победой советской команды — на 58-й минуте единственный гол забил киевский динамовец Онищенко.

14 мая в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища состоялись похороны Григория Козинцева. На них пришли многие, но еще больше людей по разным причинам так и не сумели вырваться в Питер, чтобы отдать последнюю дань уважения этому человеку. Как вспоминает Е. Даль:

«Я помню день похорон. И звонок Олега (Даля. — Ф.Р.) из Москвы. Главный режиссер театра «Современник» Г. Б. Волчек не отпустила его на похороны. Он смог сказать только это, больше говорить не мог.

Я помню этот день, панихиду в конференц-зале студии, помню, что стояла в почетном карауле у гроба с ощущением, что сейчас упаду. Это было огромное горе. Мы хоронили совершенно молодого человека...

И опять я вспоминаю — кладбище, Литераторские мостки, внезапно хлынувший ливень. Открытый гроб, произносят речи, и вдруг Валентина Георгиевна (жена Г. Козинцева. — Ф.Р.) сказала: «Закройте его, дождь ведь идет...»

В тот день, когда в Питере хоронили Г. Козинцева, в Москве начались съемки фильма «Невероятные приключения итальянцев в России». Поскольку картина была совместной, в Москву для съемок прибыл киношный десант из Италии в следующем составе: оператор Габриэле Погани (в паре с ним будет работать молодой советский оператор Михаил Биц), каскадеры Миони, Вартьеры, Риччи и актеры Алигьеро Носкесе, Нинетто Даволи, Тако Чимароза, Луиджи Баллиста, Антони Сантилли (единственная женщина). Советская сторона выглядела более внушительно главным образом за счет технического персонала, поскольку наш актерский «десант» был малочислен, всего три человека: Андрей Миронов, Евгений Евстигнеев, Ольга Аросева. Плюс бакинский лев Кинг, который проходил отдельной строкой.

В первые дни съемок любого фильма участники съемочного процесса более всего ищут, что называется, общий язык. Для съемочного коллектива «Итальянцев» это обрело и прямой смысл, поскольку часть группы состояла из иностранцев. И хотя на площадке все время присутствовал переводчик Валера, однако все равно какое-то время всем пришлось нелегко. Чтобы дать коллективу освоиться и привыкнуть друг к другу, Рязанов начал работу со спокойных сцен. В первые съемочные дни в павильоне «Мосфильма» снимали эпизод «в гостинице»: трое итальянцев (Сантилли, Носкесе, Даволи) и советский гид, он же капитан милиции (Миронов) играют в карты. Во время игры итальянка флиртует с гидом и в итоге уводит его к себе в номер. Вот как описывает происходившее в тот день на съемочной площадке Ю. Богомолов:

«Напарник Антонио Джузеппе (его играет Даволи) много и откровенно комикует. Режиссер просит его быть чуть сдержаннее. У Андрея Миронова свои трудности. Когда Ольга увлекает его за собой, ему надо сыграть смущение. Уход репетируется несколько раз. Герой не уходит, а ретируется, пряча глаза и вообще ту-

шуясь. Актер предлагает: что, если пойти вслед за Ольгой четким строевым шагом. Его герой ведь «на работе». Он показывает. Рязанов посмеялся: хорошо бы. У оператора все готово: можно снимать. «А подумать я имею право?» — спрашивает самого себя режиссер. Наконец снимают: Миронов удаляется осторожным, почти вкрадчивым строевым шагом.

Кадр снят. И важен, может быть, он не сам по себе. Важнее, что состоялось первое общение на съемочной площадке...»

И еще о кино. В эти же дни в Каннах открылся очередной кинофестиваль. На него, как обычно, съехались кинематографические сливки со всего мира, в числе которых была французская киноактриса Марина Влади и ее советский супруг Владимир Высоцкий. Приезд последнего для тамошней публики был событием неординарным, поскольку слава о Высоцком как о крамольном для советского режима артисте на Западе была большой. Вот почему его приезд в Канны вызвал непомерный ажиотаж. Чуть ли не все тамошние газеты напечатали огромные портреты Высоцкого в смокинге на открытии фестиваля. Про фильм Ильи Авербаха «Монолог», который был заявлен в конкурсной программе фестиваля, тамошняя пресса тоже писала, но куда сдержаннее, чем про появление Влади с супругом.

Не меньший успех, чем Высоцкий, имел в эти же дни, но уже в другой западной стране хоккеист Валерий Харламов. В составе небольшой группы (с ним были тренеры Всеволод Бобров и Борис Кулагин) он находился с визитом в Канаде. После суперсерии СССР — Канада, сыгранной осенью 72-го, имя Харламова на родине хоккея стало настолько популярным, что, когда он приехал туда в качестве гостя, толпы поклонников буквально не давали ему прохода на улицах. Едва ли не каждый день его и двух тренеров приглашали на всевозможные банкеты и приемы. Их было так много, что у наших делегатов даже не было возможности пробежаться по магазинам, чтобы потратить свои немногочисленные доллары на подарки для родных и друзей. Но тот же Харламов по этому поводу не сильно огорчился. Вот как будет позже вспоминать об этом В. Бобров:

«Иной бы на месте Харламова с утра до вечера бегал бы по магазинам в поисках очередной заморской вещицы, да ценой поменьше.

А он даже не думал о покупках. Говорил, что отвезет все оставшиеся доллары в Москву, обменяет их на сертификаты, которые отдаст родителям, и пусть они покупают себе что душе угодно. Велик ли прок в «зеленых»?! «Вещизм», судя по всему, не присущ Валерке. Молодец! Долго и славно проживет в спорте!..»

В той поездке советские гости посещали не только банкеты и рауты, но и присутствовали на спортивных мероприятиях. В частности, они побывали на финальных матчах чемпионата юниоров и Кубка Стэнли. В последнем встречались «Монреаль канадиенс» и «Чикаго Блэк Хоукс». Победил «Монреаль», в 18-й раз завоевав почетный кубок.

А теперь из Канады вновь вернемся в Советский Союз. Там супруги Мстислав Ростропович и Галина Вишневская в рамках музыкального фестиваля совершают месячное турне по волжским городам с симфоническим оркестром города Ульяновска. Причем отпускать Ростроповича в эту поездку или нет, специально обсуждалось на совещании в Министерстве культуры, поскольку дирижер проходил по категории «идеологически ненадежных», а тут ему предстояло дирижировать оркестром из города, где родился и качался в колыбели вождь мирового пролетариата Ульянов-Ленин. В итоге после бурных дебатов было решено разрешить Ростроповичу встать у дирижерского пульта, но... без лишнего шума. То есть пустить-то его в турне пустили, но на афишах имя «Ростропович» заклеили. Когда дирижер об этом узнал (уже в поездке), он тут же отправил возмущенную телеграмму самому Брежневу, однако ответа так и не дождался.

Между тем во время этой поездки звездная пара сделала для себя горькое открытие: на всем протяжении маршрута от Горького до Астрахани народ буквально нищенствует. Например, перед поездкой была у артистов такая мечта — поесть свежей рыбы. Ведь, казалось бы, где еще можно было ее попробовать, как не на Волге? Однако эта мечта оказалась несбыточной, поскольку ни в одном городе не было в продаже ни рыбы, ни мяса, ни многих других необходимых продуктов. Однажды в ресторане волгоградской гостиницы Ростропович и Вишневская познакомились с девушкой лет двадцати, которая поведала им грустную историю о том, почему она ходит в этот

ресторан. Оказывается, в нем одном можно было прилично пообедать, поскольку в других местах (в том числе и в столовой предприятия, на котором девушка работала), что называется, шаром покати. На вопрос: «Почему в здешних магазинах нет мяса», девушка ответила просто: «Я здесь родилась, и на моей памяти мяса в магазинах никогда не было». По этому поводу Г. Вишневская горько резюмирует:

«Что же тогда едят люди? В Казани, в столице Татарии, иногда в магазинах бывает свинина, которую татарам запрещает есть их религия. Уже много лет мясо распределяют по талонам, один-два килограмма в месяц на человека. В той же Казани, проезжая рано, на рассвете, по городу, я обратила внимание, что у некоторых магазинов уже стоят очереди. Я подумала, что женщины с утра пораньше рвутся за какими-нибудь импортными товарами, но, подняв глаза повыше, увидела название магазина и обомлела — «Молоко»!

Да как же живут эти несчастные? Встать в очередь в пять часов утра, чтобы купить молоко для ребенка... Если бы не видела своими глазами, никому бы на свете не поверила, что возможно такое в России не в военное, а в мирное время. Во всех городах люди на улицах хмурые, неприветливые. В гостиницах, в ресторанах — грязь, нищета и убожество. И это по всей Волге, от Горького до Астрахани...»

Но вернемся с Волги в Москву и взглянем на афишу развлечений. В кинотеатрах демонстрируются новые фильмы: с 1 мая в прокат вышли истерн Али Хамраева «Седьмая пуля» с Суйменкулом Чокморовым в роли супермена Максумова и спортивная драма Валерия Кремнева «Право на прыжок» по сценарию прославленного советского прыгуна в высоту Валерия Брумеля с участием Александра Мартынова, Татьяны Ицыкович (в будущем — Васильева) и др.; с 7-го — фильм 1-й кинотрилогии Евгения Карелова «Высокое звание» под названием «Я — Шаповалов Т. П.» с Евгением Матвеевым в главной роли; «Учитель пения» Наума Бирмана с участием Андрея Попова, Людмилы Ивановой, Ирины Алферовой и др.; с 14-го — «Бесстрашный атаман» Владимира Дьяченко и Геннадия Иванова, посвященный детским годам Семена Михайловича Буденного; военная киноповесть «За твою судьбу» Тимура Золоева с участием Елены Козельковой, Леонида Дьяч-

кова и др.; восточногерманский детектив «Дело Церник».

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Большая перемена» (премьера т/ф 29 апреля—2 мая), «Новые приключения неуловимых» (1-го), «Бриллиантовая рука», «Подкидыш», «Кочующий фронт» (2-го), «Конец атамана» (3-го), «Мать» (5-го), «Повесть о настоящем человеке», «Город под липами», «Жди меня» (6-го), «Поезд в далекий август» (7-го), «Неизвестный солдат», «Белорусский вокзал» (впервые по ТВ 9-го), «Насреддин в Ходженте» (11-го), «Приходите завтра!» (13-го), «Крепостная актриса» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 2-го в Театре имени Ермоловой — «Здравствуйте, дядюшка!»; 7-го в Театре имени Гоголя — «Карьера Бекетова» А. Софронова; в ЦТСА — «Птицы нашей молодости» И. Друцэ с участием Любови Добржанской, Нины Сазоновой, Игоря Ледогорова, Аллы Покровской и др.; 9-го в ЦТСА — «Мы — цемент!» Ф. Гладкова; 10-го в Театре имени Вахтангова — режиссерский дебют Михаила Ульянова «Ситуация» В. Розова с участием Юлии Борисовой, Михаила Воронцова, Екатерины Райкиной и др.

Не пустуют эстрадные площадки, где выступают: 7-го в ГЦКЗ «Россия» — Эдуард Хиль в сопровождении ансамбля «Камертон»; 5—9-го во Дворце спорта в Лужниках — Лариса Голубкина, Георгий Вицин, Капитолина Лазаренко, Владимир Макаров, Иван Суржиков; 8—9-го на стадионе «Динамо» — Клавдия Шульженко, Муслим Магомаев, Юрий Богатиков, Георгий Вицин, Лев Лещенко, Александра Стрельченко, Кола Бельды, Гелена Великанова, Владимир Шубарин и др.; 11—13-го в «Октябре» — Гелена Великанова, Олег Анофриев, Ирина Бржевская, Мария Лукач и др. В Цирке на Цветном бульваре идет представление «Заре навстречу» с участием двух популярных клоунов Юрия Никулина и Михаила Шуйдина. В нем же выступает и молодой артист Владимир Винокур, который в то время пока еще никому не известен — он учится на предпоследнем курсе ГИТИСа.

Винокур попал в «Зарю» по протекции своего товарища, композитора Алексея Черного, который попросил его спеть в представлении несколько песен: первую — свою («Товарищ КамАЗ»), вторую — А. Пахмутовой. При-

чем первую он исполнял живьем, а вторую, которая звучала в финале, записали на фонограмму, чтобы Винокуру не высидеть все представление. За это Винокуру платили сто рублей. Причем, несмотря на то что эти деньги приходилось делить на двоих (Винокуру помогал студент Гнесинки, который пел за него в дни, когда тот сдавал экзамены или репетировал в ГИТИСе), сумма все равно получалась по тем временам приличной — 50 рублей. Плюс стипендия у Винокура была 28 рублей. В итоге он считался самым богатым студентом на курсе. В день зарплаты к цирку подтягивались однокурсники Винокура, и они шли в ближайший магазин, где покупали трехлитровую бутылку «Гымзы» (было такое вино в закупенной бутылке) и две бутылки водки. На завтрак брали килограммов пять картошки, дешевые котлеты, чеснок, хлеб. После чего отправлялись уничтожать эту снедь в общежитие на Трифоновской.

Гульбище продолжалось всю ночь. Гуляли так: «Гымза» и водка сливались в большой чан, туда же добавлялся по вкусу и сахар. Получалось четыре литра жгучей смеси. Затем звали девчонок, которым жидкость представляли как фирменный французский ликер. Когда это пошло кончалось, пирующие брали в руки пустые чайники и шли за добавкой на ближайший Рижский вокзал. Там стояли перегонные цистерны из Баку, Молдавии, в которых плескались спирт, вино, коньяк. Если добыть «горючее» из цистерн не удавалось, обращались за помощью к бабке Нине, жившей на Трифоновской. На условный сигнал (три стука в окно) она продавала страждущим водку, за три рубля бутылку (в магазине она стоила 2 рубля 87 копеек).

Василий Шукшин в Белозерске продолжает снимать «Калину красную». За почти две недели были сняты эпизоды: освобождение Егора Прокудина из тюрьмы, работа в поле, финальная встреча Егора с бывшими друзьями. Сняли бы больше, если бы не погода — на Вологодчине холодно, идут дожди. Например, во вторник, 15 мая, дождь зарядил с самого утра и шел чуть ли не весь день, из-за чего киношникам не удалось снять ни одного полезного метра пленки. В эти же дни Шукшин пишет письмо своей дочери Кате (она родилась в феврале 65-го после короткого романа режиссера с до-

черью известного драматурга Анатолия Софронова Викторией). Приведу отрывок из этого послания:

«Здравствуй, Катя!

Очень давно не видел тебя и чувствую большую вину перед тобой. Прости меня, пожалуйста. Мои объяснения будут (были бы) какими-то такими, какие ты не поймешь пока.

Я опять видел тебя во сне... И вот встал рано и сижу думаю. И боюсь этого сна, потому что один раз я тебя тоже видел во сне, и ты тогда заболела. Но теперь я тебя видел очень хорошо: ты отвечала урок по русской литературе. Ты звонко читала за партой:

Мороз и солнце — день чудесный...

А я будто сидел в том же классе и слушал. И очень был рад за тебя и горд.

Я снимаю картину «Калина красная». Живу в старинном русском городе Белозерске (ему в июле этого года будет 1110 лет, старше Москвы), здесь пока холодно, но красиво. Весь край — озерный, очень русский, грустный, прекрасный. Здесь тихо.

Я хотел бы, доча, чтоб ты написала мне коротенькое письмецо: как ты заканчиваешь свой первый класс, куда поедешь летом...»

16 мая в «Литературной газете» появился очерк, который вызвал весьма серьезное недовольство в начальственных кабинетах. Средства массовой информации тех лет были не чета нынешним — их контролировали вдоль и поперек, цензурируя буквально каждую строчку. И вдруг при таком тщательном контроле свет увидела публикация (автор — Н. Мельников), в которой подвергалась сомнению чуть ли не вся советская судебная система. Вкратце суть ее такова. 14-летний школьник из города Вознесенска Андрей Матвеев приехал на экскурсию в Москву и в самом большом столичном магазине — ГУМе — прямо возле фонтана залез в карман гражданину Суворину, вытащив у него 2 рубля 16 копеек. Парня схватили прямо на месте преступления и препроводили в милицию. Там на него завели уголовное дело по статье 144 УК за кражу. Далее был суд, который автор заметки описывает следующим образом:

«На подсудимом школьная форма. Когда он сидел, опустил голову, то из-за барьера выглядывала лишь стриженная макушка его. Он был мал ростом, а барьер высокий...

— Встать, суд идет!

Встал Матвеев, встали женщина в первом ряду и я. Больше никого посторонних не было. Кроме меня. Женщина из первого ряда оказалась матерью подсудимого. Прокурор и защитник отсутствовали. Защитника родители подсудимого не наняли, а прокурор не считал нужным участвовать в этом деле. Оно и правда было яснее ясного...»

В отличие от большинства публикаций на судебные темы, где их авторы осуждали преступников, эта была вся проникнута жалостью к подсудимому. Спору нет, воровать нехорошо, и человек, залезший в карман другого, должен был понести справедливое наказание. Но ведь здесь случай был неординарный и требовал деликатного подхода. На скамье подсудимых сидел подросток, который сроду не держал в руках больше одного рубля, но, очутившись в огромном и красивом магазине, поддался соблазну и залез в чужой карман, чтобы купить себе какой-нибудь сувенир с ближайшего прилавка. Ему бы подзатыльников надавать побольше, да с родителей штраф содрать и отпустить с миром. А он что получил? Из двух возможных наказаний, предусмотренных 144-й статьей — год исправработ и два года ИТК, — он заработал самое суровое наказание. То бишь за 2 рубля 16 копеек, которыми Андрюха Матвеев владел меньше минуты, он получил два года колонии. Вот вам и самый гуманный суд в мире!

Власть предрешающая быстро поняла свою промашку и всем, кто стоял за этой публикацией, вставила по первое число. Причем заботило-то их не то, что с парнем так сурово поступили, а что кто-то имел смелость усомниться в справедливости судебного приговора. Две недели спустя та же «Литературка» сообщила, что «факты, приведенные в заметке, при последующей проверке не подтвердились, работники газеты, виновные в опубликовании материала без надлежащей проверки, наказаны».

А теперь перенесемся в Куйбышев, где готовится редкое по тем временам событие — заказное убийство. В роли заказчика выступал скромный мастер по строительству Василий Володин, в роли жертвы — его супруга, 44-летняя учительница географии 4-й средней школы Надежда Варламова, в роли киллера — рабочий одного из куйбышевских предприятий

Монахов. Поводом к убийству послужила корысть: Володина угораздило без ума влюбиться в замужнюю женщину — маляра, которая работала в его конторе. Убив опостылевшую ему супругу, Володин таким образом собирался устранить единственное препятствие к воссоединению с любимой женщиной. За выполнение заказа Володин пообещал щедро расплатиться с наемным убийцей.

16 мая, после обеда, Володин приехал на работу к Монахову, чтобы договориться об их совместном выезде сегодня вечером за город. Там киллеру предстояло ознакомиться с орудием убийства — малокалиберной винтовкой «ТОЗ», опробовать ее на мишени. До места назначения — деревни Помельцево — добирались на «Москвиче» Володина. Там пробыли до утра: Монахов пострелял по березам, после чего они распили бутылку водки. Там Володин уговорил киллера выполнить заказ уже на следующее утро. Изложенный им план Монахову понравился.

В город заговорщики вернулись засветло. В тот день у Надежды был выходной, она занималась хозяйством: вместе с младшим сыном (старший служил в армии) копала огород. После одиннадцати сын ушел к знакомой девушке, и муж с женой остались дома одни. Ближе к двенадцати дня Володин сказал, что пойдет проведает кроликов в сарае, а Надежда отправилась на кухню жарить котлеты к обеду. Она стояла у окна, являя собой прекрасную мишень для притаившегося за грядой Монахова. Однако то ли он сильно волновался, то ли дала себя знать «Перцовка», которую он выпил перед этим, но убийство не состоялось — пуля угодила женщине в щеку, выбив у нее семь зубов. Володин хоть и был в бешенстве, но виду не показывал: вместе с женой отправился в больницу. Пробыл там с нею до утра. Потом сходил в милицию, где написал заявление. Сказал, что подозревает в случившемся учеников жены. Однако от своих замыслов устранить жену он так и не отказался, о чем речь еще впереди.

Между тем 18 мая Леонид Брежнев прибыл с официальным визитом в ФРГ. Пребывание советского генсека длилось четыре дня и запомнилось не только подписанием важных для обеих стран документов, но и небольшим ЧП, виновником которого был Брежнев. Вот как

вспоминает об этом его телохранитель В. Медведев:

«Канцлер Вилли Брандт подарил Леониду Ильичу «Мерседес». Машину пригнали к гостинице, Леонид Ильич вышел на улицу. Немецкие специалисты стали объяснять ему, где какие ручки, кнопки, переключатели, как трогать машину с места, как останавливаться. Брежнев внимательно слушал, сел в машину и вдруг резко дал газ и... скрылся ото всех. Ни охраны нашей с ним, никого из местной службы безопасности — укатил один! Какой-то полицейский чин кинулся к телефону. По дороге, на подъеме, милиция выставила поперек две машины и перекрыла путь. Брежнев вынужден был остановиться, развернулся и приехал назад в гостиницу. Вышел из «Мерседеса», засмеялся:

— Ну, как я от вас всех сбежал? Испугались? Не бойтесь, все в порядке...»

Личный автопарк советского генсека к тому времени был внушительным. Он состоял из черного английского «Роллс-Ройса», который он любил больше других, двух голубых «Мерседесов» (один из них Брандта), «японского президента», «Кадиллака» и «Линкольна». Про последний Брежнев говорил Медведеву, что тот «жидковат», не поясняя, что именно он имеет в виду. Видимо, эта машина ему нравилась меньше, чем другие.

В субботу, 19 мая, в семье прославленного хоккейного вратаря Владислава Третьяка случилось прибавление — родился мальчик, которого счастливые родители назвали Дмитрием. Как мы помним, Третьяк женился в августе прошлого года, и первенец появился аккурат через 9 месяцев после этого события.

В тот же день Владимир Высоцкий позвонил из Парижа директору Театра на Таганке Николаю Дупаку и попросил у него еще один день отсрочки: дескать, вернуться в срок на машине он никак не успевает. Дупаку не оставалось ничего иного, как согласиться.

И еще одно событие произошло в тот субботний день: исполнилось 50 лет со дня основания Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. Во всех школах страны проводились торжественные линейки, на которых пионеры обещали «жить и учиться, как завещал великий Ленин». Любопытное мероприятие состоялось в столичной школе № 524, что

на Балаклавском проспекте: там, у центрального вестибюля, была замурована капсула с обращением к пионерам 2022 года. В нем говорилось: «Ты, конечно, станешь похожим на старших товарищей коммунистов и комсомольцев, станешь зачинателем и участником полезных и интересных дел, будешь подавать своим товарищам пример организованности и дисциплины в учении и труде, общественной работе. Это наш завет вам, пионеры 2000-х годов». Как мы теперь знаем, пройдет каких-нибудь 12 лет — и пионерские организации в нашей стране будут полностью ликвидированы, а значит, выполнить завет учеников 524-й школы будет некому.

В этот же день настоящий зверь в человеческом обличье объявился в поселке Васкелово Ленинградской области. Внешне зверь выглядел очень даже симпатично: это был статный капитан-лейтенант-инженер Янис Сьетниекс. Трудно поверить, но этот красавец отправил на тот свет всю свою семью: жену, двух малолетних детей и тестя с тещей. Причем по причине вполне меркантильной — ему хотелось занять в своем гараже новенькую «Волгу». Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Мечта купить «Волгу» посетила Сьетниекса примерно год назад. Своих денег на столь дорогую покупку у капитан-лейтенанта не было, поэтому он очень рассчитывал на помощь со стороны родного дяди из Латвии. Однако тот отказался помогать племяннику, который, по его мнению, такого подарка явно не заслуживал. Отказ родственника сильно ударил по самолюбию офицера, который уже успел растрезвонить всем своим сослуживцам о покупке машины как о деле решенном. Надо было срочно что-то предпринимать. Но что? И тут будто дьявол вмешался: тесть Сьетниекса надумал подарить дочке с зятем свою дачу стоимостью 15 тысяч рублей. Подписывая дарственную, тесть таким образом подписал смертный приговор как себе, так и всем своим родственникам.

Обдумывая план убийства своей семьи, Сьетниекс пришел к выводу, что лучше всего это сделать проверенным способом — с помощью топора. Дело в том, что одно время он работал лесорубом, а также ему приходилось неоднократно забивать топором свиней, поэтому с этим орудием он мог управляться про-

фессионально. В феврале 73-го Сьетниекс попросил своего отца прислать ему из Латвии старый секач для рубки мяса, но родитель ответил отказом: мол, самому нужен. Тогда Сьетниекс за день до убийства, 18 мая, сам сходил в магазин, где приобрел обычный топор. Уложив его на дно хозяйственной сумки, он сверху прикрыл его одеждой своего четырехлетнего сына Яна.

Расположение части (она находилась в Эстонии) душегуб покинул ранним утром 19 мая. До Васкелово добирался почти сутки — прибыл туда около одиннадцати вечера. Дети к тому времени уже спали, а взрослые встретили появление родственника хоть и с удивлением, но ничего не заподозрили.

Побоище началось около двенадцати ночи. Достав из сумки топор, Сьетниекс обрушил его на голову жены, которая, сидя на кровати, готовилась ко сну — распустила волосы. Ее тихий вскрик услышал отец — 64-летний пенсионер Иван Гаврилович Коваленко. Забеспокоившись, старик решил сходить и узнать, в чем дело, но успел сделать всего лишь несколько шагов. На пороге он столкнулся с зятем, который, не говоря ни слова, обрушил ему на голову тот же топор. Первый удар угодил жертве в челюсть, второй — перерубил ей шейные позвонки. После этого убийца отправился в соседнюю комнату, где спали 50-летняя супруга пенсионера и двое детей офицера — 6-летняя Марина и 4-летний Ян. На убийство трех человек Сьетниекс затратил меньше минуты: хладнокровно забил топором женщину, которая от страха накрылась одеялом, и отрубил головы детям (те даже не проснулись). Убедившись, что все мертвы, душегуб тщательно умылся, оделся, привязал к подошвам по куску войлока и, спрятав орудие убийства в сумку, поспешил к выходу — ему надо было успеть на последнюю электричку, которая отходила от станции в 0.43. Однако уже на крыльце душегуб внезапно запнулся о чем-то вспомнил и вернулся обратно в комнату жены, чтобы вытрясти из ее кошелек последние деньги — 27 рублей с копейками.

А теперь из Васкелово перенесемся на несколько десятков километров в сторону — в Ленинград. В понедельник, 21 мая, туда приехал Валерий Золотухин по делам служебной необходимости — он посетил «Ленфильм». Там он наконец-то сумел посмотреть фильм Генна-

дия Полоки «Интервенция», в котором имел счастье сниматься еще в 67-м году. С тех пор картину положили на полку и показывали только избранному кругу лиц на закрытых просмотрах. Как пишет сам актер:

«Боже мой! Проплакал весь фильм. Он выиграл от времени. Все фильмы после него — Юткевича, Митты, «Бумбараш» — только сыграли на него, несмотря на то что многое разворовано по самым естественным причинам — время продиктовало иную эстетику экрана, доселе несуществующую, вернее, не допускавшуюся на наши экраны. Женька — моя лучшая роль. Я боялся каждого кадра, каждого произнесенного слова и радовался, что ничего — славно. Более того, я расстроился... что переменялся нынешний... Я некоторые вещи уже не могу так сыграть теперь...»

В тот же день в Москве на 77-м году жизни скончался Маршал Советского Союза Иван Конев. Он был одним из той славной плеяды военачальников, которые ковали победу советского оружия в Великой Отечественной войне, а после ее окончания занимали высокие должности в вооруженных силах страны. В послевоенные годы Конев был главнокомандующим Центральной группой войск (1945—1946), главнокомандующим Сухопутными войсками (до 1956-го), командовал Группой советских войск в Германии (до 1961-го). В 1953 году именно Конев был председателем суда во время процесса над Лаврентием Берией. С 47-го года он с семьей жил в престижном доме на улице Грановского, в восьмикомнатной квартире (соседкой Коневых по лестничной площадке была племянница Ленина Ольга Дмитриевна, этажом выше жила семья Молотовых, в этом же подъезде жил еще один Маршал Советского Союза — Константин Рокоссовский). Однако квартира располагалась на первом этаже, окна выходили на проезжую часть, и от постоянных машинных выхлопов на предметах был сантиметровой налет сажи. Конев в последние годы сильно страдал от этого (у него была многолетняя язва желудка, которая в итоге перешла в рак), не мог дышать и попросил переселить его с семьей в другую квартиру. Отказать ему не могли, поэтому выписали ордер на жилплощадь в этом же доме, правда в квартире меньшего метража. Однако по-настояще-

му пожить на новом месте Коневу было не суждено — спустя несколько месяцев после переселения он умер.

22 мая в Ростове-на-Дону сорвалось ограбление, которое планировала осуществить банда «фантомасов». Как мы помним, в последний раз банда дала о себе знать 4 ноября 1972 года, и тогда их акция тоже сорвалась: бандитов слугнула милиция. В мае ситуация повторилась. В тот день они вышли на дело, заняв исходную позицию в месте, где должна была появиться машина с инкассаторами. Ждали долго — 1 час 20 минут, а когда инкассаторский автомобиль наконец появился в поле зрения бандитов, Толстопятков-старший внезапно дал отбой. Он заметил, что в машине сидит еще и вооруженный милиционер, снабженный рацией. Риск засветиться был слишком велик, поэтому «фантомасы» сочли за благо удалиться без добычи.

В тот же день душегуб Янис Сиетниекс, который двумя днями ранее хладнокровно умирив всю свою семью, сел писать письмо... убиенным. Этим самым он хотел отвести от себя всяческие подозрения в совершенном злодеянии. Письмо поражает своим цинизмом. Судите сами. «Здравствуйте, мои дорогие супруженок, Янчик, Маринчик, папа и мама! — писал изверг. — Что-то вы меня не балуете письмами — 4:2 в пользу меня. Так что догоняйте! Сурки — наверное, только спите и бегаете, а мне писем не пишете. Кисенок, не волнуйся — порядок у меня нормальный... Очень по тебе и по гаврикам соскучился. Как вы там, баловники мои? Не замучили уже дедушку с бабушкой?.. Янчик и Маринчик, ведь вы мне обещали написать! Где ваши обещания? Крепко вас обнимаю и целую! Ваш папка!»

В среду, 23 мая, на Красной площади в Москве состоялись похороны Маршала Ивана Конева. На них от руководства страны присутствовали почти все члены Политбюро, кроме двух человек: генсека Брежнева и президента Подгорного. Причем если последний находился с официальным визитом в Афганистане, то Брежнев отсутствовал неизвестно почему. Может быть, устал после четырехдневного визита в ФРГ (он вернулся на родину за день до похорон)?

В эти же дни в столице произошло ЧП, которому вскоре суждено будет попасть на страницы газет. Дело было так. Младший сержант милиции Виктор Ефимов возвращался на мотоцикле в Киевский отдел ГАИ. Внезапно впереди он увидел летящий на большой скорости «Москвич-426». По тому, какие зигзаги выписывала легковушка, было件件но, что ее водитель явно находится «под парами». Ефимов бросился наперерез нарушителю, но тот уже успел заметить гаишника и свернул в боковую улочку. Началась бешеная погоня. Ефимов сделал попытку прижать «Москвич» к тротуару, но из этого ничего не получилось — нарушитель стал маневрировать и едва не сбил милиционера. Пришлось сесть ему на «хвост» и ждать более удобного момента.

Когда они выскочили на Кутузовский проспект, Ефимов успел крикнуть постовому, чтобы тот передал по радию о пьяном лихаче другим постам. В это время на светофоре загорелся красный свет, движение на проспекте остановилось, но только не для нарушителя, который на огромной скорости проскочил светофор и свернул в переулок. Но и этот маневр не помог лихачу: Ефимов продолжал сидеть у него на «хвосте». Однако с каждой минутой младший сержант все сильнее понимал, что, если немедленно не предпринять каких-то эффективных мер к задержанию нарушителя, добром эта гонка не закончится.

Они выскочили на Краснопресненскую набережную. Здесь гаишник включил предельную скорость и, обогнав «Москвич», нажал на тормоз. Все произошло настолько неожиданно и быстро, что нарушитель даже не успел опомниться и свернуть в сторону. В итоге его автомобиль врезался в мотоцикл и остановился. Его дверцы тут же отворились, и на воздух выбрались четверо молодых людей. Увидев, что преследовавший их гаишник поднимается с земли, они бросились врассыпную. Ефимов, преодолевая боль, устремился в погоню. Через несколько десятков метров он настиг одного из убежавших, но тот решил бороться до конца: едва рука гаишника схватила его за локоть, как он набросился на стража порядка с кулаками. Оба они упали на землю, и кто знает, чем закончился бы этот неравный поединок (мы помним, что у Ефимова была травма), если

бы не прохожие, оказавшиеся поблизости. Они бросились на помощь милиционеру и помогли ему скрутить нарушителя. Вот такая киношная погоня случилась в Москве в те майские дни.

Однако криминальная хроника того месяца на этом не исчерпывается. Именно в те дни будущий самый кровожадный маньяк страны, а тогда всего лишь скромный воспитатель Новошахтинской школы-интерната № 32 (был принят туда в августе 70-го) 37-летний Андрей Чикатило был впервые уличен в сексуальных домогательствах к собственным ученикам.

В первый раз это произошло на водоеме у Кошкинской плотины, куда Чикатило привел детей поплавать. Когда дети бросились в воду, Чикатило уселся на берегу (он разделся до плавок, но в воду не полез) и стал внимательно следить за 14-летней Любой Костиной: из всех девочек класса она была самой развитой, и ее формы, пока еще достаточно скромные, казались ему многообещающими. Когда девочка уплыла в сторону от основной группы плавающих, Чикатило тоже бросился в воду и поплыл именно к ней. Далее послушаем рассказ М. Кривича и О. Ольгина:

«В несколько гребков он настиг девочку и ухватил ее за скользкую в воде талию. Люба стала вырываться, дрыгая ногами и руками, но без испуга, а весело, не ожидая ничего дурного. «Отпустите, — кричала она, — отпустите, не то утону!»

Он и не думал отпускать. Не хотел отпускать. Не мог. На него накатило.

Обеими руками он ухватил под водой ее грудь и стал мять, сначала несильно, с каким-то еще намеком на ласку, а потом сжал, сдавил остервенело. Люба поначалу не очень-то испугалась, мальчишки уже приставали к ней, и она их всегда отшивала, но когда учитель стиснул ее так, что перехватило дыхание, она поняла, что сейчас все иначе. Всерьез.

Она пыталась отбиться от него, просила отпустить. Хлебнула воды, закашлялась. Он же бормотал что-то невнятное, лишь бы протянуть время, а сам, крепко прижав ее к себе левой рукой, правой сжимал бедра, ягодицы, лез под трусы...

Внезапно она почувствовала резкую боль: большая жесткая рука уже не тискала ее тело, а

рвала его, терзала. Она закричала, и крик ее был слышен на берегу.

А он, не выпуская девочку из рук и отталкивая ее все дальше от берега, просил кричать громче.

Потом вдруг вытянулся в воде, будто тело его свела судорога, и отпустил Любу.

На мелководье ее, плачущую, подхватили подружки и увели от воды. Она лежала на согретой солнцем траве и стонала от боли, размазывая слезы по лицу.

Он вышел из воды минут через десять. Ни на кого не обращая внимания, быстро оделся и исчез...»

У этого происшествия было много свидетелей, однако все они были детьми и не смогли толком объяснить взрослым, что же на самом деле произошло. И Чикатило, образно говоря, вышел сухим из воды. Это развязало ему руки, потому что уже через несколько дней... Впрочем, не будем забегать вперед.

25 мая Владимир Высоцкий вернулся из Парижа, привезя с собой массу подарков для своих друзей. В частности, Валерию Золотухину он подарил классные джинсы, которых в советских магазинах отродясь не водилось (разве что в «Березке», но туда не всякого пускали, да и сертификаты надо было иметь). А тут из самого Парижу, да еще новые, и бесплатно.

В субботний день, 26 мая, убийца собственных детей Янис Сьетниекс претворил в жизнь новый отвлекающий маневр, с помощью которого он хотел отвести от себя всяческие подозрения в совершении жуткого преступления: он приехал на место убийства. Одетый в изящную форму капитан-лейтенанта, с чемоданчиком в руках, душегуб шел по поселковым улицам с таким видом, что ни у одного из местных даже в мыслях не могло возникнуть подозрение, что что-то здесь нечисто. Весь внешний вид офицера говорил о том, с каким нетерпением он ждет встречи с родными.

У дома тестя Сьетниекс продолжил спектакль. Подергав за ручку запертую дверь (которую он сам же и запер изнутри неделю назад, выбравшись наружу через окно), убийца стал усердно изображать недоумение: стучал в дверь, заглядывал в окна. Затем вышел за калитку и, встретив там соседского мальчишку, спросил:

— Не знаешь, куда подевались хозяева этой дачи?

— Не-а, — пожал плечами подросток. — Я их последний раз, кажется, дня два видел.

И здесь Сьетниекс едва не прокололся.

— Как два дня, когда их уже неделю... — Тут он осекся и прикусил язык.

Походив вдоль калитки еще несколько минут, преступник уверенно зашагал в сторону пионерского лагеря, чтобы оттуда позвонить в милицию. Все его поступки были им многократно до этого просчитаны, и он был уверен — сбоя не будет. Но, как говорится, человек предполагает...

Звонок Сьетниекса принял дежурный инспектор уголовного розыска Петр Филатов. Выслушав рассказ звонившего, сыщик попросил его вернуться назад к даче, найти понятых и ждать его приезда. Сьетниекс в точности выполнил приказ: нашел в пионерлагере понятую — молодую сотрудницу, — вернулся к даче и стал ждать милиционера. Тот приехал примерно через полчаса на мотоцикле. Довольно быстро найдя незапертое окно (уже это наводило его на кое-какие размышления относительно правдивости рассказа Сьетниекса, который утверждал, что никак не мог попасть внутрь дома), сыщик распахнул створки и тут же закрыл лицо руками — в нос дхнул явственный трупный запах. Отдышавшись, сыщик все-таки ступил внутрь. Спустя несколько минут Филатов вышел наружу, уже через дверь, и сообщил:

— Похоже, там все... угорели.

Услышав это, Сьетниекс обхватил голову руками и громко запричитал:

— Не может быть... За что?

Однако делал он это как-то картинно, и у сыщика опять появились сомнения относительно правдивости его поведения. Видимо, поэтому, когда они приехали в отделение милиции, Филатов внезапно задал Сьетниексу вопрос из разряда лобовых:

— А не вы ли убили своих родственников, Янис Янович?

Тот аж поперхнулся. Затем его лицо залила пунцовая краска, он ступешался и попросился выйти на улицу — покурить. Профессионалам, которые на своем веку повидали не один десяток душегубов самых разных мастей, сразу

стало понятно — мужик явно не чист. Но торопить события они не стали, предпочитая дать возможность преступнику совершить новые, куда более серьезные ошибки. И тот их совершил.

Утром следующего дня Сietetникс отправился на почту, чтобы отбить сослуживцу телеграмму о том, что задерживается. Текст ее гласил: «Анатолий доложи командованию что на прошлой неделе (вот он прокол!) Ленинграде трагически погибла моя семья идет расследование постараюсь приехать займи для меня пожалуйста 400 рублей. Янис».

В тот же день, во время осмотра квартиры своего тестя в Ленинграде, Сietetникс совершил еще массу сомнительных поступков. Например, повздыхав прилюдно о безвинно убиенных детишках, он в следующую секунду вдруг начал просить сыщиков... найти среди вещей тестя механическую бритву, которая якобы принадлежала ему и за которую он заплатил аж 12 рублей. Далее, взяв в руки сберкнижку тестя, Сietetникс не смог сдержать возгласа удивления:

«Надо же, у папы лежало на книжке 240 рублей, а я им в прошлом месяце выслал на питание 50 рублей». Короче, в тот же вечер душегуба и арестовали.

Тем же вечером, когда был арестован хладнокровный убийца пятерых людей, футбольная сборная СССР играла очередной матч отборочного цикла чемпионата мира. На этот раз соперником наших футболистов была сборная Франции. Матч проходил в упорной борьбе, и судьба его была решена буквально на последних минутах. Сначала Блохин на 81-й минуте вывел нашу сборную вперед, а спустя всего лишь три минуты Онищенко поставил победную точку. Таким образом наша сборная стала победителем IX европейской отборочной группы X чемпионата мира (из четырех игр наши выиграли три, одну проиграли, баланс мячей был 5:2 в нашу пользу). Если бы кому-нибудь из наших футбольных специалистов или болельщиков тогда сказали, что после этого сборная СССР вступит в свой самый неудачный период за всю предыдущую историю, они бы в такой прогноз просто не поверили. Настолько удачно складывались дела нашей сборной к маю 73-го.

Но этот прогноз, увы, был правдой, о чем речь еще впереди.

28 мая писатель Валентин Пикуль подписал договор с «Лениздатом» на свой новый роман «Нечистая сила», рассказывающий о последних годах жизни знаменитого царского фаворита Григория Распутина. Подписывая этот договор, Пикуль даже не мог себе представить, сколь долгим и многострадальным окажется путь его произведения к читателю. Ведь роман этот в 70-е годы так и не выйдет книгой, а будет опубликован в урезанном виде в журнале «Наш современник» спустя почти шесть лет после его написания. Впрочем, об этом речь тоже впереди.

Утром того же дня душегуб Сietetникс «раскололся», то бишь начал давать чистосердечные показания. Произошло это после того, как он провел ночь в камере с двумя уголовниками, которые наглядно продемонстрировали ему то, что с ним может произойти, если он будет заперт. После этого, напросившись к следователю, Сietetникс на чистом листе бумаги написал следующее: «Мне предъявлено обвинение в убийстве моих детей, Яниса и Марины, жены Светланы и родителей жены. 27 мая 1973 года я был задержан и помещен в камеру вместе с двумя уголовниками. За эти сутки я все сам продумал и пришел к выводу добровольно обо всем рассказать. Я хотел уже 20 мая все доложить, но стыд и чувство благодарности перед родителями, людьми, с которыми я работаю, которые мне верили и помогли стать тем, кем я являюсь, заставляли молчать...»

Но далее в своих показаниях убийец решил схитрить. Понимая, что его ждет, напиши он чистую правду (о том, как из-за «Волги» зарубил пятерых родственников), он придумал совсем другую причину преступления. По его словам выходило, что все случилось спонтанно. Мол, жена начала выяснять, почему он так неожиданно к ним заявился, а он в пылу полемики схватил с пола топор и обрушил его на зашедшую в ругани супружницу. А потом, плохо соображая, что делает, бросился добывать невольных свидетелей. Однако в эту версию следствие не поверило и вновь отправило преступника в камеру: дескать, надумаешь сказать правду, позовешь.

А теперь оставим на время душегуба Сиетниекса и вновь перенесемся в Новошахтинскую школу-интернат, где преподает русский язык и литературу будущий вурдалак Андрей Чикатило. Прошло всего лишь несколько дней после того, как он едва не был пойман за руку за сексуальные домогательства к одной из своих учениц. Но, оставшись безнаказанным, он вновь позволил себе нечто подобное. На этот раз он закрылся в кабинете с другой ученицей (под предлогом проверки ее знаний) и стал, мягко говоря, распускать руки. В изложении самой девочки это выглядело следующим образом: «Сел ко мне за парту, стал обнимать, целовать... хватал руками за грудь, пытался снять с меня трусы. Я испугалась, отталкивала его, сопротивлялась. Он поцарапал мне ноги, бедра... Он пошел открывать дверь. Воспользовавшись этим, я выпрыгнула в окно...»

Директор интерната узнал об этом случае от самой девочки. Он не стал выносить сор из избы и заявлять в милицию, а предпочел выгнать развратного педагога из интерната. До первой крови, пролитой Чикатило, остается еще пять с половиной лет.

Тем временем 28 мая в родильном доме имени Грауэрмана родилась девочка, которую родители — звездная пара Андрей Миронов и Екатерина Градова — назвали Машей. Кстати, роженица к тому времени уже успела благополучно завершить работу над образом радистки Кэт в телефильме «Семнадцать мгновений весны» (съемки были закончены в конце 72-го, монтаж и озвучание — в начале 73-го). Фильм должны были показать к Дню Победы, однако тут в дело вмешались цензоры — военные историки, которые заявили, что в фильме мало отражен ратный подвиг Советской армии (дескать, фашистов на экране много, а советских солдат почти нет). И режиссеру Татьяне Лиозновой пришлось идти в киноархивы, чтобы включить в свой фильм дополнительные документальные кадры.

На Киевской киностудии имени Довженко Леонид Быков приступил к съемкам военной драмы «В бой идут одни «старики». Как мы помним, путь к этой работе у Быкова был не простым — высокое начальство нашло сценарий фильма не слишком героическим и запретило Быкову с ним запускаться. Но после того

как тот «обкатал» его на публике — читал отрывки на встречах со зрителями, а также после заступничества ряда военных, приславших положительные отзывы, — «добро» на съемки было-таки получено. 20 февраля начался подготовительный период работы, который продолжался три месяца. И здесь Быкову тоже пришлось столкнуться с рядом трудностей. К примеру, много нервов ему стоило утверждение на роль автотехника Макарыча ленинградского актера Алексея Смирнова. Тот был известен широкому зрителю прежде всего как актер комедийного плана, а у Быкова ему предстояло стать фронтовиком. Узнав об этом, чиновники от кино резко воспротивились: «Не бывать этому! У него же тупое лицо!» Но когда Быков заявил, что откажется снимать фильм, если в нем не будет Смирнова, когда рассказал о том, что «актер с тупым лицом» — сам бывший фронтовик, вернувшийся с войны полным кавалером орденов Славы, сопротивление чиновников было сломлено. Кстати, отчество киношному технику Быков дал то же, что на самом деле носил Смирнов — Макарыч.

Большую помощь в работе над фильмом оказал маршал авиации, легендарный летчик Александр Покрышкин. Когда Быков попросился к нему на прием, чтобы добиться от него выделения для съемок настоящих самолетов времен войны, маршал поначалу отнесся к этой просьбе настороженно. Слишком много в те годы выходило проходных фильмов о войне, чтобы маршал с ходу поверил в затею Быкова снять «нетленку». Он попросил оставить ему на несколько дней сценарий, чтобы поближе познакомиться с материалом. Но нескольких дней не понадобилось. Буквально за одну ночь Покрышкин проглотил сценарий и распорядился выдать киношникам не один, не два, а целых пять самолетов: четыре истребителя «Як-18» и чехословацкий «Z-326», внешне похожий на «Мессершмитт-109». Машины доставили на киевский аэродром «Чайка», где их перекрасили и придали им фронтовой вид.

Съемки фильма начались 22 мая в павильоне студии Довженко в декорациях «блиндаж КП» и «блиндаж комбата». Затем съемки переместились на натуру. В конце мая начали снимать воздушные бои «яков» с «мессерами». Вот

как вспоминает об этом участник тех съемок — оператор В. Кондратьев:

«Для удобства воздушных съемок я придумал особое устройство, которое крепилось между первой и второй кабинами и позволяло брать кадр крупным планом прямо во время полета. Быков мое изобретение одобрил и тут же решил первым подняться в воздух, чтобы испытать его в деле. Пилот выписывал в небе «бочки» и «мертвые петли», а Леонид Федорович включал камеру, давил на гашетку и кричал в объектив: «Серега, прикрой! Атакую!» После нескольких дублей самолет садился, я менял кассету с пленкой, и машина снова поднималась в небо. В конце съемочного дня Быков буквально вывалился из самолета и плюхнулся на зеленую траву аэродрома. «Ну, как дела?» — спросил я, подбежав к нему, и услышал в ответ: «Проявим пленку — увидим!»

Василий Шукшин продолжает снимать под Белозерском «Калину красную». Как вспоминает А. Заболоцкий: «Основная съемочная группа скоро притерлась к торопливой работе Шукшина и до конца участливо помогала обогнать производственный план. Почти ежедневно уходил я от Шукшина в Дом крестьянина далеко за полночь, а на улицах светло — белые ночи в разгаре. Обговаривали съемки, судили снятый материал, переходили к разинским и текущим проблемам, слушали «вражье» радио. В семь утра подъем. Выезд на съемку в 8 часов 30 минут. Опять кофе. По окончании съемки ехали утверждать завтрашние планы, присматривали новые места. Плотнo наедались в ресторане. Пара часов воли. Фантазировали вечером, как приспособить натуру к тексту. В случившиеся выходные дни вместе с Макарычем, без группы, снимали городские жанровые хроники...»

31 мая в Киеве родилась девочка, которой впоследствии суждено будет стать звездой. Речь идет о Наташе Порывай, теперь больше известной как поп-певица Королева. Ее родители были дирижерами-хоровиками, руководившими известной в Киеве хоровой капеллой. Она была самодеятельной, но все время гастролировала как по Союзу, так и за рубежом. В семье Порывай Наташа была вторым ребен-

ком — за несколько лет до этого у нее родилась старшая сестра.

Как мы помним, Владимир Высоцкий в конце мая вернулся из своей первой зарубежной поездки и с ходу включился в гастрольную деятельность. Он дал один концерт в Москве — в НИИОСП, после чего на пару дней съездил на Украину, где дал еще два концерта — в Киеве (в Театре музкомедии) и Харькове (во Дворце спорта). А в четверг, 31 мая, он уже снова был в Москве, где на сцене Театра на Таганке сыграл принца датского.

В тот же день в Москве, в кинотеатре «Горизонт», состоялось торжественное мероприятие, посвященное 20-летию выхода на экран фильма Ивана Лукинского «Чук и Гек». После просмотра картины на сцену поднялись ее создатели, в том числе и исполнители ролей Чука и Гека. В 53-м им было по шесть-семь лет, теперь же это были уже вполне взрослые люди. Они поведали зрителям о том, что предпочли актерской карьере совсем иные специальности. Так, Юрий Чугунов (Чук) стал инженером, а Андрей Чиликин (Гек) — преподавателем в музыкальной школе.

В кинотеатрах столицы во второй половине мая состоялись следующие премьеры: 21-го — музыкальная деревенская комедия «Летние сны» Виталия Кольцова с участием Николая Трофимова, Натальи Фатеевой, Людмилы Гурченко и др.; боевик про одного из основателей ВЧК «Петерс» Сергея Тарасова с Гиртом Яковлевым в главной роли; 24-го — комедия «Много шума из ничего» Самсона Самсонова с участием Галины Логиновой, Константина Райкина, Татьяны Веденеевой и др.; 28-го — производственная драма на сельскую тему «Человек на своем месте» Алексея Сахарова с Владимиром Меньшовым в главной роли.

Кино на ТВ: «Гибель Черного консула» (премьера т/ф 16-го), «Дерсу Узала» (не куросавский, а фильм Агаси Бабаяна, снятый в 1961 году) (17-го), «Хоккеисты» (18-го), «Армия Трясогузки» (19-го), «Шведская спичка», «Армия Трясогузки снова в бою» (20-го), «Остров сокровищ» (впервые по ТВ 22-го), «Последний дюйм» (23-го), «Сотвори бой» (26-го), «Гамлет» (26—27-го), «Николай Бауман» (30-го), «Человек с орденом на квартиру» (премьера т/ф 31-го) и др.

Премьеры в театрах: 28-го в филиале МХАТа — «**Старый Новый год**» М. Рощина с участием Елены Ханаевой, Евгения Евстигнеева, Вячеслава Невинного, Ирины Мирошниченко и др.; в Театре имени Маяковского — «**Человек на своем месте**».

Из эстрадных представлений назову следующие: 17—20-го в ГЦКЗ «Россия» — «Мелодии друзей—73» с участием ВИА «Но То Цо» (Польша) и др.; 24—27-го в ГТЭ — ВИА «Савой» (Румыния).

Новинки «Мелодии»: миньон «**Лирические песни**», на котором звучали следующие произ-

ведения: «Неприметная красота» (А. Морозов — М. Рябинин) — ВИА «Поющие гитары», «Вы разрешите с вами познакомиться» (Д. Тухманов — И. Кохановский) — Эдуард Хиль, «Мелодия» (И. Космачев) — оркестр, «Звездный дождь» (В. Соснов — М. Рябинин) — Вероника Круглова; диск «**Поет Галина Ненашева**» с песнями: «Я люблю тебя, Россия» (Д. Тухманов — М. Ножкин), «Чтобы запели цветы» (Д. Григориу — А. Дмоховский), «Лес стоит загадочный» (В. Шаинский — В. Фельдман), «Только ты молчи» (Д. Тухманов — М. Ножкин), «Вьюга» (Р. Майоров — М. Рябинин) и др.

1973 ИЮНЬ

Олег Даль перевоплощается в разведчика. Гибель советских летчиков в Ле-Бурже. Андрей Миронов забирает жену из роддома. Как Наталья Гвоздикава отбила Евгения Жарикова у молодой пассии. Виктория Федорова: очередная попытка найти американского отца. Душегуб Сиетниекс дает показания. Насильник из Каунаса. Конец банды «фантомасов»: кровавая погоня в Ростове-на-Дону. Напрасные потуги душегуба Сиетниекса. Как Леонид Быков сломал самолет. Эльдар Рязанов в панике: лев-актер срывает съемки. Бандиты Грозного. Как «Песняры» узнали о своей победе на фестивале. Первая весомая победа Евгения Мартынова. Высоцкий читает свои стихи Вознесенскому. Внезапная хворь Юрия Соломина: со сцены в больницу. Последняя встреча Людмилы Гурченко с отцом. Похороны летчиков. Приговор маньяку. «Романс о влюбленных»: борьба за Евгения Киндинова и приход Александра Градского. Как Андрей Тарковский обидел Владимира Высоцкого. Шукшин на съемках. Почему Лидия Смирнова назвала Сергея Михалкова сволочью. Ругают Галину Ненашеву. Брежнев летит в Америку. Диплом доктора изящных искусств — Дмитрию Шостаковичу. Погоня по-московски. Умер отец Людмилы Гурченко. Начали снимать «Вечный зов». Приключения Брежнева в Кемп-Дэвиде. «Свой среди чужих...»: утверждение актеров. Гурченко хоронит отца. Два московских поражения сборной СССР по футболу. Подарки Никсона Брежневу: от автомобиля до «кольтов». Суд над Высоцким: 900 рублей штрафа. Умер автор фильма «Ко мне, Мухтар!». Стюардесса для Брежнева. Генсек жалуется президенту на своих соратников. Ночное происшествие на ранчо Никсона. Повесть Валерия Золотухина: от хулы до почитания. Звездные выпускники: Проклова, Крючкова, Костолевский, Садальский, Фатюшин. Страсти по «Анжелике». Как популярного диктора Игоря Кириллова не пустили к Брежневу. Высоцкий и Даль на премьере «Плохого хорошего человека». Как Давид Тухманов на спор написал шлягер «Мой адрес — Советский Союз».

2 июня Олег Даль приехал в творческое объединение «Экран», где подписал договор на съемки в новой картине «Не ради славы» (в прокат она выйдет под названием «Вариант «Омега»). Этот фильм запустили в подготовительный период весной, режиссером был выбран бывший греческий подданный Антонис Воязос. В свое время его интернировали в СССР, где он окончил ВГИК и стал режиссером документальных и музыкальных фильмов. Теперь же ему предстояло снять 5-серийную картину о работе советского разведчика в фашистском тылу.

На роль немецкого разведчика барона фон Шлоссера был выбран прекрасный актер, коллега Даля по театру «Современник» Валентин Гафт (именно тем летом Даль вернулся в этот

театр). Однако кому-то из высокого начальства не понравился 5-й пункт его анкеты (национальность), и Гафт отпал. Вместо него взяли актера Игоря Васильева, с национальностью которого было все в порядке.

На роль советского разведчика Сергея Скорины выбрали Андрея Мягкова. Однако здесь стал возражать сам режиссер. «Такую роль должен играть человек, который меньше всего похож на нашего традиционного разведчика», — высказал свои соображения Воязос. «Кого же вы имеете в виду? — спросили в ответ. — Уж не Савелия ли Крамарова?» — «Олега Даля», — ответил режиссер.

Руководители «Экрана» прекрасно знали этого актера. Правда, в основном почему-то с

плохой стороны. Знали о том, что он пьет и часто из-за этого срывает съемки. Но режиссер парирует эти сомнения свежей информацией: Даль два месяца назад «зашился» и ведет вполне добропорядочный образ жизни. Видимо, этот аргумент подействовал, поскольку договор «Экран» заключил именно с Далем.

3 июня скорбная весть пришла в Москву из Франции: там, близ аэродрома Ле-Бурже, возле городка Гусенвилля, что в окрестностях Парижа, при выполнении демонстрационного полета разбился советский самолет «Ту-144», на борту которого находились шесть человек: Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР М. Козлов, летчик-испытатель В. Молчанов, штурман Г. Баженов, заместитель главного конструктора, генерал-майор-инженер В. Бендеров, ведущий инженер Б. Первухин и бортинженер А. Дралин. Трагедия произошла на глазах у сотен людей. Наш самолет взлетел в воздух в 15.21, красиво прошел перед трибунами и ушел вдаль, для того чтобы развернуться и произвести посадку. Но вдруг ни с того ни с сего стал терять высоту и упал на землю. Никого из членов экипажа спасти не удалось.

В эти же дни Екатерина Градова выписалась из роддома имени Грауэрмана, где в конце мая благополучно разродилась дочкой Машей. Встречать ее приехал счастливый муж — Андрей Миронов. Волею судьбы бывшую возлюбленную новоявленного папаши Татьяну Егорову угораздило в тот же день и час тоже оказаться возле роддома. Вместе с актрисой Людмилой Максаковой они ехали на машине по Калининскому проспекту, но угодили в пробку аккурат напротив роддома. И в эту самую минуту из его дверей вышла с ребенком на руках Екатерина Градова. Была она в комбинированном платье в белую точечку, рукава фонариком. На тротуаре ее поджидал счастливый муж в компании своих друзей и коллег — Александра Ширвиндта, Павла Пашкова с женой Лилией Шапошниковой и др. Поскольку наблюдать за этой церемонией Егоровой было неважно, она стала торопить сидевшую за рулем подругу: дескать, едем скорее! «Куда едем? — удивилась та. — Видишь — пробка!»

Мироновская компания тем временем уселась в автомобили и двинулась точно за авто-

мобилем, в котором сидела Егорова. Она видела в панорамное зеркальце растерянное лицо Миронова, который уже успел заметить, в чей «хвост» их угораздило пристроиться.

В самом разгаре натурные съемки фильма «Возле этих окон», который на «Мосфильме» снимает молодой режиссер Хасан Бакаев (натуру начали активно снимать с 18 мая). Главные роли в нем играют Наталья Гвоздикова и Евгений Жариков. Как мы помним, поначалу Гвоздикова категорически не хотела сниматься в этой мелодраме, требуя заменить своего партнера. Но когда ее все же удалось уговорить остаться в проекте именно с Жариковым, внезапно произошло неожиданное — Гвоздикова влюбилась в ранее ненавистного партнера. Что же касается самого Жарикова, то он никаких нежных чувств к партнерше не питал: играя по фильму ее возлюбленного, он становился к ней равнодушен сразу после того, как съемки завершались. А когда в процессе работы все-таки влюбился, то его пассией оказалась отнюдь не Гвоздикова, а молоденькая актриса из массовки. Гвоздикова узнала об этом совершенно случайно. В те дни она лежала дома с высокой температурой, как вдруг ей позвонила ассистентка режиссера: «Болеешь? Ну-ну, болей! А Жариков «зароманился»! Девчонка «попастенькая», ножки-бутылочки, а ты лежи-лежи, болей!»

Несмотря на то что после этого звонка температура у Гвоздиковой поднялась еще выше, она нашла в себе силы примчаться на съемочную площадку. К тому времени ее чувства к Жарикову были настолько сильными, что она решила за него бороться, хотя вот уже четыре года была замужем за другим мужчиной. Но этот брак нельзя было назвать счастливым: муж Гвоздиковой ревновал ее чуть ли не к каждому фонарному столбу, регулярно перлюстрируя ее почту и даже врываясь к ней по ночам в гостиничные номера. Что касается Жарикова, то и он был несвободен: без малого 12 лет он был женат на тренере по фигурному катанию, которая была старше его на четыре года.

В деле обольщения Жарикова Гвоздикова избрала хитрую тактику: каждый раз, когда они возвращались с натуральных съемок, она устраивалась в автобусе на место в противоположном углу от пассии Жарикова. Таким образом она ставила актера перед выбором — с кем сесть.

Помаившись, тот обычно выбирал Гвоздикову, а неудачнице тактично объяснял: дескать, нам с Наташей надо текст роли повторить. Так продолжалось какое-то время, пока... Послушаем рассказ самой Н. Гвоздиковой:

«Мне кажется, первым «сломався» Женя. Однажды, когда романом между нами еще и не пахло, Женя попытался меня поцеловать. На съемках у операторов внезапно закончилась пленка, поэтому объявили перерыв. Я села в кресло и попыталась вздремнуть. Вдруг чувствую знакомый запах туалетной воды, открываю глаза и вижу близко-близко губы Жарикова. Бедный, он отпрянул от меня как ошпаренный. Как я жалела потом, что его спугнула! Самое обидное, что даже по сценарию нам ни разу не удалось поцеловаться, хоть мы и играли любовь...»

Тем временем в Москву прилетела преподаватель русского языка Коннектикутского университета Ирина Керк. В последний раз она приезжала сюда в 66-м по служебной необходимости (привезла с собой группу своих студентов), а в свободное время пыталась разыскать актрису Зою Федорову и ее дочь Викторю, чтобы передать им привет от их мужа и отца Джексона Тэйта (актриса познакомилась с ним в 42-м в Москве, четыре года спустя родила от него ребенка, после чего Тэйта выслали из страны, и с тех пор они утратили всякую связь друг с другом). Однако тогда, в 66-м, найти Федоровых Ирина не смогла, поскольку их домашний адрес, который ей продиктовала сама Зоя Федорова в начале 60-х, она потеряла, а на «Мосфильм» обратиться испугалась, чтобы не навлечь неприятности на мать с дочерью. В этот же приезд Ирина решила вновь повторить попытку найти этих людей, благо один ее коллега был знаком с бывшим мужем Викторю Федоровой и продиктовал номер их домашнего телефона.

Застав актрису дома, Ирина предложила ей встретиться возле гостиницы, в которой она остановилась. Федорова с радостью согласилась, поскольку судьба бывшего возлюбленного и отца ее дочери по-прежнему волновала актрису. Там же, возле гостиницы, Зоя предложила американке навестить Викторю, которая больше, чем она сама, мечтает узнать что-либо о своем отце. И хотя радиус передвижений американки как туристки был ограничен

сорока километрами, а до дачи, где жила Виктория со своим любовником-сценаристом, было все восемьдесят, Ирина приняла это предложение.

Первым, кого встретили женщины на даче, оказался сценарист Коля. Он сидел на веранде и читал какую-то рукопись, при этом попивая водку из стакана. На Ирину он с первых же мгновений произвел плохое впечатление, и в дальнейшем это чувство в ней только усилилось. Что касается Викторю, то она тоже была не в лучшей форме — явно с похмелья, встретила американку весьма прохладно и поначалу даже отказалась с ней разговаривать. Причина столь холодного приема человека, который привез ей весточку от отца, выяснилась спустя несколько минут. Девушка внезапно расплакалась и поведала гостье историю о том, как в 62-м году подруга матери Зинаида рассказала ей о результатах ее встречи с Керк в гостинице: дескать, американка сообщила ей, что Тэйт отказался признавать Викторю своей дочерью и даже порвал ее фотографию.

Услышав об этом, Керк рассказала плачущей Викторю свою версию случившегося. Да, действительно, она в 62-м году приезжала в Москву, но с Зинаидой не встречалась, а значит, никак не могла рассказать ей эту душераздирающую историю. Не иначе, предположила американка, все случившееся — происки КГБ, который таким образом хотел навсегда отбить охоту у Федоровых искать контактов с Тэйтом. Версия Ирины самым убедительным образом подействовала на Викторю, и с этого момента она прониклась к американке самыми теплыми чувствами. Далее послушаем рассказ Г. Фрэнкла:

«Никому не понять, каково это — прожить всю жизнь незаконнорожденной, — говорила Викторю. — Когда тебе все об этом напоминают. Какую бы анкету я ни заполняла, я всегда делала прочерк в графе об отце. Я не могу указать «отца нет» или «отец неизвестен». Это все равно что сказать «я не знаю его, он не существует». — Она схватила Ирину за руки. — Вы должны найти его для меня. Он мне так нужен!

— Я попытаюсь еще раз. Но ты должна быть готова к тому, что его уже нет.

— Тогда отыщите его могилу и пришлите мне фотографию. Хоть что-то должно у меня от него остаться.

— Хорошо. Я попытаюсь.

Виктория снова ее поцеловала. Ирина встала и, посмотрев на нее сверху, сказала:

— На это может уйти много времени.

— Знаю.

— Но когда я найду его, ты будешь здесь,

Виктория. — Ирина произнесла эти слова очень медленно, чтобы до лежащей на кровати женщины дошел их смысл.

Виктория вспыхнула.

— Что вы имеете в виду, Ирочка?

— А то, что, если вы с отцом сможете встретиться, неужели ты хочешь, чтобы он увидел тебя такой, какая ты сейчас? Если мне удастся найти его живым, будешь ли жива ты?

Виктория улыбнулась.

— Я буду жива. Считайте, что с этой минуты я бросаю пить.

Ирина посмотрела на нее. Что это — правда или театральная жест актрисы, попавшей в драматическую ситуацию?

Виктория кивнула.

— Вот увидите, Ирочка. Теперь у меня есть ради чего жить...»

Тем временем под Белозерском продолжают съемки «Калины красной». Съемочная группа работает в деревне Мериново, незадолго до съемок переименованной в Садовую, где снимаются эпизоды во дворе Байкаловых, бани, дома матери Егора Прокудина. Первоначально на роль матери предполагалось пригласить Веру Марецкую. Но в самый последний момент именитая актриса внезапно от роли ущербной старухи отказалась. Сослалась на нездоровье, на отсутствие желания: «Я сама сегодня такая же. Не могу. Не хочу!» Киношники, естественно, пригорюнились, поскольку времени искать новую актрису уже не было. И тут кто-то из съемочной группы предложил снять в этой роли старушку, в доме которой собирались снимать встречу Егора и матери — Ефимью Ефимьевну. Многие усомнились: дескать, сможет ли обыкновенная старушка достоверно сыграть нужный эпизод? И все же рискнули. Как мы теперь знаем, действительность превзошла всякие ожидания.

Вспоминает А. Заболоцкий: «Для съемки исповеди матери поставили на середине улицы помост для камеры, выставили окно избы, чтобы через горницу видеть Ефимию Ефимьевну, сидящую в своей светелке-кухне. Объективом

с фокусным расстоянием 600 миллиметров «доставали» крупно лицо бабушки. Находясь от нее далеко, не мешали ей (она думала, что мы еще только готовимся снимать), и, кроме того, шум камеры не попадал в микрофон. Бабушка наговорила свою судьбу, отвечая на вопросы Любы, заготовленные режиссером. Получив этот синхронный рассказ из нескольких вариантов, мы сняли продуманные заранее монтажные кадры для всей сцены практически за один день, во второй день досняли детали и перебивки. В Москве потом досъемок не потребовалось. Перед отъездом я забежал к Ефимье Ефимьевне. В углу избы остался один маленький бумажный образок, приклеенный к доске, и лампочка Ильича теперь голо свисала с потолка. Хозяйка с улыбкой, как на съемке, объяснила: «Так ведь ваши забрали все иконы, говорят, еще снимать будут... вот и деньги оставили». Собиратели икон, сотрудники «Мосфильма», обобрали бабушку...»

Между тем кино снимали и в Москве. 5 июня жители нескольких домов по Большому Девятинскому переулку стали свидетелями съемок художественного фильма. В одном из подъездов дома № 5 киношники во главе с режиссером Ибрагимовым снимали эпизод фильма «Дела сердечные». В съемках принимали участие два актера: суперпопулярный Анатолий Папанов (он играл водителя «Скорой помощи») и только набиравший популярность Георгий Тараторкин (его имя стало греметь всего лишь три года назад после выхода картины «Преступление и наказание», где он сыграл Раскольникова). Несмотря на то что эпизод включал в себя очень короткую сцену (вынос на носилках больного из подъезда дома и погрузка его в карету «Скорой помощи»), съемки продолжались до глубокой темноты. Киношники за это время здорово утомились, чего нельзя было сказать о зрителях, облепивших съемочную площадку со всех сторон. Понять это можно: не каждый день в твоём дворе снимают кино, да еще с участием звезд кинематографа.

А теперь из Москвы перенесемся в Ленинград, где продолжается следствие по делу убийцы Снетниекса, который вырезал пятерых своих родственников: жену, двух малолетних детей и тестя с тещей. Как мы помним, уже на второй день после своего ареста — 28 мая — ду-

шегуб стал давать показания, но отнюдь не чистосердечные. Он попытался смягчить свою вину, объяснив свои действия как результат спонтанного проявления эмоций: дескать, поругался с женой и в порыве гнева схватился за топор. Но следователи военной прокуратуры ему не поверили и вновь уперли в камеру к уголовникам. И вот 5 июня Сietetникс вновь напросился к следователю, которому чистосердечно во всем признался. «Сможете описать все происшедшее на месте преступления?» — спросили его. «Смогу», — последовал ответ душегуба. И Сietetникса повезли на дачу в Васкелово, где он подробно рассказал, как и при каких обстоятельствах расправился с родственниками. Показал он и место, куда бросил топор — в речке Грузинке. Орудие преступления извлекли и приобщили к делу. Однако если читатель думает, что в убийце заговорила совесть, он глубоко ошибается, поскольку уже через пару дней... Впрочем, не будем забегать вперед.

Теперь из Ленинграда перенесемся в Каунас. Там в начале июня объявился опасный преступник, насилующий женщин. Его первая вылазка состоялась в среду 6 июня в лесном массиве города прямо среди бела дня. Одинокая женщина спешила домой, как вдруг из кустов на нее набросился неизвестный мужчина. Он был одет в рабочую спецовку, кирзовые сапоги, а на лице у него была маска из женского капронового чулка. Угрожая жертве ножом, незнакомец потребовал у нее денег. Перепуганная до смерти видом грабителя (а в маске он напоминал Фантомаса из одноименного фильма), женщина безропотно отдала ему все, что находилось у нее в кошельке, — три червонца и мелочь. Однако, забрав деньги, преступник на этом не успокоился. Схватив жертву под локоть, он потащил ее в кусты. Там он повалил женщину на землю и, применяя все те же угрозы, изнасиловал. После этого маньяк удалился, посоветовав жертве не заявлять в милицию: дескать, только хуже будет. Но та, превозмогая страх и стыд, все же заявила о случившемся. Однако ее показания были столь расплывчаты и сумбурны, что задержать по этим приметам преступника было крайне сложно. Естественно, уголовное дело по факту изнасилования в милиции завели, но дальше этого дело пока не сдвинулось.

В отличие от литовских коллег, милиционеры Ростовской области имели полное право праздновать победу — в их руки угодила банда, вот уже четыре года безнаказанно орудовавшая в области и прозванная в народе за свою дерзость бандой «фантомасов». Как мы помним из предыдущего повествования, свое первое преступление эта банда совершила в 1968 году, ограбив магазин в поселке Мирный. Случайного свидетеля, который попытался предотвратить ограбление, бандиты безжалостно расстреляли. Следующее преступление «фантомасы» совершили в апреле 69-го, напав на автомашину с кассирами химзавода имени Октябрьской революции. Но в этот раз им не повезло. Кассиры оказались не робкого десятка и пустили в дело револьверы, которыми были вооружены. У «фантомасов» же на тот момент на вооружении были всего лишь самодельные «пукалки», которые в самый ответственный момент вдруг стали давать осечки. В итоге один из бандитов — Горшков — был ранен, после чего грабители сочли за благо ретироваться. В течение следующих двух лет «фантомасы» не совершали никаких нападений, занятые одним — усовершенствованием своего арсенала.

Затем два года спустя последовали еще два нападения с целью завладения крупными суммами денег, причем во время одного из них был убит инкассатор. Приказом начальника областного управления внутренних дел Ростовской области Б. Елисова был создан штаб по розыску и поимке опасных преступников. Сыщики работали, что называется, не покладая рук, однако напасть на след преступников никак не удавалось. Причем попутно в милицейские сети попадали кто угодно — мелкие воришки, насильники и даже убийцы, однако «фантомасам» все время удавалось благополучно избегать встреч со стражами порядка. Позднее эта везучесть станет понятна: «фантомасы» в обычной жизни были вполне добропорядочными гражданами и не имели никаких контактов с уголовным миром. Они соблюдали тщательную конспирацию и людей в свою банду набирали после доскональной проверки. Короче, ростовским сыщикам впервые за долгие годы противостояли настоящие асы бандитского ремесла, люди, всерьез поставившие перед собой цель никогда не попасться в милицейские сети.

Было несколько моментов, когда сыщикам казалось, что они наконец-то напали на след неуловимых бандитов. Так, после одного из налетов банды «фантомасов» к ним пришел мужчина, который сообщил, что был свидетелем преступления и в главаре с автоматом узнал знакомого парня. Он назвал место, где обитает этот молодой человек, и милиция тут же отправилась «вязать» бандита. Его нашли спящим в котельной, однако после тщательной проверки выяснилось, что к «фантомасам» он не имеет никакого отношения, хотя действительно чертовски похож на одного из них. Пользуясь внешним сходством парня с бандитом, сыщики составили на этой основе фоторобот преступника, который раздали всем милиционерам Ростова-на-Дону. Но, к сожалению, и эта мера не помогла задержать бандитов. Хотя если бы каждый милиционер, у кого был этот фоторобот, постарался, то дело могло бы обернуться совсем иначе. Уже позднее выяснилась следующая история. Некий участковый, которому до пенсии оставалось всего лишь несколько месяцев, частенько навещался в дом к одному молодому человеку, который как две капли воды был похож на фоторобот преступника. Участковый носил этот снимок в кармане своего кителя, но ни разу не связал его с этим парнем. А все потому, что тот жил с матерью-старушкой и после освобождения из тюрьмы ни разу не был замечен в чем-то предосудительном. Участковый частенько навещался к нему в дом, вел душещипательные беседы на разные темы и даже помыслить не мог, что этот парень — один из тех «фантомасов», которые вот уже несколько лет наводят ужас на всю Ростовскую область. Между тем в той же комнате, где между участковым и его подопечным велись беседы, была потайная дверь в виде зеркала: открыв ее, можно было попасть в помещение, где хранился целый арсенал, там находился и тот самый уникальный самодельный автомат, который позднее займет достойное место в Центральном музее МВД СССР.

Последнее перед поимкой преступление «фантомасы» совершили 4 ноября 1972 года. В тот день в Ростове-на-Дону они напали на шофера «Волги» Азивского, упрятали его в багажник, а сами на его автомашине попытались совершить разбойное нападение на кас-

сира одного из городских предприятий. Но ограбление не удалось. «Фантомасы» бросили «Волгу» с водителем в багажнике и скрылись. В течение нескольких месяцев от них не было ни слуху ни духу, однако сыщики, идущие по следу банды, прекрасно понимали, что это затишь рано или поздно должно быть нарушено: после неудачной вылазки в ноябре «фантомасам» нужны деньги, а значит, новое нападение неминуемо. Только когда именно и в каком месте бандиты нанесут удар, никто из сыщиков знать не мог.

На новое дело «фантомасы» вышли 7 июня. В качестве объекта для нападения они наметили кассу ростовского института «Южгипроводхоз». Навел их на нее один из работников института, прекрасно знавший, когда, где и при каких условиях выдается зарплата в этом учреждении. Бандиты (а их было трое: Толстопяттов, Горшков и Самосюк, все они были вооружены огнестрельным оружием — двумя пистолетами и самодельным автоматом и одеты в спортивные костюмы) вошли в институт за несколько минут до прибытия туда кассира с деньгами. Заняли позиции в коридоре возле кассы и стали ждать. Как только там появилась кассирша, они выскочили из укрытия и, угрожая оружием, вырвали у нее из рук сумку с деньгами (в ней было 125 тысяч 118 рублей) и ушли как ни в чем не бывало. По дороге они запихнули сумку в рюкзак и вышли из института спокойным шагом, напоминая собой вполне безобидных туристов. Теперь им надо было только пересечь двор и, выйдя на оживленную улицу, затеряться в толпе. Но тут случилось непредвиденное.

В эти самые минуты в соседнем с институтом дворе, где был расположен продуктовый магазин № 21, находились двое мужчин: товаровед магазина А. Гончаров и 27-летний рабочий В. Мартовицкий. Они шли на склад получать товар. В тот момент, когда впереди у них появились трое незнакомых мужчин в спортивных костюмах, в институте уже была поднята паника и на улицу вырвался чей-то крик: «Кассира ограбили!» Этот крик услышал Мартовицкий, который каким-то внутренним чутьем связал его с тремя «спортсменами». Парень бросился им наперерез и попытался схватить одного из них за плечо. Тот же выхватил из-под пиджака автомат и выстрелил

рабочему в бедро. Если бы он хотел его убить, то стрелял бы иначе, благо ситуация позволяла — Мартовицкий находился слишком близко, чтобы промахнуться. Однако, даже будучи раненным, Владимир не оставил попыток достать «спортсмена». И вот тут нервы бандитов не выдержали. Один из них дал еще одну очередь, прошив парню грудь. Мартовицкий рухнул на землю.

По чистой случайности поблизости, в районе проспекта Октября, в эти же минуты находился экипаж подвижной милицейской группы (ПМГ) в составе участкового инспектора Октябрьского райисполкома младшего лейтенанта Евгения Кубышты и шофера-милиционера младшего сержанта Алексея Русова. Они имели задание на прикрытие в своем секторе кассиров нескольких предприятий, получавших в этот день в Госбанке деньги. В 12.40 ПМГ прибыла к «Южгипроводхозу», убедилась, что институтский кассир благополучно вошел в здание, и отъехала на соседнюю улицу, чтобы обуздать неких хулиганов, распоясавшихся возле обувной мастерской (такое сообщение поступило милиционерам по рации). При этом Кубышта отправился искать хулиганов, а Русов остался в машине. В этот самый миг к нему подбежала женщина, которая что есть силы закричала: «Скорее! Там в институте кассира ограбили!» И как бы в подтверждение этих слов в ближайшем дворе грохнули два выстрела. Русов выскочил из машины и побежал на выстрелы.

Около дома № 105/1 по проспекту Октября он увидел троих подозрительных мужчин, которые бежали через заросли кустарника. Двое держали сумку, третий с автоматом прикрывал их.

— Стой! — крикнул им Русов и сделал предупредительный выстрел вверх.

Однако незнакомцы и не подумали останавливаться, наоборот — побежали еще шибче. А тот, что был с автоматом, дал короткую очередь по милиционеру. Пули легли в нескольких метрах от Русова, подняв фонтаны пыли. Укрыться милиционеру было негде — это был пустырь, поэтому единственное, что ему оставалось, — как зайцу в лесу метаться из стороны в сторону и вести ответный огонь. И в этих неравных условиях он умудрился ранить одного из преступников — Самосюка. Согнувшись

от боли, тот все-таки продолжал бежать за подельниками, видимо, опасаясь, что, если он упадет, те его бросят.

Русову тем временем удалось забежать за угол дома и перезарядить пистолет. Этих нескольких мгновений бандитам хватило, чтобы выскочить на оживленный проспект Ленина и остановить первую же попутку — «Москвич», водителя которого, под угрозой оружия, бандиты высадили. Еще мгновение — и преступников и след простыл. Но фортуна в тот день явно от них отвернулась. На удачу Русова, по этой же трассе и в том же направлении двигался «газик» пожарной охраны, в котором находились инженер-капитан УПО Виктор Селютин и шофер младший сержант УПО Геннадий Дорошенко. И хотя «газик» был уже старенький, раза три побывавший в капитальном ремонте, однако голосовавшего на обочине Русова подсадил, и Дорошенко стал выжимать из него максимальное, на что тот был способен, пытаясь догнать бандитов.

Чуть позже в погоню включился и Евгений Кубышта. Он остановил микроавтобус типа «УАЗ» и велел водителю из автотранспортного цеха вертолетного завода преследовать «Москвич» с бандитами. Вместе с ним в машину сели еще несколько добровольных помощников: водитель угнанного «Москвича» и еще пар тройка мужчин, ставших невольными свидетелями перестрелки. По поручению Кубышты из поликлиники № 5 позвонили в дежурную часть УВД Ростгорисполкома, и по команде дежурного на линию сразу же вышли одна за другой несколько машин с оперативными группами милиции.

Вячеслав Толстопятов гнал «Москвич» на предельной скорости в сторону Чкаловского поселка, не считаясь ни с какими правилами дорожного движения. Рядом с ним сидел Горшков, вооруженный автоматом (в машине было еще пять (!) пистолетов и две самодельные ручные гранаты), а Самосюк истекал кровью на заднем сиденье. На какие-то несколько минут «фантомасам» показалось, что удача улыбнулась им и теперь все зависит от их собственной изворотливости: надо только домчаться до поселка, бросить машину и на перекладных добрататься до своего логова. Но эта надежда теплится в них недолго. Вскоре они заметили у себя за спиной пожарный «газик», который отчаян-

но сигнализировал им своей сиреной, привлекая к себе внимание чуть ли не всей округи. Раненый бандит хотел было достать назойливого преследователя автоматной очередью через заднее окно, но Дорошенко вовремя сумел заметить это движение, нажал на педаль и сбавил скорость, тем самым увеличив расстояние. Бандит опустил автомат. Капитан Селютин, будучи классным стрелком, стрелять не мог, поскольку улицы города в эти часы были многолюдны.

Через несколько минут бандиты предприняли еще одну попытку сбросить «хвост». Около комбината строительных материалов они внезапно резко остановились, рассчитывая, что преследователи не среагируют на этот маневр и сблизятся с ними. Для этого случая у них уже наготове были гранаты. Но Русов с коллегами не купились и на эту хитрость, затормозив на приличном от «Москвича» расстоянии. Стояв еще несколько секунд, бандиты вновь бросились в отрыв.

Несмотря на то что на хвосте у них продолжала висеть погоня и чуть ли не все ближайшие ПМГ были подняты по тревоге и мчались к ним наперерез, бандиты все еще лелеяли надежду вырваться из кольца. Пока не случилось то, что окончательно убедило их в никчемности сопротивления. Причем происшедшее больше смахивало на анекдот, чем на действительность. Случилось же вот что. На Троллейбусной улице «Москвич», обгоняя голубую «Волгу», чиркнул по ее дверце так, что оставил на ней глубокую царапину. Возмущенный водитель «Волги», не желая спускать этот поступок нарушителю, бросился за ним в погоню. Да так резво, что даже обогнал пожарный «газик» и сделал то, что долгое время не удавалось даже ему — оттеснил «Москвич» к обочине и заставил сесть всеми рессорами на бордюрный камень. Сделав это, водитель «волжанки» выскочил из салона, подскочил к ошарашенному Толстопятову и покрыл его трехэтажным матом. После чего, удовлетворенный, удалился. Толстопятову ничего не стоило застрелить грубияна, но он, видимо, был настолько потрясен происшедшим, что даже не вспомнил про дружбу.

Видимо, этот эпизод окончательно добил грабителей: когда к месту происшествия подъехал «газик», а следом за ним и другие мили-

цейские машины, они уже стояли возле «Москвича» с поднятыми руками и просили не стрелять в них: сдаемся сами. Раненого Самосюка стражи порядка вынесли из автомобиля на воздух (пули угодили ему в обе ноги и грудь), положили на траву, где он и скончался, не приходя в сознание, от потери крови. Говорят, когда вечером Русов сдавал начальству рапорт о происшедшем, у него дрожали руки. «Устал?» — спросил начальник. «Да вы что?» — ответил Алексей. — Я же человека убил!»

В тот же день, когда в Ростове-на-Дону обезвредили банду «фантомасов», душегуб Сиевниекс, который два дня назад чистосердечно признался в содеянном, внезапно пошел на пятую точку. На очередном допросе он заявил, что оговорил себя под воздействием внешних обстоятельств — мол, запугали камерные уголовники, и выдал на-гора новую версию трагедии. Услышав ее, следователям впору было воскликнуть: «Да вам не в армии надо служить, а книжки писать!» Что же на этот раз напридумывал Сиевниекс?

По его словам, около двенадцати ночи 19 мая к ним на дачу постучал неизвестный, который, назвавшись племянником хозяина — Ивана Гавриловича Коваленко, — сообщил, что приехал на ночную рыбалку. Сиевниекс, естественно, дверь открыл, после чего получил сильнейший удар в голову и потерял сознание. А когда очнулся, застал всех родственников убитыми. Испугавшись, что отвечать за происшедшее придется ему, он предпочел покинуть место трагедии. На станции, под воздействием происшедшего, Сиевниекс хотел было наложить на себя руки — броситься под поезд, но ему помешали случайные прохожие: некие мужчины попросили у него закурить и тем отвлекли от этого его намерения.

Эта версия могла бы сойти за правдоподобную, если бы, как я уже отмечал, за пару дней до этого Сиевниекс не рассказывал в подробностях подлинную причину трагедии и не описал все свои действия. Поэтому первое, что спросил у него следователь, после того как выслушал сказку про незнакомца, было: «А как быть с топором, который мы нашли с вашей помощью в Грузинке?» Наверное, минуту Сиевниекс пытался подыскать вразумительный ответ, но так ничего и не придумал.

И под предлогом того, что у него разболелась голова, вновь запросился в камеру. Знаете, зачем? Чтобы придумать новую сказку. На этот раз он огорошил следователей рассказом о том, что жена оскорбила его мужское достоинство — уличила его в сексуальной несостоятельности и похвасталась тем, что еще до замужества у нее был любовник, который был куда лучше в постели, чем он. «Зачем же вы убили всех остальных?» — спросил Сиетниекса следователь. «Я уже не соображал, что делаю», — ответил убийца. Но и этому его рассказу следователи не поверили, хотя к делу, как и положено, приобщили.

Забегая вперед, сообщу: Сиетниекс будет крутиться, будто уж на сковородке, но смягчить свою участь ему так и не удастся. Через год Военный трибунал ЛенВО признает его виновным в убийстве пяти человек, совершенном с особой жестокостью и при отягчающих обстоятельствах, и воздаст по заслугам — приговорит к расстрелу. Правда, ни одна из газет об этом процессе не сообщит, по причине его закрытости — Сиетниекс ведь был офицером, членом партии, и описание его зверств могло бросить тень на армию. По этой же причине следствию придется признать другой мотив преступления — вместо убийства из-за корысти (душегуб хотел купить «Волгу») ему все-таки вменили убийство в состоянии аффекта. Но вернемся в июнь 73-го.

Продолжаются съемки фильма «В бой идут одни «старики» (студия имени Довженко, режиссер Леонид Быков). В начале июня снимались эпизоды «на аэродроме». Вспоминает оператор В. Кондратьев:

«Быков не любил, когда его дублировали, и все трюки старался делать сам. За время съемок он вполне прилично освоил управление самолетами. В воздух он их, конечно, не поднимал, но самостоятельно запускал двигатель и рулил по аэродрому. Однажды он не сумел рассчитать курс, и правое колесо попало в яму от пиротехнического взрыва. Самолет клюнул носом, полетели лопасти пропеллера, заднее колесо отломилось вместе со стойкой. Быков набил на лбу здоровенную шишку и здорово расстроился. Еще бы — ведь это был тот самый «Як» с нарисованными на борту нотами и скрипичным ключом.

Везти самолет для ремонта в Киев вышло слишком долго — терялась уйма драгоценного времени. Решили восстанавливать «железную птицу» на месте, своими силами. Благо предусмотрительный механик захватил из Киева несколько запасных лопастей, которые тут же установили на поврежденную машину. А что было делать с задним шасси? Без сварки не обойтись. Я положил изувеченную деталь в багажник своего авто и поехал в Чернигов на станцию юных техников. Там у меня были друзья. На станции никого не оказалось. Пришлось «вылавливать» их по домам. Узнав, что мы снимаем кино о фронтовых летчиках, ребята с радостью согласились нам помочь. Стойку заварили, и на следующее утро самолет был снова готов к полетам...»

Еще более нервной была ситуация на съемочной площадке фильма Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев...». Причин этому было несколько. Первая — сложности со львом Кингом, который плохо адаптируется на съемочной площадке. Для киношников капризы льва были полной неожиданностью, поскольку владельцы Кинга заверяли, что их подопечный не подведет. Льву специально выделили месяц на акклиматизацию (его привезли из Баку в Москву в конце апреля, а в последних числах мая вместе со съемочной группой он отправился в Ленинград, чтобы в течение месяца успеть отсняться в эпизодах с белыми ночами). Однако из-за постоянных капризов Кинга съемки грозились затянуться до бесконечности. Вот как вспоминает об этом сам Э. Рязанов:

«Все эпизоды со львом происходили в белые ночи. Белую ночь мы снимали в режим, то есть в течение 20—30 минут на закате солнца и в такой же промежуток времени на рассвете. Поскольку время съемки ограничено, лев был обязан работать очень точно.

В первую съемочную ночь со львом выяснилось, что актеры панически его боятся. Сразу же возникла проблема, как совместить актеров со львом и при этом создать безопасность. У Антонио Сантили — актрисы, исполняющей роль героини фильма, — при виде льва начиналась истерика, даже если Кинг был привязан и находился далеко от нее. Но это бы еще полбеды! Главное, что лев чихать хотел на всех нас! Это был ленивый, домашний лев,

воспитанный в интеллигентной семье архитектора, и он не желал работать. Кинг даже не подозревал, что такое дрессировка. Этот лев в своей жизни не делал ничего, чего бы он не желал. Ему было наплевать, что у группы сжатые сроки (ленинградские эпизоды требовалось отснять с 31 мая по 2 июля. — Ф.Р.), что надо соблюдать контракт с итальянцами, что это совместное производство, что между странами заключено соглашение о культурном обмене. Кинг оказался очень несознательным.

Когда нам понадобилось, чтобы лев пробежал по прямой 15 метров, этого достигнуть не удалось. Хозяева кричали наперебой: «Кинг, сюда! Кингуля, Кингуля!» — он даже головы не поворачивал в их сторону: ему этого не хотелось.

Я был в отчаянии! История со львом являлась одним из краеугольных камней сценария. На этот аттракцион мы очень рассчитывали. К сожалению, способности льва были сильно преувеличены. Лев был не дрессированный, невежественный и, по-моему, тупой. Мы намытарились с этим сонным, добродушным и симпатичным животным так, что невозможно описать...»

Вторая причина, из-за которой съемочная группа фильма испытывала трудности в работе, — необязательность итальянских партнеров, которые, судя по всему, считали эту картину для себя «отрезанным ломтем». 8 июня генеральный директор «Мосфильма» Николай Сизов отправляет в Рим телекс следующего содержания:

«За последние 48 часов мы не получили от Вас никакой информации. Это ставит под угрозу судьбу фильма, ибо все сроки последнего Протокола снова сорваны. Мы вынуждены в ближайшие дни распускать съемочную группу и ломать декорации. Прошу незамедлительно внести наконец ясность в судьбу картины».

Дино Де Лаурентис ответил через несколько дней следующим телексом: «Бартолини звонил мне из Ленинграда и сообщил, что вторая съемочная группа бездействует не столько из-за недостатка операторов, сколько из-за отсутствия хотя бы одного осветителя, который мог бы дать свет. Он сообщил, что из-за плохой погоды работа все больше задержива-

ется и не удалось провести ни одной съемки в помещении».

9 июня настоящий детектив с погонями и стрельбой разгорелся в столице Чечено-Ингушской АССР городе Грозном. Произошло там следующее. Некие Саидов и Магомедов давно вынашивали планы нападения на инкассаторов. В их арсенале имелись винтовка и ружье, однако для осуществления подобного дела лучше всего подходил пистолет. Раздобыть его они намеревались, напав на милиционера. В течение нескольких дней они выбирали удобный объект для нападения, пока наконец не остановились на младшем лейтенанте милиции Владимире Кирине, который нес дежурство возле гостиницы «Кавказ», что на проспекте Победы (кстати, рядом находилось здание Совета Министров ЧИАССР). Субботним вечером 9 июня бандиты неожиданно напали на милиционера, выстрелив в него два раза из винтовки. Похитив пистолет, они выскочили на проспект, захватили автомашину «Волга»-такси (водителя просто вышвырнули) и рванули в сторону площади Дружбы.

Тем временем коллеги Кирина (с ним несли дежурство еще двое милиционеров), увидев истекающего кровью коллегу, сообщили по радиации о нападении всем ближайшим ПМГ. Это сообщение услышал и лейтенант милиции Дацков, который курсировал на мотоцикле неподалеку от площади Дружбы. Вскоре он заметил несущуюся на большой скорости «Волгу»-такси и пристроился ей в «хвост». Заметив этот маневр, преступники попытались оторваться от погони, увеличив скорость до предела. Но мощный двигатель милицейского мотоцикла позволил Дацкову плотно повиснуть у бандитов на «хвосте».

«Волга» свернула с площади на улицу Маяковского и двинулась в сторону Индустриальной. На середине этого отрезка пути Дацков предпринял попытку остановить преступника тем же способом, что использовал в Москве младший сержант Виктор Ефимов, — бросился наперерез «Волге» и попытался подставить мотоцикл под удар. Однако преступники, видимо, были готовы к этому и, не давая Дацкову развернуться, открыли по нему огонь из пистолета. Одна из пуль все-таки достала стража порядка, и он, потеряв управление мотоциклом, упал на землю. А «Волга» продолжила свой

путь. Она домчала преступников до железнодорожной насыпи, после чего они бросили машину и разбежались в разные стороны. Задержать их по горячим следам не удалось. Однако законное возмездие их все равно настигло. Спустя всего лишь несколько дней оба преступника были задержаны на своих квартирах в станице Ермоловской. Весь арсенал у них изъяли, в том числе и пистолет Кирина, которым они так и не успели больше воспользоваться.

В воскресенье, 10 июня, в Минске закончился Всесоюзный конкурс советской песни, проходивший в рамках фестиваля советской молодежи. В течение 10 дней шла упорная борьба за звание лауреатов этого конкурса среди 200 исполнителей со всех концов страны. Первое место жюри отдало певцам Леониду Сметанникову из Саратова и Валерию Кучинскому из Минска. Второе место присудили солисту Латвийского академического театра оперы и балета Владимиру Окуню и солисту Кабардино-Балкарской госфилармонии Зауру Тутову. Третье место — у студента Казанской консерватории Рената Ибрагимова, Евгения Мартынова из Москвы, Виктора Мамонова из Челябинска, Махмират Хамракуловой из Душанбе и Таисии Калиниченко из Ленинграда. Среди ВИА первое место безоговорочно было отдано белорусским «Песнярам».

Этот ансамбль существовал уже почти четыре года и имел заслуженную славу одного из самых профессиональных коллективов в этом песенном жанре. На тот момент на его счету были такие шлягеры, как «Александрина» (1979), «Косил Ясь конюшину» (1971), «Березовый сок» (1973), «Олеся» (1973). Что касается упомянутого фестиваля, то «Песняры» о своей победе на нем узнали... из газеты. Как гласит легенда, дело было так. Выступив в последнем туре конкурса, ансамбль в тот же день укатил на другой фестиваль советской песни — в польский город Зелена Гура. И там, раскрыв однажды газету «Трибуна рабочнича», кто-то из «Песняров» ахнул: «Ба, да мы в Минске первое место отхватили!»

На конкурсе был учрежден и приз зрительских симпатий, который завоевал Евгений Мартынов с песней «Баллада о матери» (было собрано около 3 тысяч анкет). Стоит отметить, что Мартынов попал на этот конкурс случай-

но. Незадолго до его начала он был официально зачислен в штат артистов московского эстрадного оркестра «Советская песня» при Росконцерте. Получил разовую концертную вокальную ставку солиста оперетты и эстрады в размере 13 рублей, а также разовую инструментальную ставку артиста эстрадного ансамбля в 6 рублей. Однако, став официальным певцом, Мартынов и думать не мог о том, чтобы поехать на Всесоюзный конкурс. Но все решило его выступление в ЦК ВЛКСМ, где он показал несколько своих новых песен: «Балладу о матери» («Алексей, Алешенька, сынок!..»), «Если сердцем молод» («Я сегодня там, где метет пурга...»), «Трубку мира» («Земля, она твоя и моя...»), «А я без Волги просто не могу» и др. Там Мартынову вдруг предложили: «А почему тебе самому не исполнять песни? Вот сесть за фортепиано — и ты будешь автором-исполнителем. Давай выбери несколько своих песен и отправляйся в Минск на конкурс. Вдруг победишь?..»

В работе конкурсного жюри принимали участие очень авторитетные деятели культуры, среди них Игорь Лученок, Юрий Силантьев, Эдуард Хиль; председательствовала Александра Пахмутова. Мартынов кроме двух собственных песен — «Баллада о матери», «Песня о Родине» исполнил и несколько чужих: «Темную ночь» Н. Богословского и «Летят перелетные птицы» М. Блантера. По его же словам:

«Когда я исполнил эти песни на 1-м туре, я прошел на 2-й: Для меня это было так радостно! Прямо я такой был веселый человек!.. И потом я прошел на 3-й тур. Это для меня вообще была такая радость! Ну неужели, думаю, я такой исполнитель?! И еще меня что обрадовало: я был удостоен звания лауреата, получил 3-ю премию (поделил ее с Ренатом Ибрагимовым), и за песню «Баллада о матери» еще получил хрустальную вазу — приз публики. Столько было аплодисментов! Я же никогда в жизни при таком количестве людей не пел свои песни. Это действительно такое впечатление!.. Оркестр под управлением Юрия Васильевича Силантьева играет «Балладу» в хорошей инструментовке Алексея Мажукова, я пою — и слышу, как меня не отпускают со сцены!

Вот после этого я решил: буду свои песни и сам петь...»

11 июня на репетицию в Театр на Таганке пришел поэт Андрей Вознесенский, который входил в художественный совет этого театра. За кулисами к нему подошел Владимир Высоцкий, который уважал Вознесенского как поэта и лелеял надежду на то, что тот поможет ему «пробить» его собственные произведения в печать. Свидетелем разговора двух поэтов стал Валерий Золотухин, который описывает его так:

«— Володя, приезжай ко мне 14-го на дачу.

— Обязательно, Андрей. Мне тебе нужно много почитать, чтобы ты отобрал для печати, что считаешь... Вот послушай два... Я все равно должен у тебя отобрать полчаса...

И Володя долго читал. А я хохотал. Потому что Андрей слушал и думал о своем. Он звал к себе на дачу, чтоб подумать о 500-м спектакле «Антимиров». А Володя — о своем. А я — о своем. Позвонил в журнал: поехать на банкет «Юности» не могу, играю за Бортника, которого, кажется, уволили. (Актера Ивана Бортника в театре все-таки оставят. — Ф.Р.)

11 июня аврал случился на съемках многосерийного телефильма (13 серий) «Хождение по мукам», который по заказу Гостелерадио снимал на «Мосфильме» Василий Ордынский. Работа над картиной началась в конце июня 72-го. Однако уже через полтора месяца работа встала — Ордынского свалил инфаркт. Простой продолжался аж 5 месяцев, после чего съемки вновь возобновились. Они шли пять месяцев, пока из строя внезапно не выбыл еще один участник съемок — на этот раз исполнитель роли Телегина Юрий Соломин. Будучи на гастролях в Киеве, он играл премьерный спектакль «Пучина» и прямо на сцене почувствовал дикие боли. Его буквально вынесли на руках коллеги, погрузили в карету «Скорой помощи» и отправили в больницу. Оказалось, что у него не просто аппендицит, но и перитонит. Артиста немедленно прооперировали, и в течение двух месяцев он вынужден был находиться на больничной койке. Естественно, ни о каком участии в съемках речи быть не могло, и съемочной группе фильма «Хождение по мукам» вновь резко пришлось менять все свои планы.

В отличие от Юрия Соломина, у Людмилы Гурченко в те дни все ладится: после длительного актерского простоя она теперь снималась

сразу в трех фильмах («Дети Ванюшина», «Открытая книга», «Старые стены»), причем в последнем играла главную роль, чего с ней не случалось около десяти лет. 12 июня Гурченко приехала домой со съемок в прекрасном расположении духа. Дома ее встретил отец, приехавший к дочери из Харькова. Далее послушаем рассказ самой актрисы:

«С утра папа принял горячую ванну, как всегда. Я его накормила, расспросила о работе, о здоровье... Папа был «радый», что я с ним, что я наконец-то приехала.

Он попросил сделать музыку потише.

— Што ето теперь за музыка? Так гремит...

— Папочка, это опера «Иисус Христос».

(Премьера рок-оперы Эндрю Ллойд Уэбстера «Jesus Christ Superstar» состоялась в Нью-Йорке 20 октября 1971 года и до России добралась на магнитных лентах с некоторым опозданием. — Ф.Р.)

— Як, опера про бога?

— Да, американская рок-опера.

— Во, што уздумали американцы. И ув опири до бога добралися!

Это его очень заинтересовало. Папа, порозовевший после «бани», в сатиновых трусах до колен, сидел на хрупком старинном диванчике. Над головой висел «слесарь», на руках у него сидел Эдик (карликовый пинчер. — Ф.Р.), на стол я поставила перед ним молоко и мед. Папа жадно слушал эту странную музыку. Я ему говорила, о чем идет речь, и ждала, что ему это вот-вот надоест. А папа все слушал и слушал.

— Уничтожили хорошага человека, як моего брата Мишку... Я етага Иуду на куски бы порезав. Загубили душу христианскую...

Потом он лежал на моей кровати с Эдиком.

— Да! Дочурка, дай я запишу названия картин. Расскажу про твои фильмы Чугуну, Партизану. Память стала не та, усе не то... Так. Есть. Записав. Да-а, што-то я тебе усе хотел сказать... А! Во што. Не те, не те роли ты играешь, дочурка, не те. Усе яких-то... словом, не то. Тибе бы щас хорошую роль — оборонную! Вот ето було б дело.

— Да вот, папа, в этом фильме — «Старые стены» — я играю... не оборонную, правда. Хотя для меня она «оборонная». Не знаю, как играть директора? То ли я делаю?

— Якого директора? Настыящего директора? Ну, дочурка, ето ни к чему. Люди не пове-рять. Не. Хто режиссер?

— Трегубович. Виктор Иванович.

— Иванович? Значит, наш, смоленский. Як мой брат Иван. Да-а. Я б на его месте не ри-скнув. Ето як билет щастливый в игре вытя-нуть — большой риск. Смелый парень. Сколь-ко ему лет?

— Столько, сколько мне.

— Ну, ще молодой. Хай рискуить.

— Пап, тридцать семь лет — это уже со-всем не молодой...

— Дочурка, як ты считаешь, если ты з етим директором справисся, «народную» дадут?

— Опять? Я ж тебя просила, папа...

— Мне так хочется, дочурка, дожить до «на-родной». Народная актриса! Значит, ее, дочур-ка, увесь народ любить...»

К сожалению, отец Гурченко не дожид до того момента, когда его дочери присвоили звание «народной», — это была их последняя встреча. Впрочем, не будем забегать вперед.

В тот же день 12 июня в Москве, на Ново-девичьем кладбище, состоялись похороны пя-ти летчиков, погибших девять дней назад во Франции во время демонстрационного поле-та в Ле-Бурже. Советские газеты хоть и писа-ли об этой трагедии, но очень скупно, как бы сквозь зубы. О причинах катастрофы ничего не сообщалось, лишь приводились некоторые странности в ходе расследования причин тра-гедии: например, говорилось о том, что «чер-ный ящик» был найден в саду одного из домов в Гусенвилле, но он был уже кем-то (!) вскрыт и фотопленка засвечена, а магнитофонная лен-та исчезла. Власти обратились к жителям горо-да вернуть похищенное, но на этот призыв так никто и не откликнулся. Стоит отметить, что до этого случая нечто подобное в Ле-Бур-же уже происходило: 4 июня 1967 года разби-лись французский самолет и американский вертолет.

14 июня в Мосгорсуде был объявлен при-говор Александру Столярову, полгода назад вздумавшему повторить путь маньяка Ионеся-на, больше известного под прозвищем «Мос-газ». Как мы помним, в сентябре-октябре 72-го Столяров под видом сантехника технадзора проникал в квартиры пожилых москвичей, убивал их и грабил. Таким образом от его рук

погибли две женщины. Несмотря на то что Столяров чистосердечно признал свою вину и даже оказывал помощь следствию, суд при-говорил его к высшей мере наказания — рас-стрелу.

15 июня на «Мосфильме» состоялось засе-дание худсовета, на котором обсуждались ки-нопробы, представленные Андреем Михалко-вым-Кончаловским к его будущему фильму «Романс о влюбленных». Как мы помним, под-готовительный период у фильма начался в декабре 72-го, но в начале марта следующего года был приостановлен из-за болезни Конча-ловского. Он проболел до 6 мая, после чего вновь началась активная работа. Актриса на главную женскую роль (Таня) была найдена одной из первых — Елена Коренева, а вот с ге-роем (Сергей) были сложности. За это время перепробовали несколько десятков молодых и перспективных актеров, но никто не устроил Кончаловского. Пока наконец на съемочной площадке не появился актер МХАТа Евгений Киндинов. Его режиссер и выбрал. Однако в июне случилось непредвиденное: Киндинова выбрал на главную роль в своем фильме и ре-жиссер Александр Митта (он собирался сни-мать мелодраму «Москва, любовь моя»), и в возникшей ситуации требовалось вмеша-тельство третейского судьи — художественного совета. На его заседании от 15 июня Конча-ловский взывал: «Киндинова утвердили на главную роль у Митты. Но я полагаю, что у нашей группы есть приоритет, мы первые пригласили Киндинова сниматься. Сам Кин-динов из двух картин выбрал нашу. Я прошу художественный совет помочь нам отвоевать актера. Пять месяцев мы его искали, а до съ-мок — две недели...»

Просьба Кончаловского не осталась без вни-мания: Киндинова оставили за ним, а Митта пригласил в свою картину Олега Даля. Но тот тогда снимался в 5-серийном боевике «Вари-ант «Омега» и совмещать два фильма был не в состоянии. Тогда возникла другая кандидату-ра — Олег Видов, который был суперпопулярен и к тому же имел за своей спиной жену — доч-ку генерала КГБ, близкой подругой которой была сама Галина Брежнева. Шутники даже подкалывали Митту по этому поводу: дескать, теперь фильм у тебя будет «видовой».

Тогда же Кончаловский нашел для своего фильма и композитора — Александра Градского. Причем возникла эта кандидатура совершенно неожиданно, с невольной подсказки композитора Мурада Кажлаева, который в первоначальном варианте должен был писать музыку к фильму. Однажды он повел Кончаловского в Дом звукозаписи, чтобы показать ему певца, который по своим голосовым данным наиболее близко подходил к задуманной Кажлаевым музыке «Романса...». Через окошко аппаратной они увидели длинноволосого юношу, который в эти минуты записывал свои рок-песни (как мы помним, Градский в те годы возглавлял рок-группу «Скоморохи», параллельно учась в Гнесинском, на оперном факультете). Но когда ему сообщили, что по его душу пришли два именитых человека — режиссер и депутат Верховного Совета (Кажлаев был еще и секретарем Союза композиторов), он проявил завидное спокойствие и попросил их... подождать, пока он не закончит со своими делами. Гости удивились, но просьбу юноши выполнили.

Ждали они его больше сорока минут. Первым не выдержал Кажлаев, который с кавказским темпераментом заявил: «Это издевательство! Почему мы должны его ждать?» Он уже повернулся, чтобы уйти, но Кончаловский схватил его за локоть. Довод режиссера был веским: «Мурад, почему мы должны уходить, если уже столько времени прождали? Дело важнее эмоций». Кажлаев согласился задержаться еще на несколько минут. К счастью, их вполне хватило Градскому, чтобы окончательно разделиться со своими делами и выйти к гостям. Правда, Кажлаев разговаривать с ним уже не мог — настолько был зол на парня. Поэтому говорить пришлось одному Кончаловскому. Итогом того разговора стал следующий результат: Градский согласился спеть песни, которые Кажлаев собирался написать к ленте. Встретиться договорились через пару-тройку недель. Но потом случилось неожиданное.

У Кажлаева внезапно появились новые планы, которые никак не пересекались с работой в кино. Поэтому от сотрудничества с Кончаловским он отказался, и тому пришлось вновь ломать голову над тем, кого пригласить вместо него. А поскольку времени было уже в обрез — приближался съемочный период, — он риск-

нул предложить эту работу Градскому: дескать, тот и напишет песни, и сам же их споет. Правда, было сомнение, что сам Градский, опасаясь провала, может от этой идеи отказаться. Но он согласился неожиданно легко. Его не испугало даже то, что он никогда до этого музыку к кино не писал. Кончаловского он просто сразил своим ответом: «Мне все запросто. Я — гений». Как вспоминает сам А. Михалков-Кончаловский:

«Работа у нас начиналась с того, что он играл какую-нибудь тему, а я слушал. Одну, другую, третью — песен у него насочинено было штук четыреста. Вдруг чувствую, что-то похожее на то, что надо: «Та-ра-та-та. Та-ра-та-та». И еще в другой теме что-то забрезжило: «Та-ра-рам-та-ра-рам».

— Стоп. Попробуй то же помедленнее.

Так из двух песен слепилась одна — «Только я и ты, да только я и ты...». Мы лепили ее вместе. У него был великолепный материал, но он поначалу не знал, как с ним обращаться. Да и я еще не представлял, какое место займет в фильме музыка. Понимал, что ее должно быть много, но не знал, что ее роль будет так велика...»

Другой кинорежиссер — Андрей Тарковский — в эти же дни тоже был озабочен поисками партнеров, с которыми он должен был приступить к работе над новым фильмом «Зеркало». Картина задумывалась как автобиографическая, и труднее всего Тарковскому пришлось с выбором исполнительницы на роль собственной матери. На нее пробовались несколько актрис, среди которых была даже одна иностранка — Марина Влади. Вот как она сама описывает этот случай:

«Однажды утром ты (имеется в виду муж актрисы В. Высоцкий. — Ф.Р.) говоришь мне с напусковой небрежностью:

— Знаешь, Андрей хотел бы поговорить с тобой тет-а-тет.

Я немного удивлена, тем более что мы делились с Тарковским несколько дней назад. Он — твой друг юности и один из поклонников. Я знаю его уже много лет. Это невысокий человек, живой и подвижный, — замечательный гость за столом. Кавказец по отцу, он обладает удивительным даром рассказчика и поражает всех своим умением пить не пьянея. К концу вечера он обычно веселится и почему-

то каждый раз принимается распевать одну и ту же песню.

По твоему тону я понимаю, что речь идет о чем-то очень важном. Ты говоришь:

— Андрей готовит фильм, он хотел поговорить с тобой и, вероятно, пригласить тебя на пробы.

И тут на меня находит. Я не нуждаюсь в пробах, меня никогда не пробовали ни на одну роль, за исключением первого раза, когда я снималась в тринадцать лет у Орсона Уэлса. Но ты так долго уговариваешь меня не отказываться, что я соглашаюсь.

Андрей объясняет мне, что фильм «Зеркало» — автобиография. И он хочет попробовать меня в нем на роль своей матери. Усы у него всклочены больше, чем обычно, и он, заикаясь, пересказывает мне весь сюжет.

Через несколько дней мы с небольшой съемочной группой выезжаем в деревню. Это даже не пробы. Мы просто снимаем несколько кусков. Андрей подробно объясняет мне сцену: на пороге избы женщина долго ждет любимого человека. Становится прохладно, она зябко кутается в шаль, последний раз в отчаянии смотрит на дорогу и, сторбившись от горя, уходит в дом.

Андрей делает мне комплименты, я довольна собой. Я возвращаюсь и рассказываю тебе, как прошел день. Мы начинаем мечтать. Если я снимусь в этом фильме, сразу решится множество проблем — у меня будет официальная работа в Советском Союзе, я смогу дольше жить рядом с тобой, и потом, сниматься у Тарковского — это такое счастье!

Проходит несколько дней. Мы звоним Андрею, но все время попадаем на его жену, и та, с присущей ей любезностью, швыряет трубку. Я чувствую, что звонить бесполезно — ответ будет отрицательным. Но тебе не хочется в это верить, и, когда через несколько дней секретарша Тарковского сообщает нам, что роли уже распределены и что меня благодарят за пробы, ты впадаешь в жуткую ярость. Ты так зол на себя за то, что посоветовал мне попробоваться, да к тому же ответ, которого мы с таким нетерпением ждали, нам передали через третье лицо и слишком поздно... Тут уже мне приходится защищать Андрея. Наверное, у него слишком много работы, много забот, да и вообще у людей этой профессии часто не хва-

тает мужества прямо сообщить плохие новости. Ты ничего не хочешь слышать. Ты ожидал от него другого отношения. И на два долгих года вы перестаете видеться. Наши общие друзья будут пытаться помирить вас, но тщетно...»

Позднее Тарковский объяснит Высоцкому, почему он отказался взять на роль своей матери Влади: мол, зрители будут отвлекаться от фильма, увидев на экране Колдунью (самый знаменитый фильм Влади). Роль матери досталась Маргарите Тереховой.

Тем временем Василий Шукшин продолжает съемки «Калины красной» под Белозерском, в деревне Садовой. В те июньские дни снимался эпизод «банька»: это когда Егор Прокудин окачивает кипятком своего свояка Петра Байкалова (Алексей Ванин). По воспоминаниям очевидцев, Шукшин и оператор фильма Анатолий Заболоцкий долго не могли начать снимать эпизод «банька», поскольку никто из жителей деревни не соглашался пустить киношников снимать в своих банях — ведь те предлагали выпилить там часть стены для установки киноаппаратуры. Даже за деньги никто не хотел уродовать свои жилища. И все же такие смельчаки нашлись: Петр Ильич и Александра Ивановна Головкины согласились пустить к себе киношников, после того как те пообещали, что вместо изуродованной баньки привезут им из Белозерска новый сруб. Забегая вперед отмечу, что обещания своего киношники не выполняют: сруб привезут, но баньку из него так и не соорудят. Правда, деньги хозяевам оставят: дескать, сами отстроите. Но вернемся на съемочную площадку. Побывавший на ней корреспондент журнала «Советский экран» В. Фомин так вспоминает об увиденном:

«Несколько дней я только наблюдал за тем, как идет работа. Но и по увиденному на площадке, и по сценарию в целом уже накопилось изрядно вопросов, и, не удержавшись, я пошел на штурм:

— Василий Макарович, я ведь от журнала приехал на репортаж о съемках. Может, скажете все-таки хоть несколько слов о фильме. Два миллиона читателей как-никак.

Шукшина прорвало, слов он уже не выбирал:

— Ты что, не видишь, что творится?! Я же за троих пашу. У меня и так все из башки уже вылетает. Какое еще на хрен интервью?!!

Тут-то я окончательно и успокоился. Ну нет так нет! Писать было о чем. Шукшин работал как зверь. Он пахал чуть не за всю группу. На Вологодчине стояла чудесная погода. Съемки на берегу озера. Съемочная площадка превратилась в санаторный пляж. Вся группа беззастенчиво разлеглась на берегу. Купались, загорали, перекидывались в картишки. Только Шукшин да Заболотский (оператор. — Ф.Р.) носились как ошумелые, все в мыле, все до последнего гвоздя делая своими руками. Вот уж воистину это было авторское кино!

Смотреть на все эти муки было и больно, и горестно, и страшно интересно. Каким-то диким напором, невероятным нечеловеческим напряжением сил Шукшин на глазах перебарывал решительно все: и общий бардак, и лень, и непрофессионализм съемочной группы, и собственную страшную усталость...»

В кинотеатрах Москвы тем временем состоялось несколько премьер. 4-го в прокат вышел фильм Владимира Шределя «Дела давно минувших дней», повествующий о работе питерской милиции в годы НЭПа, в котором снялись И. Насонов, В. Ольшанский, М. Кокшенов и др.; французский детектив «Вы не все сказали, Ферран» (во французском прокате — «Солнце бродяг») Жана Деланнуа; 11-го — комедия Виталия Мельникова «Здравствуй и прощай» с участием Олега Ефремова, Людмилы Зайцевой, Виктора Павлова и др.; болгарская драма «Козий рог» Метода Андонова (фильм получил специальный приз на фестивале Карловы Вары—72); французский боевик «Профессиональный риск» с Жаком Брелем в главной роли; 15-го — комедия Константина Воинова «Дача» с участием Александра Вокача, Лидии Смирновой, Евгения Евстигнеева и др.

«Дачу» будут многие ругать, но сильнее всех Сергей Михалков. Л. Смирнова по этому поводу вспоминает:

«Появляется огромная разносная статья, то ли в «Литературке», то ли в «Культуре». Внизу подпись: Сергей Михалков. Партия дала очередную установку — ругать комедии.

Михалков, надо сказать, всю жизнь считался моим хорошим приятелем, даже другом.

И вдруг я читаю эту статью, там он ругает все комедии, вышедшие на экран в последнее время, и в том числе «Дачу». Все — ужасные, безыдейные. Я читаю и, конечно, безумно огорчаюсь. Тогда придавали большое значение прессе, это сейчас мы плюем на всякие рецензии, заметки — пускай пишут! А в то время мы знали: если в какой-то статье тебя изругали, то и дальше будут топтать. Если изругал орган ЦК, то и другие газеты подхватят (они никогда своего мнения не имели), и тебя затопчут. Или наоборот: если кого похвалили, где надо, то начнут хвалить все, и, что бы он ни сделал, все равно будут хвалить. Все зависело от того, что сказал ЦК.

Так вот, когда эта статья вышла, все очень расстроились, мы перезваниваемся, переживаем. Вся группа, семьдесят человек, не считая родственников и друзей.

Я звоню Михалкову:

— Сережа, здорово. Как живешь?

Он радостно отвечает:

— Как ты живешь, подруга моя дорогая?

— Я сделала новую картину, хотела бы, чтобы ты ее посмотрел.

— Какую картину?

— «Дача». Очень смешная история, я там играю главную роль.

— Хорошо, давай посмотрим.

— Ты эту картину не видел?

— Я? Да мне некогда. Какие там картины...

— Так, значит, ты не видел «Дачу»?

— Нет, не видел.

— Не видел? Ах ты, сволочь!!! — Это было самое ласковое слово. Из меня, как из извергающегося вулкана, хлынула брань.

— Да подожди ты, меня просили подписать, — говорит он, — я и подписал. Мне-то что?

— Тебе-то что? А судьба семидесяти человек тебя не касается?

В общем, страшный скандал. Я бросила трубку. Проходит два дня, иду в театр, а Михалков живет рядом, на Воровского, и как раз выходит из подъезда, его ждет машина. Я снова к нему со своим возмущением. Он спрашивает:

— Ну и что же ты хочешь?

Я еще больше возмущаюсь, а он меня отводит от машины, чтоб шофер не слышал. Я говорю:

— Признайся публично, что ты не видел этой картины!

— Нет, это невозможно! Хочешь, сделаем так: я попрошу кого-нибудь написать хвалебную рецензию.

— Кто же после того, как ты разругал, решится хвалить?

Все это так и повисло в воздухе...»

Но вернемся к афише развлечений.

Кино на ТВ в первой половине июня было представлено следующими фильмами: «Доктари» (США; многосерийный сериал по субботам и воскресеньям, с 2-го), «Это случилось в милиции» (4-го), «Песни алмазных гор» (премьера т/ф 5-го), «Белинский» (8-го), «Гусарская баллада» (9-го), «Жизнь Леонардо да Винчи» (премьера т/ф 9—13-го), «Дикая собака Динго», «Парни музкоманды» (10-го), «Путь на арену» (12-го) и др.

Из театральных премьер назову две: 3-го во МХАТе — «На всякого мудреца довольно простоты» с участием Анастасии Зуевой, Марка Прудкина, Олега Стриженова и др.; 14-го в Театре на Малой Бронной — «Дон Жуан» с участием Михаила Козакова, Николая Волкова (они играли Дон Жуана в два состава), Леонида Броневого, Ольги Яковлевой, Льва Дурова, Геннадия Сайфулина и др.

Эстрадные представления: с 4-го во Дворце спорта начались гастроли американского балета на льду «Холидей он айс» (до 4 июля); 3—6-го в ГТЭ — Государственный эстрадный оркестр РСФСР, солисты: Вадим Мулерман, Вероника Круглова и др.; 8—10-го в эстрадном театре на ВДНХ — ВИА «Голубые гитары»; 8—13-го в концертном зале гостиницы «Советская» — ВИА «Веселые ребята»; 8—24-го в ГЦКЗ «Россия» — балет «Фридрихштадтпаласт» с ревью «ЭКСПО-73»; 9—10-го в ЦДСА — Людмила Зыкина; 9—24-го в эстрадном театре «Эрмитаж» — Юрий Богатиков, Тамара Миансарова, Мария Кодряну, Владимир Макаров, ВИА «Мзиури» и др.; 12—14-го в ГТЭ — ВИА «Девичата».

10—11 июня в Театре эстрады проходили концерты популярной певицы Галины Ненашевой, шлягер которой «Я люблю тебя, Россия» в те годы звучал чуть ли не в каждом доме. Однако в эти же дни в «Вечерней Москве» появилась заметка В. Терской под названием «Нужен режиссер», в которой творчество пе-

вицы подвергалось критике. Вот отрывок из нее:

«Г. Ненашева — популярная певица. Голос у нее красивый, богатый, но исполнение песен подчас вызывает недоумение. Певице свойственны неоправданная манерность, ненужная и где-то даже неумелая игра. Такое отсутствие простоты заставляет сомневаться в искренности. И пропадает очарование, которое всегда так необходимо артисту. Между тем, если бы к такому голосу еще бы исполнительское мастерство, умение создавать верные и точные песенные образы, какая была бы певица!..»

В субботу, 16 июня, Леонид Брежнев отправился с официальным визитом в США. Делегация вылетела на двух самолетах «Ил-62», сделав по пути всего лишь одну остановку для дозаправки — на канадском острове Ньюфаундленд, в аэропорту Гандер. Там Брежнев встретили советский посол в Оттаве, а также представители канадского правительства. Увидев в VIP-зале телефон прямой связи (его установили советские связисты), Брежнев тут же схватился за трубку. Сначала он позвонил своей жене Веронике Петровне (ее наш генсек практически никогда не брал в свои поездки, мотивируя это тем, что она больна диабетом в тяжелой форме) и сообщил ей, что полет проходит нормально, что он сейчас купается в объятиях канадского гостеприимства. Следующим его собеседником стал Алексей Косыгин, которому он сказал то же самое.

Пять часов спустя оба «Ила» приземлились на военно-воздушной базе Эндрюс под Вашингтоном. Высокого гостя встречали госсекретарь Роджерс, ответственные сотрудники госдепартамента, а также советского посольства во главе с послом Добрыниным. На летном поле уже стояли несколько военно-транспортных вертолетов, на которых Брежнев и сопровождающие его лица отправились в загородную резиденцию американского президента в Кемп-Дэвиде. Там советская делегация должна будет провести остаток субботнего дня и все воскресенье, приспособившись к многочасовой разнице во времени.

В эти же дни в Америке находится Дмитрий Шостакович. Как мы помним, еще в начале мая он покинул Советский Союз, отправившись сначала в Данию, затем на короткое время заехал во Францию, откуда отплыл на теп-

лоходе «Михаил Лермонтов» в США. 11 июня теплоход прибыл в Нью-Йорк, где композитор пробыл три дня. Затем он переехал в Эванстон, где 16 июня Шостаковичу был вручен почетный диплом доктора изящных искусств Северо-Западного университета. После торжественного акта композитор улетел в Вашингтон, где в течение двух дней обследовался в одном из тамошних госпиталей. К сожалению, ничего утешительного американские врачи сказать не могли. Их выводы полностью совпали с мнением советских коллег.

В те же дни в Москве произошло очередное ЧП с угоном автотранспорта. Некий Чернышев, в прошлом судимый за тяжкое преступление, угнал в Подольске автокран «ЗИЛ-130» и отправился на нем в столицу. Однако кражу успели вовремя заметить хозяева машины и сообщили о ней в милицию. Вскоре этот сигнал дошел до пикета ГАИ Черемушкинского района, на котором в те часы дежурили младший лейтенант Евгений Насонов и лейтенант Борис Ставпнюк. Гаишникам сообщили об угоне и о том, что преступник действует чрезвычайно дерзко — игнорирует приказы остановиться и едва не сбил мотоциклиста-гаишника и хотел протаранить «Москвич», возникший у него на пути. Навстречу угонщику гаишники выехали на разном транспорте: Ставпнюк сел на мотоцикл, а Насонов остановил попутку — тяжелый «МАЗ» с прицепом.

Первым заметил преступника Ставпнюк. Однако его попытка остановить его едва не закончилась трагически — угонщик пошел на таран, и только чудом Ставпнюк избежал гибели, резко вывернув руль в сторону. Преступник беспрепятственно помчался к Киевскому шоссе. Однако на подходе к нему он заметил новое препятствие — два пустых автобуса, перегородивших всю проезжую часть. Это инспектор 3-го отделения В. Дианов успел вовремя подсуесться и перекрыл преступнику путь к центру города. Маневр удался: угонщик не стал таранить преграду, а развернулся и помчался в сторону Калужского шоссе. Но, пока он разворачивался, ему на «хвост» сел Насонов, успевший поменять «МАЗ» на «Волгу»-такси. Началась бешеная погоня со всеми положенными в таких случаях атрибутами: визгом тормозов, сигналами. Видя, что все его попытки остановить преступника безрезультат-

ны, Насонов извлек из кобуры пистолет. Три пули одну за другой он выпускает по колесам автокрана. То же самое делает и Дианов, но автокран продолжает свой путь. Тогда Насонов идет на отчаянный шаг: открыв дверцу «Волги», он на ходу запрыгивает на подножку автокрана, распахивает дверь и пытается одной рукой удерживать преступника на месте, а другой выдергивает ключ зажигания из замка. Завязывается борьба, во время которой преступник на какие-то доли секунды теряет управление машиной, и она летит под откос. Насонов срывается с подножки.

К счастью, падение гаишника не завершилось трагически — он хотя и получил травмы, но остался жив. А угонщик был схвачен подоспевшими на помощь коллеге гаишниками.

В воскресенье, 17 июня, горе пришло в семью Людмилы Гурченко — у нее умер отец. Причем ничто в тот день не предвещало трагедии. Накануне ночью актриса находилась в подмосковном Ногинске, где во Дворце культуры снимался один из эпизодов фильма «Старые стены» — свадьба молодоженов. Работу закончили в четыре утра, после чего Гурченко на машине поехала в Москву. Дома она соснула пару-тройку часов, а в девять утра за ней уже приехала другая машина — с «Мосфильма», на которой актриса отправилась на съемочную площадку фильма «Дети Ванюшина». В пять вечера на такси Гурченко вновь мчится в Ногинск, где снимается уже другой эпизод: в нем директор Анна Георгиевна Смирнова, которую она играет, приходит к работницам в старые казармы-общежитие. В нем снимались сами работницы фабрики и только две актрисы. Съемка закончилась около семи. В начале девятого Гурченко приехала домой, но только прилегла, как затрещал телефон. Звонил ее отец (они с матерью жили в небольшой московской комнате, которую недавно обменяли на харьковскую квартиру). Он сказал, что очень соскучился по ней (они не виделись пять дней), что сегодня утром у него здорово прихватило сердце и он даже подумал — конец. Но потом принял лекарство, боль отступила, и они с женой даже сходили на выборы (в тот день проходили выборы в местные Советы). Сказав это, отец внезапно стал просить дочь поговорить... с карликовым пинчером Эдиком. Была в их семье такая игра: слыша в трубке голос родного чело-

века, пес отвечал песенными руладами, чем сильно потешал старика. Но на этот раз Гурченко было не до игр с собакой. Она так и сказала отцу:

— Папочка, милый, не могу. Я еле живая. Я же ночь работала, спала три часа, сейчас ничего не соображаю. За день сжевала три пирожка — поесть некогда, а ты со своим Эдиком. Ну нельзя же так, пап, зачем тебе людей собирать, скажут, что мы ненормальные какие-то...

Отец в ответ стал извиняться, видимо, поняв, что позвонил не вовремя. Это было в начале девятого, а в десять вечера Гурченко уже стояла в маленькой комнате родителей. Далее послушаем рассказ самой актрисы:

«На тахте лежал мой папа и чему-то счастливо улыбался. На груди у него стоял ошенившийся, ошеренный Эдик и никого не подпускал к папе и близко. Так мы и стояли: мама, я и Эдик. А папа лежал и улыбался. Умер наш папа. А подойти к нему мы не можем. Эдик был такой воин, такой защитник, такой друг. В людях, которые не чтут собак, есть незнание ощущения, что тебя не предадут никогда. Эдик чувствовал, что случилось непоправимое. Когда же мама исхитрилась и кое-как ухватила его, Эдик вдруг на наших глазах обмяк, сник, стал тяжелым-тяжелым и покорно лег на свое место, глядя на нас пустыми, равнодушными глазами. Да и вообще, он больше никого не любил. Исполнял свои сторожевые обязанности исправно, иногда «говорил по телефону», но недолго и безо всякого удовольствия. Зарабатывал себе на жизнь и все. А потом и он ушел вслед за своим любимым хозяином...»

18 июня на «Мосфильме» режиссеры Валерий Усков и Владимир Краснопольский приступили к съемкам многосерийного телефильма «Вечный зов». Как мы помним, больше года назад (в феврале 72-го) на голубом экране состоялась премьера их первой многосерийной телепостановки «Тени исчезают в полдень» по одноименному роману Анатолия Иванова. Ей сопутствовал такой грандиозный успех, что было решено не останавливаться на достигнутом и продолжить работу в том же направлении. На этот раз выбор режиссеров пал на роман все того же А. Иванова «Вечный зов». За короткий срок писателем был написан сцена-

рий первых четырех серий, выделены деньги — 607 миллионов 600 тысяч рублей. Подготовительный период начался с 28 апреля, и за это время были выстроены декорации (тюремные камеры, меблированные комнаты, баня, дом Митрофана, лавка Полипова, кабинет Лахновского, комната допросов и др.), найдены и утверждены на роли актеры (из «Теней» в «Вечный зов» перекочевал только один актер — Петр Вельяминов, причем новая роль у него была очень похожа на прежнюю, остальные исполнители новые: Ефим Копелян, Ада Роговцева, Олег Басилашвили, Вадим Спиридонов, Николай Иванов, Валерий Хлевинский, Тамара Семина, Андрей Мартынов, Владлен Бирюков и др.).

В тот же день начался официальный визит Брежнева в США. Его начало транслировалось по советскому телевидению и выглядело торжественно. С тех пор как советский руководитель Никита Хрущев с подобным визитом побывал в Америке (а это было в 1959 году), утекло много воды. Поэтому большинство советских зрителей либо успели позабыть, как это происходит, либо вообще видели подобную церемонию впервые. Все выглядело торжественно: под гимны обеих стран на лужайке Белого дома были подняты государственные флаги, после чего руководители выступили с краткими речами. Затем состоялся первый раунд переговоров, после чего гостей отвезли в загородную резиденцию американского президента Кемп-Дэвид (штат Мэриленд). Как вспоминает В. Медведев, приехавший в США в качестве заместителя начальника охраны Брежнева:

«Кемп-Дэвид удивил меня довольно простым снаружи видом — обычные темнo-зеленого цвета домики, обитые досками. Внутри, однако, они оказались очень уютными, располагали к отдыху. Просто, но со вкусом. У каждого домика стояли электрокары, можно было моментально добраться до любой точки территории.

Охраняли резиденцию brave морские пехотинцы, жившие тут же. Наша охрана разместилась по соседству с ними. Очень интересно было наблюдать за американскими коллегами — и как несут службу, и как отдыхают, и как питаются. И опять — сравнение не в нашу пользу. Мясные стейки, соки, воды, вита-

мины. Наше питание от их — как небо от земли...»

Вечером президент Никсон устроил торжественный обед в Белом доме. На него хозяева пришли в смокингах и галстуках-бабочках, а гости — в темных деловых костюмах с обычными галстуками. После обеда состоялся концерт, в котором выступал популярный в Америке оркестр, исполнивший фрагменты из известных американских мюзиклов. Брежнев, как и подобает воспитанному гостю, аплодировал оркестру, хотя в душе, наверное, мечтал услышать что-нибудь родное: например, русские народные или цыганские песни, которые он просто обожал. По-настоящему он оживился лишь однажды, когда на сцену выбежали стройные девушки-танцовщицы, которые танцевали настолько зажигательно, что могли расшевелить даже мертвого. После концерта Брежнев даже вышел на сцену и в своем благодарственном слове особо выделил их выступление. А потом он сам разыграл небольшую сценку, которая очень понравилась американцам. Когда его переводчик Виктор Суходрев сделал движение, чтобы взять у него микрофон, Брежнев еще в течение нескольких секунд сжимал его в руках, делая вид, что не хочет с ним расставаться. Со стороны это выглядело так, будто генсек хочет говорить, а переводчик пытается лишить его слова. Американцы сопроводили эту сценку смехом и бурными аплодисментами.

19 июня на «Мосфильме» состоялся художественный совет по фильму «Свой среди чужих, чужой среди своих», к съемкам которого в скором времени должен был приступить Никита Михалков. На совете режиссер-постановщик сообщил, что он решил отказаться от первоначальных мест натуральных съемок в Сибири и на Дальнем Востоке и вместо этого будет снимать картину в Марфино и в Чечне (под Грозным). Худсовет утвердил исполнителей главных ролей: Юрия Богатырева, Анатолия Соловницына, Сергея Шакурова, Александра Пороховщикова, Никиту Михалкова, Константина Райкина. Кстати, последний должен был играть казаха по имени Кадыркун. Однако на худсовете Михалкову посоветовали поменять ему национальность. Так Райкин из казаха стал татаринном Каюмом.

20 июня Людмила Гурченко похоронила своего отца. Вот как она сама вспоминает об этом печальном событии: «Почему они закрыли крышку гроба? Подумаешь, законы: стоит автобус — открываем, поехали — закрываем. Скорее бы расстаться с этим автобусом. Зря эта тетка надела голубое платье — все в темном, какая бестактная, неужели она нравилась папе? А я сама, тоже вырядилась — во все черное, и все со штучками, оборочками, все не просто, как будто на чужих похоронах замуж собралась милая вдовушка. Правильно папочка говорил: «Пошей себе хоть одну солидную вещь...» Пошью, теперь пошью, даю тебе слово, папочка, теперь у меня все будет солидно... Не забыть бы тропинку, что ведет к могиле. Завтра одна приду сюда, заплачу, поговорю... Какая погода, как назло. Что? Троица? Да, да, папа говорил, что бог на Троицу призывает к себе всех лучших людей. Но мне от этого не легче. Почему я не плачу? Ведь надо плакать... Да, надо вот с этими молодыми могильщиками расплатиться пощеднее, а то скажут, работали у артистки, что снималась в «Карнавальная ночи», а она пожмотничала. А-а! Бросать землю. Так положено? Да-да, помню. Значит, фотографию, где мы все на коленях у папы, я положила, крестик положила, платок моей школьной подруги «Милашки» с ее инициалами положила... Вот папин сын, мой родной брат Володя произнес нужные по такому случаю слова. Папа столько раз их говорил: «Хай земля ему будить пухум...» Ну, все идет пока как у людей. А завтра я все, что у меня есть, — раздарю. Деньги раздам друзьям на угощение, этим старичкам, что стоят у церкви, — пусть помолятся за усопшего раба Марка. Папа будет доволен...»

В этот же день в Москве состоялся футбольный матч между сборными СССР и Бразилии. Несмотря на то что игра была товарищеской, ничего не решала, однако был аншлаг, поскольку кудесники мяча бразильцы приезжали в Москву не так часто. Стоит отметить, что всего лишь десять дней назад здесь же, в Москве, наши футболисты встречались в таком же товарищеском матче со сборной Англии и уступили 1:2. Бразильцам мы тоже проиграли, правда, пропустив всего лишь один мяч (на 60-й минуте его головой забил знаме-

нитый Жаирзиньо). На этом же матче капитан сборной СССР Альберт Шестернев передал свою капитанскую повязку Муртазу Хурцилаве.

Тем временем продолжается визит Брежнева в США. В течение двух дней — 18 и 19 июня — шли переговоры генсека с Никсоном, а 20-го они вернулись в Кемп-Дэвид. По дороге туда, в вертолете, случился забавный эпизод. Был уже вечер, и от глаз Никсона не укрылось то, что его гость уже изрядно устал после дневных переговоров. Поэтому президент вызвал к себе одного из военных, отвечавших за полет, и приказал ему лететь побыстрее. На что офицер ответил: нельзя, мол, вертолет совершает маневр, чтобы обойти неблагоприятный погодный фронт. Но когда он удалился, Никсон бросил ему вслед угрожающую фразу:

— Если этот подполковник не доставит нас через десять минут на место, то станет майором...

К счастью для офицера, эта угроза не осуществилась, хотя вертолет кружил в воздухе дольше отпущенных президентом минут.

На следующий день Брежнев ждал неожиданной сюрприз — американский президент, зная о страсти гостя к автомобилям, презентовал ему после переговоров роскошный «Линкольн». Причем, поскольку правительству США бюджетные средства на такие подарки не выделяются, пришлось подключить к этому тамошних бизнесменов, которые и раскошелились на автомобиль. Брежневу подарок понравился. Опробовать его он решил тут же и пригласил к себе в пассажиры двух человек: самого Никсона и переводчика Суходрова. В течение десяти минут Брежнев гонял на «Линкольне» по узким дорожкам Кемп-Дэвида, пока наконец не убедился, что подарок вполне достоин занять место в его личном гараже.

В тот же день, но уже в Москве состоялся суд, на котором Владимир Высоцкий понес наказание за проведение так называемых левых концертов (речь идет о скандале в Новокузнецке и ряде других городов). Суд присудил артисту выплатить штраф в размере 900 рублей. Этот же суд на целых два с половиной месяца отобьет охоту у Высоцкого к большим гастрольным выступлениям.

22 июня в Москве скончался кинорежиссер Семен Туманов (Цейтлин). Окончив ГИТИС и Высшие режиссерские курсы в 1959 году, Туманов очень ярко дебютировал в кино, сняв в соавторстве с Г. Щукиным прекрасную лирико-поэтическую ленту, один из лучших фильмов про любовь в советском кинематографе, «Алешкина любовь» (1961). А еще четыре года спустя он снял уже совсем иную картину — «Ко мне, Мухтар!» и вновь попал в «десятку». Кстати, именно Туманов открыл нашему зрителю Юрия Никулина как актера серьезного плана, в то время как другие видели в нем прежде всего комедийного, способного играть только пьяниц, жуликов и других подобного рода персонажей. За последующие девять лет Туманов снял еще четыре фильма: «Заблудший» (1966), «Николай Бауман» (1968), «Любовь Серафима Фролова» (1969), «Жизнь на грешной земле» (1973). Последняя лента, собственно, и угробила режиссера. Вернее будет сказать, не сама лента, а чиновники, ее принимавшие. Найдя в ней какие-то идеологические огрехи, они заставили Туманова ряд сцен переснять, ряд переозвучить. Туманов из-за этого страшно нервничал, покрывался красными пятнами, даже чесаться начинал. Иногда с ним случались настоящие истерики. С трудом доведя работу над правками до логического конца, Туманов умер на следующий день после того, как закончил озвучание картины, — не выдержало сердце. Было ему всего 52 года.

А теперь вновь перенесемся в США, где с официальным визитом находится Леонид Брежнев. Как мы помним, генсек отправился туда без жены и даже без своей постоянной спутницы — медсестры Нины. В итоге, уже через несколько дней после своего прибытия в Америку, Брежнев внезапно заскучал. Видимо, чтобы развеять хандру, он отрядил своего адъютанта в аэропорт, где стояли два наших «Ила», и приказал привезти в Кемп-Дэвид одну из стюардесс. Задание было выполнено, и в течение двух дней девушка находилась при генсеке. Как пишут очевидцы (в частности, В. Суходров), увидев однажды девушку, Никсон понимающе улыбнулся и сказал, обращаясь к Суходрову: «Берегите его...»

Кстати, сам Никсон к тому времени давно уже не выполнял своих супружеских обязанно-

стей с женой Патрицией. Более того, их отношения тогда были на грани развода, поскольку президент злоупотреблял антидепрессантом дилантином и на этой почве у него случались частые нервные срывы, которые он вымещал на супруге. У Патриции после них на лице долго не заживали синяки. Она неоднократно хотела подать на развод, но каждый раз ее удавалось уговорить не делать этого ради высших политических интересов страны.

В пятницу, 22 июня, сразу после переговоров, Никсон повез своего гостя к себе на ранчо Каза Пасифика в Калифорнию. Летели они туда на личном «Боинге» президента, причем почти всю дорогу Брежнев проспал в комфортабельной спальне. Его разбудили лишь однажды, когда самолет пролетал над красивейшим местом Америки — Гранд-каньоном. Однако грандиозная панорама не произвела на генсека ожидаемого всеми впечатления: он сказал, что видел этот каньон в вестернах, которые очень любит. Генсек рассказал, что совсем недавно смотрел отличный вестерн с участием Чака Коннора, и даже лихо скопировал манеру актера стрелять с бедра из двух «кольтов».

Вечером на ранчо состоялся ужин. На стол подали легкую закуску из даров моря — креветок, кусочков различных рыб, а также зелени. Кроме этого, Никсон попросил официанта принести специально припасенную по такому случаю бутылку «Столичной». Брежнев с большим удовольствием «махнул» стопку, после чего официант унес водку и принес сухое вино. Однако Брежнев попросил Никсона вернуть «Столичную» обратно: дескать, мне она больше нравится. Суходрев нажал на специальную кнопку у двери, и — водка вернулась к столу. В итоге генсек перебрал «лишнего» и принялся изливать хозяину стола душу. Вот как описывает это А. Добрынин:

«Разговор с общеполитических и международных тем перешел на сетования Брежнева о том, как нелегко быть Генеральным секретарем, как ему приходится в отличие от президента США выслушивать «всякие глупости» от других членов Политбюро и учитывать все-таки их общее мнение. Он стал жаловаться, называя конкретные фамилии (Косыгина и Подгорного), что некоторые из его коллег подка-

пываются под него и что ему приходится все время быть начеку...

В конце концов, мне, не без помощи Никсона, удалось увести сильно захмелевшего Брежнева в отведенную ему комнату. На другой день он меня спросил: «Анатолий! Много я наговорил вчера лишнего?» Было такое дело, ответил ему, хотя я и старался не все переводить. «Это ты правильно сделал», — заметил он...»

Кстати, на следующий день после ужина Никсон преподнес гостю еще один подарок-сюрприз, правда, намного скромнее, чем предыдущий. На этот раз это были два бутафорских «кольта». Их Брежневу лично вручил актер Чак Коннорс, которого Никсон специально пригласил накануне, после того как Брежнев в самолете упомянул о нем в разговоре. Брежнев как ребенок был растроган этим подарком и, вращая пистолеты в руках, даже причмокивал языком.

В этот же вечер произошло редкое событие — охрана Президента США дала прием в честь... сотрудников КГБ. Встреча происходила в ресторане в непринужденной, веселой обстановке. Ближе к ночи Брежнев вернулся после беседы и ужина с Никсоном и, закончив вечерний туалет, лег спать. У дверей его спальни остался дежурить В. Медведев. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Покои американского президента находились почти напротив, там тоже дежурили, прохаживаясь по коридору, два американских охранника. Ночью, часа в два-три, дверь спальни Никсона распахнулась, и на пороге появилась жена Президента США — Патриция. Американская охрана где-то прогуливалась. Патриция — в длинной ночной рубашке, босиком — двинулась в сторону спальни Леонида Ильича. Руки ее были вытянуты вперед, словно она шла в темноте и боялась на что-то натолкнуться. Я шагнул навстречу и увидел, что взгляд ее устремлен куда-то неопределенно вверх. Очевидно, что она находилась в полной прострации. На мои попытки заговорить она не отвечала и двигалась вперед, прямо на меня, не собираясь обходить. Что-то надо было срочно делать. Что? Я остановил ее, какое-то время мы стояли друг против друга. Развернуть ее обратно я не смог.

...Я поднял Патрицию на руки и понес в спальню.

Там горел неяркий свет, видимо, ночной светильник, прямо посреди комнаты стояла кровать — что-то вроде топчана. Одеяло валялось на полу. Самого Никсона не было, видимо, он ночевал в своей комнате. Я подошел к кровати слева, чтобы удобно уложить жену президента — головой на подушку. Она произнесла что-то невнятное, я очень осторожно положил ее, придвинул подушку под голову, поднял с полу одеяло, накрыл ее, все это время ласково уговаривая заснуть. И она действительно закрыла глаза и погрузилась в глубокий сон. Я на цыпочках вышел.

Американская охрана уже бежала ко мне по коридору, я махнул им рукой: «О'кей!» Они остановились, засмеялись и медленно двинулись к ее дверям...

В тот же субботний день, 23 июня, Театр на Таганке давал выездной спектакль «Павшие и живые» в Доме культуры завода «Серп и молот». Валерий Золотухин принес с собой свежий номер журнала «Юность» (№ 6), в котором была напечатана его повесть «На Исток речушку, к детству моему», и показал коллегам. Однако не все одинаково восторженно отнеслись к этой публикации. Вот как он сам описывает их реакцию:

«Кто-то: Говорят, хороший роман Бориса Васильева... (В этом же номере был напечатан его роман «Не стреляйте в белых лебедях». — Ф.Р.)

Толя (А. Васильев — актер Таганки. — Ф.Р.): Да уж, конечно, получше тебя-то...

Валера: Как это ты так сразу, ты почитай сначала...

Толя: Да что там? Про тебя все известно.

И это без юмора, зло, неприятно. Мне захотелось плакать даже. Обидно.

А Высоцкий подпрыгнул аж:

— Смотрите... с кем работаете!

Севка Абдулов читал тут же:

— Несмотря на злобные выпады твоих товарищей, несмотря на то, что они пытались помешать мне, я получил колоссальное удовольствие, спасибо.

Разные люди по-разному реагируют...

Кстати, этот номер «Юности» Золотухин подарил Высоцкому и надписал его так: «Я гор-

жусь, что твои гениальные песни вот таким образом аккумулировались в моей башке. «Рвутся из сил и из всех сухожилий...» Рвут кони вены и сухожилия свои... Я верю, «уж близко, близко время», когда я буду держать в руках книжку твоих стихов, и я буду такой же счастливый, как сейчас...»

К сожалению, это пожелание не сбудется: при жизни Высоцкого у него на родине не выйдет ни одной книжки его стихов. А он так мечтал об этом, даже обхаживал разных поэтов (того же Вознесенского, как мы помним), чтобы они помогли ему пробить поэтический сборник. Но все тщетно. Поэтому Золотухину он страшно завидовал, но, в отличие от других своих коллег, белой завистью.

И вновь перенесемся в Америку. Вспоминает В. Медведев:

«Утром 24 июня на площадке перед ранчо Никсона состоялась церемония подписания совместного советско-американского коммюнике. Затем хозяева дали обед — на открытом воздухе, практически на берегу океана, в окружении цветущих деревьев и кустарников. Среди приглашенных были видные политические и государственные деятели США, деловые люди, актеры из Голливуда и Лос-Анджелеса.

Во время этого приема мы с Рябенко стояли в сторонке, начальнику личной охраны я, конечно, рассказал о своих ночных приключениях. И теперь обратил его внимание на то, что Патриция, разговаривая с дочерью, все время смотрит в нашу сторону. У меня было полное ощущение, что ночное происшествие она восприняла как сон... Там, во сне, она видела кого-то, кто очень похож на меня... Рябенко согласился: наверное...»

Перед отлетом Брежнева на военный аэродром (с него он должен был вылететь в Вашингтон, а уже оттуда — в Москву) его познакомили с пятью американскими астронавтами, которые только что вернулись из космического полета. Генсек с каждым из них поздоровался за руку, однако сделал это без особого энтузиазма (все-таки американцы были нашими конкурентами в космосе). Гораздо с большим восторгом он реагировал на стоявшего неподалеку актера Чака Коннора. Брежнев бросился к нему навстречу, и они обнялись на глазах у изумленной публики как старые приятели. Эти кад-

ры, запечатленные на пленку, крутили затем телевизионные каналы многих стран.

Тем временем творческие вузы Советского Союза окончили сразу несколько будущих и уже успевших о себе заявить звезд. Так, Елена Проклова благополучно выпорхнула из стен Школы-студии МХАТа и была принята в труппу этого же театра. Во время учебы преподаватели запретили ей сниматься в кино под угрозой отчисления, и она свято выполняла этот запрет. Хотя некоторые роли, которые предлагали ей киношники, были прекрасные (например, она вынуждена была отказать Михалкову-Кончаловскому, который видел ее в роли Тани в «Романсе о влюбленных»). Однако скорбеть по поводу упущенных ролей Прокловой было просто некогда: во-первых, она была женщина замужняя (вышла замуж на 1-м курсе и через год родила дочь), во-вторых, учеба поглощала ее с головой (к тому же с 4-го курса ее ввели на роль Маши в мхатовском спектакле «Кремлевские куранты»).

Эту же Школу-студию окончила Светлана Крючкова. Стоит отметить, что начало учебы радостей и легких успехов ей не принесло: этюды она делать не умела, была слишком скованна и неприметна. Но когда стали играть отрывки, тут она оказалась далеко впереди многих своих однокурсников. На студийной сцене она сыграла роли: Анфиса в «Угрюм-реке», Леди Милфорд в «Коварстве и любви», Хачида в «Тополек мой в красной косыночке». На третьем курсе Школы-студии Крючкова вытянула свой счастливый билет — попала на одну из главных ролей в телевизионную картину Алексея Коренева «Большая перемена», премьера которой состоялась аккуратно в год окончания Светланой студии. С этого момента жизнь Крючковой изменилась — ее стали узнавать на улице. Став визитной карточкой актрисы, эта роль оказалась вехой в ее творческой судьбе — после студии Крючкову пригласили к себе сразу пять столичных театров: «Современник», Ленком, Маяковского, Станиславского и МХАТ. Она сделала выбор в пользу последнего.

Из стен ГИТИСа тем летом вышли сразу несколько будущих звезд: Игорь Костолевский, Станислав Садальский, Александр Фатюшин. Начнем с первого.

Костолевскому первое время учеба давалась нелегко — на первом курсе его даже признали профнепригодным и пытались отчислить из вуза. Как вспоминает сам актер: «Когда меня стали выгонять, я сделал для себя много ценных открытий. Оказалось, что тут надо учиться, что артист — это профессия... Можно сказать, мне впервые тогда пришлось как-то шевелиться...»

К моменту окончания института Костолевский снялся в двух фильмах, но обе роли были эпизодические: это телефильм «Семья как семья» и «А зори здесь тихие...».

В отличие от Костолевского, Станиславу Садальскому учеба давалась легко и доставляла большое удовольствие. Единственной ложкой дегтя в этой бочке меда была для него история КПСС, которая, в отличие от других дисциплин, ему совершенно не давалась. За это, собственно, он и пострадал — был лишен стипендии.

За годы учебы Садальский снялся в четырех фильмах, но роли были эпизодические: «Город первой любви», «Телеграмма», «Мальчики», «Берега». Последний вышел в год окончания Садальским института, причем окончил он его блестяще. Сразу четыре театра позвали его в свою труппу, и он остановил свой выбор на Театре имени Маяковского. Правда, продержится он в нем всего лишь... два дня. На первой же репетиции режиссер Андрей Гончаров обратится к нему без должного уважения, и молодой актер вспылит: «Почему вы так грубо со мной разговариваете?» И эта дерзость будет стоить ему места в театре.

В отличие от Садальского, другой выпускник ГИТИСа — Александр Фатюшин, попав в тот же Театр имени Маяковского, войдет в его труппу настолько органично, что будет играть в нем три десятка лет.

26 июня в газете «Советская культура» была опубликована заметка Валентины Жегис под названием «А где же ты, Анжелика?». Публикация была посвящена чрезвычайно насущной для тех лет проблеме — отсутствию интересных книг на прилавках столичных магазинов. Как я уже упоминал ранее, полки книжных магазинов по всей стране буквально ломались от книг, однако львиная доля этих изданий была, что называется, нечитабельна — в нее входила

так называемая политическая литература (стенограммы съездов и пленумов, сборники статей членов Политбюро) и художественная, которая от политической мало чем отличалась (например, много было романов и повестей про любовь и муки какого-нибудь секретаря партийной организации к знатной доярке и т. д.). А таких книг, как детективные повести Юлиана Семенова или братьев Вайнеров, деревенская проза Василия Шукшина или Бориса Можаева, стихи Андрея Вознесенского или Евгения Евтушенко и многих-многих других популярных авторов, в книжных магазинах нельзя было сыскать днем с огнем. В основном люди доставали их либо из-под полы (в тех же магазинах через «заднее кирилицо», как говаривал Аркадий Райкин), либо на книжных «толчках» возле «Букиниста» (у памятника И. Федорову), на Кузнецком мосту или в проезде Художественного театра (у «Пушкинской лавки»). Причем за дефицитные книги платить приходилось втридорога, а иные издания шли в 10—15 раз выше номинала. В частности, вторая книга Анны и Сержа Галон «про приключения Анжелики», о которой шла речь в упомянутой заметке, в открытой продаже стоила не больше семи рублей, а из-под полы продавалась за 50—70 рублей. Издательство «Прогресс» выпустило ее тиражом в 75 тысяч экземпляров, но этот тираж читающая публика «сожрала» буквально за считанные дни. Автор заметки В. Жегис пишет, что один ее знакомый специально прошел по крупнейшим столичным книжным магазинам («Книжный мир», «Москва», «Колос» на ВДНХ и др.) в целях раздобыть эту книгу, но везде ему отвечали: была, да кончилась. И так было не только в Москве, но и в других городах, о чем В. Жегис может смело судить по письмам, которые поступили к ним в газету. Например, в одном из таких посланий молодой человек всерьез грозился покончить жизнь самоубийством, если не станет счастливым обладателем «Анжелики».

Журналистка специально связалась с руководством «Прогресса» и поинтересовалась, выпустят ли дополнительный тираж этой книги. Ей ответили: выпустим, если разрешат «сверху». А «сверху» могли и не разрешить, поскольку такие книги, как «Анжелика», проходили

по разряду «буржуазного чтива», а значит, внимания советского читателя были недостойны. Кстати, и сама В. Жегис заканчивает свою заметку следующим резюме: «А стоит ли бегать? Бесконечные дворцовые интриги, леденящие кровь эпизоды сражений с индейцами и т. д. Надо ли издавать такое легкое «чтиво»?..»

Хорошо сказала журналистка, как говорится, не в бровь, а в глаз. На фига нашему читателю «легкое» чтиво, пусть читает «тяжелое», вроде «Сборника речей Л. Брежнева», очередной том которого вышел весной 73-го, или книги политобозревателя Ю. Жукова «Из боя в бой: письма с фронта идеологической борьбы».

Между тем в Ленинграде Эльдар Рязанов продолжает съемки «Невероятных приключений итальянцев в России». Несколько дней назад снимались эпизоды на площади Льва Толстого: погоня за Джузеппе, «взрыв» старого дома и др. А 27 июня из-за брака пленки пришлось переснимать эпизод «падение колонны»: герой Евгения Евстигнеева, настигнутый мафиози, ломает вторую ногу, ударив ею по колонне. Как и положено в эксцентрической комедии, колонна падает от удара.

В тот же день днем в Москву возвратился генсек Леонид Брежнев. После визита в Америку он на два дня заехал во Францию, где имел несколько встреч с президентом Жоржем Помпиду. Во внуковском аэропорту Брежнева встречало все Политбюро. Там же оказался и популярный телевизионщик Игорь Кириллов, который решил повторить «подвиг» французского обозревателя Леона Зитрона, умудрившегося взять в Париже интервью у генсека. Однако затея Кириллова провалилась. Вот как сам он описывает свою неудачу:

«В последний момент, когда я должен был подойти к прилетевшему генсеку, люди из дежурного управления меня к нему не пустили. Подошел из этого ведомства крепкий такой человек с руками примерно как у штангиста Жаботинского, схватил меня и сказал: «Интервью не будет» — да еще и на микрофонный кабель наступил...»

Тем временем 28 июня съемочная группа фильма «Вечный зов» начала натурные съемки в Башкирии. Как мы помним, съемки в павильоне начались десять дней назад, и за это

время были сняты сцены в тюрьме, в лавке Попилова и кабинете Лахновского. Теперь в районах Калмаша, Кутюма, Сабака и урочища Кривое озеро предстояло снять все эпизоды с деревней Михайловкой, городом Шантарой, заимкой Кафтанова и др. Съёмки должны продолжиться два месяца.

Из Башкирии перенесемся в Ленинград. Там 28 июня в Доме кино (кинотеатр «Родина») состоялась премьера фильма Иосифа Хейфица «Плохой хороший человек». На премьеру съехались практически все авторы фильма: режиссер, оператор, а также актеры, игравшие главные роли: Олег Даль (Лаевский), Владимир Высоцкий (фон Корен) и др. Публика встретила фильм очень тепло и долго аплодировала после его завершения.

Вся церемония завершилась около десяти вечера, и, когда супруги Даль вышли на улицу, к ним подошел Высоцкий. Попросив жену Далию Елизавету на пару минут отойти с ним в сторонку, Высоцкий завел речь о результатах апрельской «зашивки». Он сказал: «Я вижу, что Олежек держится молодцом. Но так будет не всегда. Кончатся два года, и он обязательно в первый же день «развяжет», но ты не пугайся, потому что он обязательно «зашьется» снова». «Я поняла, — ответила Елизавета. — Спасибо, Володя, за помощь». После этого они с мужем проводили Высоцкого до машины (он этой же ночью уезжал в Москву), а сами отправились домой.

Во второй половине июня на экраны столичных кинотеатров вышли новые фильмы: 16 июня — мелодрама Эдуарда Гаврилова «По собственному желанию», рассказывающая о том, как артистка эстрады (Ирина Печерникова) умудрилась влюбиться в кузнеца (Евгений Киндинов); 20-го — детектив Анатолия Бобровского «Черный принц» — про то, как полковник МУРа Зорин (Всеволод Санаев), знакомый зрителю по фильму «Возвращение Святого Луки», возвращает государству похищенный уникальный бриллиант; 22-го — мелодрама из Индии «Слоны мои друзья»; 25-го — франко-итальянская комедия Ф. Фабрици «Дамы и господа».

Кино на ТВ: «Гуттаперчевый мальчик», «Наш милый доктор» (16-го), «Депутат Балтики» (17-го), «Время, вперед!» (18—19-го), «Не забудь, станция Луговая» (19-го), «Валерий

Чкалов» (20-го), «Верные друзья» (21-го), «Я шагаю по Москве» (24-го), «Тени исчезают в полдень» (25 июня — 5 июля), «Сюжет для небольшого рассказа» (27-го), «Стрекоза» (30-го) и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 15—23-го в Ждановском ПККиО выступал ВИА «Веселые ребята»; 17-го в «Варшаве» — Екатерина Шаврина; 27—30-го в Ждановском ПККиО — ВИА «Голубые гитары»; 26-го, 29-го в Кремлевском Дворце съездов — Муслим Магомаев; 29—30-го в «Октябре» — встреча с артистами театра и кино: Верой Марецкой, Сергеем Мартинсоном, Евгением Евстигнеевым, Натальей Кустинской, Ольгой Аросевой, Борисом Рунге и др.; 29—30-го в саду Эрмитаж — ВИА «АБС» (Югославия), Владимир Макаров, Иван Суржиков и др.; 30-го в ГТЭ — концерт Тамары Миансаровой.

Новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «Поэт Лев Лещенко» с песнями: «Белая береза» (В. Шаинский — Л. Овсянникова), «Твоя судьба» (Ю. Антонов — Л. Дербенев), «До любви один шаг» (А. Копф — А. Биану), «Белая метель» (Ю. Антонов — П. Леонидов); «Музыка А. Зацепина к кинофильмам» («А любовь одна» — к/ф «Тайник у Красных камней», «Все было» и «Есть только миг» — к/ф «Земля Санникова» (фильм выйдет на широкий экран осенью); первая пластинка недавно созданного ансамбля «Мелодия» (рук. Г. Гаранян) под названием «В старых ритмах», на котором записаны следующие композиции: «Джон Грей» (М. Блантер), «Джаз-лихорадка», «Звуки джаза»; диски — «Поэт Кола Бельды» с песнями: «Увезу тебя я в тундру» (М. Фрадкин — М. Пляцковский), «Песня оленевода» (М. Табачников — В. Бахнов, Я. Костюковский), «Ты меня еще не знаешь» (Г. Пономаренко — В. Дюнин) и др.

В июне состоялась премьера песни Давида Тухманова и Владимира Харитонов «Мой адрес — Советский Союз» в исполнении ВИА «Самоцветы». Рождение этой песни было случайным. Она родилась благодаря... спору между тогдашним заведующим отделом культуры ЦК ЛКСМ Владимиром Панченко и Давидом Тухмановым. Как-то в одной общей компании Тухманов обмолвился, что может сочинить песню даже на слова из поваренной книги. Панченко схватился за это заявление и бросил

композитору перчатку: дескать, спорим на ящик коньяка, что ты не сможешь написать шлягер, где речь будет идти о комсомоле, стройках и т. д. В итоге Тухманов тот коньяк выиграл, довольно скоро написав музыку к стихам Владимира Харитонова, где речь шла обо всем перечисленном. Но эта песня поначалу всеми была отвергнута. Дело в том, что Тухманов написал ее под псевдонимом и отослал на радиостанцию «Юность». Но там ее забраковали, посчитав слишком танцевальной: дескать, не могут такие серьезные стихи уживаться с такой музыкой. Тогда песню взяли в свой репертуар «Самоцветы», и именно в их исполнении она и стала всесоюзным шлягером. Вот как об этом вспоминает руководитель коллектива Юрий Маликов:

«Хотя в песне было много патристического, что могло оттолкнуть людей, мы сделали очень стильную аранжировку. Ведь про тот же БАМ, Сибирь, ТЭЦ, ЛЭП писались десятки, сотни песен, а попадали в эфир лучшие из них.

Кстати, для телевидения и радио Лапин (руководитель Гостелерадио. — Ф.Р.) попросил нас сделать более кондовый вариант. Мы его записали, показали всего один раз и пленку размагнитили. А в эфир пускали другую, с более мягким вокалом. Для записи стука колес поезда во вступлении и в конце песни мы впервые использовали фонограмму. Тогда не было компьютеров-синтезаторов, и мы на всех концертах запускали фонограмму — для этого возили огромный магнитофон. А пели и играли, естественно, «живым звуком».

1973

Июль

Как Эльдар Рязанов разводил мосты в Ленинграде. Награда за клад, «Романс о влюбленных»: роман на съемочной площадке. Съёмки фильма «Москва — Кассиопея». Как схватили вооруженного бандита в Сочи. Культ личности Брежнева продолжается: опубликована первая биография генсека. В хоккейном ЦСКА объявился талантливый новичок: Борис Александров. «Калина красная»: как самосвал безуспешно таранил «Волгу». Начали снимать «Романс о влюбленных». Куйбышевский киллер охотится за жертвой. Международный кинофестиваль в Москве. Кинопробы для фильма «Агония»: четыре кандидата на роль Распутина. Ленинская премия Брежневу. Французская жена Кончаловского уличает его в измене. Загадочная гибель олимпийского чемпиона. Фестивальная халва. Как Мэлор Стуруа спас Госкино от международного скандала. Дачная тусовка с львом Кингом. Кончаловский остается с Кореневой. Как жена Олега Видова добилась роли для мужа. Марк Захаров возглавляет Ленком. Рок-группа «Аракс» становится профессиональной. Как любовь к музыке толкнула подростков на преступление. День рождения Евгения Евтушенко в тундре. Тарковский начал снимать «Зеркало». В чем обвинили итальянского каскадера. Новые трудности на съемках фильма «В бой идут одни «старики». Умер поэт Михаил Исаковский. Почему Инна Чурикова хотела уйти из жизни. ЧП в Москве: убили льва Кинга. Свой день рождения Шукшин встретил на съемках. Начали снимать «Свой среди чужих, чужой среди своих». Наталья Андрейченко поступает во ВГИК, Елена Сафонова проваливается. Алексей Петренко утвержден на роль Распутина. С голой грудью на Льва Яшина. Жертва льва Кинга выписалась из больницы.

Несмотря на то что первый день июля выпал на воскресенье, в съемочной группе фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» он был объявлен рабочим днем. Предстояла сложная съемка с разведением мостов над Невой. Читатель, наверное, хорошо помнит этот эпизод: один из итальянцев — Джузеппе — с кладом убегает от подельников и успевает перепрыгнуть с одной половины моста на другую, а герой Андрея Миронова виснет на краю моста. Затем преследователи умудряются спрыгнуть с моста на крышу капитанской рубки проходящего внизу пассажирского теплохода. Стоит отметить, что сцена на экране длится каких-нибудь несколько минут, в то время как сам трюк киношники готовили целый месяц. Было проведено множество расчетов и сделана масса чертежей. Требовалось определить и высоту подъема крыльев моста, и ширину щели между мостовыми пролетами, и, главное,

высоту, которую придется преодолевать людям в прыжке. Ситуацию осложняло то, что прыгать на паром надо было во время его движения, а крыша рубки была мала, и каскадер вполне мог промахнуться. В таком случае его ждало либо тяжелое увечье, либо верная смерть. Чтобы сократить расстояние до моста — а до него было 8 метров, — было решено достроить верх рубки на два — два с половиной метра.

Поскольку паром «Тарас Шевченко» был действующим судном, киношникам пришлось заплатить его владельцам стоимость билетов за три дня (в такой срок они рассчитывали управиться со съемками). Кроме этого, пришлось разъединить на целый день Васильевский остров и Петроградскую сторону, прервать между этими районами движение. В любой другой день городские власти ни за что бы не разрешили этого сделать, но в воскресенье это ока-

залось возможным. Съемки шли с 7 утра до 7 вечера. Далее послушаем рассказ самого Э. Рязанова:

«Мы расставили пять съемочных аппаратов. Ведь в лучшем случае удастся снять проход корабля и прыжок наших героев дважды. Кстати, единственный трюк в фильме, сделанный не актерами, а дублерами. Молодые ребята (среди них одна девушка!), студенты циркового училища, впервые в своей жизни и, пожалуй, впервые в мире выполняли подобное задание.

Наконец «Тарас Шевченко» двинулся! Течение сильное. Капитан вел пароход так, чтобы его не снесло ни влево, ни вправо ни на один метр. Дублеры прыгали без лонж; без страховки и, конечно, без репетиции. Какие уж тут репетиции!

Условие успеха — слаженность действий всех участников съемки, от капитана корабля до техников моста, поднимавших его крылья. Операторы на своих постах готовы в нужный момент включить камеры и запечатлеть этот уникальный трюк.

Снимаем! Пароход проходит под мостом, и я вижу, как одна фигурка отделяется от края, пролетает более пяти метров вниз и точно приземляется на капитанскую рубку! Второй прыгает девушка, за ней — третий парнишка. Ребята перебегают по кораблю и зацепляются за другую половину моста. А пароход в это время проходит мимо.

Один каскадер поднимается на кромку моста, его подталкивают другие; вот они помогают вскарабкаться девушке, а третий дублер, как и задумано, повисает над бездной. Пароход уходит. Друзья помогают дублеру Андрея Миронова, висящему над бездной, протягивают ему руки, и он взбирается на мост.

Чтобы создать у зрителя впечатление, что трюк выполнен артистами, нужны были их крупные планы. Мы уговорили Миронова, и он повис над рекой на вздыбленном крыле моста, высота которого равнялась примерно 15-этажному дому. Внизу плескалась Нева, под Мироновым шел теплоход. Висеть было страшно. Андрей изо всех сил пытался взобраться на мост по-настоящему. Мне кажется, что крупный план Миронова получился довольно убедительным.

Сложнейший эпизод удалось снять в один день...»

2 июля в Москве получил причитающиеся ему от государства деньги некий кладоискатель. Случаев, когда люди находили в старых домах или в земле клады в столице, за год набегало несколько десятков, причем большинство случайных кладоискателей предпочитали не утаивать от государства найденное, а честно несли сокровища в милицию. Таким образом тем летом поступил и 26-летний бригадир СУ-10 Анатолий Воронин. Найдя в одном из предназначенных под слом домов (район станции Бирюлево-Товарная) клад, состоявший из 69 десятирублевых монет, 64 пятирублевых, браслета и других «побрякушек», он тут же отправился в ближайшее от места находки отделение милиции (16-е) и сдал находку дежурному. За что спустя месяц и удостоился 25-процентной доли от сданного, то бишь 2402 рубля 70 копеек.

Съемочная группа фильма «Романс о влюбленных» во главе с режиссером Андреем Михалковым-Кончаловским стоит на пороге натурных съемок. Начаться они должны через несколько дней под городом Серпуховом Московской области. А пока все заняты подготовкой к предстоящей работе. Между тем никто из киношников ни сном ни духом еще не догадывается, что между 36-летним режиссером и 19-летней исполнительницей главной роли Еленой Кореневой накануне съемок завязался любовный роман. Случилось все до банального просто. Кончаловский пригласил Кореневу к себе домой на улицу Воровского для того, чтобы обсудить предстоящие съемки. Домработница режиссера Поля накормила обоих супом из лука-порей и черникой с молоком, после чего ушла домой. Оставшись одни, хозяин и гостя переместились сначала в гостиную к телевизору, а затем и в спальню.

В эти же дни шла работа еще над одним фильмом, который тоже оставит заметный след в нашем кинематографе, правда, детском. Это фантастический боевик из двух частей «Москва — Кассиопея» и «Отроки во Вселенной» Ричарда Викторова (наш ответ «Звездным войнам» Джорджа Лукаса). Главные роли в нем исполняли московские школьники. Во время съемок был момент, когда режиссер вознамерился полностью заменить юных актеров на

других исполнителей: те позволили себе нарушить жесткий режим, царивший в группе во время съемок. Что же произошло? Однажды ночью Викторов вышел на берег моря подышать свежим воздухом, как вдруг заметил неподалеку группу молодых людей, купающихся в море. Когда он подошел ближе, то, к своему удивлению, узнал в них своих юных актеров. Гнев режиссера был страшен. Однако на сторону актеров встал директор картины, который сообщил, что замена исполнителей в разгар съемок может влететь картине в солидную копеечку. Викторову пришлось простить ребят и поверить им на слово, что больше таких вольностей они себе не позволят.

Между тем в другом курортном городе — Сочи — 3 июля был задержан особо опасный преступник. В тот день на утреннем инструктаже всем стражам порядка, заступающим на дежурство по городу, была зачитана ориентировка о том, что три дня назад на одной из железнодорожных станций близ Сочи было совершено тягчайшее преступление, бандит с места происшествия скрылся, прихватив с собой сразу 5 (!) пистолетов. По описаниям свидетелей преступления, это был высокий молодой человек, нос с горбинкой. Всем постовым был роздан его фоторобот.

Старший сержант милиции Петр Адомасов в то утро дежурил на вокзале. За 10 минут до конца его смены прибыл скорый поезд Ленинград — Адлер. Петр сообразил, что скорый проходил как раз через тот самый пункт, где было совершено преступление. Конечно, вероятность того, что бандит сошел с поезда чуть раньше Сочи, была велика, но чем черт не шутит? Петр решил «прошерстить» вновь прибывших. Смешавшись с толпой, он стал внимательно вглядываться в лица людей. Минут через пять ему повезло: он заметил невдалеке от себя высокого парня в кепи с характерным для кавказцев «горбатым» носом. Парень неспеша шел по платформе, держа в руках небольшой чемоданчик. Помня о том, что бандит был вооружен, да не одним, а сразу пятью пистолетами, Петр не стал рисковать — он встал за колонну и дал парню пройти вперед. Затем, перезарядив свой «Макаров», Адомасов догнал незнакомца и, остановив его, потребовал предъявить документы. Уже по тому, как напряглось лицо незнакомца, как забегали его глаза, сержант по-

нял, что не ошибся в своем предположении — это был тот самый преступник. Все, что произошло дальше, заняло всего несколько секунд. Увидев, что страж порядка на голову его ниже, да к тому же невооружен, незнакомец бросился на сержанта. Но тот ждал этого броска: перехватив руку бандита, Адомасов нырнул под нее и ловким приемом самбо перебросил нападавшего через себя. Еще через мгновение был проведен болевой прием, и преступник, рука которого оказалась заломлена за спину, закричал от сильной боли. Сопrotивляться в таком состоянии он уже был не в силах.

В тот же день весть об этом задержании разнеслась не только по всему городу, но достигла и Москвы. 6 июля смелого сержанта милиции Петра Адомасова принял сам министр внутренних дел СССР Николай Щелоков. Аудитория длилась около получаса, после чего бывший сержант вышел из кабинета в звании младшего лейтенанта милиции.

В день, когда в Сочи был задержан опасный преступник, в газете «Правда» появилась любопытная публикация — первая подробная биография Леонида Брежнева. Таким образом, культ генсека исподволь, потихоньку набирал свои обороты, но, в отличие от прошлых лет (в случаях со Сталиным и Хрущевым), нынешние лизоблюды были куда хитрее своих предшественников: биографию Брежнева они позаимствовали из зарубежных источников — из югославской газеты «Политика». Ход был беспроектный: Югославия хотя и считалась социалистической страной, однако советскими людьми воспринималась как прозападная, а значит, и публикуемые в ее газетах материалы воспринимались с большей долей доверия. На самом деле публикация в «Политике» была инспирирована из Москвы и ничего крамольного из себя не представляла. Наоборот, в ней Брежнев предстал в образе честного, скромного и дальновидного политика, под руководством которого страна умело лавирует во всех хитросплетениях международной политики. Именно с этого момента нашу отечественную историю в народе метко окрестят короткой фразой: от Ильича до Ильича.

Между тем у столичных хоккейных клубов, выступающих в высшей лиге, в начале июля закончились краткосрочные каникулы, и они приступили к первым тренировкам. Практиче-

ски у всех в составе появились новички. Но самый молодой игрок заявлен у ЦСКА: это 17-летний воспитанник усть-каменогорского «Торпедо» Борис Александров. Редчайший случай: чтобы забрать талантливого парня в Москву, за ним ездил сам главный тренер ЦСКА Константин Локтев. Однако когда Александров появился на первой тренировке, практически все армейцы не смогли сдержать своих улыбок: уж больно низковат был рост у нового приобретения. Даже присутствовавший на тренировке журналист Леонид Трахтенберг это отметил, подумав: ну, сейчас богатыри-защитники просто размажут новичка как соплю по борту. Каково же было удивление всех присутствующих, когда Александров, подхватив шайбу чуть ли не в своей зоне, виртуозно разделался сразу с двумя защитниками и забил красивейший гол. Парень действительно был суперталантливым, и как жаль, что его талант так и не сможет раскрыться полностью. А вот почему произойдет именно так, я обязательно расскажу в следующих главах. А пока продолжим знакомство с другими событиями июля 73-го.

Близится к концу экспедиция Василия Шукшина, который под Белозерском снимает натурные эпизоды «Калины красной». В те июльские дни снималась одна из кульминационных сцен — таран грузовиком «Волги» с преступниками, убившими Егора Прокудина. Эпизод снимался с потом и кровью, что называется, на пределе человеческих возможностей. Всю техническую часть его взял на себя каскадер Корзун. В течение нескольких дней он усиленно тренировался на грузовике, отрабатывая предстоящую сцену: Слушая по вечерам визг его тормозов, киношники умилялись: ну, теперь-то Голливуд умоется слезами. Не умылся. О том, как развивались события, вспоминает А. Заболоцкий:

«Задумывалась сцена так: на узкой насыпи причала стоит такси, в машине — манекены бандитов; паром с людьми на середине реки; появляется на бешеной скорости самосвал, ударяет такси, а сам повисает на припаромке причале.

Способ съемки. На самом пароме, находящемся в пятнадцати метрах от причала, закреплен операторский кран. Камера с воды, сверху, фиксирует появление машины, с ее приближением снижается, укрупнив удар; такси в

это время перевернется, а камера полетит вверх и будет наблюдать погружение такси, следя за пузырями и укрупняя трансфокатором радужные нефтяные пятна на воде.

Наслышаны о съемке не только в Белозерске и Кириллове. В назначенный день народу собралось видимо-невидимо. Спасателей одних два катера, прибыл заместитель начальника по техбезопасности «Мосфильма». Зрители заполонили паром. Милиции почти не было. Корзун отдает последние указания. Смотрит на него вологодский люд, как на Гагарина. Изготавливались. Взвилась ракета в небо. Включились камеры. Корзун мчится, но на подходе к такси скорость угасла, и он, клюнув машину, укатил ее в воду. Все приуныли. Множество шоферов замучили советами, предлагали услуги. Корзун просит дубль. Готовимся повторить, хоть и прогнали положенную норму пленки. Спешно подрихтовали другую машину под такси, манекены засунули, уже цветовая температура была на пределе. Снимаем второй дубль. Каскадера заклинило, он ударяет такси слабее даже, чем в первый раз. Эффекта катастрофы ни на глаз, ни на пленке нет. Съемка оставила ощущение провала.

Вечером Шукшин звонит генеральному директору Н.Т. Сизову и добивается организации повторения съемки. Берется провести этот трюк таксист из Череповца, он же гонщик-любитель. Он предлагает снять дверь в кабине самосвала со стороны водителя, чтобы выпрыгнуть из кабины до удара в такси на мешки с соломой, положенные у насыпи. Скорость до удара — 40 километров; руль перед прыжком закрепляется скобой, для того приспособленной. Схема съемки и безопасности та же. И вот камеры на точках. День отличный. Ракета. Камера пошла. Летит машина, чую по пылище за ней и панораме — скорость большая. Радуюсь. Вижу, выпал водитель (это вырежется)... А дальше — самосвал стремительно начинает цеплять ограничительные бетонные столбики и, не дойдя до такси, подпрыгнув вверх, падает в воду рядом с паромом, обдав всех водой. Камеру залило. Крики ужаса. И вдруг — тишина. Стекающая вода — с аппаратуры, людей, парома... Такси с муляжами на месте. Самосвал чуть виден из воды. Уже несут к «Скорой помощи» трюкача, ноги поломал. Гнал, чтобы оправдать доверие, на 80 километров; проскочил мешки,

прыгал уже на насыпь. Голова цела — слава богу, заставили перед съемкой каску надеть...

Разошлись люди... Зрелища опять не получилось. Сняли мы, по-горячему, Лешу Ванина (исполнитель роли брата), вынырывающего из кабины затонувшего самосвала, и это был самый убедительный кадр из всего материала катастрофы.

В суетной горячке работы Шукшин и все мы прикидывали возможности монтажа сцены и только после возвращения в гостиницу постепенно осознали весь ужас, который ожидал нас, не попадись на пути самосвала бетонные ограничительные столбики. Скорости самосвала хватало бы бросить такси к нам на паром и изувечить находящихся там людей. Провидение спасло нас от чудовишной катастрофы. Шок от неудавшейся и так затянувшейся съемки сделал наш отъезд из Белозерска похожим на бегство. Мы не сняли намеченные пейзажи, детали. Настроение было не съемочное...»

7 июля съемочная группа другого фильма — «Романс о влюбленных» — начала натурные съемки в 55 километрах от Серпухова. В течение нескольких дней снимались начальные кадры фильма: Сергей (Евгений Киндинов) и Таня (Елена Коренева) приезжают на берег реки, отдыхают там, Сергей поет песню «Только ты и я». Когда фильм выйдет на широкий экран, эти эпизоды станут притчей во языцех: там героиня Кореновой, забежав в шалаш, снимает с себя рубашку, обнажая грудь. Сегодня целомудренней этого кадра нельзя придумать, а по меркам 70-х это было круто.

На съемочной площадке присутствовала профессиональный балетмейстер Светлана Люшина, которая ставила актерам хореографию. Однако, несмотря на все ее старания, первое время танец у Кореновой получался неуклюжим. Однажды, в пылу гнева, Кончаловский даже назвал ее «коровой». Коренева обиделась: до этого ей всегда казалось, что она умеет танцевать. На следующий день режиссер прилюдно попросил у нее прощения, и все завертелось по новой. Днем шли съемки, а вечером режиссер приглашал актрису к себе в номер (они жили по соседству друг с другом). Их роман продолжался.

А теперь перенесемся в Куйбышев, где, как мы помним, скромный на вид строитель Васи-

лий Володин готовит заказное убийство собственной супруги. Как мы помним, первая попытка расправиться с женой провалилась: выстрел киллера пробил жертве щеку. После этого наемный убийца Монахов решил, что с него хватит, и от дальнейших попыток повторения убийства наотрез отказался. Но заказчик был настойчив: чуть ли не каждый день он допрашивал Монахова просьбами повторить покушение, суля за это золотые горы. В итоге Монахов сдался. Более того, он согласился еще на одно убийство: на этот раз ему предстояло убрать с дороги и мужа любовницы Володина. Причем жена приговоренного была в сговоре с убийцами и согласилась помочь им осуществить задуманное. Поскольку способ убийства был выбран иной, чем в случае с женой Володина — на этот раз Монахов должен был поразить жертву ножом, — жена должна была подать киллеру условный сигнал с помощью тряпки: если она вывешивала ее с правой стороны балкона, это означало, что муж отправился к родственникам на улицу Красильникова, если с левой — его путь лежал на Сарайную. В зависимости от этого киллер должен был рассчитать и свой маршрут и выбрать удобное место для убийства. Произойти оно должно было в начале июля. Однако сколько ни ходил Монахов за своей жертвой, убить ее он так и не смог — на улице всегда были люди. Только это и спасло жертву, которая ни о чем не догадывалась.

Между тем во вторник, 10 июля, в Москве открылся 8-й Международный кинофестиваль, на который съехались многие мировые звезды. Среди них: Акира Куросава, Беата Тышкевич, Марина Влади, Пола Ракса, Даниель Ольбрыхский, Стенли Крамер, Тосиро Мифунэ, Джина Лоллобриджида, Максимилиан Шелл и др. Как обычно, ажиотаж вокруг этого мероприятия был огромный: даже чтобы попасть на какой-нибудь проходной фильм, желающих было хоть отбавляй, не говоря уже о лентах первостатейных. Например, абонемент куда-нибудь во Дворец работников кинопроката, рассчитанный на просмотр нескольких фильмов, стоил у спекулянтов до 500 рублей, хотя в обычные дни средняя цена билета на зарубежный фильм в столичных кинотеатрах равнялась 25 копейкам. Но за сам факт присутствия на престижном мероприятии люди готовы были выклады-

вать любые деньги, чтобы потом в разговоре можно было вернуть: «Я был на кинофестивале!»

В тот же день на «Мосфильме» состоялось обсуждение кинопроб к фильму «Агония», который собирался снимать Элем Климов. Фильм был посвящен «великому старцу» Григорию Распутину и должен был отобразить события 1914—1917 годов. Пробоваться на роль Распутина Климов пригласил четырех известных актеров: Евгения Евстигнеева, Анатолия Папанова, Леонида Маркова и Алексея Петренко. Просмотрев эти кинопробы, худсовет принял за обсуждение. Приведу отрывки из некоторых выступлений.

Туровская: «И Евстигнеев и Папанов — хорошие актеры, но это знакомые лица. Распутин же — историческое лицо, тут важно, чтобы его играл новый актер, чтобы не возникало ассоциаций. Марков — наиболее интересный кандидат. Петренко мне понравился меньше других...»

Столпер: «Мне лично очень понравился Петренко. Марков проще, а Петренко играет сумасшедшего, и это очень впечатляет...»

Агранович: «Мне кажется, что Евстигнеев на десять голов выше других...»

Гуревич: «Марков очень однообразный актер, Петренко мне показался интересным. Но из четырех Распутиных мне больше понравился Евстигнеев. На роль царя бесспорно лучше взять Кирилла Лаврова...»

Соловьев: «Мне понравился Марков своей жанровой пропорциональностью. Он умен, ужасен, смешон, и все это в марковской пропорции, все это чертовщина его плоти...»

Урвачева: «Лучший Распутин это, конечно же, Марков...»

Климов: «Честно говоря, Распутин настоящего нет, как нет его и в природе. Поэтому это прежде всего должен быть талантливый актер, как, например, Луспекаев.

Мы показали вам четырех Распутиных не случайно. Они отобраны из многих. Это лучшие актеры этого возраста. Считаю, что не подходят ни Евстигнеев, ни Папанов. Это связано с их узнаваемостью, с ассоциациями. Маркова я тоже не хотел сначала пробовать в этой роли — он человек сложный.

Серьезной кандидатурой был Петренко. В нем есть сумасшедший глаз, но ему только 35

лет, он молод для этой роли. В итоге мы остановились на Маркове. Естественно, что у него еще мало красок, движения, ведь было только две репетиции. Марков фантастически играет эту роль. Группа просит худсовет утвердить на роль Распутина Леонида Маркова, на Вырубову — Алису Фрейндлих, на царя — Анатолия Ромашина...»

Все три перечисленные кандидатуры были утверждены, однако спустя две недели один кандидат — Леонид Марков — был все же замечен. О том, как это произошло, рассказ впереди, а пока вернемся в июль 73-го.

11 июля, видимо, специально к кинофестивалю, было подгадано помпезное мероприятие — вручение Леониду Брежневу Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Как мы помним, в начале июля в «Правде» была опубликована первая официальная биография генсека, и вот — новый кирпичик в фундамент прижизненного памятника вождю. Торжественное вручение состоялось в Кремлевском Дворце съездов, премию генсеку вручил председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. Скобельцын. Он же выступил с речью. Приведу из нее отрывок:

«Во всех странах и на всех континентах миллионы людей хорошо знают товарища Леонида Ильича Брежнева как самоотверженного борца за мир и социальный прогресс, за счастье народов. Государственные и общественные деятели, простые люди из самых различных стран шлют ему свои сердечные поздравления и добрые пожелания...»

Мы, члены комитета, очень рады тому, что наше решение, таким образом, опирается на поддержку миллионов людей. Это показывает, что, присудив товарищу Л. И. Брежневу международную Ленинскую премию мира, комитет сделал в высшей степени справедливый выбор, отразил волю самых широких слоев международной общественности...»

Съемочная группа фильма «Роман о влюбленных» в те дни на время прервала работу, поскольку Михалков-Кончаловский решил почтить своим присутствием кинофестиваль. А чтобы ему не было скучно, он прихватил с собой и свою юную возлюбленную Елену Кореневу. Стоит отметить, что на тот момент Кончаловский был женат на французской подданной

Вивиан, которая тоже прилетела на киношный форум. Поскольку приехала она в ту самую квартиру, куда Кончаловский привел свою любовницу, между супругами состоялось выяснение отношений. Завершилось оно тем, что Вивиан написала мужу гневную записку: «Забрай свое гавно (так было в тексте), я не хочу, чтоб здесь жили твои бляди». Как ни странно, Кончаловский ничего не стал предпринимать и с квартиры не съехал, из-за чего Вивиан пришлось жить в их загородной резиденции на Николиной горе. Единственное, что было предпринято: спать любовники располагались на полу, чтобы не осквернять законного брачного ложа.

Пятничным утром 13 июля один из ранних прохожих, спешивших на работу, обнаружил под высокой стеной стадиона Юных пионеров, что на Беговой улице в Москве, бездыханное тело мужчины. Спустя несколько часов была установлена личность погибшего: это был один из первых советских олимпийских чемпионов по тяжелой атлетике Трофим Ломакин.

Ломакин прославился на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году, когда с огромным отрывом от ближайших соперников завоевал золотую медаль. А ведь на той Олимпиаде судьи откровенно засуживали наших спортсменов, пытаясь сделать все от них зависящее, чтобы СССР остался как можно с меньшим количеством наград. Но Ломакина им засудить не удалось — уж слишком явным было его превосходство над остальными соперниками. В последующие годы Ломакин дважды побеждал на чемпионатах мира и трижды — на чемпионатах Европы. На Олимпиаде-60 в Риме он завоевал «серебро».

Согласно одной из версий, уйдя из спорта, Ломакин связался с перекупщиками золота. Версия выглядит вполне правдоподобно, если учитывать тот факт, что Ломакин родился и вырос в семье алтайского старателя и с 15 лет вместе с отцом мыл золотишко. После смерти отца он вместе с братом отправился за золотом в Якутию, причем последние 300 километров к прииску они протопали пешком по таежным тропам. Короче, в «желтом металле» бывший олимпийский чемпион разбирался хорошо. И, видимо, этим и мог пригодиться перекупщикам. Дважды на Ломакина заводили уголовное

дело: в первый раз он отделался двумя годами условного срока, во второй раз — загремел на зону на несколько лет. В начале 70-х он приехал в Москву, но к нормальной жизни вернуться так и не сумел. Согласно данным экспертизы, в момент гибели Ломакин был сильно пьян и его, судя по всему, сбросили вниз с трибуны стадиона. Кто конкретно это сделал, так и осталось неизвестным.

Тем временем Кончаловский и Коренева продолжают свои фестивальные похождения. Днем они смотрят фильмы, а вечером приходят на киношные тусовки. Причем на каждой из них они подолгу не задерживались, стараясь за один вечер посетить их как можно больше. Вызвано это было разными причинами: во-первых, желанием встретиться как можно с большим числом гостей, а во-вторых, попробовать как можно больше халявных вкусок. У каждого из любовников была своя миссия: пока Кончаловский общался с гостями фестиваля, Коренева втихаря набивала в салфетку деликатесы, после чего отступала к выходу. Вскоре они с Кончаловским покидали тусовку, чтобы сломя голову мчаться на другую. Как вспоминает сама Коренева: «Я и представить себе не могла, что фестиваль с Кончаловским будет принимать такие хулиганские формы. Но это упрощало задачу: мне не пришлось изображать светскость, от которой болят мышцы спины у начинающих...»

Одним из почетных гостей кинофестиваля был английский актер Ричард Бартон. Известный не только как выдающийся исполнитель театральных и киношных ролей, но и как муж Элизабет Тэйлор и запойный пьяница, Бартон и во время пребывания в Москве не упустил возможности напиться. И пил почти три дня, даже носа не показывая из своего номера в гостинице «Россия». Близкие к нему люди объясняли этот срыв объективными причинами: дескать, у актера опять обострились отношения с женой (4 июля Тэйлор собрала пресс-конференцию, на которой зачитала свое письмо, где объявляла о временном разрыве отношений с мужем). Однако руководителям советского Госкино до этих причин дела было мало: на фестивале Бартон должен был представлять свой новый фильм «Битва у Сутиески», в котором играл самого Иосифа Броз Тито в молодости. И когда стало понятно, что Бартон своим

безответственным поведением может сорвать премьеру и вызвать международный скандал (Тито мог пожаловаться Брежневу), было принято решение вмешаться в ситуацию извне. В качестве полномочного представителя от советской стороны был выбран журналист Мэлор Стурау, который до этого неоднократно встречался с Бартоном во время работы в Лондоне.

Получив задание от самого председателя Госкино Ермаша, Стурау загрузил в свой «Додж Чарджер» чуть ли не ящик любимых напитков актера — белое вино, виски, джин и коньяк — и отправился в «Россию». Там, беспрепятственно пройдя сквозь кордон милиционеров, Стурау поднялся на этаж, где находился номер люкс Бартона. На стук в дверь на пороге появился... двухметровый негр, который оказался телохранителем актера. Выслушав гостя, он удалился, чтобы доложить о прибывшем хозяину. Через пару минут негр вновь появился в дверях и пригласил гостя войти.

К визиту своего лондонского приятеля Бартон отнесся весьма доброжелательно. Примерно в течение получаса он рассказывал гостю о том, как ему плохо без Тэйлор и как не хочется показываться на люди. Дескать, только Лиз может вытащить его из депрессии. Стурау, почеловечески понимая актера и сочувствуя ему, в то же время был связан обязательством перед Ермашом, пообещав ему во что бы то ни стало привести Бартона в божеский вид и подготовить его к завтрашнему появлению на премьере. Поэтому в один из моментов, когда актер замолчал, чтобы в очередной раз приложиться к бытылке «Цинандали», предложил: «Ричард, какой смысл бузовать в склепе «России»? Давай лучше махнем в «Арагви».

— Что такое «Арагви»? — удивленно вскинул брови Бартон.

— Это самый знаменитый ресторан в Москве, — последовал ответ. — Там прекрасная кавказская кухня и место встреч международных шпионов.

Последнее обстоятельство произвело на заезжего актера особенное впечатление (ведь его лучшей ролью в кино считался шпион из фильма «Человек, пришедший с холода»), после чего он согласился покинуть свой номер. Как гласит легенда, дежурная по этажу, увидев, как Бартон после трех дней безвылазного

пребывания в номере появился в коридоре, от неожиданности едва не потеряла сознание. В отличие от нее двое мужчин, несколько часов безуспешно дожидавшиеся появления знаменитого актера в том же коридоре, при появлении Бартона заметно оживились. Они подскочили к актеру и стали просить его взять их с собой. Одним из этих незнакомцев был популярный советский актер Олег Видов, вторым — корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс. Как вспоминает Стурау, последнего он пригласил к себе в машину, а вот Видова отшил, сославшись на какую-то незначительную причину. Обиженный актер попытался на ломаном английском языке апеллировать к Бартону — мол, я ваш коллега, актер, — но тот отмахнулся от него как от назойливой мухи.

Стоит отметить, что еще до того, как отправиться к Бартону, Стурау заранее зарезервировал стол в центральном зале «Арагви». Поэтому, когда они прибыли в ресторан, там их уже поджидали. На стол были поданы типичные грузинские деликатесы: лобио, сациви, шашлыки на ребрышке, блюда из зелени и тому подобное. Угощения так понравились Бартону, что он чуть язык не проглотил от удовольствия. Пока он налегал на кушанья, находившийся здесь же корреспондент АП сделал несколько снимков. Уже на следующий день эти снимки появятся в западной печати, причем снимки будут подписаны весьма оригинально: «Ричард Бартон заливает вином горе от разлуки с Элизабет Тэйлор в московском ресторане «Арагви» в компании не меньшего выпивохи советского журналиста Мэлора Стурау».

Единственное, что огорчило знаменитого актера в тот вечер, было то, что за все время его пребывания в ресторане к нему подошли за автографом... всего лишь два (!) человека. Да и те оказались туристами из Техаса. Но в целом тот вечер оставил у заезжей знаменитости незабываемые впечатления. Вот почему, когда Стурау спросил его, сможет ли он завтра прийти на премьеру своего фильма, Бартон ответил соглашением: мол, разве после такого я могу тебя подвести? И слово свое сдержал. Международный скандал не состоялся.

Тем временем в воскресный день 15 июля на даче известного детского писателя Яковлева состоялось торжество по случаю приезда туда

бакинской семьи Берберовых и их знаменитого льва Кинга (как мы помним, лев вот уже больше месяца снимается в комедии Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России», а в писательский поселок его привезли, чтобы порадовать больных детей в сердечном санатории). Побывавший на той встрече писатель Юрий Нагибин (он был там со своей женой Аллой) оставил о нем следующие воспоминания:

«В автобусе вместе со львом и Берберовыми прибыли отец писателя Яковлева, наиболее выдающиеся родственники, оператор «Ленфильма» и еще двое киношников. На заборе было написано: «Привет Кингу!» Лев был явно растроган. На встречу со львом были приглашены все наиболее уважаемые жители нашего поселка.

Лев, большой и несчастный, лежал под деревом в саду, его трогательно охранял крошечный файтерьер Чип. С одного взгляда было ясно, что этот печальный зверь — существо ущербное, больное, неполноценное. Так оно и оказалось. Он родился рахитиком, уродцем, и мать-львица хотела его ликвидировать, очевидно, в порядке искусственного отбора. Она успела разорвать ему бок, когда львенка отняли. Берберовы взяли уродца и выходили. Он переболел всеми видами чумок, инфекционных и простудных заболеваний. У него изжелта-коричневые гнилые зубы, которыми он все же уминает 8 кг парного мяса в день.

Живут Берберовы в двухкомнатной квартире, где, кроме них и льва, еще двое детей, бабушка, собака, две кошки и еще что-то живое — еле живое. Все, что они делали со львом, было подвигом в течение четырех лет, а сейчас началось нечто иное, весьма пошрое, с коммерческим уклоном.

Гадок и страшен был этот сабантуй. Поначалу лев развязал в людях все самое пошрое и низкопробное в них... А позже было вот что: фронтеры вдруг почувствовали, что «с ними» можно жить, а стукачи и власть имущие ощутили прилив бунтарского безумия. Рядом с этим жалким больным, но настоящим львом нельзя было оставаться собой обычным, надо было что-то срочно менять в себе, что-то делать с собой. И каждый постарался стать другим. Всех опалило чистотой пустыни, первозданностью. Происходило очищение львом.

Жимерин плакал навзрыд, слушая рассказ Берберовых о детстве Кинга, Байбаков, утирая слезы с толстых щек, обещал Берберовым квартиру, дачу и мини-автобус. Люся Уварова предложила провести подписку в пользу Кинга. Хозяйка, «мама» Кинга произнесла заученный монолог с точно рассчитанными паузами, взволнованными обертонами, своевременными увлажнениями глаз о горестной и поучительной жизни Кинга, спасенного человеческой добротой. Под конец плакали все, кроме меня. Я был просто раздавлен мерзостью этого шабаша на худых благородных ребрах Кинга. И вот что любопытно — я сказал Алле: «А вдруг Кинг возьмет да и помрет, и развалится весь берберовский бизнес». И как в воду глядел! Будь оно неладно, это провидчество...»

В тот же день в другом дачном поселке — на Николиной горе — состоялся еще один сабантуй: его давала Нина Петровна Кончаловская — мама двух известных кинорежиссеров: Андрея Михалкова-Кончаловского и Никиты Михалкова. Причем если последний пришел на него со своей женой Татьяной, то первый, волею судьбы, оказался за столом в окружении сразу двух возлюбленных — жены Вивиан и любовницы Елены Кореневой. Ужин был накрыт на веранде, и на нем кроме перечисленных лиц присутствовало еще человек пятнадцать. Все прошло вполне цивилизованно.

После ужина Кончаловский вызвался отвезти Кореневу на своей машине в Москву. Когда девушка садилась в кабину, она обнаружила на сиденье письмо. Это было послание от Вивиан. Распечатывать его при возлюбленном она не стала, решив потерпеть до дома. Между тем письмо являло собой образец благовоспитанности: в нем Вивиан ни в чем не упрекала свою более молодую соперницу, образно представляла свои отношения с мужем в виде могучего дерева, а отношения мужа с любовницей — в виде одинокого сучка. Завершала свое письмо французенка фразой: «Я люблю своего мужа и умею ждать».

Коренева поступила честно, рассказав на следующий день о письме Кончаловскому и предложив тут же расставить точки над «i»: дескать, если ваш брак в опасности, то она готова уйти. Но режиссер заявил, что все должно остаться как есть. При этом он сообщил, что Вивиан уехала в Грузию в гости к режиссеру

Отару Иоселиани, бросив на прощание весьма остроумную фразу: «Теперь мы с Джиной две брошенные женщины» (имелась в виду гостья фестиваля Джина Лоллобриджида, которую муж тоже бросил ради молодой любовницы).

Тем временем в первой половине июля в кинотеатрах столицы состоялось несколько премьер: 9 июля на экраны вышел новый детектив Герберта Рапппорта «Круг» — продолжение истории про смелого и находчивого работника ОБХСС Алешина (Александр Збруев), полюбившегося зрителям по фильму «Два билета на дневной сеанс». В роли антипода Алешина — прекрасной злодейки — снялась актриса МХАТа Светлана Коркошко, в остальных ролях: Армен Джигарханян, Николай Рыбников, Роман Громадский и др. В тот же день на экраны столичных кинотеатров вышел очередной «дефа-вестерн» с участием Гойко Митича — «Текумзе».

Киношное меню на ТВ выглядело так: «Деловые люди», «Республика ШКИД», «А пароходы гудят и уходят» (1-го), «Семья Коцюбинских» (2—3-го), «Насреддин в Бухаре» (4-го), «Невероятный Иегудиил Хламида», «Надя Рушева» (премьера д/ф 5-го), «Расскажи мне о себе», «Дайте жалобную книгу», «Певец и песня. Николай Сличенко» (т/ф, 6-го), «Что может быть лучше плохой погоды» (Болгария, впервые по ТВ), «Александр Пархоменко» (7-го), «В городе С.», «Все остается людям» (8-го), «Сегодня — новый аттракцион» (9-го), «Опасный поворот» (9—10-го), «Завещание старого мастера» (9—11-го), «Сорванец» (14-го).

Из развлекательных передач отмечу следующие: «Артлото» (1-го), «На IX фестивале эстрадной песни «Золотой Орфей» (11-го), «Кабачок «13 стульев» (14-го), «На фестивале советской песни в Зелена Гуре» (16-го).

Эстрадные представления: 6—7 июля в «Октябре» поет Людмила Зыкина; 8-го там же — Тамара Миансарова; 9—15-го в «Эрмитаже» — ВИА «АБС» из Югославии; 13—15-го в Сокольниках — «Вечера юмора» с участием Бориса Владимира и Вадима Тонкова, Ильи Набутова, Геннадия Дудника и др.

16 июля Александр Митта приступил в Сочи к натурным съемкам фильма «Москва, любовь моя». Картина снималась в содружестве с японскими кинематографистами, и главную

женскую роль в нем играла тамошняя звезда Комаки Курихара. От нашей стороны главную роль играл первый красавец отечественного кино Олег Видов.

Тем временем в театральном мире столицы очередная сенсация — режиссер Марк Захаров, до этого ставивший свои спектакли в Театре сатиры, назначен главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола. После того как в конце 60-х из Ленкома выгнали Анатолия Эфроса, этот театр быстро скатился на обочину театрального процесса, являя собой грустное зрелище. Приход Захарова, по мысли столичных чиновников от культуры, должен был оздоровить обстановку в некогда лучшем театре Москвы.

По случаю своего ухода из Театра сатиры Захаров устроил прощальный банкет в театральном буфете. Как вспоминает Т. Егорова: «У многих расстроенные, растерянные лица. Он поднял бокал с шампанским:

— Я с невероятной грустью прощаюсь с вами со всеми... с этим театром... годы, проведенные здесь, можно сравнить только с первой любовью... я благодарен всем, кто был со мной рядом... — И незаметно и тихо мне прошептал: — Еще неделя, и меня увезли бы отсюда с инфарктом...»

Первой постановкой, которую затеял Захаров на новом месте, должен был стать спектакль «Автоград-XXI», текст которого он написал вместе с Юрием Визбором. Он был посвящен ударной комсомольской стройке — заводу «КамАЗ». По замыслу авторов, в ней должна была звучать энергичная молодежная музыка, лучше всего рок. В поисках коллектива, который смог бы такую музыку исполнить, Захаров перебрал множество рок-групп и в итоге остановился на «Араксе», который в конце 60-х создал на экономическом факультете МГУ Эдуард Касабов (своим названием группа обязана его матери — Араксе, которая несколько лет назад буквально вернула сыну зрение. Тот был известным прыгуном в воду, готовился к Олимпиаде в Мехико, но, неудачно спрыгнув с вышки, повредил глазную сетчатку и мог остаться слепым. Но мать его выходила). В группе кроме Эдуарда (он играл на бас-гитаре) работали его брат Гарик Касабов (барабаны), Юрий Шахназаров (соло-гитара) и Юрий Сааков (менеджер и владелец аппаратуры).

Несмотря на то что «Аракс» ни разу не зашел по ТВ и не выпустил ни одной пластинки, он был суперпопулярной группой в среде продвинутой молодежи. «Аракс» прославился, играя композиции «Сантаны» (его даже считали советским двойником), «Тен Йиз афте», «Лед Зеппелин», «Дип пепл», а также благодаря собственным хитам на русском языке: «Мемуары» («Скоро стану я седым и старым...»), «Маменька», «Шелковая трава» и др. Слава группы была такой огромной, что уже с начала 70-х ее атаковали заманчивыми предложениями самые разные видные деятели культуры. Но коллектив стойчески выдерживал эту осаду, предпочитая числиться независимым. И только Марку Захарову удалось-таки уговорить «Аракс» перейти под крыло Ленкома. Главным аргументом при этом было то, что режиссер пообещал поставить на сцене театра несколько советских рок-опер (этот жанр в те годы был очень популярен).

Коль речь зашла о музыке, не лишним будет упомянуть еще одну историю. В среду, 18 июля, в столице Киргизии городе Фрунзе произошла кража: из актового зала политехнического института были украдены музыкальные инструменты. Неизвестные позарились на дефицитные электрогитары, ударную установку, микрофон. Сыщики, взявшиеся за расследование этого дела, сразу предположили, что преступление совершили подростки, озабоченные созданием собственного вокально-инструментального ансамбля. Так оно и оказалось. Как выяснилось, кражу провернули двое подростков: Саша Чашин и Федя Миховский. Толкнули же их на это преступление следующие обстоятельства.

Чашин в свое время окончил музыкальную школу по классу фортепиано, однако свое будущее видел отнюдь не в классической музыке. Как и большинство подростков той поры, он бредил рок-н-роллом и видел себя исключительно солистом собственного вокально-инструментального ансамбля. Вот почему после окончания музшколы он устроился в ДК «Жаштык», где вскоре действительно создал собственный ВИА. Но затем руководство ДК пригласило к себе более профессиональный коллектив — «Бубенцы», — и Чашин с коллегами оказались на улице. Тыркнувшись в пару-трой-

ку других клубов и везде получив от ворот поворот, ребята впали в уныние. Не унывал только Чашин, которому внезапно пришла идея комплектовать свой коллектив... ворованными инструментами. При этом, зная, что большинство его коллег встретит эту идею в штыки, поделился ею только с Миховским. На пару с ним они и грабнули политехнический институт. А затем, окрыленные успехом, нанесли такие же визиты и в другие учебные заведения, где имелись в наличии свои ВИА. Так музинструменты из института физкультуры, НИИ земледелия, автодорожного техникума и университета оказались в руках ансамбля под руководством Чашина (остальным участникам коллектива лидер врал, что инструменты им выделили районные власти).

Поначалу все украденные инструменты будут храниться на квартире одного из участников ВИА. Затем, когда Чашин выбьет под нужды своего ансамбля пустующий подвал в одном из домов, их перенесут туда. И начнутся репетиции. Стоит отметить, что ребята будут отдаваться любимому делу с таким энтузиазмом, что ни на какие другие дела у них просто не будет хватать времени. Вскоре в их подвал потянется вся окрестная молодежь. Про ВИА «Силуэт» (именно такое название для своего коллектива выбрал Чашин) будет знать вся округа. Районные власти даже захотят выставить ансамбль на городской смотр самодеятельности. Как вдруг...

В августе широкая молва о «Силуэте» достигнет и ушей милиции. Там зададутся законным вопросом: откуда у безусых пацанов вдруг появились столь дорогостоящие инструменты и аппаратура? Истина откроется при первой же проверке. В итоге «Силуэт» прекратит свое существование, поскольку все похищенное вернется к их законным владельцам, да еще двое его участников — Чашин и Миховский — получат 2 года колонии общего режима. Однако вернемся в июль 73-го.

В тот день, когда фрунзенские подростки «потрошили» политех (18 июля), известный поэт Евгений Евтушенко справлял свое 40-летие. Вернее будет сказать, не справлял, а ему справляли. Волею судьбы поэта занесло к черту на куличики — в солнечный Магадан, и справлять день рождения (тем более 40 лет) он

не собирался. Но его друзья и поклонники, коих хватало по всей стране, не могли оставить эту дату без внимания. В итоге они закатали имениннику такое пиршество, что оно запомнилось на всю жизнь. Друзья разложили на берегу сорок костров, и на каждом из них в сорока ведрах сварили ровно сорок огромных королевских крабов. По словам самого поэта, это было дико красиво: сорок светящихся в тундре костров и кипящие ведра с крабами!

В тот же день Андрей Тарковский приступил к съемкам натуральных эпизодов в городе Тучково. Как скажет позднее сам режиссер: «В «Зеркале» мне хотелось рассказать не о себе, а о своих чувствах, связанных с близкими людьми, о моих взаимоотношениях с ними, о вечной жалости к ним и невосполнимом чувстве долга». Большинство героев этого фильма в жизни имели реальных прототипов. Например, Олег Янковский сыграл отца режиссера поэта Арсения Тарковского, Маргарита Терехова — его мать Марию Ивановну Вишнякову, а самого Андрея Тарковского в детские годы сыграл четырехлетний сын Янковского Филипп. Кстати, последний во время съемок серьезно простудился, что дало повод Янковскому сожалеть о том, что он слишком рано начал впрягать сына в киношную кабалу.

Эльдар Рязанов продолжает снимать «Итальянцев». После экспедиции в Ленинград группа вернулась в Москву, чтобы здесь снять ряд трюковых эпизодов с участием каскадеров из Италии во главе с автомобильным асом Серджио Миони. Однако участие зарубежных специалистов не упростило процесс съемок (как предполагали многие), а, наоборот, усложнило их. Итальянцам были созданы если не идеальные, то, во всяком случае, хорошие условия для работы: шесть легковых автомобилей на ходу, два кузова, инженер-конструктор, техники, слесари, бригада рабочих-постановщиков. Сам Миони, когда узнал об этом, заявил, что ему никогда еще не создавали подобных условий для работы. Но почти за три недели работы (13—30 июля) многие трюки были забракованы как неудачные, из-за чего ряд кадров так и не удалось снять. А все шесть легковушек, выделенных итальянцам, были разбиты чуть ли не вдребезги. Как напишет продюсеру с итальянской стороны Дино Де Лаурентису Рязанов и

Сурин: «Нам придется восстанавливать машины, доснимать трюки, вводить комбинированные съемки и тратить таким образом дополнительные средства».

Однако было бы несправедливым выслушать только одну сторону. Поэтому приведу слова самого Миони, зафиксированные в его объяснительной по результатам съемок:

«В день съемок в самый последний момент мне сообщили, что нет необходимого разрешения и нет возможности завезти и разбросать гравий на месте приземления машины для того, чтобы предотвратить ее зарывание в грунт, чем заставили меня рисковать жизнью выше необходимого предела — я увеличил вдвое длину и, следовательно, опасность прыжков.

В сцене столкновения с бочками на автомобиль было поставлено стекло старого типа, без моего ведома, непригодное для трюка. Оно брызнуло мне в лицо, и я рисковал потерей зрения.

В сцене столкновения с будкой был построен бронированный сейф, который упал только после четырех столкновений. Три недели, отпущенные на съемки, были сведены к 8 дням, как из-за плохой погоды, так и из-за ожидания, пока г-н Досталь закончит работу с первой съемочной группой. Мне предъявлено обвинение, что я разбил 5 машин за время съемок: хочу заметить, что мне было дано распоряжение режиссером начинать мою работу с прыжков и столкновений, которые являются заключительными кадрами различных сцен фильма...»

Непросто проходят съемки и другого будущего киношедевра — «В бой идут одни «старики», который на студии имени Довженко снимает Леонид Быков. Мы оставили съемочную группу в тот момент, когда она в 20-х числах мая приступила к натурным съемкам эпизодов воздушных боев. Затем весь июнь снимались объекты: «березовая роща», «аэродром в степи», «аэродром на лугу». В начале июля группа перебазировалась под Чернигов, где на берегу Десны предстояло отснять эпизоды на объектах: «аэродром в лесу», «река», «окраина села» и др. Однако начать съемки сразу не удалось — из Киева не прибыли самолеты. Ждали их день, второй, третий, после чего нервы у Быкова не выдержали и он собрал экстренное соб-

рание коллектива. Вопрос на повестке был один: замена нерасторопного директора фильма на другого, болеющего за дело. Голосование было единогласным. Вскоре из Киева прибыл новый директор — Николай Золочевский, с которым ситуация мгновенно сдвинулась с мертвой точки, и самолеты наконец-то дошли до места назначения.

Между тем через несколько дней случилось новое ЧП: с картины ушел исполнитель роли Смуглянки Анатолий Матешко, который прельстился главной ролью в другом фильме. Далее послушаем рассказ оператора фильма В. Кондратьева:

«Помню, тем утром я встретил Быкова в буфете. Он стоял расстроенный и мял в руках какую-то бумажку. В ответ на мой удивленный взгляд он протянул мне телеграмму с киностудии: «Срочно отправьте в Киев Матешко». Что тут поделаешь? Поехали на съемочную площадку, а тут как раз ассистент режиссера привез из Киева «желторотиков» — молодых ребят-студентов театрального института, только что окончивших первый курс. Их представили Быкову. Он осмотрел начинающих актеров профессиональным взглядом, выискивая нового Смуглянку, и остановился на девятнадцатилетнем пареньке, Сереже Подгорном...»

Василий Шукшин продолжает работу над «Калиной красной». Вернувшись из белозерской экспедиции, он с 16 июля засел в павильонах «Мосфильма». В декорации «дом Байкаловых» снимали знакомство Егора Прокудина с родителями Любы Байкаловой (в этих ролях снялись И. Рыжов и М. Скворцова). Эпизод весьма живой. Как мы помним, Егор выдает себя перед родителями за невинную жертву: он сел в тюрьму якобы по недоразумению: мол, работал бухгалтером, начальство воровало, а он списывал. Но отец Любы в эти байки не верит. Тогда Егор начинает кроить из блохи голенище: рассказывает новую байку про то, как они с друзьями зарезали семерых, а восьмого не углядели, ушел. Убитых поклали в мешок — и в воду. Но восьмой донес. Мать Любы в шоке: «Свят, свят...» Тогда муж ее урезонивает: «Цыц! Один дурак городит чего ни попадя, а другая уши развесила...»

Егор сетует: «Что же вы меня сразу в разбойники записали? Что, в тюрьме одни убий-

цы, что ли, сидят? Вам же говорят — бухгалтер. А вы начинаете хаханьки. здесь разводить...» Отец: «Да кто тебя в убийцы-то зачисляет? Ты только тоже, не заливай тут! Бухгалтер... Я бухгалтеров-то видел-перевидел. Они все тихие, маленько вроде пришибленные. У бухгалтера голос слабенький, очочки. Потом, я заметил, они все курносые. И любят смотреть балет по телевизору. Так какой же ты бухгалтер? Об твой лоб поросся шестимесячного убить можно. Это ты Любке говори про бухгалтера, она поверит. А я, как только ты вошел, сразу определил: этот или за драку какую-то сел, или машину леса тюкнул. А?» Егор смеется: «Тебе бы опером работать, отец, цены бы тебе не было...»

Тем временем 23 июля в Москве завершил свою работу Международный кинофестиваль. Главные призы разделили два фильма: советская политико-воспитательная лента Витаутаса Жалакявичюса «Это сладкое слово — свобода!» и социальная драма «Оклахома, как она есть» американца Стэнли Крамера. Специального приза была удостоена лента итальянского режиссера Флорестана Ванчини «Убийство Маттеотти».

На следующий день из жизни ушел замечательный советский поэт Михаил Исаковский, прославившийся стихами к таким суперпопулярным песням, как «Катюша», «В лесу прифронтовом», «Летят перелетные птицы...», «И кто его знает...», «Враги сожгли родную хату», «Одинокая гармонь» («Снова замерло все до рассвета...») и др. Было поэту 73 года.

В те дни, когда в Москве проходил Международный кинофестиваль, невеселые мысли одолевали известную советскую актрису театра и кино Инну Чурикову. Судить об этом можно хотя бы по письму, которое она в те дни отправила на имя председателя Госкино Ф. Ермаша. Письмо было продиктовано одним — получить наконец разрешение на съемки фильма о Жанне д'Арк. Впрочем, почитаем само послание:

«Дорогой Филипп Тимофеевич!

Не могу больше молчать. Положение мое отчаянное. Четыре года напряженной работы над Жанной. Сколько книг прочитано! Сколько дум передумано! Сколько сил, времени, чувств отдано этой работе! Четыре года ожиданий, когда же, когда же?

Все эти годы я ради Жанны отказывалась от других предложений в кино, чтобы не заменивать себя, чтобы быть готовой к важной в моей жизни миссии — сыграть Жанну. Я отказывалась от возможности работать в театре, от возможности иметь детей, свято веря в то, что Жанна стоит всех мук и лишений, свято веря, что мои силы и способности нужны нашему кино.

Если бы Вы знали, Филипп Тимофеевич, с какой надеждой я смотрела на Вас тогда, на Пленуме в октябре прошлого года, когда Вы только что вступили на пост министра. С какой надеждой!..

И вот вы уже год работаете, но именно Вы стали первым противником фильма о Жанне д'Арк — нашей идеи, нашей мечты! Именно Вы никак не хотите понять, зачем нужна советскому народу Жанна д'Арк...

У каждого человека, Филипп Тимофеевич, есть свой предел. Особенно у актера. И особенно у актрисы. Наш век короткий. Я начала стареть для Жанны. И сознание этого приводит меня в отчаяние. Я не могу больше ждать. Меня все чаще и чаще посещает сознание о ненужности моей жизни, об уходе из жизни. И эта мысль мне уже не кажется страшной. Поверьте мне! Услышьте меня, пока не поздно!

Теперь я хочу написать Вам несколько слов о Глебе Панфилове (режиссер и муж И. Чуриковой. — Ф.Р.). Я не знаю, насколько глубоко Вы понимаете его творчество. И его фильмы. Скорее всего, Вы их не понимаете. Судя по Вашему отношению к его идее снять фильм о Жанне д'Арк. (Это поразительно, но Вы даже не нашли времени прочесть сценарий...) И я мучительно думаю теперь, ну, почему, почему именно этого человека Вы так смертельно ранили? Почему именно этому человеку, честно, принципиальному, талантливому, Вы практически закрываете путь в кино...

Для нас Жанна д'Арк — не блажь, не лирика, не какая-то выгода. Слишком много за нее заплачено, слишком много, чтобы Вам так думать. Для нас снять этот фильм — единственная возможность жить и работать сейчас. И наша жизнь только в этом, в этой работе. У нас нет ничего другого, кроме этого.

Филипп Тимофеевич! Будьте, молим Вас, нашим защитником! Поймите все наше отчаянное положение. Взываю к Вашему сердцу, к Вашей мудрости и уму. Не убивайте нас!..

С глубоким к Вам уважением, ожиданием и надеждой

актриса Инна Чурикова».

Вряд ли это письмо может оставить кого-нибудь равнодушным. Разве только какого-нибудь циника, для которого признание великой актрисы о том, что она была на грани самоубийства из-за невозможности сыграть роль-мечту, абсолютно ничего не стоит. И, представьте себе, такие циники нашлись. Это письмо-крик было подшито в канцелярскую папку с убийственной для автора резолюцией: «По указанию тов. Ермаша Ф.Т. на письмо И. Чуриковой ответа не будет. Е. Котов. 24 июля 1973 года».

В тот же вторичный день 24 июля в Москве произошло громкое ЧП, которое в течение нескольких недель бурно обсуждалось чуть ли не во всех столичных домах, — был застрелен знаменитый лев Кинг, который приехал в Москву из Баку для съемок в комедии Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России». О том, при каких обстоятельствах произошло это ЧП, мой следующий рассказ.

Как мы помним, в середине июля Кинга привезли из Ленинграда в Москву. Его поселили неподалеку от «Мосфильма» — в ближайшей школе № 74, в спортивном зале. Это было явным нарушением условий договора, поскольку место, где обитало животное, было абсолютно не приспособлено для его содержания: на окнах не было решеток, а двор не был огорожен проволочной сеткой высотой 2,5 метра (меньшую высоту лев запросто перепрыгивает). В итоге случилась беда.

В тот роковой вторник 18-летний студент МВТУ Владимир Марков, проживавший неподалеку от места обитания льва, вместе со своей девушкой и собакой вышел погулять во двор. Пока парочка мирно беседовала, собака пролезла сквозь дыру в заборе и оказалась на территории школы № 74. Студент стал звать ее, а когда это не помогло, отправился за ней сам, перемахнув через забор. Поймав собаку, парень передал ее девушке и уже собрался было

перелезть через забор, как вдруг сзади на него набросился Кинг, который выбрался из спортзала через незакрытое окно (в это время Нина Берберова готовила обед, а ее муж ушел в магазин за мясом для Кинга). Девушка, увидев любимого в объятиях хищника, огласила ближайшую округу таким криком, что переполошила всех окрестных жителей. Кто-то из них тут же позвонил в местный Гагаринский районный отдел милиции, где в тот день дежурил младший лейтенант Александр Гуров. Сегодня он дослужился до генерала, депутата Государственной думы, а тогда был всего лишь инспектором боевой и служебной подготовки Гагаринского районного отдела милиции. В те часы он сидел в районном отделе, готовил стенгазету. Вдруг услышал, как в дежурной части начался настоящий галдеж. Затем на его столе зазвонил телефон. Схватив трубку, Гуров получил приказ немедленно прибыть в дежурку. Он бросился на зов, в чем был — в рубашке, без кителя, без фуражки. Дежурный сует ему пистолет, говорит: «На, ты сможешь!» «Что смогу?» — удивленно переспросил Гуров. Однако дежурный толком объяснить ничего не в состоянии, поскольку возбужден был чрезвычайно. Тогда суть дела Гурову объяснил кто-то из стоявших поблизости коллег. Он сообщил, что тут неподалеку лев загрыз человека. Поэтому надо пойти и пристрелить взбесившееся животное. «А где лев-то?» — только и нашел что ответить Гуров. «Да в кустах, возле школы». Далее послушаем рассказ самого А. Гурова:

«Ноги сразу стали ватными, да делать нечего. Побежал. Бегу, озираюсь по сторонам, перепрыгнул через какой-то ров и оказался на территории школы, где находился этот самый лев.

Передо мной жуткая картина. Ярко-зеленая после дождя трава в радиусе 3—4 метров обагрена кровью! Огромный лев, как потом выяснилось, весом 240 кило, сидел на задних лапах полубоком ко мне, передними лапками прижимал человека, в пасти — его голова. Меня ударил кондратий. Ноги из ватных сделались свинцовыми. Вытянул руку с пистолетом вперед, а она так трясется, что не только мушкету, но и ствол не могу на этом страшилище зафиксировать. Да еще вижу руку потерпевшего

на гриве зверя. Кричу: «Убери руку с гривы!» Тот команду выполнил и потерял сознание.

Я схватил пистолет двумя руками, уперся локтями в живот. До льва — метров 13. Стреляю в шею. Зверь издает страшный рев, точно в кино о жизни в саванне. Я стал делать выстрел за выстрелом, не позволяя льву прыгнуть. Наконец лев затих. Я потихоньку к нему подхожу. И вдруг... лев начинает подниматься. Хвост задрал кисточкой: как я потом вычитал, это была изготовка к прыжку. Делаю еще несколько выстрелов, он подпрыгивает и падает. Все!..

Первой к месту происшествия прибежала хозяйка зверя-убийцы Нина Берберова, потом муж ее, и они начали орать на меня: «Фашистская морда! Вот она, советская действительность!» А рядом лежит парень в луже крови. На этого несчастного они и внимания не обратили. Истерику поддержал какой-то дистрофик — тоненьким голоском пронзительно завизжал: «Убийца!» Я в недоумении, ничего не понимаю: вроде бы спас человека?! Тем временем подходит еще один тип, позднее выяснилось — детский писатель, и начинает голосить, что «мы похороним этого льва на даче писателей».

Несмотря на оскорбления, я сопровождал потерпевшего в больницу. Через 15 минут в приемный покой вышел хирург и произнес: «Пулевых ранений нет, шок первой степени, большая потеря крови». К слову, водитель «Скорой помощи», который отвозил изуродованного львом человека, слег на две недели с тяжелым психическим расстройством...»

Кстати, сам Гуров тоже едва не последует по стопам шофера «Скорой», поскольку травля против него будет объявлена грандиозная. Его обвинят ни много ни мало в преднамеренном убийстве знаменитого животного. Поборники этой версии будут напирать на то, что Кинг, истосковавшись в четырех стенах по человеческому общению, хотел всего лишь поиграть со студентом, а не убивать его. Но даже если эта версия верна, она все равно не могла служить обвинением против Гурова. Ведь откуда ему было знать, кто перед ним. Он стрелял прежде всего в хищника, которому место в африканской сельве или в зоопарке, но ни в коем случае не на улице в густонаселенном

городе. Милиционер видел лежащего под хищником изодранного в кровь человека, которому требовалась срочная помощь, и времени на выяснение отношений с животным у него просто не было. Все решали доли секунды.

Между тем в защиту льва выступили многие представители творческой интеллигенции, в том числе руководитель Театра кукол Сергей Образцов. (В одной из газет он напишет: «Смертью своей Кинг доказал, что он друг, а не враг человека. Ведь за 10 или 15 минут даже овчарка успела бы загрызть человека, а Кинг оставил на теле пострадавшего только царапины».) Уже на следующее утро после трагедии он (вместе с Берберовыми) добился личной аудиенции у министра внутренних дел Николая Щелокова и поставил вопрос ребром: милиционерам, убивающим таких знаменитых зверей, не только не место в органах, их еще и судить надо. Щелоков тоже был вне себя от гнева. Как вспоминает сам А. Гуров: «Я, как участник акции по ликвидации взбесившегося хищника, выслушал от Щелокова длинный монолог, из которого узнал, кто я на самом деле, кто моя мать и другие близкие родственники и многое другое, связанное и с богом и с чертом. За то количество «крепких» выражений, которые министр обрушил на меня, он мог бы получить по статье 206, часть 1 УК РСФСР (мелкое хулиганство) в совокупности пожизненное заключение...»

Однако решать судьбу младшего лейтенанта в одиночку Щелоков не решился и вызвал к себе в кабинет непосредственного начальника Гурова начальника Управления уголовного розыска страны Игоря Карпеца. Послушаем и его рассказ:

«Однажды утром мне позвонил по телефону адъютант Щелокова и сказал, что министр просит меня срочно зайти к нему.

Спустившись с четвертого этажа на третий и зайдя в кабинет министра, я увидел там народного артиста С.В. Образцова, а также неизвестных мне мужчину и женщину южного типа, страшно возбужденных и буквально наступавших на министра. И если С.В. Образцов был сдержан, то мужчина и женщина своим эмоциям дали волю вовсю. В кабинете же, буквально забившись в угол, сидел на стуле, сгорбив-

шись, опустив голову, неизвестный мне лейтенант милиции.

Брызгая слюной, мужчина и женщина требовали принятия строгих мер, вплоть до привлечения к уголовной ответственности, к этому лейтенанту. И тут я понял, что мужчина и женщина — это небезызвестные тогда супруги Берберовы, о которых печать взалхлеб писала как об удивительных людях, «воспитавших» льва, живущего с ними «одной семьей». Я не специалист по дрессировке львов и даже мышей, но всегда думал, что хорошим история с «воспитанием» царя зверей не кончится: хищник есть хищник. Утром в сводке происшествий прочитал, что гулявший на свободе лев (Берберовы позволили ему это или прозевали, когда лев решил погулять без присмотра) напал на оказавшегося у него на пути человека и одним из работников милицейского наряда, прибывшего на место происшествия по вызову увидевших льва людей, зверь был убит. Ему «пришла в голову» мысль, что с человеком можно «поиграть» и даже пожевать его голову, что он и сделал, почувствовав запах крови человека. Застрелил льва Гуров — тогда оперуполномоченный угрозыска в одном из райотделений милиции Москвы...

И Берберовы, и даже Образцов доказывали Щелокову, что потеря льва невозместима, что это ущерб «престижу страны» (!), что сорван грандиозный опыт воспитания хищника и прочее и тому подобное. А лейтенант милиции — преступник.

— Ну что будем делать, Игорь Иванович, с лейтенантом? — спросил министр. — Ведь это ваш подчиненный, он убивает львов. Да еще каких львов! Таким не место в милиции.

Я взглянул на Гурова. На нем не было лица. Он обреченно ждал «приговора». И тут во мне закипело чувство возмущения. Берберовы, да и Образцов, сконцентрировали внимание Щелокова на льве, зная к тому же его слабость к «творческой интеллигенции», которой он всегда хотел потрафить к месту и не к месту, наживая «капитал признания». О возможной же гибели человека — молчали.

Я слушал, долго слушал их слова возмущения. Видел, что Щелоков целиком на их стороне. Не выдержав наконец этого, обращаясь к Образцову, сказал:

— Сергей Владимирович, а почему вы молчите о человеке, который остался жив только благодаря этому лейтенанту? Чья жизнь, по-вашему, дороже: человеческая или жизнь льва? А если этот человек к тому же единственный кормилец в семье! Кто им возместит его? Вы или Берберовы будете содержать эту семью? Или, может быть, государство? Берберовы обязаны были следить за своим питомцем. Они виновны в происшедшем. Если он не трогал их, то это не значит, что он перестал быть хищником, и опасным. И последнее. А если бы на месте этого человека был кто-то из ваших близких, что тогда сказали бы вы? Требовали наказания лейтенанта или, наоборот, — его поощрения?

К Берберовым я не обращался и не смотрел на них.

Наступило молчание. Почувствовав, что я должен уйти, оставив министра наедине с его посетителями, я сказал:

— Разрешите идти, товарищ министр?

Задумавшийся Щелоков не сразу сказал: «Идите!»

Через некоторое время министр снова позвал меня. Он был уже один.

— Вы знаете, Игорь Иванович, Образцов растерялся после ваших слов. Да и Берберовы поспешили закончить разговор, требуя все-таки наказания лейтенанта.

— Ни в коем случае этого делать нельзя, товарищ министр. Более того, лейтенант — молодец. Решителен. Быстро и точно сориентировался.

— Ну, хорошо, не будем его травмировать, — подвел итог министр...»

Стоит отметить, что через некоторое время Карпец пригласил Гурова на работу к себе в главк — инспектором по предупреждению краж. Узнав об этом, Щелоков сначала возмутился, но затем сменил гнев на милость и оставил Гурова в покое. И в дальнейшем тот сделал хорошую карьеру в МВД.

Что касается льва Кинга, то его похоронили на даче того самого писателя Юрия Яковлева, где лев побывал незадолго до своей гибели. Кстати, собака писателя — файтерьер Чип — на следующий день после трагической смерти Кинга тоже умерла. Говорят, от тоски по новому другу. А Берберовы вскоре завели нового

льва (его купили на деньги, которые собрала столичная творческая интеллигенция). Но эксперимент завершился трагически: лев задрал сына Берберовых Рому, скальпировал хозяйку Нину Петровну, которая потом потеряла рассудок. Но это произойдет значительно позже, а пока вернемся в июльские дни 73-го.

25 июля Василию Шукшину исполнилось 44 года. Свой день рождения именинник встретил на съёмочной площадке «Калины красной»: в тот день снимался эпизод «в сенях» (Прокудин, уезжая в город, признается Любе, что не знает, вернется ли). Съёмки проходили нервно. Вот как об этом вспоминает А. Заболоцкий:

«Сцена — в одном кадре, емкая по метражу, — была напряженной. Лида (актриса Лидия Федосеева-Шукшина. — Ф.Р.) наизусть чеканила сценарный текст. Макарыч просил ее забыть текст, говорить по обстановке. Между ними, пока мы укладывали рельсы и свет, вспыхнула крупная перебранка. Лида украдкой поплакала за декорацией. Макарыч жестами торопил меня. Наконец изготовились. Он прошипел: «Мотор». Тишина. Сцена катилась — как живой разговор — всего четыре минуты. Во время съёмки я видел попавшие в кадр не по делу рельсы, но не решился остановить съёмку: было ощущение, что снимаю хронику живой жизни. Холодок по спине пробегал.

После устало произнесенного «стоп» боюсь говорить о рельсах. Макарыч измучен. Умоляюще прошу: «Давай еще дубль». Он прошелся, посмотрел мимо меня... «Не смогу больше так. Пусть будет, что будет». Так этот единственный дубль с мелькнувшей перекладиной рельсов и вошел в фильм. Меня упрекают за него коллеги, но, не в оправдание своего греха, все-таки замечу: вся сцена проходила совсем не по тем отметкам, что были означены на репетиции...»

В день, когда Шукшину стукнуло 44, в подмосковном Марфино Никита Михалков приступил к натурным съёмкам фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». О том, как проходили съёмки, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями.

В те дни творческие вузы страны набирали будущих звезд. Так, студенткой ВГИКа в то лето стала Наталья Андрейченко (кстати, когда она поступала в институт, на Московском ки-

нофестивале присутствовал актер Максимилиан Шелл, который через 12 лет станет мужем Андрейченко). Стоит отметить, что вплоть до окончания школы мечтой Натальи было поступление на филологический факультет МГУ или педагогического. Готовилась она к этому серьезно: ездила три раза в неделю в университет на лекции, вела конспекты. Но в конце 10-го класса ей внезапно попала на глаза «Комсомольская правда» со статьей С. Бондарчука и И. Скобцевой «Ищем таланты!», и она надумала стать актрисой. Мама огорчилась, попыталась отговорить дочь, но из этого ничего не получилось. Тогда мать сказала: «Ну что же, попробуй. Во всяком случае, ты будешь знать, как проваливаются на экзаменах».

Первым бастионом, на штурм которого бросилась Андрейченко, было Театральное училище имени Щепкина. Еще на стадии подготовки к экзаменам она зашла в училище и увидела, что большинство ее конкуренток выглядят так, будто сошли со страниц модного журнала. И Андрейченко решила не ударить в грязь лицом. На первый экзамен она явилась в кудрях, мини-юбке и накрашенная так, что сама с трудом себя узнавала. Читать она стала басню И. Крылова «Мартышка и очки». И во время чтения внезапно поняла, что недалеко ушла от героини басни. Увидев снисходительные улыбки на лицах экзаменаторов, внезапно расплакалась и убежала из аудитории. Больше в «Щепку» она не пришла.

Но эта неудача не обескуражила Андрейченко. Более того, она помогла ей осознать простую истину: надо оставаться самой собой. И на экзамены во ВГИК она пришла в обычной одежде, без косметики, с заплетенной косой. Когда экзаменаторы спросили у нее, какие стихи она собирается им читать, Андрейченко в ответ предложила им выбрать любое поэтическое произведение на свой вкус. Экзаменаторов это удивило: «Вы что, девушка, знаете так много стихов? Интересно, какие?» И Наталья в течение получаса читала Осипа Мандельштама, Михаила Светлова, Веронику Тушнову, Саломею Нерис.

Ее вдохновенное чтение произвело впечатление на всех присутствующих, и ей поставили «отлично». Кроме этого, Андрейченко помогло еще одно обстоятельство. Незадолго до экза-

мена в кулуарах института ее разглядел некий молодой человек, поступавший на операторский факультет. Для поступления ему необходимо было представить на суд экзаменаторов пять собственных фоторабот. Юноше долго не могла прийти в голову ни одна идея, которая могла бы лечь в основу этих фотографий. И тут он увидел Наталью Андрейченко.

Она согласилась позировать юному фотографу, и тот в течение часа сделал с десятков ее портретов. Пять из них затем легли на стол Сергея Бондарчука, который принимал экзамен у Андрейченко. На фотографиях она выглядела так фотогенично, что у экзаменаторов развеялись последние сомнения: девушка не только прекрасно читала стихи, но и внешне выглядела привлекательно.

Еще одним везунчиком оказался в том году Александр Милокостый, прославившийся три года назад ролью сына полковника Львова Юры в телесериале «Адъютант его превосходительства». После этого он снялся еще в одном фильме — «Всадник без головы» (фильм вышел на широкий экран как раз в конце июля 73-го), в котором сыграл роль Генри Пойндекстера — того самого юноши, которому злодей Кассий Колхаун отрубил голову. Милокостый с первого захода поступил в Театральное училище имени Щукина.

Среди неудачников назову хорошо известную ныне актрису Елену Сафонову. Будучи дочерью известного актера Всеволода Сафонова (год назад он развелся с матерью Елены и ушел жить к актрисе Эльзе Леждей — Зиночке Кибрит из сериала «Следствие ведут знатоки»), Елена ни о какой другой профессии, кроме актерской, и не помышляла. Однако, несмотря на громкую «кинематографическую» фамилию, путь ее в актрисы оказался не столь легким, как у других отпрысков именитых людей — во ВГИК ее не приняли. После этого Сафонова устроится библиотекарем, надеясь через год предпринять еще одну попытку поступить.

26 июля в съемочной группе фильма «Агония» было принято решение: на роль Распутина взять актера Театра имени Ленсовета Алексея Петренко. Мы помним, что первоначально эту роль предполагалось отдать столичному актеру — Леониду Маркову из Театра имени

Моссовета. Однако после проб, которые состоялись в начале июля и на которых Марков победил, у режиссера Климова возникли сомнения, и он решил провести повторные пробы с участием только двух актеров: Маркова и Петренко. Однако Марков, обидевшись, приехать отказался. В итоге утвердили Петренко. Тот, конечно, был рад, но от подписания договора с киностудией отказался. На носу был уже выезд на натурные съемки, а он вдруг заартачился: дескать, начну сниматься и, если все пойдет хорошо, тогда и подпишу. Климов на него чуть ли не с кулаками: «Да вы что?! Я даже билет вам на поезд не могу взять без договора! Это же миллионное дело!» (На съемки фильма был выделен один миллион рублей, что являлось редким случаем.) Но Петренко продолжал стоять на своем. Так и пришлось брать его в экспедицию без договора, о чем речь еще пойдет впереди.

Тем временем генсек Леонид Брежнев в конце июля посетил Украину. Побывав в Киеве и встретившись там с тамошним первым секретарем Владимиром Щербицким, Брежнев 27 июля отбыл на отдых в Крым.

На следующий день в столице ГДР городе Берлине открылся X Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Советский Союз на нем представляла внушительная делегация, в составе которой был и прославленный футбольный вратарь Лев Яшин. Во время пребывания там с ним произошел курьезный случай. Както в компании своих коллег по делегации он шел по Берлину. Вдруг из ближайших кустов им навстречу выскакивает девушка и с криками «О, Ясин, Ясин! Аутограф» бросается к вратарю. Собственно, в этом не было бы ничего необычного — мало ли автографов надавал за свою спортивную карьеру Яшин, — если бы не одно «но»: вместо листка бумаги или открытки девушка предложила расписаться... на голом теле, специально обнажив перед вратарем свою грудь. Увидев этот стриптиз, Яшин и все, кто его сопровождал, подумали: «провокация». Стали озираться по сторонам, надеясь увидеть неподалеку фотографа, который должен был запечатлеть всю эту сцену на пленку. Но улица была пуста. А девушка, как ни в чем не бывало, продолжала «светить» грудями. Наконец Яши-

ну это надоело, он подошел к фанатке и поставил свой автограф на футболке.

В понедельник, 30 июля, из 1-й городской больницы был выписан студент МВТУ В. Марков, который шесть дней назад побывал в лапах у льва Кинга. Как мы помним, льва застрелил младший лейтенант милиции Александр Гуров, которого за этот поступок чуть не уволили со службы с «волчьим билетом». На него ополчились не только средства массовой информации (одна из газет дописалась до того, что заявила: дескать, таких людей, как пострадавший студент, миллионы, а Кинг был единственным), часть творческой интеллигенции, но и сам союзный министр внутренних дел. К счастью, у Гурова нашлись и заступники: главный «розыскник» страны Игорь Карпец, дрессировщица Ирина Бугримова, редакция газеты «На боевом посту» и др. В итоге Гурову удалось остаться на службе. А Марков, залечив в больнице свои раны (13 кожных царапин), вернулся домой догуливать свои студенческие каникулы.

В заключение главы, как обычно, столичная афиша развлечений. В кинотеатрах состоялось несколько премьер: 25 июля — фильм Владимира Вайнштока «**Всадник без головы**», который уже за первые несколько месяцев демонстрации привлечет на свои сеансы десятки миллионов зрителей (общий итог — почти 69 миллионов); 23-го — далекий от правды панегирик Валериу Гажиу про комбрига Григория Котовского «**Последний гайдук**»; 30-го — криминальная драма Ланы Гогоберидзе «**Когда зацвел миндаль**».

Кино на голубом экране: «Четверо из Чорсанга» (преьера 16—17-го), «Непокоренный батальон» (18-го), «Визит Л. Брежнева в США» (д/ф) (19-го), «Закройщик из Торжка», «Зося» (21-го), «Лето рядового Дедова» (22-го), «Кочубей» (24-го), «Запутанные следы» (впервые по ТВ 25-го), «Слуги дьявола» (впервые по ТВ), «Влюбленные» (27-го), «Дуэль», «Мы из Кронштадта» (29-го), «Поклонись огню» (впервые по ТВ 31-го) и др.

Эстрадные представления: 20—29 июля — в ЦПКиО имени Горького сборные концерты с участием Екатерины Шавриной, Кола Бельды, Владимира Макарова, Марии Лукач и др.; 22-го — во Дворце спорта в Лужниках сборные концерты с участием звезд советского кино:

Нонны Мордюковой, Бориса Андреева, Всеволода Санаева, Иннокентия Смоктуновского, Олега Анофриева, Георгия Вицина, Людмилы Гурченко, Николая Рыбникова, Зои Федоровой и др.; 23—25-го — в Ждановском ЦПКиО свои психологические опыты демонстрировал Вольф Мессинг; 29-го — в «Эрмитаже» выступала французская певица Изабель Обрэ.

Новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «Музыка А. Рыбникова из кинофильма «Остров сокровищ»; «Музыка М. Таривердиева из кинофильма «Король-олень»; «Поет Майя Кристалинская», песни: «Не повторяется такое никогда» (С. Туликов — М. Пляцковский), «Одноклассники» (В. Дмитриев — М. Пляцковский), «Ивы России» (Ю. Степанов — Г. Иванов),

«Счастливым днем» (В. Дмитриев — М. Рябинин);

диски — «Песни Марка Фрадкина» («Течет Волга» (Л. Ошанин) — Л. Зыкина, «Там, за облаками» (Р. Рождественский) — «Самоцветы», «Увезу тебя я в тундру» (М. Пляцковский) — «Самоцветы», «За того парня» (Р. Рождественский) — Л. Лещенко, «Добрые приметы» (Е. Долматовский) — «Самоцветы», «Песня о любви» (Н. Доризо) — К. Шульженко, «Отец и сын» (Р. Рождественский) — И. Кобзон и др.; «Танго Оскара Строка» («Танго», «Лунная рапсодия» (Н. Лобковский) — Ю. Морфесси, «Былое увлечение» (О. Строк) — К. Шульженко, «Черные глаза» (О. Строк), «Скажите, почему» (О. Строк) — В. Трошин и др.

Шукшина обвиняют в жестокости. Никита Михалков в Марфино: трудные съемки. Ветераны футбола в турне по глубинке: талант не пропьешь. Чем питалась номенклатура: меню столовой ЦК КПСС. Гибель зампрокурора Москвы. ЧП в Москве: под откос на автобусе. Как Эльдар Рязанов снимал посадку самолета. КГБ охотится за книгой «Архипелаг ГУЛАГ». Страна смотрит «Семнадцать мгновений весны». Трудная жизнь Якова Брежнева. Андрей Макаревич: крымский десант. Любовь Виролайнен на операционном столе. Большой переполох в Сочи, или Оргазм американки. Галич в гостях у Сахарова. Съемки «Агонии»: как Климов у Петренко зуб вырывал. «Семнадцать мгновений весны»: актерская слава. Олег Даль в роли советского разведчика. «Рожденная революцией»: как Евгений Жариков сломал сопротивление Натальи Гвоздиковой. Юрий Сенкевич у руля «Клуба кинопутешествий». В Москве поймали контрабандистов. Приключения Эльдара Рязанова в Италии. Евгений Чазов на Лубянке: как спасти Брежнева. Самоубийство Воронянской. Президент-людоед лечится в Москве. Скандальное турне хоккейной команды «Крылья Советов». Как диссиденты Якир и Красин сдали своих. Рязанов в Италии: скандалы продолжаются. Сорок академиков против одного Сахарова. Живодееры столицы. Якир и Красин: по шесть лет каждому. Встреча с Андроповым.

Как мы помним, в середине июля в Москву из Вологодской области вернулась съемочная группа фильма «Калина красная» во главе с Василием Шукшиным. Ей теперь предстояло отснять на «Мосфильме» павильонные эпизоды. Сняв до конца июля эпизоды в декорации «дом Байкаловых», съемочная группа стала обживать другую — «воровская малина». Это туда в начале фильма Егор Прокудин приходит, безрезультатно промыкавшись весь день по разным адресам. Братва встречает Прокудина с распростертыми объятиями. Но тут «малину» окружает милиция, и все рассыпаются веером в разные стороны.

Между тем параллельно со съемками Шукшин решил вновь попытаться пробить идею с постановкой фильма «Степан Разин». Ему показалось, что сейчас самый подходящий момент для этого, поскольку большая часть «Калины красной» была уже снята. Но его надежды были напрасными. Здесь была та же ситуация, что и в случае с фильмом Глеба Панфилова «Жанна д'Арк»: Госкино боялось поручать разработку столь идеологически шекотливых тем таким

«неблагонадежным» режиссерам, как Шукшин и Панфилов. Чиновники знали, что многие творческие работники под видом вроде бы далеких от современности тем умудряются в своих произведениях поднимать самые горячие проблемы сегодняшнего дня. Шукшин и Панфилов были именно из таких людей. Однако и отказать им напрямую чиновники не могли — у обоих режиссеров было имя, прославившее их далеко за пределами страны. Поэтому был избран иной путь: под видом всевозможных сценарных поправок тянуть время до бесконечности.

Одна из главных претензий, предъявляемых Шукшину и Панфилову, заключалась в том, что их сценарии перенасыщены всевозможными жестокостями. Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, приведу отрывок из докладной в ЦК КПСС по поводу «Степана Разина», направленной зампредом Госкино В. Баскаковым 3 августа:

«Сценарная редакционная коллегия Комитета по кинематографии с участием внештатных членов — режиссеров и критиков — рас-

смотрела сценарий. Он был признан интересным в тематическом отношении, содержащим отдельные яркие, талантливые сцены. Вместе с тем сценарная редколлегия указала на крупные недостатки сценария идейно-художественного порядка — нагнетание жестокостей, принижение образа Разина и т. п.

В своем отзыве на сценарий член редколлегии критик Р. Юренев писал: «Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — это чрезмерная жестокость многих сцен. Я понимаю, что и вольница, и ее преследователи, и каратели... но сцены расправы Разина с безоружными пленными в Астрахани, смачные удары топоров и сабель, надругательство над раненым Прозоровским... — кажутся мне чрезмерными. Их читать трудно, и видеть будет нестерпимо. Жестокость можно показывать и менее лобовыми средствами. Модное стремление молодых режиссеров к натуралистическому показу жестокостей, убийств, пыток, членовредительства испортило многие талантливые сцены в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев»... (Кстати, именно после этой картины Госкино ужесточило свой подход к лентам исторической тематики. — Ф.Р.)

Понимаю, что исторические события бывали подчас весьма суровы, что изображать их в идиллическом стиле нельзя, но я все же хотел бы предостеречь Шукшина от излишнего любования жестокостями, ранами, смертями, кровью. Чрезмерное обилие всяких ужасов на экране может сделать фильм нестерпимым зрелищем и, что еще хуже, может создать извращенный образ народа. Русские бунтари, даже вольные разбойнички, не были чингисхановскими истребителями всего живого — они знали и великодушие, и жалость. Смягчая жесткие сцены, я смягчил бы и язык. Уж слишком много матерщины, ерничества...»

В официальном отзыве сценарной редколлегии Комитета было отмечено, что сценарий может быть поставлен только при условии, что он будет переработан и создан полнокровный образ народного героя. В заключение Комитета указывалось на недопустимость дегероизации Разина, педалирования жестокостей и т. д.

Госкино готово вернуться к рассмотрению вопроса о постановке фильма «Степан Разин» по сценарию В. Шукшина, если, разумеется,

автор существенно переработает этот сценарий...»

Съемочная группа фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» во главе с Никитой Михалковым продолжает работу в Марфино (как мы помним, съемки там начались 25 июля). Работа идет трудно из-за безответственности административной группы. Декорацию «дом Шилова» строил алкоголик, который так хлестал водяру, что сорвал сдачу объекта в нужные сроки. Один из администраторов так грубо обращался с людьми, что те отказались работать под его началом. По его вине произошел скандал и с руководителями совхоза, на территории которого проходили съемки: для эпизода «бухгалтерия» (там трудился начфин Забелин в исполнении Сергея Шакурова) были взяты напрокат несколько десятков папок, часть из которых затем была утеряна. Михалкову лично пришлось улаживать этот конфликт.

И все же, несмотря на все эти трудности, съемки фильма худо-бедно, но продвигались. За эти дни были сняты эпизоды: обнаружение трупа в доме Шилова; Шилов пытается вспомнить обстоятельства своего исчезновения; побег Шилова; проводы эскадрона и др. Во время съемок проводов случилось ЧП: пострадал оператор-постановщик Павел Лебешев. Произошло это случайно. В тот момент, когда духовой оркестр грянул браваурный марш, лошади, запряженные в тачанку, внезапно испугались и понеслись во весь опор. Лебешев не успел отскочить в сторону, в результате чего получил сильнейший удар в грудь и потерял сознание. К счастью, госпитализации не понадобилось — оператор отлежался в постели и на следующий день вновь встал за камеру. Съемки в Марфино продлятся до 10 августа.

В воскресенье, 5 августа, в Орле и Белгороде проходили торжества по случаю 30-летия первого салюта (впервые их провели в 1943 году после освобождения обоих городов от фашистских захватчиков). Праздник сопровождался массовыми гуляньями, концертами, различными спортивными мероприятиями. В частности, в Орел из столицы специально приехала футбольная команда ветеранов, в составе которой играли такие звезды, как Эдуард Стрельцов, Игорь Нетто, Алексей Хомич и др. В тот воскресный день ветераны сыграли матч с командой Орловского сталепрокатного заво-

да «Сталь», игравшей в классе «Б». Как и положено в таких случаях, победила дружба — матч закончился ничьей 3:3. После игры был устроен банкет, на котором футбольные звезды раздавали всем желающим (а их было предостаточно) автографы. Внезапно к Стрельцову подошли несколько человек, которые спросили: «Эдик, а ты помнишь первую колонию?» Оказалось, что это были сотрудники Исправительно-трудовой колонии № 1 Тульской области, в которой великий футболист отбывал наказание в самом начале 60-х. Как ни странно, но Стрельцов обрадовался этой неожиданной встрече и, наверное, в течение получаса без всякой злости вспоминал о своем пребывании в ИТК.

Банкет завершился далеко за полночь, причем многие футбольные звезды отнюдь не ограничивали себя ни в еде, ни в питье. В итоге некоторые из них здорово «набрались». Однако уже на следующий день все они делом доказали справедливость поговорки, что «талант не пропьешь», выйдя на футбольное поле в Белгороде и сразившись там с одной из заводских команд.

6 августа Ярослав Голованов волею случая попал в одну из нижайших столовых ЦК КПСС и был до глубины души потрясен ее роскошным меню. В то время, как простой столичный люд давно привык довольствоваться консервами «Завтрак туриста» и плавленым сырком «Дружба», а деликатесы типа колбасы «Сервелат» видел только в праздничных заказах (в провинции и этого не было), в цеховской столовке харчи радовали глаз, наглядно демонстрируя, что коммунизм в отдельных местах давно уже наступил. То меню Голованов выкрал, видимо, чтобы было потом что вспомнить. От перечисления диковинных продуктов аж дух захватывает (причем столовая-то не самая крутая в иерархии ЦК). Например, одних закусок 24 на выбор. Среди них: икра паюсная — 35 копеек, кета с луком — 16, северяга горячего копчения с хреном — 18, баклажаны тушеные с помидорами — 7, язык отварной с хреном — 11, кумыс — 10, масло сливочное — 4 копейки.

Супов 7 наименований. От домашнего рассольника с мясом и сметаной за 30 копеек до борща черниговского на мясном бульоне со сметаной за 11 копеек.

Вторых горячих блюд 14. Среди них: форель отварная с грибным соусом — 55 копеек, утка тушеная с яблоками — 44, плов из кролика — 41, ромштекс — 37.

Кроме того, 5 видов гарниров, 5 сортов хлеба, 14 сладких блюд. Вот как жили «слуги народа». Впрочем, в наши дни они живут не хуже, а даже лучше, чем их предшественники. Северюгой с хреном их не удивить.

В среду, 8 августа, в Москве погиб заместитель главного прокурора города Николай Скворцов. Он спешил на служебном автомобиле по делам, но не справился с управлением и выскочил на встречную полосу. Смерть прокурора была мгновенной. Погибший был близким другом и собутыльником родного брата генсека Якова Брежнева. Когда вечером того же дня тот узнал о гибели Скворцова, первое, что он сделал, — с горя напился.

9 августа в Москве было пасмурно, из-за чего съемочная группа фильма «Романс о влюбленных» была вынуждена целый день проторчать без дела в ожидании солнца. Но светило так и не объявилось. В тот день должны были снимать один из эпизодов на объекте «двор Тани». Двор был не искусственный, а самый настоящий, находящийся недалеко от улицы Воровского.

В тот же день в «Вечерней Москве» была опубликована заметка о смелом поступке водителя 3-го автобусного парка К. Петрова, который в результате грамотных действий несколько дней назад сумел предотвратить серьезную аварию в самом центре Москвы. Дело было так. Петров вел автобус с площади Свердлова на площадь Дзержинского. При подъезде к последней внезапно услышал под автобусом сухой треск. Понял: отказала трансмиссия. Машина стала терять скорость и поползла вниз. Петров хотел было остановить ее ручным тормозом, но из-за обрыва карданного вала, который перебил воздушную магистраль, из тормозной системы вышел весь воздух. Автобус стал неуправляемым и, набирая скорость, катился назад навстречу шестирядному потоку транспорта, с каждой секундой увеличивая скорость. А в салоне находилось десятка два пассажиров. Петров объявил по громкой связи: «Отойдите от окон! Держитесь крепче за поручни! Сейчас будет сильный удар».

Единственным шансом остановить автобус мог стать маневр с прижатием его к бортику тротуара. Однако с первого раза это сделать не удалось — подвела скорость. Автобус откинуло влево, почти поперек проезжей части. Только по счастливой случайности ни одна из машин, проезжавших мимо, не ударились об автобус. А Петров не оставлял попыток прижаться к тротуару. Направил автобус на осветительную мачту, чтобы погасить скорость, но машину вновь отбросило в сторону. И тогда он направил машину к приступу лесенки, ведущей на улицу 25 Октября. Этот маневр удался — автобус на несколько секунд замер. Этих мгновений Петрову хватило, чтобы выскочить из кабины и подсунуть под колеса противооткатный башмак. За свои умелые действия, которые предотвратили аварию и гибель людей, Петров был награжден почетной грамотой и ценным подарком. Каким именно, в газете не сообщалось, но, вполне вероятно, это были часы, которые в таких случаях обычно вручались героям.

Тем временем Эльдар Рязанов находится в Ульяновске, куда он вместе со съемочной группой фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» прибыл 5 августа. В течение восьми дней им предстояло отснять один из самых сложных эпизодов фильма: приземление пассажирского самолета на автомобильное шоссе. Чтобы снять его, киношникам требовалась бумага из Министерства гражданской авиации, разрешающая ульяновским асам приземлить самолет с нарушением инструкции. Однако такого документа им не дали: сказали, что это смертельно опасно, что они своим служебным креслом рисковать не намерены. Тогда Рязанов отправился в Ульяновск без всякого разрешения.

Самолетная «эпопея» снималась на Ульяновском аэродроме, в школе пилотов гражданской авиации. Заместитель начальника школы Иван Таращан, узнав, что киношники приехали к нему без разрешения, наотрез отказался посадить самолет на взлетную полосу, по которой будут ехать автомобили. Но затем, когда Рязанов сумел задеть его профессиональные струны, сказав, что ни один летчик в мире до этого еще не выполнял подобного трюка, Таращан согласился. Но потребовал, чтобы машины на полосе были только легковые, а за

рулем — только летчики. Ему, естественно, пошли навстречу.

Трюк с приземлением самолета на «шоссе» Таращан проделал по просьбе киношников шесть (!) раз и ни разу не выразил недовольства по этому поводу. Он же рулил самолетом, когда тот ехал по «шоссе» (этот эпизод снимали на резервной полосе аэродрома, где построили декорации домов, установили светофоры, посадили деревья, привезли киоски «Союзпечати» и даже бочку с квасом).

Тем временем 5-е Управление КГБ СССР предпринимает огромные усилия к тому, чтобы обнаружить и изъять рукопись книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Меры принимались действительно серьезные. Например, было установлено негласное наблюдение не только за самим писателем, но и за его родственниками и ближайшим окружением. На квартирах некоторых из них (к примеру, неродного сына Солженицына Дмитрия) были установлены подслушивающие устройства. Особый интерес Комитет проявлял к знакомым писателя в Ленинграде: литературоведу Ефиму Эткинду, пенсионерке Е. Воронянской. Последняя была под наиболее пристальным вниманием, поскольку КГБ обнаружил, что она очень хорошо знает текст «Архипелага», а значит, вполне могла вывести чекистов на рукопись. Но квартира ее пока не обыскивалась. Вместо нее в начале августа комитетчики нагрянули к еще одной знакомой писателя Н. Пахтусовой, где нашли краткие конспекты «Архипелага», сделанные хозяйкой дома и Воронянской. Только после этого квартиру последней тоже обыскали. Затем начались изнурительные допросы обеих женщин. Выдержать их они не смогли и стали давать показания. Начались новые обыски, которые принесли КГБ удачу — в одном из домов была-таки найдена хотя и не рукопись, но полная фотокопия «Архипелага ГУЛАГа». Узнав об этом, Воронянская, которую чекисты отпустили домой, совершила попытку самоубийства. Но соседям удалось ее вовремя вытащить из петли. По настоянию КГБ, женщину поместили в больницу для приведения ее в нормальное физическое состояние. Что из этого получилось, мы узнаем чуть позже, а пока вернемся к знакомству с другими событиями.

В субботу, 11 августа, в 19.30 по первой программе ЦТ начался показ 12-серийного телевизионного фильма Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Миллионы советских телезрителей, усаживаясь перед своими телевизорами в тот день, даже не могли себе представить, свидетелями чего они будут. Нет, кое-какая реклама накануне премьеры, конечно, была: говорилось, что фильм посвящен работе советской разведки в годы войны, что многие события в нем имеют под собой реальную историческую основу. Однако мало ли за эти годы выходило фильмов про разведчиков? Поэтому в тот субботний день никто из зрителей не мог предположить, какой переворот в умах произведет этот, снятый на черно-белую пленку, фильм. Между тем первая серия, казалось бы, не несла в себе ничего сверхординарного: в ней зрители увидели Гитлера (того же актера Фрица Дица, знакомого по эпопее «Освобождение») на совещании в своем бункере, познакомились с советским разведчиком Исаевым — Штирлицем (он бродил в весеннем лесу с фрау Бользен, прощупывал пастора Шлага) и т. д.

12 августа родной брат генсека Яков Брежнев пришел к своей дочери Любви в ее московскую квартиру, чтобы поздравить с днем рождения ее сына и своего внука. Выглядел Яков неважнецки: опухшее лицо, растрепанная одежда. Как мы помним, четыре дня назад трагически погиб его лучший друг Николай Скворцов, с тех пор Яков никак не мог прийти в себя. Устало опустившись на диван, поздний гость закурил, после чего внезапно стал жаловаться на свою судьбу:

— Вот кто я такой? Я бабский добытчик. А на кой мне деньги? Во всем доме есть только одна вещь, бесспорно принадлежащая мне, — зубная щетка. Красная, с отломленным кончиком, наполовину облезлая. Она служит мне во времен царя Гороха.

— Что же ты не купишь новую? — полюбопытствовала дочь.

— Все жду, когда жена или дочери позаботятся. Видно, не дождусь.

Любовь вышла из комнаты, а когда через минуту вернулась обратно, положила на колени отцу новую зубную щетку, причем тоже красную. Увидев ее, Яков расплакался. Потом, утирая слезы, сказал:

— Коля мой погиб, разбился четыре дня назад.

Пока отец плакал, дочь сходила в другую комнату и позвонила своей матери — предупредила, чтобы она не беспокоилась. Та попросила: «Не давай ему пить». Когда дочь вернулась в комнату, отец уже спал. Однако через полчаса он вдруг проснулся и стал уговаривать дочь дать ему выпить. Но та, памятуя о наказе матери, сказала, что все спиртное выпили гости. Отец стал ругаться, а потом махнул на дочь рукой и ушел. Любовь послала за ним своего мужа, чтобы тот на своей машине отвез его домой. Как пишет Л. Брежнева:

«К этому времени жена Леонида Ильича Виктория Петровна, со своими интригами, доносами и вечной неотступной слезкой за родственниками мужа и особенно за моим отцом, добилась наконец того, чего добивалась всю жизнь: Леонид удалил брата от себя, а заодно и всех его близких. По своей чисто брежневской близорукости дядя мой принимал все, что преподносила ему жена, за чистую монету. Когда Виктория Петровна в очередной раз отказалась позвать Леонида к телефону, отец сказал: «Я ему не холоп, а он мне не барин! Так ему и передай!» Виктория Петровна с удовольствием выполнила его просьбу...

Дома у него сложилась крайне напряженная обстановка. На семейных советах его прорабатывали, как нашкодившего школьника, дочки называли «дерьмом собачьим», а зятя, сделавшие карьеру исключительно на его имени, мелко презирали. Последнее его особенно обижало, и, реагируя на это особенно эмоционально, он показывал, как они его презирают, смешно выпячивая нижнюю губу, засунув руки в карманы и подняв высоко плечи. Впрочем, он платил им тем же, четко для себя уяснив, что «из хама не сделаешь пана». Никто из них не желал войти в его положение, помочь, поддержать. Он стал всеобщим позором для семьи Брежневых, второй Галей...»

А что же сам Леонид Ильич, чем он занимается в эти августовские дни? Генсек наслаждается отдыхом в Крыму, в Нижней Ореанде. Вместе с ним там же отдыхает и жена его сына Юрия Людмила Владимировна с 6-летним внуком генсека Андреем. Леонид Ильич очень любил внука и всегда волновался за него: как он, да что он? А чтобы быть спокойным на этот

счет, Брежнев попросил начальника своей охраны генерала Рябенко приставить к мальчонке кого-нибудь из толковых охранников. Выбор пал на Владимира Медведева. Послушаем его рассказ:

«С утра, иногда даже до завтрака, мальчик мчался куда глаза глядят, и я вынужден был следовать за ним. В конце концов я объяснил ему, что дедушка просил меня быть с ним неотлучно и без меня он не должен никуда уходить. Андрей согласился, потому что побаивался деда, к тому же со мной ему было просто веселее.

Пришлось забросить свои прямые обязанности, не оставалось времени на спортивные занятия, даже постирать, погладить одежду едва успевал. С раннего утра Андрей уже ждал меня у порога. Я еще только сажусь завтракать, а он уже спрашивал у охраны: «А где дядя Володя?» Если в течение дня мне необходимо было отлучиться, со всех постов звонили: мальчик ищет, ждет. Мы ловили крабов, обследовали всю округу, излазили все самые дальние уголки. Мальчик был очень шустрый и интересный — пересказывал мне фильмы и книги, сам придумывал невероятные небылицы. Мы подружись.

Однажды я немного задержался, и Андрей ушел один. Я обнаружил его в небольшой бамбуковой рощице, мальчишка ломал молодые деревца. Их и без того было очень мало.

— Андрей, нельзя, — сказал я ему.

— Ну да-а, нельзя, — ответил он и продолжал ломать.

И тут я шлепнул его по заднему месту. Мальчик обиделся:

— Я расскажу деду, и он тебя выгонит.

Повернулся и пошел домой.

Что могло последовать, если внук расскажет, что его отшлепали? Я был рядовым охранником. Малейшего недовольствия Леонида Ильича достаточно, чтобы меня здесь больше не было. Но, кажется, я уже знал характер этого человека, который не только безумно любил своего внука, но и старался быть требовательным к нему.

Как я потом понял, Андрей не только дедушке, вообще никому ничего не сказал о нашей ссоре. Он даже домой не пошел. После обеда он подошел ко мне и — извинился... Дружба наша продолжалась...»

Видимо, опека рядового охранника над его внуком произвела на Брежнева хорошее впечатление, поскольку тем же летом он дал «добро» на то, чтобы тот стал заместителем Рябенко. А было Медведеву в ту пору 35 лет.

Всю первую половину августа Брежнев провел в Крыму, затем на несколько дней уехал с рабочим визитом в Алма-Ату (14—15 августа) и Саратов (17 августа). Потом снова вернулся на юг догуливать свой законный отпуск.

Отдыхает на юге и Андрей Макаревич вместе со своей рок-группой «Машина времени». Отдых «машинисты» совмещают с работой — играют на танцах в международном студенческом лагере «Буревестник-2», расположенном в поселке Вишневка, что в сказочном ущелье между Туапсе и Лазаревской. В составе группы произошли изменения: вместо Игоря Саульского на клавишах играл Эдик Азрилевич (один из немногих, не оставивших в «Машине» никакого следа), на губной гармонике — Алик Микоян, двоюродный брат Стаса Микояна. Остальной состав прежний: Андрей Макаревич, Александр Кутиков, Сергей Кавагое. На танцуйках «машинисты» лабали как свои старые, так и новые хиты. Кстати, 1973 год был самым урожайным для Макаревича на новые песни. Тогда из-под его пера вышли следующие песни: «Хрустальный город» («Я был вчера в огромном городе...»), «Наш дом» («Годы летят стрелою...»), «День гнева» («Сегодня самый лучший день...»), «Круг чистой воды» («Я раскрасил свой дом...»), «Солнечный остров», «Я устал» («Я устал встречать знакомых...»), «Дай мне ответ» («Как много дней ты провел среди людей...») и др.

В том же августе в Дагомысе отдыхала популярная киноактриса Любовь Виролайнен. В начале месяца она должна была оттуда выехать в Сочи для съемок в главной роли в картине «Самый жаркий месяц». Однако с актрисой случилась беда. Она загорала на пляже, когда ей внезапно стало плохо от резкой боли в желудке. Ее привезли в больницу, где врачи установили диагноз: язва желудка, прободение. Виролайнен стали готовить к операции. И вот, когда она уже лежала на операционном столе, она сняла с шеи подарок режиссера Сергея Герасимова (как мы помним, у них в то время был бурный роман) — цепочку с камеей, привезенную из Италии, — и надела ее врачу-ане-

стезиологу в качестве талисмана. А когда операция прошла, постеснялась забрать ее обратно. Так она лишилась дорогого подарка (второй подарок Герасимова — янтарный перстень — актриса подарила в ресторане «Астория» девочке-цыганке, лихо отплясывавшей перед ней). А в «Самом жарком месяце» Виrolайнен так и не снялась, вместо нее взяли другую актрису — Марину Кореневу.

Тот август запомнился жителям Сочи не только привычным наплывом отдыхающих, открытием гостиницы «Жемчужная» и съемками нескольких фильмов, но и серьезным ЧП, которое подняло на ноги всю тамошнюю милицию и КГБ. А случилось вот что.

В самом начале августа в город прибыла правительственная делегация из Америки, которая незадолго до этого была принята в Кремле самим Леонидом Брежневым. Среди делегатов была симпатичная американка, 22-летняя преподавательница хореографии Энни Холлман, которая прославилась тем, что сумела в Георгиевском зале Кремля прорваться к нашему генсеку, и тот прилюдно ее облобызал. На следующий день этот снимок опубликовали на своих страницах многие советские, а также зарубежные издания. Сами понимаете, этот факт прибавил популярности американке и добавил головной боли сочинским властям: такую гостью надо было принять по высшему разряду.

Американцев поселили в «Жемчужной», но уже на вторые сутки случилась беда: Холлман пропала. Чтобы ее найти, на ноги были подняты все силовые структуры города. Говорят, такой крупномасштабной операции по поискам исчезнувшего человека Сочи не знал со дня своего основания. Сыщиков подстегивало и время: через 24 часа американская делегация должна была отбыть в Киев для продолжения визита.

О том, как сыскари «рыли носом землю», говорит хотя бы такой факт: было прочесано несколько тысяч квартир, несколько сот подозрительных домов вдоль всего побережья, не говоря уже о сараях, курятниках и тому подобных сооружениях. В ходе операции были повязаны четверо находившихся в бегах зэков, среди которых один был вором в законе. Удалось найти и след исчезнувшей американки: у обочины Курортного проспекта нашли ее ко-

сынку. Сразу возникла версия, что некие люди затолкали симпатичную гражданку США в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. У руководителей операции на голове зашевелились волосы: при таком раскладе найти похищенную живой могло стать проблематичным. А это означало: кому — разжалование, кому — изгнание из партии и волчий билет в зубы.

Но все обошлось как нельзя лучше. Вечером того же дня участковый, обходивший свой участок, услышал в кустах подозрительные стоны. Раздвинув ветки, страж порядка обнаружил на траве сплетенную в любовных объятиях парочку. Сверху лежал мужик, а под ним в оргазмических конвульсиях трепыхалась милотвидная женщина, чей фоторобот вот уже сутки лежал в кармане бдительного участкового. Так была найдена Энн Холлман, ее никто никуда не увозил, а просто в самое сердце сразил своей стрелой любвеобильный Амур. Мужиком оказался местный ловелас Карен, который после отъезда американки вкусил всех прелестей «разбора полетов». За те пару-тройку оргазмов, которые он словил на прелестной Энн, его сначала хорошенько избили, а потом забрили в армию. А когда пришел срок увольняться, в Сочи ему вернуться не разрешили, посоветовав переехать на историческую родину в Ереван. Вот такая «лав стори».

Теперь из Сочи вновь вернемся в Москву. Вечером 14 августа Александр Галич навестил семью академика Андрея Сахарова. Отметить это событие решили не в стенах академической квартиры, а на природе. Вот как вспоминает об этом Е. Боннэр:

«Таня, мой сын и зять жгли костер. Потом они прибежали и спросили: «Мама, у нас есть мясо?» — «Есть». — «Будем делать шашлык?» — «Будем». Начали делать шашлык. Пришел Саша Галич с Нюшей, и у нас был Эмка Коржавин (поэт Наум Коржавин. — Ф.Р.), и вот мы сидели почти в лесу, но недалеко от дома (Сахаровы жили возле Курского вокзала, на улице Чкалова. — Ф.Р.). С шашлыком, с каким-то винцом очень легким (у нас дома вообще мало бывает питья), и Саша впервые спел: «Я не сыном был, а жильцом, угловым жильцом, что копит деньги, расплатиться за хлеб и кров» («Отчий дом»). Он очень волновался, хотя никаких зрителей не было. Были мама, Андрей

Дмитриевич, я, мои ребята и Эмка Коржавин и Ньюша, Монгайты, он первый раз пел эту песню...»

А два дня спустя Сахарова вызвали в Генеральную прокуратуру СССР, к заместителю генпрокурора Малярову. На это randevu академик отправился вместе с женой на академической машине. Обоим казалось, что эта встреча может закончиться арестом Сахарова, поэтому они заранее простились друг с другом. Но все обошлось. Причина вызова заключалась в следующем. В конце июня Сахаров дал большое интервью зарубежным корреспондентам, в котором вновь подверг критике советское руководство за преследования диссидентов. Прокуратура расценила это как нарушение принципов сохранения государственной тайны (!): дескать, академик-ядерщик не имеет права встречаться с иностранцами, да еще раздавать им интервью. Сахарова предупредили, что в случае повторения подобного его ждут серьезные неприятности. Но он этому предостережению не внял: вскоре собрал у себя дома пресс-конференцию (кстати, первую с начала диссидентской деятельности) для иностранных журналистов, где вновь озвучил свои претензии советскому руководству.

Москва тем временем живет своей размеренной жизнью. В кинотеатрах идут новые фильмы, в частности, 6 августа на широкий экран вышли сразу три новинки: драма про трудных подростков «Случайный адрес» Игоря Ветрова с участием Валерия Провоторова, Петра Глебова, Всеволода Сафонова и др.; истерн про басмачей «В черных песках» Искандера Хамраева, где снимались Дагун Омаев, Геннадий Нилов и др.; военная драма Г. Овчаренко «Море нашей надежды»; 13-го — спортивная драма Сергея Микаэляна «Гроссмейстер» с участием Андрея Мягкова, Ларисы Малеванной, Эммануила Виторгана и знаменитых шахматистов Михаила Таля и Виктора Корчного (последний через год будет изгнан из страны, его роль из фильма вырежут, фамилию из титров уберут).

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Если есть паруса» (3-го), «Два друга, модель и подруга», «Инспектор и ночь» (4-го), «Овод», «Фро» (5-го), «Освобождение», фильм 2-й «Огненная дуга» (6-го), «Дикий мед» (7-го), «Сказание о Рустаме» (впервые по

ТВ 8—9-го), «Трое» (10-го), «Катерина Измайлова» (15-го) и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—3 августа — в «Эрмитаже» выступали артисты из Польши: вокальный ансамбль «Али Бабки», дуэт «Анджей и Элиза»; 8—9-го — в Ждановском ЦПКиО пел ВИА «Гая»; 11—12-го — в «Октябре» поет певица из Чехословакии Ева Пиларова; 15—19-го — в ГЦКЗ «Россия» выступает оркестр Армении под управлением Константина Орбеляна, солисты: Ара Бабаджанян, Роксана Бабалян.

Режиссер Элем Климов и съемочная группа фильма «Агония» находится в первой своей экспедиции — в Тюмени (начали съемки там 10 августа). Как мы помним, в эту поездку исполнитель роли Распутина актер Алексей Петренко отправился без договора. Это было нарушением, но пойти на это пришлось, чтобы не срывать съемки. Климов рассчитывал, что за время экспедиции ничего экстраординарного с Петренко произойти не должно. Но он ошибся. Буквально с первых же дней у актера то живот «барахлил», то голова кружилась, то зуб болел. Дело дошло до того, что однажды у Климова не выдержали нервы и, когда в очередной раз Петренко стал жаловаться на зубную боль, режиссер собственноручно вырвал у него больной зуб. А потом с Петренко случился сердечный приступ: он упал на съемочной площадке, и у него изо рта пошли пузыри. Все здорово перепугались, но худшего не произошло — артист оклемался. Правда, сниматься после этого категорически отказался. Экспедицию пришлось сворачивать.

Между тем вся страна продолжает с замедлением сердца следить за приключениями штандартенфюрера Штирлица в логове врага. Если первые две серии зрители только присматривались к сериалу, то уже с третьей многих из них стал переполнять такой избыток чувств, что они вооружились пером и бумагой. На Гостелерадио и Киностудию имени Горького посыпались письма, их телефонные провода буквально раскались от звонков. В один из тех дней, к примеру, позвонила некая москвичка, которая передала свой огромный привет создателям картины и сердечную благодарность за то, что вот уже несколько дней, пока длится картина, ее муж сидит дома и не пьет, поскольку все его собутыльники заняты тем

же — просмотром сериала. Кстати, сама Татьяна Лиознова в те дни фильм не смотрела — не было сил. Зато каждый вечер она вглядывалась в окна соседних домов и видела, что многие из них гасли сразу, когда кончалась очередная серия.

Актеры, которые снимались в этом фильме, до сих пор вспоминают о тех днях с восторгом, поскольку некоторые из них в мгновение ока стали суперзнаменитыми. Например, Екатерина Градова, сыгравшая радистку Кэтрин Кин (она же Катя Козлова), в дни премьеры фильма буквально на несколько минут выбежала из дома, чтобы погулять с собакой Марфушей, а заодно заскочить в гастроном «Новоарбатский». Была она едва причесана и внешне не очень сильно походила на свою экранную героиню. Но покупатели все равно ее узнали. Восторженная толпа бросилась к актрисе, люди стали целовать ее, обнимать, просить автографы. Причем у большинства не было под рукой ни клочка бумаги, поэтому они просили расписаться на одежде: рубашках, пиджаках, блузках. Почти два часа Градова простояла, прижатая толпой к прилавку, после чего недовольные продавцы были вынуждены вызвать милицию. Когда актриса вернулась домой, ее муж — Андрей Миронов — был уже на грани безумия: ведь она-то вышла из дома на пять минут за хлебом.

Другой актер — Леонид Броневои, сыгравший Мюллера, — где-то после пятой серии тоже угодил в похожий переплет. После показа очередной серии он с женой решил совершить вечернюю прогулку, но едва они вышли на лестничную площадку, как к ним бросилась толпа зрителей. Актер с женой возвратились назад и забаррикадировались в квартире. Прогулка, естественно, была сорвана.

Юрий Визбор, сыгравший Мартина Бормана, в те дни находился на отдыхе в Мисхоре. Фильм смотрели и там, однако мало кто из тамошних зрителей узнал в скромном лысоватом мужчине актера, играющего одного из ближайших соратников Гитлера. Зато дочь Визбора Татьяна, которая отдыхала в пионерском лагере «Светлячок», расположенном в Рязанской области, вкусила папиной славы сполна. 18 августа она писала отцу:

«Всем лагерем смотрим «Семнадцать мгновений весны». Сейчас только и разговоров, что об этом фильме. Благодаря тому, что ты в нем сыграл Бормана, я получила огромную популярность среди солагерников. Одни ходят поздравляют, сама не пойму с чем, другие восхищаются, а третьи просто грозятся. Например, 6-й отряд обещал побить меня, если там чего-нибудь не то сделаешь. Так что ты уж там не очень свирепствуй. Для меня это вопрос жизни и смерти.

Вчера смотрели шестую серию, я все тебя высматривала. И вот, наконец, Копелян говорит: «Это была машина Бормана...» (Так заканчивалась эта серия, а еще в ней было следующее: гестаповец под видом миссионера навещает в больнице Кэт, Штирлиц видит чемодан Кэт в коридоре своего ведомства, Штирлиц забирает Кэт из больницы и в 6-й раз смотрит «Девушку моей мечты». — Ф.Р.) Лагерь затаил дыхание... И вдруг: «Мгновения, мгновения, мгновения...» — и титры пошли под песню. Такая досада! Жду сегодняшнюю серию...»

Сериал был настолько популярен, что многие беременные мамы, которые разродились в те премьерные дни, называли своих детей — нет, не Штирлицами, а, например, Юлианами — в честь Юлиана Семенова. Так поступила семья Васиных из Коломны. Причем по иронии судьбы роженицу увезли в роддом в тот момент, когда радистка Кэт в очередной серии должна была родить ребенка. Как гласит легенда, в тот момент, когда мальчик родился и закричал, за окном роддома перестал лить дождь и выглянуло солнце. И нянечки предсказали молодой матери: «Этот солнечный мальчик будет певцом или оратором». Сбылось первое пророчество: спустя 20 лет на отечественной эстраде появился певец Юлиан.

Последние серии фильма, где интрига оказалась закручена до предела, страна смотрела затаив дыхание. Так, 18 августа демонстрировалась 7-я серия, где Плейшнер допустил промашку, попавшись на удочку гестапо, — не обратил внимание на цветок, выставленный в раскрытом окне, как сигнал о провале явки. Серия заканчивалась, как всегда, на самом интересном месте: Штирлиц возвращался домой, его рука тянулась к выключателю, как вдруг чей-то невозмутимый голос вещал: «Не надо

включать свет!» На следующий день в 8-й серии зрители увидели: Штирлиц навешает Кэт в гестаповском пункте радиосвязи, отвозит Шлага в горы, а в это время гестапо устанавливает, что на чемодане Кэт обнаружены именно его «пальчики».

В эти же дни по заказу ЦТ снимается еще один фильм про шпионов — «Вариант «Омега». Режиссером его был выбран бывший греческий подданный Антонис Воязос. В свое время его интернировали в СССР, где он окончил ВГИК и стал режиссером документальных и музыкальных фильмов. Фильм повествовал о работе советского разведчика Сергея Скорина в фашистском тылу. На главную роль был утвержден Олег Даль (в его семье название фильма переименовали в «Вариант Олега»). Натурные съемки проходят в Таллине.

Жена Даля Елизавета в том августе по настоянию мужа ушла с работы и занималась обменом своей ленинградской квартиры на московскую. 19 августа, в свой день рождения, она бросила все дела и отправилась к мужу в Таллин. Даль встретил жену в аэропорту с бутылкой шампанского и букетом гвоздик — их было столько, сколько ей исполнилось лет.

На Киевской киностудии имени Довженко режиссер Григорий Кохан приступил к съемкам многосерийного телефильма «Рожденная революцией», посвященного советской милиции (в картине должна была проследиваться ее история с момента зарождения до середины 70-х). На главную роль — работника угро Николая Кондратьева — был приглашен хорошо известный зрителю 32-летний московский актер Евгений Жариков. Его нашла ассистентка Кохана Лариса Славянова, которая специально приехала в Москву в поисках актеров и попала на съемочную площадку мелодрамы «Возле этих окон», где Жариков играл главную мужскую роль. Что касается партнерши Жарикова по «Окнам» Натальи Гвоздиковой, к которой он питал сильную симпатию, то Славянова лишь взяла ее на заметку, без конкретных обещаний.

Ближе к лету Жарикова утвердили на роль Кондратьева, а на роль его возлюбленной Маши взяли молодую украинскую актрису. Но Жариков-то хотел видеть рядом с собой только Гвоздикову! Короче, он стал ломать голову

над тем, как это сделать. Наконец в открытую сказал Кохану, что хотел бы пройти пробы с актрисой, которая снималась с ним в «Окнах»: дескать, с ней у него сложились очень хорошие партнерские отношения. Кохан решил дать Гвоздиковой шанс. А она его едва не заперола.

На пробах ей предложили сыграть сцену допроса Маши. Там ее героине нужно было расплакаться, но слезы у Гвоздиковой никак не шли. Над ее кандидатурой повис дамоклов меч отчисления. И тут в дело вновь вмешался Жариков, который жуть как хотел, чтобы Гвоздикова осталась в фильме, да еще опять играла бы его возлюбленную. Он сбегал в медпункт, где выпросил у медсестры флакон с нашатырным спиртом и смочил им носовой платок. Эту вещичку он затем передал Гвоздиковой, посоветовав спрятать его в муфточку и во время съемки понюхать. Дескать, в нужный момент вдохнешь и будешь рыдать не только ты, но и вся съемочная группа. Наталья так и сделала, но это не помогло: вместо слез ее глаза чуть не повискивали из орбит от едкого запаха нашатыря. Режиссер прервал пробы. В итоге всю обратную дорогу в поезде актриса горько рыдала, полагая, что ее на роль Марии уж точно не утвердят. Но, как ни странно, выбрали именно ее. А вскоре между актерами начался роман. Вот как вспоминает об этом сама Н. Гвоздикова:

«Приезжаю в Киев на примерку костюмов. Женя уже снимался и жил в другой гостинице. Как-то вечером он пригласил меня в гости. Засиделись допоздна, и вдруг он мне предлагает: «Уже очень поздно. Наташа, оставайся. У меня двухместный номер, я лягу в гостиную». И я, дура, согласилась — мне казалось, Женя такой правильный, благородный. Но ночью началось такое! Поначалу между нами завязалась жуткая борьба, а потом... все закончилось миром. После произошедшего я поняла, что не смогу больше жить без него...»

Тем временем продолжает работу над фильмом «Свой среди чужих, чужой среди своих» Никита Михалков. Как мы помним, съемки картины начались в конце июля в Марфино. Через месяц съемочная группа перебазировалась в Чечено-Ингушскую АССР, где неподалеку от Грозного должны были сниматься

натурные эпизоды. Из-за плохой работы административной группы переезд вместо положенных трех-четырёх дней занял целых 15, что вскоре станет одним из поводов для серьёзного конфликта в коллективе. Но об этом чуть позже. А пока 20 августа начались съёмки под Грозным.

На следующий день по ТВ шла 9-я серия «Мгновений»: это там артист Лаврентий Масоха, игравший Шольца, докладывал Мюллеру, что Штирлиц идет по коридору, Плейшнер выбрасывался из окна, гестаповец Рольф мучил ребенка радистки Кэт, положив его раздетым у раскрытой балконной двери, а честный немецкий солдат Хельмут, не выдержав этих издевательств, уложил из «вальтера» садистов. На другой день показали 10-ю серию, где гестаповцы убивают Хельмута, Штирлиц объясняет Мюллеру, откуда на чемодане русской радистки могли появиться его «пальчики», Кэт с двумя детьми на руках прячется от преследователей в колодце. Последний эпизод заставил миллионы телезрителей буквально затаить дыхание: гады-гестаповцы затеяли курить прямо над колодцем, где пряталась радистка, и зрители буквально испереживались: заплачет кто-то из грудничков или нет? Не заплакали. Уф!

В этой серии одну из эпизодических ролей сыграл... милиционер. Да, да, не удивляйтесь — самый настоящий милиционер, старший инспектор уголовного розыска УВД Мособлсполкома майор Иван Стасевич. Причем на экране он тоже играл сыщика, правда, фашистского — того самого гестаповца, который приезжает на место убийства двух своих коллег, мучивших ребенка, и фотографирует место преступления. Однако эту крохотную роль Стасевич сыграл попутно, а на самом деле его пригласили в фильм в качестве консультанта: он объяснял киношникам нюансы работы сыщиков в эпизодах с «пальчиками» Штирлица на чемодане, показывал, как правильно брать стакан с отпечатками его пальцев, и т. д. Однако увидеть себя на экране в те премьерные дни Стасевичу не удалось. 21 августа в составе оперативной группы он сидел в засаде в Одицовском районе, выслеживая группу опасных вооруженных преступников. В те мгновения, когда вся страна с замиранием сердца следила

за происходящим на экране, Стасевич с коллегами «вязал» преступников.

В эти же августовские дни нового ведущего обрела популярная телевизионная передача «Клуб кинопутешественников». После смерти ее основателя Владимира Шнейдерова (январь 1973) передачу какое-то время вел профессор Банников. Однако был он с бородой, что чрезвычайно раздражало председателя Гостелерадио Сергея Лапина. В итоге он приказал искать ему замену. Нового претендента нашли случайно. Популярный телеведущий Владимир Ухин жил в одном доме с известным путешественником Юрием Сенкевичем. В те летние дни у последнего что-то не ладилось в личной жизни и он частенько прикладывался к рюмке. Ухина это обстоятельство беспокоило, и, чтобы оторвать соседа от пагубной привычки, он предложил ему попробовать себя в качестве телеведущего. Дескать, кому, как не тебе, путешественнику, вести такую передачу? Сенкевич согласился. Что из этого получилось, все прекрасно знают.

23 августа Василий Шукшин закончил снимать «Калину красную» и приступил к монтажно-тонировочным работам. Однако настроение у него было неважное. Как мы помним, еще в конце июля он отправил в Госкино письмо с просьбой разрешить ему работу над «Степаном Разиным», но ответ пришел малоутешительный. Он понял, что его заявку будут продолжать мордовать до бесконечности.

В тот же день на Белорусском вокзале была проведена операция по пресечению вывоза из страны контрабандного антиквариата. Отправщиком была некая Эстерман, которая в 60-е годы работала в ювелирном магазине № 76 на улице Горького. В 69-м в магазине была разоблачена целая группа спекулянтов, однако Эстерман в тот раз удалось избежать наказания. В течение последующих лет она продолжала скупать в комиссионных магазинах старинные фарфор и ювелирные изделия, рассчитывая впоследствии вывезти их из страны. Удобный случай для этого подвернулся в августе 73-го: Эстерман уговорила одного из проводников поезда «Москва — Вена» передать в столице Австрии надежному человеку две сумки с антиквариатом. Причем действовать надо было как в шпионском романе: гонца должны были

узнать по серебряной фигурке лося в руке. За эту услугу проводнику было обещано вознаграждение в 2 тысячи рублей (тысячу сразу, другую по возвращении в Москву). Однако об этом тут же стало известно в КГБ (проводника сдал кто-то из своих).

На вокзал Эстерман приехала вместе со своим мужем, дочерью и зятем на «Жигулях». Обе сумки были так тяжелы, что нести их пришлось зятю. Когда они были внесены в купе проводника, туда тут же зашли трое чекистов. Никто из присутствующих даже не успел опомниться. У Эстерман были обнаружены и изъяты 1 тысяча рублей и две сумки с различными предметами антиквариата: иконами, кубками из стекла и металла, серебряными изделиями, украшенными цветной эмалью, на сумму свыше 12 тысяч рублей. В тот же день обыск был произведен и на квартире Эстерман. Там чекисты обнаружили: несколько сберегательных книжек, наличные деньги, облигации, изделия из золота и драгоценных камней на сумму свыше 50 тысяч рублей. Состоявшийся вскоре суд приговорит Эстерман к 10 годам лишения свободы.

Но вернемся к четвергу 23-го августа. В те часы, когда чекисты производили обыск на квартире Эстерман, по ТВ шла предпоследняя, 11-я серия «Семнадцать мгновений весны», где Мюллер допрашивал постовых и один из них — кашляющий — снимал подозрения со Штирлица, после чего Штирлиц и Кэт приезжали на погранзаставу. Серия заканчивалась тревожно: во время проверки документов в будке постового звонил телефон. У миллионов телезрителей замерли сердца: неужели Штирлица и Кэт разоблачат?

В тот же день в Рим прилетела съемочная группа фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» во главе с Эльдаром Рязановым. Настроение у наших киношников было приподнятое, что вполне объяснимо: в кои-то веки удалось вырваться в страну «загнивающего» капитализма (например, Андрей Миронов и Евгений Евстигнеев до этого ездили только в страны социалистического лагеря). Однако в первый же день пребывания на итальянской земле это радужное настроение начало постепенно улечиваться. Итальянцы встретили гостей на аэродроме Фьюмичино в Риме непри-

ветливо, хмуро и недружелюбно. Потом, рассадив их в машины, привезли в третьеразрядную гостиницу, расположенную километрах в двадцати от центра, на окраине, что-то вроде римского Медведкова. И это после того, как самих итальянцев, когда они были в Москве и Ленинграде, селили в лучших гостиницах.

Следующий удар гостям нанесли в помещении фирмы, отвечающей за съемки фильма. Там им сказали, что работа в Риме пойдет совсем иначе, чем это было в Москве. Дескать, из-за того, что любая съемка на улицах города стоит больших денег, киношникам придется снимать на ходу, практически не вылезая из операторской машины. В итоге это переполнило чашу терпения Эльдара Рязанова, и он, вернувшись в свой номер-келью, решил протестовать. Форму протеста он выбрал самую простую: с утра на следующий день он объявил хозяевам, что он на работу не выйдет, пока его группе не обеспечат всех необходимых условий для работы. Напуганные итальянцы вызвали в гостиницу Луиджи Де Лаурентиса. Ему Рязанов заявил то же самое: во-первых, съемочной группе должны предоставить более комфортабельную гостиницу, во-вторых, обеспечить съемку всех сценарных кадров, утвержденных обеими сторонами, и, в-третьих, разрешить приехать в Рим художнику по костюмам и ассистенту режиссера, которых итальянцы отказались первоначально принять. Как это ни странно, но все эти требования итальянцы удовлетворили.

В тот же день, 24 августа, в 9 часов вечера завершился показ 12-серийного фильма «Семнадцать мгновений весны». Штирлиц благополучно вывез Кэт из Германии и отправился обратно в Берлин. Концовка фильма заставляла его в нескольких километрах от города, где он остановился, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями перед тем, как вернуться в логово врага. Звучала проникновенная музыка Микаэла Таривердиева. Кстати, эта музыка вскоре станет поводом для грандиозного скандала, о котором я обязательно расскажу.

Утром следующего дня начальник 4-го Управления Минздрава СССР Евгений Чазов попросился на прием к шефу КГБ Юрию Андропову. Это была суббота, выходной день, од-

нако для Андропова выходных дней не существовало. Во-первых, он был трудоголиком, во-вторых, именно на работе он искал отдушины от сложных семейных проблем. А цель визита Чазова была следующей: он хотел просить помощи у Андропова в деле воздействия на Брежнева, который в последнее время перестал заботиться о своем здоровье, целиком передоверив эту проблему не своему личному врачу, а медицинской сестре, которая сумела так приручить его к себе, что Брежнев никого, кроме нее, и видеть не хотел.

Однако всесильный шеф КГБ, к удивлению Чазова, заявил, что вряд ли сможет быть ему чем-то полезен в этом деле. Дескать, он сам удручен появлением возле Брежнева этой медсестры, но, когда однажды он попытался усовершенствовать генсека, тот отреагировал жестко: «Это моя проблема, и прошу больше ее никогда не затрагивать».

— Так что, как видите, — продолжал Андропов, — мои возможности помочь вам крайне ограничены, их почти нет. Сложнее другой ваш вопрос: должны ли мы ставить в известность о складывающейся ситуации Политбюро? Сегодня Брежнев признанный лидер, глава партии и государства, достигшего больших высот. В настоящее время только начало болезни, периоды астении редки, и видите их только вы и, может быть, ограниченный круг ваших специалистов. Никто ни в Политбюро, ни в ЦК нас не поймет, и постараются нашу информацию представить не как заботу о будущем Брежнева, а как определенную интригу. Надо думать нам с вами и о другом. Эта информация может вновь активизировать борьбу за власть в Политбюро. Нельзя забывать, что кое-кто может если не сегодня, то завтра воспользоваться возникающей ситуацией. Тот же Шелепин хотя и перестал претендовать на роль лидера, но потенциально опасен. Кто еще? Суслов вряд ли будет ввязываться в эту борьбу за власть. Во всех случаях он всегда будет поддерживать Брежнева. Во-первых, он уже стар, его устраивает Брежнев, тем более Брежнев со своими слабостями. Сегодня Суслов для Брежнева, который слабо разбирается в проблемах идеологии, непререкаемый авторитет в этой области, и ему даны большие полномочия. Брежнев очень боится Косыгина, признанного народом,

талантливому организатору. Этого у него не отнимешь. Но он не борец за власть. Так что основная фигура — Подгорный. Это — ограниченная личность, но с большими политическими амбициями. Такие люди опасны. У них отсутствует критическое отношение к своим возможностям. Кроме того, Подгорный пользуется поддержкой определенной части партийных руководителей, таких же по характеру и стилю, как и он сам. Не исключено, что и Кириленко может включиться в эту борьбу. Так что, видите, претенденты есть. Вот почему для спокойствия страны и партии, для благополучия народа нам надо сейчас молчать и, более того, постараться скрывать недостатки Брежнева. Если начнется борьба за власть в условиях анархии, когда не будет твердого руководства, то это приведет к развалу и хозяйства, и системы. Но нам надо активизировать борьбу за Брежнева, и здесь основная задача падает на вас. Но я всегда с вами и готов решать вопросы, которые будут появляться.

И еще одно событие случилось в тот субботний день 25 августа: в польском городе Сопоте завершился Международный фестиваль эстрадной песни. Лауреатом конкурса от Советского Союза стал певец Кола Бельды, поразивший публику своим чукотским нарядом и темпераментным исполнением песни про оленевода.

26 августа в Ленинграде произошла трагедия. Жертвой ее стала Е. Воронянская — та самая женщина, у которой КГБ выудил информацию о том, где была спрятана фотокопия рукописи Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Как мы помним, после этого случая женщина, терзаемая муками совести, уже пыталась свести счеты с жизнью, но была спасена и помещена в психиатрическую клинику. Но совесть, видимо, продолжала ее мучить. Выписавшись из больницы, Воронянская вновь предприняла попытку повеситься, и на этот раз спасти ее не удалось.

В Москве вот уже несколько дней (с 22 августа) находится президент-людоед, глава Центрально-Африканской Республики Бокасса. В Советский Союз его привели отнюдь не государственные дела, а личные — здесь он лечится от гастроэнтерологического заболевания. 26 августа в инфекционном корпусе Кунцев-

ской больницы его лично осмотрели Евгений Чазов и профессор В. Смагин. Вот как вспоминает об этом Е. Чазов:

«Это был невзрачный человек, который постоянно улыбался и извинялся. Осмотрев его, мы установили, что ничего угрожающего у пациента нет и речь идет о банальном холецистите и колите. Рекомендовав обычное в таких случаях лечение и диету, мы разъехались по домам, так как это был воскресный день. Не успел я приехать домой, как раздался звонок из больницы, и дежурный врач попросил меня срочно вернуться. Я уже привык к таким вызовам и буквально через 30 минут был на месте. Оказалось, что вызывали меня не к больному, а для того, чтобы навести порядок в кухне этого корпуса. С Бокассой приехали его слуга и повар и привезли обычные для него продукты питания. К моему удивлению, это были какие-то мелкие змейки, животные типа ящериц, грязное мясо непонятного происхождения. Я поднялся к Бокассе и сказал ему, что здесь, в больнице, мы будем лечить его нашими методами, диета является таким же лекарством, как и таблетки, которые он принимает. Получив его согласие, я попросил вынести все, что было привезено, на помойку...»

Большой скандал разразился в Саратове. Виновниками его стали несколько игроков столичной хоккейной команды «Крылья Советов», которая совершает товарищеское турне в этом городе. 26 и 27 августа «Крылышки» сразились с местным «Кристаллом», но эти игры мало походили на товарищеские. Первая игра началась массированными атаками хозяев поля на ворота гостей, и уже на 2-й минуте счет был открыт — шайбу забросил игрок «Кристалла» Голубович. Спустя еще несколько минут в ворота москвичей залетела вторая шайба. И вот тут началось то, что крайне возмутило собравшихся зрителей, поскольку они совсем не рассчитывали увидеть это в исполнении именитых столичных хоккеистов. «Крылышки» открыли форменную охоту на игроков «Кристалла»: цепляли их клюшками, сбивали с ног запрещенными приемами. Нельзя сказать, что судья не реагировал на это: удаления гостей следовали одно за другим. Но это еще больше распяляло москвичей. Тем более что на табло был зафиксирован позорный для них счет — 0:7. В итоге в

концовке матча произошла настоящая потасовка.

Второй матч был еще хуже первого. На поле присутствовали та же грубость, то же хамство в исполнении гостей. А уж мат-перемат стоял трехэтажный. Чуть позже в «Комсомольской правде» будет опубликовано полное возмущения письмо зрителей, видевших эти игры воочию. Вот лишь отрывок из него: «Заслуженный мастер спорта Анисин и мастер спорта международного класса Бодунов, объявленные в составе команды и с нетерпением ожидаемые зрителями, вообще не вышли на игру — были пьяны. Анисина возле Дворца спорта забрала милицейская машина. И хочется спросить, как могут эти игроки выступать за сборную страны? Своим поведением они позорят звание хоккеистов сборной».

Да, не радостным было наше знакомство с молодыми, но уже известными хоккеистами — Анисиныным, Лебедевым, Бодуновым, Сидельниковым, Шаталовым, Капустиным... Не случайно перечисляем эти имена. Они-то и задавали тон безобразиям, чего не скажешь о некоторых других, менее знакомых игроках. Да и капитану команды «Крылья Советов» Дмитрию должно быть стыдно, он не только не отстаивал спортивных хулиганов, но и покровствовал им».

Забегая вперед, скажу, что этот скандал самым серьезным образом аукнется «Крыльям Советов». На собрании партийного комитета базового института и в управлении зимних видов спорта Комитета по физической культуре тренеру «Крылышек» Борису Кулагину будет поставлено на вид (хотя на тех играх он не присутствовал, болел, однако ответственность за поведение своих игроков нес полную), второму тренеру В. Ерфилову объявят строгий выговор, комсorghу Сидельникову и комсомольцу Анисину — просто выговоры, Шаталов, Капустин, Лебедев будут строго предупреждены. Кроме этого, Президиум Федерации хоккея примет решение ходатайствовать перед Спорткомитетом СССР о лишении В. Анисина звания «Заслуженный мастер спорта СССР» и А. Бодунова — звания «Мастер спорта СССР международного класса». Однако Спорткомитет, учитывая их спортивные заслуги, отклонит эти суровые санкции и обойдется более мягким наказани-

ем — дисквалифицирует хоккеистов условно на год.

27 августа в Москве состоялся суд над двумя активными диссидентами Петром Якиром (сын знаменитого командарма И. Якира, расстрелянного по «делу Тухачевского» в 1937 году) и Виктором Красиным. Их арестовали в прошлом году, в течение нескольких месяцев подвергали систематической психологической обработке, которая принесла результат: еще во время следствия оба они полностью признали свою вину, раскаялись перед властями и дали показания против многих участников правозащитного движения в СССР. Вспоминает В. Красин:

«Наступил день суда. В зале моя мать. Жена и дочь Якира. Из друзей же никого (все друзья от них отвернулись, поскольку во время следствия Якир и Красин сдали КГБ несколько диссидентов. — Ф.Р.). Не допустили даже близко к суду иностранных корреспондентов. Их машины останавливали в полукилометре от здания суда.

Суд начался. Зачитали обвинительное заключение. «Признаете ли себя виновным?» — спрашивает судья. Сначала Петра. Он встает: «Да, признаю». — «Полностью или частично?» — «Полностью». Я повторяю те же ответы...

Судья и прокурор имеют четкие указания: дело не затягивать, уложиться в два-три дня, а надо еще и свидетелей допросить. Нам жестких вопросов не задавать — спускать все, так сказать, на тормозах. Они это и делают. Наш судебный допрос занял, по существу, один день. На следующий день уточнялись какие-то детали...»

27—28 августа в Москве пасмурно, идут дожди. По случаю непогоды были отменены съемки фильма «Романс о влюбленных», которые ведет в одном из столичных дворов неподалеку от улицы Воровского Андрей Михалков-Кончаловский. А перед этим был снят эпизод проводов в армию Сергея. Актер Евгений Киндинов, играющий эту роль, плохо себя чувствовал — подхватил на губах какую-то лихорадку, но сцену отыграл темпераментно: яростно бил по струнам гитары и пел песню «Ох, загулял, загулял, мальчишка, да парень молодой...»

Пока у Кончаловского был простой, у Эльдара Рязанова в Риме — самый разгар работы. В эти два дня (27—28 августа) снимали эпизод в клинике с участием Евгения Евстигнеева. Актеру нужно было срочно вылетать в Москву — во МХАТе открывался сезон «Сталеварам», где у него не было замены, поэтому снимать решили с его сцен. Не обошлось без сложностей. Рязанов просил выделить для массовки 200 человек, но итальянцы уперлись на цифре 50. Рязанов стал грозить новой забастовкой и сумел-таки сторговаться на цифре 120. Но проблемы на этом не закончились.

Больницу снимали в четырехэтажном здании бывшей лечебницы, которая вот уже несколько месяцев пустовала. Вывески на здании никакой не было, и Рязанов попросил итальянцев это дело уладить — повесить на фасад табличку «Ospedale» («Госпиталь»). Но те его просьбу проигнорировали, хотя заняло бы это минут 15. Рязанов вновь проявил принципиальность, заявил: «Снимать не буду! Моя просьба — не каприз. Вывеска необходима для элементарного обозначения места действия. В нашей стране, если бы не выполнили указание режиссера, я снимать бы не стал». На что организатор производства адвокат Тоддини ответил оскорблением: «А я чихал на твою страну». Рязанов в ответ собрался было заехать ему по фейсу, но вовремя сдержался. Зато словесно припечатал, дай бог.

На съемочную площадку опять вызвали Луиджи Де Лаурентиса. Он отдал распоряжение повесить вывеску и попросил Тоддини извиниться перед гостями. Первое его распоряжение было выполнено сразу, второе — лишь спустя несколько дней.

Теперь из Рима вновь перенесемся в Москву. В среду, 29 августа, главная газета страны «Правда» начала атаку на академика Андрея Сахарова. Как мы помним, 16 августа того вызвали в союзную прокуратуру и предупредили, чтобы он прекратил встречаться с иностранными корреспондентами и раздавать интервью в защиту диссидентов. Но Сахаров эту просьбу проигнорировал и уже через пару дней бросил властям вызов: собрал у себя дома пресс-конференцию для зарубежных журналистов. Власти приняли этот вызов. 29 августа в «Правде» появилось письмо членов Академии наук СССР,

которое подписали 40 видных академиков. В нем говорилось:

«В последние годы академик А.Д. Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А.Д. Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя... Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А.Д. Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями».

Самого Сахарова в те дни в Москве не было — он с женой и приемным сыном Алексеем был на отдыхе в Армении. Но газета с публикацией нашла его и там. Вот как он сам описывает это:

«Утром Люся (Е. Боннэр. — Ф.Р.) достала газету, и мы своими глазами увидели печально-знаменитое заявление 40 академиков во главе с президентом Келдышем. Потом мне рассказывали разные истории, касавшиеся сбора подписей под этим письмом. Некоторые из подписавших объясняли свою подпись тем, что они считали (им «разъяснили»), что подобное письмо — единственный способ спасти меня от ареста. Капица, как я слышал, отказался подписывать. Зельдовичу не предлагали. Академик Александров (будущий президент) уклонился от подписи. Когда ему позвонили домой с предложением присоединиться к письму, кто-то из домашних сказал:

— Анатолий Петрович не может подойти, у него запой.

Причина вполне в народном духе. Но, может, это байка. Некоторые из подписавших тяжело переживали свой поступок, у некоторых возник тяжелый конфликт с детьми.

Мы поняли, что дело очень серьезно, но решили не менять своих планов. К слову сказать, у нас не было трудностей с билетами — книжка Героя Социалистического Труда еще вполне действовала вплоть до января 1980 года. Из Еревана мы перебрались в Батуми; там на пляже услышали, как соседи обсуждают вслух что-то про отщепенца Сахарова...»

29 августа еще в одной столичной газете была опубликована заметка, имевшая пусть меньший, но все же определенный резонанс в обществе. Речь в ней шла не о политике, а об элементарной человеческой жалости к братьям нашим меньшим. Я имею в виду заметку Б. Яковлева «Трое на балконе», напечатанную в «Вечерней Москве». Суть ее в следующем.

На Троицкой улице строился 12-этажный дом. Однажды после смены трое строителей решили развлечься. Хлеб, оставшийся у них с обеда, они накрошили на крышу соседней котельной, залитую горячим варом. Расчет был прост: воробьи и голуби клюнут на приманку и намертво приклеятся к крыше. Вот смеху-то будет! Так оно и вышло: птицы стали слетаться к кормушке, а взлететь не могут. А трое дебилов знай себе гогочут. На шум из соседних окон стали выглядывать люди. Стали они совестить строителей, но те и ухом не ведут: крошат себе и крошат хлеб, заманивая новые жертвы. В конце концов нашлись смельчаки, которые вышли из своих квартир и бросились на помощь птицам. Из одиннадцати пернатых спасти удалось девять, два воробья погибли. У многих спасенных клювы были залеплены смолой, все перышки, лапки — сплошная смола. Спасителям пришлось до глубокой ночи очищать их от вара с помощью бензина, а где он был бессилен, приходилось вырезать перья.

На следующий день жильцы отнесли письмо-жалобу в монтажное управление № 8 3-го домостроительного комбината с просьбой наказать виновных в столь бесчеловечном поступке. Коллективная жалоба возымела действие: двоим живодерам был объявлен общественный выговор, третий был оштрафован. Да еще «Вечерка» их на весь город ославил.

29—30 августа в Москве продолжался суд над Петром Якиром и Виктором Красиным. Последний вспоминает: «На третий и четвертый день допрашивали свидетелей. Вызвали

немногих. Человек десять, может быть, пятнадцать. Свидетели допрошены. Объявлен перерыв. После перерыва речь прокурора, из которой мы сможем узнать наконец, что нам «дадут».

В перерыве к нам подходит лейтенант, офицер из охраны Лефортовской тюрьмы, и спрашивает шутливым тоном, чего мы ждем от прокурора. Мы пожимаем плечами. «Ну вот, — говорит он весело, — перед каждым из вас микрофон. Что, если на каждый микрофон дадут по три года лагерей и три года ссылки? Устроит это вас?» Мы молчим.

В перерыве нас спускают в подвал. Забыл сказать: накануне я написал судье записку с просьбой держать нас с Петром вместе в перерывах. Судья разрешил. Нас заводят в камеру, у Петра начинается истерика. Он кидается на конвой, кричит: «Мы им дали все, сукам, а нам по шесть лет». Конвоиры (это лефортовские надзиратели) растерялись. «Успокойтесь, Петр Ионович. Все еще будет хорошо». Я утащил его внутрь камеры и, как мог, успокоил.

После перерыва прокурор, окончив обвинительную речь, просит для нас именно то, о чем говорил лейтенант: на каждый микрофон по три года лагерей и три года ссылки. Нас увозят в Лефортово...»

На следующий день с Красиным лично встретился Юрий Андропов. Цель вызова была проста: КГБ собирался в ближайшие дни устроить пресс-конференцию Якира и Красина для зарубежных журналистов, на которой те должны были отречься от диссидентского движения и осудить его. Но прежде необходимо было прозондировать настроения обоих осужденных. Поскольку в Якире чекисты не сомневались, надо было обработать Красина. Андропов принял его в одном из кабинетов Лефортовской тюрьмы. Протянув руку, представился. Красин сказал: «Узнаю вас по портретам». Затем они сели напротив друг друга, и беседа началась. Андропов сказал:

— Мне доложили, что у вас назрел кризис доверия к КГБ.

— Неудивительно, — кивнул головой Красин. — Мы сдержали свое слово, а нам дали по шесть лет.

Андропов улыбнулся:

— Ну, на это не обращайте внимания. Подайте заявление на кассацию, вам снизят до

отсиженного и пока оставят ссылку. Далеко мы вас отправлять не собираемся. Можете сами выбрать город поближе к Москве. А там пройдет месяцев восемь, подадите на помилование и вернетесь в Москву. Нельзя же было выпустить вас из зала суда. Согласитесь, вы с Якиром наломали изрядно дров. Кроме того, ваш процесс мы широко освещали в печати. А приговор по кассации публиковать не будем...

Как вы смотрите на то, чтобы выступить на пресс-конференции перед иностранными журналистами? Они столько лжи пишут о вашем деле. Нужно пропесочить им мозги. Чтобы на Западе знали, что вы говорили на суде не под давлением, а по доброй воле. Только не думайте, что я вас покупаю. Если не хотите, то не надо. Все то, о чем я говорил, будет и без этого.

В течение нескольких минут Красин думал. Затем ответил:

— Я уже говорил о своей вине на суде. Могу повторить это и на пресс-конференции. Какая разница?

— Ну, вот и хорошо, — с явным облегчением произнес Андропов. — Это правильное решение. А то подняли целую бучу вокруг вашего процесса. Вы кто по специальности?

— Экономист.

— Когда вы освободитесь, мы возьмем вас в наш научно-исследовательский институт. У вас ко мне еще какие-нибудь вопросы?

Тут Красин решил замолвить слово за одного осужденного диссидента, отбывающего наказание в психушке. Дескать, врачи рекомендовали его на выписку из психушки, а прокуратура это решение отменила. Андропов пообещал разобраться с этим делом. Аудиенция закончилась.

А город живет своей обычной жизнью. Из кинопремьер второй половины августа назову следующие фильмы: 20-го на экраны вышла историческая драма румынских кинематографистов «Михай Храбрый»; 27-го — отечественная комедия «Совсем пропащий» Георгия Данелии с участием Евгения Леонова, Вахтанга Кикабидзе и др.; мелодрама «Здесь нам жить» А. Буковского с участием Николая Мерзликина, Константина Степанкова и др. Из новых мультимедиа выделю два: «Ну, погоди!» № 6 и «По следам бременских музыкантов». Последний зрители ждали с особым нетерпением. Всем

было интересно, каким будет продолжение у суперпопулярного мультика конца 60-х, тем более что было известно: из-за скандала внутри коллектива отказался участвовать в новом проекте Олег Анофриев, который в первом фильме озвучивал всех персонажей. Вместо него был приглашен Муслим Магомаев, который со своими партиями справился блестяще. И в этот раз повторился тот же редкий случай: все (!) песни из мультика мгновенно стали хитами.

Кино на ТВ: «Почтовый роман» (16—17-го), «Встреча на переправе» (20-го), «Веселые ребя-

та» (28-го), «Поднятая целина» (28—30-го), «Пан Володыевский» (31-го) и др.

Эстрадные представления: 18—19-го — в «Октябре» выступает маг и волшебник Вольф Мессинг; 24—28-го — в ЦПКиО имени Горького радует слушателей своим искусством ВИА «Самоцветы»; 28—31-го — в Ждановском ЦПКиО выступает еще один популярный ВИА — «Веселые ребята»; 25—30-го — в ГЦКЗ «Россия» поют зарубежные гости столицы: Фара Марния (Куба), Мабель Люна (Мексика) и др.

1973

сентябрь

Как я поменял соседа по парте. Взрыв в Мавзолее. Первый фильм с хитами Давида Тухманова. Как едва не убили «знатока» Томина. Умер старейший человек в СССР. За что актер Владимир Тихонов заработал выговор. Президент-людоед забирает советского доктора. Удар по диссидентам: пресс-конференция предателей. Солженицын дает «добро» на публикацию «Архипелага ГУЛАГа» на Западе. Как немецкий тренер помог пройти на стадион футболисту Валерию Воронину. Андрей Миронов в Италии. Никита Михалков женился. «Свой среди чужих...»: бунт в съемочной группе. Кубок СССР по хоккею у ЦСКА. Как Виктория Федорова избавилась от своего любовника. Эльдар Рязанов в Риме: от плохого до хорошего. Савелий Крамаров крутит любовь на съемках. КГБ предлагает Солженицыну сделку. Переворот в Чили: правда о гибели Сальвадора Альенде. Эва Киви в Сантьяго: крутит любовь и рискует жизнью. Виктория Федорова получает письмо от отца. ЦК КПСС против поэта Долматовского. Как Кириленко просил отпуск у Брежнева. Валентина Малявина летит к любимому. Высоцкий в Ташкенте. Подростки-убийцы. Советский физик пишет письмо Брежневу. Владимира Максимова исключают из Союза писателей. Ада Якушева: с новоселья — в роддом. Андрей Смирнов снимает «Осень». Кончаловский — Коренева: роман продолжается. Как Микаэла Таривердиева обвинили в плагиате. Что выпало из интервью с Олегом Далем. Раневская переезжает. Умерла Лидия Русланова. Родила Лариса Голубкина. Как Алла Пугачева ушла из областной филармонии. Валерий Леонтьев со скандалом покидает Москву. Приключения чилийского гимна в Москве. Душитель из Харькова. Хулиганы столицы. Уголовное дело на Высоцкого. Алма-атинские гастролы «Таганки». Полет в космос едва не завершился трагедией. Возвращение «Анжелики» и «Фантомаса». Карел Готт: великий певец и такой же великий бабник. Дебютная пластинка группы «Цветы».

В субботу, 1 сентября, миллионная армия советских школьников села за свои парты — начался новый учебный год. Мне тот день запомнился тем, что я тогда расстался со своей бессменной соседкой Наташей Зимелевой. Долгих четыре года мы сидели за одной партией и почти никогда не ссорились. Наташа была для меня настоящим товарищем: всегда давала списывать домашние задания, подсказывала на уроках, но главное — бесперебойно снабжала меня дефицитом: жвачкой, наклейками, импортными ручками и другой всячиной, которая по тем временам в подростковой среде ценилась на уровне золота у взрослых (отец Наташи работал в МИДе). Адекватно ответить соседке по парте я не мог, и мои подарки выглядели куда как скромнее: например, я рисо-

вал ей цветные картинки из мультика «Ну, погоди!».

И все же, несмотря на четырехлетнее содружество, наш тандем распался. В тот день на первом же уроке демократично настроенный учитель разрешил нам самим выбрать себе соседей по парте, и я сел к одному из своих приятелей. А к моей бывшей соседке пересела ее лучшая подруга. Однако, несмотря на пересадку, мы с Наташей сохранили добрые отношения друг к другу до конца школы.

Между тем в первый день сентября на Красной площади произошло беспрецедентное происшествие — некий террорист попытался взорвать саркофаг с телом Ленина в Мавзолее. Нельзя сказать, что это было единственное покушение на тело вождя мирового

пролетариата за долгие годы его пребывания в мраморной гробнице, однако до этого все подобные ЧП не имели столь трагических последствий. Впрочем, расскажем обо всем подробно.

В тот день длинная вереница людей, желавших посетить Мавзолей, растянулась от Александровского сада. В эту цепочку затесался и террорист — мужчина средних лет, недавно освобожденный из тюрьмы, где он провел 10 лет. Все свои беды он, видимо, связывал с нынешней властью, которую люто ненавидел и давно мечтал совершить против нее нечто неординарное. Идея взорвать Мавзолей могла появиться, когда он увидел по телевизору документальные кадры массового паломничества людей к вождю мирового пролетариата. Принимая такое решение, террорист прекрасно понимал, что самому ему в живых не остаться, но это его ничуть не страшило. Свою жизнь он давно списал со счетов. Не задумывался он и о многочисленных жертвах взрыва, видимо, считая, что людям, которые идут в Мавзолей, чтобы увидеть мертвого вождя, одна дорога — на тот свет.

Когда террорист поравнялся с саркофагом, он бросился к нему и на ходу соединил контакты проводов взрывного устройства. Прогремел мощный взрыв. Вместе с камикадзе, от которого осталась одна рука, часть головы и некоторые документы, погибла следовавшая за ним супружеская пара из Астрахани, были ранены четверо школьников, контужены и разбросаны взрывной волной по Траурному залу воинокремлевцы, охранявшие саркофаг.

Несмотря на то что основная сила взрывной волны пришлось на саркофаг, он остался практически невредим. Стекло было бронированным, и даже мельчайших царапин на нем не осталось.

В тот же день в одном из павильонов «Мосфильма» режиссеры Юрий Сааков и Юрий Цветков приступили к съемкам телевизионного фильма «Эта веселая планета». Сюжет картины незамысловат: трое инопланетян прилетают на Землю и попадают на новогодний карнавал, где с ними происходит масса забавных недоразумений. В главных ролях снимались: Леонид Куравлев, Екатерина Васильева, Виктор Сергачев (они играли инопланетян),

Александр Вокач, Лариса Барабанова, Савелий Крамаров, Владимир Носик. Но главным стержнем фильма должна была стать музыка и песни, которые этим летом написали композитор Давид Тухманов и поэт Игорь Шаферан. Уникальный случай: и здесь все (!) песни из фильма станут шлягерами, и фирма «Мелодия» даже выпустит их на диске. Среди них: «Белый танец» («Я пригласить хочу на танец вас, и только вас...»), «Сердце любить должно» («И сильнее, чем прежде, доверяйте надежде...»), «Вечное движение» («А жизнь меня по всей земле мотает...»), «Песня инопланетян» («На самой совершенной из планет...»), «Наши любимые» (исполняет ВИА «Песняры»).

1—2 сентября в прайм-тайм (19.35) Центральное телевидение демонстрировало очередное, 8-е по счету, «Дело» из многосерийного сериала «Следствие ведут знатоки». Дело называлось «Побег» и повествовало о том, как один заключенный (эту роль играл Леонид Марков), отбывающий срок на зоне, купившись на ложную весть о том, что его жена (Ия Саввина) загуляла на воле с другим, сбежал из тюрьмы. На розыски беглеца отправили «знатоков».

Вот уже больше двух лет сериал демонстрируется по ТВ и имеет фантастический успех у зрителей. Когда его показывают, улицы советских городов буквально вымирают. Правда, предыдущая серия, повествовавшая о работе столичной ГАИ, оказалась скукой смертной и большинство телезрителей разочаровала. Но на очередной серии это абсолютно не сказало — ее рейтинг зашкаливал. Как гласит легенда, во время ее просмотра случилось несколько инфарктов, чего до этого никогда не наблюдалось. Что же произошло? Просто авторы сериала позволили себе покуситься на святое — жизнь одного из «знатоков». 2 сентября в 20.50 по московскому времени герой Леонида Маркова выстрелил в упор из пистолета в майора Томина (Леонид Каневский), чем привел в неопишуемый ужас миллионную аудиторию. До конца недели на ЦТ обрушилось такое количество писем и звонков, что телевизионщики схватились за голову. Писавшие и звонившие выражали свое искреннее возмущение выстрелом в любимого героя и грозили всеми карами авторам фильма, если они не оставят

его в живых. Чтобы не доводить дело до худого, жизнь храброму и обаятельному майору Томи-ну пришлось сохранить.

Кстати, в тот же день — 2 сентября — в Советском Союзе умер старейший житель страны (а может быть, и мира) — уроженец азербайджанского села Барвазу Ширали Мислимов, которому было 168 лет. Если документы этого человека не ввали, то он родился, вдумайтесь, в 1805 году! Он застал времена Пушкина, Кутузова, пережил пятерых российских императоров, трех советских лидеров и 9 лет пожил при четвертом — Ильиче Втором. Аж дух захватывает!

3 сентября на «Мосфильме» молодой режиссер Александр Сурин (сын бывшего директора киностудии) должен был снимать фильм «Два дня тревоги» про суровые будни российской деревни в 20-е годы. Однако съемка сорвалась из-за неявки на нее исполнителя роли Дягилева актера Владимира Тихонова (сын Нонны Мордюковой, которая играет в картине главную роль, и Вячеслава Тихонова). На эту роль первоначально был приглашен Георгий Юматов, но накануне выезда в экспедицию он ушел в запой, и роль досталась Тихонову. Тот хоть и не пил так сильно, как Юматов, но тоже позволял себе срывать съемки. За неявку на съемочную площадку, которая обошлась группе в копейку, молодому актеру объявили выговор и лишили постановочного вознаграждения.

Вечером того же дня (19.30—21.00) по ТВ демонстрировали оперу Дж. Верди «Риголетто». Одним из зрителей был популярный актер Георгий Бурков. Сразу после просмотра он записал в своем дневнике следующие строчки:

«Только что посмотрел по телевидению «Риголетто». Хорошо. С детства люблю Верди, особенно эту вещь. Но думал все время о Гюго, о романтиках. Меня не веселят уже много лет. Никто!..»

Смешно получается. Мчусь по дороге тшеславия вместе со всеми, понимая, что это бессмысленно. И продолжаю мчаться. Впереди маячит карьера, ласка правительства. На последнее мы все очень рассчитываем. Но вперед вырваться не могу: мешают юмор и водка. Дыхание сбивают. Ну а это для марафонца гибель...»

4 сентября Москву покинул президент Центрально-Африканской Республики Бокасса, который находился у нас на лечении. Кроме своих охранников, поваров и другой челяди, при нем был советский врач Ф. Яровой, которого он выпросил у нашего МИДа. Уж очень его лечение понравилось Бокассе! Однако уже три месяца спустя президент ЦАР вернет советского эскулапа обратно, поскольку тот слишком рьяно будет следить за здоровьем больного. Причем, чтобы снять с себя всяческие подозрения в несправедливом расторжении договора, Бокасса выдвинул убийственный аргумент в пользу отзыва врача: мол, тот пытался соблазнить одного из его телохранителей. В нашем МИДе будут долго смеяться над этой версией: надо было видеть пожилого, интеллигентного, сублильного доктора и громадного роста телохранителя, чтобы представить всю бредовость заявления Бокассы. Просто наш доктор, видимо, мешал ему есть человечину, за что и поплатился.

5 сентября в столичном Доме журналистов состоялась открытая пресс-конференция, устроенная КГБ специально для советских и иностранных журналистов, на которой с покаянными речами выступили двое видных диссидентов: Петр Якир и Виктор Красин. Как мы помним, еще в конце августа самому шефу КГБ Андропову удалось уговорить Красина принять участие в этом мероприятии (Якира уговорили еще раньше), после чего в течение последующих четырех дней с обоими участниками предстоящего шоу была проведена кропотливая работа. Каждый день их поодиночке приводили в кабинет следователя Александровского, который методично объяснял им, что следует говорить, а что нет. На пресс-конференцию Якира и Красина привезли не в «воронке», а на двух «Волгах». В зале была установлена телевизионная камера, поскольку отрывки из этой эпихальной пресс-конференции в тот же день собирались показать по телевидению.

Вспоминает В. Красин: «Мы вошли в зал. Сели каждый за свой стол. Зал был уже набит до отказа. Прожектора, звукозаписывающие установки. Появился прокурор Маляров, заместитель Руденко. Он произнес вступительное слово.

Затем выступил представитель МИДа. Он сказал корреспондентам, что они могут задавать любые вопросы, но только в письменном виде...

Корреспонденты начали подавать записки с вопросами. Представитель МИДа проглядывал их, часть откладывал в сторону, а те, на которые мы должны были отвечать, он оглашал... Вопросы были нам хорошо знакомы: все они были уже проработаны в лефортовских кабинетах... Пресс-конференция продолжалась с час. Потом представитель МИДа заявил, что мы устали, что вопросы можно задавать до бесконечности и что пресс-конференция окончена...»

В тот же день Александр Солженицын дал «добро» на публикацию своего романа «Архипелаг ГУЛАГ» на Западе. Как мы помним, в августе КГБ удалось найти и изъять фоторукопись романа, хранившуюся на одной из квартир в Ленинграде. Из-за этого покончила с собой одна из хранительниц рукописи Воронянская. Солженицын узнал об этом 3 сентября. Рукопись романа хранилась у одного из адвокатов писателя в Швейцарии, но он рассчитывал опубликовать его только весной 1975 года. Однако действия КГБ заставили его ускорить эту акцию.

Андрей Сахаров, против которого с конца августа была открыта газетная «кампания» (в начале сентября в той же «Правде» были опубликованы новые письма, осуждающие его деятельность), 5 сентября передал западным корреспондентам свое письмо (в советские газеты относить его было бессмысленно), чтобы те опубликовали его на Западе. В нем Сахаров объяснял свою позицию в свете последних событий, вновь говорил о психиатрических репрессиях в СССР, о злоупотреблении галоперидолом и другими нейролептиками и т. д.

Вечером того же дня, в 19.25, на Большой спортивной арене в Лужниках состоялась товарищеская встреча по футболу между сборными СССР и ФРГ. Игра вызвала огромный ажиотаж среди болельщиков, хотя особых надежд на то, что наши победят немцев, в составе которых играл лучший футболист Европы (1970), двукратный обладатель «Золотой бутсы» (1970, 1972) Герхард Мюллер, ни у кого не было. С 1973 года у нашей сборной началась «черная полоса» (продлится до 1979 года) и в четырех

последних матчах советские футболисты забili всего лишь один мяч, да и то с пенальти (англичанам). На ту игру пришел и некогда прославленный наш футболист Валерий Воронин, правда, пришел без особой надежды туда попасть — билета достать он не сумел. Вот как описывает тот день Э. Фримерман:

«Как обычно в то время — толпы спешащих на игру людей и специфическая толпа — у служебного входа. Несколько поодаль от нее — Валерий Воронин. Да, да, он. При галстукке и весьма далекой от белоснежности рубашке, в стареньком, но модном пиджаке. Проходят мимо люди, у них — пропуска. У него, чувствую, ничего: даже восемь лет, проведенных в составе сборной СССР, у нас права на проход не дают, а 34-летний Воронин тогда уже с футболом «завязал» (в мае 1968 года, после страшной автомобильной аварии, Воронин чудом выжил, но из спорта был вынужден уйти. — Ф.Р.).

Я остановился. Мы были лишь слегка знакомы, не более того. Подошел к нему. Ни намека на то, что Воронин намерен обратиться ко мне с просьбой — помочь пройти на игру. Возможностей у меня, кстати, в этом плане было немного, если не сказать — почти никаких. Желания — уйма. Как быть? И в этот момент неторопливыми, размеренными шагами мимо нас проходит маэстро Гельмут Шен, главный тренер западногерманской сборной. Тот самый Шен, который не так давно приглашал Валерия в состав сборной Европы. Увидев Воронина, он расплылся в улыбке, остановился рядом, обнял. И, не выпуская из объятий, провел через служебный вход...»

Тот матч, как и предсказывалось многим, наши проиграли — 0:1. И гол у немцев забил догадываетесь кто? Правильно — Герхард Мюллер.

Тем временем Эльдар Рязанов продолжает снимать в Италии «Невероятные приключения итальянцев...». Как мы помним, он приехал туда 23 августа в составе небольшой съемочной группы. Среди них присутствует и Андрей Миронов, для которого поездка в Италию — подарок судьбы. Ведь в отличие от своего коллеги Евгения Евстигнеева, который пробыл в Риме всего лишь несколько дней и вернулся обратно, Миронов получил возможность находиться там все три недели. Причем съемочных дней у

него было всего лишь два: в первом он должен был сняться в эпизоде ныряния в воду за ларцом с сокровищами (начальные кадры ныряния снимали в начале июня в холодной Неве, подводные — снимали в Неаполе), во втором — его герой приводил к себе домой повредившую ногу итальянку. Все остальные дни Миронов шатался по городу, изучал музеи, ходил в гости к партнерам. Его жена Екатерина Градова, которая была уверена, что муж вернется вместе с Евстигнеевым, позвонила в Рим и с удивлением спросила: «Что ты там делаешь? У тебя же всего два съемочных дня?» На что Миронов ответил: «Балда! Я здесь живу!»

Другой мосфильмовский режиссер — Никита Михалков — продолжает работу над фильмом «Свой среди чужих, чужой среди своих», который снимается неподалеку от Грозного (съемки там начались 20 августа). За эти две недели случилось несколько событий, как хороших, так и плохих. Начну с хороших. Михалков и его невеста Татьяна Соловьева сыграли свадьбу, не захотев ждать возвращения в Москву. Жених договорился с властями Грозного о регистрации, и молодых расписали в тот же день. Без обязательных в таких случаях белого платья, черного костюма и пупса на капоте «Волги». Праздновали всей съемочной группой, что называется, по-студенчески.

Теперь о плохом. На протяжении двух недель работы в Чечне у съемочной группы никак не складываются отношения с директором Костровским и его двумя помощниками — Шульцем и Грибковым (фамилии изменены). Эти люди настолько наплевательски относились к своим обязанностям, что сумели настроить против себя весь коллектив. Чашу терпения переполнил вопиющий случай, который произошел на днях и привел к гибели человека. В тот день один из рабочих позволил себе выпить лишнего, но вместо того, чтобы оставить его в городе, директор распорядился погрузить мужчину в автобус и отправить вместе с группой к месту съемки. Мол, по дороге проспится. Однако, на беду, в этом же автобусе оказалась сложенная мешковина, пакля и канистра с бензином. Во время переезда бензин вытек из емкости, а рабочему, который внезапно проснулся, вдруг захотелось закурить. В итоге человек погиб.

Этот случай стал поводом к тому, чтобы в четверг, 6 сентября, вместо съемок коллектив съемочной группы собрал экстренное собрание, на котором подверг критике работу собственной администрации. Из более десятка выступающих ни один (!) человек не выступил в защиту директора и его заместителей. Протицирую некоторые из выступлений.

Н. Михалков (режиссер): «Положение в группе — на грани катастрофы. Еще в Москве, в Марфино, мы столкнулись с безответственностью администрации — дом Шилова строил алкоголик и вор Макаров, впоследствии выгнанный, но объект сдали не в срок, в Марфино на площадке работал Артемов — человек, абсолютно несведущий в работе с людьми, который своей грубостью вызывал постоянные конфликты с группой, а профессиональная непригодность группы администрации привела к скандалу — не вернули взятые напрокат в совхозе папки с их важной документацией. Переезд в Грозный занял 15 дней, которые директор, самовольно переделав план, поставил днями подготовки. Ни одна декорация не готова, мы снимаем за счет качества. Неоднократно пытались беседовать с директором, но ситуация не меняется. Вчера было из ряда вон выходящее происшествие — приехавший кавполк оказался по вине дирекции без помещения для лошадей, негде размещать людей, никто не договаривался об их питании. Новый замдиректора Шульц своим постоянным барским и бесцеремонным обращением с людьми вызвал всеобщее недовольство группы. Так больше работать невозможно».

М. Ляпунова (реквизитор): «На декорации, вопреки уверениям администрации, до сих пор нет охраны. Вынуждена после съемки каждый день увозить реквизит на базу, а сегодня не дали машину, и я полтора часа после смены сидела одна на ящиках, а когда пришел грузовик, грузила все сама с водителем. Я считаю такое отношение возмутительным».

В. Летин (бригадир осветителей): «Декорация строилась 1,5 месяца, а до сих пор не готова. Материал достали плохой. Я считаю, что Грибков отнесся к своим обязанностям спустя рукава. По приезде группы он вообще несколько дней не выходил на работу, угнал на сутки «ГАЗ-69», сам за рулем где-то катался. Такие

люди, как он и Шульц, в группе работать не имеют права. Странно, что директор берет их под защиту, особенно Шульца. Он теперь у нас второй директор, руководит группой с балкона. Безобразно разместили конницу, этим занимался Шульц, теперь запустил строительство моста».

Д. Эльберт (костюмер): «Насчет костюмерной. Мы работаем в невыносимых условиях. В костюмерной сыро, душно, одна лампочка. Шульц две недели назад обещал вентиляторы, прорубить окно, но ничего не сделано. А Костровский вообще от всех дел устранился, Шульц же на все вопросы грубо отвечает — «не ваше дело». Мне очень нравится группа, и работать хотим, но сколько можно на хорошем отношении к творческой группе выезжать?»

А. Солоницын (актер): «Энтузиазм съемочного коллектива поражает, но работа административной группы на грани преступления. Я не буду говорить обо всем, скажу о том, что возмущает нас, актеров. Я работал на многих студиях, но такого не видел. Ни зарплат, ни сумочных мы не получаем уже месяц. Удивлен, что это группа — «мосфильмовская». Мы уже устали жить в таких условиях, когда каждый день к нам в номера подседают незнакомых людей, когда мы вынуждены требовать того, что нам обязаны дать. Мы работаем, каждый день снимаем и по вечерам репетируем, но я предупреждаю, что в таких условиях больше сниматься не буду. Мне нравится замысел роли, но вместо работы я все время занят борьбой за существование».

Ю. Иванчук (режиссер): «Работа нашей дирекции преступна. Я хочу сказать несколько слов о том, что у нас произошло недавно. Любое дело делается без организации, и это уже привело к гибели человека. Они совершили преступление, отправив пьяного человека на работу, нарушив правила перевозки людей, погрузили в этот же автобус паклю, мешковину. А когда я предупредил Шульца, что в таком виде и в так груженной машине отправлять нельзя, он мне ответил: «Это мое дело, ничего страшного, на площадке проспится». И если мы продолжим работать с этими людьми, произойдет еще одно преступление».

Представитель кавполка: «Прошу прощения, я не имею прямого отношения к группе, но

пришел на собрание, так как уже не знаю, к кому обратиться. Дело в том, что, пока идет это собрание, прямо в поле оставлены пять солдат с лошадьми, и меня прислали узнать, что делать — ни питания, ни ночлега у них нет. Я ходил к Шульцу, он сказал, что этим не занимается, послал к администратору площадки, тот тоже ничего не знает, я решил идти сюда, может, это хоть кому-то из вас небезразлично».

После этого выступления присутствовавший на собрании директор фильма Костровский вышел с представителем кавполка для выяснения обстоятельств случившегося. Собрание тем временем продолжалось. Было решено дождаться возвращения директора, выслушать его и принять решение. Однако прошло полчаса, час, но директор так и не объявился. За ним послали профорга группы, чтобы тот напомнил директору, что его ждут сорок человек. Профорг вскоре вернулся и принес неутешительную весть: оказывается, директор, а также Шульц и Грибков находятся в своем номере и отказываются идти на собрание, обвиняя его в предварительном сговоре и тенденциозности. В итоге собрание вынесло постановление без них. В нем говорилось: просить генеральную дирекцию киностудии «Мосфильм» отстранить от работы и привлечь к административной ответственности Костровского, Шульца и Грибкова за преступно халатное отношение к выполнению служебных обязанностей, профессиональную безграмотность, повлекшие за собой срыв подготовки всех объектов и чрезвычайное происшествие с трагическим исходом, а также за оскорбление общего собрания коллектива группы.

Забегая вперед скажу, что руководство киностудии удовлетворило только последнюю часть требований коллектива — заменило Шульца и Грибкова. Что касается Костровского, то его в группе оставили под предлогом того, что он хорошо зарекомендовал себя на других фильмах и вообще хороший работник.

В тот день, когда в съемочной группе Михалкова состоялось собрание (6 сентября), в Москве бушевали спортивные страсти: во Дворце спорта в Лужниках игрался финальный матч на Кубок СССР по хоккею. Встречались ЦСКА и челябинский «Трактор». Интересным получился только первый период, когда «Трактор»

еще пытался оказать достойное сопротивление армейцам. Но затем мастерство и опыт хоккеистов ЦСКА взяли верх, и на две шайбы челябинцев они ответили шестью. В итоге Кубок вновь остался в Москве (в прошлом розыгрыше, как мы помним, победили столичные динамовцы). Золотой состав ЦСКА выглядел так:

Николай Афонин, Владислав Третьяк; Юрий Блохин, Алексей Волченков, Александр Гусев, Виктор Кузькин, Владимир Лутченко, Геннадий Цыганков, Юрий Блинов, Владимир Викулов, Александр Волчков, Сергей Глазов, Владимир Гостюжев, Виктор Жлуктов, Борис Михайлов, Евгений Мишаков, Владимир Петров, Владимир Трунов, Валерий Харламов; тренер — Анатолий Тарасов.

Известная киноактриса Виктория Федорова некоторое время назад вернулась со своей дачи в Подмоскowie в столицу и в скором времени должна была отправиться на съемки нового фильма в Молдавию. Как мы помним, на даче она жила со своим возлюбленным — 53-летним известным сценаристом Николаем, который, помимо огромного таланта, имел страсть к выпивке. Постепенно он заразил этим и Викторию. Однако этим летом она получила долгожданную весточку от своего отца — американского адмирала Джексона Тэйта, которого безуспешно разыскивала два десятка лет, воспрянула духом и уже совсем иными глазами взглянула на свои отношения со сценаристом. Он стал ей противен. Но Виктория никак не находила в себе силы сделать решительный шаг, чтобы избавиться от него раз и навсегда. Помогла ее мать — актриса Зоя Федорова, которая с самого первого дня возненавидела сценариста.

Все произошло как-то вечером, когда Николай, по своему обыкновению, напился и недолгожданно скончался. Виктория возьми и скажи:

— Если бы кто-нибудь хоть раз увидел его в таком состоянии, мы бы, глядишь, и избавились от него.

Мать сразу поняла, к чему клонит ее дочь, и взяла инициативу в свои руки. Она позвонила по телефону сразу по нескольким адресам и пригласила к себе на квартиру несколько человек, которых сценарист боялся как огня. Среди них были: председатель писательской органи-

зации, в которой состоял Николай, секретарь партийной организации, а также участковый врач и милиционер. Когда они пришли, Зоя ткнула пальцем в сценариста и хорошо поставленным голосом произнесла:

— Я пригласила вас сюда, товарищи, чтобы вы воочию увидели человека, столь высоко вами ценимого, человека, которого мы вытащили из грязной лужи, не то он бы в ней захлебнулся.

Николай, который с первых же мгновений после появления в квартире внушительной делегации впал в прострацию, попытался было что-то возразить, но тут свой голос в плела в ткань разговора Виктория. Не давая опомниться бывшему возлюбленному, она спросила:

— Кто-нибудь из вас знает, каким образом этот человек потерял четыре передних зуба?

Врач, к чьей компетенции относился этот вопрос, высказал предположение, что сценарист, видимо, поскользнулся и упал на улице. На что Виктория рассмеялась:

— Все произошло вот в этой комнате. Коля напился до чертиков и упал, ударившись лицом о спинку вот этого кресла.

Понимая, что любая его реплика в сложившейся ситуации может быть воспринята против него, Николай заявил, что уходит спать. Но тут уже в дело вмешался милиционер. Преградив сценаристу путь, он заметил:

— Здесь вам спать не положено. Вы тут не прописаны.

Николай схватился за сердце, но этот картинный жест не произвел на присутствующих никакого впечатления. Все уже были настроены против него. Даже парторг, который некогда симпатизировал сценаристу, теперь с металлом в голосе произнес:

— Какой позор, Коля. Вас удостоили наивысшей награды, какую только может получить член партии в нашей стране, а вы ее опозорили.

После этого в разговор вновь вступила Зоя Федорова:

— Правильно. Пока этот человек будет продолжать настаивать на проживании в этой квартире, на что не имеет законного права, он будет позорить коммунистическую партию. Мы, две слабые женщины, не можем справиться с ним.

В итоге Николая заставили быстренько одеться и, что называется, под белые рученьки увели из квартиры Федоровых. Правда, уже на следующий день он попытался по телефону попросить прощения у Виктории, но та была краткой:

— Если ты хочешь вернуться, то знай, что тебя встретит моя мама со скалкой. Поэтому, если ты осмелишься когда-нибудь подойти ко мне или к мамуле, клянусь, я позову милицию.

Эльдар Рязанов и его съемочная группа продолжают работу в Риме. На площади Пьяцца ди Навона снимали начальный эпизод фильма — сумасшедший проезд «Скорой помощи» по тротуару между столиками кафе. С трудом добившись разрешения снимать на этой площади (на ней всегда полно туристов), киношники собственными силами создали затор из машин членов съемочной группы. Они взяли у хозяина летнего кафе столы и стулья, посадили несколько человек массовки, а одного из них поместили возле стены. И этот человек едва не погиб.

Во многом все произошло из-за того, что возможности репетировать не было — полиция разрешила проделать это один раз и быстро убираться. В результате каскадер, сидевший за рулем «Скорой», лихо смел с тротуара столы и стулья, но проехал слишком близко от человека из массовки. С истошным воплем тот рухнул на асфальт. У всех в тот миг сложилось впечатление, что машина вдавила его в стену. Но, к счастью, все обошлось всего лишь шокком — до трагедии не хватило буквально нескольких миллиметров. Но это стало поводом для грандиозного скандала. Участники массовки и толпа, которая возникла мгновенно, стали требовать от директора картины денег в уплату пострадавшему и заодно — свидетелям тоже. В противном случае они грозились немедленно отправиться в редакцию газеты, которая расположена тут же на площади, и рассказать о творимых на съемках безобразиях. Угроза была серьезной: пришлось дать им денег.

В выходные дни Рязанов и его коллеги превращались в туристов и с удовольствием посещали прекраснейшие итальянские города — Флоренцию, Венецию, Сиену, Пизу, Орвьето, Сперлонгу, Ассизи и даже карликовую респуб-

лику Сан-Марино. Экспедиция в Италии продлится до 14 сентября.

Другой известный кинорежиссер и актер Леонид Быков продолжает снимать под Черниговом фильм «В бой идут одни «старики». До конца съемок оставался еще месяц, а 8—10 сентября уже снимался финал: Маэстро, Макарыч и Кузнечик находят могилу двух летчиц, одна из которых была невестой их боевого товарища Ромео. Как мы теперь знаем, фильм завершается эпизодом, когда Маэстро и Макарыч сидят в степи возле памятника, и на фоне этого финального кадра будет звучать песня «За того парня».

В Ялте идут съемки фильма «Звезда экрана». Режиссер Владимир Гориккер собрал в свою музыкальную комедию разношерстный актерский состав: в нем были как именитые звезды — Вера Васильева, Михаил Пуговкин, Савелий Крамаров, Алексей Смирнов, так и дебютанты: Валентина Смелкова, Гренада Мнацканова, Виктор Ильичев и др. Особым вниманием у ялтинских киноманов пользовался Савелий Крамаров, который в те годы считался звездой с приставкой «супер». Кстати, это было зафиксировано и в финансовой отчетности группы: из всего актерского коллектива самые крупные гонорары были у Пуговкина (2050 рублей) и Крамарова (1950). Вот что вспоминает о тех днях актриса Надежда Репина:

«Съемочную группу поселили в гостинице «Массандра». С Крамаровым я до этого не была знакома. Мы только здоровались. Двери наших номеров были напротив, и я всегда удивлялась, какие красивые длинноногие девушки выходили от него по утрам. На пляже он представлял своих барышень коллегам-актерам:

— Познакомься, моя временная жена...

И радостно косил, оценивая реакцию.

И тут в Ялту приехал Театр киноактера, а среди артистов — Нина Маслова. Она, если помните, в «Большой перемене» играет Коровянскую, за которой ухаживает герой Крамарова.

Встретив Нину на пляже, Савелий «испуганно» закричал:

— Ой, что будет, настоящая жена приехала!

Хотя с Ниной у Крамарова никакого романа не было — я точно знаю...»

Кстати, сама Надежда Репина, играющая в фильме крохотную роль, тоже времени зря не

теряет и романит не хуже Крамарова. Этот роман позднее ляжет в основу знаменитого кинохита «Зимняя вишня». Как вспоминает сама актриса:

«Я играла какую-то чушь в массовке. У меня только что родился ребенок. Я так устала от пуза и родов, что согласилась на что угодно, только чтобы отвлечься. Сценарист Владимир Валущкий был первым мужчиной, с которым я изменила мужу. Причем я в него не влюбилась. Он мне не понравился. Мне просто захотелось увести мужика. От очень сильной женщины (он был женат на Алле Демидовой. — Ф.Р.). Захотелось посоперничать. Кроме того, мои строгие родители меня никогда не выпускали из дома — я не нагулялась, — а этого делать нельзя...»

Тем временем в Москве продолжают бушевать страсти вокруг книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Опасаясь, что книга вот-вот может выйти на Западе, КГБ попытался заключить с автором сделку: через его бывшую жену Решетовскую ему предложили напечатать в Советском Союзе «Раковый корпус» в обмен на отказ от публикации «ГУЛАГа». Но Солженицын отказался. Как он сам напишет позднее: «Как же не желать, не добиваться первой всего — своего печатания на Родине? Но вот уродство: так опоздано, что уже не стоит жертв. Символический тираж, чтобы только треп пустить о нашей свободе? Продать московским интеллигентам, у кого и так — «самиздатский» экземпляр на полке? Или, показавши в магазинах, да весь тираж — под нож? Вот сложилось! — я уже и сам не хочу. Москва — прочла, а России вся правда нужней, чем старый «Раковый»...»

Не сумев убедить Солженицына, КГБ принимает ответные меры. 10 сентября он распространяет по отделам ЦК КПСС и по своему особому списку краткую — на 20 страницах — аннотацию «сочинения Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», где дает ему самые уничижительные оценки. А сам писатель чуть ли не каждый день встречается с зарубежными журналистами в Москве и ведет контригру. Два месяца спустя он напишет: «В первый раз выхожу на бой в свой полный рост и в свой полный голос. Для моей жизни — момент великий, та схватка, для которой я, может быть, и жил... Не то ли время

подошло наконец, когда Россия начнет просыпаться?..»

11 сентября до Советского Союза долетела тревожная весть — в Чили свергнуто правительство демократически избранного президента Сальвадора Альенде. Это оказалось возможным благодаря активной поддержке американских спецслужб, которые потратили на свержение Альенде 8 миллионов долларов. Как сообщили средства массовой информации, Альенде был убит путчистами во время штурма резиденции Ла Монета. На самом деле его гибель выглядела иначе. Как расскажет много позже личный врач президента Патрисио Гихон, Альенде закончил жизнь самоубийством: сел на стул, зажал автомат, подаренный ему Фиделем Кастро, между коленей и выстрелил себе в горло. От силы выстрела тело самоубийцы подскочило и снова упало на стул. Автомат остался между ног. Каска в момент выстрела слетела с головы, а на гобелены брызнула энцефалическая масса снесенной выстрелом части черепа от бровей и выше.

В дни переворота в Чили находилась делегация советских кинематографистов. Среди них была киноактриса Эва Киви, которая видела Альенде буквально за несколько часов до гибели. Она вспоминает:

«Сторонники Альенде строили оборону вокруг дворца Ла Монета. Я находилась неподалеку, когда произошло первое нападение на дворец: пять танков окружили Ла Монету и стали стрелять. Я жила всего в ста метрах, но пока добежала до отеля, мои ноги были все в крови — в проезжавший мимо автобус бросили бомбу, были жертвы...»

Мне совсем не хотелось уезжать, но в стране было очень беспокойно. Однажды утром бросили бомбу во двор кубинского посольства. Потом обстреляли наше. Советским гражданам не разрешали выходить на улицу. Я жила в гостинице и не знала о предупреждении — обо мне все забыли (к тому времени вся советская киношная делегация уже уехала в США, а Киви осталась — у нее здесь был роман с одним из врачей Альенде Данило, который был сражен красотой актрисы и подарил ей жемчужину Саргассова моря. — Ф.Р.). Вот я и отправилась на центральную площадь слушать последнюю речь Альенде. Вся огромная площадь была за-

пужена народом. Проталкиваться к трибуне пришлось, наверное, час. В толпе меня заметил Эдуардо (еще один соратник Альенде и поклонник актрисы. — Ф.Р.). Он бросился вниз с трибуны и буквально по головам пробился ко мне: «Немедленно уходи. Тебя же убьют!» Дал знак спецназовцам, и меня отвели в гостиницу. Вскоре там появился и сам президент со свитой. «Тебе надо быстрее отсюда уехать. Это начало конца», — сказал мне Альенде, и по его щекам потекли слезы...»

Между тем американка Ирина Керк, которая пообещала актрисе Зое Федоровой и ее дочери Виктории найти ее отца Джексона Тэйта и доставить от него весточку, сдержала свое слово. Она действительно разыскала этого человека во Флориде, и он, несмотря на недоверие к ней (Тэйт думал, что она всего лишь интриганка, преследующая какие-то свои цели), согласился написать своей бывшей возлюбленной и дочери короткое письмо. Оно датировано 12 сентября. В нем говорилось:

«Моя дорогая Зоя.

Не могу поверить, что и спустя столько лет великая держава видит в нас угрозу и причиняет горе нашей дочери, обязанной своим рождением нашей огромной любви. Мне уже семьдесят пять, жизнь прожита. Впереди — очень короткая дорога.

Я никогда не забуду ту восхитительную ночь после Дня Победы, когда ты лежала в моих объятиях и когда была зачата Виктория. Мы решили тогда, что, если родится мальчик, мы назовем его Виктором, а если девочка — Викторией, в честь великой победы, одержанной народами мира. Мы никому не причинили зла, мы только любили друг друга. За что же на нас обрушила свою злобу могущественная политическая организация или правительство? И, уж конечно, бремя этой ненависти не должно лежать на Виктории, невинном дитяте нашего союза.

А тебе, Виктория, моей дорогой доченьке, могу сказать лишь одно: мне бесконечно жаль, что моя любовь к Зое причинила тебе столько горя и страданий.

Я любил тебя, Зоя, люблю до сих пор и храню в душе воспоминания о том коротком годе, когда мы были вместе. Джексон».

Это письмо попадет в руки Федоровых чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями того сентября.

12 сентября в Отдел пропаганды ЦК КПСС был вызван главный редактор журнала «Октябрь», которого, что называется, по самые гланды пропесочили за то, что в девятом номере журнала за этот год он поместил «идеологически вредное» стихотворение Евгения Долматовского, посвященное празднику 23 февраля. По мнению идеологов со Старой площади, система образов этого стихотворения такова, что вместо раскрытия преемственной связи героических традиций советского народа и его вооруженных сил она объективно ведет к противопоставлению сегодняшнего времени прошлому. Дескать, в стихотворении содержатся двусмысленные образы и формулировки, бросающие тень на современность. Например, такие строчки: «Теперь салют сменился фейерверком. Не пушки, а одни хлопушки бьют». Или такие: «Конечно, разноцветные ракеты салютам огнедышащим родня, но дальняя... И рыбы — предки наши!» Главреда предупредили: еще один подобный прокол, и — прощай должность.

Генсек Брежнев тем временем в поте лица трудится на благо Родины: подписывает в Кремле указы, встречается с государственными деятелями разных стран, с тревогой знакомится с сообщениями из Чили, где несколько дней назад произошел вооруженный переворот. А вечером целиком отдается любимому занятию — изучению автомобильного каталога. Как мы помним, летом, во время визита Брежнева в Америку, президент Никсон подарил ему новенький «Линкольн», и теперь генсек решил запастись для него всеми необходимыми запчастями — так сказать, на всякий случай. А поскольку одному это дело было не осилить, он вызвал к себе своего переводчика Виктора Суходрева. Тому же страсть как не хотелось этим заниматься, ведь откуда он мог знать, какая деталь этому лимузину в будущем понадобится. Попытался было объяснить это Брежневу, — мол, «Линкольн» — машина классная и новые детали ей не скоро понадобятся, — но генсек был настойчив: садись и выписывай детали.

В разгар работы в кабинете Брежнева звонил телефон. Чтобы не брать трубку, хозяин кабинета нажал на кнопку громкой связи. Суходрев узнал голос Андрея Кириленко. Тот стал просить Брежнева разрешить ему съездить в отпуск — мол, надо здоровье поправить. Брежнев секунду подумал, затем сказал:

— Ладно, поезжай. Да, кстати, тут Косыгин предлагает провести Пленум по вопросам пьянства. Не знаю, не думаю, что это сейчас своевременно.

Кириленко тут же согласился с генсеком:

— Правильно думаешь. У нас пили, пьют и будут пить.

Выключив «громкую», Брежнев покачал головой и с печалью в голосе произнес:

— Ну и коллеги у меня: кто в отпуск, кто еще куда-а... А ты сиди один, дядя Леня, и мудохайся...

Популярная актриса Валентина Малявина в эти же дни решает слетать на несколько дней в Грозный, чтобы проведать там своего возлюбленного — актера Александра Кайдановского, который снимается в Чечне у Никиты Михалкова в «Своем среди чужих...». Эта идея пришла Малявиной с подачи Анатолия Солоницына. Тот был проездом в Москве, собирался улететь в Грозный и сообщил ей, что Кайдановский по ней сильно скучает. И Малявина вылетела вместе с ним. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Прилетаем в Грозный. Едем в гостиницу. Толя открывает дверь Сашиного номера. За столом спиной к двери сидит Саша и слушает Брамса. Он всегда брал напрокат проигрыватель, покупал пластинки и в свободное время слушал их.

Толя позвал его.

Саша, не поворачиваясь, поздоровался с Толей.

— Ты хоть повернись ко мне, — шутливо сказал Толя.

Саша повернулся и увидел меня. Он был очень эмоциональный, Саша Кайдановский. Многие считали его холодновато-рассудочным, но это не так. В глазах у Саши стояли слезы.

— Спасибо, Толя. Спасибо, — говорил он.

Толя нас оставил. А мы, не шевелясь, всматривались друг в друга.

Жара в Грозном необыкновенная. И как они снимаются в такую жару?

Во дворе баскетбольная площадка. Поутру и вечером Никита с командой играли в баскетбол. А мы с Сашей гуляли у озера и смотрели на огромный факел у горизонта. Факел упирался в седьмое небо. Даже страшновато было от такого огненного столба. Днем я ходила на рынок, покупала овощи, фрукты, зелень, очень вкусный сыр, замечательное вино.

У Саши, как всегда, много хороших книг, но он просил меня не читать, а слушать музыку. Хорошо было! Но надо уезжать. В театре много работы (Малявина работала в Театре имени Вахтангова. — Ф.Р.), в кино снималась, на телевидении делали 4-серийный спектакль по Писемскому «Тысяча душ», где мы с Васей Лановым играли главные роли...

Владимир Высоцкий вместе с Театром на Таганке находится в Ташкенте (приехали 11 сентября). Помимо участия в спектаклях Высоцкий выступает там и с концертами (пел в столице Узбекистана, а также в Навои, Чирчике). Живет он не в гостинице, где остановились его коллеги, а дома у режиссера Георгия Юнгвальд-Хилькевича, которого хорошо знает по совместной работе в фильме «Опасные гастроли». Вот как вспоминает об этом режиссер:

«Однажды он накупил арбузов, дынь, винограда, все разложил в ванне и наполнил ее водой. Приходил туда, менял воду, смотрел на всю эту красоту и говорил: «Пусть лежит». И мы ехали ко мне. Он просто балдел от Ташкента, повторял: «Остался же кусочек человеческой жизни в этой сраной стране!»

Высоцкий был очень наблюдательным. Прихожу домой, а он стоит и в окно смотрит. «Что такое «булды»?» — спрашивает.

Оказывается, внизу во дворе узбеки в большом казане плов готовили. «Все вокруг суетились, — рассказал мне Володя, — а потом толстый узбек пришел и сказал «булды!». Они схватили котел и куда-то потащили. Что это значит?»

Я объяснил ему, что «булды» — по-узбекски «хватит». Он запомнил. Обожал мои узбекские байки, просил, чтобы я их рассказывал. А потом уже и сам повторял их в компании...

Из Ташкента перенесемся на берега Енисея. Там, в небольшом городке, в те сентябрь-

ские дни случилась трагедия — погиб подросток. Суть этой истории такова.

13 сентября двое подростков, относившихся к категории трудных (у одного из них отец сидел в тюрьме, другой состоял на учете в милиции), собрались сбежать в тайгу. Застрельщиком этого побега выступал 14-летний Александр Пухов, а компанию ему согласился составить его одноклассник Анатолий Купцов (фамилии изменены). Подростки заранее запаслись продуктами, деньгами (их Пухов стащил у своей соседки по коммунальной квартире), бензином. Утром того дня они вышли из дома чуть свет и направились к Енисею, где у них на приколе стояла моторная лодка. И тут, на свою беду, им встретился 16-летний Андрей Черешнев, который шел по своим делам. Беглецы попросили его помочь им донести до лодки канистру с бензином, а когда Андрей помог им, они затолкали его в лодку и увезли с собой. Просто так, ради прикола. В те минуты никто из них еще не знал, что эта поездка закончится для одного из них трагически.

Плыли подростки около 50 километров, после чего разбились в тайге лагерь. Поставили палатку и легли спать. А на следующее утро началось... Купцов ни с того ни с сего внезапно припомнил Черешневу старую обиду. Как-то Купцов попросил у приятеля мотоцикл, чтобы съездить куда-то по делам, и тот не пожалничал. Но когда отец поинтересовался, где мотоцикл, сын не стал скрывать и назвал имя того, кому он его отдал. Отец явился в дом к Купцову и устроил ему выволочку. С тех пор подросток затаил обиду на Андрея и при первой же удобной возможности попытался отомстить. Купцов избивал Черешнева сначала один, а потом к нему присоединился и Пухов. Просто так, от скуки. Били они своего приятеля примерно полчаса, после чего вроде бы утомились. Но, оставляя жертву на холодной земле, пообещали вскоре вновь продолжить экзекуцию. Что оставалось делать Черешневу? Улучив момент, он собрался с силами и бросился бежать в тайгу. Его мучители помчались следом, однако поймать беглеца им не удалось.

Черешнев плутал по тайге примерно два часа. Затем он вышел к избушке, где коротали время двое взрослых мужчин, прибывших сюда на рыбалку. Черешнев этой встрече искренне

обрадовался: ему показалось, что в лице этих мужчин он может найти спасителей. Парень ошибся. Несмотря на то что он честно рассказал о том, что с ним случилось утром, мужчины отнеслись к его рассказу на удивление безразлично. А ведь он был весь в кровоподтеках, босиком, в рваной рубашке. Но это нисколько не тронуло сердца мужчин. Они отказались взять его с собой (хотя место в лодке у них было) и покинули место своей стоянки. Но ладно бы только это. Однако они по дороге в город захвали к приятелям Черешнева и сообщили им о его новом местонахождении. Дескать, ваш друг спит в нашей избушке, можете его забрать. Что Пухов с Купцовым и сделали. И мучения Черешнева начались по новой. На этот раз его избили особенно жестоко.

15 сентября судьба подарила несчастному еще одну надежду на спасение. К месту проживания подростков приехал егерь со своим приятелем. Черешнев к тому времени уже был избит чуть ли не до полусмерти и лежал связанный в палатке. Егерь поинтересовался, что с ним, на что Пухов соврал, что тот спит. Хотя по внешнему виду «спящего» было видно, что дело тут нечисто: рубашка окровавлена, лицо избито. Но егеря судьба парня тоже не заинтересовала. Более того, он вызвался починить ребятам ружье, которое те сломали, избивая им Черешнева.

Егерь с приятелем переночевали у подростков, даже успели скоротать с ними время за игрой в карты. Несколько часов резались в «дурака». Утром мужчины собрались и покинули гостеприимный лагерь. Едва их лодка скрылась из вида, как Пухов и Купцов вновь принялись избивать Черешнева. От полученных побоев тот вскоре скончался. Когда отморозки поняли, что совершили убийство, они решили избавиться от трупа. Погрузили его в лодку и, отплыв на значительное расстояние от берега, сбросили в воду. Они рассчитывали, что теченье отнесет тело далеко вниз, но вышло иначе. Уже на следующий день тело убитого прибило к берегу в 20 километрах выше створа Саянской ГЭС. Через несколько дней убийц арестуют. Поскольку были они несовершеннолетними, суд вынесет им самый максимальный для их возраста срок — 10 лет колонии строгого режима.

И снова вернемся в Москву. 3 сентября на столичный экран вышли три новых фильма: современная психологическая драма **«Монолог»** Ильи Авербаха с участием Михаила Глузского, Маргариты Тереховой, Марины Нееловой и др.; экранизация бессмертного произведения Д. Дефо **«Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»** Станислава Говорухина с Леонидом Куравлевым в роли Робинзона и лирическая киноповесть **«Саженьцы»** Резо Чхеидзе; 10-го — драма Ярополка Лапшина по мотивам романа Д. Мамина-Сибиряка **«Приваловские миллионы»** с участием Леонида Кулагина, Людмилы Хитяевой, Владислава Стржельчика и др.; 12-го — историческая драма **«Геркус Мантас»** литовского режиссера Марионаса Гедриса.

Кино на ТВ: **«Служили два товарища»**, **«Софья Перовская»** (1-го), **«Илья Муромец»**, **«Семь стариков и одна девушка»** (2-го), **«Найди меня, Лень!»** (4-го), **«На войне как на войне»** (6-го), **«713-й просит посадку»** (7-го), **«Поединок»** (9-го), **«Гадюка»** (10-го), **«Суворов»** (11-го), **«Инженер Прончатов»** (11–12-го), **«Судьба клоуна»** (14-го), **«Цветы запоздалые»**, **«Свой»** (15-го) и др.

Среди эстрадных представлений выделяю следующие: 1–5-го — в Ждановском ПККиО выступал ВИА **«Веселые ребята»**; 5-го — в концертном зале гостиницы **«Советская»** состоялись сборные концерты с участием Геннадия Хазанова, Александра Шурова, Николая Рыкунина, Владимира Макарова и др.; 8–14-го в Зеленом театре ВДНХ — ВИА **«Поющие гитары»**; 11–20-го в Театре эстрады — ВИА **«Орэра»**.

В воскресенье, 16 сентября, известный советский физик Юрий Орлов написал открытое письмо Леониду Брежневу. Поскольку это послание слишком объемно, чтобы воспроизводить его полностью, процитирую лишь отрывок из него:

«Наш способ политического управления является типичным режимом без обратной связи. В сущности, мы соревнуемся с капитализмом, поставив сами себя в наиболее невыгодные условия: не используем всех возможных стимулов и всех каналов обратной связи, не доверяем собственным гражданам. Мы избежали бы многих ошибок и бедствий, если бы предоста-

вили народу на первых порах хотя бы совещательный голос, не формально, а на практике, и обратились бы, например, к испытанному методу обратной связи — свободной печати, то есть печати без политической и идеологической цензуры, с указанной выше оговоркой...

Вы, очевидно, понимаете, что сажать оппозиционеров в психдома и калечить их там уколами — это мерзость вроде стерилизации политических противников в нацистском обществе. Здесь мне, в сущности, не о чем спрашивать...»

Трудно понять, на что рассчитывал Орлов, отправляя это письмо генсеку, поскольку шансов на то, что оно попадет в руки Брежнева, не было никаких — подобные послания перехватывались и попадали прямиком в КГБ. Спустя несколько лет это письмо будет фигурировать в уголовном деле Орлова в качестве главного обвинения.

17 сентября из Союза писателей СССР был исключен писатель Владимир Максимов. Он был принят в СП в декабре 1963 года, после того как его прозу похвалил сам главный идеолог страны Леонид Ильичев. Но уже спустя пять лет Максимов навлек на себя гнев верхов, согласившись подписать письмо в защиту осужденных за антисоветскую деятельность Гинзбурга, Галанскова, Добровольского. За это на него было наложено дисциплинарное взыскание — строгий выговор. Но он не напугал писателя. В начале 70-х Максимов написал два романа, в которых позволил себе нелицеприятную критику власти. В первой книге **«Семь дней творения»** речь шла о старом, большевике, который к концу жизни переосмысливает свою судьбу. Во втором — **«Карантин»** — описывалась сегодняшняя советская действительность, помеченная летом 70-го (действие разворачивается в поезде, который ставят на карантин из-за эпидемии холеры). В **«Карантине»** Максимов в карикатурном виде вывел некоторых популярных деятелей советского искусства, спрятав их под псевдонимами. Но знающие люди легко угадывали в Женке поэта Евгения Евтушенко, а в артисте Ельцове — Олега Ефремова.

Естественно, что оба романа не имели ни малейшего шанса быть опубликованными у себя на родине. Тогда Максимов опубликовал их на Западе в издательстве **«Посев»**. А такие вещи в те годы не прощали. Тут же собрали сек-

ретариат СП и за 40 минут решили судьбу Максимова — исключили из своих рядов. Самое интересное, что в 63-м одним из рекомендовавших Максимова в СП был Александр Борщаговский. Спустя 10 лет он же вел собрание, на котором Максимова из этого Союза исключали. Вот такой парадокс.

18 сентября поэт Ада Якушева и ее муж Максим Кусургашев въехали в новую квартиру, которая располагалась в ведомственном доме Гостелерадио (Максим работал на радио) на проспекте Мира. В отличие от большинства именитых новоселов этого дома (например, вместе с ними в него вселился и руководитель оркестра Гостелерадио Юрий Силантьев), каждый из которых закатил пышное новоселье, эта семья отметила свое вселение более чем скромно: посредине пустой комнаты глава семейства выставил ведро водки, на газетку выложил нехитрую закуску (огурчики, помидорчики, зелень), а рядом поставил ковш хлебного кваса. Водку из ведра черпали половником. Вскоре гости «начерпались» до такой степени, что еле ворочали языками. И только Ада, которая вот-вот должна была родить, не брала в рот ни грамма.

Веселье могло продолжаться до утра, если бы вскоре хозяйка не почувствовала... предродовые схватки. Женская половина гостей тут же собрала ее в дорогу. Поскольку у одного из гостей внизу стояло личное авто, а сам он успел к этому моменту более-менее протрезветь, ему и поручили доставить роженицу в роддом. В тот же день на свет появилась девочка, которую счастливые родители назвали Дашей.

18 сентября режиссер Андрей Смирнов приступил к натурным съемкам фильма «Осень». Как мы помним, последней его картиной был «Белорусский вокзал», который он пробивал трудно и мучительно. Поэтому свой следующий фильм он решил сделать демонстративно аполитичным. Теперь это была лента о любви, в которой общественная позиция если и читалась, то в подтексте, между строк. Сюжет фильма был прост: два уже взрослых человека (актеры Наталья Рудная и Леонид Кулагин), некогда сильно любившие друг друга, но потом расставшиеся, по воле случая встречаются на маленькой глухой станции и проводят там вместе восемь дней. Натурные съемки велись в

Карелии, в деревне Гомсельга, что в 40 километрах от Петрозаводска. Как вспоминает Л. Кулагин:

«Съемки начали с простой сцены — поцелуй в коридоре поезда. Андрей видел, как я смущен, он мною руководил: «Ну, запихни ей руку под подол!» Я краснел и огрызался: «Да ты что, с ума сошел?» (Кстати, актриса Нина Рудная была женой Смирнова. — Ф.Р.) После долгих мук нашли выход, Наташа надела чулки с резинками, и я хватал ее уже не за бедро, а за эту резинку...»

Фильм снимался легко, и ни у кого из снимающих его даже мысли не было о том, каких усилий потребуется в дальнейшем, чтобы пробить его на экран. Даже «Белорусский вокзал» не знал подобного! Но об этом я расскажу позже, а пока продолжим знакомство с событиями сентября.

В эти же дни съемочная группа другого фильма — «Романс о влюбленных» — отбыла для съемок «военных» сцен в Севастополь (съемки начнутся 20 сентября). Незадолго до отъезда режиссер картины Андрей Михалков-Кончаловский попытался расставить точки над «i» в своем романе с исполнительницей главной женской роли Еленой Кореневой. Как мы помним, в июле, когда его жена Вивиан поставила вопрос ребром «или я — или она», Кончаловский выбрал любовницу. Но в начале сентября он, кажется, решил на разрыв с Еленой. Во всяком случае, ей самой так показалось. Однако уже через несколько дней после этой прощальной встречи режиссер вновь позвал Кореневу к себе на Воровского. Взяв ее за руку, он произнес вслух мысли, которые, видимо, мучили его все эти дни: «А мы все длимся и длимся... и не можем разьединиться...» До конца их романа было еще далеко.

Вот уже почти месяц минул со дня премьеры телефильма «Семнадцать мгновений весны», а страсти вокруг него не утихают. Центральные газеты публикуют восторженные заметки о фильме, на телевидение мешками приходят письма с просьбами повторить сериал заново. Авторы фильма находятся на седьмом небе от счастья, поскольку такого ошеломительного успеха из них не ожидал никто. Однако одному из создателей ленты в те дни совсем не до веселья. Речь идет о композиторе

Микаэле Таривердиеве, которого обвинили... в плагиате. А началась эта история вскоре после завершения показа «Мгновений» на телеэкране. Таривердиев заехал по делам на Всесоюзное радио, а там ему говорят: «Нам звонили из французского посольства, французы протестуют против этого фильма, потому что музыка в нем содрана у композитора Франсиса Лея, с его фильма «История любви». «Что за бред?» — возмутился Таривердиев. «Бред не бред, но это — факт», — ответили ему. Та же история произошла и на студии имени Горького, где снимался фильм. Туда позвонил некий гражданин, представился работником французского посольства и выразил возмущение тем, что музыка «Мгновений» — плагиат музыки Лея. Тут уж Таривердиеву стало совсем не по себе. Но окончательно его добил звонок из Союза композиторов: Таривердиева просили немедленно приехать. Едва он переступил порог приемной председателя Союза, как секретарша протянула ему телеграмму... от Франсиса Лея. В ней сообщалось: «Поздравляю успехом моей музыки в вашем фильме. Франсис Лей». (Текст был написан по-французски, и тут же был приколот листочек с переводом.)

Слухи об этой телеграмме мгновенно стали достоянием широкой общественности. Во всех творческих союзах столицы только и говорили об этом скандале. И хотя подавляющая часть людей была на стороне Таривердиева, считая его автором собственной гениальной музыки (с музыкой Лея там был схож только первый интервал, одна интонация в самом начале, но вся музыка не могла быть похожа, поскольку оба композитора работали над своими произведениями одновременно — в конце 60-х), однако зерна сомнений были уже посеяны. Что говорить, если даже друзья Таривердиева из издательства «Музыка» предложили опубликовать его ноты, но рядом поместить и ноты Лея, чтобы стало очевидно — музыка разная. То есть композитору предлагалось оправдываться в том, что он не вор. А тут еще ему во время гастролей косяком стали приходиться записки с вопросами о том, правда ли, что советское правительство заплатило сто тысяч долларов штрафа за то, что он украл музыку у Лея? Короче, скандал достиг таких масштабов, что не замечать его стало уже просто невозможно.

Однако о том, как развивалась эта история дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями сентября 73-го.

В Таллине идут съемки многосерийного телефильма «Вариант «Омега», в котором главную роль — советского разведчика Скорина — исполняет Олег Даль. По словам очевидцев, эти съемки не доставляют ему особого удовольствия. Вот что вспоминает по этому поводу Борис Тух, который в те сентябрьские дни взял у Даля интервью для местной газеты «Вечерний Таллин»:

«Олег Иванович очень легко пошел на контакт, но я не скажу, что он был тогда в хорошем настроении. Эта работа в общем-то удручала его... Творчески он очень серьезно относился к собственной роли и очень скептически к этому фильму, потому что потом, когда мы с ним разговорились, он упомянул, что там, в этой работе, много «ляпов». Во-первых, эта каскетка, которую, допустим, еще можно носить в окопе, но ни в коем случае немецкий офицер не наденет ее, будучи в относительно тыловом городе. Во-вторых, желтая портупья, которой у немецких офицеров никогда не было. Портупья была у эсэсовцев, но черная. У офицеров же был просто ремень... Видно было, что все это делается людьми непрофессиональными. Олег Иванович тогда мне сказал:

— А я так и думал, что будут «ляпы», так как все это очень примитивно...

Мы с Далем разговаривали немного на площадке, как раз во время съемок сцены, где он за рулем машины. Причем водил он сам, и это доставляло ему большое удовольствие. А в основном мы беседовали в гостинице: там есть очень удобный холл, кресла. И там-то мы с ним и устраивались. Диктофона тогда у меня не было. Тогда вообще была напряженка с диктофонами. В редакции было несколько «Легенд», но, как всегда у нас, получить их было совершенно невозможно. Как правило, они предназначались для бесед с городским начальством по поводу задач, стоящих перед партийно-хозяйственным активом. Так что записывал я весь разговор с Далем в блокнот — быстро записывал, конечно, сокращая слова, но помня, что главное для меня — это сохранить его разговорную манеру...»

Забегая вперед, сообщу, что это интервью появится в газете 25 сентября и будет сильно сокращено. В нем не будет упоминаний про «ляпы», а также выпадут сетования Даля на оплату актерского труда. Даль сообщал, что администрацией съёмочной группы ведется какой-то мухлеж с почасовыми подсчетами и ему примерно треть съёмочных дней вообще не оплачивают (тогдашняя ставка Даля в день равнялась 40 рублям).

Продолжаются съемки фильма «В бой идут одни «старики». Мы оставили съёмочную группу в тот момент, когда она в начале сентября снимала последнюю натуру под Черниговом. В середине сентября группа перебазировалась на Киностудию имени Довженко, где предстояло отснять павильоны. Так, 20—24 сентября снимался эпизод в декорации «столовая»: Кузнечик, мастерски завалив «мессера» на глазах родной эскадрильи, приходит в столовую, где товарищи устраивают ему торжественный прием. В эти же дни был отснят и другой «столовый» эпизод: когда летчики «второй поющей» поминают погибшего Смуглянку. В последующие несколько дней были отсняты эпизоды в декорациях «хата девчат», «палатка».

В те же дни Фаина Раневская переезжала на новое место жительства — из высотного дома на Котельнической, где остались ее друзья Роман Кармен, Михаил Жаров, Вадим Рындин, Галина Уланова, она, по настоянию своей подруги Нины Сухоцкой, переехала в кирпичную 16-этажную «башню» в Южинском переулке. Как пишет А. Щеглов: «Наверное, это было правильно — Фаине Георгиевне стало легче жить: театр был рядом, забегали актеры. Дом был построен скучно, но капитально — «для хороших людей».

Помню, в какой-то солнечный осенний день Ия Саввина, Петр Штейн и я помогли Фаине Георгиевне переезжать с Котельнической, под градом ее рекомендаций укладывали книги: они должны были путешествовать в том же соседстве, в каком стояли на ее полках...

В ее новой квартире на Южинском тоже был небольшой холл-прихожая с остекленными дверями, как в высотке, но уже не белыми, а «под дуб»; прямо — большая гостиная, направо — коридор, приводящий в большую кухню; налево по коридору — спальня, направо — туа-

лет и ванная. Симпатии Раневской были в равной степени отданы гостиной и кухне...»

Между тем ровесница Раневской знаменитая певица Лидия Русланова (она была моложе Фаины Георгиевны всего на четыре года) доживала последние дни. Еще каких-нибудь несколько месяцев назад никто не мог предположить, что дни легендарной певицы уже сочтены — настолько активный образ жизни она вела: в июне снялась в роли самой себя в картине Евгения Карелова «Я — Шаповалов Т.П.», в начале августа дала концерт в родном Саратове, в котором состоялся ее дебют на профессиональной сцене. Однако в сентябре певица почувствовала недомогание и слегла. Смерть наступила 22 сентября на 73-м году жизни. Три дня спустя в Театре эстрады состоится панихида по усопшей, после чего ее тело предадут земле на Новодевичьем кладбище.

А жизнь между тем продолжается. В тот день, когда этот мир навсегда покинула прославленная певица, в одном из родильных домов столицы благополучно разродилась популярная актриса театра и кино Лариса Голубкина. На свет появилась девочка, которую называли Машей. Ее папой был физик Николай Арсеньев-Щербицкий, с которым Голубкина познакомилась несколько лет назад в одной из компаний. Роман был бурным, но скоротечным: говорят, на момент появления дочери отношения между возлюбленными были уже конец испорчены.

Алла Пугачева в те дни находится на подступах к своей будущей славе. Все лето она вместе с мужем Миколасом Орбакасом провела в гастрольных поездках по различным городам страны от Московской областной филармонии (за маленькой Кристиной все это время присматривала мама певицы Зинаида Архиповна). Артистов в таких программах участвовало много, поэтому Пугачевой давали петь не больше двух песен. Ей, естественно, этого было мало, она просила увеличить репертуар, но ей отвечали отказом. Тогда Пугачева самовольничала: без всякого разрешения исполняла на «бис» третью, а то и четвертую песни. Администраторы в таких случаях были буквально вне себя от гнева, кричали в лицо дерзкой певице: «Пугачева, ты ведь не одна в программе выступаешь! Ты и так в филармонии на птичьих пра-

вах! Еще раз подобное случится — уволим!» И ведь действительно уволили. Но Пугачева без дела не осталась — с помощью матери одного из своих однокурсников по музучилищу устроилась той осенью в Москонцерт.

Другая будущая звезда отечественной эстрады — Валерий Леонтьев тоже переживал не лучшие дни. В течение года он вместе с группой земляков-сыктывкарчан учился в Москве во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства. Жил в гостинице ВДНХ в четырехместном номере на 60-рублевую стипендию. Плюс был один: мастерская располагалась в помещениях Зеленого театра ВДНХ, так что от гостиницы можно было ходить на занятия пешком. Из-за того, что на жилье им полагался всего рубль в сутки дополнительно к стипендии, гостиницы приходилось менять чуть ли не ежемесячно, чтобы не платить двойную цену за койко-место. Как будет позднее вспоминать сам певец:

«Скоро я понял, что Мастерская — такое место, где ничему не научишься, если сам очень не захочешь. Теоретически Мастерская, получая за наше обучение деньги от филармонии, должна была выпустить нас с профессиональным репертуаром, подобрать нам костюмы, научить пантомиме, хореографии, сценическому движению. Певцам, естественно, дать настоящие уроки вокала. Но фактически никаких профессиональных навыков мне, например, Мастерская не дала...»

В итоге эта эпопея завершилась грандиозным скандалом. Когда директор Сыктывкарской филармонии в очередной раз приехал в Мастерскую и увидел, что его подопечных ничему толком так и не научили, он увез всю группу домой. И позднее добился в арбитражном суде, чтобы «Росконцерт» выплатил филармонии перечисленные на обучение студентов деньги.

В конце сентября на «Мосфильме» проходили павильонные съемки фильма «Вечный зов». Снимали эпизоды «на заимке Кафтанова»: это там Кафтанов (Ефим Копелян) приручает Федора Савельева (Вадим Спиридонов). Однако 26 сентября съемки встали: внезапно заболел Спиридонов, а Копелян уехал на гастроли за рубеж. Простой длился три дня, после

чего стали снимать эпизоды с участием Спиридонова (Копелян все еще не вернулся).

25 сентября настоящий переполох царил на Большой спортивной арене в Лужниках, где завтра должен был состояться матч отборочного цикла по футболу между сборными Советского Союза и Чили. «Эко диво — футбольный матч!» — скажет кто-то из читателей. Действительно, на БСА футбольных матчей до этого проводилось множество, но тот, что должен был состояться 26 сентября, был особенным. Мы помним, что 11 сентября в Чили произошел государственный переворот, во время которого законно избранный президент погиб. Советский Союз с первых же минут осудил этот путч и готов был отменить встречу своей футбольной сборной с чилийцами. Но те в то время находились в Париже и тоже резко отмежевались от нового политического руководства. Поэтому 13 сентября советская Федерация футбола направила в ФИФА заявку на проведение матча. Спустя два дня свое согласие на матч прислали и чилийцы. 24 сентября они прилетели из Парижа в Москву. А спустя сутки Лужники подверглись нашествию самых разнообразных чиновников государственного и городского масштабов, которые как саранча накрыли стадион с целью инспекции. Их интересовало все: сколько продано билетов, как будет организована охрана матча, кто будет сидеть в гостевой ложе и т. д. и т. п.

Начальник отдела информации Лужников Борис Левин утром того дня съездил в Дом звукозаписи и привез оттуда пакет, запечатанный сургучной печатью. В нем хранилась магнитофонная запись чилийского гимна, который завтра предполагалось сыграть перед началом матча. Однако едва Левин переступил порог БСА, как кто-то из высоких городских чинов его озадачил вопросом: «А вы уверены, что это именно гимн Чили?» Поскольку до этого Левин никогда этого гимна не слышал, ответить утвердительно со стопроцентной вероятностью он не мог. Случиться ведь могло всякое: в Доме звукозаписи работали люди, которым тоже было свойственно ошибаться. Вдруг они перепутали и запечатали в пакет гимн Уругвая или Бразилии? В таком случае всему руководству БСА, да и горкомовским чиновникам, отвечавшим за организацию матча, грозили серь-

езные неприятности. Чтобы подстраховаться, Левин отправился напрямик в посольство Чили — уж там-то должны были знать гимн своей страны. Однако в само посольство Левина не пустили, поскольку посчитали его просьбу смешной: неужто сам посол должен разбираться с этой пленкой? Ходоку помогла случайность. Во дворе гулял один из сотрудников посольства, который хорошо знал русский язык. На вопрос, знает ли он гимн Чили, он ответил утвердительно, и его попросили проехать до Лужников. Там ему поставили запись, в которой он безошибочно узнал гимн своей родины. Однако история с гимном на этом не закончилась.

Спустя несколько минут на улице к Левину подошел незнакомый мужчина латиноамериканской наружности. Представившись сотрудником чилийского посольства, он потребовал прокрутить ему запись обоих гимнов. «Зачем?» — искренне удивился Левин. «А затем, — ответил незнакомец, — если наш гимн будет звучать хотя бы на несколько секунд меньше вашего, то гимны играть не будут!» Левину это заявление показалось абсурдным, и он ответил: гимны будут звучать вне зависимости от их продолжительности. Но чилиец продолжал проявлять настойчивость. В конце концов Левину пришлось уступить его просьбам и проводить его в студию. Там поочередно прокрутили оба гимна, засекая время по секундомеру. И что же выяснилось? Оказалось, что гимн Чили звучал на 6 секунд больше, чем гимн Советского Союза. Но наши представители этому факту никакого значения не придали, а чилиец покинул стадион в превосходном настроении.

В среду, 26 сентября, в Харькове бесследно исчезла 24-летняя студентка 1-го курса медицинского института, гражданка Колумбии Лус Стелла Ольмос Мехиа. Мы помним, что, когда в Сочи в конце августа пропала американка, там поднялся невообразимый переполох, поскольку пропавшая входила в правительственную делегацию. Колумбийка была птицей не столь высокого полета, однако и ее исчезновение заставило тамошние правоохранительные органы поднять на ноги значительные силы. Удалось выяснить, что утром в день исчезновения (в 9.40) она вышла из общежития, где про-

живала, и больше туда не возвращалась. Сыщики проверили все ближние и дальние связи исчезнувшей, но обнаружить хотя бы одну зацепку так и не смогли. Даже постановка этого дела на контроль союзного МВД (его лично контролировал замминистра Б. Шумилин) не помогла найти пропавшую колумбийку.

Забегая вперед, скажу, что это дело длилось более двух лет. Раскрутил его замначальника 3-го отдела УУР МВД СССР подполковник милиции В. Баринов. Он сумел сделать то, что не смогли до него сделать харьковские сыскари. А именно: он выяснил, что колумбийку убил ее любовник, 26-летний студент 5-го курса исторического факультета Харьковского госуниверситета Григорий Ищенко, который проживал в том же общежитии, что и девушка. История стара, как мир. В январе 73-го Лус познакомилась с Григорием, влюбилась в него и стала с ним встречаться. Вскоре девушка забеременела, что совершенно не входило в планы обольстителя. Он предложил ей сделать тайный аборт, поскольку боялся огласки этого события. Та согласилась, но с условием, что после операции тот на ней женится. Ищенко, который совершенно не предполагал связывать свою судьбу с иностранкой, понял, что добровольно девушка от него не отвяжется. Тогда он решил ее убить.

Исчезновение убийца обставил мастерски. Сказал Лус, что нашел врача для аборта, который проживает за городом. Утром 26 сентября они вышли из общежития, сели в трамвай на улице Клочковской и доехали до железнодорожной станции Левада. Затем пересели в электричку и доехали до станции Гинеевка. Там вышли и углубились в лес в сторону села Черемошное Змиевского района. Шли недолго — ровно столько, сколько Ищенко понадобилось для того, чтобы выбрать удобное место для могилы: Зайдя сзади, парень нанес своей возлюбленной удар ребром ладони по шее (он занимался карате), после чего задушил ее. Достал из сумки штыковую лопату, которую накануне специально купил в магазине «Тысяча мелочей», и вырыл яму. Туда и сбросил тело колумбийки. Самое интересное, но харьковские сыщики какое-то время подозревали его в исчезновении девушки, но собрать достаточных улик против него так и не смогли. И только

спустя два года это удастся другой следственной группе. На суде Ищенко будет изворачиваться, как только можно: например, заявит, что девушка умерла случайно. Дескать, по дороге ей стало плохо, он стал приводить ее в чувство и перестарался. Но суд не поверит в эти росказни и приговорит душегуба к расстрелу.

В день, когда погибла колумбийка, в Москве не было зафиксировано ни одного убийства, зато произошло сразу несколько случаев нанесения тяжких телесных повреждений и хулиганства. Так, в девятом часу вечера на одном из проспектов в Перовском районе группа подвыпивших подростков, что называется, пристала к водителю Шумакову. Тот зашел в телефонную будку, чтобы позвонить, когда к нему подошел молодой человек и попросил закурить. Шумаков ответил отказом (сигарет у него с собой не было). Парень изобразил обиду, выволок водилу из будки и кликнул на помощь стоявших невдалеке приятелей. Вся компания с остервенением стала избивать водителя. На противоположной стороне улицы стояла группа мужчин, поджидавших автобус, но ни один из них и пальцем не пошевелил, чтобы помочь несчастному. А тот уже упал на землю и, прикрывая голову руками, готовился к худшему. На его счастье, мимо проходили несколько женщин, которые не побоялись пьяной своры и смело бросились на защиту избиваемого. Под натиском разъяренных дам свора отступила. Шумакову помогли подняться и препроводили его напрямик в 57-е отделение милиции. В тот же вечер троих хулиганов задержали недалеко от места преступления — парни мирно отдыхали в беседке у себя во дворе.

Тем же вечером на Большой спортивной арене в Лужниках состоялся отборочный матч чемпионата мира по футболу между сборными СССР и Чили. Как это ни странно, но 100-тысячный стадион был заполнен всего лишь наполовину. Более того, даже по ТВ этот матч не показали, мотивируя это политическими соображениями, из-за чего запись игры не велась, и ни в одном архиве вы ее теперь не найдете. Наши футболисты играли неплохо, старались, но у гостей прекрасно выступил их вратарь, который ловил даже стопроцентные голы. В итоге табло зафиксировало удручающий для нас счет — 0:0. Все должно было решиться в ответ-

ной игре, но она... Впрочем, не будем забегать вперед.

В тот же день, 26 сентября, в Новокузнецке была завершена проверка по факту гастролей в этом городе в феврале месяце Владимира Высоцкого. Он гастролировал там с 4 по 8 февраля и дал 17 концертов, выступая по 4 раза в день. По этому поводу в «Советской культуре» была помещена критическая заметка, в которой Высоцкому предъявлялись претензии в халтуре (мол, о каком качестве может идти речь, когда артист дает в день столько концертов) и делячестве (мол, все это делалось только ради денег). После выхода в свет этой заметки в Новокузнецке началась проверка. Она выявила, что Высоцкий продал сценарий музыкального спектакля «Драматическая песня», с которым выступал, драмтеатру за 1650 рублей. Помимо этого он получил за 17 выступлений еще 841 рубль. В акте проверки об этом будет сказано следующее: «В сценарий, который Высоцкий продал театру, были включены песни, музыку к которым он написал в прошлые годы, и песни эти были проданы автором другим театрам Союза. Поэтому вторично их продать Новокузнецкому театру он не имел права. Так, например, музыка к песне «Последний парад» продана Театру сатиры в городе Москве. На песню «Солдаты группы «Центр», написанную В. Высоцким, авторское право продано Театру на Таганке в Москве. Песня «Братские могилы» исполнялась в спектакле «Павшие и живые», затем исполнялась в кинофильме «Я родом из детства», а затем записана на грампластинку...»

Один экземпляр этого акта будет затем передан в следственные органы, дабы те завели на Высоцкого уголовное дело по факту незаконного присвоения денежных средств на сумму 2 034 рубля 41 копейка. Но дело не заведут: то ли кто-то вступился за Высоцкого, то ли сами зачинщики этой «каши» поняли, что их претензии несостоятельны.

Между тем сам Владимир Высоцкий в эти же дни вместе с родным Театром на Таганке находится на гастролях в Алма-Ате (приехали туда 24 сентября). Настроение у него преотличное. Вот какие строки записал в своем дневнике в четверг 27 сентября В. Золотухин:

«Перед концертами нас завезли в бассейн, отличнейший. Выдали плавки. Хмельницкий гонялся в воде за Любимовым: «Не выйдете из воды сухим, если не уеду в Югославию». А Высоцкий плавал с поднятой рукой: «Чур, первый на пост главного режиссера».

Ночевали с Высоцким в одном номере.

На ужине наши молодые плясали вовсю, играл наш оркестр, и Володька пел отчаянно. Борька (актер Таганки Борис Галкин) цыганочку под пение Володи отмачивал лихо, ух, как здорово, аж слюнки текли у меня...»

В тот же день в том же Казахстане с космодрома Байконур в космос улетел корабль «Союз-12» с двумя членами экипажа на борту: Василием Лазаревым (командир) и Олегом Макаровым (бортинженер). Чтобы понаблюдать за стартом, понаехала целая толпа ответственных лиц: сын Анастаса Микояна Алексей, командующий Ракетными войсками стратегического назначения Толубко, командующий ВВС Среднеазиатского военного округа, причем не один, а с женой и детьми, заместитель главнокомандующего Военно-Морским Флотом адмирал Амелько, республиканское начальство из Алма-Аты и др.

По плану космонавты должны были долететь до орбитальной станции «Салют-4» и работать там в течение двух месяцев. Но полет продолжался всего лишь... 23 минуты. Потом на борту случилась авария, которая едва не стоила жизни двум космонавтам. Вот как описывает эти события очевидец — Я. Голованов:

«Как только ракета взлетела и скрылась в облаках, главком Ракетных войск Толубко позвонил на дачу начальнику Генерального штаба Куликову и доложил, что «старт прошел успешно». В это время главный казахский комсомолец (первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана) схватил меня за уши и начал страстно целовать. Я вырвался и сказал, что целоваться рано: шел отсчет по 190-й секунде. «Вот слушай, когда объявят время «540 секунд полета», тогда и будем целоваться...» И в этот момент как раз и раздалось по громкой связи: «Нет сигнала о работе третьей ступени...» Потом крик Олега Макарова: «На борту авария! Аварийный спуск!» После этого Петя Климук несколько раз переспросил: «Полет нормальный?», но ответа не получил. Генералы мгно-

венно сгрудились у телефонов, расстелили большую карту. Керимов и Глушко (главный конструктор) стояли бледные и недвижимые. Наверное, Глушко вспомнил, что он впервые за все годы на космодроме не поехал на вывоз ракеты на старт, послал вместо себя Юрия Семенова (зам. главного конструктора). Наверное, вспомнил и подумал: не воздалось ли за сей грех... Мне очень понравилась решительность Александра Ефимова (1-й зам. главкома ВВС). Он подошел к столу, на котором стоял единственный телефон без наборного диска, снял трубку и сказал: «Ефимов! Всю авиацию от Новосибирска до Владивостока — в воздух!» — положил трубку, сел в машину и уехал на КП. Никогда в жизни не слышал команды столь масштабной! Могу себе представить, что тут началось! Что это? Война? Какой-то полковник подскочил к динамикам громкой связи и отключил.

А в преддверии космоса, в корабле, тем временем разворачивалась своя драма. Когда третья ступень носителя не включилась, сработала автоматика аварийного спуска. Начали взрываться пиропатроны, освобождая космический корабль от всего лишнего: приборного отсека, тормозной двигательной установки и т. п. От взрывов пиропатронов корабль бросало в разные стороны. Макаров матерился, кричал Лазареву: «Ну, е... твою мать, Вася! Вот мы и полетали с тобой два месяца!» Олег — настоящий космонавт: уже в первые мгновения он думал не о том, что работа станции накрылась. Точного своего расположения они не знали, да тогда никто его не знал, и очень боялись приземлиться в Китае. На КП тоже все время разговоры крутились вокруг вопроса: где они сядут? Олег кричал: «Ну, е... твою мать, Вася! Мы с тобой за границей не были, теперь побываем!» На НП мы сели в автобус и поехали в гостиницу. Купили еды, водки, сидели в номере у Апенченко и вели бесконечную, совершенно бесплодную дискуссию, пытаясь найти ответы на вопросы, как будут в дальнейшем развиваться события...»

В ту ночь на космодроме никто не спал. Был момент, когда кто-то разнес слух, что космонавты погибли. Но это оказалось «уткой». На самом деле Лазарев и Макаров были живы, хотя пережили несколько страшных минут.

Когда «Союз» камнем рухнул вниз, им пришлось испытать нечеловеческие перегрузки — более 20 единиц. Ракета упала на краю горной алтайской террасы на территории дружественной нам Монголии. Космонавты поступили правильно, не отстрелив парашюты, которые зацепились за деревья и не позволили кораблю скатиться по крутому скалистому склону вниз. Разбиться, конечно, не разбились бы (они были пристегнуты ремнями безопасности), но поломались бы здорово. Они вылезли из корабля и, строго следуя тексту «Инструкции по приземлению в нерасчетной точке», развели на склоне костер. Позднее Олег Макаров признается, что в ту ночь у костра они с коллегой много о чем передумали. Утром космонавтов сняли с сопки с помощью вертолета. В газетах о случившемся, естественно, не было ни строчки. Наоборот, написали, что полет прошел нормально, корабль совершил мягкую посадку на Землю юго-западнее Караганды.

28 сентября из Таллина в Москву вернулся Олег Даль (как мы помним, в столице Эстонии идут съемки фильма «Вариант «Омега», где актер играет главную роль). Самолет прилетел в час дня вместо одиннадцати, из-за чего Даль опоздал на репетицию новой пьесы в «Современнике» — «Погода на завтра» Михаила Шатрова. Это опоздание многими было истолковано как преднамеренное, поскольку именно Даль активно выступал против постановки этой пьесы на сцене театра. Как напишет сам актер в своем дневнике: «Я не против «производственного» спектакля, я против халтуры. Пьеса написана за 20 дней. Спектакль надо поставить за 30 дней. Можно себе представить язык, мысли и чувства персонажей данного произведения. Куда катимся?..»

В конце главы, как обычно, афиша столичного досуга. Из новых кинофильмов назову следующие: 17 сентября начал демонстрироваться советско-итальянский фильм «Ватерлоо», снятый Сергеем Бондарчуком (18-го режиссер представил свой фильм публике в кинотеатре «Горизонт»); 21-го началось триумфальное шествие по экранам новой комедии Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» с целым созвездием актерских имен: Александр Демьяненко, Юрий Яковлев, Леонид Куравлев, Савелий Крамаров и др.; 24-го на суд зри-

телей представил свое новое творение создатель трилогии о «неуловимых мстителях» Эдмонд Кеосаян: на этот раз это была лирическая комедия «Мужчины», снятая на «Арменфильме» с участием Армена Джигарханяна и Фрунзика Мкртчяна.

Из зарубежных фильмов стоит назвать целый букет прошлых картин, которые, несмотря на свою «вторую свежесть», продолжали все лето и первый месяц осени собирать на своих сеансах аншлаги. Речь идет о двух фильмах про приключения Анжелики («Анжелика и король», «Анжелика — маркиза ангелов») и трех фильмах о гении зла Фантомасе («Фантомас», «Фантомас разбушевался», «Фантомас против Скотланд-Ярда»). Эти фильмы демонстрировались в нашей стране в последний раз в 1968—1969 годах, после чего были сняты с проката по настоятельной рекомендации Минобразования и МВД, обвинивших эти ленты в дурном влиянии на молодежь (дескать, «Анжелика» растлевала, а «Фантомас» пропагандировал торжество зла над добром). Запрет продержался почти пять лет, после чего крамольные ленты вновь пустили по столичным экранам, правда, специально выбрали летние месяцы, когда большая часть подростков находится в отъезде. И все равно эта акция вызвала гул неодобрения у блюстителей нравственности. Как писал один из них в «Комсомольской правде»: «Вакуум заполняется пошловато-серыми картинками, которые наш прокат, дабы залатать брешь, предлагает молодому зрителю. И прокат мало беспокоится о моральной вреде, который наносится этими фильмами. Прокат больше печется о рубле, проценте, «галочке».

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Операция «Трест» (17—20-го), «Михайло Ломоносов», «Ночной гость» (22-го), «Коперник» (премьера т/ф 22—23-го), «Гроза», «А если это любовь?» (23-го), «Три товарища» (27-го), «Берегись автомобиля» (28-го), «Челкаш», «Маленький беглец», «Повесть о чекисте» (30-го) и др.

После летних каникул состоялись премьеры в столичных театрах: 20-го в Театре Моссовета — «Последняя жертва» А. Островского с участием Геннадия Бортникова, Фаины Раневской, Валентины Талызиной, Леонида Маркова и др.; 21-го в Ленком — «Лисички» Л. Хел-

ман с участием Всеволода Ларионова, А. Фадеевой и др.; 22-го в Театре имени Пушкина — «Иванов катер».

Эстрадные представления: 22—23-го — в ЦДСА радовал слушателей своим творчеством вокальный квартет «Аккорд»; 24-го — в ГТЭ состоялся творческий вечер Сергея Образцова; 27—29-го — во Дворце спорта в Лужниках выступали артисты зарубежной эстрады: ВИА «Скальды» (Польша), Джордже Марьянович и его «Голубой ансамбль» (Югославия) и др.; 29—30-го там же пела Ольга Воронец.

В те дни в Москве гастролировал «чешский соловей» — популярный эстрадный исполнитель Карел Готт (16—17 сентября он выступал в Театре эстрады). Из большинства артистов социалистических стран именно он пользовался в Советском Союзе самым бешеным успехом, особенно среди женщин. И это понятно: у Готта был замечательный голос и внешность отъявленного плейбоя (хотя из-за круглых щек его еще звали «щекастый»). За Готтом еще на заре его творческой карьеры волочились толпы поклонниц, чем он всегда пользовался — менял любовниц как перчатки. Азы секса он постиг в 19 лет: его охмурила пожилая актриса музыкального театра, куда он пришел работать. После концерта она заманила его к себе в гримерку, напоила вином и весьма цинично поимела. С тех пор Готт как с цепи сорвался.

Однако в том сентябре певец приехал в Москву в ранге папаша: у него незадолго до этого родилась дочь Доминика. Правда, дочь была незаконнорожденная — ее мамой была любовница Готта — Антония Запалова. Они познакомились в прошлом году во время съемок клипа Готта «Леди Карнавал» (одна из самых популярных песен в репертуаре певца), где Антония, будучи балериной, выделялась перед камерой эффектными па. Готт сразу обратил внимание на девушку и, как только прозвучала команда «Стоп», бросился знакомиться. Антония была на седьмом небе от счастья, но планы Готта были вполне стандартные: всего лишь переспать. Их роман продолжался два месяца, после чего у певца появилась новая пассия. Но он не знал, что Антония осталась не одна, а носила под сердцем его ребенка. О его существовании Готт узнал спустя месяц после рождения ребенка — Антония сама ему позвонила.

Певец был вне себя от ярости, но поделаться уже ничего не мог. Пришлось ему признать ребенка своим. Он навещал Доминику раз в полгода — дарил дорогие игрушки, гулял с ней.

Из новинок фирмы «Мелодия» выделю следующие пластинки: миньоны — «Музыка и песни А. Зацепина из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» («С любовью встретиться» — Нина Бродская; «Кап-кап-кап» — мужской хор; «Разговор со счастьем» — Валерий Золотухин; «Погоня» — инструментальный ансамбль); «Песни Давида Тухманова на стихи Владимира Харитоновна» («Я еду к морю» — ВИА «Добры молодцы», «Морская песня» — ВИА «Самоцветы», «Феодосия» — Мария Лукач); «Поет Нина Бродская», песни: «Понарошку» (Л. Лядова — М. Пляцковский), «Ну кому какое дело» (Р. Майоров — О. Гаджикасимов), «С любовью встретиться» (А. Зацепин — Л. Дербенев), «А в тебе я сомневаться не хочу» (Р. Майоров — М. Пляцковский); «Поет ВИА «Веселые ребята», песни: «Если любишь ты», «Ну что с ним делать» (Ю. Антонов — Л. Дербенев), «Чернобровая дивчина» (Р. Мануков — Т. Сашко), «Варшавский дождь» (Д. Тухманов — В. Сергеев); «Поет ВИА «Поющие сердца», песни: «Листья закружат» (Р. Майоров — В. Харитонов), «Сядь со мною рядом» (С. Кац — А. Коваленков, Д. Толмачев), «Все сначала» (Р. Майоров — М. Рябинин), «Голубое с белым» (Р. Майоров — Л. Овсянникова); «Ваши любимые песни в исполнении инструментального ансамбля «Мелодия», композиции: «Ходит песенка по кругу» (О. Фельцман), «Август» (Я. Френкель), «А снег идет», «Отчего» (А. Эшпай), «Нежность» (А. Пахмутова), «Чертово колесо» (А. Бабаджанян) и др.

Но массовый ажиотаж в музыкальных магазинах вызвала дебютная пластинка-миньон группы «Цветы» под управлением Стаса Намина. Этот коллектив, как мы помним, был создан почти три года назад, однако никаких перспектив выпустить миньон на «Мелодии» у него вроде бы не было. Все изменилось после того, как группа прекрасно выступила на смотре самодеятельной студенческой песни во Дворце спорта в Лужниках. Именно тогда в ЦК ВЛКСМ и созрела идея наградить группу выпуском пластинки. «Цветы» в составе четырех человек (Стас Намин — соло-гитара, Алек-

сандр Лосев — бас-гитара, вокал, Сергей Дьячков — фортепиано, Юрий Фокин — ударные) засели в студии, придумывая аранжировки. Техника у них была на уровне каменного века, но огромное желание быть изданными на виниле перекрывало все издержки. Для этой записи Намин пригласил целый ансамбль скрипачей, среди которых был молодой и никому еще не известный музыкант Юрий Башмет. Были и другие трудности. Когда Намин включил гитарный эффект, звукорежиссер внезапно встал на дыбы: дескать, уберите шумы на гитаре! Пришлось долго ему объяснять и доказывать, что это так и надо, что без этого их музыка не зазвучит. В итоге уломали.

Дебютная пластинка «Цветов» вышла в гибком варианте (на «пленке») и содержала три песни: «Не надо» (С. Дьячков — О. Гаджикасимов), «Есть глаза у цветов» (О. Фельцман — Р. Гамзатов, Я. Козловский), «Звездочка моя ясная» (В. Семенов — О. Фокина). Тираж миньона был минимальный. Однако после того, как уже спустя пару недель пластинку буквально смели с прилавков, на «Мелодии» задумались: а не увеличить ли тираж? Увеличили до миллиона, но и он был раскуплен в считанные недели. Тогда ее «забомбили» в 9 миллионов, причем уже не на «пленке», а выпустив «твердыш».

1973

Октябрь

Очередное снижение цен. Развод Ирины Понаровской. Кризис в «Машине времени». До Москвы добрались «Битлз»: премьера в «Иллюзионе». Высоцкий в Алма-Ате. Как Николай Подгорный вернул к жизни сериал «Ну, погоди!». Виктория Федорова получает письмо от отца. Как Константин Райкин падал с обрыва. Конфликт на съемках: когда актеры не любят друг друга. Сенсация на Кубке СССР по футболу: приз уезжает в Ереван. Открылось новое здание МХАТа. Как арестовали Бубу Касторского. Знаменитые фигуристы устраиваются в Ленбалет. Угонщики самолета ищут оружие. Авиакатастрофа под Дмитровом: КГБ берет следствие под свой контроль. Как Павел Леонидов возвращал аванс. Родилась дочь у Валентина Гафта. Провокация против Галины Вишневской сорвалась. Театральная Москва помится на «Балалайкина и К». Родился Сергей Безруков. Роман с итальянкой стоил Михаилу Звездинскому свободы. Самоубийство диссидента. Умер актер Андрей Абрикосов. Палестинские террористы угрожают Андрею Сахарову. Очередная жертва матерой воровки. КГБ обещает помочь Микаэлу Таривердиеву. Как Иннокентий Смоктуновский пытался сорвать свой дебют на столичной сцене. Кремль против Белого дома: до третьей мировой войны оставались считанные часы. На съемках фильма «Романс о влюбленных» едва не погиб ребенок. Смерть Маршала Советского Союза Семена Буденного. В гостях у магаданского затворника Вадима Козина. «Арабат» — чемпион. Похороны маршала. Телеграмма Таривердиеву от Лея. Роберт Янг: первые гастроли певца из Англии в Москве. Валерий Ободзинский: из тени в свет.

В понедельник, 1 октября, Совет Министров СССР сделал очередной подарок своим согражданам — снизил цены на ряд товаров широкого потребления. В частности, подешевели плащи и куртки из ткани «болонья» — на 30 процентов, сорочки мужские и блузки женские из трикотажного капронового полотна — на 15 процентов, отдельные виды перьевых и шариковых ручек — на 16 процентов и еще ряд других товаров. Да, дорогой читатель, было у нас такое время, когда цены не росли, а падали. Хотя недовольных жизнью и тогда в нашей стране хватало, и очередное снижение цен они встречали со скепсисом: дескать, на такой убогий ширпотреб и этого снижения мало. Эх, знали бы эти люди, какие цены будут фигурировать на ценниках четверть века спустя!

Серьезный кризис переживала в те дни певица Ирина Понаровская — она развелась со своим мужем Григорием Клеймицем. Как мы

помним, судьба свела молодых в 1971 году под крышей одного ленинградского коллектива — ВИА «Поющие гитары». Весной следующего года они сыграли свадьбу. Но спустя полтора года Понаровская подала на развод. Для Клеймица это было ударом, но еще больше переживали распад семьи родители молодых: мать Ирины Нина Николаевна и мать Григория София Ильинична, которые все это время не могли нарадоваться, глядя на союз своих детей. Когда Клеймиц пришел к теще и сообщил ей, что Ирина подает на развод, они вместе рыдали как малые дети. Был момент, когда родители пытались придумать, как вернуть Ирину в лоно семьи, и был план силой увести ее на Дальний Восток, избить (!) и оставить там на полгода взаперти, чтобы одумалась. Но от этого плана пришлось отказаться: зная решительный характер Ирины, можно было легко предсказать, какая реакция последовала бы с ее стороны на такое похищение. Позднее Нина

Николаевна так будет вспоминать о разводе дочери:

«Спустя какое-то время Гриша сам признался мне, что виноват — изменил ей с соседкой. Ира это знала и молчала. Я бы на ее месте сразу выпалила: да он же мне изменял! Я полтора года с ней не разговаривала! Поначалу кричала на нее, готова была убить, говорила: лучше б у меня дача сгорела, чем ваш развод пережить. А она гордая и скрытная, все в себе держала. Гриша потом мне говорил: у меня, наверное, будут жена, дети, но я все равно стану жить воспоминаниями об Ире. А Ира как-то обмолвилась: жалко терять такую свекровь... Она любила Софию Ильиничну. Хотела с ней позже объясниться. Но время шло, разговор откладывался, а потом жизнь и вовсе развела их по разным городам...»

Стоит отметить, что полтора года спустя распадется и союз родителей Понаровской: ее отец Виталий Борисович уйдет к другой женщине, потому что она будет здать от него ребенка. Дочь сочтет это предательством и долго не будет общаться с отцом. Хотя в отличие от своего брата, который заявил, что у него теперь нет отца, Ирина сказала матери, что окончательно порвать с отцом не может. Мать это заявление обидит.

Очередной кризис переживает и рок-группа «Машина времени». Поводом к нему служат непростые отношения между двумя участниками — Александром Кутиковым и Сергеем Кавгоем. Чего-то они никак не могут между собой поделить, а что именно — объяснить не могут. Макаревичу в этой ситуации приходится тяжело — он все время находится между враждующими в качестве демпфера, не испытывая неприязни ни к тому, ни к другому. Группа дает концерты в Москве и области, изредка выезжая и в другие города.

4 октября исполнилось 25 лет Госфильмофонду СССР. Основанный в 1948 году в Белых Столбах Московской области, он стал одним из самых крупных в мире коллекций художественных, научно-популярных фильмов и архивных киноматериалов. К своему «четвертаку» Госфильмофонд расщедрился настолько, что решил показать в своем «личном» кинотеатре «Иллюзион» (открыт в 1965 году) фильм Ричарда Лестера «Ночь после трудного дня» (1964) с участием группы «Битлз». Учитывая, что до

этого живых «битлов» в Москве ни разу не показывали, сами понимаете, какой ажиотаж царил в те дни возле кинотеатра на Котельнической набережной — туда сбежалась чуть ли не вся продвинутая столичная и областная молодежь. Свидетелем этого эпохального события стал 16-летний Коля Расторгуев — ныне известный певец группы «Любэ», а тогда всего лишь скромный десятиклассник одной из школ подмосковного города Лыткарино, который попал на этот просмотр благодаря матери своего школьного приятеля — она работала директором «Иллюзиона» и постоянно снабжала сына и его друзей контрамарками. Н. Расторгуев вспоминает:

«В те времена только расплывчатые фотографии по рукам ходили, а мне удалось целый фильм посмотреть. Понятное дело, крыша у меня съехала, и мы с друзьями стали брэнчать на гитарах, подражая, как нам казалось, «битлам». Я, конечно, и не подозревал, что у меня есть какие-то вокальные данные. Да и мама всегда считала, что у меня нет музыкального слуха...»

Продолжаются гастроли Театра на Таганке в Алма-Ате. Гости привезли для показа несколько своих спектаклей, кроме этого, часть коллектива выступает со сборными концертами в различных учреждениях города. Алмаатинцы в основном идут на Владимира Высоцкого, слава которого приближается к заоблачной. Артист дает концерты в Академии наук КазССР, Институте ядерной физики, Общевоисковом училище, НИИ стройорганизаций и других учреждениях. Именно в Казахстане Высоцкий впервые опробовал на широкой аудитории новые песни: «Козел отпущения» («В заповеднике, вот в каком, забыл...»), «Там у соседа...» (посвящение В. Золотухину). 6 октября Высоцкий хотел уехать в Москву чуть раньше коллектива. Но Юрий Любимов его не отпустил: на последнем спектакле «10 дней, которые потрясли мир» обещался присутствовать сам 1-й секретарь ЦК КП Казахстана Динмухамед Кунаев. Хотя большая часть труппы была уверена в том, что Кунаев на спектакль опального театра не придет. Так оно и вышло.

5 октября вышел указ о присвоении звания народного артиста СССР Анатолию Папанову. Спустя несколько дней диплом артисту лично вручил председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. И между

ними произошел любопытный разговор. Оказалось, что Подгорный был большим любителем мультфильма «Ну, погоди!», где Папанов озвучивал Волка, и первым делом после вручения поинтересовался, когда же увидит свет очередная, 8-я серия. Ответ артиста его огоршил. «Никогда, — ответил Папанов, — никаких продолжений больше не будет. Мне режиссер Котеночкин так и сказал. Фильм закрывают, потому что один из авторов сценария Феликс Камов уехал в Израиль». Подгорного это сообщение повергло в недоумение. «Это невозможно, — заявил он. — Ни в коем случае нельзя вот так взять и оборвать фильм, полюбившийся народу. У меня не только внуки — вся семья его смотрит. И товарищи по работе тоже. Подумаешь, сценарист уехал! Другие же остались...»

Короче, после того, как судьбой фильма озаботился сам президент страны, дело сдвинулось с мертвой точки, и был дан «зеленый свет» продолжению сериала. Вскоре начались съемки 8-й серии, действие которой разворачивалось в горах.

Но вернемся к другим событиям октября 73-го.

На Киевской киностудии имени Довженко снимаются последние эпизоды фильма «В бой идут одни «старики». 6—10 октября в одном из павильонов снимали эпизоды в декорации «хата 2-й поющей эскадрильи»: летчики репетируют; летчики поют для гостей свои лучшие песни и др.

В это время актриса Виктория Федорова находится в Молдавии, где снимается в фильме «Гнев», а в Москву приходит письмо от ее отца Джексона Тэйта, датированное 12 сентября (письмо пришло в Союз благодаря Ирине Керк, она же перевела его на русский язык). Мать Виктории актриса Зоя Федорова, зная о том, как долго ее дочь ждала вестей от своего отца, которого она ни разу не видела, спешит к дочери в Молдавию.

Мать застала дочь в номере гостиницы, однако для разговора они специально вышли в парк. Такая мера предосторожности не была лишней: Федоровы давно замечали за собой слежку, причем она не ограничивалась пределами Москвы. Например, находясь в Молдавии, Виктория дважды находила в своем номере следы посторонних людей, которые рылись

в ее вещах. А в парке мать и дочь могли чувствовать себя в относительной безопасности.

Выбрав одинокую скамейку у фонарного столба, женщины присели на нее. Мать протянула дочери письмо, в которое было вложено две фотографии. На обеих был изображен один и тот же мужчина, но в разные годы: на одной он был еще молод, на нем была морская форма, он сидел за столом и курил сигарету, на второй — ему было уже за семьдесят, он стоял перед письменным столом в яркой рубашке, выпущенной поверх брюк.

— Вот таким был твой папа, когда мы встретились, — прокомментировала первый снимок мать. — На обратной стороне поставлена дата, сорок седьмой год. На втором он снят уже в наши дни.

После фотографий настало время ознакомления с письмом (его текст я уже приводил). Прочитав его, Виктория зарыдала и повалилась на колени матери. Но затем быстро взяла себя в руки, и они вернулись в гостиницу. Там Виктория села за ответное письмо, которое мать должна была завтрашним утром забрать с собой в Москву. В своем послании отцу дочь писала:

«Здравствуй, мой дорогой!

Я и вправду не знаю, как называть тебя, но я подумала, раз ты назвал меня в своем письме дочерью, значит, я могу называть тебя отцом. Сегодня в моей жизни произошло самое прекрасное и неожиданное событие. Наконец-то нам помогли найти друг друга.

Я мечтала об этом всю жизнь и подсознательно всегда верила, что придет день, когда мы встретимся...»

Однако до встречи отца и дочери еще далеко, поэтому вернемся к хронике событий октября 73-го.

В Чечне продолжает съемки фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» Никита Михалков. В те дни снимались эпизоды в горной реке Аргун с участием Юрия Богатырева и Константина Райкина: Каюм падает с обрыва в реку, Шилов кидается его спасать. Райкину пришлось падать со скалы в 12 метров высотой. Скорость течения была бешеная, температура воды — плюс 3 градуса. Райкин должен был со скалы упасть в поток, причем в такое место, где крутился бурный водоворот. Стоит отметить, что, когда спасатели предварительно

проверяли это место — выясняли, какая там глубина, — одного из них водоворотом засосало под скалу. К счастью, его удалось спасти. Прежде чем упасть с обрыва, Райкин покрошил в реку бумагу, чтобы удостовериться, что водоворот в этом месте не слишком сильный. Падение прошло успешно. Но в другом месте реки актера едва не затянуло под воду. И теперь уже спасателям пришлось вызволять актера, который оказался на волосок от гибели.

В то же время в Вильнюсе режиссер Барас Халзанов снимает фильм по сценарию Эдуарда Тополя «Открытие» — про талантливого ученого-геолога Сергея Юрышева. Съемки идут трудно, поскольку у одного из исполнителей главной мужской роли Виталия Соломина не складываются отношения ни с режиссером, ни с актрисой Ириной Печерниковой, с которой они должны изображать на съемочной площадке любовь. Чтобы сгладить конфликт, из Москвы специально вызвали Эдуарда Тополя. Он провел примирительные беседы с обеими сторонами и, кажется, помирил их. Но идиллия длилась недолго — только до дня начала съемок.

В тот день снималась кульминационная сцена: расставание возлюбленных на летном поле аэродрома. Однако с первой попытки снять ее не удалось, поскольку Печерникова на реплику Соломина ответила гробовым молчанием. Режиссер беспомощно всплеснул руками и остановил съемку.

— Вот так в каждой сцене, — пожаловался он Тополю. — То он ее сажает, то она его. Что делать?

Сценарист вновь бросился примирять враждующие стороны. Он взял под локоть Печерникову, отвел ее в сторонку и стал уговаривать не срывать съемку. Дескать, сама же обещала отыграть главную сцену достойно. Печерникова в ответ произнесла неожиданный монолог:

— Я буду сниматься, если вы уберете из кадра Соломина. Я не могу его видеть перед собой. Поставьте вместо него кого угодно или стащите хоть сами. И я вам все сыграю.

Тополю эта идея совсем не понравилась, но Печерникова, видя его нерешительность, взяла инициативу в свои руки. Она тут же, не сходя с места, произнесла свой монолог, буквально вонзившись взглядом в глаза сценариста. Причем проделала это так вдохновенно, что у того аж дыхание свело.

— Господи, это же именно то, что нужно! — выдохнул он, и тут же подал сигнал режиссеру, чтобы тот немедленно готовился к съемке.

Эпизод сняли с четырех дублей. Но самое смешное было в том, что в последующем его все равно пришлось снимать заново из-за плеточного брака. И Печерниковой, из-за отсутствия на съемочной площадке Тополя, волею неволей пришлось играть эту сцену с Соломиным.

В среду, 10 октября, на Большой спортивной арене Лужников, в присутствии 60 тысяч зрителей, состоялся финальный матч на Кубок СССР по футболу между ереванским «Араратом» и киевским «Динамо». Матч получился по-настоящему кубковым. Обе команды начали игру азартно и в хорошем темпе. Некоторое преимущество имели в первом тайме киевляне, но «распечатать» ворота Алехи Абрамяна им так и не удалось. Но гол назревал. На 62-й минуте ереванцы сбивают в своей штрафной Леонида Буряка, и судья указывает на одиннадцатиметровую отметку. Пенальти удачно пробивает Виктор Колотов. Ереванцы бросаются отыгрываться, но все их атаки разбиваются о плотную оборону киевлян. На той игре присутствовал известный ныне телевизионщик Николай Сванидзе (ему тогда было 18 лет). Он вспоминает:

«Это был первый матч, когда были серьезные разборки на трибунах. Нас было человек пятнадцать, и мы оказались между армянами и киевлянами. И понеслось... Нас спасло то, что с нами был призер чемпионата СССР по дзюдо в тяжелом весе. Мы нагнули головы, а он кого-то из дерущихся хватал и из одного сектора кидал в другой. Таким образом он расчистил нам поляну, и обошлось без травм. Думаю, что после этого болельщиков стали разделять по секторам...»

Между тем матч катился к своему финалу. Тренер киевлян Александр Севидов, видимо, уверенный в победе своих подопечных, за две минуты до финального свистка вместо Колотова и Олега Блохина вводит в игру двух молодых игроков, очевидно, для того, чтобы их фамилии появились в списке победителей (игрок, участвовавший в финальном розыгрыше Кубка, получал право на звание мастера спорта, даже если провел на поле две-три минуты). Но

радость киевлян была преждевременной. На последней минуте Левон Иштоян добивает отскочивший от рук динамовского вратаря мяч в сетку ворот. Судья назначает дополнительную тридцатиминутку. Как вспоминает тренер «Арарата» Никита Симонян, в перерыве он случайно стал свидетелем острого разговора между Блохиным и начальником «Динамо» Михаилом Команом. Блохин выговаривал начальнику: «Зачем вы меня заменили? С кем сейчас будете играть? Кто остался в нападении?» Коман хоть и был растерян, но старался отвечать спокойно: «Ладно, ладно, без тебя разберемся...» Симонян вернулся в раздевалку своей команды и подбодрил своих подопечных словами: «Вы, по сути, уже выиграли игру! Вы ее выиграли!» Присутствовавший здесь же кинорежиссер Эдмонд Кеосаян схватился за голову: «О чем ты говоришь? Киевское «Динамо» — команда-машина, может бегать четыре часа, а наши уже вымотались». Но он ошибся.

В дополнительное время ереванцы бежали по полю так, будто до этого не было полутора часов изнурительной борьбы. Героем у них вновь стал Левон Иштоян, который на 103-й минуте игры нанес хлесткий удар по воротам. Задев кого-то из защитников киевлян, мяч влетел в угол ворот. Этот мяч стал «золотым» для ереванцев. Впервые за всю историю отечественного футбола Кубок СССР отправляется в Армению. В Ереване толпы людей выходят на улицы, чтобы бурно отпраздновать это событие. Кстати, сами игроки «Арарата» отметили свой успех куда как скромно — выпили на базе по бокалу шампанского, поскольку через четыре дня им предстоял сложный матч с донецким «Шахтером».

В тот же день, 10 октября, в Москве было открыто новое здание МХАТа. Его зал имел 1360 посадочных мест, все кресла были оснащены динамиками, размещенными в подлокотниках, чтобы зрители при желании могли слушать текст в переводе на четыре языка. Были и другие примочки, типа: подсветка кресел, подвижные боковые кулисы, два полноценных кармана у сцены (большая редкость для московских театров), вращающийся круг диаметром 17 метров с двумя подъемными площадками и т. д. В день открытия нового здания в нем был показан спектакль «Сталевары».

11 октября в одном из павильонов «Мосфильма» режиссер Вилен Азаров снимал последние эпизоды комедии «Эстафета» (в прокате — «Неисправимый лгун»). В тот день снимали эпизод с участием популярного актера Бориса Сичкина, который должен был изображать восточный танец и спеть шуточную песню для высокого гостя (в этой роли снимался Георгий Вицин). Актер все исполнил превосходно, уложившись в минимальное количество дублей. Хотя изображать из себя шута Сичкину в тот день было ох как не просто — в его кармане лежала повестка с вызовом в прокуратуру города Тамбова. Что за повестка? Дело в том, что некоторое время назад Сичкин имел несчастье работать с неким администратором, которого ОБХСС затем прищучило за «левые» концерты. И теперь Сичкину предстояло дать показания в качестве свидетеля. Отснявшись с утра в своем эпизоде, актер сел в машину и отправился на вокзал, чтобы оттуда ближайшим поездом выехать в Тамбов. В планах Сичкина было уже на следующий день вновь объявиться на съемочной площадке. Но, увы...

Порог тамбовской прокуратуры Сичкин переступил в 9 часов утра 12 октября. Он был спокоен, собран и верил, что это дело займет у него минимум времени — час, в крайнем случае полтора. Но все обернулось куда дольше. Допрашивал актера следователь по особо важным делам Терещенко. Что удивило Сичкина, все вопросы, которые ему задавались, не имели никакого отношения к делу, по которому он был вызван. Например, его спрашивали о пребывании на фронте в годы войны, есть ли у него правительственные награды и какая у него семья. Когда следователь таким образом удовлетворил свое любопытство, он внезапно поднялся из-за стола и надолго покинул кабинет. А с Сичкиным осталась старушка, которая оказалась ревизором Министерства культуры. Буравя актера своим пронизательным взглядом, она с каким-то необъяснимым злорадством сообщила:

— Я ведь на спектакли и фильмы не смотрю как на художественную ценность. Я выискиваю в них финансовые злоупотребления, чтобы потом передать дело в суд. Я много художников посадила.

Сичкину после этих слов стало не по себе. Он вдруг ясно осознал, что вокруг него проис-

ходит что-то нехорошее, но что именно и каковы последствия всего происходящего, объяснить пока не мог. А его пребывание в прокуратуре между тем затягивалось. Терещенко не объявлялся, зато вместо него в кабинет один за другим стали заходить какие-то странные люди. Первым зашел невысокого роста мужчина, который представился прокурором Соколовым: он пожал Сичкину руку и удалился. Следом явился пожилой мужчина: тот вообще не представился, только окинул артиста любопытным взглядом, таинственно улыбнулся и ушел (как выяснилось позднее, это был журналист местной газеты, которого попросили написать фельетон про «левые» концерты, а когда он отказался это сделать, его сына хотели посадить в тюрьму, обвинив в изнасиловании).

Последними в кабинет зашли двое мужчин: первый представился заместителем областного прокурора Мусатовым, второй — следователем Шичаниным. Первый внезапно принялся признаваться Сичкину в любви: мол, я сам, а также вся моя семья являемся горячими поклонниками вашего таланта, а второй попросил актера написать свою автобиографию. На удивленный вопрос Сичкина «Зачем?», коротко ответил: «Так надо». Пришлось подчиниться. «Видимо, облпрокуратура собирается ходатайствовать перед Минкультом о присвоении мне почетного звания», — усмехнулся про себя Сичкин.

Когда с автобиографией было покончено, в кабинет вернулся Терещенко. Взглянув на часы, — а было уже двенадцать дня, — он сказал гостю, что тот может быть свободен до четырех часов. Потом он понадобится еще максимум на часок, после чего может смело возвращаться в Москву. Сичкин поверил.

В назначенное время он вернулся в прокуратуру, свято веря, что часа через полтора будет уже сидеть в поезде. Но Терещенко его обманул. Под видом очной ставки с администратором в КПЗ он привел актера в камеру, где объявил... что тот арестован. Майор, начальник КПЗ, громко приказал потрясенному произошедшим артисту раздеться. Тот повиновался. После тщательного шмона майор, не скрывая своего злорадства, сострил: «Как ты там в кино пел: «...я не плачу, я никогда не плачу»? Это ты, артист, там, в кино, не плакал, а тут, в

тюрьме, заплачешь...» Далее послушаем рассказ самого Б. Сичкина:

«Меня втолкнули в так называемую камеру. Это была не камера, а ящик — метр в длину и полметра в ширину. Этот гроб не отапливался и не имел света. Лежать в этом гробу нельзя было по причине малых размеров. Но, как выяснилось, и сидеть в нем тоже нельзя было, так как «нары» были обиты железными полосками. Большее время дня и ночи приходилось стоять, упираясь ногами в парашу. Полное впечатление, что тебя замуровали. Если учесть, что я страдаю клаустрофобией — боязнью закрытого пространства, можно представить, что я чувствовал себя намного хуже, чем дома...»

В отличие от Бориса Сичкина, знаменитая пара фигуристов — Людмила Белоусова и Олег Протопопов в те октябрьские дни чувствовала себя более чем превосходно. Тогда наконец-то устроилась их спортивная судьба. В начале года их в добровольно-принудительном порядке заставили уйти из большого спорта: дескать, старые уже. Как вспоминает О. Протопопов: «До 73-го мы безуспешно пытались соревноваться, все еще веря в честность и справедливость, но мы глубоко ошибались. Мы проигрывали внутрисоюзные соревнования почти что детям, опускаясь до шестого места. Руководители же Федерации фигурного катания и Спорткомитета СССР подбадривали молодежь, рекламируя их как победителей знаменитых олимпийских чемпионов и чемпионов мира Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова...»

В течение семи месяцев фигуристы-«пенсииеры» безуспешно пытались устроиться на работу в Ленинградский балет на льду. Самое интересное, что, когда они выступали на льду, их упрекали в чрезмерной артистичности, отсутствии атлетизма, а теперь уже говорили обратное — мол, вы спортсмены, а не артисты балета, поэтому балету не нужны. Тогда фигуристы обратились к министру культуры Фурцевой. Та единственная пошла им навстречу и приказала немедленно принять Белоусову и Протопопова в Ленбалет. Два месяца спустя они будут участвовать в Кубке мира среди профессионалов в Токио и выиграют первую премию в 15 000 долларов, доказав тем самым, какие они на самом деле «пенсииеры».

Тем временем группа столичных подростков готовится к захвату пассажирского самолета и отлету на нем в Америку. Как мы помним, эта идея созрела в голове 20-летнего безработного Романова и его близкого приятеля, учащегося 2-го курса Московского автомеханического техникума Жалнина. Еще в январе они затеяли это дело, но до осени никак не могли найти себе поделщиков. Наконец, в начале октября Жалнину удалось подбить на это дело двух своих однокурсников — Бондарева и Никифорова. Первый согласился на захват самолета, так сказать, за компанию, второй имел более конкретную цель — он мечтал помочь американским индейцам в их справедливой борьбе за свою независимость.

В конце февраля 73-го советские газеты сообщили о событиях в американском городке Вундед-Ни, где индейцы с оружием в руках выступили против дискриминационной политики правительственного бюро по делам индейцев, и многие советские мальчишки загорелись желанием помочь коренным жителям Америки. Но у подавляющего большинства пацанов это желание не шло вразрез с законом. Например, мой хороший знакомый Юра Котенко (ныне известный специалист по североамериканским индейцам) предполагал достичь берегов Америки, используя вполне невинные методы: летом 73-го с двумя друзьями с Таганки он построил плот, чтобы отправиться на нем в США по маршруту: Москва-река — Волга — Волго-Донской канал — Азовское — Черное — Средиземное моря — Атлантический океан. Эта акция сорвалась в самый последний момент — кто-то похитил «судно» путешественников. Никифоров же был единственным из одержимых этой идеей мальчишек, который не только вознамерился, но и осуществил свою идею криминальными методами. Хотя последующие события показали, что из всей четверки он был самым безобидным «террористом».

Поскольку будущим угонщикам было необходимо оружие, они стали искать способы, как его раздобыть. В наши дни эта затея была бы легко осуществима — незаконного оружия в России пруд пруди, только успевай деньги отстегивать. Но в 73-м с этим делом было строго. Хотя варианты тоже были. Например, напасть на постовых милиционеров, которые выходили на дежурство, вооруженные «макаровыми».

В середине октября будущие угонщики дважды вели наблюдение за стражами порядка в районе метро «Каширская» и Цветного бульвара. Один раз им едва не удалось застать постового врасплох, но поблизости прошла компания молодых людей, которая спугнула налетчиков. В итоге от этой затеи пришлось отказаться и искать другой способ разжиться оружием.

Между тем именно в октябре в Советском Союзе произошла одна из самых крупных авиакатастроф. Под городом Дмитровом разбился «Ил-62», летевший по маршруту Париж — Ленинград — Москва и везший на борту около 90 пассажиров. Самолет готовился произвести посадку в аэропорту Шереметьево, когда внезапно рухнул на землю в лесной полосе. Вспоминает очевидец А. Ключев:

«Когда мы приехали к месту катастрофы, увидели жутковатую картину: поваленные, расщепленные, обугленные деревья, на сучьях вокруг развешаны фрагменты тел. Взрыв горячего разорвал девять десятков человек на три тысячи с лишним кусков... Почему так уверенно говорю о трех тысячах? Пришлось осмотреть каждый фрагмент. Но не в одиночку, конечно. Туда пол-Москвы согнали. Судмедэкспертов одних человек тридцать. И я в том числе. А на деревья лазали солдаты, собирали останки, вешали бирки, свозили в морг... Три дня и три ночи все работали почти без сна. А все почему? Рейс оказался особенным. Появился слух — не обошлось без теракта.

Одни утверждали, что на борту летела важная чилийская делегация, другие упоминали какое-то таинственное подразделение чилийских боевиков. Одним словом, все заметили сразу — КГБ всерьез занялся расследованием. Вот нас и обязали: проверить версию террористического взрыва в воздухе. Принялись за дело...

А комиссия, гляжу, собралась — сплошное Политбюро. И председателем назначили Устинова, секретаря ЦК. Розыск шел плотный. Весь материал с деревьев свозили в Дмитров, в местный морг. Заглянул туда в первый день, а там и повернуться негде — целая гора человеческого мяса. Ни до, ни после, пожалуй, такого не видел...

Останки отправляли скопом на общую кремацию, родственникам выдали горсть пепла, и дело с концом. Задача здесь была иная. Крути-

ли-вертели, изучали останки. Искали следы взрыва гранат или бомб в салоне, огнестрельные раны. А вдруг на борту случилась перестрелка? В результате ничего криминального так и не обнаружили. Хотя, по моим сведениям, причины самой катастрофы остались несколько туманными. Скорее всего, считали, экипаж допустил ошибку. «Ил» снизился преждевременно и врезался в землю. Здесь топливо и взорвалось. Да и гроза шла сильная, запросто могла показания приборов перевернуть с ног на голову...»

15 октября из Советского Союза в Америку эмигрировал поэт-эстражник Павел Леонидов. В тот день он зашел в свой бывший дом в Каретном ряду, где жила его бывшая жена и дочери, чтобы проститься с ними. Во дворе встретил своего хорошего приятеля и соседа по дому дирижера Кирилла Кондрашина. Они сели на скамью на взбеге асфальта над подземным гаражом и проговорили больше часа.

Незадолго до отъезда с Леонидовым произошла занятая история. Некоторое время назад в соавторстве с поэтами Леонидом Дербеневым и Игорем Шафераном он написал либретто к оперетте по мотивам сказок «Тысяча и одна ночь». Музыка согласился написать Арно Бабаджанян — один из самых популярных композиторов в Советском Союзе в те годы. Вскоре за свою работу они получили аванс: Арно выписали 5 тысяч рублей, поэтам — по 750 рублей каждому. Но затем Леонидов подал документы на выезд из страны, и в Минкульте потребовали, чтобы он вернул весь аванс. Леонидов вернул, попутно рассказав об этой катасии своим соавторам. Те поступили по-разному: например, Шаферан последовал примеру Леонидова, а вот Дербенев это сделать отказался, мрачно заявив: «Придется им у меня аванс отнимать силком». Что касается Бабаджаняна, то он тоже предпочел оставить деньги у себя, заявив, что, если власти не будут платить армянам деньги за то, чтобы они остались, они тоже все уедут.

Незадолго до отъезда случай вновь свел Леонидова и Бабаджаняна вместе — в Управлении по охране авторских прав. Был день выплат, и Арно получил приличные деньги за свои произведения, которые звучали чуть ли не из каждого окна. Встреча двух несостоявшихся соавторов длилась несколько минут, а закон-

чилась неожиданной эскападой Бабаджаняна. Достав из кармана пачку сотенных купюр, он потряс ими в воздухе и громко произнес: «За мои херовые песни эта прекрасная страна платит мне баснословные деньги. С такими деньгами за такие песни никто не уезжает: ни русские, ни армяне, ни евреи, а лишь дураки», — и он ткнул Леонидова в грудь длинным пальцем.

В первой половине октября в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер. 1-го на экраны вышел фильм Альберта Мкртчяна и Леонида Попова «Земля Санникова». Мы помним, что съемки этой картины сопровождалась целой серией скандалов: из нее выбросили Владимира Высоцкого, добровольно ушел Сергей Шакуров, были на грани ухода Владислав Дворжецкий и Олег Даль (последний в те дни в своем дневнике записал: «Землю Санникова» начинают демонстрировать! Ужас!). Однако, несмотря на все передраги, картина все-таки дошла до публики. Забегая вперед, отмечу, что простой зритель встретит ее хорошо: ленту посмотрит 41 миллион 100 тысяч человек, что обеспечит ей 7-е место в прокате.

Но вернемся к другим премьерам. 8-го на экраны вышел фильм Семена Туманова (умер за три с половиной месяца до премьеры) «Жизнь на грешной земле» с участием Анатолия Кузнецова, Ларисы Лужиной и др.; 10-го — «Мачеха» Олега Бондарева с Татьяной Дорониной в главной роли.

Кино на ТВ: «Угрюм-река» (1—4-го), «Горячие денечки» (2-го), «Эти разные, разные, разные лица» (3-го), «Сельская учительница», «Украли зебру» (5-го), «Снежная королева» (7-го), «Взрыв после полуночи» (10-го), «Никто не хотел умирать» (12-го), «Фома Гордеев» (14-го), «Следствие ведут знатоки», дело № 8 «Побег» (повтор 15—16-го), «Крах инженера Гарина» (преьера т/ф 15—18-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 5-го в Театре имени Пушкина — «Иванов катер»; в Театре киноактера — «Дерзкие земляне»; 6-го в драмтеатре имени Станиславского — «Генерал Чепраков в отставке»; 7-го в Театре сатиры — «Пеппи Длинныйчулок».

Эстрадные представления: 1—7-го в ГТЭ поэт Джордже Марьянович; 5-го в ЦДСА — Алла Йошпе и Стахан Рахимов; 5—6-го в «Октябре» — Людмила Зыкина.

16 октября у популярного актера Валентина Гафта случилось прибавление в семействе — у него родилась дочь Оля. Матерью девочки была молодая балерина Инна Елисеева, с которой Гафт познакомился некоторое время назад на одной из актерских вечеринок. На тот момент оба они были свободны: Гафт успел развестись с манекенщицей Еленой Изоргиной, Инна — с драматургом Эдвардом Радзинским. Рождению дочери Гафт был счастлив неимоверно. Как вспоминает его соседка по дому: «Когда у него родилась Оленька, он вынес ее во двор и часа три там стоял. Ко всем соседям приставал: «Правда, она у меня красавица?!» Он для Оленьки был и папой, и мамой...»

К сожалению, рождение дочери не уберегло молодую семью от последующего развода. Еще более горько писать о том, что жизнь Ольги будет короткой — она не доживет до 29 лет и уйдет из жизни добровольно. Но в те октябрьские дни 73-го об этом никто, естественно, не догадывается.

18 октября группа артистов Большого театра отправилась в Италию на гастроли. Среди них была и Галина Вишневская, которая поначалу не собиралась туда ехать. Как мы помним, в последнее время вокруг нее и ее мужа Мстислава Ростроповича сложилась весьма неприятная ситуация. Из-за того, что оба они подерживали опального Солженицына, им по указанию сверху запретили публичную рекламу: их перестали приглашать на радио и телевидение, а газетам была дана команда не упоминать их имен в гастрольных репортажах. Когда Вишневской стало известно, что Минкульт включил ее в состав группы, выезжающей в Италию, она немедленно пошла к директору Большого театра Кириллу Молчанову и сообщила, что ехать на гастроли отказывается.

— Кирилл Владимирович, вы умный и порядочный человек, поэтому меня поймете, — сказала Вишневская. — Из всех итальянских рецензий на спектакли с моим участием, которые перепечатают в советских газетах, вычеркнут мое имя. Терпеть такое унижение перед всей труппой я не намерена и за себя не поручусь. Поэтому, во избежание громкого скандала, да еще за границей, я прошу вас освободить меня от поездки.

Но Молчанов бросился уверять актрису, что ее опасения напрасны. Дескать, завтра же он

сам отправится на прием к министру культуры Фурцевой и все уладит. Вишневская ему поверила. При этом решительно заявила, что если министр будет настаивать на ее участии в гастролях, то пусть отдаст распоряжение о том, чтобы имя Вишневской из рецензий не вымарывали. В противном случае она созывает в Милане корреспондентов и даст такое интервью, что чертям тошно станет. Зная крутой нрав Вишневской, можно было не сомневаться, что именно так она и поступит.

Молчанов не обманул актрису. На следующий день он был у Фурцевой, и та клятвенно пообещала ему, что все условия Вишневской будут выполнены. Так и сказала: «Клянусь честью, я все улажу». И она действительно попыталась уладить, правда, очень своеобразным способом.

Накануне отъезда в Милан к Вишневской домой заявила сотрудница кассы Большого театра и принесла 400 долларов, прося передать их одному из работников администрации, который находился уже в Милане и с которым Вишневская была в хороших, приятельских отношениях. Артистка удивилась:

— Так что же он сам-то не взял эти деньги? Он ведь всего два дня как уехал?

— Я не знаю, он просил меня передать их вам, — ответила гостя.

Вишневскую это насторожило.

— Но он, да и вы прекрасно знаете, что из всей труппы именно меня первую могут обыскать на Московской таможне — не везу ли я на Запад рукописи Солженицына. И если найдут доллары — это уголовное дело.

— Но кто же посмеет вас обыскать! — всплеснула руками кассирша.

— Извините, но эти деньги я не возьму, — после короткой паузы заявила Вишневская.

Гостя, видя с какой решимостью хозяйка это заявила, предпочла не продолжать разговор и скоренько ретировалась из квартиры. Как пишет Г. Вишневская: «Расчет, конечно, был на то, что я возьму доллары, а меня на таможне обыщут, со скандалом отстранят от гастролей и обвинят в валютных сделках. Доказать, что деньги получила от стукачки, я не смогу — не было свидетелей, — и загалдят на весь мир, что доллары от «продавшего за золото свой народ» Солженицына. И, мало того, захотят — так и

показательный судебный процесс устроят за «валютные операции».

Кстати, в многочисленных рецензиях, посвященных тем гастролям, имя Вишневской упоминаться практически не будет. Только в одной публикации — в «Известиях» будет написано: «...все итальянские газеты обошла фотография Г. Вишневской, рецензенты называют ее лучшей певицей нашего времени». Это будет последнее упоминание имени актрисы в советской прессе: вплоть до ее эмиграции в 78-м ни одна отечественная газета не напишет о ней ни строчки.

Вечером 18 октября небывалое столпотворение было отмечено в Москве на Чистопрудном бульваре — театральный люд ломился на премьеру спектакля театра «Современник» «Балалайки и К» по М. Салтыкову-Щедрину (современная адаптация С. Михалкова). Ажиотаж был вызван несколькими причинами. Во-первых, постановку осуществил гениальный Георгий Товстоногов, во-вторых — вот уже на протяжении нескольких месяцев по Москве ходили слухи, что судьба спектакля буквально висит на волоске и его ни за что не допустят до публики ввиду явной крамолы. Ведь в великой пьесе содержалась едкая сатира на «годящих» обывателей-интеллигентов, либералов, трясущихся от страха перед полицейским, властью вообще, цензурой и меняющих свои взгляды «по обстоятельствам».

Вспоминает А. Смелянский: «Пьеса была подготовлена при помощи С.В. Михалкова. Автор инсценировки был выбран не случайно. Потомок дворян, отец двух знаменитых кинорежиссеров, Сергей Владимирович Михалков был едва ли не самым ярким воплощением того, о чем написана книга Щедрина. В сущности, он мог бы быть героем этой книги. Среди разнообразных его дарований был и дар откровенного, я бы сказал, виртуозного приспособленчества. При этом маску свою Сергей Владимирович носил не без дворянской гордости. Мне даже казалось, что автор текста советского гимна в глубине души презирает режим, которому верно служит. В какой-то точке он тут сошелся с Товстоноговым и согласился «прикрыть» его дерзкий опыт. С полным пониманием дела Михалков готовил официальную реакцию на спектакль. В интервью «Литературной газете» он вспомнил вождя революции:

«Ленин не раз пользовался образом Балалайки для характеристики пустозвонства, лжи, авантюризма и своекорыстия буржуазного либерализма». А на художественном совете «Современника» именитый наш баснописец, элегантно заикаясь, произнес классическую фразу-репризу, которая тут же пошла гулять по Москве: «Такой пощечины царизм давно не получал».

Это действительно была пощечина: очень театральная и не без лирического оттенка. Дело шло о сговоре интеллигента с режимом и о последствиях этого сговора...»

В роли подлеца из подлецов Балалайкина в тот вечер выступал Олег Табаков, рассказчика играл Игорь Кваша, Глумова — Валентин Гафт, Ивана Тимофеевича — Петр Щербаков, были заняты актеры Андрей Мягков, Нина Дорошина, Александр Вокач и др.

И еще одно событие, датированное днем 18 октября, хотел бы отметить: в семье актера Театра имени Пушкина Виталия Безрукова и заведующей секцией галантерейного магазина Натальи Безруковой родился мальчик, которого нарекли Сергеем. Мальчик окажется смысленным и, пойдя по стопам своего родителя, во многом даже его перещеголяет: в 23 года Сергей Безруков станет одним из самых молодых российских актеров, награжденных Государственной премией. Однако вернемся в год 73-й.

19 октября состоялся очередной суд над популярным певцом Михаилом Звездинским. Почему очередной? Дело в том, что у 28-летнего артиста, известного своими полуподпольными песнями «Вас ждет Париж»; «Поручик Голицын», это было уже третье уголовное дело: первое завели в 62-м (дали 1 год лишения свободы за кражу), второе — в 66-м (три года за дезертирство). На этот раз Звездинского судили за изнасилование. На самом деле никакого насилия не было. Той осенью певец отправился в морской круиз по маршруту Одесса — Батуми в компании очаровательной итальянки. Видимо, эта связь не укрылась от глаз КГБ, который прервал любовную идиллию молодых людей. В итоге итальянку выслали на родину, а ее воздыхателя обвинили... в ее изнасиловании. 19 октября суд вынес свой вердикт: три года лишения свободы.

20 октября в Москве покончил жизнь самоубийством известный правозащитник Илья Га-

бай. Как мы помним, Габай освобожден из заключения в мае 1972 года. Заключение очень тяжело отозвалось на нем: он сумел устроиться только на низкооплачиваемую работу, и зарплаты (70 рублей) с трудом хватало на то, чтобы прокормить жену и двух детей — 11-летнего сына и годовалую дочь. КГБ не оставлял его в покое, периодически вызывая на допросы, мордуя очными ставками. В результате последовал срыв: в ночь на новый, 1973 год Габай попытался перерезать себе вены, но чудом был спасен. Однако мысль о самоубийстве в последующем его не оставляла. Как итог: утром 20 октября Габай выбросился из окна своей квартиры, расположенной на 10-м этаже.

Погибшего будут отпевать в православной церкви как праведника, сочтя, что это было не обычное, а медленное преднамеренное убийство. Памятник на его могиле изваяет скульптор Вадим Сидур. Но это будет уже значительно позже.

20 октября последовала еще одна громкая смерть — на этот раз естественная. На 67-м году жизни скончался актер Андрей Абрикосов. С 1938 года он играл на сцене Театра имени Вахтангова, снимался в кино. Всесоюзную известность ему принесли роли в фильмах «Александр Невский» (1938, богатырь Гаврила Олексич), «Степан Разин» (1939, Степан Разин), «Илья Муромец» (1956, князь Владимир), «Свадьба в Малиновке» (1967, отец пана атамана Грициана-Таврического). Последней ролью Абрикосова был князь Владимир в сказке «Руслан и Людмила» (1973).

В воскресенье, 21 октября, в Москве случились сразу два события с «ближневосточным» оттенком. В том октябре на Ближнем Востоке началась так называемая война «Судного дня» — в день еврейского праздника войска Египта и Сирии внезапно напали на Израиль, пытаясь взять реванш за поражение в 1967 году. Кремль тоже оказался втянут в эти события — мы поставляли оружие арабам. В тот день, 21 октября, в Москву специально прилетел госсекретарь США Генри Киссинджер, который попытался уговорить Брежнева отказаться от поставок оружия на Ближний Восток. Советский генсек ответил согласием.

В тот же день домой к Андрею Сахарову пришли два человека, по виду похожие на арабов. Хотя их поведение показалось хозяину до-

ма чем-то необычным, он впустил их внутрь и провел в комнату. Туда же пришла из кухни и жена академика Елена Боннэр. Один из гостей сообщил хозяевам, что они представляют известную палестинскую террористическую организацию «Черный сентябрь», которая прославилась на весь мир кровавым терактом в олимпийском Мюнхене ровно год назад, и потребовал от Сахарова, чтобы тот сейчас же написал заявление и отрекся от своего заявления от 11 октября сего года (в нем Сахаров осудил вторжение арабов в Израиль). Гости были явно на взводе. Когда жена академика потянулась за зажигалкой, лежавшей рядом с телефоном, один из арабов каким-то мгновенным кошачьим прыжком бросился ей наперерез и преградил путь к телефону. Сахаров между тем ответил:

— Я не буду ничего писать и подписывать в условиях давления. Я стремлюсь защищать справедливые, компромиссные решения. Вам должно быть известно, что я защищаю права на возвращение на родину крымских татар, применяющих в своей борьбе легальные, мирные методы.

Гость возразил:

— Нас не интересуют внутренние дела вашей страны. Поругана наша Родина-мать! Мы боремся за ее честь, и никто не должен становиться у нас поперек дороги!

Тут в разговор вмешалась жена академика:

— Что вы можете с нами сделать — убить? Так убить нас и без вас уже многие угрожают.

— Да, убить, — повернулся к женщине араб. — Но мы можем не только убить, но и сделать что-то похуже. У вас есть дети, внук.

Упоминание о последнем указывало на хорошую осведомленность гостей. У дочери Боннэр Татьяны 24 сентября родился мальчик, и об этом событии знали только близкие люди.

В этот миг в комнату пришел сын Боннэр Алексей и сел рядом с матерью на кровать. Зная горячий характер парня, мать специально опустила свою руку ему на колено, чтобы в случае чего удержать его от необдуманных поступков. А тот неотрывно смотрел на второго, все время визита хранившего молчание гостя, который прикрывал правую руку полой пальто. Судя по всему, там у него был спрятан пистолет.

Ситуация разрядилась неожиданным образом. Кто-то позвонил в дверь, и гости приказа-

ли хозяевам перейти в дальнюю комнату. Там они вновь повторили свои угрозы, сказали, что второго предупреждения не будет, и выбежали из квартиры. Едва дверь за ними закрылась, Сахаров бросился к телефону, чтобы позвонить в милицию, но гости оказались предусмотрительными — уходя, они перерезали телефонный шнур ножом.

Спустя час после этого визита квартира Сахаровых была уже полна народа. Но это была не милиция, а друзья по правозащитному движению, которые прознали про этот визит по своему «телеграфу». Все были уверены, что приход арабов проходил под строжайшим контролем КГБ — то, что «Черный сентябрь» пестовался Комитетом, уже тогда ни для кого не было секретом. В тот же день Сахаров сообщил об этом визите иностранным корреспондентам, а спустя еще несколько часов отнес заявление в милицию, впрочем, не возлагая на последнюю никаких надежд. Так оно и вышло. Через пару дней следователь районного отделения милиции пригласил Сахаровых к себе, показал им несколько десятков фотографий неизвестных мужчин и попросил опознать в них своих недавних визитеров. Но тех среди них не оказалось. На этом следствие благополучно завершилось.

Неудачно сложился тот день и для простого столичного работяги Ивана Петренко. Совершая прогулку по парку, он внезапно заметил недалеко одинокую женщину. Поскольку Иван был мужчиной холостым и женского тепла ему не хватало, он решил скрасить свое одиночество общением с незнакомкой. На его удачу, дама оказалась непривередливой и согласилась провести остаток вечера в его холостяцкой каморке. По дороге они зашли в «Гастроном», где купили бутылку «Столичной» и нехитрую закуску в виде плавленых сырков и ста граммов «Докторской» колбасы. Минут через десять они уже расположились за круглым столом в холостяцкой квартире и подняли первый тост — за знакомство. А вот второго тоста не последовало, поскольку спустя несколько минут Иван внезапно сморил богатырский сон и он уткнулся носом в тарелку. Проснулся бедолага только под утро и, естественно, своей вчерашней гостью рядом не обнаружил. Но это было полбеды. Иван не нашел в своем гардеробе и всех носильных вещей на общую сумму 400

рублей. Только после этого он осознал, кого именно его угораздило привести в свою квартиру. Иван бросился в милицию.

В 31-м отделении, куда незадачливый донжуан принес свое заявление, к его беде отнеслись с пониманием. Более того, практически сразу определили, что он стал очередной жертвой матерой воровки Тони Глумовой. Для ее поимки инспектору угро Чернухе потребовались всего лишь сутки.

Тем временем в Чечне продолжались съемки фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». Большая часть тамошней природы была уже снята: ограбление поезда бандой Брылова, приход Шилова в банду, убийство Шиловым Брылова, финальная встреча Шилова с друзьями. Съемки шли бы гораздо быстрее, если бы не различные непредвиденные обстоятельства. Например, 12 октября пришлось их остановить из-за срочного вызова в Москву актера Сергея Шакурова (он должен был озвучивать фильм «Испытание»). А 23 октября угроза внезапного отбытия нависла над Александром Кайдановским. Кавалерийский эскадрон, в котором он служил в звании рядового (в/ч 55605), отснявшись в своих эпизодах, должен был вернуться в Алабино вместе с ним. Но часть эпизодов с его участием еще не была отснята (блуждание Шилова и Лемке по тайге), поэтому отбытие актера было нежелательным. В итоге после переговоров с командованием воинской части Кайдановскому разрешили остаться в Грозном, чему он сам был несказанно рад.

Тем временем в павильонах «Мосфильма» снимают другие будущие хиты. Так, режиссеры В. Краснопольский и В. Усков заканчивают работу над первой частью (1—4 серии) телесериала «Вечный зов». В те октябрьские дни в одном из павильонов студии была выстроена декорация «заимка Кафтамова», где должны были сниматься эпизоды кафтамовского гульбища. Однако по причине отсутствия двух актеров (Вадим Спиридонов, игравший Федора, заболел, а исполнитель роли Кафтамова Ефим Копелян уехал с театром на гастроли) съемки этих эпизодов пришлось отложить. Наконец после 20 октября, когда на съемочной площадке появились оба отсутствующих актера, работа возобновилась. Снимали эпизод, где Кафтамов неожиданно застаёт свою любовницу обни-

мающейся с Федором и в отместку заставляет последнего бить неверную женщину плетью.

Продолжается скандал вокруг музыки к фильму «Семнадцать мгновений весны». Как мы помним, вскоре после премьеры картины по Москве стали ходить упорные слухи о том, что композитор Микаэл Таривердиев содрал её с музыки знаменитого французского композитора Франсиса Лея. И хотя это была чистейшая ложь, однако находились люди, которые во все это верили, поскольку оscarоносный фильм «История любви» (1970), где звучала упомянутая музыка Лея, в советском прокате не шел. Сам Таривердиев первое время стойчески переносил все эти слухи, видимо, надеясь, что рано или поздно они сами собой рассосутся, и даже не придал значения телеграмме, пришедшей на его имя от Лея, поскольку счел ее чьей-то неудачной шуткой (позднее выяснится, что в своих предположениях композитор не ошибся). Но когда история вышла далеко за пределы Москвы и Таривердиева стали буквально изводить расспросами о ней во время его гастролей по стране, он решил наконец установить истину. Первым делом он встретился с советником французского посольства в Москве по культуре и спросил его напрямик: звонили ли вы в Союз композиторов, на ТВ и радио, чтобы выразить свое возмущение от имени Лея. Советник ответил категорически: нет. «Господин Таривердиев, никто из посольства никуда не звонил, — уверял композитора француз. — Нам очень нравится ваша картина. Но если бы даже кому-то из нас, непрофессионалов, пришло бы в голову, что ваша музыка похожа на музыку Франсиса Лея, неужели вы думаете, что французское посольство стало бы звонить на советское радио и телевидение? Да бог с вами! Скажите лучше, как вам помочь?» «Я хочу найти Лея, мне нужно, чтобы он прислал телеграмму в Союз композиторов», — ответил Таривердиев. «Нет проблем, — последовал ответ. — Приезжайте сегодня к нам в посольство в два часа».

Эта встреча происходила в ресторане Союза композиторов. После нее собеседники разошлись в разные стороны: француз отправился к себе в посольство, а композитор поехал домой. Однако примерно на полпути он внезапно заметил, что за ним следует «хвост» — черная «Волга». Ее принадлежность не оставляла

сомнений — она была из КГБ. Видимо, чекисты были прекрасно осведомлены об этой встрече и с самого начала ее контролировали. Так Таривердиев невольно пошел по стопам Штирлица. Причем пошел далеко. Когда он приехал домой и оттуда решил позвонить своей жене Мире, он услышал, как в телефонной трубке раздался характерный шелчок — его подслушивали. И тогда он решил играть в открытую. Прямым текстом заявил: «Дорогая, ты все знаешь. Меня преследуют корреспонденты иностранных газет. Меня травят в Союзе композиторов, меня убивают на телевидении и радио. Я решил любой ценой пробиться в посольство Франции, меня ждут там в два часа. Я пойду до конца».

Прошло всего лишь двадцать минут после этого разговора, как в дверь композиторской квартиры позвонили. На пороге стояли двое молодых мужчин интеллигентного вида. Они показали Таривердиеву красные удостоверения с надписью «КГБ» и попросили разрешения войти. Один из них сказал: «Вы поймите, мы в курсе дела, мы знаем, что с вами происходит. Мы не хотели вмешиваться. Но вы сейчас готовы сделать шаг, последствия которого должны понимать». Таривердиев ответил: «Я все понимаю. Но и вы меня поймите: мне надо что-то делать». Тогда ему предложили: «Вы хотите связаться с Леем? Мы попробуем вам помочь. Только не надо ездить в посольство, иначе этот факт будет отражен в вашем досье. А это для вас нежелательно». На том они и расстались. О том, что было дальше, рассказ впереди, а пока продолжим знакомство с другими событиями октября 73-го.

23 октября на сцене Малого театра Союза ССР дебютировал выдающийся советский актер Иннокентий Смоктуновский. До этого он жил и работал в Ленинграде, но в начале 70-х, приняв предложение руководителей Малого театра работать у них, переехал с семьей на постоянное жительство в Москву. Его первой ролью на сцене прославленного театра стал царь Федор Иоаннович в одноименной трагедии А. Толстого. Однако премьерный показ спектакля едва не был сорван по вине... самого Смоктуновского. Практически весь год репетируя эту роль, накануне премьеры актер внезапно испугался провала и обратился к труппе с просьбой отменить спектакль. Просьба была

настолько беспрецедентной, что ее просто проигнорировали. Смоктуновскому пришлось выйти на сцену вместе со всеми. И, вопреки его прогнозам, премьера была встречена с восторгом, хотя сам Смоктуновский признавался, что играл тогда плохо. Спустя много лет, уже после смерти режиссера спектакля Бориса Равенских, актер поймет свое заблуждение и признается: «Как он (Равенских) был прав во всем тогда, при выпуске «Царя Федора». А я умничал и хотел по-своему... И первые месяцы после премьеры играл плохо... А потом понял, надо было все делать, как он просил, и абсолютно довериться ему. Потом я многое исправил и играл по-другому, по-моему, лучше, но Равенских, видимо, уже не видел этого. Наверное, обиделся на меня и не ходил на спектакль. Мне так жаль...»

Между тем ситуация вокруг конфликта на Ближнем Востоке продолжает усугубляться. 22 октября в Кремле Брежнев и Киссинджер подписали совместную резолюцию о прекращении военных действий между воюющими сторонами. Однако спустя два дня эта резолюция была сорвана. В тот день израильские войска форсировали Суэцкий канал и создали реальную угрозу разгрома крупной египетской группировки с вероятным взятием Каира. В Кремле собралось Политбюро, которое в течение нескольких часов пыталось найти решение в создавшейся ситуации. В итоге было принято предложение министра обороны Андрея Гречко (16 октября ему исполнилось 70 лет, и в качестве подарков ему были вручены орден Ленина и вторая медаль «Золотая Звезда»): Советский Союз должен ввести в зону военных действий свою армию в случае, если Израиль немедленно не прекратит огонь. Это был откровенно рискованный шаг, похожий на шантаж, но тогда он казался наиболее эффективным.

Вечером того же дня Брежнев направил Никсону свое послание, в нем говорилось: «Давайте срочно пошлем советские и американские военные контингенты в Египет, чтобы обеспечить исполнение решений от 22 и 23 октября. Надо действовать без какой-либо задержки. Если вы не найдете возможным действовать с нами совместно в этом вопросе, мы окажемся поставленными перед необходимостью рассмотреть такие меры в одностороннем порядке». Последняя фраза вызвала настоящий шок

у американцев, которые явно не были готовы к принятию столь серьезного решения. Ситуацию усугубляло еще и то, что в тот вечер, когда пришло послание от Брежнева, президента США угораздило напиться в стельку. Когда госсекретарь Киссинджер позвонил ему в Белый дом, то трубку поднял помощник президента Хейг, который полунамеками дал знать звонившему, что Никсон к телефону подойти не может. «Действуйте согласно конституции», — сказал Хейг и повесил трубу.

По конституции США, в отсутствие президента бразды правления переходили вице-президенту, но в те дни положение складывалось беспрецедентное: бывший вице — Агню — был отстранен от своих обязанностей, а новый — Форд — в свою новую должность еще не вступил. Поэтому решение пришлось принимать тому же Киссинджеру. В 22.40 он открыл заседание Совета национальной безопасности, а уже спустя 50 минут на свет родился вердикт: поставить все американские вооруженные силы, включая ядерные, на полную боевую готовность. Мир был поставлен перед угрозой третьей мировой войны.

Советское руководство американцы должны были оповестить о своем решении в 7 часов утра 25 октября. Однако в Кремле стало об этом известно на несколько часов раньше. Произошло это после того, как сразу после заседания Совета национальной безопасности американское военное командование стало приводить ряд своих подразделений в боевую готовность, что не могло укрыться от глаз советской разведки. Около девяти утра (в Америке была глубокая ночь) в Кремле собралось Политбюро, которое стало лихорадочно искать контраргументы против американской стороны. Более четырех часов шло горячее обсуждение: быть ли военной конфронтации или сохранится политика разрядки. Гречко и Андропов предложили немедленно направить советские войска в район Ближнего Востока. Косыгин и ряд других членов Политбюро заняли более мягкую позицию. Советский премьер-министр рассуждал так: «Предположим, мы направим на Ближний Восток две дивизии. В ответ американцы отправят, очевидно, тоже две. Мы направим пять, и американцы — пять. Никого из нас этим не напугаешь. Что же теперь — воевать?»

В конце концов в три часа дня (в Вашингтоне было 7 часов утра) присутствующие пришли к выводу, что начинать войну с Америкой, да еще с возможностью использования ядерного оружия, — безумие. Приняли решение: дожидаться ответа Никсона, который должен расставить все точки над «i». Но в этом ответе, который пришел спустя несколько минут, по главному вопросу — ядерной тревоге — не было ни слова. Там говорилось, что совместные акции на Ближнем Востоке полностью исключены. Зато Никсон заверял, что находится в «тесном контакте с правительством Израиля в целях обеспечения полного выполнения постановлений Совета Безопасности». Далее слушаем рассказ советского дипломата В. Израэляна:

«Расходились члены Политбюро, не получив ясного ответа. В Москве было около 16.00 25 октября, когда на торжественном открытии Московского конгресса миролюбивых сил собралось все советское руководство и многочисленные иностранные гости. Только Гречко и Андропов отсутствовали «по долгу службы».

Примерно в это же время (между 7 и 8 утра по washingtonскому времени) Киссинджер доложил Никсону о принятых решениях. Так президент с почти двенадцатичасовым опозданием наконец узнал, что США на пороге ядерной войны.

Сенсация стала достоянием прессы, мировая общественность оказалась в шоке. Все опасались мгновенного обострения международной обстановки. Свое недовольство неожиданным шагом Вашингтона высказывали и американские союзники — в Лондоне, Бонне, Париже. А сам президент США пытался сделать хорошую мину при плохой игре: делал вид, что «вышеуказанные ядерные шаги» приняты в соответствии с его личной инициативой. Вскоре, правда, тревога была отменена, но отношения между США и СССР, имевшие некоторые элементы сотрудничества в период октябрьской (1973 года) войны, в целом ухудшились...»

Скандалы продолжают сопровождать съемки фильма «Два дня тревоги» («Мосфильм», режиссер Александр Сурин). Как мы помним, в начале сентября постановочного вознаграждения был лишен за срыв съемки актер Владимир Тихонов. Теперь настала очередь применять санкции к самому режиссеру: 25 октября

тот явился на павильонную досъемку с опозданием, да еще подшофе. Съемку пришлось перенести на другой день. Но Сурин опять отличился: не явился в музыкальный отдел на приемку музыки по картине, написанную композитором Иваном Катаевым. Пришлось этот процесс проводить без него. За свои «художества» Сурин заработал выговор и был лишен постановочного вознаграждения.

Другой мосфильмовский режиссер — Андрей Михалков-Кончаловский — продолжает работу над фильмом «Романс о влюбленных». 19 октября под городом Джамбулом Казахской ССР снимались эпизоды с наводнением. Там едва не случилась трагедия. Вот как об этом вспоминает сам режиссер:

«Мне сейчас даже страшно вспоминать, что на съемках «Романса» мы чуть не убили мальчика. И все из-за этой странной системы, при которой актера удавалось выцарапать у театра иногда всего на семь-восемь часов. Снимали в Казахстане: пять с половиной часов лету, затем два с половиной часа в машине до площадки, тут же актера сажают на грим, одновременно декорация заливается водой, два часа съемок, и — обратно в машину, на аэродром. Актер, естественно, играет плохо, хоть как-то настроиться ему некогда. Условия ужасные. Скоропалительность, спешка — лишь бы успеть, уложиться к сроку.

В кадре должна была обвалиться крыша — почти прямо на наших героев. Девочке, державшей на руках мальчика, надо было отойти до отметки — так, чтобы балки рушились за ее спиной. Она до отметки не дошла — остановилась раньше. Ей кричат — она не слышит, да и трудно что-нибудь услышать. Ветродуи воют, брандспойты хлещут, она по пояс в воде — вода холодная, семь градусов. На девочках — до шеи, под одеждой — резиновые водолазные костюмы. На руках дети. И крыша валится прямо на мальчика — острым концом бревна. Если б упало чуть правее или левее, не знаю, чем бы все кончилось — наверное, самым худшим. И где бы я после этого оказался — тоже бог ведает. А так, ничего, отделались испугом: мальчику оцарапало щеку. Я ехал со съемки, крестился, благодарил бога и судьбу...»

В пятницу, 26 октября, из жизни ушел легендарный советский полководец Семен Михайлович Буденный. Шел ему 91-й год. Весть о

его смерти застала певца Михаила Шуфутинского в Магадане, в тот момент когда он был в гостях у знаменитого певца Вадима Козина.

Козин попал в те края еще при Сталине: согласно легенде, он получил срок за мужеложство, а отсидев его, предпочел остаться в Магадане. Он вел почти отшельническую жизнь, мало с кем встречаясь. И лишь иногда принимал у себя гостей — своих коллег, которых гастрольная судьба забрасывала в эти суровые края. А Шуфутинский, который жил в одном городе со знаменитостью, давно мечтал попасть в число счастливицков, коим удалось посетить Козина. Но без протекции попасть в дом певца было нереально. Помог случай. Друг Шуфутинского Георгий Караулов оказался вхож в козинский круг и в конце октября 73-го согласился познакомить приятеля с легендой отечественной эстрады. Через пару дней, купив цветы и полдюжины бутылок шампанского, Караулов, Шуфутинский и еще несколько человек из ресторанный оркестра заявили в скромную квартирку Козина на четвертом этаже пятиэтажного дома в Школьном переулке. Вспоминает М. Шуфутинский:

«Мы позвонили в дверь с медной табличкой «Вадим Алексеевич Козин».

— Шас, иду... — раздалось за дверью. — А, черт, наставлено тут.

Загремел то ли упавший таз, то ли ведро.

Хозяин открыл дверь и сразу прищурился:

— Ну, кто тут?

Караулов вышел вперед:

— Вадим Алексеевич, мы к вам.

— А, ну проходите. Раздевайтесь. Только осторожнее. Не наступите на моих кошек. Такая теснотища. Черт бы побрал этих архитекторов. Это же надо — строить людям такие конуры. Неужели и в Москве такие строят?

— Строят, Вадим Алексеевич.

В комнате действительно было тесно, но главным образом из-за множества книг, которые не только занимали полки по всем стенам, но и кипами лежали на полу, на фортепиано, телевизоре. Этаким художественный беспорядок. В комнате царил теплый полумрак. Лампа под желтым абажуром освещала лишь круглый стол, заваленный вырезками из газет, вскрытыми конвертами, открытками...

— Ну, рассказывайте, кто вы, откуда, — доброжелательно предложил хозяин, когда вся

компания с трудом разместилась вокруг стола. Сам Козин сел на круглую вращающуюся табуретку и мог при желании, не поднимаясь из-за стола, повернуться к фортепиано.

— А что рассказывать, Вадим Алексеевич, — ответил за всех Караулов. — Ребята приехали из Москвы, хотят немножко заработать. Играют в кабаке, в «Северном».

— Ничего зазорного в этом не вижу. Я сам в молодости много пел в ресторанах. А до революции вообще вся эстрада начиналась в ресторанах. Оттуда она, собственно, и пошла: от «Яра» — в Москве, от Контана — в Петербурге.

Выпили шампанского, разговор оживился, но рассказывал в основном хозяин, а мы больше слушали.

— Сейчас чай поставим, мне тут из Москвы прислали. Каких-то «Три слона». Говорят, хороший. А что, в Москве помнят Козина? Или думают: скорей бы сдох, старый хрыч?

— Помнят, Вадим Алексеевич, помнят. В ресторанах вашу «Осень» часто заказывают. И «Дружбу» тоже. Да и в кинотеатрах перед сеансами играют.

— Играют, только автора не объявляют. Ничего, я Фурцевой по телефону дал обещание дожить до двухтысячного года, а там поглядим, кто чего стоит. (Козин ошибется на пять лет — он умрет 19 декабря 1994 года, пережив Фурцеву на 20 лет. — Ф.Р.) Сволочи! До войны ни у кого столько пластинок сольных не было — ни у Козловского, ни у Лемешева. Эта «Мелодия», мать ее ети, делает вид, что Козина в природе не существует...»

В ходе дальнейшего разговора Козин здорово удивил своих собеседников, заявив, что он сейчас пишет... песню про Ленина. Видя недоверие в глазах гостей, Козин повернулся к пианино, ударил по клавишам и пропел: «Родной, любимый Магадан, тебя мой Ленин не забудет...» Слышать эти пропагандистские стихи в устах Козина было не то чтобы удивительно, это выглядело настоящим сюрреализмом. Ведь в 40-е годы он отказался написать песню о Сталине, хотя об этом его просил сам Берия. А тут сам, добровольно, пишет осанну вождю мирового пролетариата.

После исполнения песни Козин дал попробовать гостям адмиральский ликер, который, по его словам, он выдерживает почти десять лет. Однако большого впечатления на присут-

ствующих этот напиток не произвел — обычный алкоголь. Затем Козин сразился в шахматы с Карауловым, поскольку из всех гостей только он умел играть в эту игру. Но хозяин быстро оставил его в дураках, загнав в матовую ситуацию. Потом под грузинский чай с вареньем стали смотреть программу «Время». Козин весьма живо комментировал новости. Вскоре в программе возникла пауза, появилось озабоченное лицо Игоря Кириллова, который скорбным голосом сообщил, что сегодня в Москве умер трижды Герой Советского Союза, маршал Семен Михайлович Буденный. Услышав эту новость, Козин вскочил со своего места, достал с полки толстую тетрадь и сделал в ней карандашом какую-то пометку. Затем пояснил:

— В этой тетради имена всех, кто умер за последние двенадцать лет.

Шуфутинский, которого переполняло любопытство, полистал тетрадь: она была сплошь заполнена вырезанными из газет некрологами и испещрена пометками. Цель своих записей хозяин квартиры не объяснил. Напоследок, когда гости уже собирались откланяться, Козин спел им один из своих шлягеров — «Надо мной в глубине синева — кличи давние...».

28 октября в первенстве Советского Союза по футболу определился досрочный чемпион — им стала ереванская команда «Арагат» (она же стала и обладателем Кубка страны). В тот счастливый день «Арагат» принимал у себя на поле ленинградский «Зенит». Хозяевам нужна была только победа. И они ее добились, победив гостей со счетом 3:2. Но уже минут за двадцать до конца встречи главному тренеру ереванцев Никите Симоняну было ясно, что его команда досрочно завоевала золотые медали: пришло сообщение, что ближайшие конкуренты «Арарата», киевские динамовцы, сыграли вничью с «Кайратом». Далее послушаем рассказ самого тренера:

«Стадион буквально взорвался. Я, признаться, и не видел прежде такого проявления чувств. Высыпали на поле болельщики, народные ансамбли — все верили в победу, готовились к ней, загремела музыка, пошли танцы.

Улицы были запружены народом. Гуляли, пели, наверное, до четырех утра. Футболистов, не преувеличиваю, готовы были принять в каждом доме, все двери для них распахнулись.

На тротуарах появились мангалы, поплыл запах шашлыков. Люди выносили из домов кувшины с вином, не жалея ради такого случая запасов. Выражали свои восторги самыми разнообразными способами — ездили, сигналили, на машинах, пели песни...

Я все время попадал в чьи-то объятия. Болели плечи от похлопываний, кому-то достался рукав моего плаща...

Поздней ночью друзья привезли нас с Эдмондом Кеосаяном в гостиницу. Пробрались со служебного входа в номер. Лежим, не зажигая света. А площадь под балконом все еще гудит, народ все еще празднует. И вдруг слышим: «Си-мо-нян! Си-мо-нян!»

— Надо выйти, Никита, — серьезно говорит мне Эдмонд. — Тебя ждут.

Может, и надо, да неловко. Ну что я, полководец, чтобы приветствовать толпу? Старуюсь отнестись к ситуации с долей юмора, а выхожу на балкон — начинает першить в горле и от волнения пелена на глазах...»

30 ноября в Москве на Красной площади состоялись похороны Семена Буденного. Вспоминает «кремлевский землекоп» Г. Коваленко:

«У Кремлевской стены работали тогда в восемь рук: два землекопа с Ваганькова и два — с Новодевичьего. Управились быстро. Часа за полтора. После просеивания выкопанной земли принялись за драпировку могилы крепом. Как и полагается в таких случаях — красным черным. На следующий день — чуть свет — снова были на «рабочем» месте. Проверили, все ли в порядке, и — в комнату ожидания, под гостевые трибуны. Пока гроб с телом маршала выносили из Колонного зала, пока говорили над ним у Мавзолея прощальные слова — попивали в тепле принесенный с собой кофе, играли в домино. Говорят, чего там только нет, под трибунами. Но мы только в одной комнате были. Столы, стулья... Ничего особенного. Нас туда провожал комендант, а потом, к концу траурного митинга, забирал.

Когда родственники простились с усопшим, мы с напарником взяли со стола гроб и опустили его в могилу. Могилу засыпали быстро — за 4,5 минуты, пока звучал Гимн Советского Союза. После этого установили венки, портрет. За выполнение «особо важного задания» получили премию — несколько десятков рублей...»

Помню, я увидел в «Правде» снимок этих похорон и обнаружил рядом с гробом артиста Михаила Державина: он шел в толпе вместе с маленькой девочкой, одетой в теплую куртку с копушоном. Долго я терзался вопросом, что делает ведущий «Кабачка «13 стульев» на похоронах легендарного полководца. И только много позже я узнал, что Державин в то время был женат на дочке Буденного Нине, в этом браке родилась дочь Маша. Через несколько лет этот брак распадется.

В тот день, когда хоронили Буденного, Микаэл Таривердиев получил радостную весть — пришла телеграмма от Франсиса Лея, в которой тот категорически отрицал свою причастность к скандалу вокруг его музыки к фильму «Семнадцать мгновений весны»: Лей сообщал, что никакой телеграммы с обвинениями своего советского коллеги в плагиате не посылал. Таким образом, КГБ сдержал свое слово: по своим каналам связался с Леем и попросил «разрулить» ситуацию.

Тем временем в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: 22-го вышла революционная драма про борьбу латиноамериканских коммунистов «**Это сладкое слово — свобода**» Витаутаса Жалакявичюса с участием Регимантаса Адомайтиса, Ирины Мирошниченко, Родиона Нахапетова и др.; 29-го — шпионский боевик «**Человек в штатском**» Василия Журавлева с участием Юозаса Будraitиса, Владимира Дружникова, Ирины Скобцевой и др.; революционно-биографический фильм «**Надежда**» Марка Донского, где молодого Ленина сыграл Родион Нахапетов, а Надежду Крупскую — Наталья Белохвостикова.

Кино на ТВ: «**Песнь о Маншук**» (17-го), «**Щорс**» (18-го), «**Вратарь**» (20-го), «**Капитанская дочка**» (21-го), «**Чингачгук — Большой Змей**» (ГДР, впервые по ТВ 22-го), «**Завещание старого мастера**» (25—28-го), «**Укротительница тигров**» (27-го), «**Главный конструктор**» (премьера т/ф 27—28-го), «**Добровольцы**» (29-го), «**Алло, Варшава!**» (30-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 25-го в Театре на Таганке — «**Бенефис**» по произведениям А. Островского; 26-го в Театре имени Гоголя — «**Огарева, б**» Юлиана Семенова; 31-го в Театре имени Пушкина — «**Всего три дня**».

Эстрадные представления: 19-го — в «Октябре» сборные концерты с участием Ольги Воронец, Владимира Макарова, Геннадия Хазанова, Жанны Бичевской и др.; 23—31-го — в ГТЭ выступал английский певец Роберт Янг в сопровождении ансамбля «Клив Аллен, Саунд»; 26—27-го в «Октябре» — Эдуард Хиль; 28-го в «Варшаве» — ВИА «Поюшие сердца»; 28—29-го в ГТЭ — Гелена Вондрачкова (ЧССР); 26—31-го в ГЦКЗ «Россия» — Эдита Пьеха.

С 23 по 31 октября в Театре эстрады давал концерты популярный английский певец Роберт Янг в сопровождении ансамбля «Клив Аллен Саунд». Это были первые гастроли Янга в Москве, которым он обязан продюсеру Стенли Лаудену. Имя последнего в свое время было хорошо известно в СССР — именно он написал слова супершлягера 40-х «Синий платочек». Позднее Лауден эмигрировал на Запад и поселился в Англии. Занявшись продюсированием, он долго вынашивал идею установить сотрудничество с Министерством культуры СССР, чтобы привозить на бывшую родину популярных исполнителей из Англии. Первым таким артистом и стал Роберт Янг. По словам Лаудена:

«Я знал, что со времени окончания войны ни один английский артист не выступал в СССР, хотя представители Бельгии, Франции, США гастролировали в Советском Союзе. Подобное турне само по себе могло дать неплохой рекламный материал для моего артиста. Его имя было Роберт Янг. Идея турне по России выглядела для него очень заманчивой. Он не был поп-певцом, как Том Джонс или другие рок-звезды того времени, но он обладал фантастическим голосом, мог брать высокие ноты на уровне оперных певцов. У него уже был опыт выступлений в клубах и концертах в Англии, и я считал, что он справится с гастролями по России. К тому же он был очень красив, многие женщины говорили мне об этом. Я ухмыльнулся, подумав о нижнем белье, летящем к его ногам в свете рампы...»

Новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «**Песни А. Пахмутовой**», песни: «Мелодия» — Муслим Магомаев, «Не зря тебя назвали «Москвичом», «Ну, погоди!» — Эдуард Хиль; «**Песни и музыка М. Таривердиева из телефильма «Семнадцать мгновений весны**», песни: «Где-то

далеко», «Мгновения» — Иосиф Кобзон, музыка: «Воспоминание» — оркестр; «Песни Булата Окуджавы», песни: «Песенка о Леньке Королеве», «По Смоленской дороге», «Маленький оркестрик», «Полночный троллейбус»; «Интермедии в исполнении Бориса Владимирова и Вадима Тонкова»;

диски — «Песни Полада Бюль-Бюль оглы», песни: «Юность» (стихи Н. Добронравова), «Хлоп-хлоп» (стихи М. Пляцковского), «Город мой Баку» (стихи А. Горохова) и др.; «Поет София Ротару» (первый диск певицы), песни: «Червона рута» (В. Ивасюк), «Песня о моем городе» (Е. Дога — Г. Водэ, русский текст В. Лазарева), «Желтый лист» (В. Громцев — В. Ивасюк), «Сизокрылая птаха» (Д. Бокки, украинский текст Р. Кулика), «Под сенью старого дуба» (романс, слова М. Эминеску), «Каменное сердце» (Э. Дэда), «Водограй» (В. Ивасюк), «Не жди, я не вернусь» (Чиорелли) и др.; «Поет ВИА «Самоцветы», песни: «Горлица» (О. Иванов — С. Кирсанов), «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский), «Чернобровая дивчина» (Р. Мануков — Т. Сашко), «Верба» (Э. Ханок — Ю. Рыбчинский), «Там, за облаками» (М. Фрадкин — Р. Рождественский), «Мой адрес — Советский Союз» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «Чаривна бойкивичанка» (А. Сердюк — М. Веньо), «Налетели дожди» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «Увезу тебя в тундру» (М. Фрадкин — М. Пляцковский), «Не повторяется такое никогда» (С. Туликов — М. Пляцковский); «Играет оркестр «Мелодия», композиции: «История любви», «Водолей», «Шербурские зонтики», «Черный Орфей» и др.; «Мир песни», выпуск № 1, песни: «Подмосковные вечера» (В. Соловьев-Седой) — оркестр Рэя Коннифа, «Пей из источника» (Дж. Холидей) — Дж. Холидей, «Джанк» (П. Маккартни) — Пол Маккартни, «Один маленький город» (Очерман) — оркестр Джеймса Ласта и др.

В октябре, после двухлетнего перерыва, вышли сразу две пластинки популярного певца Валерия Ободзинского: миньон и диск. На миньоне были представлены три песни («Ты

меня забыла», «Прощание с любимой», «Мираж»), на диске — двенадцать («Карнавал», «Восточная песня», «Эти глаза напротив», «Что-то случилось», «Неотправленное письмо» и др.).

Первая пластинка Ободзинского вышла в конце 60-х и мгновенно стала раритетом. Однако сам певец с этого почти ничего не получил. Судите сами. Стоила она 2 рубля 60 копеек, и ее тираж был 13 миллионов. Государство на ней заработало порядка 30 миллионов, но певцу досталось... 150 рублей.

В то же время параллельно с небывалым успехом, который певец с каждым днем приобретал у слушателей, нарастала и его критика официальными властями. Главной претензией к Ободзинскому было то, что он не поет гражданских песен, целиком построив свой репертуар на любовной лирике (за это недоброжелатели называли его «будуарным певцом»), его поведение на сцене более раскованно, чем того требовал моральный кодекс строителя коммунизма. Когда в 1971 году концерт Ободзинского лично посетил министр культуры РСФСР Попов, его возмущению не было предела. «И это называется советский певец! — прилюдно возмущался министр. — Я такого «западничества» не потерплю!» И тут же было отдано распоряжение соответствующим инстанциям ни в коем случае не позволять Ободзинскому давать концерты в пределах РСФСР. Табу было наложено и на выпуск его пластинок. Длился этот запрет более года, пока в дело не вмешался заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Шауро, который, в отличие от Попова, любил творчество певца. На концерте в Днепропетровске он поинтересовался, почему это певец не дает концертов в Москве. И тот ответил ему как на духу: министр запретил. Шауро пообещал лично разобраться с этим вопросом, и вскоре проблема была решена: Ободзинский вновь стал «вездным» в Россию. Забегая вперед, сообщу, что в декабре Валерий Ободзинский впервые после долгого перерыва даст концерты в Москве — будет участвовать в концертах оркестра Олега Лундстрема.

1973 Н о я б р ь

Спецназ МУРа против подростков-террористов. Владимир Конкин — новый Павка Корчагин. Допросы Елены Боннэр в Лефортово. МУР ищет того, кто пошутил над Таривердиевым. Самоубийство Всеволода Кочетова. Рой Медведев заступает за Брежнева. Цензура против Аркадия Райкина. Служебный роман Михаила Боярского. Развод Аллы Пугачевой. В роли насильника — Сергей Параджанов. Болезнь Сергея Колосова. Похороны Всеволода Кочетова. Страсти вокруг романа режиссера и актрисы. Рождение джаз-рок-бэнда «Арсенал». Маршал Жуков теряет жену. Высоцкий в Киеве. Как Кайдановский ревновал Малявину. Жуков прощается с женой. Куйбышевский киллер убивает свою жертву. Как Олег Ефремов оконфузился перед Тодором Живковым. Почему брызнули слезы у Шукшина. Фарс на стадионе в Сантьяго: наша сборная по футболу не попадает на чемпионат мира. Женился Александр Барыкин. Как едва не закатилась звезда Евгения Мартынова. Происшествие в Новосибирске: часовые под градом пуль. Воздушный таран в небе Армении. Сулов против Брежнева. Как Брежнев поучал индийского оппозиционера.

Четверо московских подростков продолжают готовиться к угону самолета. Мы расстались с ними, когда они ломали головы, где найти огнестрельное оружие. В последние дни октября им удалось решить эту проблему: Романов сумел уговорить одну из своих знакомых продать ему свое охотничье ружье, доставшееся женщине от бывшего мужа. Отпилив приклад, парни смастерили обрез, который можно было легко спрятать за пояс. Заговорщики надеялись еще на один шанс: некий сокурсник Жалнина пообещал ему достать к началу ноября два пистолета. Однако из этой затеи ничего не вышло: то ли парень в последний момент струсил, то ли на самом деле не смог достать оружие. Тогда на смелый поступок решился Бондарев: он сообщил друзьям, что в день угона прихватит из дома два охотничьих ружья своего отца 16-го калибра — двухствольное и одноствольное. А пока в подтверждение своих слов он передал Романову и Жалнину 11 отцовских патронов.

В четверг, 1 ноября, подростки приобрели в магазине № 1 «Рыболов-охотник-турист»

еще 30 патронов, снаряженных дробью 16-го калибра, 29 из которых Жалнин затем перезарядил пулями «Спутник», купленными в том же магазине. Из магазина они направились в кассу «Аэрофлота», где приобрели четыре билета на завтрашний рейс Ф-19, следовавший по маршруту Москва — Брянск.

Последние несколько часов перед операцией каждый из заговорщиков проводил по-разному: кто-то встречался с девушкой, кто-то весь вечер просидел дома в кругу близких. По «ящику» ничего интересного для подростков в тот вечер не крутили (по 1-й показывали немой фильм «Барышня и хулиган», по 2-й — журнал «Подмосковье», по 4-й — телеспектакль «Даша»), поэтому Никифоров выкроил время для короткой записки родным (написана в 20.37), сопроводив ее, по обыкновению, рисунком индейского вождя в пышном головном уборе. В записке говорилось:

«Мама и Женя! Я уехал в Америку 2 ноября 1973 года. Буду писать. Если будет возможно, вышлю телеграмму еще в пути, на остановке в Варшаве, или Лиссабоне, или из другого горо-

да. Все потом напишу письмом, если доеду туда».

2 ноября в 9 часов утра вся четверка встретила возле станции метро «Павелецкая». Жалнин и Бондарев купили несколько газет в ближайшем киоске, в которые упаковали два ружья в чехлах. Затем поймали такси и отправились в аэропорт Быково. До трагедии оставались считанные часы.

Между тем город жил своей привычной жизнью. В Моссовете открылось заседание городской комиссии по подготовке к празднованию 56-й годовщины Октября, а генсек Брежнев в компании с членами Политбюро встречал в Шереметьево прилетающего всего на один день руководителя Болгарской компартии Тодора Живкова. В тот момент, когда самолет с дорогим гостем приземлялся на летное поле, четверка будущих угонщиков была уже в Быково. В туалете аэропорта Романов переложил обрез из чемодана под пальто, остальные ружья продолжали находиться в чехлах, поскольку пронести их за поясом не было возможности — у них не были обрезаны приклады. В 10.20 в числе 26 пассажиров четверка будущих угонщиков прошла в салон самолета и заняла свои места: Романов сел в кресло 1а, Жалнин — 2а, Бондарев — 2б и Никифоров — 2в. Перед этим Бондарев зашел в багажное отделение, где оставил сверток с зачехленными ружьями. До трагедии оставались считанные минуты.

В 11.24 «Як-40» поднялся в воздух и взял курс на Брянск. Спустя полчаса Бондарев взял в багажном отделении сверток с ружьями, закрылся в туалете, распаковал их, собрал и зарядил. Однако войти с ними в салон у него духу не хватило, поэтому он временно положил их на прежнее место — в багажное отделение, прикрыв брезентом.

Захват начался, когда самолет подлетел к Брянску и начал снижаться. Жалнин сходил в багажное отделение и принес ружья. Одно он взял себе, другое отдал Бондареву, а у Романова имелся обрез. Именно Романов первым вышел в проход между креслами и, направив ствол на пассажиров, скомандовал: «Спокойно, с мест не вставать — буду стрелять!» Затем, оставив пассажиров на попечение своих подельников, он попытался ворваться в кабину пилотов, выстрелив в запертую дверь. Вскоре

из кабины выскочил бортмеханик Никитин, который, воспользовавшись растерянностью Романова, перехватил его руку с обрезом и попытался отнять оружие. В пылу борьбы Романов во все горло закричал Жалнину: «Вова, стреляй!» И Вова выстрелил, попав бортмеханику в живот (Никитин получил ранение брюшной полости с поражением печени, переломом нескольких ребер справа).

Большинство пассажиров, слыша шум борьбы, выстрелы и крики раненого летчика, продолжали оставаться на своих местах. Но один смельчак среди них нашелся. Им оказался Гапоненко, который вместе с женой и ребенком летел в Брянск. Передав ребенка жене, он бросился к кабине пилотов. Его бросок заметил Романов, который выстрелил в смельчака из обреза. Гапоненко на ходу убрал корпус чуть в сторону, чем спас себе жизнь — пуля угодила ему в плечо и пробила панель потолка самолета. В тот же момент Бондарев подскочил к Гапоненко, приставил дуло ружья в бок пассажиру и нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало — ружье оказалось незаряженным! Тогда Гапоненко сбили с ног ударами прикладов и стали избивать ногами. Жалнин дважды пытался выстрелить в пассажира из ружья, но того опять спас случай — при перезарядке спусковой механизм оказался на предохранителе.

Тем временем Романов выстрелом в дверь пилотской кабины сбил запор и ворвался внутрь, где находились командир корабля Кашин и 2-й пилот Толпекин. Направив обрез на пилотов, он потребовал связаться с Брянском. Те подчинились. Через пилотов Романов передал властям города свое требование — выдать им 1,5 миллиона долларов. За это они обещали никого не убивать и сообщить еще о двух преступных группах, которые в ближайшее время якобы попытаются осуществить угоны самолетов (на самом деле террористы блефовали). Однако брянские власти ответили отказом: дескать, откуда в нашем городе могут взяться такие деньги, летите обратно в Москву. Пришлось разворачивать самолет.

А в столице тем временем всю шла подготовка к приему «гостей». В те дни как раз закончился Всемирный конгресс миролюбивых сил, и в МУРе дежурила специальная группа захвата, состоящая из милиционеров-спорт-

сменов из различных отделений милиции. Ее и направили во Внуково, куда собирались посадить угнанный самолет (там удобнее было провести операцию). На связь с террористами лично вышел министр внутренних дел Николай Щелоков. Ему они передали свои требования: 1,5 миллиона баксов, дозаправка самолета, перелет в Ленинград, новая дозаправка и беспрепятственный вылет в Скандинавию. Щелоков внес в эти требования свои коррективы: освобождаете половину пассажиров — получаете половину требуемой суммы с условием освобождения остальных заложников в Питере, где получите остальные деньги. Бандиты соглашаются.

В 13 часов плененный «Як-40» приземлился во Внуково. По требованию террористов он был поставлен на взлетной полосе, перед ним убрали все препятствия. В обмен на дозаправку парни согласились отдать двух раненых — Никитина и Гапоненко. Причем потребовали, чтобы в машине «Скорой помощи» находился всего лишь один врач и обязательно женщина. Их условие приняли, и обмен состоялся (правда, раненых преступники сбросили на взлетную полосу, как бревна). Затем бандиты стали требовать денег. Но им ответили: сумма очень большая, для ее сбора потребуется время, ждите. На самом деле деньги никто не собирал, с самого кремлевского верха последовал приказ: «Из Москвы преступников не выпускать, обезвредить здесь же!»

Операция началась в 16.35 и длилась чуть больше трех минут. Трое спецназовцев (Раков, Ляхманов, Мушкарин) под руководством старшего лейтенанта милиции Александра Попрядухина рассчитывали с помощью дымовой завесы ворваться в салон и обезвредить преступников. Но уже с первых секунд их план едва не провалился. Вот как об этом вспоминает участник штурма Юрий Федосеев (впоследствии он возглавит МУР):

«Проходит десять, двадцать минут, а сотрудника КГБ, который взял на себя миссию по доставке на борт самолета востребованной суммы валюты, все нет и нет. И тут кто-то из наших ребят, забывшись, поднимается и стальной каской ударяется о днище самолета (муровцы разместились аккуратно на бетонных плитах под самолетом. — Ф.Р.). На звук удара один из злоумышленников приоткрывает люк. Это-

го было достаточно, чтобы Раков успел всунуть в образовавшийся просвет обыкновенный багор с щита противопожарной безопасности. Ляхманов, вооружившись двумя пистолетами, как на стрельбище, с двух рук посылал пулю за пулей, не давая террористам закрыть люк. Первая брошенная граната со слезоточивым газом была ими расстреляна в воздухе. Вторая, оказавшись в салоне самолета, начала свое действие. Те, кому удалось увидеть видеозапись этих событий, отмечали, что там доминировали выстрелы, крики, крепкие мужские выражения. В этой суматохе дробовой заряд в бок получил Попрядухин, однако, к счастью, он пришелся на бронежилет.

Вскрываются аварийные люки, в корме самолета опускается люк-трап, и по нему скатывается молодой парень и бежит, петляя как заяц. Выстрел, если не ошибаюсь, его сделал Беззубиков, пуля попала убегающему в ногу, и на бетонку падает один из... пассажиров. Других, выпрыгивающих и выбегающих из самолета, укладывают на мокрый асфальт лицом вниз. Ребята зачищают салон самолета. Дверь в туалет закрыта. Два-три удара, и запор сломан. В туалете труп — один из террористов застрелился...»

Застрелившимся был Романов. Что касается его подельников, то их участь сложилась по-разному: Жалнин и Бондарев сочли за благо сдаться живыми, а вот Никифорову не повезло — шальная пуля нанесла ему смертельное ранение. А ведь он все время захвата занимал пассивную позицию и даже не вставал со своего кресла, когда его друзья терроризировали пассажиров. Также были ранены и двое пассажиров, сидевших ближе всего к месту перестрелки: один в бедро, другой в плечо.

Едва до высоких начальников, которые наблюдали за ходом операции из аэропортового здания, донеслась весть, что операция закончилась, как они рванули к самолету. Возглавлял процессию сам министр внутренних дел Щелоков. Когда к нему вывели двух оставшихся в живых террористов и он увидел, что это всего лишь безусые юнцы, ему чуть плохо не стало. Обернувшись к кому-то из своей свиты, Щелоков приказал везти угонщиков на Петровку, 38. Однако стоявший рядом с министром начальник Управления КГБ по Москве и области Алидин, понимая, что Щелоков соби-

рается все лавры по части поимки террористов приписать себе, попытался вмешаться в ситуацию, заявив, что прежде надо позвонить Андропову. «Звоните», — чуть ли не сквозь зубы ответил Щелоков.

Как ни странно, но Андропов не стал враждовать против допроса угонщиков на территории конкурентов, но приказал Алидину присутствовать при этом. Как вспоминает бывший начальник столичных чекистов, Щелоков во время допроса выглядел не лучшим образом. Едва они остались с террористами наедине, он скалой навис над мальчишками и грозно произнес: «Вы знаете, кто я такой? Я министр внутренних дел Щелоков!» Но горе-угонщики пребывали в таком трансе, что даже золотые погоны министра и широкие лампасы на его брюках не могли привести их в чувство. Они что-то невнятно лепетали в ответ и практически не смотрели на Щелокова. Не добившись от них ни одного внятного ответа, тот, чертыхаясь, ретировался.

Забегая вперед отмечу, что, несмотря на беспрецедентность происшедшего, ни одна из центральных газет даже короткой строкой не упомянула об этом событии. И только «Комсомольская правда» спустя несколько дней в крохотной заметке рассказала о задержании некоего опасного преступника в Парке имени Горького, за что старший лейтенант Александр Попрядухин был удостоен звания Героя Советского Союза. Люди тогда удивлялись: видать, слишком опасный был преступник. Кстати, за три послевоенных десятилетия в СССР это был первый случай получения столь высокой награды милиционером.

3 ноября в 19.50 по первой программе ЦТ состоялась премьера шестисерийного телефильма «Как закалялась сталь», снятого на Киностудии имени Довженко режиссером Николаем Машенко. Это была третья попытка советских кинематографистов экранизировать одноименный культовый роман Николая Островского: первым в 1942 году это сделал Марк Донской, в 1957 году по его стопам пошли Александр Алов и Владимир Наумов (их фильм назывался «Павел Корчагин»). Отмечу любопытный факт: в аловско-наумовском фильме состоялся кинематографический дебют актера Льва Перфилова (он сыграл Франца Клавичека), которому нашлось место и в новой экраниза-

ции — но на этот раз он выразительно сыграл роль кулака.

Роль Павла Корчагина в телеверсии досталась 20-летнему актеру Харьковского ТЮЗа Владимиру Конкину, которого первоначально планировалось утвердить на эпизодическую роль Цветаева — антипода Корчагина. Но в процессе подбора актеров ситуация резко изменилась, и Корчагиным стал никому не известный Конкин (сначала на эту роль планировалось пригласить популярного актера Николая Бурляева). Премьера фильма мгновенно сделает Конкина знаменитым, на него обрушится лавина всевозможных благ: спустя несколько месяцев он получит звание заслуженного артиста Украинской ССР, станет лауреатом премии Ленинского комсомола, будет приглашен на работу в Москву — в труппу Театра имени Моссовета. Что касается кино, то в дни премьеры «Стали» Конкин снимается у Андрея Михалкова-Кончаловского в «Романсе о влюбленных» в роли младшего брата главного героя.

Продолжаются неприятности в семье академика Сахарова. В первых числах ноября его жене Елене Боннэр пришла повестка на допрос в качестве свидетеля в Лефортово — она должна была дать показания по делу диссидентов Хаустова и Суперфина. Во время допроса следователь повел себя хитро — пытался добиться от нее показаний, как она сразу поняла — любых; что бы она ни сказала, все могло бы быть использовано на суде, поскольку такой суд — просто некий бюрократический, лишенный логики спектакль. Боннэр решила не давать никаких показаний. Даже когда следователь спросил ее, правда ли, что друзья называют ее Люсей, она отвечать отказалась. Следователь вскипел:

— Я немедленно вызову конвой. Вы издаетесь надо мной.

Допросы будут продолжаться в течение двух недель, но ничего существенного вытянуть из Боннэр КГБ не удастся. В конце концов не выдержат нервы Сахарова: когда его жене надо было в очередной раз ехать в Лефортово, он заставил ее остаться дома, а посыльному сказал, что она больна и больше на допросы ходить не будет. Что интересно — посыльный после этого убежал, даже не дав Сахарову расписаться в специальной разносной книге.

Не закончилась еще скандальная история вокруг музыки к фильму «Семнадцать мгновений весны». Как мы помним, 30 октября от Франсиса Лея на имя Микаэля Таривердиева пришла телеграмма, в которой французский композитор наотрез отрекся от своего участия в этой истории и выражал ему свою поддержку. После этого друзья Таривердиева предложили ему распутать клубок до конца: выяснить, кто мог так зло над ним подшутить и отправить первую, липовую телеграмму от имени Лея. Писатель Эдуард Хруцкий, у которого были большие связи в правоохранительных органах, взялся проводить композитора к самому начальнику МУРа Владимиру Корнееву. Тот с пониманием отнесся к просьбе гостей и выделил сотрудника, который должен был установить личность того, кто заварил всю эту кашу — состряпал липовую телеграмму от Лея. Но это оказалось делом трудным. Сыщик сумел только выяснить, как недоброжелатель отправил телеграмму: пошел в Центральный телеграф, взял международный бланк, напечатал текст на латинской пишущей машинке на простых листках бумаги, вырезал их, наклеил и принес в Союз композиторов. Когда сыщик стал выяснять, кто получал телеграмму, кто за нее расписывался, как она оказалась на столе в иностранной комиссии, кто ее сразу перекинул главе Союза Тихону Хренникову, все разводило руками: мол, ничего не слышали, ничего не видели. Мороч, личность шутника так и осталась невыясненной. Хотя в кулуарах Союза ходили слухи, что так мог пошутить большой любитель розыгрышей Никита Богословский. Но за руку его никто не ловил.

Что касается Микаэля Таривердиева, то он после этой истории прямых контактов с КГБ больше не имел — надобность не возникала. Но зато он имел от Конторы Глубокого Бурения бумажку из разряда тех, про которые в советские времена говорили: «Без бумажки ты кашка, а с бумажкой — человек». Эту индульгенцию — удостоверение в красной корочке — ему помог достать соавтор по «Мгновениям» писатель Юлиан Семенов (такими же он снабдил Татьяну Лиознову и Вячеслава Тихонова). На удостоверении было написано: «Без права остановки». И стояла подпись: «Андропов». О силе сего документа говорит такой факт. Однажды Таривердиев специально заехал на сво-

ей машине на территорию Красной площади и, когда к нему вальяжной походкой подошел постовой, чтобы отобрать права, показал ему через окно это удостоверение. Как пишет сам композитор: «У гаишника, по мере того как он разбирал написанное, глаза стали вылезать на лоб, потом он поспешно козырнул, и теперь уже я медленно и вальяжно проехал мимо него».

Но вернемся в ноябрь 73-го.

В преддверии 56-й годовщины Великого Октября из жизни ушел известный писатель Всеволод Кочетов. Как мы помним, Кочетов был ярким сталинистом и антизападником, и наиболее выпукло его взгляды были изложены в романе «Чего же ты хочешь?», опубликованном в журнале «Октябрь», где Кочетов был редактором, в 1969 году. Во многом благодаря стараниям Кочетова и его сторонников был разгромлен «Новый мир» Твардовского. Однако и идеи Кочетова и К° остались невостребованными: в начале 70-х кремлевское руководство взяло курс на сближение с Западом. Кочетов воспринимал все происходящее болезненно. Как говорили очевидцы, в последние дни он даже спать ложился, не забывая положить под подушку наградной пистолет. А в преддверии главного революционного праздника нервы писателя, видимо, не выдержали, и он пустил себе пулю в висок. В газетах, естественно, об этом — ни гу-гу: в некрологе (опубликован в «Советской культуре» и «Литературной газете» акkurat 7 ноября) написали, что Кочетов умер в результате тяжелой и продолжительной болезни.

7 ноября известный правозащитник Рой Медведев распространил среди иностранных корреспондентов свою статью «Проблема демократизации и проблема разрядки». Статья вызвала бурю негодования в диссидентской среде, ее назвали вторым ударом в спину, после известной сентябрьской пресс-конференции Якира и Красина. В ней Медведев в открытую полемизировал с Сахаровым и Солженицыным, упрекал их в том, что они своей неконструктивной критикой власти, апеллирующей к правым силам на Западе только усугубляют положение. По мысли Медведева, в Политбюро существуют две команды: либеральная во главе с Брежневым и реакционная во главе с Сусловым. Задача всех советских диссидентов, писал Медведев, помогать Брежневу, ибо ни-

какие' реформы в Советском Союзе не могут быть осуществлены, если они не придут сверху. «Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция пассивны, люди слишком привыкли молчать и подчиняться», — говорилось в статье. В этих условиях надеяться можно только на то, что «в кулуарах власти» победит «либерал Брежнев».

А теперь от политики обратимся к более прозаическим вещам.

8 ноября по ТВ был показан праздничный концерт, в котором прозвучали два новых монолога в исполнении Аркадия Райкина. Зрители в очередной раз имели возможность убедиться, что лучший сатирик в стране — именно Аркадий Райкин. Однако мало кто знал, чего стоили ему эти монологи. Буквально накануне трансляции Райкину позвонил некий доброжелатель с ЦТ и сообщил, что по приказу председателя Гостелерадио Лапина оба монолога сильно сокращены. Райкин, кипя от возмущения, позвонил Лапину. Тот прикинулся дурачком: мол, как вырезали? кто вырезал? я такой команды не давал, сейчас разберемся. А сам позвонил в отдел, который готовил передачу к выпуску, и устроил его руководителю взбучку за то, что кто-то допустил утечку информации. Но в итоге пришлось показывать репризы в первоначальном варианте. А если бы доброжелателя не нашлось?

Между тем в Театре имени Ленсовета взяли к постановке новую пьесу — «Трубадур и его друзья». На волне успеха мультика «Бременские музыканты» (в августе этого года вышло их продолжение) этот музыкальный спектакль обещал стать настоящим хитом сезона, что, впрочем, и получилось. На главную роль в нем главреж Ленсовета Игорь Владимиров выбрал 22-летнего Михаила Боярского. В этот театр Боярский попал год назад, после окончания ЛГИТМиКа и в течение всего этого времени вынужден был играть исключительно в массовке. Правда, играл он неуемно — порой в один месяц у него набегало 36 спектаклей. Так как налицо было явное перевыполнение нормы, руководство выплачивало ему по два-три лишних рубля за спектакль. А этим летом молодой актер и вовсе сумел заработать полтыщи рублей. Дело было так.

Перед самыми гастролями театра на юге (Киев — Краснодар — Сочи) внезапно одного из актеров призвали в армию. А так как роль у

него была музыкальная (он играл на гитаре и пел), лучшей замены ему, чем Боярский, найти было нельзя. И Михаила взяли на гастроли. Это была восхитительная поездка. Ему платили почти 70 рублей, плюс он умудрился устроиться на местное ТВ и «подхалтуривал» там по 14 рублей в день. Так у него набегала огромная по тем временам сумма, которую он практически ни на что не тратил, а кропотливо складывал «в чулок». Ему хотелось обрадовать родителей первым серьезным заработком. К концу гастролей он набрал астрономическую сумму в те самые 500 рублей и, вернувшись домой, торжественно вручил ее родителям. Правда, особенной радости он после этого не испытал. По его же словам: «Отец тогда же привез с гастролей меньше меня (Сергей Боярский работал в одном театре с сыном. — Ф.Р.), где-то 300 с чем-то, и это для него была страшная травма. Я, дурак, не сообразил, что так не поступают. Надо было с отцом посоветоваться, потому что, вероятно, у него и гульба была почище моей, и «зачапки» были. Так получилось, что я первый раз в жизни поступил не по-мужски. Но практически с этого момента в семье перестали занимать деньги, всю зарплату я приносил домой, а гулял на «халтуры», которых у меня было много...»

Боярский получил в новом спектакле центральную роль — Трубадур. На роль Принцессы долго не могли найти исполнительницу, пока сам Михаил не ткнул пальцем в 19-летнюю Ларису Луппиан. Она училась в том же ЛГИТМиКе, и ее курс в полном составе практиковался при Ленсовете. Как вспоминает сама актриса: «К подбору Миша подошел очень серьезно, без дальнего прицела на отношения. Как он авторитетно объяснял, я была пластичная, светленькая, с длинными волосами — то, что надо для роли. Но этот «профессиональный подход» ко мне не помешал нам, главным героям, уже на репетициях очень сблизиться и подружиться. Именно тогда-то я и разглядела, что Миша красивый. Правда, на мой вкус, его красота казалась слишком резкой и яркой, в нем все было чересчур: синие глаза, черные как смоль длинные волосы, яркий рот... Мое предубеждение ему пришлось ломать, и с помощью обаяния, своего веселого характера он быстро растопил между нами лед. Я потихонечку стала в него влюбляться. Как потом ока-

залось, он тоже от меня не отставал. Позже Миша признался, что его покорили моя беззащитность и хрупкость: такая маленькая одинокая девочка в большом и мрачном городе, полном соблазнов...

Я ведь приехала учиться на актрису из Ташкента и снимала комнату в коммунальной квартире. Миша сразу же стал меня опекать и все время намекал на подстерегающие опасности в этих каменных джунглях — вокруг ходят коварные мужчины, которые обязательно бросятся на бедную девушку, соблазнят ее, обманут, погубят и т. д. В итоге у нас возник «служебный роман». Мы «репетировали» романтические поцелуи очень упорно, долго и... с удовольствием. Скоро мы начали встречаться уже не в декорациях, а в жизни. Сначала очень целомудренно — ходили, держась за руки, ничего «такого» у нас и в помине не было. Мы даже с ним спали в одной постели, нежно обнявшись, но без продолжений. Он просто старался меня не обидеть, очень бережно ко мне относился. Почти год прошел, прежде чем мы решились на полное сближение. Мне было 19, а ему уже 23... И когда наконец у нас все произошло, он вдруг надолго пропал! Помню, я так переживала, мучилась: почему? В театре мы виделись, я натыкалась на его холодное «Привет!», и все — расходились в разные стороны. Я ничего не спрашивала, не звонила, а дома каждый раз рыдала в подушку. Так продолжалось примерно с месяц. Но как-то на одном банкете мы вдруг закружились в танце, обнялись и... больше не расставались. Думаю, он испугался тогда: такой красивый петух, а тут сразу серьезные отношения, какие-то обязательства...»

В начале «служебного романа» Боярскому и Луппиан приходилось скрывать свои чувства, даже в театр они заходили через разные подъезды. Вызвано это было несколькими причинами. Во-первых, главреж Владимиров не одобрял романы внутри театра, а во-вторых, он, видимо, сам имел какие-то виды на молодую актрису. Однажды он даже вызвал Боярского к себе в кабинет и потребовал: «Не трогай Ларису!» А ей, оставаясь наедине, часто намекал на что-то возвышенное, но она, наивная, хлопала глазами, не смея поверить, что такое возможно — он казался ей уважаемым мэтром, дедушкой (Владимирову в ту пору было 54 года, он

был женат на актрисе этого же театра Алисе Фрейндлих. — Ф.Р.).

В ноябре 73-го распался брак Аллы Пугачевой и Миколаса Орбакаса. Они познакомились летом 1969 года во время совместных гастролов по Тамбовской области. Через пару месяцев поженились, в 71-м родилась дочь Кристина. Но даже рождение дочери не уберегло молодую семью от развода. Впрочем, насыщенная гастрольная жизнь, которую в те годы вели Пугачева и Орбакас, не способствовала укреплению семьи. Ситуацию первое время спасало то, что они работали в одном месте — областной филармонии. Но летом 73-го Пугачева оттуда ушла, а вскоре разошлись ее пути-дороги с Орбакасом и в личном плане. Как вспоминает однокурсник Миколаса В. Морозов: «Я уже тогда говорил Миколасу, что он совершил большую ошибку. Допустим, мы едем куда-то на гастроли, которых в те времена было множество: Алла остается дома или едет с другими. Что это за жизнь? Бедой Миколаса всегда была его нерешительность. Из-за этого, думаю, и жизнь у них не сложилась. Алла — она ведь танковый человек, политрук в юбке, а Миколас рыхловат...»

Сам М. Орбакас вспоминает про развод следующим образом: «Все получилось как-то само собой. Помню, я вернулся из Ленинграда, а на столе — записка от Аллы: «Я уехала. Буду такого-то». Недели через полторы она появилась. Мы в отпуск собирались. А тут она говорит: «Я опять уезжаю». Ну ладно... Я отправился отдыхать один... Недели через две меня отозвали на работу. Потом вернулась Алла. Мы поговорили и решили пожить отдельно. Подали заявление на развод. Алла нашла вариант размена, и я переехал в Марфино. Единственное, что взял из старой квартиры, — матрас, подушку, телевизор «Горизонт» и китайский обливной таз. Причем сразу после переезда я уехал на гастроли. Потом, когда вернулся, начал обустраиваться: купил топчан, шкаф, стол, стулья...»

Однако вернемся в ноябрь 73-го.

10 ноября оказалось черным днем в биографии известного кинорежиссера Сергея Параджанова. Как мы помним, он живет в Киеве, но любимым делом — режиссурой — не занимается вот уже несколько лет. Последний его фильм — «Цвет граната» («Саят-Нова») — был

датирован 1970 годом, но картину тогда на широкий экран не выпустили. Она лежала на полке три года, пока в начале 1973 года новые руководители Госкино, решив показать свой либерализм, разрешили ее к прокату, правда, минимальным тиражом — 143 копии. Но Параджнов к ее выпуску никакого отношения не имел, поскольку отказался монтировать ленту. В итоге за него это сделал Сергей Юткевич. Таким образом, в природе существует две версии картины: авторская, которую почти никто не видел и которая находится в запасниках «Арменфильма», и фильм Юткевича, который вышел в прокат.

Что касается дня 10 ноября, то именно этим днем датировано то, что через месяц будет инкриминировано Параджанову как уголовно наказуемое деяние. Один из его близких друзей заявит, что в этот день режиссер насильно склонил его к мужеложству. У большинства родных и друзей режиссера это заявление вызовет недоумение. Например, бывшая жена Параджанова Светлана Щербатюк расскажет следующее. В тот злосчастный день сыну Параджанова Сурену исполнялось 15 лет. Однако встретить его мальчику пришлось в больнице, куда он угодил еще в августе. Параджанов на тот момент находился далеко от сына — в Ереване, но про день рождения не забыл и специально прислал в больницу своего знакомого — того самого, который затем обвинит его в мужеложстве. Друг принес фрукты, цветы и всем своим внешним видом выказывал прекрасное расположение духа. Глядя на него, совсем невозможно было себе представить, что перед тобой — жертва недавнего насилия. На основе этого позднее будет сделан вывод: вся история с изнасилованием была специально инспирирована киевскими властями, которым Параджанов давно встал поперек горла.

В воскресенье, 11 ноября, состоялись похороны Всеволода Кочетова. Прощание с писателем, покончившим с собой из-за психологических проблем, состоялось в конференц-зале правления Союза писателей СССР. От правительства не было никого, хотя некролог покойному подписали все члены Политбюро во главе с Брежневым. На траурном митинге выступили коллеги покойного: Сергей Михалков, Сергей Наровчатов, Анатолий Алексин, Иван Стаднюк,

Феликс Чуев и др. Похоронили В. Кочетова на престижном Новодевичьем кладбище.

С 11 ноября остановились съемки фильма «Помни имя свое», который на «Мосфильме» снимает Сергей Колосов. Фильм создавался в содружестве с польскими кинематографистами и охватывал значительный период истории: с 1942 по 1973 год. Речь в нем шла о том, как во время войны русская женщина (ее роль играла супруга Колосова Людмила Касаткина) была разлучена с маленьким сыном в Освенциме. Спустя годы мать находит сына, которого все эти годы воспитывала польская женщина. Съемки начались в середине августа, в начале сентября группа уехала в Польшу, где работала до 31 октября. Затем должны были снимать павильоны, но сразу после ноябрьских праздников здоровье Колосова резко ухудшилось, и он угодил в больницу. К продолжению работы он сможет приступить только через три с половиной месяца.

А на съемочной площадке другого фильма — «Романс о влюбленных» — начались павильонные съемки. До этого, как мы помним, группа работала на натуре: в Серпухове (июль), Москве (июль-август), Севастополе (сентябрь-октябрь), Джамбуле (октябрь) и Мурманске (октябрь). Вернувшись в начале ноября в Москву, группа после праздника Великого Октября приступила к работе в павильонах «Мосфильма». К тому времени о романе Кончаловского и Коренева знали все, что порой создавало непростую обстановку на съемочной площадке. К примеру, если мужская половина группы с пониманием относилась к этой «лав стори», то женская наоборот — с отторжением. К примеру, исполнительница роли матери Тани Ия Саввина была этим просто возмущена. Коренева вспоминает, что когда однажды случайно оказалась возле гримерной Саввиной, то услышала, как та разразилась красочным монологом в адрес режиссера и его «потаскушек». А когда Коренева снималась в эротической сцене «в ванной», Саввина громко объявила режиссеру: «Кончаловский, меня в Голливуд сниматься не зови, не пойду, я на это не способна!» Подразумевалось, что «развратная» Коренева способна.

В понедельник, 12 ноября, в Москве в ДК «Москворечье» прошла первая репетиция нового джазового ансамбля под управлением

Алексея Козлова. Этот коллектив Козлов набрал буквально месяц назад, вместе с руководителем в него вошли девять человек. Первая репетиция коллектива, которому в скором времени суждено будет стать культовым, получилась невеселой. У бас-гитариста Сергея Стодольника только что умерла мать, а сам Козлов приехал на костылях — нога была еще в гипсе после перелома. Тем не менее репетиция состоялась, и весь ее ход говорил об одном — коллектив складывался неплохой. Основу большинства композиций, сыгранных в тот день, составляли арии из рок-оперы «Jesus Christ Superstar».

На этой же репетиции новому ансамблю было придумано имя. До этого момента все ансамбли, в которых играл и которыми руководил Козлов, носили разные названия (например, «Квартет Алексея Козлова»), но теперь надо было придумать название, отвечающее традициям рок-культуры, то бишь без упоминания имени его руководителя. Поначалу хотели назвать его «Наутилус», но после того, как кто-то вспомнил, что на Западе уже есть подобный джаз-рок-бэнд, остановились на слове «Арсенал». Название предложил сам Козлов, поскольку оно нравилось ему с детства, с 1945 года, когда наши футболисты поехали в Англию и с триумфом провели ряд матчей с лучшими британскими командами, одна из которых называлась «Арсенал».

13 ноября в Москве, в Кунцевской больнице скончалась жена прославленного советского полководца Георгия Жукова Галина Александровна Семенова. Судьба свела их в Свердловске, куда в 48-м году Жуков был сослан командовать Уральским ВО. Однажды с легкой формой инфаркта Жуков попал в госпиталь, где Галина Александровна после окончания Казанского мединститута работала терапевтом. Несмотря на то что у маршала в то время уже была жена — Александра Диевна, он закрытил роман с молоденькой врачихой. Стоит отметить, что это было не первое увлечение легендарного полководца медицинскими работниками. Во время войны у него была еще одна любовь в белом халате — младший лейтенант медслужбы Лида Захарова. Она прошла с Жуковым по фронтовым дорогам с осени 41-го по май 45-го. После войны он взял ее с собой в Одессу, где командовал округом, а потом и в

Свердловск. Но тут в его жизнь ворвалась новая любовь — Галина. Захарова была вынуждена уехать в Москву к матери и сестре, где вскоре вышла замуж за моряка.

Вскоре после своего возвращения в Москву в 1953 году Жуков помог туда перебраться и Галине с матерью. Выхлопотал им квартиру на улице Горького, устроил свою любовь на работу в госпиталь Бурденко. Говорят, Александра Диевна догадывалась о тайной жизни своего мужа, но до поры до времени не беспокоила его расспросами — думала, одумается. Но когда она поняла, что дело зашло слишком далеко, потребовала объяснений. Жуков рассказал ей все без утайки. На это повлияло и то, что в июне 57-го у них с Галиной родилась дочь Маша (от первого брака у маршала было еще две дочери — Эра и Элла). Однако Александра Диевна не согласилась на развод, и Жуков расписался с Галиной только в 1964 году. Квартиру на улице Грацовского они с бывшей женой разменяли.

Как рассказывают очевидцы, Жуков и Галина Александровна любили друг друга безмерно. Когда в 68-м у Жукова случился инсульт и он потерял речь и не смог самостоятельно передвигаться, жена буквально неделями не отходила от его кровати. Да и сам маршал, будучи скупым на ласки, рядом с женой оттаивал душой.

В начале 70-х врачи обнаружили у Галины Александровны рак груди. В госпитале Бурденко ей сделали операцию, но шадящую. Через некоторое время после этого состояние пациентки начало ухудшаться. Она стала много времени проводить в больнице, где ей вводили гормоны, делали химиотерапию. От этого она стала плохо выглядеть: глубоко запали глаза, над губой появились усики, огрубел и ослаб голос, клоками начали выпадать волосы, отчего пришлось носить парик. Говорят, что дочь Маша не хотела видеть мать в таком виде и практически не навещала ее в последние дни в больнице.

Вспоминает врач П. Моценцева: «Галина Александровна умирала во время моего дежурства. Помню, сознание ее затухало, дыхание прерывалось, глаза закрывались, как вдруг она очнулась, с трудом подняла руку и показала на телефон».

— Соедините меня с мужем, — попросила еле слышно.

И откуда только взялись силы! Я набрала номер. Тихо, но отчетливо она проговорила в трубку:

— Георгий, милый... Мне стало лучше. Не беспокойся за меня. Поправляйся сам.

Что ей отвечал Жуков, не знаю. Но слабая улыбка на мгновение осветила ее лицо.

— Прощай, милый! — вымолвила она напоследок.

Через два часа ее не стало...»

Владимир Высоцкий тем временем махнул на три дня в Киев — подзаработать. Как мы помним, полтора месяца назад на него пытались завести уголовное дело за концерты в Новокузнецке, но оно лопнуло как мыльный пузырь. Однако эта история не прошла даром для Высоцкого — на этот раз его концерты были строго регламентированы и не превышали одного-двух выступлений в день. Высоцкий выступал в следующих учреждениях: техникуме радиоэлектроники (13-го), Гипросельстройиндустрии (14-го), спецшколе № 49 и Укргеобурнефтеразведке (15-го).

В четверг, 15 ноября, съемочная группа фильма «Свой среди чужих...» завершила работу в Чечне. По плану она там должна была продлиться еще месяц, однако в эти дни выпал обильный снег, который сорвал съемки. Надо было подыскивать другое место, и выбор пал на окрестности под городом Баку. Туда группа должна была добраться 16 ноября, но не вся — часть актеров разъехалась по своим городам и должна была подтянуться в Баку чуть позже. Например, Александр Кайдановский приехал в Москву, чтобы несколько дней побыть со своей любимой — актрисой Валентиной Малявиной. Он еще не знает, что та в течение нескольких дней находилась в Симферополе, где ее бывший муж Павел Арсенов снимал свою очередную картину. Приехала она туда по просьбе директора фильма, который сообщил, что Арсенов находится в плохом состоянии, группа простаивает и одна надежда на Малявину — ее Арсенов по-прежнему слушался. Валентина отпросилась в театре и на пару дней слетала на юг. Когда бывший муж пришел в себя, она вернулась в Москву. Едва переступила порог своей квартиры, как зазвонил телефон. В трубке

она услышала возбужденный голос Кайдановского:

— Я в Москве. Приезжай скорее!

Малявина тут же отправилась в мастерскую скульптора Никиты Лавинского на Арбате, где в то время жил ее возлюбленный. Там застала Кайдановского и скульптора Андрея Древина, которые пили коньяк. Валентину тут же усадили за стол, налили. Чуть позже она из мастерской позвонила своей подруге — актрисе Инне Гулая (зрителям она хорошо знакома по главной роли в фильме «Когда деревья были большими»). Гулая в тот момент находилась дома одна, сильно скучала и уговорила Малявину вместе с Кайдановским приехать к ней. Александр ехать не хотел, но Валентина пообещала ему, что этот визит займет не больше часа. Однако все обернулось куда серьезнее. Далее послушаем рассказ самой В. Малявиной:

«Когда мы с Сашей отправились к Инне, он меня спросил:

— Ты с Павлом говорила по поводу нас?

— Да.

— Ну и что?

— Он обо всем знает.

— Меня интересует другая проблема. Когда вы разведетесь и когда мы станем официальными мужем и женой? И когда в конце концов ты родишь мне ребенка?

— Мне не нравится твой тон.

— А мне не нравится поведение твое и Павлика. Как будто сговорились.

— Саша, перестань!

— Вы перестаньте! Я звонил Павлу, и никто не отвечал. Я звонил всю ночь. Где вы были? И на Арбат звонил. Анастасия Алексеевна сказала, что тебя на Арбате нет. Где же ты была, интересно знать?

— У тебя отвратительный тон.

— Не хочешь — не говори.

Мы приехали к Инне. Она была босиком, хотя на улице стоял холод, в квартире тоже. Прикрывала Инну какая-то дырявая шаль. Посреди комнаты — таз с водой. Она присела на стул и опустила ноги в таз. Мы с собой взяли шампанское. Она залпом выпила стакан и вдруг сказала:

— Саша! Это ничего, что Валя ездит к Павлику в Ялту... Вот только что приехала... Она все-таки тебя любит...

— Что? — завопил Саша. — Ты была в Ялте? Зачем?

Выбил у меня бокал с шампанским и сильно ударил.

Инна, ни слова не говоря, наблюдала за нами.

Я хотела уйти в другую комнату, но Саша меня не пустил...

После мы поехали не на Арбат, а в Чертаново к Верочке и Витюше.

Увидев меня, Вера ахнула.

Саша достал лед из холодильника, положил меня в большой комнате на тахту, встал на колени и стал делать мне ледяные компрессы, все время твердил: «Прости! Прости меня! Я люблю тебя!»

У меня поднялась температура.

Вера и Витюша не спали всю ночь, были рядом со мной и Сашей. На следующий день вызвали врача, сказав, что я упала. Врач выписал мне бюллетень, и я две недели отлеживалась у Верочки и Витюши. У Саши было свободное время от съемок, и он не отходил от меня...»

В первой половине ноября на столичных экранах состоялось несколько кинопремьер, из которых назову одну: 12-го в широкий прокат вышел фильм американского режиссера Холла Барлетта «Генералы песчаных карьеров», получивший приз на недавнем 7-м Международном кинофестивале в Москве (июль). Эту ленту можно смело назвать легендарной — такой ажиотаж вокруг нее царил, особенно среди молодежи. Фильм, рассказывающий о горькой доле беспризорников, был всем хорош: и сюжетом, и актерской игрой, и музыкой (песня композитора Луиса Оливейра «Я жил в трущобах городских» будет вскоре переведена на русский язык и станет шлягером в исполнении вокального квартета «Аккорд»).

Кино на ТВ: «Звезда» (2-го), «Овод» (3-го), «Стоянка поезда две минуты» (4-го), «Конец Любавиных» (впервые по ТВ 6-го), «Вот моя деревня» (преьера т/ф 6—9-го), «Достояние республики» (впервые по ТВ 7—8-го), «Мировой парень» (впервые по ТВ 8-го), «Шельменко-денщик» (впервые по ТВ 10-го), «Следствие ведут знатоки», премьера дела № 9 «Свидетель» (10-го), «Подкидыш», «Коллеги» (11-го) и др.

Эстрадные представления: 2-го — в «Октябре» прошел сборный концерт с участием Марии Мордасовой, Георгия Жженова, Ольги Аросевой, Бориса Рунге, ВИА «Поющие сердца» и др.; 1—5-го — в ГТЭ выступала Эдита

Пьеха в сопровождении ансамбля «Дружба»; 4—8-го — во Дворце спорта «сборная солянка» с участием Клавдии Шульженко, Анатолия Папанова, Александры Стрельченко, Владимира Макарова, Льва Лещенко и др.

16 ноября в Москве состоялись похороны жены маршала Жукова Галины Семенович. Дочь Маша на них не пришла, сказала: «Не хочу маму видеть мертвой. Пусть она в моей памяти останется, какой я ее знала живой». А вот Жуков, несмотря на то что сам сильно болел, пришел. В зал патологоанатомического отделения ЦКБ, где был выставлен гроб, он пришел, поддерживаемый с двух сторон двумя Иванами — маршалом Баграмяном и своим личным адъютантом Прядухиным. Выглядел Жуков плохо и просил его не фотографировать. Положив букет цветов к ногам жены, попросил оставить его наедине с покойной. Затем его отвели к машине.

Уважив просьбу Жукова, Галину Александровну — всего лишь подполковника медицинской службы — похоронили на престижном Новодевичьем кладбище. Жуков поблагодарил своего адъютанта за организацию похорон, а потом вдруг сказал: «Готовьтесь и меня хоронить... Все я мог пережить, но такого удара не переживу. Я себя знаю...»

А теперь перенесемся в Куйбышев, где муж готовит убийство своей супруги — учительницы географии Надежды Варламовой. Как мы помним, эта идея пришла в голову строителю Василию Володину после того, как он влюбился в свою подчиненную — маляра, — тоже, кстати, замужнюю. Был найден киллер — Монахов, который согласился за деньги осуществить это убийство. Однако первая попытка расправиться с жертвой провалилась: учительница получила травму лица, после которой быстро оправилась. Однако Володин от своей затеи не отказался и продолжал искать любую удобную возможность, чтобы расправиться с женой.

Невольным ускорителем трагедии стал старший сын жертвы. 15 ноября он позвонил из армии отцу и сообщил, что через несколько дней уволится. При этом обронил фразу, что обязательно найдет тех, кто стрелял в его мать. Эта фраза испугала Володина, который понял: сейчас или никогда. На следующий день он явился на работу к Монахову и сообщил о скором приезде сына. «Надо кончать с этим делом не-

медленно!» — заявил Володин. На что Монахов отреагировал вяло: «Я сегодня не могу: мастер позвал вечером в гости». «Ничего. Сделаешь дело и успеешь погулять», — ответил Володин. В итоге Монахов согласился.

Все произошло около десяти вечера. В тот день в школе проходило родительское собрание, на котором Надежда Варламова должна была встретиться с родителями своих учеников. Володин это знал, поэтому в школу не спешил. Он пришел аккуратно за несколько минут до конца собрания. Но оказалось, что опоздал. Вахтерша сказала, что Варламова покинула школу несколько минут назад. Володина прошиб холодный пот — операция была на грани провала. Он бросился на улицу... и увидел вдали знакомую фигурку. Оказалось, что жена по дороге домой заглянула в магазин, чтобы купить младшему сыну его любимые конфеты «Ласточка». Эта задержка ее и погубила.

К своему дому супруги подошли в начале одиннадцати вечера. Они шли под ручку и мило о чем-то беседовали. Подходя к дому, Володин освободил руку и пошел чуть впереди, чтобы открыть жене калитку. На самом деле это был сигнал притаившемуся у забора киллеру. Как только тот увидел, что заказчик отошел от жертвы, он приблизился сзади к женщине, достал из-за пазухи обрез и выстрелил точно в затылок. Смерть несчастной наступила мгновенно.

Несмотря на то что Володин искусно избражал из себя убитого горем супруга, сыщики заподозрили его в этом убийстве уже на следующий день. И стали умело раскручивать на признание. На вторые сутки Володин сломался. «Да, да, это я ее убил!» — в истерике кричал он в лицо следователю. «А где оружие?» — спросил тот. «Выбросил». — «Куда?» Володин ступешивался. В итоге через день был арестован и киллер — Монахов. Состоявшийся вскоре суд воздаст всем виновникам этой трагедии по заслугам: Володин и Монахов будут приговорены к расстрелу, любовница Володина получит 7 лет колонии.

Но вернемся в ноябрь 73-го.

МХАТ гастролирует в Болгарии (с 30 октября). Труппа привезла туда два спектакля: классику «На всякого мудреца довольно простоты» и постановку из современной жизни «Сталева-ры». Если первый был встречен на ура (в нем были заняты «старики» МХАТа), то «Сталева-

ры» провалились. Болгарские зрители не захотели быть озабоченными производственными проблемами в тяжелой металлургии. А потом случился еще больший конфуз. Вот как об этом вспоминает В. Шиловский:

«При Олеге Николаевиче Ефремове несколько лет был такой человек, Монастырский. Мы звали его «заместитель по трезвой части». Он ничего не ставил, был ассистентом каких-то спектаклей. Но всем рекомендовался, что он постановщик. Он был при Ефремове ежесекундно, ежеминутно. Глаз не спускал. Но в самый ответственный день проглядел.

После спектакля всех артистов пригласили в прачечную ложу. Я вошел первый, чтобы подготовить, кто где сядет. Иногда это бывает очень важно. Вдруг вижу: в центре стола, на месте Тодора Живкова (тогдашний лидер КП Болгарии. — Ф.Р.), спит человек в тарелке с салатом. Сначала я ничего не понял. Сделать уже было ничего нельзя. Потому что сзади слышались шаги. Я только охнул, и уже начали входить Яншин, Массальский, Прудкин, Станицын. А с другой стороны к почетному месту направлялся Живков. Остолбенели обе стороны. Человек этот был очень талантливый, «интуиция» работала. Голова оторвалась от салата. И Ефремов увидел Живкова. Наверное, какие-то мысли были, потому что Ефремов секунду помолчал, а потом сказал:

— О! Ебтать. Привет, Живков. — И голова упала обратно в салат.

На что Живков, как интеллигентный человек, отреагировал совершенно спокойно:

— На здоровье, Олег, — кивнул он.

Вошли мальчики, подняли художественного руководителя МХАТа и унесли. На следующий день «старикам» во главе с Ефремовым вручали медали Димитрова. И поздравлял их Тодор Живков...»

В понедельник, 19 ноября, генеральная дирекция «Мосфильма» смотрела фильм Василия Шукшина «Калина красная». После просмотра все присутствующие переместились из директорского зала в зал заседания для обсуждения увиденного. Левую сторону стола заняли официальные лица во главе с гендиром студии Николаем Сизовым, справа примостились Шукшин, редактор фильма И. Сергиевская, съемочные работники. Как вспоминает А. Заболоцкий: «Жарко выступил С. Бондарчук, по его словам

выходило: «Есть правда жизни и правда искусства. Правда жизни в материале набрана, а вот есть ли искусство, надо еще разобраться». Я увидел, как запрыгали руки Макарыча на полированном длинном столе и брызнули слезы. Сизов затаился сигаретой. Пауза была злоеющей. Сизов дымит, Шукшин трясется, остальные застыли, недвижимы. Затянувшуюся паузу разрядил зам. главного редактора студии Леонид Нехорошев, и видно было — материал задел его душу... Кто-то заговорил еще заступно... В завершение сам Сизов поддержал материал, сделав конкретные замечания, и предложил высказаться Шукшину. Тот страстно бросился отстаивать образ Прокудина, обращаясь, как будто к единственному, от кого зависит судьба фильма, Сергею Федоровичу, и так проникновенно говорил, что повлажнели глаза Бондарчука. Когда закончилось обсуждение, уже на ходу Сизов поздравил Шукшина, бросив ему: «На днях попробуем показать картину руководству. Поедешь со мной. Я думаю, нас поддержат. А ты с таким же задрогом, как с Сергеем сейчас, поговоришь там». В директорской прихожей Шукшина обнял и отвел в нишу Бондарчук, и они наперебой объяснялись. Вася помянул меня и представил Сергею Федоровичу и говорил ему, что будет со мной «Разина» снимать, просил помощи... Сергей Федорович кивал и смотрел сквозь меня. Они долго еще возбужденно говорили между собой...»

21 ноября должен был состояться ответный матч отборочного цикла чемпионата мира по футболу между сборными Советского Союза и Чили. Как я уже говорил, первый матч состоялся в Москве 26 сентября и закончился ничью 0:0. Теперь нашим футболистам предстояло ехать в Сантьяго, чтобы на тамошнем стадионе решить судьбу путевки на чемпионат. Однако поездка не состоялась из-за вмешательства политики.

Как мы помним, 11 сентября в Чили произошел государственный переворот, приведший к власти в стране военную хунту. В стране начались репрессии против сторонников свергнутого правительства: людей убивали на улицах, пытали в тюрьмах, высылали из страны. Центральный стадион города Сантьяго «Эстадио насьональ», где должна была состояться ответная игра по футболу, превратился в настоящий концлагерь со всеми вытекающими

отсюда последствиями. Естественно, что советское руководство даже в мыслях не держало посылать свою сборную в эту страну. Был шанс, что руководство ФИФА, учитывая сложившуюся ситуацию, найдет компромиссное решение и перенесет игру на нейтральную территорию. Однако ФИФА направило в Сантьяго свою комиссию, которая сообщила, что никакого концлагеря на стадионе нет и перенести игру на другую территорию нет смысла. У этого решения было два объяснения. Первое: президент ФИФА Стенли Роуз через полгода готовился к перевыборам и боялся переносом матча из Чили в другую страну потерять голоса латиноамериканцев. Второе объяснение: в ФИФА спали и видели, чтобы Советский Союз остался за бортом мирового чемпионата, поскольку в таком случае с ними пришлось бы солидаризироваться и полякам, сборная которых, — кстати, очень сильная — уже благополучно прошла предварительный турнир. Место поляков автоматически доставалось землякам Стенли Роуза — англичанам.

Тем временем в Советском Союзе этот вердикт вызвал бурю негодования. В итоге было принято решение в Сантьяго нашу сборную не посылать. При этом от участия в чемпионате мира наши не отказывались, уповав на разум руководителей ФИФА. Но там этому отказу были только рады. И матч состоялся, как и было объявлено, 21 ноября. Вернее, не матч, а его имитация. На зеленую лужайку заполненного стадиона в Сантьяго (видимо, болельщиков загнали силой с помощью армии) вышли футболисты сборной Чили и закатили мяч в пустые ворота. Так наша сборная оказалась за бортом чемпионата мира (официальное исключение будет датировано 11 декабря).

23 ноября женился певец Александр Барыкин, который в то время был солистом суперпопулярного ВИА «Веселые ребята». Попал он туда случайно. Я уже рассказывал, что свою карьеру в музыке он начинал в родных Люберцах — сначала играл в рок-группе «Аллегро», затем в «Ревайвл» («Возрождение»). Когда последнюю разогнали местные власти, Барыкин подался в кабак — в кафе при кинотеатре «Октябрь». О, это было знатное место! В те годы там тусовалась модная молодежь, которая шла послушать самых популярных джазменов в лице бывшего пианиста «ВИА-66» Александра

Булавы, певца Сермакашева и других. Барыкина туда взяли в качестве солиста, однако его «роковая» манера исполнения стала резко контрастировать с манерой джаз-бэнда. В итоге трубач Геннадий Малышев сказал Барыкину, что тот не их поля ягода, но не выгнал его из группы, а отвел к самому руководителю «Веселых ребят» Павлу Слободкину, отрекомендовав парня так: «Послушай парня! Чего он будет у нас в кабаке пропадать? Еще сопьется к черту! И вместо хорошего музыканта через два года получится из него еще один профессиональный пьяница...» Слободкину новичок понравился, и он зачислил его в свой коллектив. Причем большинство участников ансамбля были против Барыкина — боялись лишней конкуренции. Но потом «спелись». Даже на свадьбу к Барыкину пришли всем составом. И еще два слова о невесте: звали ее Галя Березова, с Барыкиным она была знакома с седьмого класса люберецкой школы.

В том ноябре едва не завершилась только начавшаяся певческая карьера Евгения Мартынова. Как мы помним, летом прошлого года он совершил свое первое большое гастрольное турне по Сибири и Дальнему Востоку, после чего его приняли в московский эстрадный оркестр «Советская песня» при Росконцерте. Тарификационная комиссия установила ему разовую концертную вокальную ставку солиста оперетты и эстрады в размере 13 рублей, а также разовую инструментальную ставку артиста эстрадного ансамбля в размере 6 рублей. В июне 73-го Мартынов завоевал звание лауреата Всесоюзного конкурса исполнителей советской песни в Минске, исполнив там песни «Темная ночь» (Н. Богословский — М. Исаковский), «Летят перелетные птицы» (М. Блантер — М. Исаковский) и свою «Балладу о матери» (стихи А. Деметьева). Эта победа позволила Мартынову в конце июля отправиться на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлин в качестве председателя музыкального салона советской делегации. И вот в тот самый момент, когда слава Мартынова как певца начинала греметь по всей стране, врачи внезапно диагностировали у него «переутомление голосовых связок с предузелковыми образованиями на них». Сей вердикт мог грозить больному потерей голоса, если он не начнет лечиться. Мартынову было предписано полное двухне-

дельное молчание и трехмесячное воздержание от пения. Озадаченный певец поехал «помолчать» к родителям в Артёмовск, а заодно подлечиться у очень хорошего местного ларинголога Д. Соловья.

Во вторник, 27 ноября, громкий инцидент произошел в Новосибирске: там был обстрелян из огнестрельного оружия траурный пост у памятника Славы. В результате серьезное огнестрельное ранение получил один из часовых — ученик 9-го класса школы № 55 Миша Маршуков. А стрелявшими оказались... его одноклассники.

История началась за день до происшествия, когда ученик ПТУ № 2 Александр Федотов (фамилия изменена) продал за 50 рублей подобранного на улице щенка. Половину этой суммы он честно отдал матери, а другую решил прокутить на следующий день с приятелями. Утром во вторник, вместо того чтобы идти в родное училище, он зашел в соседнюю школу и подбил на прогул шестерых учащихся 8—9-х классов. Накупив по дороге целую батарею вина — аж 15 бутылок «портвешка», — приятели завалились к Федотову домой. Поскольку закуска была нехитрая — колбаса да хлеб, а организм еще не окрепшим, подростков довольно быстро развезло. Естественно, захотелось подвыгов. А у Федотова отец хранил дома винтовку «ТОЗ-8», не имея на то никакого разрешения. Сами понимаете, недорослям, насмотревшимся фильмов про индейцев, захотелось из нее пострелять. Федотов открыл балконную дверь и начал палить по фонарям. Но такая цель быстро наскучила. И тогда его взгляд упал на противоположную сторону улицы, где высился памятник Славы. Вот уже три года, как ученики школы № 55 установили возле него пост из четырех часовых, сменяя друг друга каждые несколько часов. Федотов решил открыть стрельбу по ним.

Когда первая же пуля угодила в памятник и осколки от камня разлетелись в разные стороны, часовым стало понятно, что дело закрутилось нешуточное. Это подтвердили и две следующие пули, которые просвистели в нескольких сантиметрах над их головами. Можно было спрятаться за памятник, но никому из часовых эта идея даже в голову не пришла — оставлять пост они не имели права. А стрелок не унимался. Уже достаточно приоровившись, он оче-

редную пулю пустил точно в цель: она угодила в бедро Миши Маршукова. Из перебитой артерии хлынула кровь. Счет шел буквально на минуты, и парню грозила неминуемая смерть от потери крови, если бы не чудо. И оно произошло. Мимо проезжала снегоуборочная машина, которая подобрала раненого и отвезла его в ближайшую больницу. Спустя несколько часов стрелка «повязали». Правда, отделался он легко: штрафом да тумачами от отца, у которого милиция конфисковала злополучную винтовку.

Что касается часовых, не дрогнувших под обстрелом, то спустя неделю их наградили: Бюро ЦК ВЛКСМ занесло имя Миши Маршукова в Книгу почета ЦК ВЛКСМ, а трех его одноклассников — Дмитрия Борзова, Евгения Бизина и Владимира Буркова — наградило почетными грамотами.

А на следующий день — 28 ноября — произошел еще более беспрецедентный случай. Достаточно сказать, что ничего подобного у нас не происходило со времен Великой Отечественной войны, а именно — советский летчик совершил таран вражеского самолета-разведчика. Произошло это в Армении. В тот день утром наши средства ПВО зафиксировали вторжение на территорию СССР самолета иранских ВВС. В небо был тут же поднят советский истребитель-перехватчик «МиГ», за штурвалом которого находился капитан Геннадий Елисеев. Через несколько минут он сблизился с нарушителем и сел ему на «хвост». А еще через пару минут Елисееву поступила команда на поражение противника. Он нажал на гашетку и выпустил во врага две ракеты. Но они оказались старые (!) и улетели в «молоко». Тогда Елисеев принял решение идти на таран на скорости 1100 километров в час. Самолет-разведчик рухнул на землю сразу, а наш «МиГ» еще какое-то время продолжал свой полет, после чего врезался в гору всего лишь в минуту полета от иранской границы. В течение трех суток наши солдаты искали оба самолета. Первым удалось найти обломки иранского и двух живых летчиков с него. Обломки «МиГа» нашли чуть позже. Летчик-герой Геннадий Елисеев был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, правда, в наградном листе ни слова не говорилось о таране — эта информация была засекречена. Ни одна из советских газет даже строч-

кой не обмолвилась об этом беспрецедентном происшествии.

В тот же день главный идеолог страны Михаил Суслов выступил в Вильнюсе с пространной речью, посвященной вручению Литовской ССР ордена Дружбы народов. Эта речь, которую «Правда» опубликовала лишь частично (редкий случай!), на Западе вызвала настоящий переполох. Некоторые ее пассажи вновь заставили советологов вспомнить о статье Роя Медведева, которую тот распространил среди западных журналистов в начале ноября. Там, как мы помним, речь шла о том, что в Политбюро существуют две противоборствующие команды: либеральная во главе с Брежневым и реакционная — с Суловым. Их позиции резко расходятся: если «либералы» выступают за разрядку и сотрудничество с Западом, то «реакционеры» — против. Речь Суслова целиком и полностью подтвердила наличие двух группировок. Например, он заявил, что, «стремясь к разрядке, мы будем усиливать и совершенствовать борьбу с идеологическими диверсиями империализма, против всех попыток оживления всякого рода буржуазных теорий «идеологической конвергенции», против правых и левых ревизионистов», что «те, кто надеется, что взамен на разрядку Советский Союз пойдет на какие-нибудь уступки, горько разочаруются», что «наша политика нигде и ни при каких обстоятельствах не отступит от принципиально классовых позиций».

Между тем были среди советологов и такие, кто увидел в этом выступлении ловкий тактический ход советских руководителей, этакую военную хитрость, рассчитанную на простаков. Они утверждали, что никаких серьезных группировок в Кремле не существует, а расхождение в речах Брежнева и Суслова преднамеренное: чтобы Запад проникся большим доверием к «либералу» Брежневу, окруженному «врагами» даже в родном Кремле.

Стоит отметить, что Суслов произнес свою речь в тот момент, когда Брежнев отсутствовал на родине — он был с дружественным визитом в Индии (уехал 26 ноября). Там с генсеком произошел любопытный случай. 30 ноября Брежнев должен был покинуть Индию, однако рейс самолета по его же просьбе пришлось задержать почти на час. Случилось вот что. В день отъезда Брежнев узнал, что один из ли-

дерев индийской оппозиции Малху Лимае очень обиделся, что советский гость за пять дней визита беседовал только с Индирой Ганди, а его проигнорировал. Брежнев, прознав про эту обиду, то ли из любопытства, то ли из великодушия решил уделить Лимае внимание. Их встреча продолжалась всего лишь несколько минут, и в ходе ее советский гость произнес небольшой спич, который затем облетел чуть ли не все газеты мира, кроме советских, естественно. Брежнев сказал: «Зачем нужна оппозиция? Например, у нас в Советском Союзе такой нет. У нас Центральный Комитет обсуждает все вопросы, а потом принимает решения. Существование оппозиции мешает созданию между народом и правительством дружественных отношений».

В конце главы, как обычно, афиша столичного досуга. Начнем с кинопремьер. 19-го на широкий экран вышел фильм Исидора Анненского «Таланты и поклонники» — экранизация одноименной пьесы А. Островского с участием Светланы Пелиховской, Ольги Хорьковой, Александра Белявского и др.; 24-го — «Будни уголовного розыска» Суламифь Цыбульник, сами понимаете про что, с участием Бориса Зайденберга, Юрия Каморного, Льва Перфилова и др.; 26-го — «За облаками — небо» Юрия Егорова с участием Геннадия Сайфулина, Сергея Никоненко, Ларисы Малеванной и др. Из новинок зарубежного кино выделю польский детектив «Кошачьи следы» и «карпатский вестерн» про гайдуков «Неделя безумных», созданный руками зачинателя этого жанра румынского режиссера Мирчи Дрэгана.

Кино на ТВ: «Пропажа свидетеля» (впервые по ТВ), «Черная гора» (СССР — Индия, впервые

по ТВ 17-го), «Прерия» (Румыния — Франция, впервые по ТВ 18-го), «Дядюшкин сон» (впервые по ТВ 21-го), «Мать», «Девушка с характером» (25-го), «Старый знакомый» (26-го), «Рам и Шиам» (Индия, впервые по ТВ 28-го) и др.

Эстрадные представления: 21—30-го — в ГЦКЗ «Россия» выступал ансамбль Белградского радио и телевидения под управлением Саши Суботы; 22—25-го — там же прошли сборные концерты с участием Клавдии Шульженко, Майи Кристалинской, Юрия Богатикова и др.; 27—28-го — в ГТЭ в совместной программе выступали клоун-мим Борис Амарантов и поэтесса Белла Ахмадулина.

Новинки фирмы «Мелодия»: миньоны — «Поет Юрий Антонов», песни: «Не грусти, пожалуйста» (Ю. Антонов — О. Гаджикасимов), «Ну, что с ним делать» (Ю. Антонов — Л. Дербенев), «У берез и сосен» (Ю. Антонов — И. Шаферан); «Поет ВИА «Самоцветы», песни: «Увезу тебя я в тундру» (М. Фрадкин — М. Пляцковский), «Не повторяется такое никогда» (С. Туликов — М. Пляцковский), «Вербас» (Э. Ханок — Ю. Рыбчинский), «Добрые приметы» (М. Фрадкин — Е. Долматовский);

диски — «Поют ленинградцы», песни: «Саласпилс» (А. Тимошенко, Э. Кузнер — Я. Голликов) — ВИА «Поющие гитары», «Золушка» (И. Цветков — И. Резник) — Таисия Калиниченко, «Край березовый» (А. Броневицкий — И. Резник) — Эдита Пьеха, «Воскресный день» (Д. Бун — М. Беляков) — ВИА «Поющие гитары» и др.; «Поет Шарль Азнавур» (пиратская пластинка, песни: «Изабель», «Потому что», «Ты была слишком красива», «Я люблю Париж в мае», «Приди и поплачь», «Ах, умереть за любовь» и др.).

1973 Декабрь

Повторный показ сериала про Штирлица. Сахаров у Солженицына. Инсульт маршала Жукова. Валерий Леонтьев: дебют в ансамбле «Эхо». «Песня-73»: интриги против евреев. Сокровища Тутанхамона добрались до Москвы. Бакинская экспедиция Никиты Михалкова: ограбление поезда. Акира Куросава в Москве: в поисках актеров. Андропов предлагает выслать Солженицына. Почему Василий Шукшин сбежал из больницы. Борису Сичкину предъявляют обвинения. Как арестовали Сергея Параджанова. Кто пробил звание народного артиста Муслиму Магомаеву. «Приз «Известий» остается в Москве. Концерт Высоцкого в Черемушках. В эпицентре скандала — Всеволод Бобров. Суматошная жизнь Олега Даля. За что Панкратов-Черный запустил ширмой в мэтра советского кинематографа. Джаз-рок-ансамбль «Арсенал»: шумный дебют на фестивале. Расстреляли маньяка Раевского. Как Леонид Быков сдавал фильм «В бой идут одни «старики». В роли автомобильного лихача — Владимир Высоцкий. Смерть великого режиссера-сказочника. Выступать перед студентами — опасно. Юрий Никулин — народный артист. К Борису Сичкину подсаживают тюремную наседку. Звезды встречают Новый год.

В субботу, 1 декабря, в 19.50 по московскому времени по 1-й программе ЦТ начался повторный показ телевизионного блокбастера «Семнадцать мгновений весны». Как мы помним, премьера фильма состоялась в середине августа, и за эти три с половиной месяца в адрес создателей ленты пришло такое количество восторженных писем, что их число перекрыло все прежние рекорды. Львиная доля этих писем предназначалась актеру Вячеславу Тихонову, исполнителю роли Штирлица. Писали в основном женщины и девушки, для которых советский разведчик Максим Исаев стал эталоном мужской красоты, доблести и мужества. Мало кто знает, но после премьеры фильма по стране прокатилась волна разводов, поскольку многие жены разочаровались в своих мужьях, так непохожих на Штирлица. Повторный показ сериала вызвал у зрителей не меньший ажиотаж — улицы советских городов вновь вымерли, преступность резко сократилась.

В тот же день Андрей Сахаров и Елена Боннэр пришли домой к Александру Солженицыну, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Как мы

помним, вот уже несколько месяцев идет мощнейшее давление на обоих правозащитников, кроме этого, серьезно треплют нервы их родственникам: например, допрашивают Боннэр (в момент прихода к Солженицыну у нее пульс был 120 из-за сильного тиреотоксикоза), подслушивают квартиру, где живут близкие Солженицына, и т. д.

Во время той встречи Солженицын высказал свои претензии Сахарову в связи с его недавним заявлением о возможной эмиграции. Сахаров же объяснил писателю, что это заявление во многом было искажено: дескать, никуда он эмигрировать не собирается, просто хочет съездить в Принстон по приглашению, чтобы снять напряжение со своей семьей. «Но вас же не пустят назад, Андрей Дмитриевич!» — удивился наивности академика Солженицын. «Пустят, — ответил Сахаров. — Как же могут не пустить, если я приеду прямо на границу?»

В итоге никуда Сахаров не поехал, они с женой избрали иной путь — легли в больницу: Сахарову давно советовали обследовать сердце, а Боннэр необходимо было начать лечение

тиреотоксикоза. Несмотря на тот вакуум, который власти создавали вокруг них, нашлись смельчаки, которые не побоялись навещать их в период лечения. Среди них были поэты Константин Воробьев и Александр Межиров, писатель Владимир Максимов (тот самый, которого не так давно исключили из СП), германист Лев Копелев и др.

В больничные покои угодил тогда же и маршал Георгий Жуков. Три недели назад у него умерла жена, смерть которой он тяжело переживал. Тут еще теща внезапно выступила с инициативой зарегистрировать брак с Жуковым, чтобы защитить в случае чего материальные интересы ее внучки. Адьютант маршала Иван Прядухин по ее просьбе позвонил в райисполком, в загс. Но реакция везде была одинаковая: «Зачем вы позорите Жукова? Разве так можно?» Говорят, сам маршал об инициативе тещи ничего не знал, но вполне возможно предположить, что каким-то образом эта информация к нему просочилась. В конце концов у него случился инсульт.

В больнице находится и Василий Шукшин. Он лежит в клинике пропедевтики 1-го мединститута имени Сеченова. Там с ним случилась весьма пренеприятная история, которая впоследствии легла в основу его газетного очерка. А случилось вот что.

В воскресенье, 2 декабря, к Шукшину пришли его жена Лидия и две дочки — 6-летняя Маша и 5-летняя Оля. Однако дальше вестибюля посетителей не пустила вахтерша — злая пожилая женщина. Преградив им дорогу, она заявила, что сегодня день не приемный, «приходите тогда, когда положено». Шукшин попытался уговорить вахтершу решить это дело миром, но та даже не стала его слушать. Кто-то из больных посоветовал режиссеру «сунуть ей полтинник»: мол, после этого она станет поговорчивей. Но Шукшин не умел этого делать. Да и денег у него с собой не было. Последнее он озвучил в открытую. Сказанное им окончательно вывело вахтершу из себя, и она захлопнула дверь прямо перед носом жены Шукшина.

После этого кто-то из посетителей посоветовал ей отправиться к дежурному врачу, чтобы тот разрешил конфликт — выписал пропуск. Лидия так и сделала. Но пока она от-

сутствовала, конфликт обострился донельзя. Шукшин вышел в вестибюль, чтобы побыть с дочками, на что вахтерша взревела белугой. «Больной, вернитесь в палату! — закричала она чуть ли не на всю больницу. — Больной, я кому сказала: вернитесь сейчас же в палату!» Но Шукшин предпочел остаться с дочками. Те, кстати, стояли ни живы ни мертвы, поскольку впервые видели, чтобы на их отца кто-то так сильно кричал.

Вскоре в вестибюле вновь появилась Лидия Шукшина, в руках у которой был пропуск. Благодаря ему она вместе с детьми наконец прошла в палату к мужу. Однако, пропуская их, вахтерша не удержалась от грозной реплики по адресу Шукшина: «Я тебе это запомню». Причем сказала это с такой злостью, что Шукшина на секунду оторопь взяла. Придя в себя, он сказал: «Да ты же не человек». И в течение всей встречи с родными никак не мог успокоиться. По его же словам: «Страшно и противно стало жить, не могу собрать воедино мысли, не могу доказать себе, что это не мелочь. Рука трясется, душа трясется, думаю: «Да отчего же такая сознательная, такая осмысленная злость-то?»

Между тем суть той фразы, которую вахтерша бросила в лицо Шукшину, режиссер оценил спустя несколько часов — около шести вечера. К тому моменту жена и дочери уже успели уйти, а к Шукшину пришли новые посетители — писатели из Вологды: Василий Белов и секретарь Вологодского отделения Союза писателей поэт В. Коротяев. Но их ждала та же участь, что и супругу Шукшина, — вахтерша стеной встала на их пути. Причем поначалу-то она хотела их пропустить — на руках у них были пропуска, которые им заранее заказал Шукшин, но едва те произнесли вслух фамилию больного, к которому пришли, как с вахтершей случилась метаморфоза — из тихой женщины она превратилась в настоящую фурию. «Ах, к Шукшину? Не пушу!» — заявила она и захлопнула дверь у них перед носом. Шукшин попытался вразумить женщину: мол, у них же пропуска на руках. На что вахтерша, подбоченясь, изрекла свою коронную фразу: «Пропуск здесь — я!»

Понимая, что с хамкой спорить бесполезно, писатели отправились напрямик к дежур-

ному врачу. Но того в больнице уже не оказалось. Тогда Шукшин стал уговаривать друзей найти для него такси: мол, уеду вместе с вами, обрыдло все. Услышав это, вахтерша засмеялась: «Куда это ты уедешь?» Видимо, в ее умишке никак не укладывалось, что на ее хамское поведение кто-то может ответить таким вот образом. А Шукшин свое слово сдержал: не стал ждать, пока его коллеги поймают такси, и двинулся прочь из больницы. Причем один из санитаров попытался встать у него на пути, но Шукшин так рывкнул на него, что тот счел за благо отскочить в сторону.

Шукшин вышел на улицу, а на нем всего лишь байковая пижама, на ногах тапочки. А на дворе минус пятнадцать, что с его хронической пневмонией было равносильно смертному приговору. Шукшин это знал, но поступить иначе не мог. Если бы он остался в больнице еще на несколько минут, все могло бы закончиться трагедией: он вполне мог задушить вахтершу собственными руками. Даже если бы таксист отказался сажать его в машину, он ушел бы домой пешком. Однако все обошлось: таксист в полутьме не заметил странного одеяния одного из пассажиров и довез его до улицы Бочкова достаточно быстро.

Певец Валерий Леонтьев в те декабрьские дни играл в сыктывкарском эстрадном ансамбле «Эхо». После скандального возвращения из Москвы, где он учился во Всероссийской мастерской эстрадного искусства, Леонтьев устроился в только что созданное «Эхо» в качестве вокалиста. Пел в основном песни советских композиторов, иногда разбавляя их традиционной зарубежной эстрадой (песни из репертуара Рафаэля, Джонни Холидея, Тома Джонса и т. д.). Первый концерт в «профессиональном» качестве «Эхо» дало именно в том декабре в деревушке Лойма недалеко от Сыктывкара. Вот как вспоминает об этом сам В. Леонтьев:

«Стоял страшный мороз, и в клубе, располагавшемся в здании бывшей церкви, было так же холодно, как и снаружи. Первое, что мы сделали, — обкололи лед с дров, решили протопить церковь, дабы не замерзнуть, пока соберется публика. Разожгли изразцовые печи, и к началу концерта в клубе было тепло и уютно. А потом еще и зрители добавили тепла:

пришла вся деревня. А собственно, куда ей деться, чем время убить в холодный зимний вечер? А тут молодые ребята, девчата, играют, поют, пляшут — веселье. Азарта у нас было не отнять...»

Раз уж речь коснулась эстрады, самое время упомянуть, что в Останкино проходят съемки очередной финальной передачи «Песня года». Как и положено такому мероприятию, не обошлось без интриг. Например, на него так и не смогли попасть ряд популярных исполнителей, имевших в паспортных данных, в графе № 5 одну и ту же запись — «еврей». Среди выбывших оказались Вадим Мулерман, Валерий Ободзинский, Майя Кристалинская, Аида Ведищева, Нина Бродская и др. Такая дискриминация, естественно, никем официально не афишировалась, но все знали ее проводника — председателя Гостелерадио Сергея Лапина. Будучи весьма образованным, по меркам тогдашней номенклатуры, человеком, он имел одну слабость — не любил евреев. Против приглашения исполнителей-евреев действовало и другое обстоятельство, уже политического толка: Израиль только-только совершил свою очередную агрессию против арабов. Поэтому евреев на «Песне года-73» почти не было, разве что Иосиф Кобзон, но его присутствие на таком мероприятии было незыблемым, несмотря ни на какие обстоятельства. Полный список песен и исполнителей той «Песни года» выглядит следующим образом:

«Расцветай, земля весенняя» (В. Левашов — В. Харитонов) — Ольга Воронец и хор; «Ночной патруль» (С. Туликов — О. Милявский) — Юрий Богатиков и оркестр Московской милиции; «Школьный вальс» (И. Дунаевский — М. Матусовский) — Муслим Магомаев и хор; «Когда поют солдаты» (Ю. Милютин — М. Лисянский) — Лев Лещенко и ансамбль МВД СССР; «Текстильный городок» (Я. Френкель — М. Танич) — Валентина Толкунова и ансамбль «Ткачихи»; «Не зря тебя назвали москвичом» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Эдуард Хиль и оркестр АЗЛК; «Дрозды» (В. Шаинский — С. Островой) — Геннадий Белов и ансамбль «Советская песня»; «Разве тот мужчина» (О. Фельцман — Р. Гамзатов) — Муслим Магомаев; «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев — И. Шаферан) — Ольга Воронец; «Мой ад-

рес — Советский Союз» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — ВИА «Самоцветы»; «Сын России» (С. Туликов — В. Харитонов) — Лев Лещенко; «Мы тоже — советская власть» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — детский хор под управлением В. Попова; «Лесной олень» (Е. Крылатов — Ю. Энтин) — детский хор; «Трус не играет в хоккей» (А. Пахмутова) — детский хор; «Песня крокодила Гены» (В. Шаинский — А. Тимофеевский) — детский хор; «Спят усталые игрушки» (А. Островский — А. Тимофеевский) — детский хор; «Мгновения» (М. Таривердиев — Р. Рождественский) — Иосиф Кобзон; «Где-то далеко...» (М. Таривердиев — Р. Рождественский) — Иосиф Кобзон; «Серебряные свадьбы» (П. Аедоницкий — Е. Шевелева) — Валентина Толкунова; «Если б камни могли говорить» (И. Лученок — Р. Рождественский) — Владимир Кучинский; «Благодарю тебя» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев; «Счастливы день» (В. Дмитриев — М. Рябинин) — Эдуард Хиль; «Песня о моем городе» (Е. Дога — В. Лазарев) — София Ротару; «Березовый сок» (М. Баснер — М. Матусовский) — Эдуард Хиль; «Увезу тебя я в тундру» (М. Фрадкин — М. Пляцковский) — ВИА «Самоцветы»; «Одинокая гармонь» (Б. Мокроусов — М. Исаковский) — Валентина Толкунова; «Взрослые дочери» (О. Фельцман — Н. Доризо) — Ольга Воронец; «Мелодия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Муслим Магомаев; «Давно не бывал я в Донбассе» (Н. Богословский — Н. Доризо) — Юрий Богатиков; «Золушка» (И. Цветков — И. Резник) — Таисия Калиниченко.

В пятницу, 7 декабря, возле Музея имени Пушкина в Москве было настоящее столпотворение — люди жаждали попасть на выставку сокровищ из гробницы египетского фараона Тутанхамона, жившего в XIV веке до нашей эры. Эти сокровища, состоявшие из 50 предметов (царская колесница, золотой трон, кресла, кровати, ювелирные украшения и др.), были найдены в конце ноября 1922 года экспедицией под руководством английского археолога Говарда Картера. За эти годы бесценная коллекция лишь дважды покидала пределы Египта — ее возили показывать в Лондон и Париж. И вот наконец третьим городом, куда добралась коллекция, стала Москва, где она должна

была пробыть четыре месяца. Открыла выставку сама министр культуры СССР Екатерина Фурцева.

Между тем Никита Михалков продолжает находиться в Баку, где снимает фильм «Свой среди чужих...». Съёмки идут трудно. Эпизод «ограбление поезда офицерами», который до этого был снят в Чечне 5—15 ноября, из-за брака пленки пришлось снимать заново, а это влетело в копеечку — около 9 тысяч рублей. Эпизод переснимали 7—11 декабря на железнодорожной ветке под Баку. 12-го снимали предшествующий «ограблению» эпизод: белые офицеры сидят в дрезине и готовятся к нападению на спецвагон. Это там герой Александра Кайдановского, не дослушав наставления старшего по званию, выходит на воздух, а на приказ вернуться отвечает, что «там одеколоном... как в солдатском бардаке».

В Москве находится известный японский кинорежиссер Акира Куросава. Приехал он к нам не ради праздного любопытства, а чтобы поработать над совместным проектом — фильмом «Дерсу Узала». Идею снять этот фильм Куросаве подкинул директор «Мосфильма» Николай Сизов, когда японский режиссер приезжал в июле на Московский кинофестиваль. Вернее, Сизов только предложил Куросаве поработать совместно, а тот уже сам остановил свой выбор на книге В. Арсеньева, которую он прочитал еще в начале 30-х годов, когда ее перевели на японский. Мало кто знает, что еще до войны Куросава собирался экранизировать эту книгу на Северном Хоккайдо, но потом приостановил съемки: он понял, что этот фильм надо снимать в тех местах, где происходит действие.

В Москву Куросава приехал, чтобы отобрать актеров на главные роли. К тому времени у него был подобран только один актер — Тосиро Мифуне на роль Узала (позднее он помечает его на советского исполнителя Максима Мунзука), другие роли были вакантны. 12 декабря на «Мосфильме» Куросава просмотрел сразу нескольких актеров на роль Арсеньева, но ни одна из проб его не удовлетворила. Предпочтение он все же отдавал актеру Малого театра Юрию Соломину, но о его актерских возможностях режиссер знал только со слов своих советских партнеров. А ему требовалось

убедиться в них лично. Тогда в дело вмешался гример будущего фильма Павел Калинин. До этого он работал в этом же качестве на фильме «Адъютант его превосходительства», где Соломин играл главную роль, поэтому и предложил Куросаве его посмотреть. Ему показали две серии, думая, что этого вполне хватит. Но Куросаве фильм понравился настолько, что он попросил показать ему и остальные три. Так был найден актер на роль Арсеньева.

В тот же день, 12 декабря, Юрий Андропов направил членам Политбюро записку, посвященную Александру Солженицыну. В ней шеф КГБ вновь поднимал вопрос о высылке крамольного писателя за пределы СССР. Андропов писал, что «имеющиеся материалы дают полное основание привлечь Солженицына к уголовной ответственности по статье 70 УК РСФСР» (антисоветская агитация и пропаганда), и эта акция «имела бы положительное значение в том смысле, что положила бы конец безнаказанности его действий, вызывающей подчас недоумение советских граждан и ненужные кривотолки». Но Андропов предлагал иную меру в отношении писателя: лишить его советского гражданства и выдворить за пределы СССР. Эта мера, по мнению Андропова, принесла бы стране сразу несколько выгод: во-первых, еще раз показала бы мировой общественности гуманность советского правительства, во-вторых — Солженицын, узнав об этом шаге, мог бы пойти на некоторое снижение своей враждебной активности и сокращение связей с антисоветскими кругами за рубежом.

Василий Шукшин, который, как мы помним, так и не долечился в больнице, приступил к работе над поправками к «Калине красной». Закончив в ноябре работу над фильмом, Шукшин благополучно сдал его дирекции «Мосфильма» (19 ноября). Но затем картина была отправлена в Главную сценарно-редакционную коллегию, где ее тормознули, найдя в ней кучу недостатков. В частности, там потребовали полностью изъять «сцену разврата» с участием Егора Прокудина, внести исправления в рассказ его матери, изъять из него сетования старухи на скудную пенсию в 17 рублей, ее слова про плохую работу сельсовета, убрать песню «Это многих славный путь...» в эпизоде засто-

лья, толстую женщину в чайной, поломанные доски карусели и т. д. и т. п. Эти недостатки Шукшин и исправлял. Но работа шла тяжело, поскольку у Шукшина в этот период обострилась язвенная болезнь. Но бросить работу он не мог — боялся, что в таком случае картину просто положат на полку. Вот как описывает происходящее В. Фомин:

«Я сам своими глазами видел, как буквально умирал, таял на глазах Шукшин, сбежавший из больницы, чтобы исполнить навязанные «исправления» и тем самым спасти картину от худшего. Он боялся оставить фильм в «разобранном» виде, чтобы как-то «зализать», компенсировать нанесенные раны, хотел сам осуществить чистовую перезапись. Смены в тонстудии казались нескончаемыми — по двенадцать и более часов в сутки. Но буквально через каждые два-три часа у Василия Макаровича начинался очередной приступ терзавшей его болезни. Он становился бледным, а потом и белым как полотно, сжимался в комок и ложился вниз лицом прямо на стулья. И так лежал неподвижно и страшно, пока боль не отступала. Он стеснялся показать свою слабость, и его помощники, зная это, обычно уходили из павильона, оставляя его одного. Тушили свет и уходили.

Сидели в курилке молча. Проходили минут двадцать-тридцать. Из павильона выходил Шукшин. Все еще бледный как смерть. Пошатываясь. Как-то виновато улыбаясь. Тоже курил вместе со всеми. Пытался даже шутить, чтобы как-то поднять настроение. Потом все шли в павильон. И снова приступ...»

До премьеры «Калины красной» еще несколько месяцев, а пока в столичных кинотеатрах идут другие фильмы. 3 декабря на экраны вышел новый фильм Юлия Райзмана «Визит вежливости» с участием Бориса Гусакова, Любови Альбицкой, Аллы Демидовой и др.; 10-го — «Плохой хороший человек» Иосифа Хейфица, где в главных ролях снимались Олег Даль, Владимир Высоцкий, Анатолий Папанов, Людмила Максакова; «Ринг» Вилена Новака с участием Александра Пороховщикова, Евгения Лебедева, Галины Польских и др.

Кино на ТВ: «По следу Тигра» (СФРЮ, 1-го), «Трактористы» (2-го), «Варвара-краса, длинная коса» (6-го), «Неотправленное письмо»

(7-го), «Разрешите взлет» (впервые по ТВ), «Завещание турецкого аги» (Венгрия, 8-го), «Дубровский» (9-го), «Засада» (14-го), «Машенька» (15-го), «Графиня Коссель» (Польша, 15—16-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 7-го — в Малом театре был показан спектакль «Средство Макропулоса» Карела Чапека; 8-го в «Современнике» — «Погода на завтра» Михаила Шатрова с участием Петра Вельяминова, Олега Табакова, Андрея Мягкова и др.; во МХАТе — «Долги наши» Эдуарда Володарского с участием Любови Стриженовой, Бориса Смирнова, Владимира Кашпура и др.; 9-го — «Я всегда улыбаюсь» в Театре имени Моссовета; 12-го — «Преступление Йожки Пучика» И. Стодала в Театре имени Гоголя; 13-го — «Соло для часов с боем» О. Заградника в филиале МХАТа с участием великих стариков Художественного театра Ольги Андровской, Марка Прудкина, Алексея Грибова, Владимира Станицына, Михаила Яншина.

Эстрадные представления: 1—5-го — во Дворце спорта прошли сборные концерты с участием актеров кино и эстрады: Бориса Андреева, Всеволода Санаева, Евгения Леонова, Иннокентия Смоктуновского, Иосифа Кобзона, Георгия Вицина, Олега Анофриева, Натальи Фатеевой, Николая Рыбникова, Аллы Ларионовой, Льва Лещенко, Владимира Ивашова, Светланы Светличной и др.; 3—6-го — в ЦДКЖ играл ВИА «Поющие сердца»; 5-го — в ГТЭ прошел концерт с участием Гелены Великановой, Александры Стрельченко, Геннадия Хазанова, Геннадия Дудника и др.; 8-го — в ГТЭ весь вечер пел Иосиф Кобзон.

Актер Борис Сичкин продолжает томиться в тамбовском СИЗО. Настроение у него хуже некуда. Камера тесная, света в ней почти нет, пищу (если тюремную баланду можно назвать таковой) дают раз в день. Поскольку лежать на холодных металлических нарах было невозможно, Сичкин предпочитал добрую половину времени проводить стоя у двери. Когда вертухай открывал дверь и яркий свет бил арестанту в лицо, он впадал в прострацию и вываливался в коридор, прямо на часового. Так повторялось чуть ли не ежедневно. Когда конвойным это надоело, они добились перевода Сичкина в другое место — в Тамбовскую тюрьму. Но но-

вое место оказалось не лучше прежнего. Камера там была пошире, но в ней не было окон, а на нарах тоже отсутствовал матрас. Холод стоял жуткий, и Сичкину приходилось по нескольку часов в день упражняться в различных танцах (благо знал он их превеликое множество).

Все время, пока сидел, Сичкин не терял присутствия духа. Он знал, что по советским законам подозреваемого должны были держать в заключении не больше семи суток. Ему казалось, что за это время следователи сумеют разобратся в том, что он абсолютно не виноват. Но надежды были напрасны. Их развеял майор Лерман, который однажды в пять утра поднял его с нар и огорошил сообщением:

— Гражданин Сичкин, вас привлекают к уголовной ответственности по статье 93 «прим» — хищение в особо крупных размерах. Эта статья предусматривает уголовное наказание от восьми лет до расстрела. Но, учитывая ваше чистосердечное раскаяние и признание своей виновности, суд может облегчить наказание и дать ниже низшего, то есть шесть лет тюрьмы.

— Почему я должен признавать свою вину, если я невиновен? — сорвался в крик Сичкин.

Но на Лермана этот крик души совершенно не подействовал — он и не такое повидал. Его ответ был краток:

— Все говорят, что они не виновны.

Сичкина этот ответ вывел из себя:

— Я скоро выйду отсюда, а те, кто меня посадил, будут сурово наказаны. И вы в том числе.

— Я уже двадцать пять лет работаю в этой тюрьме, и отсюда еще никто не вышел раньше срока. Знаете почему? Сюда ворота широкие, а отсюда узкие.

А ведь Сичкин так надеялся на снисхождение майора, который был его единоверцем — таким же крещеным евреем, как и он. Уходя из кабинета, Сичкин мрачно резюмировал:

— Когда Моисея спросили, зачем он, когда выводил евреев из Египта, шел с ними через пустыню, Моисей ответил: «Мне с этими евреями было стыдно ходить по центральным улицам...»

Кстати, в эти же декабрьские дни был закончен монтаж фильма «Эстафета» («Неиспра-

вимый лгун»), в котором до ареста снимался Сичкин. Из-за невозможности привлечь Сичкина к озвучиванию роли, было решено воспользоваться услугами другого актера. Перерасход по этой статье составил 3 621 рубль. Фамилию Сичкина из титров фильма, естественно, убрали.

В эти же дни неприятности с законом случились еще у одного представителя советского кинематографа — Сергея Параджанова. 17 декабря он приехал из Еревана в Киев, чтобы навестить своего больного сына, но его внезапно арестовали на собственной квартире и предъявили обвинение в гомосексуализме. Вот как описывает этот арест Р. Балаян:

«Примерно за 4—6 месяцев до ареста у Параджанова поселился Валентин Парашук, который написал интересный сценарий... Парень хотел учиться во ВГИКе, и Сергей настоятельно просил: «Почитай! Колоссальная вещь! Фантастический сценарий! Классный!»

Сергея взяли так. Параджанов с Парашуком вернулись в Киев. Вдруг звонит архитектор Оксана Руденко, которая, рыдая, сообщает: ее коллега Миша Сенин кончил жизнь самоубийством. Параджанов закричал в трубку: «Сволочи! Коммунисты! Не верю! Это они его убили! Ты где? Подъезжай ко мне!» — «Буду через полчаса». Однако максимум через 15 минут позвонили в дверь. Сергей пошел открывать. Вошли пятеро или четверо, назвались, и тут же: «Вы арестованы!» Сергей помнил, что от них несло перегаром. Вдруг один из них, гулявший по квартире, заметил кого-то на балконе. Это была Руденко, приехавшая не через полчаса, как ожидалось, а через семь минут. Неожиданные «гости» ее выгнали.

Если бы не Оксана, никто бы не узнал, что случилось с Сергеем. Светлана, его жена, и Сурен Шахбазян, замечательный человек и оператор, три дня не могли выяснить, где Параджанов. Они звонили и в МВД, и в КГБ — всюду отвечали, что ничего не знают об аресте. Лишь на третий день в Госкино пришли из КГБ и, прервав какой-то просмотр, сообщили: ваш сотрудник арестован и обвиняется по шести статьям Уголовного кодекса.

Спустя день или два после ареста мне позвонил Парашук: «Рома! Там страшно — надо помочь! Надо звонить Герасимову, другим

мастерам...» Я не до конца уверен относительно Парашука: действительно ли он «подсадная утка», как уверяли все друзья. Хотя многие так считают до сих пор...

Почти все местные испугались. Никто из тех, кто мог, за Сергея не заступился. Я имею в виду официально. Из Еревана пришли письма из ЦК, других ведомств. Шкловский с Тарковским написали первому секретарю ЦК КП Украины Щербицкому. С Дзюбой я тайно встречался около метро. «Боюсь, что это дело политическое», — догадывался Дзюба...» (Иван Дзюба — литературный критик, видный общественный деятель Украины.)

Если в биографии Сергея Параджанова день 17 декабря навсегда стал черным днем, то в биографии певца Муслима Магомаева наоборот — самым светлым. В тот день свет увидел Указ о присвоении ему звания народного артиста СССР. Появился он во многом благодаря личному вмешательству Леонида Брежнева. Дело в том, что еще три года назад Азербайджанский Минкульт выдвинул Магомаева на это звание, но в союзном Минкульте это дело быстро похерили — у певца там было много недоброжелателей. Может быть, и зависть там сказывалась, и независимость характера певца сыграла свою роль (его считали гордецом), и его тогдашняя молодость (в 70-м ему было 38 лет). Однако сам певец и его покровитель, 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев, понимали, что чиновник отказывает до тех пор, пока ему не прикажет инстанция, выше которой ничего нет. Такой инстанцией в те годы был генсек. И однажды при встрече с Брежневым Алиев пожаловался: «Муслиму Магомаеву не дают звание народного артиста, тянут уже который год». И уже на следующий день все необходимые бумаги были подписаны. Кстати, и супруга Магомаева Тамара Синявская была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР в том же году — это произошло в конце июля.

21 декабря в Москве завершился традиционный хоккейный турнир на приз газеты «Известия». В том году в нем участвовало пять сборных команд: СССР, ЧССР, Швеции, Финляндии и Польши. За пять прошедших дней наши ребята буквально разгромили трех своих соперников: Швецию со счетом 8:3, Польшу —

10:1, Финляндию — 7:0. 21-го наша сборная скрестила клюшки со сборной ЧССР — традиционно самым неудобным своим соперником. Однако и в этом матче табло зафиксировало разгромный счет — 7:1 в пользу нашей сборной. У нас хет-трик (три гола в одном матче) сделал Владимир Петров, по одной шайбе забili: Валерий Васильев, Валерий Харламов, Александр Мальцев, Александр Лебедев.

Владимир Высоцкий находится в эти дни в Москве: играет в Театре на Таганке, дает концерты. 13 декабря он выступал в ЦНИИпроект-стальконструкции, 24-го — в издательстве «Мысль». Одним из организаторов его концертов в то время была Виктория Гора. Она вспоминает:

«За концерт Володя брал 150 рублей, такую ставку назначил сразу же. По сравнению, скажем, с Клячкиным Женей, который брал 50 рублей, 150 выглядели внушительной суммой...

Вот еще что любопытно: Высоцкий никого из своих друзей не приглашал на концерты! Единственный раз привел Севу Абдулова в Институт машиноведения и очень был внимателен к нему...

Теперь расскажу о выступлении в Черемушках, в каком-то закрытом институте, по моему, в декабре 1973 года. Я впервые поехала на концерт не одна, со мной были мой будущий супруг Саша и его товарищ. Подъехали к театру. Помню, Володя еще опоздал минут на пять, потом уселись в «Рено» — ребята сзади, я, как всегда, на переднем сиденье. Удивлению Сашиного товарища не было предела: «Я ехал с Высоцким! Никто не поверит, вы подтвердите, если что!..» И получилось так, что Владимир Семенович решил проявить мужские качества. Видимо, он почувствовал привязанность Саши ко мне — и сделал максимум галантности, наговорил массу комплиментов, был очень внимателен, поцеловал в щечку. Надо сказать, Володя не переносил конкуренции мужской в присутствии женщины. После выступления мы поехали в ресторан «Черемушки». На концерте Володе подарили большой букет розовых гвоздик, которые он вручил мне возле ресторана, что случалось очень и очень редко. Так вот, посидели в ресторане, приятель непрерывно восторгался, а Саша молчал. Гвоздики я поставила

на столе в вазочку. А потом, уже возле дома, почувствовала, что чего-то не хватает: забыла цветы! «Ой, как жаль, оставила гвоздики!» — «Ну и хорошо!» — ответил мой будущий муж...»

23 декабря в эпицентре громкого скандала оказался знаменитый хоккейный тренер Всеволод Бобров. В качестве старшего тренера сборной клубов Москвы он в тот день должен был отправиться в поездку по США. В аэропорт Шереметьево он договорился приехать вместе с руководителем делегации Николаем Корольковым, президентом Федерации хоккея СССР. Однако тот к месту встречи по неизвестной причине опоздал, из-за чего они приехали в аэропорт чуть ли не с часовым опозданием. Все это время возмущенные задержкой вылета пассажиры (а среди них были высокопоставленные столичные чиновники и иностранцы) требовали от экипажа немедленного вылета. А летчики сначала вешали им на уши лапшу, убеждая, что самолет не может взлететь из-за технической неисправности, а когда кто-то из «высоких» пассажиров пригрозил им суровыми карами, честно признались, что ждут самого Всеволода Боброва. После этого возмущение пассажиров достигло еще большего накала. «Подумаешь, важная птица — Бобров!» — содрогался салон от возмущенных выкриков.

Забегая вперед, скажу, что командир воздушного корабля сумел в полете наверстать упущенные минуты и сумел посадить самолет в Нью-Йорке в точно назначенное время. Однако этот инцидент в тот же день попал в сводку происшествий по городу, а оттуда эта информация немедленно пошла вверх — в ЦК КПСС. У Боброва в тамошнем Отделе спорта было много недоброжелателей, которые только и ждали повода, чтобы «пришучить» знаменитого тренера. Но поскольку виновник скандала находился за пределами родного отечества, было решено отложить «разбор полетов» на потом.

Тем временем Олег Даль продолжает сниматься в телефильме «Вариант «Омега» (в Москве идут съемки в павильонах). Съемки стоят актеру много нервов: в своих «ежедневниках» Даль пишет о неготовности съемочной группы, о бедламe на съемках, о простоях, отменах. Не менее тяжело дается ему и работа в театре «Со-

временник», где готовится к выпуску спектакль «Провинциальные анекдоты». Управление культуры восемь (!) раз приезжало на сдачу и никак не могло его принять — то одно не нравилось, то другое. Актеры играли при пустом зале для нескольких человек, а те, бывало, не досмотрев спектакль, удалялись прочь с хмурыми лицами. Кроме того, Даль срочно вводился в спектакль «Балалайкин и К», и эта срочность тоже стоила нервов актеру.

Нервной выдалась концовка декабря и для студента ВГИКа Александра Панкратова (в будущем — Черного). Во время сдачи зимней сессии, осерчав за что-то на своего преподавателя Ефима Дзигана, Панкратов не нашел ничего лучшего, как схватить декорационную ширму и запустить ее в мэтра отечественного кинематографа. К счастью, расстояние было слишком велико, да и гнев буквально застил студенту глаза, так что мэтр не пострадал. Однако скандал был таким грандиозным, что друзья по-товарищески советовали Панкратову забирать документы и уходить в другой институт, хотя бы в ГИТИС. Панкратов и сам понимал, что его уход из ВГИКа — дело predetermined. Но ошибся. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Я понимал сложившуюся ситуацию, но сессию продолжал сдавать. Захожу на кафедру. Сидит Ефим Львович. Здороваюсь. Он отвечает и продолжает листать зачетку. Оказывается, мою. Обращается ко мне: «Молодец. Молодец. Все сдал. Так вот, друг Панкратов, — он всегда меня так называл, — пользуясь своими званиями, регалиями, связями, я решил, что тебе, подлецу, на зимних каникулах надо отдохнуть. Вот тебе путевка в санаторий ЦК, в Вороново. Я тебе делаю подарок, лечи нервы...»

В конце декабря в ДК «Москворечье» состоялся традиционный мини-фестиваль джазовой музыки (его ежегодно проводила джазовая студия ДК). На нем впервые выступил новый коллектив — джаз-рок ансамбль «Арсенал» под управлением Алексея Козлова. По его же словам, присутствие его бэнда на фестивале было делом рискованным, поскольку публика там собиралась обычно традиционно джазовая, в большинстве своем консервативная, не принимающая рок-музыку. Но Козлов сознательно шел на раскол, поставив перед собой цель —

лишившись старых поклонников, завоевать новых. И он добился своего: именно после этого фестиваля об «Арсенале» заговорили в столичных музыкальных кругах как о дерзком и новаторском джаз-рок-бэнде.

В эти же дни был приведен в исполнение смертный приговор в отношении жестокого маньяка Юрия Раевского, который в августе-октябре 1971 года держал в страхе многие города Советского Союза. Как я уже рассказывал, он совершил несколько жестоких убийств на сексуальной почве и был пойман по случайной случайности — пытался продать пальто одной из жертв и был задержан за спекуляцию. Состоявшийся летом 73-го года суд приговорил маньяка к «вышке» — расстрелу. Раевский пытался подать апелляцию, но ее отклонили. Утром 26 декабря в камеру харьковской тюрьмы, где содержался Раевский, вошли двое надзирателей, которые отвели маньяка в подвал. Там, в специальном помещении, штатный палач привел приговор в исполнение — выстрелил маньяку в затылок.

На Киевской киностудии имени Довженко Леонид Быков закончил работу над фильмом «В бой идут одни «старики». Почти все лето он снимал натуру под Киевом и Черниговом, в сентябре-октябре в павильонах, после чего до начала декабря корпел над монтажом. 12 декабря фильм без поправок приняли на студии, а 27 декабря состоялась сдача ленты в Госкино Украины. На нее были приглашены не только высокие чины украинского кинематографа, но и те, о ком рассказывал этот фильм, — летчики-фронтовики. Одним из них был прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза, сбивший в 156 воздушных боях 59 фашистских самолетов, Александр Покрышкин. Лента его буквально потрясла. Когда в зале зажгли свет, от присутствующих не укрылось, что Покрышкин вытирает слезы.

В тот же день в Москве Владимир Высоцкий дал концерт в Театре кукол под руководством Сергея Образцова. Высоцкий на концерт опоздал, поэтому свое выступление начал словами: «Добрый день! Извините за небольшую задержку, но я к вам так торопился, что была встреча с милицией у меня небольшая... Но они решили почему-то, что у меня иностранные номера (Высоцкий ездил тогда на «Рено». —

Ф.Р.) и что они имеют дело с человеком нерусским — и поэтому обошлись очень корректно со мной... Ничего не случилось, в общем, здор и жив остался...»

Высоцкий слыл автомобильным лихачом и очень часто имел неприятности с гаишниками. Иногда он сам специально устраивал дорожные провокации, чтобы прихвастнуть перед кем-то из своих друзей, особенно девушками. Об одной из таких провокаций вспоминает Нина Патэ, которая в те годы была одним из организаторов концертов Высоцкого:

«Высоцкий приехал ко мне на «Рено» и сказал: «Вот теперь мы будем хулиганить». Я посмотрела на машину, а номера-то не наши! Оказывается, Володя ездил по доверенности на «Рено», а Марина — на «Жигулях»: они поменялись машинами. На площади Пушкина Володя лихо развернулся в непопозволенном месте, и нас тормознули. Пока приближался постовой, Володя сказал: «Смотри и молчи». Подошел постовой, начал объяснять, а Володя якобы не понимает, пожимает плечами. Тот — снова объясняет, потом — что-то рисует на листочке. Володя упорно не воспринимает (иностранец ведь!). Постовой, видя, что хлопчет впустую, буркнул: «Ну ладно, езжайте дальше». И тогда Володя достал деньги и выкрикнул: «Да возьми ты свой штраф». У того буквально челюсть отвисла, а мы поспешили скрыться с глаз...»

В пятницу, 28 декабря, советский кинематограф понес тяжелую утрату: на 68-м году жизни скончался последний из выдающихся режиссеров-сказочников советского кино (первый — Александр Птушко — умер в марте) — Александр Роу. Он пришел в кино в 1930 году, начав с должности помощника режиссера. Набравшись опыта, восемь лет спустя он снял свою первую самостоятельную работу — «По щучьему велению». В ее успех не верил практически никто из коллег Роу, говорили: «Какой интерес разбираться в характере щуки, медведя, лисы и т. д. Это же неинтересно ни для вас, ни для зрителя — бросьте все это, не губите себя». В те годы модно было снимать кино о революции, врагах народа, про колхозную жизнь, а Роу все это претило, он хотел снимать сказки. И слава богу! Его первая же картина была замечательно встречена не только дет-

ской аудиторией, но и взрослыми. Этот успех вдохновил режиссера, и фильмы-сказки в его исполнении пошли одна за другой: «Василиса Прекрасная» (1940), «Конек-Горбунук» (1941), «Кашей Бессмертный» (1945), «Майская ночь, или Утопленница» (1952), «Новые похождения Кота в сапогах» (1958), «Марья-искусница» (1960), «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Хрустальный бамшмачок» (оба — 1961), «Королевство кривых зеркал» (1963), «Морозко» (1965), «Огонь, вода и медные трубы» (1968), «Варвара-краса, длинная коса» (1970), «Золотые рога» (1973).

По свидетельству очевидцев, у Роу практически не было врагов — его все любили за добрый нрав и мудрость. Он крайне редко повышал голос на съемочной площадке, чем грешили большинство его коллег-режиссеров. Жена Роу, Елена Георгиевна, его обожала и носилась с ним, как с ребенком. Да что жена! Был случай, когда в Роу волюбилась одна заморская принцесса. Она передала через посла, что хочет немедленно выйти за Роу замуж. Режиссер ответил, что это невозможно, что он уже женат, да и возрастом немолод. На что принцесса заметила: «Ничего, на моей родине можно иметь несколько жен, а возраст не имеет значения...» Как это ни печально, но место Роу не удалось занять никому из отечественных режиссеров: таких сказок, как он, уже никто не смог снимать.

29 декабря два актера Театра на Таганке — Валерий Золотухин и Вениамин Смехов — были приглашены в МГУ на творческую встречу. Их коллега по театру Владимир Высоцкий, когда узнал, куда их пригласили, стал отговаривать. Он говорил: «Зачем вам нужны неприятности? За студентами надзирает КГБ, и, если что-то им не понравится, вас потом затаскают...» Высоцкий знал, что говорил. В свое время он тоже практиковал такие выступления в студенческих аудиториях, но, когда у него после них начались неприятности, он это дело оставил. Но коллеги его не послушали. В МГУ их провели к месту встречи обходным путем, что уже говорило о грядущих неприятностях. Однако аудитория была забита битком. Но мало кто из артистов сомневался, что в этой толпе находятся и с десятком стукачей. Уже вечером того же дня о каждом слове артистов на-

верняка было известно на Лубянке. Но никаких оргвыводов так и не последовало. Как говорится, пронесло.

30 декабря вышел Указ о присвоении звания народного артиста СССР знаменитому клоуну Юрию Никулину. Награда была приурочена к 52-летию актера (18 декабря), хотя, по правде говоря, Никулин и без этого давно считался истинно народным артистом. На тот момент он уже несколько месяцев как не появлялся на арене Цирка на Цветном бульваре, все свое время посвящая гастрольям и съемкам в кино. Порой одно мешало другому: так, Леонид Гайдай пригласит Никулина на роль отца невесты в свою новую комедию «Не может быть!», но гастрольная деятельность не позволила клоуну сыграть эту роль, и она в итоге попала к Георгию Вицину.

Между тем Борис Сичкин продолжает томиться в тамбовской тюрьме. Перед самым Новым годом его в очередной раз перевели в новую камеру. Если до этого были камеры-одиночки, то теперь — общая, в ней сидели еще трое арестантов. Поначалу Сичкин подумал, что они сумасшедшие, — когда он вошел, один из них сидел на кровати и молчал, двое других, ритмично и синхронно поворачиваясь, ходили по камере, также не реагируя на появление гостя. Но потом от души артиста отлегло — арестанты оказались вполне нормальными зэками. Те, кто ходил, были ворами-рецидивистами, просидевшими в лагерях и тюрьмах по девятнадцать лет. Третий был шустрым, румяным блондином без грусти в глазах. Уже на вторые сутки он стал подбивать «клинья» к Сичкину — сообщил, что днями выйдет на свободу и может передать письмо на волю. Дескать, шмона бояться нечего, часовые его друзья. Сичкин поначалу согласился, но затем передумал, догадавшись, что шустрый блондин — тюремная насадка.

Камера, куда угодил Сичкин, была не чета прежним — светлая, теплая и уютная. Кровати — с матрасами, с белоснежными наволочками на подушках. Видимо, тюремное начальство специально перевело Сичкина в нее, чтобы встреча Нового года не оставила у него тягостного впечатления. Тогда же он попал в баню. Вот как сам артист вспоминает об этом:

«Когда мы разделись догола, то обнаружилось, что у одного рецидивиста было нормальное количество татуировок — штук сто, а у другого — ни одного свободного места на теле. Он напоминал передвижную художественную галерею. Живопись была эклектичной. Наряду с Лениным и Сталиным, которые расположились у него на груди, были выколоты голая русалка, какие-то якоря, корабли, розы, проткнутые финкой, надписи типа «бог — не фраер», теплые слова в адрес матери. На одной ягодице вытатуирована голая женщина, на другой голый мужчина. Когда он двигался, они занимались любовью.

Мне было не до мытья. Я старался схватить все, но глаза разбегались и путалось в голове. Даже часовые, которых ничем уже нельзя удивить, были поражены...»

Встреча Нового года (31 декабря выпало на понедельник) застала героев этой книги в разных местах. Например, Борис Сичкин и Сергей Параджанов встретили его на тюремных нарах. Олег Даль отправился встречать Новый год к жене и теще в Ленинград, причем этот приезд должен был стать для них сюрпризом. Но не получилось. 30 декабря Елизавета (жена артиста) позвонила в Москву, чтобы поинтересоваться его делами. К телефону подошла мать актера Павла Петровна. «Лизонька, — сказала она, — я выдаю тайну, но Олег уехал к тебе».

Татьяна Егорова новогоднюю ночь провела в компании своей подруги актрисы Людмилы Максаковой. Пришла Егорова не одна, а с одним из известных ныне писателей-сатириков. А ее бывший возлюбленный Андрей Миронов встречал Новый год в доме у другого сатирика — Григория Горина. По словам Егоровой: «Услышав, с кем я встречала Новый год, Андрей орал в отчаянии, повторяя одну и ту же фразу: «Как она могла? Как она могла? Как она могла?» Мы не были вместе уже три года, поэтому реакции белобрысого Отелло заставляли меня вздрагивать, пороли мои нервы: я хотела его забыть, а он делал все, чтобы этого не случилось...»

Поэт Ада Якушева собиралась встречать Новый год в узком семейном кругу — с мужем и детьми. Не получилось. Буквально за полчаса до боя курантов в их квартиру позвонили. Открыв дверь, Ада увидела на пороге пожилого

мужчину, лицо которого ей показалось до боли знакомым. «Ба, да это же сам Юрий Силантьев — дирижер оркестра Гостелерадио! — догадалась она спустя несколько секунд. — Но что ему надо?» Оказалось, что Силантьев, возвращаясь со старой квартиры в новую (в этот ведомственный дом на проспекте Мира, где жили работники Гостелерадио, он въехал парой тройку месяцев назад), как на грех, забыл ключи. «Ехать назад — не успею к бою курантов, — подытожил знаменитый дирижер свой короткий рассказ. — Может быть, пустите меня к себе?» Естественно, его пустили и даже налили фужер шампанского и наложили полную тарелку «оливье». Но этот визит не был последним.

Спустя час раздался новый звонок в дверь, и на пороге нарисовались двое: сосед по дому Вячеслав Янчевский и популярный композитор Владимир Шаинский. «Хозяйка, принимай гостей!» — громогласно возвестил Янчевский и первым переступил порог гостеприимной квартиры. Поскольку в доме был рояль, уже спустя полчаса за него взгромоздился Шаинский и, на радость всем присутствующим, а особенно детям, исполнил все свои детские хиты: «Песенку крокодила Гены», «Антошку», «Голубой вагон» и другие.

Ныне известный певец Николай Расторгуев в тот день впервые вышел на сцену. Было ему в ту пору 16 лет, и его дебют состоялся на новогоднем школьном вечере. Партнером Расторгуева был его друг Валерий Шатин. Новоявленные артисты показали парный номер: Николай пел и играл на губной гармошке, а Валерий подыгрывал ему на семиррублевой гитаре. Облачены парни были в гусарские костюмы, которые изготовили специально для них в Театре Советской Армии. По словам Расторгуева: «Руки дрожали, губы дрожали, но мы все-таки перебороли страх и спели. Просто так: без микрофона, без ничего, в школьном зале... Было смешно. Но народу понравилось...»

Певец Лев Лещенко встречал 1974 год в Японии. Вместе с группой советских артистов он участвовал в открытии выставки «Советская Социалистическая Сибирь». Артист вспоминает:

«Добирались до Японии со всевозможными приключениями — самолетами, пароходами.

Несмотря на штормы и качки, в Токио все же прибыли. Нам предстояло выступать в павильоне выставки и большом зале Каракуэн. Это мы знали. А вот где отметить Новый год? Думали-гадали и решили все же собраться в гостинице. Народу было много, почти сто человек: артисты, представители посольства. Встречали Новый год по часовой стрелке. Сначала японски, потом наступила очередь Владивостока, и, постепенно, минуя города, тостируя, добрались до Москвы. А потом вышли посмотреть на ночной Токио, по которому долго гуляли, веселые и захмелевшие.

Между тем телевизионное меню в последний день уходящего года выглядело на редкость интересным и изобиловало премьерами. В тот день их показали целых пять: фильм Ролана Быкова «Телеграмма» (про то, как подростки разыскивают адресата случайно попавшей к ним телеграммы, посланной еще в годы войны) (11.00), забавную комедию про двух обезьянок «Новые приключения Дони и Микки» (18.25), комедию про инопланетян, попавших в самую гущу земного новогоднего карнавала, — «Эта веселая планета» Юрия Саакова и Юрия Цветкова с целым набором шлягеров от Давида Тухманова (22.10). Плюс «Кабачок «13 стульев» (19.45) и «Голубой огонек» (00.05).

В конце главы, как обычно, столичная афиша развлечений. Премьеры в кино: 17-го на экраны вышла дебютная (и крайне неудачная) комедия Владимира Басова «Нейлон 100%» с участием Владимира Басова, Валентины Титовой, Микаэлы Дроздовской, Леонида Куравлева и др.; 20-го — «Ищу человека» Михаила Богина с участием Олега Жакова, Риммы Мануковской и др.

Из театральных премьер выделю одну: искрометный спектакль Театра сатиры «Маленькие комедии большого дома» с участием практически всего звездного состава этого прославленного театра, премьеры которого состоялась 28 декабря. Спектакль состоял из пяти новелл, но самым большим зрительским успехом, безусловно, пользовалась вторая — «Ограбление», где блистал дуэт Андрей Миронов — Спартак Мишулин. Кстати, Миронов, а также Александр Ширвиндт являлись постановщиками этого спектакля.

Кино на ТВ: «Музыкальная история», «Васек Трубачев и его товарищи» (16-го), «Быть человеком» (премьера т/ф 17—18-го), «Первый учитель» (19-го), «Светлый путь» (20-го), «Зареченские женихи» (23-го), «Сильные духом» (24—25-го), «12 стульев» (26—27-го), «Путь к причалу» (27-го), «Золотой теленок» (28—29-го), «Старики-разбойники» (впервые по ТВ 29-го), «Жили три холостяка» (премьера т/ф 30-го), «Живет такой парень» (30-го), «Умные вещи» (премьера т/ф 30—31-го).

Новинки «Мелодии»: миньоны — «Поет Муслим Магомаев», песни: «Белла, чао» (итальянская народная песня, русский текст А. Горохова); «Когда святые маршируют» (негритянская народная песня); «Приснившаяся песенка» (М. Магомаев — Р. Рождественский); «Долалай» (П. Бюль-Бюль оглы — Р. Гамзатов, перевод Я. Козловского); «Поет ВИА «Поющие гитары», песни: «Саласпилс» (А. Тимошенко, Э. Кузнер — Я. Голяков); «Тихо течет Неман» (литовская народная песня);

диски — «От мелодии к мелодии», песни: «Те, кто говорит о тебе» — Литл Тони; «Все хотят» — Фрэнк Синатра; «Приходи на мою улицу» — Мирей Матье; «Зимняя лирика» — Адриан Челентано; «Говори мне о любви» — Джанни Моранди; «Тень твоей улыбки» — Барбара Стрейзанд и др.

Звездные родители

У известных актеров Василия Ланового и Ирины Купченко, поженившихся в начале 70-х и играющих на сцене одного театра — имени Вахтангова, — в том году родился первенец — сын Александр.

Первенец появился и в другой звездной семье — на этот раз режиссерской: у Элема Климова и Ларисы Шепитько родился сын Антон. Роженице в ту пору было 35 лет, согласитесь, не самый лучший возраст для беременности. Поэтому за несколько месяцев до родов ее положили на сохранение. И там с ней случилась беда. Проходя однажды по коридору, Лариса внезапно потеряла равновесие, упала и ударила головой о батарею. Получила легкое сотрясение мозга. Врачи запретили ей ходить и прописали постельный режим. Однако обследовали они ее не слишком внимательно и не

заметили, что у нее был травмирован и позвоночник. Потом, правда, обнаружили и прописали ей вытягивание на жестком ложе. Так, не вставая, Лариса пролежала целый месяц. А затем она никак не могла встать, так как за время лежания у нее ослабли мышцы. И все же, несмотря на все эти неприятности, ребенка она родила.

Еще один первенец, и опять мальчик, родился в актерской семье Сергея Никоненко и Екатерины Ворониной. Мальчика назвали редким именем Никанор.

Сына родила и эстрадная певица Людмила Сенчина. Причем ее мужем был артист оперетты Вячеслав Тимошин, которого она увела от известной киноактрисы Татьяны Пилецкой. Еще когда Сенчина была ученицей 3-го класса, ей очень нравился фильм «Разные судьбы» (1956), где Пилецкая играла главную роль. Для Людмилы она тогда была эталоном женской красоты (хотя роль у актрисы была отрицательная), и она часто представляла себя актрисой Пилецкой в красивом платье с воздушным шарфом на шее. Могла ли она вообразить, что спустя почти полтора десятилетия она станет причиной развода своей любимой артистки. Тимошин был много лет женат на Пилецкой, воспитывал ее дочь, но всегда мечтал иметь собственных детей. И вот однажды его угораздило влюбиться в Сенчину. Они долго встречались тайно, а потом поженились.

Еще одна звездная роженица — актриса Татьяна Федотова, которая прославилась одной-единственной ролью Гюльчатай в выдающемся истерне «Белое солнце пустыни». Как и в случае с Людмилой Сенчиной, ее муж Геннадий Кузьмин на момент их встречи тоже был женат и тоже имел отношение к музыке — работал в Ленконцерте. Они встречались тайно, пока эти «амуры» не надоели Федотовой. Она сама пришла к жене Геннадия, призналась в любви к нему и пообещала больше с ним не встречаться. А затем произошло неожиданное: на следующий день после встречи жена сама привезла мужа Татьяне. Короче, благословила. Правда, это не убергло обоих от проработок по месту службы — их песочили на месткоммах, профкоммах и т. д. Даже на гастролях специально селили в гостиницах в разных номерах.

И только после рождения сына Сергея эта вакханалия прекратилась.

В том году родились дочери у двух киношных Остапов Бендеров. У Сергея Юрского (Бендер из «Золотого теленка») — Даша, у Арчила Гомиашвили (Бендер из «Двенадцати стульев») — Таня.

Звездные свадьбы

В 1973 году вышла замуж певица Надежда Бабкина (настоящая фамилия — Заседателева). В те годы она была еще никому не известной артисткой 23 лет от роду, приехавшей два года назад покорять Москву и учившейся на 2-м курсе Института имени Гнесиных. О своем знакомстве с будущим мужем Владимиром сама артистка вспоминает так:

«Тогда были очень популярны разные декады литературы и искусства. И вот еду я со своими подругами на очередную такую декаду, и уже в аэропорту мы узнаем, что наш рейс откладывается. Я говорю: «Девчата, чего скучаем-то? Давайте подурачимся: выберем себе парней из тех, что рядом находятся, посудачим о них, время проведем...» Повела я глазами, смотрю — стоит небольшая компания ребят, а в центре ее — светловолосый, высокий, худощавый парень в обычном сером пальто. Я: «Вот кто мне нравится». Они: «Ты чего, Надь, ну жели не могла кого посолондней отыскать?» А я чувствую — ну, нравится он мне. Тут еще оказалось, что он тоже в нашей декаде участвует. Но проблема-то в чем? Я его выбрала, но он-то об этом не знает. Сели в самолет, а я и давай «Письма к незнакомке» Моруа вслух читать. Самолет гудит — я ору. Чувствую: голос срываю, но ору. А он — ноль эмоций: сидит себе, свою книжку читает. Я тогда специально что-то уронила, он вещь эту поднял, но эмоций никаких не проявил. Думаю: «Что делать? Может, ему прямо в лоб сказать?..» Времени-то у меня нет, самолет уже на посадку идет. Когда вышли из самолета, я, разумеется, сделала так, чтобы он с трапа первым сошел, я — за ним, чтобы он мне руку сумел подать. Подал он мне руку и тут же почему-то — в сторону со своими друзьями... Ничем его не проймешь! Потом, правда, он увидел меня на репетиции, и я заметила, что обратил на меня внимание... Но

ведь молчит же, паразит! Потом был совместный ужин, и я, набравшись храбрости, пригласила его на танец... И тут он мне сказал: «Ой, девочка, как ты хорошо танцуешь...» Слово это «девочка» так он трогательно произнес, что я на всю жизнь запомнила... Потом он уехал в одну сторону выступать, мы — в другую. А через три дня прибегают ко мне девчонки и орут: «Надя, Надя, тебя какой-то парень ждет». Что еще за парень? Смотрю: стоит он с букетом цветов и спрашивает: «Девочка, а разве ты меня не ждала?» В Москве в общечитии я затосковала. Но он не звонил. Неделю. А через неделю звонит и спрашивает: «Девочка, как ты думаешь, не пора ли нам встретиться?» Апофеоз у этой истории такой: меня все общечитие выдавало замуж, вынесли ковровую дорожку, подарили постельное белье, на котором стояло клеймо «институт имени Гнесиных», и торшер...»

Тогда же вышла замуж актриса Ирина Муравьева. После окончания студии при Детском театре она в начале 70-х попала в труппу этого театра. Ее первый выход на сцену состоялся в сказке про Козла — она бегала в массовке и изображала деревенскую бабу. В 73-м широкой публике Муравьева была не известна, поскольку в театре продолжала играть второстепенные роли, а в кино практически не снималась. Ее дебют состоялся в том же 73-м — в фильме «Эпизод из юности» она сыграла незначительную роль. Замуж Муравьева вышла за режиссера своего же театра Леонида Эйлина.

В 1973 году свою будущую жену встретил ныне популярный певец Олег Газманов. Отучившись в Калининградском высшем инженерно-морском училище и получив там профессию инженера-минера, он теперь руководил там лабораторией холодильной техники. А все свободное время посвящал музыке — играл на танцах в составе ВИА «Атлантик». Несмотря на свой небольшой рост, Газманов имел устойчивый спрос на себя в среде представительниц слабого пола, поскольку хорошо пел душевные песни и модно одевался: носил брюки-клевш и ботинки на платформе. Причем и те и другие у него были эксклюзивные: брюки ему сшил знакомый портной, а платформу сделали в мастерской, пришпандорив к обычной платформе дополнительную,

причем самую высокую. Именно приобретение этих брюк и «шуз» и стало причиной похода Газманова с друзьями в ресторан.

Веселье было в самом разгаре, когда наметанный глаз Газманова заметил за соседним столиком симпатичную девушку, которая была одета не менее модно, чем он: на ней были невероятные клеши и «шзузы» на платформе. Поскольку на тот момент в личном плане Газманов был человеком свободным (недавно он расстался с подругой, с которой крутил роман два года), он решил девушку «склеить». Выбрав момент, Газманов подсел к незнакомке. Они разговорились. Как оказалось, девушку звали Ирина, она была студенткой факультета химии Калининградского университета. Через два года они поженились.

Как Сергей Никоненко стал богатым

В 1973 году популярный киноактер Сергей Никоненко, имеющий помимо актерского диплома еще и режиссерский, снял свой первый самостоятельный фильм — «Птицы над городом» (сыграл в нем и главную роль). Съемки шли в течение нескольких месяцев и ничем особенным не запомнились, кроме разве что одного — на них Никоненко обогатился. Каким образом? В свободное от съемок время он взял за правило резаться в покер с членами съемочной группы (актерами, ассистентами, рабочими), причем играли покерщики не на интерес, а на деньги. И немалые. В итоге Никоненко, который в картах знал толк, умудрился выиграть несколько тысяч рублей. Однако эта крупнейшая в его жизни карточная победа настолько его напугала, что с тех пор он никогда больше на деньги в карты не играл.

ХИТ-ПАРАД-73

Самые кассовые фильмы отечественного производства

«Всадник без головы» («Ленфильм», реж. В. Вайншток, в ролях Олег Видов, Людмила Савельева, Александр Луго и др., премьера — 25 июля) — 69,0 миллионов зрителей;

«Иван Васильевич меняет профессию» («Мосфильм», реж. Л. Гайдай, в ролях Александр Демьяненко, Юрий Яковлев, Леонид Курав-

лев и др., премьера — 21 сентября) — 60,7 млн.;

«Любить человека» (К/ст. имени Горького, реж. С. Герасимов, в ролях Любовь Виролайнен, Анатолий Солоницын, Тамара Макарова и др., премьера — 24 января) — 32,2 млн.;

«Пятьдесят на пятьдесят» («Мосфильм», реж. А. Файнциммер, в ролях Василий Лановой, Ирина Скобцева, Владимир Осенев и др., премьера — 12 февраля) — 31,9 млн.;

«Командир счастливого «Шуки» («Мосфильм», реж. Б. Волчек, в ролях Петр Вельяминов, Донатас Банионис, Елена Добронравова и др., премьера — 29 апреля) — 31,0 млн.;

«Слуги дьявола на чертовой мельнице» (Рижская к/ст., реж. А. Лейманис, в ролях Артур Экис, Лолита Цауке и др., премьера — 5 марта) — 30,5 млн.;

«Круг» («Ленфильм», реж. Г. Раппапорт, в ролях Александр Збруев, Светлана Коркошко, Николай Рыбников и др., премьера — 23 июля) — 29,0 млн.;

«Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (Одесская к/ст., реж. С. Говорухин, в ролях Леонид Куравлев, Ираклий Хизанишвили, Евгений Жариков и др., премьера — 3 сентября) — 26,3 млн.;

«Земля, до востребования» (К/ст. имени Горького, реж. В. Дорман, в ролях Олег Стриженов, Олег Жаков, Мария Сагайдак и др., премьера — 26 марта) — 23,8 млн.;

«Приваловские миллионы» (Свердловская к/ст., реж. Я. Лапшин, в ролях Леонид Кулагин, Владислав Стржельчик, Людмила Хитяева и др., премьера — 10 сентября) — 23,3 млн.;

«Сельская пуля» («Узбекфильм», реж. А. Хамраев, в ролях Суйменкул Чокморов, Дилором Камбарова, Талгат Нигматулин и др., премьера — 1 мая) — 22,5 млн.;

«Золотые рога» (К/ст. имени Горького, реж. А. Роу, в ролях Раиса Рязанова, Володя Белов, Георгий Милляр и др., премьера — 30 декабря 1972 года) — 20,7 млн.;

«Печки-лавочки» (К/ст. имени Горького, реж. В. Шукшин, в ролях Василий Шукшин, Лидия Федосеева-Шукшина, Георгий Бурков и др., премьера — 2 апреля) — 17,1 млн.;

«Здравствуй и прощай» («Ленфильм», реж. В. Мельников, в ролях Людмила Зайцева, Михаил Кононов, Олег Ефремов и др., премьера — 11 июня) — 16,1 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

Согласно опросу, проведенному журналом «Советский экран» среди читателей (свы-

ше 20 000 писем), были получены результаты, которые вызвали удивление у многих. Например, два фильма, которые принесли самую большую кассу в 1973 году — «Всадник без головы» и «Иван Васильевич меняет профессию», — читатели «СЭ» поставили в самый конец списка. Полный хит-лист выглядел следующим образом:

Лучшие фильмы: 1. «Мачеха» (65,1% читателей назвали его отличным, 5,7% — посредственным). 2. «Любить человека» (62,1% — 7,8%). 3. «Это сладкое слово — свобода» (средний балл — 4,49) 4. «Я — Шаповалов Т. П.» (4,48). 5. «Самый последний день» (4,41). 6. «Точка, точка, запятая...» (4,39). 7. «Командир счастливой «Шуки» (4,38). 8. «Горячий снег» (4,37). 9. «Ищу человека» (4,29). 10. «Лаутары» (4,27). 11. «Земля Санникова» (4,26). 12. «Руслан и Людмила» (4,24). 13. «Иван Васильевич меняет профессию» (4,22). 14. «Сибирячка» (4,21). Далее следовали еще 11 фильмов, а в хвосте списка плелись: 26. «Всадник без головы» (4,01) 27. «Саженьцы» (4,00).

Худшие фильмы: «Последние дни Помпеи» (22,2% читателей назвали его плохим, 16,4 — хорошим), «Дон Жуан в Таллине» (9,7% — 25,5%), «Афера Цеплиса» (6,5% — 25,3%).

Лучшие фильмы социалистических стран: «Козий рог» (Болгария), «Оцеола» (ГДР), «Олимпийский факел» (Польша), «Мальчишки с улицы Пала» (Венгрия), «Михай Храбрый» (Румыния).

Лучшие фильмы других стран: «Кромвель», «Джейн Эйр» (оба — Англия), «Преступление во имя порядка», «Вы не все сказали, Ферран» (оба — Франция), «Сегодня жить, умереть завтра» (Япония).

Лучшие актрисы: Татьяна Доронина (Шура Олеванцева в «Мачехе») — 43,7% голосов, Любовь Виролайнен (Мария в «Любить человека») — 11,8%.

Лучшие актеры: Евгений Матвеев (Добротин в «Сибирячке») — 9,6%, Михаил Ульянов (Ковалев в «Самом последнем дне») — 6,9%.

800 писем поступило от детей до 14 лет. Там тройка лучших фильмов выглядела следующим образом: «Всадник без головы», «Земля Санникова», «Иван Васильевич меняет профессию» (все фильмы набрали 4,8% голосов).

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

«Оцеола» (ГДР) — премьера 11 января;
«Джейн Эйр» (Англия) — 8 января;

«Воспоминание о будущем» (ФРГ) — 24 января;
«Дело Церник» (ГДР) — 14 мая;
«Испанки в Париже» (Франция) — 16 мая;
«Расследование поручено мне» (Италия) — 21 мая;
«Вы не все сказали, Ферран!» (Франция) — 4 июня;
«Слоны мои друзья» (Индия) — 22 июня;
«Текумзе» (ГДР) — 9 июля;
«Преступление во имя порядка» (Италия) — 10 сентября.

Наиболее часто показываемые по ТВ фильмы

Повторов практически не было, за исключением нескольких фильмов: дважды показали «Поединок», «Деловые люди», «Завещание старого мастера» и ряд других картин.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

«Преступник сидит на стадионе Уэмбли» (ГДР) — впервые по ТВ 3—4 января;
«Капитан Сова идет по следу» (т/ф, Польша) — 15—19 января;
«Бег» — впервые по ТВ 19 февраля;
«Двое в пути» (т/ф) — 11 марта;
«Пришел солдат с фронта» — впервые по ТВ 16 марта;
«Приключения канонира Доласа» (Польша) — впервые по ТВ 24 марта;
«Завещание старого мастера» (т/ф) — 26—29 марта;
«Приключения на берегах Онтарио» (Румыния — Франция) — впервые по ТВ 8 апреля;
«Мегрэ и человек на скамейке» — 14 апреля;
«Большая перемена» (т/ф) — 29 апреля — 2 мая;
«Остров сокровищ» — впервые по ТВ 22 мая;
«Сказание о Рустаме» — впервые по ТВ 8—9 августа;
«Семнадцать мгновений весны» (т/ф) — 11—24 августа;
«Следствие ведут знатоки» (№ 8 — «Побег») — 1—2 сентября;
«Крах инженера Гарина» (т/ф) — 15—18 октября;
«Чингачгук — Большой Змей» (ГДР) — впервые по ТВ 22 октября;
«Как закалялась сталь» (т/ф) — 3—8 ноября;
«Конец Любавиных» — впервые по ТВ 6 ноября;
«Достояние республики» — впервые по ТВ 7—8 ноября;
«Мировой парень» — впервые по ТВ 8 ноября;
«Шельменко-денщик» — впервые по ТВ 10 ноября;
«Следствие ведут знатоки» (№ 9 — «Свидетель») — 10 ноября;

- «Пропажа свидетеля» — впервые по ТВ 17 ноября;
 «Прерия» (Румыния — Франция) — впервые по ТВ 18 ноября;
 «Рам и Шиам» (Индия) — впервые по ТВ 28—29 ноября;
 «Старики-разбойники» — впервые по ТВ 29 декабря;
 «Жили три холостяка» (т/ф) — 30 декабря;
 «Телеграмма» — впервые по ТВ 31 декабря;
 «Эта веселая планета» (т/ф) — 31 декабря.

Наиболее читабельные книги отечественных авторов, выпущенные в 1973 году

- Книгой года, без сомнения, можно назвать «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова. В 1967 году журнал «Москва» впервые опубликовал сокращенный вариант романа, а в 1973 году вышла полная версия в твердой обложке. Достать ее простому смертному было практически невозможно, поскольку меньшая часть тиража разошлась по стране среди «блатных», а большая ушла за границу для рекламы: дескать, во какая в СССР свобода — Булгакова издают! Среди других авторов назову следующих: М. Алексеев — «Избранное», «Мишкино детство»; А. Алексин — «Повести и рассказы»; В. Ардаматский — «Две дороги» (роман); В. Арканов, Г. Горин — «Маленькие комедии большого дома» (пьеса), «Тореодор»; Э. Асадов — «Все равно я приду» (стихи); В. Бахнов — «Тайна, покрытая мраком» (юмор рассказы); А. Безуглов, Ю. Кларов — «Покушение» (роман); Ю. Бондарев — «Повести»; Е. Воробьев — «Этьен и его тень» (роман); С. Высоцкий — «Смерть транзитного пассажира»; «Увольнение на сутки»; Я. Голованов — «Королев: Хроника. Книга 1-я»; Е. Евтушенко — «Поэт в России — больше, чем поэт» (четыре поэмы); Ф. Искандер — «Время счастливых находок»; В. Каверин — «Собеседник» (воспоминания); В. Карпов — «Солдатская красота» (роман, повесть, рассказы); С. Михалков — «Балалайки и К» (пьеса), «Чужая роль» (комедия); Б. Можаяев — «Лесная дорога» (повести и рассказы); Ю. Нагибин — «Избранное» в 2 томах; П. Проскурин — «Судьба» (роман); Р. Рождественский — «Избранные стихи и поэмы»; «Линия»; В. Розов — «В добрый час» (пьесы); М. Рошин — «Старый Новый год» (комедия);

- Ю. Семенов — «Бомба для председателя», «Семнадцать мгновений весны» (романы), «Огарева, б» (повесть);
 Э. Хруцкий — «Комендантский час» (повесть);
 В. Шукшин — «Характеры» (рассказы).

Переводная литература (детективы)

- Ш. Армстронг — «Такой ненадежный мир» (повесть) — «Дон», № 1—3;
 И. Бейешу — «Майор и смерть» — «Наш современник», № 9;
 Буало-Нарсежак — «Жизнь — вдребезги» (повесть) — «Простор», № 3—4;
 П. Вале, М. Шеваль — «Запертая комната» (повесть) — «Вокруг света», № 6—12; «Негодяй из Сефле» (повесть);
 З. Зборовский — «Гость из Лондона» (повесть) — «Звезда Востока», № 2—3; «Золотой кентавр» (повесть) — «Памир», № 3—5;
 А. Збых — «Ставка больше, чем жизнь» (повести); «Слишком много клоунов» (повесть);
 Х. Зинкэ — «Конец «Венеры Милосской» (повесть) — «Звезда Востока», № 4—7;
 Х. Иннес — «Крушение «Мэри Диар» (повесть) — «Искатель», № 4—5;
 П. Мойес — «Модное убийство» (повесть) — «Простор», № 1—2;
 Б. Навроцкая, Р. Довьской — «Операция «Хирург» (повесть) — «Молодая гвардия», № 7—10;
 Ж. Сименон — «Весенние ливни» (повесть) — «Звезда Востока», № 8—10;
 Э. Фишер — «Телефон молчит» (повесть) — «Подъем», № 1—2;
 Р. Хиркенталь — «Ривер-пассаж» (повесть) — «Сельская молодежь», № 11—12;
 Д. Х. Чейз — «Мертвые молчат» (повесть) — «Наш современник», № 8—11;
 Г. Честертон — «Исчезновение Водрей» (повесть) — «Искатель», № 1;
 Е. Эдигей — «Пансионат на Страндвеген» (повесть) — «Урал», № 3—6;
 «Современный американский детектив»: Р. Стаут, «Все началось в Омахе»; Э. Макбейн, «Покушение на Леди»; Р. Чандлер, «Горячий ветер», «Свидетель»;
 «Подвиг» (т.4) — В. Цейске, «Меденбургское убийство» (повесть).

Шлягеры года

- «Добрые приметы» (М. Фрадкин — Е. Долматовский) — ВИА «Самоцветы», февраль;
 «Верба» (Э. Ханок — Ю. Рыбчинский) — ВИА «Самоцветы», февраль;

«Молодо-зелено» (С. Томин — И. Шаферан) — ВИА «Самоцветы», февраль;
 «Разговоры» (Э. Ханок — Г. Серебряков) — Ольга Воронец, февраль;
 «Дочери, дочери» (О. Фельцман — Н. Доризо) — Ольга Воронец, февраль;
 «Там, за облаками» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — ВИА «Самоцветы», май;
 «Мой адрес — Советский Союз» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — ВИА «Самоцветы», май;
 «Не повторяется такое никогда» (С. Туликов — М. Пляцковский) — ВИА «Самоцветы», май;
 «Чернобровая дивчина» (Р. Мануков — Т. Сашко) — ВИА «Самоцветы», май;
 «Я люблю тебя, Россия» (Д. Тухманов — М. Ножкин) — Галина Ненашева, май;
 «Неприметная красота» (А. Морозов — М. Рябинин) — ВИА «Поющие гитары», май;
 «Береза белая» (В. Шаинский — Л. Овсянникова) — Лев Лещенко, июнь;
 «Есть только миг» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Земля Санникова» — Олег Анофриев, июнь;
 «Все было» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Земля Санникова» — Олег Анофриев, июнь;
 «Текстильный городок» (Я. Френкель — М. Танич) — Валентина Толкунова, июнь;
 «Это Москва» (Д. Тухманов — Л. Дербенев, И. Шаферан) — ВИА «Веселые ребята», июль;
 «Где-то далеко...» (М. Таривердиев — Р. Рождественский), из т/ф «17 мгновений весны» — Иосиф Кобзон, август;
 «Мгновения» (М. Таривердиев — Р. Рождественский), из т/ф «17 мгновений весны» — Иосиф Кобзон, август;
 «Серебряные свадьбы» (П. Аедоницкий — Е. Шелелева) — Ольга Вардашева, август;
 «Листья закружат» (Р. Майоров — В. Харитонов) — ВИА «Поющие сердца», сентябрь;
 «Мелодия» (А. Пухмутова — Н. Добронравов) — Муслим Магомаев, сентябрь;
 «Песня о моем городе» (Е. Дога — Г. Водэ, русский текст В. Лазарева) — София Ротару, сентябрь;
 «Хлоп-хлоп» (П. Бюль-Бюль оглы — М. Пляцковский) — Полад Бюль-Бюль оглы, сентябрь;
 «С любовью встретиться» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Иван Васильевич меняет профессию» — Нина Бродская, сентябрь;
 «Кап-кап-кап» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из х/ф «Иван Васильевич меняет профессию» — мужской хор, сентябрь;
 «Разговор со счастьем» (А. Зацепин — Л. Дербенев), из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» — Валерий Золотухин, сентябрь;

«Если любишь ты» (Ю. Антонов — Л. Дербенев) — ВИА «Веселые ребята», сентябрь;
 «Звездочка моя ясная» (В. Семенов — О. Фокина) — ВИА «Цветы», сентябрь;
 «Есть глаза у цветов» (О. Фельцман — Р. Гамзатов, Я. Козловский) — ВИА «Цветы», сентябрь;
 «Приснившаяся песенка» (М. Магомаев — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев, ноябрь;
 «Что-то случилось» (Т. Попа — Д. Иванов) — Валерий Ободзинский, ноябрь.

Песни Владимира Высоцкого

«Чужая колея» («Сам виноват — и слезы лью...») — первое исполнение 30 января;
 «Диалог у телевизора» («Ой, Вань, гляди, какие клоуны!..») — 30 января;
 «Тот, который не стрелял» («Я вам мозги не пудрю...») — 30 января;
 «Шторм» («Штормит весь вечер...») — 30 января;
 «Памятник» («Я при жизни был рослым и стройным...») — май;
 «Козел отпущения» («В заповеднике, вот в каком — забыл...») — 9 октября;
 «Смотрины» («Там у соседа — пир горой...») — 9 октября;
 «Я из дела ушел» («Я из дела ушел, из такого хорошего дела...») и др.

Шлягеры года (зарубежные)

«Mary Long» — «Дип Пепл», февраль;
 «Time» — «Пинк Флойд», март;
 «Money» — «Пинк Флойд», март;
 «Born to Boogie» — «Ти Рекс», март;
 «Forever and forever» — Демис Руссос, март;
 «Dark Lady» — Шер, март;
 «The Rain Song» — «Лед Зеппелин», апрель;
 «My Love», «One more kiss», «Little lamb dragonfly», «Hands of Love», «Power cut» — «Уингз», май;
 «Razamanaz» — «Назарет», май;
 «Rubber Bullets» — «Тэн Си Си», июнь;
 «Heli Raiser» — «Свит», июль;
 «Blockbuster» — «Свит», июль;
 «Angie» — «Роллинг Стоунз», август;
 «Goodbye, my Love, goodbye» — Демис Руссос, август;
 «We are an American band» — «Гранд Фанк», август;
 «Goodbye, Yellow brick Road», «Bennie and the Jets» — Элтон Джон, октябрь;
 «Teenage nervous breakdown» — «Назарет», ноябрь;
 «Band on the Run», «Jet», «Let me roll it», «Mrs. Vanderbilt», «Mamunia» — «Уингз», декабрь;
 «Daniel» — Элтон Джон;
 «48 Crach», «Can the can», «Glycerine Queen» — Сьюзи Куатро.

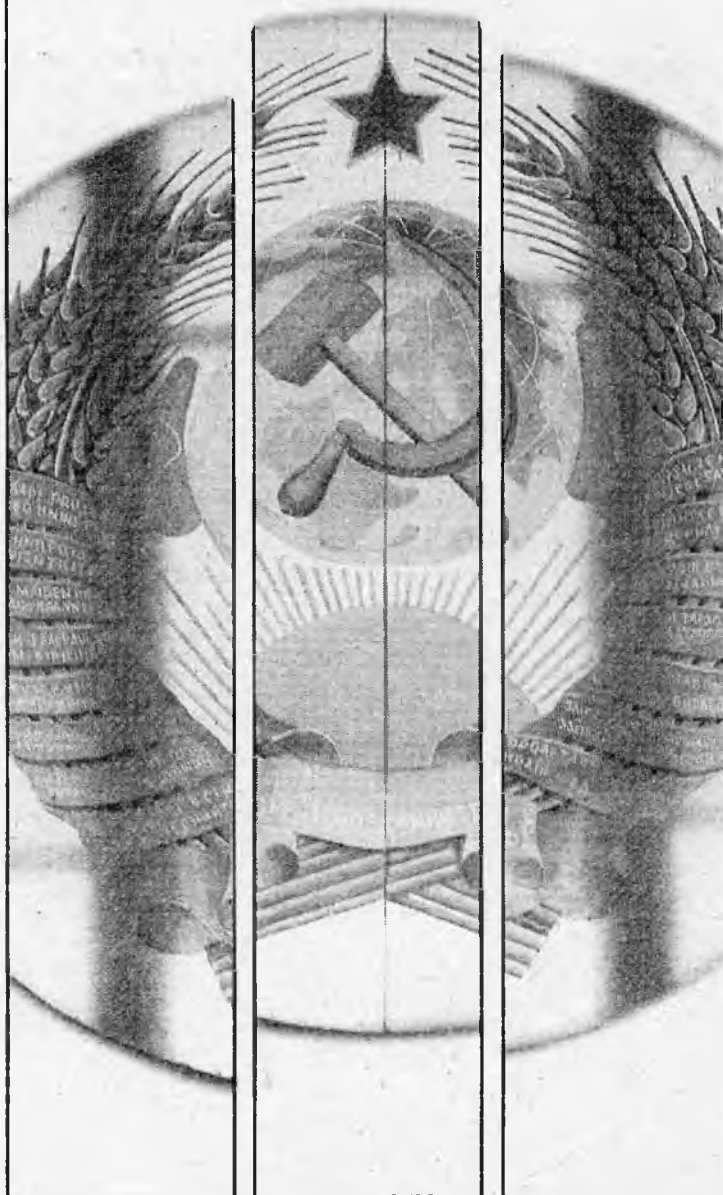
Преступность в СССР в 1973 году

Общее количество преступлений — 1 049 433 (в 1972-м — 1 064 976)
умышленные убийства — 15 733 (в 1972-м — 15 129)
покушения на убийства — 4260 (в 1972-м — 4255)
убийства с разбоем — 262 (в 1972-м — 247)
убийства с изнасилованием — 239 (в 1972-м — 249)
убийства с хулиганством — 2196 (в 1972-м — 2314)
убийства из-за ревности и ссор — 10 631 (в 1972-м — 10 155)
убийства матерью новорожденного — 454 (в 1972-м — 438)
посягательства на милиционеров — 328 (в 1972-м — 341)
грабежи — 31 808 (в 1972-м — 30 253)
разбой — 7275 (в 1972-м — 6635)
умышленные тяжкие телесные повреждения — 26 033 (в 1972-м — 23 933)
изнасилования — 14 010 (в 1972-м — 13 368)

хулиганство — 185 634 (в 1972-м — 213 464)
преступления в армии — 16 222 (в 1972-м — 14 732)
взятки — 3505 (в 1972-м — 3245).

Мы помним, что прошлый год в США поставлен абсолютный рекорд по преступлениям — только 6 миллионов тяжких! Нынешний, 73-й, оказался не менее кровавым. Уже за первые 6 недель года в одном только городе Санта-Круссе было совершено сразу 13 убийств. В другом городе — Детройте — за год было совершено более 190 убийств, что на 27% больше, чем в 1972 году. Рекорд по убийствам был поставлен в Хьюстоне: 8 августа там арестовали банду из трех человек, которые в течение трех лет отправили на тот свет 40 подростков (прежний рекорд США был поставлен в Калифорнии, где некто Хуан Корона убил и закопал 25 человек).

1974 год

1974 Я н в а р ь

У Кобзона родился первенец. Олег Табаков создает студию. В Риге готовится нападение на инкассаторов. «Архипелаг ГУЛАГ» издан на Западе. Никита Михалков показывает фильм. Умер киношный Ленин. ФИФА помогает хунте. «Ленфильм» расторгает договор с Олегом Стриженовым. Заговор против Брежнева. Высоцкий поздравляет Кобзона с рождением сына. Заседание Политбюро по Солженицыну: удар по Андропову. Скандал в ЦДЛ: на сцене — джаз-рок-группа «Арсенал». Олег Борисов застрелян в лифте. Второй заход «Калины красной» к цензорам. Лидию Чуковскую исключили из Союза писателей. Вооруженное ограбление в Риге. Умерла мать Леонида Енгибарова. Рижские грабители пойманы. В Москве обезврежен особо опасный рецидивист. Леонид Зорин пишет «Покровские ворота». «Правда» бьет по Солженицыну. Крик души на киношном пленуме. Умер кинорежиссер Николай Москаленко. Телефонная атака на Солженицына. Олег Даль: блуждания по лесу с женой. Лев Пригунов об Иосифе Бродском. Обыск в доме Виктора Некрасова. Борис Бабочкин — Герой Соцтруда. Заявление Солженицына. Даля с женой выгнали из Пушкинских Гор. «За» и «против» Солженицына. Лев Лещенко: японские страдания. Новые грампластинки: от Высоцкого до «Цветов».

Несмотря на то, что 1 января выпало на будний день — вторник, вся огромная страна отдыхала на законных основаниях. Люди доедали и допивали оставшиеся с новогодней ночи продукты: салат «оливье», селедку «под шубой», шампанское. А в 19.55 дружно сели к «голубым» экранам, чтобы в течение трех часов наслаждаться любимыми мелодиями из ежегодной «Песни года». Одним из участников той передачи был Иосиф Кобзон, который исполнил две песни из телесериала «Семнадцать мгновений весны»: «Мгновения» и «Где-то далеко». «Песня года» записывалась еще месяц назад, поэтому теперь шла в записи. Кобзон эту трансляцию не видел, поскольку в эти же часы выступал с концертом в киевском Дворце спорта. Но главное — все его мысли в это время были заняты другим, а именно: родила или нет его жена Нелли. Последняя находилась в 23-м роддоме города Москвы, и Кобзон чуть ли не каждые десять минут звонил туда из Киева и интересовался: ну как? Наконец, когда в очередной раз он набрал номер — а на дворе

была уже ночь, — дежурная сестра не выдержала: «Пожалуйста, перестаньте звонить. А то мы сейчас все тут родим...» Самое интересное, что спустя несколько минут после этого звонка Нелли Кобзон наконец-то разродилась мальчиком. Его назвали Андреем.

В тот же день Олег Табаков находился в Доме творчества в Рузе, куда он приехал несколько дней назад со своими единомышленниками, чтобы обсудить возможность создания собственной студии театра «Современник». По задумке Табакова это должен быть, выражаясь спортивным языком, фарм-клуб театра, который в последние несколько лет переживал не лучшие времена и испытывал настоящую потребность в притоке молодых актерских кадров. В том эпохальном обсуждении принимали участие: группа молодых актеров, а также режиссер Валерий Фокин и сочувствующие в лице Константина Райкина, Авангарда Леонтьева, Сергея Сазонтьева, Андрея Дроздина, Иосифа Райхельгауза, Владимира Поглазова. «Тронную речь» перед собравшимися держал

сам Табаков. Она была встречена с большим воодушевлением. И это при том, что никаких дивидендов создание студии собравшимся не сулило, а головной боли могло прибавить выше крыши — ведь студийцев еще надо было отобрать и обучить. А быть педагогом — все равно что сажать плодовые деревья: неизвестно, как приживется, когда вырастет и какие плоды будет давать. Теперь-то мы знаем, что эта авантюра удастся и студия даст «Современнику» новый мощный импульс в развитии, но тогда все было в тумане.

Были и такие в тот день, кто строил совсем иные планы — злодейские. Речь идет о двух жителях Риги — 32-летнем таксисте Красовском и его 23-летнем друге Мезисе. Эта парочка вскоре после новогоднего боя курантов села обсуждать свое будущее нападение на инкассаторов. Инициатором идеи был Красовский. Работая в таксопарке, он пару раз выезжал на своей служебной машине в город для перевозки инкассаторов (в те годы у инкассаторской службы своих машин не было, и она арендовала их в таксопарках). Во время этих выездов Красовский убедился, что перевозка денег осуществляется крайне небрежно, и задумал этим воспользоваться. План его был прост. Злоумышленники должны были заранее узнать имя того таксиста, кому в день «Х» предстояло везти инкассаторов (это дело брал на себя Красовский), выманить его за город и убить. Его место в машине занимал Красовский, а Мезис должен был спрятаться в багажнике. На последнем пункте сбора денег грабители неожиданно напали на инкассаторов, овладевали деньгами и скрывались на этой же машине. Последнюю вместе с телами инкассаторов предполагалось затем утопить в Даугаве.

Мезису план понравился. Да иначе и быть не могло. Красовскому он чуть ли не в рот смотрел. И с программными словами Красовского Мезис согласился безоговорочно. А сказано было следующее: «Если ты так будешь жить, Мезис, то прокоптишь свою жизнь некрасиво и скучно. В жизни надо гореть и рисковать, гибнуть и возрождаться. Хватать большую копейку и не жалеть ее. Вот возьмем мы с тобой большой кусок, уедем далеко-далеко, где нас никто не видел. И начнем новую жизнь».

В этот же день, 1 января, западные информационные агентства сообщили на весь мир об издании книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Это было издание первого тома на русском языке. Практически все крупнейшие газеты Запада известили своих читателей об этом событии, сделав из него мировую сенсацию. На родине писателя в Советском Союзе население, естественно, пребывало пока в полном неведении, поскольку здешние газеты находились под строгим партийным контролем. А на самом кремлевском вершуре царил если не паника, то, во всяком случае, большое волнение. 2 января КГБ распропагандировал среди членов Политбюро ксерокопию всего «Архипелага»... (до этого члены высшего советского руководства знали только аннотации на книгу).

В эти же дни с полным вариантом первого тома «Архипелага ГУЛАГ» сумел ознакомиться и видный советский ученый диссидент Андрей Сахаров. О том, каким образом к нему попала эта книга, рассказывает он сам:

«В начале января к нам пришел приемный сын Александра Исаевича, тринадцатилетний Митя — сын Натальи Светловой от первого брака. Было время утреннего завтрака, и Люся предложила ему выпить стакан чая. Но он отказался. С первого взгляда меня поразила какая-то особенная торжественность в его облике и глаза — отчаянно сверкающие, серьезные, счастливые, гордые. Мальчик прошел в ванную и извлек прикрепленную на спине книгу и вручил ее нам. Уже через 10 минут мы оба — Люся и я — читали эту великую книгу...»

2 января на «Мосфильме» Никита Михалков показал членам худсовета черновую копию своего фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». Практически всем участникам просмотра фильм понравился. Было сказано много добрых слов в адрес как самого режиссера, так и актеров, снимавшихся в ленте. Так же на всех произвела впечатление прекрасная музыка Эдуарда Артемьева. После просмотра кто-то обронил: дескать, это лучший наш вестерн после «Белого солнца пустыни». Абсолютная правда.

3 января советское искусство понесло очередную утрату: на 74-м году жизни скончался актер Максим Штраух. За свою долгую карьеру в театре и кино (без малого 55 лет) Штраух пе-

реиграл огромное количество ролей, однако в историю советского искусства вошел прежде всего тем, что одним из первых актеров воплотил образ Ленина в театре и кино. Штраух впервые сыграл вождя мирового пролетариата в 1938 году в ленте Сергея Юткевича «Человек с ружьем». Затем он играл Ленина в фильмах «Рассказы о Ленине» (1958), «Ленин в Польше» (1966). Штраух дважды был удостоен Сталинской премии: в 1949 и 1951 годах. С 1932 года Штраух работал в Театре имени Вл. Маяковского (бывшем театре Революции), где считался корифеем. По слухам, даже в преклонном возрасте он пользовался большим успехом у женской половины труппы. Поговаривали, что в конце 60-х он небезуспешно ухаживал за молодой актрисой Екатериной Градовой, которая впоследствии стала женой Андрея Миронова.

В эти же дни печальная весть настигла многомиллионную армию футбольных болельщиков Советского Союза: на закрытом заседании исполкома ФИФА во Франкфурте-на-Майне 13 голосами против 5 у советской сборной отняли последний шанс — запретили проводить ответный отборочный матч с командой Чили в третьей стране. В итоге перед нами поставили дилемму: либо ехать в охваченный смутой Сантьяго, либо отказаться от игры и получить поражение. Наши функционеры выберут последнее, из-за чего советская сборная не попадет на очередную чемпионат мира.

Тем временем известный кинорежиссер Владимир Мотыль (один из авторов бессмертного кинохита «Белое солнце пустыни»), который на «Ленфильме» приступил к съемкам фильма о декабристах «Звезда пленительного счастья» (съемки начались 28 декабря 1973 года), столкнулся с первой серьезной трудностью — один из актеров сорвал ему съемку. Этим актером был Олег Стриженов, который 4 января должен был сниматься в роли Сергея Волконского в эпизоде «кабинет Раевского». С утра все было готово к съемкам, собралась вся группа, и только Стриженова не было. Отправили на его поиски помрежа. Тот выяснил, что столичный актер находится еще в гостинице и обещает прибыть чуть позже. Делать нечего — стали ждать. Но, когда Стриженов все-таки объявился, ставить его перед камерой было невозможно — он был нетрезв. Мотыль отме-

нил съемку и написал на нерадивого актера докладную. Руководство студии отреагировало на нее весьма жестко — расторгло договор со Стриженовым. Начались лихорадочные поиски другого актера. Им станет Михаил Козаков, которого тоже снимут с роли, но об этом я расскажу в свое время. А пока продолжим знакомство с событиями января 74-го.

6 января в ЦК КПСС поступило письмо от некоего гражданина, который предупреждал, что против генсека Брежнева готовится заговор. Стоит отметить, что такие письма в те годы периодически приходили наверх, однако авторы большинства из них не выдерживали проверки на вменяемость. Но этот оказался отнюдь не шизиком. В его письме упоминалось, что ядро заговорщиков базируется в Алма-Ате, что они усиленно готовят покушение на генсека. В столицу Казахстана была немедленно выслана группа чекистов, которые занялись проверкой послания. О деятельности этой группы нет никаких достоверных сведений, только косвенные. Например, известно, что в январе 74-го в журнале «Простор», выпускаемом в Алма-Ате, началась публикация романа У. Форсайта «День Шакала», в котором описывались методы покушений оасовцев на глав государств. Цитирую: «...на винтовке будет стоять глушитель, никто не услышит выстрела... Даже если первая пуля попадет в висок... надо иметь в запасе минимум несколько секунд и успеть скрыться, прежде чем заметят, с какой стороны стреляли... Лучше запастись разрывными пулями... С глицерином или ртутью?.. Пожалуй, с ртутью. Гораздо аккуратней получается... при стрельбе по неподвижной живой мишени со ста тридцати метров... Имея оптический прицел, можно не беспокоиться...» и т. д.

«Простор» успел опубликовать только начало знаменитого романа, после чего его публикация была прекращена по приказу из Москвы. Говорят, инициаторами запрета стали те чекисты, которые искали в Алма-Ате заговорщиков.

В понедельник, 7 января, Иосиф Кобзон забрал из 23-го роддома Москвы свою жену Нелли и новорожденного сына Андрея. По этому случаю певец специально прилетел на один день с гастролей из Киева. В роддом он приехал не один, а в компании близких друзей — композиторов, артистов. На обратном

пути случилась интересная история. Когда кавалькада машин ехала по Ленинскому проспекту, ее обогнал на своем красном «Пежо» Владимир Высоцкий и махнул рукой: дескать, остановитесь. В первом автомобиле сидел счастливый отец, который держал своего первенца на руках. Высоцкий спросил: «Твое?» — «Мое!» — ответил Кобзон. «Покажи!» И Кобзон откинул одеяльце с лица новорожденного. «Классный мужик! Поздравляю!» — расплылся в улыбке Высоцкий, пожал Кобзону руку и уехал. А Кобзон, обращаясь к сыну, произнес знаменательную фразу: «Ну, быть тебе, Андрей, либо талантливым, либо бандитом!» Сбылось первое пророчество.

Примерно в эти же часы 7 января на свое очередное заседание собралось высшее руководство страны — Политбюро ЦК КПСС. На повестке стоял один вопрос: роман Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Как мы помним, пять дней назад КГБ распространил полную версию первого тома книги, и теперь предстояло определиться с судьбой ее автора. В ходе заседания высказывались разные предложения. Например, председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный предложил немедленно арестовать Солженицына и упечь его за решетку. Он заметил: почему в Китае можно публично казнить людей, а мы не можем держать в тюрьме такого врага, как Солженицын? Его поддержал Косыгин: «Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов». Однако другая часть Политбюро высказалась менее жестко и настаивала на высылке Солженицына в одну из социалистических стран, а если это не получится, то хотя бы в Ирак или Швейцарию. Шеф КГБ Юрий Андропов внес необходимые пояснения в последнее предложение, сообщив, что соцстраны уже высказались против высылки к ним крамольного писателя, а позиция Ирака и Швейцарии по этому поводу пока неизвестна. После этого слово вновь взял Подгорный и опять стал настаивать на аресте писателя: «Нам надо провести над Солженицыным суд. Если мы его вышлем, то этим покажем свою слабость... Нам нужно разоблачить Солженицына. Если мы его вышлем за границу, то он и там будет нам вредить...» К позиции

Подгорного и Косыгина вскоре присоединился и министр иностранных дел Андрей Громыко. Он сказал, что «внутренний вариант был бы предпочтительнее». В конце концов за судебный процесс высказался и сам генсек Леонид Брежнев, а также Александр Шелепин.

В итоге Политбюро приняло постановление «О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А. И.», в котором проведение всех карательных мер, включая арест, проведение следствия и судебного процесса над писателем-правдолюбцем, было поручено КГБ (Андропов) и Прокуратуре СССР (Руденко). При этом оба шефа карающих органов не должны действовать немедленно, а сначала обязаны определить порядок и процедуру следствия, после чего внести свои предложения в ЦК КПСС и только после отмашки отступить — действовать.

Стоит отметить, что Андропов крайне отрицательно отнесся к вердикту Политбюро. Он прекрасно понимал, что главные сторонники ареста Солженицына — Косыгин и Подгорный — таким способом пытаются убить сразу двух зайцев: и от Солженицына избавиться, и окончательно подорвать престиж Андропова на Западе. Ведь там из КГБ и без того сделали чуть ли не аналог фашистского гестапо, а в случае заключения в лагерь Солженицына и вовсе поставили бы между ними знак равенства. Но противники Андропова не учли в своих расчетах, что шеф КГБ знал об их замысле и готов был к принятию превентивных мер защиты.

Сразу после заседания Политбюро Андропов вызвал к себе в кабинет одного из лучших своих контрразведчиков — генерал-майора Вячеслава Кеворкова, и они вместе придумали план выдворения Солженицына из страны. Совсем недавно именно Кеворков помог советскому руководству наладить тайный канал связи с канцлером ФРГ Вилли Брандтом, и вот теперь он же должен был договориться с Брандтом о том, чтобы его страна предоставила Солженицыну убежище. Что было дальше, я расскажу чуть позже, а пока вернемся к другим событиям дня 7 января.

Вечером в Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер писателя Василия Аксенова, который наделал много шума в столице благодаря выступлению на нем молодой

джаз-рок-группы «Арсенал» под управлением Алексея Козлова. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Как вспоминает А. Козлов, он упросил Аксенова договориться с руководством ЦДЛ пустить их в актовЫй зал часа за полтора до концерта, чтобы за это время успеть настроить свою пусть убогую, но все же аппаратуру. Настройка была в самом разгаре, когда Козлов внезапно заметил в зале каких-то людей. Приглядевшись к ним, он понял, что никакого отношения к гостям Аксенова они не имеют: это были столичные хиппи, которые повсюду сопровождали «Арсенал», считая его родной по духу группой (все участники ансамбля носили длинные волосы и брюки-клеш). Каким образом они пробрались в ЦДЛ без приглашающих билетов, Козлов не понял, но именно тогда в нем проснулись нехорошие предчувствия относительно дальнейших событий.

Минут через двадцать хиппарей обнаружили бабушки-билетерши и тут же стукнули на них руководству ЦДЛ. В актовЫй зал примчался главный администратор Дома и потребовал убраться восвояси не только зрителей, но и участников «Арсенала». Козлов, опасаясь вступить в пререкания с администратором, приказал своим людям сматывать шнуры и выносить аппаратуру. Однако уйти и не поставить об этом в известность Аксенова он, естественно, не мог, поэтому решил все же дожидаться его прихода. А когда тот появился и узнал о сути конфликта, то распорядился немедленно впустить «Арсенал» обратно.

Творческий вечер состоял из трех частей. В первой выступали друзья и коллеги Аксенова — писатели, поэты, актеры. Во второй шел просмотр фильмов, созданных по произведениям Аксенова: «Звездный билет», «Коллеги» и др. И, наконец, в третьей части должен был выступить «Арсенал». Когда его участники вышли на сцену, по залу пронесся легкий шумок: убежденные седиными писатели и поэты были в легком замешательстве, увидев перед собой патлатых музыкантов. А когда те вместо родных песен советских композиторов заиграли отрывки из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», большинство присутствующих и вовсе обуял ужас. Особенно бесновался администратор ЦДЛ, который, стоя за кулисами, пытался сначала жестами прекратить это без-

образии, а когда это не получилось, стал производить операцию под названием «закрывание занавеса вручную». Как пишет в своих мемуарах А. Козлов, «он приступил к решительным действиям и начал задергивать занавес. Мне пришлось применить технику гипнотизера. Как только он сделал первый шаг вперед, держась за занавес, я отвлекался от дирижирования и делал мощный пасс двумя руками в его сторону, мысленно внушая ему: «Стой!» Как ни странно, он останавливался на мгновение, а потом, словно опомнившись, начинал новую попытку. Я усилием воли и отпугивающими взмахами рук снова останавливал его, что позволило нам доиграть все намеченное до конца. Представляю, как все это комично смотрелось из зала, но понервничать тогда пришлось изрядно...»

8 января известный актер театра и кино Олег Борисов... застрял в кабине лифта в своем ленинградском доме на улице Правды (бывшая Кабинетная). Борисов жил на четвертом этаже и, несмотря на это, предпочитал подниматься домой именно на лифте. Вот как описывает он в дневнике этот случай:

«Шахта обнесена клетью, двери в шахту — тяжелые, затворить их плавно еще никому не удавалось. Нужно ударить ими так, как бьют по темени обухом. Чтобы другая, свободная рука придерживала еще двери самой кабинки. В противном случае они могут набить тебе шишку — так уж они устроены. Каждый удар металлической двери (а сделать их нужно дватри, чтобы лифт пошел) разносится по всему дому. Лифт работает с тяжелой одышкой — как инфарктник...»

Поскольку лифт в борисовском доме застревал часто, жители были хорошо осведомлены, как действовать в таких случаях. Обычно застрявший стучал кулаками по металлической клетке, поскольку кнопка вызова в кабине не работала. На шум сбегались свободные обитатели дома, которые вызывали к месту происшествия лифтера-ремонтника. Но не всегда ситуация разрешалась столь благополучно. Несколько месяцев назад Борисова уже угораздило застрять в лифте, и тогда ему пришлось просидеть в нем несколько часов, поскольку на призывы о помощи никто из жильцов не откликнулся: видимо, все они находились вне дома. Актер с ужасом ожидал, что и в этот раз

история повторится. Но, к счастью, в этот раз лифт застрял аккурат между первым и вторым этажами, и Борисов, вручную разомкнув дверь, выпрыгнул из шахты.

Вообще дневник Олега Борисова — вещь весьма откровенная, и многие его пассажи поражают своей неприглаженностью. Например, рассказывая о своем жилище, актер ничего не приукрашивает и режет всю правду-матку как на духу. Читая эти строки, даже диву даешься: оказывается, наши знаменитые актеры жили почти в таких же условиях, что и рядовые граждане. Судите сами:

«В парадной — тусклость. Лампочки зажигаются не на всех этажах... Стоят мусорные бачки, в которые скидываются отходы. Они, наверное, предназначены свиньям или как-то перерабатываются. Но бачки убираются только раз в неделю, поэтому арбузные корки, очистки из-под картофеля прилипают к каблукам. На нижнем этаже одна блокадница с лающим кашлем очень уж сильно грохочет крышкой бачка. У меня иногда сдают нервы, и я выскакиваю на лестницу, чтобы сказать ей что-нибудь дерзкое, например: нельзя ли потише? Оказывается, она все равно не слышит, она — глухая и так и продолжает грохотать, а я снова выскакиваю.

Город холодный. Алкоголики испражняются больше в парадных, нежели в кустах на улице. В этом смысле наша парадная от других в Ленинграде не отличается. Со стен краска ползезала, в некоторых местах вылез грибок, почтовые деревянные ящики жгут пионеры. Внизу, на первом этаже, расположился кинотехникум — поэтому на переменах студентками все задымляется...»

В тот же день, 8 января, «Мосфильм» повторно направил фильм Василия Шукшина «Калина красная» в Главную сценарно-редакционную коллегию художественных фильмов на предмет выпуска его в широкий прокат. В первый раз, в начале декабря, ГСРК картину тормознула, найдя в ней кучу цензурных огрехов. В течение трех недель Шукшин, будучи больным, вносил в ленту поправки, стараясь нанести ей как можно меньший урон — резал по минимуму. Например, ГСРК настаивала на том, чтобы сцена «разврата» из фильма была выкинута чуть ли не полностью, а Шукшин ее оставил, досняв к ней короткий эпизод (Про-

кудин звонит Любе в деревню), изменивший смысл происходящего с минуса на плюс. Таким же образом он поступил и с песней «Это многих славный путь...»: ГСРК настаивала на ее полной ликвидации, а Шукшин лишь сократил ее вдвое. Была также сокращена сцена на карусели, доснята любовная парочка в «малине», вырезана толстая женщина в чайной, план матери Прокудина в окне был заменен (в первоначальном варианте на стекле сидела муха). В ГСРК, конечно же, раскусили хитрость Шукшина, однако на этот раз не стали мурыжить его новыми поправками и спусти девять дней дали «добро» на выпуск ленты на широкий экран.

9 января из Союза писателей СССР исключили писательницу Лидию Чуковскую. Этот акт явился вполне закономерным итогом правозащитной деятельности Чуковской, которую она вела на протяжении последних десяти лет. Наверное, во всем СП не было человека, который столь рьяно отстаивал принципы демократии, как это делала Чуковская. Вообще мужеству этой хрупкой на вид женщины могли бы позавидовать многие мужчины-писатели. Стоит отметить, что Чуковская на момент исключения была больна опасной болезнью сердца да еще почти не видела! Но это не стало препятствием для членов Московского секретариата СП СССР, они единогласно проголосовали за ее исключение. Конкретным поводом к этому был последний дерзкий поступок Чуковской: распространяемая в «самиздате» ее статья «Гнев народа», в которой Чуковская брала под защиту Александра Солженицына и Андрея Сахарова.

Исключение Чуковской проходило в комнате № 8 Московского отделения СП в 2 часа дня. К назначенному часу писательница пришла туда не одна, а в сопровождении нескольких своих коллег, которые, зная о том, что должно сегодня произойти, хотели тоже присутствовать на заседании. Но их туда не пустили. Поэтому Чуковской пришлось одной защищать себя от нападков двух десятков членов секретариата (председательствовал главред «Нового мира» Сергей Наровчатов, среди других участников того заседания были: Юрий Яковлев (не путать с актером), Александр Рекемчук, Николай Грибачев, Михаил Алексеев, Юрий Жуков, Агния Барто, Валентин Катаев и др.).

Чтобы стало понятно, как происходило исключение Чуковской, приведу лишь некоторые отрывки из ряда выступлений:

А. Барто: «Мы любим и помним Корнея Ивановича (К. И. Чуковский — отец Л. Чуковской. — Ф. Р.). Он учил людей добру. Он своими сказками и всей своей личностью звал к добру. У меня сохранились 4 письма от него... и все 4 такие добрые... В своих письмах Корней Иванович хвалит мои стихи, благодарит меня. Он очень ценил мои стихи. Он был добрый человек. А вы — злая. Откуда в вас столько злобы? Опомнитесь, Лидия Корнеевна, подберите!..»

А. Медников: «Гнев народа» — статья, оскорбляющая партию. Под конец это уж прямая угроза. После такой статьи, как «Гнев народа», нельзя быть не только членом Союза писателей, но и гражданином Советского Союза».

Н. Грибачев: «С горечью думаешь о том, что Лидия Чуковская носит фамилию Корнея Чуковского. У меня эти два имени не укладываются в сознании рядом... Сахаров — уважаемый физик, но в политике он жалкий либералишка. У Солженицына скопилась злоба из-за давних обид. А что же у вас? Вы завидуете их славе на Западе?.. Вы просто-напросто презренный поставщик материалов для антисоветской пропаганды...»

И т. д. и т. п.

В день, когда Л. Чуковскую исключали из СП, дерзкое преступление произошло в столице Латвии городе Риге: там впервые за долгие годы был ограблен инкассатор. Преступники — двое рижан: Красовский и Мезис. Свой план нападения они детально обсудили еще 1 января и спустя неделю осуществили. Правда, без сучка и задоринки у них не получилось, поскольку... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

План преступников состоял в том, чтобы убить водителя такси, на котором должна была произойти перевозка денег, и занять его место. Другой грабитель должен был спрятаться в багажнике. За пару дней до дня «Х» Красовский узнал имя того таксиста (поскольку сам Красовский работал в этом же таксопарке, навести соответствующие справки ему не составило особого труда). На рассвете 9 января Красовский пришел к Мезису с портфелем. В последнем находились орудия убийства: обрубок металли-

ческой трубы и укороченный рог от вил, перевязанный изоляционной лентой. Злоумышленники поехали к таксопарку. Там они разделились: Красовский остался на улице, а Мезис отправился внутрь, чтобы уговорить таксиста отвезти их с другом за город. За эту поездку Мезис должен был посулить таксисту хорошие деньги (Красовский так и сказал подельнику: мол, не скупись, все равно этих денег он не увидит). Однако злоумышленников ждало неожиданное известие. Таксист наотрез отказался от загородной поездки, не клюнув даже на приличный заработок, предложенный ему Мезисом. Когда Красовский узнал об этом, он чуть не убил в ярости своего подельника. Но потом малость поостыл и стал лихорадочно прикидывать в уме другие варианты. Выход нашлся довольно быстро. В этот же день в этом же таксопарке должен был выехать на обслуживание инкассаторов еще один таксист — Инар Карпов. Правда, он считался крестником Красовского — несколько лет назад обслуживал в качестве водителя его свадьбу. Но Красовского это уже мало волновало: ему нужны были деньги, он уже завелся, и остановить его могла только собственная смерть.

Карпов поначалу тоже отказывался, но Красовский сумел-таки убедить его отвезти их за город. Во-первых, денег больших посулил, во-вторых, пообещал купить его ребенку дефицитной рыбы. Из города они выехали около трех часов дня. Ехали примерно полчаса. Когда достигли безлюдного участка трассы, Красовский подал незаметный сигнал Мезису, который занял место аккурат на заднем сиденье, за водителем. Мезис достал из портфеля вилы и вонзил их в шею Карпову. Но убить таксиста с первого раза не получилось. Карпов стал отбиваться. Красовский попытался ударить его металлической трубой, но в тесном салоне нанести сильный удар ему тоже не удалось. А Карпов тем временем открыл дверцу и вывалился в снег. Преступники бросились следом. Лежа в снегу и отбиваясь от наседавших на него душегубов, Карпов из последних сил умолял их: «Ребята, только не убивайте. Я же вам ничего не сделал». Но тщетно. Почувствовавшие запах крови, убийцы не собирались оставлять его в живых. Долгую борьбу довершил удар Мезиса — вилы вонзились в спину таксиста.

Отдышавшись, преступники подняли тело жертвы и отнесли его в багажник. Надо быстрее возвращаться в город, поскольку в пять вечера такси должно забрать инкассаторов. Однако по дороге пришлось сделать вынужденную остановку. Мезис внезапно услышал, что из багажника доносятся стоны. «Жив, гад!» — выругался Красовский. Мезис схватил вилы, открыл багажник и несколько раз ударил Карпова в грудь. Но это было лишним, поскольку таксист был мертв. А шум, который они услышали, создавался воздухом, выходящим из легких убитого. Чтобы не везти тело Карпова в город, его оставили в лесу, в одной из канав, припорошив снегом.

Въехав в город, бандиты остановились у первой же аптеки. Там они купили вату, бинты и валидол. Все это понадобилось Красовскому, который в схватке с Карповым получил ранение (таксист прокусил ему руку до крови). Затем в магазине напротив подельники купили бутылку водки, из которой сделали по несколько глотков за успех начатого дела. Закусили шоколадками, которые купили на бульваре Кронвальда.

Заехав на один из пустырей, преступники очистили багажник от крови жертвы, после чего туда лег Мезис. Причем Красовский приказал подельнику снять с себя нейлоновую куртку, которая своим шуршанием могла привлечь внимание инкассаторов. Впоследствии окажется, что этот приказ сыграет с преступниками злую шутку. Закрыв друга в багажнике, Красовский вернулся в машину, где произвел последнее действие — сломал кнопочное устройство на задней двери, чтобы инкассатор не смог потом оттуда выбраться. И только после этого такси взяло курс к городскому банку.

Как и предполагали злоумышленники, ни у одного из инкассаторов не появилось даже тени подозрения относительно сопровождавшего их таксиста. Поэтому они спокойно сели в автомобиль и в течение часа объехали все пункты назначения. За это время была собрана увесистая сумка с деньгами. Последним пунктом назначения оказался магазин на улице Лубанас. Когда один из инкассаторов скрылся в его дверях, Красовский вышел из машины якобы для того, чтобы покурить. На самом деле он отправился открывать багажник. Сделав это, занял место у передней дверцы, чтобы встретить

первого инкассатора. А Мезис в это время должен был подкрасться к задней дверце и напасть на второго инкассатора. Однако Красовский успел заметить, как странно двигается его напарник. Вместо того чтобы в несколько прыжков достичь двери, Мезис, скрючившись в три погибели, мелкими шажками стал подбираться к заветной дверце. Истина вскроется чуть позже. Оказывается, за час пребывания в холодном багажнике, да еще без куртки Мезис настолько ооченел, что с трудом не только двигался, но и соображал. Вот почему, когда он наконец достиг дверцы и увидел, как инкассатор стал растирать себе руками тело, чтобы согреться, ему померещилось, что тот потянулся за пистолетом. И Мезис... засеменял прочь от машины. Увидев это, Красовский буквально дара речи лишился. А когда он наконец опомнился, было уже поздно — Мезис оказался слишком далеко, а тут и первый инкассатор вернулся из магазина. И пришлось Красовскому садиться в «Волгу» и гнать ее обратно в банк.

Расставшись с инкассаторами, Красовский вернулся в таксопарк. Настроение у него было подавленное, он буквально с трудом ворочал языком. Однако на вопрос диспетчера, почему место в машине занимает он, а не Карпов, Красовский все-таки ответил: мол, тот заболел и попросил его подменить. Подвоха в этом ответе диспетчер не обнаружил. И тут же выписал Красовскому еще один наряд на обслуживание двух других инкассаторов. Красовский поначалу хотел отказать, но потом понял — это судьба. «Или сейчас, или никогда», — решил он и отправился по указанному адресу.

Как и в первом случае, объезд точек у инкассаторов занял примерно около часа. Последняя точка — кафе «Турайда». Здесь Красовский допустил самую главную свою оплошность (видимо, от напряжения стал плохо соображать): сообщил инкассаторам, что в этом кафе у него работает знакомая девушка. Потом этот факт поможет следствию установить его личность. Но вернемся к ограблению. Пока один из инкассаторов отправился в кафе, Красовский выхватил из портфеля обрубок трубы и ударил им второго инкассатора — студента-заочника Ленинградского политехнического института Чернышева. Тот упал. Красов-

ский схватил с сиденья мешок с деньгами и бросился бежать.

В это время Мезис был уже дома. Раздевшись, попросил мать постирать ему брюки, а сам уселся перед телевизором. Причем мать отметила странную вещь: раньше сын любил смотреть только детективы и хоккей, а теперь смотрел все подряд. Даже нелюбимые им новости. Однако свои мысли мать оставила при себе и безропотно отправилась стирать брюки сына, на которых были какие-то странные бурые пятна.

Но вернемся к месту происшествия — к кафе «Турайда». Милиция прибыла туда через 10 минут после сообщения о случившемся, и сразу же в районе начала действовать операция «Кольцо». Однако задержать налетчика по горячим следам не удалось. К тому моменту Красовский успел на попутном транспорте выскочить за пределы города. Тогда сыщики, все еще убежденные, что это Карпов, а не Красовский, наведались домой к таксисту. Дверь открыла его жена. Она сообщила, что муж около четырех часов дня ушел из дома и до сих пор не вернулся. Когда ей объявили, что он подозревается в тяжком преступлении, она не поверила. «Да он же мухи не обидит!» — сообщила она поздним визитерам. Но те на всякий случай произвели в доме обыск, изъяли некоторые личные вещи Карпова.

Тем временем Красовский добрался до своей любовницы, проживавшей в местечке Румбуле, рядом с аэропортом. Поскольку явился он к ней не с пустыми руками, а с инкассаторской сумкой, скрывать происшедшее не было смысла. Красовский честно признался женщине, что только что ограбил банк. Та в ужасе всплеснула руками. Но чуть позже, когда успокоилась, спросила: «Надеюсь, ты никого не убил?» Здесь Красовский соврал: «За кого ты меня принимаешь? Я гангстер, но не убийца. Меня мутит от одного вида крови». Удовлетворенная этим ответом, хозяйка отправилась ставить на плиту чайник. Однако чай показался Красовскому плохим успокоителем нервов, и он отправил хозяйку в магазин за коньяком. Деньги на это он достал из инкассаторской сумки — 100 рублей. Поскольку магазины в столь поздний час уже не работали, женщина купила коньяк в ближайшем ресторане. Вернувшись, отдала Красовскому сдачу — 80 руб-

лей. Но он их не взял, сказал: «Возьми себе, ребенку что-нибудь купишь». Выпив примерно полбутылки, любовники принялись за подсчет денег, находившихся в сумке. Считали долго. Насчитали 86 тысяч 47 рублей. Затем легли спать.

В шесть часов утра хозяйка встала: ей предстояло идти на работу, а сыну в школу. Красовский поднялся спустя два часа. Допил остаток коньяка и стал собираться в путь. Перед уходом оставил хозяйке короткую записку (написал одно слово: «Спасибо»), положил на видное место деньги за услуги — 800 рублей. Но когда дошел до двери, внезапно вернулся и забрал из оставленных денег 150 рублей. Решил, что этой суммы хозяйке вполне хватит.

Между тем сыщики выяснили, что нападение на инкассаторов совершил не Карпов. Помог милиции второй инкассатор — Бейнарович, который не опознал по фотографии Карпова грабителя. Он же вспомнил, что преступник хвастался, что в кафе у него работает знакомая девчонка. Ее нашли быстро. Она тоже помогла следствию: во-первых, назвала настоящее имя бандита — Николай Красовский, во-вторых — предоставила его фотографию с дарственной надписью.

Утром 10 января сыщики наведались в таксопарк, где работал Красовский. Там выяснилось, что разыскиваемый обладал весьма скандальным характером, несколько раз после обильных пьянок задерживался милицией. Стали искать тех, с кем он обычно выпивал. И тогда всплыла фамилия некоего Мезиса, прежде судимого. В 10 часов утра эксперт НТО уже докладывал руководителю следствия Кавалиерису, что отпечатки пальцев Мезиса, как и отпечатки пальцев Красовского, точно совпали со следами, найденными на металлической поверхности трубы, опустившейся несколько часов назад на голову инкассатора.

В полдень того же дня Мезис был арестован у себя на квартире. Никакого сопротивления оперативникам он не оказал и сразу же во всем сознался. После этого следственная группа выехала в лес, к месту, где, по словам Мезиса, покоилось тело убитого шофера Инара Карпова. Теперь предстояло арестовать Николая Красовского.

Но оставим на время Ригу и вернемся в Москву. Здесь 10 января скончалась мама зна-

менитого советского клоуна Леонида Енгибарова, ушедшего из жизни в расцвете лет в июле 1972 года. Мать артиста скончалась в больнице, куда она угодила несколько дней назад по нелепой случайности: поскользнулась на улице и ударилась головой о землю. Видимо, именно это падение и стало роковым для пожилой женщины — ее сердце не выдержало.

И вновь перенесемся в Ригу, где продолжают поиски преступника Николая Красовского. Пока рижская милиция сбивается с ног в его поисках, он нашел убежище еще у одной своей знакомой — Ирины. Ей он тоже не стал врать, где достал деньги, и она его тоже не прогнала. Он пообещал купить ей телевизор, а также дать денег на красивую жизнь. Окрыленная этими словами, женщина умчалась в магазин за выпивкой и закуской. А Красовский лег отмокать в ванну. Потом перебинтовал рану на руке.

Между тем к середине дня из типографии вышла первая партия листовок с фотографией Красовского, в которых были перечислены все его приметы и опубликована просьба ко всем гражданам Риги помочь в его розыске и задержании. В тот же день подобное объявление было передано по радио, а вечером телевидение дважды прерывало свои программы и обращалось к гражданам с просьбой: «Помогите найти убийцу!» Красовский об этом не знал, поскольку в те самые минуты, когда по ТВ показывали его фото, он с Ириной прятал на чердаке сумку с деньгами. Но зато передачу смотрел хороший знакомый Ирины, который сегодня днем видел ее в компании с разыскиваемым на улице. Утром следующего дня — 11 января — этот знакомый явился в дом девушки и сообщил ей об увиденном. Та вроде бы ему не поверила: «Да мало ли что показывают по телевизору. К тому же ты просто мог обознаться». Но едва знакомый ушел, Ирина бросилась к Красовскому: «Ты что натворил?» Тот ответил со злостью: «Ты чего мелешь?!» В итоге спустя час Красовский наскоро собрался и ушел, прихватив с чердака сумку с деньгами (кстати, одну пачку купюр, которая случайно завалится в щель, Ирина присвоит, но ненадолго: во время обыска в квартире она вынуждена будет вернуть ее следователям).

В Риге между тем прошли похороны Инара Карпова. Хоронил его весь таксопарк, а во вре-

мя самих похорон, когда траурная процессия двигалась по улицам города, сотни таксистов отдали своему коллеге дань уважения, проводив его в последний путь сигналами клаксонов. Убийца Карпова этого не знал, поскольку был далеко от Риги — в местечке Огре. Там он переночевал в пустой спортивной школе, дверь которой открыл обычным гвоздем. Ночевал прямо на матах. На следующий день, 12 января, он добрался до ближайшего хутора и в одном из заброшенных домов спрятал сумку с деньгами. Однако несколько тысяч рублей он положил в карман, намереваясь съездить в Ригу и там прибахраться. Он почему-то был уверен, что милиция ни в чем его не подозревает.

В Риге Красовский зашел в центральный универмаг и пробыл там больше часа. За это время истратил почти тысячу рублей. Купил югославский серебристый костюм, золотые запонки за 148 рублей, золотые часы, браслет, ботинки, рубашку. Был счастлив неимоверно. Когда расплачивался с продавщицами, шутил, отпускал им комплименты. Однако все его хорошее настроение улетучилось уже спустя несколько минут после ухода из магазина. На улице он подошел к стенду «Их разыскивает милиция» и увидел там свою физиономию. Как черт от ладана бросился бежать прочь. Но было поздно.

Задержал Красовского инспектор уголовного розыска Николай Крамаренко, который нес дежурство на Рижском вокзале и в одном из спешащих к поезду людей опознал особо опасного преступника, ограбившего несколько дней назад инкассаторов. Захват грабителя произошел молниеносно. Не дав Красовскому опомниться, сыщик заломил ему руки за спину и с помощью прохожих доставил в ближайшее отделение милиции. Так, за три дня было раскрыто дерзкое преступление. Руководство МВД СССР буквально обратилось к кинодокументалистам с предложением создать на материале этого дела фильм. Предложение тут же было принято. Забегая вперед сообщу, что еще до выхода фильма в свет состоится суд над преступниками: Красовского и Мезиса приговорят к расстрелу.

Но вернемся в январь 74-го.

Буквально за несколько дней до случая в Риге в Москве тоже был задержан опасный

преступник. При его задержании отличились двое милиционеров: младший сержант Вячеслав Березкин и стажер Николай Иванов. Поздним вечером они несли дежурство на Большой Академической улице. Вдруг невдалеке от них появилась толпа молодых людей, бывших явно навеселе. Оставив Иванова на углу, Березкин отправился унимать их в одиночку. Удалось ему это легко: едва увидев стража порядка, молодые люди поспешили разойтись в разные стороны. Однако один из них, рослый светловолосый парень, остался на месте.

Приближаясь к нему, Березкин обратил внимание на то, что парень стоит к нему спиной и руками совершает какие-то странные манипуляции. Когда до незнакомца оставалось всего лишь несколько шагов, страж порядка внезапно заметил мелькнувшее на секунду дуло обреза и тут же понял, чем занят парень: заталкивает патрон в патронник! Все решили какие-то доли секунды. В тот момент, когда незнакомец стал разворачиваться, милиционер уже успел приблизиться к нему вплотную и, мертвой хваткой вцепившись обеими руками в обрез, запрокинул его вверх. Грянул выстрел. Завязалась отчаянная схватка, и кто знает, каким бы был ее исход, если бы к месту происшествия не прибежал напарник Березкина стажер Иванов. Вдвоем они и скрутили незнакомца, который на самом деле оказался рецидивистом, собиравшимся этим вечером ограбить один из близлежащих магазинов.

Известный драматург Леонид Зорин вместе с женой и взрослым сыном находятся в доме отдыха в Малеевке. Жена (ее только что выписали из больницы) и сын отдыхают, сам драматург усиленно работает над новой пьесой, которой суждено будет стать эпохальной — «Покровские ворота». Эта комедия — автобиографическая. Главного героя — Костю Ромина — Зорин списывал с себя, имели реальных прототипов и другие персонажи, кроме тетушки Алисы Витальевны (тетки у автора не было). Как вспоминает сам драматург:

«Долгая жизнь этой комедии, в сущности, легко объяснима милым оптическим обманом, связанным с воскрешением юности. Но как упоенно, легко писалось! Не все было ясно в ее развязке, в ее композиции — ну да что там! Не может быть, чтоб волна не вынесла, чтобы сама не прибила к берегу. Так весело было из пе-

ны дней, из снега, лежащего за окном, из серого январского неба вызывать давно потерянных спутников и оживить «бескорыстных подружек», вновь поселиться в оставленном доме, согреть свою озябшую память. Так радостно жить в стране неведения, мы ведь не знаем, что молодость кончится, а если и знаем, не верим в это...»

14 января в центральных средствах массовой информации Советского Союза начинается кампания по дискредитации Александра Солженицына. Первый залп последовал из главного идеологического орудия страны — газеты «Правда». Статья, подписанная И. Соловьевым, называлась броско — «Цена предательства». В ней Солженицын назывался «матерым делягой, делающим бизнес на своем антисоветизме, ловко разжигающим вокруг себя спекулятивный ажиотаж и извлекающий из него дивиденды». Писалось, что «реакционность писаний Солженицына, его враждебность делу мира, социализма, взаимопонимания и дружбы между народами вызывают возмущение общественности братских стран социализма, печать которых разоблачает развернутую на Западе спекуляцию вокруг имени этого пасквильянта».

Статья в «Правде» тут же была перепечатана практически во всех центральных газетах. На следующий день свою лепту в это дело внесла и «Литературная газета», которая подхватила «правдинский» почин и ударила по Солженицыну из собственного орудия. Именно «Литгазета» первой приклеила Солженицыну термин «литературный власовец».

В эти же дни в Москве проходил 5-й пленум Союза кинематографистов СССР. На нем обсуждалось множество проблем, но одна из них была наиболее актуальной — не востребованность молодых актеров. По этому поводу хорошую речь на пленуме сказал актер Владимир Ивашов, который ярко дебютировал ролью Алеши Скворцова в ленте «Баллада о солдате», но затем вынужден был в основном сниматься в проходных ролях. На пленуме были озвучены печальные цифры: за последние два года из 44 выпускников ВГИКа в возрасте до 30 лет более или менее регулярно снимаются только 15 человек. На Киностудии имени Горького из 18 молодых актеров лишь 8 нашли применение своим способностям. И еще. Участникам пле-

нума был показан новый фильм Василия Шукшина «Калина красная», который автор с огромным трудом закончил аккурат к началу форума.

Между тем в разгар пленума — 15 января — отечественный кинематограф понес утрату: умер режиссер Николай Москаленко. Закончив в 1959 году ГИТИС, он решил посвятить себя кинематографу и едва за это не поплатился. В ноябре 1965 года, когда Москаленко работал вторым режиссером на фильме «Директор», его карьера едва не закатилась: во время съемок погиб исполнитель главной роли актер Евгений Урбанский. Так получилось, что в момент гибели на съемочной площадке процессом руководил второй режиссер Москаленко (главреж Алексей Салтыков был в отъезде). Молодого режиссера чуть не отдали под суд. Но затем было принято решение обойтись более легким наказанием, и в течение нескольких лет Москаленко сидел в глухом запасе. И только в конце 60-х судьба оказалась благосклонной к режиссеру и он добился самостоятельных постановок.

В 1969 году Москаленко снимает свой первый хит — фильм «Журавушка», который собирает рекордную для дебютанта публику в 37,2 миллиона зрителей (8-е место) и берет приз на кинофестивале в Сан-Себастьяне. Три года спустя Москаленко идет еще дальше — его фильм «Русское поле» занимает 2-е место в прокате и собирает 56,2 миллиона зрителей. Москаленко входит в число самых кассовых режиссеров советского кинематографа. Правда, следующая его работа — фильм «Молодые» (1972) — собирает куда меньшую кассу, да и по сюжету куда слабее предыдущих работ, но неудача не обескураживает Москаленко. Он берет за новую постановку, но снять ее не успевает — вмешивается внезапная смерть. Умер Москаленко за два с половиной месяца до своего 48-летия. Похоронили режиссера на Востряковском кладбище.

В кинотеатрах столицы состоялось несколько премьер. 2 января на широких экранах началась демонстрация сразу двух новых фильмов: «Черный капитан» Олега Ленциуса с участием Александра Голобородько, Ирины Борисовой и др. и «Сломанная подкова» Семена Арановича с участием Сергея Юрского, Марины Нееловой и др. 6-го вышел фильм Юрия Чулюкина

«И на Тихом океане...» с тем же Александром Голобородько в главной роли; 7-го — фильм Теодора Вульфовича «Товарищ генерал», в главной роли — Игорь Ледогоров; 14-го — «Города и годы» Александра Зархи, в ролях Игорь Старыгин, Барбара Брыльска и др.; «А вы любите когда-нибудь?» Игоря Усова с участием Людмилы Шагаловой, Сергея Филиппова, Георгия Вицины и др.

Из фильмов, демонстрируемых по ТВ, назову следующие: «Ох уж эта Настя!» (1-го), «Красные листья» (2-го), «Товарищ бригада» (преьера т/ф 2—3-го), «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» (3-го), «Полосатый рейс» (4-го), «Сердца четырех», «Где вы теперь, рыцари?» (5-го), «Большая любовь Балзака» (преьера т/ф 5—12-го), «Тропой бескорыстной любви» (6-го), «Новые приключения Дони и Микки» (8-го), «Константин Заслонов» (9-го), «Испытание верности» (13-го) и др.

Премьеры в театрах: 3-го в Театре имени Ермоловой вышел спектакль «Прошлым летом в Чулимске» по А. Вампилову, в главной роли — Станислав Любшин; 4-го в Театре имени Моссовета — «Гурбаза» Эдварда Радзинского с участием Марины Нееловой (это ее дебютная роль в этом театре), Ии Саввиной, Леонида Маркова и др.; в Театре имени Пушкина — «Сокровище» Дж. Б. Пристли; 11-го — дебютный спектакль обновленного Театра имени Ленинского комсомола под руководством Марка Захарова «Автоград-XXI» Юрия Визбора с участием Александра Збруева, Арчила Гомиашвили, Олега Янковского, Галины Яцкиной, Светланы Савеловой, Виктора Проскурина и др.; в Драмтеатре имени Станиславского — «Живой труп» с участием Георгия Буркова, Эммануила Виторгана и др.; 12-го в Театре имени Вахтангова — «День-деньской» с участием Михаила Ульянова, Николая Гриценко, Юрия Яковлева, Людмилы Целиковской, Аллы Парфаньяк и др.

Эстрадные представления: 2—12-го во Дворце спорта в Лужниках прошли сборные концерты с участием Владимира Шубарина, Валентины Толкуновой, Аллы Йошпе и Стахана Рахимова, ВИА «Поющие сердца» и др.; 3—5-го в ГЦКЗ «Россия» выступал ВИА «Орэра»; 4—6-го в «Октябре» — ВИА «Девчата»; 4—13-го в ЦДКЖ — ВИА «Веселые ребята»; 11—12-го в «Октябре» — ВИА «Семеро моло-

дых» (СФРЮ); 12—13-го в ГТЭ шел спектакль с участием Аркадия Райкина «Избранное-73». Кстати, Райкин совмещает концерты со съемками: в эти же дни в объединении «Экран» начались съемки фильма-бенефиса прославленного сатирика «Люди и манекены».

Трудное время продолжает переживать Александр Солженицын. После статьи в «Правде» от 14 января на него начинается настоящая психологическая атака при помощи телефона. Как вспоминает сам писатель, «новое оружие XX века: безличным дребезжанием телефонного звонка вы можете проникнуть в запертый дом и ужалить проснувшегося в сердце, сами не поднявшись от своего служебного стола или из кресла с коктейлем.

Началось блатным рыком: «Позови Солженицына!» — «А вы кто такой?» — «Позови, я — его друг!» Жена положила трубку. Снова звонки. Взяла трубку молча (ни «да», ни «слушаю») — тот же блатной, хрипящий крик: «Мы хоть и сидели в лагерях, но свою родину не продавали, понял?! Мы ему, суке, ходить по земле не дадим, хватит!!» Телефонная атака была неожиданное, непривычное дело, требовала нервов, мгновенного соображения, находчивых ответов, твердого голоса (нас не проймают, не старайтесь). Аля быстро овладела, хорошо находилась. Слушала, слушала всю эту брань молча, потом тихо: «Скажите, зарплату дают в ГБ два раза в месяц или один, как в армии?» — по ту сторону в таких случаях всегда терялись. Или даже поощряла междометиями, давая выговориться, потом: «Вы все сказали? Ну, так передайте Юрию Владимировичу (то есть председателю КГБ), что с такими тупыми кадрами ему плохо придется». Звонили так сдиржированно непрерывно, что не давали прорваться звонкам друзей, а не взять трубку — может быть, именно друг и звонит? Все ж удалось и самим сообщить об этом шквале (и в тот же вечер западные радиостанции, дай бог им здоровья, уже передавали о телефонной атаке). Голоса мужские и женские, ругань, угрозы, сальности — и так непрерывно до часу ночи, потом перерыв — и снова с 6 утра...»

В четверг, 17 января, Олег Даль вместе со своей женой Елизаветой приехали отдыхать в родовое поместье Ганнибалов—Пушкиных, что в поселке Пушкинские Горы Псковской области. Этой поездкой они были обязаны те-

ще Даля Ольге Эйхенбаум: некоторое время назад она тоже отдыхала в тамошнем пансионате, подружилась с его директором и теперь написала ему письмо с просьбой принять ее родственников. Даля с женой поселили в удобный номер с ванной (правда, без горячей воды), внизу был ресторан, да еще вдобавок в те дни практически не было наплыва туристов. Короче, отдыхай и радуйся. Однако уже в первый же день Даль и Елизавета угодили в серьезный переплет. Вот как об этом вспоминает жена артиста:

«В первый же день случилось приключение. Надо сказать, что я очень плохо ориентируюсь. Но тут я была с Олегом, а он всегда знал, куда шел и как вернуться. Мы пошли погулять по городу, купить что-то на ужин и возвращались в гостиницу. Дорога была как дорога, но рядом какой-то лесок. Снега почти не было, и я предложила Олегу вернуться через лес. Он был в благодушном настроении и охотно согласился. Лесок, казалось, совсем махонький, до гостиницы — рукой подать. И мы отправились. Однако лес становился гуще, просвета не было видно. Темнело. Я больше всего на свете боюсь темноты. «Пошли домой», — робко предложила я, уверенная, что Олег через две минуты выведет нас к гостинице. Но он молчал. Стало темно и страшно. Светил только тонюсенький серп луны, и было очень неуютно, особенно оттого, что Олег молчал, вместо того чтобы упрекнуть меня в дурацкой затее. Молчал и явно не понимал, куда идти. А мне уже чудились лесные звери, под ногами моими, обутыми в жутко неудобную «платформу», — невидимые кочки; звуки незнакомые и молчаливая фигура Даля впереди.

Ходили мы до ночи. Когда мы вышли из леса, перед нами расстилалось перепаханное и в таком виде замерзшее поле — большое-большое, а вдаль светились огоньки какой-то деревеньки. Потом мы топали по дороге уж не помню сколько времени. Добрались до гостиницы. Разговаривать начали только на следующий день после завтрака. А потом мы ходили строго по дороге в Михайловское...»

В эти же дни известный советский киноактер Лев Прыгунов находился на съемках очередного фильма в городе Киеве. 17 января он записал в своем дневнике следующие строчки: «Сижу в номере и читаю взахлеб стихи Брод-

ского и плачу. Неужели я когда-то ночевал у этого человека? (Эта ночевка состоялась в 1963 году. — Ф. Р.) Слушал его картавый русский и английский, его шутки, анекдоты, пил у него кофе. Неужели за два месяца до его отъезда (Бродского вынудили эмигрировать в июне 1972 года. — Ф. Р.) мы бродили по набережной и открыто говорили об этом. С самого первого дня он называл меня «Левке». Ему очень нравилось, что я влюблен в его стихи, и нравилось, что я этого не скрываю. Однажды мы проболтали с ним до пяти часов утра. А за окном было уже светло. И мы, опившись кофе, нервно, лихорадочно находили все новые и новые темы. Это было прекрасно. Ося, где ты там?..»

17 января стало черным днем для советского литератора Виктора Некрасова, который проживал в том же Киеве. В тот день к Некрасову домой заявили аж девять чекистов и, предъявив соответствующий ордер, в течение 42 часов (с перерывом на ночь) производили в его квартире обыск. Как напишет позднее сам Некрасов, «нужно отдать должное — они были вежливы, но настойчивы. Они говорили мне «извините» и рылись в частной моей переписке. Они спрашивали «разрешите?» и снимали со стен картины. Без зуботычин и без матерных слов они обыскивали всех проходящих. А женщины вежливо приглашали в ванную, и специально вызванная сотрудница КГБ (какая деликатность, ведь могли и сами!) раздевала их донага и заставляла присесть, и заглядывала в уши, и ощупывала прически. И все это делалось обстоятельно и серьезно, как будто это не квартира писателя, а шпионская явка.

К концу вторых суток они все поставили на место, но увезли с собой семь мешков рукописей, книг, журналов, газет, писем, фотографий, пишущую машинку, магнитофон с кассетами, два фотоаппарата и даже три ножа — два охотничьих и один ножик хирургический...

В ордере на обыск сказано, что он производится у меня как у свидетеля по делу № 62. Что это за дело, мне до сих пор неизвестно, кто по этому делу обвиняется — тоже тайна. Но по этому же делу у пятерых моих друзей в тот же день были произведены обыски, а трое были подвергнуты допросу. На одного из них, коммуниста-писателя, заведено персональное партийное дело. Всех их в основном расспрашива-

ли обо мне. Что же касается меня самого, то я после обыска шесть дней подряд вызывался на допрос в КГБ к следователю по особо важным делам...»

18 января, в день 70-летия, актер Борис Бабочкин (киношный Чапаев) был удостоен звания Героя Социалистического Труда. С утра начались звонки из ЦК с поздравлениями. Поскольку жена юбилера в те дни находилась в больнице, Бабочкин отправился прямиком туда, чтобы разделить с ней это радостное событие. Вечером того же дня Бабочкин играл на сцене Малого театра в спектакле «Правда — хорошо, а счастье лучше», который он же и поставил. По его словам, постановка прошла триумфально: радовались все, за исключением недругов актера в лице двух Михайлов: Царева и Жарова.

В этот же день Александр Солженицын написал Заявление для печати, которое в Советском Союзе, естественно, опубликовано не было (его озвучили только на Западе). Приведу лишь отрывок из него: «Полная ярости кампания прессы скрывает от советского читателя главное: о чем эта книга? Что за странное слово «ГУЛАГ» в названии ее? «Правда» лжет: автор «смотрит глазами тех, кто вешал революционных рабочих и крестьян». Нет! — глазами тех, кого расстреливал НКВД. «Правда» уверяет, что в нашей стране «бескомпромиссная критика» периода до 1956 года. Ну вот, пусть и покажут свою бескомпромиссную критику, я дал им богатеиший фактический материал...

Публикуя «Архипелаг», я все же не ожидал, что до такой степени отрекутся даже от своих прежних слабых признаний. Линия, избранная органами нашей пропаганды, есть линия звериного страха перед разоблачениями. Она показывает, как цепко держатся у нас за кровавое прошлое и хотят нераскрытым мешком тащить его с собой в будущее — лишь бы не произнести ни слова — не то что приговора, но морального осуждения ни одному из палачей, следователей, доносчиков...»

Олег Даль с женой отдыхают в Пушкинских Горах. Каждый день с утра они совершали прогулку в Михайловское, где гуляли чуть ли не до вечера. Как вспоминает Е. Даль: «Там было тихо, грустно и пусто. Мы вдвоем бродили по Михайловскому дому, по домику няни. Гуляли по парку, а с деревьев срывались капли, и каза-

лось — весна. Мы молчали, Олег не любил рассказывать о своих чувствах, не любил и слушать восторженных слов. У него был необыкновенно светлый взгляд, он улыбался, был спокоен и, кажется, совсем счастлив. Мы были в Михайловском каждый день, по дороге шутили и смеялись, но, ступив туда, замолкали.

Не повезло нам с Тригорским: мы пришли туда во вторник (22 января. — Ф. Р.), был выходной день. Погуляли вокруг. Времени у нас впереди было достаточно, и мы собирались еще раз побывать в Тригорском. Но...

Утром следующего дня я, как всегда, пошла заказывать завтрак и замерла на пороге ресторана: на столах стояла икра и прочие деликатесы, а мне объяснили, что кормить нас больше не будут, так как прибыла делегация работников культуры, да и вообще намекнули, что, может быть, нам придется освободить номер. Но, сказала я нагло, Олег Даль — тоже работник культуры. Мне ответили: «У нас организованное мероприятие, мы не можем обслуживать индивидуалов». Я осторожно сказала об этом Олегу. Через час вещи были сложены, и Олег, схватив меня и чемоданы, молча бросился вон из гостиницы, принимавшей «организованных и культурных гостей».

Расписания автобусов, идущих в Псков, мы не знали, ждали часа два, погода в тот день была омерзительной: снег с дождем и ветром. Приехали в Псков. Билетов на Москву нет. Сели в такси, объездили весь город — ни в одной гостинице «мест нет». Мокро, холодно, неуютно. Что-то съели в ресторане. У нас был большой термос, мы залили в него «бочковой» кофе в ресторане и бродили с ним целый день по Пскову в ожидании вечера и возможных билетов на поезд.

Олег называл меня «термосоносец». Мы ходили и говорили о том, что, вероятно, на всю оставшуюся жизнь обречены жить на холодной лавочке зимнего сквера Пскова, что, может быть, лет через десять нам дадут квартиру, и мы забудем, кто мы такие и что родом из Москвы и Ленинграда, и доживем здесь тихо и покорно свой век.

Поздно вечером нам удалось достать билеты в Москву. Так бежали мы из Пушкинских Гор, вспоминая, как сидели у могилы Пушкина, как стояли и, кажется, плакали тихо в Свя-

тогорском монастыре. Жаль было, что Олега оторвали от Пушкина...»

Тем временем средства массовой информации Советского Союза продолжают травлю Александра Солженицына. Практически всю последнюю неделю месяца в газетах публиковались восторженные отклики на статью И. Соловьева, опубликованную 14 января в «Правде». В числе восторгающих — сплошь одни знаменитости из сплоченного цеха писателей. Например, «Литературная газета» 23 января публикует сразу несколько таких откликов, подписанных Сергеем Михалковым («Саморазоблачение клеветника»), Петрусем Бровкой («Лишь бы очернить...»), Олесем Гончаром («Кошунство»), Григолом Абашидзе («Крайняя степень падения»). В последующие дни к этому хору добавляют свои голоса и другие писатели: Константин Симонов («Правда», 24 января), Расул Гамзатов («Правда», 25 января), Анатолий Иванов («Комсомольская правда», 25 января) и др. К примеру, последний пишет: «И вот находится в нашей стране так называемый писатель Солженицын, который, жертвуя над величайшими человеческими потерями во имя торжества священной и справедливой социальной борьбы, оправдывает бывший царский режим в России, умиляется при мыслях о фашизме, находит у гитлеровских головорезов признаки человеколюбия и гуманности...»

До какого же политического растления и нравственного маразма дошел Солженицын?!»

Не стоит думать, что в огромной стране не нашлось людей, кто бы поднял свой голос в защиту Солженицына. Такие люди, конечно же, были. Они тоже писали письма во все центральные газеты, в которых выражали поддержку писателю-правдолюбцу, но эти послания никто не печатал. Приведу отрывок лишь из одного такого письма. Историк Вадим Борисов писал: «Распни его», — требует руководящий орган. «Распни, распни», — вторят газеты помельче. «Распни, распни, распни», — послушным эхом подхватывают нечитавшие «читатели»...

Но вы, Товстоногов, Симонов, Гамзатов и кто еще! Вы-то знаете, не можете не знать, на чьей стороне правда. Вы ведаете, что творите, когда вплетаете ваши голоса в улюлюканье и завывания наемных распинателей. Ве-

даете — и предпочитаете опасной правде уютную ложь...

А мы, молчаливое интеллигентное большинство! Мы тайно зачитываемся книгами писателя, держим его портреты на книжных полках. Но сейчас, когда уже не литературные, а настоящие убийцы бродят вокруг его дома и засыпают его грязными угрозами, — что мы делаем? Мы с жадным любопытством ждем развязки. «Бог не выдаст, свинья не съест» — не так ли? Мы умываем руки — и надеемся сохранить их чистыми?..»

Тем временем большая группа артистов советской эстрады (в их числе и певец Лев Лещенко) ничего не ведают про эту антисоветскую кампанию, поскольку вот уже почти два месяца находятся за пределами родины — в Японии. Там проходит выставка «Советская социалистическая Сибирь», и артисты обеспечивают ей соответствующий промоушн. Правда, получается у них это не очень. Если на первом их выступлении был аншлаг (пришло четыре тысячи зрителей), то на второй концерт пришло 2 тысячи, на третий — одна тысяча, а в двадцатых числах января на одном из концертов и вовсе был зафиксирован смехотворный результат — 18 зрителей. Как объясняет происходящее сам Лещенко, главным для японцев на выставке были не выступления артистов, а огромное чучело мамонта, установленное в советском павильоне. На него-то и валил народ, а артистов слушал как бы между прочим. Но, когда чучело японцам поднадоело, они перестали заходить в советский павильон.

Создавшаяся ситуация артистов крайне озаботила. Ведь они приехали в Японию с целью побыть там как можно дольше, а с таким раскладом надобность в них полностью отпала. Действительно, какой смысл держать большую группу артистов, если все их потуги не собирают даже двух десятков зрителей? Ситуацию усугубила еще и погода. 25 января в Японии выпал обильный снег, в результате чего советский павильон, не рассчитанный на подобную нагрузку, просел настолько, что его крыша держалась исключительно на спине мамонта. В итоге руководство делегации решило отправить артистов на родину первым же теплоходом — 27 января. Но Лещенко и К° повезло: начальник выставки Александр Чудаков берет их под свою

защиту и оставляет в Японии до начала февраля. За это время артисты лихорадочно занимают валюту у посольских и закупают на нее высококачественную аппаратуру.

А теперь из Японии вернемся обратно в Москву и взглянем на тамошнюю афишу развлечений. Начнем с киношных премьер. Их было несколько, но я назову лишь одну: 28 января в прокат вышел французский фильм «Железная маска» с незабвенным Жаном Маре в главной роли.

Из театральных премьер назову следующие: 16-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Дон Жуан»; 25-го в Театре имени Вл. Маяковского — «Гражданское дело»; в Театре оперетты — «Василий Теркин».

Кино на ТВ: «Как закалялась сталь» (15—21-го), «Верность матери» (17-го), «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Черные сухари» (20-го), «Ленин в 1918» (21-го), «Серебряные трубы» (22-го), «Большая перемена» (22—25-го), «Свинарка и пастух» (26-го), «Ижорский батальон» (впервые по ТВ), «Фальшивая Изабелла» (27-го) и др.

Эстрадные представления: 16—17, 24—25, 28—29 января в ГТЭ продолжаются спектакли Ленинградского театра миниатюр «Избранное-73» с участием Аркадия Райкина; 19—20-го в Кремлевском Дворце съездов прошли сборные концерты с участием Валентины Толкуновой, Геннадия Хазанова, Жанны Бичевской, ВИА «Голубые гитары» и др.; 22-го в ГТЭ выступал певец Анатолий Королев и ленинградский ВИА «Веселые голоса»; 27—30-го в КДС прошли концерты с участием артистов ленинградской эстрады Эдуарда Хиля, Марии Пахоменко, Анатолия Королева и др.

Из новинок фирмы «Мелодия» отмечу следующие. В январе вышли сразу два миньона **Владимира Высоцкого**. На одном были записаны песни: «Корабли», «Черное золото», «Утренняя гимнастика» и «Холода, холода», на втором: «Мы вращаем Землю», «Сыновья уходят в бой», «Аисты», «В темноте». Оба миньона имели фантастический успех у слушателей, практически в каждом втором доме они имелись. Мое же приобщение к ним состоялось благодаря... учительнице музыки. Эта молодая женщина (к сожалению, не помню ее имени) набралась смелости и во время урока дала прослушать нам две песни: «Корабли» и «Утреннюю

гимнастику». Помню, как весь класс хохотал над пассажами Высоцкого: «обтирайся чем придется», «если хилый — сразу в гроб» и т. д.

Не меньшим успехом пользовался еще один миньон, выпущенный в том январе: с песнями в исполнении ВИА «Цветы». Первая пластинка этой молодой группы под управлением Стаса Намина увидела свет прошлой осенью, и вот теперь появилась вторая, которая по популярности перешагнула дебютную во много раз. На ней были представлены четыре песни: «Честно говоря» (С. Дьячков — М. Ножкин), «Ты и я» (А. Лосев—С. Намина), «Больше жизни» (В. Семенов — Л. Дербенев), «Колы-

бельная» (О. Фельцман—Р. Гамзатов, Я. Козловский). «Гвоздем» миньона, безусловно, была первая композиция, которая неслась чуть ли не из каждого окна, а на танцплощадках была просто обязательной.

Из грампластинок с записью зарубежных исполнителей выделю два диска-гиганта с песнями в исполнении любимца всех советских женщин испанского певца Рафаэля. На одном звучали песни: «Только я», «Песня труда», «Моя жизнь», «Я был влюблен», «Закат солнца», «Ночь» и др., на другом: «Мы», «Дитя зари», «Не угрожай мне», «Мама», «Твое обещание», «Цыган» и др.

1974

Февраль

Лев Лещенко, оставшись без копейки, справлял свой день рождения в Японии. Очередной триумф советских фигуристов. «Крылышки» — чемпионы. Вилли Брандт готов принять Солженицына. Награждение создателей фильма «В бой идут одни «старики». Василий Шукшин покупает шубу своей жене. Умер кинорежиссер Николай Калинин. Задержание Солженицына. Накалилась обстановка на съемках «Зеркала». Лефортовский сиделец. Родилась дочь у Геннадия Хазанова. Орден «Мосфильму». Очередные неприятности «Звезды пленительного счастья»: Госкино снимает с роли Михаила Козакова. КГБ помог Патриархии найти ее ценности. Петух из чистого золота. Очередная удачная афера мошенника от спорта. Виктор Баранов напечатал первую фальшивую купюру. Эпидемия ВИА. Лещенко уходит от жены. Убийство в Алупке. Родился Евгений Кафельников. Георгий Тараторкин стал отцом и на радостях испек печенье. Сергей Михалков пророчит Солженицыну скорое забвение. Исключили из Союза писателей Владимира Войновича. В Алупке нашли убийцу. Первая поездка Вячеслава Фетисова в Канаду. В Москве великовозрастный сын готовится к убийству собственного отца и мачехи. Глазная операция Елене Боннэр.

1 февраля популярному советскому певцу Льву Лещенко исполнилось 32 года. Волею судьбы отмечать эту дату артисту пришлось вдали от родины — в Японии, куда он, как мы помним, приехал с группой своих коллег, чтобы участвовать в культурной программе, посвященной открытию советской выставки в Токио. Денег у именинника, да и у большинства его гостей нет: незадолго до этого артисты истратили всю валюту на японскую аппаратуру (например, Лещенко купил две голосовые колонки, суперсовременный динамический микрофон фирмы «Элка», усилитель с ревербератором и «квадрофоническую» систему с проигрывателем). Пришлось выкручиваться: Лещенко выставил на стол бутылку виски, другие гости принесли с собой кто что мог. Однако гостей пришло больше, чем предполагалось, — более тридцати человек. А номер у Лещенко крохотный. Тогда именинник предлагает переместиться в китайский ресторан, который располагался неподалеку. И хотя заплатить владельцу ресторана гостям нечем, тот

оказывается человеком с пониманием и впускает всю ораву в заведение. Чуть позже к числу гостей присоединился и популярный японский вокальный квартет «Дак Дакс» («Черные утки»). Гулянка продолжалась всю ночь, а на десять утра следующего дня было назначено отплытие парохода, на котором советские артисты должны были вернуться на родину. Далее послушаем рассказ самого Л. Лещенко:

«Легко представить охватившее меня чувство, когда я, проснувшись и обнаружив себя находящимся в какой-то совершенно неизвестной мне гостинице, бросаю взгляд на часы и вижу, что они показывают половину десятого! То есть мне нужно до момента отплытия еще успеть добраться до своей гостиницы и собрать вещи! А если опоздать на теплоход, тогда всему конец! На Лещенко — клеймо «невозвращенца»... Но делать нечего, надо выходить из положения. Приятель, у которого я ночевал, дает мне денег на такси, так как у меня нет ни копейки, и я пулей мчусь в отель. Влетаю, ищу глазами свои вещи, но мне говорят: «Спокой-

но, Лев, мы уже все собрали». И — ни одного слова упрека, хотя в общем-то их состояние понять нетрудно. «Ладно, — говорю, — тогда поехали!» Приезжаем в порт, и начинается безумная процедура нашей загрузки...»

В первых числах февраля из югославского города Загребя пришло радостное сообщение о том, что советские фигуристы вновь заняли все высшие ступени чемпионата Европы по фигурному катанию. Золотых медалей удостоены танцевальные пары: Ирина Роднина—Александр Зайцев и Людмила Пахомова—Александр Горшков. Кроме этого, советские фигуристы завоевали одну серебряную и две бронзовые медали.

В эти же дни определился досрочный победитель в чемпионате Советского Союза по хоккею: им после долгого перерыва (в последний раз были чемпионами в 1961 году) стала столичная команда «Крылья Советов». Подсобил «Крылышкам» челябинский «Трактор», который у себя дома обыграл ближайших преследователей будущего чемпиона столичных динамовцев со счетом 6:4. Золотой состав чемпионов выглядел так: вратарь — Александр Сидельников; защитники — Сергей Глухов, Виктор Кузнецов, Валерий Кузьмин, Игорь Лапин, Юрий Терехин, Юрий Тюрин, Юрий Шаталов; нападающие — Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Игорь Дмитриев, Сергей Капустин, Константин Климов, Сергей Котов, Евгений Кухарж, Юрий Лебедев, Владимир Расько, Владимир Репнев; тренер — Борис Кулагин.

Высшее кремлевское руководство продолжает ломать голову над проблемой Александра Солженицына. Как мы помним, большинство членов Политбюро склоняются к аресту и тюремному заключению писателя, но шеф КГБ Андропов имеет на этот счет иные виды. Он мечтает, чтобы Солженицын навсегда покинул пределы СССР, и, кажется, его затея может с успехом осуществиться. 2 февраля канцлер ФРГ Вилли Брандт в одном из своих публичных выступлений заявил, что при желании Солженицын может свободно и беспрепятственно жить и работать в ФРГ и у него не будет в Германии тех трудностей, с которыми он встречается у себя на родине. Андропов тут же дает команду Кеворкову лететь в ФРГ и провести тайные переговоры со статс-секретарем ведомства канцлера Эгоном Баром. Са-

молет с Кеворковым взмывает в небо утром 7 февраля. В тот же день Андропов пишет докладную Брежневу. Приведу из нее несколько отрывков:

«Если в последнюю минуту Брандт не дрогнет и переговоры Кеворкова закончатся благополучно, то уже 9—10 февраля мы будем иметь согласованное решение, о чем я немедленно поставлю Вас в известность. Если бы указанная договоренность состоялась, то, мне представляется, что не позже чем 9—10 февраля следовало бы принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей Родины (проект Указа прилагается). Самую операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10—11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с публичным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение...»

6 февраля союзное Госкино издало приказ о выплате денежного вознаграждения создателям фильма «В бой идут одни «старики». Поначалу киношное руководство всячески противилось появлению этого фильма, считая его не слишком героическим, а когда он все-таки был снят, тут же изменило о нем свое мнение. Фильм был принят практически без поправок и тут же зачислен в «золотой фонд» не только украинской, но и всей отечественной кинематографии. Кроме этого, лента была снята с большой экономией средств: из отпущенных на ее постановку 381 тысячи рублей потрачено 325 тысяч. Вот почему спустя два месяца после приемки ленты Госкино решило поощрить съемочную группу в количестве 39 человек. При награждении особо выделили режиссера-постановщика Леонида Быкова: ему выплатили 200 рублей премии и присвоили звание «режиссера-постановщика 1-й категории» (для примера: актерам А. Смирнову, В. Талашко и С. Иванову выплатили по 50 рублей).

Забегая вперед отмечу, что руководству киностудии имени Довженко сумма вознаграждения главным создателям фильма покажется недостаточной и оно будет ходатайствовать перед Госкино СССР о том, чтобы авторам сценария

(Л. Быкову, Е. Оноприенко и А. Сацкому) подняли гонорар с 6 тысяч рублей до максимального — 8 тысяч. Однако в Госкино посчитают, что «работа коллектива поощрена достаточно убедительно и увеличение гонорара не представляется целесообразным». Это при том, что через несколько месяцев фильм «В бой идут одни «старики» соберет множество призов на различных кинофестивалях и принесет доход в сотни миллионов рублей.

Но вернемся в февраль 74-го.

В пятницу, 8 февраля, Александр Солженицын находился на даче Лидии Чуковской в Переделкине, когда к нему домой пришла повестка с вызовом в прокуратуру. Документ приняла жена писателя, которая и сообщила об этом мужу на дачу по телефону. Солженицын удивился: что за странный вызов в конце рабочей недели, да еще в конце дня — ведь он даже до Москвы не успеет доехать? Ему тогда и в голову не могло прийти, что это был отвлекающий маневр КГБ — там уже приняли окончательное решение о высылке писателя из страны и надо было усыпить бдительность жертвы, для того чтобы в час «Х» явиться к нему в дом на законных основаниях якобы из той же прокуратуры.

Примерно часа через два после звонка жены на дачу явились трое незнакомых мужчин, представившихся хозяйке дома — Лидии Чуковской — местными ремонтниками. Дескать, два месяца назад, ремонтируя дом, они забыли здесь книгу сметы и вот теперь пришли ее забрать. Солженицын сразу раскусил, что эти люди имеют к ремонтникам такое же отношение, как он к футболистам, и что, скорее всего, они из КГБ. Но виду не подал. А незнакомцы обошли все комнаты в поисках злополучной книги, но так ничего и не нашли. Затем, когда на даче зазвонил телефон, один из них схватил трубку, выслушал абонента на другом конце провода, после чего скомандовал своим напарникам уходить.

В те февральские дни Василий Шукшин находился в Кунцевской больнице, куда угодила в очередной раз из-за проблем с желудком. Болезнь обострила неурядицы с приемкой его последнего фильма «Калина красная»: киношные начальники требовали внести в него существенные поправки. Поправки Шукшин внес, но затем угодила в больницу. Кстати, и на премьеру фильма в Дом кино он приехал в боль-

ничном халате (!) прямо из больницы. И еще одно важное «мероприятие» провернул Шукшин в те же дни — купил шубу для своей жены Лидии. Причем, как и в случае с посещением Дома кино, ему пришлось для этого отлучаться на несколько часов из больницы. Вот как вспоминает об этом сама Л. Федосеева-Шукшина:

«Это была моя первая шуба в жизни. Вася тогда лежал в больнице, и я в одиночестве позвонила поболтать Жанне Болотовой и Коле Губенко — мы с ними дружили, учились вместе. Жанна из дипломатической семьи, и они жили побогаче нас с Васей. Вот она и говорит: «Лидка, такие в ГУМе норковые шубы продаются. Тебе нужна именно такая шуба. Пусть Вася сделает тебе подарок за «Калину красную». — «Да в больнице он», — говорю Жанне. «Езжай и уговаривай». Поехала. Вася был вроде бы в хорошем настроении, и я решила признаться ему в своем желании. Надо сказать, что я весьма скромна в своих женских потребностях. Хотя бы потому, что особых денег на дорогие покупки не было. Первые три года нашей жизни я носила всего-то пару ситцевых платьев, одно — на мне, другое — в стирке. Ни он, ни я не гнались за роскошью. «Сколько же стоит эта шуба?» — заговорщически спрашивает муж. «Жанна говорит, что две тысячи». Вася в ужасе: «Сколько?» Этот эпизод вошел потом в его рассказ под названием «Ночью в бойлерной». Встает с постели, возбужденный, прихорашивается. «Поехали». — «Куда?» — «К телеграфу, там в сберкассе у меня деньги». Звоню Жанне: как же сбежать из больницы. А она: «Иди к врачу, разрешит — все-таки Шукшин». Разрешил...

Сначала поехали в ГУМ, посмотрели, выбрали, примерили — все хорошо. Попросили на полчаса отложить товар. Поехали, сняли деньги, мы с Жанной — снова в шубную секцию. А Вася в машине остался. Приношу покупку, расцеловала мужа, а ему не терпится посмотреть на нее, развернуть. Гляжу, а он уголочек от упаковки освободил и чего-то там копошится. «Чего ты все выдергиваешь», — говорю. А Вася в ответ: «Брак тебе подсунули. Выдираю белые волоски из норки». — «Какой брак? — говорю. — Много ты понимаешь, наоборот: чем больше у норки белых ворсинок, тем она качественнее». Приехала, надела, чув-

ствую, что шуба Васе тоже по мозгам ударила. Впечатлила. Радовался он как ребенок: «Ну да ладно, может, ты еще чего-то там приметил?» Я удивилась, но не растерялась и говорю: «Накидка подходящая продается». А он: «Так чего не купила, надо было и ее брать». Вынимает деньги: «Иди покупай. На генеральшу будешь похожа». Я смеюсь, что и так жена генерала, литературного... А эту шубу я потом очень берегла и надевала за все эти годы всего 2—3 раза. Теперь ее носит дочь Маша...»

В понедельник, 11 февраля, Солженицын приехал из Переделкина в Москву. И уже спустя час после того как он объявился у себя на квартире, туда пришел посыльный из прокуратуры, который принес ему новый вызов. Сразу после его ухода Солженицын связался с западными корреспондентами и позвал их к себе на очередную пресс-конференцию. Пришли журналисты из «Нью-Йорк таймс», Би-би-си и еще откуда-то.

Вечером того же дня Солженицын вместе с женой отправился подышать свежим воздухом на Страстной бульвар — любимое место их прогулок и бесед, поскольку там их никто не прослушивал. Был бессолнечный полуснежный день. Гуляя по бульвару, супруги заметили, что чекистская слежка за ними сегодня слишком уж явная и плотная. Но значения этому не придали, поскольку заняты были другим: обсуждали бурные события последних дней. Договорились, как себя вести в случае ареста писателя, как передавать во время свиданий в тюрьме важную информацию. Оба они допускали арест, но о высылке из страны даже не думали.

Вернувшись домой, супруги остаток вечера провели в работе: сделали последнюю фотопленку с текстом книги Солженицына про «Тихий Дон» Шолохова. Затем слушали «вражеские голоса», которые передавали слушателям информацию о дневной пресс-конференции Солженицына. Перед сном хотели собрать тюремный мешок — на всякий случай, но не нашли его. Солженицын тогда еще удивился: надо же, в моем доме нет такой необходимой вещи!

В Минске остановилась работа над продолжением фильма «Кортик» — «Бронзовая птица». Работа над картиной началась в конце июня прошлого года, оставалось отснять около тысячи метров пленки, как вдруг скончался

режиссер-постановщик Николай Калинин. Его смерть выбила из рабочей колеи всю съемочную группу. В течение полутора месяцев будут идти интенсивные поиски другого режиссера, пока в итоге это место не займет художник объединения, где снимался фильм, А. Карпов.

А теперь из Минска вновь вернемся в Москву. Утром 12 февраля к Солженицыну пришел писатель Игорь Шафаревич, который принес ему экземпляр своей новой книги. Обсуждать ее вышли во двор — там не было чекистских подслушек. Как вспоминает Солженицын: «Здесь мы, потупляя рты от лазеров, меняя направление лиц, продолжали обсуждать состояние дел...». Когда все обсудили, Солженицыну надо было подняться к себе в квартиру, чтобы отдать Шафаревичу экземпляр сборника «Из-под глыб». Оставив младшего сына на попечение старшего (дети гуляли во дворе вместе с отцом), Солженицын и Шафаревич вернулись в дом. В тот момент, когда Шафаревич запихивал в свой портфель книгу (на часах было около пяти вечера), в прихожей раздался звонок. Когда жена писателя спросила: «Кто там?» — ей ответили, что из прокуратуры. Как пишет сам Солженицын, в тот момент ничего внутри него даже не екнуло — к прокурорским приходам он уже успел привыкнуть. Его даже не насторожил тот факт, что, когда жена попыталась закрыть дверь, чтобы снять цепочку, кто-то из «прокурорских» специально подставил под дверь ногу, не давая ей полностью закрыться. В итоге, когда дверь все-таки отворилась, в прихожую гурьбой хлынули незнакомые мужчины — человек шесть-семь, возглавляемые дородным мужчиной в роскошной шубе и с твердой папкой в руках. Из последней на белый свет была извлечена бумага с гербом, и дородный, обращаясь к Солженицыну, произнес: «Старший советник юстиции Зверев! Привод! Распишитесь!» Однако писатель наотрез отказался ставить свою подпись под документом.

Между тем жена Солженицына пытается сопротивляться: «У вас ордер на обыск есть? Ах нет? Так вон отсюда!» Однако гости не обращают внимания на ее крики и продолжают вести себя в чужом доме по-хозяйски. Они рассредоточиваются по квартире, а трое вместе со Зверевым не сводят глаз с Солженицына — все-таки главная цель их прихода сюда —

забрать именно его. И цели своей они добиваются: жена собирает Солженицыну в дорогу мешочек (под него была приспособлена школьная сумка для галош, взятая у старшего сына), а он тем временем надевает на себя вещи, что похуже, — овчинный полушубок из ссылки, старую шапку, выдавшие виды брюки. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Как и надо ждать: за парадной дверью — впритык (на тротуар налезши) легковая (чтобы меньше шага пройти мне по открытому месту), и, конечно, дверца раскрыта, как у них всегда. Чего ж теперь сопротивляться, уже сдвинулся, теперь сажусь на середину заднего сиденья. Двое с двух сторон вскочили, дверцы захлопнули, а шофер и штурман и без того сидели, — поехали. В шоферское зеркальце вижу — за нами пошла вторая, тоже полная. Четверо со мной, четверо там, значит — всех восьмерых увел, порядок?..»

В эти же часы на «Мосфильме» Андрей Тарковский продолжал съемки фильма «Зеркало». Снимался эпизод, где главную героиню — Мать (актриса Маргарита Терехова) другая героиня — Лебедева (эту роль играла супруга режиссера Лариса Тарковская) вынуждает резать петуха. Сцена снималась трудно, поскольку в дело вмешивалась личная неприязнь, которую испытывали друг к другу актрисы. Как вспоминает О. Суркова: «Обстановка на съемочной площадке крайне накалена: идет скрытая борьба женских честолюбий, которую Лариса подчеркнута обостряет, совершенно не терпя, чтобы Андрей был хоть кем-то увлечен, даже актрисой. А в данном случае ситуация усугубляется еще и тем, что Лариса сама хотела играть эту роль.

Лариса заявляет, что ей кажется противоестественным, говоря о беременности и о том, что ее тошнит, смотреться при этом в зеркало.

Андрей, который давно уже раздражен и вымотан взаимоотношениями своей жены и Риты Тереховой, конечно, тут же взрывается: «Не будем рассуждать о том, что «противоестественно». Пожалуйста! Юра! — кричит он второму режиссеру Юрию Кушнереву. — Ты можешь или не можешь навести порядок в павильоне?!»

А теперь снова вернемся в квартиру Солженицына. После того как чекисты увели хозяина, в доме на какое-то время остались двое в штатском: один занял пост у двери, другой —

возле телефона. Они пробыли в доме около двух часов, после чего удалились. Едва за ними закрылась дверь, как жена писателя тут же бросилась оповещать друзей о происшедшем. Вот как описывает эти события А. Сахаров:

«В 7 часов вечера в нашей квартире раздался звонок: Солженицына насильно увезли из дома. Мы с Люсей выскочили на улицу, схватили какую-то машину («левака») и через 15 минут уже входили в квартиру Солженицыных в Козицком переулке. Квартира полна людей, некоторых я не знаю. Наташа — бледная, озабоченная — рассказывает каждому вновь прибывшему подробности бандитского нападения, потом обрывает себя, бросается что-то делать — разбирать бумаги, что-то сжигать. На кухне стоят два чайника, многие нервно пьют чай. Скоро становится ясно, что Солженицына нет в прокуратуре, куда его вызвали, — он арестован. Время от времени звонит телефон, некоторые звонки из-за границы. Я отвечаю на один-два таких звонка...»

Солженицын полагал, что его повезут в прокуратуру, до которой от его дома было всего ничего — несколько минут ходу. Но его повезли совсем в другое место — в Лефортовскую тюрьму. Там после обязательного шмона его почтили своим присутствием тамошний начальник Александр Петренко и его заместитель. Причем, когда они вошли к нему в камеру, писатель сидел... голый, поскольку одежду ему еще не вернули. Замначальника грозно приказал писателю встать, но Петренко его одернул: дескать, зачем так грубо?

— Он сам должен знать, что в таком культурном учреждении положено вставать, когда входит начальник.

— А вы — начальник? — вскинул брови Солженицын.

— Вы не новичок и должны знать, что здесь вопросы сначала задает начальство, а потом уже, когда предложат, вы, — продолжал свои нравовучения Петренко. После чего он представился и потребовал сделать то же самое Солженицына. Тот подчинился.

— Какие вопросы у вас? — спросил Петренко.

— Почему у меня отобрали крест?

— Вы же знаете правила: металл нельзя.

— А почему вы — в артиллерийской форме?

— В какой форме я начал служить, в такой хочу и закончить.

— Я тоже воевал в артиллерии, — сообщил Солженицын.

— Да, когда-то мы были по одну сторону баррикад. А теперь вы пытаетесь стрелять в нас из своего ржавого пистолета, забывая, что на нашей стороне — пушки.

Солженицын в ответ улыбнулся. Видимо, пафос, с которым были произнесены последние слова, его развеселил.

Между тем сразу после посещения Солженицына Петренко позвонил Андропову и доложил свои впечатления. По ходу разговора он поделился с шефом КГБ мнением, что в таком затрапезном виде высылать Солженицына из страны было бы неразумно. «В свое время ночные горшки Наполеона продавали за бешеные деньги, — сказал Петренко. — Так зачем же давать Солженицыну возможность эти тряпки продавать на Западе как реликвии?» — «Интересно, я этой истории про горшки не знал, — ответил Андропов. — Надо подумать над вашим предложением».

Андропов позвонил спустя несколько минут и сообщил, что принято решение переодеть Солженицына в новую одежду. Спустя полчаса эта одежда была доставлена в камеру, где сидел писатель. Одежда практически вся была новая, за исключением кроличьей шапки, уже ношенной кем-то. Петренко вновь позвонил Андропову, чтобы обсудить с ним возникшую проблему с шапкой. Тот приказал раздобыть новую. В итоге поношенную кроличью шапку заменили на новую ондатровую, которую привезли в Лефортово из запасников кремлевского ателье. А старую одежду Солженицына той же ночью сожгли.

И еще одно событие, датированное 12 февраля, мне хотелось бы отметить. В тот день в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью с известным пловцом Валерием Буре. Воспроизводить все интервью не стану, а сосредоточусь только на небольшом отрывке, в котором Валерий упоминает про своего трехлетнего сына Павла, которого он, по его же словам, в будущем тоже мечтает видеть в роли пловца. Отец отмечает: «Но это зависит прежде всего от самого Павлика: хватит ли у него силы воли, настойчивости, трудолюбия... Мы с женой стараемся воспитывать в нем все эти качества. А вот в том, что Павлик будет спортивным парнем, я не сомневаюсь...»

Как мы теперь знаем, этот прогноз полностью подтвердился: Павел Буре — знаменитый хоккеист.

Но вернемся в февраль 74-го.

13 февраля, в час дня, в камеру к Солженицыну явились заместитель Генерального прокурора СССР Маляров и уже упоминавшийся Зверев. Маляров зачитал писателю Указ, лишивший его гражданства СССР, и сообщил, что сегодня же Солженицына вышлют из страны. Спустя час, сразу после тюремного обеда (в тот день в Лефортовской тюрьме давали щи и овсяную кашу), Солженицына вывели во двор и посадили в машину, причем не в «воронку», а в обычную «Волгу». По бокам от арестанта уселись двое рослых чекистов, а переднее сиденье, рядом с водителем, занял врач. Следом за головной машиной шла «Волга» сопровождения еще с четырьмя чекистами. Как вспоминает сам Солженицын, в тот день на улице было тепло, кругом слякоть. Когда машины миновали Курский вокзал, Комсомольскую площадь и свернули на Ленинградский проспект, до него дошло, что их путь лежит в Шереметьево. Он тут же обратился к врачу: «Я самолетом лететь не могу, не переносу». На что врач ответил: «Ничего изменить нельзя, самолет ждет. Но я буду с вами, и у меня все лекарства».

Самолет действительно ждал, причем уже три часа, из-за чего его пассажиры успели здорово перенервничать. Ведь никто толком так и не объяснил им, из-за чего происходит задержка вылета. Во время полета за Солженицыным строго следили двое чекистов. Даже когда он отправился в туалет, эти двое заставили его держать дверь открытой. Понять их было можно — за арестанта они отвечали головой. Но все обошлось: около пяти вечера самолет приземлился во Франкфурте-на-Майне.

Утром этого же дня в одном из родильных домов Москвы на свет появилась девочка — Алиса Хазанова. Это была дочь известного артиста Геннадия Хазанова и его жены Златы Эльбаум. Стоит отметить, что родители ждали мальчика и даже имя ему заранее придумали — Аркадий, в честь знаменитого сатирика Аркадия Райкина. Но судьба распорядилась по-своему. Впрочем, это нисколько не убавило радости родителям.

В ту же среду, 13 февраля, в Кремлевском Дворце съездов чествовали киностудию «Мосфильм», которой исполнилось 50 лет. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный сказал в честь юбиляра приветственную речь и прикрепил к знамени киностудии орден Октябрьской Революции. Знамя на сцену вынес директор «Мосфильма» Николай Сизов, рядом с ним стояли киношные звезды: Борис Андреев, Лидия Смирнова, Юрий Озеров. Потом был фуршет.

Кинорежиссер Владимир Мотыль, который на «Ленфильме» снимает свой очередной хит «Звезда пленительного счастья», 12 февраля был срочно вызван в Госкино с отснятым материалом. Как мы помним, в самом начале работы Мотыль столкнулся с неожиданной трудностью: из-за недисциплинированного поведения студия расторгла договор с исполнителем роли Сергея Волконского Олегом Стриженовым, и группе пришлось в срочном порядке искать нового исполнителя. Им стал актер Михаил Козаков. Несколько эпизодов с его участием были сняты в конце января и включены в тот материал, который Мотыль привез теперь в Госкино. Именно эти сцены и стали камнем преткновения — Госкино потребовало заменить и этого Волконского. Цитирую: «Наиболее важным и принципиальным недостатком отснятого материала является исполнение роли Сергея Волконского актером М. Козаковым. Образ Волконского, являющийся, по существу, центральной фигурой этого ответственного и социально значимого фильма, в просмотренных нами сценах глубоко неудовлетворителен: в Волконском-Козакове не ощущается душевного масштаба личности, человеческого обаяния, благородства и убежденности. Госкино не видит возможности продолжать съемки по фильму без замены исполнителя роли Волконского...»

В результате, когда Мотыль через несколько дней вернулся в Ленинград, руководство «Ленфильма» объявило ему выговор — за неудачный выбор актера и вынужденный простой. Самое интересное, что в итоге эта роль достанется все тому же Олегу Стриженову, который пообещает не нарушать больше дисциплину и свое слово сдержит. Но вернемся в февраль 74-го.

В те дни в Москве был арестован один из деятелей Русской православной церкви — бывший замначальника ХОЗУ Патриархии 80-летний Дмитрий Осипов (имя и фамилия изменены). Его обвинили в краже уникальных предметов антиквариата, которые представляли историческую ценность. А началось падение Осипова еще в 1956 году, когда он стал не только личным секретарем самого патриарха Алексия, но и замначем хозяйственного управления. На обоих постах Осипов трудился, что называется, не покладая рук и за короткое время сумел значительно повысить свое материальное благосостояние. Достаточно сказать, что у него на руках имелось 44 (!) сберегательные книжки на 180 тысяч рублей, а также облигации 3-процентного займа на 8 тысяч рублей. Но деньгами дело не ограничивалось. Кроме них, Осипов тащил в дом все более или менее ценное из стен Патриархии, устроив в своем доме нечто вроде личного антикварного музея. Так он стал обладателем 22 крестов и 4 панагий, выполненных из золота и серебра и украшенных драгоценными камнями, посохов, митр, 16 орденов «Святого Владимира», столовых приборов из серебра, фарфоровых сервизов, ваз, картин, шкатулок с дарственными надписями Алексия I, 200 икон в серебряных и позолоченных окладах, из которых 81 икона имела историческую и художественную ценность, 146 книжек листового золота, золотого лома и монет, пожертвованных верующими для изготовления крестов. Думаете, это все? Ошибаетесь. Во время одного из допросов Осипов сообщил следователям КГБ, что у него имеются еще два тайника (под крышей беседки и в топке печи), где хранятся другие ценности: золотые слитки и монеты в количестве 116 штук, подаренные Патриархии игуменьей монастыря в городе Корце. Правда, в указанных тайниках чекисты так ничего и не нашли, однако спустя два дня сын Осипова, случайно найдя эти ценности в другом месте, сам принес их на Лубянку. Забегая вперед сообщу, что состоявшийся летом суд окажется снисходительным к 80-летнему старцу и помилует его.

И еще об антиквариате. В том феврале известный писатель Эдуард Хруцкий совершенно случайно в одном из домов в центре Москвы увидел уникальную вещь — золотого петуха на платиновом подносе с шестью бриллианто-

выми яйцами вокруг. Впервые про этого петуха Хруцкий услышал несколько лет назад из уст вора в законе Лени Золотого. Вор рассказал, что этот петух в 60-е годы был похищен из дома одного грузинского деляги и осел в частной коллекции какого-то мафиози. Но потом мафиози влип в какую-то историю, из которой его якобы вытянул сам тогдашний 1-й секретарь ЦК КП Грузии Василий Мжаванадзе. И вот спустя некоторое время судьба забрасывает Хруцкого прямоком в обитель бывшего персека. О том, при каких обстоятельствах это произошло, рассказывает сам писатель:

«В феврале 1974 года моего друга ввели в спектакль «Мертвые души» во МХАТе.

Он замечательный актер, но, несмотря на это, волновался ужасно. Шутка ли — роль Чичикова. Я уж не буду перечислять, какие имена до того февраля стояли в театральные афишах. Я пришел с дамой, мы прошли на свои места. По пути я увидел генерала Лежепекова, тогда начальника Управления кадров КГБ СССР, а когда-то командующего погранвойсками, о нем нынче говорят однозначно плохо, но он мне когда-то очень помог, дав команду допустить молодого журналиста к операциям по борьбе с контрабандистами.

Соседние с нами места занимали грузин с седыми усиками и дама весьма привлекательного вида. Я обратил внимание, что Лежепекоев очень почтительно поздоровался с ними.

После спектакля, прошедшего на редкость удачно, состоялся небольшой банкет. За столом мы опять оказались рядом, а потом, выйдя из здания нового МХАТа и перейдя бульвар, пошли в дом к гостеприимному грузину. Жил он на Бронной, в те времена режимном доме, где, кстати, в те времена проживал и Чурбанов с Галиной Брежневой.

Вот там-то в гостиную я и увидел этого петуха. Он спокойно стоял в окружении чашек, кубков и еще каких-то весьма красивых вещей.

Когда мы вышли, я спросил у своего друга-актера:

— Слушай, у кого мы были?

— Да это бывший грузинский первый секретарь Мжаванадзе. Очень хороший мужик...»

В эти же февральские дни в Москве очередную крупную аферу провернул ловкий мо-

шенник Виктор Михайлов. В наши дни имя этого человека уже навсегда кануло в Лету, но в начале 70-х про этого пронырливого молодого человека (ему было чуть меньше тридцати) знали многие. Особенно в мире спорта. В конце 60-х Михайлов удачно женился на знаменитой гимнастке, победительнице нескольких олимпиад, и стремительно вознесся на чиновничий Олимп — стал первым помощником министра СССР по спорту. И вскоре начал извлекать из своего высокого положения неплохие дивиденды. Вот как об этом вспоминает бывший следователь союзной Прокуратуры Ф. Незнанский:

«Михайлов руководил широко разветвленной сетью спортивной мафии. На всей территории СССР они спекулировали дефицитными автомобилями, спортивным инвентарем и спортивными должностями, руководили группами профессиональных картежников. За громадные деньги Михайлов переводил спортивные команды из класса в класс, продавал тренерские должности, распределяя заграничные командировки, присваивал путем подтасовок крупные выигрыши в спортивных лотереях и т. д. К примеру, за крупную взятку известный тренер по боксу был направлен на Кубу на должность тренера кубинской национальной сборной по боксу. При этом, согласно договоренности с Михайловым, тридцать процентов своего регулярного заграничного заработка он должен был отдавать мафии...»

Самой прибыльной статьей дохода михайловского синдиката были автомобили. Преступники брали с клиента полную стоимость машины, а затем под всякими предлогами оттягивали передачу авто. При этом, если покупатель становился назойливым, на него тут же наезжали люди Михайлова, которые служили не где-нибудь, а в самом союзном МВД. Они привозили облапошенного покупателя на Огарева, б и прямым текстом ему говорили: дескать, будешь много выступать — сам окажешься на нарах. Угрозы действовали безотказно, поскольку львиная доля желающих заполучить авто у Михайлова — это люди, у которых рыльце было в пушку. Вот и в феврале 74-го на удочку Михайлова попались именно такие люди: это были пятеро братьев Мамедовых, которые в родном Баку сами входили в «спортивную» мафию (один ведал снабжением в

республиканском комитете физкультуры и спорта, другой был директором крупного спортивного магазина и т. д.). Некоторое время назад братьев угораздило встретиться с Михайловым (он приезжал в Баку вместе с завсектором ЦК КПСС Камшаловым и проверял состояние физкультуры и спорта в этой республике), и тот пообещал им дополнительные спортивные фонды, которые они потом могли легко превратить в левые товары, а также новенькую «Волгу», о которой давно мечтал самый младший из Мамедовых. За эту услугу братья выжили Михайлову 26 тысяч рублей.

Между тем время шло, а заветные автомобили к братьям так и не приехали. Тогда они решили сами наведаться в Первопрестольную. Тут их и повязали люди Михайлова. В тот момент, когда Мамедовы обедали в ресторане гостиницы «Украина», туда вошла группа сотрудников милиции во главе с полковником и арестовала гостей столицы. Мамедовых привезли на Огарева, 6 и припугнули большими неприятностями, если они еще раз побеспокоят первого помощника министра спорта. В итоге братья так и уехали из столицы несолоно хлебавши.

А теперь из Москвы перенесемся в Ставрополь, в дом на улице Железнодорожной, где проживает подпольный умелец Виктор Баранов, сумевший в домашних условиях наладить выпуск фальшивых денег. К идее печатать фальшрубль Баранов пришел в 71-м году, когда множество его рацпредложений было отвергнуто властями и он таким образом решил доказать всему миру, что не лыком шит. Печатать деньги Баранов начал не сразу, а только после того, как в течение трех лет скрупулезно занимался исследовательской работой, проводя различные опыты в лаборатории, оборудованной им в собственном сарае. Начал же он с того, что тщательно исследовал защиту самых различных купюр: дореволюционных, советских, а также иностранных. В частности, изучая американский доллар, Баранов обнаружил, что текстура его бумаги пронизана тонкими красными волокнами — защита от подделки. А защита на рублях иная: она состоит из трех слоев — темного и более светлых. Специалисты, которые разрабатывали эту защиту, были уверены, что симитировать ее в кустарных ус-

ловиях невозможно, однако у Барацова на этот счет было иное мнение.

Шлифовал он свое мастерство в сарае на станке между мешками с репчатым луком. Причем, чтобы никто из близких и соседей не догадался, чем он занимается, ему приходилось постоянно быть начеку. Хотя, по большому счету, никто толком и не пытался сунуть свой нос в его дела, разузнать, чего это он там химичит. Жена давно уже привыкла к его изобретательским «чудаществам», то же самое и соседи. Хотя от последних нарекания были. Например, частенько, когда Баранов закрывался в своем сарае, напряжение в электросети у его соседей значительно уменьшалось. Те какое-то время терпели, а потом высказали ему все это в лицо. Баранова это испугало, поскольку если бы соседи надумали пожаловаться на него в местное домоуправление, то вся его афера могла легко вскрыться. И он заверил соседей, что ничего подобного больше происходить не будет. И верно: электроэнергия в их домах больше не «скакала». А все потому, что изобретатель-самоучка создал специальное электрооборудование, которое работало автономно.

Больше всего времени ушло у Баранова на изобретение водяных знаков — он корпел над ними три года. Причем пришел к нужному результату благодаря случайности. Когда после долгих экспериментов у него никак не проступали на бумаге «водяные» звезды, Баранов со злости плюнул на лист, бросил его в урну и лег спать. А ночью его внезапно озарило. Он бросился к ведру, достал скомканный лист и увидел, что в том месте, куда попала слюна, водяные знаки проступили. Оказывается, в растворе не хватало малости — белка.

Два с половиной года ушло у Баранова на изобретение краски, а вот с печатью он справился практически сразу. Кроме этого, по ходу дела он изобрел новый способ травления меди и состав бумаги, напоминавший по прочности кожу. Последнее вообще было революционным открытием. Если бы из этой бумаги Гознак начал выпускать деньги, то им бы сносу не было — они могли бы служить раз в 50 дольше обычных. Был момент, когда Баранов даже собирался объявить об этом открытии публично, но потом передумал: вспомнил, какие

ему давали отлупы в прошлые разы. Да и частое дело хотелось все-таки закончить.

Первую фальшивую купюру Баранов изготовил именно в феврале 1974 года. Это была пятидесятирублевка. Чтобы проверить ее качество, он закрыл глаза, перемешал ее с настоящими купюрами, а когда глаза открыл, долго не мог найти в ворохе денег фальшивую. Это его вдохновило, и спустя несколько дней он изготовил сторублевку. Но потом быстро к ней охладел, поскольку их изготовление было уж больно легким делом для него. Он даже оборудование для них уничтожил. Решил печатать исключительно «четвертаки» — купюры по 25 рублей. Чтобы их изготовить, от создателя требовалось проявить высший пилотаж. Забегая вперед сообщу, что ему это удастся. Однако о дальнейшей судьбе фальшивомонетного гения мы узнаем чуть позже, а пока вернемся к другим событиям февраля 74-го.

Самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. В кинотеатрах состоялось несколько премьер. Так, 1 февраля на экраны вышла военная драма режиссеров Анатолия Вехотко и Натальи Трощенко «**О тех, кого помню и люблю**» с участием Валерия Золотухина, Екатерины Васильевой и др.; 4-го — производственная драма Виктора Соколова «**Здесь наш дом**» с участием Владимира Заманского, Петра Вельяминова, Василия Меркурьева и др.; 11-го — экранизация Евгения Ташкова драмы С. Найденова «**Дети Ванюшина**» с Борисом Андреевым в главной роли. Из зарубежных кинопремьер назову лишь две: это прекрасные мультфильмы японских аниматоров «**Без семьи**» и «**Али-Баба и сорок разбойников**».

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Воздушный извозчик», «Валерий Чкалов» (2-го), «Два капитана» (3-го), «Рядовой Александр Матросов» (5-го), «Исправленному верить» (6-го), «Им было 18» (7-го), «Когда деревья были большими» (8-го), «Смерть на повороте» (премьера т/ф 9—10-го), «Марья-искусница», «Ущелье ведьм» (10-го), «Все начинается с дороги» (11-го), «Красное вино» (премьера т/ф 11—12-го), «Девять дней одного года» (12-го), «Ночная смена» (13-го), «Насреддин в Бухаре», «Два Федора» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 9-го в ЦТСА — «**Ночью без звезд**»

А. Штейна с участием Игоря Ледогорова, Ольги Дзисько и др.; 15-го там же — «**Третья встреча**» М. Ганина.

Эстрадные представления: продолжают выступления ленинградского Театра миниатюр под управлением Аркадия Райкина, который показывает спектакль «Избранное-73» на сцене Государственного театра эстрады 1-го, 5-го, 6-го, 9-го 13-го 14-го февраля. Кроме этого, в Москве выступают: 3-го в «Варшаве» — Мария Лукач; 7—9-го в ГЦКЗ — японский вокальный квартет «Дак Дакс»; 15-го в ЦДКЖ — ВИА «Музыка». Кстати, о ВИА. К 1974 году количество профессиональных ВИА в Советском Союзе перевалило за несколько тысяч, а число самодеятельных и вовсе не поддавалось счету: они имелись в каждой школе, ПТУ, институте, клубе и т. д. и т. п. Репертуар практически всех коллективов базировался на песнях советских композиторов, разбавленных парой-тройкой зарубежных хитов. Эта похожесть ВИА часто была поводом к разным критическим публикациям в отечественной прессе. Так, 11 февраля в «Вечерней Москве» была помещена заметка В. Познанского под названием «Ох, гитары, гитары». Приведу небольшой отрывок из нее:

«Даже лучшим ансамблям присущ недостаток: они похожи друг на друга, как братья-близнецы, за исключением, пожалуй, «Песняров» и «Дружбы». Похожесть начинается с внешнего вида участников ансамблей: молодых людей в нарочито небрежных костюмах, с длинными волосами и бородками. Но дело, естественно, не в этом: почти одинакова и манера поведения артистов на сцене — отбивание такта ногой, подтанцовка где надо и не надо, развязный, ничего не добавляющий жест, мятая, алогичная подача текста песен, и так порой не очень выразительного...»

Из зарубежных гастролеров, гостивших тогда в Москве, назову японский вокальный квартет «Дак Дакс» («Черные утки»), которые выступили 7—9 февраля на сцене ГЦКЗ «Россия». Как мы помним, в начале месяца они присутствовали в Токио на дне рождения Льва Лещенко, после чего вместе с ним приехали в Москву. Но у самого Лещенко в те дни настроение было отнюдь не концертное: у него происходили серьезные нелады на личном фронте. Если быть точнее: его семейная жизнь с певицей Аллой Абдаловой встала на грань

развода. Вот как об этом вспоминает сам артист:

«Алла работала в оркестре Утесова, а я был штатным исполнителем на Гостелерадио, что существенно влияло на ритм нашей семейной жизни. Я просто физически ощущал, как мы с Аллой все больше и больше отдаляемся друг от друга. Кроме того, в начале 70-х у меня уже появилась определенная популярность. Это также накладывало на наши отношения с Аллой оттенок некой соревновательности, если учесть, что она отличалась вполне естественным для певицы артистическим честолюбием. И в этом смысле ей, вероятно, было уже мало той вполне приличной зарплаты, которую она имела в оркестре Утесова. Ей хотелось чего-то гораздо большего...

Вот почему я с тех пор говорил и говорю, что больше никогда не свяжу свою судьбу с актрисой. Семья, в которой разгорается творческий антагонизм, уже не семья. Для Аллы все это усугублялось еще и сознанием того, что во время учебы в ГИТИСе она подавала очень большие надежды, в ней видели большую звезду. И вот сама жизнь, как это чаще всего и бывает, все расставила по своим местам. Я стал известным, узнаваемым и часто пригласяемым певцом, в то время как Алла оставалась примой в масштабах одного лишь утесовского коллектива (что, конечно же, больно задевало ее самолюбие). Я, чувствуя это, пытался как-то смягчить остроту ситуации. Записал с ней, скажем, дуэтом на радио песню Александры Пахмутовой «Старый клен», затем одну из песен Марка Фрадкина...

Но тем не менее атмосфера в нашем доме становилась все более напряженной. Вот-вот должна была разразиться гроза. И когда я вернулся из гастрольной поездки в Токио, она разразилась. У нас с Аллой состоялся очень серьезный разговор, после чего я ушел из дома — из квартиры ее сестры на проспекте Мира и стал жить у себя в Сокольниках...

А теперь из Москвы перенесемся на юг, в курортную Алупку, где в эти дни разворачиваются весьма драматические события. 17 февраля в дежурную часть тамошнего РОВД по телефону поступило сообщение, что на территории Милютинского парка в районе пансионата «Ижевский» в кустах обнаружен труп неизвестной женщины со следами насильственной смерти. К месту происшествия тут же выехала

оперативная группа. При осмотре трупа и прилегающих окрестностей выяснилось следующее. Женщина убита ударом тяжелого предмета по голове в нескольких десятках метров от места обнаружения. Затем труп волоком оттащили в сторону. Из одежды на трупе отсутствовали рукав от пальто и трусы, что наводило на мысль о сексуальном характере преступления (факт изнасилования экспертами подтвердился). Вскоре установили и личность погибшей. Это была санитарка санатория имени Семашко Анна Березовская, 1924 года рождения, проживавшая на улице Зеленой, дом 12.

Первая версия, которая возникла у сыщиков, — убийство совершено с целью изнасилования. Опросили сослуживцев погибшей, которые видели, как она поздно вечером 16 февраля уходила домой из санатория, а также людей, которые случайно могли оказаться в парке и заметить что-то подозрительное. Однако ни одно из этих показаний не смогло приблизить сыщиков к разгадке преступления. Сослуживцы рассказали, что Березовская покинула рабочее место в хорошем расположении духа, а свидетель из числа случайных — сторож санатория, хотя и рассказал о подозрительном мужчине в плаще серого цвета, без головного убора, который крутился возле учреждения, однако ничего более конкретного про него сказать не смог.

Между тем в другом черноморском курортном городе — Сочи — 18 февраля родилась будущая звезда отечественного тенниса — Евгений Кафельников. Отец новорожденного сам некогда был спортсменом-любителем, поэтому сразу стал думать, в какой вид спорта отдать своего отпрыска. Поможет ему в этом его старый приятель Валерий Песчанко: это он подметит, что у парня есть неплохие задатки теннисиста. Однако произойдет это через пять лет, а пока Женя Кафельников даже «агу» сказать не может.

В том же феврале отцом стал популярный киноактер Георгий Тараторкин — у него родился сын Филипп. Вот как сам актер вспоминает об этом:

«Я чуть с ума не сошел от счастья, когда у меня родился сын. Он нам дался непросто, Катя (речь идет о жене актера, дочери тогдашнего 1-го секретаря Союза писателей СССР Г. Маркова. — Ф. Р.) тяжело переносила беременность. К тому же мы жили на два города: я иг-

рал в ленинградском ТЮЗе, она, окончив Шукинское училище, поступила работать в ТЮЗ московский... Узнав о рождении сына, я на нервной почве первый и единственный раз в жизни сам испек печенье. Причем я специально позвонил школьной подруге в Ленинград, чтобы она рассказала, как это делается. Нашел какую-то обувную коробку и, постелив в нее салфетки, аккуратно выложил печенье... Февраль. Мороз. Я передал коробку и ждал на улице, когда Катя выглянет в окно. Но вдруг сразу несколько кормящих матерей в распахнутых рубашечках буквально вывалились из окон и давай кричать: «Рецепт напиши!» Я был польщен...»

19 февраля в «Советской культуре» было помещено интервью видного советского литератора Сергея Михалкова журналу «Шпигель», где тот высказывает свою точку зрения на выдворение из страны Александра Солженицына. Приведу несколько пассажей из этой любопытной публикации. С. Михалков, в частности, сказал: «Вы спрашиваете, боимся ли мы Солженицына. Мы его не боимся, но он нам надоел... Убежденный коммунист не может стать антикоммунистом. Коммунистом Солженицын никогда не был... Об этом убедительно говорит его истинное лицо. Ошибкой было не исключение Солженицына из Союза писателей СССР, а его преждевременный прием в члены союза...»

Мы были свидетелями его морального и гражданского падения, и нет сомнения в том, что рано или поздно мы явимся очевидцами его неминуемого, бесславного забвения...»

В среду, 20 февраля, из Союза писателей исключили писателя Владимира Войновича (состоял в нем с 1962 года), который давно трепал нервы власти, а тут еще имел смелость поднять свой голос в защиту Солженицына. Самого Войновича на том заседании не было, поскольку он лежал дома с воспалением легких. Когда утром ему позвонил из СП тамошний начальник Ильин, он так и сказал ему: не приду, потому что болен. Ильин обрадовался: хорошо, мы перенесем заседание на более поздний срок. «Не надо! — ответил Войнович. — Когда я выздоровею, я тоже не приду». Ильин начал его умягчать: «Мы помним, что вы хороший писатель, мы не хотим с вами расставаться. Мы хотим с вами только поговорить, а исключать не будем. В крайнем случае

объявим вам выговор». Но Войнович был непреклонен. В итоге заседание состоялось без него и никакого выговора ему не объявили — сразу исключили.

Многие члены Союза писателей сочувствовали Войновичу. Правда, предпочитали делать это молча, так сказать, мысленно. Выступать против в те годы было так же опасно, как стоять под стрелой строительного крана: могло и зашибить. Но всё же смельчаки находились. Например, первым человеком, кто не побоялся навестить Войновича в тот же день, 20 февраля, оказался Булат Окуджава. Он сначала позвонил ему по телефону, поинтересовался, как дела, и пообещал забежать по дороге в гости. Через полчаса он действительно явился, да еще не с пустыми руками — принес коробку с медицинскими банками, которые тут же и были поставлены больному. Надо ли объяснять, что в ту минуту организму Войновича были не столь дороги сами банки, сколь дружеское участие того, кто их ставил.

Между тем в Алушке продолжается следствие по делу об убийстве и изнасиловании 49-летней гражданки Анны Березовской. Отработав версию о маньяке, сыщики заинтересовались родственниками погибшей, которые вполне могли быть причастны к ее гибели. На этом направлении выяснились весьма любопытные детали. Оказывается, у погибшей были весьма непростые отношения с родной сестрой, которая проживала в Ялте и всерьез претендовала на 3-комнатную кооперативную квартиру, в которой проживала Анна с 75-летней матерью. Квартира была записана на мать, однако часть взносов за нее уплатила Анна, и поэтому имела больше шансов на ее получение в случае смерти матери. Сестру, у которой была уже замужняя дочь, этот вариант не устраивал. Сыщики отправились в Ялту.

Пообщавшись с сестрой покойной и ничего от нее не добившись, сыщики вызвали на допрос ее мужа — 49-летнего Геннадия Гвоздева. Согласно характеристике, он являл собой образец вполне положительного человека: из благополучной семьи, в 20 лет вступил в партию, на службе (он работал киномехаником в санатории) характеризовался только с хорошей стороны. Однако уже первое посещение им здания УВД навлекло на него подозрения сыщиков. Дело в том, что у входа в здание Гвоздев выбросил в траву какой-то предмет.

Этот маневр был замечен одним из милиционеров. Брошенным предметом оказалась связка ключей. Как выяснилось, один из них принадлежал Анне Березовской — это был ключ от ее кооперативной квартиры. На вопрос «Как он оказался у вас?» Гвоздев выдал вполне правдоподобную версию: дескать, мать Анны плохо слышит, вот и пришлось взять у нее ключ, чтобы не беспокоить каждый раз понапрасну. На вопрос «Почему выкинул ключи?» Гвоздев ответил не менее правдоподобно: мол, испугался этим ключом навлечь на себя подозрения. И все же что-то в его поведении настораживало сыщиков. Интуиция не подвела оперов.

Буквально через день соседи покойной рассказали сыщикам о том, какие неприязненные отношения существовали у погибшей с ее родной сестрой и ее мужем. По их словам, Березовская поведала им, что 4 февраля она, придя домой, обнаружила, что родственники копались в ее вещах, видимо, разыскивая завещание матери, где в качестве наследницы квартиры фигурировала Анна. Они не знали, что женщина уже успела подстраховаться — спрятала завещание и документы на квартиру в своей бытовке в санатории. 7 февраля Березовская сменила в своей квартире замки, чем еще сильнее разозлила сестру. Через день Анна призналась, что сестра угрожает ей и она боится оставаться дома одна.

Большую помощь следствию оказала дочь погибшей Неля. Девушка рассказала сыщикам историю, которая делала из Гвоздева главного подозреваемого. По ее словам, за несколько дней до убийства он склонял ее похитить у матери ключ от шкафчика бытовой комнаты в санатории, где Березовская хранила документы на кооперативную квартиру и завещание матери. Улучив момент, когда Березовская находилась на территории парка, Гвоздев воспользовался ключом и выкрал документы. Узнав об этом, Анна потребовала вернуть украденное, в противном случае грозя обратиться в милицию. Видимо, чтобы упредить этот шаг, Гвоздев и решился на ее убийство.

25 февраля Гвоздев сознался в содеянном преступлении и подробно рассказал, каким образом он его спланировал и осуществил. Продумано было все до мелочей. В течение нескольких дней Гвоздев тщательно изучал место предстоящего нападения. Наконец в день

убийства, 16 февраля, он закрылся в 19.30 в своей комнате и, чтобы создать у соседей по коммуналке видимость своего присутствия там, включил магнитофон. Записи звучали самые ходовые и современные: «Березовый сок» («Песняры»), «Свадьба» (Муслим Магомаев), «Нет тебя прекрасней» («Поющие гитары») и др. В 19.35 Гвоздев незаметно покинул дом и, поймав такси, отправился в поселок Симеиз, где располагался санаторий имени Семашко. В Милютинском парке он спрятался в кусты, аккуратно возле тропинки, где должна была пройти Березовская. Примерно в 20.00 ни о чем не подозревающая женщина показалась в поле зрения Гвоздева, а когда поравнялась с кустами, он несколько раз ударил ее по затылку камнем. Подхватив обмякшее тело, преступник отволоч его в сторону от тропинки, где изнасиловал, надеясь, что это поможет направить следствие по ложному следу. Сделав свое черное дело, убийца ограбил жертву: забрал кошелек с 27 рублями, ключи от квартиры и хозяйственную сумку, куда положил пуховый платок убитой и ее трусы. Рукав куртки жертвы, который оторвался во время волочения трупа, преступник закопал в землю неподалеку, а орудие преступления — камень утопил в ближайшем ручье.

В Ялту Гвоздев вернулся опять же на такси. Причем на этот раз разыграл перед водителем спектакль — притворился неместным: все выспрашивал, когда отходит последний троллейбус из Ялты на Симферополь. Водила оказался сердобольным мужиком и даже вызвался отвезти пассажира на автостанцию, но Гвоздев тут же придумал причину, чтобы его отшить: сказал, что собирается еще заехать к другу. В свой дом Гвоздев проник так же незаметно для соседей, как и покинул его. Магнитофон все еще играл. Вскоре домой вернулась жена Гвоздева, которую муж встретил в постели — якобы спал. Чтобы окончательно закрепить свое алиби, убийца попросил жену пригласить к ним на ужин соседку. Пока супруга отсутствовала, Гвоздев вышел на улицу, где с помощью бензина сжег украденные у Березовской вещи: сумку, трусы. А вот пуховый платок он пожалел и спрятал в своей квартире между фанерой и задней стенкой трюма.

В эти же дни ныне прославленный хоккеист Вячеслав Фетисов находился в Канаде. Было ему в ту пору 14 лет, и в Страну кленовых

листьев судьба занесла его по служебной необходимости: в составе юношеской команды ЦСКА Фетисов совершал турне по Канаде. Это была первая такая поездка в истории: до этого ни одна европейская хоккейная команда юниоров еще не выступала в Канаде. Чтобы не попасть впросак, тренеры ЦСКА доукомплектовали команду шестью «варягами» — сильными ребятами с Урала. Перед поездкой всю команду заставили постричься под полубокс, из-за чего ребята сильно переживали — в ту пору в моде были длинные волосы. Но чего не сделаешь ради того, чтобы оказаться за границей! Кстати, Фетисова в ту поездку поначалу брать не хотели, так как он был младше всех остальных на год. Но за него замолвил слово тренер—старейшина Александр Николаевич Виноградов.

Встречали советских юниоров по высшему разряду: когда «Ил-62» приземлился в монреальском аэропорту, у трапа собралось два десятка журналистов, представлявших чуть ли не все спортивные средства массовой информации Канады. Чтобы сбить этот ажиотаж, наших ребят спустили не по трапу, а по рукаву-гармошке. В первой же игре наши юниоры разделали хозяев, что называется, под орех — 7:3. Весь стадион после этого стоя аплодировал советским хоккеистам. У Фетисова после этой игры сломались его, выдавшие виды, коньки, и он впал в отчаяние — других-то не было. Но ему на выручку пришел канадец, прикрепленный к команде: прямо на стадионе он отвел Фетисова в магазин и купил ему суперпотрясные коньки «Мустанг ССМ». У Фетисова от этого подарка чуть сердце не выпрыгнуло из груди. В этих коньках он прокатался не только всю серию, а еще и на родине рассекал лед до тех пор, пока они не стали ему малы.

В конце февраля 47-летний житель Москвы Аркадий Бушко (фамилия изменена) задумал... убить своего отца и мачеху. Поводом к этому послужили следующие обстоятельства. Отец Аркадия — 69-летний профессиональный музыкант Тросман — после смерти жены в 1972 году женился во второй раз: на бывшей учительнице русского языка и литературы, которая была на 18 лет моложе его. Жила семейная пара у жениха в кооперативном доме Большого театра в Каретном Ряду. В последние годы Тросман нигде не работал и целиком отдался своей многолетней и всепоглощающей стра-

сти — коллекционированию старинного русского фарфора. По словам очевидцев, эта коллекция считалась одной из самых богатых в стране (кроме этого, он владел и другими предметами антиквариата: картинами, мебелью, бронзой и т. д.).

Как ни странно, но отец не сумел передать своему единственному сыну интереса ни к музыке, ни к антиквариату. В отличие от родителей Аркадий закончил Московский пединститут по специальности история, но проработал в качестве инженера во ВНИИ физико-технических измерений, а также во Всесоюзном объединении «Союзторгсистема» Министерства торговли СССР. К увлечению отца он относился снисходительно, считая его чудиком. Но так продолжалось до поры до времени. После того как отец женился вторично, Аркадий возненавидел его, считая, что тот предал память матери. Такие же чувства он стал испытывать и к мачехе, которая отныне стала реальным претендентом на половину наследства Тросмана. С этого момента Аркадий стал вынашивать планы убийства родного отца и его новой пассии.

Поскольку сам Аркадий был человеком мягкотелым и неспособным на убийство, он стал искать людей, которые согласились бы взять на себя эту тяжелую миссию. Действовал он, прямо скажем, незамысловато. После вечеринки на родном предприятии Аркадий уединился с коллегой и спросил его без всяких предисловий: дескать, согласишься за деньги убить одного старикашку и его благоверную? Коллега, хоть и был слегка выпивши, наотрез отказался от такого предложения. Тогда Аркадий это же самое предложил другому сослуживцу — 24-летнему Кочегарову (фамилия изменена). Тот оказался человеком стесненным в материальном отношении (хотел вступить в кооператив, а денег не было), поэтому довольно быстро согласился на предложение Аркадия. При этом спросил: «Кого надо грохнуть?» Аркадий не стал юлить и ответил прямо: «Папашу моего. Премерзкий, скажу тебе, старик: жадный донельзя, да еще женился на бабе моложе себя, едва моя мать умерла. Разве такое можно простить?». — «Нельзя», — согласился Кочегаров.

Аркадий не стал настаивать на том, чтобы отца убил именно Кочегаров: он предложил ему найти для этой грязной работы более подходящую кандидатуру. Спустя несколько дней

такой человек объявился — некто 32-летний Мусин, бывший студент театральной студии. В Москву он перебрался из Ташкента в надежде стать кинорежиссером, но из этой затеи ничего не вышло, и он работал ночным сторожем. Естественно, получал гроши. Когда услышал, что за убийство двух пенсионеров некий человек готов выложить пару тысяч рублей, согласился не раздумывая. Его прыть даже напугала Кочегарова. К тому моменту того внезапно стали мучить сомнения относительно предстоящей акции, но Мусин чуть ли не каждый день донимал его звонками и спрашивал: ну когда же, когда?

Встреча всей троицы произошла в конце февраля на улице Горького, в знаменитом кафе «Лира» (сейчас здесь не менее примечательное общепитовское заведение — «Макдоналдс»). Обговорили все детали предстоящей акции, которую заговорщики назначили на середину марта. В конце встречи Аркадий передал Мусину задаток — 1 тысячу рублей.

В эти же дни Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр находились в Ленинграде, где супруге академика должны были сделать глазную операцию (эта болезнь — следствие контузии, которую Боннэр получила в октябре 1941 года). Операцию должен был проводить известный хирург, но в самый последний момент он внезапно отказался, испугавшись навлечь на себя гнев властей (он готовился к защите докторской диссертации, а помощь жене диссидента грозила поставить на ней крест). Доктор даже попросил Сахарова и Боннэр забыть дорогу в его дом. Ситуация складывалась аховая, поскольку Боннэр уже закончила предоперационную медикаментозную подготовку и операция должна была состояться точно в срок. Они стали срочно искать другого хирурга. Такой человек нашелся, что делает ему честь: им оказался бывший преподаватель Боннэр по мединституту Г. Стучинский. Операция состоялась 27 февраля.

28 февраля на «Мосфильме» возобновились съемки советско-польского фильма «Помни имя свое». Работа над картиной началась еще в августе прошлого года, но 11 ноября ее пришлось остановить — тяжело заболел режиссер-

постановщик Сергей Колосов. Выздоровел он аккуратно в конце февраля 74-го, и, как только это произошло, работа возобновилась. В тот день на натуре снимали эпизоды в зимнем концлагере.

В эти же дни другой известный кинорежиссер — Сергей Герасимов (Киностудия имени Горького) — снял первые кадры своего нового фильма «Дочки-матери». Группа работала в Свердловске, снимая на территории «Уралмашзавода» и одного из тамошних ПТУ.

В Москве на экраны кинотеатров вышли следующие новые фильмы: 18-го — «Истоки» режиссера Ивана Лукинского с участием Ивана Лапикова, Владислава Стржельчика, Николая Олялина и др.; 25-го — «Возле этих окон» Хасана Бакаева, где главные роли исполняли Евгений Жариков и Наталья Гвоздикова. Кстати, на тот момент они еще не были мужем и женой, но их роман на съемках «Рожденной революцией» (начал сниматься с августа 73-го) в самом разгаре.

Кино на ТВ: «Преступление и наказание» (17-го, 25-го), «Адъютант его превосходительства» (18—22-го), «17-й трансатлантический» (впервые по ТВ 19-го), «Зимородок» (впервые по ТВ 22-го), «Красная площадь» (23—24-го), «В 6 часов вечера после войны» (24-го), «Нормандия—Неман» (27-го), «Черные ангелы» (впервые по ТВ 28—29-го) и др.

Эстрадные представления: 19-го в Государственном театре эстрады состоялся один-единственный концерт певца Валерия Ободзинского. В зале — яблоку негде упасть, поскольку слава певца простирается до небес, а увидеть его по «ящику» невозможно — не снимают. Да и по радио «гоняют» его записи все реже и реже. 23—25-го февраля в том же ГТЭ состоялись сборные концерты с участием Юрия Богатикова, Владимира Трошина, Александры Стрельченко, Ларисы Голубкиной, Михаила Воронцова и др.; 26—28-го во Дворце спорта в Лужниках выступал ВИА «Голубые гитары»; 26—28-го во Дворце спорта — сборные концерты с участием Иосифа Кобзона, Геннадия Хазанова (оба, как мы помним, совсем недавно стали отцами), Жанны Бичевской, ВИА «Голубые гитары» и др.

1974

Страшный диагноз Любви Орловой. День политического заключенного. Вячеслав Фетисов шокировал школу. Фигурное катание для жены генсека. Новая пьеса Василия Шукшина. Разборка со стрельбой в ресторане «Русь». Бонни и Клайд советского разлива. Брежнев придумал БАМ. Мордюкова и Матвеев — народные. Жуткое убийство в Москве. Хоккеиста Якушева хотели «забрызгать» в солдаты. Монолог Высоцкого. Шутка Андрея Миронова. Режиссер Элем Климов заставлял актера Алексея Петренко купаться в мартовской луже. Знакомство Святослава Федорова с его будущей женой. Уникальная операция в Склифе: больной женщине пришили оторванную руку. Интриги в Большом театре. Очередные звания киношным звездам. Савелию Крамарову пришлось раскошелиться.

В начале марта кинорежиссер Григорий Александров заканчивал монтажно-тонировочные работы по фильму «Скворец и Лира». Главную роль в нем — советскую разведчицу Людмилу Грекову, как и полагается, играла супруга режиссера Любовь Орлова. Над фильмом с самого начала висел злой рок. Поначалу его не разрешал снимать КГБ, а когда разрешение все же получили, никак не удавалось написать «удобоваримый» сценарий. Из-за этого подготовительный период длился почти четыре года. За это время распустили одну съемочную группу, затем набрали другую. Наконец в ноябре 72-го съемки начались, но из-за постоянных больших и мелких катаклизмов (то визу за границу вовремя не оформят, то заболит кто-то из съемочной группы) этот процесс растянулся еще на полтора года. В январе 74-го, когда начался монтажно-тонировочный период, внезапно на целый месяц из-за болезни выбыл Александров. Когда же он вновь встал к режиссерскому пульта и началась «озвучка», плохо себя почувствовала уже Любовь Орлова.

И все же ей удалось довести начатое дело до конца, после чего в марте она легла в боль-

ницу. Врачи обнаружили у нее рак, но сказать об этом страшном диагнозе решились только Александрову. А он уговорил их наврать жене, что у нее обнаружены камни в желчном пузыре. Впереди ее ждала операция. А пока Орлова даже в больнице продолжала тщательно следить за собой. К примеру, в ее палате был установлен балетный станок (муж привез его с их внуковской дачи), и каждый день Орлова по нескольку минут разминалась на нем.

А теперь из Москвы перенесемся на время в мордовские лагеря, где сидели политические заключенные. Именно там в те дни созрела идея провозглашения Дня политзаключенного в СССР. Дело было так. В лагере № 3, что в поселке Барашево, где находилась больничная зона, известный правозащитник Кронид Любарский встретился с другим политэком Алексеем Мурженко, осужденным по знаменитому «самолетному делу» (смотри хронику 1970 года). Любарский прибыл туда из лагеря строгого режима (так называемого «черного»), а Мурженко — из лагеря особого режима («полосатого»). Больница же была тем местом, где были возможны контакты между эками из разных зон. Любарский и Мурженко встретились на

прогулке и буквально с первой же встречи стали обсуждать концепцию Дня политзаключенного. Причем нужное название подбирали очень долго. С самого начала было отвергнуто название «День советского политзаключенного», поскольку среди политэзков было много таких, кто не считали себя гражданами СССР, например те же литовские «лесные братья». Не менее долго обсуждалась и дата дня. Позднее будут писать, что был выбран день гибели Юрия Галанскова в лагере. Но это неверно, так как Галансков умер 4 ноября. Кроме того, эта идея, действительно возникшая, оказалась неприемлемой при существовавшей расстановке сил и отношениях между эсками в лагерях, поскольку Галансков был членом НТС и тем самым как бы российским деятелем. Поэтому идея установить дату Дня политзаключенного в день его смерти была бы неприемлемой для литовцев и украинцев. В конце концов, разработчики избрали 30 октября как нейтральную дату. При этом они исходили из следующих соображений: во-первых, разговоры эти были в марте—апреле, и требовалось время для оповещения и подготовки, во-вторых — многих политэзков к 1974 году перевели в Пермские зоны, которые тогда только начинались. Кроме того, хотелось напомнить властям о существовании политических заключенных перед праздником 7 ноября.

В начале марта из Канады на родину вернулись юниоры хоккейной команды ЦСКА. Это турне наши ребята провели блестяще: из шести игр победили в четырех, одну проиграли и одну (с фарм-клубом «Торонто Мейпл Лифз») свели вничью. Вернулись юниоры не с пустыми руками. Например, тот же Вячеслав Фетисов на 42 доллара командировочных целиком обновил свой гардероб: прикупил себе ботинки на огромной «платформе», две пары кримпленовых брюк в клеточку, вызывающего цвета желтые мохеровые носки и нейлоновую рубашку с огромным воротником. Не забыл и про близких: матери привез платье, отцу — кофту, бабушке и брату Анатолию тоже что-то обломилось. Кроме того, Фетисов привез из поездки чуть ли не килограмм «чун гама» (жевательной резинки), которая в Советском Союзе ценилась так же, как у островных аборигенов какие-нибудь спички. Когда Фетисов пришел в

школу, одетый в туфли на «платформе», в кримпленовые брюки, желтые носки, да еще со жвачкой во рту, его классная руководительница чуть в обморок не упала. Она тут же настучала директору, которая приказала Фетисову немедленно отправляться домой и переодеться в более привычную для советского школьника одежду.

В предпраздничные и праздничные дни отечественное телевидение побаловало своих зрителей хорошей «развлекухой». Тут и телефильм «Поэт Анна Герман» (2 марта), и трехчасовой концерт любимца всех советских женщин Муслима Магомаева (10 марта). А в праздничный день 8 Марта «развлекухи» было еще больше: в 18.05 был показан «Праздничный вечер в Останкине», в 20.00 — «Кабачок «13 стульев», после чего завершил праздничный телевечер концерт иноземной, но чрезвычайно популярной в Союзе эстрадной звезды из Франции Мирей Матье. Правда, ее концерт продлился недолго — всего полчаса. Спросите почему? Потому что сразу после него началась трансляция с 54-го чемпионата мира по фигурному катанию, проходившего в Мюнхене. А фигурное катание было любимым развлечением супруги генерального секретаря ЦК КПСС Виктории Петровны Брежневой. Зная про эту ее любовь, тогдашний председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин специально транслировал по телику все соревнования по этому виду спорта, как внутрисоюзные, так и международные. Вот и в тот день, 8 марта, фигурное катание транслировали как днем (13.05), так и вечером (с 22.00). К огромной радости всех советских болельщиков и Виктории Петровны Брежневой, на чемпионате в Мюнхене победили наши: среди танцевальных пар «золото» взяли Ирина Роднина и Александр Зайцев, в произвольной программе — Людмила Пахомова и Александр Горшков.

В эти же дни Михаил Ульянов усиленно искал новую пьесу для постановки в Театре имени Вахтангова. Перебрав в уме, наверное, с десятком авторов, Ульянов в конце концов остановился на Василии Шукшине. Он позвонил ему домой и спросил: нет ли у того чего-нибудь «новенького»? К радости Ульянова, Шукшин сообщил, что такая пьеса есть. «Приезжай, по-

кажу», — предложил он. Далее послушаем самого М. Ульянова:

«Я приехал — уже в новую четырехкомнатную квартиру на улице Бочкова. Шукшин только вернулся со съемок, был очень домашний и возбужденно-вдохновенный. На вешалке висели шубенки дочек, Ольги и Маши; я спросил:

— Ну, что, до печенки достают?

Василий Макарович как-то радостно пожаловался:

— О, не говори! Дырки в боку крутят!

Мы сидели втроем — Лидия Николаевна, я и Шукшин; он сказал:

— Вот моя пьеса «Точка зрения». Но учти: я сейчас собираюсь писать новую.

И опять открылся тот человек, которого я уже дважды видел: на студии, во время рассказа о Степане Разине, и у Тарковского.

У него была странная манера: когда захлестывала какая-нибудь идея, он, разговаривая, вставал и проводил рукой по голове от лба к затылку — он делал так, даже снимаясь в кино.

Василий Макарович стал рассказывать сюжет «А поутру они проснулись». Я хохотал, а он говорил подробно, как будто читал наизусть. Возможно, часть пьесы уже была написана, а может быть, уже вся родилась в голове, и ее оставалось только записать.

Кончив рассказ, он бросил:

— Я сейчас подарю тебе книгу.

И действительно, подарил сборник рассказов «Характеры» с надписью: «Михаилу Ульянову — земляку, коллеге, художнику — с дружбою. В. Шукшин».

Лидия Николаевна сказала:

— Во, смотри, как он расщедрился!

Из этого я понял, что Шукшин не так уж часто свои книжки дарил. Но, очевидно, такая у него была светлая минута, так ему было хорошо, что он и в самом деле расщедрился. Что же касается землячества, упомянутого им, то оно у нас довольно относительное — только сибирское: я — из Омска, Василий Макарович — с Алтая...

Я сказал:

— «Точку зрения» я прочту, но, конечно, подожду новую пьесу — ты так интересно рассказал... Я уж лучше подожду.

— Ну, смотри. Я сейчас уезжаю сниматься, а как только пьеса будет готова, так сразу тебе и пришлю...»

В не меньших заботах, чем деятели искусства, пребывал в том марте и отечественный преступный мир. В один из тех холодных мартовских дней небезызвестный Вячеслав Иванов, или Япончик, вместе со своими приятелями мирно отдыхал в подмосковном ресторане «Русь» (район Салтыковки). Это заведение было очень популярным в те годы, там собиралась самая разношерстная публика, от бандитов до известных артистов, спортсменов и т. д. Вот и в тот день ресторан был забит до отказа самыми разными посетителями, каждый из которых пришел сюда отвлечься от мирской суеты и предаться веселью. Последнего было в избытке, поскольку на небольшой эстраде вовсю наяривал популярный шлягеры ресторанный ансамбль. Кстати, играли ребята совсем неплохо, ведь тогдашние музыканты, игравшие в ресторанах, могли дать фору любому из нынешних поп- и рок-звезд. Но это так, к слову. В тот вечер репертуар музыкантов «Руси» состоял из весьма разнообразных произведений. Например, сыграв «Увезу тебя я в тундру», могли сбавить «Мурку» или «Утреннюю гимнастику» Высоцкого. Особой строкой проходили произведения, которые заказывали сами посетители ресторана. К примеру, грузины чаще всего просили спеть «Сулико» или сыграть «Лезгинку», молдаване «Гуцулочку» и т. д. Музыканты шли на такие просьбы охотно, потому как каждый заказ оплачивался отдельной строкой: заказчик совал «чирик» (червонец, 10 рублей) кому-либо из музыкантов и выходил в круг.

В тот злополучный вечер именно с заказной песни все и началось. Группа молодых людей, представлявших далекую Грузию, видимо, перебрав со спиртными напитками, стала гонять одну грузинскую песню за другой. Когда кто-то из посетителей другой национальности возмущался, грузины полезли в драку. Иванов и его приятели, сидевшие поблизости и тоже изрядно перебравшие с крепкими напитками, ввязались в драку не с грузинской стороны. Начался мордобой, который в любом ресторане никогда не считался делом из ряда вон. Вот и эта драка не стала неожиданной для персонала «Руси», поскольку нечто подобное там периодически происходило. Обычно в таких случаях администрация вызывала милицию, которая вязала драчунов и скоренко оформляла «про-

токолы о хулиганке». В зависимости от ущерба, нанесенного государственному имуществу (поломанные столы, стулья, разбитые стекла), выносились и наказания: от денежных штрафов до 15 суток исправительных работ и даже заключения в тюрьму. Однако той мартовской драке навсегда суждено было войти в криминальную историю Советского Союза. И не тем, что там было поломано больше всего столов и стульев, разбито несметное количество посуды и свернуто носов, а тем, что именно тогда застрелили человека. А произошло это так.

В разгар драки, когда грузины стали теснить Япончика и его приятелей, один из друзей Иванькова выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в противника. Обливаясь кровью, тот рухнул на пол. В следующую секунду в ресторане началась настоящая паника, и люди буквально бросились врассыпную (до этого все они с интересом наблюдали за побоищем со стороны). Попытались скрыться с места происшествия и участники мордобоя, однако повезло не всем. Например, тот, кто стрелял из пистолета, сумел в суতোлке выбежать на улицу и, заскочив в первую же попавшуюся машину, исчезнуть с места преступления. А вот Иванькову, которого грузины сумели настичь у выхода и скрутить руки, пришлось отправляться в ближайшее отделение милиции. Там выяснилось, что водительское удостоверение у него фальшивое, и ему к «хулиганке» добавили еще и подделку документов. В итоге Иванькова отправили прямоком в Бутырку.

Буквально на вторые сутки после побоища вся Москва наполнилась слухами о нем. Причем слухи ходили самые невероятные: например, утверждалось, что бандиты устроили перестрелку между собой, уколошили несколько человек с обеих сторон да еще ранили нескольких посторонних свидетелей. Даже «Голос Америки», который уделил этому случаю несколько минут в передаче новостей из Советского Союза, не избежал неточностей, описывая побоище со слов иностранцев, присутствовавших в ресторане. Короче, шум эта история наделала большой. Что, кстати, неудивительно. Это в нынешние дни Москва превратилась в нечто вроде Чикаго 30-х, а в те приснопамятные годы если и велась стрельба на улицах города, то только из рогаток. Любой случай несанкционированного применения огнестрельного оружия рас-

следовался с особым рвением, и виновных старались наказать максимально строго. Впрочем, с делом о перестрелке в ресторане «Русь» все вышло несколько иначе, о чем разговор у нас пойдет чуть позже. А пока продолжим рассказ о других событиях марта 74-го.

В том месяце сыщикам Московского следственного отдела МВД СССР удалось-таки арестовать опасную криминальную парочку, этаких Бонни и Клайда советского разлива — супругов Егоровых. Правда, в отличие от своих американских предшественников, наш криминальный дуэт специализировался не на кровавых нападениях на банки, а на кражах. Впервые супруги засветились в июне 73-го, когда на ряде железнодорожных вокзалов страны были зафиксированы кражи личных вещей у пассажиров. В результате оперативных мер был арестован некий гражданин Фецич, который на первом же допросе показал, что работал не один, а в трио с супругами Егоровыми. Однако, где именно те скрываются, задержанный не знал: сказал, что они люди осторожные и привыкли подолгу в одном и том же городе не задерживаться.

Тем временем из разных городов страны вскоре стали поступать сведения о новых кражах, которые по почерку были весьма похожи на те, что совершали Егоровы. Так, в Днепропетровске некая миловидная особа вызвалась потеречь вещи у пассажирки дальнего следования, пока та отлучилась по малой нужде. Когда пассажирка вернулась, ни гражданки, ни своих вещей она уже не обнаружила. В тот же день миловидную особу в компании с каким-то мужчиной видели уже на городском пляже. А потом одна из отдыхающих недосчиталась своего транзисторного приемника. Спустя сутки парочка засветилась на другом вокзале и совершила несколько краж вещей из тамошних камер хранения. Действовали преступники без особой хитрости: под видом пассажиров, хранящих багаж в камере, они подсматривали, как другие люди набирают цифры кода.

Чуть позже супруги Егоровы объявились в Ленинграде, потом в Киеве, Саратове и других городах Союза. Приехали они и в Москву. Здесь первым делом Егоров наведлся в магазин Военторга, что на Калининском проспекте, и купил себе форму майора Советской Армии. Сделано это было неспроста: понимая, что их уже

давно ищут, преступники решили сменить почерк и переквалифицироваться в кидалы. Трюк удался — с помощью военной формы криминальная парочка облапошила еще не один десяток доверчивых граждан. На этот раз их жертвами стали желающие приобрести автомобили. Егоров обещал людям помочь в покупке авто (дескать, по своим, военным, каналам), и те безбоязненно доверяли ему свои деньги. В те годы доверие простых граждан к военным было почти безоговорочным. В итоге за короткое время Егоровы обманным путем сумели завладеть астрономической по тем временам суммой — почти 40 тысячами рублей! И все же, сколь веревочке ни виться... Короче, в марте 74-го Егоровых арестовали.

Генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев отправился в Пицунду. Но не отдыхать, а работать: 12 марта там у него состоялась встреча с президентом Франции Жоржем Помпиду (кстати, это была последняя официальная встреча президента — через три недели он скончается). А день спустя Брежнев прибыл в Алма-Ату, где намечались торжества по случаю 20-летия освоения целинных земель. Послушаем очевидцев, присутствовавших на этих торжествах. Рассказывает журналист А. Мурзин (кстати, вскоре именно он будет одним из тех, кто сядет писать за Брежнева его нетленки — книги «Целина», «Возрождение» и др., о чем обязательно будет рассказано позже):

«Я Брежнева в первый раз наблюдал на праздновании двадцатилетия целины в 74-м году. Тогда он был еще вполне здоровым. Мы с Валерием Болдиным (да, с тем самым, который при Горбачеве стал руководителем аппарата президента, а потом в «Матросской Тишине» за ГКЧП сидел) поехали в Алма-Ату от «Правды».

В три часа ночи мы встречали Брежнева в аэропорту. На летном поле — номенклатура всего Казахстана, человек 600 выстроились. Все Политбюро ЦК КПСС съехалось, все казахстанские соседи. Только здоровался он, наверное, часа два. А через день с утра (15 марта. — Ф. Р.) юбилейное заседание, потом концерт, а после банкет.

Там, на банкете, куда кому сесть — пофамильно указано было. Все уже сидят, а Брежнева нет. Кунаев (1-й секретарь ЦК КП Казахстана. — Ф. Р.) говорит: «Товарищи, Леонид Иль-

ич задерживается, просил не беспокоиться, он сейчас придет. А я пока произнесу первый тост». Но тут в дверях появляется Брежнев, и на его знаменитой брови белый пластырь. По залу легкий шумок. Только что вроде на концерте сидел без пластыря. Брежнев пошутил: «Вы, конечно, уже подумали, что Брежнев напился и ударился бровью об угол. Это не так. Это — фурункул. Я ведь прилетел из Пицунды с переговоров с Помпиду. Там солнце, а у вас март, холод. Вот немного простудился. Так что первый тост буду произносить я». Ну, дальше «юбилейничали» до четырех утра. И он из зала не ушел, пока все не кончилось. Здоровый, крепкий был...»

Юбилейное заседание, на котором Брежнев толкнул речь часа эдак на два, в общем-то ничем не примечательно: обычные хвалебные словеса. Однако было в докладе генсека одно место, которое вскоре вошло в историю. Что же такого эпохального сказал генсек? А сказал он следующее: «целина не кончается казахстанскими или алтайскими степями. Целина — это тайга Сибири, тундра Севера... Чтобы быть более конкретным, назову лишь один из готовящихся проектов. Это — Байкало-Амурская магистраль, железная дорога, которая пересечет всю Восточную Сибирь и Дальний Восток... Убежден, товарищи, что эта стройка станет всенародной...» Как в воду глядел: вскоре на БАМ отправился первый строительный отряд (600 человек), за которым потянулись и другие. БАМ на долгие годы стал не просто стройкой, а мощным идеологическим оружием в руках режима. Приведу по этому поводу слова бывшего собкора «Комсомольской правды» на БАМе В. Сунгоркина:

«Для речи Брежнева изыскивался яркий пример, подтверждающий преемственность традиций трудового подвига. Да и «большая внутренняя политика» требовала существенного «освежения лозунгов», большой, красивой цели для молодого поколения — экономические реформы окончательно затухли, общественная жизнь скучнела, старые призывы обветшали, и никому уже не казались романтическими. Что затеять для всенародного подвига? Новый завод-гигант? Плотины? Город? В эпоху космоса подобное слишком — как бы это выразиться — худосочно... И к тому же все уже было... Думаю, шел поиск. Проворачивались аппарат-

ные шестеренки. Нажимались рычаги. Я не знаю, чей гений проинформировал «самого» о БАМе. Хотя проектирование трассы ни шатко ни валко шло с середины шестидесятых годов, хотя с декабря 1971 года почти в «секретном порядке» и очень неторопливо укладывали рельсы от Транссиба на захоластный поселок Тындинский, это вовсе не означало, что вот-вот начнется «небывалое по размаху» — от Байкала до Амура! А если точнее, то ведь еще «ширше» оказался замах — от Братска до Тихого океана. Думаю, неслучайное совпадение и в том, что БАМ был одним из крупнейших довоенных проектов И. В. Сталина. Любовь к прижизненным памятникам и грандиозным в природно-географическом смысле преобразованиям (что, видимо, органически взаимоувязано) была характерной чертой обеих личностей...

14 марта в газетах появился Указ о присвоении званий народных артистов СССР двум звездам отечественного кинематографа: Нонне Мордюковой и Евгению Матвееву. В те дни они готовились к съемкам в очередных фильмах: Мордюкова должна была сыграть одну из главных ролей у Алексея Салтыкова в «Семье Ивановых» и сняться в эпизоде у Сергея Бондарчука в шолоховской экранизации «Они сражались за Родину», Матвеев — главную роль в собственном фильме «Любовь земная».

На столичных экранах идут премьеры новых фильмов. 4 марта их случилось сразу две: вышла мелодрама Федора Филиппова «**Это сильнее меня**», где главную мужскую роль исполнил дебютант Александр Михайлов и уже признанная звезда Валентина Малявина, и историко-биографический фильм про украинского писателя Ярослава Галана «**До последней минуты**». 11-го состоялись еще две премьеры: вышел фильм Виктора Трегубовича «**Старые стены**», где в роли директора ткацкой фабрики зрители увидели Людмилу Гурченко, и «**Письмо из юности**» Юрия Григорьева с участием Леонида Неведомского, Евгения Карельских и др.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Они встретились в пути» (1-го), «Цыплят по осени считают» (премьера т/ф), «Адмирал Ушаков», «Поздний ребенок» (2-го), «Петр I», 1-я серия (3-го), «Виринея» (4-го), «Невестка» (впервые на ЦТ), «Сергей Лазо» (5-го), «Старшая сестра» (6-го), «Простая история» (7-го), «Я вас любил», «Женщины» (8-го),

«Свадьба», «Двое в пути» (9-го), «Звонят, откройте дверь», «Петр I», 2-я серия (10-го), «Решающий шаг» (12—13-го), «Сюжет для небольшого рассказа» (14-го), «Один шанс из тысячи» (15-го) и др.

На эстрадных площадках выступали следующие артисты: 5—17-го во Дворце спорта в Лужниках состоялись сборные концерты с участием Николая Озерова, Валентины Толкуновой, Валерия Золотухина, Геннадия Хазанова, Ольги Аросевой, Бориса Рунге, Бориса Владимировича, Вадима Тонкова, ВИА «Веселые ребята» и др.; 9—11-го в ГЦКЗ слушателей радовал своим искусством испанский певец Мичел; 6, 7, 10, 11, 14-го в ГТЭ продолжил свои гастроли Аркадий Райкин и его театр миниатюр; 8—10-го в «Октябре» выступали ВИА «Голубые гитары» и югославская певица Аница Зубович; 9—10-го в ГТЭ выступал дуэт Мария Миронова—Александр Менакер.

Аркадий Бушко продолжает подготовку к страшному преступлению — убийству родного отца и мачехи. Как мы помним, еще в конце февраля заговорщики провели последнюю встречу, где обсудили все детали предстоящей операции. Вечером 15 марта Кочегарову домой позвонил Аркадий и предупредил, чтобы завтра тот обязательно был дома — операция вступит в решающую стадию. Кочегарову, который на каком-то этапе внезапно струхнул и стал искать любую возможность, чтобы выйти из этого жуткого дела, впервые стало по-настоящему страшно. Но пути к отступлению уже не было.

Утром следующего дня Бушко вновь позвонил сообщнику и сказал, что операция началась: третий их напарник, Мусин, под предлогом показа Тросману какой-то редкой коллекционной тарелки выманил супругов к себе на квартиру в районе метро «Баррикадная». Он рассчитал: его мать накануне уехала к своей подруге в Павловский-Посад, поэтому помешать расправе никто не мог. Оставив гостей в одной из комнат, Мусин зашел в ванную, где сделал себе укол адреналина — чтобы по-настоящему возбудиться. Затем взял в руку заранее припасенный обрубок свинцового кабеля и вернулся к гостям.

Первый удар пришелся по Тросману: старик свалился на пол, даже не успев понять, что произошло. Его жена только всплеснула руками от ужаса, как обрубок кабеля опустился уже

на ее голову. Но в самый последний момент женщина успела откинуть голову в сторону и удар пришелся по плечу. Тогда Мусин схватил жертву руками за шею и стал душить. В этот момент очнулся Тросман и сделал попытку подняться на ноги. Мусин отбросил от себя полузадушенную женщину и бросился на кухню. Схватив со стола нож, он стал наносить удары в разные части тела. Когда Тросман затих, Мусин этим же ножом добил женщину.

Практически сразу после убийства Мусин позвонил Бушко и доложил о проделанной работе. Выслушав похвалу от заказчика, он попросил срочно привезти к нему на квартиру несколько рулонов обоев: доскать, старые забрызганы кровью, надо переклеивать. Бушко отнесся к этой просьбе с пониманием. Он тут же перезвонил Кочегарову и назначил ему встречу через час на площади Пушкина. Когда тот явился, он передал ему деньги, приказал купить на них обои и отвезти их к Мусину на «Баррикадную». Далее послушаем рассказ самого Кочегарова:

«Когда я вошел в квартиру Мусина, в малой комнате я увидел, что трупы были завернуты в одежду и связаны веревкой, рядом была лужа крови, на стенах и креслах было множество пятен алой крови... Мы позвонили Аркадию и попросили, чтобы он привез мешки для упаковки трупов...»

Когда Бушко вошел в квартиру, он первым делом поинтересовался у Мусина, где бумажник его отца. Мусин сходил к трупам и вскоре вернулся с искомым бумажником. Бушко при нем достал из него 100 рублей и паспорт отца. Паспорт он оставил себе, а все остальное отдал убийце: мол, пользуйся, заработал.

Около шести вечера все трое вышли из квартиры и поехали в центр города, по дороге договорившись, что в понедельник, 18 марта, встретятся в кафе «Ивушка», где Бушко передаст Мусину остальные причитающиеся ему деньги. Расстались они на площади Пушкина: Бушко отправился домой, где как ни в чем не бывало сел смотреть по телевизору концерт Эдуарда Хиля, а Мусин и Кочегаров пошли в ресторан ВТО, чтобы обмыть свершившееся. Просидели там до 11 вечера, после чего пешком направились к Белорусскому вокзалу. По дороге тормознули грузовик и договорились с его водителем о перевозке трупов, упомянув, ес-

тественно, не их, а некий «груз». Купившись на предложенные деньги, водитель повез их к «Баррикадной». «Груз» Мусин и Кочегаров перетаскивали сами, попросив водителя оставаться в кабине. Спустя полчаса они были уже в районе Саввинской набережной. Отпустив грузовик, преступники сбросили трупы в Москва-реку, недалеко от окружного железнодорожного моста, после чего разошлись в разные стороны...

Владимир Мотыль продолжает работу над фильмом «Звезда пленительного счастья». В те дни съемочная группа проводила досъемки ранее отснятых эпизодов, относящихся к восстанию декабристов. Так, 17 марта съемочная группа расположилась на Дворцовой площади, куда по этому случаю набежало огромное количество зевак. Правда, благодаря милицейскому оцеплению зрителям пришлось наблюдать за всем происходящим издалека. Но и это дорогого стоило. У всех собравшихся на площади ленинградцев было такое впечатление, что время повернулось вспять и они по мановению волшебной палочки очутились в России времен правления императора Николая I.

В Москве едва не «забрили» в солдаты знаменитого форварда хоккейной команды «Спартак» Александра Якушева. Он считался одним из лучших советских хоккеистов, и мечта заполучить его в свои ряды давно преследовала руководителей ЦСКА. Однако на все предложения перейти туда добровольно Якушев отвечал категорическим отказом. Тогда решено было призвать хоккеиста на действительную военную службу и таким образом заставить облачиться в форму ЦСКА. 13 марта наши хоккеисты вернулись из Праги, где сыграли две товарищеские игры со сборной ЧССР (одну «продули» 5:7, другую выиграли 4:3), а 17-го должны были вылететь в Финляндию и Швецию на серию товарищеских игр с командами этих стран. И вот вечером, перед самым отъездом на вокзал, в доме Якушева раздался звонок в дверь. Супруга спортсмена Татьяна глянула в глазок и увидела, что на лестничной площадке стоят офицер и два солдата. «Армейцы!» — тут же донесла жена мужу. Ситуация создалась аховая: через пару часов Якушеву надо быть на вокзале, а тут такое... Однако открывать непрошеным гостям Якушевы не стали. Уловка удалась: офицер с солдатами поверили в то, что

хозяйева отсутствуют, и минут через пять удалились восвояси. Проводив их взглядом из окна, Якушев скоренько собрал свой чемодан и помчался на вокзал. В дальнейшем он поведал эту историю руководителям «Спартака», те предприняли определенные меры, и больше армейские начальники выдающегося форварда не беспокоили.

В тот же вечер Театр на Таганке давал выездные гастроли в Подмоскowie. Показывали спектакль «Антимиры», причем играли его халтурно. После показа речь промеж артистов зашла о политике, и Высоцкий выдал следующий монолог: «Мы ничего не понимаем ни в экономике, ни в политике, ни в международных делах... Мы косноязычны, не можем двух слов сказать... Страшно подумать. И не думать нельзя. А думать хочется... Что ж это такое?! А они — эти — все понимают...»

18 марта в кафе «Ивушка» состоялась очередная встреча трех преступников: Бушко, Кочегарова и Мусина, два дня назад убивших чету пенсионеров. Заказав себе роскошный стол, убийцы распили две бутылки водки за благополучное завершение дела, а также за упокой душ убиенных. В конце встречи Бушко передал Мусину остатки гонорара — 1 тысячу рублей. Когда подельники расходились, Мусин спросил у Бушко, как он собирается действовать дальше. Тот ответил: мол, через неделю подам заявку в милицию о пропаже отца и мачехи. «Напишу, что вдвоем ушли из дома и не вернулись. Пусть ищут».

В тот же день в Одессе Андрей Тарковский закончил натурные съемки фильма «Зеркало», работу над которым он начал еще в прошлом июле. Другой известный кинорежиссер — Андрей Михалков-Кончаловский — в эти же дни заканчивает работу над лентой «Романс о влюбленных». На «Мосфильме» шли последние павильонные съемки. Например, 18—19 марта переснимали ряд эпизодов в декорации «квартира Тани» с участием Елены Кореньевой и Ии Саввиной, 21-го — эпизоды в декорации «новая квартира Сергея» с участием Евгения Киндинова, Ирины Купченко, Владимира Конкина.

21 марта на съемочной площадке фильма «Звезда пленительного счастья» проходили досъемки одного из самых кульминационных эпизодов ленты — восстание декабристов. На

Сенатской площади была выстроена огромная массовка, изображавшая солдат лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков и лейб-гвардии морского экипажа. Всего в массовке участвовали около тысячи человек, включая и тех, кто изображал любопытных зрителей, пришедших 14 декабря 1825 года поглазеть на восстание. Съемка длилась практически весь день и по смете съела 1442 рубля.

В том же Ленинграде другой кинорежиссер — Леонид Квинихидзе — снимал куда более легкую вещь — водевил «Соломенная шляпка» (съемки начались в павильонах «Ленфильма» 7 марта). 22 марта должны были снимать эпизод, когда Фадиар (Андрей Миронов) приходит в дом к Бонартье (Ефим Копелян) в поисках злополучной соломенной шляпки. Однако съемка в тот день так и не состоялась — Миронова не отпустили в Театре сатиры, из-за чего убытки киношников составили 637 рублей. Актер прилетел в Ленинград только на следующий день, после чего эпизод был благополучно отснят. Затем группа переместилась в ленинградский Дом писателей, который на пару-тройку съемочных дней должен был стать дворцом баронессы де Шампеньи (эту роль играла Алиса Фрейндлих). По сюжету там ждали к ужину знаменитого тенора из Болоньи (Михаил Боярский), а вместо него пришел Фадиар в поисках соломенной шляпки. Спутав Фадиара с тенором, к нему начинает «клеиться» большой любитель мальчиков, кузен баронессы виконт Ахилл де Розельба (Михаил Козаков). Это ему принадлежит знаменитая фраза, которая после выхода фильма на широкий экран прогремит на всю страну: «Такой мо-о-оденький-мо-о-оденький».

Как будет вспоминать сам Козаков, съемки этого эпизода были сплошной импровизацией. Причем душой импровизации был Миронов, который начинал хохмить еще задолго до начала съемок — за завтраком в ресторане гостиницы «Астория». Это была так называемая разминка. Козаков эту игру подхватывал и вел себя таким образом на протяжении двух дней. Но на третий, видимо, устал. Как он сам говорит, идиотничать надоело. Миронов же ментально это почувствовал и понял, что нужны сильные средства, чтобы вернуть партнеру комедийное расположение духа. Далее послушаем рассказ самого М. Козакова:

«После команды «Мотор!» я начинаю проносить какую-то тираду, стоя лицом к Миронову и кинокамере. Он в этом кадре — к камере спиной. Вдруг Фадиар мне улыбается во весь рот мироновской улыбкой, и я столбенею: все зубы у него золотые, все как один! Я прыснул, потом затрясся от смеха. Этот тип во время сцены, по ходу дубля, каким-то образом вставил себе в рот золотую фольгу от шоколада! Я захохотал в голос. Дубль был испорчен. И слава богу, так как выходка Миронова вернула мне озорство, кураж, и уже следующий дубль я играл, опять весело хулиганя...»

В тот же город на Неве киношная судьба занесла в те дни и режиссера Элема Климова, который заканчивает снимать фильм «Агония» про Григория Распутина. 24 марта должны были снимать один из ключевых моментов с участием исполнителя главной роли актера Алексея Петренко, но из-за внезапной болезни последнего дело застопорилось. О том, какими сложными были те съемки, рассказывает сам Э. Климов:

«Был март, еще снег лежал... Север. Ленинград. И вот мы приезжаем в Царское Село, в Екатерининский дворец.

Петренко спрашивает:

— Что будем делать?

— Нужно в воду окунуться.

— Как? О чем вы говорите? У меня же сердце больное. Для меня охлаждение смертельно!

— Вот стоит «Волга» нагретая, с врачами, вас спиртом разотрут.

— Вы же говорили — проходыки?!

А я ведь тогда какое решение принял? Или я его вылечу, или он всю жизнь будет с комплексом больного мучиться. Это я уже без докторов сам решил. Но я брал на себя такую ответственность. А вдруг помрет?

— Алексей Васильевич, — говорю, — на вас же вся группа смотрит! Сейчас из Екатерининского дворца принесут бидон с теплой водой, нальем лужу.

Это все наивно было, конечно. Там такая лужа! И март, и минусовая температура. Наконец несут бидон, выливают.

— Да вы что, смеетесь, ребята? Господин режиссер, вы хотите меня убить?

Я говорю:

— Ваш дом — через парк проехать.

Вокруг стоят доктора, медсестры со шприцами наготове. А я в белом тулупе показываю.

— Леша, вот вы медленно, как на рапиде, становитесь на колени и потом ложитесь... И валяетесь. Но только вот отсюда и досюда, справа налево.

Все собравшиеся в стрессе пребывают: болезнь есть болезнь. Командую: «Мотор» — и Петренко медленно падает, погружается в эту ледяную жижу, в грязь. Ужас это было видеть. И вдруг поворачивается в другую сторону. А камера уже наведена, и фокус, и ассистент панораму повел. И тут оператор, Леня Калашников, останавливает съемку. С Петренко истерика. Докторицы ведут его в машину, сняли дерюгу, отмывают, обтирают. Он кричит: «Поехали! Скорее!» И тогда я подхожу к водителю (а он без моего приказа никуда не двинется) и велю оставаться на месте.

А Петренко визжит, умоляет:

— Домой! Погибаю!

Я повторяю:

— Стоп. Мы же не сняли. Придется повторить сцену.

— Да я же умираю!

— Но ведь еще не умерли...

Я сам своими руками организовал весь этот ужас. Вместо легких проходиков устроил актеру это купание, эту ледяную баню. Правда, в результате ему после этой съемки стало лучше. Он преодолел что-то в себе...»

Не знаю, как насчет «стало лучше», однако, согласно съемочному журналу, 24 марта Петренко свалила с ног болезнь, и съемки были приостановлены. Актер вернется на площадку через неделю, но об этом речь пойдет в следующей главе. А пока продолжу рассказ о событиях конца марта.

За день до того, как Петренко свалила болезнь — 23 марта, — состоялось знакомство известного офтальмолога Святослава Федорова со своей будущей женой Ирэн Ивановой. Дело было так. На тот момент Ирэн была уже разведена с первым мужем и воспитывала в Москве двух дочек-двойняшек. В Ташкенте у нее жила родная тетька, у которой были серьезные проблемы с глазами. И однажды родственница прислала племяннице письмо: дескать, до нас дошел слух, что в Москве объявился чудо-лекарь Святослав Федоров, нельзя ли попасть к нему на прием? Ирэн тут же позвонила в Ташкент и, даже не договариваясь с Федоровым, пообещала тете устроить ее в его клинику.

Затем последовал звонок самому офтальмологу и просьба принять ее минут на десять в ближайшие дни.

Готовясь к этой встрече, женщина постаралась узнать про знаменитого глазника как можно больше: умен, независим, давно женат, но обстановка в семье на грани развода. Последнее обстоятельство привлекло особенное внимание Ирэн. Поэтому на встречу с Федоровым 23 марта она отправилась в своем лучшем ярко-красном пальто. И вместо оговоренных десяти минут провела в его кабинете... два часа! По словам самой И. Федоровой:

«Я влюбилась в него с первого взгляда. Помните, когда я была совсем юной, мне безумно нравился Марлон Брандо. Такой тип мужчины. Так вот, когда я в первый раз увидела Славу, я подумала: «Боже, как он похож на Марлона Брандо!»

Судя по всему, Ирэн сумела произвести на Федорова очень хорошее впечатление, поскольку он, во-первых, и тетю ее прооперировал, и ее саму к себе приблизил. Пока тетя будет лежать в глазной клинике, Ирэн чуть ли не каждый день будет ее там навещать и при этом обязательно заглядывать к Федорову. Он даже будет брать ее с собой на обходы и совещания.

В воскресный день, 24 марта, миллионы советских подростков в 9 часов утра уселись перед телевизором, чтобы в очередной раз посмотреть любимую передачу — «Будильник». Я бы не стал выделять этот выпуск передачи из многих прочих (а за 8 лет существования «Будильника» их было несколько сот), если бы в ней не состоялась премьера нового сюжета — «Любимый внук» с замечательным клоуном Олегом Поповым в роли Внука и А. Алешичевым в роли его Бабушки. Сколько лет прошло с тех пор, а память до сих пор хранит чуть ли не все хохмы, разыгранные в той передаче: Внук смывает кляксы в тетради с помощью стиральной машины, до блеска начищает обувь зубной пастой, убегает от гаишника и т. д. Вроде бы наивные, по сегодняшним меркам, гэги, но с каким восторгом они воспринимались тогдашними детьми. В «Будильник» на имя Внука шли мешки писем! А сейчас кому пишут? Покемону? Ну да ладно...

В эти же дни конца марта Москва полнилась слухами об уникальной операции, кото-

рую провели врачи скорой помощи НИИ имени Склифосовского. В роли пациентки выступила 21-летняя москвичка, которой по ее же собственной вине оторвало от плеча левую руку. Пострадавшую доставили в больницу через несколько минут после случившегося, причем левая рука у нее висела всего лишь на одном лоскуте кожи. Ответственный хирург кандидат медицинских наук В. Теряев не решился в одиночку оперировать столь сложную пациентку и вызвал себе на подмогу ученика академика Б. Петровского В. Леменева. Однако и вдвоем они поначалу боялись пришивать руку, поскольку не были уверены в том, что вредные продукты не попадут в кровь (такой случай произошел недавно в одной из больниц). Коллеbanия медиков длились несколько минут, после чего они решили: пришивать (в операции участвовал и третий медик — хирург В. Вершинин).

В течение часа врачи промывали поврежденную руку охлажденными растворами, после чего начали оперировать. В ходе операции больной перелили четыре литра донорской крови. Итог операции: отторжения руки не произошло. Больную после этого отвезут в Институт клинической и экспериментальной хирургии, где она пройдет трехнедельный курс адаптации, а затем вновь вернется долечиваться в Склиф. Но это случится уже в апреле, а пока вернемся в конец марта.

Нешуточные страсти разгорелись вокруг примы Большого театра Галины Вишневской. Тогда на фирме грамзаписи «Мелодия» записывалась опера «Тоска», главную партию в которой на сцене Большого театра великолепно исполняла Вишневская. Однако в случае с «Мелодией» на запись главной партии пригласили другую певицу — Милашкину. Вишневская этого не знала и была крайне удивлена, когда оркестранты сообщили ей эту новость и выразили сожаление, что она отказалась от такой записи. «Я ни от чего не отказывалась, поскольку в первый раз слышу об этом!» — сказала она. «Как не знаете? А нам сказали, что вы сами отказались от этой партии», — пожали плечами оркестранты.

Едва Вишневская приехала к себе домой на Кутузовский проспект, как ей позвонила по

телефону одна из музыкальных редакторш студии грамзаписи.

— Галина Павловна, не отказывайтесь от записи, — с ходу начала она уговаривать певицу. — Вы же знаете, что, если мы сейчас не сделаем пластинку, больше «Тоску» на нашей с вами жизни писать уже не будут. Ведь Милашкина записала несколько лет назад, это будет вторая.

— Но я не отказывалась от записи! — сообщила редактору неожиданную новость Вишневская.

— Правда? А нам сказали другое...

Затем было еще несколько подобных звонков, которые окончательно убедили Вишневскую, что оставлять это дело на самотек она не имеет права. В ней разыгралась гордость (прима все-таки!), и она решила действовать. Вместе со своим мужем Мстиславом Ростроповичем она направилась напрямик к министру культуры Екатерине Фурцевой, чтобы расставить все точки над «i». Как вспоминает прима, в тот день министр была «подавши» и плохо понимала, чего от нее хотят просители. Наконец сообразив, в чем дело, она пообещала во всем разобраться. Вишневская с мужем ушли более или менее успокоенные.

Однако спустя два дня Фурцева позвонила Вишневской домой и сообщила, что две записи «Тоски» разрешить не может, что это против всяких правил. Взбешенная Вишневская бросила трубку, не желая больше разговаривать с министром. Тут же она рассказала об этом звонке мужу, и тот позвонил в ЦК Петру Демичеву (вскоре он сменит Фурцеву на посту министра, а пока он возглавляет отдел, занимающийся вопросами культуры), но того на месте не оказалось. Пришлось упрашивать секретаря, чтобы тот сообщил шефу, кто звонил и по какому поводу. Секретарь оказался человеком исполнительным, в итоге через какое-то время Демичев перезвонил Вишневской домой. Та, вся в слезах, рассказала ему о разговоре с Фурцевой. Демичев пообещал разобраться с этим делом немедленно и тут же позвонил министру. Судя по всему, взгрел он ее хорошенько, поскольку спустя каких-нибудь десять-пятнадцать минут после разговора с Демичевым дома у Вишневской вновь зазвонил телефон. Звонила, как вы догадались, Фурце-

ва. Теперь это был уже совершенно другой человек. О своем недавнем запрете записывать пластинку она уже не вспоминала, более того — пообещала ей «зеленую улицу» в этом деле и даже разрешила, чтобы оркестром на записи руководил Ростропович. А следом за министром prime позвонил генеральный директор «Мелодии» Пахомов и назначил окончательную дату записи — ближайший понедельник. Но тут в дело вмешались непредвиденные обстоятельства.

29 марта из Союза в Швейцарию должна была улететь супруга Солженицына. За несколько дней до отъезда она пришла к Вишневской, чтобы проститься. Они устроились на кухне, однако разговаривали исключительно знаками и с помощью надписей на грифельной доске, которую с собой принесла жена писателя-изгнанника. Эта мера предосторожности была неслучайной, поскольку квартира Вишневской прослушивалась КГБ.

В это же самое время группа артистов Большого театра, которая записывала первый вариант «Тоски», тоже не сидела сложа руки. Они отправились в ЦК КПСС к Демичеву и «настучали» на Вишневскую с мужем: мол, они и Солженицына у себя на даче привечали (писатель жил там в течение долгого времени, о чем речь уже велась), а вчера принимали у себя дома его супругу. Резюме: Ростропович не имеет права играть в оркестре Большого театра. Все детали этого разговора на следующий день Вишневской и Ростроповичу рассказал их хороший знакомый и сосед по дому министр внутренних дел СССР Николай Щелоков. Однако артисты отнеслись к его рассказу легкомысленно — им и в голову не могло прийти, что, после того как им дали «добро» на запись и Демичев, и Фурцева, у кого-то поднимется рука ее отменить. Но они ошиблись.

Утром 28 марта они уже собирались выйти из дома, чтобы ехать на студию, как вдруг им позвонил неизвестный доброжелатель и сообщил, чтобы они не тратили напрасно время на поездку — запись отменена. Ростропович попытался по телефону связаться с Фурцевой, но той на месте не оказалось. Не было ее в министерстве и через час, и через два. А когда на следующее утро Ростропович приехал к директору студии Пахомову, тот сообщил ему, что

запись «Тоски» отменили потому, что она... не нужна.

Когда Ростропович передал этот разговор жене, нервы у той не выдержали, и она заставила мужа сесть за стол и написать заявление на имя Брежнева с просьбой разрешить им уехать за границу всей семьей на два года. В тот же день заявление было передано в ЦК. А ближе к вечеру о нем стало известно в Министерстве культуры, и артистам позвонил заместитель министра Кухарский. Он был весьма учтив и пригласил Вишневскую с супругом немедленно приехать. Артисты поначалу стали отказываться, но затем согласились. Однако ехали они туда без особой надежды на благополучный исход. Так оно и получилось. Их разговор с замом Фурцевой (сама она так и не объявилась) закончился ничем, и своего желанья уехать за границу артисты не изменили.

28 марта свет увидел Указ о награждении большой группы деятелей кино очередными званиями, приуроченный к 50-летию «Мосфильма». Награждено было около 50 человек, я же назову некоторых из них. Итак, звания «Народный артист РСФСР» были удостоены: актеры и актрисы Виктор Авдюшко, Ирина Скобцева, Петр Глебов, Владимир Дружников, Всеволод Афонин, Иван Лапиков, Клара Лучко; режиссеры — Александр Алов, Владимир Наумов, Эльдар Рязанов, Юрий Озеров, Георгий Данелия.

Звание «Народный деятель искусств РСФСР» присвоено режиссерам: Евгению Карелову, Александру Митте, Андрею Михалкову-Кончаловскому, Андрею Тарковскому, Юрию Чулюкину, Ларисе Шепитько; звание «Заслуженный артист РСФСР» актерам и актрисам Жанне Болотовой, Николаю Губенко, Олегу Видову, Владимиру Заманскому, Савелию Крамарову, Раисе Куркиной, Эльзе Леждей, Сергею Никоненко, Светлане Светличной, Глебу Стриженову, Георгию Шпигелю, Евгению Шутову.

Стоит отметить, что в те годы продвижение документов на присвоение званий артистам проистекало чрезвычайно медленно по одной причине: чиновники таким образом пытались выудить взятки у претендентов на звания. Не знаю, каким образом получили свои звания другие артисты, представленные в упомянутом списке, но вот Савелию Крамарову, чтобы попасть

в почетный список, пришлось раскошелиться. Вот как он сам будет рассказывать об этом много позднее:

«Мне присвоили звание заслуженного артиста... остались формальности — несколько начальственных подписей. Что интересно, те люди, что должны поставить свою подпись, в первую очередь поздравляют меня со званием, хлопают по плечу, моргают глазами, мол, с меня причитается, а Указ не визируют. Месяц, второй, третий... И тут я понял, что с меня действительно причитается по их неписаным законам, и отнюдь не бутылка коньяку. Я сперва возмутился, мол, на каком основании, я снялся в стольких фильмах, конечно, и не в количестве дело, но все-таки... Не бывает дыма без огня. И тут мне один словоохотливый чиновник объяснил, что если бы я сыграл секретаря парткома, председателя колхоза из «Кубанских казаков», на худой конец сталевара, то получил бы звание без промедления. Я вспомнил, какие роли играл, и... сломался. Денег, конечно, не дал, не мог, хоть тресни, но подарки приволок...»

Между тем другого популярного актера — Андрея Миронова — в этом списке не было, поскольку к «Мосфильму» он не имел прямого отношения, однако документы на присуждение ему звания «Заслуженный артист РСФСР» уже готовятся в Минкульте, о чем обязательно будет рассказано в свое время. А пока актер находится в Ленинграде, где снимается в комедии «Соломенная шляпка». В конце марта снимались эпизоды в декорации «квартира Фадинара»: офицер (Игорь Кваша) и его любовница (Екатерина Васильева) требуют от Фадинара (Андрей Миронов), чтобы он немедленно доставил соломенную шляпку, которую незадолго до этого так неосмотрительно съела его лошадь. При этом офицер страшно нервничает и все время пытается сломать что-то из мебели хозяина квартиры. «Не трогайте мою мебель!» — взывает к совести офицера Фадинар. Короче, это были одни из самых смешных эпизодов ленты.

В заключение главы, как обычно, столичная афиша развлечений. Из киношных премьер назову следующие: 18-го в широкий прокат вышла очередная комедия Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России» с

участием Андрея Миронова, Евгения Евстигнеева и др.; 18—19-го — во Дворце спорта в Лужниках состоялся предварительный показ фильма Василия Шукшина «**Калина красная**» (на широком экране с 20 марта); 25-го — фильм Исаака Магитона «**Ни слова о футболе**» с юной актрисой Ирой Волковой в главной роли.

Кино на ТВ: «Граф Монте-Кристо» (16—17-го), «Донская повесть» (17-го), «Возвращение «Святого Луки» (18-го), «Вызываем огонь на себя» (20—23-го), «Не пройдет и года» (премьера т/ф 21—22-го), «Война и мир» 1-я серия, «Алеша Птицын вырабатывает характер» (24-го), «Новые похождения кота в сапогах» (25-го), «Аршин Мал-Алан» (26-го), «Золушка» (27-го), «Красная палатка» (27—28-го), «Каменный цветок», «Дорогой мой человек» (29-го), «Снежная королева» (30-го), «Я — Тянь-Шань» (впервые на ЦТ 30—31-го), «Война и мир» 2-я серия (31-го) и др.

Эстрадные представления: 16—30 марта — в ГЦКЗ гастролирует Ленинградский мюзикхолл; 26—31-го — в ЦДСА поет ВИА «Голубые

гитары»; 29—31-го — в ГТЭ ВИА «Самоцветы». Кроме этого, до конца месяца в том же ГТЭ продолжаются гастроли Аркадия Райкина и его театра миниатюр.

Новинки «Мелодии»: вышел диск-гигант под названием «**Любимые песни молодежи**», на котором были собраны 10 шлягеров последних двух-трех лет: «Мой адрес — Советский Союз» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — «Самоцветы»; «Не расстанусь с комсомолом» (А. Пахмутова — Н. Добронравов) — Иосиф Кобзон; «Дрозды» (В. Шаинский — С. Островой) — Геннадий Белов; «Березовый сок» (В. Баснер — М. Матусовский) — Лев Барашков; «Товарищ» (О. Иванов — А. Прокофьев) — Лев Лещенко; «Там, за облаками» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — «Самоцветы»; «Дружба — фройндшафт» (В. Шаинский — В. Урин) — «Самоцветы»; «Червона рута» (В. Ивасюк) — София Ротару; «За того парня» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — Лев Лещенко; «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев — И. Шаферан) — Екатерина Шаврина.

1974 Апрель

Сичкин в тюрьме: хитрость с залогом. Наша хоккейная сборная уезжает в Финляндию. Игоря Костолевского заточили в камеру Петропавловской крепости и... забыли. Андрей Сахаров получил 500 долларов. Шукшин на юге. Высоцкого инструктируют в райкоме КПСС. Высоцкий с женой записывали на «Мелодии» диск-гигант. Наши хоккеисты огорчили Брежнева. «Гертруда» для члена Политбюро. Никита Михалков вносит поправки в фильм. Гибель милиционера. Сердечный приступ у Алексея Петренко. Борису Сичкину не дали посмотреть хоккей. Несостоявшееся ограбление Ереванской ювелирной фабрики. Любовник Галины Брежневой Борис Буряца знакомится с английским продюсером Стенли Лауденом. Евгений Леонов ушел из Театра имени Вл. Маяковского. 0:17: подарок польских хоккеистов Брежневу. Буряца раскрывает карты перед Лауденом. Всеволод Бобров выгнал из раздевалки советского посла. СССР—ЧССР: реванш состоялся. Скандалы на шахматном матче. Недоброжелателям не удалось «прокатить» «Калину красную». Зинаида Кириенко попала в немилость. Нападки на фильм «Осень». Фильм «Скворец и Лира» так и не вышел на экран. Наши — чемпионы. Брежнев дает «добро» на отъезд из страны Ростроповича и Вишневской. Высоцкий поставил Золотухину синяк под глазом. Новый начальник нелегальной разведки. Брежнев мешал Третьяку выступать на съезде ВЛКСМ. Михаил Горбачев бросил вызов Николаю Щелокову. Виктор Корчной побеждает Тиграна Петросяна. Первый миньон «Битлз» в Советском Союзе.

Продолжает сидеть в тамбовском следственном изоляторе популярный киноактер Борис Сичкин, в народе известный, как Буба Касторский. В первый день апреля к нему на свидание приехали из Москвы родной сын Емельян и кинорежиссер Эдмонд Кеосаян. Встреча происходила в комнате следователя Терещенко, который вел дело Сичкина. Но, прежде чем перейти к самой встрече, стоит рассказать ее предысторию. Дело в том, что еще в марте дирекция «Мосфильма» обратилась в прокуратуру с ходатайством отпустить Сичкина на время из СИЗО и дать ему возможность закончить съемки в картине «Неисправимый лгун». Однако тамбовские стражи порядка ответили, что Сичкин якобы похитил у государства 30 тысяч рублей и посему является особо опасным преступником. Но если «Мосфильм» внесет эти деньги, то прокуратура готова отпустить актера под этот залог на съемки. Однако «Мосфильм» такой вариант не устроил.

Узнав об этом, Сичкин, естественно, расстроился. Во-первых, из-за того, что родной киностудии на него наплевать, во-вторых, из-за того, что давно не видел своих родных и близких, которых следователи к нему не допускали. И тут в голову Сичкину пришла гениальная идея, каким образом сделать так, чтобы получить хотя бы несколько свиданий с родственниками. Он затеял аферу: на первом же допросе сообщил следователю Терещенко, что знает, где раздобыть деньги под собственный залог. «Где же?» — спросил следок. «У моих друзей артистов, — ответил Сичкин. — Но для этого я должен встретиться со своим сыном Емельяном и режиссером Кеосаяном. Им я скажу, у кого конкретно можно взять деньги». О том, как проходила встреча, рассказывает сам Б. Сичкин:

«Я сказал им, у кого надо взять деньги: 5 тысяч у Миши Царева — это народный артист из Малого театра, я с ним даже не знаком; 5 тысяч у Эдди Рознера (он уже семь лет как

уехал из Советского Союза); 10 тысяч взять у Леонида Утесова (если бы у Утесова и были деньги, он бы их не дал, а тем более у него их не было) и 10 тысяч — у писателя Анатолия Софронова (помимо того, что я не был с ним знаком, этот антисемит готов был лично сам всех вырезать).

Терещенко был доволен составом тех, кто должен был внести за меня деньги. Я расцеловался с Емелюшкой и Эдиком Кеосаяном. Они ушли. Когда они уходили, от меня как будто уходила жизнь.

После встречи я заволновался, а вдруг они меня правильно поняли и внесут за меня эти деньги? Тем более что мне было известно о том, что Ян Френкель и Людмила Гурченко были готовы внести деньги. В камере лезут самые мрачные мысли. А вдруг они все-таки внесут деньги?..»

Забегая вперед скажу, что никаких денег никто, естественно, вносить не стал, поскольку сын Сичкина и Кеосаян быстро разгадали хитрость Сичкина. Емельян затем несколько раз пользовался ею и под видом переговоров с отцом о залоговых деньгах приходил к нему на свидания. Терещенко так ни о чем и не догадался.

Во вторник, 2 апреля, в Госкино состоялся просмотр фильма Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих». На сеансе лично присутствовал председатель Госкино Филипп Ермаш. Фильм ему в целом понравился, но он внес в него несколько поправок, которые в течение ближайших недель необходимо было сделать. «Вот тогда и примем», — сказал Ермаш.

Утром 3 апреля из Выборга в Хельсинки на очередной чемпионат мира по хоккею выезжала сборная Советского Союза. Провожали наших хоккеистов сотни людей, в том числе несколько десятков школьников, которые ради этого дела сбегали с уроков. Отбывающих буквально завалили цветами. Напутствие было одно: победить.

Когда наши ребята приехали в Финляндию, их поселили за городом, в уютном отеле «Полар». Место великолепное: лес, тишина. Короче, лучшего места для того, чтобы хорошо подготовиться к предстоящим играм, нельзя и придумать. Однако первая же игра нашей сборной, состоявшаяся 5 апреля, оставила у боль-

шинства специалистов не самое радостное впечатление. Играли мы с аутсайдером турнира сборной ГДР и хотя победили со счетом 5:0, но многое у советских хоккеистов не получалось. Например; в один из моментов у немцев удалили игрока на 5 минут, а наши своим преимуществом так и не воспользовались.

В Ленинграде Владимир Мотыль продолжает работу над фильмом «Звезда пленительного счастья». В те апрельские дни группа работала в казематах Петропавловской крепости, где снимались эпизоды с заточением декабристов. Одну из ролей в картине — Ивана Анненкова — играл молодой актер столичного Театра имени Вл. Маяковского Игорь Костолевский, для которого это была всего лишь вторая роль в кино (первая — крохотный эпизод в телефильме «Семья как семья»). Стоит отметить, что Костолевского Мотыль отыскал сам, хотя высокие чиновники из Госкино были категорически против этой кандидатуры: дескать, этот актер не похож на революционера. Но Мотыль сделал по-своему, исходя из того, что ему и так половину актеров в фильме навязали директивно.

Между тем съемки в крепости запомнились Костолевскому не с самой лучшей стороны. По его же словам: «Меня должны были снимать в одной из камер крепости. В кандалах приковали к стене, установили осветительные приборы и... забыли обо мне. Целых четыре часа я дрожал от холода в камере, думал, что так и надо. И вот обо мне вспомнили, прибежали.. Стали снимать эпизод, где Полина Гебль (в этой роли снималась польская актриса Эва Шиккульска. — Ф. Р.) предлагает Анненкову бежать, а он отказывается: не может бросить друзей. Так вот, партнерша мне говорит, а я настолько задубел, что языком не могу повернуть. И слезы вдруг брызнули. «Все, — подумал я, — завалил съемку». Но оказалось, что этот эпизод — один из лучших в фильме...»

В начале апреля Андрей Сахаров и Елена Боннэр отправились на отдых на юг. Сначала они прилетели в Сухуми, где устроились в гостинице. Супруги целыми днями бродили по окрестностям города, наслаждаясь местными красотами. Особенно большое впечатление произвела на них поездка в Амхельское ущелье: прозрачный горный воздух, четкие контуры далеких гор, шум пенящейся мутно-голубой

воды на дне ущелья. Однако чуть позже инкогнито Сахарова было раскрыто, и к нему косяком потянулись посетители. Всем хотелось хотя бы краем глаза взглянуть на человека, который осмелился бросить вызов системе. Когда поток посетителей превысил все мыслимые нормы, супруги решили перебраться в Сочи. Там Сахаров напишет статью для американского журнала «Сатердей ревью», за что получит гонорар в 500 долларов. На эти деньги они потом закупают в валютном магазине «Березка» мясные консервы и другие продукты и отправляют их в лагерь политзаключенным. Однако вернемся в апрель 74-го.

В тех же южных краях оказался в том апреле и Василий Шукшин. Бывший рядом с ним актер Леонид Куравлев вспоминает один эпизод, произошедший с ними тогда:

«В Новороссийске стояли мы рядом с машиной, которая должна была нас везти, и шофер включил приемник: по «Маяку» передавали последние известия. Среди прочих новостей оказалась и такая: известному спортсмену исполнилось двадцать четыре года.

Шукшин удивился:

— Что им, больше передавать нечего?

Он говорил, что, каких бы успехов ни достиг спортсмен, оповещать всю страну о его двадцать четвертом дне рождения не имеет смысла; что это может повести к зазнайству, нескромности и прочему; что есть еще очень и очень многое, о чем можно и нужно рассказывать людям...»

8 апреля Владимир Высоцкий явился в Ждановский райком КПСС, чтобы пройти собеседование на предмет своего поведения за границей (Высоцкий в скором времени должен был отбыть с женой во Францию). Рандеву длилось час с лишним: суровый инструктор на полном серьезе наставлял актера «что там можно, что нельзя» и как нужно себя вести, чтобы не угодить в сети коварных западных спецслужб. Чуть позже Высоцкий напишет об этом одну из лучших своих песен — «Инструкция перед поездкой за рубеж». Сразу после посещения райкома Высоцкий отправился в Шереметьево, чтобы встретить там свою супругу, прилетавшую из Парижа.

На следующий день Высоцкий и Марина Влади отправились в студию звукозаписи на улицу Качалова, чтобы записать там свои пес-

ни. Поводом к этому событию послужила фантастическая раскупаемость двух последних миньонов с песнями Высоцкого, которые вышли в свет в январе. На волне этого успеха фирма «Мелодия» и решила дать Высоцкому возможность записать сразу диск-гигант, да еще не одному, а со своей женой-француженкой. О том, как проходила запись, вспоминает сама М. Влади:

«Мы записываем пластинку в большой аудитории. В противоположность кино здесь времени даром не теряют. В три захода дело сделано. Записывают целиком, без монтажа. Это очень тяжело, и ты срываешься, когда я ошибаюсь. Но мне правда трудно: во-первых, петь по-русски, во-вторых, без остановок, и к тому же я очень волнуюсь, когда пою твои песни у тебя на глазах.

Мы понимаем, что, если пластинка выйдет, это будет своего рода официальное признание твоего статуса автора-композитора. И потом — мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают. Но самое главное — это что мы впервые работаем вместе. И все наши мечты могут осуществиться, если пластинка выйдет: гастроли, концерты, спектакли, фильмы. Да все что угодно!..

Охрипшая, измотанная, на последнем нервном пределе, я все-таки записываю все песни в положенное время. Я этим здорово горжусь, особенно после того, как музыканты стали аплодировать мне, стуча смычками по скрипкам, как это принято на концертах классической музыки. Ты доволен и записываешь свою сторону с ходу и в отличном настроении. Наша пластинка наконец готова. Звукооператоры тут же микшируют звук, нас фотографируют на конверт. И все-таки, несмотря на предпринятые меры, пленка тайком переписывается и моментально расходуется по рукам. И поэтому задолго до предполагаемого выхода пластинки мы уже знаем, что песни страшно понравились публике...»

В тот день были записаны следующие песни: в исполнении Марины Влади — «О двух автомобилях», «Так дымно», «Я несла свою беду», «Марьюшка», «Так случилось, мужчины ушли», «Как по Волге-матушке»; в исполнении Владимира Высоцкого — «Цыганская», «Белое безмолвие», «Лирическая», «Ноль семь», «Дом

хрустальный», «Еще не вечер», «Москва—Одесса», «Скалолазка», «Она была в Париже», «Кони привередливые» и другие (всего он спел 26 песен). К сожалению, только четыре последние песни увидят свет в ближайшее время (через год) на пластинке-миньоне, а остальные пролежат в архивах «Мелодии» еще несколько лет. И свой первый диск-гигант, выпущенный на родине, Высоцкий так никогда и не увидит — он выйдет только после его смерти.

10 апреля Высоцкий приезжает на киностудию имени Горького, чтобы показать написанные им песни к фильму «Иван-да-Марья». Песен много, и в каждой из них Высоцкий перевоплощается в разных героев: то поет за Соловья-разбойника, то за Водяного, то за Бабу-Ягу и т. д. Худсовет отзывается о песнях положительно.

Вечером того же дня (в 17.55) по ЦТ шла трансляция с чемпионата мира по хоккею с шайбой, играли непримиримые соперники — сборные Советского Союза и Чехословакии. Среди болельщиков, прильнувших в тот час к телевизорам, находится и генсек Брежнев. Как мы помним, наши ребята начали чемпионат с победы над сборной ГДР 5:0, после чего победили еще два раза: финнов (7:1) и поляков (8:3). Теперь им предстояло одолеть чехословаков. Но этот «орешек» советским хоккеистам оказался не по зубам. Чехи в тот день играли намного лучше. Уже на 8-й минуте матча, после досадной ошибки Якушева, Недоманский открыл счет. Спустя девять минут Махач увеличил разрыв, а еще через две минуты Мартинец и вовсе сделал счет неприличным — 3:0. Говорят, Брежнев так сильно метал громы и молнии перед телевизором, что его супруге пришлось вмешаться в происходящее и чуточку урезонить супруга. Но спокойствие генсека длилось недолго, и уже через несколько минут его крики снова стали сотрясать дачу.

Еще сильнее бесновался от злости тогдашний советский посол в Финляндии, который в перерыве прибежал в нашу раздевалку и, потрясая кулаками, набросился на советских хоккеистов. Он кричал: «Вы же позорите страну! Я Леониду Ильичу сообщу о том, как вы себя ведете!» Посла понять можно: от неуспеха нашей команды могла зависеть и его дипломатическая карьера. Но эти крики так и не придали силы нашим ребятам, и во втором периоде они

окончательно расклеились и пропустили в свои ворота еще три безответные шайбы (забили Глинка, Штясны и все тот же Мартинец). Счет 6:0 на табло буквально обескуражил советских болельщиков. Таких поражений наша сборная не знала на чемпионатах мира аж 19 лет, когда проиграла в 1955 году канадской команде «Пентиктон Вииз» со счетом 5:0.

В третьем периоде нашим все-таки удалось отквитать одну шайбу — это сделал Борис Михайлов. Но уже вскоре после этого Глинка сделал разрыв прежним. И когда в конце игры Владимир Петров все-таки вновь сократил разрыв, оптимизма нашим болельщикам это не прибавило. Как признается чуть позже наш вратарь Владислав Третьяк: «После проигрыша ЧССР мы не спали почти всю ночь. Нам сегодня нанесли такой удар, какого сборная не испытывала уже очень давно. Да, все мы сыграли очень плохо. Все..»

Говорят, что существует предчувствие беды. Может быть, и так. У нас в тот день никакого предчувствия не было. Все шло, как положено: легкая утренняя тренировка (раскатка), собрание, отдых, настройка на матч...

На разминке я чувствовал себя отлично. И ребята были в порядке. Что случилось потом — ума не приложу. Никак не получалась атака. А соперникам только этого и надо, они изо всех сил обрушились на нас. Шайба то и дело мечется у моих ворот.

«Стыдно. Собраться надо», — говорили мы друг другу в перерывах. «Возьмите себя в руки, ведь за вас болеют миллионы людей», — упрасивали тренеры. Но началась игра, и соперники снова становились хозяевами положения...

На следующий день в команде состоялось собрание. Оно было долгим и принципиальным. Досталось всем, в особенности второй и третьей тройкам. Защитникам за игру — двойка. Все очень переживают. Михайлов говорит, что еще ни разу так не нервничал, как вчера. Анисин весь осунулся... У меня такое впечатление, что к чемпионату у Анисина произошел спад формы. «Ну, не получается ничего, хоть убей, — в сердцах говорит он. — Стараюсь вовсю, а игра не ладится».

С помощью видеоманитофона мы три раза просмотрели весь вчерашний матч... На собра-

нии решено: будем продолжать борьбу за золотые медали...»

10 апреля члену Политбюро ЦК КПСС, первому заместителю Предсовмина СССР Кириллу Мазурову исполнилось 70 лет. По этому случаю соратники по партии преподнесли ему подарок — Звезду Героя Социалистического Труда. Награждение юбиляра произойдет спустя несколько дней, о чем есть воспоминания очевидца — одного из секретарей Брежнева О. Захарова:

«Высокую награду вручали в зале заседаний Политбюро. Н. В. Подгорный почему-то нервничал и никак не мог прикрепить Звезду Героя к лацкану пиджака Мазурова. Тогда Л. И. Брежнев пригласил из приемной меня и попросил принести что-нибудь, чем можно было проколоть лацкан. Не помню уж, что я нашел подходящего в спешке, но зато хорошо помню, что, когда протянул свою находку Подгорному, тот грубо оттолкнул мою руку, громко сопровождая свой жест такими словами, что их неудобно повторить здесь для читателей. Когда позже я рассказал о случившемся своим товарищам по службе, они меня успокоили: «Для Подгорного — это нормально...»

Никита Михалков трудится над поправками к фильму «Свой среди чужих, чужой среди своих». Приступил он к ним почти сразу после просмотра в Госкино — 8 апреля. Однако работа движется со скрипом, поскольку к госкиношным поправкам добавились и другие — от генеральной дирекции «Мосфильма», технической комиссии, которая забраковала звук в отдельных эпизодах. 11 апреля Михалков попросил назначить перезапись, но смены в тот день не было — умер звукооператор Г. Коренблюм, и в тонстудии проходила гражданская панихида. На следующий день, проработав до обеденного перерыва и записав одну часть фильма, а также музыку к ней и исходные шумы, группа вновь приостановила работу. Теперь из-за поломки аппаратуры. Наконец, когда технику починили, внезапно заболел инженер записи, вместо него пришел другой, но тот долго не мог войти в курс дела, из-за чего дело двигалось крайне медленно. А сверху на Михалкова давили, требуя сдать фильм в отведенные сроки.

В пятницу, 12 апреля, в Киргизии погиб милиционер. Трагедии сопутствовали следующие

обстоятельства. Утром того дня один из жителей села Куланак Тянь-Шаньского района Нарынской области прибежал к участковому милиционеру старшему лейтенанту милиции Шарше Мамбетову и сообщил, что житель села Исаев, напившись в стельку, сел в грузовик и вот уже полчаса носится по улицам, пугая прохожих. Мамбетов, прихватив с собой еще двух помощников — дружинника и колхозного водителя, — на милицейской «канарейке» бросился урезонивать пьяного гонщика.

Преследователи обнаружили нарушителя на окраине села, где тот наворачивал круги по проселочной дороге. Мамбетов пару раз просигналил ему автомобильным клаксоном, после чего вышел из машины. Он думал, что его появление отрезвит нарушителя и заставит его прекратить сумасшедшую гонку. Но ошибся. Вместо того чтобы ударить по тормозам, Исаев нажал на газ. Мамбетов даже не успел сообразить, как летящий на бешеной скорости грузовик буквально отбросил его на несколько метров в сторону. От полученных травм милиционер скончался еще до приезда «Скорой помощи». А убийцу спустя полчаса задержали: бросив грузовик, он пытался скрыться, но был схвачен жителями села. Спустя некоторое время имя Ш. Мамбетова будет занесено в Книгу почета МВД Киргизской ССР, а одной из улиц города Нарына присвоено его имя.

В тот же день были вновь приостановлены съемки фильма «Агония», который снимал режиссер Элем Климов. Как мы помним, в первый раз это произошло 24 марта под Ленинградом из-за внезапной болезни исполнителя роли Григория Распутина актера Алексея Петренко. Почти неделю врачи запрещали актеру возобновлять съемки, а когда все-таки он вновь решился выйти на площадку (уже в Москве), ему опять стало плохо. Днем 12 апреля, отснявшись в эпизодах в декорации «кабинет Распутина», Петренко вернулся домой, а ночью у него случился очередной сердечный приступ. Вытащив его чуть ли не с того света, врачи в приказном порядке запретили ему в ближайшие несколько недель сниматься. Чтобы не рисковать жизнью актера, съемочная группа вынуждена была заняться монтажом картины.

В Москве в эти дни произошло сразу несколько криминальных ЧП. В двух случаях преступников удалось задержать, благодаря

грамотным действиям работников милиции. Шестеро неизвестных угнали от ВДНХ черную «Волгу» и рванули к Кольцевой, чтобы скрыться из города до объявления там тревоги. Но им не повезло. Уже спустя несколько минут новость об угоне достигла ушей лейтенанта милиции Ю. Волохова и младшего лейтенанта В. Пояркова, которые ближе всех находились к месту совершения преступления. Они бросились в погоню за угонщиками и спустя несколько минут сумели сесть им на хвост.

В тот момент, когда преступники выскочили на Ярославское шоссе, тамошние гаишники сумели перекрыть дорогу панелевозом. Угонщики развернули «Волгу», чтобы уйти обходным путем, но тут у них на пути встал автомобиль с Волоховым и Поярковым. Преступники выскочили, пытались бежать, но их быстро переловили подоспевшие к месту происшествия гаишники.

В другом случае отличился лейтенант милиции Константин Щетинин (стаж работы в органах 9 лет). В течение двух месяцев на его и соседних участках орудовала шайка грабителей, которые потрошили квартиры москвичей, специализируясь на дорогих предметах: телевизорах, радиоаппаратуре, коврах. Напасть на след никак не удавалось. Как вдруг...

В тот день Щетинин возвращался после обхода своей территории в отделение. Чтобы сократить путь, сел в автобус № 7. Пассажиров в салоне было мало, и опытный глаз участкового сразу обратил внимание на двух молодых парней, стоявших в конце салона. В ногах у них стояла большая картонная коробка, из которой торчал... краешек ковра. Именно этот ковер и привлек внимание Щетинина. Он подошел к водителю якобы купить проездной, а сам вполголоса проговорил: «Я из милиции. В автобусе двое преступников, поэтому езжайте прямоком в отделение милиции». Водитель оказался мужиком с понятием, поэтому повторять сказанное два раза не понадобилось.

Между тем Щетинин лихорадочно соображал, каким образом он сумеет совладать с двумя рослыми парнями, если они вдруг догадуются, что их раскрыли. Ведь преступники могли быть вооружены, в то время как сам участковый был без оружия. Но фортуна в тот день явно благоволила милиционеру. В тот момент, когда автобус проскочил очередную остановку

и парни стали недоуменно вертеть по сторонам головами, пытаясь понять, что происходит, в хвост автобуса пристроился милицейский «Москвич». У Щетинина сразу камень с души упал. Он сделал решительный шаг вперед и, сунув правую руку в карман, будто за пистолетом, громко скомандовал: «Не двигайтесь, ребята, милиция!» У тех аж лица от изумления вытянулись. Как оказалось, чутье милиционера не подвело: парни оказались теми самыми грабителями.

В Финляндии продолжается чемпионат мира по хоккею. После разгромного поражения от сборной Чехословакии наши хоккеисты сумели собраться и 13 апреля хоть с трудом, но все же одолели шведов — 3:1. В тот же день настоящий бальзам на душу советских болельщиков пролили хозяева турнира финские хоккеисты — они разгромили чехословацкую сборную со счетом 5:2. Однако радость наших болельщиков длилась недолго: спустя сутки дисциплинарная комиссия турнира засчитала поражение со счетом 0:5... финской команде, так как у одного из ее игроков (О. Ветцеля) анализ на допинг дал положительный результат (нашли эфедрин).

Кстати, Борис Сичкин, отбывавший в те дни срок в тамбовской тюрьме, знал о проходящем чемпионате мира по хоккею и просто мечтал хотя бы краем глаза увидеть любой из матчей с участием нашей команды. Вот как он сам об этом вспоминает:

«В тот день играли команды Советского Союза и Швеции. Завхоз тамбовской тюрьмы Семилетов как офицер имел право взять меня из камеры и посидеть со мной у телевизора. Я его просил, умолял, хоть один период. Но он сослался на усталость, что дома ждут, и отказал мне. Тогда для меня это был бы глоток воздуха. Однако я не таил обиду: трудно ему, работающему много лет в тюрьме, понять чужую беду...»

В ночь на 14 апреля двое злоумышленников — двоюродные братья Николай и Размик Галачяны — попытались ограбить Ереванскую ювелирную фабрику. Идея совершить это преступление первому пришла в голову Размику, который работал на этой фабрике рабочим-литейщиком и знал, что в конце каждого рабочего дня имеющиеся в штамповочном цехе еще не обработанные слитки золота и полуфабри-

каты прячутся в находящийся в этом цехе металлический шкаф, закрывающийся на хиленький замок. Поделившись этой информацией с Николаем, Размик легко подбил того на ограбление. Действовали преступники следующим образом. Облачившись поверх своей одежды в военную форму, они перемахнули через забор и оказались на территории воинской части, которая располагалась по соседству с ювелирной фабрикой. Оттуда они пробрались на территорию самой фабрики и, забравшись на чердак штамповочного цеха, стали дожидаться рассвета. Поскольку день 14 апреля выпадал на воскресенье, фабрика не работала, и, по замыслу злоумышленников, им никто не должен был помешать. Так оно и получилось.

В течение нескольких часов, с помощью специальных инструментов, братья долбили пол чердака, чтобы через эту дыру проникнуть в цех, где, как они знали, хранилось золото. Однако по ходу работы они внезапно изменили свои планы. Они поняли, что попасть в искомое помещение можно и другим, более простым путем — через вентиляционную трубу. Проникнув в цех, братья с помощью ломика взломали дверь опечатанного металлического шкафа, где хранилось золото. Его там было собрано несколько сот килограммов, однако взять весь запас братья, естественно, были не в силах. Поэтому они нагрузили в сумку столько, сколько смогли унести. Но и этого было достаточно, чтобы обеспечить безбедную жизнь не только себе, но и собственным внукам. В сумку было нагружено более 30 килограммов золота, что в рублевом эквиваленте потянуло на 353 тысячи 652 рубля 60 копеек.

Вернувшись на чердак тем же способом, как и спустились, братья решили дождаться темноты, чтобы под ее покровом покинуть территорию фабрики. Но их планам так и не суждено было осуществиться. Около часа дня милиционер, обходивший территорию фабрики, заметил сорванную трубу вентиляции и поднял тревогу. На шум сбежались еще несколько милиционеров, которые стали громко обсуждать случившееся. Эти крики услышали братья-разбойники, отсиживавшиеся на чердаке. Решение им пришлось принимать молниеносно. Как ни обидно было оставлять похищенное, но другого выхода у них не было — с тяжелой сумкой среди бела дня им далеко уй-

ти не удалось бы. Поэтому, оставив золото на чердаке, они покинули фабрику тем же путем, каким туда проникли, — через войсковую часть. Спустя сутки золото нашла милиция, однако на след самих преступников выйти тогда так и не удалось. Братья угодят в руки правосудия только спустя четыре года, когда совершат другое преступление — ограбят Ереванский банк. Но об этом я расскажу потом, а пока вернемся в апрель 74-го.

Самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. В кинотеатрах состоялись премьеры новых фильмов: 8-го — драма Алексея Салтыкова «Возврата нет» с участием Нонны Мордюковой, Владислава Дворжецкого и др.; 10-го — драма Толомуша Океева «Лютый» с Суйменкулом Чокморовым в главной роли; 15-го — «фэнтези» Будимира Метальникова «Молчание доктора Ивенса» с участием Сергея Бондарчука, Жанны Болотовой и др.; 15—16-го во Дворце спорта в Лужниках состоялся предварительный показ нового восточногерманского «вестерна» с участием Гойко Митича — «Апачи».

Кино по ТВ: «Королева чардаша» (впервые на ЦТ 1-го), «Кукла» (1—2-го), «Близнецы» (3-го), «Ревизор» (5-го), «Меченый атом» (впервые на ЦТ 6-го), «Война и мир» (3-я серия) (7-го), «Морской характер» (11-го), «Волшебная сила искусства» (13-го), «Анискин и Фантомас» (премьера т/ф 13—14-го), «Война и мир» (4-я серия), «Колония Ланфиер» (14-го), «Всадники революции» (15-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 7-го в Театре имени Гоголя был показан спектакль «Счастливый Шурик»; 10-го в Театре имени Вахтангова — «Из жизни деловой женщины» с участием Юлии Борисовой, Михаила Ульянова и др.; 12-го в «Современнике» — «Провинциальные анекдоты» Александра Вампилова с участием Олега Даля, Анастасии Вознесенской, Олега Табакова, Валерия Хлевинского и др.

Эстрадные представления: 1-го в ГТЭ выступал ВИА «Самоцветы»; 8-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись сборные концерты с участием Геннадия Хазанова, Бориса Владимировича и Вадима Тонкова, Валентины Толкуновой и др.; 12-го в ЦДКЖ пела Нина Дорда; 13—14-го в ГТЭ ВИА «Калинка» (Ленинград); 13—15-го там же — испанский певец Мичел. Продолжа-

ются гастролы Ленинградского Театра миниатюр под управлением Аркадия Райкина. Спектакли «Избранное-73» состоялись 3, 7, 9, 11, 12, 15 апреля.

14–16 апреля в ГЦКЗ «Россия» прошли концерты английского певца Роберта Янга. Как мы помним, впервые в нашу страну он приезжал осенью прошлого года. Как и в прошлый раз, гастролы Янгу по СССР устроил известный продюсер Стенли Лауден (автор слов к супершлягеру 40-х «Синий платочек»). Концерты Янга вызвали небывалый ажиотаж в столице, и попасть на них простому смертному было практически невозможно — все билеты расхотелись по «верхам». Как говорил популярный сатирик Аркадий Райкин, в первых рядах — директор магазина, завскладом, «туваровед» и прочая публика, сидевшая на дефиците. Но были и другие завсегда: например, любовник Галины Брежневой цыган Борис Буряца. Он исправно приходил на все концерты Янга в «России» и сидел на самом лучшем месте — в середине первого ряда. Не заметить его было невозможно: он был смугл, загорел и после каждой песни шумно выражал свой восторг, от души аплодируя и крича «браво». Когда Лауден увидел его сквозь щелочку в кулисах, он очень удивился: такой преданности Янгу еще никто не выказывал. Но еще больше продюсер удивился тому, что этот цыган догнал его на выходе из зала, чтобы познакомиться с ним лично и выразить восхищение концертом. Лауден заметил тогда, что цыган пользуется повышенным вниманием прохожих: несколько человек остановились неподалеку, глаза на него, а он не обращал на это никакого внимания, видимо, уже привык к этому.

Буряца долго тряс руку продюсеру, после чего пригласил его к себе на ужин. Причем предложил ему прийти одному, без Янга, талантом которого он так бурно восхищался всего лишь несколько минут назад. Сам Буряца объяснил этот парадокс следующим образом: мол, я люблю его голос, но только на эстраде, а вот личность продюсера его восхищает. Однако Лауден испугался такой активности нового знакомого (все иностранцы, приезжавшие в СССР, опасались происков КГБ) и от приглашения на ужин тактично отказался. Однако он не исключил такой возможности в другие дни, за что Буряца тут же ухватился, пообещав

опять найти продюсера. После этого Буряца сел в роскошный спортивный «Мерседес» и укатил в ночь.

16 апреля стало первым рабочим днем замечательного актера Евгения Леонова в Театре имени Ленинского комсомола. Причем перешел он туда из Театра имени Вл. Маяковского (работал там с 1969 года) при весьма скандальных обстоятельствах. Вот как вспоминает об этом главный виновник происшедшего — режиссер Андрей Гончаров:

«Случилось происшествие, которое сегодня воспринимается как норма, а тогда было настоящим ЧП. На телеэкране появилась реклама рыбы нототении, которую обаятельно подавал любимец публики Евгений Леонов (рядом с домом, где жил актер, открылся магазин «Океан», и Леонова попросили прорекламировать его товары, в частности названную рыбу. — Ф. Р.). Я взорвался. Собрал труппу и произнес речь, которую по отношению к самому себе никогда бы никому не простил. Дескать, костлявая рука голода совсем задушила Евгения Павловича Леонова. Скинемся, что ли, шапку по кругу, чтобы артист не пробавлялся нототенией. Конечно, Женя этого не простил. Мы расстались, и он ушел в Театр имени Ленинского комсомола к Марку Захарову...».

И еще о театре. 16 апреля открыло свои двери новое здание театра «Современник» на Чистопрудном бульваре, 19а (бывший кинотеатр «Колизей»). Сцена там была 16 метров в глубину, в зале установлено 799 кресел, приспособленных для перевода текста спектаклей на четыре языка мира. Короче, супер.

Продолжается чемпионат мира по хоккею в Финляндии. За прошедшие дни наши ребята сумели одержать еще несколько побед: над восточными немцами (10:3) и хозяевами турнира финнами (6:1). К 16 апреля наши сравнялись с чехами по очкам, и, чтобы обогнать их по шайбам, им надо было в ближайшей игре с поляками (16 апреля) выиграть с разницей в 16 шайб. И что вы думаете? Наши уложились тютелька в тютельку — 17:0. Говорят, поляки специально сдали эту игру нашим хоккеистам по приказу с самого польского верха, чтобы сделать подарок Леониду Брежневу, который за день до этого приехал в Польшу с официальным визитом (в Варшаве проходило совещание Политического консультативного комитета государств — уча-

стников Варшавского договора). Вполне правдоподобная версия.

Продолжается пребывание английского продюсера Стенли Лаудена в Москве. Как мы помним, пару дней назад он имел честь познакомиться с любовником Галины Брежневой Борисом Буряцей (сам продюсер пока не знает о степени близости этих людей) и пообещал ему поужинать с ним при первом удобном случае. Буряца этих слов не забыл и после очередного концерта отловил продюсера за кулисами. Он опять был так настойчив в своем желании поговорить с Лауденом с глазу на глаз, что тому не оставалось ничего иного, как принять его приглашение отужинать в ресторане ВТО на улице Горького.

Когда они вошли в ресторан, Лауден сразу обратил внимание на то, как почтительно встречает публика его нового знакомого: многие выгибались в поклонах так, что на это было неудобно смотреть. Еще больше удивил продюсера стол, за который они уселись, — он был сервирован самой изысканной снедью: четыре сорта икры, копченая рыба, а в ведерках со льдом стояли бутылки отборного французского вина. Короче, ужин получился на славу. Во время застолья Буряца внезапно наклонился к Лаудену и зашептал ему на ухо слова, которые приоткрыли некоторую завесу над его действиями: «Когда я тебя увидел, то сразу понял, что ты тот человек, которого я жду много лет, о приезде которого я молил бога по ночам. Но пока я не могу тебе объяснить всего, давай подождем до завтра». Поскольку Лауден не стал настаивать на обратном, больше они к этой теме не возвращались.

На следующий день утром Буряца заехал за Лауденом в гостиницу «Метрополь» и повез его к себе домой (Янг в то утро отправился на экскурсию по столичным музеям). Когда продюсер вошел в квартиру цыгана (его дом располагался неподалеку от Театра кукол С. Образцова, возле Самотеки), у него от удивления буквально дух захватило. Он очутился в миниатюрном музее. На каждом свободном месте стен висели великолепные старинные картины, а полы были покрыты чудесными персидскими коврами. Вдоль стен стояла роскошная антикварная мебель, а на ней вазы из лучшего фарфора, иконы, хрусталь. Под потолком висела хрустальная люстра. И такое великолепие

было во всех трех комнатах. Лауден с изумлением подумал про себя: «Что же такое сделал Борис для России, что имеет право купаться в такой роскоши?» Ответ на этот вопрос продюсер услышал спустя несколько минут.

Когда они уселись в кресла и разлили по фужерам шампанское, хозяин сказал: «Моя мать была цыганской баронессой. Часть из того, что ты видел, принадлежала ей, часть досталась от бабушки. Но я бы охотно отдал все это великолепие за одну только возможность выехать на Запад». — «Но зачем? — искренне удивился Лауден. — Ведь ты и так катаешься как сыр в масле. Ты и так свободен». — «Это я свободен? — чуть ли не прокричал цыган и даже отставил свой бокал в сторону. — Ты ошибаешься. Конечно, за деньги я могу купить себе немного ограниченной свободы, но нельзя чувствовать себя свободным, все время ожидая, когда твой лимит свободы будет исчерпан. Я тебе не говорил, но теперь скажу: я — близкий друг Галины, дочери Брежнева. И как долго я ее буду удовлетворять, так долго и буду жить. Понимаешь? На Западе таких, как я, называют альфонсами, если не ошибаюсь».

После последних слов цыгана Лаудену стало не по себе. Он вдруг понял, что ввязался в плохую игру. Как будет вспоминать он сам много позже, «я нервничал все больше и больше. Ситуация в самом деле становилась небезопасной. Потрясение не позволило мне насладиться великолепным ленчем, который подала нам очень красивая молодая девушка. Борис представил ее как подходящую экономку...

Я молча съел бутерброд. Думал, поверит ли кто-нибудь из моих друзей, если я расскажу о визите к Борису-цыгану. Я был уверен, что в России для меня нет тайн. Я видел Россию в годы войны и в мирные годы, но даже при самом богатом воображении не мог допустить, что в такой политизированной стране, где все контролируется властями, может существовать подобный человек. Как случилось, что он свободно передвигается, нахально демонстрирует свое богатство на фоне всеобщей серой бедности каждодневной жизни? Почему КГБ терпит это?..»

Пока Лауден задавал себе эти вопросы, экономка принесла им великолепный кофе в маленьких чашечках и, поставив их на столик,

удалилась. А Буряца принялся знакомить гостя со своим тайным замыслом, ради которого, собственно, и затевался весь этот ленч. Борис стал уговаривать продюсера... научить его петь. «У меня есть голос, есть огромное желание выступать на сцене, но нет на примете человека, который мог бы сделать из меня настоящую звезду, — говорил Буряца. — И только вам, Стенли, под силу сделать это». Сказав это, он открыл стоящую на столе шкатулку и извлек из нее красивый перстень. «Он принадлежал моей матери, это бриллиант чистой воды и весит около двух карат, — сказал Буряца и протянул перстень гостю. — Возьми его как аванс». Лауден поначалу решительно отверг этот подарок, но хозяин был так настойчив, что гостю не оставалось ничего иного, как согласиться. Прощаясь, они договорились встретиться через несколько дней в Вильнюсе, где должны были продолжиться гастроли Роберта Янга. Именно там Лауден и даст несколько уроков вокала любовнику дочери генсека.

Тем временем Владимир Мотыль продолжает трудиться над фильмом «Звезда пленительного счастья». Съёмочная группа только-только вернулась из дальней экспедиции в Иркутск (были там с 12 марта по 15 апреля, снимали эпизоды в Читинском остроге) и теперь вовсю трудилась в павильонах «Ленфильма». Однако начать съёмки, что называется, с ходу не получилось: 17—19 апреля группе пришлось записать себе простой из-за неявки на съёмочную площадку одного из актёров.

18 апреля в Театре на Таганке давали «Гамлета». Спектакль прошёл со скрипом, с большим количеством всевозможных накладок: то актёры путали текст, то занавес еле-еле ползал, а в один из моментов даже перекосялся и готов был вот-вот рухнуть, как это произошло на днях во время такого же показа. Все эти нюансы здорово сказывались на игре актёров, занятых в спектакле: например, исполнитель роли Гамлета Владимир Высоцкий в тот вечер выглядел крайне агрессивным, буквально рвал и метал на сцене. Но самое интересное, что зрители были в восторге от представления и много раз кричали актёрам «браво».

В тот же вечер в Хельсинки наша хоккейная сборная встретилась во втором, решающем матче с командой Чехословакии. Наши тренеры Всеволод Бобров и Борис Кулагин перед

игрой «перетасовали» все тройки. Место рядом с Борисом Михайловым и Валерием Харламовым вместо травмированного Владимира Петрова занял Александр Мальцев, а на его место рядом с Александром Якушевым и Владимиром Шадриним тренеры поставили Юрия Лебедева.

Игра началась с бешеных атак чехословаков на ворота Третьяка. Однако наша «двадцатка» защищала «рамку» как не всякий зверь защищает свое жилище, все попытки противника пробить его так и не увенчались успехом. Невольно подыграл чехам наш защитник Геннадий Цыганков, который нарушил правила, и судья удалил его аж на 5 минут. Вот тогда чехи и вышли вперед. И до конца первого периода нашими так и не удалось восстановить равновесие. А в перерыве в раздевалке советской сборной произошел весьма неприятный инцидент. В тот момент, когда Всеволод Бобров вел крутой разбор игры, туда без стука вошел руководитель нашей делегации Валентин Сыч в сопровождении все того же советского посла в Финляндии, который во время первой игры с чехами устраивал нашим хоккеистам разнос. Видимо, и в этот раз он собирался сделать то же самое, но не получилось. Едва гости переступили порог раздевалки, как Бобров, не меняя тона, произнес: «Закройте, пожалуйста, дверь. С той стороны». Гости вынуждены были удалиться. Чуть позже посол накатает в ЦК докладную на Боброва — мол, тот груб и бесцеремонен, — и в итоге Боброва отстранят от руководства сборной. Но это будет позже, а пока вернемся на лед Хельсинкского Дворца спорта.

Во втором периоде наши хоккеисты взяли инициативу в свои руки и надолго прижали чехословаков к своим воротам. Наконец упорство наших игроков было вознаграждено: на 14-й минуте Михайлов восстановил равновесие. А через минуту уже Якушев вывел нашу команду вперед. После этого гола чехи буквально с цепи сорвались. Как вспоминает Владислав Третьяк, «чехословацкие хоккеисты заставляли меня в дикой пляске метаться от штанги к штанге...»

И все же спортивное счастье в тот день сопутствовало нашим ребятам. За минуту до того, как сирена должна была возвестить об окончании второго периода, Мальцев блестящим броском заставил чехословацкого вратаря Иржи

Холечка достать третью шайбу из своих ворот. И хотя в третьем периоде чехи приложили максимум старания, чтобы переломить ход игры, у них из этого ничего не получилось. Как говорится, нашла коса на камень.

В эти же дни в Ленинграде и Одессе проходят полуфинальные матчи на первенство мира по шахматам: в Питере играют Анатолий Карпов—Борис Спасский (начали играть 9 апреля), в Одессе — Виктор Корчной—Тигран Петросян (с 11 апреля). Если в первом случае матч проходил относительно гладко, то во втором — наоборот, — со скандалами. Вот как описывает их В. Корчной:

«Матч проходил в обстановке большого нервного напряжения. Спешно установленный к началу матча помост, на котором мы играли, не был шедевром строительного искусства — он сотрясался от каждого движения. А у Петросяна была привычка в моменты волнения трясти ногами под столом... Кульминацией стала 5-я партия. Дважды во время обдумывания своего хода я обращался к противнику, призывая его успокоиться и дать возможность думать. Обращался сперва в вежливой, а потом уже и в резкой форме. Эту партию я выиграл...»

В пятницу, 19 апреля, в Баку завершился 7-й Всесоюзный кинофестиваль (начался неделю назад). Главная премия досталась фильму Василия Шукшина «Калина красная». Однако не все было просто. Некоторые члены жюри, видимо по сигналу из Москвы, выступили против награждения этой ленты главным призом, выдвинув вместо нее фильм Леонида Быкова «В бой идут одни «старики». Однако руководители украинской делегации отказались обсуждать этот вопрос без Быкова. «Тогда идите и уговорите его!» — посоветовали им члены жюри. И вот в два часа ночи в номер гостиницы, где проживал Быков, пришли его коллеги по кинематографу. «Мы можем получить главный приз вместо «Калины красной», — сообщили они режиссеру. На что тот ответил: «В списке, где будет Василий Шукшин на первом месте, я почту за честь быть хоть сотым. Ведь моя картина — это рядовой фильм о войне, а его — это настоящий прорыв в запретную зону, прорыв в сферу, о чем раньше и думать-то не позволялось. Так и передайте мои слова руководителям фестиваля». Согласитесь, мужественный и

благородный поступок со стороны Леонида Быкова. Впрочем, много от этого принципиального и честного художника невозможно было ожидать.

В итоге Главный приз получила «Калина красная», а первая премия была присуждена сразу трем лентам: «В бой идут одни «старики» Леонида Быкова, «Лютый» Толомуша Океева и «Мелодии Верийского квартала» Георгия Шенгелая. Первые премии как лучшим актерам достались Софико Чиаурели («Мелодии Верийского квартала»), Людмиле Караваевой («Тайны мукама»), Э. Радзине, Э. Эрмале («Вей, ветерок»), Леониду Быкову («В бой идут одни «старики»), Суйменкулу Чокморову («Лютый»).

Во время работы кинофестиваля с одним из членов его жюри — популярной киноактрисой Зинаидой Кириенко — произошел любопытный эпизод: она наконец-то узнала причину своей многолетней опалы. Дело в том, что, звездно стартовав в кино в конце 50-х ролью Натальи в «Тихом Доне» (1957) и сыграв затем еще несколько главных ролей (Катерина в «Поэме о море» (1958), Ирина в «Судьбе человека» (1959), Анета в «Сороке-воровке» (1959), Марьяна в «Казаках» (1961) и др.), Кириенко внезапно попала в немилость. С 63-го года ее перестали приглашать на главные роли, используя ее безусловный талант только в эпизодических ролях. Кириенко терялась в догадках относительно такой ситуации: кинопробы с ней всегда были хорошими, режиссеры вроде бы довольны, но, как только речь заходила об окончательном утверждении на роль — всеглохло. И только в апреле 74-го от одного из своих коллег по кинофестивальному жюри актриса наконец узнала правду. Вот как она сама об этом рассказывает:

«Я узнала от одного известного режиссера подлинную причину моих неудач: я стала жертвой оскорбленного мужского самолюбия. Както я осмелилась отвергнуть весьма откровенные притязания крупного чиновника, занимавшего очень важное положение в кинематографе, по сути, второго лица в системе управления нашим кино, и свою месть оскорбленный выказал грубо и низко...»

И еще о кино. В эти же дни высокие киночиновники выступили резко против фильма Андрея Смирнова «Осень», монтаж которого

только-только завершился. Стоит отметить, что еще на стадии черновой сборки директор Экспериментальной студии, где снимался фильм, Владимир Познер посчитал, что это будет очень хорошая картина. Услышав об этом, директор «Мосфильма» Николай Сизов решил предложить «Осень», а также фильм Андрея Тарковского «Зеркало» приехавшему из Франции отбирать фильмы для предстоящего Каннского кинофестиваля господину Бесси. Однако, прежде чем показывать эти ленты французу, высокое киношное начальство во главе с председателем Госкино Ф. Ермашом устроило для себя предварительный просмотр этих лент. Далее послушаем рассказ самого А. Смирнова:

«После просмотра Ермаш удалился к Сизову. В приемной я сидел час, два. Уже из этого было ясно, что дела плохи. Потом Ермаш проплыл мимо меня с каменной физиономией, ни слова не сказал.

Меня позвали на ковер. И — началось. Не помню подробностей, но как обычно: что сняты «все помойки», что советские люди выглядят как-то непрезентабельно и неприятно, особенно противны главные герои (в этих ролях снимались Леонид Кулагин и Наталья Рудная. — Ф. Р.)... Ну весь набор штампов, которые я слышал всю жизнь...»

В итоге Смирнову был вручен список поправок, которые он должен был в ближайшее время внести в картину. В противном случае ее обещали вообще не выпустить на всесоюзный экран (о Каннах речь уже вообще не шла). О том, как развивались события дальше, я расскажу чуть позже, а пока вернемся в апрель 74-го.

В случае с другим фильмом — «Скворец и Лира» Григория Александрова, — который был закончен производством месяц назад, все обстояло несколько иначе. Высокая приемная комиссия приняла его 29 марта и рекомендовала к выпуску на экран. Но фильм к зрителям тогда так и не дошел. Почему? На этот счет существует несколько версий. Первая: ленту запретила выпускать жена Александрова и исполнительница главной роли Любовь Орлова. Дескать, отсмотрев фильм от начала до конца, она поняла, в какой лаже ее утораздило сняться. Говорят, Орловой предложили заново пересяться в «неудавшихся сценах», но она отказалась. Якобы на этой почве они с Александро-

вым даже сильно повздорили и в течение нескольких дней не разговаривали друг с другом.

Согласно другой версии, запрет на фильм наложили высокие кураторы из КГБ. Им якобы не понравилась сюжетная линия фильма, где наша разведчица под видом родственницы внедряется в немецкую семью по заданию КГБ. Фильм как бы предупреждал тамошних людей: все, кто к вам приезжает под видом родных и близких, — агенты Лубянки. В итоге один из самых дорогостоящих советских киношных проектов того времени (две серии, сложные декорации, более сотни дорогих костюмов, заграничные экспедиции) был списан в убытки.

А теперь вновь перенесемся в Хельсинки, где проходит чемпионат мира и Европы по хоккею с шайбой. 20 апреля наша сборная поставила финальную точку: обыграв шведов со счетом 3:1, наши ребята набрали 18 очков и завоевали золотые медали (чехословаки с 14 очками взяли 2-е место, шведы с 11 — третье). «Золотой» состав нашей сборной выглядел следующим образом. Вратари: Владислав Третьяк, Александр Сидельников; защитники: Александр Гусев, Валерий Васильев, Геннадий Цыганков, Юрий Ляпкин, Юрий Шаталов, Владимир Лутченко, Виктор Кузнецов; нападающие: Борис Михайлов, Александр Якушев, Владимир Шадрин, Сергей Капустин, Александр Мальцев, Валерий Харламов, Владимир Петров, Вячеслав Анисин, Юрий Лебедев, Владимир Репнев, Александр Бодунов; тренеры: Всеволод Бобров, Борис Кулагин.

В Москве находится американский сенатор Эдвард Кеннеди. Утром 22 апреля его принял генсек ЦК КПСС Леонид Брежнев. В ходе беседы, где обсуждались самые разные проблемы взаимоотношений двух стран, американский гость коснулся и такого щекотливого вопроса, как дальнейшая судьба виолончелиста Мстислава Ростроповича и оперной певицы Галины Вишневской. Дело в том, что вот уже несколько месяцев они пытались уехать из страны, но все попытки наткнулись на нежелание властей отпускать их. Узнав об этом, знаменитый дирижер Леонард Бернстайн решил вмешаться в это дело. Накануне визита Кеннеди в Москву он встретился с ним в Америке и попросил замолвить слово за них перед Брежневым. Как видим, Кеннеди эту просьбу выполнил. Брежнев с пониманием отнесся к этой проблеме и

дал команду Министерству культуры не чинить больше препятствий звездной чете. Так и сказал: «Раз хотят уехать — пусть так и будет. Оформите их отъезд как творческую командировку».

Рано утром 23 апреля наша хоккейная сборная вернулась в Москву. Практически все члены команды разъехались по домам для отдыха, и только Владислава Третьяка впереди ожидали новые хлопоты: он был делегатом открывшегося в тот день 17-го съезда ВЛКСМ. Заехав с вокзала домой, Третьяк успел только переодеться в парадную офицерскую форму и тут же уехал в Кремль. Спустя час он уже занял свое место среди делегатов Москвы в 15-м ряду Дворца съездов.

В этот же день столичный Театр на Таганке отмечал юбилей — 10 лет со дня прихода туда любимовской команды. В фойе по этому случаю зажгли свечи, с которыми 10 основоположников театра-юбиляра (Славина, Демидова, Кузнецова, Полицеймако, Хмельницкий, Васильев и др.) прошли мимо вывешенных на стенах афиш и поднялись в верхний буфет. Там в 12 часов состоялась торжественная выпивка шампанского. Затем стали приходить гости и поздравлять юбиляров. К примеру, поэт Андрей Вознесенский подарил труппе щенка с голубыми глазами и красным лаковым ошейником, сказав, что это волкодав, который будет охранять театр. С общего согласия щенка отдали Алле Демидовой, которая тут же помчалась относить его домой. Вечером был показан спектакль, с которого, собственно, и началась история любимовского театра, — «Добрый человек из Сезуана». В нем играли практически все звезды Таганки: Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин, Зинаида Славина, Борис Хмельницкий и др. Во время показа, в сцене «свадьба», случилось ЧП: Высоцкий случайно угодил палочкой в глаз Золотухину. Удар был настолько сильным, что у Золотухина пошла кровь и ему пришлось срочно покинуть сцену. К счастью, глаз оказался неповрежденным, а что синяк появился, так это мелочи. Его наличие даже не помешало Золотухину сразу после спектакля присутствовать на банкете, устроенном в верхнем фойе ВТО. За длинным столом уселись не только таганковцы, но и представители других столичных театров: например, от Театра имени Вахтангова на вечеринку пришли Михаил Уль-

янов, Алла Парфаньяк, Юрий Яковлев, Людмила Максакова и др. По ходу застолья был показан документальный фильм о таганковском спектакле «Гамлет», а также о гастролях театра в Алма-Ате.

На следующий день в кинотеатре «Уран» (был такой на Сретенке) открылась ретроспектива фильмов с участием Валерия Золотухина. Устроители этого мероприятия ждали, что на открытие придет сам виновник торжества, однако он это сделать отказался. Причина была уважительной: во-первых, после вчерашнего застолья в ВТО болела голова, во-вторых — под глазом артиста красовался синяк, поставленный ему тем же вечером Высоцким.

Между тем 25 апреля Золотухину пришлось-таки вместе с тем же Высоцким показаться перед публикой: они выступали перед строителями, которые строили кооперативный дом на Малой Грузинской, 28, где Высоцкому в следующем году была обещана квартира. Правда, чтобы не пугать зрителей своим синяком, Золотухину пришлось надеть на глаза черные очки.

В тот же день Союз писателей СССР исключил из своих рядов еще одного своего члена — писателя Е. Эткинда. Одновременно он был уволен из института, лишен ученого звания. На заседании Секретариата СП, где Эткинда исключали, его самого не было, однако впервые присутствовали сотрудники КГБ, по ходатайству которых Эткинда, собственно, и исключали. Чекисты принесли с собой компромат на писателя, который и стал основанием для исключения. Какие же тягчайшие проступки совершил исключенный? Оказывается, в поле зрения КГБ Эткинд попал еще в 1969 году, когда впервые стал встречаться с Солженицыным. Еще одним «грехом» писателя было то, что он помогал молодым литераторам, поклонникам поэзии Иосифа Бродского (как мы помним, еще в 1972 году власти вынудили его уехать из СССР), собирать и комментировать его стихи. Плюс к этому Эткинд отговаривал молодых людей еврейского происхождения уезжать в Израиль.

В эти же дни Управление «С» КГБ СССР (нелегальная разведка) обрело своего нового руководителя: им стал Вадим Кирпиченко. Причем сам он воспринял это назначение с удивлением, поскольку до этого был связан совсем с другим направлением в работе — он был спе-

циалистом по арабским странам и Африке. Поэтому, когда его вызвал к себе Андропов, Кирпиченко стал отказываться от этого предложения. Но шеф КГБ заявил, что это назначение надо рассматривать как приказ. 25 апреля Кирпиченко был принят самим Брежневым, который «благословил» его на новую должность. По словам самого В. Кирпиченко, «генсек был ласковый, томный, неторопливый, незамысловато шутил. Говорил он — явно с подсказки Андропова и его же словами — о том, что работа в нелегальной разведке штучная, что туда должны идти самые стойкие, смелые, сильные, без всяких слабостей и изъянов люди. Партия ценит этот коллектив, и мне-де оказано большое доверие. Помня строгий наказ, данный Андроповым по дороге к Брежневу: «Не подумай отказываться от предложенной работы во время приема у Генерального секретаря», — я поблагодарил за советы и за назначение, а сам с огромным беспокойством думал о том, чем мне предстояло заниматься, с чего начать, справлюсь ли и за что меня постигла такая участь...»

Тем временем в Москве продолжает свою работу 17-й съезд ВЛКСМ. Как мы помним, в числе его участников находится и прославленный хоккейный вратарь Владислав Третьяк, который всего лишь несколько дней назад с триумфом вернулся с чемпионата мира и Европы, проходившего в Хельсинки. 27 апреля Третьяк взошел на трибуну Кремлевского Дворца съездов, чтобы сказать свою проникновенную речь. О том, как это было, рассказывает сам вратарь:

«Незадолго до выступления мне дали заранее заготовленные листки с выступлением и отправили на трибуну. Едва справившись с понятным волнением, начал говорить. И вдруг слышу за спиной громкий шепот: «Владик, — ты молодец!» И опять: «Владик, молодец!» О боже мой, что же делать? Прямо за спиной сидит Генеральный секретарь, это он обращается ко мне таким странным образом. А как реагировать? Прервать выступление, обернуться и поблагодарить? Или сделать вид, что не слышу? А вдруг он еще громче начнет ко мне обращаться? Это потом многие привыкли к стариковским странностям Брежнева, были даже разработаны определенные правила о том, как к ним относиться. Но я-то в каком положе-

нии оказался? Продолжаю читать по бумажке речь, а сзади опять: «Передай всем ребятам от меня привет». Вот такое было приключение...»

В тот же день, 27 апреля, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР по поводу тревожной ситуации, сложившейся с преступностью в Ставропольском крае. Несколько месяцев назад в ряде городов этого края были вскрыты грубейшие нарушения социалистической законности, когда тамошние правоохранительные органы, борясь за хорошие показатели, не регистрировали отдельные преступления, в том числе и тяжкие. Но в итоге нашлись люди, которые сообщили об этих безобразиях в Москву, в Генеральную прокуратуру Союза. 10 апреля в ее стенах вышел секретный указ, обязывающий всех прокуроров страны бороться с сокрытием преступлений, а 27 апреля свет увидел и Указ Президиума ВС. О ситуации, которая сложилась в те годы в Ставропольском крае с преступностью, вспоминает тогдашний первый секретарь крайкома партии Михаил Горбачев:

«Тогда на Ставрополье сложилась серьезная криминогенная ситуация: преступления, волна за волной, прокатывались по городам и поселкам. После нескольких жестоких убийств и изнасилований обстановка накалилась до предела. Люди были встревожены, напуганы и обоснованно ставили вопрос: есть ли в крае власть или нет? Всякие «накачки» и критика руководителей правоохранительных органов ничего не давали. Надо было срочно что-то делать. Десятки комиссий ничего вразумительного не дали, и тогда я собрал старых отставников-юристов — надежных, независимых ни от кого людей, попросил разобраться. Кстати, статистика по правонарушениям в крае была без особых отклонений. Комиссия, которую я создал, вскрыла грубейшие нарушения законности в самих органах внутренних дел края. Все вывернулось наружу — очковтирательство, сокрытие преступлений, должностные злоупотребления...»

По итогам работы комиссии в крае мы приняли крутые меры: сняли всех генералов в управлении МВД с занимаемых постов, перешерстили уголовный розыск, отдел борьбы с хищениями собственности, следственный отдел, другие службы, подтянули партийную организацию. Все стало выходить наружу. Пы-

тался застрелиться начальник следственного отдела, на совести которого были тяжкие должностные нарушения. Заменили руководителей милиции в одной трети городов и районов. Это была жесткая операция по утверждению законности, прежде всего в самих правоохранительных органах. Зато по числу зарегистрированных преступлений край с 11-го места опустился на 67-е в России...

Ставропольцы наступили на хвост министру внутренних дел Щелокову, в аппарате ЦК его недолюбливали, он ведь ни с кем не считался. Прокуратура СССР, Верховный суд тоже мало что для него значили. Министр заволновался, начал лихорадочно действовать. Сначала звонил, затем послал в край бригаду МВД во главе со своим замом Б. Т. Шумилиным. Я его знал, причем с хорошей стороны. Тем неожиданнее для меня были его суждения, по сути, шантаж: «Как же так? Вокруг порядок, а у вас такое творится. Спросят ведь — где был крайком?» Мой ответ был резким: «Имей в виду, я от своей позиции не отступлю. Передай это и Щелокову». Неуютно было Шумилину, но все-таки он продолжал уговаривать меня. В этой встрече участвовал зам. прокурора России Александр Найденов, он поддержал меня...»

Продолжаются претендентские матчи по шахматам в Ленинграде (А. Карпов—Б. Спасский) и Одессе (В. Корчной—Т. Петросян). В городе на Неве лидирует Карпов (2:1), в Одессе — Корчной (3:1). Последний матч продолжают сотрясать скандалы. Как пишет В. Корчной:

«Петросян обратился наверх, чтобы его признали победителем матча на том основании, что я нарушил правила. Было проведено несколько заседаний с участием высоких сановников, включая мэра Одессы. На последнем заседании Петросян потребовал, чтобы я публично извинился за свое неспортивное поведение. Меня спросили, согласен ли я извиниться публично. Мне неясно было, что это значит: каяться ли мне с микрофоном в руках или заявить о своем поведении в газете? Я сказал: «Хорошо, я могу извиниться публично, но в связи с этим встает вопрос: перед кем мне извиняться? Дело в том, что выступления Петросяна в Советском Союзе сопровождаются демонстрациями лиц армянской национально-

сти, и меня интересует, какую роль играет сам Петросян в организации этих сборищ!» В горле у Петросяна что-то заклокотало. «Все, — сказал он, — он оскорбил меня, он оскорбил мой народ. Я с ним больше не играю...»

Далее послушаем воспоминания главного судьи матча Бориса Крапиля: «Шестая партия была перенесена на 29 апреля, однако утром этого дня стало известно, что Петросян был срочно госпитализирован с острым приступом почечной болезни... 30 апреля Петросян обратился в судейскую коллегия с заявлением, в котором указал, что в связи с серьезным заблеванием он не может продолжить матч...»

Вся эта история закончилась для Петросяна плачевно: матч был прерван, и победа со счетом 3:1 досталась Корчному.

Между тем Высоцкому не до шахматных матчей — 29 апреля он вместе со своей женой отправляется на автомобиле в очередной зарубежный вояж. Они едут до Бреста, откуда через Польшу и ГДР берут курс на столицу Франции город Париж (Парижск, как выражался сам Высоцкий). Именно во время этого вояжа произойдет знакомство Высоцкого с художником Михаилом Шемякиным, который станет для актера не только лучшим другом, но и собутыльником.

Пока Высоцкий разъезжает по заграницам, в столичных кинотеатрах состоялись следующие премьеры. 22-го начали свой путь к зрителю две ленты: мелодрама А. Ибрагимова «Дела сердечные» с участием Георгия Тараторкина, Антонины Шурановой и др. и военная драма «Юнга Северного флота» Владимира Рогового с участием Игоря Склера, Альгиса Арлаускаса, Марата Серажетдинова, Виктора Никулина и др. 29-го в прокат вышел фильм Алексея Сахарова «С весельем и отвагой» с участием Михаила Езепова, Николая Мерзликина, Евгении Абельниковой и др.

Кино по ТВ: «Цветы запоздалые» (16-го), «За все в ответе» (впервые на ЦТ), «Сверстницы» (19-го), «Алешкина любовь» (20-го), «Егор Булычов и другие» (впервые на ЦТ), «Первый курьер» (21-го), «Старая крепость» (премьера т/ф 23—26-го), «Мертвый сезон» (27—28-го), «Сорок первый» (28-го), «Директор» (29—30-го), «Весна» (30-го) и др.

Премьеры в театрах: 16-го в Театре на Таганке — «Деревянные кони» Ф. Абрамова с уча-

стием Аллы Демидовой, Зинаиды Славиной, Ивана Бортника, Юрия Смирнова и др.; 17-го в Театре имени Пушкина — «Ночью без звезд»; 23-го в Малом театре — «Лес» А. Островского с участием Игоря Ильинского (он же режиссер), Романа Филиппова, Валерия Носика и др.; 28-го в ЦТСА — «Остров сокровищ»; 29-го там же — «Вдовый дом».

Эстрадные представления: 19—22-го в ЦДКЖ прошли концерты под названием «Поют молодые», приуроченные к 17-му съезду ВЛКСМ, на которых среди прочих исполнителей выступила пока еще мало кому известная певица Алла Пугачева. Пела она в дуэте с молодым певцом Юлием Слободкиным, которого людская молва сделала ее любовником. Однако на самом деле Пугачева питала романтические чувства совсем к другому человеку, руководителю своего ансамбля Виталию Кретюку (сценический псевдоним — Кретов). Но вернемся к афише развлечений.

В течение шести апрельских дней (20, 22—24, 27, 28-го) в Государственном театре эстрады проходили концерты с участием Ларисы Голубкиной, Юрия Антонова, ВИА «Песняры» и др. 29—30-го во Дворце спорта в Лужниках выступали: ВИА «Самоцветы», Марис Лиэпа, Георгий Визин, Александра Стрельченко, Иван Суржиков и др.

Новинки «Мелодии»: миньон ВИА «Лада» с песнями «Листья закружат» (Р. Майоров — В. Харитонов), «Сарафанная молва» (Е. Филиппов — И. Резник), «Миражи» (Э. Кролик — Н. Олев), «Чудо-ветер» (Т. Ефимов — Г. Минников). «Гвоздь» пластинки — шлягер «Листья закружат», который чуть ли не у каждого обладателя пластинки был «запилен» до дыр.

Вышло несколько дисков с записями зарубежных исполнителей. Среди них: Мирей Матье (Франция), Катрин Саваж (Франция), Роберт Янг (Англия), Удо Юргенс (ФРГ), Саймон

и Гарфункель (США). Однако «гвоздем» сезона, безусловно, стала ПЕРВАЯ долгоиграющая пластинка-миньон с песнями в исполнении легендарной группы «Битлз». До этого в Советском Союзе битловские песни если и выходили, то обязательно в исполнении других артистов. Исключением была лишь песня «Девушка» («Girl»), чудом вышедшая на миньоне в 66-м. И вот теперь, спустя четыре года после распада ливерпульской четверки, фирма «Мелодия» сподобилась выпустить первую пластинку «Битлз», правда, название группы на титуле не упоминалось — легендарная группа была зашифрована как «вокально-инструментальный ансамбль (Англия)». Кроме этого, миньон был выпущен «пиратским» способом, то есть без уведомления правопреемников ансамбля.

Надо отдать должное составителям пластинки, они выбрали самые хитовые вещи битлов середины и конца 60-х: «Леди Мадонна» («Lady Madonna», альбом «Hey Jude», 1970), «Любовь нельзя купить» («Can't buy me love», альбом «A hard day's night», 1964), «Я должен знать лучше» («I should have known better», альбом «A hard day's night», 1964), «Серебряный молоток» («Maxwell's silver hammer», альбом «Abbey Road», 1969). Пластинка будет иметь фантастический успех и в считанные недели будет сметена с прилавков. «Мелодия» тут же ориентируется в ситуации и добьет «доп тираж» на «пленке», то бишь в гибком варианте. У меня в коллекции была именно эта последняя пластинка синего цвета (она хранится у меня до сих пор как реликвия).

Между тем это был не последний подарок советским битломанам в том месяце: в апрельском номере журнала «Кругозор» была помещена статья про Джона Леннона (автор — английский публицист П. Темпест), а на гибкой пластинке были представлены две его песни: «Ирландское счастье» и «Нью-Йорк».

1974_{Май}

Распри в «Машине времени». Немецкие друзья подставили Брежнева. Триумф Натальи Гундаревой. Очередной выговор Владимиру Мотылю. Два трупа из Москвы-реки. Реставрация Красной площади. Убийство в Таллине: спортсмен убивает танцовщицу. Бандиты Запада. Борис Волчек: внезапная смерть на собрании. Как Сергей Соловьев заступился за Таню Друбич. Похороны в Таллине: подвенечное платье — в могилу. Леонида Куравлева утвердили на «Афоню». Выговор из-за Савелия Крамарова. Поссорились Константин Бесков и Евгений Ловчев. Мстислав Ростропович напился. Акира Куросава приступил к съемкам фильма «Дерсу Узала». Отъезд Ростроповича: шмон на таможне. Начались съемки фильма «Они сражались за Родину».

В светлый праздник 1-го Мая ваш покорный слуга с утра надел на себя парадно-выходную рубашку и брюки и вместе с пацанами со своего двора на Казаковке стал дожидаться, когда по родной улице со стороны улицы Радио прошествует колонна демонстрантов. Колонна появилась в поле нашего зрения часов около восьми. Нашей задачей было влиться в ряды демонстрантов и прошагать с ними аж до самой Красной площади. Стоит отметить, что совершить этот маневр нам, мальчишкам, было гораздо легче, чем взрослым. Дело в том, что каждая колонна собиралась по территориальному принципу и чужих в свои ряды не допускала (за этим внимательно следили правофланговые). Однако детям-нарушителям в отличие от взрослых делалась скидка и правофланговые смотрели на их просачивание в свои ряды сквозь пальцы. Пройдя по Красной площади, мы обычно так же пешком возвращались на родную Казаковку: по Пятницкой до Садового кольца, а оттуда до Курского вокзала — рукой подать. В девять вечера мы мчались на «физик» (территория Института

физкультуры), где стояли ракетные установки для салюта. В тот вечер, 1 мая, в вечернее небо Москвы с разных точек было выпущено по 20 залпов.

Между тем участники популярной рок-группы «Машина времени» встречали Первомайские праздники не в самом хорошем расположении духа. Дело в том, что в последнее время в коллективе наметился раскол. Главными его инициаторами были двое: Александр Кутиков и Сергей Кавагое. Они и раньше недолго любили друг друга, но теперь эта нелюбовь достигла своего апогея. Кавагое принял решение поступать в МГУ, а это лишало группу возможности поехать на юг, где обычно совмещалась работа с приятным отдыхом. Кутиков потребовал исключить Кавагое из коллектива как предателя, тот в ответ сделал то же самое: дескать, либо я, либо Кутиков. В итоге последний плюнул на все с высокой колокольни и ушел в другую группу — «Високосное лето». Следом за ним ушел Игорь Саульский. Так «Машина времени» на какое-то время прекратила свое существование.

Испорченными оказались праздники и для кремлевского руководства. В конце апреля в ФРГ разразился политический скандал вокруг канцлера Вилли Брандта, в близком окружении которого был обнаружен шпион, работавший на коммунистическую ГДР. Враги канцлера тут же подняли бучу, требуя смещения его с поста. А чтобы канцлер был поговорчивей, извлекли на свет еще один компромат — фотографии, на которых Брандт был запечатлен в компании каких-то полуголых девиц. Для Кремля этот скандал был крайне невыгоден: в течение нескольких лет Брежнев и К° устанавливали добрые отношения с руководством ФРГ, и, в частности, с Брандтом, как вдруг все эти усилия пошли коту под хвост. Чтобы доложить генсеку ситуацию, из Бонна в начале мая срочно прилетел Вячеслав Кеворков. Он вспоминает:

«Брежнев не просто близко к сердцу воспринял все происшедшее с Брандтом, но невольно отождествил в несчастье себя с ним. А представив себя в роли преследуемого, обиделся, затем возмутился и дал волю своим чувствам:

— Ты мне объясни, кому нужны охранники, которые вместо того, чтобы заботиться о безопасности, подглядывают в замочную скважину?! Гнать их надо, да не вон, а под суд за нарушение должностных инструкций! И потом, что за следствие, которое не понимает, что бабы существуют не затем, чтобы им рассказывать государственные секреты, а совершенно для других целей? Ведь это же не детективный роман, а жизнь!

— Леонид Ильич, немецкая госбезопасность считает, что...

— А немецкая безопасность вообще сидит в заднице, где ей и место, — с яростью в голосе перебил он меня, — и если там есть приличные люди, они обязаны пустить себе пулю в лоб, а не следствие против канцлера вести, которого не смогли уберечь! Получается, что канцлер должен ходить по кабинетам, открывать двери, заглядывать своим сотрудникам в лица и по глазам выяснять, кто из них шпион, а кто нет. А безопасность за что деньги получает? Не знаешь? И я не понимаю.

Во рту от волнения пересохло, и наступила пауза. Было слышно, как Брежнев сделал не-

сколько глотков из стоявшего перед ним стакана и затем не спеша продолжил:

— Юрий Владимирович говорил, что Брандта какими-то фотографиями с девицами пугают, если он не подаст в отставку? Ты их не видел?

— Да их, скорее всего, нет в природе.

— Вот и я так думаю. А предположим, и есть, так я бы за них еще и деньги приплатил, особенно если я на них настоящим мужчиной выгляжу. И уж никак не в отставку.

— Там пресса очень рьяно взялась за это... Что ни день — новая сенсация. Одним словом, обстановка нагнетается. Брандт находится в центре этой газетной истерии, и вынести ее нелегко...

— А ты вот что ему скажи: газетная бумага — сродни туалетной, только грязнее, вот из этого ему и надо исходить. И передай: я друзей в беде не бросаю. Нужно будет — мы все перевернем, а его в обиду не дадим. Я вот думаю: может, мне письмо ему ободряющее написать или устное послание передать? Решите с Юрием Владимировичем, как лучше...»

Было решено привезти Брандту письмо от Брежнева, в котором тот заверял канцлера в своей полной поддержке: мол, держись, Вилли, мы с тобой! Однако было уже поздно. Когда 5 мая Кеворков вручил его Брандту, тот уже направил президенту страны просьбу об отставке. Тот ее принял. Для Брежнева это было сильным ударом. Он не мог простить руководству ГДР такого подвоха: направить шпиона в логово Брандта, не посоветовавшись предварительно с ним. Поэтому свой гнев генсек обрушил прежде всего на шефа КГБ Андропова.

— Вот растолкуй мне, пожалуйста, Юра, что происходит? — kloкотал Брежнев. — Генеральный секретарь ЦК КПСС в течение нескольких лет делает все, чтобы совместно с канцлером ФРГ построить новые отношения между нашими странами, которые могут изменить ситуацию во всем мире, а вокруг начинается какая-то мышиная возня, сплетни про девиц и фотографии... И кто затеял это? Представь, наши немецкие друзья! А вот как я буду выглядеть при этом, «друзей» совершенно не интересует, они сводят счеты!

Не обошел своим гневом Брежнев и самого Брандта.

— Вот сразу видно, что он не воевал! — режюмировал генсек. — Пройди он через эту кровавую мясорубку, он отнесся бы к интригам окружающей его камарильи, как к назойливости осенней мухи: прихлопнул бы ее голой рукой.

Но оставим на время дела политические и поговорим об искусстве. В те дни серьезные волнения выпали на долю молодой актрисы Театра имени Вл. Маяковского Натальи Гундаревой: ей пришлось срочно вводиться на одну из главных ролей — Липочки — в спектакль «Банкрот, или Свои люди — сочтемся». Предыстория этого ввода выглядела следующим образом.

Главный режиссер Театра имени Вл. Маяковского Андрей Гончаров впервые поставил «Банкрота» весной 73-го на выпускном курсе ГИТИСа, где преподавал. Спектакль имел шумный успех, и многие из его участников были приглашены Гончаровым в его театр (А. Фатюшин, И. Костоловский, Г. Горбачев, Т. Орлова и др.). Осенью того же года начались репетиции спектакля в театре, а премьера была назначена на начало мая следующего года. Однако за десять дней до премьеры — в конце апреля — исполнительница роли Липочки внезапно уехала за границу в составе делегации деятелей советского кинематографа. Гончаров впал в отчаяние: где взять замену? На помощь пришла его жена, которая предложила отдать эту роль Наталье Гундаревой. Но Гончаров поначалу даже слышать об этом не хотел: «На что мне Наташка, эта толстая, жирная купчиха?» Но уже на следующий день настроение главрежа изменилось, и Гундаревой вручили текст роли.

Репетиции с новой исполнительницей длились рекордно короткие сроки — всего лишь 10 дней. Премьера «Банкрота» состоялась 6 мая и буквально потрясла театральную публику. И главным потрясением стала именно Гундарева: такой блистательной игры от молодой актрисы не ожидал никто.

Вечером того же дня, 6 мая, в Москве состоялась еще одна оглушительная премьера: в Ленкомме был показан спектакль «Тиль». Если на «Банкрот» ломилась публика солидная и серьезная, то на ленкомовскую премьеру — в основном молодежь. Дело в том, что «Тиль» был первой советской рок-оперой, и главное

место в нем занимала музыка популярной рок-группы «Аракс» во главе с Юрием Шахназаровым. Из актерского состава в спектакле были заняты Николай Караченцов, Инна Чурикова, Арчил Гомиашвили, Всеволод Ларионов и др.

Во вторник, 7 мая, очередной выговор получил кинорежиссер Владимир Мотыль, снимающий на «Ленфильме» фильм «Звезда пленительного счастья». Как мы помним, в первый раз он получил выговор за неудачный выбор актера Михаила Козакова на роль Сергея Волконского. На этот раз выговор был объявлен за крайне низкую производительность труда на съемочной площадке. Так, в отдельные дни вместо положенных 73 полезных метров пленки группа снимала всего 13 метров. Были и другие накладки: например, 5 мая отменили съемку в декорации «дом Раевских» из-за отсутствия сразу нескольких актеров окружения, 6 мая съемка была отменена из-за неготовности костюма Трубецкого (в этой роли снимался Алексей Баталов).

Утром того же дня, 7 мая, страшную находку обнаружил на берегу Москвы-реки, в районе стадиона имени Ленина, один из жителей столицы. Прогуливаясь с собакой, он обратил внимание на странный мешок, который волны прибили к берегу. Первой к мешку подбежала собака, которая, обнюхав его, внезапно залилась бешеным лаем. Когда к странному предмету приблизился хозяин пса, он увидел такое, от чего волосы на его голове зашевелились. Из мешка торчала... человеческая рука.

Примерно через полчаса к месту происшествия прибыла милиция. Из мешка было извлечено тело пожилого мужчины, внешний вид которого наглядно указывал на то, что на тот свет он отправился не добровольно: на его теле эксперты обнаружили несколько глубоких ножевых ранений, на голове — следы от ударов тупым тяжелым предметом. Как выяснилось чуть позже, погибшим оказался гражданин Тросман, который, согласно заявлению его сына Аркадия Бушко, без вести пропал вместе с женой еще в середине марта.

Забегая вперед сообщу, что спустя четыре дня после обнаружения трупа Тросмана в другом месте Москвы-реки будет найден и труп его супруги. Дело о пропаже супружеской четы переквалифицировали в дело об убийстве, но найти преступников удастся не сразу. Как мы

знаем, это преступление спланировал сын Тросмана Аркадий Бушко, которого сыщики тоже не исключали из списка подозреваемых. Но Бушко оказался хитрым человеком. Зная об интересе к нему сыщиков, он разыграл для них блестящий спектакль. Сначала впал в тяжелую депрессию, а затем совершил неудачную попытку самоубийства: закрывшись в ванной, попытался повеситься. Но табуретка у него под ногами в самый неподходящий момент закачалась, Бушко упал на пол, и на шум тут же сбегались его близкие. В итоге горе-«висельник» добился того, чего хотел: родные поместили его в психиатрическую клинику имени Кашенко, а сыщики на какое-то время оставили его в покое. О том, что было потом, я расскажу чуть позже, а пока вернемся в май 74-го.

10 мая крупномасштабные реставрационные работы начались на Красной площади в Москве. Это стало возможным после того, как специальная комиссия, изучив состояние Мавзолея Ленина, некрополя, Кремля и Красной площади, пришла к выводу о необходимости их реставрации, реконструкции, благоустройства и озеленения. Утром того дня, 10 мая, на Красную площадь со стороны собора Василия Блаженного въехала мощная строительная техника: подъемные краны, бульдозеры, автопогрузчики и — понеслось. У одной Кремлевской стены круглосуточно будет трудиться более 1100 каменщиков, гранитчиков, слесарей, механизаторов. Работы шли в три смены, в том числе и ночью — при свете прожекторов. Эти работы продлятся 165 дней.

12 мая в Таллине произошло убийство, которое потрясло всю Эстонию. Была убита танцовщица знаменитого на весь Союз варьете гостиницы «Виру» Эне Лейус, причем убийцей оказался муж Эне — известный теннисист Тоомас Лейус. Однако, прежде чем рассказать о самом убийстве, стоит хотя бы вкратце познакомиться с главными героями этой любовно-криминальной истории.

Спортивная слава Тоомаса началась еще в подростковом возрасте, когда он в 16 лет стал самым молодым в стране обладателем звания «Мастер спорта». Через год молодой спортсмен приплюсовал к этому рекорду еще один — стал победителем престижного Уимблдонского турнира. Спустя пять лет Лейус стал

чемпионом СССР и седьмым по счету теннисистом в мировой классификации.

Первой женой Тоомаса была преподавательница физкультуры Анне-Лийс, которая родила спортсмену прелестную дочь Дорис. Однако в середине 60-х этот, казалось бы счастливый, брак дал трещину. Тоомас влюбился в красавицу-танцовщицу Эне. Эта женщина до Лейуса уже знала несколько головокружительных романов с богатыми мужчинами, которые заканчивались так же стремительно, как и начинались. Поэтому, когда знаменитый теннисист внезапно увлекся ею, друзья предупредили его: дескать, с такой женщиной у тебя жизни не будет. Но он пропустил это предупреждение мимо ушей. Его страсть к ней оказалась настолько сильной, что Тоомас бросил жену и дочь, чтобы жениться на танцовщице.

В отличие от первой жены Тоомаса, которая удивляла своей скромностью, новая суженая знаменитого теннисиста была на редкость эффектной дамой. Это касалось как ее внешности, так и поведения. Она обожала дорогие подарки, и, чтобы угодить ей, Лейусу приходилось дарить ей то дорогую иномарку, то норковую шубу, то бриллиантовое кольцо. Вскоре их отношения приобрели подобие фарса: муж, как собачка, бегал за женой, а та понукала им как хотела и сколько хотела. В конце концов дело дошло до того, что Эне перестала стесняться свидетелей, при которых заявляла супругу: «Если бы ты не был Лейусом, я бы тебя давно бросила!» Но он прощал ей даже эти слова.

Друзья Тоомаса иногда пытались раскрыть ему глаза на истинное лицо его супруги, но тот наотрез отказывался им верить. Даже рассказы о том, что она изменяет ему с друзьями, пока он мотается по турнирам, не производили на него впечатления. Ему казалось, что людей толкает на эти разговоры обыкновенная зависть. Но все же какая-то червоточина в нем засела. Иначе он, до этого абсолютный трезвенник, не стал бы все чаще прикладываться к рюмке. И это не преминуло сказаться на его спортивной форме. Если в 1971 году Лейус был второй ракеткой Союза, то уже через год — шестой, затем — девятой. А в 1974 году он вообще вылетел не только из спортивного мира, но и из нормальной жизни.

Все началось с приезда в Таллин известного московского театрального режиссера Штер-

на (фамилия изменена). Это был талантливый режиссер, за которым давно закрепилась слава не менее талантливого разбивателя дамских сердец (в свое время, будучи 18-летним юношей, Штерн влюбил в себя 32-летнюю солистку Большого театра, народную артистку СССР, которая на этой почве едва не ушла от своего мужа-режиссера). Причиной приезда Штерна в столицу Эстонии была постановка на сцене русского драмтеатра нового мюзикла. Мюзикл он поставил, однако попутно закрутил очередной роман с танцовщицей Эне Лейус. Поскольку ее мужа в те дни в городе не было (он был на очередных соревнованиях), Эне с головой бросилась в водоворот нового увлечения. Московский гость пленил ее своей галантностью, тем, что был знаменит, удачлив и богат. (Говорили, что по Таллину он разъезжал на красной «Волге» с личным шофером, абсолютно игнорируя дорожные знаки, что считалось верхом «крутизны».)

Между тем, когда Тоомас вернулся в Таллин, Эне не стала скрывать от него своего романа и в первый же день выложила все как на духу. Надо отдать должное спортсмену, тот воспринял это известие как подобает мужчине — стоически. Он даже согласился обсудить ситуацию за круглым столом в присутствии самого Штерна и его жены. Это рандеву закончилось тем, что танцовщица и режиссер ушли вместе, крепко держась за руки. Лейус вроде бы смирился с потерей.

Спустя некоторое время у спортсмена наступила настоящая депрессия. У него и раньше уже возникали проблемы со здоровьем, но теперь они стали чуть ли не хроническими. Его здоровье стремительно ухудшалось, нервные срывы следовали один за другим. Тут еще цыганка напороочила ему страшную судьбу: мол, до 33 лет он будет богат, а затем случится несчастье. На вопрос «Какое?» цыганка предпочла не отвечать. Но разгадка не заставила себя долго ждать.

В апреле 1974 года Лейус угодил в какую-то темную историю, и его задержала милиция. Кто-то из друзей дал знать об этом Эне в Москву. Она срочно прилетела в Таллин и все время, пока велось следствие, находилась рядом с мужем, с которого взяли подписку о невыезде и отпустили домой. До трагедии оставались считанные дни.

По одной из версий, события в ту роковую ночь развивались следующим образом. Вечером 12 мая бывшие супруги были в доме одни. Ночью легли спать, но тут зазвонил телефон. Как оказалось, это из Москвы своей любовнице звонил Штерн. Эне переговорила с ним, после чего вернулась к Тоомасу. На того же этот звонок произвел неожиданное впечатление. Он стал требовать, чтобы Эне бросила режиссера и вернулась к нему. Но женщина ответила отказом. В какой-то момент Тоомас потерял контроль над собой и, повалив Эне на кровать, накрыл ее лицо подушкой. Женщина пыталась вырваться, сбросить с себя мужа, но сил у нее было слишком мало, чтобы справиться со спортсменом, руки которого были словно вытесаны из камня. Через минуту все было кончено.

Отмечу, что ни в одной из центральных советских газет про перечисленные выше преступления (дела Тросмана и Лейуса) не было написано ни строчки. Граждане в те годы вынуждены были питаться исключительно слухами. Зато про западную преступность публикаций, как всегда, было предостаточно. К примеру, в «Комсомольской правде» писали о разгуле преступности в Великобритании и США. Рассказывалось, что только за один день в полицейском участке графства Эссекс было зарегистрировано 26 преступлений: украдено три автомобиля, один велосипед, совершено восемь краж со взломом, десять — без, четыре — с применением физического насилия. Но эссекским преступникам далеко до лондонских — в столице Великобритании общая стоимость краж за каждые 24 часа составляла 90 тысяч фунтов стерлингов.

Далее в заметке сообщалось, что половина преступлений, совершаемых на туманном Альбионе, остается нераскрытой. Причем иногда, даже зная имена и адреса преступников, детали преступлений, полицейские не желают что-либо доказывать на суде, поскольку коррумпированны.

Что касается уровня преступности в США, то там ситуация складывалась и вовсе аховая. Только в 1973 году от огнестрельных ранений в Штатах погибли 24 тысячи человек. Во время федеральной проверки в городе Филадельфия выяснилось, что во всех 22 тамошних полицейских участках процветает подкуп.

В другой заметке речь шла о разгуле преступности в ФРГ. В ней делался вывод, что большую роль в этом разгуле играет телевидение, которое регулярно потчует своих зрителей фильмами, где льется человеческая кровь. Приводились конкретные примеры «сдвига по фазе» от этих фильмов. Например, двое юношей 16 и 17 лет застрелили на автобане Амберг — Нюрнберг владельца автомобиля. Один из юношей затем признался, что незадолго до этого смотрел телеспектакль «Насилие», в котором один мотогощик убивает шофера, чтобы завладеть его автомобилем. В заключение приводились слова нюрнбергского психиатра Хобека: «Из-за постоянного внушения телевидения, ежедневно демонстрирующего на своих экранах трупы, насильственная смерть стала обыденным делом».

В среду, 15 мая, в Москве скончался известный режиссер Борис Волчек (отец Галины Волчек). Он начинал свою карьеру в кинематографе в 30-е годы в качестве оператора у режиссера Михаила Ромма. Вместе они сняли следующие фильмы: «Пышка» (1934), «Тринадцать» (1937), «Ленин в Октябре» (1937), «Ленин в 1918» (1939), «Мечта» (1943), «Человек № 217» (1945, Сталинская премия), «Русский вопрос» (1948, Сталинская премия), «Секретная миссия» (1950, Сталинская премия), «Убийство на улице Данте» (1956). В 1963 году Волчек пробует себя как режиссер: снимает фильм «Сотрудник ЧК». Затем выходят и другие его фильмы: «Обвиняются в убийстве» (1970, Государственная премия СССР), «Командир счастливой «Щуки» (1973).

Смерть Бориса Волчека наступила на 69-м году жизни. Произошло это на глазах у множества свидетелей во время собрания на «Мосфильме». Волчек, увидев входящую в зал актрису Лидию Смирнову, бросился ее приветствовать. Наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, но вдруг откинулся назад и стал падать на пол, увлекая за собой и актрису. Народ бросился к упавшим. Смирнова поднялась сама, а вот Волчек оказался без сознания. Вызвали реанимацию, но, пока она ехала, кинорежиссер скончался.

Вспоминает Г. Волчек: «В тот день мы в пятнадцатый, наверное, раз сдавали высокой комиссии спектакль «Эшелон». Тут позвонили с «Мосфильма» и сказали, что умер мой отец.

Все, кто играл в тот день, знали об этом, но до конца прогона мне не говорили. И когда я вошла к ним после, чтобы сказать слова... Я помню, как артисты прожили горе со мной, увели меня в кабинет. Я никогда этого не забуду...»

Стоит отметить, что о постановке памятника на могилу Б. Волчек ходатайствовала все та же Лидия Смирнова. Дело в том, что, когда памятник был готов, выяснилось, что он на несколько сантиметров больше положенного размера. Помочь разрешить эту проблему дочка покойного обратилась к Смирновой. Та поехала к заместителю председателя Моссовета по кладбищам. Рассказала ему, каким талантливым человеком был покойный, как много прекрасных фильмов снял. Но чиновник был неумолим. Он сказал: дескать, если он такой гений, то поставьте ему памятник на «Мосфильме». Тогда обессиленная актриса согласилась отдать Б. Волчеку свой метр на кладбище. Но и это не помогло. Пришлось использовать последний аргумент: взятку. Она и решила исход дела в нужную сторону.

В столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер. 1-го вышла комедия Сергея Сплошнова «Теща», где снимались Павел Кормунин, Татьяна Карпова, Галина Федотова и др.; 6-го — драма Юрия Вышинского «Океан» с участием Николая Олялина, Татьяны Самойловой и др.; драма Евгения Карелова «Ради жизни на земле», в главной роли — Евгений Матвеев; 7-го — драма Родиона Нахапетова «С тобой и без тебя» с участием Марины Нееловой, Юозаса Будрайтиса и др.; 13-го — мелодрама Светланы Дружининой «Исполнение желаний» с участием Евгения Лебедева, Иннокентия Смоктуновского, Николая Еременко-младшего и др.; детское «фэнтези» Ричарда Викторова «Москва — Кассиопея»; детская драма Инны Туманян «Пятнадцатая весна» (дебютная роль Тани Друбич).

Кино по ТВ: «Огоньки» (впервые на ЦТ), «Учитель пения» (впервые на ЦТ), «Судьба бабабаника», «Баллада о комиссаре» (1-го), «Золотые рога» (впервые на ЦТ), «Внимание, черепаха!», «Король-Олень» (2-го), «Моя судьба» (преьера т/ф 2—4-го), «Белое солнце пустыни» (3-го), «Журналист» (4—5-го), «Освобождение», фильм 1-й — «Огненная дуга» (5-го), «Освобождение», фильм 2-й — «Прорыв» (6-го), «Чайковский» (6—7-го), «Освобождение»,

фильм 3-й — «Направление главного удара» (7-го), «Нежданный гость», «Освобождение», фильм 4-й — «Битва за Берлин», «Офицеры» (9-го), «Освобождение», фильм 5-й — «Последний штурм» (10-го), «Мы с Вулканом», «Подвиг разведчика» (11-го), «Король Лир» (14—15-го) и др.

Эстрадные представления: 1-го в ГЦКЗ «Россия» состоялись сборные концерты с участием Геннадия Хазанова, Марии Пахоменко, Бориса Владимировича, Вадима Тонкова и др.; 8—9-го на стадионе «Динамо» еще один «сборник» с участием Клавдии Шульженко, Николая Сличенко, Льва Лешенко, Иосифа Кобзона, Галины Ненашевой и др.; 14-го в ЦДКЖ пел дуэт Алла Пугачева — Юлий Слободкин.

В эти же дни кинорежиссер Сергей Соловьев готовился на «Мосфильме» к съемкам фильма «Сто дней после детства». Это была лирическая киноповесть о том, как во время отдыха в пионерском лагере двое подростков влюбляются в одну и ту же девочку. На роль этой девочки претендовало несколько десятков московских школьниц (их отбор проходил в марте — апреле), пока в итоге выбор режиссера не остановился на двух: Наташе Вавиловой и Тане Друбич (обеим по 14 лет, но Таня уже звезда: в эти дни на столичных экранах шел фильм с ее участием «Пятнадцатая весна»). Стоит отметить, что Соловьеву больше нравилась Вавилова, однако то, что произошло на худсовете «Мосфильма» 16 мая во время обсуждения кинопроб, заставило его резко изменить свое мнение.

На том совете большинство присутствующих склонялись в пользу Вавиловой: мол, она и органична, и мила. Соловьеву же нравилась Друбич. Он готов был следовать рекомендациям совета, если бы не высказывание одного из присутствующих, которое тот сделал сразу после совета, так сказать за кулисами. Он сказал в адрес Друбич следующее: «У этой девочки еврейское лицо. Зачем же двум русским мальчикам быть влюбленными в еврейскую девочку?» Пораженный таким цинизмом и несправедливостью, Соловьев внезапно вскипел и заявил, что именно эту девочку он, скорей всего, и будет пробовать на главную роль. И никакие угрозы и угрозы руководства киностудии так и не сумели убедить его изменить свое решение.

Между тем столица Эстонии город Таллин взбудоражен: вот уже несколько дней жители города только и говорят о том, как гордость республики, знаменитый теннисист Тоомас Лейус в припадке ревности задушил свою жену — не менее известную танцовщицу мюзик-холла Эне. 17 мая на одном из городских кладбищ состоялись похороны погибшей, на которые пришло огромное количество людей. Среди пришедших был и невольный виновник случившегося — московский режиссер Штерн, который специально приехал из Москвы, чтобы проводить в последний путь свою возлюбленную. Во время траурной церемонии он совершил символический жест: бросил в могилу подвенечное платье, в котором погибшая через несколько дней должна была пойти с ним под венец. Что касается Тоомаса Лейуса, то состоявшийся вскоре суд приговорит его к восьми годам тюремного заключения (он отсидит только три и будет досрочно отпущен за примерное поведение). Причем в день объявления приговора ему как раз исполнилось 33 года. Пророчество цыганки сбылось.

В понедельник, 20 мая, на «Мосфильме» состоялась обсуждение актерских проб к новой комедии Георгия Данелия «Афоня». На главную роль — сантехника Афони Борщева — был утверждён Леонид Куравлев, хотя поначалу сам Данелия сомневался в этой кандидатуре: он считал, что Куравлев... полноват для этой роли. Когда артист узнал об этом, он обиделся. Но затем недоразумение было снято самим Данелия, который позвонил актеру домой и пригласил пройти пробы на главную роль. Пробы показали, что органичнее Куравлева в этой роли не смотрится никто.

В тот же день в Одессе сборная Советского Союза по футболу встречалась в товарищеском матче с командой Чехословакии. На игру пришел популярный киноактер Савелий Крамаров, который оказался в тех краях по служебной необходимости — снимался в очередной комедии. А главным телеоператором на матче был бывший сосед Крамарова по московскому двору Михаил Савин (матч транслировался по 1-й программе ЦТ). Вот как он вспоминает о том дне:

«Я посадил Савелия рядом со своей камерой и наказал, чтобы, как только его буду снимать, что-нибудь кричал, то есть «болел». Так и

сделали. Идет игра, а я, чтобы разнообразить картинку, иногда показываю в эфире Крамарова. Он строит рожицы, дурачится. Надо же такому случиться, что наша команда проиграла (наши продули 0:1. — Ф. Р.). Настоящий национальный траур! После эфира в кабинете нашего начальника раздается звонок «сверху»: «Что же вы в момент трагедии для нашей страны показываете этого клоуна, который веселится!» В общем нам объявили выговор...»

Этот же матч навсегда развел двух футбольных звезд: тренера Константина Бескова и полузащитника столичного «Спартака» и сборной Союза Евгения Ловчева. Перед игрой они здорово повздорили, и Бесков скрепя сердце поставил Ловчева на игру. А утром следующего дня полузащитник пришел в тренерскую и в сердцах высказал Бескову все, что думал. В завершение своей пламенной речи он сказал: «Прошу больше не вызывать меня в сборную. Считаю, что недостойн играть в команде». На что Бесков ответил: «Согласен. Наши мнения совпадают». Когда команда вернулась в Москву, Бесков тут же отправил в ЦК КПСС докладную, где написал, что Ловчев отказался защищать честь своей страны в составе сборной. После этой записки Ловчева на год отлучат от сборной.

В эти же дни Мстислав Ростропович готовился к отъезду из страны. Как мы помним, еще в конце апреля американский сенатор Кеннеди замолвил перед Брежневым слово за Ростроповича и Вишневскую, после чего им разрешили вместе с детьми уехать на Запад, оформив этот отъезд как творческую командировку. Однако в те дни дочь отъезжантов сдавала экзамены в консерваторию, поэтому было решено уезжать по частям. Первым должен был покинуть родину Ростропович, хотя все его естество противилось этому. 24 мая он пришел к своему соседу по даче, зампреда Совета Министров СССР Кириллину и попросил его поговорить с кем-нибудь в правительстве.

— Ты объясни им, что я не хочу уезжать, — говорил Ростропович. — Ну, если они считают меня преступником — пусть сошлют меня на несколько лет, я отбуду наказание, но только потом-то дадут мне работать в моей стране, для моего народа... Перестанут запрещать, не разрешать...

В тот же день выдающийся японский кинорежиссер Акира Куросава начал в Советском Союзе натурные съемки советско-японского фильма «Дерсу Узала». Съемки проходили в тех самых местах, которые описаны в книге Арсеньева (его образ в ленте воплотил артист Юрий Соломин) — под городом Арсеньевском (бывшая деревня Семеновка, откуда и начинал свой путь Арсеньев). Вот как вспоминает о тех съемках Ю. Соломин:

«В первый день, когда группа отправлялась на съемку в тайгу, по-моему, в городе никто не работал. Местные жители никогда не видели киношников. Около гостиницы стояли толпы, как будто готовились к демонстрации. Мы проходили как сквозь строй. Арсеньевск — городок маленький, окруженный сопками. Отовсюду виден памятник Арсеньеву. Памятник выглядит так — в скале огромная глыба, и в ней высечен Дерсу Узала, а перед ним в шинели стоит Арсеньев. Мне очень нравится этот памятник. И вот когда вся группа шла, а мы выходили с Мунзуком последние (Максим Мунзук играл роль Дерсу Узала. — Ф. Р.), я услышал реплику: «А что, на памятник похожи». Это очень нас взбодрило...

Жили мы все — и японская группа, и наша — в трехэтажной гостинице. Кроме нас, там никто не жил. Вся гостиница принадлежала нам. Когда выезжали на съемку, за нами ехала полевая кухня готовить обед. Никаких разносолов не подавали, но все было очень вкусно — обязательно салат, суп, второе, компот, чай. Японцы оказались неприветливы в еде... Они никогда не говорили, что им бы хотелось чего-то другого. И Куросава делил со всеми нами тяготы «таежной жизни». Ел со всеми «из одного котла», и все ему нравилось...»

25 мая Ростропович вновь встретился со своим соседом по даче — зампредом Совета Министров Кириллиным. Однако тому порадоваться виолончелиста было нечем.

— Я говорил с кем надо о тебе, но делошло слишком далеко, — развел руками Кириллин. — Ты должен уехать. Уезжай, а там видно будет.

После этого они вдвоем ушли в дом виолончелиста и там вдыхнули напиться. А на следующее утро с больной головой Ростропович был уже в Шереметьево, чтобы оттуда самолетом улететь в Лондон. Провожать его пришли,

кроме родных, его друзья, ученики. Обстановка была мрачной, как на похоронах. В один из моментов у отъезжанта не выдержали нервы, и он с женой уединился в зале аэропорта. «Не могу больше быть с ними, смотрят на меня как на покойника», — объяснил он жене свои чувства.

Между тем во время проверки багажа возникли проблемы с таможенниками. Дело в том, что Ростропович увозил с собой несколько десятков своих наград (золотые медали от Лондонского Королевского общества, от Лондонской филармонии, золотую медаль от Израиля, медаль Государственной премии СССР, медаль Ленинской премии и др.), и эти ордена и медали привлекли к себе внимание таможенников. Они разрешили виолончелисту увезти с собой только две награды — медали «За освоение целинных земель» и «800 лет Москвы», а остальные потребовали оставить: дескать, золото провозу не подлежит. Ростропович, естественно, возмутился:

— Золото? Это не золото, это моя кровь и жизнь, это мое искусство!.. Я зарабатывал честь и славу своей стране... А для вас это золото. Какое вы имеете право!..

Видя, что с ним сейчас начнется истерика, Вишневская поспешила ответить его в сторону. И там крепко встряхнула за плечи:

— Замолчи, слышишь? Замолчи, или я тебя задушу! Чтобы я не слышала больше ни одного слова. Вспомни, что двое твоих детей стоят вон там, и я здесь остаюсь. Ты понял, что ты делаешь? Успокойся... Сейчас ты сядешь в самолет... закроешь глаза и откроешь их, когда будешь в Лондоне. И ты увидишь совсем другие лица.

Успокоив мужа, Вишневская вернулась к таможенникам. Достав из чемодана мужнины брюки от пижамы, она завязала штанины узлом и побросала туда все коробки с орденами и медалями. Один из таможенников попытался было разрядить обстановку и сообщил, что кто-то из них уже пошел узнавать у начальства относительно судьбы наград, но Вишневская не стала ничего слушать.

— Ничего не надо, я все забираю домой, — заявила она таможеннику.

Вишневская с детьми уедет из Советского Союза спустя два месяца после отъезда Ростроповича.

На «Ленфильме» режиссер Леонид Квинихидзе продолжает трудиться над комедией «Соломенная шляпка». В течение месяца фильм находился на консервации, после чего 23 мая съемки наконец возобновились. В те дни снимались эпизоды в декорации «шляпный салон»: Фадиляр (Андрей Миронов) внезапно узнает в хозяйке салона (Людмила Гурченко) свою бывшую возлюбленную; Фадиляр и хозяйка лихо отплясывают; хозяйка поет «Песенку про дилижанс».

31 мая в донских степях режиссер Сергей Бондарчук начал натурные съемки фильма по роману Михаила Шолохова «Они сражались за Родину». В фильме был собран поистине звездный актерский ансамбль, одних народных артистов Советского Союза насчитывалось 8 человек: Сергей Бондарчук, Вячеслав Тихонов, Юрий Никулин, Нонна Мордюкова, Евгений Самойлов, Иннокентий Смоктуновский, Ирина Скобцева, Ангелина Степанова.

Съемки фильма проходили в тех же местах, что описаны в романе, — в 28 километрах от станции Клетской. Поскольку подъездные пути к местам съемок были не самыми лучшими — после дождей дорогу размывало так, что ни один транспорт по ней двигаться не мог, — было решено разместить часть съемочной группы на арендованном теплоходе «Дунай», а другая часть жила в палатках на берегу. Почему в палатках? Дело в том, что первоначально у киношников была задумка возвести городок из 24 щитовых домиков, но подвело Министерство деревообрабатывающей промышленности: оно могло предоставить только два сборных общежития, да и то только осенью.

Между тем в первый же съемочный день — 31 мая — одному из участников съемок — Георгию Буркову — исполнился 41 год. И первыми, кто поздравил именинника с этой датой, были Василий Шукшин и Алексей Ванин. В качестве подарка Шукшин преподнес Буркову свою свежую книгу «Беседы при ясной луне» с дарственной надписью.

А теперь с Дона вернемся в Москву. Во второй половине мая в здешних кинотеатрах состоялась несколько премьер. Так, 20 мая на широкий экран вышла драма Александра Сурина «Два дня тревоги» с участием Юрия Шлыкова, Нонны Мордюковой, Владимира Тихонова и др.; 27 мая начался прокат героической кино-

повести «Абитуриентка» Алексея Мишурина, посвященной памяти отважной стюардессы Надежды Курченко, погибшей при захвате самолета террористами четыре года назад. В главной роли — Ирина Шевчук. В тот же день на широкий экран вышла комедия Вилена Азарова «Неисправимый лгун» с участием Георгия Вицина, Эдиты Пьехи, Владимира Этуша. Одну из ролей в картине играл популярный актер Борис Сичкин. Однако его фамилии в титрах не было: бдительные цензоры запретили ее упоминать, поскольку на момент выхода фильма Сичкин все еще находился в тамбовской тюрьме. О премьере фильма он узнал из газет через несколько дней.

Из зарубежных премьер назову следующие фильмы: 20 мая на столичные экраны вышел очередной вестерн про вождя апачей Виннету «Сокровища Серебряного озера», детектив итальянских кинематографистов «Дело гражданина вне всяких подозрений» и французский детектив «Человек проходит сквозь стену». Но бесспорным фаворитом проката стал американский вестерн режиссера Джона Ли Томпсона «Золото Маккенны», который начал демонстрироваться в кинотеатре «Россия» с 24 мая. На этот фильм выстраивались километровые очереди, кассы брали чуть ли не штурмом.

По большому счету, «Золото Маккенны» нельзя отнести к шедеврам вестернового искусства. Даже сами американцы удивлялись, почему наши прокатчики обратили внимание именно на этот фильм, который в самой Америке особенных лавров не снискал. За исключением двух, уже вышедших в тираж звезд в лице Грегори Пека и Омара Шарифа, в нем не было ничего особенного. Но наш истосковавшийся по настоящему вестерну зритель (последний раз исконно американский вестерн «Великолепная семерка» демонстрировался в Советском Союзе аж 12 лет назад!) готов был простить любые огрехи создателям сего произведения. И «Золото Маккенны» я лично смотрел раз семь-восемь. А песню «Старый гриф стервятник» Куинси Джонса в исполнении Валерия Ободзинского (в оригинале ее пел Хосе Филисиано, а в русском варианте звучали слова Леонида Дербенева) выучил наизусть чуть ли не с первого раза. Причем слова песни мы добывали весьма оригинальным способом. Поскольку о пластинке с ее записью и думать бы-

ло невозможно, а переносного магнитофона у нас не было, мы с друзьями вооружились карандашами, купили билеты поближе к экрану (там светлее) и в процессе ее исполнения лихо-радочно записывали слова на бумагу, распределяв между собой куплеты. Я записывал первый:

Птицы не люди и не понять им,
что нас вдаль влечет.
Только стервятник, старый гриф-стервятник,
знает, в мире что почем и т. д.

Кино на ТВ во второй половине мая было представлено следующими фильмами: «Бей, барабан!», «Был месяц май» (18-го), «Поднятая целина» (1-я серия) (19-го), «Майор Вихрь» (20—22-го), «Табачный капитан» (24-го), «Там, где цветут эдельвейсы» (25-го), «Поднятая целина» (2-я серия), «Алые маки Иссык-Куля» (26-го), «Руины стреляют» (премьера т/ф 27 мая — 1 июня), «Над Тиссой» (28-го), «Порожный рейс» (31-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 16-го в Театре имени Гоголя — «Тревожный месяц вересень»; 22-го в Театре имени Моссовета — «Трамвай идет в парк» с участием Ии Саввиной, Натальи Богунновой и др.; 28-го в Театре имени Ермоловой — «Играем Стриндберга»; 29-го в Театре имени Пушкина — «Последние дни» («Пушкин») с участием Ольги Викландт, Николая Прокоповича, Веры Аленовой и др.; в ЦТСА — «Каждый осенний вечер».

Эстрадные представления: 17-го в ГЦКЗ «Россия» пела американская фолк-певица Одетта; 17—18-го в ГТЭ выступала семейная пара певцов в лице Вадима Мулермана и Вероники Кругловой; 21—25-го в филиале МХАТа пела болгарская певица Лили Иванова; 23-го в ГЦКЗ «Россия» состоялся творческий вечер знаменитого балеруна Мариса Лиепы. Продолжаются гастроли в столице Аркадия Райкина и его Театра миниатюр. Их спектакль «Избранное-73» был показан в ГТЭ 19, 20, 21, 25, 26, 29—31 мая.

Новинки «Мелодии»: (миньоны) — «Поет Валерий Ободзинский» с песнями: «Вечная весна» (Д. Тухманов — И. Шаферан), «Листопад» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «Мелодия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов); «Поет Анатолий Королев» с песнями: «Неприметная красота» (А. Морозов — М. Рябинин), «Перед рас-

ставанием» (А. Рошин — Р. Рождественский), «Не заставляйте женщин плакать» (Н. Подгорнов — Л. Щипахина), «Поет ВИА «Добры молодцы» с песнями: «У весны и любви» (В. Антипов — А. Ольгин), «Золотой рассвет» (автор музыки не известен — русский текст Л. Дербенева), «О тебе, наверное» (В. Антипин — О. Гаджикасимов).

Кстати, о поэте Онегине Юсуф оглы Гаджикасимове стоит сказать отдельно. В те дни в газете «Вечерняя Москва» публицист Леонид Жуховицкий написал большую заметку о пошлости в эстраде и в качестве примера дурновкусия привел именно песни на стихи Гаджикасимова. Цитирую: «Один О. Гаджикасимов, оснастивший для эфира убогими текстами десятки песен, ущемил общественный вкус куда больше, чем все простодушные клубные барды, вместе взятые. Бороться надо прежде всего с пошлостью профессиональной...» Но что на самом деле стояло за этим «наездом»? А стояло вот что. За всю свою долгую творческую карьеру Гаджикасимов не написал ни строчки про партию и комсомол, за что и получал по первое

число от партийных идеологов. Те возмущались: дескать, вместо того чтобы мобилизовать слушателей на строительство коммунизма, поэты типа Гаджикасимова только и делают, что сюсюкают про любовь.

Между тем в отличие от партийных чинуш рядовой слушатель не просто любил, а обожал песни на стихи Гаджикасимова. Чтобы не быть голословным, назову всего лишь несколько таких песен, которые люди поют до сих пор. К примеру, он написал русский текст к таким мировым шлягерам, как «Девушка» (битловская «Girl») и «Лайла» (из репертуара Тома Джонса), а также приложил руку к ряду супершлягеров отечественного производства: «Дождь и я» (первый исполнитель — Олег Ухналев, а в начале 90-х в нее вдохнул вторую жизнь Евгений Осин), «Восточная песня» (пел Валерий Ободзинский, в наши дни — «Премьер-министр»), «Неотправленное письмо», «Олеандр» (все из репертуара Валерия Ободзинского), «Номер телефона» (из репертуара Полада Бюль-Бюль оглы), «Алешкина любовь» (из репертуара ВИА «Веселые ребята») и др.

1974 Июнь

Ура, у нас каникулы! Звездный час Сергея Шевкуненко. Япончик в психушке. На съемках фильма «Они сражались за Родину». Олег Борисов купил себе цветной телевизор. Женится Владимир Винокур. Соловьев и Нахапетов: в преддверии будущих романов. В Москве снимают «Три дня в Москве». К нам приехала «Монна Лиза». Эдуард Стрельцов сдает научный коммунизм. «Соломенная шляпка» в Тарту. У Павла Буре родился брат. Юрию Андропову — шестьдесят. Нашли актера на роль Тили Уленшпигеля. Брежнев на выборах. Смерть маршала Георгия Жукова. Акира Куросава рисует для Юрия Соломина. Шукшин в БДТ. Чемпионат мира по футболу: мы чужие на этом празднике. Вольф Мессинг помог изблечить преступницу. КГБ арестовывает спекулянта иконами. Похороны Георгия Жукова. Александр Галич получает документы на выезд. Сына Николая Крючкова упекли в психушку. Игорь Тальков едва не завалил экзамен. Недуг Бориса Бабочкина. Театр на Таганке в Набережных Челнах. Прощальный обед у Галича. Андропов получил орден из рук своего недруга. Трагедия в Рязанской области: погибли артисты ТЮЗа. У Галича хотели отнять нательный крест. Триумф Высоцкого в Набережных Челнах: зрители подняли на руках автобус с кумиром. Инсульт Алексея Грибова. Приезд в Москву Ричарда Никсона. «Голос Америки» про «Калину красную». Победа Сергея Захарова. Сбежал балерун Михаил Барышников. Судят «банду фантомасов». София Ротару стала петь «под фанеру». Радость меломанов: в Союзе вышла вторая пластинка «Битлз» и первая — «Криденс».

В стране начались самые продолжительные школьные каникулы — летние. Самое прекрасное время для всех советских подростков, за исключением десятиклассников, у которых в эту пору голова болит об одном — куда податься после школы. Я же в те дни закончил всего лишь пятый класс и никакими серьезными заботами обременен не был. Поэтому весь световой день проводил с друзьями во дворе, либо в какой-нибудь ближайшей киношке. Учитывая, что в радиусе всего лишь четырех-пяти километров от нашего двора находилось сразу три кинотеатра — «Звезда» (возле Курского вокзала), «Встреча» (на Садовом кольце) и Сад имени Баумана (21 мая, после реконструкции, там распахнул свои двери летний киноконцертный зал), — пойти нам было куда.

Еще одним обязательным делом для нас был просмотр кинофильмов по «ящику». К примеру, во вторник, 4 июня, в 16.50 по московскому времени, чуть ли не все советские школьники впились глазами в голубые экраны, где нача-

лась премьера 3-серийного телефильма «Кортик» по роману Анатолия Рыбакова. Это позднее, став взрослым человеком, я увидел все ляпы и огрехи этого кинофильма, а тогда он показался мне чуть ли не вершиной киноного искусства. И особенно запомнилась игра юного актера Сергея Шевкуненко, который исполнил в фильме главную роль — Миши Полякова. Скажи мне кто тогда, что этот симпатичный и правильный мальчик спустя каких-нибудь десять лет станет влиятельным криминальным авторитетом, я бы назвал его сумасшедшим. А ведь так оно и вышло. Однако в тот день, 4 июня, когда по телевизору демонстрировалась 1-я серия телефильма, ни одна живая душа об этом пока не догадывается (сам Шевкуненко в те дни находится на Урале, где снимается в очередном фильме, — «Пропавшая экспедиция»). А криминальным миром пока правят совсем иные авторитеты.

Продолжает находиться под следствием Вячеслав Иваньков, задержанный в марте этого

года за разборку со стрельбой в ресторане «Русь». Как мы помним, Иванькову инкриминировали не только участие в драке, но и владение поддельными документами: паспортом и водительским удостоверением. Чтобы избежать наказания за эти преступления, Иваньков решил прибегнуть к испытанному методу, применяемому большинством правонарушителей: симулирует психическое расстройство. В итоге в среду, 5 июня, его отправляют на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Институт имени Сербского.

В донских степях продолжают съемки фильма «Они сражались за Родину». В те дни на съемочную площадку прибыла техника: 30 танков и 24 орудия. Техника прибыла из Москвы сложным маршрутом: сначала по железной дороге до Калача-на-Дону, а оттуда на паромов прямо в станицу Мелологовскую. Следом за техникой на съемочную площадку приехал и журналист «Литературной газеты» И. Гуммер. Пробыл он там два дня и застал съемки нескольких эпизодов. В частности, при нем сняли эпизод «на кухне» (это там герой Василия Шукшина Лопухин ругает повара за надоевшую пшеничную кашу), а вечером были отсняты кадры уже из другой сцены. Вот как сам журналист описывает эти съемки:

«Солнце медленно уходит за Дон. Вечереет. Еще чуть-чуть стемнеет, и будет сниматься эпизод «Выход к Дону». Над берегами, над степью и лесом гремит голос В. Достая:

— Внимание! На левом берегу поднять дымы! На правом — включить прожекторы!

Вспыхивают над меловыми горами сильные военные прожекторы. Приготовился, устроившись с аппаратом на обрыве, В. Юсов.

— Все готово? Николай Николаевич, ложитесь на носилки. Внимание! Начали! Мотор!

Перевязанный, «окровавленный» Николай Губенко (лейтенант Голощеков) ложится на носилки. Жидкая колонна уцелевших бойцов спускается к Дону...»

В пятницу, 7 июня, известный актер Олег Борисов, проживавший с семьей в Ленинграде, приобрел ценную покупку — цветной телевизор «Рубин». До этого у него стоял старый, черно-белый «ящик» марки «Темп», который был приобретен десять лет назад и в те годы считался одним из самых лучших телевизоров в стране. Но в начале 70-х в Советском Союзе

наступила эра цветного телевидения, и «Темп», конечно же, устарел. К тому же за долгие годы работы борисовский «ящик» изрядно пообносился и работал не так, как в первые годы: например, чтобы переключить его на другой канал, требовалось применение физической силы — по телевизору надо было долбануть сверху кулаком. Короче, не «фонтан». Другое дело цветной «Рубин» — последний писк моды в области телевизоростроения. Достать его в магазине в обычном порядке практически невозможно — нужно иметь блат среди продавцов. У Борисова, вернее у его жены Аллы, такой блат был: в Гостином Дворе работала ее приятельница.

Стоит отметить, что в поход за телевизором сам Борисов идти не хотел: не любил, когда вокруг него собирались толпы. Для этой цели вполне могли подойти жена и взрослый сын. Однако продавщица поставила жесткое условие: должен прийти обязательно сам актер. Видимо, ей хотелось прихвастнуть перед подружками-продавщицами своим знакомством со знаменитостью. Вот и пришлось Борисову отправляться в магазин вместе с женой. Как и предполагалось, этот поход его мало чем порадовал. По ходу дела продавщица поинтересовалась у жены Борисова, сколько лет актеру, и принялась расточать комплименты: дескать, вы так молодо выглядите, так прекрасно сохранились (актеру в ту пору было 45). Борисову с трудом хватило терпения и выдержки, чтобы не сорваться.

Видимо, желание поскорее покинуть Гостиный Двор сказалось на том, что Борисову не хватило терпения как можно тщательнее проверить покупку. В результате уже дома выяснилось, что в новом телевизоре не работает ручка настройки, из-за чего все изображение на экране воспроизводилось в одном, розово-красном цвете. Пришлось вызывать гарантийного мастера.

В субботний день 8 июня в Москве женился артист Владимир Винокур. Его супругой стала 20-летняя артистка балета того же театра оперетты, где работал сам Винокур, Тамара Первакова. История их знакомства выглядела следующим образом.

Впервые 20-летнюю Тамару будущий муж увидел за несколько месяцев до свадьбы — на детском спектакле, где Винокур играл Двочника, а Тамара — Куклу. Фигура девушки с красивыми женскими округлостями произвела

на актера неизгладимое впечатление (практически все балерины безгрудые, а у Тамары с этим делом все было в порядке). Винокур попытался с ходу «подъехать» к девушке, как он это делал в других подобных случаях, но получил от ворот поворот. Причем это был не просто отказ, а решительный — Тамара послала ухажера куда подальше прямым текстом. В Винокуре разыграло самолюбие: в лепешку разобьёшь, но завоюю сердце гордой балерины.

Завоевание продолжалось чуть ли не месяц. Тамара оказалась девушкой дерзкой и срезала Винокура на полуслове, едва он начинал к ней клеиться. И все же настойчивость Владимира сделала свое дело: в один из очередных его подходов Тамара согласилась заглянуть к нему на огонек в общежитие. Там Винокур попытался спойть гостью и... сами понимаете, что сделать. Но тут произошло неожиданное: Тамара внезапно расплакалась. Винокура это настолько обескуражило, что он прекратил свои домогательства и проводил девушку до дома. Несколько позднее Тамара объяснила ему причину своих слез: дескать, Винокур казался ей, как из фильма «Три толстяка», старым и толстым да еще волосатым. И вообще к мужчинам она относилась настороженно, поскольку росла в интернате, — отец девушки рано умер, а мама все время проводила на работе, так как была начальником цеха на авиационном заводе.

Сближению молодых людей поспособствовал случай. Винокуру предложили в театре постоянную ставку, для чего требовалась московская прописка. У Винокура ее не было, сам он родом из Курска. Что делать? И тут ему на помощь пришла Тамара, у которой имелась своя жилищная проблема. Она была прописана в двухкомнатной квартире бабушки, которая на тот момент была уже при смерти. После ее смерти квартиру грозились отнять. Вот Тамара и предложила Винокуру заключить между ними фиктивный брак, при котором каждая из сторон оставалась при своем интересе: Винокур получал московскую прописку, а Тамара — квартиру бабушки.

Посоветовавшись с родителями и получив от них добро, Винокур принял предложение Тамары. А незадолго до похода в ЗАГС внезапно предложил: «Давай сделаем не фиктивный брак, а настоящий. В будущем я собираюсь стать известным актером и ты не прогадаешь». Тама-

ра малость подумала и согласилась. Сказала: «Я постараюсь вам поверить» (девушка обращалась к своему ухажеру исключительно на «вы»). Как объяснит позже сам Винокур, на нее большое впечатление произвела его фраза о том, что он после свадьбы купит ей новые джинсы (в ту пору Тамара ходила в джинсах советского производства, которые в народе в шутку назывались «Ну, погоди!»). Жить молодожены стали в квартире на Потьлихе, напротив «Мосфильма» (есть там такой поворот наверх, буквально метров триста от киностудии).

В эти же дни в творческом объединении «Экран» режиссер Антонис Воязос продолжает работу над многосерийным детективом про шпионов «Вариант «Омега»». Часть натурных съемок проходила в Таллине, теперь группа переместилась в Москву. В первой половине июня снимались начальные эпизоды фильма — первая встреча двух разведчиков: советского Скорина (Олег Даль) и немецкого Шлоссера (Игорь Васильев). Эпизод снимался в общежитии фабрики «Освобожденный труд», что на Электрозаводской улице, где была выстроена декорация «особняк Лоты».

Между тем другой кинорежиссер (уже с «Мосфильма») Сергей Соловьев, готовится начать натурные съемки фильма «Сто дней после детства». Как мы помним, с большим трудом ему удалось отстоять юную кандидатку на главную роль — Таню Друбич, которую худсовет киностудии собирался заменить на другую актрису (у девочки была «неподходящая» национальность). 10 июня Друбич сдала последний экзамен за 8-й класс и оказалась в полном распоряжении съемочной группы. Уже на следующий день начались съемки натурального объекта «дом Курепиных» в поселке Виноградово под Москвой.

Как мы теперь знаем, именно на съемках этого фильма между взрослым режиссером и несовершеннолетней девочкой пробежит первая романтическая искра, которая позднее приведет их в ЗАГС. Абсолютно похожая история происходила в это время на том же «Мосфильме» и с другим режиссером — Родионом Нахапетовым. В июне он активно искал исполнительницу главной женской роли для своей картины «На край света» и в итоге нашел 18-летнюю москвичку Веру Глаголеву, которой

спустя некоторое время предстоит стать его женой. История этого знакомства выглядела так.

Для фильма требовалась девушка с наивными и чистыми глазами, которая по сюжету не знала своих настоящих родителей и имени, данного ей при рождении. Вроде бы ничего сложного, однако Нахапетову хотелось, чтобы облик девушки нес в себе и некую тайну. Какую именно, он и сам пока толком не знал, чем сильно осложнял работу своим ассистентам. Чуть ли не каждый день те приводили к нему кандидатов на роль девушки, но режиссер каждый раз говорил, что это не то, что надо. «А что надо?» — горячились ассистенты. — Какая девушка вам нужна: высокая, маленькая, полная, худая? Какая?» — «Это трудно объяснить», — туманно отвечал Нахапетов.

Но однажды ситуация все-таки сдвинулась с мертвой точки. Нахапетов увидел в буфете «Мосфильма» юное прелестное создание и тут же кликнул своих ассистентов: «Вот такая девушка мне нужна!» Это была Вера Глаголева, которую судьба занесла на киностудию совершенно случайно: она пришла в гости к своей подруге, которая там работала. Сама Вера никакого отношения к кинематографу не имела, да и не собиралась иметь: она делала активную карьеру в спорте, будучи на тот момент мастером спорта по стрельбе из лука. По ее же словам, Нахапетову она понравилась чисто внешне. На ней в тот день были модные штаны-трубы, расклешенные от бедра, и необычная по тем временам стрижка. Челка, как у суперпопулярной французской певицы Мирей Матье. Стоит отметить, что стриг Веру не профессиональный мастер, а родной брат Борис. Он же сшил сестре и брюки с комбинезоном, после того как та съездила в Польшу и рассказала ему, в чем ходит тамошняя молодежь.

Прямо в буфете к Глаголевой подошел ассистент Нахапетова Владимир Климов и предложил ей прийти на кинопробы. Но Вера ответила отказом: дескать, я собираюсь стать спортсменкой, а не актрисой. Однако Климов оказался мужчиной настойчивым и буквально уломал Глаголеву прийти на пробы. Забегая вперед скажу, что ее пробы не понравились худсовету студии (только в отличие от Друбич здесь дело упиралось не в национальный вопрос, а в чисто творческий) и про Глаголеву на время забудут. Что произойдет дальше, я расскажу чуть

позже, а пока продолжим знакомство с событиями середины июня.

В эти же дни еще один режиссер с «Мосфильма» — Алексей Коренев — снимает в Москве натурные эпизоды своей новой комедии «Три дня в Москве». Фильм рассказывает о веселых приключениях молоденького милиционера (Семен Морозов), который по воле случая приехал в столицу в трехдневный отпуск. В фильме, кроме Морозова, снимались: Наталья Варлей, Станислав Садальский, Валентина Сперантова и др. Прекрасную музыку к фильму написал композитор Эдуард Колмановский, с которым Коренев снимал и предыдущую свою ленту — «Большую перемену». В те июньские дни съемочная группа работала на улицах Москвы: снимались проходы главных героев по городу, общие планы московских улиц и проспектов.

Во вторник, 11 июня, в Москву прилетела «Монна Лиза» — знаменитая картина Леонардо да Винчи, написанная им в 1503 году. Почти за пять веков своего существования это легендарное полотно только дважды покидало пределы Италии: оно побывало в США и Японии. Третьей страной, где состоялись ее гастроли, стал Советский Союз. Картину привезли в Москву из Токио по воздуху, а из Шереметьево в Государственный музей изобразительных искусств имени А. Пушкина доставили под усиленной охраной милиции. Автомобиль, где хранилась картина, вел шофер центральной автобазы Госкино Анатолий Демьянов (водительский стаж — 35 лет). Колонну милицейских машин возглавлял капитан 10-го отделения ГАИ Юрий Курбатов, который до этого уже участвовал в подобной церемонии — сопровождал гробницу Тутанхамона.

12 июня знаменитый футболист Эдуард Стрельцов приехал в Высшую школу тренеров, чтобы сдать госэкзамен по научному коммунизму. Скажем прямо, этот предмет считался самым нелюбимым у большинства студентов всех без исключения высших учебных заведений страны, поскольку повествовал о том, чего в природе никогда не существовало и вряд ли когда будет существовать. Однако несдача «научкома» грозила студентам серьезными неприятностями: можно было не сдать историю или физику, но научный коммунизм — ни в коем случае. Поэтому тот же Стрельцов готовился к

этому экзамену особенно основательно, хотя в глубине души понимал, что «неуд» ему точно не поставят — преподаватели относились к нему снисходительно. Так оно и вышло. В 9.00 утра Стрельцов вошел в аудиторию, а спустя сорок минут уже освободился, получив за ответ отметку «отлично».

Съемочная группа фильма «Соломенная шляпка» в эти же дни переехала для натуральных съемок из Ленинграда в Тарту. Помимо многочисленной аппаратуры, киношники привезли с собой и 8 карет, необходимых для съемок эпизодов «свадебный кортеж». Со съемок этих карет и началась тартусская экспедиция: 12—13 июня снимали проезд кортежа по лесной дороге и песню Фадинара (Андрей Миронов) «Женюсь». Сегодня эта песня Исаака Шварца и Булата Окуджавы входит в золотую копилку отечественной киномузыки.

13 июня в семье известного пловца Валерия Буре и его жены Татьяны случилось прибавление: на свет появился мальчик, которого назвали Валерием. Как мы помним, это не первый ребенок в этой семье — три года назад у них родился первенец Павел. Надеюсь, читатель, хорошо знает дальнейшую судьбу двух братьев: оба они сделают блистательную карьеру в хоккее, играя в НХЛ.

14 июня исполнилось 60 лет председателю КГБ СССР Юрию Андропову. По этому случаю коллеги юбиляра по Политбюро подготовили ему стандартный подарок — Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Указ о награждении шефа КГБ был опубликован в газетах в день его рождения, а само вручение высокой награды пройдет чуть позже, о чем я еще расскажу. А пока засвидетельствовать свое почтение имениннику спешили его коллеги по работе и друзья. Где-то в середине дня в кабинет Андропова на Лубянке зашел начальник 4-го управления Минздрава СССР Евгений Чазов. После короткого поздравления (Андропов не любил долгих славословий) разговор свернул на иные темы. В частности, речь зашла о здоровье Брежнева. Как мы помним, еще год назад Чазов и Андропов обсуждали эту тему: обоим волновало чрезмерное увлечение генсека успокаивающими средствами, которое плохо сказывалось на его здоровье. Теперь эта проблема виделась им уже совсем в ином свете. Андропов радостно сообщил Чазову, что за ис-

текшее время ситуация изменилась в лучшую сторону. «Все наши страхи оказались напрасными, Леонид Ильич активно работает, заслуженно пользуется авторитетом. Никто не обсуждает проблем его здоровья. Будем надеяться, что все самое тяжелое уже позади». Чазову не оставалось ничего иного, как согласиться со словами шефа всесильного ведомства.

В тот же день, когда шефу КГБ стукнуло шестьдесят, на «Мосфильме» состоялось утверждение актеров на роли в картину Александра Алова и Владимира Наумова «Легенда о Тиле». Из всех представленных кандидатов несколько человек шли, так сказать, вне конкуренции: супруга Наумова Наталья Белохвостикова (роль Неле), Михаил Ульянов (Клаас), Евгений Леонов (Ламме), а на остальные роли было по несколько кандидатов. Так, на роль Тиля Уленшпигеля претендовали сразу трое актеров: москвич Олег Даль, тирасполец Александр Сысоев и таллинец Лембит Ульфсак, на Сооткин тоже три — Э. Шашкова, Л. Малеванная, Е. Уралова, на Карла V двое — А. Вокач, И. Смоктуновский, на Филиппа II двое — В. Дворжецкий и С. Мученников из Пскова. В итоге худсовет утвердил следующих актеров: Л. Малеванную, И. Смоктуновского, В. Дворжецкого, Л. Ульфсака. Кстати, последнего нашла второй режиссер фильма Н. Терпсихорова, случайно оказавшаяся в молодежном театре в Эстонии. Как она сама вспоминает: «Он был похож на какую-то деревянную скульптуру, у него было явно нерусское лицо, все это решило в его пользу...»

Столица тем временем живет привычной, размеренной жизнью. В тот же день, 14 июня, в Музее имени Пушкина началась демонстрация «Монны Лизы». Очередь к музею выстроилась на несколько километров. В столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: 3 июня на экраны вышла драма Г. Калатоцишвили на тему гражданской войны в Грузии «Сибирский дед»; 10-го — мелодрама Виктора Титова «Каждый день доктора Калининской» с Ией Саввиной в главной роли. Из зарубежных премьер назову французскую комедию «Высокий блондин в черном ботинке», предварительный показ которой состоялся 8—9 июня во Дворце спорта в Лужниках (сеансы в 19.30). С этой комедии в Советском Союзе начнется слава комика Пьера Ришара, который не только доставит океа-

ны удовольствия нашим зрителям, но и принесет немалый доход в бюджет первого государства рабочих и крестьян.

Кино на ТВ было представлено следующими фильмами: «Поднятая целина» (3-я серия), «Пропавшие банкноты» (2-го), «Матэ Борш» (3—9-го), «Небесный тихоход» (4-го), «Сказка о царе Салтане» (9-го), «Секретарь парткома» (10—11-го), «Приключения Доврана» (12-го), «Причал» (премьера т/ф 12—13-го) и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 1—16-го в Зеленом театре ЦПКИО имени Горького состоялись сборные концерты с участием Галины Ненашевой, Вероники Кругловой, Вадима Мулермана, Светланы Резановой, Геннадия Хазанова, Льва Барашкова, ВИА «Поющие сердца» и «Ариэль»; 5—6-го во Дворце спорта в Лужниках давал гастроль Ташкентский мюзик-холл и ВИА «Ялла», было показано представление под названием «1974-е путешествие Синдбада-морехода» по сценарию Марка Захарова и Александра Ширвиндта; 8-го в киноконцертном зале «Октябрь» пел Полад Бюль-Бюль оглы; 8—9-го в эстрадном театре «Эрмитаж» прошли «сборники», где выступали: Валерий Ободзинский, Людмила Сенчина, Галина Ненашева и др.; 10—20-го в том же «Эрмитаже» пела Эдита Пьеха в сопровождении ансамбля «Дружба»; 11-го в Театре киноактера состоялись представления «Товарищ кино» с участием Марины Ладыниной, Всеволода Санаева, Георгия Вицина, Клары Румяновой и др.; 15-го во Дворце спорта в Лужниках состоялся спортивный праздник, на котором помимо знаменитых спортсменов (гимнасток Ольги Корбут, Эльвиры Саади и др.) выступили и эстрадные исполнители: ВИА «Самоцветы», Людмила Зыкина и др.

В воскресный день 16 июня в Советском Союзе состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Ваш покорный слуга в то время жил в Бауманском районе, который в качестве своего депутата делегировал в ВС самого Леонида Брежнева. Как сейчас, помню тот день: с утра родители отправились на избирательный участок, расположенный в здании Института землеустройства. Спустя часа два в тот же институт отправился и я с друзьями. Но не голосовать за депутатов (возрастом еще не вышел), а прикупить вкусных пирожных и бутербродов с красной рыбой в тамошнем буфете (красную

рыбу мы в те годы только в дни выборов и видели), а заодно и бесплатное кино посмотреть. В тот день в актовом зале института на втором этаже крутили патриотические фильмы (типа «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Ленин в 1918»), и мы с удовольствием посещали эти сеансы. Причем сидели одни в совершенно пустом зале, поскольку, кроме нас, на эти сеансы больше никого заманить было невозможно.

Что касается самого Леонида Брежнева, то он в тот день голосовал по месту своего жительства — в ближайшем к дому № 26 по Кутузовскому проспекту Доме пионеров (там располагался временный избирательный участок). Ходил туда генсек под ручку со своей женой Викторией Петровной. Обставлялось это мероприятие со всеми положенными помпезными прибабасами. У входа во Дворец высокопоставленную супружескую чету торжественно встречали руководители района и вели прямою к урне для голосования. Специально отобранные пионеры (светловолосые, в начищенных ботиночках и выглаженных брюках и платьицах, успеваемость не ниже «5», предпочтительно из рабочих семей) неистово салютовали генсеку. Говорят, Брежнева все это умиляло.

В тот день, когда вся страна выбирала депутатов в Верховный Совет, в кремлевской больнице умирал выдающийся полководец Георгий Константинович Жуков. Как мы помним, в ноябре 73-го он потерял жену Галину Александровну, которую очень любил. Эта смерть окончательно подкосила полководца, и он начал стремительно угасать. Где-то после майских праздников Жуков подписал последнюю главу своих обновленных мемуаров «Воспоминания и размышления», после чего его положили в больницу. Причем сам он прекрасно понимал, что назад уже не вернется — таким тяжелым было его состояние. Далее послушаем рассказ одной из его дочерей — Эллы Жуковой:

«18 июня 1974 года. Непривычно жаркий для московского лета день. В разгар рабочего дня на моем столе звонит телефон. Слышу в трубке голос старшей сестры Эры: «Сообщили, только что умер папа. Мы можем поехать с ним попрощаться». Этих слов мы ждали и страшились. Ждали потому, что знали: отец уже несколько недель без сознания, и жизнь его теплилась лишь потому, что подключена сложнейшая ме-

дицинская аппаратура. Но привыкнуть к мысли о том, что папа уходит из жизни, было невозможно и невыносимо.

Внутри у меня будто что-то оборвалось, едва помню, как выскочила из радиокомитета, схватила на Пятницкой такси и добралась до больницы на улице Грановского. Даже войдя в реанимационную палату, отказывалась поверить в случившееся. Но вот открывают белую простыню, и мы с сестрой не можем удержаться от горестного возгласа. На лице папы печать муки и тяжелых страданий, кажется, что он еще чувствует боль. И сразу же возникла мысль: «Господи, зачем его так долго терзали, почему не дали покойно умереть?» Ведь все знали, что он не может и не хочет жить дальше, что слишком велики были и физические, и моральные испытания, выносить которые у него больше не было сил. Пять с лишним лет тяжелейшего недуга, сопровождавшегося такими сильными болями, что он иногда просто не мог разговаривать. Роковая болезнь жены, унесшая в могилу совсем молодую еще женщину. И, далеко не в последнюю очередь, обиды и унижения, которым отец подвергался со стороны властей предрежащих...»

18 июня исполнилось 39 лет популярному актеру театра и кино Юрию Соломину. Этот день рождения актер вынужден был справлять вдали от дома — на Дальнем Востоке, в съемочной группе фильма «Дерсу Узала», который снимал выдающийся японский кинорежиссер Акира Куросава. Вот как вспоминает об этом дне сам Ю. Соломин:

«Мой день рождения мы отмечали вместе со съемочной группой. За два дня до этого Куросава перестал выходить из своего номера. Мы стали волноваться, выяснять, не заболел ли он. Нас заверили, что он абсолютно здоров. Оказалось, он готовил мне подарок. Рисовал картину на ватмане — большую голову тигра с зелеными глазами, обрамленную специфическим японским орнаментом. Внизу по-русски он подписал «Соломин-сан Куросава-сан. 1974». Эта картина и сейчас хранится у меня дома...»

В тот же день Василий Шукшин находился в Ленинграде, куда он приехал со съемок фильма «Они сражались за Родину» для того, чтобы присутствовать на репетиции нового спектакля БДТ по своей пьесе «Энергичные люди». Спек-

такль будет иметь фантастический прием у публики — зал буквально умирал от смеха. Особенно в эпизоде, где герой в исполнении Евгения Лебедева, не в силах справиться с похмельным синдромом, с помощью полотенца подносит стакан с водкой ко рту. Шукшин поэтому заявит, что именно БДТ заставил его поверить в возможности театра, что теперь он собирается много писать для сцены, и следующую пьесу отдаст именно Большому драматическому. Увы, но этому обещанию не суждено сбыться, поскольку вскоре Шукшин внезапно скончается. Впрочем, не будем забегать вперед.

В ФРГ в эти дни проходит 10-й чемпионат мира по футболу (начался 13 июня). Советская сборная в нем не участвует. Однако, несмотря на это, советское телевидение ведет трансляции с этого чемпионата, показывая самые интересные игры (в основном время показа — 21.30). Этот чемпионат запомнился сразу несколькими рекордами. Например, был поставлен рекорд посещаемости: на всех матчах побывали 1 миллион 881 тысяча зрителей. Помня об актах терроризма на Олимпийских играх-72 в Мюнхене, власти нагнали на чемпионат уйму полицейских: на каждой игре их присутствовало от 600 до 1000 человек. Кроме этого, в небе летали вертолеты. В гостиницах, где проживали футболисты, круглосуточно дежурили полицейские и штатские детективы. В боевую готовность были даже приведены армейские подразделения: территорию вокруг стадионов охраняли автоматчики, им была придана бронетехника, а также специальная радарная установка.

Но вернемся к нам на родину. Коли уж речь зашла о футболе, то стоит отметить, что в нашем регулярном чемпионате среди команд высшей лиги на тот момент лидирует «Динамо» (Киев), на втором месте — ленинградский «Зенит», на третьем — алма-атинский «Кайрат».

Тем временем в Иркутске проходят гастроли знаменитого парапсихолога Вольфа Мессинга. Слава об этом уникальном человеке, умеющем читать человеческие мысли на расстоянии, вот уже много лет гуляет по всему миру, поэтому иркутские выступления собрали тысячные толпы желающих увидеть это собственными глазами. Правда, из-за малой вместимости залов, где выступал парапсихолог, большей части страждущих попасть на сеансы так и не удалось. Однако среди счастливиц оказался следова-

тель районной прокуратуры Николай Китаев, которого привело на эти сеансы не только естественное любопытство, но и служебная необходимость. Дело в том, что он собирался просить у Мессинга помощи в распутывании одного преступления. Суть его заключалась в следующем: в одном из магазинов плодоовощторга произошло крупное хищение, была задержана работница этого магазина, которая наотрез отказывалась признавать свою вину. Вот у следователей и возникла идея привлечь к этому делу угадывателя мыслей Мессинга.

Когда за кулисами к парапсихологу подошел Китаев и изложил суть своей проблемы, Мессинг, на удивление, легко согласился помочь. В тот же день его привезли в прокуратуру, где должен был состояться очередной допрос обвиняемой. За несколько минут до того, как женщину привели в кабинет, Мессинг занял место в углу и извлек из кармана свой маленький блокнот и ручку. На протяжении всего допроса парапсихолог не проронил ни единого слова, а только записывал что-то в свой блокнот. Естественно, что женщина, которая видела Мессинга впервые, даже не могла предположить, кто именно этот человек и для каких целей его сюда пригласили. Поэтому никаких эмоций в его адрес она не выражала. А зря. Когда подследственную увели, Мессинг передал свои записи следователям. И те прочли следующее:

1. Утверждение обвиняемой о том, что она не совершала преступления, не соответствуют действительности.

2. Заявление ее о том, что в интересующий следствие период она якобы болела — ложное, а представленный больничный лист является фиктивным документом. Его сфабриковала подруга обвиняемой, работающая врачом. В действительности обвиняемая в период мнимой болезни ездила вместе с любовником отдыхать на юг.

3. Крупная сумма похищенных денег затрачена обвиняемой для покупки мебели, которую она подарила родственникам.

Скажем прямо, когда следователи прочитали эти выводы Мессинга, они не поверили в их правдоподобность. У них просто в голове не укладывалось, как это возможно, общаясь с преступником каких-нибудь несколько минут, да еще не вступая с ним в прямой контакт, определить такие детали, до которых даже они,

опытные сыскари, не додумались? И каково же было их удивление, когда спустя несколько дней сама преступница наконец призналась и подтвердила правильность всех выводов Мессинга.

В том же июне, но уже во Львове тамошние чекисты арестовали известного столичного спекулянта иконами Мороза. Взяли Мороза на вокзале, так сказать с поличным: в сумке арестованного были обнаружены 27 икон, которые он приобрел у здешнего священника, выложив за них 15 тысяч рублей. Деньги по тем временам немалые. Однако сам Мороз заработал бы с этого куда больше, поскольку заказ на иконы ему поступил от одного иностранца, который посулил ему за них 50 тысяч рублей.

Своим черным бизнесом Мороз начал заниматься еще в конце 60-х, когда на Западе возник большой интерес к русским иконам. Он начал разъезжать по глубинке и практически за бесценок скупать у тамошних жителей старинную утварь, в том числе и иконы. Затем выгодно продавал их иностранцам. Причем так преуспел на этом поприще, что в начале 70-х в одной из западноевропейских газет о нем появилась восторженная статья. Видимо, тогда на него и обратил внимание КГБ. Но до поры до времени почему-то не трогал. Последним крупным делом Мороза перед поездкой во Львов была продажа одному латиноамериканскому дипломату 7 икон. Причем Мороз их выкупил весной 73-го у московского коллекционера за 2700 рублей, а дипломат ему отвалил в два раза больше — 6600 рублей. А вообще за несколько лет сотрудничества с этим дипломатом Мороз поимел от него в общей сложности 150 тысяч рублей. Наш самый гуманный и справедливый суд в мире все это, естественно, учтет и влечет спекулянту максимальный срок.

20 июня в центральных газетах наконец-то появился некролог на Георгия Жукова, который скончался два дня назад. Столь долгая задержка с официальным сообщением о смерти маршала вызвала у многих людей недоумение — обычно некрологи появлялись в вечерних газетах либо в утренних на следующий день. Как вспоминает все та же дочь Жукова Элла: «Немало горьких чувств вызвало и затянувшееся в верхах на долгие часы решение вопроса о похоронах. В итоге дебатов было решено отца кремировать, а не захоронить, как он завещал.

По-видимому, уважение последней, ясно выраженной воли покойного не входило в расчеты руководства. Хотя в публичных изъятиях скорби со стороны лидеров недостатка не было. Помню появление в зале прощания Центрального Дома Советской Армии Брежнева со свитой (панихида состоялась 20 июня, похороны — на следующий день. — *Ф. Р.*). Он довольно долго стоял у гроба, роняя крупные слезы. Можно ли было верить его слезам, зная, что именно усилиями этого человека отец не был допущен на заседание недавнего 24-го съезда КПСС? (состоялся в феврале 1971 года. — *Ф. Р.*). Папа очень тяжело переживал это очередное унижение, что, разумеется, не могло не сказаться самым пагубным образом на состоянии его здоровья. Я едва не расплакалась, когда он рассказывал об этом эпизоде. Остановило лишь то, что папа не выносил слез, тем более проявлений жалости в свой адрес.

Единственное, что поддерживало нас, его близких, в горестные часы прощания, — это искреннее сопереживание сотен, а может быть, и тысяч людей, пришедших отдать последнюю дань уважения нашему отцу. Площадь и улицы, прилегающие к ЦДСА, были переполнены. Люди часами выстаивали в очереди, чтобы пройти перед гробом. И было видно, что они пришли по зову сердца, а не свезены на специальных автобусах из разных учреждений, как это водилось в те времена, дабы изобразить всенародную скорбь по тому или иному умершему лидеру. В длинной череде прощавшихся я видела самые разные лица. Кое-кто пришел с детьми. С трудом передвигалась на костылях седовласая женщина в синем костюме с орденами и медалями на груди. Прошла группа ветеранов в парадных мундирах образца 1945 года. Кто-то утирал слезы, кто-то опускался на колени, вызывая явное неудовольствие стражей порядка. Так проходили часы, а к вечеру вокруг гроба образовалось буквально море цветов, рядом с которыми официальные траурные венки выглядели совсем незначительными.

Надо сказать, что организаторы похорон до предела сократили время прощания. Мне известно, что многие просто не успели, другим пришлось прорываться сквозь милицейские кордоны. Личный водитель отца в течение многих лет, включая военные, Александр Николаевич Бучин сумел пройти, лишь взяв с собой папину

книгу «Воспоминания и размышления» с дарственной надписью. Моего друга Сергея пропустили после того, как он, предъявив документы, доказал, что является сыном маршала С. М. Буденного. Знаю, что он впервые использовал свою фамилию в «корыстных», если так можно выразиться, целях...»

В эти же дни Александр Галич готовится к своей эмиграции из Советского Союза, При чем вынужденной эмиграции. После того, как в конце 1971 — начале 1972 года его исключили из Союза писателей и Союза кинематографистов, его положение стало катастрофическим. Денег не было, и ему пришлось продавать личные вещи. Были еще заработки от полуподпольных концертных выступлений, но их тоже можно назвать копеечными. Короче, Галичу преднамеренно создавали такие условия, при которых его жизнь на родине стала для него невыносимой. Тут еще в 1974 году на Западе вышла его вторая книга песен под названием «Поколение обреченных», которая вызвала новый приступ ненависти к поэту со стороны властей. Когда вскоре после этого его пригласили в Норвегию на семинар по творчеству Станиславского, ОВИР отказал ему в визе. Ему заявили: «Зачем вам виза? Езжайте насовсем». При этом в КГБ пообещали оперативно оформить все необходимые документы для отъезда. И Галич сдался. 20 июня он получил документы на выезд и билет на самолет, датированный 25 июня. Эта спешка объяснялась просто: власти хотели выдворить Галича до 27 июня — приезда в страну президента США Ричарда Никсона.

Эта же причина заставила КГБ активизировать свои действия против диссидентов и других идеологически неблагонадежных лиц, проживавших в Москве. В число последних попал и сын известных актеров Николая Крючкова и Аллы Парфаньяк Николай Крючков-младший. Он родился в середине 40-х, а после того как в начале 50-х его родители развелись, остался жить с матерью, которая вышла замуж за Михаила Ульянова. Потом отношения матери и сына разладились, и с 18 лет Крючков-младший стал жить отдельно. Именно в этот период он занялся правозащитной деятельностью. Для родителей это был удар: Крючков и Парфаньяк всегда считались благонадежными гражданами, звездами советского кинематографа, а их

сына иначе как антисоветчиком не называли. В феврале 74-го, когда из страны выслали Солженицына, Крючков-младший совершил очередной демарш: написал заявление с просьбой лишить гражданства и его. Копию письма он отправил президенту США Никсону и Генеральному секретарю ООН. В мае его вызвали в психоневрологический диспансер на предмет освидетельствования. Врач спросил: «Чем вам не нравится в Советском Союзе?» Крючков-младший ответил честно: «Зарплаты маленькие». Врач развел руками: «Действительно, маленькие». В итоге актерское чадо отпустили. Но всего лишь на месяц. Перед самым визитом Никсона Крючкова-младшего упекли в «Кашенко». При этом пообещали, что, как только высокий гость уедет, его отпустят. Слово свое чекисты сдержат. Однако, не будь за спиной Крючкова-младшего его знаменитого отца, наверняка бы ему пришлось куковать в психушке до второго пришествия.

В эти дни в учебных заведениях страны идут выпускные экзамены. Так, в субботу, 22 июня, сдавал экзамен по физике ученик 10-го класса средней школы №11 города Шекино Тульской области Игорь Тальков. Стоит отметить, что в школе будущий певец и композитор отдавал предпочтение гуманитарным предметам, а точные науки терпеть не мог. Поэтому тот экзамен по физике он едва не провалил. И только хорошее отношение к нему учителя помогло нерадивому ученику получить «тройку». Придя домой, Игорь тут же взял ручку, лист бумаги и написал «физику» покаянное стихотворение. Приведу несколько отрывков из него:

Сегодня я невероятно зол,
Кусаю локти и ругаюсь рьяно
Я знаю, что я в химии — козел,
Я знаю, что я в алгебре — осел,
А в физике сегодня я прослыл бараном
В гуманитарных я секу, и спору нет,
Наук же точных ум мой избегает
Простите ж, Юрий Алексеевич, мне мой ответ,
А я — башкой о стену — может, полечкает

Раз уж речь зашла о выпускниках того года, то упомяну еще нескольких. Известная ныне писательница-детективщица Александра Маринина (настоящее имя — Марина Алексеева) закончила 10-й класс и собирается поступать на юрфак МГУ. Будущий лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский закончил «Плешку» —

Институт народного хозяйства имени Плеханова, а актер Сергей Проханов — театральное училище имени Щукина и попал в труппу Театра имени Моссовета.

22 июня Борис Бабочкин провел последнюю генеральную репетицию своего нового спектакля «Гроза» по А. Островскому. Постановка спектакля далась Бабочкину нелегко: против выступал Михаил Царев, который на художественном совете назвал его «антихудожественным». Однако благодаря вмешательству других членов худсовета спектакль удалось отстоять. Последняя репетиция прошла хорошо, однако все тревожения последнего времени сыграли-таки свою роль в самочувствии Бабочкина: 23 июня, во время выступления артиста в спектакле «Фальшивая монета» (он заменял заболевшего коллегу Маркушева), ему внезапно стало плохо с сердцем. Дежуривший за кулисами врач немедленно вызвал «Скорую», которая доставила Бабочкина в Кунцевскую больницу, именуемую еще «кремлевской».

В эти же дни многие столичные театры находились на гастролях: одни — за рубежом, другие — в союзных республиках, третьи — в российской глубинке. Так, Театр на Таганке 20 июня приехал в Набережные Челны. Причем Таганка не только впервые приехала в этот город, но и оказалась вообще первым театром, приехавшим туда. Поэтому ажиотаж был грандиозный. Особенно жители Челнов ждали приезда Владимира Высоцкого, слава которого на тот момент достигала заоблачных высот. Буквально в первые же дни пребывания Таганки произошел показательный случай: когда актеры возвращались в гостиницу после выступления, во всех окнах окрестных домов жители выставили на подоконники магнитофоны и завели песни Высоцкого. Говорят, Высоцкий чуть не прослезился от такой любви к нему простых слушателей.

В понедельник, 24 июня, Александр Галич, который завтра должен навсегда покинуть родину, сдавал багаж на таможне в Шереметьево. Днем в его квартире в доме возле метро «Сокол» был устроен прощальный банкет, на который собрались преданные друзья Галича. Вот как вспоминает об этом Р. Орлова:

«Квартира уже полностью разорена. Но и для последнего обеда красивые тарелки, красивые чашки, салфетки.

Он был в своей обычной позе — полулежал на тахте. Жарко, он до пояса голый, на шее — большой крест. И в постель ему подают котлетку с гарниром, огурцы украшают жареную картошку, сок, чай с лимоном...»

В тот же день, перед началом очередного заседания Политбюро, одному из его членов — шефу КГБ Юрию Андропову — в торжественной обстановке была прикручена к пиджаку Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, приуроченная к его 60-летию. Все присутствующие при этом мероприятии источали восторг и умиление, хотя у некоторых эта радость была напускной: на самом деле они бы с большим удовольствием лишили юбиляра всех его наград, вместо того чтобы вручать ему новые. Однако вынуждены были выдавливать из себя дежурные улыбки. Поздравительную речь произнес один из главных недругов Андропова — председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. Начал он ее так: «Я хотел бы от имени всех присутствующих здесь товарищей, от себя лично сердечно поздравить, по-братски обнять, пожелать тебе счастья и здоровья, больших успехов в твоей нелегкой, но полезной работе...»

И еще одно событие — на этот раз трагическое — датировано тем днем 24 июня: в Рязанской области произошла авария автобуса, на котором ехали артисты рязанского Театра юного зрителя. Трагедия произошла рано утром, когда автобус с артистами мчался по шоссе в направлении Ряжск—Сапожок, чтобы успеть на спектакль в одном из областных населенных пунктов. Как это ни прискорбно звучит, но беда не могла не произойти, поскольку за полчаса до отправления водитель автобуса влил в себя чуть ли не полбутылки (!) дешевого вина, то бишь «бормотухи». И в таком виде сел за руль. По дороге его, естественно, развезло, и к середине пути он уже вел машину, что называется, на автопилоте. На 44-м километре шоссе впереди возник грузовик с прицепом, на котором лежали железобетонные плиты. Объезжая его, водитель автобуса не рассчитал расстояние и врезался левым бортом akurat в эти злосчастные плиты. Автобус перевернулся. Итог этой аварии ужасен: около десяти человек получили травмы разной степени тяжести, а три человека погибли: актрисы Иванова, Курочкина и электрик сцены Соломахи-

на. Когда об этой беде стало известно в Рязани, тамошние власти попытались замять ее, видимо опасаясь большого резонанса. В итоге ни в одной из тамошних газет не было помещено даже некролога на погибших. Возмущенные актеры ТЮЗа тут же телеграфировали об этом в Москву, и спустя три месяца «Советская культура» самым подробным образом рассказала об этой трагедии. Водителя отдали под суд.

Рано утром 25 июня Александр Галич с женой Ангелиной выехали в Шереметьево, чтобы оттуда улететь в Вену. Вот как запомнился этот день дочери Галича А. Архангельской:

«Его провожало много народу. Был там Андрей Дмитриевич Сахаров. Когда отец выходил из дома, во дворе все окна были открыты, многие махали ему руками, прощались... Была заминка на таможне, когда ему устроили досмотр. Уже в самолете сидел экипаж и пассажиры, а его все не пускали и не пускали. Отцу велено было снять золотой нательный крест, который ему надели при крещении, дескать, золотой и не подлежит вывозу. На что папа ответил: «В таком случае я остаюсь, я не еду! Все!» Были длительные переговоры, и наконец велено было его выпустить. Отец шел к самолету совсем один по длинному стеклянному переходу с поднятой в руке гитарой...»

Продолжаются гастроли Театра на Таганке в Набережных Челнах (продлятся до 4 июля). О том, как они проходили, вспоминает один из их участников — актер Вениамин Смехов:

«Под наши выступления был сооружен колоссальный шатер, и получился такой зал тысячи на три зрителей, со стенами высотой метров пять. Снаружи стены мгновенно обросли лестницами, так что полон был не только зал — полны были и эти высоченные стены. Все хотели культурного развития. А мы, как и обещали, решили выдать лучшие силы. Вышла «известная вам по многим кинофильмам» Демидова, стала читать Блока. В зале — мрачный скепсис. Ушла. Следующий — не принял. Ушел. Выхожу я — мне уже прямо говорят: «А-а! Давай отсюда...» Мне показалось это хамством. И вдруг вышел Володя Высоцкий, отодвинул меня, и наступила... не просто тишина... Они словно вобрали в себя всю свою предыдущую жизнь — одним движением диафрагмы, одним вздохом, — они увидели его... И он сказал... совсем другим тоном, чем мы привыкли

слышать: «Если вы, такие-сякие (он им интонацией это уточнил), сейчас же не замолчите, я вас уважать не буду, выступать не буду, потому что вы сейчас обидели не только моих друзей, но и артистов высшего класса. Вы обидели...» И перечислил того, другого, третьего... И нам: «Ребята, продолжаем...» Тишина настала мертвая, все чуть не плакали от расстройств, и лица вдруг стали видны!

Ну прочел я Маяковского, потом пел Золотухин. Но чувствую, в зале хоть и молчат, но идет оттуда какой-то напор: давай, давай быстрее, слышали уже, знаем, дальше... А потом вышел Володя. Я даже не стал его особенно и объявлять, сказал: «Теперь выступает Вла...». И — лавина аплодисментов, криков! Мы присосли к Золотухиным к кулисе и смотрели в прорезь на лица...

Не знаю, чем объяснить, только лица в зале стали лицами людей, которые понимают, что такое Рафаэлева Мадонна, они высветились... Потом концерт кончился, мы вышли, и — забываемое зрелище! — автобус, в котором сидел Высоцкий, подняли на руках. Спокойно и легко. Вот таким было отношение народа к нему...»

Другой столичный театр — МХАТ — в эти же дни дает гастроли в Ленинграде. Принимали артистов хорошо, хотя того ажиотажа, который сопутствовал Таганке, конечно же, не было. И еще те гастроли запомнились с печальной стороны: именно там одного из «великих стариков» МХАТа — Алексея Грибова — свалил инсульт. Произошло это 26 июня. В тот день Грибов играл в спектакле «Три сестры», как вдруг в разгар представления ему стало плохо: ухудшилась дикция, плетью повисла левая рука, и все же спектакль артист доиграл, после чего был немедленно доставлен в больницу. Там врачи и поставили ему диагноз — инсульт. И хотя после этого случая Грибов прожил еще три года, однако его сценическая карьера на этом завершилась.

27 июня с официальным визитом в Советский Союз прилетел президент США Ричард Никсон. В тот же день с ним встретился Леонид Брежнев и в течение часа руководители двух сверхдержав обсуждали насущные мировые проблемы. Специально к этому приезду известный правозащитник Андрей Сахаров приурочил свою первую голодовку (продлится

6 дней). Цель ее — привлечь внимание к судьбе политзаключенных, в их числе Владимира Буковского, а также Валентина Мороза, Игоря Огурцова, Леонида Плюща и других. Про эту голодовку советские средства массовой информации, естественно, молчали, однако западные кричали во весь голос. Даже корреспонденты и телевизионщики, приехавшие в Москву в составе делегации Никсона, пару раз наведывались на квартиру Сахарова на улице Чкалова. Вещал об этом и «Голос Америки».

Между тем в те дни передачи «Голоса...» были посвящены не только визиту Никсона и голодовке Сахарова. Например, одна из культурных передач от 27 июня рассказала о новом фильме Василия Шукшина «Калина красная». Правда, и в этом случае ленту попытались связать с политикой: говорилось о том, что фильм вызвал яростное неприятие со стороны верхов, о том, как трудно приходится честным художникам в рамках тоталитарной системы и т. д. и т. п.

28 июня Никсон вместе с женой Патрицией посетил Большой театр. В тот день на его сцене состоялся сборный концерт, в котором приняли участие лучшие артисты Союза в лице Майи Плисецкой, Людмилы Зыкиной, Надежды Павловой, Марии Биешу, Тамары Синявской, Зураба Соткилавы и др. После концерта Никсон отправился на переговоры в Кремль, а Патриция в компании жен советских руководителей (Виктории Брежневой, Людмилы Громыко, Ирины Добрыниной) посетила Государственное училище циркового и эстрадного искусства. Затем в Большом Кремлевском дворце состоялась чайная церемония, где присутствовали все жены членов Политбюро: Е. Кириленко, Е. Кулакова, Л. Пельше, Т. Устинова и др.

Вечером того же дня (в 21.30) по ТВ показывали заключительный концерт международного фестиваля эстрадной песни «Золотой Орфей», проходившего в те дни в Болгарии. Первую премию на нем завоевал представитель Советского Союза 24-летний ленинградский певец Сергей Захаров, исполнивший две песни: «Мария» (на болгарском языке) и «Ты — моя мелодия» (А. Пахмутова — Н. Добронравов). Попал на этот фестиваль Захаров, можно сказать, случайно. Всесоюзная слава пришла к нему в конце 73-го года, когда его показали в

популярной телевизионной передаче «Арт-лото». А спустя несколько месяцев — весной 74-го, — когда Захаров приехал на гастроли в Москву в составе Ленинградского мюзик-холла, на него обратили внимание представители союзного Минкульта, которые ломали голову над тем, кого же из певцов отправить на «Золотой Орфей». «А почему бы и не Захарова?» — видимо, подумали они, и судьба парня была решена.

29 июня из далекого канадского города Торонто в Москву пришла неожиданная вест: во время гастролей Кировского театра сбежал ведущий балерун Михаил Барышников. Новость сногшибательная: Барышников считался одним из лучших советских танцоров, облакан властью и по логике сбежать никак не мог. Но новость оказалась сущей правдой. Как выяснится позже, поводом к побегу Барышникова послужила его творческая неудовлетворенность — в последнее время его все чаще оставляли на «скамейке запасных». О том, как выглядел побег, вспоминает сам М. Барышников:

«Все было немножко мелодраматично. Как в плохом романе. В тот день после спектакля я раздавал автографы, а мои канадские друзья ждали несколькими кварталами дальше в машине. Желающих было довольно много, я подписался раз десять и сказал: «Извините, я должен на минутку уйти, но я вернусь». И пошел. Но они пошли за мной. Я прибавил шагу, наконец побегал, и они бежали за мной. Это было так комично! Я начал смеяться, остановился и еще несколько раз подписался. А если серьезно — меня очень-очень волновала судьба моей труппы. Я очень уважал свою тогдашнюю партнершу Ирину Колпакову, но я не имел возможности и не посмел сказать ей. Впрочем, интуитивно я понимал, что на допросе ей будет легче, если она на самом деле останется в неведении...

Сразу после побега, чтобы снять стресс, я напился. Мы поехали на одну ферму, и я нажрался вдребезги. Мешал разные напитки, не шел спать до пяти-шести утра... А на следующее утро уже начал действовать рассудок. Но чувства вины я не испытывал...»

Вернемся в Советский Союз. В конце июня в Ростове-на-Дону закончился судебный процесс над одной из самых дерзких и жестоких банд советской послевоенной истории — бан-

ды братьев Толстопятовых, известной также как «банда фантомасов». В эту группировку входили четыре человека: Владимир и Вячеслав Толстопятовы, Владимир Горшков и Самосюк. Причем, если трое последних были непосредственными участниками всех нападений на инкассаторов и кассиров, то Владимир выступал в качестве мозга банды. Будучи талантливым изобретателем, он мастерил уникальные пистолеты и автоматы. Пособниками бандитов были еще несколько человек: Виктор Замойский снабжал их фиктивными справками о работе, а Константин Прудников был их лечащим врачом. За пять лет существования «банда фантомасов» совершила несколько нападений на инкассаторов и кассиров, убив двух и ранив нескольких человек.

Суд на бандитами вызвал в Ростове-на-Дону большой резонанс. Многие горожане хотели на него попасть, но зал суда, естественно, не мог вместить всех желающих. Чтобы придать этому мероприятию соответствующую рекламу, на него была допущена пресса, а также кинохроникеры, которые снимали происходящее на пленку. Поскольку уголовное дело заняло 36 томов, суд растянулся на три месяца. Только последнее слово Вячеслава Толстопятова и Горшкова длилось по четыре дня подряд. Бандиты просили сохранить им жизнь, хотя понимали, что эти просьбы вряд ли возымеют действие. Так и вышло: братья Толстопятовы и Горшков были приговорены к расстрелу. Остальные члены банды отделались длительными сроками тюремного заключения.

Во второй половине июня по ЦТ демонстрировались следующие фильмы: «Алые паруса» (16-го), «Беспокойное хозяйство», «Гранатовый браслет» (18-го), «Обратной дороги нет» (19—22-го), «Сын полка» (21-го), «Зимородок» (22-го), «Укрощение огня» (22—23-го), «Дядя Ваня» (23-го), «Нахаленок» (25-го), «Валерка, Рэмка +...» (27-го), «Первый троллейбус» (28-го), «Белый клык», «Баллада о солдате» (30-го) и др.

На эстрадных площадках Москвы состоялись следующие концерты: 16—24-го в ПККиО «Сокольники» выступал ВИА «Поющие ребята»; 18—19-го в Зеленом театре ЦПККиО имени Горького — ВИА «Семеро молодых» из Югославии; 21—30-го там же прошли сборные концерты с участием ВИА «Ариэль», Аллы Пугачевой,

Юлия Слободкина, Геннадия Хазанова и др.; 24—25-го в ГЦКЗ «Россия» пел Эдуард Хиль.

Продолжает радовать меломанов фирма грамзаписи «Мелодия». В июне с ее станков сошел диск с песнями в исполнении **Софии Ротару**. На нем звучали произведения: «Баллада о скрипках» (В. Ивасюк — В. Марсюк), «Сказка» (Т. Русев — В. Демьянов), «Два перстня» (В. Ивасюк), «Песня будет с нами» (В. Ивасюк), «Только ты» (П. Теодорович — И. Петраки), «Вспоминай меня» (В. Добрынин — В. Тушнова), «Твоя вина» (Е. Мартынов — А. Дементьев, В. Усманов), «Я жду весну» (Е. Мартынов — А. Дементьев), «Расскажи мне сказку» (Л. Гарин — А. Поперечный), «Алешенька» (Е. Мартынов — А. Дементьев).

Кроме этого, в звуковом журнале «**Кругозор**» (№ 6) помещена пластинка, где София Ротару исполнила шлягер прошлого года «Мой белый город» (Е. Дога — В. Лазарев). Как выяснится много позже, именно с этой записи и начнется «фанерный» период в творчестве популярной певицы. Вот как рассказывает об этом композитор Евгений Дога:

«С 1974 года Ротару не могла петь «вживую». В свое время я умолял ее побережь голос. Но муж певицы, Толик, создал ВИА «Червона Рута» и начал жену здорово эксплуатировать. По четыре концерта в день. Бедная женщина после них не могла даже кушать. Соломинкой стала. И все оправдания: «Вот мы хотим машину купить, дом, дачу...» Жажда денег Толика сгубила великолепную певицу.

А раскрыл эту беду Юрий Силантьев (руководитель и дирижер оркестра телевидения и радио. — *Ф. Р.*). Он терпеть не мог, когда пели «под фанеру». В 1973 году «Мой белый город» стал песней года. Ротару ее спела в полную си-

лу. Силантьев сиял. И в 74-м решили повторить эту песню на одном из «Огоньков». Но спеть «вживую» София уже не смогла. К этому моменту у нее оказались порваны голосовые связки, и Юрий Васильевич затеял страшный скандал: «Что значит не петь на сцене?» Только и ему деваться было некуда. Вожди повели... С тех пор Ротару работает только под фонограммы...»

Но больше всего радости принесла «Мелодия» в том месяце любителям зарубежной эстрады, выпустив сразу несколько пластинок с записями популярных западных исполнителей. Начну с группы «**Битлз**». Как мы помним, в апреле вышел первый в Союзе миньон ливерпульской четверки. И вот настала очередь второго, на котором тоже звучали четыре песни: три из них были с альбома 67-го года «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» («Помощь моего друга», «Когда мне 64» и «Любимая Рита») и одна с альбома 68-го «Волшебная мистическая поездка» («Пенни Лейн»).

В июне в продажу поступил первый в Союзе миньон супергруппы из США «**Криденс**» («Creedence Clearwater Revival»), на котором были представлены четыре песни с их альбома «Pendulum» (1970): «Этой ночью», «Хамелеон», «Молина», «Видел ли ты дождь?». Особенной популярностью у советской молодежи пользовались две последние песни: они звучали чуть ли не из каждого третьего окна. Из-за «Молины» в соседнем с нашим дворе даже разгорелся нешуточный скандал: устав от этой песни, которую один подросток заводил с частотой пулеметной очереди, соседи вызвали милицию. Только под угрозой конфискации пластинки парень согласился заводить ее пореже и, главное, потише.

1974_{Июль}

Высоцкий в Елабуге: дом, где повесилась Цветаева. «Вечный зов» продолжается. Умер дед Щукарь. Отложенный полет в космос состоялся. Злоключения фильма «Осень». Сергей Бондарчук снимал авиабомбежку. Умер режиссер В. Корш-Саблин. Попала впросак голландская почта. Мать и дочь Федоровы: новая весточка из Америки. Игорь Тальков и Елена Сафонова провалили экзамены. Счастливые абитуриенты: Андрей Ташков, Татьяна Догилева, Ефим Шифрин, Александр Малинин. Пианист Андрей Гаврилов едва не получил «волчий билет». Роскошный букет для Махмуда Эсамбаева. Брежневу плохо. Борьба с проституцией по-зеленоградски. Нахапетов утверждает Глаголеву. Брежнев в Польше: конфликт с врачами. Судят подростков-террористов. Галина Вишневская покидает родину. Власти отбирают дачу Жукова. Шукшину разрешили ставить «Степана Разина». В Ярославле снимают «Афоню». Евгения Симонова бросила своего жениха. Олег Даль: злые строчки в дневнике. Андропов создает «Альфу». Слежка по-румынски. Святослав Федоров доказал своей первой любви, что она зря от него отказалась. Андрей Макаревич на юге: сорок девок — один я.

В понедельник, 1 июля, группа актеров Тетра на Таганке, который находится на гастролях в Набережных Челнах, отправилась в Елабугу, чтобы посетить дом, где в августе 1941 года свела счеты с жизнью Марина Цветаева. Инициатором этой поездки был Владимир Высоцкий, который, пользуясь своей суперпопулярностью, сумел договориться с тамошним начальством, и актерам выделили небольшой катер. Всю дорогу Высоцкий пел свои песни, таким образом «отрабатывая катер».

Приехав на место, долго не могли найти злосчастный дом. Наконец, нашли, но он оказался закрыт. Постучались к хозяйке, которая прекрасно помнила Цветаеву, хотя та и прожила в том доме всего лишь десять дней. Соседка все удивлялась: дескать, чего это в последнее время сюда ходят и ходят люди? Даже сестра погибшей недавно приезжала, искала на кладбище ее могилу. Расспросив соседку, таганковцы тоже отправились на кладбище. Нашли могилу Цветаевой (в действительности могила ее неизвестна. — Ред.), которая оказалась ухо-

женной, аккуратной. На ней в тот день лежал маленький букетик свежей земляники и одна сигаретка.

В тот же день съемочная группа многосерийного телевизионного фильма «Вечный зов» во главе с режиссерами Владимиром Краснопольским и Валерием Усковым приступила к съемкам очередных серий. Первую часть этого широкомасштабного кинополотна по роману Анатолия Иванова начали снимать еще летом прошлого года и за этот период сняли четыре серии. Теперь до следующего лета предстояло снять еще четыре (про партизанский отряд, убийство Кафтанова и т. д.). Работа началась со съемок природы: ее снимали в городе Белорецке Башкирской АССР и прилегающих к нему окрестностях — селах Узьян, Отнурок, Черновка.

2 июля советское киноискусство понесло очередную утрату: умер актер Владимир Дорофеев. Парадокс: подавляющему большинству зрителей фамилия этого актера мало что говорила, однако знали его буквально все. За 43 года работы в кино Дорофеев сыграл множество

ролей, но в народную память вошел одной — ролью деда Шукаря из «Поднятой целины» (1961). Умер Дорофеев за три дня до своего 79-летия.

В тот же день актриса Театра на Таганке Алла Демидова записала в своем дневнике следующие строчки: «Опять несколько концертов. Высоцкий обзавелся уже друзьями. Они его кормят, обслуживают, приглашают в гости. Он мне откуда-то достает постоянно свежий кумыс. Вечером повел в гости в семью, по-моему главного инженера, местные интеллектуалы. Большая нестройная библиотека. Очень правильная семья. Для нас — как образцово-показательный урок. Обратились по середине улицы. Жарко. Из многих открытых окон слышались записи Высоцкого. Мы посмеялись...»

3 июля в Советском Союзе произошел очередной старт космического корабля, на борту которого находились двое космонавтов: Павел Попович и Юрий Артюхин. В программу их полета входила стыковка с космической станцией «Салют-3» («Алмаз»). Стоит отметить, что космонавты должны были полететь в космос еще три месяца назад, но тогда полет пришлось отложить. Почему? Дело в том, что в самом начале апреля в космос запустили предшественника «Салюта-3» — ОПС «Алмаз». Однако на тринадцатые сутки полета на борту станции произошла авария, которая привела к ее внезапной разгерметизации. Вторую ОПС запустили только в конце июня, вот на нее и отправились космонавты.

Продолжаются мытарства кинорежиссера Андрея Смирнова, который на «Мосфильме» закончил работу над фильмом «Осень». Как мы помним, руководство студии даже собиралось послать фильм на фестиваль в Канн (так ему понравилась эта лента), однако воспротивилось Госкино, которое разглядело в ленте о любви недостойные советской идеологии моменты. Смирнову отдали приказ внести поправки. Он подчинился, даже новый эпизод специально написал и снял. Директор «Мосфильма» Николай Сизов, который фильму симпатизировал, сказал: «Ну, теперь все нормально». Далее послушаем рассказ самого А. Смирнова:

«Но Госкино опять не принимает. Павленка (зампред Госкино. — Ф. Р.) просто трясло! С такой ненавистью говорил, будто я личным его врагом стал. Особую ярость вызвала послед-

няя сцена с Максаковой и Джигарханяном. Мне казалось, что это единственная из трех пар — счастливая. Но Павленок не находил слов: «Этот сундучок, на котором ездит эта бл...» Дословно...

Дали второй список поправок. Потом третий. И все равно не принимают! Ермаш сказал: «Сцена «В чайной» омерзительна, ее надо выкинуть во что бы то ни стало!» — «Как так?! Ведь без нее обваливается сюжет, обваливается характер, все валится! Фильма нет!» — «Убрать!»

Уступить было невозможно. Я написал письмо в три адреса: в ЦК — Камшалову, в Союз кинематографистов — Караганову и в ВААП — Рудакову. Но сперва проконсультировался с юристом. Спросил: «Могу ли я подать в суд на Госкино СССР?» Мне сказали: «Можете, но ни один судья не возьмет это дело». — «А на студию?» — «Попробуйте... Но вы никогда не выиграете этого дела. Впрочем, сходите на всякий случай еще к Рудакову, заместителю председателя ВААП».

Рудаков меня, к моему удивлению, поддержал. Видимо, настолько тут было ясное дело. Ведь все претензии ко мне — это была чистая вкусовщина. Претензий политических, идеологических предъявить было невозможно. А стало быть, вопрос не должен решаться в административном порядке.

Какое-то время спустя из ВААПа пришла на студию бумага в нашу пользу. Я помню, редакторша, которая ее первой получила, несла ее над собой как победное знамя. Ей грош цена, этой бумаге, конечно, но все-таки то была, быть может, первая в истории советского кино удавшаяся попытка защититься правовым путем, когда организация, делавшая вид, что она общественная (на самом-то деле государственная), все-таки сочла возможным осадить само государство...

Потом Сизов меня вызвал и просил вырезать хоть что-нибудь, для виду: «Ведь он же министр! Ну, уступи хоть несколько метров!»... Но я переставил в фильме два плана, но не вырезал в картине ни одного метра. Хотя в справке написал, что произведено сокращение на 28 метров. Кто заметит? Мы пользовались тем, что никогда над нами не было ни одного начальника-профессионала. И картину приняли!..»

Тем временем Сергей Бондарчук продолжает на Дону натурные съемки фильма «Они сражались за Родину». В съемках задействовано большое количество войсковых подразделений — батальные сцены с ними в фильме станут одними из лучших. Впрочем, от создателя «Войны и мира» иного и ждать не приходилось. К примеру, эпизод авиабомбежки переправы и хутора удалось снять за 7 (!) минут сразу шестью камерами. А ведь в этом эпизоде участвовало несколько сот человек, 15 самолетов ДОСААФ (они базировались в 300 метрах от съёмочной площадки), а также стадо коров и овец.

6 июля умер известный кинорежиссер Владимир Корш-Саблин. В большое кино он пришел в 1923 году (был ассистентом режиссера), а первую самостоятельную постановку осуществил в 30-м. Широкою известность ему принесла комедия «Моя любовь» (1940), после чего он снял еще несколько известных картин: «Константин Заслонов» (1949 с А. Файнциммером, Сталинская премия), «Красные листья» (1958). В 1965 году Корш-Саблин был избран 1-м секретарем Союза кинематографистов Белоруссии, а через четыре года присвоил к этой должности еще одну — стал худруком киностудии «Беларусьфильм». На этих постах его и застала смерть в возрасте 74 лет.

В воскресенье, 7 июля, в ФРГ завершился чемпионат мира по футболу. В финальной игре встретились хозяева турнира и сборная Голландии. Трансляция по советскому ТВ началась в шесть вечера. Игра получилась на редкость интересной. Уже на первой минуте немцы сбивают в своей штрафной площадке голландца Иоханна Круиффа, и судья указывает на одиннадцатиметровую отметку. Пенальти реализует Неёскенс. Однако спустя 25 минут похожая ситуация повторилась уже в штрафной голландцев. На этот раз сбили с ног с нарушением правил немца Хельценбайна. И Брайтнер делает счет 1:1. Голландцы бросаются в атаку, но фортуна в тот день явно не на их стороне. На 42-й минуте Герд Мюллер блестящим ударом добывает для своей команды заветное «золото».

Второй тайм начался со стремительных атак голландцев, однако немцы защищались так умело, что ни одна из этих атак не увенчалась успехом. Тем более трибуны переполненного

стадиона горячо поддерживали немцев. В итоге счет в игре так и не изменился — чемпионами мира стали футболисты ФРГ. Любопытно отметить, что в Голландии были так уверены в победе своей команды, что незадолго до чемпионата тамошняя почтово-телеграфная служба подготовила к выпуску аж 100 тысяч марок с надписью «Голландия — чемпион мира». В результате весь тираж пришлось ликвидировать.

В эти же дни актрисам Зое и Виктории Федоровым пришли очередные письма от их мужа и отца — американского гражданина Джексона Тэйта. Как мы помним, посредником в этом общении выступала американка Ирина Керк. В начале лета она получила от Тэйта четыре письма для Федоровых, но никак не могла переслать их в Россию, поскольку прежний посылный — француз — не смог выехать в Москву. Пришлось искать нового. Наконец в июле такой человек был найден: им стал профессор кибернетики и философии Михаил Агурский. Он и доставил письма по нужному адресу: в дом № 4/2 на Кутузовском проспекте, где проживали Федоровы.

В тот день Виктория стояла в длиннющей очереди на прохождение ежегодного техосмотра машины. Отстояла около двух часов и, зная, что предстоит еще отстоять примерно столько же, решила на несколько минут отлучиться и позвонить домой, предупредить мать, чтобы та не ждала ее к обеду. Но не успела она произнести первое слово, как мать прервала ее: «Немедленно приезжай домой! У меня есть для тебя важные новости». Виктория попыталась отбрехаться: дескать, не могу — потеряю место в очереди. Но мать была неумолима: «К черту техосмотр, приезжай!» Далее послушаем рассказ самой Виктории:

«Я помчалась за машиной и приехала домой. На столе лежали несколько писем от Ирины и четыре — от отца. Боже, какой великолепный праздник! Он жив! Он не забыл меня! Я с жадностью читала его письма, смахивая слезы, застилавшие мне глаза и мешавшие читать.

Потом мамуля рассказала, как к ней попали письма. Позвонил какой-то мужчина и, не представившись, спросил:

— Вы ждете писем с Запада?

Мамуля пробормотала что-то невнятное. Мужчина сказал:

— У меня есть для вас кое-что. Мы можем увидеться?

Они договорились о встрече. Это был Михаил Агурский, который пошел ради меня на огромный риск...»

В пятницу, 12 июля, на «Мосфильме» состоялось обсуждение кинопроб для новой комедии Леонида Гайдая «Не может быть!». Практически все кандидатуры представленных режиссером актеров были одобрены. Среди них Леонид Куравлев (жених Володька), Михаил Пуговкин (Горбушкин), Михаил Кокшенов (Верзила), Нина Гребешкова (жена Горбушкина), Савелий Крамаров (Серёга), Валентина Теличкина (невеста) и др. Была также одобрена кандидатура Валерия Золотухина на роль Семушкина, однако позднее, в процессе подготовки к съемкам, он из этого проекта выйдет, предпочтя сниматься у Иосифа Хейфица в мелодраме «Единственная». Кстати, на «Единственной» Золотухин влюбится в тамошнего помрежа, закрутит с ней роман, о чем будет рассказано чуть позже. А пока вернемся к событиям июля.

В творческих вузах горячая пора вступительных экзаменов. В том июле пытался поступить в одно из столичных театральных училищ Игорь Тальков, но, увы... Пройдя тур по специальности (на нем Тальков читал «Скифов» А. Блока), он срезался на экзамене по литературе, обнаружив полное незнание текста шедевра соцреализма — романа М. Горького «Мать». Вполне вероятно, что «неблатного» Талькова попросту «срезали» члены экзаменационной комиссии. Не случайно, вернувшись домой в город Щекино Тульской области, он 13 июня написал по этому поводу стихотворение, где были такие строчки:

Ну и что ж, раз судьба такая,
Прошагаю сперва по грязи.
Я на слякоть бетон натаскаю,
На асфальт буду честно вылазить...

Еще одним неудачником той экзаменационной поры стала популярная ныне киноактриса Елена Сафонова. Как мы помним, еще прошлым летом она пыталась поступить во ВГИК, но попытка завершилась провалом. Сафонова устроилась работать библиотекарем, мечтая через год повторить попытку. Но и июль 74-го оказался для нее несчастливым —

педагоги ВГИКа опять сочли ее бесталанной и посоветовали поискать другую профессию. Сафонова вновь вынуждена будет вернуться к библиотечным полкам, чтобы на следующий год вновь штурмовать Институт кинематографии. Кстати, несмотря на свой неуспех, Сафонова именно в 74-м сумеет дебютировать в кино. Немалую роль при этом сыграл отец Елены — Всеволод Сафонов, который в киношном мире был далеко не последним человеком. Именно благодаря его стараниям девушку и пригласят на эпизодические роли в два фильма: «Ищу мою судьбу» Аиды Манасаровой и «Три дня в Москве» Алексея Коренева.

А теперь пришла пора назвать тех счастливых, кому на экзаменах повезло. Так, Андрей Ташков успешно сдал экзамены в Школу-студию МХАТ, а Татьяна Догилева — в ГИТИС. Последняя сделала это втайне от своих родителей. Те думали, что она усиленно готовится к поступлению в Институт стран Азии и Африки, где она занималась в Школе молодого востоковеда, но Татьяна выбрала иное — подала заявления сразу во все актерские учебные заведения столицы: в Щепкинское и Щукинское училища, Школу-студию МХАТ, ГИТИС и ВГИК. Блата у нее никакого не было. «Данных» — тоже. Во всяком случае именно так ей и сказали в четырех из пяти институтов, выходя с первого тура. И только в ГИТИСе в ней что-то разглядели и пропустили сначала на второй тур, потом на третий и в конце концов приняли.

К удивлению Догилевой, ее родители не очень расстроились, когда узнали, что их дочь променяла Институт Азии и Африки на театральный. Главным для них было одно — что дочь получит высшее образование. Поэтому единственными противницами ее поступления в ГИТИС были подруги матери, которые все до одной были убеждены в том, что в театральном мире все сплошь развратники. Но их мнение Догилеву, естественно, не интересовало.

Ефиму Шифрину тем летом тоже повезло — он стал-таки студентом одного из столичных творческих вузов. Далось ему это большой кровью. Еще два года назад он совершил первую попытку покорить Москву, но потерпел провал — в Щукинское училище его не приняли. Через год последовал новый провал. В июле 74-го он приехал в столицу в третий раз, твердо

уверенный: либо сейчас, либо никогда! Но, увы, экзамены в «Щуке» он снова не осилил. Вернее, осилил только до третьего тура, после чего внезапно испугался. Он понял, что если провалится в третий раз, то вернуться обратно в Ригу (там он жил и уже год учился в Латвийском госуниверситете) будет просто не в состоянии. Поэтому Шифрин забрал документы из «Щуки» и отправился в эстрадно-цирковое училище. И сравнительно легко туда поступил.

Известному ныне певцу Александру Малинину в ту пору было 16 лет. Тем летом он тоже попал в число счастливчиков — был принят в студию эстрадного искусства при Свердловской областной филармонии. Разглядела же в нем будущий талант тамошняя преподавательница народного пения Неонила Мальгинова. Вот как она сама об этом вспоминает:

«Пришел как-то к нам шестнадцатилетний юноша Саша Выгузов (Малининым он станет позже. — Ф. Р.). Никакого музыкального образования у него нет, нот не знает. «Хочу учиться петь», — говорит. — Послушайте меня, пожалуйста». Я его послушала, сразу поняла — голос хороший, красивый. Вижу, парень сценичный, когда поет — просто преображается. Я сразу позвонила директору филармонии Марковичу: «Николай Романович, послушайте одного мальчика». Он послушал и не задумываясь сказал: «Берите его в студию».

13 июля в газетах появилось сообщение о том, что на 5-м Международном конкурсе имени П. Чайковского в Москве победу одержал 18-летний советский пианист Андрей Гаврилов. Для большинства специалистов победа юного музыканта была неожиданностью — его ведь включили в состав участников в самый последний момент. А он взял да и выиграл первое место! Между тем мало кто знал, что этой победы вполне могло и не быть, поскольку карьера Гаврилова могла оборваться, даже еще не начавшись. Произойти это могло год назад — сразу после окончания Гавриловым 11-го класса Центральной музыкальной школы. Вот как вспоминает об этом сам музыкант:

«По традиции в ЦМШ готовился капустник. Я написал сценарий, которым был чрезвычайно доволен. Он получился критический, заостренный. Во-первых, там критиковались порядки, сложившиеся в ЦМШ. Он был направлен против педагогов, подавляющих лю-

бое проявление индивидуальности. Как правило, это были преподаватели общеобразовательных предметов, которые, наверное, не понимали специфику своих учеников. Во-вторых, в капустнике мы затронули несправедливость, царствовавшую в школе-интернате при ЦМШ, где жили все иногородние. Там процветали ужасные порядки. У ребят воровали еду, а кормили так, что они приходили на занятия полуголодными. Если бы вы видели, как они набрасывались на бутерброды, которые мы тащили из дому и по-братски делили у себя в классе.

Когда капустник начался, зал разделился на две части. Молодые педагоги сочувствовали нам, но боялись смеяться. Директор школы вышел из зала и, перед тем как хлопнуть дверью, потребовал: «Прекратить это безобразие». Капустник мы доиграли до конца, а через два часа кто-то донес, что сценарий писал я с моим товарищем. После капустника состоялась торжественная церемония вручения характеристик, которые были розданы всем, кроме меня и моего товарища. Мы получили документы с опозданием на сутки, сразу же стало ясно, что ни о каком высшем учебном заведении и думать не придется. В характеристике говорилось, что я проявил фашиствующие настроения, потому что проиллюстрировал парад учителей, отличавшихся свирепым нравом, темой нашествия Шостаковича из Седьмой симфонии. Сообщалось также, что я постоянно совершаю бестактные поступки, и апофеозом стала фраза, что я сознательно не вступил в ВЛКСМ. Это был политический ярлык. Ни о какой консерватории не могло идти и речи. Но мир не без добрых людей. У нас учился сын одного заместителя министра. Симпатизируя двум пострадавшим, замминистра позвонил Фурцевой и рассказал нашу историю. Фурцева вмешалась, и характеристики нам переделали, вернее, просто выдали те, которые были отпечатаны до капустника. Через какое-то время комиссия Министерства культуры подтвердила все то, о чем мы рассказывали в капустнике. Зам. директора ЦМШ уволили, директор получил выговор...»

В первой половине июля по «ящику» крутили следующие фильмы: «Мужское лето» (1-го), «Пассажир с «Экватора», «А пароходы гудят и уходят» (6-го), «Журавушка» (8-го), «Исход» (11-го) и др. С 8 июля по ТВ «зарядили» 20 се-

рий популярного польского сериала «Четыре танкиста и собака». Фильм показывали по 5 серий в неделю в 16—17 часов, растянув показ до 29 июля.

Эстрадные представления: 3—7-го во Дворце спорта «Сокольники» состоялись сборные концерты с участием Валерия Ободзинского, Галины Ненашевой, Вячеслава Шалевича и др.; 5—7-го в «Октябре» свои психологические опыты демонстрировал маг и волшебник Вольф Мессинг; 5—6-го в саду имени Баумана фокусничал Арутюн Акопян; с 6-го в эстрадном театре «Эрмитаж» начал гастролы Московский мюзик-холл с участием Любви Полищук, Юрия Антонова и др.; 7-го в «Варшаве» пели Алла Пугачева и Юлий Слободкин; 10—12-го в ГЦКЗ «Россия» гастролеровали артисты из Польши: Здислава Сосницка и др.; 12-го — в «Октябре» выступал ВИА «Смеричка».

В том июле Московский театр Сатиры нарушил привычные каноны и открыл сезон аж 6 июля (был показан спектакль «Маленькие комедии большого дома»). А 9 июля показана премьера — спектакль «Пощечина» по пьесе Сергея Михалкова с участием Веры Васильевой, Георгия Менглетта, Романа Ткачука, Натальи Селезневой и др.

15 июля исполнилось 50 лет известному танцору Махмуду Эсамбаеву. Юбилей застал артиста на гастролях в Красноярске, куда по этому случаю съехалось около трех десятков друзей и поклонников артиста. Приехала туда и знаменитая столичная балетоманка Лиля Базиль. Эту внушительных размеров женщину в балетных кругах знали все (за глаза ее звали дон Базилио) — от ее усилий порой зависел успех или провал артистов. Возглавляя «клакеров» (группа поддержки артистов) Большого театра, она во время представлений устраивала любимым артистам «бюро овец», а своим нелюбимцам — свист и улюлюканье. Говорят, когда она в восторге била своими ладонями-лопатами, стены Большого театра чуть ли не содрогались.

Эсамбаева Лиля обожала и по случаю его юбилея привезла из Москвы 50 красивейших гвоздик, которых в столице днем с огнем нельзя было сыскать. Лиля же раздобыла этот роскошный букет по большому благу в Ботаническом саду. Когда цветы были преподнесены

юбиляру, битком забитый зал буквально задохнулся от восторга, а сам Эсамбаев прослезился.

В это же время в Красноярске гастролировал Центральный театр Советской Армии, который привез с собой несколько спектаклей, в том числе и легендарного «Учителя танцев». Главную роль в нем исполнял Федор Чеханков (он сменил Владимира Зельдина), и его игра была настолько превосходной, что зал чуть ли не каждый выход молодого актера встречал аплодисментами. 16 июля спектакль посетил Махмуд Эсамбаев. В руках он держал тот самый роскошный букет из гвоздик, который ему преподнесла накануне Лиля Базиль. Когда спектакль закончился и актеры вышли на последние поклоны к зрителям, Эсамбаев взошел на сцену и вручил букет Чеханкову. Зал взорвался еще большими аплодисментами. А Эсамбаев, прежде чем вернуться на свое место, шепнул Чеханкову на ухо одну-единственную фразу: «Когда все разойдутся — вернешь».

Не стоит думать, что великий танцор был человеком скардным. Отнюдь. Просто тому роскошному букету была уготована судьба согреть сердце не одному, а сразу нескольким артистам. После того как Чеханков вернул цветы Эсамбаеву, тот отдал их той же Лиле, и она, вернувшись в Москву, преподнесла букет танцору Большого театра Марису Лиепе (правда, из пятидесяти гвоздик к тому времени в нем осталось лишь 37). А тот в свою очередь спустя пару дней, придя в Ленком на спектакль, где играла выдающаяся советская актриса Софья Гиацинтова, вручил гвоздики ей. Вот такой круговорот цветов в природе. Сегодня, когда проблем с цветами уже нет, это выглядело бы нелепо, а тогда, в пору всеобщего дефицита, вполне естественно.

В среду, 17 июля, Леониду Брежневу внезапно стало плохо. Произошло это накануне официального визита генсека в Польшу, который должен был начаться 19 июля и был приурочен к 30-летию провозглашения Польской Народной Республики. Первым обнаружил, что Брежневу плохо, его личный врач М. Косарев: это он, приехав с утра к нему на дачу, застал генсека в астеническом состоянии. Что послужило причиной этого срыва, врач так и не установил, поскольку на это не было времени — надо было как можно скорее приводить генсека в нормальное состояние. Косарев связался

со своими коллегами из 4-го управления Минздрава, и они сообща принялись лечить Брежнева. В итоге в Польшу тот все-таки уехал, да еще в достаточно бодром состоянии. На календаре было 19 июля.

В тот день, когда Варшава рукоплескала руководителю Советского Союза, благополучно завершился полет двух советских космонавтов — Павла Поповича и Юрия Артюхина. На следующий день в газетах появятся указы о награждении обоих званиями Героев Советского Союза.

В тот же день на «Мосфильме» режиссер Алексей Салтыков приступил к съемкам фильма «Семья Ивановых». Под Зеленоградом снимали эпизод, где Иванов-старший (Николай Рыбников) рыбачит на берегу речки с генералом (Александр Хвыля). После съемок руководство Зеленограда устроило для киношников встречу со зрителями, а затем роскошный сабантуй. Вот как описывает это мероприятие автор сценария фильма Юрий Нагибин:

«Нас везут на трех машинах в какой-то хитрый домик на другом конце Истринского водохранилища, километрах в шестидесяти от Зеленограда. С нами мэр, два его зама, второй секретарь горкома. А там — уже накрытый роскошный стол, прекрасные пахнущие смолой спальни — домик деревянный, скандинавского образца — и неработающие уборные — отечественная поправка к иноземному великолепию. Как это по-русски! Привычка «ходить» в овин, в лопухи. Без икры власть имущие за стол не садятся, а срать преспокойно ходят на двор. Начались тосты и речи, поначалу с потугами на торжественность, интеллигентность, затем все более разнузданные. Вскоре столом завладел мэр, так и сыпавший чудовищными по неприличию, примитивности и отсутствию юмора анекдотами. Считалось, видимо, что он умеет вести себя с богемой, куда огулом зачислили нас всех. Затем было прекрасное Геллино чтение (Гелла — поэт, автор песен к фильму. — Ф. Р.), принявшее даже заблудшие души начальства, актерские глупости и по-народному хамоватая болтовня Нонны Мордюковой, вошедшей в роль советской Ермоловой, а уже далеко за 12, под конец тяжелого застолья, неожиданный, хороший, серьезный разговор с мэром-похабником. Оказывается, самая главная проблема города-спутника, создающего

что-то сверхсовременное и сверхсекретное, не в отсутствии каких-либо тонких материалов или оборудования, а в... невозможности искоренить проституцию. Танцплощадка — средоточие отдыха молодежи — была настоящим бардаком. Сюда приезжали из Москвы седовласые любители продажной любви на собственных машинах. Поскольку кругом шныряло множество комсомольских стукачей, сговор происходил молча. Приглашенную на танец слегка ошаривали рукой и, если под платфом не обнаруживалось ни лифчика, ни трусов, ее сразу вели к машине. Зеленоград вписан в девственный лес, так что далеко ехать было не надо. Все удовольствие стоило десятку. Девки, промышлявшие этим, были хорошо известны и патрулям, и милиции, но ведь у нас нет проституции, есть тунеядство, а под это их не подведешь, они все работают. Площадку закрыли, но сейчас открывают вновь, ибо увеличилось хулиганство, а проституция ушла в подполье, и власти окончательно утратили контроль над этим социальным злом... Беда усугубляется тем, что неподалеку находится школа повышения квалификации комсостава дружественных армий. Карманы этих блистательных воинов набиты бесшовными дамскими чулками, духами и прочей парфюмерией из валютных магазинов, а перед этим не может устоять ни одно женское сердце...»

На том же «Мосфильме» режиссер Родион Нахапетов продолжает подготовку к съемкам фильма «На край света». Мы оставили его в тот момент, когда он усиленно искал исполнительницу главной роли — девушку 17—18 лет. Как мы помним, в начале подготовительного периода ему понравилась девушка, которая случайно заглянула на киностудию — Вера Глаголева. Однако, когда фотограф сделал ее снимки, девушка ему внезапно разонравилась. И поиски продолжились. Наконец в июле подходящую для роли девушку вроде бы нашли. Но накануне решающей пробы она внезапно заболевает. Ассистенты предлагают вызвать Глаголеву. «Какую Глаголеву? Родственницу Глаголевой?» — (по случайному стечению обстоятельств, редактором на фильме была Нина Глаголева). «Нет, просто однофамилица. Помните, вы ее случайно увидели в буфете? Спортсменка». — «Нет, спортсменку нам не надо», — отмахнулся было Нахапетов. Но затем, поду-

мав, согласился: «Впрочем, пусть придет и подыграет нашему партнеру. Лучше, чем мне напрыгаться». Далее послушаем рассказ самого Р. Нахапетова:

«В тот день я делал ставку на артиста, а не на артистку, и мне было все равно, кто будет подыгрывать главному герою, лишь бы не я.

Так Вера Глаголева впервые появилась перед камерой.

Не задумываясь, я поставил ее спиной к объективу, вручил листочек с текстом и сказал:

— Просто читай вслух. Ты не в кадре.

Я во все глаза глядел на будущего героя, надеясь увидеть что-то интересное. Но, по непонятной причине, парнишка зажался. Движения его стали скованными, голос охрип. Я был в отчаянии. Между тем, пока я занимался героем, Вера выучила свой текст и стала «подбрасывать» его с такой естественностью и легкостью, как будто он сию минуту родился в ее голове. Я похвалил Веру и ввел ее в кадр — сначала бочком, а затем лицом к камере. Раскованность Веры объяснялась тем, что она мечтала о спортивной карьере, а не о кинематографической. Ей было наплевать.

Я задержал на девушке взгляд. А ведь она интереснее, чем я вначале думал. И попросил ее сыграть еще одну сцену. Она сыграла... Мне нравилась ее уверенность, но уверенность еще не талант. Сцена была и в самом деле очень трудная. Я включил камеру, совершенно не рассчитывая на успех.

Но, как только отняли хлопушку от лица актрисы, я понял, что сцена получится. На глазах у Веры были слезы. Горькие детские слезы. Что было удивительно, так это то, что плача Вера старалась улыбаться. Станный и трогательный эффект.

— У меня тоже так бывает, — говорила она. — Становится грустно-грустно. И кажется, никто тебе не нужен...

Когда она произнесла это «грустно-грустно», я вдруг почувствовал, что сердце мое сжалось и затрепетало.

«Какой момент!» — подумал я. Я даже не подозревал. Если эта девочка будет и в фильме так же играть, мы в полном порядке...»

Отсняв сцену, Нахапетов тут же побежал к редактору — той самой Нине Глаголевой — и радостно сообщил ей, что актрису на роль девушки Симы он нашел. «Ее зовут Вера Гла-

голева», — счастливо заявил он. «Ну что ж, фамилия мне нравится, — улыбнулась в ответ редактор. — А как у нее с талантом?» Нахапетов потянул редактора в просмотровый зал и показал только что отснятый кусок. Тут уж редактор окончательно капитулировала. И, глядя на счастливого режиссера, внезапно спросила: «Уж не влюбился ли ты?» Как в воду глядела — спустя год Родион Нахапетов и Вера Глаголева поженятся.

Продолжается визит Леонида Брежнева в Польшу. 20 июля намечалось выступление генсека на торжественном заседании, и врачи, присматривающие за ним — Косарев и Чазов, — попросили его побереечь свое здоровье и выдержать тот режим, который был обговорен перед поездкой. Однако Брежнев воспринял эти советы чрезвычайно враждебно. Ему вдруг показалось, что врачи уже списывают его со счетов, считают старым, с чем он согласиться категорически не хотел. А когда он узнал, что они сделали внушение его личной медсестре, которую он постоянно возил с собой, видимо, испытывая к ней романтическую привязанность, он вовсе озверел. Как пишет Е. Чазов, «в ответ была бурная реакция Брежнева в наш с Косаревым адрес с угрозами, криком, требованиями оставить его в покое. Косарев, который впервые присутствовал при такой реакции, побледнел и растерялся. Мне уже приходилось быть свидетелем подобных взрывов, связанных с болезнью, и я реагировал на них спокойнее.

Вечером, когда мы попытались встретиться с Брежневым, нам объявили, что он запретил пускать нас в свою резиденцию, которая находилась в 300 метрах от гостиницы, в которой мы жили. Без нас, вечером, Брежнев принял успокаивающие средства, полученные от кого-то из окружения, вероятнее всего от Н., которая оставалась с ним. Утром мы с трудом привели его в «божеский» вид. Что было дальше, описывает Э. Герек (1-й секретарь ЦК ПОРП. — Ф. Р.) в своих «Воспоминаниях», в которых Брежнев предстает как странный или невменяемый человек: «Мне больше, чем ему, было стыдно, когда Брежнев начал дирижировать залом, поющим «Интернационал».

Между тем младший брат генсека Яков Брежнев остался на родине. Практически каждые выходные он покидает Москву и уезжает пожить к своей дочери Любви в деревню, что

расположена в нескольких километрах от Павловского-Посада. Дом, в котором летом жила дочь Якова вместе с младшим сыном, некогда принадлежал купцу, поставлявшему знаменитому фарфоровому заводчику Кузнецову краски, и выглядел знатно: снаружи украшен резными наличниками, представлявшими собой подлинные произведения искусства, внутри просторен и уютен. Инициатором покупки дома был сам Яков, который таким образом убивал двух зайцев: и дочь с семьей на лето призраивал, и сам имел возможность выезжать за город. А эта деревня напоминала ему его родное Брежнево, где родились и выросли его предки, где проводили зимние каникулы они, дети (у Якова и Леонида была еще сестра Вера).

Деревенские довольно быстро прознали, кто поселился в доме бывшего купца, и с тех пор чуть ли не всей деревней высыпали на улицу, когда Яков приезжал из города. До этого Яков любил вместе с дочерью, нарядившись в шорты и майку, пойти с бидоном за молоком, сметаной и маслом. Но когда его инкогнито раскрыли, вынужден был облачиться в официальную одежду — брюки и рубашку. Не меньше хлопот доставляли ему и деревенские мужики, которые частенько навевались к ним в дом и предлагали выпить за здоровье горячо любимого генсека и родной партии. Были и другие знаки внимания. Иной раз Любовь, выходя за ворота, обнаруживала корзину с грибами, ягодами, яйцами или банку с медом — этикие «подношения барину». Чтобы не обидеть деревенских, приходилось брать эти незатейливые подарки.

24 июля в Москве начался суд над двумя угонщиками самолета: 17-летними жителями столицы Жалниным и Бондаревым. Угон самолета они совершили 2 ноября 1973 года в паре еще с двумя сообщниками — Романовым и Никифоровым. Однако во время штурма самолета последние были убиты и отвечать перед законом предстали только двое угонщиков. Суд учел юный возраст террористов и то, что они целиком и полностью раскаялись в содеянном. На руку им сыграло и то, что никто из пассажиров не погиб — трое пассажиров и бортмеханик получили несмертельные ранения. В итоге 25 июля был оглашен приговор: Бондарев признан психически невменяемым и пригово-

рен к отбытию наказания в психушке, Жалнин получил 10 лет без конфискации имущества плюс должен был возместить нанесенный ущерб в сумме 838 рублей.

Пятничным вечером 25 июля знаменитая певица Большого театра Галина Вишневская давала у себя дома прощальный ужин — завтра утром с двумя дочерьми она должна была вылететь на Запад, где их вот уже два месяца дожидался муж и отец Мстислав Ростропович (уехал 26 мая). Народу проститься пришло много, однако из певцов Большого театра пришел лишь один тенор — все остальные это мероприятие проигнорировали, видимо, опасаясь быть уличенными в связях с «отъезжанткой». Тенор пришел не один, а привел с собой знакомого генерала. Последний сразу пошел по всем комнатам, чувствуя себя как дома. Тенор засеменял следом за ним. Когда экскурсия была закончена, тенор спросил у хозяйки:

— Мебель вся на местах, а мне сказали, что ты ее продала.

— Продала? — удивилась Вишневская. — Как же я без мебели буду жить, когда через два года вернусь обратно? (Официально отъезд Вишневской и Ростроповича на Запад выглядел как творческая командировка сроком на два года.)

Пробыв в доме певицы еще какое-то время, оба гостя удалились. А Вишневская внезапно поймала себя на мысли, что лицо генерала ей знакомо. Как вдруг ее осенило: двадцать лет назад этот человек пытался завербовать ее в стукачи. «Да, это, несомненно, он, — отмела всякие сомнения певица, — только постаревший и погрузневший».

В шесть утра 26 июля Вишневская с дочерьми и близкой подругой Галей вышли из дома и сели в служебную «Волгу». Их путь лежал в Шереметьево. Однако водитель внезапно повез их к Большому театру. Вишневская перепугалась: «Куда вы нас везете? Нам же совсем в другую сторону!» На что водила, улыбнувшись, ответил: «Ваши друзья попросили провезти вас мимо театра, сказали, что вам приятно будет». Вишневской действительно было приятно, но остановиться возле родного для нее места она не позволила — надо было спешить на самолет.

По дороге в аэропорт Галина набралась духу и сообщила Вишневской, что три дня назад

умер один из лучших друзей певицы — артист Большого театра Никандр Ханаев. Похороны состоятся сегодня в 12 дня. Вишневская попросила подругу сразу после аэропорта купить цветов и отвезти их на кладбище. А в десять утра самолет с Вишневской и двумя ее дочерьми оторвался от земли и взмыл вверх. Чтобы дочери не видели слез на ее глазах, Вишневская прильнула к иллюминатору и долго смотрела вниз, на родную землю, куда ей суждено будет вернуться не через два года, а спустя двадцать лет.

В эти же дни конца июля власти отобрали у родственников маршала Георгия Жукова дачу. Акция выглядела кощунственно, учитывая, что, во-первых, со дня смерти Жукова прошло чуть больше месяца, а во-вторых — эту дачу Жукову подарил лично Сталин. Но это не остановило высоких начальников. Они вызвали к себе адъютанта маршала Ивана Прядухина и отдали ему приказ: дачу освободить немедленно. Узнав об этом, теща Жукова Клавдия Евгеньевна и внучка Маша попросили подождать с переездом до Нового года, но их одернули: немедленно! Чуть позже родственникам Жукова будет выделена другая дача — в Жуковке площадью 60 метров, а одна из дочерей унаследует его квартиру на улице Алексея Толстого.

Режиссер и актер Василий Шукшин в конце июля сумел вырваться на пару дней со съемок фильма «Они сражались за Родину» и приехал в Москву. Этот приезд был вызван радостным событием — наконец-то высокое киноначальство разрешило (в очередной раз) Шукшину приступить к подготовительной работе над фильмом «Степан Разин». Вот как вспоминает об этом В. Фомин, который видел Шукшина в те дни:

«Вечером, за несколько часов до отъезда в Волгоград, я оказался дома у Шукшина — по делам со сборником его сценариев. В дверях столкнулся с оператором Анатолием Заболоцким и художником Шавкатом Абдусаламовым. Как я понял, Заболоцкий «сватал» художника на разинский фильм.

Абдусаламов рассказывал, как он видит некоторые сцены фильма... Держался он как-то подчеркнуто, даже вызывающе независимо. Похоже, что Шукшина эта поза немного коробила. Но то, что рассказывал художник, ему страшно нравилось, было близким. Он развол-

новался, глаза у него радостно и возбужденно блестели... Заветный фильм! Столько раз уже срывалась постановка, столько лет пришлось ждать, отчаиваться, загораться надеждой, и вот уж теперь-то, бог даст, может, наконец, сбудется заветная мечта...

Вдруг он спохватился, глянул на часы — надо было немедленно мчаться на самолет.

Выскочили на улицу. Поймали такси. Разом как-то помрачневший Шукшин (не успел толком поговорить даже с домашними) нырнул в машину. Хлопнула дверца. Машина рванула с места и тут же исчезла в темноте. Осталось какое-то ужасно тяжелое, надсадное чувство — от внезапно прерванного на самом интересном месте разговора, от прощания на ходу, в спешке. Будто оторвали что-то от души.

Никто из нас не знал, что эта встреча окажется последней...»

Съемочная группа фильма «Афоня» во главе с режиссером Георгием Данелия в эти же дни находится в Ярославле, где с 24 июля ведет натурные съемки. Работу в экспедиции начали со съемок эпизода в деревне: помните, тетя Афоня (Раиса Куркина) сидит на лавочке и ждет Афоню, который с тех пор, как ушел в армию, так больше и не объявлялся. Затем будут снимать другие натурные эпизоды: Афоня Борщев (Леонид Куравлев) учит жизни практикантов-пэтэушников; Катя (Евгения Симонова) бегаёт за Афоней; Федул (Бронислав Брондуков) ищет Афоню и др. Экспедиция продлится до конца сентября.

Одна из актрис, исполняющих в «Афоне» центральную женскую роль (Катя), Евгения Симонова до этого снималась на Южном Урале в фильме Вениамина Дормана «Пропавшая экспедиция». И там молодую актрису угораздило влюбиться в своего партнера по картине — Александра Кайдановского. А ведь у нее на тот момент уже был жених — ее однокурсник по театральному училищу имени Щукина Юрий Васильев. По его же словам: «Все в училище говорили, что мы шикарная пара. И я действительно как жених ходил к ней в дом. Мы должны были пожениться. Все было просто о'кей. И вдруг... Женя встретила Сашу Кайдановского — потрясающего парня, таланта, личность... Свадьба расстроилась. Я сильно переживал...»

Другой режиссер — Александр Файнциммер — работает над судебной драмой «Без права на ошибку». Сюжет фильма в духе времени — антихулиганский: группа подонков терроризирует на природе отдыхающих и в итоге нарывается на большую неприятность: когда их главарь (Лев Прыгунов) пытается изнасиловать девушку, то ее младшая сестра убивает его из охотничьего ружья. До недавнего времени работа над лентой шла со скрипом. Сначала отказался сниматься в главной роли — председатель суда — Николай Крючков (на эту роль выбрали другого мэтра советского кинематографа — Олега Жакова), затем ушел оператор, второй режиссер (по болезни), а потом из проекта выдворили по причине профнепригодности и художника. Короче, текучка была катастрофическая. И все же к середине июня группу сформировали и начались павильонные съемки. 19 июля снимали натуру в живописных местах под городом Львовом. Экспедиция там продлится до 4 сентября.

29 июля Олег Даль в очередной раз открыл свой дневник, чтобы выплеснуть на его страницы накопившиеся в душе чувства. И чувства эти не самые радостные. Минул ровно год, как Даль вновь вернулся в «Современник», но ожидаемого облегчения это возвращение ему не принесло. Роли, которые ему дают, его не удовлетворяют, отношения с руководством театра не ладятся. Не найдя собственных слов для определения характера одного из руководителей, очень известного артиста, Даль нашел их у Федора Михайловича Достоевского: «Это тип и воплощение, олицетворение и верх самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности!..»

В этот же день шеф КГБ Юрий Андропов подписал приказ о создании в структуре 7-го управления КГБ отряда по борьбе с терроризмом «А» («Альфа»). Появление подобного подразделения в Советском Союзе было несчастливым, ведь из-за возрастающей угрозы терроризма во многих развитых странах мира уже были созданы спецподразделения по борьбе с этим опасным явлением. Например, в том же 74-м такие отряды появились в Израиле («Ямам») и Франции («Группа вмешательства национальной жандармерии»). Теперь настала очередь создать нечто подобное и у нас.

29 июля Андропов вызвал к себе начальника 7-го управления Алексея Бесчастных и дал ему задание в кратчайшие сроки подобрать надежных людей, способных стать «командос». Дескать, на Западе есть, а мы что же — лыком шиты?

— Первый главок (внешняя разведка) вам поможет: кое-какие необходимые материалы подбросит, — размешивая в чашке с чаем сахар, говорил Андропов.

— Командира тоже они подбросят? — поинтересовался Бесчастных.

— Нет, командира возьмешь в другом месте. У тех же пограничников. К примеру, Бубенин чем не командир? Парень обстрелянный, как-никак Даманский прошел.

— А название отряду какое дадим?

— Название? — переспросил Андропов. — Пусть будет негромкое, например, группа «А».

В этот же день в Москву с официальным визитом приехал министр иностранных дел Румынии. Событие в общем-то рядовое, если бы с министром не приехала его жена Виолетта, которая у себя на родине считалась первой красавицей и снималась в кино. С недавнего времени за ней по личному распоряжению жены руководителя Румынии Елены Чаушеску была установлена круглосуточная слежка с тем, чтобы она, не дай бог, не завела под носом у своего беспечного супруга очередного любовника. Позднее, когда на Запад сбежит долголетний шеф ДИЕ (румынский вариант КГБ) Ион Михай Почепа, он обнаружит любопытные сведения о том, каким образом происходила эта слежка. По его словам, выглядело это следующим образом:

«Каждую пятницу Елена начинала с прослушивания записей, сделанных секретной службой в апартаментах крупных начальников. Главным объектом ее внимания была жена министра иностранных дел Виолетта, киноактриса. Елена с возмущением выслушивала сообщения о ее бесконечных любовных авантюрах. «Партия доверила ей своего лучшего члена, а она снимает трусы перед каждым встречным тарзаном!» — кричала Елена. Потом она решила усовершенствовать контроль за поведением ветреной министерши и повелела установить подслушивающие устройства в ее спальне: «Инте-

ресно, какие звуки издает Виолетта во время своих любовных утех?»

На следующий день я принес ей соответствующие записи. Прослушав их, Елена кричала в истерике: «Нет, ты только послушай эту тварь! Со мной она шебечет, как птенчик, а в постели орет так, что барабанные перепонки лопаются!» И распорядилась установить в своем кабинете магнитофон для постоянного прослушивания «концертов» своей подопечной.

— Ну что, — спросила меня Елена, — есть у тебя что-нибудь новенькое от нашей Виолетты? Или она померла?

— Уехала на съемки в Западный Берлин.

— Ну что — в Западный Берлин? Хоть в Лондоне, хоть у черта на рогах — она все равно жена нашего министра иностранных дел. Мы должны знать, что она делает.

С тех пор румынская госбезопасность следила за Виолеттой повсюду 24 часа в сутки...»

Тем летом у известного офтальмолога Святослава Федорова в личном гараже появился «Мерседес», которых в Москве было раз-два и обчелся. О том, каким образом он к нему попал, рассказывает его дочь Ирина Федорова:

«Отец очень много оперировал в США, в нескольких клиниках, при этом как советский человек он не имел права получить за свою труднейшую работу ни копейки. Коллеги-американцы это знали и заплатили отцу иначе: купили ему автомобиль «Мерседес 280 С» темно-синего цвета. Он поехал получать его в Ленинград один. Потом примчался на новой машине ко мне в Сочи — но уже не один. Оказалось, что, получив «мерс», он тут же решил навесить свою первую юношескую любовь, некую Валю, которая жила под Ростовом. Отцу было 16—17 лет, когда эта девочка сказала, что между ними ничего не может быть, потому что она любит сильных, «накачанных», как говорят нынче, парней. А папа тогда только что потерял ступню и вообще был маленький и хилый. Потом он говорил, что именно после этого объяснения начал серьезно заниматься спортом, тренировать тело. С тех пор прошла целая жизнь. Но Валя эта настолько запала отцу в душу, что, получив шикарную машину, он рванул «на белом коне» в свои родные места, свою юность. И что вы думаете? Он нашел ее, ту (и уже «не ту», конечно), свою Валю! Она давно

была замужем, дочка — примерно моего возраста. Отец покрасовался в своем «Мерседесе» — и тут же уговорил Валю отпустить дочь с ним в Сочи. И привез ее к морю, поселил в одном номере со мной. Для меня это был, прямо скажем, весьма сомнительный подарок. Но так уж ему хотелось блеснуть...

В этом эпизоде многое проявилось. Конечно, он потешил свое самолюбие. Но все же главное — в другом. Он прекрасно понял, что эта девочка никогда не будет жить в шикарной по тем временам сочинской гостинице «Жемчужина», не будет кататься на «Мерседесе». И ему захотелось сделать доброе дело...»

Андрей Макаревич тоже нежит свои косточки на юге, но в другом месте — в спортивном лагере МГУ в Джемете, что под Анапой. Как мы помним, еще весной из его группы «Машина времени» ушли двое музыкантов — Сергей Кавагое и Александр Кутиков, но это не помешало двум оставшимся «машинистам» — Макаревичу и Юрию Фокину — отправиться на заработки на юг. Там они объединили свои усилия еще с одним музыкантом — Алексеем Беловым из группы «Удачное приобретение», и — дело закрутилось. Игру на танцах «машинисты» удачно совмещали с отдыхом, благо для этого были все условия. Во-первых, место чудное — песчаный пляж, дюны, тихое море, во-вторых — на пятьсот студентов приходилось около двадцати пяти (!) юношей, включая «машинистов». Можете себе представить, каким успехом пользовались мужики в этом «малиннике»!

А теперь с юга вернемся обратно в Москву и взглянем на киношную афишу. Из тогдашних кинопремьер выделю одну: 22-го на экраны столичных кинотеатров вышел фильм Бараса Халзанова «Открытие» с участием Донатаса Баниониса, Ирины Печерниковой, Виталия Соломина и др. И еще о кино. С 21 по 27 июля в кинотеатре «Форум» демонстрировался фильм Василия Шукшина «Калина красная». Прекрасно помню этот показ, поскольку именно тогда мне взбрело в голову отвести на него своего 7-летнего брата Валерия и его нескольких одноклассников. У кого-то может возникнуть вопрос, чем я тогда руководствовался, приобщая малолеток к столь сложному кинематографу? Действительно, в те дни в кинотеатрах Москвы

шло множество более простых для детского восприятия картин (к примеру, совсем недалеко от нашего двора, в саду имени Баумана, показывали вестерн «Сокровище Серебряного озера»), но я выбрал именно «Калину красную». А все дело в том, что еще в апреле, когда я попал на премьеру этого фильма, он настолько меня потряс, что мне захотелось приобщить к этому потрясению и всю дворовую ребятню. И что же? Когда после сеанса мы вышли из кинотеатра на Садовое кольцо, я понял, что двора действительно потрясена. Но не трагедией, разыгравшейся на экране, а тем, что я заставил их так долго мучиться на фильме, где всего лишь один раз стреляют и ни разу никому не съездили кулаком по физиономии.

Из фильмов, показанных в те дни по ТВ, выделю следующие: «Первая перчатка» (17-го), «Игрок» (впервые по ТВ), «Табаго» меняет курс» (18-го), «Три тополя на Плющихе» (20-го), «Золото» (21-го), «Коммунист» (22-го), «Назначение» (премьера т/ф 23—26-го), «Член правительства» (25-го), «Жили-были старик со

старухой» (26-го), «За тех, кто в море» (28-го), «Юлька» (впервые по ТВ 30-го) и др.

Из других популярных в народе передач выделю следующие: «Артлото» (26-го), «Кабачок «13 стульев»» (28-го).

Эстрадные представления: 17—24-го во Дворце спорта прошли гастроли двух ВИА: узбекской «Яллы» и украинского «Чаривни гитары»; 19—21-го в «Октябре» пел ленинградский певец Анатолий Королев; 22—26-го в «Эрмитаже» выступал ВИА «Самоцветы»; 28-го в «Варшаве» пел Кола Бельды; 27—31 июля в «Эрмитаже» выступал «золотой певец» из Югославии (тираж дисков на родине перевалил за миллион экземпляров) Ивица Шерфези.

Из новинок фирмы грамзаписи «Мелодия» выделю дебютный миньон молодого певца **Сергея Захарова** с песнями: «Волны» (Г. Портнов — К. Рыжов), «Белые ночи» (Г. Портнов — Е. Гвоздев), «Выйду солнцу навстречу» (Д. Кижаяев — К. Купчин), «Любовь не покидает нас» (С. Чебушев — Г. Прусов).

1974 А Г У С Т

Брежнев на отдыхе в Нижней Ореанде. В Москве погиб самый молодой начальник РУВД. У Фурцевой отняли дачу. Отставка Ричарда Никсона. «Вечный зов»: съемки в Башкирии. Ивана Переверзева не хотели утверждать на роль иностранца. Кубок СССР по футболу у киевского «Динамо». Боксер Василий Соломин едва не угодил за решетку. Умерла Мария Максакова. Дочь покойной собиралась выброситься из окна. Диагноз психиатров: Иваньков вменяем. Прощай, Кармен! Гелена Великанова пыталась забаллотировать Майю Кристалинскую. Убийцы коллекционера арестованы. Картежная мафия в Сочи. Московские клады. Высоцкий с женой в Югославии. Зубная боль едва не испортила отдых Олегу Далю. «Сто дней после детства»: съемки вперемишку с романами. Внезапное явление Леонида Харитонову народу. Новая победа Сергея Захарова. ЧП в космосе: стыковка не состоялась. Забавные приключения Андрея Макаревича по дороге с юга в Москву. Трагедия в Севастополе: гибель БПК «Сторожевой». Василий Соломин покоряет Фиделя Кастро.

Алла Пугачева в роли довеска.

Леонид Брежнев находится на отдыхе в Крыму, в чудесном уголке неподалеку от Ялты — Нижней Ореанде. Там у него двухэтажный особняк, который по меркам нынешнего времени выглядит довольно скромно: три комнаты на первом этаже, детский бассейн, на втором — спальня, рабочий кабинет, столовая и гостиная. Вокруг особняка расположен дивный лес из хвойных и лиственных деревьев, а также сад, где растут розы и вечнозеленые кустарники. Даже в тридцатиградусную жару там всегда прохладно.

Жил Брежнев на юге по давно заведенному распорядку. Вставал он рано — в семь утра, и тут же шел к морю — плавал. В девять часов завтракал, после чего работал с документами. Перед обедом к нему приходил массажист. Затем — вновь купание (это дело генсек любил и мог не вылезать из воды по часу, а то и по два). С 16 до 18 часов Брежнева посещал один из его помощников, и они вновь работали. Вечер завершался ужином и просмотром телепередач (программу «Время» смотрел регулярно).

Вечером в пятницу, 2 августа, на пульт дежурного ГУВД города Москвы поступило тре-

вожное сообщение: в одной из квартир дома по Херсонской улице вооруженный огнестрельным оружием преступник захватил заложников и грозит их убить. К месту происшествия тут же выехал сам начальник Черемушкинского РУВД Лев Львов (кстати, на тот момент самый молодой начальник РУВД в столице — ему было чуть больше тридцати).

По приезде на Херсонскую стало известно, что в роли террориста выступал уже хорошо известный местным милиционерам дебошир — некто Жуков. Будучи большим любителем «зеленого змия», этот почти двухметровый бугай чуть ли не каждый день бил смертным боем свою жену и несовершеннолетнего сына Виктора. Милиция давно бы засадила дебошира за решетку, если бы его жена написала соответствующее заявление. Но та этого не делала: то ли со страху, то ли по доброте душевной. В итоге Жуков обнаглел окончательно.

В тот злополучный день, 2 августа, Жуков пришел домой, как всегда, навеселе. Чуть ли не с порога набросился на жену, которая, по его мнению, плохо его встретила. Хотел было

избить и сына, но того, к счастью, не оказалось дома — гулял парень с друзьями во дворе. Тогда Жуков вновь принялся избивать жену. В какой-то миг женщина сумела вырваться из рук насильника и бросилась к двери. Но Жуков успел перехватить ее в коридоре и швырнул обратно в комнату. А затем в пьяном мозгу его что-то перемкнуло. Он схватил со стены охотничью двустволку и пальнул в потолок. Жена закричала не своим голосом. Весь этот шум, естественно, услышали соседи, которые, может быть, и не обратили бы на него внимания (за долгие годы уже привыкли к жуковским выходкам), если бы не выстрел. Такого в этой квартире еще не происходило. Короче, последовал звонок по «02».

Когда на Херсонскую прибыл Львов, ситуация в злополучной квартире и вокруг нее была уже накалена до предела. Жуков орал благим матом, что убьет жену и каждого, кто посмеет войти в его квартиру, и в доказательство своих слов высовывал в форточку двустволку. Весь двор был уже забит зеваками, которые набежали сюда чуть ли не из всех окрестных домов. А разогнать эту толпу сил милиции явно не хватало. Единственное, что удалось сделать, — оттеснить ее на безопасное расстояние.

Пока подчиненные Львова пытались незаметно подойти к окнам жуковской квартиры (он жил на первом этаже), Львов и еще один милиционер — Логинов — попытались вступить в переговоры с преступником через дверь. Львов попросил Жукова прекратить дебош, сложить оружие и сдаться. В таком случае он обещал не применять к дебоширу суровых мер наказания. Однако Жуков хранил гробовое молчание. Как выяснится позже, едва он услышал за дверью голос милиционера, как тут же покинул свое место у окна и переместился к двери. Причем сделал это абсолютно бесшумно. В его воспаленном мозгу созрел дикий план.

Львов все еще пытался уговорить преступника сдаться, как вдруг щелкнул замок, и дверь стремительно распахнулась. Никто из находившихся на лестничной площадке даже не успел сообразить, что произошло, как появившийся в дверном проеме хозяин квартиры направил двустволку в сторону Львова и нажал на спусковой крючок. Подъезд содрогнулся от грохота. Сделать второй выстрел преступник не ус-

пел — его сбили с ног подоспевшие коллеги начальника РУВД.

Львов был еще жив, когда его привезли в Институт скорой помощи имени Склифосовского. При беглом осмотре врачи предупредили, что шансов на успех крайне мало. Они не ошиблись: самый молодой начальник столичного РУВД умер на операционном столе, так и не приходя в сознание. На календаре было раннее субботнее утро 3 августа. Похороны героя состоятся спустя три дня на Даниловском кладбище.

Большие неприятности переживает министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Некоторое время назад она, пойдя на поводу у своей дочери, решила построить новую дачу под Москвой, закупив для этого по «бросовым» ценам стройматериалы. Кроме этого, Фурцева при отделке дачи взяла паркет не откуда-нибудь, а из Большого театра! Министр не подумала, что ее недоброжелатели (а их у нее всегда хватало) воспользуются благоприятным случаем и «стуканут» на нее в Комитет партийного контроля. В итоге Фурцеву вызвали в КПК, и его председатель Арвид Пельше потребовал от нее положить партийный билет на стол. Короче, скандал разгорелся нешуточный.

Вскоре Фурцеву вызвали на заседание секретариата ЦК, которое тоже принесло ей мало радости. Особенно усердствовал Андрей Кириленко, который требовал исключить Фурцеву из партии и лишить министерского портфеля. Как признается чуть позже своему заму по Минкульту Кухарскому сама Фурцева: «Вела я себя на заседании неправильно. Вы же знаете, что я дура, дура и дура. Выдержки не хватило, вступила в пререкания с этим маразматиком Кириленко, вместо того чтобы, зная его «нрав», со всем соглашаться». И все же то заседание закончилось для Фурцевой более или менее благополучно: оставшись при своем партбилете и министерском портфеле, она вернула дачу государству.

9 августа в советских газетах опубликовано сообщение о том, что 37-й президент США Ричард Никсон подал в отставку. Поводом к этому уходу послужили события двухлетней давности — когда в июне 72-го несколько человек, связанных с Белым домом, незаконно проникли в гостиницу «Уотергейт», где располагалась штаб-квартира Демократической партии. Ник-

сон пытался скрыть этот факт, но потерпел фиаско. Чтобы сохранить лицо, ему пришлось подать в отставку. На его место пришел Джеральд Форд, который месяц спустя объявит о помиловании предшественника: дескать, жизнь его и без того здорово наказала. Но вернемся к нам на родину, в Советский Союз.

В живописных местах в Башкирии, под городом Белорецком, продолжают съемки сериала «Вечный зов». В те августовские дни снимались ключевые эпизоды второй части фильма (5—8-й серии): как банда Кафтанова вкупе с белогвардейцами закрыла в каменном «мешке» партизанский отряд Кружилина. В отряде грядет неминуемый голод, но в самый последний момент партизаны находят лазейку — спускаются с отвесной скалы в тыл врага. Эпизоды спуска снимали на горе с красивым названием Малиновая с привлечением профессиональных альпинистов.

Кинорежиссер Самсон Самсонов экранизирует для телевидения детектив Сирила Хейра «Чисто английское убийство». В фильме собрано созвездие артистов: Иннокентий Смоктуновский, Алексей Баталов, Георгий Тараторкин, Иван Переверзев. С утверждением в роли последнего у режиссера были большие трудности: телевизионные чиновники ни в какую не хотели брать Переверзева, утверждая, что Переверзеву надо играть исключительно русских мужиков, а не иностранцев. Но Самсонов сумел настоять на своем. Между тем работать с Переверзевым было сложно: на тот момент он уже плохо слышал, и режиссеру приходилось многие сцены проигрывать перед ним, показывая, чего, собственно, хочет от актера.

Для Ирины Муравьевой роль Сюзанны была первой крупной работой в кино (до этого она снялась в незначительной роли в фильме «Эпизод из юности»). Волновалась актриса сильно, тем более на тот момент она была беременна (ее муж — режиссер Детского театра Леонид Эйтлин). Рядом с такими знаменитостями, как Смоктуновский, Баталов и Переверзев, она чувствовала себя неуверенно. Кстати, на момент завершения съемок не только Муравьева благополучно разрешилась от бремени (у нее родился сын), но также родилась дочь у Самсонова и сын у Тараторкина.

В субботу, 10 августа, состоялся финальный матч по футболу на Кубок СССР между двумя

украинскими командами: киевским «Динамо» и ворошиловградской «Зарей». Честно говоря, в победе первых практически никто не сомневался. Так оно и вышло: киевляне победили соперника по всем статьям — 3:0.

И еще о спорте. В те же дни в Цахкадзоре проходила тренировочный сбор перед выездом на чемпионат мира по боксу сборная СССР. Был там и один из самых талантливых наших боксеров Василий Соломин. Мало кто знал, что буквально накануне сбора Соломин едва не угодил за решетку. А случилось вот что. Отдыхая в пермском ресторане «Центральный», Соломин повздорил с тремя местными парнями. Как утверждают очевидцы, инцидент разгорелся вроде бы из-за пустяка: один из местных обозвал боксера «щенком» (Соломин действительно выглядел как юноша), на что тот с ходу заехал обидчику в челюсть мощнейшим хуком. На выручку к приятелю бросились его дружки, но Соломин и их быстро укоротил: одному сломал нос, другого отправил в нокдаун. Чувствуя свою правоту, Соломин не стал убежать с места происшествия и вскоре оказался в отделении милиции. Поскольку сам он не пострадал, всех собак, естественно, навешали на него. Далее послушаем рассказ его тогдашнего тренера Ю. Подшивалова:

«Утром мне из милиции позвонили: «Саныч, приходи — твой бандит у нас». Для меня этот звонок как ушат холодной воды, ведь Василий был уже утвержден тренерским советом на участие в чемпионате мира. Более того, вечером того же дня нас ждали на базе в Цахкадзоре. В общем пришлось мне приложить немало усилий, чтобы вызволить своего ученика из милиции. Добрался даже до комиссара города. Он дал распоряжение освободить Василия, но при этом не очень удачно пошутил: если не станет чемпионом мира, мы его посадим. Я отвечаю: а куда ж он денется, конечно, станет. А про себя подумал: дай-то бог в призеры попасть, ведь среди соперников такая плеяда собралась — будь здоров! Румын Куцов, кубинец Эчайде...»

11 августа в Москве, на 73-м году жизни, скончалась знаменитая певица Большого театра Мария Максакова (мать популярной актрисы вахтанговского театра Людмилы Максаковой). В большое искусство покойная попала, еще будучи юной девушкой, причем совершен-

но случайно. Она в те далекие годы жила в Астрахани и пела в тамошней опере. Волею случая в эту оперу однажды занесло известного столичного антрепренера Макса Максакова с женой. Голос юной певицы пленил столичных гостей, и жена уговорила мужа взять девушку в Москву. А спустя пару дней супруга Максакова внезапно умерла. Муж выполнил просьбу жены: привез молодое дарование в столицу, а вскоре и женился на ней.

Слава пришла к Максаковой в начале 30-х годов, когда она исполнила партию Кармен на сцене Большого театра. У нее появилась масса поклонников, среди которых были видные военачальники (например, маршал Советского Союза Михаил Тухачевский), дипломаты. Когда в 30-е годы муж Максаковой скончался, она приняла ухаживания одного из этих дипломатов и вышла за него замуж. Но семейное счастье продолжалось недолго — в 37-м дипломата расстреляли. Саму Максакову не тронули, поскольку среди поклонников ее певческого таланта был сам Сталин. За короткое время (1946—1951) Максакова была трижды удостоена Сталинской премии. Но все же в 52-м многочисленные интриги завистников заставили ее покинуть сцену. Три года спустя руководство Большого театра предложило Максаковой «прощальную гастроль» — спеть в последний раз «Кармен». Как гласит легенда, в тот день к театру было нельзя подойти — народу пришло уйма. А в зале зрители сидели чуть ли не на люстре. Дав «прощальную гастроль», Максакова ушла в педагогическую деятельность.

Дочь Марии Максаковой актриса Театра имени Вахтангова Людмила Максакова была замужем за иностранцем, которому советские власти постоянно чинили препятствия в его приездах в СССР. Последний подобный случай произошел аккурат накануне смерти его тещи. Доведенная до отчаяния подобным отношением, Людмила Максакова позвонила в приемную министра иностранных дел СССР Андрея Громыко и заявила: «Если вы сейчас же не дадите визу моему мужу, то я напишу записку, что у меня народная, дважды награжденная орденом Ленина мама лежит, умирает и сын малолетний плачет, а сама поднимусь на девятый этаж своего дома и выброшусь из окна».

Буквально на следующий день мужу актрисы выдали долгожданную визу.

Продолжается пребывание в Институте судебной медицины имени Сербского Вячеслава Иванькова, известного в криминальных кругах под прозвищем Япончик. Он угодил туда в начале июня в связи с уголовным делом, которое было возбуждено против него в связи с использованием поддельных документов. За эти почти два с половиной месяца Иваньков вел себя таким образом, чтобы у высокой комиссии сложилось о нем мнение, как о невменяемом. Но фокус не удался. 13 августа в его заключении было написано, что «Иваньков психическим заболеванием не страдает, вменяем в отношении инкриминируемым ему деяниям, высказывания о «преследовании» носят симулятивный характер». Впереди Иванькова ждал суд.

14 августа состоялись похороны Марии Максаковой. Когда похоронная процессия вошла в ворота Немецкого кладбища, откуда ни возьмись объявились странные существа — старушки в обветшалых шляпках и нитяных перчатках. Это были фанатки Максаковой, которые помнили ее еще молодой и суперпопулярной. Когда гроб несли к могиле, они стали кричать: «Прощай, Кармен! Прощай, Кармен!»

14—15 августа свет увидели указы о присвоении высоких званий популярным артистам кино и эстрады. Так, звания «Народный артист СССР» были удостоены кинорежиссер Станислав Ростоцкий и актер Вячеслав Тихонов. Звание «Заслуженная артистка РСФСР» получила певица Майя Кристалинская. Прочитав последний указ, многие любители эстрады облегченно вздохнули: наконец-то! Почему «наконец»? Дело в том, что это звание Кристалинская заслужила еще в 60-е, когда песни в ее исполнении неслись буквально из каждого окна, но тогда это сделать не удалось: сама певица просить за себя не умела, а «лохматой руки» в высоких кабинетах у нее не было. А затем, в начале 70-х, произошло и вовсе неожиданное: ее имя было вычеркнуто из всех ведущих передач на радио и телевидении. А в те годы это означало одно — забвение. Нет, певица не сидела без дела — она давала гастроли по стране, даже записывала пластинки, но без ТВ и радио эта деятельность мало что значила.

В начале 74-го Кристалинская внезапно узнала, что Москонцерт решил выдвинуть ее кандидатуру на получение звания заслуженной артистки. Она удивилась, поскольку сама об этом никого не просила. Между тем на худсовете, посвященном этому выдвижению, против Кристалинской выступила ее коллега Гелена Великанова. Говорят, ею двигала зависть: она всегда помнила, как в середине 60-х на совместном концерте публика восторгалась вчерашним инженером Кристалинской, а ей, профессиональной певице, аплодировала куда жижее. Великанова сказала, что «заслуженную» Кристалинской давать еще рано (!), что надо повременить. Но ее выступление не повлияло на решение худовета.

Самое время взглянуть на столичную афишу досуга. Начнем с кинопремьер. 12 августа в столичных кинотеатрах начал демонстрироваться фильм «В бой идут одни «старики» Леонида Быкова, где он же сыграл и главную роль. В тот же день в кинотеатре «Россия» начался показ фильма классика американского кино Стэнли Крамера «Оклахома, как она есть».

Кино по ТВ: «Старинный водевиль» (1-го), «Альпийская баллада» (2-го), «Карпухин» (впервые на ЦТ 3-го), «Нет дыма без огня» (впервые на ЦТ), «Преследование» (Румыния, премьера т/ф) (5—11-го), «Удар! Еще удар!» (10-го), «Двое в пути» (11-го), «Улица 13 тополей» (12-го), «Хроника пикирующего бомбардировщика» (13-го) и др.

Эстрадные представления: 1—4-го — в ГЦКЗ «Россия» пела София Ротару в сопровождении ВИА «Червона рута»; 2—4-го на ВДНХ выступал ВИА «Голубые гитары»; в «Октябре» — Бисер Киров; 5—11-го на стадионе «Динамо» радовал публику своими песнями ВИА «Самцветы»; 14—18-го в ГЦКЗ «Россия» выступали артисты из Польши: Анна Герман, Вальдемар Коцонь и др.

Продолжается следствие по факту убийства в Москве коллекционера Тросмана и его жены, трупы которых были выловлены из Москвы-реки еще в мае. Как мы помним, это убийство заказал сын коллекционера Аркадий Бушко. Какое-то время ему искусно удавалось отвести от себя подозрения, однако все его попытки уйти от наказания оказались тщетными — в июле его все-таки заключили под стражу. Но в тюрьме Бушко продолжал отрицать свою при-

частность к убийству отца и мачехи. Изобличить преступников помогла случайность. В августе один из участников преступления — Кочегаров — угодил за решетку: в центре Москвы он попытался ограбить незнакомого гражданина, который оказался подданным Великобритании. Иностранец поднял крик, и грабителя задержали подоспевшие к месту происшествия прохожие. Стоит отметить, что еще до этого эпизода сыщики, ведущие дело об убийстве коллекционера, подозревали Кочегарова в последнем Бушко — он пару раз навещал последнего, когда тот лежал в психушке. Учитывая это, было решено разыграть хитроумную комбинацию. Сыщики сделали так, чтобы томившийся в заключении Бушко через третьи руки узнал о задержании Кочегарова. Однако, что послужило причиной этого задержания, ему не сообщили. И Бушко сделал вывод, что подельника взяли в связи с убийством его отца.

Хитроумная комбинация сработала. Опасаясь, что Кочегаров может первым сознаться в убийстве его отца и мачехи, Бушко потребовал немедленной встречи со следователем. И рассказал все, как на духу, выдал и Кочегарова, и главного исполнителя убийства — Мусина. Суд по заслугам воздаст всем участникам этого жестокого преступления: Бушко и Мусин будут приговорены к расстрелу, Кочегаров получит 15 лет тюрьмы, поскольку непосредственно в убийстве стариков участия не принимал.

18 августа в «Комсомольской правде» была опубликована статья В. Цекова о картельной мафии, обосновавшейся в курортном Сочи. Эта публикация вызвала к себе повышенный интерес читающей публики.

Статья начиналась, как и подобает детективу, с преступления. Двое приезжих из Челябинска, едва прилетев в Адлерский аэропорт, тут же попали в поле зрения картельной мафии, преступной группы из трех человек: таксиста и двух «разводящих». У каждого своя роль. К примеру, таксист должен был по дороге взять двух попутчиков — своих компаньонов. Один из них как бы невзначай предлагал приезжим перекинуться в картишки: дескать, дорога дальняя, а с картами — веселей. Играли обычно в «китайского дурака» (хлюста). Правила игры просты как дважды два: сдается по три карты, если у тебя много очков на руках — удваивай, утраивай ставку, пока не выиграешь. Первые ставки

копеечные, что обычно и подкупает «лохов». Приезжих из Челябинска подкупило еще и то, что в первом же кону им на руки пришло аж 30 очков из 31 возможного. Они, естественно, не знали, что этот «приход» — подстроенный. Короче, они увеличивали ставки до максимального, пока один из их соперников не открыл свои карты. А там было заветное 31 очко. В итоге челябинцы продули все свои отпускные: один лишился 220 рублей, другой — 150. Помахав обескураженным гостям ручкой, преступники скрылись из виду на подъезде к Сочи.

Надо отдать должное челябинцам: они засунули свою мужскую гордость куда подальше и отправились прямоком в милицию. Тамошние сыщики встретили их с распростертыми объятиями, поскольку при наличии заявки от потерпевших поймать преступников было проще пареной репы. Достаточно сказать, что только за истекший 73-й год в Сочи были разоблачены 22 карточных шулера. Однако, даже несмотря на такие убойные показатели, этот вид преступления продолжал доминировать в городе-курорте — уж больно много «лохов» приезжали на юга с набитыми деньгами карманами, чтобы преступники не летели на них как пчелы на мед.

По описаниям челябинцев в Адлерском аэропорту был задержан первый из преступной цепочки шулеров — таксист. Некто Подрубаев. Через него сыщики вскоре вышли и на его компаньонов: Кракова и Хаджиева. Двое последних имели богатый криминальный опыт: первый был судим еще в 64-м, второй в 72-м, и оба за картежные мошенничества. Обобрав челябинцев, все трое обеспечили себе новые сроки. Правда, с их уходом криминальная обстановка в Сочи мало изменилась — мафия, как была, так и осталась. Согласно заметке Цекова, верховодил среди тамошних картежников некий Бураков по прозвищу Гундос, которому было ни много ни мало... 80 лет!

В среду, 20 августа, газета «Советская культура» опубликовала заметку, посвященную... кладам в Москве. В частности, речь в ней шла о том, как рабочие одного из столичных СМУ, проводя работы в районе Таганской улицы (напротив дома № 34), нашли в земле бидон со старинными деньгами (на сумму 121 тысяча 437 рублей 48 копеек), однако, вместо того чтобы сдать его в милицию, решили втихаря поделить

между собой. Но, как водится, там, где знает один... Короче, вскоре про эту находку стало известно органам. В итоге кладоискателей едва не упекли за решетку — помогло родное СМУ, взявшее их на поруки. В назидание другим кладоискателям в заметке приводились примеры добросовестного исполнения москвичами своего гражданского долга. Сообщалось, что школьники, нашедшие бриллианты в бутылке в районе Таганской площади, и строители, нашедшие бидон с монетами в районе Андроньевской улицы, сдав найденное, получили причитавшиеся им проценты от государства.

Вашего покорного слугу тем летом тоже угораздило стать кладоискателем. Произошло это в общем-то случайно. В тот жаркий, летний день мы с приятелями долбили мячом об кирпичную стену, некогда служившую стеной дома еще дореволюционной постройки (ныне на этом месте на улице Казакова возвышается здание банка), как вдруг нашу игру прервал пожилой мужчина. Просьба, с которой он обратился к нам, была странной: он просил достать ему лопату. Поскольку у моей матери в сарае, находившемся аккурат напротив пустыря, этого добра было навалом, я и вызвался сгонять за нужным инструментом. Через пару минут вернулся обратно и вручил лопату незнакомцу. Однако он тут же передал ее самому старшему из нас — Андрюхе Минаеву — и попросил того покопать землю под кирпичной стеной. Андрюха, естественно, заартачился: мол, с какого такого лешего я буду ковыряться в земле? И тогда старик рассказал нам чуть ли не фантастическую историю из своего далекого детства.

По его словам, выходило, что, будучи подростком, он жил... аккурат в том самом доме, от которого теперь осталась одна кирпичная стена, возвышавшаяся на нашем пустыре. Якобы во время боев 1917 года в его подвальной комнатке жил командир Красной Гвардии, который подарил ему, тогда еще безумному пацану, настоящую кавалерийскую шашку. И он ее от греха подальше зарыл в землю в своей подвальной комнатке. Дальнейшую нить рассказа незнакомца я уже за давностью лет не помню, но концовку запомнил хорошо: дед сообщил, что шашка до сих пор должна покоиться в земле, и просил нас отыскать ее. Заинтригованные его рассказом, мы все, а было нас человек семь-восемь, поочередно стали копать землю

под тем местом, где некогда жил наш рассказчик.

Примерно через полчаса после начала земляных работ, когда мы углубились в землю примерно на полметра, нам начали попадаться первые подтверждения реальности слов старика. В частности, мы наткнулись на металлический стеллаж, на котором нашли... металлическую посуду: кружку, пару ложек, вилки. Затем в наши руки угодили толстые восковые свечи и настоящий серебряный подсвечник, от долгого пребывания в земле принявший зеленый цвет.

К тому времени, когда мы стали наткаться на первые вещи, старика среди нас уже не было: сославшись на занятость, он ушел, пообещав обязательно прийти завтра утром. Но, уходя, он попросил нас об одном: мол, найдете шашку — отдайте ее мне. К сожалению, его просьбу мы не выполнили, и мне до сих пор стыдно. Через пару-тройку часов шашку мы действительно нашли, вернее, то, что от нее осталось — эфес и небольшую часть клинка, — однако старшие ребята забрали ее себе, а нам наказали сказать старику, что поиски оружия успехом не увенчались. Не помню точно, кто именно из нас выступил в качестве парламентаря, однако шашки старик действительно не дождался. Он забрал кое-какие из оставшихся вещей (подсвечник и еще что-то ценное старшие пацаны тоже прибрали себе) и ушел так же внезапно, как и появился. Больше мы его никогда не видели.

21 августа в польском городе Сопоте открылся Международный фестиваль эстрадной песни, в котором принимали участие более сотни исполнителей из разных стран. Советский Союз на этот раз представляли три участника: София Ротару (Украина), Ниеле Щюкайте (Литва) и Сергей Захаров (Ленинград). Последний, как мы помним, только недавно стал известен широкому слушателю — с конца прошлого года, — но уже имеет за плечами титул победителя фестиваля «Золотой Орфей». Именно эта победа и решила вопрос об участии Захарова в Сопотском фестивале.

В середине августа Владимир Высоцкий приехал в Югославию, чтобы в течение недели отсняться в эпизодах советско-югославского боевика «Единственная дорога». Фильм рассказывал о том, как в годы войны группа советских военнопленных, которых фашисты за-

ставили вести колонну машин с горючим, подняла восстание. Высоцкому в ленте досталась самая короткая роль (10 съемочных дней) — солдата Солодова, который погибает в самом начале похода. Съемки фильма начались еще в конце марта с павильонных эпизодов, затем переместились на натуру: в июле снимали в Ужгороде, в августе переехали в Югославию, на остров Свети-Стефано. Вместе с Высоцким туда приехала и его жена Марина Влади. Последнюю там застаёт неприятное известие. Однако послушаем ее собственный рассказ:

«Из Парижа мне звонит сестра. Сначала она просит меня сесть, отчего я сразу прихожу в ужас, и сообщает мне, что дом ограбили. Все, что я приобрела за двадцать лет работы, исчезло. Драгоценности, серебро, меха, кинокамеры, радиоаппаратура... Реакция моя сильно шокирует сестру — я начинаю хохотать. Потом, отдышавшись, говорю: «Только-то?» Я боялась, что с кем-нибудь из сыновей случилось несчастье. И правда, что значит пропажа вещей по сравнению с тем страхом, который я испытала! Я сообщаю тебе (Высоцкому. — Ф. Р.) эту новость весело, будто забавную историю. Ты же страшно расстроен. В твоих глазах все эти вещи — бесценные сокровища. Мне приходится тебя утешать. Конечно, все это очень обидно — ведь среди украденных драгоценностей были и маленькие колечки моей матери, которые она носила, не снимая всю жизнь. Я не взяла их с собой в поездку — боялась потерять во время купания, и в конце концов я могу прекрасно обойтись и без столового серебра, без драгоценностей и всякого другого. «Но меха, — говоришь ты, — тебе они будут нужны зимой в Москве, и потом — не обманывай, это твое единственное кокетство». Нет, не единственное. Я еще люблю обувь, но обувь не тронули. Я признаюсь, что жалею о большой норковой шубе, в которой мне было так тепло и в которой я выглядела как настоящая барыня. Но существуют замечательные пуховики — я часто носила такие в горах. Да все это и неважно, дети здоровы, мы счастливы, мы работаем, жизнь прекрасна!..»

Поскольку съемки отнимали у Высоцкого не слишком много времени, то он старался оставшееся время проводить с пользой: купался, загорал, а также дал несколько концертов для узкого круга лиц. Так, 22 августа он выступил у

В. Терехова, а на следующий день дал концерт в советском посольстве в Белграде. Туда его пригласил советский посол В. Степаков, который когда-то заведовал отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС и приложил руку к гонениям на Высоцкого в конце 60-х. Но Высоцкий зла не помнил: как говорится, кто старое помянет... Короче, приглашение он принял. Спел несколько своих песен, после чего выступил дуэтом с народной артисткой СССР Людмилой Зыкиной: вместе они затянули песню, которую некогда пели герои фильма «Берегись автомобиля» Подберезовиков и Деточкин — «Если я заболею — к врачам обращаться не стану...». После этого Высоцкий спел свою песню «Как по Волге-матушке...» и Зыкина вновь ему подпевала.

В эти же августовские дни другой популярный актер — Олег Даль — вместе с женой Елизаветой приехал на отдых в Пицунду. Путевку туда Далю удалось раздобыть благодаря тому, что он вступил в Союз кинематографистов. Те дни запомнились обоим супругам с самой лучшей стороны (не то что двухлетней давности поездка в Алушту). Хотя был момент, когда казалось, что поездка безнадежно испорчена — у Даля разболелся зуб, да так сильно, что он даже не мог ничего есть. А отдыхающих в Пицунде кормили как на убой да еще самыми разными деликатесами. Поэтому, приходя в ресторан и видя это изобилие, Даль порой терял самообладание, глядя на то, как набивают брюхо окружающие. Но ругать посторонних ему людей Даль не мог, поэтому все шишки доставались жене Елизавете. Однажды Даля так оскорбило ее чревоугодие, что он принародно обругал ее матом. Правда, потом извинился.

В эти же дни там отдыхали Сергей Герасимов и Тамара Макарова, с которыми у Даля и Елизаветы установились сердечные отношения. Однажды вечером режиссер с супругой пригласили их к себе в номер. По словам Елизаветы, те сиделки запомнились им с самой лучшей стороны, поскольку за весь вечер говорили о чем угодно, но только не о работе. В эти же дни в Пицунде отдыхал и кинорежиссер Эльдар Рязанов, который в течение нескольких дней уговаривал Даля согласиться на пробы в своем новом фильме — «Ирония судьбы, или С легким паром», к съемкам которого он должен был приступить в начале следующего года. Рязанов

предлагал Далю главную роль — Женю Лукашина. Но актер не соглашался, объясняя это тем, что староват для такой роли. «Да нет же, вы просто супер!» — возражал на это Рязанов и в итоге уговорил-таки Даля по возвращении в Москву прийти к нему на пробу. Как мы знаем, из этой затеи ничего и не получилось.

В те же августовские дни съемочная группа фильма «Сто дней после детства» снимает натуру под Калугой. Работа в тех местах длится уже почти два месяца (с 1 июля), и за это время отснято больше половины метража. Между тем те съемки положили начало сразу нескольким любовным романам, причем в обоих случаях речь шла о любви между взрослыми мужчинами и несовершеннолетними школьницами. Героиня одного из этих романов — Ирина Малышева — вспоминает:

«В своей среде мы догадывались об отношениях Сергея Соловьева и Тани Друбич и шушукались об этом в своей детской компании. По идее, во время киноэкспедиции за нами должны были присматривать женщины-педагоги, но, так как они больше времени уделяли не нам, а выпивке, в свободное время мы делали, что хотели. По вечерам устраивали танцы, крутили шуры-муры. А Татьяна была от нас немного обособлена. Пока мы скакали на танцах, она мыла Сергею машину — какие-то загадочные отношения между ними уже намечались. А у меня во время этих съемок начался долгий и трогательный роман со сценаристом Сашей Александровым...»

24 августа «Комсомольская правда» опубликовала интервью с актером Леонидом Харитоновым. Для подавляющего большинства читателей это интервью стало неожиданностью — за последние лет десять Харитонов практически исчез из поля зрения своих почитателей, поскольку новых ролей в кино у него давно уже не было. Достаточно сказать, что за всю первую половину 70-х он снялся всего лишь в одной (!), да и то эпизодической роли в фильме «Факир на час» (1972). А ведь каких-нибудь двадцать лет назад в советском кинематографе не было популярнее артиста, чем он: его героя — обаятельного паренька Ивана Бровкина — знала вся страна. Не самым лучшим образом обстояли дела Харитонова и на театральной сцене. С начала 60-х он играл во МХАТе, но из-за того, что труппа этого театра была

большой, актеры в нем играли роли значительно реже, чем в других столичных театрах. В 70-е годы у Харитоновы были только две большие роли во МХАТе — Лариосик в «Днях Турбинных» и Чичиков в «Мертвых душах» (на последнюю роль он ввелся два года назад).

25 августа, в воскресенье, в польском городе Сопоте закончился Международный фестиваль эстрадной песни. Первой премии на нем был удостоен советский певец Сергей Захаров, исполнивший три песни: «Возвращение романса» (О. Фельцман — И. Кохановский), «Королевы» (Г. Подэльский — С. Есенин) и «Маленький знак» (на польском языке). Второе место было отдано ирландскому певцу Джо Кэдди, третье — Акире Фузе из Японии.

Премии за лучшее исполнительское мастерство («Янтарный соловей») распределились следующим образом: 1-я премия была вручена шведской группе «Скайфелл пайк», 2-я — советской певице Софии Ротару за песню «Кто-то» (Г. Фронкович — Я. Томаш) (кроме этого, она исполнила на фестивале еще две песни: «Водограй» (В. Ивасюк) и «Воспоминание» (Б. Бычков — И. Кохановский).

Премии за лучшую грампластинку («Гранпри де диск») завоевала финская певица Марион.

В отличие от Сергея Захарова и Софии Ротару, которые в далеком Сопоте праздновали свой триумф, для меня тот воскресный день был вполне обычным, ничем не примечательным днем. Не могу даже точно сказать, чем именно я тогда занимался (наверное, весь световой день провел на улице, пытаясь надышаться последними часами летних каникул), но одно знаю точно — в 9.30 я сел к телевизору, чтобы увидеть передачу «Будильник». Вообще ТВ в те годы было не похоже на нынешнее, и изобилием программ (их было всего четыре) и передач своих зрителей не баловало. Однако, даже несмотря на это, оно оставалось любимым времяпрепровождением для миллионов людей. Вот как, к примеру, выглядело утренне-дневное тэвэшное меню в тот день:

«На зарядку становись!» — 9.05

«Будильник» — 9.30

«Служу Советскому Союзу!» — 10.00

«Музыкальный киоск» — 11.00

«Встреча юнкоры телестудии «Орленок» с адмиралом В. Трибуцем — 11.30

«Сельский час» — 12.20

«Родная кровь». Художественный фильм — 13.20.

В 19.40 впервые по ТВ показан фильм «Включите Северное сияние», а по второй программе в 21.30 на сон грядущий зрителям показали советско-румынский фильм «Песни моря». Низкопробное, скажем прямо, кино, но музыка в нем звучала хорошая. В те дни в Москве с гастролями находился исполнитель главной мужской роли в ленте румынский певец Дан Спатару.

26 августа с космодрома Байконур был запущен космический корабль «Союз-15» с двумя членами экипажа на борту: командиром корабля Геннадием Сарафановым и бортинженером Львом Деминим. Согласно программе полета «Союзу» предстояло состыковаться с ОПС «Алмаз», о которой речь уже шла в предыдущих главах. Старт произошел ночью и складывался поначалу нормально. Коррекция прошла без замечаний, после чего с Земли поступила команда: отдыхайте до утра.

Утром началось сближение с ОПС. Проходило оно с приключениями. Двигательная установка «Союза» начала вдруг включаться вопреки логике сближения: вместо торможения — разгон и наоборот, из-за чего корабль едва не столкнулся со станцией. К счастью, космонавты вовремя заметили эту неисправность и смогли избежать столкновения — «Союз» проскочил мимо ОПС всего лишь в семи метрах. Была предпринята вторая попытка, которая завершилась тем же. После этого космонавты связались с ЦУПом: что делать? На земле размышляли долго, после чего наконец поступил приказ: готовьтесь к возвращению. Для космонавтов это стало шоком: возвращаться на Землю, не выполнив главной цели программы — стыковки со станцией и 25 (!) суток работы на ней? Однако и ЦУП можно понять: слишком велик был риск аварии при очередном сближении с ОПС.

Спуск оказался тоже нелегким. Раскрутка гироскопов, стабилизирующих корабль перед включением тормозной двигательной установки, прошла неудачно. Космонавты кинули взгляд на амперметр и увидели, что его зашкаливает. Неужели короткое замыкание? «Нам только пожара не хватает», — сплюнул Демин. Ситуация складывалась аховая — можно было

остаться в космосе навсегда. И тут тормозной двигатель все-таки «столкнул» корабль с орбиты. Однако приключения космонавтов на этом не закончились. В районе посадки бушевала сильная гроза, и казалось, что молнии разорвут огромный парашют. К счастью, этого не произошло, и аппарат совершил благополучную посадку.

Спустя несколько дней после приземления в газетах появилось стандартное сообщение о награждении обоих космонавтов Золотыми Звездами Героев Советского Союза. Многие простые люди тогда удивлялись: за что? Неужели за те два дня полета, которые даже не завершились стыковкой корабля со станцией? Людей можно понять, ведь всей правды о том, что произошло в космосе, и о том, чем рисковали космонавты, в открытой печати так и не появилось. Не узнали люди и о том, что по возвращении на Землю космонавтов предала госкомиссия, свалив вину за срыв программы на экипаж. Им так и сказали: «Наша техника подвести не могла».

В конце августа завершилось почти трехмесячное пребывание Андрея Макаревича на юге. Как мы помним, приехал он туда в компании еще одного участника группы «Машина времени» — Юрия Фокина, чтобы совместить приятное с полезным: играть на танцах и отдыхать. Совместить удалось: группа (в нее вошел музыкант «Удачного приобретения» Алексей Белов, которого в августе заменил вернувшийся Александр Кутиков) пользовалась бешеным успехом у студентов как на танцплощадке, так и вне ее (контингент спортлагеря состоял в основном из представительниц слабого пола). Когда наступило время покидать гостеприимный лагерь, коллеги Макаревича поставили его в неловкое положение: сославшись на неотложные дела, Фокин и Кутиков покинули лагерь чуть раньше положенного срока, так сказать налегке. А Макаревичу пришлось одному доставлять до Москвы неподъемную аппаратуру весом почти в 200 килограммов: четыре тяжелых ящика с динамиками, барабанами, микрофонными стойками и усилителями.

Погрузка аппаратуры в автобус прошла сравнительно успешно — здесь Макаревичу помогли управиться студенты. Однако затем выяснилось, что в поезд придется садиться не в Анапе, а на каком-то полустанке, что поезд проходя-

щий и стоит он всего три минуты. Вторым неприятным обстоятельством явилось то, что руководство лагеря забыло купить Макаревичу билет и ему теперь придется ехать «зайцем», поскольку последние 30 рублей умыкнули Фокин с Кутиковым на покупку собственных билетов.

К нужной платформе Макаревич с грузом приехал глубокой ночью. Однако проводница отказалась пускать пассажиров в вагон с такими неподъемными ящиками. Сказала: «Вы мне весь проход загородите!» Поскольку проводница оказалась женщиной плотного телосложения и загородила вход, что называется, намертво, обойти ее не было никакой возможности. Далее послушаем рассказ самого А. Макаревича:

«Три минуты истекли, на перроне осталось все меньше моих помощников, тепловоз дал гудок. Я понял, что еще несколько мгновений, и я останусь один на платформе чужого южного городка с необъятным аппаратом и без копейки денег. Что-то во мне сработало само собой — я ухватил колонку и с диким ревом врезался в ненавистную тетку. Колонка весила килограммов двадцать, и удар оказался очень неожиданным — тетка пискнула и отлетела в глубь тамбура. Это было сигналом, таким залпом «Авроры» — за считанные секунды в тамбур было закидано все, последние железки бросали на ходу. Поверженная проводница слабо барахталась, придавленная горой аппаратуры, и, потеряв трудовой пафос и командный голос, униженно просила её освободить. Поскольку места у меня не было, в процессе проверки билетов я шнырял из купе в купе, но, видимо, недостаточно убедительно, и мерзкая баба, которую мы незаслуженно выпустили, вычислила меня в два счета. Пришлось взять кепку и пройти по вагону. Было несколько униженно, но смешно. Путь от вокзала до моего дома, где мы частенько хранили аппарат, включая доставку его и подъем на седьмой этаж, я, как ни бьюсь, не могу восстановить в памяти. Знаю только, что сейчас я бы этого сделать, конечно, не смог. Сдох бы, а не смог...»

30 августа в море недалеко от Севастополя произошла трагедия — затонул боевой противолодочный крейсер (БПК) «Сторожевой». Корабль в течение нескольких месяцев бороздил просторы морей, должен был в конце августа

встать на отдых в Севастопольском порту, однако на самом подходе к городу получил телефотограмму с приказом участвовать в учениях Черноморского флота. Около 9 утра на борт «Сторожевого» поднялся командующий флотом вместе со свитой, чтобы оттуда руководить учениями. Однако уже в 9.55 на корабле случилось ЧП: по неизвестным причинам взорвалась одна из торпедных ракет под кормой, в 8-м погребе, а спустя еще несколько минут произошел взрыв на камбузе. Капитан БПК Иван Винник остановил корабль и принял меры к ликвидации аварии. Были сброшены в море баллоны и торпеды, затоплены два погреба. Однако вскоре стало ясно, что этими мерами ситуацию не исправишь. Тогда Винник запросил помощь извне. К «Сторожевому» подошел миноносец «Сознательный» и взял его на буксир с целью отвести в район Любимой или посадить на мель. Одновременно с другой стороны к терпящему бедствие БПК подошел спасательный корабль «Бедовый», с которого на «Сторожевой» спустились спасатели. Но помочь «Сторожевому» было уже ничем нельзя.

В тот момент, когда спасательная операция была в самом разгаре — в 15.05 — произошел взрыв в керосинохранилище. После него корма корабля погрузилась в воду на несколько десятков метров (длина БПК — 144 метра). Люди стали прыгать в воду, причем, как выяснилось позже, некоторые из них не умели плавать (!). Примерно через час «Сторожевой» затонул. В результате трагедии погибли 24 человека (экипаж БПК насчитывал 287 человек). Практически в тот же день западные радиостанции оповестили мир об этой трагедии, в то время как ни одно из средств массовой информации Советского Союза даже полусловом не обмолвилось о ней.

Из Севастополя перенесемся в Гавану, на чемпионат мира по боксу (он проходил 27—31 августа). Как мы помним, одному из наших боксеров — Василию Соломину — позарез нужно стать чемпионом мира: в противном случае ему светила тюрьма. Во всяком случае именно такое условие поставил перед тренером боксера начальник пермской милиции, который под свою личную ответственность отпустил Соломина на чемпионат. И хотя сказано это было вроде бы в шутку, но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды. Короче, Соломин на

этом чемпионате мира (а он был первым в его жизни) рвал соперников как Тузик грелку. В последнем бою он встречался с румыном Симеоном Куцовым, которому на прошлогоднем чемпионате Европы проиграл. Теперь Василий учел былые ошибки и действовал более осторожно. Он почти не пропускал ударов и, хотя в первом раунде не добился заметного превосходства, ход матча держал в руках. Во втором раунде румын, усыпленный осторожностью Соломина, пошел вперед и в итоге нарвался на сильный нокаутирующий удар нашего боксера. Американский судья Хамильтон открыл счет, а затем развел соперников по углам. Так Соломин стал чемпионом мира. Кроме этого, его назвали самым техничным боксером турнира, и Кубок Рассела ему лично вручил Фидель Кастро.

Из Гаваны вернемся в Москву. На экранах столичных кинотеатров состоялись премьеры следующих фильмов: 17-го — режиссерский дебют Сергея Никоненко «Птицы над городом»; 26-го — фильм С. Кеворкова «Последний подвиг Камо» с Гургеном Тонунцем в роли неуловимого большевистского боевика Камо. Из зарубежных премьер выделю три фильма, причем все — румынские: «Чистыми руками» (первый фильм про подвиги комиссара полиции Тудора Миклована и его коллеги Михая Романа), «Капкан» (из этой же серии «Миклован — Роман») и «Приключения гайдука Ангела» (все — с 19-го).

Кино по ТВ: «Им покоряется небо» (17-го), «Живой труп» (18-го), «Завещание старого мастера» (19—21-го), «Ловцы губок» (20-го), «Белые камни» (впервые по ТВ), «Человек родился» (21-го), «Люди на мосту» (22-го), «Седьмое небо» (23-го), «Мистер Икс» (24-го), «Борец и клоун» (27-го), «Человек, которого я люблю» (30-го) и др.

26—30 августа по ЦТ в самый прайм-тайм (19.35) демонстрировалась премьера фильма «Совесть», где главную отрицательную роль — предателя Дросова — играл популярный киноактер Всеволод Сафонов. Я хорошо запомнил этот показ, поскольку именно в эти дни увидел Сафопова воочию в нашем дворе. Он шел куда-то, держа под мышкой завернутую в бумагу картину, и, видимо, заблудился. Подойдя к нашей дворовой малышне (мы, более старшие

пацаны, находились в тот момент на противоположной стороне улицы и наблюдали за проходящим оттуда), он поинтересовался, как ему выйти к Курскому вокзалу. Малышня ему доходчиво объяснила: мол, направо и — до упора. В течение нескольких минут мы смотрели вслед уходящей знаменитости, пока та не скрылась за дальним поворотом возле Института землеустройства.

Из театральных премьер назову одну: 26 августа в Театре оперетты был показан спектакль «Летучая мышь».

Эстрадные представления: 16—18-го в гостинице «Советская» выступали два дуэта: юмористический в лице Романа Карцева и Виктора Ильченко и певческий — Алла Пугачева и Юлий Слободкин (затем они переключаются на ВДНХ, в ЦДСА и в «Октябрь»); 19—21-го там же пела гостья из солнечной Молдавии Мария Кодряну; 27—29-го в здании нового МХАТа выступали артисты румынской эстрады, главной приманкой среди которых, безусловно, был исполнитель бессмертного шлягера «От зари до зари» Дан Спатару; 31-го — в «Эрмитаже» пел Валерий Ободзинский, а в «Октябре» выступили Роман Карцев и Виктор Ильченко, Алла Пугачева и Юлий Слободкин. Здесь по-

бывал журналист «Московского комсомольца» Лев Никитин.

«Тогда только что взошла звезда Карцева и Ильченко, и они давали сольный концерт в Москве. С боем взяв билеты, мы с приятелем примчались в киноконцертный зал «Октябрь», и только тут выяснилось, что концерт не вполне сольный. Проворные организаторы «прицепили» к одесситам двух молодых певцов, которые и занимали все первое отделение. Певцами этими были Юлий Слободкин и Алла Пугачева. Они пели порознь и вместе, весело и грустно, громко и не очень. В зале царил тягостная тишина, прерываемая жидкими аплодисментами. Мы с трудом дождалась конца их выступления и во втором отделении получили то, зачем пришли...»

Новинки «Мелодии»: (миньоны) — «Поет Ара Бабаджанян» с песнями: «Год любви» (А. Бабаджанян — А. Вознесенский), «Чем я не хорош» (Б. Лазарев), «Ты идешь» (К. Орбелян — В. Лазарев), «Увидел — полюбил» (А. Бабаджанян — А. Саакян); «Песни В. Шаинского» с произведениями: «Травы, травы» (слова — И. Юшин) — поэт Г. Белов, «Багульник» (И. Морозов) — ВИА «Самоцветы», «Дружба — фройндшафт» (В. Урин) — ВИА «Самоцветы».

1974 сентябрь

Шукшин не смог проводить дочку в первый класс. Высоцкого не пустили в ночной бар. Возвращение Юрия Никулина со съемок в Москву. Белохвостикова и Наумов оставили свою трехмесячную дочь в Москве, а сами уехали на съемки. Сергей Герасимов — Герой Соцтруда. Врачи обиделись на Шукшина. Художники-неконформисты на приеме в Моссовете. За что выгнали из команды футболиста Анатолия Байдачного. В Подмосковье пропал мальчик. Горе в семье Муслима Магомаева. Брежнев в Новороссийске. Клавдия Шульженко: скандал из-за гостиничного номера. Брежнев на банкете. Тайная встреча Виктории Федоровой с американским консулом в Москве. Брежнев сбежал от охраны. Появление «Утренней почты». Любовь Орлова в «кремлевке». Высоцкий обидел Демидову. Найден труп пропавшего мальчика. Столичные власти строят планы по срыву выставки художников-неконформистов. Леонид Гайдай снимает в Астрахани. Юрий Соломин получил производственную травму. Следствие о гибели БПК «Сторожевой»: ищут стрелочников. Наши хоккеисты летят в Канаду. Очередное «глике» Высоцкого. «Бульдозерная» выставка в Москве. Последняя встреча Евгения Стеблова с Геннадием Шпаликовым. «Губит людей не пиво!» Открытие шахматного матча Корчной—Карпов. Хоккейная Суперсерия-74 началась. Шукшин в Питере: последний приезд. Убийство на Бережковской набережной. Умер Сергей Гурзо. Второй матч Суперсерии-74: судья судит в пользу канадцев. Как знаменитые актеры попали в колонию строгого режима. Похороны Сергея Гурзо. Наши берут реванш у канадцев. Высоцкий и Влади: возможен разрыв? Первый этап Суперсерии-74 закончился вничью. Почему Лиля Брик так и не подарила свой бриллиант Елене Щаповой. Элем Климов отказался показывать свой фильм членам Политбюро. Высоцкий заменил Золотухина. Крещение Елены Кореневой. Власть ставит на Анатолия Карпова. Юрий Андропов на выставке в Измайлове. Подставка для Шукшина. Эдуард Лимонов и Елена Щапова покидают родину.

В донской степи возле хутора Мелологовского Сергей Бондарчук продолжает съемки фильма «Они сражались за Родину». График весьма плотный, поскольку надвигаются осенние холода, а летняя натура окончательно еще не снята. Когда Василий Шукшин предложил Бондарчуку взять короткий тайм-аут, чтобы слетать в Москву и проводить в понедельник, 2 сентября, детей в школу (его старшая дочь Маша пошла в первый класс), Бондарчук уговорил Шукшина остаться на съемках: дескать, работа важнее.

В эти же дни начала сентября в Вильнюс с гастролями приехал Театр на Таганке. Причем, если львиная доля труппы добиралась туда на поезде, то несколько актеров доехали иным пу-

тем. Так, Высоцкий погрузил в свой «БМВ» Валерия Золотухина и Ивана Дыховичного и со скоростью 120—140 километров в час погнал машину к месту назначения. Вечером 2 сентября путешественники прибыли в Минск, чтобы там скоротать ночь в гостинице. Однако поначалу их встретили недружелюбно — администраторша сквозь зубы сообщила, что «местов нет». Тут к окошку подошел Высоцкий и предъявил свой паспорт. Но это тоже не помогло. Тогда Высоцкого оттер плечом Золотухин, но администраторша его не узнала. «А так похож?» — спросил Золотухин и снял с головы кепку. «Похож», — губы администраторши растянулись в улыбке, и она тут же выдала артистам ключи от трехместного номера.

На ужин Дыховичный достал диких уток, которых прихватил с собой в дорогу из Москвы. Утки были особенные — их несколько дней назад подстрелил на охоте тесть артиста, член Политбюро Дмитрий Полянский.

На следующий день артисты приехали в Вильнюс. Причем аккуратно к утренней репетиции. Однако та долго не начиналась — к месту назначения не успели подъехать двое артистов: Виталий Шаповалов и Юрий Смирнов. Директор театра Николай Дупак нервничал: дескать, давайте начинать без них. Виданное ли это дело, чтобы семьдесят человек ждали двух? Тем более у обоих опаздывающих есть замены. Но Дупака одернул Золотухин:

— Вот когда вы будете режиссером, встанете сюда и будете вести репетицию.

— Придет время — встану, — огрызнулся Дупак.

На помощь Золотухину пришел Высоцкий, которого затем поддержали и остальные. Короче, Дупаку так и не удалось показать свою власть. А вечером, сразу после репетиции, группа артистов отправилась отдыхать в город. Решили посетить один из ночных баров, коих в Москве в те годы почти не было, а в Прибалтике хватало. Но у входа вышла заминка: швейцар тормознул Высоцкого. Несмотря на то, что артист вылез на свет из роскошного «БМВ» да и вид имел вполне респектабельный, однако его шею не опоясывал галстук, без которого вход в это заведение был запрещен. Высоцкий, естественно, психанул, но на швейцара это совершенно не подействовало. «Ну и черт с вами! — махнула рукой звезда. — Если я захочу, мне в машину самовар принесут».

Несолоно хлебавши артисты вернулись к машине и обнаружили еще одну напасть — какие-то мерзавцы буквально с мясом вырвали у «БМВ» боковое зеркало. Короче, славно погуляли!

Во вторник, 3 сентября, в Москву из донских степей, где снимался фильм «Они сражались за Родину», вернулся Юрий Никулин. И тут же, едва заскочив домой, отправился в цирк на Цветном бульваре. Спешка была вызвана тем, что за оставшиеся дни Никулину предстояло отрепетировать свой номер в новом представлении «Кругом тринадцать», премьеры которого назначена на 6 сентября. Стоит отметить, что на арене родного ему цирка на

Цветном прославленный клоун не выступал больше года, проведя это время в сплошных гастрольях по стране и миру. Кроме этого, он готовился к съемкам в новой комедии Леонида Гайдая «Не может быть!», где ему досталась роль отца невесты в новелле «Свадебное приключение».

Тем временем съемочная группа фильма «Легенда о Тиле» находится в экспедиции в Риге (съемки там начались 14 августа). Режиссер фильма Владимир Наумов (другим постановщиком фильма был Александр Алов) и исполнительница главной женской роли Наталья Белохвостикова отправились туда, оставив свою трехмесячную дочь Наташу на попечение родителей актрисы. Как вспоминает сама Н. Белохвостикова:

«Телефонная будка стала моим вторым домом, я без конца звонила в Москву. А если выпадали дни, когда я не была занята в съемках, я все равно ехала на натуру вместе с группой, скучно было оставаться одной в гостинице, и вообще я ужасно люблю смотреть, как снимают кино...

Под Ригой в Юрмале, в устье реки Лиелупе, был построен целый город на сваях на глубине восемь метров, и по нему между домами плавали старинные парусные корабли гезов, воюющих с испанцами. Списанные рыболовецкие суда были превращены в средневековые каравеллы, а управляли ими латышские моряки. Во время перерыва один из «капитанов» решил покатать свою даму; мы пообедали, и вдруг видим, как наш корабль сносит один дом, задевает другой и вылетает на берег. Как выяснилось, «капитан» был навеселе. Но было не до смеха. Это было ЧП. Надо было срочно снять эпизод с Верой Васильевой на черепичной крыше (она приехала только на один день), а крыши не было...» (Экспедиция в Риге продлится до 12 октября. — Ф. Р.)

4 сентября в газетах опубликован Указ о награждении кинорежиссера Сергея Герасимова Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Это известие застало режиссера в Пицунде, где он отдыхал с женой Тамарой Макаровой. Там же в те дни находилась и супруга актера Олега Даля Елизавета (сам Даль в дни появления указа в Пицунде отсутствовал, уехав в Москву, где его утвердили на роль певца Анатолия Барыгина-Амурского в комедии Леонида

да Гайдая «Не может быть!» вместо выбывшего Валерия Золотухина). Узнав об указе, Елизавета купила букет цветов, бутылку шампанского и пришла к номеру режиссера, чтобы поздравить его с наградой. Однако хозяев на месте не оказалось — они допоздна гуляли в городе. Тогда гостя оставила подарки на пороге номера. О том, что они достигли адресата, она узнала следующим утром, когда в коридоре гостиницы встретила Тамару Макарову и та сердечно поблагодарила ее за оказанное ее мужу внимание.

4 сентября в «Литературной газете» опубликован очерк Василия Шукшина «Кляуза», который вызвал большой резонанс в обществе. В нем автор описывал реальный случай из своей жизни, произошедший в декабре прошлого года. Речь шла о том, как к Шукшину в больницу пришли жена и две дочери, а дежурная долго откладывалась их к нему пустить, а когда тот стал ее совестить — дескать, к другим больным вы детей пустили, — прилюдно его оскорбила. И, как бы в отместку, спустя несколько часов не пустила к Шукшину писателей, которые приехали в Москву специально для делового разговора с ним. В конце концов оголтелое хамство вахтерши так достало Шукшина, что он ушел из больницы в одной пижаме.

Когда этот очерк был опубликован, Шукшину пришлось письмо от врачей той самой больницы, в которой разгорелся весь сыр-бор. Врачи писали, что он, «оболгав» их персонал, тем самым опорочил всех работников медицины. Говорят, Шукшина это письмо сильно расстроило. Жить ему оставалось меньше месяца.

5 сентября в Моссовет была вызвана группа советских художников-неконформистов в количестве четырех человек: Оскар Рабин, Юрий Жарких, Надежда Эльская и сын Рабина Александр. Поводом к этому вызову послужило письмо художников от 2 сентября, в котором они просили у городских властей разрешения провести в Москве в ближайшие дни неконформистскую выставку. Письмо не вызвало бы переполох на самом верху, если бы просители не уточнили, что выставку они собираются провести на свежем воздухе, то бишь при большом стечении народа. Допустить этого, естественно, не могли. Чтобы сорвать выставку, был разработан специальный план. Одним из первых его этапов было запудрить художникам

мозги. Это запудривание произошло как раз 5 сентября, когда делегацию принял в своем кабинете заведомом Моссовета Сухинич, который уговорил художников провести выставку не на свежем воздухе, а в галерее МОСХа. Сухинич так и сказал: «Там соберутся солидные люди, известные мастера. Они посмотрят ваши работы, подискутируют. А потом вы снова заглянете к нам». Художники, приняв это заявление за чистую монету, удалились довольные. Они не знали, что все сказанное — хорошо срежиссированный спектакль. Впрочем, о том, как будут развиваться события дальше, я расскажу чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями сентября.

Те дни стали черными для популярного футболиста, 22-летнего игрока столичного «Динамо» Анатолия Байдачного. Причем все предшествующие события никак не предрекали футболисту больших неприятностей: в том сезоне игра у Байдачного складывалась как нельзя лучше, и он шел лидером среди бомбардиров союзного чемпионата (в последней игре с ташкентским «Пахтакором», 19 августа, он сделал хет-трик — забил три мяча). Как вдруг...

Все началось пятничным утром 6 сентября в самолете, в котором «Динамо» возвращалось из Софии, где сыграло товарищескую игру с национальной сборной Болгарии. Этот матч москвичи выиграли со счетом 1:0 и, естественно, позволили себе расслабиться. Далее послушаем рассказ самого А. Байдачного:

«По дороге домой в самолете выпили все. А я просто попался на глаза в аэропорту Яшину и Качалину (тренеры «Динамо». — Ф. Р.). Первые их слова вывели меня из себя: «Ну как можно играть, если вот этот еле на ногах держится». Это была неправда. Я спокойно стоял и разговаривал с девушкой, но, услышав про себя такое, не выдержал и послал их куда подальше. Теперь до конца жизни буду казнить себя за то, что нагрубил Льву Ивановичу... А вечером 6 сентября в Лужниках играли сборная СССР-1 и сборная СССР-2. На этот матч я принес заявление об уходе из «Динамо» (в той игре победила дружба — 3:3. — Ф. Р.). На следующий день должен был лететь со сборной в Швецию. Вместо этого меня отправили в воинскую часть на гауптвахту. А потом было открытое собрание команды, на котором Гершкович, Долматов, Пильгуй и другие игроки команды

обвинили меня в зазнайстве и недостойном поведении, порочащем честь советского футболиста. Их высказывания были опубликованы в еженедельнике «Футбол—Хоккей». Игроки вынуждены были озвучить мнение руководства. Хотя нашлись смелые люди — Жуков, Пудышев, Маховиков, которые ничего на том собрании не сказали...»

После того злополучного собрания Байдачный перешел в минское «Динамо» и во время пятилетнего пребывания там встретил свою будущую жену.

6 сентября в поселке Деденево Дмитровского района Московской области бесследно пропал ребенок — 10-летний Алеша Каменев (имя и фамилия изменены). Мальчишка весь день гулял недалеко от дома, а когда около восьми вечера родители его хватились, то его нигде не оказалось. Мать с отцом бросились к приятелям сына, надеясь, что те знают его местонахождение, но дети только руками развели — дескать, гуляли до какого-то времени вместе, а потом разошлись по домам. В итоге все вернулись, а Леша пропал. В милиции, куда родители пришли тем же вечером, посоветовали зря шума не поднимать: мол, сын мог просто загулять и к утру, глядишь, вернется.

В тот же день горе пришло в семью популярного певца Муслима Магомаева — в «кремлевке», в привилегированной больнице в Кунцево, умерла жена его родного дяди Джамала — Мария Ивановна Магомаева. Покойную Муслим знал с детства, звал ее всегда ласково тетей Мурой и в своих мемуарах написал о ней следующие строчки: «Незабвенная моя тетушка Мария Ивановна. Бескомпромиссная тетя Мура, женщина несгибаемой воли и дипломатической проницательности. Она очень хорошо знала, что надо в жизни делать, а что не надо. Светоч нашей семейной культуры, прочитавшая столько книг! Дай бог, если сотую часть того, что прочитала тетя, мне удастся прочитать за всю свою жизнь...»

Еще в 1973 году Магомаев устроил своей тете Муре обследование в Кремлевской больнице, но тамошние врачи оказались почему-то слепыми — они проглядели у женщины инфаркт. Как скажет сам Магомаев, «после этого я усомнился во всеисильности кремлевских врачей». Год спустя эта ошибка и сказалась: тетя Мура умерла от разрыва аорты.

В эти же дни Леонид Брежнев находится в Новороссийске. 7 сентября в торжественной обстановке генсек вручил городу-герою, в котором некогда воевал, орден Ленина и медаль «Золотая звезда». Вот как вспоминает о тех днях Лев Лещенко:

«Мне довелось увидеть Брежнева вживую в первый раз в Новороссийске в 1974 году на торжествах по случаю присвоения этому городу звания город-герой. Понятно, что на празднике такого уровня должны были выступать только звезды из первого эшелона, к которым уже имел честь принадлежать и я. Нас, артистов, помню, поселили в местной гостинице «Бригантина», где, что характерно, выразил желание остановиться и Леонид Ильич (а ведь к его услугам были апартаменты в какой-нибудь шикарной загородной резиденции, принадлежащей партийной элите). Нас поместили на шестом этаже, Брежнев занял четвертый, а на пятом разместились служба охраны, обслуживающий персонал и так далее. Когда нас расселяли по гостиничным номерам, нам с женой дали обычный двухместный номер, хотя я в 1974 году уже мог, честно говоря, претендовать и на номер люкс. Но так как «Бригантина» изобилием люксов не отличалась, пришлось довольствоваться тем, что есть...»

Однажды мы имели удовольствие наблюдать за приездом в гостиницу самого генсека. Подъехала его «Чайка» с небольшим эскортом из «Волг», и, когда Брежнев вышел из машины, его тут же обступила толпа собравшихся у подъезда местных жителей, принявших шумно и радостно приветствовать дорогого гостя. Леонид Ильич вошел прямо в толпу, оставив позади свою несколько обескураженную этим поворотом дела охрану, и начал активно общаться с народом — пожимал руки, принимал какие-то записки, словом, как бы символизировал собой в тот момент известный лозунг тех времен «Народ и партия едины». А когда он наконец вошел в гостиницу и поднялся в свои апартаменты, это на жизни гостиницы никак не отразилось. Мы, как и прежде, могли свободно циркулировать по этажам, ничем не стесняемые в своих передвижениях. Таким образом, каждое утро мы могли с балкона видеть сцену отъезда Брежнева, который, как нам было известно, все дни мотался по окрестным предприятням и колхозам...»

Среди артистов, приглашенных на торжества в Новороссийск, была и легендарная певица Клавдия Ивановна Шульженко. Говорят, на ее участии в торжествах настоял сам Брежнев, который был большим поклонником ее творчества. Однако приезд Шульженко в Новороссийск был ознаменован скандалом. Певицу поселили в той же гостинице «Бригантина», но выделили ей не номер-люкс, а обычный. Артистка возмутилась: дескать, я все-таки народная артистка СССР! В общем справедливое замечание. Однако Шульженко не знала, что в этой гостинице было всего лишь три номера люкс, причем все они располагались на четвертом этаже, где остановились кремлевские небожители. В одном номере жил сам Брежнев, в другом — персек Краснодарского крайкома партии Медунов, в третьем — помощник генсека Голиков, на которого была возложена обязанность руководить торжествами. Когда певице перечислили имена хозяев люксов и предложили самой уладить обмен с любым из них, она отступилась. С юмором у нее всегда было все в порядке.

Вечером того же дня, 7 сентября, на новороссийском стадионе состоялся праздничный концерт с участием звезд советской эстрады: Клавдии Шульженко, Льва Лещенко, Эдуарда Хилия, Галины Ненашевой и многих других. После концерта в ресторане гостиницы «Бригантина» был дан большой банкет для участников торжеств. За столами, расставленными буквой «П», собралось около сорока человек. Вот как вспоминает об этом все тот же Л. Лещенко:

«Мы с женой сидели рядом с Александрой Пахмутовой, Николаем Добронравовым и Клавдией Шульженко. Сидели и с нескрываемым волнением ожидали появления в банкетном зале Леонида Ильича. Говорю о том своем волнении без всякого смущения — что было, то было. Мне тогда было тридцать с лишним лет, я понимал многое из того, что происходит в стране, я знал, что за граница живет лучше нас, и все тому подобное...»

Поначалу нам сказали, что Леонид Ильич неважно себя чувствует и вряд ли спустится в банкетный зал, так что банкет будет вести Медунов. Но через какое-то время Брежнев все же появился в зале ресторана. Мы все встали, раздалось аплодисменты. Леонид Ильич извинился перед собравшимися, так объяснив причину

своей задержки: «Вы знаете, дорогие друзья, устал немножко за эти дни. Я ведь встаю в семь утра, в восемь уже начинаю работать и ложусь спать в два часа ночи. Не будете возражать, если сегодня мы все будем жить по режиму Генерального секретаря и мой рабочий день продлится до двух ночи?» Все засмеялись, захопавали в ладоши: «Конечно, с удовольствием!» И тогда он начал говорить свой тост. Он говорил минут тридцать без всякой бумаги, и все это было очень трогательно, очень толково, очень разумно и очень взвешенно. Он вспоминал о войне, рассказывал о маршалах, генералах и рядовых солдатах с одинаковым ко всем уважением, включая и своего тогдашнего денщика...

Наш официальный, по сути, банкет в его присутствии как-то незаметно, сам по себе преобразился в уютную дружескую вечеринку, где на время забылись дистанции между чинами, званиями и должностями. Все веселились от души. Что мы только там не пели в этот вечер вместе с Леонидом Ильичом, довольно верно подпевавшим каждой песне, — и песни военных лет, и «Подмосковные вечера», и «Забота у нас такая»... А некоторые известные песни он даже сам и запевал. На рояле играла Александра Николаевна Пахмутова, что-то пел я, что-то Галя Ненашева... Словом, вечер получился очаровательный...»

Между тем в Москве вот уже больше двух недель находится Ирина Керк — посредница в переговорах между актрисами Зоей и Викторией Федоровыми и их мужем и отцом американским адмиралом в отставке Джексоном Тэйтом. Ирина приехала в Союз, чтобы уладить вопрос о возможном приезде в Америку Федоровых для их встречи с Тэйтом. С этим приездом следовало торопиться, поскольку адмирал в последнее время много болел и мог умереть, так и не увидев свою дочь. Но во время встречи с Федоровыми Ирина сразу предупредила обеих: мол, настаивая на встрече с Тэйтом, вы сильно рискуете своим положением на родине. Впрочем, мать и дочь сами никогда на заблуждались на этот счет. Поэтому Виктория сказала как отрезала: я должна увидеться с отцом! После этого Ирина организовала Викторией встречу с американским консулом в Москве Джеймсом Г. Хаффом. Это randevu состоялось на Красной площади. На нем Хафф согласился

написать адмиралу и сообщить ему, что он может пригласить в гости свою дочь. 7 сентября Виктория написала отцу длинное письмо, в котором просила отца выполнить ряд формальностей, чтобы облегчить возможность последующей встречи друг с другом. Тэйту надо было: 1) официально удочерить Викторию 2) сообщить в американское посольство в Москве о своем желании встретиться с дочерью в США.

Продолжается пребывание Брежнева в Новороссийске. Воскресным утром 8 сентября генсек, как обычно, проехался по нескольким предприятиям города, а днем встретился со своими однополчанами. На той встрече присутствовала и Клавдия Шульженко, которую генсек попросил исполнить любимые фронтовые песни: «Записку», «Синий платочек» и другие. После импровизированного концерта, уже за столом, растроганный Брежнев поинтересовался у певицы, как она живет. Шульженко возьми да и скажи, что у нее жилищные проблемы, что ее взрослому сыну негде жить. «Как это негде?» — искренне удивился Брежнев и тут же подозвал к себе одного из своих помощников, чтобы тот взял этот вопрос на заметку. В итоге, едва Шульженко вернулась в Москву, как ей позвонили из Моссовета и предложили посмотреть новую квартиру на улице Горького.

А вечером того же дня Брежнев учудил — сбежал от охраны. Взяв себе в напарники своего помощника, генсек через черный ход покинул гостиницу и отправился гулять по городу. Эта прогулка оставила неизгладимый след в душах многих новороссийцев, которые имели возможность воочию увидеть человека, известного им только по телевизионным трансляциям да по газетным публикациям. А на набережной с генсеком приключился забавный казус. Как гласит легенда, к нему подошла некая старушка, которая... не узнала в нем венценосного правителя. Однако, с ходу определив в нем приезжего, бабуля внезапно посетовала: дескать, я фронтовичка, лично знала полковника Брежнева, но вот уже много лет никак не могу с ним встретиться. «А что бы вы ему передали при встрече?» — поинтересовался заинтригованный происходящим генсек. «Я бы сказала, что мы, новороссийцы, его помним и любим». Говорят, Брежнев от счастья чуть ли не прослезился и распорядился выделить бабуле новую

квартиру. В Москву генсек возвратился 9 сентября, чтобы на следующее утро уже в официальной обстановке встретиться с министром иностранных дел Индии Сингхом.

В тот же воскресный день на ЦТ поменяла название музыкальная развлекательная передача «По письмам зрителей» — теперь она стала называться «Утренняя почта». Эта передача появилась на свет пару-тройку месяцев назад и довольно быстро стала популярной. В те годы развлекательных передач на советском ТВ было кот наплакал, а музыкальных — вообще труба. И вот на этом скучном фоне внезапно появилась передача, в которой популярные эстрадные артисты по заявкам телезрителей исполняли самые последние шлягеры. Она выходила в удобное время — в 10 утра каждое воскресенье (в первое время ее показывали по субботам в 9 утра) — и привлекала к себе внимание буквально всей страны. Пропустить ее считалось делом позорным, так как рабочий день в понедельник на всех предприятиях страны начинался именно с обсуждения того, что накануне показывали в «Утренней почте». Люди буквально с пеной у рта всерьез обсуждали новое платье Эдиты Пьехи, прическу Галины Ненашевой или костюм Муслима Магомаева.

Тем временем утром 9 сентября Высоцкий и Золотухин вылетели из Вильнюса (там находится на гастролях Театр на Таганке) в Ленинград, чтобы встретиться там с режиссером Леонидом Хейфицем, приступавшим на «Ленфильме» к съемкам фильма «Единственная». Вечером актеры вновь вернулись в Прибалтику и сразу зашли в номер к режиссеру Юрию Любимову, который присоединился к своему театру только что. Проговорили полночи: о репертуаре, о жизни. Обоих актеров волновал вопрос, позволит ли Любимов параллельно с работой в театре ездить на съемки фильма. Но Любимов отвечал уклончиво, чем здорово завел собеседников, особенно Золотухина, у которого в «Единственной» была главная роль. Тот про себя даже решил: не отпустит — уеду без разрешения!

Знаменитая актриса Любовь Орлова в эти дни находится в «кремлевке» — привилегированной больнице в Кунцеве. У нее обнаружен рак, однако врачи усиленно скрывают от нее этот диагноз, выдавая его за камни в почках. Орлова вроде бы знает правду, иначе не сказа-

ла бы однажды внучатой племяннице: «Я знаю, что у меня, хотя мне все врут. — И потом добавила: — Абсолютно не боюсь умирать. Я ведь в общем устала жить. Я много поездила, повидала. Все было в моей жизни».

Однако, несмотря на страшную догадку, Орлова в душе, видимо, надеется на чудо. Иначе чем объяснить, что в больнице она усиленно готовится после выписки сыграть какую-нибудь новую пьесу. Как пишет Д. Щеглов: «Худенькая, пожелтевшая, с темным шиньоном, в розовато-белой водолазке, она лежала в палате, обложенная книгами. Она мало кому разрешала навещать ее в больнице. Когда она поднимала на вошедших глаза с совершенно желтыми белками, становилось ясно, что все плохо. Тот, у кого был подобный опыт, поймет, что имеется в виду...»

Большую часть дня в палате находился Александров. Ссутуленный, неподвижный, с коричневыми мешками под глазами, все давно знающий; он мягко улыбался, рассказывая ей о Внуково, о своем новом сценарии, некоторые сцены из которого обещал прочитать в скором, совсем уж скором времени...»

10 сентября актриса Театра на Таганке Алла Демидова должна была выехать из Вильнюса в Москву, чтобы там отсняться в ряде эпизодов фильмов «Бегство мистера Мак-Кинли» и «Выбор цели». Но, приехав на вокзал, внезапно обнаружила, что забыла в гостинице парик. Пришлось сломя голову лететь обратно. Запихнув парик в чемодан, Демидова выскочила на площадь перед гостиницей, но ни одного свободного такси там уже не было. А время поджимает, да и дождь хлещет вовсю. В этот миг на своем собственном новеньком «БМВ» к гостинице подруливает Высоцкий. Он только что выступал с концертом на одном из здешних предприятий, в руках у него охапка цветов. Демидова, естественно, к нему: «Подвези, Володя!» И что вы думаете: не подвез. Сослался на усталость, сказал, что сейчас непременно подойдет такси. Такси действительно подъехало, но на душе у Демидовой после это стало как-то муторно.

Утром 11 сентября на берегу канала имени Москвы прохожие обратили внимание на странный предмет, похожий на человеческое тело. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что это тело мальчика 9—10 лет. Как выяснилось

чуть позже, это был житель поселка Деденево Алеша Каменев, бесследно пропавший пять дней назад. Эксперты, обследовавшие тело погибшего, установили, что смерть мальчика произошла от асфикции — удушения. Но самое страшное было то, что перед смертью мальчика изнасиловали. Забегая вперед сообщу, что подмосковным сыщикам хватило нескольких дней, чтобы установить и арестовать убийцу. Им оказался 25-летний житель деревни Морозовки, тракторист колхоза имени Калининна Сидоров. Это он 6 сентября обратил внимание на симпатичного мальчика, возвращавшегося в одиночку домой по безлюдной улице. Неожиданно напав на подростка, Сидоров затащил его в рощу, где изнасиловал и убил. Тело потом сбросил в реку.

В тот же день, 11 сентября, группа художников-неконформистов вновь пришла в Моссовет на прием к заведомому Сухиничу. Как мы помним, в первый раз они явились туда 5 сентября и договорились провести выставку не на пустыре, как планировали ранее, а в галерее МОСХа. Но уже 8 сентября одному из ходяков — Оскару Рабину — пришла повестка из милиции с требованием явиться в отделение 13 сентября. Кроме этого, когда они принесли свои холсты в МОСХ, их встретили только двое тамошних чиновников, а художники-мосховцы от участия в выставке отказались. Неконформистам стало понятно, что все обещанное им в Моссовете — туфта. Чтобы прояснить ситуацию, они явились к Сухиничу вновь. На этот раз художники говорили с ним более жестко: дескать, хватит разглагольствовать, завтра мы объявляем время и место выставки, которая состоится на открытом воздухе. Сухинич развел руками: я не могу запретить вам устраивать выставку, но не рекомендую!

На следующий день художники выбрали место для выставки — на пустыре в конце улицы Профсоюзной у пересечения с улицей Островитянова. Место было идеальное: по задумке устроителей, если бы власти задумали какую-нибудь пакость в виде неожиданных ремонтных работ, то они могли отойти к лесу и показывать картины там.

12 сентября в Астрахани Леонид Гайдай приступил к натурным съемкам очередной своей комедии — «Не может быть!» по рассказам Михаила Зощенко. Съемки должны были

начаться еще в конце сентября, однако были отложены из-за потери двух актеров — Юрия Никулина и Валерия Золотухина, которые выбыли из проекта по личным мотивам — из-за своей загруженности в других проектах. В Астрахани была выстроена натурная декорация «дом Горбушкина», и в первые съемочные дни проходило ее освоение с участием актеров: Михаила Пуговкина, Нины Гребешковой, Вячеслава Невинного, Михаила Светина.

Тем временем съемочная группа советско-японского фильма «Дерсу Узала» во главе с режиссером Акирой Куросавой продолжает натурные съемки на Дальнем Востоке. Во время съемок эпизода в бухте Ольга пострадал один из исполнителей главной роли — Юрий Соломин (он играл Арсеньева). Вот как сам актер вспоминает об этом инциденте:

«В тот день снимали очень сложный эпизод — по горной реке несется плот, на котором находятся Арсеньев и Дерсу. Дерсу видит впереди валуны, сталкивает Арсеньева в воду, потом прыгает сам. Плот нещадно болтало. Был сентябрь, вода ледяная, а проплыть надо метров пятнадцать. Я ударился о камень, но, поскольку вода очень холодная, ничего не почувствовал, а вечером заметил, что вся нога у меня стала черной. Я не обратил на это внимания. Пошел на съемки, но, как только надел рюкзак и сделал шаг, тут же упал. Оказалось, я порвал мениск. Потом две недели снимался в гипсе...»

В Севастополе заканчивает свою работу комиссия по расследованию причин гибели БПК «Сторожевой» во главе с заместителем министра обороны СССР по вооружению генерал-полковником Николаем Алексеевым (как мы помним, трагедия произошла 30 августа). Комиссия так и не сумела установить подлинные причины трагедии — из-за чего произошел взрыв торпедной ракеты на БПК. Министр обороны Гречко потребовал поднять корабль на поверхность, однако комиссия сумела отговорить его от этого безумного плана: слишком опасным мог стать этот подъем для всех, кто должен был этим заниматься. Достаточно сказать, что во время обследования корабля на дне погибли несколько водолазов. В итоге было принято решение взорвать «Сторожевой» на дне.

Поскольку причины трагедии не установили, необходимо было найти хотя бы виновных в ней, а вернее стрелочников. Их и нашли. Капитана Ивана Винника списали на берег, наказали также командира дивизии Васюкова и еще ряд высокопоставленных военных.

Утром в субботу, 14 сентября, из Москвы в Канаду вылетела сборная Советского Союза по хоккею, которой на следующей неделе предстояло скрестить клюшки во второй суперсерии матчей с канадскими профессионалами. Как мы помним, ровно два года назад наши хоккеисты уже играли с канадцами, представлявшими клубы Национальной хоккейной лиги (НХЛ). В той серии с минимальным успехом победу одержали канадцы: 4 победы, 3 поражения, одна ничья. На этот раз нашей сборной предстояло сразиться с конкурентами НХЛ — профессионалами из Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА), которая была создана в ноябре 1971 года и тоже объединяла у себя клубы из США и Канады. Как писали канадские газеты, сборная ВХА по составу была сильнее, чем предыдущая сборная НХЛ. Это придавало будущей серии еще больший ажиотаж: билеты на все восемь матчей как в Канаде, так и в Советском Союзе были распроданы еще за несколько недель до старта суперсерии.

В Канаду наша сборная отправилась в следующем составе: Владислав Третьяк, Александр Сидельников (вратари); Валерий Васильев, Александр Гусев, Юрий Ляпкин, Геннадий Цыганков, Виктор Лутченко, Виктор Кузнецов, Юрий Федоров, Юрий Шаталов, Юрий Тюрин (защитники); Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов, Владимир Викулов, Александр Мальцев, Владимир Шадрин, Александр Якушев, Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Сергей Капустин, Александр Волчков, Сергей Котов, Константин Климов, Владимир Попов (нападающие), Борис Кулагин, Константин Локтев (тренеры).

В тот же день 14 сентября в Вильнюсе в очередное «пике» сорвался Владимир Высоцкий. В течение нескольких последних дней он пребывал в нервном состоянии, вызванном бешеным ритмом гастролей, и все его коллеги боялись, что он вот-вот сорвется. Например, днем 13 сентября «таганковцев» принимал у себя один из секретарей Литовского ЦК партии, и Высоцкий всю встречу просидел как на

иголках. А вечером позволил себе приложиться к бутылке. В итоге следующий день у него начался с опохмелки. Да с такой сильной, что друзья вынуждены были сделать ему укол. И практически сутки после этого Высоцкий проспал в номере. А Иван Дыховичный отправился перегонять его «бээмвуху» в Москву.

Советских хоккеистов разместили в лучшем монреальском отеле «Хилтон». Утром 15 сентября они вышли на свою первую тренировку. Вот как вспоминает об этом В. Третьяк:

«Наш автобус без остановок мчится по всему городу в окружении полицейских на мощных «Харлеях». Ревут сирены, крутятся мигалки. На всех перекрестках нам дают зеленую улицу. Никто не может нас обогнать. Люди машут нам руками с тротуаров и из машин.

Дворец спорта во время тренировки забит почти до отказа. Сборная ВХА в полном составе пришла взглянуть на нас. Старший тренер Борис Павлович Кулагин показывает нам: вон знаменитый бомбардир Бобби Халл, а вот неуязвимый 46-летний Горди Хоу. Некоторых мы узнаем сами: Фрэнк Маховлича, Хендерсона, Степлтона... Встречались с ними два года назад. Канадцы невозмутимо жуют свою резинку, молча смотрят на лед.

— А ну, покажем им, что мы умеем делать, — говорит Борис Михайлов.

Ну и тренировка! Стараемся всюю! Я стою в воротах так, словно идет решающий матч. Знай, мол, наших. Настроение у ребят прекрасное. Только бы не расплескать боевой запал!..»

Наши хоккеисты уже всюю тренировались на льду Дворца спорта в Монреале, когда 15 сентября в Москве разогнали выставку художников-неконформистов. Эта акция получила название «бульдозерная выставка».

Она должна была открыться на пустыре в конце Профсоюзной улицы, и туда свезли свои картины 24 художника. Подозревая, что власти готовят против них провокацию, художники пригласили на пустырь и своих американских друзей, среди которых были и журналисты. Однако даже присутствие иностранцев не смогло помешать властям. Еще на подходе к пустырю неконформисты заметили на пустыре бульдозеры, грузовики и машины с зелеными насаждениями. Несколько мужчин в штатском перегородили художникам дорогу и объявили, что здесь сейчас будет разбиваться парк культуры

и проход для посторонних закрыт. Рядом с бульдозерами стояла толпа граждан, которые держали в руках плакат «Все на коммунистический субботник!». Кто-то из художников попытался развернуть в сторонке свои картины, но тут же несколько человек из толпы — граждан, пришедших на субботник, — вырвали у него из рук холсты, порвали их и побросали в самосвал. Стоявший в стороне милиционер даже бровью не повел, когда художники попытались обратиться к нему за помощью. Далее послушаем рассказ одного из участников выставки А. Глезера:

«Бульдозеры надвигаются на художников. Один из них приближается к Рабину, тяжелыми гусеницами подминает под себя картину, а сам Оскар повисает на верхнем ноже и подгибает ноги, чтобы нижним их не отрезало. Милиционеры снимают его оттуда и заталкивают вместе с подоспевшим на помощь отцу Сашкой в синюю милицейскую «Волгу».

...Эльская влезает на огромную ржавую канализационную трубу, лежащую вдоль обочины, и поднимает картину над головой. Мгновение, и полотно летит в грязь, а Наденьке крутят руки. Она отбивается:

— Мы все равно не уйдем! Показ рассчитан на два часа, и два часа мы будем здесь находиться!

...На Жарких накидываются трое. Пытаются повалить его на землю. Какой-то верзила тоном обиженной барышни восклицает:

— Он ругался матом!

Врет. Матом Юра никогда не ругается.

...Двухметрового Рухина волокут четверо. Щегольской пиджак и брюки разорваны, заляпаны мокрой глиной...

Кристоферу Рэнну из «Нью-Йорк таймс» его же аппаратом выбили зуб. Вдобавок двое заломили ему руки, а третий бил в живот.

Майклу Парксу из «Балтимор сан» кулаком съездили по лицу...

Я продираюсь к стоящему на желтом бугре главнокомандующему операцией «умиротворения». Зарубежным корреспондентам он лаконично отрекомендовался «Иваном Ивановичем». (Позже мы узнали, что это был зампред исполкома Ленинского района Петин.)

— Прекратите побоище! Ведь тут же иностранцы!

В маленьких глазах Петина вспыхивает ярость:

— Мало мы их били! Нечего совать нос в наши дела!

А бульдозеры, точно танки, ползут на зрителей. Охотятся за ними. Преследуют по пятам. Те отступают. Расступаются. Но не расходятся. Однако у Петина есть еще резервы. К полу боя подтягиваются поливальные машины. Обдавая толпу обжигающими, ледяными струями, они стремятся очистить пустырь и прилегающие к нему улицы. Люди разбегаются по сторонам, прячутся за автомобилями с дипломатическими номерами, карабкаются, как муравьи, по травяному пятиметровому откосу и бегут, бегут вниз по Профсоюзной...

Рядом вспыхивает костер, в который «торжествующие победители» швыряют картины. Первой погибает «Композиция» Рухина. В огне вспыхивают и гаснут кленовые листья оscarовского «Листопада»...

Вечером того же дня многие радиостанции мира, вещающие на русском языке, сообщили о побоище на Профсоюзной. А на следующий день к этому хору голосов подключились и газеты. Назову лишь некоторые заголовки: «Бульдозер заливает грязью московскую живопись» («Таймс»), «В Москве свирепствует полиция» («Ла Стампа»), «Похоже, что могущественный Кремль боится искусства» («Крисчен сайенс монитор»), «Художники схвачены с помощью полицейских приемов» («Зюддойче цайтунг») и др.

Вечером 15 сентября уцелевшие художники — те, кого не загребли в милицию, — собрались в квартире Оскара Рабина. Написали письмо в Политбюро. А утром дом уже окружили сотрудники КГБ. Правда, никого не арестовывают, а только наблюдают из машин. А к Рабину прибывают все новые и новые художники. Пришел даже Герой Советского Союза, член МОСХа Алексей Тяпушкин, который, увидев побоище на Профсоюзной, решил поддержать неконформистов. В 12 часов пришли зарубежные корреспонденты, которым художники зачитали свое письмо в Политбюро. Через несколько часов сходка разошлась. Когда квартира опустела, туда вернулся хозяин — Оскар Рабин, которого все это время держали в милиции и грозили судом за нарушение общественного порядка. В итоге от него потребовали

заплатить штраф в 20 рублей, он платит отказался, и его отпустили восвояси.

В эти же выходные актер Евгений Стеблов был по какой-то надобности в столичном Доме кино и встретился там со сценаристом Геннадием Шпаликовым и его женой актрисой Инной Гулая — те выходили из домкиношного ресторана. Как вспоминает Стеблов, «шли они очень счастливые. Жили всяко и ссорились. Но это, видно, была очень хорошая полоса. Гена, кажется, получил гонорар (тогда он уже часто сидел без денег).

Вдруг, увидев меня, кинулся ко мне, как к самому близкому человеку. Обнял меня и говорит:

— Женя, как я рад!

Я даже был несколько ошарашен. А он все прижимал меня к себе и говорил, говорил:

— Женя, а кино нет. НЕТ КИНО.

Потом они пошли по Васильевской к улице Горького, и он обернулся посредине улицы и закричал:

— А кино нет, нет кино! Только документальное кино осталось, художественного нет...

Мог ли тогда предположить Стеблов, что он видит Шпаликова в последний раз? Что спустя каких-нибудь полтора месяца молодой и талантливый сценарист примет решение добровольно уйти из жизни?

Самое время взглянуть на столичную афишу развлечений. Начнем, как обычно, с кинопремьер. 2 сентября на широкий экран вышла лента Юлии Солнцевой «**Такие высокие горы**», где в главных ролях была занята звездная пара Сергей Бондарчук—Ирина Скобцева; 9-го — музыкальная комедия из разряда «пустышек» «**Звезда экрана**» Владимира Гориккера, где снимались Вера Васильева, Валентина Смелкова, Михаил Пуговкин и др. Из зарубежных премьер выделю очередную комедию с участием гениального комика Луи де Фюнеса «**Ресторан господина Септима**». В эти же дни начала широко прокатываться еще одна комедия «мэйд ин Франсе» — «**Высокий блондин в черном ботинке**» (до этого шел ее ограниченный показ).

Кино по ТВ: «Садко», «Пятая четверть» (первые по ТВ 1-го), «Браслет-2» (2-го), «Во власти золота» (3-го), «Домби и сын» (преьера т/сп), «Господин Никто» (4-го), «Парень из нашего города», «Не оглядывайся назад» (первые по ТВ), «Факир на час» (8-го), «На каждом кило-

метре» (премьера 2-й части болгарского телесериала) (10—14-го), «Джультбарс» (14-го), «Без вины виноватые», «Вихри враждебные» (15-го) и др.

Из других передач выделю следующие: заключительный концерт фестиваля эстрадной песни «Сопот-74» (6-го), «Кабачок «13 стульев» (15-го).

Из театральных премьер назову одну: 11-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Своей дорогой» Р. Ибрагимбекова с участием Леонида Броневского, Льва Крутого, Георгия Мартынюка и др. 12 сентября в Театре сатиры прошел творческий вечер актрисы Татьяны Пельтцер, приуроченный к ее 70-летию.

Эстрадные представления: 1—2-го в эстрадном театре «Эрмитаж» пел Валерий Ободзинский; 3—11-го — в ЦДКЖ выступали Роман Карцев—Виктор Ильченко и Алла Пугачева—Юлий Слободкин; 6—8-го — в «Октябре» пел венгерский соловей Янош Коош и т. д.

Между тем Театр на Таганке продолжает свои гастроли в Прибалтике. Как мы помним, у «таганковцев» запил ведущий актер — Владимир Высоцкий. Юрий Любимов с большим трудом уговорил его лечь в больницу, чтобы оттуда тот смог приезжать на спектакли в нормальном состоянии, однако терпения Высоцкого хватило на сутки, после чего из больницы он сбежал. Бывший постоянно при нем коллега по театру Иван Дыховичный рассказал Золотухину, что на его замечание о выпивке Высоцкий внезапно ответил неожиданной фразой: «Дай мне умереть». Любимов хотел было уговорить врачей сделать Высоцкому «вшивку», но врач, к которому он обратился с этой просьбой, замахаивая руками: «Он не хочет лечиться, в любое время может выпить — и смертельный исход. А мне — тюрьма». 17 сентября артисты вылетели на самолете в Ригу, и Любимов намутился с Высоцким в полете так сильно, что к месту назначения прилетел в измочаленном виде. Высоцкому он при этом сказал, что от работы в театре его освобождает.

Тем временем Леонид Гайдай продолжает снимать в Астрахани комедию «Не может быть!». 17 сентября на одной из старинных улочек города была выстроена декорация пивной ларек, за прилавком которого встал актер Вячеслав Невинный, игравший роль брата жены

Горбушкина Петра Васильевича. Снимался эпизод, где герой Невинного исполняет песню «Губит людей не пиво».

В тот же день, но чуть позже — в 17.00 — в Колонном зале Дома союзов в Москве начался финальный матч претендентов на шахматную корону. В очном поединке сошлись Виктор Корчной и Анатолий Карпов, один из которых должен был получить право встретиться с чемпионом мира Робертом Фишером. Один из зрителей этого матча позднее так будет вспоминать о том дне:

«Торжественное открытие матча. В президиуме — участники матча, высокие советские и зарубежные гости. Приветствия, пожелания успехов. Традиционное: пусть победит сильнейший! Затем концерт. Весь президиум занимает места в первых рядах партера. Концерт открывает популярный в то время конферансье Альберт Писаренков. Он обращается к опоздавшему зрителю в проходе зрительного зала: «Уважаемый товарищ, пожалуйста, садитесь — мы начинаем. Если вы затрудняетесь с выбором места, то слева от вас болельщики Карпова, а справа — противники Корчного». В то время на сцене не импровизировали, все заранее утверждалось. Конечно, была утверждена и реплика А. Писаренкова...»

В первой партии соперникам не удастся «размочить» счет — она закончится вничью.

В Москве была поздняя ночь, когда в канадском городе Квебеке начался первый матч хоккейной Суперсерии-74 между сборными Канады и Советского Союза. Вот как об этом вспоминает все тот же В. Третьяк:

«В день первого матча «Колизей» по самую крышу был забит публикой. Матч еще не начался, а трибуны уже бушевали. Играл электроорган, пронзительно вскрикивали трубы, гремели кастрыли и барабаны. Это напоминало настоящую психическую атаку. Но если два года назад мы были ошарашены такой невыносимой какофонией, то теперь спокойны. Гремите себе на здоровье. Лично я любил играть, когда болельщиков много. Когда страсти на трибунах накалены. Я чувствовал при этом какую-то особую окрыленность, прилив сил, вдохновение...»

Матч начался со стремительных атак хозяев, которые волнами накатывали на ворота Третьяка. Одна из таких атак принесла успех:

на 12-й минуте канадцы открыли счет. Но сделать большего в той двадцатиминутке им не удалось. В перерыве наши хоккеисты получили от тренеров установку «укатать» соперников. То есть ни на секунду не сбавлять темпа. Как результат: в середине второго периода наш защитник Владимир Лутченко сравнял счет. Однако спустя несколько минут неудержимый Бобби Халл вновь вывел канадцев вперед. И все же концовка периода осталась за нами: Валерий Харламов и Владимир Петров забили по шайбе.

Третий период начался с бешеных атак канадцев. Однако надежно стоял Третьяк, взявший в начале заключительной двадцатиминутки две «мертвые» шайбы. Как вспоминает он сам: «Работать мне пришлось так много, что если спросить, как проходила игра, то я вряд ли смогу обстоятельно рассказать о ней: весь матч для меня слился в почти непрекращающийся обстрел. Будто на площадке была не одна, а по меньшей мере с десяток шайб, которые канадцы беспрерывно швыряли в мои ворота. Думаю, впрочем, что похожее чувство испытал и канадский вратарь Джери Чиверс. Он играл блестяще!..»

И все же канадцам удалось уйти от поражения. Причем спас их от позора все тот же Бобби Халл, сделавший счет 3:3.

После первого матча канадская пресса отметила такой любопытный факт: за те два часа, что длился матч, в Монреале было совершено всего лишь одно (!) преступление. А ведь Монреаль в те годы лидировал в списке канадских городов по уровню преступности.

К сожалению, на первом этапе Суперсерии сложилась та же ситуация, что и два года назад: канадские матчи транслировали по советскому ТВ на следующий день после игры — в 19.00, когда результат игры был уже известен. При этом наши средства массовой информации взяли за правило уже утром накануне трансляции сообщать результат матча. Помню, я специально не включал в такие дни радио, чтобы, не дай бог, не узнать счета. Но все было бесполезно: либо в школе находились доброжелатели, либо отец обязательно проговорится, придя с работы домой. Успокаивало лишь то, что канадских матчей было только четыре.

Василий Шукшин, который снимается на Дону в фильме «Они сражались за Родину», су-

мел в те дни вырваться на несколько дней в Москву, чтобы повидать жену и дочек. Правда, отдых получился половинчатый: все дни, пока Шукшин был дома, телефон в его доме не умолкал: прознавшие про его приезд коллеги спешили уладить с ним всевозможные дела. И все же Шукшин находил время и для домашних: на второй день лично повел свою дочь первоклассницу Машу в школу, играл с младшенькой Олей. Но что такое три дня: пшик — и нету.

В среду, 18 сентября, Шукшин отправился в Ленинград, где его ждал съемочная группа фильма «Прошу слова» во главе с режиссером Глебом Панфиловым. Там Шукшин должен был отсняться в коротком эпизоде в роли драматурга Феди, который по своим нуждам встречается с мэром провинциального городка Елизаветой Уваровой (Инна Чурикова). Вот как вспоминает о тех съемках Г. Панфилов:

«Когда Шукшин вошел в павильон, у меня было физическое ощущение, что он не идет, а парит, почти не касаясь пола. Потом я узнал, что примерно то же самое почувствовали и все остальные — такой он был высохший, худой. Не человек, а его тень. Джинсы на нем болтались, вязаная кофточка, прикрытая модным кожаным пиджаком, висела как на вешалке, а на ногах — босоножки в пластмассовых ремешках. Глаза красные, с неестественным блеском — верный признак бессонных ночей; за сутки он выпивал банку растворимого кофе.

Только сегодня сразу по приезде, не отдыхая, он прочитал свою сцену. Я очень волновался, понравится ли ему, но по лицу, по коротким фразам сразу понял, что понравилась и он готов сниматься. Но в тот день мы так ничего и не сняли — долго и подробно репетировали. Я люблю выверять перед съемкой каждое слово, каждую интонацию, чтобы потом снимать по возможности сразу одним куском и без дублей, во всяком случае с минимумом дублей. Вася говорил, что никогда в жизни с ним столько не репетировали...»

В ту же среду, 18 сентября, в Москве было совершено убийство — в своей квартире в доме №12 по Бережковской набережной найдена убитой 72-летняя гражданка Лионозова. Труп женщины обнаружила соседка по дому, которая увидела, что дверь в квартиру приоткрыта. Прибывшие к месту происшествия эксперты

установили, что смерть старушки наступила от удара ножом — преступники перерезали ей горло.

Поиски преступников длились почти два месяца — их возьмут накануне революционного праздника, 6 ноября. Душегубами окажутся: Беломестных, 26 лет, Чекашин, 28 лет и Оленин, 26 лет (фамилии изменены). По их словам, убийство Лионовой произошло при следующих обстоятельствах.

Идея ограбить старушку пришла в голову Беломестных еще в 1973 году, когда он, приехав к ней из Одессы, увидел в ее квартире множество ценных вещей. Однако тогда совершить преступление не удалось — в доме старушки все время находился ее родственник. Так тянулось до сентября 74-го.

10 сентября Беломестных вновь прилетел из Одессы в Москву, причем не один, а с приятелями — Чекашиным и Олениным. Остановились на квартире знакомых Чекашина на улице Академика Павлова. В тот же день Беломестных позвонил Лианозовой по телефону и сообщил, что привез ей посылку от внучки. Выяснив, что старушка в ближайшие дни будет в доме одна, Беломестных сообщил об этом своим подельникам: дескать, готовьтесь.

18 сентября в 9 часов утра Беломестных и Чекашин встретились возле метро «Проспект Мира», поймали такси и двинули на Бережковскую набережную. По дороге к ним подсел Оленин. Подъезжая к набережной, Беломестных попросил водителя тормознуть возле магазина, в котором купил пустую коробку из-под посылки. Зная, что старушка женщина осторожная, Беломестных отправился к ней один, Оленин остался сидеть в такси, а Чекашин спрятался на лестничной площадке. Как только старушка впустила Беломестных в квартиру, он вручил ей «посылку» и, пока хозяйка относил ее в комнату, вернулся в коридор и открыл дверь Чекашину.

Как ни странно, но старушка не стала распаковывать при гостях посылку от внучки, а вместо этого предложила гостям... позавтракать. Она усадила их за стол, а сама полезла в холодильник за продуктами. Но чаепитие не входило в планы преступников. У Чекашина в кармане была припрятана бутылка из-под шампуня, которую он прихватил в ванной комнате, когда мыл руки, а у Беломестных имелось куда

более увесистое орудие — полторакилограммовая «монтажка». В тот миг, когда хозяйка вновь повернулась к холодильнику, преступники на нее и набросились. Чекашин зажал ей рот, а Беломестных несколько раз ударил ее по голове «монтажкой». Однако женщина была еще жива. Тогда Беломестных схватил со стола нож и хладнокровно полоснул им по горлу женщины. Затем Чекашин сходил в комнату, принес оттуда одеяло и накрыл им труп. После этого душегубы начали грабить квартиру. В тот день в их руки перекочевали: 5 долларов США, сертификатов на 70 рублей, две серебряные вазочки, брошь в виде подковы, золотая брошь, кольцо, медальон и другие ценные предметы на общую сумму в 1550 рублей.

Выйдя от старушки, преступники сели в поджидавшее их такси и отправились в мастерскую «Металлоремонта», что на Большой Колхозной улице. Там Беломестных и Чекашин переоделись в другую одежду, которую заранее приготовили за пару дней до акции. В тот же день они стали сбывать награбленное. Когда все было продано, купили билет на самолет и улетели в Одессу. Однако остаться безнаказанными им не удалось — у МУРа оказались длинные руки. Ровно через год состоится суд: Беломестных и Чекашин получают 15 лет тюрьмы, Оленин — 7 лет.

Глеб Панфилов продолжает снимать в Ленинграде фильм «Прошу слова». Как мы помним, день назад туда приехал Василий Шукшин, но сняться не успел — все время ушло на репетиции эпизода. Вечером он съездил по личным делам в Зеленогорск, где у тещи отдыхала его младшая дочь Оля, всю ночь практически не спал, однако на утреннюю съемку явился подтянутый, собранный и строгий. Как вспоминает Г. Панфилов, «первая половина сцены получилась сразу, вторая никак не получалась. Надо было переснимать, но на Васю, который только что в кадре был молодым, ясным и ярким, сейчас, после съемки, страшно было смотреть. Я предложил ему отдохнуть. Он не согласился и сказал, что готов сниматься дальше. И стоило мне сказать «мотор», как снова перед нами сидел молодой, переполненный энергией человек, вот такой, каким мы увидели его на экране. Это был дух необычайной силы, нерв, который включался властью его воли, его характера, и, казалось, ничто не может его сло-

мать, казалось, что вот такая его усталость и есть гарантия его жизни.

Мы сняли все, что задумали, но главная сцена была впереди — разговор в кабинете Уваровой. Договорились, что он вернется через две недели...»

К сожалению, доснаться в этом эпизоде Шукшин уже не успеет — помешает внезапная смерть. Но эта беда случится почти через две недели, а пока Старуха с косой навевалась по другим адресам. В тот четверг, 19 сентября, в том же Ленинграде умер популярный некогда актер кино Сергей Гурзо.

Всесоюзная слава пришла к этому человеку в конце 40-х, когда он сыграл роль Сергея Тюленина в фильме «Молодая гвардия» (1948). Затем в течение последующих пяти лет Гурзо снялся в нескольких кинолентах, которые вознесли его имя на недостижимую, казалось бы, высоту: «Смелые люди» (1950, 1-е место в прокате), «В мирные дни» (1951, 1-е место), «Навстречу жизни» (1952), «Застава в горах» (1953, 3-е место). Однако испытания славой Гурзо не выдержал: с середины 50-х он стал сильно пить (и это при том, что его отец был известным специалистом в наркологии) и в итоге доказал до того, что вместо ролей суперменов, как некогда, ему стали предлагать роли противоположного характера — разного рода проходимцев и шалопаев (бездельник Женька Омельга в «Беспокойной весне» (1956), непутевый парень Андрей Птаха в «Рожденные бурей» (1958), лентяй Шурка во «Все начинается с дороги» (1961), вор Филька в «Двух жизнях» (1961) и т. д.).

В конце 50-х Гурзо внезапно бросает семью, где у него росли двое детей — сын и дочь, — и уезжает в Ленинград. Там он находит новую женщину, живет с ней, она рождает ему еще одного ребенка. Казалось бы, смена обстановки, другие люди должны были благотворно повлиять на опускавшегося все ниже и ниже актера. Увы... Через некоторое время он бросает и эту семью и заводит новую. Здесь у него появляется еще один ребенок — дочь. Это была уже середина 60-х. К тому времени уже ни один режиссер не берет на себя смелость пригласить некогда знаменитого актера советского кино в свою картину. Потому что от прежнего Сергея Гурзо практически ничего не осталось: у нынешнего Гурзо опухшее лицо, заплывшие

глаза (последняя роль — эпизодический посетитель ресторана в «Заговоре послов» 1965 года выпуска). Что делал он в то время, когда не пил со случайными собутыльниками? Писал стихи. Мало кто знал, что в середине 60-х в Ленинграде вышла книжка с его стихами «Самое близкое». Большая часть помещенных в ней стихов была посвящена войне.

Где-то с начала 74-го Гурзо начал сильно сдавать. Его уже мало что радовало в этой жизни. Последний раз он воспрянул духом 11 февраля, когда по ТВ крутили фильм «Все начинается с дороги», где он играл одну из главных ролей и который очень любил. Но потом вновь наступила депрессия. В сентябре Гурзо в очередной раз угодил в одну из ленинградских клиник. Выглядел он плохо, и врачи мало надеялись на успех. Так оно и вышло. 19 сентября (за четыре дня до 48-летия) сердце актера остановилось.

В тот же день состоялся второй матч хоккейной Суперсерии СССР—Канада. Он проходил в городе Торонто, считающемся хоккейной столицей Канады. Видимо, этот факт сыграл немаловажную роль в том, с каким настроением вышли на игру хозяева площадки — они буквально смяли нашу оборону. Уже в первом периоде канадцы вели 2:0. Во втором счет стал уже 3:0, однако на 34-й минуте Александр Якушев сумел-таки сократить разрыв до двух шайб. В перерыве Третяк пожаловался тренерам: «Устал сильно. Не знаю, хватит ли сил...» Но тренеры не стали его менять, посоветовав потерпеть. Далее послушаем рассказ самого голкипера:

«Я вышел на лед, чувствую: совсем не успел отдохнуть. И что вы думаете? На первых же секундах Маккензи, как разъяренный бык, прорывается к моим воротам. На первых же секундах!.. Я сразу включился, сразу забыл обо всем. Я видел только Маккензи и по его замаху, по его глазам старался понять, куда он бросит. Отбил... И пошло, и поехало. Бросок, еще бросок, еще... Справедливости ради надо сказать, что большинство канадских атак завершалось как-то бестолково. Выходят к воротам и бросают. Нет чтобы обмануть меня, обвести, выманить из ворот... Нет, выходят и лупят изо всех сил. Будто хотят пробить меня насквозь...»

В начале третьего периода судьба матча вполне могла повернуться в лучшую для нас

сторону: Петров сократил разрыв до минимума — 2:3. Однако судья Том Браун не засчитал эту шайбу, хотя на повторе было четко видно — гол был. Видимо, эта несправедливость окончательно подкосила наших ребят, а канадцев, наоборот, — подвигла на новые атаки. В итоге наши ребята нарушили правила и «заработали» буллит. Его пробивал Уолтон. Однако обыграть Третьяка ему не удалось. Но эта микропобеда так и не смогла зажечь наших ребят. Вскоре после этого за нашими воротами вновь загорелась красная лампочка — на 57-й минуте гол забил Жан-Клод Трамбле. С таким счетом — 4:1 — матч и закончился.

В самолете наши ребята летели вместе с судьей Томом Брауном, который не засчитал гол Петрова. Третьяк не побоялся спросить об этом судью и получил неожиданный ответ. Браун сказал: «Не напоминайте, пожалуйста, об этом, мистер Третьяк. Мне так плохо. Из 20 тысяч человек, которые присутствовали в зале, я один не увидел этого гола».

А теперь из Канады вернемся в Советский Союз, а конкретно — в Азербайджан. Там, недалеко от Баку, в Гобустане, молодой режиссер с «Мосфильма» Александр Стефанович снимает фильм «Дорогой мальчик». Работа началась в конце марта и к осени близилась к своему завершению. В Азербайджан группа приехала 8 сентября, чтобы в течение трех недель отснять ряд эпизодов, относящихся к загранице (действие фильма происходит в некоей западной стране). Однако в самом начале случилось ЧП: прямо на трассе у киношного «бьюика» сломался картер. Эта поломка грозила группе большими неприятностями, поскольку продолжать работу без «бьюика» нельзя — тот уже отснят в ряде других эпизодов в Москве. Корооче, автомобиль требовалось срочно починить.

Помощь пришла к киношникам с совершенно неожиданной стороны. В Гобустане находилась одна из самых мрачных колоний строгого режима на территории Советского Союза, руководил которой некто Баба Новрузович. Вот он и помог гостям починить «бьюик», выделив под это дело своего лучшего специалиста — профессионального водителя, который отсидел в его колонии 15-летний срок за убийство. Тот машину починил, а заодно рассказал гостям о нравах, которые царили в этой колонии.

Как оказалось, Баба Новрузович установил здесь собственные порядки. Например, жены заключенных платили деньги за свидания с мужьями. Более того, в лагерь привозились проститутки из Баку. За большую мзду, разумеется.

В состав съемочной группы входили трое известных актеров: Георгий Вицин, Владислав Стржельчик и Ирина Азер. В один из дней все они приехали в колонию и дали концерт для заключенных. Говорят, лучше всех публика принимала Вицина, один вид которого уже приводил зрителей в неопишуемый восторг. Сразу после концерта Баба Новрузович повез артистов к себе на дачу, где состоялся еще один концерт — на этот раз для 15-летней дочери начальника колонии, у которой был тяжелый порок сердца. Девочка была прикована к постели, не могла ходить, поэтому приезд знаменитых артистов, по мысли отца, должен был развеселить ее лучше всяких телевизионных представлений. Так оно и получилось — девочка была так счастлива, что ее отец, глядя на нее, даже прослезился.

А теперь из теплого Гобустана перенесемся в холодный Ленинград. Там, на Северном кладбище, в субботний день, 21 сентября, предали земле тело некогда популярного актера Сергея Гурзо. Он умер в одной из питерских клиник три дня назад. Несмотря на то, что об этой смерти тогда не сообщила ни одна советская газета, весть о ней мгновенно разнеслась по городу и окрестностям. Даже в Москве об этом узнали. Поэтому в день похорон на кладбище пришло множество людей. Причем в основном это были не люди из мира кино, а простые граждане, для которых покойный навсегда остался обаятельным Сережкой Тюлециным из «Молодой гвардии».

В тот же день — ЦТ показывало третий матч хоккейной Суперсерии-74 (в 21.00). В отличие от предыдущей игры, эта принесла нашим болельщикам самые приятные эмоции, поскольку наши ребята победили в ней со счетом 8:5. Этот результат был несчастливым. На игру наши тренеры выставили сильнейший состав, а канадцы почему-то заменили Чиверса на запасного вратаря Дона Маклеода. Кроме этого, лед на катке был безобразным — весь в каких-то буграх и лужах, что сослужило хорошую службу нашим хоккеистам, привыкшим играть у се-

бя на родине и не на таком льду. И хотя первый период прошел в равной борьбе и закончился со счетом 1:1, во втором наши смяли оборону канадцев и ушли на перерыв, ведя со счетом 4:1. А в третьем разрыв составил уже пять шайб — 7:2. В эти мгновения Третьяк рассчитывал на то, что тренеры заменят его на Сидельникова, но ошибся — его не тронули. Как вспоминает сам вратарь, «десять минут промутился, ни одной шайбы не пропустил. Потом подъехал к нашей скамейке — там доктор уже нашатырь приготовил. Понюхал я вату, посмотрел украдкой на тренеров: может, теперь заменят? Нет, мне доигрывать. А самочувствие у меня совсем скверное. Вот-вот потеряю сознание. В той последней десятиминутке я пропустил сразу три шайбы» (голы забилы Хендерсон, Халл и Уолтон. — Ф. Р.).

23 сентября Владимир Высоцкий, который вместе с «Таганкой» находится на гастролях в Риге, согласился лечь в больницу, где ему благополучно «вшили» торпеду. С женой Мариной Влади отношения у него напряженные: узнав, что он в очередной раз сорвался, хотя клятвенно обещал выдержать, она разругалась с ним вдрызг. Как пишет В. Золотухин, «а мне сдается, он рвать с ней хочет. Что-то про свободу он толковал. Раньше, дескать, она именно давала ее. А теперь вот именно она и забирает ее...»

На следующий день вечером (в 19.00) по ЦТ показали четвертый хоккейный матч Канада—СССР. Поскольку он состоялся накануне поздно ночью, многие болельщики уже знали его результат: он закончился вничью 5:5. Счет в игре открыли наши ребята: на 4-й минуте это сделал Валерий Васильев. Однако уже через минуту ветеран канадской сборной 46-летний Горди Хоу восстановил равновесие. Затем точный бросок Бориса Михайлова опять вывел нашу сборную вперед. Но после удаления Александра Гусева неугомонный Бобби Халл сравнял счет. А затем в игре нашей сборной произошел провал: канадцы забилы подряд три шайбы (Халл, Маховлич и снова Халл). Трибуны стадиона ликовали. В эти минуты наш защитник Валерий Васильев выступил в роли... оракула. Вот как об этом вспоминает Владимир Дворцов:

«Во время короткой паузы к бортику, возле которого расположились мы с Николаем Озеровым и спортивным обозревателем «Извес-

тий» Борисом Федосовым, подъехал Васильев и, облокотившись на барьер, как ни в чем не бывало поинтересовался: «Как там в шахматы претенденты сыграли?»

— Ничья, — ответили мы в один голос.

— Ну и у нас тогда ничья будет, — громко, чтобы слышали товарищи, заявил он, отъезжая к центру площадки...»

Васильев угадал — матч закончился со счетом 5:5. В начале третьего периода Александр Якушев отквитал одну шайбу. Потом на 57-й минуте Александр Мальцев сократил разрыв до минимума. А когда до конца игры оставались какие-то считанные секунды, Александр Гусев (которого в первых матчах справедливо ругали за слабую игру) спас нашу сборную от поражения. Таким образом, первый этап Суперсерии-74 закончился вничью: по одной победе и две ничьи.

Эдуард Лимонов и Елена Шапова пакуют вещи, готовясь навсегда покинуть родину. Этот отъезд можно было смело назвать вынужденным, поскольку его инициатива целиком исходила от КГБ. В течение нескольких лет комитетчики пытались бороться с антисоветским образом жизни экстравагантной молодой пары (те печатались в самиздате, дружили с иностранцами, в частности, их лучшим другом был посол Венесуэлы), после чего решили попросту выгнать за границу, сочинив им липовые приглашения в Израиль.

Узнав об их скором отъезде, молодую пару пригласила к себе на дачу бывшая муза Маяковского — Лиля Брик. Причем едва они объявились на пороге, как Брик обратилась к супруге Лимонова с неожиданными словами: «Леночка, я хочу подарить вам на память бриллиантовый браслет, который очень давно купил мне Ося. (Она имела в виду своего первого мужа Осипа Брика.) Этот браслет может подойти только мне или вам». Сказав это, хозяйка отправилась на второй этаж, в спальню, где хранился браслет. Стоявший поблизости муж Брик Василий Катанян, услышав эти слова, тут же бросился следом за женой. В итоге спустя несколько минут та вернулась, смущенная, назад и, пряча глаза, произнесла: «Леночка, извините, я передумала...» Шапова попыталась обернуть ситуацию в шутку: «Ну что вы, Лиля! Глупости! Забудем об этом, а то я чувствую себя героиней Куприна: какие-то страсти по гра-

натовому браслету!» За исключением этого эпизода, та встреча прошла в теплой и дружественной обстановке.

В эти же дни Элем Климов на «Мосфильме» закончил работу над фильмом «Агония». 25 сентября ее смотрел сам председатель Госкино Филипп Ермаш. Просмотр проходил в директорском зале на четвертом этаже. Климов и другие ждали конца просмотра в вестибюле. Когда все закончилось и Ермаш вышел из зала, первой фразой, что он произнес, была: «А где же заговор императрицы?» Затем Ермаш и Климов отошли в сторонку. Ермаш сказал:

— Слушай, скоро будет заседание Политбюро. После заседания они обычно смотрят какую-нибудь новую картину. Сделай-ка мне копию «Агонии».

— Филипп Тимофеевич, у меня черновая запись, несовершенный звук, — попытался возразить Климов.

— Какой звук? Делай, что говорю, я же их никогда потом не соберу вместе. Будут один на один смотреть со своими тещами и женами по дачам.

Однако Климов предпочел остаться при своем мнении. А чтобы Ермаш не заставил его показывать черновую запись насильно, режиссер предпочел на время покинуть столицу — уехал на неделю в Сухуми, где в те дни директор его фильма работал над другой картиной и давно звал его туда отдохнуть.

В эти же дни на том же «Мосфильме» Михаил Швейцер снимает фильм «Бегство мистера Мак-Кинли». Одну из ролей в нем исполняет патриарх советского кинематографа Борис Бабочкин. Однако сам актер сниматься в нем не очень хочет, о чем откровенно признается в своем дневнике: «С 20-го по 30-е сентября я должен сняться у Швейцера, зачем мне это нужно — не знаю. Опять попаду в тот страшный темп, который сведет меня в могилу непременно. Я еще ничего об этой роли не думал. Не смыться ли, пока договор не подписан?..»

26 сентября Золотухин из Риги (там продолжала гастроли «Таганка») отправился в Запорожье, где ленфильмовский режиссер Иосиф Хейфиц должен был начать натурные съемки фильма «Единственная». При чем главреж «Таганки» Юрий Любимов отпустил Золотухина только после того, как тот сумел найти себе подмену в театре — он уговорил сделать это

Владимира Высоцкого. Но, прежде чем допустить его до сцены, Любимов прочел Высоцкому очередную лекцию: мол, вы, сударь, не смогли пройти испытание медными трубами, написали всего лишь несколько приличных песен, а гонору — выше некуда и т. д. и т. п. Высоцкий нашел в себе силы выслушать эти нравоучения молча, поскольку об этом его попросил Золотухин.

В конце сентября обряд крещения прошла актриса Елена Коренева. Двое крестных и матушка Софья повезли ее креститься под Загорск, в церковь Преподобного Сергия Радонежского, к архимандриту Герману. Всю дорогу Елена учила наизусть «Символ веры» и «Отче наш» и, как ни странно, выучила их, хотя в обоих было много старославянского текста. Видимо, сказала актерская закваска.

Однако, оказавшись на месте, женщинам пришлось четыре (!) часа ждать, пока отец Герман освободится — он помогал женщинам месить тесто для просфорок. Первой не выдержала долгого ожидания Коренева, у которой от голода начало сосать под ложечкой. Она повернулась к крестной и шепнула ей на ухо: «Кажется, про нас забыли. Может, пошлем все к чер...». Но договорить она не успела — перед ее носом тут же вырос указательный перст крестной.

Уже когда обряд крещения был закончен и женщины возвращались в Москву, матушка Софья объяснила Кореновой причину их долгого ожидания: дескать, отец Герман таким образом специально проверяет, испытывает, готов ли человек к столь священному действию, как крещение. «Бывает, весь день люди ждут, а он их обратно отсылает. А тебя принял», — закончила свою речь тетушка.

Из Загорска Коренева приехала к матери Андрея Кончаловского Наталье Петровне на Николину Гору. Мать режиссера специально по этому случаю испекла пирог, зажгла свечи и пригласила всех прибывших к столу. После чего поздравила Елену с началом новой жизни — со вторым рождением.

Продолжается финальный матч претендентов на шахматную корону, в котором участвуют Анатолий Карпов и Виктор Корчной. Несмотря на то, что оба шахматиста представляют одно государство, симпатии властей преобладающих целиком и полностью на стороне Карпова.

Сделано все для того, чтобы лишить Корчного даже мало-мальской поддержки: например, симпатизировавшего ему Василия Смылова отправили на время матча подальше от Москвы в командировку. В зале сидели в основном болельщики Карпова, которые громко аплодировали своему кумиру, а Корчного освистывали. В такой обстановке Карпов чувствовал себя как король: он мог позволить себе опоздать на 13 минут на доигрывание, перестал подниматься со стула при традиционном рукопожатии и т. д. Говорят, даже судью матча бельгийца О'Келли обработали как надо: он во всем потакал Карпову. Как вспоминает В. Корчной, «помню, во время 5-й партии, в лучшем для меня положении, я думал над ходом. Карпов встал над доской и вперился в меня взглядом. Так он часто делает... Ситуация была неприятная, но уже знакомая мне. Я обратился к нему с подготовленным вопросом: «Вы что-то хотите сказать?» — «Нет-нет», — ответил Карпов и отошел. Тут же подошел О'Келли (я продолжал думать над ходом): «Карпов жалуетесь, что вы разговариваете с ним во время партии». Он стал сообщником Карпова! Подумать только, сперва Карпов, а за ним судья мешали мне обдумывать ход!..»

К 28 сентября Карпов уже вел в матче со счетом 2:0.

В воскресенье, 29 сентября, в Измайловском парке Москвы состоялась новая выставка художников-неконформистов. Как мы помним, ровно две недели назад точно такое же мероприятие должно было произойти на пустыре возле Профсоюзной улицы, но власти отрядили туда бульдозеры. Шум после этого вышел такой грандиозный, что эхо его разнеслось далеко за пределы Союза. Советские власти, не ожидавшие такого резонанса, растерялись. Поэтому, когда разогнанные художники пригрозили в конце сентября устроить вторую выставку, им неожиданно пошли навстречу и выделили место уже не на пустыре у черта на куличках, а в цивилизованном парке в Измайлове. Туда принесли свои работы 72 художника (на Профсоюзной их было чуть больше двадцати). За несколько часов работы выставки ее посетили около 15 тысяч человек. Но самым главным посетителем в тот день оказался сам шеф КГБ Юрий Андропов, который в течение часа обходил выставленные там картины и даже имел беседу с несколькими представителями

советского андеграунда. Естественно, все понимали, что это показательная акция со стороны Кремля, но все равно — душу грело.

Забегая вперед скажу, что многим участникам и организаторам той выставки ничто не сошло с рук. К примеру, художнику Юрию Жарких какие-то подонки сожгут ноги химикалиями, другой неконформист — питерец Евгений Рухин — погибнет при невыясненных обстоятельствах в своей мастерской. Оскара Рабина и Александра Глезера лишат советского гражданства и т. д. и т. п.

В донских степях продолжают съемки фильма «Они сражались за Родину». Вот как вспоминает о них один из самых молодых участников — актер Андрей Ростоцкий:

«Съемки были опасные, но в силу молодости я не знал страха. Скорее, было тяжело физически: донская степь, ни единого кустика, изнуряющее солнце, когда в тени 40 градусов.

Рядом с нами постоянно работали саперы: они извлекли более 60 килограммов взрывчатки, оставшейся после войны. Находили и человеческие останки. Никогда не забуду, когда у меня в руках развалилась берцовая кость и из нее выпала пуля. Был случай, когда один из артистов прилегло спать прямо в окопе: ворочался, ворочался — смотрит, какая-то банка под ним. А это — мина. Как-то один из танков, не услышав команды второго режиссера Владимира Досталю, не остановился, а пошел на полном ходу на массовку. Сидины ему прибавили и кадры, где меня «давил» немецкий танк. Кстати, это был мой первый самостоятельный трюк в кино, и за него по договору, где говорилось, что съемочная группа никакой ответственности за мою жизнь не несет, мне выплатили хорошие по тем временам деньги — 50 рублей...»

В последние дни сентября снимали эпизод, где бойцы стоят в строю с полковым знаменем. Самый низеньким из актеров оказался Василий Шукшин, который на фоне высоких коллег — например Вячеслава Тихонова и Георгия Буркова — «выпадал» из кадра. Стали думать, как это дело исправить. И придумали соорудить для Шукшина специальную подставочку, на которую он должен был вставать ногами, а оператор снимал бы его только по грудь. После съемок Шукшин упросил мастера, соорудившего эту подставочку, подарить ее ему. Он даже имя ей ласковое придумал — «шукшиноч-

ка». Однако увезти ее домой Шукшину было уже не суждено — жить Василию Макаровичу оставалось всего лишь несколько дней.

30 сентября из Советского Союза уезжали Эдуард Лимонов и Елена Шапова. По иронии судьбы, их путь лежал в Вену, где после войны работал комендантом города отец Елены Сергей Козлов. Вместе с ними в том же самолете из страны улетали еще несколько «отъезжантов»: художник Бахчанян с женой, писатель Юрий Мамлеев и журналист Сулов из «Литературной газеты». Как вспоминает сама Шапова, она уезжала на чужбину практически налегке: с ней был всего лишь маленький чемоданчик с фотографиями и вечерними платьями (в свое время она работала моделью у Вячеслава Зайцева).

В тот же день Высоцкий с Аллой Демидовой и Иваном Дыховичным вернулся из короткой поездки в Москву обратно в Ригу. Днем они всем театром поехали в Сигулду, чтобы показать там спектакль «Добрый человек из Сезуана». По дороге Высоцкий долго рассказывал попутчикам о том, как этим летом ездил в Югославию на съемки фильма «Единственная дорога». С гордостью сообщил, что приобрел там дорожную обновку для своей супруги Марины Влади — дубленку. Вечером после спектакля актеры отправились в ресторан.

Во второй половине сентября в столичных кинотеатрах состоялись премьеры следующих фильмов. Так, 16 сентября на экраны вышли сразу несколько новых лент: музыкальный фильм Евгения Шерстобитова «Поцелуй Чаниты» с участием Ларисы Ереминой, А. Евдокимова и др.; революционная драма Николая Гибу и Леонида Проскурова «Гнев» с участием Олега Янковского, Виктории Федоровой, Дальвина Щербакова и др.; историческая драма «Дмитрий Кантемир» и биографический фильм тех же молдавских кинематографистов про героя гражданской войны Григория Котовского «Последний гайдук». 22-го в прокат запустили новую ленту Владимира Фетина «Открытая книга», где в главных ролях снялись: супруга режиссера Людмила Чурсина, а также Владислав

Дворжецкий, Александр Демьяненко и др. Из зарубежных премьер назову следующие: «Апачи» с Гойко Митичем (с 23-го широкий прокат), английская экранизация Джека Лондона «Зов предков» (с 30-го).

Кино по ТВ: «Кутузов» (16-го), «Земля, до востребования» (впервые по ТВ, 16—17-го), «Увольнение на берег» (19-го), «Попутного ветра, «Синяя птица» (21-го), «Выстрел» (22-го), «Отчий дом» (23-го), «Первая девушка» (26-го), «Павел Корчагин» (27-го), «Маленькие комедии большого дома» (преьера т/сп) (28-го), «Сажены» (впервые по ТВ), «Профессор преступного мира» (29-го) и др.

Театральные премьеры: 20-го — в Театре имени Вл. Маяковского был показан спектакль «Родственники» Э. Брагинского и Э. Рязанова с участием Владимира Самойлова, Светланы Немоляевой, Евгения Герасимова, Александра Мартынова и др.; 22-го в Театре имени Моссовета — «Арктический роман» с участием Леонида Маркова, Юрия Кузьменкова и др.; 24-го в Театре имени Ермоловой — «Красный ангел».

Эстрадные представления: 20—22-го в «Октябре» прошли сборные концерты с участием Аллы Пугачевой, Юлия Слободкина, Жанны Бичевской и др. 27—29-го в том же «Октябре» должны были состояться концерты польской певицы Анны Герман, но их отменили из-за болезни артистки.

Новинки «Мелодии»: миньоны — «Поэт Эдита Пьеха» («Ла батэйя» Т. Таньо; «Вернись» Р. Бернс; «Я к тебе не вернусь»; (А. Петров — И. Резник); «Любовь» (О. Фельцман, М. Филипп-Жерар — Н. Олев); «Поэт ВИА «Лира» («Красная тревога», «Не отводи от жизни глаз», «Баллада о неизвестном солдате»).

Из пластинок журнала «Кругозор» (№ 9) выделю одну: «Поэт Валерий Ободзинский» с песнями «Вечный вальс» (Н. Богословский — И. Кохановский), «Я люблю» (Д. Тухманов — В. Харитонов). Здесь же была помещена и статья про певца (большая редкость по тем временам, поскольку власти Ободзинского не очень привечали).

1974 Октябрь

«Калина красная» в Болгарии. Шукшин рисует собственные похороны. Последняя банька Шукшина. Суперсерия по хоккею добралась до Москвы. Умер Василий Шукшин. Траурный рейс. Жена Шукшина летит в Москву, не догадываясь о смерти мужа. Сададьского выгнали со спектакля. Черные дни для Рустама Хамдамова. Второй матч СССР — Канада: драка после игры. Очередная автоавария Высоцкого. Бенефис Савелия Крамарова. Как искали могилу для Шукшина. Сборная СССР — победитель Суперсерии. Матерный скандал на футболе. Похороны Шукшина. Москва в шоке: неизвестный маньяк напал сразу на трех женщин. Золотухин полез на водосточную трубу. Роднина и Зайцев уходят от своего тренера. Борис Сичкин продолжает сидеть в тюрьме. Как «ушли» Александра Рагулина. В роли нищего — бывшая звезда спорта. Нелепая смерть футболиста Анатолия Кожемякина. Новые песни Высоцкого. 40 лет Михаилу Козакову. Андрей Миронов — заслуженный артист РСФСР. Миронов ушел от своей жены. Олег Борисов — народный артист РСФСР. Конкурс артистов эстрады: Алла Пугачева вытягивает номер 13. Борис Брунов хвалит Клару Новикову. Пожар в столичной подземке. Паника в Москве: слухи про маньяка достигают апогея. Гангстеры из Чапаевска. Летняя Олимпиада-80 состоится в Москве. Фильм Хамдамова окончательно закрыли. Самоубийство министра культуры СССР Екатерины Фурцевой. Мария Бабанова едва не умерла на сцене. «Ирония судьбы»: неудачные пробы Андрея Миронова. Гелена Великанова вступает за Аллу Пугачеву. Клара Новикова отмечала свою победу в ресторане. Шикарный прием для канцлера ФРГ. Кто довел жену канцлера до бешенства. Похороны Фурцевой. Высоцкий разбил петровские бокалы. Ангелина Вовк едва не лишилась работы. Первый День политзаключенного в СССР. Умер лучший Сталин советского кинематографа. Последний день Геннадия Шпаликова. Аншлаг на «Трех мушкетерах» в ТюЗе.

Лидия Федосеева-Шукшина встретила октябрь в болгарском городе Варне, где проходил фестиваль художественных фильмов. Приехала она туда еще 22 сентября, привезя с собой фильм своего мужа «Калина красная». Аккурат 1 октября состоялся официальный просмотр фильма, который вызвал у всех присутствующих настоящий фурор. Лидия Федосеева была счастлива, и ее сердце в те минуты даже не екнуло от каких-либо дурных предчувствий по поводу мужа, которому жить оставалось каких-нибудь несколько часов (кстати, в фильме «Они сражались за Родину» Федосеева сыграла эпизодическую роль... вдовы, причем по подсказке самого Василия Шукшина).

Между тем натурные съемки фильма «Они сражались за Родину» подходят к концу. Втор-

ник, 1 октября, обещал стать не самым трудным, поскольку все главные сцены уже отсняли. Но примерно за час до съемок произошел совершенно мистический случай, на который тогда никто не обратил внимания, но спустя сутки о нем узнали все. Василий Шукшин сидел в гримерной и, ожидая, когда гример начнет накладывать на него грим, от нечего делать стал макать булавку в баночку с красным гримом и что-то рисовать на обратной стороне пачки сигарет «Шипка». Эти его художества заметил Георгий Бурков.

— Ты что рисуешь? — поинтересовался он, у Шукшина.

— Да вот видишь, вот горы, небо, дождь, ну в общем похороны. «Смерть в тумане» называется.

Бурков тут же вырвал из рук коллеги пачку и сунул ее себе в карман. А коллеге посоветовал больше такой ерундой не заниматься. Шукшин в ответ засмеялся: дескать, мнительный ты, Джорджоне (так он любя называл Буркова).

После съемок Шукшин предложил Буркову съездить в Клетскую попариться в тамошней баньке. Водителем «уазика», на котором они туда выехали, был молодой парень Пашка. Выезжая из станицы, он неудачно развернулся и задавил одну из станичных кошек. От ее дикого визга Шукшина начали бить нервные судороги, и Бурков еле его успокоил. Когда они наконец приехали к баньке, Пашка рассказал о происшествии ее хозяину — пожилому дядьке, который был отцом заведующего местной кинофикацией. Старик покачал головой: «Не к добру это, к большой беде примета... Ну, да это раньше в приметы верили, сейчас все не так...»

Видимо, Шукшин все еще находился под большим впечатлением от происшедшего, поэтому от мытья отказался. Он даже на полок не поднимался, посидел внизу, погрелся. Потом они обедали у старика-хозяина: ели лапшу, затем пили чай со зверобоем и медом. Дважды — до обеда и после Шукшин звонил в Москву, однако трубку на том конце никто так и не взял (жена все еще находилась в Болгарии, а дочери, видно, гуляли с тещей).

К вечеру Шукшин с Бурковым вернулись в Мелологовскую, на теплоход «Дунай», где жила съемочная группа. Успели аккуратно к хоккейному матчу СССР — Канада, который начался в 19.30. Это была прямая трансляция из столичного Дворца спорта первого матча второго этапа хоккейной Суперсерии-74. Как и в Канаде, где эти игры вызвали небывалый ажиотаж, трибуны московского Дворца спорта были переполнены до отказа. Официально билеты в кассах стоили от 100 до 150 рублей, однако достать их простому смертному было практически невозможно: все разошлось по блатным «верхам». Был еще шанс купить билеты с рук у спекулянтов, но те заламывали за них астрономические суммы — до 500 и выше рублей. И все равно находились люди, которые выкладывали за них такие деньги.

Ваш покорный слуга смотрел эту игру по «ящику». Сердце радовалось оттого, что эта часть Суперсерии транслируется вживую, а значит, интрига могла сохраняться вплоть до

финальной сирены. А что еще нужно заядлому болельщику для полного счастья? Именно эта интрига и нужна. А тот первый матч был на нее богат с избытком. Дойдя до второго этапа с равными показателями, обе команды стремились в первой же игре добиться успеха, понимая, что он может определить исход всей серии. Игроки бились на льду аки гладиаторы. Но удачливее оказались наши ребята, у которых шестым игроком на площадке были родные стены.

Первый период только начался, а вратарь канадцев Чиверс уже вынужден был доставать шайбу из своих ворот: на 5-й минуте гол забил Александр Мальцев с подачи Владимира Викулова. Канадцы бросились отыгрываться, но у них в тот день ничего не получалось. Достаточно сказать, что сам Бобби Халл умудрился бросить по воротам Третьяка в первом периоде только один (!) раз.

И все же в самом начале второй двадцатиминутки (на 17-й секунде!) наши прозевали выход ветерана канадцев Горди Хоу, и тот сравнял счет. Но в конце периода наши вновь вышли вперед — и опять гол забил неутомимый Мальцев. Затем, уже в третьем периоде, Александр Гусев увеличил разрыв до 3:1, что стало серьезной заявкой на победу. Так оно и вышло. Хотя канадцы и сократили разрыв до минимума — шайбу забросил сын хоккейного ветерана Хоу Марк, — однако спасти игру им так и не удалось. Как с горечью заявит сразу после матча тренер канадцев Билл Харрис: «Моих ребят, наверно, растрясло в самолете. Но я-то полагаю, что мои парни — не нежные барышни...»

Трансляция матча закончилась поздно вечером — около одиннадцати часов. Досмотрев игру, актеры разошлись по своим каютам. Но в 4 часа утра Бурков, которому почему-то не спалось, вышел из каюты и в коридоре увидел Шукшина. Тот держался за сердце и стонал. «Валидол не помогает, — пожаловался он. — Нет у тебя чего-нибудь покрепче?» Фельдшерницы той ночью на теплоходе не было (она уехала на свадьбу), но Бурков знал, что у кого-то из артистов есть капли Зеленина. Он сходил и принес их Шукшину. Тот выпил их без меры, запил водой и вновь потер грудь. «Ну как, Вася, легче?» — поинтересовался Бурков. «Подожди, они же не сразу действуют», — ответил Шукшин.

Они зашли в каюту Шукшина. Бурков сказал, что скоротает с другом оставшиеся несколько часов. Но Шукшин возразил: «Что я, девочка, что ли, охранять меня... Нужен будешь — позову. Иди спать». Бурков спорить не стал. Даже придя к себе в каюту, долго прислушивался к ночным звукам — все ждал, что Шукшин его позовет. Но вокруг было тихо. Вскоре Бурков заснул, а когда проснулся, то часы показывали около десяти часов утра. Вспомнив о Шукшине, он бросился к нему в каюту. Друг лежал в кровати на левом боку, причем что-то в его позе показалось Буркову «не таким». Но он прогнал от себя всяческие подозрения. Осторожно взял со стола заварку и ушел к себе в каюту. Там он вскипятит чайник, разлил чай в два стакана и бросил в них по два куска рафинада. После чего отправился будить Шукшина.

Когда Бурков дотронулся до руки друга, он ощутил неестественный холодок. Понимая, что произошло непоправимое, Бурков, пятясь спиной, вышел в коридор. Войдя в свою каюту, он подумал: «Не может быть... С ума схожу, не иначе...» Он машинально размешал в стакане с чаем сахар и отпил пару глотков. «Вот же, пью чай, чувствую — сладкий», — пронеслось в его сознании. Затем он вновь вышел в коридор. Навстречу шел Николай Губенко. Бурков остановил его и, взяв за руку, сказал: «Пошли к Васе». Но, видимо, что-то было написано на его лице, потому что Губенко отшатнулся от него и закричал: «Что-о-о? Нет-нет, не хочу, не могу...»

И все же именно Губенко пришлось первым убедиться в том, что Шукшин умер. Он вошел в его каюту, потряс коллегу за плечо, а когда тот не отреагировал, пощупал пульс. Пульса не было. Спустя несколько минут о трагедии уже знала вся съемочная группа.

Через некоторое время к месту происшествия приехала «Скорая помощь», милиция. Одной из понятых оказалась местная жительница, бывшая партизанка и жена Героя Советского Союза Евгения Платонова. Это она позднее первой поведала землякам о том, что в смерти Шукшина «что-то нечисто». По ее словам, когда они приехали на «Дунай», все в каюте было разбросано, будто кто-то что-то искал. А сам Шукшин лежал в постели скорчившись. Однако эта картина никак не вязалась с фотографией криминалистов, где покойный лежал

в ухоженной каюте, прикрытый одеялом, словно спит. А Георгий Бурков много позже будет рассказывать, что в тот момент, когда он пришел в каюту Шукшина за заваркой, там ощущался сильный запах корицы — запах, который бывает, когда пускают «инфарктный» газ. Были и другие подозрительные моменты в смерти Шукшина, однако ни один из них так и не нашел своего подтверждения.

Тело Шукшина в тот же день доставили в Волгоград, где врач сделал вскрытие в присутствии студентов. Диагноз — сердечная недостаточность. Из Волгограда цинковый гроб на военном самолете должны были доставить в Москву. Но вылететь сразу не удалось — сотни волгоградцев заперудили взлетную полосу и траурная процессия шла мимо самолета в течение нескольких часов. Наконец разрешили взлет. Гроб, который был упакован в громадный деревянный ящик с четырьмя ручками, сопровождали Сергей Бондарчук, Георгий Бурков, Николай Губенко, Вячеслав Тихонов, оператор Вадим Юсов, другие участники съемочного коллектива. Тело Шукшина привезли в морг Института Склифосовского. Однако там отказались делать повторное вскрытие, мотивируя тем, что одно вскрытие уже было произведено.

В тот же день весть о смерти Шукшина достигла Варны, где находилась его жена Лидия. Однако организаторы тамошнего кинофестиваля побоялись сообщать ей о смерти мужа, придумав другую причину для ее немедленного вылета в Москву: дескать, Шукшина положили в больницу. Лидия Федосеева хоть и испугалась, но не так сильно, поскольку к частым пребываниям супруга в больницах уже привыкла. Поэтому на родину она летела без тягостных предчувствий. Но едва она прилетела в Москву и у трапа самолета увидела лица своих друзей, как тут же схватилась за сердце. «Что случилось?» — спросила она. «Вася умер», — ответили ей. Всю дорогу от аэропорта до больницы, где лежало тело Шукшина, Лидия Федосеева рыдала и кричала: «Не может быть! Не может быть!» На тот момент она была беременна (они с мужем ждали сына), но внезапная смерть Шукшина не позволит осуществиться желаемому: у актрисы случится выкидыш.

Большинство коллег Шукшина восприняли его внезапную кончину с настоящей болью. Говорят, Андрей Тарковский, едва ему об этом

сообщили, упал в обморок. А Владимир Высоккий впервые в жизни заплакал. Позднее он сам признается в этом: «Я никогда не плакал. Вообще. Даже маленький когда был, у меня слез не было — наверное, не работали железы. Меня даже в театре просили — я играл Достоевского — и режиссер сказал: «Ну, тут, Володь, нужно, чтобы слезы были». И у меня комок в горле, я говорить не могу — а слез нету. Но когда мне сказали, что Вася Шукшин умер, у меня первый раз брызнули слезы из глаз...»

В день смерти Шукшина актриса Тамара Семина снималась в натуральных эпизодах фильма «Матерь человеческая». Съёмки проходили на родине Михаила Шолохова в станице Вешенской, что на севере Ростовской области. Вот как актрисе запомнился тот день — 2 октября:

«Вторым оператором у нас была Настя Саруханова. Однажды во время съёмок она подходит ко мне и очень решительно говорит: «Петровна, заканчивай съёмку. Кончайте работу. Большое несчастье». — «Настенька, умоляю, отойди», — продолжаю рыть могилу, чтобы «закопать» в нее молоденького «убитого солдата». Она настаивает на своем: «Нельзя при живых людях рыть могилу».

Мы эпизод сняли, но не до конца и поехали в гостиницу. Я нахожусь под впечатлением сказанных ею слов. С почты возвращается Дима Коржихин. Весь желто-зеленый...

«Что с тобой?» Он весь трясется: «Шукшин умер».

Мы все смотрим на Настю, а она нам: «Я же вам говорила».

Назавтра продолжаем съёмку этого же эпизода, она подходит ко мне и говорит: «У одного из нашей группы дальний родственник умрет». Старший администратор получает сообщение: теща умерла. Мы стали бояться Настю. Она вся была погружена в предсказания...»

А вот как вспоминает о том дне, 2 октября, другой актер — С. Садальский: «Вечером Москва шумела: умер Василий Шукшин. Одни говорили — прободение язвы. Другие — острая сердечная недостаточность. В этот день в Театре имени Маяковского была премьера спектакля «Деловые люди» по Шукшину. Я прошел на нее по удостоверению театра «Современник», где в то время начал служить. Контрамарка без места лежала в кармане. С минуты на минуту должен был погаснуть свет, и я стоял в центре

зала, чтобы занять место какого-нибудь запаздывающего зрителя. Вдруг подходит очень важный господин:

— Извините, вы не Садальский? Тогда можно попросить вас пройти в фойе? С вами хочет поговорить Андрей Александрович Гончаров.

«О, вот она, слава!» — подумал я. Но Гончаров с ехидной улыбкой прошипел:

— Какое счастье, кто к нам пожаловал! Восходящая звезда! Покажите ей, где выход из нашего театра. А не подчинится, зовите милицию...» (Таким образом Гончаров припомнил Садальскому скандал, произошедший прошлой осенью: Садальский позволил себе на репетиции не подчиниться Гончарову, и его уволили из Театра имени Вл. Маяковского, где он не прослужил и нескольких дней. — Ф. Р.)

Так получилось, но именно на день 2 октября выпало открытие сезона в столичном Доме кино. В тот вечер там был показан фильм Андрея Михалкова-Кончаловского «Романс о влюбленных», который на недавнем фестивале в Карловых Варах был удостоен Главного приза. Зал Дома кино переполнен, однако все разговоры сводились к одному — смерти Шукшина. Впрочем, иначе и быть не могло.

3 октября на «Мосфильме», в Экспериментальном творческом объединении, был собран художественный совет по фильму Рустама Хамдамова «Нечаянные радости», посвященному звезде немого кинематографа Вере Холодной (эту роль играла Елена Соловей). Увиденное худсовету не понравилось, что вполне закономерно. Дело в том, что Хамдамов хотел осуществить трюк, которым пользовались многие талантливые советские кинорежиссеры. Чтобы обойти цензуру, они писали два сценария: один — для студии и Госкино, другой, значительно от него отличавшийся, — для реальных съёмок. Этот второй сценарий они называли «рабочим». Трюк был незаконным и опасным, но во многих случаях «проходил». Однако в случае с Хамдамовым вышла осечка: несоответствие сценария и снятого материала «засекли» пришедшие на просмотр в объединение члены главной дедколлегии «Мосфильма». На том заседании от 3 октября практически все говорившие сошлись на том, что Хамдамов самовольно перекроил первоначальный сценарий и снял совсем не то, что требовалось. Именно тогда был вбит первый гвоздь в гроб

хамдамовского фильма, который год спустя стараниями Никиты Михалкова переродится в другую ленту — «Рабу любви».

В тот же день вечером в Лужниках состоялась вторая московский матч хоккейной Суперсерии СССР — Канада. Он начался, как и предыдущий, с молниеносных атак нашей сборной. Уже на 30-й секунде игры Валерий Харламов, воспользовавшись ошибкой защитника Рика Лея, перехватил шайбу и отдал ее Борису Михайлову. Счет стал 1:0. Спустя две с половиной минуты наши вновь отличились — гол забил Валерий Васильев. Кажется, такого начала матча не ожидали не только канадцы, но и зрители, забившие до отказа Дворец спорта в Лужниках.

Во втором периоде шла обоюдоострая игра, и шайба могла побывать как в одних, так и в других воротах. Но во всех случаях прекрасно играли Третьяк и Чиверс. И все же первым повезло канадцам — Уль сократил разрыв до минимума. А на 27-й минуте ошибку допустил наш защитник Геннадий Цыганков — он выложил шайбу точно на клюшку Марку Хоу, и тот сделал ничью. Канадцы играли грубо, каждый раз норовя вывести из строя ведущих наших игроков. В итоге в середине игры травму получил Мальцев. Вместо него на площадку вышел дебютант сборной Сергей Капустин. И тут же отличился: на 29-й минуте с его подачи Вячеслав Анисин вывел нашу сборную вперед — 3:2. После этого нервы канадцев не выдержали окончательно — они стали нарушать правила, и судья безжалостно отправлял грубиянов на скамейку штрафников. На 34-й минуте, когда трое канадцев играли против четверых наших, Юрий Шаталов увеличил разрыв до 4:2. А в третьем периоде Валерий Харламов поставил победную точку — 5:2.

Однако едва прозвучала финальная сирена, как защитник канадцев Рик Лей, который практически весь матч охотился за Харламовым, но так и не сумел его одолеть, бросил перчатки на лед и, вместо того чтобы пожать нашему нападающему руку, начал его избивать. Тут же, как по команде, и многие другие канадцы набросились на наших хоккеистов с кулаками. Видимо, свое разгромное поражение канадцы решили компенсировать хотя бы таким варварским способом. Судьи пытались разнять дерущихся, но ввиду своей малочисленности — всего три человека — получалось у них это плохо. В ито-

ге драка длилась около десяти минут, и все это время зрители не покидали Дворец спорта. А ведь еще до начала Суперсерии тренер канадцев обещал, что его подопечные не повторят судьбы своих драчливых предшественников по Суперсерии-72. Но, увы...

В пятницу, 4 октября, едва не погиб Владимир Высоцкий. В тот день «Таганка» переезжала из Риги в Ленинград, чтобы там продолжить гастроль, и Высоцкий намеревался добраться туда на своей «бээмвухе». Гнал так, что протекторы кипели. А дорога была мокрая, после дождя. Вот его автомобиль и занесло на повороте. К счастью, кювет оказался неглубоким, и автомобиль кувыркнулся всего лишь один раз. Помятым оказался только бок машины, а сам Высоцкий заработал легкий ушиб. Произошло это за семьдесят километров от Ленинграда.

В тот же день в половине десятого вечера по 1-й программе ЦТ в эфир вышел первый «Бенефис» режиссера Евгения Гинзбурга. Говорят, инициатором создания подобной передачи выступил сам председатель Гостелерадио Сергей Лапин. Якобы тот был сильно недоволен засильем эстрады на голубых экранах и давно вынашивал идею передачи, где главные роли отводились бы драматическим актерам. Песни и интермедии в их исполнении грели душу Лапину куда больше, чем в исполнении Муслима Магомаева или Эдиты Пьехи, которые в 70-е годы действительно слишком много выступали на отечественном ТВ.

Герою дебютного «Бенефиса» стал один из самых популярных советских комиков Савелий Крамаров. Хорошо помню эту премьеру, поскольку она произвела на меня шоковое впечатление (кстати, не только на меня). Привыкший видеть в Крамарове только комикащего актера, я был приятно удивлен, когда увидел его в роли чтеца стихов и исполнителя отрывков из драматических спектаклей. Я еще тогда подумал: «Надо же, он и так тоже может!»

В столице решается вопрос о похоронах Василия Шукшина. Мать умершего Мария Сергеевна хочет увезти тело сына на родину — в село Сростки на Алтае и похоронить его там. Однако друзья и коллеги Шукшина буквально умоляют ее не делать этого — мол, в таком случае многие люди не смогут прийти к нему на могилу. В итоге друзья добиваются от властей разрешения похоронить Шукшина на самом

престижном столичном кладбище — Новодевичьем. Но у тех были иные планы. «Слишком жирно будет!» — сказал кто-то из сановных чиновников и распорядился похоронить Шукшина на неприметном Введенском кладбище. Там уже приготовили могилу, но Шукшин в нее так и не лег (в феврале 1975 года в ней похоронят знаменитого боксера Валерия Попенченко, о чем я еще расскажу). Дело в том, что за два дня до похорон — 5 октября — Сергей Бондарчук лично отправился в Моссовет и стал требовать, чтобы Шукшина похоронили на Новодевичьем. Дело дошло до самого председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина. «Это тот Шукшин, который о больнице написал?» — спросил он, имея в виду нашумевшую статью «Кляуза» в «Литературной газете». Брежнев в тот момент находился с официальным визитом в ГДР, и Косыгин взял ответственность за решение этой проблемы на себя. В конце концов вопрос с Новодевичьем решился положительно.

В эти же дни съемочная группа фильма «Не может быть!» во главе с Леонидом Гайдаем продолжает снимать натуру в Астрахани. Снимались эпизоды с участием Олега Даля (Барыгин-Амурский) и Михаила Кокшенова (Верзила): Барыгин-Амурский уводит из-под носа Верзилы букет цветов и убегает от него на автобусе; Барыгин-Амурский поет «Песенку про Купидона». Как вспоминает М. Кокшенов, сразу после съемок они с Далем обычно покупали несколько бутылок пива и шли в гостиницу, где предавались любимому занятию: под пиво смотрели матчи хоккейной Суперсерии. 5 и 6 октября игрались седьмой и восьмой, заключительные, матчи.

В предпоследней игре, несмотря на все желание канадцев открыть счет первыми, им это сделать не удалось — на 4-й минуте это сделал Вячеслав Анисин. А затем его одноклубник по «Крыльям Советов» Юрий Тюрин довел счет до 2:0. Но на 18-й минуте Уэбстер хорошо сыграл на нашем «пяточке» и забил гол в ворота Третьяка.

Второй период только начался, а Бекстрем уже сравнял счет — 2:2. Казалось, канадцы воспрянул духом и попытаются вырвать так нужную для них победу. На 37-й минуте, когда у нас был удален Цыганков, Марк Хоу выводит свою команду вперед — 3:2. Но затем для канадцев наступил настоящий кошмар. Не вы-

держали нервы у Степлтона, и, когда он отсидел двухминутный штраф, Гусев сравнял счет. А через несколько секунд Борис Михайлов забил еще одну шайбу — 4:3. Канадцы бросились отыгрываться, и на 47-й минуте им это удалось — гол забил Бекстрем. Однако уйти с поля победителями гостям так и не удалось. В итоге этот результат поставил крест на мечтах канадцев свести Суперсерию хотя бы к ничьей.

Однако, несмотря на общее поражение, канадцы в последней встрече играли в полную силу. А наши тренеры выпустили на лед целую группу «засидевшихся» игроков (Александр Сидельников, Юрий Ляпкин, Виктор Кузнецов, Виктор Шалимов, Сергей Котов, Александр Попов) вместо травмированных Третьяка, Васильева, Цыганкова, Бодунова, Петрова, Лебедева, Михайлова (последнему в тот день исполнилось 30 лет).

Матч начался с необычного события: по радиотрансляции было объявлено на двух языках о том, что если канадцы нарушат соглашение о недопущении грубости, то заключительный матч будет прекращен. Канадцы учли это обстоятельство и практически всю игру вели себя более или менее корректно. Они первыми открыли счет: на 14-й минуте, после удаления Александра Якушева, это сделал Бобби Халл. Кстати, в Москве наши защитники не дали ему выступить в полную силу: если в Канаде он забросил нам 6 шайб, то в Москве всего лишь одну (вторую судья не засчитал). В начале второго периода последовало уже удаление у канадцев (удалили Хэррисона), и Якушев сумел реабилитироваться — счет сравнял.

На первой же минуте третьего периода Шалимов вывел нашу сборную вперед — 2:1. Канадцы пытались отыграться, создали ряд опасных моментов у наших ворот, но здорово сыграл наш дебютант — вратарь Александр Сидельников. А потом произошло невероятное: у нас за грубость удалили Владимира Шадрина аж на 5 минут, но гол забил наши — это сделал все тот же Шалимов. Спустя шесть минут — на 57-й — Бекстрему удалось сократить разрыв до минимума, но сделать большего они уже не успели — прозвучала финальная сирена. В итоге Суперсерия-74 завершилась общей победой нашей сборной: она выиграла 4 матча, 3 свела вничью и одну проиграла.

А теперь от хоккея перейдем к футболу. В те дни проходили игры чемпионата СССР по футболу (до конца первенства оставалось чуть больше месяца), один из которых наделал много шума в спортивных и околоспортивных кругах. Речь идет об игре между принципиальными соперниками «Спартаком» и ЦСКА, которая состоялась в воскресенье, 6 октября, в Лужниках в присутствии 50 тысяч зрителей. Обеим командам очки были нужны до зарезу: «Спартак» рвался к чемпионству (входил в тройку лидеров), а перед армейцами реально маячила угроза вылета в первую лигу. Поэтому матч выдался нервным. Когда спартаковцы первыми открыли счет, армейцы стали нервничать еще сильнее и бросились отыгрываться. Но все их атаки разбивались о надежную оборону «Спартака». В один из таких моментов, когда очередная атака ЦСКА захлебнулась, их капитан Владимир Капличный, раздосадованный на кого-то из своих партнеров, заорал во все горло: «Е... твою мать!» Услышавший это судья Липатов (а не услышать было невозможно, если даже зрители на последних рядах отреагировали дружным смехом) тут же показал матерщиннику красную карточку, то бишь удалил его с поля. Армейцы остались вдесятером, и ни о каком отыгрыше речь уже не шла. В результате «Спартак» победил 2:1. Но история на этом не закончилась.

Сразу после игры в раздевалку к Липатову примчался начальник ЦСКА и устроил ему форменный разнос: мол, судить ты больше не будешь, завтра же доложу о твоём безобразном судействе самому министру обороны (а министр обороны Андрей Гречко был в ту пору членом Политбюро!). И ведь доложил. Когда Гречко узнал, что его любимую команду «засудили», приказал своим людям досконально разобраться в случившемся. Была создана специальная комиссия, которая отправилась прямиком в Останкино — смотреть запись злополучного матча. Смотрели дотошно, чуть ли не с лупой в руках. И что же обнаружили? Оказывается, судья Липатов, которого подозревали в тайных симпатиях к «Спартаку», по ходу игры вынес ему 14 наказаний, а ЦСКА на одно меньше. Причем практически все наказания были справедливыми. Поэтому, как ни хотелось членам комиссии найти компромат на судью, сделать это им так и не удалось.

В понедельник, 7 октября, в Москве состоялись похороны Василия Макаровича Шукшина. Вот как об этом вспоминает оператор А. Заболоцкий:

«Утром в день похорон приехали в морг. Коля Губенко распорядился везти гроб прямо в Дом кино, но мы настояли провезти гроб по проспекту Мира, по улице Бочкова, мимо квартиры, в которой и пожил-то Макарыч немногим больше года...»

Стоит отметить, что в тот день таксисты Москвы решили как один колонной проехать мимо Дома кино, где проходила панихида, и клаксонами подать сигнал печали. Однако сделать это им не позволили. В Союзе кинематографистов узнали об этой инициативе и тут же связались с КГБ. Сразу после этого по всем таксомоторным паркам последовало распоряжение задержать выезд машин в город.

Власти как могли пытались сделать так, чтобы похороны собрали как можно меньше людей (выбрали будний день, никаких сообщений в газетах не давали), но люди все равно узнавали друг от друга о времени и месте прощания и приходили туда чуть ли не семьями. Причем приезжали даже из других городов. К примеру, Владимир Высоцкий примчался в столицу из Ленинграда, где находился на гастролях. Он ехал на собственной «бээмвухе» пять часов. При этом сделал всего лишь одну остановку, чтобы заправиться.

Вспоминает Э. Климов: «Мы приехали с Ларисой Шепитько в Дом кино, где шло прощание. Гроб на постаменте. Океан слез. Сменялся через каждые несколько минут траурный караул. И мы готовимся надеть эти жуткие повязки. И в этот момент меня берет за рукав некто Кияшенко. Был такой редактор в Госкино, возглавлял куст исторического фильма. И он ко мне так принакает и шепчет: «Мы тут посоветовались, — а гроб рядом стоит, в двух шагах, — что «Разина», Элем Германович, вам надо делать. В ЦК мы уже проконсультировались...» Меня будто током ударило! Разворачиваюсь — пришиб бы его, наверное, на месте. Лариса успела меня схватить: «Ты что?! Здесь...»

Вспоминает А. Заболоцкий: «К концу панихиды Мария Сергеевна (мать В. Шукшина) просит меня вытащить из гроба калину, от нее сырости много: ее действительно много нанесли, и я, убирая маленькие веточки, под белым

покрывалом нащупал много крестиков, иконок и узелков... Много прошло возле гроба россиян, и они положили заветное Шукшину в гроб. Его хоронили как христианина. Во время последнего прощания Лидия Федосеева отдала мне скомканную прядь его волос, ничего не сказала. Я опустил в гроб и эти волосы (а может, по ним-то можно было определить, от какой же «интоксикации» наступила смерть. Ведь говорил же врач в Волгограде: смерть от интоксикации кофейной или табачной).

Еще помню четко: когда несли гроб уже после прощального митинга на кладбище к месту захоронения, сбоку, через нагромождения могил, пробирался рысцой испуганный директор студии имени Горького Григорий Бритиков. Он походил на возбужденного школьника, совершившего шалость. И мне вдруг вспомнились слова Макарыча на кухне: «Ну мне конец, я расшифровался Григорию. Я ему о геноциде против России все свои думы выговорил...»

Стоит отметить, что власти категорически запретили снимать на пленку похороны Шукшина: такое указание получили все столичные киностудии. И все же нашелся один человек, который, на свой страх и риск, нарушил этот приказ. Это был оператор Валерий Головченко, который, взвалив на себя громоздкий аппарат, в одиночку донес его до Дома кино и снял уникальные кадры народного прощания с Шукшиным.

В тот день, когда Москва прощалась с Шукшиным, к моему отцу из Узбекистана приехала представительная делегация земляков во главе с его сводным братом и еще тремя близкими друзьями. Хорошо помню те дни, поскольку наша двухкомнатная квартира в коммуналке никогда еще не принимала такого количества гостей. Отец специально взял несколько дней отгулов на работе и с утра до вечера водил гостей по Москве, показывая ее достопримечательности, а также крупнейшие магазины. Вторничным утром, 8 октября, гости оказались на Красной площади, где тамошний фотограф запечатлел их на фоне Мавзолея и памятника Минину и Пожарскому. А вечером в нашей квартире на Казаковке мои родители давали обязательный ужин в честь гостей.

В те минуты, когда наше застолье было в самом разгаре, в центре Москвы происходили события, которым суждено будет войти черной строкой в криминальную историю столицы.

В тот день в городе произошла серия жестоких преступлений, которые буквально ввергли город в настоящую панику. Подобного страха столица не переживала более десяти лет — с конца 1963 года, когда в городе орудовал маньяк Ионесян, известный под кличкой «Мосгаз».

Местом совершения жестоких преступлений стал район Таганской площади. Вечером 8 октября тамошнее 37-е отделение милиции буквально стояло на ушах — за какой-нибудь час поступило сразу три (!) сигнала о нападениях на женщин. Неизвестный преступник (по словам очевидцев, это был один и тот же мужчина в темной куртке) нападал на свои жертвы прямо на улице, резал их ножом и отбирал сумки. В двух случаях жертвы погибли, одну женщину в тяжелом состоянии доставили в больницу. По злой иронии, все три преступления произошли в тот час, когда по телевидению выступал заместитель министра внутренних дел СССР Борис Шумилин, который призывал граждан не быть равнодушными к чужой беде и активно помогать органам правопорядка в их тяжелой и рискованной работе. Его выступления так и называлось — «Это дело каждого». К сожалению, в тех преступлениях, которые имели место на Таганке, очевидцев оказалось немного, да и те, кто что-то видели, кроме приблизительных примет преступника, ничего толком следствию сообщить не могли. Даже лица нападавшего никто не видел.

Забегая вперед сообщу, что тем маньяком окажется житель подмосковного города Хотьково Загорского района Московской области 19-летний Андрей Евсеев. Бросив учиться в средней школе сразу после восьмого класса, он устроился разнорабочим. Мечтал о красивой жизни. За короткое время сменил несколько мест работы (был натурщиком, лаборантом, комплектовщиком), и везде о нем отзывались как о недобросовестном работнике. В 1972 году Евсеев угодил в «психушку», откуда вышел озлобленным на весь белый свет. Как расскажет он сам позднее: «Когда я вышел из психбольницы, в голове не было ни одной мысли от медикаментов. Очень мучительное состояние. Людей я считал первыми врагами. У меня было чувство мести, злости, которые проходили после совершения преступления...»

Свое первое преступление Евсеев совершил за несколько недель до таганских нападений. Местом его совершения стал Загорск.

Приехав туда около семи вечера, маньяк пересек переезд и углубился в поселок, где в эти часы было темно и безлюдно. Несмотря на то, что моросил мелкий дождь, Евсеев в течение полутора часов выбирал себе жертву. Наконец его внимание привлекла хрупкая девушка на вид лет шестнадцати. Она свернула с перекрестка аккуратно на ту дорогу, где затаился маньяк. Как выяснится позже, это была ученица девятого класса, которая шла проведать свою бабушку. Евсеев пристроился у нее за спиной и сопровождал ее примерно метров двести. Затем, улучив момент, догнал жертву и, схватив за руку, повернул к себе лицом. Девушка успела произнести только одну фразу «Ты дурак, что ли?», как Евсеев ударил ее ножом в грудь. Девушка попыталась было побежать к ближайшему дому, но маньяк нагнал ее и дважды ударил ножом, на этот раз в спину. Истекающая кровью девушка упала возле крыльца. Евсеев развернулся и побежал прочь, даже не подняв с земли сумку, за которой, собственно, и охотился. Кстати, в той сумочке была всего лишь ученическая тетрадь, пудреница, автобусные талончики и 35 копеек мелочью.

Опасаясь, что милиция может каким-то образом выйти на его след, Евсеев на следующий день предпринимает отвлекающий маневр. С Белорусского вокзала он садится в электричку и едет до Одинцова. Там он около часа бродит возле пристанционной площади, выслеживая очередную жертву. Наконец замечает одинокого мужчину лет шестидесяти, с сумкой, который сворачивает на безлюдную тропинку. Евсеев пристраивается следом. Заметив, что ни впереди, ни сзади никого нет, маньяк решает на нападение. Обогнав мужчину, Евсеев, не говоря ни слова, бьет его ножом в грудь, метя в сердце. Однако удар получился неточным. Отпрянув после удара, мужчина кричит: «Не бей, я все отдам!» Но Евсеев его не слышит и наносит новый удар. Он настолько сильный, что мужчину отбрасывает с тропинки в канаву. Обыскав жертву, маньяк забрал у него из кармана 12 рублей, партбилет, снял с руки часы марки «Восток», а также прихватил сетку, в которой лежали пара килограммов персиков и две курицы.

После второго убийства Евсеев ощутил себя настоящим суперменом, могущим без всякого содрогания лишить любого человека жизни. Видимо, чтобы закрепить в себе это превосход-

ство, Евсеев уже на следующий день отправляется на новое преступление. На этот раз местом его совершения он определяет Москву. На Люблинской улице маньяк нападает на студента-вечерника и наносит ему четыре удара ножом в голову и спину. Но парень, успев среагировать, отбил несколько ударов и, бросив в преступника портфелем, убежал. Добычей выродка стали учебники, конспекты и ни копейки денег. После этой неудачи Евсеев приходит к выводу, что нападать надо исключительно на женщин: во-первых, они беззащитны, во-вторых — у них всегда при себе есть либо деньги, либо драгоценности.

Через пару дней после нападения на студента Евсеев убивает своего напарника — рецидивиста Демина, с которым случайно познакомился в электричке. Причем убивает не скуки ради, а по необходимости: обрядив его в свою одежду, он хочет таким образом отвести от себя сыщиков, наверняка уже идущих по его следу.

Когда 8 октября в районе Таганской площади Евсеев поочередно напал на трех женщин, он преследовал совершенно определенную цель. По его же словам: «Хотел, чтобы об ограблениях слух пошел по Москве, все боялись бы и по первому требованию отдавали ценности грабителям, в том числе и мне... Я хотел убивать за один вечер по двадцать человек. Неважно кого, лишь бы находили труп, шла молва...»

И молва действительно пошла, впрочем, об этом я расскажу чуть позже.

Валерий Золотухин в эти дни находится далеко от столицы — в Запорожье, где снимается в натуральных эпизодах фильма «Единственная». Именно во время этой экспедиции у Золотухина, которого дома ждет жена Нина Шацкая, завязываются романтические отношения с будущей женой Тамарой, которая на «Единственной» работала помощником режиссера. Вот как об этом вспоминает сам актер:

«Однажды, будучи навеселе, я проходил под окнами гостиницы «Театральная» и услышал, как из номера, где жила Тамара, доносятся звуки скрипки. Я тогда еще не знал, что Тамара скрипачка, но музыка что-то во мне разбудила, и я полез по водосточной трубе. Зачем? Сам не знаю, мог бы вообще-то и в дверь зайти. Весь идиотизм ситуации я осознал только тогда, когда появился в окне. Но мой рыцар-

ский подвиг не имел ни малейшего успеха. Тамара даже ничего не сказала, просто открыла дверь и кивнула, чтобы я уходил. Я был тогда оскорблен в лучших чувствах...»

В том октябре знаменитая пара фигуристов Ирина Роднина — Александр Зайцев обрели нового тренера — от Станислава Жука ушли к Татьяне Тарасовой. Причем их желание поменять тренера созрело давно, но этому всячески противился Госкомспорт. Когда фигуристы пришли к его председателю Сергею Павлову, тот развел руками: «Полностью на вашей стороне, но сделать ничего не могу. Советую обратиться к министру обороны Гречко (фигуристы, защищая цвета ЦСКА, числились по его ведомству). На приеме у Гречко Роднина позволила себе смелое заявление: «Не разрешите уйти от Жука — просто перестану кататься. И вы даже не сможете сослать меня на Камчатку». Зная ее решительный характер, Гречко понял — не врет. И дал свое «добро».

Татьяну Тарасову выбрала Роднина. Она хорошо знала ее отца — хоккейного тренера Анатолия Владимировича Тарасова, одно время даже тренировалась с хоккеистами ЦСКА на одном льду. Бывало, Тарасов ставил Ирину играть в... футбол против Александра Рагулина. В октябре Роднина и Зайцев пришли на первую тренировку к Тарасовой, которая проводилась во Дворце спорта «Кристалл», что в Лужниках.

В субботу, 12 октября, исполнился ровно год, как популярный артист Борис Сичкин был заключен под стражу и посажен сначала в Тамбовский следственный изолятор, а потом в Тамбовскую тюрьму. Год длится следствие по обвинению его в сокрытии от государства доходов от «левых» концертов, и конца этому следствию, кажется, не видно. Вместе с Сичкиным в той же тюрьме сидит и его «подельник» — администратор Эдуард Смольный. Последний однажды обратился к начальнику тюрьмы с предложением: дескать, разрешите нам с Сичкиным нести свет в массы, то бишь проводить лекции с заключенными. Им пошли навстречу. Во время этих лекций Сичкин обычно рассказывал смешные истории из своей киношной жизни, а Смольный рассуждал о жизни вообще: говорил о Достоевском, о несчастной жизни композитора Моцарта, цитировал Феликса Дзержинского, Ленина, рассуждал о мужестве Павла Корчагина и т. д. и т. п. И все

были довольны: тюремное начальство от того, что заключенные просвещаются, а лекторы — что имеют возможность хотя бы на три с половиной часа покинуть тюремную камеру. О своем житье-бытье в камере вспоминает Б. Сичкин:

«Заключенным разрешено иметь бумагу и спички. Это приводит к тому, что все друг друга поджигают. Увлекает человек пасьянсом, а ему в это время подложили бумагу под зад и подожгли. Спать тоже надо длительно. Тут для поджога очень удобно. Вставляют спящему бумагу между пальцами ног и поджигают. Эта шутка называется «велосипед». Когда огонь постепенно доходит до пальцев, сонный человек начинает работать ногами так, будто едет на велосипеде. Смешно смотреть, но велосипедисту не до смеха. В камере никто никого не выдаст, и нужно по глазам догадаться, какая сволочь над тобой подшутила.

Все курят махорку, но никто свой окурочек не бросит в унитаз, а сложит его между пальцами и выстрелит в сторону унитаза. Над головой все время летают горящие окурки, и надо быть очень ловким, чтобы уклониться от них. Этот фейерверк длится круглосуточно...

Одна из жестоких камерных забав — так называемый «самосвал». Над лицом спящего человека привязывается кружка с ледяной водой. Потом над ним поджигают веревку, так что на лицо спящего падает пепел. Человек какое-то время рукой отмахивается, пока на лицо не падает кусок обгоревшей веревки. В этот момент жертва, как правило, вскакивает, кружка с ледяной водой опрокидывается ему на лицо. Кружка обычно летит кому-то в голову. В такую минуту зрители норовят спрятать голову под подушку...»

В тот же день, 12 октября, начался 29-й чемпионат Советского Союза по хоккею. Ведущая команда страны ЦСКА начала его без выходящегося защитника Александра Рагулина. Причем того не было в составе армейцев не из-за болезни или травмы, а совсем по иной причине — его карьера в большом хоккее завершилась. А ведь Рагулина на тот момент было всего-то 33 года — возраст для спортсмена далеко не пенсионерский (например, в том же ЦСКА продолжал играть 34-летний Виктор Кузькин). Что же послужило поводом к тому, чтобы Рагулин повесил коньки на гвоздь? Вот как сам он вспоминает об этом:

«Я тяжело входил в начале сезона в режим. Тарасов начал форсировать мою подготовку. Я стал пререкаться. И он осенью 74-го выгнал меня с турнира на призы газеты «Советский спорт» из Минска в Москву. Я хотел пойти в «Химик» — армейское начальство не пустило. Предложили в СКА — я не хотел переезжать в Ленинград. Тогда было негласное правило: как перевалило за 30, тебе начинали искать замену...»

В тот же день в «Комсомольской правде» была опубликована статья М. Озерова под названием «Как «король» стал нищим». Речь в ней шла о некогда знаменитом английском футболисте Томми Лаутоне. В 40—50-е годы он был звездой «Арсенала» (в 1945 году играл против московского «Динамо» во время знаменитого турне столичного клуба) и национальной сборной Англии, забив более 400 мячей. В 1958 году Лаутон ушел на тренерскую работу, но спустя 11 лет был уволен. После этого его жизнь буквально пошла под откос: из-за нехватки денег знаменитый спортсмен вынужден был продать из дома не только всю ценную мебель, но даже свои спортивные награды. Но это не спасло его: весной 74-го он угодил на скамью подсудимых за неуплату налогов, 74 фунтов стерлингов. Статья в «Комсомолке» заканчивалась на трагической ноте. В своем разговоре с советским журналистом Лаутон произнес фразу, от которой становилось не по себе: «Я хотел бы открыть газ и разом покончить со всем этим».

Статья явно из разряда пропагандистских и должна была наглядно продемонстрировать советскому читателю, какие жуткие нравы царят в капиталистическом мире. Споры нет, то, что произошло с Лаутоном, — печально. Однако в эти же годы в Советском Союзе многие бывшие звезды спорта с мировыми именами владели не менее нищенский образ жизни, но правда об этом в советские газеты не попадала. К примеру, в те же дни, когда вышла статья о Лаутоне, знаменитый бегун Владимир Куц и не менее знаменитый футболист Валерий Воронин медленно спивались, хоккеист Евгений Бабич покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна квартиры аккурат в день своего 50-летия и т. д.

Восходящую звезду советского футбола 21-летнего игрока столичного «Динамо» Анатолия Кожемякина ни в коем разе нельзя было отнести к этому печальному списку, даже на

оборот — всем своим видом и положением он тогда олицетворял благополучие и успех. Однако по роковому стечению обстоятельств его жизнь оборвалась самым нелепым образом на следующий день после выхода статьи про Лаутона в «Комсомолке» — в воскресенье, 13 октября.

Родившись в простой рабочей семье, Кожемякин первые уроки футбольной науки получил на дворовой площадке. Затем была юношеская секция, откуда его пригласили в столичный «Локомотив». Там Анатолий показывал чудеса техники, один обыгрывая чуть ли не полкоманды соперников и забивая за матч по 5—6 мячей. Этим вскоре он и привлек к себе внимание тренеров столичного «Динамо». Кожемякину едва исполнилось 17 лет, когда он впервые вышел на поле в составе этого прославленного футбольного клуба.

Кожемякину было всего 18 лет, а за ним уже толпами ходили футбольные фанаты, девочки дежурили в подъезде его дома. Он относился к этому внешне спокойно, хотя в душе, конечно же, радовался. Он любил форс и никогда не упускал возможности показать, какой он крутой и знаменитый. Например, во время одной из поездок за границу купил джинсовый костюм, который для большинства молодых жителей Советского Союза был самым желанным и недоступным предметом гардероба. Даже в футбольном клубе «Динамо» не всякий «старичок» имел его. И вот Анатолий, вырядившись в этот костюм, специально пришел на тренировку, чтобы утереть нос ветеранам. И утер. Однако обиды на него за это никто тогда не задал, поняли — молодой, знаменитый.

В 1972 году Кожемякин впервые надел футболку национальной сборной, став одним из самых молодых ее нападающих. В следующем году он женился. И сразу заиграл еще ярче, чем прежде. В чемпионате Союза он был признан лучшим центрфорвардом, а на чемпионате Европы среди юниоров стал лучшим бомбардиром, забив семь мячей в ворота соперников. К сожалению, это были последние громкие победы в жизни талантливого футболиста. Потом, заболев «звездной болезнью», Кожемякин был на какое-то время уволен из «Динамо», а когда вернулся обратно, заиграть в полную силу уже не успел — его жизнь оборвалась.

За два дня до трагедии Кожемякин отыграл матч за дубль и упросил тренера А. Качалина

не ставить его на игру с «Араратом». Он объяснил эту свою просьбу усталостью, хотя на самом деле причина была иной. В субботу он должен был идти с друзьями на концерт рок-группы «Машина времени» в один из столичных НИИ. Тренер поверил словам Анатолия про усталость и отпустил его с базы домой.

Между тем домой (в новую квартиру, которую он с женой и дочкой получил за неделю до этого) Анатолий не поехал, предпочтя отправиться на гулянку с приятелями. Именно с ними на следующий день он и пошел на концерт.

Продолжался он около трех часов, и, когда все закончилось, на дворе уже стояла глубокая ночь. С трудом добравшись до дома, Анатолий позвонил в дверь, однако жена его не пустила. Сказала: иди туда, откуда пришел. Понять ее в общем-то можно: у нее на руках маленький ребенок, а муж, вместо того чтобы помогать, предпочитает проводить время с приятелями. Анатолий еще какое-то время постоял у двери, затем махнул рукой и ушел к своему приятелю — Толе Бондаренко. У него он и провел остаток той ночи.

Утром следующего дня, где-то около половины десятого, друзья вышли из дверей квартиры, чтобы спуститься во двор (там в это время всегда собиралась компания мужчин, игравших в дворовый футбол, — «дыр-дыр»). В доме было два лифта, и друзья, как обычно, вызвали оба. Первым пришел левый, и они смело шагнули в кабину. Однако ехали недолго: где-то между четвертым и третьим этажами он внезапно застрял. Друзья стали нажимать кнопку вызова диспетчера, но никто на их призывы не отозвался. Лишь минут через пятнадцать мимо прошел лифтер, но выручать застрявших не попытался — с утра он уже принял «на грудь». Видя, что это может продолжаться бесконечно, Кожемякин и Бондаренко принялись вручную раздвигать двери. Им это удалось. Бондаренко предложил другу прыгать на нижний этаж первым, но тот отказался. Сказал: «На мне джинсы новые — жалко...» И тогда Бондаренко прыгнул первым. Очутившись на лестничной площадке, он крикнул другу, что все нормально, и стал придерживать дверь лифта, чтобы облегчить Кожемякину его спуск. Но тот, вместо того чтобы не мешкая последовать за приятелем, стал принаравливаться, как бы спуститься половчее и при этом не запачкать свои

джинсы. Он не знал, что в это время лифтер уже вернулся и собрался пустить лифт.

Трагедия произошла в тот момент, когда Анатолий уже зацепился руками за край лифта и ногами достал площадку третьего этажа. Еще бы мгновение, и он бы выбрался наружу. Но в этот момент лифт тронулся. Кожемякин издал жуткий крик и свалился в шахту лифта. Его смерть была практически мгновенной. Так, едва засверкав, закатилась звезда одного из самых талантливых футболистов Советского Союза.

Владимир Высоцкий, приехав на несколько часов в Москву, чтобы принять участие в похоронах Василия Шукшина, тут же вернулся в Ленинград, где проходят гастроли Театра на Таганке. Помимо спектаклей Высоцкий дает и несколько собственных концертов, на которых «обкатывает» новые песни. Так, 13 октября, выступая в Гатчине, в Институте ядерной физики, он представляет на суд слушателей три новых произведения: «Во хмелю слегка...» (эту же песню он отдал и в фильм «Единственная»), «Что за дом притих...» и шуточную песню «Я вчера закончил ковку...». Во время исполнения последней зал, что называется, был «в лежку».

14 октября исполнилось 40 лет популярному актеру Михаилу Козакову. Вопреки существующему поверью, что справлять эту дату дело нехорошее, именинником был дан грандиозный банкет. Вот как об этом вспоминает сам М. Козаков:

«Моя жена Регина уговорила меня: «Давай устроим что-нибудь неординарное». И мы сняли фабрику-кухню, где и организовали костюмированный прием. Пришло много моих друзей: Миша Ульянов, Булат Окуджава, Шурка Ширвиндт, Олег Табаков. Ульянов оделся арабом, Регина звездочетом, а я был юным пионером с барабаном на шее. Ширвиндт, который вырядился Арафатом, сказал: «Вот Козаков умудрился устраивать свое сорокалетие на заводе Михельсона, где Каплан стреляла в Ленина». Этот день рождения я запомнил на всю жизнь. Такое и должно быть раз в жизни...»

15 октября по Центральному телевидению в передаче «Человек и закон» была показана первая часть документального фильма «Дело Толстопятовых» (вторую часть показали на следующий день). Как мы помним, банда братьев Толстопятовых появилась в Ростове-на-Дону в

1968 году и просуществовала ровно пять лет. Известная в народе как «банда фантомасов», эта преступная группировка специализировалась на ограблениях инкассаторов, причем отличалась крайней жестокостью и не останавливалась перед убийствами. Вооруженная огнестрельным оружием собственного изготовления, банда долгое время оставалась неуловимой, поскольку не имела никаких контактов с профессиональным преступным миром и в обычной жизни вела вполне добропорядочный образ жизни.

Что касается премьеры фильма, то я хорошо ее помню, поскольку невероятные истории про «банду фантомасов» будоражили не только Ростов-на-Дону, но и всю страну, в том числе и столицу. Сразу после задержания банды в июне 73-го в «Литературной газете» была опубликована обширная статья Ольги Чайковской об этом деле, но я, в силу своего юного возраста, «Литературку» тогда еще не читал. Поэтому телевизионную премьеру ждал с особенным нетерпением. Как мне помнится, в том фильме не слишком подробно воспроизводилась история создания банды, зато много места было уделено ее разоблачению.

Раз уж речь зашла о ТВ, самое время взглянуть на тэвэшное киномену первой половины октября. В те дни на голубом экране демонстрировались следующие фильмы: «Доживем до понедельника» (6-го), «Варькина земля» (7—10-го), «Золотое крыльцо» (впервые по ТВ 8-го), «Бесприданница», «Сказание о земле Сибирской», «Где третий король?» (13-го), «Семья Тибо» (Франция, премьера т/ф 14—18-го) и др.

Из премьер большого экрана выделю следующие: 7-го начала демонстрироваться производственная драма Юлия Карасика «Самый жаркий месяц» с участием Леонида Дьячкова, Игоря Охлупина и др.; 14-го — детектив Алоиза Бренча «Свет в конце туннеля», в ролях: У. Пуцитис, А. Азо и др. Из зарубежных премьер назову фильм американского режиссера Ричарда Флейшера «Новые центурионы», повествующий о полной опасностях работе американских копов, то бишь полицейских (с 14 октября).

Из театральных премьер назову следующие: 8-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Своей дорогой»; 11-го в Театре Моссовета — «Бабье лето».

Эстрадные представления: 3—13-го в ЦДКЖ пел ВИА «Голубые гитары»; 5—6-го в Театре эстрады состоялись сборные концерты с участием Сергея Захарова, Бориса Владимировича, Вадима Тонкова, ВИА «Диэло» и др.; в Доме офицеров имени Жуковского в эти же дни пели Алла Пугачева и Юлий Слободкин; 6—10-го в ДК МИИТа пел ВИА «Поющие гитары»; 12-го в ГТЭ дуэт Мария Миронова—Александр Менакер представил спектакль «Мужчина и женщина». 16 октября появился указ о присвоении сыну Мироновой и Менакера, популярному актеру Андрею Миронову звания заслуженного артиста РСФСР. Стоит отметить, что вместе с ним этого звания были удостоены еще несколько артистов Театра сатиры: Ольга Аросева, Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Вадим Байков, Зоя Зелинская, Юрий Соковнин, а на следующий день звание народного артиста СССР получил и главреж театра Валентин Плучек. Но вернемся к Андрею Миронову.

Многие поклонники замечательного артиста сетовали на то, что этот указ мог бы появиться и чуть раньше — Миронов вот уже несколько лет был одним из самых любимых в стране артистов. Но, по каким-то неведомым причинам, многим менее талантливым и менее любимым народом артистам Театра сатиры присуждали звания, а Миронову нет. Вот как вспоминает об этом его тогдашняя жена Екатерина Градова:

«В театре давали звания — заслуженных артистов, народных. Андрей, который играл основной репертуар, не получил никакого звания! Я пылала гневом и разразилась монологом, что вот, мол, многие получили и твоя партнерша во многих спектаклях Наташа Защипина — тоже, а ты — нет! Он поднял на меня свои ласковые глаза и сказал:

— Катенька! Наташа Защипина — прекрасная актриса, я ее очень люблю и ценю и не позволю тебе ее обижать и вбивать между нами клин!..»

Кстати, на момент получения звания семейные дела у Миронова складывались не самым лучшим образом. Как вспоминает Татьяна Егорова, по театру ходили слухи, что Градова застучала мужа с одной из артисток в весьма недвусмысленной ситуации и закатила скандал. Якобы женщины сначала подрались, а потом так же внезапно помирились. А Миронов

собрал вещи и переехал из кооперативной квартиры на Герцена, 49 к родителям на улицу Танеевых. Много позже, оценивая тот скандал, Е. Градова отметит:

«Развод наш был совершен ошибочно и раскаянно оплакан. Я не могла переступить через один факт его биографии, который по молодости лет воспринимается всегда трагично. Измена... А теперь я бы, конечно, даже не придала этому значения, а помогла бы ему выпутаться. В силу молодости, недооценки некоторых ценностей, влияний снаружи мы не смогли сохранить семью. Виню я только себя, потому что женщина должна быть сильнее. Гордость, свойственная обездуховленности, помешала мне мудро увидеть ситуацию, объясняя некоторые сложности семейной жизни особым дарованием моего мужа, его молодостью...»

В эти же дни другой популярный актер театра и кино — Олег Борисов — был удостоен звания народного артиста РСФСР. По этому поводу 19 октября он записал в своем дневнике следующие строчки:

«Звание дали. Теперь я народный артист. Одиннадцать лет носил почетное звание заслуженного Украины — это как оковалок или задняя часть. Теперь отвалили шейку. Только что сообщил об этом Алене — она в Таллине, на телевизионном семинаре.

Юра (сын Борисова. — Ф. Р.) нашел у Чехова такую запись в дневниках: «Мой папа имел до Станислава второй степени включительно». Действительно, что раньше имели: Анну, Владимира, Белого Орла... Сортировщик в «Палате № 6» мечтал о шведской «Полярной звезде». А лучше — вообще без регалий. Объявляли присто: Иван Бунин. И все знали. Вместе со званием «Народный артист РСФСР» мне полагается теперь небольшой участок в Комарово и поддома. Пожизненно. Скоро дадут ключики, можно будет отдыхать. Это самая большая польза...»

В эти же дни в Москве начался 5-й конкурс артистов эстрады. Он проводился раз в четыре года, и попасть на него считали за счастье практически все молодые артисты. К первому туру (он начался 18 октября) допускался практически любой артист, лишь бы у него было ходатайство его концертной организации. Второй тур предполагал уже настоящую борьбу, а про третий и говорить нечего — победившие в

нем участвовали в сборном концерте, который транслировали на всю страну.

Жеребьевка участников конкурса проходила в ДК имени Зуева. Среди тянувших была мало кому тогда известная, а ныне — Примадонна эстрады Алла Пугачева. Говорят, она подошла к шляпе и, прежде чем опустить туда руку, громко произнесла: «Сейчас будет номер тринадцать». И точно — вытянула 13-й номерок. А вот ныне известной юмористке Кларе Новиковой достался в тот день номерок под номером 8. Она вспоминает:

«Первый тур речевого конкурса предстоял в Малом зале ЦДРИ. Помню, как вечером перед ним все наши жалели меня — как же так, такой завтра день, а Новиков в стельку напился. Действительно, мой муж Витя, который должен был играть кому-то из наших вокалистов, нашел себе компанию — все иногородние участники жили в комплексе гостиниц «Заря», «Восток», «Алтай», — и его буквально принесли в номер...»

И вот опять стою в ЦДРИ за кулисой. Подглядываю, как зал принимает казаха в вишневом костюме. Он декламирует с пафосом какой-то поэтический текст на своем языке, и лишь одно слово понятно — ЛЕНИН. И когда он вновь восклицает внезапно: «ЛЕНИН!» — вижу, как три известных артиста, давась от смеха, сползают со стульев...

А я очень спокойно — не ожидая даже, что так спокойно буду, — вышла и сразу почувствовала, как зал потянулся ко мне. Подкупало, быть может, что я без всяких понтов, в этом коротеньком платypiшке?

И тихо так я начала: «Пляж... Рио-де-Жанейро... Неаполитанский залив...» Зал затих. И, сознавая, что зал — мой, я держала паузы сколько хотела. Шелкали включаемые магнитофоны — меня записывали. А когда закончила, аплодировали даже стоя. И даже бисировали.

Я вышла в коридор и, приоткрыв дверь в зал, слушала Люду Кравчук, Гену Хазанова... (Кстати, на прошлом конкурсе, в 1971 году, Хазанова «завалили» на первом же туре. — Ф. Р.).

Когда выступления закончились и жюри направилось заседать, Борис Сергеевич Брунов, председатель жюри, проходя мимо меня, остановился, потрепал по щеке и сказал:

— Молодец. Все хорошо...»

В дни, когда проходил конкурс артистов эстрады, столицу буквально лихорадило от страшных слухов. Так, 20 октября по городу с быстротой молнии разнеслась весть о том, что в столичной подземке произошла диверсия: якобы неизвестные террористы подложили на станции «Площадь Революции» бомбу, которая рванула так мощно, что унесла с собой на тот свет несколько десятков человеческих жизней. Из-за этого на несколько часов было закрыто движение поездов на «Арбатской» линии. Слух был правдив лишь отчасти: действительно, утром того дня на «Площади Революции» случилось ЧП, но связанное отнюдь не с диверсией, а с безалаберностью рабочих СМУ-8 Метростроя, по вине которых на ремонтируемом участке трассы произошел сильный пожар. Он нанес серьезные убытки городскому бюджету, однако смертельных случаев не зафиксировано (лишь несколько человек получили ожоги). Ровно через год состоится суд над виновниками этого ЧП (6 человек), который воздаст им по заслугам: кто-то отправится за решетку на 3,5 года, кто-то на три года и т. д.

Еще более страшные слухи касались неуловимого маньяка, который две недели назад совершил серию нападений на женщин в районе Таганской площади. Поскольку все средства массовой информации хранили по этому поводу гробовое молчание, по городу с быстротой молнии стали распространяться слухи, один кошмарнее другого. Из уст в уста передавалось, что из Бутырской тюрьмы сбежали сразу тридцать уголовников, что кто-то из них охотится на женщин в красном (две таганские жертвы действительно имели на себе одежду этого цвета) и т. д. и т. п. Я сам прекрасно помню эти слухи, поскольку мы с пацанами только и делали, что подтрунивали над девчонками, которые имели в своем гардеробе какой-нибудь красный туалет (шапочку, сапожки и др.).

Слухи достигли своего апогея аккурат в начале 20-х чисел, когда в городе было совершено еще несколько дерзких нападений на женщин. Как выяснится позже, руку к ним приложил не Евсеев, напавший на женщин в районе Таганской площади, а совсем другие люди. Так, во вторник, 16 октября, в одном из домов по Волоколамскому шоссе некто Краснов, 24-летний рабочий завода, напал на возвращающуюся с работы женщину в лифте и, угрожая ножом, отнял у нее сумочку с деньгами и доку-

ментами. 21 октября 20-летний официант гостиницы «Россия» Агапов до мельчайших подробностей повторил действия Краснова: поздний вечер, подъезд, лифт, нож у горла. Только адрес был другой: Овчинниковская набережная.

Поскольку и про эти преступления в прессе ни гу-гу, они тут же обросли самыми невероятными домыслами: опять упоминались сбежавшие из Бутырки уголовники, жертв записали в покойники (хотя обе остались живы), причем их смерть, согласно слухам, была жуткой: с распоротыми животами, отрезанными грудями и т. д. Вот почему в те дни с наступлением темноты улицы города буквально вымирали: москвичей, особенно женщин, никакими коврижками нельзя было завлечь на спектакли, художественные выставки, кинотеатры или эстрадные площадки. Короче, мертвый сезон.

Еще более пустынным выглядел в ту осень другой советский город — Чапаевск, что в Куйбышевской области. Городок с населением в 86 тысяч человек в последнее время превратился в нечто вроде Чикаго времен «сухого закона», правда, здесь в роли гангстеров выступали подростки. Каждый вечер они выходили на улицы городка и начинали терроризировать местных жителей. Причем многие подростки, подражая злодеям из западных фильмов, были вооружены огнестрельным оружием. Спросите, откуда чапаевские подростки его доставали? Отвечаю: мастерили сами из подручных средств на базе местных ПТУ. Кстати, самой горячей точкой города считалось ГПТУ № 36, где за последний год число серьезных правонарушений увеличилось в 10 раз.

Милиция провела в городе широкомасштабную облаву. В результате принятых мер в руки стражей порядка попали десятки единиц огнестрельного оружия — пистолеты, обрезы. Часть из них в милицию сдали сами подростки, часть принесли их родители. О том, насколько серьезной была ситуация с преступностью в Чапаевске, говорит хотя бы тот факт, что об этом вынуждена была написать центральная пресса — газета «Комсомольская правда».

Однако вернемся в Москву, где продолжается конкурс артистов эстрады. 22 октября в Театре эстрады проходил второй тур. На нем Клара Новикова читала свой монолог «Бабочка», Геннадий Хазанов выступал с пародиями на Р. Рождественского, А. Акопяна, Н. Озерова и других, а Алла Пугачева спела две песни: «Ер-

молова с Чистых прудов» и «Посидим, поокаем». Все трое благополучно прошли в заключительный тур.

23 октября в Вене, на 75-й сессии Международного олимпийского комитета было торжественно провозглашено, что родиной 22-х Олимпийских игр в 1980 году станет столица Советского Союза город Москва. Как мы помним, наша столица в 1970 году претендовала на проведение Олимпийских игр-76, но тогда дорого нам перебежал Монреаль. Но на этот раз отнять у Москвы ее право не удалось никому. Когда летом 74-го в нашу столицу приехала большая группа ведущих обозревателей крупнейших спортивных изданий 25 стран, они дружно отметили, что Москва имеет стопроцентные шансы стать хозяйкой очередной Олимпиады. На 75-й сессии МОК это стало еще более очевидным. Говорят, члены МОК провели всего лишь 8 минут возле экспозиции Лос-Анджелеса, и более получаса любовались на выставку Москвы.

Тем временем на «Мосфильме» продолжают долбать режиссера Рустама Хамдамова и его фильм «Нечаянные радости». Как мы помним, заварушка началась еще в начале октября, когда худсовет обнаружил в отснятом натурном материале многочисленные несоответствия со сценарием. Хамдамову предложили переснять некоторые сцены заново, но он категорически отказался. Тогда в ситуацию вмешалась генеральная дирекция «Мосфильма». Директор студии Николай Сизов вызвал к себе Хамдамова и предложил предоставить ему краткое описание предстоящих съемок, так называемую экспликацию. Хамдамов поначалу согласился, но затем передумал. Как вспоминает свидетель тех событий Анатолий Ромов: «Ясно одно: яркая творческая индивидуальность, Рустам Хамдамов вошел в резкий конфликт с советской системой кинопроизводства. Система эта, изначально подавляющая все необычное, все выходящее за рамки представлений советских госчиновников, заставляла талантливых режиссеров идти на всевозможные ухищрения и трюки, чтобы «проташить» на экран то, что они хотели снимать. Я знаю Хамдамова и думаю: именно в этот момент его жизни, именно тогда, когда он привез уникальный, потрясающий материал, встреченный руководством студии в штыки, он сказал себе: хватит! надоело! И, поговорив с Сизовым, просто исчез...»

В четверг, 24 октября, по «Мосфильму» вышел приказ генерального директора, в котором объявлялось, что все работы по фильму «Нечаянные радости» следует прекратить, а съемочную группу расформировать. Весь отснятый материал полагалось смыть, однако каким-то чудом часть пленки все-таки удалось сохранить для потомков. Правда, для самого Хамдамова это было маленьким утешением.

В тот же день вечером в Москве, в своей квартире на улице Алексея Толстого, покончила жизнь самоубийством министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Поводом к этому послужили события последних месяцев: упоминавшийся скандал со строительством дачи для дочери и покупкой под это дело по бросовым ценам стройматериалов (якобы даже паркет Фурцева взяла из Большого театра). Фурцева вызывала в Комитет партийного контроля, после чего она согласилась сдать уже построенную дачу государству.

Все, кто видел Фурцеву в последние дни ее жизни, отмечали, что она была подавлена случившимся, однако никто и предположить не мог, что она надумает сводить счеты с жизнью. Вот как об этом вспоминает подруга министра Людмила Зыкина:

«Я видела Екатерину Алексеевну в последний день ее жизни. Я приехала с гастролей, перед ними был отпуск. Заехала в Москву на день, чтобы затем отправиться на гастроли в Горький, а мне звонят из министерства: Екатерина Алексеевна ищет. «Людюшка, ну что же вы пропали?» Мы встретились с ней у наших общих знакомых, пошли в баню, там она и говорит мне: «Видите, сколько забот. Малому театру — 200 лет, Ойстрах умер (народный артист СССР, скрипач Давид Ойстрах скончался утром 24 октября. — Ф. Р.), надо организовать похороны...» Потом она поехала на прием в честь 200-летия Малого театра. Как мне рассказывали позже, за столом она сидела вместе с Лапиным, тогдашним председателем Гостелерадио. И будто бы он сказал ей что-то неприятное... после банкета Екатерина Алексеевна вдруг мне звонит, а голос такой тихий, усталый. «Люда, — говорит, — я вам вот почему звоню: вы сами за рулем сидите. Так будьте осторожны!» Узнав о том, что Николай Павлович (Н. Фирюбин, заместитель министра иностранных дел СССР, был мужем Фурцевой. — Ф. Р.) еще остался в Малом, я спросила, не

приехать ли мне к ней. «Нет, нет, я сейчас ложусь спать», — ответила она. На этом наш разговор был закончен.

В пять утра 25 октября я уехала в Горький, а днем мне сообщили о ее смерти. Я тут же вернулась. До моего сознания случившееся не доходило, и спрашивать ни о чем я не стала. Мне лишь сказали, что ей стало плохо — сердце... (официальная версия гласила: острая сердечная недостаточность. — Ф. Р.). Я знала о том, что у них с Николаем Павловичем были какие-то нелады, в последнее время они вечно ссорились. Но что дойдет до такой степени, даже не предполагала. Она очень любила жизнь. Говорили, что она на себя руки накладывала, но я этого не знаю...» (В 1960 году Фурцева оказалась в опале и, не сумев это пережить, попыталась покончить жизнь самоубийством — вскрыла себе вены. Однако врачам удалось ее спасти. Спустя 14 лет Фурцева повторила попытку, на этот раз используя цианистый калий. — Ф. Р.)

25 октября, прямо на сцене родного ей Театра имени Маяковского едва не умерла выдающаяся актриса Мария Бабанова. За несколько часов до начала спектакля «Дядюшкин сон» у Бабановой поднялось давление, однако она никому об этом не сказала, поскольку не хотела срывать представление. И отыграла спектакль в состоянии тяжелейшего гипертонического криза с давлением 230. Потом она сама признавалась: «Ничего не помню, как и что было. Мысль была одна — только бы не упасть, только бы поскорее! Спектакль прогнали на одном дыхании. Я говорила в максимальном темпе, и все за мной». Стоит отметить, что до этого случая врачи всегда говорили актрисе, что у нее прекрасный организм, запрограммированный на сто лет. Но 25 октября прозвучал первый звонок — надо лечиться. Через три месяца Бабанову положат в больницу, но об этом рассказ впереди.

В эти же дни Эльдар Рязанов усиленно готовится к съемкам своей очередной комедии — «Ирония судьбы, или С легким паром!». Еще 30 сентября в работе над фильмом начался подготовительный период, во время которого интенсивно шли поиски актеров на главные роли. Никакой Барбары Брыльской и Андрея Мягкова не было и в помине, и на эти роли пробовались совсем другие актеры. В частности, Андрей Миронов и Людмила Гурченко.

Причем первому поначалу предлагалась роль Ипполита, но он от нее отказался: дескать, не хочу играть отрицательную роль. «Но Ипполит вовсе не отрицательный персонаж, — попытался было возразить Рязанов. — Скорее, он несчастный». — «Нет, хочу сыграть Лукашина», — был неумолим Миронов. Далее послушаем рассказ самого Э. Рязанова:

«Я был уверен, что он не подходит на эту роль, но отказать ему не мог. Я сказал:

— Андрюша, я дам тебе на пробу одну каверзную сцену. И если ты убедишь меня в этом эпизоде, если я поверю тебе, — клянусь, ты будешь играть Лукашина.

Началась кинопроба. Миронов, пряча глаза, застенчиво произносил такие реплики: «А я у женщин никогда не пользовался успехом... еще со школьной скамьи... Была у нас девочка — Ира... Что-то в ней было... Я в нее еще в восьмом классе... как тогда говорили... втюрился... А она не обращала на меня ну никакого внимания... Потом, уже после школы, она вышла за Павла...»

Но почему-то ощущения правды жизни, веры в актерскую убедительность не возникало. Поверить в то, что такая-то неведомая Ира могла пренебречь таким парнем, как Миронов, было невозможно. Несмотря на все его актерское мастерство, психофизическая сущность артиста расходилась с образом, со словами. Стеснительность искусно изображалась, но поверить в любовные неудачи персонажа было трудно. И я отказал ему. Я повторил еще раз, что на роль Ипполита беру его без кинопробы. Но тут он отказал мне. Однако этот инцидент никак не повлиял на наши отношения, мы продолжали относиться друг к другу нежно и по-дружески...»

И еще об Андрее Миронове. В те дни конца октября он готовился к своей второй поездке в Италию (в первый раз, как мы помним, он выехал туда летом 1973 года с тем же Эльдаром Рязановым и съемочной группой фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» и пробыл там неделю). На этот раз ему предстояли гастроли с Театром сатиры сроком на две недели. Гастроли должны были начаться 31 октября. Но вернемся на несколько дней назад.

Тем временем в Москве закончился 5-й конкурс артистов эстрады. 25 октября, во время подведения итогов, когда влиятельное

жюри, состоявшее из мэтров советской эстрады, называло призеров, не обошлось без скандала. Например, Алла Пугачева, прекрасно выступившая на всех трех турах, была достойна одного из первых мест, но у нее нашлись недоброжелатели, которые попытались сделать так, чтобы ей вообще никакого места не присудили. Говорят, этим фактом возмущилась певица Гелена Великанова, входившая в состав жюри. Она попыталась вразумить своих коллег: «Как же мы можем не давать Алле Пугачевой никакого места? Она же очень талантлива! Может быть, где-то у нее есть огрехи... Но она совершенно ни на кого не похожа! Товарищи! Да мы потом всю жизнь будем носить клеймо позора, что ничего не дали Пугачевой!»

Но даже после столь эмоционального выступления все равно нашлись люди, которые были категорически против награждения Пугачевой. Один из них даже заявил: «Ну, это ты, Геля, погорячилась — насчет клейма позора. Никакого места Пугачева не заслуживает. А хочет петь — пусть идет в ресторан — самое место». Говорят, этого выступающего поддержал даже Леонид Утесов. Он сказал: «Пугачева действительно вульгарна». Тут уж не выдержал руководитель эстрадного оркестра Армении Константин Орбелян, который позволил себе не согласиться с мэтром: «Она не вульгарная, она — яркая. Вот и Ося со мной согласен» (Осей все называли Иосифа Кобзона). В итоге членам жюри все-таки пришлось переголосовать.

Как пишет А. Беляков: «Когда объявляли лауреатов, все претенденты полукругом выстроились на сцене Театра эстрады и замерли. Алла стояла с самого края, в светлом распахнутом пальто.

Первое место... Второе место... Третье место...

Алла почти плакала прямо здесь, на сцене: ее не было в списке лауреатов.

«...А также, — устало закончил председатель жюри, — третье место решено присудить Алле Пугачевой».

Алла молча застегнула пальто и быстро ушла со сцены, где в упоении смеялись, обнимались, целовались победители. Кто-то окликнул ее — она даже не обернулась...»

В вокальном жанре места распределились следующим образом: 1-е место — Ринат Ибрагимов и Валерий Чемоданов, 2-е — Валерий Кучинский, Надежда Якимова, Лидия Бори-

сюк-Видаш, 3-е — Шайген Айрумян, Борис Лехтлаан, Сергей Мороз и Алла Пугачева.

Среда ВИА: 1-е место — «Ариэль» (Челябинск), «Поющие сердца» (Москва), 2-е — ансамбль под управлением Раймонда Паулса (Рига), «Самоцветы» (Москва), «Аиси» (Тбилиси), 3-е — «Армина» (Ереван), «Верасы» (Минск), «Крымские чайки» (Симферополь);

В разговорном жанре: 1-е место — Геннадий Хазанов, Клара Новикова, 2-е — Людмила Кравчук, 3-е — Наталья Руденко.

Вспоминает К. Новикова: «На заключительном концерте лауреатов (он проходил в ГЦКЗ «Россия» 26 октября, показ по ТВ — 5 ноября. — Ф. Р.) возник разговор, что победитель конкурса должен накрыть стол где-то и позвать членов жюри. И начались мои дикие муки. Где взять денег? Первая премия — 180 рублей, да еще пополам с Хазановым. Он не захотел объединиться, и я заметалась. Сговорилась, в конце концов, с Лешей Поповым, нашим киевским конферансье, который вместе с Сережей Дитятевым, Таней Садофьевой и Петей Пестряковым вел программу заключительного концерта.

Ни я, ни Леша не знали, какой ресторан выбрать. Но меня взялся курировать Феликс Дадаев. Он родом из Киева, и запомнился мне, когда приезжал к нам однажды вместе с Милявским. Так вот, Феликс сказал, что идите в «Узбекистан» — это любимый ресторан Брунова.

Но у меня не было свободного вечера — шли лауреатские концерты. Леша в них не участвовал, и мы решили, что я приеду в «Узбекистан», как только освобожусь.

В ресторан я примчалась поздно. Говорила себе, что все уже выпито, очевидно, и съедено. Вышибала, стоявший в дверях, спросил, к кому я иду. Как ему было сказать, что сегодня банкет в мою честь? И этот банкет, и все, что происходило в те дни, казалось мне невзрачным. И сказала вышибале, что я — к Брунову.

— А, к Бруно! — воскликнул он. — Бруно любит у нас бывать.

И провел меня в кабинет, где во главе стола восседал Борис Сергеевич. Увидев его, помню, ужасно обрадовалась. И совершенно не помню, что дальше было...»

В понедельник, 28 октября, в Москву с официальным визитом прибыл канцлер ФРГ

Гельмут Шмидт. Позднее в своих мемуарах он опишет этот визит следующим образом:

«В Москве нас ожидала особо шикарная встреча. Когда наш «Боинг» приземлился в аэропорту Внуково, нас приняли не только премьер-министр Косыгин и министр иностранных дел Громыко — чего было бы совершенно достаточно по протоколу, — но и сам Генеральный секретарь. Этого не было ни во время визита Никсона, ни при приезде Брандта (предшественник Шмидта. — *Ф. Р.*) в Москву. Я воспринял это как особый жест.

Необычной была также демонстрируемая Брежневым чуть ли не излишняя сердечность, которая перед глазами телекамер сгладила впечатление от слишком «боевой» военной церемонии. На летном поле стояли сотни москвичей, размахивавших флажками, а также немецкая колония в полном составе. Супруги принимавших нас государственных деятелей (Косыгин приехал с дочерью) принесли цветы для моей жены, госпожи Геншер и госпожи Шляй; Косыгин и Громыко держались на втором плане.

Кортеж машин направился к Ленинским горам, где для нас была подготовлена резиденция; Брежнев сам показал мне мои апартаменты на ближайшие три дня, расположился в моей гостиной, чтобы выпить за встречу несколько рюмок водки, и заставил Косыгина и Громыко сделать то же самое. Прозвучали первые тосты и первые приветственные слова. На меня явно хотели произвести впечатление — и я действительно был под впечатлением этого приема...

Несколько позже мы снова увиделись в Кремле, после того как я отдал дань уважения Неизвестному солдату, возложив венок у Вечного огня у Кремлевской стены.

Сначала Брежнев дал возможность операторам и фотокорреспондентам сделать свое дело. С утрированным, наигранным отвращением он назвал их «нашими мучителями»; немецкие фотографы и телеоператоры на него за это не обиделись...

На следующий день переговоры продолжились. На них Брежнев с упоением рассказывал гостю о многих крупных проектах — например, о строительстве Байкало-Амурской магистрали, с гордостью говорил об экономических и технических достижениях своей страны, например хвалился производством советских элек-

тронных часов. Он даже преподнес Шмидту подарок — электронные часы «Электроника». Но, как пишет Шмидт, с подарком вышел казус — они функционировали всего лишь несколько дней.

Пока государственные деятели обсуждали свои проблемы, их жены тоже не сидели сложа руки, встречаясь друг с другом во время кофейных и чайных церемоний в Кремле. Во время одной из них произошел неприятный инцидент, который наглядно продемонстрировал супруге Шмидта Локи, что в советской государственной иерархии существует строгое правило, когда «каждый сверчок знает свой шесток». А произошло вот что. Во время беседы за кофейным столом Локи внезапно выразила желание сходить в соседний кремлевский зал, где в эти минуты ее супруг давал пресс-конференцию. Она позвала с собой всех присутствующих дам, однако шеф протокола что-то прошептал на ухо жене Брежнева Виктории Петровне, и та тут же отказалась от похода. Из вежливости с ней осталась госпожа Геншер, а остальные жены советских вельмож вынуждены были отправиться с Локи. Однако по мере приближения к залу, где шла пресс-конференция, количество сопровождавших жену Шмидта катастрофически редело. Сначала повернула назад жена Громыко, затем ее примеру последовала дочь Косыгина. В итоге Локи осталась одна, и ей не оставалось ничего иного, как тоже повернуть обратно. Говорят, она была в бешенстве, и когда вернулась к кофейному столу, то больше не проронила ни звука. Так женщины и просидели в абсолютном гробовом молчании.

29 октября в Москве состоялись похороны Екатерины Фурцевой, покончившей с собой пять дней назад на 64-м году жизни. Гражданская панихида по усопшей проходила с 9.30 до 13.00 в новом здании МХАТа. В два часа дня на Новодевичьем кладбище состоялись похороны. Вот как об этом вспоминает Л. Зыкина:

«На панихиде я спела у гроба Екатерины Алексеевны песню-плач «Ох, не по реченьке лебедушка все плывет...». После похорон Николай Павлович со Светланой (дочь Фурцевой от первого брака. — *Ф. Р.*) позвали меня на поминки, но я не поехала. Потому что никому из них не доверяла. Вместе с несколькими такими же близкими Екатерине Алексеевне людьми мы пошли ко мне домой и устроили свои по-

минки. Вспоминали и плакали... Она ведь была нам близким и очень дорогим человеком...»

А вот как запомнился тот день диктору Центрального телевидения Ангелине Вовк:

«Хоронили Фурцеву, в связи с чем изменилась программа передач. Мне нужно было выйти в эфир и за очень короткое время рассказать об изменениях. Все прошло хорошо. Я отключилась от эфира и вдруг рассмеялась, видимо, от переполнявшего меня чувства глубокого удовлетворения самой собой. А через минуту узнала, что этот мой смех прошел в эфир. То ли я кнопку до конца не отжала, то ли еще что-то. Представляете, страна хоронит министра культуры, я с серьезным видом зачитываю программу и после этого начинаю дико хохотать. Причем когда я увидела запись, то просто не могла поверить, насколько все это было чудовищно. От эфира меня, правда, не отстранили, но премии квартальной лишили...»

30 октября в СССР диссиденты в первый раз отметили День политзаключенного. В этот день во всех лагерях на территории Советского Союза политзаключенные проводили однодневные голодовки, а в Москве правозащитники устроили пресс-конференции, на которые пригласили зарубежных корреспондентов. Одну из таких пресс-конференций вели Сергей Ковалев и Татьяна Великанова, другую — Андрей Сахаров и Елена Боннэр. Последняя состоялась прямо у них дома на улице Чкалова, пришло много западных журналистов, из большой комнаты пришлось выносить всю мебель, включая шкафы и кровати. И все равно часть пришедших осталась стоять в дверях и в коридорчике.

В тот же день Театр на Таганке, закончив свои гастроли в Ленинграде, собирался в Москву. Высоцкий возвращался в столицу на своем «БМВ», который уже успели починить после аварии 4 октября. При этом, накупив в Питере всякой всячины, он никак не мог разместить все эти покупки в багажнике — тот никак не хотел закрываться. В течение, наверное, получаса Высоцкий терпеливо перекладывал вещи с одного места на другое, но багажник все равно не закрывался. Глядя на его потуги, коллеги даже предложили кое-что из вещей безжалостно выбросить. В итоге нервы Высоцкого не выдержали: когда в очередной раз багажник не закрылся, он со всей силы захлопнул его, навалившись на него всем телом. Внутри что-то

хрустнуло, но Высоцкий даже не стал смотреть что именно. Сказал, что, судя по всему, петровские бокалы, ну и хрен, дескать, с ними.

И еще одно событие случилось в тот день, 30 октября: в Дублине советская сборная по футболу играла очередной матч отборочного цикла чемпионата Европы по футболу со сборной Ирландии. Играла, прямо скажем, хреново: пропустив в свои ворота три мяча (все они были забиты одним игроком — Гивенсом), наши не сумели даже забить гол престижа. Съездили называется...

31 октября в Тбилиси умер известный киноактер и режиссер Михаил Чиаурели. Дебютировав в кино в 1921 году, он за полувековую творческую деятельность сыграл множество ролей, но всесоюзную славу ему принесло исполнение одной роли — роли Сталина в фильмах: «Великое зарево» (1938), «Клятва» (1946), «Падение Берлина» (1950). За эти роли он трижды был удостоен Сталинской премии. И хотя Чиаурели имел и иные заслуги перед отечественным кинематографом (в частности, в 34-м он снял первый грузинский звуковой фильм «Последний маскарад»), однако в памяти народной он так и остался, как лучший исполнитель роли «вождя всех времен и народов». На момент смерти Чиаурели шел 81-й год.

В тот же день на Новодевичьем кладбище было открыто надгробие на могиле великого кинорежиссера Михаила Ромма. Пришли многие известные деятели кино, в том числе и сценарист Геннадий Шпаликов. Последний очень хотел выступить на митинге (Ромм при жизни ценил Шпаликова, но сановные люди, распорядившиеся этим мероприятием, ему слова не дали. При этом кто-то из них якобы сказал: «Лезет тут пьянь всякая...») Расстроенный Шпаликов занял у бывшего там же драматурга Григория Горина два рубля и покинул негостеприимное место. Купив в ближайшем магазине вина, он отправился напрямик в Переделкино, в тамошний Дом творчества. Жить ему оставалось каких-нибудь несколько часов.

А жизнь в столице тем временем течет своим чередом. Во второй половине октября в кинотеатрах состоялось несколько премьер: 17-го начала демонстрироваться мелодрама Александра Митты «Москва, любовь моя», где главные роли исполняли первый красавец советского кино Олег Видов и японская звезда Камаки Курихара; 23-го — драма Ильи Гурина

«Еще можно успеть» с участием Андрея Толубеева, Нины Руслановой и др.; мелодрама Павла Любимова «Свой парень» с Ириной Гришиной в главной роли; 25-го на столичные экраны вышел документальный фильм «Сергей Михалков».

Кино по ТВ: «Киевлянка» (17-го), «Мальва», «Девятнадцать девушек и один моряк» (20-го), «Эдгар и Кристина» (24-го), «Любить человека» (впервые по ТВ 24—25-го), «Степень риска» (25-го), «Загадка Мерседес» (26-го), «Дело Артамоновых» (27-го), «Сердце Бонивура» (28—31-го) и др.

Из театральных премьер назову следующие: 18-го — в Малом театре показали «Грозу» А. Островского с участием Елены Гоголевой, Бориса Телегина и др.; 24-го в Большом театре — «Иоланта» П. Чайковского, главные партии исполняют Татьяна Милашкина и Владимир Атлантов; 31-го — в Театре имени Гоголя был показан спектакль «Рок-н-ролл на рассвете» по пьесе Т. Колесниченко и В. Некрасова, в ролях Леонид Кулагин, Евгений Меньшов, Ольга Науменко и др.

24 октября в ТЮЗе состоялась премьера мюзикла «Три мушкетера» с Владимиром Качаном в роли Д'Артаньяна. На спектакле был полный аншлаг, чего в этом театре давно не случалось. А всему виной прекрасная музыка Максима Дунаевского (позднее она составит основу телефильма «Д'Артаньян и три мушкетера») и полный скрытых намеков на советскую действительность текст песен. К примеру, зал

чуть ли не заходилась от восторга, когда со сцены неслись куплеты:

У нас в стране на каждый лье
по сто шпионов Ришелье...
Шпионы там, шпионы здесь,
Без них — ни встать, без них — ни сесть...

Эстрадные представления: 19—24-го в ГЦКЗ пел любимец советских женщин, звонкоголосый испанский соловей Рафаэль; 17—18-го в ГТЭ выступал польский ВИА «Но То Цо»; 25-го в ГТЭ состоялись сборные концерты с участием Ивана Суржикова, Гелены Великановой, Иосифа Кобзона и др.; в «Октябре» прошли такие же «сборники», где выступали Владимир Макаров, Мария Лукач, Эльмира Жерздева, Борис Владимиров и Вадим Тонков; 27-го в ДК МИИТа пел Виктор Вуячич; 28—31-го в ГТЭ выступала София Ротару; 29—31-го там же, но в другие часы, пела звезда из Болгарии Лили Иванова.

В журнале «Кругозор» (N10) вышла одна из первых грампластинок Аллы Пугачевой, на которой звучали три песни: «Надоело это» (из к/ф «Король-олень»), «Вспоминай меня» (В. Добрынин — В. Тушнова), «Посидим, покаем» (А. Муромцев). Кроме этого, здесь, же была помещена и статья про певицу.

Зарубежное искусство на страницах популярного звукового журнала было представлено пластинкой греческого певца Демиса Руссоса, который исполнял две песни: «Пять часов» и «Прощай, моя любовь».

1974

Н о я б р ь

Самоубийство Геннадия Шпаликова. Открыт доступ на обновленную Красную площадь. Внезапное возвращение Вячеслава Старшинова на лед. Начальник МУРа сбивает волну слухов о маньяке. Победы наших футболистов в еврокубках. Фильму «Семнадцать мгновений весны» не дали Госпремию. Сосиски для членов ЦК. Умер Вольф Мессинг. Брежнев смотрит Райкина. Таинственное исчезновение перстня Мессинга. Как Лидия Смирнова хлопотала за своего больного мужа. Лидия Шукшина осерчала на свекровь. Два скандала на концерте в честь Дня милиции. Премьера сериала «Рожденная революцией». Алла Пугачева приходит в «Веселые ребята». Состоялась первая магнитофонная запись оркестра «Братья Жемчужные». Иван Худенко: смерть за колючей проволокой. Жгучий роман Александра Стефановича с иностранкой. Петр Демичев не хотел стать министром культуры. Стефанович провожал свою возлюбленную в аэропорт под неусыпным взором КГБ. Освобождение Вячеслава Иванькова. Конец михайловской мафии. Тамара Семина купалась в холодном Дону. Разворовали игровые автомобили с «Мосфильма». «Афоня» в павильоне. Брежнев летит во Владивосток. Карпов одолел Корчного. Зампред КГБ в роли писателя. Куртка с президентского плеча. Брежневу плохо. Магомаев женился на Синявской. Свадьба Жарикова и Гвоздиковой. Виктория Федорова звонит отцу в Америку. Театр сатиры в Праге: Миронов ухаживает за Егоровой. Тяжелые времена хоккейного клуба «Динамо». Евгений Киселев женился на однокласснице. Японский день рождения Светланы Жильцовой. Снимают «Песню года».

Пятничное утро, 1 ноября, в Доме творчества в Переделкино началось как обычно — с завтрака. Нестройными шеренгами писатели потянулись в ресторан, чтобы подкрепиться перед началом трудового дня. Завтрак уже близился к концу, когда кто-то из присутствующих обратил внимание на то, что с ними нет Геннадия Шпаликова. Коллеги-киношники решили отрядить за ним гонца. Но тот вернулся через несколько минут, сказав, что дверь в шпаликовский номер заперта изнутри, а на стук никто не отзывается. Нехорошее предчувствие закралось в души киношников. Пока кто-то из них беседовал с горничной и колдовал возле двери номера Шпаликова, драматург Григорий Горин раздобыл лестницу и приставил ее к шпаликовскому окну. А через минуту все услышали крик Горина. И было отчего закричать: сквозь оконное стекло Горин увидел Шпаликова, болтающегося в самодельной петле, сделанной из полотенца (по другой версии,

это был его старенький шарф). Самоубийца привязал полотенце к ручке двери и упал на пол так, чтобы оно туго затянулось на шее. Как будет вспоминать позднее сам Г. Горин:

«Я понимал, что уже началось крупное окончение. Помогать не было смысла. Я влез через окно в комнату, вынул его из петли, затем позвал свидетелей и до приезда судмедэкспертов ничего не трогал. Правда, потом его жена (актриса Инна Гулая. — *Ф. Р.*) обвиняла меня в том, что я якобы скрываю, что Гену убили...»

Между тем Горин если и испытывал какую-то вину перед Шпаликовым, то совсем по иному поводу. Помните, это он накануне одолжил самоубийце два рубля на вино. После гибели Шпаликова Горин будет сокрушаться, что зря дал ему так мало — дескать, если бы одолжил на водку, то Шпаликов напился бы основательно и не смог бы повеситься.

В начале ноября завершились реставрационные работы на Красной площади, которые

продолжались без малого полгода. Все эти дни главная площадь страны была закрыта для посетителей, там день и ночь работала строительная техника, не покладая рук трудились 1100 каменщиков, гранитчиков, слесарей, механизаторов (авторы реставрации зодчие Г. Вульфсон, В. Данилушкин и скульптор П. Бондаренко). За это время был отреставрирован Революционный некрополь, расширена его аллея (до 3 метров 25 сантиметров), облицована усыпальница Ленина в Мавзолее, заменены гостевые трибуны, асфальтовый тротуар перед ними заменен на гранитный и т. д. и т. п. 2 ноября доступ на Красную площадь был возобновлен. В тот же день первые посетителями Мавзолея стали 9 тысяч участников реставрации и реконструкции, которые пришли с женами, мужьями, отцами, матерями, детьми и внуками. За досрочное выполнение работ на Красной площади были награждены орденами и медалями 396 рабочих, инженеров, архитекторов и сотрудников комендатуры Кремля.

4 ноября в регулярном чемпионате Союза по хоккею произошло неординарное событие: в играющий состав столичного «Спартака» вернулся ветеран советского хоккея Вячеслав Старшинов. Два с половиной года назад (13 мая 1972 года) он сыграл свой последний матч за родную команду, после чего стал ее старшим тренером. Однако в 74-м, видя, как его клубу тяжело приходится без классных форвардов, Старшинов решил вновь выйти на лед, совмещая сразу две должности: тренера и игрока. В тот день, 4 ноября, «Спартак» играл со столичным «Динамо», и выход Старшинова на лед оказался не напрасным: забив свою 381-ю шайбу в чемпионатах Союза, Старшинов помог своей команде свести игру к ничьей 4:4. Стоит отметить, что на момент возвращения Старшинова на лед ему было 34 года (вспомним, что за полтора месяца до этого из большого хоккея заставили уйти выдающегося защитника Александра Рагулина, который был на год моложе Старшинова).

Тем временем Москва продолжает полниться слухами о зверствах неуловимого маньяка. Вот уже почти месяц прошел с тех пор, как возле Таганской площади его жертвами стали сразу три женщины, а город все еще не может отойти от этих преступлений. Практически весь октябрь с наступлением темноты жизнь в столице буквально замирала, а москвички как по

команде убрали подальше в гардеробы любую одежду и обувь красного цвета. В начале ноября панические слухи в городе не утихли, из-за чего власти решились на беспрецедентные меры — решили через средства массовой информации успокоить жителей столицы. Рупором для этого стала самая читаемая в городе газета — «Вечерняя Москва» («сплетница», как ее за глаза называли сами москвичи).

Сначала 2 ноября на страницах «Вечерки» появился фельетон Юрия Феофанова, в котором тот высмеивал чрезмерно доверчивых людей, верящих во всякие небылицы. Волею случая автор фельетона оказался как-то в магазине и там такого наслушался... Дескать, в городе объявился маньяк, который почему-то режет женщин исключительно в красном, что из Бутырки сбежала орава преступников и т. д. и т. п. Короче, весь набор слухов, которые в те дни курсировали в столице. Заключал свой фельетон Феофанов призывом не оставлять злоязычие безнаказанным. Дескать, эти разносчики сплетен — хуже вредителей. В общем-то верный вывод, однако автор забыл и другое: этих слухов не было бы вовсе, если бы тогдашние средства массовой информации своевременно оповестили граждан об объявившемся в городе маньяке. Но этого-то сделано не было. Властям понадобился почти месяц, чтобы наконец честно рассказать москвичам о событиях 8 октября.

5 ноября в той же «Вечерке» появилось обширное интервью с самим начальником МУРа Владимиром Корнеевым под красноречивым названием «Длинный язык болтуна». В нем муровец более или менее подробно рассказал о трагических событиях, произошедших возле Таганской площади. Он сообщил, что вся столичная милиция поднята на ноги, что составлен фоторобот маньяка, и на его основе ведется активный поиск преступника. Далее Корнеев призвал граждан не поддаваться панике и не верить разного рода сплетникам. И в качестве примера поведал историю об одном из них — студенте 1-го курса Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, который направо и налево болтал, что на его друзей напали пятеро бандитов, что сам он был свидетелем автоматного обстрела трамвая с проезжавшего мотоцикла, что по Москве бродят сбежавшие из тюрьмы уголовники. Судя по словам муровца,

сплетник понес достойное наказание за свои словесные художества.

5—6 ноября миллионы советских футбольных болельщиков прильнули к экранам своих телевизоров: в эти дни игрались матчи с участием наших команд в розыгрышах Кубка обладателей кубков и Кубка европейских чемпионов. В итоге двум нашим клубам удалось пробиться в следующие раунды своих турниров: 5-го динамовцы Киева победили западногерманский клуб «Эйнтрахт» 2:1 (в первой игре выиграли 3:2), 6-го ереванский «Арагат» одолел у себя на поле ирландский «Селтик» 5:0 (в первой игре ереванцы тоже победили — 2:1). А вот динамовцам из Москвы не повезло: проиграв на выезде одноклубникам из Дрездена, они и дома уступили по пенальти 3:4 и вылетели из розыгрыша.

В эти же дни в газетах появилось сообщение об очередном присуждении Государственных премий СССР в области литературы, науки и культуры. Большинство читателей, развернувших в те дни газеты, были неприятно удивлены тем, что в жанре кинематографа награду получило совсем не то произведение, которое обязательно было его получить. Эпохальный сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», снискавший любовь миллионов зрителей, внезапно проиграл скучному фильму Сергея Герасимова «Любить человека». Это было тем более удивительно, что чуть ли не в течение всего года в средствах массовой информации шла активная пропагандистская кампания в поддержку «Мгновений», хотя, по большому счету, фильм в ней и не нуждался — и без того было ясно, что он любим миллионами. И вдруг бац — премию получает «Любить человека»! Официальную причину такого поворота событий обескураженным гражданам тогда не объяснили (такие были времена), но слухи все равно просочились: говорили, что «Мгновения» угробило Политуправление Советской Армии, которое было недовольно тем, что в ленте возвеличена роль разведки и снижена роль армии в годы войны.

Между тем страна готовится к празднику — 57-й годовщине Великого Октября (или Октябрьского переворота, кому как удобнее). Толпы страждущих людей в эти дни обычно бегали по магазинам, пытаясь раздобыть что-нибудь вкусненькое к праздничному столу. Но, увы — большинству это не удавалось. На-

пример, лично я помню, что отец с матерью иногда приносили с работы праздничные заказы, а иной раз приходили с пустыми руками — так распорядился ими жребий. Зато у разного рода «шишек» голова по этому поводу никогда не болела — для них работали спецмагазины, где они могли отовариться всем необходимым по полной программе, да еще по бросовой цене. Про то, как это делалось, рассказывает известный спортивный журналист Е. Рубин:

«Однажды после нескольких выходных по случаю 7 Ноября мы сидели в кабинете Гены Радчука и делились впечатлениями от дней безделья. Радчук рассказал о самом ярком. Ему удалось получить спецзаказ на мясокомбинате имени Микояна. Наборы были готовые и упакованы в коробки. Выдававший их человек сообщил, что обладатель талона на набор может приобрести еще по килограмму говяжьих сосисок и докторской колбасы. Радчук сначала отказался: ни то, ни другое для праздничного стола, который он собирался накрыть вечером для гостей, не годилось. Однако все-таки уступил.

— Утром Седьмого ноября мы с сыном решили на завтрак попробовать по сосиске, — рассказывал он. — И не могли остановиться. Ничего вкуснее я в жизни не ел. Позвонил знакомому, который устроил мне поход на комбинат, и он объяснил: оказывается, эти сосиски и колбасу делают из хорошего мяса и не добавляют всякой дряни. Идут эти продукты в кремлевскую столовую, в стол заказов при Доме правительств и в буфеты для членов коллегий министерств. Срок хранения — две недели. Вышел срок — и непроданное развозят по определенным магазинам. Так что случайно и простому люду эта райская пища может перепасть.

Сотрудников «Советского спорта» тоже трижды в год баловали заказами — к Новому году, 1 Мая и 7 Ноября. Секретарши отделов заранее составляли списки. Записывались все без исключения. Накануне праздника звонок собирал нас в зале. К председательскому столу подходил глава месткома и объявлял всегда одно и то же:

— Товарищи! Наборы получены и сейчас будут розданы. Но их меньше, чем записавшихся. Как поступить, решать вам. Либо устроим лотерею, либо вы объединитесь в четвер-

ки, и каждая получит набор, который вы полюбовно разделите.

Делить предстояло одну селедку, полкилограмма венгерской колбасы салями, половину копченого палтуса, а также консервные банки с болгарской баклажанной икрой, фаршированным перцем, сайрой и тресковой печенью...»

8 ноября в Москве, в своей однокомнатной квартире на улице Герцена, на 76-м году жизни скончался знаменитый парапсихолог Вольф Мессинг. Как гласит легенда, слава пришла к этому человеку еще в сталинские годы. Очевидцы рассказывали, что, когда сам Сталин захотел лично удостовериться в его уникальных возможностях, Мессинг тут же удовлетворил это желание: без всякого пропуска вышел из тщательно охраняемого Кремля. В другом случае Мессинг получил в сберкассе огромную сумму денег, загипнотизировав кассиршу и вручив ей чистый лист белой бумаги (деньги он, естественно, тут же вернул).

В последние годы Мессинг плохо себя чувствовал, однако все равно ездил по стране с гастролями. Я уже рассказывал о том, как в июне, в Иркутске он помог тамошним сыщикам разоблачить одну воровку. Вскоре после возвращения в Москву Мессинг лег в клинику Бураковского, чтобы там ему сделали операцию на ногах (он травмировал их еще в годы войны, когда выпрыгнул со второго этажа, спасаясь от фашистов). Как гласит легенда, уезжая из своей квартирки, Мессинг посмотрел на свой портрет, висящий на стене, и сказал: «Все, Вольф. Больше ты сюда не вернешься». Так и вышло — он умер во время операции. Говорят, когда Бураковскому рассказали о последних словах Мессинга перед отъездом в больницу, он выругался: «Что же мне раньше об этом не сказали! Я бы не делал операции. Подождали бы более благоприятного момента».

Сразу после смерти Мессинга в МУР пришла его ассистентка (жена парапсихолога умерла в 1961 году) и подала заявление о пропаже уникального перстня Мессинга, стоимость которого оценивалась баснословной суммой — 700 тысяч рублей. По ее словам, покойный никогда с ним не расставался, всегда носил его на правой руке. Однако на мертвом Мессинге этого перстня почему-то не оказалось. Это дело принял в свое производство сыщик Влади-

мир Горшков. Вот как он рассказывает об этом расследовании:

«Женщина уверяла, что кольцо было с Вольфом Мессингом до последнего момента. После ее заявления прокуратура возбудила уголовное дело. Врач, оперировавший телепата, известный хирург, сказал, что он у своего пациента никаких драгоценных вещей не видел. Вскрыли квартиру. Удобная дорогая мебель, ковры, хрусталь, по тем временам — середина семидесятых годов — только состоятельные люди могли иметь подобную обстановку. Повсюду лежал слой пыли, по всему было видно, что с того момента, как хозяина увезли в больницу, здесь никто не появлялся. Никаких посторонних следов. Стали разыскивать пожилую женщину, которая приходила убирать квартиру. В доме ее никто не знал. Соседи подтвердили, что да, видели ее, на вид лет шестьдесят, а кто она, откуда — неизвестно. Хозяин умер, и домработница пропала. Но мы ее в конце концов нашли благодаря помощи уборщицы продуктового магазина, которая ее знала. Это она в свое время порекомендовала пожилому состоятельному покупателю свою знакомую, чтобы та ухаживала за ним. Но домработница о пропавшем перстне ничего не могла сказать. Заподозрить ее саму мы были не вправе: старуха бедная, жила вдвоем с сыном. Жаловалась, что скуповат был хозяин, но чтобы она всерьез на что-то польстилась... Не тот случай. Все, что осталось после смерти Мессинга, отошло государству: квартира с обстановкой, сбережения на книжке, 94 тысячи, кажется, по тем временам — громадные деньги. А вот перстень исчез бесследно...»

В тот день, когда умер Вольф Мессинг, на ЦТ состоялась премьера 1-й серии телевизионного фильма с участием Аркадия Райкина «Люди и манекены». Фильм шел в самый прайм-тайм — в 19.40 и собрал у голубых экранов миллионную аудиторию. У себя на даче по цветному «Рубину» смотрел его и генсек Леонид Брежнев, в списке пристрастий которого Аркадий Исаакович стоял на первом месте. Рядом с мужем примостилась и жена генсека Виктория Петровна. Премьера порадовала стариков, особенно интермедия, завершающая серию, — «В греческом зале». Брежнев уже видел ее на одном из правительственных концертов, но, услышав вновь, опять радовался как малый ребенок. После фильма началась про-

грамма «Время», однако Брежнев долго не мог успокоиться и продолжал вслух повторять фразы, услышанные им из уст великого сатирика: «мышь белая», «аж пенсне у ней раскалилось», «ежели бы не это дело — никакого удовольствия» и др.

В эти же дни известный кинооператор Владимир Рапопорт (снял такие фильмы, как: «Звезда», «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Журналист», «Деревенский детектив», «У озера» и др.) вот уже несколько недель находится в больнице. Плохо ему стало еще в начале осени, сразу после завершения работы над последним фильмом — «Дочки-матери». Его положили в Онкологический центр, где врачи констатировали страшный диагноз — рак желудка. Однако, продержав его там несколько дней, врачи выписали оператора домой, сказав, что больше ничего сделать не могут. Спустя три дня после выписки 67-летний Рапопорт вновь почувствовал себя плохо — у него открылось кровотечение. На счастье, в тот вечер рядом с ним находились его сестра Дебора и жена актриса Лидия Смирнова. Последняя попыталась вызвать «Скорую», но та оказалась занята, и тогда актриса позвонила своему крестнику, когда-то тоже работавшему на «Скорой». И тот по своим каналам прислал к больному машину, которая привезла оператора в Институт Склифосовского. В ту же ночь ему была сделана операция.

Условия, в которых содержался Рапопорт, вызвали возмущение у его жены. Как пишет Л. Смирнова:

«Обстановка в палате, в которой оказался Рапопорт, меня обескуражила: в ней койка к койке лежало семнадцать тяжелобольных. Кровати стояли и в коридоре хирургического. И на всех пятьдесят больных — одна медсестра, немолодая женщина, много лет проработавшая здесь за крошечную зарплату. Она разрывалась на части: кому капельницу, кому укол, кому «утку». Я начала помогать ей, но когда пошла за «уткой», то в большом железном баке, в конце коридора, не нашла ни одной целой — только треснутые, обколотые, разбитые.

Кинулась в магазин, купила все необходимое и прихватила несколько простыней, чтобы хоть как-то отгородить Володю от соседей. Я видела его страдающие глаза и в них надежду, что я помогу ему. И тут же решила начать

хлопоты, чтобы перевести его в другое место...»

Поскольку Рапопорт почти всю свою жизнь проработал на Киностудии имени Горького, Смирнова отправилась напрямик туда. Вместе с Сергеем Герасимовым (Рапопорт работал именно с ним) они написали письма-просьбы, обращенные в Моссовет, в Министерство здравоохранения и даже в ЦК КПСС. В них они написали, что Рапопорт, будучи не только заслуженным деятелем искусств, но и пятикратным (!) лауреатом Госпремии, имеет право на лечение в более комфортабельных условиях, нежели было до этого (стоит отметить, что, несмотря на все свои награды, сам Рапопорт никогда ни у кого ничего не просил, являя собой пример необычайно скромного человека).

Как это ни странно, но эти письма так и не возымели действия — дни шли за днями, а Рапопорт продолжал лежать в Склифе. Тогда Смирнова, не выдержав, отправилась на Старую площадь — в ЦК КПСС. Однако тамошний чиновник, к которому ее направили, только развел руками: дескать, ничем не могу помочь. И тут актрису прорвало: «Мой муж — член парткома студии, в годы войны он был начальником штаба по эвакуации «Ленфильма», вез людей по Дороге жизни! Кто же еще ему может помочь, как не вы? Я тоже в партии тридцать лет!» Когда же ее словарный запас иссяк, а чиновник продолжал давать уклончивые ответы, Смирнова не выдержала и бросила на стол два партийных билета — свой и мужа. И ушла, хлопнув дверью. Видимо, именно этот отчаянный шаг и возымел свое действие: спустя пару дней, в ноябре, Рапопорта перевели из Склифа в больницу Московского комитета партии.

В воскресенье, 10 ноября, исполнилось 40 дней со дня смерти Василия Шукшина. В тот день его мать Мария Сергеевна и жена Лидия сходили к нему на могилу, затем зашли в церковь. Когда возвращались домой, свекровь возьми да и скажи невестке: «Ты замуж-то выходи, если найдется хороший человек». От этих слов Лидия чуть лифт не остановила — так осерчала на свекровь. Она тогда думала, что больше никогда не выйдет замуж. Даже в монастырь хотела уйти, но двух маленьких дочек пожалела. Однако пройдет всего лишь год, и Лидия Федосеева-Шукшина на самом деле выйдет замуж

за кинооператора Михаила Аграновича, который был на восемь лет ее моложе.

10 января советская милиция отмечала свой профессиональный праздник. Вечером в Колонном зале Дома союзов состоялся традиционный концерт, на котором выступали признанные мастера отечественной эстрады. Среди них был и «пан Зюзя» из «Кабачка «13 стульев», в миру — актер Зиновий Высоковский. Причем, по первоначальной задумке сановных начальников, пан Зюзя ни в каком праздничном концерте выступать не должен был — он тогда угодил в опалу из-за своих эстрадных монологов. Но сам министр внутренних дел Николай Щелоков пробил ему место в концерте. Дело было так.

За несколько дней до концерта Щелоков позвонил Высоковскому домой и пригласил его приехать к себе на Огарева, 6. «Хочу записать ваш монолог еврея-аптекаря из «Интервенции». Уж очень он мне нравится, я ведь сам бессарабский человек» (Щелоков до приезда в Москву работал в Молдавии, а этот монолог услышал на юбилейном вечере Театра сатиры в самом начале октября). Высоковский, естественно, приехать согласился.

Запись монолога проходила прямо в кабинете Щелокова: под это дело он приспособил магнитофон «Грюндиг», который ему подарил министр внутренних дел ФРГ. Когда все было закончено, Щелоков выразил желание, чтобы артист выступил с этим же монологом и на концерте в День милиции. «Не могу, — ответил ему Высоковский. — С некоторых пор наше телевидение не подпускает меня к себе на пушечный выстрел». — «Ничего, теперь подпустит», — с металлом в голосе сказал министр и тут же набрал по вертушке номер председателя Гостелерадио Лапина. Их разговор занял всего лишь несколько минут: Лапин заверил Щелокова, что лично внесет имя Высоковского в список приглашенных артистов, причем даже не будет «литовать» (подвергать предварительной цензуре) текст его монолога. О том, как прошло его выступление на концерте, вспоминает сам З. Высоковский:

«В конце первого отделения выхожу я. В жилетке и в очках. Прямой эфир. В зале несколько сот людей в погонах. Я тихо (как и полагается по образу) бормочу первые слова монолога: «Сумасшедшее время. Сумасшедшая жизнь. Сумасшедшие люди. Все куда-то бегут». В зале

наступает гробовая тишина. За сценой слабый стон и шорохи: упала в обморок редактор с телевидения. Я стараюсь не замечать зал, я думаю о телезрителях, которые должны корчиться от смеха, для них я работаю. Из зала нет ни одной улыбки, полное ощущение, что я читаю некролог всем членам Политбюро. Щелоков быстро понял, что меня надо спасать, приподнялся в своем седьмом ряду и хлопнул в ладоши. Один раз. Зал разразился шумными аплодисментами. Я на ватных ногах откланялся. За сценой от меня шарахались, как от чумного. Я решил не ждать ни угощений, ни благодарностей, ни машины и тихо поплелся на выход. Героем концерта был Юрий Гуляев. Ему Щелоков даже прислал записку: «Юра, я прошу тебя выступить и во втором отделении». И Гуляев то меня и догнал: «Ты что? Куда ты?» Обнял меня и водил за собой повсюду, пока навстречу нам не попался Щелоков. Щелоков облобызал Гуляева, Юра подсказал: «А Зяма?» Министр пожал мне руку и громко произнес: «Вы человек большого мужества и сделали большое дело!» Только моя рука отцепилась от руки Щелокова, как тут же ее облепили все кому не лень: пожалте на банкет, позвольте вас, а не угодно ли машину, ах, как нам понравилось... Через несколько дней в «Нью-Йорк таймс» появилась статья: «На вечере полицейских Высоковский на для всех понятном языке отпускал шутки по поводу эмиграции евреев из СССР. Этого узнаваемого языка мы не слышали по телевидению ни разу за всю историю СССР. Не есть ли это язык, что начинается потепление...»

Это был не единственный скандал на том праздничном концерте. В нем еще выступал актер Евгений Весник с юмористической композицией из книги «Габровские уловки». Он так понравился зрителям, что те стали бисировать. И тогда Весник на свой страх и риск прочитал еще одну вещь — монолог Городничего из «Ревизора». Этот номер тоже был встречен на «ура», но два дня спустя разразился скандал — его вырезали из повторной телетрансляции. Когда Весник позвонил на ЦТ и поинтересовался, в чем дело, ему ответили: дескать, из-за вас сняты с работы редактор и режиссер съемки этого злополучного концерта. Весник очень удивился: «Я же читал Гоголя!» На что ему ответили: «Во-первых, редактор не согласовал с вами текст, во-вторых — режиссер на

тексте Городничего «Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего...» — без злого умысла приказал телеоператору дать панораму лиц, сидевших в первом ряду!» В итоге после этого скандала Весника не приглашали в милицейские ТВ-концерты в течение 12 лет!

В тот же день, 10 ноября, в 19.45 по Первой программе ЦТ, состоялась премьера 1-й серии многосерийного телефильма «Рожденная революцией» под названием «Трудная осень». Фильм снимал на Киевской киностудии имени Довженко режиссер Григорий Кохан. В главных ролях были заняты московские актеры Евгений Жариков и Наталья Гвоздикава, у которых во время съемок вспыхнул роман. Однако влюбленные вынуждены были скрывать от всех свои чувства: во-первых, оба на тот момент были связаны узами брака, во-вторых — боялись Кохана, который не выносил такого во время работы. И все же через несколько месяцев правда о романе все-таки стала достоянием съемочной группы, но никаких последствий это не имело — заменить актеров было уже невозможно. Кстати, на момент премьеры фильма Жариков и Гвоздикава вот-вот должны были сочетаться законным браком, о чем речь еще пойдет впереди.

Алла Пугачева, которая в конце октября была удостоена 3-го места на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, получила приглашение стать солисткой популярного ВИА «Веселые ребята». Столь лестное предложение ей сделал худрук ансамбля Павел Слободкин (с его дальним родственником — Юлием Слободкиным — Пугачева выступала дуэтом в течение последнего года), который подыскивал новую вокалистку взамен Светланы Рязановой. Как вспоминает сам П. Слободкин: «Пугачева пришла в «Веселые ребята» простой певицей с перспективной сольных выступлений. Она работала у нас в первом отделении для — как бы это сказать, чтобы не было обидно, — для «разогрева», что ли?»

Но уже тогда Алла выделялась... У нее очень точный слух, и она прекрасно могла спародировать Пьеху, Зыкину, спеть русскую песню, как заправская фольклорная певица. Мы даже собирались вставить в программу такой эксцентричный номер...»

Как гласит легенда, не все «ребята» приняли Пугачеву на «ура»: например, Александру

Барыкину она не приглянулась. А вот другой Александр — Буйнов — приход Пугачевой принял с первого же дня. Говорят, он даже был в нее слегка влюблен. В знак признательности она подарит ему свою фотографию, на обороте которой напишет хулиганскую надпись: «Сашке-какашке от Алки-нахалки».

И еще о музыке. 12 ноября стало датой магнитофонного рождения ансамбля блатной музыки, который чуть позже станет известен всей стране под названием «Братья Жемчужные». Инициатором явления массовой публике этого коллектива стал Сергей Маклаков — личность, в те годы весьма известная в городе на Неве. Купив на честно заработанные деньги немецкий магнитофон «Телефункен», он стал одним из первых переписывать диски-гиганты западных исполнителей на магнитофонную ленту и продавать желающим во все уголки Советского Союза (отсылал ценные бандероли даже в Магадан). Кроме этого, он записывал у себя на квартире и бардов: Юрия Кукина, Валерия Агафонова и др. Однако его давней мечтой было сделать запись блатных песен в сопровождении настоящего оркестра, а не под гитару. Но каждый раз его желание наталкивалось на непреодолимое препятствие: ни один эстрадный коллектив не соглашался в этом участвовать, полагая, что проку от этого никакого — денег не заработаешь, а неприятностей огребешь выше крыши.

И все же поздней осенью 74-го такой оркестр нашелся — им стал коллектив из питерского плавучего ресторана «Парус», что у Ждановской набережной. В его тогдашнем составе играли Николай Резанов — гитара и худрук, Вячеслав Маслов — бас-гитара, Евгений Драпкин — рояль, Евгений Федоров — скрипка, Анатолий Архангельский — ударные. Самым титулованным музыкантом из всех перечисленных был Резанов, который в течение трех лет (1970—1973) работал в ВИА «Добры молодцы» (там же в те годы работал Юрий Антонов).

Первая запись происходила на квартире Маклакова. В тот день в ресторане был выходной (он выпадал на вторник), и музыканты со спокойной душой приехали утром к подъезду нужного дома на Большом проспекте. Тяжелую аппаратуру тащили на шестой этаж на собственных плечах. Записывались до вечера, а когда прослушали, сами поразились — запись получилась хорошая. А поскольку запускать

магнитную бобину в свет без названия ансамбля было нелогично, тут же стали решать, как назвать свой коллектив, который до этого обходился без всякого названия. И тут пригодилось прозвище Николая Резанова, которого в музыкальных кругах звали Мишель Жемчужный (это имя он получил, когда играл в конце 60-х в ленконцертном «Традиционал-джаз-бэнде»). Так на свет родился ансамбль «Братья Жемчужные».

В тот же вторничный день, 12 ноября, в одной из исправительных колоний скончался бывший председатель колхоза Иван Худенко. Всесоюзная слава пришла к этому человеку в самом начале 60-х, когда Худенко, занимая высокий пост в аппарате Совета Министров, начал внедрять в жизнь эксперимент по организации в илийском совхозе Казахской ССР новой системы труда и оплаты. Суть этого новшества сводилась к тому, что бригадное звено, сумевшее произвести в намеченные сроки необходимый продукт, получало не строго фиксированную зарплату, а неограниченную. В итоге за один год работы по этой системе совхоз достиг небывалых успехов. Например, до введения худенковской системы в зерновом производстве совхоза было занято 830 человек и 227 тракторов. А после введения системы ту же продукцию дали (вдумайтесь) 67 человек и 67 тракторов.

Однако после падения Хрущева в 64-м году на этом эксперименте (впрочем, как и на других подобных) был поставлен жирный крест. Худенко перевели в другой совхоз, где он продолжал отстаивать передовые методы работы. В его хозяйстве себестоимость зерна упала в 4 раза, зарплата выросла в 4 раза, а прибыль на одного работающего — в 7 раз. Худенко бомбардировал Совет Министров предложениями, в которых доходчиво объяснял, что введение его системы по всей стране позволит увеличить производство зерна в 4 раза, сократив занятых в сельском хозяйстве в 6 раз: вместо 30 миллионов — 5 миллионов. Однако эти идеи власти не устраивали. Им легче было закупать зерно в других странах, чем внедрять всякие новшества в своем хозяйстве. И когда Худенко достал всех своими рацпредложениями, его решили попросту убрать. В июле 70-го его совхоз закрыли. Худенко подал в суд на Министерство сельского хозяйства, чем и подписал себе приговор. Несмотря на то, что суд решил дело

в пользу совхоза, Худенко вскоре арестовали и обвинили в попытке хищения госимущества в крупных размерах. Ему впаляли 6 лет лагерей, из которых храбрый рационализатор выдержал только три. О смерти Худенко, естественно, не сообщил ни один советский печатный орган.

13 ноября в вестибюле столичной гостиницы «Интурист», что на улице Горького, было многолюдно: горели софиты, слышались призывные команды «Мотор!» и «Снято!», что указывало на присутствие здесь киношников. Так оно и было: съемочная группа киностудии «Мосфильм» во главе с режиссером Александром Стефановичем снимала в этих интерьерах заграничные сцены фильма «Дорогой мальчик». Точнее, не снимала, а доснимала: съемки фильма (они начались еще в конце марта) на тот момент были почти завершены, однако ряд эпизодов предстояло еще доснять. В тот день как раз снимали сцену «в отеле «Олимпия». Здесь-то у Стефановича произошла знаменательная встреча.

В тот момент, когда он вместо оператора лежал на специальной тележке и смотрел в объектив камеры, прямо перед ним выросла божественной красоты девушка, одетая в дорожную шубу из соболя и высоченные ботфорты, которых в те годы в советских магазинах просто не было. Последнее обстоятельство и натолкнуло режиссера на мысль, что перед ним иностранка. Так оно и оказалось.

Очарованный девушкой, Стефанович решил не упускать своего шанса и сразу взял быка за рога. Представившись кинорежиссером, он попросил незнакомку подождать его в соседнем баре: дескать, хочу переговорить с вами на предмет консультаций по фильму. Как ни странно, девушка согласилась, видимо, заинтригованная встречей с представителем советского искусства не меньше, чем тот с ней. И в течение часа терпеливо ждала, пока Стефанович разделается со своим эпизодом.

Наконец, когда со съемками было покончено, режиссер предстал перед девушкой, которая за это время уже успела осушить не один бокал легкого коктейля. По причине языкового барьера их диалог был упрощен до примитивных фраз типа «как вас зовут?» и «что будем делать?». Выяснив, что девушку зовут Ивонна, что приехала она из Швейцарии всего лишь на пять дней (два дня уже прошли), Стефанович вызвался быть ее гидом по Москве. И тут же

предложил отвезти ее в первое путешествие по столице. Они уселись в замызганный «жигуленок» режиссера и отправились на Ленинские горы. Причем обоих не смутило, что на дворе уже стоял поздний вечер — одиннадцать часов.

Насмотревшись со смотровой площадки Ленинских гор на ночную столицу, Ивонна внезапно выразила желание поехать куда-нибудь развлечься. Однако Стефанович быстро развеял ее иллюзии относительно этого: мол, в нашей стране все рестораны и клубы работают до одиннадцати вечера. Девушка в ответ чертыхнулась: «Крэзи Раша!» Видя, что настроение у гостьи катастрофически падает, Стефанович решил на отчаянный поступок: усадив Ивонну в «жигуленок», он завез ее в ближайшую темную аллею, и они стали целоваться. Девушке, видимо, это понравилось, поскольку вскоре после страстных поцелуев она внезапно стала стаскивать с себя всю одежду. Раздевшись до гола (!), она потом натянула на себя свои высоченные ботфорты и в таком виде отдалась режиссеру. Думаю, не стоит долго объяснять, на какой вершине блаженства находился в те минуты Стефанович, хотя легкую ложку дегтя в его бочку меда девушка все-таки плеснула, упервшись сапогами в самый потолок «жигуленка» и скребя его каблуками так, что едва не проделала в нем дырку. Любой другой девушке Стефанович за эти «художества» непременно оторвал бы голову, но Ивонне разрешил — иностранка все-таки!

Утром следующего дня общение влюбленных продолжилось. Стефанович примчался за Ивонной в «Интурист», вновь посадил ее в свой «жигуль» и повез показывать крупнейшую в Европе киностудию — «Мосфильм». Причем у него на тот день была назначена досъемка эпизода «сон героя», и Стефанович умудрился вставить в него в качестве актрисы свою возлюбленную. Ивонна заменила собой молодую актрису, которую уже загримировали под иностранку, но Стефанович забраковал ее, сказав, что на иностранку та совсем не похожа. «Но где взять другую?» — всплеснули руками киношники. И Стефанович вывел Ивонну: мол, вот она. После съемок влюбленные отправились в мастерскую художника Брусиловского, который был давним приятелем Стефановича.

В тот же день, 14 ноября, в газетах появился Указ о назначении нового министра культуры СССР вместо покончившей с собой три не-

дели назад Екатерины Фурцевой — им стал секретарь ЦК КПСС Петр Демичев. Вот как об этом вспоминает телохранитель Брежнева В. Медведев:

«Я находился в кабинете Леонида Ильича, когда к нему вошел секретарь ЦК КПСС Петр Нилович Демичев. Как это обычно бывало, я хотел выйти, но Брежнев знаком остановил меня. Политбюро должно было утвердить Демичева министром культуры. С чем обычно приходят в таких случаях? Поблагодарить Генерального секретаря за оказанное доверие, пообещать приложить все силы, чтобы оправдать... и т. д. Вместо этого Петр Нилович стал возражать: не может принять подобное предложение, не готов, не компетентен, что-то еще.

Брежнев не очень любил возражения на уровне секретарей ЦК. Ни гнева, ни даже раздражения этот отказ не вызвал, но Генеральный ответил жестко:

— Доводы считаю неубедительными. Вопрос сейчас будет решаться на Политбюро.

Брежнев сидел, Демичев стоял. Весь разговор занял минуты две-три. Петр Нилович уходил расстроенный...»

Тем временем продолжают любовные приключения режиссера Стефановича со швейцарской подданной Ивонной. За сутки до отъезда девушки из России режиссер внезапно узнает, что она... замужем. Это выясняется совершенно случайно, в тот момент, когда девушка внезапно просит своего возлюбленного достать ей аж десять бутылок водки. Стефанович в шоке: «Зачем так много?» — «Это для моего мужа», — отвечает Ивонна. Тогда Стефанович объясняет Ивонне, что уже поздно: на часах уже десять вечера, а в Москве торгуют водкой только до 19 часов. «Крэзи Раша!» — вновь ругается девушка.

Видя, как расстроилась его возлюбленная, Стефанович решает использовать последний шанс. Он везет ее в гастроном на Смоленской площади и напрямик идет в кабинет директора магазина. Там он выкладывает перед ним дефицитные контрамарки на премьеру какого-то американского фильма в Доме кино, тот ведет их в подвал магазина и выдает искомые десять бутылок водки «Московская». Ивонна в восторге: «Спасибо тебе за подарок моему мужу!» Кстати, мужем девушки был известный в Швей-

царии человек, миллионер, о чем Стефанович узнал значительно позже.

Культурная жизнь столицы бьет ключом. Из киношных премьер первой половины ноября назову следующие фильмы: 4-го на экраны вышел режиссерский дебют Николая Губенко «Если хочешь быть счастливым», повествующий о любви женщины-телеоператора к летчику-испытателю (в этих ролях была занята супружеская чета Николай Губенко — Жанна Болотова); 11-го начал демонстрироваться еще один режиссерский дебют — истерн Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих» с участием Юрия Богатырева, Анатолия Соловницына, Александра Пороховщикова, Сергея Шакурова, Никиты Михалкова и др. 11 ноября на столичные экраны вышел еще один фильм михалковского клана — творение рук Андрея Михалкова-Кончаловского «Романс о влюбленных» с Евгением Киндиновым и Еленой Кореньевой в главных ролях. В отличие от работы Михалкова-младшего, которая шла в периферийных кинотеатрах, под «Романс» были выделены гиганты отечественного кинопроката — кинотеатры «Россия» и «Октябрь».

Кино по ТВ: «Большая семья» (1-го), «Вылет задерживается» (премьера т/ф), «Стоянка поезда — две минуты» (2-го), «И был вечер, и было утро...», «Ждем тебя, парень» (впервые по ТВ), «Алло, вы ошиблись номером» (3-го), «Чапаев» (показ приурочен к 40-летию выхода фильма на экран), «Синее небо» (4-го), «Цемент» (премьера т/ф), «Молодые» (впервые по ТВ), «Ленин в Октябре» (7-го), «Люди и манекены» (премьера т/ф, 1-я серия 8-го), «Точка, точка, запятая...» (впервые по ТВ), «Хозяин тайги», «Семь стариков и одна девушка» (9-го), «Осенние свадьбы» (11-го), «Таня» (премьера т/ф 13-го), «Посол Советского Союза» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 3-го в «Современнике» шел спектакль «Четыре капли» В. Розова с участием Анастасии Вертинской, Анастасии Вознесенской, Нины Дорожиной, Людмилы Крыловой, Марины Нееловой, Юрия Богатырева, Станислава Садальского, Олега Табакова и др.; 7-го в Театре имени Вл. Маяковского — «Неопубликованный репортаж» Р. Ибрагимбекова, в ролях Владимир Самойлов, Александр Лазарев, Наталья Гундарева, Игорь Костолевский, Ирина

Печерникова, Владимир Тихонов и др.; в Театре оперетты — «Василий Теркин».

Эстрадные представления: 3, 6—10-го в Театре эстрады пела София Ротару; 6—8-го во Дворце спорта в Лужниках прошли сборные концерты с участием Гелены Великановой, Ларисы Голубкиной, Екатерины Шавриной, Иосифа Кобзона, Аллы Йошпе, Стахана Рахимова и др.; 8-го в «Октябре» пели Жанна Бичевская, Антонина Жмакова и др.; 9—14-го во Дворце спорта шли концерты «Золотая осень-74» с участием зарубежных звезд эстрады: Марцеллы Лайферовой (ЧССР), Юдит Сюд (ВНР) и др.; 10—12-го в ГТЭ выступал польский ВИА «Скальды».

Возлюбленная кинорежиссера Стефановича Ивонна в те дни покидает Россию. У режиссера в день отъезда с девяти утра была назначена съемка, но он, естественно, проигнорировал — позвонил на студию и распорядился начинать без него, а он после двух часов дня обязательно подъедет. И умчался в «Интурист».

Когда он подъехал к гостинице на своем «жигуленке», Ивонна уже сидела в «Икарусе», готовая вот-вот уехать. Но, увидев в окне своего возлюбленного, сломя голову бросилась ему навстречу. И это на глазах у трех десятков туристов! Влюбленные начали целоваться прямо на улице, чем вызвали настоящий переполох у интуристовских гидов. Один из них попытался даже оттащить девушку от режиссера, но тот мертвой хваткой вцепился в нее и заявил, что повезет швейцарку в аэропорт на своем «жигуленке». Гид в ответ гнет свое. Тогда Ивонна, видя, что на гида слова ее возлюбленного не производят ни малейшего впечатления, сама направилась к «жигулю» и на глазах у всей публики написала на его боку, покрытом слоем грязи, три слова: «Я хочу тебя...» И пририсовала к надписи сердце. Но это не произвело на гида никакого впечатления. В итоге девушке все-таки пришлось занять свое место в «Икарусе», а Стефанович на «жигуленке» пристроился сзади. Но приключения на этом не закончились.

В Шереметьево Ивонна устроила настоящую истерику — бросилась на шею своему возлюбленному и заявила, что никуда не полетит. Все тот же гид, который пытался их разнять у гостиницы, вновь бросился их разнимать. При этом он ругал режиссера на чем свет стоит: «И

откуда ты, сука, взялся на нашу голову?» В этот момент к Стефановичу подошли еще несколько мужчин, выдававших себя за гидов, и потребовали у него документы. Глядя в их чистые и холодные глаза, режиссер догадался, к какому ведомству они принадлежат, — к КГБ. Но в объятиях красотики-иностранки в нем внезапно проснулась такая смелость, что он не побоялся бросить в лицо чекистам: «Какое вам дело до моей личной жизни? Вы сами-то кто такие?» У преемников железного Феликса поначалу от удивления вытянулись лица, после чего они чуть ли не пинками заставили режиссера отлипнуть от иностранки. При этом они приговаривали: «Ах ты, сука! Она два дня была такой пайнкой, а тебя встретила, как с цепи сорвалась. Мы тебе покажем, кто мы такие! Мы тебе устроим!..»

В конце концов Ивонну заставили сесть в самолет, а Стефановичу действительно устроили развеселую жизнь — вскоре ему отказали в поездке по США, куда отправилась делегация «Мосфильма». Но это будет чуть позже, а пока вернемся к событиям второй половины ноября.

В те дни в Москве начался суд над Вячеславом Иваньковым, известным в криминальном мире как Япончик. Его задержали в марте после драки в ресторане «Русь» и в июне — августе подвергли судебно-психиатрической экспертизе. Медики признали Иванькова психически здоровым, после чего он и предстал перед судом. Длился он недолго, и 18 ноября вынесли приговор: Иванькова признали виновным по статье 196 ч.3 УК РСФСР (использование поддельных документов) и приговорили к 7 месяцам и 15 дням лишения свободы. Но, поскольку Иваньков уже содержался под стражей почти 8 месяцев, его освободили прямо в зале суда. Говорят, пока он содержался в Бутырской тюрьме, тамошние авторитеты посвятили его в сан вора в законе. Свое освобождение Иваньков с друзьями отметил в ресторане.

Если одних в те дни выпускали из-под стражи, то других, наоборот, сажали. Так произошло с хорошо известным нам аферистом Виктором Михайловым. Будучи первым помощником министра спорта СССР, он активно спекулировал дефицитными автомобилями, спортивным инвентарем и т. д. В феврале 74-го михайловская мафия «кинула» сразу пятерых братьев Мамедовых из Баку на сумму в 26 тысяч рублей. Эта

афера стала одной из последних в послужном списке михайловцев, поскольку осенью Михайлова арестовали. Тучи сгустились и над головой его жены — известной некогда гимнастки, победительницы нескольких Олимпиад, которую следователи тоже собирались привлечь к ответственности. Однако тут в дело вмешался сам председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин. Будучи давним поклонником спортивных достижений гимнастки, он велел сыщикам не трогать женщину. Тем более что у нее на руках остались двое детей: дочь от первого брака и сын Михайлова. Фемида окажется снисходительной и к Михайлову: из десяти отмеренных ему судом лет он отбудет в заключении только два. Но, выйдя на свободу, вскоре погибнет в автомобильной катастрофе в возрасте 33 лет.

На родине Михаила Шолохова в станице Вешенской режиссер Леонид Головня продолжает съемки фильма «Мать человеческая». Несмотря на ранние морозы, которые ударили в тех местах, съемки не прекращались ни на день. Особенно доставалось исполнительнице главной роли Тамаре Семиной, которой приходилось босиком ходить по мерзлой земле, а из одежды носить только рваное ситцевое платье, в то время как вся съемочная группа уже успела обрядиться в полушубки, валенки и ушанки. А 19 ноября Семиной пришлось и вовсе пойти на подвиг — искупаться в Дону, где температура воды была минусовая.

«После такого и умереть можно было! — вспоминала она. — Но меня спасали жители станицы, которые тащили мне какие-то травы и мед. С тех пор я мед и полюбила, сахар совсем не ем. А потом мне сказали люди бывалые, воевавшие: «У тебя просто был окопный синдром». Во время войны молоденькие ребята сутками, неделями в болотах спали. И я была как струна, нервы настолько оголены. Уже после того как фильм вышел на экраны, со мной произошел показательный случай. Я пришла на Тишинский рынок, девочка одна смотрела-смотрела на меня и спрашивает: «Это вы играли «Мать человеческую»? Ой, а мне сказали, что актриса, которая играла эту роль, с ума сошла. Как же вы выдержали?..»

Между тем другая съемочная группа — фильма «Они сражались за Родину», — которая месяц назад работала на том же Дону, уже успела вернуться в Москву и 20 ноября приступила к

монтажно-тонировочным работам. Однако в столицу группа приехала со скандалом. Дело в том, что по приезде выяснилось, что игровые и специальные автомашины (а их было 24 штуки) вернулись назад в поврежденном и разукomплектованном виде. Когда киношники взглянули на свой вернувшийся автопарк, у них волосы на голове встали дыбом: из 24 автомобилей только два (!) оказались нетронутыми. Общий ущерб по остальным составил 2037 рублей. Кроме этого, в экспедиции была похищена дорогостоящая операторская техника на сумму 788 рублей 89 копеек. Подсчитав убытки, руководство киностудии уведомило об этом следственные органы, чтобы те нашли виновных и наказали их по заслугам.

Кинорежиссер Георгий Данелия на том же «Мосфильме» продолжает работу над комедией «Афоня». В одном из павильонов студии выстроена декорация «квартира Борщева», в которой в те ноябрьские дни и велась работа. В частности, снимались эпизоды с участием Леонида Куравлева и Евгения Леонова. Однако 20 ноября Куравлев заболел и пришлось перестраиваться на ходу — снимали сцены без его участия, с одним Леоновым. А спустя несколько дней съемки этих сцен и вовсе пришлось прервать — Леонов уехал в Чехословакию на съемки фильма «Да здравствует цирк!». Чтобы не простаивать, группа приступила к монтажно-тонировочным работам.

В четверг, 21 ноября, Леонид Брежнев вылетел из Москвы во Владивосток, чтобы через два дня встретиться там с новым президентом США Джеральдом Фордом. Примерно в середине перелета Брежневу доложили, что в связи с плохими погодными условиями аэродром Владивостока принять делегацию (она летела на двух больших авиалайнерах «Ил-62») не сможет. В такой же ситуации оказался и военный аэродром — там уже в течение нескольких часов солдаты убирают снег, но справиться с заносами все равно не могут. Тогда Брежнев принимает решение лететь в Хабаровск. Там для важной делегации специально освободили две главные гостиницы. Когда к утру погода наладилась, «Илы» вновь взмыли в небо и вскоре прибыли во Владивосток, на тамошнюю военную базу. Поскольку опоздание составило сутки, смысла уезжать с базы не было никакого, и Брежнев решил дожидаться приезда Форда, чтобы вместе с ним двинуться поездом к

живописному участку на побережье Тихого океана, где располагались дачи партийных бонз Приморского края.

Форд прилетел около 11 утра и сразу же был доставлен к спецпоезду, пригнанному по этому случаю из Москвы. Вскоре туда приехал и Брежнев, и они с Фордом уединились в салон-вагоне для переговоров (от советской стороны в переговорах также участвовал министр иностранных дел Громыко, с американской — госсекретарь Киссинджер). Переговоры шли трудно, о чем есть свидетельства многих очевидцев. Вот как, к примеру, об этом вспоминает Е. Чазов:

«Обстановка переговоров, по моим представлениям, была сложной. Они не раз прерывались, и я видел, как американская делегация спешила на улицу в бронированный автомобиль, который они привезли с собой, чтобы связаться с Вашингтоном, а Брежнев долго, по специальной связи, о чем-то спорил с министром обороны А. Гречко. Брежнев нервничал, был напряжен, злился на окружающих. Начальник охраны А. Рябенко, видя его состояние, сказал мне: «Евгений Иванович, он на пределе, ждите очередного срыва». Да я и сам при встрече с Брежневым видел, что он держится из последних сил...»

В Москве 22 ноября завершился шахматный матч между Анатолием Карповым и Виктором Корчным, в котором Карпов победил со счетом 3:2 (при 19 ничьих) и получил право встретиться в следующем году с чемпионом мира Робертом Фишером. Власти, которые откровенно симпатизировали Карпову и всем чем могли помогали ему в этой победе, были довольны безмерно. А вот Корчной затаил на власть и на Карпова обиду и при первой же возможности попытался им отомстить. Но о том, как это произошло, рассказ впереди, а пока вернемся к другим событиям ноября.

В тот же вечер 22 ноября в столичном Доме кино собрался если не весь столичный бомонд, то половина его — точно. Там демонстрировался фильм Игоря Гостева «Фронт без флангов», который был поставлен по книге некоего Семена Днепров. Большинство советских людей писателя с такой фамилией не знали, зато наверняка слышали про другого человека — 1-го зампреда КГБ СССР Семена Цвигуна. Так вот Днепров и Цвигун — это одно и то же лицо. Скрываясь под этим псевдонимом, Цвигун за

короткое время выпустил несколько книг про героические подвиги в годы Великой Отечественной войны партизанского отряда под руководством майора Красной Армии Млынского (персонаж полностью вымышленный). Пишу «выпустил», поскольку писал книги за Цвигуна другой человек — сценарист Вадим Трунин, о чем знали только избранные. Кстати, Трунин — автор сценария такого киношного шедевра, как «Белорусский вокзал».

Между тем книги эти представляли собой типичную советскую военную беллетристику, не имеющую ничего общего с настоящей правдой о войне. Чтобы читателю стало понятно, о чем именно идет речь, можно сказать коротко: по одну сторону советской военной прозы стояли такие писатели, как Вячеслав Кондратьев, Василь Быков, Виктор Астафьев, по другую — целый легион писателей вроде Цвигуна. И о том, на чьей стороне была победа в этом споре, говорили книжные прилавки: если книги первых проходили по разряду дефицитных, то книги вторых штабелями пылились в магазинах.

Личность автора — зампред КГБ да еще свояк самого Брежнева (они были женаты на родных сестрах) — обзывала деятелей искусства обратиться на его произведение самое пристальное внимание. В итоге на «Мосфильме» приняли решение книги Цвигуна экранизировать. В 74-м свет увидел «Фронт без флангов», потом последуют: «Фронт в тылу врага», «Фронт за линией фронта» и т. д. и т. п. На премьере своей первой экранизации 22 ноября Цвигун присутствовал лично. Кроме него, там были: автор фильма Игорь Гостев, исполнитель роли майора Млынского Вячеслав Тихонов, участник войны Маршал Советского Союза Иван Баграмян, а также многие другие деятели искусства, военачальники, чекисты.

23 ноября во Владивостоке продолжились переговоры Брежнева и Форда. Проходили они при минимальном участии западных корреспондентов, поскольку Владивосток был городом, закрытым для иностранцев. Даже для столь важного мероприятия, как переговоры, было сделано минимальное исключение: американским журналистам разрешили сделать лишь несколько фотоснимков, снять на видеопленку момент начала переговоров — и все. Потом их провезли по городу в закрытых автобусах, что тоже не прибавило им настроения. Кстати, и сам Форд увидел Владивосток только из окна персональ-

ного автомобиля Брежнева — наш генсек специально провез его по городу после окончания переговоров 24 ноября. Во время этой экскурсии Брежнев внезапно пожаловался на усталость и спросил у секретаря крайкома, бывшего здесь же, нельзя ли сократить время поездки. Но секретарь с сожалением сообщил, что в этом месте дорога узкая и развернуться кортежу ну никак нельзя — надо доехать до памятника в районе морского порта. Как вспоминает свидетель тех событий переводчик генсека В. Суходрев: «Брежнев окончательно сник, видно было, что ему не по себе. Сидящий впереди старший адъютант генсека дал команду ускорить движение, и мы помчались к поезду».

Прощальная беседа Брежнева и Форда состоялась спустя пару часов после автомобильной прогулки в салон-вагоне поезда. После нее Форд и Брежнев отправились в аэропорт, откуда американская делегация должна была отбыть на родину. Но перед самым отлетом произошел инцидент, который задержал отлет американцев. Вот как об этом вспоминает В. Медведев:

«В тот день неожиданно выпал снег, который шел не переставая. Солдат-водитель, очищавший аэродром от снега, задремал за рулем, и зацепил крыло президентского самолета. Пришлось американскому президенту подзадержаться с отлетом.

Поломку устранили. Леонид Ильич выехал в аэропорт провожать высокого гостя. После прощания Форд в накинута на плечи волчьей шубе начал подниматься в самолет. Брежнев, смеясь, крикнул ему вслед, что, мол, шуба у него хороша, в ней на охоту ходить здорово. Американскому президенту на ходу перевели. Он остановился на трапе, развернулся, снял шубу и вручил ее Брежневу. Тут же легко взбежал по трапу, помахал на прощание рукой и скрылся в самолете. Все случилось быстро, неожиданно, Генеральный секретарь растерялся, с некоторым опозданием проговорил:

— Ну что же, спасибо!..»

В тот же день, проводив Форда, Брежнев поехал на военно-воздушную базу, чтобы оттуда на поезде отправиться в столицу Монголии Улан-Батор и встретиться там с местными руководителями. Однако в поезде генсеку внезапно стало плохо. Как пишет Е. Чазов: «Тяжелый срыв произошел в поезде. Оттуда я позвонил по спецсвязи Андропову и сказал, что

все наши надежды рухнули, все вернулось на «круги своя» и что скрывать состояние Брежнева будет трудно, учитывая, что впервые не врачи и охрана, а вся делегация, находившаяся в поезде, видела Брежнева в невменяемом астеническом состоянии.

Действительно, многие (об этом пишет и Арбатов) считали, что у Брежнева возникло динамическое нарушение мозгового кровообращения. С этого момента и ведут отсчет болезни Брежнева. Надо сказать, что в какой-то степени нам удалось компенсировать нарушенные функции в связи с астенией и депрессией. Более или менее спокойно прошел визит в Монголию (Брежнев отправился туда на самолете из Иркутска. — Ф. Р.), а затем в начале декабря и во Францию...»

В ту же субботу, 23 ноября, когда завершился визит Форда в СССР, в Москве случилась громкая свадьба — женились две звезды: Муслим Магомаев и Тамара Синявская. Как мы помним, они познакомились еще осенью 72-го на Днях искусства России в Баку, и тогда между ними пробежала первая любовная искра. Однако на тот момент Синявская была замужем и разводиться вроде бы не собиралась. Короче, в итоге возник обычный любовный треугольник. Он сохранялся почти год, причем за это время между влюбленными возникали разные ситуации. Например, пару раз Синявская и Магомаев рвали отношения друг с другом, но затем вновь сходились. Как вспоминает сам Магомаев: «Как-то, после некоторой паузы, вызванной очередной ссорой, мы встретились в Кремлевском Дворце съездов. И снова почувствовали тягу друг к другу, необходимость быть вместе. Встречи стали чаще. А потом было испытание наших чувств разлукой: Тамара на полгода уехала на стажировку в Италию. Я звонил ей каждый день, мы разговаривали минут по 30—40. Через швейцарского брата Кемала посылал ей цветы...»

Когда Синявская вернулась на родину, Магомаев в ее честь дал концерт во Дворце съездов, но любимая вырваться на него так и не смогла. То ли испугалась мужа, то ли боялась, что по Москве пойдут слухи о ее связи с Магомаевым. После этого всем, кто знал об этом адюльтере, показалось, что этот роман пришел к своему логическому концу. Александра Пахмутова и Николай Добронравов даже написали по этому поводу песню «Прощай, люби-

мый». Однако прощания не получилось. Вскоре Синявская развелась со своим мужем, и уже ничто не препятствовало их с Магомаевым роману.

После развода Синявской Магомаев еще какое-то время не решался сделать ей предложение руки и сердца. Тогда ему на помощь пришел его друг, знаменитый художник Таир Салахов. Это он, придя однажды к нему домой и застав там Синявскую, внезапно вызвался лично уладить их отношения. Он забрал у них паспорта и отдал их своему помощнику в Союзе художников — шустрому парню, который должен был как можно быстрее оформить звездный брак через ЗАГС, причем без излишнего шума. Однако тихого бракосочетания не получилось. Как вспоминает сам М. Магомаев:

«Вышли мы из ЗАГСа на улицу — и вдруг вижу то, чего я так хотел избежать: из морозного пара в нашу сторону качнулась толпа. Откуда столько людей собралось? Видимо, работники ЗАГСа оповестили своих знакомых, что женится Магомаев. Как бы сказали теперь — произошла утечка информации...»

Увидев на улице перед дверью живой коридор моих поклонников, ожидавших нас на морозе, я нашелся. Вытолкнул вперед Таира Салахова, словно он и был жених, и сказал громко:

— Иди, иди! Чего стесняешься? Молодец какой! Давно бы так! Старик, до седых волос дожил, а все бобылем ходишь! Хорошо, что решился! Какую невесту отхватил!..

Так с шутками и прибаутками, с боем, но без потерь пробирались к машине.

А потом была свадьба в ресторане «Баку». Тогда он размещался в Черемушках, поскольку в основном здании на улице Горького шел капитальный ремонт. В округе стало известно, что в ресторане Магомаев играет свадьбу, и опять повторилась та же история, что была перед ЗАГСом: собралось множество моих поклонников. В зал они, естественно, не могли попасть, поскольку он был закрыт для других посетителей. Люди стояли на морозе и ждали, когда я начну петь. Я попросил открыть большие окна и пел стихийно собравшимся слушателям... А потом два месяца болел бронхитом...»

Два дня спустя — 25 ноября — в Москве состоялась еще одна звездная свадьба — на этот раз женились звезды кино: Евгений Жариков и

Наталья Гвоздикова. Как мы помним, эта пара близко познакомилась в начале прошлого года, когда играла главные роли в одном фильме, — «Возле этих окон». Несмотря на то, что оба актера состояли в браке, это не помешало им вскоре после съемок закрыть роман. Особенно сильно он разгорелся во время съемок сериала «Рожденная революцией» (съемки начались летом 73-го и будут продолжаться три года). Однако где-то в начале 74-го звездный роман едва не закончился крахом. Дело в том, что к тому моменту Гвоздикова уже успела уйти от мужа (но не развелась с ним официально), а вот Жариков все еще был женат. И когда они снимались в павильонных сценах в Киеве, жена приехала навестить супруга. Далее послушаем рассказ Н. Гвоздиковой:

«Я страшно нервничала, понимала, что он страдает: со мной у него любовь, а там — дом и женщина, с которой прожил более десяти лет, и видела, что он явно не думает что-то менять.

В это время я познакомилась с молодым человеком, который предложил мне выйти за него замуж и уехать в Америку. Я подумала и, хотя фильм был уже почти наполовину отснят, решила уехать подальше от неразрешимой проблемы.

Моя сестра почувствовала, что я вот-вот совершу глупость, о которой потом буду жалеть. И когда я в очередной раз собралась на свидание к своему воздыхателю, Мила встала у двери и сказала, что не выпустит меня из квартиры. Я возмущалась, кричала, что давно совершеннолетняя и что она не имеет права вмешиваться в мою личную жизнь! В самый разгар нашего с ней спора вдруг раздается звонок в дверь и входит Жариков. Сестра, оказывается, тайно пригласила на серьезный разговор Женю. Увидев его, я поняла, что Америки мне не видать!..

Мила усадила нас за стол и без всяких предисловий поставила перед Женей вопрос ребром: «Выбирай, остаешься со своей женой или с Наташей. Женя, ты измотал их обеих. Так нельзя!» Если бы не она, не знаю, как бы сложились наши судьбы... Вскоре я развелась с мужем, а бывшая жена Жени подала на него в суд. В этот смутный период случилось страшное несчастье — умер мой папа, и беда сблизила нас еще сильнее — Женя не отходил от меня ни на шаг. Вскоре мы поженились...»

В эти же дни в Москве в очередной раз гостит американка Ирина Керк, посредница в об-

щении американского адмирала в отставке Джексона Тэйта с его бывшей возлюбленной Зоей Федоровой и дочерью Викторией. На этот раз Ирина приехала всего лишь на десять дней и привезла от Тэйта множество подарков. Увидев их, Виктория разрыдалась: во-первых, от счастья, во-вторых, от невозможности отправить отцу нечто подобное, поскольку в столичных магазинах продавались убогие изделия. В итоге пришлось ограничиться набором деревянных кубков в традиционных красных, черных и золотых тонах.

А еще через пару дней Виктория в компании с известным диссидентом Михаилом Агурским отправилась на Центральный телеграф и заказала разговор с Оранж-Парком во Флориде, где жил ее отец. Момент, когда телефонистка наконец соединила Москву с Флоридой, пришлось ждать около 45 минут. Но когда разговор начался, нервы Виктории не выдержали. Поскольку английского она совсем не знала, Агурский набросал ей несколько слов на клочке бумаге. Но едва Виктория услышала на другом конце провода голос отца, как ее стали душить рыдания, и она, вымолвив всего лишь несколько слов, бросила трубку и выбежала из кабинки. Правда, перед этим она все-таки поняла фразу, сказанную отцом: он обязательно позвонит ей в день ее рождения, в январе.

На следующий день после этого Виктория отправилась на «Мосфильм» и попросила у руководителя объединения, в котором работала, написать ей характеристику для того, чтобы съездить в Америку на встречу с отцом. Но руководитель заявил, что такая характеристика выдается только после того, как кандидата на заграничную поездку обсудит собрание коллектива. Виктория вспыхнула:

— Мне не нужен положительный или отрицательный ответ. Я не прошу у вас разрешения на выезд. Работать там я не собираюсь. Хочу повидаться с отцом, а ему без разницы, что вы напишете в своей бумажонке.

Но руководитель был неумолим:

— Может, вашему отцу и без разницы, но, если подтвердится, что ваша репутация... не очень... вы никуда не поедете. Так что ждите, когда мы все обсудим.

Театр сатиры находится на гастролях в Праге (приехал туда 18 ноября). Труппа отправилась в Чехословакию почти в полном составе, в том числе на гастроли взяли и Татьяну Егоро-

ву, которую до этого (в октябре — ноябре) «прокатили» с поездкой в Италию. На пражских гастролях на краткий миг вновь вспыхнул роман между Егоровой и Андреем Мироновым. Как вспоминает сама актриса, инициатива сближения исходила от Миронова: якобы он подошел к ней во время официального приема в банкетном зале гостиницы и сообщил: «Теперь я холост и надеюсь, вы не откажетесь выпить со мной чашечку кофе. Немедленно уходим отсюда». Они и ушли — в номер Миронова. Далее послушаем рассказ самой Т. Егоровой:

«Посреди номера стоял открытый чемодан, рядом с чемоданом стояла я, совершенно голая, в сапогах, и он, вытаскивая один за другим бесконечное количество разноцветных шелковых итальянских платков, завязывал их на всех частях моего тела. Платками были перевязаны руки у предплечий, локти, кисти, шея, наискосок, как шаль, платок закрывал одну грудь, а другая — вызываяще торчала, еще один платок лег на бедра, я качнула ими, пошла танцевать восточный танец. Не снимая этого наряда, я пила кофе, курила сигареты — внутри происходили бурные монологи, в движениях была осторожность, глаза блестели грустной радостью.

— Что будет дальше? — сказали мы в один голос.

Мы лежали, обняв друг друга. Было неясно — смеемся мы или плачем, и он все вскрикивал:

— Таня! Это ты? Не может быть! — трогал меня руками, как слепой, все повторял до утра: — Таня? Это ты? Неужели это ты, Танечка? Да развяжи ты эти платки, наконец...»

А теперь из Праги перенесемся в Москву. В четверг, 28 ноября, в газетах появилось сообщение, что в хоккейном клубе «Динамо» произошла смена на тренерском мостике: место многолетнего тренера команды Аркадия Чернышева (руководил клубом с 1946 года — 28 лет!) занял 34-летний тренер Владимир Юрзинов (играл за «Динамо» в 1957—1972 годах). Стоит отметить, что главной причиной смены наставников в «Динамо» был не возраст Чернышева — 60 лет, а то, что начало нового сезона команда при нем полностью провалила. На конец ноября из 10 команд «Динамо» занимало в турнирной таблице 8-е место, чего не было за все 28 лет существования этого популярного хоккейного клуба. За последний месяц коман-

ду потрясли сразу несколько скандалов. Самый громкий был связан с хоккеистом Юрием Чичуриным, который в начале ноября... бесследно пропал из поля видимости одноклубников. Где только его не искали, но найти так и не смогли. А десять дней спустя пропавший внезапно объявился сам и сообщил, что был... у родственников в Подмоскovie. Из команды его тут же отчислили. Короче, не самые лучшие времена переживал в те дни хоккейный клуб «Динамо».

29 ноября в Москве сыграли свадьбу ныне известный тележурналист Евгений Киселев и Мария Шахова. Эта пара познакомилась давно — еще в школе, где они учились в одном классе. В апреле 71-го Киселев объяснился Маше в любви, и с тех пор они практически не расставались. Это была красивая любовь. Как вспоминает М. Шахова, «я помню, как разговаривала с Женей по телефону ночами, накрывшись одеялом, чтоб не было слышно. Вернувшись из школы, мы начинали бесконечно друг другу звонить, чем, видимо, сводили с ума своих родителей.

А когда я заболела, учителя говорили: «Ну теперь заболеет и Киселев: вчера на перемене они ели одно яблоко на двоих».

Закончив школу в 73-м, Киселев и Шахова продолжали встречаться, хотя и поступили в разные вузы: он в Институт стран Азии и Африки, она — на журфак МГУ. А когда на следующий год Шаховой исполнилось 18 лет, они тут же решили пожениться. Но перед этим они едва не расстались.

Вспоминает М. Шахова: «После школы мы стали меньше видеться. То он не позвонил, то я не звонила, то я опаздывала на свидание, то он опаздывал. И в результате мы все время ругались и выясняли отношения. В тот вечер мы поссорились навсегда. Как сейчас помню, я сидела у своего дома на скамейке и, глядя в темное небо, на звезды, думала: «Все, жизнь закончена». На следующий день мы встретились, Женя пошел меня провожать, и мы опять начали ссориться. И тут он сказал: «Мне все это надоело, надо пожениться, и дело с концом. Тогда выяснять будет нечего».

Мы с Женей пошли в Грибоедовский ЗАГС, нам дали какие-то бумаги, в которых я никак не могла разобраться. Женя все за меня заполнил, с тех пор он всю жизнь заполняет за меня все анкеты...»

29 ноября, после ЗАГСа, молодожены приехали справлять свадьбу в большую трехкомнатную квартиру невестинной бабушки (в свое время она была очень известным педиатром). Пришли школьные друзья молодых, знакомые, родственники. По словам М. Шаховой, «в тот день шел снег с дождем и кто-то сказал, что это очень хорошо. После свадьбы нас загрузили в машину. По-моему, я плакала, потому что не хотелось никуда ехать ни с каким мужем. Нам сняли квартиру у черта на рогах. В то время найти квартиру было сложно, нам подыскали пустующую, у знакомых — в самом конце Рязанского проспекта. Рыдая, я села в такси с подарками, и мы поехали в эту квартиру, которую я очень не любила. Мы в ней прожили всего год. На следующий день надо было делать еду, я поставила сковородку на огонь, и вдруг зазвонил телефон. Я стала рассказывать кому-то про подарки и очнулась в тот момент, когда в кухне уже все полыхало. После чего я прекратила готовить, и моя бабушка через всю Москву возила нам еду в кастрюлях, судках и суп в бидоне...»

30 ноября свой очередной день рождения справлял популярный диктор Центрального телевидения Светлана Жильцова. Волею судьбы отмечать это событие ей пришлось вдали от родины — в Японии, где она находилась в служебной командировке (вела там передачу «Говорите по-русски»). По ее же словам, это был самый памятный день рождения в ее жизни: «Прекрасная погода, на небе ни облачка. Мои японские друзья пригласили меня в маленький ресторанчик размером с комнату. Какая была теплая обстановка! Люди говорили такие добрые, хорошие тосты. А угощали как! Помню, мне подали очень дорогое мясо особой породы коров, которых специально поят пивом и делают массаж под музыку Моцарта. Объединение!..»

Кстати, на родном для Светланы Жильцовой ЦТ готовится к записи очередная «Песня года». Подавляющая часть артистов, представленных в ней, те же самые, что выступали и в предыдущих выпусках: Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, София Ротару, Валентина Толкунова, Муслим Магомаев, Виктор Вуячич и др. Это, так сказать, официозное лицо советской эстрады, артисты, репертуар которых вполне вписывается в необходимый власти формат. Полный список представленных на «Песне-74» произ-

ведений и исполнителей выглядит следующим образом:

«Я вас люблю, столица» (П. Аедоницкий — Ю. Визбор) — Лев Лещенко; «Не повторяется такое никогда» (С. Туликов — М. Пляцковский) — ВИА «Самоцветы»; «Песня о фабричном гудке» (Э. Колмановский — М. Матусовский) — А. Покровский (артист МХАТа); «Выстрадай, Чили» (И. Лученок — Б. Брусников) — Виктор Вуячич; «Поговори со мною, мама» (В. Мигуля — В. Грин) — Валентина Толкунова; «Старый барабанщик» (С. Томин — Е. Долматовский) — Детский хор п/у В. Попова; «Крестики-нолики» (В. Баснер — М. Матусовский) — Таисия Калиниченко и Детский хор; «Самый лучший дом» (Н. Песков — П. Синявский) — Детский хор; «Горячий снег» (А. Пахмутова — М. Львов) — Юрий Гуляев; «В лесу прифронтовом» (В. Баснер — М. Исаковский) — А. Покровский; «Не тревожь ты себя» (В. Соловьев-Седой — М. Исаковский) — Мария Пахоменко; «Баллада о матери» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару; «Это мы» (О. Фельцман — Р. Гамзатов) — Николай Соловьев; «Воспоминания о полковом оркестре» (Ю. Гуляев — Р. Рождественский) — Юрий Богатиков; «Пока я помню, я живу» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев; «Травы, травы» (В. Шаинский — И. Юшин) — Геннадий Белов; «Все посвящается тебе» (В. Левашов) — Лев Лещенко; «В ответ на твой обман» (Н. Богословский — М. Танич) — Валерий Золотухин; «Зимняя любовь» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Иосиф Кобзон; «Давай поговорим» (Э. Ханок — И. Резник) — Юрий Богатиков; «Там, за облаками» (М. Фрадкин — Р. Рождественский) — ВИА «Самоцветы»; «Шум берез» (К. Орбелян — В. Лазарев) — Виктор Вуячич; «Любовь» (О. Фельцман — Р. Гамзатов) — Сергей Захаров; «Мужчины» (Э. Колмановский — В. Солоухин) — Н. Соловьев; «Торжественная песня» (М. Магомаев — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев.

Любопытно отметить, что слова одного из представленных в «Песне года» хитов — «Травы, травы, травы» (песня написана для фильма «Анискин и Фантомас») — написал не профессиональный поэт, а любитель. Иван Юшин занимался в литературном объединении завода «Динамо», а по основной своей профессии был... мясорубом (!) на Центральном рынке в

Москве. Однако его стихи были настолько хороши, что многие профессиональные композиторы сочиняли на них песни. Для «Песни года» подобный случай — большая редкость.

Во второй половине ноября на экранах столичных кинотеатров демонстрировались новые фильмы: 25-го — фильм-сказка Надежды Кошеверовой «Царевич Проша» с участием Сергея Мартынова, Валерия Золотухина и др.; 26-го — совместная советско-норвежская военная драма Игоря Масленникова «Под каменным небом» с участием Евгения Леонова, Николая Бурляева и др. Из новых зарубежных фильмов выделю следующие: французскую комедию «Хорошенькое дельце» и румынский боевик «Чистыми руками» (последний после предварительного показа летом теперь вышел в широкий прокат).

Кино по ТВ: «Рожденная революцией», 2-я серия (16-го), «Цирк зажигает огни» (17-го), «Аннычка» (18-го), «Ключи от неба» (19-го), «Ошибка резидента» (19—20-го), «Судьба резидента» (21—22-го), «Двери ЗАГСа открыты» (ГДР, впервые по ТВ 22-го), «Снегурочка», «Рожденная революцией», 3-я серия (24-го), «Случай с Польшинным» (25-го), «Счастливый рейс», «В твоих руках жизнь» (26-го), «Освободительный фронт действует» (СФРЮ, 27—29-го), «Королевская охота» (30-го) и др.

Из других телевизионных передач выделю следующие: «Утренняя почта» (16-го, 30-го),

«Голубой огонек» (22-го), «Бенефис Веры Васильевой» (вторая передача Е. Гинзбурга, 29-го), «Кинопанорама» (30-го).

Эстрадные представления: 16—23-го на сцене Театра сатиры, который гастролирует в Праге, выступал чехословацкий соловей Карел Готт; 16-го в ГЦКЗ «Россия» пел Виктор Вуячич; 17-го там же состоялись сборные концерты с участием Льва Лещенко, Галины Ненашевой, Иосифа Кобзона, Александры Стрельченко и др.; 29-го на той же сцене «России» выступала Майя Кристалинская.

Новинки «Мелодии»: твердые миньоны — «Поет ВИА «Музыка» с песнями: «Пеппи» (Р. Майоров — И. Кохановский), «Я полечу» (Д. Алекс — русский текст О. Писаржевской и А. Монастырева), «Три года ты мне снилась» (Н. Богословский — А. Фатьянов), «Нас рассудит время» (С. Мелик — И. Кохановский).

Из пластинок с записями зарубежных исполнителей выделю следующие: первый в Советском Союзе твердый миньон Пола и Линды Маккартни и группы «Уингз» («Крылья») с четырьмя песнями из альбома 1971 года «Ram» («Баран»): «Сердце деревни», «Дорогой мальчик», «Питайся дома», «В пути».

Диски-гиганты — «Играет оркестр Поля Мориа» с композициями: «Говорите тише», «Пассажир под дождем», «Мужчина и женщина», «Мелодия», «Шербурские зонтики» и др.; «Поет Энгельберт Хампердинк».

1974 Декабрь

Юрий Никулин меняет Гайдая на Германа. Детектив вокруг романа Василия Гроссмана. Приключения Брежнева в Париже. Мои первые уроки на льду. Сергей Беликов в «Араксе». Миронов—Голубкина: долгожданное воссоединение. Скандальное интервью Виктора Корчного. Золотухин и Папанов встретились в Ленинграде. Пленум ЦК КПСС. Предынсультные дни супруги Аркадия Райкина. Критикуют Сергея Захарова. Родилась девочка-тант Ника Турбина. КГБ прерывает любовный роман Александра Стефановича. Медсестра Брежнева вмешалась в политику. Таксист-душегуб из Киева. Викторией Федоровой не хотели давать характеристику. Съёмки «Афони» продолжаются. Нашли главных героев в «Иронию судьбы». Хоккеист Александр Мальцев специально опаздывает к вылету, чтобы остаться с молодой женой. Двух народных артистов выселили из гостиницы. Выступление джаз-рок-группы «Арсенал» в американском посольстве. Главреж БДТ хотел выгнать из театра всех собак. Новая песня Высоцкого. Владимир Ворошилов прятался на чердаке. Сдача «Медной бабушки». Корчной кается. Освобождение Бориса Сичкина. Арест Сергея Ковалева. Брежнев плох. Предновогодние разборки в Театре на Таганке. «Ромео и Джульетта» по-«щукински». Евгений Петросян уходит из конференса. Последний Новый год Любви Орловой. Новые сюрпризы для меломанов: пластинки «Битлз», «Свит», «Ти рекс».

Леонид Гайдай продолжает работать над комедией «Не может быть!». Как мы помним, съёмки начались в начале октября в Астрахани и продолжались там до середины месяца. Затем группа вернулась в Москву и с середины ноября начала снимать в павильоне — в декорации «веранда Горбушкина» (первая новелла). А в начале декабря предстояло перейти к эпизодам в декорации «квартира невесты» из третьей новеллы. Однако возникло неожиданное препятствие — заболел исполнитель роли отца невесты Юрий Никулин, из-за чего съёмки 2—4 января не состоялись. А когда Никулин выздоровел, внезапно выяснилось, что сниматься в этой роли он уже не сможет, поскольку дал свое согласие на другую роль — в фильме Алексея Германа «Двадцать дней без войны». Самое удивительное, но Гайдай, который очень любил Никулина, нисколько на него не обиделся, видимо, прекрасно понимая те резоны, которые им двигали: все-таки роль симоновского Лопатина не шла ни в какое сравнение с ролью зощенковского отца невесты.

Стоит отметить, что сам Никулин поначалу считал, что не имеет ничего общего с образом Лопатина. Даже просьба его старого друга писателя И. Меттера не отказывать Герману не смогла переубедить Никулина, и, когда режиссер позвонил ему в Москву, он честно ему признался, что Лопатиным себя не видит: «И стар я, и по темпераменту другой. Да и вообще, мне хочется сняться у Гайдая». Но Герман, который никого, кроме Никулина, в этой роли не видел, сделал вид, будто не расслышал его слов, и сообщил, что вечером выезжает в Москву для встречи. Столь жгучее желание Германа снимать именно Никулина объяснялось просто: ему нужен был именно такой нескладный с виду артист, как антипод героям — красавцам военных фильмов, которые в те годы буквально заполонили советские экраны. Вот как об этом говорит сам А. Герман:

«Когда пошел этот косяк слюнвявых картин по поводу военного тыла, я все это пересмотрел, взбесился и был рад снимать со своими товарищами «20 дней без войны». Потому что эта картина — антиподочная. Больше в ней ничего

нет. Она антилюбовная мелодрама, в ней антикрасивые герои, она за антиживый показ войны в жизни людей, она вся «анти», а больше в ней ничего нет...»

В день приезда Германа в Москву в цирке шел прогон новой программы, поэтому встретить режиссера на вокзале Никулин никак не мог. Но Герман не обиделся и вместе с женой Светланой Кармалитой явился в цирк. Говорят, когда жена режиссера посмотрела на то, что вытворяет на сцене клоун Никулин, удивленно спросила у мужа: «И это твой Лопатин?» Далее послушаем рассказ самого Ю. Никулина:

«После прогона мы с Германом поехали ко мне домой. Пили чай и говорили о будущем фильме. Говорил в основном Герман. Страстно, взволнованно, убежденно, эмоционально. Его черные, большие, умные и немного грустные глаза в тот вечер меня подкупили. Алексей Герман рассказывал, что и сам Константин Симонов одобряет мою кандидатуру на роль Лопатина.

Как это произошло, до сих пор не пойму, но к половине второго ночи мое сопротивление было сломлено. Усталый, чуть раздраженный, мечтая только об одном — как бы скорее лечь спать, — я согласился приехать в Ленинград на кинопробы...»

Те кинопробы удовлетворили не только Германа, но и Константина Симонова, который спустя некоторое время увидел их в Москве. Он даже пригласил Никулина к себе домой, где они долго беседовали о предстоящих съемках. Кстати, Симонов забраковал исполнительницу главной женской роли Аллу Демидову, потому что она была в точности похожа на его бывшую супругу Валентину Серову, и потребовал отдать эту роль другой актрисе. В итоге Герман остановился на Людмиле Гурченко.

Но вернемся к событиям начала декабря.

В те дни по-настоящему детективная история раскручивается с многострадальным романом Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Написанная еще в конце 50-х, эта книга являла собой образец редкого для советской литературы произведения, где война была показана с максимальной достоверностью (в отличие от книг того же С. Днепров-Цвигуна, к примеру). Именно поэтому ее публикация в Советском Союзе и стала невозможной: когда автор отдал рукопись в журнал «Знамя» для после-

дующей публикации, его главный редактор Кожевников так перепугался, что донес на автора в КГБ. В итоге рукопись изъяли. К счастью, незадолго до обыска один экземпляр романа Гроссман отдал писателю Семену Липкину и тот спрятал его в доме своего брата-математика. Там книга и пролежала до конца 74-го, после чего Липкин решил — пора. Он обратился к писателю Владимиру Войновичу с просьбой помочь опубликовать «Жизнь и судьбу» за рубежом. Тот согласился. За рукописью была отправлена Инна Лиснянская, которая и доставила книгу к Войновичу. Тот решил для облегчения переправки сфотографировать машинопись. И вновь в качестве курьера была отправлена Лиснянская. Эта поездка во многом смахивала на киношный детектив.

Вспоминает С. Липкин: «Надо было на лифте подняться на пятый (или на седьмой) этаж. У лифта стояли двое мужчин. Они показались Инне Львовне подозрительными. Они вошли в лифт вместе с ней и стали по обе стороны от нее. Когда лифт поднялся на нужный этаж, эти двое вышли вместе с ней. Инну Львовну охватил страх. Она позвонила, дверь открыла незнакомая женщина, сказала: «Вы принесли продукты. Спасибо» — и закрыла дверь. Инна Львовна спустилась в лифте, а вместе с нею и те двое.

Вернувшись, Инна Львовна рассказала о происшествии Войновичу. Многоопытный Владимир Николаевич ее успокоил:

— Если следили, то не за тобой. Возможно, за этой квартирой ведется наблюдение. Вот теперь-то тебя, наверное, взяли на заметку.

Первая попытка оказалась неудачной. Фото получилось плохое. Но Войнович был, как всегда, настойчив. Попытку повторил. Позднее я узнал, что он прибег к помощи Е. Боннэр и А. Сахарова. Фотопленка отправилась за рубеж...»

В среду, 4 декабря, Леонид Брежнев летит с официальным визитом в Париж. Там ему предстоит знакомство с новым президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном, заступившим на этот пост сразу после кончины Жоржа Помпиду. Советскому гостю отвели роскошные апартаменты в замке Рамбуйе, причем поселили его в комнате бывшего короля Франции Франциска I.

На следующий после приезда день с утра Брежнев принял участие в завтраке (на нем

присутствовали всего лишь 8 человек), а в 17.30 ему предстояла встреча с президентом. Однако около трех дня д'Эстену доставили от Брежнева послание, в котором тот просил его перенести встречу на 18 часов. Причем никаких объяснений по этому поводу Брежнев не давал. Президент согласился. Но спустя час от гостя приходит новая депеша: на этот раз с просьбой перенести беседу на 18.30. «Что за ерунда?» — выругался про себя президент, который никак не может врубиться, что происходит. Кто-то из помощников высказывает предположение, что Брежнев занемог (так оно и было), но д'Эстен этому не верит — ведь утром генсек выглядел вполне нормально. Значит, здесь таится какая-то интрига. Как пишет сам президент в своих мемуарах, «если произойдет утечка информации, тогда легко предсказать комментарии: «Брежнев заставляет ждать Жискара! Никогда он не позволил бы себе такого отношения к де Голлю! Он явно хочет показать, какая между ними разница». Я передаю через генерального секретаря Елисейского дворца свой ответ: если мы хотим, чтобы у нас было достаточно времени для переговоров, откладывать их начало крайне нежелательно. Я буду ждать господина Брежнева в 18 часов в условленном месте...

Я поджидаю Брежнева на пороге. Теплая встреча. Он обеими руками берет мою руку и трясет ее, обернувшись к переводчику. Он выражает свою радость по поводу нашей встречи, уверенность в том, что «мы сможем хорошо поработать на благо советско-французского сотрудничества».

Через какое-то время я вижу, с каким усилием он произносит слова. Когда его губы двигаются, мне кажется, я слышу постукивание размякших костей, словно его челюсти плавают в жидкости. Нам подают чай. Он просит воды. Его ответы носят общий характер, скорее банальны, но звучат справедливо. Я понимаю, что он предпочитает не выходить за рамки знакомых ему тем. Он сожалеет об уходе Никсона...

Дикция Брежнева становится все менее разборчивой. Все то же постукивание костяшек. Мы говорим уже пятьдесят минут. Я это отмечаю по своим часам, съехавшим на запястье. Однако если вычесть время, затраченное на перевод, то беседа длится вдвое меньше. Внезапно Леонид Брежнев встает — в дальнейшем

я еще не раз столкнусь с этой его манерой — и тотчас же направляется к выходу. Он что-то говорит переводчику, вероятно, просит открыть дверь и предупредить адъютанта, который, как я догадываюсь, находится где-то совсем рядом. Как только Брежнев делает первый шаг, он перестает замечать присутствие других людей. Главное — контролировать направленные движения.

— Мне нужно отдохнуть, — говорит он, расставаясь со мной, — вчера во время перелета было очень ветрено. Мы ведь еще увидимся за обедом...»

Визит Брежнева во Францию продлится до субботы 7 декабря. Аккурат в тот же день заболел мой отец — простудился на работе. Вообще простуда — профессиональное заболевание автослесарей, которые часами не вылезают из автомобильных ям с их сквозняками. Мой отец не был исключением из правил, однако он всегда старался переносить свои заболевания на ногах. А в том декабре он впервые на моей памяти свалился с температурой в постель (видимо, этим мне те дни и запомнились). Помню, я вернулся из школы, увидел отца, лежащим в кровати с градусником под мышкой, и несказанно удивился. Я-то привык видеть его вечным живчиком, все время куда-то спешащим.

И еще те декабрьские дни в моей памяти ассоциируются с пластинкой фирмы «Балкантон» под названием «Глобус», на которой были собраны лучшие песни западных исполнителей последних двух лет. Среди звучащих на виниле артистов были: «Роллинг Стоунз», АББА, а также «Мидл оф зе роуд», «Статус-кво», Сони и Чер и др. Этот диск я впервые услышал аккурат в самом начале декабря, будучи на дне рождения у своего одноклассника Сергея Злобина. Помню, кроме меня, именинник пригласил к себе на Казаковку, 25 еще нескольких наших одноклассников, среди которых были и девочки. Одна из них и принесла этот «винил», с гордостью сообщив, что купила его по счастливой случайности (поскольку наша родная фирма грамзаписи «Мелодия» никогда не отличалась оперативностью, ей приходилось приобретать подобные сборники свежих хитов у своих партнеров по соцлагерю). Лично меня больше всего из услышанных хитов потрясла песня «Энджи» в исполнении «Роллингов», которую мы ставили чаще других, поскольку дли-

лась она нескончаемо долго и под нее можно было лишний раз станцевать с понравившейся девушкой медленный танец. Кстати, сам я тогда оконфузился: слишком плотно прижался к партнерше, и мое пробудившееся естество ввергло ее в такую краску, что это стало заметно всем присутствующим. А было-то нам в ту пору по 12—13 лет.

И все же главные мои помыслы в те дни были заняты другим — я впервые встал на коньки. Будучи вот уже несколько лет помешанным на хоккее, я, к своему стыду, до сих пор не умел кататься на коньках. И это при том, что буквально в десяти минутах ходьбы от моего дома, на территории Института физкультуры («физтика», как мы его называли), существовал прекрасный каток, который летом служил футбольным полем. И кто знает, сколь долго я бы не умел кататься на коньках, если бы не Суперсерия-74, которую я не отрываясь наблюдал на голубом экране. Чуть ли не на следующий день после ее завершения я стал одолевать родителей слезными мольбами выделить мне из семейного бюджета деньги на коньки, пускай даже самые завалящие. Видимо, последний аргумент и сыграл свою роль — мне разрешили купить «гааги» всего лишь за 14 рублей. Однако моему счастью в тот момент не было предела. В начале декабря я впервые вышел на лед «физтика» на коньках.

В павильонах «Мосфильма» Георгий Данелия продолжает работу над комедией «Афоня». Как мы помним, в конце ноября съемки на некоторое время прервались из-за того, что на съемочной площадке отсутствовали двое основных актеров: Леонид Куравлев (он был болен) и Евгений Леонов (уезжал на съемки в Прагу). После того как оба они наконец объявились, работа продолжилась. В начале декабря снимался эпизод, где Афоня приводит своего нового знакомого — штукатура Колю — к себе домой, но его возлюбленная (Нина Русланова) встречает их весьма недружелюбно. «Ты кого в дом привел?» — вопрошает она у Афони. После того как Коля никак не может вспомнить свою фамилию, Афонина невеста выкидывает его из квартиры. Афоня пытается ее умаслить: «А я тебе духи купил марки «Москва». Однако, не найдя их в кармане, удрученно заключает: «Точно помню, что покупал». — «Ты их выпил... вместе с Колей», — горько конста-

тирует возлюбленная. И, вклепив Афоне звонкую пощечину, уходит от него, громко хлопнув дверью.

Популярная рок-группа «Аракс», которая работает в Театре имени Ленинского комсомола, обрела нового вокалиста — им стал 20-летний Сергей Беликов. В течение последних четырех лет он играл в вокально-инструментальном ансамбле в родном для него городе Красногорске и, прямо скажем, даже и не надеялся пробиться куда-нибудь выше. Но, с тех пор как его ВИА стал выступать на местной танцплощадке, слава о голосистом вокалисте докатилась и до Москвы. И вот однажды в Красногорск специально приехал один из работников Ленкома, который, послушав Беликова, пригласил его перейти в «Аракс». Упустить такой шанс парень, естественно, не стал. Вскоре его имя станет известно всей стране, однако об этом я расскажу в свое время.

В декабре Андрей Миронов связал свою судьбу с актрисой Театра Советской Армии 33-летней Ларисой Голубкиной. Как мы помним, в октябре Миронов съехал с кооперативной квартиры на улице Герцена, где около года проживал со своей законной супругой Екатериной Градовой и дочерью Машей, к родителям на улицу Таньевых. А уже спустя полтора месяца сошелся с Голубкиной.

Как вспоминает сама Голубкина, Миронов был в нее влюблен еще в пору ее студенчества и дарил ей корзины цветов. Но Голубкиной он в ту пору хоть и нравился, но не настолько сильно, чтобы влюбиться. На протяжении последующих десяти лет Миронов четырежды (!) делал ей предложение руки и сердца, но каждый раз получал отказ. В начале 70-х Голубкина вышла замуж за физика Николая Арсеньева-Щербицкого и в сентябре 73-го родила от него девочку — Машу Голубкину. Однако на момент рождения ребенка отношения между возлюбленными уже разладились, и они расстались. А в декабре 74-го на горизонте Голубкиной вновь возник Миронов. По ее словам: «Я вышла за Андрюшу, когда мне было уже за тридцать, но я считаю, что это мой первый брак. Все, что происходило до этого, — просто несерьезно...»

В четверг, 12 декабря, в газете «Советский спорт» были опубликованы выдержки из интервью гроссмейстера Виктора Корчного, ко-

торое он дал десять дней назад журналисту югославского агентства ТАНЮГ Б. Кажичу. Как мы помним, в конце ноября Корчной проиграл претендентский матч Анатолию Карпову и теперь делился своими впечатлениями о сопернике. Корчной заявил: «В матче я не играл слабее противника. Остаюсь при своем убеждении, что по силе и по таланту я не уступаю Карпову. Повторяю, его шахматный арсенал весьма беден. Не могу сказать, что моего противника ожидает блестящее будущее...»

Эти и другие высказывания Корчного тут же прокомментировал другой гроссмейстер — Тигран Петросян. В частности, он сказал: «Будьте объективны, Виктор Львович! Вы уступили Карпову в матче потому, что играли хуже, чем он!» Это интервью будет дорого стоить Корчному.

В первой половине декабря в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер. 2-го на экраны вышли: комедия Георгия Шенгелая «Мелодии Верийского квартала», где главные роли исполняли Софико Чиаурели и Вахтанг Кикабидзе, и детектив Леонида Менакера «Опознание», в главной роли — Астрид Кайриша. Из зарубежных премьер выделю французский боевик «Жил-был полицейский».

Кино по ТВ: «Юнга со шхуны «Колумб», «Фото Хабера» (Венгрия) (1-го), «Дети Дон Кихота» (2-го), «Второе дыхание» (преьера т/ф 3-го), «Доверие» (4—5-го), «Красные пчелы» (впервые по ТВ 5-го), «Три толстяка» (6-го), «Девчата» (7-го), «Лекарство от любви» (8-го), «По тонкому льду» (9—10-го), «Бриллиантовая рука» (11-го), «Домашняя война» (Польша) (11—12-го), «Чисто английское убийство» (преьера т/ф 14—15-го), «Жеребенок» (15-го) и др.

Из театральных премьер выделю следующие: 1-го в Театре на Малой Бронной был показан спектакль «Покровские ворота» Л. Зорина в постановке Михаила Козакова (в нем состоялся дебют молодой актрисы Анны Каменковой); в драмтеатре имени Станиславского — «Еще не вечер» с участием Натальи Варлей, Майи Менглет, Риммы Быковой и др.

Эстрадные представления: 3, 6, 11-го в ГЦКЗ «Россия» выступал белорусский ВИА «Песняры»; 3—5-го — во Дворце спорта в Лужниках ВИА «Поющие сердца»; 12—17-го — там же состоялись концерты оркестра под управлением Олега Лундстрема.

В те декабрьские дни киношная судьба занесла сразу двух известных артистов — Валерия Золотухина и Анатолия Папанова в Ленинград: один в те дни снимался на киностудии «Ленфильм» в фильме «Единственная», другой озвучивал роль в фильме «Одиножды один». 15 декабря оба артиста случайно встретились на перекрестке у Московского вокзала и так были рады встрече друг с другом, что, зазевавшись, едва не сшибли троллейбус, а точнее они их. Можете себе представить, каково было удивление водителя троллейбуса, когда в своих потенциальных жертвах он узнал двух знаменитых артистов. Те же, отойдя в сторонку, принялись делиться друг с другом своими впечатлениями. Папанов сетовал на то, что от частых переездов по маршруту Москва — Ленинград он уже буквально валится с ног. «Нельзя ли Москву с Ленинградом скрестить, чтоб не мотаться туда-сюда? — басил он своим знаменитым голосом. — Я сегодня обратно самолетом в Москву, а завтра поездом — сюда. — А ты?» — «А я завтра самолетом туда, а обратно — поездом», — отвечал ему Золотухин.

Разговор двух актеров длился примерно полчаса, и в нем нашлось место не только профессиональным проблемам, но также житейским делам, и даже политике. В частности, Папанов заметил: «Эйнштейн всю жизнь бился, как вместить пространство и время, и решил эту проблему. Наш Прораб (имелся в виду Брежнев) решил эту проблему весьма просто: «Будем рыть канаву от забора до обеда». Вот и вся «теория относительности нашего социализма».

Между тем упомянутый всуе Брежнев в то воскресенье сидел у себя на даче и в компании своих помощников готовился к выступлению на очередном Пленуме ЦК. Пленум открылся в понедельник, 16 декабря. Съехавшиеся со всех концов страны участники не заметили в поведении генсека никаких отклонений от нормы, что вполне объяснимо: в те дни Брежнев принимал специальные лекарства, которые на короткое время позволяли поддерживать его организм в нужном тоне. Короче, делалось все возможное, чтобы слухи о неладах со здоровьем Брежнева не стали достоянием широкой общественности.

В эти же дни проблемы со здоровьем испытывает и супруга Аркадия Райкина Рома. В начале следующего года Ленинградский Театр

миниатюр должен был показать в Москве новую программу, поэтому в декабрьские дни 74-го практически каждый день шли изнурительные репетиции, во время которых жена Райкина испытывала чуть ли не адские муки. Вот как об этом вспоминает ее дочь Екатерина Райкина:

«Мама часто звонила мне и жаловалась, что совсем было на нее не похоже. Она говорила, что по утрам кружится и болит голова, что пол встает дыбом, что не может запомнить текста на репетициях, что папа сердится, партнеры недоумевают и жалеют ее... Я умоляла ее заняться своим здоровьем, пойти к хорошему невропатологу, если надо, лечь в больницу. Помню, в отчаянии я кричала в трубку: «Мамочка, если себя не жалеешь, пожалей хоть нас! Это все тревожные и грозные признаки». Мама смеялась и обращала все в шутку, успокаивала меня, говорила, что ее больше тревожит папа: его занятость с утра до вечера, интенсивность и неукротимость работы, заботит «проходимость» некоторых вещей новой программы...»

17 декабря в газете «Советская культура» была опубликована большая (почти полосная) статья журналистки Галины Ужовой под броским названием «Звезда эстрады (об успехе подлинном и мнимом)». Речь в ней шла о 24-летнем певце Сергее Захарове. Слава этого исполнителя стремительно взошла ровно год назад после выступления в телевизионной передаче «Артлото». После этого Захаров умудрился стать победителем двух международных конкурсов («Золотой Орфей» и «Сопот-74»), записать пластинку и еще несколько раз засветиться на голубом экране (в октябре его даже показали в престижном «Голубом огоньке»). Даже на открытие сезона в Московском Театре эстрады Захарова не забыли пригласить. За последние несколько лет ни один отечественный певец не имел столь фантастического взлета, как это случилось с Захаровым (последний раз такое было в начале 60-х с Муслимом Магомаевым).

Автор статьи не имела ничего против столь стремительного взлета молодого артиста, наоборот — всячески его приветствовала. Дескать, Захаров — исполнитель талантливый и, как говорится, флаг ему в руки. Но ее настораживали некоторые нюансы его поведения, о которых она и поведала своим читателям. Например, в ряде своих интервью певец явно вво-

дил в заблуждение своих поклонников, утверждая, что закончил десятилетку, хотя на самом деле ушел из средней школы после 8-го класса. Никогда не упоминая о том, что был отчислен из Гнесинского училища за неявку на экзамен и пел в ресторане «Арбат», Захаров в то же время охотно рассказывал, как попал на Сопотский фестиваль: мол, прошел огромный конкурсный отбор. На самом деле никакого отбора не было и в помине — кто-то из деятелей Минкульта увидел его во время гастролей Ленинградского мюзик-холла в Москве и предложил его кандидатуру для поездки на фестиваль.

Рисуя в своей статье образ этакого «Мюнхгаузена от эстрады», Ужова пишет, что Захаров «любит как бы между прочим упомянуть о только что купленной машине, о грудах писем, сказать, что за рубежом называли его советским Хампердинком, что приглашали в Голливуд». И далее замечает, что Захаров — человек, безусловно, талантливый, но нет рядом с ним опытного наставника, кто бы мог поставить ему репертуар, подсказать, как себя вести в той или иной сложной ситуации.

В тот же вторник, 17 декабря, в Ялте родилась девочка, которую впоследствии назовут гениальной. Речь идет о Нике Турбиной. Уже в трехлетнем возрасте она начнет сочинять стихи, причем самые что ни на есть взрослые. Ее первое творение будет называться «Алая луна». Стихи станут рождаться в голове девочки с такой быстротой, что мама с бабушкой не успевают записывать все на бумагу. Они потом даже обратятся к врачам, чтобы те помогли дочери справиться с этим недугом. Но врачи только руками разведут: «Это не в наших силах». Впоследствии про Нику узнает весь мир, о ней будет написано множество статей в популярных изданиях. Однако итог у всей этой истории окажется трагическим: в 27-летнем возрасте Ника Турбина покончит с собой, выбросившись из окна.

17 декабря кинорежиссер Александр Стефанович вылетел в служебную командировку в Прагу — надо было доснять несколько фонов для фильма «Дорогой мальчик». Однако помимо служебной необходимости Стефановича гнала в столицу Чехословакии и личная причина: там он намеревался встретиться со своей возлюбленной, подданной Швейцарии Ивонной, с которой судьба свела его месяц назад в

Москве. С тех пор как молодые люди разлучились (а Ивонна уехала из России в середине ноября), они поддерживали друг с другом исключительно эпистолярную связь. Так, режиссер за это время получил от Ивонны пять писем, отправив ей столько же (но он не знал, что ни одно из его посланий до адресата так и не дошло, поскольку их все перехватил бдительный КГБ).

Между тем в своем последнем письме девушка признавалась, что развелась со своим мужем, поскольку тот прознал про ее адюльтер в Москве и не смог ей этого простить. А в начале декабря Ивонна позвонила режиссеру в Москву, стала плакаться ему, как ей теперь тяжело, и Стефанович предложил встретиться. И местом встречи выбрал Прагу, куда должен был ехать на досъемки. Но их встреча так и не состоялась: наш КГБ попросил своих коллег в Праге не давать Ивонне въездную визу в страну. В итоге 18 декабря Стефанович битый час прождал девушку в вестибюле гостиницы «Интерконтиненталь», а та так и не явилась. Правда, она позвонила ему в вестибюль и поведала о том, почему не смогла явиться на randevu. Стефанович тогда здорово удивился: чем же он так досадил КГБ?

В четверг, 19 декабря, Леонид Брежнев справил свой 68-й день рождения. Торжество происходило на даче генсека, где он в последние дни жил безвылазно. За столом собрались самые близкие имениннику люди, в том числе и медсестра Нина К., которая вот уже несколько лет является одним из самых доверенных лиц генсека. О степени ее влияния на Брежнева говорит хотя бы такой факт. За несколько дней до дня рождения к Брежневу приехали его соратники по Политбюро, чтобы обсудить предстоящий Пленум ЦК КПСС. В этот момент в доме находилась медсестра, которую Брежнев, вместо того чтобы отпустить восвояси... усадил за стол вместе с гостями. Как пишет Е. Чазов: «Мне позвонил возмущенный Д. Полянский и заявил, что это безобразие, что медицинская сестра нашего учреждения садится за стол вместе с членами Политбюро, которые обсуждают важные государственные проблемы. Что это не только неэтично, но и бестактно. Согласившись с ним, я поинтересовался, а сказал ли он то же самое хозяину дома? Несколько замямвшийся Полянский ответил, что что-то в этом духе он

Брежневу сказал, но считает, что прежде всего я обязан удалить Н. из Завидова и предупредить ее о необходимости строго соблюдать профессиональную этику. Не знаю, что на самом деле сказал Полянский Брежневу, но в их отношениях появился холодок, который в конце концов привел к разрыву...»

В тот же четверг в Киеве произошло убийство. Таксист Н. Миньчук (фамилия изменена) поздно вечером подобрал на дороге голосующую молодую женщину. Она попросила подбросить ее в центр города. Однако у таксиста были иные планы. Он завез пассажирку в безлюдное место на побережье Киевского водохранилища, к монументу «Чайка», и, не дав опомниться, набросился на нее. Женщина пыталась сопротивляться, но силы были явно неравны. Изнасиловав несчастную, таксист ее вдобавок еще и ограбил, выпотрошив содержимое сумочки. Думая, что на этом ее мучения закончились, женщина попыталась было выйти из машины, но не тут-то было — таксист грубо запихнул ее обратно в салон. Затем, используя ее же пояс от платья в качестве веревки, Миньчук связал жертве руки. Та умоляла отпустить ее, обещала никому ничего не рассказывать, но преступник лишь ухмылялся: дескать, как же, наша дурака. Тогда женщина попыталась закричать, но Миньчук прервал этот крик одним ударом кулака. А чтобы у несчастной больше не было желания звать на помощь, он заткнул ей рот кляпом из ее же шарфика. После чего вылез их машины и решил перекурить.

Пока таксист отсутствовал, жертва тоже не теряла времени даром. Перевернувшись на бок, она принялась тереть шарфик о сиденье. В итоге от кляпа ей удалось избавиться. И когда насильник потянул ее за ноги наружу, она оттолкнула его и стала со всей мочи звать на помощь: «Помогите! Убивают!» Эти крики услышали двое молодых людей, которые в эти поздние часы прогуливались неподалеку (парень и девушка, не попав в кино, решили пройтись по побережью). Девушка повернулась к своему ухажеру, надеясь, что он откликнется на этот призыв о помощи. Но тот схватил ее за руку и потащил прочь от места происшествия. И ладно бы они испугались сами, но ведь и другим ничего не сказали: когда на набережной они повстречали компанию взрослых лю-

дей, среди которых было несколько мужчин, они ни словом не обмолвились о криках на берегу. Это равнодушие стоило несчастной женщине жизни. Миньчук доволоч ее до причала и сбросил в воду со связанными за спиной руками. Затем, вполне удовлетворенный тем, как он удачно замел следы, и уверенный, что останется безнаказанным, душегуб покинул место преступления. Но он рано радовался. В тот вечер у него на пути оказались не только люди равнодушные.

Инженер Киевской ГЭС Александр Осыховский возвращался с дежурства домой. По пути на автобусную остановку он заметил такси, которое выезжало из темноты на трассу. Какое-то смутное предчувствие шевельнулось в душе инженера, и он, уже зайдя в автобус, решил записать в записную книжку номер «Волги». А когда на следующий день узнал от сослуживцев о происшедшем у причала, тут же бросился в милицию. В тот же вечер к Миньчику пришла милиция. Легко представить себе его лицо, когда он увидел на пороге людей в милицейской форме. Через несколько месяцев суд приговорит его к расстрелу.

Виктория Федорова продолжает ждать вызова на киностудию «Мосфильм», где ей должны выдать характеристику, чтобы она смогла выехать на встречу со своим отцом в США. Просьбу о выдаче такого документа она подала еще в конце ноября, а по правилам выдача таких характеристик должна происходить в течение месяца. Чтобы не терять напрасно время, Виктория занялась сбором других справок для ОВИРа. Когда все они были собраны, а характеристики все не было, Виктория позвонила руководителю своего объединения и поинтересовалась, в чем дело. Тот ответил, что для выдачи характеристики необходимо собрание, но на данный момент собрать всех невозможно: кто-то болен, кто-то отсутствует в Москве. «Когда же может состояться собрание?» — спросила Виктория. «Я думаю, не раньше конца этой недели», — ответили ей на другом конце провода.

То собрание оставило у Виктории тягостное чувство. Возглавлял его секретарь партийной организации объединения, который некогда подавал большие надежды как актер, но из-за своего пристрастия к алкоголю был снят с нескольких ролей. Однако это не помешало ему

в дальнейшем сделать карьеру по партийной линии. Этот человек и открыл собрание внезапным заявлением, что Федоровой... не нужно ехать в Америку. Когда Виктория спросила: «Почему?» — тот, не моргнув глазом, ответил: «Потому что мы считаем вас аморальной личностью. Вы дважды выходили замуж и оба раза разводились. Вы не проявляете никакого интереса к жизни коммунистического общества: например, вы ни разу не присутствовали на лекциях по марксизму-ленинизму, которые дважды в неделю читаются на студии».

Когда первый шок от услышанного прошел, Виктория устремилась в атаку. Она заявила, что четыре года училась в институте, где лекций по марксизму-ленинизму было значительно больше, чем по актерскому мастерству, поэтому знаний на ту тему ей вполне хватает. На что парторг тут же среагировал соответствующим образом: «Тогда ответьте, пожалуйста, какой важнейший форум в жизни нашей партии закончился на днях?» Виктория ничего не знала про недавний Пленум ЦК КПСС, поэтому ответила: «Неужели вы думаете, что мне это может пригодиться для поездки в Америку, к своему отцу?» Парторг в ответ улыбнулся, правда, улыбка у него получилась какая-то злобешая. И продолжил: «У вас отличное чувство юмора, правда, с небольшим налетом сарказма. Но мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним, а кто, возможно, будет и плакать. Расскажите нам лучше про ваше злоупотребление алкоголем». Далее слушаем рассказ самой В. Федоровой:

«Тут уж я взорвалась:

— Это вы-то смеете говорить мне о злоупотреблении алкоголем? Уж если на то пошло, у меня хватило силы воли перестать пить. Но, даже когда я пила, я никогда не позволяла себе пить во время съемок. У меня никогда не было никаких неприятностей, я никогда не опаздывала, я никогда ни на минуту не задерживала съемок. Я дисциплинированная актриса, и все это знают...

— К сожалению, — прервал он меня, — здесь сказано, что вы хорошая актриса.

Я подняла руку.

— Я еще не кончила. А знают ли собравшиеся здесь ваши высокопоставленные друзья о вашем пристрастии к алкоголю? Знают ли они, что, еще будучи актером, вы свалились за-

мертво в этой самой студии на глазах пятидесяти человек, напившись до потери сознания? Как вы смеете говорить мне о злоупотреблениях?

Он даже не покраснел.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать меня. Это вы обратились к нам за характеристикой, мы ее и обсуждаем.

— Верно, — согласилась я. — Я обратилась к вам за характеристикой — и это все, что мне от вас надо. Только характеристику, хорошую или плохую. И нечего обсуждать, что я ем, сколько сплю, когда иду в ванную и что знаю, а чего не знаю о ваших коммунистических съездах. Ведете со мной какую-то игру, и больше ничего. Игру!

Я встала и вышла из комнаты...

На том же «Мосфильме» Георгий Данелия продолжает съемки комедии «Афоня». 23 декабря состоялась досъемка одного из ключевых эпизодов фильма — танцев в ДК, где Катя (Евгения Симонова) знакомится с Афоней (Леонид Куравлев). Эпизод снимали ночью в одном из столичных ДК в присутствии большого количества массовки. На такую работу по плану отводилось два дня, однако эпизод сняли за несколько часов. В качестве музыкантов, играющих на танцах, были приглашены две популярные рок-группы: «Аракс» и «Машина времени». Первая исполнила свой хит «Мемуары» («Скоро стану я седым и старым...»), вторая — «Ты или я» («Солнечный остров»). В ленту вошли отрывки из обоих хитов, однако на экране покажут только «Аракс», а «Машина» так и останется за кадром. Вспоминает лидер «машинистов» Андрей Макаревич:

«На сейшине в столовой номер восемь филфака МГУ (легендарное, кстати, место!) к нам подошел усатый дядька и объявил, что он из съемочной группы Данелия и мы им нужны. Ночь я провел в необыкновенном волнении. Перед именем Данелия я благоговел — недавно, где-то недалеко от третьих экранов, прошел фильм «Тридцать три», был он очень смешной и по тем временам редкой гражданской смелости, на грани запрета. Я не мог себе представить, зачем мы понадобились Данелия, и воображение рисовало картинку самые причудливые. Оказалось, все очень просто. В эпизоде на клубных танцах нужна была на заднем плане какая-нибудь группа — так сказать, типичный представитель. Только и всего... Надо сказать,

я не расстроился: я считал за честь принести пользу Данелия в любом виде. Быстро была записана фонограмма песни «Ты или я» — выбора, собственно, не было, других наших песен Дегтярюк (новый участник «Машины времени». — Ф. Р.) играть не умел. Съемки прошли за один день (вернее, ночь). Надо сказать, Данелия отнесся к нам очень уважительно и щепетильно: песня была у нас приобретена по всем законам, и спустя несколько месяцев я неожиданно для себя получил невероятную кучу денег — рублей пятьсот (случай для нашего отечественного кинопроизводства отнюдь не типичный). На эти деньги был приобретен в комиссионном магазине магнитофон «Грюндиг ТК-46», который долго потом заменял нам студию. Что касается кино, то даже не помню, остались ли мы в кадре. Обрывки песни, кажется, звучат...»

Стоит отметить, что на момент съемок Макаревич уже не являлся студентом МАРХИ — за пару месяцев до этого его выгнали из института, обвинив в том, что он не явился на обязательную процедуру — работу на овощной базе. На самом деле неявка на базу было только предлогом, а истинная причина отчисления была другой — Макаревич уже успел изрядно достать руководство МАРХИ своей рок-н-рольной деятельностью. Кстати, вместе с ним был изгнан и другой будущий рок-певец — Алексей Романов, который в 1979 году станет одним из создателей группы «Воскресение».

Эльдар Рязанов наконец-то нашел исполнителей главных ролей в картину «Ирония судьбы, или С легким паром!». Ассистентка Наталья Коренева (супруга Алексея Коренева) посоветовала посмотреть актера театра «Современник» Андрея Мягкова, с которым давно дружила. Рязанов знал Мягкова как хорошего драматического актера, но в его комедийные возможности не очень-то верил. Поэтому к предложению снять кинопробу Мягкова отнесся скептически. Однако с первых же репетиций режиссеру стало ясно, что Мягков — основной кандидат на роль Лукашина. А после кинопробы съемочная группа единодушно его утвердила.

Что касается актрисы на роль Ниди Шелевой, то ее Рязанов нашел без чьей-либо подсказки... в Польше. До этого он пересмотрел два десятка советских актрис, твердо надеясь, что какая-нибудь из них обязательно подойдет.

Но, увы, пробы всех претенденток оказались провальными. Как пишет сам режиссер: «Одна при поразительной нюансировке чувств была несколько вульгарна, и сюжет сразу же получал иной крен... Другую предал киноаппарат. Милая, славная в жизни, на экране она получилась значительно хуже... Третья, которой я восхищался в драматических спектаклях, играла великолепно, но оказалась начисто лишенной юмора...»

Спасение пришло совершенно неожиданно. Однажды Рязанов вспомнил очень популярную в Советском Союзе польскую мелодраму «Анатомия любви» (1972), где главную женскую роль играла актриса Барбара Брыльска. И хотя актриса была Рязанову совершенно незнакома, но он раздобыл ее домашний телефон и позвонил ей в Варшаву. Наудачу, она в тот момент оказалась совершенно свободной от съемок и согласилась прочитать сценарий, который Рязанов ей тут же и отправил. В итоге роль Нади ей понравилась, и Брыльска дала «добро» на съемки. Ее вызвали в Москву и устроили кинопробу на таких же условиях, как и всем советским актрисам. Как пишет сам Рязанов, «ее версия роли оказалась самой убедительной, и мы ее утвердили»

Во вторник, 24 декабря, хоккейный клуб «Динамо» должен был вылететь в Швецию, чтобы принять участие в турнире Кубок Ахерна. В 7.30 утра хоккеисты приехали в Шереметьево, чтобы через час уже быть в воздухе. Но тут выяснилось, что одного игрока — Александра Мальцева — с ними нет. Поначалу никто не беспокоился, поскольку Мальцеву, который был признанной звездой советского хоккея да еще капитаном команды, было разрешено приехать в аэропорт индивидуально, на собственном автомобиле. Однако время отлета неумолимо приближалось, а капитана все не было. Наконец тренеры Владимир Юрзинов и Виталий Давыдов забили тревогу. Позвонили Мальцеву домой, но его телефон оказался... занят. «Может, все-таки приедет?» — высказал кто-то из игроков предположение. «Думаю, вряд ли», — ответил Юрзинов, который только сейчас понял, что их недавний спор с Мальцевым завершился таким вот образом. Что за спор? За пару дней до отъезда Мальцев просил тренера не брать его в поездку, поскольку только-только женился и хотел Новый год встретить с женой

Сусанной. Но Юрзинов ему в этой просьбе отказал. Вот Мальцев, видимо, и решил сделать по-своему. В итоге «Динамо» уехало на турнир без своего капитана. Наверное, за всю историю советского хоккея не было случая, подобного этому.

В тот же день Валерий Золотухин вновь приехал в Ленинград на съемки. На перроне он встретил своего коллегу — столичного актера Всеволода Сафонова, которого в Питер тоже пригнали служебные дела. От Золотухина не укрылось, что Сафонов чем-то крайне озабочен. Когда он поинтересовался в чем дело, тот рассказал ему следующую историю. Оказывается, несколько дней назад их вместе с Анатолием Папановым выселили из гостиницы «Ленинградская» под предлогом того, что туда приехала представительная делегация из ФРГ. «Папанову-то повезло — ему уезжать надо было в тот день, а мне пришлось съезжать в другое место, — негодовал Сафонов. — Больше я в эту «железку» — ни ногой! Позорище неопишное: двух народных артистов выселить!»

Волею судьбы в тот же день Золотухин встретил на «Ленфильме» и второго участника этой скандальной истории — Папанова — и, естественно, не смог удержаться: спросил и его о случившемся. Папанов ему обо всем подробно рассказал, а в конце заметил: «Немцы победили меня в этой гостинице три раза, а я считался победителем в войне! Три раза меня выселяли из-за них».

В тот же день во МХАТе сдавали многострадальную пьесу Леонида Зорина «Медная бабушка». Главную роль в спектакле — А. С. Пушкина — играл руководитель театра Олег Ефремов. Как пишет сам Л. Зорин, «общее внимание было привлечено к Ефремову. Он начинал в атмосфере сомнений, мало кто верил в его удачу. Тем жарче все радовались в тот вечер: он победил — вопреки всему!»

Я разделяю это суждение. И это никак не противоречит моей оценке работы Ролана Быкова, которая, на мой авторский взгляд, была выдающимся достижением. (Как мы помним, Быкову запретили играть Пушкина приказом «сверху». — Ф. Р.) А быковский взлет не умаляет того, что сделал Олег Ефремов, — сделал же он почти невозможное...»

Тем же вечером популярный в андеграундных кругах джаз-рок-бэнд «Арсенал» под ру-

ководством Алексея Козлова выступал в Спасо-Хаузе — американском посольстве в Москве. Событие по тем временам неслыханное, но одновременно и вполне закономерное. Дело в том, что на тот момент «Арсенал» был самым скандальным советским коллективом, игравшим джаз-рок, что не могло не заинтересовать иностранцев. Тем более что «Арсенал» лучше других исполнял версию оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Короче, в католическое Рождество у сотрудников американского посольства возникла идея пригласить к себе «Арсенал» именно с этой композицией. Секретарь посольства Мэл Левитски раздобыл номер домашнего телефона Козлова и лично позвонил ему с этим предложением. Мэл сообщил, что это выступление будет записано на магнитофон и, если «арсенальцы» не возражают, передано по радиостанции «Голос Америки». Вот как пишет сам А. Козлов:

«Честно сказать, я не был готов к такому повороту событий. Уж больно заманчивым и рискованным было предложение. Поэтому я какое-то время раздумывал, что лучше: получить скандальную международную известность и окончательно закрыть себе путь в официальную советскую эстрадно-филармоническую сферу или продолжать сидеть в подвале, с популярностью в андеграунде и с надеждой на чудо. Прежде всего, не желая взваливать на себя ответственность за чужие судьбы, я на ближайшей репетиции посоветовался с музыкантами «Арсенала». Они, естественно, все захотели выступить в Спасо-Хаузе. Далее все происходило как по нотам. В день концерта нам подогнали микроавтобус к «общаге», мы погрузили наш убогий скарб и поехали, даже не задумавшись, что скоро попадем на территорию Соединенных Штатов Америки. В зале приемов Спасо-Хауза была специально построена небольшая сцена, стояла роскошная рождественская елка. Нас встретил обслуживающий персонал посольства. Вскоре предложили перекусить, появилась местный повар-итальянец и принес на подносе пищу, которой никто из нас до той поры не пробовал. Запивали мы ее кока-колой, о которой знали лишь понаслышке и все только нехорошее из средств советской пропаганды...

И вот наступил вечер, гости съехались, начался прием. Между гостями сновали официанты с подносами, разнося пищу и бутербро-

дики. Когда вводная часть приема закончилась, публику, среди которой было, между прочим, немало американской молодежи, приехавшей навестить своих родителей в Рождество, пригласили в зал со сценой. На полу там был расстелен громадный толстый ковер, и всем предложили просто сесть на пол, что присутствовавшие не преминули сделать. Все это создавало удивительно домашнюю, совсем не официальную обстановку перед концертом и несколько помогло нам успокоиться. А волновались все изрядно, уж больно в необычной ситуации мы оказались. Перед концертом меня представили послу — мистеру Уолтеру Стесселу. Именно он и открыл наш концерт, обратившись к гостям, поздравив их с Рождеством и представив наш коллектив. Затем вышел Алексей Баташев, которого пригласили вести наш концерт, и мы начали. Наше выступление было разбито на две части. В первом отделении мы исполнили популярные тогда хиты из репертуара групп «Chicago» и «Blood, Sweat and Tears», а также других ансамблей. Во второй части — фрагменты из рок-оперы «Jesus Christ Superstar». С первых же звуков аудитория, узнав знакомую мелодию, взорвалась аплодисментами. Наше волнение как рукой сняло, мы почувствовали себя в своей тарелке. Более того, я неожиданно испытал в этой ситуации не чувство подобострастия, как этого хотелось бы товарищам из охраны, а прилив патриотизма от того, что мы поднимаем авторитет нашей родины — России (а не СССР) в глазах иностранцев...»

Концерт «Арсенала» прошел с успехом, и уже спустя несколько дней отрывки из этого выступления были прокручены в англоязычной радиопрограмме «Music USA» Уиллиса Коновера, а также об этом концерте упоминалось и по «Голосу Америки». Так к «Арсеналу» пришла не только всесоюзная, но и международная известность.

В Ленинградском Большом драматическом театре идут репетиции спектакля «Три мешка сорной пшеницы». В спектакле занят почти весь звездный состав труппы: Ефим Копелян, Владислав Стрельчик, Кирилл Лавров, Олег Борисов, Юрий Демич и др. Репетиции идут трудно, нервно. Главрежа Георгия Товстоногова многое раздражало, а в среду, 25 декабря, он внезапно обратил свой гнев на... кобеля Малыша, который был занят в одной из сцен, но

внезапно стал скулить за сценой. Стоит отметить, что в труппе БДТ было несколько псов актеров, которым по решению руководства даже построили вольер в театральном двореке. За животными присматривали двое: работница мебельно-реквизиторского цеха В. Хильтова и Олег Борисов. Последний даже каждое утро приходил к шести утра в театр, чтобы накормить и выгулять четвероногих питомцев. Именно Борисов и заступился за Малыша, когда на него разгневался режиссер. На грозный рык Товстоногова «Уберите собаку!» актер возразил: «Как же ее убрать, если сейчас ее выход?» Но режиссер был непоколебим: «Если он не замолчит, мы этих собак вообще уберем к чертовой матери! Они не понимают хорошего обращения». Далее послушаем рассказ самого О. Борисова:

«А пес, как назло, скулил все сильнее. Я быстро побежал к нему, к этому маленькому идиоту, и влепил ему «пощечину», тряся изо всех сил его морду. Орал на него благим матом: «Если ты сейчас же не прекратишь выть, то тебя отправят обратно на живодерню! Ты понимаешь, засранец ты эдакий, он все может, ведь он здесь главный — не я! Из тебя сделают котлету!» Малыш вытаращил на меня глаза и... как ни странно, затих.

На Г. А. это произвело впечатление — он слышал мой голос, доносившийся из-за кулис: «Мне очень понравился ваш монолог, Олег! Это талантливо! И главное, мотивировки верные».

После репетиции я прислал у Малыша прощания...»

В тот же день Владимир Высоцкий был в гостях у своей знакомой Т. Кормушиной, где помимо него собрались еще несколько человек. Естественно, не обошлось без песен Высоцкого, которые тот разрешил записать на магнитофон. В тот вечер он исполнил их около десятка, причем одну из них гости слышали впервые. Это была песня «Прерванный полет» («Кто-то высмотрел плод, что неспел...»), которую Высоцкий написал для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли». Вообще к этой ленте он написал 9 песен, однако львиная доля их либо вообще не попадет в окончательную редакцию ленты, либо будет исполнена в урезанном виде. Последняя участь постигла и песню «Прерванный полет».

И еще одно событие, датированное 25 декабря, стоит отметить: телевизионный семейно-творческий дуэт в лице Владимира Ворошилова и Натальи Стеценко «родил» на свет новую телепередачу, которой в будущем суждено будет стать одной из самых популярных — «Что? Где? Когда?».

Владимир Ворошилов некоторое время работал на театральном поприще (был художником-постановщиком в театре), но в 1967 году перешел на ЦТ, где стал одним из создателей и ведущим передачи «Аукцион», посредством которой «Союзторгреклама» пыталась убедить покупателей в необходимости приобретать те или иные товары отечественного производства. За короткий срок передача стала популярной у зрителей. Однако ее пятый выпуск стал роковым, поскольку сразу после него Ворошилова вышибли с телевидения, что называется, с треском. А произошло следующее. В том выпуске он разрешил гостю передачи — министру рыбной промышленности — провести живой эксперимент: министр самолично закатал в одну из консервных банок то ли с килькой, то ли со шпротами янтарное ожерелье, клятвенно пообещав телезрителям, что завтра же этот сюрприз поступит в продажу. Эту передачу, на горе ей, увидел главный идеолог Михаил Сулов, который чрезвычайно возмущился эпизодом с ожерельем: он посчитал, что за рубежом могут, чего доброго, решить, что в Советском Союзе продукты такого качества, что без «сюрпризов» их продать невозможно. Короче, после его звонка на ТВ Ворошилова выгнали, а передачу закрыли. Чуть позже над талантливым ведущим все-таки сжалились и вернули на ТВ, правда, переведя за штат и строго-настрого запретив появляться на экране. В итоге в течение нескольких лет Ворошилов занимался режиссированием и озвучиванием передачи «А нука, парни!».

Что касается Натальи Стеценко, то она познакомилась с Ворошиловым благодаря все тому же «Аукциону»: работала там главным редактором. На тот момент она была замужем и воспитывала 3-летнего сына Бориса. Однако с середины 70-х Стеценко развелась с первым мужем и стала женой Ворошилова. Вскоре после этого и появилось на свет их совместное детище — «Что? Где? Когда?».

Первоначальный вариант популярной передачи был весьма далек от нынешнего. В том выпуске, который снимался 25 декабря 1974 года, в роли «знатоков» выступали две столичные семьи, проживавшие в одном из домов на набережной Тараса Шевченко. Ворошилов и Стеценко придумали сюжет таким образом, что обе семьи, обложившись всевозможными справочниками и энциклопедиями, в течение часа отвечали на вопросы телезрителей, которые им зачитывались Ворошиловым из писем. При этом создавался эффект прямого эфира: «знатоки» имели право бегать к соседям за подсказками, и камера все это фиксировала. Однако общий гвалт и суэта, царившие на съемках, создали такое впечатление, будто все происходит не иначе, как в сумасшедшем доме. Короче, передача полностью провалилась. Говорят, от позора и разочарования, постигшего его на записи передачи, Ворошилов спрятался на чердаке дома, где велись съемки, и не выходил до тех пор, пока съемочная группа не уехала в Останкино. Однако уже на следующий день Ворошилов случайно зайдет в магазин «Малыш» и взор его наткнется на игрушку «Рулетка» (всадник на лошади прыгает через барьер). И в голову ведущего придут сразу две идеи: использовать «рулетку» в качестве указателя писем, а вместо семей приглашать в качестве «знатоков» студентов.

В четверг, 26 декабря, во МХАТе состоялась сдача «Медной бабушки» высокому начальству. Начальников съехалась туча: были заместитель министра культуры, начальник Главка, кто-то из Главлита и другие высокопоставленные лица. Все указывало на то, что сдача будет непростой. Однако скандала не вышло. Уже после окончания первого действия высокие гости вкупе с постановщиками спектакля вместе распивали чаек, а когда спектакль наконец закончился, только представитель Главлита — некий Фомичев — стал «катить бочку» на создателей спектакля. В некоторых местах пьесы он обнаружил явные ассоциации с сегодняшним временем (якобы под Пушкиным подразумевался Солженицын) и пытался найти разъяснение у автора пьесы Леонида Зорина. Но эта полемика длилась недолго, и в итоге Фомичев заявил, что Главлит резервирует за собой право «еще покопаться в тексте». О том, как события развивались дальше, я расскажу чуть

позже, а пока продолжим знакомство с другими событиями декабря.

Не утихает скандал вокруг интервью гроссмейстера Виктора Корчного югославскому агентству ТАНЮГ, которое он дал еще в начале декабря. 12 декабря в газете «Советский спорт» появились краткие выдержки из этого интервью, после чего спокойствие Корчного кончилось. Ему домой стали звонить неизвестные люди, которые обзывали его нехорошими словами и грозили скорой расправой. Так и говорили: «Жидовская морда, готовься к самому худшему! За нашего русского парня Карпова мы тебя по стенке размажем!» Но Корчной испугался не этих угроз, а того, что отныне ему перекроют все пути не только на международную, но и на внутреннюю арену. Это стало понятно после 22 декабря, когда в том же «Советском спорте» появился «подвал» — подборка писем от возмущенных читателей под хлестким заголовком «Не спортивно, гроссмейстер!». Чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, Корчной в соавторстве с В. Васильевым написал короткое, из 62 слов, покаянное письмо в редакцию «Советского спорта», где сожалел о своем интервью, которое дал в состоянии большого нервного напряжения после матча. Но этот ход не помог: наверху уже всерьез обиделись на гроссмейстера. Поэтому за публикацию письма Корчного главреду «Спорта» объявили выговор.

27 декабря популярного киноартиста Бориса Сичкина выпустили из тамбовской тюрьмы. Как мы помним, попал он туда еще в октябре прошлого года по обвинению в участии в «левых» концертах. Однако доказать этот факт на суде следователи так и не сумели. Как пишет сам Сичкин, «следствие пыталось доказать, что мои концерты были не сольными, а смешанными, что я якобы получал незаконно деньги и похитил у государства много тысяч рублей. Нелепость ситуации заключалась в том, что, если бы даже следствие оказалось право — это было бы не хищение, а переплата со стороны филармонии. И нести ответственность может только должностное лицо, допустившее это.

Однако на суде выяснилось, что я действительно давал сольные концерты в двух отделениях, а получал как за одно концертное отделение в размере 17 рублей. Так что мне не переплатили, а, наоборот, недоплатили...»

В итоге уголовные дела Бориса Сичкина и его подельника Эдуарда Смольного были отправлены на следствие в Верховную прокуратуру РСФСР, а самих подсудимых отпустили. Однако за день до освобождения один из работников тюремной администрации по секрету сообщил им, что против них готовится провокация, которая позволит задержать их в тюрьме еще на какой-то срок, правда по статье за хулиганство. Сичкина после этого охватила паника, а вот Смольный не растерялся и разработал контрмеры против провокаторов. Через того же человека, который предупредил их об опасности, он передал своим друзьям на воле просьбу явиться к назначенному часу к тюрьме. В итоге явилось несколько десятков человек. Когда освобожденные вышли за тюремные ворота, они быстро прошмыгнули в эту толпу и с ее помощью добрались до поджидавшей их машины. Петля по городу, та в конце концов привезла их в один из домов, где бывших арестантов ждал роскошный ужин. Но детектив на этом не закончился. Вот как об этом вспоминает Б. Сичкин:

«Поезд на Москву из Тамбова уходил около двенадцати ночи. Опасность для нас еще не миновала. Дальнейший план был такой. Человек покупает нам два билета на Москву в купейный вагон. Мы приезжаем на вокзал за семь минут до отхода поезда: После того как поезд трогается, мы бежим во всю прыть и вскакиваем на ходу в вагон, влезаем в купе и закрываемся, а дальше у Смольного разные цепи, приспособления, чтобы дверь никто не мог открыть. Разве что взорвать. Так мы ехали всю ночь до Москвы и не были уверены, что опасность миновала. На вокзале в Москве нас встретили многие наши знакомые, и мы успокоились...»

В тот день, когда освободили Бориса Сичкина — 27 декабря, — другого человека, наоборот, арестовали. Речь идет о видном диссиденте Сергее Ковалеве, который являлся одним из самых активных создателей и распространителей крамольной «Хроники текущих событий». Стоит отметить, что еще за несколько дней до ареста Ковалев уже знал о своей участи. 23 декабря в его доме чекисты произвели обыск, а три дня спустя его коллега по диссидентской деятельности Юлий Даниэль назвал конкретную дату ареста — 27 декабря. Единственное,

что было неизвестно, — в какое именно время произойдет арест. Оказалось, что утром. Накануне перед этим Ковалев был в гостях у Андрея Сахарова, где провел несколько часов. Как будет вспоминать сам Сахаров, Ковалев пришел к ним поздно и попросил хозяйку — Елену Боннэр — налить ему шей. При этом сказал: «Дай напоследок щец похлебать». Около трех часов утра он ушел. Дома его и взяли.

В те дни новым начальником Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) был назначен Владимир Крючков. С новым назначенцем должен был лично побеседовать Брежнев. На календаре был понедельник, 30 декабря. Далее послушаем рассказ самого В. Крючкова:

«Брежнев принял меня в своем рабочем кабинете в Кремле. Там же был и Андропов. Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если генсек покажется мне не в форме, главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным. Но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной, и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул обратно в кресло. Андропов громким голосом представил меня. Брежнев в ответ только и сказал: «Что ж, будем решать». Я произнес несколько слов в порядке заверений, и на этом официальная часть процедуры была закончена. Прощаясь, Леонид Ильич снова кое-как встал, обнял меня, пожелал всего доброго и даже почему-то проследился...»

Спустя примерно час, когда Крючков и Андропов вернулись в КГБ, последнему в кабинет позвонил секретарь ЦК Устинов. Он хотел поговорить с шефом КГБ о здоровье Брежнева: мол, тот настолько плох, что это становится все труднее скрывать от общественности. Андропов согласился с Устиновым: «Да, ты прав. Надо попробовать как-то мягко навести Брежнева на мысль о том, что ему полезней будет уйти на покой». Однако из этой затеи тогда так ничего и не выйдет: Брежнев сумеет взять себя в руки и с помощью кудесников из 4-го Управления Минздрава вновь обретет силы, пусть и не былые, но вполне достаточные для того,

чтобы удержаться в кресле генсека еще на несколько лет.

30 декабря в Театре на Таганке должна была состояться читка пьесы «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. На нее явилась чуть ли не вся труппа — 49 человек. Однако главреж Юрий Любимов читку внезапно отменил: мол, плохо себя чувствую. Тогда было решено устроить прощание со старым годом. Актеры в купе с присоединившимися к ним рабочими в количестве 20 человек расставили столы и выставили на них разную снедь: шампанское, фрукты, пирожные плюс чай. По ходу дела пиршество внезапно перешло в творческое собрание, на котором каждый норовил высказать наиболее интересное. К примеру, Любимов долго говорил о внутренней дисциплине в театре, сетовал на то, что не все актеры до конца понимают стоящие перед ними задачи. Актеры слушали своего вожака не перебивая, но едва он закончил, как начался форменный крик и ор. Леонид Филатов обвинял директора театра Николая Дупака в плохом администрировании, а Готлиб Ронинсон бросил упрек самому Любимову: дескать, вы сами, Юрий Петрович, в последнее время задаете тон грубости и неуважения. Знаида Славина попыталась призвать своих коллег быть справедливыми, но ее тут же одернули другие актрисы — мол, молчи, Зинка, у тебя роли, тебе легко и т. д. Короче, повеселились на славу.

В тот же день в Театральном училище имени Щукина студенты 4-го курса играли премьеру — свой дипломный спектакль «Ромео и Джульетта». В главных ролях были заняты Владимир Вихров и Елена Коренева. Остальные роли достались Екатерине Граббе (Кормилица), Юрию Афанасьеву (Меркуцио), Вадиму Борисову (Бенволио), Юрию Беляеву (Капулетти), Андрею Градову (Парис) и др. Как напишет позднее Е. Коренева, «спектакль «Ромео и Джульетта» стал событием как для курса, так и для училища. О нем даже появились заметки в газетах, думаю заслуженно. Однако наш курс был отмечен странным роком — самое большое количество ранних смертей выделяло его из всех других наборов. Умер Юра Афанасьев — мой Меркуцио, умерла Катя Граббе — моя Кормилица... Трагически оборвалась жизнь хорошенькой и веселой Тани Красуской, Юры Черногорова, Сережи Абрамкина...

В тридцать три года умерла моя подруга Света Переладова...»

Однако в том декабре 74-го все перечисленные люди еще живы, молоды, счастливы, полны самых смелых надежд и планов.

Во вторник, 31 декабря, Евгений Петросян в последний раз вышел на эстрадную площадку в роли конферансье, после чего его карьера в этом жанре завершилась (длилась она 12 лет). С Нового года он окончательно и бесповоротно ушел в речевой жанр, хотя были люди, которые настоятельно советовали ему не делать этого: дескать, нельзя бросать надежно освоенное дело. «Пропадешь в другом качестве, это рискованный шаг». К примеру, замдиректора ГЦКЗ «Россия» Л. Фельдман не скрывал своего траура: «Ты же ведешь все лучшие концерты в нашем зале! Неужели тебе этого мало?!» И все же у Петросяна хватило смелости не прислушаться к этим советам. В итоге наша эстрада приобрела еще одного талантливого юмориста, коих в те годы, кстати, в нашей стране было не так уж и много.

Кстати, выступив с последним конферансом, Петросян отправился в одно из столичных увеселительных заведений, где в кругу своих коллег и справил наступление Нового года. Поднимая с боем курантов бокал с шампанским, Петросян загадал, чтобы наступающий год непременно принес ему успех в новом для него деле.

Другая наша звезда — Аркадий Райкин — встречал Новый год в доме своего московского друга Кассиля. Как пишет дочь великого сатирика Екатерина Райкина, «было, как всегда, весело, вкусно, уютно, с лотереей, с интересными людьми, с интересными забавами, смешными рассказами, с надеждами, как всегда, устремленными в новый год...»

Вместе с Райкиным там же была и его супруга Рома, которая так же, как и все, поднимала бокалы за счастье в наступающем году. Увы, эти надежды не оправдаются: спустя несколько дней ее сразит тяжелейший инсульт.

Не знает своего будущего и звезда советского кинематографа Любовь Орлова, которая волею судьбы встречает свой последний Новый год в жизни. Врачи обнаружили у нее рак, и в сентябре Орлова легла в больницу. Однако совершить чудо врачам не удалось — болезнь прогрессирует. Понимая, что дни Орловой

сочтены, врачи «кремлевки» разрешили ей последний в жизни Новый год встретить дома, а 1 января она должна была вернуться. Как пишет Д. Щеглов, «она многим звонила в тот последний вечер уходящего года. Поздравляла, говорила, что чувствует себя сносно, что, скорее всего, в январе поживет пару недель во Внуково — только ненадолго заедет в больницу».

Никто за все время болезни Орловой не мог вспомнить, чтобы она хоть раз пожаловалась на боль. Словно боли не было вовсе, или это сама болезнь действовала с деликатной разрушительностью, присущей смерти.

Без одной минуты до Нового года Орлова и Александров вышли из дома (они жили на улице Горького, в доме, под окнами которого нынче расположен «Макдоналдс». — Ф. Р.). Все как обычно, кроме одного. Это был первый Новый год, который они встречали не во Внуково...

В ту ночь в Москве валил густой снег, было нехолодно. Дойдя до «Метрополя», Орлова и Александров вернулись по другой стороне улицы Горького и до двух часов ночи гуляли по Тверскому бульвару. Это была очень тихая и очень медленная прогулка. Им было что вспомнить в ту снежную ночь и что сказать друг другу...

Во второй половине декабря в столичных кинотеатрах состоялось несколько премьер: с 16-го начал демонстрироваться детский фильм Эдуарда Гаврилова «**Кыш и Два портфеля**» с участием Андрея Кондратьева, Леонида Куравлева и др.; 23-го — «**Соленый пес**» Николая Кошелева, в ролях Владимир Меньшов, Татьяна Шестакова и др.; 30-го — «**Последняя встреча**» Бориса Бунеева, где снялись Геннадий Сайфулин, Владимир Меньшов и др.

Кино по ТВ: «Северный вариант» (премьера т/ф), «Барьер неизвестности» (17-го), «Мы — русский народ» (18—19-го), «Странные взрослые» (премьера т/ф), «Нагая пастушка» (ЧССР) (21-го), «Веселые ребята», «Самолет уходит в 9», «Мама вышла замуж» (22-го), «Большая перемена» (24—27-го), «Морские ворота» (премьера т/ф 25-го), «Карнавальная ночь» (27-го), «Волшебная лампа Аладдина» (28-го), «В лазоревой степи», «Общая стена», «Здравствуй, сосед!» (премьера к/м), «Похищенный» (ГДР, 29-го), «Горя бояться — счастья не видать» (премьера т/ф 30—31-го), «Ура! У нас канику-

лы!» (впервые по ТВ), «Лев Гурыч Синичкин» (премьера т/ф 31-го) и др.

Другие передачи по ТВ: «Утренняя почта» (21-го, 28-го), «Кабачок «13 стульев»» (21-го, 31-го), «Свой остров» (премьера спектакля театра «Современник» (23-го), «А ну-ка, девушки!» (30-го), «Проснись и пой» (премьера спектакля Театра сатиры 30-го), «Огни цирка» (31-го) и др.

Премьеры в театрах: 19-го — в Театре имени Вахтангова был показан спектакль «**Театральная фантазия**»; 24-го в драмтеатре имени Станиславского — «**Стрепетова**» с Риммой Быковой в главной роли; 26-го в «Современнике» — «**Из записок Лопатина**», в ролях Валентин Гафт, Марина Неелова, Константин Райкин, Олег Даль и др.

Из эстрадных представлений выделю следующие: 21—22-го в «Октябре» выступает азербайджанский соловей Полад Бюль-Бюль оглы; 22—23-го во Дворце спорта в Лужниках — соловей из Югославии Джордже Марьянович; 22-го в ЦДКЖ поет Нина Дорда; 24—30-го в ресторане «Колос» на ВДНХ выступает ВИА «Музыка»; 30—31-го в ГЦКЗ «Россия» прошли сборные концерты с участием Мариса Лиепы, Иосифа Кобзона, Геннадия Хазанова и др.

Новинки фирмы грамзаписи «Мелодия»: твердые миньоны — «Поет ВИА «**Самоцветы**» с песнями: «Синица» (Ю. Петерсон — М. Пляцковский), «На земле живет любовь», «Пойду ль, выйду ль я», «Ивушка» (русс. нар. песни); «**Песни Ары Бабаджаняна**»: «Ты идешь» («Галисес») (К. Орбелян — Л. Дурян) — поет Ара Бабаджанян, «Шум берез слышу» (К. Орбелян — В. Лазарев) — Галина Ненашева, «Моя любовь» (О. Гукасян) — Г. Григорян, «Слова любви» (А. Бабаджанян — А. Дмоховский) — Вадим Мулерман; «**Валерий Ободзинский поет песни Никиты Богословского**»: «Пойми меня» (И. Кохановский), «Вечный вальс» (И. Кохановский), «Я ревную тебя» (А. Поперечный), «Наказание мое» (И. Кохановский).

Диски-гиганты — «**Любовь — огромная страна**» (ВИА «**Веселые ребята**») с песнями: «Любовь — огромная страна» (Б. Рычков — Л. Дербенев), «Я к тебе не подойду» (Д. Тухманов — Л. Дербенев, И. Шаферан), «Отчего» (Ю. Антонов — Т. Сашко), «Вечная весна» (Д. Тухманов — И. Шаферан), «Что такого» (П. Слободкин — Л. Дербенев), «Это Москва»

(Д. Тухманов — Л. Дербенев, И. Шаферан), «Наша песня» (В. Гамалия — М. Танич), «Качели» (С. Дьячков — Л. Дербенев), «А мне-то зачем» (П. Слободкин — Л. Дербенев), «Скорый поезд» (Д. Тухманов — В. Харитонов), «Всегда вдаль» (Е. Адлер — Л. Дербенев).

Из новинок зарубежной эстрады выделю следующие пластинки: третий миньон группы «Битлз» с песнями из альбома 1970 года «Let it be»: «Пусть будет так», «Через Вселенную», «Я, мне, мое»; первый в Союзе миньон глемовой рок-группы «Свит» («Sweet») с песнями из альбома 1971 года «Fanny how Sweet»: «Чоп-чоп» (Чин-Чэпмэн), «Мечты» (Себастьян), «Много смеха» (Чин-Чэпмэн), «Джинни» (Корнелли). Причем на пластинке название группы указано не было, там значилось: «вокально-инструментальный ансамбль» (Англия). Точно так же была защифрована и другая английская рок-группа — «Ти Рекс» во главе с Марком Боланом, первая пластинка которой в Союзе тоже была издана в декабре. На ней были представлены четыре песни: «Горячая любовь», «Я все еще жду тебя», «Давай потанцуем», «Чипи-чипи, чип-чип».

В журнале «Кругозор» (№ 12) была помещена пластинка с тремя песнями экс-битла Джорджа Харрисона в исполнении автора: «Мой повелитель», «Ожидание», «Бангладеш».

Советские исполнители были представлены любимцем женщин певцом Сергеем Захаровым

Романовская свадьба

В 1974 году 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов выдал замуж свою вторую дочь. Свадьба состоялась в узком семейном кругу на государственной даче «Левашово», где по традиции жили первые секретари обкома КПСС, начиная с А. Жданова. Однако буквально через несколько дней на Запад ушла целенаправленная дезинформация, в которой сообщалось, что свадьба романовской дочери была сыграна... в Таврическом дворце и что якобы отец дочери затребовал из Эрмитажа императорские сервизы. В «дезе» также сообщалось, что во время застолья часть гостей упилась настолько, что принялась крушить бесценные сервизы, из-за чего часть их была без-

надежно искалечена. Короче, не свадьба, а форменная вакханалия.

По слухам, эту дезинформацию состряпали в КГБ с целью компрометации Романова. Тот с некоторого времени стал считаться одной из наиболее перспективных кандидатур на смену стремительно теряющему здоровье Брежневу, а Андропов этого явно не хотел. По его указке якобы и была осуществлена операция «Свадьба». Спустя несколько лет, когда Романов все-таки будет претендовать на кресло генсека, эта «деза» вновь будет извлечена на свет и сослужит хорошую службу противникам ленинградского руководителя.

Конец порнодельца

Самое громкое преступление 1974 года было раскрыто случайно. В нем был замешан 45-летний доктор филологических наук, американист, старший научный сотрудник ИМЛИ. Этот мужчина был, что называется, большой «ходок», то бишь бабник. Причем любовниц он предпочитал иметь гораздо моложе себя, иногда это были школьницы. Каждую свою пассию он приводил домой и любил снимать свои любовные игры на видео, которое тогда было большой редкостью. Но филолог часто выезжал за рубеж, поэтому мог себе позволить иметь видеокамеру и пленки к ней. Потом эти фильмы он крутил своим знакомым, среди которых были люди весьма высокопоставленные. Сеансы были платные. Самым кассовым фильмом в его коллекции пользовалась лента «Катя и водопроводчик» — ее гости просили ставить чаще всего.

Со своими любовницами филолог обычно знакомился либо на улице, либо через своего приятеля-сутенера, который имел связи в самом популярном заведении столицы — кафе «Метелица», где любила «клубиться» тогдашняя молодежь. Сутенер, кстати, тоже иногда участвовал в качестве актера в порнофильмах филолога. Их содружество продолжалось в течение нескольких лет и могло длиться до бесконечности, если бы не случайность.

В 74-м очередной любовницей филолога стала ученица 10-го класса одной из московских школ. Девушка согласилась приходить на квартиру к филологу только по причине его тугого кошелька — всем своим любовницам аме-

риканист делал дорогие подарки, которые тоже привозил из-за «бугра». Когда филолог предложил школьнице сняться на видео, отказа тоже не последовало. Более того, девушка даже обрадовалась такому предложению, поскольку давно мечтала попробовать себя в роли артистки. В итоге филолог снял с участием девушки очередную фильм, который затмил даже «Катю и водопроводчика». Но именно этой девушке предстояло стать последней жертвой порнодельца.

Как-то вечером филолог позвонил школьнице домой, чтобы договориться об очередной встрече. Трубку на другом конце провода взяла мать девушки, голос которой был очень похож на дочерний. Короче, филолог спутал мать с дочерью и назначил ей встречу завтра в центре Москвы. Заинтригованная этим разговором, женщина решила разузнать, с кем это водит шашни ее несовершеннолетняя дочь. Причем на эту встречу женщина поехала не одна, а прихватила с собой одного из своих знакомых. Когда же она увидела, с кем встречается ее дочь, она вспыхнула таким гневом к развратнику, что задержала его и препроводила напрямик в милицию. Туда же вскоре была вызвана и дочь.

В милиции поначалу как-то вяло отреагировали на этот инцидент, увидев в нем пусть и необычный, но все-таки банальный случай совращения зрелым мужчиной несовершеннолетней девушки. Но когда школьница стала рассказывать о том, в каких «играх» под видеокамеру заставлял ее участвовать филолог, даже у видавших виды милиционеров волосы зашевелились на головах. А уж когда они провели обыск на квартире американиста и обнаружили у него с десятком порнографических кассет собственного изготовления, тут уж во-о-обще...

Скандал вышел грандиозный. Филолога исключили из рядов КПСС, с позором изгнали из именитого института. Потом был суд, на котором филолог взял всю вину на себя, не выдав никого из тех высокопоставленных деятелей, кто любил посещать его порносеансы. Деятели такое благородство без внимания не оставили: порноделец отделался условным наказанием и зачислением на работу в другой институт. А вот приятель филолога из «Метелицы» пошел иным путем: он рассказал суду об одном из высоких зрителей, участвовавших в просмотрах порнокассет — видном деятеле Союза писателей СССР. В итоге подсудимого объяви-

ли сумасшедшим и упрятали в психушку. Там он и умер спустя несколько лет. На его смерть сам Иосиф Бродский написал стихотворение.

ХИТ-ПАРАД-74

Самые кассовые фильмы отечественного производства

- «**Калина красная**» («Мосфильм», реж. В. Шукшин, в ролях: Василий Шукшин, Лидия Федосеева-Шукшина, Георгий Бурков и др., премьера — 20 марта) — 62,5 млн зрителей;
- «**Мачеха**» («Мосфильм», реж. О. Бондарев, в ролях: Татьяна Доронина, Леонид Неведомский, Надежда Федосова и др., премьера — 3 октября 1973) — 59,4 млн;
- «**Невероятные приключения итальянцев в России**» («Мосфильм», реж. Э. Рязанов, в ролях: Андрей Миронов, Ольга Аросева, Евгений Евстигнеев и др., премьера — 18 марта) — 49,2 млн;
- «**В бой идут одни «старики»**» (к/с им. Довженко, реж. Л. Быков, в ролях: Леонид Быков, Сергей Иванов, Рустам Сагдуллаев, Евгения Симонова и др., премьера — 12 августа) — 44,3 млн;
- «**Возврата нет**» («Мосфильм», реж. А. Салтыков, в ролях: Нонна Мордюкова, Владислав Дворжецкий и др., премьера — 8 апреля) — 41,1 млн;
- «**Земля Санникова**» («Мосфильм», реж. А. Мкртчян, Л. Попов, в ролях: Владислав Дворжецкий, Олег Даль, Георгий Вицин, Юрий Назаров и др., премьера — 1 октября 1973) — 41,1 млн;
- «**О тех, кого помню и люблю**» («Ленфильм», реж. А. Вехотко, в ролях: Валерий Золотухин, Екатерина Васильева, Евгения Сабельникова и др., премьера — 1 февраля) — 31,3 млн;
- «**Неисправимый лгун**» («Мосфильм», реж. В. Азаров, в ролях: Георгий Вицин, Борис Сичкин, Эдита Пьеха и др., премьера — 27 мая) — 27,8 млн;
- «**Океан**» («Мосфильм», реж. Ю. Вышинский, в ролях: Николай Олялин, Борис Гусаков, Татьяна Самойлова и др., премьера — 6 мая) — 27,6 млн;
- «**Теща**» («Беларусьфильм», реж. С. Сплошнов, в ролях: Павел Кормуни, Татьяна Карпова, Галина Федотова и др., премьера — 1 мая) — 27,4 млн;
- «**Человек в штатском**» («Мосфильм», реж. В. Журавлев, в ролях: Юозас Будрайтис, Владимир Дружников, Николай Гриценко и др., премьера — 29 октября 1973 года) — 26,3 млн.

Лучшие и худшие фильмы года

По традиционному опросу, проведенному среди читателей журнала «Советский экран» (в нем участвовало свыше 20 000 человек), были определены лучшие и худшие фильмы года, названы лучшие актеры и актрисы. Результаты опроса выглядели следующим образом:

Лучшие фильмы: 1. «Калина красная» (79,8% читателей назвали его отличным, 0,9% — слабым). 2. «Тени исчезают в полдень» (киновариант) (71,4% — 0,6%) 3. «В бой идут одни «старики» (64,0% — 0,9%) 4. «О тех, кого помню и люблю» (49,5% — 1,1%). 5. «Высокое звание» («Ради жизни на земле») (49,2% — 2,2%). 6. «Кыш и Два портфеля» (44,7% — 3,3%). 7. «Юнга Северного флота» (41,7% — 1,9%). 8. «Москва, любовь моя», (46,9% — 3,5%). 9. «Возврата нет» (42,1% — 2,9%) 10. «Романс о влюбленных» (52,1% — 9,5%), фильм попал на последнее место из-за высокого числа зрителей, не принявших его.

Лучшие фильмы социалистических стран: «Апачи» (ГДР), «Одиноким волк» (СФРЮ), «Бабье лето» (Болгария), «Свобода придет на рассвете» (СФРЮ), «Жить любовью» (СФРЮ).

Лучшие фильмы других стран: «Зов предков» (Англия), «Новые центурионы» (США), «Золото Маккенны» (США), «И дождь смывает все следы» (ФРГ), «Следствие закончено, забудь-те...» (Италия).

Худшие фильмы отечественного производства: «Нейлон 100%» (55,6% читателей назвали его слабым, 3,1% — отличным), «Теща» (32,8% — 12,8%), «...А вы любили когда-нибудь?» (32,0% — 6,2%), «Звезда экрана» (30,8% — 8,4%).

Лучшая актриса: Нонна Мордюкова (роль Антонины Кашириной в фильме «Возврата нет», который в номинации «Лучший фильм» занял предпоследнее место) — 28% голосов.

Лучший актер — Василий Шукшин (Егор Прокудин в фильме «Калина красная») — 40,6%.

Самые кассовые фильмы зарубежного производства

«Высокий блондин в черном ботинке» (Франция) — 25,2 млн зрителей, премьера — 10 сентября;
«Золото Маккенны» (США) — 24 мая;
«Ресторан господина Септима» (Франция) — 6 сентября;
«Новые центурионы» (США) — 14 октября;
«Апачи» (ГДР) — 23 сентября;

«Сокровище Серебряного озера» (ФРГ — Югославия) — 20 мая;
«Хорошенькое дельце» (Франция) — 18 ноября;
«Оклахома, как она есть» (США) — 12 августа;
«Чистыми руками» (Румыния) — 19 августа;
«Капкан» (Румыния) — 19 августа;
«Жил-был полицейский» (Франция) — 9 декабря и др.

Наиболее рейтинговые премьеры по ТВ

«Малыш и Карлсон» (т/сп) — 3 января;
«Следствие ведут знатоки» (№ 9 — «Свидетель») — 6 января;
«Новые приключения Дони и Мики» (т/ф) — 8 января;
«Смерть на повороте» (т/ф) — 9 февраля;
«Зимородок» — впервые по ТВ 22 февраля;
«Меченый атом» — впервые по ТВ 6 апреля;
«Анискин и Фантомас» (т/ф) — 13—14 апреля;
«Золотые рога» — впервые по ТВ 2 мая;
«Моя судьба» (т/ф) — 2—4 мая;
«Кортик» (т/ф) — 4—6 июня;
«Совесть» (т/ф) — 26—30 августа;
«Земля, до востребования» — впервые по ТВ 16—17 сентября;
«Маленькие комедии большого дома» (т/сп) — 28 сентября;
«Дело Толстопятовых» (д/ф) — 16—17 октября;
«Любить человека» — впервые по ТВ 24—25 октября;
«Цемент» (т/ф) — 7—8 ноября;
«Молодые» (х/ф) — 7 ноября;
«Люди и манекены» (т/ф, 1-я серия) — 8 ноября;
«Точка, точка, запятая» — впервые по ТВ 9 ноября;
«Рожденная революцией» (т/ф, 1—2 серии) — 10, 16, 24 ноября;
«Таня» (т/ф) — 13 ноября;
«Чисто английское убийство» (т/ф) — 14—15 декабря;
«Странные взрослые» (т/ф) — 21 декабря;
«Свой остров» (т/сп) — 23 декабря;
«Проснись и пой» (т/сп) — 30 декабря
«Лев Гурыч Синичкин» (т/ф) — 31 декабря.

Наиболее читаемые книги отечественных авторов, изданные в 1974 году

Алексин А. — Позавчера и послезавтра (рассказы и повести);
Асадов Э. — Песня о бессловесных друзьях (стихи);
Бакланов Г. — Избранное;
Бондарев Ю. — Собрание сочинений в 4-х томах;
Боровик Г. — «Репортаж с фашистских границ»;
Вайнеры А. и Г. — «Гонки по вертикали» (роман);
Ваншенкин К. — «Колокольчик» (стихи);

- Вознесенский А.** — «Выпусти птицу!» (стихи и поэма);
Горин Г., Арканов А. — «Забыть Герострата» (трагикомедия);
Залыгин С. — «Южноамериканский вариант» (роман);
Иванов Ан. — Избранные произведения в 2-х томах;
Каверин В. — «Освещенные окна» (повесть);
Казакова Р. — «Помню» (стихи);
Карелин Л. — «Что за стенами» (повести);
Кларов Ю., Безуглов А. — «За строкой приговора»;
Ленч Л. — «Рассказы из моей жизни»;
Леонов Н., Костров Ю. — «Операция «Викинг» (повести);
Нагибин Ю. — «Ты будешь жить», «В апрельском лесу»;
Рождественский Р. — «Перед праздником» (стихи и поэмы);
Семенов Ю. — «Тайная война Максима Максимовича Исаева», «На «козле» за волком. Записки»;
Успенский Э. — «Дядя Федор, пес и кот»;
Хруцкий Э., А. Лясото — «Три золотых года».

Переводная литература (детективы)

- Конан-Дойл А.** — «Записки о Шерлоке Холмсе», «Собака Баскервилей»;
Дор М. — «Подарки из Франции» (повесть) — «Человек и закон» № 4—6;
Жапризо С. — «Дама в автомобиле» (повесть) — «Смена» № 11—20;
Иннес Х. — «Одинокий лыжник» (повесть) — «Звезда Востока» № 1—3;
Кристи А. — «Компаньонка» — «Советский Дагестан» № 1; «Трагедия в поместье Марсдан», «Советский Дагестан» № 2;
Куин Э. — «Смерть акробатки» (повесть);
Пальме Я. — «Взрывы в Стокгольме» (повесть) — «Север» № 3—5;
Сименон Ж. — «Инспектор Кадавр»; «Револьвер Мегрэ»; «Мегрэ путешествует» (повести); «Мегрэ в суде присяжных» — «Север» № 2; «Человек, повесившийся в церкви» — «Литературный Азербайджан» № 4—5;
Стаут Р. — «Бокал шампанского» (повесть) — «Простор» № 10—12;
Сэлкундяну П. — «Смерть манекенщицы» (повесть) — «Неман» № 3—5;
Форсайт Ф. — «День шакала» (роман) — «Простор» № 9—12;
Харкенталь Р. — «Ривер-пассаж» (роман) — «Сельская молодежь» № 1—4;
Хаймс Ч. — «Беги, негр, беги!» (роман) — «Вокруг света» № 7—12;
- Чейз Д. Х.** — «Весь мир в кармане» (повесть) — «Звезда» № 10—12; «Двойная сдача» (повесть) — «Наш современник» № 9—12;
Честертон Г. — «Острые булавки» (рассказ) — «Аврора» № 1; «Отсутствие мистера Кана»; «Страшное преступление Джона Боулнойза» — «Наука и жизнь» № 9;
Зарубежный детектив, выпуск 4: Е. Эдигей «Человек со шрамом»; П. Мойес «Специальный парижский выпуск»; Г. Нюквист «Травой ничего не скрыто»;
«Современный венгерский детектив»: А. Беркеши «Агент № 13»; Л. Андраш «Смерть на берегу Дуная»; Т. Череш «Черная роза».
«Подвиг» (т. 5) — Б. Райнов «Что может быть лучше плохой погоды. Большая скука» (повести).

Шлягеры года

- «Честно говоря»** (С. Дьячков — М. Ножкин) — ВИА «Цветы», январь;
«Больше жизни» (В. Семенов — Л. Дербенев) — ВИА «Цветы», январь;
«Корабли», «Утренняя гимнастика», «Черное золото», «Мы вращаем Землю», «Сыновья уходят в бой», «В темноте» (В. Высоцкий) — Владимир Высоцкий и оркестр, январь;
«Белый танец» (Д. Тухманов — И. Шаферан), из т/ф «Эта веселая планета» — Светлана Резанова, январь;
«Сердце любить должно» (Д. Тухманов — И. Шаферан), из т/ф «Эта веселая планета» — Я. Бражайтане, январь;
«Вечное движение» (Д. Тухманов — В. Харитонов), из т/ф «Эта веселая планета» — Лев Лещенко, январь;
«Пока я помню, я живу» (А. Бабаджанян — Р. Рождественский) — Муслим Магомаев, февраль;
«На земле живет любовь» (В. Добрынин — Л. Дербенев) — «Веселые ребята», февраль;
«Баллада о матери» (Е. Мартынов — А. Дементьев) — София Ротару, март;
«Товарищ» (О. Иванов — А. Прокофьев) — Лев Лещенко, март;
«Листопад» (Д. Тухманов — В. Харитонов) — Валерий Ободзинский, май;
«Вечная весна» (Д. Тухманов — И. Шаферан) — Валерий Ободзинский, май;
«Старый гриф стервятник» (К. Джонс — русский текст Л. Дербенева), из х/ф «Золото Маккенны» — Валерий Ободзинский, май;
«Песня о беспризорном мальчишке» (Л. Оливейр — русс. текст Ю. Цейтлина), из х/ф «Генералы песчаных карьеров» — вокальный квартет «Аккорд», май;

- «Золотой рассвет» (автор не известен — Л. Дербенев) — ВИА «Добры молодцы», май;
 «Я вас люблю, столица» (П. Аедоницкий — Ю. Визбор) — Лев Лещенко, июнь;
 «Не повторяется такое никогда» (С. Туликов — М. Пляцковский) — ВИА «Самоцветы», июнь;
 «Мой белый город» (Е. Дога — В. Лазарев) — София Ротару, июнь;
 «Если сердцем молод» (Е. Мартынов — А. Дементьев, Д. Усманов) — ВИА «Самоцветы», июль;
 «Поговори со мною, мама» (В. Мигуля — В. Гин) — Валентина Толкунова, июль;
 «Травы, травы» (В. Шаинский — Э. Успенский) — Геннадий Белов, август;
 «Год любви» (А. Бабаджанян — А. Вознесенский) — Ара Бабаджанян, август;
 «Ты идешь» («Галис ес») (К. Орбелян — Л. Дурян) — Ара Бабаджанян, август;
 «Багульник» (В. Шаинский — И. Морозов) — ВИА «Самоцветы», август;
 «Соловьи поют, заливаются» (Е. Мартынов — Д. Усманов) — Евгений Мартынов, сентябрь;
 «Посидим, поokaем» (А. Муромцев — И. Резник) — Алла Пугачева, октябрь;
 «Только ты и я», «Ну и денек», «Птицы» (А. Градский), из х/ф «Романс о влюбленных» — Александр Градский, ноябрь;
 «Я к тебе не подойду» (Д. Тухманов — Л. Дербенев, И. Шаферан), «Отчего» (Ю. Антонов — Т. Сашко), «А мне-то зачем» (П. Слободкин — Л. Дербенев), «Что такого» (П. Слободкин — Л. Дербенев) — ВИА «Веселые ребята», декабрь;
 «Синица» (Ю. Петерсон — М. Пляцковский) — ВИА «Самоцветы», декабрь.

Песни Владимира Высоцкого

- «Кто за чем бежит» («Четверка первачей»),
 «Песня про Джеймса Бонда»,
 «Очи черные» («Во хмелю слегка...»),
 «Старый дом» («Что за дом притих...»),
 «Инструкция перед поездкой за рубеж» («Я вчера закончил ковку...»),
 «Расстрел горного эха»,
 «Песня Солодова» («В дорогу — живо!»),

- «Иван-да-Марья»,
 «Песня Марьи» и др.

Шлягеры года (зарубежные)

- «Evereday» — «Слэйд», февраль;
 «Sweet Fanny Adams», «Ballroom Blitz» — «Свит», апрель;
 «Waterloo» — «АББА», май;
 «Fine, fine, fine» — «Статус Кво», май;
 «Killer Queen» — «Квин», ноябрь;
 «Them kinda monkeys...», «Far far away», «Summer son», «So far so good», «How does it Feel», «This girl», «Lay it down» — «Слэйд», ноябрь;
 «The Six teens», «Lady Starlight» — «Свит», ноябрь;
 «Devil gate drive», «The Wild one» — Сюзи Куатро;
 «Я одинок», «Нет времени», «Летней ночью», «Прекрасный день», «Дин-Дон», «До свидания, старый друг» — «Тич — Ин»;
 «Si Tu T'Appelles Melancolie» — Джо Дассен;
 «Здравствуй» — Маут и Мак Нийл;
 «Моя мама всегда права» — «Спрингфилд Ривайвлс».

Преступность в СССР в 1974 году

- Общее количество преступлений — 1 141 108 (в 1973 — 1 049 433);
 умышленные убийства — 16 850 (в 1973 — 15 733);
 покушения на убийство — 4348 (в 1973 — 4260);
 убийства с разбоем — 253 (в 1973 — 262);
 убийства с изнасилованием — 257 (в 1973 — 239);
 убийства с хулиганством — 2226 (в 1973 — 2196);
 убийства из-за ревности и ссор — 10 981 (в 1973 — 10 631);
 убийства матерью новорожденного — 438 (в 1973 — 454);
 посягательства на милиционеров — 343 (в 1973 — 328);
 изнасилования — 15 304 (в 1973 — 14 010);
 грабежи — 38 590 (в 1973 — 31 808);
 разбой — 9454 (в 1973 — 7275);
 хулиганство — 206 624 (в 1973 — 199 820);
 умышленные телесные повреждения — 30 655 (в 1973 — 26 033);
 преступления в армии — 15 617 (в 1973 — 16 222);
 взяточничество — 3802 (в 1973 — 3505).

**АВТОР ВЫРАЖАЕТ СВОЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ВСЕМ КОЛЛЕГАМ-ЖУРНАЛИСТАМ,
В РАЗНОЕ ВРЕМЯ БРАВШИМ ИНТЕРВЬЮ У ГЕРОЕВ ЭТОЙ КНИГИ И ПИСАВШИМ
О НИХ. В ИХ ЧИСЛЕ:**

С. Аверкин, Е. Додолев, Б. Соколов, С. Толкачев, М. Бесчастных, С. Турунов, В. Дворцов, Е. Левина, А. Амелькина, Л. Безрукова, Н. Соколова, Е. Генделах, Н. Ткач-Ткачева, Ф. Кузнецов, В. Терехина, А. Минин, М. Червонный, И. Иванов, М. Озеров, Е. Попов, В. Полежаев, М. Любимов, А. Докучаев, А. Юркин, М. Волкова, И. Седенкова, В. Березин, О. Жиркова, С. Турченко, И. Емельянов, Л. Симакова, Н. Мокрищев, Т. Молодой, Л. Колосов, В. Каркавцев, В. Бродский, Л. Сидоровский, А. Меркулов, С. Линков, В. Баша, А. Трушин, О. Лунькова, И. Брайнин, С. Емельянов, Е. Ланкина, Ю. Щекочихин, О. Богданова, А. Терехов, Т. Диденко, А. Фуртичева, Т. Немойкина, Г. Киселева, К. Маркарян, Р. Коваленко, Е. Левина, Г. Бородин, В. Алексеев, Е. Светлова, Р. Валитов, В. Бабенков, С. Ионес, Н. Калугина, С. Комаров, А. Бернштейн, И. Лыкова, И. Мастыкина, В. Владимиров, О. Ермолина, Е. Скворцова-Ардабатская, Ж. Сабельфельд, Ю. Юрис, Т. Белоусова, Е. Черных, С. Кашурко, Г. Тельнов, А. Плешакова, Т. Петрова, В. Громов, А. Бинев, И. Шкарникова, Е. Кретьова, В. Громак, Л. Вирина, В. Титов, И. Зорина, Г. Гогоберидзе, Л. Диккуль, М. Тульская, Н. Журавлева, Г. Зотов, Ф. Медведев, О. Ждан, С. Жданов, С. Глебов, В. Снегирев, А. Ванденко, Е. Колядина, Н. Жаркова, Т. Федоткина, Г. Резанов, Т. Хорошилова, Р. Игнатъев, С. Копылов, А. Киви, М. Денисова, О. Мусафирова, Н. Ртищева, В. Прокофьев, И. Шеве-

лев, К. Толкачев, Я. Могути, О. Вандышева, А. Хинштейн, В. Шумский, И. Полуяновская, С. Копылов, Ю. Рост, П. Черняев, О. Белан, М. Косых, А. Мешков, Ю. Оводов, Т. Петренко, И. Репин, Б. Валиев, В. Мелик-Карамов, Д. Мельман, А. Геня, И. Логвинов, Е. Маетная, М. Дементьева, С. Кузина, Ю. Смирнова, А. Моисеенко, М. Токарева, С. Степанов, Ю. Леканов, И. Барышева, И. Лешинска, В. Котыхов, У. Тиронс, Л. Кудряшова, П. Гресь, В. Сычевский, Э. Попов, А. Крюкова, Е. Романенкова, Б. Бондаренко, Р. Игнатъев, Т. Алексеева, Г. Воротникова, Г. Ядровский, Т. Максимова, В. Литовкин, О. Кедров, Я. Юферова, В. Климашевский, В. Коваленко, А. Гудкова, А. Новиков, Ю. Жбанова, Е. Кончин, В. Шелепов, А. Иванов, О. Блоцкий, М. Корец, В. Крест, Ф. Юров, Т. Филиппова, Л. Денисенко, Ю. Луговской, Б. Ступак, И. Елков, В. Титаренко, Ю. Абрамов, А. Белов, Д. Бубякин, А. Касьяникова, М. Петрушко, Б. Руденко, М. Антонов, Е. Романенкова, Т. Алексеева, А. Филиппов, В. Галантер, А. Негру, З. Лобанова, В. Князев, О. Одноколенко, Н. Полуяновская, М. Сердюков, Е. Борисова, С. Сапожников, С. Соколов, А. Никольская, А. Кравченко, И. Шевченко, А. Баташев, П. Ильяшенко, Б. Михайлов, И. Барышева, Б. Войцеховский, Д. Горбунцов, Л. Волкова, С. Плужников, А. Шведов, Е. Иванкова, К. Прянник, А. Магомадова, А. Кербич, Б. Триль, И. Мартынов.

В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:

газеты: «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Московские ведомости», «Аргументы и факты», «Советская культура», «Культура», «Совершенно секретно», «Вечерняя Москва», «Очная ставка», «Неделя», «Известия», «Российская газета», «Труд», «Собеседник», «Настоящее время», «Красная звезда», «Ветеран», «Экспресс-газета», «Общая газета», «Литературная газета», «Правда», «Сегодня», «Уральский рабочий». «Трибуна», «Советский спорт», «Высоцкий: Время. Наследие. Судьба», «Спорт-экспресс», «Коммерсантъ», «Декамерон», «Семья», «Футбол-ревью»;

журналы: «Искусство кино», «Крокодил», «Юность», «Огонек», «Вагант», «Люди», «7 дней», «МК-бульвар», «Русское богатство», «Новое время», «Вне закона», «Бизнес-матч», «Цветной телевизор»;

книги: В. Золотухин «Дребезги», Д. Карапетян «Владимир Высоцкий. Между словом и славой», Т. Егорова «Миронов и я», сборник «Л. Брежнев. Материалы к биографии», А. Кондратович «Последний год», «Письма к другу». Переписка Д. Шостаковича и И. Гликмана, М. Геллер «Российские заметки. 1969—1979», С. Громов «Записки «важняка», «Несколько дней из жизни следователя» (сборник), А. Макаревич «Все очень просто» и «Сам овца», В. Некрасов «13 железных наркомов», О. Калугин «Прощай, Лубянка!», В. Буковский «Московский процесс», Р. Медведев «Андропов», В. Третьяк «Хоккейная эпопея», О. Спасский «Валерий Харламов», сборник «Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути», Т. Тарасова «Четыре времени года», А. Чайковский «Людмила Пахомова и Александр Горшков», В. Фомин «Кино и власть», В. Федорова «Дочь адмирала», Е. Чазов «Здоровье и власть», Л. Колосов «Собкор КГБ. Записки разведчика и журналиста», В. Катанян «Лоскутное одеяло», Ю. Нагибин «Дневник», В. Коробов «Шукшин», В. Белов, А. Заболоцкий «Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром», «Г. Козинцев. Переписка», Н. Добруха «Рок из первых рук», С. Лунгин «Виденное наяву», Г. Попов «Город XXII Олимпиады», С. Хрущев «Пенсионер союзного значения», Р. Карцев «Малой, Сухой и Писатель», Г. Бурков «Хроника

сердца», Б. Пирогов «Футбол. Хроника. События. Факты», Б. Савченко «Лариса Мондрус», Н. Коняев «Николай Рубцов: Вологодская трагедия», К. Лучко «Виновата ли я?», Ю. Нагибин «Моя золотая теща», В. Шиловский «Две жизни», «Заклинение добра и зла. Воспоминания об А. Галиче», М. Таривердиев «Я просто живу», А. Беляков «Алла, Аллочка, Алла Борисовна», А. Михалков-Кончаловский «Возвышающий обман», Г. Козинцев «Черное, лихое время...», Р. Медведев «Личность и эпоха. Политический портрет Л. Брежнева», И. Роговой «О Владимире Высоцком», В. Суворов «Аквариум», И. Родионова «Олег Табаков. Парадокс об актере», А. Смелянский «Предлагаемые обстоятельства», А. Елисеев «Жизнь — капля в море», А. Гуров «Красная мафия», Н. Полянский «МИД. 12 лет на дипломатической службе», Е. Петросян «Хочу в артисты!», М. Шуфутинский «И вот стою я у черты...», Б. Вайль «Особо опасный», Н. Космин «Кто убил чемпиона?», Г. Вишневская «Галина», Д. Волкогонов «Ленин. Политический портрет», Ю. Мартынов «Лебединая верность Евгения Мартынова», «Мой режиссер Ромм». Воспоминания о режиссере, Н. Берновская «Бабанова: «Примите просьбу о помиловании...», «Экран и жизнь. Воспоминания о В. Шукшине», Б. Бабочкин «Воспоминания. Дневники. Письма», А. Нилин «Век футбола», М. Влади «Прерванный полет», сборник «Старатель. Еще о Высоцком», Ф. Найтли «Ким Филби — супершпион КГБ», «Записки криминалистов» (сборник), Э. Стрельцов «Вижу поле...», О. Талькова «Я воскресну и спою...», «Уголовного розыска воин» (сборник), Ю. Чурбанов «Я расскажу все, как было...», В. Астафьев «Затеси», В. Кеворков «Тайный канал», В. Винокур «Артист — это навсегда!», П. Мошенцова «Тайны кремлевской больницы», М. Горбачев «Жизнь и реформы», И. Карпец «Сыск», «Премьер известный и неизвестный. Воспоминания об А. Н. Косыгине», Н. Аринбасарова «Лунные дороги», В. Хотулев «Клавдия Шульженко», «Виктор Чистяков — гений пародии» (сборник), Н. Пушнова «Андрей Миронов», М. Шабров «Вячеслав Добрынин. Доктор Шлягер», «Лев Яшин в воспоминаниях современников», Н. Озеров «Всю

жизнь за синей птицей», А. Козлов «Козел на саксе», В. Котеночкин «Ну, Котеночкин, погоди!», Л. Зыкина «На перекрестке встреч», А. Щеглов «Раневская. Фрагменты жизни», Э. Тополь «Мое кино», «Московский уголовный розыск» (сборник), Ю. Федосеев «Записки начальника МУРа», Л. Гурченко «Аплодисменты», П. Смирнов «За пять лет», А. Злобин «Дневник», Б. Криштул, В. Артемов «В титрах последний», Б. Савченко «Кумиры российской эстрады», Г. Юнгвальд-Хилькевич «За кадром», Ю. Соломин «От Адъютанта до Его Превосходительства», М. Докучаев «Москва. Кремль. Охрана», Э. Тополь, А. Стефанович «Я хочу твою девушку», М. Плисецкая «Я, Майя Плисецкая», А. Первалова «Ирина Понаровская», О. Аросева, В. Максимова «Без грима», В. Перевозчиков «Живая жизнь. Штрихи к портрету В. Высоцкого», «Владимир Высоцкий. Белорусские страницы» (сборник), О. Непомнящий «Однажды наступит завтра», А. Чаковский «Время действия», Э. и Э. Жуковы «Маршал Победы. Вспоминая и размышляя...», А. Майданов «Прямо по курсу —

смерть», О. Борисов «Без знаков препинания», «Погружение в трясины» (сборник), Е. Коренева «Идиотка», «17 интервью» (сборник), Е. Проклова «В роли себя самой», В. Корчной «Антишахматы», В. Медведев «Человек за спиной», А. Драгунская «О Викторе Драгунском», Л. Лещенко «Апология памяти», С. Лауден «Красные бриллианты для Галины», В. Крючков «Личное дело», «Слово пробивает себе дорогу». Сборник статей об А. И. Солженицыне, С. Капков «Эти разные, разные лица», В. Титаренко «Место встречи изменить нельзя» (рукопись), Б. Базунов «Сенсации и скандалы спортивного века», Г. Чухрай «Мое кино», А. Рудаков «Слава Япончик», «Писатели Москвы» (справочник), «Каталог грампластинок фирмы «Мелодия».

Отдельная благодарность работникам архива «Мосфильма», РГАЛИ, Телерадиофонда, Центрального музея МВД РФ, фирмы «Мелодия», предоставившим автору материалы для этой книги.

Раззаков Федор Ибатович
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕН
1970—1974 гг.

Ответственный редактор *С. Рубис*
Редакторы *Г. Амелин, В. Алексеев, С. Булатов, И. Матюшкин, В. Ротов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Д. Мытников*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована фотоинформация РИА «Новости»
и информационного центра «Мосфильм-Инфо»

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.2004
Формат 84x108 1/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 115,92+вкл.
Тираж 4 000 экз. Заказ 782

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Далекie, легендарные семидесятые... Тогда звучали песни Высоцкого и Пугачевой, на космической орбите встречались «Союз» и «Аполлон», советские хоккеисты одерживали свои фантастические победы, на экранах шли фильмы Гайдая и Рязанова, Солженицын и Сахаров боролись против существующего режима, а люди шепотом обсуждали политические новости, травили на кухнях анекдоты, без боязни ездили в Прибалтику, в Крым и на Кавказ, влюблялись и женились, надеялись на лучшее будущее. Эта книга — бесценный и уникальный путеводитель по ушедшей эпохе, настоящая энциклопедия одного десятилетия XX века. В ней предпринята попытка воссоздать прошлое во всей его пестрой полноте, в бесконечной игре тени и света, в смешении эпохальных событий и мелких деталей, вспомнить его аромат и шум. Словом, вспомнить все то, из чего и складывается жизнь.

ISBN 5-699-05394-8

9 785699 053940 >